ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

25-й годъ | № 1249 | 49-й томъ

1-ое января 1893 г.

Цѣна нумеру 35 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки . . . . **15** руб.
(При подпискѣ въ главной конторѣ редакціи.)
Съ доставкою . . . . **17** »

Въ Москвѣ безъ доставки . . . . **17** руб.
Съ пересылкой во всѣ города Россійской имперіи . . . . **18** »

За границу (въ государства всемірнаго почтоваго союза) **20** руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Редакція и главная контора: Садовая ул. № 22.

ОТГОЛОСКИ ПАНАМСКАГО СКАНДАЛА. Каррикатуры Анріо.

Президентъ Карно, поставленный въ затруднительное положеніе неудачами при выборѣ министровъ, рѣшается предоставить это слѣпой судьбѣ. Онъ ставитъ господъ министровъ въ рядъ, завязываетъ себѣ глаза и, какъ въ игрѣ въ жмурки, ловитъ министровъ на удачу.

Предложеніе одного изъ неподдавшихся соблазну. Каждый депутатъ, подозрѣваемый въ полученіи порціи сладкаго панамскаго пирога, обязанъ носить на спинѣ щитъ съ надписью „панамистъ“ и съ обозначеніемъ цифры, за какую куплена его невинность.

— Послушай, Жозефъ, если слѣдственная коммиссія привлечетъ и тебя къ допросу относительно моей особы, то, смотри, ты имъ скажи — знать не знаю, вѣдать не вѣдаю...

— Да нѣтъ, сударь; я думаю, еслибъ ваша милость заполучила малую толику, то неужели вы не удѣлили бы частичку и вашему вѣрному слугѣ.

—угъ мой! Какія у тебя грязныя рукгы... бралъ что нибудь?

—. ничего ровно... Напротивъ, я саменъ слѣдственной коммиссіи.

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ
ТОМЪ XLIX
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ГЕРМАНЪ ГОППЕ

Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій проспектъ № 53.

ОГЛАВЛЕНІЕ
„ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ“

1893. ЯНВАРЬ — ІЮНЬ (ТОМЪ XLIX).

Біографіи

Романы, повѣсти, разсказы, пьесы

Стихотворенія

Критика, библіографія, исторія литературы

Современныя политическія событія

Хроника общественной жизни

Географія, этнографія, путешествія

Естествовѣдѣніе, математика и проч.

Исторія, археологія и нумизматика

Военное и морское дѣло

Политехника

Искусства

Театръ и музыка

Спортъ и охота

Игры, забавы, научныя развлеченія

Смѣсь

ОГЛАВЛЕНІЕ РИСУНКОВЪ.

Портреты

Галлерея русскихъ художниковъ

Галлерея иностранныхъ художниковъ

Иллюстраціи

а) *Политическихъ событій*

б) Общественной жизни

в) По географіи и этнографіи

г) По естествовѣдѣнію и медицинѣ

д) По политехникѣ

Автографы

Каррикатуры

Приложенія

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 18-го іюня 1893 г.

Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

Всемірная Иллюстрація

№ 1249. Годъ XXV.] 1-го января 1893 г. [**Томъ XLIX. № 1.**

Новый годъ. Оригинальный рисунокъ для »Всемірной Иллюстраціи«. К. О. Брожа.

При этомъ нумерѣ гг. подписчикамъ »Всемірной Иллюстраціи« разсылаются:
1) **Стѣнной табель-календарь на 1893 г.** и 2) особое художественное приложеніе — гравюра съ картины профессора **Просперо Піатти** **„Корнелія, мать Гракховъ, со своими сыновьями на римскомъ форумѣ“.**

ПРОРОКЪ

Истинное происшествіе

Д. Θ. ЩЕГЛОВА

Новый—1892 годъ—мнѣ пришлось встрѣчать въ небольшомъ обществѣ въ квартирѣ отставнаго профессора, Павла Ивановича. Общество составилось исключительно мужское; самъ Павелъ Ивановичъ былъ вдовецъ; единственная его дочь была далеко — замужемъ гдѣ-то въ Западномъ краю. И женщины въ его квартирѣ мнѣ никогда не приходилось видѣть, за исключеніемъ прислуги.

Павелъ Ивановичъ жилъ очень скромно, соображаясь со своими средствами, профессорской пенсіей въ размѣрѣ трехъ тысячъ рублей и очень незначительными процентами отъ сбереженій, сдѣланныхъ въ предыдущіе годы, когда онъ кромѣ своей основной должности имѣлъ другую въ какомъ-то учебномъ заведеніи, такъ что его доходы въ то время достигали почти двойныхъ размѣровъ сравнительно съ нормальными.

Знакомства его также, повидимому, были очень ограничены, вѣроятно, опять-таки соотвѣтственно средствамъ и, кромѣ того, вкусамъ и привычкамъ стараго ученаго.

31-го декабря прошлаго года у него собрались: старый его пріятель Тихонъ Θедоровичъ, членъ окружнаго суда, которому жизнь ни раньше, ни теперь, повидимому, не очень улыбалась, два профессора изъ прежнихъ сослуживцевъ Павла Ивановича, личности довольно безцвѣтныя, молодой приватъ-доцентъ по фамиліи Петровскій, очень словоохотливый и весьма наклонный къ спорамъ, и два офицера, изъ которыхъ одинъ — Доможировъ — учился въ какой-то академіи военнаго вѣдомства и также любилъ поспорить.

Нужно замѣтить, что вся эта компанія не отличалась большою близостью воззрѣній. Самъ Павелъ Ивановичъ былъ склоненъ къ вольномыслію по всѣмъ вообще вопросамъ жизни, науки и политики. Петровскій не только не отставалъ отъ него, но во многихъ случаяхъ ушелъ впередъ и въ особенности превзошелъ его преданностью своимъ идеямъ, горячностью своихъ убѣжденій. Противоположнымъ полюсомъ Петровскаго служилъ Доможировъ. Всякимъ прогрессивнымъ идеямъ и начинаніямъ онъ не очень вѣрилъ и своихъ идеаловъ искалъ въ старо-русской жизни, преклоняясь, какъ онъ говорилъ, передъ ея искренностью, задушевностью, простотою и человѣчностью, короче это былъ славянофилъ, нѣсколько своеобразный, съ очень чувствительною душою, правда, вычитавшій свое славянофильство изъ книгъ, но подготовленный къ нему воспитаніемъ въ отцовскомъ домѣ, въ деревнѣ.

Петровскій и Доможировъ хотя не часто, а все-таки и не очень рѣдко встрѣчались въ домѣ Павла Ивановича; и это было исключительнымъ случаемъ, если они расходились не поспоривши. На этотъ разъ они схватились еще до ужина, удалившись отъ остальной компаніи, сидѣвшей съ хозяиномъ въ кабинетѣ, въ столовую, гдѣ накрывали въ это время на столъ.

Что подало имъ поводъ къ спору и какъ начался онъ—это осталось неизвѣстнымъ. Но голоса споравшихъ мало по малу возвышались и усилились до того, что наконецъ были услышаны въ кабинетѣ.

— Вотъ наши пѣтухи сцѣпились, замѣтилъ съ добродушнѣйшею улыбкою Павелъ Ивановичъ.

— Поди-ка полюбопытствуй, обратился онъ къ Тихону Θедоровичу, — чего они тамъ не подѣлили.

Достопочтенный служитель Θемиды отправился въ столовую и услышалъ со стороны Петровскаго горячій панегирикъ обычаю встрѣчать новый годъ въ полночь между 31 декабря и 1 января, а со стороны Доможирова строгое осужденіе его, какъ обычая ненаціональнаго, неправославнаго и т. д.

Споръ хотя не былъ оконченъ, но прекратился, когда былъ поданъ ужинъ, и вся компанія съ хозяиномъ во главѣ вступила въ столовую. Ужинъ прошелъ очень оживленно. Матеріи для разговоровъ было много: ходили слухи о важныхъ административныхъ назначеніяхъ, перемѣщеніяхъ и т. д.; и хотя новогодняя награды оффиціально не были извѣстны, но слуховъ и предположеній было много. Все это занимало нашихъ собесѣдниковъ, а затѣмъ слѣдовали общественныя увеселенія: балы, елки, — новости литературныя и т. д.

Кто-то обратилъ вниманіе на разсказъ изъ области чудеснаго, помѣщенный въ одной изъ газетъ, въ рождественскомъ нумерѣ. Происшествіе было выдаваемо за быль и состояло въ томъ, что англичанка мать или жена, жившая въ Лондонѣ, узнала о смерти сына или мужа, служившаго въ Австраліи, въ тотъ самый моментъ, какъ онъ умеръ, — узнала посредствомъ видѣнія: умершій самъ явился, прощался съ матерью или женою и извѣщалъ какъ о своей смерти, такъ и о причинѣ ея; и всѣ эти свѣдѣнія въ непродолжительномъ времени были подтверждены вполнѣ посредствомъ оффиціальныхъ извѣстій.

Одинъ изъ профессоровъ, бывшихъ сослуживцевъ Павла Ивановича, былъ очень наклоненъ къ спиритизму и не замедлилъ заявить, что въ разсказѣ онъ не находитъ ничего неправдоподобнаго, что лѣтописи спиритизма переполнены подобными происшествіями и что отвергать ихъ безъ особенныхъ причинъ нельзя. Петровскій, какъ и слѣдовало ожидать, вооружился противъ этого мнѣнія, доказывалъ, что всѣ разсказы о чудесахъ спиритизма не подтверждены никакими достовѣрными свидѣтельствами и что печатать ихъ въ газетахъ—значитъ распространять суевѣріе и мракобѣсіе.

Павелъ Ивановичъ обнаружилъ свое сочувствіе этимъ словамъ, равно какъ другой профессоръ и другой офицеръ; но Тихонъ Θедоровичъ и Доможировъ оба одновременно выразили свое несогласіе со взглядами Петровскаго.

— А какого рода свидѣтельствъ желали бы вы, обратился Тихонъ Θедоровичъ къ Петровскому, — чтобы повѣрить разсказу о какомъ нибудь необыкновенномъ, выходящемъ изъ сферы нашего пониманія, происшествіи?

— Да прежде всего я желалъ бы видѣть подобное событіе, явленіе моими собственными глазами, слышать загробныя рѣчи моими собственными ушами и, если можно, къ свидѣтельству зрѣнія и слуха прибавить еще свидѣтельство осязанія.

— Прекрасно, но кто же намъ ручается за то, что и послѣ всего этого вы не станете отрицать явленія, приписывая его дѣйствію галлюцинаціи?

— Могу васъ увѣрить, что я съумѣю отличить галлюцинацію отъ дѣйствительнаго наблюденія посредствомъ органовъ чувствъ.

— Однако вы говорите это въ видѣ предположенія; вы еще не имѣли случая сравнивать дѣйствіе галлюцинаціи съ дѣйствительнымъ наблюденіемъ. Съ другой стороны, сколько вы думаете на землѣ народонаселенія?

— Какое отношеніе этотъ вопросъ имѣетъ къ нашему разговору?

— Вы сейчасъ увидите; только отвѣтьте на него предварительно.

— Говорятъ, что количество людей въ наше время простирается до $1^1/_2$ миліарда.

— Такъ во что же обратятся чудесныя явленія, если каждый изъ живущихъ заявитъ претензію лично наблюдать — видѣть, слышать и осязать ихъ? И по скольку ихъ придется на каждый день? Не обратится ли тогда обитаемая нами планета главнымъ образомъ въ сцену для совершенія чудесныхъ явленій? Согласитесь, что такой порядокъ не могъ входить въ виды промысла, которыхъ никакъ нельзя не принимать въ соображеніе, когда рѣчь идетъ о чудесныхъ явленіяхъ.

— Согласенъ. Но въ такомъ случаѣ дайте мнѣ свидѣтельства дѣйствительно достовѣрныя, подобныя тѣмъ, на которыхъ основываются разсказы о событіяхъ историческихъ.

— Охотно, только позвольте спросить — изучали ли вы тѣ свидѣтельства о чудесныхъ событіяхъ, которыя до сихъ поръ извѣстны? Вѣдь ими переполнены всѣ историческіе источники; вездѣ идетъ рѣчь о предзнаменованіяхъ, предчувствіяхъ, предсказаніяхъ, сверхъестественныхъ явленіяхъ, начиная отъ книгибытія, отъ Геродота до нашего Нестора, Котошихина и Вигеля.

— Трудно было бы мнѣ изучать всѣ подобныя свидѣтельства.

— Ну, провѣряли ли вы по крайней мѣрѣ свидѣтельства о такихъ событіяхъ, явленіяхъ, которыя, по разсказамъ, совершались въ наши дни?

— Нѣтъ не провѣрялъ, да я и не слышалъ никогда ничего отъ свидѣтелей-самовидцевъ; все, что я слышалъ или читалъ въ этомъ родѣ, доходило до меня изъ десятыхъ рукъ. Какъ тутъ я могъ дѣлать провѣрку?

— Еслибы вы отнеслись къ дѣлу болѣе объективно, болѣе критически и научно, то провѣрка во всякомъ отдѣльномъ случаѣ была бы возможна, какъ возможна провѣрка свѣдѣній, сообщаемыхъ Несторомъ, Геродотомъ, Тацитомъ, Светоніемъ и др.

— Но позвольте же теперь и мнѣ спросить: вы-то сами провѣряли ли свѣдѣнія о чудесныхъ явленіяхъ, доходившія до васъ?

— Провѣрялъ, внимательно провѣрялъ, такъ какъ я провѣряю всякія свѣдѣнія, доходящія до меня путемъ чтенія или устныхъ разсказовъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ въ жизни пришлось лично встрѣтиться и хорошо познакомиться съ лицомъ, которое въ одно и то же время было и объектомъ чудеснаго дѣйствія, и субъектомъ, свидѣтельствовавшимъ о немъ.

Эти слова Тихона Θедоровича обратили на себя особенное вниманіе собесѣдниковъ, и на лицахъ ихъ, обращенныхъ къ Тихону Θедоровичу, выразилось желаніе и даже нетерпѣніе слушать его разсказъ.

— Павлу Ивановичу, продолжалъ Тихонъ Θедоровичъ,—извѣстна моя служебная карьера. Служба была для меня не матерью, а мачихою, и бабушка мнѣ предварительно не поворожила. Послѣ достаточнаго искуса въ званіи кандидата на судебныя должности я былъ назначенъ судебнымъ слѣдователемъ въ —у, городъ —овской губерніи, да и то еще не слѣдователемъ, а исправляющимъ должность слѣдователя. Когда лѣтъ черезъ пять меня признали вполнѣ слѣдователемъ, то знакомые поздравляли меня съ этимъ, какъ съ повышеніемъ по службѣ.

Служебнаго дѣла у меня было довольно — уѣздъ большой; переписки много. И я не могъ обойтись безъ письмоводителя. Письмоводителей у меня перемѣнилось нѣсколько; послѣднимъ я былъ больше всѣхъ доволенъ, несмотря на то, что у него былъ большой грѣхъ: онъ былъ записной пьяница, хотя человѣкъ еще молодой. Два или три мѣсяца онъ не пьетъ ни капли, работаетъ съ толкомъ и старательно, а какъ запьетъ, то пьетъ безъ просыпа цѣлую недѣлю и больше. Сначала я старался на него подѣйствовать, убѣдить его преодолѣть свою слабость. Во время такого рода моихъ убѣжденій онъ обыкновенно молчалъ. Разъ только онъ сказалъ мнѣ, что не

можетъ побороть себя, что „этого“ требуетъ его здоровье, что если онъ долго не пьетъ, то такъ худо чувствуетъ себя, что ему остается только броситься въ воду или повѣситься, и въ справедливости этихъ словъ я скоро убѣдился. Передъ запоемъ у него развивалась какая-то особая нервность, даже на лицѣ обнаруживалось болѣзненное состояніе организма, лицо дѣлалось краснымъ и даже покрывалось прыщами. А напротивъ послѣ запоя весь онъ преображался, дѣлался спокойнѣе, съ виду здоровѣе и даже красивѣе; лицо принимало свою нормальную чистоту и бѣлизну.

И я не только пересталъ убѣждать его, но, когда замѣчалъ, что его срокъ приходилъ, самъ почти напоминалъ ему объ этомъ, говоря, что онъ усталъ, что ему нужно немного отдохнуть; и онъ давалъ себѣ „отдыхъ“.

И это для меня большею частью было нечувствительно, почти безразлично, потому что у него былъ замѣститель, котораго онъ первоначально самъ привелъ ко мнѣ, самъ познакомилъ съ дѣломъ, такъ что во время его отдыха дѣло при нѣкоторомъ особомъ усиліи съ моей стороны не страдало.

Отдохнувши, онъ и работалъ старательнѣе и успѣшнѣе и дѣлался какъ-то болѣе словоохотливъ и вообще симпатиченъ. И, сидя вмѣстѣ по вечерамъ въ моемъ кабинетѣ, каждый за своимъ столомъ, мы не разъ откладывали бумаги въ сторону, и онъ разсказывалъ мнѣ что нибудь изъ старой исторіи города, гдѣ онъ провелъ почти всю свою жизнь. Нужно замѣтить, что онъ былъ сынъ мѣстнаго казначея, Андрея Ивановича Ладыженскаго, котораго я тоже хорошо зналъ и очень уважалъ. Это былъ человѣкъ весьма пожилой, но крѣпкій, отличнаго характера, весьма набожный и всѣми уважаемый. На такихъ маленькихъ должностяхъ гораздо чаще попадаются люди, которые чорту свою душу не продавали и дожили до старости, не совершивши никакого предательства, не служивши мамонѣ съ большимъ усердіемъ, чѣмъ Богу.

Однажды, когда мы сидѣли такимъ образомъ и бесѣдовали съ письмоводителемъ, онъ, не помню по какому случаю, заговорилъ о своемъ семействѣ, причемъ сообщилъ мнѣ, что унего было десять братьевъ, а онъ былъ одинадцатый.

— А сколько у васъ было сестеръ? спросилъ я.

— Ни одной.

Мнѣ это показалось невѣроятнымъ, и я переспросилъ его, заставилъ его повторить то, что онъ разъ уже сообщилъ мнѣ. Онъ повторилъ и прибавилъ:

— Это не только васъ, но и многихъ удивляетъ; но тутъ есть обстоятельство еще болѣе удивительное.

— Именно?

— Отцу было предсказано, что у него будетъ 11 сыновей и ни одной дочери.

— Кѣмъ же и какъ, и при какихъ обстоятельствахъ?

— Какимъ-то солдатомъ. Подробностей хорошо я не знаю, не хочу вамъ напутать. Спросите какъ нибудь у отца. Ему хоть и надоѣло разсказывать объ этомъ, но, если кто серьезно интересуется, онъ охотно разсказываетъ.

Случай не замедлилъ представиться. Въ маленькомъ городѣ знакомые чаще встрѣчаются, чѣмъ въ большомъ, чаще посѣщаютъ другъ друга, чаще встрѣчаются у общихъ знакомыхъ, на улицѣ во время прогулки, въ городскомъ саду и т. д.

Немного спустя, вечеромъ, я вышелъ въ городской садъ; смотрю — на первой отъ входа скамейкѣ сидитъ казначей. Я подошелъ къ нему, поздоровался и сѣлъ рядомъ съ нимъ.

Послѣ стереотипныхъ вопросовъ и отвѣтовъ о здоровьѣ и о новостяхъ онъ самъ началъ рѣчь о томъ, что меня интересовало.

— Сынъ говорилъ мнѣ, что вы желали знать подробности о томъ, какъ мнѣ было предсказано рожденіе моихъ одинадцати сыновей.

— Именно съ этою цѣлью я и подошелъ къ вамъ — по его разсказу исторія выходитъ такою необыкновенною, что трудно не заинтересоваться ею.

— Дѣло было вотъ какъ: я служилъ въ то время, т. е. около половины сороковыхъ годовъ, въ — овской казенной палатѣ; было мнѣ 22 или 23 года. Казенная палата помѣщалась въ одномъ большомъ домѣ, вмѣстѣ съ уголовной палатой. Это былъ домъ откупщика, который обанкрутился, и домъ его, служившій залогомъ по откупу, поступилъ въ казну. Казна не знала, что дѣлать съ нимъ, и устроила въ немъ помѣщеніе для двухъ палатъ. Помѣщеніе вышло не совсѣмъ удобное, но за неимѣніемъ другаго надо было довольствоваться и этимъ. Входъ въ обѣ палаты былъ одинъ, швейцаръ былъ одинъ, и даже передняя комната, очень большая, служившая у откупщика заломъ, была одна, общая для обѣихъ палатъ, такъ что въ ней въ одно время можно было видѣть и арестантовъ, приведенныхъ въ уголовную палату, и разныхъ „повѣренныхъ“, и цѣловальниковъ по откупному дѣлу, или людей пришедшихъ въ казенную палату покупать гербовую бумагу. Кажется въ 1846 г., на свѣтлой недѣлѣ, по городу распространился слухъ, что въ острогѣ между арестантами появился пророкъ, который многимъ дѣлалъ предсказанія, и всѣ предсказанія его исполнялись. Одни называли его бѣглымъ солдатомъ, другіе отвергали это; самъ онъ не говорилъ, кто онъ такой, но и не увѣрялъ, какъ другіе, что онъ забылъ изъ какой онъ губерніи, и не помнитъ родства, а прямо говорилъ, что онъ не можетъ объявить своего званія и имени, а пишите меня“, говоритъ, „просто Иванъ Ивановъ; больше я ничего не могу сказать. Это былъ человѣкъ необыкновеннаго характера. Черезъ нѣсколько дней послѣ поступленія въ острогъ онъ пріобрѣлъ въ немъ, т. е. между арестантами, необыкновенный авторитетъ: арестанты слушались его больше, чѣмъ смотрителя острога. И своимъ авторитетомъ онъ не злоупотреблялъ, напротивъ старался дѣйствовать на арестантовъ весьма благонамѣреннымъ образомъ, такъ что съ прибытіемъ его арестанты стали вести себя лучше; смотритель былъ чрезвычайно доволенъ. И предсказывать будущее Ивановъ, подобно Іосифу, началъ еще въ острогѣ, въ средѣ своихъ товарищей; и когда разсказы объ этомъ распространились въ городѣ, то городскія барыни и богатыя купчихи стали ходить въ острогъ, какъ будто за тѣмъ, чтобы отвезти арестантамъ подаяніе, калачи, баранки и пр. Они и дѣйствительно привозили подаяніе, но это былъ только предлогъ, главною же цѣлью ихъ было побесѣдовать съ арестантомъ-пророкомъ, спросить его о будущемъ.

Разъ какъ-то, уже такъ по серединѣ лѣта, сидѣлъ я въ палатѣ и занимался дѣломъ, какъ вдругъ пронеслась вѣсть, что въ уголовную палату привели пророка-арестанта и что онъ пока находится въ передней. Вся наша палата встрепенулась, какъ одинъ человѣкъ, и почти всѣ высыпали въ переднюю, а тамъ уже была едва ли не въ полномъ сборѣ уголовная палата и нѣсколько человѣкъ постороннихъ, между прочимъ одна дама, старая или, правильнѣе немолодая, дѣвица, — новская, принадлежавшая къ — овской аристократіи, богатая и извѣстная своими оригинальными выходками.

Когда я вошелъ въ переднюю, пророкъ съ кѣмъ-то говорилъ; что онъ говорилъ, — я за шумомъ не слышалъ, но публика, повидимому, относилась къ пророку недовѣрчиво: многіе подсмѣивались. Мало по малу установилась тишина, и я не безъ усилій протиснулся впередъ, поближе къ пророку, такъ что могъ слышать каждое его слово.

Говорилъ онъ очень приличнымъ и вѣжливымъ образомъ; видно было, что онъ не изъ закоренѣлыхъ бродягъ или злодѣевъ. И отвѣты его возбуждали въ публикѣ то веселость, то нѣкоторое изумленіе, когда онъ говорилъ о прошедшей жизни своихъ вопрошателей такъ, какъ будто бы зналъ ее.

— Ну, а за что меня мужъ не любитъ? спросила вслѣдъ за другими дѣвица — новская.

Пророкъ посмотрѣлъ ей въ глаза и отвѣтилъ:

— Вы со мною шутите, сударыня: у васъ супруга нѣтъ и не было никогда, прибавилъ онъ немного подумавши. Публика засмѣялась.

— Ну, такъ будетъ, сказалъ кто-то въ толпѣ.

— И не будетъ никогда, сказалъ пророкъ, обратившись въ ту сторону, откуда раздался голосъ. Публика засмѣялась еще громче.

Вопрошательница нѣсколько сконфузилась; чтобъ выручить ее, я обратился къ пророку и, не утруждая себя изобрѣтеніемъ новаго вопроса, повторилъ предыдущій:

— А меня за что жена не любитъ? спросилъ я.

Онъ посмотрѣлъ на меня и отвѣтилъ:

— Вотъ какіе вы всѣ шутники: у васъ тоже жены нѣтъ; въ чемъ онъ былъ совершенно правъ — я былъ неженатъ.

— Ну, а будетъ ли у меня жена? спросилъ я.

— Будетъ.

— Хорошенькая?

— Объ этомъ вы сами лучше всѣхъ разсудите впослѣдствіи.

Публика захохотала.

— А дѣти будутъ ли? спросилъ я.

— Будутъ; много дѣтей у васъ будетъ.

— Сколько?

— Одиннадцать человѣкъ.

— Сколько мальчиковъ и сколько дѣвочекъ?

— Дѣвочки ни одной, а все будутъ мальчики.

Тутъ публика ужъ не захохотала, а во всей своей совокупности заржала по лошадиному. Я услышалъ, какъ въ разныхъ мѣстахъ заговорили: одни спрашивали: кому это такое предсказаніе? Другіе называли меня по фамиліи. Произошелъ такой гамъ, что сеансъ окончился. Да и пора было. Мы всѣ отправились по своимъ мѣстамъ; но въ казенной палатѣ еще съ полчаса не могли приняться какъ слѣдуетъ за дѣло — все болтали о пророкѣ, а главнымъ образомъ о предсказаніи касательно моихъ сыновей. Сосѣди мои шутили. „Тебѣ“, говорили они, „какъ Іакову“, дано особое обѣтованіе. Еслибы еще одинъ сынъ, такъ ты совсѣмъ сравнялся бы съ нимъ. „Потомство твое умножится, какъ песокъ морской“, острили другіе. Я самъ смѣялся не меньше другихъ. Наконецъ принялись за дѣло и занимались какъ всегда. На другой, на третій день тоже вспоминали о предсказаніи, потомъ перестали вспоминать и, наконецъ совсѣмъ забыли о немъ.

Прошло три года. Я женился и черезъ годъ имѣлъ сына; все шло, какъ и у людей. Года черезъ два или полтора опять родился ребенокъ, тоже сынъ. Окрестили, его и жизнь пошла попрежнему. Когда родился третій сынъ, я вспомнилъ о предсказаніи и съ тѣхъ поръ уже не забывалъ о немъ. Когда родился четвертый сынъ, то не только я, но и всѣ родные и знакомые заговорили о предсказаніи. И такъ шло crescendo. Когда у меня было пять сыновей, я справлялъ, по обычаю, именины; нѣсколько человѣкъ товарищей обѣдали у меня. Жена была въ такомъ положеніи, что нужно было ожидать прибавленія семейства. Послѣ обѣда столоначальникъ Семеновъ, находясь въ веселомъ расположеніи духа, давай шутить:

— Сегодня, говоритъ, — Андрей Ивановичъ угостилъ насъ на славу, а осенью угоститъ еще получше; я именинникъ 4-го іюля.

— Почему же онъ все будетъ угощать насъ? въ другой разъ именины что-ль справлять будетъ? спросилъ кто-то.

— Да, вѣдь, позоветъ же на крестины-то. Вѣдь это у него уже шестой сынъ будетъ: не всякому такая Божья благодать.

— Да увѣренъ ли ты, что опять будетъ сынъ?

— Вотъ какъ увѣренъ, — предлагаю каждому пари. Держу 10 рублей противъ одного, что будетъ сынъ.

— Смотри не продержи! сказалъ кто-то.

— Предлагаю пари 10 рублей противъ гривенника. Держите.

— Да кто же это согласится на этакое пари? У кого достанетъ совѣсти, рискуя только гривенникомъ, воспользоваться твоими 10 рублями?

— Да вы не безпокойтесь: я своими десятью рублями не рискую.

— Ну, хорошо, я принимаю вызовъ, сказалъ экзекуторъ Никольскій; — только въ случаѣ выигрыша заранѣе публично обѣщаюсь пожертвовать 10 рублей на богоугодное дѣло по указанію Семенова.

— Отлично! воскликнули нѣкоторые, и вся вообще компанія выразила одобреніе поступку Никольскаго.

Преосвященный ѲЕОГНОСТЪ,
архіепископъ новгородскій и старорусскій.

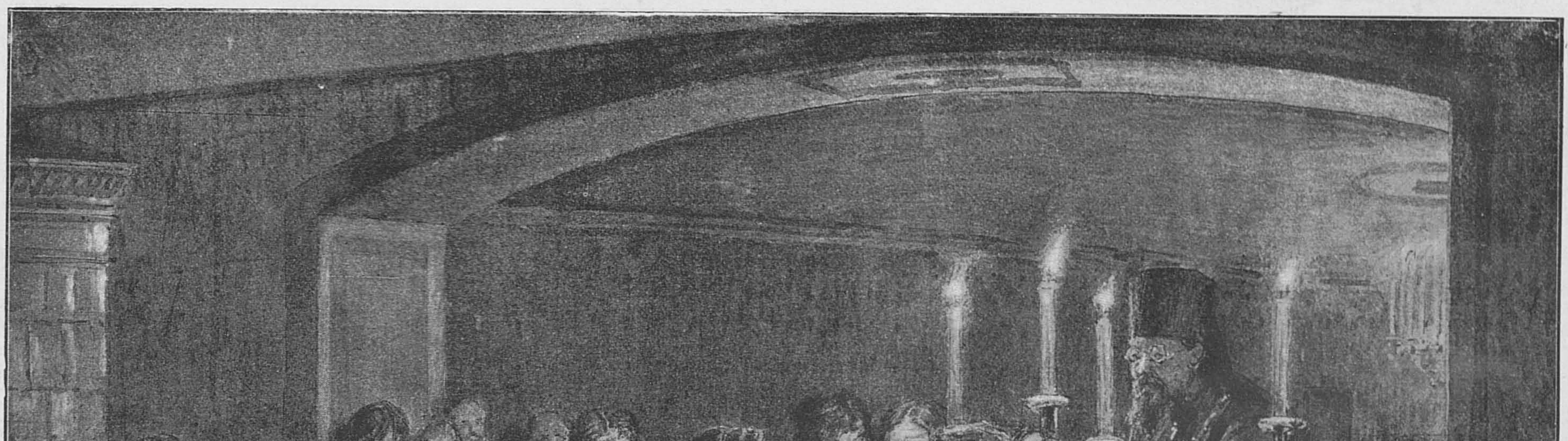
Съ фотографіи Д. С. Здобнова гравировалъ И. И. Хелмицкій.

По поводу учрежденія новгородской епископіи.

Преосвященный АМФИЛОХІЙ,
епископъ угличскій, археологъ.

Съ фотографіи М. П. Кадысона гравировалъ А. И. Зубчаниновъ.

По поводу пятидесятилѣтія священнослуженія и ученой дѣятельности.



Москва. — Собесѣдованіе со старообрядцами православнаго духовенства.

Съ натуры рисовалъ для »Всемірной Иллюстраціи« К. А. Савицкій.

Пари состоялось.

Пришла осень; отпраздновали мы крестины. Но 10 рублей остались въ карманѣ Семенова, а Никольскій публично при всей компаніи вручилъ ему гривенникъ. Крестили не дѣвочку, а мальчика. Это и былъ вашъ письмоводитель, шестой мой сынъ.

— Когда было у меня восемь сыновей, продолжалъ казначей, —я заболѣлъ жестокимъ тифомъ: лежалъ въ постели больше мѣсяца, едва могъ поворачиваться съ одного бока на другой; дошло до того, что я около сутокъ находился въ безчувственномъ состояніи, такъ мнѣ говорили потомъ. И вотъ однажды я чувствую, что просыпаюсь — и проснулся и чувствую себя такъ хорошо, такъ легко сравнительно съ тѣмъ, какъ было прежде. Въ самомъ-то дѣлѣ я не проснулся, а пришелъ въ сознаніе послѣ состоянія безчувствія; кризисъ кончился благополучно. Осматриваюсь кругомъ и вижу: жена стоитъ на колѣняхъ подлѣ кровати, плачетъ и молится съ лицомъ, обращеннымъ прямо противъ иконы, висѣвшей въ углу, надъ кроватью. Докторъ, какъ потомъ я узналъ, сказалъ не ей, а тещѣ, что на мое выздоровленіе нѣтъ никакой надежды, — чтобы приготовились къ самому худшему исходу. Видя, что жена совсѣмъ не замѣчаетъ перемѣны, происшедшей со мною, я назвалъ ее по имени и сталъ утѣшать и убѣждать, чтобы она не плакала, говоря, что мнѣ лучше, гораздо лучше. Разумѣется, слова эти и то, что я пришелъ въ сознаніе, произвели на нее очень быстрое и благотворное дѣйствіе. Тутъ мнѣ вспомнилось предсказаніе, о которомъ мы съ женою говорили не десять, а, вѣроятно, двадцать пять разъ, если не больше. Она имѣла непоколебимую вѣру въ дѣйствительность его. И мнѣ пришло на умъ воспользоваться предсказаніемъ, какъ доказательствомъ для полнаго успокоенія ея. „Какъ же ты могла подумать, что я умру, когда мнѣ недостаетъ еще троихъ сыновей", замѣтилъ я ей.—И самъ я былъ до послѣдней степени увѣренъ въ своемъ выздоровленіи именно по этой причинѣ. Жена тоже не заставила долго убѣждать себя, и я скоро увидѣлъ, что она совсѣмъ возродилась духомъ. Выздоровленіе пошло быстро, появился аппетитъ, и черезъ недѣлю я могъ уже вставать съ постели.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ; у меня еще родились три сына, и каждый разъ какъ я, такъ и жена, и всѣ родные, и близкіе знакомые такъ же были увѣрены въ томъ, что родится сынъ, а не дочь, какъ всѣ увѣрены въ томъ, что послѣ ночи настанетъ утро и взойдетъ солнце. Когда родился одиннадцатый сынъ, то жена захворала родильною горячкою и на двѣнадцатый день послѣ родовъ умерла. Мнѣ было уже пятьдесятъ

БЕРНГАРДЪ фонъ-ВЕРДЕРЪ, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи, новый германскій посолъ при Высочайшемъ Дворѣ.

Съ фотографіи А. Лоренса гравировалъ Э. Беренсъ.

Иностранные художники — Послѣднее прости. Картина Альфреда Гюллу.

лѣтъ и жениться въ другой разъ мнѣ и въ голову не приходило.

— Весь этотъ разсказъ казначея произвелъ на меня очень сильное впечатлѣніе, продолжалъ Тихонъ Ѳеодоровичъ.

Нѣкоторое время мы оба молчали. Наконецъ я спросилъ:

— А что же другія предсказанія арестанта?

— Мнѣ извѣстно только одно изъ нихъ, отвѣчалъ онъ,—то, которое относилось къ дѣвицѣ —новской. Она умерла въ холеру 1849—1850 годовъ, не вышедши замужъ, такъ что предсказаніе арестанта относительно нея также исполнилось въ точности.

— А кто былъ арестантъ?

— Это и мнѣ, и всему городу осталось неизвѣстнымъ: его въ нашей уголовной палатѣ не судили, а отправили куда-то въ другой городъ.

— Ну, какъ вы смотрите теперь на все это дѣло въ совокупности?

— Вы можете себѣ представить, что меня оно занимало не меньше, чѣмъ кого нибудь другаго. И я еще на первыхъ порахъ, т. е. послѣ рожденія третьяго сына, когда сталъ придавать значеніе предсказанію, видѣлъ въ немъ перстъ Божій, знакъ особой ко мнѣ милости Божіей, и съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе укрѣплялся въ моей мысли. Богъ знаетъ, что было бы со мной, еслибы не было этого случая — предсказанія. Теперь я доживаю свой вѣкъ спокойно, не дослужился до высокихъ чиновъ и должностей, но кусокъ хлѣба имѣю и пользуюсь положеніемъ скромнымъ, но для уѣзднаго города даже почетнымъ и отчасти независимымъ. Не всѣ мои товарищи по службѣ имѣли и эту скромную удачу въ жизни; нѣкоторые даже окончили очень худо: одинъ сосланъ въ Сибирь, одинъ исключенъ изъ службы съ запачканнымъ формуляромъ, двое спились съ круга и тому подобное. Можетъ быть и мнѣ грозило что нибудь подобное, еслибы я не имѣлъ въ предсказаніи особаго руководства промысла, еслибы предсказаніе не дало мнѣ болѣе серьезности, обдуманности. Я увѣренъ, что ему обязанъ тѣмъ, что не поддался какимъ нибудь увлеченіямъ, къ которымъ я былъ склоненъ въ годы молодости. Не знаю, за что я удостоился этой милости Божіей, можетъ быть за молитвы моей матери, которая была очень набожна и богомольна.

— Вотъ, господа, закончилъ Тихонъ Ѳеодоровичъ,—вся исторія; пусть кто нибудь попробуетъ объяснить ее законами физики, физіологіи, психологіи. Едва ли онъ въ этомъ успѣетъ.

— Да вполнѣ ли она достовѣрна? возразилъ Петровскій.

— Для меня достовѣрна во всей полнотѣ.

— Повѣряли ли вы ее во всѣхъ подробностяхъ, Тихонъ Ѳеодоровичъ? продолжалъ Петровскій.

— Повѣрялъ. Я даже имѣлъ случай видѣть людей, которые знали ее независимо отъ Ладыженскаго, и также считали ее вполнѣ несомнѣнною, какъ и я въ настоящее время. Но въ сущности никакихъ постороннихъ свидѣтельствъ тутъ и не нужно. Главное и вполнѣ достовѣрное свидѣтельство заключается въ словахъ и въ личности самого Андрея Ивановича. Достаточно знать его, чтобы быть увѣреннымъ, что въ своемъ разсказѣ онъ не прибавилъ ни на одну іоту сознательно и намѣренно.

— А не прибавилъ ли несознательно и ненамѣренно? спросилъ Петровскій.

— Да что тутъ прибавлять-то и къ чему? Исторія такъ несложна и проста, что тутъ и отдѣлить отъ нея нельзя какую нибудь прибавку. Съ одной стороны предсказаніе, слышанное десятками людей и тогда же обратившее на себя большое вниманіе, съ другой — одиннадцать рожденій, одиннадцать сыновей, которыхъ знали не десятки, а сотни людей.

— А мнѣ кажется, вставилъ свое слово профессоръ-спиритъ, — что тутъ и спорить не о чемъ. Все дѣло ясно, какъ Божій день, это одинъ изъ тѣхъ фактовъ, которыхъ такъ много знаетъ исторія спиритизма. Очевидно, арестантъ былъ медіумъ. Судя по всему, это былъ не солдатъ и, вообще, не простолюдинъ, а человѣкъ образованный, котораго какой нибудь несчастный случай поставилъ въ положеніе бродяги. Мало ли что бываетъ? Семейныя обстоятельства, несчастный случай, скандалъ, а можетъ быть даже и преступленіе, котораго концы были сохранены хорошо да не вполнѣ. Не вѣрить всей этой исторіи можетъ только тотъ, кто намѣренно закрываетъ глаза, чтобы не видѣть.

— Съ этимъ я вполнѣ согласенъ, сказалъ Тихонъ Ѳеодоровичъ.—Что касается до того—медіумъ или не медіумъ былъ арестантъ—объ этомъ я и говорить не стану. Я обращаю вниманіе только на фактъ и вѣрю ему безусловно.

— Не вѣрить-то ему дѣйствительно трудно, замѣтилъ хозяинъ, Павелъ Ивановичъ, — а объяснить какой нибудь научной теоріей еще труднѣе. Развѣ не объяснитъ ли его профессоръ Шарко и другіе посредствомъ своей теоріи внушенія или другой какой нибудь, сходной съ нею.

— Да вѣдь тутъ никакого гипнотизированія не было, замѣтилъ Тихонъ Ѳеодоровичъ.—Тутъ профессору Шарко и его единомышленникамъ дѣлать нечего.

— Не придется ли тутъ, замѣтилъ второй офицеръ, до сихъ поръ молчавшій, — не придется ли тутъ вспомнить о словахъ, когда-то обращенныхъ къ другу Горація, что есть на свѣтѣ много вещей, которыя и во снѣ не снились нашимъ мудрецамъ...

Д. Шетовъ

Новый годъ

Отъ насъ умчала годъ суровый
Рѣка могучая временъ...
Сѣдаго вѣка отпрыскъ *новый*
На свѣтъ рожденъ.
Богъ вѣсть, внесетъ ли обновленье
Пришелецъ новый въ дряхлый міръ,—
Но гостя новаго явленье
Встрѣчаетъ пиръ...
И чувства горечи, досады
Теперь невольно стихли въ насъ,
Среди веселья гостю рады
Мы въ этотъ часъ...
А втайнѣ намъ какъ будто жутко,
И всѣхъ томитъ одинъ вопросъ:
Чѣмъ насъ порадуетъ малютка,
Что онъ принесъ?
И будутъ щедры или скупы
Его дары, — свѣтлы-ль, темны
И-ль неосмыслены и глупы,
Или умны?
Быть можетъ съ »ящикомъ Пандоры«
Пришелъ къ намъ этотъ юный годъ,
Гдѣ козни, горести, раздоры,
Все зло невзгодъ?
Но пусть, путей къ добру не зная,
Онъ испытаній и скорбей
Сулитъ намъ рядъ... Страна родная,
Ты не робѣй!
Тебѣ враговъ не страшны тучи:
Умомъ народъ твой не убогъ...
Впередъ! бодри свой духъ могучій —
И — съ нами Богъ!

ВЫДАЧА ГОЛОВОЮ

Въ домѣ боярина Шастунова все притихло, какъ бы передъ грозою. Слуги ходили на цыпочкахъ. Боярыня и молодая боярышня сидѣли въ своемъ теремѣ и горько плакали. Даже сѣнныя дѣвушки пріуныли, перестали пѣть пѣсни веселыя и усердно дѣлали свои работы дѣвичьи. Говорили шепотомъ, опасливо, поглядывая по сторонамъ. Грозенъ и гнѣвенъ вернулся наканунѣ самъ бояринъ изъ дворца царскаго. Натерпѣлись страху всѣ домочадцы. Прошла ночь, но бояринъ оставался такимъ же гнѣвнымъ. Нахмурившись, что туча грозная, сидѣлъ онъ за дубовымъ столомъ, нетерпѣливо поглядывая въ оконце.

Заскрипѣли отворявшіяся тесовыя ворота, и во дворъ въѣхала колымага. Изъ нея съ помощью слугъ вышелъ степенный бояринъ, съ сѣдою бородою по поясъ, и, грузно опираясь на посошокъ, началъ подниматься на крыльцо. Хозяинъ встрѣтилъ гостя въ передней горницѣ и нетерпѣливо спросилъ:

— Ну что, кумъ? съ хорошими вѣстями, аль со злыми?

— Пройдемъ въ покой. Не гоже говорить передъ холопами.

— Прочь вы, смерды! зыкнулъ хозяинъ на глазѣвшихъ слугъ.—Эй, кто тамъ! велите подать романеи заморской намъ.

Оба боярина вошли и сѣли.

— Да не мучь же ты меня Христа ради, кумъ! говори все, что знаешь.

— Плохи дѣла твои, кумъ Степанъ Андреевичъ. Осерчалъ царь на тебя и повелѣлъ головою выдать Сицкому.

— Да неужто велѣлъ!

— Истинно говорю. Стольникъ Повалищевъ мнѣ сказывалъ — самъ онъ слыхалъ. Шибко гнѣвается царь: я, говоритъ, его, стараго пса, научу, какъ мѣстами мѣряться и моего слова ослушаться. Сказано было ему сѣсть за Сицкимъ, а онъ, на поди, всю родословную началъ высчитывать. Забылъ, что я его, коли захочу, съ холопами посажу.

— А за Сицкимъ не посадитъ! вскричалъ Шастуновъ и хлопнулъ о столъ такъ, что задрожали массивныя серебряныя чаши и блюда на полкахъ.—Умереть велитъ—умру, а за Сицкимъ не сяду. Не бывать тому ни во вѣки вѣковъ. Развѣ силкомъ притащутъ. Ну, что-жъ, головою, такъ головою. Не я первый, не я послѣдній; зато ужъ и отчитаю я его пса непотребнаго. Когда же повелѣно выдать?

— Да гляди, что сегодня.

Шумъ на дворѣ и бѣганіе слугъ обратили на себя вниманіе собесѣдниковъ.

На дворъ на статномъ горячемъ конѣ въѣхалъ молодой красивый бояринъ въ шапкѣ, перевитой жемчужною нитью въ шелковомъ, аломъ охобнѣ, съ золотою гривною на шеѣ. Вслѣдъ за нимъ у воротъ показались фигуры нѣсколькихъ воиновъ. Они не вошли во дворъ, а остановились у воротнаго столба.

Молодой бояринъ ловко спрыгнулъ съ высокаго восточнаго сѣдла, бросилъ поводъ на руки слугъ и пошелъ въ хоромы.

Новый гость былъ любимецъ государевъ, ближній стольникъ, князь Одоевскій. Князь вошелъ въ покой, снялъ шапку, истово помолился передъ иконами и затѣмъ снова, надѣвъ шапку, обратился къ хозяину:

— Бояринъ Степанъ Андреевичъ Шастуновъ, царь повелѣлъ тебя за продерзостное ослушаніе и обиду боярина Сицкаго головою выдать ему. Повиненъ ты не медля идти за мной во дворъ Сицкаго.

— Царю я слуга вѣрный по гробъ, а къ вору Сицкому волею не пойду! отвѣчалъ Шастуновъ.

— Не упрямься, кумъ, проговорилъ старый бояринъ,—вѣдь силкомъ потащутъ.

— А и пусть тащутъ. По крайности никто не скажетъ, что Шастуновы къ Сицкимъ на поклонъ ходили.

— Ну, не прогнѣвайся, бояринъ, — не я веду, а царь велитъ, и, проговоривъ эти слова, молодой бояринъ вышелъ изъ горницы и тотчасъ же вернулся съ воинами.

Закусивъ губы и опустивъ глаза въ землю,

молча позволилъ бояринъ Шастуновъ надѣть на себя шапку и верхнюю одежду.

Два воина взяли боярина подъ руки и повели или, лучше сказать, потащили его на улицу.

А тамъ ихъ уже ждала цѣлая толпа народа. Москвичи знали уже, что царь велѣлъ головою выдать гордаго боярина его врагу, и охотно бѣжали посмотрѣть на любопытное зрѣлище. Простой народъ валилъ со всѣхъ сторонъ посмотрѣть на униженіе гордаго боярина. Толпа съ шумомъ провожала процессію.

Впереди ѣхалъ князь Одоевскій; за нимъ воины тащили упиравшагося Шастунова.

Два человѣка въ заморскихъ платьяхъ встрѣтили толпу, и младшій съ любопытствомъ смотрѣлъ на процессію.

— Что это такое, мейнъ герръ? спросилъ онъ старшаго чужеземца.

— А это одинъ изъ обычаевъ Москали — бояринъ, котораго ведутъ головою выдать другому, его врагу. Другими словами, царь предоставляетъ обидчика въ полное распоряженіе обиженнаго.

— Но вѣдь это ужасное наказаніе!

— Нѣтъ, это только кажется. Обыкновенно тотъ, которому выдаютъ головою, по обычаю, долженъ какъ можно ласковѣе встрѣтить выдаваемаго. Здѣсь только играетъ роль униженіе и больше нечего.

Толпа остановилась у воротъ дома боярина Сицкаго. Ихъ растворили и Шастунова подвели къ крыльцу. Молодой бояринъ стоялъ около него.

Прошло немного времени, и на крыльцо важно вышелъ бояринъ Сицкой, еще не старый человѣкъ, съ непокрытою головою, въ богатой парчевой одеждѣ.

Какъ бы не замѣчая своего врага, бояринъ Сицкой низко поклонился царскому посланному.

— Бояринъ Петръ Васильевичъ Сицкой, началъ Одоевскій. — По царскому повелѣнію бояринъ Шастуновъ выданъ тебѣ головою. Прикажи казнить или миловать.

— Много удостоенъ я царскою милостью. Награждаетъ онъ меня превыше заслугъ моихъ ничтожныхъ. Бью и тебѣ челомъ, князь Иванъ Сергѣевичъ. Не имѣю на тебя сердца, бояринъ Степанъ Андреевичъ. Прошу въ теремъ пожаловать, хлѣба-соли откушать.

Понурая до сихъ поръ голова стараго боярина вдругъ поднялась. Сжавъ кулаки, онъ съ такою силою ринулся на своего врага, что дюжій воинъ едва успѣлъ удержать его.

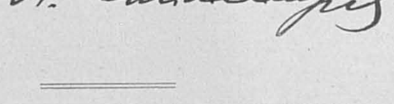
— Подавись ты своимъ хлѣбомъ-солью, собака. . . . .

И ругательная, язвительная рѣчь быстро полилась изъ устъ разъяреннаго боярина. Глаза его сверкали, лицо налилось кровью. Не слушая увѣщеваній державшаго его воина, онъ продолжалъ поносить своего соперника.

А тотъ стоялъ, посмѣиваясь надъ расходившеюся безсильною злобою врага. Слуги и дѣти, собравшіеся за угломъ рѣзнаго крыльца, хохотали надъ фигурою униженнаго боярина.

. . . .

Вотъ каковъ былъ одинъ изъ характернѣйшихъ обычаевъ давноминувшаго быта нашихъ предковъ.



ПОЛИТИКА

21 декабря 1892 г. (2 января 1893 г.).

На западѣ новый—1893—годъ наступилъ посреди величайшаго, хотя и весьма малоутѣшительнаго, оживленія политической жизни. На первомъ планѣ продолжали стоять событія, совершающіяся во Франціи. Законодательная сессія французскихъ палатъ была закрыта въ субботу на позапрошлой недѣлѣ, какъ уже извѣстно читателямъ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Министерство Рибо потерпѣло наканунѣ этого закрытія крайне чувствительное пораженіе въ вопросѣ о франко-швейцарской конвенціи. Палата депутатовъ отвергла правительственный проектъ этой конвенціи, не удостоивъ его даже обсужденія по статьямъ. Правительство не признало однако же этой неудачи поводомъ къ выходу въ отставку и осталось во власти. Г. Рибо и его товарищи по кабинету рѣшились ожидать открытія парламентской сессіи 1893 г., которое совпадетъ съ началомъ процесса членовъ правленія Панамскаго общества, приходясь на день 29 декабря 1892 г. (10 января 1893 г.). Въ промежутокъ времени, остающійся до этого рокового дня, правительство намѣрено вести энергически признанную уже безусловно необходимою борьбу съ принадлежащими къ различнымъ оппозиціоннымъ партіямъ противниками существующаго порядка вещей. Что противники эти считаютъ благопріятною для себя смуту умовъ, вызванную безчисленными скандалами панамскаго дѣла, въ этомъ уже нельзя болѣе сомнѣваться. Республиканскія газеты, можетъ быть, и преувеличиваютъ до нѣкоторой степени, толкуя объ „анти-республиканскомъ заговорѣ", но все указываетъ, что до подобнаго заговора уже дѣйствительно недалеко и что надежды всѣхъ враговъ „парламентской республики" значительно усилились. Изъ Парижа приходятъ извѣстія о дѣятельной антиправительственной пропагандѣ въ провинціяхъ. Бонапартисты, о которыхъ за послѣднее время почти совершенно не было слышно, снова выступаютъ съ кандидатурой принца Виктора Бонапарта, рекомендуя Франціи своего претендента, правда, еще не въ качествѣ императора, а въ качествѣ диктатора съ титуломъ перваго консула. Бывшіе буланжисты съ своей стороны требуютъ пересмотра конституціи 1875 года и встрѣчаютъ въ этомъ требованіи поддержку соціалистовъ революціоннаго лагеря.

Какъ справится со всѣми этими затрудненіями министерство Рибо—въ настоящую минуту еще невозможно предугадать. Задача не облегчается до извѣстной степени тѣмъ обстоятельствомъ, что съ закрытіемъ законодательной сессіи 1892 г. засѣданія парламентской коммиссіи по панамскому дѣлу перестали быть гласными и, въ виду предстоящаго на 29 декабря (10 января) начала панамскаго процесса, должны будутъ пріостановиться. Но это вовсе еще не служитъ ручательствомъ въ томъ, что французская публика, постоянно возбуждаемая газетными сплетнями, согласится терпѣливо ждать „разоблаченій" упомянутаго процесса. Во всякомъ случаѣ 1893 годъ начался для Франціи при полной пріостановкѣ законодательной сессіи палатъ. Бюджетъ на 1893 годъ не утвержденъ. Всѣ стоящіе на очереди законодательные вопросы остались нерѣшенными, а общее политическое положеніе дѣлъ французской республики таково, что только особенно благопріятное для нея стеченіе обстоятельствъ не даетъ возможности ея многочисленнымъ врагамъ въ западной Европѣ воспользоваться упомянутыми обстоятельствами для своихъ личныхъ цѣлей.

Въ Германіи новый—1893—годъ начался при полной неизвѣстности насчетъ того, какая участь постигнетъ въ имперскомъ парламентѣ проектъ военной реформы. Всѣ извѣстія, получавшіяся за эти послѣдніе дни изъ берлинскихъ правительственныхъ кружковъ, заставляютъ полагать, что графъ Каприви не намѣренъ идти ни на какія уступки и будетъ настаивать на принятіи законопроекта въ представленной имъ редакціи, безъ всякихъ измѣненій. Между тѣмъ въ рейхстагѣ ни одна изъ сильныхъ по своей численности партій не обнаруживаетъ склонности утвердить этотъ проектъ въ его первоначальномъ видѣ. На замѣну трехлѣтняго права военной службы двухлѣтнимъ почти всѣ онѣ одинаково согласны, но подъ условіемъ, что такая замѣна не повлечетъ за собою требующаго громадныхъ расходовъ усиленія численности мирнаго состава арміи. Графъ Каприви напротивъ предпочитаетъ сохранить трехлѣтній срокъ службы и существующую при немъ численность хорошо подготовленной въ боевомъ отношеніи арміи, чѣмъ идти на рискъ военной организаціи, облегчающей для страны тягость всеобщей воинской повинности, но не обѣщающей сохранить за арміей ея нынѣшнія боевыя качества. Нельзя удивляться, что при подобныхъ условіяхъ въ Германіи ходятъ настойчивые слухи о возможности отставки нынѣшняго канцлера и замѣны его нынѣшнимъ прусскимъ первымъ министромъ графомъ Эйленбургомъ.

Австро-Венгрія отпраздновала новый годъ тоже не особенно весело и спокойно. Для австрійскаго министерства Таафе онъ начался при далеко еще несостоявшемся успѣхѣ попытки возстановить въ рейхсратѣ правительственное большинство. Судя по послѣднимъ извѣстіямъ, глава упомянутаго министерства не рѣшился искать поддержки такъ называемыхъ „автономистскихъ" партій рейхсрата, въ союзѣ которыхъ первенство принадлежало бы неизбѣжно славянскимъ группамъ. Перспектива „славянскаго большинства", повидимому, не нравится вѣнскимъ придворнымъ сферамъ, и графъ Таафе еще разъ ищетъ привлечь на свою сторону нѣмецкихъ либераловъ, требуя только, чтобы они нѣсколько умѣрили свои притязанія. Удастся ли его попытка—пока еще невозможно предвидѣть, но если бы даже она и удалась, то однимъ изъ неизбѣжныхъ ея послѣдствій явится крайне неудобное для правительства усиленіе славянской оппозиціи на почвѣ федерализма.

Въ Венгріи министерству Векерле приходится вести борьбу съ дошедшею до замѣчательной рѣзкости оппозиціею мадьярскихъ католиковъ, открыто протестующихъ противъ введенія въ этой странѣ гражданскаго брака даже и не въ обязательной формѣ. Во главѣ этой оппозиціи стоитъ все католическое духовенство и сильное по численности большинство мадьярской аристократіи. Говорятъ, что императоръ Францъ-Іосифъ крайне раздраженъ этими протестами.

Господствовавшее въ Англіи до позапрошлаго воскресенья (день Рождества Христова по новому стилю) политическое затишье было внезапно нарушено динамитнымъ взрывомъ, происшедшимъ въ этотъ день въ Дублинѣ. Разрывной снарядъ былъ подложенъ неизвѣстными пока злоумышленниками передъ полицейскими казармами, находящимися въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ дворцомъ ирландскаго вице-короля, въ которомъ помѣщается нынѣ статсъ-секретарь за Ирландію сэръ Джонъ Морлей. Число человѣческихъ жертвъ оказалось, сколько извѣстно, невелико, но матеріальный вредъ былъ чрезвычайно силенъ. Первою мыслью всѣхъ было, конечно, что это гнусное преступленіе дѣло рукъ феніевъ, недовольныхъ тѣмъ, что правительство отказалось помиловать одного изъ ихъ единомышленниковъ. Позднѣе стали приходить извѣстія, намекающія на возможность участія въ дѣлѣ протестантовъ Ульстера, крайне враждебныхъ задуманной Гладстономъ ирландской автономіи. Достовѣрнаго пока еще ничего однако не извѣстно, но зато уже не подлежитъ сомнѣнію, что трудность задачи, взятой на себя съ такою доблестною смѣлостью министерствомъ Гладстона, по меньшей мѣрѣ удесятерилась, и предстоящая сессія британскаго парламента обѣщаетъ быть вначалѣ необыкновенно бурною.

Генералъ фонъ-Вердеръ

Покинувшій на этихъ дняхъ свой постъ германскій посолъ въ С.-Петербургѣ, генералъ фонъ-Швейницъ, оставилъ, какъ извѣстно, въ здѣшнемъ обществѣ самыя лучшія воспоминанія. Несмотря на всю трудность положенія, въ которое ставили его политическія событія послѣднихъ пятнадцати лѣтъ, этотъ доблестный воинъ-дипломатъ съумѣлъ оставаться до конца носителемъ самыхъ лучшихъ преда-

Древняя Русь. — Выдача головою боярина-обидчика другому боярину.

Оригинальный рисунокъ для «Всем. Иллюстраціи» Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго. Гравировалъ А. И. Зубчаниновъ.

ній того времени, когда издавна дружескія, на близкихъ, родственныхъ связяхъ основанныя, взаимныя отношенія петербургскаго и берлинскаго дворовъ совершенно совпадали со взаимными политическими отношеніями двухъ сосѣднихъ государствъ. При первыхъ извѣстіяхъ о предстоящей отставкѣ генерала фонъ-Швейница явился, представляющій серьезную политическую важность, вопросъ о личности его вѣроятнаго преемника.

Выборъ на этотъ постъ императоромъ Вильгельмомъ II генерала фонъ-Вердера произвелъ прекрасное по своей успокоительности впечатлѣніе. Полная неожиданность его, шедшая въ разрѣзъ со всѣми предсказаніями берлинской офиціозной печати, показала достаточно, что молодой германскій государь до сихъ поръ озабочивается о томъ, чтобы сохранить съ Петербургомъ отношенія, существовавшія при генералѣ фонъ-Швейницѣ и его предшественникахъ. Долго жившій въ Россіи генералъ фонъ-Вердеръ съ перваго же своего появленія у насъ съумѣлъ завоевать всеобщее сочувствіе не только здѣшнихъ правительственныхъ сферъ, но и тѣхъ классовъ петербургскаго общества, которые имѣли возможность получать свѣдѣнія о рыцарскомъ благородствѣ, постоянно составлявшемъ основу его образа дѣйствій въ качествѣ германскаго военнаго уполномоченнаго при нашемъ Императорскомъ дворѣ. Это сочувствіе стало высказываться особенно ярко, когда генералъ фонъ-Вердеръ былъ замѣненъ въ Петербургѣ на своемъ прежнемъ посту другимъ лицомъ. Наше общество съ особымъ удовольствіемъ узнавало послѣ этого о его почти ежегодныхъ пріѣздахъ въ Россію. Въ настоящее время оно ждетъ съ горячимъ нетерпѣніемъ предстоящаго случая засвидѣтельствовать новому германскому послу свою радость видѣть его преемникомъ генерала фонъ-Швейница.

Генералу фонъ-Вердеру въ настоящее время около 70 лѣтъ (онъ родился 15 февраля 1823 г.), но никто изъ знающихъ его, конечно, не дастъ ему такихъ лѣтъ, глядя на его стройную, замѣчательно моложавую фигуру и красивое лицо истиннаго „рыцаря безъ страха и упрека“. Въ офицерскихъ чинахъ онъ уже состоитъ 53 года, будучи произведенъ въ 1840 году въ подпоручики 1-го гвардейскаго прусскаго полка. Черезъ 17 лѣтъ послѣ этого производства онъ уже былъ назначенъ флигель-адъютантомъ прусскаго короля Фридриха Вильгельма IV и остался въ этой должности при преемникѣ послѣдняго, королѣ, а позднѣе императорѣ Вильгельмѣ I. Въ 1861 году онъ былъ назначенъ командиромъ гвардейскаго егерскаго батальона, считавшагося въ то время отборнымъ во всей прусской арміи. Въ войнѣ 1866 года съ Австріей полковникъ фонъ-Вердеръ участвовалъ въ качествѣ командира гвардейскаго фузелернаго полка и отличился во главѣ его въ сраженіяхъ при Буркерсдорфѣ, Кенигингофѣ и Кенигсгрецѣ, удостоившись высшаго военнаго прусскаго отличія, ордена pour le mérite. Въ 1869 году полковникъ фонъ-Вердеръ былъ назначенъ военнымъ уполномоченнымъ при русскомъ дворѣ и сохранялъ этотъ постъ много лѣтъ при покойномъ Императорѣ Александрѣ II и при нынѣ благополучно царствующемъ Государѣ Императорѣ, пользуясь любовію и довѣріемъ монарховъ, при которыхъ онъ занималъ свою трудную и отвѣтственную должность. Произведенный въ 1870 году въ генералы свиты, а въ 1876 году въ генералъ-адъютанты, генералъ фонъ-Вердеръ получилъ высшій чинъ—генерала-отъ-инфантеріи—въ 1884 году и вскорѣ послѣ этого оставилъ, ко всеобщему сожалѣнію здѣшняго общества, свой постъ военнаго уполномоченнаго. Позднѣе онъ былъ нѣкоторое время военнымъ губернаторомъ Берлина, а въ первые годы правленія императора Вильгельма II оставался не у дѣла, пользуясь, какъ мы уже говорили выше, своими досугами для ежегодныхъ поѣздокъ въ Россію, гдѣ онъ являлся каждый разъ желаннымъ гостемъ нашего Императорскаго двора, пользуясь помѣщеніемъ въ Зимнемъ дворцѣ. Съ 1869 года генералъ фонъ-Вердеръ состоитъ кавалеромъ нашего военнаго ордена св. Георгія побѣдоносца IV степени, который былъ пожалованъ ему покойнымъ императоромъ Александромъ II въ столѣтнюю годовщину этого ордена, какъ кавалеру высшаго прусскаго военнаго ордена.

Петербургское общество съ пріѣздомъ генерала фонъ-Вердера связываетъ самыя лучшія надежды, если не насчетъ общей сложности взаимныхъ отношеній Германіи и Россіи, то насчетъ непрерывности преданій, оставленныхъ въ здѣшнемъ германскомъ посольствѣ генераломъ фонъ-Швейницемъ.

М. Загуляевъ

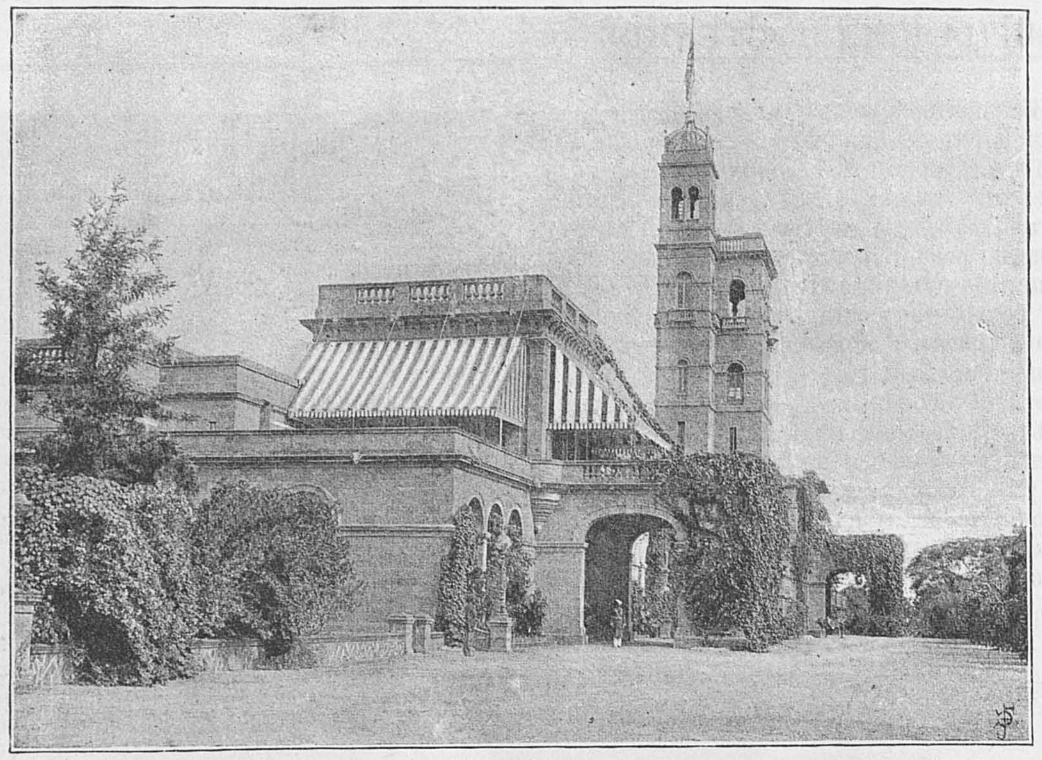
ВЕРНЕРЪ фонъ-СИМЕНСЪ, электротехникъ, ученый.
† 24-го ноября 1892 г.

Автотипія Эд. Гоппе съ гравированнаго портрета.

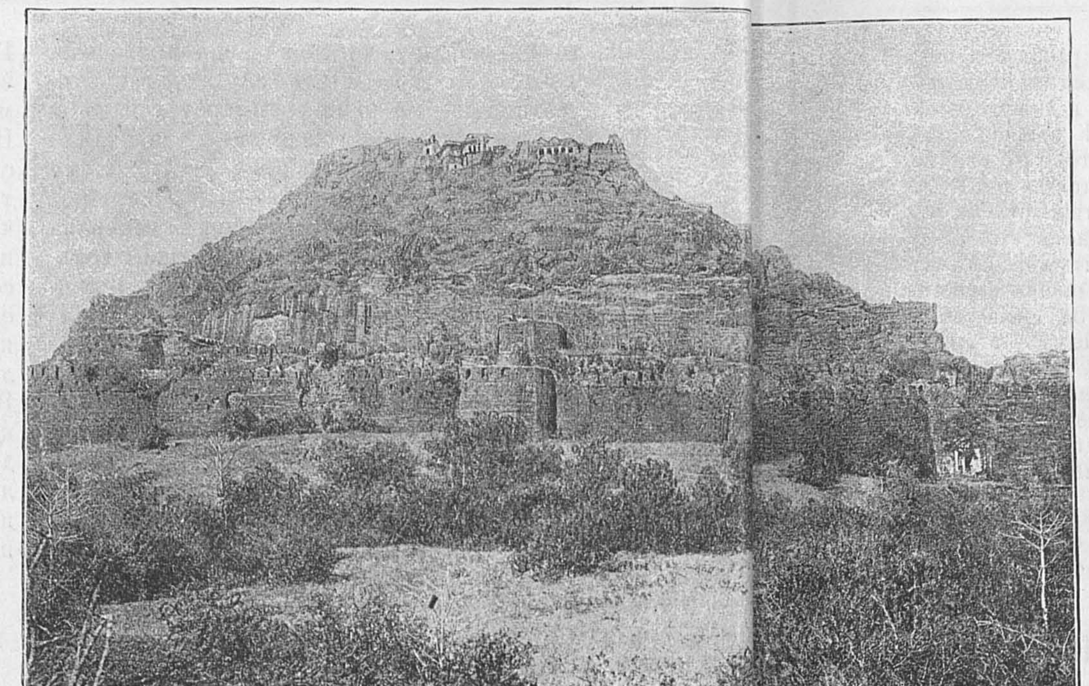
Вернеръ Сименсъ †

Европейская наука потеряла недавно одного изъ крупнѣйшихъ своихъ представителей. 24-го ноября 1892 г. скончался въ Берлинѣ знаменитый электротехникъ, изобрѣтатель, піонеръ телеграфнаго дѣла на западѣ, Вернеръ Сименсъ. Это былъ человѣкъ обширнаго ума, съ громадными познаніями и необычайной энергіей, ученый, пролагавшій новые пути въ наукѣ, неустанно работавшій надъ приложеніемъ выводовъ науки къ жизни практической. Его заслуги въ области электротехники, политехники и промышленности неисчислимы. Способы распознаванія мѣстъ поврежденія подводныхъ кабелей и способы самаго проложенія этихъ кабелей, взрывы торпедъ посредствомъ электрическаго тока, электродинамическія машины всевозможныхъ типовъ для промышленныхъ цѣлей и главнымъ образомъ для электрическаго освѣщенія — все это изобрѣтенія Сименса, перечислить которыя весьма трудно, такъ какъ это заняло бы цѣлые столбцы. И въ области чистой науки, въ области естествознанія потрудился онъ на своемъ вѣку также довольно. Такъ, напримѣръ, наблюдая за изверженіями Везувія, онъ дѣятельно изучалъ вулканическія явленія, и въ результатѣ явилась его новая теорія таковыхъ явленій, остроумная и своеобразная. На съѣздѣ германскихъ естествоиспытателей и врачей 1886 года Вернеръ Сименсъ заставилъ много говорить о его замѣчательномъ рефератѣ „о естественномъ періодѣ“. Въ немъ онъ доказывалъ возможность добывать путемъ электричества жизненныя средства изъ его элементовъ, встрѣчающихся всюду, указывая при этомъ какую огромную важность и въ соціальномъ, и политическомъ отношеніяхъ представляетъ эта теорія. Рефератъ Сименса долго былъ предметомъ самыхъ оживленныхъ толковъ и въ печати, и среди ученыхъ, возбудивъ самую оживленную полемику. Самъ работая на пользу науки, Сименсъ, кромѣ того, благодаря своимъ прекраснымъ средствамъ, поддерживалъ и другихъ тружениковъ науки и всячески содѣйствовалъ ея движенію впередъ. Онъ далъ толчекъ распространенію телеграфнаго дѣла въ цѣломъ мірѣ, и своимъ колоссальнымъ успѣхомъ и развитіемъ оно обязано никому иному, какъ Сименсу, имя котораго займетъ одну изъ блестящихъ страницъ въ исторіи чистой и прикладной науки.

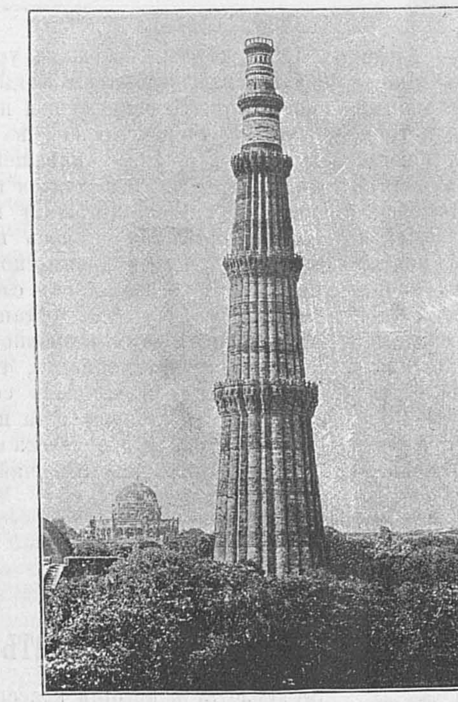
Вернеръ Сименсъ, старшій изъ братьевъ многочисленной семьи Сименсовъ, чрезвычайно даровитой, родился 13-го декабря 1816 года въ Лентѣ, близъ Ганновера. Его отецъ занимался земледѣліемъ и считался однимъ изъ образцовыхъ и зажиточныхъ сельскихъ хозяевъ. Вернеръ Сименсъ съ малыхъ лѣтъ обнаружилъ большія способности, много любознательности и любовь къ труду. Воспитаніе получилъ онъ въ любекской гимназіи, откуда, по окончаніи курса, намѣревался поступить въ инженеры, но былъ отправленъ въ 1834 году въ качествѣ вольноопредѣляющагося въ прусскій артиллерійскій полкъ, расположенный въ Магдебургѣ. Затѣмъ онъ три года слушалъ лекціи въ берлинской артиллерійской и инженерной академіи и въ 1838 г. былъ возвращенъ въ свой полкъ, стоявшій въ Виттенбергѣ. Вскорѣ онъ открылъ новый способъ гальваническаго серебренія и золоченія металловъ, за который въ 1841 году и получилъ первый свой патентъ. Спустя нѣсколько времени вмѣстѣ съ братомъ Вильгельмомъ онъ ввелъ свое изобрѣтеніе въ Англіи, гдѣ получилъ вдвоемъ съ этимъ братомъ патентъ на новый, улучшенный ими, хронометрическій или дифференціальный регуляторъ для паровыхъ машинъ, служащій и донынѣ, между прочимъ, къ регулированію астрономическихъ приборовъ. Къ этому времени относятся изобрѣтенія и усовершенствованія, сдѣланныя Сименсомъ въ области пиротехническаго дѣла, и занятія опытами надъ изолированіемъземнепроводовъ при посредствѣ гуттаперчи. Дѣятельность его въ телеграфной



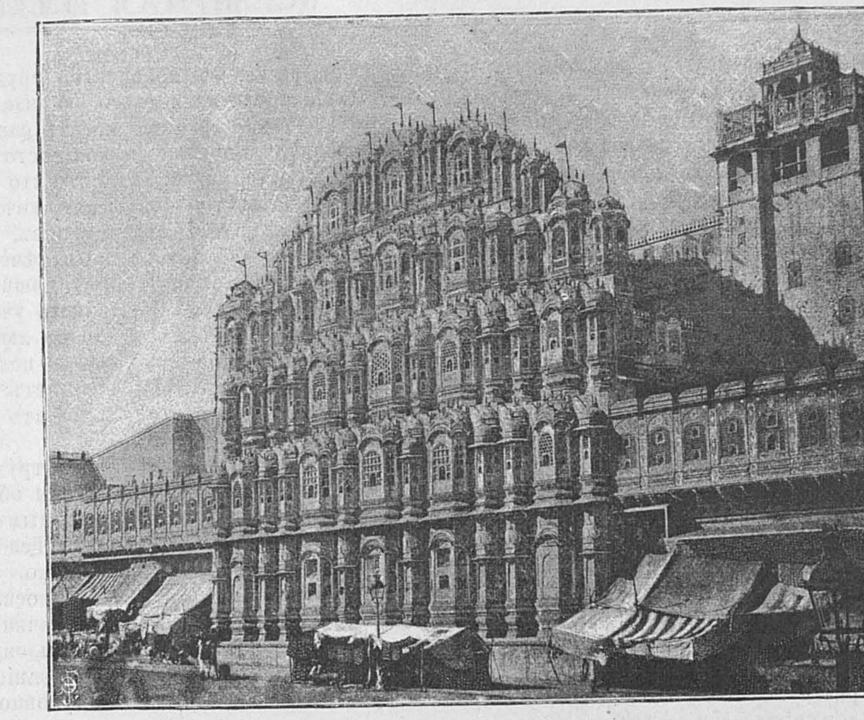
Лѣтній дворецъ губернатора въ городѣ Пуна.



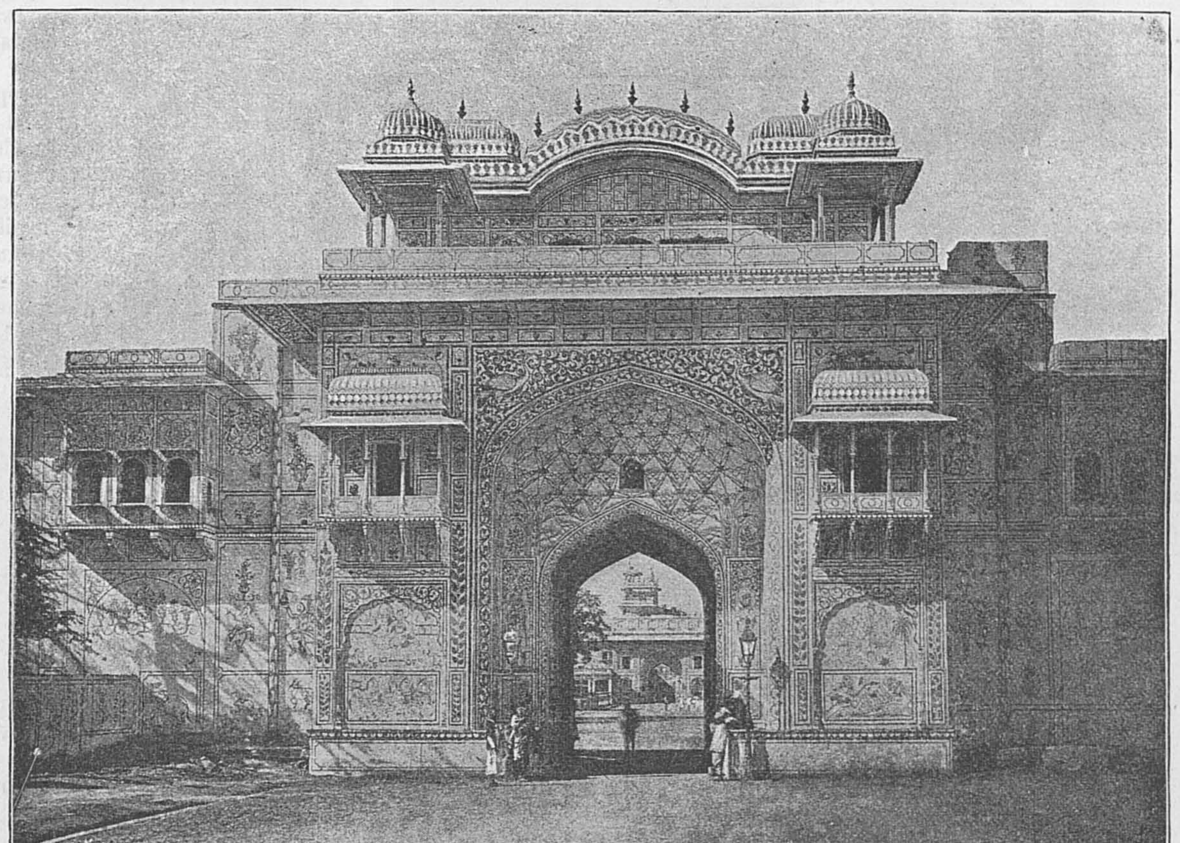
Развалины Давлетабада (древній Дэогархъ) дерабадѣ.



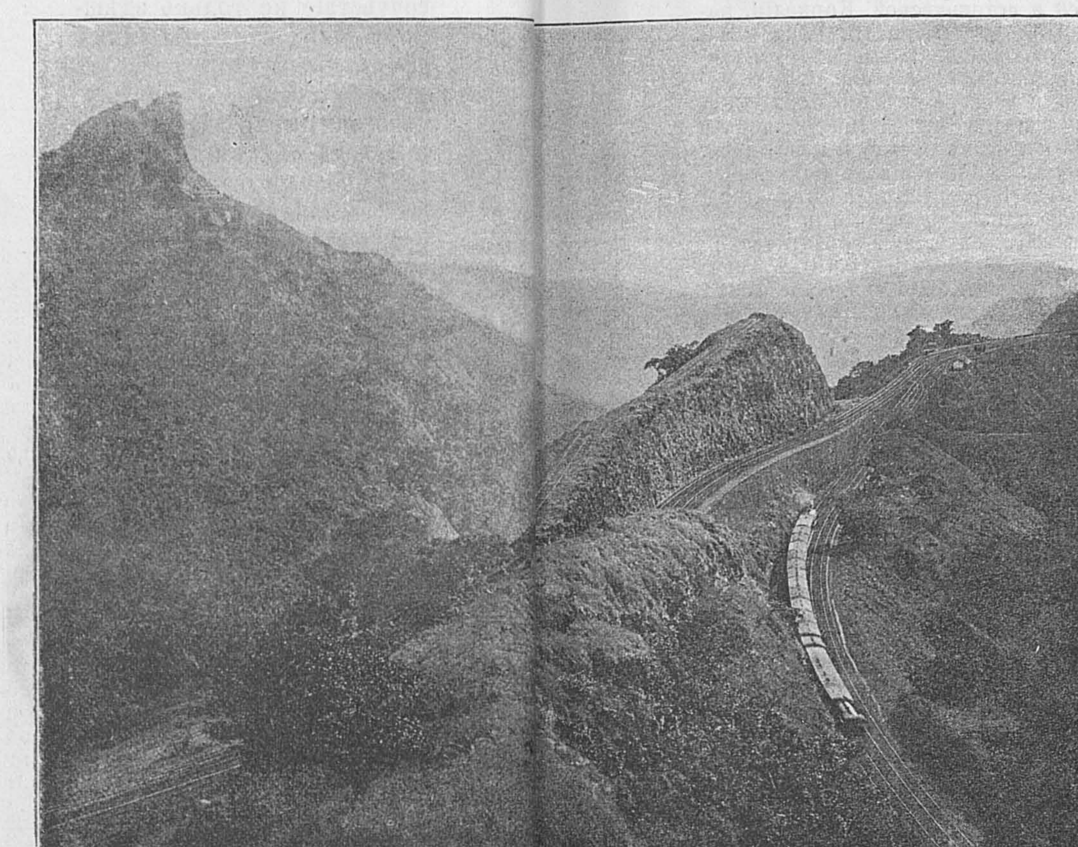
Башня Кутабъ-Минаръ близъ города Дэли.



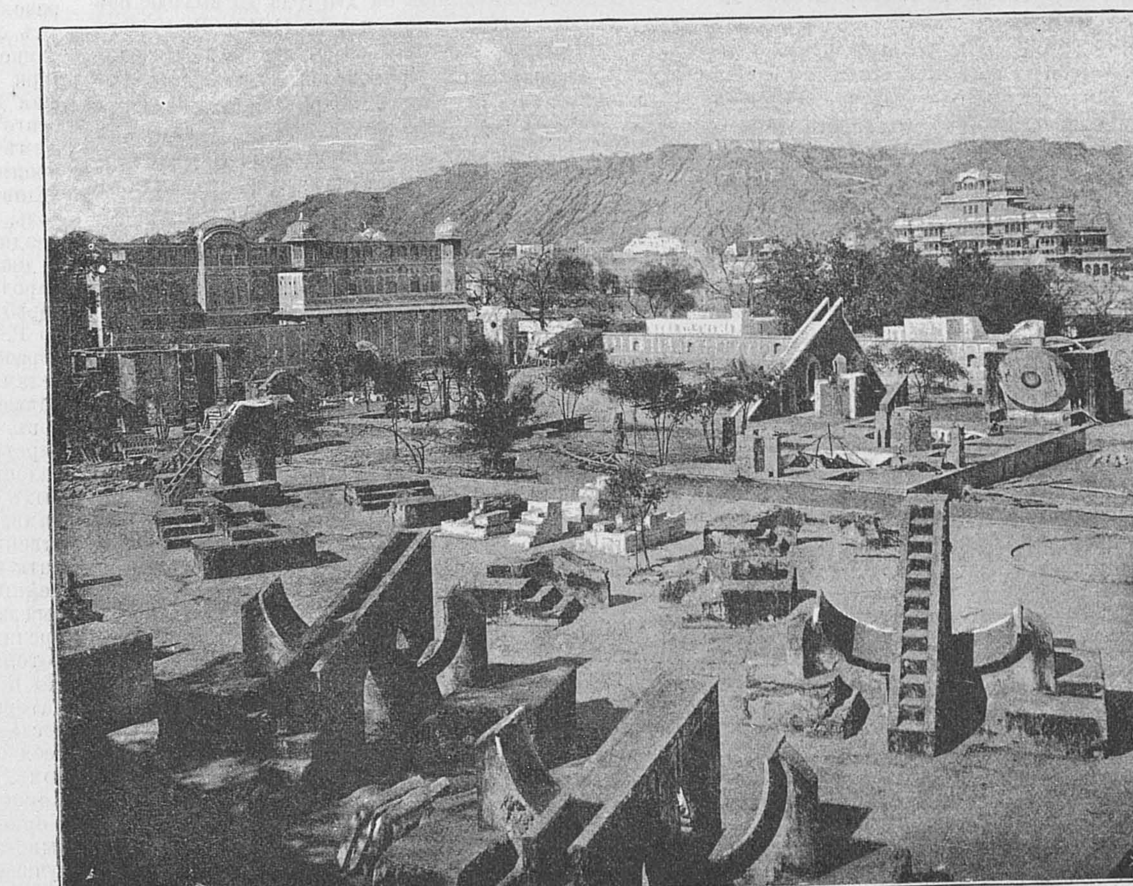
Хавалъ-Махалъ. Замокъ вѣтровъ въ Джейпурѣ.



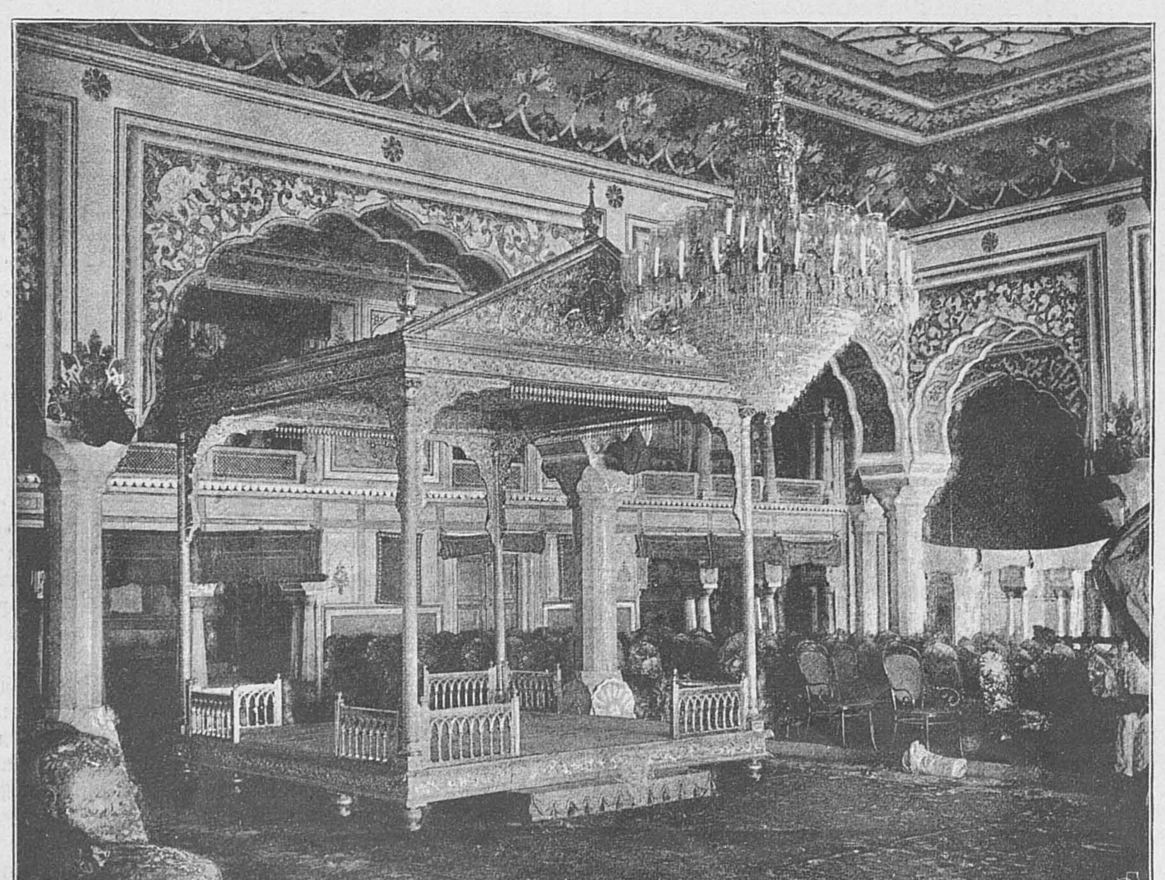
Ворота дворца магараджи Джейпура.



Желѣзная дорога изъ Бомбе...ну. Возвратная станція Кандалла.

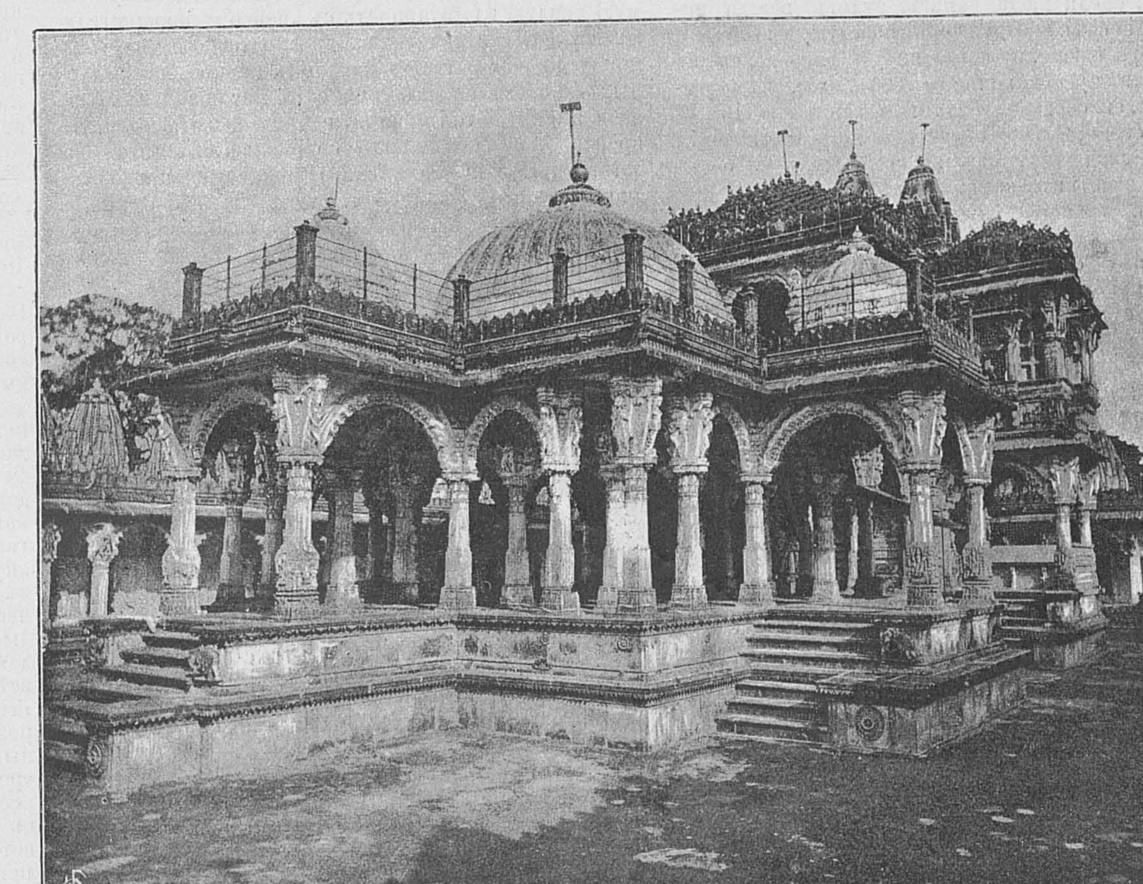


Старинная обсерваторія и дворецъ въ Джейпурѣ.



Залъ аудіенцій дворца въ Джейпурѣ.

Изваянія по южному фасаду ...лорскомъ подземномъ храмѣ.



Видъ храма Джайнавъ въ Ахмедабадѣ надъ могилой Гати Синг.

Воспоминаніе о путешествіи на Востокъ Е. И. Государя Наслѣдника Цесаревича. — По Индіи.

Автотипіи Эд. Гоппе съ фотографій специаль... корреспондента »Всемірной Иллюстраціи« г. Н. Б.

области началась въ 1846 г., когда онъ выработалъ улучшенные способы для передачи депешъ по телеграфной проволокѣ. Спустя два года онъ сдѣлалъ первый опытъ съ подводными минами, которыя онъ заложилъ въ портѣ города Киля и взрывалъ при помощи электричества. Въ это же время ему было поручено устройство первой длинной телеграфной линіи между Берлиномъ, Ахеномъ и Франкфуртомъ-на-Майнѣ, причемъ часть проволоки была проложена подъ землею. Въ слѣдующемъ—1849—году онъ получилъ въ завѣдываніе артиллерійскую и инженерную части при оборонѣ датской крѣпости Фридрихсортъ и далѣе построилъ баттареи для защиты эккернсдирфской гавани, тогда же пріобрѣвшія громкую извѣстность ихъ строителю. Въ этомъ самомъ году Вернеръ Сименсъ вышелъ въ отставку и посвятилъ всѣ свои силы и способности основанному имъ въ Берлинѣ, въ компаніи съ механикомъ Гальске, заведенію для устройства телеграфныхъ сообщеній. Съ 1853 по 1865 г. это заведеніе дѣйствовало въ Россіи, устраивая у насъ телеграфную сѣть. Отдѣленіе этого заведенія устроено было также и въ Лондонѣ, а въ 1863 г. было учреждено таковое же и въ Тифлисѣ. Дѣла фирмы Сименсъ и Гальске пошли превосходно и развились на столько, что она приняла на себя проложеніе шести главныхъ кабелей, соединяющихъ Европу съ Новымъ Свѣтомъ, что было исполнено вульвическимъ заводомъ фирмы. Она же участвовала и въ сооруженіи индійско-европейской телеграфной линіи между Лондономъ, сѣверной Германіей, Россіей, черезъ Тифлисъ, и Индіей. Еще въ 1860-хъ годахъ Вернеръ Сименсъ получилъ ученую степень доктора философіи отъ берлинскаго университета, а берлинская академія избрала его въ число своихъ постоянныхъ членовъ. Другія иностранныя академіи вслѣдъ затѣмъ удостоили его также своимъ избраніемъ. Въ 1885 г. онъ зачисленъ въ кавалеры ордена „pour le mérite“, а въ 1886 г. былъ празднованъ его юбилей по случаю семидесятилѣтней годовщины рожденія Сименса. Въ 1889 г. онъ сдѣлалъ крупное пожертвованіе въ 500.000 марокъ на учрежденіе въ Берлинѣ имперскаго физико-техническаго института, посвященнаго исключительно научнымъ изслѣдованіямъ. Пожертвовавъ такую крупную сумму, какъ полмилліона марокъ, благородный жертвователь не поставилъ при этомъ никакихъ ограниченій, никакихъ стѣснительныхъ условій. Хоронили Сименса съ торжествомъ и огромнымъ почетомъ; на похоронахъ его присутствовали представители всѣхъ европейскихъ государствъ.

Преосвященный Амфилохій,

епископъ угличскій

Имя преосвященнаго Амфилохія, кромѣ небольшаго числа ученыхъ спеціалистовъ, мало кому извѣстно. Несмотря на долгую честную службу церкви, несмотря на длинный рядъ ученыхъ трудовъ по археологіи, палеографіи и изученію памятниковъ слова, онъ достигъ немногихъ отличій на іерархической лѣстницѣ. Человѣку, знакомому съ его жизнью, бывавшему въ его келіи, видавшему его среди хаоса рукописей, среди массы книгъ, будетъ всегда понятно его неспѣшное движеніе по службѣ... Служебная карьера едва ли когда нибудь рисовалась въ воображеніи преосвященнаго Амфилохія, и честолюбіе не влекло его къ научнымъ занятіямъ. Беззавѣтно и безкорыстно отдаваясь до самозабвенія любимымъ работамъ, онъ не помышлялъ ни о какихъ выгодахъ, ни о какихъ успѣхахъ.

Въ своей ученой дѣятельности преосвященный Амфилохій является главнымъ образомъ палеографомъ. Начавъ свою службу наукѣ съ переписки древнихъ рукописей, снимапія съ нихъ копій, онъ затѣмъ естественно перешелъ къ занятіямъ палеографіей. Сначала его работы касались памятниковъ славянскихъ и русскихъ; затѣмъ, по мѣрѣ углубленія въ эти изслѣдованія, увидѣвъ, что занятія русской палеографіей не могутъ быть полны безъ хорошаго знанія палеографіи греческой, какъ важнаго источника первой, онъ перешелъ къ тщательному изученію этой науки. Труды преосв. Амфилохія по греческой палеографіи должны быть отмѣчены и отмѣчены не только среди русскихъ трудовъ по этой спеціальности, но и среди трудовъ заграничныхъ ученыхъ; къ сожалѣнію, за границей мало обратили вниманія на труды почтеннаго палеографа; впрочемъ, точно такъ поступаетъ и самъ преосв. Амфилохій, чуждаясь западнаго ученаго міра. Другая сторона дѣятельности преосв. Амфилохія—это изслѣдованіе языка древнихъ памятниковъ; здѣсь мы видимъ длинный рядъ сличеній однѣхъ рукописей съ другими, изученіе русскихъ переводныхъ памятниковъ въ сравненіи съ греческими подлинниками, словари къ отдѣльнымъ памятникамъ, являющіеся необходимыми дополненіями къ прежнимъ церковнославянскимъ словарямъ Миклошича, Востокова. Такихъ трудовъ у преосв. Амфилохія масса; многіе напечатаны, многіе еще не увидѣли свѣта. Наибольшее, впрочемъ, количество трудовъ преосв. Амфилохія представляетъ собою изданіе текстовъ. Многіе изъ этихъ трудовъ носятъ совершенно особенный характеръ: они не имѣютъ часто заглавныхъ листовъ, не имѣютъ указаній на то, кто ихъ издалъ, и, когда они вышли въ свѣтъ, они печатались въ незначительномъ числѣ экземпляровъ, не попали въ общественныя библіотеки, не отмѣчены библіографіей и извѣстны (и то случайно) лишь немногимъ лицамъ. Списокъ трудовъ почтеннаго ученаго до сихъ поръ не составленъ, какъ это ни любопытно, ни важно; едва ли, впрочемъ будетъ полонъ такой списокъ, если кто нибудь его и издастъ: самъ авторъ, кажется, не въ состояніи указать всѣхъ своихъ ученыхъ работъ.

Такой общій характеръ трудовъ преосв. Амфилохія. Для большей полноты облика этого ученаго епископа считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о его жизни, сложившейся не совсѣмъ обычно и шедшей не совсѣмъ гладко. Павелъ Ивановичъ Казанскій — какъ звали преосв. Амфилохія до монашества—сынъ сельскаго дьячка, родился 20-го іюня 1818 г. въ селѣ Любицахъ, малоярославецкаго уѣзда калужской губерніи. Образованіе свое онъ началъ въ уѣздномъ боровскомъ духовномъ училищѣ (1829—1835); по окончаніи училища онъ поступилъ въ калужскую семинарію (1835—1840) и затѣмъ въ московскую духовную академію. За два года до выхода изъ академіи онъ принялъ монашество (1842). Въ 1844 г., окончивъ курсъ академіи со степенью кандидата, преосв. Амфилохій былъ рукоположенъ въ іеромонаха и опредѣленъ на должность смотрителя суздальскихъ духовныхъ училищъ. Въ 1852 г. онъ получилъ санъ архимандрита и занялъ мѣсто игумена Борисоглѣбскаго монастыря, на рѣкѣ Устьѣ; здѣсь, занимая въ то же время должность смотрителя борисоглѣбскихъ духовныхъ училищъ, онъ пробылъ до 1856 г., когда былъ переведенъ въ Воскресенскій Новоіерусалимскій ставропигіальный монастырь. Во время службы своей въ этомъ монастырѣ онъ сошелся съ И. И. Срезневскимъ (1857), работавшимъ надъ рукописями замѣчательнаго древлехранилища Новоіерусалимскаго монастыря. Это знакомство было знаменательно въ жизни преосв. Амфилохія. 1858-мъ годомъ жизнь его дѣлится на двѣ половины: первую половину онъ прожилъ, не воображая, что когда нибудь не только отдастся такъ всецѣло, какъ онъ отдался, научнымъ занятіямъ, но даже ими заинтересуется,—вторую онъ работалъ и продолжаетъ работать надъ наукой, забывая все и вся; въ первую половину своей жизни онъ составилъ одинъ только трудъ: о трехъ обѣтахъ монашества (1845)—студентскую работу, во вторую онъ написалъ столько, что, какъ ужъ сказано выше, нельзя всего перечислить. Первыя работы преосв. Амфилохія въ 1858 г. были случайны; онъ дѣлалъ ихъ еще не изъ любви къ наукѣ, а скорѣе изъ любви къ тому ученому, которому онъ хотѣлъ помочь въ его работахъ, „только изъ уваженія къ научной дѣятельности“, какъ выражался этотъ ученый. Затѣмъ понемногу, побуждаемый Срезневскимъ, сначала подъ его руководствомъ, потомъ болѣе самостоятельно, онъ началъ увлекаться дѣломъ все сильнѣе и сильнѣе. Эти труды, обоюдныя поддержки, на всю жизнь сблизили обоихъ ученыхъ, и преосв. Амфилохій сохранилъ донынѣ самую теплую благодарность къ „первому поощрителю къ изученію славянскихъ древностей“ и „первому моему доброжелателю“, какъ онъ пишетъ на заглавныхъ листахъ своихъ сочиненій, посвящая ихъ сначала имени, потомъ памяти Срезневскаго. Занятія преосв. Амфилохія надъ сокровищами богатой библіотеки Новоіерусалимскаго монастыря продолжались не долго. Въ 1860 г. ему пришлось оставить должность его настоятеля и по указу св. Синода передать монастырь въ другія руки. По выходѣ изъ Воскресенскаго монастыря преосв. Амфилохій годъ прожилъ въ Николо-Угрѣшскомъ монастырѣ, подъ Москвою. Жизнь его въ этомъ монастырѣ была крайне тяжелая. Утомленный невзгодами и болѣзнями, онъ наконецъ былъ переведенъ въ Москву, въ Покровскій монастырь. Здѣсь онъ вновь могъ отдаться любимымъ занятіямъ и среди нихъ, забываясь, искать поддержки и утѣшенія. Его обширные труды въ этотъ долгій періодъ (до 1870 г.) были замѣчены ученымъ міромъ; онъ былъ выбранъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ и въ 1868 г. почтенъ избраніемъ въ члены-корреспонденты Имп. академіи наукъ. Наконецъ на арх. Амфилохія обратила вниманіе и церковная власть: въ 1870 г. онъ занялъ постъ настоятеля Данилова монастыря. Здѣсь служба его продолжалась до недавняго времени. Въ 1888 г. онъ былъ рукоположенъ въ епископа угличскаго и назначенъ викаріемъ при ярославской каѳедрѣ. Онъ живетъ въ Ростовѣ и трудится безъ перерыва, какъ прежде, въ 1870-ые года, когда въ любопытномъ очеркѣ русскихъ археологовъ И. И. Срезневскій такъ характеризовалъ его дѣятельность: „Онъ готовъ денно и нощно списывать цѣлыя рукописи, сличать ихъ разночтенія, сличать славянскій переводъ съ подлинникомъ греческимъ, выписывать слова цѣлыми словарями, дѣлать снимки цѣлыми дестями и все самъ и самъ. И чѣмъ болѣе онъ въ нуждѣ, тѣмъ съ большимъ усердіемъ работаетъ, какъ будто силясь забыться. Когда кончатся эти порывы—не молніи, то сверкающей и далеко и широко освѣщающей, то исчезающей въ темнотѣ непроглядной, а ледяной лавины, катящейся съ горы то скорѣе, то тише, — чѣмъ кончатся и кончатся ли они? Его дѣло трудиться. Внѣшнія препятствія ему не мѣшаютъ, внѣшняя помощь не придаетъ его труду значенія“. И вотъ прошло почти десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ сказаны эти слова, а „лавина“ все катится и катится безъ остановокъ. За свою долголѣтнюю и неутомимо-ревностную службу и труды въ ученой письменности, епископъ Амфилохій въ мая прошлаго года былъ сопричисленъ къ ордену св. Анны 1-й степени, а за послѣднее сочиненіе его „Житіе, страданія и чудеса св. Димитрія-царевича“, ему была объявлена Высочайшая благодарность.

Вс. Срезневскій.

Корнелія, мать Гракховъ

Миѳологія и исторія классическаго міра передали намъ въ наслѣдіе и поученіе много величественныхъ и глубоко симпатичныхъ женскихъ образовъ, и между ними съ особенною яркостью сіяютъ образы двухъ счастливыхъ и гордыхъ матерей, —миѳической Ніобеи и исторической Корнеліи, матери знаменитыхъ Гракховъ. Корнелія была младшая дочь великаго полководца Сципіона Африканскаго старшаго, покорителя Замы; она была замужемъ за консуломъ и цензоромъ Тиверіемъ Семпроніемъ Гракхомъ и имѣла отъ него двѣнадцать человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ остались живы трое: дочь, вышедшая замужъ за Сципіона Африканскаго младшаго, достопамятнаго разрушителя Карѳагена, и два сына, Тиверій и Кай Семпроній, извѣстные народные трибуны, павшіе жертвами въ политической борьбѣ: старшій, Тиверій, въ 133, а младшій въ 121 г. до Р. Х. Ихъ знаменитая мать была женщина высоко образованная и рѣзко выдававшаяся своими добродѣтелями въ тогдашнемъ римскомъ обществѣ, уже начинавшемъ поддаваться тому жестокому растлѣнію нравовъ, которое впослѣдствіи привело громадное государство къ кровавымъ междоусобіямъ и паденію. Вся радость ея жизни сосредоточилась въ дѣтяхъ, которыхъ она хотѣла сдѣлать и сдѣлала великими гражданами, несокрушимыми борцами за тѣ здравыя и мужественныя идеи, которыя она же умѣла въ нихъ внѣдрить и укрѣпить съ дѣтства. Слава о ея высокихъ семейныхъ добродѣтеляхъ была такъ колоссальна, что вышла далеко за предѣлы отечества; о ней зналъ между прочимъ тогдашній египетскій фараонъ Птоломей, который предлагалъ ей руку, когда она овдовѣла. Но Корнелія, вся проникнутая святостью своихъ материнскихъ обязанностей, отклонила эту честь, сославшись на своихъ дѣтей, которымъ она считала себя посвященною всецѣло. Сохранился разсказъ о томъ, какъ одна богатая римлянка хвалилась передъ Корнеліею своими сокровищами и украшеніями. Корнелія въ отвѣтъ на этотъ надменный вызовъ вывела къ подругѣ своихъ двухъ сыновей — свое лучшее, безцѣнное сокровище и украшеніе. Этотъ интересный моментъ въ жизни знаменитой матроны былъ часто избираемъ художниками предметомъ для картинъ. Но итальянскій художникъ Просперо Піатти, снимокъ съ картины котораго мы прилагаемъ при нынѣшнемъ нумерѣ „Всем. Иллюстраціи“, взялъ другую тему. Его Корнелія, спокойная, счастливая и величественная, идетъ со своимъ сокровищемъ, со своими двумя мальчиками, черезъ шумную, кишащую народомъ и залитую свѣтомъ, площадь. Народъ знаетъ эту счастливую мать и оглядывается на нее съ чувствомъ невольнаго почтенія. Это настоящее тріумфальное шествіе образцовой римской гражданки и матери.

Просперо Піатти, творецъ этой картины, человѣкъ уже не молодой. Онъ родился въ Феррарѣ въ 1843 году и учился живописи подъ руководствомъ Овербека; потомъ онъ много работалъ въ Ватиканѣ, гдѣ принималъ участіе въ реставрировкахъ, подъ руководствомъ Мантовани. Послѣ того начались его совершенно самостоятельные труды, первоначально въ области религіозной живописи, въ чемъ, конечно, сказалось вліяніе ватиканскихъ галерей. Въ это время имъ, между прочимъ, написанъ образъ для алтаря въ его родномъ городѣ Феррарѣ, представляющій крещеніе Христа въ Іорданѣ; имъ же украшена фресками церковь въ Дженацанѣ. Лучшею изъ его религіозныхъ картинъ считается написанная на извѣстный евангельскій текстъ: „пустите ко мнѣ дѣтей“. Эта картина отличается въ особенности замѣчательною культурно-историческою точностью въ отношеніи обстановки и одежды. Впослѣдствіи Піатти сталъ избирать сюжеты для своихъ картинъ изъ классической жизни; во всѣхъ этихъ произведеніяхъ бросается въ глаза богатая и умѣлая разработка историко-бытовыхъ подробностей. Онъ ставитъ на картинѣ не только главныхъ дѣйствующихъ лицъ и не на нихъ однихъ сосредоточиваетъ вниманіе зрителя, онъ представляетъ весь трактуемый имъ предметъ во всей его цѣлости, съ улицею, площадью, постройками, людьми и животными, написанными съ соблюденіемъ всѣхъ отличительныхъ подробностей эпохи; культурно-историческій элементъ, видимо, составляетъ главную заботу Піатти при обработкѣ имъ своихъ произведеній.

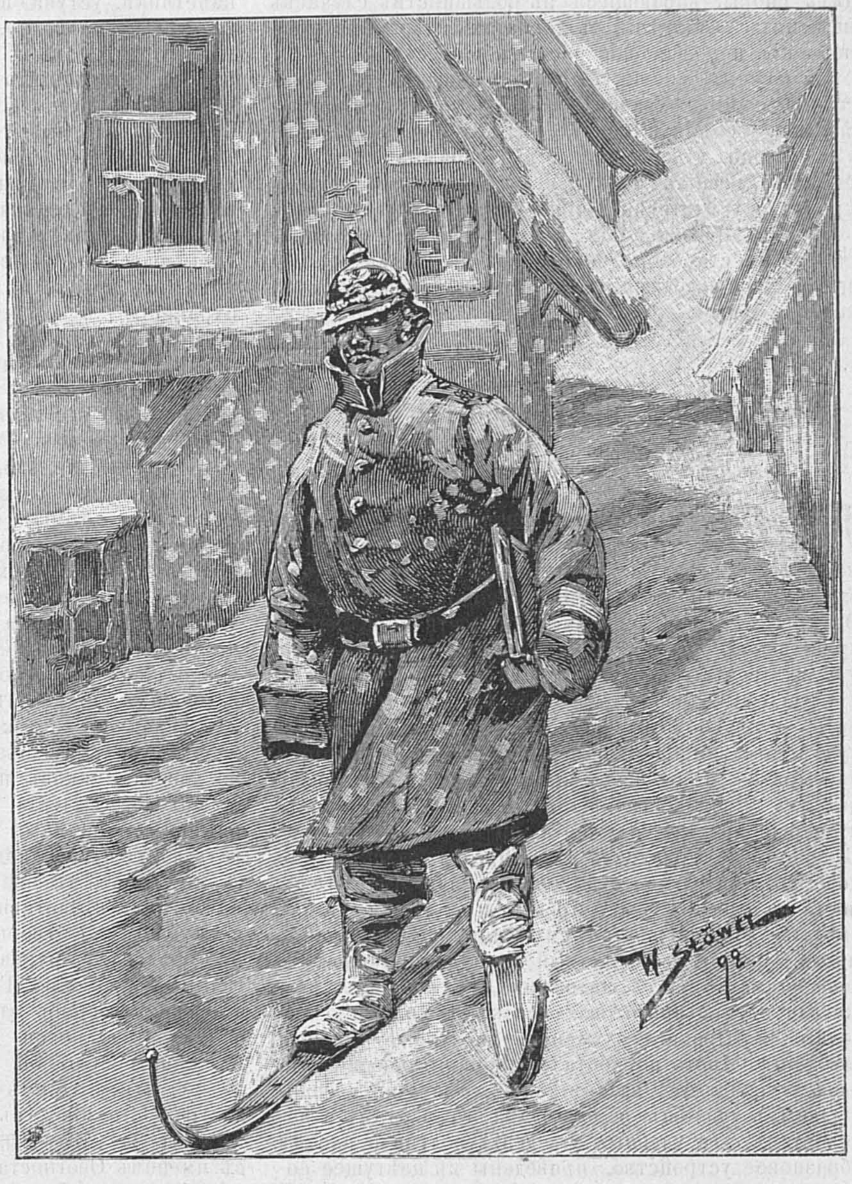
Примѣненіе лыжъ въ германской арміи

Въ нѣкоторыхъ частяхъ германской арміи въ послѣднее время производятся очень интересные опыты по примѣненію лыжъ къ военной службѣ въ зимнее время. Лыжи, принятыя для этихъ опытовъ, не отличаются никакими особенностями; это тѣ же деревянные длинные и широкіе полозья, на какихъ съ давнишнихъ временъ носятся по безконечнымъ снѣжнымъ равнинамъ сѣвера самоѣды, лапландцы, норвежцы и наши вятичи, вологжане, олончане и архангельцы. Для тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые родились и жили на дальнемъ югѣ и не имѣютъ никакого понятія о лыжахъ, будетъ достаточно взглянуть на наши рисунки, для того чтобъ сразу вникнуть и въ немудрое устройство, и въ способъ употребленія этого снаряда. Въ Норвегіи, гдѣ существуетъ немало охотниковъ, пускающихся на лыжахъ даже въ погоню за зайцемъ — такова быстрота хода человѣка, умѣющаго ходить на лыжахъ — еще съ конца прошлаго столѣтія заведены военные отряды лыжниковъ, совершающіе передвиженія по снѣгу съ изумительною быстротою; тамъ нерѣдко устраиваются конкурсные бѣга, на которыхъ мастера-лыжеходы состязаются въ быстротѣ. Германская армія, такъ много работающая надъ своимъ усовершенствованіемъ, также ввела у себя лыжи. Недавно опыты съ ними были произведены въ присутствіи императора Вильгельма, въ Госларѣ, на границѣ Ганновера и Брауншвейга. Взводъ солдатъ 82-го пѣхотнаго полка, подъ предводительствомъ офицера, исполнилъ обширныя эволюціи по мѣстности, окружающей штабъ-квартиру полка, производя всевозможные военные маневры.

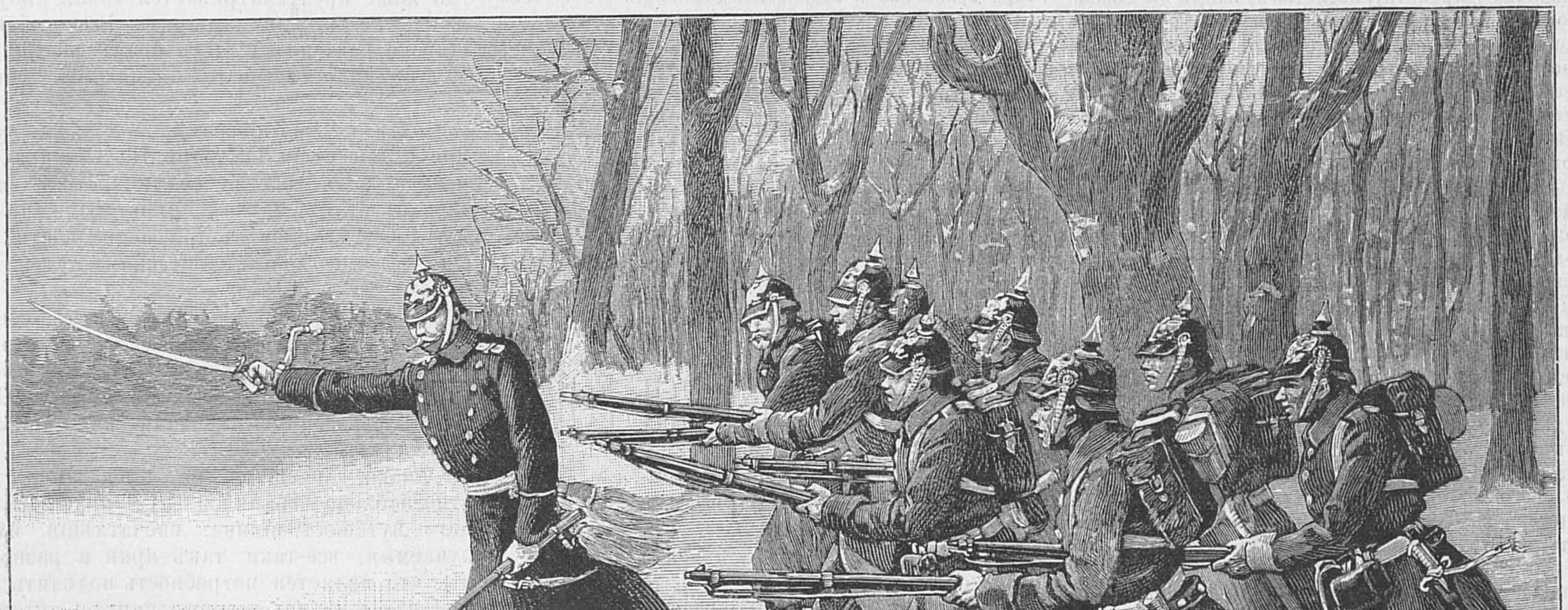
Собесѣдованія со старообрядцами въ Москвѣ

Въ нашей первопрестольной столицѣ, населенной значительнымъ числомъ старообрядцевъ, съ давнихъ поръ ведутся собесѣдованія православнаго духовенства съ раскольниками. Въ былое время онѣ происходили въ Кремлѣ, подъ открытымъ небомъ, теперь эти собесѣдованія перенесены въ помѣщеніе частнаго лица, въ домъ Касицына, на Таганку, такъ какъ въ этой части города обитаетъ довольно много старообрядцевъ. Въ помѣщеніи этомъ отведены двѣ большія залы, раздѣленныя аркой. Въ одной изъ нихъ стоитъ каѳедра, съ которой тотъ или другой служитель церкви и обращается со словомъ къ старообрядцамъ, разъясняя извѣстные догматическіе вопросы и т. д. Ближайшія мѣста къ каѳедрѣ занимаютъ обыкновенно нѣсколько священниковъ во главѣ съ преосвященнымъ Тихономъ; остальныя мѣста залы предоставлены публикѣ, которой по большей части бываетъ на собесѣдованіяхъ много, такъ что всѣ ряды стульевъ почти всегда заняты и притомъ довольно разнообразнымъ обществомъ. Впрочемъ, въ залѣ преобладаютъ главнымъ образомъ типичныя фигуры старообрядцевъ и разныхъ книжныхъ начетчиковъ, а затѣмъ можно встрѣтить немало лицъ и изъ купечества и, наконецъ, простой народъ. Рѣже попадаются лица изъ высшаго слоя общества, а еще рѣже женщины.

Собесѣдованія, т. е. чтенія, разъясненія и дебаты, чередуются пѣніемъ молитвъ, въ которомъ принимаютъ участіе почти всѣ присутствующіе. Интересно это общее напряженное вниманіе, горячее возбужденіе всей массы слушателей, которая, какъ единый человѣкъ, не пропуская ни одного слова, слѣдитъ за этими поученіями и спорами. Послѣ подробнаго изложенія какого либо вопроса, ста-



Курьеръ на лыжахъ, съ рапортомъ.



Военныя упражненія взвода 82-го пѣхотнаго полка въ окрестностяхъ Гослара, въ Ганноверѣ.

Новости военнаго дѣла. — Германія. Зимнія упражненія на лыжахъ въ германской арміи.

вящагося православнымъ духовенствомъ, происходятъ споры, касающіеся въ большинствѣ случаевъ внѣшнихъ разнорѣчій въ догматахъ вѣры, но тѣмъ не менѣе порождающіе расколъ и ересь.

На нашемъ рисункѣ, представляющемъ одно изъ собесѣдованій, схваченъ моментъ спора о произношеніи и писаніи имени *Іисусъ*, которое, какъ давно уже упорно утверждаютъ старообрядцы, слѣдуетъ, по ихъ мнѣнію, писать *Ісусъ*. Служитель церкви кротко и убѣдительно приводитъ доводы противъ подобнаго произношенія имени Христа, но разные начетчики старообрядчества весьма запальчиво дѣлаютъ свои возраженія, по обыкновенію весьма мало доказательныя.

Высокопреосвященный Ѳеогностъ,

архіепископъ новгородскій и старорусскій

На вновь учрежденную епископскую каѳедру новгородскую Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 21-го ноября 1892 года назначенъ бывшій архіепископъ владимірскій и суздальскій, высокопреосвященный Ѳеогностъ. Среди іерарховъ отечественной церкви архіепископъ Ѳеогностъ давно уже занимаетъ одно изъ весьма видныхъ мѣстъ, и его недавнее управленіе владимірскою епархіею, въ жизнь которой онъ внесъ столько оживленія, слишкомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о плодотворной дѣятельности архипастыря ея, о большихъ административныхъ способностяхъ высокопреосвященнаго, о его неутомимости и энергіи въ дѣлѣ служенія православной церкви. Слишкомъ четырнадцать лѣтъ продолжалась многополезная дѣятельность высокопреосвященнаго Ѳеогноста на каѳедрѣ владимірской, и за это время онъ сдѣлалъ для ввѣренной ему епархіи чрезвычайно много. Прежде всего мудрый архипастырь обратилъ свое вниманіе на тѣ питомники, въ которыхъ служители церкви приготовляются къ прохожденію высокаго пастырскаго служенія — на духовно-учебныя заведенія. Много поработалъ высокопреосвященный надъ устройствомъ владимірской семинаріи и епархіальныхъ училищъ, и, благодаря его заботамъ и попеченіямъ, эти учебныя заведенія получили вполнѣ образцовое устройство, приведены въ цвѣтущее состояніе какъ съ внутренней, такъ и съ внѣшней стороны. Изыскивая матеріальныя средства для ихъ благосостоянія, почтенный архипастырь озаботился выстроить свѣчной заводъ, который, по своему превосходному устройству, является лучшимъ въ Россіи. Положеніе заштатнаго духовенства, вдовъ и сиротъ духовнаго званія также составляло заботы владыки, до назначенія котораго на владимірскую каѳедру это положеніе можно было назвать истинно бѣдственнымъ. Цѣлесообразными мѣрами, учрежденіемъ во Владимірѣ епархіальной эмеритальной кассы высокопреосвященный Ѳеогностъ облегчилъ и улучшилъ положеніе названныхъ лицъ до неузнаваемости, и вдовы и сироты возносятъ теплыя молитвы Богу за своего благодѣтеля. Немало потрудился почтенный архипастырь и относительно просвѣщенія своей паствы въ духѣ православія, и эти труды его занимали всегда одно изъ первыхъ мѣстъ въ дѣятельности высокопреосвященнаго. Для этой цѣли имъ учреждено православное братство во имя св. Александра Невскаго, среди всѣхъ православныхъ братствъ играющее нынѣ, по своей обширной и чрезвычайно живой дѣятельности, первенствующую роль. Благодаря неусыпнымъ заботамъ высокопреосвященнаго Ѳеогноста, его предсѣдателя, братство Александро-Невское достигло замѣчательныхъ результатовъ. Оно содержитъ въ епархіи до 250 церковно-приходскихъ школъ, школу иконописанія, школу церковнаго пѣнія; учредило во многихъ мѣстахъ епархіи религіозно-нравственныя чтенія съ тѣневыми картинами, энергически ведетъ борьбу съ расколомъ и, наконецъ, основало епархіальное древлехранилище. Иконописная школа братства нынѣ вступила уже въ девятый годъ своего существованія и далеко въ самомъ районѣ дѣятельности своей и за предѣлами его заслужила прекрасные отзывы объ иконахъ, писанныхъ учениками ея. Благодаря такому широкому распространенію своей извѣстности, своей доброй славы, эта школа едва успѣваетъ исполнять заказы. Пѣвческая школа братства существуетъ уже восемь лѣтъ, выпуская весьма свѣдущихъ, хорошихъ регентовъ и псаломщиковъ. Церковно-приходскія школы, содержимыя братствомъ и разросшіяся во множествѣ на всемъ пространствѣ владимірской епархіи, привлекаютъ всеобщее сочувствіе православнаго люда, въ среду котораго широкимъ потокомъ вливаютъ духовное просвѣщеніе. Во всѣхъ храмахъ владимірской епархіи по почину мудраго архипастыря ведутся собесѣдованія съ паствою и слышится живое слово противъ ереси, противъ раскола, нѣкогда имѣвшаго во владимірской губерніи большую силу. Весьма назидательный и лучшій примѣръ пастырямъ въ ихъ просвѣтительной дѣятельности всегда подавалъ самъ іерархъ. Теперь расколъ во владимірской епархіи очень замѣтно ослабѣваетъ: къ православію обращаются не одни лишь простые раскольники, но и начетчики, уступающіе силѣ разумнаго вразумленія ихъ. Какъ извѣстно, во владимірской губерніи существуетъ огромное число всякихъ древнихъ памятниковъ, священныхъ остатковъ сѣдой старины. Никто не охранялъ должнымъ образомъ, никто не поддерживалъ ихъ, такъ что многимъ изъ нихъ грозило, если не совершенное исчезновеніе, то сильное разрушеніе. Едва высокопреосвященный Ѳеогностъ вступилъ въ управленіе владимірскою епархіею, какъ въ самомъ непродолжительномъ времени обратилъ свое просвѣщенное вниманіе на эти памятники и приложилъ много заботъ и стараній къ охраненію и сбереженію этихъ драгоцѣнныхъ остатковъ древности. Такъ, напримѣръ, почтенный архипастырь около четырехъ лѣтъ тому назадъ рѣшилъ реставрировать владимірскій Успенскій соборъ, эту знаменитую усыпальницу великихъ князей владимірскихъ и всея Руси. Вообще изъ владимірской епархіи, то и дѣло, приходили самыя отрадныя вѣсти во время управленія высокопреосвященнаго Ѳеогноста, которое было запечатлѣно особеннымъ трудолюбіемъ, мудростію и кротостію, качествами, присущими этому архипастырю. До назначенія своего на владимірскую епархію высокопреосвященный Ѳеогностъ достаточно потрудился на педагогическомъ поприщѣ. За все время прохожденія духовно-учебной службы своей владыка пользовался всеобщимъ довѣріемъ, любовью и уваженіемъ своихъ учениковъ, а также и сослуживцевъ. Чуждый всякихъ крутыхъ, рѣзкихъ мѣръ, онъ дѣйствовалъ и на воспитанниковъ, и на подчиненныхъ единственно силою убѣжденія, силою своего авторитета; даже наименѣе скромные ученики старались воздерживаться отъ проступковъ не столько изъ страха наказанія, сколько изъ опасенія огорчить своего любимаго начальника и наставника. Таковы черты характера и глубоко плодотворной дѣятельности нынѣшняго новгородскаго архипастыря. Высокопреосвященный Ѳеогностъ, въ мірѣ Георгій Лебедевъ, родился въ тверской губерніи въ 1830 году и образованіе получилъ въ тверской духовной семинаріи, а затѣмъ въ с.-петербургской духовной академіи. Окончивъ въ ней курсъ однимъ изъ первыхъ, со степенью магистра богословія, въ 1853 году Георгій Лебедевъ въ томъ же году былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Ѳеогноста и началъ свою многолѣтнюю службу скромной должностью смотрителя кирилловскаго духовнаго училища. Затѣмъ онъ послѣдовательно проходилъ должности преподавателя с.-петербургской семинаріи, инспектора новгородской и ректора орловской и подольской семинарій (1861—1866 гг.) Въ санъ архимандрита онъ былъ возведенъ въ 1858 году. Съ 1866 года, начинается служеніе высокопреосвященнаго Ѳеогноста на высшихъ ступеняхъ церковной іерархіи. Въ этомъ году онъ былъ посвященъ въ епископа балтскаго, будучи назначенъ викаріемъ подольской епархіи. Отсюда въ 1870 г. онъ былъ перемѣщенъ на астраханскую каѳедру, черезъ четыре года назначенъ епископомъ подольскимъ, а 9-го декабря 1878 г. ему повелѣно быть епископомъ владимірскимъ и суздальскимъ, причемъ въ санъ архіепископа онъ возведенъ въ 1883 году.

ПИСЬМА СЪ ВОСТОКА

По Индіи

III

На долю Индіи приходится очень значительное число различнаго рода описаній: географическихъ, этнографическихъ, историческихъ и др., но все же эта страна для большинства читателей остается малоизвѣстной.

Причина этого лежитъ какъ въ обширности предмета изученія, такъ въ особенности въ томъ разнообразіи, которое онъ представляетъ.

Полуостровъ Индостанъ, хотя находится въ жаркомъ поясѣ, но имѣетъ нѣсколько климатовъ — въ зависимости отъ возвышенія и мѣстоположенія.

Трехсотмилліонное населеніе Индіи принадлежитъ къ различнымъ національностямъ, причемъ религія иногда объединяетъ, иногда же увеличиваетъ рознь.

Арійское племя за пятнадцать столѣтій до Рождества Христова вторглось черезъ долину Инда и оттѣснило, хотя не уничтожило, племена дровидскія. Нашествія турское и монгольское еще болѣе смѣшали соотношенія племенъ, несмотря на кастовыя раздѣленія. Религія браминская отчасти буддійская, мусульманская, осложненная культомъ святыхъ. Джайская, сикская и въ небольшой долѣ христіанство до сихъ поръ поддерживаютъ рознь.

Не остаются безъ вліянія и политическія мѣры послѣднихъ завоевателей—англичанъ, которые съ большимъ искусствомъ держатъ страну въ повиновеніи, именно благодаря разнообразію нуждъ и стремленій отдѣльныхъ правителей, кастъ и общинъ. Посѣтивъ тотъ или другой берегъ полуострова, проѣхавъ по той или другой линіи дорогъ, съѣздивъ на охоту или даже посѣтивъ туземцевъ въ частной жизни, путешественникъ не получаетъ представленія о всей странѣ, а ознакомляется только съ частностями нѣкоторой посѣщенной мѣстности.

Было бы очень неосторожно распространять полученное представленіе на область болѣе обширную, а это такъ легко сдѣлать, особенно слѣдя за гидомъ, который легко даетъ предвзятую точку зрѣнія.

Надо прибавить еще, что издавна, со временъ управленія остъ-индской компаніи, негласно, но твердо установился порядокъ, вслѣдствіе котораго всякій вновь прибывающій встрѣчаетъ препятствія для ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ: и управляющіе, и управляемые одинаково усвоили себѣ правило быть возможно менѣе сообщительными относительно глубины свѣдѣній, мощно замѣняя ее поверхностною обширностью.

Почти каждый путешественникъ попадаетъ невольно въ тотъ желобъ, по которому предназначено ему прокатиться, считая очертанія за дѣйствительную суть.

Рамки обозрѣваемаго, конечно, измѣняются сообразно средствамъ и положенію путешественника. Простѣйшіе назначаетъ агентство Кука въ своемъ расписаніи для общественныхъ путешествій, но и для болѣе исключительныхъ случаевъ есть выработанныя программы, въ которыя входятъ осмотръ памятниковъ архитектуры, охота, процессіи слоновъ, посѣщенія туземныхъ правителей, иногда даже предусматривается какая нибудь неожиданность или сюрпризъ. Въ особенности широко развернутъ былъ планъ обзора Индіи для принца Уэльскаго пятнадцать лѣтъ назадъ.

Почти та же программа была удержана и при путешествіи Государя Наслѣдника Цесаревича, но вслѣдствіе болѣе частнаго характера въ этомъ случаѣ было возможно охватить обозрѣваемое въ той подробности, какая еще не была доступна русскимъ путешественникамъ.

Его Императорское Высочество изволилъ проѣхать Индію съ запада на востокъ и съ сѣвера на югъ, а вскорѣ послѣ того великіе князья Александръ Михаиловичъ и Сергѣй Михаиловичъ прослѣдовали въ направленіи обратномъ.

Однако, несмотря на высказанное выше относительно ограниченности кругозора частнаго путешественника, впечатлѣнія, имъ получаемыя, все-таки такъ ярки и разнообразны, что является потребность подѣлиться ими, отмѣчая хотя бы главные пункты интереса.

На страницахъ „Всемірной Иллюстраціи" уже были помѣщены описанія и рисунки, относящіеся до Бомбея, его окрестностей и Гайдарабадскихъ владѣній низама, соотвѣтствующіе времени пребыванія тамъ Его Императорскаго Высочества. Въ дополненіе мы даемъ теперь нѣсколько рисунковъ той же мѣстности: по № 1 можно сдѣлать общее представленіе о видимомъ состояніи древнихъ городовъ-крѣпостей—это видъ Девлетъ-Абада съ восточной стороны, причемъ надо замѣтить, что онъ отсюда похожъ на другую твердыню той же страны, на Галконду, гдѣ хранились несмѣтныя сокровища старинныхъ властителей. Изъ-за обладанія этими твердынями обильно лилась кровь мусульманъ, сломившихъ силу индусовъ. Теперь раскаты и бастіоны поросли деревьями, а въ бывшихъ жилищахъ привольно бродятъ дикіе звѣри. Рисунокъ № 2 еще разъ напоми-

*) Описаніе путешествія великихъ князей уже вышло изъ печати. См. „Всем. Илл." № 1242.

наетъ знаменитые подземные храмы Эллоры. Безчисленныя галлереи, пещеры, а также высѣченныя изъ цѣльной скалы зданія приводятъ въ изумленіе путешественниковъ, а для мѣстныхъ жителей представляются созданіемъ сверхъестественныхъ силъ.

Великъ контрастъ между массивными сооруженіями древности и современными комфортабельными жилищами англичанъ.

Какъ образецъ, на рисункѣ № 3 изображенъ лѣтній дворецъ бомбейскаго губернатора въ г. Пуна.

Съ наступленіемъ душнаго лѣта, которое отмѣчается постояннымъ вредоноснымъ юго-западнымъ вѣтромъ, всѣ кто могутъ оставляютъ Бомбей и переселяются въ болѣе возвышенныя мѣстности, преимущественно въ г. Пуна; даже дѣловые люди берутъ временные отпуски.

Поѣздка изъ Бомбея по дорогѣ въ Пуна едва ли когда можетъ изгладиться изъ памяти. Не только здѣсь замѣчательно постепенное измѣненіе климата и живописности видовъ, но въ особенности поразительно торжество техники, которая дала средства для постройки желѣзнодорожнаго пути, поднимающагося на значительныя крутизны и высоты.

Нашъ рисунокъ № 4 даетъ представленіе объ этой дорогѣ въ мѣстности близъ станціи Кандала. Предусмотрительные строители, разсчитывая на возможность отрыванія части вагоновъ при крутыхъ подъемахъ, устроили внизу запасный путь также съ подъемомъ, но въ обратную сторону. Едва поѣздъ начинаетъ идти въ гору по настоящему пути, какъ стрѣлку переводятъ на запасный, и въ случаѣ оторванія вагоновъ они безопасно сбѣгаютъ внизъ, на чистый путь, и останавливаются, израсходовавъ свой раскатъ. Бывшіе до сихъ поръ случаи подтвердили правильность устройства, которое дѣйствуетъ очень успокоительно на пассажировъ.

Желѣзнодорожная сѣть по Индіи раскинута довольно широко, но все еще развивается — съ цѣлями экономическими и стратегическими.

Если, какъ часто бываетъ, задаютъ вопросъ— какимъ образомъ малое число англичанъ удерживаетъ подъ своею властью огромную страну, то лучшій отвѣтъ можно дать, указавъ на карту путей. Пара рельсовъ охватываетъ Индію крѣпкими узами, которыя напоминаютъ о власти и даютъ возможность сообразно потребностямъ усиливать политическое или экономическое давленіе.

Желѣзныя дороги, построенныя почти исключительно на туземныя средства изъ англійскаго матеріала съ англійскими служащими, даютъ порядочные доходы и много должностей для уроженцевъ туманнаго острова.

Большая доля путей расположена въ сѣверной части Индостана, въ направленіи поперечномъ, и, оставивъ на время южныя владѣнія, путешественникъ, направляясь изъ Бомбея къ сѣверу и востоку, встрѣчаетъ не менѣе интересныя мѣста. Выѣхавъ изъ Бомбея вечеромъ, при удушливомъ, утомительномъ знoѣ, путешественникъ постепенно начинаетъ ощущать влажность ночи и потомъ холодъ утра и нуженъ пледъ, чтобы закутаться хорошенько.

Послѣ восхода солнца видно, что поѣздъ идетъ по плоскому прибрежному пространству съ рѣдко стоящими деревьями.

Еще далѣе — пальмы исчезаютъ, растительность становится гуще, направо видны горы, сквозь чащу деревьевъ мелькаетъ куполъ, и поѣздъ останавливается у г. Бароды. Толпа индусовъ, множество носильщиковъ съ портшезами предлагаютъ свои услуги. Имѣя рекомендательное письмо, легко получить содѣйствіе по устройству себѣ помѣщенія и для осмотра города.

Барода — княжество, номинально независимое (союзное) отъ индійскаго правительства. Англичане охотно называютъ его образцовымъ туземнымъ государствомъ. Населеніе — около 2½ милліоновъ, преимущественно индусовъ—управляется индусской администраціей. Глава княжества Гаэкваръ (повелитель коровъ), потомокъ дальней вѣтви наслѣдственныхъ властителей, былъ возведенъ на тронъ еще мальчикомъ, послѣ сверженія его предмѣстника, который пытался отравить англійскаго президента острыми алмазами, подмѣшанными въ соусъ. Мальчикъ оказался очень способнымъ къ занятіямъ и получилъ довольно серьезное образованіе. Усиленныя занятія повліяли однако на его здоровье, и онъ отправился въ Европу, гдѣ посѣтилъ Лондонъ, и провелъ нѣкоторое время въ Швейцаріи.

При новомъ правителѣ прежняя расточительность двора, когда расходовался милліонъ на праздники, по случаю свадьбы придворнаго голубя или попугая, нынѣ сокращена. Доходы княжества идутъ на постройку желѣзной дороги, улучшеніе культуры; а въ послѣднее время выстроенъ новый дворецъ и подготовляется сооруженіе зданія для технической школы, что, говорятъ, особенно интересуетъ просвѣщеннаго правителя. Коронныя драгоцѣнности доступны осмотру. Онѣ великолѣпны и оцѣниваются въ 30 милліоновъ рублей. *Н. Б.*

Окончаніе будетъ

Послѣднее прости

Море разбушевалось и, сознавая свою силу въ союзѣ съ вѣтромъ, кичливо вызывало всѣхъ и каждаго на бой, искало все новыхъ и новыхъ жертвъ. Въ самый разгаръ бури рыбачья лодка, на которой сидѣли отецъ и сынъ, возвращалась домой. Ее бросало, какъ щепку; вѣтеръ рвалъ снасти, волна захлестывала чаще и чаще. Силы пловцовъ ослабѣвали; утлое суденышко не могло спорить съ разъяренной стихіей, и его перевернуло и бросило на каменистую отмель... Одинъ мигъ... и отецъ, и сынъ упали въ море. Гибель обоихъ была неизбѣжна. Но отецъ выкарабкался, подхватилъ сына, уже лишившагося чувствъ, и, не желая отдать его безднѣ не попрощавшись со своимъ дѣтищемъ, жадно прильнулъ своими устами къ его холодѣющимъ устамъ... Онъ хочетъ сказать сыну послѣднее прости... Набѣжитъ новый валъ и смоетъ ихъ обоихъ съ временнаго, ненадежнаго пристанища.. А можетъ быть на обломкахъ суденышка отецъ какъ нибудь спасется... Богъ вѣсть! но онъ счастливъ и тѣмъ, что ему удалось сказать дорогому своему дѣтищу послѣднее прости... Здѣсь, на землѣ, это было послѣднее ихъ прощаніе, но тамъ, въ лучшемъ мірѣ, они свидятся снова... А до тѣхъ поръ, если отецъ спасется, онъ долго, всю жизнь будетъ вспоминать эту страшную сцену своего послѣдняго прощанія съ сыномъ, его блѣдныя холодѣющія уста, его предсмертное, слабое дыханіе...

Новости науки и цивилизаціи

Школа

Народныхъ школъ въ кіевской губерніи, кромѣ городовъ, къ началу текущаго учебнаго года числилось 1.612; въ томъ числѣ: министерскихъ двухклассныхъ 14, одноклассныхъ 115, церковноприходскихъ 1.138 и школъ грамоты 345. Изъ числа 1.612 школъ 1.520 содержатся исключительно сельскими обществами, 51—на средства казны или съ пособіемъ отъ нея, 15—на средства или съ пособіемъ отъ училищнаго совѣта, одна — на средства удѣльнаго вѣдомства, 16—частныхъ лицъ и учрежденій и 8—на доходъ съ земли, предоставленной въ пользованіе школъ сельскими обществами и частными лицами. Послѣднія школы надѣлены землей въ количествѣ отъ 10 до 200 десятинъ. Размѣры получаемаго школами содержанія отъ сельскихъ обществъ весьма разнообразны, и въ этомъ отношеніи школы могутъ быть раздѣлены на четыре разряда: получающія содержанія въ годъ отъ 10 до 50 руб., свыше 50 до 100, свыше 100 до 300 и свыше 300 руб.; первыхъ въ губерніи 414, вторыхъ 459, третьихъ 643 и послѣднихъ 74. Одна школа приходится на 1.575 жителей и на два населенныхъ пункта.

Исторія, археологія

— Литературные памятники первыхъ христіанъ. Проф. Гарнакъ въ только что появившемся изданіи французской археологической миссіи въ Египтѣ сообщаетъ о многихъ литературныхъ памятникахъ древнѣйшаго христіанства, которые въ свое время считались подлинными въ христіанскихъ общинахъ, но позднѣе отвергнуты и забыты. Дѣло идетъ о слѣдующихъ памятникахъ: 1) Откровеніе Петра, пророческая книга, соотвѣтствующая каноническому Апокалипсису Іоанна; эта книга цитируется Климентомъ Александрійскимъ во II столѣтіи по Р. Х., какъ священное „писаніе". 2) Евангеліе Петра, содержащее разсказъ о жизни Христа; оно было въ употребленіи во II вѣкѣ у общинъ въ Сиріи и сперва признавалось церковными авторитетами, но вскорѣ объявлено было еретическимъ (гностическимъ). Эти оба памятника, въ большей своей части, теперь найдены. 3) Значительные отрывки изъ книги Еноха, также пророческое сочиненіе, бывшее въ большомъ почтеніи у древнѣйшихъ христіанъ. Изъ названныхъ книгъ до сихъ поръ извѣстны были только отдѣльныя выдержки и отрывки у отцовъ церкви. Мѣсто, гдѣ эти памятники такъ долго покоились,— одна изъ гробницъ въ верхнемъ Египтѣ, принадлежащая, повидимому, къ XII столѣтію, гдѣ нашли ихъ французскіе ученые.

Медицина и гигіена

— Нефть какъ противохолерное средство. Во время прежнихъ холерныхъ эпидемій врачи не разъ указывали на нефть, какъ противохолерное средство. Многіе наблюдали, что мѣстности около нефтяныхъ источниковъ не подвергаются эпидеміи. Въ 1884 г. Клячко писалъ въ „Figaro", что въ Галиціи по близости нефтяныхъ источниковъ холеры не было, въ то время какъ кругомъ она свирѣпствовала. То же самое говорили и о нашихъ балаханскихъ источникахъ въ Баку. Эпидемія 1892 г. бы... стательно опровергла это заблужденіе. Холера находила свои жертвы на самыхъ нефтяныхъ заводахъ и у нефтяныхъ источниковъ, среди сыпучихъ песковъ, пропитанныхъ нефтью, въ атмосферѣ, насыщенной ея парами. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ прежнія эпидеміи нефть употребляли какъ лекарство (напр. на Кавказѣ въ 1846—47 годахъ). Въ Шемахѣ докторъ Воцъ лечилъ холерныхъ втираніемъ бѣлой нефти и въ то время говорили, что съ успѣхомъ. Въ войскахъ тогда употребляли для леченія такъ называемый воронежскій элексиръ, въ составъ котораго также входила бѣлая нефть. Докторъ Э. С. Андреевскій, состоявшій при кн. Воронцовѣ, писалъ въ то время, что нѣсколькихъ капель нефти, смѣшанной съ водою, водкою или ароматическимъ настоемъ травъ, вполнѣ достаточно, чтобы предупредить или даже остановить дальнѣйшее развитіе болѣзни. Точно также будто бы и въ Дагестанѣ многіе врачи съ большимъ успѣхомъ примѣняли сырую нефть при леченіи холеры. Въ виду того, что въ то время въ нефти чувствовался недостатокъ, ее все-таки мало употребляли, и потому число наблюденій надъ ея дѣйствіемъ было недостаточно. Можетъ быть было бы своевременно именно теперь провѣрить эти опыты въ болѣе широкихъ размѣрахъ, съ цѣлью выяснить — почему прежніе врачи такъ горячо рекомендовали нефть, какъ противохолерное средство.

— Лечебницы для пьяницъ въ Россіи. Спеціальныя лечебныя заведенія для пьяницъ организованы во многихъ европейскихъ государствахъ, какъ, напримѣръ, въ Англіи, Германіи, Швейцаріи, Норвегіи и Швеціи, а также въ Америкѣ и Австраліи. Въ настоящее время и у насъ предполагается устройство подобныхъ лечебныхъ заведеній. Согласно постановленію послѣдняго санитарнаго съѣзда земскихъ врачей с.-петербургской губерніи губернскую земскую управу составляется проектъ устройства пріюта для алкоголиковъ. Пріютъ предположено устроить, въ видѣ опыта, на 25 человѣкъ. Кромѣ того, существующее въ Одессѣ общество для борьбы съ пьянствомъ также приступило къ разработкѣ устава лечебницы для алкоголиковъ по образцу лондонскихъ лечебницъ. Проектъ лечебницы будетъ предложенъ на разсмотрѣніе общества одесскихъ врачей.

Астрономія

— Связь между появленіемъ солнечныхъ пятенъ и магнитными бурями, о существованіи которой свидѣтельствовали наблюденія многихъ астрономовъ, послужила предметомъ тщательныхъ изслѣдованій директора обсерваторіи въ Катаніи, г. Рикко. Его многолѣтнія наблюденія окончательно подтвердили тотъ фактъ, что магнитныя бури на землѣ наступали каждый разъ черезъ 45 часовъ послѣ прохожденія пятна черезъ центръ солнечнаго диска. Этотъ сорокапятичасовой промежутокъ показываетъ, что воздѣйствіе солнечныхъ пятенъ на земной магнетизмъ распространяется съ быстротою 993 верстъ въ секунду, т. е. въ 335 разъ медленнѣе скорости свѣта.

Спортъ

— Рѣзвѣйшій въ мірѣ рысакъ, жеребецъ „Стамбулъ", пробѣжавшій одну милю въ двѣ минуты и семь съ половиною секундъ, былъ 20-го декабря истекшаго года проданъ въ Нью-Іоркѣ за сорокъ одну тысячу долларовъ.

Смѣсь

— Цвѣтъ глазъ у великихъ людей. Англійскій журналъ „Optician" собралъ свѣдѣнія о цвѣтѣ глазъ у великихъ людей. Само собою разумѣется, что свѣдѣнія получились разнообразныя, смотря по странѣ, о которой идетъ рѣчь. Очевидно, напримѣръ, что у испанскихъ знаменитостей преобладаютъ черные или темнокаріе глаза, у шведовъ голубые или сѣрые и т. п. Тѣмъ не менѣе общій выводъ оказался въ пользу голубыхъ и сѣрыхъ глазъ, причемъ таковые часто встрѣчаются даже у великихъ людей, принадлежащихъ къ южнымъ народамъ. Голубые или сѣрые глаза оказались у Сократа, Платона и Ренана, затѣмъ у Шекспира, Локка, Бэкона, Гете, Франклина, Наполеона, Бисмарка, Гладстона, Гексли и Вирхова, темнокаріе у Бальзака, В. Гюго, Гамбетты и Пастера.

Русское вооруженіе

(До XVIII вѣка)

I. Наголовья

Воинскія наголовья въ старой Руси были довольно разнообразны; древнѣйшія сохранившіяся донынѣ относятся къ XIII вѣку — это шеломы в. кн.

Рис. 1.

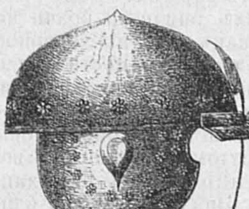


Рис. 2.

Шеломы (шлемы).

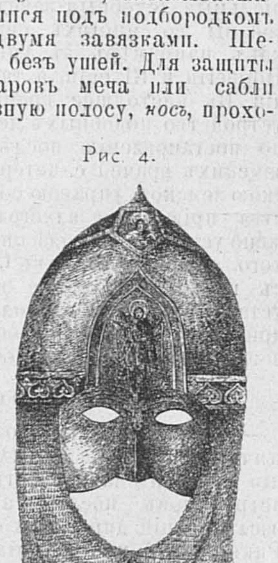
Георгія и Ярослава Всеволодовичей. По своему виду и матеріалу наголовья различались: *шеломы* или *шоломы, колпаки, шишаки, мисюры* или *мисюрки* и *шапки: желѣзныя, мѣдныя* и *бумажныя*. Въ смотровыхъ книгахъ упоминаются иногда и „турскія шапки", но что это было за наголовье — неизвѣстно. Въ общежитіи очень часто шлемами называютъ всякое древнее металлическое наголовье независимо отъ того — къ какому типу оно принадлежитъ.

Рис. 3.

Шеломъ вел. кн. Ярослава Всеволодовича (1238—1247).

Шоломомъ или *шеломомъ* (слово шлемъ не было встарину употребительнымъ) называли невысокую желѣзную шапку (тулью) конусообразной формы (рис. 1 и 2) съ желѣзными же *ушами* или *наушками*, завязывавшимися подъ подбородкомъ двумя завязками. Шеломъ могъ быть иногда и безъ ушей. Для защиты лица отъ поперечныхъ ударовъ меча или сабли шлемъ спереди имѣлъ желѣзную полосу, *носъ*, проходившій чрезъ отверстіе, сдѣланное въ *козырькѣ* или *полкѣ* шелома и опускавшійся и подымавшійся съ помощью *щурупца*. Нижній край тульи назывался *вѣнцомъ*, а верхній *вершьемъ*. Такую форму имѣетъ шеломъ, найденный въ 1818 году во владимірской губерніи, близь рѣки Колокши, и принадлежавшій великому князю Ярославу (Ѳеодору) Всеволодовичу. Шеломъ этотъ (рис. 3) булатный, обложенный чеканными серебряными золочеными бляхами. На вершьѣ вычеканены образа: Спасителя, великомуч. Георгія, Василія великаго и Ѳеодора. Среди изображенъ архангелъ Михаилъ съ чеканною надписью вокругъ: „Великій архистратиже Господень Михаиле помози рабу своему Ѳеодору".

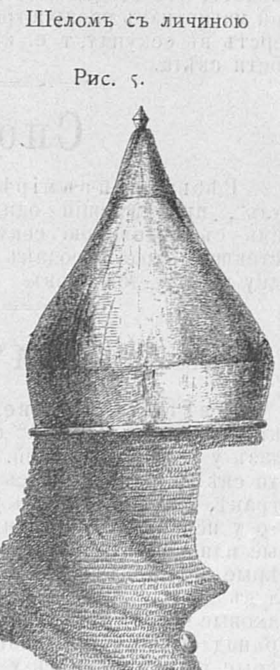
Рис. 4.



Шеломъ съ личиною

Иногда вмѣсто носа шеломъ имѣлъ желѣзную *личину* — маску, закрывавшую верхнюю часть лица (рис. 4). Но такіе шеломы встрѣчаются гораздо рѣже. Личина обыкновенно была неподвижна, хотя иногда она прикрѣплялась къ вѣнцу съ помощью шарнировъ и такимъ образомъ могла подыматься вверхъ.

Рис. 5.



Колпакъ.

Колпакъ состоялъ изъ *околыша* или *вѣнца* и изъ остроконечной тульи или *навершья*, вверху которой металлическое украшеніе — *репье* или *яблочко*. Часть наголовья между навершьемъ и вѣнцомъ называлась *подвершьемъ*. Колпакъ не имѣлъ носа, почему лицо оставалось совершенно открытымъ. Затылокъ, щеки, уши и плечи защищены были кольчужною сѣткою, застегивающеюся на груди или у горла одною, двумя или тремя *запонами* (рис. 5). Такая сѣтка называлась *бармицею*, а края ея *подзорами*.

Шишакъ отличался отъ шелома и колпака длиннымъ шпицемъ или *шишомъ*, которымъ оканчивалось навершье. Шишакъ чаще всего носился съ бармицею, которая не только покрывала затылокъ, щеки, уши и плечи, какъ въ колпакѣ, но и лицо, замѣняя такимъ образомъ личину (рис. 6). Въ бармицѣ, покрывавшей лицо, для глазъ дѣлались отверстія. Часто къ шишу прикрѣплялся *еловецъ* (или *яловецъ*) — кусокъ красной ткани въ видѣ флюгера (рис. 7). Иногда кусокъ этотъ былъ кожаный (красной юфти).

Рис. 6.

Шишакъ.

Мисюрами (*мисюрками*) или *шапками мисюрскими* назывались желѣзныя шапки съ бармицею, подобною бармицѣ у колпаковъ и шишаковъ, а иногда и съ наушками (наушами). Такое названіе наголовья происходитъ отъ арабскаго слова „мисръ" или „мисраимъ" — Египетъ, что доказываетъ арабское или египетское происхожденіе наголовья. Мисюрки были двухъ родовъ: *прилбицы* и *наплѣшники*.

Прилбица имѣла тулью, доходившую до лба. Нижняя часть прилбицы называлась *вѣнцомъ*, а верхняя — *черепомъ*, оканчивавшимся иногда *репьемъ* (рис. 8). *Наплѣшники* состояли лишь изъ одного плоскаго черепа, къ которому прикрѣплялись уши и бармица (рис. 9).

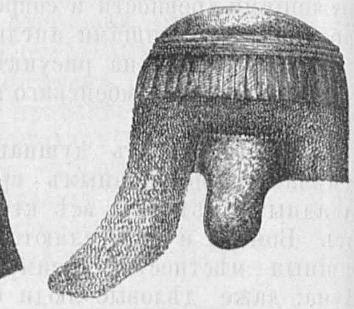
Рис. 7.

Шишакъ съ еловцемъ.

Ерихонка, или шапка ерихонская, иначе шапка юргенская, т. е. грузинская, имѣетъ видъ монгольскаго шишака. Это высокое наголовье состояло изъ вѣнца и навершья съ репьемъ. Къ вѣнцу прикрѣплялись уши, затылокъ и полка, сквозь послѣднюю проходилъ носъ со щурупцомъ (рис. 10). Ерихонка была наголовьемъ воеводъ, князей и государей, а потому часто украшалась серебряною и золотою насѣчкою, жемчугомъ и дорогими камнями. Подобную форму имѣетъ шлемъ в. кн. Александра Невскаго (рис. 11). Онъ роскошной работы, украшенъ драгоцѣнными камнями, крестами и коронами. Послѣднее даетъ поводъ думать, что наголовье это принадлежало кому нибудь изъ грузинскихъ царей.

Рис. 8.

Рис. 9.



Мисюры

Прилбица. Наплѣшникъ.

Шапка мѣдная своею формою во всемъ подобна ерихонкѣ, но дѣлалась изъ мѣди (рис. 12).

Шапка бумажная дѣлалась изъ сукна, шелковыхъ или бумажныхъ тканей, стеганыхъ на ватѣ (хлопчатая бумага). Въ подкладку иногда помѣщали куски отъ панцырей или кольчугъ. Шапка имѣла желѣзный носъ со щурупцомъ (рис. 13).

Рис. 10.

Рис. 11.

Ерихонки.

Шапка желѣзная была самымъ простымъ и дешевымъ наголовьемъ и носилась лишь бѣднѣйшими ратниками. Это была высокая шапка изъ листоваго или кованаго желѣза безъ носа, затылка и бармицы (рис. 14). Иногда она имѣла околышъ или полку, но чаще этого не было.

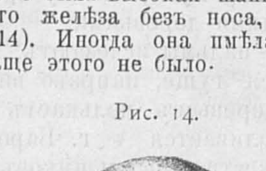
Рис. 12.

Шапка мѣдная.

Рис. 13.

Шапка бумажная.

Рис. 14.



Шапка желѣзная.

Всѣ воинскія наголовья дѣлались съ толстою наглухо прикрѣпленною подкладкою, или подъ нихъ надѣвали толстыя стеганыя шапки. Иногда, впрочемъ крайне рѣдко, колпакъ или шишакъ надѣвался поверхъ шелома.

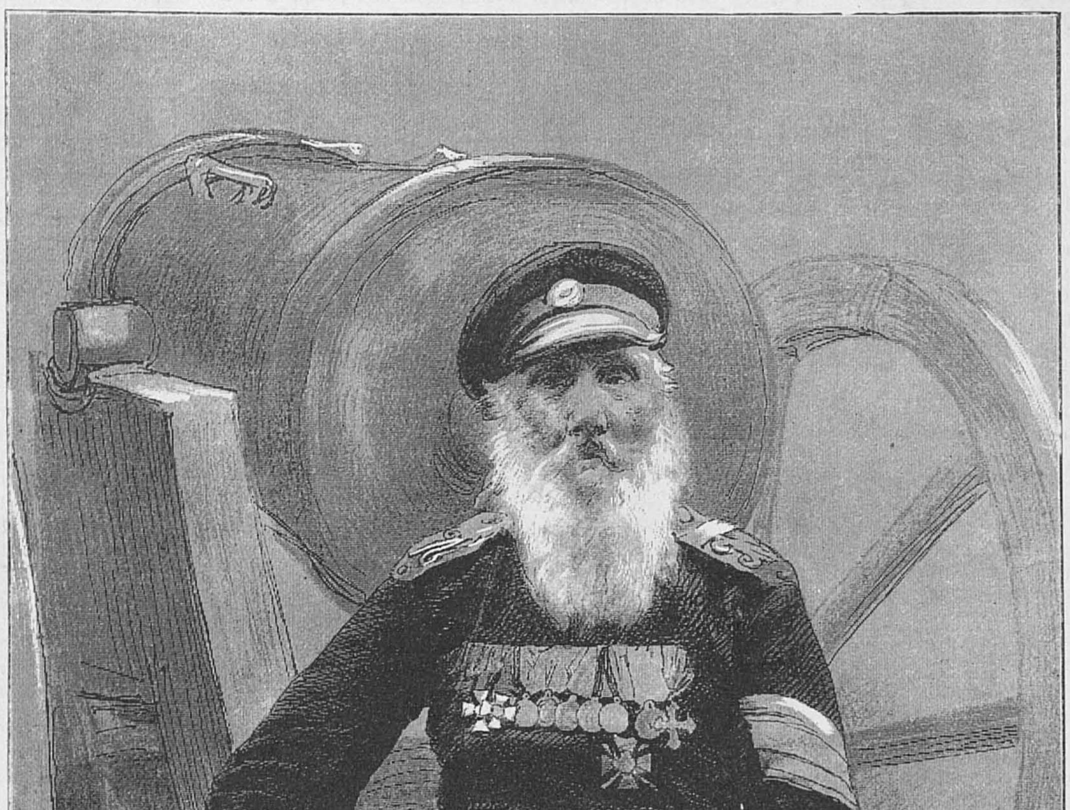
В. Н. Кочетковъ †

Въ прошломъ году умеръ, достойный и удивленія, и уваженія русскій воинъ, простой солдатъ, отставной фейерверкеръ лейбъ-гвардіи конно-артиллерійской бригады Василій Николаевъ Кочетковъ, скончавшійся *ста семи лѣтъ* отъ роду. Изъ нихъ онъ провелъ на дѣйствительной службѣ слишкомъ *шестьдесятъ* лѣтъ и, можно сказать, вполнѣ представлялъ собою олицетвореніе трудной, тяжелой, преисполненной страданій службы, какую несетъ русскій народъ ради защиты отечества, олицетвореніе крѣпкой вѣры этого народа въ успѣхъ царскаго дѣла.

Еще за годъ до смерти это былъ бравый старикъ, казавшійся моложе своихъ лѣтъ, а межъ тѣмъ, чего только онъ не перенесъ на своемъ вѣку и какъ много совершилъ военныхъ походовъ, побывавъ и въ Парижѣ, и въ Хивѣ, исколесивъ всю Россію съ Кавказомъ и Польшей и проливъ свою кровь въ Турціи, Венгріи и славянскихъ земляхъ. Безконечно длинный рядъ подвиговъ представляетъ собою служба этого доблестнаго воина, служившаго при трехъ императорахъ, въ 12 войсковыхъ частяхъ трехъ родовъ службы (пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи), участвовавшаго въ десяти кампаніяхъ и получившаго шесть ранъ. Мундиръ его представляетъ рѣдкое явленіе, будучи украшенъ на погонахъ соединенными вензелями трехъ въ Бозѣ почивающихъ императоровъ: Александра I, Николая I и Александра II, а на лѣвомъ рукавѣ восемью рядами нашивокъ изъ золотаго и серебряннаго галуна и тесьмы; на шеѣ же и на груди Кочеткова висѣло 23 креста и медали.

Кочетковъ — уроженецъ симбирской губерніи, курмышскаго уѣзда. Въ службу вступилъ изъ кантонистовъ лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка, 7-го марта 1811 г. Послѣдовательно онъ былъ музыкантомъ, строевымъ унтеръ-офицеромъ и фельдфебелемъ; въ 1820 г. переведенъ въ лейбъ-гвардіи павловскій полкъ, а въ 1833 г.—въ лейбъ-гвардіи конно-піонерный дивизіонъ. По расформированіи послѣдняго, въ 1843 году, Кочетковъ посланъ въ кавказскую армію, „для обученія на быстрыхъ рѣкахъ правильнаго спуска, наводки, укрѣпленія и разборки понтонныхъ мостовъ". Здѣсь онъ былъ причисленъ къ нижегородскому драгунскому полку и, по своему желанію, остался служить въ кавказскихъ войскахъ. Участвуя въ военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ, Кочетковъ былъ трижды раненъ: въ шею навылетъ, въ обѣ ноги, съ раздробленіемъ лѣвой голенной кости, и черезъ годъ — снова въ лѣвую голень. Тяжко раненый въ сраженіи при аулѣ Дарго, Кочетковъ попался въ плѣнъ къ чеченцамъ, въ которомъ пробылъ 9 мѣсяцевъ и 23 дня и затѣмъ бѣжалъ оттуда. Въ 1849 году, за выслугу лѣтъ, по экзамену Василій Кочетковъ удостоенъ производства въ подпоручики, но отказался отъ офицерскаго званія. Въ 1851 г. онъ вышелъ въ отставку. За это время Кочетковъ участвовалъ въ отечественной войнѣ 1812—1814 гг., въ турецкой войнѣ 1828—1829 гг., въ войнѣ съ польскими мятежниками въ 1830—1831 гг., въ кавказской войнѣ съ 1844—1849 гг. и въ венгерской кампаніи 1849 г.

Началась крымская война 1853—1856 гг., и Кочетковъ вновь поступилъ на дѣйствительную службу, по призыву, для защиты Севастополя, въ казанскій егерскій полкъ, и здѣсь провелъ два года, участвуя въ вылазкахъ охотниковъ, причемъ на корниловскомъ бастіонѣ разорвавшеюся бомбою „закиданъ землею и мелкими осколками и камнями, повредившими ему спину". Въ 1856 году, лично покойнымъ государемъ императоромъ Александромъ II, онъ былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи драгунскій полкъ, а затѣмъ въ 1862 г., зачисленъ въ роту дворцовыхъ гренадеръ и здѣсь произведенъ въ унтеръ-офицеры. Въ 1869 году, „по поданной Кочетковымъ докладной запискѣ государю императору", онъ былъ посланъ на театръ военныхъ дѣйствій въ Среднюю Азію, гдѣ и зачисленъ въ 1869 году въ туркестанскую конно-артиллерійскую бригаду фейерверкеромъ 1 класса, причемъ, при отъѣздѣ, государь императоръ лично пожаловалъ ему пятьдесятъ рублей. Здѣсь Кочетковъ участвовалъ при взятіи Туркестана и Самарканда въ 1870 году, а въ 1874 году перешелъ песчаную степь, и въ составѣ войскъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Кауфмана 1, участвовалъ въ хивинскомъ походѣ и при взятіи Хивы. Этимъ онъ покончилъ свою службу въ Азіи и въ томъ же 1874 году, по Высочайшему повелѣнію, назначенъ въ составъ конвойныхъ императорскаго поѣзда на курско-кіевской желѣзной дорогѣ. Черезъ два года, т. е. въ 1876 году, Кочетковъ, по предложенію в. к. Николая Николаевича Старшаго, поступилъ въ сербскую армію волонтеромъ, а затѣмъ, возвратясь на родину, по заключеніи мира между Сербіей и Турціей въ 1877 году, зачислился въ послѣднюю восточную войну, въ составъ нашей дѣйствующей арміи въ 19-ю конно-артиллерійскую бригаду. Здѣсь неутомимый Кочетковъ участвовалъ въ оборонѣ Шипки и въ одномъ изъ сраженій лишился лѣвой ноги. Старикъ остался, однако, живъ, и въ 1878 году „за отличіе" переведенъ въ лейбъ-гвардіи конно-артиллерійскую бригаду, откуда и былъ уволенъ въ отставку.



В. Н. КОЧЕТКОВЪ, столѣтній ветеранъ русской арміи, † 31-го мая 1892 г.

По фотографіи, снятой 20-го мая 1892 г. въ Вытегрѣ, рисовалъ П. Ѳ. Борель.

Новости печати

Подолія. Историческое описаніе. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ *П. Н. Батюшковымъ*. СПБ. 1891. Въ 1890 г. состоялось высочайшее повелѣніе — приступить къ завершенію изданія, носящаго общее заглавіе „Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ", которое было начато дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ П. Н. Батюшковымъ, нынѣ уже покойнымъ († 20 марта истекшаго года). Вслѣдъ за опубликованіемъ „Памятниковъ" П. Н. Батюшковымъ было предпринято изданіе цѣлаго ряда популярно-историческихъ очерковъ или сборниковъ, относящихся до судебъ западной и югозападной окраинъ нашего отечества. Въ этотъ рядъ изданій вошли: „Холмская Русь", „Волынь", „Бѣлоруссія и Литва", „Подолія" и „Бессарабія". Передъ нами одинъ изъ этихъ изящно изданныхъ сборниковъ, именно историческое описаніе Подоліи. Съ внѣшней стороны всѣ эти изданія отличаются замѣчательно тщательнымъ исполненіемъ, прекрасными рисунками, планами, хромолитографіями. Описаніе Подоліи представляетъ весьма плотный томъ, заключающій до 25 печатныхъ листовъ. Книга снабжена 46 гравюрами, двумя картами, фототипическими портретами въ Бозѣ почивающихъ императрицы Маріи и цесаревича Николая Александровича. Въ обширномъ предисловіи издатель бросаетъ общій взглядъ на судьбы Подоліи, отмѣчая главные моменты въ ея исторической жизни. Введеніе заключаетъ въ себѣ обзоръ состава и объема Подоліи въ разное время и изложеніе плана ея историческаго очерка съ раздѣленіемъ его на главные періоды развитія ея жизни. Затѣмъ, въ главѣ первой описывается періодъ самостоятельнаго существованія страны и стремленія мѣстныхъ славянъ къ объединенію и борьбы ихъ съ сосѣдями кочевниками. Главы со второй по четвертую заключаютъ изложеніе исторіи Подоліи подъ владычествомъ Литвы и затѣмъ Польши. Пятая глава посвящена казацкимъ возстаніямъ, дѣятельности Богдана Хмельницкаго и участію Подоліи въ этихъ событіяхъ. Шестая глава содержитъ описаніе состоянія Подоліи подъ турецкимъ владычествомъ. Далѣе слѣдуютъ главы, заключающія разсказъ объ угнетеніи русскаго православнаго населенія страны католиками въ XVIII столѣтіи, о борьбѣ съ этими угнетеніями, о состояніи Подоліи со времени соединенія ея съ Россіею и до настоящаго времени. За этими главами слѣдуютъ пространныя примѣчанія, содержащія ссылки на источники и критическія замѣтки, далѣе — объясненія къ рисункамъ и гравюрамъ и указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ текстѣ. Объясненіямъ къ портретамъ и рисункамъ приданъ видъ и объемъ настоящихъ біографій и монографій. Такъ, въ книгѣ находимъ довольно обстоятельныя жизнеописанія: великаго князя Витовта, молдавскаго

господаря Іереміи Могилы, основателя города Могилева на Днѣпрѣ, гетмана Петра Сагайдачнаго, митрополита Іосифа Нелюбовича Тукальскаго, епископа Афанасія Шептицкаго, уніатскаго митрополита Ѳеодосія Ростоцкаго, архіепископа Іоанникія Полонскаго, Кирилла Богословскаго — Платонова, генералъ-адъютанта Д. Г. Бибикова, предсѣдателя кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ М. В. Юзефовича, и проч. Затѣмъ, въ тѣхъ же объясненіяхъ съ большими подробностями описано 25 замѣчательныхъ мѣстностей, городовъ и зданій Подоліи, а также нѣсколькихъ памятниковъ старины. Къ книгѣ приложена прекрасно исполненная карта Подоліи, въ масштабѣ 40 верстъ въ дюймѣ и большая раскрашеная синхронистиче ская таблица древнихъ княжествъ западно-русскаго края. Редакціонная часть изданія и наблюденіе за его печатаніемъ и проч. были поручены М. И. Городецкому, который блестяще выполнилъ свое дѣло. *М. О.*

Театръ, музыка, искусства

Театръ и музыка

— Алиса Рейнсгагенъ, извѣстная въ Москвѣ какъ выдающаяся піанистка, недавно концертировала въ Берлинѣ въ залѣ Бехштейна и въ Sing-Academie; ея выдающійся успѣхъ всюду былъ отмѣченъ и признанъ мѣстною музыкальною критикой. Въ „Имперскомъ Указателѣ“ обращается вниманіе на прекрасную технику и въ высшей степени осмысленную игру нашей піанистки. Въ „Берлинской Газетѣ“ говорится о восторженномъ пріемѣ, съ которымъ была встрѣчена талантливая піанистка въ Sing-Academie. Также и въ „Post“ восхваляется ея высокая техника и увѣренность въ исполненіи. Слышно, что г-жа Рейнсгагенъ въ началѣ будущаго года вернется въ Москву, гдѣ и предполагаетъ окончательно поселиться.

— Вопросъ объ учрежденіи музыкальной академіи взамѣнъ петербургской консерваторіи и подчиненіи этого новаго института вѣдомству министерства двора возбужденъ въ правительственныхъ сферахъ.

— Новый русскій теноръ. Сообщаютъ о выдающемся успѣхѣ въ Италіи русскаго тенора Ивана Гавриловича Волкова, москвича по своему рожденію, и воспитанію. По словамъ газеты „L'Amico degli Artisti“, молодой пѣвецъ вмѣстѣ съ прекраснымъ голосомъ (tenore di forza) и хорошею школой, соединяетъ также и изящную внѣшность. Его карьера на театральномъ поприщѣ считается вполнѣ обезпеченною, тѣмъ болѣе, что въ скоромъ времени онъ будетъ пѣть на сценѣ одного изъ выдающихся европейскихъ оперныхъ театровъ. А именно онъ уже заключилъ контрактъ на чрезвычайно блестящихъ условіяхъ съ королевскимъ театромъ въ Туринѣ (Regio de Torino), гдѣ онъ и будетъ пѣть въ теченіе предстоящаго карнавала. Для своего дебюта г. Волковъ выбралъ партію Радамеса въ оперѣ Верди „Аида“, а затѣмъ, по слухамъ, онъ выступитъ въ оперѣ Вагнера „Нюренбергскіе пѣвцы“.

— Германъ Зудерманъ, авторъ драмы „Гибель Содома“, написалъ новую піесу подъ заглавіемъ „Родина“. Сюжетъ заимствованъ на этотъ разъ не изъ берлинской, а изъ провинціальной жизни.

Искусства

— Г. Сухоровскій устроилъ въ Берлинѣ выставку своей новой картины, носящей названіе „Добыча пирата“. Картина изображаетъ комнату въ восточномъ стилѣ, посреди комнаты стоитъ молодая полуобнаженная красавица. Лицо ея выражаетъ страхъ и мучительное ожиданіе предстоящей ей печальной участи. По отзывамъ берлинскихъ художественныхъ критиковъ, картина г. Сухоровскаго отличается выдающимися достоинствами.

Некрологъ

Августинъ (Андрей Гульяницкій), епископъ екатеринославскій и таганрогскій, одинъ изъ выдающихся церковныхъ іерарховъ, воспитанникъ кіевской духовной академіи, авторъ многихъ богословскихъ сочиненій, † въ Екатеринославѣ 30 ноября, 56 лѣтъ. Его перу принадлежитъ, между прочимъ, „Руководство къ основному богословію“, принятое во многихъ духовныхъ семинаріяхъ.

Авенаріусъ Александръ Александровичъ, д. ст. сов., д-ръ медицины, старѣйшій изъ врачей въ Россіи, бывшій врачъ въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ и во многихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, получавшихъ отъ него крупныя денежныя пожертвованія, † въ Петербургѣ 17 декабря, 95 лѣтъ.

Адлербергъ Николай Владиміровичъ, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи, членъ государственнаго совѣта, † въ Мюнхенѣ 13 декабря. Сынъ бывшаго министра двора В. В. Адлерберга, онъ родился въ 1819 г. и воспитаніе получилъ въ пажескомъ корпусѣ, откуда выпущенъ съ чиномъ прапорщика гвардіи въ 1837 г. Онъ былъ таганрогскимъ градоначальникомъ, военнымъ губернаторомъ г. Симферополя и гражданскимъ таврической губ., состоялъ при Императорской миссіи въ Берлинѣ и, наконецъ, былъ генералъ-губернаторомъ великаго княжества финляндскаго, занимая этотъ постъ съ 1866 по 1881 г. Въ молодости гр. Адлербергъ обнаруживалъ большія стремленія къ путешествіямъ, плодомъ которыхъ была его книга „Изъ Рима въ Іерусалимъ“, имѣвшая большой успѣхъ въ 50-хъ годахъ.

Брандъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, генералъ-майоръ, бывшій начальникъ штаба акмолинской области, участвовавшій въ войнѣ 1877–1878 гг., состоявшій нѣсколько времени въ вѣдомствѣ военноучебныхъ заведеній, † въ г. Бѣльскѣ 5 декабря, 56 лѣтъ.

Гадолинъ Аксель Вильгельмовичъ, генералъ-отъ-артиллеріи, членъ конференціи, почетный членъ и заслуженный профессоръ михайловской артиллерійской академіи, экстраординарный академикъ Императорской академіи наукъ, докторъ минералогіи, извѣстный ученый, † въ Спб. 15 декабря, 64 лѣтъ.

Герве, извѣстный авторъ оперетокъ, создавшій во Франціи оперу-буффъ, † въ концѣ октября. Герве — это псевдонимъ, настоящая же фамилія его была Флоримонъ Роже. Онъ родился въ 1825 году въ Гуденѣ, близь Арраса, главнаго города департамента Па-де-Кале. Воспитаніе онъ получилъ въ Парижѣ, куда былъ отвезенъ маленькимъ ребенкомъ и помѣщенъ въ дѣтскую пѣвческую школу св. Евстахія. Въ качествѣ композитора Герве выступилъ въ 1848 году, написавъ пьесу „Донъ-Кихотъ“, въ которой самъ участвовалъ. Съ 1853 года по протекціи герцога де-Морни онъ получилъ привиллегію поставлять для театра „Follies-Nouveles“ свои музыкальныя буффонады, которыхъ онъ написалъ множество, и изъ которыхъ тогда же получили наибольшую извѣстность „Le Hussard persécuté“ и „Le Compositeur toqué“. Ему же принадлежатъ и оперетки „Le petit Faust“ и „L'Oeil crevé“, чрезвычайно популярныя всюду, извѣстныя и русской публикѣ, изъ которыхъ первая переведена В. С. Курочкинымъ. Въ послѣднее время Герве писалъ мало и не создалъ ничего оригинальнаго.

Лебедевъ Михаилъ Николаевичъ, генералъ-майоръ генеральнаго штаба, начальникъ съемки юго-западнаго пограничнаго пространства, извѣстный своими военно-топографическими работами, знатокъ геодезіи, † въ Варшавѣ 5 декабря.

Ломанъ Николай Логиновичъ, бывшій директоръ с.-петербургскаго тюремнаго комитета, † въ Спб. 5 декабря. Онъ былъ извѣстенъ своей образцовой педагогической дѣятельностью, преподавая русскій языкъ и словесность въ корпусахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ онъ сотрудничалъ въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ, въ томъ числѣ въ „Весельчакѣ“ и „Искрѣ“, гдѣ писалъ подъ псевдонимами Августъ Дикъ и Н. Л. Гнутъ.

Масловъ Николай Дмитріевичъ, отставной генералъ-майоръ, писатель, † въ Спб. 18 ноября, 60 лѣтъ. Большую часть своей жизни онъ провелъ въ военной службѣ, въ главномъ госпитальномъ комитетѣ при военномъ совѣтѣ, гдѣ считался знатокомъ госпитальнаго дѣла и нѣсколько разъ осматривалъ провинціальные госпитали. Затѣмъ онъ состоялъ членомъ отъ военнаго министерства въ совѣтѣ туркестанскаго округа. Съ 1884 г. онъ служилъ по министерству финансовъ, занимая должности управляющаго казенною палатою въ Ковно, и позднѣе въ Калугѣ. Въ литературѣ онъ сталъ извѣстенъ въ послѣднее время какъ авторъ нѣсколькихъ романовъ, разсказовъ и повѣстей. Одинъ изъ первыхъ разсказовъ Маслова появился въ 1866 году въ Астрахани, подъ заглавіемъ „Анна Алексѣевна“. Далѣе слѣдовали романы: „Затрата юныхъ силъ“ (1877 г.), „Изъяны воли“ (1891 г.), помѣщенные въ „Нивѣ“, повѣсть „Другъ друга не поняли“ (1892 г.). Кромѣ романовъ и повѣстей имъ написаны статьи по военнымъ и общественнымъ вопросамъ („Очеркъ дѣятельности и положенія податныхъ инспекторовъ“) и другія.

Савченко-Бѣльскій Василій Емельяновичъ, генералъ-лейтенантъ, начальникъ 10-й одесской бригады, участвовавшій въ кампаніи 1849 г., прослужившій болѣе 50 лѣтъ, † въ Одессѣ 9 декабря, 71 года.

Сименсъ Вернеръ, знаменитый электротехникъ, изобрѣтатель, ученый, выработавшій новую теорію вулканическихъ явленій, проложившій новые пути естествознанію, докторъ философіи берлинскаго университета, членъ многихъ иностранныхъ академій, † въ Берлинѣ 24 ноября, 76 лѣтъ.

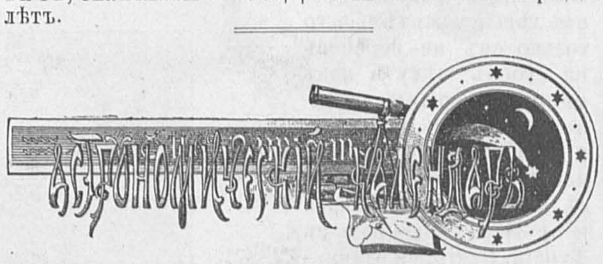
Смитъ Вильямъ Сидней, англійскій адмиралъ, одинъ изъ офицеровъ корабля, на которомъ Наполеонъ былъ отправленъ на островъ св. Елены, состоявшій на службѣ около 80 лѣтъ, † въ Лондонѣ въ декабрѣ 93 лѣтъ.

Сврацтянъ Гарегинъ, армянскій епископъ, ученый, пользовавшійся большою популярностью какъ изслѣдователь памятниковъ армянской устной литературы, † въ Константинополѣ 29 ноября.

Судіенко Осипъ Михайловичъ, тайн. сов. шталмейстеръ Высочайшаго Двора, владимірскій губернаторъ, состоявшій въ этой должности съ 1876 г. и на службѣ съ 1852 г., энергичный администраторъ, † въ Москвѣ 5 декабря, 55 лѣтъ.

Тютчевъ Иванъ Артамоновичъ, д. ст. сов, управлявшій учебнымъ отдѣломъ министерствомъ путей сообщенія, бывшій профессоръ горыгорѣцкаго земледѣльческаго института и университета св. Владиміра въ Кіевѣ, директоръ спб. земледѣльческой колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ, докторъ химіи, † въ Спб. 8 декабря, 58 лѣтъ. Онъ былъ кромѣ того директоромъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, люблинской губерніи и написалъ рядъ ученыхъ сочиненій по химіи, минералогіи и кристаллографіи.

Шеншинъ (Фетъ) Афанасій Афанасьевичъ, знаменитый поэтъ, † въ Москвѣ 21 ноября, 72 лѣтъ.



1—15 января 1893 г.

Январь.	Средн. время въ ист. полд. (ч. м.)	Въ С.-Петербургѣ. Восхожд. солнца (ч. м.)	Захожд. солнца (ч. м.)	Восхожд. луны (ч. м.)	Захожд. луны (ч. м.)	Въ Москвѣ. Восхожд. солнца (ч. м.)	Захожд. солнца (ч. м.)	Восхожд. луны (ч. м.)	Захожд. луны (ч. м.)
1	12 9.1	8 50	3 28	5 2у	11 16у	8 22	3 56	4 28у	11 50у
3	12 9.8	8 48	3 33	7 57	11 46	8 20	4 0	7 0	0 44в
5	12 10.5	8 44	3 37	9 42	1 45	8 18	4 4	8 47	2 40
7	12 11.1	8 41	3 42	10 7	5 0	8 15	4 8	9 37	5 27
9	12 11.7	8 37	3 47	10 13	8 13	8 12	4 12	10 0	8 23
11	12 12.3	8 33	3 52	10 14	11 24	8 9	4 16	10 17	11 16
13	12 12.7	8 29	3 57	10 16	1 0	8 6	4 20	10 34	0 46у
15	12 14.1	8 25	4 2	10 27	4 34	8 3	4 24	11 6	3 56

Солнце 7 января вступаетъ въ знакъ Водолея.
Луна въ новолуніи 6, въ первой четверти 13 января.

СОДЕРЖАНІЕ НУМЕРА

Текстъ.

Рисунки.

За редактора Э. Д. Гоппе.
Издательница А. П. Гоппе.

Корнелія, мать Гракховъ, со своими сыно ми на форумѣ въ Римѣ. Картина Просперо Піатти.

Гравировалъ П юауфъ въ Римѣ.

1893

ЯНВАРЬ.

в.	п.	в.	с.	ч.	п.	с.
....	....	....	....	....	1	2
3	4	5	6	7	8	9
10	11	12	13	14	15	16
17	18	19	20	21	22	23
24	25	26	27	28	29	30
31	....	....	....	....	....	....

ФЕВРАЛЬ.

в.	п.	в.	с.	ч.	п.	с.
....	1	2	3	4	5	6
7	8	9	10	11	12	13
14	15	16	17	18	19	20
21	22	23	24	25	26	27
28	....	....	....	....	....	....
....	....	....	....	....	....	....

МАРТЪ.

в.	п.	в.	с.	ч.	п.	с.
....	1	2	3	4	5	6
7	8	9	10	11	12	13
14	15	16	17	18	19	20
21	22	23	24	25	26	27
28	29	30	31	....	....	....
....	....	....	....	....	....	....

АПРѢЛЬ.

в.	п.	в.	с.	ч.	п.	с.
....	....	....	....	1	2	3
4	5	6	7	8	9	10
11	12	13	14	15	16	17
18	19	20	21	22	23	24
25	26	27	28	29	30	....
....	....	....	....	....	....	....

МАЙ.

в.	п.	в.	с.	ч.	п.	с.
....	....	....	....	....	....	1
2	3	4	5	6	7	8
9	10	11	12	13	14	15
16	17	18	19	20	21	22
23	24	25	26	27	28	29
30	31	....	....	....	....	....

ІЮНЬ.

в.	п.	в.	с.	ч.	п.	с.
....	....	1	2	3	4	5
6	7	8	9	10	11	12
13	14	15	16	17	18	19
20	21	22	23	24	25	26
27	28	29	30	....	....	....
....	....	....	....	....	....	....

ІЮЛЬ.

в.	п.	в.	с.	ч.	п.	с.
....	....	....	....	1	2	3
4	5	6	7	8	9	10
11	12	13	14	15	16	17
18	19	20	21	22	23	24
25	26	27	28	29	30	31
....	....	....	....	....	....	....

ПРАЗДНИКИ

ЯНВАРЬ.
1. Новый годъ.
6. Богоявленіе Господне.

ФЕВРАЛЬ.
2. Срѣтеніе Господне.
5 и 6. Пятн. и субб. Сырной недѣли.
26. Рожденіе Государя Императора.

МАРТЪ.
2. Восш. на прест. Государя Императора.
25. Благовѣщеніе Пресв. Богородицы.
25—27. Четв., пятн. и субб. Стр. нед.
28. Пасха Христова.
29 и 30. Пон. и вторн. Свѣтлой недѣли.

АПРѢЛЬ.
21. Преполовеніе.

МАЙ.
6. Рожденіе Наслѣдника Цесаревича.
6. Вознесеніе Господне.
9. Перен. мощ. святаго Николая Чудотворца.
15. Свящ. короновaніе Ихъ Импер. Величествъ.
16. День св. Троицы.
17. Духовъ день.

ІЮНЬ.
29. Св. апостоловъ Петра и Павла.

ІЮЛЬ.
22. Тезоименитство Государыни Императрицы.

АВГУСТЪ.
6. Преображеніе Господне.
15. Успеніе Пресвятыя Богородицы.
29. Усѣкн. гл. Крест. Іоанна Предтечи.
30. Тезоимен. Государя Императора.

СЕНТЯБРЬ.
8. Рождество Пресвятыя Богородицы.
14. Воздвиженіе Креста Господня.
26. Прест. св. апост. и ев. Іоанна Богослова.

ОКТЯБРЬ.
1. Покровъ Пресвятыя Богородицы.
22. Празднов. иконѣ Богородицы Казанской.

НОЯБРЬ.
14. Рожденіе Государыни Императрицы.
21. Введеніе во храмъ Пресвятыя Богородицы.

ДЕКАБРЬ.
6. Св. Николая Чудотворца. Тез. Насл. Цесар.
25 и 26. Дни праздн. Рождества Христова.

АВГУСТЪ.

в.	п.	в.	с.	ч.	п.	с.
1	2	3	4	5	6	7
8	9	10	11	12	13	14
15	16	17	18	19	20	21
22	23	24	25	26	27	28
29	30	31	....	....	....	....

СЕНТЯБРЬ.

в.	п.	в.	с.	ч.	п.	с.
....	....	....	1	2	3	4
5	6	7	8	9	10	11
12	13	14	15	16	17	18
19	20	21	22	23	24	25
26	27	28	29	30	....	....
....	....	....	....	....	....	....

ОКТЯБРЬ.

в.	п.	в.	с.	ч.	п.	с.
....	....	....	....	....	1	2
3	4	5	6	7	8	9
10	11	12	13	14	15	16
17	18	19	20	21	22	23
24	25	26	27	28	29	30
31	....	....	....	....	....	....

НОЯБРЬ.

в.	п.	в.	с.	ч.	п.	с.
....	1	2	3	4	5	6
7	8	9	10	11	12	13
14	15	16	17	18	19	20
21	22	23	24	25	26	27
28	29	30	....	....	....	....

ДЕКАБРЬ.

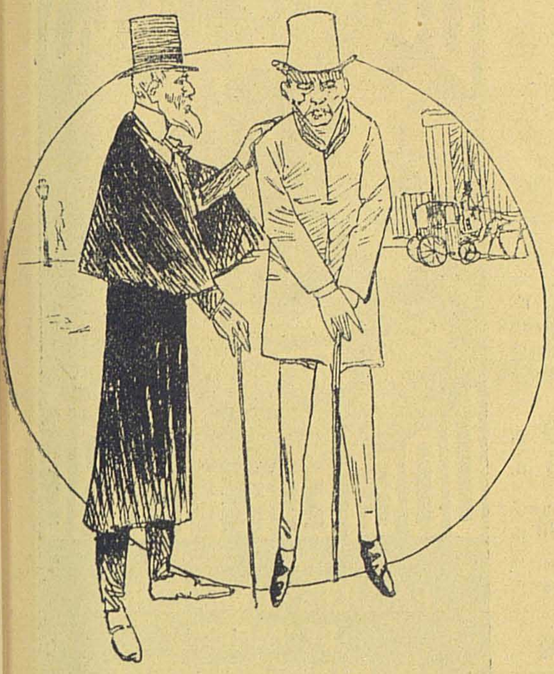
в.	п.	в.	с.	ч.	п.	с.
....	....	....	1	2	3	4
5	6	7	8	9	10	11
12	13	14	15	16	17	18
19	20	21	22	23	24	25
26	27	28	29	30	31	....

ДЛЯ ЗАМѢТОКЪ.

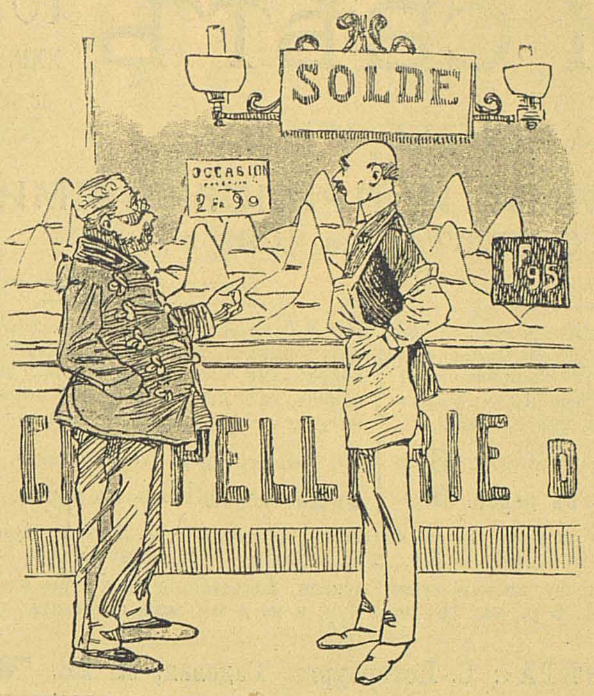
Дозв. ценз. СПб. 11 декабря 1892 г.

Тип. Эд. Гоппе, Вознес. пр. 53.

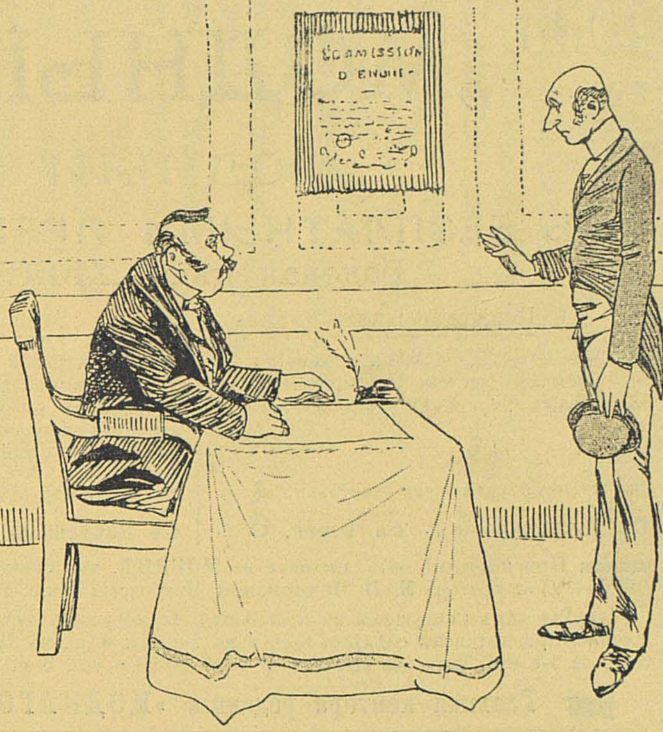
ОТГОЛОСКИ ПАНАМСКАГО СКАНДАЛА. Каррикатуры Шарля Гюаръ.



— Да, да, милѣйшій другъ, я ваше отчаянное положеніе понимаю. Но вѣдь вы взяли чекъ всего въ 3.000 франковъ... Сущіе пустяки...
— Оттого-то я такъ и убитъ. Подумайте, вмѣсто этихъ пустяковъ я могъ имѣть чекъ въ 500.000 франковъ!



— Послушайте, любезный, я не понимаю, для чего это вы въ самомъ разгарѣ зимы открыли распродажу соломеныхъ шляпъ?
— Скажу, monsieur, одно: это шляпы „панама“ и дальше разговаривать объ этомъ прискорбномъ дѣлѣ не стоитъ...



Передъ членомъ слѣдственной коммиссіи.
— Неугодно ли и вамъ, въ видахъ разъясненія истины, сдѣлать посильный вкладъ...
— Нѣтъ, господинъ депутатъ. Въ эту панамскую компанію я вложилъ *все*, и теперь у меня для какихъ либо вкладовъ ровно ничего не осталось.

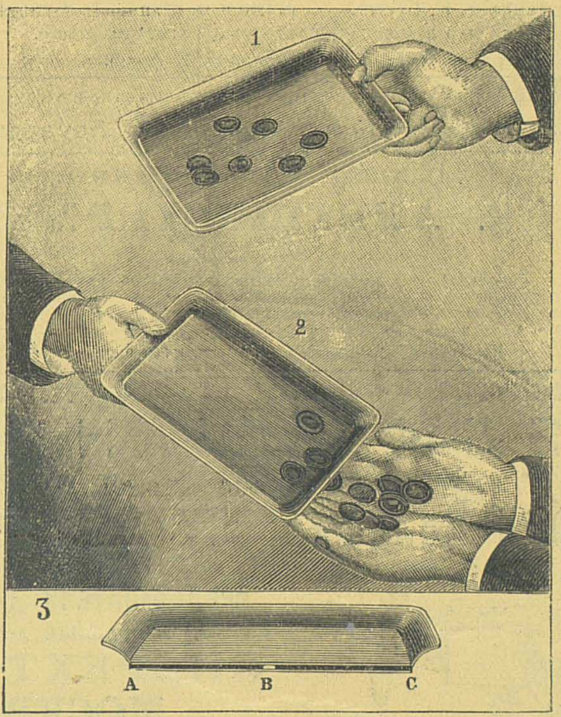
Магическій подносъ

Въ техникѣ салоннаго волшебства или „престидижитаторства“, карты стоятъ на первомъ планѣ, второе же мѣсто принадлежитъ деньгамъ, которыхъ гг. фокусники добываютъ несмѣтныя количества изъ пустыхъ шляпъ, изъ за ворота или обшлага зрителя, изъ шиньона или открытой руки зрительницы, иногда вытаскиваютъ изъ носа или ушей посѣтителя, еще чаще вылавливаютъ прямо изъ воздуха, на подобіе мухъ, словомъ—добываютъ ихъ гдѣ угодно и сколько угодно; и тѣмъ не менѣе очень охотно даютъ публичныя и частныя представленія, довольствуясь даже весьма скромнымъ вознагражденіемъ.

Главная суть всѣхъ этихъ чудодѣйныхъ проявленій и таинственныхъ исчезновеній монетъ заключается, конечно, въ ловкомъ запрятываніи ихъ въ рукѣ (empaumage); возобновляется же запасъ или сбывается излишекъ либо благодаря товарищу (compère), либо за стѣнкой стула или подъ бортомъ стола, а чаще всего — посредствомъ безчисленныхъ тайниковъ (pochette), незамѣтно придѣланныхъ ко всевозможнымъ частямъ фокусническаго облаченія. Вся остальная манипуляція—дѣло ловкости и, ради отвода глазъ, болѣе или менѣе забавной болтовни. Старикъ Германъ такъ и ставилъ вопросъ, громогласно заявляя при самомъ началѣ „засѣданія“ (séance): Je suis venu pour vous tromper et j'y ferai mon possible. Vous voilà prévenus; attention! (Я явился, чтобы васъ надуть, и сдѣлаю для этого все, что отъ меня зависитъ. Теперь вы предупреждены и глядите же въ оба!). Но другіе фокусники серьезно стараются доказать, что обладаютъ какими-то сверхъестественными чарами, и тогда—подобно Казневу—рискуютъ весьма обидными стычками...

Одинъ изъ наиболѣе излюбленныхъ салонныхъ фокусовъ съ монетами, который лѣтомъ въ совершенствѣ показывала у насъ г-жа Эдиссонъ, заключается въ слѣдующемъ.

На простомъ желѣзномъ подносѣ фокусникъ держитъ семь монетъ (см. рисунокъ, фиг. 1); монеты эти отсчитываются кѣмъ нибудь изъ зрителей и звонко бросаются на подносъ. Другаго зрителя просятъ сложить руки „горстью“ или подставить шляпу; все, что было на подносѣ, ссыпается ему на ладони или въ шляпу; пересчитываютъ: монетъ оказывается уже не 7, а 14. Все это количество снова ссыпаютъ на подносъ; фокусникъ обращается къ третьему зрителю и опять проситъ подержать шляпу или платокъ; ссыпаетъ — пересчитываютъ: монетъ стало 21.



Обыкновенно, этимъ ограничиваются; но можно идти и еще далѣе, а именно: надѣлить четвертаго зрителя 28, а пятаго — 35 монетами. Впрочемъ, число 7 произвольно: монетъ можетъ быть по началу одна, двѣ, три, пять, десять, сколько угодно, но съ тѣмъ чтобы при каждой ссыпкѣ получалось еще таковое же количество, т. е. по первому разу—вдвое, по второму — втрое, по третьему — вчетверо, по четвертому — впятеро (напр. 4—8—12—16—20).

Въ чемъ же секретъ?

Посмотрите на фигуру 3 прилагаемаго рисунка: фигура эта изображаетъ подносъ съ двойнымъ дномъ, выложеннымъ чѣмъ-либо мягкимъ (фланелью, сукномъ, пропускной бумагой); разстояніе между дномъ и „поддонкомъ“—нѣсколько шире толщины монетъ; во всю длину подноса, между дномъ и поддонкомъ, лежитъ перекладинка B; вокругъ дна — заклёпка, такъ что поддонка не видать; но посерединѣ узкихъ бортовъ подноса имѣется съ каждой стороны по отверстію (A и C), вдвое шире діаметра монеты.

Слѣдовательно, если на подносъ положить 7 монетъ, сквозь A всунуть столько-же, да сквозь C — такое-же количество, то можно утроить данное число: при первой ссыпкѣ (фигура 2)—конечно производимой очень быстро — въ горсть падаютъ 7 монетъ сверху и 7 монетъ изъ тайника; когда всѣ 14 монетъ помѣщены на подносѣ, то, при второй ссыпкѣ валится сверху 14 монетъ, да изъ другаго тайника 7. Чтобы перевернуть подносъ, фокусникъ, какъ бы нарочно, беретъ его другой рукой; такое движеніе вполнѣ естественно и не вызываетъ ни малѣйшаго подозрѣнія.

Если требуется упятерить число монетъ, то берется четырехугольный подносъ, дѣленный двумя перекладинами крестъ на крестъ и снабженный четырьмя отверстіями (т. е. 4 тайниками); но перекладинки лежатъ не поперекъ, а расположены діагонально, т. е. отъ угла до угла.

Такой подносъ очень полезенъ для любителя; но присяжные фокусники вродѣ миссъ Эдиссонъ имъ не пользуются: они прячутъ монеты въ рукахъ или держатъ ихъ между пальцами и дномъ подноса, а спроваживаютъ—въ пошетки (карманы). *Магъ*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1893 годъ

1893 XXVI годъ изданія.

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДАМСКІЙ И СЕМЕЙНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„МОДНЫЙ СВѢТЪ" и МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ".

1893 XXVI годъ изданія.

СЪ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРЕМІЯМИ И ПРИЛОЖЕНІЯМИ

Годовая цѣна „МОДНАГО СВѢТА" на 1893 г.:

Первому изданію	Второму изданію	Третьему изданію
(48 №№ журнала, 24 №№ приложеній и 12 №№ большихъ листовъ съ начерченными выкройками, 26 премій и приложеній):	(48 №№ журнала, 24 №№ приложеній, 12 №№ большихъ листовъ съ начерченными выкройками и проч., 12 раскрашенныхъ картинокъ парижскихъ модъ, 12 вырѣзныхъ выкроекъ, 44 преміи и приложенія):	(48 №№ журн., 24 №№ приложеній, 12 №№ большихъ листовъ съ начерченными выкройками и проч., 40 раскрашенн картинокъ парижскихъ модъ, 12 вырѣзныхъ выкроекъ, 44 преміи и приложенія):
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки 4 р.	Въ С.-Петербургѣ безъ доставки 6 р.	Въ С.-Петербургѣ безъ доставки 9 р.
Съ доставкою 5 р., съ перес. 6 р.	**Съ доставкою 7 р., съ перес. 8 р.**	**Съ доставкою 10 р., съ перес. 11 р.**

При подпискѣ безъ доставки въ **МОСКВѢ**, въ отдѣленіяхъ конторы: 1) въ книжномъ магазинѣ г. А. Ланга (Кузнецкій Мостъ), 2) въ конторѣ **Н. Н. Печковской**, Петровскія линіи, цѣна 1-му изданію — 5 р., 2-му изданію — 7 р., 3-му изданію — 10 р.

Для лицъ (живущихъ въ провинціи), не могущихъ внести сразу полную сумму денегъ, допускается разсрочка платы, а именно: при подпискѣ слѣдуетъ внести на I-е изд. 4 р., на II-е изд. 5 р., на III-е изд. 6 р. и къ 1-му мая остальную сумму, т. е. на I-е изд. 2 р., на II-е изд. 3 р. и на III-е изд. 5 р.

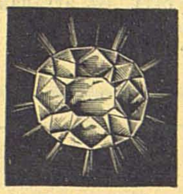
Главная контора редакціи »МОДНАГО СВѢТА«: С.-Петербургъ, Садовая, № 22.

EAU, PÂTE, POUDRE DENTIFRICES

DOCTEUR PIERRE DE LA FACULTÉ DE MEDECINE DE PARIS EN VENTE PARTOUT

НОВѢЙШІЕ ПАРИЖСКІЕ ИСКУССТВЕННЫЕ

БРИЛЛІАНТЫ



Замѣчательное подражаніе по блеску, игрѣ и гранировкѣ настоящимъ, въ чемъ может всякій убѣдиться лично, сравнивая ихъ съ настоящими бриллiантами.

въ золотой и серебрян. оправѣ: кольца, серьги, брошки, браслеты, медаліоны, шпильки и проч.,

а также издѣлія изъ

НАКЛАДНАГО СЕРЕБРА

для домашняго обихода и роскоши. Полныя приданыя отъ 100 до 5.000 руб. Продаетъ складъ фабрики

„ПАРИЖСКАЯ КОМПАНІЯ"

Въ Варшавѣ, Бѣлая ул., № 10.

Каталогъ съ 1000 рис. 40 к., которыя при заказѣ возвращаются.

Требуются агенты.

ОТРЫВНЫЕ КАЛЕНДАРИ на 1893 годъ:

(Годъ XXII) (Годъ XXII)

I. КАЛЕНДАРЬ-ЕЖЕДНЕВНИКЪ

съ 2-мя безплатными приложеніями:

1. СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА. 2. ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ.

Цѣна безъ пер. 75 к.; перес. за 3 фунта.

II. Календарь для Хозяекъ (Годъ XI)

съ 2-мя безплатными приложеніями:

1. Женская красота *).

II. Діэтическая косметика или гигіена головы, туловища, рукъ и ногъ.

Содержаніе книжки: Голова.—Туловище и члены.—Бедра, талія и животъ.—Рука и кисть руки.—Нога и ступня.—Одежда и украшенія.

2. ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ.

На оборотной сторонѣ каждаго отрывающагося листка напечатано МЕНЮ на слѣдующій день. Цѣна безъ перес. 1 руб.; перес. за 3 фунта

*) Приложеніе настоящаго года составляетъ обѣщанное продолженіе приложенія „Календаря для Хозяекъ" на 1891 г. „Женская красота".

III. БОЛЬШОЙ ЕЖЕДНЕВНИКЪ (Годъ V)

Съ 2-мя безпл. приложеніями: 1. СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА. 2. ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ.

Цѣна 1 р. 25 к.; перес. за 4 фунта.

»Календарь-Ежедневникъ« и »Большой Ежедневникъ« можно имѣть приклеенными къ хорошо извѣстной уже папкѣ съ изящной литографіей въ русскомъ стилѣ, по рисунку художника г. К. Брожа, — а также къ глянцевитой папкѣ съ золотомъ по тому же рисунку, — на что при заказѣ слѣдуетъ обратить вниманіе.

Всѣ календари на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ.

Книгопродавецъ-издатель и содержатель типографіи

С.-Петербургъ, Вознесенскій пр. № 53. Эдуардъ Гоппе.

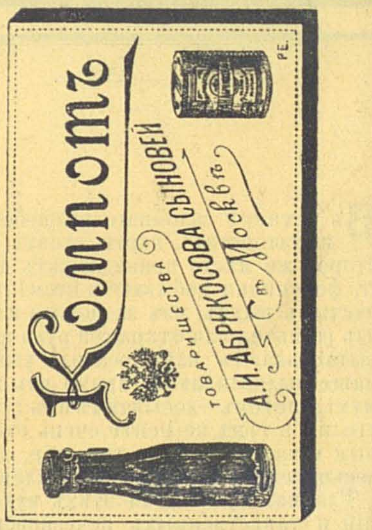
ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ.

Фирма премирована на европейскихъ выставкахъ десятью золот. медалями и высшими знаками.

Медово-глицериновое ЖИДКОЕ МЫЛО.

Приготовл. лаборат. А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи медово-глицериноваго жидкаго мыла кожа лица, рукъ и пр. принимаетъ свѣжій видъ и его удобно имѣть въ дорогѣ, такъ какъ оно легко помѣщается въ любой карманчикъ, слѣдовательно не занимаетъ почти никакого мѣста, и получается всегда чистота и опрятность при употребленіи его. Цѣна металлич. флак 30 к., съ пер. 6-ти флак. 2 р 25 к. Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подпись **А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской косметической лабораторіи.** Получать можно въ высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами: Казанская ул., № 12, и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи **А. Энглундъ:** С.-Петербургъ, Бассейная ул., д. № 2.



Дворянская повѣсть.

Святочный разсказъ. Итальянская легенда. Рыцарь пера (комедія). Сочиненіе **А. И. Лемана.** Въ 8 д листа. Цѣна въ изящной обложкѣ **1 р. 50 к.**, съ перес. **2 руб.**

Изданіе книгоиздательства **Германъ Гоппе.**

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ

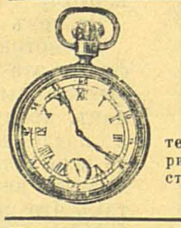
ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ.

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ:

»Капризъ Невы« духи.
»Капризъ Невы« о-де-колонъ.
»Капризъ Невы« мыло.
О-де-колонъ »Мюскъ«.
Духи »Бѣлый Мюскъ«.
Мыло »Мюскъ«.

Препараты „Капризъ Невы" отличаются прекраснымъ достоинствомъ и изготовлены для выставки въ Чикаго.

Спб. площ. Александр. театра, 9; Москва, Никольская, д. Шереметева. Варшава, Новый Свѣтъ, № 37 и въ лучшихъ магазинахъ имперіи.



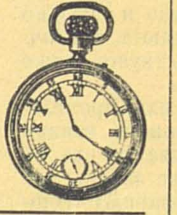
ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Б. АЛЬТШВАГЕРЪ:

Невскій пр., № 42, С.-Петербургъ.

Рекомендуетъ часы собственнаго производства прусской системы лицамъ, которымъ точный и вмѣстѣ съ тѣмъ недорогой измѣритель времени составляетъ существенную необходимость. Ручательство за вѣрность хода и прочность механизма на четыре года.

Иллюстрир. прейсъ-куранты высылаются безплатно.



РОЯЛИ и ПІАНИНО

ФАБРИКИ

Плеэль Вольфъ и Ко въ Парижѣ,

основанной въ 1807 году.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ для РОССІИ

торговый домъ

ЛИБРЕХТЪ и Ко.

МОСКВА,

Кузнецкій Мостъ, д. Захарьина, общій подъѣздъ съ магазиномъ Эггерсъ.

Главный складъ для всей Россіи у К. И. Феррейнъ въ Москвѣ.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: банкирскій домъ Генрихъ Блокъ, СПБ., 59, Невскій.

Дозв. цензурою. СПБ. 24 декабря 1892 г. Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

Всемірная Иллюстрація

25й годъ | № 1250 | 49й томъ

Суббота 2-го января 1893 г.

Цѣна нумеру 35 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

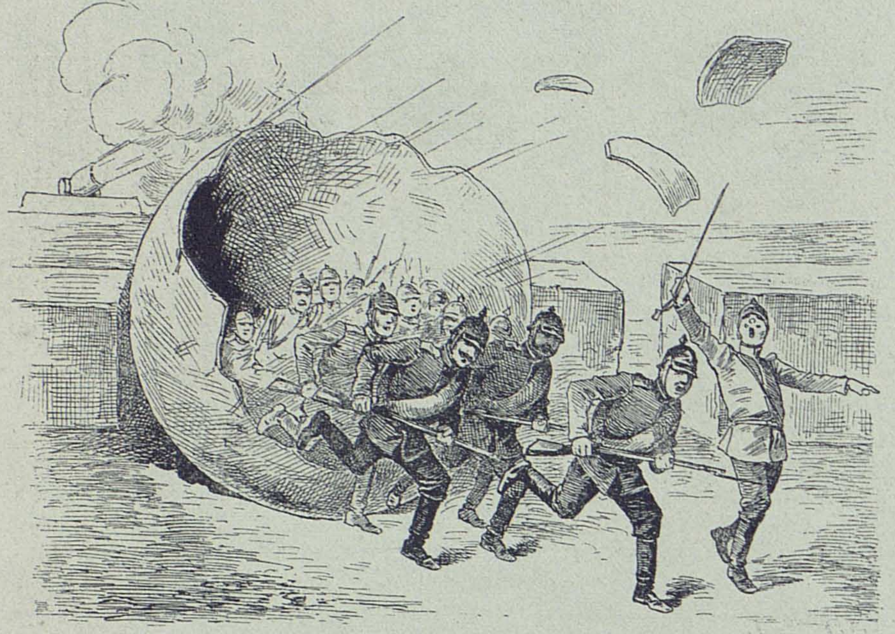
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки на годъ . **15** руб.
(При подпискѣ въ главной конторѣ редакціи.)
Съ доставкою на годъ . . . . **17** »

Въ Москвѣ безъ доставки на годъ . . . . . . **17** руб.
Съ пересылкой во всѣ города Россійской имперіи на годъ . . . . **18** »

Подписная цѣна на полгода съ доставкою и съ пересылкою . . . . **9** руб.
За границу (въ государства всемірнаго почтоваго союза) **20** руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Редакція и главная контора: Садовая ул. № 22.

Изъ предсказаній на 1893 годъ доморощеннаго астролога. Каррикатуры В. И. Порфирьева.



На заводѣ Круппа будетъ изобрѣтена для пользы человѣчества пушка nec plus ultra. Она будетъ стрѣлять ядромъ, начиненнымъ цѣлымъ взводомъ солдатъ, которые, вылетѣвъ изъ ядра, сразу аттакуютъ непріятеля... если успѣютъ въ этомъ.

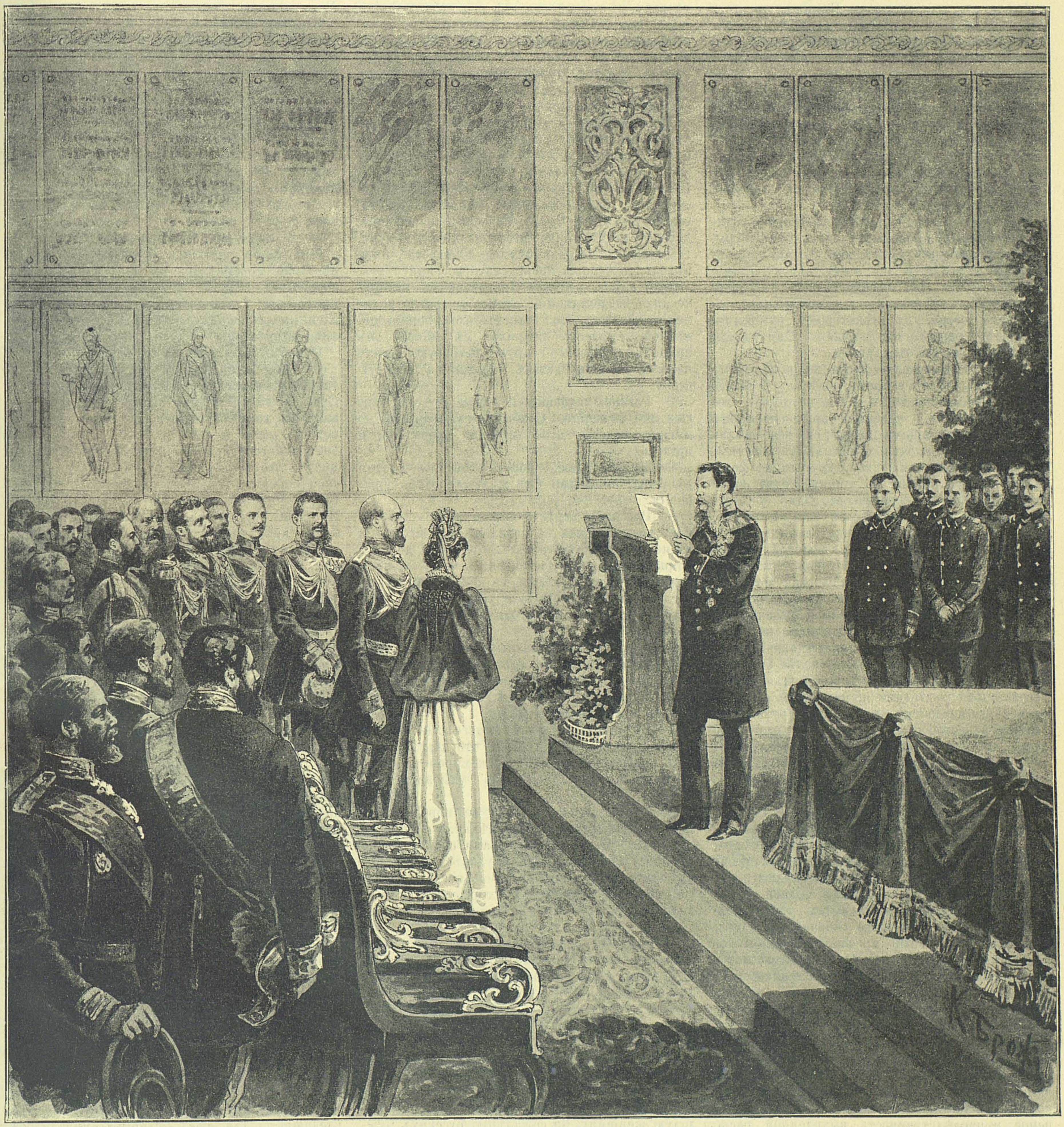
Новая экстравагантная мода займетъ мужское населеніе столицы. Весною франты „собачьяго шика", изъ породы пшютовъ и иныхъ, облекутся въ пальто, обильно украшенныя цвѣтными шелковыми бантами и станутъ прогуливаться подъ яркопестрыми зонтиками, обшитыми дорогими кружевами. Дамы-франтихи будутъ падать въ обморокъ.

Послѣ панамскаго большаго скандала откроется еще большій панамскій каналъ. Всѣ дѣйствующія лица „Панамской трагикомедіи", жирно кушавшіе и сладко пившіе за счетъ канала, будутъ омывать въ немъ свои грѣхи, но каналъ подхватитъ ихъ и задастъ имъ головомойку по своему.

Извощичьи дрожки въ Санктпетербургѣ окажутся съ верхами. На первыхъ порахъ разсѣянныя дамы будутъ вмѣстѣ съ покупками забывать и своихъ дѣтокъ.

Всемірная Иллюстрація

№ 1250. Годъ XXV. | 2-го января 1893 г. | Томъ XLIX. № 2.



Чтеніе Высочайшей грамоты о дарованіи институту названія »Институтъ гражданскихъ инженеровъ Императора Николая I«.

С.-Петербургъ. — Пятидесятилѣтіе института гражданскихъ инженеровъ.

Съ натуры рисовалъ для »Всемірной Иллюстраціи« К. О. Брожъ.

ГРЕЗА ТРІАНОНА

Очеркъ

В. М. МИХЕЕВА

I

Въ день одного изъ самыхъ пышныхъ торжествъ, празднуемыхъ городомъ Парижемъ, въ самый полдень, тѣнистыя аллеи Малаго Тріанона, столь любимаго нѣкогда Маріей Антуанеттой, вблизи швейцарскаго шале, были совершенно пусты. Даже иностранцы, наводнявшіе то и дѣло резиденцію угасшаго королевскаго величія, которыхъ страшная масса наѣхала въ это время въ Парижъ, въ этотъ день совершенно не показывались въ Версаль, такъ привлекательны были небывалыя зрѣлища, которыми угощала ихъ сегодня ликующая страна.

Нечего говорить о самихъ постоянныхъ обитателяхъ Версаля. Военные, обыкновенно находящіеся здѣсь на стоянкѣ, всѣ участвовали въ грандіозномъ „revue“, которое было включено въ программу дня; зажиточная буржуазія, даже мастеровые и рабочіе тихаго городка, хлынула утромъ въ столицу, наводняя собою вагоны.

Тѣмъ рѣзче среди пустоты, тишины и уединенія аллей Тріанона выдѣлялись двѣ фигуры, очевидно, не принадлежавшія къ числу обитателей Версаля и по всему вѣроятію иностранцы. Эти двѣ особы сидѣли въ тѣни развѣсистыхъ деревьевъ, у неподвижнаго небольшаго озера, въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, на скамьяхъ. Они издали наблюдали другъ за другомъ.

Это были мужчина и женщина, повидимому молодая дѣвушка и старикъ, одѣтая съ изящной, не бросающейся въ глаза, но дорого стоющей, роскошью и человѣкъ въ поношенномъ и неуклюже сидящемъ платьѣ; она вся—жизнь и красота; онъ—почти дряхлый, сутуловатый; они ярко оттѣняли одинъ другаго на фонѣ этого пустаго парка, въ тишинѣ, едва нарушаемой шелестомъ деревьевъ. Одно у нихъ было общее—задумчивая меланхолія въ лицахъ, у обоихъ умныхъ и привлекательныхъ. Но у дѣвушки это была меланхолія молодой, мечтательной натуры, грезы которой незамѣтно окрашиваются въ полутоны легкой поэтической грусти; у старика же неизгладимая печать долгой и, вѣроятно, полной разочарованій жизни. Долго они бродили по разнымъ аллеямъ Тріанона, изрѣдка встрѣчаясь другъ съ другомъ и не встрѣчая болѣе никого. Украдкой провожали они другъ друга заинтересованными взглядами и, наконецъ, сѣли на скамейки, невдалекѣ другъ отъ друга. Оба уже сознавали, что знакомство и разговоръ между ними неизбѣжны, но все еще медлили, точно выжидая—кто первый начнетъ. И, наблюдая ихъ со стороны, легко было понять какой интересъ они возбуждали другъ въ другѣ.

Молодая особа, вѣроятно только что достигшая двадцати лѣтъ, была стройна и красива, отличаясь именно той аристократической стройностью и красотой, какія являются результатомъ поколѣній, выхоленныхъ полной утонченнаго довольства жизнью въ теченіе не одного столѣтія. Ея тонко очерченный, почти гречески правильный профиль, ея необыкновенная бѣлизна атласистой кожи, сквозь которую чуть проглядывали голубыя жилки, гибкость ея высокой, безукоризненно пропорціональной, по виду слегка хрупкой фигуры, наконецъ ея руки, форма которыхъ такъ изящно очерчивалась въ свѣтлосиреневыхъ перчаткахъ — все это говорило о „породѣ“, о крови. Манера держаться, полная той неуловимой простоты и глубокаго изящества, надъ которыми работаютъ и воспитаніе самое утонченное, и наслѣдственность выхоленной расы, придавала молодой дѣвушкѣ особенную грацію. А костюмъ, въ которомъ чувствовался и личный вкусъ того, кто его надѣлъ, и облагороженный вкусъ, вѣроятно, одного изъ самыхъ дорогихъ портныхъ Парижа, сообщали особенный блескъ красотѣ дѣвушки. Если представить себѣ въ добавокъ, что все это служило только рамкой для изящной грусти и несомнѣннаго ума, горящихъ въ очаровательныхъ голубыхъ глазахъ подъ темными шелковистыми бровями, то станетъ понятно, почему даже старикъ не могъ оторвать взгляда отъ этой молодой особы. Но не менѣе былъ понятенъ и ея интересъ къ этому странному старику. Онъ былъ дряхлъ, сутуловатъ, бѣдно и дурно одѣтъ, но въ его головѣ, съ длинными сѣдыми кудрями, съ длинной бѣлой, какъ лунь, бородой, было что-то грустно-величавое. Если ни его костюмъ, ни складъ его широкой, плечистой фигуры, ни черты его нѣсколько неправильнаго лица нисколько не говорили объ аристократизмѣ его породы, то въ его сѣрыхъ, нѣсколько потухшихъ, но глубоко задумчивыхъ глазахъ, въ тонкой складкѣ его губъ таился иной, несомнѣнный аристократизмъ ума и тонкихъ душевныхъ движеній, для котораго не нужно жизни поколѣній, который достается иногда человѣку только цѣною одной, полной труда, благородства и, конечно, страданій, жизни.

Есть минуты и условія, когда два совершенно незнакомыхъ человѣка чувствуютъ какъ будто протянувшуюся отъ одного къ другому нить горячей симпатіи и взаимнаго интереса. Не всегда это искры начинающей тлѣть, въ сердцахъ особъ разныхъ половъ, страсти, иногда это иное, болѣе благородное влеченіе двухъ чуткихъ, тонко организованныхъ натуръ. Если же къ неуловимому ощущенію этой нити прибавить условія прекраснаго весенняго дня, тихаго парка, полнаго трагическихъ историческихъ воспоминаній, полное и долгое уединеніе вдвоемъ, то станетъ совершенно понятной смѣлость старика, съ какой онъ приподнялъ свою старую фетровую шляпу надъ головой и сказалъ, смотря на молодую особу:

— Pardon, mademoiselle, mais je crois, vous etes une étrangère. Слабый отъ возраста, но мягкій голосъ его звучалъ сдержанно и пріятно.

— Je suis russe, просто отвѣтила молодая дѣвушка, очевидно уже ждавшая этого обращенія.

— Русская! вдругъ воскликнулъ онъ съ ярко вспыхнувшей на его лицѣ радостью,—я точно это предчувствовалъ. Простите, дорогая компатріотка, что я осмѣлился... но... но меня крайне заинтересовало ваше присутствіе здѣсь, тогда какъ tous Paris и ужъ, конечно, всѣ знатные иностранцы сегодня въ Palais d'Industrie!

При словахъ о „знатныхъ иностранцахъ“ старикъ улыбнулся съ осторожной ироніей.

— Представьте, тоже самое заинтересовало и меня относительно васъ, граціозно улыбнулась молодая дѣвушка.

— Въ такомъ случаѣ отчего же намъ и не поболтать, тѣмъ болѣе, что кавалеръ въ моихъ лѣтахъ не можетъ компрометировать прекрасной особы, любезно улыбался старикъ.

— Да здѣсь, кажется, и не передъ кѣмъ компрометировать себя, усмѣхнулась молодая дѣвушка.—Я не прочь съ вами поболтать, но съ тѣмъ, чтобы вы первый удовлетворили мое любопытство: почему вы здѣсь, когда tous Paris, какъ вы говорите, на торжествѣ? прибавила она, пристально всматриваясь въ неожиданнаго собесѣдника.

— Охотно исполню ваше желаніе! откровенность—преимущество стариковъ! отвѣтилъ онъ, снова приподнявъ шляпу надъ сѣдой головой.

II

— Дорогая компатріотка, началъ онъ,—если вы узнаете, что я почти сорокъ лѣтъ не былъ въ Россіи, вы легко поймете ту отраду, съ какой я вижу русскаго, особенно русскую молодую женщину. Къ сожалѣнію, русскихъ мужчинъ толкается въ Парижѣ немало такихъ, встрѣчи съ которыми не только не ищешь, но избѣгаешь... Здѣсь легко наткнуться на отвратительный типъ кутилы, ищущаго пряностей Парижа, или на новѣйшихъ Марковъ Волоховыхъ со всѣми ихъ свойствами, включительно до наглаго требованія денегъ... Встрѣча съ русской женщиной не представляетъ этихъ опасностей... Да и, кромѣ того, въ мои годы вспоминаешь ту пору пребыванія моего на милой родинѣ, которая связана съ самыми простыми человѣческими чувствами, чувствами, которыя женщина пойметъ всегда чутче, раздѣлитъ горячѣе... Да, мнѣ ужъ за семьдесятъ, не даромъ я вспоминаю даже не университетъ съ Грановскими, Крыловыми, Рулье, а дѣтство въ деревнѣ отца, въ орловской губерніи, еще крѣпостную тогда, но для дѣтскихъ глазъ все-таки идиллію патріархальной обломовщины.

И, говоря все это съ грустной ироніей, мягкой и полной снисхожденія къ далекому прошлому, старикъ задумался, точно забылся. Его тусклые, подернутые влагой глаза уставились въ пространство, спина еще болѣе согнулась — воплощеніемъ грустнаго безсилія сидѣлъ онъ передъ молодой дѣвушкой. Она, глубоко затронутая, даже нѣсколько взволнованная его рѣчью, его видомъ, посмотрѣла на него полнымъ участія взглядомъ и сказала своимъ музыкальнымъ голосомъ съ невольными изящными интонаціями:

— Отчего же вы такъ долго не ѣдете къ намъ въ Россію... въ деревню... если эти воспоминанія вамъ такъ дороги?

Старикъ пристально взглянулъ на нее, потомъ просто сказалъ:

— Я добровольный изгнанникъ...

Эти слова поразили молодую особу. Она невольно повернулась къ нему всѣмъ своимъ стройнымъ станомъ и во всѣ свои большіе прекрасные глаза смотрѣла на него и съ оживленнымъ любопытствомъ, и какъ будто съ легкимъ испугомъ.

Онъ улыбнулся на ея взглядъ.

— Вы, вѣроятно, въ первый разъ видите такую рѣдкую птицу? сказалъ онъ наконецъ.—Судя по всему вашему „tenue“, вы принадлежите къ тому обществу, гдѣ нашъ братъ не persona grata и даже едва ли вхожъ. Если вамъ дѣйствительно въ первый разъ доводится видѣть этотъ скорбный экземпляръ человѣческой породы—любуйтесь, изучайте... но, ради Бога, дорогая компатріотка, не пугайтесь! И наша порода дѣлится на разные виды, и я принадлежу къ самому безобидному, сидящему,—можетъ-быть, между двумя стульями, но до старости, пожалуй уже по привычкѣ, выдерживающему это неудобное положеніе. Вѣдь я старая птица, дорогая компатріотка...

Молодая особа, жадно слушавшая старика, задумчиво утвердительно кивнула головой. Въ ея кивкѣ была незамѣтная для нея самой неуловимая царственная грація, которая свойственна высокимъ и стройнымъ красавицамъ, чья изящная небольшая голова покоится на нѣсколько длинной, лебединой шеѣ.

— Очень радъ, что вы меня понимаете, продолжалъ старикъ: — несмотря на то, что мы, вѣроятно, антиподы по воздуху и идеямъ, которыми живемъ, все же говоримъ не на разныхъ языкахъ. Я дышалъ воздухомъ Парижа въ ту пору, когда имъ же дышали Гейне и ему подобные... Конечно, я же видѣлъ и умирающаго въ параличѣ Гейне, — да и мало ли я видѣлъ!.. промолвивъ это, вдругъ грустно умолкъ старикъ, охватывая свои колѣни блѣдными тонкими руками.

— Но, pardon, если вы, какъ вы говорите, человѣкъ идеи, то меня тѣмъ болѣе удивляетъ ваше отсутствіе въ Парижѣ и присутствіе здѣсь, въ этомъ старомъ мирномъ пріютѣ, осторожно сказала молодая дѣвушка, все внимательнѣе приглядываясь къ интересному старику.

— А! nous revenons à nos moutons! улыбнулся онъ.—Видите ли, дорогая компатріотка, когда съ мое и проживешь, и переживешь, то шумные праздники, какъ хотите, не привлекаютъ... Для насъ, старыхъ инвалидовъ, уже ушедшихъ на перевязочные пункты, въ нихъ, этихъ праздникахъ, много горькаго... Ну, и хочется, помимо всего, отдохнуть, уйти отъ людей, предаться воспоминаніямъ, погру-

стить. А что касается до вашихъ словъ о мирномъ пріютѣ, то, вѣрьте, старику нечего придираться къ преходящимъ тѣнямъ человѣческой исторіи, когда ласка вѣчной природы открыта для него. Кому бы ни служили пріютомъ эти аллеи, эта тѣнь деревьевъ, она всегда пріютитъ „человѣка"... Ѣхалъ я сюда сегодня въ полной увѣренности, что буду одинъ... но небеса ко мнѣ милостивѣе, чѣмъ я ожидалъ; если я не оказался одинъ, то мнѣ есть съ кѣмъ хорошо, по душѣ поговорить... Надѣюсь, вы сдержите, дорогая компатріотка, ваше обѣщаніе и... объясните, теперь — почему и вы здѣсь? И старикъ съ ласковой улыбкой остановилъ свой взглядъ на молодой дѣвушкѣ.

III.

— Да, я сдержу свое слово, медленно сказала она.—Вы не ошиблись... Но условіе: то, о чемъ я буду говорить, вы забудете... и ни мнѣ, и никому никогда!.. И дѣвушка граціозно положила палецъ на свои розовыя губы.

— Батюшки, тайна! комически-весело воскликнулъ старикъ, видя по лукавому жесту дѣвушки, что въ ея тайнѣ, вѣроятно, нѣтъ ничего трагическаго.

— Нѣтъ, это не тайна, улыбнулась его собесѣдница. — Еслибы это была тайна, я бы, конечно, не сказала ее человѣку, котораго въ первый разъ вижу, хотя бы онъ и обладалъ столь почтенной наружностью, какъ...

— Какъ вашъ покорный слуга, перебилъ ее съ улыбкой старикъ, очарованный граціозной любезностью, съ которой были произнесены послѣднія слова молодой особы.

— Да, разумѣется, подхватила она:—не тайна, а просто фантазія... И такъ какъ наше пребываніе сегодня здѣсь вообще нѣсколько фантастично, да и разговоръ нашъ не лишенъ нѣкоторой экстравагантности, то почему же не подѣлиться мнѣ своей фантазіей... Мы, вѣроятно, больше не увидимся...

— О, полагаю! перебилъ ее опять старикъ.

— Несомнѣнно, спокойно улыбаясь, продолжала дѣвушка, — потому что вы не ошиблись: я принадлежу къ кругу, гдѣ... гдѣ не бываютъ политическіе дѣятели и имъ подобные, нѣсколько затруднилась она...

— У меня вѣрный глазъ да и опытный къ тому же, опять съ нѣкоторой горечью перебилъ старикъ.

— Мой отецъ, продолжала, точно не замѣчая этой вставки, дѣвушка,—происходитъ отъ одной изъ самыхъ старыхъ дворянскихъ фамилій. Мы богаты и... однимъ словомъ, принадлежимъ къ тому кругу Петербурга, который... который называютъ... опять затруднилась она.

— Высшимъ, лучшимъ кругомъ общества, осторожно помогъ ей старикъ.

— Да, если хотите... это не мое мнѣніе... нашъ кругъ такъ называютъ, вдругъ слегка покраснѣла молодая дѣвушка, смущаясь отъ пристальнаго, какъ будто сострадательнаго взгляда старика.

Онъ это замѣтилъ и отвелъ свои глаза.

— Дорогое мое дитя, позвольте мнѣ васъ такъ называть, потому что, вѣдь, вы не только дочерью, вы внучкой могли бы быть моей... Дорогое мое дитя, не смущайтесь! разсказывайте! вдругъ ласково сказалъ онъ, и, казалось, слезы увлажили его глаза.

Дѣвушка еще больше вспыхнула.

— Называйте, вдругъ сказала она слегка дрогнувшимъ голосомъ.—Когда мнѣ будетъ казаться, что вы мой дѣдушка, мнѣ будетъ легче разсказать свои фантазіи!—и ея смущеніе превратилось въ полную граціи улыбку.—Видите-ли, оживленно перешла она къ разсказу:—я единственная дочь. Мой папа вдовецъ. Разумѣется, я дитя крайне балованное, настоящее enfant terrible... Мы пріѣхали сюда съ отцомъ посмотрѣть на выставку, и вотъ уже двѣ недѣли какъ я оглушена сутолокой Парижа... Мой папа и еще одинъ господинъ, который намъ сопутствуетъ, точно опьянѣли, не хотятъ оторваться отъ этой сутолоки... А я... я устала, мнѣ надоѣло, и вотъ сегодня, когда они собрались на одно изъ самыхъ шумныхъ зрѣлищъ, я встала раньше ихъ, сказала моей горничной, чтобъ она сохранила мой отъѣздъ въ секретѣ и только тогда сообщила имъ куда я уѣхала, когда замѣтитъ, что папа очень безпокоится.

— И уѣхали сюда одни! Брависсимо! Да вы дѣйствительно enfant terrible! весело воскликнулъ старикъ.

— Вы не думайте, что это такъ... только капризъ... нѣтъ, у меня была та же цѣль, какъ и у васъ... Потому что мы уже разъ были здѣсь, но тутъ такая толпа была... Однихъ англичанъ точно комаровъ въ деревнѣ! съ изящной гримаской сказала дѣвушка.

— И вамъ хотѣлось быть одной? вѣроятно, помечтать? горячо подхватилъ старикъ, который при разсказѣ дѣвушки все болѣе оживлялся.

— Н-нѣтъ... не помечтать, а вспомнить, странно протянула она.

— Вспомнить... кого же? поднялъ онъ глаза на нее въ недоумѣніи.

— Кого? здѣсь? изумилась въ свою очередь она.—Конечно, несчастную королеву.

— Марію Антуанеутту, да?.. Ея исторія, должно быть, очень подѣйствовала на ваше воображеніе... Вообще вы, вѣроятно, нервная, впечатлительная натура, сказалъ старикъ, всматриваясь въ тонкія черты дѣвушки.

— А развѣ для того, чтобы вспомнить здѣсь эту несчастную и величавую женщину, нужна особая нервность и впечатлительность? вдругъ заволновалась она; прекрасные глаза ея, казалось, расширились и загорѣлись, какъ двѣ яркія голубыя звѣздочки.—Да, я, конечно, нервна и впечатлительна. Это у меня наслѣдственное, отъ матери. Но, скажите вы... не знаю какъ опредѣлить васъ... раздѣляете, можетъ быть, идеи тѣхъ, кто погубилъ эту королеву... но, мнѣ кажется, вы такъ чутки... Вы сами говорите, что вы не изъ тѣхъ, которые... все не кончала она.—Но, вѣдь, бродя по этимъ аллеямъ, близь этого шале, развѣ можно не вспомнить эту дочь Маріи Терезіи, красавицу, жену боготворившаго ее добраго мягкаго короля, эту любящую мать царственныхъ дѣтей... и потомъ всѣ ужасы, которые она пережила... Нѣтъ, какъ хотите, когда побываешь въ Тріанонѣ, увидишь эту кровать, на которой отдыхала ея полная безпокойства голова, когда увидишь этотъ мраморный бюстъ красавицы, эту голову, которую отъ этой шеи... отдѣлило желѣзо гильотины... Нѣтъ, я не могу!.. Мнѣ такъ и чудится, что гдѣ нибудь изъ-за развѣсистаго каштана появится она, блѣдная, страдающая, съ этой гордой нижней губкой, выдавшейся слегка впередъ, въ высоко взбитой напудренной прическѣ... Ахъ, я дѣйствительно впечатлительна... Еще въ институтѣ мнѣ старая классная дама дала читать „Воспоминанія", кажется, Флери, слуги Людовика XVI, о пребываніи этой семьи въ Тамплѣ. Съ тѣхъ поръ я перечитала все, все, что можно, объ этомъ ужасномъ времени.

— И неужели же, вдругъ тихо и грустно перебилъ ея взволнованную рѣчь старикъ,—изъ этого чтенія вы вынесли боль только по одномъ этомъ образѣ?.. неужели же другія женщины, напримѣръ...

— Ахъ, развѣ у тѣхъ на глазахъ казнили мужа-короля, губили дѣтей, отдавая ихъ въ руки грубымъ санкюлотамъ, кидали такія оскорбленія, какія кидали королевѣ, унижая такъ... и кого же?.. ту, которая вся была царственная гордость и величіе!..

При этихъ горячихъ словахъ молодая дѣвушка встала со скамьи, вся выпрямилась, и стройная, горделиво взволнованная, блѣдная, съ тонкими, слегка раздувающимися ноздрями изящно очерченнаго носа, она стояла передъ старикомъ. Грудь ея высоко поднималась.

Ея случайный собесѣдникъ тоже всталъ. Онъ грустно залюбовался забывшейся взволнованной красавицей...

— Дитя мое! точно не удержавшись, воскликнулъ онъ;—что за тонкая, что за поэтическая душа у васъ!.. Послушайте, вы пофантазировали, теперь позвольте и мнѣ старику пофантазировать... И онъ, забывшись, взялъ маленькую изящную руку и сжалъ ее.

Молодая дѣвушка не отнимала руки, она, точно не замѣчая, что онъ взялъ ея руку, жадно ждала, что скажетъ очевидно также взволновавшійся старикъ...

IV

Но не успѣлъ онъ произнести слова, какъ въ глубинѣ аллеи показалась фигура высокаго плотнаго модно одѣтаго молодаго человѣка. Глаза молодой дѣвушки, болѣе зоркіе, чѣмъ глаза старика, раньше замѣтили и разглядѣли эту фигуру. Смущеніе и безпокойство разлились на ея чертахъ.

— Ахъ, мой женихъ! подавленно вырвалось изъ ея губъ, и она вырвала руку у старика, который въ увлеченіи все еще сжималъ ея тонкіе изящные пальцы.

— Вашъ женихъ? какъ заговорщикъ, пойманный на мѣстѣ преступленія, прошепталъ старикъ.

— Вы простите, продолжала еще болѣе смущенно дѣвушка,—я хотѣла бы, чтобъ онъ меня засталъ одну.

Старикъ поднялся и, взволнованно моргая глазами, приподнялъ шляпу надъ своей сѣдой длинноволосой головой.

Точно прося прощенія у него, молодая дѣвушка вскинула на него свои, полные блеска и мягкости, прелестные глаза и легкимъ, чуть замѣтнымъ пожатіемъ тронула его жилистую, плохо сгибающуюся, руку. Старческія щеки изгнанника зардѣлись, и онъ, едва успѣвъ поймать губами кончики этихъ стройныхъ пальцевъ, обтянутыхъ сиреневой лайкой, еще разъ приподнялъ шляпу и сутуловатый, согнувшійся, неровной, точно ныряющей, походкой скрылся за деревьями. Но онъ не ушелъ совсѣмъ. Отойдя нѣсколько шаговъ, онъ сталъ за стволомъ вѣковаго каштана и оттуда началъ жадно наблюдать то, что происходило между молодыми людьми.

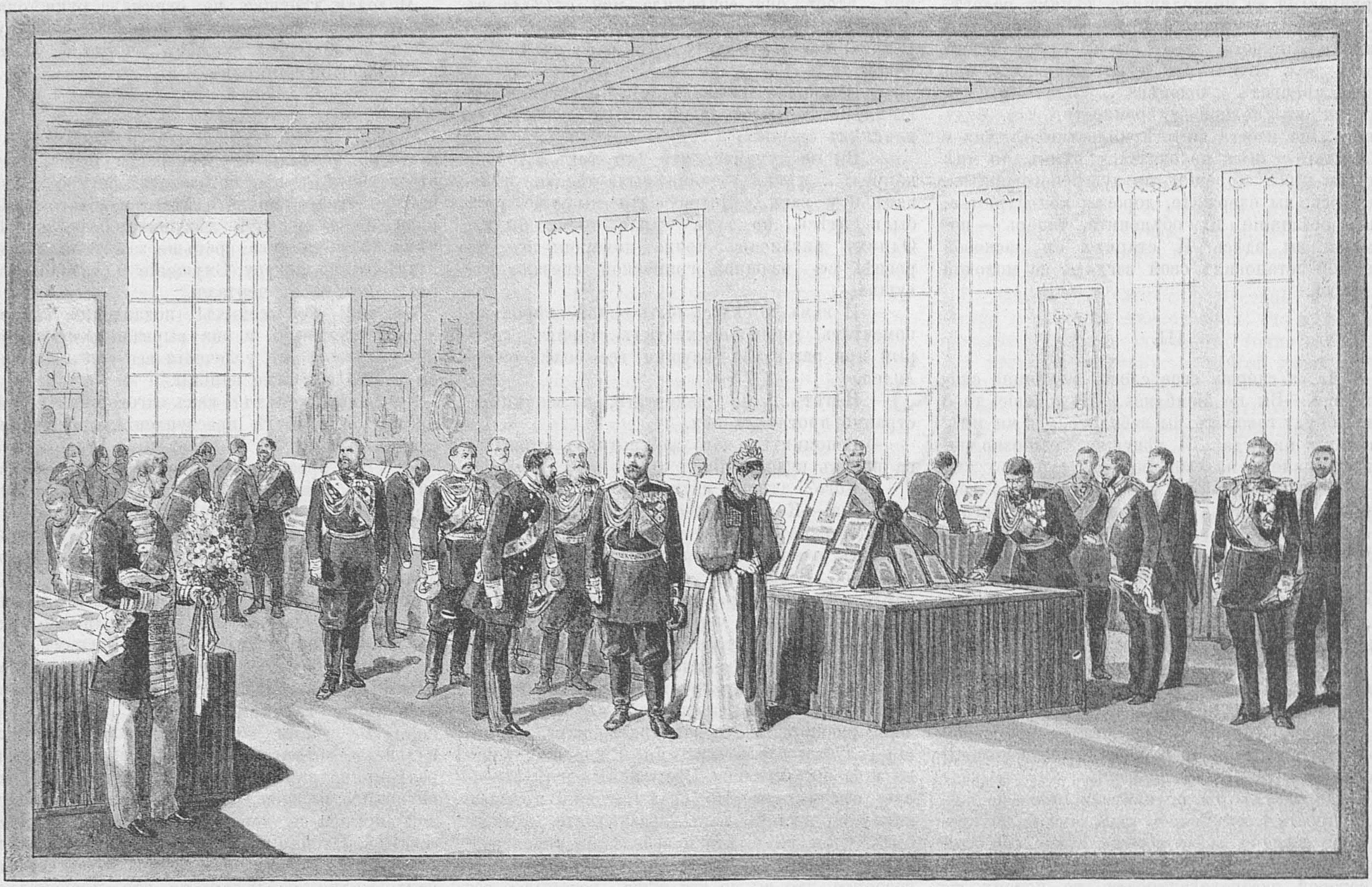
Молодой человѣкъ, между тѣмъ, приблизился къ своей невѣстѣ. Подойдя, онъ озирался, заглядывалъ въ прогалины аллей, очевидно искалъ кого-то, и поэтому только тогда замѣтилъ молодую дѣвушку па скамьѣ подъ деревомъ, когда она была уже одна. Но, замѣтивъ ее, онъ вспыхнулъ яркимъ румянцемъ радости, протянулъ къ ней свои сильныя, затянутыя въ яркожелтыя перчатки, руки и въ нѣсколько прыжковъ своихъ мощныхъ толстыхъ ногъ очутился близь нея. Онъ представлялъ замѣчательный типъ сильнаго, породистаго, выхоленнаго мужчины лѣтъ тридцати. Свѣтлосѣрый цилиндръ, плотно, слегка на бокъ сидящій па его коротко остриженной бѣлокурой головѣ, свѣтлокофейная лѣтняя пара, какъ вылитая охватывающая его нѣсколько полные, но все еще стройные члены, по модному, плотно къ жирнымъ розовымъ щекамъ, подстриженная бородка и слегка закрученные усы, монокль, торчащій въ одномъ изъ безцвѣтныхъ глазъ — все это такъ и говорило о любителѣ спорта, свѣтской causerie и безпечальной жизни. Но теперь, когда онъ тяжеловатымъ прыжкомъ очутился около молодой дѣвушки, онъ былъ очевидно взволнованъ, даже раздраженъ, что дѣлало нѣсколько смѣшной всю его фигуру, очевидно столь привычную къ олимпійскому, небрежному спокойствію.

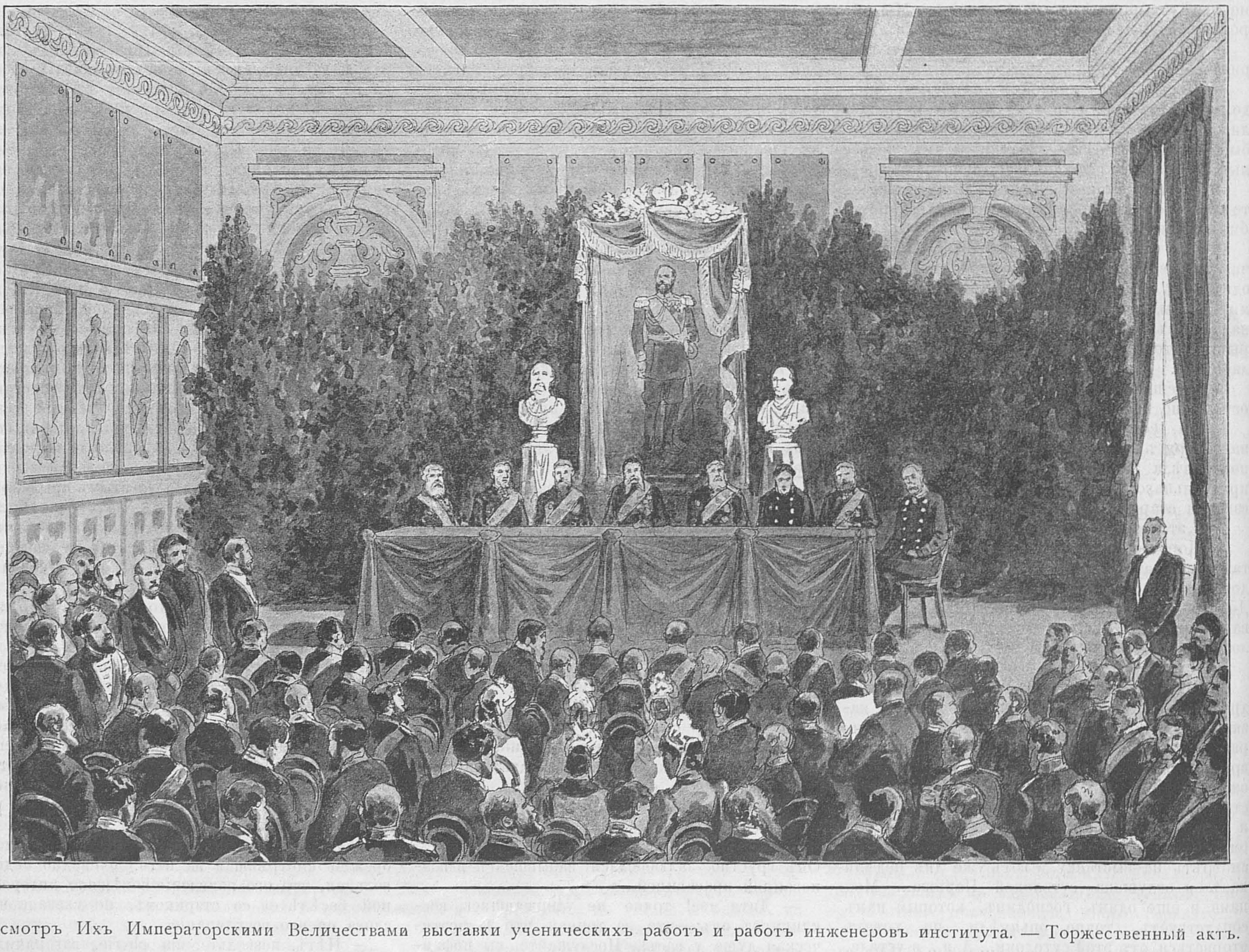
— Lidie! какъ же это можно! Что за экстравагантности! сипло воскликнулъ онъ, слегка задохнувшись.

И онъ, опустившись на скамью рядомъ съ молодой дѣвушкой, началъ обмахивать душистымъ платкомъ, съ огромными вышитыми иниціалами, свое слегка вспотѣвшее и раскраснѣвшееся лицо. Монокль выпалъ изъ его глаза; молодецкая, „царская", какъ называютъ портные, грудь, уже почти безъ перехвата переходящая въ полнѣющій животъ, тяжело и мѣрно поднималась.

Молодая дѣвушка, искоса, нѣсколько небрежно смотрѣвшая на него, очевидно недовольная, что его появленіе помѣшало интересной бесѣдѣ ея со старикомъ, не сказала ни слова на его восклицаніе.

— Нѣтъ, позвольте, ma chérie, загорячился молодой человѣкъ, точно ему возражали:





Осмотръ Ихъ Императорскими Величествами выставки ученическихъ работъ и работъ инженеровъ института. — Торжественный актъ.

С.-Петербургъ. — Пятидесятилѣтіе института гражданскихъ инженеровъ.

Съ натуры рисовалъ для »Всемірной Иллюстраціи« К. О. Брожъ.

вѣдь, это же, дѣйствительно, невозможно. Я не спорю, въ вашихъ поэтическихъ капризахъ есть нѣчто гармонирующее съ вашей очаровательностью феи, — глаза его изобразили сладкую томность, отчего казалось, что они слегка осовѣли, — но... но, простите меня, такъ часто злоупотреблять терпѣніемъ людей...

И онъ не докончилъ, опять надувшись и покраснѣвъ.

— Serge, васъ послалъ papa? отозвалась наконецъ молодая дѣвушка на его рѣчи, холодно и нѣсколько угрюмо.

— Конечно! отвѣтилъ, вскинувъ свои толстыя плечи молодой человѣкъ:—Бѣдный Всеволодъ Юрьевичъ ужасно обезпокоенъ... Одной, чуть свѣтъ, скитаться по Парижу, по этимъ мѣстамъ, гдѣ всевозможные увріеры и гамены...

— Положимъ, эти парижскіе увріеры и гамены—какъ вы выражаетесь—ничуть не менѣе васъ деликатны относительно дамы, перебила молодая дѣвушка филиппику своего поклонника.

— Ну, вотъ, вы теперь готовы пѣть панегирики этимъ „избирателямъ", этому saint peuple! неискренно расхохотался „женихъ". — Но оставимъ это! нѣсколько строго перебилъ онъ самого себя. — Дѣло не въ томъ...

ВОЛЬДЕМАРЪ фонъ-ЭВЕРТЪ,

епископъ, генералъ-суперъ-интендентъ.

Съ фотографіи Кароли и Пуша въ Варшавѣ гравировалъ І. Хельмицкій.

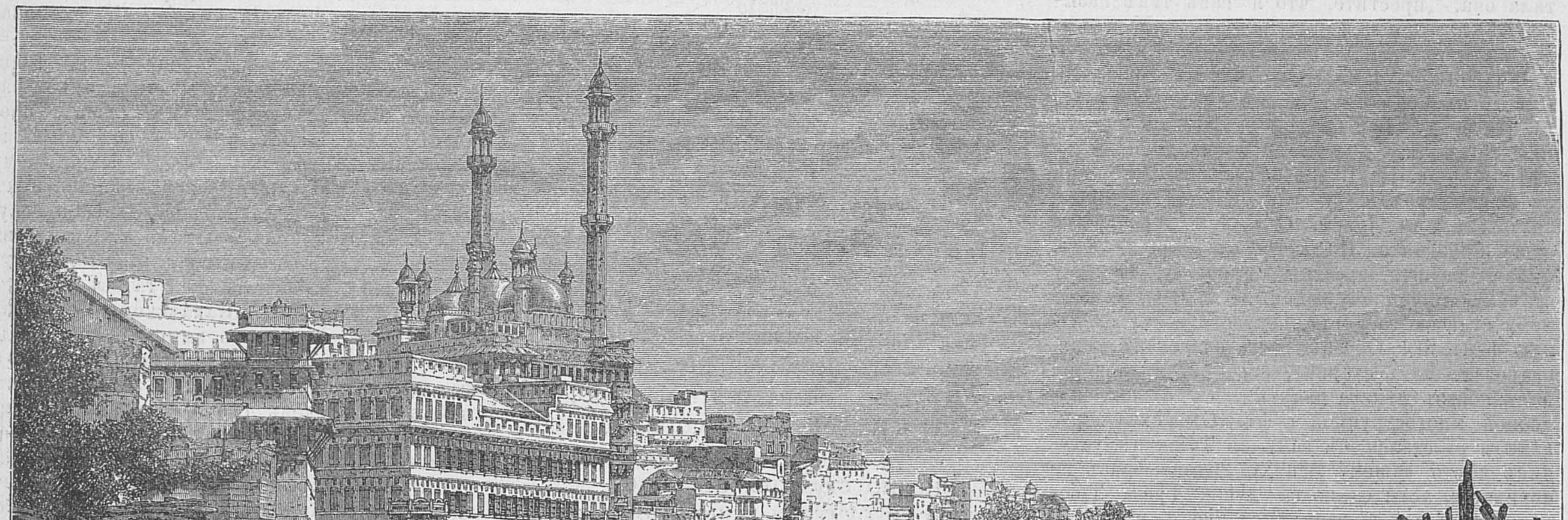
По поводу пятидесятилѣтія служенія въ духовномъ санѣ.

Конечно, мнѣ жаль Всеволода Юрьевича, но и я самъ... Я не могу не выразить вамъ... Подобныя выходки наканунѣ нашей свадьбы... Я человѣкъ слишкомъ хорошо, слишкомъ серьезно поставленный въ обществѣ, чтобъ такіе выходки моей жены...

Но молодая дѣвушка не дала ему докончить. Поднявшись во весь свой стройный и прекрасный ростъ, она взяла жениха подъ руку и сказала небрежно, почти презрительно:

— Успокойтесь. Я, къ сожалѣнію, также слишкомъ пріучена дорожить положеніемъ въ обществѣ, пріучена съ дѣтства. Потому-то я, можетъ быть, теперь и злоупотребляю моими дѣвическими выходками, какъ вы выразились, что скоро буду вынуждена покинуть ихъ навсегда! Пойдемте, успокоимъ бѣднаго papa...

И она, высоко поднявъ свою прекрасную голову на лебединой шеѣ, съ горько небрежной улыбкой на красивыхъ губахъ, царственно-стройная пошла по аллеѣ. Женихъ рядомъ съ ней, несмотря на всю свою выхоленность и вылощенность, грубый и тяжеловатый, почтительно согнувъ спину, шелъ съ ней подъ руку. А изъ-за стройныхъ каштановъ, между стволами которыхъ нѣкогда гуляла еще болѣе царственно изящная,



Видъ города Бенареса на рѣкѣ Гангѣ.

Воспоминаніе о путешествіи на Востокъ Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича. — По Индіи.

Съ фотографіи спеціальнаго корреспондента »Всемірной Иллюстраціи« г. Н. Б.

понесшая на гильотину голову, королева, изъ-за этихъ старыхъ, тихо шепчущихъ, каштановъ долго провожали эту негармоничную, удаляющуюся по аллеѣ, пару грустные старческіе глаза...

V

Въ одномъ изъ дорогихъ, роскошно убранныхъ семейныхъ отдѣленій Hôtel du Louvre, черезъ недѣлю послѣ сцены въ паркѣ Версаля, на мягкомъ пуфѣ, у зеркальнаго окна, сидѣла молодая дѣвушка—собесѣдница старика. Одѣтая въ платье изъ какой-то восточной пестрой матеріи, отдѣланное блѣднопалевымъ атласомъ и плюшемъ, она задумчиво смотрѣла въ окно. Лицо ея было блѣдно и хмуро; вся ея фигура, въ нѣсколько тяжеловатомъ костюмѣ, имѣла томный, усталый видъ.

Долго въ молчаливой, грустной задумчивости сидѣла она такъ. Огромная рѣзная изящная дверь, ведшая изъ комнаты въ корридоръ, легко и беззвучно отворилась, и молоденькая субретка въ черномъ платьѣ и бѣломъ фартучкѣ съ оборками, войдя, подала на серебряномъ подносикѣ небольшой пакетъ.

— Что это, письмо? удивилась молодая дѣвушка, лѣниво протягивая руку къ пакету.— Мнѣ? еще болѣе удивилась она, взглянувъ на адресъ, написанный очевидно незнакомой рукой.

— Portier подалъ? спросила она субретку.

Когда та отвѣтила утвердительно, она нетерпѣливо разорвала конвертъ и бросила взглядъ на почтовый листокъ. Вдругъ лицо ея оживилось.

— Что papa и Сергѣй Аркадьевичъ дома? снова, уже оживленно, спросила она субретку.

— Они изволили выйти гулять, отвѣтила кокетливая горничная.

— Хорошо, мнѣ больше ничего не нужно, кинула небрежно молодая дѣвушка, и горничная вышла также беззвучно, какъ вошла. Между тѣмъ молодая дѣвушка съ лукавой и грустной улыбкой уже читала старческій, неровный, но довольно разборчивый почеркъ:

„Моя очаровательная греза Тріанона“, читала она, „простите, что я васъ такъ называю, простите и то, что я пишу вамъ. Узнать—кто вы и гдѣ вы остановились въ Парижѣ—мнѣ помогъ случай. Идя однажды по улицѣ Риволи съ моимъ петербургскимъ пріятелемъ, профессоромъ Бергомъ, я встрѣтилъ Васъ и Вашего папашу. Вы ѣхали въ ландо и не замѣтили меня. Но Бергъ бывалъ въ Петербургѣ вхожъ къ вашему отцу и стоитъ также, какъ и вы, въ Луврѣ. Онъ мнѣ и раскрылъ ваше инкогнито. Но зачѣмъ я пишу... Ахъ, милая дѣвушка, простите смѣшному, глупому старику, лишенному родины, семьи, выброшенному судьбою за бортъ,— простите ему смѣшную фантазію! Образъ вашъ очаровалъ меня, очаровалъ какъ старика, какъ образъ дочери, какъ образъ милаго дитяти — съ душой, подобной многострунной арфѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ вами въ Тріанонѣ, уступивъ мѣсто вашему жениху, этотъ образъ не покидаетъ моей одинокой души. Греза Тріанона! называю я васъ мысленно и, простите, иначе не могу назвать... Для чего же я всетаки пишу? Не для однихъ же этихъ изліяній... Еслибъ я еще былъ влюбленный юноша — ну, тогда простительно: отъ избытка чувствъ уста глаголятъ. Но старику, шагнувшему одной ногой въ гробъ, подобныя изліянія совсѣмъ ужъ не къ лицу. Милое дитя мое, можетъ быть, то, что слѣдуетъ ниже, еще менѣе простительно, чѣмъ простыя изліянія, но я не могу не написать этого. Мнѣ жаль Васъ, мнѣ отъ всей души, какъ родное дитя, жаль Васъ. Позвольте задать вамъ одинъ вопросъ: достаточно ли вы обдумали тотъ шагъ, который вы готовы сдѣлать... Женихъ вашъ... Охъ, этотъ женихъ!.. Простите, но я легко и скоро понялъ его... Вглядитесь въ него... Вы и онъ! Вы — нервная, тонко организованная, *только средой* закованная въ извѣстномъ, узкомъ modus vivendi, въ извѣстныхъ взглядахъ и обычаяхъ, вы — душа, ищущая отзыва, внутренней работы, и онъ, самой природой своей обреченный на роль... Я не скажу, изъ уваженія къ Вамъ, на какую роль. Вглядитесь сами, догадайтесь сами, если вы уже не догадались... О, моя прелестная греза Тріанона! бѣдный, одинокій старикъ, вѣроятно, больше никогда не встрѣтится съ вами, но онъ отправляетъ это письмо все же съ надеждою, что вы пожалѣете себя, что вы нѣсколько иному человѣку, чѣмъ вашъ женихъ, вручите Вашу прелестную руку, вашу поэтическую душу... Безъ этой надежды, дорогая моя дѣвушка, мнѣ было бы слишкомъ грустно вспоминать о васъ“.

Подписи не было.

Молодая дѣвушка, прочитавъ и уронивъ письмо на колѣни, долго задумчиво сидѣла надъ нимъ. Странная, горько ироническая, улыбка не покидала ея губъ. Потомъ она вдругъ встала, разорвала письмо на мелкіе кусочки и, отворивъ форточку, выбросила ихъ за окно... Когда бѣлыя бумажки, какъ бѣлыя бабочки, разлетѣлись, опускаясь и исчезая изъ ея глазъ на голубомъ фонѣ неба, она долго смотрѣла имъ вслѣдъ. Но потомъ, точно освобождаясь отъ ненужныхъ думъ, она провела красивой рукой по нѣжному лбу и прошептала:

„Дѣйствительно старый фантазеръ!“

Горько-ироническая улыбка такъ и застыла на ея губахъ. Въ дверь постучали.

— Entrez! съ капризной раздраженной ноткой сказала она.

Вошелъ женихъ ея въ полномъ блескѣ своей выхоленной физіономіи, своего изящнѣйшаго туалета, своихъ изысканнѣйшихъ манеръ. Она посмотрѣла на него.

— Serge! вдругъ нервно задрожалъ ея голосъ:—убѣдите papa скорѣе ѣхать въ Россію... И чтобъ поскорѣе наша свадьба! съ оборвавшейся ноткой больнаго и капризнаго ребенка закончила она...

— Lidie, вы очаровательны! склонился надъ ея рукой Serge, и его толстоватыя, плотоядныя губы впились въ ея нѣжную, слегка дрожащую, блѣдную руку...

В. Михеевъ

Стихотвореніе

Изъ зимнихъ пѣсенъ

Давно позабыты былыя печали
Съ тревогой исчезнувшихъ лѣтъ,
Но радости сердца въ тиши одичали,
И счастья желаннаго нѣтъ!
Въ суровомъ безмолвіи ночи холодной
Кругомъ безразсвѣтно темно,
И вѣтеръ налетный, какъ нищій голодный,
Упрямо стучится въ окно,
Стучится и, будто съ душой въ заговорѣ,
Твердитъ, какъ и прежде, уму:
»Пріятнѣй вдвоемъ разгонять свое горе,
Чѣмъ радость хранить одному!«

А. Иванов-Классик

Политика

28 декабря 1892 г. (9 января 1893 г.).

Наше сегодняшнее обозрѣніе появится въ печати уже въ то время, когда и для насъ, русскихъ, начнется — съ опозданіемъ на двѣнадцать дней противъ западной Европы — новый, 1893 годъ. Наканунѣ этого ежегоднаго праздника, въ полный разгаръ рождественскихъ святокъ, мы поневолѣ принуждены сегодня ограничиться въ области нашей внутренней политики одними пожеланіями читателямъ „новаго счастья“ на новый годъ. Обо всемъ, чѣмъ можетъ ознаменоваться наша государственная и общественная жизнь въ традиціонно-знаменательный день 1-го января, намъ возможно будетъ говорить только въ слѣдующей хроникѣ. За всѣ дни рождественскихъ праздниковъ вниманіе нашей публики было нѣсколько отвлечено отъ текущихъ событій ежедневной жизни однимъ только извѣстіемъ о принятой издателемъ газеты „Новое Время“ рѣшимости выяснить источники парижскихъ слуховъ о томъ, что въ числѣ лицъ, будто бы получившихъ взятки отъ Панамскаго общества, находился одинъ русскій публицистъ, котораго эти слухи выдавали за „сотрудника“ упомянутой газеты... А. С. Суворинъ категорически заявилъ, что упомянутый публицистъ, хотя и пользовался до сихъ поръ его личными симпатіями, но на политическое направленіе „Новаго Времени“ никакого вліянія никогда не имѣлъ. Въ петербургскихъ кружкахъ, интересующихся политикою вообще и вопросомъ о франко-русскомъ сближеніи въ особенности, заявленіе это произвело значительный эффектъ, на причинахъ котораго мы по нѣкоторымъ обстоятельствамъ не считаемъ умѣстнымъ настаивать. Когда дѣло разъяснится послѣ энергическаго разслѣдованія, предпринятаго издателемъ „Новаго Времени“, мы еще вернемся можетъ быть къ этому побочному эпизоду колоссальнаго „панамскаго скандала“.

О самой сущности этого скандала намъ, къ сожалѣнію, тоже трудно говорить сегодня иначе, какъ въ видѣ простыхъ догадокъ о готовящейся въ близкомъ будущемъ его развязкѣ. Возобновленіе сессіи французскихъ палатъ и начала процесса членовъ правленія Панамскаго общества произойдетъ только на слѣдующій день послѣ того, въ который намъ приходится нынѣ взяться за перо еженедѣльнаго лѣтописца западно-европейской политической жизни. Сегодня мы можемъ говорить только объ обстоятельствахъ, при которыхъ наступаетъ для Франціи завтрешній знаменательный день.

Противники парламентской республики, взявшіе на себя энергическую эксплуатацію Панамскаго скандала, очень обрадовались на прошлой недѣлѣ, узнавъ, что судебное слѣдствіе обнаружило прикосновенность къ Панамскому дѣлу одного изъ бывшихъ республиканскихъ министровъ, г. Баиго (Baïhaut). Въ 1886 году, когда г. Баиго стоялъ во главѣ министерства публичныхъ работъ, тогдашнимъ кабинетомъ былъ внесенъ въ палату депутатовъ проектъ закона, разрѣшавшаго Панамскому обществу выпускъ новаго займа съ выигрышами. Предпріятіе Панамскаго канала считалось уже и тогда весьма сомнительнымъ, и законопроектъ о займѣ былъ очень скоро взятъ назадъ министерствомъ по энергическому настоянію тогдашняго министра финансовъ, г. Сади Карно — нынѣшняго президента республики. Нынѣ оказывается, что авторъ проекта, г. Баиго, былъ подкупленъ Панамскимъ обществомъ. „Высокопоставленному“ взяточнику грозитъ перспектива попасть на скамью подсудимыхъ вмѣстѣ съ десятью сенаторами и депутатами, продавшими свои голоса Панамскому обществу, но въ то же время выясняется самымъ достовѣрнымъ образомъ, что еще въ 1886 году г. Карно выступалъ энергическимъ противникомъ спекуляціи, которой потворствовали нѣкоторые изъ тогдашнихъ министровъ. Легко забывающая самое недалекое прошлое, французская публика вынуждена теперь вспомнить, что самое избраніе г. Карно на занимаемый имъ нынѣ постъ было вызвано неподкупнымъ, несокрушимымъ безкорыстіемъ, которое онъ обнаружилъ въ эпоху первой попытки выпуска Панамскаго займа съ выигрышами, утвержденнаго позднѣе подкупленнымъ, какъ теперь оказывается, большинствомъ палаты депутатовъ.

Все это стало извѣстно только на дняхъ, и съ тѣхъ поръ значительно уменьшились опасенія, вызванныя толками о готовящихся въ Парижѣ уличныхъ безпорядкахъ, предлогомъ

для которыхъ должно было явиться завтрешнее открытіе законодательной сессіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ стало понятно, почему г. Карно, отвѣчая на новогоднія привѣтствія дипломатическаго корпуса, обнаружилъ такую спокойную увѣренность насчетъ будущаго.

Въ Германіи ходъ событій тоже не позволяетъ еще намъ сказать что либо опредѣленное насчетъ участи, которая ожидаетъ въ рейхстагѣ правительственный проектъ военнаго закона. Въ день новаго года императоръ Вильгельмъ, обращаясь къ корпуснымъ командирамъ, высказался, правда, очень рѣшительно въ пользу этого проекта, отвергая возможность всякихъ его измѣненій парламентомъ, но съ тѣхъ поръ ни одно изъ полученныхъ здѣсь извѣстій изъ Германіи не указало, чтобы слова императора повліяли на враждебное военной реформѣ большинство парламентскихъ партій. Націоналъ - либералы, католическій центръ и консерваторы выказываютъ, правда, готовность согласиться на сокращеніе до двухъ лѣтъ срока военной службы, но упорно противятся усиленію численности мирнаго состава арміи, которое составляетъ главную цѣль правительственнаго проекта. Столкновеніе между рейхстагомъ и правительствомъ поэтому продолжаетъ казаться неизбѣжнымъ. Но если этому столкновенію суждено произойти, никто не знаетъ еще—что будетъ далѣе. Перспектива распущенія парламента и новыхъ выборовъ становится все болѣе и болѣе сомнительной. Замѣчательно, что объ этой крутой и рѣшительной мѣрѣ не встрѣчается за послѣднее время ни одного намека ни въ статьяхъ правительственной печати, ни въ публично сказанныхъ словахъ императора Вильгельма II. Легко объяснить — почему при подобныхъ обстоятельствахъ настойчиво держатся слухи о возможности отставки канцлера, графа Каприви, и замѣны его первымъ министромъ прусскаго королевства, графомъ Эйленбургомъ.

Для австрійскихъ политическихъ кружковъ начало 1893 года ознаменовалось открытіемъ переговоровъ графа Таафе съ вождями политическихъ партій, изъ которыхъ онъ пробуетъ въ настоящую минуту составить новое правительственное большинство въ рейхсратѣ. Сущность переговоровъ, которые ведутъ съ австрійскимъ первымъ министромъ гг. Пленеръ (нѣмецкіе либералы), Яворскій (поляки) и графъ Гогенвартъ (нѣмецкіе автономисты), сохраняется до сихъ поръ въ глубокой тайнѣ. Позволительно однако же догадываться, что нѣмецкимъ либераламъ не особенно улыбается мысль о полномъ подчиненіи ихъ партійныхъ интересовъ необходимости дать графу Таафе средство управлять страною при ихъ содѣйствіи. Кое-какіе признаки заставляютъ догадываться, что и самъ графъ Таафе, только для очистки совѣсти исполняя волю императора Франца-Іосифа, дѣлаетъ попытку примиренія съ нѣмецкою либеральною партіею, стремящеюся снова захватить въ свои руки управленіе Австріею — въ явный ущербъ славянскихъ національностей этой части монархіи Габсбурговъ. Что выйдетъ изъ начатыхъ при подобныхъ условіяхъ переговоровъ—пока еще совершенно неизвѣстно.

А въ Венгріи тѣмъ временемъ продолжается энергическая борьба сильной по численности католической партіи противъ министерства Векерле, поставленнаго своими либеральными сторонниками въ необходимость настаивать на введеніи гражданскаго брака. Все это дѣлаетъ внутреннее положеніе двуединой монархіи еще болѣе затруднительнымъ, чѣмъ была она за послѣдніе мѣсяцы.

Въ Англіи довольно быстро улеглось дурное впечатлѣніе, произведенное дублинскимъ взрывомъ. Министерство Гладстона, повидимому, ни на одну йоту не отказалось отъ своей рѣшимости открыть парламентскую сессію 1893 года проектомъ ирландской автономіи, содержаніе котораго, однако, до сихъ поръ сохраняется въ глубокой тайнѣ.

ПИСЬМА СЪ ВОСТОКА

III

По Индіи

Окончаніе

Далѣе за Бародой мѣстность становится волнистой, пересѣчена рѣками; видны поля пшеницы, обработанныя первобытными плугами; близь полотна дороги купы деревьевъ, на которыхъ много обезьянъ, иногда собирающихся цѣлымъ большимъ обществомъ, очевидно, для сужденія о семейныхъ или общественныхъ дѣлахъ. Поѣздъ катится, не производя впечатлѣнія — всѣ уже привыкли къ этому явленію; но вотъ еще остановка—Ахмедабадъ; здѣсь гостинницы для иностранцевъ нѣтъ, можно пользоваться только частнымъ гостепріимствомъ.

Ахмедабадъ, очень красивый и живописный городъ, раскинулся на берегу рѣки Сабармати. Его стѣны хорошо сохранились, и бастіоны какъ будто сторожатъ славное прошлое. Населеніе въ большинствѣ мусульманское, но мусульманская архитектура строеній и даже мечетей значительно подчинилась индусскому характеру. Около мечетей обыкновенно расположены сады, въ серединѣ которыхъ помѣщены саркофаги старинныхъ князей и ихъ родственниковъ.

Не входя въ подробности архитектурныхъ деталей, все-таки заслуживаютъ упоминанія окна, арки которыхъ заполнены плитами изъ мрамора, украшенными рѣзьбой, изображающею различныя растенія. Американцы организовали цѣлую компанію для копированія этихъ произведеній искусства. Кромѣ того нельзя не упомянуть о произведеніяхъ изъ мѣди, которыми славится Ахмедабадъ, а также о мануфактурныхъ и канительныхъ работахъ. Существуетъ поговорка, что Ахмедабадъ виситъ на трехъ нитяхъ—золотой, серебряной и бумажной.

Подъ Ахмедабадомъ и вокругъ него множество галерей и гротовъ, устроенныхъ нарочно, чтобы въ прохладѣ ихъ укрываться отъ зноя лѣтомъ.

Во времена наибольшаго развитія населеніе города достигало милліона душъ, но бури междоусобныхъ войнъ и завоеваніе англичанами чувствительно уменьшили его.

Если время не позволяетъ останавливаться надолго, то путешественникъ направляется далѣе по желѣзной дорогѣ въ Джейпуръ.

Джейпуръ—древняя столица государства Раджпутана. Замѣчательно, что въ числѣ населенія сохранилось еще до 20—30 тысячъ потомковъ касты кшатріевъ (воиновъ-царей), которые нынѣ извѣстны подъ именемъ раджпутовъ.

Кромѣ индусовъ и магометанъ здѣсь есть также джайны — поклонники совершенныхъ людей (праведниковъ). Этотъ городъ — относительно молодой, не насчитываетъ и двухъ столѣтій; улицы его широки, живописная толпа наполняетъ ихъ. На одной изъ улицъ выступаетъ чудное сооруженіе дворца Хавалъ-Махалъ—замка вѣтра. Здѣсь живутъ придворныя дамы. Говорятъ, что одна изъ престарѣлыхъ женщинъ, получающая пенсію, не чужда смерти магараджи (отца теперешняго), который пользовался большимъ значеніемъ въ странѣ. Потомокъ древней династіи, теперешній магараджи проводитъ пріятную и лѣнивую жизнь.

Въ Джейпурѣ есть музей, обсерваторія, госпиталь лорда Мейо, училище для юношей высшихъ кастъ, всего до 1.000 учениковъ, а также для 700 дѣвушекъ.

Передъ входомъ въ ботаническій садъ—оригинальное зрѣлище дюжины тигровъ-людоѣдовъ, на клѣткахъ которыхъ написано число ихъ жертвъ. Нѣкоторые хищники уличены въ 10—15 человѣкоубійствахъ; пойманные, они приговорены къ пожизненному заключенію.

Появленіе тигра-людоѣда близь селеній распространяетъ ужасъ, понуждающій мирныхъ невооруженныхъ индусовъ бросать дома и убѣгать въ джонгли. Прячась въ кустахъ, они по полету особыхъ птицъ замѣчаютъ — куда направляется хищникъ, но внимательность ихъ часто пасуетъ передъ хитростью животнаго.

Надо замѣтить, что тигры-людоѣды—обыкновенно старые или раненые, которымъ не подъ силу нападеніе на стада и человѣкъ оказывается для нихъ болѣе легкой добычей. Отъ охотниковъ тигры бѣгаютъ съ чрезвычайной хитростью. Замѣчательно, что особенно свирѣпы тигрицы, быть можетъ, ради своихъ дѣтей. Карьера тигровъ-людоѣдовъ обыкновенно оканчивается пулею англичанина, иногда же ихъ ловятъ въ западни. Встарину убивали тигровъ въ Индіи, вступая съ ними въ единоборство, причемъ человѣкъ прокалывалъ звѣря ножемъ, привязаннымъ къ рукѣ, въ то время, когда тотъ грызъ ему плечо.

Помимо достопримѣчательностей историческихъ Джейпуръ славится своими торжествами и процессіями, въ которыхъ слоны играютъ важную роль. Высокіе путешественники, какъ Наслѣдникъ Цесаревичъ и принцъ Уэльскій, въѣзжали на богато украшенныхъ слонахъ, а также охотились въ окрестностяхъ на тигровъ съ обученными слонами.

Далѣе по линіи желѣзной дороги расположенъ городъ Дэли—столица великихъ Маголовъ, мечта завоевателей. Исторія этого города начинается за полторы тысячи лѣтъ до Рождества Христова.

Нынѣшній новый Дэли уже седьмой по счету на мѣстѣ павшихъ въ развалинахъ городовъ. Послѣдній разъ боевой громъ раздавался здѣсь въ 1857 году, при возмущеніи сипаевъ, и у кашемирскихъ воротъ поставленъ крестъ въ память тѣхъ, чьи безымянные могилы расположены кругомъ. Одному изъ нашихъ современниковъ, боевому генералу, англичане охотно приписываютъ мечту въѣхать въ Дэли послѣднимъ завоевателемъ.

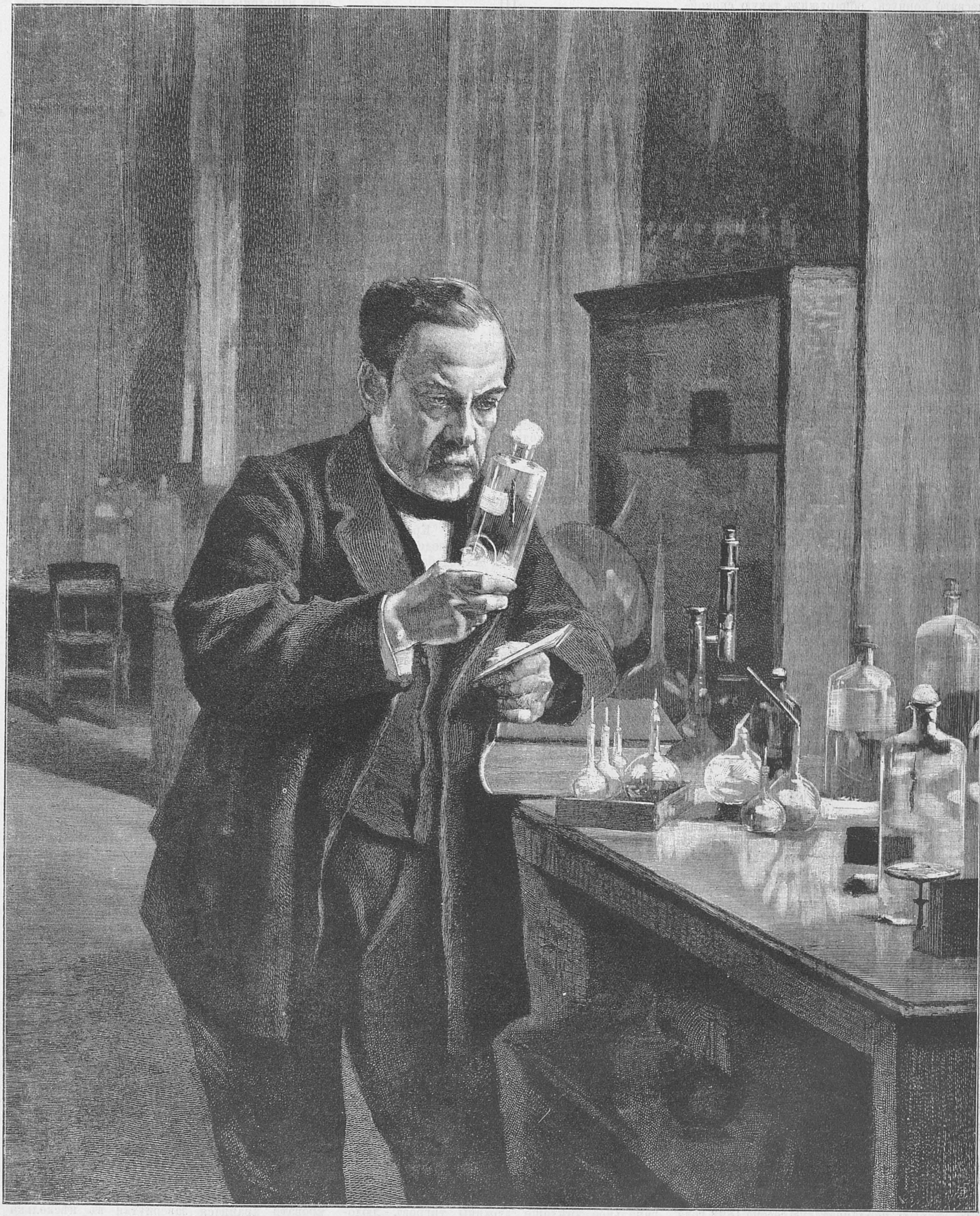
Въ окрестностяхъ расположено много памятниковъ ввидѣ развалинъ или относительно хорошо сохранившихся зданій. Башня „Кутаръ-Минаръ“—35 саженей вышины (рисунокъ 7)—видима далеко кругомъ; она построена болѣе 600 лѣтъ тому назадъ, въ память побѣды мусульманъ надъ индусами. Вѣроятно, при постройкѣ имѣли ввиду надзоръ за окрестной равниной.

Недалеко отъ башни, близъ воротъ мечети Лелькутъ, которая, вѣроятно, раньше служила храмомъ Джайновъ, стоитъ желѣзный столбъ болѣе ½ аршина толщины и 7 саженей вышины. Его вѣсъ, вѣроятно, до 400 пудовъ, и не столько интересна причина его сооруженія, сколько то, что 1500 лѣтъ тому назадъ индусы были способны отковать такую вещь, тогда какъ теперь все желѣзо везутъ изъ Англіи.

Съ этою желѣзною колонною связано преданіе, что она была опущена въ землю для того, чтобы пригвоздить царя змѣй. Любопытство одного изъ правителей побудило его вынуть и осмотрѣть столбъ, тогда царь змѣй убѣжалъ, освободивъ свой проколотый глазъ, а на концѣ столба будто бы была замѣчена кровь.

Дэли замѣчателенъ мануфактурными издѣліями, поддѣльными драгоцѣнностями и миніатюрами на слоновой кости.

Еще далѣе на сѣверъ расположенъ Лагоръ, древній городъ, которому покровительствовалъ извѣстный моголъ-Акбаръ, и еще въ недавнее время служилъ столицею магараджи Ронджитъ Синкъ — вождя сейковъ, племени, исповѣдующаго религію, отличную отъ мусульманъ. Нынѣ это центръ англійскаго управленія этой сѣверной провинціей. Здѣсь замѣтно присутствіе значительнаго числа войскъ—англійскихъ и туземныхъ. Изъ архитектурныхъ памятниковъ замѣчательна мечеть Ронджитъ-Синка, гдѣ подъ возвышенной мраморной платформой хранится пепелъ его и сожженныхъ съ нимъ 11 женъ. На плитѣ изваянъ листъ лотуса, окруженный 11 меньшими листами. Здѣсь же на кровати хранится завернутая въ нѣсколько покрывалъ священная книга сикховъ, и надъ нею смѣняются сторожа, отгоняющіе мухъ опахалами. Заслуживаетъ упоминанія церковь св. Якова, бывшая ранѣе мечетью надъ гробомъ Анаркали—красавицы при дворѣ Акбара, которая слишкомъ любила его сына Селима, за что великій Моголъ приказалъ зарыть ее живою. Мечеть воздвигъ уже сынъ по смерти отца.



ЛУИ ПАСТЕРЪ въ своей лабораторіи.

Съ картины А. Эдельфельдта.

По поводу семидесятилѣтней годовщины рожденія.

Медаль, поднесенная Пастеру въ день его юбилея. Лицевая сторона.

Медаль Пастера. Оборотная сторона.

Лагоръ самый сѣверный пунктъ, посѣщенный Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, который здѣсь охотился и смотрѣлъ пляску воиновъ, исполняемую при заревѣ костра съ обнаженными саблями. Окрестности Лагора обильны крупною дичью, и охота здѣсь очень интересна.

Путешествіе далѣе Лагора, на сѣверъ къ границамъ Кашмира, повидимому, не одобряется англичанами для иностранцевъ, а потому большею частью отсюда поворачиваютъ опять на югъ. Здѣсь особенно замѣчательна Агра — городъ, расположенный на берегу священной рѣки Джумны и въ своей исторіи тѣсно связанный съ именемъ Акбара Великаго, который перенесъ сюда свой престолъ изъ Дэли три столѣтія назадъ.

Этотъ великій правитель оставилъ по себѣ такую память, что индусы считаютъ его воплощеніемъ божества, несмотря на то, что онъ былъ мусульманинъ; впрочемъ Акбаръ не притѣснялъ индусовъ и не принуждалъ принимать магометанства. Чтобы показать свою терпимость онъ имѣлъ женъ различныхъ религій и позволялъ исполнять имъ всѣ свои обрядности. Одна изъ женъ была португалка.

Послѣ 50 лѣтъ царствованія и успѣшныхъ завоеваній, Акбаръ успокоился въ послѣднемъ снѣ. Его могила находится неподалеку — Синандра — прелестный мавзолей индусскаго или скорѣе буддійскаго стиля. Подъ мраморнымъ саркофагомъ съ надписью: „Пусть его слава сіяетъ", лежитъ прахъ великаго правителя, павшаго по преданію жертвою своей собственной фатальной ошибки. Онъ имѣлъ обычай, при торжественныхъ аудіенціяхъ, любезно предлагать своимъ сановникамъ сладкія лепешки, изъ которыхъ нѣкоторыя были отравлены. Осчастливленные этою милостію, только возвращаясь домой, они узнавали—должны ли они умереть, очищая вакансію, или же ихъ неизбѣжно ждало повышеніе. Акбаръ самъ ошибся, съѣвъ лепешку не съ той стороны коробочки, и открылъ дорогу къ престолу своему сыну Джеханъ-Жиру.

Было бы затруднительно перечислять всѣ архитектурныя достопримѣчательности Агры; но между ними первенствуетъ великолѣпная „мечта изъ мрамора". (Мавзолей Таджъ-Махалъ, построенный надъ могилою Арджамандъ-Бану-Бегунъ, ея мужемъ Шахъ-Джеханомъ. Краса гарема, предметъ обожанія, оставила послѣ себя въ сердцѣ повелителя грусть, выраженную въ нѣсколькихъ надписяхъ. Грусть эта быть можетъ сохранялась до самой смерти, такъ какъ шахъ приказалъ похоронить себя тутъ же рядомъ. Таджъ-Махалъ изображенъ на множествѣ рисунковъ и картинъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. Въ особенности хорошъ его видъ изъ-за деревьевъ сада при лунномъ освѣщеніи, а также необычайно красиво отраженіе въ водѣ.

Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что Таджъ былъ ранѣе увеселительнымъ заломъ для принцессъ, а уже потомъ обращенъ въ мавзолей.

Замѣчателенъ дворецъ великихъ Моголовъ — со множествомъ отдѣленій, онъ самъ по себѣ можетъ быть предметомъ обширнаго описанія. Независимо отъ жилыхъ покоевъ, здѣсь показываютъ великолѣпныя бани для дамъ гарема, которыя изукрашены извнутри множествомъ цвѣтныхъ стеколъ. Свѣтъ разнообразнымъ отраженіемъ отбрасывался на бассейны, въ которыхъ купались красавицы, и повелитель могъ оцѣнивать эффекты освѣщенія.

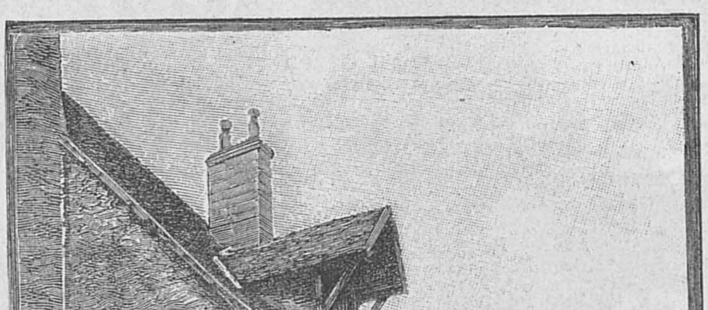
Зала аудіенцій также очень замѣчательна. Еще недавно она была оживлена многолюднымъ *дурбаромъ*, на которомъ принцъ Уэльскій принималъ магараджей и хаджей отдѣльныхъ и вассальныхъ княжествъ Новой Имперіи.

Н. Б.

Къ юбилею Л. Пастера

(Его медаль и домъ, въ которомъ онъ родился)

Торжество чествованія знаменитаго бактеріолога происходило въ большомъ амфитеатрѣ новой Сорбонны. Во время этого торжества была преподнесена великому старцу медаль, деньги на которую собрали путемъ всенародной подписки. Медаль подносилъ президентъ академіи наукъ Аббади. Она отчеканена изъ золота знаменитымъ граверомъ Роти. На лицевой сторонѣ сдѣланъ профильный портретъ Пастера, поражающій необычайнымъ сходствомъ и тонкостью работы; знаменитый ученый представленъ въ своей неизмѣнной ермолкѣ, которую постоянно носитъ. Подъ портретомъ находится надпись: — „ради науки, отечества, человѣчества". Въ лѣвомъ углу отчеканено его имя, а въ правомъ день рожденія. Оборотная сторона медали чрезвычайно изящно украшена лаврами и розами. Надъ этой зеленью и цвѣтами, гармонически перевитыми между собою, помѣщена надпись: — „Пастеру, въ день его 70-лѣтія, признательныя наука и отечество", а пониже означенъ день торжества: „27 декабря 1892". Ко дню юбилея Пастера, домъ въ которомъ родился великій ученый, былъ украшенъ доскою съ надписью. Этотъ домъ находится въ городѣ Доль въ улицѣ дубильщиковъ (rue de tanneurs) и имѣетъ номеръ 43. Въ настоящее время названная улица переименована въ Пастеровскую. Родной домъ ученаго имѣетъ самый скромный наружный видъ и расположенъ въ той части города, гдѣ издавна ютились многочисленные дольскіе кожевенники. Отецъ Пастера также принадлежалъ къ числу представителей этого ремесла. Онъ недолго жилъ въ Долѣ, во французскомъ департаментѣ Юры, и вскорѣ послѣ рожденія сына, ставшаго впослѣдствіи свѣтиломъ науки, вся семья переселилась въ Арбуа.



Домъ, въ которомъ родился Луи Пастеръ, въ гор. Доль во французскомъ департаментѣ Юры.

Съ фотографіи М. Бувере.

Луи Пастеръ

Недавно былъ большой праздникъ науки. 15-го (27) декабря истекшаго года исполнилось семьдесятъ лѣтъ жизни одного изъ величайшихъ ученыхъ нашего вѣка Луи Пастера, и весь цивилизованный міръ такъ или иначе принималъ участіе въ чествованіи этого знаменитаго естествоиспытателя, юбилей котораго былъ отпразднованъ въ Парижѣ съ особеннымъ торжествомъ. Ученыя заслуги Пастера громадны, а его открытія, его теоріи сдѣлали эпоху въ области науки. Отъ химіи и минералогіи Пастеръ перешелъ къ изученію микроорганизмовъ, занялся изслѣдованіями броженія, ферментовъ, болѣзней шелковичнаго червя, далѣе началъ онъ свои великія открытія въ области бактеріологіи, установилъ фактъ существованія болѣзнетворныхъ микробовъ въ цѣломъ рядѣ заразныхъ болѣзней, культивировалъ эти микробы, добился полученія ослабленныхъ ядовъ и примѣнилъ ихъ путемъ прививки, къ предохраненію животныхъ отъ зараженія, наконецъ, онъ примѣнилъ предохранительные прививки для спасенія людей, укушенныхъ бѣшеными животными. Не будучи ни медикомъ, ни ветеринаромъ, Пастеръ открывалъ новые горизонты, новые методы для медицины. Пастеръ — настоящій фанатикъ науки. Когда съ начала восьмидесятыхъ годовъ всѣ помыслы его сосредоточивались на изслѣдованіи причинъ гидрофобіи, на рѣшеніи темной задачи инкубаціоннаго періода этой болѣзни, великій бактеріологъ не останавливался ни передъ чѣмъ. Онъ не только дѣлалъ опыты надъ массою животныхъ, но и самъ, ради науки, однажды наклонясь надъ головою собаки, бѣшено извергавшей слюну, втянулъ въ себя съ помощью пипетки нѣсколько капель этой смертоносной жидкости животнаго. Эти рискованные опыты, эти поразительныя открытія, слѣдующія одно за другимъ, его не-

Русланъ передъ головою. — Свѣтозаръ, Русланъ, Людмила, Ратміръ, Фарлафъ, Горислава, вѣдьма. — Баянъ. — Похищеніе Людмилы Черноморомъ (1-е дѣйствіе). — Колдунъ Финнъ въ пещерѣ. — Русланъ возвращается съ волшебнымъ кольцомъ; пробужденіе Людмилы (5-е дѣйствіе). — Маршъ Черномора (4-е дѣйствіе).

С.-Петербургъ. Пятидесятилѣтіе оперы М. И. Глинки »Русланъ и Людмила«. — Спектакль въ Императорскомъ Маріинскомъ театрѣ.

Съ натуры рисовалъ для »Всемірной Иллюстраціи« В. И. Навозовъ.

обычайная настойчивость въ преслѣдованіи научныхъ цѣлей; изумительное трудолюбіе, — все это такъ своеобразно, такъ не подходитъ подъ обычную мѣрку, ученыхъ спеціалистовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ запечатлѣно такою талантливостью и геніальностью, что выдвигаетъ Пастера въ рядъ истинно передовыхъ умовъ человѣчества, тѣхъ умовъ, которые, ознаменовавъ себя великими открытіями, одновременно и расширяютъ горизонты теоретической науки и вносятъ благодѣтельный прогрессъ въ различныя области практическаго знанія. При всѣхъ своихъ удивительныхъ познаніяхъ, Пастеръ замѣчателенъ еще тѣмъ, что онъ никогда не принадлежалъ къ матеріалистической школѣ ученыхъ и всегда былъ чуждъ атеизма. Вѣру въ Бога, какъ Творца вселенной, и въ духовное начало Пастеръ не разъ исповѣдывалъ торжественно и одна изъ его рѣчей, проникнутая этимъ духомъ и произнесенная въ парижской академіи наукъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, произвела глубокое впечатлѣніе и надѣлала много шума. Разрушивъ теорію матеріалистовъ о самозарожденіи организмовъ, геніальный ученый тѣмъ самымъ косвенно доказалъ, что невозможно понять происхожденія растительнаго и животнаго царствъ, если не признавать Бога, какъ Творца міра, потому что если теперь, когда мы живемъ, нѣтъ самозарожденія, то гдѣ же основаніе къ тому, чтобы допускать возникновеніе міра органическаго изъ неорганическаго. Такимъ образомъ Пастеръ является побѣдителемъ теоріи самозарожденія. Ему принадлежитъ и великая заслуга установленія причинной связи между развитіемъ многихъ болѣзней и размноженіемъ микроорганизмовъ въ тканяхъ. Открытіе же заразнаго яда и способовъ его ослабленія положило начало новой наукѣ. Наиболѣе блестящее приложеніе этихъ идей, по истинѣ грандіозныхъ, получило значеніе при изслѣдованіяхъ болѣзни карбункула, куриной холеры и въ особенности бѣшенства. „Теорія микробовъ подверглась въ 1884 году сильнѣйшимъ нападкамъ въ докладѣ медицинской академіи — говоритъ Пастеръ. Упорные умы продолжали настаивать на томъ, что болѣзнь нами же зарождается, отъ насъ исходитъ и въ насъ находится (en nous, de nous, et par nous). Но теперь люди свѣтлаго ума уразумѣли, что съ того дня, когда теорія самозарожденія микроорганизмовъ по справедливости могла быть отнесена къ химерическимъ гипотезамъ и когда жизнь этихъ микроскопическихъ существъ оказалась главной причиной разложенія и зарожденія, теорія самозарожденія погибла. Со времени лондонскаго конгресса ведетъ свое начало установленіе возможности уменьшенія силы заразныхъ ядовъ — virus — сохраненія ея при посредствѣ соотвѣтственной культуры, и наконецъ, примѣненіе этихъ открытій къ леченію животныхъ, къ микробамъ-вакцинамъ холеры куръ и карбункула присоединилась масса другихъ, и нынѣ сотни тысячи животныхъ предохранены отъ заразительныхъ болѣзней со смертельнымъ исходомъ“. Вслѣдъ за этимъ Пастеръ праздновалъ новую побѣду науки, чудеснѣйшую изъ всѣхъ его таковыхъ побѣдъ, которая дала возможность обезопасить страшную болѣзнь человѣка — бѣшенство, предохранить людей и животныхъ отъ губительнаго дѣйствія яда упомянутаго недуга. Неутомимо работалъ Пастеръ надъ изысканіемъ раціональнаго метода прививки бѣшенства, и его попытки увѣнчались успѣхомъ. Около семи лѣтъ тому назадъ онъ провозгласилъ въ своемъ знаменитомъ институтѣ, что „предохраненію отъ бѣшенства положено основаніе и что теперь остается основать учрежденія для прививокъ новой вакцины“. Человѣчество обязано знаменитому бактеріологу, помимо упомянутыхъ открытій, еще тѣмъ, что, благодаря пастеровской теоріи, ученые стоятъ уже на пути къ открытію новыхъ средствъ излеченія болѣзней, такія, которыя считались до сихъ поръ смертельными. Глубокій интересъ Пастера къ наукѣ нисколько не мѣшаетъ ему интересоваться и судьбами его славнаго отечества — черта, присущая большинству французскихъ ученыхъ. Что онъ пламенный патріотъ, это доказало его письмо къ декану бонскаго университета, которое Пастеръ написалъ при возвращеніи имъ, послѣ франко-прусской войны, почетнаго диплома доктора-медицины, выданнаго знаменитому ученому этимъ университетомъ. Но тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ интересахъ науки, тамъ Пастеръ поступаетъ иначе. Стоитъ только вспомнить, что онъ едва ли не первый привѣтствовалъ Коха, когда тотъ открылъ свой „туберкулинъ“, возбудившій столько надеждъ и ожиданій. Весьма характерна еще одна черта великаго француза, это — его любовь къ нашему отечеству и къ намъ, русскимъ. Въ знаменитомъ пастеровскомъ институтѣ на почетномъ мѣстѣ помѣщенъ портретъ Государя Императора, а анненскую ленту, ему пожалованную, Пастеръ считаетъ лучшимъ украшеніемъ своей парадной формы. Эту ленту онъ показываетъ чуть ли не каждому русскому, дѣлающему ему визитъ. Самое широкое гостепріимство въ его институтѣ находятъ русскіе. Профессоръ И. И. Мечниковъ, играющій видную роль въ этомъ институтѣ, докторъ Гамалѣя, Хавкинъ и другіе — это все свои люди у Пастера.

Луи Пастеръ родился 15 (27) декабря 1822 года въ городѣ Доль, въ департаментѣ Юры, въ семьѣ кожевника, который служилъ солдатомъ во времена второй имперіи и, вернувшись на свою родину въ г. Доль, сдѣлался ремесленникомъ. Женившись и скопивъ немного денегъ, онъ переселился въ г. Арбуа того же департамента, гдѣ, и сдѣлался владѣльцемъ небольшого кожевеннаго завода. Отецъ Луи Пастера любилъ въ свободные часы читать, питалъ большое уваженіе къ наукѣ и рѣшилъ дать своему сыну образованіе. Съ этою цѣлью онъ прежде всего помѣстилъ его въ мѣстную коллегію, гдѣ Луи Пастеръ обнаружилъ столь выходящія изъ ряда способности, что директоръ училища посовѣтовалъ ему подумать о продолженіи его образованія въ парижской Нормальной школѣ. Пастеръ выказалъ, между прочимъ, талантъ и къ рисованію, находясь еще въ младшихъ классахъ училища, гдѣ преподаваніе поставлено было далеко не удовлетворительно. Вотъ почему юный Пастеръ и перешелъ въ безансонскій коллежъ. Здѣсь на другой годъ онъ былъ удостоенъ диплома баккалавра и тогда же оставленъ репетиторомъ въ томъ же коллежѣ. Не оставляя мысли о поступленіи въ Нормальную школу, онъ дѣятельно занимался математикой и, заинтересовавшись также и химіей, сталъ брать уроки у мѣстнаго аптекаря, такъ какъ другаго лица здѣсь не было, которое могло бы познакомить его съ этой наукой. Подготовившись, Пастеръ выдержалъ экзаменъ въ Нормальную школу и былъ признанъ кандидатомъ четырнадцатымъ по списку. Это его не удовлетворило, онъ сталъ готовиться вновь и вскорѣ былъ принятъ четвертымъ по списку. Занятія химіей сдѣлались для него потребностью, обратились у него въ страсть, и Пастеръ все свободное отъ прочихъ занятій время проводить сталъ въ лабораторіи и библіотекѣ въ Сорбоннѣ, гдѣ слушалъ лекціи у химика Дюма. Кромѣ того онъ изучалъ и минералогію, свѣдѣніями по которой онъ особенно обязанъ Делафоссу, преподавателю Нормальной школы. Пастеру было года 23, когда онъ подъ вліяніемъ одной замѣтки германскаго минералога Митчерлиха, началъ работать надъ изслѣдованіемъ кристалловъ виннокаменнокислыхъ солей натрія и аммонія и скоро сдѣлалъ открытіе, обратившее на себя вниманіе спеціалистовъ. Открытіе это было доложено въ засѣданіи академіи наукъ и Пастеръ былъ потомъ награжденъ румфортовскою медалью отъ лондонскаго королевскаго общества. Въ 1847 г. онъ былъ удостоенъ докторской степени, а въ ноябрѣ слѣдующаго года онъ получилъ каѳедру физики въ дижонскомъ университетѣ. Затѣмъ въ 1849 г. онъ перешелъ въ страсбургскій университетъ, занявъ каѳедру химіи и на ряду съ педагогической дѣятельностью продолжалъ и свои научныя изысканія, работая надъ молекулярной диссиметріей. Его лекціи въ этомъ университетѣ привлекали всегда многочисленную аудиторію и возбуждали глубокій интересъ. Въ 1854 г. въ Лиллѣ былъ основанъ физико-математическій факультетъ, и Пастеръ получилъ приглашеніе къ организованію его и занятію мѣста декана. Здѣсь одинъ изъ своихъ курсовъ онъ посвятилъ разсмотрѣнію процессовъ броженія (ферментаціи), что вызвало необходимость провѣрки господствовавшихъ тогда теорій молочнаго и виннаго броженія, а это повело къ открытію ряда микроскопическихъ низшихъ организмовъ, играющихъ роль ферментовъ, и къ новой теоріи гніенія и броженія вообще. Въ 1857 г. Пастеръ занялъ мѣсто директора Нормальной школы. Это повышеніе было однако невыгодно для ученаго, вслѣдствіе отсутствія здѣсь лабораторіи, которую и пришлось ему устроить за собственный счетъ на чердакѣ школы. И здѣсь, въ „чердачной лабораторіи“ Пастеръ производилъ свои опыты надъ „произвольнымъ зарожденіемъ“ и изслѣдованіями виннаго броженія. За этими работами его застало приглашеніе профессора Дюма заняться изученіемъ болѣзни шелковичнаго червя, сильно тогда распространявшейся въ одномъ изъ департаментовъ Франціи и грозившей погубить шелководство. Результатомъ усердныхъ работъ Пастера было опредѣленіе сущности пебрина и другихъ болѣзней, путей зараженія ими, а равно и способовъ предохраненія и полученія здоровой грены. Это открытіе явилось истиннымъ спасеніемъ, какъ для французскихъ, такъ и для всѣхъ европейскихъ шелководовъ. Съ 1863 г., удостоенный незадолго передъ тѣмъ преміи Іекера, онъ началъ читать лекціи геологіи, физики и химіи въ школѣ изящныхъ искусствъ, былъ избранъ членомъ института и получилъ каѳедру химіи въ Сорбоннѣ. Съ этого времени Пастеръ обнародовалъ, одинъ за другимъ, рядъ крупнѣйшихъ научныхъ трудовъ, посвященныхъ главнымъ образомъ вопросамъ, которые очень близко касаются практической жизни и ея нуждъ. Таковы его труды „О винѣ, его болѣзняхъ и причинахъ, ихъ вызывающихъ“, „Объ уксусѣ, его болѣзняхъ и средствахъ ихъ предупрежденія“, „О пивѣ и его болѣзняхъ“ и проч. Въ 1868 г. Пастера поразилъ параличъ. Усиленныя занятія отозвались на нервной системѣ ученаго и онъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ стоялъ на краю могилы. По выздоровленіи онъ принялся снова за свои работы. Въ 1870 г. Наполеонъ III назначилъ его сенаторомъ, но не успѣлъ появиться декретъ объ этомъ назначеніи, какъ имперія пала. Съ половины семидесятыхъ годовъ начались изслѣдованія Пастера въ области бактеріологіи, открывшія собою новую эру въ ученіи о заразныхъ болѣзняхъ и ихъ природѣ. Цивилизованное человѣчество во вѣки не забудетъ заслугъ великаго французскаго ученаго, имя котораго принадлежитъ къ тѣмъ знаменитымъ и тѣмъ многоговорящимъ именамъ, которыми по справедливости гордится человѣческій родъ.

Вольдемаръ фонъ-Эвертъ

Въ воскресенье, 6-го истекшаго декабря, въ Варшавѣ, праздновался юбилей службы въ духовномъ санѣ евангелическо-аугсбургскаго епископа и генералъ-суперъ-интендента Царства Польскаго фонъ-Эверта, съ честью поработавшаго цѣлыхъ полвѣка на пользу своей церкви. Вольдемаръ фонъ-Эвертъ родился 3 марта 1812 г. въ приходѣ Маріи Магдалины близъ Дерпта. Его отецъ былъ пасторомъ въ приходѣ Маріи Магдалины, а впослѣдствіи дерптскимъ пробстомъ. Вольдемаръ Эвертъ кончилъ курсъ въ дерптской гимназіи, а въ 1830 г. поступилъ въ мѣстный университетъ, гдѣ окончилъ курсъ по богословскому факультету въ 1834 г. Не имѣя еще возраста, узаконеннаго для занятія пасторскаго мѣста, онъ посвятилъ себя педагогической дѣятельности. Въ 1836 г. онъ получилъ мѣсто инспектора бауской окружной школы въ Курляндіи. Исправляя эту должность онъ быстро успѣлъ завоевать себѣ всеобщую любовь и уваженіе учениковъ и подчиненныхъ. Послѣ семилѣтней плодотворной дѣятельности на педагогическомъ поприщѣ, 6-го декабря 1842 г., Эвертъ въ Митавѣ былъ посвященъ въ санъ пастора и въ началѣ 1843 года получилъ мѣсто пастора евангелическо-лютеранскаго прихода въ Вильнѣ, гдѣ провелъ 32 года подрядъ, пріобрѣтя всеобщее расположеніе и любовь всѣхъ своихъ прихожанъ. Въ январѣ 1875 г., по предложенію тогдашняго президента варшавской консисторіи, генералъ-адъютанта фонъ-Минквица, Эвертъ былъ назначенъ вице-президентомъ варшавской евангелическо-аугсбургской консисторіи и генералъ-суперинтендентомъ тамошней епархіи. Въ день священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ состоялось назначеніе Эверта на нынѣшнюю епископскую должность. Его ревностное стремленіе и стараніе въ дѣлѣ просвѣщенія своей паствы уже давно принесли свои осязаемые плоды. Основанный имъ всеобщій соборъ оказалъ благотворное вліяніе на подчиненныхъ ему пасторовъ, а черезъ нихъ и на всю паству. Какъ руководитель этого собора онъ явился зачинателемъ во многихъ дѣлахъ, предпринятыхъ на пользу паствы. Такъ, при немъ изданъ сборникъ священныхъ пѣснопѣній и евангелическо-лютеранскій требникъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при способности епископа Эверта на каждомъ мѣстѣ своего служенія окружать себя всеобщею любовью, его юбилей принялъ видъ грандіознаго торжества среди лютеранскаго населенія Царства Польскаго. Въ день юбилея, во время торжественной службы было произнесено нѣсколько привѣтственныхъ рѣчей. Послѣ службы многочисленные чествователи юбиляра собрались въ его квартирѣ, гдѣ ему были поднесены адресы и подарки отъ паствы. Въ числѣ послѣднихъ обращаетъ на себя вниманіе большое, художественно вычеканенное изъ серебра распятіе, работы варшавской фирмы Вернеръ и К°. Пасторы епархіи поднесли юбиляру роскошный, изготовленный въ Берлинѣ, альбомъ. Въ этотъ же день епископа посѣтили генералъ-губернаторъ Гурко съ супругою, архіепископъ варшавско-холмскій Флавіанъ и много другихъ высокопоставленныхъ лицъ. Генералъ-лейтенантъ Бурманъ, явившійся къ юбиляру во главѣ членовъ и служащихъ варшавской консисторіи, принеся поздравленіе, сообщилъ ему о Монаршей милости — назначеніи ему на 6 лѣтъ аренды въ 1000 рублей. Въ этотъ день юбиляромъ было получено болѣе ста поздравительныхъ телеграммъ, въ томъ числѣ отъ министра государственныхъ имуществъ Островскаго, товарища министра внутреннихъ дѣлъ Плеве, директора департамента иностранныхъ исповѣданій князя Кан-

М. Ю. ГЕЙДНЕРЪ,
артистка оперной труппы въ Казани.

Съ фотографіи Фельзеръ, въ Казани, гравировалъ А. И. Зубчаниновъ.

М. К. КШЕСИНСКАЯ,
артистка балетной труппы Импер. с.-петербургскихъ театровъ.

Съ фотографіи К. Бергамаско гравировалъ А. И. Зубчаниновъ.

Двѣ восходящія звѣздочки артистическаго міра.

Грезы красавицы. Акварель Джоржа Гэръ.

Лондонъ. — Выставка общества акварелистовъ въ королевскомъ институтѣ акварельной живописи.

такузена, графа Сперанскаго, вице-директора того же департамента г. Бестужева-Рюмина, сенатора Оржевскаго и множества другихъ высокопоставленныхъ лицъ.

Пятидесятилѣтіе института гражданскихъ инженеровъ

До начала нынѣшняго столѣтія въ Россіи не было спеціальнаго учебнаго заведенія для образованія техниковъ строительнаго дѣла и дорожной части. Въ 1809 году было учреждено вѣдомство путей сообщенія и при немъ основанъ институтъ инженеровъ путей сообщенія, который до 1823 года, т. е. до преобразованія его по образцу кадетскихъ корпусовъ, былъ открытымъ заведеніемъ. Позднѣе, а именно 26-го августа 1830 г., учреждено архитекторское училище—для надобностей по строительной гражданской части означеннаго министерства. Вскорѣ послѣ того, Высочайшимъ указомъ 29-го сентября 1832 г., гражданская строительная часть отчислена изъ министерства внутреннихъ дѣлъ и присоединена, вмѣстѣ съ архитекторскимъ училищемъ, къ бывшему главному управленію путей сообщенія и публичныхъ зданій, въ вѣдомствѣ котораго, кромѣ архитекторскаго училища, находилось также училище гражданскихъ инженеровъ, учрежденное 27-го апрѣля 1832 г., для образованія техниковъ по дорожной части въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. Оба названныя заведенія не вполнѣ удовлетворяли своей цѣли: въ первомъ — при развитіи художественнаго образованія слишкомъ ограниченно преподавались предметы, имѣющіе примѣненіе при устройствѣ городовъ; во второмъ — художественный элементъ образованія находился на самой низкой степени развитія, а главные предметы образованія составляли науки математическія и инженерныя. Между тѣмъ, съ присоединеніемъ строительныхъ комитетовъ къ вѣдомству главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій, для постройки городовъ потребовались люди съ достаточнымъ техническимъ образованіемъ для устройства дорогъ, мостовъ, каналовъ и другихъ гидротехническихъ сооруженій и на столько развитые въ художественномъ отношеніи, чтобы составлять проекты и производить работы по устройству публичныхъ зданій. Для достиженія этой двойной цѣли Высочайшимъ указомъ 17-го декабря 1842 г. архитекторское училище и училище гражданскихъ инженеровъ, по своему одностороннему образованію, соединены въ одно учебное заведеніе, наименованное строительнымъ училищемъ. Оно пережило четыре періода: было сперва военнымъ заведеніемъ, затѣмъ, съ 1861 года, стало гражданскимъ; въ 1877 г. послѣдовало преобразованіе училища въ высшее, открытое, заведеніе, а въ 1882 г. ему присвоено названіе института гражданскихъ инженеровъ. Такова краткая исторія этого учебнаго заведенія, со дня открытія котораго исполнилось 17-го декабря истекшаго года ровно полвѣка и которое дало отечеству столько полезныхъ дѣятелей и выдающихся спеціалистовъ по строительной части. Когда въ 1882 году послѣдовало переименованіе училища въ институтъ гражданскихъ инженеровъ, предметы преподаванія въ немъ оставлены прежніе, также какъ и учебно-вспомогательныя учрежденія: библіотека, кабинеты и музей строительныхъ матеріаловъ. Но зато существенно измѣнены условія пріема молодыхъ людей, которые обязаны до поступленія въ училище окончить полный курсъ гимназій, реальныхъ училищъ или равныхъ имъ учебныхъ заведеній или выдержать въ означенныхъ заведеніяхъ установленныя испытанія. Оканчивающіе полный курсъ въ немъ удостоиваются званія гражданскаго инженера съ правомъ производить постройки по гражданско-строительной и дорожной частямъ. Лучшимъ изъ нихъ предоставлено, кромѣ того, носить Высочайше установленный знакъ.

Въ теченіе полувѣковаго существованія строительнаго училища, теперь института гражданскихъ инженеровъ, въ немъ окончило курсъ 1.020 человѣкъ.

На содержаніе института назначается ежегодно 82.846 руб. Кромѣ того, институтъ располагаетъ еще денежными средствами, образующимися отъ платы за слушаніе лекцій и доходовъ отъ продажи изданій института. Къ 1-му января текущаго года спеціальныхъ средствъ состояло 58.651 руб. 48½ коп.

Празднованіе пятидесятилѣтія института состоялось въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ, великихъ князей: Владиміра, Алексѣя и Павла Александровичей, Константина Константиновича, Михаила Николаевича и Его Высочества принца Александра Петровича Ольденбургскаго. На юбилеѣ присутствовали также министры, много высокопоставленныхъ лицъ и депутаціи отъ 42 различныхъ учрежденій. По окончаніи благодарственнаго молебствія, которое совершалъ высокопреосвященный митрополитъ Палладій, Ихъ Императорскія Величества и Ихъ Императорскія Высочества направились въ актовую залу, гдѣ министръ внутреннихъ дѣлъ очелъ Высочайшую грамоту, которою институту даровано названіе „Института гражданскихъ инженеровъ Императора Николая I". По прочтеніи Высочайшей грамоты студенты института пропѣли народный гимнъ и торжественную пѣснь, написанную по случаю юбилея. Затѣмъ Государь Императоръ и Государыня Императрица осматривали выставки ученическихъ работъ и работъ гражданскихъ инженеровъ. По отбытіи изъ института Ихъ Величествъ начался торжественный актъ подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, а затѣмъ по окончаніи торжества состоялся въ 6½ часовъ въ залѣ дворянскаго собранія обѣдъ на триста слишкомъ персонъ, на которомъ присутствовали также много высокопоставленныхъ лицъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ во главѣ.

М. Ю. Гейднеръ,

оперная пѣвица

Матильда Юліановна Гейднеръ, пріобрѣтающая извѣстность оперная пѣвица, съ большимъ успѣхомъ подвизающаяся теперь на казанской сценѣ, родилась въ переяславльскомъ уѣздѣ полтавской губерніи 9 іюня 1866 г. Съ дѣтства въ ней проявились музыкальныя способности и большія вокальныя задатки. Родители дали ей общее образованіе. Будущая пѣвица кончила курсъ сперва въ переяславльской прогимназіи, а затѣмъ въ житомірской гимназіи. Въ 1883 г. она поступила въ петербургскую консерваторію, гдѣ усердно занималась два года въ классахъ пѣнія у Габеля и три года у Эверарди, который, превосходно поставивъ ея контральто, всегда поощрялъ и цѣнилъ свою талантливую ученицу.

Окончивъ съ большимъ успѣхомъ курсъ консерваторіи и отличившись на экзаменѣ, г-жа Гейднеръ вернулась на югъ и черезъ годъ я получила приглашеніе въ Тифлисъ на контральтовыя партіи. Затѣмъ съ возрастающимъ успѣхомъ пѣла въ Харьковѣ, Кіевѣ, а теперь въ Казани исполняетъ контральтовыя и меццо-сопрановыя партіи, сдѣлавшись любимицей публики. Ея рѣдкій контральто — по силѣ, красотѣ звука, діапазону (отъ нижняго *la* и даже *mi* до верхняго *la* и *si*) и обработкѣ — въ соединеніи съ счастливой, сценической внѣшностью и несомнѣнный драматическій талантъ обезпечиваютъ молодой артисткѣ громкую артистическую карьеру. Особеннымъ успѣхомъ г-жа Гейднеръ пользуется въ роляхъ: Вани, княгини (въ Русалкѣ), Карменъ, Азучены, Урбана и др.

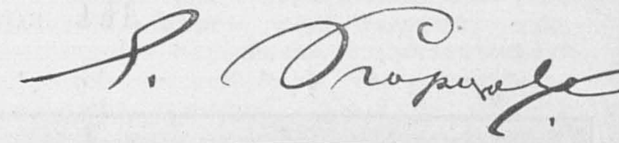
Еще впервые въ истекшемъ году казанскій театръ былъ переполненъ въ такой степени, какъ на бенефисѣ г-жи Гейднеръ, 14 декабря, при представленіи „Карменъ", поставленной третій разъ въ сезонѣ. Этотъ спектакль представлялъ цѣлый рядъ овацій артисткѣ. Сборъ былъ почти полный и далъ около 1.400 р. Бенефиціантка была встрѣчена продолжительными рукоплесканіями и осыпана цвѣтами съ верхнихъ ложъ при выходѣ и въ первомъ антрактѣ. Ей было поднесено много подарковъ по подпискѣ; между прочимъ золоченый вѣнокъ съ лентою, на которой были отпечатаны наименованія ея лучшихъ ролей, затѣмъ: брилліантовый браслетъ, брилліантовая брошь, выигрышный билетъ, нѣсколько золотыхъ вещей, портретъ артистки, убранный живыми цвѣтами, и два оперныхъ клавира въ роскошныхъ переплетахъ. Вызовы были продолжительные, и часть публики долго не расходилась по окончаніи спектакля. Бенефисъ г-жи Гейднеръ послужилъ живымъ доказательствомъ того, какъ сочувственно и радушно относится мѣстная публика къ истинному, выдающемуся таланту.

М. Ф. Кшесинская,

балерина

Намъ уже приходилось указывать на сравнительное оживленіе, которое въ послѣднее время стало замѣчаться въ кружкахъ, заинтересованныхъ судьбами русскаго балета, и на большее вниманіе публики къ балетнымъ спектаклямъ. Въ ряду причинъ, способствовавшихъ этому явленію, не послѣднее мѣсто принадлежитъ блестящимъ дебютамъ нашей новой высокоталантливой балерины М. Ф. Кшесинской, которая въ нынѣшнемъ сезонѣ получила возможность развернуть свое хореграфическое дарованіе и оправдать тѣ надежды, которыя возлагались на нее еще въ періодъ ея пребыванія въ театральной школѣ. Матильда Феликсовна — артистка совершенно юная, всего два года тому назадъ окончившая школу, но, несмотря на это, она вполнѣ овладѣла симпатіями петербургской публики и воскресила для театраловъ воспоминаніе о блестящемъ періодѣ русскаго балета.

М. Ф. Кшесинская родилась въ артистической семьѣ и унаслѣдовала богатое хореграфическое дарованіе отъ своего отца, знаменитаго и заслуженнаго ветерана петербургской балетной сцены. Проблески выдающагося таланта обнаружились у Матильды Феликсовны еще въ годы самаго ранняго дѣтства. Шестилѣтнимъ ребенкомъ она въ первый разъ присутствовала на балетномъ спектаклѣ, который произвелъ на нее столь сильное впечатлѣніе, что она по цѣлымъ днямъ принимала позы и дѣлала разнообразныя па, стараясь подражать балеринѣ. Поступивъ въ петербургскую театральную школу, будущая балерина съ первыхъ дней своего тамъ пребыванія выдѣлилась своими богатыми способностями и обнаружила присутствіе выдающагося таланта, который скоро сталъ замѣчаться всѣми лицами, соприкасающимися съ балетнымъ міромъ. Блестяще окончивъ наше образцовое театральное училище, Матильда Феликсовна вынесла изъ него лучшія и наиболѣе цѣнныя традиціи строго-классическаго балета и ту артистическую законченность, которая обнаружилась при первыхъ самостоятельныхъ шагахъ ея на сценѣ. Но не ограничиваясь пройденной школой, молодая артистка продолжала работать усердно надъ усовершенствованіемъ своей техники и подъ руководствомъ г. Чекетти очень скоро постигла всѣ тонкости и трудности современной техники первоклассныхъ итальянскихъ балеринъ. Въ этомъ отношеніи Матильда Феликсовна является единственною танцовщицей, въ которой вполнѣ достигнуто соединеніе требованія двухъ школъ: староклассической и современной итальянской. Но преимущество нашей юной балерины передъ итальянскими неоспоримо. У послѣднихъ исполненіе техническихъ трудностей принимаетъ нерѣдко характеръ чистой эквилибристики и развивается въ ущербъ пластики и граціи, тогда какъ у нашей балерины эти основныя требованія хореграфіи стоятъ на первомъ планѣ и величайшія техническія трудности нисколько не нарушаютъ общей гармоніи. М. Ф. Кшесинская дебютировала въ нынѣшнемъ году въ балетѣ „Колькабрино", и объ этомъ во всѣхъ отношеніяхъ блестящемъ дебютѣ мы уже говорили, а потому вновь распространяться не будемъ. Прибавимъ только, что петербургская публика, давно уже сдѣлавшаяся равнодушной къ балету, на этотъ разъ была поражена силой молодаго, яркаго дарованія и упрочила за артисткой ея выдающійся успѣхъ. Остается пожелать, чтобы театральная администрація съ своей стороны способствовала дальнѣйшему развитію рѣдкаго таланта нашей юной балерины, давая ей возможность проявить свои силы въ другихъ балетахъ строго-классическаго репертуара.



Грёзы красавицы

Къ картинѣ Джоржа Геръ

Она витаетъ въ мірѣ чудныхъ грёзъ,
  Разсыпавъ шелкъ кудрей по изголовью.
Горятъ ланиты ярче вешнихъ розъ,
Сверкаетъ взоръ огнемъ подъ соболиной бровью.
Полураскрылись алыя уста,
И грудь высокая колышется мятежно...
Волнуетъ ли ее завѣтная мечта?
Или блуждаетъ мысль красавицы небрежно?
О, нѣтъ, я знаю: въ чуткой тишинѣ
Твой ловитъ слухъ похвалъ привычныхъ ропотъ,
И слышится тебѣ, какъ будто въ полуснѣ,
И лести вкрадчивой, и страсти нѣжный шепотъ.
Ты улыбаешься лукаво имъ въ отвѣтъ,
Привыкнувъ надъ толпой царить красою властной,
И жаждешь ты побѣдъ и новыхъ все побѣдъ,
Чтобы томить сердца надеждою напрасной.
О, недоступная ни клятвамъ, ни мольбамъ,
Тебѣ недугъ любви пока еще невѣдомъ!
И если кто падетъ къ твоимъ ногамъ,
Ты только тѣшишься его безумнымъ бредомъ.
Не знаешь ты, какъ страсть волнуетъ кровь,
Какъ проникаетъ ядъ ея глубоко;
Но погоди: волшебница-любовь
Отмститъ тебѣ самой, отмститъ жестоко!
Въ сердечкѣ молодомъ растаетъ твердый ледъ,
И страсти вспыхнутъ въ немъ пожаромъ...
О, берегись: еще твой часъ пробьетъ —
Поддашься ты сама всесильнымъ страсти чарамъ.
Подшутитъ надъ тобой еще капризный рокъ,
И жизнь отдашь ты за мгновенье,
И перестанешь ты порхать, какъ мотылекъ,
Толпы твоихъ рабовъ дразня воображенье...

Къ юбилею „Руслана и Людмилы"

Своевременно мы помѣстили во „Всемірной Иллюстраціи" рисунки, относящіеся къ пятидесятилѣтію оперы М. И. Глинки „Русланъ и Людмила". Тогда же дана была и обстоятельная статья нашего почтеннаго сотрудника по музыкальной части М. М. Иванова, посвященная какъ юбилейному спектаклю въ память незабвеннаго композитора, такъ и постановкѣ оперы „Русланъ и Людмила" съ новыми де-

кораціями и картинами. Сцены изъ этой оперы въ новой постановкѣ и рисунки костюмовъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ мы и воспроизводимъ въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала. Эти рисунки дадутъ понятіе читателямъ нашимъ о той живописности, которою отличалась постановка оперы въ день юбилейнаго спектакля на сценѣ Императорскаго маріинскаго театра.

Новости печати

„Энциклопедическій словарь“. Томъ VII (Волапюкъ-Гальбанъ). Изданіе *Ф. А. Брокгауза* (Лейпцигъ) и *И. А. Ефрона* (С.-Петербургъ). СПб. 1892.

Тринадцатый и четырнадцатый выпуски (полутомы) этого обширнаго изданія вошли въ составъ седьмаго тома, отчетъ о первой половинѣ котораго (13-мъ выпускѣ) помѣщенъ уже во „Вс. Иллюстраціи“. Такимъ образомъ намъ остается пополнить этотъ отчетъ лишь указаніемъ на выдающіяся статьи, вошедшія въ 14-й выпускъ.

Этотъ выпускъ, какъ и предшествующій полутомъ, можно безъ преувеличенія сказать, щеголяетъ извѣстными именами ученаго міра и монографіями, вышедшими изъ подъ пера спеціалистовъ по разнымъ областямъ человѣческихъ знаній. Нѣсколько статей профессоровъ: Д. И. Менделѣева („Выпариваніе“, „Вѣсъ атомовъ“, „Газы“), С. Ламанскаго („Газовое производство“), Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго („Вѣсы“, „Вѣсъ и взвѣшиваніе“), Д. П. Коновалова („Вязкость“) и другихъ,—по химическому и механическому отдѣламъ,—которыми „Энц. Словарь“ особенно выдается, не затмеваютъ однако трудовъ русской профессуры по другимъ отдѣламъ его. Такъ по философіи мы встрѣчаемся въ этомъ выпускѣ съ тремя объясненіями понятій Вл. С. Соловьева („Вѣчность“, „Вѣроятность“, „Вѣра“), съ замѣчательно ясно и сжато составленной статьей проф. Л. Ходскаго „Выкупная операція“, многими изложеніями юридическихъ терминовъ (проф. Нечаева и другихъ), свѣдѣніями по географіи и проч.

Изъ особенно интересно и толково составленныхъ монографій нельзя не указать на такія статьи, какъ „Вѣчное движеніе“ (perpetuum mobile) В. Лермонтова и два весьма обстоятельныхъ очерка г-жи Т. Сѣмечкиной „Вышиваніе“ и „Вязаніе“, изъ которыхъ читатель, даже никогда не думавшій о культурномъ и техническомъ значеніи этихъ искусствъ, съ удовольствіемъ извлечетъ много любопытныхъ свѣдѣній.

Мы, разумѣется, не можемъ останавливаться на большей части объясненій „Энц. Словаря“, не взирая на ихъ интересность и достоинства, но, чтобы покончить съ нашимъ краткимъ перечнемъ выдающихся статей, намъ слѣдуетъ еще обратить вниманіе читателя на нѣкоторыя изъ попавшихъ въ послѣдній выпускъ біографій. Въ числѣ ихъ мы встрѣтили біографію бывшаго министра финансовъ В. А. Вышнеградскаго, составленную съ рѣдкимъ знаніемъ дѣла и безпристрастной оцѣнкой всѣхъ мѣропріятій, осуществленныхъ этимъ государственнымъ дѣятелемъ во время его управленія министерствомъ.

Къ VII тому, какъ и къ предшествовавшимъ, приложено множество объяснительныхъ рисунковъ въ текстѣ и карты губерній: вологодской, воронежской, волынской и вятской, описаніе которыхъ вошло въ новый томъ. *А. Гр—скій*

Русскимъ матерямъ. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній о матеряхъ и дѣтяхъ. Составилъ *И. Горбуновъ-Посадовъ.* Цѣна одинъ рубль. М. 1892. Благотворительная цѣль этого сборника: онъ изданъ И. Д. Сытинымъ „въ пользу бѣдныхъ матерей и дѣтей, пострадавшихъ отъ цынги и тифа въ воронежской губерніи“,—должна помочь распространенію его среди читающей публики. Внѣшность книги, отпечатанной на плотной бумагѣ, украшенной немного аляповатой виньеткой (акварелью) на обложкѣ и нѣсколькими отдѣльными картинами — Маковскаго, Бемъ, Лебедева, Касаткина и Переплетчикова въ текстѣ, довольно прилична для такой, сравнительно, недорогой цѣны. Содержаніе сборника разнообразно и интересно. Прежде всего обращаетъ вниманіе отрывокъ изъ *неизданныхъ* автобіографическихъ замѣтокъ Л. Н. Толстого „Первыя воспоминанія“. Это, кажется, за немногими еще исключеніями, — единственная вещь, не бывшая въ печати до появленія въ сборникѣ г. Горбунова-Посадова, представляющемъ собою родъ хрестоматіи, составленной, — какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи, изъ тѣхъ произведеній, „въ которыхъ болѣе или менѣе *задушевно* и *проникновенно* выразилось глубокое благоговѣніе предъ материнской и дѣтской любовью и горячее сочувствіе материнскимъ и дѣтскимъ скорбямъ и страданіямъ“. Кромѣ этого, въ сущности — очень незначительнаго по содержанію, отрывка изъ произведеній графа Толстаго взяты сюда еще три отрывка изъ „Анны Карениной“ и „Дѣтства“. Затѣмъ помѣщены разсказы и отрывки: Глѣба Успенскаго („Живыя цифры“), Печерскаго („Груня Богоданная“), Достоевскаго („Мальчикъ у Христа“), Слѣпцова („Питомка“), Гоголя (изъ „Тараса Бульбы“), Кота-Мурлыки („Любовь великая“), Баранцевича („День Васи“), Короленко („Пріемышъ“), Лѣскова („Воровской сынъ“), С. Т. Аксакова (изъ „Семейной Хроники“), Тургенева („Воробей“, стих. въ прозѣ) и другихъ авторовъ. Стихотворенія, вошедшія сюда, принадлежатъ Барыковой, Никитину, Майкову, Сурикову, Полонскому, Апухтину, Надсону, Шевченкѣ, Чюминой, Лихачеву, Мережковскому, Подолинскому, Некрасову, Голенищеву-Кутузову и самому составителю сборника, помѣстившему здѣсь кромѣ плохихъ стиховъ еще и свои прозаическія вещи („Одна“ и „Христіанка“). Подборъ беллетристическаго и стихотворнаго матеріала сдѣланъ сносно, хотя не безъ яркой *узкой* тенденціозности, временами заставляющей сомнѣваться въ искренности мысли, руководившей составителемъ книги. Въ предисловіи г. Горбуновъ-Посадовъ *проситъ прощенія* „у лучшихъ авторовъ нашихъ зато, что вплелъ въ вѣнокъ ихъ прекрасныхъ чувствъ и образовъ *свои блѣдные опыты*“... Главное дѣло здѣсь не въ томъ, — блѣдны эти опыты или нѣтъ, а въ томъ, что, прочитавъ ихъ, невольно задаешься вопросомъ: что это,—плодъ ли задушевнаго, *проникновеннаго* чувства „искателя счастія міру всему“, или же ходячая мораль аскета, считающаго себя, по своимъ нравственнымъ достоинствамъ, „стоящимъ на верху горы“... Немножко побольше искренности, побольше простоты и поменьше *учительства, подвижничества* и громкихъ фразъ,—и тогда о вопросѣ этомъ не было бы рѣчи! *Б. К—п—н—ъ*

И. А. Бѣлоусовъ. **Малыши.** Разсказы и стихотворенія для дѣтей. Съ 20-ю рисунками въ текстѣ. Спб. Изданіе *М. В. Клюкина.* 1893 г. Цѣна 25 коп. Въ дешевыхъ дѣтскихъ книжкахъ для *младшаго* возраста у насъ всегда чувствовался недостатокъ, что заставляетъ обратить вниманіе на всякую новинку въ этомъ родѣ. Нельзя не отнестись вполнѣ сочувственно къ г. Клюкину, выпустившему въ свѣтъ цѣлый рядъ книжекъ (подъ общимъ заголовкомъ „Добрыя души“) для народнаго и дѣтскаго чтенія и теперь предпринявшему изданіе книгъ для самыхъ юныхъ читателей. Пять разсказцевъ — „На колокольнѣ“, „Пряникъ“, „Въ свѣтлый праздникъ“, „Дождь“, „Весенняя картинка“ — и рядъ стихотвореній, составляющихъ книжку г. Бѣлоусова, были напечатаны раньше въ извѣстныхъ дѣтскихъ журналахъ, что одно уже служитъ ручательствомъ пригодности ихъ для маленькихъ читателей. Лучшіе изъ разсказовъ — „Дождь“ и „Въ свѣтлый праздникъ“, написанные съ большой задушевностью. Стихотворенія вообще блѣднѣе прозы автора „Малышей“, хотя не лишены нѣкоторой картинности и теплоты чувства, такъ подкупающихъ малыша-читателя, незнакомаго съ утонченными требованіями претенціозности, даетъ возможность автору этихъ разсказовъ и стихотвореній, не мудрствуя лукаво, сливаться съ интересами своихъ едва замѣтныхъ отъ земли героевъ и читателей. *Ап. К—скій*

Образцы русской литературы съ удареніями. Томъ I. **Мятель.** Разсказъ графа *Л. Н. Толстаго.* Подъ редакціею *И. А. Мерчинскаго* и *Р. Ф. Абихта.* Изданіе *Гергарда* въ Лейпцигѣ. 1893.

„Среди завоеваній человѣческаго духа, которыя кладутъ свою печать на заканчивающееся столѣтіе, новая русская литература занимаетъ видное мѣсто“. Такими пышными словами начинается объявленіе издателя лежащей передъ нами книжки, предпринявшаго цѣлую серію произведеній русскихъ авторовъ на потребу иностранцевъ, принимающихся за изученіе нашего языка. А что русскій языкъ теперь на полномъ ходу—объ этомъ громогласно свидѣтельствуютъ газетныя извѣстія объ открытіи курсовъ его и въ парижскихъ лицеяхъ, и въ генеральномъ штабѣ германской арміи; и врагамъ, и друзьямъ—одинаковый интересъ изучать то, къ чему они довѣкъ сердцемъ или что подсиживаютъ. Издатель обѣщаетъ выпускать произведенія Гоголя, Пушкина, Островскаго, Тургенева, Некрасова, басни Крылова. Камнемъ преткновенія для иностранцевъ, изучающихъ русскій языкъ, служитъ наше фантастическое удареніе, отстоявшее свою цыганскую волю отъ всякихъ усилій грамматиковъ, старавшихся вогнать его хоть въ какія нибудь общія правила. Поэтому, и въ изданіи предпринятомъ Гергардомъ, вниманіе сосредоточено на правильной разстановкѣ удареній. „Мятель“ Л. Н. Толстаго издана опрятно; ошибокъ не видно, ударенія поставлены почти вездѣ вѣрно. Впрочемъ, издатель предвидѣлъ возможность ошибокъ — книжки будутъ набираться и печататься за границею — и потому обѣщаетъ въ каждомъ послѣдующемъ выпускѣ указывать ошибки, замѣченныя въ предшествовавшемъ выпускѣ. Цѣна выпуска назначена 30 копѣекъ. Въ добрый часъ! *М. О.*

— Императорское московское археологическое общество, помимо изданія своихъ трудовъ, появляющихся въ неопредѣленные, болѣе или менѣе продолжительные сроки, съ наступающаго года предполагаетъ издавать иллюстрированныя извѣстія, которыя будутъ выходить ежемѣсячно, въ размѣрѣ не менѣе двухъ печатныхъ листовъ. Новое изданіе дастъ возможность членамъ общества и любителямъ своевременно знакомиться съ открытіями по археологіи какъ въ Россіи, такъ и за границей. Въ предполагаемомъ изданіи будутъ также печататься: протоколы общества, краткіе отчеты объ археологическихъ съѣздахъ, о появившихся новыхъ изданіяхъ по археологіи, и тому подобныя свѣдѣнія.

— Съ января будетъ издаваться въ Петербургѣ ежедневная политическая и литературная газета „Живое Слово“; разрѣшеніе уже дано; во главѣ предпріятія называютъ Ламанскаго.

— Миссъ Мари Диккенсъ, дочь великаго романиста, печатаетъ воспоминанія о своемъ отцѣ. Она разсказываетъ, между прочимъ, о любви Диккенса къ танцамъ: „Мой отецъ рѣшилъ, что сестра моя Кэти и я должны учиться танцовать польку у Лика и у него. Отецъ придавалъ этому занятію необычайную важность. Нерѣдко онъ пресерьезно упражнялся въ полькѣ одинъ въ углу безъ музыки. Я помню, какъ однажды въ холодную зимнюю ночь онъ проснулся со страхомъ, что забылъ про свои уроки польки. Соскочивъ съ постели, онъ принялся прыгать въ комнатѣ босыми ногами, насвистывая тактъ“.

— Новый романъ Зола „Докторъ Паскаль“, послѣдній изъ знаменитой серіи „Ругоновъ-Макаровъ“ появился въ журналѣ „Revue Hebdomadaire“.

— Итальянская королева Маргарита усердно занимается за послѣднее время въ Грессоне сочиненіемъ стиховъ. Въ печать они не пойдутъ, потому что, по словамъ ея, она предается поэзіи для своего удовольствія и выражаетъ въ нихъ всѣ свои мысли, чувства и впечатлѣнія.

Театръ Музыка

Искусства

— М. Фальге, скульпторъ парижской академіи художествъ и изящныхъ искусствъ окончилъ модель памятника, сооружаемаго Жоржу Бизе (Bizet). Бюстъ высокоталантливаго музыканта будетъ окруженъ лавровымъ вѣнкомъ и гирляндами изъ мрамора. На превосходномъ гранитномъ пьедесталѣ Муза музыки, въ образѣ молодой дѣвушки, чудной красоты, съ арфой и цвѣтами въ рукахъ, помѣщена у подножія статуи, а ниже, одной ступенью, въ позѣ, полной жизни, огня и изящества его „Карменъ“, съ обращеннымъ взоромъ на высокоталантливаго маэстро... Судя по сообщеніямъ иностранныхъ газетъ, памятникъ этотъ, при своей простотѣ, будетъ полонъ изящества и красоты.

Театръ и музыка.

— Въ лондонскомъ Ковентъ-Гарденскомъ театрѣ въ этомъ сезонѣ собралась блестящая оперная труппа. Оркестромъ дирижируетъ извѣстный маэстро Бевиньяни; артисты: г-жа Мельба, Розита Сала, гг. Августъ Гаррисъ, Джіанини (теноръ), Дюфришъ (баритонъ), Абрамовъ и др. Оперы идутъ: „Карменъ“, „Отелло“, „Сельская честь“, „Другъ Фрицъ“, „Фаустъ“, „Севильскій Цирюльникъ“ и др. Слава театра достигла королевы и она пожелала, по словамъ Il mondo Artistico, видѣть ковентъ-гарденскую оперу у себя, въ Виндзорскомъ замкѣ. Для нея были поставлены „Сельская честь“, „Другъ Фрицъ“ и „Карменъ“. Ея величество пришла въ полный восторгъ отъ безукоризненнаго и высокохудожественнаго исполненія этихъ оперъ.

— Въ высшемъ петербургскомъ обществѣ вновь предполагаются въ нынѣшнемъ сезонѣ любительскіе спектакли съ благотворительной цѣлью. Кромѣ графа А. Д. Шереметева, ставящаго „Гамлета“, называютъ еще В. И. Мятлеву и Е. И. Татищеву, устроившихъ въ двадцатыхъ числахъ декабря, въ одной изъ маленькихъ залъ Дворянскаго Собранія, домашній театръ. Въ числѣ любителей изъ дамъ участвуютъ: В. И. Мятлева, Е. И. Татищева, М. В. Мятлева, графиня Толстая, В. И. Приселкова, графиня Клейнмихель, А. А. Дохтурова; изъ мужчинъ: герцогъ Лейхтенбергскій, князь С. Голицынъ, А. Г. Бюнтингъ, баронъ Н. Дризенъ, А. Воронинъ, А. Г. Эттеръ и др. Режиссерскою частью завѣдуетъ артистъ Императорскихъ театровъ Л. Л. Ивановъ, піеса котораго „Веселый Мѣсяцъ Май“ впервые шла въ этотъ спектакль. Кромѣ того, ставятся одноактная шутка-водевиль „Лотерейный Билетъ“ и comme le ver du rideau „Бабушкино Завѣщаніе“.

— Ближайшею новинкой петербургскаго Александринскаго театра является комедія Лопе-де-Вега: „Въ сѣтяхъ Фенизы“, которая будетъ поставлена на праздникахъ.

— Въ бенефисъ М. Г. Савиной, который состоится въ январѣ, пойдетъ четырехъактная драма г. Карпова „Ранняя Осень“.

Для домашняго обихода

Средство противъ ящура у рогатаго скота. Какъ извѣстно, ящуръ — одна изъ самыхъ распространенныхъ и губительныхъ болѣзней рогатаго скота, и во всѣхъ земледѣльческихъ журналахъ много трактуется о томъ, какъ и чѣмъ его лечить. Французскій журналъ „La Science pour tous“ сообщаетъ способъ леченія этой болѣзни, испробованный г. Керрисономъ, богатымъ землевладѣльцемъ графства Суффолькъ, и давшій, по его увѣренію, удивительные результаты. Берется растворъ салициловой кислоты въ количествѣ $3^1/_2$ золотниковъ на $^3/_{10}$ штофа горячей воды и имъ обтираются 3 раза въ день ротъ и шея больнаго животнаго. Кромѣ того, верхъ копытъ посыпается порошкомъ салициловой кислоты. Внутрь слѣдуетъ давать тотъ же растворъ, въ количествѣ $22^1/_2$ долей салициловой кислоты на день, въ три пріема. На четвертый день такого леченія улучшеніе уже замѣтно, а на восьмой, большею частію, наступаетъ полное выздоровленіе.

РИБО,
глава министерства.

ЛУБЕ,
министръ внутр. дѣлъ.

БУРЖУА,
министръ юстиціи.

ШАРЛЬ ФЛОКЕ,
предсѣдатель палаты депутатовъ.

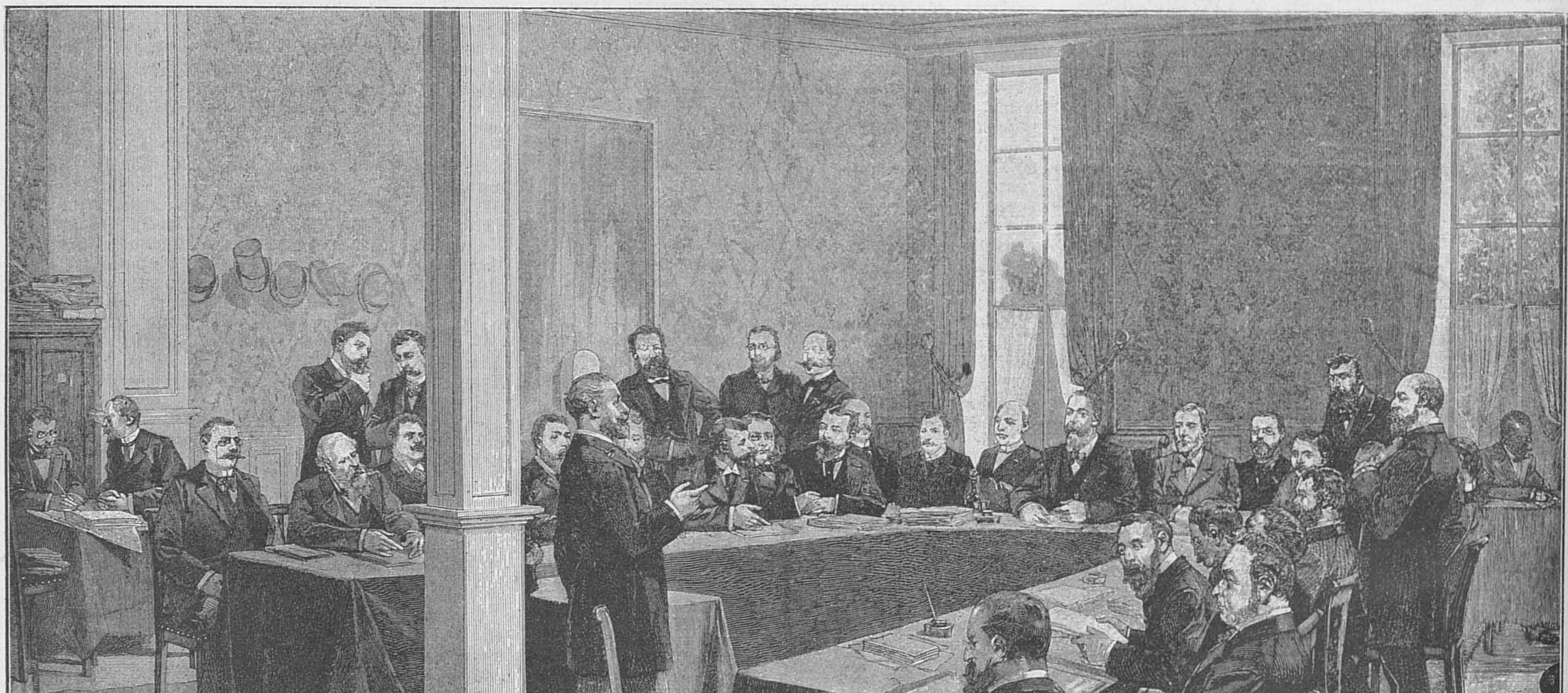
БРИССОНЪ,
предсѣдатель слѣдственной коммиссіи.

ЖОЛИБУА,
товарищъ предсѣдателя коммиссіи.

БАРТУ,
секретарь коммиссіи.

КАМИЛЪ ПЕЛЛЕТАНЪ.
депутатъ.

Члены правительства и слѣдственной коммиссіи.



Засѣданіе слѣдственной коммиссіи.

Франція. — Парижъ. Процессъ строителей Панамскаго канала.

Панамскій процессъ

Судя по послѣднимъ телеграммамъ, слѣдствіе по великому позорищу, получившему громкое, отнынѣ историческое имя панамскаго дѣла, близится къ концу. Изъ Парижа извѣщаютъ, что въ самые ближайшіе дни будетъ приступлено къ судебному разбору дѣла; существуетъ увѣренность, что судъ затянется не менѣе какъ на три недѣли. Въ первомъ же засѣданіи суда будутъ выслушаны показанія главныхъ обвиняемыхъ директоровъ панамскаго общества Шарля Лессепса, барона Коттю, Фонтана и знаменитаго „человѣка башни“, Эйфеля. Старецъ Лессепсъ не явится передъ судомъ; одряхлѣвшій вождь колоссальнѣйшихъ сооруженій нашего вѣка не выдержалъ позора, обрушившагося на его сѣдую голову, разумъ его подался, и старецъ впалъ въ тотъ предсмертный періодъ умственной жизни, который характеризуется возвратомъ дѣтства. На судъ со стороны обвиненія вызваны 31 свидѣтель, а защита вызываетъ только троихъ.

Необычайный интересъ, возбужденный панамскимъ дѣломъ во Франціи, совершенно понятенъ; но и далеко за предѣлами той почвы, на которой оно возникло, дѣло приковало къ себѣ всеобщее вниманіе. Пресытившись скандальными деталями дѣла, пресса стала изощряться въ объясненіи этого событія со всевозможныхъ точекъ зрѣнія. Панамское дѣло перестало казаться простымъ коммерческимъ крахомъ; въ немъ склонны видѣть какую-то громадную махинацію на политической подкладкѣ; отсюда безконечныя варіаціи на всѣ ходячія темы международной политики. Парижскій корреспондентъ берлинскаго „Биржеваго Курьера“ трактуетъ панамское дѣло какъ простую комедію, посредствомъ которой стараются сбить съ пути общественное вниманіе, отвлечь его отъ истиннаго центра всѣхъ событій, отъ закулисной сути дѣла. Первоначальный планъ этой комедіи — говоритъ названный органъ — исходитъ отъ Карно, Буржуа и ихъ сторонниковъ, но надъ нимъ усердно работаетъ драматургъ, обладающій болѣе опытною рукою: онъ перечеркиваетъ первоначальный текстъ, измѣняетъ ходъ интриги и связь между отдѣльными сценами, устраиваетъ неожиданности, которыя мѣшаютъ вставить заранѣе преднамѣченную развязку комедіи. Оффиціальные авторы комедіи изготовляютъ ее по классическому шаблону, съ „благополучнымъ“ окончаніемъ, а ихъ противникъ готовитъ развязку въ нынѣшнемъ, пессимистическо-трагическомъ вкусѣ. Чтобы защитить подкупленныхъ и подкупавшихъ и остановить потокъ разоблаченій, Буржуа спѣшитъ устроить комедію уголовнаго процесса; такимъ энергическимъ оборотомъ дѣла правительство сразу доказывало бы и свое безпристрастіе и пологало бы конецъ дѣлу и всѣмъ вызываемымъ имъ толкамъ, тѣмъ болѣе, что дѣло потребовало конфискаціи всѣхъ документовъ, могущихъ бросить тѣнь во всѣ стороны и впутать въ свалку быть можетъ сотни новыхъ лицъ. И вдругъ является неожиданный разоблачитель и разрушитель этого мирнаго плана, въ лицѣ бывшаго полицейскаго префекта Андріс. Какая муха укусила Андріе, что заставило его съ такимъ ожесточеніемъ вломиться въ панамскій скандалъ — эти вопросы въ свою очередь мгновенно породили цѣлый вихрь соображеній и предположеній, чуть не цѣлую литературу. Андріе проявилъ по истинѣ удивительную дѣятельность. Онъ въ 2—3 дня успѣлъ побывать въ Лондонѣ, повидаться съ Рошфоромъ и съ таинственными воротилами панамскаго дѣла — ученымъ Герцемъ и великимъ дѣльцомъ Артономъ — и вернулся въ Парижъ съ такимъ зарядомъ фактовъ и документовъ въ рукахъ, отъ котораго заранѣе сшитая комедія уголовщины затрещала по всѣмъ швамъ; онъ былъ неуто-

РУВЬЕ, бывшій министръ финансовъ. ДЕВЕСЪ, сенаторъ. АЛЬБЕРТЪ ГРЕВИ, сенаторъ. ЖЮЛЬ РОШЪ, депутат.

ЭМ. АРЕНЪ, депутат. БЕРАЛЬ, сенаторъ. АНТ. ПРУСТЪ, депутат.

Главные обвиняемые.

КОРНЕЛІЙ ГЕРЦЪ. ДЕЛАГЕ, депутат. КЛЕМАНСО, депутат. ПОЛЬ ДЕРУЛЕДЪ, депутат.

Франція. — Парижъ. Процессъ строителей Панамскаго канала.

мимъ, посѣщалъ и принималъ представителей печати и всѣмъ имъ показывалъ свою лондонскую коллекцію фотографическихъ снимковъ съ чековой книжки покойнаго барона Рейнака. А въ этой книжкѣ было усмотрѣно много интереснаго и поучительнаго.

Баронъ Рейнакъ, какъ явствуетъ изъ книгъ панамскаго общества, получилъ въ свое распоряженіе на подкупъ прессы („publicité") 88 милліоновъ франковъ, на „хлопоты" по расположенію министровъ и другихъ вліятельныхъ правительственныхъ лицъ въ пользу великаго предпріятія и его финансовой организаціи. Послѣднюю сумму онъ раздавалъ въ видѣ чековъ — способъ, казавшійся ему наиболѣе скромнымъ и въ то же время допускающимъ правильную отчетность передъ его довѣрителемъ — панамскимъ обществомъ. Чеки выдавались, само собою разумѣется, подставнымъ лицомъ, а чтобъ знать и вѣдать кому слѣдовало, въ какія именно руки ушелъ каждый чекъ, Рейнакъ дѣлалъ на корешкахъ особыя отмѣтки, по которымъ и можно было узнать имя настоящаго получателя. Эта глубоко интересная книжечка чековъ исчезла изъ квартиры Рейнака и не попала въ руки слѣдственной коммиссіи, а попала какимъ-то таинственнымъ путемъ въ Лондонъ, гдѣ Андріе и имѣлъ возможность получить съ нея копію. Гдѣ подлинникъ чековой книжки объ этомъ исторія умалчиваетъ, но фотокопіи съ нея находятся въ разныхъ рукахъ, между прочимъ, у Констана, Лессепса и барона Коттю. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, оказалось, что Андріе имѣетъ въ рукахъ полный и достовѣрный списокъ всѣхъ скомпрометированныхъ и притомъ наиболѣе выдающихся изъ нихъ — членовъ министерствъ, сенаторовъ, депутатовъ. Правительство очутилось въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи. Эта книжка чековъ свалилась, какъ снѣгъ на голову. Копіи съ нея всѣ видѣли, какъ у кого эти копіи имѣются въ рукахъ, а у правительства какъ разъ и нѣтъ такой копіи. Андріе, всюду разблаговѣстившій объ этой книжкѣ, до сихъ поръ, однако же, не выдаетъ вполнѣ своего секрета, ссылаясь на то, что обнародованіе полнаго списка взяточниковъ невозможно сдѣлать не обладая формальными доказательствами виновности скомпрометированныхъ лицъ. Эта злополучная чековая книжка держитъ теперь правительство въ самомъ напряженномъ состояніи, ибо со дня на день можно ожидать, что крайне возбужденный Андріе вдругъ дастъ опубликовать списокъ всѣхъ 104 депутатовъ, получившихъ взятки изъ панамскихъ денегъ.

Пробовали было вновь взяться за Делаге — виновника всей панамской кутерьмы, побуждая его объявить имена депутатовъ, сенаторовъ и другихъ правительственныхъ лицъ, провинившихся въ дѣлѣ. Но Делаге уже и раньше заявилъ себя человѣкомъ очень нерѣшительнымъ и повидимому недостаточно освѣдомленнымъ. Онъ напечаталъ въ „Фигаро" чрезвычайно пространное письмо, въ которомъ заявляетъ, что не имѣетъ никакого желанія принимать на себя роль слѣдственной коммиссіи, которая имѣетъ въ рукахъ гораздо болѣе средствъ раскрыть истину. Онъ ограничиваетъ свою задачу тѣмъ первымъ толчкомъ, который далъ ходъ всему дѣлу. Въ письмѣ приведены, впрочемъ, кое-какія обстоятельства, сопровождавшія врученіе взятокъ нѣкоторымъ лицамъ, конечно, безъ прямаго указанія на этихъ лицъ.

Указывается еще на одинъ весьма любопытный фактъ: Андріе заявилъ, что еслибы правительству удалось арестовать Артона, то онъ безъ сомнѣнія объявилъ бы имена 104 депутатовъ, занесенныя въ чековую книжку Рейнака. Нѣсколько времени тому назадъ Артонъ былъ очень разобиженъ холоднымъ отношеніемъ къ нему офиціозной печати, которая не изъявляла желанія брать его подъ свою защиту. Говорили, что въ то время онъ собирался даже явиться въ Парижъ и отдаться въ руки правосудія. Эта угроза страшно подѣйствовала тогда на правительственныя сферы, ибо возникало весьма основательное опасеніе, что Артонъ съ досады раскроетъ всю правду.

Самая послѣдняя новость въ панамскомъ дѣлѣ — это обвиненіе бывшаго министра общественныхъ работъ Баиго (Baihaut) въ томъ, что онъ получилъ взятку съ панамскаго общества за внесеніе имъ въ палату депутатовъ проекта панамскаго общества о выпускѣ облигацій съ выигрышами. Это было въ 1886 г., какъ разъ въ то время, когда Баиго былъ министромъ. Проектъ былъ, между прочимъ, подписанъ и нынѣшнимъ президентомъ Карно, бывшимъ въ то время министромъ финансовъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ то время правительство скоро отказалось отъ проекта, главнымъ образомъ, по настоянію Карно. Баиго ссылается теперь на то, что проектъ былъ подписанъ не имъ однимъ и настаиваетъ, чтобы Карно былъ вызванъ въ судъ въ качествѣ свидѣтеля. Такъ какъ обвиненіе касается такого дѣйствія, которое было совершено Баиго въ бытность его министромъ, то судебный слѣдователь не имѣетъ права арестовать его до тѣхъ поръ, пока не начнутся прерванныя на праздникахъ засѣданія палаты депутатовъ. Здѣсь будетъ кстати упомянуть о томъ, что правительство чрезвычайно озабочено тѣми событіями, которыми, по всеобщему убѣжденію, будетъ сопровождаться возобновленіе засѣданій палаты. Въ настоящее время въ Парижѣ зрѣетъ оживленное движеніе, направленное противъ правительственной партіи. Съ тѣхъ поръ какъ начался панамскій скандалъ, вожаки всѣхъ политическихъ и революціонныхъ партій начали самую дѣятельную агитацію. Всѣ они убѣждены въ слабости правительства, въ томъ, что оно лишилось всякой общественной поддержки и что вообще наступилъ въ высшей степени благопріятный моментъ для его свержения. Въ силу этого въ обществѣ укоренилось твердое убѣжденіе, что вожаки партій не преминутъ воспользоваться обстоятельствами и что возобновленіе засѣданій палаты послужитъ самымъ подходящимъ предлогомъ для уличныхъ безпорядковъ, организованныхъ въ широкомъ размѣрѣ. Что именно предприметъ правительство въ этотъ рѣшительный для него день, — еще неизвѣстно. Парижскія телеграммы послѣднихъ дней извѣщали, правда, о высылкѣ нѣсколькихъ анархистовъ, но можно быть увѣреннымъ, что не одни же только анархисты соберутся толпами въ улицахъ въ день возобновленія засѣданій. Вожаки ожидаемаго уличнаго движенія, по общему убѣжденію, принадлежатъ не къ анархистской, а совсѣмъ къ другимъ политическимъ партіямъ. Вообще, положеніе дѣлъ въ Парижѣ и во всей Франціи представляется повидимому серьезнымъ.

НОВОСТИ НАУКИ И ЦИВИЛИЗАЦІИ

Школа

— Школы-пріюты въ Петербургѣ. Съ 1892 г. всѣ состоящіе при церковныхъ благотворительныхъ обществахъ Петербурга школы и пріюты поступили въ вѣдѣніе епархіальнаго училищнаго совѣта (при братствѣ Пресвятой Богородицы). Всего такихъ школъ, пріютовъ, убѣжищъ и т. п. насчитывается до 20 съ числомъ учащихся до 500. По распоряженію совѣта, всѣ эти школы распредѣлены по пяти округамъ, и каждый округъ подчиненъ наблюденію одного лица изъ числа столичнаго духовенства. Начиная съ 1893 года, пріютскіе школы постепенно будутъ преобразованы въ церковно-приходскія, причемъ имѣется въ виду при пріютскихъ школахъ открыть старшіе классы, по программамъ церковно-приходскихъ школъ.

— Курсы для подготовки дезинфекторовъ. Химико-біологическое отдѣленіе общества охраненія народнаго здравія рѣшило въ принципѣ организовать курсъ для подготовки дезинфекторовъ. Нѣкоторые профессоры уже изъявили свое согласіе принять участіе въ этихъ курсахъ въ качествѣ лекторовъ. Въ засѣданіи отдѣленія 21-го декабря, при обсужденіи вопроса о желательномъ составѣ слушателей этихъ курсовъ, были высказаны мнѣнія, что наиболѣе дѣльными дезинфекторами были бы студенты-техники, естественники, медики и фармацевты. Для разработки программы будущихъ курсовъ отдѣленіемъ избрана особая коммиссія изъ шести лицъ.

Технологія

— Важное металлургическое открытіе. Въ Вестфаліи появилось новое изобрѣтеніе, замѣняющее выплавку чугуна изъ рудъ; въ случаѣ успѣха оно произведетъ коренной переворотъ въ желѣзномъ производствѣ. Означенное изобрѣтеніе заключается въ одновременномъ примѣненіи электрическаго тока и кислоты для извлеченія желѣза изъ руды. Отдѣленіе желѣза изъ шахты, при произведенныхъ опытахъ, происходило быстро и металлъ получался въ совершенно чистомъ видѣ. Процессъ этотъ дешевле доменной плавки на восемьдесятъ процентовъ. На изобрѣтеніе взята привилегія во многихъ государствахъ; предположено основать общество съ капиталомъ въ 1,500.000 руб. золотомъ. На эту новость смотрятъ пока съ недовѣріемъ, такъ какъ самая идея обработки рудъ съ помощью электричества и кислотъ въ сущности не нова: нѣсколько лѣтъ тому назадъ производились подобные же опыты въ большихъ размѣрахъ, но они оказались безуспѣшными, несмотря на присутствіе самого Эдисона, находившагося тогда въ Европѣ.

Статистика

— Сколько золота добывается во всемъ мірѣ? Одинъ изъ англійскихъ статистиковъ сообщаетъ нѣсколько интересныхъ и важныхъ подробностей касающихся количества золота, добываемаго на всемъ земномъ шарѣ. Количество это съ каждымъ годомъ все увеличивается и 1891 г. занимаетъ первое мѣсто въ этомъ отношеніи. Въ круглыхъ цифрахъ добыча за послѣдніе пять лѣтъ была: въ 1887 году—5,097,000 унцевъ, въ 1888—5.251,000, 1889—5,641,000, 1890—5,586,000, 1891—6,033.000. Главной причиной увеличенія „золотого урожая" служитъ развитіе трансваальскихъ золотыхъ пріисковъ. Въ 1889 году тамъ добывалось лишь 34,897 унцевъ, а въ 1891 г. 729,218 унцевъ, въ 1892 г. ожидается 1,250,000. Въ настоящее время главное мѣсто въ отношеніи количества добываемаго золота занимаютъ слѣдующія государства: Соединенные Штаты—1,586,500 унцевъ, Австралія—1,469,200, Россія—1,019,000. Но съ 1893 г., вѣроятно, второе мѣсто займетъ Трансвааль. Это маленькое государство, основанное людьми, единственнымъ желаніемъ которыхъ было удалиться отъ цивилизаціи и вести патріархальную жизнь, не нарушаемую внѣшними вліяніями, начинаетъ жить насчетъ богатѣйшихъ золотыхъ рудниковъ, какіе когда либо видѣлъ свѣтъ.

Естествовѣдѣніе

— Значеніе работъ Пастера по шелководству. Съ конца сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія среди шелковичныхъ червей появилась повальная болѣзнь, грозившая полнымъ уничтоженіемъ шелководства, составляющаго во Франціи одну изъ самыхъ крупныхъ статей народнаго хозяйства. Французское правительство обратилось къ извѣстному химику Дюма съ предложеніемъ изслѣдовать причину болѣзни. Дюма счелъ себя не въ силахъ взяться за подобное изслѣдованіе и указалъ на Пастера. Послѣдній отправился въ южную Францію и здѣсь, въ глухой деревушкѣ, проработалъ нѣсколько лѣтъ, изучая больныхъ червей шелкопряда. Результатомъ этихъ работъ явились открытія особаго микроба и, такъ называемаго, целлюлярнаго метода предохраненія червей отъ зараженія. Сущность этого метода крайне проста, какъ и все геніальное. Бабочекъ шелкопряда отдѣляютъ на особые кусочки бязи, и затѣмъ, когда онѣ снесутъ яички, подвергаютъ ихъ тѣла микроскопическому изслѣдованію; если микроскопъ откроетъ въ тѣлѣ бабочки присутствіе характерныхъ микроорганизмовъ, яички ея уничтожаютъ, сохраняя только яички тѣхъ бабочекъ, которыя окажутся незараженными. Со времени установленія этого метода, шелководство какъ во Франціи, такъ и въ большинствѣ другихъ странъ, въ которыхъ оно клонилось къ упадку, снова поднялось до прежнихъ размѣровъ и даже значительно превзошло ихъ. Выгоды, доставленныя открытіемъ Пастера, для одной Франціи составляютъ болѣе 200 милліоновъ франковъ въ годъ, а для всѣхъ шелководныхъ странъ онѣ опредѣляются въ милліардъ рублей ежегоднаго дохода.

— Вліяніе зрительныхъ впечатлѣній на природу животныхъ. Какъ извѣстно, вліянію окраски внѣшнихъ предметовъ нѣкоторыя животныя обязаны способностью измѣнять свой цвѣтъ, соотвѣтственно цвѣту окружающей среды. Въ послѣднее время, рядомъ неопровержимыхъ фактовъ доказано, что вліяніе зрительныхъ впечатлѣній идетъ еще дальше и можетъ оказывать воздѣйствіе, черезъ посредство материнскаго организма, и на потомство. Профессоръ Корневенъ, англійскій зоотехникъ Финдлей Денъ, и нѣкоторые другіе ученые приводятъ цѣлый рядъ фактовъ въ доказательство неоспоримости этого скрытаго, косвеннаго вліянія. Большая часть англійскихъ скотоводовъ и коннозаводчиковъ настолько убѣждены въ силѣ этого вліянія, что тѣ изъ нихъ, которые выращиваютъ породы однообразной характерной масти, избѣгаютъ, будто бы, окрашивать хлѣва и конюшни въ цвѣтъ, не подходящій къ цвѣту производимой ими масти. Въ Ирландіи, когда вошли въ моду бѣлыя безъ отмѣтинъ лошади, одинъ изъ мѣстныхъ коннозаводчиковъ окрашивалъ стойла бѣлою краскою и всегда получалъ прекрасные результаты. Одинъ извѣстный англійскій скотоводъ пользовался тѣмъ же таинственнымъ вліяніемъ зрительныхъ впечатлѣній для сохраненія безусловно черной масти въ послѣдовательныхъ поколѣніяхъ выращиваемаго имъ рогатаго скота. Онъ постоянно выкрашивалъ въ черный цвѣтъ стойла, стѣны и потолки хлѣвовъ, и всѣ рождавшіеся у него телята отличались сплошною черною мастью безъ малѣйшихъ отмѣтинъ.

— Новое растеніе съ клубнями, открыто недавно въ западной части Пруссіи однимъ изъ германскихъ профессоровъ; оно весьма похоже на обыкновенный картофель и оказавшееся съѣдобнымъ. При болѣе внимательномъ изслѣдованіи, въ этомъ растеніи признали давно исчезнувшій овощь, служившій нѣсколько вѣковъ назадъ любимою пищею населенія Бранденбургскаго герцогства. Клубни найдены подъ землею на глубинѣ отъ двухъ до четырехъ футовъ.

— Новое леченіе чахотки. Американскій врачъ Альбертсонъ утверждаетъ, что онъ будто бы получалъ прекрасные результаты, заставляя чахоточныхъ дышать въ комнатѣ, наполненной дымомъ отъ медленно сгоравшихъ буковыхъ опилокъ. Сеансы повторялись два-три раза въ сутки. Первое время больные оставались въ дымной комнатѣ только на нѣсколько мгновеній; затѣмъ, сроки постепенно увеличивались до 30—40 минутъ. Въ началѣ кашель и мокрота увеличивались, но уже по прошествіи восьми дней становились меньше; далѣе постепенно ослаблялись и всѣ другія явленія; общее состояніе улучшалось; вѣсъ больнаго увеличивался.

Торговля, промышленность, сельское хозяйство

— Среди кустарныхъ издѣлій черниговской губерніи едва ли не первое мѣсто занимаютъ ткацкія. Производство ткацкихъ издѣлій существуетъ во всѣхъ уѣздахъ, и почти въ каждой избѣ имѣется ткацкій станокъ, или „кресла". Производствомъ занимаются какъ мужчины, такъ и женщины, и среди мѣстныхъ крестьянъ много искусныхъ ткачей, издѣлія которыхъ, сравнительно, дорого цѣнятся. Ткутъ, обыкновенно, зимою; лѣтомъ полотно выщелачивается и выбѣливается, а затѣмъ уже идетъ въ продажу или на домашнія надобности. На всѣ сельскія ярмарки и базары привозится очень много ткацкихъ издѣлій; здѣсь они раскупаются и отправляются въ Нижній-Новгородъ и другіе торговые центры. Крестьянскіе ткацкіе станки пока не усовершенствова-

ны, и работа на нихъ производится, поэтому, медленно, а сложные узоры выполняются съ большимъ трудомъ, такъ какъ для этого требуется до двадцати и болѣе подножекъ.

Военное и морское дѣло

— Бриллiантовый прицѣлъ для ружей. Въ настоящее время во французскихъ военныхъ кружкахъ много говорятъ о существующемъ предположенiи примѣнить природный блескъ бриллiанта къ усовершенствованiю ружейныхъ прицѣловъ. Мельчайшiе осколки бриллiанта издаютъ настолько замѣтный для глазъ блескъ, что присутствiе такой свѣтящейся крупинки на концѣ ружейнаго дула дастъ возможность не терять прицѣла даже въ полумракѣ. Подобное приспособленiе окажется пригоднымъ при ночной стрѣльбѣ, при освѣщенiи электрическими рефракторами.

Исторiя, археологiя, нумизматика

— Открытiе сигаръ Христофоромъ Колумбомъ. Колумбу, кромѣ открытiя Америки, принадлежитъ также и открытiе сигаръ. Въ первый разъ Колумбъ увидѣлъ сигары въ Кубѣ, гдѣ онъ встрѣтился съ индiйцами, которые держали во рту зажженныя трубочки, состоящiя изъ разнаго сорта травъ (называемыхъ испанцами „tabaco“), ароматъ которыхъ они вдыхали въ себя. Хотя самое растенiе подъ названiемъ табакъ, какъ извѣстно, было привезено въ Лисабонъ Жаномъ Нико только въ 1560 году, но честь открытiя табака принадлежитъ все-таки Колумбу.

Географiя, этнографiя

— Татуировка. Пикты, первые обитатели Шотландскихъ горъ, заимствовали свои имена отъ тѣхъ цвѣтовъ, которыми они были покрыты при татуировкѣ. Въ настоящее время въ Европѣ татуировка служитъ какъ эмблема и покрываетъ только руки или грудь моряковъ. Узоръ, который хотятъ изобразить чертится предварительно перомъ на той части тѣла, которая должна быть татуирована. Красящее вещество, красное, голубое или черное, разведено въ сосудѣ, какъ бы для рисованiя. Кожа, на которой узоръ начерченъ, натянута какъ только возможно, и татуировщикъ, окунувъ двѣ, три или четыре швейныя иголки, связанныя вмѣстѣ, въ красящiй растворъ, втыкаетъ ихъ въ кожу. Иголки вонзаются тѣмъ глубже въ кожу, чѣмъ она нѣжнѣе, и если граверъ дѣйствуетъ по совѣсти, то онъ при каждомъ новомъ прокалыванiи долженъ обмакивать свой рѣзецъ въ красящую жидкость. Операцiя кончается, когда весь узоръ изготовленъ такимъ образомъ. Наконецъ, черезъ четверть часа татуированный можетъ вымывать ту сторону, изъ которой просочилось немного крови. Красящiя вещества, болѣе употребительныя, по словамъ г. Гутена, который спецiально изучалъ татуировки, слѣдующiя: алая краска, тушь и синька распущенная въ чистой водѣ, и, наконецъ, черныя или голубыя чернила. Г. Тардье, который также занимался этимъ, видѣлъ почти исключительно татуировки тушью, съ нѣкоторою примѣсью алой краски, и могъ утверждать, что это въ настоящее время почти единственныя употребляемыя краски и, по его словамъ, татуировка тушью, если только она проникла на нѣкоторую глубину въ кожу, прiобрѣтаетъ прозрачность сплетенiй и послѣ нѣкотораго времени голубоватый, очень замѣтный оттѣнокъ, такъ что его можно бы было приписать другому красящему веществу.

НЕКРОЛОГЪ

Лемуанъ Джонъ, извѣстный французскiй публицистъ, авторъ обширныхъ научныхъ трудовъ, † въ Парижѣ 26 ноября 1892 г. Онъ родился въ Лондонѣ 5 (17) октября 1815 г. во французской семьѣ и воспитанiе получилъ частiю въ Англiи, частiю во Францiи. Съ прекраснымъ образованiемъ, знанiемъ иностранныхъ языковъ, изучивъ нравы и бытъ двухъ странъ—Францiи и Англiи, онъ 26 лѣтъ отъ роду сдѣлался дѣятельнымъ сотрудникомъ „Journal des Débats“, дебютируя въ немъ въ качествѣ англiйскаго корреспондента и затѣмъ „Revue des Deux Mondes“. Оригинальный умъ, быстрый, тонкiй съ оттѣнкомъ благороднаго юмора, широкое мiросозерцанiе, правильность сужденiй, превосходный стиль, — все это не замедлило выдвинуть впередъ этого талантливаго публициста. Особенной силой изъ публицистическихъ статей его отличались его походы въ защиту итальянскаго единства и противъ временной власти папъ, противъ притязанiй французскаго ультра-монтанизма и проч. Благодаря его статьямъ, „Journal des Débats“ присоединился къ республиканской партiи. Въ 1871 г. онъ былъ назначенъ дворцовымъ библiотекаремъ въ Фонтенебло, а спустя четыре года, 1-го мая 1875 г. избранъ членомъ французской академiи, занявъ въ ней кресло Жюль Жанена. Въ февралѣ 1880 г. онъ избранъ былъ несмѣняемымъ сенаторомъ на мѣсто Леонса де-Лавернь. Лемуанъ писалъ очень много объ иностранныхъ дворахъ. Изъ прежнихъ трудовъ его во Францiи пользуются извѣстностью: „Les moeurs électorales de l'Angleterre“, „La législation des céréales“, „Conquêtes et désastres des Anglais dans l'Asie centrale“, „Robert Peel et l'Irlande“, „L'Education religieuse des classes manufacturières en Angleterre“, „Brummel“, „La jeune Irlande“, „l'Histoire par la caricature en Angleterre“, „Etudes biographiques et critiques“ и проч.

Кочубей Петръ Аркадьевичъ, бывшiй предсѣдатель Императорскаго русскаго техническаго общества, почетный членъ Императорской академiи наукъ, дѣйств. тайн. совѣтникъ, одинъ изъ учредителей музея прикладныхъ знанiй въ С.-Петербургѣ, владѣлецъ богатыхъ коллекцiй художественныхъ и научныхъ рѣдкостей, † въ полтавской губ. 22 декабря 1892 г., 67 лѣтъ.

Кокшаровъ Николай Ивановичъ, ординарный академикъ Императорской академiи наукъ, докторъ минералогiи и геогнозiи, тайный совѣтникъ, одинъ изъ выдающихся русскихъ ученыхъ, † въ Спб. 21 декабря 1892 г., 74 лѣтъ.

Лапчинскiй Казимiръ, скромный труженикъ на поприщѣ науки и замѣчательный польскiй ботаникъ, † во второй половинѣ декабря 1892 г. Онъ родился въ 1821 г. въ лифляндской губернiи и сперва увлекся изящной словесностью, выступивъ на литературное поприще съ нѣсколькими беллетристическими произведенiями, въ которыхъ проглядывалъ талантъ. Вскорѣ, однако, Лапчинскiй оставилъ беллетристику и страстно отдался занятiямъ естественными науками вообще и ботаникой въ особенности. Онъ довольно много путешествовалъ и въ польскихъ перiодическихъ изданiяхъ помѣстилъ достаточно очерковъ изъ своихъ скитанiй по бѣлу свѣту. Его ботаническiя изслѣдованiя печатались въ польскомъ „Pamietniku fizyograficznym“ и изъ нихъ особенно выдаются работы о географическомъ распредѣленiи растительныхъ породъ, снабженныя картами и таблицами.

Оуэнъ Ричардъ одинъ изъ самыхъ выдающихся англiйскихъ естествоиспытателей, † въ Ричмондскомъ Паркѣ 6 (18) декабря 1892 г. Онъ родился 20-го iюня 1804 г. въ Ланкастерѣ, слушалъ курсъ медицинскихъ наукъ въ Эдинбургѣ и занимался затѣмъ врачебной практикой въ Лондонѣ. Съ 1835 г. онъ сталъ читать лекцiи физiологiи и палеонтологiи въ хирургическомъ комитетѣ, въ клиническомъ институтѣ и въ академiи горныхъ наукъ, послѣ чего онъ занимался въ британскомъ музеѣ приведенiемъ въ порядокъ и общимъ руководствомъ естественно-историческихъ отдѣленiй, а также изданiемъ пятитомнаго иллюстрированнаго каталога. Самой крупной научной заслугой его является возстановленiе образа исчезнувшихъ животныхъ типовъ по ископаемымъ остаткамъ и открытiе законовъ общаго строенiя животнаго организма, что послужило твердымъ основанiемъ для ученыхъ работъ другихъ великихъ изслѣдователей, какъ Дарвинъ, Агассисъ, Гексли, Ляйэль, Гекель и друг. Установленная имъ законосообразность въ процессѣ растительнаго повторенiя органовъ, въ измѣненiяхъ болѣе развитыхъ членовъ организма, въ генерализацiи видовъ (родство вымершихъ и живущихъ родовъ) и въ послѣдовательномъ развитiи таковыхъ, привела къ выработкѣ извѣстной научной теорiи объ утраченныхъ промежуточныхъ видахъ такъ называемой „missing link“. Весьма важны также и работы Оуэна по отдѣламъ о пресмыкающихся, позвоночныхъ, ископаемыхъ, работы о формахъ скелета и строенiи зубовъ, изслѣдованiя по сравнительной остеологiи, а также трактаты о безкрылыхъ птицахъ Новой Зеландiи. Основанный при содѣйствiи этого ученаго новый университетъ въ Манчестерѣ въ честь его названъ „колледжемъ Оуэна“.

Тышкевичъ Елена графиня, извѣстная польская благотворительница, † въ Варшавѣ 30 октября 1892 г. Она происходила изъ фамилiи Колышко и родилась въ 1825 году. Еще въ ранней молодости она проявляла необыкновенную доброту души и отзывчивость ко всѣмъ нуждающимся и обездоленнымъ, близко принимая къ сердцу нужду и горе меньшей братiи. Лѣтъ 18—19 она вышла замужъ за графа Станислава Тышкевича, сына бывшаго кiевскаго предводителя дворянства. Въ 1871 г. ея мужъ скончался и графиня всецѣло отдалась благотворительной дѣятельности; характеристическою чертою графини была скромность, отсутствiе малѣйшаго желанiя выставить на показъ свои добрыя дѣла и обратить на себя благодарное вниманiе. Популярность графини Елены Тышкевичъ среди нуждающагося населенiя города Варшавы и ея окрестностей была громадна.

Черняевъ Валерiанъ Васильевичъ, д. ст. сов., инспекторъ сельскаго хозяйства при министерствѣ государственныхъ имуществъ, извѣстный знатокъ сельскаго хозяйства, блестящiй лекторъ и энергичный дѣятель особенно по устройству сельскохозяйственныхъ выставокъ, авторъ многихъ цѣнныхъ статей по своей спецiальности, † въ Спб. 29 декабря, 48 лѣтъ.

СОДЕРЖАНІЕ НУМЕРА

Текстъ.

Рисунки.

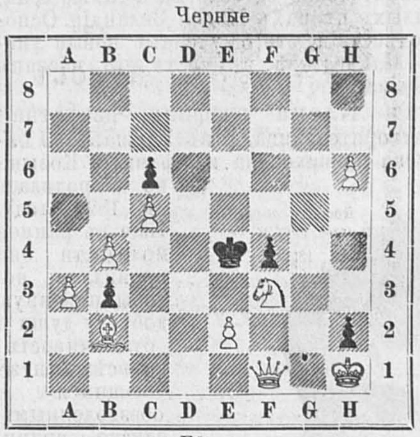
За редактора **Э. Д. Гоппе.**
Издательница **А. П. Гоппе.**

ШАХМАТЫ

подъ редакціей **А. П. Шишкина**

ЗАДАЧА № 1535
R. Weinheimer
Изъ „Deutsche Schachzeitung"

Черные

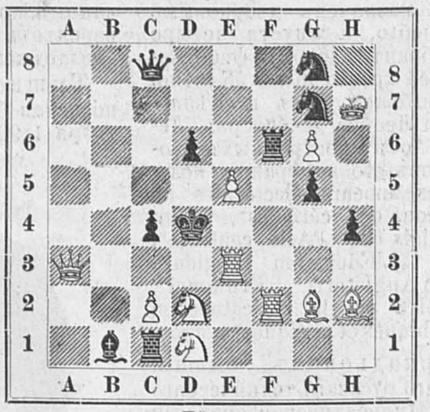


Бѣлые

Матъ въ 3 хода.

ЗАДАЧА № 1536
S. Loyd
Оттуда же.

Черные



Бѣлые

Матъ въ 2 хода.

ПАРТІЯ № 1019

Играпа въ Нью-Іоркѣ 10-го октября 1892 г.

Неправильно начало

	Maj. Hanham. Бѣлые	E. Lasker. Черные		Бѣлые	Черные		Бѣлые	Черные
1.	a2—a3	e7—e6	17.	Ф f5—d3	Кр g8—g7	33.	Ф g3 : f4	Л e4 : f4
2.	e2—e4	d7—d5	18.	Л f1—e1	Л e8—e6	34.	К e3—g2*g*)	Л e8 : e2
3.	e4 : d5	e6 : d5	19.	К f3—h4	К f6—e4*b*)	35.	Л e1 : e2	Л f4—g4
4	d2—d4	К g8—f6	20.	К d2—f1*c*)	К d7—f8	36.	f2—f3	Л g4—g3
5.	К g1—f3	С f8—d6	21.	g2—g3*d*)	Л a8—e8	37.	Кр g1—f2	К g7—f5
6.	С f1—d3	0—0	22.	К h4—g2	Л e6—e7	38.	К h4 : f5?*h*)	Л g3 : f3†
7.	0—0	С c8—g4	23.	С e3—f4	К f8—e6	39.	Кр f2—g1	Л f3 : f5
8.	С c1—e3	К b8—d7	24.	С f4 : d6	Ф c7 : d6	40.	Л e2—e8	К g5—f3†
9.	К b1—d2	Л f8—e8	25.	h3—h4	f7—f5	41.	Кр g1—h1	Кр f6—f7
10	c2—c3	c7—c6	26.	h4—h5	g6 : h5*e*)	42.	Л e8—c8	h5—h4*i*)
11.	Ф d1—c2	Ф d8—c7	27.	К g2—h4	Кр g7—f6	43.	Л c8—c7†	Кр f7—f8
12.	Л a1—e1	h7—h6	28.	Ф d3—f3*f*)	К e6—g7	44.	Л c7 : c6	Кр f8—e7
13.	h2—h3	С g4—e6*a*)	29.	К f1—e3	К e4—g5	45.	Л c6 : h6	Л f5—g5
14.	С d3—f5	b7—b6	30.	Ф f3—g2	f5—f4	46.	a3—a4	Л g5—g3
15.	Л e1—e2	С e6 : f5	31.	g3 : f4	Ф d6 : f4	47.	Л h6—h7†	Кр e7—f8
16.	Ф d2 : f5	g7—g6	32.	Ф g2—g3	Л e7—e4	48.	Л h7—h5?	Л g3—h3×

Примѣчанія къ партіи

a) Теперь, очевидно, партія сведена къ одному изъ варьянтовъ французской партіи.

b) Бѣлые угрожали 20. С e3 : h6† и если 20... Кр g7 : h6, то 21. Л e2 : e6 и черные не могутъ брать ладьи, такъ какъ тогда, очевидно, 22. Ф d3 : g6×.

c) Нехорошо было бы 20. f2—f3, съ цѣлью жертвовать затѣмъ слона на h6; черные могли бы отвѣтить на это, между прочимъ, 20... С d6—h2†; 21. Кр g1—h1 (если 21. Кр g1—f1, то, очевидно, 21... С h2—g3† и затѣмъ 22... С g3 : e1 и т. д.; если же 21. Кр g1—f1, то 21... К e4—g3† и затѣмъ 22... К g3 : e2), К e4—g3† 22. Кр h1 : h2, К g3 : e2†; 23. Кр h2—h1, К e2—g3† и 24... Л a8—e8 или 24... К d7—f8 и т. д.

d) И теперь ходъ 21. f2—f3 не только не давалъ бѣлымъ никакихъ выгодъ, но наоборотъ даже ухудшалъ ихъ положеніе, давая чернымъ возможность аттаковать сейчасъ же или впослѣдствіи слономъ на g3 ладью или коня h4, которому въ этомъ случаѣ не имѣлось бы мѣста для отступленія.

e) Повидимому— ошибка, которой бѣлые однако не съумѣли вполнѣ воспользоваться.

f) Значительно сильнѣе было бы, какъ указываетъ Стейнитцъ, 28. f2—f3 и если 28... К e4 : g3, то 29. Л e2—e5, Л e7—g7! (29... К g3 : f1; 30. Ф d3 : f5†, Кр f6—g7; 31. Ф f5—g6†, Кр g7—h8!; 32. Ф g6 : h6†, Л e7—h7!; 33. Ф h6—f6† и 34. Л e5 : e6); 30. К f1 : g3, Л g7 : g3†; 31. Кр g1—f2, Л g3—g5; 32. f3—f4, К e6 : f4 (если 32... Л g5—g4, то 33. Ф d3 : f5†, Кр f6—g7; 34. Ф f5 : g4†! и т. д.); 33. Ф d3—f3! (или прямо 33. Л e5 : f5† и т. д.), Л g5—g4 (33... К f4—c6 или g6; 34. К h4 : f5! и т. д.); 34. Л e5 : f5†, Кр f6—g7; 35. Л e1 : e8, Л g4 : h4; 36. Л e8—e5 и черные теряютъ еще и коня, такъ какъ если 36... К f5—g6, то 37. Л f5—f7† и т. д.

g) Бѣлые не могли выиграть пѣшку, продолжая 34. К e3 : d5†, такъ какъ тогда 34... c6 : d5; 35. Л e1 : e8, К g7 : e8 и если 36. К h4—g2, то 36... К g5—f3† и т. д.

h) Продолжая 38. Л e2—e5, К g5—h3†; 39. Кр f2—e2, К f5 : h4; 40. К g2 : h4, бѣлые имѣли бы нѣкоторое преимущество въ положеніи.

i) Проще и форсированнѣе было бы 42... Л f5—g5 и затѣмъ 43... Л g5—g3.

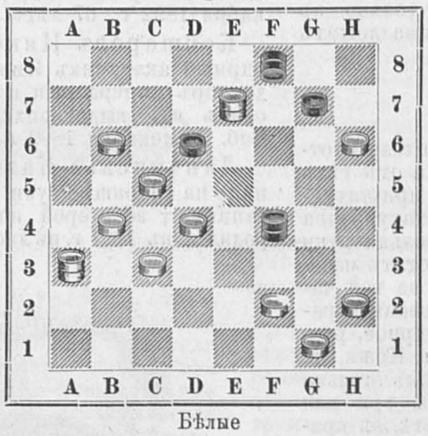
КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ

Ѳ. Л. Амиро (Ростовъ на Дону). Указывая въ № 1240-мъ „Вс. Илл." на желательныя измѣненія въ присланной вами задачѣ, мы вовсе не хотѣли сказать, что при таковыхъ измѣненіяхъ задача ваша можетъ считаться вполнѣ исправленной и должна потому имѣть рѣшеніе. Мы желали только указать, что при перестановкѣ нѣкоторыхъ фигуръ (напр. ладьи съ a2—d2, а не на e2) можно было бы достигнуть: во первыхъ — уменьшенія числа фигуръ, не вліяя ни на идею и ни на трудность задачи, а во вторыхъ — получить новыя болѣе или менѣе интересныя матовыя положенія (напр. при положеніи слона на c6 матъ конемъ на g2 послѣ хода черныхъ ладьей на f3)

ШАШКИ

ЗАДАЧА № 25
Е. Ѳ. Андрезена (въ СПБ.)

Черные

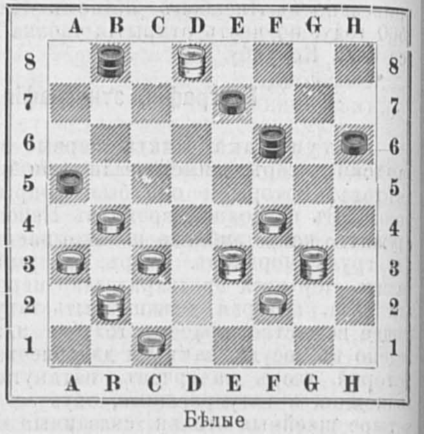


Бѣлые

Запереть дамку.

ЗАДАЧА № 26
Его же.
Изъ „Сына Отечества" 1889 г.

Черные



Бѣлые

Запираютъ дамку и простую.

РѢШЕНІЯ ЗАДАЧЪ (въ №№ 1240 и 1242)

№ 15. *Ѳ. М. Уткина* (въ Муромѣ). 1. d2—b4, a5 : c3 (*a*); 2. c5—a7, f4 : d2; 3. h6 : c1, g3 : c7; 4. b8 : b2 и т. д:

a) 1... f4 : d2; 2. h6 : c1, g3 : c7 (если 2... a5 : c3, то 3. c5—a7 и т. д.); 3. b8 : e5 и 4. e5 : b2 и т. д.

№ 16. *Н. П. Смирнова* (въ Москвѣ). 1. e1—f2, g1 : a1; 2. a3—c5, b6 : e5; 3. b8—d6, e7 : c5; 4. g5 : e7, f8 : d6; 5. d2—e3, d4 : f2; 6. g3 : e1. d6 : g3; 7. h2 : b4, a5 : c3; 8. c1—b2 и т. д.

№ 17. *Ѳ. М. Уткина.* 1. b6—d4, a1 : e5; 2. d8—e7, f6 : b6; 3. d6—e7, f8 : d6; 4. d2—a5, f4 : d2; 5. h6 : f4, e5 : e1; 6. b8 : g3, h4 : f2, 7. a5 : d8.

№ 18. *Е. Ѳ. Андрезена* (въ Спб.). 1. d8—b6, a5 : c7; 2. d4—f6, b2 : b6; 3. e7—d8, g5 : e7; 4. d2 : g5, h4 : f6; 5. a1 : g7.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Ѳ. М. Уткинъ и Н. П. Смирновъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ

Н. П. Смирнову (Москва). Письмо ваше отъ 16-го ноября получено. За задачи благодаримъ.

Н. Кукуеву (Москва). Просимъ прислать болѣе полное рѣшеніе вашей задачи.

Дозв. цензурою. СПб. 31-го декабря 1892 г. Типографія Эдуарда Гоппе Вознесенскій пр. № 53.

ОТГОЛОСКИ ПРАЗДНИКОВЪ

(Послѣ встрѣчи новаго года).

— Мм... ммилостивый государь! Паазвольте... заккурр... ить! Вы молчите... это нехорошооооо!.. А вѣдь мы съ вами сегодня... въ Зимней Аркадіи... кажется... на брудершафтъ пили... Ахъ, pardon, я васъ принялъ за другаго.

Невинный подлогъ

Въ мысляхъ и замѣчаніяхъ, написанныхъ Пушкинымъ въ 1827 г., находится прилагаемый чертежъ при такой замѣткѣ:

„Форма арабскихъ цифръ составлена изъ слѣдующей фигуры:

„A D (1), A B D C (2), A B E C D (3), A B D + A E (4) и проч. Римскія цифры составлены по тому же образцу“.

Рис. 1.

Кабалистическая фигура эта, лѣтъ 30 спустя, возбудила нѣкоторое время толки, въ силу того, что какой-то англичанинъ предложилъ крупную сумму мудрецу, способному выполнить этотъ чертежъ за одинъ взмахъ, т. е. не отнимая руки и не повторяя ни одной линіи. Въ сущности, такая задача такъ-же неисполнима, какъ квадратура круга, послужившая ей основаніемъ: чертежъ можно начинать отъ любой точки,—въ результатѣ всегда не хватитъ какой либо части (дуги или простой линіи) Если напр. начать съ A, то чертежъ — между прочимъ — можно вывести слѣдующимъ образомъ: AB—BC—CD—DA—AC—дуга CB—д., BA—д. AD—д. DC; не хватитъ на этотъ разъ діагонала BD. Къ точкамъ B и D попасть нельзя, такъ какъ, выполнивъ чертежъ вышесказаннымъ порядкомъ, карандашъ или рейсфедеръ остановится на точкѣ C, откуда—при наличности линій CB, CE. CD и дугъ CB и CD—всѣ пути закрыты, если запрещено вторично пройти по какой либо изъ данныхъ частей. Но если на обратномъ пути подложить бумажку (скажемъ напр. между C и B или между C и D), то наказъ обойденъ: тогда явится возможность пробраться къ B или къ C черезъ „мостикъ“ и, не касаясь начерченной линіи, закончить кабалистическую фигуру.

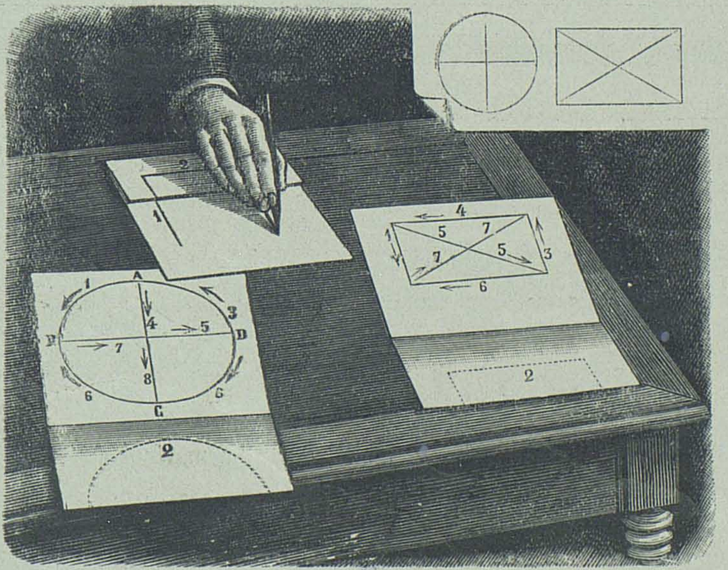


Рис. 2.

Тотъ же опытъ, но, разлагая фигуру на составныя части, т. е. на квадратъ и кругъ, повторяется нынѣ пресловутымъ Томъ-Титомъ; только что, вмѣсто подкладки, онъ употребляетъ загибъ того же листа бумаги, на которомъ помѣщенъ чертежъ. Дѣлается это такимъ образомъ:

Одинъ край листа (приблизительно треть) загибается на верхнюю сторону; чтобы начертить квадратъ съ діагоналами, ведутъ сверху внизъ первую сторону до колонны сгиба; по сгибу проводится вторая; со сгиба кверху — третья; отъ третьей къ первой—четвертая; отсюда проводятъ первый діагоналъ; отгибаютъ закладку, — второй стороны болѣе не существуетъ; проводятъ ее вторично, но уже на самомъ листѣ (слѣдовательно не повторяя линіи) и, дойдя до нижняго конца первой стороны, возводятъ второй діагоналъ. То же самое можно сдѣлать и съ кругомъ, пересѣкаемымъ двумя діаметрами, если нижній полукругъ сначала вывести насгибѣ. Всю эту несложную процедуру — варіантамъ которой конца нѣтъ — можно наглядно прослѣдить на чертежѣ.

В. дё Лэси

Въ С.-Петербургѣ розничный магазинъ: Невскій, № 18 (подъ аптекой).
Главн. складъ у В. Кремера, Старый Гост. Дв., 29,30, Москва.

Въ С.-Петербургѣ оптовая торговля: Садовая, уголъ Чернышева пер., № 19.

АЛЬДЕХИДЪ

Цѣна 60 коп. и 1 рубль.
Химика ВЛАДІО.

НОВЫЙ КОЛЬДЪ-КРЕМЪ

ПРОДАЕТСЯ во всѣхъ аптекахъ и лучшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи и въ Парижѣ, 40, Rue de Cléry.

РОЯЛИ ПІАНИНО

К. М. ШРЕДЕРА,

ПОСТАВЩИКА ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА:
С.-Петербургъ, Невскій, 52.
Прейсъ-курантъ высылается безплатно.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ.

Фирма премирована на европейскихъ выставкахъ десятью золотыми медалями и высшими знаками.

ДЛЯ МЫТЬЯ ВОЛОСЪ

БАЛЬЗАМЪ ЭЙКАЛИПТИ,

косметика А. Энглундъ,

есть средство, освѣжающее головную кожу. Цѣна флакона 1 руб. 50 к., съ пересылкою 2 руб., 2 флакона съ пересылкою 3 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-петербургской косметической лабораторіи. Получать можно въ высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская, 12, и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ: С.-Петербургъ, Бассейная ул., д. № 2.

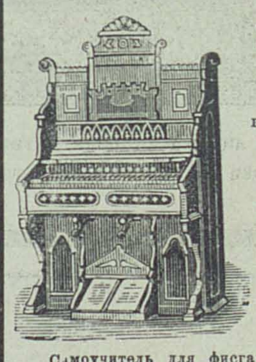
РОЯЛИ и ПІАНИНО

ФАБРИКИ

ПЛЕЭЛЬ ВОЛЬФЪ и К° въ ПАРИЖѢ,

основанной въ 1807 году.
ПРЕДСТАВИТЕЛИ для РОССІИ
торговый домъ
ЛИБРЕХТЪ и К°:
МОСКВА,
Кузнецкій Мостъ, д. Захарьина,
общій подъѣздъ съ магазиномъ Эггерсъ.

ФИСГАРМОНІИ



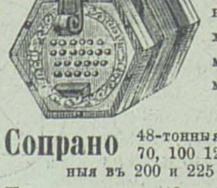
лучшихъ французскихъ, американскихъ фабрикъ и фабрики Шидмайера,

рекомендованныя Главачомъ, Гензельтомъ, Листомъ и др.,

въ 85, 110, 125, 130, 140, 150, 160, 170, 180, 190, 200, 225, 250, 275, 300, 325, 350, 400, 450, 500, 550, 600, 700, 900, 1000 рублей и дороже.

Самоучитель для фисгармоніи 2 р.
Играть на фисгармоніи можно выучиться легко.
Иллюстриров. прейсъ-курантъ и каталогъ нотамъ для фисгармоніи — БЕЗПЛАТНО.

АНГЛІЙСКОЕ КОНЦЕРТИНО,



небольшой инструментъ очень пріятнаго тона съ полной хроматической гаммою, на которомъ можно легко выучиться играть.

Сопрано 48-тонныя въ 24, 30, 40, 55, 70, 100 125, 140 р. и 56-тонныя въ 200 и 225 р. и дороже.

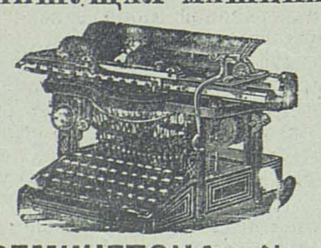
Баритоны 48-тонные въ 85, 160 и 225 руб.

Самоучитель Пруссака 1 р. 50 к.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО
музыкальн. инструментовъ и нотъ:
С.-Петербургъ, Больш. Морская, № 34 и 40;
Москва, Кузнецкій Мостъ, д. Захарьина.

ПИШУЩАЯ МАШИНА



„РЕМИНГТОНА“ № 5,

„новѣйшая изъ всѣхъ существующихъ системъ“,

признана лучшей въ свѣтѣ. Сотни въ употребленіи во всѣхъ министерствахъ и проч. правительственныхъ учрежденіяхъ. Общій сбытъ 100.000 штукъ.
Каталоги и отзывы правительства безплатно.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

Ж. БЛОКЪ:

Москва, С.-Петербургъ, Варшава, Одесса, Екатеринбургъ и Кокандъ.

Pastilles de

TAMAR INDIEN GRILLON

Exiger sur chaque boite la signature

E. Grillon

Chez tous les droguistes et pharmaciens.
Paris E. GRILLON, 27, rue Rambuteau.

Главная контора и редакція „Всемірной Иллюстраціи“ находятся въ С.-Петербургѣ, на Садовой ул., № 22.
Въ Москвѣ отдѣленія конторы находятся: 1) при книжн. маг. А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, 15, и 2) при конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи.
Дозв. цензурою. СПБ. 31 декабря 1892 г. Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

Роскошное изданіе.

Всемірная Иллюстрація

25й годъ | № 1251 | 49й томъ

Суббота 9-го января 1893 г.

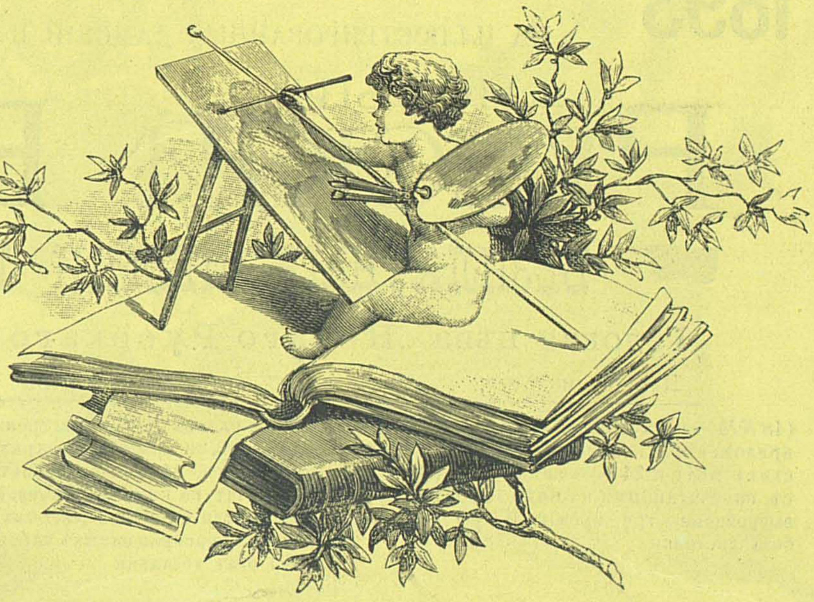
Цѣна нумеру 50 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки на годъ . **20** руб.
(При подпискѣ въ главной конторѣ редакціи.)
Съ доставкою на годъ. . . . . **22** »

Въ Москвѣ безъ доставки на годъ . . . . **22** руб.
Съ пересылкой во всѣ города Россійской имперіи на годъ . . . . **25** »

Подписная цѣна на полгода съ доставкою и съ пересылкою . . . . **12** руб. **50** коп.
За границу (въ государства всемірнаго почтоваго союза) **30** руб.



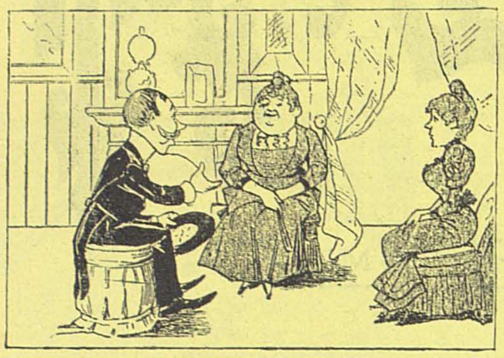
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Редакція и главная контора: Садовая ул. № 22.

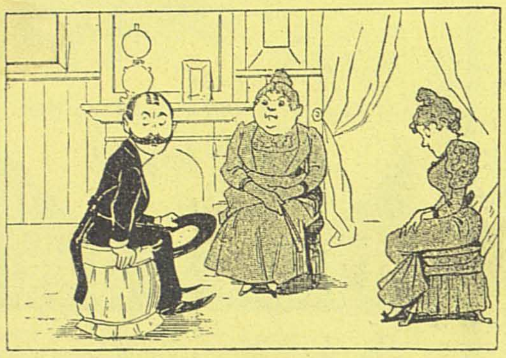
Новогодніе отголоски

Крайне неудачный визитъ.

Хи-хи-хи!



Урръ-Урръ!



Урррррръ!!

Уррррррръ!

Гавъ! Гавъ!

Всемірная Иллюстрація

№ 1251. Годъ XXV. 9-го января 1893 г. Томъ XLIX. № 3.

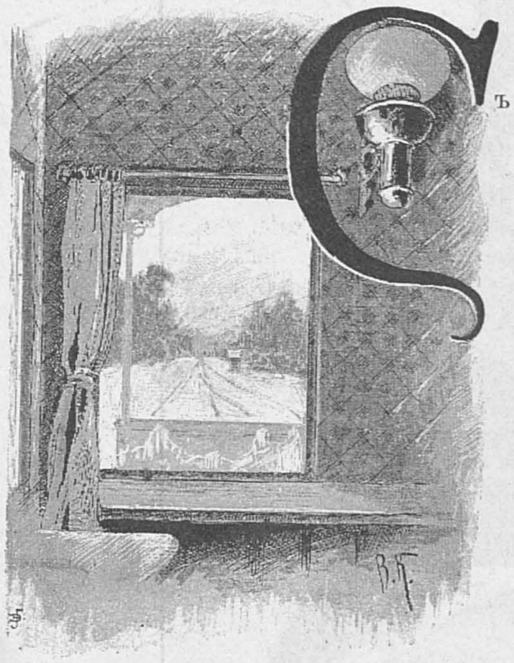
Иностранные художники. — Флорентійская цвѣточница. Картина Ф. Андреотти.

Гравировалъ Р. Киперть въ Лейпцигѣ.

При этомъ, 1251-мъ, нумерѣ гг. подписчикамъ »Всемірной Иллюстраціи« разсылается № 1 журнала „ТРУДЪ“.

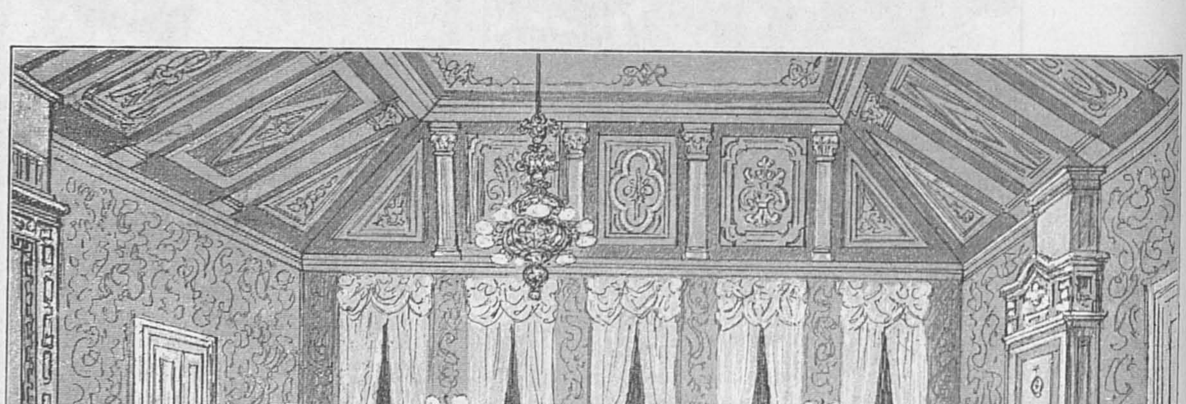
ЗИМНЯЯ ПОѢЗДКА НА ИМАТРУ

Съ иллюстраціями К. О. Брожа и В. Г. Казанцева



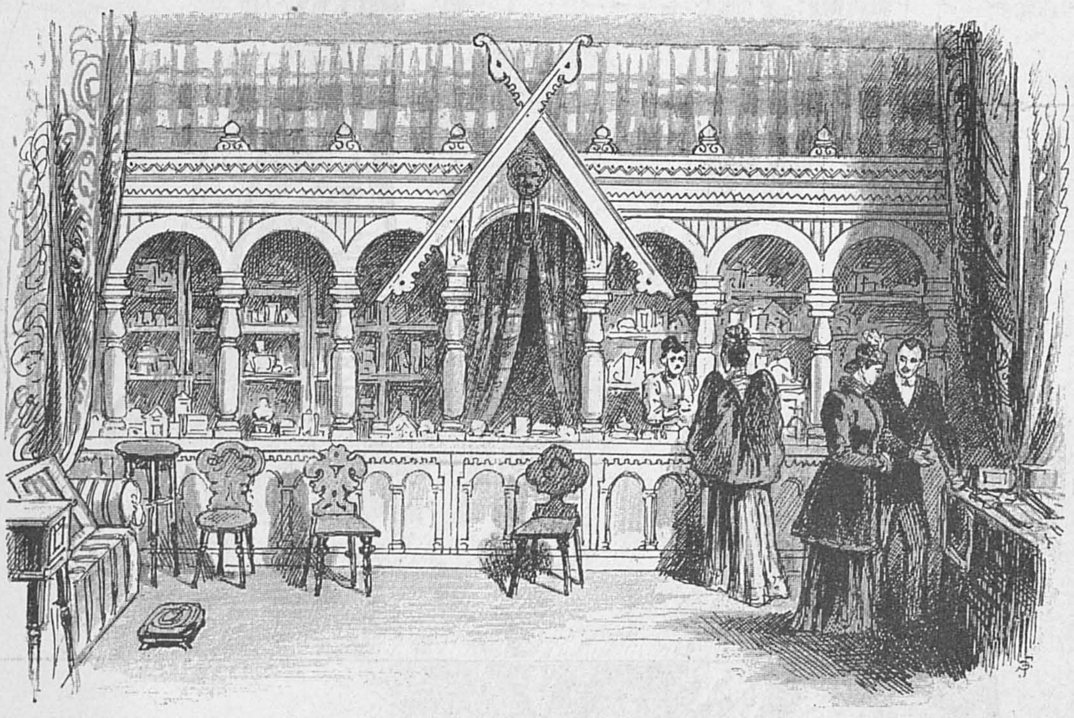
Съ утреннимъ поѣздомъ финляндской желѣзной дороги въ отдѣльномъ вагонѣ отправилась въ первый день праздника Рождества Христова небольшая группа представителей печати, приглашенная администраціею гостинницы на торжественное открытіе ея въ этотъ день, которое должно было ознаменоваться электрическимъ освѣщеніемъ водопада Иматры въ первый разъ. Удобно размѣстившись въ комфортабельномъ вагонѣ, пассажиры поглядывали на знакомые туристамъ виды по сторонамъ дороги, которые въ ослѣпительномъ сіяніи зимняго дня казались еще эффектнѣе. Вплоть до Выборга виды эти утомительно однообразны: все тотъ же мелкій сосновый лѣсокъ, изрѣдка карточные домики финляндцевъ и кругомъ чистый, бѣлый снѣгъ, цѣлыя горы снѣга, сверкающія алмазными искрами. Въ Выборгѣ вагонъ отцѣпили отъ поѣзда, отправившагося далѣе, въ Гельсингфорсъ, и затѣмъ черезъ десять минутъ особый поѣздъ повезъ приглашенныхъ гостей отчасти назадъ до поворота на сердобольскую линію, отъ станціи которой Антреа и устроенъ желѣзный путь вплоть до Иматры. По этому пути окрестности болѣе живописны; лѣсъ гораздо крупнѣе и попадается масса громадныхъ камней, выглядывающихъ изъ-подъ снѣга, придаетъ ему мѣстами какой-то фантастическій характеръ. За версту до Антреа, поѣздъ прогремѣлъ по мосту, перекинутому черезъ Вуоксу и передъ нами открылась поверхность этой незамерзающей рѣки, почти черная отъ контраста съ бѣлымъ снѣгомъ на берегахъ и инеемъ, опушившимъ деревья. Въ 4 ч. дня поѣздъ пришелъ на станцію Иматра, расположенную въ верстѣ отъ водопада, такъ что на весь переѣздъ отъ Петербурга потребовалось семь часовъ. На станціи пріѣзжіе гости пересѣли въ омнибусы чрезвычайно страннаго вида, съ полозьями, напоминающими колеса, и съ кучерскимъ сидѣньемъ на самой крышѣ. Пріѣхавши въ гостинницу, многіе пожелали занять комнаты, чтобы оправиться съ дороги, но размѣститься всѣмъ оказалось очень трудно, потому что нумера были всѣ полны гостями, приглашенными на этотъ же день и пріѣхавшими утромъ съ гельсингфорскимъ поѣздомъ. Вскорѣ раздался звонокъ, и всѣ отправились черезъ дворъ въ ресторанъ, въ который обращенъ теперь прежній отель, гдѣ приглашенныхъ ожидалъ богато сервированный столъ въ средней большой залѣ, ярко освѣщенной электричествомъ. За обѣдомъ подъ предсѣдательствомъ г-жи Неовіусъ, исполнявшей роль хозяйки, присутствовали выборгскій губернаторъ генералъ-маіоръ Гриппенбергъ, сенаторы, профессора гельсингфорскаго университета, учредители акціонернаго общества, въ завѣдываніи котораго находится теперь Иматра, представители печати, художники, между которыми были пріѣхавшіе даже изъ Лондона, и другіе гости, всего около ста человѣкъ. Передъ концомъ обѣда профессоръ докторъ Неовіусъ въ своей рѣчи на французскомъ языкѣ представилъ очеркъ развитія всего дѣла, воздавъ должное энергіи своихъ сотрудниковъ и щедрой помощи правительства. Послѣ него говорили профессоръ Аспелинъ, коснувшійся значенія Иматры, какъ интереснаго пункта для привлеченія туристовъ зимою, баронъ Шультенъ и магистръ Лагусъ, произнесшій чрезвычайно живую рѣчь о значеніи Финляндіи и Кареліи, какъ источникѣ рунъ.

Послѣ обѣда, окончившагося въ восьмомъ часу, распорядители пригласили всѣхъ присутствовавшихъ спуститься къ водопаду на площадку, устроенную на крутомъ берегу. Подъѣзжая среди полныхъ су-



Обѣдъ, устроенный обществомъ »Иматра«, 25-го декабря 1892 г.

мерекъ, никто не замѣтилъ всей прелести зимняго пейзажа, окружающаго Иматру, но теперь, выйдя изъ залы и увидѣвъ его ярко освѣщеннымъ электричествомъ, всѣ пришли въ положительный восторгъ. Дѣйствительно, было чѣмъ полюбоваться. Совершенно бѣлыя деревья, густо покрытыя инеемъ, обступили Иматру и какъ будто закрыли ее, если смотрѣть съ берега, а внизу, между стволами ихъ, виднѣлась ярко освѣщенная, бушующая и клокочущая рѣка. Спустившись на площадку, нельзя было оторвать глазъ отъ чуднаго, можно бы было сказать, фантастическаго, еслибы все это не происходило передъ самыми глазами, зрѣлища, приковавшаго къ себѣ все вниманіе



Вновь открытый постоянный базаръ финляндскихъ кустарныхъ издѣлій.

присутствовавшихъ. Красавица Иматра, сжатая въ объятіяхъ бѣлаго пушистаго лѣса, свѣсившагося надъ нею, несла свои пѣнистыя, прыгающія и дробящіяся съ глухимъ шумомъ волны, которыя были залиты потоками ослѣпительнаго электрическаго свѣта, принимавшаго временами то оранжевую, то зеленую окраску. Сила свѣта была на столько велика, что присмотрѣться къ стоявшему на противоположномъ берегу дереву было невозможно, все сливалось въ ослѣпительно яркое пятно. Подъ впечатлѣніемъ этого вида, одинъ изъ распорядителей прочелъ наизусть стихотвореніе нашего августѣйшаго поэта, К. Р., посвященное Иматрѣ, какъ нельзя болѣе подходившее къ общему настроенію:

Реветъ и клокочетъ стремнина сѣдая
И хлещетъ о звонкій гранитъ.
И влагу мятежную въ бездну свергая,
Алмазною пылью дробитъ.
На берегъ пустынный влечетъ меня снова...
И любо, и страшно заразъ:
Душа замираетъ, не вымолвить слова,
Не свесть очарованныхъ глазъ.
И блескъ, и шипѣнье, и брызги, и грохотъ,
Иная краса каждый мигъ!
И бѣшеный вопль, и неистовый хохотъ
Въ побѣдный сливаются кликъ.
Весь ужаса полный, внимая, гляжу я...
И манитъ, и тянетъ къ себѣ
Пучина, гдѣ воды, свирѣпо бушуя,
Кипятъ въ вѣковѣчной борьбѣ.

Долго, долго стояли всѣ очарованные этимъ волшебнымъ зрѣлищемъ, отъ котораго оторвалъ только звонокъ, возвѣщавшій о прекращеніи освѣщенія водопада.

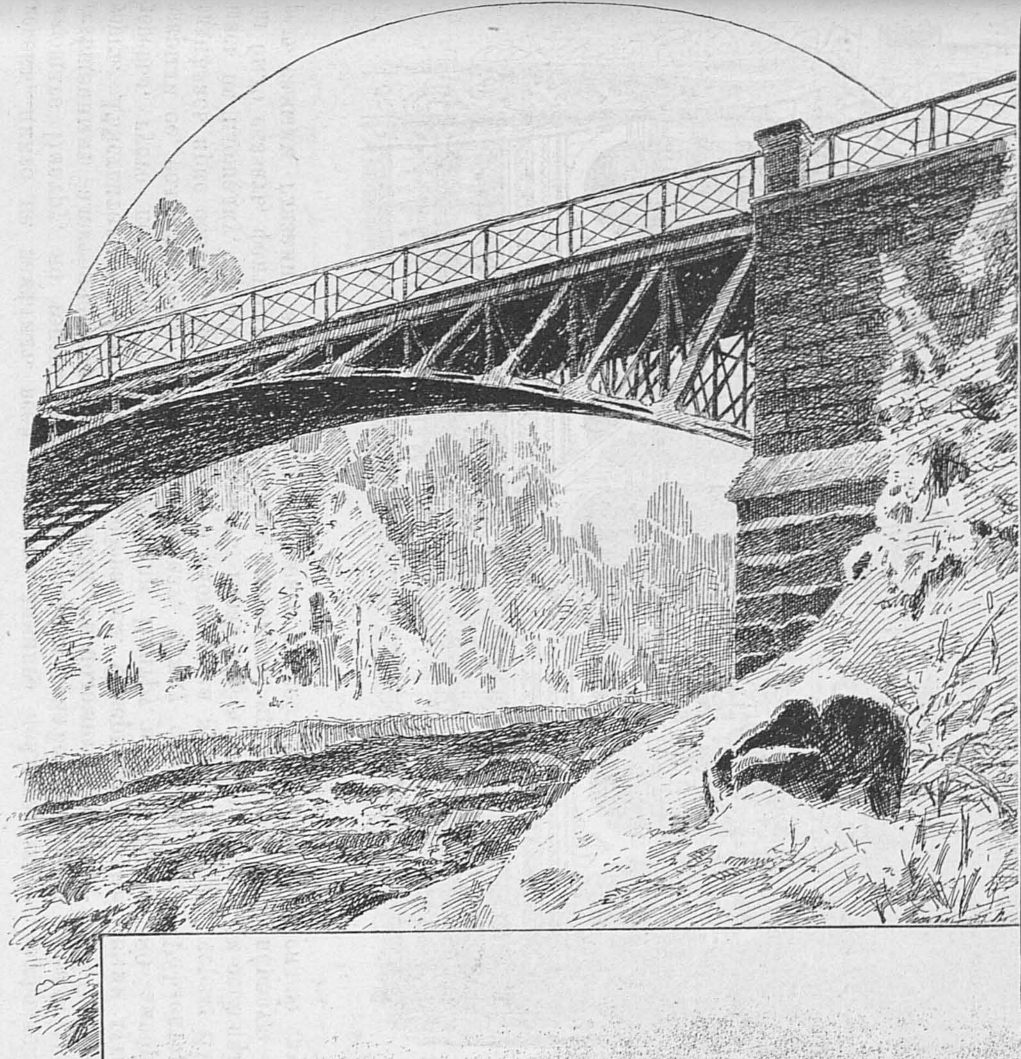
Къ ночи, когда пріѣзжавшіе изъ Гельсингфорса гости уѣхали, оставшіеся размѣстились въ комнатахъ гостиницы, чрезвычайно удобно устроенныхъ. Въ три часа, когда всѣ, подъ шумъ водопада, спали крѣпкимъ сномъ, взошла луна и облила своимъ мягкимъ свѣтомъ Иматру. Получился еще новый эффектъ, уступавшій въ яркости вечернему, но зато неопредѣленностью контуровъ свѣта и тѣней, придававшій пейзажу какой-то сказочный характеръ. Въ облакахъ пара, поднимающагося надъ рѣкой, чудились образы, увѣковѣченные женской народной поэзіей и скандинавскими сагами...

Акціонерное общество „Иматра" было основано въ 1870 году съ цѣлью доставленія всѣхъ удобствъ желающимъ проѣхать и посѣтить Иматру; предсѣдателемъ его былъ фонъ-Кноррингъ. Въ настоящее время оно преобразовалось, въ составъ его вошли профессоръ математики гельсингфорскаго университета докторъ Эд. Неовіусъ, баронъ Максъ Моландеръ, Георгій Фрасеръ и др. Общество это, благодаря щедрости правительства, весьма сочувственно отнесшагося къ цѣли предпріятія, а именно популяризаціи одной изъ красивѣйшихъ мѣстностей Финляндіи, затратило довольно значительный капиталъ, около ста тысячъ марокъ на постройку новаго отеля для путешественниковъ и устройства электрическаго освѣщенія водопада. Отель этотъ освѣщенъ также электричествомъ и содержитъ въ себѣ около семидесяти нумеровъ съ читальной, гостиными, ваннами и т. д. и отличается замѣчательной чистотой и простотой отдѣлки, что совершенно во вкусѣ финляндцевъ.

Освѣщеніе водопада производится двумя рефлекторами съ вольтовыми дугами, силою въ 35 тысячъ нормальныхъ свѣчей каждая, или 80 амперовъ, которыя даетъ локомобиль въ 50 лошадиныхъ силъ. Рефлекторы эти помѣщаются обыкновенно на новомъ желѣзномъ мосту черезъ Иматру, построенномъ правительствомъ около самой гостинницы и освѣщаютъ водопадъ внизъ по теченію. Въ будущемъ предполагается паровую силу, нужную для освѣщенія водопада и отелей, замѣнить силою самаго водопада, который будетъ вращать турбину.

На другой день оставшіеся ночевать приглашенные посѣтители собрались къ завтраку въ залѣ ресторана, гдѣ осматривали базаръ кустарныхъ финляндскихъ произведеній, устроенный въ одной изъ боковыхъ залъ ресторана. Тутъ можно было видѣть работы изъ дерева, изъ шерсти, серебряныя вещи и красиво сгрупированныя ткацкія издѣлія. Около 11 часовъ вся компанія въ приготовленныхъ саняхъ отправилась на водопадъ Валлинкоски, находящійся въ разстояніи четырехъ верстъ пути отъ Иматры по теченію той же рѣки Вуоксы. Путешествіе это представляло не мало затрудненій, потому что около праздниковъ Рождества тамъ выпала такая масса снѣгу, что съ большимъ трудомъ можно было расчистить дорогу; мѣстами приходилось ѣхать или между двухъ стѣнъ изъ снѣга, или по дорогѣ, которая шла выше обыкновенныхъ изгородей. По неукатанному пути лошади шли съ трудомъ и нерѣдко проваливались въ сугробы снѣга, угрожая опрокинуть санки. Но за такое трудное путешествіе, всѣ были вознаграждены восхитительнымъ зрѣлищемъ, которое представляетъ изъ себя Валлинкоски, освѣщенный въ тотъ день яркимъ солнечнымъ свѣтомъ. Рѣка въ этомъ мѣстѣ дѣлаетъ крутой поворотъ, огибая скалистый мысъ, и падаетъ широкимъ порогомъ на нѣсколько саженъ, среди этой массы крутящейся воды выглядываютъ два громадныхъ камня, которые покрыты снѣгомъ. Въ общемъ, благодаря ширинѣ теченія, Валлинкоски производитъ болѣе грандіозное впечатлѣніе, чѣмъ Иматра, которое усиливается еще тѣмъ, что эта масса воды какъ будто несется прямо почти на зрителя, находящагося въ павильонѣ и потомъ поворачиваетъ на право. Единственно, чѣмъ большая Иматра перещеголяла эту маленькую, это — болѣе сильнымъ шумомъ, который зависитъ отъ болѣе крутаго паденія и окружающаго ее лѣса, тогда какъ здѣсь среди открытой мѣстности шумъ этотъ мало замѣтенъ. Возвратившись въ отель съ такими же затрудненіями по пути, посѣтители Иматры сѣли за обѣдъ, за которымъ одинъ изъ членовъ администраціи общества Г. Фрасеръ на русскомъ языкѣ благодарилъ представителей прессы за посѣщеніе Иматры. Въ 4 часа дня ушелъ поѣздъ, увозившій приглашенныхъ, которые, вѣроятно, на долго сохранятъ живое впечатлѣніе объ этомъ праздникѣ природы и искусства, такъ удачно соединенныхъ, чтобы произвести полное очарованія зрѣлище и сохранятъ воспоминанія о радушіи и любезности хозяевъ-устроителей этого празднества.

Наши корреспонденты на пути къ порогу Валлинкоски.



Мостъ черезъ водопадъ.

Верховье Иматры.

Видъ съ моста на водопадъ и вновь открытую гостинницу.

Путь отъ желѣзнодорожной станціи къ гостинницѣ.

Окраины Россіи. — Финляндія. Зимняя поѣздка на Иматру.

Съ натуры рисовалъ для »Всемірной Иллюстраціи« ея спеціальный корреспондентъ-художникъ В. Г. Казанцевъ.

Водопадъ при электрическомъ освѣщеніи 25-го декабря 1892 г.

Съ натуры рисовалъ для »Всемірной Иллюстраціи« ея спеціальный корреспондентъ-художникъ В. Г. Казанцевъ.

Окраины Россіи. — Финляндія. Зимняя поѣздка на Иматру.

КУПИДОНЪ

Разсказъ

КАТРЕЛЛЯ

Неужели тебѣ больше нравится песчаный берегъ? Я предпочитаю гравій и валуны. Однотонная, желтая песчаная равнина утомляетъ глазъ, затѣмъ вѣчно сырой песокъ служитъ пріютомъ безчисленному населенію всякихъ, необыкновенно противныхъ мнѣ, скачущихъ и ползающихъ насѣкомыхъ. Если же вѣтеръ высушитъ его, онъ летитъ, какъ шальной, пляшетъ, крутится и лѣзетъ вамъ въ уши, носъ и ротъ. Право, валуны гораздо серьезнѣе, привычки у нихъ осѣдлыя, вѣтеръ и солнце обсушиваютъ ихъ моментально и если ихъ попросить немножко потѣсниться, а на гравій хоть что нибудь постлать, то между большими камнями усядешься какъ въ гнѣздѣ.

— Что, развѣ не правда?

И Марсель, усѣвшись какъ можно поуютнѣе, оставилъ возлѣ себя мѣсто и другу своему Фридерику.

Передъ друзьями лежало свинцовое море, усыпанное золотыми подвижными пятнами тамъ, гдѣ на него падали лучи солнца. Горизонтъ казался чернымъ. По небу облака летѣли куда-то какъ безумныя, перегоняя другъ друга.

Морскія птицы описывали въ воздухѣ широкіе бѣлые круги, перерѣзывая время отъ времени лучъ солнца, который золотилъ и ихъ.

— Итакъ, ты съ нею знакомъ?

— И хорошо знакомъ; мало того, разскажи мнѣ всю правду, все подробно, что было между тобою и ею, и я даю тебѣ слово, что сегодня же представлю тебя ей.

— Хорошо, согласенъ.

— Смотри только будь честенъ, потому что если ты сымпровизируешь мнѣ банально пикантную интрижку, то раньше, чѣмъ исполнить данное слово, я справлюсь обо всемъ у твоей незнакомки.

— Я убѣжденъ, что послѣ моего печальнаго разсказа у тебя не останется и тѣни сомнѣнія.

— Начинай. Прежде всего гдѣ вы встрѣтились — поставь декорацію мѣстности.

— Изволь: Гавръ, десять часовъ утра. Яркое солнце; на набережной самая пестрая толпа бѣжитъ, сталкивается, ругается. Кабачки полны народа—норвежецъ братается съ итальянцемъ, русскій съ американцемъ. Передъ гостинницами на омнибусы взваливаютъ багажъ. Во всю длину набережной тянутся суда, какъ извощики передъ выходомъ изъ театра; тамъ тоже кипитъ дѣятельность, скрипятъ цѣпи, поднимаются и опускаются рычаги, подхватывая и нагружая всевозможный товаръ. На палубѣ, на сундукахъ и чемоданахъ, уже размѣстились меланхоличные переселенцы съ небритыми бородами, сѣрыми лицами и равнодушнымъ взглядомъ, устремленнымъ вдаль; ихъ жены, желтыя, худыя, въ головныхъ платкахъ, подвязанныхъ подъ подбородкомъ, укачиваютъ крикливыхъ дѣтей, завернутыхъ въ лохмотья. И, заглушая весь этотъ шумъ и гамъ, привозные попугаи и какаду страннымъ, гортаннымъ голосомъ орутъ какую-то марсельезу бразильскихъ лѣсовъ...

— Довольно, довольно! Переходи къ дѣйствующимъ лицамъ.

— Дѣйствующихъ лицъ двое: я — твой легкомысленный товарищъ, холостой, свободный отъ послѣдняго приключенія и жадно ищущій новаго, съ билетомъ прямаго сообщенія въ карманѣ, фланируя до отхода судна по набережной. Передо мною летитъ ангелъ или, говоря презрѣннымъ языкомъ прозы, идетъ, перебирая крошечными ножками, прелестная женщина, одѣтая въ бѣлое, въ маленькой шляпѣ съ газовымъ вуалемъ, который, какъ флагъ призовой шлюпки, кокетливо вьется надъ нею.

— Ты говоришь прелестная?

— Красавица во вкусѣ Рубенса: широкія плечи, широкія бедра, талія, для которой салфеточное кольцо можетъ служить поясомъ, ну, словомъ, опоэтизированная цифра 8.

Она идетъ тоже по набережной и время отъ времени глядитъ въ окно магазиновъ и вдругъ останавливается въ экстазѣ передъ лавкою торговца животными. Въ окнѣ, на подвѣшенной трапеціи довольно большая обезьяна выдѣлываетъ самыя головоломныя штуки. Постоявъ, моя незнакомка входитъ... Я за нею... Она торгуетъ обезьяну, а мое сердце бьется. Обезьяна стоитъ 150 фр. Она открываетъ крошечное портмонэ, что-то соображаетъ и съ печалью во своихъ дивныхъ изумрудныхъ очахъ, со вздохомъ, сорвавшимся съ ея пухлыхъ, почти дѣтскихъ губокъ, объявляетъ, что для нея это слишкомъ дорого. Торговецъ, вообразившій, что мы вошли вмѣстѣ, обращается ко мнѣ:

„Неужели, сударь, вы откажете вашей супругѣ въ этомъ невинномъ удовольствіи, развѣ это дорого? Вѣдь это *бабуинъ*; одно его имя говоритъ за него. Его зовутъ Купидонъ“. Дама покраснѣла вся, сплошь; мнѣ показалось даже, что ея шляпа и вуаль стали розовыми, а я, пользуясь положеніемъ, обращаюсь къ ней:

— Конечно, душечка, ты не должна отказывать себѣ въ такихъ пустякахъ; если только обезьяна тебѣ нравится, вели доставить ее на домъ!

— Ой, ой, ой, какъ смѣло!

— Да, другъ мой, я ужъ всегда такъ, сразу, ва банкъ.

Незнакомка поглядѣла мнѣ прямо въ глаза, подумала минуту и спросила:

— Вы серьезно хотите сдѣлать мнѣ это удовольствіе?

— Да, мой ангелъ, и теперь, и всегда во всемъ, что только ты пожелаешь!

— Хорошо!.. я принимаю ваше обѣщаніе, тутъ она подвинулась ко мнѣ и заговорила тише: — предупреждаю васъ, что я ѣду на воды въ N и покупаю обезьяну вовсе не для того, чтобы съ нею разстаться... Вы довезете ее?

— Не бойтесь, отвѣчалъ я пылко,—я тоже ѣду въ N; вашъ любимецъ не растанется со мною, и мы всѣ втроемъ благополучно и весело совершимъ переѣздъ.

Не ожидая даже конца нашихъ переговоровъ, торговецъ подалъ мнѣ обезьяну со словами: „подержите ее минуточку, я принесу вамъ клѣтки, вы выберите любую...“

— Ни за что! вскричала моя рубенсовская копія,—я скорѣе откажусь отъ Купидона, нежели позволю запереть его въ клѣтку и мучить!

При этихъ словахъ ко мнѣ обратился такой чудный, молящій взоръ, что я понялъ, что эта волшебница можетъ меня заставить взять десять обезьянъ за хвосты и нести за нею.

— Но едва мы вышли изъ лавки на улицу, какъ у меня буквально мурашки пошли по спинѣ, когда я подумалъ, какъ далеко придется мнѣ нести этого вонючаго злаго бабуина. Купидонъ сидѣлъ на моемъ плечѣ и, какъ арестанта, держалъ меня одною лапою за дорожный картузъ, а другою за шиворотъ.

Мы прошли благополучно шаговъ сто; я ожидалъ благодарности, но она молчала и глядѣла только лукавыми, веселыми глазами на обезьяну. Я хотѣлъ предложить ей руку, но она отскочила въ сторону: благодарю, я вовсе не желаю, чтобы Купидонъ стащилъ съ меня шляпу! Въ это время мы проходили мимо вывѣски булочника, и Купидонъ вдругъ хвостомъ и лапами вцѣпился въ золотой крендель; оттащить его не было никакой возможности; едва я протягивалъ руку, какъ онъ вращалъ глазами, шипѣлъ и съ угрожающимъ видомъ щелкалъ зубами. Вокругъ меня собралась толпа мальчишекъ, блузниковъ и несказанно потѣшалась надъ моимъ положеніемъ, а незнакомка, не оборачиваясь, все тѣмъ же мелкимъ, граціознымъ шагомъ, шла впередъ, какъ будто Купидонъ и я не имѣли ничего общаго съ нею. Со злости я началъ одною рукою тянуть къ себѣ цѣпь, а другою, снявъ съ головы фуражку, дулъ бабуина по чемъ попало; мѣра эта оказалась дѣйствительною, и онъ вернулся на мое плечо.

Затѣмъ, я снова нагналъ незнакомку. Кстати, Фредерикъ, если ты ее знаешь, скажи мнѣ какъ ее зовутъ?

— Тереза.

— Вотъ никогда бы не думалъ, что у такой коварной женщины такое кроткое имя! Ну, словомъ, послѣ многихъ остановокъ и массы глупѣйшихъ приключеній, въ родѣ маленькой собаченки, которую Купидонъ вырвалъ, схвативъ за хвостъ, изъ рукъ несшей ее барыни, мы наконецъ вступили на корабль. Я былъ въ поту, съ трепаной головою, съ галстукомъ, скрученнымъ веревкою, и весь въ пятнахъ отъ грязныхъ лапъ обезьяны. Купидонъ, едва увидѣвъ веревки и палки, пришелъ въ бѣшеный восторгъ и бросился такъ стремительно на ближайшую снасть, что цѣпь выскользнула у меня изъ рукъ.

Ну, и чортъ съ тобою! вырвалось у меня, но въ то же время я опять увидѣлъ эти волшебные умоляющіе глазки, этотъ крошечный ротикъ, открытый какъ бы отъ сдержанныхъ слезъ, и снова не устоялъ. Ребята, крикнулъ я матросамъ, хорошая награда тому, кто поймаетъ обезьяну!

Ты знаешь, мой другъ, что море для меня всегда неумолимо жестоко, я и теперь помнилъ, что едва качнется судно, тронувшись въ путь, какъ я пропалъ, самая пылкая любовь не спасетъ меня отъ морской болѣзни, я долженъ лечь и снова стану человѣкомъ только по прибытіи на мѣсто. Я хотѣлъ объ этомъ деликатно предупредить... Терезу, какъ вдругъ она сама подошла ко мнѣ и быстро прошептала: — умоляю васъ, не подходите ко мнѣ: за мною наблюдаютъ, вы можете погубить меня. Именемъ Бога прошу васъ за все время переѣзда не скомпрометируйте меня ни однимъ движеніемъ... знайте, вы... мнѣ... нравитесь, и если вы сохраните для меня Купидона о!.. и опять взглядъ и улыбка, отъ которыхъ можно сойти съ ума.

Въ это время раздался свистокъ, пароходъ закачало, я сбѣжалъ въ свою каюту, легъ и вцѣпился зубами въ лимонъ; сердце мое билось, рвалось, но на этотъ разъ не отъ любви; мнѣ было холодно, жарко, я проклиналъ море, Купидона ее и себя...

Наконецъ рядъ моихъ мученій кончился, пароходъ вошелъ въ гавань, я очнулся на своемъ диванѣ подъ звуки смѣха моихъ сотоварищей по каютѣ.

Вокругъ моего тѣла была два раза перевита цѣпь, а Купидонъ, сидя на моей подушкѣ, предавался отчаянной охотѣ у меня въ головѣ, и, вообрази, мерзавецъ дѣлалъ видъ, будто взаправду что-то вытаскиваетъ и даже бралъ на зубы.

— Давъ щедро на чай матросамъ, я привелъ себя снова въ щегольской видъ, и мы, я и Купидонъ, какъ вѣрные рабы прелестной Терезы, сошли за нею на землю.

Тереза быстро прошла мостки и, бросивъ на насъ очаровательно насмѣшливый взоръ, сѣла въ дилижансъ, который отходитъ сюда. Я сунулся за нею, какая-то толстая женщина при видѣ оскаленныхъ зубовъ Купидона чуть не упала въ обморокъ, чей-то отвратительный мальчишка, котораго самого легко было выдать за бабуина, разразился отчаяннымъ ревомъ, тощій и длинный патеръ, сидѣвшій въ углу, сталъ открещиваться, какъ еслибы я внесъ на своихъ плечахъ черта въ ихъ компанію. Кондукторъ вмѣшался и попросилъ меня удалиться.

Поддерживаемый все тѣмъ же взглядомъ, манившимъ меня за собою, и надеждою наконецъ добраться до цѣли путешествія, гдѣ я наивно надѣялся получить награду за всѣ свои муки, — я нанялъ экипажъ и поплелся за омнибусомъ. Въ коляскѣ Купидономъ овладѣло снова бѣшенство; онъ во что бы то ни стало хотѣлъ схватить вертящіяся колеса; между нами опять завязалась борьба. Онъ, вцѣпившись мнѣ въ колѣно, вырвалъ клокъ панталонъ, укусилъ руку, сорвалъ съ головы шляпу и вмѣстѣ съ нею вдругъ вылетѣлъ изъ экипажа, покатился въ дорожной пыли, затѣмъ, не выпуская изъ рукъ добычи, взобрался на дерево и исчезъ въ чужомъ саду.

Будь ты проклятъ! будь ты проклятъ, обезьяній купидонъ! Могъ только я прошипѣть, буквально задыхаясь отъ злости, и, крикнувъ кучеру: пошелъ! я откинулся въ глубь коляски... и, кажется, заплакалъ.

Затѣмъ я пріѣхалъ сюда. Въ томъ видѣ, въ которомъ я вышелъ изъ коляски, хозяинъ не хотѣлъ пускать меня въ гостинницу, и, только уплативъ все впередъ и передавъ ему квитанцію на багажъ, я наконецъ могъ успокоиться и придти въ себя отъ ряда дорожныхъ приключеній. Остальное ты знаешь.

— И это все?

— Клянусь тебѣ честью все. Вотъ три дня, какъ я бѣгаю по всему мѣстечку и нигдѣ не встрѣтилъ своей незнакомки. Теперь говори: ты сдержишь слово?

— Сдержу... Приходи сегодня вечеромъ ко мнѣ... она будетъ у меня...

— У тебя!

— Да. Прости, дружище, но всю твою исторію я уже зналъ отъ нея... Она, Тереза, — моя жена. Она ѣхала ко мнѣ сюда на воды, не имѣла, конечно, понятія, что мы съ тобою школьные товарищи. Вотъ три дня, какъ бѣдняжка покаялась, указала мнѣ тебя, но не рѣшается выходить на шагъ изъ дома, боясь встрѣтить тебя раньше, чѣмъ я все улажу. Я обѣщалъ ей, что сегодня ты обѣдаешь у насъ.

— Благодарю, сказалъ вставая Марсель,—я предпочитаю сегодня же вечеромъ вернуться въ Парижъ.

Н. А. Лухманова

* * *

Мои мечты тебѣ подвластны,
И я не въ силахъ отогнать
Твой образъ дѣвственно-прекрасный,
Который жажду я познать, —
Чтобъ жить съ тобой душой взаимной,
Душой, единою во всемъ,
Какъ все едино въ тучкѣ дымной,
Взлетѣвшей къ небу надъ костромъ...
Сгоримъ, сольемся и умчимся
Въ тѣ недоступные края,
Куда всю жизнь мы всѣ *стремимся*,
Куда съ тобой *проникну* я!

С. Андреевскій

Политика

4 (16) января 1893 г.

Начало 1893 года ознаменовалось въ области нашей внутренней политики нѣсколькими новостями, возбудившими всеобщее вниманіе и оживленные толки въ европейскихъ кружкахъ, интересующихся ходомъ русскихъ государственныхъ дѣлъ.

На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить обнародованную въ самый день новаго года роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ. Цифры этой росписи обманули самымъ пріятнымъ образомъ довольно распространенныя въ концѣ прошлаго года пессимистическія ожиданія. Оказалось, во первыхъ, что въ бюджетѣ ординарныхъ доходовъ и расходовъ перевѣсъ и притомъ очень значительный (около 13,000.000 р.) образовался въ пользу первыхъ. Этотъ излишекъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми кредитными операціями, перечисленными въ росписи, будетъ достаточенъ для покрытія всѣхъ чрезвычайныхъ расходовъ, предусмотрѣнныхъ бюджетомъ.

Въ спискѣ упомянутыхъ чрезвычайныхъ расходовъ очень пріятное впечатлѣніе производитъ крупная сумма, предназначаемая на постройку значительной части сибирской желѣзной дороги. Немало эффекта производитъ также и заявленіе министра финансовъ о томъ, что запасы золота, которыми располагаетъ нынѣ Россія, доведены до 600,000.000 руб. Этому заявленію, конечно, нужно приписать и тотъ фактъ, что за послѣдніе дни нашъ заграничный курсъ сталъ быстро повышаться, и на берлинской биржѣ еще разъ поколебалось убѣжденіе въ возможности снова подчинить нашъ денежный рынокъ произволу этой биржи, являющейся обыкновенно удобнымъ оружіемъ въ рукахъ нашихъ западныхъ недоброжелателей.

Прямымъ результатомъ такого бюджетнаго положенія надо признать производство въ слѣдующій чинъ (тайнаго совѣтника) управляющаго министерствомъ финансовъ, который получилъ званіе министра. Такого же отличія удостоился и очень еще недавно назначенный управляющимъ министерствомъ путей сообщенія, тайный совѣтникъ Кривошеинъ, тоже переименованный въ министры, почему и его слѣдуетъ считать окончательно упрочившимся на занимаемомъ имъ посту. Министръ государственныхъ имуществъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Островскій, назначенъ предсѣдателемъ департамента законовъ въ государственномъ совѣтѣ и оставленное имъ вслѣдствіе этого назначенія министерство передано временно въ управленіе его товарища, тайнаго совѣтника, статсъ-секретаря Вишнякова. Г. Островскій унаслѣдовалъ свой новый высокій постъ отъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Сольскаго, который назначенъ предсѣдателемъ департамента экономіи государственнаго совѣта, замѣстивъ получившаго увольненіе по болѣзни дѣйствительнаго тайнаго совѣтника А. А. Абазу. Ходятъ настойчивые слухи, что новый министръ государственныхъ имуществъ не назначенъ пока потому, что самому министерству его предстоитъ раздѣленіе на два отдѣльныя министерства— земледѣлія и государственныхъ имуществъ.

Общее вниманіе обратилъ также на себя чрезвычайно милостивый Высочайшій рескриптъ, которымъ сопровождалось пожалованіе алмазныхъ знаковъ ордена св. Александра Невскаго бывшему министру финансовъ, члену государственнаго совѣта, дѣйствительному тайному совѣтнику Вышнеградскому. Въ этомъ рескриптѣ громко и торжественно признаются важныя заслуги И. А. Вышнеградскаго въ области финансоваго управленія.

Новый 1893 годъ начинается такимъ образомъ при достаточно благопріятныхъ предзнаменованіяхъ. Остается только пожелать, чтобы дальнѣйшій ходъ событій оправдалъ возбуждаемыя такимъ началомъ надежды.

Въ западной Европѣ тѣмъ временемъ происходятъ событія совершенно инаго характера. Нѣсколько крупныхъ фактовъ политическаго свойства увеличили за послѣдніе дни и безъ того преобладавшее тамъ довольно тревожное настроеніе.

Въ Германіи шли очень оживленные толки, во первыхъ, о внезапной поѣздкѣ въ Страсбургъ императора Вильгельма II, неожиданно появившагося въ главномъ городѣ Эльзасъ-Лотарингіи, повидимому, съ исключительною цѣлью вызвать по тревогѣ войска страсбургскаго гарнизона и произвести имъ импровизированный смотръ, какъ разъ передъ рѣчью, которую имперскій канцлеръ, графъ Каприви, произнесъ на прошлой недѣлѣ въ военной коммиссіи германскаго парламента съ цѣлью доказать необходимость предполагаемой берлинскимъ правительствомъ военной реформы.

Первоначальныя извѣстія о содержаніи этой рѣчи, разосланныя повсюду по телеграфу, произвели чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Въ нихъ сообщалось, что графъ Каприви доказывалъ необходимость усиленія численности германской арміи ссылкою на то, что въ случаѣ европейской войны „на два фронта“ (т. е. одновременно противъ Франціи и Россіи) Германія будетъ вынуждена начать съ наступленія на своихъ противниковъ. Возможность же войны графъ Каприви, какъ увѣряли, видѣлъ въ томъ, что Германіи необходимо содѣйствовать своей союзницѣ Австро-Венгріи въ достиженіи намѣченныхъ себѣ послѣднею политическихъ цѣлей и что вслѣдствіе этого, какъ будто бы онъ выразился, „дорога въ Константинополь идетъ отнынѣ черезъ Бранденбургскія ворота“, находящіяся, какъ извѣстно, въ Берлинѣ.

Позднѣе два послѣднія заявленія, приписывавшіяся германскому канцлеру, были объявлены „простымъ вымысломъ“ берлинскою оффиціозною печатью, но зато и до сихъ поръ остается безъ всякаго опроверженія фраза о необходимости для Германіи начать будущую европейскую войну одновременнымъ „наступленіемъ“ на обоихъ своихъ предполагаемыхъ противниковъ. Какъ посмотритъ рейхстагъ на такое заявленіе, пока еще трудно угадать. Если онъ признаетъ его достаточно убѣдительнымъ, то это покажетъ, что миролюбивое настроеніе представителей германской націи, преобладавшее до сихъ поръ, смѣнилось настроеніемъ воинственнымъ, плохо гармонирующимъ съ общимъ настроеніемъ умовъ германской націи.

Во Франціи минувшая недѣля ознаменовалась парламентскимъ дебютомъ преобразованнаго министерства Рибо, изъ котораго выбыли гг. де Фрейсине (военный министръ), Лубе (министръ внутреннихъ дѣлъ) и Бюрдо (морской министръ). Глава кабинета, г. Рибо, смѣнилъ свой портфель министра иностранныхъ дѣлъ на портфель министра внутреннихъ дѣлъ. Мѣсто его занялъ бывшій министръ земледѣлія г. Девелль. Преемникомъ г-на де-Фрейсине назначенъ не состоящій членомъ парламента генералъ Луазиньянъ, а морскимъ министромъ — находящійся въ такомъ же положеніи вице-адмиралъ Рьенье. Вице-адмиралъ Жерве, которому былъ предложенъ первоначально этотъ послѣдній постъ, отказался отъ него, предпочитая сохранить болѣе устойчивую, не зависящую отъ парламентскихъ кризисовъ, должность начальника главнаго морскаго штаба, ставящую его въ случаѣ войны во главѣ всего французскаго флота.

Въ то время, когда происходила реорганизація министерства Рибо, открылась законодательная сессія французскихъ палатъ выборами ихъ президентовъ. Въ палатѣ депутатовъ первая баллотировка не дала необходимаго большинства голосовъ прежнему президенту г-ну Флоке, а онъ немедленно отказался отъ поставленной было имъ кандидатуры. Тогда вторичною баллотировкою былъ избранъ умѣренный республиканецъ г. Казимиръ Перье. Въ сенатѣ бывшій президентъ г. Ле-Ройе былъ избранъ снова, но сравнительно не особенно сильнымъ большинствомъ голосовъ.

На слѣдующемъ засѣданіи палаты депутатовъ г. Рибо, въ качествѣ главы преобразованнаго кабинета, произнесъ рѣчь, принятую очень сочувственно большинствомъ палаты. Онъ обѣщалъ, что правительство не сдѣлаетъ ни шагу для того, чтобы выгородить прикосновенныхъ къ панамскому дѣлу политическихъ дѣятелей, и предоставитъ правосудію полную свободу дѣйствій. На запросъ радикальнаго депутата Гюббара онъ отвѣчалъ, что правительство не имѣетъ въ виду распустить палату депутатовъ ранѣе конституціоннаго срока. Послѣ этихъ объясненій палата выразила довѣріе министерству достаточно сильнымъ большинствомъ голосовъ (329 противъ 206).

Въ день открытія сессіи начался снова процессъ членовъ Панамскаго общества, несмотря на отсутствіе „по болѣзни“ знаменитаго президента этого правленія, г-на Фердинанда де-Лессепса. Сынъ послѣдняго, г. Шарль де-Лессепсъ, на первомъ же засѣданіи откровенно признался, что панамское общество давало колоссальныя взятки членамъ парламента, согласившимся ходатайствовать по финансовымъ операціямъ. Въ моментъ этихъ признаній бывшій министръ публичныхъ работъ, г. Баиго, былъ уже арестованъ, какъ уличенный въ упомянутомъ взяточничествѣ, но арестомъ его дѣло, повидимому, не ограничится. По послѣднимъ извѣстіямъ ожидаются еще аресты главы радикаловъ въ палатѣ депутатовъ г-на Клемансо и главнаго редактора весьма вліятельной умѣренно-республиканской газеты „Temps“ г-на Эбрара.

Впрочемъ панамское дѣло и находящіяся съ нимъ въ прямой связи событія внутренней политики Франціи представляются въ настоящую минуту до такой степени запутанными, что распространяться далѣе мы о нихъ сегодня не будемъ. Лучше подождемъ недѣлю, чѣмъ пускаться въ поспѣшные выводы изъ тѣхъ разнорѣчивыхъ извѣстій, которыя приходятъ за эти послѣдніе дни изъ Парижа.

Въ Австро-Венгріи положеніе дѣлъ продолжаетъ быть попрежнему очень запутаннымъ. Графу Таафе не удалось еще составить въ рейхсратѣ новаго большинства изъ нѣмецкихъ либераловъ, поляковъ и автономистовъ партіи графа Гогенворта, а въ Венгріи министерство Векерлэ повидимому не встрѣчаетъ достаточной поддержки со стороны императора Франца-Іосифа въ вопросѣ о гражданскомъ бракѣ.

Эмиръ бухарскій и Бухара

Бухарское ханство, въ настоящемъ его объемѣ, занимаетъ площадь земли, равную, приблизительно, 5.000 кв. геогр. миль, острымъ угломъ врѣзывающуюся по направленію съ юго-востока на северо-западъ въ наши средне-азіатскія владѣнія. На сѣверѣ ханство граничитъ съ русскимъ Туркестаномъ, на востокѣ съ Кашгаріей и отчасти Кашемиромъ, на югѣ съ Афганистаномъ, на западѣ и юго-западѣ съ Закаспійской областью и Хивинскимъ ханствомъ.

Это небольшое государство составляетъ ядро той обширной и богатой дарами природы страны, которая считается колыбелью человѣчества и извѣстна намъ со временъ глубокой древности подъ именемъ Согдіаны или Трансоксаніи. Въ VII столѣтіи арабскіе географы замѣнили это названіе названіемъ Маверо-унъ-негра, а съ перенесеніемъ Шейбани-Магометъ-ханомъ, въ началѣ XVI столѣтія, столицы Туркестана изъ Самарканда въ Бухару, страна усвоила за собой названіе этого города или бухарскаго ханства.

Исторія завѣщала намъ многочисленныя данныя, свидѣтельствующія о томъ, что страна, извѣстная подъ общимъ названіемъ Трансоксаніи, стояла на высшей точкѣ культурнаго развитія и экономическаго благосостоянія народовъ древняго міра съ самыхъ отдаленныхъ временъ. Этимъ цвѣтущимъ состояніемъ Трансоксанія была обязана, главнымъ образомъ, своему центральному положенію на пути прямаго сообщенія востока съ западомъ, упрочивавшимъ за ней значеніе главнаго торговаго рынка и единственной посредницы въ торговыхъ сношеніяхъ Европы съ Китаемъ и Индіей. Главный торговый путь изъ этихъ странъ по направленію къ Балтійскому, Каспійскому и Черному морямъ пролегалъ черезъ нее. Обогащая страну, онъ, въ то же время, былъ источникомъ обогащенія Великаго Новгорода, Майнца, Трузо, Висби, Генуи, Венеціи и многихъ другихъ городовъ.

Это выгодное географическое положеніе Трансоксаніи, между Европой съ одной стороны и восточной Азіей съ другой, являлось вмѣстѣ съ тѣмъ причиной огромныхъ бѣдствій, которыя она переживала въ разныя эпохи своего историческаго существованія, будучи поставлена въ началѣ того пути,

по которому совершалось великое переселеніе варварскихъ народовъ съ востока на западъ. Первые и наиболѣе тяжкіе удары варваровъ падали на нее. Здѣсь, насытившись грабежомъ и разрушеніями, они совершали свой первый роздыхъ и уходили далѣе, оставивъ по себѣ неизгладимый слѣдъ.

Въ особенности пострадала Трансоксанія въ эпоху нашествія на Среднюю Азію Чингизъ-хана (1220). Между прочими неисчислимыми бѣдствіями, причиненными ей монгольскимъ погромомъ, однимъ изъ самыхъ главныхъ было уничтоженіе почти всѣхъ знаменитыхъ въ исторіи Востока гидро-техническихъ сооруженій, подъ вліяніемъ чего цѣлыя громадныя области, имѣвшія міровое культурное значеніе, были обращены въ голыя, безводныя пустыни, остающіяся до сихъ поръ непризванными къ жизни.

Но наиболѣе чувствительный ударъ международному значенію и экономическому благосостоянію Трансоксаніи былъ нанесенъ открытіемъ новаго морскаго пути изъ Европы въ Китай и Индію вокругъ Африки. Еще разореніе Тамерланомъ Астрахани и Азова (1395—1397 гг.) причинило значительный ущербъ транзитной торговлѣ черезъ Среднюю Азію. Завоеваніе Константинополя и Кафы Магометомъ Великимъ еще болѣе уронило международное торговое значеніе Трансоксаніи, а съ открытіемъ Васко-де-Гама (1498 г.) новаго морскаго пути вокругъ мыса Доброй Надежды средне-азіатская караванная зона до настоящаго времени была почти совершенно оставлена.

Подъ вліяніемъ этихъ главныхъ причинъ внѣшнее политическое значеніе и внутреннее благосостояніе Трансоксаніи падало съ каждымъ днемъ. Рядъ бездарныхъ династій, управлявшихъ страной послѣ изгнанія Тимуридовъ (1500), довершилъ паденіе Трансоксаніи, переставшей уже въ концѣ XV столѣтія существовать какъ одно общее политическое цѣлое и распавшейся на нѣсколько отдѣльныхъ независимыхъ ханствъ. Одновременно съ этимъ Средняя Азія дѣлается театромъ почти безпрерывныхъ междоусобныхъ династическихъ и движимыхъ честолюбіемъ войнъ, представляя собой ужасную картину жертвы, истекающей кровью. Дикое безначаліе, разнузданное своеволіе грубыхъ тирановъ, убійства и опустошенія смѣняютъ другъ друга. Ея когда-то цвѣтущія провинціи обливаются кровью, остатки городовъ и селеній пылаютъ въ пламени, а жители лишаются своего послѣдняго имущества или тысячами уводятся въ рабство. Земледѣліе, промышленность и торговля были совершенно подавлены въ эту темную эпоху точно также, какъ науки, искусства и образованность. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительства и народы средне-азіатскихъ ханствъ, совершенно отрѣшившись отъ былыхъ культурныхъ традицій, вступаютъ въ узкую сферу отжившихъ свой вѣкъ бытовыхъ, общественныхъ и религіозно-іерархическихъ идей мусульманскаго законодательства. Отдѣльныя талантливыя личности на престолѣ Трансоксаніи, подобныя Шейбани, Абдуллахъ-хану и Абдулъ-Азизу уже не могли остановить общій процессъ разложенія экономической, духовной и политической жизни таджикскаго народа, который продолжалъ прогрессировать вплоть до появленія въ Средней Азіи новой великой народности — славянской.

Его свѣтлость СЕИДЪ-АБДУЛЪ-АХАТЪ, эмиръ бухарскій.

Автотипія Эд. Гоппе съ фотографіи Г. В. Трунова, въ Москвѣ.

Изъ всѣхъ странъ Европы Россія съ самыхъ отдаленныхъ временъ болѣе другихъ соприкасалась съ Средней Азіей и прилегающими къ ней государствами, находясь на пути прямаго сообщенія ея съ Западомъ. Владычество монголовъ еще болѣе сблизило насъ въ международномъ и торговомъ отношеніяхъ съ нашими восточными сосѣдями. Измѣненіе торговаго пути и наступившій вслѣдъ затѣмъ періодъ внутреннихъ безпорядковъ въ Трансоксаніи были причиной насильственнаго перерыва въ ходѣ этого сближенія и временнаго оставленія созданнаго тысячелѣтіями торговаго пути изъ западной Европы въ Китай и Индію черезъ Россію и Трансоксанію. При всемъ томъ русскіе государи, начиная съ Іоанна III, дѣлаютъ рядъ попытокъ къ возстановленію прерваннаго международнаго сообщенія, а императоръ Петръ Великій ставитъ одной изъ главныхъ задачъ своего царствованія овладѣніе всѣми торговыми путями между Каспійскимъ, Чернымъ, Бѣлымъ и Балтійскимъ морями съ цѣлью доставить русскому народу возможность сдѣлаться главнымъ посредникомъ въ обмѣнѣ произведеній востока съ западомъ. Разорительныя войны съ Турціей и Швеціей, неудачный походъ въ Хиву князя Бековича-Черкасскаго и преждевременная смерть Петра помѣшали ему привести въ исполненіе этотъ грандіозный замыселъ, послѣдствія котораго для Россіи были бы въ полномъ смыслѣ слова необъятны. Въ то же время дѣятельное стремленіе Россіи на востокъ возбудило въ англичанахъ, уже тогда мечтавшихъ о всемірномъ торговомъ преобладаніи, сильныя опасенія. Съ той поры Англія настойчиво и не стѣсняясь въ выборѣ средствъ ставитъ преграды всякому предпріятію Россіи на востокѣ, въ которомъ хотя сколько нибудь проглядываетъ осуществленіе великихъ намѣреній царя-преобразователя. Весь интересъ и вниманіе преемниковъ Петра I сосредоточивается на дѣлахъ европейской политики, и созданная имъ идея находитъ себѣ ближайшую сторонницу лишь въ лицѣ Екатерины Великой, которая, какъ равно и императоръ Николай, стремятся къ осуществленію ея путемъ мирныхъ переговоровъ и дружественнаго воздѣйствія на средне-азіатскихъ владѣтелей. Эта медленная, но вѣрная система, безъ сомнѣнія, принесла бы съ теченіемъ времени свои плоды, но быстрое развитіе нашей торговли въ первой половинѣ текущаго столѣтія, необходимость сбыта товаровъ на средне-азіатскихъ рынкахъ и негодованіе правительства и народа, вызванное постоянными набѣгами на наши восточныя границы хищныхъ кокандскихъ, хивинскихъ, бухарскихъ и туркменскихъ шаекъ, вызвали въ 1845 г. рѣшительное дѣйствіе, окончившееся присоединеніемъ къ нашимъ владѣніямъ Кокандскаго ханства, части бухарскихъ и хивинскихъ владѣній и туркменскихъ кочевій.

Появленіе Россіи въ средней Азіи вызвало рѣшительный переломъ въ экономической и соціальной жизни населяющихъ ее народовъ. Ея обширная территорія перестала быть театромъ безпрерывныхъ смутъ, кровопролитій и междоусобій, а ея одичавшіе народы обращены на путь мирнаго преуспѣянія въ области земледѣлія, торговли и промышленности.

Принцъ ФЕРДИНАНДЪ, наслѣдникъ румынскаго престола, и принцесса МАРІЯ ЭДИНБУРГСКАЯ, его супруга.

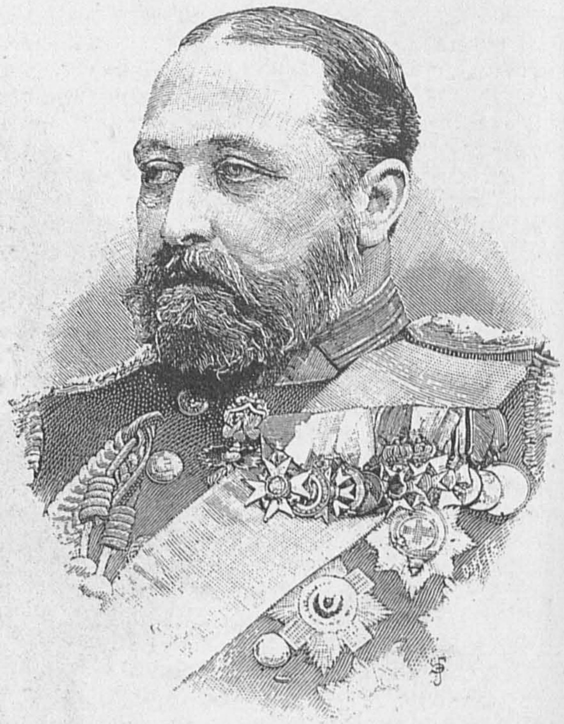
Порогъ Валинкоски.

Съ натуры рисовалъ для »Всемірной Иллюстраціи« ея спеціальный корреспондентъ художникъ В. Г. Казанцевъ.

Окраины Россіи. — Финляндія. Зимняя поѣздка на Иматру.

Ея Императорское Высочество МАРІЯ АЛЕКСАНДРОВНА, герц. ЭДИНБУРГСКАЯ.

Пр. АЛЬФРЕДЪ ЭДИНБУРГСКІЙ.



Его Высочество АЛЬФРЕДЪ, герцогъ ЭДИНБУРГСКІЙ.

Принцесса ВИКТОРІЯ ЭДИНБУРГСКАЯ.

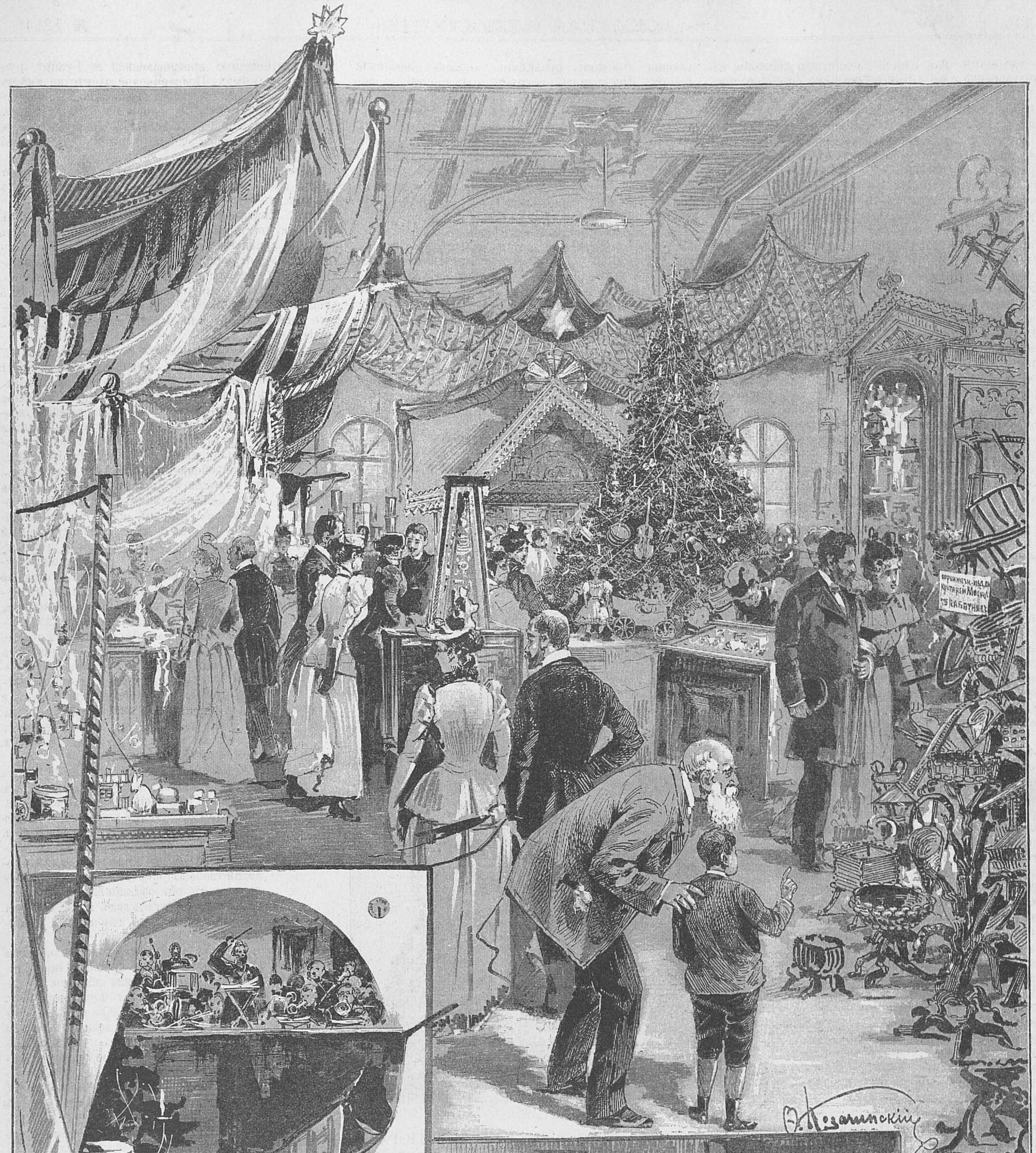
Принцесса МАРІЯ ЭДИНБУРГСКАЯ въ румынскомъ костюмѣ.

Принцесса АЛЕКСАНДРА ЭДИНБУРГСКАЯ.

Принцъ ГОГЕНЦОЛЛЕРНСКІЙ.

Принцесса ГОГЕНЦОЛЛЕРНСКАЯ.

Родители и родственники новобрачныхъ принца Фердинанда Румынскаго и принцессы Маріи Эдинбургской.



С.-Петербургъ. — Базаръ кустарныхъ издѣлій изъ разныхъ губерній Россіи, устроенный Высочайше утвержденнымъ товариществомъ »Работникъ« въ зданіи Императорскаго сельско-хозяйственнаго музея.

Съ натуры рисовалъ для »Всемірной Иллюстраціи« Ѳ. С. Козачинскій.

Въ частности, для самой Россіи, это движеніе въ глубь средней Азіи имѣло слѣдствіемъ возобновленіе, хотя пока отчасти, великаго международнаго прямаго торговаго пути и ея значенія главной посредницы между Европой и Восточной Азіей.

Тѣнь мощной сѣверной державы, постепенно удлиняясь къ востоку, оживила и сохранившее свою автономію ханство Бухарское. Въ немъ также, какъ и въ русскомъ Туркестанѣ, ощущается замѣтный поворотъ отъ тысячелѣтняго застоя къ культурной жизни и, безъ сомнѣнія, недалеко то время, когда эта богатая дарами природы страна станетъ въ ровень съ остальными покровительствуемыми Россіей народностями Средней Азіи, переживающими эпоху своего духовнаго и экономическаго возрожденія.

Бухарское ханство, въ указанныхъ выше границахъ, раздѣляется на три главныя, рѣзко отличающіяся между собою во многомъ, части: западную, среднюю и восточную. Западная часть представляетъ собой равнину, орошаемую въ средней своей части рѣкой Заравшаномъ, истощающимъ здѣсь свое теченіе въ безчисленныхъ арыкахъ Кермине, Бухарскаго и Каракульскаго округовъ. Это самая богатая, населенная и культурная полоса ханства, производящая въ изобиліи хлопокъ, шелкъ, знаменитыхъ каракульскихъ овецъ, но извѣстная своимъ жаркимъ континентальнымъ климатомъ, способствующимъ развитію злокачественныхъ лихорадокъ, болѣзней желудка, глазъ и т. д. Жители здѣсь занимаются, исключительно, земледѣліемъ и торговлей. Проведеніе Закаспійской желѣзной дороги, перерѣзавшей ее своими рельсами, и близость русской границы оживили въ ней культурную дѣятельность и, безъ сомнѣнія, недалеко то время, когда эта часть ханства окончательно утратитъ свой дикій, первобытный характеръ.

Средняя часть бухарскихъ владѣній состоитъ изъ отроговъ хребтовъ Тянь-Шаньскихъ горъ, извѣстныхъ подъ именемъ Баба-Тагъ, Гази-Малекъ и Кара-Тау, образующихъ горныя плато, возвышающіяся до 4000 ф. надъ уровнемъ моря. Эта полоса ханства густо населена и обладаетъ огромными минеральными богатствами. По мѣрѣ приближенія къ горнымъ хребтамъ мѣстность становится все болѣе и болѣе плодородной, покрывается тучными пастбищами; горныя долины изобилуютъ рощами фисташковыхъ и миндальныхъ деревьевъ, встрѣчаются нефтяные источники, горячіе ключи и множество небольшихъ рѣчекъ, щедро надѣляющихъ водой земледѣльческое населеніе этой живописной полосы Бухарскаго ханства. Особеннымъ плодородіемъ славится здѣсь Гиссарская долина. Климатъ этой средней полосы ханства умѣренный, здоровый. Жители занимаются, почти исключительно, земледѣліемъ, скотоводствомъ, садоводствомъ и огородничествомъ

Восточная часть ханства, Каратегинъ и Дарвазъ, представляетъ собой дикую горную страну, перерѣзанную тремя гигантскими хребтами: Каратегинскимъ, Петра I и Дарвазскимъ, достигающими мѣстами 25,000 ф. надъ уровнемъ моря. Долины перваго изъ этихъ хребтовъ считаются плодородными, послѣднихъ двухъ бѣдными и безплодными. Жители Каратегина занимаются земледѣліемъ, садоводствомъ и скотоводствомъ, производя всевозможныя хлѣбныя растенія, фрукты и овощи и разводя скотъ и горныхъ лошадей, славящихся своей силой и крѣпостью на всю Среднюю Азію. Вообще, эта часть бухарскихъ владѣній можетъ быть признана, относительно, богатой и цвѣтущей. Совершенно противоположную картину представляетъ Дарвазъ, стоящій на низшей степени культурнаго развитія народовъ, населяющихъ ханство. Здѣсь не существуетъ ни промысловъ, ни ремеслъ и единственный источникъ существованія этой маленькой оригинальной страны, вмѣщающей въ себѣ до 35.000 жителей, составляетъ разведеніе тута. Ягодами этого растенія они питаются, обращая ихъ въ муку, ими же платятъ подати и добываютъ средства къ существованію, вымѣнивая на необходимые въ общежитіи предметы домашняго обихода. Тутъ составляетъ для нихъ даже денежный знакъ, такъ какъ тюбитейка сушеныхъ ягодъ этого растенія принимается какъ денежная единица при расплатѣ. Многіе дарвазцы отъ рожденія не знаютъ вкуса пшеничнаго и ржаного хлѣба, питаясь тутовой мукой.

Общая цифра народонаселенія ханства превышаетъ $1^1/_2$ мил. душъ. Въ этнографическомъ отношеніи оно раздѣляется на узбековъ, составляющихъ главную массу, почти половину, всего населенія, аборигеновъ страны таджиковъ (сартовъ) — жителей преимущественно городовъ, аравитянъ, персовъ, евреевъ и цыганъ. Послѣднихъ четырехъ народностей насчитывается не болѣе 20.000 душъ.

Въ административномъ отношеніи ханство дѣлится на 28 округовъ, или бекствъ, изъ которыхъ главными считаются Кермине, Каршинское, Шаарское, Гиссарское и Чарджуйское.

Господствующая религія въ Бухарскомъ ханствѣ есть исламъ, суннитскаго толка, утвердившаяся въ Средней Азіи со временъ арабовъ завоевателей, въ періодъ времени между 672—874 годовъ.

Народное образованіе находится исключительно въ рукахъ духовенства, которое и направляетъ его въ духѣ ислама. Грамотность чрезвычайно развита между осѣдлымъ населеніемъ и рѣдкій бухарецъ не обученъ чтенію, письму и главнымъ догматамъ вѣроученія Магомета. Высшими учебными заведеніями въ странѣ являются мадрессé, гдѣ взрослые семинаристы подготовляются къ занятію духовныхъ должностей и учительскихъ мѣстъ какъ въ нихъ самихъ, такъ и въ народныхъ школахъ. Низшими являются эти послѣднія, называемыя мактабъ-хапé.

Фабричной и заводской промышленности въ странѣ совсѣмъ не существуетъ. Пути сообщенія совершенно первобытныя. Кромѣ Закаспійской желѣзной дороги, въ ханствѣ нѣтъ ни одного правильно-разработаннаго пути.

СЕИДЪ-МИРЪ-АЛЕМЪ-ДЖАНЪ-ТЮРЯ,
старшій сынъ бухарскаго эмира.
Автотипія Эд. Гоппе съ фотографіи Г. В. Трунова въ Москвѣ.

Ханство содержитъ свою небольшую армію, состоящую изъ 13 баталіоновъ пѣхоты, 800 человѣкъ артиллеристовъ при 155 орудіяхъ совершенно первобытной конструкціи, 2.000 иррегулярной конницы и одного кавалерійскаго 4-хъ сотеннаго полка, всего около 15 человѣкъ.

Бухара ведетъ обширную торговлю съ Россіей, Персіей, Афганистаномъ, Кашемиромъ, сѣверной Индіей и Кашгаріей.

Столица ханства есть Бухара. Она служитъ резиденціей эмиру въ теченіе полугода, которые онъ проводитъ частію въ древнемъ Регистанскомъ дворцѣ, этомъ Капитоліи Трансоксаніи, частію въ загородномъ Ширъ-Баданскомъ замкѣ.

Въ восьми верстахъ отъ города находится русскій поселокъ „Бухара", вмѣщающій въ себѣ до тысячи человѣкъ нашихъ соотечественниковъ, проживающихъ здѣсь преимущественно по торговымъ дѣламъ. Тутъ же находится и русское политическое агентство, учрежденное въ 1886 г. съ цѣлью охраненія на мѣстѣ нашихъ политическихъ и торговыхъ интересовъ въ ханствѣ и какъ наблюдательная инстанція по отношенію проживающихъ въ Бухарѣ русскихъ подданныхъ. Политическое агентство имѣетъ во главѣ одного изъ самыхъ выдающихся современныхъ намъ знатоковъ Средней Азіи, П. М. Лессара, являющагося вполнѣ достойнымъ представителемъ великой культурной сѣверной державы на далекомъ востокѣ.

Глава ханства есть эмиръ, ограничиваемый въ своихъ дѣйствіяхъ каноническимъ мусульманскимъ правомъ, то есть кораномъ и шаріатомъ.

Давно ожидавшійся въ Россію средне-азіатскій гость ея, эмиръ Сеидъ - Абдулъ - Ахатъ - ханъ, есть седьмой правитель изъ узбекской династіи Мангытъ, закрѣпившей за собой бухарскія владѣнія послѣ прекращенія династіи Аштарханидовъ, въ 1795—1796 г. Династія Мангытъ ведетъ свой древній родъ по мужской линіи отъ Узбека, девятаго хана изъ дома Джюджи, по женской линіи отъ Чингизъ-хана.

Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ родился въ Керминѣ, въ 1857 г., когда бекствомъ этимъ управлялъ, въ качествѣ наслѣдника Бухары, его покойный отецъ Мозафаръ-Эддинъ. Онъ былъ четвертый сынъ эмира Мозафира и потому не предназначался къ роли будущаго владѣтеля страной. Политическія событія и смерть двухъ старшихъ братьевъ измѣнили, однако же, его судьбу. Въ 1868 г., когда войска Мозафара были окончательно разбиты русскими въ сраженіи при Зера-Булакѣ и вся страна возстала противъ него, старшій сынъ эмира, Каты-Тюра Абдулъ-Маликъ, подстрекаемый фанатическимъ духовенствомъ и англичанами, обѣщавшими ему помощь оружіемъ и деньгами, открыто сталъ во главѣ бунта и съ оставшимися въ Бухарѣ войсками выступилъ противъ отца, который въ эту критическую минуту обратился за помощію къ своимъ недавнимъ врагамъ — русскимъ. Помощь эта ему была немедленно оказана и генералъ Абрамовъ, разсѣявъ скопища Абдулъ-Малика въ стычкахъ при Джамѣ и Карти, принудилъ его бѣжать сначала въ Хиву, а затѣмъ въ Индію, гдѣ онъ и до сихъ поръ проживаетъ на пенсіи англійскаго правительства.

Оскорбленный и разгнѣванный отецъ навсегда лишилъ Абдулъ-Малика и его потомство правъ на бухарскія владѣнія, которыя послѣ смерти двухъ слѣдующихъ его сыновей, перешли къ четвертому и любимому его сыну Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-хану. Въ 1883 г. Мозафаръ-Эддинъ ходатайствовалъ передъ Государемъ Императоромъ объ оффиціальномъ признаніи Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ наслѣдникомъ бухарскаго ханства, что и было исполнено.

Дѣтство и первые годы отрочества Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ провелъ при дворѣ отца. Онъ получилъ обычное воспитаніе, которое дается мусульманскимъ принцамъ на востокѣ. Его обучили персидскому и арабскому языку, заставили выучить наизустъ коранъ и шаріатъ, познакомили съ нѣкоторыми образцами восточной литературы, на чемъ курсъ ученія и былъ законченъ. Впослѣдствіи, уже будучи взрослымъ, эмиръ усердно занимался исторіей и литературой востока, пріобрѣтя въ этихъ наукахъ значительныя познанія.

Въ 13 лѣтъ Мозафаръ-Эддинъ уже женилъ его на одной изъ своихъ родственницъ, а въ 18 назначилъ бекомъ въ Кермине, гдѣ Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ и жилъ до смерти отца. Управляя этимъ бекствомъ, молодой принцъ пріобрѣлъ общее расположеніе за свою справедливость, доступность и попеченія о нуждахъ народа.

Въ 1883 г. Мозафаръ-Эддинъ отправилъ его въ Москву присутствовать на коронованіи благополучно царствующихъ Государя Императора и Государыни Императрицы. По окончаніи коронаціонныхъ празднествъ въ Москвѣ онъ посѣтилъ Петербургъ.

Эта поѣздка въ Россію произвела на Сеидъ-Абдулъ-Ахата глубокое впечатлѣніе. Милостивое обращеніе съ нимъ Государя Императора и всей Августѣйшей Семьи глубоко запало въ душу молодаго таджика, а культурная жизнь русскаго народа внушила ему горячее желаніе перенести все видѣнное на почву своей родной страны.

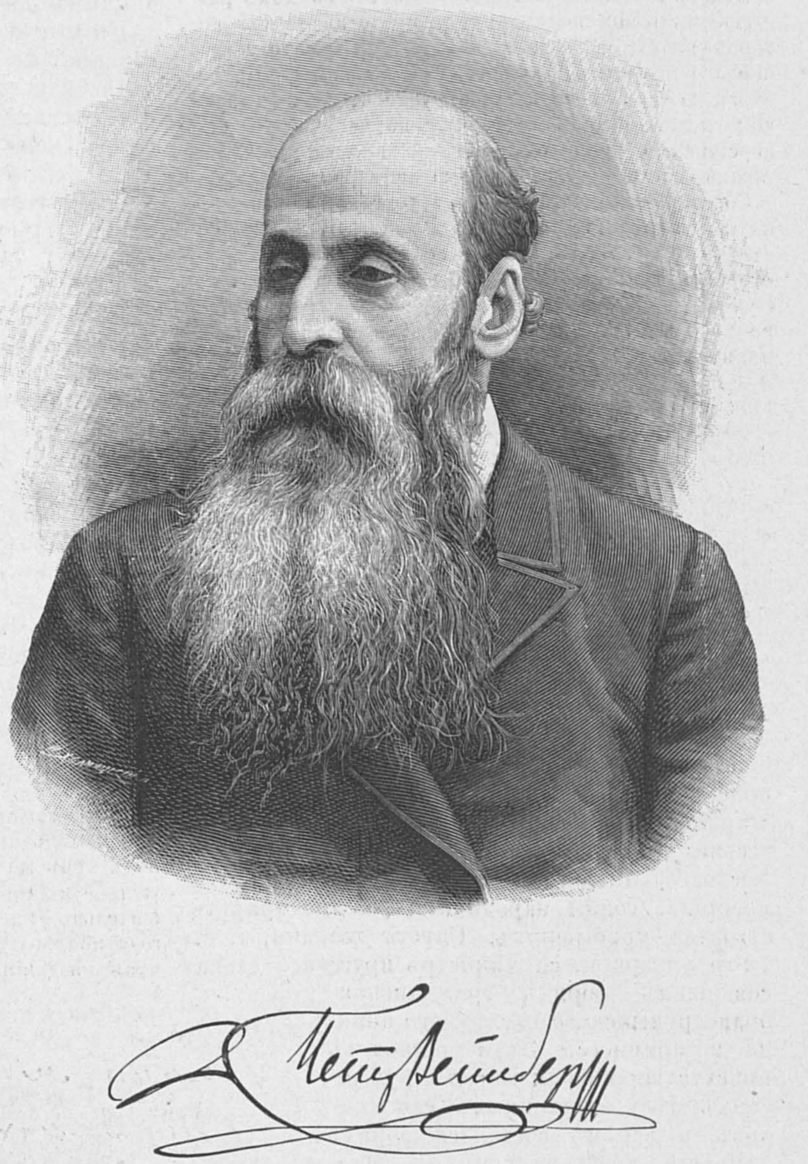
31 октября 1885 г. умеръ Мозафаръ-Эддинъ, а 4 ноября состоялось водвореніе молодаго эмира на тронѣ предковъ.

Вступивъ во владѣніе ханствомъ, Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ ознаменовалъ свое правленіе рядомъ полезныхъ преобразованій. Первый законъ, который онъ издалъ, былъ законъ объ освобожденіи рабовъ и уничтоженіи рабства въ его владѣніяхъ. Вскорѣ послѣ того послѣдовало уничтоженіе во всемъ хан-

П. А. ГАЙДЕБУРОВЪ,
редакторъ-издатель журнала »Недѣля«.

Съ фотографіи К. А. Шапиро гравировалъ А. И. Зубчаниновъ

По поводу двадцатипятилѣтія журнала »Недѣля«.



П. И. ВЕЙНБЕРГЪ,
поэтъ, журналистъ, переводчикъ.

Съ фотографіи К. А. Шапиро гравировалъ И. И. Хелмицкій.

По поводу сорокапятилѣтія литературной дѣятельности.

ствѣ зиндановъ (подземныхъ тюремъ-клоповниковъ), отмѣна пытокъ и звѣрскихъ казней. Сокращеніе, почти наполовину, дорого стоившей странѣ бухарской арміи и пониженіе таможенныхъ пошлинъ также принадлежатъ иниціативѣ молодаго эмира. Въ 1891 году Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ устроилъ въ своей столицѣ первую въ странѣ лечебницу, на содержаніе которой ассигновано ежегодно около 20.000 р. Тогда же, отъ города до желѣзнодорожной станціи Бухара былъ проведенъ первый въ странѣ шоссированный путь. Съ самаго водворенія своего у кормила правленія эмиръ непрерывно заботится объ упорядоченіи податной и финансовой системы, о развитіи въ странѣ торговли и промышленности. Къ сожалѣнію, эта сторона законодательной дѣятельности Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-хана, стѣсняемая и ограничиваемая положеніями корана и шаріата, обязательными для него какъ для правителя-мусульманина, еще не привела къ желательнымъ результатамъ. Могучая поддержка, оказываемая ему Россіей во всѣхъ его полезныхъ начинаніяхъ, служитъ, впрочемъ, залогомъ, что усилія его и въ этомъ направленіи увѣнчаются со временемъ полнымъ успѣхомъ.

Эмиръ мужчина нѣсколько выше средняго роста, крѣпкаго и сильнаго тѣлосложенія, обладающій весьма красивой наружностью типичнаго таджика. Онъ чрезвычайно живъ, дѣятеленъ и подвиженъ. Пробуждаясь, обыкновенно, съ восходомъ солнца, эмиръ тотчасъ приступаетъ къ занятіямъ дѣлами, которыя оставляетъ лишь послѣ вечерняго намаза. Его одежда, обстановка дворцовъ, кухня и вообще весь режимъ жизни представляютъ сколокъ патріархальной обстановки среднеазіатскихъ владѣтелей. Сюда, въ этотъ домашній бытъ мусульманина, еще не проникло ничего европейскаго. Даже экипажами эмиръ не любитъ пользоваться, предпочитая повсюду разъѣзжать верхомъ. Здѣсь кстати будетъ сказать, что Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ страстный любитель лошадинаго спорта и самъ считается однимъ изъ лучшихъ ѣздоковъ въ ханствѣ. При всемъ томъ, Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ отнюдь не представляетъ собой, въ своей домашней жизни, капризнаго и своевольнаго среднеазіатскаго деспота. Онъ ласковъ и привѣтливъ въ обращеніи съ окружающими и любитъ иностранцевъ, которые находятъ въ его столицѣ самый радушный пріемъ и широкое гостепріимство. Негодованіе и карательныя мѣры со стороны эмира, по преимуществу, возбуждаетъ лишь неисполненіе должностными лицами возложенныхъ на нихъ обязанностей службы.

Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-ханъ располагаетъ огромнымъ личнымъ состояніемъ, заключающимся въ капиталахъ, земляхъ и драгоцѣнностяхъ.

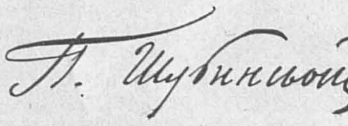
Эмиръ привезъ съ собой въ Россію своего старшаго, тринадцатилѣтняго сына Сеидъ-Миръ-Алема, котораго намѣ-

А. Н. БОРОНОКЪ, генералъ-маіоръ, чиновн. для особыхъ порученій при военномъ министрѣ, † 27-го октября 1892 г.

Съ фотографіи Левицкаго и сына гравировалъ А. И. Зубчаниновъ.

ренъ помѣстить въ пажескій корпусъ. Его сопровождаетъ большая свита должностныхъ лицъ разныхъ категорій, выдающимися представителями которой являются бухарскій кутъ-беги (нѣчто вродѣ перваго министра), дурбинъ, уже бывшій въ Петербургѣ во главѣ посольства въ 1885 г., и завѣдывающій казною эмира Астанакулъ-парваначи. Оба они персіане по происхожденію — есть ближайшіе помощники эмира по управленію ханствомъ.

Со стороны военнаго министерства при эмирѣ, на время пребыванія его въ Россіи, назначенъ состоять генеральнаго штаба полковникъ Путята. Со стороны туркестанскаго генералъ-губернатора, ст. сов. Ѳедоровъ, поручикъ Ефремовъ, врачъ Писаренко и штатные переводчики: Асфендіаровъ и Замаанъ-Бекъ Шейхалибековъ.



Румынскій наслѣдный принцъ и его супруга

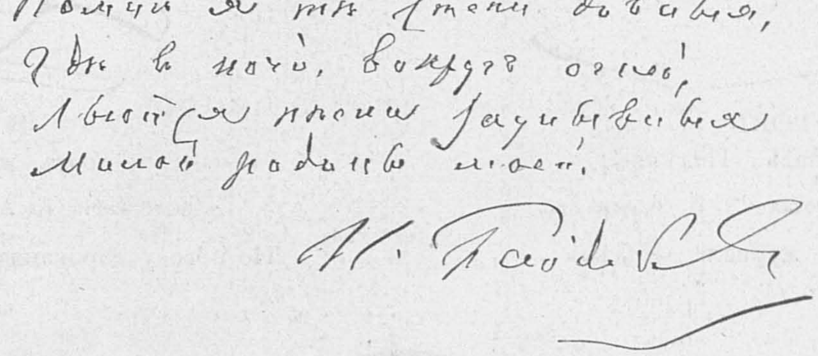
Въ половинѣ втораго часа 27-го декабря (8 января) герцогъ и герцогиня Эдинбургскіе съ ихъ дочерью принцессою Маріей прибыли въ замокъ Зигмарингенъ, резиденцію старшей вѣтви Гогенцоллернскаго дома, и были весьма сердечно встрѣчены на вокзалѣ княжескою фамиліей и наслѣдникомъ румынскаго престола. Толпы народа восторженно привѣтствовала прибывшихъ. Спустя два дня, т. е. 10-го января н. с., министръ прусскаго двора совершилъ обрядъ гражданскаго брака румынскаго наслѣднаго принца и принцессы Эдинбургской въ присутствіи короля Карла и румынскихъ государственныхъ сановниковъ, а затѣмъ состоялся обрядъ вѣнчанія, происходившій въ католической церкви въ присутствіи императора Вильгельма, короля Карла, великаго князя Алексѣя Александровича и другихъ родственниковъ жениха и невѣсты. На парадномъ обѣдѣ были провозглашены обычные тосты, причемъ король Карлъ сказалъ, что румынскій народъ привѣтствуетъ эту свадьбу съ великою радостью. Императоръ Вильгельмъ пожаловалъ румынскому наслѣдному принцу орденъ Чернаго Орла. а герцогу Эдинбургскому — званіе адмирала германскаго флота.

Принцъ Фердинандъ - Викторъ - Альбертъ-Майнрадъ, будущій король Румыніи — племянникъ короля Карла, второй сынъ его старшаго брата, принца Леопольда Гогенцоллернскаго, который первоначально былъ избранъ наслѣдникомъ престола послѣ своего брата. Въ 1880 году принцъ Леопольдъ отрекся отъ престола въ пользу своего втораго сына Фердинанда, который 18 марта 1889 года и былъ торжественно провозглашенъ наслѣдникомъ. Принцъ Фердинандъ родился 24 января 1865 года. Въ юности онъ отличался очень серьезнымъ характеромъ, избѣгалъ общества и обычныхъ развлеченій своего возраста. Этимъ отчужденіемъ и объясняется то обаяніе, которое на него имѣла красавица и высокообразованная Елена Вакареско. Бракъ съ нею не могъ быть заключенъ въ силу политическихъ соображеній, несмотря на то, что королева относилась къ нему благосклонно. Принцъ Фердинандъ въ прошедшемъ году удалился на время въ резиденцію своей родовой фамиліи и здѣсь, на бракосочетаніи принцессы Викторіи прусской, въ первый разъ встрѣтился со своею будущею супругою. Принцесса Марія была въ то время еще слишкомъ молода, чтобы затрогивать вопросъ о своемъ замужествѣ, но онъ былъ предварительно рѣшенъ между королемъ Карломъ и наслѣдникомъ. Въ іюнѣ прошедшаго года состоялась помолвка. Принцесса Марія-Александра-Викторія родилась 29 октября 1875 года. По своей августѣйшей матери, великой княгинѣ Маріи Александровнѣ, она приходится племянницею россійскому Императору. Будущая королева Румыніи наряду съ счастливою наружностью обладаетъ врожденнымъ блестящимъ умомъ.

Въ нынѣшнемъ нумерѣ „Всемірной Иллюстраціи“ мы помѣщаемъ также портреты родителей и ближайшихъ родственниковъ бракосочетавшихся. Герцогъ Эдинбургскій Альфредъ-Эрнестъ-Альбертъ родился 6 августа 1844 года; его бракосочетаніе съ дочерью покойнаго государя Александра II великою княгинею Маріею Александровною состоялось въ январѣ 1874 года. Принцесса Марія-Александра-Викторія, будущая королева Румыніи — старшая изъ дочерей герцога; за нею слѣдуютъ: принцессы Викторія-Мелита, родившаяся въ 1876 году, и Александра-Луиза-Ольга-Викторія, родившаяся въ 1878 году. Сынъ герцога, старшій изъ его дѣтей, принцъ Альфредъ - Александръ - Вильгельмъ - Эрнестъ-Альбертъ, родился въ октябрѣ 1874 года. Родитель принца Фердинанда Леопольдъ-Стефанъ-Карлъ-Антонъ-Густавъ-Эдуардъ-Тассило родился въ сентябрѣ 1835 года и съ 1861 г. состоитъ въ супружествѣ съ принцессою царствующей въ Португаліи Браганской фамиліи Антоніею - Маріею - Фердинандою, родившеюся въ 1845 году.

П. А. Гайдебуровъ

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ вышелъ первый нумеръ преобразованной „Недѣли“. Ранѣе этого подъ тѣмъ же самымъ заглавіемъ выходило довольно жалкое изданьице, основанное Н. П. Мунтомъ и рѣшительно никому неизвѣстное. Просуществовавъ года полтора, не болѣе, оно прекратилось, и затѣмъ право изданія было пріобрѣтено книгопродавцемъ



Автографъ П. А. Гайдебурова.

В. Е. Генкелемъ. „Недѣля“ Генкеля (1868 г.) не имѣла, кромѣ названія, ничего общаго съ газетою Мунта и сразу пріобрѣла себѣ извѣстность, благодаря участію въ ней болѣе или менѣе видныхъ литературныхъ дѣятелей — Н. А. Благовѣщенскаго, В. П. Буренина, Н. С. Курочкина, Г. И. Успенскаго, Ѳ. М. Рѣшетникова, А. К. Михайлова-Шеллера, П. Л. Лаврова Д. Д. Минаева, Н. А. Демерта, Д. К. Гирса, Ф. Д. Нефедова, Н. К. Михайловскаго, А. М. Скабичевскаго, А. П. Пятковскаго, А. И. Левитова и друг. При всѣхъ своихъ достоинствахъ „Недѣля“, однако, не имѣла строго опредѣленной физіономіи и была отраженіемъ мнѣній разныхъ лицъ, ею руководившихъ. Въ октябрѣ 1869 года изданіе перешло отъ Генкеля къ „издателямъ-сотрудникамъ“, — какъ они подписывались подъ „Недѣлей“ — Евгеніи Ивановнѣ Конради, Юрію Александровичу Росселю и Павлу Александровичу Гайдебурову. Съ этого момента имя послѣдняго стало неразрывно связано съ судьбою „Недѣли“, которая перешла къ Павлу Александровичу всецѣло въ 1875 году, послѣ того, когда изъ газеты вышли г-жа Конради, г. Россель и также и замѣнившій его Евгеній Ивановичъ Рагозинъ. Подъ руководствомъ П. А. Гайдебурова „Недѣля“ совершенно преобразовалась, ея направленіе вполнѣ опредѣлилось, то направленіе, патріотическое въ лучшемъ, идеальномъ значеніи слова, которое мало по малу пріобрѣло этому изданію немало друзей и поклонниковъ. П. А. Гайдебурову пришлось пережить очень много тяжелыхъ дней въ борьбѣ съ внѣшними бурями, съ неудачами, съ тупымъ равнодушіемъ публики. Глубоко правдивый, честный журналистъ, весь, до мозга костей, преданный своему святому дѣлу, интересамъ отечества и служенія обществу, онъ совсѣмъ изнемогъ въ борьбѣ; онъ несъ добровольно всю тяжесть, легшую на него, какъ на лицо отвѣтственное передъ обществомъ и передъ собственною совѣстью и прекрасно понимающее, что „дѣло писателя — дѣло великое и не подъ силу другимъ...“ П. А. Гайдебуровъ вышелъ изъ борьбы побѣдителемъ, и его „Недѣля“ завоевала себѣ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ отечественной журналистикѣ, завоевала большія симпатіи въ публикѣ. „Недѣля“, въ лицѣ ея глубоко честнаго и добросовѣстнаго издателя-редактора, всегда оставалась вѣрна лучшимъ литературнымъ традиціямъ, завѣтамъ уважаемыхъ и наиболѣе чтимыхъ русскихъ дѣятелей; другъ разумной свободы, она никогда не проповѣдывала того, что граничитъ съ безправіемъ, распущенностью, уважала личность человѣческую и, ни передъ кѣмъ не холопствуя, относилась почтительно къ авторитетамъ, отличалась терпимостью къ чужимъ мнѣніямъ и была совершенно чужда узкой партійности. Чуткость и большая отзывчивость, трезвое отношеніе къ жизненнымъ явленіямъ, служеніе правдѣ, истинная любовь къ народу, заботы о его просвѣщеніи, благосостояніи, всестороннемъ развитіи, задушевность, искренность — вотъ отличительныя черты этого почтеннаго органа. „Недѣля“, по справедливому отзыву одного журналиста, „не впадавшая ни въ консерватизмъ, граничащій съ мракобѣсіемъ, ни останавливавшаяся на томъ шаблонѣ, который доселѣ кажется каноническимъ для нѣкоторыхъ газетъ, стремящихся быть либеральными прежде всего и въ ущербъ жизни и правдѣ, - всегда служила правдѣ, родинѣ и стояла за то, что жизненно, справедливо, полезно для родины. Она никогда не была узкимъ, кружковымъ органомъ, готовымъ ломать жизнь въ угоду тенденціи. Она изучала жизнь, ея требованія, а не сочиняла и не выдумывала жизни. Если она видѣла правду тамъ, гдѣ ея не видѣли другіе — она безбоязненно называла правду ея именемъ“. Не будучи никогда волнуема идеями, относящимися къ области утопій, химеръ, не увлекаясь мимолетными вѣяніями, модными ученіями и всякими бреднями, „Недѣля“ строго исполняла свои обязанности честнаго, безпристрастнаго органа печати, скромно, но въ высшей степени плодотворно служила намѣченнымъ цѣлямъ, не колеблясь и не сворачивая съ избраннаго ею прямаго, хотя и очень труднаго, пути. Теперь это лучшій и, смѣло скажемъ, образцовый органъ русской печати. Своимъ выдающимся положеніемъ въ журналистикѣ, своими рѣдкими достоинствами „Недѣля“ исключительно обязана своему руководителю, литератору опытному, даровитому, съ большимъ чутьемъ. П. А. Гайдебуровъ — отличный редакторъ, образованный, беззавѣтно преданный своему дѣлу, умѣющій находить людей, умѣющій и поработать. Успѣхъ „Недѣли“, ея широкое распространеніе не заставляютъ П. А. Гайдебурова успокоиться и, какъ говорится, почить на лаврахъ. Напротивъ, онъ вѣчно хлопочетъ, работаетъ надъ улучшеніемъ газеты, ищетъ свѣжихъ силъ, старается помимо всего сдѣлать этотъ достойный полнаго уваженія и симпатіи органъ какъ можно содержательнѣе, живѣе, разнообразнѣе. Маленькія „Книжки Недѣли“ составляются образцово и по своему интересу, жизненности, цѣльности могутъ смѣло конкурировать съ большими журналами, въ которыхъ нерѣдко можно встрѣтить столько ненужнаго балласта... „Книжки Недѣли“, которыя украшались и украшаются лучшими литературными именами, прочитываются всегда съ первой страницы до послѣдней, гдѣ каждое стихотвореніе, каждый разсказъ, литературный очеркъ, любая статья — все интересно, осмысленно, имѣетъ свое raison d'être. Впрочемъ здѣсь нѣтъ ничего удивительнаго. Такъ и быть должно: П. А. Гайдебуровъ весь отражается въ своемъ изданіи. Онъ литераторъ чистокровный, до корня волосъ, въ самомъ строгомъ и полномъ значеніи слова, для котораго литература — все. Едва ли найдется какое нибудь выдающееся явленіе, все, что такъ или иначе связано съ литературой: всякое общество, публичное чтеніе, обѣдъ, юбилейное торжество и проч., въ которомъ П. А. Гайдебуровъ не участвовалъ бы или которымъ такъ или иначе не интересовался. Въ комитетѣ „Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ“ почтенный редакторъ „Недѣли“ всегда былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ.

Въ настоящее время Павлу Александровичу Гайдебурову уже минулъ 51 годъ. Онъ родился въ 1841 году въ городѣ Николаевѣ, херсонской губерніи, гдѣ его отецъ былъ священникомъ. Грамотѣ П. А. научился довольно рано и, получивъ первоначальное образованіе въ домѣ отца, гдѣ былъ прекрасно подготовленъ, на двѣнадцатомъ году поступилъ въ херсонскую гимназію, прямо въ 3-й классъ. Наклонности къ литературѣ обнаружились у П. А. еще на школьной скамейкѣ, что, однако, не помѣшало ему быть однимъ изъ лучшихъ учениковъ и съ успѣхомъ окончить курсъ. Въ 1857 году П. А., по окончаніи гимназіи, поступилъ на математическій факультетъ с.-петербургскаго университета; затѣмъ онъ перешелъ на факультетъ юридическій. Въ срединѣ 60-хъ годовъ П. А. основалъ въ С.-Петербургѣ, въ компаніи съ нѣсколькими лицами, книжный магазинъ, но дѣло это, несмотря на всѣ труды П. А., не пошло, и онъ всецѣло

отдался литературному дѣлу. На литературное поприще П. А. выступилъ еще будучи студентомъ, помѣстивъ въ еженедѣльной газетѣ „Сынъ Отечества", редакціи А. В. Старчевскаго, разсказъ „Странная доля". За нимъ слѣдовали другія его беллетристическія произведенія и разныя статьи: „Мужичекъ" — въ „Иллюстраціи" В. Р. Зотова, „Два мгновенія" — въ „Русскомъ Словѣ", „Надзиратель" — въ „Современникѣ", гдѣ помѣщенъ также и его превосходный стихотворный переводъ поэмы Шевченко „Гайдамаки", „Нищенка" — въ „Библіотекѣ для чтенія", „Дневка" — въ газетѣ „Очерки", „Экзаменъ" — въ „Искрѣ", „Постановка вопроса о женскомъ трудѣ" — въ газетѣ „Очерки" и проч. Въ „Основѣ" В. М. Бѣлозерскаго П. А. велъ два года отдѣлъ „Южно-русская лѣтопись", а затѣмъ принималъ дѣятельное участіе въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" В. Ѳ. Корша, съ 1863 по 1865 г., гдѣ печатались его „Провинціальное обозрѣніе" за подписью *Гдб.* и передовыя статьи по внутреннимъ вопросамъ; въ „Искрѣ" онъ помѣстилъ рядъ статей подъ заглавіемъ „Очерки прогресса". За той же подписью онъ помѣщалъ статьи въ „Современникѣ" (внутреннее обозрѣніе) и „Дѣлѣ" (1867—1869 гг.), гдѣ также велъ внутреннее обозрѣніе, недолгое время завѣдывая беллетристическимъ отдѣломъ, и помѣстилъ рядъ статей: „Соціально-экономическія попытки въ Россіи", „Тенденціозная драма", „Русская семья передъ гласнымъ судомъ" и друг. Въ 1866 году онъ былъ фактическимъ редакторомъ газеты А. Н. Артоболевскаго „Гласный судъ", а съ 1869 г. явился однимъ изъ издателей-сотрудниковъ „Недѣли", гдѣ помѣстилъ послѣднюю свою беллетристическую вещь: „На новыхъ началахъ", и выступилъ съ цѣлымъ рядомъ публицистическихъ статей, печатая также свои „Литературно-житейскія замѣтки". Съ 1875 г. П. А. сдѣлался единственнымъ собственникомъ „Недѣли", въ которой онъ такъ высоко держитъ свое знамя, знамя писателя-гражданина, вѣрою и правдою служащаго своей родинѣ, на которой сосредоточены всѣ помыслы его, чистые и прекрасные. *П. Б.*

П. И. Вейнбергъ

Двадцать девятаго декабря прошлаго года въ довольно тѣсномъ кружкѣ писателей происходило очень скромное чествованіе извѣстнаго поэта и переводчика Петра Исаевича Вейнберга по случаю исполнившагося сорокалѣтія его почтенной литературной дѣятельности. Такой видный и талантливый писатель, столько поработавшій на своемъ вѣку, столько сдѣлавшій для русской литературы, кажется заслуживалъ бы не одного только скромнаго чествованія, носившаго семейный характеръ. Притомъ слѣдовало бы чествовать не сорокалѣтіе дѣятельности П. И., а сорокапятилѣтіе, такъ какъ онъ выступилъ въ литературѣ еще въ 1847 году. П. И. пользуется широкою вполнѣ заслуженною извѣстностью въ журналистикѣ и въ публикѣ, какъ превосходный знатокъ едва ли не всѣхъ литературъ Запада, замѣчательный переводчикъ, даровитый поэтъ, журналистъ и выдающійся юмористъ. Едва ли найдется такое, сколько нибудь порядочное, періодическое изданіе, въ которомъ П. И. не участвовалъ бы; онъ печаталъ стихотворенія оригинальныя и переводныя, серьезныя и юмористическія, компиляціи, критическіе этюды, фельетоны, рецензіи, статьи о театрѣ, переводы беллетристическихъ произведеній, редактировалъ всевозможныя изданія. Одно перечисленіе всего напечатаннаго П. И. въ теченіе сорока пяти лѣтъ заняло бы нѣсколько листовъ. Нельзя не удивляться такой плодовитости, такому трудолюбію, но еще болѣе удивительно то, что всѣ работы П. И. не только крупныя, но и мелкія, текущія, спѣшныя отличаются большою добросовѣстностью, настоящей литературностью. На всѣхъ этихъ работахъ лежитъ печать несомнѣннаго таланта, знанія, изящнаго вкуса. П. И. отлично владѣетъ стихомъ, стиль у него безукоризненный; задушевность, теплота, а порою и сила являются отличительными чертами его поэзіи; его статьи всегда содержательны, ясны и общедоступны; онъ умѣетъ бесѣдовать съ читателемъ, знаетъ какъ затронуть его любопытство. Его юморъ свѣжъ, легокъ, незлобивъ; въ своихъ шуточныхъ произведеніяхъ, пародіяхъ, эпиграммахъ, отголоскахъ на тѣ или другія явленія современной жизни П. И. всегда тактиченъ, остроуменъ, не затрогиваетъ личностей и не переступаетъ границъ прекраснаго; отъ его шутокъ вѣетъ простотою и неудержимой, заразительной веселостью; оттого-то даже старыя его юмористическія вещи, написанныя лѣтъ 25—30 тому назадъ, не потеряли своей свѣжести и пріятности. Юмористическое дарованіе П. И. выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ, и справедливо было гдѣ-то сказано, что онъ „внесъ свѣжій, пріятный и новый элементъ въ русскую юмористическую поэзію". Русская публика обязана П. И. превосходными во всѣхъ отношеніяхъ переводами произведеній Гейне, Лессинга, Шамиссо, Ленау, Берне, Гервега, Гуцкова, Гофмана фонъ-Фаллерслебена, Гартмана, Гамерлинга, Дранмора, Байрона, Шелли, Шеридана, Коппе и въ особенности Шекспира. П. И. перевелъ почти всѣ комедіи великаго драматурга, а также трагедіи „Отелло", „Венеціанскій купецъ", „Тимонъ Аѳинскій" и хронику „Генрихъ VIII". Всѣ настоящіе знатоки Шекспира оцѣнили по достоинству переводы Вейнберга, и одинъ изъ такихъ знатоковъ — В. В. Чуйко — считаетъ П. И. лучшимъ и талантливѣйшимъ переводчикомъ Шекспира, а переводы его — вполнѣ образцовыми. „Въ переводахъ Шекспира, говоритъ онъ, — особенную трудность составляютъ, какъ извѣстно, его остроты, иногда почти не переводимыя, по временамъ состоящія изъ игры словъ, иногда очень циничныя и очень часто скрывающія какой нибудь намекъ на историческія событія, на нравы тогдашняго времени, на анекдоты, бывшіе въ ходу въ царствованія Елисаветы и Іакова I. Справиться съ такими остротами въ вѣрной ихъ передачѣ, въ усвоеніи игры словъ, удерживая въ то же время могущія встрѣтиться намеки — дѣло чрезвычайно трудное, съ которымъ можетъ справиться только настоящій поэтъ, чуткій къ поэтической красотѣ, съ значительно развитымъ литературнымъ вкусомъ, изучившій великій подлинникъ добросовѣстно и, къ тому же, человѣкъ остроумный, передающій легко и забавно всякую остроту, владѣющій языкомъ какъ настоящій виртуозъ, не отступающій, однако, нисколько отъ подлинника. Такимъ именно переводчикомъ является П. И. Вейнбергъ. Его переводы можно назвать положительнымъ вкладомъ въ русскую литературу". Звучностью, красотою стиха, вѣрностью духу, размѣру, даже буквѣ подлинника отличаются и переводы его нѣмецкихъ, французскихъ и англійскихъ поэтовъ. Изъ крупныхъ вещей П. И. перевелъ: „Сарданапалъ" Байрона, трагедію Шелли „Ченчи", трагедію К. Гуцкова „Уріель Акоста", поэмы „Іегуда бенъ Галеви" и „Бимини" Гейне, „Иванъ Жижка" Ленау, трагедію „Натанъ Мудрый" Лессинга, поэму Лонгфелло „Евангелина", комедію Шеридана „Школа злословія", „Двѣ судьбы" Фр. Коппе и проч., и проч. Кромѣ того подъ его редакціей изданы сочиненія Гёте и Гейне въ переводахъ русскихъ писателей, избранныя сочиненія Бёрне и рядъ сборниковъ, имѣющихъ воспитательное значеніе, служащихъ учебными пособіями, таковы: „Европейскій театръ", „Русскіе писатели въ классѣ", „Русская исторія въ поэзіи", „Европейскіе классики" и мн. друг. Изъ статей П. И. наиболѣе выдаются этюды о Гюго, Гейне, Бёрне, Фрейлигратѣ и друг. Въ 1860 г. П. И. Вейнбергъ вмѣстѣ съ А. В. Дружининымъ, К. Д. Кавелинымъ и В. П. Безобразовымъ, а затѣмъ одинъ, издавалъ газету „Вѣкъ", и позднѣе предпринималъ изданіе газеты „Beobachter an der Newa", редактировалъ журналъ „Осу", „Будильникъ", „Иллюстрированную библіотеку знаменитыхъ уголовныхъ процессовъ", иллюстрированный журналъ „Ласточка", „Задушевное Слово" (70-хъ годовъ) и собственное изданіе, журналъ „Изящная Литература" (1883—1885 гг.). Свои юмористическія произведенія, которыхъ многое множество, П. И. печаталъ въ „Весельчакѣ", „Гудкѣ", „Развлеченіи", „Русскомъ Мірѣ" (Гіероглифова), „Осѣ", „Зрителѣ", „Искрѣ", „Будильникѣ", „Стрекозѣ", „Новостяхъ" подъ многочисленными псевдонимами, изъ которыхъ нельзя не указать на тѣ, подъ какими онъ писалъ больше всего, это — *Непризнанный поэтъ, Гейне изъ Тамбова, Камень Виногоровъ, Донъ-Алонзо, Донъ-Кихотъ с.-петербургскій, Меланхоликъ.* Кромѣ того нѣкоторыя свои стихотворенія оригинальныя и переводныя П. И. подписывалъ псевдонимами *Е. Зиновъ* и *Л. З. Т.*

Петръ Исаевичъ Вейнбергъ родился въ городѣ Николаевѣ, херсонской губерніи, въ 1830 году и первоначальное воспитаніе получилъ въ одесскомъ частномъ пансіонѣ В. А. Золотова, извѣстнаго педагога. Затѣмъ среднее образованіе получилъ онъ въ одесской гимназіи, откуда, по окончаніи курса, поступилъ на юридическій факультетъ Ришельевскаго лицея. За полгода до выпуска онъ оставилъ лицей и перешелъ на историко-филологическій факультетъ харьковскаго университета, въ которомъ и окончилъ курсъ со степенью кандидата въ 1855 году. Еще въ бытность свою въ гимназіи П. И. помѣстилъ въ литературныхъ прибавленіяхъ къ „Московскимъ Вѣдомостямъ" 1847 г. два стихотворенія патріотическаго содержанія, въ 1852 г. напечаталъ нѣсколько переводовъ изъ В. Гюго въ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ", а въ 1854 г. выпустилъ сборникъ своихъ переводныхъ и оригинальныхъ стихотвореній. По выходѣ изъ университета П. И. недолгое время служилъ въ Симбирскѣ, а затѣмъ переселился въ 1858 г. въ Петербургъ, гдѣ всецѣло посвятилъ себя литературѣ. Въ 1868 г. онъ получилъ въ Варшавѣ мѣсто профессора русской литературы въ Главной школѣ и занималъ его и по преобразованіи школы въ университетъ, вплоть до 1873 года. Вернувшись въ Петербургъ, П. И. опредѣлился на службу по вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи, преподавая много лѣтъ русскую и иностранную литературу въ женскихъ гимназіяхъ и на женскихъ педагогическихъ курсахъ, а также былъ одно время инспекторомъ коломенской женской гимназіи. Нынѣ П. И. состоитъ также приватъ-доцентомъ с.-петербургскаго университета по каѳедрѣ всеобщей исторіи литературы.

Петръ Быковъ

Генералъ А. Н. Боронокъ

Въ концѣ прошлаго года скончался одинъ изъ молодыхъ генераловъ, состоявшій при военномъ министрѣ, Алексѣй Никитичъ Боронокъ. Дѣятельность покойнаго и въ военное, и въ мирное время доставила ему большую извѣстность. Онъ родился въ 1852 г. Въ октябрѣ 1868 г. онъ поступилъ на службу унтеръ-офицеромъ во Владимірскій пѣхотный полкъ, а затѣмъ поступилъ въ рижское пѣхотное юнкерское училище, гдѣ, кончивъ курсъ по 1-му разряду 13 ноября 1877 г., получилъ 1-й чинъ; почти вся оберъ-офицерская служба его прошла въ походахъ и бояхъ подъ начальствомъ генерала Скобелева.

Въ послѣднюю турецкую войну онъ участвовалъ во многихъ сраженіяхъ и здѣсь за аттаку турецкихъ редутовъ подъ Плевною 30 августа произведенъ въ поручики и въ этомъ чинѣ назначенъ старшимъ адъютантомъ штаба Плевноловчинскаго отряда. Въ этой должности онъ участвовалъ при взятіи дер. Брешіоваца, штурмѣ Зеленыхъ горъ и при отбитіи нападенія турокъ на наши укрѣпленія. Послѣ взятія нами Плевны Боронокъ былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ штаба Иметлійскаго отряда и съ нимъ перешелъ Балканы; во время одной рекогносцировки подъ Боронкомъ была убита лошадь и самъ онъ тяжело ушибленъ при паденіи въ обрывъ. За эту рекогносцировку Боронокъ получилъ орденъ св. Анны 3-й ст. съ мечами и бантомъ, а затѣмъ за отличіе въ дѣлахъ подъ Гермоклы и Хаскіоемъ — 7 января 1878 г. — орденъ св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ.

Когда генералъ-адъютантъ Скобелевъ назначенъ былъ начальникомъ ахалъ-текинской экспедиціи, его любимый адъютантъ отправился вмѣстѣ съ нимъ.

Состоя въ должности старшаго адъютанта штаба 4-го армейскаго корпуса, онъ начальствовалъ въ дѣлѣ 6 іюля 1880 г. цѣпью наѣздниковъ, сдерживая натискъ всей непріятельской кавалеріи.

Затѣмъ въ дѣлѣ 4 декабря того же года, командуя соединенною цѣпью роты охотниковъ, команды осетинъ и сотни казаковъ, Боронокъ съ боя взялъ занятыя превосходными массами непріятеля укрѣпленныя оборонительныя стѣнки съ южной стороны Янги-Кала, которыя и удерживалъ во все время фланговаго марша главныхъ силъ къ Геокъ-Тепе, чѣмъ и далъ возможность совершить это движеніе. Затѣмъ участвовалъ при штурмѣ Денгиль-Тепе, 12 января 1881 г. За эти дѣла онъ былъ награжденъ чиномъ майора и получилъ орденъ св. Георгія 4-й ст.

Одинъ разъ Боронокъ спасъ цѣлый отрядъ, успѣвъ вырубить широкую просѣку въ густомъ громадномъ лѣсу, который хотѣли занять текинцы, бросившись на нашъ лагерь. Вырубленная просѣка заставила ихъ выйти наружу, подъ дѣйствіе нашего огня.

Скобелевъ почти не могъ обходиться безъ Боронка. Когда были ранены начальникъ штаба и помощникъ, Боронокъ былъ и фактическимъ начальникомъ штаба отряда. Онъ удивлялъ всѣхъ своею неутомимостью и выносливостью. На обязанности его лежало, между прочимъ, напоминать по вечерамъ бѣлому генералу все, что нужно было сдѣлать въ теченіе слѣдующаго дня. Тяжелый день похода, а иногда и битвы кончался, всѣ расходились по своимъ палаткамъ отдохнуть. Боронокъ являлся къ Скобелеву и цѣлый часъ, иногда и больше, выслушивалъ его приказанія, распоряженія; затѣмъ онъ долженъ былъ сообщать генералу о всѣхъ раненыхъ, объ ихъ состояніи, ихъ просьбахъ, и дѣлать соотвѣтствующія распоряженія; наконецъ засыпалъ и генералъ, а у Боронка все еще работа кипѣла въ его канцеляріи: онъ бѣгалъ, ходилъ, писалъ, а къ утру уже опять на ногахъ съ докладами у генерала, — неизвѣстно было, когда онъ спалъ.

Вся масса хозяйственныхъ работъ лежала на Боронкѣ. Точный, исполнительный и человѣкъ высокой честности, онъ былъ другъ солдатъ, родной для раненыхъ. 17-го іюня 1882 г. Боронокъ былъ произведенъ въ полковники и по окончаніи скобелевской экспедиціи занялъ мѣсто чиновника особыхъ порученій при военномъ министерствѣ. Здѣсь началась другая его дѣятельность, доставившая ему немалую извѣстность, но дѣятельность неблагодарная, вызывавшая нареканія на него, и за которую могъ ему сказать спасибо развѣ только русскій солдатъ, когда онъ становился жертвою хищныхъ людскихъ инстинктовъ. Обладая прекрасными бухгалтерскими способностями и зная практически хозяйственную и счетную военную часть, полковникъ Боронокъ являлся грозою для воинскихъ начальниковъ, когда его посылали на ревизію. Въ качествѣ ревизора онъ немало поѣздилъ по Россіи, немало открылъ злоупотребленій, но, надо отдать справедливость, немало и хлопоталъ о наградахъ для тѣхъ изъ ревизуемыхъ имъ, у которыхъ находилъ все въ порядкѣ. 30 августа 1892 г. Боронокъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры. Онъ отправился на ревизію въ Туркестанскую область, но въ Ташкентѣ скончался отъ своей старой болѣзни, страданій желудка. Тѣло его погребено въ Александро-Невской лаврѣ.

В. Прокофьевъ

Памяти Н. А. Некрасова

Въ самомъ концѣ декабря истекшаго года минуло пятнадцать лѣтъ со дня смерти одного изъ видныхъ поэтовъ русскихъ, имя котораго гремѣло въ теченіе трехъ десятилѣтій, знакомо каждому сколько нибудь образованному русскому человѣку и которое такъ много говоритъ всякой чуткой душѣ и, по словамъ самого поэта, „волнуетъ мягкія сердца". Этотъ поэтъ — Некрасовъ, поэтъ истинный, отзывавшійся на страданія человѣка, воспѣвавшій всѣхъ обездоленныхъ, пасынковъ судьбы, познакомившій и сроднившій насъ съ пахаремъ родной земли, съ его тяжкимъ трудомъ, его поразительнымъ терпѣніемъ, впервые окружившій русскую женщину тѣмъ ореоломъ, какого она всегда была достойна, и вообще затрогивавшій лучшія струны человѣческаго сердца. Человѣку сродно заблуждаться, — отдалъ и Некрасовъ свою дань заблужденіямъ, но въ общемъ онъ „сѣялъ разумное, доброе, вѣчное" и горячо любилъ свою родину. Хотя Некрасовъ и называетъ свои стихи „риѳмованными звуками" и говоритъ, что не льстится, „чтобъ въ памяти народной уцѣлѣло что нибудь изъ нихъ", тѣмъ не менѣе и теперь, спустя пятнадцать лѣтъ послѣ кончины поэта, воспоминаніе о немъ еще такъ свѣжо, а имя его продолжаетъ быть до извѣстной степени обаятельнымъ. Пройдутъ года, и это имя все-таки не забудется, оно уцѣлѣетъ въ памяти народной, потому что поэзію Некрасова прежде всего согрѣваетъ глубокая любовь —

„Та любовь, что добрыхъ прославляетъ,
Что клеймитъ злодѣя и глупца
И вѣнкомъ терновымъ надѣляетъ
Беззащитнаго пѣвца..."

Базаръ кустарныхъ издѣлій въ Императорскомъ сельско-хозяйственномъ музеѣ

Въ Соляномъ Городкѣ, въ зданіи Императорскаго сельско-хозяйственнаго музея, Высочайше утвержденнымъ товариществомъ „Работникъ" былъ устроенъ базаръ кустарныхъ издѣлій. Почтенное товарищество задалось прекрасной цѣлью — познакомить петербуржцевъ съ дешевизной тѣхъ издѣлій, которыя продаются въ существующихъ магазинахъ и лавкахъ по значительно дорогимъ цѣнамъ. До сихъ поръ въ публикѣ распространено предубѣжденіе противъ кустарей. Ихъ издѣлія считаются за нѣчто несовершенное и непрочное. Это предубѣжденіе на столько сильно, что павловскіе кустари ради большаго сбыта, преимущественно ножевого товара, прибѣгаютъ къ иностраннымъ штампамъ, и русскіе ножи продаются за лондонскіе и шведскіе. Петербургскіе торговцы пользуются пристрастіемъ публики къ иностраннымъ товарамъ, и ножи изъ уральской стали, стоющіе дюжина 4 руб., продаются за 12 р. Базаръ кустарныхъ издѣлій несомнѣнно долженъ разсѣять эти предубѣжденія противъ русскихъ производителей. Въ залахъ сельско-хозяйственнаго музея, изящно декорированныхъ, выставлены были всевозможныя игрушки изъ папье-маше, металлическія, фарфоровыя, деревянныя; картонажи для украшеній елокъ, корзинныя издѣлія и плетеная мебель, крашенная, лакированная, деревянная посуда и мебель; точеныя и рѣзныя издѣлія изъ корельской березы и капа; рѣзная мебель въ древне-русскомъ стилѣ, шкатулки, шкафчики, столы, скамейки и пр.; ножи всякаго рода, ножницы, топоры, тульскіе самовары, подсвѣчники, подносы. На выставкѣ особенно богатъ былъ отдѣлъ ювелирныхъ издѣлій изъ серебра: браслеты, брошки, крестики, цѣпочки, приборы; издѣлія изъ уральскихъ камней: шкатулки, письменные приборы, драгоцѣнные камни и пр.; издѣлія изъ рога, черепахи и бересты; разноцвѣтная сарпинка, платки, сукна, ковры, холсты, полотенца, кружева, вышивки и, наконецъ, всевозможная домашняя утварь: умывальники, кровати, чемоданы, ванны и пр. Всѣ эти вещи, изготовленныя съ замѣчательнымъ вкусомъ, продавались баснословно дешево. Для примѣра можно указать на рѣзныя работы кустарей Троице-Сергіевскаго посада, московской губерніи: замѣчательной работы модель Троице-Сергіевской лавры — 1 р. 50 к. Дюжина столовыхъ ножей продавалась отъ 4 руб., простые часы за 85 к., игрушки отъ 2 к., изящныя большія куклы по 3 р. Такъ какъ на базарѣ была масса вещей, пріобрѣтавшихся для дѣтей передъ рождественскими праздниками, то одна изъ залъ была украшена елкой, убранной игрушками и бонбоньерками. На базарѣ игралъ оркестръ. Настоящая выставка указываетъ на замѣчательную способность нашихъ отечественныхъ кустарей изготовлять вещи хорошо и дешево, но въ то же время указываетъ и на многіе недостатки ихъ издѣлій. Нашъ кустарь необразованъ, неграмотенъ даже; онъ не имѣетъ возможности пополнять свои свѣдѣнія по изготовленію предметовъ извѣстнаго рода отъ другихъ; онъ все долженъ самъ измышлять; его попытки создать что нибудь новое, оригинальное зачастую разбиваются или объ его непроходимое невѣжество, или объ его матеріальную безпомощность.

Н. А. НЕКРАСОВЪ, поэтъ.

Автотипія Эд. Гоппе съ рѣдкой фотографіи П. В. Тулинова, въ Москвѣ, снятой въ 60-хъ годахъ.

По поводу пятнадцатилѣтней годовщины смерти.

Флорентійская цвѣточница

Картина Ф. Андреотти

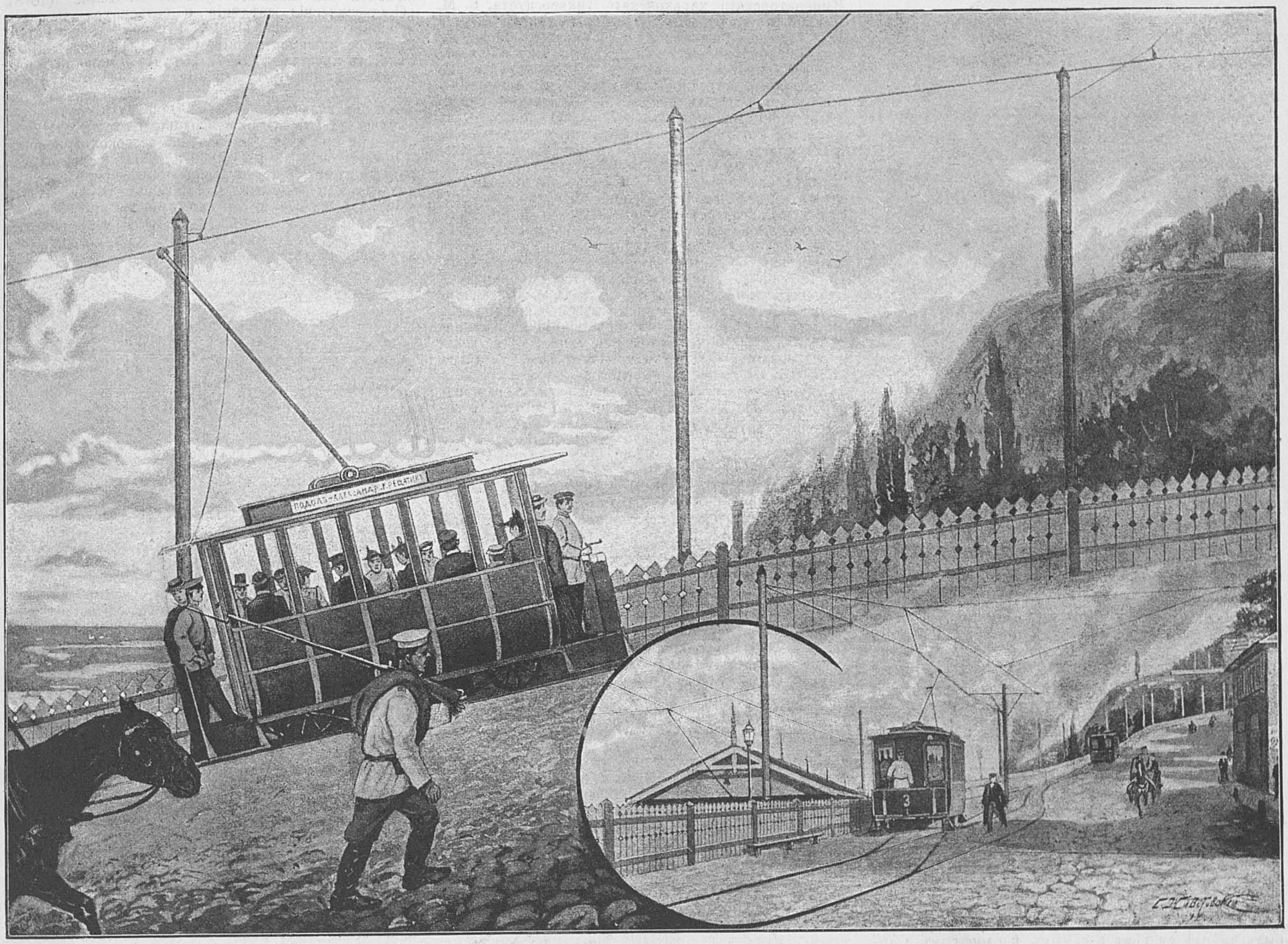
Маленькая плутовка Вирджинія отлично знаетъ — въ какую пору дня и на какомъ мѣстѣ бульвара или площади можно встрѣтить больше гуляющихъ богатыхъ синьоровъ и прекрасныхъ синьоръ, томно откинувшихся на подушки роскошныхъ ландо. Словно крупный цвѣтокъ мака, еще издали бросается въ глаза алый фуляръ съ пестрыми разводами на ея головкѣ. Онъ такъ красиво оттѣняетъ смуглое живое личико! Непокорные завитки черныхъ, какъ смоль, волосъ выбиваются изъ-подъ него наружу на низкій лобъ, а изъ-подъ тонкой дуги бровей лукаво поглядываютъ небольшіе, но пламенные глаза тосканки, сверкающіе въ тѣни густыхъ и длинныхъ рѣсницъ.

Впрочемъ грѣхъ было бы назвать Вирджинію кокеткой. Посмотрите, она не надѣла даже кораллоbаго ожерелья на свою смуглую, словно выточенную, шею. Серебряныя серьги въ видѣ большаго гладкаго кольца составляютъ всѣ ея украшенія. Да ей и некогда думать о своей красотѣ. И не потому, чтобъ у этого ребенка было слишкомъ много дѣла. Нѣтъ, вѣчно веселая, беззаботная дѣвушка, просто, едва успѣваетъ вдоволь насладиться тѣмъ, что даетъ ей привольная жизнь на благодатномъ югѣ: и яркимъ солнечнымъ сіяніемъ, и красотой лазурнаго неба, и щебетаніемъ птицъ, и задумчивымъ плескомъ волны. Ея молодая грудь дышетъ избыткомъ жизненныхъ силъ, и она была бы готова съ утра до ночи заливаться пѣснями, какъ полевой жаворонокъ или веселая малиновка. Она безсознательно счастлива, рада тому, что живетъ, и это составляетъ тайну ея неотразимаго очарованія.

А ужъ какая мастерица Вирджинія составлять букеты и бутоньерки! И какъ она умѣетъ угадывать — какому синьору предложить въ петлицу полураспустившуюся розу, какому душистый анемонъ или бѣлый нарцисъ золотою сердцевинкой. Въ ея рукахъ каждый цвѣтокъ получаетъ особое значеніе и товаръ въ ея корзинѣ всегда какъ-то особенно свѣжъ и заманчивъ. А улыбка и лукавый взглядъ, съ которыми она предлагаетъ его покупателю! Передъ ними рѣшительно нѣтъ возможности устоять. И сколько мужскихъ сердецъ изнываетъ по молоденькой Вирджиніи. Видите, на тоненькомъ мизинцѣ лѣвой руки, утопающей въ цвѣтахъ, у ней блеститъ колечко!.. Только плутовка ни за что не хочетъ сказать — отъ кого получила этотъ символическій даръ. Рано еще думать ей о суженомъ. Своей торговлей она содержитъ больную старушку мать, которая благословляетъ единственную дочь — свою опору въ преклонныхъ годахъ — и прилежно молитъ Мадонну о ея счастьѣ и утромъ, и вечеромъ. Въ ихъ убогой хижинѣ, на дальней окраинѣ большаго города, на самомъ берегу Арно, царитъ скромное довольство. И что же въ этомъ удивительнаго? Кто можетъ устоять противъ чарующей улыбки Вирджиніи, противъ ея лукаваго взгляда, когда она предлагаетъ купить у ней цвѣточковъ?

Электрическій трамвай въ Кіевѣ

Въ какихъ нибудь три—четыре года Кіевъ до того измѣнился къ лучшему по своему благоустройству, что всякому, отсутствовавшему въ этотъ короткій промежутокъ времени, кіевлянину невольно кажется, будто онъ былъ здѣсь не недавно, а по крайней мѣрѣ лѣтъ десять. Къ природной красотѣ древнѣйшей русской столицы присоединилась красота цивилизованнаго города, и Кіевъ принялъ европейскую физіономію. Надъ Днѣпромъ засіяло электричество и освѣтило сотни церквей и красивые новые многоэтажные дома, по улицамъ проложены рельсы конки и электрическаго трамвайя. Крутыя горы оказались безсильными въ борьбѣ съ изобрѣтательностью человѣка, — трамвай, двигаемый силой электричества, свободно подымается по наклонной плоскости, достигающей мѣстами 9°. Впервые электрическіе трамвайи вошли въ употребленіе въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ содержаніе хорошаго машиниста и машины обходится дешевле, чѣмъ кучеръ и лошади. Въ Европѣ, какъ извѣстно, электрическія дороги составляютъ рѣдкость, ихъ насчитываютъ не болѣе десяти. Въ Кіевѣ электрическая желѣзная дорога построена весною 1892 года берлинскою фирмою „Allgemeine elektr. Gesellschaft" по системѣ Спрага. Она проходитъ по всей Александровской улицѣ и по Александровскому спуску подымается на Крещатикъ. У Александровскаго спуска находится электрическая станція; въ ней два газомотора Отто, каждый въ 60 силъ вращаетъ одну динамо въ 60 Амперъ и 500 вольтъ. Токъ изъ станціи по проволокѣ, натянутой надъ рельсами, входитъ въ вагонъ; внизу у него между колесами помѣщены два электродвигателя. Пройдя сквозь электродвигатели, а слѣдовательно заставивъ ихъ и скрѣпленныя съ ними колеса вращаться, токъ входитъ въ землю. Такимъ образомъ земля представляетъ собою обратный проводникъ. Интересно у Спрага сдѣланъ скользящій контактъ: къ крышѣ вагона придѣланъ пружинящій мѣдный рычагъ, у верхняго конца котораго находится колесо съ желобомъ. Это колесо, катясь и прижимаясь къ проволокѣ, и служитъ скользящимъ контактомъ. Внизъ вагонъ катится исключительно на тормазѣ (обыкновенномъ), что въ данномъ случаѣ далеко не безопасно. Доходность такого способа перемѣщенія, однако, весьма сомнительна, такъ какъ предприниматели для полученія движенія сжигаютъ довольно дорого стоющій свѣтильный газъ.



Кіевъ. — Электрическая желѣзная дорога, проходящая по Александровской улицѣ, и по Александровскому спуску подымающаяся на Крещатикъ.

Съ натуры рисовалъ для »Всемірной Иллюстраціи« С. В. Животовскій.

Новости печати

Тріумфы женщины. Изъ міра пѣсенъ и любви. *Овидій, Данте, Петрарка и Боккачіо.* Спб Изданіе книгопродавца М. В Попова. 1893 г. Цѣна два рубля.

Вся эта книга посвящена „міру пѣсенъ и любви", неразрывно связанному съ „тріумфами женщины". По словамъ автора предисловія и составителя книги г. С., побѣда надъ женщиной равносильна *побѣдѣ надъ идеализмомъ*. Возставая противъ крайне-реалистическаго направленія Эм. Золя, съ его *формулою* „человѣкъ-звѣрь", а также противъ сухой аскетической морали П. Бурже, авторъ—видимо человѣкъ увлекающійся, а потому легко впадающій въ своихъ выводахъ въ нѣкоторыя крайности,—приводитъ примѣры „живыхъ людей съ живымъ сердцемъ", нѣкогда одерживавшихъ величайшія побѣды въ области творческой мысли, но никогда не искавшихъ „побѣдъ" надъ женщиной", а—наоборотъ—избиравшихъ ее предметомъ своихъ поклоненій. Примѣры эти: Овидій, Данте, Петрарка и Боккачіо—съ параллельно каждому изъ нихъ стоящими—Коринной, Беатриче, Лаурой и Фіаметтой. Каждому поэту посвящается здѣсь отдѣльный біографическій очеркъ въ связи съ литературной характеристикой, сопровождаемой многочисленными переводами (къ сожалѣнію, прозаическими) изъ произведеній того-же поэта, снабженными примѣчаніями переводчика, обличающими въ немъ хорошее знакомство съ исторіей литературы и вообще человѣка съ художественнымъ вкусомъ. Элегіи автора „Метаморфозъ", воспѣвающія Коринну, канцоны и сонеты творца „Божественной комедіи", являющейся, по мнѣнію Шопенгауера, съ точки зрѣнія существъ, обреченныхъ на жизнь, божественной „*Трагедіей*"; сонеты Франческо Петрарки, навѣянные любовью къ Лаурѣ, создавшей, по словамъ Вольтера, всю его славу; отрывки изъ посвященныхъ Фіаметтѣ, этой „легкомысленной внучкѣ Коринны", поэтическихъ новеллъ Боккачіо, — все это сводится къ однимъ и тѣмъ же „тріумфамъ женщины", рисуя наиболѣе характерныя черты „любви великихъ поэтовъ прошлаго". Дальше всѣхъ идетъ въ своей идеализаціи любви къ женщинѣ Данте, „благоговѣйно склоняющійся къ ногамъ Беатриче", воплотившей въ себѣ для него все прекрасное и высокое. За нимъ слѣдуетъ Петрарка, „дѣлящій свое сердце между землею и небомъ", видящій въ Лаурѣ сегодня олицетвореніе добродѣтели, завтра—воплощеніе грѣховнаго соблазна. Послѣ него—Овидій, „съ необыкновеннымъ остроуміемъ и поразительной діалектикой", боровшійся съ чарами лукавой Коринны, но не могшій освободиться отъ ея „плѣнительныхъ узъ". Знаменитый авторъ „Декамерона" стоитъ послѣднимъ. Онъ — весь въ земныхъ мечтахъ; это, по словамъ составителя книги, „почти человѣкъ нашего времени" (?), всецѣло, однако, порабощенный своею вдохновительницей и въ минуты размолвки съ нею обрушивавшійся со всею силою своего сарказма на другихъ женщинъ, такъ легкомысленно открывавшихъ ему свои объятія. И до сихъ поръ,—говоритъ авторъ „Женскихъ тріумфовъ"—можно встрѣтить въ лучшихъ произведеніяхъ литературы, то отзвуки Данте, то Петрарки, то Боккачіо, то всѣхъ ихъ вмѣстѣ. Книга эта, имѣющая свои недостатки, но наряду съ ними отличающаяся и неотъемлемыми достоинствами должна заинтересовать читателей.

А. К—ій

Замѣтки по подводному плаванію и о возможности устройства подводнаго судна. *В. А. Креминскаго.* Одесса. 1892.

Авторъ этой брошюры занимался опытами надъ построенными имъ моделями подводныхъ судовъ и пришелъ къ полному убѣжденію въ возможности постройки подобнаго судна въ большомъ масштабѣ; онъ полагаетъ, что подводное плаваніе рано или поздно распространится и принесетъ большую поль-

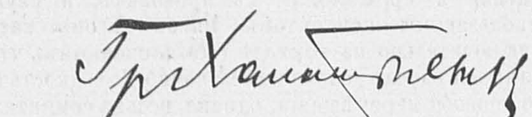
зу и наукѣ, и мореплаванію, и военно-морскому дѣлу. Г. Кремнинскій, по его словамъ, нашелъ способъ устройства судна, которое будетъ двигаться подъ водою по любому направленію на любой глубинѣ безъ электрическаго двигателя, безъ колесъ и безъ винтовъ, на основаніи простыхъ, извѣстныхъ физическихъ законовъ, силою паденія и подъема, т. е. всплыванія. Брошюра представляетъ описаніе опытовъ произведенныхъ г. Кремнинскимъ, подробный разборъ условій, которымъ должно удовлетворять устройство подводнаго судна, и наконецъ, полный разсчетъ размѣровъ и вѣса проектированнаго имъ судна. Въ концѣ брошюры приложенъ листъ чертежей. Указываемъ книжку любителямъ этого рода новостей.

М. О.

Г. І. Арцруни

НЕКРОЛОГЪ

Арцруни Григорій Іеремієвичъ, извѣстный армянскій публицистъ, редакторъ тифлисской газеты „Мшакъ", † въ Тифлисѣ 19 декабря 1892 г. По происхожденію изъ выходцевъ турецкой Арменіи, онъ родился въ Москвѣ въ 1845 г. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ Тифлисѣ, въ классической гимназіи, по окончаніи которой поступилъ на естественный факультетъ московскаго университета, но по слабости здоровья принужденъ былъ покинуть сѣверъ и уѣхать за границу. Тамъ слушалъ онъ въ Гейдельбергѣ профессоровъ Рау, Книса, Блунчли, Трейчке, Вундта и др. и окончилъ курсъ со степенью доктора философіи. Стремленіе къ литературной дѣятельности проявилось въ немъ еще въ юныхъ годахъ, а будучи студентомъ, онъ уже принималъ живое участіе въ тогдашней армянской прессѣ, помѣщая полныя интереса статьи въ періодическихъ изданіяхъ Константинополя и Тифлиса. Покинувъ Германію, онъ провелъ нѣкоторое время среди ученыхъ армянскихъ конгрегацій Мехитаристовъ въ Вѣнѣ и Венеціи, съ спеціальною цѣлью изученія армянской литературы. По возвращеніи на Кавказъ, Арцруни основалъ въ Тифлисѣ, въ 1872 г., общественно-литературную газету „Мшакъ", редакторомъ-издателемъ которой состоялъ до послѣднихъ дней. Кромѣ редактированія газеты, въ которой онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самымъ плодовитымъ и талантливымъ работникомъ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ мѣстныхъ русскихъ изданіяхъ по вопросамъ, касающимся интересовъ кавказскаго населенія, и въ западно европейской прессѣ, какъ талантливый защитникъ дѣла турецкихъ армянъ. Въ разное время онъ писалъ въ англійской „Daily News", въ аѳинской „L'Orient", въ русской газетѣ „Голосъ" А. А. Краевскаго и др. Въ армянской литературѣ Арцруни былъ извѣстенъ и какъ беллетристъ. Но главная заслуга его заключается въ его многолѣтней публицистической дѣятельности. Онъ задумалъ основать газету въ такое время, когда у армянъ прессы, въ собственномъ смыслѣ этого слова, не было, когда подписка на газету считалась благотворительностью и званіе журналиста было далеко не почетнымъ. Но неимовѣрная энергія, талантъ и беззавѣтная преданность дѣлу общественнаго просвѣщенія одолѣли всѣ препятствія какъ матеріальныя, такъ и нравственныя. Ему удалось создать общественный органъ, въ европейскомъ смыслѣ этого слова, и сдѣлать его потребностью общества. Безъ преувеличенія можно сказать, что онъ создалъ у армянъ не существовавшее дотолѣ общественное мнѣніе. Своей неизмѣнно честной и неутомимой дѣятельностью Арцруни пріобрѣлъ довѣріе и глубокое уваженіе всего армянскаго общества. Лучшимъ доказательствомъ рѣдкой популярности, которой пользовался Арцруни среди своихъ соотечественниковъ, служитъ тотъ энтузіазмъ, съ которымъ два-три года тому назадъ былъ отпразднованъ 25-лѣтній юбилей его публицистической и литературной дѣятельности. Въ лицѣ Арцруни сошелъ въ могилѣ авторитетнѣйшій представитель лучшей части армянской интеллигенціи и талантливѣйшій выразитель прогрессивныхъ стремленій армянскаго общества.



В. В. Черняевъ

НЕКРОЛОГЪ

Черняевъ Валеріанъ Васильевичъ, инспекторъ сельскаго хозяйства при министерствѣ государственныхъ имуществъ и членъ ученаго комитета его, энергичный и даровитый дѣятель въ области сельскохозяйственной культуры д. ст. сов., † въ Спб. 29 декабря 1892 г. Сынъ заслуженнаго профессора Императорскаго харьковскаго университета, В. М. Черняева, онъ родился въ г. Харьковѣ 2-го августа 1844 года и воспитывался во 2-й харьковской гимназіи. По окончаніи гимназіи поступилъ онъ въ харьковскій университетъ и въ 1867 году окончилъ курсъ кандидатомъ естественныхъ наукъ. Въ теченіе зимы 1866—67 г. слушалъ лекціи въ петровской земледѣльческой академіи. Въ 1867 году (19 декабря) начинается его служба въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, гдѣ онъ былъ переводчикомъ ученаго комитета, чиновникомъ особыхъ порученій въ департаментѣ земледѣлія и сельской промышленности, а въ 1882 году назначенъ инспекторомъ сельскаго хозяйства, коимъ состоялъ до послѣднихъ дней; одновременно со службой въ министерствѣ В. В. состоялъ прикомандированнымъ для занятій къ Императорскому сельскохозяйственному музею. Съ 1868 по 1876 годъ г. Черняеву было поручено публичное объясненіе выставленныхъ въ Императорскомъ сельско-хозяйственномъ музеѣ машинъ, здѣсь же имъ неоднократно читались лекціи по машиновѣдѣнію. Съ 1871 года ежегодно министерство государственныхъ имуществъ командировало В. В. въ качествѣ спеціалиста на выставки и конкурсы, а также для осмотра сельскохозяйственныхъ машиностроительныхъ заведеній. Кромѣ того, онъ былъ командированъ за границу для изученія сельскохозяйственнаго машиностроенія и для устройства отдѣла сельскохозяйственныхъ машинъ на всемірныхъ выставкахъ: въ Вѣну (1873 г.), въ Филадельфію (1876 г.), въ Парижъ (1878 и 1889 гг.) и въ Вѣну (1890 г.). В. В. Черняеву поручено было организовать русскій отдѣлъ сельскаго хозяйства на выставкѣ въ Чикаго. Съ 1868 г. В. В. Черняевъ состоялъ постояннымъ сотрудникомъ „Земледѣльческой Газеты" и журнала „Сельское Хозяйство и Лѣсоводство", преимущественно по сельскохозяйственному машиновѣдѣнію — его любимѣйшему дѣлу. Своими многочисленными статьями и отвѣтами руководящаго и критическаго характера онъ пріобрѣлъ довѣріе среди хозяевъ и машиностроителей. За границей В. В. не менѣе извѣстенъ. Нужды сельскохозяйственнаго машиностроенія, безпошлинный привозъ сельскохозяйственныхъ машинъ, рядовая культура пресованія сѣна, кустарное производство сельскохозяйственныхъ машинъ—были его излюбленными вопросами. Въ 1885 году онъ первый обратилъ вниманіе на значеніе огневой сушки плодовъ и овощей для нашего садоводства и огородничества и сталъ усиленно пропагандировать и при содѣйствіи министерства государственныхъ имуществъ производилъ въ различныхъ мѣстностяхъ публичные демонстративные опыты сушки въ С.-Петербургѣ — 1886 г., въ Симферополѣ, Харьковѣ и Москвѣ — 1887 г., въ Кіевѣ — 1888 г., въ Тифлисѣ — 1889 г., въ Херсонѣ, Казани и Ярославлѣ — 1890 г. и въ Ростовѣ, ярославской губ. 1891 г. Съ 1886 г. на В. В. возложено было наблюденіе за производствомъ земледѣльческихъ орудій на Воткинскомъ казенномъ заводѣ въ вятской губ., водворенномъ по его иниціативѣ и достигшемъ блестящихъ результатовъ. За свои заслуги по сельскому хозяйству онъ удостоенъ французскимъ правительствомъ ордена „pour le mérite agricole". В. В. Черняевъ состоялъ почетнымъ членомъ сельскохозяйственныхъ обществъ: Псковскаго, Острогожскаго и Борисоглѣбскаго, дѣйств. членомъ Императорскаго вольнаго экономическаго, Русскаго техническаго, Московскаго общества сельскаго хозяйства и Кіевскаго сельскаго хозяйства. Съ 1871 по 1891 г. В. В. напечаталъ слѣдующіе труды: „Сельскохозяйственныя машины и орудія на Всероссійской мануфактурной выставкѣ" (1870), „Различные способы посѣва и выгоды представляемыя примѣненіемъ рядоваго посѣва" (1872), „Земледѣльческія орудія и машины, устройство, выборъ и уходъ за ними" (1875), „Notice sur la création et développement de la construction des machines agricoles en Russie" (1878), „Статистическія свѣдѣнія о сельскохоз. машиностроеніи въ Россіи" (1881), „Русское сельскохозяйственное машиностроеніе" (1881), „О прессованіи и сѣнныхъ прессахъ" (1882), „Орудія и машины, употребляемыя при воздѣлываніи и уборкѣ кукурузы" (1883), „Плужная запряжка" (1886), „Огневая сушка фруктовъ и овощей" (1887), „Очистка и сортировка сѣмянъ" (1890), „Сушка плодовъ и овощей" (1891), „Пособіе при выборѣ и покупкѣ сельскохоз. машинъ и орудій" изд 1 и 2 (1890 и 1891), и мн. друг., раньше съ 1875 г. помѣщавшіяся какъ приложеніе къ календарю и справочн. книжкѣ, изд. Ѳ. А. Баталина. Статьи о с. х. машинахъ были въ „Словарѣ практическихъ свѣдѣній", издав. Л. Н. Симоновымъ. В. В. Черняевъ скончался, едва успѣвъ отпраздновать свой 25-лѣтній юбилей.

НОВОСТИ НАУКИ И ЦИВИЛИЗАЦІИ

Естествознание

— Насѣкомое нигва (Dermatophilus penetrans). Профессоръ Коронадо, извѣстный энтомологъ, долгое время изучавшій образъ жизни нигвы, сообщаетъ весьма любопытныя свѣдѣнія объ этомъ малоизвѣстномъ насѣкомомъ. Нигва въ особенности распространена на островѣ Кубѣ, гдѣ она водится въ пыли и пескѣ. Въ неопрятныхъ жилищахъ она размножается въ невѣроятныхъ размѣрахъ. Для кладки яичекъ, нигва набрасывается на животныхъ и человѣка, прокалываетъ кожу и проникаетъ глубоко въ тѣло. Впрочемъ, для вылупляющихся личинокъ, организмъ человѣка или животнаго не представляетъ ничего существенно необходимаго: онѣ также хорошо и успѣшно выкармливаются, вылупляясь изъ яичекъ, положенныхъ въ песокъ. Отъ укола, производимаго нигвой, и отъ размноженія паразитовъ подъ кожей образуются у человѣка опухоли и нарывы на рукахъ, ногахъ и груди, куда обыкновенно нигва впивается, но такъ какъ, кромѣ этого, дурныхъ послѣдствій не бываетъ, то туземцы мирятся съ подобнаго рода непріятностями. Удаленіе впившейся въ тѣло нигвы сопряжено съ большою опасностію, въ виду нерѣдкихъ случаевъ образованія язвъ, трудно поддающихся леченію; бывали даже случаи появленія столбняка послѣ извлеченія нигвы. Коронадо совѣтуетъ извлекать личинки изъ опухоли хирургическими инструментами, а самую рану тщательно промывать какимъ нибудь обеззараживающимъ растворомъ. Въ тѣхъ опасныхъ случаяхъ, когда вслѣдствіе уколовъ нѣсколькихъ нигвъ, личинки развелись по всему тѣлу, остается одно средство — принимать ежедневно два раза ванну со слабымъ растворомъ сулемы, или же втирать во всѣ опухоли карболизованный вазелинъ. Для удаленія этого насѣкомаго изъ жилищъ, туземцы прибѣгаютъ къ обильнымъ поливкамъ, такъ какъ нигва не любитъ сырости.

Политехника

— Рисующій телеграфъ. Разнообразнѣйшіе опыты, производившіеся въ послѣднее время съ цѣлью добиться способа передачи рисунковъ телеграфически, оказывались, какъ извѣстно, въ томъ или другомъ отношеніи неудовлетворительными. Тѣмъ не менѣе этими попытками рѣшеніе вопроса значительно облегчилось. Такъ, недавно открытъ новый способъ, который хотя и не вполнѣ безукоризненъ, но даетъ возможность получать точные рисунки и даже изображенія съ фотографическихъ карточекъ. Преимущество этого способа заключается въ томъ, что онъ даетъ возможность легко передать изображеніе съ телеграфическаго аппарата непосредственно на мѣдную пластинку. Такимъ образомъ довольно легко умножить число рисунковъ печатнымъ путемъ. Этотъ способъ весьма несложенъ, но требуетъ большой точности. Для передачи фотографическаго изображенія снимаютъ позитивный оттискъ съ негатива на желатинной пленкѣ, лежащей на стеклянной доскѣ; затѣмъ желатинный листокъ перемѣщаютъ въ цилиндръ, такъ чтобъ изображеніе приходилось наружу. Цилиндръ въ этомъ приборѣ вращается

при нажиманіи пуговки, какъ и въ телефонѣ. Воспринимающій аппаратъ покрытъ слоемъ воска и снабженъ необходимыми штифтиками. При движеніи цилиндра штифтики, силой электрическаго тока, гравируютъ на воскѣ соотвѣтственное оригиналу изображеніе. По снятіи и распрямленіи восковаго свертка приготовляютъ съ него гипсовый снимокъ, служащій для отливки мѣднаго клише. Вся эта работа, если рисунокъ не особенно великъ, требуетъ не болѣе получаса времени.

Пути сообщенія, телеграфъ, телефонъ

— Работы на казань-алатырскомъ участкѣ московско-казанской желѣзной дороги будутъ продолжаться всю зиму. Главной задержкой для желѣзнодорожнаго общества служитъ теперь недостатокъ рабочихъ рукъ. Такъ, чувашское населеніе Цивильскаго уѣзда, гдѣ пролегаетъ линія, положительно отказывается работать, и обществу приходится запасаться со стороны — вятскими, рязанскими, владимірскими и другими пришлыми людьми, чтобы продолжать начатое дѣло. Недавно, завѣдывающій постройкою казань-алатырскаго участка закупилъ до 500 лошадей и нанялъ къ нимъ соотвѣтственное число постоянныхъ рабочихъ. Въ настоящее время на казань-алатырскомъ участкѣ работаетъ уже два паровоза: одинъ ходитъ отъ ст. Свіяжскъ по направленію къ ст. Тюрлека, а другой недавно началъ движеніе отъ Алтыря къ Сурѣ, на протяженіи 5 верстъ, гдѣ совершается прокладка насыпи по болотистой мѣстности. Недавно въ Алатырь доставлено желѣзо для кесоновъ, закладку которыхъ на р. Сурѣ предполагается начать не позднѣе первыхъ чиселъ декабря. Какъ на сурскомъ, такъ и на казанскомъ мостахъ, кесоны будутъ класться на 7½-саженной глубинѣ. Потребный матеріалъ для постройки мостовъ почти готовъ. Прокладка кесоновъ для моста черезъ р. Казанку начнется весною, послѣ спада воды. Къ тому же времени, вѣроятно, окончится и сооруженіе дамбы.

— Новое усовершенствованіе по телефонной части. Американскія газеты сообщаютъ, что въ непродолжительномъ времени абонементы телефонныхъ линій избавятся отъ услугъ, служащихъ на телефонныхъ станціяхъ, относящихся подчасъ весьма небрежно къ обязанностямъ ихъ черезчуръ однообразной и автоматичной службы. Одинъ американскій техникъ придумалъ приборъ, который при содѣйствіи, неизбѣжнаго во всѣхъ новѣйшихъ изобрѣтеніяхъ, электрическаго тока дастъ возможность переговаривающимся по телефону лицамъ автоматически смыкать и размыкать на станціяхъ телефонные проводники. Устройство этого снаряда держится изобрѣтателемъ въ секретѣ, и нью-іоркскія газеты сообщаютъ только, что онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ клавашей, съ помощью которыхъ говорящій въ телефонъ можетъ войти въ сообщеніе съ тѣмъ изъ абонентовъ, къ которому онъ обращается. Клавиши будутъ устроены при телефонныхъ ящикахъ и соотвѣтствовать единицамъ, десяткамъ, сотнямъ и тысячамъ, входящимъ въ нумера соединенныхъ съ телефонной станціей абонентовъ. Посредствомъ особаго приспособленія, движенія клавишей будутъ приводить телефоны во взаимную связь безъ всякаго посредства постороннихъ лицъ. Желающему сообщиться съ отдѣльнымъ лицомъ или учрежденіемъ, стоящимъ въ каталогѣ записей, хотя бы, напримѣръ, подъ № 245, придется надавить соотвѣтствующую сотнямъ клавишу два раза, слѣдующую за нею четыре раза и клавишу единицъ — пять разъ и дать затѣмъ звонокъ.

Некрологъ

Вроблевскій Сильвестръ Ѳадѣевичъ, физико-механикъ, членъ техническаго общества, трудолюбивый дѣятель на техническомъ и промышленномъ поприщѣ † въ Спб. 24 декабря 1892 г.

Дмитріевъ Сергѣй Николаевичъ, артистъ драматической труппы Императорскихъ театровъ, съ большимъ успѣхомъ исполнявшій многія характерныя роли въ современныхъ пьесахъ, † въ Спб. 4 января, 32 лѣтъ.

Дельпи Альберъ, извѣстный французскій романистъ и драматургъ, бывшій сотрудникъ журнала „Revue des Deux Mondes“, † въ Парижѣ 23-го декабря 1892 г. Онъ родился въ 1848 г. въ Новомъ Орлеанѣ въ семьѣ очень состоятельнаго табачнаго фабриканта и воспитывался въ Бордо и въ Парижѣ. Литературную карьеру онъ началъ очень рано, служа секретаремъ у Александра Дюма (отца). Въ 1870 году ему присуждена была премія Балланда за его похвальное слово Ламартину, въ 1872 г. академія

увѣнчала монтіоновской преміей его стихотворный сборникъ „L'Invasion“, а въ слѣдующемъ году онъ получилъ и третью премію за поэму „Le Repentir ou récit d'un curé de campagne“. Онъ написалъ около двадцати пьесъ для сцены, большая часть которыхъ шла съ успѣхомъ, а нѣкоторыя производили даже сенсацію. Лучшей его пьесой считается "Fils de Coralie“; изъ другихъ пьесъ наиболѣе выдаются: „Robert Pradel“, „Les chevaliers de la Patrie“ и проч. Кромѣ того Дельпи извѣстенъ какъ романистъ, сотрудничавшій въ „Revue des Deux Mondes“, „Figaro“, „Paris-Journal“, „Gaulois“, гдѣ онъ помѣстилъ, между прочимъ, романы: "La famille Cavali“, le Mariage d'Odette“, le „Père de Martial“, „Mademoiselle de Bressier“, "Comme dans la vie“, „Les Amours cruelles“, „Theresine“, "Belle madame“, "Disparu“. При всей плодовитости Дельпи умѣлъ быть интереснымъ, увлекательнымъ разсказчикомъ, но въ отношеніи художественныхъ требованій его произведенія не выдерживаютъ сколько нибудь строгой критики. Весь Парижъ зналъ Альбера Дельпи, который не могъ вынести паденія своей послѣдней пьесы „Passionements“ и, потерявъ энергію къ работѣ, умеръ жертвою безсонныхъ ночей, волненій и слишкомъ усерднаго труда.

Лобанова-Ростовская Александра Александровна, княгиня, урожденная княжна Чернышева, образованнѣйшая изъ русскихъ аристократокъ, другъ и покровитель бѣдныхъ, † въ Спб. 27 декабря 1892 г.

Орбинскій Робертъ Васильевичъ, д. ст. сов. профессоръ новороссійскаго университета по каѳедрѣ исторіи философіи, учредитель и первый директоръ одесскаго коммерческаго училища, одинъ изъ популярнѣйшихъ одесскихъ дѣятелей, литераторъ † въ Таганрогѣ 20 декабря 1892 г., 58 лѣтъ.

СОДЕРЖАНІЕ НУМЕРА

Текстъ.

Рисунки.

За редактора **Э. Д. Гоппе.**
Издательница **А. П. Гоппе.**

ШАХМАТЫ

подъ редакціей **А. П. Шишкина**

ЗАДАЧА № 1537

Josef Kesl

Изъ „Zlata Praha“

Черные

Бѣлые

Матъ въ 3 хода.

ЗАДАЧА № 1538

Jan Katrê

Изъ „Svêtosor“.

Черные

Бѣлые

Матъ въ 2 хода.

М. И. Чигоринъ отправился въ Москву состязаться съ сильнѣйшимъ мѣстнымъ игрокомъ по приглашенію московскаго шахматнаго кружка. Побѣдителемъ этого интереснаго матча будетъ считаться тотъ, кто выиграетъ большинство партій изъ пяти.

ПАРТІЯ № 1020

Первая партія матча; играна въ Московскомъ Собраніи Врачей 31-го декабря 1892 г.

Французская партія

М. И. Чигоринъ — А. В. Соловцовъ

	Бѣлые	Черные
1.	e2—a4	e7—e6
2.	d2—d4	d7—d5
3.	К b1—c3	К g8—f6
4	e1—e5	К f6—d7
5.	f2—f4	c7—c5
6.	d4 : c5	С f8 : c5
7.	Ф d1—g4	0—0 *a*)
8.	К g1—f3	К b8—c6
9	С f1—d3	f7—f5 *b*)
10.	Ф g4—h3	g7—g6
11.	g2—g4	Ф d8—e7
12.	a2—a3	a7—a6
13.	С c1—d2	b7—b5
14.	g4 : f5	g6 : f5
15.	К c3—e2	Л f8—f7
16.	c2—c3	Л f7—g7
17.	К e2—g3	С c5—b6
18.	b2—b4 *c*)	С b6—d8
19.	Кр e1—e2	Ф e7—f7
20.	Л h1—g1	К d7—f8
21.	С d2—e3! *d*)	Л g7—g4?
22.	К g3—h5	Л g4 : g1
23.	Л a1 : g1†	К f8—g6
24.	К f3—g5	С d8 : g5 *e*)
25.	Л g1 : g5	d5—d4
26.	c3 : d4	h7—h6
27.	К h5—f6†	Кр g8—g7
28.	Л g5—h5	К c6 : d4†
29.	Кр e2—f2	К d4—c6
30.	Л h5 : h6	К g6—f8
31.	Л h6—h7†	К f8 : h7
32.	Ф h3 : h7†	Кр g7—f8
33.	С e3—c5†	К c6—e7
34.	Ф h7—h8†	Ф f7—g8
35.	Ф h8 : g8 ×	

Примѣчанія къ партіи

a) Нѣсколько осторожнѣе было бы 7... g7—g6. Нехорошо было бы 7... С c5 : g1; тогда, очевидно, 8. Ф g4 : g7, Л h8—f8; 9. Л h1 : g1 и если 9... Ф d8—h5†, то или 10. Ф g7—g3, оставаясь съ лишней пѣшкой, или—10. g2—g3, причемъ у бѣлыхъ тоже получилась бы лучшая партія.

b) Бѣлые угрожали 10. С d3 : h7 и если 10... Кр g8 : h7, то 11. Ф g4—h5†, Кр h7—g8; 12. Кf3—g5, Л f8—e8; 13. Ф h5 : f7†, Кр g8—h8; 14. Ф f8—h5†, Кр h8—g-; 15. Ф h5—h7†, Кр g8-f8; 16. Ф h7—h8† (или 16. К g5 : e6†, выигрывая ферзя), Кр f8—e7; 17. Ф h8 : g7 ×.

c) Этимъ ходомъ бѣлые, не пуская коня па c5, сильно стѣснили игру черныхъ.

d) Этимъ ходомъ бѣлые, препятствуя чернымъ, пойти ладьей на a7 для защиты своего королевскаго фланга или аттаковать слономъ ладью g1, пріобрѣтаютъ, кромѣ того, возможность, сыгравъ впослѣдствіи С e3—c5, аттаковать пунктъ f8.

e) Необходимо; если 24... Ф ∞ (24... Ф f7 - f8 или e8; 25. К h5—f6† и 26. Ф h3 : h7†), то 25. К h5—f6†, С d8 : f6; 26. e5 : f6 и черные не могутъ предупредить ходовъ f6—f7† и Ф h3 : h7.

Таблица произведеннаго 2-го января 1893 г. 56-го тиража выигрышей и погашенія билетовъ 1-го внутренняго съ выигрышами займа 1864 г.

ВЫИГРЫШИ ПАЛИ НА СЛѢДУЮЩІЕ БИЛЕТЫ:

№№ серій.	№№ билетовъ.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билетовъ.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билетовъ.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билетовъ.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билетовъ.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билетовъ.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билетовъ.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билетовъ.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билетовъ.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билетовъ.	Сумма выигрыша.
00004	48	5000	01865	9	500	04208	38	500	06920	41	500	08871	28	1000	10346	17	500	12596	34	500	14428	50	1000	15930	17	500	17813	32	500
00013	2	500	01865	36	500	04230	31	500	06957	46	500	08951	18	500	10495	9	500	12598	27	500	14500	16	1000	15949	46	5000	17954	13	8000
00083	21	500	02319	1	500	04304	1	500	07022	15	500	08964	22	500	10558	30	500	12615	8	500	14533	13	500	15972	22	500	17956	21	500
00104	9	500	02384	46	500	04527	7	1000	07099	12	500	08964	40	1000	10636	32	500	12629	7	500	14550	43	500	15991	28	500	17968	26	500
00115	49	500	02454	9	500	04530	14	500	07112	30	500	08998	24	500	10646	40	500	12655	3	500	14582	6	500	16000	10	500	17981	39	500
00129	12	500	02473	5	500	04550	17	500	07307	6	500	09006	34	500	10651	24	500	12732	31	500	14660	2	500	16008	18	500	18007	37	500
00133	15	500	02489	39	500	04664	41	500	07373	7	200000	09063	9	500	10870	44	500	12800	2	500	14685	6	500	16179	17	500	18182	11	500
00202	32	500	02514	5	500	04704	8	500	07373	20	500	09088	1	500	10876	3	500	12872	4	500	14870	24	500	16179	35	500	18217	7	8000
00215	38	500	02528	50	500	04705	31	500	07449	26	500	09191	5	500	10889	37	500	13002	42	500	14905	6	500	16184	17	500	18304	50	1000
00235	41	500	02596	29	500	04888	27	500	07487	44	10000	09254	27	500	10953	22	500	13055	16	5000	14970	9	500	16190	46	500	18385	47	500
00319	30	1000	02667	16	500	04991	29	500	07576	39	500	09338	24	500	10996	24	500	13060	6	500	14977	32	500	16224	7	5000	18436	37	500
00345	20	500	02699	3	40000	05006	4	500	07651	17	500	09447	21	500	11031	49	500	13079	2	500	15113	16	500	16400	21	500	18467	36	500
00366	6	500	02759	46	500	05045	31	500	07724	15	500	09507	38	500	11095	47	500	13125	42	500	15178	15	500	16568	34	500	18511	16	500
00395	12	1000	02765	48	500	05045	41	500	07789	23	500	09513	4	500	11098	17	500	13168	15	500	15231	43	1000	16594	26	500	18526	3	500
00469	21	500	02923	8	500	05059	44	500	07897	18	500	09538	19	500	11175	29	500	13332	10	500	15259	13	500	16607	28	500	18532	20	500
00526	50	500	02988	43	1000	05089	38	1000	07914	32	500	09547	28	500	11238	37	1000	13460	22	500	15328	29	500	16638	8	500	18697	50	500
00610	12	500	03007	24	500	05171	49	500	07928	2	500	09572	47	25000	11334	22	500	13678	46	500	15487	36	8000	16674	20	500	18800	21	500
00634	17	500	03029	43	500	05382	28	500	07943	40	500	09588	37	500	11385	22	500	13684	47	500	15490	11	500	16743	19	500	18818	5	500
00638	42	500	03202	38	500	05442	43	500	08013	28	500	09672	47	500	11453	19	500	13836	48	500	15549	15	500	16743	41	500	18853	16	500
00716	32	500	03250	9	500	05666	25	500	08066	14	500	09792	43	1000	11503	8	10000	13881	10	500	15579	13	500	16830	26	500	18965	17	500
00912	30	500	03295	17	500	05854	18	500	08067	7	500	09848	18	500	11862	21	500	13897	1	500	15618	43	500	16915	12	500	19029	6	500
00914	43	500	03309	5	500	06198	6	500	08081	27	500	09962	46	500	12062	35	1000	13963	49	500	15628	44	500	16923	15	500	19221	1	500
00977	38	500	03336	25	500	06212	27	5000	08145	41	500	10006	5	500	12071	35	500	13987	18	500	15639	14	500	17147	38	500	19268	19	500
00988	35	500	03393	18	500	06226	41	500	08301	40	500	10064	31	500	12072	7	1000	14011	17	500	15663	20	500	17166	47	500	19322	4	500
01346	6	500	03488	16	500	06263	44	500	08320	11	500	10070	16	500	12175	47	500	14026	4	500	15686	27	8000	17298	45	500	19358	1	500
01370	6	5000	03506	36	1000	06367	27	500	08604	21	500	10136	15	500	12194	50	500	14053	16	500	15785	4	500	17380	42	500	19689	41	8000
01645	33	1000	03594	27	500	06453	30	500	08673	11	500	10302	32	500	12269	29	500	14354	12	500	15806	39	500	17428	42	500	19711	34	500
01673	6	500	03734	46	75000	06569	6	500	08712	8	500	10311	47	500	12384	1	500	14362	24	5000	15821	25	500	17602	25	500	19817	34	500
01694	40	1000	03895	45	1000	06744	15	500	08739	40	500	10316	36	5000	12413	6	500	14374	25	500	15831	16	500	17749	3	500	19844	7	500
01833	18	500	03921	18	500	06875	50	500	08847	49	500	10343	25	500	12571	10	500	14416	13	1000	15919	48	500	17749	23	10000	19937	46	500

Всего 300 выигрышей на сумму 600,000 рублей. Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го апрѣля 1893 года.

Таблица серій билетовъ 1-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1864 года, вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ правленіи государственнаго банка 2-го января 1893 года.

НУМЕРА СЕРІЙ:

каждая изъ нижеслѣдующихъ серій заключаетъ въ себѣ 50 билетовъ, съ № 1-го по № 50-й включительно.

00015	01267	03117	04717	05674	06814	07901	09280	10408	10846	12499	13504	14276	16887	17586	18375	19306
00335	01349	03170	04738	06124	07014	07922	09475	10484	11729	12576	13787	14505	17351	17729	18692	19335
00383	01868	03624	05042	06143	07049	08460	09559	10738	12005	12805	13789	14751	17363	17827	18739	19403
00502	02695	04249	05218	06172	07220	08670	09672	10751	12031	12876	13812	15185	17364	17919	18769	19793
00736	02710	04309	05235	06478	07447	08678	09930	10797	12137	13315	13934	16059	17408	18014	18789	19902
01099	02807	04311	05546	06679	07582	08769	10086	10803	12406	13377	14113	16563	17536	18065	19089	19951

Всего 102 серіи, составляющія 5,100 билетовъ, на сумму 663,000 рублей.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 130 руб. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го апрѣля 1893 г. въ государственномъ банкѣ, его конторахъ и отдѣленіяхъ.

Дозв. цензурою. СПб. 8-го января 1893 г. Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

ПРАЗДНИЧНЫЕ ОТГОЛОСКИ

Кабинетъ популярнаго дамскаго доктора послѣ новогоднихъ визитовъ его „благодарныхъ" пацiентокъ.

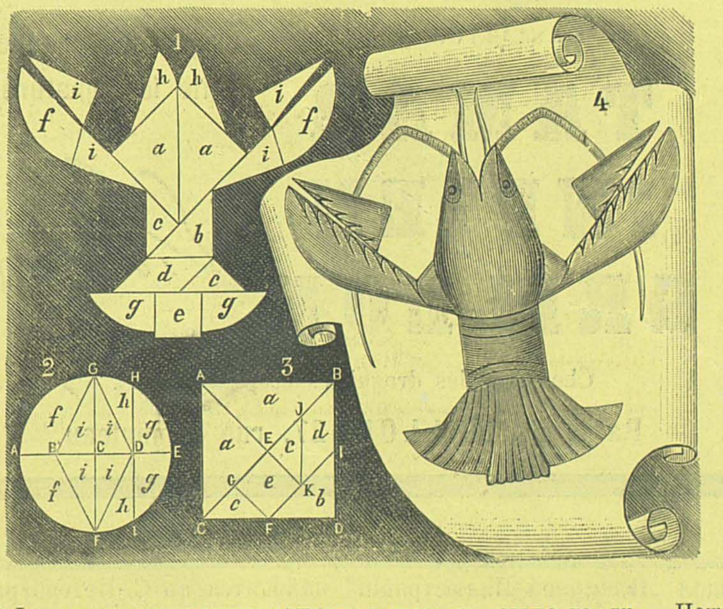
Геометрическiй ракъ

Интересный черепокожiй, предлагаемый нынѣ вниманiю гг. любителей строительныхъ головоломокъ, набранъ изъ 17 частей, изъ которыхъ 10 складываются въ дискъ, а 7 — въ квадратъ. Матерiаломъ служитъ бристольская бумага или дамскiй картонъ, если возможно — темно краснаго или кирпичнаго цвѣта.

Составныя части рака получаются путемъ геометрическаго черченiя, а именно слѣдующимъ образомъ:

Произвольнымъ радiусомъ опишите кругъ (рис. 2) и проведите въ немъ два дiаметра, пересѣкающихся подъ прямымъ угломъ. Горизонтальный дiаметръ раздѣлите на 4 равныя части, точки дѣленiя B и D соедините съ концами вертикальнаго дiаметра, вслѣдствiе чего получится параллелограмъ B G D F, и параллельно съ вертикальнымъ дiаметромъ проведите черезъ точку дѣленiя D хорду H J. Посредствомъ даннаго начертанiя кругъ вашъ раздѣленъ на требуемыя 10 частей.

Затѣмъ постройте квадратъ A B D E (рис. 3), стороны котораго равнялись бы дiаметру вышеозначеннаго круга, и проведите дiагонали B C. Потомъ раздѣлите стороны B D и D C пополамъ и соедините точки дѣленiя чертой F J. Отъ вершины угла A проведите вторую дiагональ,



но не до противулежащаго угла, а только до линiи F J, такъ что получится линiя A E K. Дiагональ A B раздѣлите на 4 части; точку дѣленiя G соедините съ F, точку J съ точкою K. Въ результатѣ квадратъ вашъ будетъ раздѣленъ на 7 частей.

Ради наглядности, обозначьте каждую самостоятельную часть чертежа особой буквой, части совпадающiя помѣтьте общей буквой (a—a, c—c, i—i—i—i, f—f, g—g, h—h), всѣ эти части отрѣжьте острымъ ножемъ и сложите изъ нихъ фиг. 1, представляющую подобiе рака. Благодаря буквеннымъ (или еще лучше: цыфровымъ) указанiямъ на модели, сложить рака по шаблону—крайне просто; но безъ модели — вовсе не такъ легко. Испытайте!

Когда ракъ вашъ будетъ готовъ, то для вящей красы можно нарисовать глаза, оттѣнить перья хвоста, кольца шейки и зазубрины клешней, и наконецъ приставить усы — какъ показано на фиг. 4. Но клеить ничего не слѣдуетъ, если требуется сохранить головоломку и для дальнѣйшаго употребленiя, такъ какъ, оставаясь складною фигурой, ракъ можетъ быть снова разобранъ, а изъ перепутанныхъ частей его сложится квадратъ и кругъ, а потомъ (не пользуясь ни моделью, ни разрисованной стороной) опять образуется ракъ. Ножки и усы, конечно, не идутъ въ счетъ.

В. дё-Лэси

Главная контора и редакція „Всемірной Иллюстраціи“ находятся въ С.-Петербургѣ, на Садовой ул., № 22.
Въ Москвѣ отдѣленія конторы находятся: 1) при книжн. маг. А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, 15, и 2) при конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи.

Дозв. цензурою. СПБ. 8 января 1893 г. Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

25й годъ | № 1252 | 49й томъ

Суббота 16-го января 1893 г.

Цѣна нумеру 35 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки на годъ . **15** руб.
(При подпискѣ въ главной конторѣ редакціи.)
Съ доставкою на годъ. . . . . **17** »

Въ Москвѣ безъ доставки на годъ . . . . **17** руб.
Съ пересылкой во всѣ города Россійской имперіи на годъ . . . . **18** »

Подписная цѣна на полгода съ доставкою и съ пересылкою . . . . **9** руб.
За границу (въ государства всемірнаго почтоваго союза) **20** руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Редакція и главная контора: Садовая ул. № 22.

ЖИТЕЙСКІЯ МЕЛОЧИ. Каррикатуры М. Е. Малышева.

ВЪ ТЕАТРѢ

— Нѣтъ, скажите, ну развѣ даютъ теперь что нибудь порядочное на нашей сценѣ?..

— Какъ же, постоянно — *порядочные* пустяки.

ВЪ МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА

— Но познакомьте же меня съ самымъ процессомъ творчества.

— Извольте. Я беру глину, смотрю и дѣлаю то, что вижу, вотъ и все.

— Ахъ, mon Dieu, а я до сихъ поръ думала, что это гораздо труднѣе.

ДОГАДЛИВЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ

— Ну, чего вамъ у насъ не хватаетъ? Все, кажется, къ вашимъ услугамъ. Жену хотите — десятокъ барышень явятся по первому призыву, — всѣ съ радостью пойдутъ за васъ.

— Вотъ потому-то я и спѣшу удрать.

Всемірная Иллюстрація

№ 1252. Годъ XXV. 16-го января 1893 г. Томъ XLIX. № 4.

Иностранные художники. — Ночь. Картина Э. Ренара.

Ночь

Изъ сумрака ея одежды сотканы,
Осыпаны алмазными звѣздами
И на челѣ ея сіяетъ серпъ луны,
Когда, незримая, проносится надъ нами
Царица-ночь... Вотъ смолкло все въ глуши;
Ничто молчанія кругомъ не нарушаетъ
И подъ крыломъ ея въ таинственной тиши
Земля усталая отрадный сонъ вкушаетъ,
Но отчего, скажи, ты смотришь вдаль
Волшебница, съ загадочнымъ укоромъ?
Въ чертахъ твоихъ глубокая печаль.
Что ищешь ты своимъ тревожнымъ взоромъ?..
Тебѣ послушенъ рой неуловимыхъ сновъ,
Причудливыхъ, заманчивыхъ видѣній,
И въ честь красы твоей поэты всѣхъ вѣковъ
Сложили столько дивныхъ пѣснопѣній.
»О, еслибъ я могла, отвѣтствовала ночь,
Отраднымъ сномъ смыкать страдальцевъ вѣжды,
Тоску души ихъ отгоняя прочь,
Вливая имъ въ сердца бальзамъ надежды,
Перенося ихъ въ область свѣтлыхъ грезъ...
Но съ моремъ золъ бороться нѣту мочи
И сколько слезъ, незримыхъ міру слезъ,
Въ мои часы прольютъ людскія очи!
А мало ли злодѣйствъ преступною рукой
Свершается и подъ моимъ покровомъ?
Вотъ почему надъ грѣшною землей
Я проношусь въ молчаніи суровомъ..
Но праведной молитвы ѳиміамъ
Иль покаянья вздохъ души несчастной
Я радостно несу на крыльяхъ къ небесамъ,
Какъ лучшій даръ земли, какъ свѣточъ ясный.«

Л. Г.

ВОЛЧЬЯ НОЧЬ

Этюдъ изъ жизни на границѣ

Ѳ. Ѳ. ТЮТЧЕВА

Бурная осенняя ночь. Пронзительный вѣтеръ стонетъ и воетъ, яростно налетая на прибрежный камышъ и мелкій кустарникъ, окаймляющіе не столь широкій, но бурливый и глубокій Мурутъ. Ходуномъ ходятъ сердитыя волны, рокочатъ и пѣнятся, съ грохотомъ разбиваясь о крутой песчаный берегъ... Стонъ, гулъ, трескъ стоятъ надъ рѣкой... Плачъ вѣтра, безпрепятственно изъ конца въ конецъ разгуливающаго по голой степи, сливается съ бѣшенымъ грохотомъ волнъ и наполняетъ собою безпросвѣтную, кромѣшную тьму мрачной ночи... Въ такую адскую погоду даже деревенскія собаки не лаютъ, а трусливо жмутся по разнымъ щелямъ и закоулкамъ и лежатъ тамъ, свернувшись въ клубокъ, чутко прислушиваясь къ стонамъ бури, сквозь которые порой смутно долетаетъ до нихъ пронзительно-жалобный, душу надрывающій волчій вой.

Забившись въ самую чащу густаго высокорастущаго камыша, судорожно запрокинувъ оскаленную, сверкающую острыми клыками, морду, надрывается сѣрый хищникъ. Дикія, грозно-жалобныя рулады хрипло вырываются изъ его мощнаго горла и мчатся въ степь, сливаясь съ воемъ вѣтра и плескомъ волнъ...

Долго, мучительно долго завываетъ степной бродяга, самоуслаждаясь своимъ душу-леденящимъ воемъ, и вдругъ оборветъ на половинѣ ноты. Воровато оглянется кругомъ, лязгнетъ зубами, перестанетъ мускулистыя, сухія лапы, точно поправиться хочетъ, примостится удобнѣе, съ минуту глубокомысленно подумаетъ, какъ бы прислушиваясь къ мотивамъ вѣтра, и, выждавъ моментъ, словно заправскій акомпаніаторъ, снова вздернетъ морду, и опять льются въ безпросвѣтномъ мракѣ его тоскливо-жалобные стоны. Жмутся другъ къ другу ночующія въ степи глупыя овцы, болѣзненно замираютъ ихъ трусливыя сердца. Могучій круторогій волъ внимательно пошевеливаетъ ушами и угрюмо косится въ ту сторону, откуда смутно долетаетъ до него ненавистный голосъ его заклятаго врага... Щурятся, вздрагиваютъ сторожевыя собаки и чутко вслушиваются, ежеминутно готовыя сорваться съ мѣста и съ хриплымъ, злобнымъ лаемъ броситься на встрѣчу сѣрому пѣвцу, еслибы тому вздумалось предпринять прогулку вблизи ввѣреннаго ихъ охранѣ стада...

Полночь. Около солдатскаго кордона пограничной стражи, какъ орлиное гнѣздо повиснувшаго надъ самымъ обрывомъ, переминаются съ ноги на ногу сѣрыя солдатскія фигуры. Поднятые съ теплыхъ постелей, невыспавшіеся, утомленные еще со вчерашняго дня, солдаты зябко жмутся на холодномъ вѣтрѣ, кутаясь въ свои потертыя, выцвѣтшія шинели и съ нетерпѣніемъ поглядываютъ на дверь офицерскаго помѣщенія, ожидая появленія офицера и ушедшаго туда съ докладомъ вахмистра.

— Скоро ли они тамъ? болѣзненно нетерпѣливымъ тономъ полушепотомъ произнесъ наконецъ одинъ изъ солдатъ, по всей вѣроятности болѣе другихъ иззябшій, — ѣхать, такъ ѣхать, а то просто закалѣлъ весь, ишь вѣтрина какой!

— На рѣкѣ еще хуже будетъ, какъ бы про себя проворчалъ широкоплечій длинноусый ефрейторъ, — вонъ какъ его разбираетъ! Добавилъ онъ, косясь на бушующую внизу рѣку.

— Да, погодка! вздохнулъ кто-то, — того и гляди лодку вывернетъ.

— Ладно, не утонешь! сердито буркнулъ ефрейторъ: — а и утонешь — не велика бѣда, все единственно когда нибудь помирать надо.

— Оно извѣстное дѣло, согласился говорившій и хотѣлъ что-то еще добавить, но въ эту минуту дверь быстро распахнулась и, оправляя на себѣ оружіе, изъ нея вышелъ небольшаго роста худощавый офицеръ въ буркѣ и папахѣ, а за нимъ почтительно слѣдовалъ широкоплечій, съ большою окладистою бородою, вахмистръ.

Твердымъ, быстрымъ шагомъ подошелъ офицеръ къ вытянувшимся въ струнку людямъ и въ полголоса проговорилъ свое обычное привѣтствіе.

— Здравія желаемъ, ваше б—іе! тоже въ полголоса, но дружно и весело отвѣтили ободрившіеся сразу солдаты.

Офицеръ подошелъ къ обрыву и съ минуту пристально наблюдалъ рѣку.

— А волны сегодня здоровенныя! бросилъ онъ черезъ плечо стоящему за нимъ вахмистру.

— Здоровыя, ваше б—іе, согласился тотъ, въ свою очередь вглядываясь въ клубящіяся подъ ихъ ногами волны,— трудно будетъ идти, особливо супротивъ теченія.

— Что дѣлать, пожалъ плечами офицеръ,— надо идти: сегодня въ ночь во что бы то ни стало они повезутъ весь транспортъ; давно онъ у нихъ на томъ берегу лежитъ заготовленъ; мнѣ доносчикъ даже мѣсто указалъ, ниже островка; намъ въ тѣхъ мѣстахъ и надо держаться.

— Такъ точно, согласился вахмистръ,—тамъ, у островка, и станемъ. Ну, ребята, обратился онъ къ солдатамъ, — съ Богомъ айда въ лодки!

Торопливо, но безъ всякаго шума быстро спустились солдаты съ обрыва и начали разсаживаться на двухъ небольшихъ лодкахъ. Пока вахмистръ въ полголоса распоряжался посадкой людей, офицеръ еще разъ оглянулся на свой домъ. Ему показалось, что въ одномъ изъ двухъ ярко освѣщенныхъ оконъ мелькнула знакомая бѣлая тѣнь. „Должно быть, жена смотритъ“, подумалъ онъ, „теперь опять всю ночь спать не будетъ, пока я не вернусь“.

Онъ улыбнулся и быстрыми, торопливыми шагами поспѣшилъ за солдатами.

Тихо звякнули отмыкаемыя цѣпи, безшумно опустились въ воду длинныя узкія весла, и лодка, подхваченная волнами, смѣло ринулась въ непроницаемую мглу, на встрѣчу грозно бушующей бурѣ.

Въ каждой изъ лодокъ помѣстилось по три солдата, изъ коихъ двое сѣло на весла, а одинъ съ ружьемъ въ рукахъ по серединѣ лодки, готовый во всякую минуту пустить въ ходъ оружіе. На руль въ одну изъ лодокъ сѣлъ вахмистръ, а въ другую офицеръ. То взлетая на пѣнящійся гребень, то ныряя въ глубину, плыли лодки по гремящей рѣкѣ, рискуя ежеминутно быть захлестанными свирѣпо бѣснующейся волною... Солдаты сидѣли молча, сосредоточенные, нахмуренные, чутко вслушивающіеся въ неумолкаемый плачъ и вой бури, напрягая всю силу своихъ мускуловъ въ борьбѣ съ разбушевавшейся стихіей.

По срединѣ рѣки, версты полторы ниже кордона, чуть возвышался изъ воды небольшой островокъ. Волны почти заливали его и только по срединѣ, гдѣ росъ высокій густой камышъ, можно было укрыться кое-какъ отъ летящихъ со всѣхъ сторонъ брызгъ. Къ этому-то дикому островку и направили свой путь обѣ лодки.

Тѣмъ временемъ въ небольшой бѣдно меблированной комнатѣ офицерскаго помѣщенія, съ низкимъ бревенчатымъ потолкомъ и выбѣленными известкой стѣнами, на которыхъ уныло висѣло нѣсколько полинялыхъ литографій въ потертыхъ золоченыхъ рамахъ, у окна, въ большомъ креслѣ, сидѣла еще очень молодая женщина. Въ рукахъ она держала какую-то книгу, но очевидно очень мало ею интересовалась, потому что то и дѣло взглядывала въ окно, пугливо прислушиваясь къ неистовому плачу вѣтра.

Женщину звали Нина Константиновна, по мужу Щегро-Долянская. Годъ тому назадъ, прямо съ институтской скамьи, вышла она замужъ и затѣмъ сразу вмѣстѣ съ мужемъ очутилась на одной изъ самыхъ пустынныхъ окраинъ земли русской. Попавъ въ трущобу, о какихъ она даже и не подозрѣвала первое время, Нина Константиновна совершенно растерялась. Какъ быть? гдѣ доставать мясо, овощи, хлѣбъ, молоко? какъ вести несложное хозяйство мужа такъ, чтобы имѣть каждый день хотя бы скудный столъ — вотъ вопросы, которые съ перваго же дня пріѣзда ихъ на границу нахлынули на молодую и неопытную хозяйку. Много трудныхъ минутъ пережили они оба, раньше чѣмъ, наконецъ, освоились со своимъ положеніемъ и узнали, что все нужное для жизни надо доставать за тридцать верстъ, въ м. Кыдычанахъ, что въ сосѣднихъ селахъ и деревняхъ нѣтъ рѣшительно ничего, кромѣ соломы, что на сорокъ верстъ кругомъ нѣтъ живой души, съ которой было бы пріятно провести часъ — другой, словомъ, что они оба попали въ настоящую пустыню... Сначала Нина Константиновна пришла въ ужасъ. Ей казалось, что подобная жизнь немыслима, но мыслимо было или нѣтъ, а жить было все-таки надо, надо было и ѣсть, и пить, судьба не справлялась въ возможную или невозможную обстановку поставила она молодыхъ супруговъ, она просто развернула передъ ними рядъ скучныхъ, однообразныхъ дней и... Щегро-Долянскіе жили... Жили, питаясь чернымъ хлѣбомъ, по цѣлымъ недѣлямъ перебиваясь на картофелѣ и, какъ дѣти, радуясь случайно попавшей имъ въ руки, привезенной за тридевять земель, получерствой булкѣ. Жили, прислушиваясь къ волчьему вою, да несмолкаемому кваканью лягушекъ въ плавняхъ, лѣтомъ заживо съѣдаемые комарами, зимою оглушаемые пронзительнымъ воемъ безконечнаго сѣверо-восточнаго вѣтра. Жили и были счастливы взаимной любовью.

Медленно ползетъ часовая стрѣлка, монотонно выстукиваетъ секунды маятникъ, невыносимая тоска сжимаетъ сердце молодой женщины... Невеселыя думы бродятъ въ ея умѣ. Вспоминается ей первое время ихъ пріѣзда на границу, весь тотъ ужасъ, который пережила она, когда ея мужъ въ первый разъ отправился въ ночной разъѣздъ... Была точно такая же ночь, какъ теперь. Такъ же выла буря,

такъ же бѣсилась и бурлила рѣка. Нинѣ Константиновнѣ казалось, что мужъ ея уже не вернется... Въ одномъ платьѣ, накинувъ на голову платокъ, нѣсколько разъ выбѣгала Нина на крыльцо и подолгу стояла, тоскливо вглядываясь въ безпросвѣтный мракъ, судорожно сжимая тонкіе пальцы...

Зато, какъ безконечно рада была она, какъ счастлива, когда подъ утро мужъ ея вернулся. Весь мокрый, измученный, блѣдный, полный сильныхъ впечатлѣній, но довольный и гордый своимъ первымъ опытомъ. Эта ночь, проведенная въ борьбѣ съ бѣснующейся стихіей, ему и ей казалась подвигомъ. Послѣ этой памятной ночи было много другихъ подобныхъ же ночей, но она до сихъ поръ не могла привыкнуть, и всякій разъ, когда мужъ ея уѣзжалъ на рѣку, она страдала невыносимо, хотя наружно и старалась казаться спокойной.

Вотъ и теперь, несмотря на всѣ усилія, она не можетъ принудить себя прочесть хотя бы одну страницу. Строчки прыгаютъ передъ ея глазами, и вмѣсто буквъ и словъ ея растроенному воображенію представляется черная, бушующая рѣка и въ ея волнахъ утлая лодка, управляемая обезсилѣвшими въ борьбѣ съ бурей пловцами... Вотъ лодку сильно бросило въ сторону, она накренилась, волны жадно нахлынули на нее, она закачалась и съ какимъ-то болѣзненнымъ, глухимъ стономъ начала погружаться въ воду: „Спасайся ребята, въ воду"! твердымъ голосомъ командуетъ мужъ Нины, и солдаты одинъ за другимъ кидаются въ ревущія волны... Мракъ... И въ этомъ кромѣшномъ мракѣ молча безъ всякой надежды на помощь бьются солдаты; волны точно играютъ ими, неистово бросая взадъ и впередъ... Вотъ раздался отчаянный, душу раздирающій, вопль... Это одинъ изъ пловцовъ, потерявъ окончательно силы, начинаетъ тонуть... Нинѣ знакомъ этотъ голосъ... Въ ужасѣ, обливаясь холоднымъ потомъ, вскочила Нина и прижалась блѣднымъ лицомъ къ стеклу... Что это, галюцинація или дѣйствительность? Неужели воображеніе ея такъ сильно разыгралось? Но нѣтъ, крикъ былъ слишкомъ реаленъ, это уже не фантазія, а дѣйствительный вопль, вопль, раздавшійся наяву... Накинувъ платокъ на голову, Нина поспѣшно выбѣжала на крыльцо и начала прислушиваться... На одно мгновеніе вѣтеръ притихнулъ, и вдругъ далеко, далеко откуда-то, изъ глубины мрака, пронесся чуть слышный протяжный крикъ... Нина въ ужасѣ замерла... Съ минуту простояла она неподвижно, жадно вслушиваясь, но кромѣ воя вѣтра она ничего не могла различить; крикъ не повторился или былъ заглушенъ стонами бури.

— Дежурный, робкимъ, трепещущимъ голосомъ крикнула Нина,— дежурный, ты здѣсь?

Со стороны солдатскаго кордона послышались торопливые шаги, и передъ Ниной выросла темная закутанная фигура дежурнаго солдата.

— Ты ничего не слыхалъ? замирая отъ волненія, спросила Нина.

— Крикнулъ быдто кто-то, равнодушнымъ голосомъ отвѣчалъ солдатъ,—должно на рѣкѣ.

— Можетъ быть кто тонетъ? тихо, робѣя сама своихъ словъ, задала вопросъ Нина.

— А можетъ и тонетъ, тѣмъ же невозмутимымъ голосомъ согласился солдатъ.

— Такъ какъ же быть? Надо же сдѣлать что нибудь! заволновалась Нина.

— А что же, сударыня, сдѣлаешь, флегматично пожалъ плечами солдатъ, — лодокъ больше нема, да и гдѣ искать, вишь темь какая!

— А это можетъ наши.

— Не должно быть — кабы наши, тревогу бы сдѣлали, да и съ чего имъ тонуть—народу тамъ чай немало.

Спокойный, разсудительный тонъ солдата успокоилъ нѣсколько Нину; она съ минуту постояла, послушала еще и уже повернулась было идти, какъ вдругъ съ рѣки донесся выстрѣлъ, за нимъ другой.

— Тревога! нѣсколько озадаченнымъ голосомъ произнесъ дежурный, — тревога, значитъ, наши... чтобъ это было?

Онъ поспѣшно бросился къ кордону и принялся изо всѣхъ силъ звонить въ дежурный звонокъ...

Не помня себя отъ страха, Нина бѣгомъ пустилась къ рѣкѣ и остановилась надъ самымъ обрывомъ... Сердце ея усиленно билось, вѣтеръ бѣшено рвалъ на ней платье, трепалъ ея золотистые волосы, густыми прядями выбившіеся изъ-подъ платка...

— Барыня, это вы? раздался сзади Нины пріятный женскій голосъ. Она оглянулась и увидѣла подлѣ себя высокую полную фигуру уже немолодой женщины. Это была, жившая съ мужемъ на кордонѣ, жена вахмистра Неспокойнаго Арина. — Знать не изволили спать ложиться? ласковымъ, мягкимъ голосомъ продолжала вахмистерша; я тоже вотъ всю ночь не могла заснуть: Борька все животомъ мается, всю ноченьку какъ есть кричалъ, только теперь и затихъ... Должно помретъ...

Голосъ женщины дрогнулъ.

— А вы давали ему лекарство, которое я вамъ прислала? спросила Нина.

— Давала, сударыня, да что-то плохо помогаетъ.

— Я вамъ утромъ другаго дамъ: можетъ и полегчаетъ.

— Дай-то Богъ! перекрестилась женщина,— должно съ нашими неладно что, перебила она саму себя, вглядываясь вдаль рѣки,—я быдто крикъ слышала.

— Вотъ и я тоже. Оттого-то и вышла; я сама страшно боюсь — не случилось ли чего.

— Обнаковенно, дѣло ночное, опасливое дѣло, покачала головою Арина,—долго ли до грѣха.

Вахмистерша говорила, повидимому, совершенно равнодушно, ровнымъ, нѣсколько тягучимъ голосомъ, и постороннему наблюдателю могло бы показаться, что она вполнѣ спокойна, но стоило вглядѣться въ ея огрубѣвшее отъ вѣтра и непогоды, загорѣвшее на полуденномъ солнцѣ лицо, покрытое преждевременными морщинами, съ сѣрыми добрыми глазами, добродушно глядѣвшими изъ-подъ густыхъ темныхъ бровей, съ выраженіемъ кроткой покорности судьбѣ, чтобы убѣдиться, какъ сильно было ея волненіе, которое таилось подъ этой личиной невозмутимаго спокойствія, величаваго въ своей безыскусственной, безхитростной простотѣ.

Арина, подобно большинству бабъ-ярославокъ, была женщина серьезная и обстоятельная. Вотъ уже пятый годъ живетъ она на границѣ, куда ее вызвалъ ея мужъ, оставшійся по окончаніи дѣйствительной службы на сверхсрочной. Пять лѣтъ живетъ Арина на границѣ, въ басурманщинѣ, какъ она ее называетъ, тоскуя втихомолку по своей далекой родинѣ. Часто снится бабѣ ея родное село, гдѣ одиноко доживаютъ свой долгій вѣкъ ея старики, слышится ей въ сновидѣніяхъ то звонъ колокола родной церкви, то веселыя пѣсни возвращающихся съ работы бабъ. Грустно, невыносимо грустно бываетъ Аринѣ на другой день послѣ такихъ сновъ.. Опостылѣла ей чужая сторона, все здѣсь ей не по сердцу... Чуждыя, незнакомыя, нерусскія лица мѣстныхъ жителей, ихъ непонятный, дико звучащій, языкъ, ихъ странные для нея обычаи, опостылѣла ей эта степь безконечная съ вѣчно гуляющимъ по ней вѣтромъ, съ выжженной солнцемъ чахлой растительностью... Не на чемъ глазу отдохнуть... Солдатами Арина тоже была не совсѣмъ довольна: по ея мнѣнію и они скоро обасурманились, волей не волей примѣняясь къ той средѣ и условіямъ, въ которыхъ имъ приходилось жить. Только новобранцы и то первое время, пока еще въ нихъ не вырабатывался солдатъ, были по сердцу Аринѣ, и она, и вообще-то со всѣми добрая и ласковая, къ нимъ была еще добрѣе, еще ласковѣе, готовая всегда помочь имъ всѣмъ чѣмъ можно; она жалѣла ихъ и постоянно заступалась за нихъ передъ мужемъ.

— Ну, чего ты злобствуешь, укоряла она его съ глазъ на глазъ, — вишь, онъ еще совсѣмъ несмышленокъ, погодь трохи, самъ все уразумѣетъ.

— Много ты смыслишь! досадливо махалъ рукой Неспокойный, — баба да въ царской службѣ, мѣшаешь только; имъ начни мирволить, они и никогда солдатами настоящимъ манеромъ не сдѣлаются.

Впрочемъ вахмистръ Неспокойный былъ человѣкъ не только не злой, но даже очень добрый, что онъ самъ сознавалъ и чего не могъ себѣ простить, стараясь казаться всегда строже и суровѣе, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ.

Его душевная мягкость яснѣе всего высказывалась въ его душевномъ обращеніи съ женою.

Рѣдко случалось Аринѣ слышать отъ мужа не только брань, но и грубое слово. Всѣ пять лѣтъ относился онъ къ ней такъ же ласково, какъ и первый годъ, когда женился на ней, за годъ до ухода на службу. Сильно любила Арина своего мужа, такъ сильно, что едва ли сама могла оцѣнить всю силу своей любви и хотя, какъ и всѣ простыя женщины, никогда этого ему не высказывала, тѣмъ не менѣе, еслибы нужно было, охотно отдала бы за него всю свою жизнь. Это была простая, здравая любовь, построенная на религіозности и сердечной теплотѣ простой глубоко чувствующей натуры.

Пока женщины перебрасывались межъ собою отрывистыми фразами, не будучи въ силахъ отвести глазъ отъ рѣки, тѣмъ временемъ въ кордонѣ всѣ уже проснулись. Солдаты торопливо, захвативъ ружья, веревки и багры, выбѣгали на берегъ; нѣсколько человѣкъ конныхъ съ фонарями въ рукахъ полной рысью понеслись по берегу, внизъ по рѣкѣ. Солдаты были видимо озабочены, на лицахъ ихъ лежало выраженіе угрюмой сосредоточенности и скрытнаго безпокойства... Каждый инстинктивно чувствовалъ, что наступила важная минута, разыгрывалась можетъ быть кровавая драма. Всякій былъ готовъ по первой надобности на самый отчаянный поступокъ, готовился не только рисковать жизнью, но и прямо беззавѣтно пожертвовать ею, если того потребуетъ долгъ службы и присяги...

Тяжело ныряя по разбушевавшимся волнамъ, медленно плыветъ нагруженный тюками баркасъ. Два рослыхъ парня, босоногіе простоволосые, одѣтые въ какія-то жалкія лохмотья, осторожно гребутъ, круто забирая къ берегу. Высокій плечистый старикъ стоитъ по серединѣ, опершись на багоръ, и зорко вглядывается въ царящій вокругъ нихъ хаосъ бури. Всѣ трое хранятъ гробовое молчаніе... Неслышно, какъ привидѣніе, подвигается баркасъ, отчаянно борясь съ бѣшено ревущей рѣкой...

Вотъ уже привычный, зоркій глазъ старика сквозь тьму замѣтилъ вдали чуть уловимый контуръ высокаго берега; въ этомъ ужасномъ мракѣ онъ безошибочно узнаетъ направленіе— куда плыветъ баркасъ. — Берите правѣе! чуть слышно шепчетъ онъ гребцамъ, — еще правѣе, прямо на ракитовые кусты, тамъ удобно причаливать, налегай!..

Гребцы изо всѣхъ силъ налегли на весла...

Вдругъ гдѣ-то неподалеку отъ нихъ раздался знакомый всплескъ разрѣзаемой кормою волны... Какая-то тѣнь скользнула между ихъ баркасомъ и берегомъ... Контрабандисты вздрогнули и, инстинктивно поднявъ весла, замерли... Прошло нѣсколько томительныхъ секундъ...

Старикъ стоялъ попрежнему неподвижно, какъ статуя, лихорадочнымъ, сверкающимъ взоромъ пронизывая передъ собою мракъ ночи... Ни одной минуты никто изъ троихъ не сомнѣвался въ зловѣщемъ значеніи этого всплеска и этой роковой тѣни...

„Солдаты!" молніей мелькнуло въ умѣ каждаго изъ нихъ.

„Авось не замѣтятъ, пройдутъ", болѣзнено заныло у каждаго на сердцѣ, и они сидѣли, затаивъ даже дыханіе... А рѣка ревѣла и бурлила, высоко вздымая пѣнящіяся, бѣшено грохочащія волны...

— Вонъ они! тихо шепнулъ вахмистръ Неспокойный, приподымаясь съ мѣста и, какъ волкъ, замѣтившій добычу, напрягая всю силу своего зрѣнія, — держи правѣй, разгоняй лодку... сильнѣй, сильнѣй! разъ, разъ... налегай, черти! задыхаясь командовалъ онъ,—еще, еще, правѣй... такъ!..

Забывъ усталость, волнуемые однимъ чувствомъ, чувствомъ охотника, настигающаго краснаго звѣря, налегли солдаты на весла. Сильные ровные удары веселъ, на зло вѣтру и бурѣ, мчали легкую лодку на баркасъ контрабандистовъ... Вотъ онъ!.. Словно выросла темная масса его передъ самымъ носомъ лод-

Чародѣйка. Картина Ф. С. Черча.

Гравирвоалъ Ф. Кингъ.

Иностранныя галлереи. — Галлерея Поттера Пальмера въ Чикаго.

Ея Имп. Высоч. принцесса ЕВГЕНІЯ МАКСИМИЛІАНОВНА ОЛЬДЕНБУРГСКАЯ.

Его Высочество принцъ АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ ОЛЬДЕНБУРГСКІЙ.

Автотипія Эд. Гоппе съ фотографій Левицкаго и сына.

По поводу серебряной свадьбы Ихъ Высочествъ.

ки... Еще ударъ веселъ, и съ трескомъ и гуломъ лодка лихо налетѣла на контрабандистовъ.

— Стой, бросай весла! громовымъ голосомъ закричалъ Неспокойный, съ револьверомъ въ рукѣ бросаясь на баркасъ... Все это произошло съ быстротой одной минуты... Разогнанная лодка, ударившись о глубоко сидящій, устойчивый баркасъ, вмѣсто того, чтобы сбить его, сама сильно покачнулась, жадно, полнымъ бортомъ хлебнула воды, одинъ изъ гребцовъ, не удержавшись, упалъ на дно, весло выпало изъ его рукъ и, подхваченное волнами, понеслось, кружась и ныряя, внизъ по теченію, лодка затрепетала и, отскочивъ отъ баркаса, въ свою очередь завертѣлась на одномъ мѣстѣ... Тѣмъ временемъ уже успѣвшій вскочить на баркасъ Неспокойный могучими руками схватилъ старика, но тотъ, увидя въ какомъ положеніи солдатская лодка, вмѣсто того, чтобы безпрекословно сдаться, въ свою очередь стиснулъ вахмистра въ своихъ мощныхъ объятіяхъ... На одно мгновенье замерли оба противника, изо всѣхъ силъ сжимая другъ друга, и вдругъ со всего маха полетѣли на уложенные на дно баркаса тюки...

— Врешь, врешь, не вырвешься! хрипѣлъ Неспокойный, запрокидывая старика черезъ бортъ баркаса и стремясь сбросить его въ воду. Онъ уже на половину высадилъ его изъ-за края баркаса и готовъ былъ послѣднимъ сильнымъ толчкомъ окончательно спихнуть его въ шумящую, пѣнящуюся подъ ними рѣку, но въ этотъ мигъ ударъ чего-то тяжелаго, твердаго, какъ громъ, обрушился на его голову... Это одинъ изъ гребцовъ изо всѣхъ силъ ударилъ его весломъ по головѣ...

Неспокойный вскрикнулъ, хотѣлъ подняться, но, стиснутый судорожными объятіями старика, не могъ... Баркасъ тѣмъ временемъ сильно качнуло, и, не выпуская другъ друга изъ тисковъ, задыхающіеся, теряющіе сознаніе, оба борца тяжело ухнули въ воду...

Раздался шумный всплескъ разступившейся воды, пронзительно отчаянный вопль на мгновеніе покрылъ голосъ бури, и на томъ мѣстѣ, гдѣ окунулись въ волны Неспокойный и его врагъ, побѣжали зловѣщіе огромные круги... Чрезъ мгновеніе голова одного изъ нихъ показалась на поверхности, два—три отчаянныхъ взмаха руки, задушенный, захлебывающійся крикъ, и затѣмъ голова съ исказившимся отъ ужаса лицомъ снова скрылась подъ водою... Очевидно, одинъ топилъ другаго, одинъ другаго увлекалъ на дно, можетъ быть даже и не сознательно, изъ чувства самосохраненія...

Потерявшая одно весло, сильно зачерпнувшая воды, лодка, безпомощно кружилась на одномъ мѣстѣ, бросаемая во всѣ стороны расходившимися волнами... Солдаты чувствовали, какъ, постепенно, хотя и медленно, погружалась она въ рѣку... Напрасно шапками пробовали они вычерпывать воду, ее было слишкомъ много...

— На помощь, сюда, сюда! отчаянно звали солдаты, отставшую отъ нихъ гдѣ-то другую лодку.

— Здѣсь! сквозь ревъ и свистъ бури, донесся до нихъ отвѣтный крикъ.

— Сюда! еще отчаяннѣй завопили утопающіе. — Сюда!

Въ эту минуту лодка какъ-то сразу окунулась внизъ и перевернулась...

На лодкѣ, управляемой поручикомъ Щегро-Долянскимъ, услышали крики о помощи, и она помчалась на выручку своихъ.

Напрягая всѣ силы, гребли солдаты. Налегая всей тяжестью на весла, всякій понималъ, что каждая минута тутъ стоитъ жизни человѣка...

— Гдѣ вы тутъ? кричали солдаты, вглядываясь во мракъ бѣснующихся волнъ, — вотъ они, вотъ — держи, хватай, бросай веревку... плыви сюда! кричали они, замѣтивъ, наконецъ, три темныя фигуры, отчаянно борящіяся со смертью около опрокинутой лодки, за которую имъ какимъ-то чудомъ удалось ухватиться.

Контрабандиры тѣмъ временемъ, удваивая силы, не жалѣя себя, торопливо плыли къ берегу.

Они уже не думали о спасеніи товара и стремились только къ тому, чтобы, приставъ къ берегу, скрыться, пользуясь темнотою ночи, въ прибрежныхъ кустахъ... Это имъ удалось... раньше чѣмъ солдаты, вытащивъ съ трудомъ изъ воды утопавшихъ товарищей, собрались ихъ преслѣдовать, они уже были у самаго берега. Съ разгона ударилъ баркасъ о песчаную отмель и глубоко врѣзался въ ея илистое, вязкое дно... Какъ зайцы, преслѣдуемые собаками, выскочили контрабандиры изъ лодки и, быстро взобравшись на крутой берегъ, бросились въ густой кустарникъ...

Почти слѣдомъ за ними, тамъ же причалила и солдатская лодка... Въ одно мгновеніе баркасъ былъ подхваченъ баграми и еще дальше вытащенъ на берегъ.

— Открывай тревогу, торопливо скомандовалъ поручикъ, — надо звать на помощь съ кордона людей!

Одинъ изъ солдатъ скинулъ изъ-за спины ружье, быстро зарядилъ его и поднялъ дуломъ вверхъ... Грянулъ призывной выстрѣлъ, другой, третій...

— Гдѣ-жъ вахмистръ, спохватился вдругъ Щегро-Далянскій, — нѣтъ его — неужели утонулъ... Эй, живѣй въ лодку... искать его! фонарей, веревокъ!..

И только что избѣгнувшіе смертельной опасности люди, послушно бросились обратно въ лодку, и черезъ мгновеніе она снова запрыгала по волнамъ...

Буря утихала... На горизонтѣ, чуть замѣтной полоской, заалѣла заря, мракъ быстро рѣдѣлъ и изъ него мало по малу начали ясно вырисовываться крутой берегъ, растрепанные кусты, рѣка съ ея успокаивающимися волнами, и брошенный на берегу, нагруженный тюками контрабанднаго товара, баркасъ... А вахмистра не было. Напрасно до самаго утра плавала лодка взадъ и впередъ, внизъ и вверхъ по теченію, напрасно рыскали по берегу конные — Неспокойнаго не было нигдѣ, не было даже никакихъ слѣдовъ... ничего ровно, что могло бы указать, гдѣ, въ какомъ мѣстѣ искать его...

По мѣрѣ того, какъ проходило время въ безплодныхъ поискахъ, лица солдатъ дѣлались все угрюмѣе, все мрачнѣе, всѣ избѣгали глядѣть другъ на другу въ глаза, чтобы не прочесть въ нихъ того, что каждый изъ нихъ таилъ въ сердцѣ, но не рѣшался высказать.

— Видно, царство Небесное нашему Степану Ильичу, не выдержалъ вдругъ одинъ изъ солдатъ и, снявъ шапку, перекрестился.

Какъ по командѣ, полетѣли шапки съ солдатскихъ головъ и мозолистыя руки начали торопливо творить широкіе кресты.

— Царство Небесное!

Измученные, робко озирающіеся, прокрадывались на зарѣ скрывшіеся контрабандиры къ родной деревушкѣ, верстахъ въ трехъ отъ рѣки, служившей границей.

Дойдя до околицы, оба разошлись каждый въ свою избу, стараясь никому не показаться на глаза. Но какъ ни были они осторожны, одна пара глазъ успѣла все же подмѣтить ихъ тотчасъ же, какъ только они подошли къ деревнѣ. Глаза эти принадлежали высокой худощавой старухѣ, всю ночь прокараулившей въ густомъ кустарникѣ ихъ возвращеніе.

Не успѣлъ одинъ изъ парней подойти къ дверямъ своего дома, какъ на плечо его опустилась высохшая костлявая рука. Онъ вздрогнулъ, оглянулся и увидалъ сзади себя сморщенное худощавое лицо и два черныхъ сверкающихъ, полныхъ тревожнаго безпокойства глаза.

— А гдѣ Лука? тихимъ шепотомъ спросила старуха, заглядывая въ лицо молодому парню, — онъ развѣ не вернулся?

Парень нѣсколько смутился. Съ минуту смотрѣлъ онъ въ блѣдное, все изрытое морщинами лицо старухи, какъ серебряной рамой, окруженное космами сѣдыхъ волосъ и, потупя голову, тихо отвѣтилъ:

— Бѣда тебѣ видно, бабушка Марья, — твой Лука утонулъ, его утопилъ вахмистръ, да только должно и самъ утонулъ, потому что врядъ ли онъ могъ выплыть послѣ такого удара, какимъ я его угостилъ.

— Лука утонулъ? чуть слышнымъ шепотомъ переспросила старуха, — утонулъ? Она вся дрожала, а блѣдное лицо ея сдѣлалось какъ бы мраморнымъ, съ минуту простояла она, смотря безсмысленнымъ, дикимъ взглядомъ передъ собою и вдругъ, всплеснувъ руками, побѣжала прочь отъ остолбенѣвшаго парня.

На краю села стояла маленькая, низенькая, вся почернѣвшая землянка. Кромѣ вороха соломы въ углу да грубаго табурета, замѣняющаго столъ, не было въ ней никакой другой мебели. Чугунный, закоптѣлый котелокъ, висящій въ устьѣ печи, составлялъ все ея убранство. Безпросвѣтной нищетой, нищетой ужасной, подавляющей вѣяло отъ этого подобія человѣческаго жилища, самый жалкій цыганскій шатеръ въ сравненіи съ этой землянкой могъ показаться дворцомъ.

Пригибаясь, вошла старая бабушка Марина въ свою землянку, гдѣ она жила съ своимъ сыномъ Лукой, которому тоже было лѣтъ за пятьдесятъ. Потеряннымъ взглядомъ оглянулась кругомъ, отчаянно заломила руки и съ глухимъ стономъ повалилась на солому.

— Боже, Боже, возьми и меня, глухимъ надрывающимся голосомъ прохрипѣла она, — возьми и меня! Что я буду дѣлать одна, безъ него, слабая, одинокая старуха, кто будетъ кормить меня въ моей старости, кто похоронитъ, когда умру... О, сынъ мой, сынъ мой... Мы всю жизнь прожили съ тобой одни, всю жизнь и на старости разлучаемся такъ... даже не простившись... сынъ мой, сынъ мой...

Она билась головой о жесткую солому, отчаянно рвала на себѣ одежду и волосы... Какое-то глухое рычаніе, не похожее на плачъ, хрипло вырывалось изъ ея груди.

Наконецъ, она смолкла и замерла въ неподвижной позѣ, распростертая на соломѣ... Долго лежала она такъ, словно мертвая и, вдругъ торопливо поднялась... Лицо ея, словно окаменѣвшее, было спокойно, въ безумно сверкающихъ глазахъ свѣтилась какая-то отчаянная рѣшимость.

Она плотно притворила выходную дверь, заставила ее табуретомъ и какимъ-то валявшимся около печурки коломъ... Глубокая темнота наступила въ землянкѣ... Въ этой темнотѣ зловѣще раздавалось хриплое тяжелое дыханіе старухи, которая, очевидно, надъ чѣмъ-то торопливо копошилось... По временамъ слышалось ея несвязное, полубезумное бормотаніе, прерываемое стонами и подавленными вздохами... Вдругъ въ углу, гдѣ кучей лежала полусгнившая солома, блеснулъ огонекъ... запахъ гари и дыма наполнилъ землянку, соломы было много, она занимала чуть не половину землянки... Огонь разгорался все сильнѣй и сильнѣй, вотъ уже онъ охватилъ всю солому, лизнулъ столбы, поддерживающія потолокъ, побѣжалъ по сплетеннымъ изъ хвороста, обмазаннымъ глиной стѣнамъ и въ пламени своемъ освѣтилъ стоящую на колѣняхъ растерзанную, полунагую фигуру старухи, съ разсыпавшимися по плечамъ волосами... Блѣдную, ужасную, съ широко раскрытымъ безумнымъ взглядомъ... Задыхаясь въ дыму, она что-то хрипло выкрикивала, размахивая руками, и корчилась въ предсмертной агоніи, и вдругъ ничкомъ со всего размаха упала въ самую середину пылающей соломы... Глухой ревъ на мгновеніе огласилъ низкіе своды пылающей землянки...

Такъ погибла безумная бабушка Марина, сумасшедшая старуха, которую въ теченіе двадцати лѣтъ можно было всегда встрѣтить, какъ тѣнь, скитающуюся по окрестностямъ, преслѣдуемую мальчишками и собаками... Никто, кромѣ ея сына, не зналъ отчего она лишилась разсудка, также, какъ никто не узналъ, что она сама заживо сожгла себя. Всѣ думали, что она сгорѣла нечаянно, по безумію, неосторожно поджегши солому въ своей берлогѣ.

— Арина Власьевна, мужа вашего отыскали, торопливо крикнулъ молодой, бѣлобрысый солдатикъ, вбѣгая въ вахмистерскую комнату и обращаясь къ Аринѣ, которая въ эту минуту быстро дошивала рубашенку сыну, лежавшему тутъ же на ея постели.

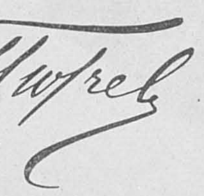
— Гдѣ, гдѣ? вскричала та, стремительно вскакивая и бросая на полъ работу.

— Въ камышахъ... Распухъ какъ и не дай Богъ... едва узнали, торопливо сообщилъ солдатъ,

— и одинъ палецъ откушенъ, должно, какъ барахтался съ тѣмъ-то дьяволомъ, тотъ ему и отгрызъ...

— Стало быть мертвый, съ трудомъ выдавливая изъ себя слова, произнесла вахмистерша.

— А вѣстимо-жъ, Арина Власьевна, какъ же ему живымъ быть, коли, почитай, пять сутокъ на днѣ пролежалъ, произнесъ солдатъ, нѣсколько удивленный безтолковостью бабы, которая ждала увидѣть живымъ мужа, пять дней тому назадъ утонувшаго. А Арина тѣмъ временемъ чувствовала, какъ въ сердцѣ ея одна за другой рвались всѣ струны... Словно черная, безпросвѣтная ночь охватила ее и наполнила все ея существо невыносимымъ, безъисходнымъ страданіемъ.



НА КАБАНЬЕЙ ОХОТѢ

Сѣкачъ

Изъ альбома ружейника

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я совершенно случайно попалъ въ имѣніе моего пріятеля въ юго-западномъ краѣ. Неподалеку отъ имѣнія начиналась знаменитая Бѣловежская пуща—это охотничье эльдорадо, знакомое громадному большинству охотниковъ только по слухамъ да описаніямъ. Страстный поклонникъ Діаны, я всецѣло былъ поглощенъ охотничьими мечтами, когда ѣхалъ по невылазной грязи узенькой лѣсной дорожки и даже не обращалъ вниманія на отчаянные толчки, которыми надѣляла меня жидовская таратайка, очень остроумно называемая въ этой мѣстности „чертопхайкой". Я машинально теръ ушибленные бока, а въ умѣ рисовались картины, одна другой восхитительнѣе, одна другой заманчивѣе. Я мысленно представлялъ себѣ грозную, мощную фигуру заповѣднаго зубра, легкую, стройную, робкую козочку и свирѣпаго угрюмаго одинца-кабана. Послѣдній составлялъ конечный пунктъ моихъ охотничьихъ вожделѣній, пунктъ, который изъ проблематическаго обѣщаетъ обратиться въ дѣйствительный. До сихъ поръ мнѣ приходилось видѣть кабана только на картинкахъ да кабанью голову въ колбасныхъ лавкахъ. А тутъ вдругъ представляется возможность не только видѣть, но даже убить кабана. Весь охваченный охотничьимъ пыломъ при этой мысли, я инстинктивно потянулся къ ружейному ящику и, нарушивъ равновѣсіе, едва было не вылетѣлъ изъ проклятой „чертопхайки". Видѣніе кабана исчезло, и я резонно заключилъ, что въ ружьѣ никакой надобности, собственно говоря, пока нѣтъ.

Но не скоро удалось мнѣ осуществить свою мечту. Я пріѣхалъ уже поздней осенью, но, несмотря на ежедневное шатаніе по лѣсамъ, несмотря на щедрые чаи, кабаны не находились. Каждый день я спрашивалъ:

— Ну что, ничего не слыхать?

И каждый разъ получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Подождите снѣгу, панычъ, о-то толкъ будетъ.

Но снѣга не было, не было и толка.

Отъ нечего дѣлать я нещадно истреблялъ зайцевъ и стрѣлялъ въ цѣль пулей. Мишенью служилъ все тотъ же кабанъ, рисуемый мною во всевозможныхъ положеніяхъ—и въ профиль, и en face, и въ три четверти. Результатомъ такихъ упражненій явилось то, что я достигъ рѣшительной виртуозности въ стрѣльбѣ пулей. На разстояніи 30 шаговъ я попадалъ даже въ запятовидный крючекъ, изображавшій кабаній хвостъ.

Нарисованные кабаны гибли во множествѣ, но живыхъ все не было.

Наконецъ, въ одинъ достопамятный день, пошелъ снѣгъ. Шелъ цѣлыя сутки и покрылъ всю окрестность мягкимъ бѣлымъ покровомъ.

Отъ радости я пробовалъ даже танцовать мазурку со старухой-ключницей къ ея великому негодованію.

Явился и лѣсникъ. По его радостной физіономіи я мгновенно понялъ, что толкъ уже есть, и не ошибся.

Послѣ обычныхъ привѣтствій и обычныхъ попытокъ поцѣловать панскую руку лѣсникъ торжественно объявилъ, что въ лѣсной дачѣ кабаны уже появились. Слѣдовъ немного, всего два, но зато видно, что зашли крупные одинцы или такъ называемые сѣкачи.

Нечего и говорить, что я собрался съ быстротою, которой могъ бы позавидовать любой фельдъегерь. Оставалось только рѣшить вопросъ о собакахъ. У моего пріятеля гончихъ не было, а былъ только лохматый несуразный брусбартъ, носившій громкое имя Ромулъ. Оный Ромулъ, онъ же и Ромка, съ успѣхомъ исполнялъ у моего пріятеля обязанности сторожевой, лягавой, гончей и даже комнатной собаки. Онъ могъ сдѣлать стойку надъ куропаткой и съ рвеніемъ, достойнымъ лучшей участи, гонялъ зайцевъ. Этотъ универсальный песъ имѣлъ одну слабость, выражавшуюся въ постоянномъ посягательствѣ на жидовскія икры. Но въ виду перечисленныхъ достоинствъ слабость эта Ромкѣ прощалась.

Однако перспектива идти на кабана съ однимъ, хотя и универсальнымъ, но все же ненадежнымъ псомъ повергла было меня въ уныніе. Но видно судьба рѣшила окончательно побаловать меня. Лѣсникъ заявилъ, что онъ взялъ пару гончихъ, ходившихъ уже за кабаномъ, отъ сосѣдняго помѣщика.

Мы отправились.

День стоялъ превосходный. Снѣгъ покрывалъ землю болѣе чѣмъ на четверть аршина, и нога мягко ступала по пушистому бѣлому ковру. Полный радостныхъ надеждъ, вступилъ я въ крупный лѣсъ. Величественную, суровую, но своеобразно-красивую картину представлялъ этотъ старый лѣсъ, покрытый только что выпавшимъ снѣгомъ. Широкія лапообразныя вѣтви исполинскихъ сосенъ, покрытыя снѣгомъ, протягивались надо мною и осыпали меня всего при малѣйшемъ прикосновеніи. Черные, полуистлѣвшіе стволы поваленныхъ бурей деревьевъ принарядились въ серебряныя ризы. Обыкновенно темный, сумрачный лѣсъ посвѣтлѣлъ и помолодѣлъ

— Сейчасъ будетъ свѣжій слѣдъ, шепнулъ мнѣ лѣсникъ. — Неподалеку и лежка ихняя. Вы стойте здѣсь, а я зайду кругомъ и спущу собакъ. Пойдетъ мимо васъ, панычъ, непремѣнно.

Я сталъ за громадную сосну и весь обратился въ слухъ и зрѣніе. Томительно-медленно проходило время.

Но вотъ вдалекѣ подала голосъ гончая, къ ней присоединилась другая, залился оглушительнымъ сердитымъ лаемъ Ромулъ. Руки крѣпче сжали стволы штуцера, глаза еще пристальнѣе устремились въ лѣсную чащу.

Но вотъ впереди что-то треснуло, еще... и черезъ мгновеніе вправо отъ меня раздалось сердитое фырканье. Громадный кабанъ полнымъ ходомъ шелъ мимо, не замѣчая меня. Вскинувъ къ плечу штуцеръ, я перевелъ его нѣсколько впередъ и въ то мгновеніе, когда черная туша ясно обрисовалась на прорѣзи прицѣла, надавилъ гашетку.

Дымъ разсѣялся. Кабана какъ не бывало.

„Промахъ. Ушелъ!" пронеслось у меня въ головѣ. Нелестный эпитетъ по собственному адресу сорвался съ моихъ губъ.

На слѣду показались собаки и съ еще болѣе яростнымъ гономъ понеслись дальше. Я подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ стрѣлялъ кабана, и мгновенно оживился.

Нелестный эпитетъ былъ напрасенъ. По обѣ стороны слѣда ясно виднѣлись кровавые брызги; немного дальше кровавый слѣдъ тянулся уже непрерывною полосою.

— Раненъ сильно, не уйдетъ, успокоилъ меня подошедшій лѣсникъ. Вдругъ гонъ остановился и замѣнился ожесточеннымъ, свирѣпымъ лаемъ.

— Сталъ, тутъ. Идемте, да не горячитесь, панычъ, Боже избави близко къ раненому подойти. Идите за мной.

Осторожно, шагъ за шагомъ, стали мы подходить къ тому мѣсту, откуда несся бѣшеный лай собакъ и свирѣпое фырканье. Вдругъ лѣсникъ остановился и показалъ мнѣ рукою.

Шагахъ въ двадцати отъ насъ, у корня громадной поваленной ели, стоялъ сѣкачъ. Громадная голова его съ длинными клыками была повернута прямо къ собакамъ, щетина стояла дыбомъ, маленькіе глаза сверкали такой страшной яростью, что я невольно подался назадъ.

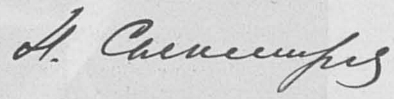
Ставъ за дерево и приложивъ штуцеръ къ суку, я тщательно прицѣлился въ голову. Нѣсколько секундъ мнѣ мѣшали бѣсновавшіяся собаки. Наконецъ голова обрисовалась вполнѣ ясно, и я спустилъ курокъ.

— Готовъ! раздался радостный крикъ лѣсника.

Я взглянулъ и увидѣлъ сѣкача уже лежащаго, уткнувшагося мордой въ снѣгъ. Ромка нещадно теребилъ его ногу.

Мы подошли, и я съ невольнымъ почтеніемъ взглянулъ на громадное туловище звѣря и на его трехгранные клыки, острые, какъ бритвы, далеко выдвинувшіеся изъ-за челюсти.

— Съ полемъ, панычу!



ПОЛИТИКА

11 (23) января 1893 г.

Начавшееся съ новымъ годомъ оживленіе нашей внутренней жизни поддерживалось въ теченіе всей прошлой недѣли не столько текущими событіями, сколько продолжавшимися толками о событіяхъ, уже совершившихся и ожидаемыхъ — болѣе или менѣе основательно — въ недалекомъ будущемъ. Въ кружкахъ, интересующихся этими событіями, много было разговоровъ сначала о незаурядномъ блескѣ оффиціальнаго пріема, сдѣланнаго новому германскому послу генералу фонъ-Вердеру, а позднѣе—о начавшихся на нынѣшней недѣлѣ засѣданіяхъ коммиссіи по преобразованію нашего государственнаго банка. Наше свѣтское общество интересовалось также очень живо пріѣздомъ въ Петербургъ эмира бухарскаго. Въ концѣ недѣли начались сверхъ того толки, находящіеся въ связи съ поѣздкою въ Берлинъ Государя Наслѣдника Цесаревича, ожиданіе которой сказалось въ новомъ повышеніи нашего заграничнаго курса. Въ общей сложности подтвердилось, что новый — 1893 — годъ начался для нашего отечества при достаточно благопріятныхъ предзнаменованіяхъ.

Политическое положеніе западной Европы тѣмъ временемъ измѣнилось очень мало. Вѣсти, приходившія за послѣдніе дни изъ Германіи, показывали, что надѣлавшая столько шума рѣчь графа Каприви въ защиту проекта военной реформы не произвела на военную коммиссію имперскаго парламента того впечатлѣнія, на которое, повидимому, разсчитывалъ германскій канцлеръ. Члены коммиссіи, являющіеся представителями различныхъ парламентскихъ партій, отвѣчали графу Каприви заявленіями, вовсе не похожими на безусловное согласіе съ его взглядами. Ораторы партіи католическаго центра заявили, что они согласны на установленіе законодательнымъ порядкомъ двухлѣтняго срока военной службы, но съ условіемъ, что при этомъ численность мирнаго состава арміи не будетъ увеличена. Прогрессисты настаивали на томъ, что нынѣшнихъ вооруженныхъ силъ Германіи совершенно достаточно для оборонительной войны съ Франціей подъ условіемъ, что берлинское правительство позаботится улучшить свои отношенія къ Россіи. Націоналъ-либералы изъявляли согласіе пойти на сдѣлку съ правительствомъ подъ условіемъ, что оно сократитъ на одну треть (40.000 вмѣсто 60.000) цифру усиленія численности арміи. Консерваторы наконецъ соглашались подать голоса въ пользу правительственнаго законопроекта съ тѣмъ, что связанное съ нимъ увеличеніе налоговъ

Охотничьи сцены. — Загнанный кабанъ. Картина К. Ф. Дейкера.

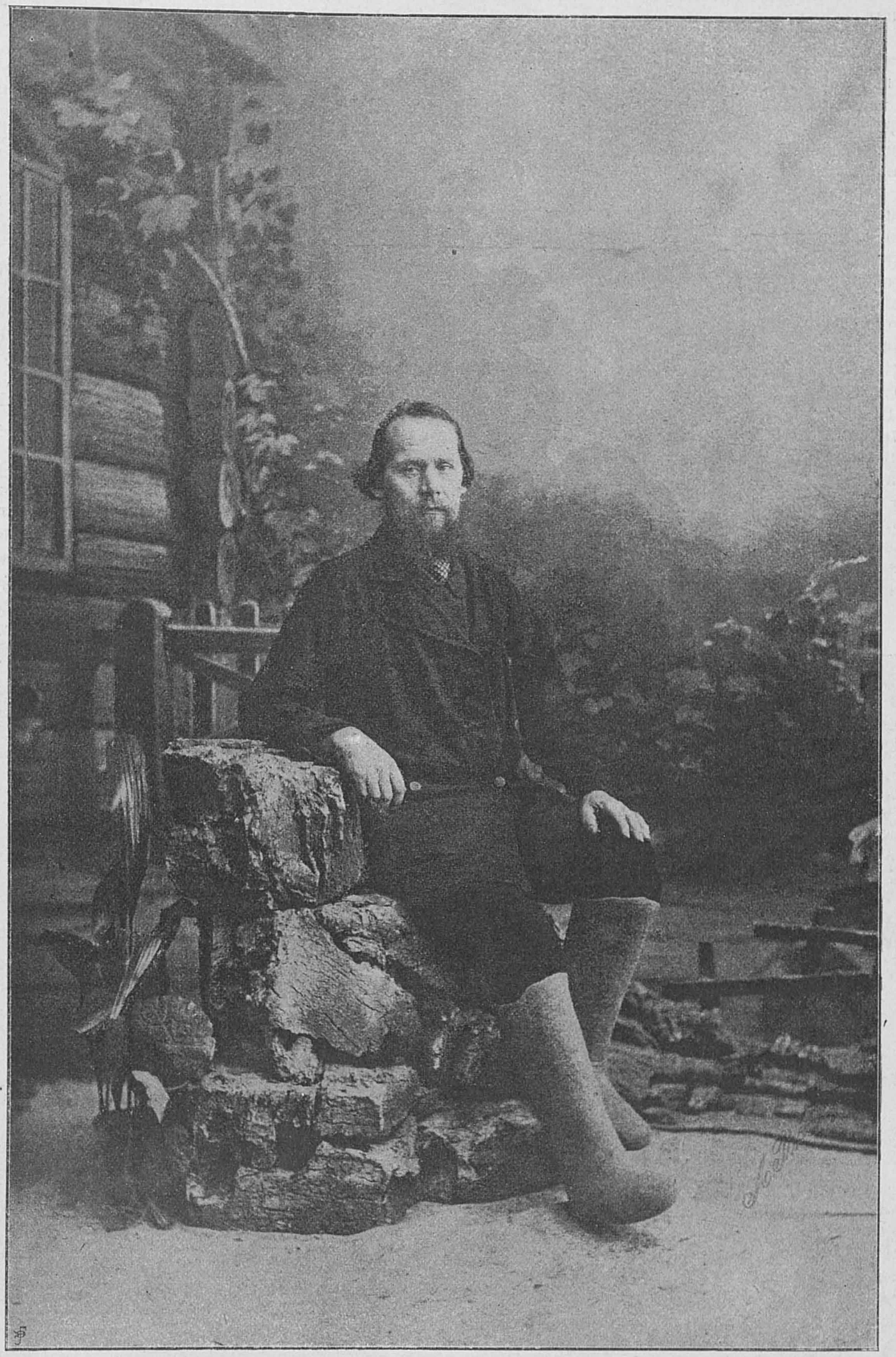
Гравировали для »Всемірной Иллюстраціи« Кезебергъ и Эртель.

не вызоветъ податнаго отягощенія для сельскихъ классовъ. На все это графъ Каприви отвѣчалъ до сихъ поръ, что правительство не можетъ сдѣлать никакихъ уступокъ и требуетъ отъ рейхстага простаго утвержденія военнаго законопроекта въ его первоначальной формѣ. Между тѣмъ президентъ прусскаго совѣта министровъ, графъ Эйленбургъ, котораго продолжаютъ считать возможнымъ преемникомъ нынѣшняго германскаго канцлера, озаботился

египетскій хедивъ Аббасъ-паша довольно неожиданно нашелъ нужнымъ смѣнить своего перваго министра Мустафа-пашу, безусловно преданнаго Англіи, и замѣнилъ его было питающимъ открыто симпатію къ Франціи, Фахри-пашою. Въ Лондонѣ эта замѣна вызвала сильнѣйшее неудовольствіе, и англійскій дипломатическій агентъ въ Каирѣ получилъ приказаніе потребовать отъ хедива немедленной смѣны новаго перваго министра. Рѣзкая

что ихъ правительства далеко не одобряютъ давленія, произведеннаго Англіей на хедива.

Одновременно съ этимъ извѣстія, приходящія изъ Парижа, приняли нѣсколько болѣе успокоительный характеръ. Съ того дня, какъ начался процессъ членовъ правленія панамскаго общества, умы во Франціи очень чувствительно успокоились. Телеграфъ продолжаетъ, правда, приносить массу сенсаціонныхъ извѣстій о скандальныхъ разоблаченіяхъ раз-



И. Т. РЯБИНИНЪ, крестьянинъ олонецкой губерніи, пѣвецъ былинъ.

Съ фотографіи А. Пазетти, снятой для »Всемірной Иллюстраціи«. Автотипія Эд. Гоппе.

пригласить на данный имъ парадный обѣдъ русскаго и *французскаго* пословъ, какъ бы приготовляя этимъ почву къ блестящему пріему, готовившемуся тѣмъ временемъ въ Берлинѣ, Государю Наслѣднику Цесаревичу.

Можно было ожидать, что перспектива этого пріема вызоветъ кое-какіе толки, имѣющіе связь съ вліяніемъ, которое могли имѣть событія внутренней французской политики на взаимныя отношенія Россіи и Франціи, но на прошлой недѣлѣ произошло событіе, не давшее возникнуть подобнымъ толкамъ. Молодой

форма этого требованія заставила Аббаса-пашу подчиниться ему до нѣкоторой степени. Фахри-паша былъ уволенъ тотчасъ же въ отставку, но хедивъ не согласился снова призвать ко власти Мустафа-пашу, и дипломатическій агентъ вынужденъ былъ удовольствоваться назначеніемъ первымъ министромъ вполнѣ нейтральнаго Реаса-паши.

Пока это происходило въ Каирѣ, въ Лондонѣ тамошніе дипломатическіе представители Франціи и Россіи одновременно заявили министру иностранныхъ дѣлъ, лорду Розберри,

личныхъ свидѣтелей, выступающихъ передъ парламентскою коммиссіею дознанія по панамскому дѣлу, но уже начинаетъ становиться очевиднымъ, что эта прискорбная исторія еще разъ обманетъ надежды, которыя возлагали на нее противники существующаго во Франціи государственнаго строя. Выяснилось уже достаточно, что президентъ республики, г-нъ Карно, рѣшился не подавать въ отставку. Преобразованное министерство Рибо добилось отъ палатъ возвращенія къ ихъ очереднымъ законодательнымъ занятіямъ. Палата депута-

товъ уже начала пренія о бюджетѣ на 1893 годъ и ведетъ ихъ очень быстро, утверждая сильнымъ большинствомъ голосовъ всѣ предложенія правительства. Враги парламентской республики какъ-то вдругъ присмирѣли. Буланжисты и бонапартисты вовсе не заставляютъ говорить о себѣ, а орлеанисты снова вернулись къ своей старой программѣ усилий сплотить всѣхъ „консерваторовъ" для низверженія *законодательнымъ путемъ* существующаго порядка вещей. Впереди предстоитъ еще, вѣроятно, немало эпизодовъ, которые будутъ вызывать оживленные толки, но о возможности государственнаго переворота въ близкомъ будущемъ уже болѣе нѣтъ и рѣчи. Ни одна изъ партій, желающихъ такого переворота, не чувствуетъ себя достаточно сильною, видя, до какой степени парижскіе политическіе скандалы оставляютъ равнодушною страну, желающую только одного — возможности спокойно заниматься своими экономическими дѣлами и сохранить ту международную роль, которую возвратили ей за послѣдніе годы событія общеевропейской политики.

Въ Англіи, помимо минутнаго волненія, вызваннаго египетскими событіями, о которыхъ мы уже сказали нѣсколько словъ, весь политическій интересъ настоящей минуты сосредоточивается на ожиданіи открытія парламентской сессіи. Министерство Гладстона до сихъ поръ сохраняетъ въ величайшей тайнѣ политическую программу, съ которой оно выступаетъ передъ парламентомъ. Наступаетъ однако же время подготовки текста тронной рѣчи, въ которой эта программа должна быть изложена. Кое-какіе признаки заставляютъ полагать, что Гладстону удалось достигнуть полнаго согласія всѣхъ фракцій либеральнаго большинства. Одинъ изъ вождей радикаловъ, сэръ Чарльзъ Дильке, заявилъ уже на дняхъ, что онъ и его политическіе единомышленники рѣшились поддерживать правительство въ вопросѣ объ ирландской автономіи. Консерваторы и ихъ союзники, либеральные уніонисты, какъ будто предусматриваютъ свое пораженіе въ палатѣ общинъ и хлопочутъ теперь главнымъ образомъ о томъ, чтобы Гладстону не удалось возстановить страну противъ палаты лордовъ, связавъ вопросъ объ ирландской автономіи съ вопросомъ о другихъ внутреннихъ реформахъ, несомнѣнно, желаемыхъ огромнымъ большинствомъ англичанъ.

Въ Австро-Венгріи внутреннія дѣла продолжаютъ идти далеко не успѣшно; австрійское министерство Таафе до сихъ поръ не добилось ровно ничего своими усиліями составить новое парламентское большинство изъ нѣ-

Н. П. ПЕТРОВЪ, генералъ-лейтенантъ,
товарищъ мин. путей сообщенія, проф. Никол. инжен. академіи.

Съ фотографіи Д. С. Здобнова гравировалъ И. И. Хелмицкій.

По поводу двадцатипятилѣтія профессорской дѣятельности.

Пѣвецъ былинъ И. Т. Рябининъ въ этнографическомъ отдѣленіи Императорскаго русскаго географическаго общества, въ засѣданіи 8-го января с. г.

Рисовалъ для »Всемірной Иллюстраціи« К. О. Брожъ.

Бракосочетаніе наслѣднаго принца Румынскаго съ принцессой Маріей Эдинбургской въ замкѣ Зигмарингенъ. — Обрядъ бракосочетанія въ католической церкви.

мецкихъ либераловъ, поляковъ и автономистовъ партіи графа Гогенварта. Венгерское министерство Векерле все еще борется съ оппозиціей католической партіи противъ гражданскаго брака.

Изъ Сербіи за послѣдніе дни стали приходить совершенно неожиданныя извѣстія о примиреніи, состоявшемся между бывшимъ королемъ Миланомъ и супругою его, королевою Наталіею. Въ Бѣлградѣ этому примиренію почему-то горячо радуются. Мы подождемъ дальнѣйшихъ подробностей для того, чтобы высказать нашъ взглядъ на это событіе, однимъ изъ послѣдствій котораго можетъ оказаться возвращеніе въ сербскую столицу Милана Обреновича.

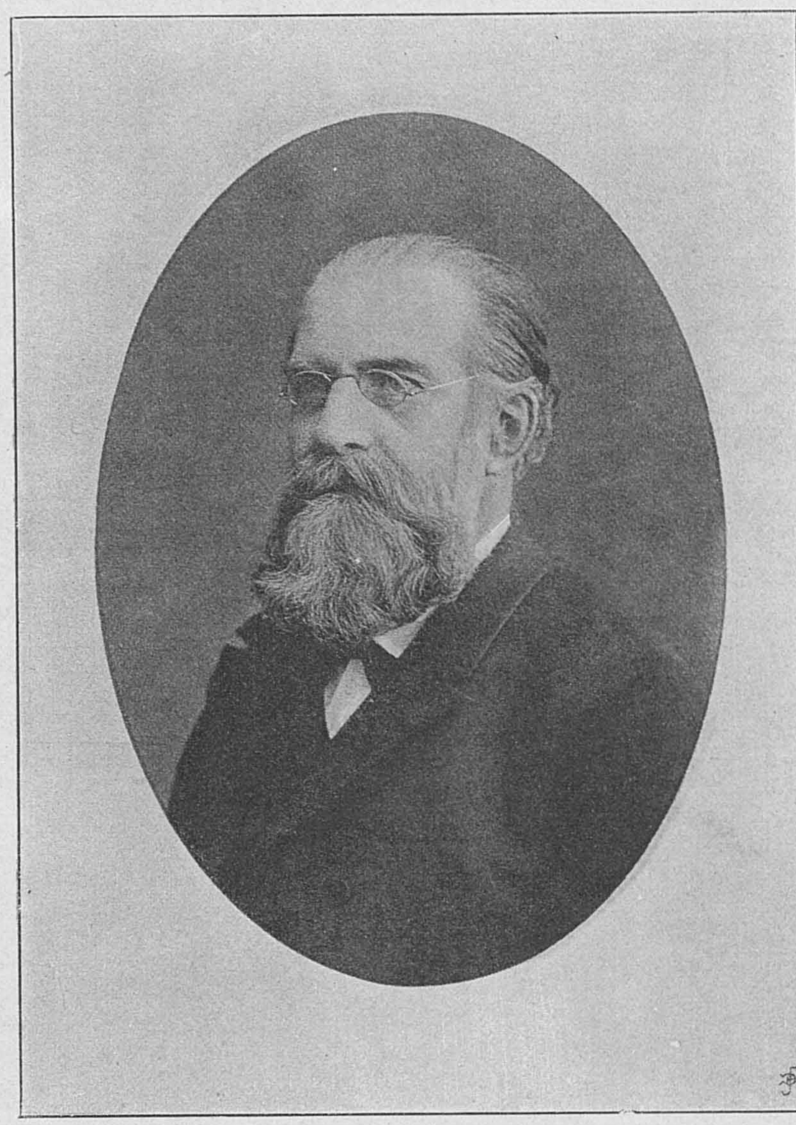
П. А. Кочубей †

Много выдающихся русскихъ дѣятелей унесъ въ могилу истекшій годъ. Въ числѣ ихъ находится и, скончавшійся 22-го декабря въ своемъ имѣніи полтавской губерніи, деревнѣ Згуровкѣ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Петръ Аркадьевичъ Кочубей, бывшій предсѣдатель Императорскаго русскаго техническаго общества. Это былъ одинъ изъ полезнѣйшихъ, энергичнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей русскихъ, сдѣлавшій массу добра, заботившійся о распространеніи техническихъ знаній въ отечествѣ, большой знатокъ и любитель искусствъ, другъ крестьянъ, всегда съ радостью, отъ чистаго сердца, оказывавшій нашей меньшей братіи и матеріальную, и нравственную помощь.

Имя П. А. Кочубея неразрывно связано съ Императорскимъ русскимъ техническимъ обществомъ, во главѣ котораго онъ стоялъ безъ малаго двадцать лѣтъ и которому былъ горячо и безкорыстно преданъ, не переставая интересоваться его судьбами и тогда, когда ему пришлось по болѣзни оставить столицу. Почти до заката дней своихъ П. А. Кочубей принималъ близко къ сердцу все касавшееся дорогаго ему учрежденія, имъ облагодѣтельствованнаго. Не проходило года, чтобы онъ не дѣлалъ крупнаго пожертвованія для развитія дѣятельности этого учрежденія. Самая мысль объ основаніи русскаго техническаго общества возникла и созрѣла въ домѣ П. А. Кочубея, весьма дѣятельно и энергично начавшаго работать на пользу общества уже въ первые годы его существованія. Вначалѣ оно не имѣло собственнаго помѣщенія, и П. А. Кочубей, избранный въ 1867 году товарищемъ предсѣдателя общества, сталъ заботиться о томъ, чтобы обезпечить ему это помѣщеніе. Послѣ закрытія всероссійской мануфактурной выставки, въ 1870 году, находившейся въ зданіи бывшаго Солянаго Городка, одни хотѣли въ этомъ зданіи устроить кавалерійскія казармы, другіе намѣревались построить на этомъ мѣстѣ больницу. Но П. А. Кочубей вмѣстѣ съ генер.-адъютантомъ Н. В. Исаковымъ энергично взялись за дѣло, возбудивъ ходатайство объ отводѣ Солянаго Городка подъ помѣщеніе для обширнаго музея прикладныхъ знаній; къ ихъ ходатайству тогдашній высокій покровитель техническаго общества герцогъ Лейхтенбергскій отнесся очень сочувственно, при содѣйствіи Его Высочества оно было уважено, и такимъ образомъ этому образцовому учрежденію прочное основаніе было положено. Вскорѣ былъ устраненъ и недостатокъ матеріальныхъ средствъ. Въ одномъ изъ засѣданій общества, состоявшемся подъ предсѣдательствомъ Николая Максиміліановича, герцога Лейхтенбергскаго, пожертвовавшаго 10.000 рублей на это дѣло, было собрано по подпискѣ 45.000 рублей. Это дало возможность приступить къ переустройству Солянаго Городка. Являясь однимъ изъ крупныхъ жертвователей, П. А. Кочубей вмѣстѣ съ тѣмъ на дальнѣйшія работы исхлопоталъ правительственную субсидію. Пріобрѣтеніе цѣнныхъ коллекцій для общества, выдача премій—все это дѣлалось главнымъ образомъ на суммы, жертвованныя ежегодно П. А. Кочубеемъ.

Организація перваго съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію также принадлежала П. А. Кочубею, очень много потрудившемуся надъ этимъ дѣломъ. Имѣя обширныя связи, онъ привлекъ къ участію въ подготовительныхъ работахъ около трехсотъ лицъ, въ томъ числѣ немало весьма выдающихся ученыхъ и педагоговъ. Подготовительныя работы эти составили затѣмъ содержаніе цѣлаго большаго тома, явившагося цѣннымъ матеріаломъ, облегчившимъ въ значительной степени труды членовъ съѣзда. За все время нахожденія П. А. Кочубея во главѣ техническаго общества, оно разрослось значительно. Кромѣ химическаго, механическаго, строительнаго и военно-морскаго отдѣловъ, бывшихъ при основаніи общества, возникли еще отдѣлы фотографическій, электрическій и воздухоплавательный и коммиссія по техническому образованію; вмѣстѣ съ тѣмъ за это же время учреждено и четырнадцать провинціальныхъ отдѣленій общества.

Будучи человѣкомъ развитымъ, П. А. Кочубей придавалъ техническому и профессіональному образованію огромное значеніе и нерѣдко высказывалъ такую, вполнѣ справедливую, мысль, что каждый рубль, затраченный на образованіе рабочихъ, возвратится заводчику сторицею и что, когда заводчики это уразумѣютъ, успѣхъ техническихъ школъ для рабочихъ будетъ обезпеченъ. Время показало, что П. А. Кочубей былъ глубоко правъ. Заводчики поняли наконецъ свою пользу и достигли весьма благопріятныхъ результатовъ. П. А. Кочубей принималъ также дѣятельное участіе въ учрежденіи Общества охраненія народнаго здравія, засѣданія котораго, а равно и собранія членовъ его происходили въ домѣ П. А. Здѣсь же, если можно такъ выразиться, былъ положенъ и первый камень технической школы рисованія барона Штиглица. П. А. Кочубей и Н. В. Исаковъ убѣдили послѣдняго пожертвовать милліонъ рублей на школу техническаго рисованія при художественно-промышленномъ музеѣ, которая и была преобразована впослѣдствіи въ „Центральное училище техническаго рисованія барона Штиглица“. Любовь къ изящному составляла одну изъ отличительныхъ чертъ П. А. Кочубея. Въ его домѣ въ Петербургѣ знатоки искусства и рѣдкостей могли найти массу интересныхъ вещей: коллекціи древняго оружія, бронзовыхъ и фарфоровыхъ издѣлій и проч.



П. А. КОЧУБЕЙ, бывшій предсѣдатель Императорскаго русскаго техническаго общества, † 22-го декабря 1892 г.

Автотипія Эд. Гоппе съ фотографіи Левицкаго и сына.

У себя въ имѣніи, въ с. Згуровкѣ, П. А. Кочубей насадилъ роскошный паркъ, степи превратилъ въ лѣса, въ живописные сады. Заботы о красотѣ своего помѣстья шли у него рука объ руку съ заботами объ улучшеніи быта, мѣстныхъ крестьянъ, о развитіи среди нихъ образованія и, въ особенности, техническихъ знаній. Онъ старался, чтобы его помощь крестьянамъ имѣла смыслъ и значеніе, чтобы они удобряли землю, поставили бы свое сельское хозяйство въ лучшія условія; съ цѣлью развитія кустарнаго производства онъ устроилъ въ Згуровкѣ школу для кустарей и при ней столярную мастерскую. Его труды не пропали даромъ. Изъ среды мѣстныхъ крестьянъ вышло немало хорошихъ столяровъ и искусныхъ мастеровъ гончарнаго дѣла.

Любя науку, П. А. Кочубей съ особеннымъ рвеніемъ занимался, между прочимъ, минералогіей и самъ, и поощрялъ къ такимъ занятіямъ и другихъ. Онъ собралъ очень цѣнную минералогическую коллекцію, одну изъ лучшихъ въ Россіи, и не жалѣлъ средствъ на предпринимавшіяся разными лицами экскурсіи для изысканій ископаемыхъ горныхъ породъ. Съ тѣми же цѣлями въ восьмидесятыхъ годахъ онъ учредилъ въ Петербургѣ такъ называемыя „минералогическія пятницы“, на которыя собиралось много горныхъ инженеровъ для научныхъ бесѣдъ во главѣ съ Н. И. Кокшаровымъ и А. В. Гадолинымъ, близкими друзьями устроителя этихъ пятницъ. П. А. Кочубей вообще много способствовалъ нашему знаменитому минералогу, нынѣ также покойному, въ его трудахъ по собиранію матеріаловъ по минералогіи. Въ разныя ученыя учрежденія П. А. Кочубей дѣлалъ пожертвованія и деньгами, и предметами. Такъ, музею Императорской академіи наукъ онъ, между прочимъ, принесъ въ даръ голову мамонта и нѣсколько костей допотопныхъ животныхъ. Академія за его труды по минералогіи и пожертвованія избрала П. А. Кочубея въ свои почетные члены; то же самое сдѣлало и Императорское русское техническое общество. При нѣкоторой внѣшней рѣзкости своего характера П. А. былъ чрезвычайно добрымъ человѣкомъ, обладавшимъ благороднымъ, отзывчивымъ сердцемъ и отличавшимся искренностью и прямотою.

Одинъ изъ потомковъ, воспѣтаго Пушкинымъ въ его поэмѣ „Полтава“, знаменитаго современника Петра Великаго, Кочубея, Петръ Аркадьевичъ Кочубей родился 17-го іюня 1825 года въ Орлѣ, гдѣ отецъ его былъ губернаторомъ. Воспитывался онъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, откуда послѣ блестящаго окончанія курса выпущенъ офицеромъ въ гвардейскую конную артиллерію. Высшее образованіе П. А. Кочубей закончилъ за границей, гдѣ много занимался математикой, минералогіей и особенно химіей, слушая въ 1848 году лекціи знаменитыхъ химиковъ Либиха и Шевреля. Возвратясь изъ-за границы, онъ нѣсколько времени преподавалъ химію въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ. Блестящія способности молодаго артиллериста, преданнаго наукѣ, открыли ему достигъ ко Двору. П. А. былъ назначенъ состоять ординарцемъ при наслѣдникѣ цесаревичѣ Александрѣ Николаевичѣ. Когда же императоръ Александръ II взошелъ на престолъ, П. А. Кочубей тотчасъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Величеству.

Еще тогда, когда П. А. ѣздилъ за границу, онъ вскорѣ по возвращеніи составилъ интересную книгу „Описаніе замѣчательныхъ лабораторій Германіи и Бельгіи“, изданную съ богатымъ атласомъ (Спб. 1854). П. А. Кочубею открывалась блестящая служебная карьера, но онъ промѣнялъ ее на болѣе скромную дѣятельность. Выйдя въ отставку, онъ, съ учрежденіемъ въ 1867 г. Императорскаго русскаго техническаго общества, былъ избранъ въ товарищи предсѣдателя, а въ 1873 г. предсѣдателемъ общества и оставался на этомъ посту до 1891 г. съ небольшимъ перерывомъ въ 1884—1885 гг., когда болѣзнь помѣшала ему продолжать службу обществу. Не мѣшаетъ замѣтить, что, и состоя на коронной службѣ, П. А. былъ уже замѣченъ, какъ человѣкъ способный, честный и энергичный, и ему давались разныя серьезныя порученія, такъ, между прочимъ, въ бытность его флигель-адъютантомъ ему была поручена, послѣ крымской кампаніи, ревизія сѣверныхъ крѣпостей, — каковое порученіе онъ и исполнилъ блестяще. П. А. Кочубей, А. В. Гадолинъ и Н. И. Кокшаровъ были большими друзьями при жизни и, по странной игрѣ судьбы, имъ и умереть пришлось почти въ одно время...

Петръ Быковъ.

сл. Л. Мея **Зачѣмъ?** муз. М. М. Иванова

М. Ивановъ

Собственность отдѣльнаго изданія принадлежитъ музыкальному магазину Юлія Генриха Циммерманъ.

Ихъ Высочества принцъ и принцесса Ольденбургскіе

7-го января 1868 года сочетались бракомъ младшая дочь великой княгини Маріи Николаевны, Ея Императорское Высочество княжна Евгенія Максиміліановна Романовская, герцогиня Лейхтенбергская, со вторымъ сыномъ Его Императорскаго Высочества принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, принцемъ Александромъ Петровичемъ, и нынѣ, 7-го января 1893 г., не только домъ принцевъ Ольденбургскихъ, но и тысячи лицъ, облагодѣтельствованныхъ результатами благотворной дѣятельности этихъ особъ, празднуютъ двадцатипятилѣтіе ихъ счастливаго во всѣхъ отношеніяхъ брака.

Его Высочество принцъ Александръ Петровичъ родился 2-го іюня 1844 г. и въ день рожденія былъ зачисленъ прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, гдѣ и началъ исполненіе служебныхъ обязанностей въ 1864 г.; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ принцъ былъ утвержденъ ротнымъ командиромъ, въ чинѣ штабсъ-капитана, и 6-го августа 1865 г. назначенъ флигель-адъютантомъ. Въ 1868 г., въ чинѣ полковника, Его Высочество назначенъ начальникомъ стрѣлковъ, а въ 1870 г. командиромъ того же Преображенскаго полка и утвержденъ 28-го марта 1871 г. съ производствомъ въ генералъ-маіоры. Въ 1876 г. Его Высочество былъ назначенъ командиромъ 1-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи и въ этой должности участвовалъ во второмъ, третьемъ и четвертомъ періодахъ турецкой войны 1877—78 гг. Во время кампаніи Его Высочество былъ въ сраженіяхъ подъ Горнымъ Дубнякомъ, участвовалъ въ мѣстной блокадѣ Плевны, въ рекогносцировкѣ непріятельской позиціи подъ гор. Этрополемъ, въ перестрѣлкахъ съ гарнизономъ и при взятіи этого города, преслѣдовалъ непріятеля, отступавшаго съ боемъ, былъ въ перестрѣлкахъ на позиціяхъ противъ Шандорника и Арабъ-Канака, перешелъ черезъ Балканы въ отрядѣ генерала Гурко, участвовалъ въ трехдневномъ бою подъ Филиппополемъ и при окончательномъ пораженіи арміи Сулеймана-паши; съ тѣмъ же отрядомъ прошелъ походомъ къ Адріанополю и затѣмъ до заключенія міра находился въ Санъ-Стефано. По возвращеніи изъ Турціи продолжалъ командовать бригадой до 17-го сентября 1880 г., когда былъ назначенъ командующимъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіей; въ 1881 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а въ 1885 г. назначенъ командиромъ гвардейскаго корпуса, которымъ и командовалъ до августа 1889 г. Его Высочество, за свои военные подвиги, награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени, св. Владиміра 2-й степени съ мечами, золотымъ оружіемъ и многими другими. Въ 1881 г. Его Высочество назначенъ попечителемъ Императорскаго училища правовѣдѣнія, дѣтскаго пріюта Его Императорскаго Высочества принца Ольденбургскаго и Свято-Троицкой общины сестеръ милосердія, а въ 1890 г.—попечителемъ Императорскаго института экспериментальной медицины и дома призрѣнія душевнобольныхъ, учрежденнаго Его Императорскимъ Величествомъ. Всѣ эти учрежденія и понынѣ пользуются неустанными заботами своего высокаго попечителя, увеличиваясь и развиваясь соотвѣтственно требованіямъ науки и современности. Институтъ экспериментальной медицины возникъ единственно благодаря стараніямъ Его Высочества и по почину принца, не щадившаго ни труда, ни огромныхъ расходовъ для осуществленія завѣтной мысли дать русскимъ и иностраннымъ ученымъ всѣ средства для развитія медицинской науки путемъ экспериментальнаго изслѣдованія. При открытіи этого института Его Высочество былъ избранъ почетнымъ членомъ военно-медицинской академіи, с.-петербургскаго университета и академіи наукъ. Вообще всѣ отрасли дѣятельности Его Высочества свидѣтельствуютъ о широкомъ, всестороннемъ образованіи и достигнутыми результатами обнаруживаютъ рѣдкую иниціативу и неутомимую энергію принца Александра Петровича.

Ея Императорское Высочество принцесса Евгенія Максиміліановна родилась 20-го марта 1845 года. Уже въ ранніе годы принцесса отличалась пытливостью ума, жаждою къ образованію и въ особенности полною отзывчивостью къ страданіямъ ближняго. Въ настоящее время можно назвать длинный рядъ благотворительныхъ, образовательныхъ и врачебныхъ учрежденій, а также ученыхъ и художественныхъ обществъ, въ трудахъ которыхъ Ея Императорское Высочество принимаетъ дѣятельное участіе. Уже тридцать лѣтъ принцесса состоитъ попечительницей петербургской школы с.-петербургскаго женскаго патріотическаго общества, двадцать пять лѣтъ предсѣдательствуетъ въ Свято-Троицкой общинѣ сестеръ милосердія, долгое время была предсѣдательницей „с.-петербургскаго дамскаго комитета Общества попечительнаго о тюрьмахъ“ и съ 1865 года состоитъ почетною предсѣдательницею этого комитета, при которомъ всецѣло по ея почину въ 1870 г. возникла женская школа для арестантокъ, существующая понынѣ. Въ пріютѣ въ память Екатерины, Маріи и Георгія, Ея Императорское Высочество состоитъ попечительницей въ Императорскомъ минералогическомъ обществѣ 25 лѣтъ къ ряду почетнымъ членомъ, а нынѣ два года президентомъ и почетнымъ членомъ цѣлаго ряда медицинскихъ и разныхъ ученыхъ обществъ. Кромѣ того, Ея Высочество состоитъ попечительницей Рождественской женской гимназіи, Тверскаго Общества доброхотной копѣйки, почетной предсѣдательницей Общины св. Георгія, предсѣдателемъ Общества поощренія художествъ, предсѣдательницей дамскаго кружка при школѣ Императора Александра II для сыновей убитыхъ и раненыхъ на войнѣ офицеровъ, покровительницей общежитія сестеръ „Краснаго Креста“, покровительницей Дома милосердія, покровительницей Общества вспомоществованія бѣднымъ Рождественской части и попечительницей ремесленной школы г-жи Аргамаковой и многихъ другихъ. Всѣ эти учрежденія перечислены въ томъ хронологическомъ порядкѣ, въ какомъ они обращались къ Ея Императорскому Высочеству съ просьбой о покровительствѣ и поддержкѣ, безъ которыхъ существованіе ихъ во многихъ случаяхъ, было бы немыслимо. Нельзя не упомянуть еще о дѣятельности принцессы во время войны 1877—1878 гг., когда подъ вѣдѣніемъ Ея Высочества составлялись временные отряды сестеръ „Краснаго Креста“. Къ плодотворной дѣятельности во всѣхъ означенныхъ учрежденіяхъ присоединяются еще благодѣянія, которыми Ея Высочество одарила обширную область около имѣнія Рамонъ, пріобрѣтеннаго въ воронежской губерніи, въ верстахъ 30 отъ гор. Воронежа. Въ первый же годъ владѣнія была построена образцовая больница, куда стекаются десятки тысячъ страждущаго народа за совѣтомъ и помощью; сотни важныхъ операцій были произведены съ полнымъ успѣхомъ, благодаря совершенству той обстановки, въ устройствѣ коей Ихъ Высочества лично принимали участіе; тысячи вылечены отъ изнурительной мѣстной лихорадки и отъ той ужасной болѣзни, которая подтачиваетъ здоровье населенія и вліяетъ даже на отдаленное потомство. Тамъ же одновременно была учреждена школа, которая дѣйствуетъ съ полнымъ успѣхомъ. Въ имѣніи Рамонъ на средства Его Высочества устроены дешевая столовая и чайная. Въ этой столовой за трудовую копѣйку крестьянинъ получаетъ хорошую пищу, можетъ даже выпить и чарку водки, но лишней не получаетъ. Весьма крупная цифра обращающагося капитала столовой (до 60.000 р. въ годъ), незначительная прибыль съ котораго служитъ къ улучшенію ея, краснорѣчиво доказываетъ, какъ широко населеніе пользуется этими учрежденіями. Часы досуга, остающіеся въ распоряженіи Ея Высочества, посвящаются чтенію. Принцесса успѣваетъ слѣдить не только за всѣми выдающимися новинками русской и иностранной литературы, но и учеными сочиненіями, преимущественно по гигіенѣ и нѣкоторымъ отраслямъ медицины. Интересуясь практической хирургіей, принцесса подала мысль объ изданіи популярныхъ указаній о подаяніи первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ, что и было приведено въ исполненіе на средства и при дѣятельномъ участіи Ея Высочества. Кромѣ чтенія, Ея Высочество занимается въ свободное время изящными искусствами, какъ-то: живописью, выжиганіемъ по дереву и т. п.; всѣ работы, исполненныя Ея Высочествомъ, отличаются замѣчательнымъ искусствомъ, изяществомъ и вкусомъ.

Принцъ Александръ Петровичъ, въ свою очередь, въ свободные часы занимается самыми разнообразными работами. Такъ, въ семидесятыхъ годахъ, былъ построенъ корпусъ пароваго катера и въ собственной мастерской принца приготовлены всѣ части машины, кромѣ котла. Всѣ эти работы велись не только по указаніямъ, но и при личномъ участіи Его Высочества, сработавшаго немало предметовъ своими руками. Помимо этого, Его Высочество весьма интересуется обработкой металловъ и достигъ въ этой отрасли большаго искусства, собственноручно выковывая вещи изъ золота и серебра. Въ настоящее время вниманіе принца Александра Петровича обращено преимущественно на вопросъ о вліяніи на живые организмы такъ называемыхъ безцвѣтныхъ или темныхъ лучей солнечнаго спектра, и Его Высочество дѣятельно работаетъ по этому предмету въ своей лабораторіи.

И. Т. Рябининъ,

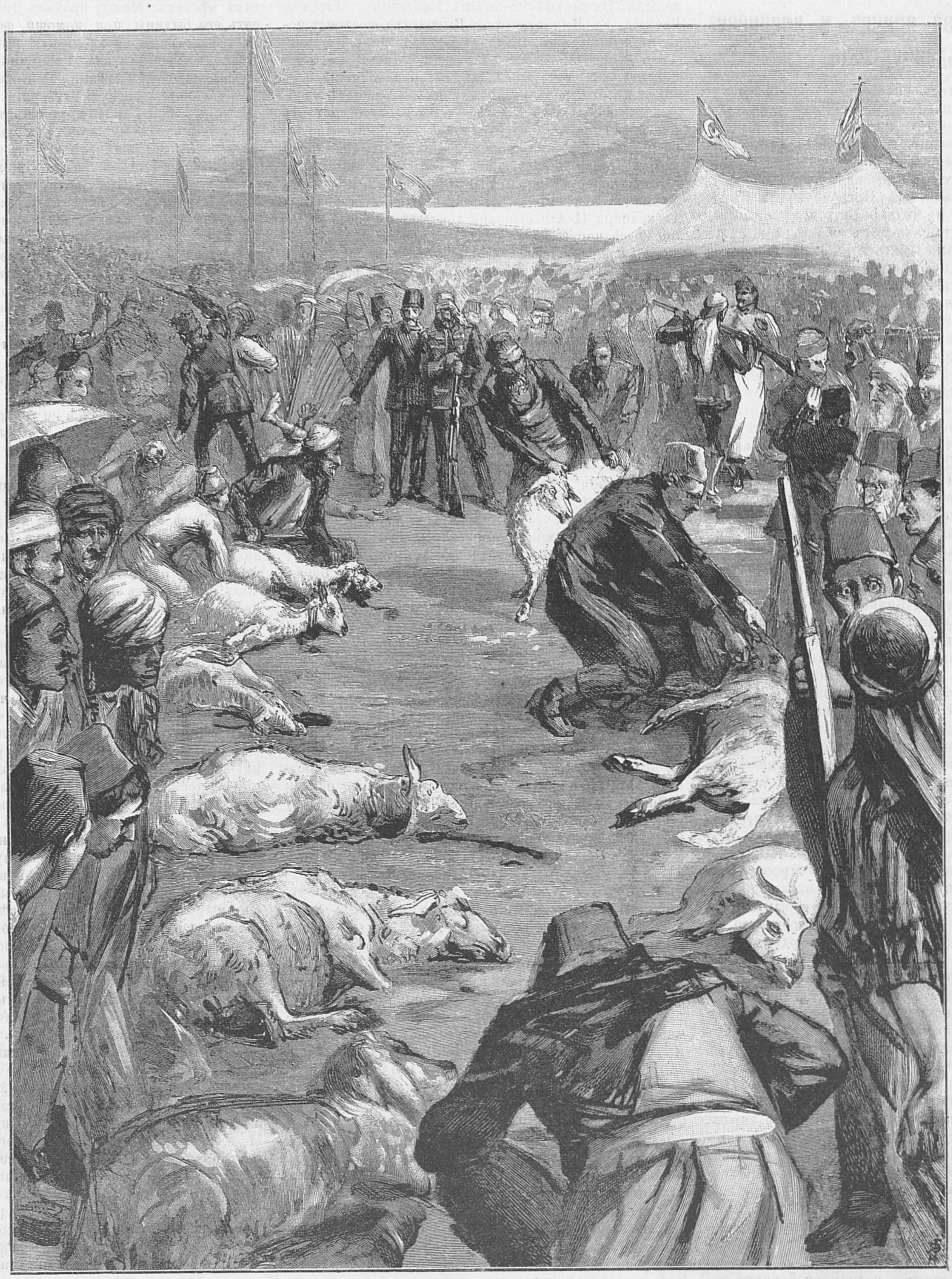
пѣвецъ былинъ

Этнографическое отдѣленіе Императорскаго русскаго географическаго общества доставило недавно любителямъ старины большое удовольствіе. 8-го января въ засѣданіи этого отдѣленія крестьянинъ олонецкой губерніи Рябининъ пропѣлъ нѣсколько былинъ и духовный стихъ объ Іоаннѣ Златоустѣ. Своимъ звонкимъ голосомъ и оригинальными напѣвами рапсодъ вызвалъ одобреніе многочисленнаго собранія, которое щедро наградило Рябинина деньгами. Послѣ этого Рябининъ пѣлъ еще во многихъ мѣстахъ. Между прочимъ предполагалось записать его былины при помощи фонографа и отправить фонограмы на всемірную выставку въ Чикаго.

Иванъ Трофимовичъ Рябининъ, сынъ извѣстнаго „сказителя“ Трофима Григорьевича Рябинина, крестьянинъ олонецкой губерніи, сѣнногубской волости, деревни Гарницы, человѣкъ уже не молодой, ему сорокъ восемь лѣтъ отъ роду. До тридцати двухъ лѣтъ онъ жилъ вмѣстѣ съ отцомъ и отъ него воспринялъ богатый эпическій матеріалъ, заключающійся въ четырнадцати былинахъ и трехъ духовныхъ стихахъ. Рябининъ неграмотенъ и лишь съ помощью одной памяти заучилъ всѣ стихи былинъ, пѣтыхъ его отцомъ, число стиховъ которыхъ простирается до 6.000. По смерти своей первой жены и дѣтей отъ нея, Рябининъ оставилъ отца, жившаго въ д. Середка, и переселился въ Гарницы, гдѣ женился вторично на вдовѣ, имѣвшей дочь и сына. Подобно остальнымъ мѣстнымъ крестьянамъ, онъ занимается хлѣбопашествомъ, чѣмъ и кормитъ свою семью, состоящую изъ жены (старше его на два года), пасынка, недавно женившагося, и двухъ родныхъ сыновей, 13 и 11 лѣтъ. Рябининъ принадлежитъ къ безпоповщинской сектѣ и не употребляетъ ни спиртныхъ напитковъ, ни кофе, который составляетъ любимый и самый употребительный напитокъ остальныхъ мѣстныхъ крестьянъ. Въ большинствѣ случаевъ у крестьянъ сѣнногубской волости своего хлѣба хватаетъ на треть года, у немногихъ на полгода, а Ив. Троф. Рябининъ почти круглый годъ питаетъ семью непокупнымъ хлѣбомъ. Исключеніе составляетъ 1892 годъ, весьма неблагопріятный для урожая ржи и овса во всей олонецкой губ. Вотъ почему и Рябининъ съ декабря долженъ былъ покупать муку. Когда Рябининъ жилъ еще съ отцомъ, то, какъ житель деревни, находящейся на берегу Онежскаго озера, ловилъ рыбу, иногда рубилъ дрова для жителей Петрозаводска, куда возилъ масло на продажу, и все это вмѣстѣ взятое доставляло ему лишнюю копѣйку про запасъ, на черный день. „Сказители“ олонецкой губ., въ томъ числѣ и Рябининъ, поютъ былины тогда, когда плетутъ или чинятъ рыболовныя сѣти, щиплютъ лучину и вообще исполняютъ мелкія крестьянскія подѣлки, которымъ пѣніе не препятствуетъ. Прочіе члены семьи „сказителя“ слушаютъ пѣніе, но, какъ думали прежніе этнографы, не подтягиваютъ. Такъ какъ „сказители“, сравнительно съ прежнимъ временемъ, сдѣлались теперь рѣдкостью, то къ Рябинину зачастую обращаются съ просьбою „спѣть старинку“ не только сосѣди, но и болѣе дальніе знакомые рапсода. Съ Рябининымъ познакомился въ мартѣ мѣсяцѣ прошлаго 1892 года преподаватель словесности въ олонецкой губернской гимназіи Павелъ Тимоѳеевичъ Виноградовъ, который, убѣдясь, что имѣетъ дѣло съ лучшимъ изъ олонецкихъ „сказителей“, попросилъ Рябинина пѣть былины въ мѣстныхъ гимназіяхъ, мужской и женской. Затѣмъ для концертовъ Рябининъ явился сущимъ кладомъ. И этотъ-то кладъ, до тѣхъ поръ долго таившійся въ олонецкихъ дебряхъ и не оцѣненный какъ слѣдуетъ даже мѣстной интеллигенціей, П. Т. Виноградовъ рѣшился показать образованной столичной публикѣ, главнымъ образомъ лицамъ, дорожащимъ преданіями сѣдой старины. Письмо, въ которомъ П. Т. Виноградовъ разсказывалъ подробно о Рябининѣ, черезъ И. П. Хрущова, а затѣмъ Т. И. Филиппова, достигло до Владиміра Ивановича Ламанскаго, предсѣдателя этнографическаго отдѣленія Императорскаго русскаго географическаго общества. П. Т. Виноградовъ получилъ приглашеніе уговорить пріѣхать Рябинина въ Петербургъ. Раньше рапсодъ не соглашался на поѣздку въ столицу, хотя и интересовался ею, желая, по его словамъ, заимствованнымъ изъ одной былины, погулять

> По тѣмъ ли горенкамъ столовымъ,
> По уличкамъ широкимъ,
> По тѣмъ ли переулкамъ княженецкимъ...

Мотивъ пѣнія Рябинина довольно однообразенъ и не любителю старины можетъ скоро наскучить; всѣхъ мотивовъ въ пѣсняхъ Рябинина можно подмѣтить четыре. Вотъ какія былины поетъ рапсодъ нашъ: „Микула и Вольга“, „Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ“, „Илья Муромецъ въ ссорѣ съ Владиміромъ“, „Илья Муромецъ и его дочь“, „Добрыня и змѣй“, „Добрыня и Маринка“, „Добрыня и Василій Казиміровъ“, „Королевичи изъ Крякова“, „Скопинъ“, „Хотенъ Блудовичъ“, „Молодецъ и худая жена“ и проч. Изъ стиховъ онъ знаетъ „О вознесеніи Христа или объ Іоаннѣ Богословѣ“, „Объ Агрикѣ“, „О Егорѣ Храбромъ“. Кстати будетъ замѣтить, что былины „Добрыня и его дочь“, „Добрыня и Василій Казиміровъ“ и „Скопинъ“ никакими другими „сказителями“ не пѣлись, а сохранились лишь у рапсодовъ Рябининыхъ. Будучи раскольникомъ безпоповщинской секты, И. Т. Рябининъ ѣстъ жидкую пищу изъ собственной чашки и пьетъ изъ своего стакана, съ которыми и является всюду. Въ Петербургѣ Рябининъ очень заинтересовалъ многихъ лицъ, въ томъ числѣ и высокопоставленныхъ, и его приглашаютъ пѣть свои „старинки“ всюду, на расхватъ, что даетъ ему изрядный заработокъ.



Азіятская Турція. — Сирія. Церемонія закладки сирійской желѣзной дороги въ Дамаскѣ.

Церемонія закладки Сирійской желѣзной дороги

Закладка и открытіе желѣзной дороги въ мусульманскихъ странахъ сопровождаются церемоніей довольно странной, религіознымъ обрядомъ достаточно варварскимъ. Передъ тѣмъ, какъ поднять первую глыбу земли на томъ мѣстѣ, съ котораго должна начаться укладка желѣзнодорожнаго полотна, или же, при открытіи дороги, при укладкѣ послѣдней пары рельсовъ,— на мѣсто торжества притаскиваютъ нѣсколько барановъ и закалываютъ ихъ вдоль по линіи. Обрядъ этотъ, совершаемый духовенствомъ, сопровождается молитвою имама о томъ, чтобы на данномъ мѣстѣ не текла иная кровь, кромѣ крови принесенныхъ въ жертву животныхъ. Пусть, говорится въ молитвѣ,— на эти жертвы и обратятся всѣ бѣды, грозящія новому дѣлу. Такой обрядъ совершенъ былъ и при закладкѣ новой сирійской желѣзной дороги. Сперва заколотъ былъ одинъ баранъ, а затѣмъ — еще четырнадцать вдоль по линіи въ разныхъ мѣстахъ, причемъ перерѣзывали горло животнымъ такъ, чтобы кровь ихъ лилась на мѣста, гдѣ должны быть уложены рельсы. Говорятъ, будто обрядъ закалыванія животныхъ беретъ свое начало со временъ жертвоприношенія Авеля. На нашемъ рисункѣ представленъ моментъ упомянутаго жестокаго обряда, производящаго непріятное впечатлѣніе на цивилизованныхъ европейцевъ.

Новости печати

Культура розы въ открытомъ грунту и подъ стекломъ. *Н. И. Кичунова.* Спб. 1893. Изданіе А. Ф. Девріена.

Садоводы Европы ввели въ цвѣтники, теплицы и комнаты любителей цвѣтоводства нѣсколько десятковъ тысячъ растеній и ежегодно пополняютъ ихъ число новыми родами изящной и благоухающей зелени. Но любительское вниманіе издавна остановилось на весьма немногихъ породахъ растеній и въ числѣ наиболѣе излюбленныхъ изъ нихъ надо поставить царицу цвѣтовъ — розу, въ ея безчисленныхъ разновидностяхъ. Роза — одно изъ тѣхъ немногихъ цвѣточныхъ растеній, которое имѣетъ свою спеціальную литературу, даже особые, исключительно посвященные ея культурѣ, періодическія изданія. И роза вполнѣ заслуживаетъ такого вниманія. Она не только прелестнѣйшій изъ цвѣтовъ, но и высоко доходное промышленное растеніе, и для того, чтобы въ двухъ словахъ охарактеризовать ея значеніе съ этой стороны, достаточно напомнить, что добываніемъ благовоннаго розоваго масла изъ ея лепестковъ живутъ и кормятся цѣлыя области на Балканскомъ полуостровѣ, въ южной Франціи и въ Алжирѣ. У насъ, въ предѣлахъ Россіи, промышленное воздѣлываніе розъ ведется на Кавказѣ, но могло бы принять весьма крупные размѣры также и въ Крыму, въ Бессарабіи, въ Туркестанѣ. Наша литература о розахъ весьма бѣдна; о періодическихъ изданіяхъ, посвященныхъ культурѣ розъ, мы ужъ и не говоримъ; Богъ вѣсть, когда еще у насъ назрѣетъ въ нихъ надобность. Но у насъ почти не было до сихъ поръ даже просто отдѣльнаго руководства по этому предмету; правда, года три назадъ была издана книжка г. Штегмана, но она едва лишь отвѣчала спросу любителей, занимающихся розоводствомъ, между прочимъ. Въ нынѣшнемъ году А. Ф. Девріенъ издалъ, наконецъ, въ свѣтъ книжку г. Кичунова, заглавіе которой приведено выше. Эта книжка представляетъ изящный томикъ въ 8 печатныхъ листовъ, съ рисунками, стоющій всего 75 коп. Г. Кичуновъ обработалъ предметъ добросовѣстно. Онъ тщательно описалъ ботаническій типъ розы, ея дикорастущія и культурныя разновидности, указываетъ гдѣ и какъ можетъ быть разводимъ тотъ или иной сортъ и какъ вообще ведется воздѣлываніе розъ. Книжка принесетъ пользу каждому, кто, не имѣя сообщаемыхъ въ ней свѣдѣній, вздумалъ бы приняться за воздѣлываніе розъ, въ какомъ бы то ни было направленіи — чисто любительскомъ или промышленномъ. *М. О.*

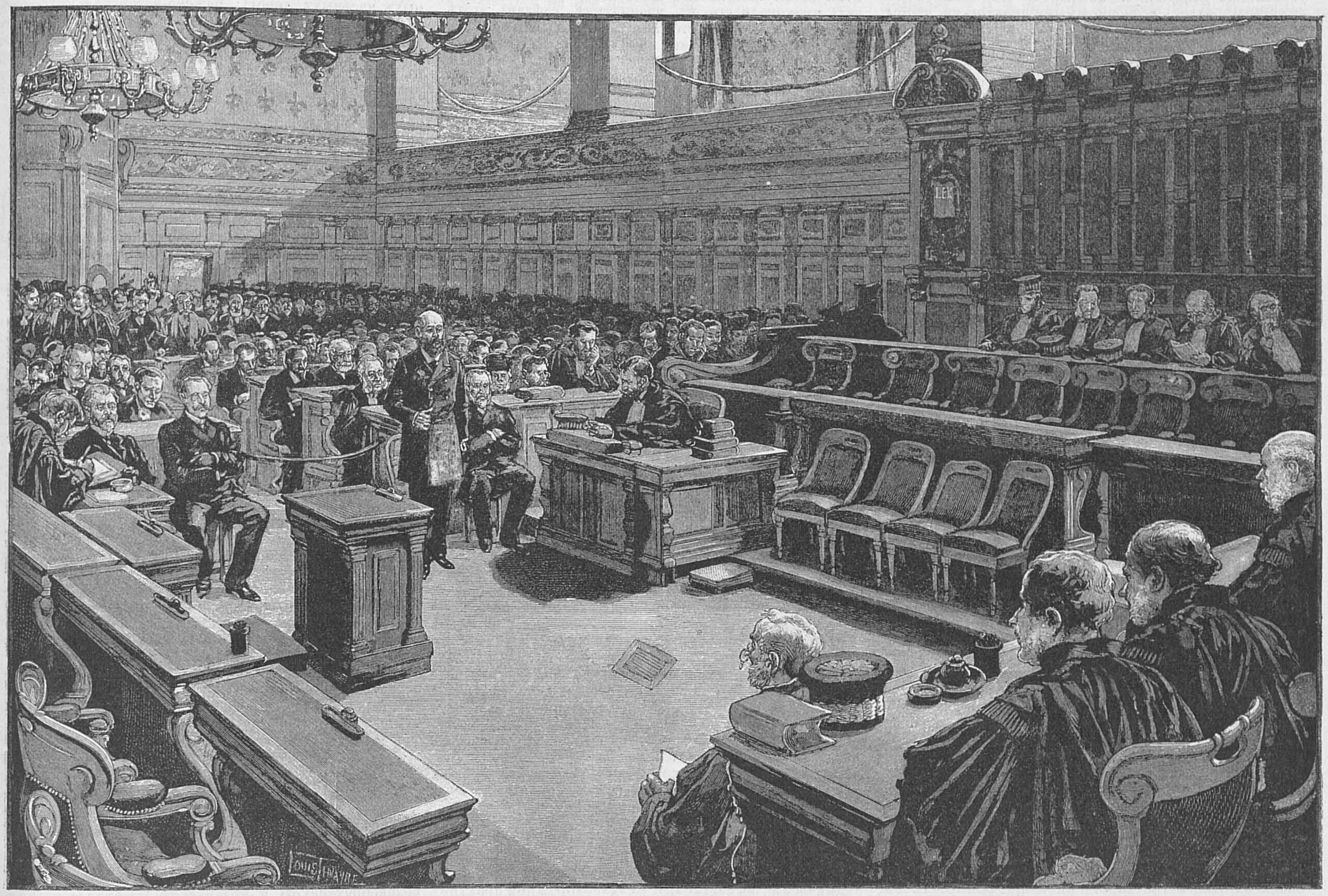
ЭЙФЕЛЬ.

БАИГО.

МАРІУСЪ ФОНТАНЪ.

БЛОНДЕНЪ.

Привлеченные къ суду по панамскому дѣлу.



Греффье. Эйфель. Коттю. Вальдекъ-Руссо. Мартини. Шарль Лессепсъ. Барбу. Фонтанъ. Дю-Бюи. Ро, прокуроръ. Составъ суда. Перивье, предсѣдатель.

Засѣданіе судебной палаты 10-го января н. с.

Франція. — Парижъ. Процессъ строителей Панамскаго канала.

Панамское дѣло

Въ концѣ декабря было закончено предварительное слѣдствіе по панамскому дѣлу, и 29-го числа (10-го января нов. ст.) начались засѣданія суда. Предсѣдателемъ суда былъ назначенъ Перивье, а прокуроромъ Ро. Допросъ начался съ Шарля Лессепса, сына знаменитаго строителя Суэцкаго канала. Сущность допроса клонилась къ выясненію исторіи финансовыхъ операцій панамскаго общества, сущность которыхъ, безъ сомнѣнія, хорошо извѣстна читателямъ. Поэтому, не излагая послѣдовательно хода процесса, при которомъ выяснилось мало новаго, еще неизвѣстнаго публикѣ изъ газетъ, мы обратимъ вниманіе только на выдающіеся эпизоды судебныхъ преній. Въ засѣданіи 13-го января (н. с.) выслушивались, между прочимъ, показанія свидѣтелей-акціонеровъ, вложившихъ все свое состояніе въ панамскія акціи и, конечно, въ концѣ концовъ, разорившихся до тла. Отъ этихъ свидѣтелей невольнымъ слушателямъ ихъ показаній, подсудимымъ, пришлось выслушать не совсѣмъ пріятныя вещи. Почтенный старецъ, крестьянинъ Жоли, съ величайшимъ волненіемъ разсказываетъ, какъ онъ задумалъ помѣстить въ панамское предпріятіе всѣ не только свои сбереженія, но и ввѣренныя ему деньги родственниковъ; какъ онъ услышалъ о томъ, что предпріятіе ненадежно, какъ поѣхалъ нарочно въ Парижъ, къ самому Лессепсу, съ упрямствомъ простаго человѣка, рѣшившагося „дойти до правды" во чтобы то ни стало. „Вотъ оно что!" воскликнулъ знаменитый строитель, выслушавъ опасенія Жоли; „вы должно быть начитались статей газеты „Панама", которая нападаетъ на нашу компанію? Полноте, вы, такой положительный человѣкъ, вѣрите газетной ругани и не можете понять, что газета просто на просто подкуплена англичанами бранить компанію, чтобъ отбить охоту покупать акціи, которыя потомъ и будутъ всѣ скуплены англичанами, а англичане и заберутъ каналъ въ свои руки, когда онъ будетъ выстроенъ. Не бойтесь, не продавайте вашихъ акцій, наживете на нихъ впослѣдствіи хорошее состояніе". Повѣрилъ бѣдный крестьянинъ, и ухнули его сбереженія. „Я потерялъ все—и свое, и чужое", говорилъ Жоли: „я простой мужикъ, но я не обманщикъ, какъ эти господа". И свидѣтель безъ церемоніи показываетъ на подсудимыхъ... Немало такихъ откровенныхъ оцѣнокъ ихъ дѣятельности пришлось выслушать гг. заправиламъ панамскаго дѣла.

Въ нашемъ предшествовавшемъ отчетѣ о панамскомъ дѣлѣ мы уже упомянули о чрезвычайно компрометирующихъ обстоятельствахъ, касающихся бывшаго министра общественныхъ работъ Баиго. Въ первыхъ же засѣданіяхъ суда изъ показаній самого Лессепса выяснилось участіе этого интереснаго министра въ панамскомъ дѣлѣ. Это подтвержденіе виновности Баиго произвело огромное впечатлѣніе въ Парижѣ и страшную тревогу въ средѣ депутатовъ; прикосновенность послѣднихъ къ дѣлу на столько

выяснилась, что теперь уже иллюстрированныя изданія печатаютъ цѣлые ряды портретовъ депутатовъ, заполучившихъ разныя, болѣе или менѣе крупныя, суммы въ видѣ взятокъ съ панамскихъ заправилъ.

Во второмъ засѣданіи суда выдавался по своему интересу допросъ „человѣка-башни“, Эйфеля. Этотъ знаменитый человѣкъ заключилъ съ компаніею условіе, по которому онъ заработалъ въ годъ съ небольшимъ 20 милліоновъ франковъ. Эйфель, по словамъ президента, рѣшился „выжать всѣ соки изъ погибавшей компаніи“. Онъ, напримѣръ, заключивъ условіе съ компаніей на сооруженіе шлюзовъ на Панамскомъ каналѣ, получилъ деньги на производство работъ и просто за просто положилъ ихъ себѣ въ карманъ. На обращенные къ нему вопросы Эйфель съ величайшимъ спокойствіемъ души отвѣчалъ, что онъ „сдѣлалъ хорошій гешефтъ – вотъ и все“. — „Итакъ, вы требовали 12 милліоновъ за матеріалъ, который можно было пріобрѣсти за 1 милліонъ?“ спрашиваетъ его предсѣдатель. — „Дѣло торговое“, лаконически отвѣчаетъ г. Эйфель.

Интересны показанія Моншикура, близко знакомаго съ чисто технической стороною дѣятельности компаніи. По словамъ этого свидѣтеля всего было израсходовано компаніею 1 миліардъ 433 милліона франковъ. Дѣло велось положительно спустя рукава: съ подрядчиками были снисходительны до невѣроятной степени, спѣшили страшно; руководители дѣла утопали въ роскоши и комфортѣ. Въ панамскомъ дѣлѣ пользовались всевозможными предлогами, чтобы швырять деньги направо и налѣво, никогда не торгуясь. Съ Рейнака, пристроившагося къ дѣлу съ самаго начала, никто никогда и не подумалъ спрашивать отчета въ расходованіи колоссальныхъ суммъ, которыя онъ безпрестанно требовалъ съ компаніи. „Однажды я спросилъ его“, показываетъ Моншикуръ, „куда онъ дѣвалъ деньги, выданныя ему компаніей“. „Какъ вы наивны!“ отвѣтилъ ему великій дѣлецъ.

Допросъ подсудимыхъ и свидѣтелей законченъ къ 17-му января, и въ этотъ день началъ свою пространную рѣчь генеральный адвокатъ Ро. Изложивъ всю печальную исторію панамскаго гешефта, Ро воскликнулъ, обращаясь къ суду: „вы объявляете виновнымъ въ мошенничествѣ несчастнаго, который за 5 или 10 сантимовъ продаетъ печатный листокъ, въ случаѣ, если подъ бьющимъ въ глаза названіемъ въ немъ передается какое нибудь химерическое событіе. Неужели вы окажетесь снисходительнѣе къ тѣмъ, которые, чтобъ привлечь къ себѣ милліоны, прибѣгаютъ ко всевозможнымъ хитростямъ, ко всякимъ маневрамъ и ко всякимъ обманамъ, какіе только можетъ породить воображеніе гешефтмахера. И когда они преступными средствами посѣяли вокругъ себя разореніе, причинили безчисленныя катастрофы, поколебали общественный кредитъ, неужели вы признаете ихъ достаточно наказанными, приговоривъ ихъ къ кое-какимъ денежнымъ взысканіямъ? Мнѣ кажется, что правосудіе требуетъ болѣе строгаго наказанія“. Немудрено, что виновные и въ самомъ дѣлѣ отдѣлаются сравнительно легко; они, по крайней мѣрѣ, не утрачиваютъ на это надежды. У нихъ запасено хорошее оружіе защиты — деньги; ихъ адвокаты — все отборныя парижскія знаменитости — получатъ весьма солидные куши за защиту. Эйфель, напр., договорился со своимъ защитникомъ Вальдекомъ Руссо, бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, за 100.000 фр. гонорара.

За стѣнами залы судебныхъ засѣданій, въ публикѣ и прессѣ, продолжается попрежнему жесточайшая поножовщина на почвѣ панамскаго дѣла. Нѣсколько дней тому назадъ газеты всевозможныхъ лагерей, служащія органами многочисленныхъ политическихъ партій, открыли настоящій походъ противъ президента Карно. Имъ хотѣлось во что бы то ни стало принудить президента сложить съ себя полномочія главы государства. Такой крупный скандалъ, какъ панамскій, поднявшій цѣлый вихрь разоблаченій, коснувшихся государственныхъ людей Франціи, показался самымъ сподручнымъ моментомъ для многочисленныхъ враговъ нынѣшняго государственнаго порядка въ этой странѣ, чтобы сломить этотъ порядокъ и сдѣлать попытку провозглашенія своей партійной государственной программы. Такой шагъ ближе всего было бы начать, конечно, съ отреченія президента и выборовъ новаго. На избирательномъ конгрессѣ было бы нетрудно доставить торжество своему кандидату или по крайней мѣрѣ намутить, устроить уличныя демонстраціи, вообще поставить въ возможно болѣе затруднительное положеніе нынѣшнее правительство, и безъ того теряющее голову въ этомъ вихрѣ событій. Карно и его честные сторонники, конечно, поняли игру и не поддадутся на удочку. Между тѣмъ масса разоблаченій, сыплющихся со всѣхъ сторонъ и впутывающихъ въ дѣло все новыхъ и новыхъ личностей, привела къ тому, что возникло предположеніе начать на почвѣ этихъ разоблаченій новое самостоятельное слѣдствіе и новое дѣло, которое будетъ какъ бы эхомъ панамскаго дѣла. Слѣдователь по панамскому дѣлу, Франкевилль, оказался въ концѣ измученнымъ и проситъ устранить его отъ занятій.

Большое впечатлѣніе произвела въ Парижѣ высылка нѣкоторыхъ корреспондентовъ иностранныхъ газетъ. Эти господа добывали и сообщали въ свои газеты цѣлыя кипы новостей, слуховъ, разоблаченій, имѣвшихъ какъ бы связь съ панамскимъ дѣломъ, въ сущности же преслѣдовавшихъ цѣли международной политики. Въ числѣ этихъ иностранныхъ корреспондентовъ особенное вниманіе обратилъ на себя венгерецъ Шекели. Парижская газета „Cocarde“ напечатала заявленіе, что Шекели будто бы сознался, что онъ фабриковалъ свои корреспонденціи по внушенію высокопоставленныхъ политическихъ дѣятелей и что при этомъ имѣлось въ виду посѣять рознь между Россіею и Франціею. Парижская пресса относится къ этимъ извѣстіямъ весьма сдержанно, но публика глубоко ими интересуется, всѣми силами стараясь разузнать дѣло, которому, однако, не достаетъ сколько нибудь достовѣрныхъ подробностей.

Н. П. Петровъ

Недавно исполнилось двадцатипятилѣтіе учено-педагогической дѣятельности одного изъ даровитыхъ русскихъ ученыхъ инженеровъ, немало потрудившихся для желѣзнодорожнаго дѣла, генералъ-лейтенанта Н. П. Петрова 1-го, который принесъ столько пользы, какъ инженеръ, въ сферахъ ученой, учебной, практической и административной. Николай Павловичъ Петровъ родился 1 мая 1836 г. въ дворянской семьѣ новгородской губерніи, бѣлозерскаго уѣзда. Среднее образованіе получилъ онъ въ бывшемъ дворянскомъ полку и затѣмъ, произведенный 11 іюня 1855 г. въ чинъ прапорщика л.-гв. финляндскаго полка, поступилъ въ офицерскіе классы николаевскаго инженернаго училища. Среди преподавателей этого заведенія былъ въ то время замѣчательнѣйшій изъ русскихъ людей, знаменитый ученый, обладавшій, можно сказать, небывалымъ у насъ даромъ изложенія математики, Михаилъ Васильевичъ Остроградскій. Его-то увлекательныя лекціи и овладѣли всѣмъ вниманіемъ Н. П. Петрова и такъ сказать приковали его къ математикѣ, сдѣлавъ этотъ предметъ любимымъ его занятіемъ. Для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукѣ Н. П. Петровъ слушалъ лекціи въ гражданскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Къ счастію для него, въ то время доступъ въ эти заведенія былъ очень легокъ. Министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ молодому офицеру посѣщеніе лекцій въ бывшемъ педагогическомъ институтѣ. Это посѣщеніе лекцій того же М. В. Остроградскаго продолжалось два года, по 1859 г. включительно, а для слушанія университетскихъ лекцій не надо было даже и особаго разрѣшенія. Изученіе прикладной механики Н. П. Петровъ началъ въ с.-петербургскомъ технологическомъ институтѣ, преобразованномъ тогда въ высшее открытое учебное заведеніе по образцу иностранныхъ политехникумовъ. Вскорѣ онъ сдѣлалъ самостоятельные проекты нѣкоторыхъ машинъ для перестраивавшагося тогда охтенскаго пороховаго завода. Весною 1865 г. штабсъ-капитанъ Н. П. Петровъ былъ командированъ за границу на одинъ годъ для усовершенствованія въ прикладной механикѣ, а по возвращеніи въ Россію, въ началѣ 1866 учебнаго года, сдѣланъ преподавателемъ разныхъ частей упомянутаго предмета въ николаевской инженерной академіи и въ технологическомъ институтѣ, гдѣ уже слишкомъ двадцать лѣтъ состоитъ въ званіи ординарнаго профессора, съ 1 сентября 1872 года. Съ этого времени начинается его дѣятельность, какъ преподавателя разныхъ отраслей инженерныхъ знаній. Еще въ ноябрѣ 1867 г., бывъ утвержденъ въ званіи адъюнктъ-профессора николаевской инженерной академіи и приступивъ къ преподаванію практической механики, Н. П. Петровъ не могъ удовлетворяться только работами своихъ предшественниковъ и потому старался приложить свои знанія къ самостоятельному разрѣшенію различныхъ вопросовъ. Такова была его первая работа, подъ заглавіемъ: „Очертаніе зубцовъ круглыхъ цилиндрическихъ колесъ дугами круга“, напечатанная въ 1870 г. въ „Инженерномъ журналѣ“; она удостоилась первой преміи этого журнала. Вторая статья, по тому же вопросу, была помѣщена въ „Инженерномъ журналѣ“ 1873 г. и также удостоена первой преміи. Обѣ работы являются началомъ цѣлаго ряда его самостоятельныхъ изслѣдованій. Въ 1871 году Н. П. ввелъ въ технологическомъ институтѣ новый курсъ о подвижномъ составѣ желѣзныхъ дорогъ, что побудило учебный комитетъ технологическаго института избрать Н. П. въ число профессоровъ этого заведенія. Въ 1873 году „главное общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ“ пригласило Н. П. Петрова въ составъ инженеровъ, разрѣшающихъ вопросы техническіе, выдвигаемые желѣзнодорожной практикой, и съ этого времени начинается его дѣятельность какъ инженера-практика, въ которую, между прочимъ, вошла и командировка его на всемірную выставку 1876 года въ Филадельфіи, гдѣ Н. П. былъ экспертомъ или, какъ называли американцы, — „судьей“. Того же рода дѣятельность Н. П. по главному обществу вызвала его сочиненія: „О непрерывныхъ тормазныхъ системахъ“, „Объ изнашиваніи и пробѣ стальныхъ шинъ“ и проч. Въ 1882 году вышла его книга „Храненіе и перегрузка хлѣбнаго зерна и каменнаго угля“ и брошюра „Объ изнашиваемости желѣзныхъ рельсовъ на Николаевской и с.-петербург.-варшавской желѣзныхъ дорогахъ“. Съ 1882 по 1887 годъ Н. П. Петровъ занимался однимъ изъ важнѣйшихъ и почти совсѣмъ не разъясненныхъ вопросовъ практической механики – „О треніи въ машинахъ“ — и въ этотъ же періодъ времени имъ написано по интересовавшему его вопросу до десяти книгъ и статей. Первое изъ этихъ сочиненій подъ заглавіемъ „Треніе въ машинахъ“, напечатанное въ „Инженерномъ журналѣ“ 1884 г., удостоилось не только первой преміи этого журнала, но и Ломоносовской преміи въ 1.000 рублей, присужденной автору Императорскою академіею наукъ. Другое обширное сочиненіе по тому же вопросу вышло въ 1886 г. и также удостоено Императорской академіей наукъ полной преміи митрополита Макарія. Наконецъ и за третье сочиненіе по тому же вопросу — „Практическіе результаты опытовъ и гидродинамической теоріи съ примѣненіемъ къ желѣзнымъ дорогамъ и бумагопрядильнямъ“ (1887 г.) — Н. П. Петровъ получилъ первую премію „Инженернаго журнала“. Кромѣ этихъ крупныхъ работъ его о треніи жидкостей и машинъ, было напечатано еще много небольшихъ статей и замѣтокъ. Всѣ эти труды Н. П. Петрова вызвали нѣсколько статей не только въ русской технической литературѣ, но и въ иностранной. О нихъ есть отзывы на языкахъ: англійскомъ, итальянскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ. Для большаго распространенія между иностранцами свѣдѣній о результатахъ работъ надъ треніемъ Н. П. издалъ особую брошюру на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Résultats les plus marquants de l'étude théorique et expérimentale sur le frottement médiat“ (1889 г.). Цѣня всю практическую важность трудовъ этого рода, Императорское русское техническое общество въ 1888 г. присудило за нихъ Н. П. Петрову высшую изъ наградъ выдававшихся тогда — золотую медаль Государя Наслѣдника Цесаревича. 27 апрѣля того же года московское политехническое общество избрало Н. П. Петрова въ свои почетные члены. Въ декабрѣ 1888 года, по представленію министра путей сообщенія генералъ-лейт. Г. Е. Паукера, состоялось Высочайшее повелѣніе о назначеніи Н. П. Петрова предсѣдателемъ временнаго управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. При Н. П. съ конца 1888 г. по конецъ 1891 г. протяженіе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ значительно возросло. Къ бывшимъ въ казенномъ управленіи дорогамъ съ протяженіемъ около 5000 верстъ прибавилось еще около 5000 верстъ. Въ составъ казенныхъ дорогъ вошло нѣсколько крупныхъ частныхъ дорогъ: ряжско-вяземская, курско-харьково-азовская, моршанско-сызранская, закавказская и либаво-роменская и были окончены постройки нѣсколькихъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, въ томъ числѣ самаро-златоустовской. Въ это же время строился большой тоннель на закавказской дорогѣ, въ Сурамѣ, стоившій болѣе 5.000.000 руб.; началась постройка дороги въ наиболѣе отдаленной окраинѣ Россіи — въ уссурійскомъ краѣ — и изучались проекты постройки дорогъ черезъ всю Сибирь. Въ 1889 г. издано сочиненіе Н. П. Петрова, составившее часть курса, читаннаго имъ въ технологическомъ институтѣ „Сопротивленіе поѣзда на желѣзной дорогѣ“, въ 1890 г. — „Опредѣленіе скорости поѣзда на желѣзной дорогѣ при возможномъ увеличеніи вѣроятности безопаснаго движенія“, въ 1891 г. — „Насадка шинъ на колеса и колесъ на оси. Измѣненіе ихъ размѣровъ и величинъ развивающихся въ нихъ напряженій“, въ 1892 г. — „Опасныя скорости движенія паровоза“ и „О наивыгоднѣйшихъ скоростяхъ движенія товарныхъ поѣздовъ и о способахъ опредѣленія скоростей воинскихъ поѣздовъ на желѣзной дорогѣ“. Послѣднія два сочиненія были изданы въ то время, когда на Н. П. лежали обязанности: профессора вышеупомянутыхъ двухъ высшихъ учебныхъ заведеній, предсѣдателя временнаго управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и директора департамента желѣзныхъ дорогъ. На эту послѣднюю должность онъ былъ назначенъ 1-го января 1892 г. Въ мартѣ этого же года Н. П. Петровъ былъ уволенъ отъ должности директора департамента желѣзныхъ дорогъ, а по образованіи при министерствѣ путей сообщенія инженернаго совѣта на совершенно новыхъ началахъ было Высочайше повелѣно Н. П. Петрову быть предсѣдателемъ инженернаго совѣта съ увольненіемъ отъ должности предсѣдателя временнаго управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Наконецъ, 21 сентября 1892 г., Государю Императору благоугодно было призвать Н. П. Петрова на болѣе отвѣтственный и высокій постъ товарища министра путей сообщенія, причемъ онъ оставленъ въ званіи члена конференціи и заслуженнаго профессора Николаевской инженерной академіи и по инженерному корпусу.

Свадьба въ Зигмарингенѣ

Отпразднованное 10-го января съ большою пышностью въ Зигмарингенѣ бракосочетаніе румынскаго наслѣднаго принца Фердинанда со старшей дочерью герцога Эдинбургскаго, принцессою Маріею великобританскою и ирландскою, возбудило несравненно большій интересъ въ политическомъ мірѣ, чѣмъ бываетъ обыкновенно при брачныхъ союзахъ другихъ августѣйшихъ особъ. Это обусловливалось тѣмъ обстоятельствомъ, что въ данномъ случаѣ сблизились между собою могущественнѣйшіе царствующіе дома Европы, которые въ силу теперешнихъ политическихъ условій держатся въ нѣкоторомъ отдаленіи другъ отъ друга. Главными свидѣтелями и самыми почетными гостями на этой свадьбѣ были представители трехъ великихъ державъ — Россіи, Англіи и Германіи. Особенно же любопытно то, что центромъ на этомъ великолѣпномъ торжествѣ служила молодая румынская династія — династія страны, которая какую нибудь четверть вѣка назадъ и не мечтала о возможности такого блестящаго союза, выгоднаго для нея во всѣхъ отношеніяхъ. Двадцатипятилѣтнее царствованіе короля Карла оказалось необыкновенно благодѣтельнымъ для румынскаго народа, хотя многіе успѣхи его государственной политики пока еще не вполнѣ явны и далеко не получили до сихъ поръ надлежащей оцѣнки. Союзъ наслѣдника престола съ племянницей русскаго Императора, внукою англійской королевы и императрицы Индіи, двоюродною сестрою германскаго императора представляетъ также одно изъ мудрыхъ политическихъ дѣяній короля Карла и служитъ безспорнымъ доказательствомъ его старанія упрочить прекрасную будущность страны. Не удивительно послѣ этого, если взгляды всей Европы были устремлены на маленькій Зигмарингенъ, когда здѣсь между 8-мъ и 12-мъ января происходили свадебныя торжества въ честь августѣйшей четы, соединившейся, какъ

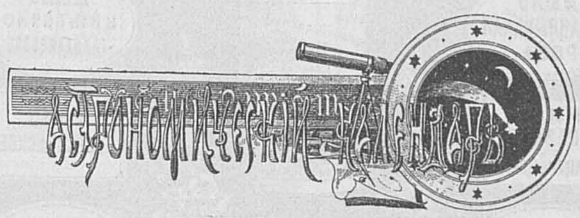
извѣстно, не по однимъ только политическимъ соображеніямъ, но и по взаимной склонности. Въ этомъ могъ во-очію убѣдиться всякій, кто видалъ высоконареченныхъ вмѣстѣ какъ въ Потсдамѣ, такъ и въ Англіи, и въ Кобургѣ, и въ самомъ Зигмарингенѣ.

Въ резиденціи великокняжескаго Гогенцоллернскаго дома происходилъ по поводу радостнаго событія рядъ пышныхъ празднествъ, затмившихъ своимъ блескомъ торжество золотой свадьбы въ 1884 году. Въ воскресенье, 8-го января, состоялся торжественный въѣздъ высоконареченной невѣсты въ роскошно убранный городъ, гдѣ развѣвались флаги почти всѣхъ европейскихъ государствъ, пестрѣли гирлянды, гербы, тріумфальныя арки. При такой обстановкѣ княжеская резиденція Гогенцоллерновъ, возвышающаяся на громадномъ утесѣ надъ Дунаемъ, имѣла особенно живописный видъ. Но еще болѣе прелести придавало общей картинѣ то, что всѣ сосѣднія возвышенности и самый замокъ были убѣлены снѣгомъ. На слѣдующій день въ Зигмарингенъ прибылъ король Карлъ и германскій императоръ. Во вторникъ 10-го, января, въ присутствіи блестящаго собранія высочайшихъ особъ, въ 4 часа пополудни, началась брачная церемонія, совершавшаяся въ католической церкви старшимъ настоятелемъ бенедиктинскаго аббатства Бёйрономъ и городскимъ священникомъ Зигмарингена. Около трехъ часовъ спустя король Карлъ провозгласилъ въ столовой замка, убранной со сказочной роскошью, восторженный тостъ за здоровье высоконовобрачныхъ. Тостъ этотъ былъ встрѣченъ съ одинаковою искренностью и энтузіазмомъ всѣми участниками торжества съ императоромъ Вильгельмомъ во главѣ.

Чародѣйка

Картина Чёрча

Картина Чёрча, которую читатели найдутъ въ нынѣшнемъ нумерѣ „Всемірной Иллюстраціи", бывшая на прошлогодней художественной выставкѣ въ Нью-Іоркѣ, обратила на себя всеобщее вниманіе. Судя по выбору сюжетовъ для картинъ, Чёрчъ долженъ быть отнесенъ къ числу художниковъ-идеалистовъ; всѣ его произведенія отличаются глубокимъ чувствомъ. Его образы всегда туманны, неясно очерчены и писаны прозрачными красками; онъ изображаетъ какихъ-то тѣлесныхъ существъ, живописуетъ тѣни, старается воплотить въ очертаніяхъ и краскахъ таинственное. Произведенія, носящія на себѣ такой отпечатокъ иллюзіи, многимъ очень нравятся; но написать туманную, фантастическую картину безъ линій и опредѣленныхъ красокъ — дѣло только повидимому легкое, въ сущности же такая задача много труднѣе, чѣмъ реальнѣйшее изображеніе подлинной, живой дѣйствительности. Зрителя немудрено заставить восхищаться вѣрнымъ портретомъ, но весьма трудно восхитить его туманною идеализаціею. Тутъ задача художника громадна: онъ долженъ внести въ свой туманъ поэтическую правду, которую зритель чувствовалъ бы сквозь расплывчатыя очертанія и неопредѣленные колеры. „Чародѣйка" Чёрча лучше другихъ картинъ характеризуетъ оригинальное дарованіе и направленіе этого художника. Каждый можетъ представить себѣ волшебницу въ видѣ фигуры, готовой расплыться въ воздухѣ, либо въ видѣ безобразной старухи, окруженной мрачными принадлежностями своей дьявольской профессіи. Ничего подобнаго мы не видимъ на картинѣ Чёрча: передъ нами женщина въ полномъ расцвѣтѣ красоты, силъ и здоровья. Въ чародѣйкѣ Чёрча чувствуется вліяніе Китса и Шелли. Онъ, какъ и названные поэты, представилъ себѣ волшебницу не дряхлой, костлявой старухой, а молодой, свѣжей и прелестной женщиной. Кругомъ нея волны зыбучаго песка, а вдали голая, безплодная пустыня. Рядомъ съ нею три львицы. Въ этой картинѣ могучіе звѣри очевидно являются эмблемою таинственныхъ чаръ женщины. Изъ урны поднимаются завитки бѣлаго, какъ снѣгъ, пара; видно, что воздухъ тихъ и неподвиженъ кругомъ и легкій паръ виситъ, не уносясь, надъ самою урною. И этотъ паръ, выходя изъ урны мало по малу, силою чаръ превращается въ живые образы; въ немъ чудится взмахъ таинственныхъ крыльевъ, которыя постепенно все рѣзче и рѣзче матеріализируются и, наконецъ, переходятъ въ стаю бѣлыхъ голубей, исчезающихъ на фонѣ пустыни. Что такое творитъ чародѣйка? Посылаетъ ли она куда нибудь въ видѣ этихъ голубей свои чары? Быть можетъ ее самое снѣдаетъ безнадежная любовь? Для себя она волхвуетъ или для другаго? Ничего нельзя угадать по картинѣ, но не залюбоваться на нее невозможно.



17—31 января 1893 г.

Январь.	Средн. время въ ист. полд.	Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ. Восхожд. солнца.	Заходжд. солнца.	Восхожд. луны.	Захожд. луны.	Въ МОСКВѢ. Восхожд. солнца.	Захожд. солнца.	Восхожд. луны.	Захожд. луны.
	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.
17	12 13.4	8 21	4 8	11 25у	7 53у	8 0	4 28	0 28у	6 50у
19	12 13.7	8 16	4 12	2 30в	9 6	7 56	4 32	3 10	8 24
21	12 14.0	8 11	4 18	5 56	9 18	7 52	4 37	6 13	9 0
23	12 14.2	8 6	4 23	8 57	9 20	7 48	4 41	9 0	9 15
25	12 14.3	8 1	4 28	11 47	9 20	7 44	4 45	11 33	9 30
27	12 14.4	7 56	4 33	1 12у	9 20	7 40	4 49	0 50у	9 43
29	12 14.4	7 51	4 39	4 10	9 30	7 36	4 53	3 20	10 12
31	12 14.4	7 46	4 44	6 55	10 16	7 31	4 58	5 52	11 20

Солнце въ созвѣздіи Козерога.

Луна въ полнолуніи 20, въ послѣдней четверти 27 января.

Планеты: Меркурій приближается къ солнцу съ запада и 4 февраля въ верхнемъ соединеніи съ солнцемъ. Венера видна утреннею звѣздою. Марсъ и Юпитеръ видны вечеромъ на западѣ; Юпитеръ заходитъ нѣсколько раньше Марса. Сатурнъ виденъ почти всю ночь, Уранъ во вторую, а Нептунъ въ первую половину ночи.

Некрологъ

Бошковичъ Іоаннъ, сербскій министръ народнаго просвѣщенія, † въ Бѣлградѣ 26 декабря 1892 г.

Иннокентій, архимандритъ, настоятель Херсонскаго монастыря, духовный писатель, † въ Севастополѣ 9 января.

Пеньковъ Викторъ Степановичъ, д. ст. сов., бывшій директоръ канцеляріи статсъ-секретаря въ коммиссіи прошеній, писатель, авторъ нѣсколькихъ комедій, † въ Одессѣ 2 января.

Тилло Эдуардъ Ивановичъ, отставной инженеръ-генералъ, сподвижникъ графа Тотлебена, извѣстный своими гидротехническими работами, знатокъ желѣзнодорожной техники, † въ Спб. 11 января 74 лѣтъ.

СОДЕРЖАНІЕ НУМЕРА

За редактора **Э. Д. Гоппе.**

Издательница **А. П. Гоппе.**

ШАХМАТЫ

подъ редакціей **А. П. Шишкина**

ЗАДАЧА № 1539

К. Сталя (†)

1-й призъ на конкурсѣ задачъ „Vart Land".

Черные

Бѣлые

Матъ въ 3 хода.

ЗАДАЧА № 1540

Г. Купера

1-й призъ на конкурсѣ задачъ „Sussex Association".

Черные

Бѣлые

Матъ въ 2 хода.

ПАРТІЯ № 1021

Играна по консультаціи въ лондонскомъ клубѣ „Metropolitan" въ концѣ декабря 1892 года.

Гамбитъ Альгайера

	И. Гунсбергъ. Р. Ломанъ. Бѣлые	Моріо. М. Смитъ. Уардъ. Черные
1.	e2—e4	e7—e5
2.	f2—f4	e5 : f4
3.	К g1—f3	g7—g5
4.	h2—h4	g5—g4
5.	К f3—g5	h7—h6
6.	К g5 : f7	Кр e8 : f7
7.	d2—d4	f4—f3*a*)
8.	g2 : f3	С f8—e7
9	С c1—e3*b*)	С e7 : h4†
10	Кр e1—d2	d7—d6
11.	К b1—c3	К g8—f6
12.	Кр d2—c1*c*)	К f6—h7
13.	f3—f4*d*)	h6—h5
14.	С f1—c4†	Кр f7—g7
15.	Ф d1—e2	К h7—f8
16.	Кр c1—d2	С h4—f6
17.	Л a1—f1	С c8—e6
18.	С c4 : e6*e*)	К f8 : e6
19.	Л h1 : h5	Л h8 : h5
20.	Ф e2 : g4†	Кр g7—h6
21.	Ф g4 : e6	Ф d8—e7
22.	Ф e6—g8	Ф e7—g7
23.	f4—f5†	С f6—g5
24.	Ф g8—e6†	Кр h6—h7
25.	f5—f6	С g5 : e3†
26.	Кр d2 : e3	Ф g7—g5†
27.	Кр e3—d3	К b8—c6
28.	К c3—d5	Ф g5—g3†
29.	К d5—e3	К c6—b4†
30.	Кр d3—d2	Л h5—h2†
31.	Кр d2—d1	Ф g3—g5*f*)
32.	Л f1—f5	Ф g5—g1†
33.	Л f5—f1	Ф g1—g5
34.	Л f1—f5	Ф g5—g1†
35.	Л f5—f1	Ф g1 : e3??*g*)
36.	Ф e6—f7†	Кр h7—h6
37.	Ф f7—g7†	Кр h6—h5
38.	Л f1—f5†	Кр h5—h4
39.	Ф g7—h7†	Кр h4—g3
40.	Ф h7—g6†	и въ два хода матъ.

Примѣчанія къ партіи

a) В. Стейницъ считаетъ эту защиту болѣе выгодной для черныхъ, чѣмъ чаще практикуемую—1... d7—d5.

b) Этотъ ходъ въ связи съ послѣдующимъ представляетъ собой теоретическую новинку; обыкновенно же продолжаютъ здѣсь 9. С f1—c4†, d7—d5; 10. С c4 : d5†, Кр f7—g7; 11. 0—0 и т. д.

c) Угрожая 12. Л h1 : h4 и заставляя этимъ черныхъ отступить конемъ на h7. На 12. Л h1 : h4 послѣдовало бы 12... К f6 : e4† и 13... Ф d8 : h4, послѣ чего аттака бѣлыхъ прекратилась бы и черные, оставаясь съ качествомъ, имѣли бы лучшую партію.

d) 13. С e3 : h6 было бы невыгодно для бѣлыхъ; тогда 13.. К h7—g5; 14. С f1—c4† (если 14. Л h1 : h4, то 14... К g5 : f3; 15. Л ∞, Л h8 : h6; 16. Л : h6, Ф d8—g5† и т. д.; если 14. С h6 : g5, то 14... С h4 : g5†; 15. Кр c1—b1, Л h8 : h1; 16. С f1—c4†, d6—d5; 17. С c4 : d5†, Ф d8 : d5! и т. д.), Кр f7—g6 и если 15. С h6 : g5, то 15... С h4 : g5† и 16... Л h8 : h1, если же 15. Л h1 : h4, то предварительно 15... К g5 : f3 и затѣмъ 16... Л h8 : h6. Такимъ образомъ, бѣлые, выигрывая пѣшку h, вынуждаются къ размѣну двумя фигурами и, оставаясь съ лишней пѣшкой противъ фигуры, почти окончательно теряютъ аттаку.

e) Бѣлые, мѣняясь слонами, имѣли въ виду аттаку, получившуюся у нихъ послѣ пожертвованія качества, какъ это видно будетъ далѣе изъ партіи. Значительно сильнѣе было бы вмѣсто этого отступить королемъ на c1 (18. Кр d2—c1), угрожая выиграть фигуру: 19. e4—e5, С f6—e7 или h4; 20. С c4 : e6, К f8 : e6; 21. f4—f5 и затѣмъ 22. f5—f6† и 23. f6 : e7 или 23. Л h1 : h4. У бѣлыхъ въ этомъ случаѣ получалась бы, какъ это можно видѣть изъ анализа этого интереснаго положенія, очень сильная аттака, чернымъ же пришлось бы рано или поздно жертвовать по меньшей мѣрѣ фигуру, чтобы разстроить неудержимыя проходныя пѣшки бѣлыхъ e и f.

f) Проще было бы 31... К b4 : c2, угрожая 32... К c2 : e3†; бѣлые вынуждены были бы тогда продолжать 32. Ф e6—f7† (если 32. К e3 : c2, то 32... Ф g3—d3† и въ слѣдующій ходъ матъ), Кр h7—h8 (если 32... Кр h7—h6, то, очевидно, 33. К e3—f5†, выигрывая ферзя); 33. Ф f7—g7†, Ф g3 : g7; 34. f6 : g7†, Кр h8 : g7; 35. К e3 : c2, послѣ чего чернымъ, при лишнемъ качествѣ и превосходствѣ въ положеніи, выигрышъ былъ бы почти обезпеченъ. Если 31 .. Ф g3 : e3, то 32. Ф e6—f7† и т. д. какъ въ партіи.

g) Грубая ошибка, тѣмъ болѣе непонятная, что партія игралась по консультаціи и что, судя по предыдущимъ ходамъ, черные имѣли уже два раза случай брать ферземъ коня, но не дѣлали этого, конечно, предусматривая грозившую имъ въ этомъ случаѣ и притомъ вполнѣ очевидную опасность.

Главная контора и редакція „Всемірной Иллюстраціи“ находятся въ С.-Петербургѣ, на Садовой ул., № 22.
Въ Москвѣ отдѣленія конторы находятся: 1) при книжн. маг. А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, 15, и 2) при конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи.

Дозв. цензурою. СПБ. 15 января 1893 г. Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

Недоразумѣніе между злымъ козломъ и добрымъ туристомъ

(Трагикомедія безъ словъ)

1. 2. 3. 4. 5.

ОТЪ ДИРЕКЦІИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ

Императорскаго Русск. Музыкальнаго Общества

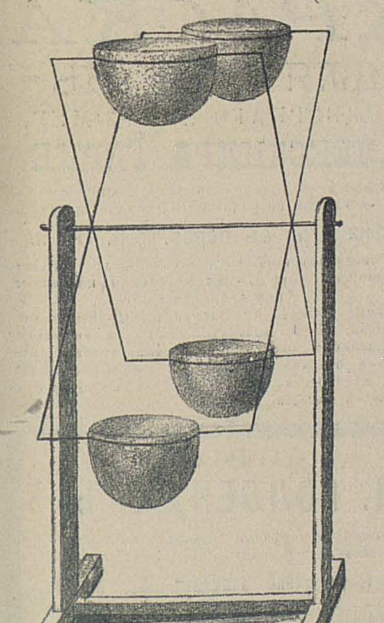
по двумъ конкурсамъ на премію

а) за лучшія вновь сочиненныя русскія застольныя пѣсни и б) за сочиненіе симфоніи,

симъ объявляется, что особыя коммиссіи, выбранныя художественнымъ совѣтомъ спб. консерваторіи, по подробномъ разсмотрѣніи представленныхъ сочиненій, не признали возможнымъ присудить какому либо изъ нихъ назначенныхъ премій. Вслѣдствіе сего, присланныя въ консерваторію сочиненія могутъ быть подателямъ ихъ возвращены обратно порядкомъ, указаннымъ въ объявленіи объ открытіи означенныхъ конкурсовъ. При этомъ, такъ какъ двѣ изъ представленныхъ восьми симфоній, а именно, подъ девизами: „Выйдетъ въ полѣ травка, выростетъ и колосъ" и „Авось", по заключенію коммиссіи, изобличаютъ талантливость авторовъ и небезъинтересны въ музыкальномъ отношеніи, а потому заслуживаютъ поощрительнаго отзыва, то дирекція, руководствуясь ст. 3 устава Императорскаго русскаго музыкальнаго общества, положила: назначить упомянутыя двѣ симфоніи къ исполненію, если авторы ихъ объявятъ свои фамиліи.

Карусель

(Собственность редакціи)



Игра эта годится и для залы, и для сада, и для поля („турфа"). Въ послѣднемъ случаѣ, однако, приборъ долженъ быть очень крупныхъ размѣровъ и, вмѣсто четырехъ корзинъ, долженъ имѣть ихъ 6 или 8.

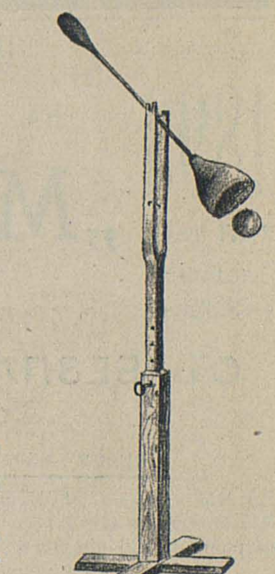
При наличности рисунка, описанія прибора не требуется; достаточно сказать, что весь онъ устроенъ на подобіе масляничныхъ качелей и что, поэтому, движется не только ось перекладки, служащая общею осью, но и каждая отдѣльная корзинка, висящая на двухъ круглыхъ металлическихъ ушкахъ.

Игру ведутъ два лагеря, съ двухъ противуположныхъ сторонъ, каждая на разстояніи не меньше 10 и не болѣе 30 шаговъ отъ прибора. Для метанья служатъ кожаные или резиновые (полые) мячи, бросаемые рукой. Шаровъ на каждой сторонѣ не менѣе дюжины; очередныхъ ударовъ для каждаго лагеря — пять или шесть. Задача заключается въ томъ, чтобы уложить въ каждую корзинку по одному шару; партію беретъ та сторона, которая либо сразу наполнитъ приборъ (т. е. положитъ въ каждую корзинку по шару), либо, при наличности трехъ полныхъ корзинокъ, наполнитъ четвертую.

Правила слѣдующія: 1) Если шаръ перелетитъ за черту прибора, то онъ поступаетъ въ пользу противника; 2) если въ корзину, гдѣ уже лежитъ шаръ, кто либо уложитъ еще одинъ шаръ, то оба получаетъ противникъ; 3) если шаръ не долетитъ, то ударъ, относительно очереди, идетъ въ счетъ, но шаръ остается за прежними хозяевами; 4) очередь бросать — по уговору.

Усложненій можетъ быть множество, и, между прочимъ, то, что какъ шары, такъ и корзины выкрашиваются въ опредѣленный цвѣтъ, напр. двѣ бѣлыхъ и двѣ красныхъ, и, сообразно съ этимъ, попадать дозволяется только соотвѣтствующимъ по краскѣ шарамъ въ опредѣленныя корзины; иначе — штрафъ. Далѣе — то, что игра ведется не просто на партіи, а по числу очковъ, причемъ за очко считается каждый сбереженный шаръ. Если же партія взята съ удара, т. е. съ самаго начала („сухая"), то шары считаются вдвое.

Невылежка или „Ванька-встань-ко"



Игра эта тоже и комнатная, и садовая; участвовать въ ней могутъ нѣсколько паръ.

Устройство и партія прибора вполнѣ ясна изъ рисунка: деревянный станокъ, въ видѣ огромнаго камертона, стоящій на крестѣ, соединенъ по серединѣ резиновымъ шнуркомъ, для отбоя, а наверху — вращающейся перекладиной, служащей осью для качалки. Качалка состоитъ изъ трехъ частей: стержня, съ плетеной чашей на одномъ концѣ и со свинцовымъ отвѣсомъ на другомъ.

Самая игра, выработавшаяся изъ бильбоке, крайне проста: спереди прибора становится игрокъ, обязанный бросить резиновый мячъ въ чашку, и когда аппаратъ опрокинется и выронитъ шаръ, то не дать шару упасть на полъ, а схватить его на лету, предварительно ударивъ въ ладоши. Позади прибора стоитъ партнеръ, обязанный словить шаръ, если онъ пролетѣлъ мимо чаши и перебросить его товарищу. Промахъ считается только въ томъ случаѣ, если шаръ упадетъ на землю.

Каждая пара имѣетъ право на три удара въ каждую очередь, причемъ каждый разъ роли мѣняются: прежній ловильщикъ становится метальщикомъ и наоборотъ.

Играютъ на очки; каждый простой ударъ съ „попадомъ" въ чашу считается за очко; ударъ безъ попаду, но и безъ промаха равенъ нулю; промахъ считается штрафомъ въ 2 очка. За каждое усложненіе (какъ-то: метаніе за спиной, черезъ ногу, съ хлопаньемъ въ ладоши и т. д.) прибавляется по одному очку.

Размѣръ прибора — по желанію и по росту игроковъ.

1893 ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1893 ГОДЪ **1893**

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДАМСКІЙ И СЕМЕЙНЫЙ ЖУРНАЛЪ

НОВЫЙ „РУССКІЙ БАЗАРЪ“.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ И ПРИЛОЖЕНІЯ.

Годовая цѣна „Новаго Русскаго Базара“ на 1893 годъ.

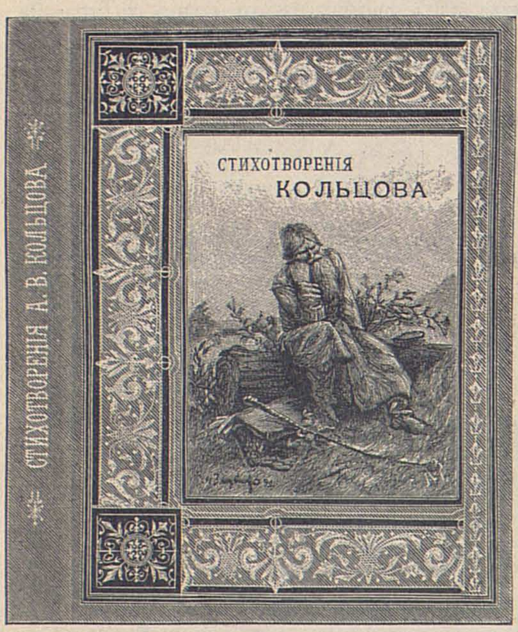
Первое изданіе:	Второе изданіе:	Третье изданіе:
(48 №№ въ годъ съ 24-мя экстренн. приложеніями новѣйшихъ парижскихъ модъ и **24** большихъ листа съ напечатанными на нихъ **1800** выкройками, три преміи и пр.) безъ доставки . . . . . . **5 р.**	(48 №№ въ годъ съ 24-мя экстренн. приложеніями новѣйшихъ парижскихъ модъ, **24** большихъ листа съ напечат. на нихъ **1800** выкройками, вырѣзн. выкройки сезонныхъ вещей и **12** раскрашенныхъ картинокъ) безъ доставки . . . . . **7 р.**	(48 №№ въ годъ съ 24-мя экстренн. прилож. новѣйш. парижск. модъ, **24** больш. листа съ напеч. на нихъ **1800 выкройками**, вырѣзн. выкр. сезонныхъ вещей и **48** раскрашенныхъ картинокъ, безъ доставки . . . . **10 р.**
Съ доставкою **6** р., съ пересылкою **7** р.	Съ доставкою **8** р., съ пересылкою **9** р.	Съ доставкою **11** р., съ пересылкою **12** р.

При подпискѣ безъ доставки въ МОСКВѢ, въ отдѣленіяхъ конторы: 1) въ книжномъ магазинѣ г. А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, 2) въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи, цѣна 1-му изданію — 6 р., 2-му изданію — 8 р., 3-му изданію — 11 р.

Для лицъ (живущихъ въ провинціи), не могущихъ внести сразу полную сумму денегъ, допускается разсрочка платы, а именно: при подпискѣ слѣдуетъ внести на I-е изд. 4 р., на II-е изд. 5 р., на III-е изд. 7 р. и къ 1-му мая остальную сумму, т. е. на I-е изд. 3 р., на II-е изд. 4 р. и на III-е изд. 5 р.

Подробное объявленіе высылается по первому требованію безплатно.

Главная контора „НОВАГО РУССКАГО БАЗАРА“: С.-Петербургъ, Садовая № 22.



Образецъ лицевой стороны и корешка покрышки въ уменьшенномъ видѣ.

Къ разосланному годовымъ подписчикамъ »Всемірной Иллюстраціи« за 1892 годъ, при № 1248,

СОБРАНІЮ СТИХОТВОРЕНІЙ А. В. КОЛЬЦОВА

нами изготовлены изящныя

ПОКРЫШКИ для ПЕРЕПЛЕТА

съ золотымъ тисненіемъ.

Цѣна покрышки **75** коп. безъ пересылки

На пересылку слѣдуетъ прилагать, смотря по разстоянію, какъ за посылку вѣсомъ въ одинъ фунтъ.

Требованія просимъ адресовать:

въ книгоиздательство Германъ Гоппе,

С.-Петербургъ, Садовая 22.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1893 годъ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДАМСКІЙ И СЕМЕЙНЫЙ ЖУРНАЛЪ

1893 XXVI годъ изданія. — 1893 XXVI годъ изданія.

„МОДНЫЙ СВѢТЪ“ и МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ“

СЪ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРЕМІЯМИ И ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Годовая цѣна „МОДНАГО СВѢТА“ на 1893 г.:

Первому изданію	Второму изданію	Третьему изданію
(48 №№ журнала, 24 №№ приложеній и 12 №№ большихъ листовъ съ начерченными выкройками, 26 премій и приложеній):	(48 №№ журнала, 24 №№ приложеній, 12 №№ большихъ листовъ съ начерченными выкройками и проч., 12 раскрашенныхъ картинокъ парижскихъ модъ, 12 вырѣзныхъ выкроекъ, 44 преміи и приложенія):	(48 №№ журн., 24 №№ приложеній, 12 №№ большихъ листовъ съ начерченными выкройками и проч., 40 раскрашенн. картинокъ парижскихъ модъ, 12 вырѣзныхъ выкроекъ, 44 преміи и приложенія):
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки **4** р.	Въ С.-Петербургѣ безъ доставки **6** р.	Въ С.-Петербургѣ безъ доставки **9** р.
Съ доставкою 5 р., съ перес. 6 р.	**Съ доставкою 7 р., съ перес. 8 р.**	**Съ доставкою 10 р., съ перес. 11 р.**

При подпискѣ безъ доставки въ **МОСКВѢ**, въ отдѣленіяхъ конторы: 1) въ книжномъ магазинѣ г. А. Ланга (Кузнецкій Мостъ), 2) въ конторѣ **Н. Н. Печковской**, Петровскія линіи, цѣна 1-му изданію — 5 р., 2-му изданію — 7 р., 3-му изданію — 10 р.

Для лицъ (живущихъ въ провинціи), не могущихъ внести сразу полную сумму денегъ, допускается разсрочка платы, а именно: при подпискѣ слѣдуетъ внести на I-е изд. 4 р., на II-е изд. 5 р., на III-е изд. 6 р. и къ 1-му мая остальную сумму, т. е. на I-е изд. 2 р., на II-е изд. 3 р. и на III-е изд. 5 р.

Главная контора и редакція »МОДНАГО СВѢТА«: С.-Петербургъ, Садовая, № 22.

CRÈME SIMON

(кремъ Симонъ).

Произведеніе прелестнаго запаха, не портящееся, служитъ для смягченія кожи. Употребляется вмѣсто **cold cream** (кольдъ-крема).

La Poudre Simon (пудра Симонъ) и **le Savon à la Crème Simon** мыло Симонъ) имѣютъ тотъ же запахъ и дополняютъ его дѣйствіе.

I. SIMON, 13, rue Grange Batelière, Парижъ.

Въ розницу продается у парикмахеровъ и аптекарей.

ЭЛЕОПАТЪ

провизора **КИНУНЕНА** для **ВОЛОСЪ**

находится для продажи во всѣхъ большихъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 грамм., 1 руб. 50 коп. безъ перес.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ обращать вниманіе на клеймо на самомъ стеклѣ каждаго флакона—

пров. КИНУНЕНЪ.

Главный складъ: Демидовъ пер., № 1.

РЕСТОРАНЪ Ю. ЛОМАЧА,

Садовая, уголъ Невскаго, 14—52.

ЗАВТРАКЪ

отъ 11 час. утра до 3 час. пополудни, по 75 коп. изъ двухъ блюдъ на выборъ.

ОБѢДЪ

отъ 3 до 8 часовъ, по 1 руб. изъ 4-хъ блюдъ на выборъ.

УЖИНЪ

отъ 10 час. вечера, изъ 3-хъ блюдъ 1 руб.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

ПРИДВОРНАГО ПАРФЮМЕРА

АЛЕКСАНДРА ГЕРКЕ

окрашиваетъ въ черный и коричневый прочный цвѣта, — смотря по надобности свѣтлѣе и темнѣе

Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на марку С.-Петербургской косметической лабораторіи.

Главный складъ А. Энглундъ: С.-Петербургъ, Бассейная, № 2. Получать можно въ высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами: Казанская, 12, и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской имперіи.

ПАРФЮМЕРЪ

I. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

Рекомендую новѣйшіе препараты высшаго качества моего собственнаго изобрѣтенія:

Шведскій зубной эликсиръ фл. 80 коп.
Шведскій зубной порошокъ кор. 50 коп.
Шведская зубная паста кус. 30 коп.

Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи.

Главный складъ:
Демидовъ пер., № 1, въ С.-Петербургѣ.
Парфюмеръ I. Голлендеръ.

Главная контора и редакція „Всемірной Иллюстраціи“ находятся въ С.-Петербургѣ, на Садовой ул., № 22.

Въ Москвѣ отдѣленія конторы находятся: 1) при книжн. маг. А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, 15, и 2) при конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи.

Дозв. цензурою. СПБ. 15 января 1893 г. — Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

Всемірная Иллюстрація

25й годъ | № 1253 | 49й томъ

Суббота 23-го января 1893 г.

Цѣна нумеру 35 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки на годъ . **15** руб.
(при подпискѣ въ главной конторѣ редакціи).
Съ доставкою на годъ. . . . . **17** »

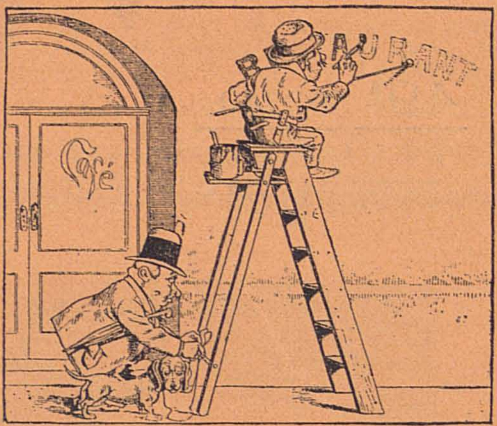
Въ Москвѣ безъ доставки на годъ . . . . . . **17** руб.
Съ пересылкою во всѣ города Россійской имперіи на годъ . . . . **18** »

Подписная цѣна на полгода съ доставкою и пересылкою . . . . **9** руб.
За границу (въ государства всемірнаго почтоваго союза) **20** руб.

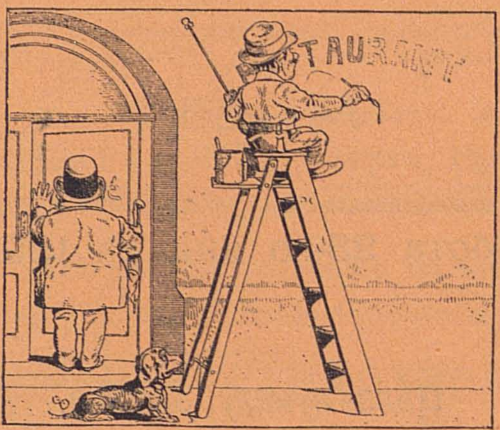
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Редакція и главная контора: Садовая ул. № 22.

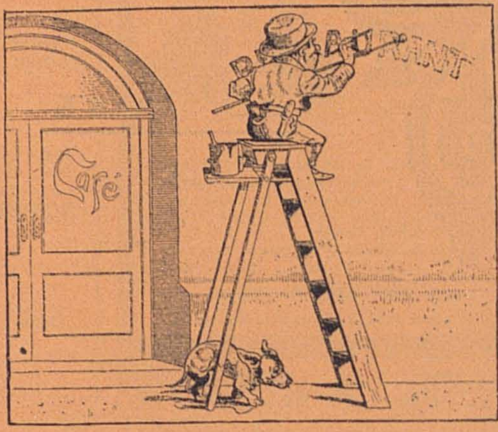
БѢДА БѢДУ РОДИТЪ.



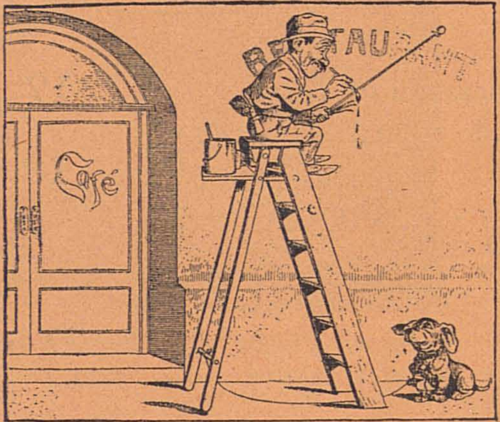
„Въ ресторанъ идти съ тобой
Неудобно, песикъ мой...“



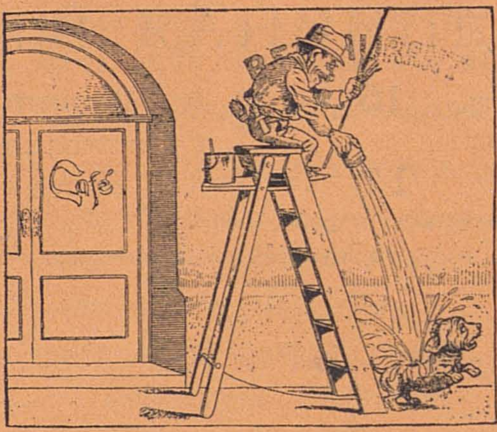
Букву „U“ маляръ кончаетъ,—
Песъ на привязи скучаетъ.



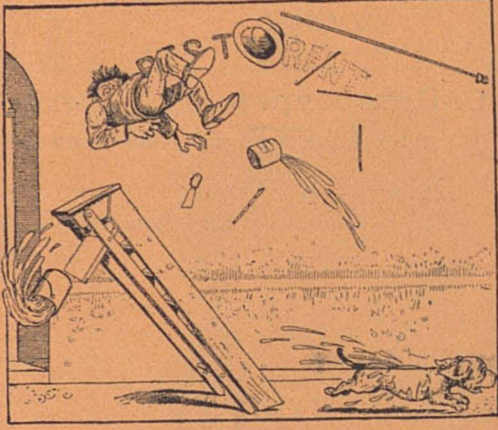
Живописецъ увлеченъ,—
Песъ тоскою удрученъ.



Отряхаетъ кисть „художникъ“
Прямо на носъ псу, безбожникъ.



А затѣмъ холодный душъ
Преподноситъ онъ ему жъ.



Песъ не выдержалъ, рванулъ...
„Помогите!.. Караулъ!..

Всемірная Иллюстрація

№ 1253. Годъ XXV. 23-го января 1893 г. Томъ XLIX. № 5.

С.-Петербургъ. — Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-ханъ, эмиръ бухарскій, на раутѣ въ военномъ министерствѣ, данномъ въ честь его свѣтлости.

Съ натуры рисовалъ для «Всемірной Иллюстраціи» К. О. Брожъ.

☛ Къ этому (1253) нумеру слѣдуетъ особое приложеніе — **Иванъ Александровичъ Мельниковъ въ различныхъ роляхъ.** По поводу двадцатипятилѣтія служенія на Императорской сценѣ. Рисунки П. Ѳ. Бореля.

ПЕРВЫЙ ПОЦѢЛУЙ

Эскизъ

ШАРЛЯ МЕРУВЕЛЯ

Ночь была темная, и яркія, трепетныя звѣзды казались бриллiантами, брошенными на черный бархатъ. Изъ глубины сада вѣяло ароматнымъ дыханіемъ цвѣтовъ и слышался шорохъ почти невидимыхъ деревьевъ.

Таинственная прелесть ночи наполняла сердце невольнымъ трепетомъ, дѣйствительность исчезала, въ воспоминаніи проносилось все пережитое: страданіе и радость — безъ лицъ, безъ картинъ, а только какъ отрывочные грезы, слова, звуки...

Хотѣлось быть откровеннымъ, правдивымъ, хотѣлось ни любви и страсти, но участія, ласки и вниманія.

— ...Вы говорите, что ни одна женщина никогда искренно и правдиво не способна разсказать: какъ приходитъ и почему уходитъ любовь? Хотите, я разскажу вамъ исторію моего перваго поцѣлуя? можетъ быть это отвѣтитъ вамъ на вопросъ.

Режи потянулъ дымъ изъ сигары; яркій огонекъ на минуту освѣтилъ его золотистые усы и красныя полныя губы.

— Да, очень хочу, если только вы дѣйствительно будете откровенны.

— О! Режи, мы оба слишкомъ утомлены жизнью, чтобы предположить, что кокетство или разсчетъ могутъ заставить одного изъ насъ лгать или поэтизировать передъ другимъ свою личность!

Лиліана Трекёръ полулежала въ садовомъ камышевомъ креслѣ. Изящныя очертанія ея мягкаго бѣлаго платья вырисовывались неяснымъ контуромъ, головка, съ глазами мечтательно устремленными въ садъ, была почти не видна.

— Я прикажу подать на террассу лампу.

— Не надо, Режи, этотъ полумракъ — одно изъ благопріятныхъ условій для полной моей откровенности. И, помолчавъ минуту, Лиліана начала тихимъ, груднымъ голосомъ:

— Если я буду жить еще сто лѣтъ, я всегда въ такую ночь буду переживать ту же необъяснимую тоску, ту же жажду пережитаго, перваго, и никогда больше въ жизни не повторявшагося впечатлѣнія. О! сколько ошибокъ, разочарованій, стыда и слезъ встрѣчаетъ на своемъ пути женщина, которая знаетъ, что значитъ первый поцѣлуй любви!

Я помню маленькую залу съ пестрой потертой мебелью, простыя вазы, полныя ландышей, свѣтлыя сумерки... Не знаю по какому чуду мы, женихъ и невѣста, остались вдвоемъ... Сначала онъ говорилъ о чемъ-то и голосъ его обрывался и звучалъ странно, точно подъ простыми, банальными словами онъ скрывалъ другія, сжимавшія ему горло. Мнѣ казалось, что я слышу біеніе не только моего, но и его сердца; волненіе наше росло съ каждой минутой, сила воли исчезала, меня охватывалъ какой-то невыразимый, чудный трепетъ, и я ждала, ждала чего-то таинственнаго и незнакомаго мнѣ . . . .

Онъ подвинулъ свой стулъ къ моему, мои руки очутились въ его рукахъ, онъ говорилъ какія-то безумно-нѣжныя слова, которыхъ я раньше никогда не слыхала отъ него. Слова, отъ которыхъ замирало мое сердце. Ландыши одуряли меня своимъ ароматомъ, и вдругъ... какимъ-то рѣзкимъ, властнымъ движеніемъ онъ притянулъ меня къ себѣ на грудь и прижалъ свои губы къ моимъ въ долгомъ, долгомъ поцѣлуѣ.

Казалось, онъ хотѣлъ выпить мою душу, вдохнуть въ себя мою жизнь.

Чувство истомы, раздраженія, безумія жгло меня, сводило съ ума; мнѣ казалось, я умираю медленной дивной смертью, казалось, все въ тѣлѣ моемъ разбивалось, уничтожалось, казалось, поцѣлуй, какъ ножъ, вонзался въ мою грудь . . . .

Я вышла замужъ за этого человѣка, любила его и... разлюбила, любила другихъ, люблю васъ, Режи, и никогда, никогда больше ни въ его, ни въ чьихъ объятіяхъ я не пережила такого втораго поцѣлуя. Рвалась, тосковала, искала и не нашла ни съ кѣмъ такой второй минуты полнаго, безпредѣльнаго, неизъяснимаго блаженства!

Н. Лухманова

Сестрѣ

Изъ посмертныхъ стихотвореній Е. А. Бекетовой

Въ глухую ночь, когда бѣгутъ
Очей усталыхъ сновидѣнья
И мысли спать мнѣ не даютъ,
И наяву томятъ видѣнья, —
Чтобъ успокоить мысль свою,
Смирить борьбу въ груди мятежной, —
О, другъ мой, на постель твою
Я обращаю взоръ свой нѣжный...
И тамъ, гдѣ густо тѣнь лежитъ,
Вкругъ изголовья, надъ тобою,
Тамъ, мнится, ангелъ твой сидитъ,
Къ тебѣ склонившись головою...
И часто видится онъ мнѣ:
Въ душѣ волненіе стихаетъ,
Я забываюсь въ сладкомъ снѣ:
Твой ангелъ миръ мнѣ навѣваетъ...

Ек. Бекетова.

СЕЗАМЪ, ОТКРОЙСЯ!

Разсказъ

ЭДГРЕНЪ ЛЕФЛЕРЪ,
герцогини ДИ-КАЯНЕЛЛО

„Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ" — такъ слѣдуетъ начинать всякую сказку.

На этотъ разъ въ нѣкоторомъ царствѣ шелъ по улицѣ бѣдный не особенно молодой и совсѣмъ невзрачный чиновникъ. Это было на второй день послѣ его свадьбы, и онъ возвращался со службы домой.

Въ самый день свадьбы, какъ и сегодня, онъ просидѣлъ въ своемъ департаментѣ до трехъ часовъ пополудни; потомъ онъ обѣдалъ, какъ всегда, въ одной изъ самыхъ дешевыхъ кухмистерскихъ на окраинахъ города, а затѣмъ отправился одѣваться къ свадьбѣ въ свою крошечную чердачную комнатку. Фракъ, въ которомъ приходилось вѣнчаться, прослужилъ ему двѣнадцать лѣтъ и былъ порядкомъ поношенъ. Ему приходило даже въ голову заказать себѣ къ свадьбѣ новую фрачную пару. Но, поразудмавъ, онъ сообразилъ, что въ сущности это прихоть и что деньги гораздо нужнѣе на многое другое.

Невѣста служила на телеграфѣ, была изнурена работой и всякими лишеніями, имѣла болѣзненный видъ и не могла бы назваться красавицей. Во время вѣнчанія она была одѣта въ старенькое черное шелковое платье, и все празднество, происходившее въ бѣдной квартиркѣ ея старой незамужней тетки, было крайне скромно. Послѣ свадьбы молодые уѣхали „домой", на свою новую квартиру, въ извощичьей пролеткѣ.

Таковъ былъ свадебный день, т. е. вчера.

Сегодня онъ сидѣлъ съ десяти часовъ въ присутственной комнатѣ и до трехъ не разгибаясь переписывалъ протоколы. Точь въ точь, какъ вчера и третьяго дня — всегда. Но онъ былъ счастливъ: онъ шелъ домой, къ своему собственному семейному очагу!

Онъ ощущалъ такое непривычное чувство радостнаго веселія и вообще былъ такъ взволнованъ, что нѣсколько разъ останавливался и старался привести въ порядокъ свои расшалившіяся мысли. Но это ему не удавалось. Мысли продолжали носиться, какъ въ прихотливой пляскѣ, и не хотѣли ни на чемъ сосредоточиться.

Совсѣмъ неожиданно всплыло одно давнишнее воспоминаніе, относившееся къ его дѣтству.

Онъ ясно представилъ себя крошечнымъ мальчикомъ. Въ маленькомъ пасторатѣ царитъ мирная тишина. Онъ сидитъ возлѣ письменнаго стола своего отца и весь поглощенъ чтеніемъ своихъ любимыхъ сказокъ изъ „Тысячи и одной ночи". Онѣ всѣ несравненно хороши, и онъ ихъ перечитываетъ въ сотый разъ, но больше всего ему нравится сказка „Али-Баба или сорокъ разбойниковъ". Господи, какъ бьется его сердце, когда онъ вмѣстѣ съ героемъ сказки приближается къ воротамъ у подножія горы и произноситъ сначала тихо и робко, потомъ смѣло, во весь голосъ:

— Сезамъ, Сезамъ, откройся!

И вотъ гора распахнула свои заколдованныя ворота — Боже, какая прелесть! Бѣдная комнатка сельскаго пастора мгновенно превращается въ богатую сокровищницу; всюду видны сверкающіе драгоцѣнные камни, цѣлыя груды золота; но есть тамъ и чудныя лошади, кареты, лодки, оружіе — все, все, что можетъ создать фантазія маленькаго мальчика.

Старикъ-отецъ съ удивленіемъ смотритъ на младшаго сына... Прошло много времени съ тѣхъ поръ, какъ самъ онъ былъ ребенкомъ; всѣ другія дѣти тоже давно уже взрослые люди; и старикъ не можетъ понять, что случилось съ мальчикомъ, и съ безпокойствомъ спрашиваетъ — отчего у него глаза разгорѣлись такимъ огнемъ.

Видѣніе разсѣявается, и ему вспоминаются его университетскіе годы. Какъ это ни странно, а онъ, теперешній жалкій писецъ, тоже когда-то былъ на блестящей дорогѣ, подавалъ большія надежды. Въ университетѣ онъ считался однимъ изъ самыхъ талантливыхъ студентовъ. Онъ былъ поэтомъ; товарищи зачитывались его стихами; всѣ пророчили ему громкую извѣстность. Еслибы тогда ему сказали, что въ концѣ концовъ онъ будетъ только протоколистомъ, онъ посмѣялся бы отъ души, не разсердился бы даже... Ба! жизнь казалась такою легкою, будущность представлялась такой безоблачной. И сколько было смѣлости! Онъ не признавалъ недостижимыхъ вещей; для него не существовало недоступной высоты, невозможнаго счастія. Ничего не значила его бѣдность! Онъ не видѣлъ помѣхи въ томъ, что его зовутъ просто Андерсономъ, что онъ восемнадцатое дитя бѣднаго сельскаго священника и внукъ крестьянина! Какъ! развѣ большинство талантливыхъ людей не поднялось изъ народа? Онъ былъ увѣренъ, что его дарованія тѣ же волшебныя слова „Сезамъ, откройся!" и что съ ихъ помощью онъ овладѣетъ всѣмъ, что есть прекраснаго на свѣтѣ...

Но все пошло не такъ, какъ онъ ожидалъ, какъ именно — ему не хотѣлось теперь вспоминать. Можетъ быть, его талантъ былъ не такъ великъ, какъ думали; можетъ быть, бѣдность и лишенія заглушили въ немъ этотъ талантъ; можетъ быть, наконецъ, онъ оказался слабъ душой и не съумѣлъ вытерпѣть жизненныя испытанія или просто былъ неудачникомъ. Во всякомъ случаѣ съ нимъ повторилось то, что случилось съ Казимомъ, который внезапно спохватился уже въ горной сокровищницѣ, что забылъ волшебныя слова и напрасно съ мучительнымъ усиліемъ старался ихъ припомнить: настали трудныя времена, и именно когда потребовалась отъ поэта его творческая сила, оказалось, что онъ уже не могъ вдохновляться поэзіей. Было много, много горя, но лучше теперь не вспоминать о немъ.

Мысли новобрачнаго несутся и мѣняются съ прежней быстротой. Онъ проходитъ по тѣмъ самымъ улицамъ, по которымъ недавно проѣзжалъ великолѣпный поѣздъ кронпринцессы. Онъ тоже былъ тутъ и ему разрѣшили занять мѣсто въ павильонѣ, позади его начальниковъ. Да, это было красивое зрѣлище. Онъ былъ такъ восхищенъ, что, еслибы оставался прежнимъ „многообѣщающимъ поэтомъ", непремѣнно написалъ бы для „Почтовой Газеты" превосходное стихотвореніе. Но одна мысль о томъ

что онъ лишь жалкій писецъ, стоящій за спиной своихъ начальниковъ, заглушала въ немъ всякое вдохновеніе.

А что должна была чувствовать прекрасная принцесса! Такихъ минутъ бываетъ немного даже въ жизни счастливицъ. Въ девятнадцать лѣтъ получить молодаго любящаго мужа и восторженный пріемъ отъ цѣлаго населенія своей будущей столицы — это не всякой выпадаетъ на долю! Пышно разукрашенныя городскія улицы, на которыхъ толпились десятки тысячъ людей, были залиты яркимъ свѣтомъ осенняго солнца. Воздухъ потрясался восторженными возгласами очарованной толпы... Да, это было прекрасно, какъ въ сказкѣ, и на душу неопытной принцессы, не умѣющей еще различать тѣни, спрятанныя за красивыми декораціями, должно было произвести неизгладимое впечатлѣніе. Эту минуту она, навѣрно, не забудетъ до послѣдняго дня своего, потому что никогда еще слова „Сезамъ, откройся!" не раскрывали передъ ней болѣе прекраснаго зрѣлища.

— А все-таки это не то! съ волненіемъ проговорилъ бѣднякъ, останавливаясь передъ дверьми своей квартиры. — Нѣтъ, нѣтъ! Навѣрно кронпринцъ, когда онъ вводилъ молодую жену въ свою столицу, не былъ такъ счастливъ, какъ я! Я чувствую, что вернулъ утраченное. Я вспомнилъ забытыя волшебныя слова, открывавшія для меня сокровища вдохновенія.

Онъ посмотрѣлъ на ручку дверей. За ними скрывалась та, которая возвращала ему сокровища. За этими дверями не было ни богатствъ, ни камней, ни оружія, какъ въ мечтахъ его дѣтства; не было честолюбія и тщеславія, какъ во дни его юности. Нѣтъ, тамъ было нѣчто болѣе цѣнное, придающее равновѣсіе и смыслъ всей жизни: тамъ былъ семейный очагъ, за который стоило бороться, тамъ билось любящее сердце, возлагавшее всѣ свои надежды на него одного, тамъ была женщина, его дорогая жена, которую онъ любилъ не порывомъ юношеской страсти, а всею силою души возмужалаго и много испытавшаго человѣка. Для нея онъ въ состояніи сдѣлать то, чего не хватало силъ сдѣлать для себя одного.

Онъ стоялъ передъ дверьми бѣднаго жилища; онъ былъ утомленъ и голоденъ и зналъ, что жена ожидаетъ его къ обѣду... Все это было очень непоэтично, пожалуй, тривіально даже, но онъ чувствовалъ, какъ въ душѣ его поднимался могучій творческій порывъ.

Тихонько, съ благоговѣніемъ, точно боясь разбить свою святыню, онъ нажалъ дверную ручку и вошелъ, но тотчасъ же замеръ на мѣстѣ и съ затаеннымъ дыханіемъ сталъ прислушиваться къ легкимъ шагамъ, приближавшимся изъ комнаты въ переднюю.

Точь въ точь какъ въ дѣтствѣ, когда онъ вмѣстѣ съ героемъ останавливался у подножія горы и произносилъ, сначала тихо и робко, потомъ смѣло, во весь голосъ:

„Сезамъ, Сезамъ, откройся!"

Со шведскаго В. Ф—съ

Политика

18 (30) января 1893 г.

Весь интересъ нашей внутренней политической жизни сосредоточивался въ теченіе прошлой недѣли на поѣздкѣ въ Берлинъ Государя Наслѣдника Цесаревича по случаю состоявшагося къ концу этой недѣли бракосочетанія сестры императора Вильгельма, принцессы Маргариты. Поѣздка эта, которой суждено было надѣлать столько шума въ Европѣ, явилась въ глазахъ русскаго общества новымъ и для всѣхъ отраднымъ доказательствомъ неизмѣнной готовности нашего Двора свидѣтельствовать при каждомъ представляющемся случаѣ о полномъ отсутствіи тѣхъ недружелюбныхъ къ имперіи Гогенцоллерновъ чувствъ, которыя такъ упорно стремятся навязать ему очень многія германскія и австро-венгерскія газеты. При нынѣшнихъ обстоятельствахъ вслѣдъ за безчисленными толками, вызванными аргументаціею, съ помощью которой германскій канцлеръ, графъ Каприви, пробовалъ доказать рейхстагу необходимость предлагаемой имъ военной реформы, подобное доказательство было особенно цѣнно для русскаго общества, справедливо негодующаго на клеветы, распространяемыя противъ нашего отечества въ Германіи и въ Австро-Венгріи.

Всѣ понимали какъ нельзя лучше у насъ истинное значеніе поѣздки въ Берлинъ Наслѣдника русскаго престола и видѣли въ ней исключительно новую манифестацію миролюбивыхъ чувствъ Россіи, обезпечившую себѣ возможность спокойно выжидать событій, не зависящихъ отъ ея собственной воли. Преувеличивать послѣдствія только что совершившагося событія не приходило никому и въ голову, чѣмъ и объясняется отношеніе нашей публики къ полученному въ концѣ недѣли извѣстію объ имѣвшемъ несомнѣнно политическую окраску тостѣ, предложенномъ императоромъ Вильгельмомъ II на военномъ завтракѣ въ присутствіи Государя Наслѣдника Цесаревича.

Завтракъ этотъ былъ данъ офицерами прусскаго полка имени Государя Императора. Провозглашая здоровье августѣйшаго шефа упомянутаго полка, императоръ Вильгельмъ II въ горячей застольной импровизаціи выразилъ свою живѣйшую благодарность русскому государю за сердечное участіе, принимаемое имъ въ счастливыхъ фамильныхъ событіяхъ Гогенцоллернскаго дома. Царственный ораторъ привѣтствовалъ при этомъ въ державномъ вождѣ русскаго народа носителя исконныхъ монархическихъ традицій, друга первыхъ двухъ германскихъ государей и верховнаго повелителя арміи, связанной съ его собственною арміею преданіями совмѣстно совершенныхъ военныхъ подвиговъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, эти задушевныя привѣтствія, очевидно, вызванныя скорѣе настроеніемъ минуты, чѣмъ общею сложностью германскихъ политическихъ дѣлъ, произвели чрезвычайно сильное впечатлѣніе не только въ Германіи, но и въ Австро-Венгріи. Въ Вѣнѣ и Пештѣ объ ожидавшейся поѣздкѣ въ Берлинъ Государя Наслѣдника Цесаревича говорили уже заранѣе, какъ о событіи, заставляющемъ нѣсколько задуматься тамошнихъ политическихъ дѣятелей. Тостъ императора Вильгельма II какъ будто еще усилилъ это тревожное настроеніе.

Въ Германіи между тѣмъ ходъ политическихъ дѣлъ шелъ прежнимъ чередомъ. Графъ Каприви продолжалъ упорно настаивать въ военной коммиссіи рейхстага на необходимости усиленія численнаго состава германской арміи въ мирное время, именно въ тѣхъ размѣрахъ, которые опредѣлены военнымъ законопроектомъ. Вся разница состоитъ въ томъ, что къ концу недѣли графъ Каприви нашелъ нужнымъ отрицать возможность войны въ близкомъ будущемъ и требовалъ принятія своего проекта для предупрежденія опасностей, которыя могутъ грозить Германіи въ будущемъ болѣе отдаленномъ. Одновременно съ этимъ на сторону военной реформы внезапно перешелъ одинъ изъ самыхъ горячихъ ея противниковъ вчерашняго дня, генералъ, графъ фонъ-Вальдерзее, объявившій на оффиціальномъ банкетѣ въ Гамбургѣ, что требуемое правительствомъ усиленіе численности арміи обезпечитъ европейскій миръ, сдѣлавъ Германію неуязвимою для ея внѣшнихъ враговъ. Насколько все это подвинетъ задуманное графомъ Каприви дѣло военной реформы—покажетъ болѣе или менѣе близкое будущее.

Во Франціи минувшая недѣля ознаменовалась значительно уменьшившимся возбужденіемъ умовъ по злополучному панамскому дѣлу. Парижскія газеты продолжали, правда, толковать почти исключительно объ этомъ колоссальномъ скандалѣ, но публика перестала уже интересоваться имъ въ той степени, которая заставляла ее забывать о всѣхъ другихъ политическихъ вопросахъ. Палата депутатовъ занялась достаточно прилежно обсужденіемъ бюджета на 1893 годъ и ведетъ это обсужденіе довольно быстро, отвергая сильнымъ большинствомъ всѣ поправки, на которыя не соглашается правительство. Министерство Рибо успѣло уже одержать нѣсколько парламентскихъ побѣдъ на этой почвѣ и въ то же время доказать съ достаточною внушительностью, что внутреннія дѣла не мѣшаютъ ему внимательно слѣдить за вопросами внѣшней политики. Парижскій кабинетъ не оставилъ безъ протеста извѣстное уже читателямъ давленіе, оказанное англійскимъ правительствомъ на египетскаго хедива. Замѣчанія французскаго посла заставили лорда Розберри формально заявить, что готовящаяся посылка въ Египетъ подкрѣпленія (въ 1000 солдатъ) къ находящимся уже въ этой странѣ британскимъ войскамъ (3000 человѣкъ) имѣетъ исключительною цѣлью „охрану порядка" въ странѣ и не измѣнитъ ни въ чемъ существующаго въ Египтѣ порядка вещей. Слишкомъ полагаться на такое обѣщаніе англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, конечно, нельзя, но уже и то важно, что обѣщаніе это дано формальнымъ образомъ и слѣдовательно имѣется почва для новаго, болѣе энергичнаго, протеста противъ его весьма возможнаго нарушенія.

Процессъ членовъ правленія Панамскаго общества и судебное слѣдствіе надъ панамскими взяточниками шли тѣмъ временемъ своимъ чередомъ. Процессъ еще не конченъ, и судебное слѣдствіе привело къ признанію неподлежащими отдачѣ подъ судъ трехъ депутатовъ: гг. Рувье, Поля Арена и Жюля Рамо, равно какъ и сенатора Тевене. Всѣ прочіе, отданные подъ слѣдствіе, сенаторы и депутаты предстанутъ передъ судомъ, хотя еще не рѣшенъ окончательно вопросъ о томъ — изъ кого именно будетъ состоять этотъ судъ. Министерствомъ юстиціи приняты также мѣры къ аресту пресловутаго Корнелія Герца, котораго капитулъ ордена Почетнаго Легіона уже вычеркнулъ изъ списковъ кавалеровъ этого ордена. Вопросъ о выдачѣ Герца англійскимъ правительствомъ еще не рѣшенъ окончательно, но Герцъ содержится уже подъ строгимъ домашнимъ арестомъ въ лондонской гостинницѣ, гдѣ его отыскала полиція. Что касается до другаго отсутствующаго обвиненнаго, Артона, мѣстожительство котораго до сихъ поръ еще не розыскано, то его рѣшено судить заочно.

Въ Англіи министерство Гладстона чувствуетъ себя замѣтно болѣе сильнымъ съ тѣхъ поръ, какъ его либеральный глава предупредилъ серьезную опасность, которой грозили кабинету недавнія египетскія событія. Предоставивъ въ египетскомъ вопросѣ полную свободу дѣйствій лорду Розберри, Гладстонъ лишилъ консервативную оппозицію возможности и напасть на него въ самомъ началѣ сессіи на почвѣ вопроса иностранной политики, особенно близкаго сердцу почти всѣхъ англичанъ. Либеральному большинству не грозитъ уже болѣе та опасность распаденія, на которую начали было сильно разсчитывать консерваторы. Этимъ послѣднимъ, равно какъ и ихъ союзникамъ, либеральнымъ уніонистамъ, придется вести борьбу съ министерствомъ исключительно на почвѣ ирландскаго вопроса, по которому правительству обезпечено большинство въ палатѣ общинъ.

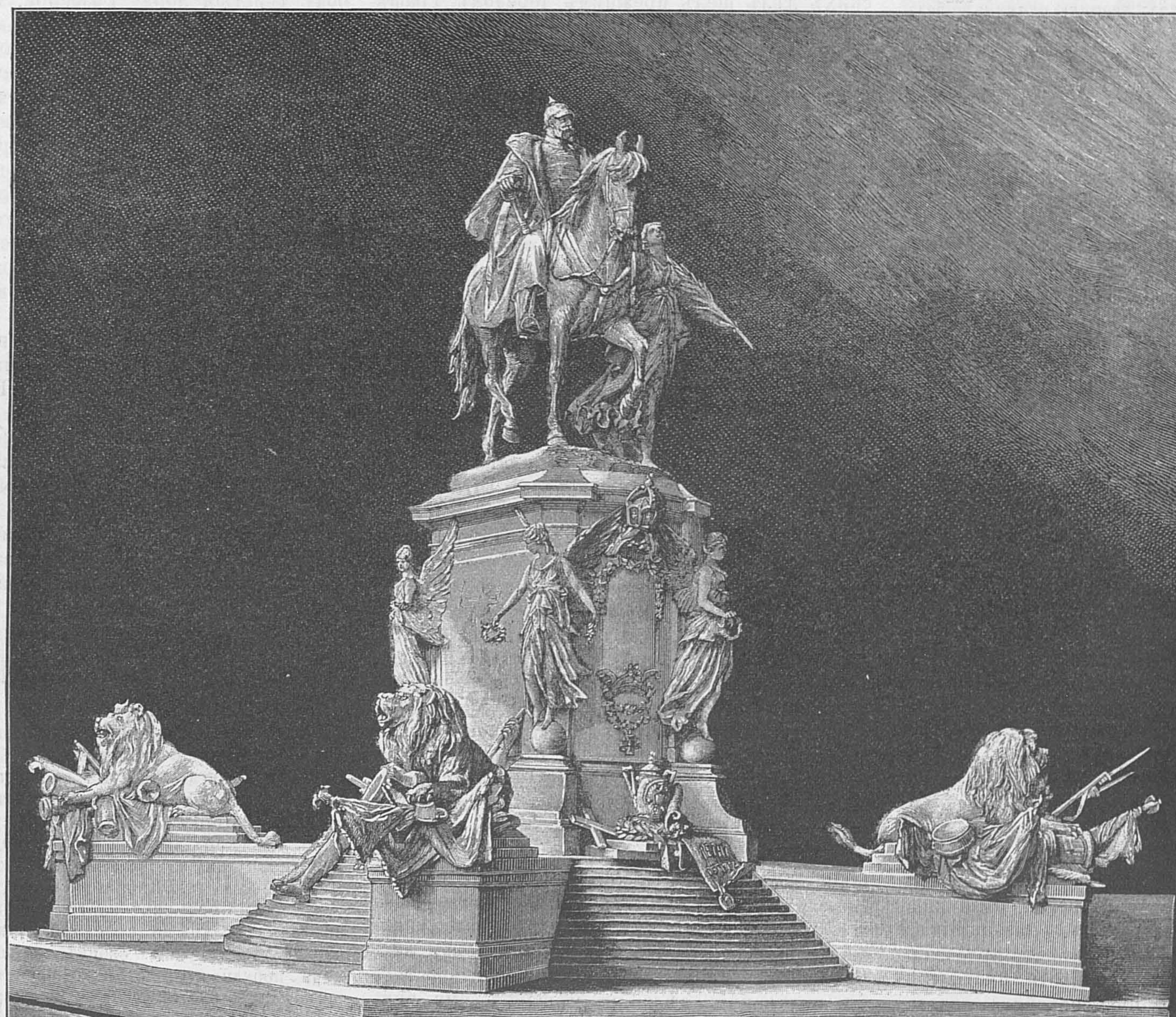
Внутреннія дѣла Австро-Венгріи продолжаютъ быть попрежнему крайне запутанными. Австрійское министерство Таафе до сихъ поръ не можетъ даже начать надлежащимъ образомъ переговоры о сформированіи новаго парламентскаго большинства изъ нѣмецкихъ либераловъ, поляковъ и автономистовъ партіи графа Гогенварта. Въ Венгріи положеніе министерства Векерле становится все болѣе и болѣе шаткимъ вслѣдствіе усиливающейся оппозиціи противъ гражданскаго брака.

Двѣ выставки

Петербургскій сезонъ художественныхъ выставокъ открылся пейзажными выставками И. И. Шишкина въ академіи художествъ и Л. Ф. Лагоріо въ Императорскомъ обществѣ поощренія художествъ. Обѣ выставки представляютъ значительный художественный интересъ, хотя съ разныхъ точекъ зрѣнія. И. И. Шишкинъ выставилъ свои этюды (числомъ 58), написанные имъ за нынѣшнее лѣто въ окрестностяхъ Петербурга и въ Бѣловѣжской пущѣ. Л. Ф. Лагоріо —нѣсколько большихъ картинъ, 58 акварелей и 470 этюдовъ масляными красками. Можно догадаться, что сдѣлать выставку своихъ этюдовъ И. И. Шишкина побудила отчасти, по крайней мѣрѣ, мысль познакомить публику съ новыми сторонами его перваклассного таланта, еще мало извѣстными, съ тою новою манерою, съ которою онъ въ настоящее время выступаетъ. Л. Ф. Лагоріо, съ своей стороны рѣшилъ сдѣлать выставку главнымъ образомъ, вѣроятно, потому, что за нынѣшнее лѣто онъ сдѣлалъ большое путешествіе по Финляндіи и затѣмъ по сѣвернымъ частямъ Норвегіи; вывезенные имъ оттуда этюды и акварели представляютъ цѣлый рядъ превосходныхъ изображеній, знакомящихъ зрителя

Принцесса МАРГАРИТА ПРУССКАЯ и принцъ ФРИДРИХЪ-КАРЛЪ ГЕССЕНСКIЙ, новобрачные.

Съ фотографiй Фойгта въ Гамбургѣ и Примма въ Берлинѣ гравировалъ для »Всемiрной Иллюстрацiи« Г. Геданъ.



Національный памятникъ императору Вильгельму I въ Берлинѣ.

По проекту профессора Рейнгольда Бегаса рисовалъ I. Окермаркъ.

А. В. ГАДОЛИНЪ, генералъ-отъ-артиллеріи, академикъ, ученый, † 15-го декабря 1892 г.

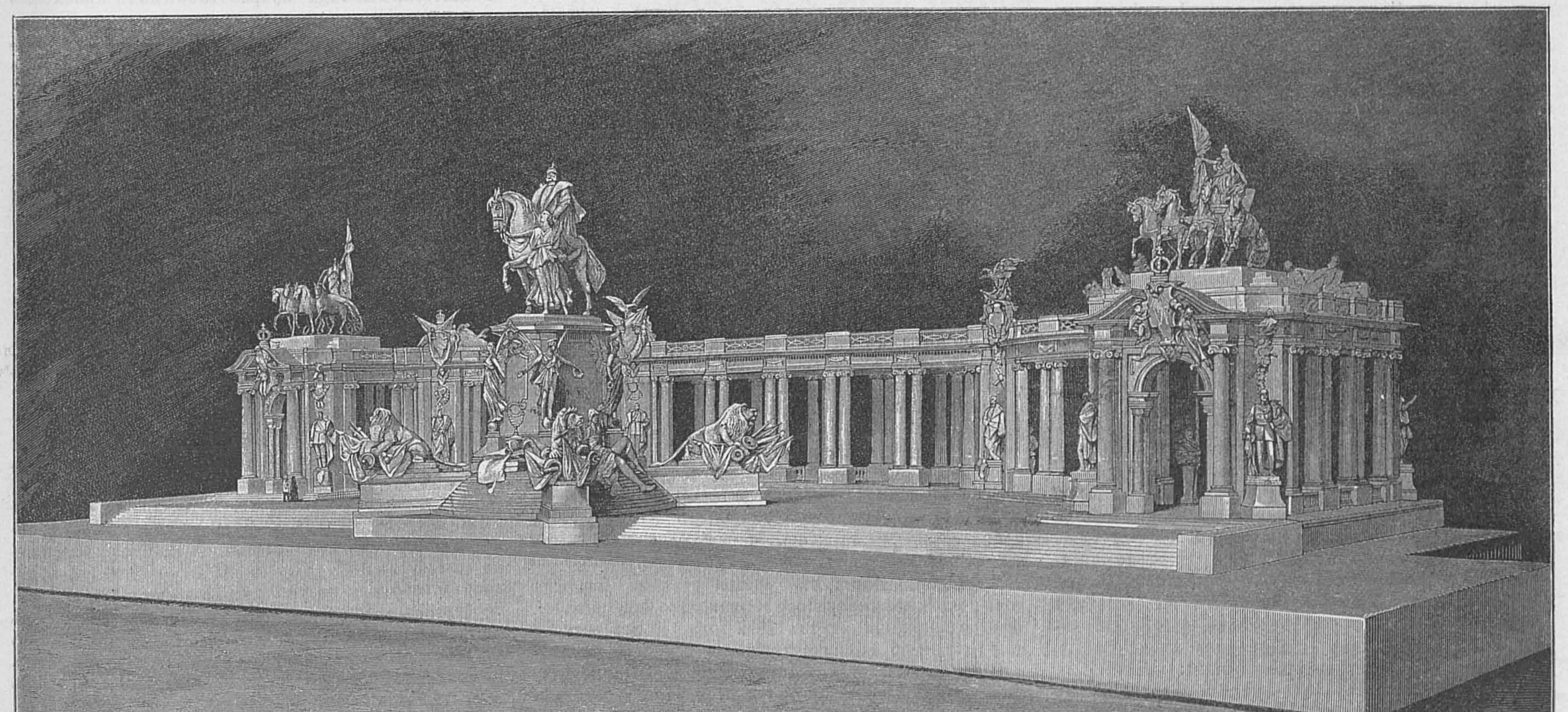
Съ фотографіи Павловскаго гравировалъ И. И. Хелмицкій.

Э. И. ТИЛЛО, инженеръ-генералъ, гидрографъ, † 11-го января с. г.

Съ фотографіи Левицкаго и сына гравировалъ И. И. Хелмицкій.

съ природою и ея особенностями дальняго европейскаго сѣвера. Къ тому же среди картинъ г. Лагоріо четыре написаны въ совершенно новомъ для г. Лагоріо родѣ — это военныя картины.

До сихъ поръ И. И. Шишкинъ, за весьма малыми исключеніями, пріучилъ насъ видѣть въ немъ поэта хвойнаго лѣса по преимуществу и сѣверной природы. Прошлогодняя его выставка открыла намъ въ рядѣ послѣдовательныхъ картинъ весь процессъ и развитіе его таланта отъ первыхъ робкихъ шаговъ на поприщѣ пейзажной живописи до крайнихъ предѣловъ совершенства, въ особенности въ рисункѣ. И. И. Шишкинъ, какъ извѣстно, сѣверянинъ, уроженецъ, если не ошибаемся, вятской губерніи. Немудрено поэтому, что, проживая или на своей родинѣ, или въ Петербургѣ, онъ изучалъ по преимуществу сѣверную природу. Это отразилось отчасти на его колоритѣ; его колоритъ всегда былъ нѣсколько тусклый, однообразный, недостаточно яркій; мы привыкли въ немъ видѣть великаго рисовальщика, одного изъ лучшихъ (если не лучшаго) знатока и поэта сѣверной природы, но качества колориста приписывали ему лишь отчасти. Однако г. Шишкинъ не остановился на полдорогѣ; мало по малу и онъ сталъ увлекаться свѣтовыми эффектами и уже въ прошломъ году можно было видѣть, что и въ колоритѣ онъ можетъ сдѣлаться истиннымъ виртуозомъ, если захочетъ. Нынѣшняя выставка еще болѣе подтверждаетъ наше мнѣніе. Трудно представить себѣ, не видя настоящихъ этюдовъ г. Шишкина, всю прелестную фантасмагорію красокъ и цвѣтовъ, поражающихъ зрителя въ особенности въ его этюдахъ Бѣловѣжской пущи. Впрочемъ, необходимо оговориться: г. Шишкинъ, вѣроятно, изъ скромности, называетъ свою выставку—выставкой этюдовъ; въ дѣйствительности же большая часть этихъ этюдовъ и, прибавимъ, огромная часть настоящія картины не только по размѣрамъ, но и по законченности. Дѣло, конечно, не въ томъ, что эти картины



Общій видъ національнаго памятника императору Вильгельму I въ Берлинѣ.

По утвержденному проекту Р. Бегаса рисовалъ І. Окермаркъ.

писаны съ натуры и воспроизводятъ одинъ лишь уголокъ сюжета, а въ томъ, что въ нихъ г. Шишкинъ является субъективнымъ художникомъ. Онъ въ этихъ картинахъ не только добросовѣстно и объективно изучаетъ природу, характеръ растительности, свойства почвы и пр., какъ обыкновенно дѣлаютъ художники въ своихъ этюдахъ, являющихся такимъ образомъ только матеріаломъ для будущихъ картинъ, нѣтъ, г. Шишкинъ въ своихъ нынѣшнихъ картинахъ далъ въ извѣстныхъ предѣлахъ волю своему творчеству и придаетъ изображаемой природѣ поэтическій оттѣнокъ, такъ что въ его картинахъ, какъ и слѣдуетъ, природа является не простымъ матеріаломъ, она является уже претворенною творческимъ духомъ художника. Съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что нынѣшняя выставка знакомитъ насъ съ г. Шишкинымъ какъ съ колористомъ. Вѣроятно изученіе природы въ Бѣловѣжской пущѣ усилило въ немъ элементъ колорита, и это отразилось даже на тѣхъ картинахъ его, которыя взяты изъ сѣверной природы, съ острововъ Аптекарскаго, Крестовскаго, Каменнаго. Нечего и говорить, что рисунки нашего художника и тутъ представляютъ ту замѣчательную чистоту и совершенство, которыми онъ всегда отличался. Нѣкоторыя картины, какъ, напримѣръ, „Пасмурный день", „Первый снѣгъ", „Въ концѣ сентября", „Октябрь", представляютъ талантъ г. Шишкина съ новой стороны, со стороны по преимуществу поэтической. Въ „Туманѣ" мы замѣтили даже какъ бы отдаленный отзвукъ манеры Тернера, въ томъ именно, въ чемъ Тернеръ особенно выдѣлялся—въ грустномъ чувствѣ, внушаемомъ человѣку при созерцаніи, напримѣръ, тумана.

Выставка г. Лагоріо, напротивъ того, по преимуществу состоитъ изъ этюдовъ масляными красками и акварелей. Этюды масляными красками писаны въ самыхъ разнообразныхъ странахъ въ разныя эпохи и подъ различными широтами. Тутъ мы находимъ и Малороссію, и Крымъ, и Кавказъ, и Болгарію, и Италію, и Турцію, и Финляндію, и югъ Россіи. Акварели исключительно относятся къ путешествію по Финляндіи, Швеціи и Норвегіи; наконецъ картины (девять) являются или пейзажами большихъ размѣровъ, или же воспроизводятъ батальныя сцены. Объ этюдахъ трудно говорить опредѣленно: ихъ такое огромное количество, что составить себѣ о нихъ опредѣленное представленіе возможно только при детальномъ и очень обстоятельномъ разсмотрѣніи; наконецъ въ большинствѣ случаевъ они едва ли подлежатъ анализу критики, такъ какъ въ нихъ художникъ заноситъ въ свой, такъ сказать, альбомъ, для памяти, различные мотивы, которые онъ встрѣтилъ въ дѣйствительности; ни о разработкѣ этихъ мотивовъ, ни о художественномъ выполненіи тутъ не можетъ быть и рѣчи; конечно, въ отдѣльности почти каждый изъ этихъ этюдовъ имѣетъ свою цѣнность, по временамъ очень значительную, и, разумѣется, можетъ занимать не послѣднее мѣсто на стѣнахъ кабинета, но въ точномъ смыслѣ слова это — не болѣе, какъ наброски для памяти различныхъ мотивовъ.

Акварели имѣютъ уже настоящую художественную цѣнность. Какъ акварелистъ, г. Лагоріо весьма замѣчательный художникъ; у него мягкій, пріятный тонъ, полная гармонія въ колоритѣ, прелестныя очертанія. Его акварели въ одно и то же время и настоящія художественныя произведенія, и, кромѣ того, документы, знакомящіе насъ съ природой необыкновенно поэтической и мало намъ извѣстной, природой далекаго сѣвера. Въ особенности интересны картины (числомъ пять), воспроизводящія различные виды Нордкапа — съ восточной стороны, въ ясную ночь, въ бурю, въ обыкновенномъ состояніи; очень хороша также „Вершина Нордкапа въ двѣнадцать часовъ ночи". Нѣкоторыя картины охоты на китовъ имѣютъ также первоклассный художественный и этнографическій интересъ.

Изъ числа выставленныхъ картинъ самыми значительными представляются пейзажи большихъ размѣровъ, такъ, напримѣръ, „Военно-грузинская дорога". „Замокъ Тамары въ Даріальскомъ ущельѣ" представляетъ образецъ широкой кисти и написана замѣчательно хорошо, несмотря на то, что по манерѣ и по сюжету картина выдѣляется изъ жанра, по преимуществу свойственнаго нашему художнику. „Открытое море" въ Симсизѣ (Крымъ) на нашъ взглядъ менѣе удачно, но зато оно написано въ обычномъ родѣ г. Лагоріо, родѣ марины, и рельефно представляетъ лучшія стороны его таланта. Картина „Трульфіордъ въ Норвегіи" чудесна и по сюжету, и по артистическому выполненію; но въ особенности хороша картина „Туманъ въ финляндскихъ шхерахъ". Двѣ послѣднія небольшія картины: „Ялтинскій рейдъ ночью" и „Пароходъ-фрегатъ „Грозящій" въ Рижскомъ заливѣ въ 1849 г." представляютъ меньшій интересъ. Въ своихъ морскихъ пейзажахъ, составляющихъ какъ бы спеціальность г. Лагоріо, онъ представляется намъ какъ бы противоположностью г. Айвазовскаго; въ то время, какъ г. Айвазовскій любитъ море и воспроизводитъ его только въ бурные моменты, когда разыгравшаяся стихія не знаетъ предѣловъ и является образцомъ такъ называемаго „возвышеннаго", — г. Лагоріо, по преимуществу, воспроизводитъ тишину и покой моря; другими словами, онъ не столько возбуждаетъ въ зрителѣ чувство „возвышеннаго", сколько чувство „прекраснаго". Отсюда, можетъ быть, вытекаютъ и нѣкоторыя особенности его колорита, нѣсколько однообразнаго и какъ бы тусклаго: въ тихомъ состояніи море въ большинствѣ случаевъ имѣетъ бѣловатый оттѣнокъ.

Батальныя картины представляются новинкой для многочисленныхъ поклонниковъ г. Лагоріо. Если память не измѣняетъ намъ, такого рода живописью онъ прежде никогда не занимался и въ первый разъ является батальнымъ живописцемъ. Нельзя сказать, чтобы эти картины отвѣчали всѣмъ требованіямъ эстетическаго чувства. Тамъ, гдѣ дѣло касается широкой горной перспективы, гдѣ г. Лагоріо можетъ показать свой первоклассный талантъ пейзажиста, — тамъ его картины дѣйствительно интересны и представляютъ, какъ всегда, значительную художественную цѣнность, но собственно батальныя сцены — съ войскомъ и стѣнами крѣпости—обличаютъ нѣкоторую неопытность и нѣсколько заурядны по выполненію.

В. Чуйко.

Бракосочетаніе принца Фридриха-Карла Гессенскаго съ принцессою Маргаритою Прусской

Нѣсколько дней тому назадъ церковь королевскаго замка въ Берлинѣ имѣла необычайный, праздничный видъ и сіяла огнями. 12 (25) января, послѣ полудня, въ ней совершался торжественный обрядъ вѣнчанія принца Гессенскаго Фридриха-Карла съ принцессою Маргаритою Прусской. На церемоніи присутствовалъ также Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ. Во время параднаго шествія въ церковь и обратно за женихомъ и невѣстой слѣдовали: вдовствующая императрица-мать съ императоромъ и ландграфомъ Гессенскимъ, за ними императрица Августа-Викторія съ Его Высочествомъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и королемъ саксонскимъ, а далѣе другія высочайшія особы.

Принцъ Фридрихъ-Карлъ родился 1 мая 1868 года. Онъ третій сынъ покойнаго ландграфа Фридриха-Вильгельма Гессенскаго и ландграфини Анны, принцессы Прусской. Мать высоконовобрачнаго родная сестра принца Фридриха-Карла Прусскаго, знаменитаго фельдмаршала, и молодой принцъ единственный его крестникъ королевской крови, къ которому перешло славное имя, записанное такими неизгладимыми чертами на страницахъ исторіи. Принцъ провелъ свои дѣтскіе годы на глазахъ у родителей, которые сначала жили въ Копенгагенѣ, такъ какъ сестра ландграфа состоитъ въ супружествѣ съ королемъ датскимъ Христіаномъ IX, а затѣмъ переѣхали въ Румпенгеймъ и проживали въ Висбаденѣ. Старшій братъ принца Фридриха-Карла, наслѣдникъ своего отца, которому, въ качествѣ главы боковой линіи курфюрстскаго дома, предстояло нѣкогда занять тронъ въ Кургессенѣ, погибъ во время путешествія по Индіи, а теперешній ландграфъ совершенно ослѣпъ и находитъ утѣшеніе только въ занятіяхъ музыкою.

Съ 1881 года ландграфъ Фридрихъ-Вильгельмъ поселился въ замкѣ Филиппсруэ, близъ Ганау, и принцъ Фридрихъ-Карлъ поступилъ въ гимназію въ этомъ городѣ. Позднѣе онъ перешелъ во франкфуртскую гимназію, а затѣмъ въ фрейбургскій университетъ. Уже съ 1885 года императоръ Вильгельмъ I зачислилъ принца подпоручикомъ своей свиты въ 1-й гвардейскій драгунскій полкъ, въ которомъ принцъ и состоялъ впослѣдствіи на дѣйствительной службѣ въ Берлинѣ. Здѣсь произошло его сближеніе съ принцессою Маргаритою, перешедшее затѣмъ во взаимную склонность между ними.

Принцесса Маргарита третья и самая младшая дочь покойнаго императора германскаго Фридриха III. Она родилась 22 апрѣля 1872 года. Послѣ выхода въ замужество обѣихъ старшихъ сестеръ — наслѣдной принцессы греческой и принцессы Шаумбургъ-Липпе—принцесса Маргарита неотлучно находилась при вдовствующей императрицѣ-матери, проводя зиму въ Берлинѣ, а лѣто въ Гамбургѣ, гдѣ и состоялась ея помолвка въ іюнѣ минувшаго года. Высоконовобрачная — крестница королевы итальянской Маргариты.

Э. И. Тилло †

Отечество наше далеко небогато выдающимися военными инженерами, знатоками желѣзнодорожнаго дѣла. Тѣмъ тяжелѣе для насъ утрата, понесенная недавно въ лицѣ скончавшагося 11-го января инженеръ-генерала Э. И. Тилло, пользовавшагося славою перваго у насъ гидротехника и спеціалиста въ области желѣзнодорожной техники. Много и благотворно потрудился онъ на пользу родины, и если имя его было очень популярно только въ замкнутомъ кругу спеціалистовъ, а публикѣ, даже и серьезно образованной, очень мало извѣстно, то это происходило отъ необычайной скромности генерала Тилло, который добросовѣстно дѣлалъ свое дѣло и не умѣлъ выставляться. Ставъ во главѣ корпуса инженеровъ морской строительной части, онъ посвятилъ ему свои обширныя, солидныя познанія, свою практическую опытность, пріобрѣтенную имъ въ теченіе его долгой государственной службы. Его неусыпными трудами корпусъ инженеровъ морской строительной части поставленъ былъ на высоту той задачи, которая была возложена на это учрежденіе въ послѣдніе годы при расширеніи портовыхъ учрежденій на Балтійскомъ морѣ, въ Восточномъ океанѣ и особенно при устройствѣ новаго севастопольскаго порта. Немалая заслуга принадлежитъ генералу Тилло и въ дѣлѣ внутренней организаціи корпуса. Получивъ, благодаря его заботамъ, чисто военную организацію, корпусъ инженеровъ морской строительной части сплотился въ одну дружную семью техниковъ, органически связанную съ одной стороны съ инженерною академіей, а съ другой — съ корпусомъ военныхъ инженеровъ. Въ качествѣ начальника военныхъ инженеровъ с.-петербургскаго военнаго округа генералъ Тилло также сдѣлалъ достаточно и оставилъ по себѣ самую добрую память. Такова дѣятельность его, какъ администратора, способнаго, умнаго и распорядительнаго. Его ученая и практическая дѣятельность заслуживаетъ глубокаго уваженія и признательности. Всесторонне образованный техникъ, генералъ Тилло положилъ прочное начало самостоятельнымъ русскимъ работамъ въ области гидротехники, внеся въ эту область, какъ теоретикъ, много весьма цѣнныхъ трудовъ, которые высоко цѣнятся не только нашими, но и западно-европейскими спеціалистами. Будучи также отличнымъ знатокомъ желѣзнодорожнаго дѣла, онъ написалъ цѣлый рядъ статей, касающихся болѣе или менѣе серьезныхъ вопросовъ этого дѣла. Ему принадлежитъ, между прочимъ, обстоятельное описаніе Суэцскаго канала, который онъ изучилъ на мѣстѣ; участвуя во многихъ международныхъ конгресахъ, онъ напечаталъ также рядъ статей и по этому предмету. Генералъ Тилло былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Императорскаго русскаго географическаго общества и дѣлалъ въ него неоднократно цѣнные вклады, а въ послѣдніе годы, по выходѣ въ отставку, занимался, по порученію этого общества, вопросомъ объ огражденіи нашей столицы отъ наводненія, два года проработавъ надъ проектомъ по упомянутому вопросу и сдавъ его по принадлежности дня за два—за три до смерти своей. Очень памятны заслуги генерала Тилло, оказанныя имъ родинѣ и во время крымской кампаніи, когда ему было поручено укрѣпленіе кронштадскаго и петербургскаго портовъ. Всѣ сослуживцы и подчиненные генерала Тилло, и его близкіе знакомые тепло отзываются о высокихъ личныхъ качествахъ его, свидѣтельствуютъ о его любви къ наукѣ, которую онъ умѣлъ внушить и всѣмъ тѣмъ, кому приходилось работать съ нимъ вмѣстѣ. Онъ былъ очень добрый человѣкъ и съ большой гуманностью всегда относился къ рабочимъ, объ улучшеніи быта которыхъ не переставалъ заботиться. Прослужилъ онъ болѣе пятидесяти лѣтъ и скончался, отъ удара, въ преклонномъ возрастѣ. Его отецъ, французъ, былъ замѣчательнымъ лекторомъ своего роднаго языка, который онъ преподавалъ императору Александру II и многимъ членамъ царствующаго дома. Эдуардъ Ивановичъ Тилло родился въ Петербургѣ въ 1819 году и образованіе получилъ въ военно-инженерномъ училищѣ, въ которомъ блестяще окончилъ курсъ, офицерскіе классы его, одновременно съ гр. Тотлебеномъ, съ которымъ позднѣе раздѣлялъ труды по управленію военно-инженернымъ вѣдомствомъ. Э. И. Тилло вступилъ въ службу въ 1838 году и въ 1855—1856 гг. руководилъ работами по укрѣпленію Кронштадта и петербургскаго порта („Лисьяго Носа"), состоя въ чинѣ полковника. Въ 1865 г. онъ былъ произведенъ въ генералы и назначенъ начальникомъ военныхъ инженеровъ с.-петербургскаго военнаго округа и прослужилъ въ этой должности болѣе десяти лѣтъ. Въ 1873 г. Э. И. Тилло, при производствѣ въ генералъ-лейтенанты, былъ назначенъ помощникомъ генералъ-адъютанта Тотлебена по завѣдыванію инженернымъ вѣдомствомъ, а затѣмъ, въ 1878 г., по приглашенію покойнаго великаго князя Константина Николаевича, умѣвшаго находить людей, перешелъ въ морское вѣдомство, гдѣ по день отставки, 22-го мая 1889 года, состоялъ предсѣдателемъ морскаго техни-

ческаго комитета. Въ 1888 г. былъ отпразднованъ пятидесятилѣтній юбилей его службы. Э. И. Тилло состоялъ, кромѣ того, членомъ многихъ техническихъ и ученыхъ обществъ и во многихъ изъ нихъ былъ предсѣдателемъ. Онъ былъ также членомъ совѣта Главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Письмецо отъ милаго

Къ картинѣ Фр. Б. Доубека

Ярко свѣтитъ солнце въ мастерскую дамскихъ нарядовъ, гдѣ сидятъ за работой пять молодыхъ дѣвушекъ подъ надзоромъ хозяйки, женщины среднихъ лѣтъ. Быстро мелькаютъ иглы въ проворныхъ пальцахъ, звенятъ по столу торопливо брошенныя ножницы, и молчаніе въ комнатѣ нарушается порою шутками и веселымъ смѣхомъ. Только одна изъ мастерицъ сидитъ задумчивая поодаль отъ другихъ, за швейной машиной, у самой двери. Подруги давно привыкли видѣть ее печальной и давно заподозрили, что у ней есть сердечное горе. Но дѣвушка ревниво хранила свою тайну, опасаясь ихъ насмѣшливаго любопытства.

Весною прошлаго года проглянуло въ ея жизни недолгое счастье. Молодой человѣкъ, скромный труженикъ, какъ и она сама, плѣнился ея свѣжимъ личикомъ и сталъ настойчиво ухаживать за нею. Сначала встрѣчи съ нимъ пугали ее, но онъ велъ себя такъ пристойно, его обращеніе было такъ почтительно, что она понемногу откинула свою робость. А въ какой восторгъ приводила его милая застѣнчивость малютки! Какъ онъ расхваливалъ ея голубые глаза, розовыя щечки, какъ старался вызвать у ней улыбку! До сихъ поръ она и не догадывалась, что ею можно любоваться, что отъ одного ея взгляда зависитъ чье нибудь счастье, какъ увѣрялъ влюбленный юноша, что о ней можно думать цѣлыя ночи напролетъ, забывая объ отдыхѣ. Ахъ, все это были такія неожиданныя, восхитительныя открытія! И ей ужасно хотѣлось вѣрить словамъ своего милаго, но было жутко и страшно. А что, если обманетъ? Что, если все это говорится въ насмѣшку?.. Но глаза обожателя смотрѣли на нее прямо и открыто, когда она впивалась въ нихъ тревожнымъ, пытливымъ взглядомъ. Нѣтъ, онъ не смѣется надъ нею, не обманываетъ, а любитъ. И при этой мысли неопытное сердечко замирало въ приливѣ невѣдомаго блаженства. Скоро и она сама стала думать о миломъ по цѣлымъ днямъ, сидя въ мастерской, а въ душныя лѣтнія ночи сонъ бѣжалъ отъ ея глазъ, несмотря на усталость. И нетерпѣливо ждала она, считая дни и часы, желаннаго воскресенья, чтобы идти на условленное мѣсто свиданія. Но вотъ милый сказалъ ей однажды, что ему необходимо уѣхать въ другой городъ, гдѣ онъ получилъ выгодную должность. Этотъ ударъ былъ до того неожиданъ, что дѣвушка не повѣрила сразу; ошеломленная незамѣтно подкравшимся горемъ, она не могла вымолвить ни слова, пока ее душили подступавшія къ горлу невыплаканныя слезы. „Тебѣ вовсе не жаль меня, — я вижу!“ упрекнулъ онъ. „Не жаль! Но вѣдь съ тобой уходитъ вся моя жизнь!“ хотѣла крикнуть она и зарыдать, но только поблѣднѣла, какъ полотно, и осталась на мѣстѣ, точно окаменѣлая. Тогда онъ взялъ ея холодную руку и долго говорилъ о томъ, что скоро вернется, чтобы назвать возлюбленную своей женою и увезти изъ большаго города, гдѣ люди живутъ въ такой тѣснотѣ. Они поселятся въ маленькомъ мѣстечкѣ, на берегу широкой рѣки, среди зелени и деревенскаго приволья. Тамъ она расцвѣтетъ, похорошѣетъ и забудетъ безрадостную трудовую жизнь и сиротскую долю въ новомъ уютномъ гнѣздышкѣ, которое онъ приготовитъ для нея. Они простились, обмѣнявшись передъ разлукой первымъ и послѣднимъ поцѣлуемъ робкой любви. Послѣ его отъѣзда наступили печальные дни одиночества. Сначала онъ писалъ ей нѣжныя письма, на которыя она всегда акуратно отвѣчала, но потомъ замолкъ. Затосковала бѣдняжка, плакала и надрывалась отъ горя втихомолку. А бойкія подруги-хохотуньи то и дѣло изводили ее вопросами: — отчего ты похудѣла? что съ тобой? ты сама на себя не похожа. Вѣрно миленькій-то бросилъ? Ну, не бѣда! Мужчины все такіе: пошутятъ, побалуются, а тамъ и слѣдъ простылъ. Не убивайся — другаго найдешь. Но она осталась вѣрна своему невинному увлеченію, хотя уже отчаялась получить желанную вѣсточку. „Умеръ или измѣнилъ?“ не давалъ ей покою жестокій вопросъ. И то, и другое казалось одинаково ужаснымъ бѣдной дѣвушкѣ, а писемъ все не было. И вотъ однажды дрогнулъ звонокъ въ прихожей. Въ мастерскую вошелъ почтальонъ, положилъ свою сумку прямо на швейную машину молоденькой мастерицы и вынулъ оттуда изящный конвертикъ.

— Вотъ это тебѣ, плутовка! На, получай! Вѣрно отъ милаго дружка?

Посмѣивается старый балагуръ, а дѣвушка сидитъ ни жива, ни мертва. Хочетъ протянуть руку за письмомъ, но рука безсильно замерла и жутко ей подъ перекрестнымъ огнемъ любопытныхъ взглядовъ. Съ улыбкой обернулись въ ея сторону хозяйка и закройщица; другія мастерицы перешептываются и хихикаютъ, а самая младшая, самая хорошенькая и неугомонная, грозитъ пальцемъ и говоритъ, смѣясь:

— Ишь ты, тихоня! Погоди! Узнаемъ теперь всѣ твои секреты.

У бѣдняжки навертываются слезы, въ глазахъ стоитъ туманъ... Ну, какъ ей читать на виду у всѣхъ дорогую вѣсточку? Нѣтъ, она переломитъ свое нетерпѣніе, положитъ письмецо въ карманъ и прочтетъ его наединѣ, повторяя по десяти разъ каждую строку, покрывая поцѣлуями завѣтный листокъ. А что-то ей пишутъ? Ну, какъ вдругъ въ письмѣ ужасныя слова „прости и забудь?“ Но нѣтъ, нѣтъ! Написалъ милый, значитъ, помнитъ и любитъ.

Новые французскіе министры

Генералъ Луазильонъ, вновь назначенный военный министръ, родился въ 1829 году. Поступивъ въ Сенъ-Сирскую школу въ 1847 г., онъ вышелъ оттуда 1-го октября 1849 года съ чиномъ подпоручика и опредѣлился въ 9-й кирасирскій полкъ. Въ чинѣ поручика съ 1854 г. онъ участвовалъ въ крымской кампаніи съ тѣмъ же самымъ полкомъ, а въ 1856 году получилъ званіе капитана. Въ 1866 году онъ былъ пожалованъ маіорскимъ чиномъ, служа въ 7-мъ драгунскомъ полку, гдѣ оставался до 1870 года. Когда вспыхнула франко-прусская война, Луазильонъ по собственному желанію былъ переведенъ въ дѣйствующую армію помощникомъ командира 5-го полка смѣшанной кавалеріи. 1-го января 1871 года ему дали чинъ подполковника и поручили организовать 9-й драгунскій полкъ. Впослѣдствіи онъ организовалъ 15-й кавалерійскій стрѣлковый полкъ, гдѣ служилъ полковникомъ, затѣмъ поступилъ въ военное министерство бригаднымъ генераломъ, исправляя должность начальника кавалеріи и главнокомандующаго коннымъ войскомъ въ Алжирѣ. Назначенный дивизіоннымъ командиромъ въ 1886 году, онъ командовалъ 2-й кавалерійской дивизіей въ Люнсвилѣ, потомъ, напослѣдокъ, 1-мъ армейскимъ корпусомъ въ Лиллѣ и въ то же время состоялъ предсѣдателемъ кавалерійскаго комитета. Генералъ Луазильонъ, кромѣ того, еще принадлежитъ литературѣ. Имъ изданы письма о Мексикѣ, имѣвшія заслуженный успѣхъ. Они отличаются серьезнымъ содержаніемъ и литературными достоинствами.

Новый министръ земледѣлія, д-ръ Виже, достигъ уже пятидесятилѣтняго возраста, слѣдовательно онъ уже не изъ „молодыхъ“, хотя только что выступаетъ на административное поприще. Это человѣкъ довольно высокаго роста, съ гладко выбритымъ лицомъ, что придаетъ ему нѣкоторое сходство съ протестантскимъ пасторомъ. Онъ постепенно повышался въ политической іерархіи. Сначала Виже служилъ мэромъ въ Шатонёфъ-на-Луарѣ, гдѣ съ 1867 года онъ занимался медицинской практикой; потомъ его назначили совѣтникомъ округа и наконецъ генеральнымъ совѣтникомъ. Въ 1885 году онъ былъ выбранъ депутатомъ отъ Луары: его внесли въ списокъ республиканской концентраціи, какъ представителя радикальнаго оттѣнка. Въ палатѣ онъ также постепенно подвигался впередъ: состоялъ квесторомъ „лѣвой радикальной“, затѣмъ секретаремъ земледѣльческой и виноградной группы, членомъ бюджетной коммиссіи, докладчикомъ большой таможенной коммиссіи и ему предстоялъ въ ближайшемъ будущемъ постъ вице-президента палаты, когда его назначили министромъ. Прибавимъ еще, что Виже очень трудолюбивъ, что представляетъ немалое достоинство. Внѣ палаты онъ не особенно извѣстенъ какъ политическій дѣятель, но пользуется большимъ вѣсомъ въ Бурбонскомъ дворцѣ.

Адмиралъ Рьенье — преемникъ Бюрдо въ морскомъ министерствѣ — оставилъ въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года командованіе эскадрой Средиземнаго моря, побывавъ въ Генуѣ съ нѣсколькими кораблями по случаю празднествъ въ честь Христофора Колумба. Съ тѣхъ поръ онъ состоялъ предсѣдателемъ комитета генеральныхъ инспекторовъ флота, будучи назначенъ на этотъ постъ какъ за свои солидныя и серьезныя качества, такъ и за многолѣтнія заслуги. Вице-адмиралъ Рьенье, не принадлежащій ни къ какой категоріи политическихъ дѣятелей, выдается замѣчательной энергіей. Его добросовѣстность и твердый характеръ давно составили ему прочную репутацію. Такимъ образомъ, у кормила правленія будетъ стоять человѣкъ, созданный для борьбы и вполнѣ закаленный, чьи несомнѣнныя достоинства признаются какъ его друзьями, такъ и противниками.

Электрическій локомотивъ

Паровой локомотивъ уже давно упрочилъ за собою свою славу. Онъ произвелъ цѣлую безкровную революцію въ международныхъ сношеніяхъ. Но промышленный геній человѣчества не можетъ остановиться на паровой двигательной силѣ, какъ на послѣднемъ словѣ техники. Въ настоящее время все вниманіе желѣзнодорожныхъ техниковъ сосредоточено на электрическомъ локомотивѣ, которому, быть можетъ, суждено внести еще болѣе удобствъ въ сообщенія людей между собою; теперь не только спеціалисты, но и многія желѣзнодорожныя компаніи дѣятельно хлопочутъ о постановкѣ на своихъ линіяхъ электрическихъ локомотивовъ, не жалѣя средствъ на опыты и изысканія.

Самая мысль о примѣненіи электрическаго двигателя къ желѣзной дорогѣ не представляетъ новости самаго послѣдняго времени. Десять лѣтъ тому назадъ, на всероссійской выставкѣ въ Москвѣ 1882 года, уже была въ дѣйствіи небольшая электрическая желѣзная дорога. Города Англіи дѣятельно покрываются сѣтями такихъ желѣзныхъ дорогъ, а въ Америкѣ онѣ давно уже введены повсемѣстно. Весь вопросъ только въ томъ, чтобы приспособить электрическое движеніе въ большомъ размѣрѣ къ цѣлымъ желѣзнодорожнымъ поѣздамъ, а не къ двумъ—тремъ вагонамъ городскихъ линій; оставалось, такъ сказать, сдѣлать только одинъ шагъ, и этотъ-то рѣшительный шагъ можно считать теперь уже сдѣланнымъ, ибо типы электрическихъ локомотивовъ уже выработаны и даже примѣнены къ работѣ. Настоящая электрическая желѣзная дорога уже существуетъ въ Лондонѣ. Въ Бельгіи проектирована такая дорога между Брюсселемъ и Антверпеномъ. Въ Америкѣ строятъ электрическую желѣзную дорогу между Чикаго и Санъ-Луи, длиною болѣе 400 верстъ.

Въ послѣднее время во Франціи ведутся три ряда важныхъ по своему значенію опытовъ. І. Гейльманъ изготовилъ во всѣхъ подробностяхъ проектъ примѣненія электрическаго двигателя къ государственнымъ желѣзнымъ дорогамъ и построилъ весь матеріалъ, нужный для опытовъ. Въ то же время правленіе Сѣверной желѣзной дороги ведетъ опыты и изслѣдованія по тому же предмету подъ руководствомъ своего главнаго инженера Сартіо. Наконецъ компанія линіи Парижъ—Ліонъ—Средиземное море поручила разработку того же вопроса своимъ инженерамъ Боно и Дерозье.

Въ этомъ нумерѣ „Всем. Иллюстраціи“ читатели найдутъ рисунки, представляющіе электрическій локомотивъ упомянутаго выше І. Гейльмана. Но прежде чѣмъ приступить къ описанію этого локомотива, считаемъ не излишнимъ, въ виду важности вопроса и его постановки на очередь въ желѣзнодорожномъ мірѣ, сдѣлать обзоръ тѣхъ преимуществъ, которыя электрическая тяга будетъ имѣть передъ нынѣшнею, паровою. Прежде всего замѣтимъ, что паровозъ представляетъ собою машину, работающую *непрерывно*, во все время его службы въ извѣстномъ поѣздѣ, все равно — летитъ ли онъ на всѣхъ парахъ или стоитъ на станціи; паровозъ — это лошадь, которая непрерывно потребляетъ кормъ во все время работы. Электродвигатель же потребляетъ силу только во время самой работы, а во время остановокъ не требуетъ ея; вычисленія показали, что электрическій двигатель потребуетъ при одинаковыхъ условіяхъ почти вдвое менѣе каменнаго угля (вообще топлива), чѣмъ паровозъ. Этотъ послѣдній долженъ расходовать уголь и при подъемахъ, и при уклонахъ пути; электродвигатель же при уклонахъ, когда поѣздъ движется *самъ*, скатываясь внизъ, можетъ оставаться въ бездѣйствіи и слѣдовательно не расходовать топлива. Итакъ, первая выгода примѣненія электричества — экономія.

Другая существенная выгода электродвигателя — это быстрота. Можно сказать, что быстрота электрическаго поѣзда не ограничена; она зависитъ отъ быстроты вращенія колесъ, а колеса прямо несутъ на своихъ осяхъ катушки электрическихъ машинъ. Если такими катушками снабдить не только колеса локомотива, но и колеса вагоновъ, то выйдетъ, что одно и то же напряженіе силы будетъ вращать сразу *всѣ колеса* поѣзда, которымъ можно (говоря теоретически) придать любое число оборотовъ въ минуту — 1.000, 5.000, 10.000. Конечно, инженеры и не задаются цѣлью пускать поѣзда съ быстротою бомбы; но не подлежитъ сомнѣнію, что скорость въ 60—80 верстъ въ часъ на электрическомъ поѣздѣ можетъ быть достигнута съ гораздо меньшимъ расходомъ силы, чѣмъ при нынѣшнихъ грузныхъ паровозахъ. Такимъ образомъ электродвигатель дастъ возможность проѣхать изъ Парижа въ Петербургъ въ 14 часовъ и въ Константинополь въ 16 часовъ, т. е. втрое или вчетверо быстрѣе, чѣмъ теперь, и это при сравнительно меньшемъ расходѣ топлива. Электрическій курьерскій поѣздъ легко могъ бы ходить со скоростью 200 верстъ въ часъ. Конечно, для достиженія такой быстроты движенія пришлось бы произвести коренныя переустройства желѣзнодорожныхъ линій, но стоимость такихъ передѣлокъ щедро окупилась бы въ короткое время.

Въ числѣ выгодъ электрической желѣзной дороги нельзя не упомянуть и о ея относительной безопасности. Нынѣшній поѣздъ — это рядъ отдѣльныхъ, связанныхъ лишь въ одной точкѣ, вагоновъ, изъ которыхъ каждый самостоятельно подверженъ всѣмъ случайностямъ движенія; въ обыкновенномъ поѣздѣ, какъ и показываетъ практика, каждый отдѣльный вагонъ можетъ сойти съ рельсовъ. Электрическій поѣздъ, напротивъ, представляетъ одно сплоченное цѣлое, связанное общимъ токомъ электрической силы, которая какъ бы прилѣпляетъ его къ рельсамъ. Обыкновенный локомотивъ страшно грузенъ; центръ его тяжести лежитъ высоко; въ немъ есть части, напримѣръ, бакъ съ водою, въ которыхъ центръ тяжести постоянно перемѣщается отъ измѣненія уровня; паровозъ весь трясется, колеблется, качается и передаетъ эти свои движенія поѣзду. Ничего подобнаго не будетъ въ плавно бѣгущемъ электрическомъ поѣздѣ, при которомъ шансы на сходъ съ рельсовъ, несмотря на усиленную быстроту движенія, менѣе, чѣмъ въ паровомъ поѣздѣ. Можно придти къ мысли также о страшной опасности столкновеній двухъ электрическихъ поѣздовъ, несущихся со скоростью 200 верстъ въ часъ. Но и противъ такой, дѣйствительно ужасающей, случайности то же электричество дастъ капитальное средство — электрическій тормазъ, посредствомъ котораго будетъ возможно останавливать поѣздъ почти мгновенно.

Какимъ же образомъ можно примѣнить электри-

Иностранные художники. — Письмецо отъ милаго. Картина Фр. Б. Доубека.

Гравировалъ для »Всемірной Иллюстраціи« Г. Геданъ.

ческую силу къ движенію поѣзда? Представляется три способа такого примѣненія. Во первыхъ, токъ, необходимый для движенія, можетъ быть добываемымъ на самомъ локомотивѣ посредствомъ поставленныхъ на немъ паровой и динамо-электрической машинъ. Таковъ способъ Гейльмана, примѣненный къ локомотиву, представленному на нашихъ рисункахъ. Во вторыхъ, токъ можетъ быть запасенъ въ аккумуляторахъ, которые локомотивъ захватываетъ съ собою со станцій, гдѣ ихъ заряжаютъ; такова система, испытываемая компаніею Сѣверной желѣзной дороги. Наконецъ, въ третьихъ, токъ весьма высокаго напряженія можетъ быть добываемъ на центральныхъ станціяхъ и посылаемъ съ поѣздомъ по рельсамъ или воздушнымъ проводникамъ; этотъ способъ изслѣдуется Боно и Дерозье. Обратимся теперь къ локомотиву Гейльмана.

Локомотивъ Гейльмана, нынѣ испытываемый на правительственныхъ желѣзныхъ дорогахъ, отличается тою особенностью, что въ немъ электрическій токъ добывается на мѣстѣ его потребленія, т. е. на самомъ локомотивѣ, а не доставляется извнѣ, въ видѣ аккумуляторовъ или съ центральныхъ станцій по проводникамъ. На локомотивѣ помѣщена паровая машина системы Брауна; эта машина приводитъ въ движеніе сначала небольшую электрическую машину съ постояннымъ токомъ, такъ называемый возбудитель, а этотъ послѣдній передаетъ движеніе большой динамо-машинѣ, помѣщенной тутъ же на локомотивѣ; возбудитель служитъ какъ бы затравкою для большой машины. Онъ представляетъ нѣчто въ родѣ пистона при ружейномъ зарядѣ. Такимъ образомъ добытый сильный токъ проводится къ катушкамъ, насаженнымъ на осяхъ колесъ поѣзда, причемъ, конечно, такія катушки можно помѣстить либо только на колесахъ локомотива, либо также и на всѣхъ вагонахъ; въ послѣднемъ случаѣ всѣ вагоны поѣзда окажутся самодвижущимися. Какъ только токъ будетъ пущенъ, всѣ оси, несущія катушки, тотчасъ придутъ во вращательное движеніе по тому же направленію и съ тою же скоростью, съ какими будетъ пущена большая центральная машина на локомотивѣ.

О наружномъ видѣ и расположеніи машинъ на локомотивѣ Гейльмана читатели могутъ судить по рисункамъ. Снаружи локомотивъ представляетъ собою просторный кессонъ, спереди сведенный въ грань, подобно носовой части судна; въ стѣнахъ этого большаго кожуха виднѣются окна, двери; снаружи его поставлены фонари, освѣщающіе путь. Задняя половина локомотива вмѣщаетъ паровую машину, надъ которою высится дымовая труба; такимъ образомъ въ электрическомъ локомотивѣ труба приходится позади, а не спереди — выходитъ подобіе обыкновеннаго локомотива, пущеннаго заднимъ ходомъ. Тутъ же на передней части локомотива, рядомъ съ паровою машиною, поставлена сильная динамо-электрическая машина. Все это покоится на просторной платформѣ, поставленной на четырехъ двойныхъ колесныхъ ходахъ. Во всемъ механизмѣ нѣтъ никакихъ возвышающихся грузныхъ частей, а потому центръ его тяжести находится невысоко надъ осями колесъ—обстоятельство, много способствующее устойчивости и ровности хода локомотива и безопасности прохода по значительнымъ кривизнамъ пути.

Многимъ, не посвященнымъ въ таинства ученія о превращеніи силъ, можетъ показаться непонятнымъ это сочетаніе на одномъ локомотивѣ и паровой, и динамо-электрической машинъ. Къ чему, если есть паровая машина, ставить еще электрическую? Зачѣмъ превращать паръ въ электричество, когда можно работать прямо паромъ? Не сопряжено ли это съ тратою на лишнія машины и быть можетъ съ тратою самой силы при ея превращеніи изъ одной формы въ другую? Не вдаваясь въ длинныя разсужденія, скажемъ только, что прямая практика доказала двойную выгоду такого превращенія: съ одной стороны выигрышъ въ качествѣ работы, съ другой — несомнѣнную экономію. Выше мы уже указали на быстроту и плавность движенія электрическаго поѣзда и на меньшій расходъ при немъ топлива. Теперь, въ параллель съ этимъ, укажемъ на другой примѣръ, на электрическое освѣщеніе. Извѣстно, что при немъ электрическій токъ добывается отъ динамо-машинъ, которыя часто приводятся въ движеніе газовыми двигателями. Многимъ казалось почти нелѣпымъ жечь газъ на развитіе электрическаго тока, обзаводиться дорогими машинами и лампами, тогда какъ можно просто за просто сжигать тотъ же газъ въ горѣлкахъ и получать прекраснѣйшій свѣтъ. Но дѣло въ томъ, что не только электрическій свѣтъ во всѣхъ отношеніяхъ превосходитъ газовый (ровностью, силою, отсутствіемъ запаха, духоты отъ множества огней), но, сверхъ того, вычисленія показали, что для полученія одного и того же количества свѣта нужно израсходовать вдвое или втрое меньше газа, превращеннаго въ электричество, чѣмъ при его непосредственномъ сожиганіи въ горѣлкахъ.

Гейльманъ надѣется, что скорость поѣздовъ съ его локомотивомъ легко можетъ быть доведена до 90 и даже 100 верстъ въ часъ безъ существенныхъ измѣненій въ нынѣшнемъ устройствѣ рельсовыхъ путей. Локомотивъ, изображенный на нашемъ рисункѣ, представляетъ собою не окончательно выработанный типъ, а только первую модель, предназначенную для первоначальныхъ опытовъ, которые, быть можетъ, укажутъ на тѣ измѣненія, какія въ ней необходимо будетъ сдѣлать.

ИВАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ МЕЛЬНИКОВЪ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ.

Съ фотографіи любителя В. А. Раздольева.

По поводу двадцатипятилѣтія служенія на Императорской сценѣ.

И. А. Мельниковъ

Артистическая музыкальная дѣятельность вообще, а пѣвца въ особенности, представляетъ весьма трудный путь.

Артистъ въ бурные годы своей художественной творческой дѣятельности тратитъ несравненно болѣе силъ и здоровья, чѣмъ труженикъ по другой специальности.

Вотъ почему немногіе изъ пѣвцовъ находятъ въ себѣ силы пройти длинный путь 25-тилѣтняго служенія на сценѣ, почему публика съ особеннымъ сочувствіемъ относится къ такимъ дѣятелямъ, которымъ судьба, энергія, любовь къ дѣлу помогли прослужить искусству четверть вѣка.

Иванъ Александровичъ Мельниковъ подвизается на артистическомъ поприщѣ пѣвца уже тридцать третій годъ, а на сценѣ Императорской русской оперы — двадцать пять лѣтъ. Онъ съ гордостью можетъ оглянуться на свое прекрасное прошлое, ему, какъ артисту, есть чѣмъ его помянуть.

Сколько вдохновенныхъ, отрадныхъ минутъ пережилъ этотъ глубокоуважаемый артистъ, создавая роли, воплощая, такъ сказать, идеи любимыхъ и обожаемыхъ имъ композиторовъ, сколько чудныхъ впечатлѣній произвелъ онъ на десятки тысячъ слушателей, сколько восторговъ вызвалъ онъ въ нихъ, какое полное артистическое удовлетвореніе вынесъ онъ изъ своей долгой художественной карьеры.

И. А. служитъ поучительнымъ примѣромъ для младшихъ артистовъ, такъ какъ художественная дѣятельность, съ ея упоительными успѣхами, имѣетъ и обратную сторону, состоящую изъ разныхъ непріятностей, являющихся плодомъ зависти другихъ, а главная обратная сторона — это страшное волненіе, которое охватываетъ артиста передъ каждымъ выходомъ его въ отвѣтственной роли. Это всепожирающее пламя страха охватываетъ не только новичковъ, но и самыхъ опытныхъ артистовъ. Его можетъ залить до извѣстной степени успѣшный первый выходъ, но все же до конца спектакля артистъ не можетъ отдѣлаться отъ этого невыносимо томительнаго чувства. Артистъ постоянно боится за свою славу, ревностно ее оберегаетъ, и каждое появленіе его на сценѣ представляется ему опасной борьбой, поединкомъ.

И. А. выступалъ болѣе 900 разъ на здѣшней опер-

ной сценѣ. Можно себѣ представить сколько душевной силы, энергіи нужно было имѣть, чтобы выдержать непомѣрную тяжесть такой массы волненій, чтобы не отказаться продолжать такое долгое испытаніе.

Каждый, понимающій закулисную сторону даже блестящей артистической жизни, согласится съ нами. Вотъ почему 25-ти-лѣтніе юбилеи пѣвцовъ у насъ рѣдки. Полувѣковой художественный путь, хотя и бываетъ усыпанъ розами, но не слѣдуетъ забывать, что у этихъ прелестныхъ цвѣтовъ есть и шипы.

Мы раньше говорили, что И. А. уже 33 года служитъ искусству. Мы какъ теперь помнимъ его молодымъ человѣкомъ, выступившимъ впервые въ 1860 году въ концертѣ безплатной музыкальной школы, находившейся подъ управленіемъ Ломакина.

Мягкій, свѣжій, чарующаго тембра, ровный и отъ природы совершенно правильно поставленный баритонъ сразу обратилъ на себя вниманіе. Затѣмъ И. А. пѣлъ при Высочайшемъ Дворѣ, но успѣхи его не ослѣпили и онъ серьезно сталъ изучать искусство пѣнія у Ропетто. Хотя въ молодости И. А. не готовился къ артистической карьерѣ и, окончивъ воспитаніе въ Коммерческомъ училищѣ, занялся торговлей, но по природѣ это былъ пѣвецъ и судьба натолкнула его на надлежащій путь.

Помимо чуднаго голоса у И. А. есть еще одно неоцѣненное качество — рѣдкая четкость, естественность, простота произношенія. Въ серьезныхъ партіяхъ онъ никогда не прибѣгалъ къ подчеркиваніямъ, а все же давалъ имъ прекрасный рельефъ. Какъ чисто русская натура, И. А. особенно хорошъ въ партіяхъ національнаго характера. Но изъ этого нельзя вывести заключенія, что онъ былъ слабъ въ партіяхъ иностранныхъ оперъ. Первые блестящіе успѣхи г. Мельниковъ имѣлъ въ мартѣ 1867 года въ оперѣ „Пуритане" Беллини.

Нужно замѣтить, что театральная дирекція сразу оцѣнила молодаго пѣвца, который былъ принятъ затѣмъ на Императорскую сцену. Съ тѣхъ поръ И. А. все болѣе и болѣе сталъ завоевывать свое блестящее артистическое положеніе, сталъ самымъ необходимымъ исполнителемъ отвѣтственныхъ ролей. Репертуаръ этого пѣвца обширный. Вотъ оперы, въ которыхъ И. А. выступалъ: „Русланъ и Людмила" Глинки, „Русалка", „Каменный гость" Даргомыжскаго, „Рогнѣда" Сѣрова, „Борисъ Годуновъ" Мусоргскаго, „Нижегородцы", „Гарольдъ" Направника, „Псковитянка", „Майская ночь" Римскаго-Корсакова, „Ратклифъ", „Анжело" Кюи, „Кузнецъ Вакула", „Мазепа", „Евгеній Онѣгинъ", „Орлеанская дѣва", „Опричникъ", „Пиковая дама", „Чародѣйка" Чайковскаго, „Галька" Монюшко, „Демонъ" Рубинштейна, „Князь Игорь" Бородина, „Сарданапалъ" Фаминцына, „Тарасъ Бульба" Кюнера, „Тѣнь воеводы" Гросмана. Изъ иностранныхъ оперъ въ репертуаръ вошли: „Пуритане" Беллини, „Вильгельмъ Телль", „Севильскій цирюльникъ" Россини, „Донъ-Жуанъ" Моцарта, „Тангейзеръ", „Ріэнци" Вагнера, „Риголетто", „Травіата", „Трубадуръ", „Аида" Верди, „Гугеноты" Мейербера, „Бронзовый конь" Обера, „Виндзорскія кумушки" Николаи, „Лючія" Доницети, „Фаустъ" Гуно (партіи Валентина и Мефистофеля), „Карменъ" Бизе, „Манонъ" Массене, „Лалла-Рукъ" Фелисьена Давида. Дѣлая этотъ перечень оперъ, невольно вспоминаешь какъ былъ хорошъ И. А., напримѣръ, въ „Борисѣ Годуновѣ", гдѣ г. Мельниковъ создалъ цѣльный трагическій образъ Годунова. Сколько чувства, теплоты, самобытности выказалъ И. А. въ страдальческомъ образѣ мельника въ „Русалкѣ". Въ этой партіи И. А. можетъ считаться достойнымъ преемникомъ О. А. Петрова, столь геніально создававшаго эту роль. Большую силу таланта развернулъ г. Мельниковъ въ партіи Кочубея въ оперѣ „Мазепа", въ особенности въ сценѣ съ Орликомъ. Какъ меланхолично, съ какимъ bel canto проводилъ г. Мельниковъ партію Вольфрама въ „Тангейзерѣ". Наконецъ коронная роль И. А. — это Русланъ, въ которой артистъ незамѣнимъ.

Юбилейныя чествованія И. А. Мельникова въ Маріинскомъ театрѣ, состоявшіяся 22-го января, должны считаться явленіемъ въ высшей степени отраднымъ. Изъ него видно, что у насъ страстно любятъ искусство и также страстно любятъ его вѣрныхъ и даровитыхъ служителей.

Вотъ краткія біографическія данныя объ артистѣ-юбилярѣ. Иванъ Александровичъ Мельниковъ родился въ С.-Петербургѣ 21-го февраля 1832 года. Отецъ его былъ вольноотпущенный князя С. М. Голицына, пермякъ, управлявшій имѣніями князя Васильчикова; мать была урожденная Кузнецова. Дѣтство И. А. провелъ въ деревенской усадьбѣ кн. Васильчикова, въ новгородской губерніи. Въ 1838 г. его родители переѣхали въ Петербургъ и въ 1841 г. опредѣлили сына въ Анненскую школу, а оттуда перевели вскорѣ въ третью гимназію и затѣмъ помѣстили на казенный счетъ въ Коммерческое училище въ 1843 г. Здѣсь И. А. началъ знакомиться съ музыкой, пѣлъ въ хорѣ, игралъ на скрипкѣ и віолончели. Въ 1850 г. И. А. кончилъ курсъ и получилъ мѣсто переводчика у одного англійскаго инженера, ѣздилъ съ нимъ на Волгу, затѣмъ служилъ въ торговыхъ конторахъ, помогалъ отцу. Въ 1859 г. И. А., по желанію принца П. Г. Ольденбургскаго, пѣлъ, 17-го іюля 1860 г., сочиненную принцемъ кантату, въ Высочайшемъ присутствіи, въ Петергофѣ, на мызѣ принца, и съ этихъ поръ и началась такъ или иначе артистическая дѣятельность почтеннаго юбиляра.

А. В. Гадолинъ †

Огромную потерю понесла недавно русская наука. 15-го декабря истекшаго года скончался въ С.-Петербургѣ одинъ изъ видныхъ ученыхъ, генералъ Аксель Вильгельмовичъ Гадолинъ. Изъ многочисленныхъ ученыхъ трудовъ его большая часть касается военной технологіи. Однимъ изъ первыхъ являются читанные имъ въ Императорскомъ минералогическомъ обществѣ „Наблюденія надъ нѣкоторыми питкерантскими минералами" (Beobachtungen über einige Mineralien aus Pitkäranta). Въ этомъ замѣчательномъ сочиненіи описаны нѣкоторыя рѣдкія формы граната, сѣрнаго колчедана и оловяннаго камня, и приведены факты, указывающіе на водное образованія кварца, граната и всего питкерантскаго рудного пласта. Кромѣ того, изложены опыты надъ дѣйствіемъ кристалло-образовательной силы на разстояніяхъ, черезъ слой посторонняго вещества. Не менѣе важно значеніе труда его „О новыхъ усовершенствованіяхъ по литью чугунныхъ орудій въ Америкѣ", составленнаго на основаніи свѣдѣній, собранныхъ покойнымъ въ бытность его въ Америкѣ въ 1860 г. Результатомъ означеннаго изслѣдованія и нѣсколькихъ другихъ, ранѣе имъ сдѣланныхъ, явились нѣкоторыя, серьезныя преобразованія въ нашей артиллеріи, а именно: измѣненія въ правилахъ приготовленія и пріема чугунныхъ орудій, введеніе отливки этихъ орудій на сердечникѣ съ внутреннимъ охлажденіемъ, введеніе призматическаго пороха и прибора Радмана для опредѣленія давленія пороховыхъ газовъ. Въ 1867 г. появилось въ свѣтъ пріобрѣвшее громкую извѣстность сочиненіе А. В. Гадолина „Выводъ всѣхъ кристаллографическихъ системъ и ихъ подраздѣленій изъ общаго начала". Въ этомъ крайне любопытномъ трудѣ опредѣляется, на основаніи теоретическаго вывода,— какія возможны кристаллографическія группы и чѣмъ характеризуется каждая изъ нихъ; притомъ доказывается невозможность существованія многихъ группъ, введенныхъ прежними учеными, и устанавливаются нѣкоторыя новыя. Достойно вниманія, что многіе изъ выводовъ, сдѣланныхъ нашимъ ученымъ, впослѣдствіи блестяще подтверждены наблюденіями кристаллографовъ. Въ своей статьѣ „О сопротивленіи стѣнъ орудія давленію пороховыхъ газовъ" А. В. Гадолинъ далъ вывódъ формулы Ляше для сопротивленія цилиндровъ внутреннему давленію и показалъ, что эта формула даетъ наибольшій предѣлъ истиннаго сопротивленія. Въ этомъ же трудѣ онъ вывелъ совершенно новую формулу для наименьшаго предѣла сопротивленія цилиндровъ. Способомъ, указаннымъ въ означенномъ трудѣ, воспользовался извѣстный Клебшъ въ своемъ сочиненіи „Theorie der Elasticität fester Körper", для вывода общихъ уравненій равновѣсія твердыхъ тѣлъ. Большая часть изъ многочисленныхъ трудовъ А. В. Гадолина переведены на языки: англійскій, нѣмецкій, французскій, итальянскій и другіе. Объ этихъ трудахъ заграничная печать всегда отзывалась чрезвычайно лестно. Вотъ что, напримѣръ, говорится о нихъ въ одномъ изъ выдающихся англійскихъ журналовъ, который помѣстилъ очень сочувственный некрологъ А. В. Гадолина: „Сообщенія Гадолина производили на слушателей глубокое впечатлѣніе Необыкновенная ясность, съ которою онъ построилъ свои системы кристализаціи, основанныя на законѣ равновѣсія молекулярныхъ силъ, и чрезвычайная простота его изложенія относительно произведенныхъ имъ изслѣдованій, всецѣло основанныхъ на глубокомъ математическомъ анализѣ, сильно напоминаютъ лучшія страницы, вышедшія изъ подъ пера Лапласа".

Генералъ-отъ-артиллеріи, членъ конференціи, почетный членъ и заслуженный профессоръ Михайловской артиллерійской академіи, постоянный членъ артиллерійскаго комитета главнаго артиллерійскаго управленія и экстраординарный академикъ Императорской академіи наукъ, докторъ минералогіи, Аксель Вильгельмовичъ Гадолинъ родился 28-го іюня 1828 г. и въ августѣ 1847 г., по окончаніи курса въ финляндскомъ кадетскомъ корпусѣ, выпущенъ офицеромъ лейбъ-гвардіи въ павловскій полкъ. Въ 1849 году А. В. Гадолинъ окончилъ курсъ по первому разряду въ Михайловской артиллерійской академіи и въ томъ же году назначенъ на должность репетитора физики въ артиллерійскомъ училищѣ. Въ 1861 г. послѣдовало назначеніе покойнаго инспекторомъ классовъ Михайловскаго артиллерійскаго училища, а въ 1867 г. — профессоромъ технологіи въ Михайловской артиллерійской академіи. Кромѣ того онъ занималъ должность инспектора мѣстныхъ арсеналовъ. Въ 1855 г. А. В. Гадолинъ находился въ свеаборгской крѣпости, при бомбардировкѣ ея, 28-го и 29-го іюня, англо-французскимъ флотомъ и за военные подвиги награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени. Въ генералъ-маіоры А. В. произведенъ въ 1866 г., въ генералъ-лейтенанты — въ 1876 г. и въ генералы-отъ-артиллеріи — въ 1890 году. А. В. Гадолинъ состоялъ членомъ очень многихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ обществъ.

Проектъ памятника императору Вильгельму I

Профессора скульптуры Рейгольда Бегаса

Этотъ грандіозный памятникъ императору Вильгельму I только въ послѣднее время утвержденъ императоромъ Вильгельмомъ II, и, вѣроятно, въ самомъ скоромъ времени будетъ приступлено къ его выполненію. Этотъ проектъ профессора Бегаса, одного изъ талантливѣйшихъ современныхъ нѣмецкихъ скульпторовъ, былъ принятъ почти единогласно конкурсной комиссіей; однако, въ самой комиссіи было обращено вниманіе на нѣкоторыя затрудненія, которыя могли встрѣтиться при его выполненіи. Эти затрудненія касались, по преимуществу, мѣстности, гдѣ предполагается поставить памятникъ. Было рѣшено, что памятникъ долженъ быть поставленъ между набережной рѣки Шпрее и королевскимъ замкомъ; размѣры громаднаго памятника, проектированнаго Бегасомъ, казалось, не соотвѣтствовали величинѣ площади и можно было опасаться, что нѣкоторыя части (по преимуществу, архитектурныя) памятника будутъ сдавлены близостью высокихъ зданій, въ то время какъ самая высота памятника казалась несоотвѣтствующей общей постановкѣ, среди которой долженъ быть стоять памятникъ. Кромѣ того и самая площадь по своимъ размѣрамъ и формамъ представлялась негармонирующей съ характеромъ и общими формами памятника. Комиссія высказала свои опасенія и предположенія и затѣмъ предоставила императору Вильгельму II роль единственнаго судьи въ этомъ дѣлѣ. Измѣненный въ этомъ смыслѣ проектъ былъ окончательно утвержденъ.

Памятникъ по этому окончательному проекту будетъ состоять изъ колоссальной конной статуи императора Вильгельма I-го; коня ведетъ торжествующая богиня мира. Конная статуя будетъ поставлена на высокомъ постаментѣ. Вся высота памятника (съ пьедесталомъ и постаментомъ) равняется 21 метру; постаментъ имѣетъ 12 метровъ, а конная статуя — девять. Постаментъ былъ сдѣланъ изъ гранита, по четыремъ угламъ его будутъ поставлены богини побѣды съ лавровыми вѣнками — изъ бронзы. Высокій пьедесталъ со ступенями спереди украшенъ четырьмя львами. На самомъ постаментѣ и внизу различныя подписи со словами: единство, право, законъ, надъ подписью передней части постамента высится императорская корона съ чернымъ орломъ. Вся эта передняя часть постамента посвящена имперіи; на задней части мы видимъ королевскую корону и курфюрстскую цѣпь, а внизу—шлемъ, кольчугу и старую книгу законовъ; на лѣвой сторонѣ цокольной площадки находится рельефное изображеніе благодѣяній мира и олицетвореніе мира; правая сторона представляетъ войну: фурія несется на дикомъ конѣ, она держитъ въ рукѣ зажженный факелъ и сопровождается смертію; человѣкъ съ бичемъ въ рукѣ ведетъ коня къ смерти. Таковъ въ общихъ чертахъ памятникъ и его общее расположеніе.

Но кромѣ того, онъ окруженъ съ трехъ сторонъ грандіозной коллонадой, составляющей полукругъ; задняя часть коллонады обращена къ Шпрее, передняя—къ королевскому замку. Памятникъ находится въ центрѣ этого полукруга. Подобно тому, какъ памятникъ чрезвычайно богато украшенъ аксессуарами, — и коллонады точно также отличаются необыкновеннымъ богатствомъ скульптурныхъ и архитектурныхъ украшеній. Внутри этой полукруглой галлереи, между коллонами будутъ поставлены, на извѣстныхъ разстояніяхъ, статуи знаменитыхъ мужей и дѣятелей имперіи, среди которыхъ, слѣдуетъ надѣяться, будутъ находиться статуи Мольтке, Бисмарка, Мантейфеля, Роона, Вердера и многихъ другихъ. Впереди коллонады предполагается поставить рядъ статуй принцевъ крови и нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей и монарховъ, участвовавшихъ въ возстановленіи германской имперіи, такъ что весь памятникъ вмѣстѣ съ коллонадой одновременно явится какъ бы олицетвореніемъ имперіи и единства Германіи: онъ въ одной общей центральной массѣ соединитъ южную и сѣверную Германію и такимъ образомъ будетъ истинно національнымъ памятникомъ всего германскаго народа. Верхъ полукруглой коллонады точно также богато украшенъ гербами, щитами, коронами, трофеями. Коллонада съ западной и восточной стороны оканчивается грандіозными порталами; на этихъ порталахъ будутъ поставлены двѣ колоссальныя бронзовыя группы, изображающія колесницы, везомыя четырьмя конями; на колесницахъ находятся героини, въ богатомъ одѣяніи, держащія въ рукахъ громадныя знамени. Въ общемъ полукруглая коллонада состоитъ изъ парныхъ коллонъ іоническаго ордена. Общая мысль памятника представляетъ прославленіе, основаніе и послѣдовательное развитіе германской имперіи. Въ длину вся платформа памятника занимаетъ восемьдесятъ метровъ, а въ ширину—сорокъ метровъ; эти размѣры требуютъ, конечно, соотвѣтствующей площади, но въ этомъ отношеніи мѣсто, выбранное для памятника, вполнѣ удобное; памятникъ будетъ виденъ на значительномъ разстояніи со всѣхъ сторонъ и не будетъ сдавленъ строющими зданіями; въ особенности онъ представитъ красивый и величественный видъ

со стороны Lustgarten'a. Общій характеръ памятника — торжественный; конная статуя императора необыкновенно величественная и вполнѣ соотвѣтствуетъ величію характера основателя имперіи; грандіозная колоннада еще болѣе придаетъ торжественный видъ памятнику и представляетъ законченное цѣлое, дающее сильное эстетическое впечатлѣніе. Единственно въ чемъ можно было бы упрекнуть проектъ Бегаса заключается въ слишкомъ большомъ нагроможденіи внѣшнихъ украшеній и атрибутовъ, нѣкоторое злоупотребленіе аллегоріей и эмблемами; это чрезвычайное богатство украшеній придаетъ до извѣстной степени видъ пестроты, которая по всей вѣроятности еще увеличится, благодаря простому граниту и песчаному камню, изъ которыхъ будутъ выполнены архитектурныя части памятника. Таково, по крайней мѣрѣ, впечатлѣніе, получаемое отъ рисунка; очень можетъ быть, что въ дѣйствительности это впечатлѣніе будетъ значительно ослаблено общимъ характеромъ торжественной строгости, величія и какого-то героическаго спокойствія, которымъ отличается памятникъ.

Н. И. Кокшаровъ

НЕКРОЛОГЪ

Кокшаровъ Николай Ивановичъ, ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, докторъ минералогіи и геогнозіи, тайный совѣтникъ, одинъ изъ наиболѣе выдающихся русскихъ ученыхъ, † въ Спб. 21-го декабря 1892 г. Н. И. Кокшаровъ родился 23-го ноября 1818 г. близъ Устькаменогорской крѣпости, Семипалатинской области, на хуторѣ дѣда своего князя С. Д. Эристова. Отецъ его, изъ дворянъ, былъ горнымъ инженеромъ, а мать — рожденная княжна Г. С. Эристова. По окончаніи курса въ корпусѣ института горныхъ инженеровъ онъ поступилъ на службу въ 1837 году. Свою служебную

дѣятельность Н. И. началъ на уральскихъ горныхъ заводахъ, гдѣ минеральныя богатства представляли обильную пищу для его пытливаго ума. Въ 1841 г. онъ былъ командированъ для сопровожденія по Россіи и Уралу извѣстной геологической экспедиціи Мурчисона, и съ этого времени начинается его плодотворная ученая дѣятельность, непрерывно продолжавшаяся болѣе полувѣка и сопровождавшаяся длиннымъ рядомъ открытій. Долго и неутомимо онъ работалъ въ одномъ и томъ же направленіи, занимаясь остроумными гоніометрическими измѣреніями, кристаллографическими опредѣленіями и физико-кристаллографическими наблюденіями. Въ этомъ отношеніи Н. И., по всей справедливости, считался первымъ русскимъ минералогомъ. Съ 1842 по 1845 годъ онъ пробылъ три года за границею, повсюду знакомился съ успѣхами изслѣдованій западныхъ представителей науки, принималъ участіе въ различныхъ геологическихъ экскурсіяхъ, и тогда же рѣшилъ посвятить себя созданію самостоятельной русской минералогіи. Вернувшись въ Россію съ огромнѣйшимъ запасомъ матеріаловъ, Н. И. предался съ увлеченіемъ обработкѣ, получившихъ нынѣ всесвѣтную извѣстность, „Матеріаловъ для минералогіи Россіи". Но помимо своихъ учено-теоретическихъ занятій, покойный открылъ и изслѣдовалъ цѣлый рядъ новыхъ минераловъ: брукитъ, эвклизъ, канкринитъ, ильменорутилъ, мѣдистую слюду и друг., и, кромѣ того, мастерски описалъ множество новыхъ формъ кристалловъ. Въ 1847 г. Н. И. состоялъ профессоромъ минералогіи въ с.-петербургскомъ университетѣ. Впослѣдствіи онъ читалъ лекціи по минералогіи, геологіи и физической географіи и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ: горномъ институтѣ, институтѣ путей сообщенія, лѣсномъ институтѣ, константиновскомъ училищѣ, пажескомъ корпусѣ и друг. Съ 1849 по 1852 годъ покойный состоялъ смотрителемъ главной физической обсерваторіи; въ 1866 г. избранъ ординарнымъ академикомъ; въ томъ же году назначенъ сопровождать въ путешествіи по Уралу покойнаго князя Николая Максиміліановича Романовскаго, герцога Лейхтенбергскаго и, по возвращеніи въ С.-Петербургъ, произведенъ въ чинъ генералъ-майора. Ученая дѣятельность покойнаго весьма обширна и трудно поддается подробному обзору. Множество изслѣдованныхъ покойнымъ русскихъ минераловъ описаны имъ въ мемуарахъ Императорской академіи наукъ, въ разныхъ „Трудахъ" и періодическихъ изданіяхъ русскихъ и иностранныхъ, но капитальнѣйшимъ трудомъ этого выдающагося ученаго являются, безспорно, упомянутые „Матеріалы для минералогіи Россіи". Трудъ этотъ вышелъ въ нѣсколькихъ объемистыхъ томахъ съ богатѣйшимъ атласомъ, заключающимъ около 2.000 оригинальныхъ перспективныхъ и горизонтальныхъ проекцій кристалловъ. Въ настоящее время имѣется одиннадцать томовъ этого обширнѣйшаго труда, и надъ корректурою XII-го тома застигла смерть замѣчательнаго ученаго — творца русской минералогіи. Н. И. принималъ дѣятельное участіе въ качествѣ члена въ горномъ совѣтѣ и горномъ ученомъ комитетѣ и въ должности предсѣдателя въ императорскомъ минералогическомъ обществѣ. Въ 1887 г. праздновался полувѣковой юбилей служебной дѣятельности Н. И., и съ тѣхъ поръ онъ состоялъ почетнымъ членомъ почти всѣхъ университетовъ и академій и множества другихъ ученыхъ учрежденій, какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ. Н. И. былъ кавалеромъ всѣхъ русскихъ орденовъ до брилліантовыхъ знаковъ ордена Александра Невскаго включительно и, кромѣ того, многихъ иностранныхъ орденовъ. Н. И. Кокшаровъ былъ очень талантливый человѣкъ. Онъ писалъ недурные стихи, слѣдилъ за успѣхами литературы, искусствъ и представлялъ собою не малый интересъ, какъ прекрасный собесѣдникъ, личность оригинальная, незаурядная.

Н. Е. Штаденъ

НЕКРОЛОГЪ

Штаденъ Николаей Евстафьевичъ, начальникъ артиллеріи петербургскаго военнаго округа, генералъ-отъ-артиллеріи, † въ Спб. 31 декабря 1892 года, 78 лѣтъ. Воспитаніе Н. Е. получилъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, и съ 1838 года, по окончаніи курса высшихъ наукъ въ этомъ училищѣ, былъ произведенъ въ поручики и началъ службу въ 3-й гвардейской и гренадерской артиллерійской бригадѣ. Въ 1853 году Н. Е. былъ произведенъ въ полковники и назначенъ командиромъ легкой № 2-й батареи л.-гв. 2-й артиллерійской бригады; чрезъ два года получилъ 2-ю сводную резервную артиллерійскую бригаду гвардейской пѣшей артиллеріи; въ 1859 году назначенъ командиромъ 8-й артиллерійской бригады. На 49 году жизни Н. Е. произведенъ въ генералъ-майоры и въ 1867 году назначенъ помощникомъ начальника артиллеріи одесскаго военнаго округа и затѣмъ до 1880 года занималъ должности: начальника артиллеріи казанскаго округа, съ 1876 года — начальника артиллеріи одесскаго округа, а въ 1878 г., во время турецкой кампаніи, — начальника артиллеріи дѣйствующей арміи; съ 10-го же марта 1880 года по день смерти Н. Е. былъ, слѣдовательно въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, начальникомъ артиллеріи петербургскаго округа. Въ генералъ-лейтенанты Н. Е. произведенъ въ 1873 году; въ 1887 году назначенъ совѣщательнымъ членомъ артиллерійскаго комитета главнаго артиллерійскаго управленія, а въ 1890 году произведенъ въ чинъ генералъ-отъ-артиллеріи. Во время своей продолжи-

тельной служебной дѣятельности Н. Е. былъ въ нѣсколькихъ кампаніяхъ: въ 1849 году — противъ мятежныхъ венгровъ; въ 1854 и 1855 годахъ — находился въ составѣ войскъ, охранявшихъ прибрежья петербургской губерніи; во время возстанія въ Царствѣ Польскомъ былъ въ составѣ войскъ кіевскаго военнаго округа и, наконецъ, въ послѣднюю турецкую кампанію — въ предѣлахъ европейской Турціи. Н. Е. былъ кавалеромъ многихъ орденовъ и, между прочимъ, ордена Бѣлаго Орла. Всегда спокойнаго и мягкаго характера, Н. Е. оставилъ по себѣ добрую память какъ среди родныхъ, такъ равно и среди всѣхъ служившихъ съ нимъ.

НЕКРОЛОГЪ

Арцимовичъ Адамъ Антоновичъ, бывшій попечитель одесскаго учебнаго округа, † въ Одессѣ 11-го января, 65 лѣтъ. Сынъ профессора астрономіи, онъ вскорѣ по окончаніи курса въ училищѣ Правовѣдѣнія производилъ, подъ руководствомъ генералъ-адъютанта Анненкова, ревизію гражданской части въ Западной Сибири и обратилъ на себя вниманіе власть имѣвшихъ администраторовъ. На 32-мъ году отъ роду, въ 1860 г., онъ былъ назначенъ самарскимъ губернаторомъ и на него было возложено освобожденіе мѣстныхъ крестьянъ, къ которымъ онъ отнесся съ большой заботливостью и съумѣлъ ихъ интересы отстоять отъ противниковъ освободительной реформы. Въ концѣ 1861 года онъ былъ вызванъ въ Петербургъ для занятій въ комиссіи по введенію уставныхъ грамотъ. Живя въ Петербургѣ, Арцимовичъ былъ введенъ въ кружокъ лицъ, образовавшійся около великой княгини Елены Павловны и постоянными участниками котораго были великій князь Константинъ Николаевичъ и тогдашній министръ народнаго просвѣщенія Головинъ. Въ этомъ кружкѣ впервые возникла мысль объ основаніи Новороссійскаго университета, предназначавшагося для уроженцевъ славянскихъ и вообще христіанскихъ земель Балканскаго полуострова. Осуществленіе мысли было поручено А. А., который, въ качествѣ попечителя одесскаго учебнаго округа, отправился въ 1862 году въ Одессу, гдѣ ему пришлось побороть много препятствій, пока учрежденіе университета стало фактомъ. Онъ былъ попечителемъ до 1866 г. и за четыре года своей дѣятельности на югѣ Россіи принялъ живое участіе въ основаніи Николаевской гимназіи и Одесскаго коммерческаго училища.

Богуславскій Дмитрій Николаевичъ, членъ военно-ученаго комитета, генералъ-лейтенантъ, большой знатокъ восточныхъ языковъ, въ семидесятыхъ годахъ служившій драгоманомъ сперва азіятскаго департамента, потомъ русской миссіи въ Константинополѣ, † въ Спб. 12-го января, 67 лѣтъ.

Воронцовъ Николай Васильевичъ, директоръ горнаго института, тайный совѣтникъ, одинъ изъ лучшихъ русскихъ техниковъ, членъ многихъ ученыхъ обществъ † въ Спб. 15-го января, 58 лѣтъ.

Волокитинъ Николай Ивановичъ, одинъ изъ старѣйшихъ репортеровъ, знатокъ ботаники, авторъ многихъ статей по естествознанію, одно время усердный поставщикъ такъ называемыхъ лубочныхъ изданій, † въ Спб. 15-го января, 59 лѣтъ.

Всеволожскій Дмитрій Андреевичъ, предсѣдатель главнаго морскаго суда, вице-адмиралъ, прослужившій болѣе 60-ти лѣтъ, † въ Спб. 15-го января, 78 лѣтъ.

Палладій, бывшій архіепископъ волынскій, † 13-го января. Онъ воспитывался въ с.-петербургской духовной академіи, въ которой окончилъ курсъ въ 1851 году. Спустя два года, онъ былъ рукоположенъ во священники, и въ этомъ санѣ пробылъ до 1860 г., когда, овдовѣвъ, принялъ монашество. Получивъ въ 1854 году ученую степень магистра богословія, онъ въ 1863 г. былъ назначенъ на должность ректора могилевской духовной семинаріи и эту должность занималъ до 1871 г., когда былъ возведенъ въ санъ епископа выборгскаго. Въ 1876 г. онъ получилъ самостоятельную епископскую каѳедру въ Тамбовѣ, а въ 1885 г. перемѣщенъ на волынскую каѳедру съ возведеніемъ въ санъ архіепископа. Въ 1889 г. онъ былъ уволенъ на покой и съ того времени имѣлъ пребываніе въ Почаевской лаврѣ.

Тимашевъ Александръ Егоровичъ, генералъ-отъ-кавалеріи, генералъ-адъютантъ, † въ Спб. 20-го января. Онъ родился въ 1818 году, образованіе получилъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ (теперь николаевское кавалерійское училище), изъ котораго былъ выпущенъ въ кавалергардскій Ея Величества полкъ и въ 1837 г. произведенъ въ офицеры. Послѣ венгерской кампаніи 1849 г. флигель-адъютантъ Тимашевъ былъ назначенъ начальникомъ штаба 3-го резервнаго кавказскаго корпуса, а послѣ севастопольской войны 1853—1855 гг. начальникомъ штаба 3-го армейскаго корпуса съ производствомъ въ генералъ-майоры съ зачисленіемъ въ Свиту Его Величества. Въ 1856 г. онъ получилъ постъ начальника штаба отдѣльнаго корпуса жандармовъ и управляющаго III отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи, который занималъ болѣе 3 лѣтъ. Съ 1863 года, въ теченіе 2 лѣтъ, онъ состоялъ временнымъ казанскимъ, вятскимъ и пермскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ 1863 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, съ 1867 г. состоялъ министромъ почтъ и телеграфовъ, а послѣ графа П. А. Валуева занялъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ, на которомъ оставался болѣе 10 лѣтъ, до 1878 г., когда былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта.

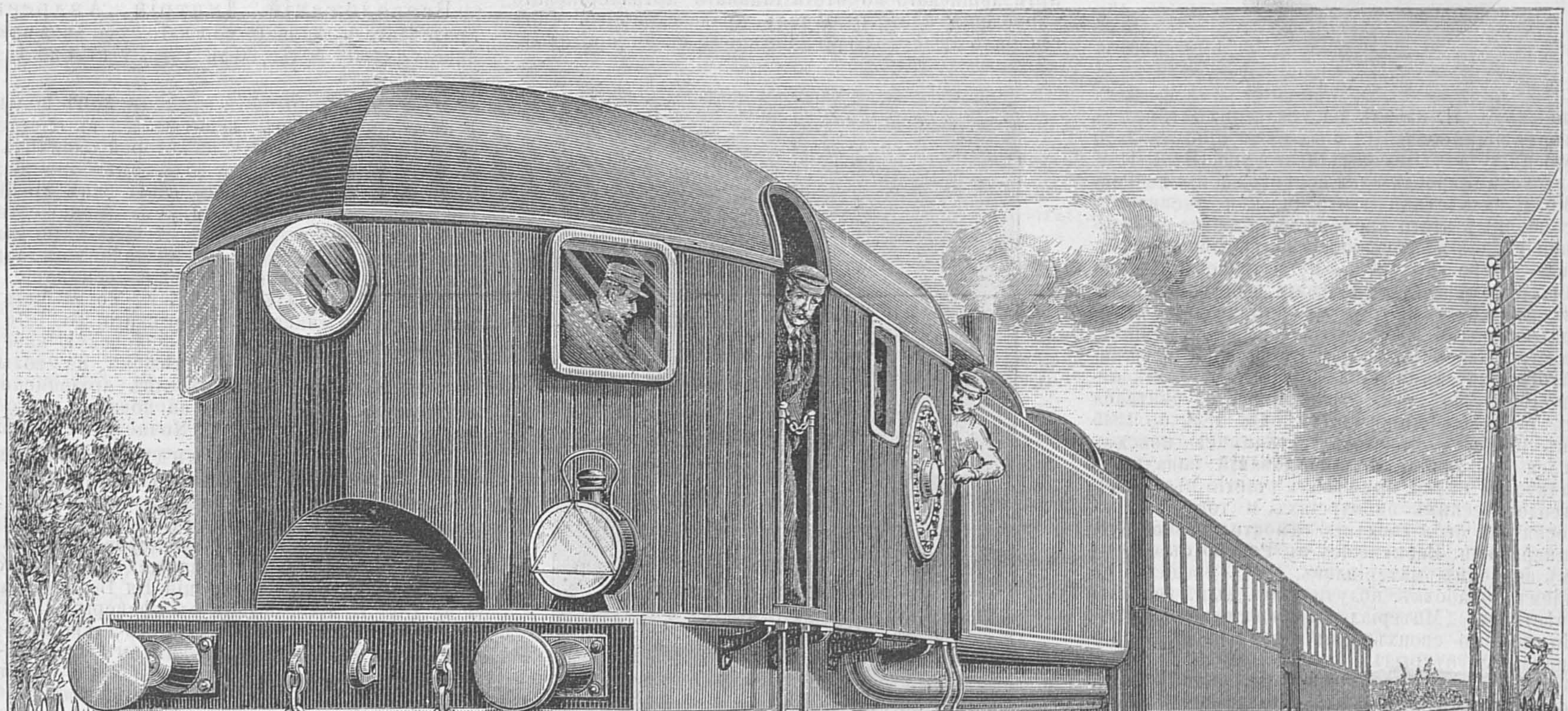
А. А. Архангельскій и его хоръ

Въ послѣдніе годы значительное вниманіе нашего музыкальнаго міра обратилъ на себя хоръ г. Архангельскаго и его руководитель. О нихъ я и хочу поговорить теперь, такъ какъ въ воскресенье, 17-го января, А. А. Архангельскій праздновалъ десятилѣтіе своей дѣятельности.

Всякій знаетъ, какъ трудно у насъ начинать новое дѣло, въ особенности не имѣя за собою ни оффиціальной поддержки, ни большихъ матеріальныхъ средствъ. Сколько разъ дѣло можетъ висѣть на волоскѣ, угрожать распаденіемъ и вовсе не по винѣ того, кто его дѣлаетъ, а въ силу чисто внѣшнихъ обстоятельствъ, выдержать силу которыхъ возможно не всегда и не всякому. Сколько разъ сомнѣнія могутъ овладѣвать нами — есть ли польза, есть ли нужда въ нашемъ дѣлѣ, когда мы видимъ полное равнодушіе къ себѣ и нашей дѣятельности даже и отъ тѣхъ, кто бы могъ и долженъ былъ намъ помочь. Всѣ эти тяжелыя минуты, вѣроятно, не разъ и не два приходилось переживать г. Архангельскому, дѣйствовавшему за свой страхъ и рискъ, никогда не имѣвшему никакихъ оффиціальныхъ покровителей и защитниковъ и встрѣчавшему развѣ что недовѣріе на первыхъ порахъ. Въ Россіи, гдѣ даже церковное пѣніе стоитъ — исключая Петербурга и Москвы — не на должной высотѣ, особеннаго вниманія заслуживаютъ тѣ лица, которыя будятъ въ обществѣ любовь къ хоровому пѣнію, дѣятельность которыхъ является зерномъ, могущимъ дать большіе плоды въ будущемъ. Такимъ и былъ г. Архангельскій; онъ образовалъ большой хоръ, исполненіе котораго довелъ до замѣчательной степени совершенства какъ въ области церковной музыки, такъ и свѣтской, выдвинулъ хоровое пѣніе изъ тѣснаго частнаго круга на широкій общественный путь и пріучилъ публику ходить въ хоровые концерты.

Дѣятельность его была безъ уступокъ дурнымъ вкусамъ и безъ игры въ народность, которою, къ сожалѣнію, порою отличался г. Славянскій. Если просмотрѣть репертуаръ концертовъ г. Архангельскаго, то поразишься обиліемъ и разнообразіемъ матеріала: цѣлыя ораторіи знаменитѣйшихъ классическихъ мастеровъ, Генделя, Баха и др., обѣдни и духовныя произведенія западныхъ и русскихъ композиторовъ, начиная со временъ Орланда Лассо и Палестрины, свѣтская музыка старыхъ итальянцевъ, нидерландцевъ и французовъ, которую у насъ въ прежнія времена нельзя было и услышать, развѣ что въ видѣ исключенія, наконецъ народныя пѣсни разныхъ племенъ. Тутъ его программы представляютъ этнографическій матеріалъ для обозрѣнія всей Европы, потому что изъ всѣхъ государствъ и народностей нашего материка г. Архангельскій не затронулъ развѣ что Турціи и крайняго востока. Весь этотъ матеріалъ приготовленъ безъ чужой помощи, путемъ личной энергіи и труда г. Архангельскаго. Отдавая должное этимъ свойствамъ г. Архангельскаго, не слѣдуетъ забывать также и его общей даровитости. Его способности обнаружились, когда онъ поступилъ въ духовное училище въ Краснослободскѣ (г. Архангельскій уроженецъ пензенской губерніи). Тутъ уже онъ обратилъ на себя вниманіе окружающихъ своимъ голосомъ и рѣдкимъ слухомъ. Преосвященный Варлаамъ, занимавшій тогда пензенскую каѳедру, замѣтилъ тотчасъ даровитаго мальчика. По желанію преосвященнаго Архангельскаго перевели въ пензенское духовное училище и приняли въ составъ архіерейскаго хора. Когда епископъ Варлаамъ былъ переведенъ на тобольскую каѳедру, онъ поручилъ юношу попеченіямъ своего замѣстителя, преосвященнаго Антонія, получившаго такое довѣріе къ Архангельскому, что, несмотря на молодость послѣдняго, онъ передалъ ему управленіе архіерейскимъ хоромъ. Въ это же время на него обратилъ вниманіе и извѣстный знатокъ древне-церковной музыки Н. М. Потуловъ, находившійся тогда въ Пензѣ; онъ немало способствовалъ его широкому знакомству съ церковными произведеніями и разъясненію его взглядовъ въ этой области. Тѣмъ не менѣе казалось одно время, что молодой человѣкъ свернетъ съ выбраннаго, близкаго ему, пути. Г. Архангельскій, окончивъ семинарію, поступилъ было въ медико-хирургическую академію. Медицина, однако, пришлась ему не по душѣ, и онъ вскорѣ перешелъ въ технологическій институтъ. Плачевное матеріальное положеніе лишило его возможности продолжать техническое образованіе, и молодой студентъ принужденъ былъ поступить въ контрольную палату. Но канцелярія пришлась ему не по душѣ, какъ не пришлась по сердцу и другому музыканту — покойному М. П. Мусоргскому. Онъ рѣшилъ вернуться на то поприще, которое манило его съ дѣтства, — къ музыкѣ. Получивши дипломъ изъ пѣвческой капеллы, онъ былъ назначенъ затѣмъ учителемъ пѣнія въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ. Въ началѣ 1880 года онъ образовалъ небольшой хоръ въ 16—18 человѣкъ сперва исключительно для церковныхъ службъ въ почтамтской церкви. Въ 1883 году хоръ этотъ насчитывалъ уже 50 участниковъ, и г. Архангельскій рѣшился дать съ нимъ первый публичный концертъ въ залѣ кредитнаго общества. Этотъ концертъ имѣлъ полный успѣхъ, и съ него начинается и извѣстность г. Архангельскаго и

А. А. АРХАНГЕЛЬСКІЙ,
руководитель концертнаго хора.
Съ фотографіи М. Андреева гравировалъ Б. П. Пуцъ.
По поводу десятилѣтія музыкальной дѣятельности.



Электрическій поѣздъ на ходу.

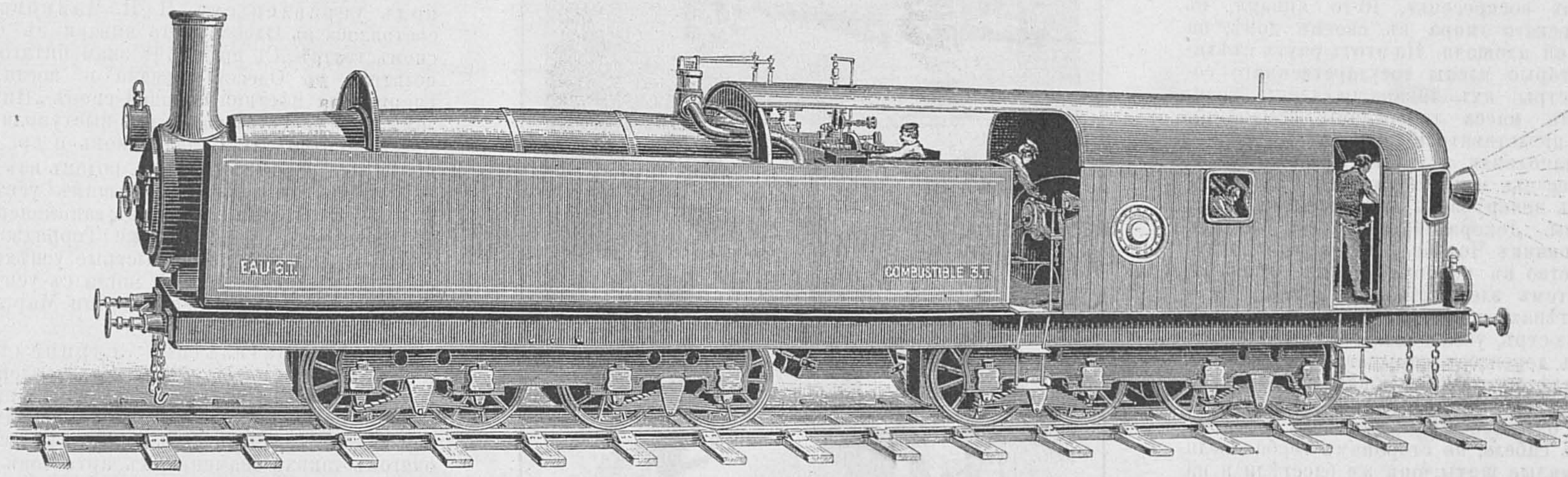
Новости электротехники. — Электрическій локомотивъ І. І. Гейльманна.

Генералъ ЛУАЗИЛЬОНЪ,
военный министръ.

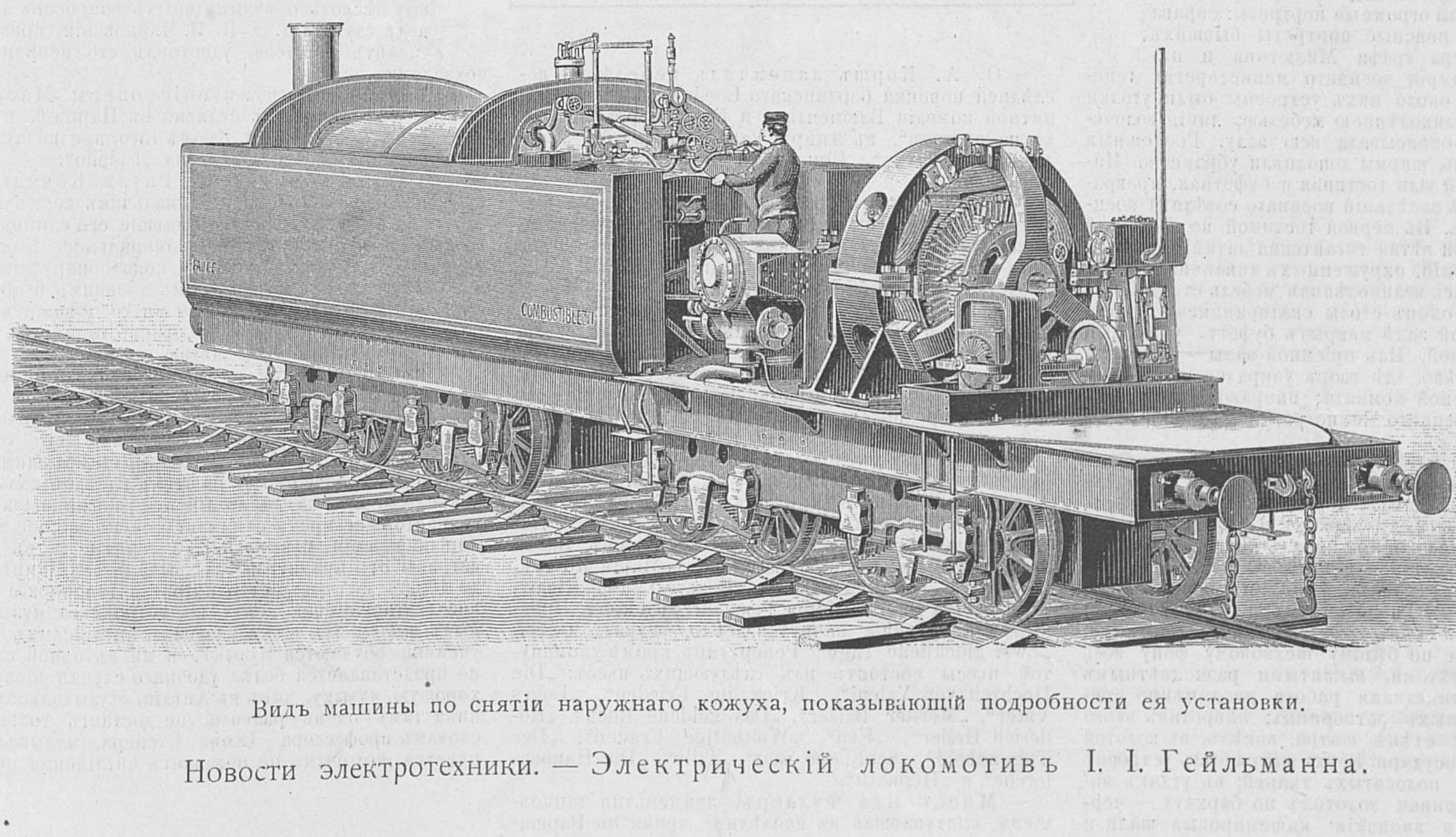
ВИЖЕ,
министръ земледѣлія.

Адмиралъ РЬЕНЬЕ,
морской министръ.

Франція. — Новые министры.



Задняя часть машины. Передняя часть машины.



Видъ машины по снятіи наружнаго кожуха, показывающій подробности ея установки.

Новости электротехники. — Электрическій локомотивъ І. І. Гейльманна.

широкая его дѣятельность въ области хороваго пѣнія. Увеличивая и совершенствуя съ каждымъ годомъ свой хоръ, г. Архангельскій сталъ чаще и чаще выступать публично, сперва ограничивши репертуаръ только русскими народными пѣснями. Эти пѣсни имѣли не малую цѣнность, потому что были записаны съ сохраненіемъ въ возможной неприкосновенности ихъ своеобразной гармонизаціи и формы, чѣмъ и отличались отъ пѣсень, нерѣдко появлявшихся въ искаженномъ видѣ у другихъ на концертной эстрадѣ. Затѣмъ г. Архангельскій прибавилъ къ репертуару своего хора духовныя произведенія классическихъ композиторовъ, что сразу подняло репутацію хора и установило за нимъ имя такого солиднаго учрежденія, что въ 1887—88 году г. Архангельскій могъ дать уже рядъ историческихъ концертовъ, имѣвшихъ шумный успѣхъ, и познакомить петербургскую публику съ рядомъ интереснѣйшихъ и новыхъ для нея произведеній и авторовъ. Извѣстность хора и его дирижера упрочилась на столько, что имъ приходится часто выступать уже не въ своихъ только собственныхъ концертахъ, но и въ чужихъ—въ музыкальномъ обществѣ, патріотическомъ и др., и даже отправляться въ другіе города, напр. въ Москву, гдѣ хоръ г. Архангельскаго участвовалъ въ концертахъ филармоническаго общества. Г. Архангельскій заявилъ себя и опытнымъ композиторомъ церковной музыки. Онъ сдѣлалъ для хора много переложеній старинныхъ церковныхъ напѣвовъ; имъ переложены литургія, всенощная, сочинены заупокойная литургія, панихида, много отдѣльныхъ пѣснопѣній, отдѣльныхъ служебныхъ нумеровъ и т. д. Вездѣ видна общая даровитость композитора и полное знаніе дѣла. Въ недавнее время имъ изданъ сборникъ, куда вошли церковныя службы на всѣ праздники.

Раутъ въ честь бухарскаго эмира

Блестящій раутъ дало военное министерство въ воскресенье, 10-го января, въ честь бухарскаго эмира въ своемъ домѣ, на Исаакіевской площади. На этотъ раутъ съѣхались нѣкоторые члены государственнаго совѣта, министры, ихъ товарищи, члены военнаго совѣта, масса генераловъ, командиры полковъ и представители гвардіи. Болѣе 300 человѣкъ наполнили залы. Въ субботу и весь день воскресенья шли приготовленія къ пріему эмира, и къ вечеру залы министерства стали неузнаваемы. Декоративною частью завѣдывалъ полковникъ Чеховичъ и проявилъ здѣсь свое искусство въ полномъ блескѣ. Сѣни, залитыя свѣтомъ электрическихъ лампъ, висящихъ на стѣнахъ и спускающихся съ потолка въ видѣ люстръ, уставлены были шпалерами тепличныхъ деревьевъ, скрывавшихъ вѣшалки. На площадкѣ взглядъ входящаго устремлялся на огромный щитъ съ гербомъ св. Георгія Побѣдоносца, окруженный сіяніемъ изъ штыковъ и клинковъ сабель; по сторонамъ герба были такіе же малые щиты; они же блестѣли и на стѣнахъ лѣстницы, а въ нишахъ закрытыхъ щитами оконъ стояли манекены средневѣковыхъ рыцарей въ шлемахъ съ забралами (изъ артиллерійскаго музея). Площадка лѣстницы вся представляла какъ бы аллею сада. Въ пріемной залѣ на стѣнахъ висѣли огромные портреты: справа Императоровъ и поясные портреты бывшихъ военнаго министра графа Милютина и начальника канцеляріи военнаго министерства генерала Кауфмана; около нихъ устроены были уголки гостиныхъ съ великолѣпною мебелью; линія золоченыхъ стульевъ опоясывала всю залу. Роскошныя лампы, вазы, буль, ширмы дополняли убранство. Налѣво изъ пріемной шли гостиная и буфетная, превращенныя изъ залъ засѣданій военнаго совѣта и военныхъ комитетовъ. Въ первой гостиной по серединѣ распростерла свои вѣтви гигантская латанія, выходя изъ группы растеній, окруженныхъ диванчиками. Въ углахъ красовалась великолѣпная мебель стиля Louis XV и fantaisie; у оконъ столы екатерининскіе, стиля empire. Въ другой залѣ накрытъ буфетъ, убранный роскошной бронзой. Изъ пріемной залы — красивая перспектива налѣво, гдѣ взоръ упирался въ группу пальмъ въ буфетной комнатѣ; направо былъ входъ въ кабинетъ военнаго министра, превращенный въ комнату эмира.

Эта комната chef-d'oeuvre декоративнаго искусства; въ ней былъ раскинутъ шатеръ изъ драгоцѣнныхъ ковровъ турецкихъ, персидскихъ, текинскихъ, а также японскихъ, китайскихъ и индійскихъ тканей. Первый взглядъ прямо падалъ на задвюю стѣну шатра, на голубую атласную китайскую скатерть, вышитую золотыми драконами, птицами и обрамленную розоватозолотистымъ полотенцемъ индійской парчи; коверъ на правой стѣнѣ тоже своего рода картинка; онъ небольшой и по бѣлому шелковому фону весь былъ залитъ цвѣтами, вышитыми разноцвѣтнымъ шелкомъ; эта египетская работа несомнѣнно происходитъ изъ гаремныхъ затворницъ; напротивъ этого ковра, на другой стѣнѣ шатра, висѣлъ, въ золотой рамѣ, портретъ Государя. Верхъ шатра былъ устроенъ изъ бухарскихъ полосатыхъ тканей; въ углахъ висѣли чудныя вышивки золотомъ по бархату — черкесскія работы и японскія кашемировыя шали и персидскія ткани служили драпировками у оконъ; въ углахъ шатра стояли группы латаній и пальмъ, и надъ ихъ зеленою листвою просвѣчивали красныя электрическія лампочки; сверху спускалась электрическая люстра, задрапированная бухарскими тканями. Тахты, мягкая мебель вся восточныхъ рисунковъ, парчевая кушеточка, восточныя вазы, мавританскіе столики слоновой кости съ инкрустаціею изъ перламутра были разбросаны въ шатрѣ; на лѣвомъ углу на столикѣ поставлены были фрукты и сладости. Вездѣ было электрическое освѣщеніе, но, кромѣ того, горѣли люстры, лампы, канделябры.

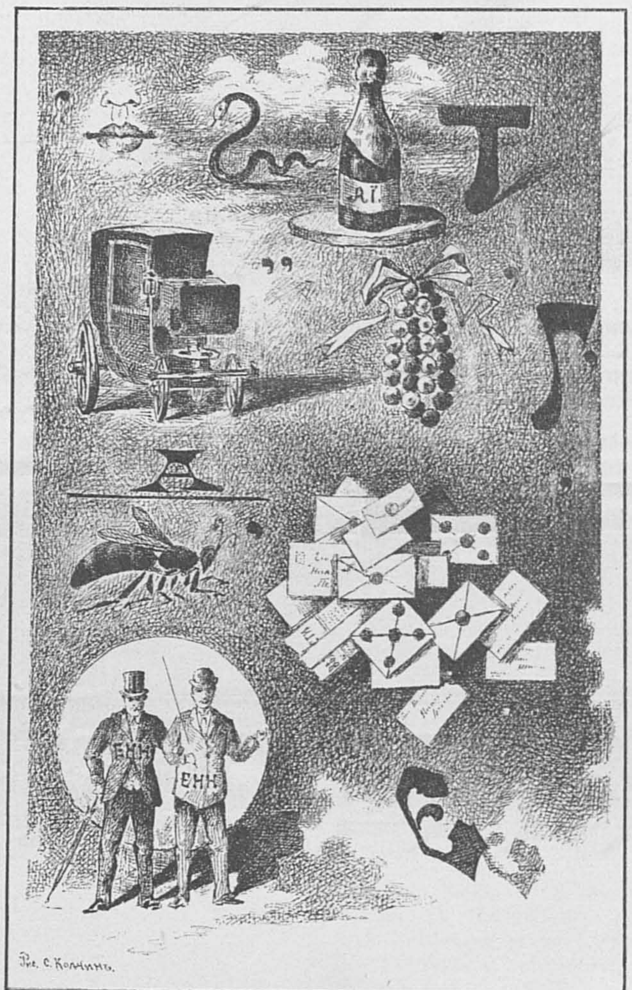
Театръ, музыка, искусства

Театръ и музыка

— Труппа московскаго частнаго театра Корша въ теченіе великаго поста будетъ гастролировать въ Варшавѣ, а на Святой пріѣдетъ въ Петербургъ.

— Изъ провинціальныхъ театровъ наилучшіе сборы даетъ саратовскій театръ, гдѣ играетъ оперно-драматическая труппа. Во время оперныхъ спектаклей залъ театра всегда полонъ.

Ребусъ № 3-й



— Ѳ. А. Коршъ закончилъ передѣлку послѣдней новинки берлинскаго Lessingtheater—трехъактной комедіи Блюменталя и Кадельбурга „Поѣздка на востокъ", въ жанрѣ, какъ передаютъ, „Столичнаго воздуха". Комедія будетъ дана въ театрѣ г. Корша.

— Г-жа Сара Бернаръ находится въ настоящее время во Флоренціи, гдѣ она и играетъ на театрѣ Николини. Г-жа Сара Бернаръ особенно любима цвѣтомъ high life'а Флоренціи, и билеты на ея представленія разбираются на-расхватъ.

— Миссъ Эдиссонъ, извѣстная престидижитаторша и иллюзіонистка, американка, подвизавшаяся лѣтомъ прошлаго года на сценѣ Зоологическаго сада, возвратилась въ Петербургъ изъ турнэ, совершеннаго ею за границею и по Россіи. Г-жа Эдиссонъ предполагаетъ снова дать рядъ представленій въ одномъ изъ здѣшнихъ театровъ.

— Въ составъ нѣмецкой труппы, которая будетъ давать представленія въ теченіе поста въ Александринскомъ театрѣ подъ управленіемъ г. Бока, входятъ слѣдующія лица: гг. Альбертъ Эккертъ, Пауль Деннке, Оскаръ Кеслеръ, Адольфъ Клейнъ, Вилли Краусъ и проч.; г-жи Луиза Дюмонъ, Марія Мозеръ-Шпернеръ, Іоганна Шатцъ, Вильгельмина Шлютеръ, Лотта Виттъ, Марія Гюстингеръ и проч. Представленія труппы начнутся 14-го февраля пьесой „Zwei glückliche Tage". Репертуаръ кромѣ упомянутой пьесы состоитъ изъ слѣдующихъ пьесъ: „Die Hochzeit von Valeni", „Krieg im Frieden", „Lolo's Vater", „Meister Balzer", „Das goldene Buch", „Roderich Heller", „Eva", „Wolthätige Frauen", „Der Tugendbold", „Schlimme Saat", „Tilly". „Die Haubenlerche" и „Heimath".

— Миссъ Ида Фуллеръ, знаменитая танцовщица, выступавшая въ послѣднее время въ Варшавѣ, недавно начала свои гастроли въ Москвѣ. Она предполагаетъ дать цѣлую серію представленій въ Москвѣ.

— Отъ дирекціи спб. отдѣленія „Императорскаго русскаго музыкальнаго общества" по двумъ конкурсамъ на премію: а) лучшія вновь сочиненныя русскія застольныя пѣсни и б) за сочиненіе симфоніи объявляется, что особыя коммиссіи, выбранныя художественнымъ совѣтомъ спб. консерваторіи, по подробномъ разсмотрѣніи представленныхъ сочиненій, не признали возможнымъ присудить какому либо изъ нихъ назначенныхъ премій. Вслѣдствіе этого присланныя въ консерваторію сочиненія могутъ быть подателямъ ихъ возвращены обратно порядкомъ, указаннымъ въ объявленіи объ открытіи означенныхъ конкурсовъ. При этомъ, такъ какъ двѣ изъ представленныхъ восьми симфоній, а именно подъ девизами: „Выйдетъ въ полѣ травка, выростетъ и колосъ" и „Авось", по заключенію коммиссіи, изобличаютъ талантливость авторовъ и не безъинтересны въ музыкальномъ отношеніи, а потому заслуживаютъ поощрительнаго отзыва, то дирекція, руководствуясь ст. 3 устава „Императорскаго русскаго музыкальнаго" общества, положила: назначить упомянутыя двѣ симфоніи къ исполненію, если авторы ихъ объявятъ свою фамилію.

— Опера Н. А. Римскаго-Корсакова „Млада" будетъ представлена 25-го января и 3-го февраля на сценѣ Маріинскаго театра. 27-го января въ томъ же театрѣ состоится дебютъ г-жи и г-на Пиккалуга въ оперѣ „Риголетто", причемъ г-жа Пиккалуга выступитъ въ роли Джильды, а г. Пиккалуга въ роли герцога.

— Въ будущемъ оперномъ сезонѣ, по слухамъ, будетъ возобновлена опера Ц. А. Кюи „Ратклифъ", по случаю двадцатипятилѣтія со дня ея перваго представленія. Авторъ изъявилъ желаніе заново оркестровать эту оперу.

— Композиторъ г. Танѣевъ оканчиваетъ сочиненіе оперы, названіе которой еще неизвѣстно. Она будетъ въ скоромъ времени представлена на разсмотрѣніе дирекціи императорскихъ театровъ.

— Дочь Д. А. Славянскаго, Н. Д. Хлѣбникова-Славянская, организовала свою капеллу, съ которою и предприняла музыкальное tournée. Капелла въ началѣ января дала концертъ въ Вильнѣ.

— Первое симфоническое собраніе подъ управленіемъ П. И. Чайковскаго состоялось въ Одессѣ 16-го января въ городскомъ театрѣ. Съ пріѣздомъ знаменитаго композитора въ Одессу совпала и постановка впервые на мѣстной оперной сценѣ „Пиковой дамы". Въ качествѣ солистовъ выступили: г-жа Софія Ментеръ, гг. Сапельниковъ и др.

— Г-жа Днѣстровская, родомъ изъ Одессы, дебютировавшая съ большимъ успѣхомъ въ Италіи, пріѣхала въ Миланъ; занимаясь подъ руководствомъ артистки г-жи Торриджи-Гейретъ, она сдѣлала такіе быстрые успѣхи, что послѣ 4 мѣсяцевъ занятій могла съ успѣхомъ выступить въ отвѣтственной роли Маргариты въ „Фаустѣ" Гуно.

— Двѣнадцатилѣтній скрипачъ К. Думчевъ удостоился быть представленнымъ П. И. Чайковскому въ Одессѣ мѣстнымъ піанистомъ г. Фельдау. Молодой артистъ имѣлъ случай доказать свой талантъ передъ цѣлымъ ареопагомъ такихъ знаменитыхъ артистовъ, какъ гг. Чайковскій, Сапельниковъ и г-жа Софія Ментеръ, собравшихся у г. Фельдау. Юный скрипачъ сыгралъ „Reverie" Шумана, „Балладу" и „Полонезъ" Вьетана и собственную „Мазурку"; кромѣ того, г. Чайковскій сдѣлалъ ему нѣсколько музыкальныхъ вопросовъ по поводу слуха и т. д. П. И. Чайковскій, призналъ талантъ Думчева, удостоилъ его искренними похвалами.

— Первое представленіе оперы Массене „Вертеръ" состоялось недавно въ Парижѣ, въ театрѣ Комической Оперы. Кромѣ того, предполагается возобновленіе оперы Бетховена „Fidelio".

— О двухъ концертахъ Рауля Кочальскаго сообщаютъ изъ Лейпцига: мальчикъ всѣхъ поразилъ своею игрой, и всѣ слышавшіе его единодушно сознаются, что это нѣчто феноменальное. Композиторскій его талантъ, который пока обнаруживается лишь искусснымъ подражаніемъ древнимъ и новымъ образцамъ, повидимому, также много обѣщаетъ впереди. Несмотря на юный возрастъ піаниста, грудь его уже украшена тринадцатью орденами.

— Элеонора Дузе со всею своею труппой отправилась недавно на гастроли въ Нью-Іоркъ.

— Въ Лондонѣ состоялось недавно 8-е годичное засѣданіе музыкальнаго общества. Публика и печать слѣдили съ большимъ интересомъ за сообщеніями на этихъ засѣданіяхъ, тѣмъ болѣе, что музыка въ англійской жизни и школахъ въ настоящее время занимаетъ очень важное мѣсто. Для поощренія музыкальныхъ занятій и въ видѣ награды отъ правительства выдано въ одинъ годъ 16.000 фунтовъ стерлинговъ. Лондонскіе цехи внесли также свою лепту для устройства музыкальныхъ школъ. Во всѣхъ классахъ англійскихъ школъ ученики обучаются музыкѣ, и ни въ одной странѣ не представляется болѣе удобнаго случая послушать хорошую музыку, какъ въ Англіи. Музыкальная техника тамъ очень развита, не достаетъ только, по словамъ профессора Джона Стенера, музыкальнаго чувства, которымъ не обладаетъ англійская нація.

ИГРЫ и ЗАБАВЫ

ШАХМАТЫ

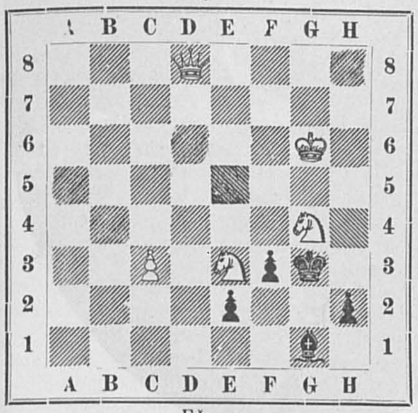
подъ редакціей **А. П. Шишкина**

ЗАДАЧА № 1541

Iosef Jána

Изъ „Svêtosor".

Черные



Бѣлые

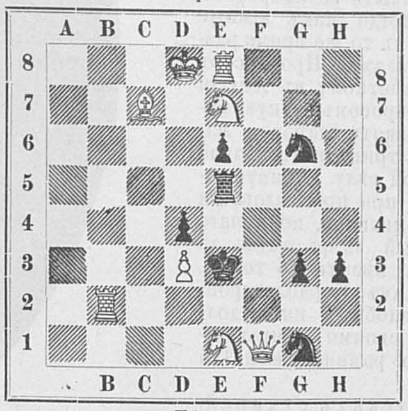
Матъ въ 3 хода.

ЗАДАЧА № 1542

I. A. Kos

Изъ „Deutsche Schachzeitung"

Черные



Бѣлые

Матъ въ 2 хода.

ПАРТІЯ № 1022

2-я партія матча; играна въ московскомъ собраніи врачей 1-го января 1893 года.

Дебютъ ферзевыхъ пѣшекъ

	А. В. Соловцовъ Бѣлые	М. И. Чигоринъ Черные		Бѣлые	Черные		Бѣлые	Черные
1.	d2—d4	d7—d5	18.	a5—a6	Ф e7—c7	35.	К b4—c6	Л d8—a8
2.	К g1—f3	К g8—f6	19.	g2—g3	К f8—e6	36.	К c6—b4	Л e8—d8
3.	e2—e3	c7—c6	20.	К c3—a2*d*)	К e6—g5	37.	Л e1—c1	К f6—e4
4.	c2—c4	e7—e6	21.	К a2—b4	Ф c7—d7	38.	g3—g4	f7—f5
5.	К b1—c3	С f8—d6	22.	К b3—d2*e*)	Ф d7—h3	39.	g4 : f5*i*)	Ф g6 : f5
6.	c4—c5 (*a*)	С d6—c7	23.	С e2—f1	Ф h3—h6	40.	С b2—c3	Л d8—f8
7.	b2—b4 (*a*)	К b8—d7	24.	h2—h4	К f6—g4	41.	К f1—d2	К e4—g5!
8.	С f1—e2	e6—e5	25.	С f1—g2	С c8—f5	42.	К b4 : d5	Ф f5—g4*k*)
9.	С c1—b2	Ф d8—e7	26.	К d2—f1*f*)	К g5—e6	43.	Л c1—e1*l*)	Ф g4 : h4
10.	a2—a4	0—0	27.	f2—f4*g*)	e4 : f3	44.	К d5 : c7	К e6—g5
11.	b4—b5	Л f8—e8	28.	Ф d1 : f3	Ф h6—g6	45.	К c7 : a8*m*)	К g5—h3†
12.	0—0	С c7—a5*b*)	29.	К b4 : c6	С f5—e4	46.	Кр g1—h2	К h3—f4†
13.	Л f1—e1	e5—e4	30.	Ф f3—d1	С b8—c7	47.	Кр h2—g1	К f4 : g2
14.	К f3—d2	К d7—f8	31.	С g2 : e4	Ф g6 : e4	48.	Кр g1 : g2	Ф h4—g4
15.	К d2—b3	С a5—c7	32.	Ф d1—d2	Ф e4—g6		Бѣлые сдались.	
16.	a4—a5	С c7—b8*c*)	33.	Ф d2—g2	К g4—f6			
17.	b5 : c6	b7 : c6	34.	К c6—b4*h*)	Л a8—d8			

Примѣчанія къ партіи

a) Эту аттаку пѣшками на ферзевомъ флангѣ впервые началъ практиковать (успѣшно, впрочемъ, только на первыхъ порахъ и не совсѣмъ удачно впослѣдствіи) —покойный Цукертортъ.

М. И. Чигоринъ считаетъ ее неудовлетворительной.

b) Угрожая выиграть пѣшку: 13... e5 : d4 и если 14. Ф d1 или К f3 : d4, то, очевидно, 14... Ф e7 или К d7 : c5, если же 14 e3 : d4, то 14... С a5 : c3 и 15.. Ф e7 : e2, выигрывая фигуру.

c) Чтобы не быть вынужденнымъ послѣ b5—b6 мѣняться пѣшками, такъ какъ М. И. Чигоринъ считаетъ невыгоднымъ для черныхъ продолженіе — 17. b5—b6, С c7—b8; 18. b6 : a7, С b8 или Л a8 : a7; 19. К c3—a4 и затѣмъ К a4—b6.

d) Съ цѣлью аттаковать пѣшку c6 конями: 21. К a2—b4 и 22. К b3—a5.

e) Если теперь 22. К b3—a5, то 22... Ф d7—h3 (угрожая 23... К f6—g4 и т. д.); 23. С e2—f1 (23. f2—f3?, С b8 : g3; 24. h2 : g3, Ф h3 : g3†; 25. Кр g1—h1, e4 : f3; 26. С e2—f1, К f6—g4; 27. Ф d1—d2; f3—f2 и въ слѣдующій ходъ матъ), Ф h3—h6 (угрожая 24... К g5—f3†); 24. С f1—g2 (На 24. С f1—e2 могло бы послѣдовать 24... К g5—h3†; 25. Кр g1—g2, К h3 : f2 и если 26. Кр g2 : f2, то 26... Ф h6 : h2† и 27... С c8—h3×), С c8—g4; 25. Ф∞, К g5—f3†; 26. С g2 : f3, С g4 : f3 (угрожая 27... Ф h6—h3); 27. h2—h4, g7—g5 и черные должны выиграть.

f) На 26. h4 : g5 послѣдовало бы, какъ указываетъ М. И. Чигоринъ 26... Ф h6—h2†; 27. Кр g1—f1, К g4 : f2; 28. Кр f1 : f2, С b8 : g3†; 29. Кр f2—f1 С f5—h3 и если 30. Ф d1—e2, то 30... Ф h2—h1×.

g) Чтобы предупредить опасный для бѣлыхъ ходъ 27... g7—g5.

h) На 34. К c6—e5, конечно, послѣдовало бы 34... С c7 : e5; 35. d4 : e5, К f6—e4 и бѣлымъ едва ли возможно было бы удержать свои слабыя изолированныя пѣшки.

i) Если 39. g4—g5, то 39... Ф g6—h5 и если 40. Ф g2—h3, то 40... К e6 : g5, если же 40. Ф g2—h1, то 40... Ф h5—g4† и 41... Ф g4 : h4.

k) Угрожая 43... К g3—e2†; 44. Кр g1—h1, Ф g4 : h4† и въ слѣдующій ходъ матъ.

l) На 43. К d5 : c7 послѣдовало бы, какъ указываетъ М. И. Чигоринъ, 43... К g3—e2†; 44. Кр g1—h1, Ф g4 : h4†; 45. Ф g2—h2, Ф h4 : h2†; 46. Кр h1 : h2, К e6 : c7 и если 47. Л c1—c2, то 47... К e2 : c3; 48. Л c2 : c3, Л f8—f2† и 49... Л f2 : d2.

m) Бѣлые теперь не могутъ спасти своего ферзя, такъ если они отступятъ имъ по діагонали ah, то черные, сыгравъ К g5—e4 и угрожая матомъ на h1, все равно вынудятъ бѣлыхъ жертвовать ферзя.

Матчъ М. И. Чигорина съ А. В. Соловцовымъ окончился побѣдой перваго, выигравшаго 4 партіи подъ-рядъ.

Матчъ А. М. Бѣлина съ М. И. Чигоринымъ тоже окончился. М. И. Чигоринъ выигралъ 5 партій, А. М. Бѣлинъ — 2.

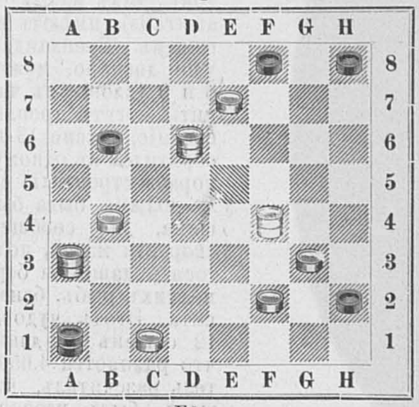
Всю корреспонденцію по шахматному и шашечному отдѣлу просимъ адресовать въ редакцію журнала „Всемірная Иллюстрація": Садовая ул., 22.

ШАШКИ

ЗАДАЧА № 27

Ф. М. Уткина (въ Муромѣ)

Черные



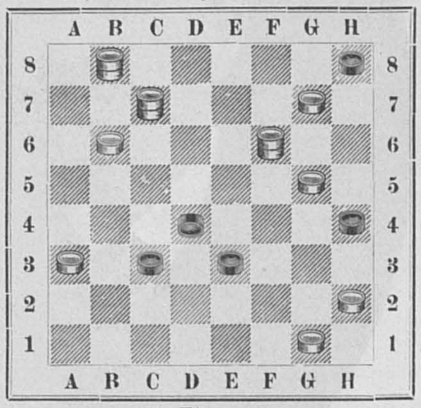
Бѣлые

Запереть простую.

ЗАДАЧА № 28

Е. Ѳ. Андрезена (въ СПБ.)

Черные



Бѣлые

Запереть дамку и простую.

РѢШЕНІЯ ЗАДАЧЪ въ № 1244

№ 19. *Ф. М. Уткина* (въ Муромѣ). 1. b2—a3, e5 : a1; 2. c5—d6, c7 : e5; 3. d2—c3, a1 : d4; 4. f8—d6, e5 : c7; 5. h6—g7, f6 : h8; 6. h4 : e3, f4 : d2; 7. e1 : c3 и если 7... h8—g7, то 8. a3—b4; если же 7... a5—b4, то 8. a3 : c5, h8—g7; 9. c1—e3, g7—f6 (9... g7—h6; 10. e3—f2, h6—g5; 11. f2—h4, g5—f4; 12. h4—g3 и 13. c5—g1); 10. e3—f2, f6—e5 (10... f6—g5; 11. f2 - h4 и т. д.); 11. c5—d4, e5—f4; 12. f2—g3 и 13. d4—g1.

№ 20. *Е. Ѳ. Андрезена* (въ Спб.). 1. f8—g7, f6 : h8; 2. d6—e7, d8 : f6; 3. b2—c3, d4 : b2; 4. g3—h4, b6 : d4; 5. e3 : c5, g5 : g1; 6. h6—g7, g1 : b6; 7. a7 : a1, f6—d8: 8. a1—f6 и 9. h4 : f6.

Вѣрное рѣшеніе задачи № 20 прислали: Ф. М. Уткинъ и Н. И. Смирновъ (въ Москвѣ).

КАРТЫ

ПАСЬЯНСЪ № 18

Чухонскій пасьянсъ

Двѣ колоды по 52 листа

Отсчитываютъ 32 карты; кучку эту, называемую „лавочкой", берутъ въ руки, крапомъ кверху, а остальныя карты („талонъ") кладутъ передъ собой, лицомъ кверху. Затѣмъ снимаютъ съ талона верхнюю карту и кладутъ ее направо. Карта эта служитъ нормой для основъ, а именно: если снята, положимъ, шестерка пикъ, то рядомъ съ ней, направо, идутъ шестерки: трефъ, бубенъ и червей, каждой масти по одной, а налѣво — четыре пятерки всѣхъ четырехъ мастей. Направо идутъ свиты восходящія (т. е. 6—7—8—9 и т. д. до пятерки), а налѣво — свиты нисходящія (т. е. 5—4—3—2 и т. д. до шестерки).

Если съ талона снять на основы нечего, то перелистываютъ лавочку, снося что можно на основы, и, приэтомъ, каждый разъ пополняя недочетъ въ лавочкѣ снимками съ талона, такъ что въ лавочкѣ, пока существуетъ талонъ, должно быть не менѣе 32 картъ. Неподходящія карты поступаютъ въ сбросъ

Между соотвѣтствующими основами возможны перекладки и займы; если, напримѣръ, направо лежитъ 9 пикъ, налѣво — 10 той же масти, а на талонѣ или въ лавочкѣ показался валетъ, то 10 переносятъ направо, чтобы сбыть на нее валета.

Когда исчерпана лавочка, перелистываютъ сбросъ и оборачиваютъ его сколько угодно разъ, пока талонъ на лицо; но какъ только талонъ исчерпанъ, то допускается еще только три оборота, причемъ вакансія на мѣсто талона можетъ либо служить „холопушкой" для перекладокъ между основами, либо замѣщаться любой картой съ рукъ. На холопушкѣ можетъ лежать только „голая" карта (т. е. на двѣ или три, а только одна каждый разъ); но вакансіею можно пользоваться по желанію.

При благополучномъ исходѣ остаются съ каждой стороны по четыре свиты. Расходится довольно туго, хотя, благодаря холопушкѣ — при умѣніи пользоваться ею — можно, до извѣстной степени, располагать ходомъ игры.

А. И. ДРЯБИНЪ,
коммерціи совѣтникъ, представитель »Торговаго дома бр. Дрябины«.

Съ фотографіи К. А. Шапиро. Автотипія Эд. Гоппе.

Торговый домъ братья Дрябины

Давно обращаетъ на себя вниманіе среди нашего купечества торговая фирма братьевъ Дрябиныхъ, имѣющая большіе склады мануфактурныхъ товаровъ внутри Гостинаго Двора, въ С.-Петербургѣ. Дѣлая обширные обороты на цѣлыя сотни тысячъ въ годъ, имѣя сношенія съ лучшими фабрикантами Петербурга и Москвы, эта фирма пользуется огромной популярностью въ торгово-промышленномъ мірѣ, и популярность ея заключается не въ томъ, что фирма дѣлаетъ большія дѣла, а въ той образцовой честности, съ какою она ведетъ свои торговыя операціи. Съ самаго основанія своего она неизмѣнно остается въ рукахъ одной и той же фамиліи, съ самаго основанія своего она твердо держится девиза „честность и акуратность". Никогда она, выражаясь купеческимъ жаргономъ, не „ломала рубля", не прибѣгала ни къ какимъ коммерческимъ фокусамъ. Московскіе и другіе мануфактуристы, съ которыми цѣлые десятки лѣтъ фирма имѣла и имѣетъ дѣла, отзываются о братьяхъ Дрябиныхъ не иначе, какъ съ глубокимъ уваженіемъ. „Такіе торговцы на рѣдкость" — говорятъ про фирму Дрябиныхъ и продавцы, и покупатели, и всѣ, кто имѣетъ съ нею какія либо дѣловыя сношенія. Было бы большой несправедливостью умолчать о столь рѣдкомъ явленіи въ торговомъ мірѣ, какое представляетъ названная фирма, и вотъ почему мы считаемъ долгомъ, въ виду исполнившагося недавно столѣтія существованія фирмы, почтить этотъ ея юбилей помѣщеніемъ портретовъ двухъ нынѣшнихъ представителей почтенной фирмы на страницахъ „Всем. Илл.". Къ сожалѣнію, портрета основателя фирмы Дрябиныхъ не сохранилось.

1-го января 1793 года с.-петербургскій купецъ Василій Кузьмичъ Дрябинъ открылъ въ С.-Петербургѣ сравнительно скромную торговлю мануфактурными товарами. Успѣхъ увѣнчалъ начатое дѣло, и достойнымъ преемникомъ его былъ сынъ его Никита Васильевичъ Дрябинъ, послѣ смерти котораго, въ 1841 г., дѣло это, получившее уже въ торговомъ мірѣ большую извѣстность, было расширено и съ неменьшимъ успѣхомъ продолжаемо его преемниками, сыновьями: Ильею Никитичемъ Дрябинымъ, умершимъ въ 1862 г., и Егоромъ Никитичемъ Дрябинымъ, умершимъ въ 1874 г., торговавшими подъ фирмою „Илья и Егоръ, братья Дрябины". Въ настоящее время фирму, носящую названіе „Торговый домъ братья Дрябины", представляютъ сыновья Ильи Никитича Дрябина: Александръ Ильичъ Дрябинъ и Михаилъ Ильичъ Дрябинъ, при которыхъ дѣло, начатое ихъ прадѣдомъ, Василіемъ Кузьмичемъ Дрябинымъ, достигло своего наибольшаго развитія. „Торговый домъ братья Дрябины" производитъ торговлю мануфактурными товарами оптомъ, исключительно произведеніями русскихъ фабрикъ какъ московскихъ, такъ и петербургскихъ, а частью и лодзинскихъ. Такова краткая исторія почтенной фирмы торговаго дома братья Дрябины, на которой не лежитъ ни одного пятнышка и которая можетъ служить прекраснымъ примѣромъ для прочихъ представителей нашего торговаго міра.

Новости наукъ и цивилизаціи

Естествовѣдѣніе

— Сила двигательныхъ мышцъ китовъ. Профессоръ анатоміи эдинбургскаго университета сдѣлалъ приблизительный разсчетъ силы, развиваемой китами при плаваніи въ водѣ. Гренландскіе киты нерѣдко достигаютъ девятисаженной длины, тогда какъ нѣкоторыя породы океанскихъ китовъ, такъ называемыхъ южныхъ (Balaena australis), имѣютъ въ длину до двѣнадцати саженъ. Гренландскій китъ, какъ теперь уже дознано, можетъ плыть со скоростью 8 и 9 узловъ въ часъ, тогда какъ южные киты могутъ проплыть въ то же время разстояніе, равное 13-ти узламъ. Профессоръ обратился къ одному извѣстному въ Англіи кораблестроителю съ вопросомъ: какую силу должна была бы развить паровая машина, для сообщенія тринадцатиузловой скорости массѣ, подобной тѣлу выкинувшагося недавно на берегъ, при преслѣдованіи мелкихъ рыбъ, близъ Лонгнидри, полярнаго кита. Этотъ чудовищный звѣрь имѣлъ до 12 саженъ въ длину и вѣсилъ 75 тоннъ, что равняется 4.650 пудамъ. Кораблестроитель разсчиталъ, что подобный китъ долженъ былъ развивать своими двигательными мышцами энергію, равнявшуюся 145 лошадинымъ силамъ.

— Паразиты солдатскихъ сухарей. Сухари, составляющіе главную пищу солдатъ во время войны, часто портятся червями. Такъ какъ въ нѣкоторыхъ государствахъ, напримѣръ, во Франціи, ежегодно выдѣлывается до 130.000 центнеровъ подобныхъ сухарей, т. е. около 13.000.000 фунтовъ, то понятно значеніе, придаваемое недавно произведеннымъ, по почину французскаго военнаго начальства, наблюденіямъ надъ природою и свойствами истребляющихъ сухари паразитовъ. Изслѣдованія обнаружили, что сухари портятся преимущественно личинкою бабочки „Ephestia elutella", проникающею внутрь сухарей черезъ образующіяся въ нихъ при сушкѣ скважины, въ которыхъ прохожденіе ея оставляетъ слѣды, въ видѣ паутинокъ, содержащихъ въ себѣ едва замѣтныя глазу желтоватыя крупинки. Внутри сухаря тотъ же червячекъ протачиваетъ себѣ галлерейку, засоряя выдѣленіями внутренность сухаря, дѣлающагося вслѣдствіе того несъѣдобнымъ. Ephestia elutella — ночная бабочка. Она выбираетъ для кладки своихъ яичекъ преимущественно сухари, просушившіеся на открытомъ воздухѣ, но проникаетъ также и въ пекарни и кладетъ яички во впадинахъ и щеляхъ стѣнныхъ обшивокъ, а также въ ящикахъ, предназначающихся для отправки въ нихъ сухарей. Выходящія изъ яичекъ обжорливыя личинки бабочки проникаютъ внутрь сухарей, остаются здѣсь до полнаго своего развитія въ продолженіе трехъ или четырехъ мѣсяцевъ. Не вполнѣ развившіяся личинки цѣпенѣютъ съ наступленіемъ холодныхъ осеннихъ дней, но весною оживаютъ, и такъ какъ онѣ очень прожорливы, то до превращенія своего въ куколку, нерѣдко успѣваютъ, въ три — четыре мѣсяца, источить половину внутренности сухаря, оставляя въ ней въ нѣсколькихъ мѣстахъ тонкія паутинки съ желтоватыми крупинками, сообщающими сухарю горьковатый вкусъ. До настоящаго времени, для предохраненія сухарей отъ порчи насѣкомыми, обыкновенно чистили ихъ снаружи щетками, но такъ какъ этимъ способомъ не могутъ быть устранены находящіеся внутри ихъ паразиты, то полезнѣе подвергать ихъ повторительнымъ просушкамъ, при температурѣ отъ 120 до 130° по Цельсію, убивающей всякіе органическіе зародыши. Для того, чтобы предохранить сухари отъ проникновенія внутрь ихъ личинокъ ночной бабочки Ephestia elutella, а также и отъ появленія въ ихъ скважинахъ ея яичекъ, необходимо изготовлять ихъ исключительно въ теченіе восьми мѣсяцевъ года, отъ 25-го сентября до 15-го мая. Затѣмъ слѣдуетъ сохранять сухари не въ деревянныхъ ящикахъ, а въ жестяныхъ, и оклеивать бумагой края крышки; если же обстоятельства потребуютъ спѣшной выдѣлки сухарей въ лѣтнее время года, нужно въ такомъ случаѣ содержать пекарни въ чрезвычайной чистотѣ и ежедневно промывать ихъ стѣны, полъ и потолокъ какими-либо истребляющими насѣкомыхъ жидкими составами. При такихъ только предосторожностяхъ войска можно продовольствовать вполнѣ хорошими сухарями.

— Щупальцы морскихъ анемонъ. Наблюденія надъ морскими анемонами или актиніями, мягкотѣлыми полипами, обнаружили, что эти животныя обладаютъ способностью распознавать пищу не вкусомъ, а осязаніемъ. Эта особенность актиній изслѣдована недавно на зоологической станціи въ Неаполѣ нѣмецкимъ ученымъ Нагелемъ. Онъ приблизилъ къ щупальцамъ морской актиніи кусочекъ сардинки. Щупальцы коснулись его, затѣмъ схватили и пропустили въ ротъ полипа. Нагель повторилъ тотъ же опытъ, но только съ шарикомъ пропускной бумаги, пропитанной морской водой; щупальцы актиніи коснулись шарика, но не взяли его. Въ третій разъ Нагель напиталъ бумажный шарикъ рыбьимъ сокомъ и хотя щупальцы полипа схватили его съ жадностью, но не приблизили ко рту, какъ это сдѣлали съ сардинкой. Отъ кусочка хины щупальцы отшатнулись, какъ бы подъ впечатлѣніемъ обжога. Наконецъ, тотъ же нѣмецкій ученый клалъ кусочки мяса въ самый ротъ полипа и животное ихъ не проглатывало, пока не ощупывало своими мясистыми отростками.

М. И. ДРЯБИНЪ,
представитель »Торговаго дома бр. Дрябины«

Съ фотографіи К. А. Шапиро. Автотипія Эд. Гоппе.

Почтовое дѣло

— Новый способъ пересылки писемъ. Нѣкто Суза въ Ріо-де-Жанейро аппаратъ для подводной пересылки писемъ при помощи пневматическихъ трубъ. Письмо, въ Ріо помѣщенное въ эти трубы, пришло бы въ тотъ же день въ Европу, дѣлая 60 миль въ часъ. Весь вопросъ въ томъ, какъ провести трубу и поддерживать ее въ неповрежденномъ состояніи.

Выставки

— Выставка машинъ, приборовъ и снарядовъ для очистки, сортировки и сушки сѣмянъ, проектированная вольно-экономическимъ обществомъ еще въ 1890 г., отложена до 1894 года. Она будетъ имѣть международный характеръ; мѣстомъ для нея избранъ Михайловскій манежъ.

СОДЕРЖАНІЕ НУМЕРА

Текстъ.

Рисунки.

За редактора Э. Д. Гоппе.
Издательница А. П. Гоппе.

Дозв. цензурою. СПб. 21-го января 1893 г. Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

Астонъ (»Лючія«).
Гр. Неверскій (»Гугеноты«).
Фигаро (»Севильскій Цирульникъ«).
Остапъ (»Тарасъ Бульба«).
Тельрамундъ (»Лоэнгринъ«).

Жермонъ (»Травіата«).
Ричардъ (»Пуритане«).
Валентинъ (»Faустъ«).
Токмаковъ (»Псковитянка«).
Онѣгинъ (»Евгеній Онѣгинъ«).

Ліонель (»Орлеанская дѣва«).

И. А. МЕЛЬНИКОВЪ.

Мельникъ (»Русалка«).
Русланъ (»Русланъ и Людмила«).

Риголетто (»Риголетто«).

Эскамильо (»Карменъ«).
Князь (»Рогнѣда«).
Донъ-Карлосъ (»Каменный гость«).
Царь Борисъ (»Борисъ Годуновъ«).
Демонъ (»Демонъ«).

Гр. Луна (»Трубадуръ«).
Телль (»Вильгельмъ Телль«).
Кочубей (»Мазепа«).
Кн. Вяземскій (»Опричникъ«).
Вольфрамъ (»Тангейзеръ«).

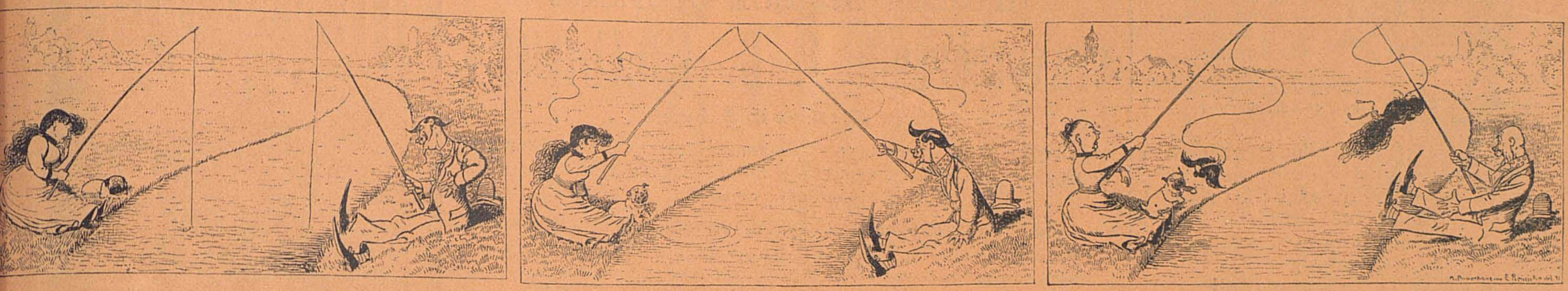
ИВАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ МЕЛЬНИКОВЪ въ различныхъ роляхъ.

Съ фотографій Бергамаско и Лоренса рисовалъ для »Всемірной Иллюстраціи« П. Ѳ. Борель.

По поводу двадцатипятилѣтія служенія на Императорской сценѣ.

А СЧАСТІЕ БЫЛО ТАКЪ БЛИЗКО!...

Житейскія сцены въ 3-хъ дѣйствіяхъ.



Живыя куклы-близнецы

Оптическій фокусъ

(собственность редакціи)

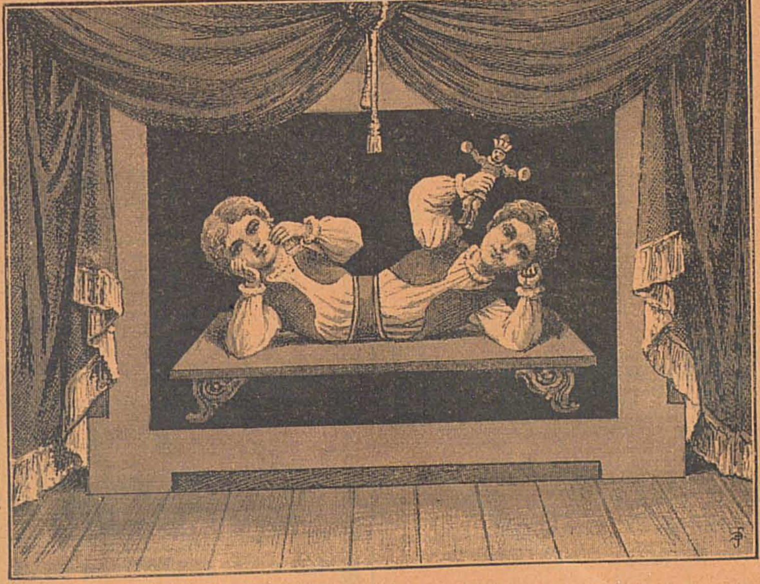


Рис. 1.

Фокусъ этотъ показывается слѣдующимъ образомъ: въ глубинѣ павильона или комнаты ставятся съ правильнымъ отраженіемъ треугольника небольшія два зеркала; причемъ самое соединеніе въ углу зеркальныхъ стеколъ пригоняется вплотную, такъ, чтобы края посеребренія пришлись плотно между собою по всей вертикальной линіи; существующее призмовое отраженіе въ зеркалѣ отъ шлифовки у снятыхъ угловъ стеколъ уничтожается такъ: на оба отшлифованные края накладывается масляная краска такого цвѣта, какой имѣютъ въ виду сдѣлать общимъ отражательнымъ въ зеркалѣ фономъ. Фонъ предпочитается болѣе черный. Отраженіе опыта получается какъ показано на планѣ рисунка № 2-й (видъ сверху).

А зеркала. *Б* фигуры для отраженія. *В* ихъ отраженіе въ зеркалахъ. *Г* темный фонъ, находящійся сзади фигуръ. *Д* квадратный корридоръ-рама, сквозь который видно въ зеркалахъ отраженіе опыта. На лицахъ, участвующихъ въ опытѣ, должны быть свѣтлые костюмы. Свѣтъ на нихъ наводится рефлективно, сверху, съ одинаковымъ расположеніемъ свѣта на обѣихъ сторонахъ фона. Для того, чтобы зрители не могли подумать, что нижняя часть туловища лицъ, участвующихъ въ опытѣ, опущена внизъ, т. е. въ полъ или въ столъ, на которомъ они находятся, они, для показанія существующаго подъ ними пустаго пространства, могутъ (только одновременно оба) приподниматься на рукахъ и переворачиваться кругомъ. Кушаки ихъ костюма также должны быть одинаковые съ цвѣтомъ общаго отражательнаго фона. Величина зеркалъ можетъ быть разная, смотря по тому, что хотятъ показать въ ихъ отраженіи. Подобный опытъ можно примѣнить, по своему усмотрѣнію, съ другими разными варіаціями: напримѣръ, можно показывать такимъ же путемъ сросшихся собакъ, кошекъ, пѣтуховъ и даже лошадь, на половину присоединенную къ другой половинѣ коровы, такъ, чтобы у обоихъ животныхъ были видны только переднія части туловищъ, которыя будутъ казаться какъ бы вросшими одно въ другое. Соединяя отраженія туловищъ животныхъ въ зеркалахъ, надо имѣть въ виду, чтобы толщина живота подбираемыхъ животныхъ въ мѣстѣ соединенія отраженій въ зеркалахъ была бы болѣе подходяща одна къ другому; но лучше для уничтоженія видимой этой разницы также покрыть животныхъ какимъ нибудь панно съ широкою блестящею бахромою, которое свѣшивалось бы со спины животныхъ немного ниже живота.

В. А. Козловъ

Отраженіе опыта. Видъ сверху.

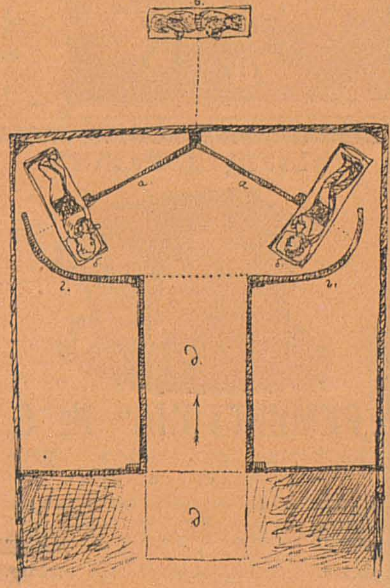


Рис. 2.

Главная контора и редакція „Всемірной Иллюстраціи" находятся въ С.-Петербургѣ, на Садовой ул., № 22.

Въ Москвѣ отдѣленія конторы находятся: 1) при книжн. маг. А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, 15, и 2) при конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи.

Дозв. цензурою. СПБ. 22 января 1893 г. Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

Всемірная Иллюстрація

25-й годъ | № 1254 | 49-й томъ

Суббота 30-го января 1893 г.

Цѣна нумеру 35 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки на годъ . **15** руб.
(при подпискѣ въ главной конторѣ редакціи).
Съ доставкою на годъ . . . . **17** »

Въ Москвѣ безъ доставки на годъ . . . . **17** руб.
Съ пересылкою во всѣ города Россійской имперіи на годъ . . . . **18** »

Подписная цѣна на полгода съ доставкою и пересылкою . . . . **9** руб.
За границу (въ государства всемірнаго почтоваго союза) **20** руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Редакція и главная контора: Садовая ул. № 22.

ЖИТЕЙСКІЯ МЕЛОЧИ. Каррикатуры М. Е. Малышева.

ДОГАДЛИВЫЙ.

— Который разъ уже ты просишь на леченіе? А? Меня это очень занимаетъ.

— Такъ вы, барынька, сперва дайте мнѣ сколько нибудь, тогда я скажу вамъ который именно разъ.

НАГЛЯДНОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ.

— Но я все-таки не понимаю—какая разница между исторической картиной и жанромъ?

— А вотъ какая: если я вынужденъ буду васъ выбросить вонъ отсюда—это будетъ жанровая картина изъ обыденной жизни... Но если вы мнѣ осмѣлитесь сгрубить при этомъ, тогда выйдетъ уже цѣлая *исторія*... Поняли теперь?

ПРЕЖДЕ и ТЕПЕРЬ.

— Да, прежде, когда на сценѣ царствовали Гоголь, Островскій, въ театрѣ стонъ стоялъ отъ рукоплесканій и восторговъ...

— Успокойтесь и теперь стонъ стоитъ: публика стонетъ отъ стряпни непризнанныхъ геніевъ...

Всемірная Иллюстрація

№ 1254. Годъ XXV.] 30-го января 1893 г. [Томъ XLIX. № 6.

Парадный обѣдъ въ честь новобрачныхъ въ королевскомъ замкѣ.

Берлинъ. — Бракосочетаніе принцессы Маргариты Прусской съ принцемъ Фридрихомъ-Карломъ Гессенскимъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Съ живѣйшимъ удовольствіемъ сообщаемъ нашимъ читателямъ, что къ участію во **„Всемірной Иллюстраціи“** привлечены нами еще слѣдующія лица:

Н. А. Осокинъ, историкъ, профессоръ казанскаго университета.

С. П. фонъ-Глазенапъ, астрономъ, профессоръ с.-петербургскаго университета.

Д. Н. Кайгородовъ, натуралистъ, профессоръ Лѣснаго института.

Въ этомъ же нумерѣ **„Всемірной Иллюстраціи“** уже помѣщена статья профессора Д. Н. Кайгородова, на которую мы и обращаемъ вниманіе нашихъ читателей.

При этомъ, 1254-мъ, нумерѣ гг. подписчикамъ »Всемірной Иллюстраціи« разсылается № 2 журнала **„ТРУДЪ“.**

ЛЕКАРСТВО ОТЪ СПЛИНА

Серьезная исторія

ТЕОДОРА ГЕРЦЛЯ

Въ прихожей знаменитаго доктора стояли на вытяжку два арапа въ пестромъ одѣяніи, до того неподвижные, словно они были выточены изъ чернаго дерева. Пальто съ вошедшаго сюда молодаго человѣка снялъ необыкновенно выдержанный камердинеръ, походившій на маркиза. Да онъ и дѣйствительно былъ нѣкогда маркизомъ, парижскимъ львомъ. Исключенный по волѣ судебъ изъ Cercle Impérial, онъ вмѣсто того, чтобъ застрѣлиться, махнулъ въ Америку и, руководствуясь здравыми понятіями о вещахъ, поступилъ въ Нью-Іоркѣ въ камердинеры. Маркизъ передалъ пальто и шляпу вошедшаго одному изъ араповъ, послѣ чего другой поднялъ руку механическимъ движеніемъ хорошо смазаннаго автомата и протянулъ паціенту нумеръ входнаго билета.

Посѣтитель съ презрительной миной сдѣлалъ отрицательный жестъ и отрывисто сказалъ:

— Я не хочу дожидаться.

Маркизъ съ сожалѣніемъ пожалъ плечами.

— Сэръ, даже самому президенту Соединенныхъ Штатовъ я могъ бы дать въ настоящую минуту только нумеръ 48-й.

Незнакомецъ, опустивъ руку въ карманъ, подалъ ему горсть долларовъ.

— Это другое дѣло, чуть слышно прошепталъ маркизъ, почтительно и ловко схватывая подачку— пріемъ, подмѣченный имъ нѣкогда у собственнаго камердинера. (Преимущества знатнаго происхожденія никогда не пропадаютъ даромъ).

Минуту спустя нетерпѣливый посѣтитель стоялъ уже въ библіотекѣ знаменитаго доктора Боостера. Увы! Пока еще не въ святая святыхъ его кабинета! Такъ скоро дѣло не дѣлается. Если не заставить ждать паціента, какое же у него будетъ уваженіе къ врачу? Боостеръ, знавшій рѣшительно все, не могъ не знать этой истины. Правда, серьезный кліентъ — признанный за таковаго проницательнымъ камердинеромъ — былъ введенъ не въ большую пріемную залу съ саженными Мейсонье, а въ библіотеку безъ всякихъ картинъ по стѣнамъ и отличавшуюся самымъ строгимъ стилемъ. Здѣсь пахло безсонными ночами, проводимыми за научными изслѣдованіями, и атмосфера этой комнаты имѣла свойство кидать паціента въ дрожь, неуклонно располагая его въ минуты томительнаго ожиданія къ увеличенію цифры докторскаго гонорара. Куда ни оглянись—повсюду объемистые томы никогда не читанныхъ латинскихъ книгъ. Книги, книги, книги въ темныхъ переплетахъ; только мѣстами ихъ мрачныя шеренги прерываются пріятнымъ видомъ человѣческаго скелета или остова какого нибудь животнаго. Тамъ и сямъ блестятъ острые, тщательно отточенные, хирургическіе инструменты. Докторъ Боостеръ не гнушался ни однимъ изъ утонченныхъ пріемовъ шарлатанства, хотя и былъ дѣйствительно великій врачъ. Онъ отлично зналъ натуру человѣка.

Впрочемъ, сегодняшній посѣтитель не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на всю эту внушительную обстановку и равнодушно прохаживался по комнатѣ. Наконецъ отворилась потайная дверь изъ кабинета.

— Неугодно ли пожаловать! произнесъ докторъ Боостеръ.

И вотъ они усѣлись одинъ противъ другаго. Боостеръ — спиной къ окну, паціентъ — прямо передъ свѣтомъ, который падалъ на его краснощекое, здоровое лицо съ густой бородой.

— Докторъ, если вы меня вылечите, я заплачу вамъ десять тысячъ долларовъ.

Боостеръ слегка приподнялъ руку, точно подавая знакъ молчанія. Этотъ жестъ, исполненный неподражаемаго благородства, могъ означать: „Я помогаю всякому страждущему—будь онъ богачъ или только достаточный человѣкъ“. Или же: „Мнѣ приходилось получать гонорары и покрупнѣе“. Эскулапъ откинулся на спинку кресла, полузакрылъ глаза и спросилъ:

— А что у васъ болитъ?

— Ничего.

— Ого! Боостеръ пристально взглянулъ на незнакомца:—Дуракъ или шутъ? Нѣтъ. Молодой человѣкъ спокойно выдержалъ его взглядъ. Тогда прославленный врачъ произнесъ тономъ благоволенія:

— Въ такомъ случаѣ объяснитесь точнѣе. Только, пожалуйста, въ короткихъ словахъ.

— Извольте. Я разскажу вамъ всю свою жизнь сначала.

— Въ умѣ ли вы?.. Въ пріемной ждутъ сорокъ семь паціентовъ.

— Удѣлите мнѣ пять минутъ. Каждая минута оплатится вамъ двумя тысячами долларовъ. Полагаю, что время никогда еще не цѣнилось такъ дорого.

Эскулапъ вынулъ часы.

— Говорите!

— Когда я родился, мой отецъ только что накопилъ свой первый милліонъ. Онъ пріобрѣлъ его на подтяжкахъ.

— На подтяж...?

— Ну да. Это было его изобрѣтеніе. Слыхали про подтяжки Виндаля?

— Я самъ ихъ ношу.

— Ну, вотъ. Меня зовутъ Джонъ-Габакукъ Виндаль; я сынъ изобрѣтателя.

Докторъ положилъ часы обратно въ карманъ.

— Съ этимъ милліономъ, — продолжалъ Виндаль младшій, — отецъ мой отправился въ Чикаго и принялся до безчувствія откармливать свиней. Выгодная операція увеличила его капиталъ до тридцати милліоновъ. Достигнувъ этой цифры, онъ умеръ, и я остался его единственнымъ наслѣдникомъ.

— Молодецъ!.. Впрочемъ, если вамъ все равно, потолкуемъ теперь о вашей болѣзни, мистеръ Виндаль.

— Мы до нея и дошли. Мнѣ тридцать лѣтъ; я свободенъ, богатъ, совершенно здоровъ—по крайней мѣрѣ тѣлесно. И однако жизнь для меня невыносимое бремя. Вполнѣ безотрадно влачу я день за днемъ. Все мнѣ противно и ненавистно. Я скучаю, какъ двадцать британскихъ лордовъ, взятыхъ вмѣстѣ... Однимъ словомъ, сплинъ... Если вы знаете средство противъ него, то укажите, если же нѣтъ, придумайте для меня безболѣзненный родъ смерти. Въ обоихъ случаяхъ вы получите обѣщанныя десять тысячъ.

— Хорошо, любезный Виндаль, только прежде я долженъ узнать — какія мѣры были уже испробованы вами. Навѣрно, вы прибѣгали къ различнымъ способамъ разогнать свою скуку прежде, чѣмъ обратились ко мнѣ.

— Вы правы. Я перепробовалъ рѣшительно все: путешествія, опасности, охоту, азартную игру, вино и женскую любовь.

— Ну, а какого сорта были тѣ женщины?

— Всѣхъ сортовъ, всѣхъ цвѣтовъ, всѣхъ величинъ, всѣхъ національностей.

— Вы сказали про себя, что совершенно свободны. Всегда ли это было такъ?

— Одно время я былъ помолвленъ. Съ прелестнѣйшимъ созданіемъ — миссъ Лиліаной Слидъ, дочерью фабриканта лошадиныхъ попонъ, выскочившаго въ бароны извѣстнаго Слида. Она любила меня ради моихъ личныхъ качествъ, потому что капиталъ у ней будетъ еще милліоновъ на шесть, на восемь побольше моего. Она отказала даже одному изъ молодыхъ Вандербильтовъ, предлагавшему ей свою руку. Но меня она обожала. А я все-таки ее покинулъ.

— Почему?

— Однажды лѣтнимъ вечеромъ мы сидѣли въ ея паркѣ, стоющемъ не менѣе трехъ милліоновъ со всѣми его угодьями... Итакъ, мы сидѣли на каменной террассѣ, противъ замка... Я уже говорилъ вамъ, кажется, что это происходило въ одинъ лѣтній вечеръ? Соловей заливался въ кустахъ, воздухъ благоухалъ... съ небесъ свѣтила яркая луна, и вдругъ я сдѣлалъ ужасное открытіе, что очаровательная миссъ Лиліана Слидъ, несмотря на свою страстную любовь и богатство, наводитъ на меня жесточайшую скуку. Поднявшись съ мѣста, я сообщилъ ей, что завтра уѣзжаю въ Сибирь, въ Иркутскъ, такъ какъ держу на этотъ счетъ пари съ однимъ пріятелемъ. Она отлично поняла, къ чему клонится моя рѣчь, и съ печальной улыбкой протянула мнѣ на прощанье свою бѣлую ручку, которую я поцѣловалъ. Моя поѣздка въ Иркутскъ дѣйствительно состоялась. Когда я вернулся, Лиліана была еще не замужемъ. Она ни за кого не вышла до сихъ поръ, хотя отлично знаетъ, что разсчитывать на меня ей больше нечего. По моему, она слишкомъ хороша собою, слишкомъ добра, слишкомъ богата — словомъ, эта дѣвушка совершенна, а совершенство вещь невыносимая.

— Вы поступили умно, мистеръ Виндаль... Но вѣдь есть женщины съ недостатками, далеко не безупречныя...

— Знаю и терпѣть ихъ не могу.

— Ну, васъ очень трудно вылечить, почтеннѣйшій... Конечно, вы перепробовали всѣ виды утомительныхъ тѣлесныхъ упражненій?

— Ужъ чего только я не перепробовалъ!

— Могу себѣ представить. Устарѣлый способъ леченія сплина.

— Мнѣ ничего не помогаетъ, докторъ. По цѣлымъ мѣсяцамъ я пасъ собственныхъ свиней. Долгое время работалъ въ англійскомъ рудникѣ. Нажилъ тамъ себѣ кашель, а скука все не проходила. То, что нравится другимъ мужчинамъ, не занимаетъ меня нисколько. Такъ, напримѣръ, я игралъ партію въ крикетъ между Америкой и Австраліей въ честь усыпаннаго звѣздами знамени и имѣлъ при этомъ несчастіе нанести ущербъ своему отечеству на четыре очка. Это вышло такъ. Я зѣвалъ отъ всей души, когда подбросили мячъ, а онъ попалъ мнѣ прямо въ разинутый ротъ и застрялъ между челюстями. Пока я вытаскивалъ его оттуда, четыре очка были проиграны... Говорю вамъ, докторъ, что у меня самая тяжелая форма сплина, самая мрачная меланхолія, какою былъ когда либо одержимъ представитель англо-саксонской расы...

— Вижу, Виндаль, вижу.

— Прибавлю, единственно для полноты картины, что я попробовалъ даже обѣднѣть.

— Вотъ какъ!... Самый устарѣлый пріемъ. Разумѣется, тоже безуспѣшно?

— Разумѣется! Когда я былъ въ Иркутскѣ, то получилъ извѣстіе, что вслѣдствіе разныхъ надувательствъ, банкротствъ и мошенничествъ все мое состояніе пошло прахомъ. Однако и тутъ не развеселился и продолжалъ скучать. По возвращеніи въ Америку, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, я узналъ, что все это было обманомъ съ цѣлью принести мнѣ пользу. Напротивъ того, моему управителю удалась колоссальная операція по части свинаго торга. Я сталъ еще богаче прежняго, однако эта новость заставила меня только равнодушно пожать плечами.

— А кто же придумалъ этотъ наивный планъ вашего исцѣленія?

— Миссъ Лиліана Слидъ. Она мечтала избавить своего жениха отъ меланхоліи. Ей хотѣлось расшевелить меня такимъ неожиданнымъ ударомъ.

— Чисто женская затѣя.

— И вотъ теперь, докторъ, я обращаюсь къ вамъ! Если и вы не придумаете противоядія моей хандрѣ, тогда мы поищемъ комфортабельнаго способа отправиться на тотъ свѣтъ, какъ прилично джентльмену.

— Погодите, мистеръ Виндаль. Я знаю одно средство.

— Вы въ состояніи мнѣ помочь?

— Разумѣется.

— Если такъ, то сверхъ условленнаго гонорара вы получите еще великолѣпный подарокъ.

Боостеръ повторилъ свой давишній неподражаемо благородный отрицательный жестъ и продолжалъ:

— Пріѣзжайте завтра въ полдень въ мой санаторіумъ, Мэденъ-Лэнъ, 12. Привезите съ собою подписанный двумя свидѣтелями документъ, въ которомъ вы торжественно заявите, что все, что я ни сдѣлаю съ вами, совершается по вашему желанію и требованію.

Виндаль ласково усмѣхнулся:

— Вижу, вы считаете меня еще болѣе безнадежнымъ, чѣмъ я думалъ самъ, и хотите изъ человѣколюбія отправить меня на тотъ свѣтъ.

— Я хочу васъ вылечить, спокойно отвѣчалъ Боостеръ.—Однако на всякій случай вамъ не мѣшаетъ заготовить свое духовное завѣщаніе. Надѣюсь, вы не боитесь?

— Нисколько.

— Итакъ, до завтра!

— До завтра!

Докторъ поднялся. — Гм... да... вотъ еще что, Виндаль. Вы можете быть одновременно съ тѣмъ документомъ привезете мнѣ завтра и подписанный чекъ на десять тысячъ.

— Отчего же нѣтъ!.. Однако у потайной двери Джонъ Габакукъ Виндаль остановился въ нерѣшимости:

— Гм... да... А если ваше леченіе не удастся, мои десять тысячъ пропадутъ и въ этомъ случаѣ?

— И въ этомъ случаѣ, сэръ.

— А кто мнѣ поручится, что вы не подвергнете меня совсѣмъ безполезному эксперименту?

Боостеръ гордо выпрямился и сказалъ съ величавой холодностью:

— Порукой въ томъ мое имя. Затѣмъ онъ небрежно отвернулся, отворилъ дверь пріемной и воскликнулъ:

— Нумеръ второй, пожалуйте сюда!

Уничтоженный Виндаль могъ только пролепетать:

— Завтра я пріѣду, и съ этими словами онъ исчезъ.

На другой день, ровно въ полдень, экипажъ Джона Габакука Виндаля остановился противъ санаторіума (Мэденъ-Лэнъ, 12). Посѣтителя тотчасъ провели въ операціонную комнату. Боостеръ ожидалъ его, окруженный двумя врачами-ассистентами и двумя фельдшерами.

— Все въ порядкѣ, Виндаль?

— Все въ порядкѣ, докторъ. Вотъ вамъ бумага за подписью двухъ свидѣтелей, а вотъ и чекъ.

— Отлично... Мистеръ Джонъ Габакукъ Виндаль, мистеръ Гэмъ и мистеръ Эггъ, мои ассистенты. Потрудитесь заявить въ присутствіи этихъ джентльмэновъ, что вы серьезно желаете и твердо намѣрены подвергнуться избранному мною способу леченія. Потрудитесь заявить далѣе, что вы, совершеннолѣтній американецъ и человѣкъ въ здравомъ разсудкѣ, заранѣе соглашаетесь на все, что я предприму относительно васъ.

— Заявляю! не колеблясь произнесъ Виндаль.

— Хорошо. Раздѣньтесь!

Минуту спустя Джонъ Габакукъ обнажилъ свое тѣло, дышавшее юношеской силой и здоровьемъ.

— Ложитесь на этотъ столъ! скомандовалъ Боостеръ.

Паціентъ исполнилъ и это безъ малѣйшаго колебанія.

— Губку! распорядился эскулапъ и прижалъ ее ко рту и къ носу Виндаля. Тотъ немедленно заснулъ подъ вліяніемъ наркоза.

Тогда великій врачъ обратился къ своимъ помощникамъ:

— Отнимите ему правую ногу!

Мистеръ Гэмъ кивнулъ въ знакъ согласія.

— Въ какомъ мѣстѣ, учитель? невиннымъ тономъ спросилъ Эггъ.

— У колѣна, милый юноша!.. Ну, мнѣ некогда; меня ждутъ больные. Полагаюсь на васъ. Смотрите, чтобъ все было сдѣлано акуратно, ребята! Отрѣзанная конечность будетъ положена въ спиртъ. Прощайте!

...Первое, что почувствовалъ Джонъ при своемъ пробужденіи была нестерпимая, жгучая боль въ правомъ колѣнѣ. Онъ принялся стонать, еще не открывая глазъ. Сначала ему представилось, что все это сонъ. Однако безумная боль не унималась. Тутъ паціентъ взглянулъ на свои ноги... Га! у него не хватало одной! Съ быстротою молніи мелькнуло у бѣднаги сознаніе случившагося. Негодяй Боостеръ искалѣчилъ его!

На счастье мистера Гэма, финансовыя дѣла котораго сильно хромали, онъ какъ разъ въ эту минуту наклонился надъ оперированнымъ, чтобъ удостовѣриться — пришелъ ли тотъ въ себя. Виндаль съ размаху закатилъ ему жестокую пощечину.

Это подало поводъ мистеру Эггу замѣтить коллегіальнымъ тономъ съ самымъ философскимъ хладнокровіемъ:

— Однако у паціента не замѣтно упадка силъ.

Мистеръ Гэмъ молча удалился. Онъ тотчасъ сообразилъ всю выгоду происшедшаго и дѣйствительно получилъ впослѣдствіи съ Виндаля 2000 долларовъ за безчестье. Милліонеръ не захотѣлъ доводить дѣло до суда. Гораздо дешевле обошелся ему пинокъ, которымъ онъ угостилъ одного изъ фельдшеровъ. Спустя около часу послѣ инцидента съ мистеромъ Гэмомъ больной кротко обратился къ дежурившему возлѣ него человѣку:

— Ракаліи! Распротоканаліи! Куда вы дѣвали мою ногу?

— Сэръ, можете быть совершенно спокойны на этотъ счетъ, вѣжливо отвѣчалъ фельдшеръ.—У насъ ничего не бросаютъ зря. Вотъ ваша почтеннѣйшая нога. И онъ указалъ на громадную стклянку со спиртомъ. Хотя этотъ малый и держался на благородной дистанціи отъ рукъ Виндаля, но не сообразилъ, что находится въ опасномъ сосѣдствѣ съ его уцѣлѣвшей лѣвой ногой. И эта разрозненная теперь конечность дала ему здороваго пинка. Но такъ какъ въ данномъ случаѣ у потерпѣвшаго не была задѣта благородная часть тѣла, то Виндалю удалось потомъ помириться съ фельдшеромъ всего на трехъ стахъ долларовъ.

А гдѣ же былъ Боостеръ?

Первые дни, пока Джонъ Габакукъ рвалъ и металъ, бѣснуясь, съ пѣной у рта, такъ что его приходилось связывать, великій врачъ не показывался въ санаторіумѣ. Когда же ему доложили, что оперированный сталъ спокойнѣе, онъ его навѣстилъ.

Завидѣвъ злодѣя, Джонъ Габакукъ разразился тирадой, обличавшей въ немъ пылкую фантазію охотника:

— Ахъ, ты, шакалъ, поганое отродье коршунастервятника! Погоди, я окорнаю тебѣ оба уха и прикажу зажарить для себя твои почки! Но тутъ буяну надѣли рубашку сумасшедшихъ, такъ что ему пришлось ограничиться только этими симпатичными намѣреніями относительно доктора.

— Когда вы опять усвоите обращеніе, принятое въ порядочномъ обществѣ, мой молодой другъ, то дайте мнѣ знать. Тогда мы потолкуемъ. И великій мужъ науки удалился съ царственнымъ достоинствомъ, между тѣмъ какъ его жертва посылала ему вслѣдъ всевозможные эпитеты изъ самыхъ безславныхъ областей зоологіи.

Прошло цѣлыхъ три недѣли, пока Джонъ Габакукъ Виндаль опять усвоилъ себѣ манеры благовоспитаннаго общества, потому что у него была стойкая натура, долго сопротивлявшаяся всякому внѣшнему вліянію. Къ счастію, въ дѣло вмѣшалась скука, и онъ сталъ покладистѣе. Впрочемъ, это не была прежняя хандра, когда-то мучившая Виндаля до изступленія. Нѣтъ, теперь онъ скучалъ по удовольствіямъ, жаждалъ наслаждаться жизнью. Его душевное состояніе походило на тоску заключеннаго, который безумно рвется на свободу, на широкій просторъ подъ сводомъ голубыхъ небесъ, мечтаетъ о далекихъ прогулкахъ. Виндаль приказывалъ приносить къ нему всѣ газеты и съ возрастающей жадностью поглощалъ отчеты обо всѣхъ увеселеніяхъ, въ составъ которыхъ входилъ спортъ, начиная съ молодецкой игры въ ножной мячъ и кончая невиннымъ лаунъ-теннисомъ. Новости изъ скэтингъ-ринга и объявленія о танцовальныхъ вечерахъ бросали его въ лихорадку. Бѣднаго калѣку неодолимо влекло именно туда, гдѣ нужна пара здоровыхъ ногъ. Это душевное настроеніе привело, наконецъ, къ тому, что больной написалъ элегическое, но вѣжливое посланіе доктору Боостеру, прося, чтобы тотъ соблаговолилъ его навѣстить.

Знаменитый врачъ явился.

Тогда Джонъ Габакукъ заговорилъ съ нимъ горькимъ, но смиреннымъ тономъ:

— Неужели вы хотѣли сдѣлать мнѣ жизнь пріятною, обративъ меня въ калѣку?

— Мой юный другъ, возразилъ мужъ науки, — жизнь прекрасна, но, чтобъ наслаждаться ею, надо испытывать какое нибудь лишеніе. Вотъ что подсказала мнѣ мудрость.

— И вы лишили меня навѣкъ того, что мнѣ милѣе всего на свѣтѣ: танцевъ, верховой ѣзды, катанья на конькахъ, ходьбы пѣшкомъ!

— Мистеръ Джонъ, намъ всегда мило только то, что недоступно... Впрочемъ, я переговорилъ съ однимъ отличнымъ механикомъ. Онъ уже изготовляетъ для васъ механическую ногу, которая дастъ вамъ возможность ходить безъ костыля. Это будетъ чудо искусства. Ни одна душа не догадается, что у васъ не настоящая нога изъ мяса и костей. Цѣна 8.700 долларовъ.

— Не дешево! замѣтилъ Виндаль и прибавилъ послѣ нѣкотораго молчанія: — а знаетъ Лиліана Слидъ, что я лишился одной ноги?

— Никто въ Нью-Іоркѣ не подозрѣваетъ о томъ, кромѣ моихъ помощниковъ, которые никогда не проговариваются... Всѣ думаютъ, что вы отправились въ Чикаго навѣстить своихъ свинокъ... Мой механикъ надѣется, что мѣсяца два спустя вы на столько привыкнете управляться со своей искусственной ногой, что будете въ состояніи танцовать, ѣздить верхомъ и кататься на конькахъ.

На лицѣ Джона засіяла улыбка умиленія.

— По моему мнѣнію, докторъ, есть люди и похуже васъ.

И онъ мысленно прибавилъ къ этому: „Конечно, надо поискать...“

Полгода спустя Виндаль женился на миссъ Лиліанѣ Слидъ. Съ неодолимой притягательной силой пропасти соблазняла его мысль открыть молодой женѣ свое убожество въ тишинѣ брачной комнаты. Онъ до того увлекся этой заманчивой перспективой, отъ которой у него захватывало духъ, что ринулся внизъ головой со страшной высоты и угодилъ прямо въ супружеское ярмо.

— Лиліана! нѣжно началъ Джонъ, когда, послѣ вѣнчанія, они остались „наконецъ одни“,—Лиліана, мнѣ нужно сдѣлать тебѣ одно нелестное для меня признаніе, нелестное именно потому, что ты сама такъ совершенна!.. У меня вѣдь только одна нога. И новобрачный отстегнулъ отъ своего колѣна мастерское произведеніе механика.

Юная миссисъ Лиліана Виндаль подарила мужа небеснымъ взглядомъ своихъ очей. Ея чудная дѣвственная грудь прелестно колыхалась отъ волненія. Наконецъ она прошептала:

— Ахъ, Джонъ, какъ я счастлива твоимъ признаніемъ! Вѣдь и у меня есть маленькая тайна — сущая безделица!

Она торопливо растегнула спереди лифъ и... положила на ночной столикъ то, что придавало столько граціи ея очаровательной фигурѣ. Это „нѣчто“ оказалось работой того же механика; онъ получалъ заказы отъ лучшихъ семействъ въ Нью-Іоркѣ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя. На балу въ хорошемъ... гм... скажемъ лучше богатомъ обществѣ миссисъ Лиліана Виндаль уже кокетничаетъ подъ сѣнью пальмъ въ оконной нишѣ съ какимъ-то бѣлобрысымъ юношей въ пунцовомъ фракѣ. Джонъ Габакукъ тѣмъ временемъ носится по залѣ подъ звуки вальса. Три вальсировавшія съ нимъ здоровенныя миссъ были принуждены удалиться для подкрѣпленія силъ въ буфетъ, задыхаясь отъ усталости, еле волоча ноги. Извѣстный острякъ-ирландецъ, полковникъ Мактъ-Рау, не разъ поколоченный за свое злоязычіе, язвительно замѣтилъ про него:

— Этотъ Виндаль пляшетъ съ такимъ увлеченіемъ, какъ будто онъ старикъ.

Наконецъ умаялся и самъ неутомимый Джонъ. Вытирая батистовымъ платкомъ вспотѣвшій лобъ, онъ удаляется изъ круга танцующихъ.

— Берегитесь, не потеряйте свою ногу! шепчетъ кто-то ему вслѣдъ. — Вы перепугаете тогда молодыхъ леди.

Блѣдный отъ стыда и негодованія, оборачивается Джонъ назадъ.

— Ахъ, это вы, дорогой, милѣйшій докторъ!

Боостеръ въ своемъ легкомысліи протягиваетъ ему руку, и, когда отдергиваетъ ее прочь секунды четыре спустя, пальцы оказываются у него синими и начинаютъ пухнуть. Очевидно, бывшій паціентъ хотѣлъ доказать этимъ дружескимъ рукопожатіемъ— на сколько онъ радъ неожиданной встрѣчѣ.

Эскулапъ съ трудомъ выдавливаетъ у себя на лицѣ улыбку.

— А вы, какъ я слышалъ, успѣли жениться и, конечно, на прелестной миссъ Лиліанѣ?

Джонъ Габакукъ наклоняется къ самому уху доктора и шепчетъ:

— Къ несчастію, да!

— Э, что такъ?

— Къ несчастію, говорю я, докторъ, на свою бѣду... Съ вами я могу быть вполнѣ откровененъ. Моя жена самая отвратительная вѣдьма во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ.

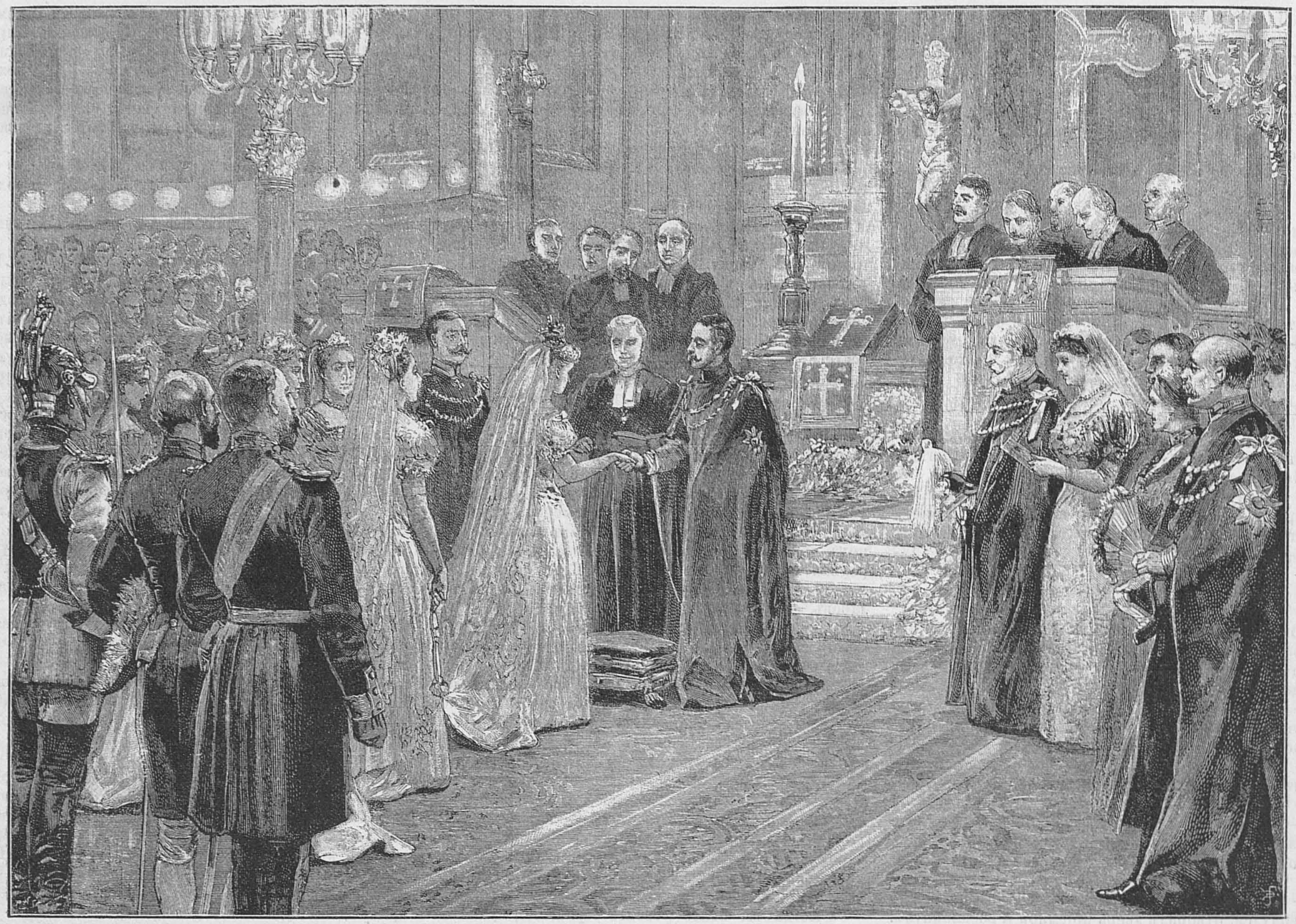
— Благодарите небо, Виндаль! Это ваше спасеніе. Теперь вы окончательно исцѣлены.

— И у васъ еще хватаетъ духа смѣяться надо мною?

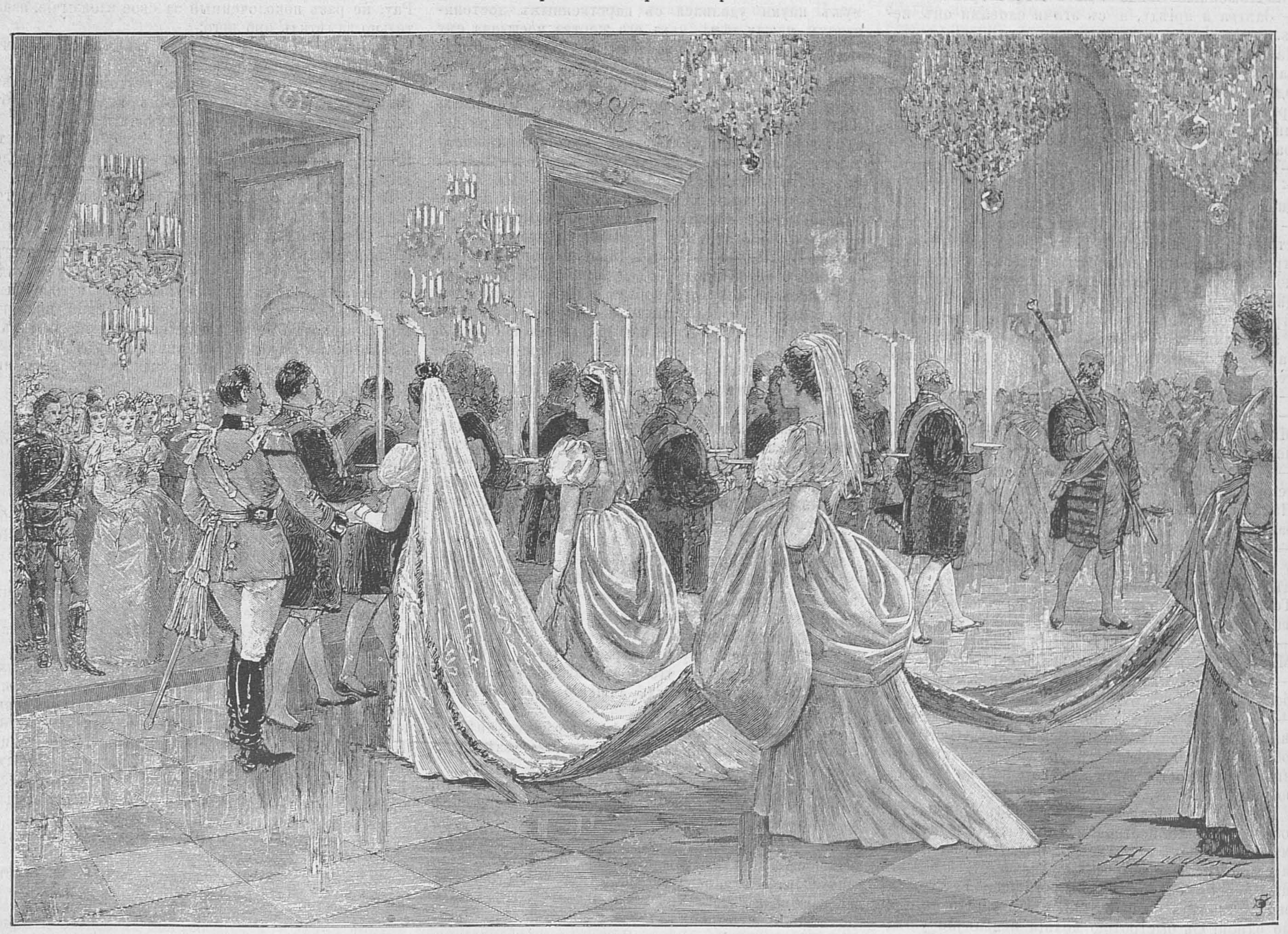
— Молодой человѣкъ, всѣхъ насъ, грѣшныхъ, должно что нибудь удручать. Вотъ вы обзавелись супругой, а она уже позаботится на будущее время о томъ, чтобы жизнь не была вамъ слишкомъ легка. Не правда ли, какъ васъ привлекаютъ теперь танцы, молоденькія дѣвушки?.. У меня сложилось убѣжденіе, что радикальное лекарство отъ сплина есть бракъ. Но раньше я, конечно, не рѣшался предложить вамъ такое отчаянное средство.

— *Вы* не рѣшились! *Вы*! А почему, позвольте спросить?

— Такой совѣтъ я находилъ чрезъ-чуръ жестокимъ.



Вѣнчальный обрядъ въ церкви королевскаго замка.



Танецъ съ факелами въ день бракосочетанія въ королевскомъ замкѣ.

Съ натуры рисовалъ Г. Лидерсъ.

Берлинъ. — Бракосочетаніе принцессы Маргариты Прусской съ принцемъ Фридрихомъ-Карломъ Гессенскимъ.

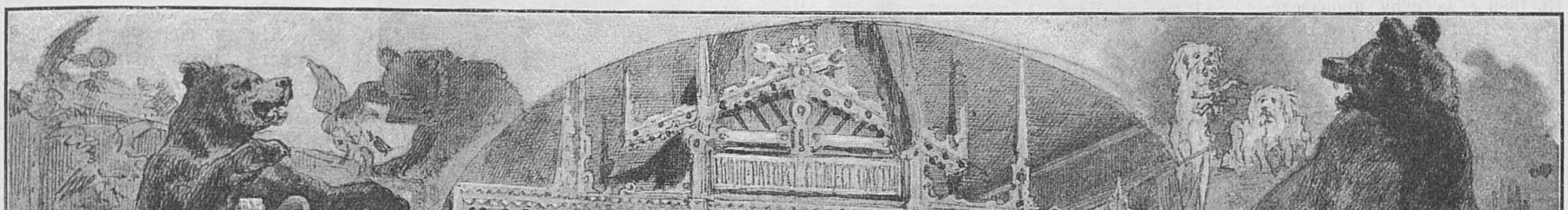
А. Е. Тимашевъ †

Еще одинъ изъ государственныхъ дѣятелей прошлаго царствованія сошелъ въ могилу. 20-го января, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, скончался въ Петербургѣ членъ государственнаго совѣта, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи Александръ Егоровичъ Тимашевъ — нѣкогда министръ внутреннихъ дѣлъ. Представитель стараго рода дворянъ оренбургской губерніи, А. Е. Тимашевъ родился въ С.-Петербургѣ 3-го апрѣля 1818 года и воспитаніе получилъ въ школѣ гвардейскихъ прапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ. Ему было семнадцать лѣтъ, когда онъ вступилъ на дѣйствительную службу, а девятнадцати лѣтъ, 1-го сентября 1837 года, онъ былъ произведенъ въ первый офицерскій чинъ — въ прапорщики гвардіи. Прекрасное воспитаніе и солидныя связи помогли ему выдвинуться впередъ довольно скоро, сдѣлать блестящую карьеру и занять видное общественное положеніе. Впрочемъ, до занятія такого положенія онъ достаточно послужилъ въ рядахъ русской арміи, принимая участіе въ чинѣ штабъ-ротмистра въ кампаніяхъ 1844 г. на Кавказѣ, 1849 венгерской и 1854—1856 гг. въ севастопольской, будучи произведенъ въ чинъ полковника уже въ 1849 году и состоя въ званіи флигель-адъютанта при Е. И. В. въ бозѣ почивающемъ императорѣ Николаѣ Павловичѣ. Вскорѣ по окончаніи крымской кампаніи, 25-го августа 1856 года, А. Е. Тимашевъ, въ чинѣ генералъ-маіора, былъ назначенъ начальникомъ штаба корпуса жандармовъ и управляющимъ III отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи и съ усердіемъ прослужилъ на этомъ посту безъ малаго пять лѣтъ, т. е. до 18-го апрѣля 1861 года. Въ 1863 г. А. Е. Тимашевъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и съ 29-го мая того же года по 19-е октября 1864 года временно исправлялъ обязанности казанскаго, пермскаго и вятскаго генералъ-губернатора. Спустя три года (14-го декабря 1867 г.) генералъ Тимашевъ былъ сдѣланъ министромъ почтъ и телеграфовъ, но пробылъ на этомъ посту недолго, всего около трехъ мѣсяцевъ, по 9-е марта 1868 года, когда наконецъ призванъ былъ занять болѣе высокій и отвѣтственный постъ—министра внутреннихъ дѣлъ. Около десяти лѣтъ пробылъ А. Е. Тимашевъ на означенномъ посту и совершенно удалился отъ дѣлъ въ ноябрѣ 1878 года. На этомъ административная дѣятельность А. Е. Тимашева и прекратилась, и онъ весь ушелъ въ частную жизнь, отдавшись всецѣло своимъ любимымъ занятіямъ искусствомъ. Въ 1878 году онъ былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта, состоя въ чинѣ генералъ-адъютанта и генерала-отъ-кавалеріи съ 1872 года. Въ 1885 г. онъ былъ зачисленъ въ списки кавалерійскаго полка. За время своей государственной дѣятельности генералъ Тимашевъ былъ награжденъ всѣми россійскими орденами до ордена св. Андрея Первозваннаго включительно, а также имѣлъ ордена и иностранные.

А. Е. Тимашевъ считался яркимъ представителемъ консервативнаго лагеря, крѣпко стоялъ за основы русской жизни и неуклонно, съ упорствомъ дѣйствовалъ въ дѣлѣ обрусѣнія одной изъ нашихъ окраинъ, сдѣлавъ государственный

А. Е. ТИМАШЕВЪ,
ген.-отъ-кав., ген.-адъютантъ,
† 20-го января с. г.

Съ фотогр. Левицкаго гравиров. Б. П. Пуцъ.



Москва. — XIX очередная выставка Императорскаго общества размноженія охотничьихъ и промысловыхъ животныхъ и правильной охоты.

Съ натуры рисовалъ для »Всемірной Иллюстраціи« К. А. Савицкій.

русскій языкъ оффиціальнымъ и дѣловымъ для прибалтійскихъ губерній. Выдающимся администраторомъ онъ, однако, не былъ и по характеру и по принципамъ своимъ являлся противникомъ канцелярскаго труда. Тѣмъ не менѣе и у него были заслуги. Во время его управленія министерствомъ введена городская реформа, произведены нѣкоторыя реформы въ почтовой части, упразднены ненужныя генералъ-губернаторства и присоединены къ министерству три прибалтійскія и десять губерній варшавскаго генералъ-губернаторства. Кромѣ того при немъ же впервые получилъ примѣненіе новый законъ о воинской повинности и, наконецъ, ему же выпали на долю въ самые послѣдніе годы его управленія министерствомъ сложныя и весьма спѣшныя распоряженія относительно мобилизаціи нашей арміи. Въ числѣ заслугъ генерала Тимашева нельзя пройти молчаніемъ и его заботъ объ огражденіи Россіи отъ вторженія въ ея предѣлы эпидемій всевозможныхъ видовъ путемъ раціональныхъ предупредительныхъ мѣръ, которыя всегда принимались министромъ вполнѣ своевременно. Въ частной жизни генералъ Тимашевъ пользовался репутаціей остроумнаго собесѣдника, человѣка весьма смѣлаго на языкъ и недурнаго каррикатуриста, имѣвшаго въ высшихъ сферахъ немалый успѣхъ по этой части. А. Е. Тимашевъ еще съ дѣтскаго возраста обнаруживалъ большую склонность и способности къ рисованію и скульптурѣ и, между прочимъ, лѣпкѣ учился у профессора И. П. Витали. Въ 1869 году Императорская академія художествъ избрала его своимъ почетнымъ членомъ. Не разъ выставлялъ онъ на академическихъ выставкахъ свои скульптурныя работы, изъ которыхъ заслуженно обратилъ на себя вниманіе бюстъ въ Бозѣ почившаго Императора Александра II, появлявшійся на выставкѣ 1882 г. и затѣмъ 1888 г., вылѣпленный изъ терракотты. Въ 1889 г. за свои произведенія А. Е. Тимашевъ удостоенъ званія академика скульптуры.

ПОЛИТИКА

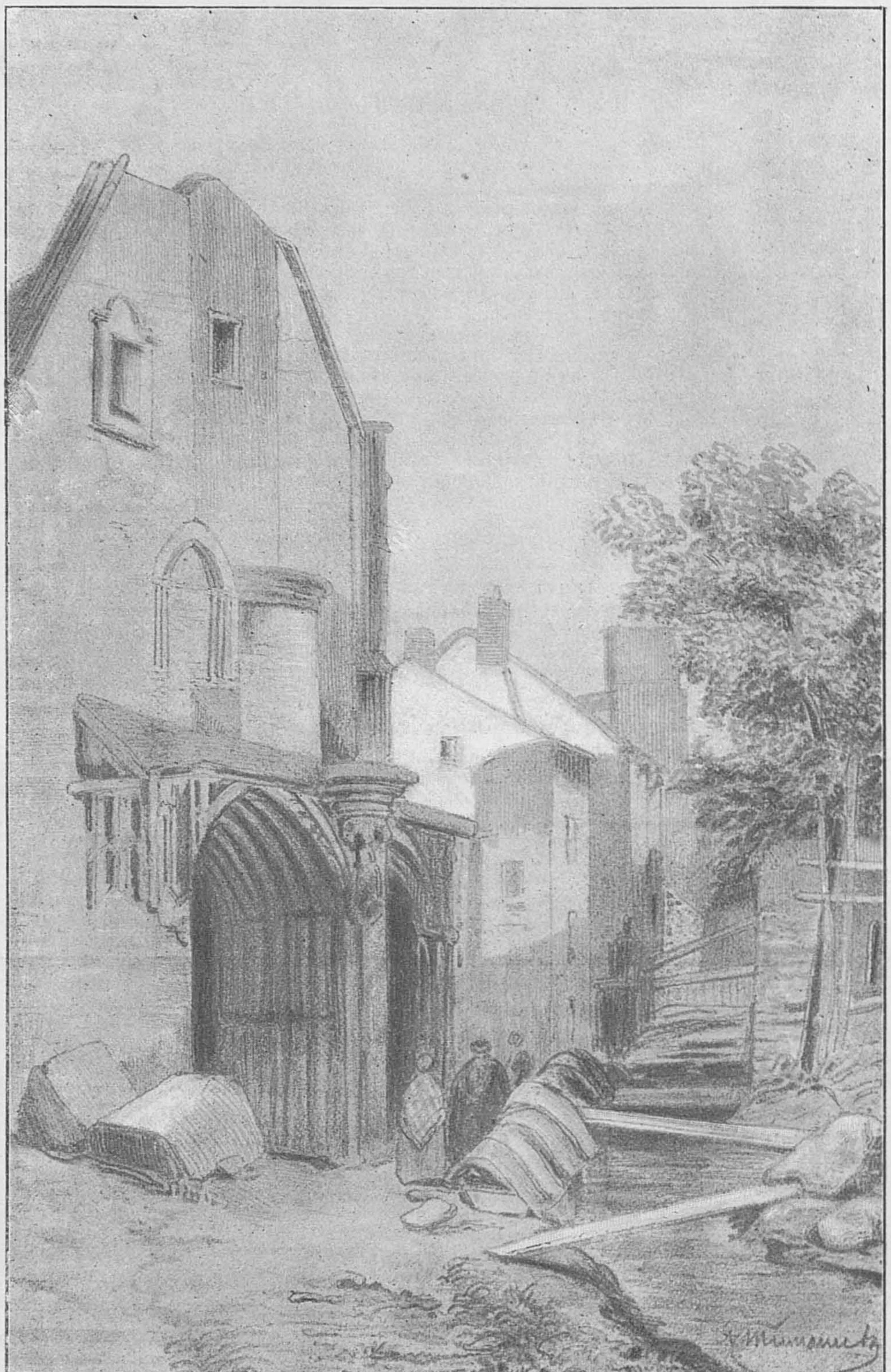
25 января (6 февраля) 1893 г.

Выдающимися событіями нашей внутренней политической жизни за прошедшую недѣлю были: во первыхъ, возвращеніе изъ Берлина въ Петербургъ Государя Наслѣдника Цесаревича, во вторыхъ, назначеніе Его Императорскаго Высочества предсѣдателемъ комитета Сибирской желѣзной дороги и, въ третьихъ, мѣры, принятыя нашимъ министерствомъ финансовъ съ цѣлью положить конецъ содѣйствію нѣкоторыхъ нашихъ банковъ берлинскимъ биржевымъ спекуляціямъ, направленнымъ къ пониженію цѣнности русскаго кредитнаго рубля.

Пребываніе въ Берлинѣ наслѣдника русскаго престола сопровождалось, какъ уже знаютъ читатели, цѣлымъ рядомъ доказательствъ того, до какой степени императоръ Вильгельмъ II былъ доволенъ этимъ новымъ доказательствомъ готовности нашихъ высшихъ правящихъ сферъ поддерживать, на сколько это отъ нихъ зависитъ, добрыя отношенія къ Германіи. Въ русскомъ обществѣ берлинская поѣздка Государя Наслѣдника Цесаревича вызвала то отрадное и успокоительное чувство, которое всегда внушаетъ мысль о полной безупречности образа дѣйствій народа, не имѣющаго никакихъ враждебныхъ замысловъ по отношенію къ своимъ сосѣдямъ и желающаго, чтобы въ случаѣ не имъ вызваннаго столкновенія съ послѣдними никто не могъ приписать ему вину такого столкновенія. Къ этому чувству присоединилось, сверхъ того, особенно отрадное для насъ русскихъ убѣжденіе, что Наслѣдникъ русскаго престола все болѣе и болѣе начинаетъ принимать участіе въ государственныхъ дѣлахъ страны.

Въ назначеніи Его Императорскаго Высочества предсѣдателемъ комитета Сибирской желѣзной дороги наше общество особенно оцѣнило новое доказательство горячаго желанія державнаго вождя русской земли довершить въ возможно скорѣйшемъ времени громадное національное предпріятіе, которому суждено явиться однимъ изъ наиболѣе великихъ и плодотворныхъ дѣлъ конца нынѣшняго вѣка. Одна мысль о томъ, что въ 1900 году кратчайшій и наиболѣе длинный путь изъ западной Европы на дальній Востокъ будетъ проходить, въ наибольшемъ своемъ протяженіи, въ предѣлахъ нашего отечества наполняетъ радостною гордостью сердца всѣхъ истинно русскихъ людей, для которыхъ особенно отрадна мысль, что главнымъ руководителемъ всѣхъ усилій къ достиженію подобной цѣли явился отнынѣ старшій Сынъ Государевъ.

Въ послѣднихъ мѣрахъ, принятыхъ нашею финансовою администраціею съ цѣлью борьбы противъ искусственнаго пониженія русскаго кредитнаго рубля берлинскими биржевиками, общество наше особенно оцѣнило намѣренія, продиктовавшія эти мѣры. Въ неизбѣжности достиженія тѣхъ практическихъ результатовъ, которые они имѣютъ въ виду, у насъ пока увѣрены далеко еще не всѣ интересующіеся подобными вопросами. Неоспоримымъ признается пока только одно несомнѣнное право правительства не допускать далѣе, чтобы русскіе банки являлись, изъ-за соблазна личныхъ выгодъ, пособниками иностранныхъ спекулятовъ, употребляющихъ всѣ усилія для того, чтобы помѣшать повышенію размѣнной цѣнности русскаго кредитнаго рубля сообразно съ усилившимися до давно уже небывалыхъ размѣровъ металлическими запасами нашего государственнаго банка.



Факсимиле рисунка, исполненнаго ген.-адъютант. А. Е. Тимашевымъ.

Политическая жизнь западной Европы отличалась на прошлой недѣлѣ весьма оживленными и многосторонними интересами, несмотря на отсутствіе событій, представляющихъ характеръ первостепенной международной важности. Общій ходъ европейскихъ дѣлъ съ начала нынѣшняго года отличается до сихъ поръ отсутствіемъ подобныхъ событій. Всѣ западныя правительства слишкомъ поглощены тѣмъ, что происходитъ у нихъ дома, для того, чтобы удѣлять много времени для вопросовъ международнаго интереса. Лучшимъ доказательствомъ этого могутъ служить замѣтныя усилія англійскаго либеральнаго министерства Гладстона отнять отъ египетскаго вопроса тотъ острый характеръ, который чуть-чуть было не придало ему весьма безцеремонное вмѣшательство сентъ-джемскаго кабинета въ недавно происшедшій въ Каирѣ министерскій кризисъ.

На замѣчанія французскаго правительства, вызванныя этимъ вмѣшательствомъ, изъ Лондона отвѣчали немедленно увѣреніями, что Англія вовсе не думаетъ превратить временное занятіе Египта англійскими войсками въ окончательный захватъ упомянутой страны. Тронная рѣчь, прочитанная при открытіи британскаго парламента, и объясненія, данныя вслѣдъ затѣмъ въ палатѣ общинъ самимъ Гладстономъ, ясно доказали, что нынѣшнее британское правительство не считаетъ возможнымъ отказаться отъ увѣреній его предшественниковъ въ томъ, что англійскія войска очистятъ Египетъ, какъ только въ этой странѣ водворится такое положеніе вещей, которое въ Лондонѣ признаютъ за „нормальный порядокъ". Это, конечно, вовсе еще не ручается за скорое окончаніе англійской оккупаціи, но по крайней мѣрѣ дастъ поводъ континентальнымъ европейскимъ правительствамъ, особенно заинтересованнымъ въ самостоятельности Египта, ждать дальнѣйшихъ событій, заручившись подходящимъ дипломатическимъ матерьяломъ для противодѣйствія всякой попыткѣ захвата страны фараоновъ Англіею.

Въ тронной рѣчи, доставившей главную часть этихъ матеріаловъ, министерство Гладстона возвѣстило также формальнымъ образомъ странѣ о своей рѣшимости поставить на очередь немедленнаго обсужденія вопросъ объ ирландской автономіи. Рядомъ съ этою реформою громадной важности оно предпринимаетъ нѣсколько другихъ либеральныхъ реформъ, давно уже желаемыхъ большинствомъ англійской націи, и за послѣдніе дни начинаетъ распростра-

няться мнѣніе, что этимъ путемъ Гладстонъ можетъ обезпечить успѣхъ ирландской реформы, такъ какъ низвергнуть его министерство по ирландскому вопросу парламентъ не можетъ отнынѣ иначе, какъ затормазивъ цѣлый рядъ другихъ внутреннихъ преобразованій, желаемыхъ огромнымъ большинствомъ націи.

Въ Германіи вопросъ объ участи военнаго законопроекта графа Каприви остается все еще совершенно открытымъ. Большинство имперскаго парламента все еще враждебно ему и особенно неуступчивою продолжаетъ являться самая сильная по численности партія католическаго центра. Въ началѣ прошлой недѣли появились было слухи, что берлинское правительство намѣрено прибѣгнуть къ особымъ мѣрамъ для того, чтобы достигнуть своей цѣли. Такъ какъ императоръ Вильгельмъ II рѣшилъ послать въ Римъ на предстоящій епископскій юбилей папы Льва XIII особаго своего представителя въ лицѣ генерала фонъ-Лое, католика по вѣроисповѣданію, то пошли толки, что генералу этому поручено также добиться отъ римскаго первосвященника воздѣйствія на партію германскаго католическаго центра въ пользу военной реформы. Другой слухъ утверждалъ, что германскій государь намѣренъ особымъ посланіемъ потребовать отъ парламента согласія на военную реформу. Оба эти слуха уже опровергнуты въ настоящее время оффиціальнымъ органомъ графа Каприви, „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“, но опровергнуты въ формѣ, заставляющей догадываться, что правительство скорѣе отказалось отъ своихъ первоначальныхъ намѣреній, чѣмъ вовсе ихъ не имѣло.

Во Франціи за послѣдніе семь дней весьма значительно успокоилось волненіе умовъ, возбужденное панамскимъ скандаломъ. Судебныя пренія по процесу директоровъ панамскаго общества уже окончились, но приговоръ суда отложенъ до четверга нынѣшней недѣли. Парламентская коммиссія дознанія по дѣлу о „панамскихъ взяточникахъ“ хотя и продолжаетъ свое дѣло, но заставляетъ говорить о себѣ гораздо менѣе, чѣмъ прежде. Палата депутатовъ тѣмъ временемъ занимается довольно усердно обсужденіемъ бюджета, выражая сильнымъ большинствомъ свое довѣріе къ министерству всякій разъ, когда послѣднее, энергически и неусыпно отражая удары своихъ противниковъ, находитъ нужнымъ поднимать вопросъ объ этомъ довѣріи. Въ концѣ прошлой недѣли правительство одержало еще новую парламентскую побѣду этого рода, выступивъ съ проектомъ закона, опредѣляющаго строгую кару за всякую попытку подорвать народное довѣріе къ государственнымъ сберегательнымъ кассамъ. Къ подобной попыткѣ прибѣгли было реакціонеры, принявшіеся увѣрять въ своихъ газетахъ, что капиталы сберегательныхъ кассъ растрачены правительствомъ. Отнынѣ эти господа будутъ осторожнѣе, убѣдившись — до какой степени огромное большинство парламента раздѣляетъ негодованіе правительства противъ ихъ анти-патріотическихъ интригъ.

Въ Австро-Венгріи минувшая недѣля ознаменовалась полною неудачею усилій министерства Таафе образовать въ австрійскомъ рейхсратѣ коалиціонное правительственное большинство изъ нѣмецкихъ либераловъ, поляковъ и партіи графа Гогенварта. Всѣ эти три парламентскія фракціи отвергли правительственную программу, требовавшую отъ нихъ полнаго отреченія отъ партійныхъ интересовъ. Графу Таафе придется или управлять страною при содѣйствіи случайнаго большинства, измѣняющагося въ своемъ составѣ при обсужденіи каждаго правительственнаго законопроекта, или же помириться съ необходимостью искать опоры большинства, могущаго безъ особаго труда образоваться изъ славянскихъ партій и изъ нѣмецкихъ автономистовъ, во главѣ которыхъ стоитъ графъ Гогенвартъ.

Въ Италіи общественное мнѣніе попрежнему возбуждено скандаломъ римскаго банка, напоминающимъ—хотя и въ значительно меньшихъ размѣрахъ — панамскій скандалъ. Прикосновенными къ злоупотребленіямъ, обнаруженнымъ въ вышепоименованномъ банкѣ, оказались уже нѣкоторые сенаторы и депутаты. Произведено нѣсколько арестовъ, надѣлавшихъ много шума, но сущность дѣла пока еще продолжаетъ оставаться недостаточно выяснившеюся.

Извѣстія изъ Сербіи, приходившія за послѣдніе дни, показываютъ, что неожиданное примиреніе Милана Обреновича съ королевою Наталіею, вызвавшее сначала такой необдуманный восторгъ въ сербскомъ обществѣ, начинаетъ возбуждать нѣкоторую тревогу въ людяхъ, не лишенныхъ политической прозорливости. Мы считаемъ еще преждевременнымъ распространяться по этому вопросу, но искренно радуемся, что не поддались съ самаго начала впечатлѣнію первой минуты, произведенному въ умахъ столь значительной части русской публики неожиданностью совершившагося въ Біаррицѣ событія.

Брачныя торжества въ Берлинѣ

Торжества въ Берлинѣ по случаю бракосочетанія принцессы Маргариты Прусской съ принцемъ Фридрихомъ-Карломъ Гессенскимъ сопровождались необычайной пышностью и блескомъ, какихъ не видѣли при берлинскомъ дворѣ со времени царствованія императора Вильгельма I. Рядъ празднествъ открылся каруселью, устроенной офицерами 1-го гвардейскаго драгунскаго полка, въ которомъ служитъ принцъ Гессенскій.

Введеніемъ къ брачной церемоніи послужилъ, согласно уставу, актъ гражданскаго бракосочетанія, совершенный министромъ королевскаго дома. Это торжество происходило въ домѣ невѣсты, во дворцѣ вдовствующей императрицы, тотчасъ послѣ полудня, въ самый день свадьбы, 25-го января нов. ст. Въ концѣ большой парадной залы былъ выставленъ портретъ покойнаго императора Фридриха, работы Анджели. Подъ нимъ стоялъ столъ, покрытый скатертью фіолетоваго бархата, вышитой золотомъ. По обѣимъ сторонамъ его заняли мѣста лица, стоящія особенно близко къ императорской семьѣ. Невѣста появилась уже въ свадебномъ уборѣ. На ней было платье изъ бѣлаго тяжелаго шелковаго репса съ длиннѣйшимъ — въ 4 метра — шлейфомъ изъ серебряной парчи. Передъ его, сдѣланный изъ бѣлаго шелковаго крепа, украшало серебряное шитье въ видѣ разбросанныхъ букетовъ и вѣнковъ маргаритокъ. Такое же шитье шло по подолу платья и окаймляло корсажъ, отдѣланный на рукавахъ драгоцѣннымъ венеціанскимъ кружевомъ. На шеѣ принцессы сверкало роскошное большое фамильное колье, хранящееся въ государственной сокровищницѣ, а на самой таліи, посреди гирляндъ померанцевыхъ цвѣтовъ и миртъ, горѣлъ брилліантовый аграфъ, также принадлежащій къ сокровищамъ императорскаго дома. Министромъ королевскаго двора, фонъ-Веделенъ, былъ громко прочитанъ протоколъ, послѣ чего свидѣтели подписались подъ нимъ. Послѣ этой церемоніи невѣста поѣхала при колокольномъ звонѣ въ королевскій замокъ въ сопровожденіи императрицы-матери. Дворцовая капелла тѣмъ временемъ наполнялась духовенствомъ и причтомъ. Алтарь сіялъ огнями въ зелени и цвѣтахъ. Пока въ церкви размѣщались участники и зрители предстоящаго обряда, въ комнатахъ Фридриха I происходила церемонія, совершаемая только на свадьбахъ при прусскомъ дворѣ. Въ китайскомъ кабинетѣ былъ приготовленъ большой туалетный столъ съ туалетнымъ зеркаломъ въ золотой рамѣ; послѣднее принадлежало нѣкогда королевѣ Луизѣ и употребляется теперь при каждой свадьбѣ въ императорской семьѣ. Какъ оно, такъ и всѣ принадлежности туалетнаго прибора помѣчены ея вензелемъ. Въ эту комнату была принесена на подушкѣ изъ золотой парчи такъ называемая „корона принцессъ“. Она состоитъ изъ обруча и шести дугъ, соединенныхъ на верхушкѣ подъ державою, увѣнчанною крестомъ. Корона подбита темнокраснымъ бархатомъ. Нижній ея обручъ состоитъ изъ двадцати пяти алмазовъ, изъ которыхъ шесть переднихъ брилліанты, остальные же такъ называемыя розы; въ каждой дугѣ по шести розъ. Корона хранится въ королевской сокровищницѣ и отдѣлывается вновь для каждаго торжественнаго случая. Царствующая императрица, принявъ корону изъ рукъ оберъ-гофмейстерины, графини фонъ-Брокдорфъ, возложила ее на голову невѣсты посреди вѣнка изъ миртъ и померанцевыхъ цвѣтовъ. По знаку императора послѣдовалъ высочайшій выходъ, и тогда въ капеллу потянулось свадебное шествіе согласно предписаніямъ придворнаго этикета. Безконечной вереницей тянулись въ церковь остальныя высочайшія особы. Церковный обрядъ начался исполненіемъ мендельсоновскаго гимна „Всякое дыханіе да хвалитъ Господа“. Когда высоконовобрачные обмѣнивались кольцами, въ Лустгартенѣ, за стѣнами замка, раздался троекратный салютъ по двѣнадцати пушечныхъ выстрѣловъ, возвѣстившій окончаніе обряда. Къ молодой четѣ приблизились сначала императоръ съ императрицей-матерью. Первый крѣпко поцѣловалъ сестру, вторая заключила дочь въ объятія. Затѣмъ свадебное шествіе тѣмъ же порядкомъ вышло изъ капеллы, и началось дефилированіе всего двора и приглашенныхъ гостей передъ высоконовобрачными, принимавшими поздравленія. Обѣденный столъ, къ которому былъ приглашенъ кромѣ высочайшихъ особъ и весь придворный штатъ, поражалъ роскошью убранства. Украшеніемъ его распоряжалась также вдовствующая императрица. Особенную пышность придавалъ ему массивный серебряный сервизъ — фамильная драгоцѣнность императорскаго дома, а также изобиліе живыхъ цвѣтовъ, пестрѣвшихъ въ видѣ плато и благоухавшихъ въ великолѣпныхъ вазахъ между высокими позолоченными канделябрами. На почетномъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно красовался при другихъ свадебныхъ пирахъ традиціонный „корабль счастія“, передъ высоконовобрачной четой возвышалось гигантское фантастическое зданіе съ княжескими эмблемами, гербами, символами и девизами. Свадебные пироги были разставлены по всему столу. За обѣдомъ императоръ по обычаю провозгласилъ тостъ за здоровье новобрачной четы. Послѣ обѣда все собравшееся блестящее общество перешло въ Бѣлую залу, чтобы принять участіе въ факельномъ танцѣ, которымъ должно было закончиться торжество. Факельный танецъ былъ исполненъ по обычаю подъ предводительствомъ двѣнадцати государственныхъ министровъ. Съ восковыми свѣчами въ рукахъ выступали они впереди новобрачныхъ и сдѣлали одинъ туръ по залѣ, причемъ принцессу Маргариту велъ подъ руку императоръ, а императрица шла съ принцемъ Гессенскимъ. Затѣмъ министровъ смѣнили пажи, и юная чета сдѣлала еще нѣсколько туровъ по залѣ уже съ другими высочайшими особами. Спеціально для настоящаго случая принцемъ Альбрехтомъ сочинена превосходная музыка, увлекательная, полная огня и силы въ ритмѣ, чарующая по своей мелодичности. Торжественно-медленный тэмпъ факельнаго танца, какъ въ менуэтѣ, напоминаетъ славныя времена курфюрстовъ, и потому онъ до сихъ поръ служитъ необходимой принадлежностью придворнаго церемоніала на свадебныхъ пиршествахъ, очаровывая зрителей своей плавной красотой. Послѣ факельнаго танца дворъ сталъ расходиться изъ горѣвшихъ огнями дворцовыхъ залъ, пока происходила заключительная церемонія торжества — раздача обергофмейстериной на память гостямъ разрѣзанной на кусочки подвязки невѣсты. Въ половинѣ десятаго высоконовобрачныя отправились въ Потсдамъ. Здѣсь по пути отъ вокзала желѣзной дороги къ городскому замку ихъ опять восторженно привѣтствовали толпы народа. Лѣсистыя высоты горы Браугаусъ, сосѣднія виллы и бельведеръ, а также мосты и большая часть общественныхъ зданій были освѣщены краснымъ бенгальскимъ огнемъ, что производило сказочный эффектъ въ ночной темнотѣ. Затѣмъ принцъ и принцесса Гессенскіе поселились въ замкѣ Филипперуэ, близь Ганау, откуда намѣрены переѣхать въ замокъ Румпенгеймъ.

Городъ Верхотурье

Небольшой городокъ самаго сѣвернаго уѣзда пермской губерніи, Верхотурье, расположенный по обѣимъ сторонамъ рѣки Турьи, впадающей въ Тоболь и лежащей къ сѣверо-востоку отъ Перми, въ 661 верстѣ, основанъ въ 1598 году, при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, „на старомъ Чудскомъ или Вогульскомъ городищѣ Неромъ-Кура“, и жители переведены сюда изъ уничтоженнаго Лозвинскаго городка. Въ 1601 г. возведены въ Верхотурьѣ острогъ, Гостиный Дворъ и таможня для сбора пошлинъ съ привозимыхъ сюда товаровъ. Затѣмъ, по повелѣнію Петра I, сооружена здѣсь каменная крѣпость съ двумя башнями и двумя воротами, въ наши времена пришедшая уже въ разрушеніе. Когда таможня была здѣсь уничтожена, городъ сталъ замѣтно падать въ промышленномъ отношеніи, а въ 1763 г., съ открытіемъ новой екатеринбургской дороги, и почти совершенно утратилъ значеніе торговаго города. До 1781 г. Верхотурье было уѣзднымъ городомъ тобольской губерніи, и затѣмъ сдѣлано уѣзднымъ городомъ пермскаго намѣстничества, переименованнаго въ 1796 году въ губернію. Теперь въ городѣ около трехъ тысячъ жителей, и онъ представляетъ собою не болѣе какъ административный центръ въ управленіи громаднымъ уѣздомъ. Глухой городокъ этотъ въ лѣтнюю пору становится довольно оживленнымъ, такъ какъ въ него прибываютъ десятки тысячъ богомольцевъ, стекающихся сюда на поклоненіе мощамъ св. праведнаго Симеона изъ с. Меркушинскаго. Эти мощи покоятся открытыми въ церкви мужскаго Николаевскаго 3-го класса монастыря, основаннаго въ 1604 г. инокомъ Іоною, древнѣйшаго изъ всѣхъ сибирскихъ монастырей. Главныя лучшія строенія города расположены по лѣвой сторонѣ Турьи, на двухъ утесистыхъ скалахъ, при устьѣ рѣкъ Свіяги и Дернейки; здѣсь стоятъ соборъ св. Троицы, основанный въ 1598 г. и перестроенный въ 1699 г., присутственныя мѣста и гостинный рядъ; меньшая, зарѣчная часть города лежитъ на правомъ берегу Турьи, а Ямская отдѣляется отъ города р. Свіягою, отъ монастыря же р. Калачикомъ. На высокомъ скалистомъ берегу, тамъ, гдѣ находится каѳедральный соборъ, можно еще и нынѣ видѣть остатки крѣпостной стѣны, ибо Верхотурье было крѣпостью, защищавшею въ средніе вѣка, до завоеванія Сибири, нашу окраину отъ нападеній сибирскихъ выходцевъ, имѣвшихъ обыкновеніе перебираться этимъ путемъ, по рѣкѣ Турьѣ, за Уралъ. До начала прошлаго столѣтія, когда мимо города проходилъ большой сибирскій трактъ, Верхотурье играло роль складочнаго пункта для товаровъ, которые перегружались на большія барки, сплавлявшіяся весною по рѣкѣ Турьѣ. Въ верхотурскомъ уѣздѣ находится много золотыхъ пріисковъ, а также чугунно-плавильныхъ и желѣзодѣлательныхъ заводовъ.

По Россіи. — Изъ путеваго альбома художника. Городъ Верхотурье зимою.

Съ натуры рисовалъ для »Всемірной Иллюстраціи« В. Г. Казанцевъ.

Иностранные художники. — На вечернемъ отдыхѣ. Картина Конрада Бекмана.

Гравировалъ для »Всемірной Иллюстраціи« Клосъ и К°.

На вечернемъ отдыхѣ

Въ столярной мастерской искуснаго нѣмецкаго мастера работа въ полномъ разгарѣ. Визжитъ рубанокъ, выбрасывая каждый разъ узкія тонкія ленты стружекъ. Шипитъ пила, осыпая руки работниковъ бѣложелтою мукою опилокъ. Стучитъ долото. Мастеръ Клаусъ, толстый добродушный нѣмецъ на коротенькихъ ножкахъ, важно похаживаетъ по мастерской, посматриваетъ на рабочихъ и не выпускаетъ изо рта толстой сигары. Дымъ клубами окружаетъ его красное широкое лицо, и мастеръ Клаусъ въ эти минуты удивительно похожъ на пыхтящій локомотивъ, окруженный выпускаемымъ имъ паромъ.

Вѣроятно это сравненіе приходитъ въ голову мальчугана, пріютившагося у верстака, въ уголку. Мальчуганъ нѣтъ, нѣтъ, да и взглянетъ украдкой на хозяина, улыбнется и опять склопитъ свою всклокоченную головенку надъ брускомъ дерева...

На сосѣдней колокольнѣ часы пробили шесть.

Мастеръ Клаусъ вынулъ было новую сигару, но раздумалъ и положилъ ее обратно, т. е. ему казалось, что онъ положилъ ее въ жилетный карманъ; на самомъ дѣлѣ сигара скользнула по толстому животу мастера и упала па полъ, гдѣ и скрылась подъ массою стружекъ.

Не скрылась она только отъ пары проворныхъ зоркихъ глазъ.

Хозяинъ вышелъ изъ мастерской. Рабочіе снимали передники, отряхивались отъ приставшихъ къ ихъ волосамъ и платью кусочковъ дерева и одинъ за другимъ уходили. Вотъ вышелъ и послѣдній.

Мальчуганъ остался одинъ.

Онъ всталъ и съ наслажденіемъ потянулся, расправляя усталые молодые члены. Затѣмъ однимъ прыжкомъ онъ очутился у того мѣста, гдѣ упала сигара, и проворно сталъ искать ее въ грудѣ стружекъ. Черезъ мгновеніе сигара съ торжествомъ была вытащена на свѣтъ Божій.

Да, настоящая цѣльная толстая сигара темнокоричневая съ желтыми пятнышками. Вы не шутите этимъ. Гансъ давно уже мечтаетъ о томъ, какъ бы хорошо было покурить хозяйскую сигару. Курить онъ научился уже давно, подбирая окурки папиросъ у рабочихъ, по окурка сигары ему какъ-то не приходилось находить, а тутъ вдругъ цѣлая сигара, да еще самого мастера Клауса.

Въ кудлатой головенкѣ на мгновеніе мелькнула было мысль, что вѣдь сигара досталась ему не совсѣмъ законнымъ, честнымъ путемъ. Но это была очень мимолетная мысль. Съ одной стороны голова Ганса еще плохо работала надъ вопросами миральнаго свойства, а съ другой... съ другой стороны вѣдь у хозяина такихъ сигаръ много и къ тому же эта такъ соблазнительна. Вопросъ рѣшился быстро. Чиркнула спичка и сигара задымилась. Гансъ вложилъ ее въ ротъ, засунулъ руки въ карманы и важно прошелся взадъ и впередъ по мастерской, подражая хозяину. Потомъ онъ придвинулъ верстакъ поближе къ окну и настянулся на немъ, свѣсивъ черезъ край босыя смуглыя ноги.

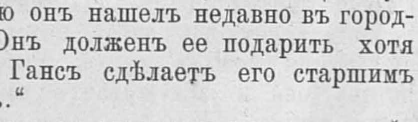
По правдѣ сказать сигара не особенно нравилась Гансу. Дымъ былъ очень крѣпокъ, но зато сознаніе, что онъ куритъ настоящую хозяйскую сигару, заглушало эту маленькую непріятность, и Гансъ предался мечтамъ самаго высокаго свойства:

„Когда онъ будетъ также хозяиномъ мастерской, онъ непремѣнно будетъ курить сигары и носить ихъ будетъ въ томъ самомъ ящикѣ, который лежитъ за окномъ въ магазинѣ, куда ходятъ господа. Онъ его купитъ непремѣнно. Жилетъ у него будетъ такой же, какъ у старшаго подмастерья .Питерса, бархатный синій, съ серебряными пуговицами. Или лучше красный, какъ у толстаго важнаго барина, который приходилъ къ нимъ вчера за шкатулкой. Красный, съ золотымъ позументомъ кругомъ. Питерсъ говорилъ, что это только лакей, но Гансъ имѣетъ причины сомнѣваться въ этомъ. Питерсъ просто говорилъ изъ зависти, что у него нѣтъ такого жилета. Потомъ онъ непремѣнно прогонитъ Марка, который частенько его учитъ, а сегодня училъ такъ, что чуть чуть не оторвалъ уха. Рука мальчугана ощупала эту часть тѣла и удостовѣрилась, что она была на мѣстѣ. Вмѣсто Марка онъ возьметъ Карла отъ сосѣда башмачника. Карлъ маленькій и ему еще хуже живется, чѣмъ Гансу. Въ прошлый разъ они играли на улицѣ; это увидѣлъ хозяинъ Карла и больно поколотилъ бѣднаго Карла. Гансъ сдѣлаетъ его старшимъ подмастерьемъ, и тогда Карлъ, конечно, подаритъ ему свою жестяную трубу, которую онъ нашелъ недавно въ городскомъ саду. Онъ долженъ ее подарить хотя бы за то, что Гансъ сдѣлаетъ его старшимъ подмастерьемъ."

Мечты мальчугана начинали принимать нѣсколько другое направленіе, но легкій шорохъ на полу вдругъ прервалъ ихъ теченіе. Гансъ повернулся на животѣ и осмотрѣлся. Вдругъ широкая улыбка раздвинула его толстыя губы.

Судьбѣ, очевидно, было угодно сегодня во всѣхъ отношеніяхъ побаловать мальчугана. На полу происходило даровое представленіе. Двѣ мыши выползли изъ подъ пола и хозяйничали въ мастерской. Звѣрки, успокоенные полной тишиной принялись играть въ комнатѣ и выдѣлывали уморительные штуки.

Мечты Ганса разсѣялись передъ любопытной реальностью. Забылась даже и сигара. Глазки мальчугана слѣдили за эволюціями сѣренькой парочки и все лицо его выражало полное эстетическое наслажденіе . . . .



Генеалогія и геральдика

Дворяне Стасовы

Предки Стасовыхъ, вѣроятно, были новгородцы, выѣхавшие на Москву къ великому князю еще въ XIV столѣтіи, и фамилія эта, по преданіямъ, причисляется къ выѣхавшимъ „изъ пруссъ". Но поколѣнную роспись можно прослѣдить лишь съ половины XVII столѣтія, когда жилъ *Евтифей Стасовъ* (1), имѣвшій сына *Епифана* (2), тульскаго городового дворянина въ 1697 году, и внука *Өедора* (3), владѣвшаго помѣстьями въ каширскомъ и коломенскомъ уѣздахъ, а 1701 году — молодого подъячаго московскаго суднаго приказа.

Въ концѣ XVII вѣка извѣстенъ и сержантъ преображенскаго полка (1697—1698) *Яковъ Стасовъ*, вѣроятно, родственникъ (братъ?) Епифана (2).

У Өедора Епифановича (3) было три сына: *Петръ*

Гербъ дворянъ Стасовыхъ.

(4) подканцеляристъ вотчинной канцеляріи въ 1765 году; *Василій* (5) губернскій секретарь въ московской оберъ-полиціймейстерской канцеляріи въ 1785 году и *Яковъ* (6), подканцеляристъ коломенской полиціймейстерской канцеляріи въ 1765 г.

Отъ брака Петра Өедоровича (4) съ Анной Антипьевной N. были дѣти: дочь *Вѣра* род. 16 сентября 1781 г., † 18 октября 1850 г. и сыновья: *Димитрій* (7), род. 18 августа 1767 г., мичманъ морского флота и *Василій* (8) извѣстный архитекторъ, род. 24 іюля 1769 г., † 24 августа 1848 г.; службу свою началъ архитектурнымъ помощникомъ при московской управѣ благочинія (въ 1783 г.), а въ 1794 году назначенъ унтеръ-офицеромъ въ л.-гв. преображенскій полкъ, откуда уже въ слѣдующемъ году выпущенъ къ статскимъ дѣламъ подпоручикомъ и причисленъ сначала къ герольдіи, а затѣмъ къ конторѣ соляныхъ дѣлъ. Въ 1798 году удостоился Высочайшаго благоволенія за поднесенныя Императору чертежи, а 1801 г. — таковаго же за устройство народнаго праздника во время коронаціи Александра I. Въ слѣдующемъ году онъ отправленъ по именному указу для усовершенствованія въ архитектурѣ за границу (во Францію, Англію и Италію) и въ 1807 году принятъ профессоромъ архитектуры въ академіи св. Луки въ Римѣ По возвращеніи въ Россію (въ 1808 году) опредѣленъ на службу въ собственный Е. И. В. кабинетъ съ назначеніемъ состоять при с.-петербургскомъ военномъ губернаторѣ „для составленія фасадовъ и наблюденія за строеніями". Изъ многочисленныхъ работъ Василія Петровича укажемъ: устройство дома Императорскаго царскосельскаго лицея (въ 1811 г.); перестройка придворныхъ конюшенъ и казармъ л.-гв. павловскаго полка въ С.-Петербургѣ (въ 1817 г.), отдѣлка китайской деревни въ Царскомъ Селѣ (1818); передѣлка и исправленія царскосельскаго, петергофскаго, таврическаго, Зимняго и другихъ дворцовъ; устройство тріумфальныхъ воротъ въ С.-Петербургѣ въ честь гвардейскаго корпуса (въ 1827 г.), а также многочисленныя передѣлки соборовъ: Исаакіевскаго, Преображенскаго, Троицкаго въ С.-Петербургѣ и Спаса въ Москвѣ. Скончался въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Василій Өедоровичъ (5) имѣлъ двухъ сыновей: *Сергѣя* (9) — прапорщикъ и уѣздный землемѣръ и *Матвѣя* (10). Потомство ихъ не извѣстно.

Отъ брака Василія Петровича (8) съ Маріей Абрамовной Сучковой (р. 1792 г., † 1831 г.) было пять сыновей и три дочери. Старшій сынъ *Николай* (11) род. въ С.-Петербургѣ 13 мая 1818 г., получилъ домашнее образованіе, а затѣмъ воспитывался въ 1-й спб. гимназіи. На службу вступилъ юнкеромъ въ гвардейскую конную артиллерію, изъ которой въ 1839 г. произведенъ прапорщикомъ въ 11-ую конно-легкую батарею, а въ 1840 году переведенъ въ корпусъ инженеровъ военныхъ поселеній. Въ 1841 году назначенъ къ работамъ по перестройкѣ Малаго Эрмитажа. Скончался въ чинѣ полковника въ С.-Петербургѣ 30 ноября 1879 года.

Второй сынъ *Александръ* (12) родился въ С.-Петербургѣ 20 іюня 1819 г. Послѣ домашняго воспитанія поступилъ въ 1-ю спб. гимназію, откуда переведенъ въ царскосельскій Императорскій лицей, окончивъ который въ 1836 году, поступилъ на службу въ министерство государственныхъ имуществъ съ чиномъ IX класса. Затѣмъ состоялъ на службѣ въ министерствѣ финансовъ, а съ 1851 года въ отставкѣ. Въ 1861—1881 году былъ однимъ изъ директоровъ пароходнаго общества „Кавказъ и Меркурій".

Третій сынъ — *Владиміръ* (13) извѣстный археологъ, знатокъ русскаго искусства — родился 2 января 1824 года и рано сталъ заниматься художественными вопросами. Образованіе получилъ въ училищѣ Правовѣдѣнія, откуда выпущенъ въ 1843 году съ чиномъ IX класса. Служилъ сначала въ Межевомъ департаментѣ сената, потомъ секретаремъ и оберъ-секретаремъ въ департаментѣ Герольдіи; въ 1849—50 г. перешелъ на консультацію при министерствѣ юстиціи; весной 1851 года вышелъ въ отставку и уѣхалъ заграницу, сначала въ Лондонъ на 1-ю всемірную выставку, оттуда въ Парижъ; пріѣхалъ во Флоренцію въ августѣ того же года, и прожилъ тамъ до весны 1854 года. Въ это же время побывалъ нѣсколько разъ въ Венеціи, Римѣ, Неаполѣ и Палермо для изученія тамошнихъ музеевъ, коллекцій и церквей. Былъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ членомъ музыкальныхъ кружковъ Глинки и Даргомыжскаго. Напечаталъ небольшое изслѣдованіе о музыкальной коллекціи аббата Сантини (Флоренція 1854). Вслѣдъ за этимъ послѣдовала біографія Глинки (1857). Началъ писать для печати еще съ 1847 г. („Отеч. Записки") и съ тѣхъ поръ участвовалъ своими художественно-критическими статьями и трактатами во множествѣ журналовъ и газетъ русскихъ и иностранныхъ (около 700). Въ 60-хъ годахъ былъ членомъ археологическаго и географическаго обществъ: въ первомъ былъ редакторомъ „Извѣстій Археологическаго Общества" въ продолженіе 1860—64 гг., во второмъ былъ секретаремъ этнографическаго отдѣленія и устроилъ вмѣстѣ съ В. Ал. Прохоровымъ музей географическаго общества, сильно способствовалъ его приращенію. Много разъ получалъ отъ академіи наукъ порученія составлять разборы сочиненій художественнаго и археологическаго содержанія, представляемыхъ на Уваровскія, Демидовскія и Макарьевскія преміи. Такъ напр. сочиненія: Д. А. Ровинскаго — о русской гравюрѣ 2 раза; архимандрита Макарія — о Новгородскихъ древностяхъ; С. Л. Давыдовой — о русскомъ кружевѣ. Съ 1856 года занимался подъ надзоромъ гр. М. А. Корфа въ „Коммиссіи для собранія матеріаловъ для біографіи императора Николая I", (результаты - нѣсколько томовъ рукописныхъ изслѣдованій, представленныхъ императору Александру II для его личной библіотеки); сверхъ того: — „Исторія Императора Ивана Антоновича и его семейства"; „Исторія русской цензуры" — по подлиннымъ документамъ, за время царствованія Николая I; „Изслѣдованіе о календарѣ въ Россіи и славянскихъ земляхъ" (напечатано секретно въ типографіи II отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ). Съ 1856 по 1872 г. велъ дѣла по устройству художественнаго отдѣленія въ Императорской публичной библіотекѣ. Совершилъ много путешествій заграницу для художественныхъ изслѣдованій. Владиміръ Васильевичъ болѣе 30 лѣтъ собиралъ матеріалъ для сочиненія: „Русскій народный орнаментъ" (1862), а также „Еврейскій орнаментъ" (не изданъ); онъ занимается и археологіей и высказался за чистую народную поэзію, что вызвало сильные нападки. Въ настоящее время Владиміръ Васильевичъ хранитель художественнаго отдѣленія въ Императорской публичной библіотекѣ, въ которой служитъ съ 1872 года.

Четвертый сынъ *Димитрій* (14) род. 20 января 1828 г. По окончаніи курса въ училищѣ правовѣдѣнія (въ 1847 году) опредѣленъ на службу въ департаментъ герольдіи, въ которомъ и состоялъ до выхода въ отставку въ 1861 году. Съ этого времени Димитрій Васильевичъ извѣстенъ какъ талантливый юристъ. Съ введеніемъ судебныхъ уставовъ, онъ былъ избранъ первымъ предсѣдателемъ перваго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, затѣмъ былъ товарищемъ предсѣдателя, а послѣднія 15—17 лѣтъ состоитъ членомъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. До введенія судебныхъ уставовъ былъ однимъ изъ пяти учредителей частнаго юридическаго общества (существовавшее до 1867 г.), въ которомъ разсматривались и разбирались мнѣнія и дѣла, обуждавшіяся въ коммиссіи по учрежденію судебныхъ уставовъ. Изъ защитъ Димитрія Васильевича укажемъ защиту его въ процессахъ учредителей главнаго общества желѣзныхъ дорогъ противъ главнаго общества; о музыкальной собственности наслѣдниковъ Ө. М Глинки на „Жизнь за царя" и „Руслана и Людмилы" противъ Сѣрова и противъ него подобное же дѣло объ оперѣ Даргомыжскаго „Русалка" и много другихъ. Димитрій Васильевичъ былъ однимъ изъ учредителей русскаго музыкальнаго общества и с.-петербургской консерваторіи (въ 1859 г.)

Пятый сынъ *Борисъ* (15) род. 24 іюня 1830 г; сконч. 31 января 1841 г.

Дочери Василія Петровича: — 1) *Софія* род. 12 сентября 1820, † 31 января 1858 — замужемъ за Василіемъ Матвѣевичемъ Кларкъ. 2) *Надежда* — род. 18 іюня 1822 года Образованіе получила домашнее. Въ 1860-хъ годахъ была одною изъ главныхъ основательницъ женской артели издательницъ (ими изданы: „Исторія Меровинговъ" Тьерри, „Путешествіе по Амазонской рѣкѣ" Беца, „Сказки" Андерсена, „Новыя сказки" его же и т. д.); въ 60-хъ и 70-хъ г.г. была одною изъ основательницъ общества дешевыхъ квартиръ; съ 1867 года она была однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, по инціативѣ которыхъ состоялось учрежденіе и открытіе высшихъ женскихъ курсовъ (такъ называемыхъ Бестужевскихъ); первое открытіе ихъ было 2 января 1869 г. второе послѣ перерыва въ 1878 г. 20 сентября; 3) *Ольга* род. въ 1826 году.

Отъ брака Николая Васильевича (11) съ Маргаритой Матвѣевной Кларкъ (р. 15 октября 1828 г.) было три дочери: *Марія* род. 11 мая 1851; *Ольга* род. 22 іюня 1853. † 26 августа 1876 и *Софія* род. 15 сентября 1858, † 18 мая 1869 г.

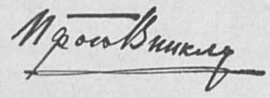
Димитрій Васильевичъ (14) женатъ на Поликсенѣ Степановнѣ Кузнецовой (р. 22 іюля 1839); у нихъ дѣти: *Сергѣй* (16) род. 2 ноября 1866, образованіе получилъ въ училищѣ правовѣдѣнія; на службѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; *Андрей* (17) род. 9 февраля 1870; *Борисъ* (18) род. 31 января 1878; *Варвара* 12 августа 1862 замужемъ за полковникомъ Ник. Ник. Комаровымъ; *Зинаида* р. 25 сентября 1864, замужемъ за шт. кап. Ник. Кузьмичемъ Березкинымъ и *Елена* р. 3 октября 1873 г.

Гербъ дворянъ Стасовыхъ слѣдующій:

(Современное описаніе). Въ щитѣ, скошенномъ слѣва, перевязь вправо, составленная изъ черныхъ и серебряныхъ треугольниковъ. Въ правой — червленой части обращенная, выходящая изъ облаковъ въ серебряныхъ доспѣхахъ рука, вооруженная мечемъ, сопровождаемая въ верхнемъ лѣвомъ углу выходящимъ солнцемъ, а въ правомъ нижнемъ — сидящею на землѣ совою. Въ лѣвой лазуревой части серебряный якорь въ перевязь вправо, обрамленный (кольцомъ) змѣею натуральнаго цвѣта. Щитъ увѣнчанъ шлемомъ съ короною. Нашлемникъ—стрѣла остріемъ внизъ, сопровождаемая двумя черными крылами. Наметъ лазуревый и червленый съ серебромъ.

(Старое описаніе). Щитъ раздѣленъ діагонально на двѣ части къ правому нижнему углу полосою, составленною изъ серебряныхъ и чернаго цвѣта шахматъ; изъ коихъ въ верхней части въ красномъ полѣ, видна выходящая изъ облакъ рука въ латахъ съ мечемъ, остроконечіемъ, подъятымъ къ означенному въ лѣвомъ углу сіяющему солнцу; а внизу сидитъ на травѣ сова. Въ нижней части въ голубомъ полѣ серебряный якорь, обвитый змѣемъ. Щитъ увѣнчанъ обыкновеннымъ дворянскимъ шлемомъ, съ дворянскою на немъ короною, на поверхности которой видна серебряная стрѣла и по сторонамъ оной распростерты два черныя орлиныя крыла. Наметъ на щитѣ голубаго и краснаго цвѣтовъ, подложенный серебромъ.

Эмблемы эти явились въ гербѣ Стасовыхъ на основаніи преданія, что одинъ изъ предковъ ихъ, обнаживъ мечъ, охранялъ отъ зари до зари сонъ задремавшаго, утомленнаго битвою великаго князя.



Выставка Императорскаго общества правильной охоты въ Москвѣ

Закрывшаяся на дняхъ въ Москвѣ XIX очередная выставка Императорскаго общества размноженія охотничьихъ и промысловыхъ животныхъ и правильной охоты, помѣщавшаяся въ городскомъ манежѣ, изобиловала разнообразными породами подружейныхъ, псовыхъ и разнопородныхъ собакъ, нѣсколькими замѣчательными по своей красотѣ и достоинству охотничьими лошадьми; въ разныхъ мѣстахъ выставки размѣщены были торговцы чучелами птицъ и звѣрей. Если на этотъ разъ псовая охота не предстала въ должномъ блескѣ, то это объясняется исключительными условіями момента: лютые морозы останавливали многихъ охотниковъ отъ перевозки собакъ, а самое главное, что теперь на собакахъ распространена чума. Всеобщее вниманіе вызывали находящіяся внѣ конкурса двѣ замѣчательныя собаки Его Императорскаго Высочества великаго князя Сергѣя Александровича. Собаки эти весьма красивой пятнистой шерсти. Называются онѣ далматскими собаками „плюмъ-пудингъ“; на выставкѣ прежде такихъ экземпляровъ не бывало. Одной — „Леди“ — 8 лѣтъ, другому — „Джеку“ — 2½ года. Борзыя вообще на выставкѣ представлены были очень хорошо, и безспорно лучшія собаки — А. Е. Корша, въ числѣ которыхъ бывавшій уже на выставкахъ знаменитый „Ударъ“. Дальше все извѣстныя охоты популярнѣйшихъ охотниковъ гр. Н. А. Адлербера (внѣ конкурса), В. П. Глѣбова, Д. Д. Осиповскаго, И. С. Максимова, Н. А. Болдырева, св. кн. Д. Б. Голицына. Въ группѣ гончихъ была замѣчательна по своей однотипности охота кн. В. С. Мещерскаго (21 собака), занимавшая круглое возвышеніе передъ самымъ входомъ въ манежъ. Лучшими же гончими являются три собаки И. М. Алексѣева — „Томило“, „Вѣдьма“ и „Помчило“. Среди пойнтеровъ великолѣпны были собаки Э. А. Новицкаго, а особенно замѣчателенъ „Нэдъ“, 6-ти лѣтъ, недавно выписанный изъ Англіи. Изъ ирландскихъ сеттеровъ обращали вниманіе А. де-Бьенкура — „Юнгъ-Росеморъ“ и „Эйрнисъ-Нора“, уже бывавшія на выставкахъ, и „Вредъ“ А. В. Вишневскаго. Легавыя, какъ и во всѣ прошлые годы, были не многочисленны. Среди разнородныхъ имѣлись извѣстныя собаки Колли съ своимъ родоначальникомъ Сенсеменомъ. Изъ сенъ-бернардовъ очень хорошъ И. И. Германа — „Белло“. Лошадей всего выставлено было 9; изъ нихъ очень хороши „Абуръ“ англо-донской породы собственнаго завода кн. П. Н. Трубецкаго и двѣ лошади — „Червонецъ“ и „Егорлыкъ“ Д. П. Вольцова. Всего было выставлено собакъ 42, гончихъ всѣхъ разновидностей 50, пойнтеровъ 50, сеттеровъ всѣхъ породъ 51, легавыхъ 23, суссекъ и блекъ-спаніели 3 и разнородныхъ 62.

Взамѣнъ медалей въ настоящемъ году выдавались только дипломы на нихъ. Кромѣ того, были два цѣнныхъ приза отъ охотничьяго клуба для подружейной и для борзой собаки, награда отъ московскаго общества охоты — лучшему пойнтеру, отъ Императорскаго общества правильной охоты — призъ лучшему ирландскому сеттеру въ память А. Ѳ. Ѳедорова и лучшей подружейной — подписной призъ въ память П. А. Квасникова.

Театръ, музыка, искусства

— Въ Миланѣ, въ театрѣ „La Scala“ 17 января шла новая опера Д. Верди „Фальстафъ“, которая репетировалась подъ руководствомъ самого маэстро.

— Въ вѣнскомъ „Theater an der Wien“, 6 января состоялось первое представленіе новой оперетты І. Штрауса „Княгиня Нинета“. Оперета имѣла огромный успѣхъ.

— Сотое представленіе оперы Гуно „Ромео и Джульетта“ состоялось 19 января въ Оперномъ театрѣ въ Парижѣ. Французскія газеты даютъ чрезвычайно лестные отзывы объ этомъ представленіи. Обставлено оно было очень торжественно и имѣло грандіозный успѣхъ.

ЧТО ТАКОЕ СОВА?

Очеркъ

Д. Н. КАЙГОРОДОВА

Если маломальски образованнаго человѣка спросить: „что такое сова?“, то отвѣтъ, обыкновенно, получается слѣдующій: „сова — ночная хищная птица“. Если же затѣмъ спросить: „а что такое *хищная птица?*“ то большею частію отвѣтъ послѣдуетъ такой: „хищная птица та, которая ловитъ и поѣдаетъ другихъ птицъ“. Такое представленіе о совѣ, какъ птицѣ, убивающей и поѣдающей по ночамъ спящихъ дневныхъ птицъ, съ давнихъ временъ, твердо укоренилось во мнѣніи „большой публики“. Также и законъ нашъ относитъ сову къ числу хищниковъ, которыхъ разрѣшается уничтожать во всякое время года и всевозможными способами (кромѣ только отравы). Вотъ почему, почти всякій стрѣляетъ попавшуюся ему подъ ружье сову и убиваетъ ее не только, какъ говорится, со спокойною совѣстью, но еще и съ сознаніемъ какъ бы исполненнаго долга. Однако, есть люди, которые имѣютъ о совѣ — или, вѣрнѣе, о совахъ — совсѣмъ иное мнѣніе, почти, можно сказать, прямо противуположное ходячему мнѣнію „большой публики“. Люди эти — съ одной стороны, натуралисты, занимающіеся изученіемъ образа жизни птицъ, а съ другой — наблюдательные люди, изъ числа сельскихъ, лѣсныхъ и иныхъ хозяевъ, близко стоящіе къ живой природѣ и присматривающіеся къ ней пытливымъ глазомъ. (Къ сожалѣнію, только, и тѣхъ и другихъ, пока, у насъ еще очень и очень мало...). Если вы спросите у этихъ людей: „что такое сова?“ то они отвѣтятъ вамъ, приблизительно, въ слѣдующемъ родѣ:

Сова есть птица съ мягкимъ, рыхлымъ опереніемъ и большой головой, сходной съ головою кошки. Сходство съ кошкой получается оттого, что „лицо“ у совы, окаймленное перистымъ ошейникомъ, почти плоское, съ большими глазами, обращенными впередъ (а не въ стороны, какъ у прочихъ птицъ). Если же при этомъ имѣются еще надъ глазами торчащіе къ верху, въ видѣ ушей, пучки перьевъ, то сходство съ кошкой еще болѣе увеличивается (см. рис. Л. Бекмана „Филинъ“). Клювъ у совы короткій, крѣпкій, круто изогнутый крючкомъ отъ самаго своего основанія. Снабженныя острыми когтями лапы оперены до самыхъ концовъ пальцевъ. — Вотъ главные признаки, отличающіе сову отъ другихъ птицъ.

— Ну, да; это что касается только до наружности птицы; а что же вы не упомянули самаго главнаго: что сова птица ночная, — что она птица хищная...

— А не упомянулъ я этого потому, что это вовсе не общіе признаки для всѣхъ совъ. Не всякая сова непремѣнно птица ночная, не всякая — хищная, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это обыкновенно понимается. Есть совы дневныя — ночью спятъ, а днемъ бодрствуютъ; таковы, напримѣръ, совы гнѣздящіяся на крайнемъ сѣверѣ. Есть совы сумеречныя — бодрствующія преимущественно въ сумерки, а также и въ свѣтлыя ночи, въ темныя же ночи и среди дня спящія. Есть, наконецъ, и совы ночныя, бодрствующія преимущественно только по ночамъ, а днемъ спящія. Точно также, есть совы хищныя, но есть и не хищныя, — по крайней мѣрѣ не болѣе хищныя, чѣмъ, напримѣръ, аистъ или цапля, которыхъ, однако, никто не причисляетъ къ числу хищныхъ птицъ. Не хищныхъ совъ даже гораздо больше, чѣмъ хищныхъ. Строго говоря, изъ всѣхъ нашихъ совъ (а ихъ водится въ европейской Россіи около дюжины разныхъ видовъ) только одинъ видъ является дѣйствительно злокачественной *хищной*, и преимущественно *ночной* птицей, это — *филинъ* или *пугачъ* [1]), (прекрасно изображенный художникомъ Бекманомъ на нашемъ рисункѣ, въ моментъ поимки молоденькаго, повидимому, кролика, родители котораго — на заднемъ планѣ картины — улепетываютъ въ смертельномъ страхѣ, отъ мѣста катастрофы).

Филинъ — самая большая изъ извѣстныхъ до сихъ поръ совъ (величина его отъ конца хвоста до конца клюва около 2 футовъ, размахъ крыльевъ — до 6-ти футовъ). Вѣроятно, такая его величина, рядомъ съ весьма внушительною физіономіей, послужили поводомъ къ названію его, у французовъ „*великимъ герцогомъ*“ (le Grand Duc). Это одинъ изъ самыхъ жестокихъ и кровожадныхъ хищниковъ въ пернатомъ царствѣ. Онъ убиваетъ—задушаетъ сильными лапами и закалываетъ своими страшными когтями — всякое живое созданіе, какое только въ состояніи одолѣть, нападая на свою жертву преимущественно ночью, во время ея сна. Зайцы, кролики, крысы, мыши, глухари, тетерева, рябчики, куропатки, вороны, сороки, змѣи, ящерицы, лягушки и разныя другія животныя, составляютъ его добычу. Мелкихъ животныхъ филинъ обыкновенно глотаетъ цѣликомъ — съ шерстью и перьями, болѣе же крупныхъ пожираетъ по частямъ. Волоса и перья впослѣдствіи выбрасываются — по окончаніи пищеваренія—черезъ ротъ, въ видѣ большихъ, круглыхъ, твердыхъ, полусухихъ комковъ (такъ называемая *погадка*). Избытокъ добычи онъ зарываетъ въ снѣгъ, прячетъ въ дупла деревьевъ или же держитъ въ продолженіе цѣлаго дня въ своихъ когтяхъ.

Вслѣдствіе большой своей кровожадности и силы, филинъ является однимъ изъ зловреднѣйшихъ хищниковъ нашихъ лѣсовъ. Вредъ, приносимый имъ уничтоженіемъ полезныхъ, въ особенности охотничьихъ, животныхъ, много перевѣшиваетъ ту пользу, которую приноситъ эта птица, поѣдая крысъ, мышей и змѣй, а потому она и заслуживаетъ преслѣдованія и истребленія.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ большинствомъ прочихъ нашихъ совъ, главную пищу которыхъ составляютъ *мыши* и другіе вредные грызуны, а также различныя вредныя насѣкомыя, преимущественно изъ крупныхъ, каковы, напримѣръ, майскіе жуки (хрущи), медвѣдки и друг. Хотя, правда, нѣкоторыя изъ нихъ, а именно крупныя сѣверныя совы (*бѣлянка*, *уральская* и *лапландская* [2]) и ведутъ лѣтомъ, во время вывода птенцовъ, на своей родинѣ — далекомъ, крайнемъ сѣверѣ—образъ жизни дневныхъ хищныхъ птицъ, но, прилетая къ намъ (въ среднюю и южную Россію) на зимовье, эти же самыя птицы становятся драгоцѣнными истребительницами мышей. Онѣ прилежно посѣщаютъ склады хлѣба въ амбарахъ и полевыхъ сараяхъ, забираясь туда черезъ слуховыя окна и чердаки, а также бьются по оставленнымъ въ степи на зиму скирдамъ, и, какъ здѣсь, такъ и тамъ, истребляютъ мышей. Точно также и гнѣздящіяся у насъ совы наносятъ нѣкоторый изъянъ мелкому пернатому населенію во время выкармливанія своихъ птенцовъ, когда требуется усиленное добываніе пищеваго матеріала; въ остальное же время года онѣ питаются главнымъ образомъ мышами. Въ особенности полезными въ этомъ отношеніи являются для насъ наши осѣдлыя совы, т. е. тѣ, которыя остаются у насъ въ теченіе круглаго года, каковы именно: *ушастая сова*, *сѣрая сова* (неясыть) и *сова-малютка* [3]) (остальныя наши совы улетаютъ зимовать на югъ, въ болѣе теплыя широты).

[1]) Bubo ignavus (Strix bubo).

[2]) Nyctea scandiaca; Syrnium uralense; Syrnium lapponicum.

[3]) Asio otus; Syrnium aluco; Glaucidium passerinum.

Царство пернатыхъ. — Филинъ (Bubo ignavus).

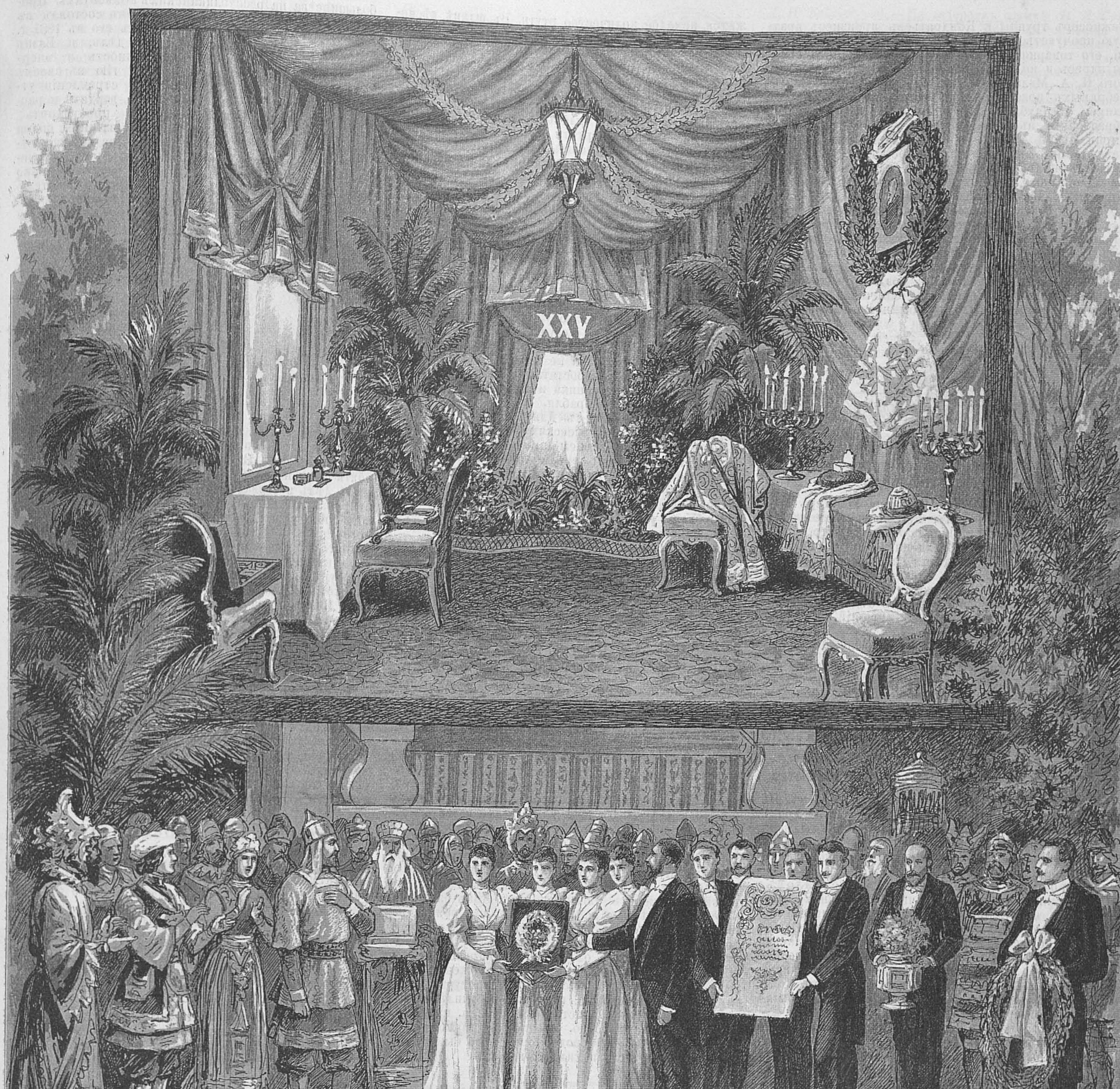
Съ натуры рисовалъ Людвигъ Бекманъ.

Обладая чрезвычайно тонкимъ слухомъ (благодаря сильно развитымъ ушнымъ раковинамъ), имѣя очень острое зрѣніе (совы видятъ хорошо не только ночью, какъ это обыкновенно думаютъ, но и днемъ — благодаря способности съуживать зрачки), и вмѣстѣ съ тѣмъ летая почти беззвучно, благодаря своему мягкому и рыхлому оперенію, — сова является птицей, прекрасно приспособленной именно для ловли мышей. При изслѣдованіи погадокъ, выброшенныхъ совами, въ нихъ чаще всего встрѣчаются остатки мышей и другихъ грызуновъ. Такъ, въ 706 погадкахъ отъ совы *сипухи* (Strix flammea) Альтумъ нашелъ остатки 933 мышей, 1580 землероекъ, 1 крота, 16 летучихъ мышей и всего лишь 22 птицъ; въ 25-ти погадкахъ *ушастой совы* — остатки 41 мыши и 2-хъ птицъ; въ 10-ти погадкахъ *сычика* — 10 мышей, 1 землеройку и 11 жуковъ. Екель нашелъ въ 65-ти погадкахъ остатки 93 мышей. Видеманъ въ 250-ти погадкахъ — остатки 625 мышей, 1 землеройки, 1 крота и 2 маленькихъ птичекъ. Эти цифры говорятъ сами за себя.

Совъ можно поистинѣ назвать *пернатыми кошками* и притомъ несравненно болѣе полезными, чѣмъ наша домашняя кошка, которая за послѣднее время совершенно превратилась изъ мышатницы въ птичницу и стала на столько вредна истребленіемъ полезныхъ насѣкомоядныхъ птицъ въ садахъ и на поляхъ, близь человѣческихъ жилищъ, что противъ нея въ западной хозяйственной литературѣ въ настоящее время открытъ настоящій „крестовый походъ".

Кромѣ истребленія мышей, совы — въ особенности мелкіе виды, какъ, напримѣръ, наша *сова-малютка* и южная *сплюшка* [4] (столь хорошо знакомая крымскимъ жителямъ, благодаря ея мелодичному ночному крику, звучащему въ родѣ слова „сплю") — приносятъ намъ также немалую пользу и уничтоженіемъ множества насѣкомыхъ, преимущественно изъ числа ведущихъ ночной образъ жизни, среди которыхъ есть немало вредныхъ. Эта насѣкомоядная дѣятельность совъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что большинство настоящихъ насѣкомоядныхъ птицъ являются птицами дневными, а потому и не могутъ ловить ночныхъ насѣкомыхъ.

[4]) Scops giu (Scops zorca).



С.-Петербургъ. — Уборная И. А. Мельникова въ день его юбилея. — Чествованіе И. А. Мельникова на сценѣ Маріинскаго театра.

Рисовалъ для «Всемірной Иллюстраціи« К. О. Брожъ.

По поводу двадцатипятилѣтія служенія на Императорской сценѣ.

Подводя итоги вышесказанному, выходитъ, что *совы — птицы чрезвычайно полезныя для хозяйства человѣка, и какъ таковыя* — за исключеніемъ одного лишь филина — *заслуживаютъ защиты, покровительства и охраненія.*

Д. Кайгородовъ.

Лѣсной,
18-го января 1893 г.

Юбилей И. А. Мельникова

Чествованіе знаменитаго нашего артиста И. А. Мельникова, въ Маріинскомъ театрѣ, по случаю двадцатипятилѣтняго юбилея его службы на Императорской сценѣ состоялось въ пятницу, 22-го января. Юбилейный спектакль прошелъ блестяще. Торжество было шумное, побѣдное, радостное. Чествованіе, единодушное и искреннее, какое выдается на долю только истинныхъ талантовъ и очень хорошихъ людей, началось еще послѣ перваго акта „Руслана": юбиляру поднесли огромный лавровый вѣнокъ и корзину цвѣтовъ. Затѣмъ въ каждомъ антрактѣ, едва опускался занавѣсъ, публика, оставаявшаяся на своихъ мѣстахъ, и въ партерѣ, и въ ложахъ, безконечно вызывала своего любимца и выражала ему свой неподдѣльный восторгъ. Послѣ четвертаго акта, при поднятомъ занавѣсѣ, въ волшебномъ замкѣ Черномора, нашъ пѣвецъ въ костюмѣ витязя и при совершенно сказочной обстановкѣ, выведенный на сцену артистками, г-жами Мравиной и Славиной, окруженный витязями, боярынями, помолодѣвшій и растроганный, не успѣвалъ принимать подношенія и выслушивать адресы. Гулъ отъ аплодисментовъ походилъ на ураганъ, а подношенія были обильны, какъ золотой дождь, такъ что довольно трудно ихъ и перечислить. Товарищи юбиляра, оперные артисты, поднесли ему роскошный серебряный сервизъ, публика — таковой же приборъ. Отъ сервизовъ, приборовъ, кубковъ и т. п. шелъ блескъ и отъ благородныхъ металловъ на сценѣ стало свѣтлѣе. Однимъ изъ самыхъ дорогихъ подарковъ была серебряная вещица отъ сестры Глинки, Л. И. Шестаковой. Хоръ, оркестръ, труппы Московскаго опернаго, Александринскаго и французскаго Михайловскаго театровъ и Хоровое Общество, учрежденное Иваномъ Александровичемъ, поднесли ему лавровые вѣнки.

Режиссеръ труппы г. Кондратьевъ произнесъ краткую прочувствованную рѣчь, а сверстники юбиляра, его товарищи по Комерческому училищу, прочли адресъ и поднесли роскошный подарокъ. Кромѣ того И. А. Мельниковъ получилъ еще нѣсколько серебряныхъ подарковъ и цвѣточныхъ лиръ отъ публики; отъ публики же была собрана сумма для образованія въ комерческомъ училищѣ стипендіи имени Ивана Александровича Мельникова, причемъ назначеніе стипендіатовъ предоставлено на усмотрѣніе юбиляра. Давно уже на Маріинской сценѣ не было такого выдающагося, выходящаго изъ ряда торжества. Всѣмъ поздравлявшимъ И. А. Мельникова во время антрактовъ въ его уборной, юбиляръ раздавалъ на память присланные ему редакціей „Всемірной Иллюстраціи" оттиски художественнаго приложенія этого журнала (при № 1253) — „Иванъ Александровичъ Мельниковъ въ различныхъ роляхъ", которыхъ почтенный юбиляръ роздалъ полторы тысячи экземпляровъ. Спектакль окончился около полуночи. Повторены были по обыкновенію увертюра и лезгинка.

НОВОСТИ НАУКИ И ЦИВИЛИЗАЦІИ

Географія, этнографія

— Племя пигмеевъ. Англичане Ультеръ Гаррисъ и Кэнингемъ-Грэгэмъ, путешествующіе въ настоящее время по Марокко, сообщаютъ, что у подножія Атласа они встрѣтили пигмеевъ, ростомъ не болѣе одного метра тридцати сантиметровъ и принадлежащихъ къ племени, населяющему горы. Есть основаніе думать, что эти карлики — потомки нормальной расы, выродившейся отъ бѣдности, недостатка въ пищѣ и всякаго рода лишеній.

Пути сообщенія, телеграфъ, телефонъ

— По Сыръ-Дарьѣ и Кара, между Андижаномъ и Беговатомъ, какъ сообщаютъ изъ Туркестана предполагается открыть грузовое пароходное движеніе. Предпріятіе сдается на 5 лѣтъ инженеру Гофману, безъ субсидій отъ правительства, но и безъ допущенія въ теченіе этого срока конкурренціи со стороны другихъ предпринимателей.

Торговля, промышленность, сельское хозяйство

— Первый частный рельсовый заводъ. Въ непродолжительномъ времени открывается на Уралѣ первый частный рельсопрокатный заводъ для выдѣлки рельсовъ, потребныхъ въ громадномъ количествѣ на вновь строящуюся вѣтвь сибирской желѣзной дороги отъ Челябинска до Томска.

— Стоимость драгоцѣнныхъ металловъ. Многія лица, особенно изъ числа мало знакомыхъ съ химіею, полагаютъ что самый драгоцѣнный металлъ — золото, но это большое заблужденіе. Существуетъ множество металловъ, правда, иногда неизвѣстныхъ публикѣ даже и по названію, которые несравненно, во много разъ, дороже золота. Къ числу этихъ металловъ относятся, между прочимъ, такъ называемые, спутники платины: иридій, осмій, палладій и рутеній. Дороговизна этихъ металловъ зависитъ не отъ какихъ нибудь ихъ особенныхъ цѣнныхъ свойствъ, а только оттого, что они встрѣчаются рѣдко и въ чрезвычайно небольшихъ количествахъ. Иридій стоитъ въ 3 раза дороже золота, осмій въ 4 раза, палладій въ 4½ раза, а рутеній почти въ 7 разъ. Рядомъ съ этими рѣдкими металлами существуютъ другіе, которые никакъ нельзя считать рѣдкими, но добываніе которыхъ въ чистомъ видѣ сопряжено съ чрезвычайными трудностями; это-то и возвышаетъ ихъ цѣну въ неимовѣрной степени. Къ числу такихъ металловъ относится, напр., кальцій, окись котораго представляетъ собою ничто иное, какъ обыкновенную известку. Благодаря необыкновенной трудности добыванія, чистый металлическій кальцій стоитъ въ 14 разъ дороже золота. Многіе рѣдкіе драгоцѣнные камни содержатъ металлы, которые, конечно, въ свою очередь, не могутъ быть дешевы. Такъ, напр., въ аквамаринѣ содержится металлъ глицій или берилій, который цѣнится въ 17 разъ дороже золота. Въ минералѣ цирконѣ и его разновидностяхъ,—гіацинтѣ, альмандинѣ и др. содержится металлъ цирконій, который въ 23 раза дороже золота. Наконецъ, въ минералахъ вольбортитѣ и ванадинитѣ заключается металлъ ванадій, который въ настоящее время представляетъ собою самый драгоцѣннѣйшій изъ всѣхъ металловъ. Одинъ фунтъ ванадія стоитъ 31 т. руб. мет., тогда какъ фунтъ золота стоитъ только 910 руб. мет.; слѣдовательно, ванадій въ 34 раза дороже золота.

Медицина и гигіена

— Вредъ отъ поярковыхъ шляпъ. Для обработки овечьей шерсти, идущей на изготовленіе поярковыхъ шляпъ, въ техникѣ пользуются растворомъ азотно-кислой ртути, въ которомъ мочатъ овчины, подвергающіяся затѣмъ просушкѣ въ особо устроенныхъ печахъ. Гигіеническій комитетъ въ Парижѣ поручилъ химику Юнгфлейшу изслѣдовать: въ какой мѣрѣ просушка шерсти устраняетъ могущія остаться въ ней, послѣ промывки, частицы содержавшейся въ растворѣ ртути. Юнгфлейшъ нашелъ, что не только въ валеной такимъ способомъ овечьей шерсти, но и въ самыхъ шляпахъ изъ поярка содержится немалое количество ртути. Въ шляпѣ, вѣсившей 62 грамма, оказалось 207 миллиграмовъ ртути (граммъ=22,606 рус. дол., а миллиграмъ 0,016 грана). Въ старой поярковой шляпѣ, служившей много лѣтъ, было найдено до 726 миллиграммовъ ртути на 100 граммовъ войлока. Такъ какъ ртуть улетучивается даже при невысокой температурѣ, то волосы людей, носящихъ поярковыя шляпы, должны постепенно пропитываться парами ртути и очень можетъ статься, какъ замѣтилъ Юнгфлейшъ, что въ этомъ обстоятельствѣ и слѣдуетъ искать причину преждевременно лишенія волосъ многихъ людей.

Политехника

— Аллюминіевы аэростаты. Нѣкто Шарль Сибильо предполагаетъ соединить Брюссель съ Антверпеномъ воздушнымъ путемъ посредствомъ аллюминіевыхъ монгольфьеровъ, слушающихся руля. Преимущества металлическихъ аэростатовъ, говоритъ онъ,—многочисленны. Во первыхъ, они поднимаются и опускаются по произволу посредствомъ искусственныхъ расширеній и сгущеній, регуляторъ останавливаетъ ихъ на ходу на желаемой высотѣ. Во вторыхъ, ихъ устройство не имѣетъ никакого сходства съ извѣстными аэростатами: нѣтъ ни лодки, ни сѣтки. Путешественники и машины помѣщаются въ килѣ воздушнаго корабля.

— Часы-локомотивъ. Для всемірной выставки въ Чикаго однимъ изъ кіевскихъ часовыхъ дѣлъ мастеровъ изготовлены часы-локомотивъ, надъ которыми онъ трудился въ теченіе четырехъ лѣтъ. Часы эти представляютъ точную копію съ обыкновеннаго желѣзнодорожнаго паровоза, который черезъ каждые четверть часа приходитъ въ движеніе. По сторонамъ циферблата, уставленнаго на лицевой сторонѣ паровика, находятся: барометръ, термометръ и компасъ. Часы-локомотивъ поставлены на стальныхъ рельсахъ съ мѣдными шпалами и покрыты стекляннымъ колпакомъ; они состоятъ изъ 8.000 отдѣльныхъ частей.

— Электрическій горнъ. Нѣсколько времени тому назадъ французскій электротехникъ Муассанъ построилъ электрическій горнъ, въ которомъ источникомъ жара является громадная Вольтова дуга. Изобрѣтателю удалось достигнуть въ своемъ горнѣ температуры до 2—2½, 3 тысячъ градусовъ. При такой температурѣ должны быстро превращаться въ жидкость даже самые тугоплавные металлы, желѣзо, платина. Многочисленные опыты, произведенные Муассаномъ, дали весьма любопытные результаты. Такъ, при 2.500 градусахъ удалось расплавить известь, магнезію, окись стронція, вещества, которыя при обыкновенныхъ условіяхъ не плавятся ни въ какомъ жару, ибо температура самыхъ усовершенствованныхъ нынѣшнихъ калильныхъ печей рѣдко переходитъ за 1000°. При 3000° ѣдкая известь—самое огнеупорное изъ извѣстныхъ веществъ, превращается въ жидкость и льется какъ вода. Эта температура, къ сожалѣнію, оказалась предѣльною при опытахъ Муассана, потому что при ней плавится и утекаетъ въ видѣ жидкости рѣшительно все, что только окружаетъ Вольтову дугу. Какъ извѣстно, многіе драгоцѣнные камни состоятъ изъ кристаллизованныхъ окисловъ разныхъ металловъ и, по предположенію, образовались огненнымъ путемъ, т. е. путемъ медленнаго охлажденія, сопровождаемаго кристаллизацією этихъ окисловъ, подверженныхъ передъ тѣмъ страшно высокой температурѣ. Муассанъ, пользуясь своимъ горномъ, получилъ, между прочимъ, маленькіе кристаллики рубина, представляющаго, какъ извѣстно, соединеніе глинозема съ магнезіей. Подобнаго рода горнъ могъ бы оказать весьма цѣнныя услуги химикамъ.

НЕКРОЛОГЪ

Аничковъ Адріанъ Миліевичъ, д. ст. сов., начальникъ калишской учебной дирекціи, бывшій преподаватель въ кадетскихъ корпусахъ, занимавшій разныя должности по военно-учебному вѣдомству, † въ Калишѣ 20-го декабря 1892 г.

Блэнъ Джемсъ, одинъ изъ видныхъ политическихъ дѣятелей Соединенныхъ Штатовъ, статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ, † въ Вашингтонѣ 16-го (28-го) января. Онъ родился 31-го января 1830 г., происходилъ отъ богатыхъ родителей и получилъ блестящее воспитаніе. Свою карьеру онъ началъ съ педагогіи, занявъ мѣсто преподавателя математики въ военной школѣ въ Кентукки, а въ 1854 г. переселился въ Менъ и занялся журналистикой. Спустя четыре года онъ былъ избранъ членомъ законодательнаго собранія штата и, благодаря своимъ способностямъ, быстро выдвинулся на степень вождя республиканской партіи. Избранный въ 1862 г. членомъ конгресса, онъ пріобрѣлъ извѣстность какъ замѣчательный ораторъ и принималъ выдающееся участіе въ обсужденіяхъ конституціи и рабочихъ коммиссій. Состоя спикеромъ 41 конгресса, онъ руководилъ занятіями палатъ съ большимъ знаніемъ дѣла и безпристрастіемъ. Въ 1876 и 1880 годахъ Блэнъ былъ дважды выставляемъ своей партіей въ качествѣ кандидата на должность президента Соединенныхъ Штатовъ, но не получилъ большинства на республиканскихъ конвентахъ. Президентъ Гарфильдъ, съ которымъ онъ состоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ, назначилъ его въ 1881 г. статсъ-секретаремъ иностранныхъ дѣлъ, и Блэнъ выказалъ необыкновенную дѣятельность и энергію въ своемъ стремленіи утвердить и распространить вліяніе союза на другія государства Америки. Однако его вмѣшательство въ распрю между Перу и Чили кончилось неудачей, и Блэнъ вышелъ въ отставку въ томъ же году при президентѣ Арчерѣ. Въ 1884 г. конвентомъ республиканской партіи онъ былъ избранъ кандидатомъ на президенство, но потерпѣлъ пораженіе на выборахъ, доставившихъ большинство демократическому кандидату Кливеленду. Въ президентство Гаррисона Блэнъ опять былъ назначенъ статсъ секретаремъ иностранныхъ дѣлъ и созвалъ на 2-е апрѣля 1889 года общеамериканскій конгрессъ съ цѣлью обсужденія вопросовъ объ учрежденіи общеамериканскаго таможеннаго союза, общеамериканскаго банка и международнаго третейскаго суда. Въ 1892 году Блэнъ вышелъ въ отставку и еще разъ выставилъ свою кандидатуру на президентство въ послѣднемъ республиканскомъ конвентѣ, но снова не получилъ большинства. Блэнъ оказалъ великому союзу не мало услугъ. Очень занятый политическою дѣятельностью, Блэнъ успѣвалъ, однако, время отъ времени, писать, и опубликовалъ нѣсколько интересныхъ работъ, въ томъ числѣ свои воспоминанія: „Двадцать лѣтъ конгресса, отъ Линкольна до Гарфильда" въ двухъ томахъ, и „Отъ 1861 до 1881 года".

Данзасъ Борисъ Антоновичъ, д. ст. сов., представитель русскаго дипломатическаго корпуса, состоявшій на службѣ съ 1859 г., находившійся въ Персіи, а затѣмъ состоявшій при мелкихъ германскихъ государствахъ, † въ Берлинѣ 13-го января. Въ послѣднее время онъ занималъ должность младшаго совѣтника министерства иностранныхъ дѣлъ.

Ментинъ Николай Ѳеодоровичъ, ординарный профессоръ Императорскаго варшавскаго университета по каѳедрѣ фармаціи и фармакогнозіи, даровитый преподаватель, поработавшій и какъ врачъ на полѣ военныхъ дѣйствій въ 1877—1879 гг. † въ Варшавѣ 10-го января 45 лѣтъ. Онъ много работалъ и въ области медицинской литературы, помѣщая статьи въ „Военно-медицинскомъ журналѣ", „Фармацевтическомъ журналѣ" и „Варшавскомъ Дневникѣ". Въ 1888 г. онъ издалъ свой обширный „Курсъ фармакогнозіи".

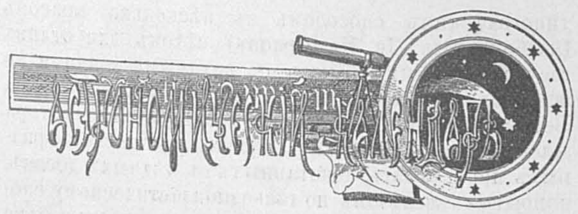
Сорилья-и-Морель Хозе, донъ, знаменитый испанскій поэтъ, увѣнчанный лаврами въ 1889 г., † въ Мадридѣ въ среднихъ числахъ января. Овидій Испаніи — Сорилья родился въ Вальядолидѣ 23-го февраля 1817 г. и происходилъ изъ древняго кастильскаго рода. Онъ получилъ юридическое образованіе, но, еще будучи студентомъ, увлекался поэтическими произведеніями и въ 1837 г., въ тотъ день, когда хоронили въ Мадридѣ поэта Ларру самъ сдѣлался поэтомъ. Онъ выступилъ въ литературѣ съ лирическими стихотвореніями, затѣмъ писалъ много драмъ изъ которыхъ наиболѣе извѣстны: „Don Juan Tenorio", „Sancha Garcie", „El zapatero y el rey", „El punal del gado", „Traidor incanfeso y martir", а также романсеро и эпическія поэмы, между которыми „Cantas del trovator", „Leyenda del Cid", „Granada", считаются лучшими и наиболѣе популярными. Произведенія Сорильи обогатили его издателей, но не его самого. Когда умерли его родители, онъ потерялъ все свое состояніе. Несчастіе, однако, не сломило поэта, а лишь удвоило его энергію. Впрочемъ, однажды онъ, придя въ отчаяніе, воскликнулъ: „Я презираю мои пѣсни и мое имя и хочу умереть въ пустыняхъ Америки!" Когда эрцгерцогъ австрійскій Максимиліанъ сдѣлался мексиканскимъ императоромъ, Сорилья, по его приглашенію, отправился въ Мексику и здѣсь носилъ титулъ придворнаго по-

эта. По низверженіи Максимиліана, послѣ двадцати лѣтъ отсутствія, Сорилья вернулся въ 1866 г. въ отечество, чтобы съ новымъ мужествомъ начать борьбу за существованіе. Восторженно принятый согражданами, возведенный Вальядолидомъ въ званіе лѣтописца, а Валенсіей — въ званіе ея почетнаго гражданина, Сорилья пытался зарабатывать себѣ хлѣбъ насущный чтеніемъ своихъ произведеній въ мадридскомъ Атенеумѣ; найдя себѣ покровительницу въ лицѣ герцогини Мединасели, онъ впослѣдствіи получилъ отъ кортесовъ почетную награду въ видѣ ежегодной пенсіи. Послѣдними произведеніями его, кромѣ 19.000 стиховъ его „Leyenda del Cid“, являются: „De Murcia al cielo“, „A escape y al vuelo“ и „Mi ultima brega“. Въ іюнѣ 1889 г. Сорилья былъ торжественно увѣнчанъ золотымъ лавровымъ вѣнкомъ, а ранѣе этого, въ 1885 г. былъ избранъ въ члены академіи.

Терещенко Василій Григорьевичъ, д. ст. сов., херсонскій городской голова, извѣстный на югѣ общественный дѣятель, много заботившійся о распространеніи просвѣщенія, † въ Херсонѣ 19-го января.

Успенскій Петръ Ивановичъ, докторъ медицины, приватъ-доцентъ Императорской военно-медицинской академіи, одинъ изъ талантливѣйшихъ учениковъ С. П. Боткина, опытный спеціалистъ по нервнымъ и мышечнымъ болѣзнямъ, авторъ многихъ цѣнныхъ изслѣдованій по своей спеціальности, † въ Спб. 24-го января. Онъ состоялъ также консультантомъ въ больницѣ св. Ольги и Максиміліановской лечебницѣ.

Энгельгардтъ Александръ Николаевичъ, извѣстный ученый, публицистъ и агрономъ-практикъ, авторъ, авторъ множества популярныхъ статей по сельскому хозяйству, бывшій профессоръ Лѣсного института, † въ сельцѣ Батищевѣ, дорогобужскаго уѣзда, смоленской губерніи, 21-го января, 65 лѣтъ.



1—15 февраля 1893 г.

Февраль.	Средн. время въ ист. полд.		Въ С.-Петербургѣ. Восхожд. солнца.		Заходж. солнца.		Восхожд. луны.		Заходж. луны.		Въ Москвѣ. Восхожд. солнца.		Заходж. солнца.		Восхожд. луны.		Заходж. луны.	
	ч.	м.	ч.	м.	ч.	м.	ч.	м.	ч.	м.	ч.	м.	ч.	м.	ч.	м.	ч.	м.
1	12	14.4	7	43	4	47	7	43у	11	20у	7	29	5	0	6	44у	0	20в
3	12	14.3	7	38	4	52	8	17	2	30в	7	25	5	5	7	43	3	2
5	12	14.2	7	33	4	57	8	24	5	50	7	20	5	9	8	9	6	3
7	12	14.0	7	27	5	3	8	25	9	6	7	15	5	14	8	24	9	0
9	12	13.8	7	21	5	7	8	26	—		7	10	5	18	8	42	—	
11	12	13.5	7	16	5	13	8	33	2	17у	7	6	5	22	9	9	1	42у
13	12	13.2	7	10	5	17	9	15	5	44	7	1	5	27	10	18	4	40
15	12	12.8	7	4	5	23	11	59	7	14	6	56	5	31	0	45в	6	26

Солнце 6 февраля вступаетъ въ знакъ Рыбъ.
Луна въ новолуніи 4, въ первой четверти 11 февраля.

СОДЕРЖАНІЕ НУМЕРА

Текстъ.

Рисунки.

За редактора **Э. Д. Гоппе.**
Издательница **А. П. Гоппе.**

ИГРЫ и ЗАБАВЫ

ШАХМАТЫ

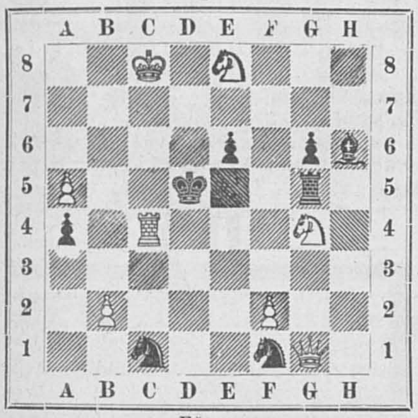
под редакціей **А. П. Шишкина**

ЗАДАЧА № 1543

Václav Kuchta

Изъ „Světosor“.

Черные



Бѣлые

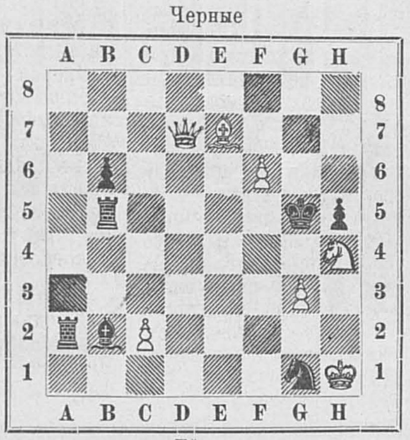
Матъ въ 3 хода.

ЗАДАЧА № 1544

Девизъ: „Все вмѣстѣ“

Изъ конкурсныхъ задачъ „Шахматнаго Обозрѣнія“.

Черные



Бѣлые

Матъ въ 2 хода.

ПАРТІЯ № 1023

3-я партія матча; играна въ Москвѣ 3-го января 1893 года.

Вѣнская партія

М. И. Чигоринъ (Бѣлые) — А. В. Соловцовъ (Черные)

	Бѣлые	Черные
1.	e2—e4	e7—e5
2.	К b1—c3	К g8—f6
3.	d2—d3*a*)	С f8—c5
4.	g2—g3	a7—a6*b*)
5.	С f1—g2	d7—d6
6.	К g1—e2	К b8—c6
7.	0—0	С c8—e6
8.	К c3—d5	Ф d8—d7
9.	c2—c3*c*)	С e6 : d5*d*)
10.	e4 : d5	К c6—e7
11.	b2—b4	С c5—b6
12.	c3—c4	a6—a5
13.	b4—b5	К e7—g6
14.	d3—d4	h7—h5*e*)
15.	С c1—e3	e5 : d4
16.	С e3 : d4	С b6 : d4
17.	К e2 : d4	h5—h4
18.	Ф d1—c2	h4 : g3
19.	Л a1—d1†	Кр e8—f8
20.	f2 : g3	Ф d7—g4
21.	К d4—f5	Ф g4—h5
22.	h2—h3	b7—b6*f*)
23.	Ф c2—f2*g*)	К f6—g4
24.	Ф f2—d4	К g4—e5
25.	Л e1—e4	Л h8—h7*h*)
26.	Ф d4—e3	К g6—e7*i*)
27.	К f5 : e7	Кр f8 : e7
28.	Л e4—h4	Ф h5—g6
29.	С g2—e4	Л h7 : h4*k*)
30.	С e4 : g6	Л h4—h8
31.	Л f1 : f7†	Кр e7—d8
32.	Л f7 : g7	Кр d8—c8
33.	С e4—f5†	Кр c8—b7
34.	С f5—d7	К e5 : d7
35.	Л g7 : d7	Л h8 : h3
36.	Л d7 : c7†	Черные сдались.

Примѣчанія М. И. Чигорина къ партіи

a) Чтобы на 3... d7—d5, ходъ 4. С c1—g5 служилъ бы нѣкоторымъ препятствіемъ къ болѣе быстрому развитію партіи черныхъ, чего они могли достигнуть при 3-мъ ходѣ бѣлыхъ 3. g2—g3 (этотъ ходъ дѣлается при защитѣ 2... К b8—c6); напримѣръ: 3. g2—g3, d7—d5; 4. e4 : d5; К f6 : d5; 5. С f1—g2, С c8—e6 или К d5 : c3 и т. д.

b) Съ цѣлью сохранить слона, отступая имъ на a7, если бѣлые отвѣтятъ К c3—a4.

c) Мы полагаемъ, что бѣлые не достигли бы хорошаго результата, продолжая 9. К d5 : f6, g7 : f6; 10. С c1—e3, С c5 : e3; 11. f2 : e3: если черные отвѣтятъ теперь 11... f6—f5; 12. e4 : f5, С e6 : f5; 13. С g2 : c6 (13. e3—e4, С f5—e6 и 14... 0—0—0), b7 : c6 и черные безопасно могутъ рокировать въ любую сторону.

d) Бѣлые угрожали, взявъ коня f6, выиграть фигуру послѣ d3—d4.

e) Послѣдствія указываютъ, что атака черныхъ не опасна. Партія бѣлыхъ была бы хороша и послѣ 14... e5 : d4; 15. e2 : d4, К g6—e5; 16. С c1—b2; черные не могутъ безъ потери коня взять пѣшку c4 : 16... К e5 : c4; 17. Ф d1—e2†, К c4—e5; 18. f2—f4, Ф d7—e7 (18.. 0—0; 19. f4 : e5, Л a8—e8; 20. e5—e6 или Кр g1—h1); 19. f4 : e5, d6 : e5; 20. Л a1—e1 и т. д.

f) Допустивъ c4—c5, черные не были бы въ состояніи защитить всѣ пѣшки ферзеваго фланга.

g) Бѣлые имѣли въ виду не только угрозу К f5 : g7, что вело къ выигрышу пѣшки, но и переводъ ферзя на d4, гдѣ онъ занялъ сильную позицію. При ходѣ 23. Ф (c2—c3 преслѣдуя ту же угрозу и вынуждя черныхъ защищаться конемъ g6 на e5) для бѣлыхъ, кажется, оказалась бы безцѣльной жертва качества за двѣ пѣшки: 23... К g6—e5; 24. Л e1 : e5, d6 : e5; 25. Ф c3 : e5, Л a8—e8; 26. Ф e5 : c7. Л e8—e2; 27. Ф c7—c8†, К f6—e8; 28. d5—d6, Л e2 : g2†; 29. Кр g1 : g2, Ф h5—e2†; 30. Л f1—f2, Ф e2—e4† и если 31. Кр g2—g1, то Л h8 : h3; 32. Л f2—h2, Ф e4—e1†; 33. Кр g1—g2, Л h3 : h2† и т. д.; если бѣлые и могутъ какимъ либо путемъ избавиться отъ шаховъ, то во всякомъ случаѣ имъ не было надобности свести игру на такое неопредѣленное положеніе партіи.

h) Этотъ ходъ, сдѣланный для защиты п. g7, повелъ къ быстрому проигрышу партіи. Бѣлые угрожаютъ жертвою коня f5 за пѣшку d6, выигрывая п. b6, а затѣмъ d6; съ тремя проходными пѣшками бѣлые безъ труда достигнутъ выигрыша партіи. Защитивъ п. g7, черные предполагали затѣмъ сыграть Ф h5—g5, что бѣлые и предупредили. Этотъ ходъ черные опасались сдѣлать теперь же въ виду слѣдующаго продолженія: 26. Л e4—g4, К e5 : g4 (26... Ф g5—d8; 27. Л g4 : g6, f7 : g6; 28. К f5 : d6†, Кр f8—g8; 29. К d6—b7, затѣмъ 30. d5—d6, выигрыв.); 27. Ф d4 : g7†, Кр f8—e8; 28. h3 : g4; хотя положеніе чернаго короля и не безопасно, бѣлые, однако, могли и безъ жертвы качества достигнуть выигрыша.

i) Чтобы не быть вынужденнымъ жертвовать коня послѣ g3—g4; черные должны были возвратиться ладьей на h8, что, однако, не спасло бы партіи; бѣлые продолжали бы 27. g3—g4. Ф h5—h7; 28. К f5 : d6, c7 : d6; 29. Ф d4 : b6 и т. д.; за одну изъ пѣшекъ черные должны будутъ отдать фигуру.

k) Ходъ 29. f7—f5 спасъ бы ферзя, но съ проигрышемъ ладьи.

КАРТЫ

Задача № 96 *)

Винтъ

Задача А. Петерсона

Первый партнеръ „А“ имѣетъ отъ 8 до туза червей и отъ 7 до дамы трефъ.

На переговорахъ третій партнеръ В самостоятельно договорился до „пяти бубенъ“, причемъ указалъ въ переговорахъ на двѣ взятки въ трефахъ. Второй партнеръ „X“ назначилъ три пики, а У поддержалъ 4 пики, но болѣе назначить они не могли. А окончательно назначилъ малый шлемъ на червяхъ, хотя могъ назначить и большой.

Съ чего бы ни пошелъ X, игроки А и В должны сдѣлать большой шлемъ, но благодаря оплошности В, они остались безъ одной, если бы и А дурно разыгралъ, то они остались бы безъ 3-хъ.

Добавочное условіе: 1) еслибъ А удовлетворился назначеніемъ 5 бубенъ, то онѣ должны были при вѣрной на видъ игрѣ тоже остаться безъ одной, хотя у противниковъ трефы были и на одной рукѣ; 2) еслибъ А остановился на маломъ шлемѣ въ трефахъ, то игра не могла быть проигранною, но если бы къ одному изъ противниковъ отъ другаго переложить трефонку, то А и В остались бы тоже безъ одной; 3) наконецъ если бы игра осталась за X и У, то мы навѣрное сдѣлали бы малый шлемъ въ пикахъ.

Требуется: 1) опредѣлить карты остальныхъ партнеровъ; 2) показать ходъ игры назначенной А; 3) указать оплошность сдѣланную В, и ошибку, которую могъ бы сдѣлать А; 4) показать розыгрышъ игры въ 5-ти бубнахъ, который назначилъ В.

*) Для облегченія справокъ мы ввели помѣщенные въ послѣднихъ трехъ томахъ „Всем. Илл.“ пасьянсы въ общее число, бывшихъ до сихъ поръ на страницахъ нашего журнала карточныхъ задачъ, такъ что, начиная съ этого нумера всѣ роды карточныхъ задачъ будутъ нами помѣщаться съ послѣдовательной нумераціей.

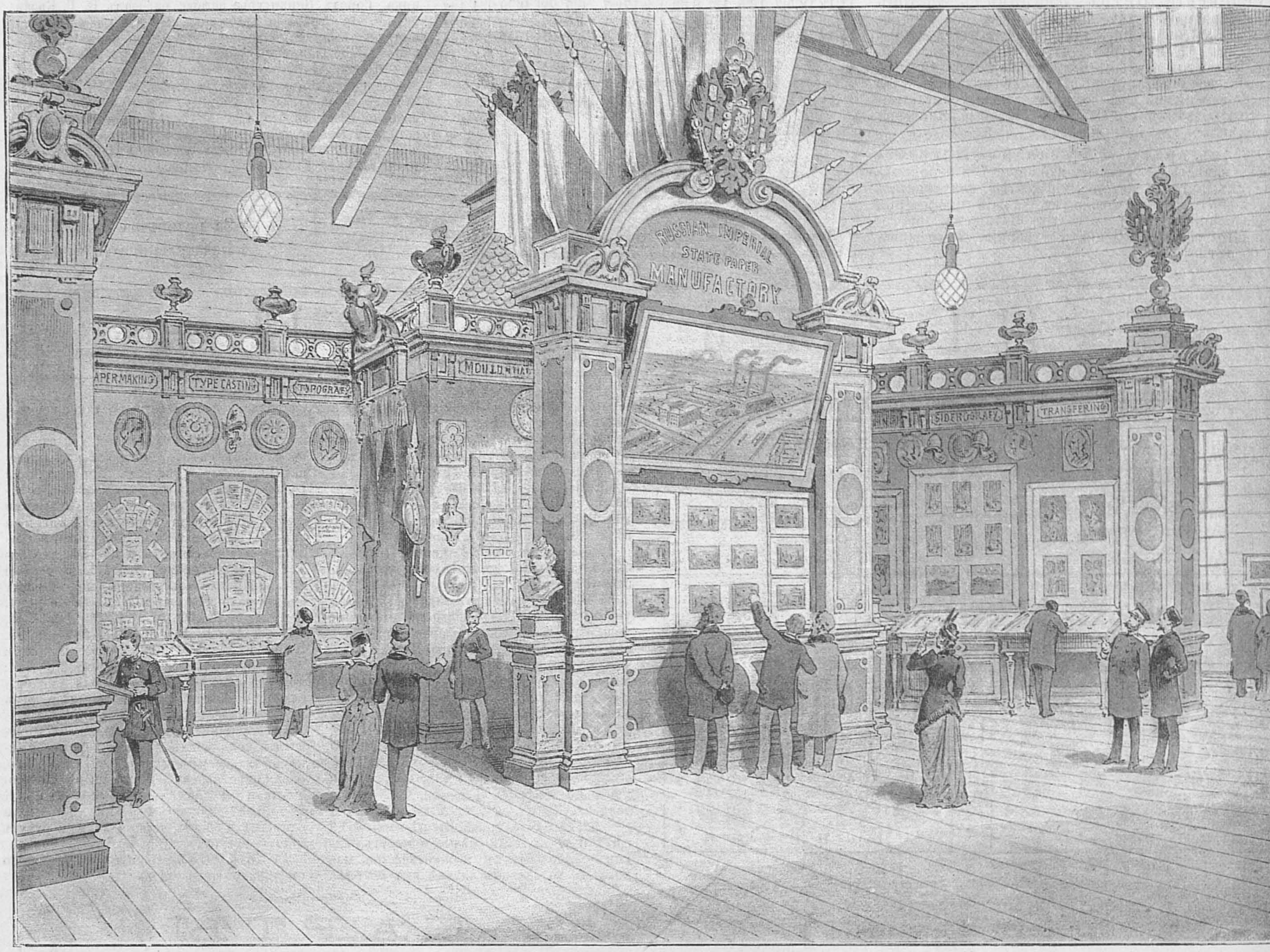
Выставка въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ

Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ приготовила для всемірной выставки въ Чикаго рядъ произведеній своихъ мастерскихъ. Всѣ эти произведенія были недавно выставлены въ особомъ павильонѣ, нарочно для этого выстроенномъ во дворѣ экспедиціонныхъ зданій, и выставка была предоставлена для осмотра публики. По экспонатамъ можно было судить о широкой и разносторонней дѣятельности экспедиціи, обнимающей бумагодѣлательное производство, типографское дѣло, гравированіе, цвѣтопечатаніе и гальванопластическое производство. На выставкѣ въ Чикаго будутъ фигурировать, замѣчательные по тонкости работы, снимки съ рѣдкихъ гравюръ, находящихся въ единственномъ экземплярѣ въ Эрмитажѣ, фотографическіе снимки съ русскихъ монетъ изъ богатой коллекціи великаго князя Георгія Михаиловича, наши кредитные бумаги и марки, акціи, облигаціи съ водяными знаками и пр., и пр. На первой при входѣ въ павильонъ витринѣ были расположены большая акварель общаго, снятаго съ птичьяго полета, вида всѣхъ рабочихъ и жилыхъ экспедиціонныхъ зданій и коллекціи фотографій съ мастерскихъ: граверной, гальванопластической, счетной, печатной, варочной, черпальной, тряпичной и др. Здѣсь, на фотографіяхъ, можно было видѣть, какъ идутъ въ этихъ мастерскихъ всевозможныя работы, а также портреты такихъ мастеровъ, какъ заслуженный граверъ Гор—въ, гальванопластикъ Рейхель, печатникъ И. И. Орловъ, Жаме и друг. Въ слѣдующихъ 8—10 витринахъ представлены были образцы произведеній фотолитографическихъ, ксилографическихъ, геліогравюрныхъ, цинкографическихъ, гальванопластическихъ, граверныхъ и рисовальныхъ. Въ ряду этихъ, вообще, чрезвычайно интересныхъ издѣлій необходимо отвести первое мѣсто образцамъ новѣйшаго хромопечатанія типографскимъ способомъ въ нѣсколько красокъ (изобрѣтатель Ив. Ив. Орловъ) сѣтокъ для отлива государственныхъ бумагъ съ водяными знаками по штемпелямъ (напр., портреты Императора Петра Великаго и Его Величества Государя Императора Александра III) работы г. Сухихъ и оттисковъ разныхъ проц. бумагъ, печатанныхъ съ мѣдныхъ досокъ, покрытыхъ желѣзомъ по гальванопластическому способу. Опытъ показалъ, что мѣдная доска даетъ только двѣсти—триста тысячъ оттисковъ, а такая-же доска, гальванопластически покрытая желѣзомъ, даетъ свыше 4-хъ милліоновъ ровныхъ и хорошихъ отпечатковъ. Въ витринѣ были выставлены, для сравненія, 2 отпечатанныхъ съ одной доски послѣднимъ способомъ оттиска — первый и открывающій собою пятый милліонъ. По новизнѣ и техникѣ интересны также работы: испытательнаго отдѣленія для изслѣдованія процессовъ и матеріаловъ производства бумаги (фотографическіе снимки съ волоконъ различнаго качества бумажной массы), геліашпрной машины и гальванопластики. Среди исполняемыхъ г. Рейхелемъ гальванопластическихъ издѣлій достойны вниманія бюсты, латы Ричарда IV, барельефы, фіамино, выполненные матовымъ осталеніемъ. При экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ 2—3 года открыта школа рисованія и гравюры, и за это время, судя по работамъ ея учениковъ (Лундинъ), она сдѣлала большіе успѣхи. На ряду съ подобными ученическими работами выставлены были гравюры художниковъ экспедиціи, напр., Франка (портретъ графа Л. Н. Толстого, по оригиналу профессора И. Е. Рѣпина), Боброва (портреты бывшихъ министровъ Вышнеградскаго и Паукера), а также Самойлова (по оригиналу И. Крамского). Интересны также образцы воспроизведенія: 1) акварели (зимній пейзажъ и „Закатъ солнца въ Финляндіи", работы Бенуа) способомъ ксилографіи, цинкографіи, фототипіи (со стекла), электротипіи, травленія на мѣдной доскѣ и цвѣтопечатанія; 2) рисунковъ (портретъ францисканскаго монаха, работы Лопеса) и эскизовъ (Рембрандта и Теньера) — хромолитографіей разными тонами и красками и, наконецъ, 3) рѣдкихъ гравюръ Эрмитажа — по способу геліографическому.

Новости печати

Ф. Орловъ. **Исторія С.-Петербургскаго гренадерскаго короля Фридриха Вильгельма III полка (1726—1890).** С.-Петербургъ, 1892 г. IV + 192 стр. и 1 карта. Ц. 1 р. 25 к. Новое изданіе исторіи с.-петербургскаго гренадерскаго полка составлено на основаніи изданнаго въ 1881 г. „Очерка исторіи С.-Петербургскаго гренадерскаго полка", дополненнаго описаніемъ главныхъ событій изъ полковой лѣтописи послѣдняго десятилѣтія. Эта книга предназначена, главнымъ образомъ, для солдатъ, но она можетъ заинтересовать и читателей не военныхъ, особенно наше юношество. Она содержитъ не только исторію одного полка, но и даетъ картину развитія русскаго войска со временъ Петра Великаго. Въ отдѣльной главѣ, въ общихъ чертахъ, изложена исторія русской регулярной арміи и сдѣлана попытка разъяснить историческія понятія о знамени, о полковомъ мундирѣ, о полковыхъ отличіяхъ и проч. Затѣмъ слѣдуетъ исторія образованія полка съ 1726 - 1790 г., участіе полка въ польской войнѣ 1792—1794 г., участіе его въ войнахъ съ французами съ 1799—1815 г., въ польскихъ дѣлахъ 1830 и 1863 гг. и въ турецкой войнѣ 1877—78 г. — Исторія с.-петербургскаго гренадерскаго полка связана съ такими воспоминаніями, какъ Суворовскій штурмъ Праги, Эйлау, Фридландъ, Смоленскъ, Бородино, Красный, Березина, Кульмъ, Лейпцигъ, Парижъ, Плевна и бой подъ Филиппополемъ. Къ книгѣ приложена карта походовъ, совершенныхъ с.-петербургскимъ гренадерскимъ полкомъ; она занимаетъ большую часть Европы — отъ Парижа до Персіи, отъ Ботническаго залива до Константинополя - съ указаніемъ мѣстъ сраженій, въ которыхъ участвовалъ с.-петербургскій гренадерскій полкъ. Это сочиненіе, по своему содержанію, живому разсказу и патріотическому чувству, котораго оно исполнено, представляетъ не только хорошую книгу для солдатъ, но достойно и введенія въ составъ ученическихъ библіотекъ.

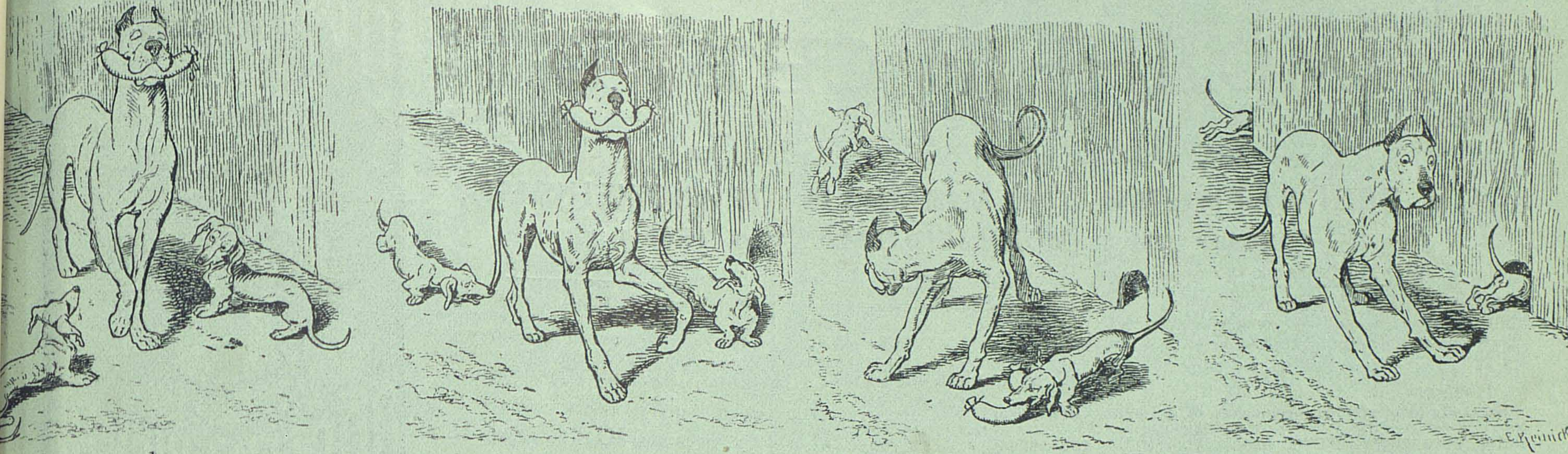
К. Ф.



С.-Петербургъ. — Павильонъ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, предназначаемый для выставки въ Чикаго.

Рисовалъ съ натуры для «Всемірной Иллюстраціи» А. Бальдингеръ.

ПЕРЕХИТРИЛИ



1 2 3 4.

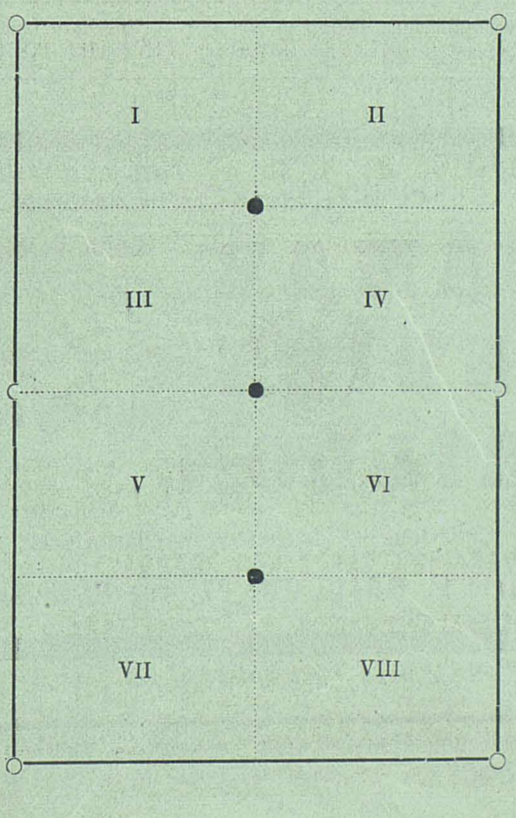
Square-Game

новая американская билліардная игра.

(*Собственность редакціи.*)

Поле обыкновеннаго шестилузнаго билліарда дѣлится, какъ показано на рисункѣ, на восемь квадратовъ; дѣленія отмѣчаются мѣлкомъ (пунктиромъ), или же опредѣляются на глазъ, а то и посредствомъ кія. Для игры требуется пирамидная колода (16 шаровъ). Участвовать могутъ 2, 3, 4, и болѣе лицъ, по соглашенію. Партія — 100, 150, 200 и даже 300 очковъ; послѣднее — рѣдко. Условія игры слѣдующія:

Колоду ставятъ на верхнюю мушку; выставку дѣлаютъ, по жребію, съ противуположнаго конца (изъ дому). Выставка не въ счетъ. Когда пирамида будетъ разбита, то игрокъ долженъ сдѣлать двоякое назначеніе: 1) играя по какому либо шару, обязательно указать о какой бортъ и шаръ ударится свой шаръ (битка), и на какомъ квадратѣ битка должна остановиться; 2) о какіе шары долженъ стукнуться (карамболировать) тронутый биткою шаръ (мѣтка). Примѣръ назначенія: „Играю дублетомъ по двойкѣ; карамболь по десяткѣ и тузу; свой на V“; „Играю 15 въ среднюю, свой на VIII“. Если назначеніе исполнено, т. е. битка встала на указанномъ мѣстѣ, 15 уложенъ, десятка и тузъ карамболированы мѣткой, — то игроку присчитывается то, что сдѣлано, т. е.



въ одномъ случаѣ 15 очковъ, а въ другомъ 21; послѣ этого, игрокъ можетъ продолжать игру, а если что либо сыграно или упало въ лузу, то шары эти ставятся на свободныя мушки или къ верхнему борту (такъ что на полѣ всегда 16 шаровъ). Но если битка встала не на указанное мѣсто, или если мѣтка не исполнила назначенія — т. е. либо не карамболировала сначала десятку, а потомъ туза, или послѣ десятки задѣла еще другой шаръ, то общая сложность всѣхъ этихъ очковъ ставится игроку въ ущербъ (минусъ), и очередь переходитъ къ другому лицу. Если же битка, ударившись о мѣтку, задѣла другой шаръ, то и этотъ карамболь причитается къ минусу; напр. мѣтка — положимъ 12 — ударилась о 5 и 9, битка задѣла 13, тогда минусъ равняется 5+9+13=27. Мѣтка считается только тогда, когда ее играютъ „чисто“, т. е. въ лузу; если же паденіе въ лузу сопряжено съ карамболемъ (напр. отъ шара), то послѣдній идетъ не въ счетъ. Наконецъ, если мѣтка, правильно сдѣлавъ два или три параллельныхъ карамболя, ударится еще объ одинъ или нѣсколько непараллельныхъ шаровъ, то карамболь этотъ, хотя и фуксовый, принимается въ счетъ, но не иначе какъ, по крайней мѣрѣ, послѣ двухъ параллельныхъ карамболей; напр. назначены 7 и 6, задѣтъ послѣ этого тузъ, въ сложности 7+6+11=24.

Игра эта — крайне интересная и даже задорная — выдумана лишь очень недавно, но повидимому ей предстоитъ большая будущность. *Д. Т.*

Главная контора и редакція „Всемірной Иллюстраціи" находятся въ С.-Петербургѣ, на Садовой ул., № 22.
Въ Москвѣ отдѣленія конторы находятся: 1) при книжн. маг. А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, 15, и 2) при конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи.

Дозв. цензурою. СПБ. 29 января 1893 г. Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

Всемірная Иллюстрація

25й годъ | № 1255 | 49й томъ

Суббота 6-го февраля 1893 г.

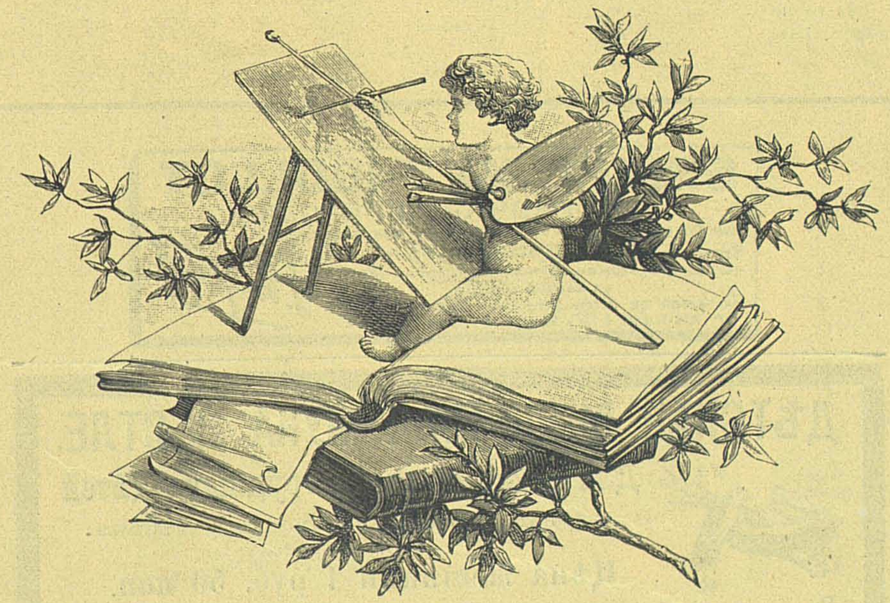
Цѣна нумеру 35 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки на годъ . 15 руб.
(при подпискѣ въ главной конторѣ редакціи).
Съ доставкою на годъ . . . . 17 »

Въ Москвѣ безъ доставки на годъ . . . . . . 17 руб.
Съ пересылкою во всѣ города Россійской имперіи на годъ . . . . 18 »

Подписная цѣна на полгода съ доставкою и пересылкою . . . . 9 руб.
За границу (въ государства всемірнаго почтоваго союза) 20 руб.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Редакція и главная контора: Садовая ул. № 22.

МАСЛЯНИЧНЫЕ НАБРОСКИ.

Каррикатуры М. Е. Малышева.

— Измельчали, братъ, людишки совсѣмъ! Вчера за завтракомъ мы втроемъ только 48 блиновъ и смогли одолѣть.
— А кто былъ-то?
— Да я былъ, да Марья Кузьминишна, она-то не ѣла — больна она, да Петя, ну, тотъ блина четыре съѣлъ. Вотъ и всё.

— У... пьяница!! чѣмъ бы намъ въ помощь быть, вы пьянствуете!..
— Чудакъ! Должонъ же я всё масляничные порядки справить. Нешто я нехристь.

— На масляной и глазки должны быть масляные...
— Но разговоры все-таки не должны быть сальные...

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

№ 1255. Годъ XXV. 6-го февраля 1893 г. Томъ XLIX. № 7.

Къ этому (1255) нумеру »Всемірной Иллюстраціи« слѣдуетъ третье особое художественное приложеніе — **ПРЕКРАСНАЯ ГАЛАТЕЯ, статуя Ванъ-деръ-Вейде** по фотографіи съ натуры.

ПАРАДНЫЙ СПЕКТАКЛЬ

Изъ „Театральныхъ очерковъ"

А. ДРЕЙФУСА

Передъ маленькимъ театрикомъ „Folies Plastiques цѣлая толпа народа.

Ожидаютъ персидскаго шаха.

Какимъ образомъ шаху персидскому пришла идея посѣтить Folies Plastiques — никто не могъ бы разъяснить, но несомнѣнно, что его ожидаютъ. Рядъ газовыхъ рожковъ освѣщаетъ фасадъ театра, убраннаго флагами цвѣтовъ всѣхъ націй, а подъ ними огненными цифрами изображено: 149 (количество представленій, достигнутыхъ новомодной пьесой — *Дамы изъ Мабиля*). На желѣзной проволокѣ болтаются желтые, голубые, зеленые и красные фонарики, развѣшанные такимъ образомъ, что вырисовываютъ силуэтъ персидскаго льва. Прохожіе, останавливающіеся передъ этимъ феерическимъ зрѣлищемъ, запружаютъ улицу, мѣшая полиціи установить цѣпь, сквозь которую должны имѣть доступъ только привилегированныя особы, т. е. лица, снабженныя билетами. Въ дверяхъ театра суетится и бѣгаетъ съ крайне взволнованнымъ видомъ господинъ въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстухѣ съ клякомъ въ рукѣ и взъерошенными волосами на головѣ. Онъ кричитъ и ругается съ рабочими, устанавливающими нѣсколько кадокъ рододендроновъ на ступенькахъ входа: это г. Монлери, почтенный директоръ театра Folies Plastiques.

— Ниже!.. еще ниже!.. такъ!.. хорошо!.. Влѣво... нѣтъ, не то!.. вправо... немножко къ себѣ... чуть назадъ! Вы не знаете гдѣ у васъ правая рука? Скоты!..

И соединяя слова съ дѣломъ, г. Монлери устремляется къ подъѣзду, и самъ начинаетъ устанавливать цвѣточныя кадки.

Финалъ оперы.

Императорскіе театры въ С.-Петербургѣ. — Іоланта, новая опера П. И. Чайковскаго на сценѣ Маріинскаго театра.

Съ натуры рисовалъ для »Всемірной Иллюстраціи« К. О. Брожъ.

Потомъ онъ оборачивается лицомъ къ полицейскимъ, которые съ трудомъ удерживаютъ цѣлые потоки любопытныхъ, и, съ видомъ человѣка, привыкшаго командовать, кричитъ:

— Кто назначенъ дежурнымъ? Околодочный!.. Гдѣ околодочный?

— Околодочнаго нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? Нѣтъ околодочнаго?.. Въ такой день? Это непостижимо!

— Насъ трое съ унтеръ-офицеромъ...

— Гдѣ же онъ, унтеръ-офицеръ?

Унтеръ-офицеръ подходитъ, дѣлая подъ козырекъ.

— А, это вы, унтеръ-офицеръ?.. У васъ довольно людей?.. Хорошо.. Какъ вы ихъ размѣстите?..

— Какъ теперь... смотрите.

— Отлично... но экипажи? Откуда будутъ подъѣзжать экипажи?

— Отсюда... мѣста довольно.

— Дѣло въ томъ, что будетъ масса экипажей... я васъ предупреждаю! Смотрите, какъ бы васъ не разъединили.

— Постараемся какъ нибудь.

— Васъ разъединятъ, это очевидно. Васъ слишкомъ мало...

— Ну, это не наше дѣло... Сколько прислали... Наше дѣло...

— Прекрасно; это не ваша вина, конечно. Это виноватъ полицейскій комиссаръ, который долженъ былъ бы предвидѣть... Въ концѣ концовъ, надѣюсь, мнѣ не придется жаловаться префекту полиціи.

И г. Монлери величественно удаляется, повергая унтеръ-офицера въ нѣкоторое смущеніе и безпокойство.

Дни, когда г. Монлери могъ кричать и командовать на глазахъ у публики, онъ считалъ лучшими днями своей жизни. Сегодня онъ уже не простой импрессаріо театра „женской пластики"; онъ въ нѣкоторомъ родѣ правительственный директоръ, принимающій царствующихъ особъ; и у него свой парадный спектакль и онъ можетъ посмѣяться надъ г. Аланзье. Какое счастье!

Его секретарь, молодой Фортюнатусъ, изъ Пари-каскада, сильно сомнѣвался въ этой затѣѣ, и еще наканунѣ, пытался отговорить Монлери отъ его страннаго проекта.

— Приглашать персидскаго шаха смотрѣть *Дамъ изъ Мабиля*! Это нелѣпо. Шахъ никогда не согласится. Надъ ними будутъ смѣяться и т. д. и т. д.

Но г. Монлери упорствовалъ, объявивъ, что шахъ бываетъ всюду, что онъ посѣтилъ бюро *Scapin*, заказалъ себѣ лѣтнюю пару въ магазинѣ *готоваго платья* и что онъ не видитъ, почему бы шаху персидскому не посѣтить и его заведенія, въ которомъ многіе такіе-то и такіе-то наслѣдные принцы проводили свои вечера.

И онъ отправился въ Грандъ-Отель.

Тамъ смотритель помѣщенія, приготовленнаго для шаха, вздумалъ было его не пропустить. Но что можно возразить человѣку, у котораго такъ красиво повязанъ бѣлый галстухъ, на которомъ такъ ловко сидитъ фракъ и который однимъ жестомъ и просто сказанными словами, брошенными вскользь, устраняетъ съ своего пути всѣ препятствія? „Меня ждутъ. Дѣло не терпящее отлагательствъ" — и онъ проходитъ.

Вѣроятно въ этотъ день его величество шахъ персидскій „ждалъ" не его одного, а чуть ли не весь Парижъ. По крайней мѣрѣ весь корридоръ былъ наполненъ индивидуумами всѣхъ положеній, состояній, возрастовъ и обоего пола: комми, работники, подмастерья, посыльные, дамы въ траурѣ, старцы въ орденахъ; одни съ пакетами, ящиками, картонками, портфелями, предметами неопредѣленной формы, тщательно завернутыми; другіе съ пустыми руками или съ прошеніями въ нихъ. Нѣкоторые нервно застегивали узкія перчатки, въ ожиданіи отвѣта или аудіенціи, жадно кидаясь на прислугу, выходившую изъ внутреннихъ аппартаментовъ. Всѣ желали какъ можно скорѣе представиться тому или другому сановнику изъ свиты его величества. Эти лица иногда вызывали кого нибудь, и черезъ полуоткрытую дверь можно было тогда увидѣть артельщика, распаковывающаго товары, господина, показывающаго способы употребленія новыхъ изобрѣтеній: *комнатной машинки для масла, дорожной машинки для приготовленія льда, привиллегированнаго кофейника*; или другаго господина, *пробующаго* инструменты: *піано-флютъ, аккордеонъ-гитару, тромбонъ-оркестріонъ*... Шумъ, гамъ, музыка, всевозможныя нарѣчія и ругательства персидскія, испанскія, французскія... Вотъ что происходило въ корридорахъ Грандъ-Отеля, когда г. Монлери туда прибылъ.

Интелигентный антрепренеръ Folies Plastiques тотчасъ понялъ, что ему нѣтъ разсчета затеряться въ этой толпѣ чающихъ движенія воды, и онъ смѣло подошелъ къ группѣ нѣсколькихъ „бронзовыхъ" людей, которые, лежа передъ дверью, съ совершенно безучастнымъ видомъ, спокойно покуривали опіумъ изъ роскошнаго кальяна.

— Простите, господа, сказалъ имъ Монлери, съ изысканною вѣжливостью; у меня чрезвычайно важное дѣло къ вашему августѣйшему повелителю. Могу я войти?

Бронзовые люди вглянули на Монлери глазами, полными опійнаго экстаза. Онъ принялъ этотъ взглядъ за молчаливое согласіе и, отважно шагнувъ черезъ ихъ тѣла, проникъ въ маленькій салонъ, гдѣ другой бронзовый человѣкъ состязался съ какимъ-то субъектомъ, у котораго въ одной рукѣ болталась пара сапогъ, а другой онъ протягивалъ счетъ.

— Дорого!.. дорого! Мой платить не можетъ! кричалъ бронзовый человѣкъ.

Сапожникъ отвѣчалъ мягкимъ голосомъ!

— Прошу извинить, ваше превосходительство; но когда ваше превосходительство посѣтили мой магазинъ, я имѣлъ честь сказать вамъ цѣну; слѣдовательно...

— Прекрасно, подумалъ Монлери: превосходительство! Одинъ изъ министровъ шаха! Это мнѣ на руку.

Такъ какъ превосходительство, замѣтивъ новое лице, глядѣлъ на него съ нѣкоторой тревогой, Монлери поспѣшилъ предупредить его:

— Благоволите, ваше превосходительство, извинить меня, произнесъ онъ, дѣлая шагъ впередъ. Я — Монлери, директоръ театра Folies Plastiques; и я являюсь просить ваше превосходительство быть моимъ ходатаемъ передъ его величествомъ. Съ истиннымъ почтеніемъ и уваженіемъ хочу умолять его величество оказать мнѣ высокую честь удостоить своимъ присутствіемъ представленіе въ моемъ театрѣ...

— А! вы... театръ? произнесъ бронзовый человѣкъ.

— Да, я театръ, повторилъ изъ послушанія Монлери.

И онъ началъ выученную наизустъ фразу:

— Льщу ееебя надеждой...

— Вы... билеты?

— Да, я билеты, безропотно повторилъ антрепренеръ: въ надеждѣ, что его величество...

— Давайте... билеты.

— Это лишнее; для его величества...

Но превосходительство такъ упорно протягивало руку, что Монлери наконецъ подумалъ, что понялъ его.

Конечно шахъ желалъ присутствовать на спектаклѣ Folies Plastiques, но не иначе какъ соблюдая полное инкогннто, какъ это дѣлали и наслѣдные принцы такой-то и такой-то короны, и поэтому онъ, очевидно, хотѣлъ предъявить свой билетъ, какъ простой зритель.

И какъ это Монлери, человѣкъ свѣтскій и съ тактомъ, не догадался объ этомъ раньше?

Онъ понялъ свою ошибку и сталъ изысканно извиняться.

— Инкогнито его величества будетъ свято сохранено, сказалъ онъ, вручая розовый билетъ на ложу его превосходительству; съ этимъ билетомъ вашъ августѣйшій повелитель съ лицами его свиты имѣютъ только явиться въ театръ Folies Plastiques, не опасаясь никакихъ манифестацій публики; мои артисты и я будемъ играть какъ всегда, какъ будто не передъ однимъ изъ могущественныхъ повелителей нашего полушарія, а передъ обыкновеннымъ смертнымъ. И только біеніе нашихъ сердецъ будетъ выдавать наши чувства живой благодарности и глубокаго уваженія.

Сказавъ эту маленькую рѣчь, Монлери низко поклонился и исчезъ.

Вотъ почему Фортюнатусъ поспѣшилъ напечатать въ газетахъ, что „вслѣдствіе неслыханнаго успѣха *Дамъ изъ Мабиля*, увеличивающагося съ каждымъ днемъ, его величество шахъ персидскій выразилъ желаніе присутствовать на представленіи веселой пьесы гг. Серкура и Люшо", и вотъ почему фронтонъ театра Folies Plastiques расцвѣтился разноцвѣтными фонариками.

Посмотримъ теперь, что происходитъ за кулисами.

Актрисы не въ состояніи успокоиться и режиссеръ долженъ прибѣгать время отъ времени къ нѣкоторымъ угрозамъ, чтобы угомонить этихъ дамъ, которыя будутъ имѣть честь попасть первыми въ кругъ зрѣнія персидскаго шаха.

— А, голубушка, я боюсь пропустить выходъ.

— Вотъ глупости!

— Что дѣлать! Это сильнѣе меня: я такъ смущена.

— Смущена присутствіемъ шаха? Онъ такой же мужчина, какъ и всѣ остальные.

— Мерси! Повелитель! Ты называешь его обыкновеннымъ мужчиной?.. Ты не видала бриллiанты на его шапкѣ?.. О, дорогая... за одинъ изъ нихъ можно купить Тюльери!..

— Это невозможно...

— Почему? потому что у насъ нѣтъ больше повелителя? Мнѣ въ шахѣ нравится именно повелитель.

— И..?

— И это меня утѣшаетъ въ томъ, что мы имѣемъ республику.

— Потомъ?

— Республика погубила Францію!

— Потомъ?

— А, надоѣла, дура!

— Сама дура! Вотъ еще чучело...

— Какъ ты сказала... чучело?

— Да...

— Повтори!..

— Тише, тише, mesdames! Прошу васъ, спокойствіе!

Въ директорскомъ кабинетѣ, Монлери держитъ рѣчь авторамъ пьесы:

— Понимаете, дѣти мои, это вѣдь не для меня, а для васъ самихъ. Мнѣ кажется, вы бы хорошо сдѣлали, еслибы прибавили въ честь *его* куплетецъ. Это ему польстило бы и онъ былъ бы вамъ благодаренъ.

— Но вѣдь онъ хочетъ сохранить инкогнито.

— Тѣмъ болѣе!.. Это еще выйдетъ деликатнѣе. Это будетъ уже не личнымъ комплиментомъ, а выраженіемъ чувствъ, заочно, въ самой пьесѣ.

— Да вѣдь нужно еще, чтобы эти выраженія чувствъ были кстати, по пьесѣ!

— Они и будутъ какъ нельзя болѣе кстати. Слушайте, въ сценѣ выставки, когда Эвелина говоритъ Роберту: „я восхищаюсь этою промышленностью!.."

— Перейти къ Рондо?

Эти чудеса,
Которымъ нѣсть числа...

— Превосходно!.. Вы видите это не трудно... Смѣлѣе, дѣти мои, смѣлѣе, смѣлѣе!..

„Дѣти его" — старый водевилистъ Серкуръ и его молодой сотрудникъ Арманъ Люшо, садятся къ свободному столу аксесуарной комнаты, и слышно, какъ Серкуръ напѣваетъ:

Эти чудеса,
Которымъ нѣсть числа...

Въ это время Монлери снимаетъ фракъ и одѣваетъ костюмъ, въ которомъ играетъ въ пьесѣ *Дамы изъ Мабиля*.

Онъ очень бы хотѣлъ остаться свѣтскимъ человѣкомъ, бѣдный Монлери, но ему справедливо замѣтили, что не могъ же онъ въ одно и то же время находиться у входа въ театръ и на сценѣ. Онъ долженъ начинать пьесу. Если онъ останется у входа театра встрѣчать шаха, онъ не успѣетъ переодѣться и загримироваться и шаху придется ждать начала пьесы, пока онъ будетъ готовъ къ выходу. Есть одинъ выходъ изъ этого положенія. Передать роль Зубной Щетки другому актеру... но нѣтъ! Роль, которую онъ „создалъ" не можетъ быть передана дублеру... Монлери

будетъ играть Зубную Щетку: директоръ стушуется передъ артистомъ.

Только кто же его замѣнитъ? Кто введетъ шаха въ ложу? Нужно же, чтобы кто нибудь былъ при этой церемоніи. Инкогнито конечно нужно свято сохранить, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя же сказать шаху персидскому, который есть шахъ персидскій: „Проходите! По лѣстницѣ на право!“ Кто же этотъ человѣкъ, съ хорошими манерами, который могъ бы замѣстить достойнымъ образомъ г. Монлери, бывшаго jeune premier Оксерскаго театра, благороднаго отца театра Gymnase, въ Бордо, и директора театра Folies Plastiques, въ Парижѣ? Г. Монлери подумалъ о своемъ главномъ контролерѣ, папашѣ Броссарѣ, бывшемъ служащемъ при дворѣ Луи-Филиппа. Онъ отворялъ двери на дворцовыхъ балахъ, а въ послѣднее время исполнялъ функціи организатора церемоніаловъ въ *бюро похоронныхъ процессій*. Этотъ человѣкъ, въ виду своего прошлаго, долженъ былъ знать способы пріемовъ знаменитыхъ и великихъ людей.

Г. Монлери призываетъ его для репетиціи высочайшаго пріѣзда.

— Ну-ка, Броссаръ... покажите-ка мнѣ, какъ вы будете его встрѣчать.

— Но, monsieur... я просто подойду и скажу...

— Что вы, что вы, несчастный! Вы не должны ничего говорить... Вы просто поклонитесь... какъ можно ниже, слышите... какъ можно ниже!..

— Отлично.

— Но у васъ грязныя перчатки, мой другъ! Что это за перчатки?

— Это мнѣ выдалъ костюмеръ.

— Чего онъ мѣшается, этотъ костюмеръ! Вы не можете оставаться въ этихъ перчаткахъ!

— Но...

— Повторяю вамъ, вы не можете въ нихъ оставаться!.. О, Боже мой! Боже мой!.. Подумать, что я ни на кого не могу положиться!.. ни на кого!.. О!..

И сказавъ „о!“ г. Монлери швыряетъ на полъ, со злости, заячью лапку, которой гримировался.

Стукъ въ дверь. Броссаръ исчезаетъ. Монлери подымаетъ заячью лапку.

— Что тамъ такое, Леонъ?

— Меня прислали сказать, что экипажи начинютъ съѣзжаться.

— А мы еще не готовы! Тысячу дьяволовъ!!

Сказавъ „тысячу дьяволовъ“, г. Монлери покушается вторично бросить заячью лапку на полъ, но во время сдерживается и оканчиваетъ гримироваться.

Онъ готовъ и идетъ бросить взглядъ на сцену, взглядъ, отъ котораго ничто укрыться не можетъ:

— Декорація плохо опущена! Отодвиньте кулису!.. Вы хотите поджечь театръ?! А вы тамъ... эй, вы!.. что вы тамъ торчите съ серпами?

— Мы хоръ... хоръ жатвы!

— Это не резонъ, чтобы протыкать декораціи! Убирайтесь! Васъ позовутъ!

Броссаръ влетаетъ, тяжело дыша.

— Monsieur!

Монлери подскакиваетъ до потолка.

— Пріѣхалъ?!

— Д... да!

— Что онъ сказалъ?

— Ничего... би... билетъ пока... залъ!..

— Свита большая?

— Пятеро. Трое мужчинъ и двѣ дамы...

— Вотъ штука! Я думалъ ихъ жены не выходятъ изъ гарема... Ну, что жъ! Тѣмъ лучше! Начинаемъ!..

Три удара. Увертюра, въ середину которой дирижеръ не преминулъ вставить, ни къ селу, ни къ городу, персидскій гимнъ. Занавѣсъ. Первая картина *Дамъ изъ Мабиля*.

Первая картина удалась. Всѣ сцены имѣли успѣхъ, кромѣ той, на которую Монлери наиболѣе разсчитывалъ. На слова Эвелины: „я восхищаюсь этою промышленностью“, Робертъ отвѣчалъ: „да, но обрати вниманіе на персидскую промышленность!“ и поетъ:

Персидская торговля...
Вѣдь это чудеса,
Которымъ нѣсть числа!
О, Персія, чудесъ страна!..

Никакого эффекта. Публика молчитъ и актъ оканчивается холодно.

Но слѣдующія сцены разогрѣваютъ публику, и Фортюнатусъ прибѣгаетъ съ докладомъ, что онъ видѣлъ, какъ неистово аплодировалъ персидскій шахъ, послѣ кадрили мабильныхъ дамъ.

Монлери соображаетъ, что моментъ насталъ представиться шаху.

Онъ облекается во фракъ, идетъ къ „императорской ложѣ“, скромно стучится и входитъ...

Сюрпризъ!!...

Хозяинъ ложи, котораго всѣ принимаютъ за шаха персидскаго, никто иной, какъ человѣкъ съ сапогами и счетомъ, котораго онъ видѣлъ въ салонѣ перваго министра.

Монлери смущается, но, чтобы не обидѣть гостей его величества, очень вѣжливо говоритъ:

— Простите, милостивый государь! какимъ образомъ... вамъ, стало быть, разрѣшено занять эту ложу?

— Эту ложу? отвѣчаетъ „человѣкъ съ сапогами“. — Намъ ее далъ лакей.

— Какой лакей?

— Развѣ вы не знаете? Тотъ, который съ вами разговаривалъ...

— Его превосходительство?

— А, да, и вы попались?.. Я тоже... Онъ такъ нашумѣлъ въ моемъ магазинѣ, что я его принялъ... но мы объяснились послѣ вашего ухода. Онъ не зналъ, что сапоги стоили 50 франковъ; я ихъ взялъ обратно, а онъ за безпокойство далъ мнѣ ложу.

— За безпокойство!!

Монлери въ бѣшенствѣ. Онъ готовъ сдѣлать скандалъ... но при видѣ тысячи глазъ, устремленныхъ на нихъ изъ партера и ложъ, при видѣ публики, наводнившей театръ, чтобы видѣть персидскаго шаха, онъ сдерживаетъ свое негодованіе: вѣдь публика, узнавъ о мистификаціи, больше не станетъ посѣщать его театра. Антрепренеръ заговорилъ въ немъ. Вѣжливо улыбаясь сапожнику, онъ пробормоталъ:

— Понимаю... это недоразумѣніе... простое неродазумѣніе... извините за безпокойство.

И онъ удаляется весьма почтительно кланяясь, чтобы публика оставалась убѣжденной въ высокомъ санѣ особы, которой онъ явился сдѣлать визитъ въ ложу.

Онъ вышелъ; теперь ему не нужно болѣе сдерживаться. Увидя Броссара, онъ закричалъ:

— Что вы тутъ торчите?

— Я... ожидаю!

— Чего?.. Чего вы ожидаете?

— Вы мнѣ приказали оставаться въ распоряженіи его величества; вотъ я и...

— Хорошо! Идите въ контроль!

— Но...

— И-ди-те въ кон-троль!!...

Броссаръ умчался, какъ вихрь.

Монлери, все еще сдерживаясь, по корридору съ индиферентнымъ видомъ и входитъ за кулисы... Всѣ кидаются къ нему; его атакуютъ вопросами:

— Ну, что? ну, какъ? видѣли его? говорили?

— Да... да... отвѣчаетъ Монлери, ища куда бы ему скрыться.

Серкуръ его останавливаетъ:

— Какъ ему понравились наши куплеты?

— Очень... мы ихъ пропустимъ.

— О... вы хотите пропустить...

— А моя увертюра? спрашиваетъ дирижеръ.

— Я была хороша? спрашиваетъ одна изъ хора жатвы.

Монлери хочетъ удрать отъ всѣхъ этихъ вопросовъ. Онъ бросается на сцену:

— По мѣстамъ!

И накидывается на двухъ хористокъ, не успѣвшихъ отойти отъ дырки въ занавѣси:

— Эй, вы! Вы не слыхали, что я сказалъ?

Одна изъ хористокъ оборачивается:

— Мы разглядываемъ шаха.

Они разглядываютъ шаха! Это переполнило чашу гнѣва Монлери. Онъ не можетъ больше сдерживаться, онъ долженъ разразиться:

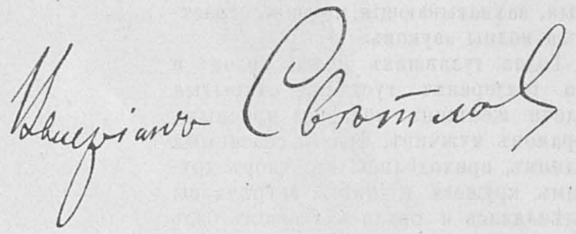
— А, вы разглядываете шаха!.. Я вамъ покажу шаха!.. Робло вклейте имъ по 5 франковъ штрафа!

Хористочки плачутъ:

— О, monsienr!..

Но свирѣпый директоръ ничего болѣе не слышитъ и громовымъ голосомъ кричитъ:

— Пять франковъ штрафа!.. Пять франковъ штрафа!.. это ихъ научитъ любоваться шахомъ!..



ТАКЪ ЖИЗНЬ ИДЕТЪ

Очеркъ

Ж. РИКАРА

Громадные бронзовые сфинксы лежатъ у въѣзда въ „Отель Minuchy“ и смотрятъ своими загадочными глазами на прибывающихъ гостей. Подъѣздъ освѣщенъ внутри мягкимъ, голубоватымъ свѣтомъ, а надъ нимъ въ воздухѣ горитъ гигантскими буквами электрическое „Salve!“ Экипажъ за экипажемъ подкатываютъ на резиновыхъ шинахъ, мягко, какъ по ковру. Какъ ароматные пестрые букеты изъ переполненныхъ корзинъ, появляются изъ нихъ женщины въ фантастическихъ костюмахъ всѣхъ націй и временъ. Знаменитый живописецъ, хозяинъ отеля, даетъ свой ежегодный костюмированный балъ. Майская свѣтлая ночь, охватившая уже городъ своимъ весеннимъ тепломъ и трепетомъ, дополняетъ очарованіе картины.

Люсьенъ Жерве, въ костюмѣ англійскаго охотника временъ Якова, остановился на подъѣздѣ и залюбовался тремя японскими паланкинами, принесенными носильщиками. Изъ нихъ, освѣщенныя бумажными фантастическими фонарями, вышли шесть молодыхъ дѣвушекъ, одѣтыхъ японками. Шесть брюнетокъ, съ волосами, гладко зачесанными вверхъ и проткнутыми золотыми стрѣлами, съ глазами странными и длинными, отъ продолжившихъ ихъ черныхъ черточекъ съ символическимъ золотымъ рисункомъ на лбу и кончикахъ губъ. Вѣроятно, поджидая своихъ кавалеровъ, онѣ составили въ сторонѣ прелестную группу и, полузакрывшись пестрыми вѣерами, щебетали за ними, какъ рой веселыхъ малиновокъ.

Рядомъ съ Люсьеномъ по лѣстницѣ поднимался извѣстный всему Парижу маринистъ, одѣтый дикаремъ, съ носомъ, проткнутымъ рыбьей костью; писатель, закутанный въ длинный подрясникъ изъ золотой парчи, затканной зелеными ящерицами и красными змѣями и „soiriste“, въ костюмѣ трубадура, съ гитарой на пунцовой лентѣ черезъ плечо. Поднявшись на нѣсколько ступеней, они остановились въ восхищеніи: роскошный вестибюль, обтянутый, какъ палатка, желтымъ атласомъ, горѣлъ, какъ громадная золотая пещера; электрическая люстра, спускавшаяся съ потолка гигантскимъ букетомъ желтыхъ тюльпановъ, лила на все свой горячій, какъ солнце, свѣтъ. Тутъ стояла группа женщинъ въ высокихъ напудренныхъ прическахъ въ короткихъ атласныхъ платьяхъ, блѣклыхъ нѣжныхъ оттѣнковъ, съ тюниками, подобранными розами. Крошечныя ручки женщинъ опирались на высокія палки, перевитыя лентами, ихъ лица съ мушками и кокетливый гордый видъ напоминали старинные портреты маркизъ, героинь террора, когда та же красавица, что съ закатомъ солнца ѣхала на балъ, съ восходомъ того же свѣтила, въ томъ же платьѣ съ цвѣтами, не успѣвшими завять на ея груди, всходила на эшафотъ и клала подъ кровавый ножъ гильотины свою легкомысленную головку, съ тою же гордой граціей, съ какою опускала ее на кружевныя подушки алькова.

Пройдя вестибюль, увлекаемый все прибывавшей толпою гостей, Люсьенъ поднялся по широкой мраморной лѣстницѣ и тутъ, при входѣ въ танцовальную залу у одной изъ колоннъ, за парчевой драпировкой, завладѣлъ кресломъ, стоявшимъ какъ въ нишѣ. Здѣсь онъ могъ спокойно дожидаться пріѣзда Даніеллы. Передъ нимъ была вся лѣстница, по ней катилась волна то рѣзкихъ, то нѣжныхъ цвѣтовъ. Голыя плечи и руки, сверкающія отъ удовольствія глаза и всюду, какъ фантастическіе живые огни въ волшебную Вальпургіеву ночь; красныя, синія, зеленыя искры брилліантовъ вспыхиваютъ, гаснутъ, сверкаютъ, горятъ и дрожатъ какъ крупныя капли слезъ, которыми, въ свое время, жизнь оросить каждаго изъ этой безумно ликующей толпы.

Пробило полночь, оркестръ игралъ вальсъ. Головы танцующихъ сближались, глаза мужчинъ погружались въ трепетные поднятые къ нимъ взоры женщинъ,

дыханье смѣшивалось и обнявшіяся пары кружились то съ медленною истомою, какъ бы охваченныя сладострастнымъ желаніемъ, то страшно быстро въ какомъ-то безумномъ иступленіи. А вальсъ, этотъ проклятый вальсъ, который кружитъ и головы и сердца, продолжалъ лить свои нѣжныя, захватывающія, ноющія, страстныя волны звуковъ.

Толпа гулявшихъ между колонъ и по галлереямъ густѣла, открытыя плечи женщинъ касались красныхъ фраковъ мужчинъ, фразы, сказанныя однимъ, приходились въ упоръ другимъ, кружева и цвѣты встрѣчаясь, сцѣплялись и рвались. Словомъ балъ былъ въ полномъ разгарѣ, когда на лѣстницѣ произошло движеніе, женщины наклонялись черезъ перила, въ группахъ мужчинъ пронесся ропотъ восторга, и Люсьенъ сразу почувствовалъ, что Даніелла тутъ.

Даніелла остановилась посреди лѣстницы и подняла головку къ верху, на встрѣчу всѣмъ взглядамъ приковавшимся къ ней. Легкимъ жестомъ головы и улыбкой, она посылала „вопросъ" знакомымъ лицамъ и наконецъ, какъ бы давъ вполнѣ налюбоваться собою и доказавъ что ея чудовищно смѣлый костюмъ, не стѣсняетъ ее, она взошла на площадку, гдѣ ее уже ждалъ Люсьенъ.

Странный ея костюмъ заставилъ его вздрогнуть отъ удивленія и восторга.

Она была одѣта черной бабочкой.

Его очарованный взглядъ охватилъ сразу ея высокую, тонкую, гибкую и необыкновенно пропорціональную фигуру, вырисовывавшуюся во всей своей пластичной красотѣ. Ноги ея были въ черномъ трико, прошитомъ вдоль золотыми и серебряными нитями, пробѣгавшими какъ электрическія искры при малѣйшемъ ея движеніи, торсъ какъ изваянный въ черномъ бархатномъ корсетикѣ, съ котораго отъ таліи до начала ногъ, какъ короткая юбка спускались нити стекляруса и бисера, грудь вся какъ

Н. П. СЕМЕНОВЪ, сенаторъ, ученый, писатель.

Николай Семеновъ

Съ фотографіи В. Классена гравировалъ А. И. Зубчаниновъ.

По поводу пятидесятилѣтія государственной службы.

краса, буквально была залита бриллiантами, на головѣ, на ея темныхъ кудряхъ, какъ бы каска. вся тоже усѣянная камнями и высоко надъ нею на невидимыхъ усикахъ дрожали два большіе роговые бриллiанта. Громадная булавка, въ родѣ той, на которую коллекціонеры накалываютъ бабочекъ, была какъ бы воткнута въ нее на самой серединѣ груди. За спиною дрожали два маленькія, черныя, легкія крылышка. На прелестныхъ голыхъ рукахъ, безъ перчатокъ, сверкалъ цѣлый рядъ блестящихъ тонкихъ браслетовъ, отъ плеча до кисти руки.

Только женщина свѣтская, богатая, извѣстная всему Парижу своею красотой и эксцентричностью, могла безнаказанно позволить себѣ такой нарядъ.

Когда, наконецъ, Люсьенъ могъ добраться до нея сквозь густую толпу, она взяла его подъ-руку.

— Берегите мои крылья, сказала она — я не хочу помять ихъ.

— Не все ли вамъ равно теперь, когда вы уже на булавкѣ? отвѣтилъ смѣясь Люсьенъ.

— О! вы думаете? Ну нѣтъ, мое сердце цѣло, я вколола ее только, чтобы избѣжать покушенія на то же парижскихъ натуралистовъ... Хотите —выну? спросила она вдругъ серьезно, какъ будто отстаивая свою свободу и положила руку на бриллiантовую головку булавки.

— Не троньте, ради Бога, маркиза, оставьте мнѣ еще хоть не на долго иллюзію, что сердце этой бабочки проткнуто и что она составляетъ...

— Часть вашей коллекціи?

— О! нѣтъ, мое единственное сокровище.

— Вы печальны сегодня... Есть что нибудь новое?

— Я надѣюсь, вы не будете танцовать въ этой толпѣ; если вамъ все равно — взойдемте на верхнюю галлерею.

Они поднялись во второй этажъ; тамъ было мало народа.

Масляница на Руси. — Масляничный обычай привязыванія »колодки« въ Малороссіи.

Оригинальный рисунокъ для »Всемірной Иллюстраціи« И. Ижакевича.

В. В. ПАШУТИНЪ,

начальникъ военно-медицинской академiи.

Съ фотографiи Д. С. Здобнова гравировалъ А. И. Зубчаниновъ.

По поводу двадцатипятилѣтiя ученой и служебной дѣятельности.

А. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТЪ,

химикъ, агрономъ-практикъ, † 21-го января с. г.

Съ фотографiи К. А. Шапиро гравировалъ А. И. Зубчаниновъ

Даніелла оперлась на бархатную балюстраду и смотрѣла внизъ, подъ нею пестрый костюмированный балъ развертывалъ свою панораму, звуки музыки доносились смягченные и тысячный говоръ толпы вторилъ ей, какъ ропотъ отдаленнаго моря.

— Очень мило, сказала она скучающимъ тономъ и, не повертывая головы, добавила, — ну, говорите скорѣе, зачѣмъ вы ждали меня у входа и привели сюда въ эту пустыню?

— Какъ могли вы угадать? и онъ остановился, находя глупымъ вырвавшійся вопросъ. — Да, я хотѣлъ говорить съ вами, Даніелла, и то, что я скажу или сразу прерветъ навсегда наши отношенія, или свяжетъ насъ еще неразрывнѣе, еще тѣснѣе.

Она не двинулась и не оглянулась на него. онъ продолжалъ:

— Я разоренъ до послѣдняго чека, который хватитъ мнѣ только на то, чтобы задержать здѣсь не на долго кредиторовъ, а самому уѣхать въ Марвиль, къ матери, гдѣ она устроила для меня выгодную во всѣхъ отношеніяхъ партію. Графъ Нерра согласенъ отдать мнѣ руку своей дочери Нанси и съ нею приданое, которое поставитъ меня снова на ту ступень, которую и долженъ занимать въ обществѣ. Кромѣ того, мать требуетъ, чтобы я имѣлъ законнаго наслѣдника и дальнѣйшаго представителя рода, въ которомъ я теперь послѣдній. Вы лучше всѣхъ, Даніелла, знаете обязанности, которыя каждый изъ насъ, представителей древнихъ родовъ Франціи, долженъ нести.

Она молчала и смотрѣла внизъ.

— Есть другой выходъ, Даніелла, и, можетъ быть, самый простой, отдать все въ руки кредиторовъ и

Иностранные художники. — Романтикъ. Картина А. Вѣрушъ-Ковальскаго.

Гравировали для »Всемірной Иллюстраціи« Гейеръ и Кирмзе въ Берлинѣ.

ѣхать въ Алжиръ, вступить въ дѣйствующую армію и тамъ искать конца?

— Надо ѣхать въ Марвиль и жениться, начала было Даніелла, и вдругъ смолкла и снова стала глядѣть внизъ. Она хотѣла сказать: но, ты мой, я слишкомъ много страдала и любила, чтобы теперь отдать тебя другой, но она вдругъ вспомнила, она тоже съ своею рукой принесла милліонное приданое, родители тоже нашли ей партію и маркизъ д'Абри черезъ мѣсяцъ послѣ дозволеннаго свѣтскимъ кодексомъ ухаживанія повелъ ее къ вѣнцу. Съ тѣхъ поръ прошло всего пять лѣтъ, у нихъ былъ сынъ, и маркизъ, находя, что имъ выполнена вся возложенная на него обществомъ задача, жилъ три четверти года на своей яхтѣ за границею и одинъ охотничій сезонъ въ своемъ помѣстьѣ, и эта жизнь, которая привела бы въ отчаяніе всякаго, кто только придаетъ смыслъ словамъ: семья, домашній очагъ, здѣсь, въ парижскомъ обществѣ, считалась нормальной и не шокировала никого потому, что всѣ необходимыя правила приличій, „convenance" были соблюдены; и вотъ человѣкъ, котораго она любила, котораго считала лучшимъ изъ людей, въ груди котораго предполагала честное, доброе сердце идетъ тою же дорогою и такъ же холодно и жестоко собирается разбить сердце дѣвушки, онъ ведетъ ее за собою не для того, чтобы быть ей другомъ и защитникомъ; но чтобы, взявъ отъ нея все, что требуется для поддержки и возстановленія его имени, бросить ее одну въ этотъ пустой бездушный свѣтъ.

— Прощайте, Люсьенъ, сказала она печально и кротко; но ея тонъ, взглядъ ея агатовыхъ глазъ, сіявшихъ на блѣдномъ, какъ снѣгъ, лицѣ, отняло у него силу хоть что нибудь возразить ей; онъ могъ только прошептать:

— А, вы...

— Я?.. она засмѣялась, я вамъ уже сказала, что сердце мое нетронуто, такимъ оно останется и послѣ нашего разговора...

И вотъ стояли рядомъ два молодыхъ, здоровыхъ, любившихъ другъ друга существа и не было у нихъ ни силы воли, ни даже желанія оторваться отъ пустой мишуры, отъ условій лжи и обмана окружавшей ихъ жизни, чтобы рука объ руку выйти на новый путь. Они знали одну жизнь—жизнь роскоши, одинъ законъ — законъ свѣтскихъ приличій! Сердца ихъ надламывались, глаза горѣли отъ сдержанныхъ слезъ, а балъ внизу развертывалъ передъ ними свою вакхическую картину и эта черная бриліантовая бабочка и этотъ аристократъ въ костюмѣ охотника были представителями этого самаго, блестящаго, веселаго, счастливаго „Tout Paris".

Н. Лухманова

* * *

Не любилъ я тебя — любовался тобой,
Какъ цвѣткомъ благодатной Украйны,
Тихой грустью улыбки твоей молодой,
Взоромъ, полнымъ плѣнительной тайны,
И стыдливымъ, и сладкимъ смущеньемъ твоимъ
Любовался я, смутнымъ желаньемъ томимъ.

И не я, о не я говорилъ о любви
Въ часъ забвенный условленной встрѣчи!
Это ночь, сыпля звѣзды и грезы свои,
Нашептала мнѣ лживыя рѣчи.
Улетала ея благовонная мгла —
И томилъ меня стыдъ и тревога росла...

Ф. Червинскій

МАСЛЯНИЧНЫЕ НАБРОСКИ

ФРИДЫ ШАНЦЪ

(Къ нашимъ картинкамъ)

Отъ источника мудрости—рѣзвыхъ утѣхъ,
Мы напрасно въ нашъ вѣкъ удалились
И нигдѣ не звучитъ заразительный смѣхъ:
Мы смѣяться совсѣмъ разучились.
. . . .

Да, наше время нельзя назвать особенно веселенькимъ; оно корчитъ ужасно кислую мину. Ему не хватаетъ маленькаго украшенія изъ цвѣтовъ на его строгой одеждѣ, лукаваго блеска во взглядѣ, беззаботной и ясной улыбки съ ямочками на щекахъ, граціи беззавѣтнаго увлеченія невинными проказами.

Въ нашемъ мірѣ какъ будто уцѣлѣлъ только одинъ остатокъ шаловливаго духа прежняго веселья, и этотъ остатокъ заключенъ въ исполинскую бутылку шампанскаго, которая тщательно хранится весь годъ—до карнавала. Съ задорнымъ трескомъ взлетаетъ тогда къ облакамъ гигантская пробка, бѣлая ароматная пѣна брызжетъ кверху и сладостное опьяненіе овладѣваетъ цѣлымъ міромъ. Пальцы робко стучатся въ могилу веселья, допытываясь, точно ли оно умерло. Нѣтъ, оно только спало и съ улыбкой открываетъ прекрасныя очи. О, благо намъ, что оно посѣтитъ насъ на два-три короткихъ денька, оставивъ слѣды своихъ рѣзвыхъ ножекъ на послѣднемъ мягкомъ, какъ пухъ, зимнемъ снѣжку, подъ которымъ уже дремлетъ фіалка.

Предвкушеніе весны, болѣе упоительное чѣмъ сама она, звучитъ въ мелодіяхъ шумныхъ вальсовъ во время карнавала. Старъ и младъ увлекается вихремъ веселья; молодость щеголяетъ въ старческихъ маскахъ, старость дурачится съ ребяческой беззаботностью въ шутовскомъ одѣяніи молодежи. Оригинальная парочка пляшетъ впереди всѣхъ: она — увѣнчанная розами, онъ обвѣшанный бубенчиками. Это любовь и дурачество — глубочайшій смыслъ и трескучая безсмыслица.

Самыя горькія разочарованія проистекаютъ у насъ оттого, что мы ожидаемъ слишкомъ многаго отъ всѣхъ праздниковъ жизни. Какъ фотографъ уговариваетъ своихъ заказчиковъ: „Пожалуйста, смотрите повеселѣе!" такъ и мы пришпориваемъ себя при всѣхъ такъ называемыхъ удовольствіяхъ. Побольше веселья! Побольше веселья! Но оно какъ разъ намъ не дается. А карнавалъ, напротивъ, упрашиваетъ своихъ гостей: „Пожалуйста, будьте безъ стѣсненія! И какъ можно меньше требовательности!" Синьоръ въ парикѣ изъ зеленыхъ листьевъ салата, въ грубыхъ золотыхъ очкахъ, вырѣзанныхъ изъ апельсинной корки—типичная фигура римскаго карнавала, всегда остается самымъ любимымъ изъ его подданныхъ. Но увы! Даже этотъ прекрасный римскій карнавалъ становится годъ отъ году безжизненнѣе и вялѣе. Что же сказать тогда о трезвомъ сѣверѣ? Конечно, и здѣсь волны безшабашнаго веселья не хлещутъ до вершины колоколенъ, какъ въ былое время; однако, знаменитое Утро Розъ въ Кельнѣ съ его разливаннымъ моремъ превосходныхъ винъ и сладостнымъ хмѣльнымъ угаромъ все еще держится по мѣрѣ силъ, и какъ жителю прирейнскихъ провинцій, такъ и мюнхенцу, завзятому истребителю пива, удивительно пристала шутовская мудрость паяца, на зло чопорному, скучному умничанью нашихъ дней.

Кто самъ не испыталъ этого на́ себѣ, тотъ не можетъ понять, до какой степени располагаетъ къ дурачеству маскарадный костюмъ, насколько преобразуетъ онъ внутренняго человѣка, принуждая его также къ переодѣванью. Вполнѣ стоитъ хоть разъ поплясать и посмѣяться въ карнавальной толпѣ на берегахъ Дуная или Рейна, Сены, Шпре или зеленаго Изара, — на берегахъ послѣдняго, пожалуй, даже лучше всего. Къ карнавалу идутъ всякая шутка и фарсъ, всякая невинная шалость. Мюнхенскій карнавальный поѣздъ, устраиваемый преимущественно художниками, пестрѣетъ уморительными типами, массой удачныхъ пародій. Тутъ вы видите полковой оркестръ черномазыхъ музыкантовъ изъ Камеруна подъ предводительствомъ свирѣпаго маіора съ саблей на-голо, верхомъ на деревянной лошадкѣ; тамъ—„прекрасную художницу", мужеподобную даму съ палитрой въ рукѣ, классически вѣрно изображаемую весельчакомъ студентомъ. Затѣмъ передъ вами выступаетъ маленькій мальчишка въ монашескомъ одѣяніи съ кружкой пива и редиской въ рукахъ— характерная фигура и неизбѣжная принадлежность мюнхенскаго карнавала *); далѣе тащится пресловутый старый докторъ Эйзенбортъ и великолѣпный „гигерль" — уличный франтъ, босоногій ремесленникъ подмастерье, такъ называемый „братецъ Штаубингеръ", забубенная головушка, верхомъ на велосипедѣ. Тутъ снуетъ и мечется, какъ угорѣлая, бѣдная „нянюшка" съ оравой озорниковъ ребятишекъ, начиная отъ барышни-подростка въ короткой юбочкѣ — переодѣтаго рослаго дѣтины и кончая бородатымъ младенцемъ, съ одутловатымъ отъ пива краснымъ лицомъ, въ дѣтскомъ чепчикѣ съ кружевцами и бантиками. Злополучная „нянюшка" везетъ его въ скрипучей дѣтской колясочкѣ. Это лихая группа студентовъ дурачится на пропалую.

*) Эта фигура ребенка въ монашескомъ одѣяніи съ пивною кружкой находится даже въ гербѣ города Мюнхена. *Примѣч. переводчика.*

Вообще, художественный замыселъ и неудержимая удаль служатъ отпечаткомъ мюнхенскаго карнавала. Красивая мюнхенка также здѣсь какъ нельзя болѣе на мѣстѣ. Она умѣетъ быть очаровательно забавной, „она заливается такимъ счастливымъ смѣхомъ, заливается неудержимо и показываетъ такіе бѣлые зубки". Она умѣетъ веселиться до упаду, хотя бы даже „безъ кавалеровъ", какъ это доказываютъ безшабашно-веселые маскарадные балы „мюнхенскихъ художницъ". Прелестные дѣтскіе маскарады также входять въ составъ здѣшняго карнавала.

Ты помнишь-ли тотъ вечеръ карнавала,
Когда толпа наряженныхъ дѣтей
Такъ весело вертѣлась и плясала?

говоритъ Пауль Гейзе въ одномъ изъ тѣхъ очаровательныхъ сонетовъ, которые, впрочемъ, слишкомъ трогательны и меланхоличны, чтобы цитировать ихъ далѣе въ карнавальныхъ очеркахъ. Кто же не останавливался въ восхищеніи на послѣдней международной художественной выставкѣ въ Берлинѣ передъ картиной Каульбаха, изображающей пятерыхъ, обсыпанныхъ мукою, арлекиновъ-дѣтей въ натуральную величину? Лица зрителей невольно расцвѣтали улыбкой при взглядѣ на эти смѣющіяся рожицы съ ямочками на щечкахъ и плутовскими глазенками.

А вотъ и другая карнавальная картина.

Здѣсь передъ вами пикантное общество высшаго полета. Парижскій оперный маскарадъ только что окончился, и публика сидитъ за ужиномъ въ привиллегированномъ ресторанѣ. Вдвое изящнѣе и милѣе кажутся эти нѣжныя овальныя лица красавицъ послѣ того, какъ они цѣлые часы скрывались подъ полумаской съ кружевнымъ воланомъ. Впрочемъ, увѣряютъ, будто бы ловкія парижанки носятъ маску цѣлую жизнь. И въ самомъ дѣлѣ, какъ угадать, что̀ таится подъ этой тонкой, чуть замѣтной усмѣшкой, подъ этимъ осторожнымъ взглядомъ изъ-подъ рѣсницъ? Какова-то настоящая физіономія этихъ безупречно вышколенныхъ свѣтскихъ дамъ? О чемъ втайнѣ думаетъ, напримѣръ, вотъ эта прелестная

нимфа, разсѣянно пробѣгая карту кушаній, которую такъ нетерпѣливо хочется взять у нея изъ рукъ ея мужу, пожилому господину съ изящнымъ лицомъ бонвивана, вѣроятно образцовому ученику Брилья-Саварена?

Очаровательную маскарадную шутку представляетъ намъ мюнхенскій живописецъ Ф. Лееке на своей картинѣ карнавала, озаглавленной у насъ: „Безъ маски какъ въ маскѣ!" Да, онъ ужасно какъ „нарвался" этотъ бѣлокурый новичекъ маскарадныхъ баловъ, который цѣлый вечеръ безумно ухаживалъ за обворожительной незнакомкой. По ея бѣлоснѣжной шейкѣ и чернымъ, какъ блестящій агатъ, глазамъ нельзя было не угадать въ ней красавицы. И что же?.. Маска падаетъ... Кавалеръ содрагается отъ ужаса. Мыслимо ли подобное безобразіе! А сама проказница покатывается между тѣмъ со смѣху. Неужели этотъ дуралей не видитъ сразу, что отвратительная физіономія, которую она ему показала послѣ долгихъ упрашиваній, не что иное, какъ вторая маска изъ папки, что изъ-подъ нея выглядываетъ живое женское личико, розовенькое, плутовское и ужъ конечно — настоящее? Но во время карнавала не гонятся за побѣдами. Дурачество и остроты сегодня — общій девизъ. Удачная шутка цѣнится выше всего.

Дальше и дальше разливаются шумныя волны веселья, быстрѣе и быстрѣе становятся тампы вальсовъ, только бы какъ нибудь продлить мимолетные часы наслажденія! Ахъ, цвѣты въ твоей корзинкѣ, очаровательная цвѣточница, начинаютъ вянуть, поникли головкою розы и зимнія астры! Разсыпай же ихъ поскорѣе подъ ноги кружащейся вихремъ карнавальной толпѣ! Волшебная ночь подходитъ къ концу, и самый трезвый изъ всѣхъ дней, „пепельная" или „покаянная" середа, занимается блѣднымъ разсвѣтомъ на востокѣ.

О, это непривѣтливое сѣренькое утро послѣ обаятельной, сіявшей огнями, ночи!

Какъ непріятно отражается сѣдой полусвѣтъ холоднаго снѣжнаго дня на пестрыхъ шутовскихъ одѣяніяхъ запоздалыхъ гулякъ, возвращающихся по домамъ! Ни дать, ни взять, какъ на картинѣ берлинской уличной жизни, гдѣ изображены самыя раннія птицы, разнощицы утреннихъ газетъ, наткнувшіяся на компанію ночныхъ кутилъ, которая для возвращенія во свояси ожидаетъ у станціи конно-желѣзной дороги „перваго" дилижанса. Нищетѣ и пустому желудку не къ лицу шутовскія выходки. Неумолимо вопрошаетъ голодъ: „Что значитъ эта нелѣпая маскарадная суета?" Также неумолимо, какъ сѣдое утро иронически допытывается:

„А что остается отъ карнавальнаго блеска и пышности? Да, что отъ него остается?"

— Довольно мало! Пустыя бутылки изъ-подъ шампанскаго, два-три пріятныхъ воспоминанія, растоптанные цвѣты, увядшіе букеты на паркетѣ, выдохшійся ихъ ароматъ, спертый воздухъ, пыль и... больше ничего.

ПОЛИТИКА

1 (13) февраля 1893 г.

Въ петербургскихъ кружкахъ, интересующихся нашею внутреннею политикою, произвело сильное впечатлѣніе и вызвало оживленные толки Высочайшее повелѣніе, которымъ переименованы два города сѣверо-западной полосы Россіи, носившіе до сихъ поръ не русскія имена. Одному изъ этихъ городовъ, Дерпту, возвращено его прежнее, древнее имя „Юрьевъ" другой же, именно Динабургъ переименованъ въ „Двинскъ", на томъ совершенно логическомъ основаніи, что рѣка, отъ которой происходило его нѣмецкое названіе, носитъ офиціально по русски имя „Западной *Двины*" и русской первоклассной крѣпости, нѣтъ никакой причины воспроизводить своимъ названіемъ нѣмецкое произношеніе этого имени („Дюна" или „Дина").

Конецъ прошлой недѣли ознаменовался также у насъ прибытіемъ Е. И. В. великой княгини Маріи Александровны, герцогини Эдинбургской, съ дочерью ея, принцессою Викторіею, и вслѣдъ за тѣмъ наслѣднаго князя черногорскаго Даніила, сдѣлавшихся вслѣдъ за ИИ. ВВ. герцогомъ и герцогинею Мекленбургъ-Шверинскими высокими гостями нашего Императорскаго Двора.

За границею минувшая недѣля была достаточно богата интересными политическими событіями. Самое сильное впечатлѣніе и самые многочисленные толки приходились на долю извѣстій, получавшихся изъ Франціи. Въ Парижѣ произошло за эти семь дней событіе, обѣщающее имѣть весьма важныя послѣдствія. Когда обвинительная камера, разсматривавшая результаты слѣдствія, произведеннаго надъ депутатами и сенаторами, привлеченными къ отвѣтственности за полученіе взятокъ отъ панамскаго общества, признала не подлежащими отдачѣ подъ судъ четырехъ изъ нихъ, именно бывшихъ министровъ Рувье и Девеза, сенатора Альбера Греви и депутата Поля Арена, буланжистъ Гуссо выступилъ въ палатѣ депутатовъ съ запросомъ министру юстиціи, г-ну Буржуа о причинахъ этого постановленія обвинительной власти. Г. Буржуа отвѣчалъ очень энергично, говоря, что судебная власть дѣйствовала въ панамскомъ дѣлѣ вполнѣ независимо и самостоятельно, а правительство, сдѣлавшее съ своей стороны все для него возможное, не отвѣчаетъ за принятыя ею рѣшенія. Палата встрѣтила съ полнымъ сочувствіемъ этотъ отвѣтъ министра юстиціи, и дѣло уже казалось совершенно оконченнымъ, когда потребовалъ слова депутатъ умѣренно-республиканской партіи, г. Годефруа Кавеньякъ, занимавшій нѣкоторое время (въ первой половинѣ прошлаго года) постъ морскаго министра. Въ рѣчи своей г. Кавеньякъ заявилъ, что вполнѣ довѣряя правительству, онъ находитъ однако, что сдѣлано еще недостаточно для того, чтобы обезпечить странѣ немыслимость повторенія новыхъ прискорбныхъ исторій, какъ панамскій скандалъ. Онъ требовалъ, чтобы правительство безусловно отреклось отъ „пріемовъ" дававшихъ разнымъ спекуляторамъ и финансистамъ, даже не французскаго происхожденія, имѣть вліяніе на дѣла государства, т. е., другими словами, ручательство въ томъ, что не вернутся болѣе во власть употреблявшіе эти пріемы гг. Рувье, Флоке и де Фрейсине. Палата отнеслась къ этимъ требованіямъ съ такимъ горячимъ сочувствіемъ, что глава министерства г. Рибо понялъ невозможность противиться требованіямъ г-на Кавеньяка и выразилъ согласіе министерства на рѣзко мотивированную формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ предложенную послѣднимъ. Тогда произошло нѣчто, давно уже небывалое во Франціи. Вся палата, единогласно высказалась за предложеніе г-на Кавеньяка и затѣмъ очень сильнымъ большинствомъ постановила распубликовать во всѣхъ общинахъ республики его горячую рѣчь.

Такимъ образомъ, волей-не-волей, правительство вступило на путь безпощадной борьбы съ злоупотребленіями капитализма и обязалось довести панамское дѣло до конца, не отступая ни передъ какими дальнѣйшими разоблаченіями, изъ которыхъ нѣкоторыя могутъ скомпрометировать кое кого изъ парламентскихъ его друзей. Сдѣлалось поэтому весьма вѣроятнымъ, что министерство Рибо въ нынѣшнемъ его составѣ недолго останется во власти и что мѣсто его займетъ министерство Кавеньяка, составленное спеціально для достиженія объявленной этимъ депутатомъ цѣли. Самъ г. Рибо сознаьъ тотчасъ же необходимость разсѣять недоумѣніе, созданное единогласнымъ принятіемъ палатою формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ предложенной г-мъ Кавеньякомъ и рѣшился при первомъ удобномъ случаѣ поставить вопросъ о довѣріи къ кабинету. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Парижа, случай этотъ доставятъ ему депутаты радикальной и оппортунистской фракцій, отъ имени которыхъ будетъ внесенъ запросъ объ „общей политикѣ" въ среду или въ четвергъ на нынѣшней недѣлѣ. Такимъ образомъ участь министерства Рибо будетъ уже, вѣроятно, рѣшена ко дню, когда наша лѣтопись появится въ печати. Къ этому же времени станетъ, полагаемъ, извѣстнымъ и рѣшеніе парламентомъ и президентомъ республики—избавить престарѣлаго и больнаго Фердинанда Лессепса отъ послѣдствій приговора суда, т. е. отъ тюремнаго заключенія на шесть лѣтъ. Сдѣлано это можетъ быть въ двухъ различныхъ формахъ—простаго помилованія, которое не возвратитъ Лессепсу утраченныхъ имъ по суду гражданскихъ и политическихъ правъ (въ томъ числѣ и права на орденъ Почетнаго Легіона 1-й степени) или же амнистіи, вполнѣ уничтожающей всѣ послѣдствія судебнаго приговора. Послѣднее извѣстіе говоритъ, что въ парламентѣ будетъ предложена, не въ пользу одного только старика Лессепса — амнистія.

Въ Германіи за послѣдніе семь дней продолжалась полная неизвѣстность насчетъ участи, которая ожидаетъ въ имперскомъ парламентѣ правительственный проектъ военной реформы. Императоръ Вильгельмъ II, совершенно пересталъ высказывать свои взгляды на этотъ вопросъ, да и канцлеръ, графъ Каприви, какъ будто находитъ нужнымъ отвлечь отъ него вниманіе публики. Быть можетъ, въ связи съ этимъ носятся слухи, до сихъ поръ, впрочемъ, не подтвердившіеся ни малѣйшимъ фактомъ, слухи о примиреніи, будто бы уже состоявшемся между императоромъ и княземъ Бисмаркомъ, газета котораго „Hamburger Nachrichten" болѣе чѣмъ когда либо продолжаетъ настаивать на сближеніи Германіи съ Россіей путемъ таможеннаго договора, противъ котораго, однакоже, начинаетъ энергически возставать германская сельская партія.

Въ Австро-Венгріи характерною чертою политическаго положенія является полный неуспѣхъ министерства Таафе образовать въ австрійскомъ рейхсратѣ правительственное большинство изъ нѣмецкихъ либераловъ, поляковъ и нѣмецкихъ клерикаловъ партіи графа Гогенварта. Нѣмецко-либеральную партію особенно раздражаетъ, что графъ Гогенвартъ, считаемый ею за главнаго виновника несостоявшагося соглашенія, не мало не утратилъ милость правительства и императора, а напротивъ долженъ сдѣлаться на дняхъ предметомъ особенныхъ правительственныхъ любезностей по поводу 70-й годовщины дня рожденія. Графъ Таафе какъ будто ищетъ сдѣлать Гогенварта центромъ парламентскаго большинства, безъ участія нѣмецко-либеральной партіи, что возможно только при содѣйствіи славянскихъ парламентскихъ группъ рейхсрата. Легко понять, что подобная перспектива вовсе не улыбается нѣмецкимъ либераламъ.

Въ Англіи окончились на прошлой недѣлѣ адресныя пренія палаты общинъ. Правительственный проектъ адреса принятъ безъ всякихъ поправокъ, предлагавшихся оппозиціей, достаточно сильнымъ большинствомъ голосовъ. Вслѣдствіе этого явилась, наконецъ, возможность приступить къ преніямъ по ирландскому вопросу, въ понедѣльникъ, 1 (13) февраля; Гладстонъ долженъ былъ внести въ палату свой ирландскій билль, содржаніе котораго онъ съумѣлъ сохранить до сихъ поръ въ глубочайшей тайнѣ. Послѣ перваго чтенія билля, которому по обычаю консерваторы оппозиціи препятствовать, конечно, не будутъ, настапетъ періодъ горячаго обсужденія новаго закона въ печати и на публичныхъ митингахъ. Второе чтеніе будетъ, надо полагать, отстранено на довольно продолжительное время съ общаго согласія правительства и оппозиціи. О содержаніи гладстоновскаго билля мы будемъ имѣть возможность говорить только въ нашей слѣдующей хроникѣ.

Въ Италіи за послѣдніе дни все болѣе и болѣе разгорается парламентскій скандалъ по дѣлу о злоупотребленіяхъ, обнаружившихся въ римскомъ банкѣ. Эта исторія, уже получившая названіе „маленькой панамы" (Panamino), во многомъ напоминаетъ настоящій панамскій скандалъ. И здѣсь обнаруживаются взятки, получавшіяся депутатами и, повидимому, даже министрами. Арестованный директоръ банка Тонлонто громко сыплетъ подобными обвиненіями, которымъ публика вѣритъ тѣмъ болѣе охотно, что итальянская палата депутатовъ не послѣдовала примѣру французской и при-

Масляница въ Германіи. — Карнавалъ въ Берлинѣ. Послѣ маскарада въ ожиданіи первой утренней »конки«.

Рисунокъ съ натуры А. Дёрфеля.

Масляница въ Германіи. — Карнавалъ въ Мюнхенѣ. Уличная сцена.

Рисунокъ съ натуры П. Бауера.

знала ненужнымъ парламентское дознаніе, котораго требовали нѣкоторые изъ ея членовъ. Положеніе министерства Джіолитти стало очень затруднительнымъ и щекотливымъ.

Іоланта

лирическая опера въ 1 дѣйствіи

Музыка П. И. Чайковскаго

Нерѣдко замѣчается большая разница впечатлѣнія, вызываемаго какимъ нибудь произведеніемъ при знакомствѣ съ нимъ въ чтеніи или на сценѣ. Произведеніе можетъ выигрывать тутъ или тамъ въ томъ или другомъ отношеніи. Нужна большая опытность и привычка дѣйствительно критически относиться къ имѣющемуся въ рукахъ матерьялу, чтобы не ошибиться заранѣе въ оцѣнкѣ впечатлѣнія, которое можетъ произвести данное произведеніе; да и то отъ ошибокъ въ этомъ отношеніи не свободны и самые опытные люди.

Повидимому это случилось и съ „Іолантою“. Драма датскаго писателя Генриха Герца, переводъ которой былъ напечатанъ нѣсколько лѣтъ назадъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, производитъ въ чтеніи милое впечатлѣніе. Прежде всего положеніе слѣпой молодой дѣвушки, смутно догадывающейся о своемъ несчастьѣ, вызываетъ въ читателѣ участіе, а нѣсколько красивыхъ и трогательныхъ фразъ и мыслей, вызванныхъ у Герца этимъ положеніемъ, поддерживаютъ наше сочувствіе. Прибавьте сюда колоритную природу юга, среди которой происходитъ дѣйствіе пьесы Герца, рыцарскую изящную ея рамку и вы поймете, что этотъ сюжетъ можетъ въ извѣстной мѣрѣ настроить воображеніе. Но когда эту пьесу и ея героиню видишь на сценѣ—впечатлѣніе мѣняется. Мѣсто героинямъ съ физическими недостатками—въ клиникѣ, а не на сценѣ: вотъ мысль, всецѣло овладѣвающая зрителемъ. Ничего эстетическаго нѣтъ въ женской фигурѣ, полтора часа бродящей ощупью по сценѣ, разставивши руки; зритель, недовольный получаемымъ впечатлѣніемъ, начинаетъ скептически относиться и къ самому событію и къ его развязкѣ, припоминая, что врачи гораздо болѣе ученые, чѣмъ арабскій врачъ Эбнъ-Хакіа, выпущенный на сцену Герцомъ, сплошь и рядомъ не имѣли успѣха въ своихъ операціяхъ. Уже слѣпая мать Джіоконды въ оперѣ Понкіелли, сравнительно изрѣдка появляющаяся на сценѣ, вызываетъ въ зрителѣ только глухое чувство раздраженія на ея неумѣстныя прогулки. Но когда слѣпота сдѣлана центромъ сценической пьесы, то сочувствіе наше къ этой слѣпотѣ отнюдь не можетъ увеличиться. Да и самый фактъ слѣпоты вовсе не придаетъ интереса героинѣ. Іоланта могла быть зрячею и пьеса Герца черезъ то не измѣнила бы ни своего общаго характера, ни значенія. Теперь слѣпая Іоланта случайно сталкивается съ рыцаремъ, не знающимъ о запрещеніи говорить съ нею о зрѣніи, влюбляется въ него, исцѣляется отъ слѣпоты и получаетъ согласіе отца на бракъ съ возлюбленнымъ. Но она могла получить это согласіе и оставшись слѣпою: результатъ не измѣнился бы, что и было въ дѣйствительности, потому что Іоланта была замужемъ, оставаясь слѣпою. Пожалуй датскій авторъ могъ бы при такомъ оборотѣ наговорить еще болѣе красивыхъ, ловкихъ фразъ, хотя бы напримѣръ въ честь рыцаря, связавшаго свою жизнь со слѣпою женщиною. Зрители при этомъ могли бы быть точно также растроганными или равнодушными какъ и теперь. Очевидно, что слѣпота, какъ и всякій физическій недостатокъ, какъ напримѣръ горбъ Риголетто, одинъ изъ тѣхъ случайныхъ элементовъ, которые не могутъ играть никакой существенной роли въ содержаніи и ходѣ развитія пьесы. На случайныхъ элементахъ ничего прочнаго не строится, а такъ какъ сюжетъ „Іоланты“ развивается именно на случайности, а не на существенномъ, то этотъ сюжетъ и не можетъ быть интереснымъ. Въ самомъ дѣлѣ при слѣпотѣ Іоланта вызываетъ тягостное чувство въ зрителѣ; при отсутствіи слѣпоты, быстрый романъ дочери короля Рене обращается въ одинъ изъ безчисленныхъ вздорныхъ анекдотовъ, по самому существу дѣла не могущихъ интересовать никого.

Съ спеціально сценической стороны новая опера г. Чайковскаго можетъ интересовать своею относительною краткостью: она всего въ одномъ дѣйствіи. Въ послѣднее время съ легкой руки „Сельской чести“ Масканьи явилось не мало одноактныхъ оперъ, такъ распространенныхъ во Франціи и тѣмъ не менѣе не выходившихъ за ея предѣлы Теперь даже и въ русской сценическо-музыкальной литературѣ мы имѣемъ нѣсколько одноактныхъ произведеній: „Поэта“ г. Кроткова, „Пиръ Валтасара“ г. Корещенко, пару „Цыганъ“ какихъ-то молодыхъ людей изъ московскихъ композиторовъ. Въ настоящее время къ нимъ прибавилась „Іоланта“ г. Чайковскаго. Привьется ли подобный жанръ — покажетъ будущее: не всегда легко найти хорошій, дѣйствительно интересный сюжетъ, укладывающійся въ рамки одного дѣйствія, какъ сюжетъ „Сельской чести“ напримѣръ. Брать же первый попавшійся анекдотъ только для того, чтобы написать одноактную оперу — опасно; композиторъ можетъ остаться безъ ожидаемыхъ имъ результатовъ.

Въ музыкальномъ отношеніи оперу г. Чайковскаго нельзя считать особенно удачною: она стоитъ на уровнѣ его среднихъ романсовъ, не отличающихся подъемомъ вдохновенія, но совершенно приличныхъ и аккуратныхъ. Даже по общему меланхолическому своему характеру музыка „Іоланты“ подходитъ именно къ этому типу романсовъ нашего даровитаго автора. Наиболѣе рельефнымъ выразителемъ этого сходства является аріозо самой Іоланты — „Отчего это прежде не знали“, сильно напоминающее одинъ изъ первыхъ романсовъ г. Чайковскаго — „Отчего“. Изъ общаго меланхолическаго характера выдѣляется только арія бургундскаго герцога Роберта, славящаго красы и чары своей возлюбленной Матильды; тутъ есть жизнь и энергія, хотя музыкальное вдохновеніе и тутъ не подымается надъ среднимъ уровнемъ. Истинными жемчужинами оперы являются два женскихъ хора — дѣвушекъ, приносящихъ Іолантѣ цвѣты и ихъ же колыбельная пѣсня; здѣсь мелодія вполнѣ достойна таланта г. Чайковскаго и непосредственное впечатлѣніе получается яркое. Слѣдуетъ отмѣтить также коротенькое аріозо мавританскаго врача; для голоса оно не выгодно, какъ и вообще вся партія врача, исполнителю которой надо не мало самопожертвованія, но фраза, сопровождающая акомпанементы, характерна и настроиваетъ воображеніе слушателя.

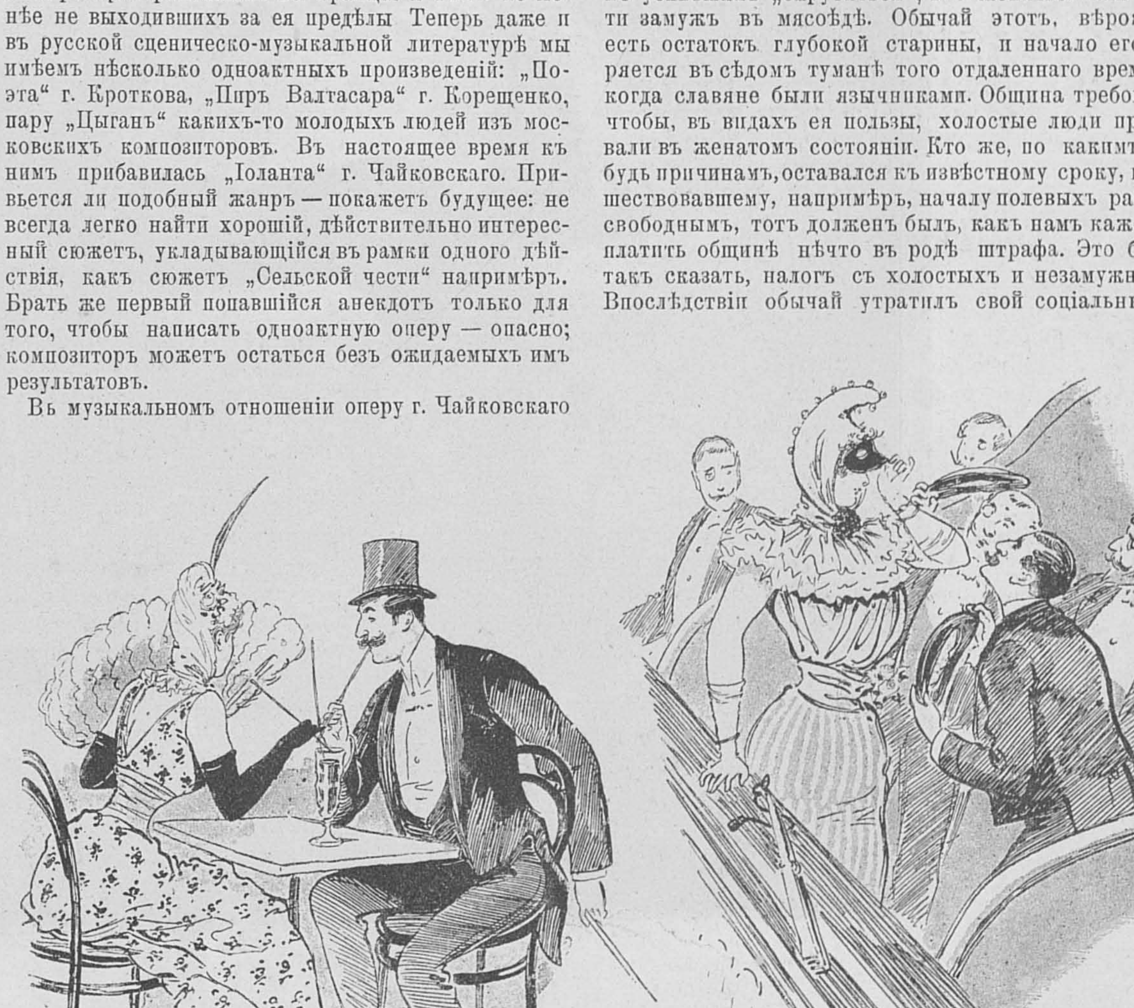
Въ техническомъ отношеніи „Іоланта“ сдѣлана отлично, какъ можно было ожидать; вообще вся опера звучитъ красиво, и если бы музыкальное ея содержаніе было бы значительнѣе, то она имѣла бы гораздо большую цѣнность помимо успѣха, который можетъ быть и не быть, въ дѣйствительности не измѣняя сущности дѣла.

Оперу исполняли г. и г-жа Фигнеры, гг. Яковлевъ, Черновъ, Серебряковъ, г-жи Долина и Каменская. Всѣ эти артисты приложили старанія, чтобы достойно представить оперу популярнаго нашего композитора. Поставлена „Іоланта“ изящно и въ цѣломъ получается во всякомъ случаѣ миленькая жанровая картинка. Замѣтимъ, что „Іоланта“ уже давалась и въ Гамбургѣ и притомъ съ полнымъ успѣхомъ, какъ передаютъ нѣмецкія газеты.

М. Ивановъ.

Масляничный обычай въ Малороссіи

Въ Малороссіи существуетъ древній масляничный обычай — привязываніе колодки всѣмъ холостымъ парнямъ и дѣвушкамъ, вдовцамъ и вдовамъ, не успѣвшимъ „окрутиться“, т. е. жениться или выйти замужъ въ мясоѣдъ. Обычай этотъ, вѣроятно, есть остатокъ глубокой старины, и начало его теряется въ сѣдомъ туманѣ того отдаленнаго времени, когда славяне были язычниками. Община требовала, чтобы, въ видахъ ея пользы, холостые люди пребывали въ женатомъ состояніи. Кто же, по какимъ нибудь причинамъ, оставался къ извѣстному сроку, предшествовавшему, напримѣръ, началу полевыхъ работъ, свободнымъ, тотъ долженъ былъ, какъ намъ кажется, платить общинѣ нѣчто въ родѣ штрафа. Это было, такъ сказать, налогъ съ холостыхъ и незамужнихъ. Впослѣдствіи обычай утратилъ свой соціальный и



Масляница во Франціи. — Карнавалъ въ Парижѣ. Балъ въ театрѣ Большой Оперы. Сцены и типы.

Рисовалъ съ натуры Марсъ.

Дѣтскій карнавалъ. Кар[...] Фридриха-Августа фонъ-Каульбаха.

Гравировалъ для »Всемірно[...]ціи« Р. Іерике въ Лейпцигѣ

экономическій смыслъ и сталъ пустымъ увеселительнымъ обрядомъ. Въ настоящее время онъ служитъ во всей Малороссіи поводомъ къ выпивкѣ. Какъ только наступаетъ масляница, замужнія бабы въ одиночку или въ сопровожденіи „музыки“ ходятъ по деревнѣ съ колодкой, украшенной цвѣтной лентой и, встрѣчая на улицѣ (или заходя въ хаты) неженатыхъ и незамужнихъ, привязываютъ имъ къ ногѣ колодку. Отъ колодки надо откупиться „горилкой“, т. е. водкой, или деньгами, которыя, само собой разумѣется, тутъ же и пропиваются. Привязываніе колодки не обходится безъ шутокъ и смѣха и вноситъ элементъ развлеченія въ однообразную и скучную жизнь малороссійскаго села. На рисункѣ г. Ижакевича весьма вѣрно изображенъ одинъ изъ такихъ моментовъ малороссійскаго захолустнаго карнавала. Веселая компанія несущая колодку, встрѣтила молодую крестьянку, повидимому вдову, и убѣждаетъ ее позволить привязать себѣ колодку. Конечно, она не согласится — и все кончится выкупомъ и выпивкой.

Романтикъ

Къ картинѣ А. Вѣрушъ-Когальскаго.

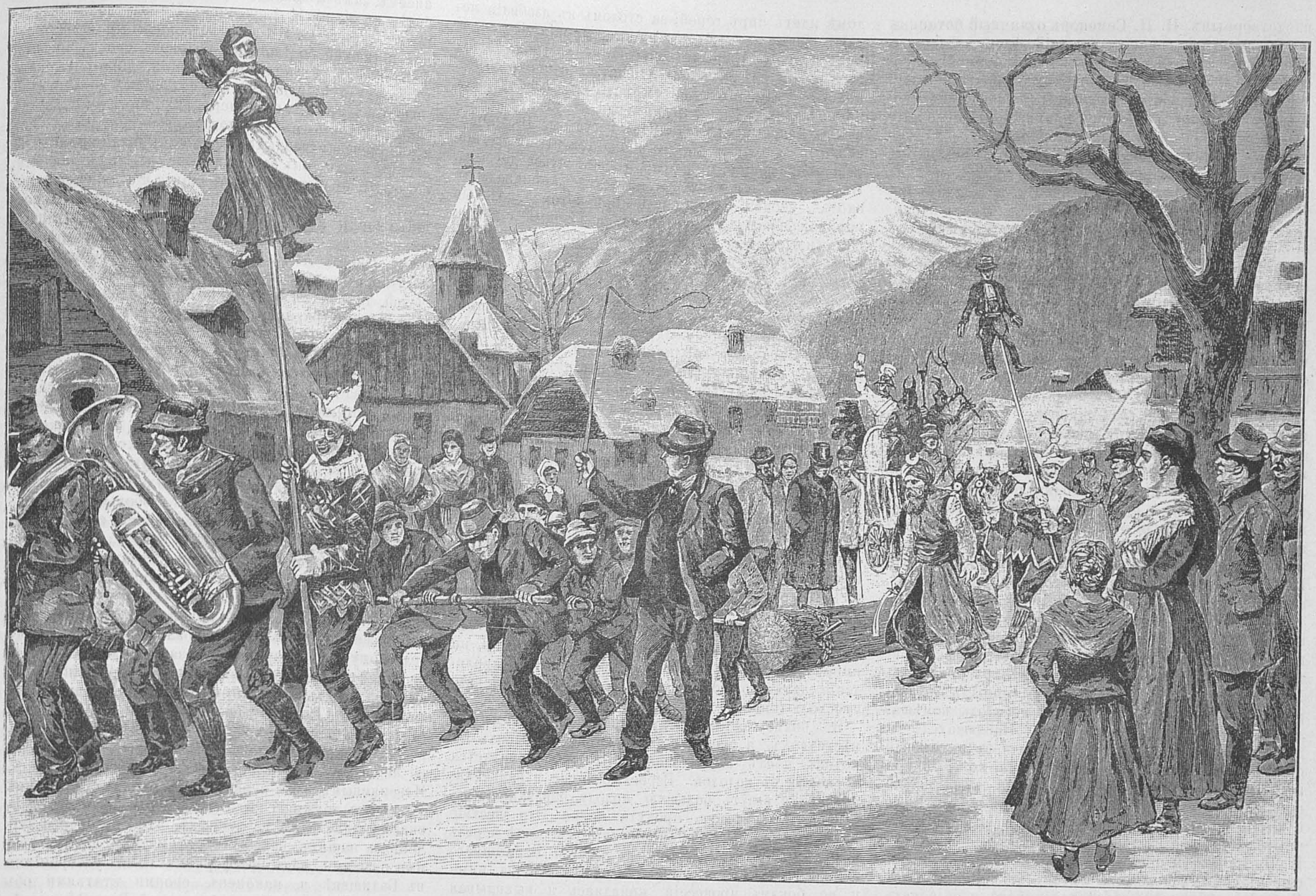
Яркій лунный свѣтъ заливаетъ занесенную снѣгомъ степную равнину, окаймленную вдали чернѣющимъ лѣсомъ. Холоднымъ блескомъ сіяютъ звѣзды надъ этой унылой снѣжной равниной, гдѣ не видно человѣческаго слѣда, насколько можетъ обнять ее взоръ. Только тамъ и сямъ раздается страшный, дикій и вмѣстѣ съ тѣмъ жалобный вой среди мертвой тишины: то заливаются волки. Цѣлая стая этихъ разбойниковъ пустыни стоитъ немного вправо на снѣжномъ полѣ. Сколько-то верстъ проскакали они, подстрекаемые голодомъ, растерзавъ послѣднюю овцу, и сколько имъ придется рыскать еще, отыскивая новую жертву, чтобъ разорвать ее своими безпощадными, сверкающими бѣлизной зубами. Только одинъ старый матерой волкъ держится поодаль отъ товарищей. Онъ остановился, какъ вкопанный, застылъ на мѣстѣ, словно вылитый изъ стали, и лишь его глаза сверкаютъ коварнымъ огнемъ да изъ ноздрей клубится паръ въ морозномъ воздухѣ зимней ночи. И не одинъ заурядный физическій голодъ выражается въ его характерной, хищнической фигурѣ. Нѣтъ, въ ней говоритъ вся непримиримая ненависть волчьей расы къ дневному свѣту, блеску солнечныхъ лучей и мирной жизни въ человѣческихъ жилищахъ. Въ этой одинокой волчьей фигурѣ воплотилось безжалостное чудовище, о которомъ сохраняется память въ древнѣйшихъ сагахъ культурныхъ народовъ. Отъ Урала до Пиренеевъ повѣствуютъ о страшномъ волкѣ-людоѣдѣ, заставляя дѣтей робко жаться по угламъ. И о чемъ-же размышляетъ этотъ нелюдимъ? О томъ-ли, что, по скандинавской миѳологіи, когда наступятъ безпросвѣтные сумерки, передъ концомъ вселенной, отецъ боговъ будетъ поглощенъ пастью стараго волка, существовавшаго отъ начала міра и разбившаго наконецъ свои оковы? Вспоминаетъ ли онъ о томъ, сколько вѣковъ подрядъ унылый вой его собратій наводилъ ни съ чѣмъ не сравнимый ужасъ на человѣчество въ мрачную эпоху первобытныхъ временъ, когда убогія хижины первыхъ поселенцевъ отстояли одна отъ другой на цѣлый день пути? Или въ его волчьей головѣ роятся соблазнительныя мечты о будущемъ неограниченномъ господствѣ, когда онъ можетъ опять воцариться въ мірѣ, если люди начнутъ истреблять другъ друга съ такимъ усердіемъ, что ихъ обширные города обратятся въ пустыни? Или же его царство наступитъ вмѣстѣ съ вѣчной зимою въ ледяной періодъ нашей планеты, когда морозъ скуетъ голыя степи и снѣгъ не будетъ больше таять подъ лучами потухшаго солнца? Холодна и бѣла зимняя ночь, грозно чернѣютъ лѣса, а взглядъ голоднаго волка горитъ зловѣщимъ огнемъ.

Н. П. Семеновъ

Въ числѣ немногихъ дѣятелей, положившихъ столько труда въ дѣло великой реформы прошлаго царствованія — освобожденія крестьянъ и всей душой отдававшихся этому дѣлу, одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ Николай Петровичъ Семеновъ, нашъ извѣстный ученый, писатель и поэтъ, авторъ капитальнаго, увѣнчаннаго преміями, труда „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II“. Н. П. Семеновъ, занимающій нынѣ постъ сенатора, помимо упомянутой дѣятельности достаточно поработалъ еще и для судебной реформы и въ прочихъ областяхъ государственной административной дѣятельности, и въ началѣ февраля текущаго года исполнилось пятьдесятъ лѣтъ его службы государству и обществу. Большинству публики Н. П. Семеновъ извѣстенъ главнымъ образомъ какъ даровитый переводчикъ твореній Мицкевича и нѣсколькихъ произведеній разныхъ иностранныхъ поэтовъ, какъ авторъ ряда статей по юридическимъ, земскимъ, административнымъ и инымъ вопросамъ, но она имѣетъ мало понятія о другихъ сторонахъ его дѣятельности, а потому весьма будетъ кстати привести здѣсь, по случаю юбилея полувѣковой службы Н. П. Семенова, нѣсколько біографическихъ данныхъ о немъ.

Родной братъ нашего заслуженнаго географа и статистика Петра Петровича Семенова и извѣстной писательницы Наталіи Петровны Гротъ, Николай Петровичъ Семеновъ происходитъ изъ стараго рода дворянъ рязанской губерніи. Его дѣдъ служилъ подъ начальствомъ Суворова и участвовалъ въ турецкихъ походахъ, а отецъ, Петръ Николаевичъ, офицеръ измайловскаго полка, геройски сражался въ битвѣ подъ Бородинымъ и, уцѣлѣвъ въ числѣ двухъ нераненыхъ офицеровъ, попалъ послѣ кульмскаго сраженія въ плѣнъ. Онъ пробылъ въ плѣну цѣлыхъ два года и до возвращенія на родину считался погибшимъ; послѣ этого онъ поселился въ своей рязанской деревнѣ, гдѣ Н. П. Семеновъ и родился 22-го апрѣля 1823 года. Ему было девять лѣтъ, когда онъ лишился отца, оставшись вмѣстѣ съ братомъ и сестрою на попеченіи матери и дядей. При жизни отца онъ былъ зачисленъ пажемъ, но такъ какъ затѣмъ вышелъ изъ лѣтъ для поступленія въ пажескій корпусъ, то и былъ помѣщенъ въ царскосельскій лицей, давшій намъ Пушкина и цѣлый рядъ талантливѣйшихъ дѣятелей. Въ лицеѣ вліяніе литературы было въ тѣ времена очень сильно, и въ каждомъ курсѣ предполагался продолжатель Пушкина. Такимъ продолжателемъ въ XII курсѣ считали Н. П. Семенова, который писалъ недурные стихи, унаслѣдовавъ, какъ видно, талантъ и влеченіе къ литературѣ отъ отца, въ молодости сочинявшаго стихи и, между прочимъ, написавшаго комедію въ стихахъ „Митюха Валдайскій“, и отъ А. П. Буниной, извѣстной писательницы, приходившейся Н. П. бабкой. Изъ лицея Н. П. Семеновъ выпущенъ 12-го декабря 1842 года съ чиномъ IX класса, а 6-го февраля 1843 г. опредѣленъ на службу въ уголовное отдѣленіе единственнаго тогда департамента юстиціи, что не помѣшало ему прослушать курсъ естественныхъ наукъ въ с.-петербургскомъ университетѣ. Послѣ этого, къ концу 1846 г. Н. П. Семенову поручено было исправлять должность товарища предсѣдателя уголовной палаты въ городѣ Ярославлѣ, а затѣмъ губернскаго прокурора. Состоя въ этой должности, онъ 5-го декабря 1849 г. былъ удостоенъ званія камеръ-юнкера Высочайшаго Двора, а затѣмъ въ январѣ 1850 г. переведенъ на ту же должность губернскаго прокурора въ городъ Вильну. Спустя три года Н. П. Семеновъ былъ назначенъ состоять за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ правительствующемъ сенатѣ сверхъ комплекта, послѣ чего съ іюля 1857 года, въ теченіе одиннадцати лѣтъ слишкомъ, занималъ въ сенатѣ должность оберъ-прокурора. Изъ службы въ провинціи, изъ непосредственнаго знакомства съ бытомъ и нуждами народа Н. П. Семеновъ вынесъ огромную практику и вполнѣ трезвые взгляды на крестьянскій вопросъ и на все то, что прямо или косвенно относилось къ нему. Если прибавить къ этому его солидную юридическую подготовку, многостороннее образованіе, свѣтлый умъ и безпримѣрное трудолюбіе, — то станетъ вполнѣ понятнымъ, почему графъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, которому принадлежала первенствующая роль въ крестьянской реформѣ, будучи предсѣдателемъ редакціонныхъ коммиссій, пригласилъ Н. П. Семенова въ число членовъ этихъ коммиссій. Съ этого момента начинается его усиленная, неутомимая дѣятельность какъ относительно выработки положенія 19-го февраля 1861 года и подготовительныхъ работъ для реформы, такъ и въ смыслѣ тщательнаго собиранія матеріаловъ для будущей исторіи освобожденія крестьянъ. Какъ членъ редакціонныхъ коммиссій Н. П. Семеновъ работалъ надъ составленіемъ докладовъ, между прочимъ выработавъ проектъ учрежденія мировыхъ посредниковъ, а также велъ, по порученію Я. И. Ростовцева, дневникъ всему тому, что говорилось и дѣлалось въ коммиссіяхъ, во все продолженіе ихъ дѣятельности. Какъ человѣкъ науки и литераторъ, онъ занимался всесторонним изслѣдованіемъ крестьянскаго вопроса, извлекалъ изъ упомянутаго дневника характерные факты, набрасывалъ характеристики болѣе или менѣе крупныхъ дѣятелей реформы и дѣлился затѣмъ съ публикою своими изысканіями и впечатлѣніями. Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1859—1866 гг. Н. П. Семеновъ помѣстилъ нѣсколько статей по вопросамъ, всѣхъ тогда интересовавшимъ: „Адвокатура въ гражданскомъ процессѣ“, „Освобожденіе крестьянъ въ Россіи и Пруссіи“, „Еще о крестьянскомъ вопросѣ“, „Дѣятельность Я. И. Ростовцева въ редакціонныхъ коммиссіяхъ по крестьянскому дѣлу“, „Взглядъ Я. И. Ростовцева на дѣло освобожденія крестьянъ“ и проч. Не разъ на Н. П. Семенова возлагались разныя весьма серьезныя и отвѣтственныя порученія, какъ, напримѣръ, производство въ 1862 г. слѣдствія о противузаконныхъ дѣйствіяхъ тверскихъ мировыхъ посредниковъ, составленіе проекта о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, который и послужилъ правительству въ видѣ руководства при распредѣленіи судебныхъ округовъ. Кромѣ того Н. П. Семеновъ принималъ оффиціальное участіе въ судебной реформѣ, давая заключенія, которыя требовались отъ лицъ судебнаго вѣдомства, хотя членомъ коммиссій для начертанія проектовъ этой реформы онъ и не состоялъ. 21-го августа 1868 г. Н. П. Семенову повелѣно присутствовать во 2-мъ отдѣленіи 5-го департамента правительствующаго сената, а въ послѣдніе годы, состоя въ чинѣ тайнаго совѣтника, онъ присутствуетъ въ 1-мъ общемъ собраніи сената. Еще съ начала шестидесятыхъ годовъ Н. П. Семеновъ сталъ печатать свои работы по исторіи отмѣны крѣпостного права, помѣщая ихъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, „Зарѣ“, „Русскомъ Архивѣ“, „Русской Старинѣ“: „Болѣзнь и кончина генерала Я. И. Ростовцева“, „Вызовъ и пріемъ депутатовъ перваго приглашенія по крестьянскому дѣлу“, „Дѣятельность коммиссій по крестьянскому дѣлу въ общихъ присутствіяхъ“, „Послѣдняя записка по крестьянскому дѣлу Я. И. Ростовцева“, „Нелѣпые толки и надежды помѣщичьихъ крестьянъ“, „Графъ В. Н. Панинъ, характеристическій очеркъ по разсказамъ, моимъ запискамъ и воспоминаніямъ“ и проч. Работы эти были не болѣе какъ отрывки изъ общирнѣйшаго и во многихъ отношеніяхъ колоссальнаго труда Н. П. Семенова, составляющаго вѣнецъ всей его дѣятельности и изданнаго въ трехъ томахъ въ 1890—1892 гг. подъ заглавіемъ „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Хроника дѣятельности коммиссій по крестьянскому дѣлу“. Это сочиненіе, представляющее чрезвычайно живую и наглядную картину дѣятельности редакціонныхъ коммиссій, является чрезвычайно цѣннымъ вкладомъ въ историческую науку. По словамъ профессора А. В. Романовича-Славатинскаго, оно займетъ высокое мѣсто въ нашей исторической литературѣ, такъ какъ подобныя монументальныя работы рѣдки и въ болѣе богатыхъ иностранныхъ литературахъ. Въ немъ индивидуализируются и отчеканиваются физіономіи и направленія выдающихся участниковъ великаго дѣла и заключается много матеріала для характеристикъ гр. Ростовцева, гр. Панина, Н. А. Милютина, кн. Черкасскаго, Я. А. Соловьева, Ю. Ѳ. Самарина, Н. Х. Бунге, А. Д. Желтухина, В. А. Татаринова, Позена, гр. Шувалова и другихъ. Введя читателя, такъ сказать, въ ту лабораторію, въ которой вырабатывались отдѣльныя статьи Положенія 19 февраля 1861 г., это сочиненіе можетъ быть ключемъ и комментаріемъ для выясненія смысла и духа нынѣ дѣйствующихъ законоположеній о крестьянахъ. При одномъ только перелистываніи этихъ объемистыхъ томовъ можно судить, какую массу усидчиваго, кропотливаго труда употребилъ на эту работу почтенный лѣтописецъ крестьянскаго освобожденія, воспроизводя достопамятный актъ выработки Положенія съ фотографической точностью. Н. П. Семеновъ не могъ никому поручить даже, такъ сказать, черную работу въ этомъ трудѣ своемъ: онъ дѣлалъ все самъ, былъ и авторомъ, и переписчикомъ, и только малолѣтнія дѣти его нѣсколько помогали ему въ его работѣ. Въ сочиненіи его тотъ дневникъ, который Н. П. велъ засѣданіе за засѣданіемъ, во все продолженіе дѣятельности коммиссій, совершенно переработанъ и представляетъ собою систематизированную хронику общихъ присутствій. „Рѣдко, когда — говоритъ профессоръ Романовичъ-Славатинскій — историческое событіе находило такого талантливаго и трудолюбиваго хроникера, который бы такъ тщательно заносилъ въ свою лѣтопись каждую черту, каждый моментъ событія, о которомъ онъ повѣствуетъ. Въ книгѣ нашего автора это событіе отражается, какъ въ зеркалѣ, сфотографировавшись во всѣхъ своихъ деталяхъ и характерныхъ чертахъ... Читая живыя страницы книги Н. П. Семенова, вы какъ будто присутствуете то въ залѣ перваго кадетскаго корпуса, то въ шатрѣ на Каменномъ островѣ, гдѣ собирались общія присутствія коммиссій. Вы какъ будто слышите рѣчи, какъ будто видите физіономіи славныхъ дѣятелей редакціонныхъ коммиссій, разрѣшавшихъ великій русскій вопросъ. Они воскресаютъ, индивидуализируются передъ вами во всѣхъ своихъ характерныхъ чертахъ, во всѣхъ своихъ искреннихъ мнѣніяхъ... Подобные труды, конечно, имѣютъ неоцѣненное историческое значеніе: живьемъ, во-очію, созерцаешь въ нихъ всѣ акты и перипетіи развертывающейся исторической драмы. Такой трудъ — доблестный гражданскій подвигъ, передающій въ назиданіе грядущимъ поколѣніямъ великое дѣло отмѣны крѣпостнаго права, въ его животрепещущихъ чертахъ“. Удостоенное высокой чести быть посвященнымъ Государю Императору Александру Александровичу, сочиненіе Н. П. Семенова оцѣнено достойнымъ образомъ нашей академіей наукъ, присудившей автору въ 1891 г. неполную премію Макарія, митрополита московскаго. Помимо этого оно встрѣтило самые сочувственные отзывы въ печати.

Замѣчательный трудъ Н. П. Семенова показываетъ, что онъ написанъ не сухимъ, кабинетнымъ ученымъ, а человѣкомъ живымъ, тонко чувствующимъ, интересующимся всѣмъ окружающимъ, какимъ всегда былъ авторъ этого труда, связанный дружбою со многими выдающимися представителями русской науки и литературы и посвящающій свои немногіе досуги занятіямъ тою и другою, занятіямъ весьма



Масляница въ Австріи. — Карнавалъ въ Штиріи. Масляничный обычай перенесенія колодки.

Рисунокъ съ натуры Франца Шлегеля.

Масляница во Франціи. — Карнавалъ въ Парижѣ. Въ бульварномъ кафе послѣ балъ-маскарада въ оперномъ театрѣ.

Рисунокъ съ натуры Ст. Рейхана.

плодотворнымъ. Н. П. Семеновъ отличный ботаникъ и садоводъ, прекрасно изучившій флору четырехъ губерній — виленской, московской, рязанской и ярославской. Собранный имъ въ этомъ районѣ богатый гербарій послужилъ очень цѣннымъ пособіемъ профессору Цингеру для его „Сборника свѣдѣній о флорѣ средней Россіи", изданнаго въ 1866 г. Состоя членомъ Императорскаго россійскаго общества садоводства, Н. П. Семеновъ не разъ дѣлалъ въ немъ интересныя сообщенія: „О значеніи и задачахъ ботаническаго словаря, каталоговъ и прейсъ-курантовъ", о наблюденіяхъ въ южной части рязанской губерніи надъ выносливостью различныхъ видовъ деревьевъ и кустарниковъ, произрастающихъ на открытомъ воздухѣ, о филоксерѣ на южномъ берегу Крыма и проч. Въ первомъ изъ названныхъ сообщеній онъ возбудилъ вопросъ о необходимости создать русскую ботаническую номенклатуру, установивъ родовыя и видовыя названія растеній на русскомъ языкѣ. Вопросъ былъ имъ поднятъ въ 1876 г., а спустя два года Н. П. уже издалъ большой трудъ: „Русская номенклатура наиболѣе извѣстныхъ въ нашей флорѣ и культурѣ и нѣкоторыхъ общеупотребительныхъ растеній". Критическія замѣчанія Н. П. на пресловутую теорію Дарвина, помѣщенныя въ „Вѣстникѣ Садоводства", натолкнули нашего извѣстнаго натуралиста и публициста-философа Н. Я. Данилевскаго на мысль о большомъ трудѣ, посвященномъ критикѣ дарвиновскаго ученія, который и былъ имъ изданъ въ 1885 году. Замѣтимъ кстати, что Н. П. былъ близкимъ другомъ автора „Дарвинизма", покойнаго Н. Я. Данилевскаго.

Н. П. Семеновъ внесъ довольно цѣнный вкладъ и въ область русской поэзіи. Изучивъ въ совершенствѣ польскій языкъ и главныхъ корифеевъ польской литературы, онъ перевелъ много стихотвореній А. Мицкевича, въ томъ числѣ поэму „Конрадъ Валленродъ" и „Крымскіе сонеты". Эти переводы помѣщались въ „Зарѣ", „Русской рѣчи", „Наблюдателѣ" и другихъ журналахъ и затѣмъ вошли въ отдѣльный сборникъ переводовъ изъ Мицкевича, который Императорская академія наукъ увѣнчала пушкинскою преміей въ 1886 году. Какъ эти переводы его, такъ и другіе изъ разныхъ иностранныхъ поэтовъ отличаются большой художественностью и вѣрностью. Н. П., начавшій печатать свои поэтическіе опыты еще въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ въ „Маякѣ" С. О. Бурачка, прекрасно владѣетъ стихомъ и обладаетъ большимъ вкусомъ. Такихъ дѣятелей, какъ Николай Петровичъ Семеновъ, у насъ найдется немного, и его почтенное имя, которое онъ увѣковѣчилъ своимъ трудомъ по исторіи отмѣны крѣпостного права, навсегда сохранится въ потомствѣ и займетъ одну изъ свѣтлыхъ страницъ въ лѣтописяхъ нашей родины, которой Николай Петровичъ Семеновъ преданъ всей душою, всѣмъ помышленіемъ.

Петръ Быковъ

Процессія съ колодой

Штирійскій карнавальный обычай

По всей Штиріи время карнавала проходитъ среди самаго бешабашнаго веселья. Каждый истый штирійскій „Виа" — молодой парень, всегда готовъ плясать до упаду и для него всегда найдется молодая дѣвушка, готовая быть его карнавальной дамой. Да и какую иную забаву, кромѣ танцевъ, найти честному крестьянскому люду въ длинные скучные вечера, когда въ деревенскомъ хозяйствѣ рѣшительно нечего дѣлать? „Надо же человѣку когда нибудь и подурачиться, вѣдь живешь всего одинъ разъ!" — говорятъ крестьяне и рѣдко проводятъ карнавальные дни и ночи безъ пляски. Даже въ самыхъ маленькихъ деревенькахъ, по крайней мѣрѣ каждое воскресенье, въ карнавальныя недѣли играетъ наемная музыка въ деревенскомъ шинкѣ, а во всѣхъ болѣе значительныхъ мѣстечкахъ существуютъ свои музыкальные оркестры; гдѣ же ихъ нѣтъ, туда приходятъ небольшія труппы странствующихъ музыкантовъ, нерѣдко даже изъ Богеміи, чтобы выманивать изъ кармановъ развеселыхъ штирійскихъ парней серебряныя монеты за свое искусство.

При всей своей бережливости штирійцы щедро раскошеливаются во время карнавала. Богатые крестьяне бросаютъ музыкантамъ за каждый, исполненный по ихъ требованію, танецъ по серебряному гульдену и даже бѣдный батракъ тратитъ свой трудовой грошъ на музыку и вино, которымъ угощаетъ танцующихъ съ нимъ дѣвушекъ. Бѣдныя служанки разоряются, покупая для карнавала новые шелковые платочки и кофточки, чтобы хорошенько приглянуться своему „Виа" и не слишкомъ отстать отъ хозяйской дочери и самой хозяйки, которыя приходятъ на танцы разряженныя, въ серебряныхъ и золотыхъ украшеніяхъ.

Веселѣе всего бываетъ собственно въ карнавальныя воскресенья. Тутъ въ каждомъ крестьянскомъ домѣ идетъ пиръ горой; за столомъ въ изобиліи подаются разныя кушанья: пироги, жаркія, домашнее пиво и вино. Прислуга получаетъ большія порціи всей этой снѣди, чтобы угощаться и послѣ обѣда, когда ей вздумается, потому что три послѣднихъ карнавальныхъ ночи и дня люди не ложатся спать изъ за непрерывныхъ танцевъ и гульбы. Въ карнавальный вторникъ, когда кончается это безпутное разгульное время, они должны наѣсться до сыта. Въ этотъ день поутру устраивается „карнавальная охота", забава особаго рода, при которой молодые парни изображаютъ охотниковъ, а молодыя дѣвушки и пожилые люди — преслѣдуемую дичь. Карнавальные ряженые появляются въ самыхъ потѣшныхъ костюмахъ. Они маскируются лохматыми медвѣдями съ ихъ вожаками, королями, арапами въ чалмахъ, арлекинами, чертями, ночными караульщиками, рыцарями, вѣдьмами, колдунами, патрулями, толстяками, великанами, карликами и т. п., причемъ ихъ костюмы искусно составляются изъ цвѣтной бумаги и пестрыхъ лоскутьевъ. Нѣкоторые надѣваютъ маски, другіе только размалевываютъ лица или покрываютъ ихъ позолотой. Ряженые останавливаютъ каждаго встрѣчнаго на улицѣ, тормошатъ его и даже угощаютъ легкими тумаками; забираются въ дома, чтобы въ одномъ мѣстѣ подразнить молодую дѣвушку-недотрогу; въ другомъ, напротивъ, пристыдить за легкомысліе; тутъ посмѣяться надъ скупостью хозяина съ хозяюшкой, тамъ упрекнуть въ мотовствѣ. И вся эта мораль преподносится въ забавныхъ и колкихъ стишкахъ, причемъ виновныхъ увѣщеваютъ исправиться на будущее время. Трактирщику достается за то, что онъ обмѣриваетъ виномъ посѣтителей, пастору — за его пристрастіе къ картежной игрѣ и т. д. Тутъ не разбираютъ ни званія, ни имени, и никто не смѣетъ обижаться на это проявленіе здраваго безцеремоннаго юмора штирійскаго простолюдина.

Въ болѣе населенныхъ деревняхъ и базарныхъ мѣстечкахъ, а часто и на окраинахъ большихъ городовъ послѣ карнавальной охоты устраивается процессія съ колодой. Взрослые парни и мальчики-подростки везутъ большую колоду, обвязанную веревкой, въ которую продѣта палка. Это шествіе направляется по засыпанной снѣгомъ улицѣ черезъ всю деревню за околицу до самаго отдаленнаго шинка. Впереди выступаютъ музыканты, за ними и по бокамъ процессіи, кривляясь и выкидывая разныя штуки, слѣдуютъ описанные нами выше карнавальные ряженые. Одни изъ нихъ бѣгутъ пѣшкомъ, другіе ѣдутъ на телѣгахъ, верхомъ на лошади. На длинныхъ шестахъ несутъ „карнавальныхъ бездѣльниковъ" — фантастически одѣтыхъ соломенныхъ чучелъ, которыя играютъ здѣсь роль знаменъ. Съ веселымъ крикомъ и пѣснями подвигается шествіе мимо собравшихся зрителей, въ числѣ которыхъ находятся и мѣстныя власти. Ряженые пристаютъ также и къ нимъ, вышучивая ихъ самымъ безцеремоннымъ образомъ. У каждаго трактира по дорогѣ происходитъ остановка, выпивка и затѣваются танцы въ комнатѣ для посѣтителей и на улицѣ. Отъ послѣдняго трактира, гдѣ бываетъ самый продолжительный привалъ, шествіе направляется въ еще большемъ безпорядкѣ и съ еще большимъ гвалтомъ опять обратно къ первому трактиру. Тутъ карнавальныя чучелы поступаютъ обыкновенно въ распоряженіе толпы, которая ихъ разрываетъ, жжетъ или закапываетъ въ землю. Самая колода ради шутки продается съ аукціона и вырученныя за нея деньги пропиваются сообща тѣми, кто ее везъ. Затѣмъ наступаетъ послѣдній карнавальный вечеръ, который затягивается до самаго утра; здѣсь уже бываютъ и легкія драки между парнями, больше изъ удальства и молодечества. Трудно сказать, откуда взялся обычай возить колоду, но во всякомъ случаѣ эта забава подаетъ поводъ къ всеобщему шумному веселью.

А. Н. Энгельгардтъ †

Кому изъ интеллигентныхъ русскихъ читателей вообще, а изъ интересующихся сельскимъ хозяйствомъ въ особенности, неизвѣстны „Письма изъ деревни", печатавшіяся сперва въ „Отечественныхъ Запискахъ" семидесятыхъ — восьмидесятыхъ годовъ, а затѣмъ, вышедшія отдѣльной книгой? Эти деревенскія письма были прочитаны съ удовольствіемъ и съ пользою всѣми, и сельскими хозяевами, и заурядными читателями, деревенскими жителями и горожанами и давали яркую, характерную и вѣрную картину деревенской дѣйствительности, невольно увлекая многихъ къ деревенскому дѣлу, къ „землѣ". Публика, немало интересовавшаяся личностью автора писемъ, знала, что это бывшій профессоръ, даровитый ученый, выбитый обстоятельствами изъ колеи обычнаго научнаго пути, посвятившій всѣ свои силы, способности, массу энергіи русскому земледѣлію, человѣкъ упрямый, рѣшившійся добиться цѣли и восторжествовавшій подъ конецъ, послѣ упорнаго труда, долгихъ матеріальныхъ препятствій и тяжелыхъ испытаній на тернистомъ пути своихъ земледѣльческихъ опытовъ. И вотъ автора увлекательныхъ писемъ, замѣчательнаго агронома-практика уже нѣтъ болѣе въ живыхъ! Александръ Николаевичъ Энгельгардтъ скончался 21-го января, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, въ родовомъ своемъ имѣніи, с. Батищевѣ, смоленской губерніи, дорогобужскаго уѣзда, куда ѣздили учиться сельскому хозяйству и молодые и старые; онъ умеръ, какъ разъ тогда, когда благотворность его трудовъ, огромная польза его агрономическихъ опытовъ признаны были правительствомъ и самъ онъ за всѣ испытанныя имъ лишенія, невзгоды, нравственныя страданія и слишкомъ двадцатилѣтнюю работу былъ до извѣстной степени вознагражденъ матеріально, когда учрежденіе у насъ министерства земледѣлія считается дѣломъ рѣшеннымъ. Смерть А. Н. Энгельгардта должна искренно и глубоко опечалить всѣхъ образованныхъ русскихъ людей, такъ какъ въ лицѣ его родина понесла крупную, невознаградимую утрату, потеряла замѣчательнаго ученаго, пользовавшагося европейскою извѣстностью, рѣдкаго дѣятеля, человѣка съ огромнымъ дарованіемъ, неутомимой энергіей, прекраснымъ даромъ слова и весьма недюжинными организаторскими способностями. А. Н. Энгельгардтъ долженъ занять одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ не только въ исторіи отечественнаго сельскаго хозяйства, но и вообще въ исторіи русской культуры. Его заслуги, какъ преподавателя, надѣлившаго своихъ учениковъ не одними лишь знаніями, но и любовью къ наукѣ, какъ агронома-практика, явившагося своего рода піонеромъ и какъ талантливаго писателя — неисчислимы. Въ агрономіи онъ, можно сказать сдѣлалъ переворотъ. „Дѣятельность его, говоритъ профессоръ И. А. Стебутъ, — какъ практическаго хозяина будетъ еще долго служить самой яркой иллюстраціей того, что можетъ сдѣлать знаніе, приложенное къ нашему сельскому хозяйству, онъ оказалъ большое вліяніе на хозяйство не черноземной полосы Россіи раціональной раздѣлкой обложговъ, культурой льна и травосѣяніемъ. Таково общее значеніе А. Н. Энгельгардта. Въ частности же важныя его заслуги передъ русскимъ сельскимъ хозяйствомъ состоятъ въ томъ, во первыхъ, что онъ, наряду съ покойнымъ П. А. Ильенковымъ, былъ первымъ ученымъ, поставившимъ у насъ на должную высоту значеніе химіи для сельскаго хозяйства, а во вторыхъ, что онъ сперва изученіемъ нашихъ залежей фосфоритовъ, затѣмъ своими опытами надъ фосфорнокислыми удобреніями въ Батищевѣ и, наконецъ, своими статьями объ этихъ опытахъ въ „Земледѣльческой Газетѣ", разрѣшилъ вопросъ о примѣненіи у насъ фосфорнокислыхъ удобреній настолько, что это послѣднее имѣетъ у насъ уже теперь значительные размѣры, въ ближайшемъ же будущемъ станетъ несомнѣнно играть громадную роль". Независимо отъ этого А. Н. Энгельгардтъ, въ качествѣ сельскохозяйственнаго писателя, обогатилъ отечественную литературу замѣчательными трудами, какъ самостоятельными, такъ и переводными. Его „Химическія основы земледѣлія" (Смоленскъ, 1877), „Примѣненіе костянаго удобренія въ Россіи" (Спб. 1865), „Вопросы русскаго сельскаго хозяйства", „Письма изъ деревни", „Исторія моего хозяйства", „Земледѣльческая химія Р. Гофмана" (С.-Петербургъ 1868) и друг. пользуются большою популярностью и среди учащихся и среди публики. Въ шестидесятыхъ годахъ А. Н. Энгельгардтъ знакомилъ русскую публику съ успѣхами естествознанія, помѣщая статьи въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" В. Ѳ. Корша, „Библіотекѣ для Чтенія" П. Д. Боборыкина, „Разсвѣтѣ" В. А. Кремпина и другихъ и издалъ отдѣльно „Сборникъ общепонятныхъ статей по естествознанію" (Спб. 1867). Въ судьбѣ и въ обстановкѣ всей дѣятельности нашего знаменитаго сельскаго хозяина было много такого, что не укладывалось въ обычныя рамки нашей жизни. Въ деревнѣ онъ очутился не потому, чтобы его ужъ очень манило туда, а въ силу неожиданныхъ обстоятельствъ. Какъ человѣкъ, обладавшій, въ научномъ отношеніи, богатыми познаніями и достаточно развитой, онъ имѣлъ всѣ данныя для того, чтобы принести ту громадную пользу отечественному земледѣлію, фактъ которой единодушно признала вся земледѣльческая и образованная Россія. Но развѣ можно оспаривать — говорится въ одной изъ статей о немъ — что при своихъ способностяхъ и познаніяхъ Энгельгардтъ не принесъ бы русскому земледѣлію во сто кратъ больше пользы, еслибы ему пришлось работать не въ тѣхъ стѣсненныхъ матеріальныхъ условіяхъ, въ которыя было поставлено батищевское хозяйство? Энгельгардтъ былъ воплощеннымъ типомъ экспериментальнаго земледѣльца, земледѣльца, пытающаго, — а кто не знаетъ, что всякое ученье, всякій опытъ не обходится даромъ?.. Поставленный въ далеко не благопріятныя условія, батищевскій землеиспытатель велъ дѣло на свой страхъ, на свои средства и постоянно долженъ былъ соразмѣрять свои опыты съ своимъ финансовымъ положеніемъ. А. Н. Энгельгардту такъ и не пришлось дожить до учрежденія у насъ министерства земледѣлія, что, по всему вѣроятію, далъ бы ему возможность производить свои сельскохозяйственные опыты спокойно, не удручая себя безконечными заботами о завтрашнемъ днѣ и, болѣе того, о кускѣ насущнаго хлѣба.

Какъ бы то ни было, но онъ сдѣлалъ все, что было въ его силахъ, несмотря на плохія обстоятельства, тормозившія задуманное имъ дѣло, и родина смѣло можетъ гордиться такимъ замѣчательнымъ дѣятелемъ.

Александръ Николаевичъ Энгельгардтъ происходилъ изъ стараго дворянскаго рода и родился въ смоленской губерніи въ 1828 году. Слѣдуя обычаю того времени, родители дали ему военное образованіе, что послужило ему въ пользу: онъ прекрасно изучилъ математическія науки и съ успѣхомъ окончилъ курсъ въ Михайловской артиллерійской академіи. Служа затѣмъ въ главномъ артиллерійскомъ управленіи, онъ около десяти лѣтъ состоялъ главнымъ литейщикомъ при казенномъ заводѣ и съ цѣлью усовершенствованія слушалъ въ корпусѣ горныхъ инженеровъ спеціальный курсъ металлургіи. Его пытливый умъ, однако, не удовлетворился столь узкою сферою дѣятельности, и А. Н. Энгельгардтъ подумывалъ объ иномъ пути, для чего и сталъ усердно заниматься химіей, съ основами которой онъ хорошо познакомился еще въ артиллерійской академіи. Занятія химіей навели его на счастливую мысль объ учрежденіи частной химической лабораторіи. Научныя и лабораторныя работы А. Н. Энгельгардта не могли не обратить на него вниманія ученаго міра. Результатомъ этого было приглашеніе молодаго ученаго, послѣ преобразованія Лѣснаго института, занять въ немъ каѳедру химіи. Постановка этой каѳедры вышла образцовою; А. Н. Энгельгардтъ не былъ сухимъ теоретикомъ въ своей преподавательской дѣятельности, но являлся живымъ человѣкомъ, умѣвшимъ изъ серьезной науки, изобилующей сложными формулами сдѣлать предметъ увлекательный. Въ устроенную имъ при институтѣ лабораторію, которою это учрежденіе гордится и понынѣ, молодежь хлынула неожиданнымъ приливомъ, привлекаемая живымъ словомъ талантливаго профессора, создавшаго цѣлую школу русскихъ химиковъ. Огромная работа была поднята въ короткое время въ лабораторіи и волей-неволей возбудила немало сельскохозяйственныхъ вопросовъ первостепенной важности, которые и трактовались тогда въ нашихъ повременныхъ изданіяхъ. Каѳедру въ Лѣсномъ институтѣ А. Н. занималъ съ 1864 по 1870 г. и затѣмъ уѣхалъ въ деревню, гдѣ и занялся сельскимъ хозяйствомъ, примѣняя къ нему научныя основы. Батищево превратилось вскорѣ въ своего рода опытную сельскохозяйственную станцію, которая снабжала совѣтами, указаніями и хорошими агрономами едва ли не цѣлую Россію. По порученію департамента земледѣлія и сельскаго хозяйства А. Н. производилъ здѣсь въ послѣдніе годы опыты съ искусственнымъ удобреніемъ. Года три-четыре А. Н. Энгельгардтъ посѣтилъ Петербургъ, гдѣ удостоился цѣлаго ряда самыхъ восторженныхъ овацій въ ученыхъ обществахъ, причемъ Императорское вольно-экономическое общество избрало его тогда своимъ почетнымъ членомъ.

В. В. Пашутинъ

»Ваше прошлое послужило прямымъ основаніемъ для высокаго поста, нынѣ вами занимаемаго. Вы были университетскимъ и академическимъ профессоромъ, вы въ теченіе продолжительнаго времени въ качествѣ ученаго секретаря Императорской военно-медицинской академіи пріобрѣли административную опытность, васъ избрали въ члены и предсѣдатели академическаго суда, а ваши ученыя работы занимаютъ высокопочтенное мѣсто въ медицинской литературѣ“. Въ такихъ выраженіяхъ профессоръ Здекауеръ отъ лица медицинскаго совѣта привѣтствовалъ нашего извѣстнаго ученаго, начальника Императорской военно-медицинской академіи, доктора Пашутина, по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія его ученой и служебной дѣятельности, хотя и кратко, но вполнѣ вѣрно обрисовавъ въ этомъ адресѣ въ высшей степени плодотворную дѣятельность почтеннаго юбиляра. Съ честью проработавъ цѣлыхъ четверть вѣка на пользу науки, онъ можетъ съ гордостью оглянуться на свое свѣтлое прошлое и сказать, что онъ вполнѣ по заслугамъ достигъ высшей ступени врачебной іерархіи, достигъ во всеоружіи знанія, подкрѣпленнаго опытомъ и притомъ во цвѣтѣ лѣтъ. Не говоря уже о другихъ заслугахъ нашего ученаго за все время его многосторонней дѣятельности, нельзя не признать, что докторъ Пашутинъ поставилъ у насъ чрезвычайно высоко преподаваніе общей патологіи. До него эта область медицинской науки, которая занимается опредѣленіемъ недуговъ человѣческихъ вообще, разсматриваетъ предрасположенія къ нимъ, у насъ была почти совсѣмъ не разработана и существовала такъ сказать въ отрывочномъ видѣ. Профессоръ Пашутинъ впервые привелъ эту часть медицины въ строгую систему, сдѣлалъ изъ отрывочныхъ свѣдѣній стройное цѣлое. Такимъ образомъ онъ дѣйствительно создалъ этотъ предметъ преподаванія, создалъ каѳедру общей патологіи.

Викторъ Васильевичъ Пашутинъ родился 16-го января 1845 года въ городѣ Новочеркасскѣ, гдѣ отецъ его былъ священникомъ и первоначальное образованіе получилъ въ воронежской духовной семинаріи, гдѣ пробылъ съ 1859 по 1862 г. Не чувствуя призванія къ дѣятельности духовной, увлеченный тѣмъ умственнымъ движеніемъ, которое началось тогда въ русскомъ обществѣ, В. В. Пашутинъ, выйдя изъ семинаріи, отправился въ Петербургъ и поступилъ въ медико-хирургическую академію, въ которой окончилъ курсъ со степенью лекаря и съ награжденіемъ серебряною медалью. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ представителей академическаго выпуска 1868 года и еще на школьной скамьѣ обратилъ на себя вниманіе своимъ дарованіемъ и работами. Будучи на четвертомъ курсѣ академіи, онъ помѣстилъ въ медицинскомъ журналѣ „Zeitschrift für rational. Medicin“ (1866 г.) статью „Neue Thatsachen zu Gunsten der Verschiedenheit des tactilen und schmerzerregenden Apparates im Frosch“. Оставленный по окончаніи курса при академіи, В. В. Пашутинъ усердно готовился къ ученой степени и за свое изслѣдованіе „Новые опыты надъ ферментами, превращающими крахмалъ и сахаръ въ глюкозъ“ былъ, послѣ блестящей защиты диссертаціи, удостоенъ 19-го декабря 1870 г. степени доктора-медицины. Вскорѣ послѣ этого онъ отправился за границу, гдѣ работалъ подъ руководствомъ лучшихъ медиковъ-спеціалистовъ съ 1871 по 1873 г. По возвращеніи на родину, онъ въ сентябрѣ 1873 года получилъ званіе привать-доцента и читалъ лекціи студентамъ академіи по физіологіи пищеваренія. Въ маѣ 1874 года совѣтъ Императорскаго казанскаго университета избралъ В. В. Пашутина экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ общей патологіи, а спустя пять лѣтъ молодой ученый занялъ ту же каѳедру въ медико-хирургической академіи, утвержденный въ званіи ординарнаго профессора 29-го іюня 1879 г. Помимо профессорской дѣятельности, онъ продолжительное время занималъ должность ученаго секретаря канцеляріи академіи, избранный 18-го ноября 1885 г. Кромѣ того, онъ состоялъ членомъ университетскихъ экзаменаціонныхъ коммиссій, а послѣ ухода начальника академіи тайнаго совѣтника Быкова занялъ его мѣсто, съ 18-го ноября 1890 г. Еще ранѣе, 13 го сентября 1887 г. В. В былъ назначенъ членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, а спустя два года, 21-го декабря 1890 г. — предсѣдателемъ медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ. Профессоръ Пашутинъ принимаетъ дѣятельное участіе въ обществѣ охраненія народнаго здравія, состоя предсѣдателемъ біологической секціи.

Новости науки и цивилизаціи

Школа

— Училищные совѣты. Въ комитетѣ министровъ обсуждается теперь вопросъ объ учрежденіи училищныхъ совѣтовъ въ астраханской губерніи, согласно ходатайству мѣстныхъ властей. Въ виду того, что за неимѣніемъ въ астраханской губ. земства и за отсутствіемъ въ нѣкоторыхъ ея уѣздахъ предводителей дворянства учрежденіе училищныхъ совѣтовъ примѣнительно къ положенію 1874 г. представляется неосуществимымъ, г. оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода высказался за передачу завѣдыванія всѣми народными школами епархіальному училищному совѣту; но г. министръ народнаго просвѣщенія находитъ такое рѣшеніе неудобнымъ, такъ какъ въ астраханскихъ школахъ обучается много иновѣрцевъ, и предлагаетъ учрежденіе особеннаго губернскаго училищнаго совѣта, предсѣдательство въ которомъ принадлежало бы епархіальному архіерею.

— Армянскія училища. Опубликованъ порядокъ учрежденія армянскихъ церковно-приходскихъ училищъ въ закаспійской области и туркестанскомъ краѣ. Означенныя училища открываются въ туркестанскомъ краѣ закаспійской области не иначе, какъ по соглашенію съ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ или съ начальниковъ закаспійской области, по принадлежности. Преподаваніе въ сихъ училищахъ всѣхъ, кромѣ Закона Божія, учебныхъ предметовъ производится на русскомъ языкѣ.

Естествовѣдѣніе

— Древнѣйше дерево. Въ Японіи, на берегу пролива Бироа, въ пяти километрахъ отъ Отсу, стоитъ ель, названная Dai Mâtsu. Священники, хранящіе это дерево, утверждаютъ, что по документамъ, хранящимся въ ихъ монастырѣ, видно, что ель эта посажена въ 675 году; она слыветъ за чудо Японіи. Длинныя вѣтви ея раскинулись на всѣ стороны, образуя родъ лѣсовъ изъ 300 ступеней. Хотя дерево и не защищено отъ вѣтра и уже пострадало во многихъ мѣстахъ, однако, оно еще крѣпко держится, и только постепенное уменьшеніе хвой свидѣтельствуетъ объ его древности. На высотѣ двухъ футовъ отъ земли стволъ его имѣетъ 15 футовъ и 9 дюймовъ въ обхватѣ. Вышина его достигаетъ 84 футовъ, а діаметръ хвойной вершины 242 футовъ. Четыре дома были выстроены подъ сѣнью, частью и между вѣтвями этого дерева; два изъ нихъ были снесены ураганомъ нѣсколько лѣтъ назадъ.

— Растенія и воздухъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій парижской академіи наукъ, Шлезингъ представилъ записку, въ которой излагаетъ выводы изъ его наблюденій надъ питаніемъ растеній. Онъ заключалъ растенія въ замкнутое пространство, гдѣ предоставлялъ имъ свободно расти и развиваться въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, тщательно измѣряя количество поглощенной ими углекислоты и выдѣленнаго кислорода. При опытахъ обнаружился довольно любопытный фактъ: оказалось, что растенія выдѣляютъ болѣе кислорода, чѣмъ поглощаютъ угольной кислоты. Обыкновенно же до сихъ поръ принималось, что кислородъ, выдѣляемый растеніями, представляетъ продуктъ, остающійся отъ разложенія углекислоты, воспринятой растеніями изъ воздуха. Откуда же брался въ опытахъ Шлезинга, этотъ избытокъ кислорода? Шлезингу удалось доказать, что часть этого избытка происходитъ на счетъ воды, которая возстановляется внутри тканей растеній; остальное же количество избыточнаго кислорода можетъ быть приписано разложенію тканями растеній тѣхъ азотнокислыхъ соединеній, которыя ими всасываются изъ почвы; азотъ этихъ соединеній входитъ въ составъ ткани растенія, а кислородъ выдѣляется въ свободномъ состояніи.

Исторія, археологія, нумизматика

— Обширныя археологическія изысканія будутъ произведены лѣтомъ текущаго года въ важной исторической мѣстности у мѣстечка Бородницы, волынской губерніи, вблизи древняго Коростеня. Мѣстность эта чрезвычайно богата историческими памятниками; такъ, между прочимъ, здѣсь указываютъ на могилу Олега, а также въ означенной мѣстности существуютъ развалины какого-то зданія, служившаго, по преданію, купальнею великой княгини Ольги.

— Монеты съ изображеніемъ Александра Великаго. Нѣсколько недѣль тому назадъ въ Сароническомъ (Аѳинскомъ) заливѣ, на глубинѣ около 50 саженъ, ловецъ губокъ нашелъ нѣсколько серебряныхъ монетъ. Послѣ этого экипажъ лодки, къ составу котораго принадлежалъ счастливый ловецъ, неоднократно опускался въ глубину моря, гдѣ и разыскалъ цѣнный кладъ. По крайней мѣрѣ, когда вѣсти дошли до начальства, то отъ хозяина лодки отобрано было около десяти фунтовъ монетъ въ ящикѣ, тоже добытомъ со дна моря. На всѣхъ этихъ монетахъ имѣется изображеніе Александра Великаго со скипетромъ въ одной рукѣ и палицей въ другой.

Выставки

— Сѣмянная выставка. Въ домѣ Императорскаго вольно-экономическаго общества открыта сѣмянная выставка, ежегодно устраиваемая съ цѣлью улучшенія культуры зерновыхъ и корнеплодныхъ растеній. Образцы экспонатовъ этой выставки обыкновенно присылаются къ торжественному засѣданію общества 31 октября. По обозрѣніи ихъ членами общества, они передаются на станцію при Императорскомъ Ботаническомъ садѣ для изслѣдованія натуры, качества, всхожести и т. п. свойствъ сѣмянъ. Результаты изслѣдованія, произведеннаго особою коммиссіею, будутъ сообщены общему собранію общества.

— Выставка художественно-промышленныхъ вещей, отправляемыхъ на выставку въ Чикаго, открылась на дняхъ въ домѣ бывшемъ барона Гинсбурга, на Конногвардейскомъ бульварѣ.

— Сибирская выставка въ Москвѣ. 24 января опубликованы утвержденныя г министромъ финансовъ правила о сибирской выставкѣ, имѣющей быть въ Москвѣ въ 1895 году. Согласно этимъ правиламъ, цѣлью выставки является ознакомленіе съ естественными богатствами и природою Сибири, предметами товарообмѣна между нею и Европейскою Россіею и бытовыми особенностями края, въ видахъ оживленія и развитія торговыхъ какъ съ самою Сибирью, такъ и съ сопредѣльными съ ней странами сношеній.

Политехника

— Механическая работа карманныхъ часовъ. Многіе вѣроятно и не воображаютъ, какое громадное количество механической работы развиваютъ колеса обыкновенныхъ карманныхъ часовъ. А между тѣмъ механизмъ этихъ часовъ единственная машина, которая способна совершать такую громадную работу, не требуя смазки. Самое большое колеско часовъ совершаетъ, правда, всего только 1460 оборотовъ въ теченіе цѣлаго года, но второе, центральное, колесо, управляющее часовою стрѣлкою, дѣлаетъ въ тотъ же промежутокъ времени уже 7760 оборотовъ, третье колесо, передаточное между часовымъ и минутнымъ, дѣлаетъ 60,080 оборотовъ въ годъ, четвертое колесо, передающее движеніе минутной стрѣлкѣ, дѣлаетъ 525,600 оборотовъ и, наконецъ, пятое колесо — 4.728,400 оборотовъ. Число ударовъ маятника карманныхъ часовъ, въ теченіе года, равняется 141.812,900.

Новости печати

Бессарабія. Историческое описаніе. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Посмертный выпускъ историческихъ изданій *П. Н. Батюшкова*. Съ 3-мя фототипіями, 53-мя гравюрами и картой.

Въ одномъ изъ нумеровъ „Всемірной Иллюстраціи“ конца прошлаго года уже былъ сдѣланъ общій очеркъ изданій покойнаго П. Н. Батюшкова по исторіи западной и югозападной окраинъ Россіи, въ замѣткѣ, посвященной предпослѣднему, вышедшему въ свѣтъ тому этихъ изданій, заключающему историческое описаніе Подоліи. Нынѣ передъ нами послѣдній томъ этой замѣчательной серіи, вышедшій въ свѣтъ уже послѣ смерти издателя († 20-го марта с. г.). Въ этомъ выпускѣ находится, между прочимъ, портретъ почтеннаго П. Н. Батюшкова и его біографическій очеркъ, составленный Л. Н. Майковымъ. Историческое описаніе Бессарабіи, подобно всѣмъ другимъ изданіямъ этой серіи, составлено на основаніи спеціальныхъ мѣстныхъ изслѣдованій и документальныхъ данныхъ, почерпнутыхъ въ правительственныхъ и частныхъ архивахъ разными лицами, посвятившими себя изученію исторіи и быта югозападнаго края, которые, по порученію издателя, посѣтили лично описанныя имъ мѣстности. Основной текстъ книги начинается небольшимъ введеніемъ и затѣмъ раздѣленъ на восемь главъ, въ которыхъ послѣдовательно изложены: въ первой — появленіе русскихъ славянъ на историческомъ поприщѣ и въ предѣлахъ нынѣшней Бессарабіи до основанія Русскаго государства; во второй — участіе придунайскихъ русскихъ славянъ въ образованіи русскаго государства отъ основанія его до образованія княжествъ Валахіи и Молдавіи; въ третьей и четвертой — образованіе и первоначальная исторія этихъ княжествъ; въ пятой — отношенія турокъ и татаръ къ названнымъ княжествамъ и постепенное выдѣленіе изъ нихъ непосредственно подчиненной турецкому владычеству Бессарабіи; въ шестой — содѣйствіе русскаго народа и государства къ освобожденію Румыніи отъ турецко-татарскаго ига и въ седьмой и восьмой — судьбы Бессарабіи подъ русскимъ владычествомъ, начиная съ 1812 года до нашихъ дней. Въ книгѣ помѣщены біографіи и портреты историческихъ лицъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ Бессарабіи, нынѣ царствующаго Государя Императора и Императора Александра I, главнокомандующаго южною арміею въ послѣднюю турецкую войну, великаго князя Николая Николаевича Старшаго, новороссійскаго губернатора, свѣтлѣйшаго князя М. С. Воронцова, архіепископа Павла, свѣтлѣйшаго князя М. И. Голенищева-Кутузова Смоленскаго, графа Н. М. Каменскаго, генерала отъ кавалеріи И. И. Михельсона, митрополита Гавріила (Бănулеско-Бодони), архіепископа Амвросія Серебренникова, А. В. Суворова, Потемкина, Румянцева, Миниха, князя Кантеміра, молдавскихъ господарей Стефана V великаго и Симеона Могилы, турецкаго султана Магомета II, крымскаго хана Шагинъ-Гирея, римскаго императора Траяна и настоятеля нѣмецкаго монастыря Паисія Величковскаго. Въ книгѣ напечатано 18 снимковъ различныхъ замѣчательныхъ мѣстностей Бессарабіи и памятниковъ древности, а въ концѣ приложена хромолитографированная карта бессарабской губерніи, въ масштабѣ 40 верстъ въ дюймѣ. Историческое описаніе Бессарабіи издано во всѣхъ отношеніяхъ превосходно, съ такою же тщательностію, подъ редакціей М. И. Городецкаго, такъ много потрудившагося для историческихъ изданій

Масляница. — Послѣдняя бутылочка. Картина Ж.-М. Люльвеса.

Масляница. — Безъ маски какъ въ маскѣ.

Рисунокъ Фердинанда Лееке. Гравировали Кезебергъ и Эртель въ Лейпцигѣ.

Батюшкова. По внѣшности оно, подобно прежнимъ выпускамъ, представляетъ изящный томъ со множествомъ великолѣпно исполненныхъ рисунковъ въ текстѣ и отдѣльно. *М.*

Художественныя ремесла. Диллетантъ. Руководство для любителей, содержащее описаніе 30-ти способовъ приготовленія различныхъ украшеній. Спб. 1893. Изданіе Эггерса и К°.

Неизвѣстный авторъ книжки, недавно выпущенной фирмою Эггерсъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, подразумѣваетъ подъ художественными ремеслами такія „отрасли человѣческой дѣятельности", которыя занимаютъ промежуточное мѣсто между ремесломъ въ тѣсномъ смыслѣ слова художествомъ. Въ своей книжкѣ авторъ знакомитъ читателей съ пріемами и принадлежностями этихъ ремеслъ, выбирая по преимуществу тѣ изъ нихъ, которыя не требуютъ ни особенныхъ расходовъ, ни художественной подготовки и потому доступны каждому любителю, у котораго хватитъ на эту возню времени и терпѣнія. Описанія часто страдаютъ чрезмѣрною краткостью; любителю многаго придется добиваться самому; это, впрочемъ, отчасти и должно даже входить во всякую любительскую работу. Мѣстами въ книжкѣ замѣтны слѣды очень спѣшной работы при ея составленіи или недостаточнаго вниманія со стороны составителя; такъ, при описаніи приготовленія ламповыхъ абажуровъ съ сушеными растеніями составитель обѣщаетъ описать легкій способъ окрашиванія цвѣтовъ желаемыми оттѣнками и тотчасъ забываетъ объ этомъ обѣщаніи; читатель такъ и не узнаетъ обѣщаннаго „легкаго способа" раскраски цвѣтовъ. Книжка издана изящно, но не очень дешева—80 коп. за 5 печатныхъ листовъ.

М. О.

— Новые журналы. Обществу зубныхъ врачей въ Москвѣ разрѣшено издавать въ Москвѣ ежемѣсячный журналъ—„Вѣстникъ зубоврачебной науки". Совѣту электротехническаго общества разрѣшено издавать въ С.-Петербургѣ подъ редакціей барона Тизенгаузена, журналъ „Электрическій Вѣстникъ".

— Новое изданіе сочиненій А. С. Пушкина, предпринято Императорскою академіей наукъ. Въ изданіи этомъ всѣ сочиненія Пушкина, вышедшія въ свѣтъ при его жизни, будутъ напечатаны въ томъ именно видѣ, въ какомъ они появились въ печати подъ его собственнымъ надзоромъ, притомъ въ послѣдній разъ. Исключеніе въ этомъ отношеніи будетъ допущено только для тѣхъ случаевъ, когда обнаружится, что подлинный пушкинскій текстъ подвергался въ свое время измѣненіямъ со стороны цензуры. Кромѣ произведеній Пушкина, вполнѣ законченныхъ, въ особый отдѣлъ изданія войдетъ найденное въ рукописяхъ множество набросковъ, оставшихся по той и другой причинѣ безъ обработки. Наконецъ, въ видѣ особаго приложенія къ академическому изданію сочиненій Пушкина, войдутъ: 1) его подробная біографія, библіографія его сочиненій и 2) обзоръ всего, что о немъ было написано.

— Новая грузинская газета. Съ начала текущаго года издается новая еженедѣльная грузинская литературно-научная газета „Квали" (Гряда) съ иллюстраціями, подъ редакціей редактора дѣтскаго журнала „Джеджили"—г-жи А. М. Церетели. Постоянными сотрудниками газеты объявлены: извѣстный грузинскій поэтъ кн. Акакій Церетели. Г. Е. Церетели и кн. И. Г. Мачабели. Въ вышедшихъ номерахъ есть статьи, заслуживающія полнаго вниманія.

Театръ, музыка, искусства

Театръ и музыка

— Г-жа Беллинчіони и теноръ Станьо, произведшіе недавно такой фуроръ на сценѣ театра Кроля въ Берлинѣ, находятся въ настоящее время во Флоренціи, гдѣ съ неменьшимъ успѣхомъ играютъ на сценѣ театра „Pagliano". Въ апрѣлѣ они будутъ продолжать свои прерванныя представленія въ театрѣ Кроля, а въ октябрѣ предполагаютъ выступить на сценѣ вѣнской придворной оперы, куда уже приглашены на нѣсколько спектаклей.

— Фридрихъ Шпильгагенъ, извѣстный нѣмецкій романистъ, сдѣлался театральнымъ критикомъ. Онъ взялъ на себя трудъ писать театральную критику въ журналѣ „Magazin für Litteratur".

— Г-жа Снарская. На дняхъ въ итальянскомъ городѣ Порто-Санъ-Мавриціо дебютировала наша соотечественница Е. Т. Снарская. Г-жа Снарская—soprano dramatique; въ Россіи она занималась у Эверарди и Прянишникова, а въ Италіи—съ Поліоне Ронзи. Молодая пѣвица выбрала для дебюта труднѣйшую по тесситурѣ партію Леоноры въ „Forza del destino" Верди и имѣла блестящій успѣхъ. Публика сдѣлала молодой пѣвицѣ овацію. Апплодисменты и цвѣты, вызовы и повторенія. Газеты отозвались на дебютъ г-жи Снарской дружными восторженными похвалами.

— Въ Кельнѣ на дняхъ поставлена была опера „Паяцы" Масканьи съ громаднымъ успѣхомъ.

— Въ Монако состоялся 24-го января интересный спектакль. Шла опера „Ромео и Джульета" Гуно, въ которой участвовали г-жа Зембрихъ и бр. Решке.

— Изъ Брауншвейга сообщаютъ, что между бумагами покойнаго композитора Генриха Литольфа найдена полная опера его, носящая заглавіе „Король Лиръ", либретто которой сдѣлано по трагедіи Шекспира.

— Пѣвецъ Волковъ. Итальянскія газеты и музыкальные журналы много пишутъ о русскомъ пѣвцѣ Иванѣ Волковѣ. Между прочимъ, „Gazette dei Teatri" прямо предвѣщаетъ г. Волкову блистательную карьеру, находя, что у него чудный теноръ.

Искусства

— Портретъ П. И. Чайковскаго, писанный масляными красками одесскимъ художникомъ Н. Д. Кузнецовымъ и недавно оконченный, поражаетъ своимъ чрезвычайнымъ сходствомъ и замѣчательною жизненностью выраженія, отличающими всѣ вообще работы этого художника. Портретъ (во весь ростъ, до колѣнъ) изображаетъ нашего композитора en face, опирающагося правой рукой на кипу нотъ. Выраженіе лица и взгляда — задумчивое. Портретъ этотъ будетъ выставленъ на XXI передвижной выставкѣ въ С. Петербургѣ.

— Англійскому ученому Ричарду Овену, умершему недавно, будетъ поставленъ въ Кенсингтонскомъ музеѣ естественныхъ наукъ памятникъ, рядомъ съ памятникомъ Дарвина.

— На содержаніе Третьяковской картинной галлереи московская дума, въ послѣднемъ засѣданіи, ассигновала 11.154 руб. и кромѣ того 5.000 р. ежегодно въ распоряженіе П. М. Третьякова съ тѣмъ, чтобы онъ по своему усмотрѣнію пріобрѣталъ для галлереи художественныя произведенія. Для увѣковѣченія памяти С. М. Третьякова дума рѣшила поставить портретъ его во весь ростъ въ Третьяковской галлереѣ и ассигновала 12.000 руб. для учрежденія на проценты съ этого капитала стипендіи имени С. М. въ училищѣ живописи, ваянія и зодчества.

— Выставки „Общества поощренія художествъ". Вслѣдъ за выставкой картинъ Лагоріо, общество устроило посмертную выставку произведеній недавно умершаго талантливаго акварелиста Л. Премацци. За нею появится также посмертная выставка картинъ, этюдовъ и акварелей одесскаго художника Н. Л. Скадовскаго, а въ срединѣ великаго поста на смѣну послѣдней явится обычная ежегодная выставка общества русскихъ акварелистовъ.

Смѣсь

„Къ Панаміадѣ"

— Прорытіе панамскаго канала, какъ оказывается, мысль вовсе не новая. Первому эта мысль пришла въ голову Филиппу II испанскому. Онъ призвалъ фламандскихъ инженеровъ и поручилъ имъ сдѣлать смѣты касательно предполагаемыхъ работъ. Смѣты эти оказались такъ громадны, что онъ пришелъ отъ нихъ въ ужасъ и немедленно издалъ приказъ, въ силу котораго подвергается смертной казни всякій, кто вздумаетъ заниматься вопросомъ о прорытіи Панамскаго перешейка. Очевидно, что, не взирая на свой жестокосердный нравъ, государь этотъ обладалъ большою предусмотрительностью и былъ правъ воспретивъ своимъ подданнымъ заниматься такими несбыточными проектами, которые только могли погубить ихъ.

Гонорары адвокатовъ и другихъ лицъ въ панамскомъ процессѣ. Любопытны гонорары, которые нѣкоторые адвокаты получаютъ за веденіе дѣлъ въ панамскомъ процессѣ. Такъ Барбу (защитникъ Шарля Лессепса) получилъ 30.000 франковъ, а его помощникъ — 7.000 фр., Мартини — 15.000 фр. Наибольшій гонораръ (100.000 фр.) получилъ Вальдекъ-Руссо, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ на его долю пала трудная задача обѣлить и увѣродить инженера Эйфеля.

— Панамская шарада. „Фигаро" помѣщаетъ слѣдующую шараду, которую приводимъ въ переводѣ:

Мой *третій* слогъ *два* раза называетъ
Ребенокъ, лишь начавши говорить,
И *первый* слогъ онъ *дважды* повторяетъ,
Отца и мать онъ учится любить.
Пройдутъ года и, ради развлеченья,
Онъ *повторенный* любитъ слогъ *второй*...
Но пусть судьба отъ *цѣлаго* — спасенье
Пошлетъ ему и въ старости сѣдой.

Разгадка не трудна:

Первый слогъ	— Па (bis)	Папа
Второй	„ На (bis)	Нана (Nana)
Третій	„ Ма (bis)	Мама

И цѣлое *Панама*.

Для домашняго обихода

— Способъ стирки ситцевыхъ платьевъ. Не намыливайте платья, какъ обыкновенно дѣлаютъ всѣ прачки и выводчики пятенъ, но приготовьте крѣпкій растворъ мыла, положите въ оный платье и потомъ вымойте послѣднее обыкновеннымъ образомъ. Эта метода представляетъ двѣ выгоды: во-первыхъ, вы избѣгнете натиранія жесткимъ мыломъ, чрезъ что ткань истирается, а во-вторыхъ, грязь очищается равномѣрно, между тѣмъ какъ это никакъ не можетъ быть при натираніи платья мыломъ. Окрашенныя ткани, въ особенности красный или зеленый ситецъ, часто теряютъ свой цвѣтъ; но можно сохранить послѣдній, вливъ въ воду, въ которой ихъ полощутъ, нѣсколько капель лимоннаго сока, соляной кислоты, виннаго уксуса или сѣрной кислоты. Многіе предъ стираньемъ опускаютъ ситецъ въ крѣпкую (то-есть содержащую много земляныхъ частей) воду, или же такую, въ которую положено извѣстное количество сѣна. Пятновыводчики обыкновенно моютъ ситецъ въ большомъ количествѣ тепловатой мыльной воды, растворяютъ потомъ въ водѣ крахмалъ и сильно болтаютъ растворъ до тѣхъ поръ, пока онъ не получитъ густоты масла, послѣ чего сушатъ платья и утюжатъ ихъ гладильнымъ камнемъ.

Некрологъ

Гагаринъ Григорій Григорьевичъ, князь, оберъ-гофмейстеръ Высочайшаго двора, бывшій въ 60-хъ годахъ вице-президентомъ Императорской академіи художествъ, пользовавшійся извѣстностью какъ изслѣдователь византійской живописи и архитектуры, основатель древнехристіанскаго музея въ академіи художествъ, † въ Шательро во Франціи, 18-го января 83 лѣтъ.

Карповичъ Мамертъ Львовичъ, докторъ медицины, бывшій ординаторъ Маріинской больницы, занимавшій послѣдніе годы мѣсто врача въ Абасъ-Туманѣ при великомъ князѣ Георгіѣ Александровичѣ, † въ Спб. 21-го января 52 лѣтъ. Онъ былъ очень извѣстенъ какъ художникъ-изготовитель анатомическихъ и патологическихъ моделей, которыя служатъ украшеніемъ всѣхъ музеевъ при всѣхъ русскихъ медицинскихъ факультетахъ и помогаютъ студентамъ знакомиться съ различными болѣзнями и аномаліями. Модели доктора Карповича по художественному исполненію гораздо лучше моделей знаменитаго доктора Озу, извѣстнаго всему образованному міру. М. Л. Карповичъ былъ любимѣйшимъ ученикомъ профессора Грубера и одно время имѣлъ лабораторію въ медицинской академіи.

Прайсъ Уильямъ, докторъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ чудаковъ нашего времени, † въ Лондонѣ, 11-го января. Онъ считалъ себя прямымъ потомкомъ послѣдняго кельтскаго жреца и увѣрялъ, что это духовное достоинство преемственно перешло и къ нему; поэтому онъ придумалъ себѣ титулъ „уэльскаго архидруида и высшаго жреца солнца", и особый костюмъ, въ которомъ всегда появлялся на улицахъ Лондона, и въ которомъ представленъ на нашемъ портретѣ. Прайсъ былъ ярый „чартистъ" и въ

1839 г. былъ на столько скомпрометированъ въ политическомъ движеніи этой партіи, что былъ вынужденъ бѣжать во Францію. Прайса многіе считали помѣшаннымъ, но такъ какъ онъ не проявлялъ никакого буйства, то его и оставили въ покоѣ. Онъ умеръ 92 лѣтъ отъ роду; трупъ его, по его собственному желанію былъ торжественно сожженъ и пепелъ развѣянъ по вѣтру. Въ странномъ костюмѣ покойнаго преобладалъ свѣтлозеленый цвѣтъ съ яркокрасными кантами; на головѣ онъ носилъ лисій мѣхъ, а въ рукахъ факелъ и рогъ луны — эмблемы друидическаго сана.

Студитскій Ѳеодоръ Дмитріевичъ одинъ изъ старѣйшихъ и извѣстныхъ педагоговъ и общественныхъ дѣятелей, литераторъ, † въ новгородской губ. въ срединѣ января 79 лѣтъ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ газетахъ „Содѣйствіе Русской Торговлѣ и Промышленности" и „Дѣятельность" и редактировалъ народную газету „Мірское Слово". Кромѣ того, онъ состоялъ дѣятельнымъ членомъ и участникомъ Общества для содѣйствія торговому мореходству, вольнаго экономическаго общества (съ 1848 г.), комитета грамотности (съ 1861 г.). Года четыре тому назадъ онъ поселился въ деревнѣ (новгородской губ.) и занялся сельскимъ хозяйствомъ. Изъ его трудовъ по учебной литературѣ имѣли въ свое время большое значеніе „Географія для дѣтей" (1840 г.), „Географія Россіи" (1844 г.), и „Русская азбука для дѣтей съ подвижными буквами", 1846 г. Этою азбукою Студитскій первый въ Россіи ввелъ болѣе легкій способъ обученія грамотѣ съ помощью подвижныхъ буквъ.

Янсонъ Юлій Эдуардовичъ заслуженный профессоръ и членъ совѣта Императорскаго Александровскаго лицея, знаменитый ученый, статистикъ, † въ Спб. 31-го января 68 лѣтъ.

Уфимцу. Благодаримъ за любезное письмо и просимъ прислать всѣ шесть рѣшеній предлагаемой новой задачи, которая весьма заинтересовала завѣдывающаго отдѣломъ игръ и забавъ.

Н. Б—ву въ Казани. Васъ ввела въ заблужденіе одна маленькая, но весьма обидная опечатка, по поводу которой нашъ казанскій корреспондентъ намъ пишетъ слѣдущее: Въ № 1250 „Всемірной Иллюстраціи", въ біографіи г-жи Гейднеръ вкралась очень неловкая опечатка; въ 18-й строкѣ сверху напечатано „черезъ годъ *я* получила", тогда какъ слѣдуетъ читать „черезъ годъ получила". Это неумѣстное и такъ не кстати попавшее *я* дѣлаетъ изъ моей статьи автобіографію, тогда какъ г-жа Гейднеръ не знала даже о посылкѣ статьи.

СОДЕРЖАНІЕ НУМЕРА

Текстъ.

Рисунки.

За редактора **Э. Д. Гоппе.**
Издательница **А. П. Гоппе.**

ИГРЫ и ЗАБАВЫ

ШАХМАТЫ

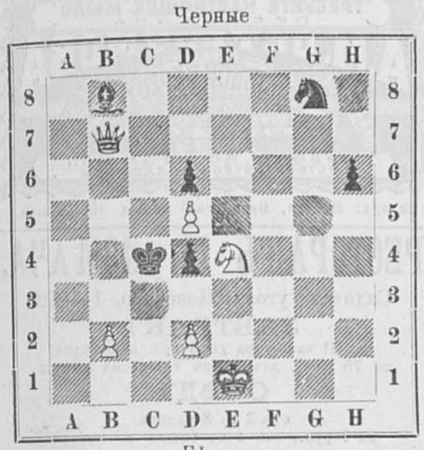
под редакціей **А. П. Шишкина**

ЗАДАЧА № 1545

K. Fiala

Изъ „Zlata Praha"

Черные



Бѣлые

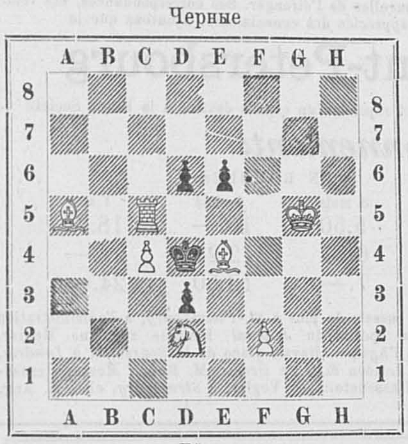
Матъ въ 3 хода.

ЗАДАЧА № 1546

А. В. Галицкій

Изъ „Шахматнаго журнала".

Черные



Бѣлые

Матъ въ 2 хода.

ПАРТІЯ № 1024

6-я матча съ дачей впередъ пѣшки f7 и хода; играна въ петербургскомъ шахматномъ обществѣ 28-го декабря 1892 года.

	А. М. Бѣлинъ Бѣлые	М. И. Чигоринъ Черные						
1.	e2—e4	d7—d6	14.	С d3 : e2	0—0	27.	Л e1—b1	Л a8—b8
2.	d2—d4	К g8—f6	15.	c3—c4	К d5—f6	28.	a2—a4	С e6—c4
3.	К b1—c3	e7—e6	16.	С d2—b4	Л f8—e8	29.	a4—a5	С c4—b5
4.	f2—f4	К b8—c6	17.	С e2—f3	c7—c6	30.	Л b1—e1	Л b8—d8
5.	e4—e5*a*)	d6 : e5	18.	Кр e1—f2	e6—e5	31.	Л e1—e4	С b5—d3
6.	f4 : e5	К f6—d5	19.	Л h1—e1	С c8—f5*e*)	32.	Л e4—f4†	Кр f7—g8
7.	К g1—f3*b*)	С f8—b4	20.	С b4—c3	С f5 : c2	33.	h2—h4	К d7—f8
8.	С c1—d2	К c6 : d4	21.	С c3 : e5	К f6—d7	34.	С f3—d1	К f8—g6
9.	К f3 : d4*c*)	Ф d8—h4†	22.	С e5—d4	С c2—d3	35.	С d1—b3†	Кр g8—h8
10.	g2—g3	Ф h4 : d4	23.	c4—c5	С d3—f5	36.	Л f4—f3*f*)	Л d8 : d4
11.	С f1—d3*d*)	Ф d4 : e5†	24.	Л a1—d1	Л e8 : e1		Бѣлые сдались.	
12.	Ф d1—e2	С b4 : c3	25.	Л d1 : e1	Кр g8—f7			
13.	b2 : c3	Ф e5 : e2†	26.	g3—g4	С f5—e6			

Примѣчанія М. И. Чигорина къ партіи

a) При полученіи пѣшки и хода впередъ подвигать пѣшку на e5 въ началѣ партіи, въ большинствѣ случаевъ, бываетъ не выгодно; въ этомъ мы убѣдились изъ собственной практики.

b) Лучше было бы 7. К c3 : d5, хотя бѣлые лишаются того преимущества въ положеніи, которое они должны бы извлечь, получая пѣшку и ходъ впередъ; черные отвѣчая 7... Ф d8 : d5 или 7... e6 : d5, смотря потому какого плана они желаютъ держаться, рокировать на сторону ферзя или короля, довольно успѣшно развиваютъ игру.

c) Если 9. К c3 : d5, то черные съ выигрышемъ пѣшки достигаютъ прекраснаго положенія различнымъ путемъ; напримѣръ, 9... Ф d8—d5; 10. С d2 : b4, Ф d5—e4†; 11. С f1—e2 (или 11. Кр e1—f2), К d4 : f3† и 12... Ф e4 : b4† и т. д.

d) На 11. К c3 : d5 послѣдовало бы Ф d4 : e5†; 12. Ф d1—e2 (12. К d5—e3, Ф e5 : e3†), С b4 : d2†; 13. Кр e1 : d2, Ф e5 : d5†, съ выигрышемъ пѣшки.

e) Сильнѣе было бы прежде 19... e5—e4, а затѣмъ С c8—f5.

f) Продолжая 36. С d4 : g7†, Кр h8 : g7; 37. Л f4—f7†, Кр g7—h8; 38. Л f7 : b7, бѣлые могли продлить борьбу; впрочемъ, выигрышъ партіи чернымъ уже обезпеченъ: 38... a7—a6; 39. h4—h5, К g6—e5; 40. g3—g4, К e5—d7 и т. д.

Въ Шахматномъ Обществѣ начался довольно интересный турниръ по консультаціи, въ которомъ принимаютъ участіе М. И. Чигоринъ, В. Г. Лизель, И. М. Зейботъ и другіе довольно сильные игроки. Первая партія этого турнира была играна въ субботу 30-го января; ее выиграли И. А. Зыбинъ и П. В Отто противъ И. М. Зейбота и В. Г. Лизеля. Изъ двухъ призовъ, назначенныхъ для этого турнира, первый предложенъ вице-президентомъ Общества, кн. М. М. Кантакузенымъ.

Въ Бирмингамѣ 28-го января (н. с.) начался грандіозный матчъ Сѣвера и Юга Англіи, по 100 игроковъ съ каждой стороны.

Гаваннскій шахматный клубъ, потерпѣвъ неудачу въ устройствѣ матча В. Стейница съ Е. Ласкеромъ, пригласилъ къ себѣ для какого нибудь серьезнаго состязанія извѣстнаго молодого германскаго маэстро А. Вальбродта. За эту поѣздку А. Вальбродтъ получитъ 2400 мар.

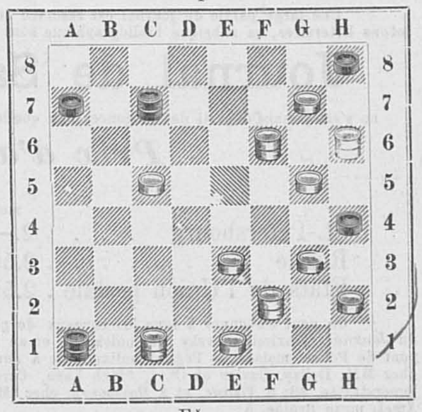
ШАШКИ

ЗАДАЧА № 29

Ф. М. Уткина (въ Муромѣ)

1-й призъ на 1-мъ конкурсѣ задачъ „Шахматнаго Обозрѣнія"

Черные



Бѣлые

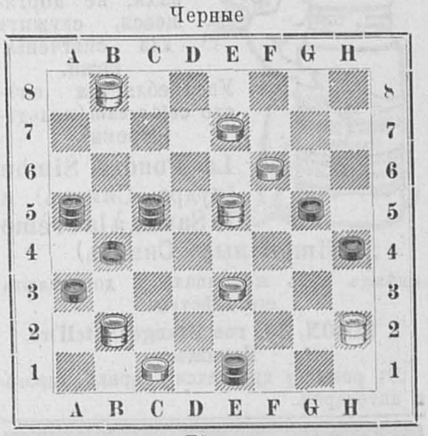
Запереть дамку и простую.

ЗАДАЧА № 30

М. А. Аносова (въ Кіевѣ)

Призъ за лучшую задачу на поддавки на томъ конкурсѣ

Черные



Бѣлые

Бѣлые запираютъ свою простую

Результатъ перваго конкурса шашечныхъ задачъ журнала „Шахматное Обозрѣніе":

Первый призъ присужденъ задачѣ Ф. М. Уткина (№ 29).

Второй призъ присужденъ задачѣ М. А. Аносова.

Первый почетный отзывъ получила задача Ф. М. Уткина.

Второй и третій почетные отзывы - двѣ задачи Н. П. Смирнова.

Призъ за наилучшую задачу на поддавки присужденъ М. А. Аносову (№ 30); почетный же отзывъ — задачѣ Н. П. Смирнова.

Первый конкурсъ шашечныхъ задачъ „Шахматнаго Обозрѣнія" есть шестой конкурсъ въ Россіи; ранѣе этого были конкурсы:

I. Въ „Шахматномъ Листкѣ" М. И. Чигорина 1877 г.

II. Въ „Шахматномъ Листкѣ" М. И. Чигорина 1880 г.

III. Въ „Огонькѣ" 1882 г.

IV. Въ „Газетѣ А. Гатцука" 1883 г.

V. Въ „Радугѣ" 1884—1886 гг.

Ни въ одномъ изъ этихъ конкурсовъ не было отведено отдѣла для задачъ на поддавки.

РѢШЕНІЯ ЗАДАЧЪ въ № 1246

№ 21. *Ф. С. Платонова* †. 1. e3—d4, c5 : e3; 2. e5—c7, g7 : e5; 3. c7 : d2, h8—g7; 4. d2—h6, g7—f6; 5. h6—g5, f6 : h4; 6. b8—f4, h4—g3; 7. f4—d2, g3—f2; 8. d2—e1, f2—g1; 9. c3—b4, a3 : c5; 10. b2—d4, c5 : e3, 11. e1—f2 и 12. c1 : e3.

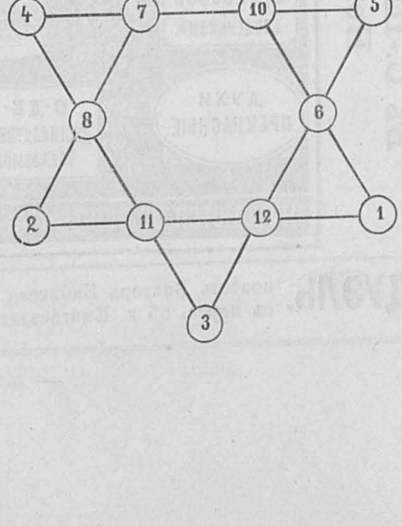
Эта задача, къ сожалѣнію, имѣетъ, начиная съ 4-го хода, второе рѣшеніе, указанное Ф. М. Уткинымъ: 4. b8—c7 или d6, g7—f6 (если 4... g7—h6, то 5. d2—e1, h6—g5; 6. c7—f4, g5 : e3; 7. e1—d2, 8. d2—e1 и т. д.); 5. d2—g5, f6 : h4; 6. c7—f4 и т. д.

№ 22. *Е. Ѳ. Андрезена.* 1. d8—c7, f6 : d8; 2. c7—b8, h4 : f6; 3. d6—c7, b4 : d6; 4. a5 : b4, a3 : a7.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Н. П. Смирновъ (въ Москвѣ) и Ф. М. Уткинъ (Муромъ).

Рѣшеніе ариѳметической задачи

Помѣщенной въ № 1245.



Въ этой замысловатой ариѳметической задачѣ нѣсколько рѣшеній, изъ которыхъ мы помѣщаемъ только одно. Задача рѣшается при нѣкоторомъ пособіи алгебры (неопредѣленныхъ уравненій), а потому не безполезна для учащихся, которыхъ и сильно заинтересовала.

Вѣрныя рѣшенія, въ томъ числѣ по два и по три прислали: „Уфимецъ", *Иванъ Кулаковъ* въ С.-Петербургѣ, *С. И. Зизиласъ* въ Ростовѣ на Дону, *Надежда Нечаева* и *Володя Смирновъ* въ Москвѣ, *С. А—ковъ* въ Харьковѣ, *Вѣра П.* въ Одессѣ и *Н. И.* въ Тифлисѣ.

АЛЬДЕХИДЪ

Цѣна 60 коп. и 1 рубль.

Химика ВЛАДІО.

НОВЫЙ

КОЛЬДЪ-КРЕМЪ

ПРОДАЕТСЯ во всѣхъ аптекахъ и лучшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи и въ Парижѣ, 40, Rue de Cléry.

Главн. складъ у В. КРЕМЕРА, Старый Гост. Дв., 29/30, Москва.

CRÈME SIMON

(кремъ Симонъ).

Произведеніе прелестнаго запаха, не портящееся, служитъ для смягченія кожи.

Употребляется вмѣсто cold cream (кольдъ-крема).

La Poudre Simon (пудра Симонъ) и **le Savon à la Crème Simon** мыло Симонъ) имѣютъ тотъ же запахъ и дополняютъ его дѣйствіе.

I. SIMON, 13, rue Grange Batelière, Парижъ.

Въ розницу продается у парикмахеровъ и аптекарей.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: банкирскій домъ Генрихъ Блоккъ, СПБ., 59, Невскій.

Новѣйш. механ. инструм., со струнами, 80 руб. Ноты за метръ (1/2 арш.) по 70 коп.

ОРКЕСТРЪ-МОНОПАНЪ 60 руб. Ноты по 1 р. 20 к. и дороже.

ГЕРОФОНЫ 25 р., **АРИСТОНЫ** 20 р. Ноты къ нимъ за каждую пьесу по 50 коп.

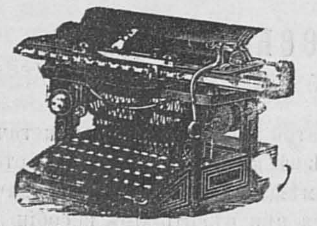
СЕРАФИНЫ 14 р. **Ноты** къ нимъ за каждую пьесу по 35 к.

АРИСТОНЪ-МАЛЮТКА безъ пьесъ 6 руб. Пьесы — за каждую по 20 коп. Рекомендуетъ въ большомъ выборѣ

I. Ф. МЮЛЛЕРЪ:

Москва, Петровка, домъ Волкова. Иллюстрир. прейсъ-курантъ безплатно. Каталогъ нотъ для механическихъ инструментовъ безплатно.

ПИШУЩАЯ МАШИНА



„РЕМИНГТОНА" № 5,

„новѣйшая изъ всѣхъ существующихъ системъ",

признана лучшей въ свѣтѣ. Сотни въ употребленіи во всѣхъ министерствахъ и проч. правительственныхъ учрежденіяхъ. Общій сбытъ 100.000 штукъ.

Каталоги и отзывы правительства безплатно.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

Ж. БЛОКЪ:

Москва, С.-Петербургъ, Варшава, Одесса, Екатеринбургъ и Кокандъ.

Книгоиздательствомъ ГЕРМАНЪ ГОППЕ (С.-Петербургъ, Садовая, 22)

ИЗДАНО И ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СТИХОТВОРЕНІЙ А. В. КОЛЬЦОВА

подъ редакціей **П. В. Быкова,**

съ біографическ. очеркомъ, критическ. статьями, примѣчаніями, портретомъ, снимкомъ почерка и 39-ю рисунками и виньетками, исполненн. членами

товарищества русскихъ художниковъ-иллюстраторовъ.

Роскошное изданіе въ четвертую часть листа, 31 + XX + 140 страницъ.

Изъ общаго числа рисунковъ 10 воспроизведены въ страничномъ форматѣ въ гравюрахъ на деревѣ и отпечатаны на толстой альбомной бумагѣ.

Цѣна: въ бумажкѣ въ изящной обложкѣ, исполненной по рисунку *К. О. Брожа* — 1 руб., съ пересылкой 1 руб. 25 коп.; на веленевой бумагѣ въ роскошномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ — 2 руб., съ пересылкой 2 руб. 50 коп.

LE JOURNAL DE SAINT-PÉTERSBOURG

est le seul organe russe publié en langue française

Ses informations sont puisées aux meilleures sources. Elles embrassent toutes les communications officielles, les traités et conventions conclus par le gouvernement impérial, toutes les nominations diplomatiques et administratives de quelque importance, les faits courants. Une rubrique spéciale est consacrée à la

Revue des journaux russes

Une large partie du journal est réservée aux nouvelles de l'étranger. Ses correspondances, ses feuilletons littéraires, sa rubrique bibliographique sont très appréciés des connaisseurs. Ajoutons que le

Journal de Saint-Petersbourg

ne s'est jamais départi des exigences aux quelles doit répondre un organe destiné à la bonne Société

Prix d'abonnement:

EN ROUBLES.

	mois	3 mois	6 mois	1 an
St.-Pétersbourg	2.—	5.50	10.—	18.—
Russie	2.50	6.74	12.25	22.—
Etats de l'Union postale .	2.50	7.—	12.50	24.—

On peut s'abonner à tous les bureaux de poste russes; de plus à *St.-Pétersbourg*, à l'administration du *Journal*, Maximilianovsky péréoulok, 13, et au bureau spécial du *Journal* librairie ancienne Mellier, pont de Police, maison de l'église hollandaise; à *Paris*, à l'Agence Havas, place de la Bourse, 8, à *Londres*, chez MM. Delizy, Davies et Cº, 1, Finch Lane, Cornhill, London E. C.; à *Berlin*, M. Rudolf Mosses, Jerusalemerstrasse, 48; à *Vienne*, et à *Hambourg*, chez MM. Haasenstein et Vogler; à *Strasbourg*, chez M. Ang. Amel, mrue Brûlée, 5.

САРПИНКА И САРПИНСКАЯ ЧЕСУЧА

СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКАЦІИ.

Пересылку тканей по заказамъ фирма принимаетъ НА СВОЙ СЧЕТЪ. | Альбомъ съ образцами высылается по требованію БЕЗПЛАТНО.

Адресъ: САРАТОВЪ, торговому дому „БЕНДЕРЪ и СТЕПАНОВЪ", въ Пассажѣ.

Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ розничный магазинъ: Невскій, № 18 (подъ аптекой).

ПРИДВОРНЫЕ ПОСТАВЩИКИ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

А. РАЛЛЕ и Кº.

МОСКВА — С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ НА ВСЕМІРН. ВЫСТАВКѢ ПАРИЖѢ 1889 ГОДА.

Новость!!! ДУХИ Новость!!!

„ПЕРВЫЙ ПОЦѢЛУЙ"

МЫЛО ЧЕРЕМУХОВОЕ съ ГЛИЦЕРИНОМЪ

МЫЛО КАЗАНЛЫКСКАЯ РОЗА.

МЫЛО БЕРЕЗОВОЕ съ ГЛИЦЕРИНОМЪ.

ДУХИ ПРЕКРАСНЫЕ.

МЫЛО ЯИЧНОЕ ИЗОБРѢТЕННОЕ НАМИ въ 1845 г.

МЫЛО ЦВѢТОЧНО-ГЛИЦЕРИНОВОЕ

МЫЛО АББЕССИНСКОЕ

ДУХИ ПЕРСИДСКАЯ СИРЕНЬ

О-ДЕ-КОЛОНЪ ДИСТИЛЛИРОВАНН. НА ЦВѢТАХЪ ВСЕВОЗМОЖН. ЗАПАХОВЪ.

ПРОДАЮТСЯ ВО ВСѢХЪ МАГАЗИНАХЪ РОССІЙСК. ИМПЕРІИ.

Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ оптовая торговля: Садовая, уголъ Чернышева пер., № 19.

ДУЭЛЬ. повѣсть Виктора Бибикова. Въ 8 д. л. 4 печатн. листа. Цѣна 50 коп. съ перес. 65 к. Книгоиздательство ГЕРМАНЪ ГОППЕ: Садовая, 22.

EAU, PÂTE, POUDRE DENTIFRICES

DOCTEUR PIERRE

DE LA FACULTÉ DE MEDECINE DE PARIS

EN VENTE PARTOUT

ТРЕБУЙТЕ НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО ПРОВИЗОРА

А. М. ОСТРОУМОВА

ПРОТИВЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ, ИМѢЮЩЕЕ УТВЕРЖДЕННУЮ ПРАВИТЕЛЬСТВ. МАРКУ ЗА № ... ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.

КУСОКЪ 30 К. И 50 КОП. ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ

Складъ: Москва, Введенскій пер. д. Петровыхъ.

РЕСТОРАНЪ Ю. ЛОМАЧА,

Садовая, уголъ Невскаго, 14—52.

ЗАВТРАКЪ

отъ 11 час. утра до 3 час. пополудни, по 75 коп., изъ двухъ блюдъ на выборъ.

ОБѢДЪ

отъ 3 до 8 часовъ, по 1 руб., изъ 4-хъ блюдъ на выборъ.

УЖИНЪ

отъ 10 час. вечера, изъ 3-хъ блюдъ. 1 руб.

МЕХАНИЧЕСКІЕ

музыкальные инструменты, на которыхъ играютъ посредствомъ верченія ручки:

ПІАНО-МЕЛОДИКО

(новый механическій инструментъ со струнами). Тонъ очень пріятный, сходный съ тономъ оркестра изъ мандолинъ. Цѣна инструмента безъ нотъ 80 р. Ноты отдѣльно по 70 коп. за метръ (м.=1½ арш.).

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ

очень удобенъ для танцевъ. Цѣна 65 руб. Ноты по 1 р. 20 к., 2 р. 40 к. и дороже.

ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ.

Цѣна 28 р. Пьесы по 60 к.

ГЕРОФОНЪ

съ приспособленіемъ для громкой и тихой игры. Цѣна 26 р. Пьесы по 50 к.

АРИСТОНЪ-ОРГАНЪ.

Цѣна 22 р. Пьесы по 50 к.

ДѢТСКІЙ АРИСТОНЪ.

Цѣна 6 р. Пьесы по 25 к.

Каталоги пьесъ и иллюстрированный прейсъ-курантъ высылаются безплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ

ЦИММЕРМАНЪ,

ГЛАВНОЕ ДЕПО

МУЗЫКАЛЬНЫХЪ

инструментовъ и нотъ:

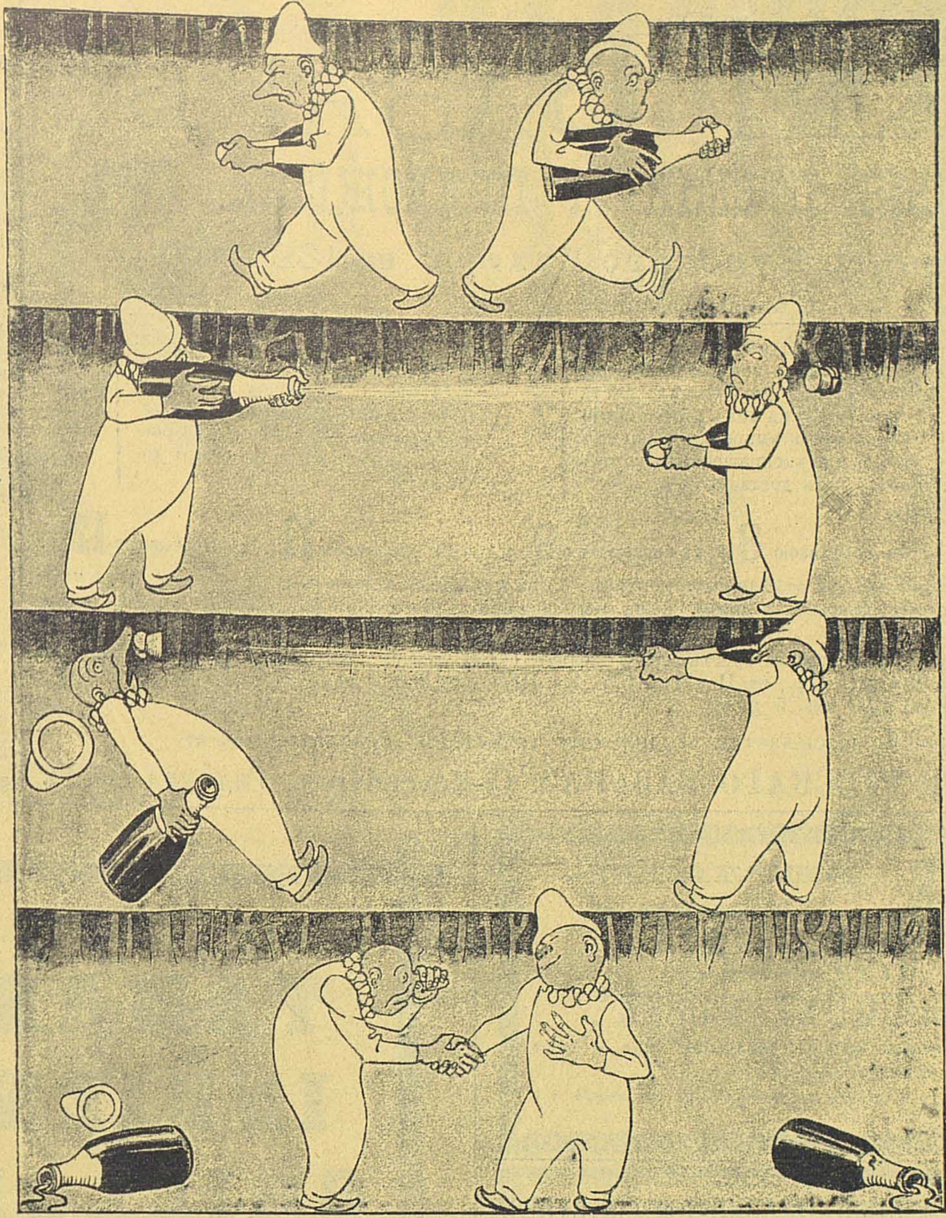
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Б. Морская, № 34 и 40; МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, д. Захарьина.

Прекрасная Галатея.

Статуя Ванъ-деръ-Вейде по фотографіи съ натуры.

БЛАГОРОДНЫЙ ПОЕДИНОКЪ.

(Въ масляничномъ духѣ).



Элеосферологія

Вотъ наука, о которой вы навѣрное никогда не слыхали, а между тѣмъ вы практически знакомы съ ней съ самаго малолѣтства... Это не болѣе и не менѣе, какъ искусство пускать мыльные пузыри. Въ громкомъ названіи, примѣненномъ къ пустячному дѣлу, лежитъ своего рода юморъ, который бы могъ дать фельетонисту благодарнѣйшій матеріалъ для болѣе или менѣе остроумныхъ мудрствованій шутокъ, сопоставленій и проч. Наша задача куда скромнѣе: нашъ девизъ — развлеченіе и польза, хотя бы послѣдняя выражалась лишь тѣмъ, что предлагаемые нами опыты помогутъ, при бездѣльи или между дѣломъ, провести время безъ скуки.

Въ минувшемъ году „Всемірная Иллюстрація“ не разъ предлагала опыты съ мыльными пузырями; такъ какъ кругъ читателей нашихъ годъ отъ году расширяется, то повторимъ здѣсь вкратцѣ рецептъ для изготовленія *крупныхъ* и *прочныхъ* мыльныхъ пузырей, т. е. такихъ, которые бы не боялись вѣтра, держались бы почти цѣлый часъ и были бы способны раздуться до вмѣстимости 30 литровъ воздуха. Жидкость, изъ которой возможно изготовить такіе пузыри, состоитъ изъ смѣси $^1/_3$ частей, по вѣсу, глицерина и $^2/_3$ частей оленнокислой соды. Существуетъ еще не мало другихъ составовъ, но всѣ они безусловно хуже.

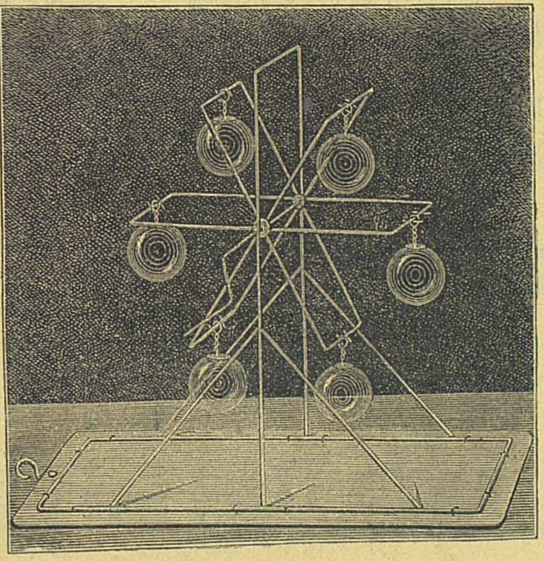


Рис. 2. Мельница.

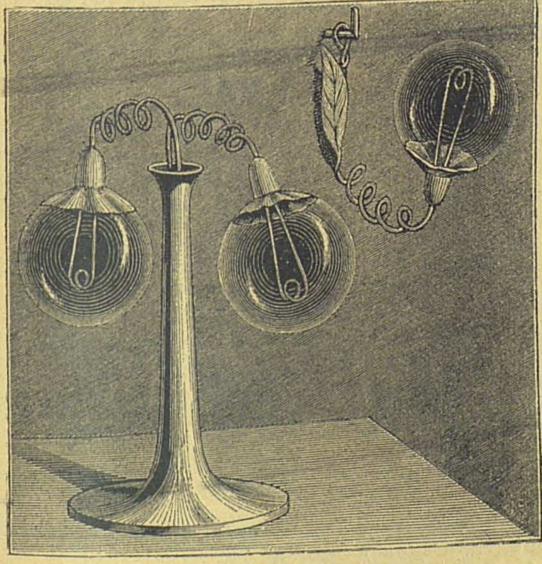


Рис. 1. Поддѣльныя электрическія лампочки.

Для выдуванія служатъ соломенка или перышко, одинъ конецъ которыхъ долженъ быть расщепленъ на 4 части. Способъ употребленія этого „инструмента“, надѣемся, достаточно извѣстенъ каждому. Для болѣе крупныхъ пузырей можно употребить глиняную трубку или сигарный мундштукъ, а для среднихъ—тростникъ.

При существующихъ сильныхъ морозахъ ближайшій опытъ съ пузырями заключается въ томъ, чтобы ихъ *заморозить*. Для этой цѣли выдуваютъ нѣсколько крупныхъ шаровъ и „подвѣшиваютъ“ ихъ на стебельки, т. е. кругломъ кусочкѣ картона (напр. отъ игральной карты), сквозь который продѣта шелковинка, придерживаемая узелкомъ. Если нѣсколько такихъ шаровъ вздуть на воздухѣ и дать имъ не только замерзнуть, но и покрыться налетомъ инея или снѣжинками, то, при освѣщеніи ихъ бенгальскимъ огнемъ, получится очень красивое украшеніе,—и особенно на „отставной“ елкѣ, а еще лучше на живой.

Поддѣльныя электрическія лампочки (см. рис. 1), дѣлаются двоякимъ образомъ: 1) если у васъ есть стебельки изъ подъ фарфоровыхъ цвѣтковъ, то посредствомъ тоненькой мѣдной проволоки сдѣлайте внутренній уголекъ и придѣлайте стебелекъ къ общему стержню (канделябру), края стебля смочите жидкостью и привѣсьте мыльный пузырь; 2) если у васъ стебля нѣтъ, то возьмите вполнѣ распустившійся цвѣтокъ крупнаго гіацинта и поступите съ нимъ также.

Мельница (см. рис. 2), модель которой приложена тутъ же, сдѣлана изъ соломы и тоненькой проволоки; пузыри привѣшены къ крошечнымъ кружкамъ изъ карточнаго картона. Благодаря прочности пузырей (которые слѣдуетъ, пожалуй, и заморозить), мельница можетъ вертѣться.

Горный духъ (см. рис. 3) состоитъ изъ небольшой фарфоровой фигурки, поставленной на маленькую фруктовую или бисквитную вазу; края вазы и вся фигурка смачивается мыльною жидкостью, послѣ чего на все это, въ видѣ стекляннаго колпака, надувается мыльный пузырь. Рядомъ съ фигурой кладется на пепельницу горящая сигара, дымъ которой, поднявшись до пузыря, какъ бы прилипаетъ къ нему и обдаетъ всю фигуру облакомъ пара. Тогда воткните конецъ соломенки въ пузырь и слегка втяните воздухъ въ себя; вслѣдствіе этого пузырь нѣсколько убавится въ объемѣ, такъ что голова фигуры выйдетъ наружу.

Подобныхъ опытовъ можно придумать множество: дѣлаютъ напр. подвижной винтъ или пробочникъ изъ концентрически вырѣзаннаго картона, смазаннаго мыльною жидкостью; дѣлаютъ и вѣтрянную мельницу съ широкими *плоскими* крыльями; дѣлаютъ надъ фонтанчикомъ замороженный глобусъ, и т. д., и т. д. Всего интереснѣе, конечно, придумывать и разнообразить такіе опыты самому. *Магъ*

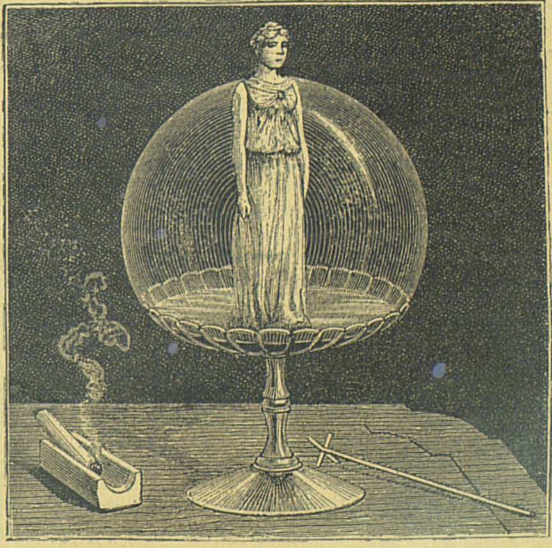


Рис. 3. Горный духъ.

Главная контора и редакція „Всемірной Иллюстраціи“ находятся въ С.-Петербургѣ, на Садовой ул., № 22.
Въ Москвѣ отдѣленія конторы находятся: 1) при книжн. маг. А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, 15, и 2) при конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи.

Дозв. цензурою. СПБ. 4 февраля 1893 г. Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

25-й годъ | № 1256 | 49-й томъ

Суббота 13-го февраля 1893 г.

Цѣна нумеру 35 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки на годъ . **15** руб.
(при подпискѣ въ главной конторѣ редакціи).
Съ доставкою на годъ . . . . **17** »

Въ Москвѣ безъ доставки на годъ . . . . . . **17** руб.
Съ пересылкою во всѣ города Россійской имперіи на годъ . . . . **18** »

Подписная цѣна на полгода съ доставкою и пересылкою . . . . **9** руб.
За границу (въ государства всемірнаго почтоваго союза) **20** руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Редакція и главная контора: Садовая ул. № 22.

МЕЛОЧИ ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. Каррикатуры Анріо.

— Молодой человѣкъ!.. въ мое время насъ кормили въ лицеѣ такъ же, какъ васъ, и мы все-таки не жаловались, не писали объ этомъ въ газетахъ.
— Такъ-то такъ, но васъ не заставляли дѣлать такія физическія упражненія, отъ которыхъ аппетитъ учетверяется.

Башня Эйфеля облекается въ трауръ по случаю „несчастія", приключившагося съ ея родителемъ.

— Я желалъ бы предстать на судъ передъ присяжными изъ плутовъ.
— К-а-акъ? Что-о-о?
— Ну, да, потому что сдѣлать настоящую оцѣнку моей личности могутъ только мнѣ равные.

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

№ 1256. Годъ XXV. 13-го февраля 1893 г. Томъ XLIX. № 8.

СНѢГЪ ВО ФЛОРЕНЦІИ

Разсказъ

Ю. ЗЕЙЕРА

Передъ домомъ стараго Людовика Леопардо Буонаротти остановились трое юношей, закутанныхъ въ теплые плащи, такъ какъ ночь была очень холодная. Темныя улицы были совершенно пусты; по нимъ гулялъ лишь, свистя, холодный вѣтеръ. Казалось, весь домъ погруженъ былъ въ глубокій сонъ. Слабый свѣтъ виднѣлся только изъ одного окошка и дрожа падалъ на влажную панель. Одинъ изъ юношей взялъ бронзовую ручку и мѣрно постучалъ ею по полусгнившей дубовой двери. Товарищи его дрожали отъ холода.

— Неужели онъ не слышитъ? заворчалъ одинъ.

— Какой невѣжа! сказалъ другой.

— Наконецъ-то! смѣясь замѣтилъ третій, увидя, что свѣтъ сталъ переходить отъ одного окна къ другому и потомъ исчезъ. Затѣмъ послышались тяжелые шаги, свѣтъ сверкнулъ въ скважинѣ ключа, загремѣлъ замокъ, дверь медленно пріотворилась, и изъ темноты неопредѣленно выступила фигура молодаго человѣка, державшаго надъ головой свѣтильникъ, которымъ онъ освѣтилъ улицу. Задумчивое его лицо казалось желтымъ при мелькающемъ огнѣ свѣтильника.

— Кто здѣсь? спросилъ онъ не особенно привѣтливо.

— Друзья! закричали въ одинъ голосъ всѣ трое пришедшихъ и громко разсмѣялись. Онъ старался больше освѣтить ихъ лица и молчалъ.

— У меня ихъ нѣтъ! очевидно говорила горькая улыбка его рта. Молодые люди, не обращая вниманія на это, проговорили ему свои имена: мы, Баччіо, Джентиле, Маріотто.

— Я васъ знаю, отвѣтилъ имъ медленно Микель Анджело, какъ бы припоминая.

Онъ знавалъ ихъ при дворѣ Лаврентія Медичи, Лаврентія Великолѣпнаго, того самаго Лаврентія, который его любилъ и цѣнилъ, который передъ нимъ раскрывалъ не только свой дворецъ, но все свое сердце, того самаго Лаврентія, который такъ недавно умеръ во цвѣтѣ лѣтъ, спокойно, какъ Сократъ, спокойно, какъ солнце, заходившее за Апеннины и не оставлявшее на нихъ ничего кромѣ блѣдно-золотистаго сіянія.

Микель Анджело зналъ этихъ молодыхъ людей. Они принадлежали къ самымъ знатнымъ фамиліямъ Флоренціи. Какъ часто бывало прежде онъ встрѣчался съ ними въ блестящихъ залахъ дворцовъ Медичи или подъ тѣнью лавровъ и пиній въ Карреджи, гдѣ всегда ему невольно представлялись видѣнія греческихъ боговъ, или въ райскихъ садахъ виллы Амбры, гдѣ ему казалось, что возобновились времена Платона, что святыя явленія чистой красоты и великой правды спустились снова съ необъятной лазури на смѣющуюся землю... Онъ зналъ этихъ трехъ юношей, но, увидавъ ихъ передъ собою, вспоминалъ лишь о Лаврентіи и о его минувшей эпохѣ.

— Что вамъ отъ меня угодно? сказалъ онъ наконецъ.

— Клянусь Венерой! воскликнулъ Баччіо нетерпѣливо и обиженно,— во первыхъ, болѣе привѣтливой встрѣчи.

— Тише! успокоивалъ его болѣе серіозный Маріотто и обратился къ Микель Анджело:

— Старыя времена, сказалъ онъ, — времена Лаврентія Медичи возобновились во Флоренціи. Пьетро Медичи хочетъ слѣдовать по стопамъ своего отца. О! навѣрно съ весною въ Амбрѣ появятся не только розы, но и граціи. Новая жизнь начинается въ домѣ Медичисовъ. Дворъ Петра дѣлается оживленнымъ.

— Петръ Медичи любитъ искусство, прибавилъ Джентиле,—и потому онъ тебя цѣнитъ. Онъ высказался, что будетъ гордиться, если удастся ему привлечь тебя въ свой домъ.

— Какъ того испанскаго рысака, который бѣгаетъ скорѣе, чѣмъ его собственныя лошади, прервалъ ихъ Микель Анджело съ горечью.— Онъ вѣдь и тѣмъ гордится, что добылъ рысака.

— А ты завидуешь рысаку? смѣясь замѣтилъ Баччіо.

СТЕФЕНЪ-ГРОВЕРЪ КЛЕВЕЛЕНДЪ, новый президентъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, и его супруга.

Микель Анджело молча и гордо отвернулся.

— Холодно, сказалъ онъ черезъ минуту. — Что вамъ отъ меня нужно?

Маріотто снова заговорилъ:

— Пьетро ди Медичи послалъ насъ за тобою. Въ палаццо Питти сегодня праздникъ. Среди музыки, пѣнія и веселья онъ вспомнилъ про тебя и сказалъ, что хочетъ чего-то у тебя просить. Мы и предложили ему тотчасъ привести тебя. Пойдемъ!

Мекель Анджело не шевелился и молчалъ.

— Надѣюсь, что ты понимаешь, какая это тебѣ честь, сказалъ Баччіо нахмуривъ брови. — Ты знаешь, что такое Пьетро, а мы — мы также вѣдь не слуги!

— Я не пойду, коротко отвѣтилъ Микель Анджело.— Благодарю васъ и благодарю Пьетро ди Медичи. Передайте ему отъ меня, что я нездоровъ и размышляю надъ книгою, написанною другомъ его отца, Анджело Полиціано.

— А этотъ самый Полиціано, вскричалъ Джентиле, — въ эту минуту также находится въ палаццо Питти и просилъ передать тебѣ поклонъ отъ его имени.

— Неужели ты оскорбишь отказомъ Пьетро? съ удивленіемъ спросилъ его Маріотто.

— Полиціано во Флоренціи, въ палаццо Питти! воскликнулъ Микель Анджело, и лицо его все просіяло. Онъ поставилъ свой свѣтильникъ на карнизъ.

— Войдите, сказалъ онъ тремъ пришедшимъ, — я пойду съ вами сейчасъ.

Онъ быстро удалился во внутреннія комнаты.

— Высокомѣріе его невыносимо, разразился Баччіо. — Онъ съ нами говоритъ, будто дѣлаетъ намъ этимъ честь.

— Молчи! напомнилъ ему Маріотто, потому что Микель Анджело въ эту минуту возвращался со шляпой на головѣ и закутанный въ фіолетовый плащъ, подаренный ему Лаврентіемъ Медичи два года тому назадъ, когда онъ былъ у него въ первый разъ.

— Пойдемте! сказалъ Джентиле. — Мы отъ холода совсѣмъ окоченѣли.

Микель Анджело заперъ домъ на ключъ, и они пошли. Вѣтеръ гудѣлъ. Въ лучѣ свѣта, случайно выходившаго изъ окна высокаго стараго дома въ пустой и темной улицѣ, заблестѣли большие хлопья снѣга.

— Снѣгъ, сказалъ Микель Анджело, замѣчая это рѣдкое во Флоренціи явленіе и заглядываясь въ теченіе нѣсколькихъ минутъ на движеніе этихъ бѣлыхъ сверкающихъ пушинокъ, напоминающихъ и бабочекъ, и звѣзды.

— Пойдемъ скорѣе! просилъ его Джентиле. — Прислугу со свѣтильниками мы оставили недалеко, возлѣ рѣки. Намъ не хотѣлось нарушать покой твоей тихой улицы. Мы вспомнили строгое лицо твоего отца, и я надѣюсь, что мы такъ тихо къ тебѣ постучали, что его не разбудили.

Они быстро пошли по темнымъ извилистымъ улицамъ, между мрачными безмолвными дворцами, которые теперь казались еще пасмурнѣе, потому что надъ ними висѣли тяжелыя снѣговыя тучи. На Лунгарно ожидали слуги съ факелами и свѣтильниками, которыхъ пламя, колеблемое вѣтромъ, озаряло выступавшие изъ тьмы громадные дома. Арно шумѣла среди ночи, а на противоположномъ берегу выднѣлась церковь Санъ-Миньято, стоявшая, какъ призракъ, на вышинѣ среди лѣса черныхъ кипарисовъ. Ихъ путь лежалъ черезъ „Старый мостъ“, на которомъ низенькіе домики жались одинъ къ другому. Никто бы не подумалъ, вглянувъ на нихъ ночью, что это были тѣ же самыя строенія, которыя днемъ такъ блистательно сіяли драгоцѣнностями, дорогими камнями и раскошными произведеніями флорентинскихъ ювелировъ, выложенными на прилавкахъ, сверкавшими на солнцѣ и привлекавшими весь городъ къ себѣ своею красотою. Путники прошли еще нѣсколько улицъ за мостомъ и очутились наконецъ передъ дворцомъ Питти. Его громадныя стѣны были освѣщены, какъ отблескомъ пожара, краснымъ свѣтомъ факеловъ, прикрѣпленныхъ къ желѣзнымъ держаламъ, которыя торчали между исполинскими камнями зданія. Множество коней на площади нетерпѣливо били ногами каменную мостовую въ ожаданіи гостей, весело пировавшихъ у Пьетро Медичи.

Изъ дворца слышались по временамъ смѣхъ, музыка и пѣніе, заглушаемые воемъ вѣтра.

— Наконецъ-то! радостно воскликнулъ Баччіо и граціознымъ движеніемъ стряхнулъ хлопья снѣга со складокъ своего плаща.

Остальные послѣдовали его примѣру и быстро повернули за уголъ дворца.

Весь подъѣздъ сіялъ огнями; дворъ, гдѣ шумѣлъ и пѣнился большой фонтанъ, также былъ ярко освѣщенъ, а за нимъ, какъ бы утопая въ сѣрой бездонной мглѣ, шелестѣли въ саду силуэты кипарисовъ, кедровъ, илексовъ и пиній подъ незнакомымъ бременемъ выпавшаго снѣга.

Микель Анджело на все это снова заглядѣлся, но товарищи его опять заторопили, и вмѣстѣ съ ними онъ сталъ подниматься по величественной лѣстницѣ наверхъ. Они очутились въ громадной залѣ, увѣшанной великолѣпными коврами. Возлѣ камина, гдѣ горѣлъ огонь, сидѣлъ Пьетро Медичи и живо разговаривалъ. Онъ милостиво кивнулъ головою Микель Анджело, привѣтствовалъ его тремя словами, отвернулся и, забывая объ его присутствіи, продолжалъ развлекаться дальше. Микель Анджело не обратилъ вниманія на холодный его пріемъ; онъ зналъ, что обязанъ былъ этимъ приглашеніемъ лишь мимолетному капризу, и самъ къ тому же холодно и почти невнимательно поклонился Пьетро входя. Онъ обратилъ глаза свои въ глубину залы, какъ будто бы кого искалъ. Вскорѣ онъ увидѣлъ почтенное лицо поэта Полиціано, одиноко сидящаго въ амбразурѣ высокаго окна. Когда глаза ихъ встрѣтились, строгіе и тонкіе, какъ на кареѣ, черты лица поэта озарились доброй улыбкой; Микель Анджело сейчасъ же подошелъ къ нему, и они радостно пожали другъ другу руки. Въ глазахъ обоимъ выразилось глубокое волненіе; оба подумали объ одномъ и томъ же. Оба они вспомнили объ умершемъ Лаврентіи, Карреджи, о ясныхъ солнечныхъ дняхъ, и оба взаимно угадали мысли одинъ другаго. Микель Анджело сѣлъ возлѣ поэта; оба глубоко вздохнули и просидѣли молча нѣсколько минутъ. Затѣмъ сдвинули близко свои крѣсла, такъ какъ господствовавшій въ залѣ шумъ изолировалъ ихъ отъ остальнаго многочисленнаго общества, которое сосредоточивалось все вокругъ Пьетро, и вызывалъ ихъ къ бесѣдѣ болѣе интимной.

— Какъ давно тебя я не видалъ! сказалъ Полиціано, тронутый той радостью, которую Микель Анджело такъ открыто выразилъ, увидѣвъ его.

— А я какъ тосковалъ по васъ! отвѣтилъ ему Микель Анджело.—Вамъ хорошо извѣстно, чѣмъ вы были для меня! Вы первый дали мнѣ толчекъ и смѣлость къ самостоятельной работѣ, и изъ источника вашего ума и вашихъ знаній я, невѣжда, я осмѣлился черпать и жажду мою утолять!

Полиціано разсмѣялся и замахалъ рукой, какъ бы обороняясь отъ этой похвалы.

— Еслибъ искра въ тебѣ не тлѣла, еслибъ пламя въ тебѣ скрыто не горѣло, мои толчки были бы напрасны, мой Микель Анджело! Мои разсказы о Деянирѣ, о Гераклѣ и боѣ его съ центавромъ не могли бы для тебя быть чѣмъ-то совершенно новымъ; указанія, что это подходящій предметъ для рельефа могли слышать кромѣ тебя сто другихъ юношей, но Микель Анджело единый изъ всѣхъ былъ такъ способенъ и даровитъ, что могъ осуществить на дѣлѣ это простое предложеніе и изъ неясной мглы фантазіи создать чудесно цѣлый ясный міръ красоты и силы. Ты единственный изъ ста! Нѣтъ, изъ всего поколѣнія! Поэтому не удивляйся, что у тебя тотчасъ явились не только девяносто девять, но цѣлые легіоны завистниковъ!

— Говорятъ, что будто бы я красоты не вижу, съ грустью сказалъ юноша, вспоминая о тѣхъ завистникахъ, о которыхъ упомянулъ поэтъ.

— Потому, что ты создаешь ее такою, какою чувствуешь въ самомъ себѣ, а не такою, какою представляютъ себѣ другіе, потому что не подражаешь той, какую привыкли видѣть и которою исключительно и слѣпо привыкли восхищаться. Я разумѣю красоту великихъ грековъ.

Микель Анджело весь просіялъ и положилъ руку ему на плечо.

— Вы знаете меня лучше, чѣмъ я самъ себя знаю! вскричалъ онъ, — и то, что я чувствую неясно и неопредѣленно, вы умѣете такъ прекрасно выразить словами! Вы знаете, какъ я боготворю грековъ.

— И тѣмъ не менѣе остаешься Микель Анджело, а это-то именно то, что надо, смѣясь замѣтилъ Полиціано.

— Вѣдь я же не грекъ и не родился нѣсколько вѣковъ тому назадъ! горячо сказалъ Микель Анджело. — Съ тѣхъ поръ, какъ Троя пала, вѣдь жилъ Христосъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Паллада Аѳина ясно и спокойно глядѣла на солнце, весь міръ узналъ, что такое сила любви и трепетъ страданій. Мы знаемъ ихъ Елену, но они и не подозрѣвали существованія Беатриче, они не слѣдовали вмѣстѣ съ Данте черезъ адъ, чистилище, въ блаженный рай. Вы, синьоръ Полиціано, вы поняли все это лучше всѣхъ и высказали ясно то, что я именно добиваюсь хоть слобо начертать въ моихъ работахъ. Доказательствомъ служитъ ваше стихотвореніе, которое часъ тому назадъ я снова перечелъ, то стихотвореніе, которое тотъ древній вѣчно юный греческій миѳъ одарило новой жизнью и вдохнуло въ него столько новаго чувства. Я говорю о вашемъ Орфеѣ.

Грустная улыбка появилась на губахъ поэта.

Окончаніе будетъ

Изъ „Пѣсенъ сердца“

Долго понять я не могъ —
Что это съ сердцемъ творится,
Что заставляетъ его
Смутнымъ желаньемъ томиться.
Въ ласковомъ взорѣ твоемъ
Я отыскалъ для загадки,
Заданной мною себѣ,
Двѣ роковыя разгадки:
Понялъ, что весь я — любовь,
Понялъ, что любишь меня ты...
Новое счастье затмитъ
Стараго горя утраты...

Все, что казалося мнѣ
Только волненьемъ напраснымъ, —
Стало возможнымъ теперь,
Сдѣлалось близкимъ и яснымъ.
Нѣтъ ни томительныхъ думъ,
Нѣтъ ни тоски, ни сомнѣнья, —
Полонъ я грезъ молодыхъ —
Трепетныхъ грезъ возрожденья.
Другъ мой, тебя я люблю!
Милая, любишь меня ты!
Будемъ же вѣрить любви,
Пламенемъ страсти объяты...

Апол. Коринфскій

8 (20) февраля 1893 г.

Прошлая недѣля по своему праздничному характеру не могла представить для нашей публики выдающагося интереса на почвѣ вопросовъ русской внутренней политики. Обычное масляничное оживленіе зависѣло и нынѣ, какъ ежегодно, отъ причинъ, ничего общаго

съ этой политикой не имѣющихъ. Въ серьезныхъ кружкахъ столичнаго общества интересовались, однако же, довольно живо нѣкоторыми извѣстіями, приходившими изъ Берлина и находящимися въ связи съ идущими въ настоящее время переговорами русскаго правительства съ правительствомъ германскимъ о таможенныхъ отношеніяхъ двухъ сосѣднихъ имперій.

Сущность этого дѣла заключается въ томъ, что въ Берлинѣ желали бы добиться отъ Россіи кое-какихъ таможенныхъ льготъ по ввозу къ намъ произведеній германской промышленности и взамѣнъ такой уступки предлагаютъ распространить на наше отечество условія торговыхъ трактатовъ, заключенныхъ Германіею съ державами тройственнаго союза. Возможный исходъ этихъ переговоровъ до сихъ поръ остается еще вполнѣ загадочнымъ, но въ Германіи партія землевладѣльцевъ, которую съ нѣкоторыхъ поръ тамъ стали оффиціально называть „аграрною партіею", ведетъ сильную агитацію противъ распространенія на Россію портово-таможенныхъ льготъ, которыми уже пользуется Австро-Венгрія. Есть много причинъ полагать, что въ этой горячей оппозиціи нѣмецкихъ, или, правильнѣе говоря, *прусскихъ*, землевладѣльцевъ кроется задняя мысль продать правительству ихъ согласіе на военную реформу цѣною выгодныхъ уступокъ спеціальнымъ интересамъ „аграрной" партіи. Въ отчаянномъ русофобствѣ, овладѣвшемъ съ нѣкоторыхъ поръ прусскимъ помѣстнымъ дворянствомъ, есть много искусственнаго. Тѣмъ не менѣе оно уже довело почти до открытаго столкновенія между ихъ партіею и правительствомъ. Германскому канцлеру, графу Каприви, пришлось за послѣдніе дни значительно измѣнить тонъ своихъ отзывовъ о нашемъ отечествѣ и горячо отстаивать право имперскаго правительства искать торговаго и таможеннаго сближенія съ Россіею.

Дѣло военной реформы тѣмъ временемъ вовсе не подвигается впередъ въ германскомъ парламентѣ. Разсматривающая военный законопроектъ коммиссія отвергла всѣ компромиссы, предложенные отъ имени различныхъ парламентскихъ фракцій, равно какъ и параграфъ правительственнаго проекта, устанавливающій „условно" двухлѣтній срокъ дѣйствительной службы для пѣхотнаго войска. Становится до извѣстной степени вѣроятнымъ, что численное усиленіе мирнаго состава германской арміи осуществится не такъ скоро, какъ это полагали сначала очень многіе не только въ Германіи, но и вообще въ Европѣ.

Австро-Венгрія тѣмъ временемъ продолжаетъ представлять собою зрѣлище безплодныхъ усилій правительства положить конецъ безчисленнымъ внутреннимъ затрудненіямъ, его одолѣвающимъ. Австрійское министерство Таафе, повидимому, отказалось окончательно отъ попытки создать въ вѣнскомъ рейхсратѣ большинство при участіи въ немъ нѣмецкихъ либераловъ, добивающихся возвращенія къ системѣ „непримиримаго" дуализма, а венгерское министерство Векерле все не можетъ справиться съ оппозиціей мадьярскихъ католиковъ, поддерживаемыхъ сторонниками полной политической автономіи своего отечества въ той надеждѣ, что такой порядокъ вещей дастъ имъ возможность держать въ черномъ тѣлѣ многочисленныхъ венгерскихъ славянъ.

Въ Англіи на прошлой недѣлѣ состоялось наконецъ, какъ уже извѣстно читателямъ, внесеніе Гладстономъ въ палату общинъ ирландскаго билля. Глава министерства произнесъ при этомъ длинную и краснорѣчивую рѣчь, въ которой онъ изложилъ сущность предлагаемой имъ реформы. Сущность эта состоитъ въ слѣдующемъ. Ирландіи предполагается даровать полную правительственную и парламентскую автономію во всемъ, что касается ея внутреннихъ дѣлъ. Ирландскій парламентъ долженъ состоять изъ двухъ палатъ — верхней и нижней. Члены нижней палаты избираются съ неодинаковыми сроками полномочій. Члены верхней палаты назначаются избирателями съ весьма значительнымъ имущественнымъ цензомъ (платящими 20 ф. ст. годового налога) и поэтому явятся какъ бы охранителями крупныхъ имущественныхъ интересовъ, т. е. части населенія Ирландіи, наиболѣе преданной англійскому правительству. Ирландскій парламентъ будетъ имѣть право обсуждать въ законодательномъ порядкѣ только внутреннія дѣла острова, не касаясь дѣлъ, имѣющихъ общегосударственное значеніе. Въ расходахъ общегосударственныхъ Ирландія должна участвовать въ размѣрахъ опредѣленныхъ, какъ выразился Гладстонъ, и по принципу строгой справедливости. Во главѣ исполнительной власти будетъ стоять вице-король, назначаемый британскимъ правительствомъ на шестилѣтній срокъ, но могущій быть смѣненнымъ и ранѣе. При выборѣ этого сановника правительство не должно принимать въ разсчетъ его вѣроисповѣданіе, т. е. можетъ назначить протестанта точно также, какъ и католика. Вице-король будетъ управлять при содѣйствіи особаго совѣта, организованнаго по образцу англійскаго министерства. Нынѣшняя полиція, состоящая на жалованьѣ и въ вѣдѣніи лондонскаго правительства, будетъ постепенно замѣнена полиціею, находящеюся въ зависимости только отъ ирландскихъ властей. Въ англійскомъ парламентѣ Ирландія сохранитъ своихъ представителей, числомъ 81, т. е. гораздо менѣе многочисленныхъ, чѣмъ нынѣ. Въ преніяхъ, касающихся исключительно англійскихъ интересовъ, эти ирландскіе депутаты права голоса имѣть не будутъ. Главная цѣль ихъ присутствія — доказывать, что государственное единство соединеннаго королевства остается ненарушеннымъ.

Англійскіе либералы палаты общинъ встрѣтили билль Гладстона восторженнымъ одобреніемъ. Ирландцы тоже высказались въ его пользу съ нѣкоторыми незначительными оговорками, касающимися, впрочемъ, только финансовой стороны дѣла, т. е. размѣровъ участія Ирландіи въ общегосударственныхъ расходахъ. Консерваторы и уніонисты, какъ и слѣдовало ожидать, напали на билль съ величайшимъ ожесточеніемъ, доказывая, что задуманная Гладстономъ реформа нарушитъ государственное единство и оставитъ въ Ирландіи безъ всякой защиты тамошнее протестантское меньшинство. Палата тѣмъ не менѣе приняла билль въ первомъ чтеніи единогласно. Второе чтеніе назначено на 1 (13) марта, и до этого дня отложена рѣшительная борьба.

Во Франціи министерство Рибо поставило еще разъ въ прошлый четвергъ вопросъ о довѣріи въ палатѣ депутатовъ съ цѣлью опредѣлить — какой именно программы намѣрено оно держаться послѣ единогласнаго одобренія этою палатою извѣстной рѣчи г. Кавеньяка. Г. Рибо въ краснорѣчивой, но нѣсколько туманной рѣчи объявилъ, что не намѣренъ отдавать себя въ распоряженіе какой либо парламентской фракціи, а хочетъ управлять страною вообще въ „строго республиканскомъ духѣ". Это могло значить одинаково, что онъ не расположенъ подчиняться требованіямъ консерваторовъ, перешедшихъ на сторону республики, какъ и требованіямъ крайнихъ радикаловъ фракціи г. Клемансо, но послѣдніе, чувствуя, повидимому, шаткость своего положенія, притворились, что считаютъ главу президента только отрекшимся отъ всякаго сближенія съ выше названными консерваторами, и когда г. Рибо выразилъ согласіе на формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, выражающую увѣренность, что правительство сохранитъ неприкосновенными „демократическіе", т. е. антиклерикальные, законы страны, подали голоса въ пользу этой формулы. Получилось такимъ образомъ правительственное большинство въ 315 голосовъ (противъ 186-ти), состоящее изъ членовъ всѣхъ республиканскихъ фракцій лѣвой стороны. Опасность министерскаго кризиса миновала, и палата снова перешла къ обсужденію бюджета на текущій годъ.

Въ Италіи единственнымъ выдающимся событіемъ минувшей недѣли было вчерашнее празднованіе епископскаго юбилея папы Льва XIII. Престарѣлый глава католической церкви явился въ этотъ день въ соборѣ св. Петра передъ народомъ совершенно бодрый и здоровый вопреки всѣмъ слухамъ, ходившимъ за послѣднее время о его серьезно-болѣзненномъ положеніи.

Ю. Э. Янсонъ †

Кажется, давно ли извѣстный всей образованной Россіи ученый, статистикъ Юлій Эдуардовичъ Янсонъ, праздновалъ тридцатипятилѣтній юбилей своей служебной и учено-литературной дѣятельности. Это было 7-го октября 1891 года. И вотъ неумолимая смерть похитила у насъ этого знаменитаго ученаго. Онъ скончался скоропостижно 31-го истекшаго января отъ паралича сердца. Надо ли говорить, какая это громадная потеря для науки русской, для общества, для нашей столицы, для которой профессоръ Янсонъ сдѣлалъ такъ много. Чѣмъ такое представлялъ собою нашъ высокоталантливый ученый, какое онъ имѣлъ значеніе, объ этомъ уже было подробно сказано въ нашемъ журналѣ по поводу юбилея незабвеннаго Юлія Эдуардовича, была дана болѣе или менѣе подробная характеристика его какъ ученаго и общественнаго дѣятеля, а потому теперь мы ограничимся главнымъ образомъ біографическими данными.

Юлій Эдуардовичъ Янсонъ родился 5-го ноября 1835 г. въ Кіевѣ; образованіе получилъ онъ многостороннее. Сперва онъ поступилъ на медицинскій факультетъ университета св. Владиміра, затѣмъ перешелъ на историко-филологическій, на которомъ и кончилъ курсъ съ золотой медалью и со степенью кандидата историко-филологическихъ наукъ. Выступивъ впервые на поприще практической дѣятельности въ качествѣ преподавателя кіевской 1-й гимназіи, Янсонъ все свое свободное время посвящалъ изученію политической экономіи и сельскаго хозяйства. Въ 1860 г. онъ былъ приглашенъ въ Горыгорѣцкій земледѣльческій институтъ адъюнктомъ по каѳедрѣ сельскохозяйственной статистики и политической экономіи, и, когда земледѣльческій институтъ былъ переведенъ въ Петербургъ въ 1864 г., покойный поселился въ Петербургѣ и съ того времени не разставался съ нимъ. Молодой адъюнктъ быстро пріобрѣлъ себѣ извѣстность. Въ 1865 г. онъ блестяще защитилъ диссертацію подъ заглавіемъ „Теорія ренты Рикардо" — на степень магистра политической экономіи и статистики, а въ слѣдующемъ году сталъ читать лекціи по этимъ предметамъ въ с.-петербургскомъ университетѣ, затѣмъ — статистику въ Александровскомъ лицеѣ, политическую экономію въ Лѣсномъ институтѣ и на высшихъ женскихъ курсахъ. Подъ вліяніемъ общаго оживленія, какимъ было отмѣчено начало прошлаго царствованія, Императорское русское географическое общество предприняло въ 60-хъ годахъ рядъ экспедицій съ цѣлью изслѣдовать разныя мѣстности Россіи въ экономическомъ отношеніи. Профессору Янсону было поручено изслѣдованіе хозяйственной промышленности и хлѣбной торговли на юго-западѣ Россіи. Ю. Э. собралъ обстоятельный и богатый матеріалъ, особенно о хлѣбопашествѣ и торговлѣ въ Новороссіи, на Волыни, въ Крыму и Пинскомъ районѣ. Напечатанныя въ это время двѣ статьи покойнаго — „О значеніи путей сообщенія въ народномъ хозяйствѣ" и „О вліяніи реформы 1861 года на помѣщичье и крестьянское хозяйства и на хлѣбную торговлю юго-запада Россіи"—вызвали оживленную полемику. Цифровыя данныя, собранныя Янсономъ, и выводы, сдѣланные недавно скончавшимся А. Н. Энгельгардтомъ въ статьяхъ „Изъ деревни", ярко характеризовали положеніе крестьянскаго землевладѣнія и недостаточность крестьянскихъ надѣловъ. Въ 1870 покойный защитилъ диссертацію въ с.-петербургскомъ университетѣ на степень доктора политической экономіи. Въ послѣднее время онъ завѣдывалъ статистическимъ отдѣленіемъ, устроеннымъ имъ же при городской управѣ, и былъ непремѣннымъ членомъ статистическаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ. Перу покойнаго принадлежитъ много статей, напечатанныхъ въ разное время преимущественно въ „Сборникѣ государственныхъ знаній", въ „Журналѣ министерства государственныхъ имуществъ" („Экономическое обозрѣніе") и „Русской Рѣчи" („Обзоръ мѣръ правительства по переселенію крестьянъ послѣ 1861 г." и др.). Изъ его крупныхъ трудовъ назовемъ „Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ" (1877 и 1881 гг.), два тома „Сравнительной статистики Россіи и западно-европейскихъ государствъ" (1878—1880 гг.), „Теорія статистики" и др. Послѣднее сочиненіе было увѣнчано 29-го декабря 1892 г. Императорскою академіею наукъ полною преміею имени гр. Д. А. Толстаго и награждено золотой медалью. Въ академическомъ отзывѣ объ этомъ сочиненіи говорилось, что оно принадлежитъ „къ числу самыхъ выдающихся явленій русской науки послѣдняго времени". Ю. Э. Янсонъ, можно смѣло сказать, создалъ цѣлую школу. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ состоялъ также деканомъ юридическаго факультета. Крупную заслугу Ю. Э. составляетъ организованное имъ при столичномъ городскомъ общественномъ управленіи статистическое бюро, преобразованное затѣмъ въ статистическое отдѣленіе городской управы. Это отдѣленіе занялось безпристрастными изслѣдованіями данныхъ какъ относительно городскаго хозяйства, такъ и въ отношеніи результатовъ

жизни населенія. Переписи населенія Петербурга въ 1881 и 1890 гг. были произведены по особому, выработанному Янсономъ, плану, по которому производятся теперь переписи во всей Россіи. Подъ его руководствомъ произведена масса статистическихъ работъ; изъ всѣхъ городовъ Россіи къ нему пріѣзжали статистики учиться, и никому Ю. Э. не отказывалъ въ полезныхъ указаніяхъ. Огромное вниманіе онъ обращалъ на санитарную статистику. Особенно памятна останется дѣятельность Янсона по обществу охраненія народнаго здравія, почетнымъ членомъ котораго онъ состоялъ. Онъ поставилъ на солидную почву II секцію общества и, находясь во главѣ этой секціи, всегда утверждалъ, что статистика есть одно изъ могучихъ средствъ въ дѣлѣ борьбы съ болѣзнями. Если вначалѣ къ этому многіе относились скептически, зато съ каждымъ годомъ ряды скептиковъ все болѣе и болѣе рѣдѣли. Ю. Э. состоялъ почетнымъ членомъ университета св. Владиміра и многихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ обществъ. Еще недавно, а именно въ декабрѣ 1892 г., онъ былъ избранъ въ члены-корреспонденты Императорской академіи наукъ. Кромѣ главныхъ россійскихъ орденовъ покойный состоялъ также кавалеромъ французскаго ордена Почетнаго Легіона.

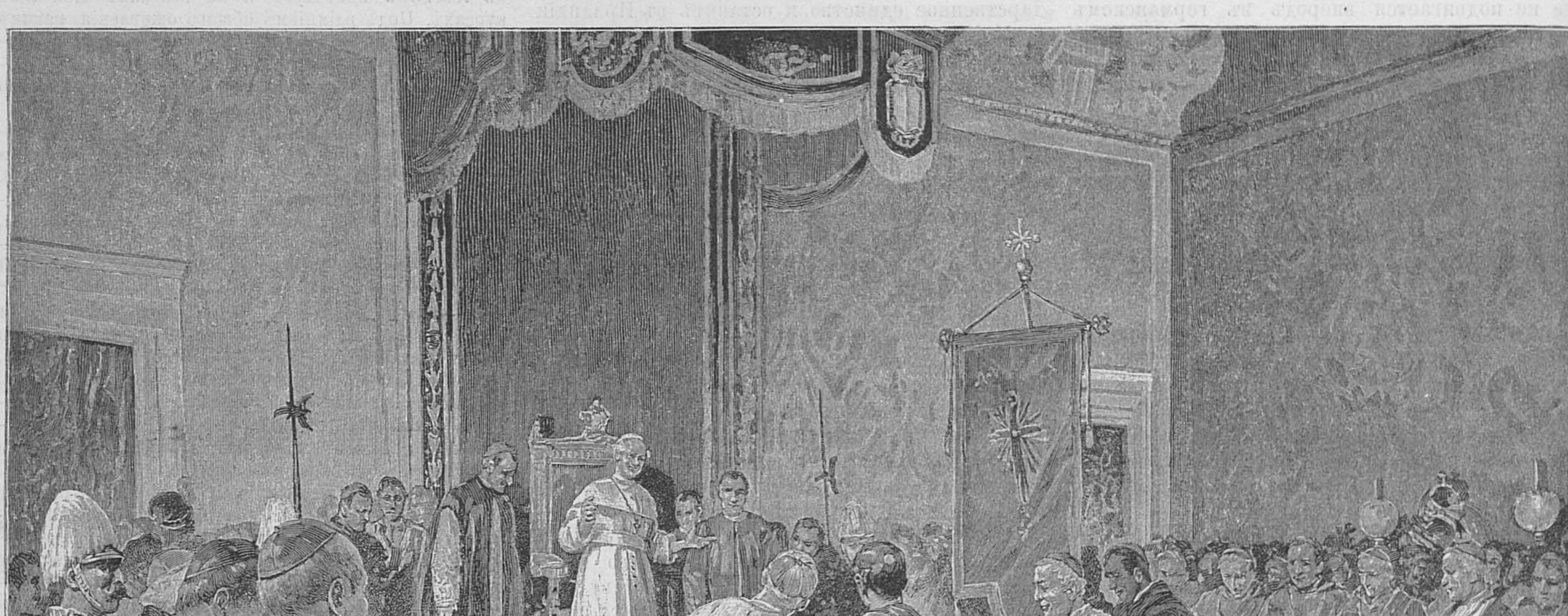
Имя Ю. Э. Янсона пользовалось широкою, вполнѣ заслуженною, извѣстностью не только въ Россіи, но и за границей. На международныхъ конгрессахъ онъ всегда былъ предметомъ овацій и неоднократно былъ избираемъ почетнымъ президентомъ.

„Намъ не приходилось—говоритъ профессоръ П. И. Георгіевскій — встрѣтить человѣка ни въ Россіи, ни на Западѣ, можетъ быть, исключая покойнаго доктора Бертильона, который бы такъ беззавѣтно любилъ статистику, такъ отдавалъ ей все свое время, всѣ свои богатыя силы. Едва ли кто, приходя къ Юлію Эдуардовичу, заставалъ его иначе, какъ за рабочимъ столомъ, склонившимся надъ рядами статистическихъ данныхъ. Да, это была цѣльная личность, крупная ученая сила, не умѣвшая отдаваться дѣлу на половину, а потому и сдѣлавшая много, очень много, оцѣнка чего не можетъ быть сдѣлана въ немногихъ словахъ. Учащаяся молодежь, несмотря на суровое подчасъ слово, обусловливавшееся зачастую безпокоившею Ю. Э. болѣзнью, гордилась по праву своимъ знаменитымъ профессоромъ, высоко цѣнила его, зная, что подъ суровой оболочкой бьется горячее, благородное сердце, что учитель этотъ всю жизнь оставался вѣренъ высокимъ началамъ чести и справедливости, всегда стоялъ за правое, доброе дѣло, какъ онъ его понималъ, и не покривилъ душою, не сошелъ съ разъ избраннаго имъ себѣ пути...“

Ю. Э. ЯНСОНЪ, профессоръ Императорскаго с.-петербургскаго университета, статистикъ, † 31-го января.

Ю. Янсонъ

Съ фотографіи А. Лоренса гравировалъ А. И. Зубчаниновъ.



Италія. — Римъ. Церемонія освященія молодыхъ ягнятъ его святѣйшествомъ папою римскимъ въ Латеранскомъ соборѣ.

Рисунокъ съ натуры Дженнаро Амато.

Н. М. Ядринцевъ

Въ настоящемъ краткомъ очеркѣ мы желаемъ познакомить читателей съ однимъ изъ видныхъ русскихъ дѣятелей, жизнь и труды котораго посвящены на пользу отдаленной русской окраины — Сибири.

Имя Н. М. Ядринцева однако достаточно извѣстно каждому русскому образованному человѣку и по его научнымъ трудамъ въ области этнографіи, географіи и археологіи, а также въ области общественныхъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, по вопросамъ о ссылкѣ, переселенію и др., поэтому намъ кажется небезъинтереснымъ сообщить о немъ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія.

Николай Михайловичъ Ядринцевъ, сибирякъ по происхожденію, родился въ Омскѣ въ 1842 году и получилъ образованіе въ томской гимназіи и петербургскомъ университетѣ, гдѣ три года пробылъ вольнослушателемъ. Уже въ университетѣ (въ началѣ шестидесятыхъ годовъ), среди кружка молодыхъ сибиряковъ, изъ котораго впослѣдствіи создалось „землячество“, въ настоящее время очень популярная форма студенческой жизни, онъ началъ изучать литературу о своей родинѣ и задался цѣлью посвятить свою

Н. М. ЯДРИНЦЕВЪ,
извѣстный путешественникъ, журналистъ, писатель.

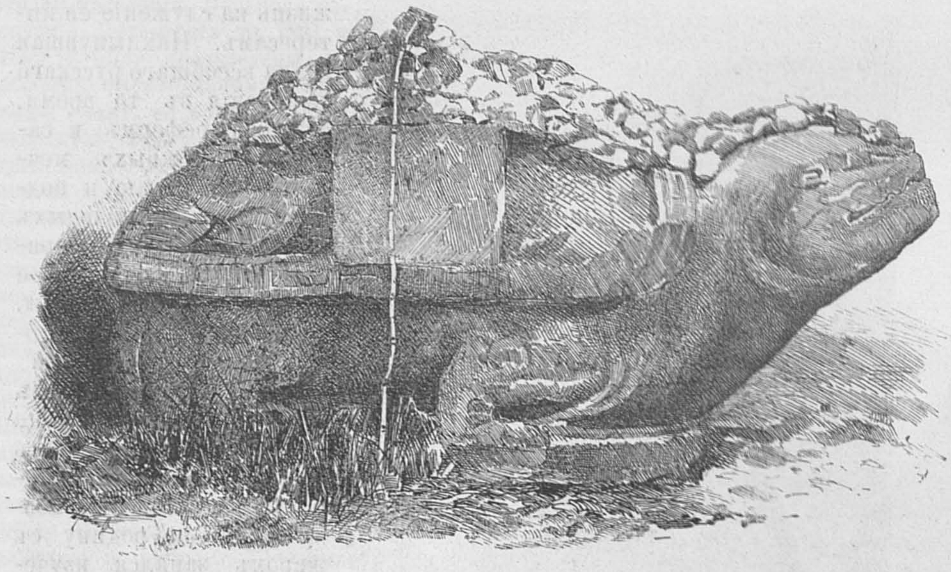
Съ фотографіи гравировалъ А. И. Зубчаниновъ.

жизнь на служеніе ея интересамъ. Нахлынувшая волна всеобщаго русскаго оживленія въ то время, благихъ реформъ и самыхъ радужныхъ мечтаній одушевляла и поддерживала въ молодыхъ ярыхъ патріотахъ горячую вѣру въ счастливое будущее ихъ родины. Вмѣстѣ съ другими товарищами-сибиряками Н. М. Ядринцевъ рѣшилъ ѣхать въ Сибирь. Еще въ Петербургѣ началъ онъ пробовать свои литературныя силы и по возвращеніи на родину съ жаромъ занялся изученіемъ мѣстныхъ вопросовъ. Въ 1863 г. онъ прочелъ въ Омскѣ публичную лекцію о значеніи университета въ Сибири, вопросъ, о которомъ горячо толковали еще въ петербургскомъ кружкѣ, и предлагалъ основать общество для собиранія на него пожертвованій. И дѣйствительно призывъ не остался безъ отвѣта; пожертвованія достигли огромныхъ суммъ, что значительно подвинуло вопросъ къ его вырѣшенію. Въ то же время Н. М. Ядринцевъ принялъ участіе въ мѣстныхъ изданіяхъ. Къ сожалѣнію, дѣятельность молодыхъ, горячихъ патріотовъ, мечтавшихъ объ умственномъ и экономическомъ поднятіи страны, объ университетѣ и развитіи мѣстной журналистики, была прервана; мѣстное начальство въ патріотическомъ стремленіи сибиряковъ усмотрѣло вред-

Хорухинскія развалины.

Съ натуры рисовалъ для »Всемірной Иллюстраціи« А. В. Евреиновъ.

Послѣдняя экспедиція Н. М. Ядринцева въ Монголію.



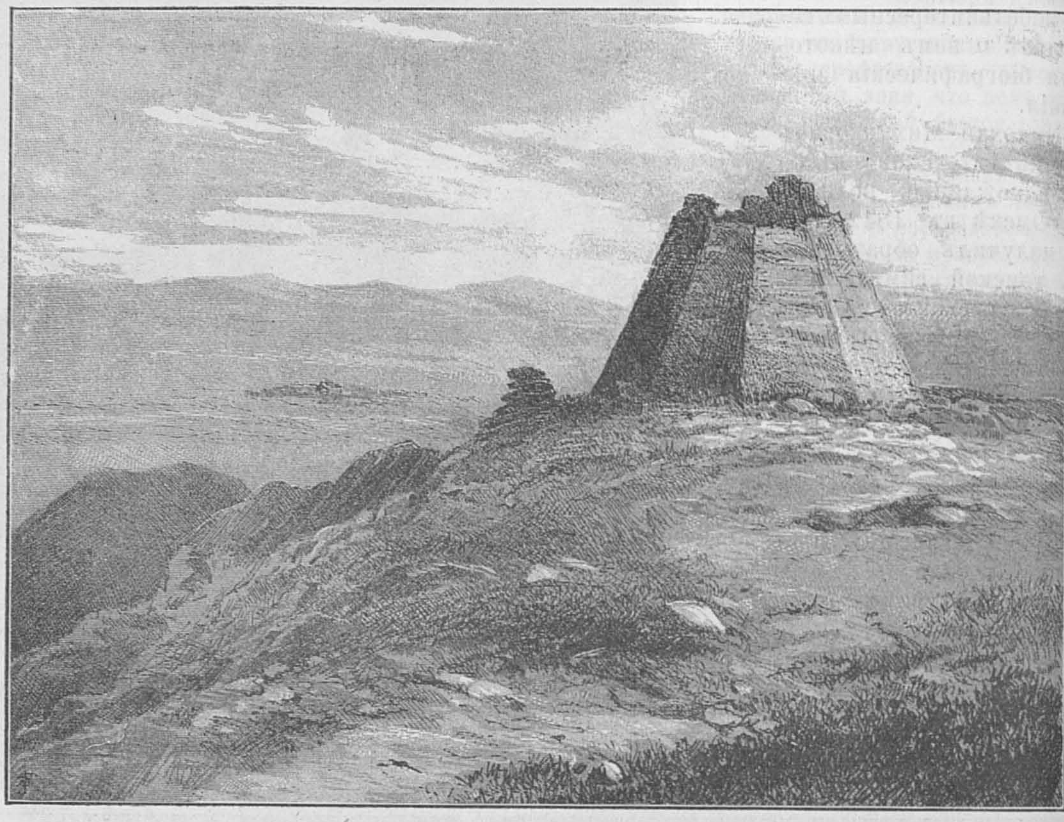
Гранитная черепаха близь Ердень-Узо.

ныя стороны; начался процесъ о „сибирскомъ сепаратизмѣ", и Н. М. Ядринцевъ долженъ былъ волей-неволей на нѣкоторое время покинуть Сибирь. Въ это время имъ были написаны очерки сибирской жизни, рядъ монографій о ссылкѣ, объ инородческомъ вопросѣ, а также и другія статьи.

Въ 1872 г. появляется его книга „Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ", гдѣ онъ обстоятельно разбираетъ вопросъ и выступаетъ противникомъ ссылки, указывая на ея непрактичность и вредное, деморализующее вліяніе ея на сибирское населеніе. Книга имѣла успѣхъ, и послужила цѣннымъ матеріаломъ для коммиссіи, работавшей по вопросу о преобразованіи тюремъ и ссылки.

Возвратясь въ Петербургъ, Н. М. Ядринцевъ принимаетъ участіе въ литературѣ и посвящаетъ нѣсколько статей сибирскимъ вопросамъ по исторіи и этнографіи края.

Только въ 1876 г. онъ могъ удовлетворить своему горячему желанію возвратиться на родину. Поступивъ на службу въ Омскѣ, онъ присоединяется къ дѣятельности только что открытаго западно-сибирскаго отдѣла географическаго общества, издаетъ программу для изученія крестьянской общины, переселенцевъ и инородцевъ и въ то же время составляетъ генералъ-губернатору Казнакову нѣсколько записокъ по мѣстнымъ вопросамъ. Въ 1878 г., заинтересованный усилившимся переселенческимъ движеніемъ въ западную Сибирь, онъ вырабатываетъ программу изслѣдованія этой вольной колонизаціи и отправляется путешествовать по тѣмъ мѣстамъ западной Сибири и главнымъ образомъ на Алтай, эту „обѣтованную землю" переселенцевъ, куда ежегодно они идутъ тысячами. На пути онъ изслѣдуетъ Барабинскую степь и отмѣчаетъ высыханіе озеръ Чановъ, составляющихъ остатокъ когда-то существовавшаго здѣсь моря. Изслѣдованіе это, помѣщенное въ „Запискахъ Имп. русскаго географическаго общества", обратило вниманіе знатока географіи М. И. Венюкова, который сдѣлалъ по этому поводу докладъ въ Парижѣ, а русское географическое общество основало особую коммиссію для выработки программы подробнаго изслѣдованія. Изслѣдованіе о переселеніи обратило вниманіе ученыхъ географическаго общества, и Н. М. Ядринцевъ былъ награжденъ малою золотою медалью. Черезъ годъ послѣ путешествія на Алтай, изучивши литературу объ инородцахъ, Н. М. Ядринцевъ предпринялъ туда новое путешествіе и на этотъ разъ спеціально для изслѣдованія алтайскихъ племенъ. Выѣхавъ изъ Омска въ маѣ мѣсяцѣ 1880 г. на Барнаулъ и Бійскъ, Н. М. Ядринцевъ въ сопровожденіи художника, переводчика и проводника, направляется въ дебри Алтая. Онъ посѣщаетъ алтайскую „чернь", огромныя лѣсныя пространства и направляется къ Телецкому озеру, изслѣдуя инородцевъ и алтайскую природу. Оттуда верхомъ съ вьюками собранныхъ коллекцій спускается онъ по долинѣ Чулышмана и Башкоуса къ рѣкѣ Чуѣ и русско-китайской границѣ. Эта дикая прелестная мѣстность, рѣдко посѣщаемая путешественниками, почти не населенная, изобилуетъ горными рѣчками, водопадами и альпійскими озерами. Достигнувъ рѣки Чуи, впадающей въ Катунь, путешественникъ задается цѣлью пробраться черезъ хребты Алтая къ югу и посѣтить мало изслѣдованные катунскіе ледники, описанные 60 лѣтъ тому назадъ докторомъ Геблеромъ. Съ большимъ трудомъ Н. М. Ядринцевъ со своими спутниками достигаетъ этого сибирскаго Монблана и нѣсколько дней остается здѣсь, изслѣдуя ледяное поле и наблюдая развитіе глетчера. Затѣмъ, достигнувъ высоты 10 т. футовъ, онъ переваливаетъ Катунскій хребетъ, переходитъ въ долину Уймона



Омбонъ.

и изслѣдуетъ долину Чуйскую, гдѣ рѣка бѣжитъ въ тѣснинахъ совершенно отвѣсныхъ скалъ, чрезвычайно затрудняющихъ проѣздъ. Въ этомъ путешествіи по Алтаю верхомъ Н. М. Ядринцевъ пріобрѣтаетъ опытность и необходимую отвагу. Отсюда онъ вывезъ обширный матеріалъ, послужившій ему для ряда статей по инородческому вопросу, а впослѣдствіи для обширнаго изслѣдованія по исторіи культуры угро-алтайскихъ племенъ. Вернувшись изъ путешествія, Н. М. Ядринцевъ занялся сводомъ этого матеріала и къ 300-лѣтнему юбилею завоеванія Сибири издалъ книгу „Сибирь какъ колонія", давшую извѣстность автору среди всей русской публики. Въ этой книгѣ главнымъ образомъ обращено было вниманіе на переселенческое дѣло, на вопросъ о ссылкѣ, а также о положеніи инородцевъ и на экономическое состояніе Сибири. Въ 1886 году книга эта явилась въ нѣмецкомъ переводѣ Э. Ю. Петри, профессора бернскаго университета, теперь петербургскаго по каѳедрѣ географіи и антропологіи.

Что касается публицистической, журнальной и газетной дѣятельности Н. М. Ядринцева, то еще ранѣе онъ принималъ участіе, кромѣ мѣстныхъ сибирскихъ изданій, во многихъ столичныхъ журналахъ и газетахъ, какъ, напр., „Дѣлѣ", „Отечественныхъ Запискахъ", „Недѣлѣ", „Голосѣ" и др. А съ 1882 г. онъ становится редакторомъ-издателемъ еженедѣльнаго органа въ Петербургѣ, посвященнаго интересамъ Востока и Сибири — „Восточнаго Обозрѣнія". Органъ этотъ просущество-

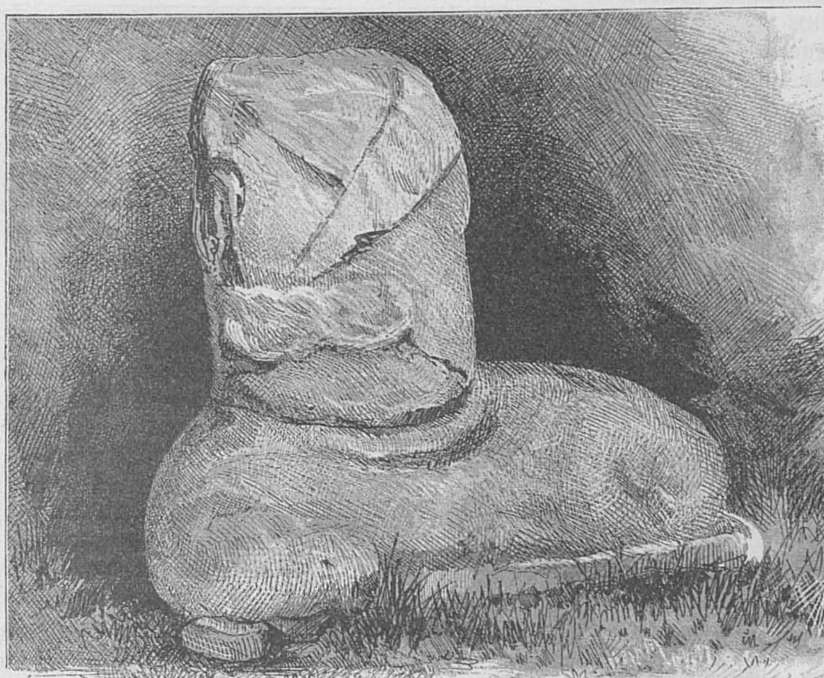
Статуи изъ сѣраго гранита.

Послѣдняя экспедиція Н. М. Ядринцева въ Монголію.

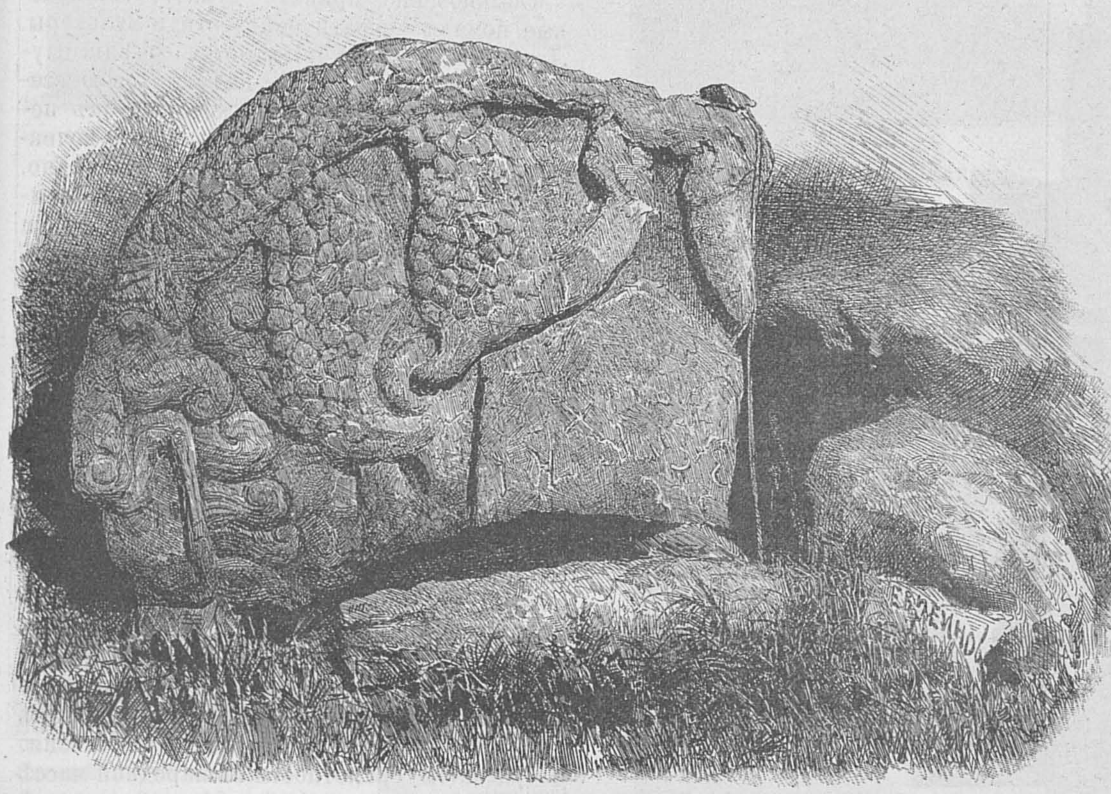
Съ натуры рисовалъ для »Всемірной Иллюстраціи« А. В. Евреиновъ.

валъ 7 лѣтъ въ Петербургѣ, а въ 1888 году былъ перенесенъ въ Иркутскъ, гдѣ продолжаетъ издаваться и до сихъ поръ, за все десятилѣтнее существованіе, которое исполнилось 1-го апрѣля 1892 года, принеся много пользы краю. Въ качествѣ публициста Н. М. Ядринцевъ при редактированіи этого органа положилъ много труда и обнаружилъ много таланта и прочныя познанія о Сибири, не жалѣя ни силъ, ни здоровья на служеніе дѣлу и интересамъ своей родины.

Въ 1885 г. Н. М. Ядринцевъ предпринялъ поѣздку за границу, посѣтилъ Швейцарію и въ цѣломъ рядѣ очерковъ сравнилъ ея природу съ любимыми горами родного Алтая. Сибирскій путешественникъ любовался Рейномъ, Средиземнымъ моремъ, Италіей и подъ южнымъ горячимъ солнцемъ вспоминалъ свою холодную родину. Но тѣмъ не менѣе черезъ годъ, въ 1886 г., онъ снова уже былъ въ сибирской тайгѣ, на берегахъ пустынной Ангары и угрюмаго Байкала. Эта поѣздка имѣла цѣлью осмотръ мѣстныхъ музеевъ и посѣщеніе минусинскаго края. Здѣсь онъ началъ изучать сибирскія древности, которыя еще во время разъѣздовъ по Алтаю привлекали его вниманіе. По всей Сибири, особенно въ южной ея части, разсѣяны памятники древнихъ народовъ, игнорировать изученіе которыхъ невозможно человѣку, интересующемуся инородческими племенами и исторіей Азіи. Съ переходомъ отъ этнографическихъ изслѣдованій къ археологическимъ постепенно открывается таинственная исторія Азіи, съ переселеніемъ народовъ, съ древними нашествіями и завоеваніями. Эти народы оставили слѣды въ могильникахъ, разсѣянныхъ по всей южной Сибири. Особенно грандіозны минусинскіе памятники, состоящіе изъ огромныхъ стоячихъ плитъ и каменныхъ насыпей.



Статуя изъ бѣлаго мрамора.



Часть обелиска около Каракорума.

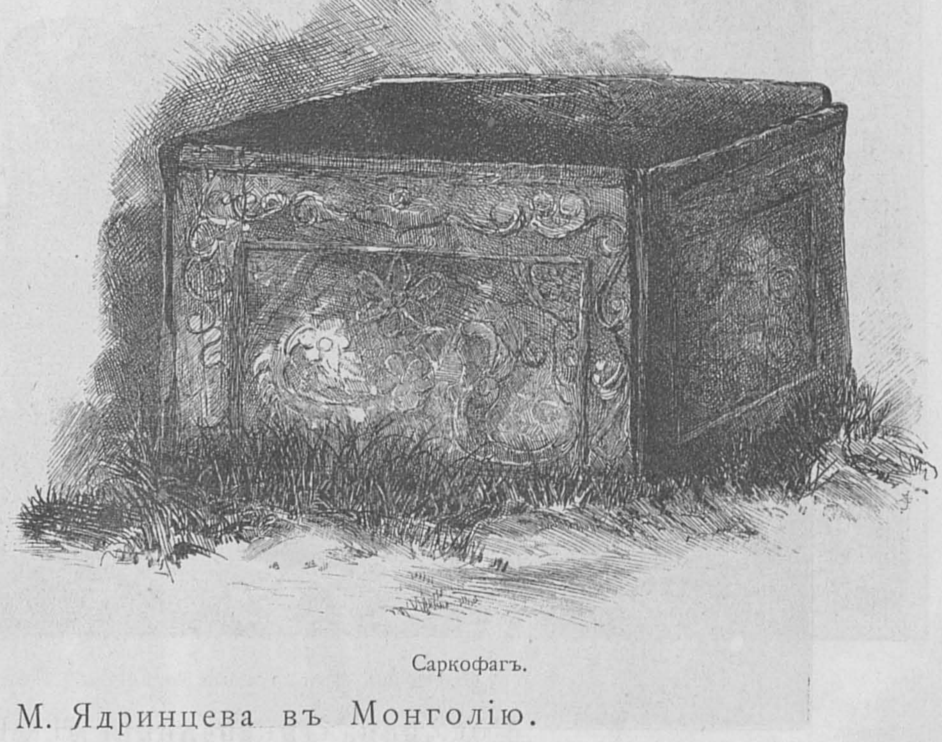
Переѣхавъ въ концѣ 1887 года въ Иркутскъ и перенеся туда газету, Н. М. Ядринцевъ принялъ дѣятельное участіе въ занятіяхъ восточно-сибирскаго отдѣла географическаго общества и вскорѣ намѣтилъ себѣ новое путешествіе на югъ—отъ Кяхты въ глубь Монголіи. Мѣсто это привлекло его, какъ наиболѣе интересное въ историческомъ отношеніи. Знакомясь съ древней литературой и трудами оріенталистовъ, Н. М. Ядринцевъ пришелъ къ убѣжденію, что знаменитая резиденція Чингиса и его потомковъ находится на р. Орхонѣ, и рѣшился сдѣлать попытку отыскать знаменитый Каракорумъ, что и было главной цѣлью его поѣздки. Въ 1889 г. съ небольшими средствами и въ сопровожденіи двухъ спутниковъ онъ направился на югъ по р. Орхону къ его вершинамъ и дѣйствительно въ 450 верстахъ отъ г. Кяхты отыскалъ развалины дворцовъ, города и различныхъ памятниковъ, покрытыхъ надписями. Два гранитныхъ обломка съ древними китайскими и уйгурскими письменами были имъ доставлены въ Императорскій эрмитажъ. Эти обломки съ надписями представили особый интересъ и доказали, что на мѣстѣ развалинъ находился древній уйгурскій городъ и что онѣ относятся къ VIII вѣку.

Это открытіе привлекло вниманіе ученыхъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, и уже въ 1890 г. была послана экспедиція отъ гельсингфорскаго университета, а въ 1891 г. отъ Императорской академіи наукъ подъ начальствомъ академика В. В. Радлова съ участіемъ Н. М. Ядринцева. Экспедиція эта, въ большемъ составѣ и располагая большими средствами, произвела тщательныя изслѣдованія въ долинѣ Орхона, убѣдилась окончательно, что развалины древняго Каракорума найдены, и сняла множество интересныхъ надписей. Всѣ эти открытія возбудили живой интересъ въ Европѣ, и, какъ послѣдствіе, появился рядъ статей, освѣщающихъ исторію востока. Передъ второй экспедиціей на Орхонъ Н. М. Ядринцевъ успѣлъ совершить поѣздку въ Парижъ, гдѣ сдѣлалъ докладъ въ парижскомъ географическомъ обществѣ о своихъ открытіяхъ и былъ принятъ съ особеннымъ почетомъ.

Давъ краткую біографію Н. М. Ядринцева, мы намѣрены теперь подѣлиться болѣе подробными свѣдѣніями о вышеупомянутомъ открытіи, въ виду его научнаго интереса и той оригинальной мѣстности, гдѣ обнаруженъ древній Каракорумъ.

На развалинахъ Монгольской имперіи

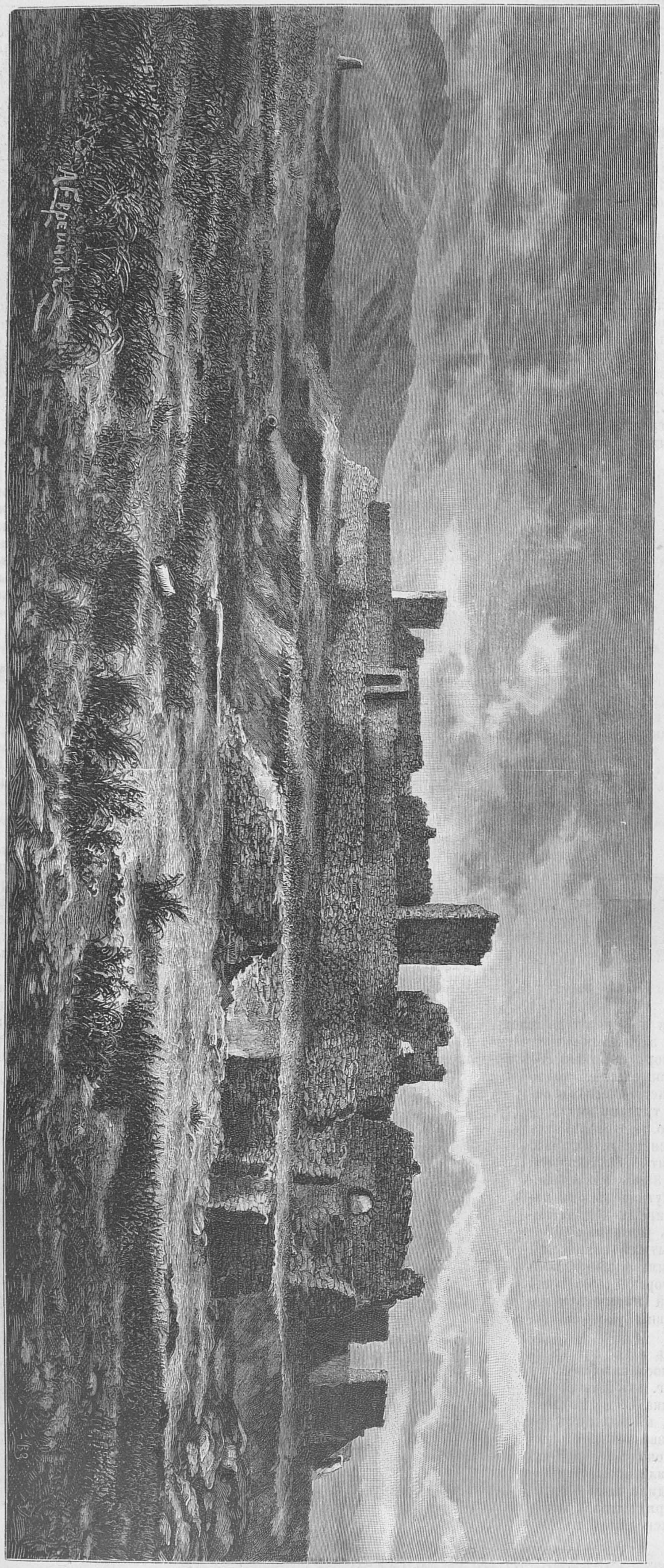
Въ глубинѣ центральной Азіи, къ югу отъ русскаго Забайкалья, раскинулась огромная страна, извѣстная подъ именемъ Монголіи. Сѣверная ея часть, прилегающая къ русской границѣ, представляетъ изъ себя пространство, покрытое горными кряжами, иногда достигающими до 8.000 футовъ высоты. На вершинахъ горъ и по сѣвернымъ скатамъ ихъ встрѣчается рѣдкій лиственничный лѣсъ, долины же и южные скаты безлѣсны и поросли высокою травою, напоминающею нашъ степной ковыль. Къ югу горы понижаются и оканчиваются знаменитой пустыней Гоби, которая длинной лентой проходитъ съ востока на западъ. Поверхность ея покрыта мелкой галькой или щебнемъ и представляетъ темно-сѣрую плоскость. Только караванная дорожка, которая прямой желтой полосой тянется черезъ пустыню, да бѣлые остовы погибшихъ на этомъ пути верблюдовъ прерываютъ ея однообразіе. Попадаются песчаные небольшіе холмы, на которыхъ ростутъ въ самомъ незначительномъ количествѣ жалкіе кустарники, а на остальныхъ мѣстахъ не видно ни



Саркофагъ.

Послѣдняя экспедиція Н. М. Ядринцева въ Монголію.

Съ натуры рисовалъ для »Всемірной Иллюстраціи« А. В. Евреиновъ.



Послѣдняя экспедиція Н. М. Ядринцева въ Монголію.

Цаганъ-Байшинъ. Развалины храма.

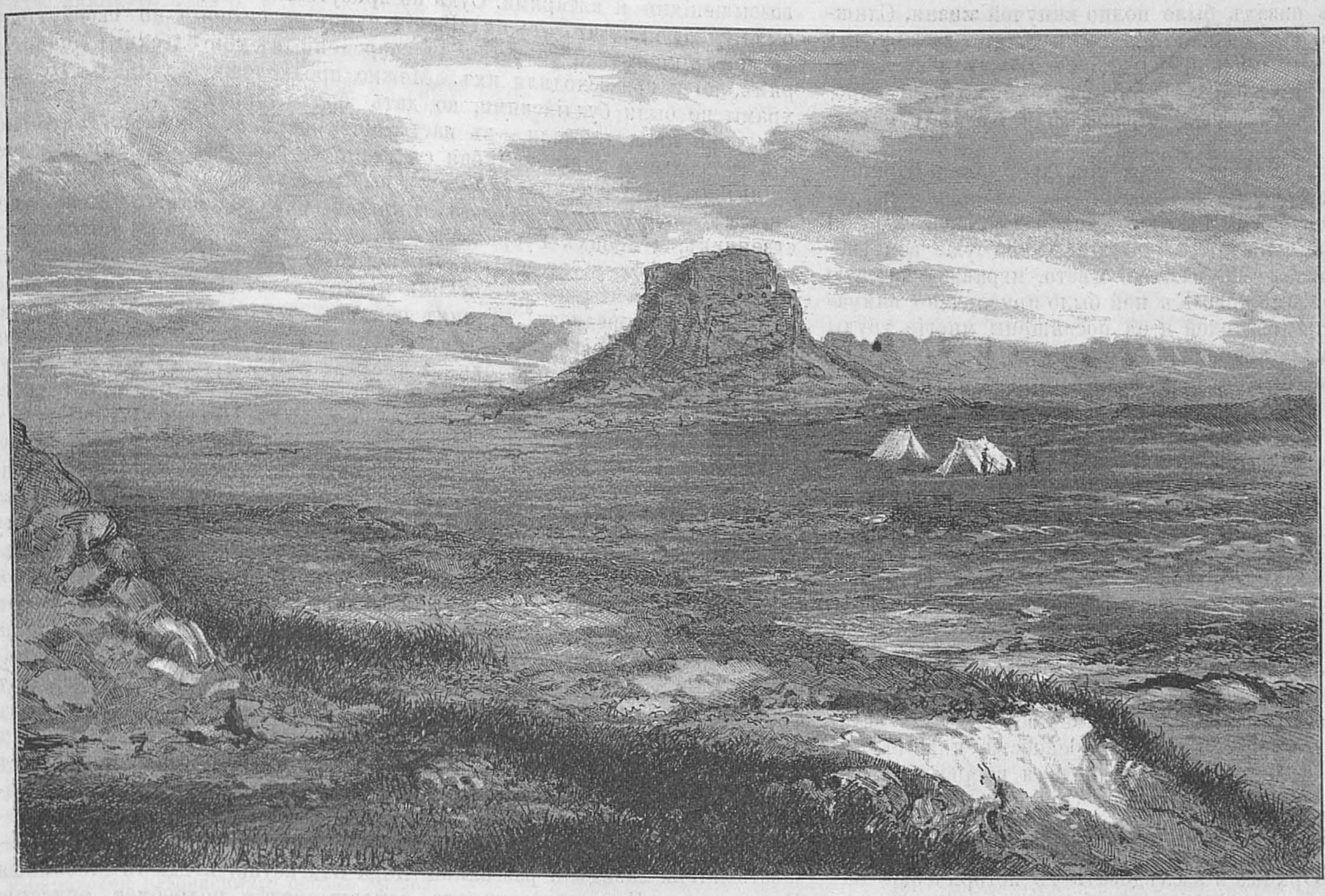
Съ натуры рисовалъ для »Всемірной Иллюстраціи« А. В. Евреиновъ.

былинки. Здѣсь прекращается всякая жизнь; всюду пустынно, мертво... Въ сѣверной же части Монголіи обширныя гористыя пространства и долины богато орошены притоками Селенги, Орхономъ, Толой и др., и хотя природа бѣдна и утомительно-однообразна, климатъ суровъ, однако здѣсь возможно и земледѣліе, а слѣдовательно и осѣдлая, культурная жизнь. Этотъ огромный районъ Азіи занятъ монгольскимъ народомъ, подъ именемъ котораго объединены нѣсколько племенныхъ группъ. Племена эти исключительно кочевыя; осѣдлость у нихъ возникаетъ подъ вліяніемъ земледѣлія, которымъ занимаются очень немногіе, а также подъ вліяніемъ ламайскаго духовенства (монашества). Извѣстно, что уже давно къ монголамъ проникъ буддизмъ, наряду съ которымъ сохраняются остатки шаманства. Ламайскіе монастыри разсѣяны по всей Монголіи; на югѣ они помѣщаются въ войлочныхъ юртахъ и переносятся съ одного мѣста на другой, на сѣверѣ же они осѣдлые и имѣютъ видъ порядочныхъ городковъ, составленныхъ изъ глиняныхъ и деревянныхъ домиковъ. Также и князья въ сѣверной части Монголіи живутъ осѣдло и имѣютъ большіе дома со службами. Все же остальное населеніе преимущественно кочевое.

Обыкновенно принято думать, что кочевые номады — враги осѣдлости и культуры. Лучшимъ опроверженіемъ этого мнѣнія служатъ монголы, народъ, имѣвшій свою всемірно-извѣстную исторію, которую онъ пережилъ и которая, хотя и оставила его кочевникомъ, но не прошла для него безслѣдно. Даже въ то время, когда они, составляя величайшую въ мірѣ монархію, заняли Европу и Азію, культура ихъ достигала высокой степени развитія и составляла предметъ удивленія средневѣковыхъ путешественниковъ. И хотя теперь, черезъ тысячу лѣтъ, все это измѣнилось, отъ могущественной монархіи остались жалкіе слѣды, но культура монголовъ не такъ стоитъ низко, какъ можно было бы ожидать отъ кочевниковъ.

„Путешественника поражаютъ", говоритъ извѣстный изслѣдователь Монголіи, Г. Н. Потанинъ, „эти кочующіе монастыри, кочующіе алтари со своими многочисленными пантеонами, кочующія библіотеки, переносные войлочные храмы въ нѣсколько саженъ высоты, школы грамотности, странствующіе медики, кочевые лазареты при минеральныхъ водахъ, все это вещи, которыя никакъ не ожидаешь встрѣтить въ кочевой жизни. По развитію грамотности въ народной массѣ монголы безспорно единственный кочевой народъ въ мірѣ" („Очерки с.-з. Монголіи"). Нравы монголовъ мягки, о преступленіяхъ почти не слышно; жены и дѣти не могутъ пожаловаться на звѣрское обращеніе, къ насилію они питаютъ отвращеніе, чему примѣромъ можетъ служить слѣдующій фактъ. Какъ-то китайское правительство, подъ властью котораго находится Монголія въ настоящее время, приговорило нѣсколько человѣкъ къ смертной казни за политическое преступленіе, но между монголами не находилось человѣка, который рѣшился бы принять на себя роль палача. За большія деньги, однако, вызвался одинъ монголъ и исполнилъ приговоръ, но тотчасъ же послѣ казни началъ испытывать отчужденіе отъ него всего общества. Въ концѣ концовъ его постигла крайняя нищета, и онъ долженъ былъ побираться по міру. Цивилизованнымъ народамъ въ этомъ случаѣ не мѣшало бы поучиться у „дикихъ кочевниковъ!"

Рядомъ съ этими картинами мирной жизни населенія, мягкими и гуманными нравами, существуетъ поразительная нищета и нерѣдкіе случаи медленной голодной смерти. Народъ оказывается безсильнымъ бороться съ общественными бѣдствіями, въ случаѣ падежа скота, неурожая хлѣба и кормовъ, при той скудности средствъ для жизни, которыя даны ему бѣдной степной природой. Но всего поразительнѣе тотъ фактъ, что нищета существуетъ „рядомъ съ безразсудной расточительностью на мо-



Развалины Каракорума — столицы древней Монголіи.

настыри, храмы и блестящую обстановку высшихъ духовныхъ лицъ, которые, благоденствуя и жуируя вволю, за глаза насмѣхаются надъ народомъ" (Потанинъ. ibid).

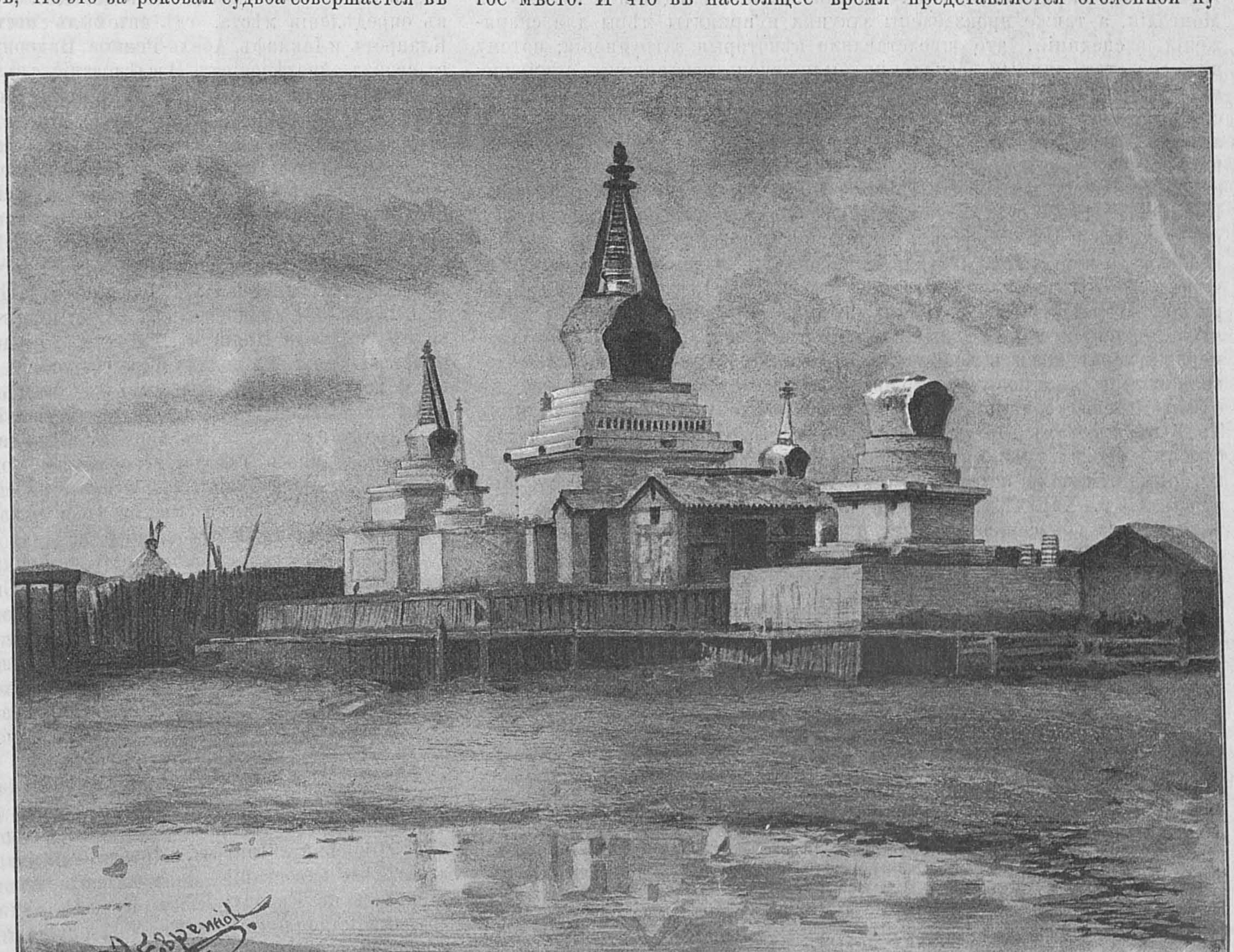
Кто бы могъ подумать, что этотъ бѣдный кочевой народъ, находящійся въ подчиненіи и рабствѣ у Китая, живущій въ этой пустынной странѣ, народъ, который въ настоящее время возбуждаетъ невольную жалость путешественниковъ, когда-то былъ славнымъ могущественнымъ покорителемъ полміра? Однако это такъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ исторія и тѣ древнія нѣмыя развалины, которыя стоятъ въ этой странѣ, возбуждая почтеніе и страхъ въ потомкахъ кочевниковъ и любопытство въ европейцахъ.

Невольно является вопросъ, что это за роковая судьба совершается въ цѣлой исторіи человѣчества, что за таинственныя, неразгаданныя причины въ безпрерывной смѣнѣ выдвигаютъ народы и царства, которые въ блескѣ своей славы и могущественнѣйшей силы, какъ метеоры, восходятъ на историческомъ небосклонѣ, являясь покорителями другихъ народовъ, носителями высшей культуры, и снова скрываются, оставляя послѣ себя груды камней и жалкія развалины. Мы знаемъ цѣлый рядъ восточныхъ и западныхъ цивилизацій, какъ Ассирія, Вавилонъ, Египетъ, Греція, Римъ, мы знаемъ обширную Монгольскую имперію съ ея всемірнымъ завоевателемъ Чингисъ-Ханомъ. Этимъ восточнымъ цивилизаціямъ, появлявшимся на аренѣ міровой исторіи, выпалъ жребій какъ пережить высшее кульминаціонное развитіе, такъ и паденіе. Тотъ же жребій выпалъ и на долю монголовъ. И кто знаетъ, какая судьба постигнетъ въ этомъ таинственномъ круговоротѣ жизни тѣ народы, которые въ настоящее время ослѣпляютъ наши глаза блескомъ своей цивилизаціи? Кто знаетъ, присутствуемъ ли мы въ моментъ ихъ кульминаціоннаго развитія или уже начинается паденіе?.. Пройдутъ вѣка и, быть можетъ, на арену всемірной исторіи выступятъ новые народы, а старые падутъ подъ своею тяжестью...

Грозной тѣнью былого величія встаютъ предъ нами изъ мрака временъ туманные образы погибшихъ народовъ и шепчутъ намъ роковое „memento mori", а ихъ потомки, жалкіе кочевники, влачатъ свою жизнь въ печальной пустынѣ...

Эти міровыя катаклазмы давно привлекаютъ къ себѣ взоры ученыхъ, и наука пытается разсказать намъ ихъ исторію и объяснить ихъ причины.

Монголія съ ея степями въ древнія времена представляла иной видъ. Тамъ, гдѣ теперь бродитъ рѣдкое кочевое населеніе, прежде кипѣла жизнь милліоновъ. Всюду мы видимъ остатки орошенія, каналовъ и городовъ, что указываетъ на существованіе такихъ условій, которыя были болѣе благопріятны для культуры, чѣмъ теперь. Очевидно, климатъ и географическія условія были другія и теперь измѣнились подъ вліяніемъ медленнаго геологическаго переворота. Когда-то урало-каспійская низменность была покрыта водой, какъ и сѣверъ Сибири, а центральная Азія и Тибетъ поднимались. Монголія была богато орошенной страной. Исчезновеніе водъ создало новыя условія, и прежніе культурные центры Средней Азіи и Монголіи передвинулись на другое мѣсто. И что въ настоящее время представляется оголенной пу-



Субурганы въ Ерденъ-Узо. Изъ орхонской экспедиціи.

Послѣдняя экспедиція Н. М. Ядринцева въ Монголію.

Съ натуры рисовалъ для „Всемірной Иллюстраціи". А. В. Евреиновъ.

стыней, то за много вѣковъ назадъ было полно кипучей жизни. Слишкомъ 2000 лѣтъ до Р. Хр. изъ степей Монголіи одинъ за другимъ выходили народы и двигались по направленію къ западу и югу. Эти племена гунновъ, киданъ, монголовъ, уйгуръ, бродили по всему пространству между Тибетомъ и Сибирью, завоевывали Китай и наводняли Европу.

Центромъ, откуда происходили эти движенія, была долина Орхона, притока Селенги въ сѣверной части Монголіи. Эту историческую долину, гдѣ сосредоточивались орды Чингисъ-Хана и гдѣ впослѣдствіи его дѣти Чингизиды основали свои резиденціи, давно уже всѣ ученые изслѣдователи признавали за важное мѣсто, игравшее видную роль въ исторіи монгольской имперіи. Къ ней было привлечено вниманіе многихъ ученыхъ и изслѣдователей и ей посвящены многіе труды въ области исторіи культуры и антропологіи. Въ послѣднее время много свѣта пролили на эту малоизвѣстную область открытія Н. М. Ядринцева, которыя онъ сдѣлалъ своей экспедиціей, предпринятой въ 1889 г. при содѣйствіи восточно-сибирскаго отдѣла Имп. Географическаго общества. Кромѣ того экспедиція его повлекла за собой двѣ другія въ долину рѣки Орхонъ, именно въ 1890 г. экспедицію профессора гельсингфорскаго университета Гейкеля и въ 1891 г. отъ академіи наукъ во главѣ съ извѣстнымъ академикомъ В. В. Радловымъ, въ которой принималъ участіе и Н. М. Ядринцевъ.

Въ виду того интереса, который былъ вызванъ среди ученыхъ открытіями Н. М. Ядринцева, произведенными въ его первую экспедицію 1889 г., мы считаемъ нужнымъ болѣе подробно остановится на этой экспедиціи, чтобы сообщить читателямъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой исторической долинѣ, и главнымъ образомъ о тѣхъ памятникахъ древности, которые тамъ находятся. „Средняя Азія пріобрѣла себѣ исторію, которая простирается до самой глубокой древности, пишетъ вышеупомянутый профессоръ Гейкель, и это благодаря впервые открытымъ Н. М. Ядринцевымъ памятникамъ при Орхонѣ“ („Восточное Обозрѣніе“ 1891 г. № 14).

Цѣль первой экспедиціи Н. М. Ядринцева заключалась въ томъ, что онъ долженъ былъ посѣтить Орхонъ и изслѣдовать тѣ историческіе памятники, которые остались въ странѣ отъ монгольскаго владычества и которые были указаны многими какъ старыми, такъ и новыми путешественниками. Кромѣ того Н. М. Ядринцевъ поставилъ себѣ задачей собрать географическія данныя о теченіи Орхона съ притоками въ его вершинахъ и произвести этнографическія наблюденія надъ жизнью и бытомъ приорхонскихъ монголовъ.

29 мая 1889 г. онъ выѣхалъ изъ Иркутска въ Кяхту съ двумя своими спутниками и помощниками С. А. Пирожковымъ и П. П. Смысловскимъ. Уже на этомъ трактѣ, начиная съ долины Темника, не могли не остановить вниманіе путешественниковъ остатки древностей, какъ напримѣръ, могильники, обставленные камнями и тянущіеся вплоть до Кяхты. Имѣя въ виду археологическій интересъ этихъ памятниковъ и желая сравнить ихъ съ послѣдующими, которые имѣлось въ виду встрѣтить въ Монголіи, необходимо было и на нихъ обратить особое вниманіе. Въ Кяхтѣ были собраны свѣдѣнія о путяхъ въ Монголіи, а также произведены закупки и приняты мѣры для снаряженія экспедиціи, что представляло нѣкоторыя затрудненія, потому что средства, данныя экспедиціи, были очень ограничены, а именно: въ распоряженіи ея находилось 400 р. отъ отдѣла. На 300 р. предстояло купить 10 лошадей по 20 р. каждая, затѣмъ снабдить экспедицію сухарями, чаемъ и припасами на 2 мѣсяца, купить сѣдла, нанять переводчика и работника и т. д. Къ ассигнованной отдѣломъ суммѣ пришлось приложить гораздо болѣе изъ постороннихъ средствъ. Покинувши 10 іюня Кяхту и пройдя дня три по Селенгѣ, а затѣмъ по Орхону, путешественники отправились вверхъ по Хара-голу до небольшаго монастыря, откуда они повернули къ юго-востоку и, пройдя черезъ хребты почти по безводной мѣстности, 19-го числа вышли на р. Толу, гораздо выше Хадысана. Такимъ образомъ они избрали среднюю дорогу между Ургинскимъ трактомъ и той дорогой отъ Угэйнора, которая лежитъ между Селенгою и Орхономъ, иначе прослѣдовали совершенно новымъ маршрутомъ, на которомъ не былъ еще ни одинъ путешественникъ. Здѣсь, какъ по Орхону, такъ и на пути къ Толѣ въ хребтахъ горъ путешественники встрѣчали не мало „кэрэксуровъ“ (могильниковъ заваленныхъ камнями; подробнѣе см. ниже), которыя отмѣчали и срисовывали. Переправясь чрезъ р. Толу, они пошли по р. Харухѣ, въ долинѣ которой на степномъ просторѣ наткнулись на обнесенное валами пространство, родъ загона или крѣпости. Это обстоятельство заставило остановиться и заняться разспросами. Отъ монгола-ламы, очень богатаго молодаго человѣка, узнали они, что неподалеку находятся другія, болѣе замѣчательныя развалины на берегу Толы, что побудило предпринять экскурсію въ горы. Утромъ слѣдующаго дня, сдѣлавши 25 верстъ верхомъ, они достигли берега Толы, гдѣ увидѣли довольно сохранившіяся постройки великолѣпнаго ханскаго дворца (Цаганъ-Байшинъ), когда-то принадлежавшаго, по словамъ проводника, какому-то Кунтайдже. Зданіе напоминаетъ замокъ со стѣною изъ дикаго камня и съ кирпичными стѣнами изъ прекраснаго обожженаго кирпича; передъ дворцомъ была терасса и крыльцо къ рѣкѣ; около дворца разбросаны гранитныя чаши и цвѣтныя черепицы. Видно, что дворецъ былъ обставленъ великолѣпно. Въ стѣнахъ были полукруглыя окна, по угламъ башни и двери со сводами. Это былъ памятникъ наиболѣе сохранившихся ханскихъ жилищъ и образецъ построекъ подобнаго рода.

Пройдя по Харухѣ далѣе, 23-го іюня путешественники достигли Хадасына и очутились противъ новыхъ развалинъ, отмѣченныхъ путешественникомъ Падериномъ. Съ виду это былъ цѣлый монастырь, окруженный стѣною отъ 3 до 6 с. высоты и валомъ отъ 3—5 арш. вышиною. Постройки были древнія изъ дикаго камня, прекрасно цементированнаго. Это были остатки величественныхъ храмовъ съ терассами, возвышеніями и алтарями. Судя по присутствію субургановъ *), должно было заключить, что это буддійскія кумирни, которыя по своей грандіозности не только не уступали современнымъ монгольскимъ монастырямъ, но и превосходили ихъ. Можно предположить только, что эти храмы не были буддійскими, но дать болѣе опредѣленныя указанія, кому они принадлежали,—въ настоящее время невозможно. Извѣстно, что монгольскіе ханы, начиная съ великаго завоевателя Чингиза изъ за своихъ политическихъ плановъ, были очень терпимы ко всѣмъ религіямъ покоренныхъ народовъ. Марко-Поло, средневѣковый путешественникъ, и монахъ Рубриквистъ находили здѣсь кромѣ языческихъ капищъ, мечети и несторіанскую церковь. Настоящія развалины на Харухѣ уже отмѣчены китайскими путешественниками подъ именемъ „киданскихъ городковъ“. Такимъ образомъ эти зданія были въ развалинахъ еще въ XIII в. и слѣдовательно были построены гораздо ранѣе.

Оставивъ Харуху и выйдя на трактъ, ведущій изъ Урги въ Улясутай, Н. М. Ядринцевъ 26-го іюня былъ на озерѣ Угэй-норѣ, гдѣ остановился на Холѣ, рѣчкѣ, соединяющей озеро съ Орхономъ. Здѣсь онъ осмотрѣлъ монастырь Оромбо-гэгэна, устье Урту-тамира и его окрестности. Здѣсь уже давно обращали на себя вниманіе путешественниковъ видимыя съ горъ возвышенія въ видѣ холма, находящіяся за рѣкой Холой въ пяти верстахъ отъ Угэй-нора. Монголы даютъ этому холму съ омбономъ (буддійскимъ жертвенникомъ) названіе „Ташинъчилъ“, и издали онъ кажется причудливымъ возвышеніемъ. Но всмотрѣвшись и снявши планъ, путешественники нашли, что засыпи имѣли правильную форму; подлѣ были видны остатки вала или стѣны, а на холмѣ обнаружены остатки гранитныхъ пьедесталовъ въ формѣ постаментовъ для колоннъ. Несомнѣнно, холмъ когда-то представлялъ изъ себя большое зданіе, каждая сторона котораго равнялась 93 саженямъ въ длину, а все зданіе занимало до 315 саженъ въ окружноти. Къ сѣверу отъ древняго Каракорума, столицы Монголіи, сообразно съ древними указаніями, дѣйствительно находился дворецъ, между Угэйноромъ и поселеніями на р. Орхонѣ, слѣды которыхъ ожидали путешественниковъ еще впереди. Пройдя еще 50 верстъ, 2-го іюля путешественники завидѣли развалины Хара-Балгасуна, когда-то описанныя Падеринымъ. Предстояла задача сдѣлать болѣе подробное описаніе Хара-Балгасуна и опредѣлить его размѣры, такъ какъ развалины эти пріурочивались къ историческому Каракоруму, но въ то же время являлись и сомнѣнія, такъ какъ многіе другіе ставили древній городъ въ иномъ мѣстѣ, а въ послѣднее время г. Позднѣевъ, оспаривая открытіе Падерина, указывалъ на другія развалины, лежащія близь монастыря Эрдени-цзоо. Дѣйствительно, дальнѣйшія изслѣдованія не оставляютъ и тѣни сомнѣнія, что это было мѣстомъ древняго Каракорума. Близь дворца, занимающаго въ окружности болѣе версты, расположены остатки валовъ и слѣды улицъ. Городъ простирался на $2^1/_2$ в. въ одну сторону и на 3—въ другую. Къ нему подходили водоснабжающіе каналы. Каракорумъ, эта древняя столица Монгольской имперіи, какъ говоритъ исторія, существовалъ уже при уйгурскихъ ханахъ въ половинѣ VIII в. по Р. Х., но былъ разрушенъ и возобновленъ снова Огатаемъ. Долго впослѣдствіи ученые не могли согласиться въ опредѣленіи мѣста, гдѣ онъ былъ построенъ. Гобель и Данвиль, Клапротъ и Іакинфъ, Абаль-Ремюза, Падеринъ и Позднѣевъ расходились въ своихъ опредѣленіяхъ. Изслѣдованіе, сдѣланное экспедиціей Н. М. Ядринцева показало, что развалины монгольскихъ городовъ и дворцовъ находятся по всей долинѣ Орхона, на протяженіи 70 в. Хара-Болгасунъ — остатокъ дворца и города находится на 53 в. южнѣе Угэй-Нора, на лѣвомъ берегу Орхона. Въ свое время значеніе этого города было огромно. Сюда являлись въ XIII в. европейцы, сюда шли цѣлые мѣсяцы францисканцы и доминиканцы; это были мѣста, посѣщаемыя старинными путешественниками Марко-Поло, Карпини, Рубриквистомъ. Здѣсь концентрировались монгольскія орды. „Вотъ остатки того дворца, пишетъ Н. М. Ядринцевъ („Сибирскій Сборникъ“ 1891 г. вып. I, стр. 33), стоявшаго среди пустыни, откуда шли повелѣнія во всѣ концы земли до Индіи и до Дуная, откуда скакали гонцы по всѣмъ направленіямъ; эта долина была вся усѣяна войсками и лагерями, готовыми послушно идти туда, куда укажетъ воля властелина. Вотъ и остатокъ башни, куда восходилъ онъ обозрѣть долину; здѣсь его взоръ царилъ далеко, душа въ первый разъ задумала обширный полетъ. Здѣсь находилось гнѣздо, вскормившее орла! Отсюда задумчиво смотрѣлъ ханъ на дальнія горы, и замыслы его разростались все больше и больше. За дальними горами Гоби лежала дикая пустыня, а тамъ Китай, огражденный чудовищной на диво стѣной, мнилъ себя въ вѣковомъ своемъ покоѣ могущественнѣйшимъ государствомъ, считая, какъ года, тысячелѣтія своей исторіи. Сюда отважный ханъ направилъ свои орды—и старая имперія пала покорно къ ногамъ Темучина. Тогда онъ устремилъ еще дальше свой взоръ на западъ, отъ Китая до Индіи; тамъ простиралось другое могущественное царство: то былъ цвѣтущій Ховаресмъ, основанный сельджукскимъ рабомъ, — и вотъ по повелѣнію судьбы, владыка полміра, Шахъ-Магометъ, вдругъ сдѣлался нищимъ скитальцемъ... Бухара, Самаркандъ, Балхъ, роскошныя столицы, пали; сокровища разграблены, библіотеки просвѣщенныхъ азіатскихъ центровъ горѣли, какъ конюшни, и конь монгольскій потопталъ все, что попадалось ему подъ копыто отъ Индіи и до Китая... Имперія монголовъ теперь царила въ Азіи одна; огромное наслѣдіе досталось сыновьямъ Чингиза. Преемники монгольскаго владыки продолжали дѣло завоеваній. Какъ волны бушующаго моря, армія монголовъ вторглась въ Европу; Кіевъ, Краковъ пали. Вся Польша была усѣяна трупами и пепломъ; вся Венгрія, опустошенная безпощадною рѣзнею, превратилась въ пустыню. Монголы перешли черезъ Одеръ. Палъ отважный герцогъ Силезіи подъ Лигницемъ съ отборнымъ рыцарствомъ, народъ бѣжалъ толпами и запирался въ города. Всѣхъ охва-

*) Буддійскія пирамиды

тилъ какой-то ужасъ, и христіанскій міръ затрепеталъ... Можетъ быть оборвалась бы и дальнѣйшая исторія Европы — не явись ей оплотомъ Россія, не прими она на грудь свою татарское иго!..“

Окончаніе будетъ.

Стефенъ-Гроверъ Клевелендъ

Въ прошедшемъ году американскій конгрессъ, какъ извѣстно, принялъ таможенный билль Макъ-Кинлея, возбудившій крупное недовольство въ торгово-промышленной сферѣ страны. При нынѣшнихъ президентскихъ выборахъ уже заранѣе предсказывали побѣду кандидата демократической партіи Клевеленда, являющагося выразителемъ идей прямо враждебныхъ макъ-кинлеевскому биллю. И дѣйствительно, событія оправдали эти ожиданія. Клевелендъ былъ избранъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ. На этотъ разъ исконная борьба двухъ американскихъ политическихъ партій — республиканцевъ и демократовъ имѣла центромъ почти исключительно упомянутый выше билль Кинлея, потому что другіе мотивы борьбы, имѣвшіе силу въ разгаръ войны за освобожденіе невольниковъ и въ послѣдующее время, теперь уже давно успѣли сгладиться. Еслибъ не этотъ вопросъ о биллѣ, то самая избирательная борьба утратила бы всякій внутренній смыслъ, и весь внѣшній задоръ выборовъ исчерпывался бы только формулою: „ôte-toi de là pour que je m'y mette“. Борьба шла бы тогда на почвѣ простыхъ симпатій избирателей къ личностямъ кандидатовъ, — мотивъ, конечно, никогда не утрачивающій своего значенія въ глазахъ избирателей независимаго образа мыслей.

Новый президентъ великой американской республики имѣетъ выдающіяся преимущества надъ своимъ политическимъ соперникомъ генераломъ Гаррисономъ, выходъ котораго изъ Бѣлаго Дома сопровождался сожалѣніями лишь немногихъ искренникъ и ближайшихъ приверженцевъ. Личность и дѣятельность Гаррисона, правда, также не запятнаны, какъ и Клевеленда, но дѣло въ томъ, что Гаррисонъ какъ-то не съумѣлъ завоевать такой популярности какъ Клевеландъ. Одно изъ общественныхъ золъ Соединенныхъ Штатовъ это — чиновничество и раздача оффиціальныхъ мѣстъ и должностей; въ два достопамятныя президентства Гранта злоупотребленія на этой почвѣ достигли такихъ размѣровъ, что вся страна была возмущена. Гаррисону ставятъ въ упрекъ его слабость въ борьбѣ съ этого рода злоупотребленіями, а Клевеленда, какъ разъ наоборотъ, всѣ знаютъ и почитаютъ какъ энергическаго борца съ ними въ его предшествовавшее президентство, съ 1884 по 1888 годъ. Клевелендъ ушелъ съ президентства съ „чистыми руками“ и сталъ опять тѣмъ же скромнымъ адвокатомъ, какимъ былъ до своего избранія главою одного изъ богатѣйшихъ и образованнѣйшихъ государствъ. Рѣдко случалось, чтобъ президентъ оставлялъ свое мѣсто съ такимъ достоинствомъ, съ такою безупречною репутаціею, провожаемый такимъ единодушнымъ уваженіемъ. Такимъ-то образомъ и при нынѣшнихъ выборахъ всѣ независимые избиратели демократической партіи остановили свой выборъ на Клевелендѣ, какъ одной изъ самыхъ почтеннѣйшихъ и притомъ уже испытанныхъ личностей.

Макъ-кинлеевскій таможенный билль былъ въ руку только большимъ денежнымъ тузамъ, которымъ онъ сулилъ быстрое обогащеніе; громадное же большинство мелкихъ производителей, напр., фермеровъ, число которыхъ въ Америкѣ опредѣляется милліонами, могло ожидать отъ этого билля только стѣсненій и убытковъ. Поэтому, когда демократическая партія, выставила Клевеленда, какъ противника билля, тотчасъ началось повальное движеніе въ его пользу въ средѣ мелкихъ производителей, причемъ значительная часть ихъ, считавшаяся прежде въ рядахъ республиканской партіи, оказалась сторонницею кандидата непріятельской партіи. Цѣлые штаты, искони бывшіе республиканскими—какъ напр.. Иллинойсъ, Мичиганъ, Калифорнія — вдругъ оказались демократическими, въ томъ числѣ даже родина самого Макъ-Кинлея, штатъ Огейо. Нынѣшніе выборы явили и другіе сюрпризы. Обыкновенно тонъ выборной компаніи задавалъ Нью-Іоркъ, главный коммерческій центръ Штатовъ, а за нимъ и все вообще восточное побережье Сѣверной Америки; нынѣ же рѣшающій голосъ народа шелъ съ великой американской рѣки — Миссисипи, а Нью-Іоркъ и его всегдашніе партизаны остались въ сторонѣ. Нью-Іоркъ вообще всегда командовалъ надъ страною; здѣсь сосредоточиваются крупнѣйшіе финансовые тузы, банкиры, коммерсанты, экспортеры, всегда задававшіе тонъ политической жизни, а весь западъ страны являлъ собою что то вродѣ дойной коровы восточнаго побережья. Нынѣшніе выборы показали, что центръ политической силы передвинулся къ западу; оказалось, что политическую побѣду можно одержать и безъ Нью-Іорка, который смогъ только усилить эту побѣду, но не воспрепятствовать ей. Нынѣшній разъ нью-іоркцы выставили своимъ кандидатомъ въ президенты своего бывшаго губернатора Гилля, котораго поддерживала знаменитая клика, извѣстная въ Америкѣ подъ названіемъ Tammany-Hall; эта компанія орудуетъ въ самомъ широкомъ масштабѣ торговлею всевозможными мѣстами и должностями по государственной службѣ. Во время президентскихъ выборовъ компанія Tammany-Hall всѣми правдами и неправдами подбираетъ массу избирательныхъ голосовъ въ пользу своего кандидата, такого, конечно, на котораго она потомъ можетъ твердо разсчитывать въ своей компанейской дѣятельности. Теперь, видя неудачу своихъ стараній и сразу убѣдившись въ успѣхѣ Клевеленда, компанія быстро перекочевала на его сторону и такимъ образомъ популярный кандидатъ неожиданно пріобрѣлъ себѣ чрезвычайно значительное большинство голосовъ.

Иностранныя государства, конечно, могутъ только порадоваться успѣху Клевеленда. Если надежды всѣхъ не будутъ обмануты, и новый президентъ окажется дѣятельнымъ противникомъ макъ-кинлеевскаго билля, то ввозъ европейскихъ произведеній на американскіе рынки оживится, и уснувшая было торговля съ Соединенными Штатами быстро расцвѣтетъ вновь.

Церемонія освященія ягнятъ папою

Освященіе ягнятъ, изъ шерсти которыхъ ткутъ архіепископскій „pallium“, составляетъ одну изъ самыхъ характерныхъ церемоній въ Ватиканѣ. Ежегодно, 21-го января, въ день св. Агнессы, папа, сидя на тронѣ, окруженный своимъ Дворомъ, освящаетъ двухъ маленькихъ бѣлыхъ ягнятъ, разукрашенныхъ лентами и преподносимыхъ ему каноннками латранской базилики св. Іоанна. Затѣмъ, животныя эти поручаются сестрамъ монастыря св. Агнессы, на которыхъ съ незапамятныхъ временъ лежитъ обязанность ухода за такими ягнятами, сбора шерсти и изготовленія изъ нея архіепископскаго pallium'а. Эта интересная и трогательная сцена освященія ягнятъ и представлена на нашемъ рисункѣ. Однако не всѣмъ, вѣроятно, извѣстно, что такое „pallium“. Pallium, это — знакъ, присвоенный исключительно архіепископскому сану, и при посвященіи въ этотъ санъ всегда получается архіепископами отъ папскаго престола. Въ былое время pallium представлялъ изъ себя верхнюю мантію. Затѣмъ, съ годами, форма его измѣнялась, и въ настоящее время это не болѣе, какъ родъ очень открытаго воротника, лежащаго на плечахъ и состоящаго изъ одной полосы бѣлой шерстяной матеріи съ черными крестами. Два короткихъ конца падаютъ отъ того же куска, — одинъ на грудь, другой на спину. Pallium не имѣетъ на себѣ ни вышивокъ, ни украшеній изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ и своею простотою напоминаетъ первыя времена христіанства. Pallium ткутъ исключительно изъ шерсти ягнятъ, получившихъ папское благословеніе.

Новости печати

— Первый журналъ по тюрьмовѣдѣнію. Недавно вышелъ первый нумеръ новаго ежемѣсячнаго журнала „Тюремный Вѣстникъ“, издаваемаго главнымъ тюремнымъ управленіемъ. Въ оффиціальномъ отдѣлѣ напечатаны свѣдѣнія о Высочайшихъ наградахъ, о движеніи по государственной службѣ, правительственныя распоряженія, табель о продовольствіи арестантовъ въ 1893 г. и свѣдѣнія объ изданіи „Тюремнаго Вѣстника“. Въ неофиціальномъ отдѣлѣ помѣщены двѣ любопытныя статьи: „О холерной эпидеміи 1892 г. въ средѣ арестантовъ“ и „Поиски и развѣдки ископаемыхъ богатствъ на островѣ Сахалинѣ“, сообщенная его начальникомъ.

— Еженедѣльное изданіе „Профессіональная Школа“, выходившее въ Кіевѣ, признано окончательно прекратившимся.

— Эмиль Золя, который, какъ извѣстно, опять потерпѣлъ пораженіе при выборахъ въ парижскую академію, въ особомъ письмѣ на имя редактора „Figaro“ Маньера, заявляетъ, что онъ намѣренъ еще выставить свою кандидатуру при слѣдующихъ выборахъ. При этомъ Золя прибавляетъ, что въ случаѣ если Бурже поставитъ свою кандидатуру, онъ, Золя, первый подастъ голосъ въ его пользу.

— Стихотворныя газеты. Не всѣмъ, быть можетъ, извѣстно, что на свѣтѣ существуютъ двѣ газеты, весь текстъ которыхъ, отъ начала до конца, пишется стихами. Одна такая газета, подъ именемъ „Роуміасъ“, издается въ Аѳинахъ подъ редакціей Георга Суриса и пользуется въ столицѣ Эллиновъ громадной популярностью. Все въ этой газетѣ пишется стихами, даже некрологи, объявленія, заголовокъ, въ которомъ говорится о подписной цѣнѣ на газету и подстрочной платѣ за объявленія и проч. Другая газета въ стихахъ, „Williston-Journal“, выходитъ въ Канзасѣ (Соединенные Штаты), подъ редакціей миссъ Елизаветы Вильсонъ, которая сама собственноручно текстъ всѣхъ статей перелагаетъ въ звучные стихи.

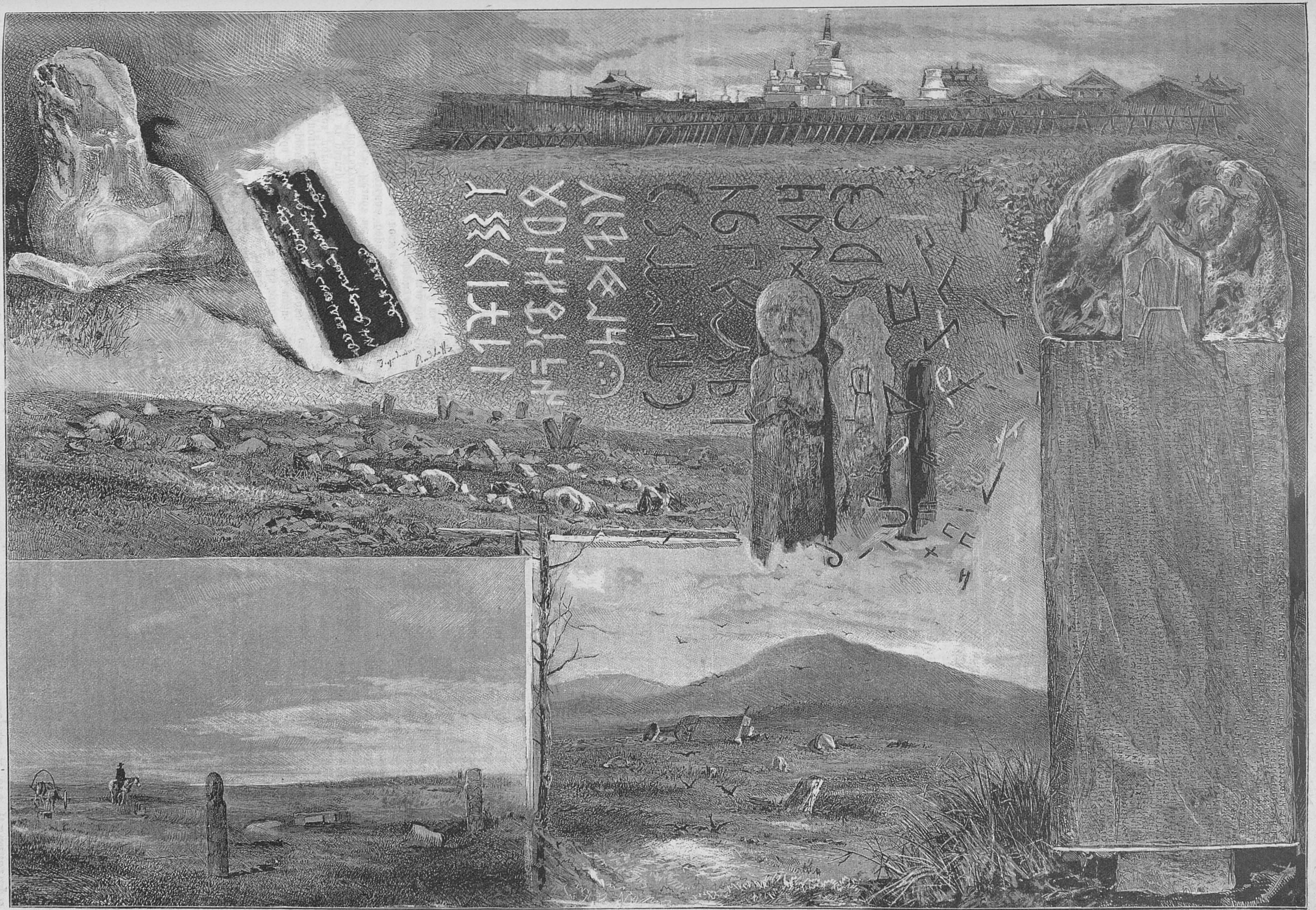
Верди и его „Фальстафъ“

Въ то время какъ читатели найдутъ этотъ очеркъ на страницахъ нашего журнала, въ Миланѣ еще не стихнутъ восторги, возбужденные первою постановкою новой оперы Верди „Фальстафъ“, прозведенія, въ которомъ съ такимъ юношескимъ жаромъ еще разъ выразился геній маститаго восьмидесятилѣтняго композитора. „Фальстафъ“—по счету двадцать шестая опера Верди, имя котораго составляетъ гордость и честь Италіи. Постановка этой, быть можетъ, послѣдней, его оперы почти совпадаетъ, на разстояніи пятидесяти трехъ лѣтъ, съ его дебютомъ. 17 ноября 1839 года была поставлена въ Миланѣ его первая опера „Oberto conte di san Bonifazio“.

Верди родился въ 1813 г. въ деревушкѣ округа Буссета Roncole, гдѣ отецъ и мать его держали скромную „Cocandiere“ т. е. бѣдную, маленькую гостинницу. Въ метрическихъ спискахъ Буссетскаго прихода онъ обозначенъ подъ именемъ Жозефа-Франсуа-Фортюніо, но всю свою жизнь сохранялъ только одно первое имя Джузеппе.

Верди пристрастился къ музыкѣ еще восьмилѣтнимъ ребенкомъ, слушая органъ церкви, въ которой онъ занималъ мѣсто „enfant de choeur“. Своими неотступными просьбами онъ заставилъ отца согласиться учить его музыкѣ. Въ теченіе трехъ лѣтъ ребенокъ бралъ уроки у стараго деревенскаго органиста Baisfrocchi и затѣмъ за смертью своего наставника принялъ на себя его обязанности.

Отецъ Джузеппе, желая дать сыну общее хотя бы элементарное образованіе, опредѣлилъ его въ г. Буссето (лежащемъ въ одной милѣ разстоянія отъ деревни) къ своему старому другу, который принялъ на себя заботу о немъ, и мальчикъ, не желая среди новыхъ занятій бросить музыку, каждый воскресный или праздничный день отправлялся въ Сонкольскую церковь и исполнялъ тамъ свои обязанности органиста. Черезъ два года усердныхъ занятій, молодой Верди поступилъ на мѣсто, предложенное ему богатымъ комерсантомъ города Буссето Антоніемъ Барецци, который былъ не только прекрасный человѣкъ, но и страстный любитель музыки. Здѣсь, впервые на благопріятной почвѣ развернулся музыкальный геній Верди. Онъ сталъ ученикомъ извѣстнаго Провези, бывшаго соборнымъ органистомъ, изученіе контрапункта просвѣтило его умъ и открыло широкій горизонтъ его воображенію. Теперь Верди стремился въ Миланъ, бывшій всегда музыкальнымъ центромъ Италіи. Съ помощью друзей ему удалось получить стипендію отъ города. Пріѣхавъ въ Миланъ. Верди, полный радостныхъ надеждъ, бросился въ консерваторію и... получилъ тамъ полный отказъ. Не смотря на сильный и неожиданный ударъ, онъ не упалъ духомъ и обратился къ частнымъ урокамъ Лавинья, замѣчательному артисту своего времени и бывшему тогда дирижеру театра de la Scala. Учитель съумѣлъ угадать рѣдкій талантъ своего ученика, привязался къ нему и не могъ нарадоваться его быстрымъ и громаднымъ успѣхамъ. Миланъ былъ свидѣтелемъ первыхъ шаговъ Верди на публичномъ поприщѣ. Нѣсколько увертюръ, написаныхъ имъ въ то время, разыграны были на музыкальныхъ вечерахъ, которые давались тогда въ театрѣ la Scala, составомъ Pio instituto teatrale. Но тутъ судьба неожиданно заставила его снова вернуться на родину. Въ Буссето умеръ его учитель и другъ органистъ Провези, и городъ предложилъ Верди занять это мѣсто. Съ тоскою покинулъ молодой композиторъ Миланъ. Пріѣхавъ въ Буссето, онъ подписалъ съ городомъ контрактъ на три года, но не какъ соборный органистъ, а какъ учитель музыки, въ Mont de Pieté и какъ шефъ филармоническаго общества; затѣмъ онъ поселился снова у Барецци, двери котораго еще разъ гостепріимно открылись для него. И въ 1835 г. онъ женился на его дочери, съ которою еще ребенкомъ его связывала самая нѣжная дружба. По истеченіи трехъ лѣтъ Верди переѣхалъ съ своею женою и тогда уже бывшими у него двумя дѣтьми въ Миланъ. Онъ мечталъ о театрѣ, и обстоятельства сложились тогда для него самымъ благопріятнымъ образомъ. 17 ноября 1839 г. на театрѣ la Scala была поставлена и принята съ горячимъ сочувствіемъ его первая опера „Oberto conte di san Bonifazio“. Успѣхъ двадцатишестилѣтняго композитора привлекъ на него общее вниманіе, и Мерелли заказалъ ему написать новую „opera bouffe“. Но въ это время на Верди обрушился страшный ударъ; въ теченіе двухъ мѣсяцевъ онъ потерялъ двухъ дѣтей, и 19 іюля 1840 г. свою жену. Три гроба одинъ за другимъ вынесли изъ дверей его маленькой квартиры близъ porte Ticinesi. Одинъ, разбитый нравственно, полный отчаянія, онъ, по какой-то жестокой насмѣшкѣ судьбы, долженъ былъ писать „opera bouffe“. Онъ написалъ и сдалъ ее Мерелли согласно контракту, но опера провалилась при первомъ же представленіи. Верди въ отчаяніи рѣшилъ никогда не писать болѣе для театра. Но Мерелли, вѣра котораго въ молодого композитора не поколебалась, поддерживалъ его, ободрялъ, заставлялъ писать и 9-го марта 1842 года снова была по-



Общій видъ монастыря Ерденъ-Узо, Кэрэкъ-сура, могильники, каменныя бабы, обломки статуй.

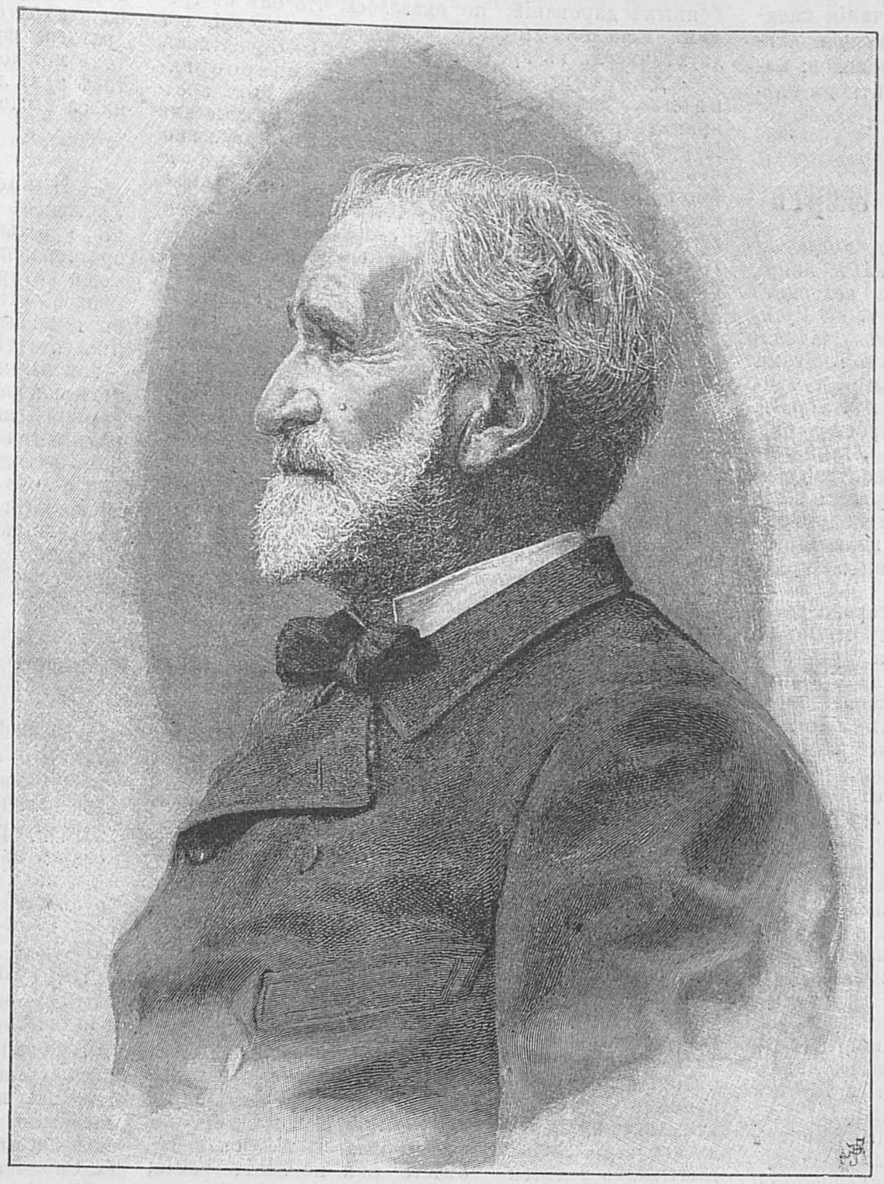
Послѣдняя экспедиція Н. М. Ядринцева въ Монголію.

Съ натуры рисовалъ для »Всемірной Иллюстраціи« А. В. Евреиновъ.

ставлена его опера „Nabucco", имѣвшая громадный успѣхъ. Слава о немъ пролетѣла по всей Италіи, и затѣмъ каждое изъ его произведеній было новымъ торжествомъ, и имя его, какъ патріота и композитора, стало гордостью его страны и синонимомъ музыкальнаго генія во всѣхъ углахъ образованнаго міра.

Кромѣ знаменитаго Requiem, оперъ „Traviata", „Aida", „Otello" и др., извѣстныхъ всей Европѣ, есть много забытыхъ теперь, но замѣчательно сильныхъ и гармоничныхъ его произведеній, какъ, напримѣръ: „Alzira", „Attila", „Masnadieri", „il Corsaro", „Stiffelio" и т. д., которыя хотя изрѣдка, но всегда съ громаднымъ успѣхомъ ставятся на разныхъ сценахъ Италіи.

Первое давно ожидаемое представленіе комической оперы „Фальстафъ" Верди, въ театрѣ „Scala", въ Миланѣ, состоялось 28-го января и было цѣлымъ событіемъ въ лѣтописяхъ итальянскаго искусства. Театръ переполненъ былъ публикою всевозможныхъ національностей, которая находилась передъ началомъ спектакля въ крайне возбужденномъ состояніи. Опера имѣла колоссальный успѣхъ и маэстро Верди вызывали по три раза послѣ первыхъ двухъ актовъ и не менѣе восьми разъ по окончаніи оперы. Когда восьмидесятилѣтній авторъ послѣ продолжительныхъ криковъ, наконецъ, показался публикѣ, его встрѣтили небывалымъ по единодушію и силѣ крикомъ „Viva Verdi!" Новое произведеніе Верди носитъ названіе „лирической комедіи" и отличается во многомъ отъ типа старинной комической оперы, въ которой музыкально-декламаціонная сторона и инструментовка не имѣли большаго значенія. Либретто написалъ Арриго Бойто, авторъ оперы „Мефистофель"; оно взято изъ шекспировской комедіи „Виндзорскія проказницы" съ сохраненіемъ всей фабулы и хода дѣйствія ея. Партитура переполнена своеобразными музыкальными красками: разговорный речитативъ сопровождается оркестромъ чрезвычайно мелодично, съ интересною гармонизаціей. Громадный успѣхъ имѣли morceau-d'ensemble для четырехъ женскихъ голосовъ (à capella), который былъ повторенъ, любовный дуэтъ Анны и Фантоны и септетъ перваго дѣйствія; потомъ разговорная сцена въ началѣ втораго дѣйствія, арія Фальстафа, мадригалъ, финальная сцена того же дѣйствія, а также прелестный разсказъ Фальстафа „Когда я былъ пажемъ", сонетъ Фантоны, пѣснь Алисы, духовой квартетъ и другія мѣста послѣдняго акта. Все это повторялось по шумнымъ требованіямъ. Общее мнѣніе миланскихъ газетъ, — а также громаднаго большинства парижскихъ, лондонскихъ, вѣнскихъ и берлинскихъ критиковъ, приславшихъ своихъ критиковъ на первое представленіе „Фальстафа", — что геній Верди снова высказался съ самой блестящей стороны и притомъ въ новой для него области музыкальной комедіи; нѣкоторые даже думаютъ, что Верди воспользовался имѣвшимися у него ранѣе матеріалами. Слѣдуя теоріямъ, высказаннымъ имъ въ послѣдніе годы, Верди стремится въ „Фальстафѣ" къ возможной простотѣ выраженія; его новая партитура какъ бы партитура классической эпохи, напримѣръ Моцарта, но пропущенная черезъ горнило новыхъ требованій искусства. Значительная часть критиковъ не одобряетъ либретто и самый сюжетъ находитъ незначительнымъ и не стоющимъ вниманія. Исполненіе артистовъ, судя



ДЖУЗЕППЕ ВЕРДИ, знаменитый итальянскій композиторъ.

Съ послѣдней фотографіи А. Ферраріо, въ Миланѣ, гравировалъ Д. Балларини.

Италія. — Миланъ. Домашняя репетиція новой оперы Дж. Верди »Фальстафъ« въ присутствіи самаго маэстро.

Съ эскиза Э. Хименеса рисовалъ Дженнаро Амато.

по отчетамъ, было безподобное. По окончаніи спектакля толпа въ нѣсколько тысячъ провожала и ожидала Верди до и у отеля, гдѣ онъ остановился; маэстро долженъ былъ нѣсколько разъ выйти на балконъ.

Бѣгъ на лыжахъ — новый спортъ

Немного лѣтъ прошло съ того времени, когда заниматься какимъ либо спортомъ, какъ напр., катаньемъ на яхтахъ, лодкахъ, ѣздой на велосипедахъ, бѣгомъ на конькахъ и проч. у насъ, на Руси, считалось неприличнымъ взрослому человѣку, и только дѣти имѣли преимущество пользоваться этими пріятными и въ высшей степени полезными и здоровыми удовольствіями; въ Европѣ же и Америкѣ спортъ и игры на воздухѣ широко распространены давно и даже сдѣлались потребностью. Лыжи, не смотря на ихъ чуть ли не доисторическую древность, начали входить въ употребленіе у насъ только въ самое недавнее время, хотя жители сѣвера Россіи и Сибири и охотники давно уже знакомы съ ними и широко пользовались ихъ услугами для практическихъ цѣлей.

Лыжный спортъ для жителя большаго города удобнѣе и дешевле всякаго другаго. Яхтсмену мѣшаютъ теченія, узкій фарватеръ, туманы, масса судовъ и дорогое содержаніе яхтъ, велосипедистамъ — мостовыя, полицейскія запрещенія и дороговизна велосипедовъ, конькобѣжцы стѣснены размѣрами катка и костюмомъ, такъ какъ кататься приходится въ большомъ обществѣ — лыжнику же вездѣ дорога; не надо ему ни костюма, ни чего другаго, разъ онъ добрался до рѣки, поля, озера, парка или даже глухой засыпанной снѣгомъ улицы на окраинѣ города. Дешевизна лыжъ (5—7 рублей) и отсутствіе ухода за ними еще болѣе способствуютъ ихъ распространенію. Въ Швеціи и Норвегіи и въ Америкѣ лыжный спортъ давно уже пріобрѣлъ права гражданства и тамъ существуютъ клубы лыжниковъ и устраиваются публичныя состязанія, въ которыхъ принимаютъ участіе не только спортсмены, но войска и учебныя заведенія. Военное министерство и у насъ уже обратило вниманіе на практичность и пригодность лыжъ для военныхъ цѣлей и образовало команды лыжниковъ въ войскахъ, а въ Финляндіи и Швеціи уже цѣлые батальоны поставлены на лыжи.

Знаменитый изслѣдователь Гренландіи Нансенъ наглядно доказалъ цѣлесообразность лыжъ, совершивъ свое путешествіе на нихъ и вернувшись со всѣми своими спутниками вполнѣ благополучно, несмотря на страшныя препятствія, лишенія и морозы.

Научиться справляться съ лыжами очень не трудно; даже старики, дамы и дѣти послѣ двухъ, трехъ попытокъ могутъ управляться съ ними довольно свободно тѣмъ болѣе, что опасности нѣтъ никакой и ушибиться почти невозможно; единственными препятствіями являются гладкія поверхности льда, съ котораго вѣтеръ сдулъ снѣгъ, но и эти препятствія легко устраняются, если лыжникъ снабженъ двумя хорошими, крѣпкими палками съ желѣзными наконечниками.

Особенно влечетъ къ лыжамъ та полная свобода дѣйствій, которая даетъ право не признавать дорогъ, плавность, мягкость и отсутствіе рѣзкихъ толчковъ, когда лыжи скользятъ по снѣгу, чѣмъ не могутъ похвастать другіе роды спорта, кромѣ развѣ яхты, которая также плавно и безъ шума скользитъ по волнамъ, обгоняя зачастую пыхтящій и шипящій пароходъ.

Достичь виртуозности въ управленіи лыжами не трудно, и опытные и хорошіе ходоки дѣлаютъ даже скачки въ 8 и 10 сажень скольза. Хорошій лыжникъ легко оставитъ за собою лошадь, принимая во вниманіе дальность разстоянія и то, что лыжникъ идетъ напрямикъ къ намѣченной цѣли. Чистый свѣжій воздухъ очищаетъ легкіе отъ насѣвшей въ нихъ копоти большихъ городовъ. Моціонъ и движеніе, хорошее расположеніе духа и бодрость, которыя невольно захватываютъ лыжника вдали отъ сутолоки города на лонѣ природы, гдѣ все такъ радуетъ взоръ, все такъ мягко, пышно и красиво подъ бѣлой пеленой снѣговъ, — все это заставляетъ рекомендовать это дешевое и удобное удовольствіе какъ пріятное и въ высшей степени полезное.

М. Мальшевъ

НОВОСТИ НАУКИ И ЦИВИЛИЗАЦІИ

Естествовѣдѣніе

— Замѣчательною памятью обладаетъ американскій негръ Уильямъ Бутлеръ. Онъ отвѣчаетъ почти безъ всякихъ колебаній и раздумыванья какой день соотвѣтствуетъ любому заданному числу мѣсяца и года, въ предѣлахъ послѣднихъ трехъ или даже четырехъ столѣтій. Но тѣмъ и ограничиваются всѣ умственные рессурсы этого ходячаго календаря. Пробовали задавать ему задачи на разныя вычисленія, думая не проявитъ ли онъ и по этой части особенныхъ дарованій; но оказалось, что онъ съ грѣхомъ пополамъ можетъ производить сложеніе изъ двухъ чиселъ въ предѣлахъ первыхъ 5—6 десятковъ.

— Дѣйствіе углекислоты на микроорганизмы. Для выясненія этого вопроса былъ предпринятъ рядъ опытовъ французскими физіологами Нурри и Мишелемъ. Этими опытами было доказано, что молоко, насыщенное углекислотою и содержимое при низкой температурѣ, свертывается не ранѣе, какъ черезъ недѣлю, между тѣмъ какъ при обыкновенныхъ условіяхъ молоко свертывается уже на третьи сутки; а свертываніе молока, какъ извѣстно, производится бактеріями. Между тѣмъ при повышеніи температуры молоко свертывается довольно быстро, не смотря на присутствіе въ немъ углекислоты. Изъ всего этого можно заключить, что названное вещество не убиваетъ микроорганизмы, а только задерживаетъ ихъ развитіе.

— Пьянство и вырожденіе. Во французскомъ медицинскомъ журналѣ „Progrès medical" приводится весьма живое и наглядное доказательство, давно уже указанной связи между распространеніемъ пьянства и вырожденіемъ подверженнаго ему населенія. Въ великомъ герцогствѣ Гессенъ-Дармштадтскомъ, около Лимбурга, существуетъ нѣсколько винокуренныхъ заводовъ, выдѣлывающихъ спиртъ низшаго качества; почти все ближайшее окрестное населеніе этихъ заводовъ сплошь состоитъ изъ идіотовъ и субъектовъ со всевозможными другими признаками вырожденія. Между тѣмъ населеніе всѣхъ другихъ деревень, въ той же мѣстности, вполнѣ здоровое, дѣятельное, разумное, вообще во всѣхъ отношеніяхъ нормальное.

— Интересный опытъ продовольствія маргариномъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ производство маргарина, не смотря на цѣлый рядъ стѣснительныхъ законовъ, ведется въ обширныхъ размѣрахъ и выдѣлка искусственнаго масла достигла тамъ такого совершенства, что нѣтъ возможности отличить этотъ продуктъ отъ натуральнаго, не прибѣгая къ кропотливому научному изслѣдованію. Вкусъ маргарина рѣшительно неотличимъ отъ вкуса натуральнаго масла; но при долгомъ употребленіи разница рѣзко сказывается. Въ одномъ сиротскомъ пріютѣ поставщикъ масла весьма ловко „замѣнилъ" коровье масло маргариномъ и сталъ систематически поставлять его изо дня въ день. Ни начальство, ни сами питомцы ничего не замѣтили, но черезъ нѣсколько времени у нихъ началъ постепенно пропадать вкусъ къ маслу; кончилось тѣмъ, что дѣти вовсе перестали его ѣсть. Начальство выбивалось изъ силъ, допытываясь у дѣтей — отчего они не ѣдятъ масла; тѣ отвѣчали, что масло хорошее, но ѣсть его... не хочется, да и кончено.

— Случай оцѣпенѣнія человѣка, подъ вліяніемъ взгляда животнаго. Одно время существовало мнѣніе, что удавы приводятъ свою добычу въ состояніе оцѣпенѣнія силою своего неподвижно устремленнаго взгляда. Въ послѣднее время этотъ фактъ былъ отнесенъ къ числу вымысловъ. Но въ послѣднемъ номерѣ „Revue Scientifique" сообщается случай заставляющій нѣсколько задуматься по поводу этого обстоятельства. Дѣло происходило въ 1878 г. на Коромандельскомъ берегу. Въ это время тамъ жилъ нѣкто П., съ которымъ и случилось нижеописанное происшествіе. Однажды П. велъ черезъ густой лѣсъ большой караванъ, шедшій по тамошнему обыкновенію гуськомъ. П., ѣхавшій впереди верхомъ, въ одномъ мѣстѣ остановилъ лошадь, слѣзъ съ нея и направился въ кусты. Въ это время спутники его замѣтили, что онъ остановился въ совершенно неподвижной позѣ, какъ истуканъ, съ помутившимися глазами. Лошадь его въ то же время проявила всѣ признаки крайняго испуга, взвилась на дыбы и наконецъ пустилась бѣжать. П., какъ онъ потомъ самъ разсказывалъ, не ощущалъ никакого страха, не видѣлъ передъ собою ничего способнаго внушить страхъ, а только чувствовалъ, что онъ не можетъ двинуться съ мѣста, что у него помутилось въ глазахъ, и подумавъ, что это происходитъ вслѣдствіе какого нибудь болѣзненнаго припадка, онъ крикнулъ на помощь. Къ нему тотчасъ подбѣжалъ одинъ изъ проводниковъ, подоспѣвшій какъ разъ въ то время, когда громадный удавъ уже кидался на П. Животное было немедленно убито и П. тотчасъ очнулся отъ своего оцѣпенѣнія. Тогда только онъ понялъ, что онъ впалъ въ это страшное состояніе подъ вліяніемъ устремленныхъ на него глазъ змѣи. Фактъ замѣчательный самъ по себѣ, но не исключающій объясненія гораздо болѣе простаго и натуральнаго, чѣмъ то, которое даетъ ему самъ П: — можно предположить, что онъ совершенно внезапно наткнулся на животное и хорошо понимая съ кѣмъ имѣетъ дѣло, поддался естественному чувству крайняго ужаса, которое и привело его на минуту въ оцѣпенѣніе.

Географія, этнографія

— Изслѣдованіе верхнихъ слоевъ атмосферы. Въ засѣданіи парижской академіи наукъ 5 сего декабря Ренаръ прочелъ сообщеніе по вопросу о возможности изслѣдовать самые верхніе слои атмосферы посредствомъ воздушныхъ шаровъ, которые можно было бы снабжать самозаписывающими инструментами, для отмѣтки температуры, барометрическаго давленія, влажности и т. д. Вычисленія Ренара показали, что шарамъ, предназначеннымъ для очень большихъ высотъ, придется придавать чрезвычайно значительные размѣры. Такъ чтобы шаръ поднялся на высоту 6-ти верстъ, достаточно, чтобы онъ имѣлъ объемъ въ 300 кубическихъ метровъ, а для того, чтобы онъ поднялся на 50 верстъ — надо дать ему объемъ въ 3 милліона кубическихъ метровъ. Ренаръ полагаетъ, что вѣсъ оболочки шара можетъ быть низведенъ до 50 граммовъ на квадратный метръ (около 1 золотника на 1 квадратный футъ), а вѣсъ необходимыхъ инструментовъ можно ограничить тремя фунтами. На практикѣ едва ли удастся достигнуть, чтобы шаръ поднялся выше 20 верстъ.

Политехника

— Новое желѣзнодорожное изобрѣтеніе. Уроженецъ с. Нижнихъ-Сѣрогозъ, херсонской губерніи, крестьянинъ Левъ Торбанъ, изобрѣлъ особый оригинальный автоматическій механизмъ, при помощи котораго при самомъ легкомъ уклоненіи вагоновъ по отношенію въ нормѣ хода поѣзда, въ какую бы то ни было сторону, вверхъ, внизъ, вправо, влѣво, и въ самыхъ разнообразныхъ другихъ направленіяхъ, — всѣ вагоны, входящіе въ составъ поѣзда, считая тутъ и паровозъ, моментально разъединяются, падающій вагонъ или паровозъ не тащитъ за собой рядъ вагоновъ, которые не находятся на разрушенномъ пути, поломанномъ мосту или натолкнутся на какое либо препятствіе, встрѣтившееся по направленію хода поѣзда; кромѣ того, каждый вагонъ, — въ моментъ его разъединенія съ другими вагонами, — тотчасъ одновременно можетъ тормозиться автоматически на мѣстѣ.

Некрологъ

Алексѣевъ Сергѣй Владиміровичъ, коммерціи совѣтникъ, извѣстный московскій благотворитель и общественный дѣятель, бывшій гласный московской городской думы, † въ Москвѣ 18 января.

Бамбергъ Феликсъ, д-ръ, бывшій прусскій консулъ въ Парижѣ, германскій консулъ въ Мессинѣ и въ Генуѣ, принимавшій видное участіе въ крупныхъ политическихъ событіяхъ 1864—1870 гг., † въ Сенъ-Грасьонъ, близь Парижа, 2 февраля, 73 лѣтъ.

Бергбомъ Іоганъ Густавъ коммерціи совѣтникъ, одинъ изъ самыхъ крупныхъ экспортеровъ и судохозяевъ, † въ Улеаборгѣ 22 января 74 лѣтъ.

Булгакова Марія Васильевна, классная дама Патріотическаго женскаго института въ С.-Петербургѣ, имя которой тѣсно связано съ многими учебными заведеніями, которымъ посвящена была ея педагогическая, почти 24-лѣтняя дѣятельность, † въ Спб. 4 января.

Бушъ Александръ Константиновичъ, одинъ изъ старѣйшихъ с.-петербургскихъ архитекторовъ, состоявшій архитекторомъ при министерствѣ государственныхъ имуществъ, † въ Спб. 22 января.

Демидовъ Александръ Павловичъ, камеръ-юнкеръ, почетный попечитель ярославскаго юридическаго Демидовскаго лицея съ 1886 года, † въ Одессѣ 21 января.

Долгановъ Юліанъ Александровичъ, отставной корабельный инженеръ, дѣйствительный членъ-учредитель и казначей общества для распространенія Св. Писанія въ Россіи, † въ Спб. 27 января.

Ивановъ Левъ Григорьевичъ, тайн. сов. бывшій начальникъ общаго архива главнаго штаба, одинъ изъ старѣйшихъ по времени гражданскихъ чиновъ, обладавшій феноменальной памятью и пользовавшійся громадной популярностью въ военномъ вѣдомствѣ, † въ Спб. 4 февраля, около 100 лѣтъ.

Измайловъ, Алексѣй Андреевичъ, протоіерей православной придворной Ея Императорскаго Высочества княгини Маріи Максимиліановны церкви въ Карлсруэ, бывшій священникъ греческой церкви въ Амстердамѣ, духовный писатель, † въ Карлсруэ 24 января.

Л'Эпинъ Эрнестъ, французскій писатель, извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ *Катреля*, авторъ цѣлаго ряда романовъ и очерковъ, † въ Парижѣ 23 января. Катрель родился въ Парижѣ въ 1826 году и въ молодости занимался живописью и музыкой. Служебную карьеру свою онъ началъ въ администраціи почтъ, а впослѣдствіи былъ секретаремъ у графа Морни. Выступивъ на литературный путь вмѣстѣ съ своимъ бывшимъ школьнымъ товарищемъ Альфонсомъ Доде, онъ написалъ нѣсколько театральныхъ пьесъ, имѣвшихъ большой успѣхъ. Позднѣе, въ „La Vie Parisienne" онъ помѣстилъ цѣлую серію чрезвычайно остроумныхъ и тонкихъ вещицъ, выдвинувшихъ его сразу: „La Vie à grand orchestre", „Le Voyage autour du grand monde", „Le Guide du parfait causeur" и друг. произведеній, которыя принадлежатъ къ той же эпохѣ. Позднѣе Картель пошелъ другою дорогой, на которой тоже имѣлъ громадный успѣхъ. Онъ издалъ множество

дѣтскихъ книгъ: „Le Capitaine Castagnette“, „La Légende de Croquemitaine“, „La Vierge de munster“ и прочія, сдѣлавшіяся очень популярными среди французскаго молодаго поколѣнія. Романъ его „Les Lettres à une honnête femme“ увѣнчанъ французскою академіею. На русскій языкъ переведено много множество мелкихъ произведеній Катреля. Катрель былъ кавалеромъ Почетнаго Легіона. Въ послѣднее время онъ состоялъ членомъ докладчикомъ счетной палаты.

Милорадовичъ Николай Николаевичъ, нѣжинскій землевладѣлецъ и городской судья, много поработавшій для черниговской губерніи, выдающійся земскій дѣятель, † въ Нѣжинѣ 14 января.

Нектарій (Николай Болямковъ), іеромонахъ Александро-Невской лавры, находившійся въ ней болѣе 30 лѣтъ, † въ Спб. 1 февраля, 48 лѣтъ.

Поповъ Алексѣй Ефимовичъ, генералъ-майоръ, членъ тираспольской городской управы, замѣчательный общественный дѣятель, герой кавказской войны противъ горцевъ, севастопольской обороны, участникъ усмиренія поляковъ въ 1863 г., † въ Тираснолѣ 24 января, 69 лѣтъ.

Соболевскій Юліанъ, ксендзъ, старѣйшій засѣдатель римско-католической духовной коллегіи, прелатъ люблинской консисторіи, много потрудившійся на пользу своей церкви, благодѣтель бѣдныхъ, † въ Спб. 30 января, 72 лѣтъ.

Сушковъ Сергѣй Петровичъ, д. ст. сов., бывшій главнымъ редакторомъ „Правительственнаго Вѣстника“ съ 1874 по 1881 г., авторъ цѣлаго ряда сочиненій, направленныхъ противъ лжеученій римской церкви, † въ Спб. 5 февраля 77 лѣтъ. Онъ воспитывался въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, служилъ на Кавказѣ, принималъ участіе въ дѣлахъ съ горцами; въ крымскую кампанію командовалъ одною изъ дружинъ московскаго ополченія. Съ 1857 по 1862 г. онъ жилъ въ Парижѣ, гдѣ дѣятельно сотрудничалъ въ журналѣ „L'Union Chérétienne“ и наблюдалъ за постройкою русской посольской церкви. Съ 1862 по 1869 г. служилъ по духовному вѣдомству и написалъ по порученію оберъ-прокурора святѣйшаго синода двѣ книги: „Объ училищахъ для дѣтей духовнаго званія“, и „О нововведеніяхъ князя Кузы въ румынской церкви“. Въ послѣдніе годы состоя на службѣ по главному управленію по дѣламъ печати, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ возобновилъ свои богословскія занятія и издалъ въ 1890 г. сочиненіе „Противъ лжеученія о вселенскомъ главенствѣ римской церкви“, увѣнчанное преміей московскаго митрополита Макарія. Въ томъ же году онъ издалъ 2 тома сочиненій своей родной сестры гр. Е. П. Ростопчиной.

Толь Карлъ Карловичъ, графъ, тайн. сов., чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при Дворѣ короля датскаго, гофмейстеръ, одинъ изъ видныхъ дѣятелей на дипломатическомъ поприщѣ, воспитанникъ пажескаго корпуса и академіи генеральнаго штаба, † въ Копенгагенѣ 1 февраля 59 лѣтъ.

Троянъ Алоизій Православъ Троянъ, маститый чешскій депутатъ австрійскаго рейхсрата и пражскаго сейма, старѣйшій членъ младочешской партіи, докторъ правъ, авторъ сочиненій по государственному праву Чехіи, † въ Прагѣ 9 февраля, 78 лѣтъ.

Штернъ Вильгельмъ Карловичъ, преподаватель нѣмецкаго языка введенской гимназіи въ Спб., прослужившій дѣлу педагогіи болѣе 45 лѣтъ, воспитанникъ дерптскаго университета, † въ Спб. 2 февраля.

Искусства

— Русскіе художники получили приглашеніе участвовать въ международной выставкѣ, имѣющей открыться въ Миланѣ, по случаю исполняющагося 50-тилѣтія миланскаго художественнаго общества.

— Конюшни турецкаго султана уже кончены вполнѣ; сооруженіе ихъ было поручено парижской фирмѣ Рабурдшъ подъ надзоромъ главнаго шталмейстера. Конюшни эти представляютъ собою чудо красоты, изящества и роскоши, такъ что модель этого великолѣпнаго сооруженія будетъ отправлена на всемірную выставку въ Чикаго.

— Выставка акварелистовъ открылась на дняхъ въ Гельсингфорсѣ. На эту выставку приглашено къ участію и русское общество акварелистовъ. Представителемъ общества русскихъ акварелистовъ явился на упомянутой выставкѣ извѣстный акварелистъ Альбертъ Бенуа. Число отправленныхъ на выставку акварелей не велико, но принадлежитъ кисти нашихъ наиболѣе извѣстныхъ акварелистовъ, а именно: Александровскаго, Бакста, Боброва, Бенуа, Виллие, А. Соколова, Лыткина, Шарлеманя и нѣкоторыхъ другихъ.

Астрономическій календарь

16—28 февраля 1893 г.

Февраль.	Средн. время въ ист. полд.	Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ. Восхожд. солнца.	Заходж. солнца.	Восхожд. луны.	Заходж. луны.	Въ МОСКВѢ. Восхожд. солнца.	Заходж. солнца.	Восхожд. луны.	Заходж. луны.
	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.
16	12 12.6	7 1	5 25	1 44в	7 25у	6 54	5 33	2 16в	6 50у
18	12 12.2	6 55	5 30	5 0	7 30	6 49	5 37	5 14	7 16
20	12 11.8	6 50	5 35	7 58	7 30	6 44	5 41	7 54	7 30
22	12 11.3	6 44	5 40	10 50	7 30	6 39	5 46	10 30	7 43
24	12 10.8	6 38	5 45	0 17у	7 32	6 33	5 50	—	8 0
26	12 10.3	6 32	5 50	3 18	7 45	6 28	5 54	2 28у	8 36
28	12 9.8	6 26	5 55	5 43	8 55	6 23	5 58	4 38	10 0

Солнце въ созвѣздіи Водолея.

Луна въ полнолуніи 18-го, въ послѣдней четверти 26-го февраля.

Планеты: Меркурій 2-го марта достигаетъ наибольшаго восточнаго удаленія отъ солнца. Венера видна утреннею звѣздою. Марсъ и Юпитеръ видны вечеромъ на западѣ, Юпитеръ ближе къ закату. Сатурнъ видѣнъ почти всю ночь. Уранъ во вторую, Нептунъ въ первую половину ночи.

СОДЕРЖАНІЕ НУМЕРА

Текстъ.

Рисунки.

За редактора **Э. Д. Гоппе.**
Издательница **А. П. Гоппе.**

ШАХМАТЫ

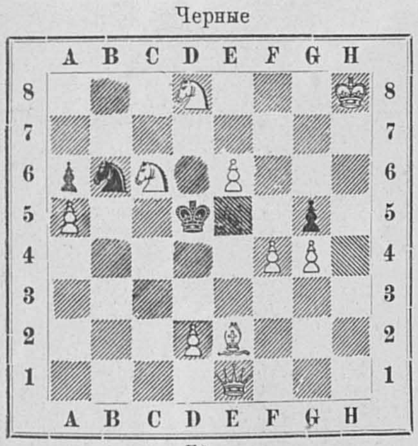
под редакціей **А. П. Шишкина**

ЗАДАЧА № 1547

Josef Jána

Изъ „Svetosor'a“

Черные



Бѣлые

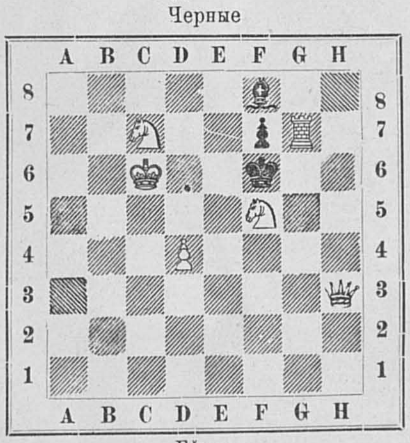
Матъ въ 3 хода.

ЗАДАЧА № 1548

Девизъ: **Mene, tekel, upharsin**

Изъ конкурсныхъ задачъ „Шахматнаго журнала“

Черные



Бѣлые

Матъ въ 2 хода.

ПАРТІЯ № 1025

4-я партія матча; играна въ Московскомъ Собраніи Врачей 4-го января 1893 года.

	А. В. Соловцовъ Бѣлые	М. И. Чигоринъ Черные
1.	d2—d4	d7—d5
2.	К g1—f3	К g8—f6
3.	e2—e3	e7—e6
4.	c2—c4	c7—c6
5.	К b1—c3	С f8—d6
6.	c4—c5	С d6—c7
7.	b2—b4	К b8—d7
8.	С f1—e2	e6—e5
9.	a2—a4*a*)	Ф d8—e7
10.	b4—b5	e5—e4
11.	К f3—d2	К d7—f8
12.	a4—a5	К f8—g6
13.	a5—a6	0—0
14.	a6 : b7	С c8 : b7
15.	d5 : c6	С b7 : c6
16.	К c3—b5*b*)	С e7—b8 *d*)
17.	К b5—d6*c*)	Ф e7—d7
18.	h2—h3	К f6—e8 *e*)
19.	К d6 : e8	Л f8 : e8
20.	Л a1—b1*f*)	К g6—h4
21.	С e2—f1*g*)	f7—f5
22.	g2—g3	К h4—g6
23.	К d2—b3	С b8—c7
24.	С c1—d2	Ф d7—d8
25.	С f1—e2	a7—a5
26.	h3—h4	Л a8—b8
27.	Ф d1—c2	a5—a4
28.	К b3—c1	Ф d8—f6
29.	Л b1 : b8	Л e8 : b8
30.	С d2—c3*h*)	К g6—f8
31.	К c1—a2	Л b8—b3
32.	Кр e1—d2*i*)	К f8—e6
33.	К b2—c4	С c7—a5
34.	К c4 : d5*k*)	С a5 : c3†
35.	К d5 : c3	К e6 : d4
36.	С e2—c4†*l*)	Кр g8—f8
37.	С c4 : b3	К d4 : c2
38.	С b3 : c2	Ф f6—d8†
39.	Кр d2—c1	Ф d8—a5
40.	Кр c1—d2	Ф a5 : c5
41.	Л h1—a1	Ф c5—d6†
42.	Кр d2—c1	a4—a3
43.	К c3—b1	Ф d6—b4
44.	Л a1 : a3	Ф d4—e1†
45.	Кр c1—d2	Ф e1 : f2
46.	Л a3—a6	С e6—b5
47.	Л a6—a8†	Кр f8—e7
48.	К b1—c3	С b5—d3
49.	К c3—d5†	Кр e7—d7
50.	Л a8—a7†	Кр d7—d6
51.	К d5—b4	Ф f2 : e3
52.	Л a7—a2	Ф e3—d4†
53.	Кр b2—a3	Ф d4—c3†
54.	Кр a3—a4	Кр d5—c4

Бѣлые сдались.

Примѣчанія къ партіи

a) Во второй партіи матча г. Соловцовъ сыгралъ 9. С c1—b2.

b) Насъ спрашивали, не лучше ли было сыграть слономъ на b5, чтобы вынудить черныхъ на обмѣнъ слоновъ? На это можемъ замѣтить, что бываютъ положенія, когда трудно судить о силѣ того или другаго хода, такъ какъ не представляется возможнымъ представить для этого болѣе или менѣе обстоятельныя доказательства, основанныя, конечно, на варіантахъ. Въ практической игрѣ, при обсужденіи ходовъ, приходится довольствоваться общими разсужденіями о роли, которую можетъ сыграть та или другая фигура, и въ данномъ случаѣ примѣнительно слѣдующее: слона черныхъ c6 можно причислись до поры до времени къ бездѣйствующимъ фигурамъ, тогда какъ королевскій слонъ бѣлыхъ можетъ оказаться (какъ и было въ партіи) полезнымъ для защиты королевскаго фланга. Допустимъ, что на 16. С e2—b5 послѣдовало бы С c6 : b5; 17. К c3 : b5, С c7—b8; измѣнилось ли существенно положеніе и атака черныхъ?

c) Брать коня не выгодно, такъ какъ бѣлые угрожали атаковать слономъ ладью a8 и выиграть пѣшку a7.

d) Послѣ этого хода черные могли выиграть пѣшку; но, беря слономъ b8 коня, они лишились бы важной для атаки фигуры, которая долгое время препятствовала рокировкѣ бѣлыхъ на сторону короля.

e) Если 18... С b8 : d6, 19. c5 : d6, К f6—e8, то 20. 0—0, К e8 : d6; 21. С c1—a3, Л f8—e8 (d8), 22. К d2—b3, затѣмъ К b3—c5; у черныхъ едва ли есть основаніе разсчитывать на выигрышъ партіи съ помощью лишней пѣшки a7, которую необходимо будетъ постоянно защищать.

f) Рокировать было бы опасно для бѣлыхъ, такъ какъ атака черныхъ усилилась бы послѣ 20... f7—f5, или 20... Ф d7—c7; 21. g2—g3, С c6—d7 и если 22. Кр g1—g2, то К g6—h4†; 23. Кр g2—h2, Л e8—e6 и т. д.

g) На 21. g2—g3, черные могли продолжать 21... К h4—g2†; 22. Кр e1—f1, К g2 : e3†; 23. f2 : e3, С b8 : g3; 24. Кр f1—g2. С g3—h4 или c7; король бѣлыхъ находится въ опасномъ положеніи. Нѣчто сходственное встрѣчается въ 1-й партіи матча Цукерторта со Стейницемъ; послѣдній такимъ же образомъ жертвовалъ коня и выигралъ партію.

h) О рокировкѣ, конечно, бѣлые не должны и думать; если 30. 0—0, то К g6 : h4; 31. g3 : h4, Ф f6 : h4; 32. f2—f4, e4 : f3 и выигрываютъ.

i) На 32. К a2—b4 послѣдовалъ бы отвѣтъ 32... С c7—a5 и если 33. К b4 : d5, то Ф f6—d8!; 34. К d5—e7† (или 34. К d5—b4, Л b3 : c3; 35. Ф c2 : c3, Ф d8—b8 и черные будутъ имѣть двѣ фигуры за ладью), 34... Кр g8—h8; 35. К e7 : c6, Л b3 : c3; 36. К c6 : d8, Л c3 : c2†; 37. Кр e1—d1, Л c2—d2† и выигрываютъ фигуру.

k) Послѣдствія указываютъ на ошибочность этой комбинаціи. Положеніе бѣлыхъ, впрочемъ, очень плохо; если, напримѣръ, 34. Л h1—b1, то С a5 : b4; 35. С c3 : b4, К e6 : d4 и т. д.

l) Бѣлые, очевидно, должны проиграть и послѣ 36. e3 : d4, Ф f6 : d4†; 37. С e2—d3, Ф d4 : f2†; 38. Кр d2—c1, Ф : Ф† и т. д.

Спортъ. — Бѣгъ на лыжахъ — новый родъ зимняго спорта.

Рисовалъ съ натуры для »Всемірной Иллюстраціи« М. Е. Малышевъ.

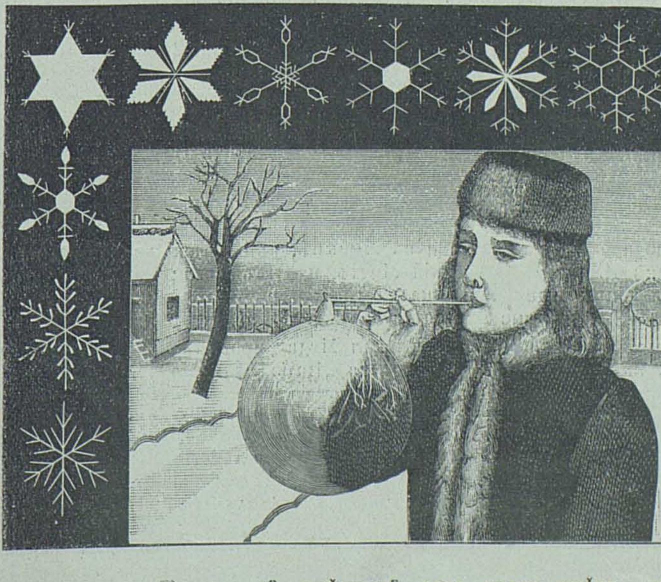
Дозв. цензурою. СПб. 11-го февраля 1893 г. Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

КТО КОГО ОПЕРЕДИТЪ.

Соперники (въ одинъ голосъ): — Если онъ только не замѣтитъ, я сейчасъ прикарманю эту вещицу.

Кристаллы снѣга

Вода осаждается изъ облаковъ на землю въ жидкомъ или твердомъ состояніи, смотря по температурѣ тѣхъ слоевъ воздуха, черезъ которые ей приходится проникать при ея паденіи. Замерзаніе воды въ верхнихъ слояхъ воздуха сопровождается такими обстоятельствами, которыя намъ до сихъ поръ еще въ точности неизвѣстны. Такъ, трудно объяснить себѣ—почему, напр., лѣтомъ замерзшая въ воздухѣ вода падаетъ въ видѣ совершенно безформенныхъ, часто очень крупныхъ, льдинъ града, а зимою въ видѣ кристаллизованныхъ мелкихъ льдинокъ. Эти-то снѣжные кристаллики и представлены на нашемъ рисункѣ. Многіе изъ нихъ являются истиннымъ верхомъ изящества. Первоначальный ледяной кристаллъ—простая маленькая призмочка; но эти призмочки никогда не попадаются по одиночкѣ, а всегда образуютъ сростки самыхъ разнообразныхъ, преимущественно звѣздчатыхъ, фигурокъ. Снѣгъ всегда состоитъ изъ такихъ кристалликовъ, но чаще всего они мелки, такъ что только въ увеличительное стекло можно различить ихъ форму. Для того, чтобы вдоволь налюбоваться этими изящнѣйшими фигурками, нужно выйти



зимою, въ холодный, снѣжный день, когда снѣгъ валитъ крупными хлопьями, на улицу, захвативъ съ собою кусокъ шелковой черной ткани; шелкъ плохой проводникъ теплоты, и потому на немъ снѣжные кристаллики дольше лежатъ не растаивая. Само собою разумѣется, что разсматривать кристаллики надо на открытомъ воздухѣ, потому что въ комнатѣ они немедленно таютъ. Крупные снѣжные кристаллы всегда образуются въ томъ случаѣ, когда струя очень морознаго внѣшняго воздуха быстро впускается въ жарко натопленное помѣщеніе съ очень влажнымъ воздухомъ, напр., въ баню. Подобное же явленіе можно воспроизвести въ маломъ видѣ, выдувъ мыльный пузырь и выпустивъ его за окно въ ясный морозный день. Тончайшій слой воды, составляющій оболочку пузыря, тотчасъ застынетъ въ массу ледяныхъ иголочекъ, которыя сейчасъ же и сочетаются между собою въ тѣ причудливыя звѣздочки, которыми мы любуемся въ натуральномъ снѣгѣ. Здѣсь будетъ кстати упомянуть о томъ, что одинъ провинціальный фотографъ представилъ въ прошедшемъ году въ с.-петербургское техническое общество превосходные фотографическіе снимки снѣжныхъ кристалловъ.

Главная контора и редакція „Всемірной Иллюстраціи“ находятся въ С.-Петербургѣ, на Садовой ул., № 22.

Въ Москвѣ отдѣленія конторы находятся: 1) при книжн. маг. А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, 15, и 2) при конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи.

Дозв. цензурою. СПБ. 11 февраля 1893 г.

Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

25й годъ — № 1257 — 49й томъ

Суббота 20-го февраля 1893 г.

Цѣна нумеру 35 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки на годъ . **15** руб.
(при подпискѣ въ главной конторѣ редакціи).
Съ доставкою на годъ. . . . . **17** »

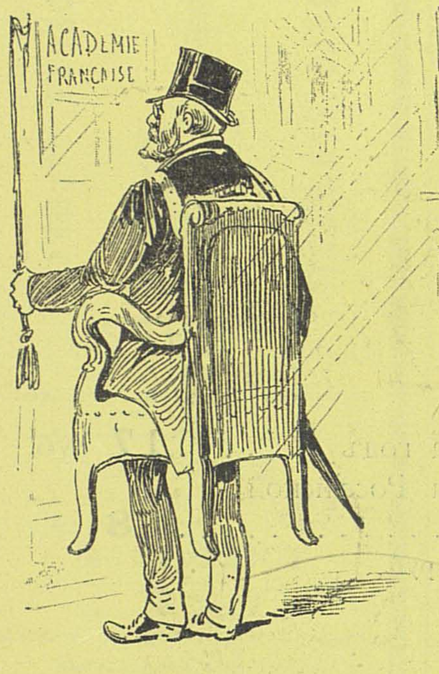
Въ Москвѣ безъ доставки на годъ . . . . . . **17** руб.
Съ пересылкою во всѣ города Россійской имперіи на годъ . . . . **18** »

Подписная цѣна на полгода съ доставкою и пересылкою . . . . **9** руб.
За границу (въ государства всемірнаго почтоваго союза) **20** руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

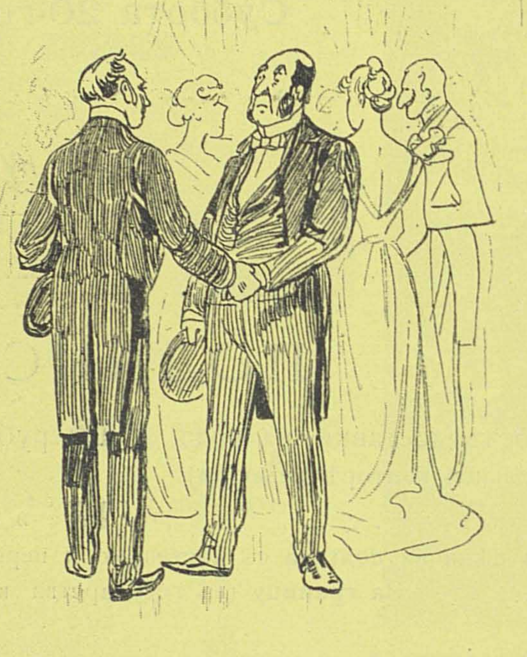
Редакція и главная контора: Садовая ул. № 22.

ОТГОЛОСКИ ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. Каррикатуры Анріо.



— Будь я на мѣстѣ г. Золя, я бы продолжалъ являться кандидатомъ, но, изъ чувства деликатности, я уже сталъ бы приносить мое собственное кресло.

— Ну, да... вѣдь всѣ мужья обманываютъ своихъ женъ?
— Всѣ остальные, конечно.



На оффиціальномъ вечерѣ. — Я не имѣю чести знать васъ, милостивый государь, однако я надѣюсь имѣть удовольствіе снова встрѣтиться съ вами... Я — депутатъ...
— А я — директоръ мазасской тюрьмы.

— Барыня не принимаетъ.
— Тѣмъ хуже... я — изъ Мазаса... и пришелъ сообщить ей кое-что новенькое о ея мужѣ.

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

№ 1257. Годъ XXV. 20-го февраля 1893 г. Томъ XLIX. № 9.

СНѢГЪ ВО ФЛОРЕНЦІИ

Разсказъ
Ю. ЗЕЙЕРА

Окончаніе

Когда это я писалъ, я былъ такъ же молодъ, какъ ты теперь, со вздохомъ сказалъ онъ. — Такимъ же смѣлымъ былъ я, какъ и ты, хотя, какъ теперь вижу, имѣлъ меньше правъ на это, чѣмъ имѣешь ты. О, орлиныя крылья нашей юности! Великія, смѣлыя мечты! Тогда мнѣ казалось такъ легко вырваться изъ духоты нашихъ религіозныхъ представленій и въ мгновеніе ока очутиться на лугу истинной трагедіи, смѣлой рукой схватиться за пеплумъ греческаго божества и перенести его въ Италію, ожививъ могучимъ духомъ. Какая гордая мечта! Я стремился къ солнцу, но слабость моихъ крыльевъ и меня не удержала на этой высотѣ. Пусть будутъ мои старанья наслѣдствомъ для другихъ... Творить произведенія искусства— это вступать въ бой съ титанами! Вдохновеніе, какъ молнія, иной разъ въ насъ блеснетъ или взойдетъ, какъ солнце, возникнетъ внутри насъ, какъ душа, для которой надо создать тѣло...

Какъ Богъ сотворилъ тѣло Адама изъ земли, когда явилось понятіе о „человѣкѣ“ въ неизмѣримомъ пространствѣ его существа, такъ и художникъ долженъ всегда создать Адама, такъ какъ необходима форма того, что существуетъ только въ нашемъ представленіи; нуженъ образъ, чтобы съ помощью его выдѣлить свою индивидуальность изъ хаоса.

Этотъ-то глухой и слѣпой хаосъ стоитъ, однако, во всемъ могуществѣ своей неизмѣримости съ бездонной мглою своей недосягаемости, какъ врагъ лицомъ къ лицу передъ художникомъ, и изъ этой неопредѣленности, безформенности, матери всѣхъ формъ, онъ долженъ вырвать для мысли своей опредѣленное бытіе. Можно ли достичь когда нибудь полной побѣды въ такой титанической борьбѣ?

— Вы думали объ этомъ, синьоръ Полиціано, когда поставили своего Орфея лицомъ къ лицу со смертью и когда смерть, торжествуя надъ нимъ, послѣ вторичной утраты любимой имъ Евридики, гласитъ пѣвцу, что напрасны его слезы и его пѣсни, потому что законъ уничтоженія непоколебимъ и твердъ. Эту борьбу мысли съ веществомъ, указанную вами символически, я, какъ скульпторъ, чувствую глубоко! Борьбу съ слѣпымъ веществомъ, которое задерживаетъ нашъ полетъ, съ той мертвою матеріей, которую отъ смерти, отъ небытія мы хотимъ высвободить и которая безсмысленно противится собственному своему спасенію, прячется въ свой вѣчный холодъ отъ искры, которую мы силимся въ нее вдохнуть! о! какъ трудно одержать эту побѣду! Ваша правда. Руки опускаются въ этой борьбѣ, когда подумаешь, что „законъ уничтоженія непоколебимъ и твердъ“... Взгляните, древніе греки были такъ велики; они достигли въ совершенствѣ искусства въ бѣломъ мраморѣ олицетворить спокойствіе Олимпа, но, несмотря на это, скажите, достигли ли они этимъ всего? Полная ли въ томъ побѣда? Вырвалъ ли однако Евридику Орфей изъ пропасти уничтоженія непоколебимаго и твердаго? Полиціано мой! мнѣ кажется, что нѣтъ!.. Это чрезвычайное спокойствіе и холодъ гнетутъ меня; холодомъ матеріи вѣетъ отъ нихъ. Чего не достаетъ этой красѣ, чтобъ она больше согрѣвала, чѣмъ свѣтила?

— Того, что *ты* ей дашь, отвѣтилъ ему Полиціано тихо и задумчиво, глядя какъ-то пророчески въ неопредѣленное пространство.— Источникомъ вдохновенія у грековъ была радость жизни, ты же постигаешь поэзію страданій.

— Я не совсѣмъ ясно это понимаю, отвѣтилъ Микель Анджело, но глаза его стали темнѣе, глубже.

— Объясните мнѣ, обратился онъ съ просьбою къ поэту, но въ это мгновеніе раздался голосъ Пьетро Медичи, громко призывавшаго задумавшагося скульптора. Пьетро стоялъ передъ отворенным окошкомъ и смотрѣлъ черезъ дворъ въ садъ.

— Клянусь Венерою и Вакхомъ! вскричалъ онъ, — большей лжи, какъ въ эту ночь, наша прекрасная Флоренція не брала на себя никогда! Взгляните, господа, съ дерзкимъ цѣломудріемъ она одѣлась вся бѣлымъ, дѣвственнымъ покровомъ. Теперь она словно вся изъ мрамора! Нѣтъ! этотъ снѣгъ бѣлѣе и блестящѣе, чѣмъ мраморъ! Какая вышла бы изъ него чудесная статуя! Мой Буонаротти, вотъ тебѣ задача! Говорятъ, твоя душа также дѣвственна, какъ этотъ снѣгъ. Не хочешь ли доставить мнѣ большую радость? Пойди и сотвори

Проектъ памятника императрицѣ Екатеринѣ II въ Одессѣ.

Съ фотографіи гравировалъ Э. Унмутъ.

намъ какую нибудь божественную фигуру изъ этого божественнаго матеріала, который выпалъ въ садъ изъ сосѣдства рая. Я весь вечеръ все думалъ объ этомъ.

— Какой ребяческій капризъ! замѣтилъ Полициано, смотря на Микель Анджело, поодаль стоявшаго съ нахмуреннымъ лицомъ.

Пьетро Медичи услышалъ эти слова.

— Синьоръ Полициано, сказалъ онъ со скрытой злобой, дѣлая видъ какъ будто бы онъ ихъ не слыхалъ.

— Синьоръ Полициано, скажите, не правда ли, что я философъ? Мыслью моею о снѣговой статуѣ я хочу дать художникамъ глубоко продуманный урокъ о тлѣнности ихъ произведеній. Какъ болѣзненно они мечтаютъ о безсмертіи своихъ твореній.

Тотъ снѣгъ, лежащій тамъ, внизу, намъ, говоритъ: „Пользуйся минутой на минуту, ибо кто знаетъ, гдѣ завтра будешь ты? Я предполагаю, что для художниковъ этотъ совѣтъ хорошъ".

— Лаврентію ди-Медичи такая мысль не пришла бы въ голову, сухо отвѣтилъ Полициано. — Какъ бываютъ разные художники, такъ бываютъ и различные люди. Художникъ и не художникъ, каждый судитъ по себѣ и мѣритъ все на свой аршинъ; величіе и ничтожество даются намъ отъ Бога.

— Очень хорошо, возразилъ было на это Пьетро, но замолчалъ, закусивъ губы.

Мекель Анджело не слушая подошелъ между тѣмъ къ окну и смотрѣлъ въ садъ. Мятель совсѣмъ прошла; было совершенно тихо; на небѣ блестѣли звѣзды, а земля искрилась прозрачной бѣлизной. Каждое дерево, казалось, вытесано было изъ мрамора, каждая дорожка, синѣвшая въ тѣни, казалось, вела въ таинственный и незнакомый міръ, міръ тишины, великолѣпія и какого-то особеннаго, сверкающаго свѣта. Видъ всего этого уносилъ куда-то въ безконечность, какъ великое, глубокое и тихое сочетаніе музыкальныхъ звуковъ. Не говоря ни слова, Микель Анджело вышелъ изъ залы, чтобъ исполнить то, что Пьетро пожелалъ изъ дѣтской шалости. Чудная красота этого неправдоподобнаго, неземнаго зрѣлища побуждала его къ творчеству. Не были ли это дремлющіе луга смерти? Не былъ ли это свѣтъ, изъ котораго вдругъ исчезли кровь и жизненныя силы? Свѣтъ бѣлый, посинѣвшій и застывшій, глядѣвшій въ смертельномъ ужасѣ на небо, которое еще дышало звѣздами? Да, это былъ адъ, край призраковъ и привидѣній, край вѣчныхъ вздоховъ и стенаній по свѣтѣ и по солнцу, — край, въ который Орфей спустился, отыскивая свою Евридику.

— Орфей! прошепталъ Микель Анджело. Онъ быстро приказалъ, чтобъ сгребли ему снѣгъ въ одно мѣсто. И между тѣмъ какъ Пьетро Медичи пировалъ въ залѣ наверху и позабылъ ужъ про снѣговую статую, Микель Анджело трудился при красномъ свѣтѣ факеловъ съ горячечнымъ рвеніемъ надъ своей работой. Душа его была полна еще тѣхъ мыслей, которыя возникли въ его головѣ при разговорѣ съ Полициано, и онъ рѣшилъ создать изъ снѣга Орфея въ тотъ моментъ, когда тотъ, потерявъ вторично свою Евридику, опять хочетъ проникнуть за нею въ адъ, но, пораженный словами Тезифоны — „ни шага дальше! все напрасно: законъ уничтоженья непоколебимъ и твердъ" — постигаетъ всю тяжесть этого роковаго изреченія и, пораженный отчаяніемъ, превращается самъ въ камень.

Снѣгъ былъ отъ морозной ночи твердъ, и художникъ легко имъ овладѣлъ. Нижнюю часть статуи заложилъ Микель Анджело широко, закрывая характерную позу ногъ до земли спадающей одеждой. Твердый шагъ Орфея выражалъ рѣшимость пѣвца проникнуть въ адъ, несмотря на всѣ уже испытанные имъ тамъ ужасы, и поднятыя руки держали лиру, какъ бы намѣреваясь еще разъ по ней ударить. Его лицо, которое художникъ тонко и въ подробностяхъ отдѣлалъ, было серіозно, прекрасно и сіяло очарованьемъ возникающей въ груди его пѣсни, хотя въ немъ и была видна сила, которая не страшится ничего. Микель Анджело работалъ съ жаромъ и любовью, какъ будто онъ олицетворялъ свою идею въ металлѣ навсегда, а не изъ снѣга для забавы одной минуты. Когда онъ кончилъ, онъ отошелъ на нѣсколько шаговъ и глубоко вздохнулъ.

— Это не то, что я хотѣлъ! вскрикнулъ онъ. — Отъ чертъ этого лица вѣетъ льдомъ и холодомъ, какъ отъ ледянаго снѣга! Въ немъ мысль моя не осуществилась! Опять то греческое спокойствіе.

Такимъ въ первый разъ могъ стоять Орфей на порогѣ ада, еще надѣясь, что побѣдитъ своей лирой, что растрогаетъ своимъ пѣніемъ и увидитъ лицо любимой Евридики. Но такимъ не могъ стоять Орфей въ ту минуту, когда слышалъ безнадежное изреченіе судьбы. Такъ можетъ быть изобразили бы его въ Аѳинахъ, но не такимъ я хотѣлъ его создать!

Онъ съ горечью опустилъ голову и молча продолжалъ стоять передъ своимъ твореніемъ. Факелы стали потухать, небо стало сѣрымъ, потомъ порозовѣло, наконецъ солнце взошло въ полномъ своемъ величіи, и снѣгомъ покрытые сады чудно засверкали, освѣщенные утреннимъ восходомъ. Въ эту минуту на терассѣ, позади скульптора, послышался шумъ; вышелъ Пьетро Медичи со всѣмъ своимъ дворомъ, и всѣ, пораженные необыкновенной красотой этого розоваго сада и этой громадной фигуры Орфея, магически озаренной солнцемъ и лучами величайшаго изъ геніевъ, огласили воздухъ криками непритворнаго удивленія и восторга.

Полициано поспѣшно спустился съ лѣстницы и молча обнялъ великаго скульптора.

— Нѣтъ, нѣтъ, прошепталъ съ горькой улыбкой Микель Анджело: — это все не то, что я хочу! На лицѣ его не видно того, что чувствуетъ онъ въ сердцѣ! Это не человѣкъ, это только изображеніе.

— Такое изображеніе, какое является въ божественномъ видѣніи Платона! сказалъ Полициано.

— Но только изображеніе, а не существо! Гдѣ та скорбь и то отчаяніе, которыя, какъ змѣи, гложутъ его сердце? О! это не Орфей! Это его надгробный камень. Смотрѣть на него я не хочу! Онъ мнѣ чуждъ, какъ мертвый призракъ живому человѣку!

Говоря такъ, Микель Анджело спряталъ свое лицо на груди у Полициано и не хотѣлъ слушать его утѣшеній. Надъ головой его продолжали раздаваться похвалы, но отъ нихъ было ему еще больнѣе.

— Эти глупцы слѣпы! шепталъ онъ, глубоко огорченный. — Онъ не понимаютъ, что этотъ Орфей не что иное, какъ снѣгъ въ образѣ человѣка!

— Вдругъ раздался новый крикъ тамъ, на террассѣ, и Полициано сильно вздрогнулъ. Микель Анджело невольно поднялъ голову и взглянулъ на свою статую. Возгласъ съ террассы, вызванный точно испугомъ, былъ не безъ причины: статуя Орфея стала шевелиться. Это чудо произвело солнце. Милліономъ золотистыхъ стрѣлъ своихъ оно преслѣдовало сѣвернаго гостя, блестящій этотъ снѣгъ, и прогоняло его изъ страны, созданной лишь для тепла. Снѣгъ алмазными каплями закапалъ со всѣхъ деревьевъ, потоками полился со всѣхъ крышъ, и бѣлизна его стала росплываться на травѣ, какъ сонъ въ глазахъ пробудившагося человѣка. Твореніе Микель Анджело почувствовало на себѣ уничтожающія чары блестящихъ и грѣющихъ лучей, которые обняли его со всѣхъ сторонъ. Нижняя часть статуи стояла еще безъ движенія; большой и твердый шагъ Орфея не былъ еще подкошенъ врагомъ, но голова и грудь, эти центры чувства и мысли, были поражены уже смертельно. Руки Орфея опустились, лира изъ нихъ выпала, голова откинулась назадъ, подбородокъ опустился, такъ что ротъ сдѣлался раскрытымъ, глаза, теряя опредѣленность очертаній, казалось, стали закрываться, и рѣзкость всѣхъ одинаково ясно опредѣленныхъ чертъ лица отъ таянія смягчилась, принимая выраженіе удивительной гармоніи. Словно дыханіе жизни почувствовалось подъ этимъ снѣгомъ и оживляющая искра вдругъ пробѣжала по всей статуѣ. Теперь это былъ дѣйствительный Орфей, уничтоженный отчаяніемъ, пораженный скорбью, со смертью въ душѣ, хотя еще съ достоинствомъ и твердо стоящій на ногахъ. Герой — страдающій. Человѣкъ подкошенный, но еще дышащій.

Микель Анджело смотрѣлъ на свое произведеніе съ широко раскрытыми глазами. Счастливая улыбка вдругъ засіяла на его лицѣ, и онъ крѣпко пожалъ руку Полициано.

— Наконецъ я вижу ясно то, что неопредѣленно представлялось мнѣ въ умѣ! прошепталъ онъ. — Теперь я вижу, чего не доставало Орфею моему, и съ сегодняшняго дня ни въ одной моей работѣ не будетъ чувствоваться болѣе этотъ недостатокъ, недостатокъ выраженія души! Къ чему служила бы вся внѣшняя красота, еслибъ она не выражала душу! Благодарю тебя, о, солнце! Ты научило меня понимать величіе!

— Солнце, которое навело тебя на настоящій путь, это собственное твое чувство и твой духъ, сказалъ Полициано. — Дѣйствительно ты нашелъ нѣчто великое сегодня — ты нашелъ самого себя! Ты смѣешь теперь надѣяться, что побѣдишь „твердый и непоколебимый законъ уничтоженія!" Какъ высоко ты будешь стоять надъ всѣми остальными!.. Желаю тебѣ счастья но вмѣстѣ съ тѣмъ жалѣю тебя! Несчастный мой другъ, высота — это значитъ одиночество, величіе — всеобщая ненависть! Толпа все готова простить, но превосходства надъ собой она не прощаетъ. Эта исключительность и одиночество будутъ терніями твоей жизни. Орфей не хотѣлъ снизойти къ вакханкамъ и за это былъ ими растерзанъ!

Прежде, чѣмъ онъ договорилъ, статуя повалилась. Осталась только безформенная груда тающаго снѣга. Возгласъ сожалѣнія присутствующихъ придворныхъ раздался на терассѣ, а за этимъ послѣдовалъ общій смѣхъ. Пьетро смѣялся громче всѣхъ.

— Вотъ, съ ироніей вскричалъ онъ, — ты получилъ урокъ, который я предвидѣлъ и обѣщалъ тебѣ!

— Да, дѣйствительно великій я получилъ урокъ, отвѣтилъ Микель Анджело, глядя на небо съ прекрасною, благодарною улыбкой и забывая совершенно о Пьетро. — Теперь я понимаю какъ одолѣть матерію, что ей надо дать и чего не достаетъ ей вѣчно, чему она противится больше всего — это дыханію, біенію пульса!

Онъ ушелъ, весь погруженный въ свои размышленія, ни съ кѣмъ не прощаясь и забытый всѣми; одинъ лишь Полициано вышелъ за нимъ на площадь, глядя ему во слѣдъ: тотъ одинъ шелъ по флорентинскимъ улицамъ; глаза его блестѣли, въ нихъ горѣла заря еще прекраснѣе, чѣмъ въ небѣ, снова улыбавшемся надъ городомъ цвѣтовъ.

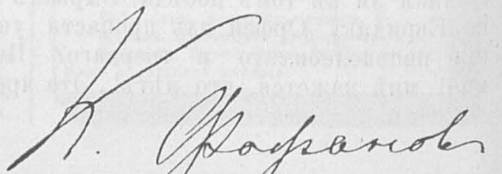
Эта древняя Флоренція вся утопала въ сіяніи поэзіи, той поэзіи серіозной и благочестивой, которую вдохнулъ въ нее Джіотто, — той поэзіи, полной простоты и глубокой нѣжности, которая свѣтилась изъ глиняныхъ изваяній della Robbia, на которыхъ ангелы и бѣлыя Мадонны цвѣтутъ, какъ лиліи на блѣдноголубомъ фонѣ... Утопала въ сіяніи поэзіи и счастья эта древняя Флоренція, какъ будто бы подозрѣвая въ своемъ каменномъ сердцѣ величіе юноши, который подъ тѣнью высокихъ ея дворцовъ шелъ съ божественной звѣздой безсмертія на челѣ и съ безконечнымъ миромъ красоты и силы въ глубинѣ души...

Необыкновенно прекрасна была въ тотъ день Флоренція, вся покрытая цвѣтами, и на ея небѣ не видно было и слѣдовъ той снѣговой мятели, которая бушевала ночью, чтобы внести свѣтъ и покой въ взволнованную и помраченную думами голову великаго скульптора.

Съ чешскаго — *Людмила Срезневская*

Свѣтитъ мѣсяцъ

Свѣтитъ мѣсяцъ въ пустынной аллеѣ,
Ходятъ тѣни отъ вѣтокъ нагихъ
По песку, точно черныя змѣи
Выползая изъ норъ гробовыхъ.
Свѣтитъ мѣсяцъ... безлиственной ночи
Непонятно дыханіе мглы...
Не заплачутъ угасшія очи
Отъ любви и отъ поздней хвалы.
Свѣтитъ мѣсяцъ, какъ страшное око
Неподвижно мнѣ въ душу глядитъ..
И безъ слезъ я ропщу одиноко,
И безъ холода ночь леденитъ...



РОЖИЦА

Разсказъ

А. КИЛЛАНДА

Какъ это ни странно, а благополучнымъ исходомъ моего юридическаго экзамена я обязанъ маленькой рожицѣ. Правда, на моемъ сочиненіи красовалась только надпись „cum laude", но и такой отмѣтки я никогда не получилъ бы безъ рожицы, о которой будетъ разсказано ниже.

Мой пріятель-адвокатъ много помогъ мнѣ въ приготовленіи къ экзамену. Онъ настойчиво добивался отъ меня серьезныхъ занятій передъ устнымъ экзаменомъ и каждый день твердилъ мнѣ, что было бы непростительно провалиться на „устномъ" послѣ столь успѣшно сданнаго „письменнаго". Ему я очень благодаренъ и всегда буду считать его моимъ лучшимъ другомъ.

Но все-таки больше всего я обязанъ рожицѣ. Эта рожица была простымъ кофейнымъ пятнышкомъ на 496 страницѣ „Уголовнаго права" Швейгарда, одолженнаго мнѣ моимъ другомъ Кукумисомъ.

Нельзя себѣ представить болѣе печальныхъ дней, какъ тѣ, которые переживаются молодыми юристами, сдающими свой государственный экзаменъ. Истомленные, невыспавшіеся бредутъ они къ университету въ потьмахъ зимняго утра, подъ вой мятели и ежась отъ стужи. Очень непріятно экзаменоваться зимой, но лѣтомъ, вѣроятно, еще непріятнѣе, хотя этого мнѣ не пришлось испытать.

Приходится одолѣть одиннадцать испытаній (а можетъ быть тринадцать, во всякомъ случаѣ самое позорное число), причемъ экзаменующійся очень похожъ на несчастнаго дебютанта въ циркѣ, который долженъ скакать стоя на лошади и рисковать жизнью съ пріятной театральной улыбкой на губахъ; передъ нимъ одиннадцать, а можетъ быть тринадцать, ненавистныхъ обручей, заклеенныхъ папиросной бумагой, и черезъ всѣ эти обручи онъ долженъ проскочить.

Въ такомъ положеніи находится экзаменующійся на „юридическомъ", съ той разницей, что его не ободряютъ ни конскій карьеръ, ни ослѣпительное освѣщеніе, ни музыка. Онъ сидитъ на жесткомъ стулѣ, въ полумракѣ, лицомъ къ безобразной стѣнѣ; единственный звукъ, замѣняющій музыку, скрипъ сапогъ инспектора. Я твердо увѣренъ, что на всемъ бѣломъ свѣтѣ нѣтъ болѣе скрипучихъ сапогъ, чѣмъ инспекторскіе!

Несчастные дебютанты въ сборѣ. Наступаетъ страшная минута, когда является мрачный посланецъ, отряженный юридическимъ факультетомъ для объявленія задачъ. Онъ останавливается у входа и громко читаетъ экзаменующимся роковую задачу. Его голосъ холоденъ, безстрастенъ; онъ безчеловѣчно равнодушенъ къ ужасу положенія; онъ точно не сознаетъ, что этотъ ужасный документъ, находящійся у него въ рукахъ, это тотъ противный обручъ, заклеенный папиросной бумагой, сквозь который мы всѣ должны проскочить или сломить себѣ шею, или сойти съ лошади и удалиться отсюда позорно пѣшкомъ...

Начинается! Всѣ поправляются на своихъ мѣстахъ, точно стараются укрѣпиться въ сѣдлѣ. Нѣкоторые долго не могутъ взять надежной „посадки", суетливо вертятся на стулѣ и никакъ не могутъ устроиться; нѣкоторые просто встаютъ съ мѣста и уходятъ. „Спѣшившагося" провожаютъ соболѣзнующими взглядами до самыхъ дверей. Всѣ тихонько вздыхаютъ и подумываютъ: „Сегодня онъ, завтра я!"

Но вотъ раздается топотъ скачущихъ лошадей. Это понеслись наиболѣе смѣлые изъ дебютантовъ, и ихъ перья заходили по бумагѣ.

Одни увѣрены въ своихъ силахъ и граціозно проскакиваютъ черезъ обручъ, за которымъ находится вожделѣнное „laude". Другіе слишкомъ самоувѣренны, находятъ задачу слишкомъ легкой и на скаку совершаютъ такія сальтомортале, что проскакиваютъ черезъ обручъ задомъ на передъ. О нихъ безпристрастные судьи ристалища отзываются неодобрительно, хотя не могутъ не признать ихъ искусства.

Многіе дѣлаютъ отчаянные прыжки, но не попадаютъ въ обручъ, а падаютъ сбоку, проносятся ниже цѣли или перескакиваютъ поверхъ нея. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ умники, не умѣющіе просто отвѣтить на простой вопросъ, а всегда уносящіеся въ облака.

Хуже всѣхъ приходится, конечно, тому, кто на столько непривыченъ къ требуемымъ экзаменами прыжкамъ, что вовсе не рѣшился бы испытывать свои силы, еслибы на его счастье не бывало иногда... маленькой рожицы на 496 страницѣ „Права".

Много, не помню сколько именно, обручей я благополучно проскочилъ, когда очутился лицомъ къ лицу съ самымъ страшнымъ изъ нихъ: задачей изъ „Уголовнаго права".

Къ этому прыжку я давно готовился, но силы мои были очень недостаточны. Во время экзаменовъ мы вели ужасную жизнь: днемъ мы прыгали черезъ обручи, а ночи сидѣли надъ книгами и готовились. Наканунѣ страшнаго дня я сидѣлъ до поздней ночи надъ курсомъ Швейгарда. Но въ головѣ было уже слишкомъ много и ничего болѣе не помѣщалось. Если переполнить печку топливомъ, дрова не загорятся, и забиваніе въ нее новаго горючаго матеріала дѣлу не помогаетъ. Такъ было и съ моей головой. Я съ отчаяніемъ перечитывалъ страницы „Права", но въ умѣ ничего не оставалось. Я высовывалъ голову изъ окна, охлаждалъ ее въ умывальномъ тазу; но энергія возбуждалась не надолго.

Наступила минута, когда я спохватился, что ни слова не помню изъ всего прочитаннаго и не понимаю того, что читаю. Съ упорствомъ отчаянія перечитывалъ я въ одиннадцатый разъ: „такимъ образомъ являлось бы весьма раціональнымъ запрещеніе... такимъ образомъ являлось бы весьма раціональнымъ..." (соединить полезное съ пріятнымъ, добавилъ я мысленно, помышляя объ удовольствіи лечь спать). Но я не легъ, а откинулся на спинку стула — вѣдь болѣе удобное положеніе не можетъ вредить занятіямъ—и продолжалъ зубрить: „такимъ образомъ являлось бы... являлось бы весьма раціональнымъ..."

Я продолжалъ читать, машинально перевертывая страницы. Но отнюдь не юридическія мысли лѣзли мнѣ въ гоговy, и строчки проносились мимо моихъ глазъ, не оставляя по себѣ ни малѣйшаго представленія. Вдругъ мое вниманіе было привлечено рожицей, усмѣхавшейся мнѣ съ одной изъ страницъ скучной книги, именно съ 496. Это была маленькая, превосходно нарисованная, рожица, причемъ меня поразилъ странный, коричневый цвѣтъ лица. Эта рожица заинтересовала меня. Стыдно признаться, но рисунокъ показался мнѣ гораздо интереснѣе разсужденій Швейгарда. Я оживился и наклонился надъ книгой, чтобы внимательнѣе разсмотрѣть рожицу.

Оказалось, что это просто кофейное пятнышко, прихотливо принявшее видъ смѣющагося лица. Художнику оставалось только очертить контуры, оттѣнить черты и сдѣлать глаза.

То-то же, подумалъ я. Кукумисъ никогда не былъ мастеромъ рисовать и не ухитрился бы изобразить такую забавную рожицу. Но уголовное право онъ знаетъ отлично; этого у него нельзя отнять!

И вотъ я сталъ думать о Кукумисѣ, о его блестящемъ экзаменѣ, о побѣдоносномъ возвращеніи въ родную семью. Много ему пришлось поработать, чтобы заслужить свои лавры, и никому, кромѣ самого себя, онъ не обязанъ своими успѣхами. Невольно сталъ я сравнивать себя съ Кукумисомъ и содрогнулся отъ ужаса.

Ясно представился мнѣ стыдъ, который покроетъ меня, когда я принужденъ буду уйти изъ экзаменаціонной залы, или, еще хуже, когда я услышу при чтеніи списковъ свое имя съ прибавленіемъ къ нему позорящихъ словъ: non contemnendus! Представивъ себѣ такіе ужасы, я просто ополоумѣлъ отъ страха и рѣшился во что бы то ни стало пополнить свои познанія.

Мигомъ я былъ на ногахъ и поспѣшилъ къ рукомойнику. Освѣживъ голову холодной водой, я даже не далъ себѣ труда утереться и сталъ читать съ новой энергіей. Теперь мои мозги работали какъ никогда. Я прочелъ лѣвую страницу, перешелъ на правую, поровнялся съ рожицей, понесся далѣе и такъ продолжалъ еще страницы двѣ. Временно обостренная память воспринимала каждое слово и точно врѣзывала его въ головѣ.

Но вслѣдъ затѣмъ наступила реакція. Силы окончательно оставили меня, голова кружилась.

Гдѣ рожица? кофе и больше ничего! Нельзя быть совершеннымъ во всемъ... все имѣетъ изнанку. Вотъ, хоть бы университетскіе часы... Пойду я въ циркъ! Знаю, Кукумисъ, что ты смѣешься надо мной, но я проскочу черезъ обручъ, да, я проскочу...

Такія спутанныя мысли носились короткое время въ моей головѣ. Затѣмъ все окончательно смѣшалось, и я уснулъ, какъ убитый.

На слѣдующее утро я былъ въ экзаменаціонной комнатѣ. Было такъ рано, что чортъ навѣрное оставался еще босъ; зато его инспекторы были на своихъ мѣстахъ и поскрипывали сапогами на всю залу. Я сидѣлъ передъ столомъ лицомъ къ стѣнѣ, какъ требуется экзаменаціонными порядками. Холодный потъ выступалъ на моемъ лбу.

Между стѣной и столомъ прохаживался профессоръ уголовнаго права. Онъ оглядывалъ студентовъ, ободрительно улыбался нѣкоторымъ, потупился при видѣ другихъ; когда онъ поровнялся со мной, его взглядъ разсѣянно скользнулъ поверхъ моей головы: „несчастный", казалось говорилъ онъ, „я не видѣлъ тебя на моихъ лекціяхъ и я не знаю тебя!"

Сзади меня поскрипывали сапогами инспекторы. Я слышалъ, какъ они шептались между собой. Я скрежеталъ зубами отъ бѣшенства при мысли, что этимъ злодѣямъ платили деньги за то, чтобы они не допускали ни малѣйшаго уклоненія отъ порядка, ни малѣйшей шпаргалки и чтобы они безжалостно мучили такихъ несчастныхъ людей, какъ я и мои друзья.

Но вотъ открылась дверь. На минуту снопъ солнечныхъ лучей ворвался въ комнату и освѣтилъ нѣсколько блѣдныхъ лицъ — точь въ точь какъ на картинѣ „Жертвы террора" въ Люксембургѣ. Затѣмъ дверь захлопнулась, стало темнѣе прежняго, и по комнатѣ прошелъ, вѣрнѣе пролетѣлъ, какъ летучая мышь, ужасный эмиссаръ факультета съ роковой бумагой въ когтяхъ.

Онъ остановился по серединѣ и началъ читать.

Я приготовился къ гибели, и ни искры надежды не было въ душѣ моей. Но съ первыхъ словъ задачи я точно переродился. „Рожица!" чуть не на всю залу вскричалъ я въ порывѣ неописуемаго восторга. Да, это была она! Задача относилась къ 496 страницѣ и къ двумъ слѣдующимъ—единственнымъ изо всего курса, ясно оставшимся въ моей памяти.

Я поправился въ сѣдлѣ и началъ писать. Сдѣлавъ короткое введеніе, я написалъ все, что было на лѣвой страницѣ книги, потомъ—на правой, поравнялся мысленно съ рожицей, миновалъ ее и писалъ далѣе то, что было на слѣдующихъ двухъ страницахъ. Оставался еще одинъ пунктъ въ задачѣ, но дальше я не могъ писать, потому что не зналъ ни слова. Бороться съ абсолютнымъ незнаніемъ глупо; поэтому я поставилъ точку, передалъ сочиненіе инспектору и удалился изъ комнаты прежде, чѣмъ кто либо написалъ хоть половину задачи.

„Онъ сошелъ съ коня!" думали мои товарищи, провожая меня глазами. Никто не допускалъ мысли, что я уже справился съ задачей, считавшейся очень трудной.

— Скажи, пожалуйста! да вѣдь это прекрасно написано! вскричалъ адвокатъ, когда я ему передалъ черновикъ моей работы.—Ты гораздо лучше подготовленъ, чѣмъ я думалъ! Гмъ! Швейгарда ты видимо знаешь почти на зубокъ. Только почему ты не дописалъ сочиненія? Послѣдній пунктъ задачи остался невыполненнымъ. Ну, это не бѣда — всякій видитъ, что ты твердъ въ уголовномъ правѣ, какъ рѣдко кто бываетъ. Чего-жъ ты боялся сегодняшняго экзамена?

— Вчера я ничего не зналъ.

Адвокатъ разсмѣялся.

— Не за ночь же ты изучилъ уголовное право.

— Да, за ночь.

— Что за вздоръ! Кто нибудь тебѣ помогъ?

— Да.

— Это должно быть не земное существо, потому что въ теченіе одной ночи пролить столько свѣту въ твою голову—дѣло не легкое! Можно спросить кто это совершилъ?

— Это сдѣлала... маленькая рожица, отвѣтилъ я и объяснилъ другу въ чемъ дѣло.

Съ датскаго Бар. В. Ф—лесъ

А. Н. Корфъ †

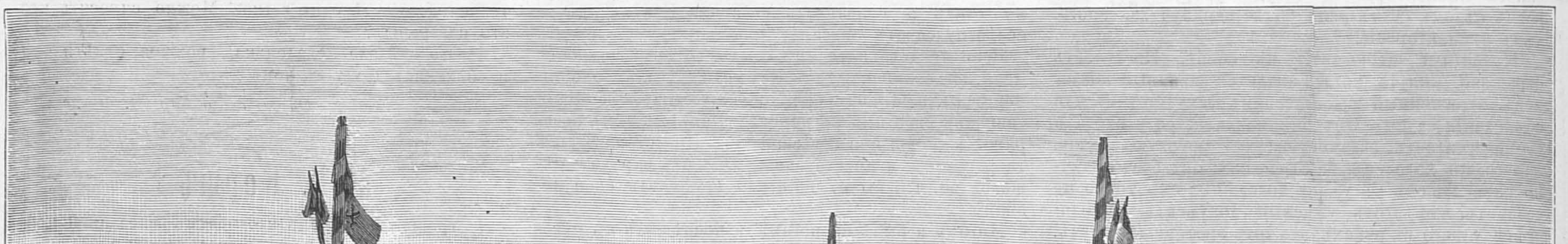
„Страшно пораженъ и огорченъ внезапной кончиной вашего мужа. Тяжело терять столь честныхъ, полезныхъ и незамѣнимыхъ людей, какимъ былъ вашъ мужъ. Да подкрѣпитъ и утѣшитъ васъ Господь въ этой страшной утратѣ". Такую Всемилостивѣйшую телеграмму Государя Императора получила недавно вдова, скончавшагося 6-го февраля въ Хабаровкѣ, на Амурѣ, приамурскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта барона Андрея Николаевича Корфа. Эта глубоко справедливая оцѣнка почившаго дѣятеля, сдѣланная съ высоты трона, ясно говоритъ о томъ, какую дѣйствительно огромную потерю понесла Россія въ лицѣ барона Корфа, одного изъ видныхъ государственныхъ мужей. Герой боеваго поля, баронъ Корфъ на полѣ мирной, гражданской дѣятельности преуспѣвалъ еще болѣе. Приамурскій край, которымъ баронъ управлялъ слишкомъ восемь лѣтъ, можно сказать безконечно ему обязанъ и сталъ рѣшительно неузнаваемъ. Мудрый администраторъ неутомимо заботился объ улучшеніи экономическаго благосостоянія этой самой отдаленной изъ нашихъ окраинъ, насаждалъ въ ней, вмѣстѣ съ усердною своей помощницей, своей супругой баронессою С. А. Корфъ, просвѣщеніе, учреждая школы для инородцевъ и будучи виновникомъ того, что цѣлые десятки тысячъ коренныхъ обитателей края приняли православіе. Баронъ Корфъ сильно способствовалъ поднятію экономическаго значенія русскихъ побережій Тихаго океана и мѣстностей по Амуру расположенныхъ, дѣлая все отъ него зависящее для заселенія края русскимъ элементомъ. При управленіи барона ничтожная численность населенія увеличилась, и южно-уссурійскій край началъ быстро наполняться переселенцами; баронъ Корфъ обратилъ особенное вниманіе на котиковый промыселъ на Командорскихъ островахъ, которому грозила гибель отъ эксплоатаціи хищниковъ, и на развитіе сношеній Европейской Россіи съ дальнимъ Востокомъ путемъ мореходства. При немъ начались разработка каменноугольныхъ залежей на островѣ

Сахалинѣ, проведеніе новыхъ дорогъ въ краѣ, и ему же выпало счастье въ присутствіи Государя Наслѣдника Цесаревича участвовать въ закладкѣ великаго сибирскаго желѣзнодорожнаго пути, составлявшаго всегда завѣтную мечту барона Корфа. Помимо всего, этотъ замѣчательный администраторъ выказалъ прекрасныя дипломатическія способности, зорко слѣдя за нашими сосѣдями—китайцами, ведя съ ними дѣла съ большою осторожностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ немалою энергіей защищая русскіе интересы противъ покушеній сыновъ Небесной имперіи. Свои административныя способности баронъ Корфъ проявилъ и ранѣе, до назначенія его приамурскимъ генералъ-губернаторомъ, еще тогда, когда онъ въ самомъ началѣ пятидесятыхъ годовъ завѣдывалъ полковою штуцерною командою. Тутъ онъ поработалъ достаточно. Эти штуцерныя команды послужили спустя нѣсколько лѣтъ кадромъ для стрѣлковыхъ ротъ, сформированныхъ въ 1855 г. во всѣхъ полкахъ русской арміи. Съ успѣхомъ трудился баронъ Корфъ и по истребленію филоксеры въ Крыму, будучи назначенъ по Высочайшему повелѣнію главнымъ распорядителемъ этого дѣла. Какъ боевой офицеръ, баронъ Корфъ участвовалъ въ походахъ нашей гвардіи къ западнымъ предѣламъ имперіи, а позднѣе—въ экспедиціи противъ горцевъ, гдѣ, при штурмѣ аула Ведень, резиденціи Шамиля, баронъ былъ раненъ ружейною пулею въ лѣвую ногу навылетъ на валѣ батареи, построенной на

Баронъ А. Н. КОРФЪ,
генер.-адъют., приамурскій генералъ-губернаторъ, † 6-го февраля с. г.
Съ фотографіи Э. Нино, въ Хабаровкѣ, на Амурѣ, гравировалъ А. И. Зубчаниновъ.

откосѣ Андійскаго хребта, куда онъ вскочилъ въ числѣ первыхъ храбрецовъ. Такова въ высшей степени почтенная дѣятельность барона Корфа.

Происходя изъ дворянъ курляндской губерніи, приамурскій генералъ-губернаторъ, командующій войсками приамурскаго военнаго округа и войсковой наказный атаманъ приамурскихъ казачьихъ войскъ, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи, баронъ Андрей Николаевичъ Корфъ — родился 10 іюля 1831 года и окончилъ курсъ въ Пажескомъ Его Величества корпусѣ. Отсюда баронъ былъ выпущенъ въ 1849 г. прапорщикомъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ и уже на слѣдующій годъ получилъ въ завѣдываніе полковую штуцерную команду. Въ 1856 г. барона прикомандировали къ штабу гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ для наблюденія за стрѣлковыми ротами въ частяхъ гвардейскаго корпуса. Въ томъ же году, весною, онъ получилъ командировку въ Пруссію, Бельгію и Францію для всесторонняго ознакомленія съ обученіемъ стрѣлковъ и съ стрѣлковымъ дѣломъ вообще, съ технической частью изготовленія новѣйшаго ручнаго огнестрѣльнаго оружія и съ организаціей венсенской офицерской школы во Франціи. Всѣ порученія баронъ Корфъ исполнилъ блестяще и по возвращеніи черезъ полгода на родину былъ удостоенъ личнаго доклада Государю Императору, благодарившему молодаго офицера. Результатомъ этого доклада и по мысли барона Корфа, удостоившейся полнаго Высочайшаго



Азіятская Россія. — Омскъ. Торжество открытія работъ по постройкѣ западно-сибирской желѣзной дороги.
Съ фотографіи М. Б. гравировалъ В. В. Зейпель

Иностранные художники. — Проповѣдь св. Апостола Павла въ Аѳинахъ. Картина Ф. Лапорта.

Гравировано въ мастерской товарищества »Унiонъ« въ Лейпцигѣ.

одобренія, было сформированіе 9-го декабря 1856 г. гвардейской учебной стрѣлковой роты, командиромъ которой былъ назначенъ баронъ Корфъ. За блестящіе успѣхи роты, которую Государь смотрѣлъ три раза и которая прекрасно производила стрѣльбу въ цѣль и плавала въ одеждѣ, — всѣ офицеры получили слѣдующій чинъ, всѣ рядовые произведены въ унтеръ-офицеры, а командиръ получилъ чинъ капитана и назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Величеству. Гвардейская стрѣлковая рота послужила кадромъ для офицерской стрѣлковой роты, которая и была организована 18-го ноября 1857 г. съ назначеніемъ полковника Ванновскаго (нынѣ г. военнаго министра) ея начальникомъ, а барона Корфа его помощникомъ по практической части. 21-го января 1859 г. баронъ Корфъ, для пріобрѣтенія боевой опытности въ употребленіи въ дѣло стрѣлковъ, былъ посланъ въ кавказскую армію и, командуя здѣсь отрядомъ охотниковъ, былъ раненъ. Въ 1861 г., уже въ чинѣ полковника, баронъ командированъ былъ въ подольскую губернію для содѣйствія губернскому начальству въ распоряженіяхъ по приведенію въ дѣйствіе утвержденныхъ 19 февраля законоположеній о помѣщичьихъ крестьянахъ, причемъ имъ было приведено въ повиновеніе, безъ принятія крупныхъ мѣръ, 40,000 крестьянъ, возмутившихся противъ властей. Одновременно баронъ исполнялъ и другое порученіе — слѣдилъ за правильностью распоряженій по призыву отпускныхъ нижнихъ чиновъ въ той же губерніи. Въ сентябрѣ 1861 г. баронъ Корфъ сопровождалъ великаго князя Николая Николаевича на коронацію короля прусскаго, а спустя два мѣсяца назначенъ начальникомъ стрѣлковой офицерской роты и совѣщательнымъ членомъ оружейной коммиссіи временнаго артиллерійскаго комитета — въ декабрѣ того же года. Съ іюня 1865 г. по февраль 1884 г. баронъ состоялъ командиромъ 99-го пѣхотнаго ивангородскаго полка, исправляющимъ должность начальника штаба рижскаго военнаго округа, командиромъ л.-гв. литовскаго полка, начальникомъ 34-й пѣхотной дивизіи и затѣмъ—13-й пѣхотной дивизіи. Въ этотъ же періодъ баронъ былъ произведенъ, въ январѣ 1878 г., въ генералъ-лейтенанты, а въ маѣ 1879 г. назначенъ генералъ-адъютантомъ къ его Величеству. Въ февралѣ 1884 г. баронъ Корфъ былъ прикомандированъ къ главному штабу для предсѣдательствованія въ учрежденной при штабѣ временной коммиссіи по обсужденію вопроса объ установленіи ограниченій въ назначеніи офицеровъ на административныя и полицейскія должности по военно-народному управленію. 14-го іюля 1884 г. баронъ Корфъ занялъ наконецъ постъ приамурскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками приамурскаго округа, а 22-го апрѣля 1887 г. назначенъ войсковымъ наказнымъ атаманомъ приамурскихъ казачьихъ войскъ. Баронъ Корфъ имѣлъ много орденовъ русскихъ и иностранныхъ и въ 1889 г. награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго, а въ 1891 г. ему пожалованы бриліантовые знаки этого ордена. Рѣдкая энергія, распорядительность, недюжинный умъ и большое трудолюбіе — были отличительными качествами этого замѣчательнаго администратора.

Политика

15 (27) февраля 1893 г.

Событіемъ западно-европейской политики, надѣлавшимъ наиболѣе шума на прошлой недѣлѣ, явилось совершенно неожиданное избраніе г-на Жюля Ферри президентомъ французскаго сената. Въ началѣ прошлой недѣли прежній президентъ этого законодательнаго собранія, г. Ле Ройе, занимавшій непрерывно въ теченіе цѣлыхъ двѣнадцати лѣтъ свой высокій постъ, вдругъ подалъ просьбу объ отставкѣ, мотивируя ее болѣзнью, требующею немедленнаго его переѣзда въ мѣстность съ болѣе ровнымъ и теплымъ климатомъ, чѣмъ Парижъ. Преклонный возрастъ г-на Ле Ройе и его дѣйствительно слабое здоровье дѣлали такую мотивировку достаточно вѣроятною, но тѣмъ не менѣе многіе задались вопросомъ — почему онъ не отказался всего нѣсколько недѣль тому назадъ отъ новаго его избранія на президентскій постъ, а нашелъ нужнымъ оставить послѣдній именно теперь? Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, пошли самые разнообразные толки. Нашлись люди, рѣшившіеся утверждать, будто г. Ле Ройе испугался какихъ-то угрожающихъ ему разоблаченій по панамскому дѣлу, другіе видѣли въ его внезапной рѣшимости вліяніе интриги, клонившейся къ тому, чтобы доставить президентское кресло г-ну Жюлю Ферри. Въ концѣ концовъ взяло однако же верхъ толкованіе, по которому подать въ отставку вынудила г-на Ле Ройе какая-то „семейная непріятность", о которой парижскія газеты говорили, впрочемъ, только намеками, не дававшими возможности догадаться — въ чемъ именно она могла состоять.

Когда стало извѣстно, что сенатъ принялъ просьбу объ отставкѣ г-на Ле Ройе, немедленно же пошелъ слухъ, что преемникомъ удалившагося президента имѣетъ болѣе всего шансовъ сдѣлаться г. Жюль Ферри. Въ публикѣ этимъ слухамъ повѣрили однако же не сразу: всѣмъ хорошо извѣстна непопулярность этого политическаго дѣятеля. Его правительственное прошлое, ознаменовавшееся попытками сближенія съ Германіею и дорого обошедшееся Франціи тонкинскою экспедиціею, неудача его кандидатуры на постъ президента республики послѣ выхода въ отставку покойнаго Жюля Греви и наконецъ избирательныя пораженія, заставившія его искать себѣ мѣсто въ сенатѣ, считались весьма многими несомнѣннымъ ручательствомъ въ томъ, что его политическая карьера безповоротно кончена. Несмотря на все это, республиканскія группы сената высказались на предварительномъ совѣщаніи въ пользу г-на Жюля Ферри, и въ пятницу на прошлой недѣлѣ онъ былъ избранъ въ президенты сената довольно значительнымъ большинствомъ голосовъ.

Въ парижскихъ политическихъ кружкахъ избраніе это произвело очень сильное впечатлѣніе. Г. Жюль Ферри всегда былъ и считается до сихъ поръ главою республиканской фракціи, такъ называемыхъ „оппортунистовъ", состоящей въ большинствѣ именно изъ тѣхъ парламентскихъ дѣльцовъ, которые въ эпоху своего пребыванія во власти наиболѣе способствовали распространенію прискорбныхъ парламентскихъ нравовъ, создавшихъ возможность колоссальныхъ панамскихъ злоупотребленій. Избирая его въ преемники г-ну Ле Ройе, республиканское большинство сената какъ бы бросило вызовъ общественному мнѣнію. Роль, которую можетъ играть въ своемъ новомъ званіи г. Жюль Ферри, дѣйствительно очень важна. Президентъ республики и министерство не могутъ распустить палату депутатовъ безъ согласія сената. Въ случаѣ отставки президента республики, равно какъ и послѣ окончанія конституціоннаго срока его полномочій, управленіе страною переходитъ по праву въ руки президента сената на тѣ дни, которые понадобятся созванному въ Версалѣ „конгрессу" (сенатъ и палата депутатовъ, засѣдающіе вмѣстѣ) для выбора новаго главы государства. Извѣстная энергія г-на Жюля Ферри, его громадное честолюбіе и долголѣтняя опытность въ политическихъ дѣлахъ невольно заставляютъ многихъ задаваться вопросомъ—не воспользуется ли онъ „междуцарствіемъ" конгрессныхъ дней для того, чтобы захватить въ свои руки верховную власть.

Такъ или иначе, но дѣло сдѣлано. Г. Ферри, достигнувъ президентскаго кресла въ сенатѣ, правда, громко заявляетъ черезъ свою газету „Estafette", что все его честолюбіе ограничивается желаніемъ помогать г-ну Карно и министерству Рибо въ возстановленіи нормальнаго порядка вещей, но этому во французскихъ политическихъ кружкахъ плохо вѣрятъ. Враждебныя республикѣ газеты утверждаютъ напротивъ, что избраніе г-на Жюля Ферри, котораго не желали ни президентъ республики, ни министерство, наноситъ тяжелый ударъ правительству. Въ газетахъ этого лагеря уже пророчатъ скорую отставку г-на Карно и замѣну его г-номъ Жюлемъ Ферри, но позволительно догадываться, что подобные толки не болѣе какъ попытка еще разъ встревожить умы, успѣвшіе уже значительно успокоиться послѣ тяжелыхъ треволненій панамской исторіи, которою большинство французской публики перестало уже интересоваться, несмотря на всѣ усилія такихъ загадочныхъ агитаторовъ, какъ гг. Делаге и Андріе.

Въ Германіи участь проекта военной реформы все еще остается неизвѣстною. Все болѣе и болѣе укореняется мнѣніе, что она будетъ всецѣло зависѣть отъ партіи католическаго центра, сохраняющей выжидательное положеніе. Иные полагаютъ, что центръ не высказывается потому, что ожидаетъ инструкцій папы, котораго берлинское правительство еще не потеряло будто бы надежды склонить на свою сторону, другіе думаютъ, что католики выскажутся за военный проектъ только въ томъ случаѣ, если добьются возвращенія іезуитовъ и школьнаго закона, отдающаго въ руки духовенства народныя школы. Все это создаетъ крайне неопредѣленное положеніе. Всѣ убѣждены, что ранѣе наступающей весны, а можетъ быть и начала будущаго лѣта, парламентъ не кончитъ съ военнымъ законопроектомъ даже и въ томъ случаѣ, если приметъ его безъ всякихъ измѣненій. О томъ же, что будетъ, если законопроектъ этотъ понесетъ неудачу въ рейхсратѣ, германская печать даже избѣгаетъ говорить.

Въ Австро-Венгріи внутреннія политическія дѣла тоже продолжаютъ сохранять совершенно запутанный характеръ. Министерство Таафе окончательно отказалось отъ мысли устроить въ австрійскомъ рейхсратѣ правительственное большинство изъ нѣмецкихъ либераловъ, поляковъ и автономистовъ партіи Гогенварта. Оно совершенно устранилось отъ всякихъ отношеній съ парламентскими партіями и чего-то ждетъ. Тѣмъ временемъ нѣмецкіе либералы, раздосадованные невозможностью сдѣлать правительство покорнымъ слугою ихъ партійныхъ цѣлей, пробуютъ сблизиться не болѣе не менѣе какъ со своими злѣйшими антагонистами младо-чехами, и послѣдніе какъ будто готовы пойти на такую сдѣлку, вѣроятно, въ расчетѣ, что она поведетъ къ отставкѣ министерства Таафе, не согласившагося управлять при содѣйствіи такъ называемаго „славянскаго" большинства, не сочувствующаго тройственному союзу. Все это донельзя запутано и не обѣщаетъ скораго возстановленія нормальнаго порядка вещей.

Въ Италіи министерство Джіолитти все еще отбивается въ парламентѣ отъ сыплящихся на него со всѣхъ сторонъ нападокъ по поводу злоупотребленій, обнаруженныхъ въ римскомъ банкѣ. Все это, взятое вмѣстѣ, показываетъ—до какой степени измѣнилась съ прошлаго лѣта роль пресловутой „лиги мира", еще недавно казавшейся серьезною угрозою спокойствію Европы.

Въ Англіи парламентскія пренія идутъ за это время довольно спокойно. Внесенный Гладстономъ въ палату общинъ ирландскій билль принятъ единогласно въ первомъ чтеніи и пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе шансовъ пройти благополучно во второмъ. На частныхъ выборахъ партія Гладстона пріобрѣла за эти дни нѣсколько новыхъ мѣстъ, обѣ фракціи ирландской партіи (парнеллисты и антипарнеллисты) рѣшительно высказались въ пользу билля. На преніяхъ по текущимъ вопросамъ большинство оказывается постоянно на сторонѣ правительства. Оппозиція повидимому уже потеряла надежду „провалить" ирландскій билль въ палатѣ общинъ и возлагаетъ всѣ свои упованія на одну только палату лордовъ.

На развалинахъ Монгольской имперіи

Окончаніе

Съ величайшей осторожностью, не выдавая цѣли своей поѣздки, путешественники должны были подходить къ мѣсту предполагаемаго Каракорума, такъ какъ здѣсь предвидѣлась остановка и обстоятельное обслѣдованіе. Монголы были подозрительны; многіе никогда не видали русскихъ, другіе зорко слѣдили за ними, подозрѣвая въ археологическихъ изслѣдованіяхъ кладоискательство или разыскиваніе золота, что въ Монголіи, особенно для иностранцевъ, считается дѣломъ запретнымъ. Поэтому изслѣдователи должны были припять нѣкоторыя предосторожности и, настойчиво стремясь къ своей цѣли, дѣйствовать обдуманно и осмотрительно. Путешественники объявили, что идутъ въ монастырь Эрдень-Узо, а долиной интересуются въ качествѣ охотниковъ. На другой день они вышли по дорогѣ

къ монастырю, но шли по долинѣ только до тѣхъ поръ, пока были въ виду монгольскихъ юртъ, а какъ только скрылись отъ нихъ, то повернули прямо къ развалинамъ и вошли въ ихъ ворота, гдѣ начали дѣлать измѣренія и составлять описанія. Такъ какъ работы предвидѣлось на нѣсколько дней, то путешественники остановились за $1^1/_2$ версты, въ юртахъ, на берегу Орхона, откуда всякій день и дѣлали экскурсіи къ Хара-Балгасуну. Кромѣ стѣнъ и высокой башни саженъ въ 7—10 высоты, кругомъ были валы, обломки гранита, черепицы, кирпичи, которые тянулись на огромное разстояніе. Оказалось, что стѣны, въ 500 ш. каждая сторона, были остаткомъ центральнаго зданія, а городъ раскидывался на 8 верстъ и занималъ значительную часть долины. Близь дворца лежали обломки гранита съ барельефомъ, которые въ общемъ напоминали обелиски или памятники. Здѣсь, между прочимъ, обращаютъ на себя вниманіе остатки гранитнаго обелиска, состоящаго изъ 36 гранитныхъ обломковъ. Обелискъ строился изъ четырехъ кусковъ. Изъ нихъ первый фундаментъ изображалъ лежащихъ львовъ, на спинѣ которыхъ стояла четырехсторонная колонна. 3-й камень представлялъ капитель колонны съ изображеніемъ драконовъ, между которыми помѣщается доска съ высѣченными на ней письменами. На верхушкѣ шаръ. Обелискъ былъ сдѣланъ изъ красноватаго гранита и стоялъ на западной сторонѣ Орхона, а разбился, какъ было выше сказано, по мѣстному преданію, отъ молніи на множество обломковъ. Изъ нихъ два въ 12 пудовъ вывезено экспедиціей Н. М. Ядринцева съ тою цѣлью, чтобы дать возможность оріенталистамъ и ученымъ ознакомиться съ находящимися на нихъ надписями, причемъ предстояло немало трудностей провести ихъ незамѣтно на верблюдахъ, скрывая отъ взоровъ подозрительныхъ монголовъ. Эти обломки помѣщены въ Петербургѣ въ Эрмитажѣ. Найденныя надписи, доселѣ встрѣчавшіяся только въ вершинахъ Енисея, очень похожи на древнегреческія, финикійскія, готскія и кельтскія; рядомъ съ ними находятся надписи китайскія, что даетъ надежду открыть смыслъ загадочныхъ письменъ, покрывающихъ скалы и древніе могильники Сибири. Вѣроятно найденный памятникъ и есть тотъ, о которомъ упоминается въ одномъ изъ древнихъ персидскихъ сочиненій (XIII в.), гдѣ говорится, что на берегахъ Орхона видны развалины города Орду-Балыкъ и что предъ входомъ во дворецъ лежатъ камни, покрытые неизвѣстными надписями. Во время управленія Кхани ихъ подняли и нашли таблицу, гдѣ разсказывается исторія города. Основатель династіи Киданей Апаки приказалъ на мѣстѣ Каракорума поставить памятникъ и вырѣзалъ по китайски разсказъ о его подвигахъ.

Верстахъ въ 15 отъ Хара-Балгасуна, въ живописной мѣстности, среди горъ, лежалъ, по преданію, дворецъ ханши Тойтенъ, отъ котораго теперь осталась только груда камней. 6-го іюля путешественники поднялись на высокую гору и осмотрѣли восьмиугольный древній разрушенный омбонъ, подобіе пирамиды, изъ дикаго камня въ $2^1/_2$ сажени высотою (монголы приписываютъ его Темиръ-Хану), откуда открывался видъ на всю долину до монастыря Эрденъ-Узо и оз. Угэйнора. Подъ горой были замѣтны остатки китайской деревни, одной изъ многочисленныхъ деревень, окружавшихъ Каракорумъ, по свидѣтельству очевидцевъ, что служитъ ясным доказательствомъ прежней населенности этой долины. Оставивши для работъ помощника, Н. М. Ядринцевъ съ другимъ своимъ помощникомъ и переводчикомъ налегкѣ, безъ вьюковъ, отправился на вершины Джирманты, откуда рѣшилъ сдѣлать переходъ къ вершинамъ Орхона. Онъ достигъ ихъ и увидѣлъ истоки Орхона, вытекающаго въ видѣ ручья изъ замкнутой гранитной чаши, расположенной у подножія скалъ Субуръ-Хаирхана, увѣнчанныхъ пятнами вѣчнаго снѣга. Затѣмъ онъ снова вернулся въ долину Далалхынъ-тала. По Джирмантѣ, Цаганъ-суму и Кокъ-суму опять были найдены развалины монастыря, канавы, обломки жернововъ и проч., доказывающіе древнее пребываніе здѣсь земледѣльческаго населенія. 13-го числа путешественники прибыли въ монастырь Эрденъ-Узо какъ разъ ко дню буддійскаго цама. Это былъ съѣздъ монголовъ со всѣхъ сторонъ. 2000 богомольцевъ, большинство ламъ, стеклось на праздникъ. На другой день началось буддійское служеніе, состоявшее изъ религіозныхъ представленій. Монастырь Эрденъ-Узо одинъ изъ первоклассныхъ въ Монголіи. Всѣ монгольскіе монастыри строятся по одному типу. Болѣе или менѣе обширное пространство огораживается „палами" вертикальнымъ рядомъ бревенъ; внутри ограды въ одномъ мѣстѣ сгруппированы храмы, а вокругъ расположены кельи монаховъ. Храмы тѣсны и темны, уставлены бурханами (изображеніями боговъ), а стѣны украшены картинами. Вся умственная и духовная жизнь въ Монголіи заключается въ монастыряхъ, гдѣ живетъ духовенство, которое молится за народъ, на счетъ котораго оно содержится.

Около монастыря Эрденъ-Узо были найдены также остатки древняго города и валы. Въ самомъ монастырѣ попадались обломки гранитныхъ камней, пьедесталовъ, плитъ съ надписями; все это снесено было съ сосѣднихъ равнинъ. Близь монастыря находилась огромнаго размѣра гранитная черепаха съ наваленными на спинѣ мелкими камнями.

На возвратномъ пути экспедиція Н. М. Ядринцева направилась по р. Кокшинъ-Орхону (Старому Орхону), по берегу котораго виднѣлись слѣды древнихъ поселеній. Здѣсь же, въ 15 верстахъ на параллели Хара-Балгасуна и его окрестностей, часто встрѣчались могильники, заваленные камнями, которые носятъ названіе кэрэксуръ. Какъ уже было сказано выше, кэрэксуры разбросаны отъ самаго Забайкалья по всему Орхону и южной Сибири, въ Саянахъ, Минусинскомъ округѣ и Алтаѣ, въ Монголіи же они находятся только въ сѣверной ея части; въ пустыни Гоби ихъ не встрѣчали. О происхожденіи ихъ халхасцы разсказываютъ, что въ древности были люди-великаны, которые были на столько сильны, что, когда хотѣли разложить огонь, выдергивали огромныя деревья съ корнемъ. Когда они умирали, то надъ ними складывали могилы: это и есть кэрэксуры. Люди съ тѣхъ поръ становятся все меньше и меньше ростомъ. По другимъ разсказамъ во время войны двухъ хановъ народъ бѣжалъ и закапывалъ въ землю свое имущество, а надъ нимъ ставилъ камни съ примѣтами. Встрѣченныя въ сѣверной Монголіи могильники можно раздѣлить на два типа: на однихъ камни разбросаны и навалены иногда кругами, четырехугольниками и т. д., на другихъ камни утверждены въ стоячемъ положеніи. За Кокшинъ-Орхономъ, близь озера Цайдамъ, лежало нѣсколько могильниковъ, къ которымъ велъ рядъ указательныхъ камней на $2^1/_2$ и 3 версты. Кромѣ того на плоскихъ могилахъ попадались изображенія каменныхъ львовъ, изваянныя фигуры изъ бѣлаго и сѣраго мрамора, а также гробница изъ четырехъ плитъ, расписанныхъ цвѣтами, впереди — предстоящіе камни съ таинственными знаками. Это, очевидно, памятники, поставленные надъ могилами выдающихся лицъ.

На одномъ изъ могильниковъ обращаетъ на себя вниманіе каменный обелискъ или таблица огромныхъ размѣровъ: въ 2 сажени длины, 2 аршина ширины и $^1/_2$ аршина толщины. Какъ оказалось, это былъ памятникъ, поставленный китайскимъ императоромъ тукюэзскому принцу Кюэ-теле въ 732 году на Орхонѣ, въ 15 в. отъ Каракорума. Онъ былъ поверженъ, но когда-то возвышался укрѣпленный на массивной подставкѣ. Наверху были высѣчены фигуры сплетшихся драконовъ. Но что важнѣе всего, то это сохранившіяся на таблицахъ надписи, небольшая часть которыхъ однако вывѣтрилась; необыкновенно прочный гранитъ, изъѣденный вѣками, указывалъ на тысячелѣтнюю давность. Эти письмена представляютъ изъ себя загадочныя руны, встрѣчаемыя и въ другихъ мѣстахъ Сибири. На бокахъ и обратной сторонѣ таблицы находятся надписи китайскія, что, можетъ быть, дастъ возможность къ ихъ опредѣленію. До сихъ поръ они не разобраны и какому народу принадлежатъ неизвѣстно. Вопросъ о прочтеніи надписей подобнаго рода, находящихся на камняхъ, осложняется еще тѣмъ, что очень трудно воспроизвести отчетливую точную копію съ вывѣтрившихся камней. Примѣняли къ этому дѣлу различные способы, а въ послѣднее время нашъ извѣстный ученый академикъ оріенталистъ, В. В. Радловъ, работающій надъ прочтеніемъ надписей, достигъ значительнаго успѣха. Образецъ копіи съ уйгурской надписи, которую удалось ему воспроизвести, изображенъ на одномъ изъ нашихъ рисунковъ. Способъ, примѣненный имъ, требуетъ много труда, но и даетъ блестящіе результаты.

Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ. Въ настоящемъ краткомъ очеркѣ, отрывочномъ и неполномъ, мы пользовались результатами только первой экспедиціи Н. М. Ядринцева, не имѣя возможности касаться результатовъ экспедицій Гейкеля и академика Радлова. Предъ нами встаютъ разрушенныя древнія постройки, памятники съ надписями, дающіе неполное представленіе о погребенной культурѣ монгольской имперіи. Можетъ быть, дальнѣйшія изслѣдованія пополнятъ пробѣлы, прочтенныя надписи освѣтятъ темныя страницы исторіи, пытливый человѣческій умъ возстановитъ былое величіе, разскажетъ о воинственномъ народѣ, имѣвшемъ огромное вліяніе на Россію и покорившемъ полміра.

„Возникши въ пустыняхъ Монголіи", закончимъ мы словами Н. М. Ядринцева (Сиб. Сбор. 1891 г., вып. I), „эта имперія кажется историческимъ миражемъ. Миражъ исчезъ, и вотъ теперь предъ нами опять одна сожженная солнцемъ безбрежная и мертвая пустыня. Прошли вѣка. Теперь съ трудомъ отыскиваетъ глазъ какіе-то насыпи, валы — это слѣды дворцовъ и городовъ. Ихъ можно принять теперь за грязные холмы, размытые дождями, скорѣе, чѣмъ за остатки зданій, куда стекалось богатство и роскошь со всѣхъ концовъ земли, гдѣ драгоцѣнностямъ не знали ни счета, ни цѣны, гдѣ тысячи и сотни тысячъ толпились, жили, умирали и оглашали воздухъ криками побѣды и торжества. Все исчезло. Гладь этой пустыни теперь внушительнѣе, трагичнѣе, чѣмъ видъ опустѣлыхъ дворцовъ и храмовъ. Здѣсь стерто все сыпучими песками, все занесено, все заросло травой, все замерло въ безмолвной тишинѣ могилы. Отвѣта нѣтъ ни откуда!"

Н. Н.

Гладстонъ въ англійской палатѣ общинъ 1 (13) февраля

Понедѣльникъ, 1 (13) февраля, былъ знаменательнымъ днемъ для Англіи, такъ какъ г. Гладстонъ изложилъ въ этотъ день свой проектъ гомъ-рула для Ирландіи. Въ ожиданіи рѣчи маститаго премьера палата общинъ была переполнена членами и зрителями. Въ числѣ послѣднихъ были: принцъ Уэльскій, сынъ его герцогъ Іоркскій, герцогъ Теккъ и нѣсколько десятковъ перовъ, въ томъ числѣ графъ Розберри и графъ Спенсеръ. Въ галлереѣ для дамъ находились герцогиня Теккъ съ дочерью принцессой Мэй, супруга г. Гладстона и двѣ его дочери, супруги министровъ Гаркорта, Тревельяна, Брайса и много другихъ дамъ. Рѣчь г. Гладстона продолжалась два часа съ четвертью. Онъ былъ встрѣченъ шумными аплодисментами своихъ сторонниковъ, которые вскочили со своихъ мѣстъ. Премьеръ началъ напоминаніемъ о своемъ проектѣ гомъ-рула, предложенномъ въ 1886 году, когда онъ утверждалъ, что предстоитъ лишь одинъ изъ двухъ родовъ ирландской политики: даровать Ирландіи автономію или править ею помощью репрессивныхъ мѣръ. Противники утверждали, что отказъ дать автономію вовсе не предполагаетъ репрессіи, что можно управлять и безъ исключительнаго законодательства. Но едва эти противники добились власти, какъ внесли и провели чрезъ парламентъ актъ о вѣчной репрессіи и тѣмъ доказали, что другаго исхода дѣйствительно не было. Въ виду этого онъ, Гладстонъ, вновь вноситъ проектъ гомъ-рула, подобный прежнему.

Нашъ рисунокъ и представляетъ именно тотъ моментъ, когда 84-хлѣтній „великій старецъ", началъ излагать свой проектъ, производитъ глубокое впечатлѣніе на слушателей. Что касается содержанія самаго билля Гладстона и сущности предлагаемыхъ имъ реформы, то объ этомъ наши читатели уже знаютъ изъ политической хроники прошлаго (1256) нумера „Всемірной Иллюстраціи".

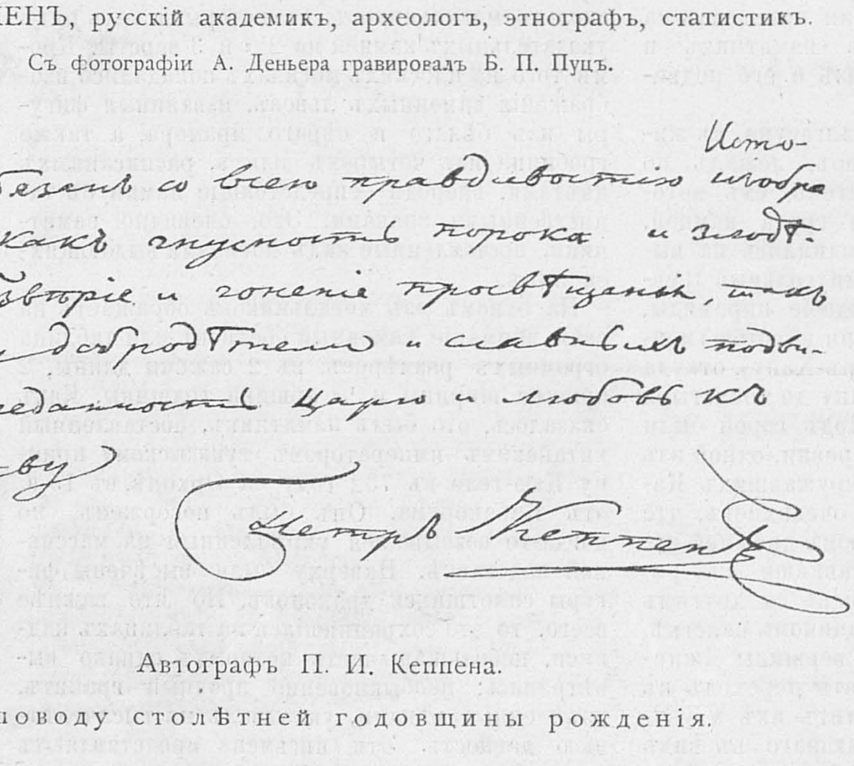
П. И. Кеппенъ

Всѣмъ, занимающимся у насъ этнографіей, статистикой, археологіей, палеографіей и филологіей, безъ сомнѣнія, очень хорошо извѣстно незабвенное имя Кеппена, замѣчательнаго русскаго ученаго, труды котораго проложили новые пути въ области науки, внесли столько свѣта въ общественную жизнь отечества нашего и послужили основою для многихъ административныхъ мѣръ, вѣрною опорою правительству въ его соображеніяхъ. Большинству русской публикѣ это имя, однако, едва ли извѣстно: работы смиреннаго ученаго, стремившагося всю жизнь свою „сопрягать науку съ общественнымъ бытомъ“, были такого рода, что наше малоразвитое и потому довольно равнодушное къ наукѣ общество не могло заинтересоваться ими, а слѣдовательно и познакомиться съ почтенною личностью творца этихъ работъ. Только незначительная часть нашей публики имѣетъ нѣкоторое понятіе объ академикѣ Кеппенѣ и о его слишкомъ полувѣковой дѣятельности на пользу отечественнаго просвѣщенія. Но такіе образцовые труженики науки, такіе драгоцѣнные дѣятели, какъ Кеппенъ, у насъ на перечетъ, и потому не меньшинство, а *всѣ* маломальски образованные русскіе должны знать его, цѣнить важныя заслуги этого дѣятеля, пріобрѣвшаго полное право на общую признательность. Вотъ почему, въ виду исполнившейся нынѣ, 19-го февраля, столѣтней годовщины рожденія академика Кеппена, мы и намѣрены познакомить нашихъ читателей съ его въ высшей степени плодотворною дѣятельностью.

Года за четыре до кончины Кеппена торжественно праздновался пятидесятилѣтній юбилей его службы. На этомъ юбилеѣ виновникъ празднества, между прочимъ, сказалъ слѣдующее: „Не полагая себя въ правѣ думать, чтобы посильные мои труды принесли какую либо существенную пользу, я въ Монаршей милости и въ чести, мнѣ оказываемой, могу видѣть только щедрую награду за постоянное *мое стремленіе быть точнымъ исполнителемъ лежащихъ на мнѣ нравственныхъ и должностныхъ обязанностей.* Богатыя мечты моей юности о пользѣ, которую я могу принесть Россіи,—*Россіи, которой посвящена была вся моя жизнь,*—далеко не осуществились. Время и обстоятельства низвели меня изъ міра идеальнаго въ міръ вещественный; они показали мнѣ всю разность между надеждами и исполненіемъ. Служа правдѣ, я наконецъ, остановился на чистосердечномъ изложеніи убѣжденій и мнѣній, предоставляя другимъ принимать ихъ въ уваженіе или же оставлять безъ вниманія...“ Въ этихъ немногихъ словахъ, проникнутыхъ глубокимъ чувствомъ чистосердечія и смиренія, Кеппенъ вполнѣ вѣрно охарактеризировалъ общее направленіе своей разнообразной дѣятельности, которая вся сводилась у него къ одному — къ служенію интересамъ родины и къ честному исполненію обязанностей, охарактеризовалъ и свою нравственную личность, проникнутую рѣдкимъ сознаніемъ долга, безкорыстнымъ служеніемъ дѣлу и безпримѣрною скромностью. Дѣйствительно, вся жизнь, всѣ труды Кеппена были посвящены Россіи. Онъ работалъ надъ изслѣдованіями численности ея народонаселенія, его этнографическаго распредѣленія, занимался палеографіей, археологическими изысканіями, разработкой вопросовъ, практически полезныхъ для сельскаго и государственнаго хозяйства страны, и участвовалъ въ учрежденіи Императорскаго русскаго географическаго общества. Всѣ свои силы, всѣ способности Кеппенъ отдавалъ на служеніе родинѣ. Россію онъ изучалъ не сидя въ кабинетѣ, а путемъ непосредственнаго знакомства съ нею, которое началось еще тогда, когда онъ былъ семнадцатилѣтнимъ юношей и сталъ путешествовать по Россіи. „Я многократно—говоритъ Кеппенъ объѣзжалъ Европейскую Россію отъ Чернаго моря и Терека вверхъ до Бѣлаго и Онежскаго озера и отъ Вятки и Астрахани на западъ, до Нѣмана и Днѣстра, постоянно отмѣчая въ моихъ дорожникахъ то, что, по моему мнѣнію, въ археологическомъ, топографическомъ, этнографическомъ и статистическомъ отношеніяхъ заслуживало вниманія; слѣдя же за повременными изданіями, я въ свои собранія матеріаловъ вносилъ не только изъ книгъ, но и изъ журналовъ и газетъ все замѣчательное какъ относительно самыхъ предметовъ, такъ и языка русскаго“. Кеппенъ оказалъ огромныя услуги отечественной статистикѣ, причемъ ему пришлось пролагать новые пути въ области почти совершенно не извѣданной, почти ни кѣмъ не тронутой. Ему первому принадлежитъ мысль о замѣнѣ существовавшихъ у насъ ревизій (т. е. исчисленія лицъ одпихъ податныхъ сословій) народными переписями; онъ первый выполнилъ два важные для статистики труда: исчисленіе пространства по губерніямъ и уѣздамъ и собраніе полныхъ списковъ населенныхъ мѣстъ въ имперіи. Его извѣстная этнографическая карта Европейской Россіи, работы по составленію географическо-статистическаго словаря Россійской имперіи, указатель инородческихъ поселеній въ Крыму, списокъ городовъ и селеній тульской губерніи—считаются трудами поистинѣ образцовыми, цѣнными вкладами въ русскую науку. „Велики, незабвенны заслуги П. И. Кеппена, какъ академика—говоритъ И. И. Срезневскій—заслуги по географіи, этнографіи, статистикѣ и сопредѣльнымъ отраслямъ знаній, но признательность наша къ этому достойному сподвижнику научной дѣятельности въ Россіи была бы не полна, еслибы забыта была нами еще одна сторона его дѣятельности... Годы молодости посвящены были имъ археологіи и филологіи, тѣ годы, когда Карамзинъ, Румянцевъ, Востоковъ, митрополитъ Евгеній едва начали свое великое дѣло“. Кеппену было около тридцати лѣтъ, когда онъ издалъ свой „Сборникъ снимковъ и описаній памятниковъ русской древности“, указавшій на возможность существованія русской археологіи. Позднѣе онъ расширилъ кругъ своихъ изысканій въ этой области, обративъ вниманіе на камни съ надписями, на каменныя бабы, курганы, городища и проч. Лучшій изъ русскихъ палеографовъ, Кеппенъ первый обратилъ у насъ вниманіе и на классическія древности. Его книгу „Собраніе словенскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи“, М. П. Погодинъ назвалъ изданіемъ драгоцѣннымъ, классическимъ. Настоящимъ „вожатаемъ науки“, по выраженію академика Срезневскаго, Кеппенъ былъ и въ изслѣдованіи вопросовъ филологіи и литературы. Ему принадлежитъ мысль о филологическихъ путешествіяхъ по славянскимъ землямъ. „Какъ широкъ былъ его взглядъ — говоритъ И. И. Срезневскій — можно видѣть изъ „Библіографическихъ листовъ“ Кеппена. Онъ первый у насъ обратилъ вниманіе на всѣ славянскія нарѣчія безъ исключенія и, вмѣстѣ, на языки ближайше важные—венгерскій и литовскій. Съ юности уже сталъ онъ собирать матеріалы для словаря русскаго общаго и областнаго. Одни добавленія къ общему словарю составили два тома. Мысль объ исторіи просвѣщенія въ Россіи и другихъ славянскихъ

П. И. КЕППЕНЪ, русскій академикъ, археологъ, этнографъ, статистикъ.

Съ фотографіи А. Деньера гравировалъ Б. П. Пуцъ.



Автографъ П. И. Кеппена.

По поводу столѣтней годовщины рожденія.

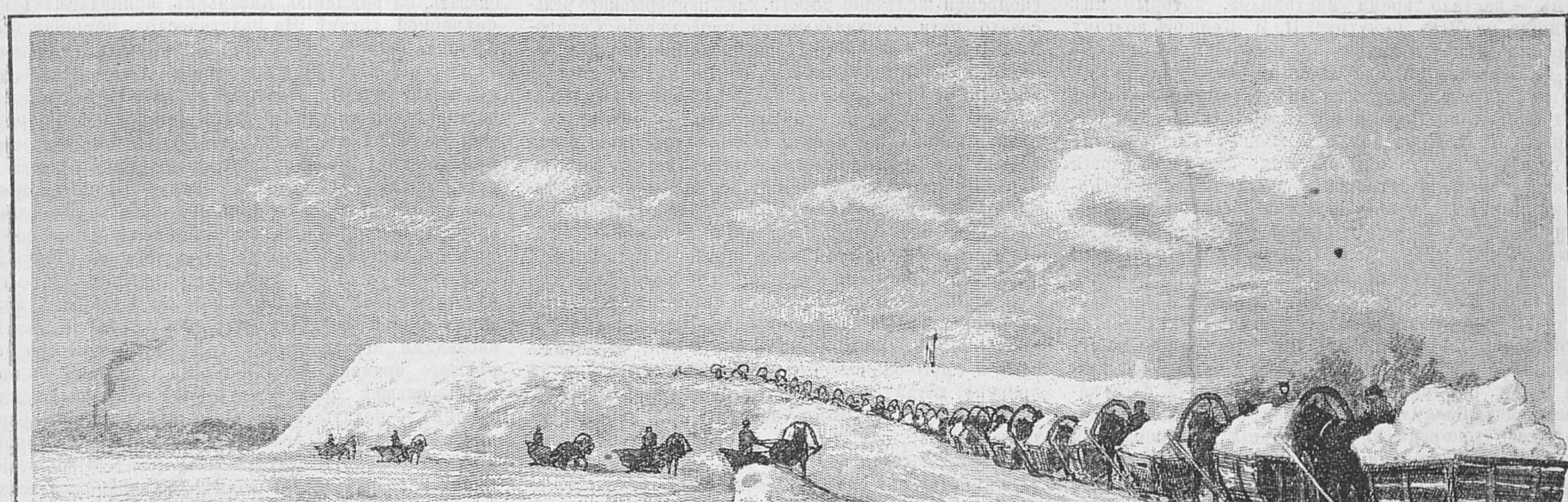
земляхъ естественно соединялась въ немъ съ вопросами археологіи и филологіи. Матеріалы по этому изданы въ нѣсколькихъ томахъ: тутъ обращено вниманіе и на старину книгопечатанія, и на школы и учебники, и на учителей и ученыхъ, и на нужды въ будущемъ". Чтобы получить полное представленіе объ ученой дѣятельности Кеппена, о его трудовой жизни, обнимавшей такую массу предметовъ, необходимо упомянуть еще объ одной сторонѣ этой, крайне плодотворной, дѣятельности, которая выразилась въ учено-практическихъ изысканіяхъ Кеппена. Таковы, напримѣръ, изысканія: о винодѣліи и винной торговлѣ въ Россіи и въ особенности на южномъ берегу Крыма, о потребленіи хлѣба, о торговлѣ скотомъ въ Россіи, объ укрѣпленіи летучихъ песковъ, о шелководствѣ на Кавказѣ, о запасахъ водъ и лѣсовъ въ верховьяхъ Волги, о лѣсныхъ промыслахъ, о промыслѣ мочальномъ и проч. Изъ одного краткаго перечня подобныхъ трудовъ уже видно, что Кеппенъ, будучи членомъ Императорскаго вольнаго экономическаго общества, далеко не праздно носилъ это званіе. Всѣ изысканія, всѣ даже сравнительно мелкія работы Кеппена запечатлѣны широтою взглядовъ, удивительною отчетливостью и добросовѣстностью и вмѣстѣ съ тѣмъ говорятъ о неутомимости этого ученаго, о его огромномъ трудолюбіи. „Незабвенны услуги П. И. Кеппена—говоритъ академикъ Срезневскій—какъ одного изъ важныхъ участниковъ въ дѣлѣ новыхъ успѣховъ въ Россіи. Незабвенно и вліяніе, которое производилъ онъ на юныя поколѣнія. Много нынѣшнихъ тружениковъ науки обязаны ему и указаніями, и примѣромъ трудолюбія и умѣнья трудиться". Какъ человѣкъ, Кеппенъ стоялъ столь же высоко, какъ и ученый и общественный дѣятель. Нравственная высота и независимость науки нашли въ немъ истинно достойнаго для себя представителя. П. И. Кеппенъ, по словамъ В. П. Безобразова, принадлежалъ „къ сонму тѣхъ нравственно-чистыхъ служителей науки, тѣхъ непреклонныхъ поборниковъ знанія, о которыхъ говорилъ поэтъ классическаго міра: „justum ac tenacem propositi virum etc".

Съ юнаго возраста началъ трудиться Кеппенъ, не переставалъ работать онъ и въ годы маститой старости, вплоть до самой кончины. Особенно достойно хвалы и глубоко трогательно то, что онъ, будучи происхожденія не русскаго, всей цѣлью своей жизни поставилъ служеніе вѣрою и правдою Россіи, той странѣ, которая пріютила его семью. Кеппены ведутъ свое происхожденіе изъ бранденбургскаго города Шведта, при Одерѣ, гдѣ дѣдъ нашего ученаго занималъ мѣсто городоваго физика, т. е. собственно врача. Отецъ Кеппена, Иванъ Кеппенъ (Johann Köppen), докторъ марбургскаго университета, состоя лейбъ-хирургомъ при гессенъ-кассельскомъ дворѣ, въ 1786 г. былъ приглашенъ императрицею Екатериною II завѣдывать медицинскою частью въ харьковской губерніи, откуда онъ обязанъ былъ ѣздить и въ полтавскую губернію; въ самомъ же Харьковѣ заботамъ его были поручены разныя больницы. Спустя три года по его смерти, послѣдовавшей въ 1808 году, родъ Кеппена былъ внесенъ въ родословную книгу дворянъ слободской-украинской (харьковской) губерніи. Петръ Ивановичъ Кеппенъ родился въ Харьковѣ 19-го февраля 1793 года и, получивъ первоначальное образованіе дома, на четырнадцатомъ году поступилъ въ губернскую чертежную, занимаясь подъ руковод-

ГОДФРУА КАВЕНЬЯКЪ,

депутатъ французской палаты.

По поводу его замѣчательной рѣчи по панамскому дѣлу.

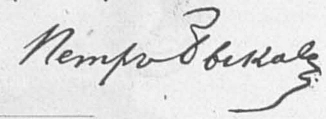


Снѣговая свалка на Малой Невѣ, противъ Петровскаго острова. — Брошенная снѣговая свалка на Смоленскомъ полѣ.

С.-Петербургъ. — Зима нынѣшняго года.

Съ натуры рисовалъ для »Всемірной Иллюстраціи« В. Г. Казанцевъ.

ствомъ землемѣровъ межеваніемъ и изготовленіемъ плановъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ посѣщалъ и открытый въ январѣ 1805 г. университетъ, т. е. собственно приготовительный для студентовъ классъ, развиваясь подъ благотворнымъ вліяніемъ профессоровъ, часто посѣщавшихъ домъ Кеппеновъ и вступавшихъ въ ученые споры и проч. Выслуживъ первый офицерскій чинъ, 31-го декабря 1809 года, П. И. Кеппенъ оставилъ чертежную и поступилъ въ университетъ, который удостоилъ его, въ 1814 г., званія магистра правовѣдѣнія. Тогда же онъ переселился въ С.-Петербургъ, гдѣ и опредѣлился на службу въ почтовый департаментъ. Въ Петербургѣ онъ былъ очень гостепріимно принятъ въ семьяхъ бывшаго харьковскаго профессора Якоба и Ѳ. П. Аделунга; въ домѣ послѣдняго онъ встрѣчалъ много знаменитыхъ людей, особенно иностранныхъ путешественниковъ и дипломатовъ. Здѣсь же онъ обрѣлъ себѣ и вѣрную подругу жизни въ лицѣ дочери Аделунга, на которой женился въ 1830 году. Въ Петербургѣ П. И. Кеппенъ участвовалъ въ учрежденіи вольнаго общества любителей россійской словесности, въ февралѣ 1816 года, и комитета по ученой части Императорскаго человѣколюбиваго общества, поступивъ въ послѣдній въ 1817 г. членомъ-секретаремъ. Вскорѣ первые литературные труды П. И. Кеппена, главнымъ образомъ извлеченные имъ въ 1818 г. изъ сочиненія академика Лерберга: „Историческое изслѣдованіе о Югорской землѣ", обратили на него вниманіе государственнаго канцлера графа Н. П. Румянцева, который свелъ его у себя въ домѣ съ О. П. Козодавлевымъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ, по вѣдомству котораго П. И. Кеппенъ состоялъ на службѣ. Вскорѣ Козодавлевъ сдѣлалъ его своимъ чиновникомъ особыхъ порученій, назначивъ вмѣстѣ съ тѣмъ П. И. Кеппена вторымъ редакторомъ основанной министромъ газеты „Сѣверная Почта"—перваго въ Россіи оффиціальнаго повременнаго изданія. Еще студентомъ П. И. Кеппенъ сталъ объѣзжать Россію и передъ назначеніемъ на упомянутую должность просилъ дозволенія посѣтить Кавказъ. Съ этою цѣлью Козодавлевъ поручилъ ему обревизовать почтовыя станціи по тракту бѣлорусскому до Крыма и Кавказа и обратно. Тѣмъ временемъ Козодавлевъ умеръ, „обстоятельства и самый духъ времени перемѣнились, говоритъ въ своей автобіографіи Кеппенъ — настало время мистицизма, который мнѣ никогда не былъ по-нутру". П. И. Кеппенъ поэтому бросилъ службу и вмѣстѣ съ молодымъ человѣкомъ А. С. Березинымъ, съ благословенія друга своего, митрополита Евгенія Болховитинова, отправился въ путешествіе по Европѣ въ январѣ 1822 г. Напечатанные П. И. Кеппеномъ въ „Вѣнскихъ лѣтописяхъ литературы" труды о древностяхъ сѣвернаго берега Понта, старины и прочія изысканія его, при посѣщеніи имъ Вѣны, Славоніи, Сиріи, Венгріи, Трансильваніи, Праги, Мюнхена, Гейдельберга, Готы, Веймара, Галле, Дрездена Берлина и прочихъ мѣстъ,— поставили П. И. Кеппена въ сношенія и сблизили чуть не со всѣми тогдашними корифеями археологіи, этнографіи, географіи, филологіи и другими учеными, поэтами, критиками, музыкантами и проч. 9-го апрѣля 1824 г. онъ вернулся въ отечество съ богатѣйшими матеріалами и поступилъ на службу въ департаментъ народнаго просвѣщенія для исполненія особыхъ порученій министра, адмирала А. С. Шишкова. Вскорѣ затѣмъ П. И. Кеппенъ былъ назначенъ дѣлопроизводителемъ временнаго комитета для составленія проекта общаго устава учебныхъ заведеній и въ то же время началъ издавать свои извѣстные „Библіографическіе листы" (1825 г.), служащіе и понынѣ цѣннымъ матеріаломъ для изысканій спеціалистовъ. Около этого времени печальной памяти М. Л. Магницкій сдѣлалъ доносъ на него, и П. И. Кеппенъ былъ судимъ духовнымъ цензурнымъ и училищнымъ комитетами, подъ вѣдѣніемъ митрополитовъ кіевскаго Евгенія (Болховитинова) и петербургскаго Серафима, которые и оправдали его совершенно. 29-го декабря 1826 г. П. И. Кеппенъ былъ избранъ членомъ и корреспондентомъ Императорской академіи наукъ, а въ слѣдующемъ году перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и получилъ мѣсто помощника главнаго инспектора шелководства въ Крыму, куда и переселился въ 1829 г. Здѣсь онъ дѣлалъ частые объѣзды съ ученою цѣлью, сдѣлалъ немало открытій, издалъ „Крымскій сборникъ" и проч. Въ Крыму П. И. пробылъ до 1834 г., когда возвратился въ Петербургъ, по приглашенію гр. С. С. Уварова, президента академіи наукъ для редижированія нѣмецкихъ „С.-Петербургскихъ вѣдомостей", что продолжалось вплоть до конца 1835 г. Въ январѣ 1837 г. П. И. Кеппенъ былъ избранъ адъюнктомъ академіи по части статистики и вскорѣ прикомандированъ къ V отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи для обревизованія государственныхъ имуществъ въ таврической губерніи; нѣсколько недѣль онъ состоялъ также при великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, во время ея путешествія по Крыму; занимался онъ также ревизіей таврическихъ колоній иностранныхъ поселенцевъ. Оставаясь академикомъ, П. И. Кеппенъ, по возвращеніи въ Петербургъ, служилъ начальникомъ отдѣленія третьяго департамента министерства государственныхъ имуществъ, а затѣмъ состоялъ членомъ ученаго комитета и центральной коммиссіи уравненія денежныхъ сборовъ у государственныхъ крестьянъ. 29-го декабря 1859 г. праздновался пятидесятилѣтній юбилей П. И. Кеппена, а спустя пять лѣтъ, 23-го мая 1864 г., нашъ ученый скончался въ своемъ крымскомъ имѣніи Карабагѣ. Академикъ Кеппенъ оставилъ богатое учено-литературное наслѣдіе, которое слишкомъ краснорѣчиво говоритъ о великихъ заслугахъ этого незабвеннаго дѣятеля, стяжавшаго себѣ неувядаемую славу.



Открытіе работъ по постройкѣ западно-сибирской желѣзной дороги

Въ августѣ прошлаго—1892—года происходило торжество открытія работъ по постройкѣ западно-сибирской желѣзной дороги въ присутствіи степнаго генералъ-губернатора М. А. Таубе, мѣстныхъ властей и инженеровъ, завѣдывающихъ постройкою. Это открытіе работъ, послѣдовавшее въ четырехъ пунктахъ строющейся линіи: въ Курганѣ, Петропавловскѣ, Челябинскѣ и Омскѣ, составляетъ для западной Сибири такую же эпоху, какъ постройка Николаевской желѣзной дороги для Европейской Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, хотя еще въ 1888 г., при открытіи самаро-уфимской желѣзной дороги, бывшій министръ путей сообщенія К. Н. Посьетъ называлъ открываемую линію „первымъ звеномъ великаго сибирскаго рельсоваго пути", но тѣмъ не менѣе еще тогда многіе государственные люди склонялись въ пользу необходимости строить сибирскую желѣзную дорогу въ видѣ отдѣльныхъ линій, соединяющихъ р. Обь съ Байкаломъ, Байкалъ съ Амуромъ и послѣдній съ Тихимъ океаномъ; причемъ вся западная Сибирь оставалась бы, какъ и прежде, отдѣленной отъ Европейской Россіи и была бы лишена благъ скораго сообщенія по рельсовому пути. Съ тѣхъ поръ проектъ сибирской желѣзной дороги, какъ непрерывнаго рельсоваго пути, составляющаго продолженіе Самара-Уфа-Златоустовской желѣзной дороги, находилъ все болѣе и болѣе сторонниковъ и уже въ 1891 году въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя Наслѣдника Цесаревича. Со времени его прибытія въ Приамурскій край Великая сибирская желѣзная дорога стала называться непрерывнымъ путемъ черезъ всю Сибирь. Въ томъ же 1891 году, въ которомъ Наслѣдникъ Цесаревичъ открылъ во Владивостокѣ работы по постройкѣ уссурійской желѣзной дороги, было предписано произвести изысканія западно-сибирской желѣзной дороги отъ Челябинска до пересѣченія р. Оби и до соединенія со средне-сибирской желѣзной дорогой, которыя и были произведены раньше одновременно съ изысканіями уссурійской, забайкальской и круго-байкальской желѣзныхъ дорогъ, въ тѣ времена, когда еще предполагалось строить сибирскую линію отдѣльными частями. Изысканія эти въ томъ же 1891 году и были окончены и послѣ разсмотрѣнія составленнаго на ихъ основаніи проекта въ министерствѣ путей сообщенія и государственномъ совѣтѣ рѣшено приступить къ самой постройкѣ дороги на протяженіи отъ Челябинска до Омска, причемъ работы въ 1892 г. производились въ очень ограниченномъ размѣрѣ вслѣдствіе того, что въ виду финансовыхъ причинъ на постройку дороги было отпущено всего одинъ милліонъ рублей. Какъ ни незначительна была эта сумма для того, чтобы приступить къ сооруженію слишкомъ 740 верстъ желѣзной дороги, но, благодаря распорядительности начальника этихъ работъ, инженера К. Я. Михайловскаго, онѣ были открыты въ Курганѣ, Петропавловскѣ, Омскѣ и Челябинскѣ, и въ настоящее время значительная часть земляныхъ работъ уже вполнѣ окончена. Послѣ того, какъ работы начались, дѣло постройки всего сибирскаго рельсоваго пути нашло сильнаго покровителя въ лицѣ г. министра путей сообщенія С. Ю. Витте, который и послѣ назначенія своего министромъ финансовъ попрежнему содѣйствуетъ быстрой постройкѣ всей линіи. Въ настоящее время не только значительные кредиты открыты для постройки дороги отъ Челябинска до Оби, но повелѣно приступить и къ постройкѣ средне-сибирской желѣзной дороги отъ Оби до Иркутска, причемъ рельсовый путь предположено открывать послѣдовательно до Омска въ 1895 году, до Красноярска въ 1896 г. и до Иркутска въ 1900 году. Къ тому же сроку, вѣроятно, будетъ открыта и уссурійская желѣзная дорога отъ Владивостока черезъ Градескую до Хабаровки. Остальныя линіи сибирской желѣзной дороги, т. е. кругобайкальская, забайкальская и амурская, будутъ строиться уже въ будущемъ столѣтіи.

Годфруа Кавеньякъ и его рѣчь

Въ настоящую минуту взоры всѣхъ французовъ все еще невольно обращены на Годфруа Кавеньяка, депутата Сарты, прославившагося своей замѣчательной рѣчью на тему о необходимости вести серьезную борьбу съ денежною силою. Кавеньякъ, весьма неожиданно оказавшійся замѣчательнымъ ораторомъ, явился на выручку правительства; онъ призналъ прежде всего, что результаты, достигнутые слѣдствіемъ по панамскому дѣлу, недостаточны и не могутъ удовлетворить общественное мнѣніе. Правительству необходимо доказать, что оно твердо рѣшилось преслѣдовать всякую продажность. Предложенная Кавеньякомъ въ концѣ его рѣчи формула перехода къ очереднымъ дѣламъ выражала желаніе палаты поддержать правительство въ его стараніи подавить такія проявленія этой продажности, но въ то же время и твердую рѣшимость собранія „не допускать повторенія правительственныхъ пріемовъ, которые оно осуждаетъ". Своею рѣчью, спасшею правительство, но въ то же время далеко не вполнѣ одобрявшею его образъ дѣйствій въ панамскомъ дѣлѣ, Кавеньякъ какъ бы поставилъ свою кандидатуру въ качествѣ главы будущаго кабинета, готоваго взять на себя безпощадную борьбу съ обнаруженною панамскимъ дѣломъ политическою продажностью и злоупотребленіями капитализма. Результатомъ рѣчи смѣлаго оратора было вотированіе, въ концѣ засѣданія палаты, большинствомъ 370 голосовъ противъ 102, предложенія о распубликованіи рѣчи Кавеньяка во всѣхъ общинахъ Франціи.

Довольно обстоятельныя біографическія данныя о Кавеньякѣ помѣщены нами во „Всемірной Иллюстраціи" 1892 г. (№ 1207, стр. 199), въ статьѣ „Новые французскіе министры". Поэтому мы приведемъ здѣсь лишь наиболѣе характерныя изъ этихъ данныхъ. Кавеньяку нѣтъ еще полныхъ 40 лѣтъ; онъ родился въ маѣ 1853 года. Сынъ генерала Кавеньяка, главы исполнительной власти во время событій 1848 года, онъ получилъ въ своей семьѣ воспитаніе въ республиканскомъ духѣ; 15-лѣтнимъ мальчикомъ Кавеньякъ отказался на лицейскомъ экзаменѣ принять изъ рукъ императорскаго принца первую награду за переводъ на греческій языкъ. Республиканецъ, такъ сказать, по рожденію, Кавеньякъ принадлежитъ къ умѣренной группѣ. На политическое поприще онъ вступилъ всего десять лѣтъ тому назадъ. Окончивъ курсъ въ политехнической школѣ, онъ служилъ по вѣдомству путей сообщенія до 1881 г., потомъ короткое время въ министерствѣ финансовъ. Избранный въ 1882 г. въ палату депутатовъ, Кавеньякъ занялъ мѣсто на скамьяхъ республиканскаго союза и поддерживалъ министерство Ферри. Бриссонъ привлекъ Кавеньяка въ свое министерство; молодымъ человѣкомъ онъ занималъ должность товарища военнаго министра и былъ сотрудникомъ генерала Кампенона въ 1885—1886 годахъ. Въ 1892 г. на мѣсто республиканца Барбе онъ былъ выбранъ морскимъ министромъ. Кавеньякъ извѣстенъ также нѣсколькими историческими работами. Вплоть до новѣйшаго времени Кавеньякъ шелъ въ ногу съ господствовавшей правительственной партіей, между прочимъ — подалъ голосъ въ пользу желѣзнодорожныхъ конвенцій съ большими акціонерными компаніями, „конвенцій преступныхъ" (conventions scélérates), какъ ихъ теперь называютъ французы всѣхъ партій, и въ пользу министерства Рувье (въ 1887 г.).

Памятникъ императрицѣ Екатеринѣ II въ Одессѣ

Одесское городское общественное управленіе, въ ознаменованіе наступающаго въ 1894 г. столѣтія основанія Одессы между прочимъ постановило объ открытіи ко времени 100-лѣтняго юбилея памятника великой основательницѣ города императрицѣ Екатеринѣ II. Изъ представленныхъ на конкурсъ проектовъ лучшимъ признанъ проектъ подъ девизомъ „Одесса — портъ" архитектора-академика Ю. М. Дмитренко, которому и присуждена первая премія. По этому проекту, представленному на Высочайшее утвержденіе, и рѣшено строить памятникъ. Памятникъ представляетъ собою широкую колонну, къ подножію которой ведутъ съ двухъ сторонъ, сдѣланные полукругомъ, невысокія ступени. На красивомъ пьедесталѣ съ лицевой стороны бронзовая фигура князя Потемкина-Таврическаго, по бокамъ — графа Платона Зубова (новороссійскаго генералъ-губернатора), инженера Деволана (строителя одесскаго порта), позади—адмирала Де-Рибаса. Наверху колонны фигура императрицы Екатерины II съ указомъ въ рукѣ и попирающая ногою турецкое знамя. Стоимость памятника исчислена въ суммѣ около 50.000 руб. Поставленъ онъ будетъ на Екатерининской площади, вблизи Николаевскаго бульвара.

Св. апостолъ Павелъ въ Аѳинахъ

Картина Ф. Лапорта

Поразительную картину изъ исторіи религій представляетъ эта сцена на аѳинскомъ форумѣ. Со всѣхъ сторонъ храмы и статуи старыхъ боговъ, слѣва, на высокомъ постаментѣ, серьезная и повелительная фигура Аѳины-Паллады, которой могучій городъ обязанъ своимъ именемъ, а въ центрѣ этого сіяющаго міра красоты неустрашимый человѣкъ, съ пламеннымъ вдохновеніемъ проповѣдующій „новаго бога“. Проходя по аѳинскимъ улицамъ, онъ только что увидѣлъ алтарь, воздвигнутый великому „невѣдомому“ божеству, и теперь говоритъ о немъ, возвѣщая людямъ истинную вѣру. Взволнованныя группы слушателей окружаютъ проповѣдника. Въ ихъ чертахъ и позахъ съ необыкновенной жизненностью отразилось потрясающее впечатлѣніе проповѣди. Одни слушаютъ съ празднымъ любопытствомъ, со сдержаннымъ достоинствомъ, двое философовъ вступили въ жаркій споръ о слышанномъ; въ своемъ увлеченіи они небрежно разроняли свитки папируса, въ которыхъ отыскивали свои аргументы; другіе прикованы краснорѣчіемъ апостола и молчатъ. Они такъ увлечены, что въ ихъ глазахъ загорается мечтательный огонь — залогъ предстоящаго торжества новаго ученія.

Свалочныя мѣста для снѣга въ С.-Петербургѣ

Слѣдуя по Среднему проспекту Васильевскаго Острова, не достигая самой Гавани, на полѣ вы увидите, на правой сторонѣ, громаднѣйшую плоскую гору, саженъ въ девять вышины и необозримую по своей обширности; на лѣвой сторонѣ тоже гора, но уже поменьше. Это свалочныя мѣста для снѣга. Не думайте, однако, чтобы снѣгъ сваливали съ возовъ зря, гдѣ пришлось, благо поле обширно. Свалка снѣга производится на строгихъ „инженерныхъ“ основаніяхъ. Такъ, напримѣръ, избравъ на полѣ извѣстную часть, постепенно насыпали на ней снѣговой курганъ, почти круглой формы, который по настоящее время и выросъ до девяти—десяти саженъ вверхъ и до трехъ верстъ въ окружности. Бока его представляютъ отвѣсныя стѣны, по которымъ нѣтъ возможности забраться вверхъ, хотя и есть слѣды отъ ногъ покушавшихся на это туристовъ. Но зато на этомъ курганѣ есть отлогій въѣздъ съ одного бока, по которому и подымались воза. Если войти на этотъ курганъ, то въ ясный день представится оригинальная картина: вся Гавань, почти весь Васильевскій Островъ, Смоленское кладбище и Нева будутъ почти какъ на ладони. Въ настоящее время „сооруженіе“ этого кургана прекращено, вслѣдствіе того, что онъ уже достигъ своей нормы, и начинается сооруженіе новаго. Этотъ новый курганъ сооружается ближе къ центру острова почти на цѣлую версту, а именно на одномъ изъ громадныхъ огородовъ по 18-й линіи Васильевскаго Острова, и достигъ уже почти половины только что описаннаго.

О творчествѣ Антокольскаго

Профессоръ М. М. Антокольскій, произведенія котораго съ 10 февраля выставлены въ академіи художествъ, европейской критикой признанъ корифеемъ скульптуры не только русской, но и всемірной. Его работы не разъ увѣнчивались высшими наградами на всемірныхъ выставкахъ. Онъ состоитъ членомъ французскаго института по отдѣлу изящныхъ искусствъ и почти на дняхъ избранъ членомъ неапольтанской королевской академіи. Въ прошломъ году президентъ французской республики Карно, весною посѣтивъ его парижскую мастерскую, гдѣ были выставлены для публики 23 новыхъ работы его, пожаловалъ ему офицерскій крестъ Почетнаго Легіона, а лѣтомъ на VI международной выставкѣ въ Мюнхенѣ нашему скульптору тѣ же работы вмѣстѣ съ нѣсколькими прежними доставили настоящій тріумфъ. Въ хрустальномъ дворцѣ его произведеніямъ было отведено почетное мѣсто — особый большой залъ. И, несмотря на то, что, по единодушному отзыву нѣмецкихъ критиковъ, скульптура составляла главную силу этой выставки, Антокольскій взялъ верхъ надъ всѣми коллегами по спеціальности и получилъ первую золотую медаль.

Все это достигнуто всецѣло талантомъ Антокольскаго и его оригинальнѣйшею самобытностью. Самобытность эта обнаружилась съ первыхъ же шаговъ его дѣятельности. Небезъизвѣстно, что уже въ 1872 г. кенсингтонскій музей въ Лондонѣ, гдѣ собраны гипсовые снимки съ образцовыхъ шедевровъ скульптуры, впервые допустилъ въ свою отборную коллекцію отливокъ русскаго произведенія, и это была знаменитая статуя Антокольскаго „Иванъ Грозный“. Въ слѣдующемъ году вторая статуя его „Петръ Великій“ имѣла огромный успѣхъ въ парижскомъ салонѣ и только съ тѣхъ поръ ее стали цѣнить и у насъ. Третья въ хронологическомъ порядкѣ его работъ статуя „Христосъ въ узахъ передъ судомъ народа“ возбудила всеобщее вниманіе въ Римѣ въ 1874 г., а въ Парижѣ на всемірной выставкѣ 1878 г. вмѣстѣ съ четвертой статуей „Смерть Сократа“ и нѣсколькими другими работами Антокольскаго доставила ему почетную медаль. Уже эти артистическія побѣды свидѣтельствовали о томъ, что художническая оригинальность нашего скульптора достигла полной зрѣлости и развитія. Но Антокольскій не опочилъ на лаврахъ. Онъ не переставалъ идти впередъ, обогащая область своего искусства все новыми созданіями.

Что вышло отсюда—показываютъ результаты 25-лѣтія творчества Антокольскаго, считая съ 1868 г., когда въ академіи художествъ произвелъ переполохъ его ученическій эскизъ - барельефъ „Нападеніе инквизиціи на евреевъ во время Пасхи“, нарушившій всякія традиціи академичной скульптуры и по глубоко драматическому сюжету, и въ отношеніи техники. Вмѣстѣ съ 18-ю новыми работами его, которыя теперь выставлены въ академіи, за истекшій періодъ самостоятельной дѣятельности Антокольскаго имъ исполнено болѣе 50 произведеній (въ томъ числѣ 16 жизненныхъ портретовъ - бюстовъ), исключая разные монументальные проекты. И это не какія нибудь банальщины, заурядныя и безсодержательныя нагія женскія фигуры, миѳологическія, аллегорическія, столь излюбленныя другими скульпторами, бездѣлушки, по шаблону вылѣпленныя или отлитыя. Его никогда не плѣняла одна внѣшняя красота, хотя бы это были совершеннѣйшія античныя формы.

Въ чрезвычайно интересныхъ автобіографическихъ воспоминаніяхъ Антокольскаго, напечатанныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1887 г., онъ прямо говоритъ: „холодныя вещи, какъ бы хорошо онѣ ни были исполнены, отталкивали меня“. Еще въ бытность ученикомъ академіи онъ понималъ ясно, что „въ искусствѣ есть двоякая красота: физическая и душевная; на сколько первая принадлежитъ декоративному искусству, на столько вторая свойственна духовному; что между душевной красотой и добромъ есть близкое сходство“. И онъ, конечно, не могъ не любоваться образцами античнаго искусства, его величавымъ спокойствіемъ, простотою, пластичностью, всѣмъ его внѣшнимъ совершенствомъ, но духовное наслажденіе вызывалось въ немъ только душевной красотой, хотя бы она скрылась подъ безобразной наружностью, выраженіемъ искренности, сердечной теплоты, вообще проявленіями человѣческаго духа. Оттого-то въ галереѣ созданныхъ имъ образцовъ нѣтъ ни одного, который не одухотворялся бы какой нибудь идеей, искреннимъ чувствомъ или душевнымъ настроеніемъ художника. А галерея эта обширна и разнообразна. Кромѣ стоящаго совершенно особнякомъ знаменитаго „Мефистофеля“, который исполненъ въ двоякомъ видѣ — характерная голова отдѣльно и цѣльная фигура, всѣ прочія произведенія Антокольскаго можно распредѣлить по слѣдующимъ группамъ.

Вотъ прежде всего цѣлый рядъ образцовъ русской исторіи: къ прежнимъ двумъ — превосходнымъ драматизма фигурѣ „Ивана Грознаго“ и монументальной фигурѣ „Петра I“, воплощающей въ себѣ величіе душевной энергіи русскаго генія—теперь на выставкѣ Антокольскаго прибавились три новыя: монументальная фигура „Ермака, покорителя Сибири“ — олицетвореніе русской удали, героически и стихійно прокладывающей себѣ дорогу впередъ; благородный образъ перваго русскаго законодателя и создателя школъ „Ярослава Мудраго“ съ глубокимъ, проницательнымъ взоромъ рельефно выступаетъ въ бронзовомъ горельефѣ на византійскомъ знамени и опирается на „Русскую Правду“; „Несторъ“—типъ монаха-лѣтописца, отрѣшившагося отъ міра. Одни эти созданія, составляющія императорскую собственность, могли бы увѣковѣчить ихъ автора.

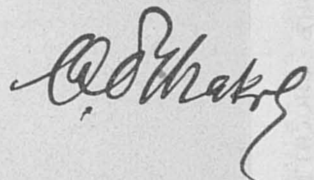
Но творчество Антокольскаго плѣняется еще образомъ Христа въ разныхъ моментахъ. На выставкѣ, кромѣ мраморной редукціи извѣстной эрмитажной статуи „Христосъ передъ судомъ народа“, имѣются еще бронзовая статуя „Христа-утѣшителя“, исполненная для надгробнаго памятника, „Христосъ, укрощающій бурю“ (проектъ для маяка) и Христосъ на крестѣ — „Послѣдній вздохъ“ въ мраморѣ (бронзовый горельефъ того же сюжета принадлежитъ Е. В. великому князю Сергѣю Александровичу).

Антокольскаго не разъ вдохновляла и судьба мучениковъ идеи, благодѣтелей человѣчества, за проповѣдь любви и правды претерпѣвавшихъ гоненія и страданія отъ невѣдѣнія людей. Кромѣ „Обезглавленнаго Іоанна Крестителя“ и „Отравленнаго Сократа“ нашъ скульпторъ далъ экспрессивную статую еврейскаго мыслителя и мученика Спинозы, прогнаннаго изъ синагоги и проклятаго, и поэтическій образъ юной христіанки-мученицы за вѣру (статуя эта пріобрѣтена П. М. Третьяковымъ для его музея, въ которомъ она является первой скульптурой). Здѣсь нѣжное мечтательное чувство художника-реалиста, переходящее въ мистичность, напоминаетъ Габріеля Макса. Родственна „Христіанкѣ“ „Офелія“ (мраморный горельефъ), прислушивающаяся къ какимъ-то невѣдомымъ ей звукамъ, которые она старается распознать въ шумѣ находящагося позади нея тростника.

Къ той же категоріи лирическихъ произведеній Антокольскаго, запечатлѣнныхъ мечтательнымъ и меланхолическимъ настроеніемъ, слѣдуетъ отнести надгробный памятникъ ребенку, портретъ котораго переданъ въ личикѣ ангела, полусидя, полулежа заснувшаго на постелькѣ покойнаго. Мотивъ вѣчнаго сна выраженъ въ мраморномъ барельефѣ, посвященномъ памяти малютки-сына художника („Безвозвратная потеря“). Какъ этотъ барельефъ, такъ и другой надгробный барельефъ изъ мрамора (портретъ художника М. Гинцбурга, † въ 1878 г.) своеобразно оживлены пейзажнымъ фономъ.

Эта наклонность къ живописности въ пластикѣ составляетъ характерную особенность ваянія Антокольскаго. Необыкновенно живописно трактованы, напримѣръ, „Петръ I“, „Несторъ“, „Христосъ-утѣшитель“, „Послѣдній вздохъ“, „Безвозвратная потеря“, „Офелія“. Въ мраморѣ онъ не допускаетъ никакихъ рѣзкихъ контуровъ. Бросаются въ глаза лишь переливъ свѣта и тѣни. Стало быть яркой индивидуальностью отличаются не только произведенія Антокольскаго, но и самый стиль его, выработанный этимъ скульпторомъ совершенно самостоятельно.

Характерно еще, что этотъ скульпторъ-реалистъ, котораго укоряютъ даже за „натурализмъ“ (?), очень рѣдко беретъ себѣ темой воплощеніе силы, возросшей на чисто реальной почвѣ. Какъ мы видѣли выше, лирическій и идеальный элементы постоянно присутствуютъ въ его пластическихъ созданіяхъ. Страданіе, самоотреченіе, мечтаніе о неземномъ мірѣ среди грубой дѣйствительности—вотъ какое настроеніе души преобладаетъ въ большинствѣ образовъ Антокольскаго. Недаромъ же отзывы европейской критики относительно его художественной дѣятельности сходятся въ томъ, что въ новѣйшей скульптурѣ едва ли найдется другой ваятель, *всѣ произведенія* котораго были бы отмѣчены такой содержательностью и который былъ бы на столько проникнутъ своими художественными идеями.



Почтовыя марки въ память Колумба

По случаю исполнившагося 400-лѣтія со дня открытія Америки въ соединенныхъ маркахъ вводятся съ 1893 года новыя почтовыя марки пятнадцати образцовъ. Новыя марки отличаются чрезвычайно тонкою гравировкою и раскраскою рисунка; клише для нихъ рѣзаны на стали. На маркахъ оттиснуты рисунки, представляющіе разные эпизоды изъ жизни Колумба; все это точная копія съ извѣстныхъ картинъ и гравюръ, преимущественно съ тѣхъ, которыя находятся въ резиденціи президента Соединенныхъ Штатовъ—Бѣломъ Домѣ, въ Вашингтонѣ. Представляемъ для образца точные снимки съ четырехъ такихъ марокъ; по снимкамъ читатели могутъ судить о величинѣ и общемъ видѣ марокъ. По верхнему краю марокъ напечатаны: годъ, названіе

Высадка Колумба (въ 2 цента).

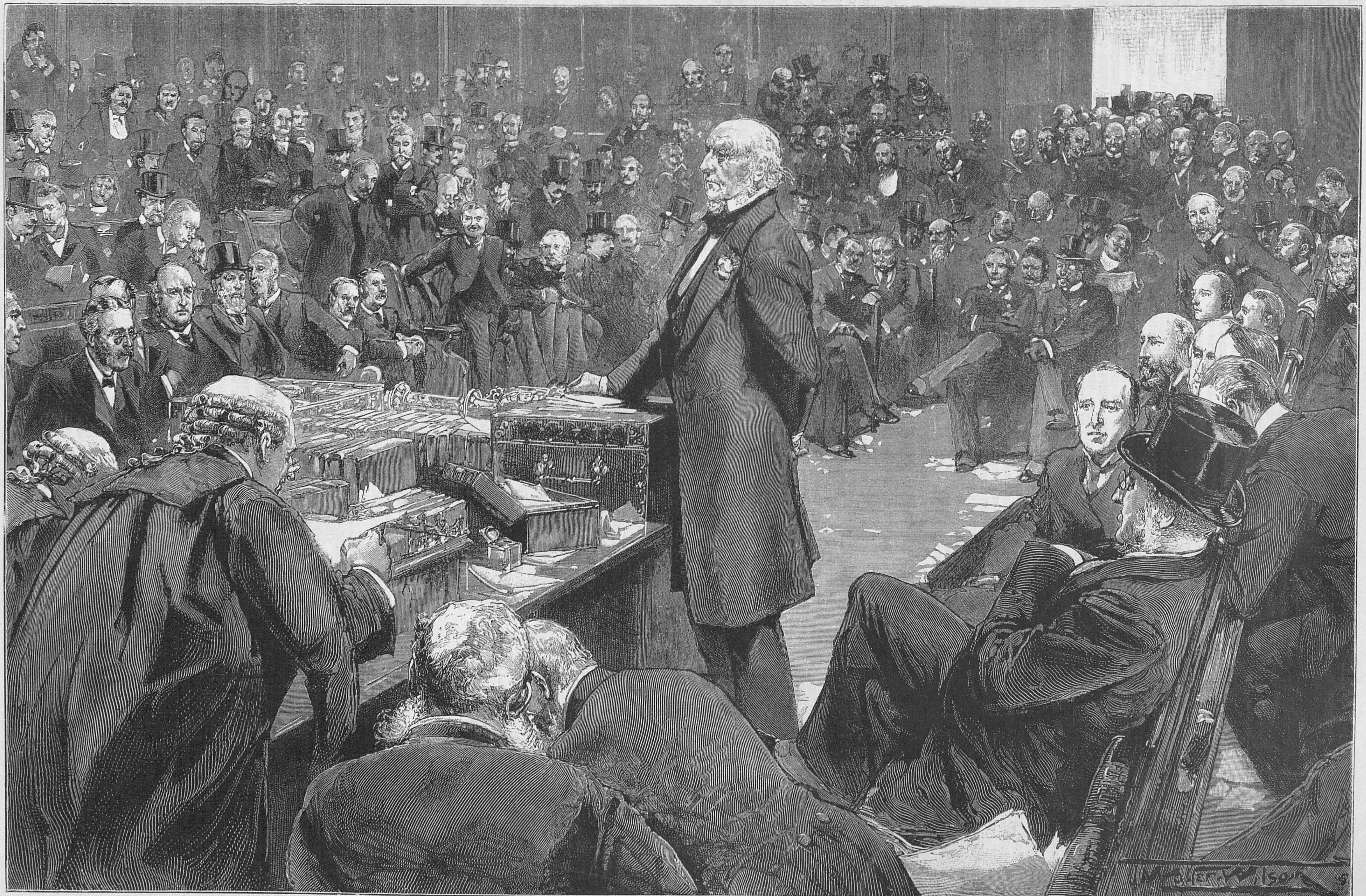
Адмиральская каравелла Колумба (въ 3 цента).

Колумбъ, просящій помощи у Изабеллы (въ 5 центовъ).

Колумбъ при испанскомъ дворѣ съ американскими обитателями (въ 10 цент.).

выпустившей марки страны и цѣнность марки, а подъ картинкою подпись о ея сюжетѣ; такъ на маркѣ въ 2 цента представлена сцена высадки Колумба въ Америкѣ, на маркѣ въ 3 цента его адмиральскій корабль, на маркѣ въ пять центовъ сцена свиданія Колумба съ королевою Изабеллою и, наконецъ, на 10-центовой маркѣ сцена представленія Колумбомъ испанской королевской четѣ американскихъ туземцевъ. На другихъ маркахъ будутъ представлены: флотъ Колумба (на 4-центовой), прибытіе его въ Барселону (6-цент.), Колумбъ въ монастырѣ Рабида (30-цент.), отозваніе Колумба изъ Америки (50-цент.), закладъ Изабеллою своихъ драгоцѣнностей (1 долларъ), Колумбъ въ цѣпяхъ (2 доллара), Колумбъ, описывающій свое третье путешествіе (3 дол.), портреты королевы Изабеллы и Колумба (4 дол.), портретъ Колумба (5 долларовъ).

Аргентинская республика также въ память открытія Америки выпустила марки двухъ образцовъ — одну въ 5 сентаво (сантимовъ), а другую въ 2 сентаво. Эти марки были дѣйствительны только въ день ихъ выпуска; ихъ и напечатали всего лишь по 200.000 штукъ; можно вообразить себѣ — какая



Англія. — Лондонъ. Гладстонъ вноситъ законопроектъ объ ирландскомъ самоуправленіи въ засѣданіи палаты общинъ 1 (13)-го февраля.

Королевская улица въ Гонолулу — столицѣ Сандвичевыхъ островозъ. — Королева Лидія Лиліуокалани. — Способъ высадки на берегъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ Гавайскихъ острововъ. — Принцесса Каіуолани. — Резиденція епископа въ Гонолулу. — Гавайскія амазонки. — Канакская женщина. — Танцовщицы Гула-Гула. — Древняя хижина коренныхъ обитателей Гавайи. — Гавайскій идолъ.

Гавайскіе (Сандвичевы) острова въ Тихомъ океанѣ. — По поводу послѣднихъ событій.

погоня за ними начнется среди коллекторовъ почтовыхъ марокъ лѣтъ черезъ 20, если только въ то время еще будетъ процвѣтать это странное любительство. Замѣчательно, что весь напечатанный запасъ былъ распроданъ въ три часа, такъ что кто

Марка Аргентинской республики (въ 5 сентаво).

не добылъ себѣ этой рѣдкостной марки, тѣмъ ее уже теперь приходится поискать, да и поискать. Снимокъ съ аргентинской колумбовской марки въ 5 сентаво, съ изображеніемъ каравеллъ Колумба, мы также помѣщаемъ въ этомъ нумерѣ.

ТЕАТРЪ — ИСКУССТВО — МУЗЫКА

Искусства

— Присужденіе академику А. Д. Кившенко званія профессора. Совѣтъ Императорской академіи художествъ въ послѣднемъ своемъ засѣданіи присудилъ академику живописи А. Д. Кившенко званіе профессора за его выдающуюся дѣятельность на художественномъ поприщѣ и, между прочимъ, за отличное исполненіе двухъ послѣднихъ картинъ: 1) „Нижегородскіе драгуны, преслѣдующіе турокъ по дорогѣ къ Карсу во время Аладжинскаго сраженія, 3-го октября 1877 года“, и 2) „Чтеніе Высочайшей грамоты уральскому казачьему войску за трехсотлѣтнюю боевую службу 31-го іюля 1891 года“.

— Картины П. Ковалевскаго и Кившенко. Въ настоящее время въ конференцъ-залѣ академіи художествъ установлены двѣ новыя батальныя картины: „Атака и взятіе турецкаго военнаго обоза на Самоковскомъ шоссе третьимъ эскадрономъ лейбъ-гвардіи Гродненскихъ гусаръ подъ начальствомъ поручика Вассіанова“ и „Нижегородскіе драгуны, преслѣдующіе турокъ по дорогѣ къ Карсу 3-го октября 1877 года“. Первая принадлежитъ кисти профессора П. Ковалевскаго, вторая—профессора А. Кившенко.

— Въ академіи художествъ наряду съ устройствомъ общей годичной выставки приводится въ порядокъ вся русская галлерея, составляющая для исторіи искусства весьма цѣнное собраніе. Изъ кладовыхъ добыты превосходныя картины Кипренскаго, Угрюмова, Брюлова, Басина, Потапова, Бруни, Щедрина, картонъ Неффа для Исаакіевскаго собора и другія. Многія картины на столько попорчены, что требуютъ значительной реставраціи. Приводится въ порядокъ и скульптурный отдѣлъ, содержащій много прекрасныхъ статуй и бюстовъ старинной работы. Интересны бюсты Людовика XIV и архитектора Монферрана изъ цвѣтныхъ мраморовъ, украшающихъ Исаакіевскій соборъ.

— Памятникъ Колумба изъ снѣга. Въ половинѣ января снѣжныя вьюги при сильномъ морозѣ свирѣпствовали въ продолженіе двухъ дней и на Ривіерѣ, и въ извѣстномъ своимъ мягкимъ климатомъ городѣ Генуѣ. Непогода причинила тамъ немало бѣдъ въ видѣ затрудненія сообщенія по улицамъ и совершеннаго прекращенія на время движенія по желѣзнымъ дорогамъ. Но образовавшіеся на площадяхъ сугробы снѣга внушили счастливую идею генуэзскому скульптору Александру Канесса. Въ какія нибудь два часа онъ успѣлъ изваять изъ глыбы снѣга, вышиной въ три метра, необыкновенно удачный бюстъ Христофора Колумба, поставленный на пьедесталѣ съ изображеніемъ герба Италіи. Вся Генуя любовалась этимъ прекраснымъ произведеніемъ фантазіи художника, съ котораго въ продолженіе нѣсколькихъ дней проданы были болѣе 2.500 фотографическихъ снимковъ.

Театръ и музыка

— Дирекція Императорскихъ петербургскихъ театровъ командируетъ одного изъ своихъ чиновниковъ въ Италію для переговоровъ съ Верди о постановкѣ на Маріинской сценѣ его новой оперы „Фальстафъ“.

— Огромный успѣхъ оперы „Паяцы“ Леонкавалло побудилъ администрацію Большого театра въ Москвѣ на Пасхѣ поставить на своей сценѣ „Паяцовъ“.

— Въ Василеостровскомъ театрѣ въ С.-Петербургѣ въ продолженіе всего великаго поста по праздничнымъ днямъ будутъ устраиваться литературно-вокальные вечера. Въ вокальномъ отдѣленіи будутъ принимать постоянное участіе ученицы и ученики курсовъ пѣнія артистки Императорскихъ театровъ Д. М. Леоновой. Будутъ ставиться сцены изъ извѣстныхъ оперъ при соотвѣтствующей обстановкѣ и подъ аккомпанементъ оркестра.

— Супруги Фигнеръ, баритонъ г. Джиральдони и піанистъ г. Фельдтъ предпринимаютъ концертное путешествіе по Россіи. Послѣ концерта въ Пензѣ они посѣтятъ Ригу, Вильно, Воронежъ, Минскъ, Смоленскъ и Москву. Въ мартѣ они будутъ въ Орлѣ, Курскѣ, Харьковѣ, Екатеринославлѣ, Елисаветградѣ, Кіевѣ, Одессѣ и Кишиневѣ. На Пасхѣ ими даны будутъ концерты въ Константинополѣ. Въ апрѣлѣ назначены ими концерты: въ Батумѣ, Кутаисѣ, Тифлисѣ, Баку, Елизаветполѣ, Таганрогѣ, Ростовѣ, Тамбовѣ, Воронежѣ, Саратовѣ, Самарѣ, Симбирскѣ и Казани.

— Балетмейстеру Л. И. Иванову пожалованъ, по случаю его бенефиса, золотой портсигаръ съ бриліантовымъ орломъ.

НОВОСТИ НАУКИ И ЦИВИЛИЗАЦІИ

Школа

— Начальное образованіе въ петербургской губерніи. Изъ статистическихъ свѣдѣній видно, что въ с.-петербургской губерніи находится: 557 земскихъ и городскихъ начальныхъ училищъ, 113 церковно-приходскихъ школъ, 106 школъ воспитательнаго дома, 22—русскаго техническаго общества и 71 школа грамотности, а всего 969 училищъ съ 44.952 учащихся.

— Профессіональное образованіе въ Россіи. Изъ свѣдѣній, собранныхъ о профессіональномъ образованіи, оказывается, что въ Россіи существуетъ 1.500 школъ, при которыхъ устроены учебныя мастерскія.

Военное и морское дѣло

— Жидкость для ружей. Одинъ изъ варшавскихъ инженеровъ, по свѣдѣніямъ здѣшнихъ польскихъ газетъ, составилъ жидкость, одна капля которой, введенная въ ружейный ствомъ послѣ выстрѣла, предохраняетъ стволъ отъ нагрѣванія и этимъ даетъ возможность производить выстрѣлы безъ перерыва. Жидкость, заключенная въ металлическіе шарики, помѣщается въ зарядные патроны и одновременно со взрывомъ заряда увлажаетъ стволъ и охраняетъ его отъ нагрѣванія.

Политехника

— Антропометрическій приборъ. Для большаго распространенія антропометрическаго способа измѣренія и регистраціи преступниковъ завѣдующимъ петербургскимъ антропометрическимъ бюро, Н. А. Козловымъ, изобрѣтенъ самодѣйствующій измѣрительный приборъ, не требующій записи. Данныя измѣреній, производимыхъ этимъ приборомъ, воспроизводятся съ помощью фотографическаго снимка. Приборъ этотъ такимъ образомъ отвѣчаетъ двойной цѣли: даетъ фотографію преступника и, вмѣстѣ съ тѣмъ, одновременно измѣрительныя величины по антропометрической системѣ. Производство измѣреній и регистрація ихъ съ помощью аппарата г. Козлова по своей простотѣ не требуетъ спеціальной подготовки и можетъ быть усвоено безъ труда, самый же аппаратъ стоитъ такъ недорого, что можетъ быть пріобрѣтенъ учрежденіями, не располагающими достаточными средствами для устройства антропометрической станціи.

Статистика

— Центральный статистическій комитетъ министерства внутреннихъ дѣлъ даетъ интересную таблицу движенія населенія отъ 1880 до 1889 г. по районамъ Россійской имперіи. На 1.000 жителей приходилось:

	Финляндія.	50 губ. Евр. Рос.	10 привисл. г.
Браковъ	7,4	8,4	7,9
Родившихся	35,2	48,4	38,5
Умершихъ	21,4	35,1	25,8
Ест. приростъ	13,8	13,3	12,7

Некрологъ

Арнгеймъ Фридрихъ Карловичъ, д-ръ медицины, дѣйств. ст. сов., директоръ Максимиліановской лечебницы и старшій ординаторъ Елизаветинской клинической дѣтской больницы, авторъ многихъ цѣнныхъ монографій, изобрѣтатель новаго гальванометра, † въ Спб. 14 февраля, 48 лѣтъ.

Баумгартъ Николай Андреевичъ, генералъ-отъ-инфантеріи, совѣщательный членъ артиллерійскаго комитета главнаго артиллерійскаго управленія, воспитанникъ Михайловской артиллерійской академіи, бывшій ученый секретарь артиллерійскаго отдѣла военно-ученаго комитета, † въ Спб. 11-го февраля, 79 лѣтъ. Въ службѣ онъ состоялъ 62 года.

Веніаминъ, епископъ черниговскій и нѣжинскій, въ мірѣ Быковскій, † въ Черниговѣ 2-го февраля, 74 лѣтъ. Его перу принадлежатъ: „Письма къ готовящемуся принять монашество“, лекціи по догматическому богословію, „Письма къ женщинѣ-христіанкѣ“ и два тома проповѣдей. Духовно-нравственные труды почившаго епископа изданы въ Харьковѣ въ 1892 г. („Сочиненія Веніамина, епископа черниговскаго и нѣжинскаго“).

Геннадій, бывшій епископъ сумскій, викарій харьковской епархіи, въ мірѣ Левицкій, † въ городѣ Козловѣ, на покоѣ, 9 февраля, 79 лѣтъ.

Грековъ Петръ Николаевичъ, одинъ изъ достойнѣйшихъ и талантливѣйшихъ представителей новаго суда, предсѣдатель московскаго мирового съѣзда, гласный московской думы, весьма полезный общественный дѣятель, † въ Москвѣ 29-го января.

Копьевъ Сергѣй Петровичъ, генер.-отъ-инфантеріи, членъ военнаго совѣта, воспитанникъ Николаевской академіи генеральнаго штаба, бывшій членъ главнаго военно-тюремнаго комитета, † въ Спб. 11 февраля, 72 лѣтъ. Съ 1866 по 1879 г. онъ состоялъ инспекторомъ госпиталей кіевскаго военнаго округа.

Корниловъ Яковъ Савиновичъ, извѣстный художникъ, † въ Спб. 13 января. Онъ происходилъ изъ купеческаго званія; образованіе получилъ въ академіи художествъ, гдѣ (1841—1852) учителями его были К. П. Брюлловъ и Басинъ. Курсъ въ ней онъ окончилъ въ 1852 г. съ званіемъ свободнаго художника, полученнымъ за картину „Св. апостолъ Петръ въ темницѣ“. Его картины нерѣдко появлялись на академическихъ выставкахъ; за одну изъ нихъ („Итальянка, держащая корзину съ виноградомъ“) въ 1860 г. ему была присуждена первая серебряная медаль. Въ сентябрѣ 1868 г. онъ получилъ званіе класснаго художника. Я. С. Корниловъ путешествовалъ за границей и слылъ знатокомъ европейскихъ художественныхъ музеевъ. Изъ картинъ его извѣстны: „Дѣвушка-жница съ острова Эзеля“, „Молящаяся на могилѣ“ и др.

Козебродскій Владиславъ, графъ, извѣстный галиційскій романистъ и драматургъ, † въ Галиціи, въ своемъ замкѣ, 2 февраля.

Корейша Василій Васильевичъ, д. ст. сов., начальникъ еврейскаго отдѣленія управленія государственными имуществами херсонской и бессарабской губерній, почтенный общественный дѣятель, † въ Одессѣ 25-го января, 78 лѣтъ. Онъ былъ учителемъ, служилъ въ комитетѣ объ иностранныхъ поселенцахъ и въ крымскую кампанію 1853—1856 гг. много содѣйствовалъ своевременной поставкѣ колонистами провіанта для крымскихъ войскъ. На службѣ онъ состоялъ 57 лѣтъ.

Ожаровскій Константинъ Францевичъ, графъ, гофмейстеръ Высочайшаго двора, тайн. сов., служившій по дворянскимъ выборамъ, потомокъ старинной аристократической фамиліи, владѣлецъ богатыхъ помѣстій въ западномъ краѣ, † въ Спб. 9-го февраля, 59 лѣтъ.

Соковнинъ Николай Александровичъ, ст. сов., бывшій директоръ красноуфимскаго реальнаго училища, замѣчательный педагогъ, выдающійся дѣятель по сельско-хозяйственному образованію въ Россіи, писатель, † въ Костромѣ 5 февраля, 52 лѣтъ.

Тупицынъ Игнатій Михайловичъ, членъ спасобочаринскаго благотворительнаго общества въ С.-Петербургѣ и членъ общества „Краснаго Креста“, владѣвшій секретомъ излечивать глазныя болѣзни и имѣвшій массу паціентовъ, которыхъ пользовалъ даромъ, † въ Спб. 10 февраля.

Тыртовъ Алексѣй Петровичъ, отставной генералъ-лейтенантъ, свенцянскій предводитель дворянства, бывшій директоръ полоцкаго кадетскаго корпуса, предсѣдатель виленскаго отдѣленія московскаго археологическаго комитета, авторъ многихъ статей по археологіи, † въ Спб. 4 февраля.

Шафгаузенъ Германъ, извѣстный германскій антропологъ, † 14 (26) января. Шафгаузенъ родился 18 іюня 1816 года въ Кобленцѣ. Въ 1834 году онъ поступилъ въ боннскій университетъ, гдѣ изучалъ медицину. Его привлекала къ медицинѣ не столько практика, сколько самая наука, въ особенности физіологія. Въ 1837 году онъ переѣхалъ въ Берлинъ и здѣсь предался спеціальному изученію физіологіи подъ руководствомъ Іоганна Мюллера; тутъ онъ мимоходомъ заинтересовался и антропологіею и вскорѣ всецѣло посвятилъ себя этой послѣдней, тогда еще только что нарождавшейся,

наукѣ. Съ 1840 года Шафгаузенъ началъ жизнь странствующаго ученаго, съ величайшимъ интересомъ вникая въ памятники, относившіеся къ исторіи искусства и археологіи. Слѣды этого путешествія и интереса, внушеннаго ему искусствомъ, видны отчасти и въ его позднѣйшихъ работахъ, напримѣръ, въ извѣстной статьѣ о черепѣ Рафаэля. Съ 1844 года Шафгаузенъ поселился въ Боннѣ и принялъ приватъ-доцентуру по физіологіи въ мѣстномъ университетѣ; въ 1855 году онъ былъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ. Онъ много поработалъ на пользу нѣмецкаго археологическаго общества, предсѣдателемъ котораго былъ много разъ; къ сожалѣнію, на послѣднемъ съѣздѣ этого общества въ Ульмѣ, въ прошедшемъ году, онъ по нездоровью уже не могъ

присутствовать. Полное собраніе его сочиненій вышло въ свѣтъ въ 1885 году. Шафгаузенъ былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ германскихъ поборниковъ знаменитой теоріи Дарвина.

Штукинъ Александръ Дмитріевичъ, одинъ изъ газетныхъ тружениковъ, репортеръ, † въ Спб. 6 февраля, 50 лѣтъ. Онъ много сотрудничалъ въ „Петербургскомъ Листкѣ“ 1864—1866 гг., гдѣ помѣстилъ между прочимъ рядъ фельетоновъ подъ заглавіемъ „Грязь и золото нашей торговли“. Въ 1866 г. онъ напечаталъ пьесу „Безъ правды люди не живутъ, а только маются“, съ успѣхомъ шедшую въ Александринскомъ театрѣ и на другихъ сценахъ. Съ 1873 г. онъ сдѣлался усерднымъ сотрудникомъ „Петербургской Газеты“, гдѣ вплоть до 1883 г. работалъ по всѣмъ отдѣламъ. Позднѣе онъ перешелъ почти исключительно на репортерскую работу.

СОДЕРЖАНІЕ НУМЕРА

Текстъ.

Рисунки.

За редактора **Э. Д. Гоппе.**
Издательница **А. П. Гоппе.**

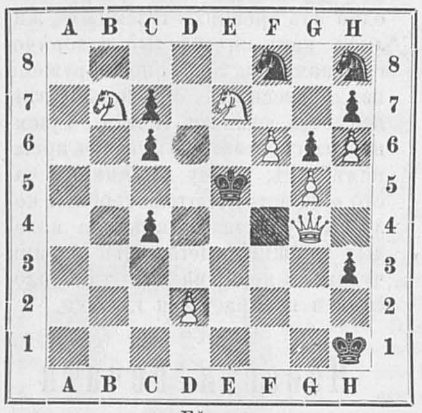
ИГРЫ и ЗАБАВЫ

ШАХМАТЫ

подъ редакціей **А. П. Шишкина**

ЗАДАЧА № 1549
Jan Hlinêny
Изъ „Zlata Praha“.

Черные



Бѣлые
Матъ въ 3 хода.

ЗАДАЧА № 1550
I. Бергера
Посвящена шахматному клубу въ Вюрцбургѣ.

Черные

Бѣлые
Матъ въ 2 хода.

ПАРТІЯ № 1026

7-я и послѣдняя партія матча. Играна 11-го января 1893 года.

А. М Бѣлинъ — Бѣлые; М. И. Чигоринъ — Черные (безъ п. f7).

	Бѣлые	Черные		Бѣлые	Черные		Бѣлые	Черные
1.	e2—e4	К b8—c6	13.	К a3—c2	К g8—h6	25.	Ф b2 : a1	c4 : b3
2.	d2—d4	d7—d5	14.	К c2—b4	С f8 : b4	26.	Ф a1—a3	Ф c6 : c3
3.	e4—e5	e7—e6	15.	Ф d1—a4†	Ф c7—c6	27.	Ф a3—e7†*f*)	Кр d7—c6
4.	c2—c3	Ф d8—d7*a*)	16.	Ф a4 : b4*c*)	a7—a5	28.	Ф e7 : e6†	Кр c6—b5
5.	К g1—f3	К c6—d8	17.	Ф b4—a3	a5—a4	29.	Ф e6 : d5†	Кр b5—a6
6.	С f1—d3	c7—c5	18.	К f3—g5	Л a8—a6*d*)	30.	g2—g3	b3—b2
7.	0—0	К d8—f7	19.	b2—b3*e*)	a4 : b3	31.	Ф d5—a2†	Кр a6—b6
8.	С d3—c2	g7—g6	20.	Ф a3—b2	К f7 : g5	32.	Ф a2—e6†*g*)	Кр b6—a7
9.	С c1—e3	Ф d7—c7	21.	С e3 : g5	К h6—f7	33.	Ф e6—a2†	Кр a7—b8
10.	С c2—a4†*b*)	С c8—d7	22.	С g5—f6	Л h8—a8	34.	Ф a2 : f7*h*)	b2—b1Ф†
11.	С a4 : d7†	Кр e8 : d7	23.	a2 : b3	Л a6 : a1†	35.	Кр g1—g2	Ф b1—e4†
12.	К b1—a3	c5—c4	24.	Л f1 : a1	Л a8 : a1		Бѣлые сдались.	

Примѣчанія М. И. Чигорина

a) Коль скоро бѣлые подвинутъ пѣшку на e5, а черные, не выводя ферзеваго слона на f5, отвѣтятъ e7—e6, то кажется только ходъ ферземъ на d7, въ связи съ слѣдующимъ К c6—d8, освобождающимъ пѣшку c7 для движенія на c5, даетъ въ этомъ дебютѣ нѣкоторый шансъ на контръ-атаку дающему впередъ пѣшку и ходъ. Кромѣ того, у черныхъ оказываются средства ослабить атаку бѣлыхъ послѣ С f1—d3 съ угрозой Ф d1—h5† и т. д.

b) Мы полагаемъ, что бѣлые дѣлаютъ „стратегическую“ ошибку, какъ сказалъ бы Стейницъ, вынуждая черныхъ, съ обмѣномъ слоновъ, лишиться рокировки. „Король есть сильная фигура“ даже и въ началѣ партіи, говоритъ Стейницъ Съ этимъ опредѣленіемъ, примѣняясь къ данному случаю, нельзя не согласиться. Королевскій слонъ бѣлыхъ могъ оказать при атакѣ значительныя услуги, и во всякомъ случаѣ большія, чѣмъ ферзевый слонъ черныхъ при защитѣ. Бѣлые могутъ намѣтить тотъ или другой планъ игры; указать же наилучшій очень трудно. Ходъ 10. Ф d1—e2 вынуждалъ бы черныхъ защищать пѣшку c5 пѣшкой b7 на b6; въ противномъ случаѣ бѣлые угрожали (напримѣръ, на 10... К g8—h6): 11. d4 : c5, С f8 : c5; 12. С e3 : c5, Ф c7 : c5; 13. К f3—d4; у бѣлыхъ превосходное положеніе; на 13... 0—0 могло бы послѣдовать 14. К b1—d2, К h6—f5; 15. К d2—b3 и т. д.; если же 13... К h6—f5, то 14. С c2—a4†, С c8—d7 (?), К d4 : e6 и т. д.

c) Послѣ 16. Ф a6 : c6†, Кр d7 : c6; 17. c3 : b4, a7—a5 и т. д. можно предположить, что партія вѣроятнѣе всего окончилась бы ничьей; у бѣлыхъ почти нѣтъ никакихъ основаній для того, чтобы при данномъ расположеніи пѣшекъ воспользоваться лишней, имѣющейся у нихъ.

d) Черные имѣли въ виду. во-первыхъ, освободить коня h6, сыгравъ королемъ на e8 (если тотчасъ же 18... Кр d7—e8, то 19. b2—b3, — ладья a8 безъ защиты), во-вторыхъ, предупреждался ходъ b2—b3, который, какъ видно изъ продолженія, повелъ къ проигрышу партіи.

e) Конечно ошибочный разсчетъ; бѣлые предполагали создать для черныхъ опасность отъ угрозы выиграть коня f7 (см. 26-й ходъ бѣлыхъ). По окончаніи партіи разсматривались разные ходы; пришлось убѣдиться, что, благодаря положенію своего ферзя, бѣлые должны заботиться только о томъ, чтобы свести игру на ничью.

f) Если тотчасъ же 27. g2—g3 или h2—h3, то продолженіе почти не измѣнилось бы послѣ Кр d7—c6.

g) Интересно, что при ходѣ 32. e5—e6 черные не могли бы тотчасъ же провести пѣшку въ ферзя: 32... Ф c3—c1†, и 33... b2—b1 Ф; тогда 34. Ф a2 : b1, Ф c1 : b1; 35. e6 : f7, Ф b1—e4†; 36. Кр g2—g1!, Ф e4—e1†; 37. Кр g1—g2, Ф e1—b4 (?); 38. С f6—g7 и бѣлые выигрываютъ. Черные, однако, выиграли бы партію сыгравъ предварительно: 32... Ф c3—e1†, 33. Кр g1—g2, Ф e1—e4, а затѣмъ 34... b2—b1 Ф; въ этомъ случаѣ черные задержали бы пѣшку f7, какъ усмотрятъ сами читатели.

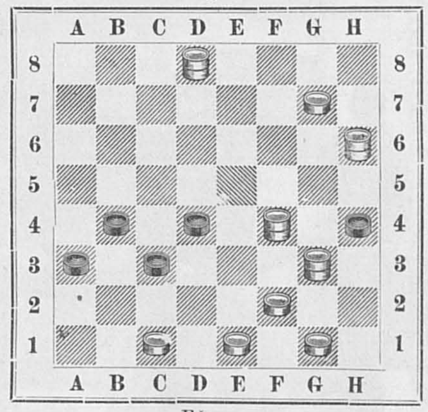
h) И послѣ 34. Кр g1—g2, Ф c3—c2 бѣлые, очевидно, должны проиграть.

Примѣчанія къ партіи № 1025, помѣщенной въ прошломъ нумерѣ, были также М. И. Чигорина.

ШАШКИ

ЗАДАЧА № 31
М. А. Апосова (въ Кіевѣ)
2-й призъ конкурса задачъ „Шахматнаго Обозрѣнія“

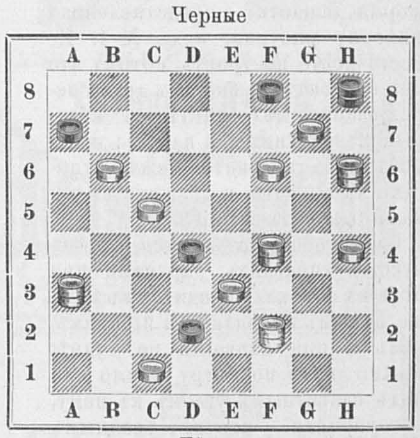
Черные



Бѣлые
Запереть дамку

ЗАДАЧА № 32
Н. П. Смирнова (въ Москвѣ)
Почетный отзывъ на томъ конкурсѣ

Черные



Бѣлые
Бѣлые запираютъ свою простую

РѢШЕНІЯ ЗАДАЧЪ въ № 1248

№ 23. *Ф. М. Уткина* (въ Муромѣ). 1. h6—f4, c1 : d8 (или 1... f8 : h6); 2. h2—g1, f8 : h6; 3. e5—f6, d8 : g5; 4. h4 : a5, h6—g5; 5. d6—c5, g5—h4 (если 5... g5—f4, то 6. f2—g3); 6. f2—e3, h4—g3; 7. c5—d4 и 8. a5—e1.

№ 24. *Н. П. Смирнова* (въ Москвѣ). 1. c5—b6, a5 : c7; 2. h4—f2, f6 : h4; 3. h2—g3, d8 : a3; 4. c3—b4, a3 : g1; 5. a7—b8 и 6. b8 : h2.

Задача № 23 имѣетъ, къ сожалѣнію, второе рѣшеніе, найденное Н. П. Смирновымъ (въ Москвѣ) и Н. И. Раллеромъ (въ Новочеркаскѣ):

1. h2—f4, c1 : d8; 2. e5—f6, d8 : g5; 3. h6 : a7, f8 : h6; 4. h4—g3, h6—g5; 5. d6—e5, g5—f4; 6. e5—b8, f4 : h2; 7. b8—g3 (или 7. a7—e3 и 8. b8—h2, запирая дамку) h2 : f4; 8. f2—g3 и 9. a7—g1.

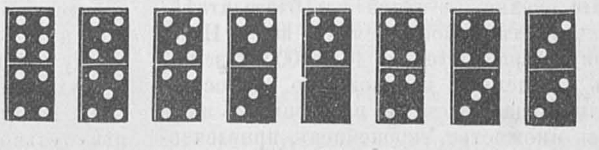
Приводимъ здѣсь также и второе рѣшеніе задачи № 19, Ф. М. Уткина, указанное Н. П. Смирновымъ, и которое мы не могли по независящимъ отъ насъ причинамъ помѣстить въ № 1253 „Вс. Илл.“, давая авторское рѣшеніе этой задачи: 1: h6—g7, f6 : h8; 2. h4 : b6, a5 : c7; 3. c5 b6, c7 : a5; 4. b2—a1, e5 : b2; 5. a1 : g3!, h8—g7 (*a*); 6. f8 : h6, a5—b4; 7. d2—e3, b4—c3 (или 7... b4—a3); 8. c1—d2, c3—b2; 9. d2—c3, b2 : h4; 10. h6—e3, h4—g3; 11. e3—f2 и 12. f2—g1.

a) 5... a5—b4; 6. f8 : a3, h8—g7; 7. g3—f4, g7—f6 (если 7... g7—h6, то 8. f4—g3, h6—g5; 9. g3—f2 и затѣмъ 10. f2—e3, 11. e3—f2 и 12. f2—g1); 8. f4—g5, f6 : h4; 9. a3—c5, h4—g3; 10. c5—f2 и 11. f2—g1.

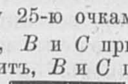
Задача въ домино № 6

Играютъ партію трое безъ прикупа. Каждый изъ играющихъ беретъ 8 камней и въ прикупѣ остаются 4 камня.

A имѣетъ:



Онъ выставляетъ и выигрываетъ игру 25-ю очками, т. е. отъ *B* 5, отъ *C* 20.

Ходъ игры слѣдующій: *A* выставляетъ, *B* и *C* приставляютъ, *A* ставитъ, затѣмъ *B* и *C*; *A* ставитъ, затѣмъ *B* и *C*; *A* ставитъ, *B* и *C* пассъ; *A* ставитъ, *B* и *C* пасъ; *A* ставитъ, затѣмъ *B* и *C*; *A* кончаетъ съ 

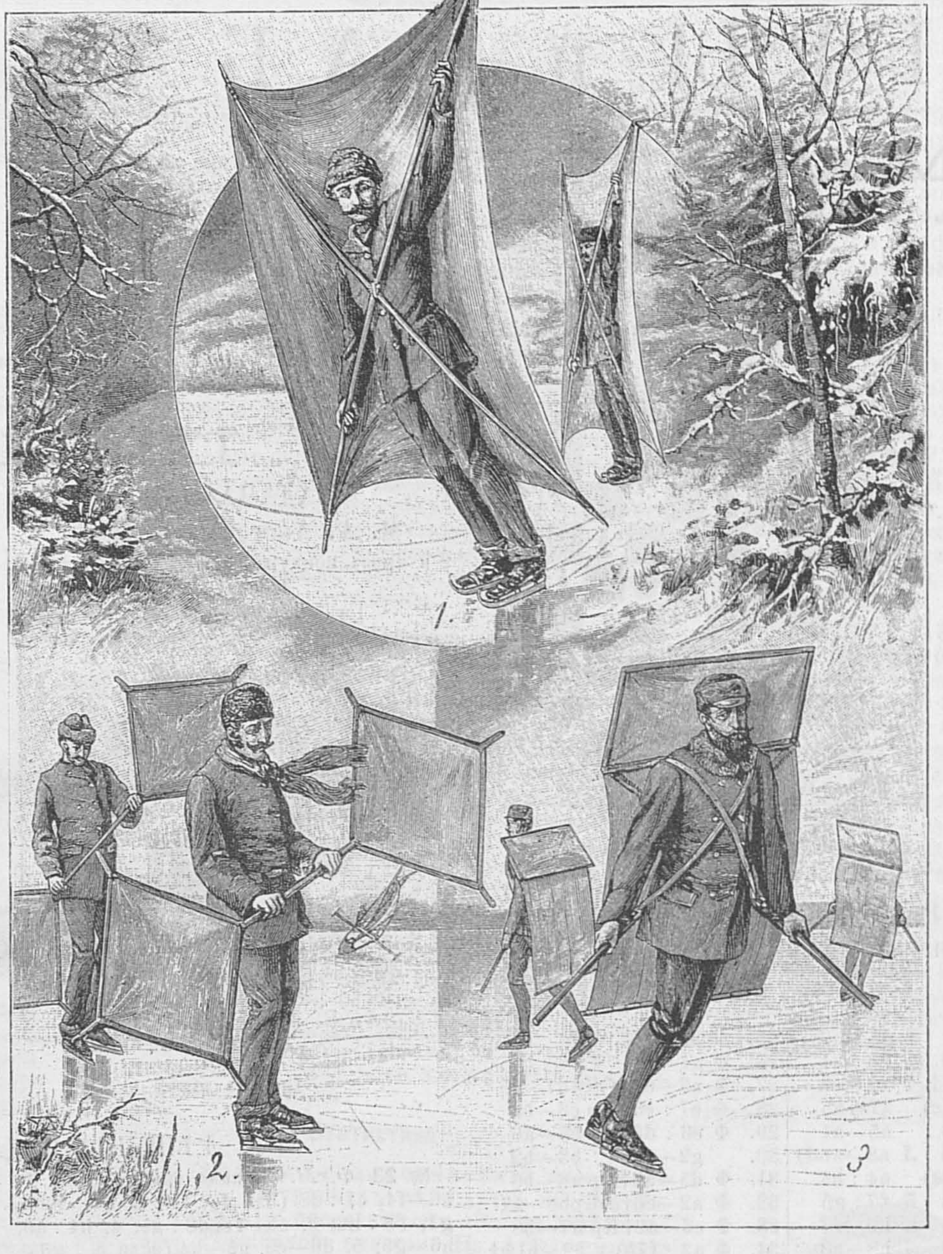
Рѣшить: какъ расположены камни, какіе въ талонѣ и какой ходъ игры?

Бѣгъ на конькахъ подъ парусомъ

Этотъ новый, интересный родъ спорта очевидно выродился изъ буера. Буеръ — снарядъ хорошо извѣстный многимъ жителямъ Петербурга и всѣмъ безъ исключенія кронштадтцамъ; онъ состоитъ изъ тяжелой трехугольной рамы, которая быстро скользитъ по льду и снѣгу, подгоняемая вѣтромъ, дѣйствующимъ на парусъ, поставленный на укрѣпленной къ буеру мачтѣ; сзади прилажено нѣчто вродѣ руля, чтобъ „держать курсъ" куда требуется. Зимою по Финскому заливу, особенно между Кронштадтомъ и Петербургомъ, то и дѣло мелькаютъ буера. Бѣгъ на конькахъ подъ парусомъ представляетъ въ миніатюрѣ бѣгъ на буерѣ: конькобѣжецъ изображаетъ своими двумя ногами раму буера, а вверху держитъ парусъ и несется по вѣтру, измѣняя свой курсъ усиліями ногъ и лавировкою парусомъ. На нашихъ рисункахъ представлены ходячія формы парусной оснастки для конькобѣжцевъ. На фиг. 3 изображена первоначальная, самая старая, оснастка; она состоитъ изъ двухъ бамбуковыхъ мачтъ, скрещенныхъ между собою и скрѣпленныхъ въ мѣстѣ скрещиванія; къ этимъ мачтамъ прилажены двѣ реи, между которыми и устанавливается парусъ. Въ случаѣ слабаго вѣтра можно приставлять еще добавочный парусъ, который при усилившемся вѣтрѣ можетъ быть тотчасъ снятъ. Весь снарядъ прикрѣпляется къ конькобѣжцу прочными ремнями.

На фиг. 2 показана другая, менѣе употребительная, форма парусной оснастки для конькобѣжцевъ. Она состоитъ изъ двухъ легкихъ рамъ, посаженныхъ на бамбуковую скрѣпу; на рамахъ натянуты паруса изъ легкой ткани. Въ этомъ снарядѣ слишкомъ мала поверхность парусовъ, такъ что на значительную быстроту движенія съ нимъ нельзя разсчитывать. Гораздо успѣшнѣе работаетъ третья форма оснастки, представленная наверху рисунка, подъ № 1. Ее всего легче построить, потому что она состоитъ только изъ двухъ перекрещенныхъ штангъ, на которыя и натягивается парусъ; конькобѣжецъ становится между штангами и парусомъ и держитъ въ рукахъ одну изъ штангъ.

Само собою разумѣется, что искусство управлять парусами при бѣгѣ на конькахъ сводится къ тѣмъ же самымъ правиламъ и пріемамъ, какъ и при плаваніи на суднѣ: можно идти по вѣтру прямо или подъ извѣстнымъ угломъ къ нему, поворачивая соотвѣтственнымъ образомъ парусъ. Лавировка противъ вѣтра, конечно, для конькобѣжца затруднительнѣе, чѣмъ для судна, имѣющаго въ водѣ болѣе солидную точку опоры, чѣмъ человѣкъ на своихъ скользкихъ полозьяхъ; но это-то и вызываетъ энергію любительскихъ стараній: что трудно, то и лестно преодолѣть. Опытный конькобѣжецъ съ парусами въ хорошій вѣтеръ легко можетъ достигнуть скорости до 20—30 верстъ въ часъ. Не умѣющему слѣдуетъ, конечно, начинать упражненія при самомъ слабомъ вѣтрѣ, ибо сильное движеніе воздуха можетъ сообщить ему такое кувырканіе, которое сразу отшибетъ и бока, и охоту къ дальнѣйшему усовершенствованію въ этомъ спортѣ.



Спортъ. — Бѣгъ на конькахъ подъ парусомъ.

Съ натуры рисовалъ Р. Штарке.

Гавайскіе острова

Въ настоящее время маленькая группа Гавайскихъ острововъ (болѣе извѣстныхъ у насъ подъ именемъ Сандвичевыхъ) привлекла къ себѣ всеобщее вниманіе, благодаря вспыхнувшей тамъ междоусобицѣ. Этотъ архипелагъ расположенъ въ сѣверной части Великаго океана, въ одной изъ благодатнѣйшихъ климатическихъ полосъ земнаго шара. Населеніе острововъ возрасло теперь до 90.000; туземцы принадлежатъ къ племени канаковъ, но не составляютъ исключительнаго элемента населенія; къ нимъ присоединилось множество европейцевъ, привлеченныхъ сюда безподобнымъ, вѣчно весеннимъ, климатомъ и необычайнымъ плодородіемъ почвы. Сюда переселилось много американцевъ, быстро придавшихъ всему архипелагу, а въ особенности столицѣ его, Гонолулу, чисто европейскій видъ, со всѣми внѣшними утонченностями нынѣшней культуры. Гонолулу по всѣмъ направленіямъ перекрещенъ линіями конножелѣзной дороги, залитъ электрическимъ свѣтомъ, дома связаны телефонною сѣтью. Улица Королевы и другія, прилегающія къ порту, представляютъ торговый центръ столицы, отличающійся самою кипучею дѣятельностью.

Форма правленія на Гавайскихъ островахъ конституціонная монархическая; государствомъ управляетъ королева Лиліуокалани, бывшая замужемъ за американцемъ Доминисомъ и потомъ овдовѣвшая; ей теперь пятьдесятъ два года. Королева — высокая статная женщина съ нѣсколько рѣзкими, но правильными чертами лица. Она получила прекрасное воспитаніе, бѣгло говоритъ по англійски и хотя сама каначка до мозга костей, но хорошо сознаетъ необходимость и пользу для своей страны въ подчиненіи всѣмъ внѣшнимъ условіямъ европейской культуры. У королевы нѣтъ дѣтей, и престолъ долженъ перейти къ ея племянницѣ, принцессѣ Каіулани, семнадцатилѣтней дѣвушкѣ, полубѣлой, красивой и элегантной особѣ, вполнѣ усвоившей европейское воспитаніе, которое она въ настоящее время заканчиваетъ въ Англіи.

Сообщеніе между столицею и сосѣдними островами, гдѣ по преимуществу сосредоточиваются богатѣйшія плантаціи, поддерживается небольшими пароходами, могущими подходить къ самому берегу; мѣстами выгрузка и нагрузка крайне затруднительны и опасны: съ высокаго берега подаютъ на шлюпку канатъ, которымъ и втаскиваютъ наверхъ пассажировъ и кладь.

Нынѣшнее гавайское королевство было основано такъ быстро, что его исторія представляетъ какую-то пеструю смѣсь прошедшаго съ настоящимъ; старое и новое перекрещиваются и переплетаются между собою, никакъ не желая, а можетъ быть и не будучи въ состояніи, уступить мѣсто одно другому. Въ столицѣ можно встрѣтить дворцы и отели, рѣшительно не уступающіе утонченнѣйшимъ европейскимъ жилищамъ, а между тѣмъ во время народныхъ празднествъ и торжествъ старая канацкая мѣстная „культура" выступаетъ со всѣми своими прадѣдовскими чертами и особенностями. Туземныя амазонки цѣлыми кавалькадами появляются передъ дворцомъ королевы, сидя верхомъ по мужски, и здѣсь продѣлываютъ въ присутствіи королевы свои фантастическія эволюціи. Амазонки задрапировываютъ верхнюю половину тѣла кисеею, усѣянною пестрыми цвѣтами; отъ пояса идетъ длинная одежда, изъ одного куска какой нибудь очень яркой ткани; эта длинная одежда виситъ до земли, а во время галопа лошади развѣвается по вѣтру. По вечерамъ, въ дни народныхъ празднествъ, толпы туземцевъ собираются смотрѣть на танцовщицъ *гула-гула*. Этотъ танецъ исполняется молодыми дѣвушками, одѣтыми въ розовыя и голубыя платья. Танцовщицы становятся въ рядъ; всѣ онѣ босыя, и ихъ юныя головки разукрашены цвѣтами; гирлянды цвѣтовъ обернуты также вокругъ шеи, около кистей рукъ и около ногъ. Какая нибудь старуха садится передъ танцорками и отбиваетъ тактъ въ огромную тыкву. Танцорки поютъ все одну и ту же фразу и сопровождаютъ пѣніе однообразными движеніями сначала головы и рукъ, потомъ верхней части тѣла; мало по малу въ усиливающемся движеніи принимаютъ участіе и ноги, выплясывая что-то вродѣ англійской джиги.

Эти кавалькады амазонокъ, танцы и пѣсни завѣтной старины остаются въ настоящее время единственными памятниками былаго у канаковъ. Нынѣшніе гавайцы сохраняютъ, въ качествѣ простыхъ статуэтокъ, своихъ старыхъ боговъ, которымъ поклонялось все населеніе какихъ нибудь 50—60 лѣтъ тому назадъ. Древніе канаки жили въ шалашахъ изъ древесныхъ листьевъ, а теперь самыя бѣдныя семьи живутъ въ деревянныхъ домикахъ. Около Гонолулу тщательно охраняется отъ разрушенія одно изъ древнихъ туземныхъ жилищъ, какъ интересный историческій памятникъ; все оно сооружено изъ древесныхъ стволовъ и вѣтвей безъ единаго гвоздя. Туземный типъ остается въ своемъ прежнемъ видѣ; между мужчинами часто еще встрѣчаются стройные колоссы бронзоваго цвѣта, а молодыя женщины щеголяютъ своими чудными черными густыми волосами и прекрасными глазами.

Новости печати

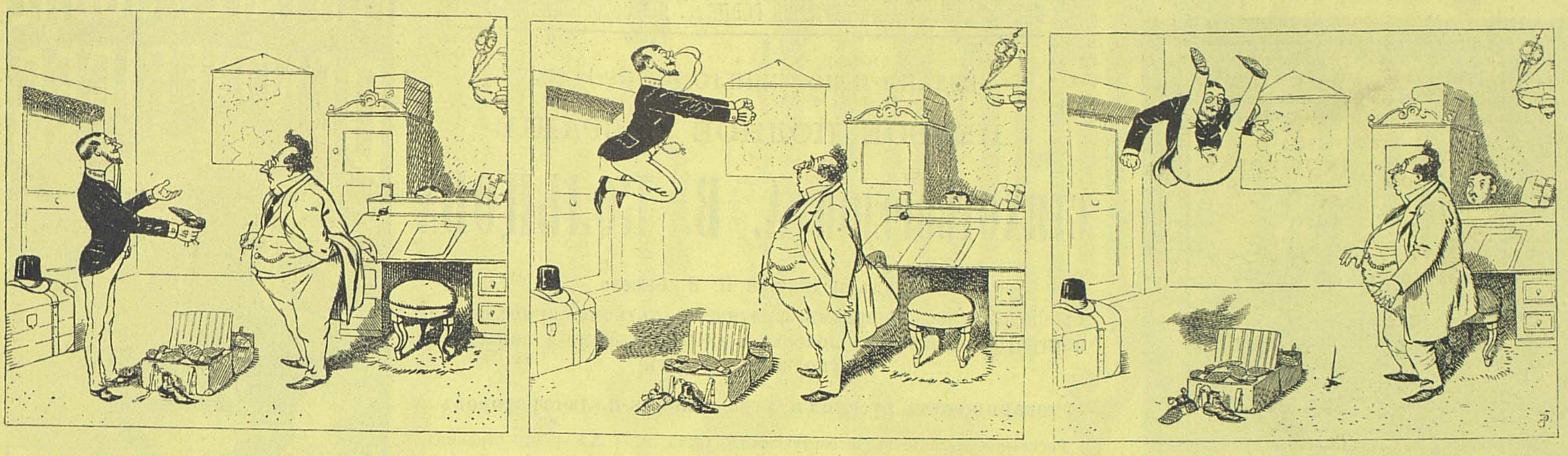
Записки Іосафа Горленка, епископа бѣлгородскаго, и старинныя замѣтки о родѣ Горленковъ. Сообщеніе *В. П. Горленко*. Кіевъ. 1892.

Эти записки, выпускаемыя нынѣ въ свѣтъ В. П. Горленко, трудолюбивымъ нашимъ библіографомъ и археологомъ, найдены имъ въ фамильныхъ бумагахъ. Онѣ представляютъ одно изъ произведеній того типа, который нерѣдко встрѣчался въ южной Россіи въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, произведеній литературно обработанныхъ, но не печатавшихся, а переписывавшихся тѣми, кто прочитывалъ ихъ и находилъ въ нихъ интересъ. Въ составъ рукописи входятъ два сочиненія; одно изъ нихъ краткія подлинныя записки самого Іосафа Горленка подъ заглавіемъ „Путешествіе въ свѣтѣ семъ грѣшника Іосафа, игумена мгорскаго", и замѣтки о родѣ Горленковъ какого-то анонимнаго автора. Епископъ Іосафъ Горленко — личность выдающаяся въ исторіи Малороссіи; онъ оставилъ по себѣ глубокій слѣдъ въ Слободской Украйнѣ. Онъ прославился какъ ревнитель чистоты церковныхъ уставовъ и жизни духовенства и не останавливался для исправленія той и другой ни передъ какими суровыми мѣрами. Въ своей личной жизни онъ являлъ примѣръ подвижничества и самоотреченія; все свое состояніе и всѣ доходы онъ раздавалъ неимущимъ, и въ день кончины этого крупнаго духовнаго сановника, внука гетмана, епископа громадной въ то время бѣлгородской епархіи, у него оказалось всего 70 копѣекъ наличныхъ денегъ. Епископъ Іосафъ Горленко извѣстенъ какъ авторъ діалога, озаглавленнаго „Брань честныхъ седми добродѣтелей 3 седми грѣхами смертными, въ человѣцѣ путнику резидуючая". Рукопись этого діалога, вошедшаго въ лежащую передъ нами брошюру, находится въ библіотекѣ кіевскаго церковно-археологическаго музея. Не сомнѣваемся, что эта книжка, представляющая немалый бытовой и историческій интересъ, будетъ съ любопытствомъ прочтена любителями и почитателями отечественной старины.

М. О.

Дозв. цензурою. СПб. 18-го февраля 1893 г. Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

КОМИ-ВОЯЖЕРЪ КОНЦА ВѢКА.



— Извольте взглянуть на эти ботинки съ эластическими патентованными подошвами. Это самая удобнѣйшая вещь, какую только можно себѣ представить. Походка ваша пріобрѣтаетъ эластичность, и при ходьбѣ на такихъ подошвахъ вы не чувствуете усталости. Я самъ ихъ ношу; мои подошвы до того эластичны, что

стоитъ сдѣлать вотъ такой прыжокъ, и вы воспарите на столько высоко, что...

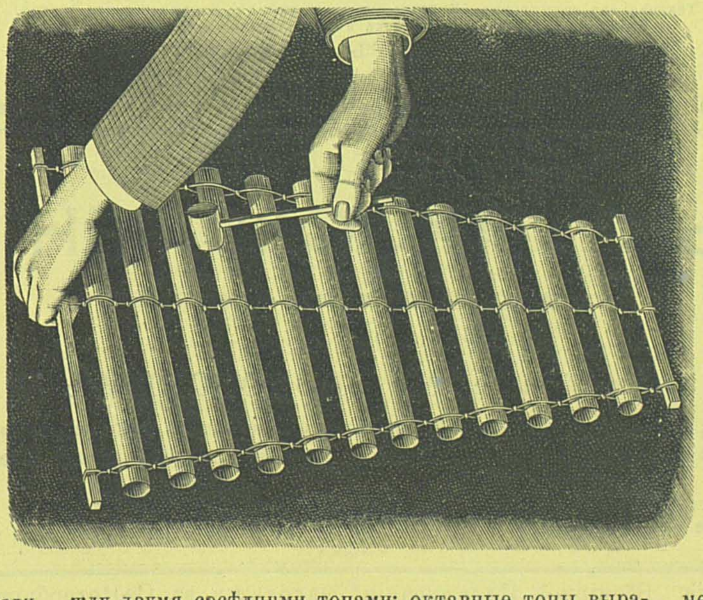
затѣмъ вы будете уже кувыркаться въ воздухѣ и не скоро вернетесь на землю.

Тубофонъ, новый музыкальный инструментъ

Возьмите восемь картонныхъ трубокъ одинаковаго поперечника, напр. хоть въ родѣ тѣхъ, въ которыхъ часто пересылаются преміи къ иллюстрированнымъ изданіямъ, или сдѣлайте подобныя же трубки сами, домашними средствами. Эти трубки могутъ послужить матеріаломъ для любопытнаго музыкальнаго инструмента. Одну изъ нихъ оставьте такъ, какъ она есть; это будетъ труба основнаго тона, положимъ, для примѣра, *до*; другую трубку разрѣжьте ровно пополамъ (предполагаемъ, что всѣ ваши трубки одинаковы по длинѣ); она будетъ представлять тонъ октавою выше перваго, основнаго, т. е. верхнее *до*; остальнымъ шести трубкамъ вы дайте длину, выражаемую относительными цифрами музыкальной гаммы, т. е.:

1	8/9	4/5	3/4	2/3	3/5	8/15	1/2
до	**ре**	**ми**	**фа**	**соль**	**ля**	**си**	**До**

Положимъ, что самая длинная ваша трубка (нижнее *до*) будетъ длиною въ 43 сантиметра, тогда трубка *ре* должна имѣть длину въ 38,25 сантиметровъ, *ми* — 34,4, *фа* — 32,25, *соль* — 28,5, *ля* — 25,8, *си* — 23, *до* верхнее — 21,5 и т. д. Если захотите получить полутоны — возьмите среднее между двумя сосѣдними тонами; октавные тоны выразятся трубками половинной длины. Такимъ образомъ



можно составить хоть цѣлый органный наборъ въ двѣ, три, четыре октавы. Конечно, принявъ въ разсчетъ нѣкоторую неправильность діаметра трубъ, слѣдуетъ ожидать, что одною только регулировкою длины ихъ вы еще не достигнете въ точности желаемаго тона, а потому при обрѣзкѣ надо руководиться и слухомъ. Заготовивши рядъ трубокъ, вамъ останется только связать ихъ такъ, какъ показано на нашемъ рисункѣ, шелковыми нитками; одну изъ нихъ проведите по серединѣ, двѣ другія по краямъ трубокъ. По оконечностямъ полученнаго ряда трубокъ привяжите деревянныя планочки, напр. хоть линейки, и на каждой трубкѣ надпишите соотвѣтствующую ей ноту. Потомъ устройте родъ молоточка изъ пробки, въ которую въ видѣ ручки вставлена деревянная палочка, если хотите такая же деревянная линейка. Теперь положите вашъ тубофонъ на столъ съ глухимъ ящикомъ или держите его въ рукахъ и ударяйте по трубкамъ молоточкомъ; трубки будутъ издавать не богъ вѣсть какой сильный, но все же правильный музыкальный звукъ. Если затѣя вамъ понравится, сдѣлайте новый инструментъ, болѣе тщательно исполненный и болѣе обширный по объему, напр. въ двѣ, три октавы.

Образецъ лицевой стороны и корешка покрышки въ уменьшенномъ видѣ.

Книгоиздательствомъ ГЕРМАНЪ ГОППЕ (С.-Петербургъ, Садовая, 22)

ИЗДАНО И ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СТИХОТВОРЕНІЙ А. В. КОЛЬЦОВА

подъ редакціей **П. В. Быкова**,

съ біографическ. очеркомъ, критическ. статьями, примѣчаніями, портретомъ, снимкомъ почерка и 39-ю рисунками и виньетками, исполненн. членами

товарищества русскихъ художниковъ-иллюстраторовъ.

Роскошное изданіе въ четвертую часть листа, 31 + XX + 140 страницъ.

Изъ общаго числа рисунковъ 10 воспроизведены въ страничномъ форматѣ въ гравюрахъ на деревѣ и отпечатаны на толстой альбомной бумагѣ.

Цѣна: въ бумажкѣ въ изящной обложкѣ, исполненной по рисунку *К. О. Брожа*, 1 руб., съ пересылкой 1 руб. 25 коп.; въ роскошномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ 2 руб., съ пересылкой 2 руб. 50 коп.

EAU, PÂTE, POUDRE

DENTIFRICES

DOCTEUR PIERRE

DE LA FACULTÉ DE MEDECINE DE PARIS

EN VENTE PARTOUT

ПАРФЮМЕРІИ AUX

VIOLETTES DE PARME

ED. PINAUD

Мыло .... AUX VIOLETTES DE PARME
Эссенціи для платковъ.. AUX VIOLETTES DE PARME
Туалетная вода .... AUX VIOLETTES DE PARME
Помада ...... AUX VIOLETTES DE PARME
Масло ...... AUX VIOLETTES DE PARME
Рисовая пудра AUX VIOLETTES DE PARME
Косметикъ.. AUX VIOLETTES DE PARME

37, boulevard de Strasbourg, Paris.

GRAND PRIX

EXPOSITION-PARIS 1889

Pastilles de

TAMAR INDIEN GRILLON

Exiger sur chaque boite la signature

E. Grillon

Chez tous les droguistes et pharmaciens.

Paris E. GRILLON, 27, rue Rambuteau.

!ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ!

ПРОВИЗОРА

Г. Ф. ЮРГЕНСЪ

БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО

ПРОТИВЪ ИЗЛИШНЕЙ ПОТЛИВОСТИ и ДЕЗОДОРИРУЮЩЕЕ

БЛАГОВОННОЕ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.

1/1 КУС. 50 к. 1/2 КУС. 30 к.

Главный складъ для всей Россіи у К. И. Феррейнъ, въ Москвѣ.

РЕСТОРАНЪ Ю. ЛОМАЧА,

Садовая, уголъ Невскаго, 14—52.

ЗАВТРАКЪ

отъ 11 час. утра до 3 час. пополудни, по 75 коп., изъ двухъ блюдъ на выборъ.

ОБѢДЪ

отъ 3 до 8 часовъ, по 1 руб., изъ 4-хъ блюдъ на выборъ.

УЖИНЪ

отъ 10 час. вечера, изъ 3-хъ блюдъ, 1 руб.

РЕДАКТОРЪ. Повѣсть I. В. Видмана въ 8 д. листа 4 печатн. листа. Цѣна 40 коп., съ пересылкою 55 коп. Изданіе книгоиздательства ГЕРМАНЪ ГОППЕ.

Leichner's Fettpuder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Цѣна коробки 1 рубль.

Пудра для дня и вечера, незамѣтная на кожѣ. Косметическое средство для улучшенія красоты кожи.

Театральная гримировка. Жирныя румяна и бѣлила. Карандаши для бровей.

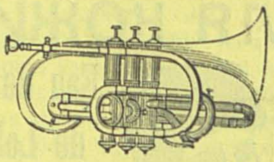
Имѣются во всѣхъ косметическихъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Л. ЛЕЙХНЕРЪ въ Берлинѣ,

поставщикъ бельгійскихъ императорскихъ театровъ.

Главный складъ для всей Россіи: В. **АУРИХЪ, Колокольная, 18—19,** С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА



КОРНЕТЫ-А-ПИСТОНЪ

по 12, 15, 22, 25, 35, 50, 60, 75, 90, 100, 150 и 250 руб.

Школа-самоучитель 1½ и 2½ руб.

Охотничьи рожки по 3, 5, 6, 8, 12 и 15 руб.

ФЛЕЙТЫ

по 2, 4, 6, 9, 15, 20, 30, 40, 50, 60, 75, 85, 120 и 160 руб.

От 60 руб. и дороже собственной фабрики.

Школа-самоучитель по 1½ и 2½ руб.

КЛАРНЕТЫ

по 6, 10, 15, 20, 25, 35, 45, 60 и 75 руб.

Отъ 45 руб. и дороже собственной фабрики.

Школа-самоучитель по 2½ и 4 р.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ и каталогъ нотъ высылаются безплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ

ЦИММЕРМАНЪ,

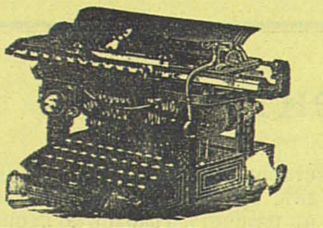
ГЛАВНОЕ ДЕПО

МУЗЫКАЛЬНЫХЪ

инструментовъ и нотъ:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Б. Морская, № 34 и 40; МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, д. Захарьина.

ПИШУЩАЯ МАШИНА



„РЕМИНГТОНА“ № 5,

„новѣйшая изъ всѣхъ существующихъ системъ“,

признана лучшей въ свѣтѣ. Сотни въ употребленіи во всѣхъ министерствахъ и проч. правительственныхъ учрежденіяхъ. Общій сбытъ 100.000 штукъ.

Каталоги и отзывы правительства безплатно.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

Ж. БЛОКЪ:

Москва, С.-Петербургъ, Варшава, Одесса, Екатеринбургъ и Кокандъ.

ЭФЕДРА (трава „Кузьмича“).

Высылаютъ по 1 руб. фунтъ безъ перес. Прилагается способъ употребленія. Безденежныя требованія травы адресовать заказными письмами. Адресъ: БУЗУЛУКЪ, Самарск. губерніи.

М. ЕЛИСТРАТОВУ, соб. домъ № 651.

РУКОВОДСТВО

КЪ СТИХОСЛОЖЕНІЮ

со словаремъ риѳмъ,

для преподаванія и самообученія,

составленное **М. БРОДОВСКИМЪ.**

Одобрено ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для основныхъ библіотекъ среднеучебныхъ заведеній и рекомендовано какъ внѣклассное пособіе.

Цѣна 80 коп., съ перес. 1 руб.

Изданіе книгоиздательства ГЕРМАНЪ ГОППЕ: С.-Петербургъ, Садовая ул., № 22.

УДОЧКИ

и всѣ вообще принадлежности для рыбной ловли получены изъ Англіи въ большомъ выборѣ въ магазинѣ

С. И. ДОЙНИКОВА

Невскій проспектъ, Милютинъ рядъ, домъ № 27. С.-Петербургъ.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ рыболовныхъ принадлежностей высылается — БЕЗПЛАТНО. —

№ 4711.

Жирная пудра, Рисовая пудра, Пудра Велютинъ

для кожи, лица и рукъ. Продаются почти во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ м-нахъ Россіи.

Главная контора и редакція „Всемірной Иллюстраціи“ находятся въ С.-Петербургѣ, на Садовой ул., № 22.

Въ Москвѣ отдѣленія конторы находятся: 1) при книжн. маг. А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, 15, и 2) при конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи.

Дозв. цензурою. СПБ. 18 февраля 1893 г. Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

25й годъ | № 1258 | 49й томъ

Суббота 27-го февраля 1893 г.

Цѣна нумеру 35 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки на годъ . **15** руб.
(при подпискѣ въ главной конторѣ редакціи).
Съ доставкою на годъ. . . . . **17** »

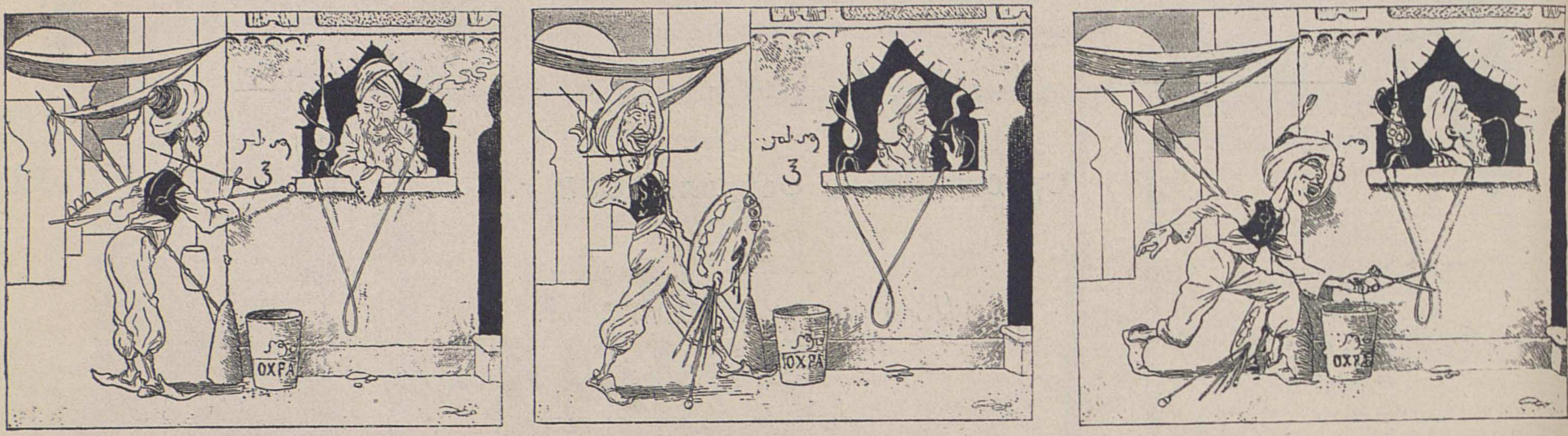
Въ Москвѣ безъ доставки на годъ . . . . . . **17** руб.
Съ пересылкою во всѣ города Россійской имперіи на годъ . . . . **18** »

Подписная цѣна на полгода съ доставкою и пересылкою . . . . **9** руб.
За границу (въ государства всемірнаго почтоваго союза) **20** руб.

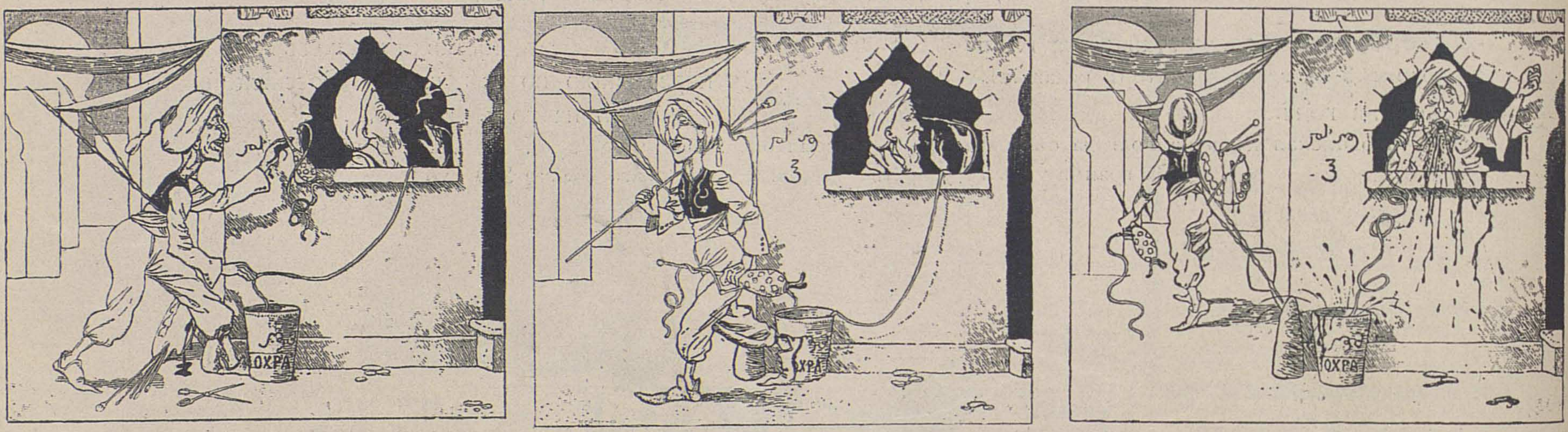
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Редакція и главная контора: Садовая ул. № 22.

ХУДОЖНИКЪ-ВИРТУОЗЪ ИЛИ КАЛЬЯНЪ И ОХРА.



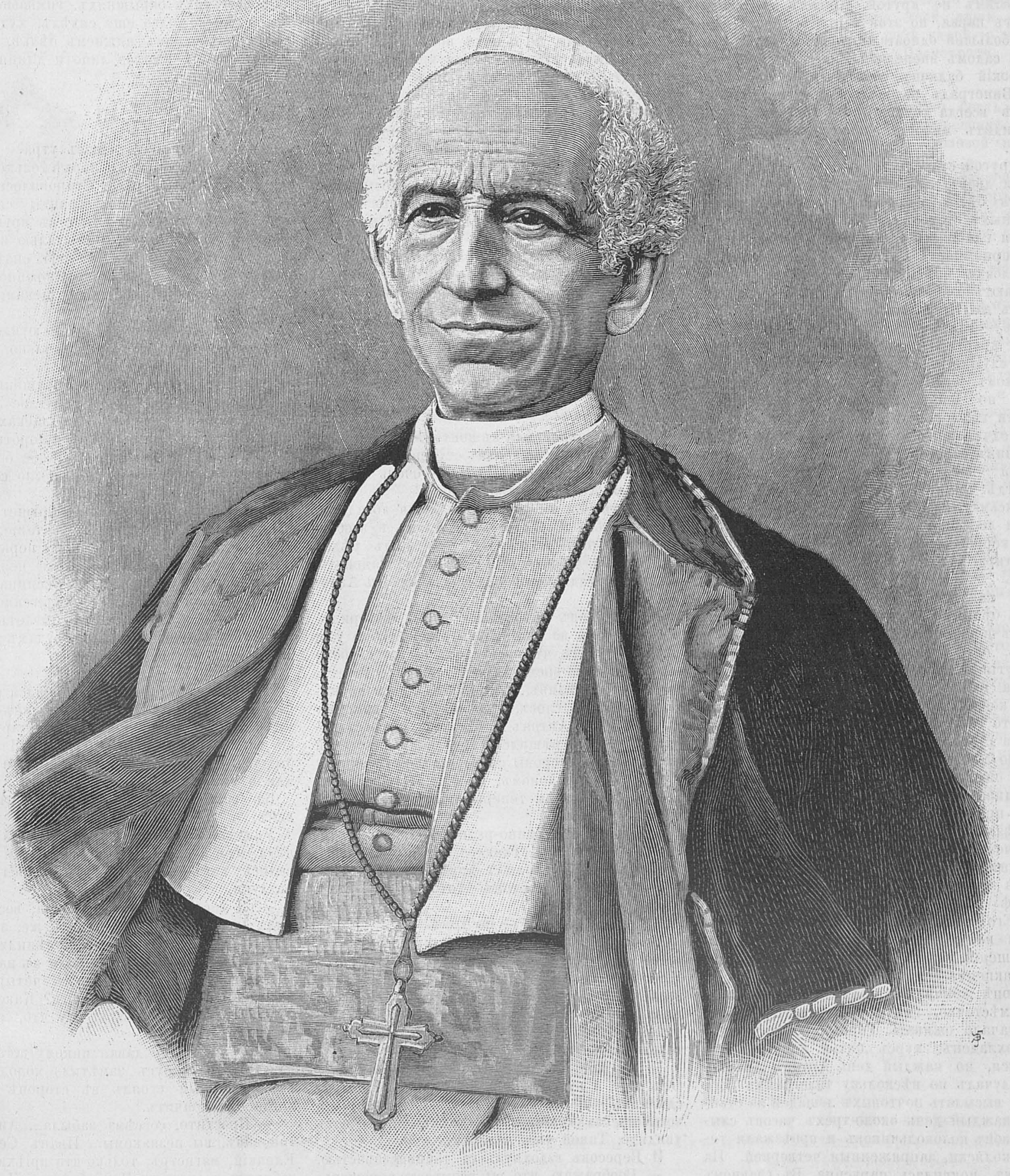
1. 2. 3.



4. 5. 6.

Всемірная Иллюстрація

№ 1258. Годъ XXV.] 27-го февраля 1893 г. [**Томъ XLIX. № 10.**



ПАПА ЛЕВЪ XIII.

По поводу пятидесятилѣтняго юбилея епископства.

При этомъ, 1258-мъ, нумерѣ гг. подписчикамъ »Всемірной Иллюстраціи« разсылается № 3 журнала **„ТРУДЪ“.**

СОДЕРЖАНІЕ № 3-го ЖУРНАЛА „ТРУДЪ“: I. Живое привидѣніе; посмертный разсказъ *Е. А. Бекетовой*. — II. Юность, какъ счастіе, мчится крылатая; стихотвореніе *К. М. Фофанова*. — III. Человѣческія страсти. I. Дружба; психологическій очеркъ *I. I. Ясинскаго*. — IV. Изъ Омара Хайяма (съ персидскаго); стихотворенія. IX—XIV. *В. Л. Величко*. — V. Двѣ красоты; новелла *Хозе Сельгаса*. Переводъ съ испанскаго *Ек. О. Уманецъ*. — VI. Нѣтъ, мнѣ не надо ни солнца, ни яркой лазури; стихотвореніе *М. А. Лохвицкой*. — VII. Нашъ грѣхъ; разсказъ *А. Е. Зарина*. — VIII. Спокойствіе; стихотвореніе *Д. С. Мережковскаго*. — IX. Лѣвши; очеркъ *Д. А. Корончевскаго*. — X. Спокойной ночи. Изъ Шелли; стихотвореніе *Ѳ. А. Червинскаго*. — XI. Ве детта; разсказъ *А. Дельвалле*. Переводъ *Н. А. Лухмановой*. — XII. Раду Глеван; романъ изъ жизни румынскаго общества *Марко Броцинера*. Часть первая. Гл. V—VI. Часть вторая. Гл. I—II. — XIII. Баловень счастья; романъ *Фридриха Шпильгагена* Переводъ съ нѣмецкаго *М. Н. Шелгунова*. Книга четвертая. — XIV. Новыя книги. — XV. Научныя новости. — XVI. Оглавленіе XVII тома „Труда“.

ГОЛУБОЕ НЕБО

Очеркъ

З. Н. ГИППУСЪ

I

За паркомъ дорога раздѣляется: одна идетъ правѣе и кончается мостомъ черезъ Куру, а другая, лѣвая, поднимается въ гору. Подъемъ совсѣмъ не крутой. Шагахъ въ пятидесяти отъ парка, по этой верхней дорогѣ, стоитъ небольшой одноэтажный домъ. Онъ почти скрытъ садомъ впереди.

Широкій балконъ обвитъ дикимъ виноградомъ. Виноградъ разросся такъ густо, что на балконѣ всегда темно. Впрочемъ, тамъ никто и не сидитъ никогда, черезъ балконъ только ходятъ.

Съ другой стороны домика — длинная галерея и дворъ, гдѣ въ одномъ углу лежатъ въ кучѣ бѣлыя фарфоровыя чашечки съ телеграфныхъ столбовъ. Эти чашечки вначалѣ кажутся слишкомъ большими, и только когда глазъ привыкнетъ къ нимъ — видишь, что и на столбахъ онѣ не меньше. По двору часто пробѣгаютъ озабоченные чиновники въ мундирахъ съ желтымъ кантомъ.

Здѣсь — главное почтово-телеграфное отдѣленіе и квартира начальника.

Всѣ служащіе были довольны своимъ начальникомъ. Требователенъ, но справедливъ, строгъ, но добръ. Молодой человѣкъ всего двадцати восьми лѣтъ, а порядокъ завелъ на диво. Подчиненный долженъ быть аккуратенъ— начальникъ самъ примѣръ показываетъ — въ пріемной чистота, а надъ небольшимъ окошкомъ, гдѣ принимаются телеграммы и заказныя письма, красиво сплетены изъ сухихъ травъ и листьевъ цифры, означающія время пріема корреспонденціи.

Квартира начальника состоитъ изъ трехъ комнатъ.

Одна изъ нихъ, зала, узкая и длинная, оклеена бѣлыми обоями. Это — парадная комната; въ ней стоитъ диванъ, столъ, нѣсколько креселъ, окна большія и выходятъ въ садъ. Двѣ другія комнаты гораздо меньше. Спальня устроена на восточный манеръ, по стѣнамъ висятъ ковры, халаты и оружіе, а на потолкѣ почему-то голубой фонарь. Въ маленькой столовой за столомъ господинъ начальникъ обыкновенно занимается.

Хотя онъ на Кавказѣ недавно, всего лѣтъ пять, однако знаетъ нѣсколько словъ по грузински, пріобрѣлъ черкеску и кинжалъ и отважно ѣздитъ верхомъ.

Впрочемъ, многіе находятъ, что онъ гораздо интереснѣе въ своемъ длинномъ форменномъ сюртукѣ съ желтыми кантиками, чѣмъ въ черкескѣ. Ужъ слишкомъ сѣверное у него лицо. Его зовутъ Антонъ Антоновичъ Зайцевъ, и по фамиліи онъ русскій, хотя въ произношеніи у него слышится изрядный нѣмецкій акцентъ.

Въ іюнѣ кончились экзамены въ городѣ, и дачное мѣстечко, гдѣ жилъ Антонъ Антоновичъ, начало оживать. Горный воздухъ былъ еще прохладенъ; курсъ питья водъ пока не начинался, но каждый день Антонъ Антоновичъ получалъ по нѣскольку телеграммъ. Его просили высылать почтовыхъ лошадей на станцію. И каждый день около трехъ часовъ слышался звонъ колокольчиковъ и проѣзжали тяжелыя коляски, запряженныя четверней. На балконахъ появилась парусина. Въ главномъ паркѣ источникъ, какъ всегда, убрали цвѣтами. Отворили библіотеку и ротонду. Появилась музыка.

Ожилъ и Антонъ Антоновичъ. Онъ ждалъ къ себѣ гостей—гимназистовъ старшаго класса, а можетъ быть и двухъ студентовъ. Студенты, тоже прежніе гимназисты, первый годъ провели въ одесскомъ университетѣ и съ радостью думали о лѣтѣ на родинѣ.

Антонъ Антоновичъ любилъ „молодежь“. Въ немъ, какъ онъ говорилъ самъ, много было „русской удали“ и „юношескаго жара“.

— Прокутить ночь съ товарищами или мчаться по крутизнѣ на бѣшеномъ конѣ — если это, конечно, не вредитъ исполненію долга — вотъ жизнь!

Были, впрочемъ, и другія слабости у Антона Антоновича, но о нихъ послѣ.

— Уши да губы—вся моя красота, сказалъ онъ разъ о себѣ, и точно уши и губы у него были очень красивы, только объ этомъ слѣдовало знать заранѣе, чтобы замѣтить красоту.

Антонъ Антоновичъ былъ средняго роста, худощавый и лѣтъ ему можно бы дать отъ двадцати до сорока. Весь онъ былъ розовый, только усы, бородка и короткіе волосы росли у него совершенно бѣлые, да и то при закатѣ солнца часто казались съ красноватымъ оттѣнкомъ.

На тоненькомъ носу у него всегда было дымчатое pince-nez, которое сильно сжимало переносье. Антонъ Антоновичъ любилъ толстыя сучковатыя палки, ходилъ быстро, никогда не унывалъ, но съ подчиненными былъ важенъ и не забывалъ ни на минуту, что онъ — господинъ начальникъ почты и телеграфа.

II

Всѣ — и чиновники въ конторѣ, и сосѣди, и даже пріѣхавшіе наконецъ студенты и гимназисты — знали, что это лѣто — очень важное лѣто для Антона Антоновича.

То есть они не то, что знали, а догадывались, потому что о своихъ дѣлахъ и вообще о себѣ Антонъ Антоновичъ сообщалъ рѣдко и неохотно. Другое дѣло — намеки. Намекать, говорить загадками очень любилъ Антонъ Антоновичъ.

И вотъ онъ нѣсколько разъ повторилъ, что если онъ на что нибудь рѣшится, то уже не перерѣшитъ, что поступаетъ всегда глубоко обдуманно, что время для него не существуетъ, ибо онъ терпѣливъ, настойчивъ и постояненъ. Кромѣ такихъ словъ, произносимыхъ загадочнымъ тономъ, Антонъ Антоновичъ на собственныя средства рѣшился пристроить къ своей квартирѣ, со стороны залы, еще одну комнату и даже съ балкономъ. Работы были начаты раннею весною и теперь уже близились къ концу.

Намеки, таинственно-радостный видъ Антона Антоновича, а, главное, пристройка комнаты, навели молодыхъ друзей его на очень простую мысль: Антонъ Антоновичъ хочетъ жениться!

Начались догадки — на комъ.

— Знаете, господа? сказалъ жирный гимназистъ Томидзе двумъ своимъ сожителямъ — одесскому студенту Марканову и другому гимназисту Вересову, когда они вечеромъ укладывались на сѣнѣ въ залѣ господина начальника. — Знаете? По моему онъ ужъ женатъ и только скрываетъ.

— Не ври глупостей, сказалъ Вересовъ. — Онъ еще и предложенія не дѣлалъ. А только сдѣлаетъ — и все будетъ, какъ онъ хочетъ, и возьметъ самую хорошенькую барышню — вотъ увидите. Такой ужъ человѣкъ.

И Вересовъ вздохнулъ съ тайной завистью.

— Воображаю, что вы называете хорошенькой барышней! немного презрительно возразилъ студентъ, закутываясь въ одѣяло. — Я ужъ здѣшнихъ и позабылъ совсѣмъ. А у насъ въ Одессѣ, знаете... вотъ это можно сказать барышни...

— Ну? проговорили оба гимназиста и повернулись къ Марканову.

Разговоръ перешелъ на интимную почву.

Въ дальнемъ углу залы, у стола, чуть освѣщаемый огаркомъ, сидѣлъ четвертый представитель „молодежи“, гимназистъ Ламме.

Ламме цѣлыя ночи просиживалъ и все сочинялъ стихи. Ни для кого не было тайной, что онъ влюбленъ, много лѣтъ въ одну, и ей одной посвящаетъ свои стихи. Наговорившись объ одесскихъ барышняхъ, гимназисты заснули, а Ламме долго еще сидѣлъ, худой и костлявый, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, и огарокъ освѣщалъ его унылое лицо и длинный, точно повисшій, носъ.

III

Было одиннадцать часовъ утра.

Музыка въ главномъ паркѣ только что кончилась. Аллеи пустѣли. Становилось жарко.

На скамейкѣ около веранды сидѣла дѣвушка лѣтъ двадцати двухъ въ круглой соломенной шляпѣ съ бѣлой вуалью и коричневомъ платьѣ. Рядомъ съ нею сидѣлъ молодой человѣкъ довольно обыкновенной наружности, съ немного впалыми щеками, хорошо одѣтый.

На самомъ краю скамейки ютился Ламме, ничего не говорилъ и пристально смотрѣлъ на свои собственныя ноги.

Дѣвушка тоже сидѣла съ опущенными глазами. У нея было розовое круглое личико съ небольшими веснушками на щекахъ; неправильный ротъ не портилъ ее, а короткій, вздернутый носъ придавалъ ей такое беззаботное выраженіе, что невозможно было себѣ представить печальнымъ это лицо.

Она казалась совершенной брюнеткой, только глаза были не черные, а такіе, что всякій, видѣвшій дѣвушку въ первый разъ, находилъ ихъ некрасивыми и непріятными. При черныхъ бровяхъ и рѣсницахъ глаза были неожиданно-свѣтлые, безъ всякаго цвѣта, странно-прозрачные. Такая бываетъ вода въ очень глубокихъ чистыхъ прудахъ въ тихую погоду.

Дѣвушку звали Людмилой.

— Знаете, я бы искренно боялся сдѣлаться вашимъ супругомъ, сказалъ какъ-то Людмилѣ одинъ очень любезный старичокъ. — Съ вашими глазами лгать легко. Я не умѣлъ бы узнать по нимъ — обманываете вы меня или нѣтъ.

Къ верандѣ приближался Антонъ Антоновичъ.

Увидѣвъ его, Людмила обрадовалась и вскочила, чтобъ идти на встрѣчу. Они поздоровались какъ хорошіе друзья послѣ долгой разлуки.

— Я васъ сейчасъ же узнала, весело говорила Людмила. — Вы все такой же, за эти четыре года ни капельки не измѣнились. Какъ я рада... Отчего вы не пришли къ намъ вчера вечеромъ?.. Мы пріѣхали въ четыре часа... Боялись потревожить съ дороги? Какой вздоръ! Тетя спрашивала о васъ. Ну что, я перемѣнилась? Очень?

Она болтала, не давая никому вставить слова. Потомъ вдругъ замѣтила молодого человѣка, который стоялъ въ сторонѣ и ждалъ, когда она кончитъ.

— Простите, совсѣмъ забыла... Антонъ Антоновичъ, вы незнакомы... Иванъ Сергѣевичъ Елецкій, магистръ, только что пріѣхалъ и ужъ собирается снова въ Петербургъ... И что тамъ дѣлать лѣтомъ?..

— Очень пріятно, сказалъ Антонъ Антоновичъ, крѣпко сжимая руку Елецкому. — Изъ

Петербурга? Какъ здѣшній житель, привѣтствую васъ: добро пожаловать! Зачѣмъ такъ скоро уѣзжаете?

— Надо мнѣ. сказалъ Елецкій неохотно. — Можетъ быть, впрочемъ, я и останусь, прибавилъ онъ.

— Конечно, останьтесь! съ жаромъ подхватилъ Антонъ Антоновичъ.— Ну, что тамъ? Изучите здѣшнее общество... Много интереснаго...

— Да, да... Такъ вы не идете, Людмила Сергѣевна? Она хотѣла что-то сказать, но Антонъ Антоновичъ перебилъ, снова обратившись къ Елецкому:

— Скажите, ну а что въ Петербургѣ? О чемъ говорятъ? Какъ журналы? Здѣсь не всѣ получаются. И приходилось вамъ бывать въ литературныхъ кружкахъ?

— Какже, приходилось... Я интересуюсь литературой... Только теперь, къ сожалѣнію...

— Послушайте, заходите ко мнѣ, а? Потолкуемъ, вы мнѣ разскажете... Ну, зайдете вѣдь? Пожалуйста...

— Съ удовольствіемъ, очень вамъ благодаренъ... А теперь, извините, я тороплюсь. До свиданія, Людмила Сергѣевна.

— Уходите? Ну, прощайте, сказала она, подавая руку.— Въ семь часовъ въ маленькомъ паркѣ, послѣ музыки, да? Смотрите, я васъ буду ждать.

Елецкій ушелъ, а Людмила взяла подъ руку Антона Антоновича, и они отправились въ глубь парка. Ламме, ни слова не говоря, пошелъ за ними. Онъ слѣдовалъ шагахъ въ десяти, уныло опустивъ голову.

Антонъ Антоновичъ познакомился съ Людмилой четыре года тому назадъ, когда она только что пріѣхала на Кавказъ. Три слѣдующихъ лѣта Людмила провела въ Крыму и съ Антономъ Антоновичемъ ни разу не видалась, хотя зимой жила близко, всего въ шести часахъ ѣзды. Но Антонъ Антоновичъ въ большомъ городѣ никогда зимой не бывалъ. Зато онъ велъ аккуратную переписку съ Людмилой; она ему отвѣчала, потому что любила писать письма. Наконецъ обстоятельства сложились благопріятнѣе. Людмила была круглая сирота и жила у тетки, доброй и полной дамы. которая въ племянницѣ души не чаяла. Тетка поправилась, въ Крымъ ѣхать было больше не нужно, и потому она съ радостью исполнила желаніе Людмилы — наняла ту самую дачу, гдѣ они жили четыре года назадъ.

— Я не вѣрю, что это все прежнее, говорила Людмила.— Мнѣ кажется, что я видѣла не это, а другое, похожее... Все также, все то же, только мелочи не тѣ: вонъ новая эстрада, два дерева срублены, и мелочи такъ измѣняютъ, что нельзя вспомнить то время... Неужели и я измѣнилась?

— Вы мало измѣнились, сказалъ Антонъ Антоновичъ. — Ну, наконецъ-то вы здѣсь. Я радъ. О многомъ нужно поговорить. Но скажите сначала—кто этотъ симпатичный молодой человѣкъ изъ Петербурга?

— Ахъ, это такъ себѣ. Ничего, довольно милъ. Мы познакомились дорогой. Онъ знаетъ тетиныхъ родныхъ. Занимательный.

— И что же онъ? Интересуется?

— Чѣмъ? улыбаясь спросила Людмила.—Наукой — весьма, литературой — посредственно, музыкой совсѣмъ не интересуется, а мной — не знаю.

— Слѣдовательно не знатокъ поэзіи, напримѣръ, не любитъ новѣйшихъ писателей?

— Да вы сами лучше спросите его, прервала Людмила.— Богъ съ нимъ пока. Поговоримъ лучше о васъ. Работаете? Счастливы работой?

— О, да. Я счастливъ. Я знаю, что я долженъ дѣлать. И дѣлаю то, что долженъ.

Между ними завязался странный, легкій, полуоткровенный, полушутливый разговоръ. Антонъ Антоновичъ сыпалъ намеками, выговаривалъ слова твердо и ясно. Людмила смотрѣла на него своими прозрачными глазами и улыбалась. Антону Антоновичу становилось еще веселѣе.

У Людмилы былъ голосъ незвучный и неполный, и слова она выговаривала точно скользя мимо, небрежно и мягко.

Ламме нарвалъ какихъ-то длинныхъ лиловыхъ и желтыхъ цвѣтовъ и молча, съ прежнимъ убитымъ видомъ, поднесъ ихъ Людмилѣ. Людмила взяла и опять такъ ласково улыбнулась, что и Ламме просіялъ и кинулся собирать новые цвѣты.

IV.

— Не понятно, что въ ней находятъ, говорили барышни, когда на балу или въ паркѣ мимо проходила Людмила въ сопровожденіи Антона Антоновича, Ламме и студентовъ.—Она держать себя не умѣетъ. И лицо самое вульгарное, глаза дикіе... Неизящная кокетка...

Въ кружокъ Людмилы скоро поступила вся „молодежь“ Антона Антоновича и даже студентъ позабылъ своихъ одесскихъ барышень. Пріѣхалъ солидный дипломатъ, полный собственнаго достоинства, какъ говорили иные— женихъ Людмилы. И онъ сталъ гулять по утрамъ въ паркѣ, въ обществѣ студентовъ и гимназистовъ, и такъ же самодовольно улыбался, какъ они.

Только петербургскій гость, Елецкій, совершенно отдалился отъ компаніи. Случилось это по желанію самой Людмилы. Въ одно утро она посмотрѣла на него своимъ безразличнымъ взглядомъ и вдругъ сказала:

— А вы говорили, что спѣшите. До свиданія, а то опоздаете.

Елецкій молча раскланялся и ушелъ.

Иногда Людмилѣ приходила фантазія идти гулять поздно вечеромъ.

— Тетя, дорогая, пойдемте, чудно теперь!

— Что же это, Милочка, вѣдь темно, сыро.

— Нѣтъ, нѣтъ, тетя, совсѣмъ не сыро!

И кончилось тѣмъ, что посылали за Антономъ Антоновичемъ и Ламме, которые и сопровождали ихъ.

Дипломатъ уходилъ въ гостинницу рано, да и Людмила увѣряла, что онъ слишкомъ хорошо знаетъ себѣ цѣну и не можетъ гулять, когда для него не свѣтитъ солнце.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ Антонъ Антоновичъ послѣ прогулки возвращался домой.

Въ аллеѣ было темно, небо едва освѣщалъ поздно взошедшій мѣсяцъ—послѣдняя четверть.

Мѣсяцъ на ущербѣ дѣлаетъ все кругомъ зловѣще-печальнымъ и таинственнымъ. Свѣтъ его — не легкій, серебряный свѣтъ молодой, ранней луны, а тусклозеленый, тяжелый и неподвижный.

Но Антонъ Антоновичъ не замѣчалъ ничего. И при этой лунѣ онъ готовъ былъ мечтать. Идя по темной аллеѣ, онъ даже слегка подпрыгивалъ, мало заботясь о томъ, что Ламме плелся въ десяти шагахъ и могъ замѣтить прыжки.

Скоро Антону Антоновичу сдѣлалось невыносимо молчать, и онъ прямо обратился къ Ламме:

— Ламме?

— Что, Антонъ Антоновичъ? раздался голосъ изъ темноты.

— Ну, приблизьтесь, Ламме. Скажите, вы были счастливы?

— Нѣтъ, не былъ, Антонъ Антоновичъ, а можетъ и былъ. А можетъ мнѣ только кажется, что былъ...

— Ну, вы какой-то мягкотѣлый, основы у васъ нѣтъ... А я вотъ счастливъ, Ламме. Я счастливъ, какъ полубогъ...

Антонъ Антоновичъ произносилъ это слово съ особенно яркимъ нѣмецкимъ акцентомъ, потому что твердое „л“ у него никогда не выходило.

— Развѣ она ужъ слово дала вамъ? плаксиво сказалъ Ламме.

— Ну, ну... Я не понимаю, о чемъ вы говорите... Ламме, поэзія моей души пробуждается... Чувствую въ себѣ какой-то подъемъ, слышу какіе-то звуки... Посмотрите, „что за ночь, за луна!“

Ламме молчалъ.

Антонъ Антоновичъ не легъ спать, вернувшись домой. Онъ простился со своимъ спутникомъ, зажегъ лампу въ столовой и заперъ дверь.

Изъ спальни онъ принесъ большую золотообрѣзную книгу въ коричневомъ переплетѣ и развернулъ ее. Она была на половину исписана прямымъ ровнымъ почеркомъ, такимъ ровнымъ, что буквы походили на печатныя.

Антонъ Антоновичъ писалъ и прозой, и стихами. Въ этой книгѣ, какъ онъ говорилъ, „жила его душа“. Все написанное онъ зналъ наизусть. Первая встрѣча съ Людмилой четыре года тому назадъ была описана у него въ беллетристической формѣ подъ заглавіемъ „Розовое видѣніе“. Онъ очень любилъ многоточіе. Точки онъ ставилъ и большія, и маленькія, и среднія, ставилъ ихъ по многу и по малу, иногда всего три и разнаго вида. Онѣ ему часто замѣняли слова; онъ ихъ понималъ и вѣрилъ въ нихъ. У него была такая фраза: „...Чу... появилось видѣнье...“ И если бы послѣ „чу“ стояло больше трехъ точекъ — онъ считалъ бы все погибшимъ.

Какъ часто Антонъ Антоновичъ плакалъ отъ умиленія, описывая осенніе дни или весной первый листокъ! Онъ писалъ только по ночамъ и только если сердце его „было слишкомъ полно“.

Тусклый, опрокинутый мѣсяцъ злобно глядѣлъ на него въ окно. Но на этотъ разъ сердце Антона Антоновича было слишкомъ полно, и онъ не хотѣлъ замѣчать ничего дурнаго.

— Вотъ гдѣ мое утѣшеніе, вотъ — моя радость! сказалъ онъ про себя, открывая книгу.

И мѣсяцъ уже отошелъ отъ окна, и небо посвѣтлѣло, а счастливый Антонъ Антоновичъ все еще сидѣлъ съ перомъ въ рукѣ и прилежно писалъ что-то короткими строчками.

З. Гиппіусъ

Окончаніе будетъ

СОНЕТЪ

Посвящается Д. Н. Кайгородову

Созвучій мѣрный строй преслѣдуетъ меня...
Ихъ волны прахъ заботъ изъ сердца властно гонятъ,
Въ ихъ безднѣ мысль моя, какъ птица въ небѣ, тонетъ,
Какъ таетъ звѣздный блескъ при воцареньи дня...
То льется пѣснь любви, лаская и маня,
То безъисходная печаль уныло стонетъ.
Неясный разуму и только сердцемъ понятъ,
Созвучій мѣрный строй преслѣдуетъ меня...

То шепота нѣжнѣй, то яростнѣе грома...
Гдѣ родились они, въ какую высь, куда,
Куда властительно влечетъ ихъ череда?
Въ нихъ все невѣдомо и вмѣстѣ такъ знакомо...
Ихъ не было... Ихъ нѣтъ... Исчезли безъ слѣда!..
Тревогу сердце бьетъ и льется въ грудь истома.

Василій Величко

Ю. К. Траппъ

Въ среду, 24-го февраля, въ С.-Петербургѣ происходило чествованіе одного изъ видныхъ и почтенныхъ представителей русской медицинской науки, тайнаго совѣтника Юлія Карловича Траппа, по случаю исполнившагося въ этотъ день пятидесятилѣтія его служебной дѣятельности. Имя Ю. К. Траппа пользуется въ нашемъ медицинскомъ мірѣ большою и вполнѣ заслуженною извѣстностью, какъ выдающагося изслѣдователя въ области фармакогнозіи, достаточно поработавшаго для этой науки и издавшаго цѣлый рядъ руководствъ, по которымъ училось и учится столько лицъ, посвятившихъ себя медицинской дѣятельности. Ю. К. Траппъ обладаетъ глубокими познаніями въ избранной имъ спеціальности, и его фармакопея, руководство къ фармакогнозіи, руководство для изслѣдованія ядовъ и другіе подобные труды, можно сказать, являются у насъ единственными въ своемъ родѣ. Большія услуги оказалъ Ю. К. Траппъ и какъ преподаватель, съумѣвшій изъ такой сухой и неблагодарной науки, какъ фармація, сдѣлать для своихъ слушателей предметъ весьма живой и интересный. Ученики почтеннаго Ю. К. Траппа разсѣяны по всей Россіи и едва ли не всѣ нынѣшніе профессора военно-медицинской академіи учились у него, такъ какъ предметъ свой онъ началъ читать еще въ концѣ сороковыхъ годовъ. Помимо упомянутыхъ трудовъ и преподавательской дѣятельности Ю. К. Траппъ принесъ немало пользы и въ качествѣ совѣщательнаго члена медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, каковую должность занимаетъ безъ малаго тридцать пять лѣтъ. Труды Ю. К. Траппа достойно оцѣнены и въ отечествѣ, и за границею: онъ получилъ цѣлый рядъ Высочайшихъ наградъ, званіе академика, а въ нынѣшнемъ году въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій конференціи Императорской военно-медицинской академіи избранъ въ почетные члены ея. Кенигсбергскій университетъ за ученые труды его по химическимъ и фармацевтическимъ наукамъ призналъ Ю. К. Траппа докторомъ философіи.

Совѣщательный членъ медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, непремѣнный членъ военно-медицинскаго ученаго комитета, академикъ и заслуженный профессоръ военно-медицинской академіи, тайный совѣтникъ Ю. К. Траппъ, сынъ аптекаря, родился въ 1814 году въ уѣздномъ городѣ Маріамполѣ, сувалкской губерніи, по окончаніи гимназіи въ Тильзитѣ, слушалъ курсъ въ варшавскомъ врачебномъ управленіи по фармацевтической части, а затѣмъ въ Императорской медико-хирургической академіи. По выслушаніи здѣсь курса фармацевтическихъ наукъ, Ю. К. Траппъ поступилъ на службу, въ февралѣ 1843 г., ассистентомъ химіи и фармаціи при той же академіи. Спустя пять лѣтъ онъ представилъ въ конференцію академіи свою магистерскую диссертацію „Анализъ невской воды, а также Фонтанки, Мойки,

Ю. К. ТРАППЪ,
академикъ, заслуженный профессоръ
Императорской военно-медицинской академіи.

Съ фотографіи Д. С. Здобнова гравировалъ А. И. Зубчаниновъ.

По поводу пятидесятилѣтія служебно-медицинской дѣятельности.

Москва. — Вечеръ, посвященный памяти художника П. А. Ѳедотова, въ обществѣ любителей художествъ 23-го января с. г.

Съ натуры рисовалъ корреспондентъ-художникъ »Всемірной Иллюстраціи« К. Н. Чичаговъ.

Продавщица цвѣтовъ въ Лондонѣ. Картина миссъ Ж. Г. Фульдъ.

Гравировалъ для »Всемірной Иллюстраціи« Шарль Бодъ въ Парижѣ.

Франція. — Парижъ. Салонъ Марсоваго поля.

Екатерининскаго канала и Ладожскаго озера" — работу весьма интересную, и признанъ магистромъ фармаціи. 2 сентября 1848 года Ю. К. Траппъ назначенъ исправляющимъ должность адъюнктъ-профессора фармаціи, а въ слѣдующемъ году, ноября 19-го, по выдержаніи установленнаго экзамена и по прочтеніи двухъ пробныхъ лекцій, утвержденъ въ этой должности. Во время крымской кампаніи Ю. К. Траппъ былъ, въ февралѣ 1856 года, командированъ по Высочайшему повелѣнію въ Крымъ для осмотра аптекъ при военныхъ госпиталяхъ какъ на мѣстѣ, такъ и по пути туда и весьма успѣшно выполнилъ это важное порученіе. Въ маѣ того же года онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность ординарнаго профессора фармаціи при медико-хирургической академіи, а спустя два года утвержденъ въ означенной должности. Ранѣе этого, въ 1857 г., онъ былъ назначенъ ревизоромъ придворной Его Величества аптеки въ С.-Петербургѣ и вскорѣ награжденъ за отлично усердную службу орденомъ св. Станислава 2-й степени и тогда же опредѣленъ профессоромъ-консультантомъ въ с.-петербургскую больницу для чернорабочихъ съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ. За отличное преподаваніе химіи и фармаціи ординаторамъ-практикантамъ этой больницы Ю. К. Траппу объявлена, въ іюнѣ 1858 г., признательность г. министра внутреннихъ дѣлъ, а 4-го іюля онъ получилъ высшее назначеніе — состоять совѣщательнымъ членомъ медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ октябрѣ того же 1858 г. общество русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ избрало его въ свои дѣйствительные члены. Къ этому періоду времени относятся работы Ю. К. Траппа: „Соединеніе хлора съ іодомъ" (1854), „Руководство къ фармакогнозіи" (1858), „Руководство для собиранія и разведенія медицинскихъ растеній" (1855), „Эѳирное масло водяной цикуты" (cicuta virosa) (1858) и нѣсколько рецензій въ „Военно-медицинскомъ журналѣ". Въ 1859 г. онъ пожалованъ орденомъ св. Станислава 2 степени съ Императорскою короною, за выслугу лѣтъ произведенъ въ статские совѣтники и получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ. Въ апрѣлѣ 1861 г. онъ награжденъ орденомъ св. Анны 2 степени, а 7-го января 1862 года Высочайшимъ приказомъ утвержденъ въ званіи почетнаго члена военно-медицинскаго ученаго комитета. Апрѣля 17-го 1863 г. Ю. К. Траппъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Спустя два года за отлично усердную службу по военно-медицинскому ученому комитету онъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степ., а въ маѣ 1866 г. за полезные и ученые труды, именно за составленіе книги „Военная фармакопея", пожалованъ новымъ орденомъ—св. Станислава 1 степ. 2-го іюля 1868 г. онъ утвержденъ въ званіи академика и черезъ два года произведенъ въ тайные совѣтники. 24-го февраля 1872 года, по выслугѣ установленныхъ двадцати пяти лѣтъ на педагогическомъ поприщѣ, Ю. К. Траппъ оставленъ на службѣ при военно-медицинской академіи еще на пять лѣтъ и 9-го декабря 1873 г. утвержденъ въ званіи заслуженнаго профессора той же академіи. Высочайшимъ приказомъ отъ 10-го апрѣля 1877 года Ю. К. Траппъ назначенъ непремѣннымъ членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета. Кромѣ упомянутыхъ трудовъ, онъ составилъ и издалъ еще слѣдующіе: „Первыя пособія при отравленіи ядовитыми веществами и судебно-химическое изслѣдованіе главныхъ ядовъ" (1863). „Изслѣдованія о свинцовыхъ водопроводахъ въ гигіеническомъ отношеніи" (1864)—результатъ обширныхъ химическихъ работъ профессора, произведенныхъ имъ по порученію медицинскаго совѣта въ теченіе двухъ лѣтъ, „Военная фармакопея" (1866), „Россійская фармакопея" (1867, 1870, 1880 и 1891), „Руководство къ фармакогнозіи", 2-е изданіе (1868), „Эѳирное масло (кристаллизованное) багуна (Ledum palustre)" (1869), „Фармакопея для флота" (1869), „Фармакопея для Императорскаго Двора" (1871), „Фармацевтическая химія" (1877), „Краткая фармакогнозія" (1880), „Рецептура" (1876 и 1880), „Фармацевтическія операціи и рецептура" (1876), „Руководство для изслѣдованія ядовъ" и проч. Большая часть изъ этихъ трудовъ удостоена Высочайшихъ наградъ. Изъ этихъ изданій самое популярное — фармакопея сдѣлалась вполнѣ настольной книгой для врачей и фармацевтовъ. Кромѣ прямыхъ служебныхъ обязанностей, Ю. К. Траппъ, по порученію судебной власти, производилъ множество анализовъ ядовъ, фигурировавшихъ въ судебныхъ процессахъ 1866, 1879 и 1881 гг. и выполнялъ это съ замѣчательнымъ знаніемъ дѣла. Ю. К. Траппъ состоитъ кавалеромъ, кромѣ названныхъ уже, еще слѣдующихъ орденовъ: св. Владиміра, Бѣлаго Орла и св благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго. Многія русскія и иностранныя ученыя общества считаютъ его въ числѣ своихъ почетныхъ членовъ. Бодрость тѣла и духа составляютъ отличительныя качества почтеннаго ученаго, который вдобавокъ — большой юмористъ; этотъ юморъ не покидаетъ Ю. К. Траппа никогда, не смотря на его преклонный возрастъ.

Политика.

22 февраля (6 марта) 1893 г.

Начало нынѣшней недѣли ознаменовалось у насъ политическимъ событіемъ выдающейся важности. Въ воскресенье, 21 февраля, „Правительственный Вѣстникъ" напечаталъ слѣдующее оффиціальное сообщеніе, касающееся болгарскихъ дѣлъ:

„Императорское правительство неоднократно имѣло случай заявлять о взглядахъ своихъ на совершавшіеся въ болгарскомъ княжествѣ перевороты и на тѣ начала, коими руководствуются въ своей политической дѣятельности софійскіе правители со времени захвата принцемъ Кобургскимъ княжеской власти. Нынѣ, по возвращеніи принца Фердинанда изъ заграничной поѣздки, вышеупомянутые правители предполагаютъ приступить къ созванію великаго народнаго собранія для измѣненія 38-й статьи тырновскаго устава, обезпечивающей принадлежность къ православной вѣрѣ князя болгарскаго и его потомства за исключеніемъ лишь перваго избраннаго князя. Такимъ образомъ подготовляется посягательство на одну изъ основъ, присущихъ болгарской національной жизни — посягательство противъ народной вѣры, коей болгаре столькимъ обязаны въ своемъ прошедшемъ.

Императорское правительство, твердо слѣдуя правилу не вмѣшиваться въ дѣла внутренняго управленія княжества, не входить въ разсмотрѣніе явно пристрастныхъ мотивовъ, побудившихъ принца Кобургскаго и лицъ, стоящихъ у власти въ Софіи, къ принятому ими прискорбному для самой Болгаріи рѣшенію. Оно не можетъ, однако, въ виду нравственныхъ узъ, связующихъ Россію съ единовѣрнымъ и единоплеменнымъ съ нею болгарскимъ народомъ, оставаться безмолвнымъ свидѣтелемъ попытки, направленной къ тому, чтобы поколебать господствующее въ княжествѣ вѣроисповѣданіе.

Среди населенія самой Болгаріи попытка эта вызываетъ энергическіе протесты.

Экзархъ болгарскій обратился съ представленіями въ Софію, стараясь внушить софійскому правительству отказаться отъ проектированнаго имъ нововведенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ блаженнѣйшій Іосифъ предложилъ созвать по сему поводу святѣйшій синодъ. Но сподвижники принца Кобургскаго, само собою разумѣется, не согласились отдать тѣмъ самымъ на обсужденіе церкви столь важный вопросъ и отклонили это предложеніе. Несмотря, однако, на стѣснительныя мѣры, принятыя по отношенію ко всякимъ проявленіямъ несочувствія противонаціональнымъ стремленіямъ нынѣшнихъ болгарскихъ властей, протестъ экзарха нашелъ сочувственный отзывъ во всѣхъ слояхъ народа. Почти всѣ митрополиты Болгаріи одобрили поведеніе главы болгарской церкви и пожелали блаженнѣйшему Іосифу успѣха въ справедливой борьбѣ за народную вѣру. Помимо духовенства нѣкоторые политическіе дѣятели, а равно и органы болгарской печати и многіе граждане высказались противъ задуманнаго проекта, совѣтуя не упорствовать въ опасномъ замыслѣ.

Въ виду вышеизложеннаго, Императорское правительство выражаетъ искреннее желаніе, чтобы возвысившіеся голоса болгарскаго духовенства и благомыслящихъ гражданъ послужили предостереженіемъ для всѣхъ болгаръ, безъ различія партій, и устранили опасность, которая грозитъ всякому народу, готовому вступить на путь отреченія отъ вѣковыхъ и самыхъ священныхъ своихъ преданій. Императорское правительство убѣждено, что задуманный нынѣ поворотъ въ духовной и политической жизни княжества не можетъ сопровождаться благопріятными результатами и ведетъ лишь къ бѣдственнымъ послѣдствіямъ въ будущемъ путемъ внутренняго разлада и глубокихъ нравственныхъ недоразумѣній".

На западѣ Европы интересъ политической жизни былъ на прошлой недѣлѣ весьма значителенъ. Однимъ изъ самыхъ выдающихся ея событій явилась застольная рѣчь, произнесенная на дняхъ императоромъ Вильгельмомъ II на парадномъ банкетѣ бранденбургскаго сейма. Въ этой рѣчи царственный ораторъ говорилъ о безплодности сожалѣнія о невозвратномъ прошломъ и о своей твердой рѣшимости продолжать — на сколько онъ успѣетъ — дѣло императора Вильгельма I. Всѣ замѣтили, что рѣчь молодаго монарха кончилась повтореніемъ извѣстной фразы князя Бисмарка: „мы, нѣмцы, боимся одного только Бога и никого другаго".

Въ рейхстагѣ, между тѣмъ, продолжалось предварительное обсужденіе военной реформы коммиссіею, избранною съ этою цѣлью. Все, что извѣстно до сихъ поръ объ этихъ преніяхъ, не даетъ повода думать, что докладъ коммиссіи окажется благопріятнымъ военному законопроекту, но въ то же время изъ Берлина получаются частнымъ путемъ свѣдѣнія, предсказывающія, что проектъ будетъ принятъ рейхстагомъ, благодаря содѣйствію сильной по численности партіи католическаго центра, добившейся будто согласія графа Каприви и императора Вильгельма II на возвращеніе іезуитовъ.

По дѣлу о таможенныхъ переговорахъ между Германіею и Россіею послѣднія извѣстія сообщаютъ, что нашъ посолъ въ Берлинѣ, графъ Шуваловъ, увезъ съ собою на дняхъ въ Петербургъ условія желаемаго Германіею соглашенія. Въ одной изъ нашихъ слѣдующихъ хроникъ мы получимъ, вѣроятно, возможность поговорить подробнѣе объ этомъ важномъ дѣлѣ, которое можетъ привести къ весьма крупнымъ политическимъ послѣдствіямъ.

Въ Австро-Венгріи на минувшей недѣлѣ особенно выдающихся политическихъ событій не происходило. Попыткѣ сближенія нѣмецкихъ либераловъ съ младо-чехами, о которой мы говорили въ нашей предыдущей хроникѣ, повидимому, не суждено состояться, такъ какъ всѣ младо-чешскія газеты, согласныя на этотъ разъ съ газетами старо-чешской партіи, объявляютъ подобное соглашеніе совершенно противорѣчащимъ интересамъ чешскаго народа.

Въ Англіи на прошлой недѣлѣ ходъ парламентскихъ занятій обнаружилъ неожиданнымъ образомъ, что правительство Гладстона можетъ расчитывать въ палатѣ общинъ на перевѣсъ по меньшей мѣрѣ въ 47 голосовъ въ пользу ирландскаго билля Гладстона. Вторичныя пренія объ этомъ биллѣ должны начаться во вторникъ на будущей недѣлѣ, 2 (14) марта. Побѣда правительства считается почти обезпеченною, несмотря на угрозы протестантовъ Ульстера возстать съ оружіемъ въ рукахъ въ томъ случаѣ, если Ирландія получитъ требуемое Гладстономъ самоуправленіе съ отдѣльнымъ парламентомъ.

Во Франціи противники министерства Рибо и нынѣшняго президента республики дѣятельно продолжали въ теченіе прошлой недѣли свою агитацію на почвѣ панамскаго вопроса, но становится все болѣе и болѣе очевиднымъ, что общественное мнѣніе страны перестало интересоваться столь долго поглощавшимъ его вниманіе скандаломъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки произошло въ субботу на прошлой недѣлѣ вступленіе во власть новаго президента великой республики, демократа Клевеленда, уже занимавшаго однажды этотъ высокій постъ. Прежній президентъ, генералъ Гаррисонъ, оставилъ своему преемнику нерѣшеннымъ весьма важный вопросъ о присоединеніи къ Соединеннымъ Штатамъ Гавайскихъ острововъ. Въ своемъ вступительномъ посланіи г. Клевелендъ обошелъ всѣ вопросы внѣшней политики, но высказался въ пользу такъ называемаго „биметаллизма" (одновременное обращеніе золотой и серебряной монеты), а также противъ чрезмѣрныхъ покровительственныхъ пошлинъ.

XXI передвижная выставка

Только что открывшаяся двадцать первая выставка передвижниковъ отличается довольно высокимъ сравнительно уровнемъ какъ въ техникѣ, такъ и въ композицiи, но я не думаю, чтобы она могла особенно сильно заинтересовать петербургскую публику. Въ ней нѣтъ выдающихся произведенiй, такихъ произведенiй, которыя обыкновенно сосредоточиваютъ на себѣ вниманiе большинства публики. Въ большинствѣ случаевъ, на нынѣшней выставкѣ господствуетъ мелкiй жанръ, безъ широкаго замысла и живописныхъ задачъ; что же касается пейзажной живописи, то, несмотря на присутствiе на выставкѣ корифеевъ нашего пейзажа, онъ мало выдѣляется и не блещетъ богатствомъ. Даже такiе наши художники, какъ гг. Ге и Рѣпинъ, ограничились тѣмъ, что послали на выставку каждый по нѣсколько портретовъ, и, какъ ни хороши эти портреты, ихъ невозможно ставить наряду съ картинами этихъ художниковъ, гдѣ художественное творчество выступаетъ на первый планъ.

Одинъ лишь г. Суриковъ выступилъ съ „идейной“ картиной — „Исцѣленiе слѣпаго Iисусомъ Христомъ“, но я не думаю, чтобы и на этотъ разъ г. Суриковъ пожалъ лавры Рафаэля, что такъ давно ему пророчатъ иные критики. Его „Исцѣленiе“ ограничивается двумя фигурами на первомъ планѣ и эскизными лицами на заднемъ; на первомъ планѣ стоитъ Христосъ, дотрогиваясь правой рукой до глазъ слѣпаго, стоящаго рядомъ съ нимъ на колѣняхъ. Христосъ точно подымаетъ пальцами вѣки глазъ слѣпаго, который съ какимъ-то восторженнымъ удивленiемъ замѣчаетъ, что зрѣнiе возвратилось къ нему. Это выраженiе лица слѣпаго удалось г. Сурикову, но того же нельзя сказать о выраженiи лица Христа: оно торжественно-безстрастно или, вѣрнѣе, маловыразительно. Вообще, можно сказать, что такiе возвышенные моменты не удаются нашимъ художникамъ — они ихъ пересаливаютъ или недосаливаютъ, и я, право, ужъ и не знаю, что хуже: пересаливать или недосаливать. Г. Суриковъ имѣетъ иногда тотъ и другой недостатки: въ „Боярынѣ Морозовой“ онъ несомнѣнно пересолилъ въ экспрессiи, а въ нынѣшней своей картинѣ, въ „Исцѣленiи“, недосолилъ — вышло нѣчто недодѣланное, недоконченное и какъ бы недоговоренное. Съ другой стороны, едва ли можно похвалить ту утрировку въ реалистической техникѣ, которая повидимому такъ нравится г. Сурикову: такое письмо далеко не удовлетворяетъ требованiямъ художества и не производитъ впечатлѣнiя даже своей эффектностью.

Въ томъ же нѣсколько утрированномъ реализмѣ можно отчасти упрекнуть и портреты г. Рѣпина. При всей ихъ жизненности, мастерской лѣпкѣ, выразительности этотъ реализмъ яркихъ красокъ, этотъ эскизный рисунокъ не производитъ сильнаго впечатлѣнiя, даже тогда, когда лицо симпатично или значительно. Этотъ недостатокъ особенно бросается въ глаза въ двухъ женскихъ портретахъ: „На охотѣ“ и „Осеннiй букетъ“. Портретъ г. Спасовича за то совсѣмъ не страдаетъ изысканной технической реальностью, — вообще это одинъ изъ прекрасныхъ портретовъ работы г. Рѣпина, — и его, пожалуй, можно считать безупречнымъ. Г. Рѣпинъ представилъ В. Д. Спасовича во фракѣ, со знакомъ присяжнаго повѣреннаго въ петлицѣ, стоящаго, съ немного изысканнымъ жестомъ правой руки, очевидно, произносящимъ защитительную рѣчь передъ судомъ. Это застывшее движенiе руки производитъ съ перваго взгляда немного странное впечатлѣнiе. Лицо г. Спасовича прекрасно написано, но оно слишкомъ красочно, въ немъ слишкомъ много крови, точно г. Спасовичъ передъ рѣчью через чуръ волновался. Лучшiй портретъ работы г. Рѣпина — это портретъ великаго князя Константина Константиновича, написанный широкой кистью, въ прекрасномъ тонѣ.

Г. Ярошенко, въ свою очередь, угостилъ насъ нѣсколькими портретами, двумя этюдами и одной маленькой картиной подъ названiемъ „Похороны“. Портреты г. Ярошенко ничѣмъ особеннымъ не отличаются; этюды могутъ понравиться, а „Похороны“ изображаютъ заглохшее кладбище зимой: по дорожкѣ идетъ женщина съ голубымъ гробикомъ, рядомъ съ нею мужчина съ открытой головой, а позади сторожъ съ лопатой. Сюжетъ ясенъ безъ дальнѣйшихъ разсужденiй, но всѣ эти лица — безжизненны; ни на лицѣ женщины, ни на лицѣ мужчины нельзя уловить какого либо выраженiя горя или печали: они точно прогулку совершаютъ. Г. Мясоѣдовъ выступилъ съ довольно сложной картиной: „Новыя истины“. Картина изображаетъ довольно большую комнату вечеромъ; на одномъ изъ маленькихъ столиковъ стоитъ лампа со стаканомъ воды; молодой человѣкъ держитъ рукопись въ рукахъ и читаетъ; на диванѣ — нѣсколько красивыхъ дамъ, а вокругъ, — на стульяхъ и креслахъ, — размѣстились мужчины, повидимому портреты; межъ ними я узналъ лица нѣкоторыхъ художниковъ — г. Ге, между прочимъ, и вдали г. Ярошенко. Какого рода эти новыя истины, съ которыми молодой человѣкъ знакомитъ эту почтенную публику, неизвѣстно, но едва ли это не одна изъ статей графа Л. Н. Толстаго, по крайней мѣрѣ присутствiе на этомъ литературномъ вечерѣ г. Ге уполномочиваетъ меня сдѣлать эту догадку. Картина написана прекрасно, выразительно, въ мягкомъ тонѣ, съ большимъ чувствомъ свѣтовыхъ гармонiй; портреты сидящихъ лицъ тоже хороши. И г. Кузнецовъ выставилъ тоже одни портреты. Лучшiй изъ этихъ портретовъ — портретъ П. И. Чайковскаго, композитора. Портретъ этотъ, если не ошибаюсь, былъ написанъ очень недавно, во время пребыванiя г. Чайковскаго въ Одессѣ. Портретъ вполнѣ удался г. Кузнецову. Г. Пастернакъ показалъ „Дебютантку“. Тутъ мы видимъ молодую актрису въ театральномъ костюмѣ, готовящуюся выступить изъ-за кулисъ въ то время, какъ старый господинъ во фракѣ съ нервнымъ жестомъ повторяетъ ей по тетрадкѣ слова роли; немного позади нѣсколько женскихъ фигуръ, повидимому, родственницъ дебютантки. Фигура дебютантки груба и маловыразительна; другiя фигуры лучше, но вообще картина поражаетъ непрiятнымъ крикливымъ тономъ. Между жанромъ, конечно, г. В. Маковскiй занимаетъ и на этотъ разъ первое мѣсто; къ сожалѣнiю, на нынѣшнюю выставку г. В. Маковскiй прислалъ только три маленькiя картинки, очень незамысловатыя по сюжетамъ („Три сестры“, „За щепой“ и „Деспотъ семьи“), и два портрета: гг. Коровина и Стрѣлковскаго. Прекрасна по замыслу картина „За щепой“, но, къ несчастью, она далеко незакончена и имѣетъ видъ только что начатаго эскиза.

Г. Нестеровъ выступилъ на этотъ разъ съ картиной довольно большихъ размѣровъ подъ названiемъ: „Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, въ человѣцѣхъ благоволенiе“ (эпизодъ изъ юности преп. Сергiя Радонежскаго). Картина написана довольно странно, безъ рельефа, плоско, упрощеннымъ способомъ, какъ сказали бы парижскiе художники-символисты. Безъ обстоятельныхъ и особенныхъ комментарiевъ, которыхъ, къ сожалѣнiю, я не могу здѣсь дать, картина г. Нестерова едва ли будетъ понятна. Преподобный Сергiй Радонежскiй стоитъ среди сада, прямо лицомъ къ зрителю, смотря вдаль съ восторженнымъ выраженiемъ лица; у ногъ его лежитъ волкъ; позади виднѣется маленькая часовня.

Жанровъ изъ народнаго быта очень мало; видимо, этотъ родъ живописи, нѣкогда столь модный у насъ, нынче пересталъ интересовать не только публику, но и художниковъ; даже завзятые народники, въ родѣ г. Мясоѣдова, бросили его. Но все-таки и на нынѣшней выставкѣ есть двѣ — три картины изъ народнаго быта, достойныя вниманiя. Во первыхъ, картина г. Лемоха „Захворала“: въ избѣ, за пологомъ, простая деревенская кровать, на которой лежитъ женщина съ ребенкомъ; около кровати нѣсколько ребятишекъ съ участiемъ и любопытствомъ смотрятъ на больнаго ребенка. Все это довольно живо и естественно схвачено. Но значительно лучше картина г. Архипова „По этапамъ“. Тутъ мы имѣемъ цѣлую коллекцiю прекрасныхъ типовъ — солдатъ и арестантовъ — въ прекрасномъ, широкомъ исполненiи, въ истинно реалистическомъ родѣ. Недурны также двѣ картины г. Загорскаго: „Письмо отъ сына издалека“ и „Прошлое“. Г. Максимовъ выставилъ двѣ картины: „Лѣсной сторожъ“ и „Лихая свекровь“. „Лѣсной сторожъ“ — не болѣе какъ эскизъ въ большихъ размѣрахъ, безъ особенныхъ достоинствъ. „Лихая свекровь“ задумана прекрасно: молодая женщина сидитъ за прялкой; передъ нею стоитъ здоровенная баба и, видимо, ругается. Къ несчастiю, г. Максимовъ не справился съ фигурой свекрови: и въ позѣ, и въ жестѣ замѣчаются какая-то деревянность и искусственность; въ лицѣ свекрови — никакого выраженiя, точно такъ же, какъ и въ лицѣ молодой женщины. Изъ другихъ жанровыхъ картинъ (ихъ на нынѣшней выставкѣ не въ примѣръ много) слѣдуетъ упомянуть: г. Кишеневскаго „Прошенiе“, г. Костанди „Первенецъ“, г. Бакшеева „Житейская проза“ и „За совѣтомъ“, г. Пимоненко „Гаданiе“, г. Шанкса „Трудная задача“ (сюжетъ довольно теменъ), г. Касаткина „Тяжело“, „Передъ разлукой“, „Въ своемъ уголкѣ“, „Подружки“, „Послѣднее желанiе“.

Пейзажей сравнительно немного, но нѣкоторые изъ нихъ безспорно прекрасны. Нельзя не отмѣтить пейзажъ г. Холодковскаго „На всѣхъ парахъ“: въ лощинѣ мчится поѣздъ желѣзной дороги. Пейзажи г. Ендогурова — „Въ заливѣ Аяччiо“ и „Первый морозъ“ — прекрасны по тону; менѣе удачны: „У южнаго берега“ и „Вечеръ“. Сильное впечатлѣнiе производитъ пейзажъ г. Дубовскаго „Внѣ монастыря“: на камнѣ, у морскаго берега, сидятъ два монаха и смотрятъ вдаль; у ихъ ногъ разстилается тихое море; особенно хорошъ этотъ морской просторъ. Изъ шести пейзажей г. Волкова лучшiй — „Листопадъ — осень“ — по чудесному тону и истинно поэтическому чувству. Прекрасны также (какъ и всегда, впрочемъ) пейзажи г. Боголюбова, числомъ шесть, но между ними особенно выдается „Екатерининскiй каналъ вечеромъ“. Однако пейзажъ, который, на мой взглядъ, первенствуетъ на настоящей выставкѣ, это пейзажъ г. Свѣтловскаго — „Москва, Василiй Блаженный“. Передъ нами мостъ съ разношерстной публикой и продавцами, за мостомъ тянется узкая кривая улица съ характерными для Москвы домами; вдали надъ домами, въ легкомъ туманѣ, куполы Василiя Блаженнаго. Все это передано мастерски, въ чудесной свѣтовой гармонiи, правдиво и просто.

В. Чуйко.

Празднества въ честь новобрачной румынской наслѣдной четы

День торжественнаго въѣзда новобрачной четы, румынскаго наслѣднаго принца и его супруги, въ столицу Румынiи былъ ознаменованъ оригинальной церемонiею — одновременнымъ вѣнчанiемъ тридцати двухъ юныхъ паръ, явившихся представительницами отъ 32-хъ округовъ, на которые раздѣляется румынское государство. Сначала хотѣли вѣнчать всѣ 32 пары сразу въ одной церкви, но отъ этого грандiознаго плана пришлось отказаться подъ давленiемъ народнаго повѣрья, по которому одновременное вѣнчанiе нѣсколькихъ паръ въ одной церкви приноситъ невобрачнымъ несчастiе. Уступая народному обычаю, порѣшили совершить обряды вѣнчанiя одновременно, но въ разныхъ церквахъ. Тридцать одна пара новобрачныхъ сочеталась въ тридцати одной церкви Бухареста въ назначенный день и часъ, а тридцать вторая пара, избранная жребiемъ, павшимъ на представителей округа Корвульи, была съ особенною торжественностью обвѣнчана въ каѳедральномъ соборѣ св. Спиридона. Въ храмѣ, по двумъ сторонамъ отъ аналоя, расположилась 31 пара только что повѣнчанныхъ новобрачныхъ съ ихъ свадебными поѣзжанами въ живописныхъ народныхъ костюмахъ. Около каждой группы стоялъ флагъ съ гербомъ той провинцiи, изъ которой эта группа прибыла въ столицу. Многiя изъ юныхъ новобрачныхъ блистали замѣчательною красотою, а ихъ мужья были на подборъ — молодецъ къ молодцу. Просторный храмъ наполнился множествомъ приглашенныхъ, самыхъ выдающихся представителей румынской аристократiи и высшаго государственнаго и столичнаго управленiя. Около 11-ти часовъ въ церковь прибылъ король; онъ велъ подъ руку супругу своего наслѣдника. Короля окружала блестящая свита. Королевская фамилiя заняла мѣста на хорахъ храма. Вслѣдъ затѣмъ началось вѣнчанiе счастливой, избранной жребiемъ, пары, совершенное главнымъ соборнымъ протоiереемъ. Послѣ вѣнчанiя всѣ 32 новобрачныя пары проходили передъ королевскою семьею, цѣлуя руки короля, наслѣднаго принца и его супруги. По выходѣ изъ церкви 32 свадебныхъ поѣзда расположились въ заранѣе приготовленныхъ повозкахъ, запряженныхъ каждая четверкою бѣлыхъ здоровенныхъ воловъ съ раззолоченными рогами; весь этотъ чрезвычайно живописный поѣздъ направился въ Атенеумъ. На каждой повозкѣ, какъ эмблема счастья и изобилiя, возвышалась елка, украшенная золотыми нитями. Впереди, на повозкѣ, запряженной четверкою черныхъ воловъ, возсѣдалъ оркестръ музыкантовъ, наигрывавшiй дорогою народныя пѣсни. Около дворца поѣздъ остановился. Король и наслѣдникъ съ супругою показались въ окнахъ дворца и были шумно привѣтствованы всѣми новобрачными и громадною толпою народа. Тѣмъ временемъ въ Атенеумѣ накрыли 32 стола съ обильными яствами и бутылками шампанскаго; за этими столами и размѣстились 32 пары новобрачныхъ. Музыканты продолжали во время пира услаждать публику веселыми народными пѣснями. Во время обѣда въ залу вошла королевская фамилiя, принявшая участiе въ ликующей радости новобрачныхъ. Всѣ 32 пары одна за другою были одѣлены подарками: король выдалъ каждой парѣ по бронзовой медали въ память въѣзда въ столицу наслѣднаго принца съ супругою, наслѣдная принцесса подарила каждой новобрачной по бархатному кошельку съ 25-ю двадцатифранковыми монетами, а наслѣдный принцъ раздалъ фотографическiе портреты свои и своей супруги. Когда раздача этихъ даровъ окончилась, наслѣдный принцъ поднялъ полный бокалъ шампанскаго и провозгласилъ здравицу за всѣхъ новобрачныхъ, встрѣченную громогласными „ура!“ Король, принцъ и принцесса обошли столы, чокаясь съ новобрачными. Веселье и одушевленiе присутствующихъ росли съ каждою минутою. Когда же королевская семья отбыла изъ Атенеума, веселье достигло высшей степени; музыканты грянули „гору“, и всѣ присутствующiе новобрачные и ихъ поѣзжане пустились въ оживленный любимый народный танецъ.

Карло Гольдони

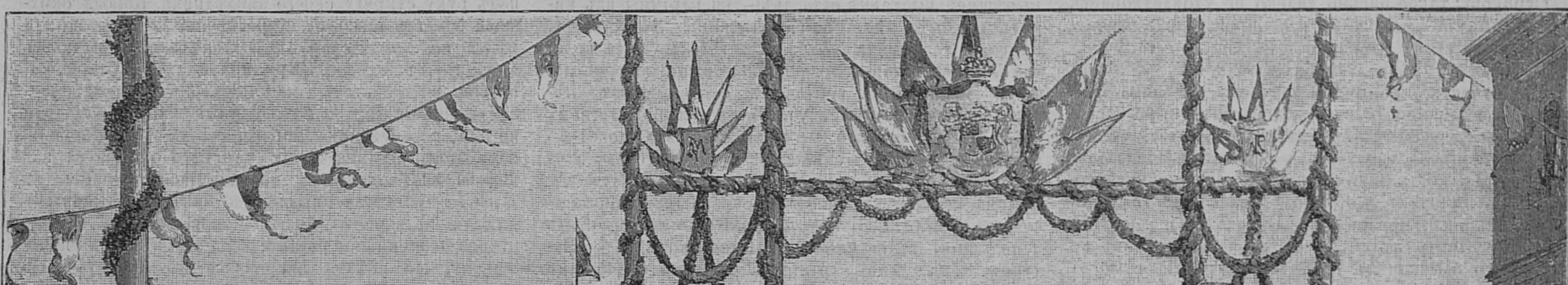
На маленькой площади Санъ-Бартоломео, въ Венеціи, возвышается среди постоянно кишащей здѣсь толпы народа бронзовая статуя человѣка въ вычурномъ костюмѣ рококо. Его глаза устремлены на пеструю подвижную картину уличной жизни, а на губахъ играетъ добродушная усмѣшка, точно онъ радуется шумной суетѣ вокругъ себя. Это памятникъ Карло Гольдони, плодовитаго венеціанскаго драматурга, чьи веселыя комедіи и картины нравовъ, благодаря ихъ свѣжести и смѣлой остроумной живости, до сихъ поръ охотно смотрятся на итальянскихъ сценахъ, хотя со дня смерти автора протекло уже цѣлое столѣтіе.

Немногіе были такъ щедро одарены природой, какъ Гольдони. Съ замѣчательнымъ даромъ острой наблюдательности и умѣньемъ быстро схватывать сущность предмета онъ соединялъ изумительную легкость художественной передачи. При этомъ Гольдони былъ вполнѣ дитя своей эпохи; не задаваясь глубокими идеями, онъ постоянно приноравливался къ господствующему духу времени. О книгахъ всю свою жизнь этотъ авторъ заботился очень мало, но тѣмъ болѣе вращался въ обществѣ, гдѣ служилъ центромъ по причинѣ своего блестящаго остроумія. Поэтому и дѣйствующихъ лицъ для своихъ театральныхъ пьесъ Гольдони выхватывалъ прямо изъ жизни, какъ и свои темы и ситуаціи. Но подкладкой къ его произведеніямъ никогда не служила болѣе глубокая идея, а порокъ онъ рисовалъ, по отзыву замѣчательнаго историка литературы Чезаре Канту въ его „Storia della literatura italiana“, „безъ достаточнаго оттѣнка презрѣнія“. Наконецъ при легкости своего творчества Гольдони писалъ не менѣе шестнадцати пьесъ ежегодно; онъ слишкомъ упускалъ изъ виду требованія искусства, такъ что многое у него заслуживаетъ названія только геніальной импровизаціи.

Матеріалъ для своихъ комедій Гольдони черпалъ предпочтительно изъ быта низшихъ классовъ и не всегда по своей охотѣ, такъ какъ въ венеціанской республикѣ было запрещено касаться общественныхъ дѣлъ на театрѣ, а тѣмъ болѣе поднимать ихъ на смѣхъ. Поэтому Гольдони изображаетъ передъ нами преимущественно судьбу и похожденія гондольеровъ, рыбаковъ, лакеевъ, служанокъ, франтовъ, балетныхъ танцовщиковъ, прихлебателей, искателей приключеній, друзей дома, ростовщиковъ, скупцовъ съ ихъ женами, причемъ дѣйствіе его пьесъ происходитъ большею частью на морскомъ берегу, въ рыбачьихъ деревушкахъ, въ питейныхъ домахъ и кофейняхъ, но жизни патриціевъ съ ея испорченностью авторъ не касается вовсе. Вслѣдствіе этого въ комедіяхъ Гольдони нѣтъ того полета фантазіи, широты размаха, какими блещутъ произведенія его французскаго современника — Бомарше; итальянскій драматургъ по неволѣ остается въ узкой сферѣ, но тѣмъ не менѣе сколько захватывающей

КАРЛО ГОЛЬДОНИ, знаменитый итальянскій драматургъ.

По поводу столѣтней годовщины смерти.



Шествіе тридцати двухъ брачныхъ паръ къ Атенеуму.

По наброску съ натуры Р. Бутса.

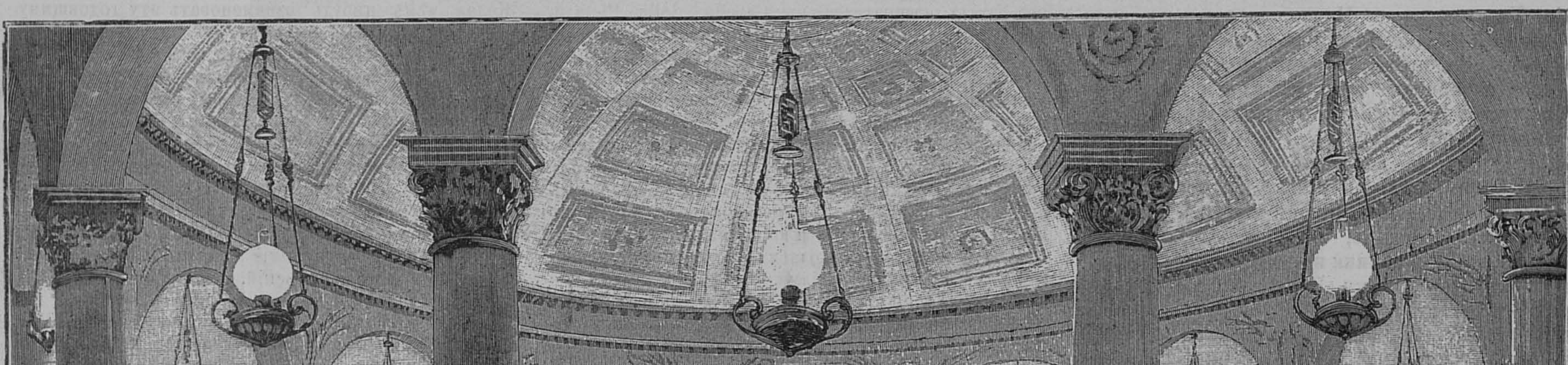
Румынія. — Бухарестъ. Празднества въ честь новобрачной королевской наслѣдной четы.

непосредственности въ его лучшихъ пьесахъ, какая жизненность сценъ, геніальная обрисовка характеровъ и какой увлекательный, покоряющій юморъ! Вотъ почему его произведенія не старятся, а нѣкоторыя изъ нихъ до сихъ поръ не сходятъ съ итальянскаго репертуара и появляются даже иногда съ большимъ успѣхомъ на иностранныхъ театрахъ.

Карло Гольдони родился въ Венеціи въ 1707 г. Дѣдъ его былъ моденскій уроженецъ, но поселился въ Венеціи и былъ еще живъ, когда родился его внукъ. Онъ воспитывалъ его среди праздниковъ и удовольствій; ребенокъ окруженъ былъ артистами и художниками. Въ домѣ старика играли часто пьесы, и спектакли эти очень нравились молодому Гольдони. Дѣдъ его умеръ въ 1712 г., а отецъ, медикъ, странствовавшій изъ города въ городъ, уѣхалъ на долго въ Римъ, и Гольдони остался на попеченіи матери, которая учила его читать по драматическимъ пьесамъ. Когда отецъ отдалъ его въ медицинскую школу, онъ принялся за греческихъ и римскихъ драматурговъ. Наскучивъ медициной, Гольдони обратился къ законовѣдѣнію, но продолжалъ все таки тяготѣть къ драматургіи и въ библіотекѣ своего наставника искалъ книгъ этого рода. Онъ находилъ комедіи на всѣхъ языкахъ, кромѣ итальянскаго и тогда-то впервые запала ему въ голову мысль восполнить этотъ недостатокъ. Затѣмъ родственникъ его, маркизъ Гольдони помѣстилъ молодаго человѣка въ Павійской коллегіи, для чего Гольдони пришлось надѣть монашескую рясу и обрить голову. Впрочемъ, воспитаніе здѣсь было довольно свѣтское, и молодой аббатъ много успѣвалъ въ музыкѣ, танцахъ и фехтованіи, сочиняя проповѣди для священниковъ и сатиры противъ горожанъ, не желавшихъ принимать у себя студентовъ. Далѣе онъ учился въ моденскомъ университетѣ, откуда кончивъ курсъ поступилъ въ Кіоджіо помощникомъ коадъюнкта, а потомъ перевелся въ Фельтеръ главнымъ коадъюнктомъ. Здѣсь на домашнемъ театрѣ онъ поставилъ первыя комедіи свои „Добрый отецъ“ и „Пѣвица. По смерти отца, оставившаго свою семью въ бѣдности, Гальдони для поддержанія семейства занялся юриспруденціей, выдержавъ блистательный экзаменъ въ Падуѣ и будучи принятъ въ число венеціанскихъ адвокатовъ. Къ этому времени относится собраніе стихотвореній Гольдони и драма „Amalasunte“. Служа секретаремъ у венеціанскаго резидента въ Миланѣ, онъ сочинилъ пьесы: „Велизарій“ и „Венеціанскій гондольеръ“, а затѣмъ, ведя скитальческую жизнь, написалъ комическія оперы „La pupile“ и „Birba“ и далѣе пьесы „Розамунда“, „Гризельда“, „Основаніе Венеціи“, „Донъ Жуанъ“, „Рено Монтобанъ“, „Сицилійскій король Генрихъ“. Идя до сихъ поръ по дорогѣ, проложенной другими драматургами, Гольдони наконецъ рѣшился явиться реформаторомъ и далъ цѣлый рядъ пьесъ, изображающихъ современные нравы; таковы, напримѣръ, „Il cortizan veneziano“, „Расточитель“, „La donna di Gurbo“, „Счастливая наслѣдница“, „Добрая жена“, „Кавалеръ и дама“ и друг. Съ 1749 г. онъ сталъ заключать контракты съ разными содержателями итальянскихъ театровъ на постановку своихъ пьесъ, и ѣздилъ по городамъ вмѣстѣ съ труппами актеровъ, пока не получилъ при французскомъ дворѣ званіе лектора и учителя итальянскаго языка дочерей короля. Въ этотъ періодъ онъ написалъ комедіи „Мольеръ“, „Жена персіянина“, „Гирканъ въ Юльфѣ“, „Гирканъ въ Испаганѣ“, „Вилледжіатура“, „Любовники“, „Новый домъ“, „Любовь къ отчизнѣ“ и друг. и на фран-

В. А. ШЕРЕМЕТЕВЪ, свиты Его Величества генералъ-маіоръ, командиръ собственнаго Его Величества конвоя, † 17 февраля.

Съ фотографіи Ренца.



Роздача кошельковъ съ золотыми монетами тридцати двумъ парамъ новобрачныхъ въ Атенеумѣ.

По наброску съ натуры Р. Бутса.

Румынія. — Бухарестъ. Празднества въ честь новобрачной королевской наслѣдной четы.

цузскомъ языкѣ пьесу „Le bourru bienfaisant", игранную въ 1771 г. Послѣднею его работою были его записки, оконченныя имъ въ 1787 г. Карло Гальдони скончался 8-го января 1793 г. въ Парижѣ.

В. А. Шереметевъ †

17-го февраля неожиданно для всѣхъ знавшихъ его, скоропостижно скончался одинъ изъ наиболѣе приближенныхъ къ Императорской фамиліи лицъ, командиръ собственнаго Его Императорскаго Величества конвоя, свиты Его Величества генералъ-маіоръ Владиміръ Алексѣевичъ Шереметевъ. Возвратясь съ прогулки въ 4 часа дня, покойный почувствовалъ себя дурно и послалъ за докторомъ; прибывшій тотчасъ же врачъ посовѣтовалъ больному сдѣлать подкожное впрыскиваніе морфіемъ, но когда докторъ вернулся черезъ десять минутъ, съ морфіемъ, В. А. уже скончался отъ разрыва сердца.

В. А. Шереметевъ, происходя изъ дворянъ московской губерніи, родился въ 1847 году. Получивъ прекрасное домашнее образованіе, онъ поступилъ на правахъ вольно опредѣляющагося унтеръ-офицеромъ въ 1866 г. въ кавалергардскій Ея Величества полкъ и вслѣдъ затѣмъ переименованъ былъ въ юнкера; затѣмъ былъ переведенъ въ гусарскій Его Величества полкъ, причемъ въ 1868 г. произведенъ былъ въ корнеты. Въ 1870 г. В. А. былъ назначенъ командующимъ 4-мъ эскадрономъ, а въ 1871 г. былъ уже поручикомъ. Съ 1872 по 1874 годъ В. А. находился по домашнимъ обстоятельствамъ въ отставкѣ, а затѣмъ встрѣчаемъ его снова въ л.-гв. гусарскомъ Его Величества полку исправляющимъ должность бригаднаго адъютанта 2-й бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи. Въ чинѣ поручика, В. А. былъ назначенъ, 13-го декабря 1874 года, адъютантомъ къ Его Императорскому Высочеству командиру гвардейскаго корпуса, а въ чинѣ штабъ-ротмистра принималъ участіе въ послѣдней русско-турецкой войнѣ и, за отличіе въ сраженіи у селенія Тростеникъ и Мечка, награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ. Въ томъ же году онъ получаетъ почетное назначеніе состоять адъютантомъ Его Высочества Наслѣдника Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, въ то время командира гвардейскаго корпуса. Затѣмъ, удостоиваясь полученія Высочайшихъ подарковъ, чиновъ и русскихъ и иностранныхъ орденовъ, В. А. производится въ 1880 г. въ полковники и назначается адъютантомъ къ Наслѣднику Цесаревичу, командующему войсками гвардіи петербургскаго военнаго округа; въ 1881 г. покойный назначается флигель-адъютантомъ Его Величества; въ 1887 г. онъ былъ назначенъ командиромъ собственнаго Его Величества конвоя, а въ 1891 г. произведенъ въ свиты Его Величества генералъ-маіоры. Пользуясь въ теченіе долгихъ лѣтъ особеннымъ вниманіемъ нынѣ царствующаго Государя Императора, говорится въ краткомъ некрологѣ „Правительственнаго Вѣстника", покойный сопровождалъ Ихъ Величества почти во всѣхъ путешествіяхъ по Россіи и за границею. Такъ, съ 1875 по 1881 годъ, В. А. находился въ свитѣ Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича и Великой княгини Цесаревны Маріи Ѳеодоровны, во время путешествія Ихъ Высочествъ въ финляндскія шхеры, въ Копенгагенъ, въ Гельсингфорсъ, въ Ливадію, а съ 1881 по 1892 годъ сопровождалъ Ихъ Величества — неоднократно въ Москву, въ Нижній-Новгородъ, Кострому и Ярославль, на открытіе канала императора Александра II, въ Данію, въ финляндскія шхеры, Скерневицы и Спалу. При возвращеніи Ихъ Величествъ съ Кавказа въ 1888 году, покойный находился въ Императорскомъ поѣздѣ во время крушенія его на курско-харьково-азовской желѣзной дорогѣ и 7-го іюля 1889 года удостоился получить лично отъ Ихъ Величествъ Нерукотворенный образъ Спасителя въ память чудеснаго избавленія Августѣйшей Семьи. Покойный имѣлъ много русскихъ и иностранныхъ орденовъ. Онъ пользовался общей любовью и уваженіемъ и былъ особенно цѣнимъ за свою необычайную доброту и мягкосердечіе.

Пятидесятилѣтній юбилей папы Льва XIII

Торжественный колокольный звонъ всѣхъ церквей города Рима рано утромъ 7-го (19-го) февраля сообщилъ населенію о наступленіи дня, въ который пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ Левъ XIII былъ посвященъ во епископа. Уже съ четырехъ часовъ утра на площади св. Петра стали собираться и строиться въ процессіи паломники, собравшіеся въ большомъ числѣ главнымъ образомъ изъ итальянскихъ провинцій, такъ какъ иностранныхъ ожидаютъ только къ веснѣ. Ровно въ шесть часовъ открыты были двери базилики св. Петра, и паломники въ большомъ порядкѣ заняли мѣста въ ней. Порядокъ на площади св. Петра поддерживался двумя баталіонами пѣхоты. Въ десятомъ часу папа въ богато убранной базиликѣ отслужилъ обѣдню, а въ половинѣ десятаго вышелъ въ сопровожденіи духовныхъ и свѣтскихъ лицъ своего придворнаго штата, облачились въ папское облаченіе въ Cappella della Pieta и занялъ мѣсто на sedia gestatoria. Подъ звуки пѣнія Ecce sacerdos magnus, исполненной сикстинскою капеллой, папа, осѣняемый съ двухъ сторонъ рипидами, приказалъ отнести себя къ исповѣдному алтарю. Свиту папы составляли духовные сановники, болѣе ста кардиналовъ, офицеровъ дворянской и швейцарской гвардіи въ полной парадной формѣ, почетные камергеры, первый ассистентъ престола. Духовный и свѣтскій штатъ окружалъ кресло папы. Во время движенія процессіи чрезъ базилику папа благословлялъ народъ, наполнявшій церковь въ числѣ 60.000 и упавшій на колѣна при приближеніи папы. Трибуны были заняты дипломатическимъ корпусомъ, мальтійскими рыцарями, римскимъ дворянствомъ и т. д. У главнаго алтаря папа оставилъ кресло и, обратившись къ молящимся, прочелъ про себя молитву. Въ это время сикстинская капелла исполнила нѣсколько кантатовъ. Въ половинѣ одиннадцатаго, во время евхаристіи, на трибунахъ заиграли фанфары, а по окончаніи обѣдни папа Левъ XIII запѣлъ „Тебѣ Бога хвалимъ", причемъ попеременно пѣли сикстинская капелла и молящійся народъ. По окончаніи молебна папа возложилъ на себя тіару, занялъ мѣсто на своемъ креслѣ и во второй разъ благословилъ молящихся и далъ имъ отпущеніе грѣховъ. При восторженныхъ кликахъ народа и горячихъ оваціяхъ съ трибунъ папа въ сопровожденіи своего штата возвратился въ Cappella della Pieta и, разоблачившись здѣсь, въ половинѣ двѣнадцатаго отправился въ свои покои. Изъ всѣхъ странъ прибыли къ этому дню представители монарховъ и державъ, въ честь которыхъ у статсъ-секретаря Рамполлы состоялся обѣдъ, на которомъ присутствовали также всѣ посланники, аккредитованные при папскомъ престолѣ. Весь день и вечеръ въ Римѣ господствовало оживленіе, и тысячи народа толпились на улицахъ, но никакихъ безпорядковъ не было. Когда, вечеромъ, король и королева совершили свою обычную прогулку въ коляскѣ, народъ привѣтствовалъ ихъ большими оваціями, но никакихъ враждебныхъ кликовъ по отношенію къ папѣ слышно не было. Вечеромъ соборъ С. Петра, всѣ римскія церкви, монастыри и масса частныхъ домовъ были роскошно иллюминованы.

Въ 1878 г., т. е. въ годъ избранія папы Льва XIII и затѣмъ въ 1885 г. по поводу недоразумѣній между Испаніей и Германіей, въ которыхъ папѣ пришлось играть столь видную роль, во „Всемірной Иллюстраціи" были помѣщены обстоятельные біографическіе очерки Льва XIII съ характеристикою его дѣятельности. Поэтому мы ограничимся здѣсь сообщеніемъ лишь краткихъ біографическихъ данныхъ. Отецъ папы Льва XIII, Людовикъ Печчи, былъ французскимъ полковникомъ и правительственнымъ коммиссаромъ. Левъ XIII родился въ Карпинетто, 2-го марта 1810 г. и былъ названъ при крещеніи: Викентій-Джіакомо-Рафаэль Алоизій. Окончивъ курсъ наукъ въ римской коллегіи, онъ поступилъ въ духовное званіе и скоро обратилъ на себя вниманіе Григорія XVI, который назначилъ его губернаторомъ Беневента. Здѣсь Печчи предстояло бороться съ разбойничествомъ, встрѣчавшимъ въ то время сочувствіе и поддержку со стороны народа. Не смотря на это, новый папскій делегатъ умѣлъ очистить ввѣренную ему епархію отъ бандитовъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ переведенъ въ Сполетто, а потомъ въ Перуджію (Перузу), гдѣ тоже успѣлъ водворить порядокъ. Въ 1843 году онъ былъ возведенъ въ санъ архіепископа даміеттскаго и посланъ нунціемъ въ Брюссель; тамъ онъ успѣлъ понравиться королю Леопольду до такой степени, что тотъ ходатайствовалъ о назначеніи его кардиналомъ. По возвращеніи въ Римъ, Печчи былъ снова назначенъ губернаторомъ Перуджіи, а въ 1846 году Григорій XVI, незадолго передъ своею кончиной, сдѣлалъ его кардиналомъ in petto. Тѣмъ не менѣе, ему пришлось ждать кардинальской шляпы до 1853 года. Во время пребыванія въ Перузѣ, Печчи много занимался богословіемъ и даже учредилъ для подвѣдомственнаго ему духовенства академію св. Ѳомы, гдѣ разсматривались вопросы преимущественно богословскіе, при разрѣшеніи которыхъ принималъ участіе и самъ архіепископъ. Кромѣ того, Печчи серьезно изучилъ каноническое право, что не мѣшало ему также въ свободное время предаваться поэзіи. Не смотря на всѣ эти дарованія и замѣчательныя заслуги, Печчи имѣлъ вліяніе на дѣла только въ началѣ папствованія Пія IX, но потомъ, вслѣдствіе интригъ кардинала Антонелли, онъ принужденъ былъ удалиться въ свою епархію. Здѣсь онъ съумѣлъ пріобрѣсти какъ любовь своей паствы, такъ и расположеніе свѣтской власти и въ тридцать два года успѣлъ очень много сдѣлать для епархіи. Въ 1878 г. Пій IX скончался и 18 февраля того же года кардиналы отправились въ конклавъ, а 26 числа старый кардиналъ Каттерини возвѣстилъ изъ внутренней ложи собора св. Петра избраніе кардинала Печчи папою. 3-го марта состоялось вѣнчаніе Льва XIII папскою тіарою въ Сикстинской капеллѣ. Левъ XIII замѣчателенъ какъ папа, какъ дипломатъ, какъ ученый и какъ писатель.

Продавщица цвѣтовъ въ Лондонѣ

Картина миссъ Фульдъ.

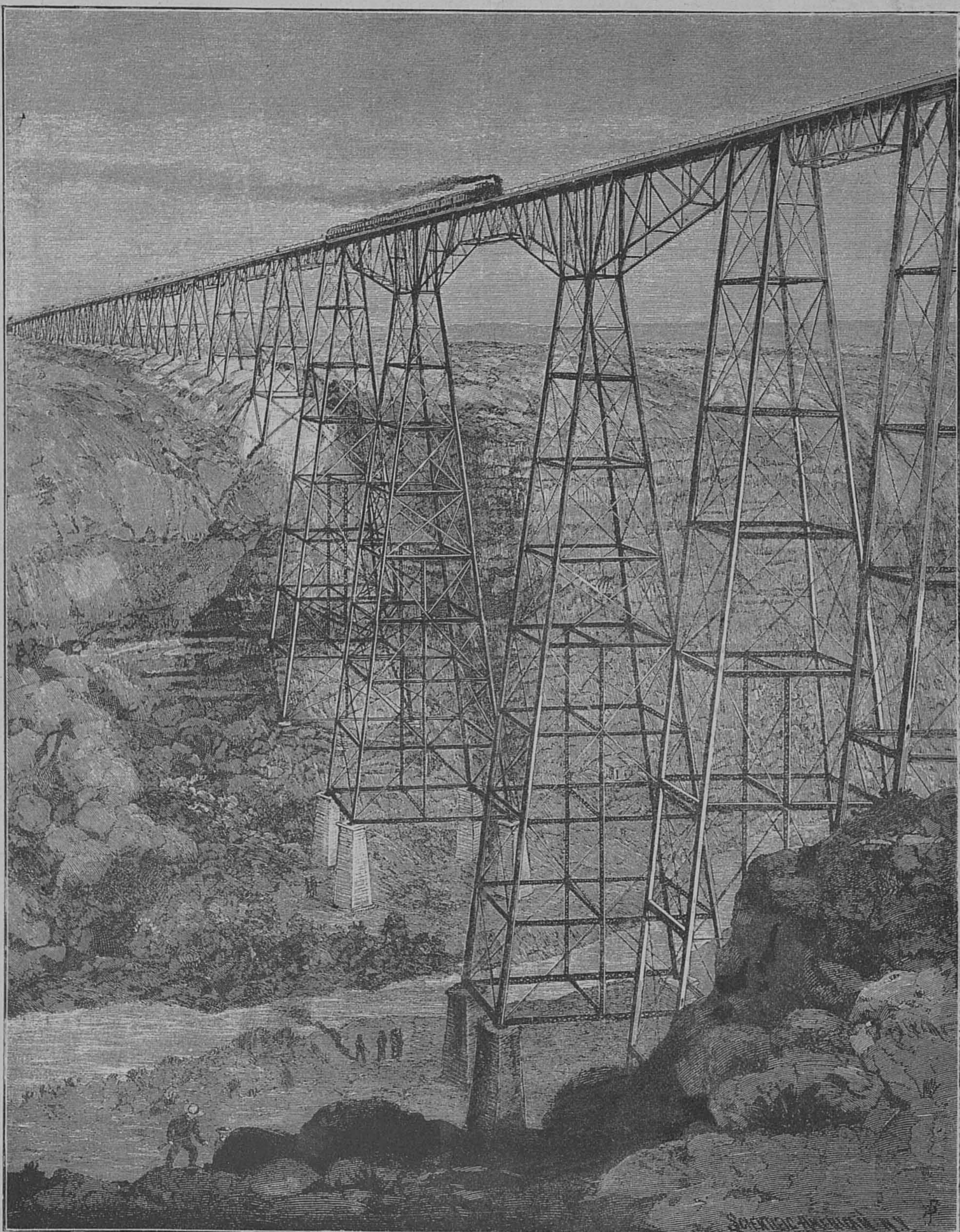
Настоящій мотивъ для кипсека это дитя съ прелестнымъ личикомъ въ ея непринужденно-граціозной позѣ и странномъ фантастическомъ костюмѣ! Конечно, эта хорошенькая дѣвушка, похожая на поэтическое созданіе легенды и напоминающая со своей цвѣтущей ношей въ рукахъ кроткій, блѣдный образъ Офеліи, можетъ быть только исключеніемъ среди бѣдныхъ дѣтей, покинутыхъ на произволъ судьбы, которыя ищутъ счастья на лондонской мостовой. Однако послѣднее обстоятельство нисколько не умаляетъ заслуги живописца, съумѣвшаго отыскать и воспроизвести на полотнѣ съ такою граціей это чарующее видѣніе, которое дышетъ свѣжестью чистоты и идеальной юности.

Художественный вечеръ въ память П. А. Ѳедотова въ Москвѣ

Въ прошломъ году, а именно 14-го ноября, минуло сорокалѣтіе со дня безвременной кончины талантливаго художника-жанриста П. А. Ѳедотова. Желая чѣмъ нибудь ознаменовать эту годовщину, московское Общество любителей художествъ и посвятило 23-го января текущаго года одинъ изъ своихъ „художественныхъ вечеровъ" всецѣло памяти „отца русскаго жанра", который своею картиной „Сватовство майора" выступилъ изъ заколдованнаго круга, царившаго въ русской живописи того времени, ложнаго классицизма и первый создалъ истинно русскую по своему содержанію и духу жанровую живопись. Этимъ Ѳедотовъ указалъ и проложилъ такимъ образомъ тотъ путь, по которому могли уже свободно шествовать такіе художники, какъ В. Г. Перовъ и В. Е. Маковскій, поднявшіе созданный Ѳедотовымъ русскій жанръ до высоты истинно національнаго искусства. Желая воскресить въ памяти присутствовавшихъ членовъ Общества въ возможно болѣе полномъ видѣ личность, творчество и значеніе Ѳедотова, К. М. Быковскій придалъ устроенному имъ „художественному вечеру" чрезвычайно разнообразный и въ высшей степени интересный характеръ. Его стараніями были собраны и выставлены въ одной изъ залъ Общества всѣ находящіяся въ Москвѣ и принадлежащія частнымъ лицамъ произведенія Ѳедотова. П. М. Третьяковъ и К. Т. Солдатенковъ любезно предоставили на этотъ вечеръ хранящіеся въ ихъ драгоцѣнныхъ коллекціяхъ картины художника, а также и другіе московскіе любители, какъ напримѣръ И. Е. Цвѣтковъ. Образовалось такимъ образомъ богатое собраніе картинъ, рисунковъ и эскизовъ, дававшихъ полное понятіе о характерѣ художественнаго творчества Ѳедотова. Тутъ же были выставлены для сравненія нѣкоторые рисунки Гогарта, который, какъ извѣстно, имѣлъ несомнѣнное вліяніе на П. А. Ѳедотова. Выставка дополнялась портретомъ художника и однимъ рисункомъ, принадлежащимъ А. И. Жемчужникову, рисункомъ, на которомъ изображено посѣщеніе Жемчужниковымъ Ѳедотова въ домѣ умалишенныхъ, гдѣ, какъ извѣстно, несчастный художникъ скончался въ 1852 году. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что этотъ рѣдкій рисунокъ „Всемірная Иллюстрація" помѣстила на своихъ страницахъ, вмѣстѣ съ портретомъ П. А. Ѳедотова, по поводу 75-й годовщины рожденія художника, въ 1890 г. (Т. XLIV, № 1126).

Въ теченіе вечера были прочитаны К. М. Быковскимъ прекрасно составленная біографія и характеристика П. А. Ѳедотова, артистами же Императорскихъ театровъ гг. Ленскимъ и Музилемъ нѣсколько поэтическихъ произведеній художника, а именно первымъ — нѣкоторыя изъ его басенъ, а вторымъ — отрывки изъ его комической поэмы „Майоръ", А. И. Жемчужниковомъ — въ высшей степени интересныя воспоминанія о Ѳедотовѣ и А. П. Новицкимъ — нѣ-

которыя характерныя черты, рисующія личность Ѳедотова изъ неизданныхъ еще воспоминаній о немъ г. Цфлуга. По окончаніи чтеній присутствовавшіе на вечерѣ члены Общества, съѣхавшіеся въ количествѣ болѣе 60 человѣкъ, перешли къ оживленной бесѣдѣ о Ѳедотовѣ и о его значеніи для русскаго искусства вообще и для русскаго жанра въ особенности, причемъ была высказана и встрѣчена общимъ сочувствіемъ мысль о пріисканіи какой либо опредѣленной формы для увѣковѣченія памяти художника, занимающаго такое выдающееся мѣсто въ исторіи русскаго искусства.



Соединенные Штаты Сѣверной Америки. — Техасъ. — Новый мостъ черезъ р. Пекосъ на тихо-океанской жел. дорогѣ.

Мостъ черезъ р. Пекосъ, въ Техасѣ

Мостъ черезъ р. Пекосъ, въ Техасѣ, представленный на нашемъ рисункѣ, замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что онъ превосходитъ почти всѣ другіе мосты въ цѣломъ свѣтѣ по своей высотѣ надъ уровнемъ воды. Этотъ мостъ, или правильнѣе віадукъ, находится на южной, тихо-океанской линіи; съ его постройкою эта дорога сократилась болѣе чѣмъ на 11 миль и, сверхъ того, миновала нѣсколько крайне рискованныхъ подъемовъ, спусковъ и крутыхъ изгибовъ. Мостъ черезъ Пекосъ на 130 футовъ длиннѣе, чѣмъ знаменитый віадукъ Кинзуа и притомъ выше послѣдняго надъ водою на 18 футовъ. Выше этого моста надъ водою только боливійскій віадукъ, въ Лоа, да и то всего лишь на нѣсколько футовъ.

Пекосскій віадукъ имѣетъ 2.180 футовъ длины. Въ немъ 34 башенныхъ пролета, каждый по 35 футовъ длины, одинъ плоскобалочный пролетъ въ 54 фута длины, восемь рѣшетчатыхъ пролетовъ до 65 футовъ, два консоля по 102 фута, два по 70 футовъ и одинъ висячій пролетъ въ 80 футовъ длины. Высота моста отъ воды до рельсовъ 321 футъ. Стальныя башни віадука покоятся на каменныхъ фундаментахъ. Мостъ потребовалъ на свое сооруженіе 1.820 тоннъ желѣза и стали. При сооруженіи моста употреблялся кранъ, со штангою въ 124 фута длины; онъ былъ утвержденъ на колесномъ базисѣ, въ 57 футовъ. Кранъ могъ нести партію рельсовъ въ 50.000 фунтовъ вѣсомъ.

Постройка Пекосскаго віадука началась въ ноябрѣ 1891 года и тянулась, съ небольшими перерывами, до февраля 1892 года. Сначала былъ выстроенъ западный конецъ сооруженія, потомъ кранъ былъ переведенъ на другой берегъ оврага и началась постройка восточной половины моста. Средняя, висячая часть заняла 67 человѣкъ рабочихъ, въ теченіе 87 дней. Вообще работа подвигалась впередъ со скоростію 750 футовъ въ мѣсяцъ. Главное завѣдываніе работами было поручено инженеру кампаніи „Фениксъ", спеціально занимающейся въ Америкѣ сооруженіемъ мостовъ, мистеру Мак'Кп. Имъ были выработаны всѣ детали построенія.

Землетрясеніе на островѣ Занте

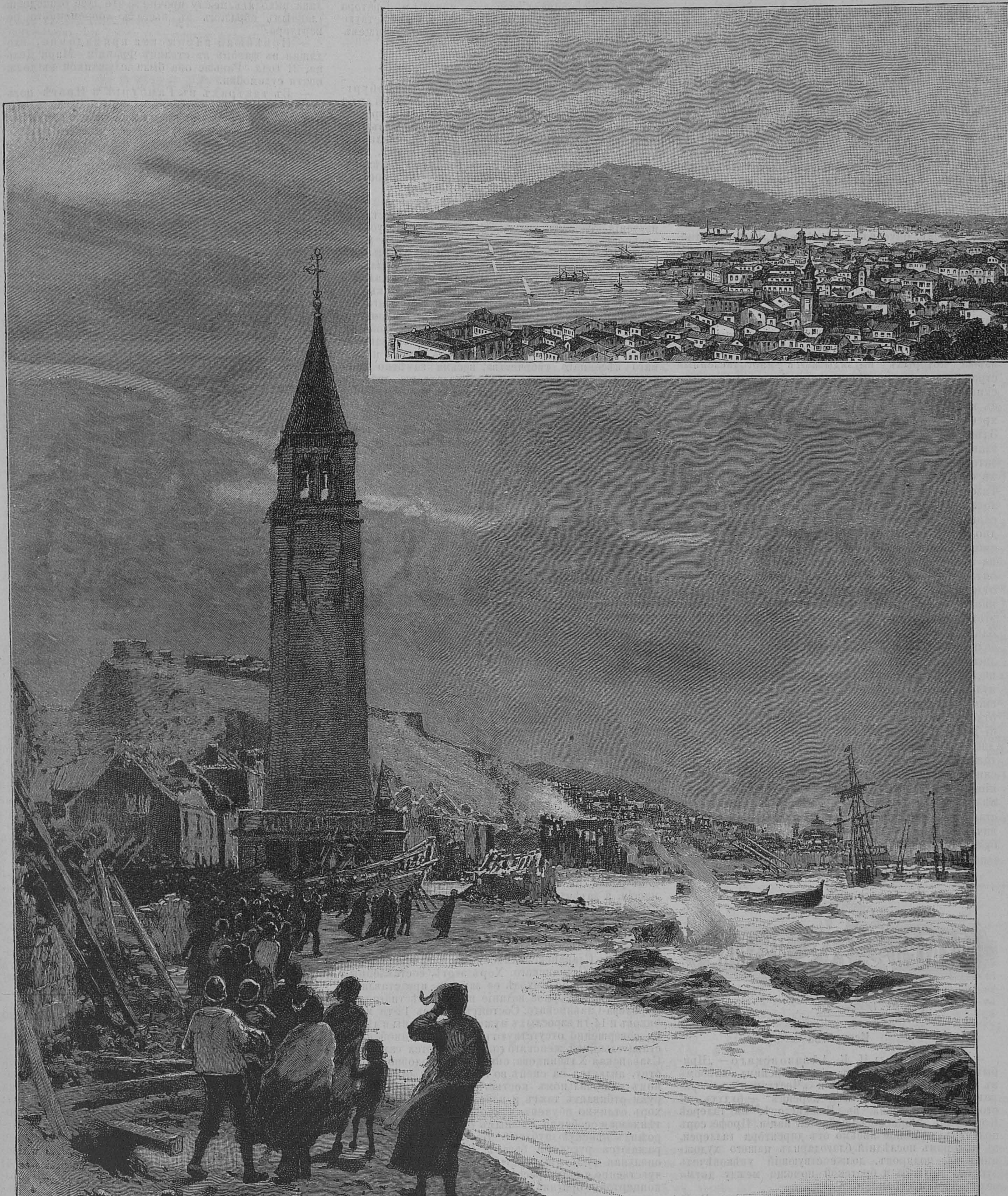
Со второй половины января, въ теченіе нѣсколькихъ дней островъ Занте, этотъ „цвѣтъ Леванта", какъ называютъ его итальянцы, подвергался сильнымъ землетрясеніямъ. 19-го января съ первыми подземными ударами всѣ зданія города Занте дали трещины, а иные дома обрушились на половину. Къ счастію, удары землетрясенія слѣдовали съ достаточными перерывами, и это дало возможность злополучнымъ жителямъ выбраться на городскія площади. Такимъ образомъ, лишь немногіе нашли гибель подъ развалинами, но раненыхъ и увѣчныхъ насчитывалось, все таки, немалое количество. Гражданскія власти города, при помощи военнаго начальства, почти немедленно озаботились успокоить взволнованное населеніе. Въ Паросъ, Патрасъ и Миссолунги были посланы телеграммы съ просьбою о присылкѣ въ Занте палатокъ, жизненныхъ припасовъ и одежды для пострадавшихъ, а также носилокъ и прочихъ приспособленій для раненыхъ. Землетрясенія произвели сильныя опустошенія. Почти треть города представляетъ собою однѣ развалины, а то немногое, что уцѣлѣло — грозитъ рухнуть, настолько зданія расшатаны. Въ старыхъ предмѣстьяхъ, гдѣ постройки болѣе или менѣе уже ветхи, землетрясеніе оставило наиболѣе опустошительные слѣды. Католическая церковь св. Марка, Скопосскій монастырь, нѣкоторые изъ древнихъ венеціанскихъ дворцовъ, эти историческіе памятники и остатки венеціанскаго зодчества — пострадали наиболѣе, также какъ и городская цитадель. Одновременно съ городомъ Занте опустошены и самыя цвѣтущія селенія острова: Керри, Магерадосъ, Агала, Муцаки, Неогари, Ромири и друг.

Сотрясенія почвы на островѣ продолжались еще почти до послѣдняго времени, но были уже менѣе часты, менѣе порывисты. Съ судовъ, стоявшихъ въ гавани острова, матросы видѣли явственно, какъ, при

Месса въ соборѣ св. Петра въ день юбилея 7 (19)-го февраля с. г.

Италія. — Римъ. Юбилейныя торжества по случаю пятидесятилѣтія епископства папы.

Рисовалъ съ натуры Данте Паолоччи.



Видъ города послѣ катастрофы. — Видъ города незадолго до землетрясенія.

Іоническіе острова. — Островъ Занте. Землетрясеніе 19 (31)-го января с. г.

Рисовалъ Ч. Вилліе.

первыхъ подземныхъ ударахъ, среди моря, верстахъ въ пяти — шести отъ порта, взвился съ быстротою молніи высоко подъ небеса огромный огненный столбъ и быстро исчезъ въ эѳирѣ. Едва въ Аѳины пришло прискорбное извѣстіе о катастрофѣ, постигшей Занте, какъ на островъ поспѣшила пріѣхать греческая королевская чета, которая и приняла живѣйшее участіе въ участи пострадавшихъ. Примѣру ихъ королевскихъ величествъ послѣдовали и частныя лица во всей Греціи. Теперь въ Занте стекаются пожертвованія, и довольно щедрыя, отовсюду, въ томъ числѣ и изъ Россіи.

Занте — красивый островъ, поверхность котораго занимаетъ 394 кв. километра, лежитъ на двадцать миль южнѣе Корфу. Собственно плоскость Занте занимаетъ лишь среднюю часть острова. Восточная сторона горнаго хребта, изъ коего нѣкогда состоялъ весь островъ, опустилась. Затѣмъ вслѣдствіе наносовъ образовалась равнина, гдѣ въ настоящее время сосредоточилось все плодородіе и все богатство острова. Этой равнинѣ Занте обязанъ поэтическимъ своимъ прозвищемъ „Fior di Levante“. Начиная отъ сѣвернаго берега вплоть до южнаго она представляется фруктовымъ садомъ, тянущимся вдоль всего берега. Центръ равнины занятъ исключительно садами коринки, необычайной культурой винограда, изъ-за которыхъ выглядываютъ многочисленныя строенія, окруженныя маслинами, фиговыми и апельсинными деревьями. По краямъ равнины, тамъ, гдѣ съ востока и запада примыкаетъ она къ горнымъ хребтамъ, — начинаются сплошные лѣса маслины. Здѣсь въ прелестномъ мѣстоположеніи ютятся 18 главныхъ деревень острова. Коринки теперь вывозится оттуда 10—15 милліоновъ фунтовъ. На островѣ есть смоляные источники въ видѣ двухъ ключей. Газовые пузырьки подымаются на поверхность ихъ, лопаются тутъ и оставляютъ по себѣ радужную маслянистую оболочку. Если же опустить палку на дно, то къ концу ея пристанетъ черная земляная смола, осаждающаяся въ небольшихъ количествахъ на почвѣ. Около этихъ источниковъ въ ночь на 30-ое октября 1840 г. послышался глухой гулъ, наподобіе отдаленнаго пушечнаго грохота. То былъ предвѣстникъ страшнаго землетрясенія, отъ котораго въ этотъ день ужасно пострадали 18 деревень равнины Занте. Изъ 3.291 дома 970 разрушились и 776 оказались сильно поврежденными. Люди опрокидывались, волы, работавшіе съ плугомъ, падали на колѣни, вѣтви маслинъ сгибались до земли, мосты рухнули и смоляные источники выбрасывали песокъ и смолу. Подземныя силы дали острову 52 года для отдохновенія отъ опустошеній 1840 г. Но вотъ „Fior di Levante“ снова постигъ давній удѣлъ странъ Средиземнаго моря, который снова на цѣлые годы уничтожилъ благосостояніе его обитателей. Для насъ русскихъ островъ Занте имѣетъ, помимо всего, значеніе историческое. 7 декабря 1860 г. на этомъ островѣ скончался одинъ изъ даровитыхъ и яркихъ представителей славянофильства — Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ, сынъ Сергѣя Тимоѳеевича и родной братъ Ивана Сергѣевича Аксаковыхъ.

ТЕАТРЪ · ИСКУССТВО · МУЗЫКА

Искусства

— Двѣ картины И. К. Айвазовскаго — „Прибытіе парохода „Лео“ съ американскимъ хлѣбомъ въ с.-петербургскій портъ“ и „Чествованіе американскаго флага въ русской деревнѣ“ — будутъ постоянно находиться въ Вашингтонѣ, въ галерeѣ Коркоранъ, принадлежащей всей націи. Профессоръ получилъ любезное письмо отъ директора галлереи, въ которомъ послѣдній благодарилъ нашего художника за подарокъ, долженствующій увѣковѣчить чувства дружбы и братской помощи между двумя величайшими странами.

— Извѣстный художникъ-баталистъ В. В. Верещагинъ въ настоящее время работаетъ надъ цѣлой серіей картинъ, взятыхъ изъ временъ пребыванія Наполеона I въ Россіи. Центральной картиной изъ наполеоновской серіи будетъ — „Пребываніе Наполеона I въ Москвѣ“ — главный періодъ его похода въ Россію. В. В. Верещагинъ уже заготовилъ для намѣченныхъ картинъ цѣлый рядъ этюдовъ.

— Между скульптурными произведеніями на выставкѣ въ Чикаго будутъ фигурировать двѣ статуи Клевеленда въ 15 аршинъ вышиною: одна изъ антрацита, другая изъ соли.

— Въ Симиттѣ, въ Тунисѣ, отрытъ древній театръ, представляющій нѣкоторыя особенности въ постройкѣ. Нижняя часть полукруга со ступеньками хорошо сохранилась; она была вся подъ землей; мѣсто, отведенное для оркестра, украшено разноцвѣтной мозаикой, составленною изо всѣхъ оттѣнковъ нумидійскаго мрамора, бывшаго въ употребленіи въ древности. Въ числѣ мелкихъ вещей, найденныхъ при раскопкахъ, попались монеты императора Филиппа и множество осколковъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что театръ позже служилъ жилищемъ. Сцена еще не открыта.

Театръ и музыка

— Артистки Императорской с.-петербургской оперы М. И. Долина и М. А. Михайлова предприняли концертное путешествіе. Онѣ предполагаютъ посѣтить Кіевъ, Минскъ, Николаевъ, Кишиневъ, Елисаветградъ и Одессу. М. И. Долина и ранѣе, во время своего провинціальнаго турне, пользовалась вполнѣ заслуженнымъ большимъ успѣхомъ. М. А. Михайлова (по происхожденію малоросска), кажется, впервые появится въ провинціи.

— Спеціальныя каѳедры русской народной музыки. Для основательнаго знакомства и изученія своеобразныхъ, отмѣченныхъ глубокою древностью, особенностей русской народной музыки въ русскихъ консерваторіяхъ и музыкальныхъ училищахъ предполагается устроить спеціальныя каѳедры русской народной музыки — для спеціальной музыкально-теоретической подготовки лицъ къ глубокому и внимательному изученію этого особаго музыкальнаго стиля, систематическому и точному собиранію и изслѣдованію памятниковъ русской народной музыки и осмысленному и умѣлому записыванію и изданію въ свѣтъ остатковъ нашего народнаго пѣсеннаго творчества, весьма замѣтно исчезающаго и замѣняемаго либо солдатскою, либо городскою и заводскою пѣснью весьма низкопробнаго культурнаго характера и довольно сомнительнаго достоинства.

— А. Г. Рубинштейнъ недавно давалъ концертъ въ пользу Beethovenhaus въ Боннѣ, состоящій изъ произведеній Бетховена и долженствовавшій показать историческое развитіе бетховеновской фортепіанной музыки.

— Русская музыка, остававшаяся долгое время совершенно неизвѣстною Западной Европѣ, съ каждымъ годомъ распространяется тамъ все болѣе и болѣе и пріобрѣтаетъ полное право гражданства на оперныхъ сценахъ и концертныхъ эстрадахъ. Такъ, недавно въ Бернѣ исполнялись съ громаднымъ успѣхомъ увертюра къ „Руслану и Людмилѣ“, „Элегія“ изъ струнной серенады Чайковскаго и фортепіанное тріо того же автора; въ Брюсселѣ — „Восточная фантазія“ Глазунова и отрывки изъ „Игоря“ Бородина.

— Извѣстный русскій скрипачъ г. Адольфъ Бродскій, занимающій нынѣ постъ профессора въ Нью-Іоркѣ, получилъ недавно норвежскій орденъ св. Олафа.

— Севастопольскій театръ на предстоящій весенній сезонъ снятъ артистомъ одесскаго городскаго театра, извѣстнымъ и Петербургу, комикомъ А. К. Мартыновымъ, которому удалось сформировать товарищество на паяхъ изъ артистовъ одесской русской драматической труппы театра, арендуемаго г. Грековымъ. Режиссировать въ Севастополь отправляется г. Аграмовъ.

— Въ Берлинѣ, въ симфоническомъ собраніи, въ королевскомъ оперномъ театрѣ недавно исполнена была вторая симфонія Бородина. Композиція имѣла большой успѣхъ; мѣстная критика отнеслась къ ней весьма сочувственно.

— Обычная проба голосовъ въ русской оперѣ въ С.-Петербургѣ происходила на второй недѣлѣ поста. Сперва желающіе экзаменовались подъ рояль въ присутствіи экзаменаціонной коммиссіи, а затѣмъ, на другой день, въ присутствіи публики подъ оркестръ на сценѣ Маріинскаго театра.

— Хоръ г-жи Славянской-Хлѣбниковой. Въ Вѣнѣ недавно большимъ успѣхомъ пользовался хоръ г-жи Славянской-Хлѣбниковой, дочери извѣстнаго пѣвца Славянскаго. Хоръ этотъ, составленный юной пѣвицей по выходѣ ея замужъ, представляетъ какъ бы миніатюрное изданіе всѣмъ извѣстнаго хора Агренева-Славянскаго. Состоитъ онъ изъ 12-ти мальчиковъ и 14-ти взрослыхъ мужчинъ; женщины и дѣвочки совершенно отсутствуютъ, и единственной представительницей женскаго голоса является сама г-жа Славянская-Хлѣбникова; она всегда, подобно своему отцу, является на сценѣ во главѣ хора въ прекрасномъ національномъ костюмѣ, легкимъ движеніемъ руки отбиваетъ тактъ и исполняетъ всѣ соло. Весь хоръ отлично обученъ: разнообразными своими оттѣнками и особенно нѣжнымъ піаниссимо онъ обворожилъ вѣнскую публику. Больше всего вѣнцы поражаются русскими басами. Вообще русская національная музыка была встрѣчена въ Вѣнѣ очень сочувственно и заинтересовала всѣхъ посѣтителей этихъ концертовъ оригинальностью русскихъ мелодій и ритма.

— Въ предстоящемъ лѣтнемъ сезонѣ въ Ораніенбаумѣ будетъ играть симфоническій оркестръ. Дирижеромъ приглашенъ вмѣсто г. Келлера недавно окончившій курсъ консерваторіи г. Тулчевъ.

— П. И. Чайковскій избранъ кембриджскимъ университетомъ докторомъ музыки; церемонія возведенія въ это званіе состоится въ іюнѣ текущаго года. Изъ русскихъ композиторовъ г. Чайковскій, кажется, первый удостоился этой чести со стороны англичанъ.

— Итальянскій композиторъ Фабрисъ написалъ новую оперу „Магометъ II“, имѣвшую успѣхъ въ театрѣ Россини, въ Венеціи; итальянскія газеты предсказываютъ автору, что ему предстоитъ „открыть новую блестящую эру оперной музыки“.

— Брошюра извѣстнаго критика Евгенія Цабеля, въ которой будутъ помѣщены подробные отзывы Сальвини, Росси и Ристори о значеніи Элеоноры Дузе какъ артистки вышла на дняхъ. Эти лица находятъ, между прочимъ, что Дузе безподобна главнымъ образомъ въ пьесахъ современнаго репертуара.

— Новѣйшая парижская примадонна, входящая въ фаворъ въ столицѣ Франціи — Мари Дельна, 21 года. Раньше она была служанкой въ должности судомойки.

— Въ театрахъ въ Гамбургѣ и Прагѣ пользуется большимъ успѣхомъ драма „Вазантасена“ индійскаго короля Судрака, жившаго слишкомъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Пьеса эта шла недавно въ Берлинѣ въ королевскомъ драматическомъ театрѣ.

НОВОСТИ НАУКИ И ЦИВИЛИЗАЦІИ

Школа

— Департаментъ земледѣлія и сельской промышленности, какъ сообщаютъ столичныя газеты, обратился на дняхъ циркулярно къ земскимъ учрежденіямъ съ предложеніемъ доставить въ непродолжительномъ времени краткія свѣдѣнія о тѣхъ земскихъ народныхъ школахъ, мужскихъ и женскихъ, въ которыхъ существуетъ обученіе какимъ либо ремесламъ, съ обозначеніемъ названія школы, мѣстонахожденія ея и какимъ именно ремесламъ обучаются ученики, кто обучаетъ ремесламъ, сколько за это платится вознагражденія и какая ассигнуется на каждую школу сумма для пріобрѣтенія матеріаловъ для работъ и инструментовъ.

— Школы маслодѣлія и молочнаго хозяйства. Какъ извѣстно, министерство государственныхъ имуществъ признало необходимымъ открыть цѣлый рядъ школъ маслодѣлія и молочнаго хозяйства въ сѣверо-западныхъ и сѣверныхъ губерніяхъ Россіи. Въ настоящее время уже открыты четыре такихъ школы въ виленской, ковенской, новгородской и петербургской губерніяхъ. Въ текущемъ году будутъ открыты 5—6 такихъ же школъ въ ярославской, костромской, тверской, псковской и друг. губерніяхъ.

Медицина и гигіена

— Благодѣтельный законъ. Въ Америкѣ, въ штатѣ Массачузетъ, съ 1891 года дѣйствуетъ законъ, имѣющій въ виду „чистоту продаваемаго платья“. Всѣ мастерскія, гдѣ шьются различнаго рода платья, переписаны и находятся подъ постояннымъ надзоромъ врача, обязаннаго извѣщать санитарную коммиссію о всякомъ заразномъ случаѣ. При появленіи въ мастерской заразной болѣзни разсылка заказовъ изъ нея временно прекращается, впредь до полнаго обеззараживанія какъ помѣщенія, такъ и вещей. Мастерская должна быть вполнѣ чиста. Вещи же кустарнаго производства должны имѣть особые знаки съ обозначеніемъ, гдѣ и кѣмъ онѣ изготовлены.

— Мѣра, достойная подражанія. Въ гор. Николаевѣ (херсонской губ.) по распоряженію администраціи всѣ торговыя бани по понедѣльникамъ обеззараживаются растворомъ сулемы (1:1000) подъ наблюденіемъ санитарнаго городскаго врача.

— Похвальное въ гигіеническомъ отношеніи нововведеніе появилось въ нѣкоторыхъ кондитерскихъ Варшавы. На буфетахъ выставлены дощечки съ надписью, предупреждающею, что пирожное, до котораго покупатель дотронулся рукою, считается купленнымъ. Кто наблюдалъ, какъ нѣкоторые покупатели перебираютъ пирожное руками, зачастую не совсѣмъ чистыми, прежде чѣмъ выберутъ себѣ по вкусу, тотъ вполнѣ одобритъ это нововведеніе, достойное подражанія.

Торговля, промышленность и сельское хозяйство

— Всероссійскій съѣздъ овцеводовъ. На разрѣшеніе министерства государственныхъ имуществъ представлено ходатайство о созывѣ въ іюнѣ сего года, во время шерстяной ярмарки въ Варшавѣ, всероссійскаго съѣзда овцеводовъ. Программа съѣзда, по проекту, заключается въ слѣдующемъ: 1) облегченіе провоза шерсти по желѣзнымъ дорогамъ; 2) облегченіе экспортной торговли, затрудняемой нынѣ нѣкоторыми европейскими государствами путемъ закрытія границъ подъ видомъ опасенія заноса эпизоотіи; 3) открытіе школы овцеводства; 4) устройство овечьихъ выставокъ въ связи со съѣздами овцеводовъ; 5) учрежденіе образцовыхъ овчаренъ на средства министерства государственныхъ имуществъ; 6) урегулированіе внутренней торговли шерстью; 7) обсужденіе наиболѣе раціональнаго направленія въ дѣлѣ выкормки овецъ, соотвѣтственно съ требованіями рынковъ, для полученія какъ наилучшей шерсти, такъ и наилучшаго мяса.

— Скотоводство въ виленской губерніи развито не особенно велико, что объясняется недостаточнымъ количествомъ луговъ и скудностью злаковъ на пастбищныхъ участкахъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ виленскою уѣздною полиціею, въ 1891 году числилось въ губерніи 1.555.963 головы скота, а именно: лошадей 222.408, рогатаго скота 561.203, овецъ простыхъ 401.931 и тонкорунныхъ 6.300, свиней 340.372 и козъ 23.819. Что касается овцеводства, то мериносовыя тонкорунныя породы разводятся только немногими помѣщиками виленскаго, лидскаго, ошмянскаго и вилейскаго уѣздовъ, причемъ больше всего мериносовъ — 2.700 штукъ — разведено

въ имѣніи наслѣдниковъ графа Хрептовича — Вишневѣ, ошмянскаго уѣзда. Всей шерсти съ мериносовъ въ губерніи снято было въ 1891 году около 600 пудовъ, на 7.200 руб., считая пудъ по 12 р.

Некрологъ

Фонъ-Лизандеръ Ѳедоръ Станиславовичъ, д. ст. сов., директоръ царскосельской желѣзной дороги, бывшій лифляндскій губернаторъ, а ранѣе служившій въ военной службѣ, † въ Павловскѣ, с.-петербургской губерніи, 15-го февраля, 80 лѣтъ.

Звѣринскій Василій Васильевичъ, д. ст. сов., старшій редакторъ центральнаго статистическаго комитета, авторъ историко-статистическаго изслѣдованія о монастыряхъ въ Россіи, бывшій сотрудникъ „Правительственнаго Вѣстника", „Новостей", „Статистическаго Временника" и другихъ изданій, † въ Спб. 22-го февраля.

Некрасовъ Иванъ Юліевичъ, д. ст. сов., инспекторъ народныхъ училищъ московской губерніи, инспекторъ научныхъ классовъ московской консерваторіи Императорскаго русскаго музыкальнаго общества, членъ общества распространенія полезныхъ книгъ, писатель, † въ Москвѣ 25-го января.

Пожарскій Василій Григорьевичъ, секретарь канцеляріи министра Императорскаго Двора, бывшій учитель с.-петербургской ларинской гимназіи, каллиграфъ, † въ Спб. 17-го февраля, 48 лѣтъ. Его „Полный курсъ чистописанія русскаго, греческаго, латинскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ" и „Руководство для учителей и родителей къ полному курсу русскаго чистописанія" приняты во всѣхъ учебныхъ вѣдомствахъ. Онъ первый ввелъ методику въ обученіе письму.

Родзянко Аделаида Алексѣевна, урожденная Зубова, даровитая писательница, бывшая начальница кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ, † въ д. Брусово, полтавской губ., 14-го февраля, 66 лѣтъ. Она писала романы, очерки и драматическія произведенія въ „Библіотекѣ для Чтенія", „Сынѣ Отечества" (50-хъ годовъ), „Пантеонѣ" подъ псевдонимомъ *А. А. Тальцева.*

Троянъ Алоизій Православъ, д-ръ, старѣйшій членъ младо-чешской партіи, депутатъ австрійскаго рейхсрата и пражскаго сейма, † въ Прагѣ 28-го января (9 февраля), 78 лѣтъ. Къ младочешской партіи онъ перешелъ всего три года тому назадъ, такъ какъ до того принадлежалъ къ партіи г. Ригера, съ которымъ прежде былъ связанъ узами тѣснѣйшей дружбы, будучи, какъ и онъ, послѣдователемъ Фр. Палацкаго, но съ которымъ окончательно разошелся послѣ того, какъ Ригеръ подписалъ протоколы вѣнской конференціи о „чешско-нѣмецкомъ соглашеніи". Троянъ принималъ дѣятельное участіе въ политическомъ движеніи 1848 года, былъ членомъ чешской депутаціи, явившейся въ томъ году въ Вѣнѣ, и былъ избранъ также депутатомъ учредительнаго рейхсрата, засѣдавшаго въ Кремсирѣ. Въ 1885 году Троянъ провозглашенъ былъ докторомъ правъ пражскаго университета и затѣмъ занялъ должность нотаріуса въ Раконицѣ, мѣстѣ своего рожденія. Депутатомъ чешскаго сейма онъ состоялъ съ 1861 года, а рейхсрата съ 1867 года; онъ получилъ также званіе почетнаго гражданина городовъ Раконицъ и Праги. Троянъ всегда являлся ярымъ защитникомъ государственнаго права Чехіи, о которомъ издалъ нѣсколько сочиненій, и горячо отстаивалъ автономныя права чешской земли и народа; онъ

пользовался высокимъ уваженіемъ не только своихъ друзей, но и политическихъ противниковъ всѣхъ лагерей. По образу своихъ занятій Троянъ былъ юристъ и, какъ таковой, пользовался большой извѣстностью; онъ издалъ нѣсколько юридическихъ сочиненій и политическихъ брошюръ. Какъ парламентаристъ, онъ былъ членомъ цислейтанскаго парламента и чешскаго сейма, президентомъ парламентской коммиссіи и чешской делегаціи рейхсрата.

Тенъ Ипполитъ-Огюстъ, знаменитый французскій писатель, историкъ, членъ французской академіи, † въ Парижѣ 21-го февраля, 65 лѣтъ.

Шереметевъ Владиміръ Алексѣевичъ, свиты Его Величества генералъ-маіоръ, † въ Спб. 17-го февраля, 46 лѣтъ.

Астрономическій календарь

1—15 марта 1893 г.

Мартъ.	Средн. время въ ист. полд.		Въ С.-Петербургѣ. Восхожд. солнца.		Захожд. солнца.		Восхожд. луны.		Захожд. луны.		Въ Москвѣ. Восхожд. солнца.		Захожд. солнца.		Восхожд. луны.		Захожд. луны	
	ч.	м.	ч.	м.	ч.	м.	ч.	м.	ч.	м.	ч.	м.	ч.	м.	ч.	м.	ч.	м.
1	12	9.5	6	23	5	58	6	14у	10	15у	6	21	6	0	5	20у	11	10у
3	12	8.9	6	17	6	3	6	33	1	34в	6	15	6	4	6	4	2	0в
5	12	8.4	6	11	6	8	6	36	4	55	6	10	6	8	6	25	5	4
7	12	7.8	6	5	6	12	6	36	8	17	6	5	6	12	6	42	8	7
9	12	7.2	5	59	6	17	6	38	11	53	6	0	6	16	7	0	11	23
11	12	6.6	5	53	6	22	6	50	1	47у	5	54	6	20	7	37	1	2у
13	12	6.0	5	47	6	27	8	6	4	50	5	49	6	24	9	10	3	43
15	12	5.4	5	40	6	32	11	20	5	37	5	44	6	28	11	59	4	58

Солнце 8 марта вступаетъ въ знакъ Овна — начало весны.

Луна въ новолуніи 6-го, въ первой четверти 12-го марта.

Почтовый ящикъ

Севастополь, Ф. А. Б—скому. Отвѣтъ на ваше письмо вы найдете въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ нынѣшняго нумера.

Варшава, А. Г—скому. Мы сами потеряли было изъ виду „знаменитаго" Мишеля Бернова... но, слава Богу, отыскали его затерянный слѣдъ. Теперь этотъ славный мужъ изучаетъ моды „конца вѣка", занимается выкройками и готовитъ диссертацію о вліяніи кринолиновъ на равноправность женщинъ острововъ Зеленаго мыса... или что-то въ этомъ родѣ.

СОДЕРЖАНІЕ НУМЕРА

Текстъ.

Рисунки.

За редактора **Э. Д. Гоппе.**
Издательница **А. П. Гоппе.**

ШАХМАТЫ

подъ редакціей **А. П. Шишкина**

ЗАДАЧА № 1551

Karel Musil

Изъ „Zlata Praha".

Черные

Бѣлые

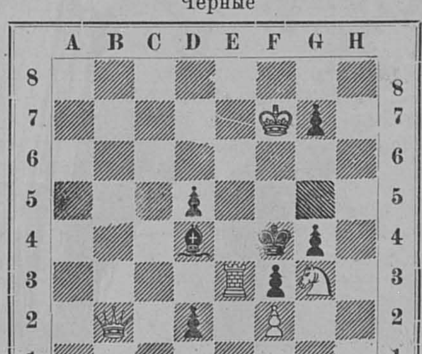
Матъ въ 3 хода.

ЗАДАЧА № 1552

Девизъ: **„Vivat!"**

Изъ конкурсныхъ задачъ „Шахматнаго Обозрѣнія"

Черные



Бѣлые

Матъ въ 2 хода.

ПАРТІЯ № 1027

Играна по консультаціи въ московскомъ собраніи врачей 2-го января 1893 года.

Вѣнская партія

М. И. Чигоринъ	К. К. Верманъ Б. П. Григорьевъ Д. Н. Павловъ.
Бѣлые	Черные

1. e2—e4 e7 - e5
2. К b1—c3 К g8—f6
3. d2—d3 С f8—c5*a*)
4. g2—g3 d7—d6
5. С f1—g2 К b8—c6
6. К c3—a4 С c5—b6
7. К g1—e2 Ф d8—e7
8. 0—0 h7—h6
9. c2- c3 К c6—d8*b*)
10. К a4 : b6 a7 : b6
11. f2—f4 0—0
12. f4—f5 К f6—h7
13. Ф d1—e1 f7—f6
14. g3—g4 К d8—f7
15. Кр g1—h1*c*) С c8—d7
16. К e2—g1 С d7—c6
17. К g1—f3 Л f8—d8
18. c3—c4 b6—b5
19. b2—b3 b5 : c4
20. b3 : c4 b7—b5
21. Ф e1--c3 b5 : c4
22. К f3—h4 Ф e7—d7*d*)
23. d3 : c4 К h7—g5
24. Л f1—e1 Л a8—a4
25. К h4—g6 К f7—h8
26. h2—h4 К g5—f7
27. К g6 : h8 Кр g8 : h8
28. С g2—f3 Ф d7—e7
29. a2—a3 Л d8—g8
30. Л a1—a2 g7—g6
31. f5 : g6 Л g8 : g6
32. Л a2—h2 Ф e7—e6
33. c4--c5*e*) d6—d5
34. Ф c3—b3 Л a4--c4
35. g4—g5*f*) d5 : e4
36. С f3—e2*g*) e4
37. Кр h1— Л —e—
38. С e2 :
39. С c1 : e3 Ф b3—c3
40. Л h2—d2 f6 : g5
41. h4—h5 Л g6—f6
42. Л d2—d1 Ф c3—c2
43. С g4—h3 Ф c2 - e4
44. Кр g1—h2 g5—g4
45. С e3—g5 Л f6—f2†

Бѣлые сдались. *i*)

Примѣчанія къ партіи

a) Нѣсколько сильнѣе было бы, какъ играли Цукертортъ и Мэкензи, 3... d7—d5 и если 4. f2—f4, то 4... e5 : f4; 5. С c1 : f4, С f8—b4 и т. д.

b) 9... С c8--g4 и затѣмъ 10... 0—0—0—едва ли было безопасно для черныхъ.

c) Съ цѣлью, какъ это и видно будетъ далѣе, перевести коня съ e2 черезъ g1, f3 и h4 на g6. Трудно указать вполнѣ опредѣленно причину проигрыша партіи бѣлыхъ; но очень можетъ быть, что причина эта отчасти заключалась въ слишкомъ много затраченномъ времени на вышепомянутый переводъ коня на g6 въ связи съ мѣной на b6, усилившей пѣшки черныхъ на ферзевомъ флангѣ и открывшей чернымъ линію a для ладьи.

d) Послѣ этого хода вмѣсто Б. П. Григорьева, уѣхавшаго по дѣлу, вступилъ Е. А. Шмидтъ („Шахм. Обозр." № 19).

e) На 33. Л h2—c2 могло бы послѣдовать 33... Л g6 : g4; 34. С f3 : g4, Ф e6 : g4 и т. д. и бѣлые за качество выигрывали бы нѣсколько пѣшекъ.

f) Ходъ, повлекшій за собой быстрый проигрышъ партіи. Здѣсь слѣдовало продолжать, какъ указалъ и самъ М. И. Чигоринъ по окончаніи партіи, 35. С c1—e3, d5—d4 (но не 35... d5 : e4, такъ какъ тогда 36. С f3—e2 и бѣлые выигрываютъ качество); 36. С e3—d2 и затѣмъ бѣлые успѣваютъ защитить этимъ слономъ свою пѣшку c5.

g) Ходъ 36. С f3—g2 нѣсколько затянулъ бы игру, но, очевидно, не спасъ партіи.

h) Черные, увлекшись выигрышемъ ферзя, просмотрѣли матъ въ 7 ходовъ: 38... Ф e6 : g4†; 39. Кр g1—f1, Ф g4—f3†; 40. Кр f1—g1, К f7 : g5! (угрожая 41... К g5—h3×); 41. Ф b3—b8†, Кр h8—h7; 42. Ф b8—h8† (если 42. Ф b8 : c7†, то 42... К g5—f7† и въ слѣдующій ходъ матъ), Кр h7 : h8; 43. h4 : g5, Л g6 : g5† и 44... Ф f3 : g2×.

i) Черные дѣлаютъ матъ въ 3 хода: 46. Кр h2—g1, Л f2—g2†; 47. Кр g1—h1, Л g2—e2† и 48 Ф e4—h1×.

Всю корреспонденцію по шахматному и шашечному отдѣламъ просимъ адресовать въ редакцію журнала „Всемірная Иллюстрація": Петербургъ, Садовая ул., 22.

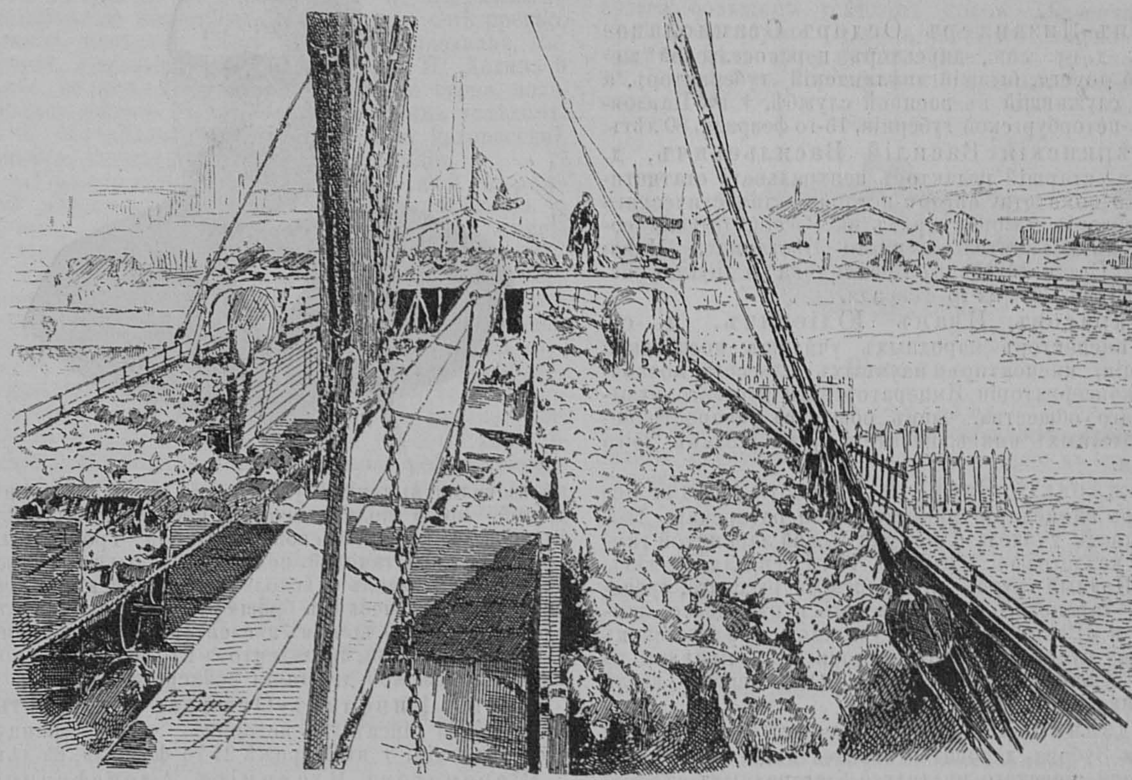
Доставка овецъ изъ Россіи въ Марсель

Франція потребляетъ огромное количество баранины. Мѣстное овцеводство далеко не удовлетворяетъ существующей широкой потребности и потому весьма значительное число барановъ приходится ввозить изъ другихъ странъ. Нѣкоторое время Алжирія усердно снабжала свою метрополію бараниною, но громадный спросъ съ трудомъ удовлетворялся алжирскимъ ввозомъ. Нѣкоторые коммерсанты вспомнили, что огромныя стада овецъ разводятся въ Россіи, и что доставка ихъ изъ южныхъ портовъ Россіи, въ порты южной Франціи, напр., въ Марсель, должна быть не многимъ затруднительнѣе, чѣмъ

доставка изъ Алжиріи. Первыя попытки ввоза русскихъ овецъ, предпринятыя года четыре тому назадъ одною французскою и одною англійскою компаніею потерпѣли неудачу, въ которой, впрочемъ, были виноваты предприниматели: — они биткомъ набили овцами свои пароходы и бѣдныя животныя дохли въ дорогѣ какъ мухи; одинъ пароходъ потерялъ, такимъ образомъ, около 800 барановъ изъ 1.400, которыхъ онъ захватилъ изъ Одессы. Первыя попытки ввоза на этомъ и прекратились. Но нашлись другіе предприниматели, которые воспользовались ошибками предшественниковъ въ свое поученіе. Они приспособили хорошія, удобныя помѣщенія на судахъ для перевозимыхъ овецъ, и первые же опыты показали, что при такомъ устройствѣ смертность между баранами сразу понизилась до самой низкой цифры. Огромные пароходы, вродѣ „Alesia" и „Pietavia" захватываютъ заразъ по 5—6 тысячъ головъ овецъ и теряютъ изъ нихъ за всю дорогу 10—15 штукъ.

Русскіе бараны — большею частію поступившіе въ бракъ мериносы нашихъ громадныхъ южныхъ степныхъ стадъ; ихъ мясо чрезвычайно высоко цѣнится на югѣ Франціи; въ Ниццѣ, въ Каннѣ русскую баранину особенно охотно берутъ къ столу во множествѣ проживающіе въ этихъ городахъ иностранцы. Ввознымъ портомъ служитъ исключительно Марсель, но, конечно, лишь незначительная часть баранины остается на мѣстѣ, на югѣ Франціи, большая же часть идетъ въ Парижъ.

На нашемъ рисункѣ представлена часть палубы судна „Alesia", спеціально приспособленнаго для перевозки барановъ. Животныя не особенно тѣсно скучены, за ними ухаживаютъ внимательно и заботливо, во время даютъ имъ кормъ и воду. Разгрузка живой клади въ Марсели привлекаетъ не мало любопытныхъ. Какъ извѣстно, бараны сами ни за что на свѣтѣ не сойдутъ съ палубы, надо, чтобъ имъ показалъ дорогу кто нибудь изъ ихъ же собратій; тогда уже они хлынутъ за передовикомъ неудержимымъ потокомъ. У перевозчиковъ всегда и есть въ запасѣ нѣсколько штукъ такихъ старыхъ барановъ, спеціально выдрессированныхъ; они послушно выступаютъ впередъ на зовъ сторожа и идутъ за нимъ. Французы прозвали такихъ передовиковъ „кадетами". Разгрузчики вводятъ „кадетовъ" на палубу судна, прибывшаго съ баранами; кадеты сначала долго ходятъ между овцами, какъ бы пріучая ихъ къ себѣ, чтобъ заставить ихъ съ собою освоиться. Потомъ сторожъ, стоящій на дебаркадерѣ зоветъ къ себѣ „кадета"; тотъ проходитъ впередъ, спускается по наклонной сходнѣ, съ высокими, прочными перилами, и за нимъ мгновенно кидается весь грузъ судна, которое, такимъ образомъ, безъ малѣйшихъ хлопотъ, разгружается въ теченіе нѣсколькихъ минутъ.



Видъ парохода съ овцами до разгрузки.

Франція. — Марсель. Прибытіе парохода съ транспортомъ русскихъ овецъ.

Съ фотографіи Б. Фюрнье рисовалъ Филльоль.

Русскія торговыя сношенія съ Западомъ.

Дозв. цензурою. СПб. 25-го февраля 1893 г. Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

ВЕНЗЕЛЯ ИЗЪ БОА.

(Самоновѣйшее изобрѣтеніе сестеръ-близнецовъ).

Три барышни, сестры-близнецы, Софія, Анна и Ольга такъ поразительно похожи одна на другую, что на улицѣ ихъ неизбѣжно смѣшиваютъ даже самые близкіе знакомые и родственники. Чтобы какъ нибудь отличаться одна отъ другой, сестры-тройни и придумали носить боа такимъ образомъ, чтобы каждое представляло собою начальную букву имени одной изъ сестеръ.

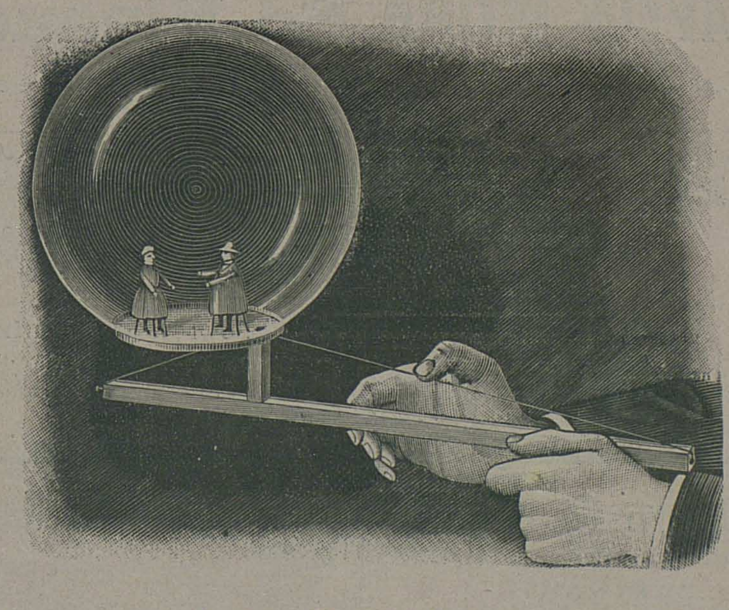
Балъ въ мыльномъ пузырѣ

Прежде всего позаботьтесь объ оркестрѣ: возьмите линейку или любую длинную дощечку; въ каждый конецъ вбейте по гвоздю (винтъ еще лучше); промежъ гвоздей натяните тоненькую струнку (всего лучше металлическую); подъ струнку суньте торчмя какую нибудь подставку („кобылку“), и музыкальный инструментъ, называемый „монохордъ“ (однострунка), готовъ.

Теперь примитесь за танцоровъ: изъ пробки (а еще лучше изъ сердцевины бузины) изготовьте крохотныхъ человѣчковъ, которыхъ, ради красы, можете раскрасить красками, но обязательно масляными. Такъ какъ плясуны ваши могутъ скакать, но удержаться на ногахъ даже — по буднямъ — не въ состояніи, то для нихъ необходимъ пьедесталъ, состоящій изъ шашки и шпиля; шашкой служитъ тонкій кусокъ пробки, а для шпиля употребляется кусочекъ тоненькой проволоки или бисерной иголки (послѣднее хуже); одинъ конецъ проволоки втыкается въ середину шашки, другой въ корпусъ фигурки, и кордебалетъ вашъ на лицо.

Осталось дѣло за помѣщеніемъ: къ одному концу линейки, надъ струной, прикрѣпите гвоздемъ или винтомъ крышку съ жестяной коробки (напр. изъ подъ монпансье); края крышки смочите мыльнымъ растворомъ, которымъ покройте также и плясуновъ (именно въ виду этого обязательна масляная краска); затѣмъ вооружитесь соломенкой, выдуйте мыльный куполъ требуемой величины и сыграйте „казачка“ на монохордѣ: звукъ струны заставитъ дребезжать линейку, линейка сообщитъ свое движеніе паркету бальной залы (т. е. жестяной крышкѣ), тотъ передастъ его плясунамъ, и „казачокъ“ вашъ будетъ исполненъ самымъ блистательнымъ образомъ.

Пользуемся случаемъ, чтобы кстати сдѣлать оговорку.



Въ № 1255 „Всем. Илл.“ помѣщенъ рецептъ для мыльнаго раствора: 1/3 глицерина и 2/3 олеинокислой соды. Рецептъ этотъ, въ оригиналѣ заимствованный нами изъ весьма популярнаго заграничнаго журнала, грѣшитъ краткостью и неясностью; благодаря этому случилось нѣсколько недоразумѣній, которыя спѣшимъ устранить.

Для химика или технолога выраженіе „олеинокислая сода“ вполнѣ понятно, такъ какъ это названіе правильное, научное, такое же, какъ выраженіе „хлористый натръ“ или „хлорновато-кислое кали“; но для нетехника проще и понятнѣе обычныя наименованія — „поваренная соль“ и „бертолетовая“, а вмѣсто олеинокислой соды — обыкновенное „зеленое мыло“. Мыло это отличается отъ другихъ твердыхъ мылъ (не спеціальныхъ, а обыкновенныхъ: сѣраго, бѣлаго, синяго, краснаго и т. д.) тѣмъ, что первое представляетъ натровое соединеніе, а прочія — калійныя соединенія жирныхъ кислотъ, между которыми олеиновая кислота занимаетъ первое мѣсто. Олеиновая кислота, обработываемая такъ называемой „ѣдкой содой“ (т. е. тѣмъ же ѣдкимъ натромъ, носящимъ въ торговлѣ названіе „caustische Soda“), образуетъ зеленое мыло.

Если просто смѣшать это мыло съ глицериномъ, то ничего изъ этого не выйдетъ; если смѣсь разбавить водою, то получится эмульсія, также негодная въ дѣло: мыло — о чемъ не упомянуто въ нашемъ источникѣ — слѣдуетъ сначала растопить, затѣмъ къ жидкому мылу прибавить глицерину, и уже тогда разбавить его водою. Но и тутъ можетъ случиться неудача: торговый глицеринъ не всегда одинаковъ по содержанію — есть сорта въ 24° по ареометру Боме, есть сорта на 30° и т. д.; чѣмъ меньше глицерина, тѣмъ, понятно, и смѣсь выйдетъ хуже.

Въ виду всего этого предлагаемъ рецептъ, значительно менѣе сложный, указанный авторомъ опытовъ съ мыльными пузырями Томъ-Титомъ. Распустите въ теплой водѣ (градусовъ въ 15) кусокъ бѣлаго марсельскаго мыла (сдѣланнаго изъ деревяннаго масла); растворъ — возможно густой — процѣдите сквозь тряпку или частую кисею; затѣмъ на 3/5 по вѣсу раствора прибавьте 2/5 чистаго глицерина (glycérine pur alb), хорошенько взболтайте и дайте отстояться на спокойномъ мѣстѣ. На поверхности смѣси образуется бѣлая пленка; вы ее снимите, жидкость сцѣдите въ чистую посудину и закупорьте поплотнѣе. Въ этомъ видѣ растворъ вашъ продержится очень долго.

Магъ

Главная контора и редакція „Всемірной Иллюстраціи" находятся въ С.-Петербургѣ, на Садовой ул., № 22.
Въ Москвѣ отдѣленія конторы находятся: 1) при книжн. маг. А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, 15, и 2) при конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи.

Дозв. цензурою. СПБ. 25 февраля 1893 г. Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

25-й годъ — № 1259 — 49-й томъ

Суббота 6-го марта 1893 г.

Цѣна нумеру 35 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки на годъ . **15** руб.
(при подпискѣ въ главной конторѣ редакціи).
Съ доставкою на годъ . . . . **17** »

Въ Москвѣ безъ доставки на годъ . . . . **17** руб.
Съ пересылкою во всѣ города Россійской имперіи на годъ . . . . **18** »

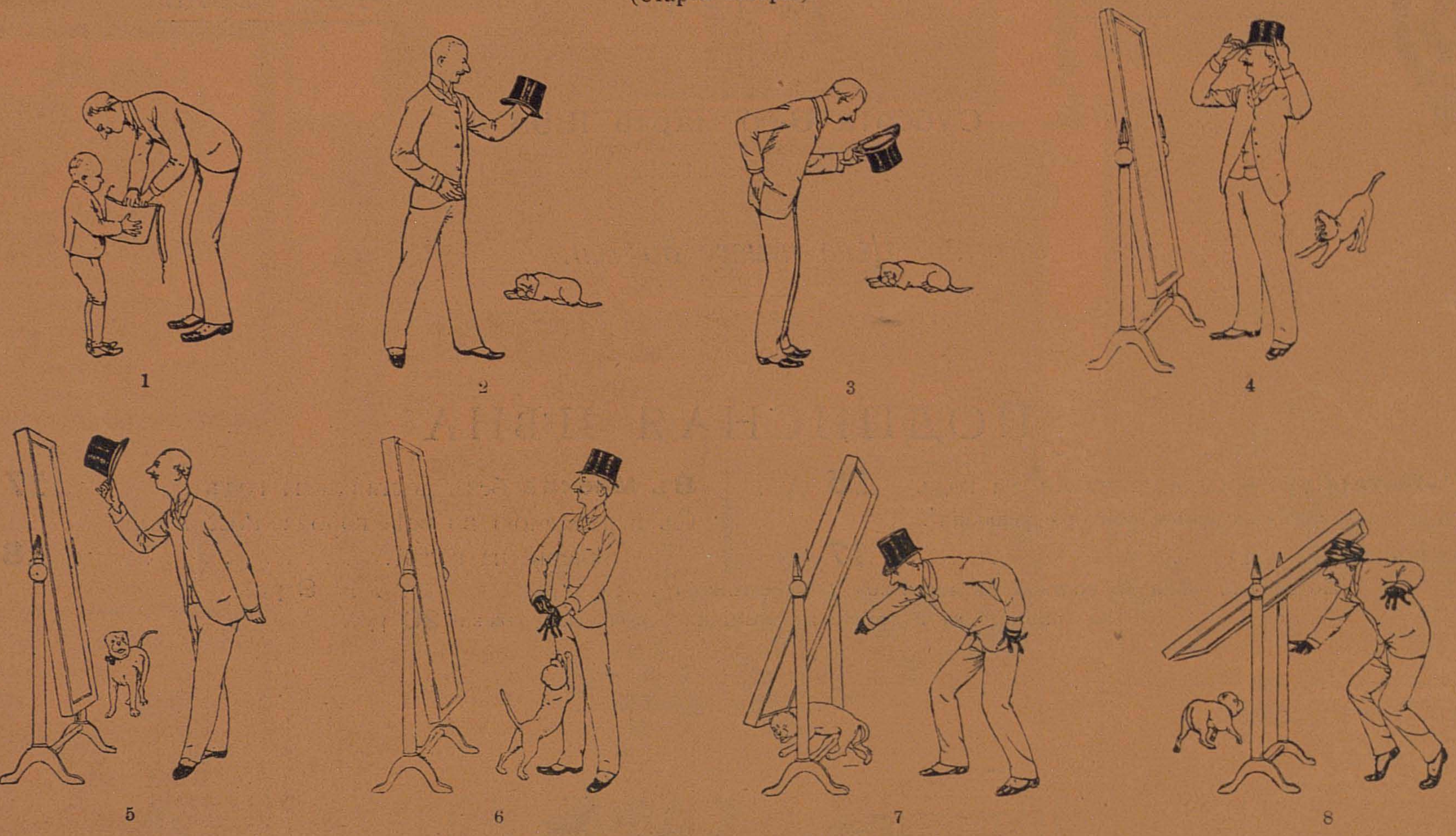
Подписная цѣна на полгода съ доставкою и пересылкою . . . . **9** руб.
За границу (въ государства всемірнаго почтоваго союза) **20** руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Редакція и главная контора: Садовая ул. № 22.

НОВЕНЬКІЙ ЦИЛИНДРЪ

(Старая исторія).



ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

№ 1259. Годъ XXV.] 6-го марта 1893 г. [Томъ XLIX. № 11.

Къ этому (1259) нумеру »Всемірной Иллюстраціи« слѣдуетъ четвертое особое художественное приложеніе — **МОИСЕЙ ВЪ ПУСТЫНѢ. ВОЗСТАНІЕ ЕВРЕЕВЪ. Картина С. Р. Ростворовскаго (†).**

ГОЛУБОЕ НЕБО

Очеркъ

З. Н. ГИППІУСЪ

V

— Послушайте, я давно васъ хотѣлъ спросить — вамъ не скучно?

— Скучно? Вотъ ужъ, кажется, моя жизнь не скучная! И развѣ вы не видите, что мнѣ ужасно весело?

Елецкій почему-то смутился и опустилъ глаза. Людмила смотрѣла на него и улыбалась.

— Весело, повторила она. — Теперь вотъ я думаю, что пора домой, потому что скоро стемнѣетъ и надо идти на вечеръ...

Она умолкла на минуту и вдругъ торопливо прибавила:

— Нѣтъ, это я такъ, по привычкѣ, солгала, это неправда; я подумала, что не пойду на вечеръ, потому что здѣсь такъ хорошо и не хочется уходить. Господи, когда слишкомъ много лжешь, то уже нельзя говорить правду.

— А зачѣмъ лгать? тихо сказалъ Елецкій.

Людмила промолчала.

Она сняла шляпу и положила ее рядомъ на траву. Это была даже не трава, а сухія иглы сосенъ, мохъ и тонкіе стебли желтыхъ цвѣтовъ. Прямыя рѣдкія сосны шумѣли вверху, и этотъ шумъ напоминалъ море.

Елецкій и Людмила сидѣли около тропинки, узенькой и скользкой отъ упавшихъ и притоптанныхъ иглъ; лѣсъ шелъ еще далеко и становился гуще, но солнце уже зашло за невидимыя горы и пора было идти домой.

Елецкій не гулялъ въ главномъ паркѣ, на музыкѣ, вмѣстѣ со студентами и гимназистами, но Людмила не переставала съ нимъ видѣться. Часто днемъ, въ жаркую пору, или вечеромъ они бродили вдвоемъ по красивымъ и глухимъ тропинкамъ, говорили подолгу искренно и просто. Между тѣмъ отношенія у нихъ были странныя. Они сходились во многомъ, говорили обо всемъ, но никогда другъ о другѣ. И Людмила боялась думать о Елецкомъ, боялась дѣлать выводы изъ его словъ и мнѣній, которыя такъ часто отвѣчали ея собственнымъ мыслямъ.

Надъ тропинкой сосны раздвигались и было видно чистое синее небо уже съ золотымъ оттѣнкомъ, какъ бываетъ вечеромъ.

Людмила пристально смотрѣла на небо, потомъ вдругъ обратилась къ Елецкому:

Иностранные художники. — Зюлейка. Картина І. Поппа.

Гравировано въ Лейпцигѣ.

— Вы любите совсѣмъ чистое голубое небо? спросила она тихо, точно говоря сама съ собой.— Хотите, я вамъ разскажу странную вещь?

Ей въ первый разъ хотѣлось заговорить съ нимъ о себѣ, и она чувствовала, что можетъ говорить. Онъ самъ нарушилъ ихъ молчаливое условіе своимъ неожиданнымъ вопросомъ— не скучно ли ей?

— Только вы должны понять то, о чемъ я разскажу, прибавила она еще тише. — А это очень непонятное.

— Я пойму, если вы понимаете, сказалъ Елецкій.

— Можетъ быть мнѣ и самой это не совсѣмъ ясно, и вы должны понять только то, что я чувствую, проговорила она медленно, немного измѣнившимся голосомъ.— Слушайте, я постараюсь разсказать коротко. Одинъ разъ, давно, въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, я едва помню теперь, я видѣла сонъ. Мнѣ казалось, что кругомъ нѣтъ ничего, кромѣ яркаго неба, ничего, и даже нѣтъ меня, и это небо я вижу черезъ золотую рѣшетку; я помню, какъ рѣзко выдѣлялась эта рѣшетка на голубомъ фонѣ. И куда я ни посмотрю—вездѣ, вездѣ голубое сквозь эту рѣшетку. И тогда ко мнѣ пришло счастье, и непонятная радость, и волненіе—я не знаю откуда и почему. Такое счастье — я замѣтила — испытываешь только не зная ему причины. Съ тѣхъ поръ я не могу забыть мой сонъ. Помню, у меня была большая книга съ картинками и на одной была нарисована скала, гдѣ сидѣлъ пингвинъ, и скала, и пингвинъ рѣзко выдѣлялись на голубомъ небѣ. И вдругъ опять вернулось ко мнѣ то чувство, слабѣе, но все-таки оно, я сейчасъ его узнала. Потомъ еще одинъ разъ было: въ нашемъ городѣ есть улица, прямая и короткая. Она чуть покатая до половины и затѣмъ вдругъ обрывается такимъ спускомъ, что его не видно издали и кажется, что улица кончается небомъ... Я шла мимо одинъ разъ и вдругъ увидѣла это небо; оно было чистое, ровное, синее, и послѣдніе дома передъ спускомъ выдѣлялись такъ рѣзко... Вотъ тогда мнѣ опять показалось на мгновеніе, что есть какое-то великое счастье, для насъ навѣки недоступное и навѣки непонятное. Мы его не можемъ взять, оно ускользаетъ, уходитъ, — но оно близко...

— И солнца не надо, сказалъ Елецкій. — Солнца не видно, его нѣтъ... Но только оно еще не закатилось, небо еще чуть-чуть вечернее, чуть-чуть золотое и безъ самаго легкаго облачка...

— Да, да, сказала Людмила.—Вы понимаете, я чувствую. Облаковъ не существуетъ въ моемъ снѣ. И солнца не видно. И небо не полуденное, о, нѣтъ! Только оно какое-то постоянное...

— Вотъ оно похоже на теперешнее, сказалъ Елецкій, указывая вверхъ, гдѣ раздвигались верхушки сосенъ.—Только не смотрите на него теперь — ничего не будетъ, не вернется, потому что вы хотите и ждете. А то чувство приходитъ только неожиданно.

— Вы опять угадали, сказала Людмила просто. — Какъ вы понимаете! Какъ вы до глубины поняли! А я знаю, что другіе не понимаютъ. Вотъ этого никто бы не понялъ.

— У меня тоже въ дѣтствѣ бывало такое чувство — я его знаю. Не отъ этого, отъ другаго — все равно. Я сразу понялъ, когда вы только что начали...

Людмила вдругъ вскочила и сказала совсѣмъ другимъ голосомъ, громче и будто спѣша:

— Однако идемъ, идемъ. Пора! Я опоздаю на вечеръ.

Елецкій молча всталъ, и они пошли.

Черезъ нѣсколько минутъ Людмила опять сказала:

— Да, все это прекурьезно... И бываютъ же такія сантиментальныя настроенія... Болтаешь пустяки, часто даже выдумываешь...

— И зачѣмъ вы опять говорите неправду? тихо сказалъ Елецкій.

Людмила вдругъ остановилась.

Лицо ея попрежнему было равнодушно и почти весело, только прозрачные глаза чуть потемнѣли.

— Послушайте, сказала она опять прежнимъ, медленнымъ голосомъ. — Вы хотите правды?

— Да, хочу, отвѣчалъ Елецкій.

— Вы сдѣлаете, какъ я скажу?

— Да.

— Мнѣ начинаетъ казаться, что вы такой, какихъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ. Значитъ, я ошибаюсь. Но теперь я могу разсуждать, я вижу, что ошибаюсь — и почти спокойна, а послѣ, можетъ быть, все измѣнится. Теперь я васъ не знаю (я вѣдь только угадываю, вы не знаете меня. Мы—чужіе. Богъ вѣсть, что будетъ послѣ. Но такъ хорошо, какъ теперь, какъ сегодня, не будетъ. Лучше станемъ вспоминать это хорошее. Мы ошибаемся—пускай! Ошибка не мучительна, когда все кончается и раньше, чѣмъ жизнь отниметъ... Не испортимъ дѣйствительностью, правдой это воспоминаніе. Хорошо?.. Вы хотѣли уѣхать... уѣзжайте завтра.

— Вы хотите оборвать...

— Во-время. Мнѣ слишкомъ дороги вотъ эти нѣсколько минутъ, когда я подумала... Оставьте мнѣ эту радость... Потомъ все испортится... Вѣдь не вѣрю я въ то, что мнѣ кажется, не могу вѣрить... И вы какъ всѣ... Но дайте вспоминать о васъ, какъ объ иномъ, какъ я хочу... Поймите меня!..

— Но если поздно, Людмила Сергѣевна, если...

— Неправда! вдругъ вскрикнула Людмила, — неправда! Вы меня не любите! слышите? Да какъ же вамъ не жаль меня, зачѣмъ все отнимать...

Она схватила его за плечи и приблизила къ нему свое лицо. Онъ тихо освободился и проговорилъ, не глядя на нее:

— Да, вы правы. Я васъ не люблю. Вы не знаете меня, я не знаю васъ. Прощайте.

Онъ опустился на траву.

Людмила постояла съ минуту молча, потомъ ушла отъ него.

Пройдя нѣсколько шаговъ, она обернулась и сказала съ усиліемъ:

— А это... эту ложь и то, что я очень счастлива, и всю эту... она остановилась на мгновеніе — пошлость вокругъ меня... вы не вспоминайте... И поймите сами все, какъ поняли голубое небо...

VI

Антонъ Антоновичъ въ хлопотахъ.

У него явилась блестящая идея устроить литературный вечеръ. И не то что одинъ, а цѣлый рядъ литературныхъ вечеровъ, гдѣ всѣ будутъ читать собственныя произведенія.

Мѣсто — квартира Антона Антоновича.

Такимъ образомъ у Антона Антоновича соберется избранное общество, интересъ будетъ возрастать, и, конечно, это не винтъ у кассира или глупые фанты у главнаго управляющаго; это настоящее, серьезное занятіе, это можетъ благотворно повліять на молодые умы и, кто знаетъ, можетъ даже отвлечь нѣкоторыхъ отъ ротонды, танцевъ...

Антонъ Антоновичъ сдѣлается главнымъ лицомъ въ городкѣ... А зимой, когда уѣдутъ дачники, онъ можетъ приготовляться, собирать матеріалъ, списаться кое съ кѣмъ...

Такъ мечталъ Антонъ Антоновичъ.

Въ участвующихъ недостатка не было. Во первыхъ, онъ самъ; затѣмъ всѣ студенты и гимназисты съ Ламме во главѣ. Одинъ казацкій офицеръ. И, наконецъ, барышня-поэтесса, маленькая черненькая съ круглыми выпуклыми глазами. Фамилія ея была Манліева.

Антонъ Антоновичъ ужасно огорчался, что уѣхалъ Елецкій. Все-таки петербуржецъ, образованный, говорилъ, что интересуется литературой.

Важный дипломатъ Людмилы уѣхалъ на двѣ недѣли, гимназисты были заняты организаціей будущихъ вечеровъ, и Антонъ Антоновичъ чаще прежняго гулялъ вдвоемъ съ Людмилой.

Намеки были въ полномъ ходу, но Людмилѣ сдѣлалось скучно, и она спросила его своимъ скользящимъ, небрежнымъ голосомъ:

— Вы, Антонъ Антоновичъ, очень меня любите?

Антонъ Антоновичъ не смутился и сейчасъ же отвѣтилъ:

— Это смотря по вашему отношенію. Если хорошо относитесь...

— Вы видите, что хорошо...

— Ну, тогда крѣпко... Впрочемъ, прошу у васъ позволенія написать письмо. Слѣдуетъ, чтобы вы знали мою жизнь. Мнѣ скрывать нечего. Прошу тоже, чтобы это письмо было извѣстно вамъ одной и вслѣдъ по прочтеніи уничтожено.

— Хорошо, я разорву. Когда будетъ письмо?

— Послѣзавтра на балѣ. До тѣхъ поръ мы не увидимся. Мнѣ надо приготовиться. На другой день послѣ бала состоится первый литературный вечеръ. Приготовьте нѣсколько словъ и отдайте мнѣ осторожно. Идетъ?

Людмила сдѣлала серьезное лицо, опустила глаза и кивнула головой. Ей было интересно, что за письмо напишетъ Антонъ Антоновичъ.

VII.

Усталая Людмила вернулась съ вечера. Ей пришлось танцовать до упаду. Лицо поблѣднѣло, и точно жизнь сошла съ него. Свѣтлые, ничего не выражающіе, глаза смотрѣли прямо.

Людмила вошла въ свою комнату съ широкимъ венеціанскимъ окномъ. Она отворила его, взглянула въ темный садъ. Потомъ спустила легкую занавѣску, зажгла лампу, расплела волосы. Двигалась она лѣниво и медленно. Снимая платье, она вынула изъ кармана маленькій смятый конвертикъ и бросила его на столъ.

Наконецъ она раздѣлась, поправила занавѣску и сѣла на постель.

Изъ конверта Людмила вынула вчетверо сложенный листъ бумаги. Онъ былъ исписанъ мелко, ровно и красиво; буквы стояли какъ печатныя.

„Вотъ мое обѣщанное письмо“, читала Людмила. „Это моя исповѣдь. Я сказалъ, что буду правдивъ до конца, и буду. И я горжусь тѣмъ, что могу быть правдивъ. На мнѣ нѣтъ пятна, на моей совѣсти нѣтъ укора, и я не краснѣю передъ вами. Я всегда зналъ, что я долженъ дѣлать, и всегда дѣлалъ, что долженъ. Я не стыжусь своего происхожденія. Мой дѣдъ былъ слесарь, а папаша — самый мелкій чиновникъ въ Одессѣ. Папаша мой въ Одессу пріѣхалъ случайно, онъ русскій, изъ пензенской губерніи. Мамаша была нѣмка, тоже не жительница Одессы, а пріѣхавшая издалека. Какъ единственнаго сына, мамаша особенно любила и ласкала меня. Съ ней я обыкновенно проводилъ мое время, и, конечно, она повліяла во многомъ на мое сердце, хотя характеръ остался твердымъ. Для меня нѣтъ труднаго. Нужно только умѣть желать.

Перехожу къ важной страницѣ въ моей жизни. Я былъ въ гимназіи, въ четвертомъ классѣ. Мнѣ исполнилось пятнадцать лѣтъ. Признаюсь, гимназія не удовлетворяла меня. Но объ этомъ не стану распространяться. Однажды я узналъ горестное и прискорбное обстоятельство, а именно—что папаша не всѣ деньги, на которыя мы живемъ, добывалъ честнымъ трудомъ. Онъ недобросовѣстно относился къ своимъ обязанностямъ и бралъ съ просителей по 1 рублю, а иногда и болѣе, чтобы не въ очередь докладывать о нихъ начальнику. Убѣдившись, что слухъ объ этомъ злоупотребленіи не клевета, я сказалъ себѣ: у меня больше нѣтъ отца! потому что нечестный человѣкъ не можетъ быть моимъ отцомъ. Я пошелъ къ нему и сказалъ ему это, и сказалъ, что ухожу. Ни что не могло меня остановить— ни просьбы, ни слезы мамаши. Теперь — ея уже нѣтъ въ живыхъ! Я ушелъ. И вотъ мнѣ двадцать восемь лѣтъ, и все мое положеніе— мѣсто, роль, которую я играю въ обществѣ— всего этого достигъ я самъ, я одинъ, своей настойчивостью и работой. Я — полезный членъ общества, у меня обязанности, долгъ, я на хорошемъ счету и легко могу получить переводъ и повышеніе. Кромѣ того—вы знаете мою мечту жизни, мою отраду — это занятіе литературой и поэзіей. Какъ часто я вспоминаю бѣдную мамашу! Она меня понимала и любила стихи, которые я ей писалъ по-нѣмецки.

Я избралъ васъ и предлагаю вамъ рука объ руку продолжать жизненный путь. Я — сила, и вы — сила. Вмѣстѣ мы горы сдвинемъ. Я еще четыре года назадъ рѣшилъ, что

такъ будетъ. Вы будете добрымъ товарищемъ. Вы тоже должны поступить въ телеграфное вѣдомство. У васъ будутъ тогда обязанности, къ которымъ надо относиться строго. Это вырабатываетъ характеръ. Въ жизни я испыталъ много разочарованій, но теперь у меня есть путеводная звѣзда. Ну, по рукамъ, что ли! Вмѣстѣ на борьбу, на жизнь, на работу!"

Внизу, постскриптумъ, было написано: „Извиняюсь, что письмо такое дѣловое. Но дѣло прежде всего. Теперь, когда мы съ главнымъ покончили, я вамъ напишу второе письмо, обращая преимущественное вниманіе на свои ощущенія".

Окончивъ читать, Людмила бережно сложила письмо, заперла его въ шкатулку, погасила лампу и легла въ постель.

VIII.

Къ восьми часамъ вечера квартира Антона Антоновича была ярко освѣщена. Столъ въ столовой отодвинули; все холостое хозяйство Антона Антоновича пошло въ ходъ, скатерть сіяла бѣлизной, стакановъ было вдоволь. Прислуживалъ сторожъ Демьянычъ, единственный русскій во всемъ штатѣ телеграфистовъ. Демьянычъ туземцевъ не то что презиралъ, а какъ-то совсѣмъ не считалъ ихъ людьми, избѣгалъ непосредственныхъ отношеній съ ними и зорко слѣдилъ, чтобы они не ѣли изъ одной посуды съ нимъ или господиномъ начальникомъ.

Демьянычъ ухаживалъ за господиномъ начальникомъ, самъ готовилъ ему кушанье, смотрѣлъ за хозяйствомъ, но въ его отношеніи замѣтно было недовѣріе и даже легкое презрѣніе. Для него начальникъ былъ хотя и человѣкъ, но не совсѣмъ русскій, нѣмецъ, не соблюдавшій русскихъ обычаевъ, рѣдко ходившій въ церковь. Демьянычъ какъ-то соболѣзновалъ своему хозяину и только изъ жалости ходилъ за нимъ. Все-таки человѣкъ, а кто-жъ ему кромѣ Демьяныча сдѣлаетъ? Не звѣрюшекъ же этихъ къ себѣ допускать!

Демьянычъ былъ еще не старъ, имѣлъ длинные желтые усы и серьезное лицо. Горный климатъ ему не принесъ пользы; онъ худѣлъ съ каждымъ годомъ и напоминалъ сухую рыбью кость.

— Демьянычъ, а сыръ, масло, свѣжіе чуреки... Готово у тебя?

— Некуда торопиться, ваше высокоблагородіе, равнодушно отвѣчалъ Демьянычъ.—Еще и гостей никого нѣтъ, а сказывали, вначалѣ читать будете.

Наконецъ гости стали сходиться.

Пришли студенты, явился и казацкій офицеръ съ двумя тетрадями огромной величины. Офицеръ повертывался такъ быстро, что каждый разъ полы его черкески разлетались и дамы чувствовали вѣтеръ. Офицеръ говорилъ, что всѣ его стихи болѣе или менѣе извѣстны и онъ рѣшительно не знаетъ, что прочитать.

Тогда Ламме грустно предложилъ офицеру прочесть „Пташку", которая несомнѣнно лучшее изъ его лирическихъ стихотвореній.

Въ длинной залѣ, вокругъ овальнаго стола съ лампой по серединѣ, собиралось все больше и больше любителей искусства.

Антонъ Антоновичъ боялся за московскаго корреспондента — вдругъ не придетъ? А это было бы очень важно. Но корреспондентъ пришелъ, маленькій и поджарый, въ черной жакеткѣ. Только, несмотря на всю любезность Антона Антоновича, держалъ себя довольно странно—не то небрежно, не то презрительно. Можетъ быть, впрочемъ, это было просто московское обыкновеніе.

Дамъ пришло мало: только Людмила съ теткой да поэтесса Манліева.

Усѣвшись кругомъ, всѣ молчали.

— Что-жъ, господа, надо бы начинать! сказалъ Антонъ Антоновичъ, который все время пересаживался съ одного стула на другой и вообще былъ въ замѣтномъ волненіи.

— Я не начну, сказала Манліева.—Я буду читать послѣдняя. Я приготовила прозу на этотъ разъ.

— Можно узнать что̀ именно? любезно обратился къ ней одесскій студентъ, который самымъ неожиданнымъ образомъ тоже оказался поэтомъ.

— Какъ вамъ сказать? Это не новелла и не повѣсть... Называется просто „Размышленія надъ трупомъ". Высказано нѣсколько мыслей... Тутъ всего пятьдесятъ четыре страницы разгонистаго почерка.

У студента по лицу прошла какая-то тѣнь, но онъ улыбнулся.

Рѣшено было, что начнетъ хозяинъ.

Антонъ Антоновичъ немедленно принесъ свою книгу и, порой сбиваясь, но стараясь быть спокойнымъ, прочелъ свое „Розовое видѣніе" и „Невозвратное время", очерки осеннихъ дней. Всѣ знали, что „Розовое видѣніе" написано Людмилѣ, и смотрѣли на нее съ любопытствомъ. Она была равнодушна и молчала.

Когда Антонъ Антоновичъ кончилъ и ему принялись хлопать, она встала, прошла черезъ залу и сѣла на открытое темное окно. Ночь была безлунная и свѣжая, сквозь черныя деревья сада чуть блестѣли звѣзды. О чемъ думала Людмила — не догадывался даже самъ Антонъ Антоновичъ, тѣмъ болѣе, что лицо ея, какъ всегда, казалось беззаботно-веселымъ.

Читалъ Ламме убитымъ голосомъ что-то о ранней смерти поэта. Потомъ принялся читать казацкій офицеръ. Прочелъ автобіографію въ стихахъ, дневникъ въ стихахъ, что заняло часа полтора, наконецъ приступилъ къ „Пташкѣ".

Но „Пташка" неожиданно для всѣхъ оказалась такъ плоха, что самъ офицеръ сконфузился и сталъ извиняться, говоря, что онъ, собственно, не лирикъ и призваніе его — сатира. Сталъ читать „сатиры"—и тутъ выяснилось, что симпатіи автора главнымъ образомъ на сторонѣ кахетинскаго вина:

„У насъ знакомый — незнакомый —
Пей кахетинское вино!"

съ жаромъ заключалъ офицеръ каждую строфу, и полы черкески разлетались, и дамы чувствовали вѣтеръ.

Всѣмъ стало легче, когда принялся читать одесскій студентъ. Стихи студента были совсѣмъ другого характера, чѣмъ стихи Ламме. Вмѣсто печали и думъ о смерти тутъ все полно было самой сильной энергіи:

„За идею свою
Я какъ барсъ постою!"

И всѣ хлопали, а студентъ былъ красенъ и взволнованъ.

Пробило уже одиннадцать часовъ, когда Манліева начала свои „Размышленія надъ трупомъ". Гости точно сразу опустились и какъ будто даже уменьшились въ своихъ креслахъ. Но неизбѣжному приходилось покоряться.

Самоваръ перекипѣлъ, Демьянычъ сердился, а Манліева читала и читала. Но зато, когда она кончила, всѣ были такъ благодарны ей, что не знали чѣмъ выразить свое расположеніе. И отрадно у всѣхъ на душѣ стало: спасибо Манліевой—кончила она! Манліева разливала чай и была героиней вечера.

Когда гости разошлись, Антонъ Антоновичъ не зналъ что думать: удался вечеръ или не удался? Какъ будто и хорошо, а между тѣмъ что-то не то.

Впрочемъ Антону Антоновичу некогда было предаваться размышленіямъ о вечерѣ. Онъ прошелъ въ спальню и нетерпѣливо развернулъ тонкую бумажку. Эту бумажку ему передала Людмила прощаясь. Тамъ стояло всего нѣсколько словъ:

„Завтра я уѣзжаю въ городъ. Вернусь не позже четверга. Въ пятницу, въ шесть вечера, будьте у насъ. Мы пойдемъ на нижнюю дорожку. Я чувствую, что намъ необходимо поговорить по душѣ. Приходите. Я вѣрю вамъ. Я жду. Л".

IX

Прошло два дня. Дождь лилъ какъ изъ ведра. Все кругомъ потускнѣло, горы спрятались за сѣрыми пушистыми облаками, маленькая рѣчка шумѣла и пѣнилась, на дорогѣ было грязно. Музыка играла на верандѣ, и часто порывъ вѣтра сдувалъ капли съ листьевъ дикаго винограда прямо на ноты какого нибудь солдата. Несчастные музыканты ежились въ своихъ бѣлыхъ рубахахъ: было очень сыро и холодно.

Антонъ Антоновичъ, исполнивъ свои утренія обязанности, непремѣнно уходилъ гулять. Такъ ужъ было заведено, и дурная погода для него ровно ничего не значила.

Наканунѣ пріѣзда Людмилы Антонъ Антоновичъ былъ въ самомъ радостномъ настроеніи. Онъ погулялъ въ паркѣ, пошутилъ съ библіотекаремъ, посмотрѣлъ на небо — а небо, кажется, собиралось опять сдѣлаться яснымъ— и мирно возвращался домой.

Обѣдать онъ сегодня долженъ былъ одинъ, потому что вся его „молодежь" уѣхала рыбу ловить на большое озеро, за 60 верстъ. Собирались вернуться не раньше трехъ дней. Даже Ламме они взяли съ собою.

Антонъ Антоновичъ думалъ о Людмилѣ.

— Завтра она пріѣдетъ, вечеромъ. Послѣзавтра пятница. Я аккуратенъ какъ часы. Безъ десяти шесть можно выйти изъ дома, если идти не торопясь.

Мечтая о завтрашнемъ днѣ, Антонъ Антоновичъ дошелъ до своей калитки, минулъ дворъ и ужъ собирался войти въ комнаты, какъ вдругъ на порогѣ увидѣлъ испитое лицо Демьяныча, озаренное на этотъ разъ счастливой улыбкой.

— Что такое? невольно спросилъ Антонъ Антоновичъ

— Съ радостью васъ поздравляю, ваше высокоблагородіе.

— Съ какой радостью? Говори, пожалуйста.

— Пріѣзжій человѣкъ у васъ... Давно дожидаются, проговорилъ Демьянычъ, улыбаясь весело и таинственно.

У Антона Антоновича почему-то мелькнула въ мысляхъ Людмила, ея пріѣздъ... Но къ чему же ей у него дожидаться, да и не пріѣхала она...

Видя, что Антонъ Антоновичъ въ недоумѣніи, Демьянычъ наконецъ шепнулъ ему, торжествуя:

— Не изволите угадывать... Папаша вашъ прибыли...

Антонъ Антоновичъ рѣшительно потерялъ всякую способность соображать. Онъ только могъ прошептать съ отчаяніемъ:

— Какой папаша?..

— Да вашъ собственный, родитель вашъ, громко сказалъ Демьянычъ, рѣшивъ, что съ таинственностью пора покончить. — Ужъ они давно дожидаются. Русскій человѣкъ. Мы съ нимъ вдоволь наговорились да наплакались. Вспомнили матушку Россію. Я и самоварчикъ поставилъ, за баранками сбѣгалъ. Вотъ пожалуйте, они въ столовой. А на обѣдъ прибавить чего прикажете?

Къ Антону Антоновичу стало возвращаться самообладаніе. Онъ начиналъ понимать.

Онъ снялъ фуражку, провелъ рукой по головѣ, потомъ сразу отворилъ дверь въ столовую и остановился на порогѣ.

Въ комнатѣ было немного душно, низкія окна запотѣли отъ самовара. Около печки лежали два небольшихъ узла. На столѣ, покрытомъ бѣлой скатертью, кипѣлъ самоваръ, около дѣловыхъ бумагъ были разложены баранки, колбаса и даже стояла маленькая бутылочка коньяку, который Антонъ Антоновичъ принималъ по чайной ложечкѣ, когда ему случалось промачивать ноги.

Въ креслѣ за столомъ сидѣлъ полный старикъ и пилъ чай.

Онъ пилъ медленно, съ блюдечка, наклонившись и обмакнувъ въ чай сѣрые щетинистые усы. Когда вошелъ Антонъ Антоновичъ, онъ не поставилъ блюдечка, а только поднялъ на него свои молочно-голубые глаза. У него было красное круглое лицо съ рѣзкими морщинами. Жесткіе сѣдые волосы онъ стригъ подъ гребенку. Руки у него слегка дрожали, а шея была нѣсколько разъ обмотана старымъ шерстянымъ шарфомъ.

Приглядѣвшись и, вѣроятно, узнавъ Антона Антоновича, старикъ бросилъ пить чай, опустилъ блюдечко и всталъ.

Одну минуту онъ хотѣлъ подойти ближе, потомъ какъ будто не посмѣлъ, только вытянулъ впередъ подбородокъ и поправилъ шарфъ.

— Это вы? проговорилъ наконецъ Антонъ Антоновичъ.

— Это я, Антоша, сказалъ старикъ хриплымъ, точно простуженнымъ, голосомъ. — Я къ тебѣ...

Онъ опять сунулся впередъ и опять не посмѣлъ и остался на мѣстѣ.

Антонъ Антоновичъ уже окончательно овладѣлъ собой. Онъ ясно видѣлъ, что долженъ дѣлать, и, конечно, ничто въ мірѣ не заставило бы его измѣнить своему долгу.

Антонъ Антоновичъ положилъ фуражку на столъ и сѣлъ на табуретъ сбоку. Старикъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ и тоже опустился на кресло.

— Что же вамъ угодно? спросилъ Антонъ Антоновичъ. — Вы меня достаточно знаете.

— Я, собственно, Антоша, видишь ли... заговорилъ старикъ.—Я, можетъ тебѣ извѣстно, вскорѣ тогда мѣсто свое потерялъ — ты и г. столоначальнику доложилъ отчего уѣзжаешь, и главноуправляющему, когда они тебя въ кабинетъ къ себѣ звали и еще десятью рублями наградили.

— Я эти 10 рублей выслалъ ему, получивъ первыя заработанныя деньги, прервалъ Антонъ Антоновичъ.

— Да, такъ вотъ я вскорѣ и лишился мѣста, годъ безъ мѣста былъ. Потомъ ужъ въ контору одну поступилъ.. Да закрылась контора. Я же зналъ, что ты у меня такой вышелъ... Достигъ. Такъ еслибъ ты пріютилъ пока что... мѣсто бы сыскать... Одному-то, Антоша, трудно мнѣ теперь, при моей болѣзни...

Онъ говорилъ торопясь и безпрестанно поправлялъ шарфъ. Антонъ Антоновичъ сдѣлалъ движеніе. Старикъ не далъ ему сказать и началъ снова, еще больше спѣша:

— А у тебя-то хорошо... Слуга какой хорошій. Тепло, свѣтло... Ежели попомнишь еще, что было, прости ты меня, Антоша, прости ужъ...

Антонъ Антоновичъ всталъ. Старикъ тоже вскочилъ, съ испугомъ вглядѣлся въ лицо сына и замахалъ руками:

— Богъ съ тобой, Богъ съ тобой, заговорилъ онъ,—смягчи ты свое сердце!.. Пусть я грѣшникъ передъ совѣстью своей, а ты прости... Я даже и не ради чего, пожалуй и не надо мѣста, я себѣ пайду мѣсто, не останусь я съ тобой, а только для кого-жъ мнѣ на свѣтѣ жить какъ перстъ одному... Сердцу моему скучно, для сердца прости...

— Прощать нельзя. Никакихъ прощеній нѣтъ, сказалъ Антонъ Антоновичъ. — Я не измѣнился, а что было, то уже не забывается. Я не могу ничего.

— Не можешь? растерянно проговорилъ старикъ.— Господи, а она-то просила меня тогда! Антоша, ну ради покойницы, не можешь?

ЖЮЛЬ ФЕРРИ, новый президентъ французскаго сената.

С.-Петербургъ. — Открытіе памятника Императору Александру II у Александровской больницы, на набережной р. Фонтанки, 19-го февраля с. г.

Съ натуры рисовалъ для »Всемірной Иллюстраціи« К. О. Брожъ.

По Россіи. — Пермская губернія. Калганскій пріискъ. Добываніе золота посредствомъ вымораживанія.

Съ натуры рисовалъ для »Всемірной Иллюстраціи« В. Г. Казанцевъ.

Послѣднія слова онъ выкрикнулъ какъ-то странно, почти безнадежно, и вдругъ остановился, испугавшись.

Нѣсколько мгновеній длилось молчаніе. Только самоваръ пѣлъ на столѣ.

— Я вамъ сочувствую, но не могу поступить иначе, сказалъ наконецъ Антонъ Антоновичъ. —Вы слышали мои слова тогда: у меня нѣтъ отца. Вы для меня — человѣкъ, не поступающій согласно долгу. Такіе люди не могутъ стать со мною въ какія либо отношенія. Долгъ и честь — двѣ главныя основы жизни. Измѣнить имъ я не въ состояніи даже ради памяти моей мамаши. Повторяю: я сочувствую вамъ и сожалѣю о васъ, но прошу имѣть въ виду все вышесказанное и поступать согласно съ нимъ.

— Я сейчасъ, я сейчасъ, заторопился вдругъ старикъ, — я вѣдь понимаю, Антоша, что ты сказать хочешь, я что-жъ, я уѣду... Богъ съ тобой и съ долгомъ твоимъ...

Онъ пытался, началъ было допивать чай съ блюдечка, потомъ бросилъ, пошелъ къ узламъ.

— Вамъ куда? спросилъ Антонъ Антоновичъ. — Если на Батумъ, то поспѣете къ поѣзду — дилижансъ сейчасъ отходитъ.

— Не знаю я, Антоша, куда, не знаю. Теперь все равно. Ну, хоть на Батумъ. Позови слугу-то узлы связать.

Пораженный Демьянычъ молча связалъ узлы, хотѣлъ вынести, но старикъ не допустилъ.

— Не надо, не надо, хорошій человѣкъ, я самъ. Я знаю, гдѣ въ дилижансъ садятся. Ну, бывайте здоровы. Прощай, Антоша. Преуспѣвай. Что-жъ, не можешь — ну, не можешь. Это не отъ тебя все. Только не разумомъ тутъ судить нужно.

— Помните, что я вамъ глубоко сочувствую, сказалъ Антонъ Антоновичъ. Тутъ онъ всталъ и обнялъ старика. Но старикъ не отвѣчалъ на объятія, только съежился какъ-то, и Антонъ Антоновичъ опустилъ руки.

— Память моей матери вѣчно священна для меня, добавилъ онъ.

Старикъ молча кивнулъ головой и не обертываясь пошелъ къ станціи со своими двумя узлами.

Антонъ Антоновичъ вернулся въ комнаты, строгимъ голосомъ велѣлъ Демьянычу убрать со стола и подавать обѣдать, а самъ прошелъ въ спальню переодѣться.

X

— Я не могла васъ дожидаться, Антонъ Антоновичъ, простите меня, говорила Людмила. — Въ комнатахъ такъ душно, а я знала, что вы меня догоните.

— Но я былъ аккуратенъ, сказалъ Антонъ Антоновичъ и въ доказательство вынулъ часы. Стрѣлка показывала пять минутъ седьмаго.

„Нижняя“ дорожка, по которой они шли, вилась на уступѣ горы, поросшей густымъ лѣсомъ. Налѣво возвышались шероховатыя желтыя скалы съ деревьями на вершинахъ, а направо былъ обрывъ, тоже весь заросшій каштанами, вязами и низкорослыми кустами кизила.

Обрывъ былъ не глубокъ, порою переходилъ въ покатость съ узкой невѣрной тропинкой внизъ. На днѣ текла извилистая рѣка и проходила большая дорога, но зеленыя шапки деревьевъ въ оврагѣ позволяли видѣть только небо да синеватыя очертанія далекихъ горъ за рѣкою.

Людмила шла немного впереди; Антонъ Антоновичъ слѣдовалъ за нею.

Идти скоро было нельзя: дорожка то поднималась, то спускалась, мелкіе камни катились изъ-подъ ногъ и падали въ обрывъ.

Людмила не надѣла шляпки; солнце, хотя и пекло весь день, теперь сдѣлалось мягкое и ласковое; черные волосы она перевязала лентой. Ея синее платье съ бѣлыми цвѣточками не достигало земли и ей было удобно ходить по горамъ. Она шла не обертываясь и все время болтала.

— Антонъ Антоновичъ, посмотрите, сколько ягодъ! Попробуйте, что за прелесть! Мы будемъ собирать кизилъ!

Она отыскивала въ спаленной солнцемъ травѣ ягоды кизила. Онѣ были продолговатыя темнокрасныя, еще теплыя отъ солнца и нѣжныя какъ пухъ. Хороши были только упавшія, а на вѣткахъ ягоды не дозрѣвали. Имъ нужно было полежать въ травѣ и разогрѣться на солнцѣ.

— Впрочемъ не стоитъ, сказала Людмила и бросила уже собранныя ягоды. — Я устала. Тамъ дальше есть сломанное дерево. Сядемъ, хорошо?

И она побѣжала впередъ. За поворотомъ дорожка расширялась, и на маленькой лужайкѣ лежало толстое сухое дерево.

Антонъ Антоновичъ и Людмила сѣли.

— Антонъ Антоновичъ ждалъ только этого, чтобы начать дѣйствовать. Ему было все ясно. Людмила притихла, сидѣла смирно, опустивъ глаза, и розовая краска медленно сбѣгала съ ея лица.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія. Людмила хотѣла заговорить, но Антонъ Антоновичъ предупредилъ ее:

— Я вамъ писалъ письмо, теперь у меня нѣтъ ничего тайнаго передъ вами. О чемъ намъ говорить еще? Я понимаю васъ, моя мечта... Все близится къ желанному концу... Мы должны были соединиться... Въ путь, на работу, на борьбу!

При этихъ послѣднихъ словахъ Антонъ Антоновичъ приблизился къ Людмилѣ и взялъ ее за руки.

Она медленно освободила руки и посмотрѣла на него своими странными, почти веселыми глазами.

— Вы ошибаетесь, Антонъ Антоновичъ, сказала она. — Этого не будетъ.

— То есть чего? спокойно спросилъ Антонъ Антоновичъ.

— То есть я не буду вашей женой, пояснила Людмила улыбаясь. — Объ этомъ я и хотѣла поговорить съ вами. Я въ васъ не влюблена, да и не люблю васъ, да собственно и не уважаю. Это все было нарочно. Если хотите, я вамъ объясню отчего. Мнѣ все равно — объяснить или нѣтъ.

— Вы, по всѣмъ вѣроятіямъ, хотите меня испытать? какъ-то порывисто усмѣхнувшись, сказалъ Антонъ Антоновичъ. — Но я знаю все. Я заранѣе рѣшилъ все.

— Напрасно вы рѣшали. Ну развѣ вы не видите, что я не шучу? Я никогда не выйду за васъ замужъ и съ перваго дня была въ этомъ увѣрена. Вы не волнуйтесь. Все очень просто.

Антонъ Антоновичъ началъ понимать, что она говоритъ искренно. И въ немъ поднялось столько самыхъ разнородныхъ чувствъ, что онъ рѣшительно не зналъ — какое изъ нихъ сперва высказать.

— Теперь пора все кончить, оттого я и говорю. Съ вами у меня дошло до конца. Вотъ мы и разстанемся, проговорила Людмила.

— Послушайте... прерывающимся голосомъ началъ Антонъ Антоновичъ. — Я не могу вѣрить... Значитъ... Но вѣдь вы мнѣ надежду такую дали... Да что надежду! Вы говорили... И намеки... Значитъ, вы лгали...

— Да, лгала. А развѣ можно и нужно всегда говорить только правду? Лжи столько же на свѣтѣ и она такъ же необходима, какъ правда. Зачѣмъ ее презирать?

— Вотъ какъ... Вотъ какъ... Но вѣдь это нечестно... Вопреки совѣсти... Долгу... Я не вѣрю...

— Для васъ все такъ ясно, Антонъ Антоновичъ, а я не знаю — дѣйствительно ли хорошо хорошее и честно честное. Докажите мнѣ, что я должна подчиняться вашему долгу. Мнѣ не страшно и не скучно подчиняться, я только не вѣрю, не вѣрю въ ваши обязательства и нравственные законы. Не надо быть въ рабствѣ.

— Вы хотите шутить со мною... Но не понимаю — зачѣмъ эти безсмысленные поступки, эта...

— Послушайте, не волнуйтесь, сказала Людмила серьезнѣе, вставъ и слегка дотрогиваясь до руки Антона Антоновича. — Вы не должны осуждать меня, вѣдь вы меня не знаете. Слушайте, я скажу — *зачѣмъ* я дѣлаю вѣчно то, что сдѣлала съ вами. Во первыхъ, это не я одна дѣлаю, а всѣ, всѣ дѣлаютъ или почти всѣ, только они дѣлаютъ безсознательно, а я сознательно и обдуманно. Я поняла, что нѣтъ людей на свѣтѣ. Людей нѣтъ, а есть мужчины и женщины, и есть вѣчная, непрестанная борьба между ними. Иногда побѣждаетъ мужчина — и тогда женщина ему принадлежитъ, а иногда наоборотъ. Побѣждаетъ тотъ, кто сильнѣе. Я борюсь много и много побѣждаю, и наслаждаюсь побѣдой и униженіемъ противника, потому что, вѣроятно, найдется когда нибудь мужчина сильнѣе меня, и я влюблюсь въ него, влюблюсь, а не полюблю, и буду побѣждена... какъ всѣ... Но полюблю я, если только встрѣчу не мужчину, а человѣка... Да если и встрѣчу, то не повѣрю, прибавила она поспѣшно и какъ-то про себя, точно вспомнивъ непріятное.

— Но я... я предлагаю любовь... товарищество, путался растерянный Антонъ Антоновичъ.

— Товарищество? улыбаясь сказала Людмила. — Какой вздоръ! Не обманывайте ни себя, ни меня. Можетъ быть мужчины и бываютъ людьми между собою, но къ женщинѣ какъ къ человѣку имъ относиться не дано. Я не знаю—хорошо это или дурно, я знаю только, что это такъ. Я вижу эту борьбу и стану бороться до послѣднихъ силъ. Для каждой побѣды, для каждаго торжества надо лгать, хитрить, притворяться. И я дѣлаю это—все равно какъ на войнѣ заряжаютъ ружья и спускаютъ курки. И чѣмъ больше убьешь, тѣмъ больше тебѣ славы. Я совсѣмъ не жалуюсь. Я примирилась съ неизбѣжнымъ. Мнѣ даже весело иногда, я рада своему сознанію. Вѣдь женщины и между собой не люди: онѣ, не сознавая, каждую минуту готовятся къ битвѣ и, точно солдаты въ засадѣ, полны только будущимъ сраженіемъ. Пусть не видятъ этого, если не хотятъ, а я буду видѣть...

— Вы не смѣете... Любовь...

— Оставьте, Антонъ Антоновичъ, вашу любовь. Я ее понимаю. Скажите, вотъ вы хотите, чтобъ я была телеграфисткой, вашимъ товарищемъ, вмѣстѣ работала бы... Но согласись я сейчасъ выйти за васъ только безъ этого условія, вы бы мнѣ великодушно простили и все-таки взяли бы меня... А скажите, какой мужчина — да и вы тоже — согласился бы взять меня *только* какъ товарища, безъ подчиненія, безъ униженія, осмѣлился бы все предоставить моей собственной волѣ? О, ни одинъ! Имъ не нужны люди, имъ нужны женщины. Подите вы отъ меня съ вашей любовью и съ вашимъ долгомъ, и съ вашей совѣстью, если она не упрекаетъ васъ за такую любовь...

Людмила перевела духъ. Она была взволнована. Потомъ взглянула на Антона Антоновича и прибавила упавшимъ голосомъ:

— И зачѣмъ это я вамъ говорю? Все равно вы не поймете...

Антонъ Антоновичъ посмотрѣлъ на нее почти съ ненавистью.

— Я понялъ. Я понялъ одно, что вы безстыдная, сказалъ онъ. — Безстыдная... И больше никакихъ отношеній съ вами имѣть не буду. Не считаю возможнымъ теперь оставаться здѣсь.

Онъ направился къ тропинкѣ, ведущей по обрыву внизъ на дорогу, потомъ вдругъ обернулся:

— И это, значитъ, и вотъ это неправда, ложь? закричалъ онъ какимъ-то неожиданно визгливымъ голосомъ, почти дѣтскимъ, и въ которомъ слышались слезы. Видно было, что онъ страдалъ. — И это тоже?

Онъ хотѣлъ что-то вынуть, показать и для этого сталъ торопливо разстегивать сюртукъ, потомъ жилетъ. Повозившись какъ-то безпомощно, онъ досталъ записку Людмилы и помахалъ ею въ воздухѣ.

— И это лживо?

Людмила кивнула головой.

Антонъ Антоновичъ видимо потерялъ послѣднюю надежду. Этой запискѣ, словамъ „я вѣрю, я жду“ онъ придавалъ значеніе великое. Онъ посмотрѣлъ на Людмилу жалко и вопросительно, замигалъ глазами, потомъ съ великимъ трудомъ засунулъ записку на прежнее мѣсто, застегнулъ пуговицы, быстро сталъ спускаться по оврагу внизъ и скоро исчезъ за густыми вѣтвями.

XI

Антонъ Антоновичъ благополучно достигъ дороги и мирно шелъ, помахивая палкой и чувствуя, какъ мало по малу все въ немъ начинаетъ успокаиваться, какъ возвращаются къ нему прежнее равновѣсiе и силы, но вдругъ услыхалъ за собою торопливые шаги.

Онъ обернулся.

За нимъ почти бѣжала Людмила. Спускаясь по крутизнѣ, она вся растрепалась и оборвала платье. Она хотѣла его догнать.

— Что вамъ нужно? холодно и съ достоинствомъ произнесъ Антонъ Антоновичъ и остановился.

Отъ скорой ходьбы Людмила почти не могла говорить

— Успокойтесь, попрежнему сказалъ Антонъ Антоновичъ.

Людмила отдохнула немного.

— Антонъ Антоновичъ, сказала она робко.

— Повторяю, что вамъ нужно?

— Если вы... если я сдѣлала вамъ больно... Мнѣ показалось, что вамъ больно... Простите меня! Когда вы доставали записку... Такъ искали ее долго... Вѣдь вы въ нее вѣрили... Ну, сдѣлайте мнѣ больно, ну, что хотите, только я не могу такъ, Антонъ Антоновичъ! Можетъ это слабость... Пусть тамъ долгъ, борьба, всѣ теорiи, я не знаю — права ли я, никто ничего не знаетъ, но у меня сердце болитъ, Антонъ Антоновичъ! Сердце мое, живое, вдругъ просто, по человѣчески, пожалѣло васъ, и все я готова отдать, только чтобы вамъ стало легче, если вамъ тяжело.

Въ ея прозрачныхъ глазахъ стояли слезы. Она смотрѣла на него съ надеждой и ожиданiемъ.

— Я васъ понимаю, сказалъ Антонъ Антоновичъ.—Эти комедiи напрасны. Моихъ прежнихъ чувствъ вы не вернете никогда. Я вижу все. И что сказано разъ, то неизмѣнно. Мы разстаемся навѣки. Вы опоздали и не знаете моего слова.

Людмила какъ-то вся опустилась и поникла. Она махнула рукой и равнодушно и устало проговорила:

— Ахъ, это не то, не то...

Антонъ Антоновичъ пожалъ плечами, повернулся и пошелъ по дорогѣ. У него уже смутно мелькалъ въ головѣ сюжетъ прекрасной новеллы, которая будетъ называться „Развѣнчанный кумиръ“.

З. Гиппiусъ.

Зюлейка

Вся она пышетъ зноемъ Востока,
Томной нѣгою жаркихъ ночей;
Жгучiй пламень таится глубоко
Подъ рѣсницами черныхъ очей.
Вкругъ чела и по плечамъ игриво
Вьются пряди кудрей смоляныхъ,
И сверкаетъ на нихъ прихотливо
Ожерелье изъ бляхъ золотыхъ.
Какъ изъ мрамора — смуглая шейка,
Для безумныхъ лобзанiй — уста,
Вотъ она чаровница Зюлейка —
Воплощенная страсти мечта!
Въ знойной пляскѣ, какъ пэри эдема,
Одалиска легка и мила
И не даромъ »красою гарема«
Межъ соперницъ она прослыла.
Красотою ея опьяненный,
На узорный склоняясь коверъ,
Самъ владыка Зюлейки, влюбленный,
Жадно ловитъ волшебницы взоръ.
Передъ этою гурiей рая
Онъ порою безгласенъ и нѣмъ
И, ревниво любовью сгорая,
Часто крадется ночью въ гаремъ...
Онъ дрожитъ, этотъ воинъ отважный,
Онъ со страхомъ глядитъ въ полутьму:
Не подкупленъ ли евнухъ продажный
И вѣрна ли Зюлейка ему?

Александра Линдегренъ

Политика

1 (13) марта 1893 г.

Выпускъ четырехъ съ половиною процентнаго внутренняго займа на сумму въ 100,000.000 руб., которымъ ознаменовалась прошлая недѣля въ области нашей внутренней политики, не былъ какою нибудь неожиданностью для тѣхъ нашихъ общественныхъ кружковъ, которые, интересуясь ходомъ финансовыхъ дѣлъ своего отечества, близко ознакомились съ нашимъ государственнымъ бюджетомъ на 1893 годъ. Необходимость обращенiя къ кредиту ясно вытекала изъ обстоятельствъ, подвергавшихъ въ прошломъ и позапрошломъ годахъ такому тяжелому испытанiю экономическiя средства страны. Неурожаи 1891 года и холерная эпидемiя, съ которою приходилось намъ бороться въ теченiе минувшаго года, потребовали громадныхъ издержекъ со стороны правительства въ такое время, когда общая сложность обстоятельствъ дѣлала немыслимымъ возвышенiе государственныхъ доходовъ. Роковая неизбѣжность новаго займа была очевидна для всѣхъ, и вопросъ состоялъ только въ томъ — окажется ли возможнымъ придать этому займу характеръ исключительнаго обращенiя къ русскимъ капиталамъ или же придется еще разъ обратиться къ содѣйствiю иностранныхъ денежныхъ рынковъ, представляющему весьма серьезныя неудобства во многихъ отношенiяхъ?

Вопросъ этотъ оказался рѣшеннымъ въ смыслѣ наиболѣе согласномъ съ желанiями нашей публики. Возвысивъ на полпроцента доходность бумагъ новаго займа, министерство финансовъ признало возможнымъ обойтись безъ содѣйствiя иностранныхъ капиталовъ. Остается только выждать теперь результатовъ этой новой кредитной операцiи, которая, къ слову сказать, не повела ни къ малѣйшему пониженiю нашего заграничнаго курса, что слѣдуетъ признать благопрiятнымъ предзнаменованiемъ.

Политическая жизнь западной Европы отличалась за послѣднiе семь дней весьма значительнымъ оживленiемъ. Изъ Германiи былъ полученъ цѣлый рядъ извѣстiй, представлявшихъ живой интересъ. Явились, во первыхъ, поводы предполагать, что дѣло таможеннаго соглашенiя между этою державою и Россiею находится на хорошемъ пути, несмотря на энергическое противодѣйствiе такъ называемой „аграрной“ партiи. Въ то же время обнаружилось, что по вопросу о военной реформѣ берлинское правительство вынуждено будетъ обойтись безъ поддержки тѣхъ партiй, на которыя оно, повидимому, разсчитывало для того, чтобы обойтись безъ содѣйствiя партiи католическаго центра. Военная коммиссiя рейхстага высказалась при первомъ чтенiи законопроекта графа Каприви противъ 38-й статьи проекта, усиливающей численность мирнаго состава армiи. Добиться принятiя этой статьи правительство можетъ отнынѣ не иначе, какъ если упомянутая партiя подастъ всѣ свои голоса въ его пользу, а это можетъ произойти только въ томъ случаѣ, когда католическiй центръ достигнетъ желаемаго имъ возвращенiя iезуитовъ.

Во Францiи вся минувшая недѣля характеризировалась впечатлѣнiемъ, которое производили на публику различныя перипетiи вторага панамскаго процесса. Передъ судомъ присяжныхъ предстали въ этомъ процессѣ обвиняемые двухъ совершенно различныхъ категорiй. Однихъ изъ нихъ правосудiе призвало къ отвѣту въ качествѣ виновниковъ подкупа нѣкоторыхъ политическихъ и парламентскихъ дѣятелей. Другую категорiю составляютъ упомянутые дѣятели, противъ которыхъ предварительное слѣдствiе собрало достаточныя улики.

Съ самаго начала процесса обнаружилось, что наиболѣе невыгодная роль выпадаетъ обвиняемымъ второй категорiи. Директоры панамскаго общества, съ г-омъ Шарлемъ Лессепсомъ во главѣ, уже признанные судомъ виновными въ злоупотребленiяхъ и растратахъ, стали безпощадно уличать тѣхъ, кому они давали взятки и кого они считаютъ главными виновниками стрясшейся надъ ними бѣды. Г. Шарль Лессепсъ буквально превратился изъ обвиняемаго въ обвинителя, и его показанiя сильно скомпрометировали гг. Флоке, Клемансо и де-Фрейсине. Обнаружилось, что панамское общество давало разорившiя его многомиллiонныя взятки подъ давленiемъ совѣтовъ, весьма похожихъ на требованiя, которыми влiяли на него правительственныя лица, въ родѣ гг. де-Фрейсине и Флоке. Въ то же время одинъ изъ подсудимыхъ, бывшiй министръ путей сообщенiя г. Баиго (Baïhaut), сознался, что онъ взялъ крупную взятку (300.000 фр.) за свое согласiе внести въ палату проектъ лотерейнаго займа панамскаго общества. Когда дѣло дошло до допросовъ свидѣтелей, стали обнаруживаться неожиданно новые прискорбные факты. Жена одного изъ подсудимыхъ, г-жа Коттю, показала, напримѣръ, что начальникъ сыскной полицiи, г. Суанури, пытался заставить ее показать, что взятки отъ панамскаго общества получали не одни только республиканцы, но и члены парламента, принадлежащiе къ правой сторонѣ. Г. Суанури, уже отрѣшенный предварительно отъ должности, пробовалъ оправдаться, увѣряя, будто вопросы его г-жѣ Коттю о депутатахъ правой стороны были сдѣланы изъ „простаго любопытства“, но этому, разумѣется, никто не повѣрилъ. Вслѣдъ за тѣмъ министръ юстицiи, г. Буржуа, подалъ въ отставку, прямо заявляя, что считаетъ нужнымъ оставить свой постъ съ цѣлью вернуть себѣ свободу дѣйствiй, необходимую ему для доказательства полной его неприкосновенности къ попыткѣ г-на Суанури. Министерство Рибо сначала отказало въ своемъ согласiи на отставку г-на Буржуа, но онъ продолжалъ настаивать, и тогда рѣшено было, что г. Буржуа оставитъ свой постъ только временно, и окончательнаго преемника ему назначено не будетъ, а портфель министра юстицiи будетъ переданъ пока министру иностранныхъ дѣлъ, г. Девеллю.

Возможность немедленнаго министерскаго кризиса этимъ путемъ была избѣгнута, но что будетъ далѣе — сказать въ настоящую минуту чрезвычайно трудно. Въ палатѣ депутатовъ готовится общiй запросъ по панамскому дѣлу, въ который войдетъ между прочимъ и частный запросъ г. Милльвуа, касающiйся образа дѣйствiй гг. Флоке, де-Фрейсине и Клемансо, отложенный уже однажды палатою до окончанiя суда надъ „панамскими взяточниками“. Кромѣ того и дальнѣйшiй ходъ этого процесса можетъ еще обнаружить новые факты, которые увеличатъ сложность настоящаго положенiя. Нынѣшняя недѣля вѣроятно принесетъ на этотъ счетъ много интересныхъ новостей.

Въ Англiи парламентъ готовился на прошлой недѣлѣ къ вторичнымъ пренiямъ объ ирландскомъ биллѣ Гладстона. Несмотря на всѣ зловѣщiя предсказанiя оппозицiи, есть много поводовъ ожидать, что эти вторичныя пренiя кончатся побѣдою для правительства, такъ какъ либеральное большинство палаты общинъ продолжало все усиливаться численностью на происходившихъ за послѣднее время частныхъ выборахъ. Въ одномъ только случаѣ кандидатъ правительственной партiи потерпѣлъ пораженiе, но въ общей сложности численность большинства усилилась уже на нѣсколько голосовъ.

Извѣстiя, приходившiя изъ Австро-Венгрiи, не отличались на прошлой недѣлѣ выдающимся интересомъ. Министерство Таафе все еще не можетъ добиться образованiя правительственнаго большинства въ рейхсратѣ, а въ Венгрiи оппозицiя нацiональной партiи министерству Векерле сохраняетъ попрежнему свой острый характеръ.

Изъ Соединенныхъ Штатовъ получено извѣстiе, что новый президентъ союза, г. Кливелендъ, взялъ назадъ внесенный его предшественникомъ, генераломъ Гаррисономъ, въ сенатъ проектъ присоединенiя Гавайскихъ острововъ.

Адріенна Лекувреръ

Искусство — роскошный цвѣтокъ,
растущій для людскаго блага и
счастія.

Шиллеръ.

Геній не умираетъ и чрезъ сотни лѣтъ служитъ предметомъ восторженнаго поклоненія послѣдующихъ поколѣній, хотя бы въ благодарномъ воспоминаніи потомства! Исполнившаяся недавно двух-

АДРІЕННА ЛЕКУВРЕРЪ,
знаменитая французская артистка.

Копія съ портрета, находящагося въ фойе артистовъ театра »Comédie Française«.

сотлѣтняя годовщина рожденія знаменитой французской актрисы Адріенны Лекувреръ наглядно показала, какъ живуча до сихъ поръ память объ этой замѣчательной артисткѣ и за границей, и у насъ. Вся пресса вспомнила о ней и посвятила

АДРІЕННА ЛЕКУВРЕРЪ.

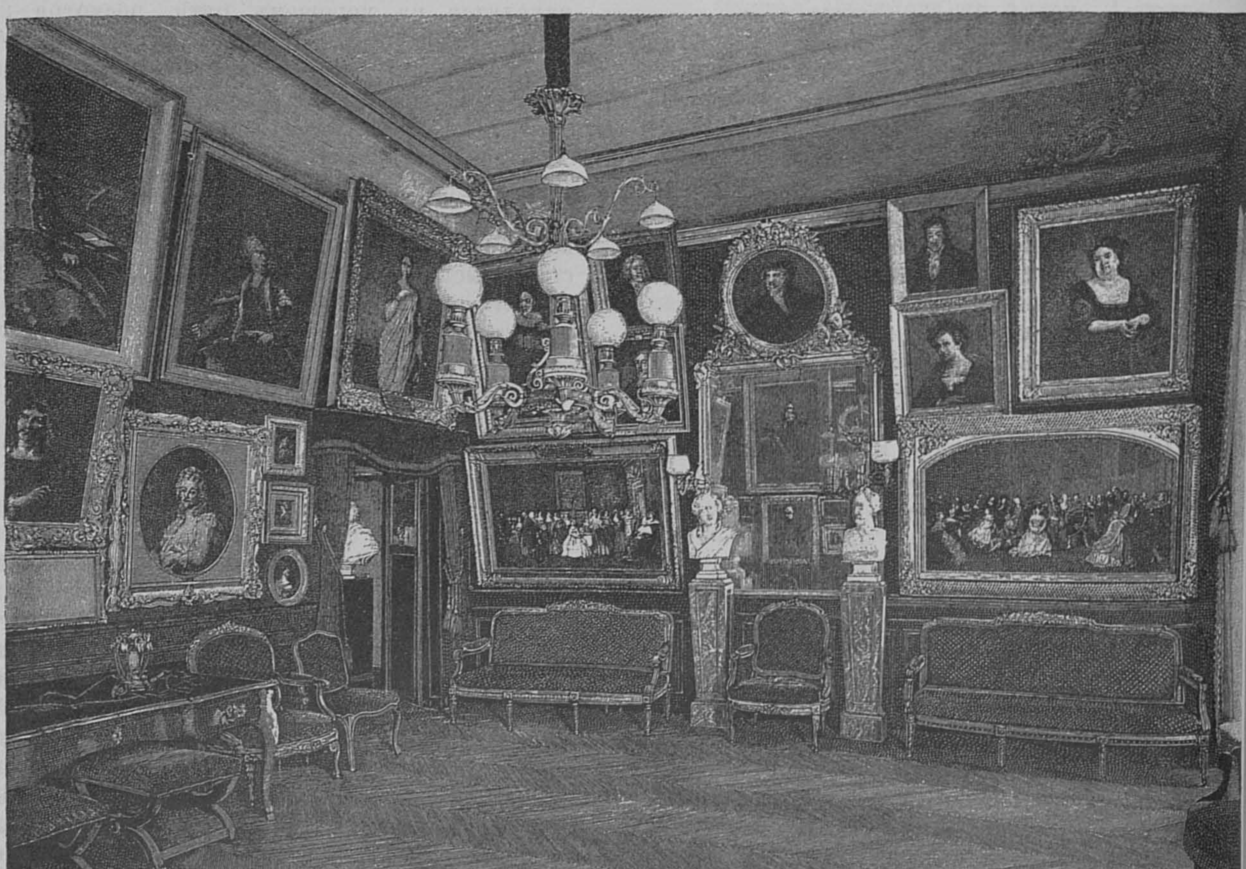
Копія съ бюста работы Курте.

большія статьи этому рѣдкому феномену парижской сцены. Появились этюды о ней, очерки, замѣтки. Да и прежде эта звѣзда французскаго театра интересовала многихъ писателей первой величины. Мишле говоритъ о ней въ своей „Histoire de France"; извѣстный артистъ „Comédie française" Ренье, которому Альфредъ де-Мюссе посвятилъ, исполненное глубокаго чувства и трогательной грусти, стихотвореніе по случаю внезапной смерти его юной дочери, много говоритъ объ Адріеннѣ въ своемъ прекрасномъ трудѣ „Souvenirs et études de Théâtre"; самъ блестящій Сентъ-Бёвъ преклоняется предъ ней въ своихъ „Lundis".

Адріенна Лекувреръ родилась 5-го апрѣля 1692 года и была дочерью бѣднаго шляпнаго мастера изъ провинціи. Она рано лишилась матери и, предоставленная самой себѣ, не по лѣтамъ быстро развивалась. Она научилась читать совсѣмъ маленькой дѣвочкой, а въ 11—12 лѣтъ такъ прочувствованно декламировала стихи, что приводила всѣхъ въ изумленіе. Тринадцати лѣтъ она познакомилась съ семьей одного мелочнаго лавочника своего околотка, гдѣ устраивался любительскій спектакль. Ее пригласили участвовать и поручили роль Полины въ „Поліевктѣ" Корнеля. Уже на репетиціяхъ она произвела такой фуроръ своей новой для всѣхъ тогда манерой произносить монологи, гдѣ каждое слово, каждая фраза дышали въ ея устахъ жизнью и правдой, что о талантливой дѣвочкѣ стали всюду говорить. Одна знатная дама, наслышавшись о ней, предложила любителямъ для спектакля большую залу своего роскошнаго отеля. Актеры „Французской комедіи", ревниво всегда оберегавшіе свою привеллегію единственныхъ и первыхъ артистовъ Парижа, хотѣли было помѣшать спектаклю, но уже было поздно. Спектакль, на который собралась избранная публика, прошелъ блистательно! Одинъ изъ видѣвшихъ Адріенну актеровъ „Comédie Française", Легранъ, очень заинтересовался многообѣщавшей дебютанткой и самъ предложилъ ей готовить ее къ сценѣ. Десять лѣтъ провела она затѣмъ въ провинціи и играла въ Люневилѣ, Лилѣ, Страсбургѣ, ведя жизнь полную превратностей, сердечныхъ увлеченій и горькихъ разочарованій, — жизнь, столь свойственную любой артисткѣ, одаренной впечатлительной натурой и любящимъ, довѣрчивымъ сердцемъ...

Видъ стараго французскаго театра эпохи 1689—1770 гг. въ улицѣ Фоссе-Сенъ-Жерменъ-де-Пре.

14-го мая 1717 г. она дебютировала въ „Comédie Française" сразу въ двухъ пьесахъ — „Электрѣ", трагедіи Кребильона, и въ веселой комедіи „Georges Dandin", гдѣ исполняла роль Анжелики. Успѣхъ ея былъ полный. И въ трагедіи, и въ комедіи артистка произвела глубокое впечатлѣніе на зрителей, наградившихъ ее шумными оваціями. Всѣми, однако, было признано, что Лекувреръ по натурѣ трагическая артистка, способная потрясать толпу неподражаемымъ выраженіемъ сильныхъ чувствъ, бурныхъ страстей и тонкимъ психологическимъ анализомъ тайниковъ человѣческой души. При господствовав-



Фойе артистовъ въ театрѣ »Comédie Française«.

По поводу двухсотлѣтней годовщины рожденія Адріенны Лекувреръ.

шей тогда на сценѣ ходульности декламаціи, напыщенности тона и условности движеній простая и естественная манера игры Адріенны Лекувреръ поражала своею безъискусственностью и жизненной правдой. Можно сказать, что Адріенна была первой реалисткой въ сценическомъ искусствѣ, выше всего ставя въ игрѣ актера естественность. „Я не декламирую — писала она въ одномъ изъ своихъ писемъ,—простота моей игры составляетъ ея единственную и слабую заслугу...“

Послѣ ея перваго дебюта, про который говорили, что „Адріенна Лекувреръ начинаетъ такъ, какъ другія артистки обыкновенно кончаютъ“, положеніе ея въ „Comédie française“ навсегда упрочилось. Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ выходомъ на сцену все болѣе и болѣе завоевывала себѣ юная актриса расположеніе публики и сдѣлалась ея любимицей, затмивъ собою первую въ то время артистку „Французской комедіи“, извѣстную своими интригами, Дюкло, отошедшую съ появленіемъ на сценѣ Лекувреръ на задній планъ и никогда не забывшую своего пораженія. Тамъ, въ корридорахъ, уборныхъ и за кулисами „Французскаго театра“,— общій видъ котораго временъ Адріенны Лекувреръ мы прилагаемъ къ настоящей замѣткѣ, — противъ Адріенны велась глухая, подпольная борьба ея неразборчивой въ средствахъ мщенія соперницей и ея многочисленными сторонниками и пользовавшимися ея расположеніемъ знатными покровителями.

Рано испытавъ душевныя невзгоды, Адріенна нѣсколько охладѣла къ жизни и людямъ, вся ушла въ себя, всецѣло предалась искусству и мало обращала вниманія на постоянныя интриги своей главной соперницы, Дюкло, и на разныя враждебныя противъ нея выходки цѣлой вереницы завистницъ, неизбѣжныхъ въ карьерѣ великой артистки. Стараясь жить по возможности замкнуто и ни къ кому не привязываться и никого не любить, Адріенна не могла, однако, совсѣмъ не посѣщать свѣтскихъ салоновъ аристократическаго Парижа, охотно открывавшаго предъ ней двери своихъ отелей и не чуждавшагося тогда сближенія съ артистами.

Здѣсь то, въ этой модной сферѣ всевозможной лжи, фальши и лицемѣрія, гдѣ чувство считается дурнымъ тономъ, обманъ возводится въ правило порядочнаго человѣка, а любовная интрига является непремѣнной принадлежностью свѣтскаго льва, равно какъ лошади, вино и карты,—Адріенна впервые увидѣла блестящаго красавца и неотразимаго сердцеѣда Морица Саксонскаго, встрѣча съ которымъ была роковой въ ея жизни.

Морицъ Саксонскій былъ незаконнымъ сыномъ курфюрста саксонскаго Фридриха-Августа (впослѣдствіи польскаго короля) и 24 лѣтъ, въ чинѣ полковника, пріѣхалъ въ 1720 г. въ Парижъ, послѣ участія въ 11-ти битвахъ, окруженный привлекательнымъ ореоломъ храбраго воина. Три года продолжалась любовь этого добраго и искренняго, но пустаго и вѣтреннаго Донъ-Жуана съ нѣжнымъ, хрупкимъ созданіемъ, полюбившимъ всѣмъ пыломъ своей глубокой, впечатлительной натуры. Адріенна вообразила себѣ, что теперь именно, послѣ многихъ сердечныхъ разочарованій, она любитъ впервые. Эта горячая привязанность артистки была извѣстна ея друзьямъ, и Вольтеръ, одинъ изъ самыхъ постоянныхъ и ревностныхъ ее поклонниковъ, въ одномъ изъ многихъ, посвященныхъ ей, стихотвореній восхищается охватившею ее страстью, которая придавала игрѣ Адріенны особенную теплоту и задушевность.

Такъ безмятежно шло время. Адріенна идеализировала своего героя, восторгаясь въ немъ безстрашіемъ рыцаря и пыломъ непосредственной натуры; Морицъ же восхищался болѣе изяществомъ и граціей Адріенны, чѣмъ прелестью и чистотой ея сердца, и гордился близостью къ знаменитой артисткѣ.

Но вотъ пришло извѣстіе о смерти герцога курляндскаго Фердинанда, правившаго отъ имени его племянницы Анны Іоанновны, и Морицъ умчался изъ Франціи домогаться короны Курляндіи, до которой было немало охотниковъ. Онъ успѣлъ уже заручиться многочисленными партизанами, какъ вдругъ совершенно неожиданно получилъ отъ отца приказаніе отказаться отъ всякой мысли о курляндскомъ престолѣ и забыть о своей кандидатурѣ. Сложныя политическія соображенія и дипломатическіе разсчеты принудили Фридриха-Августа удержать сына отъ его честолюбивыхъ замысловъ. Морицъ, однако, не отказался отъ своихъ видовъ на Курляндію. Старанія его увѣнчались успѣхомъ, но, увы, ненадолго: въ іюнѣ 1726 г. онъ былъ избранъ герцогомъ курляндскимъ, а въ августѣ слѣдующаго года, безъ денегъ и солдатъ, оставленный сторонниками и отвергнутый отцомъ, онъ вернулся во Францію, гдѣ Адріенна ждала его, примирившись съ мыслью о его бракѣ съ герцогиней и не желая быть помѣхой своему кумиру. Въ ихъ отношеніяхъ, однако, стала замѣтна перемѣна: пустой и банальный саксонскій ловеласъ сталъ охладѣвать къ Адріеннѣ и искать новыхъ развлеченій среди парижскихъ модницъ большаго свѣта. Одна изъ такихъ — герцогиня Бульонская, имѣвшая слабость къ красивымъ кавалерамъ — заинтересовалась герцогомъ безъ короны и солдатъ и всѣми силами старалась привлечь его вниманіе. Встрѣчая холодность съ его стороны и приписывая это вліянію Адріенны, она рѣшилась погубить ее...

Къ сожалѣнію, едва ли не вполнѣ правдива фабула извѣстной пьесы Скриба и Легуве „Адріенна Лекувреръ“, въ которой еще сравнительно недавно являлась передъ петербургской публикой знаменитая Сарра Бернаръ.

По крайней мѣрѣ изъ дѣла объ отравленіи артистки видно, что герцогиня Бульонская старалась ввести въ домъ къ Адріеннѣ нѣкоего аббата Буре, прекраснаго портретиста и большаго театрала, которому давала порученіе передать Адріеннѣ какія-то пастилки, имѣвшія будто бы силу вернуть ей прежнюю любовь Морица. Аббатъ не согласился исполнить это порученіе, подозрѣвая, что-то недоброе, и передалъ обо всемъ Адріеннѣ. Онъ показалъ ей и пастилки, отъ одного прикосновенія къ которымъ Адріеннѣ сдѣлалось дурно. Благодаря вліянію герцогини, его заключили въ Бастилію, гдѣ продержали почти два года и выпустили только тогда, когда почти силой вынудили у него признаніе, что онъ изъ личныхъ разсчетовъ оклеветалъ герцогиню Бульонскую. Однако имѣются данныя, что герцогиня дѣйствительно старалась погубить свою соперницу и даже принимала въ этомъ личное участіе.

Адріенна Лекувреръ скоропостижно скончалась 20 марта 1730 года. Однако, несмотря на медицинское удостовѣреніе о естественной смерти, кюре церкви Saint-Sulpice отказался похоронить Адріенну, и ея трупъ былъ зарытъ ночью на пустомъ мѣстѣ на берегу Сены, такъ что никто не знаетъ могилы этой знаменитой женщины. Въ Парижѣ ходили упорные слухи, что трупъ ея былъ будто бы украденъ, чтобы скрыть навсегда слѣды преступленія.

Вольтеръ, искренній другъ усопшей и поклонникъ ея таланта, посвятилъ ея памяти прочувствованное стихотвореніе, которое Фридрихъ Великій положилъ на музыку.

Какова была наружность Адріенны Лекувреръ? Она привлекала къ себѣ болѣе симпатичностью, чѣмъ красотой. Въ ея некрологѣ, помѣщенномъ въ „Mercure de France“, весьма распространенной въ описываемую эпоху газетѣ, мы находимъ слѣдующія строки: „M-lle Лекувреръ не обладала ни богатымъ голосомъ, ни замѣчательной красотой и граціей, но миніатюрная фигура ея была изящна, и держала себя артистка на сценѣ съ благородствомъ и увѣренностью; постановка головы и плечъ не оставляли желать ничего лучшаго; полные огня глаза, прекрасно обрисованный ротъ, носъ съ небольшой горбинкой и симпатичныя женственныя манеры — вотъ портретъ Адріенны Лекувреръ.“

Мы даемъ здѣсь нашимъ читателямъ два изображенія Адріенны Лекувреръ—снимокъ съ бюста Курте и копію съ портрета знаменитой актрисы, висящаго въ фойе артистовъ „Comédie française“, традиціонно хранящемъ на своихъ стѣнахъ много изображеній выдающихся актеровъ и актрисъ, и классическихъ писателей.

Жюль Ферри

Изъ политической хроники позапрошлаго нумера „Всемірной Иллюстраціи“ читатели наши уже знаютъ о неожиданномъ избраніи Жюля Ферри на постъ президента французскаго сената большинствомъ 148 голосовъ изъ 249, участвовавшихъ въ баллотировкѣ. Жюль Ферри, бывшій пять разъ министромъ и два раза президентомъ совѣта министровъ, очень извѣстный политическій дѣятель, за послѣднее время державшійся въ сторонѣ отъ событій. Его имя связано съ эпохой колоніальныхъ предпріятій Франціи въ Азіи и Африкѣ. Одно время во французской печати вошло какъ бы въ моду порицать Ферри и приписывать ему неудачи относительно Тонкина и другихъ колоній; его же выставляли какъ противника союза Франціи съ Россіей. Вотъ почему къ Ферри сильно охладѣли, и это охлажденіе къ нему его компатріотовъ выразилось въ неудачѣ его на выборахъ. Но вотъ минуло нѣсколько лѣтъ — и Ферри снова „выступаетъ вновь на сцену черезъ главныя ворота“. Еще недавно его почти всѣ буквально забрасывали грязью. Теперь тѣ же газеты считаютъ долгомъ снова восхвалять того же Ферри. Въ одинъ голосъ всѣ поютъ, что г. Ферри былъ несправедливо обиженъ, что ему было необходимо дать удовлетвореніе и т. д. Интересно, что на выборы Ферри въ сенатъ явился маршалъ Канроберъ, уже давно не ходившій на засѣданія, и открыто высказался за Ферри. Послѣдній тотчасъ же по избраніи поѣхалъ къ г. Карно, который принялъ его очень любезно. Несомнѣнно, что г. Ферри не ограничится лишь формальнымъ предсѣдательствомъ въ сенатѣ, и что его выступленіе на политическую дѣятельность отразится на ходѣ дѣлъ. Вотъ что сказалъ вновь избранный президентъ сената одному газетному сотруднику, пріѣхавшему къ Ж. Ферри тотчасъ послѣ „сенсаціоннаго событія“: „Я очень доволенъ вотумомъ, давшимъ мнѣ столько чести. Прежде всего я считаю этотъ вотумъ за долго ожидавшееся мною удовлетвореніе, которое оказалось болѣе блестящимъ, чѣмъ я даже могъ надѣяться. Въ этомъ я вижу также и нѣкоторое политическое указаніе. Республиканцы сената выразили этимъ, что имъ надоѣла политика бездѣйствія. Они поняли, что страна требуетъ, чтобъ ею управляли“.

Жюлю Ферри въ настоящее время 61 годъ. Онъ родился въ департаментѣ Вогезовъ въ 1832 г. и по окончаніи курса ученія записался въ число парижскихъ адвокатовъ. Вскорѣ онъ занялся литературой, дебютируя въ „Gazette des tribuneaux“, а съ 1865 г сталъ писать въ „Temps“ статьи по политическимъ и финансовымъ вопросамъ. Одна изъ его брошюръ „Фантастическіе отчеты Гаусмана“, вышедшая въ 1868 году, произвела цѣлую сенсацію и вызвала жесточайшую полемику. Затѣмъ въ газетѣ „L'Electeur libre“ Ферри обличилъ злоупотребленія администраціи при выборахъ, и за эту статью газета была оштрафована въ 10.000 фр. судомъ. Въ 1869 г. Ферри былъ избранъ въ законодательный корпусъ и сталъ въ ряды оппозиціи и протестовалъ противъ войны съ Пруссіей. Послѣ сентябрскихъ событій онъ очутился въ составѣ правительства народной обороны и, какъ администраторъ департамента Сены, организовалъ санитарную часть и устраивалъ національную гвардію для защиты предмѣстій Парижа, а потомъ былъ предсѣдателемъ коммиссіи мэровъ. Въ 1872 г. Ферри былъ акредитованъ при аѳинскомъ дворѣ въ качествѣ представителя Франціи. Послѣ паденія Тьера онъ вышелъ въ отставку и, вернувшись въ Парижъ, занялъ свое мѣсто въ собраніи, гдѣ его рѣчи производили сильное впечатлѣніе и доставили ему въ 1875 г. званіе президента лѣвой республиканской группы. По избраніи Греви президентомъ республики Жюль Ферри получилъ портфель министра народнаго просвѣщенія и изящныхъ искусствъ и съ необыкновенной энергіей проводилъ свою программу. Далѣе, послѣ кратковременной отставки, онъ сдѣлался главою кабинета и принялъ портфель министра внутреннихъ дѣлъ, который сохранилъ до ноября 1881 г. Послѣ паденія кабинета Гамбетты Ж. Ферри сформировалъ кабинетъ и сталъ во главѣ его въ 1883 г. Слѣдующій годъ былъ торжествомъ для министерства Ферри, которое одержало цѣлый рядъ блестящихъ побѣдъ, добившись пересмотра конституціи, законодательной реформы сената и проч. Зато въ 1885 г. министерскій кризисъ, вызванный крайне неблагопріятными извѣстіями о военныхъ событіяхъ въ Тонкинѣ, окончился отставкою Жюлля Ферри и его товарищей, причемъ всѣ они были осыпаны цѣлымъ градомъ оскорбленій и почти выгнаны изъ залы засѣданій криками: „Вонъ! за дверь!“ Во время выборовъ 1889 г. Ж. Ферри потерпѣлъ пораженіе въ департаментѣ Вогезовъ, въ томъ самомъ округѣ, который до тѣхъ поръ неуклонно избиралъ его своимъ представителемъ. Въ 1891 г. онъ былъ избранъ въ Эпиналѣ и съ этого времени снова окунулся въ водоворотъ политической жизни.

Открытіе памятника императору Александру II въ С.-Петербургѣ

Въ знаменательный день девятнадцатаго февраля въ С.-Петербургѣ, передъ Александровскою больницей для рабочаго населенія, въ присутствіи градоначальника, вице-губернатора, представителей городскаго управленія и гласныхъ думы, а также многихъ приглашенныхъ лицъ, преимущественно медицинскаго персонала, вслѣдъ за молебствіемъ совершилось торжественное открытіе памятника-бюста императору Александру II, сооруженнаго спб. городскимъ общественнымъ управленіемъ при городской Александровской больницѣ для рабочаго населенія въ память 19 февраля 1861 года. Больница эта учреждена еще при императорѣ Николаѣ I, 14 февраля 1841 года, въ видѣ временнаго лазарета для рабочихъ, отдѣльныя части котораго были расположены въ разныхъ мѣстахъ города. Приговоромъ отъ 22 марта 1861 г. спб. дума, желая выразить свое горячее сочувствіе къ достопамятному событію 19 февраля 1861 г. дѣломъ христіанской любви преимущественно на пользу того же получившаго свободу сословія, опредѣлила учредить въ Петербургѣ больницу, наименовавъ ее Александровскою, для рабочаго населенія. 30 августа 1866 года состоялось открытіе больницы въ присутствіи государя императора, который пожертвовалъ для церкви икону св. Александра Невскаго. Въ 1891 году, въ виду истеченія 25-тилѣтія больницы, дума въ собраніи 6 марта 1891 г. признала умѣстнымъ помѣстить передъ фасадомъ больницы, выходящимъ на набережную р. Фонтанки, бюстъ императора Александра II во славу его имени и совершеннаго имъ великаго дѣла освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Бронзовый бюстъ живо напоминаетъ незаб-

венныя черты Царя-Освободителя. Бюстъ вылѣпленъ профессоромъ Н. Лаверецкимъ и отлитъ на заводѣ Морана. Постановка постамента исполнена подъ наблюденіемъ архитектора Соломина. Государь изображенъ одѣтымъ въ общегенеральскій мундиръ. Изящный постаментъ сдѣланъ изъ чернаго мрамора; на лицевой сторонѣ его надпись: „Императору Александру II, основателю больницы"; справа: „Больница основана въ память 19-го февраля 1861 года", а слѣва: „сооруженъ спб. городскимъ общественнымъ управленіемъ". Послѣ обѣдни, отслуженной въ больничной церкви преосвященнымъ Никандромъ, епископомъ нарвскимъ, въ сослуженіи многочисленнаго духовенства, было совершено благодарственное молебствіе, на которомъ присутствовали: спб. градоначальникъ свиты Е. В. г.-м. фонъ-Валь, и. д. городскаго головы Н. Н. Медвѣдевъ, предсѣдатель и члены больничной коммиссіи В. А. Ратьковъ-Рожновъ, г.-м. Покатиловъ (попечитель больницы) и др., предсѣдатель П. В. Жуковскій и члены санитарной коммиссіи, члены управы, гласные думы, главные врачи городскихъ больницъ, медицинскій персоналъ больницы съ проф. В. П. Доброклонскимъ во главѣ, а также почетные гости: князь Гагаринъ, главный редакторъ „Правительственнаго Вѣстника", извѣстный поэтъ и камергеръ К. К. Случевскій, и многіе др. Послѣ молебствія изъ зданія больницы, убраннаго флагами и зеленью, былъ совершенъ крестный ходъ къ памятнику-бюсту, у котораго, какъ и по обѣимъ сторонамъ рѣки Фонтанки, собралась масса народа. Когда всѣ заняли мѣста, покрывало съ бюста было сдернуто, и передъ глазами всѣхъ предсталъ красивый памятникъ. Преосвященный Никандръ окропилъ его св. водою. Затѣмъ были провозглашены: многолѣтіе Государю Императору и всему Царствующему Дому, вѣчная память императору Александру II и многолѣтіе начальствующимъ и служащимъ больницы. Пѣлъ хоръ г. Архангельскаго. По окончаніи торжества состоялся завтракъ, сервированный на 150 кувертовъ, сопровождавшійся тостами и рѣчами.

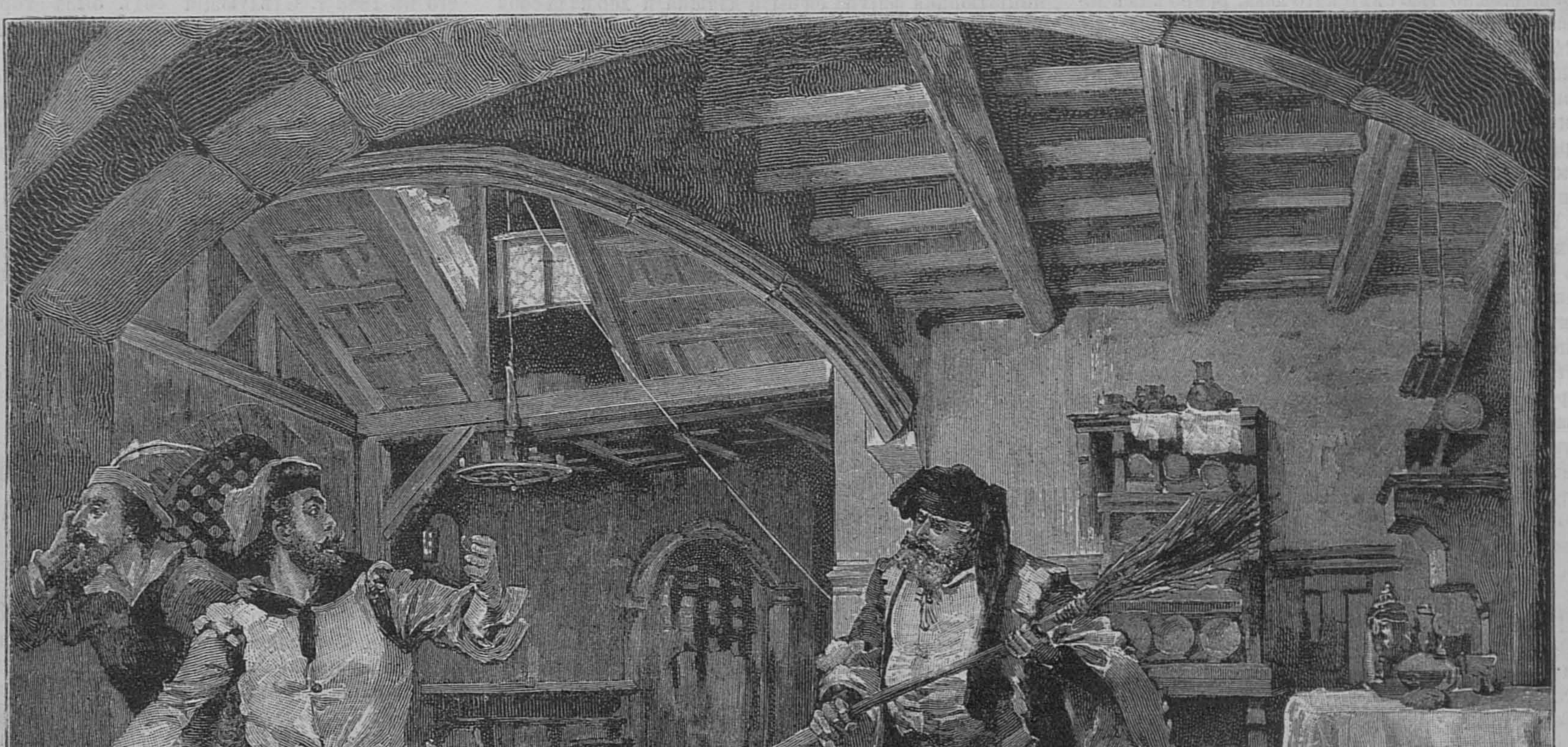
Послѣдняя сцена. Хороводъ вокругъ дуба »чернаго охотника«.

„Фальстафъ",

опера Дж. Верди.

»Фальстафъ«, новая опера Верди, о которой такъ много говорилось въ послѣдніе два года, появленіе которой ожидалось съ особеннымъ, чисто лихорадочнымъ, нетерпѣніемъ въ послѣдніе мѣсяцы, наконецъ дана на сценѣ миланскаго театра „La Scala". Для любителей точности скажемъ, что день ея появленія былъ четвергъ, 9-ое февраля (28-ое января).

Исключительный интересъ „Фальстафа" вызывался многими обстоятельствами. Верди прежде всего составляетъ теперь дѣйствительно національную гордость Италіи, и нѣтъ такого равнодушнаго къ музыкѣ итальянца, который бы, однако, не произносилъ его имени съ почтеніемъ и гордостью. Далѣе являлось любопытство узнать, *что* могъ написать Верди, имѣя на плечахъ 80 лѣтъ, сохранилъ ли онъ свѣжесть и бодрость таланта? Наконецъ въ талантѣ Верди никогда прежде не замѣчалось комической жилки; можетъ ли онъ теперь написать что нибудь дѣйствительно веселое и легкое, какъ писалъ, на-



Конецъ перваго акта. Сцена I. Фальстафъ выгоняетъ Бардольфа и Пистола.

Иностранные театры. — Миланскій оперный театръ La Scala. »Фальстафъ«, новая опера Джузеппе Верди.

Рисунки съ натуры А. Феррагути и Дженаро Амато.

Конецъ второй части перваго акта. Сцена болтовни кумушекъ.

Рисунокъ съ натуры Дженнаро Амато.

Иностранные театры. — Миланскій оперный театръ La Scala. »Фальстафъ«, новая опера Джузеппе Верди.

примѣръ, Россини? Не заблуждается ли онъ въ оцѣнкѣ этой стороны своего дарованія? не вѣрнѣе ли были тѣ его соображенія, которыя побудили его отказаться отъ комическаго жанра послѣ первой неудачной его попытки въ молодости на этомъ пути?

Затѣмъ о музыкѣ новой оперы рѣшительно ничего не было извѣстно. Верди распорядился, чтобы на репетиціи — частныя и оркестровыя — абсолютно не допускались посторонніе лица. Предосторожности доводились до того, что у пѣвцовъ послѣ каждой спѣвки отбирались клавираусцуги, и послѣдніе были выпущены для публики только въ день представленія, когда уже было трудно составить себѣ какое либо предвзятое мнѣніе. Все это сильно возбуждало общественное настроеніе.

Какъ бы то ни было, но Миланъ наканунѣ „Фальстафа", по отзыву очевидцевъ, представлялся городомъ, ожидающимъ важнаго историческаго событія. Оживленіе на улицахъ было огромное, усиленное еще массою пріѣзжихъ. Особенно нетерпѣливые въ день спектакля даже обѣдали на тротуарахъ, у ресторановъ, ближнихъ къ театру, чтобы поскорѣе попасть въ послѣдній. Несмотря на высокія цѣны за мѣста, доведшія въ этотъ вечеръ сборъ до 70-ти тысячъ франковъ, огромная часть желавшихъ не попала на спектакль. Театральная зала представляла великолѣпный видъ: не только были на лицо всѣ выдающіяся знаменитости Милана и Ломбардіи, но присутствовало множество извѣстностей въ томъ или другомъ отношеніи, пріѣхавшихъ изъ другихъ частей Италіи и изъ-за границы. Значительное число европейскихъ газетъ и журналовъ прислало своихъ критиковъ присутствовать на этомъ исключительномъ представленіи; были на лицо представители газетъ: „Figaro", „Gil Blas", „Matin", „Petit Journal", „Monde artistique", „Gaulois", „Echo de Paris", „Evénement", „Times", „Daily Telegraph", „Herald", „Berliner Tageblatt", „Neue Freie Presse", „Indépendance Belge" и т. д.

Эта пестрая, разнообразная масса зрителей была настроена возбужденно, и возбужденіе росло по мѣрѣ приближенія часовой стрѣлки къ назначенному времени. Наконецъ, ровно въ 20 минутъ девятаго, дирижеръ Маскерони появился на своемъ мѣстѣ и далъ знакъ начала. Послѣ нѣсколькихъ тактовъ — вступленіе отсутствуетъ — занавѣсъ поднялся, и всѣ замерли въ ожиданіи.

Текстъ „Фальстафа" написанъ извѣстнымъ композиторомъ Арриго Бойто и взятъ изъ шекспировской комедіи „Виндзорскія кумушки". Несмотря на популярность Бойто въ Миланѣ и на его репутацію какъ поэта во всей Италіи, либретто найдено слабымъ итальянскою критикою — не вслѣдствіе однако планировки имъ сценъ или его стиховъ, но изъ-за сюжета. Итальянскую печать въ ея сужденіяхъ не останавливаютъ авторитеты, и на этотъ разъ именъ Шекспира, Бойто и въ придачу самого Верди оказалось недостаточно, чтобы помѣшать этой печати высказать неодобрительный отзывъ о либретто. Общее мнѣніе печати, что сюжетъ — ребяческій, не представляющій интереса и не заслуживающій вниманія такого композитора, какъ Верди. Не вдаваясь въ обсужденіе этого мнѣнія, мы замѣтимъ только, что Бойто—какъ и либреттистъ оперы Николаи, написанной на сюжетъ „Виндзорскихъ проказницъ" — сравнительно только въ несущественныхъ подробностяхъ отступилъ отъ сценаріума комедіи, на столько, на сколько это требовалось условіями оперы. Мы считаемъ хорошо знакомою шекспировскую комедію всѣмъ читателямъ и ограничимся здѣсь только самымъ краткимъ изложеніемъ послѣдовательности ея сценъ, какъ онѣ уложены Бойто для текста оперы.

Опера состоитъ изъ шести картинъ, составляющихъ три дѣйствія. Первая картина идетъ въ тавернѣ, гдѣ Фальстафъ ожидаетъ своихъ пріятелей. Приходитъ докторъ Каюсъ, недовольный тѣмъ, что ему приходится выносить въ Англіи, и затѣмъ являются Бардольфъ и Пистоль, пріятели Фальстафа, завязывающіе съ нимъ небольшую ссору. Фальстафъ произноситъ монологъ о чести. Вторая картина въ домѣ Форда; кумушки, Фордъ и Неджъ, читаютъ письмо Фальстафа и сговариваются устроить ему западню. Фентонъ и Анна объясняются во взаимной любви. Фордъ приходитъ съ друзьями и высказываетъ свои подозрѣнія относительно поведенія жены. Второе дѣйствіе начинается комическимъ тріо между Фальстафомъ, Бардольфомъ и Пистолемъ, служащимъ введеніемъ въ сцену мистриссъ Куикли съ посланіемъ къ Фальстафу. Затѣмъ является ревнивецъ Фордъ, притворяющійся передъ Фальстафомъ съ цѣлью узнать истину о своей женѣ. Вторая картина снова переноситъ зрителя въ домъ Форда. Куикли передаетъ г-жѣ Фордъ результатъ ея свиданія съ Фальстафомъ, кумушки приготовляютъ западню для послѣдняго, приходитъ самъ герой комедіи и объясняется въ любви г-жѣ Фордъ. Появленіе мужа послѣдней и сосѣдей, отыскивающихъ спрятавшагося Фальстафа, оканчиваетъ эту картину. Въ первой картинѣ мы снова имѣемъ дѣло съ монологами Фальстафа и съ новымъ появленіемъ мистриссъ Куикли, передающей новое посланіе Фальстафу, что собственно является уже повтореніемъ того, что было въ предъидущемъ дѣйствіи. Вторая картина, заканчивающая оперу, происходитъ въ виндзорскомъ паркѣ и почти буквально слѣдуетъ сценаріуму комедіи Шекспира.

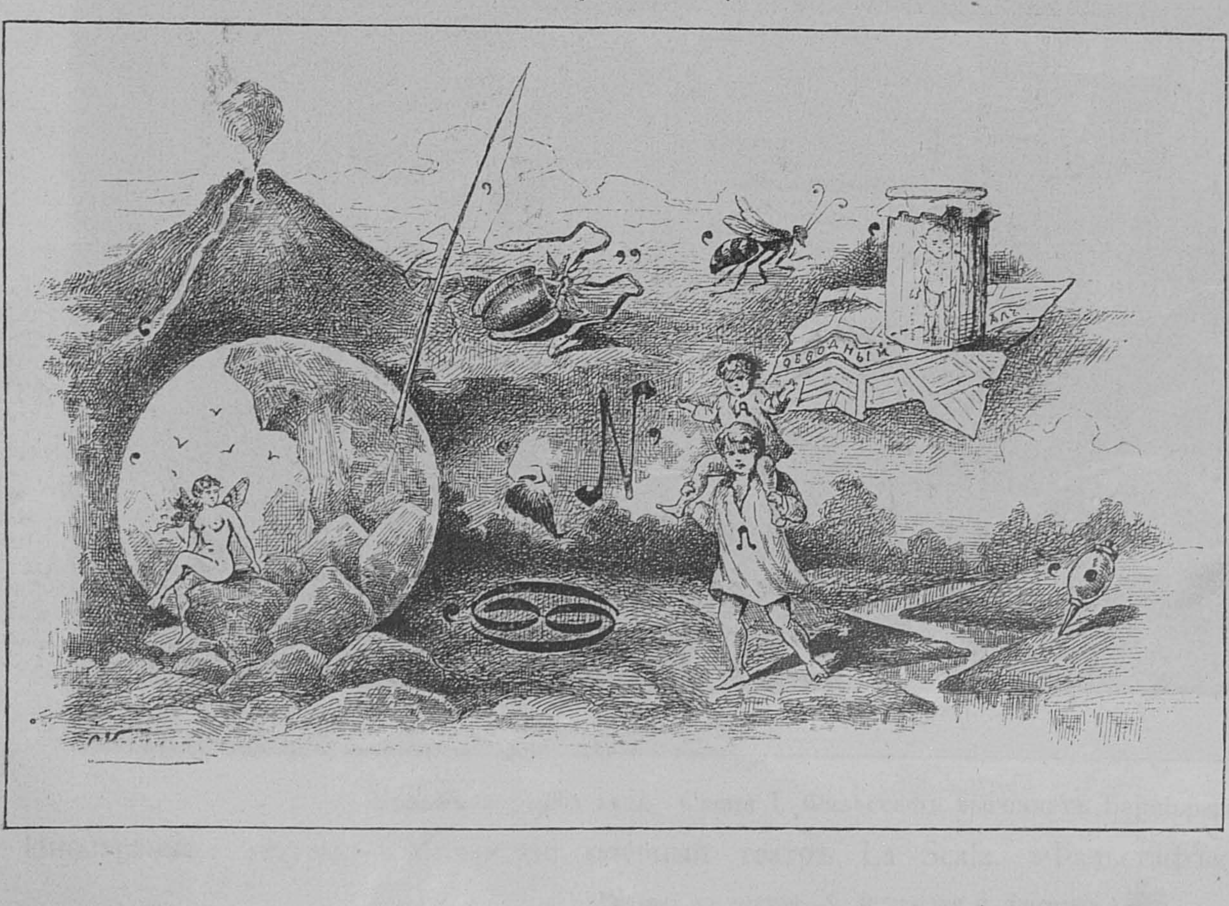
Что касается музыки, то расположеніе итальянцевъ къ Верди и энтузіазмъ перваго представленія не помѣшали критикѣ высказаться и здѣсь довольно правдиво. Если прочитать внимательно отзывы итальянской печати о „Фальстафѣ", то можно заключить, что въ немъ Верди еще болѣе пошелъ по пути декламаціи, чѣмъ въ „Отелло", и что этотъ путь не симпатиченъ его соотечественникамъ. Наиболѣе блестящимъ и напоминающимъ прежняго Верди, богатаго мелодическимъ изобрѣтеніемъ, критика считаетъ второе дѣйствіе, въ особенности его вторую картину. Первое дѣйствіе признается болѣе слабымъ, а почти безусловно слабымъ — третье дѣйствіе, несмотря на отдѣльныя красивыя его мѣста и нумера. По частнымъ отзывамъ, въ которыхъ, разумѣется, стѣсняются менѣе, чѣмъ излагая свои мнѣнія для печати, по отзывамъ, которые дошли до Петербурга,—самой оперы Верди до сихъ поръ еще нѣтъ въ музыкальныхъ магазинахъ столицы, — слѣдуетъ думать, что „Фальстафъ" далеко не удался Верди и не потому чтобы ему не хватило веселости или оживленія, а потому что повидимому изсякъ родникъ его мелодической изобрѣтательности. Разумѣется, основательнаго заключенія о новой оперѣ Верди нельзя сдѣлать, не ознакомясь съ ея клавираусцугомъ.

Во всякомъ случаѣ нельзя не удивляться энергіи и бодрости духа восьмидесятилѣтняго композитора, не останавливающагося на своемъ пути, несмотря на возрастъ. Говорятъ даже, что Верди принимается за новую оперу, на этотъ разъ за трагическую, болѣе соотвѣтствующую его темпераменту, именно за „Короля Лира".

Успѣхъ „Фальстафа" былъ огромный; композитора вызывали съ энтузіазмомъ, толпы народа провожали его до отеля, на балконъ котораго онъ долженъ былъ показываться нѣсколько разъ, ему дали серенаду, король, равно какъ и сенатъ, прислали ему привѣтственныя телеграммы, разныя учрежденія поднесли адресы, иностранныя газеты помѣстили сочувственные отзывы о новой оперѣ, высоко ставя заслуги Верди въ области оперы, разныя европейскія сцены рѣшили немедленно поставить „Фальстафа" и т. д. Словомъ, Верди могъ еще разъ убѣдиться на сколько велика его сила и популярность не въ одной только Италіи, а вездѣ въ Европѣ, гдѣ интересуются искусствомъ.

М. Иванов.

Ребусъ № 4.



Театръ, музыка, искусства

Искусства

— Воздушный замокъ на предстоящей выставкѣ въ Антверпенѣ. Для возможно большаго привлеченія посѣтителей на предстоящую въ Антверпенѣ выставку одинъ бельгійскій инженеръ придумалъ соорудить въ полномъ смыслѣ воздушный замокъ, на высотѣ 500 метровъ надъ поверхностью земли. Для его подъема на такую высоту онъ предполагаетъ примѣнить два цилиндрическихъ аэростата, въ двѣнадцать отдѣленій каждый, совокупною емкостью въ 89.000 куб. метровъ. Подъемная сила обоихъ аэростатовъ должна быть, по разсчету инженера, вдвое болѣе той, какая нужна, чтобы поднять на воздухъ всю тяжесть проектируемой имъ постройки и вмѣстѣ съ тѣмъ 150 человѣкъ. Весь воздушный замокъ будетъ прикрѣпленъ къ землѣ толстыми канатами, натянутыми въ діагональныхъ направленіяхъ. Желающіе будутъ подниматься съ поверхности земли на высоту пятисотъ метровъ на воздушныхъ же шарахъ. Подъ платформою замка будетъ устроено электрическое освѣщеніе. Въ какой мѣрѣ бельгійскій инженеръ предполагаетъ обезопасить свое сооруженіе отъ сильныхъ вѣтровъ и, въ особенности, шкваловъ — пока неизвѣстно.

— Выставка картинъ въ Москвѣ. 14-го февраля въ Москвѣ, на Тверской, въ домѣ Полякова, открыта выставка московскихъ молодыхъ художниковъ, въ которой приняли участіе извѣстные москвичамъ художники Бакшеевъ, Грандковскій, Коровинъ, Коринъ, А. Маковскій и другіе, всего картинъ выставлено болѣе 120-ти. Помѣщеніе для этой выставки предоставлено г. Поляковымъ безплатно.

Театръ и музыка

— Новыя русскія оперы. Къ числу одобренныхъ къ постановкѣ на казенной сценѣ новыхъ оперъ можно причислить оперу молодого композитора г. Рахманинова „Алеко" и оперу Бларамберга „Тушинцы". Оба эти произведенія уже репетируются въ московскомъ Большомъ театрѣ. Въ газетахъ появляются отъ времени до времени извѣстія о новой оперѣ П. И. Чайковскаго „Бела", которую онъ будто бы окончилъ и оканчиваетъ; однако опера эта совсѣмъ еще не существуетъ, и П. И. Чайковскій пока и не предполагаетъ приступать къ ея сочиненію.

— Кромѣ упраздненія балета въ московскихъ театрахъ предполагается уменьшить составъ опернаго хора и оркестра и сократить штаты московской театральной конторы. Въ Петербургѣ поставлены на обсужденіе только вопросы объ упраздненіи оркестровъ при драматическихъ театрахъ, сокращеніе смѣты на mise en scène новыхъ оперъ, балетовъ и пьесъ и сокращеніе штатовъ русской драматической труппы вслѣдствіе упраздненія русскихъ спектаклей въ Михайловскомъ театрѣ. Впрочемъ, коммиссія, разсматривавшая проектъ о сокращеніи расходовъ по Императорскимъ театрамъ, опредѣлила, по настоянію г. Направника, не сокращать оркестра и хора московскаго Большого театра, составляющихъ его главное украшеніе.

— Дирекція Императорскихъ театровъ къ будущему сезону предполагаетъ значительно расширить сцену Михайловскаго театра. Перестройка эта вызвана намѣреніемъ ставить на сценѣ Михайловскаго театра оперные спектакли, которые предполагается давать два раза въ недѣлю, въ дни балетныхъ спектаклей въ Маріинскомъ театрѣ.

Калганскій пріискъ

Добываніе золота посредствомъ вымораживанія.

Калганскій пріискъ расположенъ на р. Ивделѣ, протекающей въ сѣверной части верхотурскаго уѣзда, пермской губерніи. На рисункѣ изображена замерзшая поверхность рѣки, на которой и производятся работы по добычѣ золота. Рѣка Ивдель имѣетъ сплошное каменистое дно, по которому чрезвычайно быстрымъ теченіемъ, зависящимъ отъ сильнаго паденія русла, несется песокъ, глина и пр., вымываемые изъ береговъ бѣшенымъ напоромъ воды, и такимъ образомъ все дно рѣки представляетъ собою громадный шлюзъ, на которомъ постоянно идетъ промывка землистыхъ частей, составляющихъ берега Ивделя. Мелкія частицы золота и всегда сопутствующія имъ частицы желѣза (шлихи), какъ самыя тяжелыя, осѣдаютъ во всѣхъ трещинахъ и ямахъ каменистаго дна и представляютъ собою богатѣйшую золотоносную розсыпь, только находящуюся на глубинѣ двухъ—трехъ саженъ воды, такъ быстро несущейся, что всѣ пробы добыванія этихъ золотосодержащихъ песковъ лѣтомъ были неудачны, и золотой песокъ пропадалъ даромъ, пока, не болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, на Уралѣ не сдѣлался извѣстнымъ способъ добычи такихъ песковъ посредствомъ вымораживанія, который впервые и былъ примѣненъ на р. Ивделѣ.

Изслѣдовавши приблизительно лѣтомъ наиболѣе глубокія впадины на рѣчномъ днѣ, на берегу ставятъ

Тяга верблюдовъ.

Повѣрка тяжести, провезенной верблюдомъ.

замѣтки и значки и затѣмъ, по наступленіи холодовъ, когда ледъ на рѣкѣ достигнетъ значительной толщины, что бываетъ обыкновенно въ концѣ ноября, приступаютъ къ работамъ. Руководствуясь значками, сдѣланными на берегу, расчищаютъ отъ снѣга мѣсто, предназначенное для работъ, и разбиваютъ его на ряды квадратовъ (вдоль по теченію рѣки), около девяти саженъ каждый, и, продолбивши ледъ, обставляютъ первый, верхній, квадратъ кольями вродѣ загородки, которые опускаются до самаго дна рѣки. При сильныхъ морозахъ, какіе стоятъ обыкновенно всю зиму на сѣверномъ Уралѣ, въ одну ночь всѣ продолбленныя ямки покрываются уже значительнымъ слоемъ льда и тогда начинаютъ скалываніе его внутри огороженнаго квадрата. Ледъ убираютъ на столько, чтобъ толщина его внутри разрабатываемаго участка была не болѣе и не менѣе четырехъ вершковъ, послѣ чего работы переносятся на квадратъ другаго ряда, а этотъ оставляется вымерзать, причемъ, конечно, его тщательно оберегаютъ отъ снѣга. Когда ледъ опять достигнетъ толщины нѣсколькихъ четвертей аршина, его снова скалываютъ до указанной выше нормы толщины. Вырубивши такимъ образомъ аршинъ или болѣе въ глубину, приступаютъ къ такой же обработкѣ слѣдующаго за нимъ по теченію квадрата, такъ что черезъ двѣ—три недѣли получается громадный ледяной ящикъ, опущенный на самое дно рѣки, которое въ силу этого обнажается и дѣлается доступнымъ для извлеченія изъ него золотоноснаго песку *).

*) Само собою разумѣется, что между рядами этихъ участковъ оставляются промежутки по теченію рѣки, чтобы дать проходъ ея теченію подо льдомъ и этимъ оградить отъ напора воды ледяное сооруженіе.

Всю зиму до марта продолжаются работы по вымораживанію и обнаженію русла, требующія очень большой сноровки, въ особенности при скалываніи льда, такъ какъ черезчуръ тонкій слой можетъ не выдержать давленія вытѣсняемой воды, а, вырвавшись наружу, она погубитъ всѣ работы, тогда какъ толстый слой препятствуетъ быстрому наростанію льда снизу. Въ мартѣ, когда спадутъ морозы и днемъ солнце пригрѣваетъ на столько, что можно производить промывку водой добытаго песка на воздухѣ, получаются окончательные результаты этой чрезвычайно трудной по условіямъ операціи.

Въ концѣ апрѣля, отъ таянія снѣговъ на берегахъ, вода заливаетъ работы; въ началѣ мая Ивдель вскрывается, унося вмѣстѣ со льдомъ всѣ слѣды производившихся работъ, и чрезъ нѣсколько дней вся поверхность рѣки принимаетъ прежній видъ до будущей зимы; только на днѣ рѣки продолжается вѣчная, неустанная работа, которою съумѣлъ такъ остроумно воспользоваться человѣкъ. Лѣтомъ р. Ивдель и ея берега — настоящая тайга, добраться до которой трудно по отсутствію какихъ либо дорогъ и временами положительно невозможно отъ миріадъ комаровъ и мошекъ, царящихъ въ этой пустынѣ.

Испытаніе (тяга) силы верблюдовъ

Въ Астрахани устраиваются ежегодно отъ министерства государственныхъ имуществъ испытанія (тяга) верблюдовъ съ цѣлью поощрять разведеніе и культивированіе хорошихъ породъ верблюдовъ среди калмыковъ.

Производится тяга обыкновенно на ипподромѣ общества скачекъ и конскаго бѣга въ присутствіи испытательной коммиссіи, а также при большомъ стеченіи публики.

Тяга производится при такой обстановкѣ. По дорожкѣ, по бокамъ которой, на разстояніи одной сажени, положены грузы, пускается верблюдъ, запряженный въ особую телѣгу, уже нагруженную 100 п. груза. По мѣрѣ движенія верблюда люди, стоящіе по бокамъ дороги, набрасываютъ грузъ, и такимъ образомъ тяжесть все увеличивается. Затѣмъ, когда верблюдъ болѣе не можетъ продолжать свой путь—останавливается, начинаютъ считать тяжесть, какъ это и представлено на одномъ изъ нашихъ рисунковъ. На послѣднемъ испытаніи изъ семи верблюдовъ оказался одинъ необыкновенной силы—грузъ въ 212 пудовъ и 1¹/₄ ф. онъ протащилъ много дальше назначеннаго пути. Это верблюдъ 5-лѣтній, самецъ, княэя Батыка-Тюмесь. Онъ получилъ I призъ — 60 рублей.

Премированные верблюды и гг. члены испытательной коммиссіи.

Астрахань. — Испытаніе силы верблюдовъ.

Съ фотографій корреспондента-художника «Всемірной Иллюстраціи» В. Сергѣева гравировалъ В. А. Зубчаниновъ.

Ходьба на лыжахъ

Въ послѣдніе годы зимою, особенно въ снѣжную зиму, когда приходится проститься съ надеждами на буерныя прогулки, въ Петербургѣ и его окрестностяхъ все чаще и чаще можно встрѣтить спортсмена-лыжехода, котораго даже и непривычный глазъ сразу отличитъ отъ заправскаго охотника по отсутствію на немъ какихъ бы то ни было охотничьихъ принадлежностей. Этому-то роду спорта мы и желаемъ посвятить настоящій очеркъ.

Исключительно для спорта, помимо всякихъ побочныхъ цѣлей, лыжи употребляются сравнительно недавно, или, точнѣе говоря, онѣ лишь недавно начали пріобрѣтать извѣстную популярность между спортсмэнами. Какъ вспомогательное же орудіе для ходьбы по глубокому снѣгу, напр. при зимней охотѣ, лыжи служили съ незапамятныхъ временъ и у всѣхъ народовъ, поэтому-то и существуетъ безконечное разнообразіе ихъ типовъ. Каждая мѣстность выработала свои типы, такъ, напр., у насъ, въ Россіи, лыжи дѣлаются различно въ разныхъ губерніяхъ, и знатокъ дѣла съ перваго взгляда безошибочно опредѣлитъ — изъ какой губерніи привезены лыжи. Однако въ большинствѣ случаевъ охотничьи лыжи, предназначенныя для ходьбы по лѣсу, гдѣ приходится часто мѣнять направленіе, блуждая между деревьями, дѣлаются, для лучшей ихъ поворотливости, короткими и широкими, и поэтому онѣ тяжелы, неудобны для быстрой ходьбы. Вслѣдствіе этого въ мѣстностяхъ, гдѣ лыжами пользуются не только для лѣсной охоты, но и вообще для ходьбы или бѣганія, выработался особый типъ — бѣговыя лыжи, болѣе длинныя и узкія, нежели охотничьи.

Лыжи представляютъ собою пару длинныхъ и узкихъ деревянныхъ досокъ, заостренныхъ на концахъ и загнутыхъ кверху спереди и сзади; кромѣ того имъ обыкновенно придается еще нѣкоторый выгибъ кверху по серединѣ для того, чтобы онѣ не такъ пригибались подъ тяжестью человѣка. Какъ матеріалъ для лыжъ лучше всего береза — по своей легкости и упругости; сосновыя или еловыя лыжи тяжелѣе березовыхъ, скорѣе исцарапываются и вообще считаются хуже. Чтобы лыжи не такъ скоро пачкались, ихъ обыкновенно протравливаютъ подъ цвѣтъ темнаго орѣха; кромѣ того ихъ пропитываютъ горячею олифою (что необходимо повторять по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ годъ), а иногда, ради большаго изящества, верхнюю сторону покрываютъ масляным лакомъ. Изогнутая форма сообщается лыжамъ при ихъ выдѣлкѣ; съ этой цѣлью лыжу или распариваютъ обыкновеннымъ способомъ, или же обертываютъ ту часть ея, которую желаютъ изогнуть, тряпкой, намоченной въ кипяткѣ, затѣмъ изгибаютъ до желаемой степени и оставляютъ въ такомъ положеніи совершенно высохнуть. Такимъ же образомъ можно дома исправлять старыя лыжи, которыя отъ ходьбы при сырой погодѣ нѣсколько теряютъ свою кривизну.

Охотничьи лыжи снизу часто подбиваются оленьимъ мѣхомъ и притомъ такимъ образомъ чтобы волоса были направлены назадъ—это облегчаетъ подъемъ на пологія горы. Бѣговыя же лыжи мѣхомъ никогда не обиваются.

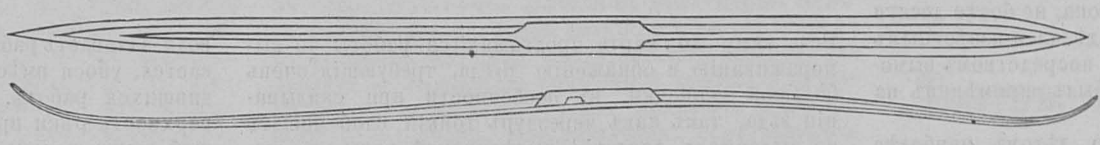
Весьма оригинальныя охотничьи лыжи извѣстны подъ именемъ индѣйскихъ или *канадскихъ*—по мѣсту своего происхожденія. Онѣ совершенно отличаются отъ только что описанныхъ по своему устройству. А именно: канадскія лыжи состоятъ изъ пары овальныхъ гнутыхъ деревянныхъ рамокъ длиною около 1½ аршина и шириною отъ ½ до ¾ аршина съ двумя перекладинами каждая; рамки оплетены сѣтью изъ тонкихъ ремней или изъ жилъ, что дѣлаетъ эти лыжи замѣчательно легкими. Благодаря своей малой длинѣ, лыжи эти особенно удобны для ходьбы въ густыхъ лѣсахъ; на нихъ можно также подниматься на весьма крутые откосы. Однако при ходьбѣ ими нельзя скользить по снѣгу, а надо переступать, что дѣлаетъ ходьбу довольно утомительной. Между прочимъ подобными лыжами была вооружена экспедиція внутрь Аляски, снаряженная Франкомъ Лесли, издателемъ извѣстнаго американскаго журнала „Laslie's Illustrated Newspaper“; въ столь пустынной странѣ, изобилующей непроходимыми горами и пропастями, канадскія лыжи оказались наиболѣе практичными. Наоборотъ, на открытыхъ ровныхъ мѣстахъ онѣ нецѣлесообразны.

Возвращаемся къ описанію бѣговыхъ лыжъ. На нижней сторонѣ лыжи имѣется продольный желобокъ, въ серединѣ ровный, а къ обоимъ концамъ дѣлающійся постепенно мельче и окончательно пропадающій тамъ, гдѣ начинается загибъ концовъ лыжи кверху. Сообразно ему вдоль средины верхней стороны лыжи идетъ гребень, также постепенно пропадающій къ обоимъ концамъ; кромѣ того обыкновенно верхняя сторона лыжи покрыта продольными мелкими желобками — отчасти для красоты, отчасти для большей легкости. Наоборотъ нижняя поверхность, кромѣ упомянутаго выше желобка, никакихъ впадинъ или углубленій не имѣетъ; надо слѣдить за тѣмъ, чтобы она всегда сохраняла свою первоначальную гладкость, и, если она поцарапается объ острый, тонкій ледъ или о песокъ, то надо протереть ее шкуркою (стеклянной бумагой). Верхній гребень лыжи на серединѣ ея длины (или иногда немного ближе къ заднему концу) расширяется во всю ширину лыжи, образуя площадку или опору для ноги; въ этомъ же мѣстѣ лыжи имѣютъ поперечную горизонтальную прорѣзь, сквозь которую продѣвается ремень, охватывающій носокъ обуви. Иногда дѣлаютъ еще пяточные ремни, но, по мнѣнію большинства опытныхъ лыжеходовъ, пяточные ремни совершенно излишни. Ремень дѣлается шириною въ 4—6 сантиметровъ, и концы его стягиваются тонкимъ сыромятнымъ ремешкомъ; металлическая пряжка не годится, потому что будетъ обмерзать.

Назначеніе лыжи—поддерживать человѣка на рыхломъ снѣгу, въ который нога безъ лыжи будетъ проваливаться. Поэтому величина поддерживающей поверхности лыжи должна находиться всегда въ извѣстной зависимости отъ вѣса самого лыжехода и отъ рыхлости снѣга.

За среднее можно принять при не особенно рыхломъ снѣгѣ, что на каждый килограммъ вѣса человѣка должно приходиться около 0,005 кв. метра поддерживающей площади, что при среднемъ вѣсѣ человѣка — около 5 пудовъ — составляетъ 20 кв. дециметровъ. И дѣйствительно у существующихъ лыжъ (для взрослыхъ) поддерживающая площадь всегда бываетъ отъ 18 до 22 кв. дециметровъ при различномъ отношеніи между длиною и шириною.

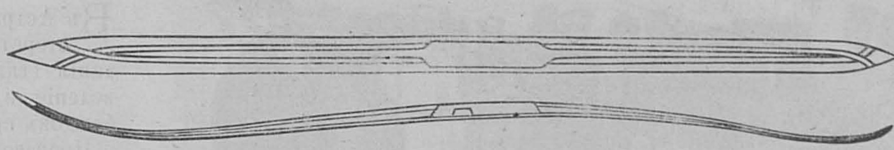
Далѣе, при рыхломъ, мягкомъ, недавно выпавшемъ, снѣгѣ, не успѣвшемъ еще слежаться, удобнѣе лыжи съ болѣе тупыми концами и болѣе широкія; наоборотъ, при сколько нибудь слежавшемся снѣгѣ лучше лыжи длинныя узкія и остроконечныя.



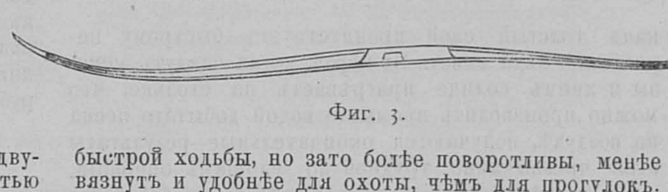
Фиг. 1.

Такъ какъ въ Петербургѣ чаще всего можно видѣть финляндскія лыжи, во множествѣ изготовляемыя въ Улеаборгѣ и т. п., то считаемъ не лишнимъ указать здѣсь же главнѣйшіе типы финскихъ лыжъ:

1. *Каянскій* типъ. Бѣговыя лыжи этого типа (фиг. 1) имѣютъ въ длину отъ 2,67 до 2,97 метр., въ ширину отъ 8,5 до 9,2 сант. и вѣсятъ отъ 1,9 до 2,3 килогр. Это самыя удобныя лыжи для скорой ходьбы при не очень рыхломъ снѣгѣ, и въ то же время онѣ наименѣе утомляютъ идущаго; при очень глубокомъ снѣгѣ онѣ, однако, вязнутъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, и тогда идти на нихъ тяжело. Однако, такъ какъ снѣгъ быстро слеживается, то эти лыжи можно считать и вообще самыми удобными; онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе употребительны. Между прочимъ такими лыжами снабженъ весь составъ въ финскихъ строевыхъ батальонахъ. Лѣсныя лыжи каянскаго типа нѣсколько короче, шире и тяжелѣе, а именно: длина ихъ отъ 2,38 до 2,67 м., ширина отъ 9 до 10 сант., вѣсъ отъ 2 до 2,3 килогр. Такія лыжи не допускаютъ столь быстрой ходьбы, но зато болѣе поворотливы, менѣе вязнутъ и удобнѣе для охоты, чѣмъ для прогулокъ.



Фиг. 2.



Фиг. 3.

2. *Лапландскій* типъ (фиг. 2), длиною 2,67 метр., шириной 8,6 сант., вѣсятъ около 2,2 килогр. Отличіе ихъ отъ каянскихъ состоитъ въ томъ, что, какъ видно изъ прилагаемаго рисунка, наибольшая ширина находится близъ самаго передняго конца; опора отодвинута нѣсколько назадъ отъ середины; наконецъ боковыя стѣнки желобка выпуклыя, а не прямыя, какъ на каянскихъ лыжахъ

3. *Норвежскій* типъ (фиг. 3) весьма сходенъ съ предыдущимъ, но задній конецъ не заостренъ, и опора отодвинута еще болѣе назадъ. Длина норвежскихъ лыжъ —2,30 метр., ширина—9,2 сант. и вѣсъ около 1,7 килогр. На лыжахъ этого типа, между прочимъ, извѣстный д-ръ Нансенъ совершилъ недавно путешествіе поперекъ всей Гренландіи.

Про выборъ типа лыжъ болѣе, чѣмъ про что либо иное, можно сказать, что это — дѣло вкуса. Лыжехода, привыкшаго къ обыкновеннымъ каянскимъ лыжамъ, очень трудно убѣдить въ превосходствѣ, напримѣръ, норвежскихъ лыжъ и обратно. Цѣна лыжамъ (безъ ремней и пр.) по прейсъ-куранту Э. Рундберга, въ Улеаборгѣ, отъ 3 до 6 руб., а за выборныя — отъ 5 до 8 и выше рублей за пару, причемъ каянскія лыжи — самыя дешевыя, а норвежскія — самыя дорогія.

Выбирая лыжи, надо смотрѣть, чтобы онѣ были безъ сучьевъ и другихъ видимыхъ изъяновъ, чтобы онѣ размѣромъ соотвѣтствовали вѣсу лица, для котораго предназначаются, и чтобы онѣ отнюдь не были покороблены или искривлены.

Пріобрѣтя себѣ лыжи, слѣдуетъ прежде всего позаботиться о соотвѣтствующемъ костюмѣ. Надо имѣть въ виду, что, въ особенности въ первое время, лыжеходу чрезвычайно жарко вслѣдствіе сильныхъ движеній, производимыхъ не только ногами, какъ при бѣгѣ на конькахъ, но руками и вообще всѣмъ тѣломъ. Поэтому слишкомъ тепло одѣваться не слѣдуетъ; достаточно, напр., при 15° мороза одѣть подъ сюртукъ шерстяную фуфайку и, во всякомъ случаѣ, оставить пальто тамъ, гдѣ предполагается, разстаться съ лыжами на обратномъ пути. При морозѣ съ вѣтромъ къ костюму прибавляются наушники или фуражка замѣняется мѣховой шапкой, а сюртукъ можетъ быть замѣненъ шведской курткой или подобнымъ ей, короткимъ костюмомъ, не пропускающимъ вѣтра. Особенно слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобы при паденіи въ рыхлый глубокій снѣгъ послѣдній не забивался ни въ обувь, ни въ рукава. Самое лучшее и простое — одѣвать сверхъ сапогъ длинныя валенки и завязывать ихъ у колѣна ремнемъ; одѣвать валенки прямо на ногу, безъ сапогъ, неудобно потому, что такъ легче натереть ногу. Для рукъ лучше всего — простыя кожаныя рукавицы съ шерстяными варежками; костюмъ можетъ быть завершенъ кожанымъ поясомъ, за который удобно прятать рукавицы.

Чтобы валенки не такъ скоро изнашивались и, главное, не прорѣзались бы *настомъ* — тонкимъ обледенѣвшимъ верхнимъ слоемъ снѣга, они должны быть обшиты съ боковъ, снизу и спереди кожею; полезно также нашивать кожаную полоску сзади, вдоль голенища валенка, чтобы не такъ портить валенокъ каблукомъ сапога при надѣваніи ихъ. Весьма хороши вмѣсто валенокъ—сапоги изъ оленьяго мѣха или же такъ называемые пьексы; наконецъ можно обойтись и обыкновенными кожаными высокими сапогами, завязавъ ихъ у колѣнъ.

Чтобы обувь не скользила по лыжѣ, на опорную площадку набивается кусокъ рубчатой резины. Это самое лучшее; гладкая резина, хотя и легче отчищается отъ намерзающаго снѣга, но гораздо болѣе скользка. Еще хуже — кусочки оленьей шкуры, набиваемые на опору шерстью вверхъ. Резину слѣдуетъ сперва наклеить столярнымъ клеемъ, а затѣмъ прибить мелкими гвоздями, и если можно — мѣдными.

Мы до сихъ поръ еще ничего не сказали о весьма существенномъ орудіи лыжехода — о палкахъ. Палки служатъ лыжеходу и для того, чтобы ускорять свой бѣгъ, и для того, чтобы сохранять равновѣсіе, и для того, наконецъ, чтобы въ случаѣ паденія имѣть точку опоры на рыхломъ глубокомъ снѣгу. Обыкновенно палокъ берется двѣ, хотя нѣкоторые предпочитаютъ ходить съ одной палкой; при катанѣ съ высокихъ горъ берется одна длинная гибкая палка, которой собственно не опираются, а правятъ, какъ рулемъ.

Палки дѣлаются изъ березоваго или изъ сосноваго дерева длиною приблизительно по плечо; онѣ должны быть легки и достаточно крѣпки. Нижній конецъ палки снабжается острымъ желѣзнымъ наконечникомъ — для упиранія въ ледъ; вершка на два выше наконечника въ палкѣ просверлено отверстіе, сквозь которое проходитъ сыромятный ремешокъ (или крѣпкая смоленая бичевка), стягивающій камышевое кольцо шириною около ¼ аршина; кольцо это въ различныхъ направленіяхъ оплетено ремешкомъ или бичевкой, такъ что получается сѣтка, не дающая палкѣ сильно вязнуть въ снѣгу.

Носковый ремень лыжи долженъ быть распущенъ лишь на столько, на сколько необходимо, чтобы вставить въ него носокъ обуви, потому что при ходьбѣ пятка должна свободно отдѣляться отъ лыжи; кромѣ того такимъ образомъ при паденіи нѣтъ возможности повредить себѣ ногу, что было бы неизбѣжно, еслибы лыжа была, подобно коньку, наглухо притянута ко всей подошвѣ. Вообще паденіе при ходьбѣ на лыжахъ, если костюмъ для этого достаточно приспособленъ, совершенно безопасно, такъ какъ о мягкій снѣгъ невозможно ушибиться; единственная непріятность можетъ состоять, — какъ это бываетъ и при катанѣ съ горы, — въ томъ, что лыжи ускользнутъ впередъ и придется до нихъ добираться по глубокому снѣгу.

Когда снѣгъ мягокъ, то начинающему лыжеходу лучше всего идти по чужому слѣду — по такъ называемой *лыжницѣ*; да и вообще, если идутъ нѣсколько, то лучше всего пустить самаго опытнаго впередъ — для прокладыванія хорошей, прямой и ровной лыжницы, а остальнымъ идти гуськомъ сзади, такъ какъ хорошо проложенная лыжница чрезвычайно облегчаетъ ходьбу.

Зато, если по проложенной лыжницѣ вздумаютъ идти пѣшкомъ безъ лыжъ и истопчутъ ее — она совершенно испорчена. Точно также, напримѣръ, гораздо труднѣе идти по протоптанной тропинкѣ или по санному пути, гдѣ лыжи плохо слушаются вслѣдствіе неравномѣрной плотности снѣга. Проходя подъ мостами или черезъ дороги, гдѣ есть песокъ или тонкій острый ледъ—лучше снимать лыжи, чтобы ихъ не испортить.

Движеніе бѣговой лыжи при ходьбѣ по ровному мѣсту — исключительно скользящее, причемъ обѣ лыжи поочередно скользятъ впередъ, оставаясь совершенно параллельными между собою; послѣднее условіе сперва нѣсколько затрудняетъ начинающаго, если онъ не идетъ по готовой лыжницѣ. Упираясь палками и соразмѣряя свои движенія, очень легко достигнуть того, что ни одна лыжа не будетъ останавливаться и ходьба пріобрѣтетъ должную плавность.

Постепенно пріобрѣтая навыкъ, можно довести скорость ходьбы на лыжахъ до быстроты очень скорой ходьбы по хорошей дорогѣ, а на небольшихъ

разстояніяхъ и гораздо быстрѣе. Вообще же скорость ходьбы, кромѣ навыка, зависитъ главнымъ образомъ отъ крѣпости легкихъ и вообще физической выносливости, а также и отъ состоянія снѣга. Самое лучше когда слой мягкаго снѣга надъ настомъ или надъ болѣе плотнымъ снѣгомъ не превышаетъ нѣсколькихъ дюймовъ; слишкомъ толстый слой мягкаго снѣга затрудняетъ ходьбу, а въ гололедицу идти почти невозможно—ноги разъѣзжаются.

Иногда отъ тяжести снѣга вода выступаетъ на ледъ около береговъ и затѣмъ покрывается тонкимъ слоемъ льда; такихъ мѣстъ слѣдуетъ остерегаться: во первыхъ, осколками тонкаго льда можно попортить лыжи, во вторыхъ, если на нижнюю поверхность лыжи, попадетъ хоть немного воды и она примерзнетъ, то лыжа начинаетъ приставать къ снѣгу, тащить ее становится до невозможности трудно и приходится остановиться, чтобы соскоблить ледъ.

Взбираться на бѣговыхъ лыжахъ на пригорки, даже не особенно крутые,—это требуетъ нѣкоторой сноровки, такъ какъ лыжи стремятся соскользнуть назадъ по собственной лыжницѣ; здѣсь приходится уже не скользить, а переступать съ ноги на ногу, надавливая каждый разъ лыжу съ нѣкоторымъ усиліемъ; кромѣ того, приходится энергично работать палками.

Скатываться съ горъ на лыжахъ большое удовольствіе для лыжеходовъ, которые поэтому всегда охотнѣе облюбовываютъ для своихъ прогулокъ гористыя, пересѣченныя мѣста, чѣмъ однообразныя ровныя поля или рѣки. При крутыхъ скатахъ необходимо, чтобы носки лыжъ хорошо гнулись и были бы достаточно загнуты кверху, иначе лыжи могутъ уйти носками подъ снѣгъ и тогда трудно избѣжать паденія.

Главная прелесть ходьбы на лыжахъ въ сравненіи съ другими видами зимняго спорта заключается въ томъ, что лыжеходъ не связанъ ни пространствомъ, ни погодой въ такой степени, какъ катающійся на конькахъ или на буерѣ. Конькобѣжцу нуженъ кромѣ коньковъ или катокъ, тѣсный, многолюдный, или же такая гололедица, какая случается далеко не всякую зиму; да и въ послѣднемъ случаѣ онъ долженъ ограничивать свои прогулки русломъ рѣки или поверхностью озера; буеръ — эта дорогая сложная и тяжелая машина — хотя и можетъ доставить много удовольствія спортсмену, но лишь въ теченіе нѣсколькихъ дней во время всей нашей сѣверной скучной и длинной зимы. Лыжеходъ же не связанъ этими оковами: для него равно доступны почти во всякую погоду и лѣсъ, и рѣка, и поле, и горы...

„Воды... Дай намъ воды!..“

Къ картинѣ С. Р. Ростворовскаго

Ослѣпительнымъ голубымъ куполомъ раскинулось небо надъ безграничною пустынею. Жгучіе отвѣсные лучи южнаго солнца палятъ нестерпимо. Уныло возвышаются выжженныя солнцемъ сѣрыя скалы, громоздясь одна на другую. Красножелтый песокъ безъ малѣйшаго признака какой нибудь растительности окружаетъ подошвы скалъ. Все мертво кругомъ въ этой, забытой Богомъ, странѣ голыхъ камней и океана песку.

Неясный шумъ пронесся въ неподвижномъ, горячемъ воздухѣ и замеръ. Черезъ мгновеніе шумъ повторился еще и еще, усиливаясь постепенно и превращаясь въ непрерывный протяжный гулъ. Шумъ приближался съ запада, оттуда, гдѣ ряды скалъ сходятся и образуютъ ущелье, ведущее въ безжизненную пустыню Алуса. Хаосъ звуковъ постепенно опредѣлялся. Можно было уже различить мычаніе быковъ, блѣяніе овецъ и крики людей. Въ ущеліи раздалось бряцаніе оружія, послышался говоръ. Медленно вышелъ изъ-за скалъ отрядъ вооруженныхъ воиновъ. За нимъ другой, третій... Показались тяжело нагруженныя повозки и бѣлыя передвижныя палатки. Въ долину вливался живой потокъ людей и животныхъ. Вершины скалъ подхватили тысячеголосый шумъ и повторили его далеко прокатившимся неумолчнымъ эхомъ. Мертвая пустыня оживилась.

Но не оживились пришедшіе люди. Усталые, измозженные, они еле брели, оглашая воздухъ жалобными криками и стонами. Горько плакали дѣти, и имъ вторили раздирающія душу рыданія женщинъ. Угрюмо сдвинувъ брови и сжавъ губы, шли высокіе черноволосые мужчины, поддерживая женщинъ и старцевъ. То здѣсь, то тамъ падали на горячій песокъ люди и умирали съ кровавой пѣной на губахъ. Ихъ молча обходили. Воспаленныя губы жадно ловили воздухъ. Хриплые звуки вылетали изъ пересохшихъ гортаней и людей, и животныхъ.

Несчастныхъ мучила жажда.

Въ одномъ изъ переднихъ отрядовъ, нѣсколько отдѣляясь отъ другихъ, одиноко шелъ человѣкъ. Высокій станъ его погнулся подъ бременемъ лѣтъ; длинная сѣдая борода волнистыми прядями спадала на широкую грудь. Большіе черные глаза сурово смотрѣли изъ-подъ сдвинувшихся бровей. Гнѣвъ, жалость и презрѣніе попеременно отражались на благородномъ, величественномъ лицѣ, когда старецъ смотрѣлъ на стонавшую громаду людей, шедшихъ за нимъ.

Это былъ Моисей, посланникъ великаго Іеговы, ведшій народъ свой въ землю обѣтованную. Солнце, спускаясь къ западу, скрылось за вершинами скалъ. Острые зубцы ихъ загорѣлись яркимъ рубиновымъ цвѣтомъ. Фіолетовыя тѣни потянулись отъ нихъ къ долинѣ, чѣмъ ниже, тѣмъ гуще и темнѣе. Подулъ легкій вѣтерокъ со стороны моря и сразу оживилъ изнемогающихъ людей и животныхъ. Моисей остановился лагеремъ.

Наскоро разбивались палатки. Прохлада отчасти замѣнила недостающую влагу. Кое-гдѣ запылали костры, но странники ѣли мало: сухая пища не шла въ пересохшее горло. Женщины давали дѣтямъ молоко отъ коровъ и овецъ, давали по каплѣ, стараясь не пролить драгоцѣнную жидкость.

Все темнѣе и темнѣе становилось въ долинѣ. Постепенно умолкали стоны и говоръ. Измученный лагерь засыпалъ, и страданія утихали мало по малу подъ благодѣтельною силою сна...

Ночь прошла. Снова засіяло ослѣпительное солнце, поднявшись изъ-за утесовъ. Усыпленная сномъ жажда съ новою мучительною силою вернулась къ евреямъ. Неохотно и съ трудомъ подчинялись люди приказаніямъ старѣйшинъ выступать въ путь. Но оставаться на мѣстѣ значило погибнуть. Опять двинулся впередъ по долинѣ громадный караванъ.

Все труднѣе становился путь. Долина съуживалась. Колоссальныя глыбы сѣраго гранита, ярко блестя подъ лучами солнца, сплошной стѣной тянулись по обѣ стороны. Жара стала нестерпимой. Лопалась кожа на рукахъ и лицахъ. Животныя падали и не хотѣли подниматься, несмотря на жестокіе удары бичей, которыми осыпали ихъ погонщики. Дѣти стонали въ конвульсіяхъ на рукахъ своихъ матерей.

— Воды, воды... дай намъ воды! Мы умираемъ. Зачѣмъ ты ведешь насъ? послышались сначала одиночные крики, мгновенно превратившіеся въ сплошной, ужасающій ревъ.

Караванъ остановился.

Безпорядочной толпой сплотились евреи вокругъ своего вождя.

Женщины умоляюще протягивали къ нему своихъ маленькихъ дѣтей. Мужчины неистово простирали руки и въ конвульсіяхъ падали тутъ же на землю.

— Зачѣмъ ты насъ вывелъ? Ты ведешь насъ на смерть... Смерть ему! Побьемъ его каменьями... Воды!.. Дай намъ воды!..

Тщетно старались Ааронъ и другіе старѣйшины успокоить обезумѣвшихъ людей. Ихъ не слушали. Сотни рукъ потянулись за камнями. Воины обнажали мечи. Ревъ и хрипѣніе вырывались изъ измозженныхъ грудей. Приближалась минута, когда человѣкъ становится дикимъ звѣремъ, готовымъ растерзать себѣ подобнаго.

А онъ? Тотъ, противъ котораго были направлены эти угрозы?

Одинокій безстрашно стоялъ Моисей передъ готовой растерзать его толпой. Гнѣвомъ и глубокимъ презрѣніемъ горѣли его черные глаза, презрѣніемъ къ маловѣрнымъ, усомнившимся въ силѣ и могуществѣ Того, кто обѣщалъ своему народу провести его въ землю, имъ обѣтованную.

— Воды!.. воды!.. повисъ въ воздухѣ оглушительный, полный страданія, крикъ.

Молніи сверкнули изъ глазъ Моисея. Гнѣвнымъ движеніемъ онъ ударилъ жезломъ по одному изъ камней гранитной гряды.

— Вотъ вамъ вода...

И чудо свершилось. Отъ сильнаго удара жезла камень свалился, и свѣтлая струя освобожденной живительной влаги стремительнымъ потокомъ хлынула изъ открытой трещины...

Радостный вопль вырвался изъ грудей стоящихъ вблизи. Мгновенно вѣсть передалась дальше и достигла до самыхъ послѣднихъ людей.

Всѣ были спасены. Люди припадали прямо къ землѣ и съ наслажденіемъ пили холодную воду. Быстро наполнялись кувшины и разносились во всѣ концы каравана.

Веселый говоръ смѣнилъ угрозы и рѣчи отчаянія. Съ восторженной благодарностью устремился народъ къ Моисею, но славный вождь ихъ скрылся. Тогда народъ обратился къ Тому, въ комъ только что сомнѣвался.

И вершины горъ Хоривскихъ огласились благодарственнымъ гимномъ милосердому Богу.

А. [illegible]

Смѣсь

Безконечно большая величина, выраженная тремя цифрами. Какъ велико самое большое число, какое только можетъ быть представлено тремя цифрами безъ скобокъ и вообще всякихъ вводныхъ знаковъ? Что же можетъ быть проще? подумаетъ читатель. Самая большая цифра 9; взять ее три раза — выйдетъ 999, это и есть самое большое число, какое можно изобразить тремя цифрами. Ошибаетесь! Прежде всего напомнимъ вамъ, что тѣ же три девятки могутъ быть написаны (безъ всякихъ постороннихъ знаковъ, согласно условію задачи) въ такомъ видѣ 99^9, что на математическомъ языкѣ означаетъ: „девяносто девять, возвышенное въ девятую степень“, т. е. умноженное само на себя 9 разъ. Для этого слѣдуетъ послѣ перваго умноженія 99 на 99, вновь помножить полученное произведеніе (9801) на 99, новое произведеніе опять умножить на 99 и повторить умноженіе въ такомъ же порядкѣ девять разъ. Въ концѣ концовъ выйдетъ чрезвычайно внушительное число — 913.574 билліона. Однако при всей колоссальности этого числа оно представляетъ только ничтожную часть той почти непостижимой разуму величины, которая можетъ быть выражена тѣми же тремя девятками, только иначе расположенными. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто того, чтобы написать 99^9, напишемъ 9^{99}:—девять въ девяносто девятой степени. Произведя требуемыя 99 умноженій цифры 9, мы получимъ число, выходящее за предѣлы обычныхъ нашихъ представленій, число космически громадное, для уразумѣнія котораго необходимо прибѣгнуть къ астрономическимъ вычисленіямъ. Только тамъ, на безконечныхъ пространствахъ вселенной, можно построить величину, соотвѣтствующую этому неимовѣрному числу. Девятка, возвышенная въ 99-ю степень, даетъ круглымъ числомъ 29.512 квиндециллiоновъ. Квиндециллiонъ — это, по нашей нумераціи, единица 15-го разряда, считая отъ милліона; для выраженія квиндециллiона нужно къ 1 приставить *девяносто* нулей. И вотъ отъ возвышенія 9 въ 99-ю степень получается почти 30 тысячъ такихъ единицъ! Попытаемся однако же дать понятіе объ этой величинѣ. Исходною точкою для сравненія возьмемъ кубическій метръ. Какъ извѣстно, въ метрѣ содержится 1.000 миллиметровъ; слѣдовательно въ кубическомъ метрѣ будетъ содержаться 1.000×1.000×1.000, т. е. 1 милліардъ кубическихъ миллиметровъ. Представьте себѣ, что понадобилось бы пересчитать эти кубики и допустите, что счетчикъ въ 1 минуту можетъ сосчитать 60 кубиковъ. Еслибъ такую работу поручить двумъ 14-лѣтнимъ мальчикамъ и заставить ихъ работать по 10 часовъ ежедневно, то они окончили бы ее только въ 60-лѣтнемъ возрастѣ. Земной шаръ, какъ показали вычисленія, содержитъ 1.083 трилліона кубическихъ метровъ. Сколько же въ немъ будетъ содержаться кубическихъ миллиметровъ, о которыхъ мы только что говорили? Не подойдетъ ли это число къ нашей девяткѣ, возвышенной въ 99-ю степень? Далеко еще нѣтъ. Земной шаръ содержитъ *только* одинъ квинтилліонъ кубическихъ миллиметровъ; а квинтилліонъ — единица 5-го разряда, а наши квиндециллiоны—15-го; значитъ, мы еще страшно далеко отъ нужнаго числа. Возьмемъ величины посолиднѣе. Разстояніе отъ земли до солнца вычислено въ 148 милліардовъ метровъ. Теперь представимъ себѣ шаръ, поперечникъ котораго равенъ разстоянію отъ земли до солнца; это будетъ такой шаръ, въ которомъ земля будетъ исчезать въ ничтожествѣ, уподобится песчинкѣ, приставшей къ поверхности пушечнаго ядра. Сколько же кубическихъ миллиметровъ будетъ въ такомъ шарѣ (не забывайте при этомъ, что кубическій миллиметръ представляетъ собою массу, не превосходящую по размѣрамъ булавочной головки)? Не добрались ли мы, наконецъ, до полной величины нашихъ трехъ девятокъ? Далеко еще не добрались. Для того, чтобъ составить массу, содержащую въ себѣ 9^{99} кубическихъ миллиметровъ, пришлось бы сплотить между собою 2.170 октилліоновъ такихъ шаровъ, поперечникъ которыхъ равенъ разстоянію отъ земли до солнца. Октилліонъ—единица восьмаго разряда, считая отъ милліона—величина сама по себѣ неудобоvразумѣемая. Здѣсь будетъ кстати привести для сопоставленія то интересное обстоятельство, что и самая малая величина, которую можно получить изъ трехъ одинаковыхъ цифръ (кромѣ нуля, конечно, который не представляетъ собою величины), составляется путемъ того же возвышенія въ степень. Въ самомъ дѣлѣ, для составленія наименьшаго числа изъ трехъ цифръ слѣдуетъ брать, разумѣется, единицу. Поставимъ ихъ въ рядъ — выходитъ далеко еще не самая малая величина — 111. Возвысимъ 11 въ 1-ю степень — будетъ 11; возвысимъ 1 въ 11-ю степень — получимъ *единицу*, ибо извѣстно, что единица, умноженная сама на себя, остается единицею.

Желѣзныя монеты

Первое упоминаніе о желѣзѣ, какъ предметѣ мѣны, относится къ XVI столѣтію до Р. Хр., когда фараонъ Тутмесъ III получилъ дань изъ Аравіи, Ассиріи и Месопотаміи очищеннымъ желѣзомъ и свинцомъ. Казалось бы, что такой металлъ, какъ желѣзо, совершенно не пригоденъ для выдѣлки монеты, а между тѣмъ новѣйшія изслѣдованія доказали, что не только были страны, въ которыхъ обращалась желѣзная монета, но и самая эта монета получала иногда очень высокую цѣну.

Такъ, по свидѣтельству Агафархида, греческаго географа, жившаго во II вѣкѣ до Р. Хр., у алилеевъ и касандриновъ, народовъ Аравіи, вслѣдствіе изобилія золота и недостатка въ другихъ металлахъ мѣдь цѣнилась втрое, а желѣзо — вдвое дороже золота. У нѣкоторыхъ дикихъ племенъ острововъ Тихаго и Индѣйскаго океановъ и Африки желѣзо и теперь цѣнится очень высоко; у жителей острова Никобара, напримѣръ, оно недавно еще составляло предметъ роскоши и охотно вымѣнивалось туземцами на кокосовые орѣхи, бананы, рыбу, звѣриныя шкуры и даже мелкій жемчугъ.

Уже Гомеръ упоминаетъ о желѣзѣ, какъ объ обычномъ орудіи мѣны. Но до времени Ликурга, надо думать, оно имѣло лишь второстепенное значеніе, и только, когда этотъ знаменитый законодатель запретилъ въ Спартѣ употребленіе драгоцѣнныхъ металловъ, желѣзо явилось единственнымъ металлическимъ орудіемъ мѣны въ этомъ государствѣ. Суровый образъ жизни спартанцевъ, введенный Ликургомъ, уничтожилъ всякую роскошь и излишество, обладаніе золотомъ и серебромъ грозило даже смертью. Для платы за предметы несложныхъ потребностей жителей введены были желѣзные бруски и пластинки вѣсомъ около 1 фунта и 42-хъ золотниковъ. Бруски эти назывались *обелисками*, а пластинки, имѣвшія круглую форму, *пелонорами* (что значитъ лепешка), и цѣнились около 4-хъ халковъ, мѣдныхъ слитковъ, служившихъ единицею цѣнности, т. е. около 16 нашихъ копѣекъ. Обелиски и пелоноры не принимались со-

Рис. 1.

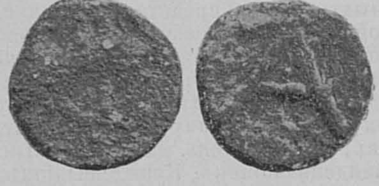
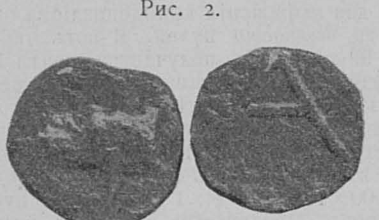


Рис. 2.



Желѣзныя монеты Аргоса.

сѣдними со Спартою государствами, а потому лакедемонцы вынуждены были сами выдѣлывать многіе предметы, прежде ввозившіеся къ нимъ изъ чужихъ земель. Роскошь уничтожилась сама собою, такъ какъ, чтобы уплатить хотя бы такую сумму, какъ 6 мины серебра (120 руб.), пришлось бы для перевозки ея запречь въ повозку пару воловъ, такъ какъ сумма эта вѣсила болѣе 28 пудовъ.

Греческій писатель Поллуксъ свидѣтельствуетъ, что жители Византіи въ древнѣйшія времена также употребляли желѣзо, какъ орудіе мѣны, причемъ оно было въ одной цѣнѣ съ мѣдью.

Въ болѣе близкія къ намъ времена Юлій Цезарь видѣлъ въ Галліи у бриттовъ желѣзные бруски, а можетъ быть и кольца, имѣвшіе опредѣленный вѣсъ и находившіеся въ обращеніи вмѣсто монеты.

Въ концѣ прошлаго столѣтія Мунго-Паркъ нашелъ у племенъ Мандинго (въ западномъ Суданѣ) желѣзные бруски опредѣленнаго вѣса, которые также употреблялись вмѣсто монеты, а голландскій путешественникъ Гартманъ, посѣтившій въ 1790 году островъ Борнео, видѣлъ у нѣсколькихъ племенъ Банжермазинскаго королевства вмѣстѣ съ мелкою китайскою монетою и куски желѣза, служившіе мѣновою цѣнностью. Иногда и нѣкоторые желѣзные предметы употреблялись въ этомъ значеніи. Такъ Адамъ Смитъ разсказываетъ, что въ его время въ нѣкоторыхъ шотландскихъ селеніяхъ было чрезвычайно распространено между рабочими платить разнымъ торговцамъ и даже кабатчикамъ вмѣсто мелкой монеты желѣзными гвоздями, весьма охотно принимавшимися обѣими сторонами и имѣвшими точно опредѣленную цѣну. То же самое говоритъ и Шевалье про каменноугольные округа Франціи. Наконецъ и недавно еще Швейнфуртъ нашелъ у племени Бонго (въ Суданѣ) желѣзныя наконечности копей и лопаты, употреблявшіяся въ значеніи денегъ.

Всѣ эти примѣры доказываютъ, что употребленіе желѣза, какъ монетной цѣнности, не только было не чуждо различнымъ народностямъ, но даже имѣло широкое распространеніе, хотя, конечно, во всѣхъ этихъ случаяхъ нѣтъ еще существованія монеты, но есть только извѣстное орудіе мѣны, имѣющее опредѣленную цѣну, какъ товаръ.

Отсюда уже не труденъ былъ переходъ къ монетѣ изъ этого металла. И дѣйствительно въ минуту крайности, явившуюся въ силу какого либо бѣдствія или угрожающей странѣ опасности, не стѣснялись пускать въ обращеніе монету изъ желѣза, когда являлся недостатокъ въ другихъ металлахъ.

Такъ Аристотель разсказываетъ, что жители города Клазомена, въ Іоніи (Лидіи), не будучи въ состояніи заплатить 20 талантовъ, должныхъ наемникамъ, обязаны были платить имъ за то по 4 таланта ежегодныхъ процентовъ. Тогда они рѣшились выпустить на номинальную цѣну въ 20 талантовъ же-

Рис. 3.

Желѣзная монета Тегеи.

лѣзную монету, принудивъ всѣ разсчеты въ торговыхъ сдѣлкахъ гражданъ между собою производить вмѣсто серебра ею. Такимъ образомъ явилась монета съ принудительнымъ курсомъ; полученная сумма 20 талантовъ была выплачена наемникамъ, а 4

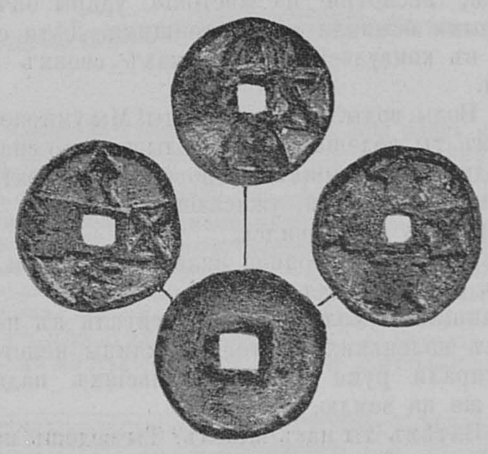
Рис. 4.

Желѣзная монета Герайи.

таланта ежегодныхъ процентовъ были употреблены на выкупъ этой кредитной монеты, что вскорѣ дало возможность совершенно изъять ее изъ обращенія.

Такимъ же образомъ, т. е. въ смыслѣ временной мѣры, явившейся въ силу особыхъ обстоятельствъ,

Рис. 5, 6 и 7.



Китайскія желѣзныя монеты 520-го года.

объясняетъ Беккъ и желѣзную монету византійцевъ, о которой мы узнаемъ отъ Аристофана и Гезихія, причемъ послѣдній говоритъ, что на одной сторонѣ ея находились изображенія боговъ. Но до насъ не дошли эти монеты. Мы знаемъ лишь 8 желѣзныхъ

Рис. 8.

Китайская желѣзная монета Та-Дзинъ.

монетъ трехъ древнихъ греческихъ городовъ: Аргоса въ Арголидѣ и Тегеи и Герайи—въ Аркадіи.

Монеты эти по своимъ типамъ и характеру надписей, повидимому, относятся къ 60-мъ годамъ IV вѣка до Р. Х. Въ это время въ Пелопонесѣ происходило особенное движеніе. Послѣ пораженія спартанцевъ при Левктрахъ (8 іюня 371 г.) пробудились племенныя сознанія у народовъ, приниженныхъ до того времени. Особенно это сильно выразилось у аркадянъ. Они рѣшаются образовать федеративное государство и основываютъ столицу его — Мегалополь. Является движеніе противъ Аѳинъ и Ѳивъ, причемъ Аргосъ тѣсно примыкаетъ къ Аркадіи, и въ 365—364 г. до Р. Х. открывается война съ Элидой. Но до взятія сокровищъ олимпійскаго храма аркадяне очутились въ крайне стѣсненныхъ обстоятельствахъ: была насущная потребность въ деньгахъ, а серебра взять было не откуда. И вотъ вѣроятно въ это время возникла мысль чеканить монету изъ желѣза, можетъ быть съ принудительнымъ курсомъ, тѣмъ болѣе, что употребленіе желѣза, какъ предмета металлическаго обращенія, было давно извѣстно въ Пелопонесѣ.

Монеты Аргоса имѣютъ на лицевой сторонѣ изображеніе передней части (протомы) волка влѣво (рис. 1) или вправо (рис. 2), а на оборотной сторонѣ—знакъ *A*.

На монетахъ Тегеи (рис. 3) на лицевой сторонѣ голова горгоны, а на оборотной — изображеніе совы, правѣе которой справа налѣво надпись — *ТЕГЕ*.

У монеты Герайи (рис. 4) на лицевой сторонѣ голова Аѳины-Паллады, а на оборотной надпись ΗΡΑΘΑΙ.

Всѣ эти монеты вѣсятъ отъ 9 до 14 граммовъ.

Если мы мало знаемъ о желѣзныхъ монетахъ древней Греціи, то о монетахъ китайскихъ и японскихъ изъ того же металла наши свѣдѣнія гораздо обширнѣе. Монеты этихъ государствъ совершенно инаго типа. Должно замѣтить, что въ Китаѣ и Японіи монета не чеканилась, а отливалась, такъ что она на самомъ дѣлѣ является не желѣзной, а чугунной. По серединѣ монеты находится квадратная дыра для продѣванія шнура изъ рисовой соломы, на который она нанизывалась.

Древнѣйшія желѣзныя китайскія монеты относятся къ 520 г. по Р. Х., къ царствованію императора Ву-Ти династіи Лянгъ (рис. 5, 6, 7). Монеты эти сравнены были такимъ образомъ по цѣнѣ съ мѣдными, такъ что 10 желѣзныхъ соотвѣтствовали 7-ми мѣднымъ, и находились въ обращеніи до IX вѣка.

Въ X столѣтіи тоже отливалась желѣзная монета, но нѣсколько инаго типа. Во второй половинѣ X вѣка первый императоръ династіи Сунгъ, Тай-цу, выпустилъ для улучшенія финансовъ страны новую желѣзную монету, получившую въ общежитіи названіе *Та-Дзинъ* („большая монета“) и вѣсившую около 2 золотниковъ (рис. 8). Монета выдѣлывалась въ очень большомъ количествѣ, такъ какъ на литье ея ежегодно съ 1000 по 1020 г. шло до 246.319 пудовъ желѣза.

Рис. 9 – 10.

Японская «волнистая монета» Нами-Сенъ.

Въ XI и началѣ XII столѣтія снова выливали желѣзную монету. Наконецъ съ прошлаго столѣтія для Туркестана и нѣкоторыхъ другихъ областей въ Китаѣ выпущена была монета вѣсомъ около $1/2$ золотника, называвшаяся „*Чохъ*“ или „*Ярмакъ*“ (а также въ 2, 5 и 10 чоховъ), которая заключала въ себѣ значительное количество чугуна съ ничтожною примѣсью мѣди. Двадцать лѣтъ тому назадъ чохи принимались у насъ въ туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ по 123 чоха за копѣйку.

Въ Японіи желѣзная монета появляется впервые въ 1739 г. Она была цѣною въ 1 монъ (около 0,01 коп.) и выливалась до 1769 г., когда явилась новая, въ 4 мона. На лицевой сторонѣ послѣдней сдѣлали 21 волнистую линію (рис. 9), а затѣмъ, кажется въ концѣ столѣтія, такихъ линій дѣлали всего 11. Отъ этихъ линій оборотной стороны самая монета получила въ общежитіи названіе *Нами-Сенъ* („волнистая монета“).

Въ 1871 г. въ Японіи введена монета европейскаго типа, а всю желѣзную повелѣно сдавать въ казначейство.

Въ концѣ XIV столѣтія желѣзная монета была въ обращеніи въ Карсѣ, но въ очень небольшомъ количествѣ и совершенно подобная китайской.

Кромѣ желѣзныхъ монетъ античныхъ и китайскаго типа существуютъ еще монеты изъ этого металла неправильной формы и безъ всякихъ надписей на той или другой сторонѣ.

Монеты эти принадлежатъ мало культурнымъ племенамъ.

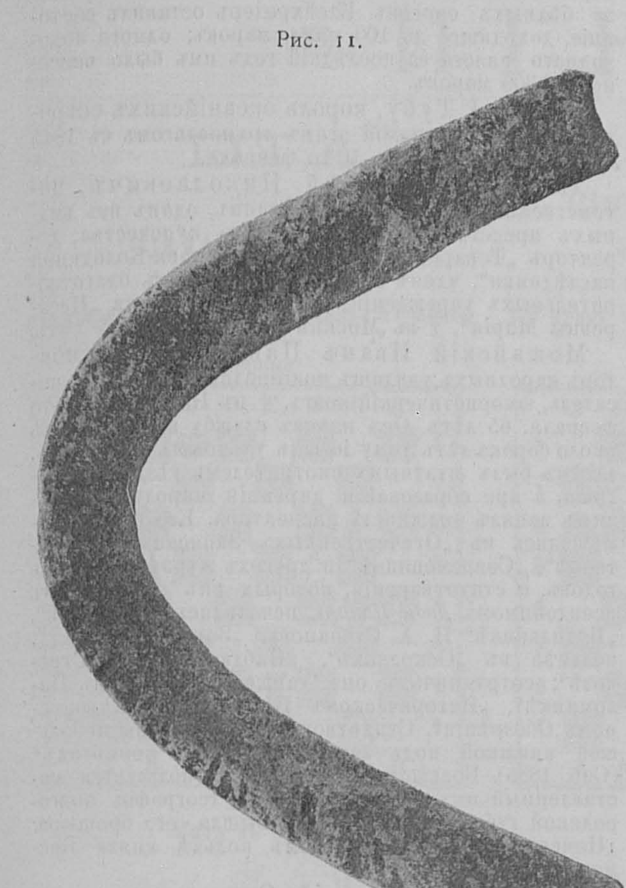
Такъ, въ Индіи, въ государствѣ Траванкорѣ, въ XIV столѣтіи была желѣзная монета очень малой величины (съ кедровый орѣшекъ), продолговатой формы и съ одной стороны имѣла видъ вогнутой раковины.

Въ городѣ Брунеѣ, на островѣ Борнео, англійскій капитанъ Мундесъ нашелъ монету, состоящую изъ небольшихъ крадратныхъ плитокъ желѣза безъ всякихъ изображеній на сторонахъ.

Желѣзную монету нашелъ и маіоръ Денгамъ во время своей экспедиціи, въ 1824 г., въ центральномъ Суданѣ. Она состояла изъ тонкихъ пластинокъ желѣза подковообразной формы (рис. 11). Подковки эти соединялись въ связки по 10 или 12 штукъ, и 30 такихъ связокъ соотвѣтствовали по цѣнѣ 1 талеру Маріи-Терезіи. Отдѣльная подковка вѣсила около 3 золот. и стоила около $1/3$ коп. Но цѣна эта

часто колебалась, назначаясь фирманами султана въ зависимости отъ того, что предстояло правительству: платить ею или получать ее въ казну. При всѣхъ расчетахъ государства съ населеніемъ цѣна назначалась наиболѣе высокая и совершенно обратно при сборѣ податей и повинностей, что, конечно, вызывало сильныя неудовольствія и даже бунты народа. Но эта монета существовала недолго. Бартъ, посѣтившій эту страну въ 50-хъ годахъ, не только не видѣлъ въ обращеніи такихъ подковокъ, но и самое употребленіе ихъ было позабыто.

Рис. 11.



Желѣзная монета Судана.

Одновременно съ этой въ Суданѣ обращалась и другая желѣзная монета. Она была введена Дифтердеръ-беемъ, генераломъ Мехмета-Али, въ 1824 г. въ Эль-Обеидѣ, столицѣ Кордофана. Къ выпуску ее пришлось прибѣгнуть вслѣдствіе недостатка въ египетской мелкой монетѣ, необходимой для каждодневнаго обихода жителей. Эта монета, называвшаяся *Хашшашъ* или *Хасшахъ-шахъ*, представляла собою тонкую пластинку желѣза, похожую на разрѣзъ гриба (рис. 12).

Рис. 12.

Желѣзная монета въ Эль-Обеидѣ.

Въ заключеніе укажемъ, что въ 1776 г. у насъ, вѣроятно въ Бѣлозерскѣ и по мысли графа Якова Ефимовича Сиверса, были выкованы желѣзные кубики съ надписью *„копейка“* и *„деньга“*, предназначавшіеся для взвѣшиванія продаваемой казною соли. Хотя кубики эти и принимались нѣкоторыми изслѣдователями за монету, но на самомъ дѣлѣ это были лишь гири — одинъ изъ удачнѣйшихъ плодовъ непрестанныхъ заботъ графа Сиверса о бѣдномъ людѣ ввѣренной ему губерніи.

Прогоникъ

Велосипедъ съ приспособленіемъ для ѣзды по льду

Съ каждымъ годомъ велосипедный спортъ дѣлаетъ все большіе и большіе успѣхи, съ каждымъ годомъ въ этой области являются тѣ или другія усовершенствованія и улучшенія. Велосипедъ дѣйствуетъ на сушѣ и на водѣ; неровная дорога уже не служитъ при усовершенствованіи „самокатной“ машины препятствіемъ для ѣзды на велосипедѣ. Недоставало до сихъ поръ только такого велосипеда, на которомъ можно было бы съ успѣхомъ совершать передвиженія въ зимнее время, по скользкой ледяной поверхности рѣкъ и озеръ. Но вотъ въ Астрахани нашелся предпріимчивый велосипедистъ, который пополнилъ и этотъ пробѣлъ въ области велосипеднаго спорта, придумавъ довольно остроумное приспособленіе, не требующее ни особенныхъ затратъ, ни хлопотъ. Приспособленіе, которое даетъ возможность велосипедисту пользоваться своимъ желѣзнымъ конемъ и зимой, очень не сложно. Какъ видно изъ помѣщаемаго въ этомъ нумерѣ рисунка, переднее колесо лишь замѣняется конькомъ, который прикрѣпляется на винтахъ къ передней вилкѣ и такимъ образомъ даетъ возможность совершать безпрепятственно очень скорыя поѣздки по льду. Изобрѣтеніе этого приспособленія принадлежитъ одному члену астраханскаго кружка велосипедистовъ, г-ну А. Гурни. На сколько намъ извѣстно, оно является дѣйствительно новинкой въ мірѣ велосипедистовъ.

Новости печати

Ѳ. И. Булгаковъ. **Альбомъ русской скульптуры.** Произведенія *М. М. Антокольскаго.* Фототипическое изданіе. Спб. 1893.

Въ настоящее время въ Петербургѣ открыта выставка произведеній одного изъ талантливѣйшихъ нашихъ скульпторовъ М. М. Антокольскаго. Ѳ. И. Булгаковъ, усердно знакомящій русскую публику съ лучшими произведеніями лучшихъ нашихъ мастеровъ путемъ изданія альбомовъ фототипическихъ снимковъ съ этихъ произведеній, какъ нельзя болѣе вовремя подосиѣлъ со своимъ новымъ альбомомъ скульптуръ М. М. Антокольскаго. Новое изданіе Ѳ. И. Булгакова отличается обычными достоинствами, давно уже знакомыми публикѣ. Оно заключаетъ въ себѣ 23 очень хорошо исполненныхъ фототипіи и обстоятельный очеркъ художественной дѣятельности профессора Антокольскаго, составленный издателемъ. Первымъ по порядку помѣщенъ въ альбомѣ бюстъ—портретъ В. В. Стасова; за нимъ слѣдуетъ портретъ самого г. Антокольскаго, исполненный по фотографіи Деньера. Серія снимковъ съ произведеній профессора, слѣдующихъ въ альбомѣ за очеркомъ его дѣятельности, открывается знаменитою статуею Ивана Грознаго. Это было первое произведеніе Антокольскаго, привлекшее къ себѣ всеобщее вниманіе. Антокольскій представилъ Грознаго сидящимъ на креслѣ. Его терзаетъ совѣсть, лицо изборождено страстями, и вся поза представляетъ какъ бы сплошную нервную судорогу. За Иваномъ Грознымъ въ альбомѣ слѣдуетъ статуя Петра Великаго. Это самое крупное по размѣрамъ произведеніе г. Антокольскаго. Одинъ изъ иностранныхъ художественныхъ критиковъ замѣчаетъ, что движеніе, которое запечатлѣно въ фигурѣ Петра, изъ мгновеннаго переходитъ въ монументальное; вся фигура его точно кусокъ скалы, на которой онъ стоитъ. „Христосъ передъ судомъ народа“, слѣдующій за Петромъ, возбудилъ въ Римѣ, гдѣ публика могла видѣть его въ 1874 году, всеобщее вниманіе, а на парижской выставкѣ 1878 года художникъ удостоился за нее настоящаго тріумфа; нѣмецкая критика также отзывалась о немъ съ большою похвалою. Горельефъ „Послѣдній вздохъ“ (4-й въ альбомѣ по порядку) исполненъ художникомъ въ 1817-мъ году. 5-й снимокъ, представляющій рельефный портретъ въ медальонѣ барона Марка Гинцбурга, молодаго художника, умершаго въ 1878 году, предназначался для его памятника. Голова Іоанна Крестителя (6-й снимокъ) исполнена въ 1878 году; за нею въ альбомѣ слѣдуетъ „Смерть Сократа“, статуя, представляющая великаго философа въ моменты, слѣдовавшіе за принятіемъ яда. Далѣе слѣдуютъ: „Смерть Спинозы“, „Мефистофель“, „Лѣтописецъ Несторъ“, „Ермакъ, покоритель Сибири“, рельефный портретъ сына художника, умершаго въ 1876 году, надгробный памятникъ княжны М. А. Оболенской въ Римѣ, „Христіанка первыхъ временъ въ катакомбахъ“ („не отъ міра сего“), „Офелія“, бюстъ Спасителя для надгробнаго памятника, „Христосъ, укрощающій бурю на морѣ“, надгробный памятникъ, представляющій ангела, присѣвшаго на гробницу, и бюстъ Ярослава мудраго. Изящный альбомъ украшенъ на оберткѣ снимкомъ студіи г. Антокольскаго въ Парижѣ, гдѣ собраны въ живописной группѣ всѣ произведенія художника, а на заглавномъ листѣ небольшимъ снимкомъ съ бюста Мефистофеля. Надо ли говорить, что снимки со всѣхъ этихъ произведеній переданы въ „Альбомѣ“, изданномъ Ѳ. И. Булгаковымъ, превосходно и что этотъ „Альбомъ“ долженъ встрѣтить полное сочувствіе каждаго истиннаго любителя искусства.

— Журналистика является предметомъ преподаванія въ нѣкоторыхъ американскихъ университетахъ, и существуютъ каѳедры журнализма. До сихъ поръ въ Европѣ ничего подобнаго не было. Теперь г. Бловицъ, извѣстный парижскій корреспондентъ „Times'a“, напечаталъ въ одномъ англійскомъ журналѣ статью, въ которой предлагаетъ учредить въ Европѣ школу для журналистовъ. Она, по мнѣнію г. Бловица, должна носить международный характеръ, и поступающіе въ нее обязаны имѣть университетскій дипломъ и знать два новыхъ языка.

— Что читаютъ въ Англіи? Въ 1892 г. въ Англіи вышло 4.914 новыхъ книгъ. Сравнительно съ населеніемъ въ 30—40 милліоновъ это число не велико; ⅛ часть его приходится на сочиненія богословскія, проповѣди, библейскую критику и пр. Повѣстей, романовъ и разсказовъ издано 1.147, изъ нихъ повѣсти съ „тенденціей“ распространены болѣе, чѣмъ гдѣ либо. Біографическаго и историческаго содержанія книгъ появилось 293 тома, поэтическихъ и драматическихъ 195. Обнаруживается значительный интересъ къ сочиненіямъ образцовыхъ англійскихъ писателей, особенно Диккенса. Диккенсъ теперь, можно сказать, живетъ въ народѣ. Крупныя англійскія фирмы соперничаютъ въ выпускѣ новыхъ изданій сочиненій этого популярнѣйшаго изъ всѣхъ англійскихъ писателей.

Спортъ. — Велосипедъ съ приспособленіемъ для ѣзды по льду.

Съ фотографіи корреспондента-художника »Всемірной Иллюстраціи« В. Сергѣева.

— Конкурсъ на соисканіе преміи митрополита Макарія. Учебный комитетъ при св. синодѣ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что въ настоящее время открытъ конкурсъ на соисканіе преміи покойнаго преосвященнаго Макарія, митрополита московскаго, назначаемой, согласно волѣ жертвователя, за лучшіе учебники по предметамъ, преподаваемымъ въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ, а также за лучшія учебныя пособія, соотвѣтствующія программамъ семинарскаго и училищнаго образованія, какъ, напримѣръ, хрестоматіи съ надлежащими объясненіями и руководствомъ, словари и т. п. Полная премія преосвященнаго Макарія состоитъ изъ тысячи (1.000) рублей. Желающіе представить свои сочиненія на соисканіе преміи преосвященнаго Макарія должны доставить оныя не позже 1 сентября 1893 г. Къ соисканію преміи принимаются оригинальныя сочиненія, написанныя на русскомъ языкѣ. Изъ печатныхъ сочиненій могутъ быть представляемы только явившіяся первымъ изданіемъ за годъ до вышеозначеннаго срока.

— Сборникъ литературно-научныхъ статей по славяновѣдѣнію и переводовъ приготовляется къ изданію въ Кіевѣ членомъ мѣстнаго славянскаго общества г. Степовичемъ.

Новости науки и цивилизаціи

Торговля, промышленность и сельское хозяйство

— Производство чугуна и желѣза достигло въ послѣдніе годы гораздо большаго развитія на южныхъ заводахъ, нежели на уральскихъ. На послѣднихъ выплавка чугуна въ 1888 г. равнялась приблизительно 20,649.000 пуд., а въ 1891 г. 25.257.000 пуд., что составляетъ усиленіе производства на 25%; на южныхъ и юго-западныхъ заводахъ производство болѣе чѣмъ утроилось за тотъ же періодъ: оно возрасло отъ 4,158.000 пудовъ до 14,772.000 пудовъ. Желѣза было произведено:

	На уральскихъ заводахъ.	На южныхъ и юго-западныхъ заводахъ.
1888	12,481.000 п.	3,239.000 пуд.
1891	23,534.000 п.	4,413.000 пуд.

— Общій отпускъ спирта за границу составилъ въ 1892 г. всего лишь 905.782 ведра безводнаго спирта, противъ 3,980.289 въ 1891 году, т. е. сократился почти въ 4½ раза. Въ этомъ итогѣ очищеннаго спирта, крѣпостью не ниже 95°, было 276.417 ведеръ противъ 887.160 въ 1891 году, т. е. также менѣе въ 3¼ раза. Уменьшеніе послѣдняго хотя и менѣе значительно, но и оно во всякомъ случаѣ громадно. Главнѣйшая причина такого рѣзкаго паденія нашего отпуска заключается въ неурожаѣ хлѣбовъ 1891 г., затѣмъ въ неурожаѣ картофеля въ 1892 г. въ прибалтійскихъ губерніяхъ, наконецъ весьма существеннымъ является и вліяніе мѣръ, принятыхъ испанскимъ правительствомъ къ водворенію собственнаго винокуренія и отозвавшихся сокращеніемъ оборотовъ гамбургскаго рынка, производившихся за счетъ русскаго спирта.

Выставки

— Выставка военныхъ картинъ и предметовъ во Франціи. Во Франціи предполагается въ 1893 году устроить выставку всякаго рода предметовъ вооруженія и снаряженія, а также картинъ военнаго содержанія, снимковъ съ разныхъ военныхъ предметовъ вооруженія, имѣющихъ историческое значеніе для французской арміи. Выставку эту устраиваетъ общество больныхъ и раненыхъ воиновъ; предсѣдателемъ отдѣла живописи будетъ извѣстный художникъ Детайль.

— Въ Парижѣ недавно была открыта земледѣльческая выставка. Десять лѣтъ тому назадъ фактъ этотъ прошелъ бы почти незамѣченнымъ, теперь же упомянутую выставку посѣщали сотни лицъ, интересующихся земледѣліемъ.

— Постоянная кустарная выставка. Въ Соляномъ Городкѣ, въ помѣщеніи художественно-промышленнаго музея (товарищество „Работникъ"), учреждена постоянная выставка и базаръ кустарныхъ издѣлій. Кустарный базаръ занимаетъ двѣ залы, сплошь заполненныя всевозможными издѣліями. Теперь имѣется значительный выборъ корзиночныхъ издѣлій, роговыхъ, ножевыхъ, вологодскихъ и елецкихъ кружевъ, тульскихъ и полтавскихъ тканей, издѣлія московскихъ кустарей (ванны, умывальники, подносы) и т. п.

— Варшавская выставка кружевъ кустарнаго производства изъ разныхъ мѣстностей Привислинскаго края будетъ открыта въ іюнѣ мѣсяцѣ въ залахъ Обывательскаго клуба.

— Выставка птицъ. Общество птицеводства открываетъ 30 марта выставку птицъ съ цѣлью содѣйствовать улучшенію полезныхъ породъ, наиболѣе пригодныхъ для Россіи.

Пути сообщенія

— Путь отъ Челябинска до Кургана въ настоящее время уже почти законченъ; отъ Кургана до Петропавловска идутъ дѣятельныя работы по устройству полотна при помощи спеціальныхъ машинъ, давшихъ прекрасные результаты, на всемъ протяженіи этого участка; работы по устройству пути между Петропавловскомъ и Омскомъ начаты сравнительно недавно, и путь устроенъ на разстояніи лишь нѣсколькихъ десятковъ верстъ. Весною текущаго года приступлено будетъ къ началу работъ по устройству пути отъ Омска къ Томску, причемъ центральнымъ пунктомъ будетъ Колывань, откуда работы будутъ одновременно начаты по направленію къ Томску и Омску. Открытіе участка Челябинскъ — Омскъ предполагается осенью 1894 года.

— Путь между Одессою и Бѣлостокомъ. Съ наступающей весны общество юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ приступаетъ къ работамъ по укладкѣ втораго рельсоваго пути отъ Бреста до Бѣлостока; такимъ образомъ въ 1893 году будетъ закончена укладка втораго пути по магистральной линіи отъ Одессы до Бѣлостока на протяженіи 1045 верстъ. Послѣ этого начнется укладка втораго пути на участкахъ Здолбуново—Радзивиловъ и на новоселицкихъ вѣтвяхъ.

Географія, этнографія

— Новая большая экспедиція въ Азію. Императорскимъ географическимъ обществомъ подготовляется и снаряжается къ отправкѣ въ путь весною нынѣшняго года большая (западная) экспедиція для изслѣдованія нагорной окраины Средней Азіи. Первая подобная экспедиція (восточная), въ составъ которой вошли Г. Н. Потанинъ, гг. Березовскій и Обручевъ, какъ извѣстно, уже начала свои дѣйствія.

Политехника

— Снарядъ, который почти удваиваетъ скорость бѣга велосипеда, не увеличивая нисколько силы тренія, изобрѣлъ варшавскій слесарь г. Валь. Снарядъ вѣситъ 8½ фунтовъ и прикрѣпляется къ оси задняго колеса. При помощи снаряда скорость оборотовъ колесъ можно регулировать, смотря по надобности.

Некрологъ

Блейхредеръ Герсонъ, извѣстный германскій финансовый дѣятель, банкиръ, † въ Берлинѣ 7-го февраля, 70 лѣтъ. Фирма Блейхредера была основана его дѣдомъ въ 1803 г., но свое вліятельное финансовое и политическое значеніе она пріобрѣла только во второй половинѣ столѣтія, благодаря выдающимся финансовымъ способностямъ Герсона Блейхредера, ставшаго съ этого времени во главѣ предпріятія. Дважды прусскому правительству приходилось прибѣгать къ совѣту Блейхредера: въ 1865 г., въ разгаръ конфликта, онъ былъ вызванъ Вильгельмомъ I въ Карлсбадъ для обсужденія финансоваго положенія Пруссіи, а въ 1871 г. Бисмаркъ вызывалъ его въ Версаль для опредѣленія размѣра военной контрибуціи, налагавшейся на Францію. Блейхредеръ пользовался въ Берлинѣ своего рода популярностью въ глазахъ большой части берлинскихъ бюргеровъ и обладалъ такимъ же престижемъ, какъ Ротшильдъ. На дѣлѣ Блейхредеръ былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ членовъ ротшильдовской финансовой группы. Уже въ 1828 г. фирма Блейхредеръ служила въ Берлинѣ представительницею интересовъ банкирскаго дома Ротшильда, но своимъ процвѣтаніемъ обязана она преимущественно Герсону Блейхредеру, котораго выдвинула впередъ война 1866 года и его сношенія съ Бисмаркомъ. Прусская палата депутатовъ войны не желала, между нею и Бисмаркомъ происходили горячія схватки, деньги палата давала, но не столько, сколько требовалось. Блейхредеръ, который въ этомъ случаѣ обнаружилъ замѣчательную дальновидность, рѣшилъ связать свою судьбу съ судьбою Бисмарка. Поставивъ все на карту, онъ добылъ 40 милл. талеровъ, которые необходимы были для довершенія вооруженія и для успѣшнаго хода мобилизаціи. Пруссія побѣдила подъ Садовой, и Блейхредеръ съ тѣхъ поръ быстро пошелъ въ гору. Изъ скромной фирмы банкирскій домъ Блейхредера превратился въ фирму первоклассную, міровую, съ которою приходилось считаться и которая стала собирать обильную жатву со всѣхъ маломальски крупныхъ дѣлъ, затѣваемыхъ не только въ Германіи, но и за границею. Война 1870 - 71 гг. послужила для Блейхредера новымъ источникомъ обогащенія. Въ послѣдніе годы Блейхредеръ мало извлекалъ пользы для себя лично изъ своего крупнаго состоянія. Онъ почти ослѣпъ и не могъ обходиться безъ вожатаго. Несмотря на покровительство всесильнаго канцлера и на то, что по его ходатайству Блейхредеръ былъ возведенъ императоромъ Вильгельмомъ I въ дворянское достоинство, богатый банкиръ былъ далеко не симпатиченъ высшему берлинскому обществу. Блейхредеръ, какъ всѣ евреи, былъ чрезвычайно тщеславенъ: онъ прилагалъ громадныя усилія къ тому, чтобы передъ нимъ и членами его семьи раскрывались двери большаго свѣта; съ этою цѣлью свою единственную дочь онъ выдалъ даже за дворянина, а изъ сыновей сдѣлалъ спортсменовъ и щеголей, но большой свѣтъ отказывался принимать „золотого банкира". Въ послѣдніе годы своей жизни Блейхредеръ, который всегда строго соблюдалъ всѣ обряды моисеева закона, устроилъ въ своемъ обширномъ домѣ еврейскую молельню и въ еврейскіе праздники приглашалъ къ обѣденному столу бѣдныхъ евреевъ. Блейхредеръ оставилъ состояніе, доходящее до 100 милл. марокъ; одного подоходнаго налога за послѣдній годъ имъ было внесено 140.000 марокъ.

Георгъ I Тубу, король океанійскихъ острововъ Тонга, правившій этимъ архипелагомъ съ 1845 года, † въ Нукуалофа 10-го февраля.

Давыдовъ Алексѣй Николаевичъ, потомственный почетный гражданинъ, одинъ изъ видныхъ представителей московскаго купечества, директоръ „Товарищества Н. В. Немирова-Колодкина наслѣдники", членъ многихъ московскихъ благотворительныхъ учрежденій, основатель пріюта „Цесаревны Маріи", † въ Москвѣ 20-го февраля, 52 лѣтъ.

Можайскій Иванъ Павловичъ, инспекторъ народныхъ училищъ новгородской губерніи, писатель, юмористическій поэтъ, † въ Новгородѣ 19-го февраля, 65 лѣтъ. Онъ началъ службу въ Новгородѣ около сорока лѣтъ тому назадъ уѣзднымъ учителемъ, затѣмъ былъ штатнымъ смотрителемъ уѣзднаго училища, а при образованіи дирекціи народныхъ училищъ занялъ должность инспектора. Его статьи помѣщались въ „Отечественныхъ Запискахъ", „Пантеонѣ", „Современникѣ" и другихъ журналахъ 50-хъ годовъ, а стихотворенія, которыя онъ подписывалъ псевдонимомъ *Дядя Пахомъ*, печатались въ „Искрѣ", „Будильникѣ" Н. А. Степанова, „Занозѣ", „Гудкѣ", позднѣе въ „Осколкахъ", „Наблюдателѣ", „Стрекозѣ"; сотрудничалъ онъ также въ „Русскомъ Паломникѣ", „Историческомъ Вѣстникѣ", „Живописномъ Обозрѣніи". Стихотворенія его изданы небольшой книжкой подъ заглавіемъ „Для немногихъ" (Спб. 1885). Большою извѣстностью пользуется составленный имъ „Учебный курсъ географіи новгородской губерніи". Въ 1887 г. вышла его брошюра: „Ничего. Легенда о желѣзномъ кольцѣ князя Бисмарка".

Поплавскій Василій Осиповичъ, литераторъ, авторъ нѣсколькихъ учебниковъ по русской исторіи, † въ Москвѣ 16-го февраля, 24 лѣтъ. Онъ воспитывался въ историко-филологическомъ институтѣ въ С.-Петербургѣ и въ московскомъ университетѣ на юридическомъ факультетѣ. Въ 1888 году, вмѣстѣ съ А. I. Лященко, онъ составилъ „Повторительный курсъ по русской исторіи отъ Владиміра Святаго до Ивана IV Грознаго", сочувственно встрѣченный спеціалистами. Кромѣ того онъ сотрудничалъ въ газетѣ „Волынь" и журналахъ „Артистъ" и „Стрекоза".

Штейнъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, извѣстный педагогъ, профессоръ с.-петербургской консерваторіи по класу фортепіано, † въ Спб. 24-го февраля. Онъ родился въ 1819 г. въ гор. Альтонѣ, близъ Гамбурга, и еще 8-лѣтнимъ ребенкомъ проявилъ наклонности къ музыкѣ. До 1872 г. онъ съ большимъ успѣхомъ давалъ концерты въ Берлинѣ, Парижѣ, Вѣнѣ и другихъ городахъ. Въ своихъ музыкальныхъ запискахъ Р. Шуманъ упоминаетъ о Штейнѣ какъ о человѣкѣ, обладающемъ большимъ даромъ импровизаціи. Профессоромъ с.-петербургской консерваторіи Ѳ. Ѳ. состоялъ съ 1872 года. Въ музыкѣ онъ придерживался строго-классическаго направленія. Долгое время онъ состоялъ инспекторомъ музыкальныхъ классовъ при Смольномъ институтѣ.

Эверитъ Перси, всемірно-извѣстный изобрѣтатель автоматическихъ машинъ, † въ Нью-Іоркѣ 12-го февраля, 42 лѣтъ.

СОДЕРЖАНІЕ НУМЕРА

Текстъ.

Рисунки.

Сенъ-Жерменъ-де-Пре. — Адріенна Лекувреръ, копія съ бюста работы Куртэ. — Фойе артистовъ въ театрѣ »Comédie Française«. — Иностранные театры. Миланскій оперный театръ La Scala. „Фальстафъ“, новая опера Джузеппе Верди: 1) Послѣдняя сцена. Хороводъ вокругъ дуба „чернаго охотника“. 2) Конецъ перваго акта. Сцена I. Фальстафъ выгоняетъ Бардольфа и Пистола. 3) Конецъ второй части перваго акта. Сцена болтовни кумушекъ; рисунки А. Феррагути и Дженнаро Амато. — Астрахань. Испытаніе сылы верблюдовъ: 1) Тяга верблюдовъ. 2) Повѣрка тяжести, провезенной верблюдомъ. 3) Премированные верблюды и гг. члены испытательной коммиссіи. — Желѣзныя монеты: 1) и 2) Монеты Аргоса. 3) Монета Тегеи. 4) Монета Гераи. 5), 6) и 7) Китайскія монеты 520-го года. 8) Китайская монета Та-Дзинъ. 9) и 10) Японская „волнистая монета“ Нами-Сенъ. 11) Монета Судана. 12) Монета въ Эль-Обейдѣ.—Спортъ. Велосипедъ съ приспособленіемъ для ѣзды по льду. — Чернила, которыя можно стереть.—Каррикатуры (12 рисунковъ). — Ребусъ. — Лыжи (3 рисунка). — Особое художественное приложеніе: „Моисей въ пустынѣ. Возстаніе евреевъ“; картина С. Р. Ростворовскаго (†).

За редактора Э. Д. Гоппе.
Издательница А. П. Гоппе.

ИГРЫ и ЗАБАВЫ

ШАХМАТЫ

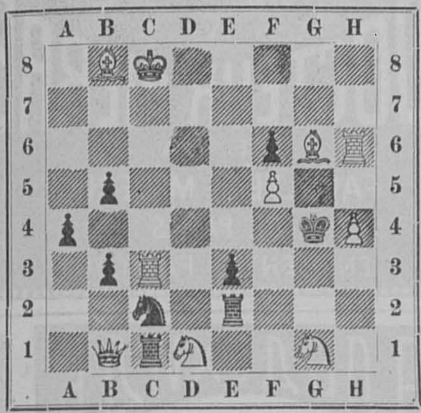
под редакціей А. П. Шишкина

ЗАДАЧА № 1553

A. F. Mackenzie

1-й призъ на конкурсѣ задачъ „Pittsburg Dispatch“

Черные



Бѣлые

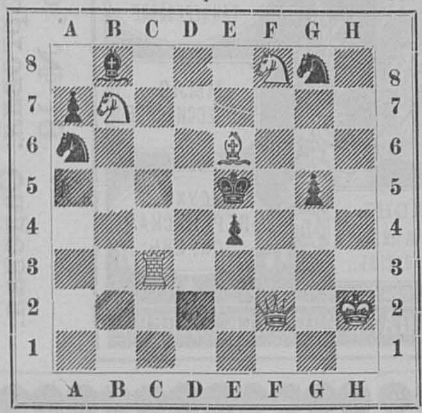
Матъ въ 3 хода.

ЗАДАЧА № 1554

G. H. Wallcoff

1-й призъ на конкурсѣ задачъ „Manchester Weekly Times“

Черные



Бѣлые

Матъ въ 2 хода.

ПАРТІЯ № 1028

Играна по консультаціи въ лондонскомъ клубѣ „Св. Георгія“ 14-го декабря (н. ст.) 1892 года

Гамбитъ Эванса

	Gunsberg Бѣлые	Jackson Chapman Черные		Бѣлые	Черные		Бѣлые	Черные
1.	e2—e4	e7—e5	12.	Ф d1—a4†	Кр e8—f7 *a*)	23.	Ф c4—c2†	К e7—f5 *f*)
2.	К g1—f3	К b8—c6	13	Ф a4 : c4†	С c8—e6	24.	К g5—e6 *g*)	Кр g6—h6
3.	С f1—c4	С f8—c5	14.	d4—d5 *b*)	С e5—d7	25.	Ф c2—c3	С b6—d4 *h*)
4.	b2—b4	С c5 : b4	15.	Л f1—e1	К g8—e7	26.	К e6 : d4	К f5 : d4
5.	c2—c3	С b4—a5	16.	e4—e5!	С d7—g4 *c*)	27.	Ф c3—d2†	Л g8—g5
6.	0—0	d7—d6	17.	e5 : f6	g7 : f6	28.	К f3 : g5 *i*)	f6 : g5
7.	d2—d4	e5 : d4	18.	С f4 : d6	Ф d8 : d6	29.	Л a1—d1	Л h8—d8
8.	c3 : d4	С a5—b6	19.	Ф c4 : g4	h7—h5 *d*)	30.	Кр g1—h1	c7—c5
9.	К b1—c3	К c6—a5	20.	Ф g4—c4	Л a8—g8	31.	f2—f4	b7—b6
10.	С c1—g5	f7—f6	21.	К c3—e4	Ф d6 : d5	32.	h2—h4	Сдались
11.	С g5—f4	К a5 : c4	22.	К e4—g5†	Кр f7—g6 *e*)			

Примѣчанія къ партіи

a) Прежде обыкновенно продолжали здѣсь—12... Ф d8—d7; 13. Ф a4 : c4, Ф d7—f7; 14. К c3—d5, С c8—e6 и т. д. Ходъ 12... Кр e8—f7 впервые употребленъ Поллокомъ въ партіяхъ, игранныхъ имъ противъ М. И. Чигорина на ньюіоркскомъ турнирѣ въ 1889 г.

b) Въ одной изъ вышепомянутыхъ партій М. И. Чигоринъ сыгралъ здѣсь 14. Ф c4—e2; партія эта окончилась ничьей. Въ другой же партіи онъ сыгралъ 14. d4—d5 и затѣмъ 15. К c3—e2 и выигралъ.

c) На 16... f6 : e5 бѣлые отвѣтили бы 17. С f4 : e5 и черные не могли бы взять слона пѣшкой, такъ какъ тогда 18. К f3 : e5† и куда бы ни отступилъ король черныхъ—19. d5—d6, послѣ чего бѣлые безусловно должны выиграть. 18. К f3 : e5†, Кр f7—e8 (если 18... Кр f7—f8, то 19. d5—d6 и если 19... Ф d8—e8 или 19... С d7—e8, то 20. d6 : e7† и затѣмъ 21. К e5—g6 или c6†, выигрывая ферзя); 19. d5—d6, Л h8—f8 (или 19... С d7—e6; 20. Ф c4 : e6, Ф d8 : d6; 21. Ф e6—f7†, Кр e8—d8; 22. Л a1—d1, С b6—d4; 23. К c3—b5 и если 23... Ф d6—b6, то 24. Л d1 : d4†, Кр d8—c8; 25. Ф f7 : e7, оставаясь съ двумя лишними фигурами, такъ какъ если 25... Ф b6 : b5, то 26. Ф f7—e6†, Кр c8—b8; 27. К e5—d7†, Кр b8—c8; 28. Ф e6—e8† и въ слѣдующій ходъ матъ. Если же 23... Ф d6—f6, то 24. Л d1 : d4†, Кр d8—c8; 25. Ф f7 : f6!, g7 : f6; 26. К e6—f7, Л h8—e8; 27. Л e1 : e7 и т. д.); 20. d6 : e7, С b6—f2†; 21. Кр g1—h1, Ф d8 : e7; 22. К e5—c6, Ф e7 : e1!†; 23. Л a1 : e1, С f2 : e1; 24. Ф c4—e4†, Кр e8—f7; 25. К c6—e5† и 26. Ф e4 : e1.

Или 18... Кр f7—f6; 19. d5—d6 (угрожая 20. Ф c4—f7†, Кр f6—g5; 21. К c3—e4†, Кр g5—h6 или : h4; 22. Ф f7—f4† и въ слѣдующій ходъ матъ) и если Л h8—f8 (или сначала 19... С b6 : f2†) то 20. d6 : e7, С b6 : f2†; 21. Кр g1 : f2, Кр f6 : e7† (21... Ф d8 : e7; 22. К c3—d5† и 23. К e5—f3†); 22. К e5—f3†, Кр e7—f6; 23. К c3—d5†, Кр f6—g6 или ∞; 24. К d5—e7†, Кр g6—h6 или f6; 25. Ф c4—h4× или 25. Ф c4—f4† и 26. Ф f4 : f5×.

Если 20... К e7—f5 (20... К e7—g6; 21. К c3—d5† и если 21... Кр f6—f5, то 22. Ф c4—g4×, если 21... Кр f6—g5, то 22. К e5—f7† и т. д., если же 21. Кр f6—e6, то напр. 22. К d5 : b6† и т. д.) 21. К c3—d5† и въ нѣсколько ходовъ матъ.

Если, наконецъ, 20... С d7—e6то 21. К c3—e4†, Кр f6 : e5 (21... Кр f6—f5; 22. К e4—g3† и если 22... Кр f5—g5, то 23. h2—h4†, Кр g5—h6 или f6; 24. Ф c4—f4† и 25. Ф f4 : g5× или 24. К g3—h5† и 25. g2—g4×; если же 22. Кр. f5—f6, то 23. Ф c4—h4†, g7—g5; 24. Ф h4—h6†, К e7—g6; 25. К g3—h5† и 26. g2—g4×); 22. К e4—d2†, Кр ∞; 23. Ф c4 : e6† и въ нѣсколько ходовъ матъ.

d) Черные, очевидно, не могутъ брать пѣшку d5 конемъ, такъ какъ тогда 20. Ф g4—h5†, выигрывая фигуру.

e) Очевидно, что черные не могутъ брать коня ни пѣшкой, ни ладьей, въ виду ходовъ—23. Л e1 : e7† и 24. Ф c4 : d5.

f) Единственный ходъ; если 23... Кр g6—h6 (на 23... f6—f5, очевидно, послѣдовало бы 24. Л e1—e6† и т. д., а на 23. Ф d5—f5—24. К f3—h4†), то 24. Л e1 : e7 и если 24... f6 : g5, то 25. Ф c2—c3 (угрожая 26. Ф c3—f6† и 27. Ф f6 : h8†), h5—h4 (если 25... Л h8—h7, то 26. Ф c3—f6†, Л g8—g6; 27. Ф f6—f8†, Л g6—g7; 28. Л a1—e1 и бѣлые должны выиграть; если же 25... Ф d5—c6 или d6, то 26. Ф c3—e5 или 26. Л a1—e1 и т. д.); 26. Ф c3—f6†, Кр h6—h5; 27. Л e7—e5, Ф d5—d8; 28. Ф f6—f7†, Л g8—g6 (иначе 29 Л e5—e6† или 29. h2—h3×); 29. Л e5 : g5† и т. д.

g) Угрожая выиграть ферзя: 25. К e6—f4†.

h) У черныхъ нѣтъ другаго способа защитить пѣшку: если 25... Л g8—g6, то 26. К e6—f4, если же 25... К f5—d4, то 26. К e6 : d4, С b6 : d4; 27. Ф c3—d2† и выигрываютъ фигуру, такъ какъ если 27... Кр h6—g6 или h7, то 28. Ф c3 : d4 или 28. Л e1—e7† и послѣ мѣны ладьями Ф c3 : d4; если же 27... Л g8—g5, то 28. h2—h4 и черные принуждены будутъ жертвовать слона, чтобы спасти ладью.

i) Необходимо, иначе 28... К d4 : f3.

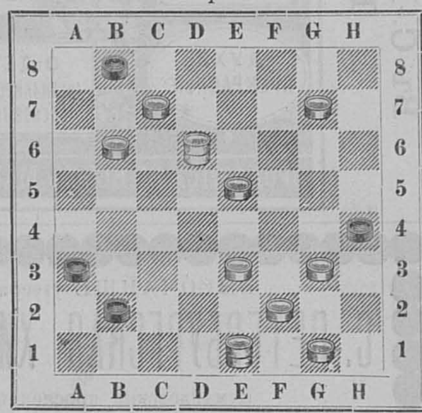
ШАШКИ

ЗАДАЧА № 33

Ф. М. Уткина (въ Муромѣ)

Первый почетный отзывъ на конкурсѣ задачъ „Шахматнаго Обозрѣнія“

Черные



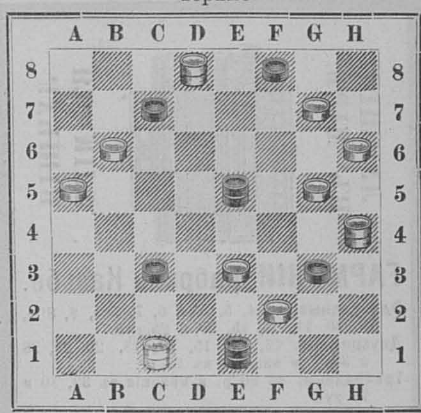
Бѣлые

Запереть дамку и простую

ЗАДАЧА № 34

Н. Кукуева (въ Москвѣ)

Черные



Бѣлые

Запереть дамку

РѢШЕНІЯ ЗАДАЧЪ въ № 1250

№ 25 *Е. Ф. Андрезена* (Спб.). 1. h2—g3, f4 : h2; 2. d4—e5, d6 : f4; 3. e7—f6, g7 : e5; 4. c3—d4, e5 : c7; 5. f2—g3, f8 : b4; 6. a3 : b8, f4—e3; 7. b8—f4, e3 : g5; 8. h6 : f4.

№ 26. Его же. 1. g3—h4, b8 : e1; 2. e3—g5, h6 : f4; 3. b2—a1, f6 : b2; 4. d8 : e3, a5 : c3; 5. e3—d2 и 6. h4 : e1.

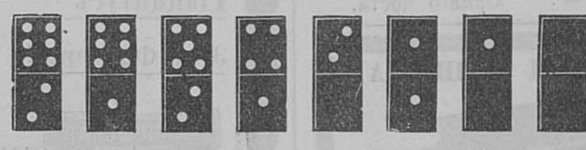
Вѣрныя рѣшенія прислали: обѣихъ задачъ — Н. П. Смирновъ (въ Москвѣ), задачи № 25—Н. П. Зайцевъ (въ Москвѣ).

Въ конторѣ „Всемірной Иллюстраціи“ имѣются въ продажѣ шахматныя діаграммы съ печатными фигурами для наклейки, по 75 коп. за 100 діагр., и бланки для записыванія партій: за 100 экз. 1 руб.

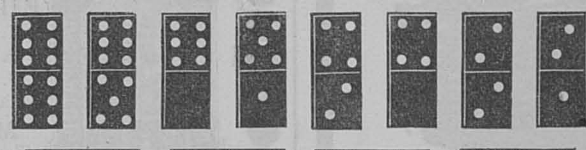
Всю корреспонденцію по шахматному и шашечному отдѣламъ просимъ адресовать въ редакцію журнала „Всемірная Иллюстрація“: Петербургъ, Садовая ул., 22.

Рѣшеніе задачи въ домино № 3.

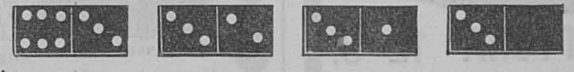
В имѣетъ:



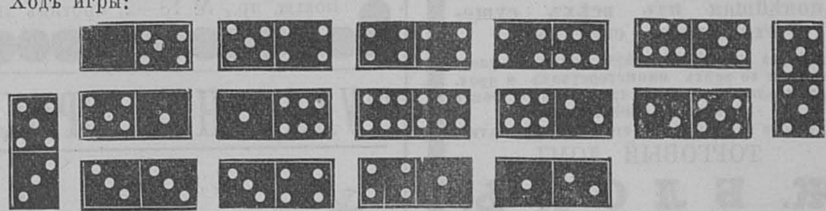
С имѣетъ:



Въ талонѣ:



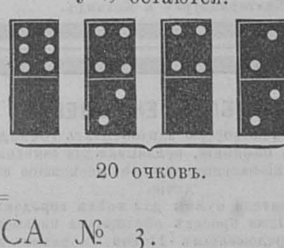
Ходъ игры:



У *В* остаются:

5 очковъ.

У *С* остаются:



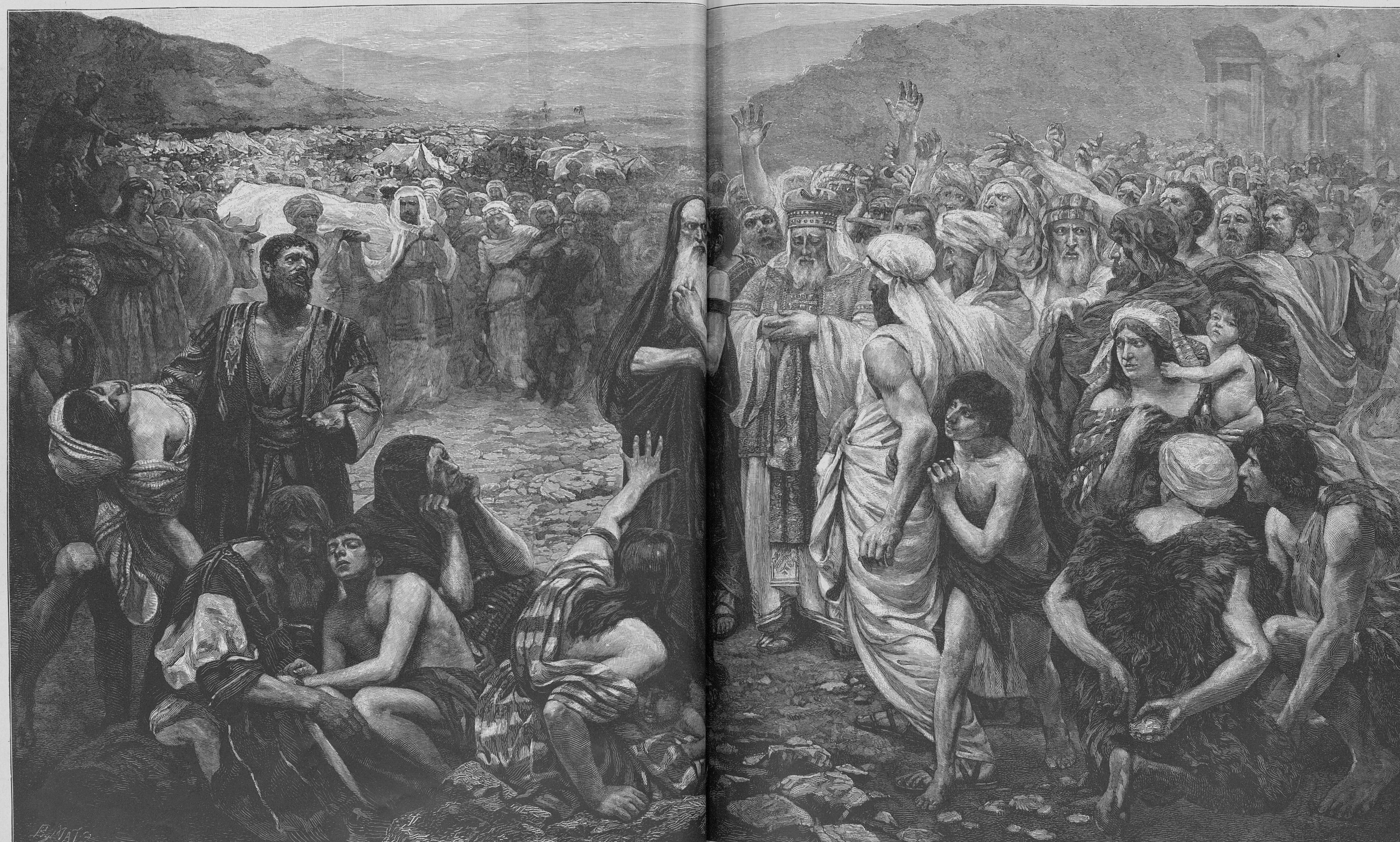
20 очковъ.

РѢШЕНІЕ РЕБУСА № 3.

Отъ (ротъ)-гадъ-ан-те (буква)-каре (карета)-бусъ (бусы)-гъ (ге, буква)-осъ (оса) подъ а-почтъ (почта)-енны-е.

Отгадайте-ка ребусъ, господа почтенные!

Дозв. цензурою. СПб. 4-го марта 1893 г. Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

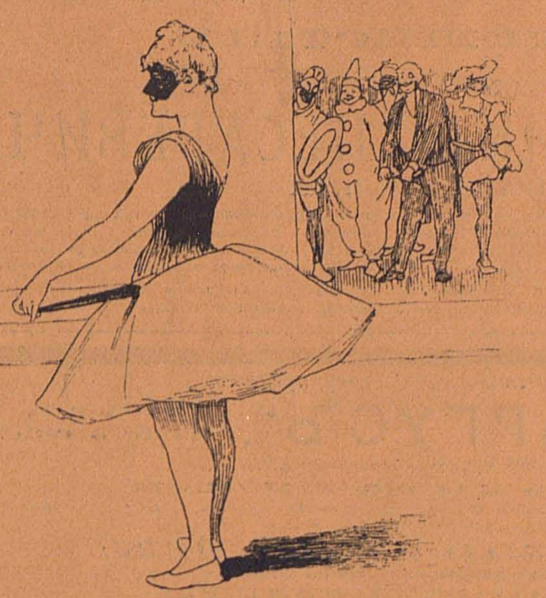


Моисей въ пустынѣ. Возстаніе евреевъ. Картина С. Р. Ростворовскаго (†).

Гравировалъ для »Всемірной Иллюстраціи« В. В. Матэ.

ПРЕЛЕСТНАЯ МАСКА

(Недавняя исторія).



Онъ заинтригованъ (10 ч. в.).

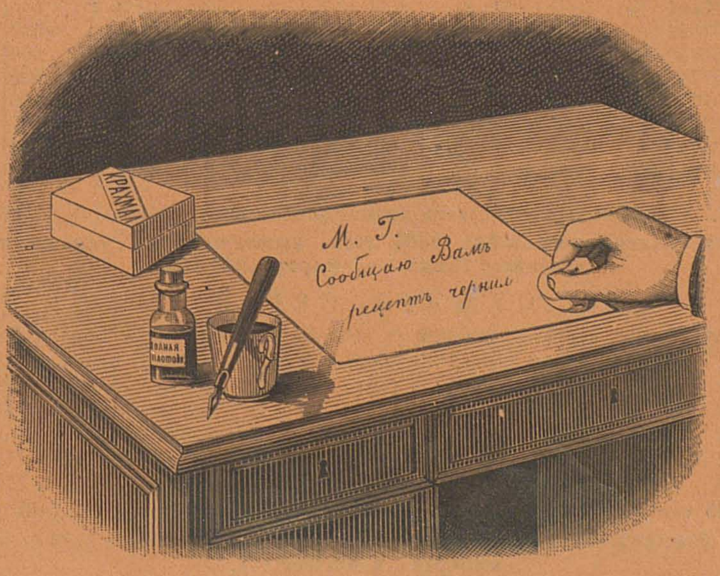
Пробуетъ аттаковать (11 ч. в.).

Въ разгарѣ увлеченія (11½ ч. в.).

Она — его собственный прикащикъ (полночь)!

Чернила, которыя можно стереть

Есть немало рецептовъ для составленія чернилъ, которыя сами собою пропадаютъ, напр. отъ дѣйствія свѣта, или исчезаютъ отъ какихъ нибудь разрушающихъ ихъ паровъ, жидкостей и т. д. Да и самыя обыкновенныя канцелярскія чернила очень легко вывести разными химическими веществами, напр. хлоромъ. Но зато существуютъ и средства для обратной реакціи, т. е. для возстановленія чернилъ, вытравленныхъ химическими веществами. Мы же укажемъ здѣсь, ради курьеза, на чернила совершенно особеннаго рода, такія, которыя имѣютъ видъ самыхъ обыкновенныхъ канцелярскихъ чернилъ, но отличаются отъ этихъ послѣднихъ тѣмъ удивительнымъ свойствомъ, что написанное ими можно съ величайшею легкостью стереть сухою тряпочкою, подобно тому какъ съ классной доски стирается задача, написанная на ней мѣломъ. Для составленія этихъ курьезныхъ



чернилъ надо запастись крахмаломъ и іодной настойкой. Крахмалъ разбалтываютъ въ холодной водѣ, стараясь получить болтушку, напоминающую по густотѣ сливки; въ эту болтушку приливается нѣсколько капель іодной настойки, причемъ крахмалъ тотчасъ окрашивается въ густой синій цвѣтъ. Взявъ этого снадобья на перо, пишите имъ что угодно на любомъ листикѣ бумаги и, дождавшись когда написанное высохнетъ, проведите по бумагѣ свернутой въ комокъ тряпочкой; тотчасъ же все написанное исчезнетъ, сотрется какъ мѣлъ съ доски, не оставивъ ни малѣйшаго слѣда на бумагѣ. Замѣтимъ, что писать лучше гусиннымъ, чѣмъ стальнымъ, перомъ, которое отъ такихъ чернилъ немедленно и безвозвратно гибнетъ — ржавѣетъ; нельзя не замѣтить также, что и наружный видъ рукописи такими чернилами очень подозрителенъ; для поддѣлокъ они, увы, не годятся.

Таблица произведеннаго 1-го марта 1893 г. 54-го тиража выигрышей и погашенія билетовъ 2-го внутренняго съ выигрышами займа 1866 г.

ВЫИГРЫШИ ПАЛИ НА СЛѢДУЮЩІЕ БИЛЕТЫ:

№№ серій.	№№ билетовъ.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билетовъ.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билетовъ.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билетовъ.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билетовъ.	Сумма выигрыша.
00052	1	500	02202	41	500	04111	11	500	06096	40	500	07939	7	10000
00100	48	500	02365	32	500	04121	32	500	06132	10	500	07946	37	500
00410	44	500	02421	25	500	04186	48	8000	06152	4	500	08060	25	5000
00427	5	500	02434	10	1000	04194	18	5000	06371	25	500	08142	15	1000
00536	35	500	02568	35	500	04309	48	500	06477	32	500	08153	35	500
00717	39	500	02659	20	500	04413	38	500	06599	1	500	08235	40	500
00764	19	500	02714	23	8000	04531	7	500	06623	1	500	08301	18	500
00847	24	500	02715	13	500	04551	48	500	06685	8	500	08325	23	500
00944	34	500	02728	46	500	04588	16	500	06761	48	500	08532	31	500
01148	8	500	02742	40	500	04603	9	500	06762	18	500	08546	8	500
01219	48	5000	02768	15	500	04614	48	500	06788	15	500	08748	48	500
01245	32	500	02842	43	500	04642	20	500	06791	31	500	08755	6	500
01311	35	500	03004	16	500	04663	11	500	06802	12	500	08756	31	500
01354	13	500	03022	12	500	04690	47	500	06827	15	500	08766	19	500
01357	21	500	03034	14	500	04741	41	500	06863	40	500	08771	7	500
01535	16	500	03096	5	500	04758	40	500	06992	16	500	08778	8	500
01558	21	500	03134	13	500	04766	29	8000	07002	28	500	08790	49	500
01591	16	500	03262	46	500	04799	34	500	07033	33	500	08809	22	500
01704	35	500	03276	43	500	04815	50	500	07225	15	500	08897	15	500
01734	35	500	03305	21	500	04818	43	500	07404	2	500	08953	19	1000
01748	37	500	03313	27	500	04988	23	500	07412	22	500	08964	38	500
01764	13	500	03381	34	500	05066	34	5000	07419	35	500	09032	26	500
01774	23	500	03527	7	500	05173	46	500	07444	2	500	09092	11	500
01894	22	500	03542	22	500	05185	2	500	07524	36	500	09093	27	500
01973	44	500	03632	7	500	05241	32	500	07650	19	1000	09166	37	500
02022	35	500	03723	16	1000	05386	34	500	07745	10	500	09203	21	500
02031	25	5000	03747	6	500	05667	1	500	07750	38	500	09293	9	5000
02063	49	500	03768	10	500	05797	39	500	07792	18	500	09536	48	500
02124	12	500	04059	22	500	05810	41	500	07793	16	500	09575	37	500
02185	6	500	04065	17	500	05983	12	500	07896	30	500	09678	45	500

№№ серій.	№№ билетовъ.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билетовъ.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билетовъ.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билетовъ.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билетовъ.	Сумма выигрыша.
09840	12	500	12111	46	500	13543	6	500	15064	31	500	17674	26	500
09859	21	500	12194	15	1000	13634	15	500	15146	41	500	17979	50	500
09911	1	500	12199	10	1000	13704	27	8000	15262	39	1000	18077	19	500
09960	21	500	12216	35	500	13743	2	500	15272	31	500	18208	47	500
10156	18	500	12253	12	500	13759	28	10000	15305	2	500	18311	25	500
10239	25	500	12325	31	10000	13764	28	500	15491	10	1000	18337	24	500
10261	40	500	12329	9	500	13772	29	500	15569	12	500	18611	29	500
10403	13	1000	12409	12	500	13816	44	500	15640	47	500	18620	18	500
10483	42	500	12532	38	500	13836	8	500	15687	22	500	18750	47	500
10820	47	1000	12562	23	500	13887	43	500	15817	32	500	18882	35	500
10845	27	5000	12614	27	500	13901	41	500	15933	9	1000	18930	27	500
10950	26	500	12630	29	500	13957	14	500	15950	8	500	18948	31	500
11041	37	500	12637	21	500	14037	8	500	16200	35	500	19021	14	500
11133	30	500	12661	1	1000	14082	16	1000	16227	46	1000	19061	2	75000
11256	49	500	12689	14	500	14161	41	500	16278	50	500	19065	6	500
11273	26	500	12703	50	500	14179	28	500	16281	23	1000	19080	40	500
11576	25	500	12724	33	500	14240	20	500	.6343	32	500	19113	50	500
11587	38	500	12761	45	500	14259	37	500	16371	40	200000	19160	23	500
11595	8	1000	12806	41	500	14288	7	500	16653	13	500	19210	4	500
11601	23	500	13033	49	500	14308	25	25000	16687	31	500	19255	7	500
11635	17	500	13052	21	500	14336	47	500	16802	47	500	19329	27	500
11648	6	500	13064	9	500	14463	5	500	16841	4	500	19348	16	500
11657	33	500	13089	3	500	14513	19	1000	16871	5	500	19602	25	5000
11742	45	500	13158	34	500	14591	38	500	16998	1	500	19609	14	500
11748	40	1000	13188	19	500	14592	21	8000	17033	9	500	19652	34	500
11758	41	500	13205	13	500	14713	25	500	17201	13	500	19680	9	500
11803	8	500	13270	41	500	14819	24	500	17292	15	1000	19737	48	500
11932	37	500	13294	1	500	14968	48	500	17308	38	500	19767	31	500
12061	4	500	13316	43	40000	15000	2	500	17449	3	500	19873	38	500
12090	41	500	13396	41	500	15016	22	500	17594	48	500	19936	42	500

Всего 300 выигрышей на сумму 600.000 рублей. Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го іюня 1893 года.

Таблица серій билетовъ 2-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1866 года, вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ правленіи государственнаго банка 1-го марта 1893 года.

НУМЕРА СЕРІЙ:

каждая изъ нижеслѣдующихъ серій заключаетъ въ себѣ 50 билетовъ, съ № 1-го по № 50-й включительно.

00137	01553	02737	03567	05063	06896	08128	08843	09905	11798	12321	13407	14391	15689	16686	18088	18744
00373	02057	03037	03785	05251	06973	08176	08952	10544	11826	12388	13470	14504	15745	16695	18331	19362
00468	02189	03289	03842	05273	07256	08187	09290	10562	11833	12726	13511	14747	15815	16718	18352	
00611	02490	03333	04349	05487	07875	08307	09477	10625	12023	12840	13830	15064	16055	16977	18383	
00649	02498	03514	04951	06411	07879	08497	09602	11301	12049	12982	14143	15187	16413	17359	18407	
01524	02532	03536	04976	06788	07885	08823	09816	11464	12096	13005	14210	15415	16585	18062	18583	

Всего 98 серій, составляющихъ 4.900 билетовъ, на сумму 637.000 рублей.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 130 руб. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го іюня 1893 г. въ государственномъ банкѣ, его конторахъ и отдѣленіяхъ.

Главная контора и редакція „Всемірной Иллюстраціи“ находятся въ С.-Петербургѣ, на Садовой ул., № 22.

Въ Москвѣ отдѣленія конторы находятся: 1) при книжн. маг. А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, 15, и 2) при конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи.

Дозв. цензурою. СПБ. 4 марта 1893 г. Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

Всемірная Иллюстрація

25й годъ | № 1260 | 49й томъ

Суббота 13-го марта 1893 г.

Цѣна нумеру 35 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки на годъ . **15** руб.
(при подпискѣ въ главной конторѣ редакціи).
Съ доставкою на годъ . . . . **17** »

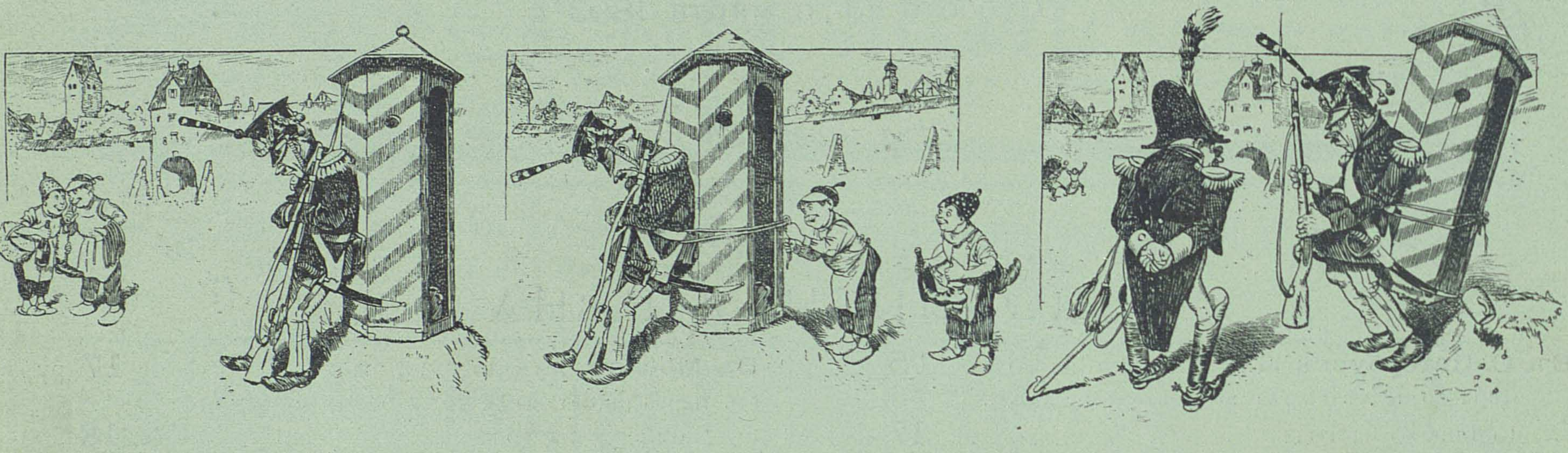
Въ Москвѣ безъ доставки на годъ . . . . . **17** руб.
Съ пересылкою во всѣ города Россійской имперіи на годъ . . . . **18** »

Подписная цѣна на полгода съ доставкою и пересылкою . . . . **9** руб.
За границу (въ государства всемірнаго почтоваго союза) **20** руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Редакція и главная контора: Садовая ул. № 22.

СЛУЖАКА ДОБРАГО СТАРАГО ВРЕМЕНИ.



Всемірная Иллюстрація

№ 1260. Годъ XXV. 13-го марта 1893 г. Томъ XLIX. № 12.

ГАРДЕМАРИНЪ БРИЗИ

Разсказъ изъ морской жизни

(Изъ сборника, изд. Бретъ-Гарта)

I

Мой отецъ служилъ врачемъ въ одной изъ сѣверныхъ губерній. Онъ оставилъ службу въ военномъ флотѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, будучи вдовцомъ, и имѣлъ маленькую практику въ родной деревенькѣ. Когда мнѣ минуло семь лѣтъ, то онъ началъ посылать меня разносить лекарства по его паціентамъ. Отличаясь шаловливымъ нравомъ, я забавлялся иногда тѣмъ, что смѣшивалъ содержимое въ разныхъ стклянкахъ при обходѣ больныхъ. Хотя я не имѣлъ основанія сомнѣваться, что общее слѣдствіе такой практики было полезно, однако одинъ смертный случай, происшедшій вслѣдствіе губительнаго леченія, при выдѣленіи несомнѣнно меркуріальной мокроты у больнаго, убѣдилъ отца моего въ необходимости лишить меня моей профессіи и опредѣлить меня въ школу.

Нашъ школьный учитель, по фамиліи Кюбенсъ, былъ положительный тиранъ. Повинуясь влеченію моего пылкаго и своевольнаго характера, я отвергъ его авторитетъ и придумывалъ разные способы мести. Мой школьный товарищъ, Томъ Снэфль, былъ моимъ пособникомъ. И вотъ однажды онъ подстрекнулъ меня:

— А что, если его взорвать на воздухъ? У меня есть для этого два фунта пороху.

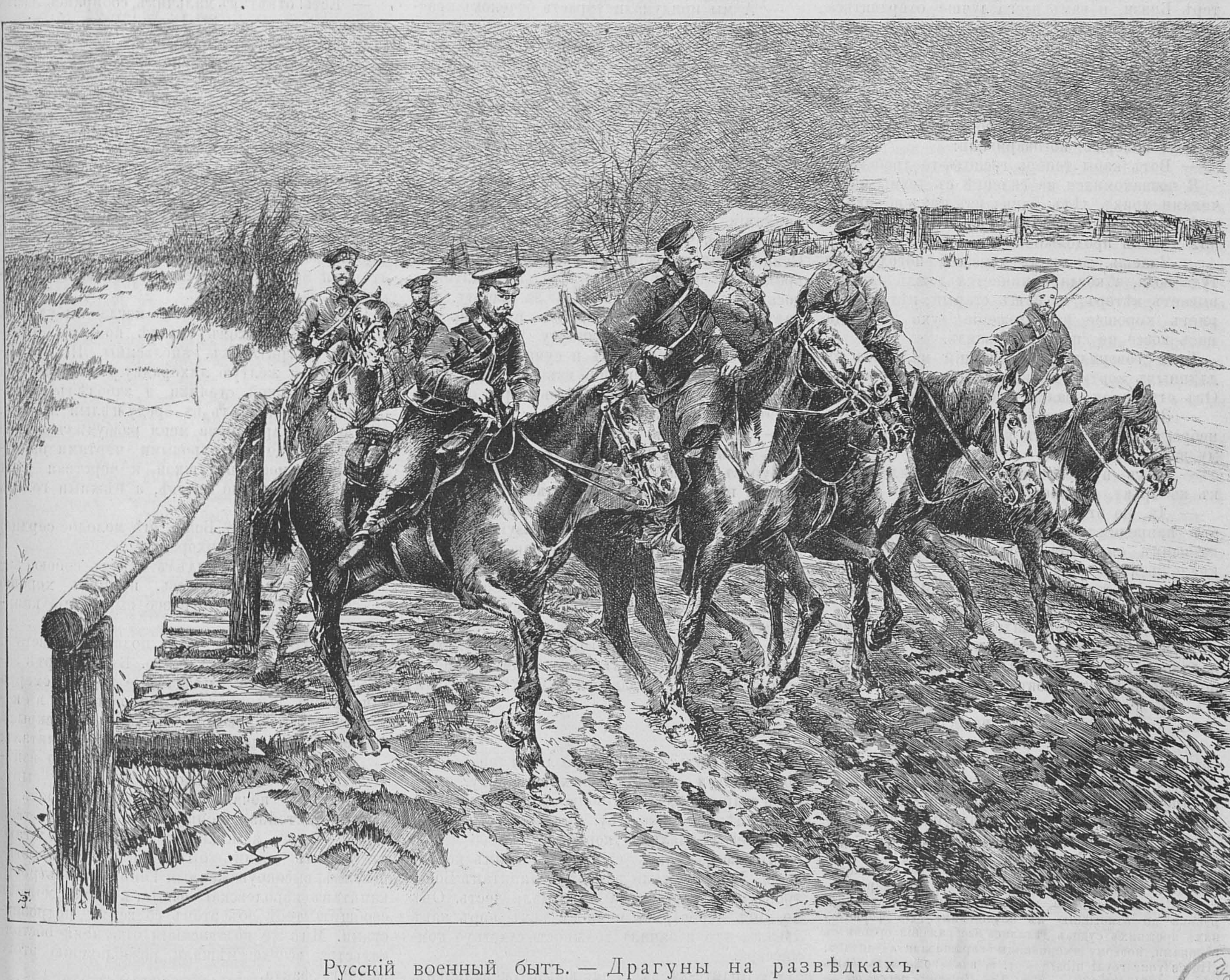
— Нѣтъ, это будетъ слишкомъ громко, отвѣтилъ я.

Онъ возразилъ:

— А помнишь, какъ ты извелъ попа! Нельзя ли и теперь достать для Кюбенса чего нибудь такого... густаго и отвратительнаго?

Этого было достаточно. Я отправился въ аптеку. Аптекарь зналъ меня; я покупалъ у него часто купоросъ, который и выливалъ въ чернильницу учителя; купоросъ разъѣдалъ его перья и выжигалъ фалды его сюртука, когда онъ обтиралъ ими перья. Я отважно потребовалъ себѣ унцію хлороформа. Молодой аптекарь подмигнулъ мнѣ и передалъ изъ рукъ въ руки цѣлую бутылку.

У Кюбенса была привычка накрывать голову платкомъ и, прислонившись къ спинкѣ кресла, предаваться краткой дремотѣ во время перерыва занятій. Пользуясь такимъ благопріятнымъ случаемъ, я сдернулъ осторожно съ лица его платокъ и покрылъ его голову моимъ собственнымъ, пропитаннымъ хлороформомъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ, разумѣется, въ безчувственномъ состояніи. И тогда мы — Томъ и я — обстригли наскоро волосы на его головѣ, обрѣзали бороду и брови, зачернили его физіономію купоросомъ и обожженной пробкой, а затѣмъ удрали. На дру-



Русскій военный бытъ. — Драгуны на развѣдкахъ.

Съ натуры рисовалъ корреспондентъ-художникъ »Всемірной Иллюстраціи« Э. К. Соколовскій.

гой день былъ скандалъ и суматоха. Я увѣрилъ отца, что Кюбенсъ былъ пьянъ. Отецъ простилъ меня. Но такъ или иначе — онъ нашелъ болѣе удобнымъ добиться моего опредѣленія въ флотъ ея величества.

II

Оффиціальное письмо, съ ярлычкомъ адмиралтейства, извѣстило меня, что я обязанъ отправиться немедленно въ Портсмутъ на корабль королевскаго флота „Бельчиръ", которымъ командовалъ капитанъ Больтропъ. Черезъ нѣсколько дней я уже представлялся джентльмену высокаго роста, съ суровыми чертами лица, который ходилъ мѣрными шагами по верхней палубѣ корабля, вдоль по шканцамъ, съ подвѣтренной ихъ стороны. Лишь только приложилъ я руку къ козырьку, какъ онъ грозно взглянулъ на меня:

— Ага! Еще одинъ сосунъ, которому нужна еще соска! Служба пошла къ чорту! Ничего не вижу вокругъ, кромѣ младенцевъ на кубрикѣ и бабушекъ на трапѣ. Вахтенный! Скажи тамъ этому... мистеру Чику!

Мистеръ Чикъ, коммиссаръ и корабельный экономъ, появился на палубѣ и приложилъ руку къ козырьку.

— Представьте вотъ этого мистера Бризи прочимъ юнымъ нашимъ джентльменамъ. Впрочемъ, стопъ! Гдѣ мистеръ Свицль?

— На саленгѣ, сэръ *).

— А гдѣ мистеръ Ленкей?

— На саленгѣ, сэръ.

— А гдѣ мистеръ Бригсъ?

— Тамъ же на саленгѣ, сэръ.

— А всѣ остальные молодые люди, — гдѣ же они?

— Всѣ они на саленгѣ, сэръ.

— А-а-а, сказалъ капитанъ Больтропъ, страшно улыбаясь, — въ такомъ случаѣ, мистеръ Бризи, и вамъ всего лучше отправиться прямо на саленгъ.

III

Мы сидѣли на саленгахъ, какъ птицы сидятъ на деревьяхъ, а матросы, поглядывая съ палубы наверхъ, поговаривали:

— Вотъ кабы теперь господъ-то дробью.

Я познакомился на саленгѣ съ двумя мальчиками моихъ лѣтъ; одинъ изъ нихъ объявилъ мнѣ, что онъ проводитъ на саленгѣ ровно 332 дня въ продолженіе года.

— Знаешь, во время хорошей погоды еще туда-сюда, а когда начинается дождь или завываетъ вѣтеръ, то нашъ старый пѣтухъ теряетъ хорошее расположеніе духа и тогда насъ вовсе не спускаютъ внизъ.

Такъ говорилъ девятилѣтній мальчикъ съ длиннымъ кортикомъ величиною съ его ростъ. Онъ отрекомендовался мнѣ мистеромъ Бригсъ.

— Знаешь что? продолжалъ онъ, – ты пренебрегъ отдачею чести капитану по принятому во флотѣ обычаю.

— Какъ пренебрегъ! Я приложилъ руку къ козырьку, наивно отвѣтилъ я.

— Да, но этого не достаточно. Ты оставь это напредки. А теперь, пойми, дурачекъ, капитанъ ожидаетъ другой чести, когда ты являешься къ нему.

Чувствуя страхъ, я просилъ объяснить, какъ надо отдавать эту честь.

— Видишь, какъ надо... Приложивъ руку къ козырьку, тебѣ слѣдовало бы коснуться пальцемъ до его жилета и сказать ему: „какъ поживаетъ вашъ клювъ **)?"

— То есть какъ это такъ, какъ поживаетъ вашъ королевскій клювъ? переспросилъ я его.

— Очень просто. Онъ попытался бы тогда назадъ, а ты повторилъ бы ему привѣтствіе: „какъ поживаетъ вашъ королевскій клювъ?" и спросилъ бы заботливо о здоровьѣ его супруги, всего семейства, и просилъ бы позволенія представиться супругѣ канонира.

*) Саленгъ находится на вершинѣ мачты. На саленгъ сажаютъ, наказывая матросовъ, кадетъ и гардемариновъ.

**) Старая насмѣшка, принятая у американскихъ моряковъ по отношенію къ англійскимъ. На форштевняхъ прежнихъ судовъ дѣлались изображенія орловъ съ коронами, поэтому американцы спрашивали англичанъ: „How's your royal nibs?" — т. е. какъ поживаетъ вашъ королевскій клювъ? *Примѣч. переводч.*

— Зачѣмъ же супругѣ канонира?

— Она заботливая дама и очень печется о насъ. Ну, такъ смотри же, Пильзъ, ты это помни!

Когда насъ спустили съ саленга на палубу, я рѣшился исполнить инструкцію Бригса.

Подойдя къ капитану Больтропу, я сказалъ ему все, чему научилъ меня Бригсъ.

Онъ побагровѣлъ отъ злости, но съ минуту молчалъ. Наконецъ выпалилъ:

— Боцманматъ!

— Будьте добры, продолжалъ я молить капитана съ трепетомъ въ душѣ, — представьте меня супругѣ канонира!

— Очень хорошо! вопилъ капитанъ Больтропъ, потирая руки и прыгая какъ кошка. — Конечно, вы будете представлены! О, конечно! Супругѣ канонира!.. О, это слишкомъ!.. Боцманматъ!

И прежде нежели я могъ сообразить, что со мной, меня схватили, привязали къ восьми-фунтовой пушкѣ и всыпали мнѣ горяченькихъ.

Когда меня пороли, то матросы пѣли на бакѣ:

„Наши жены, жены, жены
Пушки заряжены."

Я понялъ, что супругою канонира была пушка, которую я обнималъ когда меня сѣкли.

IV

Когда мы собрались потомъ въ каютъ-компаніи и сидѣли за общимъ столомъ, выбирая долгоносиковъ изъ сухарницы, то Бригсъ утѣшалъ меня, говоря „о морскомъ привѣтствіи", которое чтится впослѣдствіи болѣе, нежели во время самаго воздаянія и не забывается никогда. Я раздѣлялъ общее веселье, давая поводъ къ шуткамъ, и по прошествіи немногихъ минутъ мы были всѣ друзьями. Свицль обратился ко мнѣ:

— А мы придумали украсть боченокъ краснаго вина. Ты будешь нашимъ коммиссаромъ, поставь его подъ свою скамейку. Старая язва потягиваетъ изъ него цѣлыми днями, а это для боченка убыточно.

— Надо спуститься подъ офицерскій буфетъ, сдѣлать дыру и такимъ образомъ достать боченокъ съ виномъ, присовокупилъ Ленкей.

Предложеніе было принято съ восторгомъ, и взрывъ рукоплесканій раздался въ каютъ-компаніи. Длинный полудюймовый буравъ былъ предложенъ Чипсомъ, помощникомъ плотника. Свицль спустился на низъ, выбравъ удобное время, и, осмотрѣвъ внимательно палубныя доски и тимберсы, принялся за работу. Буравъ скрылся, наконецъ, изъ рукъ, пройдя сквозь палубу; въ эту минуту на верхнемъ декѣ послышался шумъ и суматоха. Свицль вырвалъ буравъ поспѣшно изъ палубы; красноватый свѣтъ пролился сквозь дыру, сдѣлавъ на этомъ мѣстѣ абрисъ.

— Ура! Воткни его опять въ дыру! закричалъ Ленкей, будучи наверху.

Буравъ снова показался изъ отверстія. Но вдругъ послышался шумъ въ каютѣ судового коммиссара. Огонь былъ моментально потушенъ, и партія ретировалась, разумѣется, немедленно на кубрикъ. Звуки храпѣнья во всѣ носовыя отвертки донеслись до слуха часоваго, когда онъ, отворивъ ожесточенно паламошъ дверь, заглянулъ въ каюту судоваго коммиссара.

— Все благополучно, ваше благородіе, отвѣтилъ онъ черезъ люкъ вахтенному офицеру, голосъ котораго раздавался на верхней палубѣ.

V

— Ну, Пильзъ, не хотите ли вы теперь воспользоваться случаемъ понюхать пороху? спросилъ старшій офицеръ, появившись на кубрикѣ и, поспѣшая на палубу, застегивалъ на ходу портупею громаднаго кортика.

Мы встрѣтились съ французскимъ кораблемъ. Мы выбѣжали наверхъ. Капитанъ Больтропъ засмѣялся, когда мы отдали честь. Онъ не могъ переварить меня съ тѣхъ поръ какъ узналъ, что я занялъ должность судоваго коммиссара.

— Подите-ка вы сюда, юный джентльменъ, сказалъ онъ мнѣ, — если вы занимаетесь сверленіемъ дыръ въ палубѣ изъ желанія узнать качество французскаго кларета, я познакомлю васъ съ этимъ напиткомъ.

И онъ поставилъ меня возлѣ себя на самомъ опасномъ мѣстѣ. Рядомъ стоялъ квартеймейстеръ и скалилъ зубы.

На кораблѣ все было готово для начала военнаго дѣйствія. Люди черпали въ попыхахъ кофе изъ жбана и выпивали кружки, когда уже началась перестрѣлка. Французъ сдѣлалъ поворотъ, и его снарядъ изъ длинной тридцати-двухъ-фунтовки запрыгалъ по водѣ. Онъ убилъ сразу, наповалъ квартеймейстера и оторвалъ ногу у Линклея. „Скажите судовому коммиссару, что счетъ нашъ сведенъ", сказалъ мальчикъ, обливаясь кровью и еле улыбаясь.

Побоище свирѣпствовало яростно въ продолженіе двухъ часовъ. Я припоминаю смерть французскаго адмирала, когда мы дрались на абордажѣ. Оглянувшись вокругъ, послѣ того какъ дымъ разсѣялся, я увидѣлъ забавную сцену: Бригсъ загналъ французскаго капитана за мачту своимъ длиннымъ кортикомъ и старался, въ пылу младо-задорнаго порыва, протащить фалды его фрака межъ своихъ ногъ. И въ то время какъ прижатый къ мачтѣ французъ, не желавшій, очевидно, убивать мальчика, подымалъ руки и ноги при каждомъ нападеніи Бригса, я безучастно смотрѣлъ на сцену и не раздѣлялъ общаго веселья.

— Ахъ ты, молодой чертенокъ! Что же ты-то тутъ дѣлаешь? воскликнулъ кто-то подавляющимъ голосомъ позади меня.

— Я оглянулся и увидѣлъ капитана Больтропа. Онъ старался придать лицу строгое выраженіе, но корчи, блуждавшія вокругъ его рта, выдавали его веселое настроеніе.

— Идите на саленгъ, сэръ, сказалъ онъ мнѣ, — и вы идите на саленгъ! крикнулъ онъ грозно, обратившись къ Бригсу.

— Есть! отвѣтилъ мальчикъ, собираясь лѣзть по вантамъ.— Прощай, Джони! Гопъ-ля! крикнулъ онъ голосомъ, дошедшимъ до моего слуха. — Вотъ какъ прекрасно третируютъ героя! Служба дѣйствительно пошла къ чорту.

И я согласился съ нимъ.

VI

Прошло нѣсколько лѣтъ. Насъ произвели въ гардемарины (мичипсмены) и послали на томъ же кораблѣ въ Вестъ-Индію. Хотя отношеніе капитана Больтропа ко мнѣ было все еще сурово и даже крайне грубо, но я узналъ, что имя мое было все-таки благосклонно упомянуто въ депешахъ.

Читатель, были ли вы когда нибудь въ Ямайкѣ? Въ такомъ случаѣ помните, разумѣется, негритянокъ, апельсины, Портъ Рояль Томъ и желтую лихорадку. По прошествіи двухъ-недѣльной стоянки я заболѣлъ лихорадкою и пролежалъ въ бреду цѣлый мѣсяцъ. Во время пароксизма меня разбудилъ чей-то шорохъ; лицо съ суровыми чертами нагнулось надъ моей подушкой, и черствая рука погладила меня по головѣ, а нѣжный голосъ произнесъ:

— Благослови, о, Боже, его молодое сердце! У него была злая лихорадка!

Лицо, которое я видѣлъ передъ собою, казалось, опять измѣнилось, принявъ хорошо знакомое мнѣ обычно-суровое выраженіе капитана Больтропа.

По выздоровленіи мнѣ подали конвертъ, окаймленный черною каймою. Въ конвертѣ заключалось письмо, извѣщавшее меня о смерти отца моего, и другое, тоже за печатью, въ которомъ отецъ открывалъ мнѣ тайну. Я вскрылъ конвертъ и съ трепетомъ въ сердцѣ прочиталъ:

„Дорогой мой мальчикъ! Съ грустью извѣщаю тебя, что ты, вѣроятно, не мой сынъ. Мать твоя — печально объ этомъ говорить — была недостойная женщина. А кто былъ твой отецъ — этого я, право, не знаю; но полагаю, что отцомъ твоимъ былъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, высокоуважаемый Генрихъ Больтропъ, капитанъ королевскаго флота, который можетъ сообщить тебѣ объ этомъ со всѣми подробностями. Мнѣ же независящія отъ меня обстоятельства всегда мѣшали разоблаченію этого важнаго факта.

Твой преклонныхъ лѣтъ родитель".

Итакъ, капитанъ Больтропъ — мой отецъ! Это ли не драма? Давно ли возмущался я грубостью его? Давно ли его строго наблюдавшій глазъ приводилъ меня въ ужасъ? Давно ли его постоянно дурно скрываемое неудовольствіе вслѣдствіе моего присутствія причиняло мнѣ столько огорченій? А теперь я начинаю уже чувствовать страстное желаніе обнять его. Колеблясь надъ выборомъ того, какой шагъ мнѣ сдѣлать, я выбѣжалъ на палубу въ рваномъ костюмѣ въ ту минуту, когда капитанъ Больтропъ, разсыпаясь въ любезностяхъ, встрѣчалъ супругу губернатора и ея дочь, пріѣхавшихъ съ визитомъ. Дамы крикнули отъ страха при видѣ меня, а прелестная молодая барышня застыдилась и покраснѣла. Не обращая на это вниманія, я бросился къ ногамъ капитана, обнялъ ихъ и воскликнулъ:

— О, мой отецъ!

— Выбросьте этого щенка за бортъ! гаркнулъ капитанъ.

— Остановитесь! возразила соловьинымъ голосомъ очаровательная Клара.

— Обрейте его голову! кричалъ капитанъ.— Это неисправимый сумасшедшій!

— Нѣтъ! сказала восхитительная Клара, зардѣвшись румянцемъ, — позвольте намъ позаботиться о немъ. Нельзя ли, мама, взять его къ себѣ?

Защита дѣвушки не осталась безъ послѣдствій. Я упалъ въ обморокъ — и очнулся во дворцѣ губернатора, мистера Майтландъ.

VII

Читатель желаетъ знать, что произошло потомъ. Я полюбилъ, разумѣется, Клару и довѣрилъ ей тайну моего рожденія. Великодушная дѣвушка увѣрила меня, что она сразу замѣтила во мнѣ тонъ прекрасно воспитаннаго молодаго человѣка съ изысканными манерами, что свидѣтельствовало о моемъ несомнѣнно благородномъ происхожденіи. Мы поклялись нашей вѣрностью до гроба и рѣшили ожидать благопріятнаго случая.

По прошествіи нѣсколькихъ дней Бригсъ зашелъ ко мнѣ и сообщилъ, что коммиссаръ оскорбилъ гардемаринскую компанію, а они выругали его. И такъ, предстояла дуэль. „Только я не знаю, какъ бы это устроить", задумчиво сказалъ Бригсъ. „Насъ шестеро, и мы навѣрно поколотили бы его".

— Очень просто, отвѣтилъ я, — пусть товарищи станутъ въ одну шеренгу; это дастъ ему шесть шансовъ противъ одного, а онъ будетъ стрѣлять въ кого нибудь изъ васъ; съ другой стороны онъ навлекаетъ на себя залпъ шестерыхъ; одинъ изъ васъ навѣрно попадетъ, если даже промахнутся всѣ остальные.

— Совершенно вѣрно!

Послѣ того Бригсъ удалился, но возвратился вскорѣ и сообщилъ, что коммиссаръ уклонился отъ дуэли, какъ и подобаетъ „подлому трусу".

Благодаря внезапной и очень серьезной болѣзни капитана Больтропа, никто не обратилъ вниманія на вызовъ. Я поспѣшилъ къ его изголовью, но — увы! — было уже поздно — часомъ раньше онъ скончался.

Я рѣшилъ возвратиться въ Англію. Я открылъ тайну моего рожденія г-жѣ Майтландъ и показалъ ей письмо отца, усыновившаго меня. Она согласилась выдать за меня дочь свою вопреки волѣ родителя и даже до моего возвращенія изъ дому, куда я собрался ѣхать для вступленія во владѣніе кой-какимъ имуществомъ, оставшимся послѣ отца. На другой день свадьбы былъ назначенъ отъѣздъ.

Я поспѣшилъ съ женой и въ сопровожденіи друга Бригса въ родную деревеньку. И представьте ужасъ мой и удивленіе, когда покойный отецъ, усыновившій меня, вышелъ на крыльцо, чтобы поздороваться со мной.

— Какъ? стало быть вы еще не умерли! воскликнулъ я.

— И не думалъ умирать, мой дорогой мальчикъ.

— А что же значитъ это письмо?

Отецъ, какимъ я все-таки долженъ признавать его, взглянулъ на письмо и призналъ его подложнымъ. Бригсъ покатился со смѣху. Я потребовалъ отъ него объясненія.

— Молокососъ! воскликнулъ онъ.— Все это гардемаринскія шутки.

— Но! воскликнулъ и я въ свою очередь.

— Что значитъ „но?" ты пріобрѣлъ благодаря этому отличную жену и будь доволенъ въ своемъ родовомъ помѣстьѣ.

Я посмотрѣлъ на Клару и чувствовалъ дѣйствительно полное удовлетвореніе. Хотя мистеръ Майтландъ не рѣшался простить меня, но когда онъ узналъ о гардемаринской шуткѣ, то бодрый старикъ расхохотался отъ души. Разумѣется, онъ воспользовался своимъ вліяніемъ и притомъ великолѣпно, такъ что я, проживая преимущественно въ деревнѣ, очень скоро получилъ чинъ адмирала и званіе кавалера разныхъ орденовъ.

Лондонъ. 1893 г. Мартъ.

Н. Максимовъ.

Стихотвореніе

* * *

Тяжелъ пройдённый жизни путь,
Но тяжелѣй того — что грудь
Надорвалась, и что судьба
Меня карала, какъ раба,
И отъ родимаго села,
Съ его привольемъ, съ дѣтскихъ дней,
На произволъ чужихъ людей,
Въ столицу душную гнала...
Здѣсь, какъ прикованный орелъ,
Сносилъ людской я произволъ
И послѣ тягостныхъ трудовъ,
Въ подвальной комнатѣ сырой
Одинъ сидѣлъ ночной порой
Средь думъ мучительныхъ съ перомъ
Въ рукѣ; семью, знакомый домъ,
Картины Волги рисовалъ
И о свободѣ тосковалъ.

Сп. Дрожжинъ.

ЕЯ ГЛАЗА

Эскизъ Н. А. Лухмановой

Если ты хочешь спасти меня, то пріѣзжай немедленно и увези, оторви меня отсюда... Нѣтъ, не пріѣзжай, потому что ни уѣхать отсюда, ни оторваться я не въ силахъ, и раньше, чѣмъ это письмо дойдетъ до тебя, меня уже не будетъ на свѣтѣ.

Ты спрашиваешь себя: чѣмъ могла эта женщина околдовать меня? Глазами, мой другъ.

Ты былъ со мною на Средиземномъ морѣ. Помнишь, какъ мы наблюдали девятый валъ? Идетъ онъ издалека громадный, грозный, черный, затѣмъ, приближаясь, становится сѣростальнымъ, потомъ синимъ, голубымъ и, все уменьшаясь, округляясь мягкими, нѣжными волнами съ какимъ-то лепетомъ, умираетъ у нашихъ ногъ розоватою пѣною.

Въ ея глазахъ столько же мрака и грозы, столько же чарующей, покорной ласки.

Мы посѣтили съ тобой Женевское озеро. Помнишь, въ виду Шильонскаго замка мы съ лодки глядѣли внизъ? Вода, прозрачная какъ хрусталь, показывала намъ дно такъ близко, что казалось стоило прыгнуть изъ лодки и стать на него ногами. Помнишь, то впечатлѣніе, съ которымъ мы глядѣли на раковины и на цѣлый міръ странныхъ, перевившихся вѣтвями, растеній, на рыбъ, змѣй какихъ-то причудливыхъ формъ, мелькавшихъ какъ птицы въ ихъ вѣтвяхъ, а когда рыбакъ вынулъ лотъ и бросилъ его за бортъ, мы ахнули, узнавъ надъ какой страшной глубиной стоитъ наша лодка. Такъ прозрачны, такъ глубоки, такъ сказочно-прекрасны ея глаза! Но сама она холодна, и до сихъ поръ ни для кого ни искры любви не подмѣтилъ я въ этихъ дивныхъ глазахъ. Она говоритъ сама, что никогда въ жизни ее не охватывала нѣга весеннихъ ночей. Ни чудный ритмическій ропотъ моря, ни трели влюбленнаго соловья, ни трепетная тѣнь кустовъ на пескѣ, освѣщенномъ луною, ни слезы, ни страстныя ласки, ни шепотъ любви никогда не волновали ее. Она никогда не грезила, не мечтала, и когда вчера — мы были одни — я сидѣлъ у ея ногъ и съ безумной страстью глядѣлъ ей въ глаза, она разсказала мнѣ легенду:

— Разъ дѣвушка съ чудными и невинными глазами, со взглядомъ чистаго ребенка встрѣтила цыганку, и та сказала ей: „хороша ты, дѣвушка, и хороши глаза твои, только съ такими глазами много прольешь ты слезъ. будутъ тебя обманывать, а ты будешь вѣрить, будутъ любить тебя, но никого не удержишь ты своими очами; хочешь — я скажу тебѣ какъ зачаровать ихъ, какъ закалить твои глаза, чтобъ, глядя въ нихъ, всякій шелъ за тобою всюду, даже на смерть, чтобъ звѣри дрожали и ложились у ногъ твоихъ, чтобъ люди, заглянувъ разъ въ ихъ глубину, становились навѣкъ твоими рабами, для этого надо, дѣвушка, чтобъ твои глаза видѣли смерть, но смерть изъ-за тебя. Цыганка исчезла, а дѣвушка задумалась и пошла домой. Былъ у ней милый, но за этого милаго никогда не отдали бы ея родные: онъ былъ поэтъ и бѣденъ, она была знатна и богата. И вотъ однажды, придя къ своему поэту, въ его бѣдную маленькую комнату, она обвилась руками вокругъ его шеи и прошептала ему на ухо: „Мы не можемъ жить вмѣстѣ; хочешь вмѣстѣ умремъ?—я принесла яду для насъ обоихъ." И поэтъ страстно, восторженно отвѣчалъ: „Умремъ вмѣстѣ!" Дѣвушка вынула ядъ, раздѣлила его въ два стакана, размѣшала и подала одинъ поэту, другой взяла себѣ. Прижавъ платокъ къ губамъ, она, дѣлая видъ, что пьетъ, весь ядъ до капли вылила въ свой платокъ, а поэтъ выпилъ и глядѣлъ на нее восторженными, сіяющими глазами. Ядъ былъ быстрый; началась агонія; несчастный потерялъ скоро сознаніе и ее принималъ за ангела смерти, и звалъ, и благословлялъ ее. А она, жадно нагнувшись надъ юношею, слѣдила за смертельной борьбой—какъ искажались черты прекраснаго лица, какъ судороги сводили его руки и ноги, какъ синева ползла по лицу, какъ оскаливались бѣлые зубы, какъ дрожали, пылали глаза, какъ съ послѣднимъ крикомъ любви и страданія выкатилась изъ нихъ послѣдняя слеза—и умеръ несчастный поэтъ. Дѣвушка вышла отъ него и не оглядываясь вернулась домой.

Съ того дня въ ея очахъ горѣлъ огонь смерти, жизни, любви и отчаянія. И стали глаза ея зачаровывать, и стали звѣри дрожать и ложиться у ногъ ея, и стали люди, заглянувшіе въ глубь ея очей, дѣлаться ея рабами.

И, разсказавъ это, она засмѣялась звонко и весело, а я глядѣлъ, глядѣлъ въ ея глаза, и изъ нихъ глядѣла на меня моя смерть.

Нѣтъ у этой дѣвушки ни сердца, ни любви, нѣтъ у нея ни искренности, ни доброты, а у меня нѣтъ силъ оторваться отъ нея!

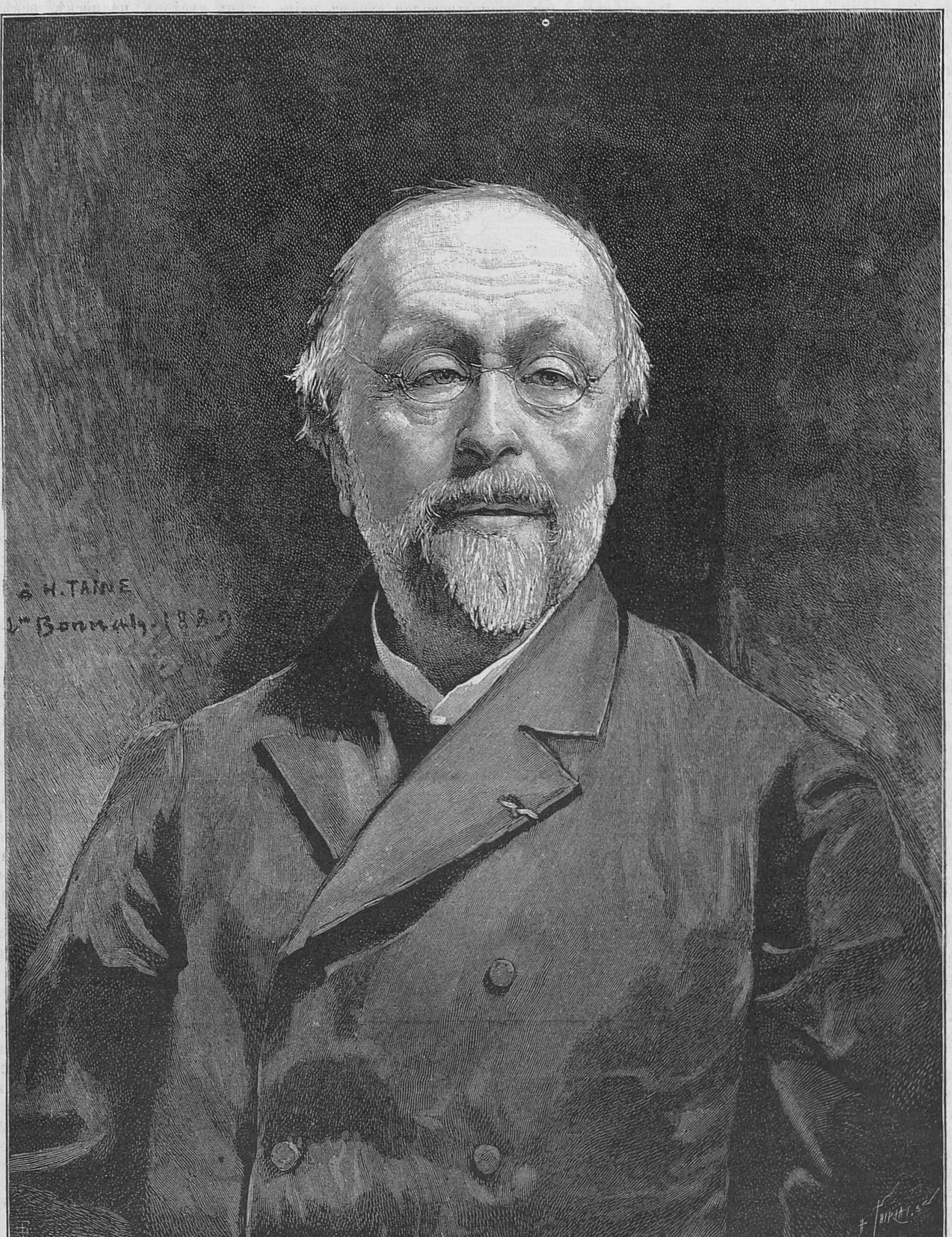
Вотъ почему не пріѣзжай и знай, что раньше, чѣмъ получишь это письмо, меня уже не будетъ на свѣтѣ.

Н. Лухманова

Ипполитъ Тэнъ †

Огромную и, безъ сомнѣнія, невознаградимую утрату понесла европейская литература. 21-го февраля скончался извѣстный во всемъ цивилизованномъ мірѣ, исполинъ французской литературы, блестящій ученый, историкъ и критикъ, членъ французской академіи — Ипполитъ Тэнъ. Крупный писатель-публицистъ, съ широкими, смѣлыми, глубоко оригинальными воззрѣніями, твердо убѣжденный въ правотѣ своихъ взглядовъ, Тэнъ производилъ неотразимое впечатлѣніе на европейскую читающую публику. Выясненіе высокаго значенія искусства, какъ одной изъ самыхъ важныхъ и неотъемлемыхъ при-

надлежностей цивилизаціи народовъ, было одною изъ главныхъ задачъ Тэна, — и въ этомъ его неоцѣненная заслуга. При разборѣ литературныхъ произведеній Тэнъ впервые примѣнилъ методъ естественныхъ наукъ и такимъ образомъ явился основателемъ новой школы критики. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ первыхъ же своихъ работахъ заявилъ себя какъ сторонникъ детерминизма, то есть ученія о предопредѣленіи, по которому всѣ перемѣны въ мірѣ и всѣ поступки людей зависятъ отъ предопредѣленія, а чайно оригиналенъ, самостоятеленъ и чуждъ вліянія какихъ бы то ни было партій. Тонкость и мѣткость критическихъ сужденій соединяются у него съ необыкновенно изящнымъ, вполнѣ художественнымъ, изложеніемъ. Золя отзывается о Тэнѣ какъ объ одномъ изъ глубочайшихъ умовъ нашего вѣка. „Его критическій методъ — говоритъ онъ — состоитъ въ изученіи даннаго лица со всей его обстановкой, отнюдь не отдѣляя его отъ окружающей среды". Альфонсъ Доде безгранично удивляется Тэну, какъ bon Dieu. Онъ игралъ съ нимъ въ прятки и оттого восклицалъ на своемъ несовершенномъ дѣтскомъ языкѣ: „Bon Dieu, coucou! Bon Dieu, coucou!" Франсуа Коппе характеризуетъ Тэна какъ удивительнаго ученаго и усидчиваго труженика. „Прежде чѣмъ написать какое либо сочиненіе, — говоритъ Коппе,—онъ подготовлялъ массу замѣтокъ, документовъ; онъ просто пожиралъ библіотеки. Въ качествѣ историка Тэнъ освѣтилъ многія подробности, и его историческія сочиненія будутъ драгоцѣннымъ руко-



ИППОЛИТЪ ТЭНЪ, французскій историкъ и критикъ, † 21-го февраля с. г.

Съ картины Леона де-Бонна гравировалъ А. Тиріа.

не отъ свободнаго употребленія нашихъ силъ, а потому и неизбѣжны. „Я серьезно убѣжденъ въ грядущемъ улучшеніи міра, въ которомъ осуществится торжество добра, и это побуждаетъ меня со всею искренностью души присоединиться къ молитвѣ вѣрующихъ: „Да пріидетъ Царствіе Твое". Такъ нерѣдко говаривалъ Тэнъ своимъ ученикамъ, и эта твердая вѣра его въ торжество добра, его, суроваго критика, которому ходъ міровыхъ событій подсказывалъ безпощадное осужденіе тѣхъ или другихъ явленій,—красною нитью проходитъ черезъ всѣ его сочиненія. Во всѣхъ своихъ трудахъ Тэнъ чрезвы-

великому мыслителю и неутомимому работнику, который самъ создалъ свой талантъ усиліями воли. Чтобы дать понятіе о терпѣніи и проницательности Тэна, онъ припоминаетъ анекдотъ, который самъ Тэнъ приводитъ въ своей книгѣ „De l'intelligence". Однажды гуляя въ какомъ-то публичномъ саду, Тэнъ встрѣтилъ бѣжавшаго мальчика. Послѣдній простиралъ руки по направленію заходившаго солнца и восклицалъ: „Bodu, coucou! Bodu, coucou"! Тэнъ остановился и пытался уяснить себѣ значеніе этихъ восклицаній. И, въ концѣ концовъ, онъ добился разгадки: мальчику солнце представлялось въ видѣ

водствомъ для будущихъ историковъ, которые могутъ почерпнуть въ нихъ множество разъясненій". Высокую оцѣнку даетъ Тэну, какъ человѣку, Е. М. де-Вогюе. „Моя жизненная карьера—пишетъ онъ—ставила меня не разъ лицомъ къ лицу съ титулованными особами, передъ которыми я склонялся согласно требованіямъ этикета, не всегда увлекаемый, однако, къ тому силою моей независимой воли. Но передъ Тэномъ, этимъ скромнымъ профессоромъ и его исхудалой фигурой я впервые почувствовалъ мощную силу уваженія, заставляющую преклонить предъ нимъ голову ниже, чѣмъ онъ того желаетъ;

Русскіе художники. — Закладка десятинной церкви св. Владиміромъ въ Кіевѣ. Картина профессора В. П. Верещагина.

Гравировалъ К. Вейерманъ.

Оригиналъ находится въ домовой церкви Е. И. В. великаго князя Владиміра Александровича.

предъ нимъ я ощутилъ впервые неизъяснимый и сладкій трепетъ, какъ предъ такимъ человѣкомъ, который возвышаетъ своего собесѣдника уже тѣмъ однимъ фактомъ, что онъ съ нимъ разговариваетъ... Какъ ни высоки были умственныя заслуги Тэна, истинное величіе его могло быть измѣрено только послѣ знакомства съ его душой, съ этой душой ребенка, милаго, наивнаго и сердечнаго. Въ глазахъ этого старца, который такъ много зналъ и много изучалъ, васъ поражалъ порою божественный взглядъ дитяти, то невѣроятное удивленіе, что отражается часто у ребенка при видѣ реальныхъ фактовъ, при видѣ зла, ироніи. Я не зналъ ни одного человѣка въ высокомъ положеніи, достигнутомъ Тэномъ, который отличался бы подобнымъ ему благороднымъ чувствомъ, нѣжнымъ сочувствіемъ ко всѣмъ человѣческимъ созданіямъ, который бы такъ опасался огорчить ближняго, оскорбить присущія ему честныя вѣрованія. Онъ нерѣдко высказывалъ, что ему собственно слѣдовало бы писать свои философскія сочиненія по латыни только для посвященныхъ, а иначе рискуешь причинить много зла другимъ людямъ". По мнѣнію Жюля Симона, Тэнъ всегда былъ для однихъ первоклассныхъ мыслителемъ, для другихъ же не болѣе какъ памфлетистомъ, и доктрины его создавали ему либо пламенныхъ поклонниковъ, либо ярыхъ противниковъ. И дѣйствительно, съ тѣхъ поръ, какъ Тэнъ сдѣлался извѣстенъ и ни одно изъ его сочиненій не проходило безъ того, чтобы не возбудить цѣлую сенсацію, — одни преклонялись предъ знаменитымъ ученымъ, другіе говорили о немъ чуть не съ пѣною у рта. Демократы негодовали на него за его освѣщеніе французскихъ событій 1790 годовъ, называли его реакціонеромъ; спиритуалисты подняли цѣлую бурю послѣ выхода знаменитаго труда его „Исторія англійской литературы", а епископъ орлеанскій упрекалъ Тэна за его атеизмъ, какъ будто бы выразившійся въ его доктринахъ, проникнутыхъ фатализмомъ и матеріализмомъ. Не были довольны Тэномъ и республиканцы, особенно послѣ появленія его книги „Du suffrage universel et de la manière de voter", въ которой онъ открыто и рѣшительно возставалъ противъ всенародной подачи голосовъ, а еще болѣе послѣ выхода его капитальнаго труда „Les origines de la France contemporaine", гдѣ Тэнъ высказалъ совершенно новый взглядъ и на старый режимъ, и на дальнѣйшія событія, и на созданные этими событіями и Наполеономъ порядки во Франціи, существующіе и понынѣ. Не менѣе республиканцевъ злобствовалъ на Тэна и лагерь бонапартистовъ за его характеристику наполеоновскаго времени въ сочиненіи „Le régime moderne", характеристику, между тѣмъ, вполнѣ безпристрастную и наиболѣе замѣчательную во всей исторической литературѣ. Эдмондъ Абу еще въ старшемъ классѣ Ecole normale, гдѣ Тэнъ воспитывался, называлъ Тэна: „Déjà réactionnaire", а другіе противники не иначе именовали его какъ „литературный аристократъ". Но Тэнъ, хотя и въ самомъ дѣлѣ питалъ сильную антипатію къ демократіи, въ сущности не принадлежалъ ни къ какой партіи, не былъ ни политикомъ, ни человѣкомъ дѣла. Онъ стоялъ совершенно въ сторонѣ, смотря на событія безстрастными глазами ученаго и подвергая эти событія безпощадному анализу; о чемъ бы онъ ни писалъ, онъ постоянно старался примѣнить свой извѣстный методъ, изобилующій доказательствами и массою поясненій. Научный методъ Тэна, которымъ онъ всегда пользовался въ своихъ работахъ, составлялъ одну изъ важнѣйшихъ заслугъ знаменитаго ученаго, заключается въ группировкѣ отдѣльныхъ фактовъ и явленій вокругъ одного центральнаго факта, являющагося исходнымъ пунктомъ изслѣдованія. Этотъ центральный фактъ служитъ какъ бы стволомъ, отъ котораго, наподобіе вѣтвей, расходятся отдѣльные частные факты. При характеристикѣ извѣстнаго лица, какъ, напримѣръ, историческаго писателя, такимъ фактомъ, по выраженію самого Тэна, является какая нибудь господствующая способность этого лица, отъ которой зависятъ уже всѣ прочія его способности. Всѣ историческія работы Тэна отличаются глубиною воззрѣній, большой эрудиціей и имѣютъ огромное значеніе. Особенно цѣнно его сочиненіе „Les origines de la France contemporaine", являющееся первой попыткой научнаго изученія извѣстныхъ французскихъ событій самими французами. До Тэна исторіей этихъ событій занимались преимущественно писатели, никакъ не хотѣвшіе отрѣшиться отъ исключительности партіонныхъ воззрѣній. Тэнъ высказалъ совершенно новый взглядъ на эти событія, рисуя широкую, поразительную картину въ новомъ настоящемъ освѣщеніи, подвергая безпощадному анализу какъ самые факты, такъ и идеи, послужившія основою этихъ событій, а равно и новые принципы, ими выдвинутые. Въ изложеніи Тьера, Мишле и Луи Блана многіе факты упомянутой исторической эпохи во Франціи получили чисто легендарный характеръ и поэтому мало по малу утратили истинный видъ. Нѣмецкому историку Генриху Зибелю, правда, удалось на основаніи архивныхъ матеріаловъ доказать неправильность большей части взглядовъ на эти событія упомянутыхъ французскихъ писателей и разсѣять ореолъ, которымъ Тьеръ и другіе окружали политику якобинцевъ, — но Тэнъ былъ первымъ историкомъ, ниспровергнувшимъ огромную массу легендарныхъ фактовъ и ложныхъ представленій относительно внутренняго хода упомянутыхъ событій. Онъ подошелъ къ ихъ изученію съ богатѣйшимъ запасомъ архивныхъ документовъ и всякихъ матеріаловъ и смѣло, блестящимъ образомъ возстановилъ истину, которая была столь затемнена измышленіями его многочисленныхъ предшественниковъ. Демократы пришли въ неописуемую ярость, когда Тэнъ выпустилъ эту свою книгу, имѣвшую огромный успѣхъ и во Франціи, и внѣ ея предѣловъ, но тщетно пытались опровергнуть геніальнаго историка-публициста. Это было слишкомъ трудно, почти невозможно, потому что у Тэна нѣтъ ничего голословнаго и всѣ выводы и сужденія о лицахъ и событіяхъ основаны на массѣ строгихъ фактическихъ доказательствъ. Поколебавъ такимъ образомъ значеніе трудовъ объ упомянутой исторической эпохѣ Тьера, Мишле и Луи Блана, Тэнъ оказалъ огромную услугу исторической наукѣ.

Ипполитъ-Адольфъ-Огюстъ Тэнъ, сынъ малоизвѣстнаго юриста, родился въ Узье, въ департаментѣ Арденнъ, 9-го (21-го) апрѣля 1828 года. Родители не оставили ему никакихъ средствъ къ жизни, и тщательное образованіе онъ получилъ лишь благодаря заботамъ болѣе состоятельнаго дяди своего, вернувшагося изъ Америки въ пору ранняго дѣтства Тэна. Онъ научилъ племянника говорить и читать по англійски и помѣстилъ его въ парижскую Collège Bourbon, откуда, блистательно окончивъ курсъ и получивъ премію по риторикѣ, Тэнъ, въ 1847 году, однимъ изъ первыхъ поступилъ въ Ecole Normale. Сверстниками его въ этой школѣ были Эдмондъ Абу, Францискъ Сарсе, Вейсъ и многіе другіе изъ извѣстныхъ впослѣдствіи французскихъ публицистовъ и ученыхъ. Эти сверстники единогласно свидѣтельствуютъ, что Тэнъ уже въ школѣ обращалъ на себя вниманіе и товарищей, и профессоровъ своими солидными знаніями, своимъ нравственнымъ характеромъ, внушая тѣмъ и другимъ неподдѣльное къ себѣ уваженіе, выражавшееся, между прочимъ, тѣмъ, что профессора называли его не иначе, какъ „monsieur Taine". Въ 1853 году онъ получилъ степень доктора словесности за свои сочиненія: „De personis Platonicis" и „Essai sur les fables de Lafontaine". Ему въ это время было всего 25 лѣтъ. Профессорской каѳедры въ Парижѣ Тэнъ, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, не могъ получить, а потому принужденъ былъ ограничиться преподавательскою дѣятельностью въ провинціи. Онъ былъ въ Неверѣ и Пуатье, и, когда его тѣснили все болѣе и болѣе изъ-за его взглядовъ, которыхъ начальство его не одобряло, и перевели молодого ученаго въ Безансонъ, Тэнъ не выдержалъ и вышелъ въ отставку. Онъ поселился въ Парижѣ, предался съ жаромъ ученымъ занятіямъ, слушалъ около трехъ лѣтъ лекціи въ музеѣ естественныхъ наукъ и въ медицинской академіи и, когда почувствовалъ себя достаточно подготовленнымъ, дебютировалъ въ „Revue de l'instruction publique". Его работы въ этомъ изданіи обратили на себя вниманіе, и онъ былъ приглашенъ сотрудничать въ „Revue des deux Mondes" и „Journal des Débats". Его критическія статьи, написанныя въ новомъ духѣ, производили среди читателей и въ литературномъ мірѣ сильное впечатлѣніе, но эти работы были лишь началомъ его славы, которая стала его спутницей съ тѣхъ поръ какъ Тэнъ издалъ свои книги: „Essais sur Tite-Live" и „Les philosophes français du XIX siècle" — наиболѣе характерныя и замѣчательныя изъ его произведеній. Затѣмъ слѣдовалъ длинный рядъ болѣе или менѣе капитальныхъ и разнообразныхъ трудовъ Тэна, внесшихъ новыя положенія въ теорію искусства и въ критику, которыя самостоятельно освѣтили наиболѣе важныя эпохи въ исторіи мысли. Кромѣ этюдовъ о Расинѣ, Бальзакѣ, Карлейлѣ, Теннисонѣ, Драйденѣ, Поппѣ онъ написалъ, помимо упомянутыхъ ранѣе, слѣдующія сочиненія: „Histoire de la littérature anglaise", „Les écrivains actuels de l'Angleterre", „L'Idéal dans l'art", „Philosophie de l'art", „Voyages aux eaux des Pyrénées". „Philosophie de l'art en Italie", „Philosophie de l'art en Grece", „Voyage en Italie, Naples, Rome, Florence, Vénise", „De l'intelligence", и проч. За свою исторію англійской литературы Тэнъ долженъ былъ получить премію отъ французской академіи, но Викторъ Кузенъ возсталъ противъ автора, котораго онъ обвинилъ въ вольнодумствѣ и прочихъ сомнительныхъ прегрѣшеніяхъ, и преміи Тэну не дали. Въ вознагражденіе за это онъ, по желанію самаго Наполеона III, весьма къ нему благоволившаго, былъ назначенъ профессоромъ эстетики въ Ecole des beaux arts въ 1864 году. Однако спустя нѣсколько дней министръ народнаго просвѣщенія уволилъ его. Но тутъ лучшая часть французскаго общества энергично запротестовала противъ этой мѣры, и каѳедра была возвращена Тэну. Когда Шарль Ломени умеръ въ 1878 г., Тэнъ занялъ его кресло во французской академіи. Кромѣ того онъ состоялъ докторомъ оксфордскаго университета и былъ кавалеромъ Почетнаго Легіона. Почти всѣ болѣе или менѣе выдающіеся труды Тэна переведены по русски, и вся интеллигентная Россія, наравнѣ съ остальною Европой, также прекрасно знаетъ и цѣнитъ этого великаго просвѣтителя человѣчества, просвѣтителя въ самомъ широкомъ и благородномъ смыслѣ слова.

ПОЛИТИКА

8 (20) марта 1893 г.

Въ прошлый вторникъ, день восшествія на престолъ Государя Императора, публика наша узнала изъ „Правительственнаго Вѣстника" знаменательныя слова, которыми открылъ двадцать дней передъ тѣмъ первое засѣданіе комитета сибирской желѣзной дороги августѣйшій предсѣдатель этого комитета, Наслѣдникъ Цесаревичъ. Его Императорское Высочество заявилъ, что онъ взираетъ „съ душевнымъ трепетомъ" на величіе предстоящей комитету задачи, но рѣшается принять порученіе горячо любимаго имъ отца, побуждаемый на это „любовью къ родинѣ" и пламеннымъ желаніемъ послужить ея благоденствію. Подобныя заявленія, сдѣланныя съ той высоты, на которой стоитъ августѣйшій предсѣдатель комитета сибирской желѣзной дороги, не забываются и не проходятъ безслѣдно. Для каждаго истиннаго русскаго они служатъ ручательствомъ за успѣшный ходъ великаго предпріятія, осуществленіе котораго оставитъ неизгладимый слѣдъ въ исторіи цивилизаціи конца нынѣшняго столѣтія. Въ тотъ вожделѣнный день, когда оконченная постройка сибирской желѣзной дороги соединитъ непрерывнымъ рельсовымъ путемъ Атлантическій и Тихій океаны, не только экономическая, но и политическая физіономія Европы измѣнится до неузнаваемости, поставивъ весь Западъ въ зависимыя до извѣстной степени отношенія къ Россіи. Мысль, что съ этимъ великимъ подвигомъ цивилизаціи будетъ неразрывно связано имя нынѣшняго наслѣдника россійскаго престола, должна уже отнынѣ наполнить благородною гордостью сердца всѣхъ русскихъ людей.

Конецъ минувшей недѣли ознаменовался въ области нашей внутренней политики другимъ отраднымъ событіемъ первенствующей важности. Стало извѣстно оффиціальнымъ путемъ, что по личному желанію Государя Императора съ нынѣшняго же года должны будутъ вноситься постепенно увеличиваемыя ассигновки на улучшеніе быта русскаго православнаго духовенства. Эти начинающіяся отнынѣ ассигновки начнутся съ суммы въ 250.000 р. и должны будутъ быть постепенно возвышаемы до тѣхъ поръ, пока не достигнутъ 6,000.000 руб. въ годъ, распредѣляемыхъ между 20,000 православныхъ приходовъ, духовенство которыхъ получаетъ въ настоящее время недостаточное содержаніе. Что начатое плодотворное дѣло будетъ доведено неуклонно до конца, за это ручаются слова Государя Императора, послужившія отвѣтомъ на всеподданническое выраженіе глубочайшей признательности Святѣйшаго Синода. Державный вождь русскаго народа заявилъ въ этомъ отвѣтѣ, что Онъ „будетъ вполнѣ радъ", когда ему удастся „обезпечить *все* сельское духовенство" Россіи. Всякія комментаріи къ этимъ Высочайшимъ словамъ мы считаемъ излишними, потому что они говорятъ сами за себя.

На западѣ политическая жизнь представляла за послѣдніе семь дней весьма живой и разнообразный интересъ. Въ Германіи военная коммиссія рейхстага рѣшительно отвергла во второмъ чтеніи правительственный проектъ военной реформы послѣ того, какъ имперскій канцлеръ, графъ Каприви, выразилъ полное несогласіе правительства принять предложеніе національ-либераловъ и католическаго центра, соглашавшихся усилить численность герман-

ской арміи, но въ размѣрахъ слабѣйшихъ, чѣмъ это считаетъ необходимымъ правительство. Съ половины недѣли въ Берлинѣ сильно распространилось убѣжденіе, что военный законопроектъ, не принятый обсуждавшею его предварительно коммиссіею, будетъ отвергнутъ и самымъ рейхстагомъ.

Извѣстія, приходившія за послѣдніе дни изъ Австро-Венгріи, имѣли весьма неопредѣленный и въ извѣстномъ смыслѣ смутный характеръ. Ходили слухи, что императоръ Францъ-Іосифъ крайне недоволенъ оборотомъ, который принимаютъ политическія дѣла въ Венгріи, гдѣ ультра-національная оппозиція, дѣйствуя за одно съ католическою партіею, энергически противится всѣмъ начинаніямъ министерства Векерле. Такъ какъ одновременно съ этимъ обнаруживается полное безсиліе австрійскаго министерства Таафе образовать правительственное большинство въ рейхсратѣ, то начинаетъ уже ходить какая-то загадочная сплетня о мнимомъ намѣреніи императора Франца-Іосифа отречься отъ престола. Упомянуть объ этой сплетнѣ мы считаемъ необходимымъ вовсе не потому, чтобы вѣрили ей, а единственно потому, что она является характернымъ симптомомъ того хаотическаго состоянія, въ которомъ находится нынѣ двуединая монархія Габсбурговъ.

Извѣстія изъ Англіи заставляютъ догадываться, что консерваторы слишкомъ поторопились радоваться рѣшимости Гладстона отложить до окончанія праздниковъ пасхи второе чтеніе ирландскаго билля. Въ Лондонѣ начинаютъ теперь видѣть въ этой отсрочкѣ мастерской, чуть ли не „геніальный“ парламентскій маневръ главы либеральнаго министерства. Дѣло въ томъ, что еслибы вторичныя пренія объ ирландскомъ биллѣ начались передъ пасхою, т. е. на этихъ дняхъ, то ихъ невозможно было бы окончить передъ пасхальными вакаціями, и во время неизбѣжнаго перерыва консерваторы имѣли бы возможность вліять на умы націи обсужденіемъ аргументовъ правительства и либеральнаго большинства въ пользу ирландскаго билля. Теперь же, во время перерыва парламентскихъ засѣданій противникамъ этого билля придется имѣть дѣло съ однимъ его голымъ текстомъ, не зная тѣхъ объясненій этого текста, которыя представятъ Гладстонъ и другіе ораторы большинства, и это окажется несомнѣнно выгоднымъ для правительства. Нездоровье Гладстона тѣмъ временемъ миновало и въ концѣ прошлой недѣли онъ уже снова появился въ парламентѣ.

Политическая жизнь Франціи ознаменовалась на этихъ дняхъ совершенно неожиданнымъ и очень важнымъ событіемъ — скоропостижною смертью, только что вернувшагося на политическую арену, недавно избраннаго президента сената Жюля Ферри, который скончался вечеромъ въ прошлую пятницу отъ разрыва сердца, въ самомъ разгарѣ втораго панамскаго процесса, не перестающаго изобиловать сенсаціонными „инцидентами“. Смерть Жюля Ферри освобождаетъ нынѣшняго президента республики отъ очень опаснаго конкурента. Умершему правительство готовится воздать высокія похоронныя почести, но врядъ ли въ глубинѣ души оно искренно скорбитъ объ этой утратѣ. Лишившись Жюля Ферри, сенатъ еще разъ теряетъ возвратившееся было къ нему серьезное политическое значеніе, а противникамъ г-на Карно и нынѣшняго министерства республики становится гораздо труднѣе вести свою агитацію.

О ходѣ втораго панамскаго процесса мы не станемъ распространяться. Ко времени появленія нашей хроники въ печати онъ, вѣроятно, будетъ уже конченъ и отъ приговора суда присяжныхъ будетъ вполнѣ зависѣть то, каковы окажутся его политическія послѣдствія. Во всякомъ случаѣ можно ожидать, что правительство серьезно займется по окончаніи этого процесса вопросомъ о досрочномъ распущеніи палаты депутатовъ окончательно утратившей, повидимому, и способность, и желаніе заниматься серьезнымъ дѣломъ.

Изъ Италіи на прошлой недѣлѣ не получалось никакихъ выдающихся политическихъ извѣстій. Выборы въ Испаніи дали, какъ и слѣдовало ожидать, большинство, благопріятное министерству, но зато усилили численность республиканской партіи въ Партесахъ. Что же касается до выборовъ въ сербскую скупщину, то еще до сихъ поръ нѣтъ возможности опредѣлить достовѣрнымъ образомъ, кто одержалъ верхъ — либеральное ли министерство или радикальная партія, такъ какъ обѣ борющіяся стороны настойчиво приписываютъ себѣ побѣду, и уже ходятъ слухи о томъ, что правительство ищетъ вступить въ соглашеніе съ радикалами.

Академическая выставка

Нынѣшняя академическая выставка такъ богата картинами, малыми и большими, производящими впечатлѣніе и совершенно не производящими никакого впечатлѣнія, что разобраться въ ней довольно трудно; еще труднѣе быть полнымъ въ отчетѣ: при такомъ количествѣ — навѣрное что нибудь забудешь, а можетъ быть забудешь что нибудь даже и достойное вниманія.

Входя на выставку, зритель прежде всего останавливаетъ свое вниманіе на огромной картинѣ г. Карелина „Алеша Поповичъ“. Художникъ, повидимому, принадлежитъ къ новой школѣ, отступаетъ отъ обычной техники и не придерживается живописной традиціи. Однако желтоватый тонъ всей картины производитъ не особенно пріятное впечатлѣніе, рисунокъ неясенъ, рельефъ тоже совершенно утраченъ и самая фигура Алеши нѣсколько тщедушна и мало отвѣчаетъ народному представленію. Къ совершенно другому полюсу живописной техники принадлежитъ картина г. Берндтсона „Пріемъ Дидро императрицею Екатериною II“. Картина небольшая; написана она необычайно тщательно, старательно, и въ общемъ талантливо. Пріятный колоритъ, правильный, тщательный рисунокъ и въ особенности удачная композиція производятъ пріятное впечатлѣніе. Въ одной изъ небольшихъ залъ зимняго дворца на креслѣ сидитъ императрица; вошедшій Дидро низко кланяется; сюжетъ картины этимъ и ограничивается. Читатель видитъ, что онъ не блещетъ богатствомъ содержанія. Несравненно интереснѣе картина г. Бакаловича „Пари за гладіатора“. На этотъ разъ талантливый художникъ представилъ намъ подземелье цирка, куда публика спускается, въ промежутокъ между играми, чтобы осматривать гладіаторовъ и держать за нихъ пари. Подземелье, дѣйствительно, переполнено и публикой, и гладіаторами. Публика состоитъ, по преимуществу, изъ римскихъ дамъ въ различныхъ, богатыхъ костюмахъ; тутъ много очень характерныхъ фигуръ. Нѣсколько гладіаторовъ въ различныхъ позахъ представляютъ великолѣпнѣйшее зрѣлище: громаднаго роста, съ первобытными германскими лицами, нѣсколько звѣрскими, съ страшной мускулатурою, напоминающею нѣкоторыя фигуры Микель-Анджело. Выполнена картина также замѣчательно талантливо; несмотря на множество фигуръ, которыя художникъ принужденъ былъ помѣстить на небольшомъ пространствѣ, — композиція оказалась прекрасной. Это одна изъ лучшихъ картинъ всей выставки. А. А. Свѣдомскій прислалъ также картину изъ древне-римской жизни. Это—„Ворота Вольтерры въ Этруріи“. Черезъ ворота идетъ толпа плѣнныхъ рабовъ въ сопровожденіи воиновъ. Тутъ опять таки мы имѣемъ цѣлый рядъ превосходныхъ типовъ въ прекрасной группировкѣ; аксесуары также хороши. Другая картина г. Свѣдомскаго „На развалинахъ дворца Нерона въ Анціумѣ“ — менѣе удачна.

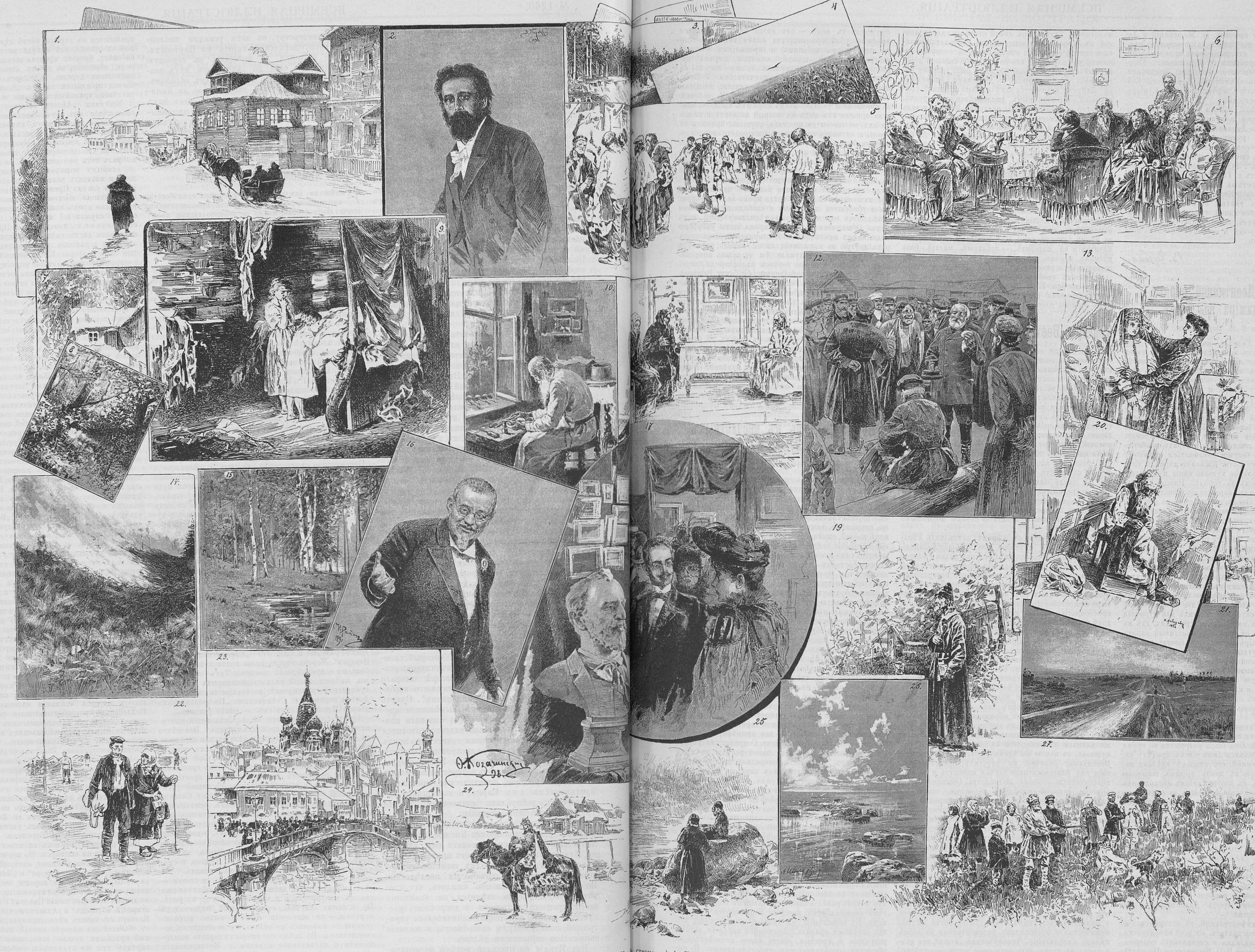
Братъ г. Свѣдомскаго, П. А. Свѣдомскій выставилъ „Ярилину ночь у древнихъ славянъ“. Это нѣчто въ родѣ хоровода молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ въ живописныхъ костюмахъ, пляшущихъ вокругъ костра, ночью передъ первобытной, грубой статуей Ярилы. Нѣкоторыя позы дѣвушекъ очень граціозны. Картина обращаетъ на себя вниманіе красивымъ освѣщеніемъ, но выраженія лицъ нѣсколько утрированы. Я бы тоже сказалъ и о картинѣ г. Саксена „Компрометированный“. Въ комнатѣ, освѣщенной нѣсколькими лампами, только что окончилась картежная игра и происходитъ какая-то, довольно, впрочемъ, непонятная драма: повидимому, одного изъ игроковъ другіе обличили въ мошенничествѣ во время игры; обвиненный стоитъ у стола, въ сторонѣ, съ злымъ и сконфуженнымъ лицомъ и смотритъ на уходящую даму. Впрочемъ, можетъ быть этотъ господинъ и не обвиняется въ мошенничествѣ; можетъ быть, дама — его жена, обличающая его въ невѣрности или что нибудь въ этомъ родѣ. Во всякомъ случаѣ, существенный недостатокъ картины — ея неясность. Лица довольно выразительны, но живопись не отличается особенными достоинствами. Но всѣхъ отношеніяхъ гораздо выдержаннѣе и талантливѣе картина г. Котляревскаго „Раннее утро за городомъ“. Картина представляетъ снѣжную поляну на опушкѣ лѣса; брежжется зимнее утро; по дорогѣ мчится лихая тройка съ сѣдоками въ богатыхъ шубахъ; они, повидимому, возвращаются въ городъ, послѣ цѣлой ночи, проведенной въ кутежѣ гдѣ нибудь за городомъ; у дороги, по снѣгу, бредетъ простая женщина, идущая въ городъ, вѣроятно, на работу. Этотъ контрастъ переданъ очень хорошо. Живопись точно также отличается пріятнымъ тономъ. Довольно сильное впечатлѣніе производитъ также и большая картина г. Маймана: „Арестъ богатаго марана во время совершенія имъ обряда ветхозавѣтной пасхи“. Это — эпизодъ изъ временъ инквизиціи въ Испаніи. Мараны, офиціально исповѣдующіе католическую вѣру, втайнѣ продолжали придерживаться вѣры отцовъ, за что подвергались гоненіямъ. Художникъ выбралъ тотъ моментъ, когда, во время чтенія Библіи старымъ мараномъ, инквизиція врывается въ домъ и хватаетъ различные предметы богослуженія въ видѣ улики. Превосходна фигура стараго марана въ бѣломъ костюмѣ, сидящаго на диванѣ и невозмутимо продолжающаго читать Библію во время свалки служителей инквизиціи съ маранами, участвовавшими въ праздновании. Превосходенъ также контрастъ двухъ свѣтовъ — искусственнаго освѣщенія залы и ранняго утра, врывающагося въ открытыя окна и двери. Единственный недостатокъ, въ которомъ можно было бы упрекнуть автора, заключается въ томъ, что картина по колориту нѣсколько темновата, такъ что многія детали (вообще же превосходныя) почти невозможно разглядѣть. Значительно больше недостатковъ мы встрѣчаемъ въ картинѣ г. Маковскаго (А. В.) „Молодые“. Представьте себѣ вагонъ перваго класса: сидятъ дама и молодой офицеръ, очевидно, только что повѣнчавшіеся и теперь отправляющіе въ voyage d'agrément. Молодой мужъ взялъ за руку жену; онъ видимо находится въ припадкѣ нѣжности; но этого нельзя сказать о женѣ, которая не то стыдливо, не то съ отвращеніемъ отвернулась отъ него. Жена не красива, а мужъ — мужъ какой-то непріятный блондинъ. Не особенно удачна и картина г. Мазуровскаго „Турниръ“. Зато маленькая картинка г. Степанова „Пиръ у Лауры“ (изъ пушкинскаго „Каменнаго гостя“) производитъ пріятное впечатлѣніе. Въ этой сценкѣ много жизни и движенія; граціозная фигурка поющей Лауры, — очень удалась художнику. Другія лица также хорошо поставлены и въ особенности хорошъ по своей естественности и непринужденности Донъ-Жуанъ.

Изъ множества другихъ жанровъ упомяну о картинахъ гг. Платонова, Гольдмана, Нестерова, Аскназія, Гелера, Киселева, Гросмана, Голынскаго, Винцмана. Г. Корзухинъ, изъ рѣдко участвующихъ на нашихъ выставкахъ, прислалъ на этотъ разъ весьма удачную бытовую картину, — „Бабушкинъ праздникъ“. На диванѣ сидитъ добродушный старый священникъ, только что, повидимому, отслужившій молебенъ. Рядомъ съ нимъ — виновница торжества, бабушка, довольная, улыбающаяся старушка. Одинъ изъ внуковъ подходитъ къ ней съ поздравленіемъ, держа въ рукахъ подарокъ; нѣсколько въ сторонѣ — причетникъ и служанка. Картина производитъ пріятное впечатлѣніе въ особенности веселымъ видомъ комнаты, освѣщенной лучами солнца. Недурна также картина г. Савелова: „Алчущіе и жаждущіе“ (у паперти кронштадтскаго собора). У дверей собора мы видимъ толпящуюся разношерстную публику, — мужчинъ, женщинъ дѣтей. Они ждутъ, надо полагать, выхода отца Іоанна. Картина, впрочемъ, обращаетъ на себя вниманіе исключительно типами, дѣйствительно, очень удачно подобранными художникомъ.

Такъ называемыхъ военныхъ и батальныхъ картинъ на нынѣшней выставкѣ не много. Между ними, какъ всегда на академическихъ выставкахъ, обращаютъ на себя вниманіе маленькія картинки г. Виллевальде, разрабатывающаго свой прежній сюжетъ — сцены изъ наполеоновскихъ войнъ. Изъ другихъ художниковъ, работающихъ въ этомъ направленіи укажу на гг. Ковалевскаго, Блинова и Дмитріева-Оренбургскаго. Въ этомъ отдѣлѣ заслуживаетъ по преимуществу вниманія большая батальная картина г. Розена „Штурмъ Госпенталя 24 сентября 1799 г.“ Это — эпизодъ изъ перехода Суворова черезъ Альпы. Въ картинѣ много движенія, въ особенности хорошъ альпійскій пейзажъ.

Портреты нынѣшней выставки не отличаются количествомъ. Лучшіе изъ нихъ гг. Кошелева и Липгарта. Г. Кошелевъ написалъ удачный и довольно похожій портретъ В. П. Буренина.

Какъ и всегда пейзажъ занимаетъ по количеству первое мѣсто на выставкѣ. Но первое мѣсто принадлежитъ И. К. Айвазовскому, который выставилъ двѣ картины: „Средиземное море“ и „Черное море“. Обѣ картины замѣчательно хороши, но, конечно, уступаютъ картинамъ того же художника, выставленнымъ во дворцѣ великаго князя Николая Николаевича: „Ніагарскій водопадъ“ и „Атлантическій океанъ“. Ю. Ю. Клеверъ выставилъ нѣсколько прекрасныхъ картинъ въ обычной его манерѣ: зимній пейзажъ, освѣщаемый красными лучами заходящаго солнца. Другія картины того же художника, изображающія лѣто — также интересны и удачны. Въ особенности одна — „Водяныя лиліи“ обращаетъ на себя вниманіе прекрасными, мягкими колоритами. Нѣкоторые корифеи нашего пейзажа тоже участвуютъ на нынѣш



1) И. М. Прянишниковъ — »У тихой пристани«. 2) В. Е. Маковскій — портретъ С. А. Коровина. 3) И. И. Левитанъ — »Лѣсистый берегъ«. 4) А. Н. Шиль[...] степи«. 5) А. Е. Архиповъ — »По этапамъ«. 6) Г. Г. Мясоѣдовъ — »Новыя истины«. 7) С. И. Свѣтославскій — »Зимка«. 8) Г. Г. Мясоѣдовъ — »Осеннее утро«. 9) К. В. Лемохъ — »Захворала«. 10) В. Н. Мѣшковъ — »Келейный трудъ«. 11) В. Н. Бакшеевъ — »За совѣтомъ«. 12) С. А. Коровинъ — »На міру«. 13) К[...]въ — »Въ опочивальнѣ«. 14) И. И. Левитанъ — »Лѣсной пожаръ«. 15) Е. Е. Волковъ — »Тишина«. 16) И. Е. Рѣпинъ — портретъ В. Д. Спасовича. 17) У входа на выставку. 18) Л. В Позенъ — бюстъ Г. Г. Мясоѣдова. 19) Н. А. Касаткинъ — »Послѣднее желаніе«. 20) К. В. Лебедевъ — »Старикъ«. 21) И. И. Леви[...]ладимірка — большая дорога«. 22) А. Е. Архиповъ — »Проводы«. 23) С. И. Свѣтославскій — »Москва«. 24) В. А. Сомовъ — »Служилый«. 25) Н. Н. Дубовскій — »Внѣ монастыря«. 26) А. Н. Шильдеръ [...]7) А. С. Степановъ — »Общественная облава«.

С.-Петербургъ. — XXI-я передвижная выставка тов[...]ества передвижныхъ художественныхъ выставокъ.

Рисовалъ для »Все[...]страціи« Ѳ. Козачинскій.

ней выставкѣ, между прочимъ, гг. Мещерскій и Лагоріо. Г. Мещерскій выставилъ даже довольно много пейзажей, между которыми есть превосходные. Упомяну также о картинахъ гг. Крыжицкаго, Егорнова, Вельца, Красовскаго, Феддерса, Васильковскаго, Сала, Галимскаго, Сейтгофа, Берггольца, Безверхова, Ціонглинскаго, Сверчкова и г-жи Куріаръ. Многія изъ нихъ прелестны.

Скульптурный отдѣлъ, какъ и всегда, бѣденъ количествомъ. Нѣсколько женскихъ головокъ (терракоты) выставила г-жа Диллонъ. Княжна Крапоткина выставила недурную группу изъ воска „Тифлисская арба". Очень интересна статуэтка г. Сала „Доволенъ собой". Г. Бахъ выставилъ двѣ статуи: „Весна" и „Спящая красавица". Лучшія скульптурныя произведенія принадлежатъ г. Гинцбургу; на этотъ разъ онъ выставилъ портретныя статуэтки гг. Верещагина, Струкова, Римскаго-Корсакова и Чайковскаго. Эти статуэтки очень удачны по лѣпкѣ, правдивы, характерны. Жаль, что такой талантливый скульпторъ, какъ Гинцбургъ, ограничивается мелкимъ скульптурнымъ жанромъ и не займется болѣе значительными задачами.

В. Чуйко.

Закладка Десятинной церкви св. Владиміра въ Кіевѣ

Картина В. П. Верещагина

После завоеванія Галиціи, въ 982 или 983 году (точный годъ намъ неизвѣстенъ), великій князь Владиміръ, тогда еще язычникъ, увѣнчанный побѣдой и славой, хотѣлъ принести благодарность идоламъ и кровью человѣческою обагрить алтари. Для этого онъ, по совѣту бояръ и старцевъ, повелѣлъ бросить жребій, кому изъ кіевскихъ отроковъ и дѣвицъ долженствуетъ погибнуть въ удовольствіе мнимыхъ боговъ. Жребій палъ на юнаго варяга, отецъ котораго былъ христіаниномъ. Посланные объявили имъ о такомъ рѣшеніи великаго князя и старцевъ. Отецъ и сынъ стали защищаться, говорить о заблужденіи язычниковъ, о безуміи поклоняться тлѣнному дереву вмѣсто живаго Бога. Кіевляне терпѣли христіанство, но всенародное хуленіе вѣры ихъ произвело всеобщій мятежъ въ городѣ. Народъ возмутился, разрушилъ домъ варяжскаго христіанина и требовалъ жертвы. Отецъ, держа сына за руку, съ твердостью сказалъ: „Ежели идолы ваши дѣйствительно боги, то пусть они сами извлекутъ его изъ моихъ объятій". Народъ въ ярости умертвилъ сына и отца, которые были, такимъ образомъ, первыми и послѣдними мучениками христіанства въ языческомъ Кіевѣ. Лѣтъ черезъ тринадцать послѣ этого событія, сохранившагося въ памяти народной и въ лѣтописяхъ, въ 996 году, уже послѣ водворенія христіанства на Руси, Владиміръ, сдѣлавшись христіаниномъ и построивъ деревянную церковь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Перунъ, призвалъ изъ Константинополя искусныхъ зодчихъ для строенія каменнаго храма во имя Богоматери, тамъ, гдѣ въ 983 году пострадалъ за вѣру благочестивый варягъ и сынъ его. Владиміръ отдалъ въ новую церковь икону, кресты и сосуды, взятые имъ въ Херсонѣ; велѣлъ служить въ ней херсонскимъ іереямъ; поручилъ ее любимцу своему Анастасу; постановилъ брать ему *десятинную* часть изъ собственныхъ доходовъ княжескихъ и клятвенною грамотою обязалъ своихъ наслѣдниковъ исполнять этотъ законъ и на будущее время. Церковь поэтому и была названа *Десятинною*.

Развалины Десятинной церкви Рождества Богородицы находятся въ старомъ городѣ Кіевѣ, близъ церкви Андреевской. Она была разрушена во время нашествія Батыя. Остался лишь одинъ придѣлъ ея. На внѣшней, полуденной, его сторонѣ вдѣлана каменная доска, длиною въ шесть аршинъ, шириною въ четверть аршина, съ изображеніемъ нѣсколькихъ выпуклыхъ буквъ, значеніе которыхъ до сихъ поръ не удалось раскрыть, такъ какъ доска составлена изъ трехъ обломковъ, отысканныхъ въ развалинахъ старой церкви и вставленныхъ въ стѣну придѣла, по всей вѣроятности, неправильно. Существуетъ преданіе, сохранившееся и въ „Книгѣ Степенной", которое разсказываетъ, что Владиміръ и кіевскій митрополитъ со всѣмъ священнымъ соборомъ, со множествомъ народа, псалмопѣніемъ, свѣщами и кадилами, пришли на мѣсто, гдѣ лежало тѣло святой Ольги, вырыли его, увидѣли нетлѣнныя мощи, перенесли ихъ въ десятинную церковь Богородицы и положили въ каменномъ гробѣ. Дальнѣйшая судьба этихъ мощей неизвѣстна.

Закладка этой замѣчательной, въ историческомъ отношеніи, церкви состоялась, по всей вѣроятности, въ 990 году. Эта закладка и составляетъ содержаніе картины профессора В. П. Верещагина. На мѣстѣ, гдѣ должна быть построена церковь, вдѣланъ въ фундаментъ небольшой камень съ вырѣзаннымъ на немъ крестомъ. Св. Владиміръ прикалачиваетъ его молоткомъ. Тутъ же съ лѣвой стороны виденъ аналой съ крестомъ, и митрополитъ собирается освятить святой водой это мѣсто. За нимъ — группа духовенства, а рядомъ кто-то держитъ большой деревянный крестъ, который долженъ быть тутъ же водруженъ. Далѣе, народъ съ хоругвями, иконами и пр. Картина отличается замѣчательно красивой композиціей, гармоничнымъ распредѣленіемъ группъ, красотой и правильностью рисунка. Какъ и всегда въ своихъ историческихъ картинахъ, при полной археологической точности и сохраненіи такъ называемаго мѣстнаго колорита, профессоръ В. П. Верещагинъ избѣгаетъ грубыхъ эффектовъ и крайней типичности; онъ строго придерживается такъ называемаго grand style, какъ въ распредѣленіи фигуръ и группъ, такъ и въ очертаніяхъ лицъ; въ его картинѣ нѣтъ ничего банальнаго и вульгарнаго, напоминающаго нашъ современный реализмъ. Выраженіе лицъ строго, благородно и серьезно; черты правильны и красивы. Въ особенности хороши на первомъ планѣ фигуры св. Владиміра и человѣка изъ народа, помогающаго ему въ закладкѣ. Въ полной гармоніи съ этими техническими достоинствами картины находится и ея колоритъ, — пріятный, мягкій, безъ рѣзкихъ тоновъ, свѣтлый, вполнѣ соотвѣтствующій содержанію и сюжету.

Оригиналъ этой картины находится въ домовой церкви дворца Е. И. В. великаго князя Владиміра Александровича. Картина была окончена художникомъ въ 1881 году.

Теодоръ Вестмаркъ и его наблюденія

Когда Стенли снаряжалъ свою послѣднюю африканскую экспедицію на выручку Эмина-паши, къ нему обращалось много лицъ, просившихъ принять ихъ въ составъ экспедиціоннаго отряда. Эти добровольцы, частію этнографы и натуралисты, частію просто любители сильныхъ ощущеній, вносили даже болѣе или менѣе значительныя суммы въ пользу задуманнаго предпріятія. Немалое число волонтеровъ нашло себѣ могилу въ дебряхъ африканскихъ лѣсовъ и пустынь; другіе выдержали, перенесли всѣ неисчислимыя трудности этого замѣчательнаго шествія напроломъ сквозь дѣвственные лѣса центральной Африки и впослѣдствіи явились въ европейской печати съ своими отчетами о знаменитой экспедиціи. Къ числу такихъ героевъ, вышедшихъ цѣлыми и невредимыми изъ этой гибельной экспедиціи, относится и шведскій путешественникъ Теодоръ Вестмаркъ, въ настоящее время находящійся въ Петербургѣ и читающій лекціи о своихъ дорожныхъ приключеніяхъ.

Вестмаркъ провелъ въ Африкѣ пятнадцать мѣсяцевъ. Особенный интересъ его сообщеній заключается въ томъ, что онъ имѣлъ случай долго и близко наблюдать одно изъ людоѣдскихъ племенъ внутренней Африки. Это племя, Бангала, обитаетъ по среднему теченію Конго. Бангала — очень стройные, крѣпкіе, мужественные люди. Весь народецъ раздѣляется на четыре общественныхъ класса; во главѣ племени стоятъ аристократы—*монанга*, изъ среды которыхъ происходитъ и царекъ племени; за ними слѣдуютъ *мукунги* — нѣчто въ родѣ богатой буржуазіи, далѣе идутъ простые смертные—свободные граждане страны—*н'сомми* и, наконецъ, несчастные паріи—*момбо*, рабы, пріобрѣтаемые по большей части въ видѣ военной добычи. Само собою разумѣется, что эти злополучные момбо трактуются своими собственными, какъ домашняя скотина, какъ и у всѣхъ вообще рабовладѣльческихъ племенъ, но бангала не только пользуются работою своихъ рабовъ, а сверхъ того еще и ѣдятъ ихъ, приравнявъ ихъ, такимъ образомъ, безъ малѣйшаго ограниченія и изъятія, къ другимъ породамъ домашнихъ животныхъ. Бангала ѣдятъ людей съ такою же наивною увѣренностью въ своихъ правахъ на это кушанье, съ какою мы ѣдимъ рыбъ, куръ, барановъ. Вестмаркъ, конечно, не упустилъ представившагося ему благопріятнаго случая вникнуть и въ психологическую сторону людоѣдства. Обыкновенно у другихъ дикарей-людоѣдовъ удавалось открывать какіе нибудь особенные поводы къ пожиранію себѣ подобныхъ, такъ, напр., у нѣкоторыхъ племенъ оказалось очень распространеннымъ убѣжденіе, что вмѣстѣ съ мясомъ пожираемаго пожирающій вноситъ въ себя духъ своей жертвы — силу, храбрость, ловкость, хитрость; другія племена устраивали людоѣдскія оргіи только послѣ битвъ съ врагами, причемъ пожираніе этихъ послѣднихъ представляло что-то вродѣ тріумфа мщенія. Словомъ, людоѣдство вездѣ оказывалось съ чѣмъ нибудь связаннымъ, къ чему нибудь пріуроченнымъ, вытекающимъ изъ какого нибудь повѣрья, преданія или сильнаго движенія души. Ничего подобнаго не удалось подмѣтить у Бангала; здѣсь людоѣдство—статья чисто гастрономическая и превосходно разработанная въ этомъ направленіи. Человѣческая „туша" вся разчленена на части; тутъ есть свои сорта — вырѣзки, филеи, лакомые кусочки; тутъ тщательно различают ся нѣжное молодое мясо отъ стараго и тощаго. Назначеннаго на убой раба выдерживаютъ долгое время въ водѣ, — отъ этого мясо становится вкуснѣе; убой производится опять таки по тонко изученнымъ пріемамъ и преданіямъ мѣстной гастрономической школы: сначала жертвѣ перебиваютъ кости на рукахъ и на ногахъ, а потомъ уже добиваютъ его окончательно. У Вестмарка были слуги изъ племени хаусса; однажды онъ послалъ двухъ изъ нихъ въ сосѣднюю деревню за припасами; увидѣвъ этихъ жирныхъ пословъ, бангала пришли отъ нихъ въ полный восторгъ и рѣшили ихъ, во что бы то ни стало, скушать, притомъ не сразу, а оставивъ про запасъ на предстоявшее торжество; бѣдныхъ хаусса выручилъ мѣстный царекъ, рѣшившійся спасти ихъ въ надеждѣ на награду отъ своего бѣлаго друга. О людоѣдствѣ бангала свидѣтельствуетъ также Гербертъ Уардъ, долго жившій въ той мѣстности. Людоѣдство принимаетъ здѣсь видъ настоящей оргіи при кончинѣ царьковъ или другихъ знатныхъ людей; тогда кровь льется рѣкою, рабы убиваются десятками и свободные обыватели объѣдаются ихъ мясомъ по нѣскольку дней подъ рядъ. Обыкновенно въ это время жены умершаго поднимаютъ неистовый вой, стараясь перещеголять одна другую въ выраженіи своей печали; горе той изъ нихъ, которая вздумала бы выказать хотя малѣйшее равнодушіе; ее тотчасъ заподозрили бы въ отравленіи супруга и подвергли бы суду Божьему посредствомъ яда. Съ богатымъ покойникомъ зарываютъ живьемъ его любимыхъ женъ и слугъ. Казати разсказываетъ, что съ умершимъ королемъ Камрази (въ странѣ Уніоро) были зарыты шесть женщинъ и мальчикъ, обыкновенно прислуживавшій покойному при куреніи табака; ребенка такъ и зарыли съ трубкою и посудиною съ табакомъ въ рукахъ. У бангала тризна справляется въ болѣе широкомъ масштабѣ; здѣсь иногда на похоронахъ богатаго человѣка убиваютъ до 50 женщинъ, рабовъ и дѣтей. Половина этого убоя закапывается вмѣстѣ съ останками покойника, а половина съѣдается участниками похоронной церемоніи.

Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ

Лекціи доктора Г. И. Тернера

Повседневная жизнь человѣка обставлена неизбѣжными несчастными случайностями весьма серьезнаго и даже опаснаго свойства. Въ ежедневной хроникѣ каждой газеты можно найти описаніе цѣлаго ряда такихъ непредвидѣнныхъ несчастій, каковы, напримѣръ, тяжкія пораненія, раздробленія и вывихъ костей, ожоги, отравленія, угаръ и проч. Внезапное несчастіе заставляетъ пострадавшаго или окружающихъ его изобрѣтать средства для того, чтобы въ однихъ случаяхъ спасать жизнь, въ другихъ—облегчать то или другое тяжелое страданіе. Въ ожиданіи прибытія врача судьба потерпѣвшаго зависитъ, такимъ образомъ, отъ немедленной ему оказанной помощи; а такую помощь въ громадномъ числѣ случаевъ должны взять на себя лица, вовсе не знакомыя съ врачебнымъ искусствомъ. Подобная самопомощь всегда будетъ явленіемъ нормальнымъ и неизбѣжнымъ, какъ бы ни было организовано дѣло врачебной помощи въ той или другой мѣстности. Если сказанное вѣрно по отношенію даже къ столицамъ, то тѣмъ болѣе эта самопомощь должна имѣть мѣсто тамъ, гдѣ область дѣятельности врача распространяется на десятки верстъ. Между тѣмъ не только далеко не во всѣхъ, а напротивъ, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ эта первая услуга добраго ближняго оказывается разумною и цѣлесообразною. Чаще же эта услуга служитъ прямо во вредъ пострадавшему. Разсмотримъ, для примѣра, вопросъ о первой помощи при пораненіяхъ. Современная хирургія, какъ извѣстно, сдѣлала такой успѣхъ въ дѣлѣ леченія ранъ, что далеко опередила другія отрасли медицины. Этимъ успѣхомъ хирургія обязана открытію причины зараженія ранъ, тамъ называемымъ бактеріямъ, которыя попадаютъ въ рану изъ окружающей среды. Съ открытіемъ причины страшныхъ болѣзней, причиняемыхъ этими бактеріями, убивавшихъ, напримѣръ, на войнѣ тысячи раненыхъ даже съ не очень серьезными поврежденіями, хирургія въ состояніи защитить раненаго отъ этой заразы, такъ что въ настоящее время остаются въ живыхъ даже тѣ, которые прежде навѣрняка приговаривались къ печальному исходу. Примѣненіе обеззараживающихъ средствъ (антисептика) и опрятность при обхожденіи съ пораненіями (асептика) гарантируютъ въ настоящее время раненому полное выздоровленіе. Очевидно однако, что исходъ раненія зависитъ главнымъ образомъ отъ тѣхъ первыхъ рукъ, которыя прикасаются къ раненому. Къ сожалѣнію, мы видимъ обыкновенно, что эти основныя правила современной хирургіи, весьма разумныя и простыя, часто вовсе неизвѣстны въ обществѣ, особенно среди простолюдиновъ. И нерѣдко первая, наскоро сдѣланная, перевязка загрязняетъ рану и служитъ источникомъ весьма серьезнаго зараженія для пострадавшаго. При переломѣ

кости одна неумѣлая попытка поднять пострадавшаго можетъ повлечь за собою тяжкое осложненіе—прободеніе мягкихъ частей острымъ осколкомъ кости. Всѣмъ извѣстенъ пріемъ оживленія утонувшаго „откачиваніемъ", который такъ вкоренился въ народѣ и который онъ отстаиваетъ, даже прибѣгая къ грубому насилію. Между тѣмъ, этотъ способъ „откачиванія" далеко уступаетъ въ цѣлесообразности извѣстнымъ строго научнымъ пріемамъ искусственнаго дыханія. При оживленіи угорѣвшаго или упавшаго въ обморокъ, мы точно также видимъ пріемы поданія помощи совершенно несогласные съ требованіями науки и даже простаго разума. Вышеприведенные факты послужили, между прочимъ, поводомъ къ тому, что въ 1876 году въ Лондонѣ основалось общество St. John's Ambulance Association, которое задалось цѣлью путемъ лекцій распространять свѣдѣнія о разумныхъ способахъ поданія первой помощи при несчастныхъ случаяхъ. Общество распространяло свою дѣятельность преимущественно среди тѣхъ классовъ людей, между которыми несчастія встрѣчаются особенно часто, какъ, напр., среди полицейскихъ чиновъ, пожарныхъ и т. п. По примѣру Лондона такіе же курсы открылись и въ другихъ городахъ Англіи, а также и въ колоніяхъ. Въ южной Америкѣ, на островахъ Цейлонѣ, Формозѣ, въ Новой Зеландіи, Австраліи, открылись подобные же курсы. Упомянутая ассоціація насчитываетъ въ настоящее время болѣе 200,000 лицъ, прослушавшихъ упомянутые курсы. Теперь въ Англіи и колоніяхъ каждый представитель полиціи обладаетъ свидѣтельствомъ о знакомствѣ съ пріемами поданія первой помощи. Въ 1881 году профессоръ Эсмархъ въ Германіи основалъ также общество „Deutsche Samariten Verein" цѣли котораго тѣ же какъ и вышеописаннаго англійскаго общества. Благодаря трудамъ Эсмарха, почти всѣ нѣмецкіе города учредили у себя чтеніе курсовъ поданія помощи. Въ Вѣнѣ на другой день послѣ страшнаго пожара въ Рингъ-театрѣ въ 1881 году основалось аналогичное общество „Wiener Freiwillige Rettungs Gesellschaft", задавшееся тѣми же цѣлями какъ англійское и нѣмецкое общества. Въ Парижѣ существуютъ такъ называемые „Ambulances urbaines", управленіе которыми находится подъ предсѣдательствомъ супруги россійскаго посла баронессы Моренгеймъ. Многіе города Европы и Америки также организовали у себя постоянные курсы оказанія первой помощи. Начало этого благаго дѣла въ Петербургѣ положено покойнымъ хирургомъ докторомъ Рейеромъ. Курсы читались при обществѣ „Краснаго Креста" и посѣщались чинами полиціи и другими лицами. Въ послѣднее время въ теченіе уже около 8 лѣтъ лекціи о поданіи первой помощи читаются докторомъ Г. И. Тернеромъ при педагогическомъ музеѣ, въ соляномъ городкѣ. Курсы посѣщаются преимущественно интеллигентными лицами, инженерами, офицерами, студентами, а также большимъ числомъ дамъ. Въ настоящее время уже насчитывается около 1000 лицъ, ознакомившихся съ дѣломъ подачи первой помощи. Дѣло распространенія разумныхъ свѣдѣній по этой части среди народа особенно получило толчокъ впередъ, благодаря сочувствію, которое оно встрѣтило со стороны Ея Императорскаго Высочества принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской. Иждивеніемъ Ея Высочества изданы иллюстрированныя таблицы, наглядно изображающія пріемы поданія первой помощи при раненіяхъ, кровотеченіяхъ и пр. Изданныя въ большомъ числѣ экземпляровъ, картины эти расходятся по всей Россіи, и, развѣшанныя по стѣнамъ школъ, волостныхъ правленій, невольно пріучаютъ глазъ къ способамъ разумной подачи первой помощи. Нѣкоторыя женскія учебныя заведенія Петербурга въ недавнее время ввели изученіе пріемовъ поданія помощи въ число преподаваемыхъ предметовъ. Въ виду очевидной пользы курсовъ поданія первой помощи слѣдуетъ пожелать имъ возможно болѣе широкаго распространенія.

На развѣдкахъ

Военное искусство, какъ и все на свѣтѣ, находится въ вѣчномъ движеніи, измѣняясь сообразно съ тѣми или другими перемѣнами какъ военной техники, такъ и общественной жизни. Съ этими измѣненіями роль активныхъ дѣятелей военнаго дѣла съ теченіемъ времени становилась въ другія условія, иногда совершенно противоположныя тѣмъ, которыя были раньше. Во времена давно минувшей древности въ войнѣ принимали участіе едва ли не исключительно пѣшіе люди. Мало по малу стала появляться и конница, сначала въ видѣ свиты вождя или меленькихъ отрядовъ, а затѣмъ уже въ видѣ большихъ массъ. Въ средніе вѣка на конницу выпадала главная роль въ сраженіяхъ. Закованнымъ въ сталь и желѣзо всадникамъ не могла противостоять плохо вооруженная пѣхота. Только знаменитые швейцарцы могли пѣшимъ строемъ выдерживать натиски бурной тяжелой кавалеріи. Изобрѣтеніе огнестрѣльнаго оружія нѣсколько измѣнило условія войны. Однако тѣмъ не менѣе кавалерія сохранила за собой рѣшающую роль. Въ эпоху тридцатилѣтней войны кавалерійскіе полки Валленштейна создали и себѣ, и своему вождю громкую славу. Геній войны Наполеонъ уравновѣсилъ всѣ три рода оружія—пѣхоту, артиллерію и кавалерію. Но и при немъ активная боевая роль кавалеріи находилась въ полномъ развитіи. Достаточно вспомнить его атаки кавалерійской массой пѣшихъ карре. Только обновившаяся тактика войны—появленіе разсыпнаго строя и губительнаго ружейнаго огня—сразу измѣнила роль кавалеріи. Активная боевая роль кавалеріи отошла въ область преданія. При современныхъ условіяхъ небольшой хорошо выдержанный, стойкій отрядъ пѣхоты съ успѣхомъ можетъ выдержать цѣлый рядъ атакъ кавалерійской массы. На лицо примѣры франко-прусской войны. Самое большое, что только можетъ сдѣлать кавалерія, это—задержать наступленіе пѣхоты или преслѣдовать ее при отступленіи, да и то не всегда съ надеждой на успѣхъ.

Но зато на долю кавалеріи теперь выпадаетъ совершенно другая, не только не менѣе, а еще болѣе важная, роль въ военномъ дѣлѣ. Роль эта дѣлаетъ кавалерію хранительницей своего войска, недремлющимъ глазомъ и слухомъ, вѣрнымъ сторожемъ и проводникомъ. Я говорю о сторожевой и развѣдочной службахъ.

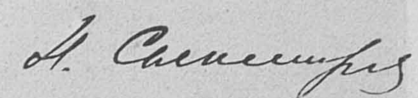
Плохо охраняемое войско всегда рискуетъ потерпѣть полное пораженіе, также какъ и въ томъ случаѣ, если войско это рискнетъ вступить въ бой или производить тѣ или другіе маневры въ совершенно незнакомой мѣстности. Эти условія навсегда обезпечиваютъ за кавалеріей громадное значеніе въ военномъ дѣлѣ. Подвижная, легкая кавалерія окружаетъ свою пѣхоту, артиллерію и обозъ цѣлою сѣтью маленькихъ отрядовъ. Стоятъ ли главныя силы на мѣстѣ или движутся впередъ, эти маленькіе кавалерійскіе отряды неустанно снуютъ кругомъ въ разныхъ направленіяхъ, изучая въ то же время мѣстность, снимая ея карту и зорко слѣдя за эволюціями противника. Быстрота, сообразительность и осторожность—вотъ главныя достоинства современной кавалеріи, несущей въ высшей степени трудную и отвѣтственную сторожевую и развѣдочную службы. И то, и другое качества этой службы вполнѣ понятны. Пѣхота и артиллерія расположились лагеремъ и отдыхаютъ. Не отдыхаетъ только кавалерія, ея разъѣзды окружаютъ бивуакъ и въ зной, и въ морозъ, и днемъ, и ночью; ночью еще чаще и дальше. Смѣнился кавалерійскій разъѣздъ, и то отдыхъ не дается ему сразу, нужно убрать лошадей, а это также отниметъ немало времени. Что касается до отвѣтственности кавалерійской службы, то она ясна сама по себѣ и безъ комментарій.

Прежній тяжело вооруженный всадникъ, составлявшій пассивную, слѣпую силу общей конной массы, уступилъ мѣсто современному кавалеристу съ безусловно активной единичной дѣятельностью. Въ дѣлѣ развѣдокъ каждый всадникъ имѣетъ большое значеніе, и индивидуальность каждаго отдѣльнаго солдата въ этомъ случаѣ выступаетъ на первый планъ. Въ зависимости отъ этого современное военное искусство требуетъ отъ кавалериста: прекрасную верховую ѣзду и знаніе лошади, неутомимость, сообразительность и память, грамотность и умѣнье дѣлать хотя самыя поверхностныя кроки мѣстности. Кромѣ того кавалеристъ долженъ хорошо знать и пѣшій строй, такъ какъ теперешнія условія войны сплошь и рядомъ неожиданно обращаютъ конницу въ пѣхоту. Очень многое зависитъ отъ быстроты движеній. Не посади, напримѣръ, генералъ Радецкій въ послѣднюю русско-турецкую войну стрѣлковъ на лошадей, знаменитый шипкинскій бой могъ бы кончиться для насъ весьма печально. Вотъ почему современная кавалерія всѣхъ почти государствъ переходитъ къ типу нашихъ драгунъ, соединяющихъ въ себѣ лихость кавалериста съ стойкостью пѣхотинца. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется вооруженіе и внѣшній видъ конницы. Красивые блестящіе мундиры остались лишь для парадовъ. На дѣлѣ костюмъ долженъ быть какъ можно менѣе замѣтенъ, удобенъ и простъ. Точно также блестящія сабли и въ сущности безвредные карабины уступили мѣсто простымъ удобнымъ шашкамъ и винтовкѣ съ далекимъ боемъ, снабженной штыкомъ, необходимымъ спутникомъ пѣшаго солдата. Все измѣнилось и измѣняется въ военномъ дѣлѣ за исключеніемъ штыка русскаго солдата. Этотъ факторъ войны навсегда сохраняетъ за собой рѣшающее бой значеніе.

Изъ всего сказаннаго мною ясно, что при современномъ обученіи кавалериста практика стоитъ на первомъ планѣ. Только она одна можетъ дать кавалеристу то, что отъ него требуютъ. Вотъ почему за послѣднее время разныя кавалерійскія поѣздки, рекогносцировки и маневры получили самое широкое развитіе. Чѣмъ больше и чаще подобныя поѣздки, тѣмъ лучше. Ни время года, ни погода не имѣютъ никакого вліянія въ данномъ случаѣ. Напротивъ, чѣмъ труднѣе условія поѣздки, тѣмъ больше пользы принесетъ она солдату. Вѣдь на войнѣ нельзя будетъ разбирать и ставить вопросъ о томъ—можно ли, напримѣръ, ѣхать, ночью при 30° морозѣ, глубокомъ снѣгѣ и отвратительной дорогѣ. Словъ „можно ли" на войнѣ не существуетъ. Они замѣняются словомъ *должно*.

Въ нашей кавалеріи прекрасно знаютъ это условіе войны всѣ, начиная съ рядоваго и кончая генераломъ. Тихо и безшумно идетъ въ кавалерійскихъ полкахъ практическое обученіе развѣдочной службѣ. Маленькіе отряды въ 6—10 человѣкъ въ полномъ походно-боевомъ снаряженіи съ офицеромъ во главѣ и днемъ, и ночью, и зимою, и лѣтомъ совершаютъ военныя прогулки иногда далеко за предѣлы своего расположенія, изучая по пути мѣстности и дѣлая съемку. Результатомъ этой незамѣтной дѣятельности является лихая кавалерія, для которой нѣтъ ни препятствій, ни невозможнаго, за которой спокойнѣе, чѣмъ за гранитной стѣной, можетъ отдыхать и пѣхота, и артиллерія до тѣхъ поръ, пока не наступитъ ихъ боевая дѣятельность.

Перечисляя то, что требуется отъ кавалериста, я ни разу не сказалъ про личную храбрость и беззавѣтную преданность своему долгу и дѣлу. Но я считалъ и считаю лишнимъ упоминать объ этихъ элементахъ, когда идетъ рѣчь о русскомъ солдатѣ. Эти его природныя качества хорошо знаютъ и непроходимые ледники Альпъ, и вершины Балканъ, и лѣса Кавказа, и поля всей Европы, и знойные пески востока. Они молчатъ, и никакое краснорѣчіе не сравнится съ этимъ молчаніемъ.



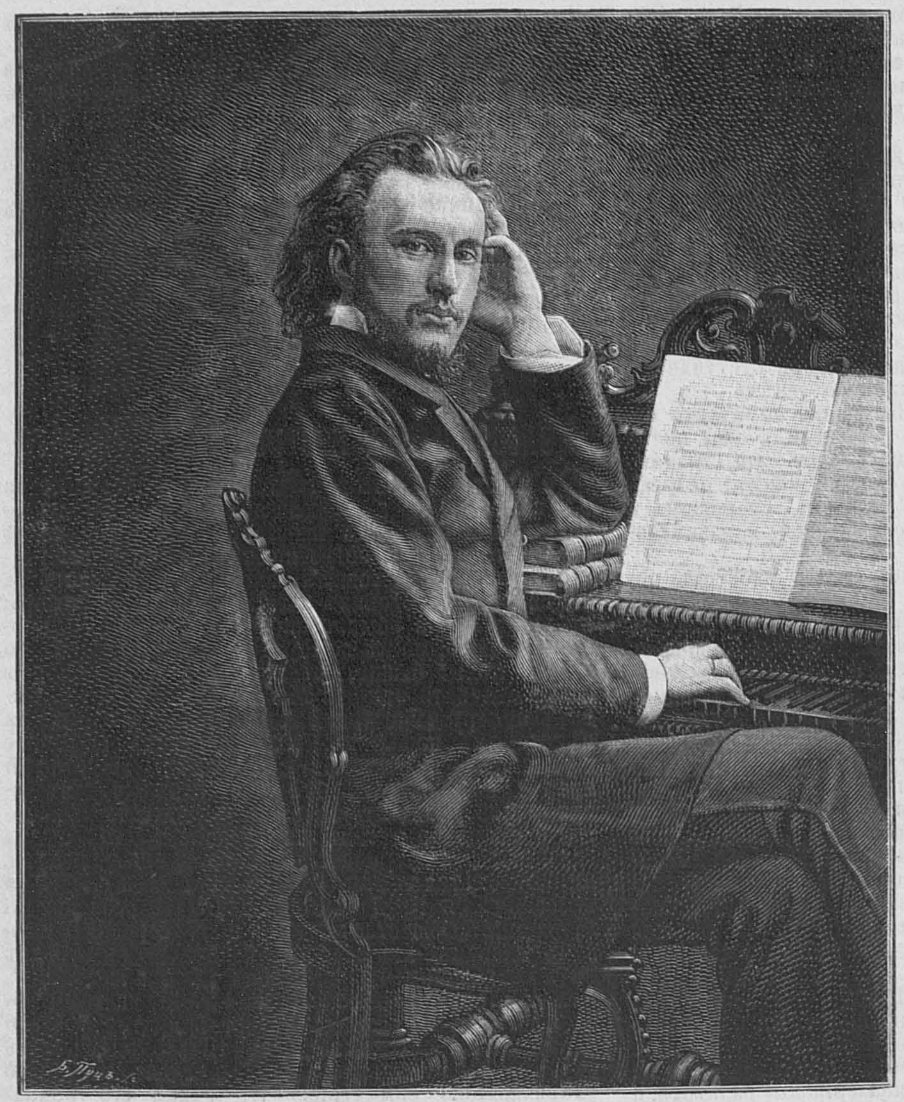
Колоссальныя постройки въ Чикаго

Въ Чикаго, на которомъ теперь сосредоточивается вниманіе всего образованнаго міра по случаю открывающейся тамъ всемірной выставки, послѣ огромнаго пожара, истребившаго весь торговый участокъ города, произошелъ настоящій переворотъ въ планировкѣ городскихъ зданій. Прежде, до пожара, въ городѣ были обыкновенные дома — въ 5, 6, иногда 7 этажей; послѣ пожара стали строить вмѣсто домовъ цѣлыя башни, изъ которыхъ иныя имѣютъ болѣе двадцати этажей. Мы помѣщаемъ въ нынѣшнемъ нумерѣ „Всемірной Иллюстраціи" изображенія нѣкоторыхъ изъ этихъ, возбуждающихъ невольное изумленіе, построекъ. Вотъ, напримѣръ, „Масонскій храмъ", по справедливости почитаемый чудомъ современной архитектуры; въ немъ двадцать два этажа, и когда, по ночамъ, на вершинахъ его башень зажигаются электрическіе фонари, то снизу кажется, что эти свѣточи сливаются съ миріадами звѣздъ на небесномъ сводѣ. Далѣе обращаетъ на себя вниманіе зданіе „Общества воздержанія", устроенное союзомъ женщинъ-христіанокъ, извѣстное въ публикѣ подъ сокращеннымъ названіемъ „Храма женщины". Эта постройка возведена на мелкія частныя пожертвованія, въ громадномъ числѣ притекавшія со всѣхъ концовъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ этомъ „храмѣ" 14 этажей, но онъ возведенъ съ такою удивительною симметріею что самая его громадность не кидается въ глаза. Нѣмецкая опера или „Театръ Шиллера" имѣетъ 18 этажей и такого же размѣра „Большая Сѣверная гостинница". Въ улицѣ Адамса есть домъ частнаго лица, Оуинга, имѣющій 14 этажей. Существуетъ почти цѣлый кварталъ „мангатановскихъ" домовъ, каждый въ 18 этажей; эти дома построены особою компаніею, рѣшившеюся заняться спеціально возведеніемъ такихъ чудовищныхъ зданій. Замѣчательно, что съ самаго момента ихъ постройки „мангатановскіе" дома, такъ сказать, не пустовали ни одного дня; какъ только заканчивался одинъ этажъ, его тотчасъ снимали жильцы, а въ это время надъ ихъ головами продолжалась надстройка новыхъ этажей. Внутренній видъ торговой палаты можетъ дать понятіе о планировкѣ этихъ огромныхъ построекъ; внутри находится громадный дворъ, а вокругъ всѣхъ этажей идутъ крытыя галлереи; на эти галлереи выходятъ двери квартиръ. На постройку идетъ и камень, и желѣзо, но главнымъ образомъ желѣзо. Подъемныя машины помѣщаются по угламъ зданія и даютъ быстрый доступъ во всѣ этажи. Въ европейскихъ газетахъ иногда печатались черезчуръ уже грандіозныя описанія такихъ зданій, извѣстныхъ у американцевъ подъ названіемъ „sky-scrapers" („небесные скребки"); увѣряли, напримѣръ, что обыватели ихъ поднимаются къ своимъ дверямъ прямо въ каретахъ, которыя вмѣстѣ съ лошадьми затаскиваются потомъ машинами на чердакъ, гдѣ устроены каретные сараи и конюшни. Но это не болѣе, какъ фантазія...

Новости печати

Ѳ. И. Булгаковъ. *Новые этюды И. И. Шишкина. Фототипическое изданіе. Спб. 1893.*

Это уже второй альбомъ, посвященный Ѳ. И. Булгаковымъ произведеніямъ одного изъ нашихъ талантливѣйшихъ пейзажистовъ. О первомъ выпускѣ мы своевременно дали отзывъ во „Всемірной Иллюстраціи" прошедшаго года. О внѣшнихъ достоинствахъ всей этой серіи изданій Ѳ. И. Булгакова мы также уже не разъ говорили; здѣсь считаемъ лишь долгомъ упомянуть, что новый альбомъ этюдовъ И. И. Шишкина отличается всѣми достоинствами перваго выпуска. Оригиналы этюдовъ, снимки съ которыхъ помѣщены въ этомъ выпускѣ, были на выставкѣ новыхъ этюдовъ И. И. Шишкина, устроенной въ началѣ нынѣшняго года въ Императорской академіи художествъ. Эти этюды были написаны въ теченіе лѣта и осени 1892 года въ Шмецкѣ, близь Нарвы, въ Бѣловѣжской пущѣ и въ окрестностяхъ Петербурга, на островахъ Аптекарскомъ, Крестовскомъ и Каменномъ. Всего на выставкѣ было 58 этюдовъ; съ нихъ въ нынѣ вышедшій альбомъ вошло 10 снимковъ, а именно: „Срубленный лѣсъ" (въ Бѣловѣжской пущѣ), „На просѣкѣ", „Вечеръ", „Начало лѣта", „На вырубкѣ", „Ели при солнечномъ освѣщеніи", „Пасмурный день", „Тихій день", „Старая сосна" и „Краснѣетъ листъ". Пользуемся кстати случаемъ оговориться относительно одной ошибки, сдѣланной нами въ отзывѣ о первомъ выпускѣ этюдовъ И. И. Шишкина. Тамъ было сказано, что этотъ альбомъ—изданіе А. С. Суворина, а между тѣмъ вся эта серія снимковъ издается Ѳ. И. Булгаковымъ на собственный счетъ.



П. А. ШОСТАКОВСКІЙ,

директоръ Филармоническаго общества въ Москвѣ.

Съ фотографіи И. А. Дьяговченко, въ Москвѣ, гравировалъ Б. П. Пуцъ.

По поводу двадцатипятилѣтія артистической дѣятельности.

П. А. Шостаковскій

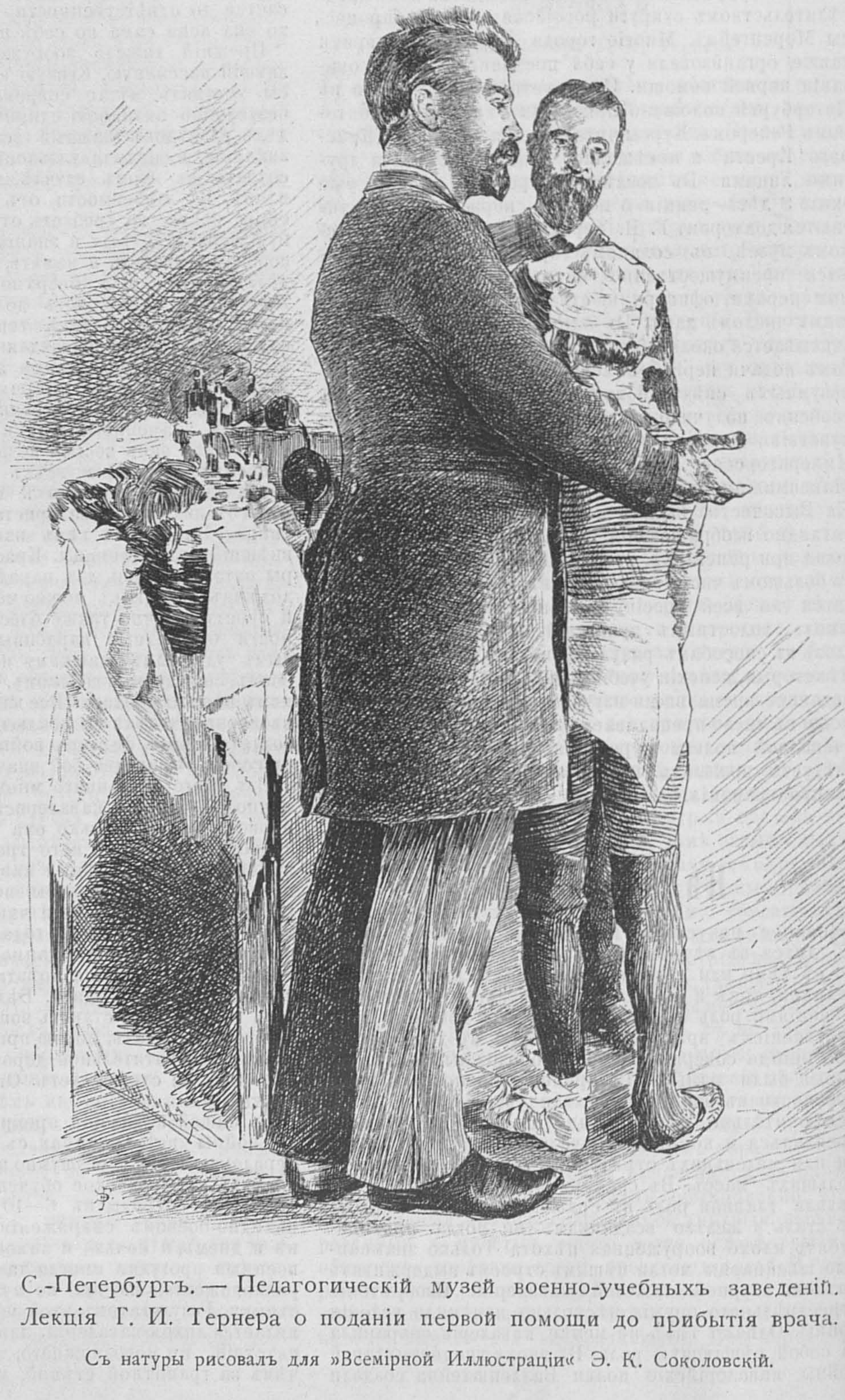
Въ нашемъ музыкальномъ мірѣ однимъ изъ наиболѣе симпатичныхъ лицъ является безспорно Петръ Адамовичъ Шостаковскій, директоръ московскаго Филармоническаго общества, портретъ котораго помѣщается во „Всем. Иллюстраціи" по случаю исполнившагося 23 февраля двадцатипятилѣтія его артистической дѣятельности. Прекрасный музыкантъ, онъ въ то же время и энергичный работникъ, чрезвычайно много сдѣлавшій для музыкальнаго развитія Москвы. Что особенно рѣдко встрѣчается у насъ, всѣ результаты достигнуты имъ безъ субсидій оффиціальныхъ учрежденій и правительства. Филармоническое общество, занимающее теперь такое важное мѣсто въ художественномъ мірѣ первопрестольной столицы, концерты котораго всегда переполнены избранною публикою, общество, имѣющее у себя твердо поставленную консерваторію съ двумя отдѣленіями— музыкальнымъ и драматическимъ — обязано своимъ возникновеніемъ и развитіемъ почину и энергіи одного только человѣка, не имѣвшаго за собою ни оффиціальной поддержки, ни большихъ денежныхъ средствъ въ своемъ кошелькѣ. Созданіемъ и развитіемъ этого общества, какъ и его консерваторіи, Москва всецѣло обязана г. Шостаковскому, выказавшему блестящія административныя способности и рѣдкую проницательность, не говоря уже о музыкальныхъ свѣдѣніяхъ, безъ чего дѣла новаго общества не могли бы упрочиться. Въ Москвѣ уже имѣлось другое общество— Русское Музыкальное, — высоко поставленное покойнымъ Н. Г. Рубинштейномъ, и самый фактъ его существованія, казалось, представлялъ немало затрудненій для роста новаго учрежденія подобнаго же рода. Мы знаемъ, что въ Петербургѣ попытки устроить противовѣсъ уже существующимъ музыкальнымъ учрежденіямъ оставались совершенно безплодными. Вообще въ Петербургѣ только одно музыкальное общество правильно проявляло свою дѣятельность, тогда какъ другія общества, даже имѣющія хорошія средства, или прямо не могутъ выйти изъ дремотнаго состоянія, или не способны были достигнуть сколько нибудь серьезныхъ результатовъ. Не особенно важно, имѣя деньги, годами давать концерты, въ которые никто не ходитъ и черезъ десять лѣтъ ихъ существованія, какъ не ходили туда и въ первый годъ; такое состояніе концертовъ въ городѣ, гдѣ нѣтъ недостатка въ интеллигентныхъ людяхъ, прямо указываетъ на органическіе недостатки ихъ постановки. Но съумѣть создать помимо хорошо посѣщаемыхъ концертовъ, — т. е. стало быть помимо привлеченія къ интересамъ искусства цѣлаго контингента лицъ, до тѣхъ поръ равнодушныхъ къ нему, — еще и серьезное музыкальное училище и создать его безъ субсидій и чужаго кошелька, найти условія, при которыхъ оно существовало бы самостоятельно, живя собственными средствами, развиваясь органически изъ себя, могъ сдѣлать только живой и талантливый человѣкъ. Этого и достигнулъ П. А. Шостаковскій, создавшій московское Филармоническое общество и его консерваторію.

Настоящій юбилей П. А. Шостаковскаго относится, впрочемъ, не къ его службѣ обществу, а къ общей артистической дѣятельности его. 25 лѣтъ назадъ г. Шостаковскій выступилъ впервые въ Ригѣ въ качествѣ піаниста, исполнивши съ оркестромъ концертъ Калькбреннера. Успѣхъ побудилъ его серьезно заняться искусствомъ, — онъ поступилъ въ петербургскую консерваторію, гдѣ учился у знаменитаго Дрейшока, но оставался въ Петербургѣ недолго и переѣхалъ въ Берлинъ къ знаменитому Т. Куллаку. Затѣмъ онъ совершенствовался у Листа и въ 1877 году былъ приглашенъ Н. Г. Рубинштейномъ, профессоромъ фортепіанной игры, въ московскую консерваторію. Уже въ слѣдующемъ году онъ открылъ собственную частную школу, которая при дальнѣйшемъ развитіи сдѣлалась училищемъ Филармоническаго общества, основаннаго приблизительно въ то же время сперва подъ именемъ „артистическаго общества" и имѣвшаго сперва характеръ очень скромный. Отличный піанистъ, П. А. Шостаковскій въ заботахъ о новосозданномъ учрежденіи мало по малу оставилъ свои концертныя путешествія, всецѣло отдавшись обществу, концерты котораго получили въ послѣднія десять лѣтъ такое большое значеніе. Въ этихъ концертахъ г. Шостаковскій велъ дѣятельную пропаганду русской музыки, и немало новыхъ произведеній нашихъ авторовъ, начиная съ Н. А. Римскаго-Корсакова, которымъ пришлось бы еще долго ждать своего появленія въ Москвѣ, являлось постоянно въ программахъ Филармоническаго общества.

Празднованіе юбилея любимаго публикою и популярнаго въ Москвѣ артиста началось днемъ въ помѣщеніи Филармоническаго общества, но главное торжество было вечеромъ въ симфоническомъ собраніи послѣдняго. При появленіи г. Шостаковскаго на эстрадѣ его встрѣтилъ тушъ оркестра и безконечныя рукоплесканія публики, которая стоя привѣтствовала даровитаго артиста. Затѣмъ депутаціями ему поднесенъ былъ рядъ подарковъ, — между прочимъ отъ августѣйшей покровительницы общества вел. кн. Елизаветы Ѳеодоровны, — масса вѣнковъ (въ томъ числѣ два серебряныхъ—одинъ изъ Петербурга, другой отъ учащихся въ училищѣ) и адресовъ — отъ директоровъ общества, отъ бывшихъ воспитанниковъ московскаго университета, отъ московской Большой оперы, отъ балета, отъ итальянской колоніи, отъ театра г. Прянишникова, отъ преподавателей училища, отъ учащихся, отъ петербургскихъ друзей и почитателей, отъ австрійской колоніи, отъ общества призрѣнія слѣпыхъ дѣтей, отъ оркестра московскаго университета, отъ общества офицеровъ перновскаго полка, телеграммы отъ Мазини (приславшаго также серебряную вазу), отъ г-жъ Г. Н. Ѳедотовой, М. Зембрихъ, отъ Губая и т. д. Юбилей закончился ужиномъ по подпискѣ въ помѣщеніи охотничьяго клуба, гдѣ присутствовало болѣе 200 лицъ, произносились тосты, читались привѣтственныя телеграммы и проч.

Оглянувшись на свое прошлое, г. Шостаковскій можетъ чувствовать себя удовлетвореннымъ: всегда отзывчивый и готовый словомъ, дѣломъ и талантомъ помочь отдѣльнымъ лицамъ и благотворительнымъ учрежденіямъ, онъ пріобрѣлъ симпатіи не только московской публики, но и большинства дѣятелей музыкальнаго міра, высоко ставящихъ и цѣнящихъ его.

М. Ивановъ.



С.-Петербургъ. — Педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній. Лекція Г. И. Тернера о поданіи первой помощи до прибытія врача.

Съ натуры рисовалъ для »Всемірной Иллюстраціи« Э. К. Соколовскій.

Массонскій храмъ; — 22 этажа. — Внутренній видъ торговой палаты. — Зданіе нѣмецкой оперы или Шиллеровскаго театра. — Частныя постройки Оуинга. — Одинъ изъ »Мангаттановскихъ« домовъ; — 18 этажей. — Большой Сѣверный отель. — Зданіе женскаго »Общества воздержанія«.

Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. — Колоссальныя постройки въ Чикаго.

ТЕАТРЪ — ИСКУССТВО — МУЗЫКА

Театръ и музыка

— Н. Н. Фигнеръ далъ въ Варшавѣ концертъ 20 февраля. Зала Большаго театра была переполнена публикой, которая встрѣтила артиста весьма сочувственно. Н. Н. Фигнеръ имѣлъ выдающійся успѣхъ и доставилъ многочисленнымъ слушателямъ истинное наслажденіе. По настоятельному требованію сверхъ программы было имъ исполнено еще нѣсколько нумеровъ на bis. Больше всего понравились публикѣ: романсъ г. Кюи „Я помню вечеръ", арія изъ новой оперы Кроткова „Поэтъ" и „Осенняя пѣсня" П. И. Чайковскаго.

— Въ послѣднемъ девятнадцатомъ симфоническомъ концертѣ лейпцигскаго Gewandhaus'а принимала участіе г-жа Софія Ментеръ, уже нѣсколько лѣтъ не появлявшаяся въ Лейпцигѣ. Публика сдѣлала шумную овацію знаменитой артисткѣ, превзошедшей себя въ этотъ вечеръ, по отзывамъ лейпцигской музыкальной печати, не находящей достаточно словъ, чтобы выразить ей чувства уваженія и симпатіи. Г-жа Ментеръ играла C-dur'ный концертъ Листа, одну изъ рапсодій Листа и Spinnlied Мендельсона. Лейпцигская критика находитъ, что г-жа Ментеръ попрежнему занимаетъ исключительное мѣсто въ музыкальномъ мірѣ.

— Новая пьеса. Во время пасхальной недѣли въ театрѣ „Парадизъ", въ Москвѣ, поставлена будетъ новая пьеса Г. А. Арбенина „Московская невѣста", которая будетъ имѣть характеръ разнообразнаго московскаго обозрѣнія.

— Успѣхи А. Г. Рубинштейна изъ Германіи, гдѣ наперерывъ ставятся его произведенія (оперы и симфоніи), переходятъ во Францію. Въ Парижѣ шла съ успѣхомъ его опера „Неронъ". Такимъ образомъ за эту зиму за границей поставлены были его: „Моисей", „Дѣти степей" (въ Лейпцигѣ), „Маккавеи" (въ Берлинѣ и Гамбургѣ), „Виноградная лоза" (балетъ) и „Между разбойниками" (одноактная опера) на частной берлинской сценѣ.

— Г-жа Литвинова и г. Пикалуга, дебютировавшіе въ „Риголетто" въ Маріинскомъ театрѣ, подписали уже контрактъ съ нашей дирекціей на будущій сезонъ. Г. Пикалуга къ будущей осени разучитъ нѣсколько партій на русскомъ языкѣ, а г-жа Литвинова будетъ вообще пѣть только по русски.

— Въ готовящейся къ постановкѣ въ Петербургѣ оперѣ Моцарта „Cosi fan tutti" („Такъ всѣ онѣ поступаютъ") учениками консерваторіи трудную партію Деспины будетъ пѣть, имѣвшая блистательный заслуженный успѣхъ въ оперѣ „Евгеній Онѣгинъ" Чайковскаго, молодая талантливая пѣвица Е. В. Баулина. Постановкой оперы завѣдываетъ г. Палечекъ; пойдетъ она два раза въ Александринскомъ или Маріинскомъ театрѣ.

— Скрипачъ Жене Губай, концертировавшій въ Москвѣ, находится нынѣ въ Брюсселѣ, гдѣ будетъ поставлена новая опера его „Скрипичный мастеръ изъ Кремона".

— Авторъ оперы „Паяцы" Леонкавалло пишетъ новую оперу-трилогію „Crepusculum". Три части ея составляютъ отдѣльныя законченныя произведенія; заглавія ихъ: „Медичи", „Саванарола" и „Борджіа".

— Домъ Бетховена. Администрація города Бонна купила домъ, въ которомъ родился Бетховенъ, и устроила тамъ музей („Beethovenhaus"). Въ началѣ февраля Антонъ Рубинштейнъ далъ тамъ концертъ въ пользу фонда этого музея. Программа состояла исключительно изъ произведеній Бетховена. Рубинштейномъ исполнено было пять сонатъ великаго композитора.

НОВОСТИ НАУКИ И ЦИВИЛИЗАЦІИ

Военное и морское дѣло

— Палатка-юрта, примѣненная на послѣднихъ зимнихъ маневрахъ въ войскахъ варшавскаго округа на 38 человѣкъ, оказалась вполнѣ пригодною и удобною. Этотъ способъ бивачнаго расположенія выработался за двухгодичную практику зимняго маневрированія и представляетъ преимущества предъ другими какъ по теплу, лучше сохраняемому палатками-юртами, такъ и потому, что въ нихъ солдатъ может не только сидѣть, но и стоять. Юрта сшивается изъ 24 полотнищъ солдатской походной палатки, причемъ восемь составляютъ крышу, а прочія — бока; крыша поддерживается по угламъ четырьмя стойками и имѣетъ въ серединѣ отверстіе, образующееся изъ отвороченныхъ угловъ полотнищъ (по три не сшитыхъ дырки) и поддерживаемое также четырьмя стойками. Отверстіе предназначается для выхода дыма отъ костра, располагаемаго въ серединѣ палатки, вокругъ котораго размѣщаются люди, ногами къ костру. Температура въ палаткахъ-юртахъ, въ частяхъ удаленныхъ отъ костра, достигала до $>5°$ по Реомюру. На послѣднемъ маневрѣ обратилъ на себя также вниманіе весьма удачно выполненный и вѣроятно имѣющій будущность способъ возки лазаретной линейки (стараго образца) на саняхъ, для чего кузовъ линейки, освобожденный отъ осей и рессоръ, ставился на розвальни и въ такомъ видѣ являлъ собой весьма удобоподвижную и спокойную повозку. При линейкахъ слѣдовали особыя санки, имѣющія назначенія вывозить изъ передовыхъ линій больныхъ и раненыхъ.

Естествовѣдѣніе

— Небывалой величины клыкъ мамонта. Громадный клыкъ, недавно найденный, какъ сообщаютъ брауншвейгскія газеты, въ каменно-угольныхъ копяхъ, близъ Брауншвейга, по удостовѣренію профессора Блазіуса, есть клыкъ мамонта. Клыкъ, верхушка котораго отломлена, имѣетъ 3,60 метра длины, 60 сантиметровъ въ окружности и вѣситъ около 6 пудовъ. Клыкъ этотъ перейдетъ въ собственность брауншвейгскаго естественно-историческаго музея.

Технологія

— Важное изобрѣтеніе, которое произведетъ переворотъ въ типографскомъ дѣлѣ, — это открытіе способа плавить дерево подобно металламъ. Изобрѣтатели инженеръ-электротехникъ Бизуардъ и типографъ Леонаръ надѣются примѣнить этотъ способъ для изготовленія деревяннаго шрифта. Оказывается, что при извѣстныхъ условіяхъ, безъ доступа воздуха, дерево плавится сравнительно при низкой температурѣ; твердость полученнаго продукта значительно выше твердости матеріаловъ, общеупотребляемыхъ для изготовленія шрифта, и, что весьма важно, можно употреблять съ этой цѣлью опилки, т. е. древесные отбросы. Различные сорты дерева даютъ массу оттѣнковъ темнокоричневаго цвѣта.

Н. А. Соковнинъ

НЕКРОЛОГЪ

5-го февраля въ г. Костромѣ скончался одинъ изъ самыхъ выдающихся талантливѣйшихъ дѣятелей по сельско-хозяйственному образованію въ Россіи, одинъ изъ идеальныхъ людей русскихъ—Николай Александровичъ Соковнинъ, бывшій директоръ красноуфимскаго реальнаго училища, а въ послѣднее время занимавшій ту же должность въ костромскомъ промышленномъ училищѣ. Онъ снискалъ себѣ всеобщую любовь тамъ, гдѣ проходила его дѣятельность, и его талантъ, какъ преподавателя, безъ преувеличенія можно сказать былъ огромный. Вся жизнь Н. А. представляла собою сплошную кипучую работу. Вѣчно онъ о чемъ нибудь хлопоталъ, что нибудь устраивалъ или обдумывалъ какой либо проектъ; онъ зачастую просиживалъ цѣлыя ночи, занятый разработкой того или другого вопроса, такъ какъ въ теченіе цѣлаго дня онъ былъ и безъ того занятъ. Какъ только Н. А. былъ назначенъ директоромъ красноуфимскаго реальнаго училища, онъ тотчасъ возбудилъ ходатайство объ открытіи при училищѣ помимо существовавшаго горнозаводскаго отдѣленія еще и сельско-хозяйственнаго. По открытіи этого отдѣленія онъ съ рѣдкимъ рвеніемъ принялся за устройство фермы и мастерской для изготовленія сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ. А едва послѣдовалъ первый выпускъ учащихся изъ этого отдѣленія, какъ Н. А. уже сталъ заботиться объ утилизированіи этихъ молодыхъ силъ на пользу общества. И вотъ Н. А. среди земскихъ дѣятелей губерніи убѣдительно принялся доказывать о необходимости организаціи агрономическаго института, о необходимости придти на помощь крестьянину въ его борьбѣ съ сельско-хозяйственными невзгодами. Желаніе Н. А. исполнилось. Руководительство институтомъ отнимало массу времени, прямыя обязанности по завѣдыванію училищемъ также доставляли немало хлопотъ Н. А., и однако все это непомѣшало появиться на свѣтъ Божій и крышамъ соломенно-ковровымъ, и русско-башкирской низкой сельско-хозяйственной школѣ, и красноуфимскому кустарно-промышленному комитету, по образцу котораго открылись потомъ такіе же во всѣхъ городахъ пермской губерніи, и, наконецъ, преобразованію маленькаго реальнаго училища въ огромное промышленное. Н. А. вкладывалъ всю душу свою во всякое дѣло, которое онъ предпринималъ. Красноуфимскому реальному училищу, которое получило, вмѣстѣ съ именемъ ея директора-родителя, большую популярность во всей интеллигентной Россіи, Н. А. отдалъ себя всецѣло—свои знанія, умъ, талантъ, энергію и свое здоровье. И эти жертвы — по словамъ одного изъ біографовъ Н. А. Соковнина—сдѣлалъ покойный не даромъ. Красноуфимское училище представляло идеальный типъ учебнаго заведенія, гдѣ воспитанники получали умственное и нравственное развитіе и практическія знанія, доведенныя до высшей степени совершенства, какая была доступна при наличныхъ жизненныхъ условіяхъ. Идея, положенная въ основу организаціи этого училища и принадлежавшая всецѣло Н. А., впослѣдствіи получила болѣе широкое примѣненіе въ уставѣ промышленныхъ училищъ, въ разработкѣ которыхъ Н. А. принималъ дѣятельное участіе. Эта идея заключалась въ стремленіи дать массѣ учащейся молодежи, окончившей среднее образованіе, сверхъ теоретическихъ знаній, которыми ограничивалось обученіе, еще такія практическія, которыя немедленно могли бы быть примѣнены къ жизни. Такимъ путемъ должна создаться армія знающихъ предпріимчивыхъ и развитыхъ работниковъ, трудъ которыхъ долженъ оказать громадное вліяніе на добывающую и обрабатывающую промышленность въ смыслѣ усовершенствованія существующихъ и развитія новыхъ формъ производства. Задачу эту Н. А., въ ограниченныхъ рамкахъ одной губерніи, блестяще разрѣшилъ въ образѣ созданнаго имъ училища, въ питомцы котораго брались нарасхватъ какъ общественными учрежденіями, такъ и промышленными заведеніями. При этомъ надо замѣтить, что, создавъ красноуфимскую образцовую школу, особый типъ заведенія, первый въ Россіи, почти изъ ничего, Н. А. для своихъ преобразовательныхъ работъ получалъ совершенно случайныя ничтожныя средства и съумѣлъ всѣ техническія производства поставить такимъ образомъ, что они окупали сами себя. Въ качествѣ директора чижовскихъ училищъ въ Костромѣ Н. А., ставшій во главѣ цѣлой сѣти промышленныхъ училищъ, прекрасно обставленныхъ въ матеріальномъ отношеніи, внесъ въ дѣло организаціи этихъ училищъ ту же энергію и ту же широту взгляда, какъ и во все, чѣмъ онъ занимался. Самымъ трогательнымъ въ дѣятельности Н. А. было то, что его отношенія къ ученикамъ, для которыхъ онъ былъ отцомъ, никогда не прекращались и по выходѣ ихъ изъ училища. Переписка у него съ этими питомцами его была громадная и не прекращалась почти до послѣднихъ минутъ его. Николай Александровичъ Соковнинъ происходилъ изъ дворянъ и родился въ деревнѣ Николаевкѣ, александровскаго уѣзда, екатеринославской губ., 21-го апрѣля 1841 года. Отецъ его, помѣщикъ тульской, а затѣмъ екатеринославской губерній, былъ человѣкъ довольно образованный, мать была урожденная Бѣгичева. Среднее образованіе Н. А. получилъ въ с.-петербургской первой гимназіи (1853—1859), а высшее въ университетѣ св. Владиміра въ Кіевѣ по физико-математическому факультету, который окончилъ въ 1863 г. Свою служебную карьеру онъ началъ въ апрѣлѣ 1865 г., въ одесскомъ учебномъ округѣ учителемъ естественной исторіи въ Симферополѣ, затѣмъ переведенъ былъ въ одесскую гимназію, а въ августѣ того же 1865 г. перешелъ въ гимназію въ гор. Николаевъ, херсонской губ. Когда были учреждены должности инспекторовъ народныхъ училищъ, Н. А. занялъ таковую должность во владимірской губ. Въ маѣ 1870 г. попечитель московскаго учебнаго округа кн. Ширинскій-Шихматовъ, во время ревизіи, пораженный дѣятельностью Н. А., достигшаго въ нѣсколько мѣсяцевъ поразительныхъ результатовъ, депешей пригласилъ Н. А. на мѣсто окружнаго инспектора въ Москву. Въ 1872 г. Н. А. вышелъ въ отставку и былъ причисленъ къ министерству, причемъ ему тогда же поручено завѣдывать учебно-воспитательнымъ отдѣломъ на московской политехнической выставкѣ 1872 г. Въ январѣ 1880 г. Н. А. былъ назначенъ директоромъ красноуфимскаго реальнаго училища и, спустя два года, вызванъ въ С.-Петербургъ для участія въ работахъ коммиссіи по преобразованію реальныхъ училищъ. Въ декабрѣ 1889 г. онъ снова былъ вызванъ въ С.-Петербургъ депешей въ коммиссію по выработкѣ промышленныхъ училищъ. Произведенный 1-го января 1889 г. въ дѣйствительные статскіе советники, онъ получилъ въ томъ же году Высочайшую благодарность, а въ сентябрѣ того же года перешелъ въ Кострому на должность директора костромскихъ промышленныхъ, имени Ѳ. В. Чижова, училищъ. „Н. А. Соковнинъ — говоритъ одинъ изъ близко видѣвшихъ его дѣятельность — жилъ быстрѣе обычныхъ человѣческихъ нормъ. Его кипучая натура мало давала ему времени для обыденныхъ житейскихъ заботъ: онъ не жилъ, а горѣлъ, горѣлъ, какъ истинный свѣточъ просвѣщенія, какъ та евангельская свѣча, которую зажегши не ставятъ подъ столомъ, но на столѣ—да свѣтитъ всѣмъ въ домѣ..."

Некрологъ

Арцимовичъ Викторъ Антоновичъ, сенаторъ, д. тайн. сов., † въ Спб. 2-го марта, 73 лѣтъ. Имя Арцимовича и вся его въ высшей степени полезная дѣятельность, особенно по крестьянскому дѣлу, неразрывно связаны съ реформами, лежащими въ основѣ новой русской жизни, и заслуги его очень велики. Портретъ и подробная статья о дѣятельности Арцимовича помѣщены во „Всемірной Иллюстраціи" 1891 г. Т. XLVI, № 1172.

Бѣлозеровъ Евгеній Ивановичъ, членъ кіевскаго окружнаго суда, кандидатъ математическихъ наукъ московскаго университета, авторъ нѣсколькихъ статей, † въ Кіевѣ 26-го февраля.

Максимовичъ Андрей Николаевичъ, талантливый малорусскій артистъ, занимавшій амплуа комиковъ, † въ Ялтѣ въ февралѣ, 29 лѣтъ.

Поповъ Дмитрій Петровичъ, надворный совѣтникъ, извѣстный въ учебной литературѣ, заслуженный преподаватель, † въ Спб. 26-го февраля. Онъ родился въ 1840 г. и былъ учителемъ сперва въ вологодской губерніи, съ 1858 по 1880 г., а затѣмъ до послѣднихъ дней въ петергофской классической прогимназіи императора Александра II. Это былъ учитель-идеалистъ, воспитатель-другъ для учащихся. Д. П. Поповымъ составлены и изданы слѣдующія книги: „Книга для чтенія и письменныхъ работъ по русскому языку", „Товарищъ" — книга для тѣхъ же упражненій, „Сборникъ ариѳметическихъ задачъ для младшаго возраста" и др. Въ 1891 г. онъ пожертвовалъ сто тысячъ экз. послѣдняго сборника въ пользу учительницъ и учителей народныхъ школъ въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая.

Ферри Франсуа-Камилль-Жюль, президентъ сената, недавно избранный, извѣстный политическій дѣятель и публицистъ, † въ Парижѣ 5 (17)-го марта, на 61-мъ году. Онъ родился 5-го апрѣля 1832 г. въ Сенъ-Дьэ, въ вогезскомъ департаментѣ. См. „Всем. Илл." 1893 г. Т. XLIX, № 1259.

Смѣсь

Мысли и афоризмы Тэна. Знакомятся другъ съ другомъ молодые люди три недѣли, любятъ другъ друга три мѣсяца, спорятъ другъ съ другомъ три года, терпятъ другъ друга три десятка лѣтъ, а потомъ тоже самое начинаютъ ихъ дѣти.

— Въ то время, какъ вы любуетесь розовыми щеками и ясными глазами вашей красавицы, не вспомните, что она въ силу этого—ангелъ. Весь ея секретъ въ томъ, что она ложится спать въ девять часовъ и кушаетъ много котлетъ.

— Рана составляетъ принадлежность каждой семьи; она ее подтачиваетъ, какъ червякъ яблоко.

— Общество, это — ни что иное, какъ результатъ механическаго равновѣсія различныхъ силъ.

— Первое достоинство журналиста состоитъ въ умѣньѣ заставить читать себя.

— Люди понимаютъ лишь тѣ чувства, которыя похожи на ихъ собственныя; другія, какъ бы хороши они ни были выражены, не производятъ на нихъ дѣйствія: глаза смотрятъ, но сердце не участвуетъ, а вскорѣ и глаза перестаютъ смотрѣть.

— Въ юмористѣ всегда кроется поэтъ.

— Во Франціи живутъ два народа: провинція и Парижъ. Первый ѣстъ, пьетъ, зѣваетъ, спитъ, слушаетъ. Другой думаетъ, рискуетъ, бодрствуетъ и говоритъ. Парижъ носитъ на себѣ провинцію, какъ бабочка маленькое насѣкомое. Насѣкомому и пріятно, и страшно летать по прихоти своей воздушной и капризной проводницы.

— Чтобы получить понятіе о человѣкѣ и о жизни, надо самому хотя одинъ разъ очутиться на порогѣ къ самоубійству или къ безумію.

— Ни одно человѣческое существо не можетъ быть понято другимъ человѣческимъ существомъ. Самое большее, если два существа терпятъ другъ друга въ силу привычки, интереса или дружбы.

Къ „Панаміадѣ". Въ таинственномъ спискѣ неуловимаго Артона, служившаго посредникомъ при подкупѣ членовъ французской палаты, обозначены, какъ извѣстно, имена 104 депутатовъ. „Figaro", поддерживавшій агитацію противъ президента республики, ухитрился связать эту цифру съ его именемъ. „Обозначимъ", говоритъ газета, „каждую букву въ имени „Сади-Карно" цифрой, указывающей мѣсто этой буквы во французскомъ алфавитѣ. Получится слѣдующее:

S	19
A	1
D	4
I	9
C	3
A	1
R	18
N	14
O	15
T	20
Итого	104"

Habent sua fata numeri!

Астрономическій календарь

17—31 марта 1893 г.

Мартъ.	Средн. время въ ист. полд.		Въ С.-Петербургѣ. Восхожд. солнца.		Заховд. солнца.		Восхожд. луны.		Заховд. луны.		Въ Москвѣ. Восхожд. солнца.		Заховд. солнца.		Восхожд. луны.		Заховд. луны.	
	ч.	м.	ч.	м.	ч.	м.	ч.	м.	ч.	м.	ч.	м.	ч.	м.	ч.	м	ч.	м.
17	12	4.7	5	34	6	37	2	40в	5	44у	5	38	6	32	2	55в	5	26у
19	12	4.1	5	28	6	42	5	37	5	44	5	33	6	36	5	38	5	40
21	12	3.5	5	22	6	47	8	28	5	42	5	28	6	40	8	12	5	53
23	12	2.9	5	16	6	52	11	25	5	43	5	22	6	44	10	52	6	8
25	12	2.3	6	10	6	57	0	56у	5	50	5	18	6	48	0	12у	6	37
27	12	1.8	5	4	7	1	3	37	6	40	5	12	6	52	2	30	7	48
29	12	1.2	4	58	7	6	4	36	9	20	5	7	6	56	3	50	10	5
31	12	0.7	4	52	7	11	4	47	0	38в	5	2	7	0	4	24	1	0в

Солнце въ созвѣздіи Рыбъ.

Луна въ полнолуніи 20-го, въ послѣдней четверти 28 марта.

Планеты: Меркурій 19 марта въ нижнемъ соединеніи съ солнцемъ. Венера восходитъ и заходитъ почти одновременно съ солнцемъ. Марсъ виденъ вечеромъ на западѣ. Юпитеръ заходитъ вскорѣ послѣ солнца. Сатурнъ 17 марта въ противостояніи съ солнцемъ. Уранъ виденъ почти всю ночь. Нептунъ вечеромъ на западѣ.

СОДЕРЖАНІЕ НУМЕРА

Текстъ.

Рисунки.

За редактора **Э. Д. Гоппе.**
Издательница **А. П. Гоппе.**

ШАХМАТЫ

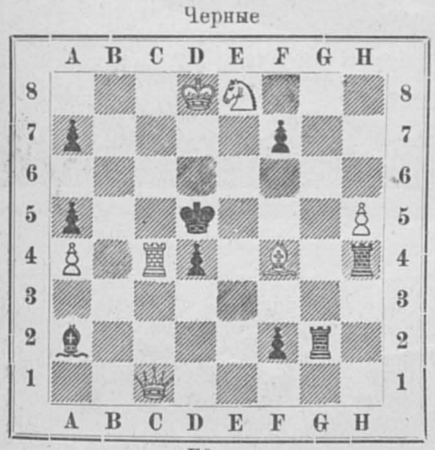
под редакціей **А. П. Шишкина**

ЗАДАЧА № 1555

O. Fuss

2-й призъ на конкурсѣ задачъ „Pittsburg Dispatch"

Черные



Бѣлые

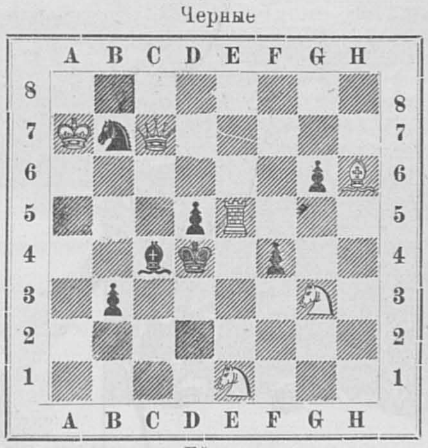
Матъ въ 3 хода.

ЗАДАЧА № 1556

Hosey Davis

2-й призъ на конкурсѣ задачъ „Manchester Weekly Times"

Черные



Бѣлые

Матъ въ 2 хода.

ПАРТІЯ № 1029

Играна по консультаціи въ петербургскомъ шахматномъ обществѣ 5-го февраля 1893 года

Гамбитъ Эванса

	М. И. Чигоринъ. Бѣлые	И. А. Зыбинъ, П. В. Отто. Черные						
1.	e2—e4	e7 - e5	8.	С c1—e3*a*)	С a5—b6	15.	e4 : f5	Ф h7 : f5
2.	К g1—f3	К b8—c6	9.	d4 : e5	Ф f6—g6*b*)	16.	Ф d1—e2†	Кр e8—f8
3.	С f1—c4	С f8—c5	10.	К b1—d2	К c6—a5?*c*)	17.	Л f1—e1	h6—h5*e*)
4.	b2—b4	С c5 : b4	11.	К f3—h4	Ф g6—h7*d*)	18.	К d2—f3	Л h8—h6*f*)
5.	c2—c3	С b4—a5	12.	К h4—f5	d7—d5	19.	Л a1—d1	К a5—c6
6.	0—0	Ф d8—f6	13.	e5 : d6	С c8 : f5	20.	d6—d7	Черные сдались. *g*)
7.	d2—d4	h7—h6	14.	С c3 : b6	c7 : b6			

Примѣчанія къ партіи

a) М. И. Чигоринъ считаетъ этотъ ходъ наисильнѣйшимъ въ этомъ положеніи.

b) На 9... К c6 : e5 бѣлые отвѣтили бы 10. К f3 : e5, Ф f6 : e5; 11. С e3—d4 и если 11... С b6 : d4, то 12. c3 : d4 и 13. К b1—c3, имѣя отлично развитую партію.

c) Лучше было бы 10... К g8—e7. Трудно сказать безъ тщательнаго анализа этого положенія, на сколько было бы опасно для черныхъ мѣняться слонами (10... С b6 : e3), страивая пѣшки бѣлыхъ, но за то и открывая имъ линію f, для атаки ладьей. М. И. Чигоринъ указываетъ здѣсь такой варіантъ: 10... С b6 : e3; 11. f2 : e3, К g8—e7; 12. К f3—h4, Ф g6—g5; 13. С c4 : f7†, Кр e8—d8; 14. Л f1—f4, К c6 : e5; 15. К d2—f3, К e5 : f3†; 16. Ф d1—f3 и если 16... Ф g5—c5, то 17. С f7—c4, К e7—c6: 18. Л f4—f5, послѣ чего черные, чтобы не потерять качества, должны отступить ферземъ на a3 и партія бѣлыхъ безусловно—лучше.

Но, продолжая (вмѣсто 14... К c6 : e5) 14... Ф g5 : e5 (угрожая вилкой: 15... g7—g5); 15. К h4—g6 (или 15... С f7—g6), К e7 : g6; 16. С f7 : g6, d7—d6 и затѣмъ С c8—e6 и Кр d8—d7,—черные, повидимому, успѣвали развить свою игру.

d) На 11... Ф g6—c6 могло бы послѣдовать 12. С c4—d5, Ф c6 : c3 (12... Ф c6—b5?; 13. c3—c4 и затѣмъ 14. С d5 : f7†); 13. С d5 : f7†, Кр e8 : f7; 14. Ф d1—h5†, g7—g6 (если 14... Кр f7—e7, то 15. К h4—g6†, Кр e7—d8: 16. К g6 : h8 и если 16... С b6 : e3?, 17. f2 : e3, Ф c3 : e3† и 18... Ф e3 : d2, то 19. Л f1—f8† и въ слѣдующій ходъ матъ); 15. Ф h5 : g6†, Кр f7—f8 (15... Кр f7—e7; 16. Ф g6—g7†); 16. Ф g6—f5† и если 16... Кр f8—e8, то 17. К h4—g6, К g8—e7; 18. К g6 : e7, Л h8—f8; 19. Ф f5—h7, Л f8—f7; 20. Ф h7—h8†, Кр e8 : e7; 21. С e3 : h6! и бѣлые, угрожая 22. С h6—g5†, Кр e7—e6, 23. Ф h8—e8† и 24. Ф e8 : e7×, быстро выигрываютъ партію. Если же 16... Кр f8—g7, то 17. Ф f5—g4†, Кр g7—f7; 18. Ф g4—f3† и если черные пойдутъ на черную клѣтку, то бѣлые, дѣлая шахъ слономъ, выигрываютъ ферзя, если же 18... Кр f7—e8, то 19. К h4—g6 и бѣлые, угрожая матомъ на f8, выигрываютъ ладью.

e) Съ цѣлью — вывести ладью.

f) Если 18... К a5 : c4; 19. Ф e2 : c4, Ф f5—c5, то, какъ указываетъ М. И. Чигоринъ, 20. К f3—e5! (угрожая матомъ на f7) и черные должны жертвовать ферзя за коня, такъ какъ если 20... Ф c5 : c4, то 21. К e5—d7×.

g) Бѣлые, угрожая 21. Ф e2—e8† и 22. Л e1 : e8×, выигрываютъ фигуру: если 20... К g8—f6 (или 20... g7—g6), то 21. d7—d8†, Л a8 : d8; 22. Л d1 : d8†, К c6 : d8; 23. Ф e2—e7† и затѣмъ 24. Ф e7 : d8†; если же 20... К g8—e7, то 21. Ф e2 : e7† и если 21... К c6 : e7, то, очевидно, 22. d7—d8† и въ слѣдующій ходъ матъ.

2-го марта М. И. Чигоринъ получилъ изъ Нью-Іорка телеграмму съ предложеніемъ сыграть съ извѣстнымъ берлинскимъ шахматистомъ А. Вальбродтомъ матчъ до 10-ти партій со ставкою въ 3,000 долларовъ. М. И., конечно, принялъ этотъ вызовъ, и 4-го марта была послана въ Нью-Іоркъ телеграмма о его согласіи, но съ условіемъ, чтобы матчъ происходилъ обязательно въ Петербургѣ въ апрѣлѣ или маѣ текущаго года. Очень и очень желательно было бы, чтобы этотъ интересный матчъ состоялся и чтобы петербургскіе шахматисты, наконецъ, хоть разъ воочію увидѣли бы игру одного изъ первоклассныхъ европейскихъ маэстро. А. Вальбродтъ принадлежитъ къ числу еще молодыхъ шахматистовъ, но успѣлъ уже доказать свою большую силу. Такъ онъ сыгралъ очень успѣшно три матча: съ Шаллопомъ, Шеве и Барделебеномъ. На международномъ турнирѣ въ Дрезденѣ онъ не проигралъ ни одной партіи, хотя, впрочемъ, получилъ всего только 4-й призъ. Въ настоящее время Вальбродтъ находится въ Нью-Іоркѣ; онъ остановился тамъ на пути изъ Гаванны, куда былъ приглашенъ, между прочимъ, для предполагавшагося, но къ сожалѣнію несостоявшагося, матча съ Е. Ласкеромъ (см. № 1255 „Всем. Илл.").

Нынѣшняя зима

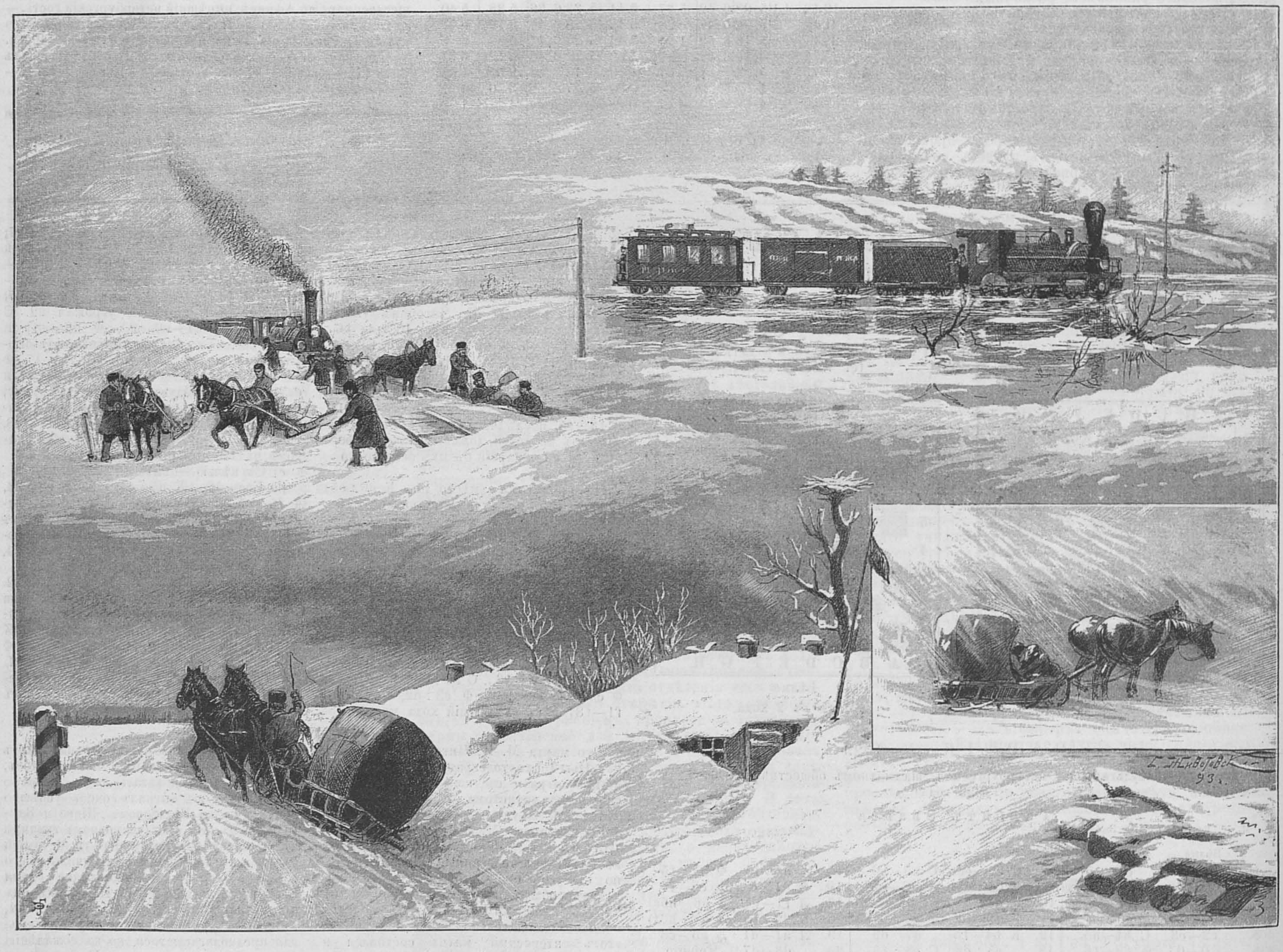
Много заботъ и непріятностей принесла нынѣшняя суровая и упорная зима и бѣдному, и богатому люду. Изъ статистики видно, что въ теченіе 138-ми лѣтъ наблюдались лишь три одинаковыя, болѣе или менѣе жестокія, зимы, а именно: въ 1808—1809 гг., 1819—1820 и 1870—1871 гг. Только зима 1819—1820 гг. была еще на одинъ градусъ въ среднемъ холоднѣе зимы 1892—1893 гг. Это вмѣстѣ съ тѣмъ единственная зима, въ которую, какъ и въ нынѣшнюю, не наблюдалось ни одной оттепели. И въ самомъ дѣлѣ съ 22-го ноября 1892 г. по 15 февраля 1893 г. наивысшая температура не превышала 0 град. Въ числѣ 140 лѣтъ не было ни одного года, въ которомъ число дней съ осадкомъ (снѣгомъ) равнялось бы числу такихъ дней нынѣшней зимы. Число дней со снѣгомъ въ зиму 1892—1893 гг. было 61, т. е. на 25 дней болѣе нормальнаго для зимы числа дней со снѣгомъ. Въ Петербургѣ, конечно, благодаря безпрерывной работѣ по уборкѣ снѣга, снѣгъ не приносилъ такихъ непріятностей для обывателей, какъ за городомъ и въ деревняхъ, гдѣ человѣкъ оказывается совершенно безсильнымъ въ борьбѣ со стихіей. Кому не приходилось читать въ текущемъ году газетныхъ извѣстій со всѣхъ окраинъ Россіи о постоянныхъ буранахъ, заносахъ, опозданіяхъ поѣздовъ и о массѣ смертныхъ случаевъ отъ замерзанія. Пишущему эти строки пришлось сдѣлать маленькое путешествіе на югъ Россіи и собственными глазами увидѣть — до чего была непобѣдима и сурова зима нынѣшняго года.

ТЕОДОРЪ ВЕСТМАРКЪ,
путешественникъ по Африкѣ, нынѣшній петербургскій гость.

Съ фотографіи Кальмара и Шекели въ Вѣнѣ.

Мѣстами цѣлыя деревни были занесены снѣгомъ и только по трубамъ, торчащимъ изъ-подъ снѣжнаго покрова, можно было догадаться подъѣзжающему издали, что подъ этими снѣжными горами скрываются человѣческія жилища. Въ избу приходилось въ данномъ случаѣ обыкновенно идти среди снѣжныхъ стѣнъ въ сажень вышиной, по прорытому коридору. А если вамъ нужно было проѣхать верстъ пять по проселочной дорогѣ, то сани ваши непремѣнно опрокидывались нѣсколько разъ при самой осторожной ѣздѣ, такъ какъ, благодаря небывалой массѣ снѣга, ухабы превращены были въ огромныя и глубокія ямы, въ которыя поминутно приходилось скатываться. Немногимъ удобнѣе представлялась въ эту пору ѣзда и по желѣзной дорогѣ. Благодаря сильнымъ заносамъ поѣзда стояли зачастую по восьми часовъ и болѣе среди поля, пока рабочіе не освобождали путь отъ снѣжныхъ заносовъ. На югѣ, когда мы пишемъ эти строки, уже началась оттепель, и сильныя наводненія приносятъ немало заботъ и внушаютъ достаточно опасеній господамъ инженерамъ и дорожнымъ мастерамъ. На полѣсской желѣзной дорогѣ рельсы мѣстами совершенно покрыты были водой, которую поѣздъ и разсѣкалъ на своемъ пути. Хорошо еще, что на этой дорогѣ главнымъ образомъ ходятъ товарные поѣзда, а пассажирскіе довольно рѣдко, которые идутъ гораздо медленнѣе и слѣдовательно менѣе подвергаются опасности.

С. Животовскій.



Расчистка желѣзнодорожнаго пути. — Разливъ на линіи полѣсской желѣзной дороги. — Деревня, занесенная снѣгомъ. — Буранъ.

Зима нынѣшняго года.

Съ натуры рисовалъ для »Всемірной Иллюстраціи« С. В. Животовскій.

Дозв. цензурою. СПб. 11-го марта 1893 г. Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

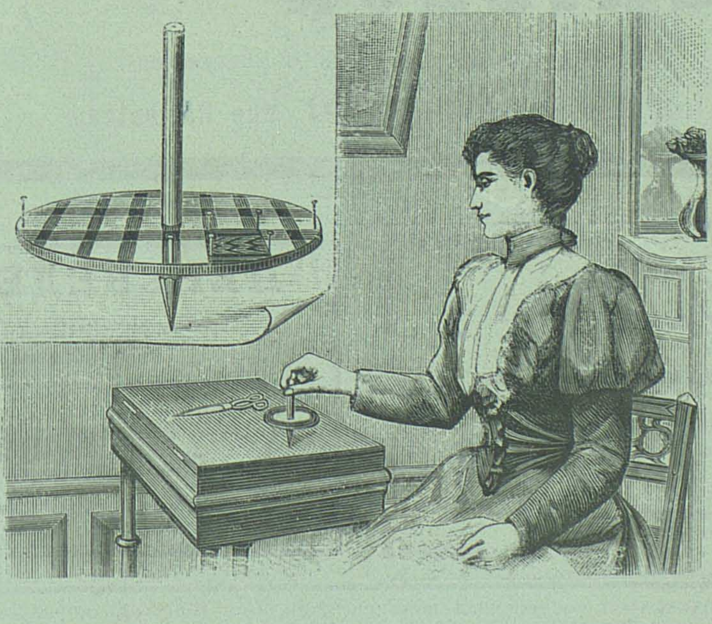
РЫЦАРИ СТЕКЛЫШКА — ВИРТУОЗЫ СВОЕГО РОДА.

Ассимиляторъ

Это не игрушка, а весьма полезный приборъ, способный служить и для забавы, и для дѣла.

Вырѣжьте изъ картона или досчечки правильный кружокъ, причемъ можете, пожалуй, воспользоваться крышкой съ жестянки изъ-подъ монпансье. Въ самой серединѣ пробейте маленькое отверстіе и въ него вставьте небольшой очиненный карандашъ или иную круглую остроконечную палочку; кружокъ прикрѣпите попрочнѣе посредствомъ столярнаго клея или простого сургуча, а если кружокъ жестяной, то припаяйте его растопленнымъ шеллакомъ. Такимъ образомъ у васъ получится юла или кубарь.

Если на поверхности этой юлы намѣтить красками нѣсколько штриховъ и съ помощью большаго, указательнаго и средняго пальцевъ заставить юлу вращаться на остромъ концѣ, то всѣ отдѣльныя краски сольются въ одинъ общій цвѣтъ, являющійся совокупностью данныхъ колеровъ. Происходитъ это отъ того, что глазъ, благодаря быстротѣ вращенія предмета, не въ состояніи услѣдить за каждымъ отдѣльнымъ штрихомъ, но при всемъ томъ сохраняетъ впечатлѣніе, оставляемое каждымъ оттѣнкомъ. Слѣдовательно, если вмѣсто штриховъ помѣстить на кружкѣ



образчикъ какой либо пестрой узорчатой матеріи, то вслѣдствіе вращенія пестрота превратится въ одинъ общій тонъ, а узоры пропадутъ.

Теперь предположимъ, что вы, имѣя какую либо пеструю матерію, желаете подобрать къ ней подходящую обшивку, гарнитуру или какое либо украшеніе и притомъ либо гармонирующую съ общимъ тономъ, либо наоборотъ—контрастирующую съ нимъ.

Отрѣжьте маленькій кусочекъ предполагаемой гарнитуры и прикрѣпите его воскомъ или булавкой къ кружку поверхъ образчика матеріи, идущей на платье (см. рисунокъ). Если во время вращенія на кружкѣ получится одинъ общій цвѣтъ, то цвѣтъ бордюра и фона совпадаютъ (гармонируютъ); если же на ободкѣ образуется круглая тѣнь (ореолъ), которая либо свѣтлѣе, либо темнѣе фона, то фонъ не гармонируетъ съ бордюромъ. Послѣднее именно и требуется для яркихъ контрастовъ; но и тутъ получится указаніе, несравненно болѣе надежное, чѣмъ глазомѣръ, а именно насколько контрасты эти вяжутся между собой и не составляютъ ли они сочетанія, рѣжущаго глазъ и оскорбляющаго эстетику вкуса.

Магъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1893 годъ

1893 XXVI годъ изданія.

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДАМСКІЙ И СЕМЕЙНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„МОДНЫЙ СВѢТЪ и МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ"

1893 XXVI годъ изданія.

СЪ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРЕМІЯМИ И ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Годовая цѣна „МОДНАГО СВѢТА" на 1893 г.:

Первому изданію

(48 №№ журнала, 24 №№ приложеній и 12 №№ большихъ листовъ съ начерченными выкройками, 26 премій и приложеній):

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки **4** р.

Съ доставкою 5 р., съ перес. 6 р.

Второму изданію

(48 №№ журнала, 24 №№ приложеній, 12 №№ большихъ листовъ съ начерченными выкройками и проч., 12 раскрашенныхъ картинокъ парижскихъ модъ, 12 вырѣзныхъ выкроекъ, 44 преміи и приложенія):

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки **6** р.

Съ доставкою 7 р., съ перес. 8 р.

Третьему изданію

(48 №№ журн., 24 №№ приложеній, 12 №№ большихъ листовъ съ начерченными выкройками и проч., 40 раскрашенн. картинокъ парижскихъ модъ, 12 вырѣзныхъ выкроекъ, 44 преміи и приложенія):

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки **9** р.

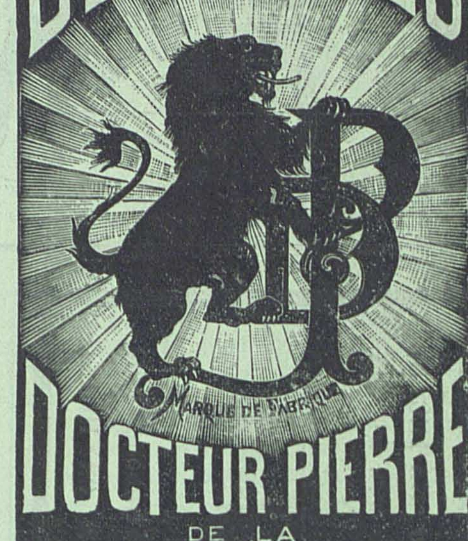
Съ доставкою 10 р., съ перес. 11 р.

При подпискѣ безъ доставки въ **МОСКВѢ**, въ отдѣленіяхъ конторы: 1) въ книжномъ магазинѣ г. **А. Ланга** (Кузнецкій Мостъ), 2) въ конторѣ **Н. Н. Печковской** (Петровскія линіи), цѣна 1-му изданію — **5** р., 2-му изданію — **7** р., 3-му изданію — **10** р.

Для лицъ (живущихъ въ провинціи), не могущихъ внести сразу полную сумму денегъ, допускается разсрочка платы, а именно: при подпискѣ слѣдуетъ внести на I-е изд. **4** р., на II-е изд. **5** р., на III-е изд. **6** р. и къ 1-му мая остальную сумму, т. е. на I-е изд. **2** р., на II-е изд. **3** р. и на III-е изд. **5** р.

Главная контора и редакція »МОДНАГО СВѢТА«: С.-Петербургъ, Садовая, № 22.

EAU, PÂTE, POUDRE DENTIFRICES



DOCTEUR PIERRE DE LA FACULTÉ DE MEDECINE DE PARIS

EN VENTE PARTOUT

SAVON IXORA Ed. Pinaud

BEAUTÉ DE LA MAIN — PARFUM EXQUIS

GRAND PRIX EXPOSITION DE PARIS 1889

37, Boulevard de Strasbourg, PARIS

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ,

СРЕДСТВО для смягченія кожи рукъ и лица.

Цѣна 35 коп.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ Парижской Всемир. Выст. 1889 г.

БРОКАРЪ и Кº

ИЗОБРѢТАТЕЛЬ ЦВѢТОЧНАГО О-ДЕ-КОЛОНА

РАЗНЫХЪ ЦВѢТОЧНЫХЪ ЗАПАХОВЪ.

Этотъ о-де-колонъ употребляется какъ духи, туалетная вода и куренія.

Можно получать во всѣхъ городахъ Россіи у главныхъ торговцевъ.

РУКОВОДСТВО

къ изученію кройки и шитья дѣтск., дамск. и верхнихъ вещей

А. А. БАЗАРОВОЙ.

Одобрено къ употребленію въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, Императрицы Маріи и духовнаго вѣдомства, а также рекомендуется с.-петербургскою и московскою ремесленною управами для самостоятельнаго изученія кройки и для преподаванія въ профессіональныхъ женскихъ школахъ; продается при школахъ кройки:

Москва, Тверской бульваръ, д. барона Шеппингъ, и **С.-Петербургъ**, Литейный пр., д. 45.

Цѣна 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

настоящія ЕГИПЕТСКІЯ папиросы

фабрики „Kyriazi frères". G. A. Caravopoulo. Victor Dimitri въ Каиро.

ГАВАНСКІЯ СИГАРЫ, БРАЗИЛЬСКІЯ СИГАРЫ

Бруно ВАЛЕНТИНИ:

Екатерининскій каналъ, д. 18—27, рядомъ со 2-мъ подъѣздомъ отъ угла Невскаго.

МОДИСТКА,

модели шляпъ, головныхъ уборовъ и украшеній. Первый русскій модный журналъ, предназначенный спеціально для шляпъ, головныхъ уборовъ и украшеній.

Выходитъ перваго числа каждаго мѣсяца и даетъ въ теченіе года болѣе 150 раскрашенныхъ моделей шляпъ послѣдней парижской моды съ описаніемъ отдѣлки ихъ и до 200 нераскрашенныхъ рисунковъ головныхъ уборовъ, украшеній, формъ шляпъ и проч.

Годовая цѣна безъ доставки **6** р., съ дост. **7** р., съ пересылкой **8** р.

Подробное объявленіе высылается безплатно.

ЖЕНИХЪ И НЕВѢСТА. Повѣсть І. Ясинскаго. Цѣна 50 к., съ пер. 65 к. Изд. книгоизд. **Германъ Гоппе**: Спб., Садовая, 22.

Pastilles de

TAMAR INDIEN GRILLON

Exiger sur chaque boite la signature

E. Grillon

Chez tous les droguistes et pharmaciens.

Paris E. GRILLON, 27, rue Rambuteau.

Англійскіе и Американскіе **ВЕЛОСИПЕДЫ ПСЫХО КВАДРАНТЪ и РАМБЛЕРЪ** легкіе самоходы и крѣпкіе и всевозможные приборы и части предлагаютъ:

ЛЮД. РАЙНЕКЕ & Кº

Маршалковская 134, въ ВАРШАВѢ.

РЕСТОРАНЪ Ю. ЛОМАЧА,

Садовая, уголъ Невскаго, 14—52.

ЗАВТРАКЪ

отъ 11 час. утра до 3 час. пополудни, по 75 коп., изъ двухъ блюдъ на выборъ.

ОБѢДЪ

отъ 3 до 8 часовъ, по 1 руб., изъ 4-хъ блюдъ на выборъ.

УЖИНЪ

à la portion.

Leichner's Fettpuder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Цѣна коробки 1 рубль.

Пудра для дня и вечера, незамѣтная на кожѣ. Косметическое средство для улучшенія красоты кожи.

Театральная гримировка. Жирныя румяна и бѣлила. Карандаши для бровей.

Имѣются во всѣхъ косметическихъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Л. ЛЕЙХНЕРЪ въ Берлинѣ,

поставщикъ бельгійскихъ императорскихъ театровъ.

Главный складъ для всей Россіи: **В. АУРИХЪ, Колокольная, 18—19, С.-ПЕТЕРБУРГЪ.**

ПЕРЕВЕДЕНЪ магазинъ дамской и мужской обуви **И. П. ПАВЛОВА**

(фирма существуетъ съ 1854 года)

въ Гостиномъ Дворѣ, по Суконной линіи, изъ № 31-го

въ № 26-й по той же линіи,

о чемъ имѣемъ честь извѣстить многоуважаемыхъ гг. покупателей; льстимъ себя надеждой, что и впредь они не оставятъ насъ своимъ благосклоннымъ вниманіемъ; мы же съ своей стороны будемъ стараться оправдать довѣріе и неуклонно слѣдить за доброкачественностью и добросовѣстнымъ исполненіемъ.

Магазинъ кромѣ № 26 другихъ отдѣленій не имѣетъ.

→ Поставка обуви въ учебныя заведенія и корпуса. ← Съ почтеніемъ *насл. Павловы.*

При этомъ № прилагается для гг. городскихъ и московскихъ подписчиковъ объявленіе отъ дирекціи акціонернаго общества „ИМАТРА".

Главная контора и редакція „Всемірной Иллюстраціи" находятся въ С.-Петербургѣ, на Садовой ул., № 22.

Въ Москвѣ отдѣленія конторы находятся: 1) при книжн. маг. А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, 15, и 2) при конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи.

Дозв. цензурою. СПБ. 11 марта 1893 г. Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

Всемірная Иллюстрація

25-й годъ — № 1261 — 49-й томъ

Суббота 20-го марта 1893 г.

Цѣна нумеру 35 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки на годъ . **15** руб.
(при подпискѣ въ главной конторѣ редакціи).
Съ доставкою на годъ . . . . **17** »

Въ Москвѣ безъ доставки на годъ . . . . . . **17** руб.
Съ пересылкою во всѣ города Россійской имперіи на годъ . . . . **18** »

Подписная цѣна на полгода съ доставкою и пересылкою . . . . **9** руб.
За границу (въ государства всемірнаго почтоваго союза) **20** руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Редакція и главная контора: Садовая ул. № 22.

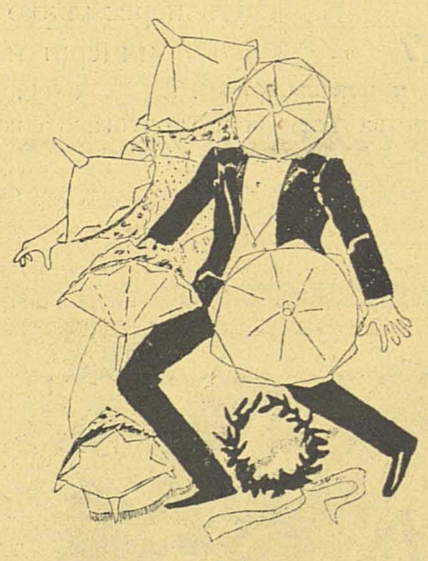
УДАЧНЫЙ КОНЦЕРТЪ
или
УСЕРДІЕ СЪ ОБѢИХЪ СТОРОНЪ.

Recitativo soprano.

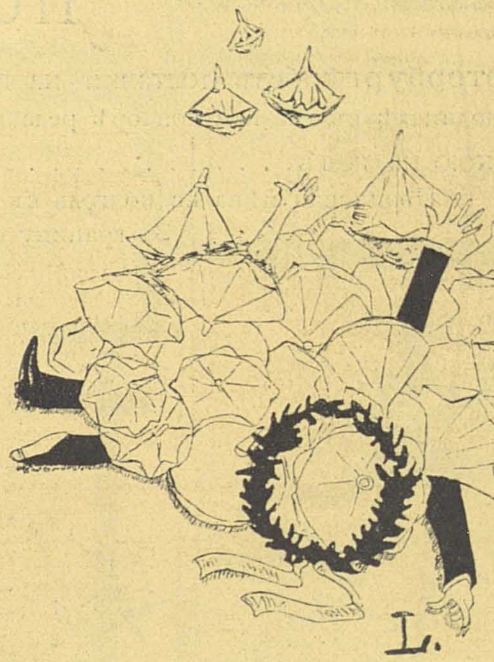
Andante con sentimento.

Molto espressivo.

Con fuoco.



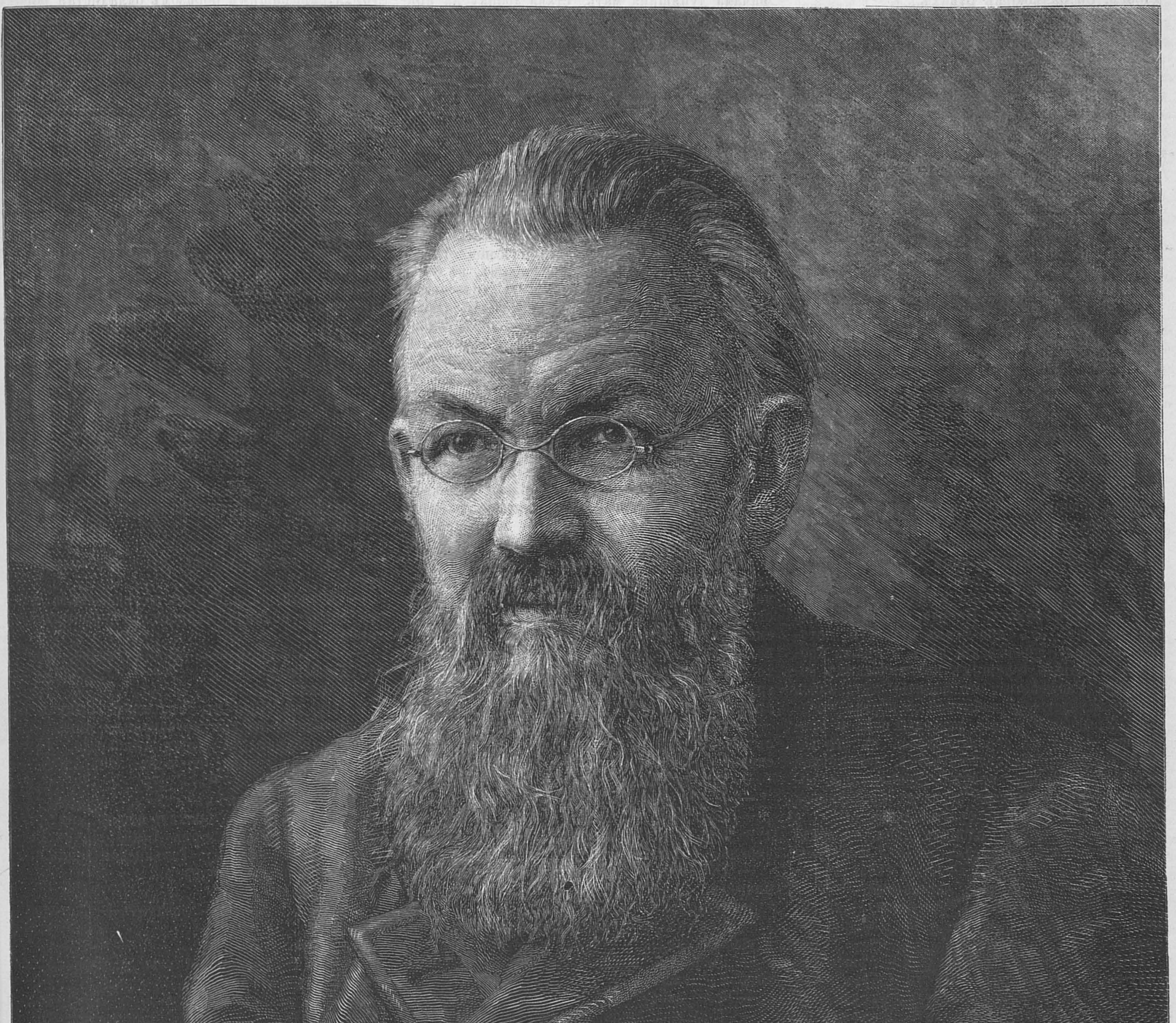
Stretta.



Finale.

Всемірная Иллюстрація

№ 1261. Годъ XXV. 20-го марта 1893 г. Томъ XLIX. № 13.



АЛЕКСѢЙ СЕРГѢЕВИЧЪ СУВОРИНЪ, извѣстный публицистъ и издатель.

Съ фотографіи К. А. Шапиро гравировалъ для »Всемірной Иллюстраціи« В. В. Матэ.

По поводу тридцатипятилѣтія литературной дѣятельности.

ГАРИБАЛЬДИ

(Изъ путевыхъ замѣтокъ)

А. С. Суворина

Я въѣхалъ въ довольно большую деревню славнымъ зимнимъ вечеромъ. Заходящее солнце скользило своими лучами по снѣгу, ударяло въ вѣтряную мельницу, играло по кровлямъ крестьянскихъ избъ и терялось въ дальней синевѣ небесъ, за темнымъ боромъ. Слышалась гдѣ-то разгульная, крикливая пѣсня, заглушаемая по временамъ смѣхомъ и дѣвичьимъ визгомъ. Снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами мужика, развалисто и мѣрно шедшаго по дорогѣ, съ палкою въ рукахъ...

— Есть тутъ постоялые дворы? спросилъ у него мой кучеръ.

Мужикъ остановился, поглядѣлъ на пару моихъ клячъ, и, махнувъ неопредѣленно рукою, сказалъ: „вонъ!..“

— Гдѣ — вонъ?

— Тамъ, отвѣчалъ мужикъ и пошелъ также мѣрно, не обращая ровно никакого вниманія на брань моего кучера.

Постоялый дворъ, впрочемъ, сказался самъ собою. Дворникъ вышелъ на дорогу и сталъ расхваливать свой овесъ.

— А комната есть особая? спросилъ я.

— Была, добрый человѣкъ, да барыня какая-то заняла. Чтобы вамъ прежде-то маленько пріѣхать... Часу не будетъ, какъ заняла...

— Да какъ же это быть?

— А такъ и быть. Болѣ тутъ нѣтъ постоялыхъ... Заворачивай, малый, обратился онъ къ моему кучеру:— заворачивай — не на дорогѣ же ночевать...

Нечего дѣлать, — мы завернули... Я приказалъ себѣ поставить самоваръ и пригласилъ на чай дворника, котораго звали Савельичемъ. На видъ ему было лѣтъ подъ сорокъ, но онъ сказалъ мнѣ, что ему давно стукнуло пятьдесятъ. За чаемъ онъ почти не переставалъ говорить. Говорилъ онъ обо всемъ, даже о такихъ вещахъ, о которыхъ онъ имѣлъ самое смутное понятіе, и говорилъ самоувѣренно, какъ человѣкъ, непривыкшій къ противорѣчіямъ. Оно и понятно: онъ сильно понатерся между *господами*, которые у него останавливались, и зналъ грамоту. Иногда, какъ онъ самъ мнѣ сказалъ, онъ пробѣгалъ и газеты, которыя получалъ деревенскій попъ, и имѣлъ коекакое понятіе о текущихъ политическихъ событіяхъ. Разумѣется, это понятіе составилось у него вслѣдствіе самобытной обработки предмета. Урывчатое чтеніе, разсказы попа и проѣзжихъ — все это переваривалось въ его головѣ, противорѣчія сглаживались, непонятное вело къ догадкамъ, пробѣлы дополнялись воображеніемъ, и такимъ образомъ составилось нѣчто цѣлое, довольно оригинальное.

Послѣ чаю стало клонить меня въ сонъ. Мнѣ постлали на полатяхъ, куда я и полѣзъ.

— Дунька! слѣзь съ печи-то, сказалъ Савельичъ. — Чего ты тамъ паришься?..

— Погрѣться хотѣлось, батюшка, — назяблась, отвѣчалъ съ печи молодой женскій голосокъ.

— Эка, зябкая!.. Слѣзай-ка... Не мѣшай барину-то, замѣтилъ родитель, уходя изъ избы.

Но Дунька самому прихотливому въ мірѣ человѣку не могла бы помѣшать. Я стоялъ на приступкѣ, собираясь взлѣзть на полати, когда она, поправивъ платокъ на головѣ, спустилась съ печи. Взглянувъ на меня мелькомъ, она улыбнулась, подошла къ стоявшей на столѣ свѣчѣ въ деревянномъ подсвѣчникѣ и сняла съ нея нагаръ пальцами.

— Обожжешься, сказалъ я, раскидываясь на полатяхъ.

Дѣвушка полу-обернулась ко мнѣ, и лицо ея снова засвѣтилось улыбкой..

— Нечѣмъ обжечься-то, сказала она.—Мы и головешки изъ печи руками вынимаемъ.

Она продолжала стоять около стола, то поправляя свѣтильню свѣчки, то перевязывая платокъ на головѣ. Казалось, ей хотѣлось что-то спросить у меня и неловко ей было. Я, между тѣмъ, успѣлъ разсмотрѣть ее. Это была стройная красивая дѣвушка. Черты лица были тонки и правильны, темные глаза, надъ которыми ровной дугой протягивались узкія брови. свѣтились такъ привѣтливо, такъ ровно, что отъ нихъ не хотѣлось оторваться...

— Послушай, голубушка, сказалъ я ей:—есть у тебя мать?

— Есть: она на дворѣ — коровъ доитъ.

— А братья?

— Нѣту... Былъ махонькій да померъ... Баринъ, начала она, понизивъ голосъ и теребя концы кушака, которымъ былъ подпоясанъ ея сарафанъ,— что я хотѣла спросить у тебя... Правда ли, болтаютъ, наборъ... и лицо ея сильно закраснѣлось...

— Дунюшка, отвори! послышался голосъ изъ сѣней и не далъ мнѣ отвѣчать Дунѣ.

— Что ты, стрекоза, не дѣлаешь ничего? начала дуняшина мать, ставя доенку на прилавокъ.—Поди, скажи Филькѣ, чтобъ коровамъ далъ... Гдѣ это онъ пропадаетъ, постылый? Мать измучается вся, а она только и знаетъ, что пропадаетъ за воротами... Нѣтъ того, чтобъ пособить!.. Барыня какая!.. Чего стоишь? Поди, коли говорятъ!..

Не говоря ни слова, накинула на себя Дуня шубку и хлопнула дверью...

Я вскорѣ уснулъ.

Разбудили меня чей-то дружный хохотъ и восклицанія.

— Тише, ребята! раздался вслѣдъ за тѣмъ голосъ Савельича:—барина разбудите... Эхъ, вы, меренья, меренья!.. Я приподнялъ немного голову и взглянулъ внизъ. За столомъ, въ большомъ углу, сидѣлъ Савельичъ въ холстинной рубахѣ, положивъ пальцы на счеты. Около него, съ правой и лѣвой стороны, помѣстились два, довольно пожилые, мужика, въ овчинныхъ полушубкахъ. На скамейкѣ, у стола, облокотившись на него локтями, сидѣли два парня, тоже въ полушубкахъ. Одинъ изъ нихъ, черноволосый, съ быстрыми глазами и съ какой-то удалью во всей фигурѣ, часто взглядывалъ на Дуняшу, которая, казалось, сильно занята была пряжею шерсти на лавкѣ, возлѣ окна. На колѣняхъ у ней лежалъ сѣрый котенокъ, положивъ свою голову на вытянутыя впередъ лапки. По временамъ, намотавъ нитку на веретено, она клала початокъ на колѣни, возлѣ котенка, — онъ вздрагивалъ, а она начинала гладить его и изъ подлобья поглядывала на черноволосаго парня. Жена Савельича стояла около стола, подперевъ рукою голову и безсмысленно устремивъ свои глаза на столъ, какъ будто стараясь разглядѣть на немъ что-то... Нагорѣлая свѣча тускло освѣщала эту группу, мигала, и тогда тѣнь переливалась и дрожала по лицамъ и фигурамъ мужиковъ...

— Откуда этотъ баринъ? спросилъ мужикъ съ окладистой широкой бородой, сидѣвшій справа Савельича.

— Изъ губерніи, отвѣчалъ Савельичъ.

— Ничего не сказывалъ?

— Какъ не сказывать?.. Сказывалъ многое...

— Объ чемъ же? спросилъ черноволосый парень.

— Объ чемъ? повторилъ Савельичъ: — обо многомъ.

— Одначе?

— Чаю напился, меня попотчивалъ, — ну, и побалякали...

— Экой ты, право, Савельичъ, заговорилъ тотъ же мужикъ...

— Чего экой?

— Того же... Экой, говорю, ты тугой. Иномѣсть жомомъ у тѣ слова-то не выжмешь...

— Зачѣмъ, парень, жомомъ? возразилъ Савельичъ... — Жомомъ скорѣй ничего не выжмешь...

— Чего же ты артачишься? Можетъ что хорошее али что худое говорилъ... Ты скажи...

— Экъ пристали, безотвязные... Ну, сказывалъ, что лошадь на дорогѣ у него захворала, а теперче, значитъ, опять оправилась...

— Ишь вѣдь несетъ! Велика диковинка — лошадь!

— Какую же я тѣ диковинку скажу?

— Да про наборъ-то скажи! рѣшился выговорить черноволосый парень.

— Какой тѣ тамъ наборъ?

— Извѣстно — какой наборъ бываетъ, замѣтилъ мужикъ съ окладистой бородой. — У меня Микитка-то очередной, да вотъ и Ванька тоже, и онъ кивнулъ на черноволосаго парня, который потупилъ голову и сталъ что-то выводить пальцами на столѣ.

— Коли очередной, сказалъ Савельичъ, — такъ тутъ и разговаривать нечего. Значитъ, баста! Своей судьбы не миновать, а только теперче никакого набору нѣту...

— Значитъ про наборъ-то баринъ ничего...

— Ничего...

— Ишь, вотъ поди тутъ, вѣрь людямъ.

— А что?

— Да вотъ дядя Пахомъ пріѣхалъ изъ города—наборъ, говоритъ, потому теперче война...

— Что-жъ, что война! сказалъ Савельичъ.— Только гдѣ война? Ты это сперва въ толкъ возьми...

— Ужъ коли, братъ, война, заговорила убѣдительнѣйшимъ образомъ окладистая борода, — такъ, значитъ, все едино: хранцузъ ли, агальчанинъ, турокъ ли — все едино...

— Чего едино?

— А того, говорю, едино, что коли война, такъ Микитка уйдетъ...

— Ты говоришь!

— Я, извѣстно...

— А почему?

— А потому по самому, что война эта тальянская...

— Тальянская?

— Вѣстимо... Ежели-бъ, примѣрно, хранцузъ али турокъ — ну, тогда, значитъ, наборъ безпремѣнно, потому—супротивно намъ, что этотъ турокъ не нашинскаго закона, а ежели тальянцы воюютъ, такъ это все одно, что ничего... Примѣрно, ежели ты подерешься съ Максимомъ — такъ не стать, чтобъ разнимать васъ, наборъ дѣлать...

— Такъ?

— Извѣстно...

— Ну, и до тальянцевъ намъ дѣла никакого нѣту...

— Да развѣ они нашего закона?

— Кто тѣ говоритъ — нашего? Развѣ я тѣ говорю?

— А только это дѣло намъ неподходящее. То, значитъ, турокъ, а то тальянцы — ты это пойми.

— Это, точно, понять я могу.

— Ну, а коли можешь, что-жъ и толковать тутъ?

— А тебѣ, дядя, баринъ не сказывалъ кто эту войну поднялъ? спросилъ черноволосый парень.

— И безъ него, безъ барина твово, знали, что Алибардія,

— Алибардія?

— Ну, да. Чего ты бѣльмы-то выпучилъ? Съ хорошими людьми не знаешься, такъ тебѣ и въ диковинку... А этотъ Алибардія, я тѣ скажу, такая голова, что всѣхъ енараловъ за поясъ заткнетъ...

— Ужъ будто всѣхъ?

— Я тѣ говорю... брехать что ли мнѣ? Ну, самъ подумай: былъ этотъ Алибардія въ Ростовѣ прикащикомъ, изъ Тальянской земли пріѣзжалъ, а теперче енаралъ...

— Енаралъ?

— Ну, да. Все какъ слѣдуетъ — настоящій енаралъ.

— Диво!

— Это что за диво! А вотъ далѣ-то ты послухай — ротъ розинешь...

— Ну?

— Погоди, дай табаку понюхать... Экой швыткой! Такъ вотъ ему все разомъ и выложь... Важно! проговорилъ онъ понюхавъ.—Вотъ этотъ табакъ за сердце беретъ, а вотъ у отца дьякона не табакъ, а трава...

— Ты про Алибардію-то скажи! настаивалъ Ванька.

— Погоди! Дай собразиться-то...

— Говорилъ ты это, Савельичъ, началъ мужиченокъ съ клинообразной бородкой, до того времени не проговорившій ни слова и только улыбавшійся себѣ въ бороду...—Говорилъ ты, говорю, что этотъ Алибардій въ Ростовѣ прикащикомъ былъ...

— Говорилъ. Что дальше?

— То-то мнѣ это сумнительно. Мѣкаю, енаралъ супротивъ прикащика далеко ушелъ...

— Дальше будетъ что?

— То-то... Ежели-бъ теперича я, къ примѣру, пошелъ на баркахъ къ Ростову и вдругъ енараломъ вышелъ... Вѣдь это оченно сумнительно...

При этомъ наивномъ замѣчаніи парни захохотали, а мужики улыбнулись и подняли шумный говоръ:

— Экъ куда его хватило!.. Онъ-то, Максимъ-то въ енаралы вышелъ...

— А тетка Анисья вылѣзла-бъ въ енаральши!..

— Чай бы ты тогда ведро намъ поставилъ!..

— Держи карманъ!.. Онъ бы тѣ зашеинъ надавалъ — вотъ что!..

— Вѣстимо — енаралъ, молъ, одно слово...

— Ну, у, зубоскалы! заговорилъ Савельичъ съ упрекомъ.— Дѣломъ надоть урезонить человѣка... Доподлинно растолковать ему, а они ржутъ!.. Ты вотъ что, Максимъ, ты пойми, что ты мужикъ, а то, значитъ, Алибардія...

— Да онъ что за птица? Мужикъ, аль мѣщанинъ?

— Какой же онъ можетъ быть мужикъ? Ты пойми — мужики въ одной Расеи и есть, а тамъ, значитъ, тальянцы...

— Развѣ что такъ, утѣшился Максимъ.

Ванька опять нукнулъ.

— Не нукай, парень,замѣтилъ Савельичъ.— Что я тѣ лошадь, что ли? Да и та отдыхъ любитъ, а человѣкъ и подавно... Ты слухай! Сейчасъ я тѣ начну про этого пронзительнаго человѣка, про Алибардія... Видишь... Пріѣхамши это изъ Ростова, Алибардія и поди къ тальянскому королю. А въ землѣ въ этой тальянской, слышь ты, два короля есть. Одинъ, значитъ, какъ есть король, настоящій, все одно, примѣрно, какъ нашъ царь, а другой, значитъ, такъ себѣ, поменѣ. Настоящаго-то тальянскимъ зовутъ, а махонькаго — нетальянскимъ. Понялъ?

— Ну?

— Вотъ, этотъ Алибардій и говоритъ тальянскому-то: хочешь, говоритъ, твое величество, я тѣ новое царство предоставлю? Хочу, говоритъ. Только какое же ты мнѣ царство предоставишь и что ты за человѣкъ есть? Я, говоритъ, Алибардія. А, говоритъ, наслышанъ. Ты, сказываютъ, знатный воякъ. Сядемъ, говоритъ, потолкуемъ... Сѣли это они, потолковали и сладили это самое дѣло. Будь, говоритъ король-то, ты енараломъ отнынѣ и до вѣку и кликни охотниковъ. А казны, говоритъ, у меня и куры не клюютъ — бери сколько хочешь... Только ежели ты, говоритъ, царства того не предоставишь — быть тебѣ на висѣлицѣ!

— Вотъ оно какъ! Казну, молъ, бери, а дѣло справляй!

— Вѣстимо такъ... Съ королемъ, братъ, шутить мудрено. Ты вонъ съ окружнымъ поди пошути, такъ онъ тѣ такихъ подзатыльниковъ надаетъ, что вѣкъ помнить будешь, да и внукамъ накажешь, чтобъ опасались. Вотъ кликнулъ Алибардій кличъ охотниковъ ужасть сколько набралось. Пойдемъ, говоритъ, ребята, царство добывать! Надоть, говоритъ, короля нашего потѣшить. Больно уже онъ милъ намъ. Ради, говорятъ, стараться... Пошли таючись... Одначе нетальянскій-то король провѣдалъ-таки про это самое и говоритъ чрезъ посланца Алибардію-то: не за свое дѣло взялся ты, другъ! Я тѣ, говоритъ, разбойника этакаго въ Сибирь упеку. Да и тамъ, говоритъ, ты у меня мѣста не найдешь. Тю... тю... тю, Алибардій-то въ отвѣтъ: видали мы виды!.. Не хвались, прежде Богу помолись. Ты, говоритъ посланецъ-то, не финти, а дѣло говори. Чего, говоритъ, мнѣ финтить-то?.. Одно слово: иду на вы. Проваливай!.. Видитъ посланецъ — не застращаешь его и улещать зачалъ. Ты бы, говоритъ, хотя Бога-то побоялся. Я, говоритъ, Бога-то попрежде тебя зналъ. Ты меня не учи, молокососъ ты этакой! Ну, такъ одно слово — ты разбойникъ! говоритъ. Нѣтъ, говоритъ, врешь, не я разбойникъ, а ты...

— Это король-то говоритъ? спросилъ ванькинъ сосѣдъ.

— Какой тѣ тамъ король? Замѣтилъ Ванька. — Алибардій говоритъ: врешь, — а король говоритъ разбойникъ ты — одно слово...

— Ну, началъ Савельичъ, — понесли опять околесную. Вы слухайте! Побранимшись это, сталъ нетальянскій король войско набирать... Никто нейдетъ...

— Къ королю-то? Что-жъ они съ ума, что ли, сошли?

— Ну, ужъ это ты поди у нихъ спрашивай! Дѣло это не мое. Алибардія-то посмѣивается себѣ: что, говоритъ, взялъ? Я тѣ, голубчика, допеку—будешь хвастаться... Ишь, говоритъ, Сибирью тоже стращаетъ. Я, говоритъ, не поросенокъ тѣ какой достался — знай, съ кѣмъ дѣло ты имѣешь! А самъ-то въ грудь себя колотитъ, такъ колотитъ — разсерчалъ...

— Лютой должно?

— Одно слово — человѣкъ пронзительный...

— Пужнемте-ка, говоритъ, ребята! Тѣ и пужнули. Видитъ король: плохо дѣло — бѣда на носу сидитъ; ревомъ реветъ: помогите, говоритъ, отцы родные, ради самаго Христа помогите!

— Это кому жъ онъ говоритъ?

— Извѣстно народцу своему... Собралъ койкакихъ солдатиковъ, а ужъ Алибардій-то полцарства захватилъ — катается себѣ тамъ, какъ сыръ въ маслѣ, и усомъ не ведетъ.

Парни стали подталкивать другъ друга и показывать величайшее нетерпѣніе...

— Слышь, Алибардій-то! шепталъ Ванька.

— Цыцъ, экъ тѣ разбираетъ, слухай!

— Полцарства захватилъ...

— Слухай!.. Прибыль тѣ, что ли?

— Ну, чего вы тамъ опять? замѣтилъ Савельичъ...

— Да Ванька дуритъ...

— Ты не бреши, Филька, чего не надоть!.. Я, дядя, въ радости-то толкнулъ его...

— А что тѣ за радость?

— Да Алибардія-то, дядя... Экой молодецъ!

— Точно, малый, что молодецъ! серьезно замѣтилъ Савельичъ. — Голова великая!.. Савельичъ замолкъ; лица слушающихъ выражали живѣйшее нетерпѣніе.

— Чего-жъ молчишь-то? вскричали всѣ почти въ одинъ голосъ...

— Говори, дядя, говори, сказалъ Ванька.— Вѣдь я тѣ не про то. А про это ты говори...

Дуня посмотрѣла на него и, чуть-чуть покачавъ головою, закружила початокъ...

— Ну, хорошо, хорошо, началъ снова Савельичъ. — Слухай... Захватилъ, говорю, Алибардія полцарства — и разозлись на него за это римская папа...

— Римская папа? Кто же эта такая папа?

— Римская папа, извѣстно, человѣкъ, сказалъ Савельичъ, усмѣхнувшись и, видимо, довольный тѣмъ, что привелъ въ недоумѣніе присутствующихъ...

— Человѣкъ? Какой же онъ человѣкъ?.. Папа — такъ баба, значитъ...

— Вотъ то-то и есть, что не баба, продолжалъ Савельичъ. — На то тамъ и земля тальянская — все, значитъ, не по нашему... Римская папа — это, примѣрно, у тальянцевъ все одно, что у насъ архирей. Только, значитъ, ежели поставить ихъ на одну доску, такъ архирей нашъ повыше будетъ, потому тамъ, значитъ, тальянская земля, а у насъ Расея, такъ одно къ другому оно и не подходитъ.

— Та-а-къ, протянули мужики и съ напряженнымъ вниманіемъ стали слѣдить за разсказомъ.

— Разозлился это, говорю, римская папа и говоритъ: не дамъ я въ обиду свово кума милаго, — король ему кумомъ приходился, — помогу ему... Чѣмъ же, говорятъ, ты ему помочь можешь?.. Ничѣмъ ему нельзя помочь! Можно, говоритъ... Вотъ и велѣлъ онъ собрать своихъ поповъ. Собрали. Хочу, говоритъ имъ папа, проклясть я на всѣхъ соборахъ злаго эретика, Алибардію... Какъ вы думаете? Тѣ, извѣстно: что-жъ, говорятъ, отчего не проклясть? проклясть можно... Дѣло это въ твоихъ рукахъ. А мы для твоей милости ради стараться...

— Ишь, куда метнулъ-то? замѣтилъ Максимъ.

— Экіе шелудивые! непріязненно, съ какимъ-то презрѣніемъ произнесъ Ванька.

— Да, малый, Алибардія ничуть этого не испужался. Проклинай, говоритъ, сколько твоей душенькѣ угодно: мнѣ, говоритъ, на это наплевать!..

— Такъ и говоритъ? спросилъ Максимъ съ испугомъ.

— А ему что-жъ? такъ и говоритъ. Развѣ я тѣ обманывать стану? Я съ тѣ тысячу рублевъ не возьму — соврать-то...

— Какъ же это такъ? Значитъ, Алибардійто и Бога не боится?.

— Какъ не бояться! Кто-жъ Бога-то не боится, ты скажи!

— Да какъ же онъ такъ?

— А также. Видитъ, человѣкъ изъ-за кумовства одного проклинаетъ, что-жъ ему? Развѣ Богъ тѣ кумовство разбирать станетъ? заключилъ Савельичъ.

— Ну, дядя!

— Видитъ римская папа — не дѣйствуетъ это — и говоритъ: прокляну-ка я тальянскаго короля — будетъ тѣ ужо, разбойникъ! Не проклинай, говоритъ, сдѣлай милость! я тѣ въ ножки поклонюсь! говоритъ Алибардій, а самъ рожи корчитъ — грохочетъ. Пожалуйста, говоритъ, не проклинай! Сдѣлай такую божескую милость — одолжи! Потомъ какъ разъярится, какъ зыкнетъ: попробуй, говоритъ, проклясть! Я тѣ утру тогда!.. Ну, говоритъ папа, ужъ это дудки — не утрешь!.. У меня, говоритъ, защитникъ-то есть — хранцузскій царь... Онъ, говоритъ, тоже мнѣ кумъ.

— Одначе кумовство-то у него знатное!..

— Извѣстно, римская папа!.. Чего тутъ толковать! Ну!

— Ну, парнюга, продолжалъ Савельичъ какимъ-то ухарскимъ тономъ:—какъ сказалъ это папа, Алибардій-то и прыснулъ со смѣху.

— Что ты?

— Ей-Богу. Заливается себѣ во всю глотку. Товарищи-то ему: что ты, что ты? говорятъ. А онъ, знай, заливается, ажно животики надорвалъ... Братцы, говоритъ, дайте водицы испить, а то лопну со смѣху... А человѣкъ, значитъ, тучный...

— Чему же это онъ обрадовался?

— А ты слухай! Чего впередъ-то забѣгаешь?

— Да какже это онъ не испужался?

— А чего ему пужаться-то? Вѣдь Банапартъ-то, хотя и кумъ папѣ-то, а въ грошъ его не ставитъ.

— Ужли?

— Я тѣ говорю... Ты подумай: кто Банапартъ? хранцузъ? такъ?

— Ну, такъ.

— А ежели теперче онъ хранцузъ, такъ значитъ лицомъ въ грязь не ударитъ...

— Вѣстимо...

— А что, Савельичъ, это тотъ Банапартъ, что въ Расею приходилъ? спросилъ Максимъ.

— Экъ ты, дядя! сказалъ Савельичъ, — не бельмеса не знаешь... Тотъ давно ужъ горячія сковороды лижетъ, а это племянникъ его.

— Племянникъ?.. Такъ-съ... Ну, а какъ онъ супротивъ того-то, — значитъ, который лучшето изъ нихъ?

— Который?.. извѣстно который... ты теперче это разсуди — первый, значитъ, волкомъ былъ, а это все болѣ лисицей. Вотъ ты и раскинь умомъ-то: ежели лисица по твоему лучше выглядываетъ, такъ нонѣшній Банапартъ лучше прежняго, а ежели волкъ лучше, значитъ, первый верхъ возьметъ...

— Мудрено что-то, братъ... Трудно въ толкъ это взять...

— А почему?

— А потому по самому, что и лисица тѣ звѣрь нехорошій, и волкъ, значитъ, ехидный звѣрь... Какъ же теперче это разсудить? Ежели волкъ... ежели лисица... нѣтъ!.. Вотъ ежели-бъ первый волкъ, а второй лошадь — ну, тогда вольготнѣй было бы... А то, значитъ, волкъ...

— Экъ, охота ему! возразилъ Ванька. — Разсуди себѣ тамъ съ Анисьей. Можетъ она тѣ и втолкуетъ... Баба толковитая... Досказывай, дядя!

— Вѣстимо досказывай! подтвердили другіе.

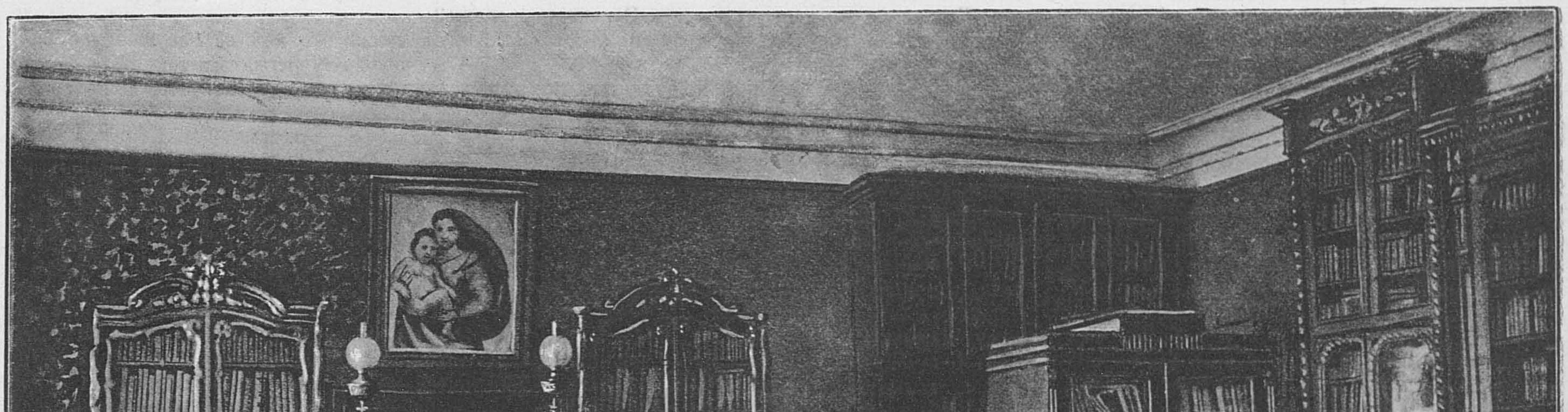
— Подождите, братцы. Чтой-то будто туманъ нашелъ... Надоть табаку понюхать...

Онъ понюхалъ такъ, что закашлялся...

— Вотъ теперче отлегнуло. Этакая трава чудная!.. Видишь, говорю... На чемъ, бишь, я

Домикъ въ с. Коршевѣ, бобровскаго уѣзда, воронежской губерніи, въ которомъ родился А. С. Суворинъ.

Съ наброска мѣстнаго старожила рисовалъ К. О. Брожъ.



Рабочій кабинетъ А. С. Суворина въ помѣщеніи редакціи газеты »Новое Время«.

Автотипія Эд. Гоппе съ фотографіи Л. А. Клювера, снятой для »Всемірной Иллюстраціи«.

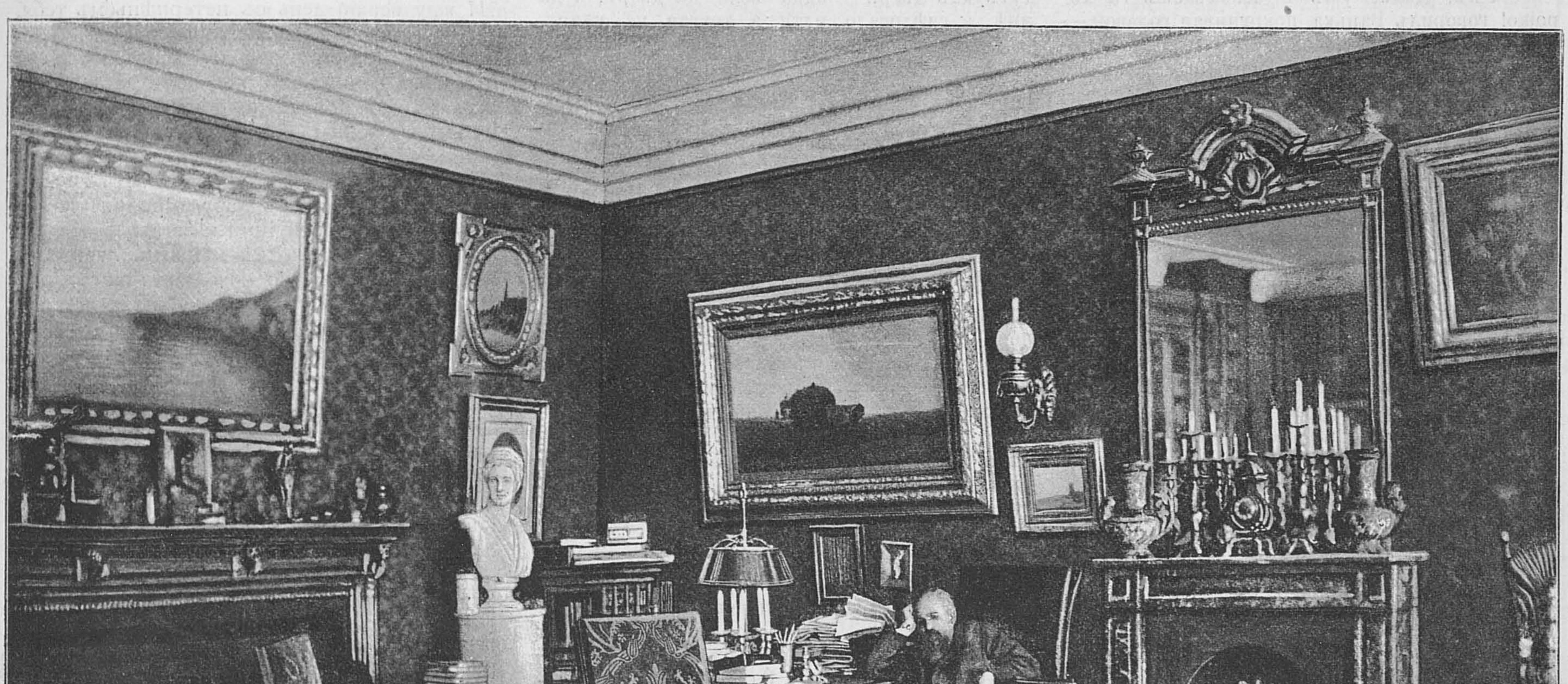
Тридцатипятилѣтіе литературной дѣятельности А. С. Суворина.

К. К. Арсеньевъ.—В. И. Лихачевъ.—Л. А. Полонскій.—Ѳ. Ѳ. Воропоновъ.—А. Н. Веселовскій.—П. А. Гайдебуровъ.—А. Л. Боровиковскій.—В. В. Марковъ.—П. А. Зеленый.

В. П. Буренинъ. — А. Г. Каррикъ-Маркелова. — Э. К. Ватсонъ. — В. Ѳ. Коршъ. — *А. С. Суворинъ.* — Ц. А. Кюи. — К. Д. Кавелинъ.

А. С. Суворинъ, въ эпоху его сотрудничества въ »С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ« (1863—1869), среди членовъ редакціи этой газеты.

Съ рѣдкой фотографіи (»Свѣтопись« Левицкаго) гравировалъ для »Всемірной Иллюстраціи« В. В. Матэ.



А. С. Суворинъ, отдыхающій въ своемъ рабочемъ кабинетѣ.

Автотипія Эд. Гоппе съ фотографіи Л. А. Клювера, снятой для »Всемірной Иллюстраціи«.

Тридцатипятилѣтіе литературной дѣятельности А. С. Суворина.

остановился-то? Да, вспомнилъ... Ну, ребятушки, надоть же было такой оказіи случиться... Прослышалъ этотъ Банапартъ, что эта папа римская ужъ больно возжи подтянулъ — значитъ, въ голову-то онъ себѣ много забралъ... Теперче разсудить: хоша онъ и архирей, одначе все же не икона какая, а человѣкъ, значитъ, и должонъ онъ навсегда помнить, что въ землю пойдетъ, по писанію... Ну, а папа, должно, забылъ это самое и зачалъ хрестьянъ-то своихъ мучить. И то ему сдѣлай, и это сдѣлай, и тутъ-то поправь... А чуть провинился — держись!.. Теперче, ежели онъ въ церковь войдетъ, сапоги ему цалуй. Ужъ ты бы, хрестьяне-то толкують, хоть ноженьку свою далъ поцаловать, оно все бы легче, а то сапоги... Извѣстно, говорятъ, что же сапоги?.. сапоги, значитъ, тлѣнъ... Не разговаривать! скажетъ. Одно слово — цалуйте, да и все тутъ. Прикрикнетъ на нихъ, тѣ и зачнутъ передъ нимъ елозить да прикладываться къ сапогу... Жалились они Банапарту: уйми, говорятъ, его! Тотъ и говоритъ папѣ-то: поддержиська, родной, маленько. А-то ужъ больно ты замудровалъ... А тотъ не слухаетъ: ты, говоритъ, мнѣ не указъ. Я, говоритъ, какъ сродственникъ тѣ говорю — худо будетъ. Ничего, говоритъ, не будетъ... Ну, тутъ у Банапарта сынокъ родился; онъ папу-то кумомъ къ себѣ взялъ. Окрестилъ честь честью, и опять къ себѣ, въ Римъ, укатилъ и опять замудровалъ. Банапартъ молчитъ—потому, задумалъ онъ на царство вѣнчаться: значитъ, папа-то и нуженъ ему сталъ. Пишетъ къ нему: такъ и такъ, говоритъ, пріѣзжай, сдѣлай милость, куманекъ. А тотъ въ отвѣтъ ему: дай, говоритъ, сто тысячъ рублевъ, поѣду, а не дашь — и не жди! Больно много, Банапартъ-то говоритъ, и на тысячѣ съѣдешь. Ну, говоритъ, ужъ это дудки... Для кума, пожалуй, спущу—давай пятьдесятъ! ни копѣйки менѣ... Выложилъ это ему Банапартъ, одначе озлился на него пуще прежняго, а все таилъ до поры до времени и при людяхъ завсегда о папѣ хорошо говорилъ... одно слово — лисица.

— Ухъ, дядя, ужъ и сказываешь ты хорошо! говорилъ Ванька, покручивая головой.— Вотъ тѣ Христосъ хорошо!

— По газетамъ тѣ говорю, самодовольно улыбаясь, продолжалъ Савельичъ. — Что газеты, то, значитъ, и я... Только подросъ этотъ сынишко и пристаетъ къ отцу: когда, говоритъ, это хрёстный пріѣдетъ? Хочь бы, говоритъ, однимъ глазомъ взглянулъ на него. Зачѣмъ, говоритъ, тебѣ онъ? Какъ зачѣмъ? все бы, глядишь, жамочекъ привезъ. Поди, говоритъ, мать купитъ. Что мать! мнѣ отъ хрёстнаго хочется... Пристаетъ такъ къ нему разъ, пристаетъ два — и обрыгъ. Жена, говоритъ, возьми сына. Чего онъ лѣзетъ ко мнѣ? Съ чѣмъ же, говоритъ, онъ къ тебѣ лѣзетъ? Да все съ хрёстнымъ... Ну, извѣстно, мать за сына вступилась. Это, говоритъ, онъ уважительность показываетъ; за это, говоритъ, нечего тазать, и пошла, и пошла. А Банапарту перечить — ножъ вострый... Разсерчалъ и разжаловалъ сына изъ енараловъ въ солдаты на пять дней... Не лѣзь, говоритъ онъ, ко мнѣ съ хрёстнымъ. Мнѣ, говоритъ, онъ вотъ гдѣ сидитъ... Теперче понялъ?

— Чего?

— Какъ чего? Къ чему все это идетъ?

Мужики рты разинули.

— Эхъ, вы, дурни! Да чего-жъ Алибардій-то грохоталъ?

— Чего? Можетъ онъ грохотунъ такой?

— Я тѣ сказываю — степенный человѣкъ.

— Что-жъ бы это такое?

— Да то, что Алибардій зналъ про это самое. А когда Банапартъ сына-то разжаловалъ, Алибардій возьми да и припечатай въ газетахъ: такъ и такъ, молъ, разжаловалъ свово сына Банапартъ за то, что все съ папой приставалъ къ нему...

— Э, э, э!.. Вотъ оно!..

— Ну, да.

— Молодецъ же, право слово молодецъ!..

— Вотъ голова!

— Вотъ шельма-то!

— Ну-ну! Другаго такого весь свѣтъ исходишь не найдешь...

— Извѣстно такъ... Какъ узналъ про это папа дюже разсерчалъ... Ужъ куда, говоритъ, ни шло — всѣхъ прокляну! И проклялъ это Алибардія, тальянскаго короля, да хранцузскаго. Какъ проклялъ онъ это всѣхъ, и заварилась каша... Хранцузъ это и говоритъ: чтожъ, говоритъ, за двуличневый человѣкъ этотъ папа! Самъ же, говоритъ, на царство повѣнчалъ меня да еще деньги взялъ, а теперче проклинаетъ. Надоть отпоръ ему дать, и пошелъ за Алибардія, тальянскій король и подавно. Съ папы, извѣстно, взятки гладки, пригрозили только: выгонимъ, говорятъ, изъ Рима и все твое гнѣздо раззоримъ, а нетальянскому-то королю, сердягѣ, досталось!.. Алибардій даже это въ присядку пляшетъ. Ахти, говоритъ, разлюли малина!.. Наша вывезла! Покуда тамъ судъ да дѣло, покуда хранцузъ сбирался, Алибардій какъ гаркнетъ своимъ соколамъ: ребята, говоритъ, всѣ за насъ... теперче, говоритъ, безъ опаски можно... и взялъ это царство у нетальянскаго короля и отдалъ его тальянскому: на, говоритъ, вотъ тѣ царство! Я, говоритъ, свому слову господинъ!.. Молодецъ, говоритъ король, и облобызалъ его. Радъ, говоритъ, стараться до конца жизни...

Снова воцарилось молчаніе.

— Такъ набору-то не будетъ? спросилъ Ванька.

— Какой тѣ тамъ наборъ, коли и война кончена.

Мужики были крайне довольны благополучнымъ исходомъ дѣлъ Гарибальди и стали его хвалить на всѣ лады. Одинъ Максимъ былъ какъ-то равнодушенъ.

— Что-жъ, сказалъ онъ, обращаясь къ дворнику: — когда тѣ овесъ-то привозить?

— Привози хочь завтра. Только я болѣ пяти рублевъ не дамъ, отвѣчалъ Савельичъ...

— Что-жъ? пять, такъ пять... И пять можно.

До свѣту еще разбудилъ меня кучеръ, сказавъ, что пора ѣхать. Я натянулъ свои валенцы и, разсчитавшись съ Савельичемъ, вышелъ изъ избы. Въ сѣняхъ было очень темно, и я забылъ куда идти. Помнилось мнѣ, что тутъ двѣ двери — одна вела на дворъ, куда мнѣ и слѣдовало идти, а другая на улицу, на защищенное со всѣхъ сторонъ соломою крыльцо. Только направо ли нужно было мнѣ идти, налѣво ли — я не зналь.

Въ то время, какъ стоялъ я въ раздумьи, возлѣ меня кто-то почти неслышно пробѣжалъ, словно пролетѣлъ, отворилъ дверь налѣво безъ всякаго шума и скрылся... Почему-то подумалось мнѣ, что это Дунька. Любопытство и какое-то участіе къ этой хорошенькой дѣвушкѣ толкнули меня подойти къ двери налѣво. Съ замираніемъ сердца, какъ школьникъ, ползущій тихонько воровать яблоки въ сосѣднемъ саду, подкрался я и сталъ слушать.

— Ну, Дуня, и прождалъ я тебя — весь издрогъ, говорилъ знакомый мужской голосъ, въ которомъ тотчасъ я узналъ ванькинъ.

— Что было дѣлать, золотой? Матушка съ собой положила меня въ горенкѣ да обняла еще. Ужъ я, Ванюшка, и помучилась... Часа съ три все руку-то отводила потихоньку... Отведу, она опять положитъ...

— Ты, значитъ, и не спала?

— Пойдетъ тутъ развѣ сонъ на умъ? Сказалъ ты — приходить безпремѣнно, какъ же я ослухаюсь?..

Раздался тихій долгій поцѣлуй.

— Будетъ, будетъ, Ваня... Будетъ, голубчикъ, говори скорѣй!

— Что говорить-то?.. Вѣдь ты слышала? Самъ сказалъ...

— Просто, касатикъ, подарилъ онъ меня этимъ словомъ... Теперь и сумлеваться нечего — отдастъ!..

— Упрямъ онъ, Дуня... Помнишь, лѣтось сталъ батюшка говорить — такъ куда тебѣ!.. Развѣ, говоритъ, на то я дочь родилъ, чтобъ солдаткой была?..

— Авось теперь смилуется, Богъ дастъ... И чего ему обо мнѣ крушиться, Ваня?.. Вѣдь не ему жить съ тобой... Ну, солдатка, такъ солдатка... Развѣ въ солдаткахъ ужъ такъ худо?.. Да я вотъ что, касатикъ мой, скажу... Ежели онъ не отдастъ за тебя — удушусь... Такъ и ему скажу... Что мнѣ за жизнь будетъ безъ тебя, золотой мой?

И опять послышался продолжительный поцѣлуй и прерывистые слова Дуни: — будетъ, Ваня, будетъ!..

— Ну, прощай, соколъ мой ясный, пора... Неравно матушка схватится.

— Авось не схватится... Посиди еще, Дуня, посиди!..

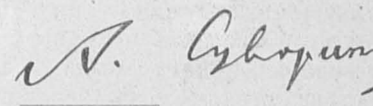
— Баринъ тутъ? произнесъ мой кучеръ изъ противоположныхъ дверей.

— Ай! вскрикнула Дуня.

— Тссссс...

И тамъ словно замерло...

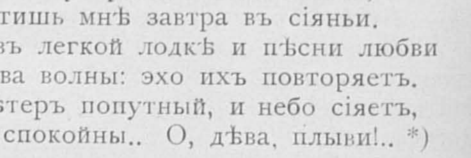
Декабрь 1860 г.



Узникъ

(Изъ Беранже)

Плыви въ легкой лодкѣ и пѣсни любви
Пой, дѣва волны: эхо ихъ повторяетъ:
Тихъ вѣтеръ попутный, и небо сіяетъ,
И воды спокойны... О, дѣва, плыви!..
Такъ узникъ поетъ сквозь рѣшетку
Тюрьмы, омываемой тихой волной,
Когда въ челнокѣ онъ увидитъ порой
Плывущую дѣву-красотку.
Плыви въ легкой лодкѣ и пѣсни любви
Пой, дѣва волны: эхо ихъ повторяетъ.
Тихъ вѣтеръ попутный, и небо сіяетъ,
И воды спокойны.. О, дѣва, плыви!..
Невольникомъ въ юные годы
Въ глухую тюрьму посадили меня, —
И жду всякій день съ нетерпѣньемъ тебя,
Какъ жду всякій день я свободы.
Плыви въ легкой лодкѣ и пѣсни любви
Пой, дѣва волны: эхо ихъ повторяетъ.
Тихъ вѣтеръ попутный, и небо сіяетъ,
И воды спокойны... О, дѣва, плыви!..
Какъ чисто вода отражаетъ
Твой станъ... О, какая округлость грудей!
Любовь иль зефиръ парусъ лодки твоей
Къ темницѣ моей привлекаетъ?
Плыви въ легкой лодкѣ и пѣсни любви
Пой, дѣва волны: эхо ихъ повторяетъ.
Тихъ вѣтеръ попутный, и небо сіяетъ,
И воды спокойны... О, дѣва, плыви!..
Меня оживляетъ участье
Твое: ты желаешь свободы моей, —
Скорѣй же на берегъ свободный, скорѣй,
И насъ ожидаетъ тамъ счастье.
Плыви въ легкой лодкѣ и пѣсни любви
Пой, дѣва волны: эхо ихъ повторяетъ.
Тихъ вѣтеръ попутный, и небо сіяетъ,
И воды спокойны... О, дѣва, плыви!..
Ты манишь меня, дѣва рая,
Слезами увлажились очи твои...
Но снова скажу я надеждамъ прости, —
Бѣжишь ты, и я умираю...
Плыви въ легкой лодкѣ и пѣсни любви
Пой, дѣва волны: эхо ихъ повторяетъ.
Тихъ вѣтеръ попутный, и небо сіяетъ,
И воды спокойны... О, дѣва, плыви!..
Меня обмануло мечтанье!
Но нѣтъ: ты мнѣ машешь рукою своей,
Свѣтило прекрасное жизни моей, —
Засвѣтишь мнѣ завтра въ сіяньи.
Плыви въ легкой лодкѣ и пѣсни любви
Пой, дѣва волны: эхо ихъ повторяетъ.
Тихъ вѣтеръ попутный, и небо сіяетъ,
И воды спокойны.. О, дѣва, плыви!.. *)



*) Это — первое, появившееся въ печати, произведеніе А. С. Суворина. Оно помѣщено въ журналѣ „Мода" 1858 г., № 4.

СОЛДАТЪ ДА СОЛДАТКА

Разсказъ

А. С. СУВОРИНА

Почти весь косогоръ, усѣянный кое-гдѣ кустарникомъ, былъ покрытъ копнами только что скошеннаго сѣна.

Возлѣ небольшаго рукава рѣки, протекавшаго внизу, варили ужинъ. Дымъ поднимался прямо кверху и исчезалъ понемногу въ воздухѣ, надушенномъ сѣномъ. Было очень тихо — воды протока стояли какъ зеркало... Мальчишка, котораго послали съ котелкомъ за водой, стоялъ на берегу и пускалъ въ воду засохшіе комья грязи, мало заботясь о томъ, что его давно ждали.

— Эй ты, баловень! крикнулъ старикъ-крестьянинъ, варившій кашу: — давай воду-то. Полно баловаться-то, а то я такъ вихоръ тѣ надеру, что и матери не скажешь...

— Заразъ, отвѣчалъ мальчишка и, отворотивъ большую глыбу земли, спихнулъ ее въ воду. Вода отшатнулась отъ берега и замутилась. Мальчишка взялъ котелокъ за дугу и, зачерпнувъ мутной воды, тотчасъ же напился изъ него.

— Экой баловень, баловень! проговорилъ старикъ, когда мальчикъ принесъ воду: — погляди, какую мутную воду ты принесъ.

— Ничего, возразилъ мальчикъ. — Лучше нѣту.

— Нѣту?.. А ты вотъ не дурилъ бы такъ, такъ лучше было бы... Кличь ребятъ-то...

Мальчишка побѣжалъ по косогору съ припрыжкой, ударяя себя правой рукой куда слѣдовало и вскрикивая: — валяй, Матюшка, валяй!

Совсѣмъ завечерѣло, когда ребята собрались къ ужину. Съ ними пришелъ какой-то мѣщанинъ въ длинной чуйкѣ, концы которой онъ свертѣлъ и держалъ въ рукѣ.

— Вотъ, дѣдъ, гостя къ тебѣ привели, сказалъ парень, указывая на мѣщанина.

Дѣдъ поглядѣлъ на мѣщанина и сказалъ: — добро пожаловать.

— Въ Илишовку идетъ, сказалъ тотъ же парень.

— Да-съ, въ Илишовку, выговорилъ мѣщанинъ. — Мы тамъ торгуемъ... Да вотъ ночь ужъ, — такъ я и думаю переночевать здѣсь. Можно?

— Отчего нѣтъ? Можно, ночуй... Слободнаго мѣста — ишь колько!..

Ребята поужинали. Старикъ сейчасъ же растянулся на землѣ и уснулъ, прикрывшись своимъ халатомъ.

Ребята еще не ложились... Одинъ изъ нихъ опять сталъ варить кашу.

— Скоро ли дѣвки это придутъ?

— Должно скоро. Тутъ недалеко отъ Симоновой-то поляны.

— Погляди, малый, какъ будетъ каша готова, такъ и придутъ...

— А что на Симоновой они дѣлаютъ? спросилъ мѣщанинъ.

— Гребутъ...

— Такъ. А село-то ваше знатное — шелъ, шелъ, ально упрѣлъ.

— Большое.

— Глядишь, ежели-бъ помѣщицкое было, много бы доходу давало барину.

— Аль тебѣ этого хотца?

— Нѣтъ, я къ примѣру.

— А что, ребята, дѣвокъ-то будемъ ждать?

— Ну ихъ! сказало двое парней.

— Отчего не подождать! подхватило нѣсколько голосовъ. — Подождемъ... Вотъ дядя Матвѣй про солдата скажетъ, что обѣщалъ-то давеча.

А дядя Матвѣй будто не слышитъ.

— Вотъ онъ, ребята, сказалъ Матвѣй, кивая головой на мѣщанина: — говорилъ, что, молъ, не господскіе мы. А старики сказываютъ, будто село-то наше чуть въ аренду кому не досталось. Хотѣли, значитъ, енаралу какому-то въ аренду отдать... Только, слышь, въ тѣ поры крестьяне-то ужъ больно буйны были — такъ въ бунтовщикахъ и значились по книгамъ тамъ. Енаралъ, знаешь, поглядѣлъ въ эту книгу-то, да и говоритъ: я человѣкъ смирный и мнѣ съ такими буянами не совладать. Мнѣ, говоритъ, лучше мордву тамъ или черемисовъ — тѣ, говорятъ, безотвѣтные. Ну, ему мордву и дали.

— А ты, дядя, скажи про солдата-то...

— Уморился... Ну ихъ...

— Вотъ... Вѣдь самъ обѣщалъ — за языкъ-то тѣ не тянули...

— Скажи, дядя... Все одно — дѣлать нечего... А дѣвокъ ждать надоть...

— Чего ихъ ждать-то? Ложились бы...

— Чего?.. Все одно — придутъ, разорутся такъ да разбалуются — разбудятъ.

— Говори, дядя!..

— Ну, изволь...

— Въ тѣ поры, ребята, я съ Дуняшкой, съ солдаткой, возжался, а жилъ у отца протопопа въ работникахъ. Дуняшка эта жила въ свое удовольствіе, значитъ, подъ началомъ ни у кого не состояла и такая, братцы, шельма была, что сладу никакого съ ней не было. Потому первое — щеголиха, другое — ненасытная душа. Подавай ты ей теперче всего, чего не потребуетъ, словно баба брюхатая да привередливая. Ежели ты нонѣ ей сережки далъ либо што, думаешь, завтра она тѣ такъ оставитъ и ублатворитъ? Ошибаешься, другъ. Ты лучше и губы не разставляй — она и завтра у тѣ вымозжитъ что ни на есть и все, братцы мои, одной лаской, — замучитъ тѣ лаской, а вымозжитъ.

Это какъ дурь-то нашла на меня, такъ я совсѣмъ склялся съ ней и сколько этого грѣха на душу принялъ — такъ и говорить даже тошно... Право слово!..

А ужъ и бойка была да шустра, братцы. Идетъ теперче словно тѣ пава какая, разряженная да разубранная. Въ кураводахъ вездѣ, значитъ, напереди и какъ это пѣсню затянетъ, такъ супротивъ ея никому не вывести. Голосъ-то у ней былъ не то, чтобъ звонкій, и не то, чтобъ тонкій, а самый, значитъ, средственный. И таково-то эвтимъ самымъ голосомъ выводила она, что будь ты умнѣющій теперче человѣкъ — она изъ тебя дурака сотворитъ. Захочетъ — заплачешь, а то захочетъ — взахотъ нахохочешься... Это я вамъ, ребята, какъ есть истинно говорю, потому однова самъ становой, Яковъ Кирилычъ, и тотъ ею прельстился.

Только, ребята, и самъ я въ тѣ поры развоюемъ выглядывалъ. Пошире, значитъ, раздвигайся да примасли, да приголубь. Тоже вѣдь виды-то видалъ я всякіе — живали у хорошихъ людей да знакомство не послѣднее важивали.

— Что и говорить, перебилъ Матвѣя съ усмѣшкой мѣщанинъ: — чай у губернатора въ подворотню безъ докладу глядѣлъ?

— Нетокма въ подворотню, а мы и самого губернатора въ ликъ видѣли. Одначе я тѣ не изъ чего прочаго говорю это, а все единственно, что подневольные мы люди. Прикажутъ — сполняй, а разговаривать, значитъ, не твое дѣло, особливо когда государево око тѣ удостоитъ.

Ну, ребята, докладываю вамъ, что баба эта была не чета городскимъ мѣщанкамъ—отнюдь не сухопарая да не поджарая. А баба какъ надоть быть всякой бабѣ — ни тонка, ни толста, а румяна, такъ ужъ это какъ есть во всю щеку. Одно, говорю, жадна ужъ была, погибели на нее нѣтъ. Какъ спознался я съ ней, и почала она тянуть съ меня. Чего-чего я ей не передавалъ. Какими манерами не ублатворялъ ей — такъ это уму непостижимо. Истинно говорю вамъ: бывало, это закрома у отца-протопопа трещатъ только. Пойдешь за овсомъ лошадямъ да лишній мѣшокъ и нагребешь, да на базаръ съ вѣрнымъ человѣкомъ и ссунешь. А такой вѣрный человѣкъ былъ у меня... Только, братцы мои, и замѣтъ это отецъ-протопопъ...

— Вонъ оно какъ!..

— Истинно. А человѣкъ, говорю, важнецъ былъ, такъ отцомъ-протопопомъ и величали всѣ, а имя-то ему отецъ Миронъ было. Это какія онъ проповѣди по праздникамъ говаривалъ — такъ не роди меня мать на свѣтъ! Бывало, бабы даже ревъ подымутъ, какъ о страшномъ судѣ онъ почнетъ расписывать. Умнѣющій человѣкъ былъ. Только вотъ что скажу вамъ, ребята, что бралъ я изъ амбара у отца протопопа овесъ себѣ—это точно, а чтобъ это я за воровство счелъ — никогда. Потому по самому, ежели я теперче мірское беру, разъ это воровство? Отецъ протопопъ откуда овесъ взялъ?—съ міра собралъ. Кто съ отцомъ протопопомъ ѣздилъ по селу?— Я. Кто прималъ съ мужиковъ овесъ?—Я же. Стало быть гдѣ-жъ тутъ воровство это самое? Я отъ избытка бралъ у отца протопопа, а грабить его — не грабилъ отнюдь...

— Одначе ты ловко того... то есть насчетъ воровства-то, замѣтилъ одинъ парень.

— Ничего, малый, тутъ ловкаго нѣтъ, а говорю я тѣ какъ есть одно дѣло. Такъ?

— Такъ, такъ, подтвердило нѣсколько голосовъ.—Дѣло, дядя Матвѣй, дѣло... Ты... это дѣло...

— Ну, а ежели дѣло, то и толковать нечего... Замѣтилъ, говорю, отецъ-протопопъ и говоритъ:

— Что это, говоритъ, Матвѣй, у насъ овса больно много выходитъ?

— Я, говорю, не знаю, отецъ-протопопъ. Только лошадямъ я вволю даю, потому зачѣмъ же животину морить? Животина кормъ любитъ.

Покачалъ отецъ-протопопъ головой да съ этого дня ключъ-то отъ амбара и прибралъ къ себѣ. Надоть теперче кормъ лошадямъ выдавать, онъ и идетъ отпущать самъ. Ну, при немъ-то, вѣстимо, болѣ припорціи не возьмешь... А Дуняшка, подлая, какъ на грѣхъ, все пуще пристаетъ. Что тутъ дѣлать?.. Понесъ я, братцы, кормъ лошадямъ, высыпалъ его въ комягу при отцу протопопу, и почали лошадки уплетать тотъ овесецъ... Ушелъ отецъ протопопъ къ себѣ въ горницу, къ протопопицѣ своей, Марѳѣ Гаврильевнѣ, а въ меня, братцы мои, и вселись нечистый духъ. Истинно говорю вамъ. Вселился въ меня этотъ духъ нечистый и пошептомъ на ухо мнѣ и дудитъ:

— Выгреби, говоритъ, Матвѣй, овесъ-то у лошадей!..

— Нѣтъ, говорю, грѣхъ скотинку обижать. Скотина, говорю, совсѣмъ безотвѣтная... Какъ ее обидѣть?

А онъ опять:

— Выгреби, говоритъ, Матвѣй Иванычъ, ей Богу выгреби. Скотина и такъ съ жиру полопается, съ сѣна съ одного.

— Нельзя, говорю, съ однимъ сѣномъ. А ты, говорю, Матвѣй-то Иванычемъ не кличь меня, потому съ роду меня никто такъ не кликалъ.

А онъ опять:

— Какъ же, говоритъ, скотину приравнялъ ты къ человѣку? Разъ, говоритъ, лошади-то тѣ жалче Дуняшки? а? Выгреби, говоритъ, Матвѣй Иванычъ, ей Богу выгреби! Тутъ вѣдь овса поболѣ, чѣмъ на гривенникъ...

Осѣтилъ, братцы, этотъ нечистый меня... Такъ, братцы, осѣтилъ меня, что совсѣмъ я разъярился, словно образа человѣческаго нѣтъ на мнѣ. Подхожу я къ комягѣ, разъярившись-то, и началъ овесъ выгребать себѣ въ полу, а сѣрко — меренка такъ одного звали — даже въ морду съѣздилъ... Все, знаешь, лѣзъ онъ къ овсу-то...

Выгребъ, братцы, это овесъ я, а лошадки, гляжу, словно пріуныли, головушки это повѣсили да такъ жалостливо-жалостливо глядятъ на меня. Но вотъ только не говорятъ: „злодѣй“, молъ, „злодѣй ты. Зачѣмъ ты, злодѣй, пищи лишилъ насъ?..“ Кобылка была тамъ одна, по четвертому годочку только, такъ она, братцы мои, какъ заржетъ, какъ заржетъ!.. Да такъ заунывно ржетъ-то, что меня даже слезынки прошибли... Ну, тутъ ужъ я не совладалъ съ собой... Эхъ, говорю, пропадай ты пропадомъ, а только не обижу я животинку... Человѣка обидишь, такъ онъ самъ тѣ обидитъ, а скотинка отместки не знаетъ, да и шваркнулъ опять овесъ въ комягу. И съ этой поры со времени, братцы мои, я ужъ и не трогалъ овесъ у отца протопопа. А продалъ что было лишнее изъ платья да и ублатворилъ Дуняшку... Только ненадолго насытилъ я ненасытную ея душу. Опять, погибели на нее нѣтъ,

У пречистаго тѣла Господа нашего Іисуса Христа передъ положеніемъ Его во гробъ. Картина Августа Каульбаха.

Автотипія Ангерера и Гёшля въ Вѣнѣ.

прорвало ее... Подавай ей пять рублевъ, хоть тамъ душу ты заложи, а выложь ты ей эти деньги, потому надобенъ ей кокошникъ новый.

Думалъ я, думалъ промежду собой, горевалъ-горевалъ, да и пошелъ къ Архипычу... А Архипычъ, братцы мои, важный былъ человѣкъ. Завсегда тѣ одолжитъ и даже не спроситъ, зачѣмъ то есть ты и просишь у него... Только ты ужъ къ сроку ему приставь...

У насъ это завсегда такъ было. Занялъ деньги — приноси къ сроку, а то какъ разъ съ бирки тѣ срѣжетъ...

— А это вамъ и съ руки, небось, было? мѣщанинъ-то сказалъ, непріятельски эдакъ глядючи на разсказчика.

— То есть что же это ты не дѣло говоришь, другъ? спросилъ Матвѣй и тоже съ укоромъ на мѣщанина поглядѣлъ.

— А какъ же иначе?.. Съ бирки срѣзалъ, значитъ, ты ужъ и не должникъ. Значитъ, онъ тѣ и знать не хочетъ.

— Значитъ... Ну, далѣ-то что?

— А тоже... Чего тутъ печалиться-то?

— А я тебѣ скажу сейчасъ, господинъ мѣщанинъ, такую притчу. У васъ тамъ можетъ оно такъ и слѣдуетъ, коли кто вамъ долгъ проститъ, а у насъ этого не водится. А почему не водится? А потому и не водится, что у насъ міръ. Ты это, господинъ мѣщанинъ, пойми, что значитъ міръ-то... Теперче ежели онъ тебя, мужикъ-то, у кого, значитъ, ты занималъ, съ бирки срѣжетъ, такъ ты совсѣмъ пропащій человѣкъ... Тебѣ и довѣрія николи ни отъ кого не будетъ... Вотъ что, малый... У насъ ежели должникъ тѣ придетъ съ покаянною-то, въ срокъ, значитъ, не приставитъ, такъ его Архипычъ али другой кто не токма бить, а и ругать не станетъ. А только пригрозитъ: „съ бирки, скажетъ, срѣжу, малый"... Такъ должникъ-то въ ногахъ наваляется, отцомъ роднымъ тысячу разъ назоветъ, только не срѣзывай ты его. Вотъ у насъ какъ дѣла-то дѣлались, господинъ мѣщанинъ, вотъ что міръ-то значитъ! А ты говоришь — „съ руки вамъ"... Нѣтъ, братецъ ты мой, тутъ такимъ козломъ завизжишь, что ахъ, ты горе-гореваньице... У насъ на чистоту все въ мірѣ-то. Это вотъ теперь маленько поизмялись, да кабаки доканали насъ, а прежде — ты и не говори. Такъ-то-съ... Чего не разумѣешь, того не говори...

Остановился маленько Матвѣй, махнулъ на мѣщанина рукой да и продолжалъ:

— Ну, братцы мои, далъ мнѣ Архипычъ денегъ...

— Далъ?

— Далъ и ни слова не сказалъ. Опять, значитъ, заликовался съ Дуняшкой и, не видя, до сроку доликовался. Надоть безпремѣнно деньги несть, а денегъ нѣтути... Говорю про это Дуняшкѣ.

— Хочешь, говоритъ, достану денегъ?..

— Достань, говорю. Только, гдѣ-жъ ты достанешь?

Она засмѣялась и закрылась рукавомъ.

— Чего-жъ, говорю, ты смѣешься?

— А такъ, говоритъ. Коли хошь — достану, только ты ужъ не серчай у меня, и опять засмѣялась, да рукавомъ и закрылась.

А мнѣ все это не въ домекъ... Допрашиваю ее...

— А къ шиповскому, говоритъ, управляющему разика три схожу...

— Эхъ, говорю, безпутная, безпутная! Разѣ это можно?.. Ты ужъ ежели любить, такъ одного люби... Отговорилъ ее, а до сроку всего одна недѣля. Сижу это я разъ такъ-то вечеромъ у воротъ да думаю; гляжу, подходитъ ко мнѣ Миколай Антиповъ.

— Хочешь, говоритъ, кладъ рыть ѣхать? Мы, говоритъ, ѣдемъ съ Микиткой Черенковымъ... Въ долю, говоритъ, возьмемъ. Парень ты хорошій — такъ ужъ мы тѣ десятую долю отвалимъ...

А мнѣ о ту пору не токма кладъ, а даже ежелибы у водянаго достать можно было, такъ и къ нему бы пошелъ... Согласились ѣхать на Шиповъ курганъ. Тамъ безперечь рыли, только все кладъ-то не давался. Ну, а Миколай завѣрилъ: Микита, говоритъ, Черенковъ всякія эдакія словеса знаетъ и ужъ кладъ, говоритъ, безпремѣнно добудемъ.

Только, братцы мои, какъ теперче это помню. Ночь эдакая лѣтняя, славная. Ни единой тучки, а горитъ это все небо звѣздами. А мы это, знаешь, ѣдемъ... Ѣхали-ѣхали такъ-то и молчимъ все. Скучновато стало, я и зачалъ говорить, а Микита-то и радъ...

— Скажи, говорю, на милость, Микита Петровичъ, отчего это въ иную ночь мѣсяцъ, а въ иную его нѣтути?..

— Ущербъ, говоритъ...

— Знаю, говорю, что ущербъ... А только гдѣ же этотъ мѣсяцъ дѣвается?

— Неужто, говоритъ, не знаешь?

— Нѣтъ, братъ... Что-жъ, прямо тѣ говорю...

— Это, говоритъ, ты доброе дѣло дѣлаешь, коли прямо говоришь, потому по самому, что врать нашему брату не приходится...

— То-то, говорю, я самъ тоже мѣкаю...

— Это, говоритъ, ты хорошо... Что хорошо, говоритъ, не скажешь — худо. Видишь, говоритъ, Матвѣй Иванычъ, скажу я тѣ по истинѣ по истинской насчетъ то есть сумлѣнія твово. Есть такія книжицы и въ тѣхъ книжицахъ про все про это прописано... Какъ, значитъ, земля зачалась, какъ это люди перва жили... Царей, знаешь, этихъ не было, ни единаго царя не было... Необразованность, говоритъ, значитъ... А были, говоритъ, патріархи—духовенство то есть... И хоша, говоритъ, этихъ царей не было, а жили, говоритъ, всегда по братски, по пріятельски...

— Ты, говорю, про мѣсяцъ-то...

— И про мѣсяцъ я тѣ доложу, говоритъ. Время теперче слободное — куражится Микита-то: — обо всемъ доложить я могу... Примѣчалъ ты, Матвѣй Иванычъ, говоритъ, такую оказію, что ежели теперче на небѣ мѣсяцъ — звѣздъ менѣ, а ежели того мѣсяца нѣтути — звѣздъ болѣ...

— Это, говорю, я точно примѣчалъ.

— Ну, а примѣчалъ, говоритъ, такъ значитъ, что и толковать намъ съ тобой. Теперче все дѣло, какъ на ладонкѣ, видно.

— Ну, говорю...

— Истинно, говоритъ. Потому ты теперче скажи: отчего, ежели мѣсяца нѣту, звѣздъ болѣ?

— Не знаю, говорю, малый.

— Хорошо, говоритъ. Теперче ты отвѣчай: отчего, ежели мѣсяцъ свѣтитъ, звѣздъ менѣ?

— Точно, говорю, что менѣ, а отчего менѣ — не знаю.

— Не знаешь, говоритъ... Ну, хорошо. Ты такъ мнѣ все въ акуратъ и говори, потому я тѣ всѣ резонты подведу. Ежели мѣсяца нѣтъ, а звѣздъ болѣ, значитъ куда же этотъ мѣсяцъ идетъ? Идетъ онъ, другъ мой милый, на потребу. А на какую на потребу? Сейчасъ и это я тѣ скажу. На звѣзды, другъ милый, крошатъ его... И крошатъ его, братецъ ты мой, говоритъ, ангели Божіи и крошатъ помаленьку. Потому Господь-то и ихъ утруждать-то не хочетъ. Крошите, говоритъ имъ Господь, да ненудьте себя.

— Ишь вѣдь, говорю, какъ!.. Что значитъ милостивый Господь-то...

— Истинно, говоритъ, говорю тебѣ. Вотъ мѣсяцъ-то и крошатъ помаленьку. Нынѣ малую толику, завтра маленько — такъ и искрошатъ весь. Опосля Господь-то и скажетъ ангеламъ: „славословьте, говоритъ, Меня!" Они и славословятъ, потому дѣла-то, значитъ, имъ теперче нѣту, вотъ и славословятъ. А тамъ опять крошить зачнутъ, и такъ, говоритъ, другъ ты мой милый, дѣется во вѣки вѣченскіе и до скончанія міра.

Ведемъ это мы эдакую разумную бесѣду и пріѣхали. Отмѣрилъ Микитка колько-то шаговъ: „тутъ", говоритъ, — и зачали мы копать. Меня, братцы, спервоначалу ужъ оторопь взяла — рою, ально потъ съ меня валитъ, а ужъ въ сторону да на рѣчку и не взгляну. А рѣчка-то, знаете, какъ разъ возлѣ Шипова — и куга это по ней, камыши... Подуетъ вѣтерокъ, зашумитъ камышами-то, а я такъ и вздрогну, и пуще рыть зачинаю... Только, братцы мои, какъ заревётъ кто-то такъ зычнозычно... Точно и корова будто, и не корова, а не вѣсть что. У меня руки такъ и опустились. Словно сговоримшись, глянули мы на рѣку-то, а тамъ, братцы мои, вѣдмедище... да такой-то здоровый, да такой-то черный... Вылѣзъ изъ воды да и отряхивается. А стоитъ, знаешь, на заднихъ лапахъ и ревкнетъ-ревкнетъ эдакъ-то. Видно, клада-то жаль стало... Перва-то стоимъ мы словно угорѣлые и что дѣлать — не сообразимъ. А тамъ какъ пустимся съ кургана да въ телѣгу, да по лошадямъ... А за нами кто-то скокъ-скокъ — скачетъ... Уткнулъ я, братцы, рыломъ-то въ мѣшокъ и такъ возлѣ села только и очухался.

— Кто-жъ это гнался-то? спросили ребята.

— Кто!.. Вамъ еще сказать!.. Тутъ, братцы, такая гисторія случилась, что просто — уму непостижимо... Право слово. А все Богъ... Онъ, братцы мои, вездѣ съ премудростью-то своей... Бога-то ты николи не минуешь...

— Да кто же это, дядя? ты скажи...

— Кто?.. Лапоть — вотъ кто...

— Лапоть?

— Ну, да... Чего бѣльмы-то выпучили? Говорю — лапоть, такъ ты и понимай.

— Да какъ же это, дядя, лапоть?.. Рази *онъ*-то въ лаптѣ?..

— *Онъ*-то?.. Совсѣмъ не *онъ*, а какъ есть настоящій микиткинъ лапоть... Въ этомъ-то вся и причина. Какъ Микитка-то бѣжалъ, у него лапоть-то и соскочи и волокется за нимъ — оборки-то вокругъ ноги держались... Ввалился Микитка въ роспуски — мы въ роспускахъ ѣхали-то, — а лапоть-то наружѣ да и скачетъ по землѣ-то, а-то и по колесамъ шлепнетъ. Поняли?.. Вотъ оно, малый, что значитъ Богъ-то! Ты Его не испытуй — Онъ тѣ вездѣ найдетъ и ни тѣмъ, такъ инымъ накажетъ... Микитка-то чуть жисти не лишился. Недѣль съ шесть все хворалъ, и волоса-тѣ всѣ вылѣзли... А кто натыркалъ кладъ рыть? Микитка. Кто уговаривалъ? Микитка. Кто на курганѣ ворожилъ? Опять онъ, Микитка же. Вотъ Богъ-то и нашелъ его... Вы это, ребята, помните, что значитъ Богъ-то...

— А Архипычу-то какъ ты заплатилъ? спросилъ Прошка.

— Нѣтъ, ты скажи, дядя, сказалъ Андрей, — откуда эвтотъ вѣдмедище взялся? Въ нашей сторонѣ, кажись, насчетъ чего другаго, а вѣдмедей что-то не слыхивать...

— Въ этомъ-то, малый, и задача вся. У насъ, говоришь, вѣдмедей нѣту — точно нѣту, а вѣдмедь вдругъ нашелся. Вотъ тутъ-то ты и разверни умомъ-то...

— Чудно!

— Истинно, что чудно. А Архипычу я деньги и внесъ, только не въ эвтотъ срокъ...

— Откуля-жъ ты взялъ?

— А ты слухай, что дальше будетъ. Самъ увидишь откуля.

Показался въ нашемъ селѣ солдатикъ отставной. Такъ не мудренькій изъ себя-то... Разъ я съ нимъ встрѣтился:

— Ты, говорю, откуда служивый?

— Я, говоритъ, отставной.

— Изъ нашего села?

— Нѣтъ, говоритъ, я изъ свово села...

— Такъ, говорю. А какими, говорю, примѣрно, дѣлами займаетесь?

— Насчетъ, говоритъ, кладовъ.

— Что-жъ, говорю, и находить случалось?

— Еще бы, говоритъ, нѣтъ. На томъ стоимъ. Теперь, говоритъ, такой нашелъ, что серебро мѣрками загребать надоть...

— Одно, говорю, серебро?

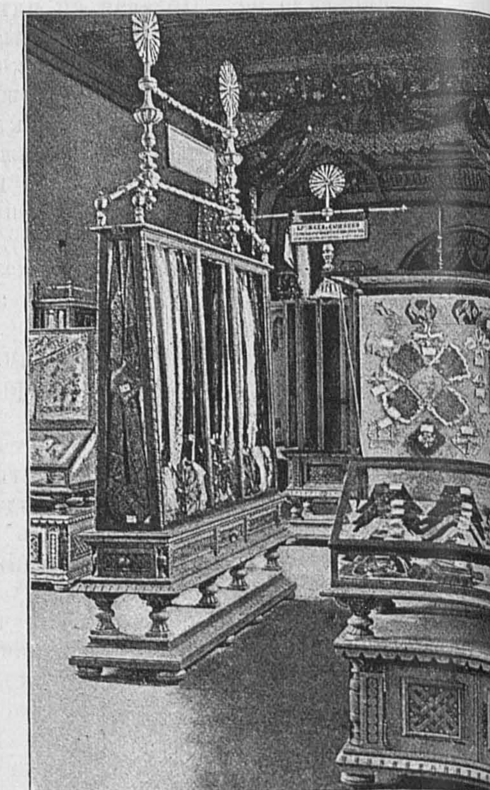
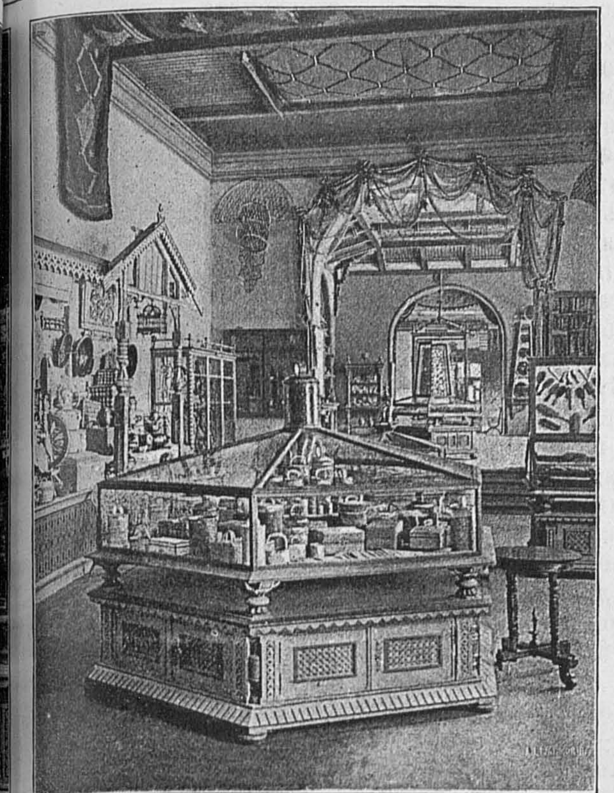
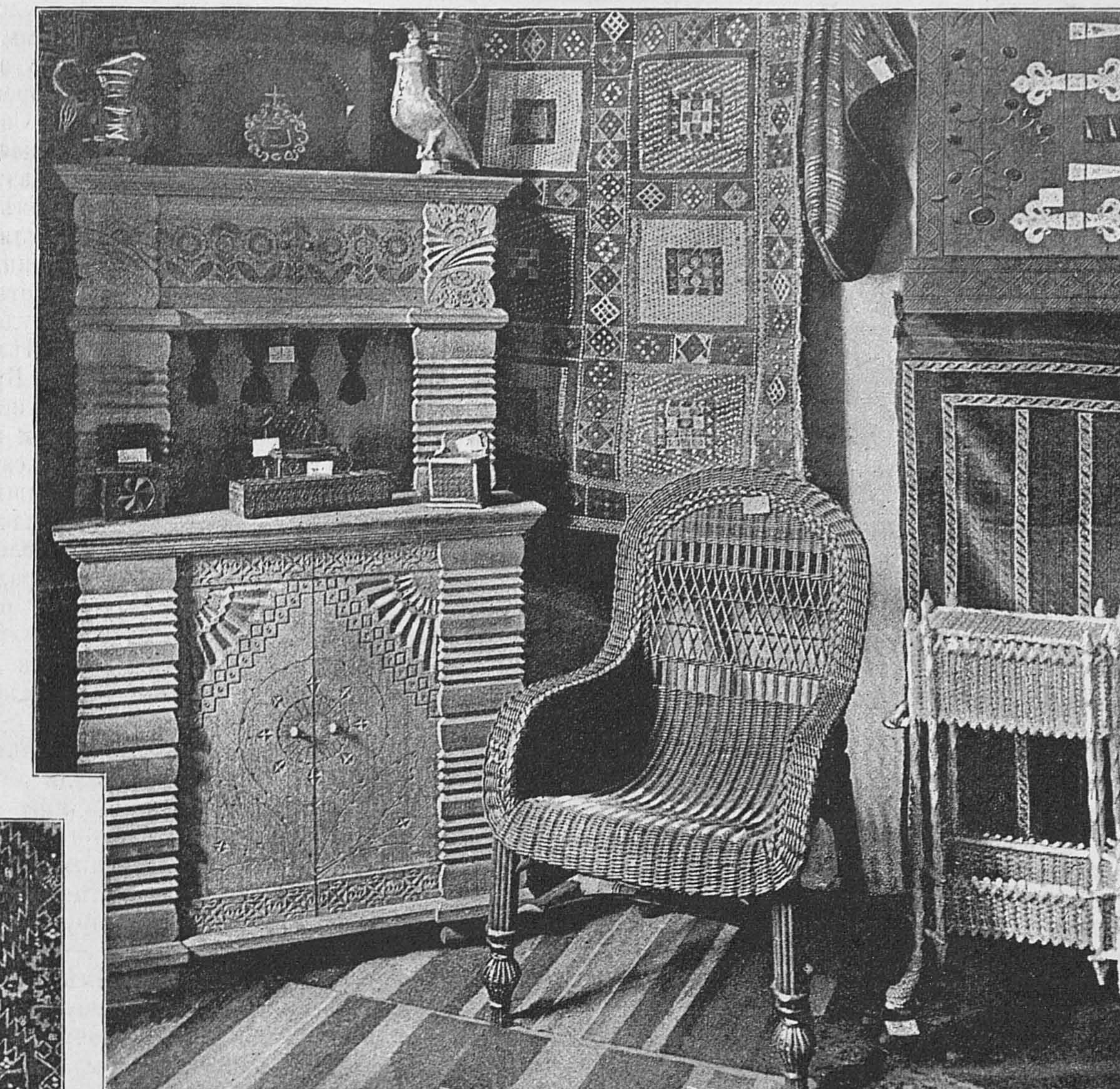
— Одно, говоритъ. Есть и золото... Только на золотѣ зарокъ-то тысяча лѣтъ.

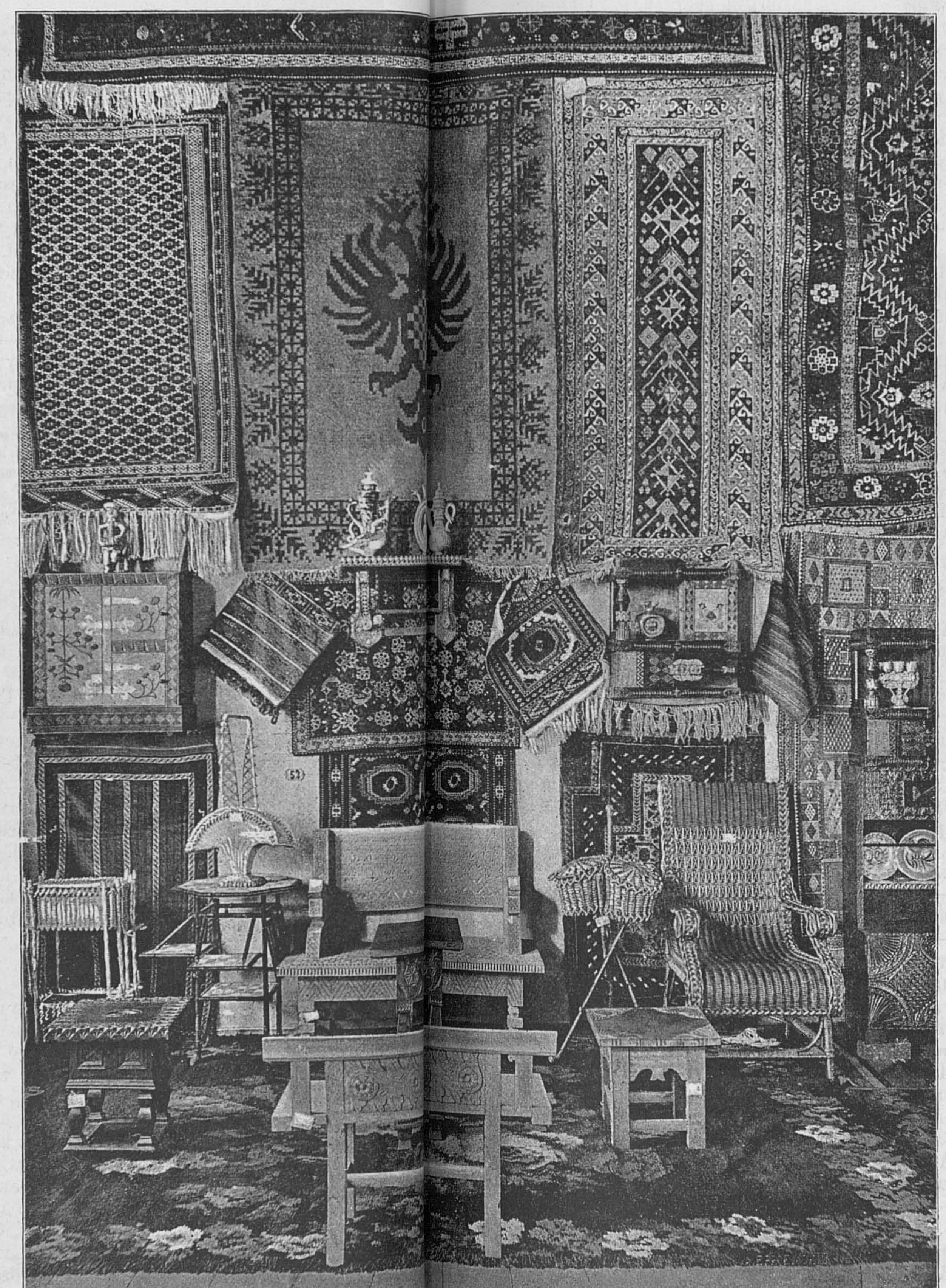
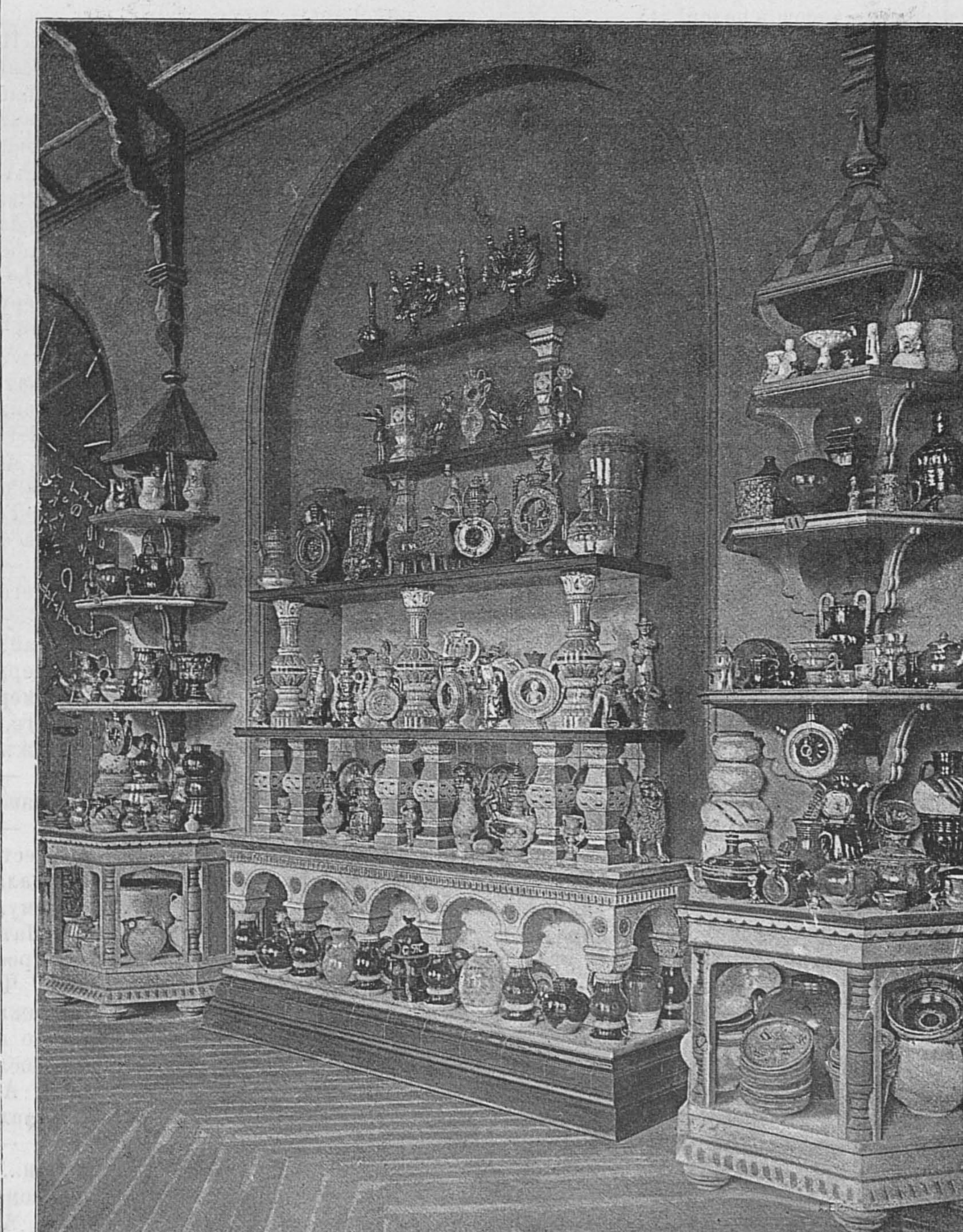
— Какъ, говорю, примѣрно, вы все евто узнали?

— А это, говоритъ, ужъ наше дѣло...

— Такъ, говорю. И разошлись мы.

А Дуняшка-то, погибели на нее нѣтъ, гляжу, ходить ко мнѣ перестала. Словно въ воду канула — нигдѣ ты ее и не сустрѣнешь... Чтобы это такое значило? думаю. Навѣдывался разика два къ ней — домашніе говорятъ: а *тотъ*-то ее знаетъ. Завѣялась-завихрилась и не слышимъ. Совсѣмъ отъ рукъ отбилась. Ужъ не унесло ли ее въ самомъ дѣлѣ къ шиповскому управляющему? промежду собойто разговариваю. Баба-то она непутящая — завсегда свихнуться можетъ... Прошло этакъ близу недѣли... Пошелъ я въ садъ разъ опосля обѣда — у отца протопопа садище важнѣ-

Отдѣлъ издѣлій изъ дерева. — Ткани, кружевныя плетенія. — Общій видъ музея. — Мебельный отдѣлъ. — О[...]таллическихъ, каменныхъ и роговыхъ издѣлій. — Отдѣлъ ковровъ и мебели въ русскомъ стилѣ. — Гончарное производство.

С.-Петербургъ. — Кустарный м[...]й въ зданіи Солянаго Городка.

Автотипія Эд. Гоппе съ фотографій [...]жемскаго, отправленныхъ на выставку въ Чикаго.

ющій былъ—и задралъ въ куренѣ ноги. Мухъ, значитъ, нѣтъ, прохлада—и уснулъ... Долго ли, коротко ли спалъ я—врать не хочу, а только какъ проснулся, слышу голосъ матушки-протопопицы, Марѳы Гавриловны, да еще капитаньши вороновской...Сидятъ онѣ подъяблонью, возлѣ самаго куреня, и прохладную такую бесѣду ведутъ. А капитанша эта — жена вороновскаго капитана. Капитанъ-то, значитъ, перва мужикомъ былъ, но а послѣ въ некруты взяли его, онъ въ капитаны-то и вылѣзъ, да и взялъ у отца Льва, покойника, дочь. Такъ эта самая дочь-то поповская, Львовна-то, значитъ, и есть капитанша. Сидятъ, говорю, это матушка-протопопица, Марѳа Гавриловна, да Львовна, капитанша-то, значитъ, и разговоры это разговариваютъ, а я слухаю. Капитанша-то и говоритъ:

— Такъ это, говоритъ, кума, такъ и будетъ?

— Такъ, такъ, кума, увѣрительно этакъ протопопица-то ей. Ужъ вы, говоритъ, кума, не сумлѣвайтесь. Какъ я вамъ говорю — это вѣрно...

— Вы сами, капитанша-то опять,—съ нимъ говорили?

— Сама, говоритъ, сама, вотъ какъ съ вами теперче. И стала это протопопица ей все расписывать, а я слухаю. Сначала, говоритъ, солдатку прислалъ, то есть пожелаю ли я, значитъ, его видѣть насчетъ этого дѣла и все какъ слѣдственно уговориться. Матушка-протопопица солдаткѣ-то говоритъ: можно, только когда отецъ-протопопъ на службѣ въ церкви будетъ, въ самую, значитъ, вечерню. Солдатъ пришелъ, а матушка-протопопица съ нимъ сейчасъ въ садъ, будто яблоки ему продавать, а сама, значитъ, всю эту матерію и разузнала. Какой, говоритъ капитаншѣ-то, почтительный, кума—сейчасъ видѣнъ хорошій человѣкъ, даромъ что солдатъ. Мнѣ-то, говоритъ, ваше высокоблагословеніе, матушка-протоіерейша — ей-Богу не вру. Это, говоритъ, у нихъ въ Питерѣ завсегда такъ. И отцу-протопопу ваше высокоблагословеніе, и протопопицѣ тоже ваше высокоблагословеніе — та же честь. Вотъ что значитъ питерцы! я-то думаю. А матушка-то дальше. И, вѣдь, знаешь, говоритъ, что, кума? Самъ, говоритъ, царь-то извѣстенъ объ немъ. Ей-же-ей... Говоритъ: я съ царемъ самимъ, какъ все одно теперче съ вами, разговаривалъ и въ палатахъ его бывалъ. Первая-то палата, говоритъ, серебряная, вторая-то палата вся изъ золота, литаго, кума, золота, а третья-то палата земчужная. А ужъ четвертая, говоритъ, палата—такъ и не разберешь... Такъ солдатъ-то матушкѣ и сказывалъ—описать, говоритъ, не можно, ваше высокоблагословеніе, потому — не разберешь: сіяетъ, а что сіяетъ неизвѣстно. Все одно, говоритъ, ежелибъ теперче солнце. И въ палатѣ въ этой днемъ и быть нельзя — глаза ужъ больно ѣстъ свѣтомъ-то, а бываютъ только по вечерамъ. И такое это тамъ сіяніе, что ужъ и свѣчекъ не зажигаютъ—свѣтло и безъ нихъ отъ этого сіянія-то. Все это матушка-протопопица расписываетъ и говоритъ, что будто самъ царь этому солдату изъ своихъ парскихъ ручекъ пожаловалъ сто золотыхъ. Только приставь, говоритъ, мнѣ сто мѣрокъ серебра. Царь-то, видишь, по золотому за мѣрку ему отвалилъ.

А капитанша опять спрашиваетъ: что-жъ, говоритъ, объ кладѣ-то онъ, кума, говорилъ?

— Ну, говоритъ матушка-протопопица, то и говорилъ. Кладъ, говоритъ, и такой, говоритъ, кладъ, что ежели вырыть, такъ весь свѣтъ купишь. Теперче, говоритъ, царю онъ долженъ сто мѣрокъ приставить, только это, говоритъ, ничего, потому на всѣхъ достанетъ. За каждый, говоритъ, цѣлковый — мѣрку серебра. И чѣмъ кто пожелаетъ—мелочью али рублями. Кладъ-то, говоритъ, кума, ужъ больно глубоко лежитъ, такъ одного народу колько ему надоть — все вѣдь найми. Пять, говоритъ, тысячъ ему надоть рублевъ... Вы, кума, чѣмъ, говоритъ, желаете получить — мелочью али рублями?

А капитанша-то ей: я ужъ, говоритъ, и не знаю, кума, чѣмъ? А ну, ежели онъ обманетъ?..

— Что вы, что вы, кума? протопопица-то ей. Какъ же ему обмануть, когда самъ, значитъ, царь тутъ. Нѣтъ, кума, обмануть ему нельзя никакъ. Беретъ деньги и обманетъ... Ни-ни, я это и въ мысли не держу.

А капитанша-то опять сумлѣвается. Въ человѣка, говоритъ, не влѣзешь. Хоть бы обманулъ-то на полмѣрки, такъ, говоритъ, Богъ съ нимъ.

— Что вы, что вы? матушка-то протопопица опять: легко ли на полмѣрки?.. Ни-ни, отнюдь не обманетъ... Я, говоритъ, объ томъ только и помышляю—дала мало, всего пять цѣлковыхъ, болѣ-то поболялась взять, не равно еще отецъ-протопопъ заприметитъ.

— А я, говоритъ капитанша, всего-то два, и такъ-то жалосливо она это выговорила, что мнѣ даже сердце повернуло. Ей Богу. Хорошо, говоритъ, вамъ — ваше дѣло протопопское, а мое дѣло капитанское.

А протопопица сейчасъ и утѣшать. И прекрасное дѣло, говоритъ; вотъ вы такъ солдату и скажите — одну мѣрку чтобъ рублями приставилъ, а другую, значитъ, мелочью...

Ну, тутъ еще поболтали они маленько объ томъ — кто кого умнѣе? Мужики ли бабъ али бабы мужиковъ. И вышло у нихъ, братцы, что бабы не въ примѣръ мужиковъ умнѣе, потому по самому, что бабы теперче серебро будутъ мѣрками отмѣривать, а мужикамъ будетъ шишъ. И объ томъ говорили еще, какъ это мужички будутъ просить у пихъ серебра и какъ онѣ ихъ водить станутъ.

— Ужъ, говоритъ, поводимъ, матушка-то протопопица глаголетъ.

— Безпремѣнно поводимъ, капитанша за ней...

— Ужъ, напляшутся они, протопопица опять.

— Безпремѣнно напляшутся, капитанша опять.

— Ужъ такъ, говорятъ обѣ, поводимъ, что ахти... Узнаютъ, говорятъ, Кузькину мать въ поршняхъ!..

Долгонько еще онѣ тутъ пересмѣивались да шептались. Ну, а тамъ и пошли. Вышелъ и я изъ куреня. Вышелъ и думаю—вѣдь это, должно, все тотъ солдатъ заварилъ, что повстрѣчалъ-то я. А ужъ и брешетъ онъ, думаю, какъ песъ... Идѣ же онъ только серебра возьметъ, и станетъ еще съ нимъ царь возжаться! Будто у царя енараловъ нѣту, что ли? Онъ енарала бы сейчасъ... Ужъ не Дуняшка ли, думаю, все, эта солдатка-то съ нимъ? Охъ, чортова, чортова баба... Исколочу, изволочаю я тѣ, поскуду, какъ собаку бѣшеную... Ужъ натѣшу свою душеньку... Ей Богу.

А Дуняшка-то, гляжу, подъ вечеръ приходитъ и приноситъ пять рублевъ.

— На, говоритъ, заплати...

— Идѣ, говорю, ты пропадала?

— А, говоритъ, съ солдатомъ связалась, такъ, знаешь, прямо мнѣ...

— Ты бы, говорю, хочь говорить-то постыдилась такія рѣчи...

— Что-жъ, говоритъ, стыдиться мнѣ правды-то?

Я было бить ее... А она и ничего: бей говоритъ, бей: авось, говоритъ, дурь-то, изъ меня выбьешь, потому я сама, говоритъ, не знаю, что со мной дѣется. Околдовалъ этотъ солдатъ меня, совсѣмъ околдовалъ...

— Не бреши, говорю, по крайности, на деньги жадна ты — вотъ что!.. Она клянется — нѣтъ, говоритъ, я такъ полюбила. И опять клянется... Что будешь тутъ дѣлать? Хошь—вѣрь, хошь—не вѣрь, сладости все одно мало... И вѣдь что? Прощенья у меня стала просить...

— Прости, говоритъ, Матюша. Съ своимъ сердцемъ, говоритъ, не совладаешь. А ежели, говоритъ, хошь — побей меня. Мнѣ, говоритъ, ужъ такъ жалко тебя, такъ жалко... Авось у тѣ отъ сердца-то отлегнетъ, какъ побьешь-то... Ей Богу такъ и говоритъ... Ну, я, извѣстно, бить не сталъ, потому что проку-то? Видно, говорю, судьба наша такая... Такъ она и ушла... И что хорошаго нашла она въ солдатѣ — и не знаю...

Дня этакъ черезъ три, гляжу, опять приходитъ.

— Что, говорю, пришла?

— Проститься, говоритъ. Я съ нимъ ѣду.

— Куда? говорю.

— А куда, говоритъ, повезетъ...

Я было такъ и такъ ей — уговариваю — не слухаетъ...

Такъ и простились...

Погоревалъ я по ней, дюжо-таки погоревалъ. Свыкся, знаешь, хоть и не законная, а все пожалуй и законную за поясъ заткнетъ. А солдатъ этотъ, братцы, колько бабъ обдулъ на этомъ кладѣ, такъ и счету нѣтъ. Черезъ годъ, гляжу, приходитъ Дуняшка. Солдатъ-то какъ липку обобралъ ее и истиранилъ... Куда и красота дѣвалась! Я было опять къ ней... такъ куда тебѣ!

— Нѣтъ, говоритъ, Матюша, не трожь, будетъ... Будетъ, говоритъ, золотой мой. Отжила я жисть свою, отжила — отпировала... Теперче и на покой пора.

А у самой слезы на глазахъ.

Спрашиваю ее — какъ это было?.. Ужъ и поразсказала она мнѣ про этого солдата — вотъ голова-то забубенная... Болѣ вѣдь тысячи собралъ онъ на кладъ на этотъ... Можетъ и того бы собралъ болѣ, да въ одномъ селѣ захватили его... Пронюхали какъ-то мужики про эти его обманы и пристали: гдѣ, говорятъ, кладъ? Онъ было шуткой отъ нихъ норовилъ — такъ нѣтъ... Укажи! говорятъ... Онъ было имъ то и это... Врешь, говорятъ... Взяли да связали его... Виноватъ, говоритъ... Да міру-то пять ведеръ и поставилъ... Окромя этого міръ-то присудилъ воротить ихъ сельскимъ бабамъ, что обобралъ у нихъ... Такъ что-жъ вы думаете? бабы-то, чтобъ спасибо міру-то сказать—ревъ подняли... Ей Богу...

— Это, говорятъ, злоба одна да злыдня... Имъ бы, говорятъ, только вино трескать... Вислоухіе!.. Домовые!.. Поклониться-то намъ не хочутъ—черти проклятые!.. *Тотъ-то* сожралъ бы васъ, вислоухіе, и съ ногами совсѣмъ... Обошлись бы и безъ васъ... Много васъ чертей-то!..

И такую, братцы мои, это онѣ брань подняли, хочь святыхъ выноси — ей Богу?.. И колько это въ тѣ поры мужья женъ избили, такъ чай одной не осталось, чтобъ не бита была...

А солдатъ съ деньгами-то въ губерню пріѣхалъ да пошелъ, знаешь, по трактирамъ-кабакамъ, по запретнымъ домамъ — ей Богу... Нонѣ пьянъ, значитъ, а завтра и того пьянѣе... Дѣвокъ зачалъ таскать съ собой на хватеру-то, а Дуняшка угощай ихъ!.. Вотъ домовой-то! погибели на него нѣтъ...

А ужъ бивалъ-то, Дуняшка говоритъ, смертнымъ боемъ бивалъ и чѣмъ ни попадя — палкой, такъ палкой, ключомъ, такъ ключомъ... И за что билъ-то? Не люба, говоритъ, ты мнѣ, и почнетъ ругать да позорить, да заразъ и за косу... А я только плачу...

Говоритъ это Дуняшка, а меня на нее злоба беретъ...

— Да чего-жъ ты, говорю, не убѣжала отъ него?

— Ахъ, говоритъ, Матюша, и не спрашивай?.. Ежели-бъ не прогналъ онъ, такъ и теперь чай валандалась бы тамъ... Тамъ бы и смерточку принять мнѣ... Ужъ любила-то я его, подлеца, любила-то я его не по людски ужъ!..

— Да вѣдь сама, говорю, говоришь, какія пакости онъ дѣлалъ и билъ.

— Что-жъ, говоритъ, что билъ? Кто нашу сестру не бьетъ?.. Насъ всѣ бьютъ... Все думала — авось перемѣнится... Я завсегда вѣдь ему, Матюша, угождала. Я съ него, говоритъ, Матюша, и денегъ не бирала. Только и выпросила, что пять рублей тебѣ тогда...

Что тутъ говорить еще? Жаль было бабенку... Въ церкву стала ходить... Домашніе-то никакъ ею не нахвалятся—такая, говорятъ, послушная да усердная — золото баба...

А тутъ, къ зимѣ-то, мужъ письмо ей прислалъ — на Капкасъ требовалъ...

— Безъ бабы, говоритъ, мнѣ никакъ нельзя... Потому, говоритъ, черкесы и прочее... А командеръ, говоритъ, у насъ — ничего...

А гдѣ было Дуняшкѣ на Капкасъ? закашляется иномѣсть да кровью и захаркаетъ... Должно, въ грудь-то ужъ солдатъ колотилъ ее много... Словно воскъ, братцы мои, таяла... Даже глядѣть теперче жалости подобно... Ей Богу! Какой тутъ Капкасъ!..

Пришла весна. Разъ поѣхалъ я на рѣку

за водой на самоваръ... Матушка-протопопица Маρѳа Гавриловна чайку напиться захотѣла съ капитаншею... Это, должно, съ горя она, что солдатъ-то надулъ — послѣднiй срокъ вышелъ, а Дуняшкѣ-то онѣ не вѣрили.. Такъ прiѣзжаю я за водой, знаешь, гляжу, Дуняшка рубахи моетъ... Ко мнѣ подходитъ...

— Я, говоритъ, на Капкасъ пойду...

— Эхъ, не дури, говорю, дѣвка. Какой тебѣ Капкасъ?.. Живи тутъ..

— Нѣтъ, говоритъ, мужъ опять письмо прислалъ — безпремѣнно чтобъ шла... Пойду, Матюша...

— Куда-жъ, говорю, идти тебѣ? Ну, погляди, на что ты похожа?

— Я, говоритъ, славу Богу теперче... Безпремѣнно пойду...

А па завтра и померла...

Ребята молчали. Тишина такая настала — слышно, какъ дѣдъ подъ халатомъ сопитъ... Каша сварилась, и паръ отъ нея шелъ...

— Эхъ, дѣла, дѣла! проговорилъ одинъ парень.

— Да, малый, дѣла Божьи — судъ царевъ...

— А что, Матвѣй, какъ теперче эта Дуняшка — въ раю ли ей быть али въ аду?

— А Богъ ее знаетъ... Тутъ, парень, разумомъ не возьмешь... Дѣло, братъ, Божье.

— Ну, по человѣчеству ежели?

— А что-жъ по человѣчеству-то? Чай слышалъ... Жила она безъ притворства, безъ обмана. По совѣсти все дѣлала — что, значитъ, ей совѣсть — то и она... А, впрочемъ, кто ее знаетъ!.. Дѣло, говорю, Божье...

Вдругъ въ тихомъ ночномъ воздухѣ разсыпалась, разметалась и пошла по рѣкѣ да по лѣсу звонкая пѣсня:

Вечоръ меня милый цаловалъ, миловалъ.
Цаловалъ — миловалъ, за себя не взялъ,
Только на смѣхъ поднялъ...

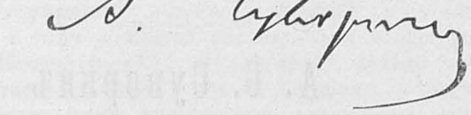
— Ребята, дѣвки идутъ!. Ишь, орутъ-то!..

— Пойдемъ на встрѣчу...

— Пойдемъ, ребята, пойдемъ!..

— Ишь, заливаются.. Голосищи-то, голосищи-то!..

— Важно!..



Вербная недѣля. — Покупка вербъ въ провинцiальномъ городкѣ.

Оригинальный рисунокъ для »Всемiрной Иллюстрацiи« С. К. Пiотровича.

Политика.

15 (27) марта 1893 г.

Интересъ, возбуждаемый обыкновенно въ нашей публикѣ вопросами русской общественной жизни, сосредоточивался въ послѣднiе дни прошлой недѣли на событiи, не имѣвшемъ, собственно говоря, политическаго значенiя, но тѣмъ не менѣе вызвавшемъ самые оживленные толки въ нашей ежедневной печати. Трагическая смерть московскаго городскаго головы Н. А. Алексѣева, безвременно погибшаго отъ руки убiйцы, совершившаго, повидимому, свое злодѣянiе въ припадкѣ сумасшествiя, заставила русское общество заняться съ нѣкоторою пристальностiю вопросомъ о томъ, насколько, въ существующемъ у пасъ порядкѣ городскаго самоуправленiя, личность городскаго головы можетъ играть влiятельную роль въ благоустройствѣ нашихъ большихъ городскихъ пентровъ. Покойный Алексѣевъ былъ весьма типическимъ представителемъ того, чисто русскаго, „уклада" городскихъ порядковъ, который многимъ — и можетъ быть справедливо — признается гораздо болѣе соотвѣтствующимъ духу нашего народа, чѣмъ пе совсѣмъ удачныя копiи западныхъ муниципальныхъ порядковъ, приводящiя въ другихъ русскихъ городахъ къ цѣлому ряду недоумѣнiй. При управленiи покойнаго Н. А. Алексѣева Москва измѣнила во многомъ до неузнаваемости свою исконную физiономiю огромной и богатой деревни, потому что онъ не задумывался передъ усиленiемъ долговыхъ обязательствъ города, когда былъ убѣжденъ, что это можетъ способствовать развитiю его экономической жизни.

Другимъ выдающимся событiемъ нашей внутренней политической жизни явилось на прошлой недѣлѣ назначенiе новаго генералъ-губернатора Приамурской области. На этотъ высокiй и отвѣтственный постъ призванъ начальникъ штаба московскаго военнаго округа, генералъ-лейтенантъ С. М. Духовской. Люди свѣдущiе утверждаютъ, что лучшаго преемника покойному приамурскому генералъ-губернатору, барону Корфу — нельзя и желать.

На западѣ политическая жизнь отличалась на прошлой недѣлѣ тѣмъ усиленнымъ оживленiемъ, которое всегда предшествуетъ тамъ праздничнымъ прiостановкамъ парламентской и государственной дѣятельности. Въ нынѣшнемъ году, какъ извѣстно, праздникъ Пасхи, справляемый по новому стилю, опережаетъ па одну недѣлю нашу русскую пасхальную седмицу. Въ наше Вербное воскресенiе Европа справитъ первый день Пасхи, и поэтому па

нынѣшней недѣлѣ для нея наступили уже дни страстной седмицы, совпадающіе съ пріостановкою—по наружности, по крайней мѣрѣ—политической дѣятельности. Въ Германіи и въ Австро-Венгріи пасхальныя вакаціи уже начались. Во Франціи, въ Англіи и въ Италіи до ихъ наступленія уже остается всего нѣсколько дней.

Во Франціи прошлая недѣля ознаменовалась окончаніемъ втораго панамскаго процесса, оказавшимся замѣчательно благопріятнымъ для правительства. Судъ присяжныхъ призналъ виновными только трехъ изъ подлежавшихъ его приговору подсудимыхъ, а именно: бывшаго министра путей сообщенія Баиго, сознавшагося въ томъ, что онъ получилъ крупную взятку отъ панамскаго общества, Шарля де-Лессепса, давшаго ему эту взятку, и нѣкоего Блондена, служившаго посредникомъ въ подкупѣ г-на Баиго. Всѣ остальные подсудимые, въ числѣ которыхъ было нѣсколько депутатовъ, сенаторовъ и бывшихъ членовъ палаты депутатовъ, оправданы присяжными за неимѣніемъ достаточныхъ доказательствъ ихъ виновности. Приговоръ этотъ очень характеренъ. Онъ показываетъ, что во французскомъ обществѣ точно также, какъ въ парламентскихъ и правительственныхъ сферахъ взяло нынѣ верхъ убѣжденіе въ необходимости покончить, „во что бы то ни стало“, съ несчастнымъ панамскимъ скандаломъ, причемъ стало совершенно ясно, что обвинители участниковъ его стремились сдѣлать изъ панамской исторіи средство для низверженія существующаго порядка вещей, а потому правительство, парламентъ и нація предпочли закрыть глаза на печальное прошлое.

Вслѣдъ за судебнымъ приговоромъ по второму панамскому процессу, палата депутатовъ ясно высказала такое настроеніе, отвергнувъ безъ преній, простымъ поднятіемъ рукъ, запросъ буланжистскаго депутата, г-на Мильвуа, направленный противъ гг. Флоке, Клемансо и Фрейсине, несовсѣмъ-то безупречныхъ въ панамскомъ скандалѣ. Въ то же время внезапная, совершенно неожиданная кончина только что избраннаго президента сената, г-на Жюля Ферри, свела вдругъ съ политической сцены опаснаго конкурента нынѣшняго президента республики, и сенатъ избралъ на мѣсто покойнаго г-на Шальмель-Лакура, какъ бы показавъ, что и онъ съ своей стороны рѣшился содѣйствовать успокоенію умовъ. Все это, взятое вмѣстѣ, значительно упрочило положеніе министерства Рибо.

Въ Германіи пріостановкѣ засѣданій рейхстага, разошедшагося въ концѣ прошлой недѣли на пасхальныя вакаціи, предшествовало парламентское событіе, надѣлавшее сильнѣйшаго шума. Избранный недавно въ члены рейхстага извѣстный антисемитъ, ректоръ Альвардтъ, попавшій на кресло законодателя прямо изъ тюрьмы, куда онъ былъ посаженъ за клевету противъ правительства (дѣло о ружьяхъ, поставленныхъ фабрикою Леве), заявилъ наканунѣ пріостановки сессіи, что онъ имѣетъ доказательства какихъ-то темныхъ продѣлокъ, будто бы происходившихъ при организаціи имперскаго инвалиднаго фонда. Большинство рейхстага сильно вознегодовало и потребовало немедленнаго предъявленія этихъ доказательствъ. Ректоръ Альвардтъ отвѣчалъ, что онъ готовъ исполнить предъявляемое ему требованіе, но что для этого ему нужно время, такъ какъ попавшіе въ его руки документы находятся не въ Берлинѣ, а въ Дрезденѣ и доставить ихъ въ 24 часа онъ не можетъ. Большинство рейхстага однако же продолжало настаивать. Тогда Альвардтъ объявилъ, что онъ предъявитъ на слѣдующій день нѣкоторые, сохранившіеся у него дома документы, но предупредилъ палату, что въ нихъ она не найдетъ ничего, прямо доказывающаго справедливость его обличеній.

Когда, на слѣдующій день, онъ исполнилъ данное обѣщаніе, рейхстагъ тотчасъ же поручилъ своему совѣту старѣйшинъ разсмотрѣть эти бумаги и дать о нихъ свое заключеніе. Совѣтъ старѣйшинъ посвятивъ этому дѣлу всего одинъ часъ, объявилъ, что документы Альвардта вовсе не доказываютъ виновности кого-либо изъ членовъ нынѣшняго и прежнихъ парламентовъ, а равно и правительства. Этого оказалось достаточно для того, чтобы передъ самымъ перерывомъ сессіи Альвардтъ былъ провозглашенъ клеветникомъ.

Изъ Сербіи получались за послѣдніе дни извѣстія, доказывающіе, что на выборахъ въ скупщину либеральному бѣлградскому министерству удалось добиться очень слабаго большинства—всего въ пять голосовъ и что вслѣдствіе этого политическое положеніе страны очень усложнилось.

А. С. Суворинъ

Тридцать пять лѣтъ тому назадъ въ нѣкоторыхъ скромныхъ изданіяхъ — „Модѣ“, „Вазѣ“, „Весельчакѣ“ и другихъ стали появляться стихотворенія и статейки, подписанныя совершенно неизвѣстнымъ именемъ — *А. Суворинъ*. Литературные дебюты эти ни кѣмъ не были замѣчены, что, однако, не помѣшало начинающему автору, спустя года три, обратить на себя вниманіе разсказами „Гарибальди“ и „Черничка“, помѣщенными въ литературномъ сборникѣ „Воронежская Бесѣда“ и тогда же сдѣлаться сотрудникомъ журнала графини Е. В. Сальясъ (Евгеніи Туръ) „Русская Рѣчь“. Прошло еще года три, и о Суворинѣ, который сталъ печататься въ „Современникѣ“, „Отечественныхъ Запискахъ“ и „Библіотекѣ для чтенія“ и занялъ мѣсто постояннаго фельетониста „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, усиленно заговорили и въ публикѣ, и въ литературномъ мірѣ. Его фельетоны „Недѣльные очерки и картинки“, подписанные псевдонимомъ *Незнакомецъ*, носили печать неподдѣльнаго, самобытнаго таланта, были полны блеска, остроумія, оригинальности и читались нарасхватъ; нѣкоторые изъ нихъ составляли настоящее литературное событіе. Однимъ словомъ, успѣхъ Суворина-фельетониста былъ небывалый, такъ что когда онъ гораздо позднѣе сдѣлалъ выборки изъ этихъ фельетоновъ и издалъ ихъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими разсказами своими, отдѣльными книжками, это изданіе его разошлось въ большомъ количествѣ экземпляровъ въ самое короткое время и было повторено. Публика поняла и оцѣнила писателя, который надолго завоевалъ ея симпатіи своимъ умомъ, своей талантливостью, искренностью, умѣньемъ вести бесѣду съ читателемъ; мало по малу между писателемъ и публикою установилась прочная нравственная связь, вся сила которой очень наглядно обнаружилась тогда, когда любимый публикою писатель основалъ собственную газету — „Новое Время“, сразу пріобрѣвшую громадный кругъ читателей и достаточно друзей, доставившую ея основателю не только полное матеріальное обезпеченіе, но, болѣе того — весьма солидное состояніе. Съ этого момента имя Алексѣя Сергѣевича Суворина получило еще большую популярность и стало извѣстно всей грамотной Россіи. Суворинъ-публицистъ оказался вполнѣ на своемъ мѣстѣ, такимъ же даровитымъ и пріобрѣлъ такую же заслуженную, завидную славу, какъ и Суворинъ-фельетонистъ. Не легко въ наше время дается эта слава,—слава журналиста. Надо быть слишкомъ выдающимся по уму и способностямъ писателемъ, надо имѣть массу терпѣнія, энергіи, чуткости, прозорливости, стойкости, выносливости, независимо отъ ума и таланта, чтобы поставить газету какъ слѣдуетъ, добиться хотя нѣкотораго вліянія и заручиться довѣріемъ публики, столь непостоянной, измѣнчивой, у которой, по мѣткому выраженію Гейне, „слабая память и крѣпкое ухо“. А. С. Суворинъ обладаетъ въ самой высокой степени всѣми этими качествами, необходимыми настоящему журналисту, въ широкомъ, лучшемъ смыслѣ этого слова. Поэтому и не удивительно, что созданный имъ органъ пользуется у насъ такимъ невиданнымъ успѣхомъ, громаднымъ вліяніемъ и вотъ уже болѣе пятнадцати лѣтъ безспорно стоитъ во главѣ русской печати, пользуется большимъ авторитетомъ и въ отечествѣ, и за границей, и имѣетъ обширнѣйшую аудиторію, которая, чтобы ни говорили, чутко прислушивается къ мнѣніямъ вліятельной газеты и питаетъ къ ней полное довѣріе. Такимъ значеніемъ своимъ, такому успѣху среди читателей „Новое Время“ обязано не случайности, не какимъ либо счастливымъ обстоятельствамъ, а единственно своему руководителю, который словно родился для этой серьезной и отвѣтственной роли и умѣлъ воспитать въ себѣ и сильно развить свои способности въ этомъ направленіи. Необыкновенный умъ, выходящій изъ ряда талантъ, замѣчательная сила воли и энергія помогли А. С. Суворину выбиться изъ глуши на свѣтъ Божій, выйти на широкую дорогу и изъ скромнаго учителя уѣзднаго училища сдѣлаться виднымъ журналистомъ, пріобрѣсти то положеніе, которое онъ съ честью занимаетъ теперь. Много терній на жизненномъ пути вообще, но еще болѣе разсыпано ихъ на многотрудномъ пути писателя и особенно писателя не зауряднаго, стоящаго цѣлою головою выше толпы, которому завидуетъ всякая жалкая посредственность. Труденъ былъ путь и А. С. Суворина, и ему приходилось бороться и съ нуждою, и со всевозможными неблагопріятными обстоятельствами, и съ завистниками, съ ихъ злобою и клеветою. Онъ все, однако, перенесъ и вышелъ изъ борьбы побѣдителемъ, и къ нему болѣе, чѣмъ къ кому либо другому, такъ идутъ эти стихи поэта, земляка А. С. Суворина —

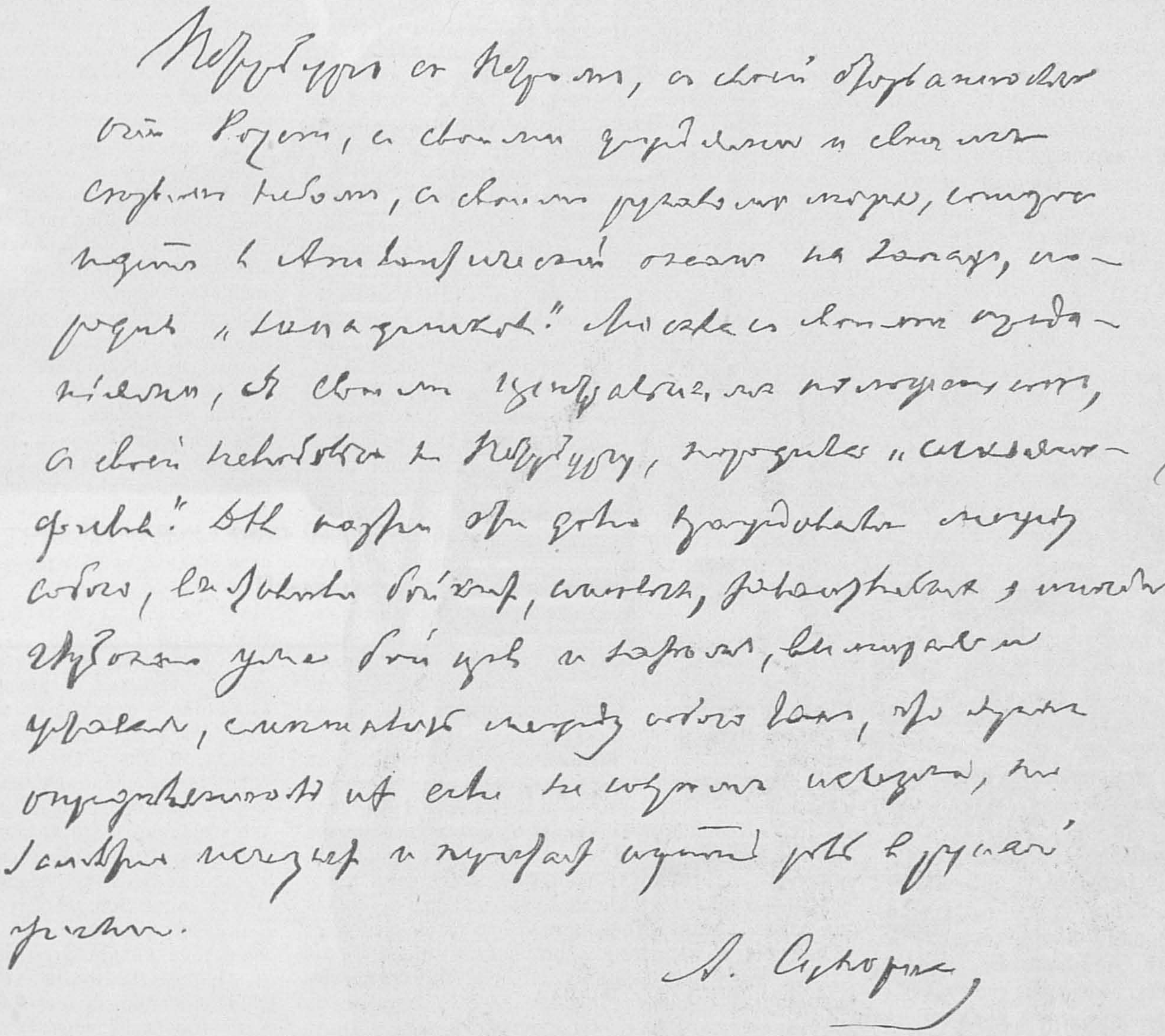
> Но не палъ я отъ страданья,
> Гордо выдержалъ ударъ,
> Сохранилъ въ душѣ желанья,
> Въ тѣлѣ — силу, въ сердцѣ — жаръ!..

Съ умомъ и энергіей, съ жаромъ и увлеченіемъ и съ достаточнымъ опытомъ за плечами принялся А. С. Суворинъ и за многотрудное дѣло изданія газеты. Съ первыхъ шаговъ онъ поставилъ его серьезно, окруживъ себя талантливыми людьми, постоянно идя впередъ, расширяя и улучшая дѣло всячески, отыскивая новыя литературныя силы и не переставая самъ работать въ газетѣ по всѣмъ ея отдѣламъ съ присущимъ ему рвеніемъ. Въ „Новое Время“ А. С. Суворинъ вложилъ всю свою душу и на веденіи газеты показалъ, что можетъ сдѣлать человѣкъ съ большими способностями и съ твердою волею къ дѣлу въ соединеніи съ добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу и рѣдкимъ трудолюбіемъ. При всемъ томъ А. С. Суворинъ, очень близко стоявшій къ „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“ В. Ѳ. Корша и къ другимъ изданіямъ и достаточно присмотрѣвшійся къ механизму газетнаго дѣла, оказался и прекраснымъ администраторомъ. Онъ съумѣлъ поставить газету прочно и настолько хорошо, что „Новое Время“ пока представляетъ у насъ и по полнотѣ, и по свѣжести матеріала, и по несомнѣнному интересу, не говоря уже о ея значеніи и роли, изданіе единственное. И до нынѣ самъ А. С. Суворинъ работаетъ въ ней очень много и своимъ личнымъ участіемъ немало способствуетъ успѣху газеты, придавая ей ту живость, пикантность, тотъ feu sacré, отъ которыхъ газета выигрываетъ еще болѣе. А. С. Суворинъ, весьма близко соприкасавшійся съ народомъ и изучавшій его не по умнымъ, сухимъ книжкамъ, а въ натурѣ, отлично знаетъ этотъ народъ, какъ знаетъ вообще и свое отечество, его нужды, его силу, его больныя стороны. Изучилъ онъ прекрасно и наше общество какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ; можетъ похвалиться и знаніемъ человѣческаго сердца. Если къ этому прибавить большой беллетристическій талантъ, любовь къ прекрасному, бездну чувства, тонкій прирожденный юморъ, оригинальность во всемъ, во взглядахъ, сужденіяхъ, пріемахъ, — то станетъ вполнѣ понятнымъ, почему публикѣ такъ сильно нравятся, такъ приходятся по сердцу статьи А. С. Суворина. Его глубокая искренность, горячность, открытое, откровенное выраженіе своихъ взглядовъ и чувствъ не можетъ не подкупить читателя. Вотъ что недавно отвѣчалъ А. С. Суворинъ, въ одномъ изъ „Маленькихъ писемъ“, своимъ противникамъ, обвинявшимъ его въ томъ, что онъ пишетъ „слишкомъ нервно“ и поставившимъ ему на видъ, что публицисты не должны писать нервами и т. д. „Благодарю покорно, господа, — говоритъ онъ — но я никогда не могъ избавиться отъ моихъ нервовъ. И что такое нервы? Другими словами—это чувство. Я безчувственнымъ никогда не былъ и никогда не могъ подчиниться диктовкѣ холоднаго разума. Меня ужасаютъ нѣкоторыя явленія нашей жизни, я не могу спокойно присутствовать при этихъ драмахъ, и передаю свое впечатлѣніе, а вы разсуждайте — я не мѣшаю. Если я вношу слишкомъ много нервовъ, вносите побольше ума и, можетъ быть, мы дополнимъ другъ друга, другъ другу поможемъ“... Сколько въ этомъ отвѣтѣ характернаго, сколько искренности и какъ это тонко написано! Читатель, ради этой искренности, ради многихъ прекрасныхъ качествъ автора приведенныхъ строкъ всегда готовъ простить своему любимому писателю его увлеченія и нѣкоторые промахи. Да и самъ А. С. Суворинъ, чуждый высокомѣрнаго самомнѣнія, безукоризненно честный, не считающій себя непогрѣшимымъ, всегда чистосердечно сознается въ своихъ ошибкахъ и промахахъ. Это — драгоцѣнное качество и должно тѣмъ болѣе цѣниться въ человѣкѣ, который пріобрѣлъ и славу, и симпатіи, и независимое положеніе, и справедливо можетъ гордиться своимъ талантомъ и тѣмъ, что удалось ему сдѣлать. Въ нашемъ краткомъ и безпритязательномъ очеркѣ, мы не пытались нарисовать литературный портретъ А. С. Суворина, мы не станемъ, поэтому, касаться и политическихъ идеаловъ глубоко симпатичнаго писателя; это завело бы насъ слишкомъ далеко... Мы можемъ сказать только одно: А. С. Суворинъ беззавѣтно любитъ свою родину, но любитъ не слѣпо, и эта любовь, любовь разумная, красной нитью проходитъ черезъ всѣ его сочиненія, отражается и на руководимой имъ газетѣ. Съ врагами внутренними и внѣшними онъ горячо борется во имя той же любви. Не раболѣпствуя ни передъ кѣмъ и не передъ чѣмъ, онъ придерживается лучшихъ старыхъ традицій, вѣритъ въ силу, въ мощь русскаго народа; его взгляды почти всегда глубоко оригинальны и нерѣдко идутъ въ разрѣзъ съ ходячими мнѣніями

А. С. Суворинъ — исконный врагъ всякой шаблонности, и въ этомъ, между прочимъ, заключается его сила, какъ писателя и журналиста. Кто внимательно читалъ въ теченіи многихъ лѣтъ статьи А. С. Суворина, изъ которыхъ многія написаны „лучшей кровью его сердца“, тотъ можетъ составить себѣ довольно ясное понятіе о немъ какъ о человѣкѣ. У него прекрасное, благородное, необыкновенно отзывчивое сердце. Сколько добра сдѣлалъ на своемъ вѣку Алексѣй Сергѣевичъ! Скольких лицъ вывелъ на дорогу, скольким оказалъ существенную помощь въ самую трудную минуту жизни. Отсутствіе злопамятности, добродушіе, незлобивость, простота, довѣрчивость—невольно бросаются въ глаза каждому, кому приходится имѣть съ нимъ дѣло или просто встрѣчаться.

Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ родился 11-го сентября 1834 года въ селѣ государственныхъ крестьянъ, Коршевѣ, воронежской губерніи, бобровскаго уѣзда. Его отецъ, Сергѣй Дмитріевичъ Суворинъ, былъ государственный крестьянинъ, служившій потомъ въ военной службѣ, геройски сражавшійся подъ Бородинымъ, произведенный въ офицеры и вышедшій въ отставку съ чиномъ капитана. Мать — Александра Львовна Соколова, была дочь коршевскаго протоіерея. Отъ этого брака у нихъ было восемь человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ А. С. былъ первенцемъ. Воспитаніе А. С. получилъ въ воронежскомъ Михайловскомъ кадетскомъ корпусѣ, куда онъ поступилъ 8-го ноября 1845 г. въ самый день открытія корпуса и откуда перешелъ въ спеціальные классы Дворянскаго полка, окончивъ въ немъ курсъ въ 1853 г. Здѣсь А. С. обнаружилъ страсть къ чтенію, влеченіе къ литературѣ и первыя попытки къ сочинительству, которыя выразились въ стремленіи составить словарь замѣчательныхъ людей по образу всеобщаго географическаго и историческаго словаря Bouillet. Словарь этотъ, доведенный юнымъ сочинителемъ до буквы Л включительно, доставилъ ему нѣкоторыя непріятныя хлопоты, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по свидѣтельству самаго А. С., принесъ ему огромную пользу, такъ какъ для его составленія ему пришлось изучать весьма внимательно произведенія самыхъ выдающихся критиковъ и поглотить достаточное количество всевозможныхъ книгъ. Выпущенный изъ Дворянскаго полка въ саперы, А. С. желалъ осуществить свою постоянную, завѣтную мечту — поступить въ университетъ и съ этой цѣлью подалъ прошеніе объ увольненіи его изъ военной службы. Его уволили въ статскую службу съ первымъ чиномъ. Однако недостатокъ средствъ помѣшалъ ему поступить въ университетъ. А. С. уѣхалъ въ свое родное Коршево, къ отцу и матери,—которые существовали на крохотный пансіонъ, который С. Дм. Суворинъ получалъ за военную службу, — вскорѣ затѣмъ выдержалъ экзаменъ на учителя уѣзднаго училища и сталъ преподавать исторію и географію въ бобровскомъ училищѣ. Здѣсь онъ нашелъ свое счастіе въ лицѣ Анны Ивановны Барановой, на которой женился и отсюда же сталъ посылать свои литературные опыты, въ 1858 г., въ различныя изданія. Впервые появилось въ печати его стихотвореніе изъ Беранже „Узникъ“. Оно помѣщено въ изданіи „Мода. Журналъ для свѣтскихъ людей“, въ № 4-мъ, помѣченномъ 15 мъ февраля. Но такъ какъ „Мода“ запаздывала тогда выходомъ, то и этотъ № вышелъ спустя мѣсяцъ. Поэтому тридцатипятилѣтіе А. С. Суворина приходится около 20-го марта. За этимъ стихотвореніемъ слѣдовали другія, а также юмористическія сценки, помѣщенныя въ „Весельчакѣ“, редакціи Н. М. Львова, за подписью *А. Суровикинъ*, въ которыхъ замѣчаются первые проблески таланта. Въ 1860 г. А. С. перевели учителемъ въ Воронежъ, гдѣ сблизился съ литературнымъ кружкомъ М. Ѳ. Де-Пуле, подружился съ однимъ изъ его членовъ, поэтомъ Ив. Савичемъ Никитинымъ и сталъ усиленнѣе заниматься литературой. Посланная имъ корреспонденція изъ Воронежа въ „Русскую Рѣчь“, издававшуюся графиней Е. В. Саліасъ де-Турнемиръ, обратила на себя вниманіе послѣдней. Графиня Саліасъ пригласила А. С. быть постояннымъ сотрудникомъ ея журнала и для этого переѣхать въ Москву. Въ „Русской Рѣчи“ А. С. помѣстилъ цѣлый рядъ талантливыхъ критическихъ статей и рецензій и работалъ въ ней вплоть до ея прекращенія въ началѣ 1862 года. Въ слѣдующемъ году онъ помѣстилъ два замѣчательныхъ произведенія въ „Отечественныхъ Запискахъ“—разсказъ „Отверженный“ и повѣсть „Аленка“. Въ этомъ же, 1863 г., онъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, только что взятыхъ тогда на аренду В. Ѳ. Коршемъ, и помѣстилъ въ нихъ массу фельетоновъ, разсказовъ, статей по искусствамъ, рецензій и замѣтокъ, подписанныхъ псевдонимами: *Незнакомецъ*, *А. Бобровскій*, *Петербуржецъ* и другими. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ велъ обзоръ журналовъ и новыхъ книгъ въ литературномъ отдѣлѣ „Русскаго Инвалида“, а съ 1869 по 1872 годъ дѣятельно сотрудничалъ въ „Вѣстникѣ Европы“, помѣщая въ немъ, за подписями *А. С—нъ*, *А. С.* и *А. Б—овъ*, критическіе этюды, путевыя впечатлѣнія изъ поѣздки своей за границу, замѣтки о театрѣ и проч. Съ 1872 г. началось изданіе его „Русскаго Календаря“, который сдѣлалъ эпоху въ литературѣ этого рода и имѣлъ громадный успѣхъ. Когда въ 1874 г. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ были взяты у Корша и переданы Ѳ. П. Баймакову, А. С. прекратилъ въ нихъ свое сотрудничество, вмѣстѣ съ другимъ даровитымъ ихъ сотрудникомъ В. П. Буренинымъ и недолгое время писалъ въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ К. В. Трубникова и еще въ нѣкоторыхъ изданіяхъ. Наконецъ, въ 1876 г. онъ, вмѣстѣ съ В. И. Лихачевымъ, пріобрѣлъ отъ г. Трубникова право на изданіе газеты „Новое Время“, а съ конца 1878 г. сталъ ея полнымъ хозяиномъ. Въ 1880 г. имъ основанъ „Историческій Вѣстникъ“, выходящій подъ редакціей извѣстнаго своими историческими трудами, почтеннаго писателя С. Н. Шубинскаго. Одновременно съ переходомъ „Новаго Времени“ въ полную собственность А. С. возникъ и книжный магазинъ „Новаго Времени“, дѣлающій нынѣ громадные обороты. А. С. издана масса прекрасныхъ книгъ, изданій весьма цѣнныхъ и весьма полезныхъ, въ томъ числѣ цѣлый рядъ классическихъ произведеній писателей русскихъ и иностранныхъ и такимъ образомъ онъ немало сдѣлалъ и для развитія нашего книжнаго дѣла. Всесторонняя дѣятельность А. С. Суворина какъ писателя, журналиста и издателя несомнѣнно будетъ оцѣнена по достоинству. А мы пока пожелаемъ Алексѣю Сергѣевичу многолѣтія, бодрости тѣлесной и душевной, чтобы онъ могъ по прежнему съ честью и съ успѣхомъ долго еще трудиться на пользу родной страны, которой онъ отдалъ всѣ свои способности, силы и свои лучшіе помыслы.

П. Б.



Автографъ А. С. Суворина.

Группа сотрудниковъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, 1863—1869 гг.

Валентинъ Ѳедоровичъ Коршъ взялъ на себя изданіе „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, по арендному договору съ Императорской академіей наукъ, съ 1-го января 1863 года на двѣнадцать лѣтъ. Когда минуло шестилѣтіе, т. е. половинный срокъ аренды, В. Ѳ. Коршъ праздновалъ это событіе. Въ ознаменованіе его весь составъ редакціи in pleno и главные сотрудники снялись въ одной группѣ въ тогдашней фотографіи С. Л. Левицкаго, или въ „Свѣтописи“, какъ она тогда называлась. Кромѣ В. Ѳ. Корша и его ближайшихъ сотрудниковъ А. С. Суворина и Виктора Петровича Буренина въ этой группѣ находились: Константинъ Константиновичъ Арсеньевъ, извѣстный юристъ, публицистъ и критикъ, нынѣ сотрудникъ „Вѣстника Европы“, Леонидъ Александровичъ Полонскій, бывшій издатель-редакторъ газеты „Страна“, Павелъ Александровичъ Гайдебуровъ, издатель-редакторъ „Недѣли“, Павелъ Алексѣевичъ Зеленый, бывшій издатель-редакторъ „Одесскаго Вѣстника“, Алексѣй Николаевичъ Веселовскій, извѣстный знатокъ иностранныхъ литературъ, Владиміръ Ивановичъ Лихачевъ, бывшій соиздатель А. С. Суворина по „Новому Времени“ и недавній городской голова, Цезарь Антоновичъ Кюи, композиторъ и музыкальный критикъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Воропоновъ, извѣстный писатель по политико-экономическимъ вопросамъ, Александръ Львовичъ Боровиковскій, юристъ и поэтъ, Александра Гавриловна Маркелова-Каррикъ, переводчица и романистка и нынѣ покойные: Эрнестъ Карловичъ Ватсонъ, Василій Васильевичъ Марковъ, поэтъ и критикъ, защитникъ спиритизма и незабвенный Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ. Фотографическій снимокъ этой группы, съ котораго сдѣлана наша гравюра, составляетъ теперь большую рѣдкость.

Изъ афоризмовъ А. С. Суворина

— Русскій человѣкъ скроменъ и застѣнчивъ даже тогда, когда имѣетъ право быть гордымъ.

— Съ тѣхъ поръ, какъ уничтожены пытки, люди лгутъ больше, но они безспорно нравственнѣе.

— Съ своей цивилизаціей мы бѣдны — какъ Іовъ.

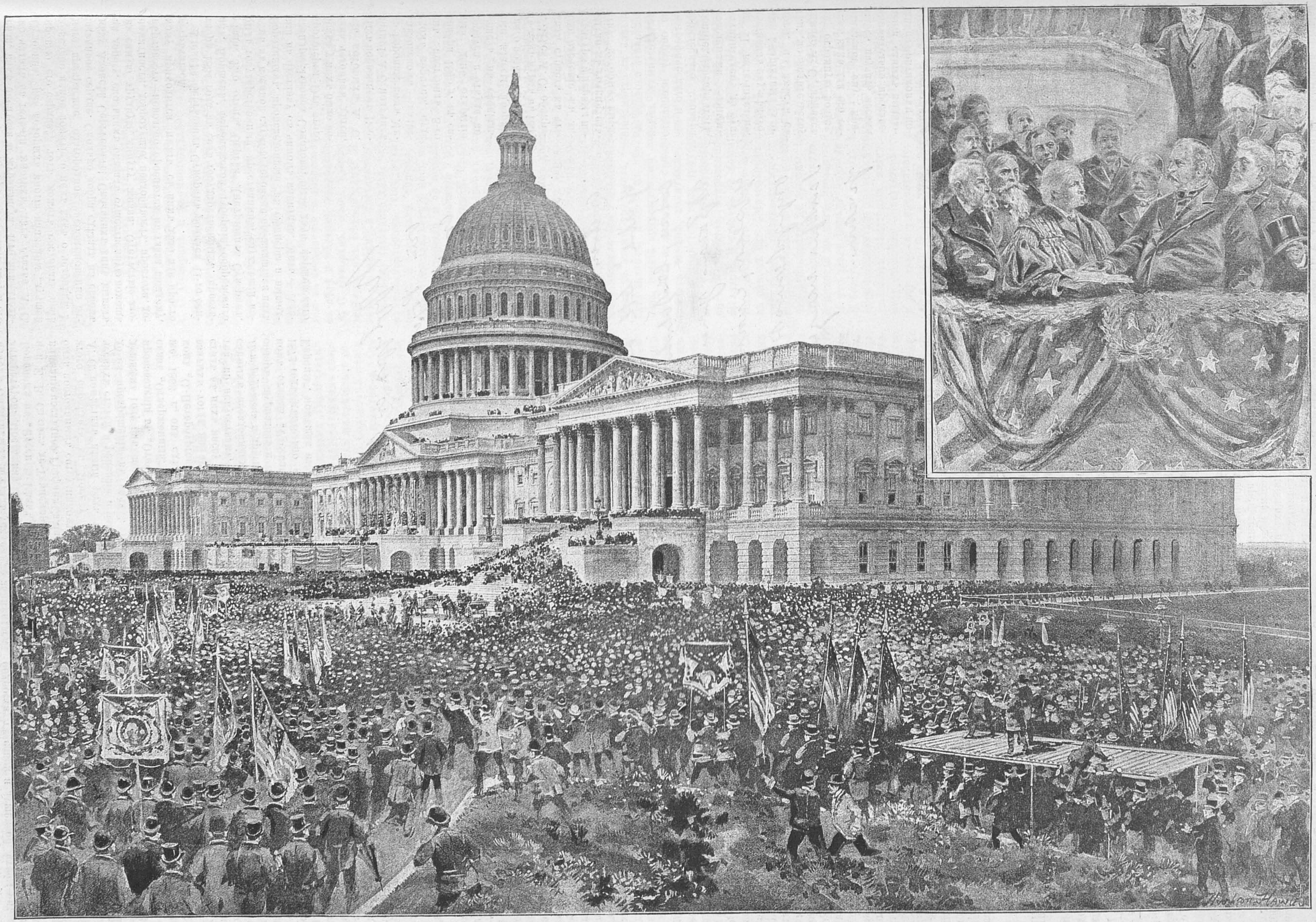
— Выразителемъ Россіи можетъ быть только тотъ, кто остался русскимъ и другомъ ея въ годины радости и въ годины горя.

— Люди живутъ въ шумѣ, говорѣ и дѣлѣ, а не въ тишинѣ. Въ тишинѣ только умираютъ люди.

— Смѣлые другъ другу цѣну знаютъ.

— Даже женщина геніальная, обворожившая людей геніальныхъ же, въ любовныхъ похожденіяхъ является ординарною бабой.

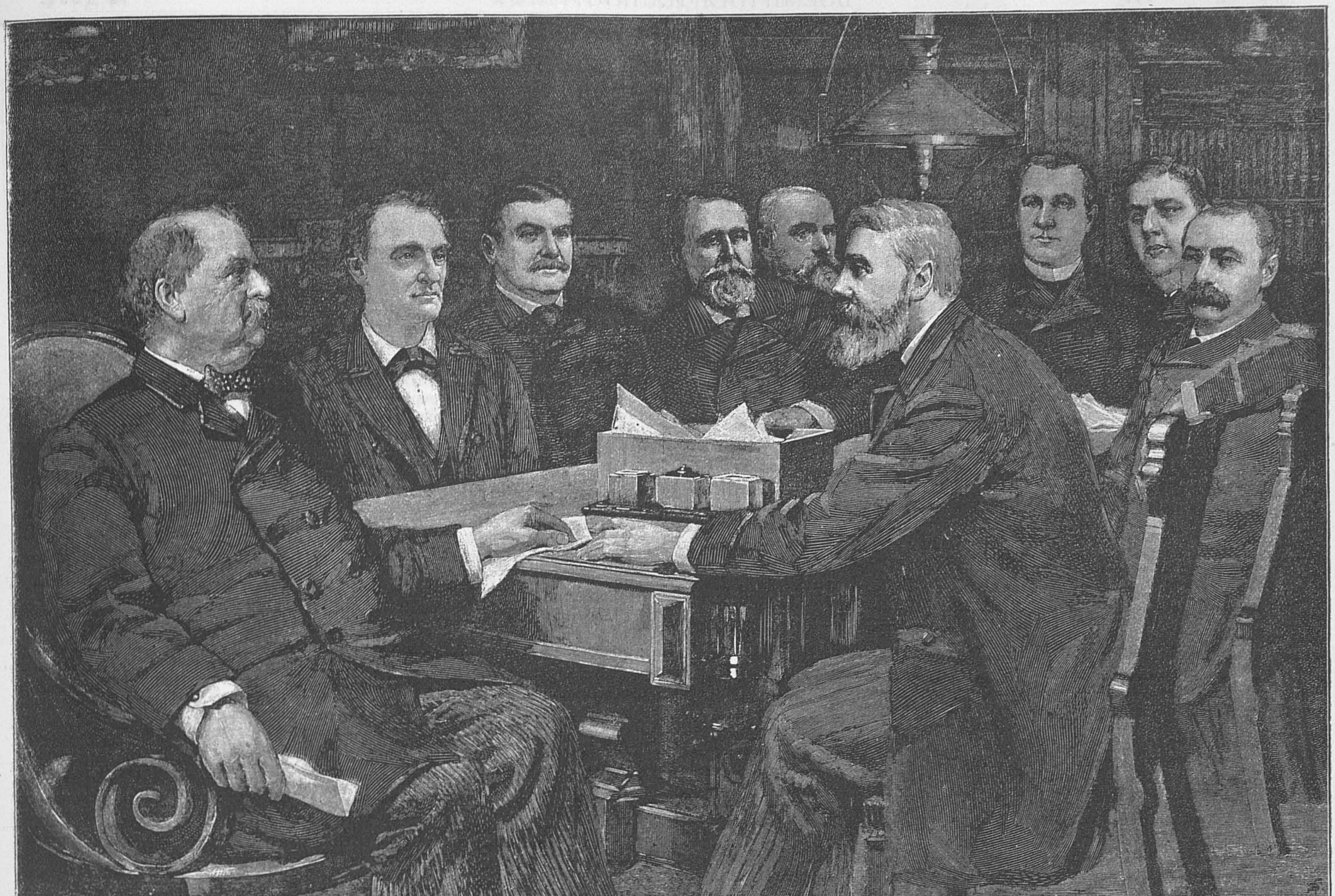
— Человѣчество тогда только отдохнетъ, когда отъ армій останутся одни лишь команды фейерверкеровъ (дѣлателей фейерверковъ).



Процессiи, войска и народъ передъ Капитолiемъ послѣ прибытiя туда президента. — Клевелендъ принимаетъ присягу.

Съ фотографiй Беля и Гутекунста рисовали Алиса Стеффенсъ и Г. Гаулей.

Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Вашингтонъ — Вступленiе новаго президента въ должность.



Президентъ Клевелендъ. — Дж. Карлейль. — Ричардъ Олней. — Г. А. Гербертъ. — Стерлингъ Мортонъ. — Вальтеръ Грещемъ. — Гокъ Смитъ. — Вильсонъ Биссель. — Даніэль Лемонтъ.

Президентъ Клевелендъ и его кабинетъ министровъ.

Президентъ Клевелендъ и предшественникъ его Гаррисонъ возвращаются изъ Капитолія.

Рисунокъ съ натуры Т. Тульструпа.

Соединенные Штаты Сѣверной Америки. — Вступленіе новаго президента въ должность.

— Что скучно и не умно, то лишено литературнаго значенія и таланта.

— Романистъ не наблюдатель только, а человѣкъ, отыскивающій смыслъ жизни и нравственную истину.

— Мнѣ иногда кажется, что мы слишкомъ смѣшливы, и не оттого ли намъ такъ часто приходится плакать.

— Трудно дается счастье даже доброму среди добрыхъ.

— Міръ спасется только женщиною, которая будетъ исполнять Божескіе законы, а не тою, которая станетъ презирать ихъ и заботиться исключительно о самой себѣ.

— Всякая мелюзга, даже обиженная Богомъ, всякій, взявшій произвольно метлу критики, считаетъ себя вправѣ проповѣдывать, „развивать“ идеи и людей и презрительно бросать грязью клеветы и своего недомыслія въ великія дарованія.

— Я самъ по себѣ значу что нибудь, и этого для меня довольно.

— Я — маленькій русскій человѣкъ, интересующійся большими дѣлами русской жизни.

Кустарный музей въ С.-Петербургѣ

Съ тѣхъ поръ какъ машинный трудъ въ Россіи получилъ самое широкое распространеніе и сталъ усиленно вытѣснять трудъ ручной, къ послѣднему начали относиться недовѣрчиво, начали считать его совершенно излишнимъ. Однако есть еще немало такихъ отраслей, въ которыхъ ручной трудъ не можетъ быть замѣнимъ машиннымъ. Во многихъ случаяхъ издѣлія ручныя по прочности, тщательности и изяществу цѣнятся гораздо выше издѣлій машинныхъ. Такъ напримѣръ, ручной работы кружева всегда будутъ имѣть несравненно бо́льшую цѣну, чѣмъ машинныя. Эта причина, въ связи съ тѣмъ, что кустарный трудъ является предметомъ заработка значительной части населенія нашего отечества, побудила, наконецъ, обратить серьезное вниманіе на кустарный промыселъ. И вотъ въ результатѣ, по почину министерства государственныхъ имуществъ явился кустарный музей, недавно открытый въ зданіи Солянаго Городка въ Петербургѣ. Онъ созданъ для ознакомленія публики съ произведеніями кустарей и для развитія спроса на эти произведенія безъ посредства разныхъ скупщиковъ и коммиссіонеровъ, отъ которыхъ вѣчно страдаетъ и производитель, и потребитель. Каждую вещь въ музеѣ можно купить или заказать точно такую же. Самъ по себѣ музей много мѣста не занимаетъ. Въ первыхъ двухъ комнатахъ продаются вещи, а въ остальныхъ четырехъ— выставлены образцы работъ. Это и есть собственно музей. Первая комната занята витринами со всевозможными игрушками, работы кустарей Сергіевскаго посада, тутъ же образцы кустарной иконописи и музыкальныхъ инструментовъ губерній московской, тульской и пензенской. Вторая комната главнымъ образомъ отведена подъ женскій кустарный трудъ. Громадная колекція кружевъ всевозможныхъ рисунковъ занимаетъ видное мѣсто. Въ коллекціи собраны образцы кружевнаго плетенія въ губерніяхъ: орловской, московской, ярославской, вятской, казанской и т. д. Всѣ стѣны и витрины драпированы разными тканями, шелковыми, шерстяными, пеньковыми и бумажными работы московскихъ, воронежскихъ, тульскихъ, тамбовскихъ и оренбургскихъ кустарей. Не забыты и вышивныя торжковскія и ташкентскія издѣлія. Третья и четвертая комнаты заняты преимущественно гончарными, скобяными, деревянными, соломенными и тростниковыми издѣліями. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ кустарнымъ промысломъ губерній: нижегородской, вятской, московской, костромской, рязанской, тульской, екатеринбургской и нѣкоторыхъ мѣстностей Сибири. Цѣлая витрина занята ювелирными вещами, другая—издѣліями скорняковъ, третья—мѣдными и слесарными и т. п. Если нѣкоторыя вещи сработаны грубовато, за то другія просто поражаютъ тщательностью отдѣлки и оригинальнымъ, своеобразно красивымъ видомъ. Вкусъ есть и у далеко необразованныхъ кустарей, очень часто не имѣющихъ ни моделей, ни даже порядочныхъ инструментовъ. Въ особенности оригинальны отдѣлы гончарный и мебельный. Всевозможные горшечки, миски, плошки, кувшины, тарелки и другія издѣлія изъ глины отличаются своеобразностью и формъ, и рисунковъ. Въ большой витринѣ выставлены образцы той самой посуды, которая подъ названіемъ обливной поставляется кустарями черниговской губерніи во всѣ деревни и села Россіи, начиная отъ сѣверныхъ губерній до Чернаго моря и Тихаго океана. Мебельный отдѣлъ блещетъ также оригинальностью. Большая часть мебели—тростниковая. Кресла, скамьи, столики, табуретки, сплетенныя изъ тростника, отличаются легкостью и даже очень изящны въ своемъ родѣ. Хороша также мебель изъ рѣзнаго дуба, простой формы, но оригинальнаго рисунка. Очень много шкафчиковъ для книгъ, этажерокъ и полокъ. Въ этомъ же отдѣлѣ помѣщены и другія издѣлія изъ тростника и соломы, корзинки, коробочки и т. п. Все это декорировано разными тканями и коврами, также кустарной работы. Нѣсколько витринъ заняты мелкими издѣліями изъ рога, кости и имитаціи подъ черепаху. Что касается до имитаціи подъ черепаху и слоновую кость, то вещи эти положительно не уступаютъ заграничнымъ. На каждой вещи, разумѣется, выставленъ билетикъ съ указаніемъ цѣны и мѣста изготовленія. Музей открытъ съ одиннадцати часовъ утра ежедневно. Входъ въ него, кромѣ субботы, безплатный.

Вербы

Къ рисунку С. К. Піотровича

Приближается свѣтлый праздникъ.

Ранняя нынче пасха, но на вербахъ уже распустились пушистыя бѣленькія почки, едва ихъ успѣло пригрѣть ласковымъ вешнимъ солнышкомъ! Какъ отрадно видѣть этотъ первый, какъ будто еще робкій, привѣтъ нашей сѣверной весны! Какъ пріятно щекочетъ обоняніе нѣжный запахъ вербы!

Вотъ жители маленькаго захолустнаго городка спѣшатъ ко всенощной въ Лазарево воскресенье. По дорогѣ ихъ осаждаютъ торговцы вербами. Бѣдный крестьянскій людъ и грошевой наживѣ радъ. — По двѣ копѣечки пучекъ, сударикъ мой! — Купите, ваша милость, купите, барышня-красавица! — пристаютъ къ идущимъ мужики и бабы. И у всѣхъ на лицахъ такое заискивающее выраженіе. Каждому хочется распродать сегодня и завтра передъ заутреней побольше своего незатѣйливаго товара. Все-таки — смотришь — въ свѣтлому дню какую ни на есть обновку можно будетъ купить, да и на свѣчку восковую къ великопостнымъ службамъ и къ заутрени Христовой останется, и ребятишкамъ на красное яичко. Вотъ маленькій пузатый мальчуганъ стоитъ съ толстымъ пучкомъ вербъ. Отъ земли едва видно, а шустрый парнишка: научился съ публики запрашивать. Идетъ мимо него какой-то важный баринъ и добродушно усмѣхается, поддразниваетъ его: — Да, ну тебя, отвяжись! И рады всѣ отъ мала до велика жители захолустнаго городка приближенію пасхи и весны. Въ столицахъ, въ большихъ городахъ какъ будто вѣчный праздникъ, безпрерывное веселье или, по крайней мѣрѣ, вѣчная суета, оживленіе. А въ провинціи не то. Въ будничное время здѣсь жизнь проходитъ вяло и потому праздникъ гораздо замѣтнѣе: онъ составляетъ крупное и радостное событіе, да и весеннее приволье заманчивѣе въ десять разъ. Въ провинціи люди живутъ ближе къ природѣ: вмѣстѣ съ нею оживаютъ и вмѣстѣ погружаются въ зимнюю спячку. Вотъ почему такъ радостно отдается здѣсь въ сердцахъ торжественный благовѣстъ церковнаго колокола. Скроменъ здѣшній храмъ; нѣтъ въ немъ ослѣпительнаго великолѣпія столичныхъ соборовъ съ мраморными стѣнами, съ иконостасами, окованными серебромъ, съ саженными люстрами, въ которыхъ зажигаются сотни свѣчей, съ оперныхъ хоромъ пѣвчихъ. Но и здѣсь отрадно молиться въ великіе дни, когда святая церковь вспоминаетъ спасительныя страданія Христовы, когда въ людскія души невольно закрадывается умиленіе. Благолѣпно наше православное богослуженіе, такое близкое русскому сердцу, такое родное. Какъ много будитъ оно свѣтлыхъ чувствъ, забытыхъ воспоминаній дѣтства, какъ ясно приводитъ на память дорогихъ намъ людей, отнятыхъ смертью! Она роднитъ насъ съ ними еще болѣе!..

О, благословенная пасха, радостный праздникъ духовнаго обновленія и пробужденія природы, не даромъ отъ края и до края съ такимъ торжествомъ чествуетъ тебя наша Русь, съ такимъ восторгомъ ждетъ, когда въ безчисленныхъ храмахъ, разсѣянныхъ по ея лицу, зазвучитъ радостная пасхальная пѣснь: „Христосъ Воскресе!“

Торжество въ Вашингтонѣ

Вступленіе въ должность новаго президента Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Гровера Клевеленда сопровождалось большимъ торжествомъ. Происходило оно двѣнадцатаго февраля въ Вашингтонѣ. Погода въ этотъ день была прескверная. Однако, не смотря на ощутительный холодъ и мокрый снѣгъ, валившій густыми хлопьями, массы народа, тысячъ двѣсти слишкомъ, стояли двумя тѣсными стѣнами, занимая пространство между Бѣлымъ Домомъ, дворцомъ президентовъ, и Капитоліемъ, гдѣ засѣдаютъ законодательныя собранія Соединенныхъ Штатовъ. Было одиннадцать часовъ утра, когда Клевелендъ отправился изъ отеля, въ которомъ онъ остановился, въ Бѣлый Домъ. Онъ ѣхалъ въ большой президентской коляскѣ, запряженной четверкою лошадей, цугомъ; сопровождалъ его военный отрядъ. Въ Бѣломъ Домѣ Клевелендъ былъ встрѣченъ старымъ президентомъ, Гаррисономъ и Стивенсономъ, новымъ вице-президентомъ, и затѣмъ всѣ трое съ нѣсколькими сенаторами и главнокомандующимъ морскими и сухопутными войсками, отправились въ Капитолій, гдѣ въ помѣщеніи сената собрались президентъ верховнаго суда, представители дипломатическаго корпуса, сенаторы и дамы. Оба президента, и старый и новый, при входѣ въ залу были встрѣчены дружными рукоплесканіями; старый вице-президентъ и вмѣстѣ съ тѣмъ президентъ сената привелъ затѣмъ новаго вице-президента къ присягѣ и объявилъ засѣданіе закрытымъ. Послѣ этого Клевелендъ направился къ красивому восточному портику Капитолія, на которомъ была устроена спеціально для этого торжества особенная платформа. Взойдя на нее, видимый всѣмъ собравшимся народомъ, Клевелендъ произнесъ весьма замѣчательную вступительную рѣчь, въ которой изложилъ свое profession de foi, намѣтилъ тѣ государственные и общественные недуги, противъ которыхъ онъ намѣренъ бороться, и выразилъ надежду, что американскій народъ окажетъ ему помощь въ его трудной обязанности; затѣмъ онъ призывалъ милость Божію на этотъ народъ. Свою рѣчь новый президентъ произнесъ съ непокрытою головою и по окончаніи ея присягнулъ на Библіи, которую сорокъ одинъ годъ тому назадъ онъ получилъ отъ матери. Присяга окончилась, и залпы артиллерійскихъ орудій огласили воздухъ, въ толпѣ прошелъ гулъ привѣтственныхъ кликовъ, напутствуемый которыми Клевелендъ отправился въ Бѣлый Домъ. Новаго президента провожали войска — до 40.000 человѣкъ, преставители всевозможныхъ демократическихъ ассоціацій и отрядъ почетныхъ тѣлохранителей, состоящій изъ ста членовъ нью-іоркскаго клуба дѣловыхъ людей, который извѣстенъ подъ именемъ клуба Клевеленда-Стивенсона. Передъ Бѣлымъ Домомъ были устроены просторныя эстрады, на которыхъ новаго президента ждали 12.000 человѣкъ самой богатой и знатной американской публики, а также губернаторы всѣхъ штатовъ и территорій. Послѣ завтрака президентовъ въ Бѣломъ Домѣ, Гаррисонъ, почти никѣмъ не замѣченный покинулъ президентскую резиденцію и съ экстреннымъ поѣздомъ отправился въ свой родной городъ Индіанополисъ, гдѣ онъ снова займетъ каѳедру международнаго права. Клевелендъ межъ тѣмъ взошелъ на трибуну, воздвигнутую передъ Бѣлымъ Домомъ и далъ сигналъ къ началу парада. Новый президентъ, въ тепломъ пальто, съ трудомъ удерживая на головѣ свой цилиндръ, срываемый вѣтромъ, стоялъ до самаго конца, пока проходила длинная процессія, состоявшая изъ войскъ, милиціи и депутацій, что продолжалось цѣлыхъ четыре часа; онъ всякій разъ, передъ каждой новой группой процессіи обнажалъ голову. Войскъ было не особенно много. Новинкой являлся эскадронъ на велосипедахъ. Вслѣдъ за нимъ четыре солдата несли большую тяжелую корзину; поровнявшись съ палаткой президента, они раскрыли эту корзину, и изъ нея вылетѣло десятка четыре голубей, разлетѣвшихся въ разныя стороны. Изъ депутацій представляла особый интересъ, въ смыслѣ курьеза, демократическая депутація „тамани“, представители которой шли въ сѣрыхъ шелковыхъ цилиндрахъ и сѣрыхъ сюртукахъ съ розовыми гвоздиками въ бутоньеркахъ. Большинство изъ нихъ несло зонтики какъ сабли на голо. Въ тотъ же день состоялся обычный балъ въ честь новаго президента, который съ своею молодою супругою былъ предметомъ самыхъ восторженныхъ овацій. На слѣдующій день новые демократическіе министры, назначенные Клевелендомъ, портреты которыхъ изображены на помѣщенномъ въ этомъ нумерѣ „Всемірной Иллюстраціи“ рисункѣ, отправились по своимъ штатамъ, принесли присягу и тотчасъ вступили въ отправленіе своихъ обязанностей, замѣнивъ своихъ республиканскихъ предшественниковъ.

Новости печати

Записка объ учрежденіи с.-петербургскаго общества содѣйствія физическому воспитанію дѣтей. Спб. 1893.

Въ настоящее время во всѣхъ образованныхъ странахъ сознано, что современныя программы образованія дѣтей школьнаго возраста, въ особенности же программы среднихъ учебныхъ заведеній, составлены на такую широкую ногу, что послѣдствіемъ ихъ систематическаго примѣненія является неизбѣжное переутомленіе учащихся. Въ качествѣ наилучшаго средства, противодѣйствующаго тягостной односторонности современнаго образованія уже давно указывается на физическій трудъ. Лицамъ, которыхъ судьба ихъ собственныхъ дѣтей заставляетъ относиться къ этому вопросу со всѣмъ вниманіемъ, какого онъ заслуживаетъ, будетъ далеко не лишне ознакомиться съ содержаніемъ брошюрки, заглавіе которой нами выписано выше. Брошюра заключаетъ проектъ устава с.-петербургскаго общества содѣйствія физическому воспитанію дѣтей. Какъ видно изъ этого проекта, будущее общество, если оно организуется, будетъ устраивать гимнастическія упражненія, игры, экскурсіи, курсы плаванія, конечно, подъ руководствомъ опытныхъ преподавателей и подъ наблюденіемъ врачей. Съ цѣлью распространенія правильнаго взгляда на физическое воспитаніе дѣтей, общество будетъ устраивать систематическіе курсы гимнастики и дѣтскихъ игръ для лицъ, желающихъ изучить это дѣло, издавать различныя сочиненія по гимнастикѣ и физическому воспитанію дѣтей, организовывать публичныя лекціи и бесѣды. Въ добрый часъ!

Театръ, музыка, искусства

Театръ и музыка

— Новые романсы Ю. Блейхмана. Обращаемъ вниманіе любителей красиваго и задушевнаго пѣнія на 4 новыхъ романса *Ю. Блейхмана*, только что вышедшіе въ изданіи фирмы Юлія Генриха Циммермана здѣсь и въ Москвѣ: № 11 „Мелодія", № 12 „Мнѣ снилось", № 13 „Я не знаю тебя", № 14 „Какъ давно не дышалъ я прохладой полей". Романсы эти отличаются благородствомъ мелодіи и интересной гармоніей. Они написаны очень эффектно для исполненія и со временемъ будутъ навѣрное популярны не менѣе любимаго романса: „Ты помнишь ли?" Всѣ выше упомянутые романсы имѣются для средняго голоса (меццо-сопрано или баритонъ) № 11 и 12 имѣются кромѣ того еще для высокаго голоса (сопрано или теноръ).

— Извѣстный дирижеръ Францъ Шредеръ, управлявшій въ теченіе нѣсколькихъ сезоновъ оркестромъ въ Ораніенбаумѣ, а въ эту зиму занимавшій мѣсто перваго капельмейстера частнаго нѣмецкаго театра, на предстоящій лѣтній сезонъ приглашенъ въ Кіевъ.

— Въ новой оперѣ Верди „Фальстафъ" заглавную роль съ большимъ успѣхомъ исполнялъ въ театрѣ „La Scala" въ Миланѣ баритонъ Морель. Въ настоящее время дирекція королевскаго театра въ Берлинѣ пригласила миланскую итальянскую труппу на нѣсколько представленій во время весенняго сезона, въ продолженіе котораго предполагалось поставить въ столицѣ Германіи и новую вердіевскую оперу. Но баритонъ Морель, какъ горячій итальянскій патріотъ, не сочувствующій политическому союзу своего отечества съ нѣмецкими державами, наотрѣзъ отказался пѣть на сценѣ берлинской оперы. Не скрывая мотивовъ своего отказа, Морель проявилъ свою стойкость въ этомъ отношеніи до того, что не согласился исполнять роль Фальстафа и въ Римѣ, гдѣ эту оперу предполагалось поставить во время пріѣзда туда германской императорской четы. Курьезный пѣвецъ!

— По обилію концертовъ великопостный сезонъ въ Одессѣ смѣло можетъ быть названъ выдающимся. Г-жу Мравину и г. Серебрякова замѣнили гг. Тартаковъ и Медвѣдевъ, а за ними—Фигнеръ съ двумя никому невѣдомыми „артистами". Всѣ концертанты имѣли громадный успѣхъ. Въ настоящее время гоститъ въ Одессѣ извѣстный скрипачъ Л. С. Ауэръ, руководящій симфоническими собраніями музыкальнаго общества. Другихъ серьезныхъ развлеченій нѣтъ.

— Московская драматическая труппа театра г. Корша, съ 31-го марта по 30-е апрѣля, будетъ гастролировать въ Петербургѣ, въ Маломъ театрѣ. Въ составъ этой труппы войдутъ: г-жи Мартынова, Кудрина, Кошева, Романовская, Красовская, Гусева, Омутова, и Ивановская; гг. Свѣтловъ, Людвиговъ, Трубецкой, Вазовскій, Сашинъ, Яковлевъ I, Моисеевъ, Яковлевъ II и вновь приглашенный Орленевъ. Репертуаръ будетъ состоять исключительно изъ „легкой" комедіи; пойдутъ пьесы: „Столичный воздухъ" — Корша, „Сваха" — его же, „На маневрахъ" — Разсохина, „Нина", „Насѣдка", „Жаворонокъ", „Поѣздка на Востокъ" — Корша, „Маленькая война", „Сыщикъ", „Заяцъ" — Мясницкаго.

Новости науки и цивилизаціи

Исторія, археологія, нумизматика

— Американская Помпея. Археологи и антропологи Сѣверной Америки сильно заинтересованы недавнимъ открытіемъ. Къ востоку, въ 3 километрахъ отъ Сантъ-Яго де-лосъ- Кабаллеросъ, одного изъ значительнѣйшихъ городовъ Гватемаллы, у подошвы вулкана Агуа, отрытъ засыпанный городъ, на землѣ, принадлежавшей богачу донъ-Альварадо и именуемой, по странной случайности, „Помпеей". Обнаруженные развалины и предметы домашняго обихода и искусства показываютъ, что этотъ индѣйскій городъ принадлежитъ къ каменному періоду, который въ Америкѣ держался дольше, нежели въ Старомъ Свѣтѣ. На стѣны города наткнулись на глубинѣ 5 футовъ. Въ фундаментахъ домовъ оказалось немало человѣческихъ скелетовъ въ сидячемъ положеніи, лежащихъ на спинѣ или ницъ. Иные скелеты 7 футовъ. Городъ исчезъ вслѣдствіе вулканическаго изверженія. Раскопки продолжаются съ большимъ усердіемъ.

Смѣсь

— Подарки папѣ по случаю его юбилея. Довольно интересенъ списокъ подарковъ, полученныхъ папой по случаю его юбилея: отъ Австріи онъ получилъ 1.500.000 лиръ (лира 25 к. с.), Англіи и Шотландіи— 1.200.000 лиръ, Исландіи — 10.000 лиръ, Германіи — 350.000 лиръ, Италіи — 2000.000 лиръ, Франціи — 225.000 лиръ, Аргентины и Уругвая — 150.000 лиръ, Мексики — 200.000 лиръ, отъ другихъ республикъ — 300 000 лиръ, Испаніи — 180.000 лиръ, Турціи—30.000 лиръ, Бразиліи —100.000 лиръ. Всего на сумму болѣе $4^1/_2$ милліоновъ лиръ (около 1.125.000 рублей). Впрочемъ эта цифра далеко не полная. Такъ, напримѣръ, епископъ Норфолькскій лично передалъ папѣ роскошный кошелекъ, въ которомъ лежалъ чекъ на 125.000 фунт. стерл. (около 1 милліона на наши деньги). Затѣмъ императоръ германскій прислалъ папѣ въ подарокъ перстень въ стилѣ временъ Фридриха I съ крупнѣйшимъ и роскошнѣйшимъ брилліантомъ.

Некрологъ

Александровъ Петръ Акимовичъ, присяжный повѣренный, выдающійся юристъ и ораторъ, † въ Спб. 11-го марта, 57 лѣтъ. Онъ воспитывался въ спб. университетѣ, служилъ прокуроромъ во Псковѣ, затѣмъ товарищемъ прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента сената, гдѣ и пріобрѣлъ себѣ репутацію ученаго криминалиста. Знатокъ по гражданскимъ дѣламъ и выдающійся кассаторъ, онъ былъ защитникомъ въ нѣсколькихъ крупныхъ процессахъ, въ томъ числѣ въ дѣлѣ кутансскихъ евреевъ, обвинявшихся въ убіеніи христіанскаго ребенка съ фанатической цѣлью, въ дѣлѣ пресловутой Засуличъ и проч.

Алексѣевъ Николай Александровичъ, московскій городской голова, † въ Москвѣ 11-го марта, 41 года. Портретъ и очеркъ дѣятельности Н. А. Алексѣева помѣщены во „Всем. Илл." 1892 г. Т. XLVIII. № 1247.

Ивановъ Сергѣй Сергѣевичъ, тайн. сов., бывшій помощникъ попечителя московскаго учебнаго округа и членъ совѣта министерства народнаго просвѣщенія, писатель, † въ Смоленскѣ 9-го марта, 72 лѣтъ. Онъ служилъ мировымъ посредникомъ, былъ губернскимъ предводителемъ дворянства смоленской губерніи, затѣмъ орловскимъ губернаторомъ, а по выходѣ въ 1886 г. въ отставку, работалъ въ качествѣ земскаго дѣятеля въ смоленской губ. Его перу принадлежитъ нѣсколько статей по крестьянскому вопросу и сельскому хозяйству, помѣщенныхъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" и „Современной Лѣтописи". Онъ также сотрудничалъ въ сороковыхъ годахъ въ „Москвитянинѣ" и другихъ изданіяхъ, а въ 1881 году напечаталъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго просвѣщенія" любопытный докладъ „Учебныя заведенія во Франціи и Испаніи" — результатъ его поѣздки за границу для ознакомленія съ учебнымъ дѣломъ.

Фонъ-Кіеръ Ф., датскій чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при россійскомъ Императорскомъ Дворѣ, генералъ отъ кавалеріи и камергеръ датскаго короля, † въ Спб. 14-го марта, 54 лѣтъ. Онъ былъ аккредитованъ въ Россію въ іюнѣ 1884 г. и во все время пребыванія въ Петербургѣ пользовался Царскими милостями и всеобщими симпатіями. Онъ много помогалъ бѣднымъ.

Цытовичъ Иванъ Илларіоновичъ, состоявшій въ запасѣ арміи генералъ-маіоръ, участникъ плевненскаго боя, † въ Кіевѣ 28-го февраля, 57 лѣтъ.

Якушкина Елизавета Мардарьевна, землевладѣлица тульской губерніи, полезная общественная дѣятельница, заботившаяся о нуждахъ народа, организовавшая школу, устраивавшая чтенія для взрослыхъ крестьянъ, вся жизнь которой была непрерывнымъ подвигомъ, † въ с. Старухинѣ, чернскаго уѣзда, тульской губ., 26-го февраля, 58 лѣтъ.

ИГРЫ и ЗАБАВЫ

ШАХМАТЫ

подъ редакціей **А. П. Шишкина**

ЗАДАЧА № 1557

J. Chocholous

Изъ „Světozor'a"

Черные

Бѣлые

Матъ въ 3 хода.

ЗАДАЧА № 1558

A. Munk

Изъ „Deutsche Schachzeitung"

Черные

Бѣлые

Матъ въ 2 хода.

ПАРТІЯ № 1030

Играна на турнирѣ въ берлинскомъ шахматномъ клубѣ въ 1890 г.

Королевскій гамбитъ

	A. Walbrodt Бѣлые	K. Holländer Черные
1.	e2—e4	e7—e5
2.	К b1—c3	К b8—c6
3.	f2—f4	e5 : f4
4.	К g1—f3	g7—g5
5.	d2—d4	d7—d6*a*)
6.	С f1—c4	С f8—g7
7.	0—0	С c8—g4
8.	С c4—b5	Кр e8—f8*b*)
9.	К c3—e2	Ф d8—e7
10	c2—c3	С g4 : f3*c*)
11.	Л f1 : f3*d*)	Ф e7 : e4
12.	Ф d1—f1	К g8—h6
13.	К e2 : f4*e*)	g5 : f4
14.	С c1 : f4	Л h8—g8*f*)
15.	С f4 : h6*g*)	С g7 : h6
16.	Л f3 : f7†	Кр f8—e8
17.	Л f7 : c7*h*)	Кр e8—d8
18.	Л c7 : b7	К c6—e5
19.	С b5—a6	К e5—f3†?*i*)
20.	Кр g1—h1	Л g8—f8*k*)
21.	Ф f1—b5	Ф e4—f5*l*)
22.	Ф b5—c6	Ф f5—e6
23.	Ф c6—c7	Кр d8—e8
24.	С a6—b5†	Сдались.

Примѣчанія къ партіи

a) Черные не рискнули сыграть 5... g5—g4, послѣ чего бѣлые, отвѣтивъ 6. С f1—c4, могли бы свести партію къ такъ называемому гамбиту Пирса

b) Вѣроятно, нѣсколько лучше было бы 8... a7—a6, вынуждая этимъ бѣлыхъ помѣняться слономъ на коня, такъ какъ если 9. С b5—a4, то 9... b7—b5 и затѣмъ 10.. К c6 : d4.

c) Очевидно, что прямо брать пѣшку ферземъ было бы нехорошо: тогда 11. К f3 : g5 и т. д. — съ сильной атакой.

d) Бѣлые не могутъ защитить пѣшку e, такъ какъ послѣ 11. g2 : f3 они, имѣя пѣшкой меньше, окончательно лишились бы атаки.

e) Трудно вполнѣ опредѣленно сказать, насколько правильно въ данномъ положеніи это пожертвованіе; но, повидимому, это рѣшительное продолженіе, послѣ котораго бѣлые пріобрѣтаютъ, какъ это и видно будетъ далѣе, по меньшей мѣрѣ три пѣшки за фигуру при сильномъ положеніи, даемъ имъ болѣе, чѣмъ какое либо другое, шансовъ если не на выигрышъ партіи, то по крайней мѣрѣ на ничью.

f) Черные не могутъ защитить пѣшку f7 : если 14... Ф e4—g6, то 15. С b5—d3!, Ф g6—e6 (15... Ф g6—h5; 16. Л f3—h3, отыгрывая фигуру; если же 15... К h6—f5, то 16. С d3 : f5, Ф g6 : f5; 17. С f4—d6†, выигрывая ферзя); 16. Л a1—d1, Ф e6—d7 (16... Ф e6—d5?; 17. С d3—c4 и т. д.); 17. С f4 : h6, С g7 : h6; 18. С d3—f5, Ф d7—d8; 19. С f5—e6; если 14... Ф e4—e6 (14... Ф e4—d5?; 15. С b5—c4 и т. д.; если же 14... Ф e4—e7, то 15. Л a1—d1 и затѣмъ 16. С f4 : h6 или, если 15... Ф d7—e7,—16. d4—d5), то 15. Л a1—d1 и если 15... Ф e6—d7, то 16. d4—d5, если же 15... Ф e6—g6, то 16. С b5—d3?, то и т. д.; если, наконецъ, 14... К c6—d8?, то 15. Л a1—d1 и черные должны жертвовать слона, чтобы спасти ферзя или не получить мата на e8.

g) Нѣсколько сильнѣе было бы предварительно 15 Л a1—d1 и если 15... Ф e4—g6, то 16. С d5—d3, f7—f5 (16... Ф g6—h5; 17. Л f3—h3); 17. С f4 : h6, С g7 : h6; 18. С d3 : f5 и у бѣлыхъ выигрышное положеніе.

h) На 17. Л a1—d1 послѣдовало бы 17... Л g8 : g2†; 18. Ф b1 : g2, Ф e3 : e1†; 19. Л f7—f1, Ф e1—e3†; 20. Кр g1—g1, 21. Кр e8—d8! (при другихъ ходахъ у бѣлыхъ получилась бы болѣе сильная атака) и, вѣроятно, черные могли бы защититься отъ довольно сильной, впрочемъ, атаки бѣлыхъ.

i) Этотъ ходъ погубилъ партію черныхъ; значительно лучше было бы 19... К e5—g4: тогда черные, можетъ быть, имѣли бы еще шансы на выигрышъ, ничья же имъ была бы вполнѣ обезпечена, какъ указываетъ М. И. Чигоринъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ этой партіи: 19... К e5—g4 (угрожая 20... С h6—e3†, 21... К g4—f2†, 22... К f2—h3† и т. д.); 20. Л a1—d1!, С h6—e3†; 21. Кр g1—h1, Ф e4 : b7! (или 21. Ф e4—g6!; 22. С a6 : b7, К g4—f2†; 23. Кр h1—g1, К f2—h3; 24. Кр g1—h1, К h3—f2† и т. д.

k) Черные, очевидно, не могутъ спасти коня, такъ какъ, куда бы онъ ни отступилъ, 21. Ф f2—f3† и въ нѣсколько ходовъ матъ.

l) Если 21... Ф f4—e6, то 22. Ф b5—a5† и т. д.

ШАШКИ

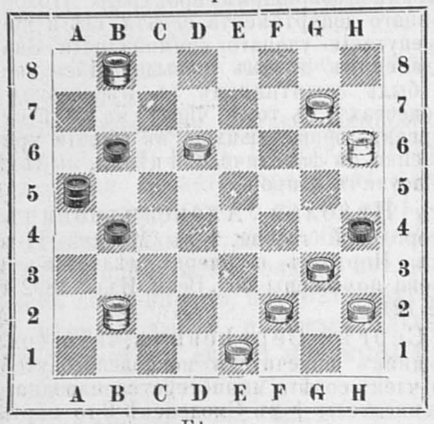
Н. П. Смирнова (въ Москвѣ)

Изъ конкурса задачъ „Шахматнаго Обозрѣнія“.

ЗАДАЧА № 35

Второй почетный отзывъ.

Черные



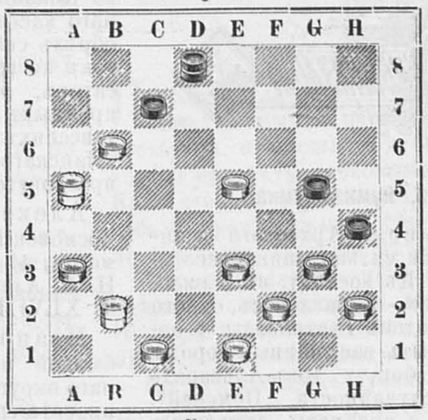
Бѣлые

Запереть дамку и простую.

ЗАДАЧА № 36

Третій почетный отзывъ.

Черные



Бѣлые

Запереть дамку и простую.

РѢШЕНІЯ ЗАДАЧЪ въ № 1253

№ 27. *Ф. М. Уткина* (въ Муромѣ). 1. b4—c5, b6 : d4; 2. c1—b2, a1 : c3; 3. a3—c5, d4 : b6; 4. d6—a3!, c8 : d6; 5. f4 : d2, h2 : f4; 6. d2 : g5, h8—g7; 7. a3—e7, g7—h6 (если 7... g7—f6, то 8. e7—d6 и 9. d6—g3); 8. e7—c5, h6 : f4; 9. f2—g3 и 10. c5—g1.

№ 28. *Е. Ѳ. Андрезена* (въ Спб.). 1. h2—g3, h4 : f2; 2. a3—b4; c3 : a5; 3. f6 : c3, h8 : h4; 4. c7—g3, a5 : c7; 5. b8 : d2 и 6. g1—f2.

Вѣрныя рѣшенія прислалъ Н. П. Смирновъ (въ Москвѣ).

Въ задачѣ № 27 оказалось double coup на 4-мъ ходѣ: 4. d6—b8, c8 : d6; 5. f4 : d2, h2 : f4; 6. d2 : g5, h8—g7; 6. g5—h6, g7—f6; 8. h6—g5 и 9. b8—g3.

Въ задачахъ Ф. М. Уткина — № 19 и № 23, помѣщенныхъ въ №№ 1244 и 1248 „Вс. Илл.“ оказались вторыя рѣшенія; авторъ исправилъ ихъ такъ:

Задача № 19 { Бѣлые: — a3, b2, f8 и h1; — c3, c5, d2, e1 и h6.
Черные: — e5; — a5, c7, f4, f6 и g5.

Запереть простую.

Задача № 20 { Бѣлые: — b8, g3 и h6; — d6, e7, f2, g1 и g7.
Черные: — b6 и c1; — f8.

Запереть простую.

Поправка. Въ № 1255 „Вс. Илл.“ въ задачѣ № 29, Ф. М. Уткина, на a1 — лишняя дамка; въ задачѣ же № 30, М. А. Аносова, на g1 должна стоять бѣлая дамкэ, а на a5 и c5—простыя, а не дамки.

КАРТЫ

Рѣшеніе задачи № 96

Третій партнеръ *В* имѣетъ короля червей, туза и короля трефъ, и отъ 4-ки до короля бубенъ.

4-ый партнеръ *У* имѣетъ: туза и двойку червей, отъ 3-ки до 6-ки трефъ, туза бубенъ и отъ 2-ки до 7-ки червей.

Розыгрышъ малаго шлема въ червяхъ: *X* ходитъ въ пику, *А* бьетъ козыремъ и козыряетъ, причемъ оказывается, что козыри на одной рукѣ; еслибъ „*В*“ снесъ на козырей туза и короля трефъ, былъ бы взятъ большой шлемъ, а такъ какъ *В* этого не сдѣлалъ, то *А* приходится, оставивъ для заручки одного козыря, выходить въ трефу; *В*, отходивъ туза и короля трефъ, выходитъ въ бубны, *У* кроетъ тузомъ, а *А* перекрываетъ козыремъ и, отходивъ еще двѣ трефы, остальныя двѣ карты отдаетъ *У* на козыря и пику. Еслибы *А* выкозырялъ до конца и вышелъ бы въ трефу, то *А* и *В* сдѣлали бы всего 9 взятокъ.

Игра пять бубенъ. *У* вполнѣ основательно выходитъ съ трефы, разсчитывая что *X* перекроетъ; но этого не случилось—*В* взялъ королемъ и козырнулъ, *У*, заручившись на туза бубенъ, снова идетъ въ трефу, *X* перекрываетъ козыремъ и ходитъ въ пику. Такимъ образомъ *X* и *У* берутъ три взятки.

Остальныя условія, очевидно, удовлетворяются даннымъ раскладомъ картъ.

Ходъ коня

ЗАДАЧА № 3.

Аллегорическое изреченіе.

				о				
			х	о	н			
			н	ч	о			
		о	л	ь	д	е		
			г	м	м			
			ъ	ъ	о			
		т	н	и	о	т		
			е	ч	з			
	о	ъ	а	м	о	т	е	
		ѣ	к	т	ѣ	у		
		т	р	р	к	ѣ		
			д	д	р			
			ъ	о	р			
	с	ч	н	ѣ	ь	г	р	
	ц	б	т	г	и	и	к	
с	у	л	е	ш	о	и	о	л

СОДЕРЖАНІЕ НУМЕРА

За редактора **Э. Д. Гоппе.**

Издательница **А. П. Гоппе.**

Дозв. цензурою. СПб. 18-го марта 1893 г. Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

НЕОЖИДАННЫЙ СЮРПРИЗЪ

Быль въ шести картинкахъ.

Электрическій художникъ

Вамъ, вѣроятно, небезъизвѣстна старинная игрушка, до сихъ поръ существующая въ продажѣ подъ названіемъ „анакато“ (съ греческаго: ἀνά — кверху, κάζω — книзу); въ коробкѣ, снутри выложенной фольгой или смазанной графитомъ, а сверху заклеенной стекломъ, лежатъ малюсенькія фигурки изъ бузины — шарики, человѣчки, змѣи, птички, бабочки и т. д.; если стекло это сильно потереть шерстяной матеріей, замшевымъ мѣшечкомъ, наполненнымъ сандаракомъ или толченою канифолью, то начнется „электрическій плясъ“. Фигурки тотчасъ-же примутся скакать то кверху, то книзу, отъ дна къ стеклу и обратно, сначала быстро, а тамъ все тише, пока не успокоятся совершенно. Законъ этого явленія — слѣдующій: потирая стекло, вы вызываете въ немъ положительное электричество, въ атмосферѣ (т. е. области вліянія) котораго находятся фигурки; тѣ, повинуясь притягательной силѣ, подскакиваютъ къ стеклу и прилипаютъ къ нему; при этомъ имъ сообщается часть свободной электрической энергіи, накопившейся на внѣшней сторонѣ стекла, такъ что фигурки заряжаются положительнымъ же электричествомъ; но такъ какъ одноимянныя электрическія напряженія взаимно отталкиваются, то фигурки, зарядившись, отскакиваютъ отъ стекла и падаютъ на дно; тутъ онѣ сообщаютъ фольгѣ или графиту воспринятый ими избытокъ электричества, которая такимъ путемъ уходитъ въ землю, фигурки же, разрядившись, по-прежнему становятся безразличными; тогда вліяніе стекла снова вступаетъ въ силу и вся процедура повторяется до тѣхъ поръ, пока не истощится запасъ свободнаго электричества, вызваннаго треніемъ на поверхность стекла.

Пользуясь данными этого опыта можно продѣлать довольно забавную штуку.

Посредствомъ мелкаго напильника превратите сухую пробку въ порошокъ; затѣмъ, положите на столъ двѣ книги одинаковой толщины (не свыше 2—3 сантиметровъ); книги должны лежать параллельно, на разстояніи 2—3 вершковъ другъ отъ друга; въ промежутокъ между книгами посыпьте тонкій слой пробочной пыли. Теперь возьмите кусокъ простаго оконнаго стекла и покажите его присутствующимъ: стекло вполнѣ прозрачно и покуда ничѣмъ не покрыто; это стекло положите поверхъ книгъ, въ видѣ мостика надъ пылью, и потрите его посильнѣе скомканнымъ кускомъ фланели: пыль мигомъ облѣпитъ нижнюю сторону стекла. Затѣмъ, снимите стекло и подуйте на пыль; часть ея тотчасъ же отскочитъ, а остальное — вопреки всѣмъ законамъ физики — такъ и останется на стеклѣ. Тогда поставьте на столъ свѣчку или лампу, а стекло держите отвѣсно передъ стѣной, — и къ вящему изумленію почтенной публики, на стѣнѣ отразится силуэтъ какой либо фигуры, портрета, цвѣтка, животнаго и т. п.

Въ чемъ же дѣло? спросите вы. Понятно — въ обманѣ: до начала опыта, стекло это было положено на какой нибудь рисунокъ, а затѣмъ рисунокъ этотъ былъ воспроизведенъ (калькированъ) на стеклѣ, помощью кисточки, смоченной глицериномъ; такъ что электричество притянуло пыль, а липкій глицеринъ удержалъ ее.

Магъ

Главная контора и редакція „Всемірной Иллюстраціи“ находятся въ С.-Петербургѣ, на Садовой ул. № 22.

Въ Москвѣ отдѣленія конторы находятся: 1) при книжн. маг. А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, 15, и 2) при конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи.

Дозв. цензурою. СПБ. 18 марта 1893 г.

Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

25й годъ | № 1262 | 49й томъ

Суббота 27-го марта 1893 г.

Цѣна нумеру 35 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки на годъ . **15** руб.
(при подпискѣ въ главной конторѣ редакціи).
Съ доставкою на годъ. . . . . **17** »

Въ Москвѣ безъ доставки на годъ . . . . **17** руб.
Съ пересылкою во всѣ города Россійской имперіи на годъ . . . . **18** »

Подписная цѣна на полгода съ доставкою и пересылкою . . . . **9** руб.
За границу (въ государства всемірнаго почтоваго союза) **20** руб.

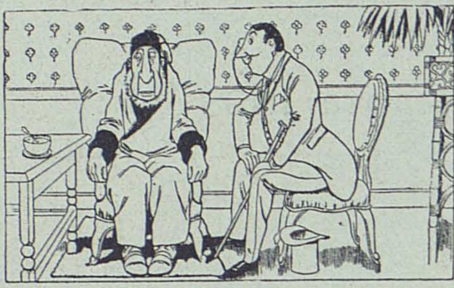
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Редакція и главная контора: Садовая ул. № 22.

ОБМАНУТОЕ ОЖИДАНІЕ.

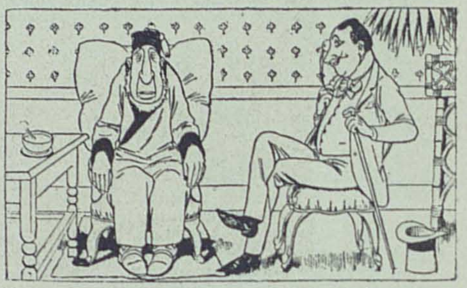
Каррикатуры Caran d'Ache (А. Пуаре).

Воскресенье.



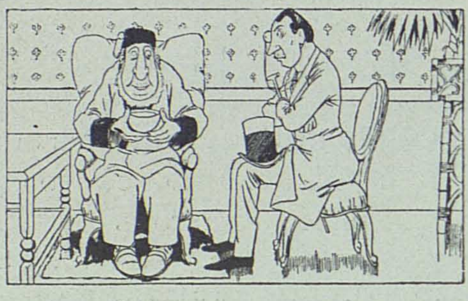
Понедѣльникъ.

Вторникъ.



Среда.

Четвергъ.



Пятница.

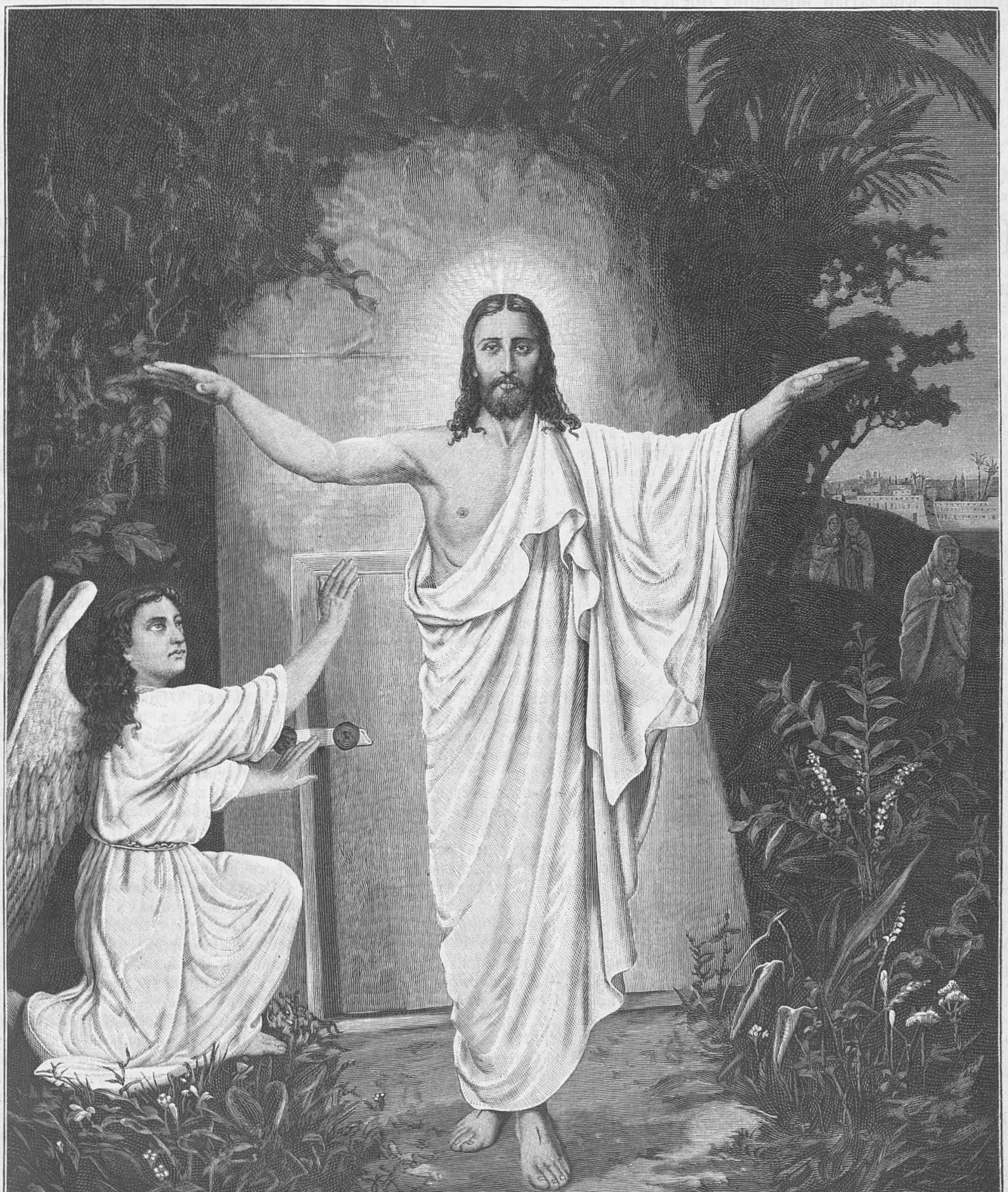
Суббота.

Воскресенье.

Всемірная Иллюстрація

№ 1262. Годъ XXV.] 27-го марта 1893 г. [Томъ XLIX. № 14.

Воскресши рано, Іисусъ явился имъ и сказалъ: „Радуйтесь!.. Миръ вамъ!..“



ВОСКРЕСЕНІЕ ХРИСТОВО.

Съ изображенія, сдѣланнаго по эскизу и указаніямъ Е. Н. Воронца; по фотографіи гравировалъ И. И. Хелмицкій.

Христосъ Воскресе!

Веселое утро сіяло въ поляхъ,
И ласково солнышко грѣло, —
А Матерь Господня стояла въ слезахъ
У гроба, гдѣ не было Тѣла.

Вотъ ласково вѣтеръ душистый пахнулъ,
Колебля одежды святыя;
Онъ Матери Божіей что-то шепнулъ —
И слезы отерла Марія.

Ей отрокъ крылатый внезапно предсталъ,
Серебряной ризой сверкая,
И ласково Дѣвѣ Маріи сказалъ:
»Ликуй Присно-Дѣва святая!

И всѣ вы, въ комъ жизнь богоданная есть,
Въ комъ теплится искра Господня, —
Ликуйте и пойте великую вѣсть:
Спаситель воскресе сегодня!«

И шепотъ веселый пошелъ по цвѣтамъ,
И вѣтки въ саду зашумѣли,
И птицы запѣли по влажнымъ кустамъ,
И пчелы въ цвѣтахъ загудѣли.

И всюду, гдѣ жизнь потаенно была, —
На небѣ и въ полѣ, и въ лѣсѣ, —
Молва, разливаясь волною, прошла:
»Спаситель изъ мертвыхъ воскресе!«...

Ал. Будищевъ

КИЧКИНЪ

Страстная недѣля 1611 г. въ Москвѣ

Разсказъ - хроника

Снѣгъ лежалъ на крышахъ домовъ и на куполахъ московскихъ храмовъ. Впрочемъ уже сильно таяло, и въ полдень по узкимъ улицамъ города текли ручейки, замерзавшіе къ вечеру. Несмотря на то, что былъ конецъ марта, Москва рѣка еще не тронулась, и ледъ на ней былъ крѣпокъ.

На Срѣтенкѣ, въ тупикѣ, стоялъ домъ купца Граматина, торговавшаго кожами. Чтобы посмотрѣть на торжество, какъ патріархъ ѣздитъ на осляти въ Вербное воскресеніе, изъ Подольска пріѣхалъ молодой бояринъ Иванъ Кичкинъ и остановился у Граматина, съ которымъ былъ давно знакомъ еще его отецъ, дававшій купцу деньги для оборота безъ всякихъ расписокъ и даже безъ свидѣтелей, съ глазу на глазъ, какъ водилось въ старину, когда люди были довѣрчивѣе и честнѣе. Но была у Кичкина и другая цѣль. Кромѣ Кичкина много съѣхалось простолюдиновъ и знатныхъ людей къ Вербному воскресенію въ столицу, находившуюся во власти поляковъ и бояръ, преданныхъ королевичу Владиславу. Но торжество произвело на крещеный православный людъ грустное впечатлѣніе. Патріархъ Гермогенъ былъ слабъ и измученъ и едва возсѣдалъ па осляти, выпущенный изъ тюрьмы только на время церемоніи. Прежде подъ уздцы велъ осла самъ царь; теперь царя на Руси не было, и его особу представлялъ бояринъ Кундуровъ—одинъ изъ приспѣшниковъ измѣнника Михаила Салтыкова, пріятеля Гонсѣвскаго, крѣпко сидѣвшаго со своими жолнерами въ Кремлѣ. Толковали въ народѣ, что торжество можетъ кончиться избіеніемъ москвичей. Поляки же боялись, что москвичи нападутъ на нихъ. Торжество было поэтому чрезвычайно печальное и походило скорѣе на военную прогулку польскихъ солдатъ, сопровождавшихъ патріарха для порядка. Москвичи и пришлые россіяне держались въ отдаленіи. Улицы и площади московскія были почти пустынны. Гдѣ-то на Арбатѣ народъ бросился на нѣсколько человѣкъ поляковъ, безпечно проходившихъ по улицѣ, и избилъ ихъ до смерти. Кремлевскіе бояре и польскіе начальники оставили это убійство безъ наказанія, чтобъ не раздражать народъ. Но народъ былъ раздраженъ, были раздражены и поляки.

Иванъ Кичкинъ утромъ въ страстной понедѣльникъ молился въ церкви Введенія Пресвятой Богородицы и возвратился назадъ вмѣстѣ съ женою Граматина и съ его дочерью Катериной. Катерина была красавица, и не безопасно было въ то время жолнерскаго своеволія и распущенности самихъ москвичей, привыкшихъ къ легкимъ нравамъ еще при названномъ царѣ Дмитріи, выходить на улицу молодымъ женщинамъ безъ мужской защиты. Иванъ Кичкинъ былъ при саблѣ и научился хорошо владѣть ею въ многочисленныхъ битвахъ съ войсками Бориса Годунова, такъ какъ онъ держалъ сторону Дмитрія Ивановича, искренно вѣря въ его подлинность.

Катерина не смѣла поднять длинныхъ рѣсницъ своихъ на стройнаго Кичкина. Нельзя купцамъ равняться съ боярами. Но сердце ея тревожно билось отъ сознанія, что Иванъ Кичкинъ идетъ рядомъ съ нею и сбросилъ бы съ дороги всякаго, кто дерзнулъ бы обидѣть ее. А какъ оскорбляютъ дѣвушекъ, которыхъ судьба наградила такими соболиными бровями, Катерина недавно испытала на себѣ. Она ѣхала съ матерью въ саняхъ по Лубянкѣ; вдругъ поровнялись бѣшеныя лошади, и черноусый полякъ быстро нагнулся, на всемъ скаку выхватилъ ее изъ саней, поцѣловалъ и увезъ бы далеко (ищи вѣтра въ полѣ и управы на Москвѣ), еслибы на встрѣчу не случился самъ Гонсѣвскій. Онъ велѣлъ арестовать наглеца и доставилъ Катерину домой полумертвую отъ страха.

Граматинъ пришелъ въ свой тупикъ раньше, и когда онъ поклонился боярину, тотъ замѣтилъ, что видъ у него озабоченный.

— Что, или вѣсти дурныя? спросилъ Иванъ.

— Не знаю какъ ихъ назвать, бояринъ, отвѣчалъ купецъ. — Думаю такъ, что скорѣе добрыя.

— А ежели добрыя, о чемъ же кручинишься, старина?

— Трудныя времена пришли, бояринъ, сказалъ Граматинъ. — Я ужъ старъ и помню еще Грознаго царя. Немало терпѣли мы отъ опричнины, но все же ложишься бывало спать, уповая, что на другой день проснешься въ своемъ домѣ. И походы бывали, и войны, да какія! и татары жаловали въ Москву — а все не то было. Господи, все за грѣхи наши попущаешь, Премудрый! Прогнѣвили мы Тебя!

Онъ возвелъ глаза на красный уголъ и перекрестился. Иванъ уже слышалъ эти разсужденія и жалобы отъ почтеннаго купца. Молодость заставляла его смотрѣть на вещи не такъ мрачно; онъ вѣрилъ въ крѣпость русской земли и привыкъ не щадить своей крови, не былъ привязанъ къ богатствамъ и земнымъ благамъ.

— Не на одного тебя разореніе идетъ, произнесъ онъ. — Найдутся люди и тебя... и Катерину твою въ обиду не дадутъ, прибавилъ онъ покраснѣвъ. — Но что ты слышалъ въ рядахъ?

— На выручку къ Москвѣ Пожарскій идетъ, понизивъ голосъ, проговорилъ Граматинъ. — Изъ Коломны Плещеевъ идетъ, Просовецкій и Колтовской. А за ними Ляпуновъ.

Глаза Ивана Кичкина сверкнули. Онъ потрепалъ по плечу Граматина и сказалъ:

— Разумѣется, хорошія вѣсти. Только вѣрныя ли?

По воцареніи Василія Шуйскаго бояре Кичкины были сосланы въ Устюгъ, какъ приверженцы убитаго самозваннаго царя. Когда же Шуйскій палъ, Кичкины вернулись и поселились въ своей вотчинѣ, подъ Подольскомъ. Салтыковъ и другіе ляхолюбцы разсчитывали, что они пристанутъ къ нимъ. Но Кичкины держались пока въ сторонѣ, не довѣряя полякамъ, и имъ претило, что на престолъ московскій сядетъ польскій королевичъ. Отецъ Ивана умеръ мѣсяцъ тому назадъ, и молодой бояринъ, видя, что вся земля русская поднимается на борьбу съ иноплеменниками, рѣшилъ выступить открыто ихъ врагомъ и, слѣдовательно, врагомъ Михаила Салтыкова, своего благодѣтеля. Оттого онъ, пріѣхавъ въ Москву, и не явился къ нему. Теперь, при одномъ слухѣ о приближающихся ополченіяхъ Пожарскаго и другихъ вождей, онъ весь встрепенулся, душа его зажглась однимъ желаніемъ—примкнуть къ Пожарскому, котораго онъ зналъ лично, и положить животъ свой за святое дѣло.

— Попусту звонить не станутъ, со вздохомъ отвѣчалъ на его вопросъ Граматинъ. — Вѣсти вѣрныя.

Этихъ вѣстей Иванъ Кичкинъ давно ждалъ и томился, что ихъ нѣтъ. И въ то время какъ злое предчувствіе смущало старика, бодрое настроеніе и мужественная рѣшимость овладѣли Иваномъ, сообщившись даже Граматину и окрыливъ, наконецъ, и его робкую старческую душу.

— Далъ бы Господь дожить до Свѣтлаго праздника! проговорилъ онъ, разумѣя подъ Свѣтлымъ праздникомъ разомъ и св. Пасху, и освобожденіе Москвы отъ поляковъ.

— Доживемъ! тряхнувъ своими черными кудрями, вскричалъ Иванъ. — А теперь надо съ народомъ потолковать, и не баба же я, чтобъ сидѣть сложа руки въ такіе дни!

Онъ надѣлъ шубу, надвинулъ шапку на глаза, вышелъ съ Граматинымъ, и они сѣли въ извощичьи сани.

— Ты откуда? спросилъ Кичкинъ.

— Я рязанскій.

— Ты слыхалъ, чай, о Прокопіѣ Ляпуновѣ?

— Какъ же не слыхать? Слыхалъ, батюшка.

— А сколько васъ извозомъ промышляетъ въ Москвѣ? много?

— Тысячъ шесть, можетъ и больше наберется. Народу много.

— Ты, кажется, парень сметливый, продолжалъ Кичкинъ. — Наши — Ляпуновъ и князь Пожарскій, и еще .. — ужъ подъ Москвой. А какъ станутъ входить въ Москву, хорошо бы санями да возами улицы запрудить, чтобы поляковъ до поры до времени не выпускать изъ Кремля.

Извощикъ ударилъ возжей по лошади и съ хитрой улыбкой посмотрѣлъ на боярина.

— Дѣло я смекаю, но и ты, бояринъ, смекаешь, проговорилъ онъ.

— Ты вотъ скажи своимъ, приказалъ Кичкинъ. — Да чтобъ по топору не пожалѣли положить въ кузовокъ, шепнулъ онъ, выскакивая изъ саней и бросая извощику монету.

Ивана Кичкина уже ждали у Солянаго Буяна. Осторожный Граматинъ самъ не вошелъ въ сарай, гдѣ собрались люди торговые и причетники, крестьяне и горожане, ратники и кое-кто изъ бояръ. Еще въ субботу въ этомъ сараѣ Иванъ Кичкинъ говорилъ зажигательныя рѣчи; но тогда слушателей было немного. Его привѣтствовали, и онъ обратился къ заговорщикамъ съ новымъ воззваніемъ:

— Не быть королевичу государемъ на Москвѣ! вскричалъ онъ. — Не позволятъ этого сами поляки. На ихнемъ сеймищѣ положено, чтобъ опустошить всю московскую землю и расхитить всѣ города русскіе. Вотъ недаромъ идутъ сюда земскіе люди со всѣхъ концовъ отечества. Встрѣтьте ихъ какъ братьевъ-избавителей, чтобъ не смѣялись надъ вами враги наши, которыхъ горсть, а васъ видимо-невидимо. Если не станемъ обще страдать, не будетъ намъ пощады и все равно погибнемъ!

Слова его ложились на сердца москвичей, какъ искры на порохъ. Встрѣтился съ нимъ бояринъ Голицынъ и поддержалъ его. Иванъ Кичкинъ до поздней ночи возмущалъ народъ, переходя съ мѣста на мѣсто — у Никитскихъ воротъ, у Пятиглавой башни, въ самомъ Китай-городѣ — всюду сѣялъ онъ вражду къ полякамъ и научалъ москвичей какъ мѣшать жолнерамъ и рейтерамъ двигаться по улицамъ, какъ загораживать улицы столами, стульями, сундуками, возами, чѣмъ попало, какъ стрѣлять изъ оконъ и съ чердаковъ и какъ и въ какое время звонить въ колокола — сзывать русскихъ бить поляковъ.

Уже давно погашены были огни въ городѣ, когда возвратился Иванъ Кичкинъ въ граматинскій тупикъ. Онъ удивился, что не успѣлъ взяться за кольцо, какъ калитка отворилась передъ нимъ. Видно, его ждали и чье-то чуткое ухо узнало объ его приближеніи по шуму шаговъ. Земля была мерзлая и звонкая. Необычность такой встрѣчи не испугала его, хотя могла быть устроена и западня. Онъ только сжалъ крѣпче рукоять сабли и осмотрѣлся въ темнотѣ, войдя во дворъ. Къ воротамъ прислонилась женская фигура въ шушунѣ на распашку. Пустымъ рукавомъ шушуна она прикрывала лицо.

Кичкинъ подошелъ къ ней, отстранилъ рукавъ и скорѣе почувствовалъ, чѣмъ увидѣлъ, что это Катерина. Она дрожала: вѣрно долго стояла у воротъ или страшно ей было, или стыдно. Чуть слышно она проговорила:

— Ничего съ тобой не приключилось дурнаго, Иванъ Михайловичъ?

— Голова на плечахъ еще цѣла, отвѣчалъ онъ:—вотъ она... А гдѣ твои губы, красавица?

Катерина молча подставила ему свои губы и, поцѣловавшись, не могла уже промолвить ни слова, едва не уронила съ плечъ шушунъ и убѣжала.

Но, хотя поцѣлуй былъ сладкій и желанный, Иванъ, собираясь вздремнуть, недолго о немъ думалъ. Его занимали распоряженія, которыя онъ сдѣлалъ сегодня въ ожиданіи Пожарскаго. Одинъ дьячекъ вызвался пробраться къ отряду князя Пожарскаго. Если отрядъ близокъ, Кичкинъ разсчитывалъ, что его гонецъ успѣетъ вернуться къ утру.

Общій планъ былъ такой, чтобы торговые люди, спрятавъ оружіе въ лавкахъ, шли туда какъ ни въ чемъ не бывало и производили бы обычную торговлю. Точно такъ же должны были съѣзжаться извощики. Все необходимое для загородъ должно быть тоже наготовѣ, и назначены были пункты, гдѣ загороды будутъ громоздче и крѣпче, такъ какъ полякамъ нельзя не идти по тѣмъ улицамъ.

Дьячекъ, усталый и блѣдный, но радостный, чуть свѣтъ разбудилъ Кичкина.

— Князь Дмитрій Михайловичъ приказалъ тебѣ кланяться и сегодня съ Божьей помощью будетъ въ Москвѣ не позже полудня.

Иванъ наскоро перекрестилъ лобъ, наскоро одѣлся, подвязалъ саблю, заткнулъ за шелковый поясъ пару ножей и помчался на площадь. Весь Бѣлый Городъ уже волновался. Многіе не знали, что составился скопъ противъ поляковъ; но, видя вокругъ движеніе и суету, сами суетились и никому не сидѣлось дома; даже дѣти кучками стали толпиться тамъ и здѣсь. Поляки, квартировавшіе въ Бѣломъ Городѣ, между тѣмъ встревожились, и нѣкоторые изъ нихъ начали переѣзжать въ Китай-городъ и Кремль, вербуя извощиковъ; они платили извощикамъ деньги, и тѣ ихъ везли съ ихъ скарбомъ.

Тамъ, гдѣ извощиковъ скопилось особенно много, появился кругленькій веселенькій полячекъ, въ голубомъ кунтушѣ и въ русской собольей шубѣ, и сталъ договаривать извощиковъ встащить пушки на стѣны Кремля и Китай-города. Половина извощиковъ не соглашалась на это, и полячекъ велѣлъ рейтерамъ ихъ бить.

— Ага! Имѣешь, пся кревь! со смѣхомъ произносилъ полякъ, когда извощику доставалось по шеямъ.

Остальные, переглянувшись между собою, отправились къ пушкамъ.

— Что вы дѣлаете, что вы дѣлаете, разбойники! сталъ кричать полячекъ, ударяя себя по бедрамъ.

Извощики не обращали на него вниманія и сбрасывали на землю тѣ пушки, которыя раньше стояли на стѣнахъ. Наконецъ ихъ прогнали и нѣсколькихъ изрубили саблями. Обороняясь, извощики пустили въ ходъ топоры. На грязный талый снѣгъ брызнула человѣческая кровь. Русскіе стали поворачивать оглобли; товарищи увозили своихъ убитыхъ и раненыхъ. Веселенькій полячекъ лежалъ на землѣ, и на бритой головѣ его зіяла черная рана.

Изъ Кремля выступилъ отрядъ. Гонсѣвскій хотѣлъ сначала унять поляковъ, думая, что они, какъ это часто случалось прежде, сами напали на москвичей, поссорившись съ ними на рынкѣ изъ-за какого нибудь воза сѣна.

Но въ это время Иванъ Кичкинъ велѣлъ ударить въ набатъ. Вѣсть, что идутъ русскія ополченія и уже вступаютъ въ Москву, достигла, наконецъ, до Кремля. Гонсѣвскій вспылилъ, выругался и закричалъ:

— Что разъ, батька, въ лобъ, что два — все равно! Начали бить — продолжайте! Гей! Бросить конныя сотенныя роты Гречанина и Абрагима на Китай-городъ! Панъ Голятиновскій очиститъ все это! Ежели такъ, то пусть здѣсь не будетъ ни одной русской души! Панъ Форлей, въ копья!

Моросилъ мелкій дождь, перемежаясь съ мокрымъ, рыхлымъ снѣгомъ. На минуту выглянуло солнце и снова скрылось за сѣрыя, тяжелыя облака. Набатный звонъ, сначала раздавшійся съ двухъ — трехъ церквей, сталъ подхватываться на другихъ колокольняхъ, и вдругъ загудѣла вся Москва отъ Китай-города и до крайнихъ предѣловъ — Землянаго Города. Звонъ былъ отрывистый, грозный, страшный. Богатые обитатели Китай-города стали запираться въ своихъ домахъ и лавкахъ. Но тутъ Форлей и Яковъ Маржеретъ, ставшій врагомъ Москвы послѣ Дмитрія Названнаго, за котораго проливалъ кровь, бросились на народъ и начали убивать кого попало. Они врывались въ дома и не щадили женщинъ и дѣтей. Изъ разломанныхъ оконъ окровавленные и полунагіе дѣтскіе трупы нѣмцы выбрасывали на пикахъ. Вскорѣ кони стали спотыкаться о груды тѣлъ, и польскіе рыцари взъѣзжали на холмы изъ человѣческаго мяса, которое трещало подъ тяжелыми копытами и сочило кровь. Дѣвушки прятались въ погребахъ, ихъ находили, вытаскивали и издѣвались надъ ними. Нѣкоторыя изъ нихъ сами убивали себя, и боярышня Голицына бросилась въ колодезь и утонула въ немъ, чтобы избѣжать позора. Въ одинъ часъ было истреблено шесть тысячъ москвитянъ и москвитянокъ, принадлежавшихъ къ „лучшимъ" людямъ и не проявлявшихъ наружной вражды къ полякамъ: многихъ поляковъ они принимали у себя и чествовали ихъ. Такъ скоро сбылись слова Ивана Кичкина, что равнодушные все равно погибнутъ.

Видя, что нѣтъ спасенія въ домахъ и въ храмахъ, китаевцы толпами выбѣгали на улицы, спасаясь въ Бѣлый Городъ. Но ихъ настигали жолнеры и нѣмецкіе драгуны, раздѣвали, соблазняясь ихъ богатыми одеждами и цѣнностями, которыя они уносили на себѣ, и предавали смерти. Женщины и старики становились на колѣни и умоляли о пощадѣ. Съ размаху имъ отрубали острыми палашами поднятыя руки, топтали ихъ, и убійцы летѣли дальше, преслѣдуя бѣглецовъ до самыхъ загородъ Бѣлаго Города, за которыми засѣли добровольцы, собранные Иваномъ Кичкинымъ.

Поляки удивились, внезапно встрѣтивъ дружный отпоръ со стороны русскихъ. Тѣсныя улицы оказались заваленными всякой рухлядью, дровами, досками, мебелью и даже перинами. Изъ-за этихъ укрѣпленій летѣли камни и пули. Русскіе стрѣляли изъ щелей заборовъ, изъ оконъ, съ крышъ. Поляки разбились на множество отрядовъ, но, опрокинувъ одну загороду, должны были брать другую и, наконецъ, отступили, будучи не въ силахъ одолѣть хорошо укрытыхъ москвичей.

Иванъ Кичкинъ всюду поспѣвалъ и ободрялъ сражавшихся. Вдругъ ему дали узнать, что противъ большой загороды въ Никитской улицѣ нѣмцы поставили пушку, и народъ боится, малодушествуя, какъ бы не пришлось уступить врагу. Рыжій дьячекъ Арсеній не отставалъ отъ Кичкина и провелъ его задними дворами и тупиками на Никитскую. Какъ только появился Иванъ и крикнулъ: „Не робѣй, ребята! Съ нами Богъ!" — и всѣ увидѣли статнаго молодаго боярина съ пламенными глазами, оробѣвшіе опять собрались къ загородѣ. Пушка уже грянула два раза, осыпавъ картечью дровяную загороду. Выждавъ время, пока пушкарь зарядитъ орудіе, Иванъ съ дьячкомъ взобрались на самый верхъ и, смѣривъ глазомъ разстояніе, прицѣлились изъ пищалей и убили пушкаря. Банникъ выпалъ изъ его рукъ. Лежа на загородѣ, они продолжали стрѣлять изъ пищалей, которыя имъ подавали снизу. Увлекаемые примѣромъ Ивана и храбраго дьячка, москвичи тоже взбирались на загороду и отстрѣливались. Одинъ за другимъ пали три пушкаря. Тогда полякамъ и нѣмцамъ надоѣла осада загороды, и они пошли на приступъ. Тутъ москвичи многихъ убили. Дьячекъ съ страшной силой натыкивалъ доски на копья. На непріятеля бросали тяжелые дубовые обрубки и обливали ихъ кипяткомъ, который тутъ же за загородой въ чугунныхъ котлахъ приготовляли женщины.

— Что, тараканы, хорошее угощенье? неистово кричалъ дьячекъ, опорожняя ведра. Какой-то храбрецъ полякъ, цѣпляясь за выступы загороды, ловко вскарабкался наверхъ и бросился съ саблей на Ивана Кичкина. Клинокъ встрѣтился съ саблей боярина, и она разбилась на двое, какъ стекло. Онъ вытащилъ ножъ изъ-за пояса. Но дьячекъ схватилъ за плечи поляка и какъ котенка швырнулъ внизъ, на нѣмецкія копья.

Между тѣмъ загорода не выдержала тяжести и движенія, слегка подалась и громыхнула; бревна покатились. Осаждавшіе дрогнули, испугались, можетъ быть принявъ грохотъ за взрывъ, и пустились бѣжать. Москвичи спрыгнули съ зыбкой загороды и бросились преслѣдовать поляковъ, взявъ ихъ въ топоры. Они загнали ихъ въ тупикъ, и тамъ продолжалась сѣча. Отнятая у врага пушка была установлена на загородѣ, которую быстро поправили. Поляки и нѣмцы, доведенные до крайности, скрылись въ домахъ. Имъ предложили сдаться, угрожая въ противномъ случаѣ сжечь ихъ живьемъ. Пока шли переговоры, новая сотня нѣмцевъ подошла на помощь своимъ и выручила ихъ. Москвичи снова ушли за загороду. Но теперь пушка громила поляковъ, ее заряжалъ самъ Кичкинъ. Видя, что нельзя справиться съ Никитской загородой, поляки, въ концѣ концовъ, отступили.

Свѣтлое Христово Воскресеніе. — На пути къ пасхальной заутрени въ деревнѣ.

Оригинальный рисунокъ для »Всемірной Иллюстраціи« В. П. Павлова.

Свѣтлое Христово Воскресеніе. — Розговѣнье въ помѣщичьей семьѣ.

Оригинальный рисунокъ для »Всемірной Иллюстраціи« Н. П. Загорскаго.

Иванъ Кичкинъ получилъ рану въ плечо, и народъ на рукахъ понесъ его на Срѣтенку, по его приказанію.

По пути онъ узналъ, что русское ополченіе заняло уже Тверскія ворота и что Пожарскій какъ разъ теперь на Срѣтенкѣ. Иванъ перекрестился. Гулъ пушекъ потрясъ воздухъ — значитъ, поляки напали на Пожарскаго. Неутомимый дьячекъ подробно разузналъ уже, въ чемъ дѣло, и разсказалъ Кичкину, что это русскія пушки и что возлѣ церкви Введенія Пресвятой Богородицы князь успѣлъ построить подвижной острогъ и только что отбилъ поляковъ, которые убѣжали въ Кремль. На Кулишкахъ тоже идетъ отчаянный бой и русскіе вездѣ тѣснятъ поляковъ.

Иванъ Кичкинъ послалъ Арсенія къ князю Пожарскому съ отчетомъ, а себя велѣлъ положить въ домѣ Граматина въ надеждѣ, что Пожарскій пришлетъ къ нему лекаря осмотрѣть и полечить его рану.

Воспоминаніе о вчерашнемъ поцѣлуѣ, какъ молнія, сверкнуло въ его умѣ и онъ подумалъ съ тайнымъ удовольствіемъ, что лучшимъ лекаремъ его, конечно, будетъ Катерина. Но онъ испугался, когда увидѣлъ, что домъ Граматина разграбленъ, двери въ немъ всѣ настежъ и криво висятъ на петляхъ и онъ пустъ. Нигдѣ не было ни души. Въ теремѣ на полу застыла лужа крови и лежалъ изорванный шушунъ, съ котораго рука грабителя торопливо сорвала жемчужныя пуговицы и шелковый верхъ.

— Куда же тебя, бояринъ, теперь нести? спросили носильщики.

Онъ ничего не отвѣтилъ и потерялъ сознаніе.

А Гонсѣвскій, когда стали одолѣвать русскіе, разсчиталъ, что ему, съ незначительными силами выгоднѣе всего запереться въ Кремлѣ и Китай-городѣ. Однако же, Бѣлый Городъ, попавъ въ русскія руки, будетъ чрезвычайно опасенъ для поляковъ, опоясывая ихъ почти со всѣхъ сторонъ. Въ царскихъ палатахъ кремлевскаго дворца собранъ былъ военный совѣтъ. Приглашены были всѣ начальники отдѣльныхъ частей, бывшіе на лицо. Приглашены были и бояре, вѣрные королевичу. Долго они совѣщались, какъ быть и что дѣлать. Михаилъ Салтыковъ, считавшій въ душѣ поляковъ безмозглыми людьми, рѣзко сказалъ:

— Намъ надо сжечь Бѣлый Городъ — тутъ нечего киснуть, когда бѣда на носу. Если же не послушаете меня, я возьму жену и убѣгу къ королю. Мнѣ свои животы дороги.

— Но у пана добродѣя тамъ имѣется свой домъ, возразилъ Гонсѣвскій съ улыбкой.— Неужели панъ рѣшается быть такимъ самоотверженнымъ?

— Можно позавидовать Москвѣ, что она отечество пана Салтыкова, замѣтилъ Мархотскій, потупивъ глаза.

Салтыковъ сердито взглянулъ на Мархотскаго, запустилъ пятерню въ свою бороду, судорожно сжалъ пальцы и опять повторилъ:

— Безъ огня нѣтъ спасенія. А свой домъ я самъ первый подожгу. Итакъ, ваша мощь, не будемъ терять времени и точить лясы! заключилъ онъ и всталъ.

— Пусть будетъ такъ, какъ совѣтуетъ панъ Салтыковъ, сказалъ Гонсѣвскій. И тотчасъ было отдано приказаніе сжечь Бѣлый Городъ.

Но дождь все моросилъ. Жолнеры и похолки разсыпались по улицамъ Бѣлаго Города, держа въ рукахъ пучки горящей соломы и осмоленной лучины. По распоряженію Салтыкова, сначала подожгли его домъ. Онъ съ трудомъ загорѣлся. Другіе дома вовсе не загорались. Прошелъ часъ. И только кое-гдѣ надъ Бѣлымъ Городомъ поднялся дымокъ. Тогда ксендзы въ бѣлыхъ шазюблахъ, со Святыми Дарами, стали обходить Бѣлый Городъ, чтобы разрушить колдовство москвичей, зачаровавшихъ отъ пожара свои жилища. Весенній непостоянный вѣтеръ поднялся и сталъ раздувать пламя; Бѣлый Городъ запылалъ со всѣхъ концовъ. Набатный звонъ не прекращался ни на минуту. Дымъ и смрадъ отъ горящихъ труповъ распространился по всей Москвѣ. Въ Кремлѣ трудно было дышать отъ ѣдкой гари. Стало смеркаться. Колокольни церквей бѣлѣлись, какъ призраки, окруженныя моремъ огненнаго тумана. Михаилъ Салтыковъ съ Гонсѣевскимъ стояли на кремлевской стѣнѣ и мрачно смотрѣли на пожаръ. Но перемѣнился вѣтеръ и погналъ волны пламени на Китай-городъ. Только что очищенный отъ русскихъ, но еще загроможденный ихъ трупами, Китай-городъ, пристанище поляковъ, сталъ горѣть. Тѣ же самые ксендзы, съ пѣніемъ псалмовъ и со Святыми Дарами, опять вышли изъ Кремля, и ихъ процессія потянулась по всѣмъ улицамъ Китай-города. Зловѣще для русскаго уха звучали ихъ латинскіе напѣвы въ аломъ прозрачномъ сумракѣ. Москвичи, въ свою очередь, принимали это за колдовство. Нѣмцы флегматично слѣдили за ксендзами, кропившими пылающіе дома Китай-города. Еще разъ перемѣнился вѣтеръ, и Китай-городъ былъ спасенъ, къ радости поляковъ. А Бѣлый Городъ продолжалъ горѣть. Было такъ свѣтло, несмотря на наступившую ночь, что можно было бы различать цвѣтъ широко раскрытыхъ глазъ безчисленныхъ труповъ, валявшихся по всѣмъ улицамъ и закоулкамъ Москвы.

Къ разсвѣту Маржеретъ и польскіе гусары перешли черезъ ледъ по Москвѣ-рѣкѣ и зажгли Замоскворѣчье. Толстый бояринъ Плещеевъ бѣжалъ съ своимъ отрядомъ. Разбѣжалось и ополченіе Ивана Колковскаго. Когда утромъ очнулся Иванъ Кичкинъ, лежа въ придѣлѣ Введенской церкви, пожаръ разливался уже по Лубянкѣ. Раненый молодой человѣкъ слышалъ грохотъ выстрѣловъ, крики искалѣченныхъ воиновъ, шумъ отъ передвиженія отрядовъ. Онъ обвелъ глазами высокія каменныя стѣны придѣла, сіявшія позолотой образовъ, и силился сообразить, что съ нимъ и гдѣ онъ. Плечо его страшно болѣло, между тѣмъ, какъ вчера онъ почти не чувствовалъ боли, онъ даже не замѣтилъ, кто перерубилъ ему ключицу. Позади его послышался шорохъ, но ему трудно было повернуть голову. Въ то же мгновеніе надъ нимъ наклонилось чье-то молодое блѣдное лицо съ соболиными бровями, и онъ слабо улыбнулся, узнавъ Катерину.

— Слава Богу, ты жива! произнесъ онъ.

— Хорошо, бояринъ, что тебя Богъ спасъ, сказала Катерина.— Испить не хочешь ли?

И вслѣдъ затѣмъ она приближала къ его губамъ мѣдный ковшъ съ водою.

— Что это дѣлается? спросилъ онъ, хмуря брови и приходя въ себя.

— Москва горитъ.

— А что же, развѣ Пожарскій ушелъ?

— Нѣтъ, онъ бьетъ ляховъ. Да только и они бьютъ нашихъ, грустно прибавила Катерина со слезами на глазахъ.

Иванъ преодолѣлъ боль и повернулъ, наконецъ, голову. Онъ увидѣлъ, что на полу рядомъ съ нимъ лежитъ много раненыхъ русскихъ; нѣкоторые изъ нихъ стонали, иные отошли въ вѣчность.

— Гдѣ я? спросилъ я.

Катерина объяснила, что онъ въ церкви Введенія Пресвятыя Богородицы, что здѣсь же острогъ Пожарскаго, что вчера, какъ убили и поволокли ея отца, она и спряталась вмѣстѣ съ другими женщинами въ этой церкви. И вотъ Богъ сподобилъ ее встрѣтиться съ нимъ.

— Пришли и ограбили, и убили, шепотомъ говорила одна.— Не знаю, гдѣ его прахъ любезный! Охъ, горькая сирота я! стала она причитать, закрывая лицо руками.

Наплакавшись, она снова наклонилась къ Кичкину и, глядя на него своими красными распухшими глазами, сказала:

— Знаю, что твоими деньгами живъ былъ отецъ и оборачивался. Теперь и тебѣ разореніе изъ-за насъ. Возьми меня хоть въ кабалу — я тебѣ вѣрно буду служить.

Кичкинъ притянулъ ея руку лѣвой рукой (правая не дѣйствовала), сжалъ и положилъ къ себѣ на сердце.

Но бесѣда эта была прервана появленіемъ толпы русскихъ ратныхъ людей въ желѣзныхъ шлемахъ, на которыхъ ярко раздробился солнечный свѣтъ, косо падавшій сверху изъ высокихъ узкихъ оконъ.

— Эй! кто живъ, поднимайтесь! повезутъ! Къ Троицѣ! Къ Троицѣ!

— Зачѣмъ къ Троицѣ? вздрогнувъ, спросилъ Кичкинъ.

Вездѣсущій дьячекъ, подпоясанный мечемъ, съ окровавленной косичкой и весь черный отъ пороховаго дыма, выглянулъ изъ-за толпы воиновъ и, широко улыбнувшись, вскричалъ:

— Здравствуй, бояринъ, Иванъ Михайловичъ! Не очень гнѣвайся на меня. Состоянія я оказался худого и хоть къ дракамъ охотенъ, но что подѣлаешь съ пожаромъ? Горимъ со всѣхъ концовъ! Подобно тебѣ, и князь Димитрій Михайловичъ одною рукою уже совсѣмъ не дѣйствителенъ. Ляхи напираютъ, и надо къ Троицѣ отступать... Кабы не я, забыли бы тебя здѣсь—самъ знаешь, какое время. Живо берите боярина!

Иванъ хотѣлъ самъ встать, но со стономъ повалился на руки ратныхъ людей. Онъ только теперь замѣтилъ, что и нога его зашиблена. Когда поляки отступали отъ Никитской загороды, пушка накренилась и придавила ему ступню.

— Послушай, Арсеній, сказалъ Кичкинъ, указавъ глазами на Катерину: — ея нельзя здѣсь оставить.

— Ой ли? Возьмемъ и ее, отвѣчалъ Арсеній.—Авось за монастырскими стѣнами мѣста хватитъ. Да какъ она тебѣ приходится, бояринъ? тихо спросилъ онъ, наклоняя къ Ивану свое пропахшее гарью лицо.

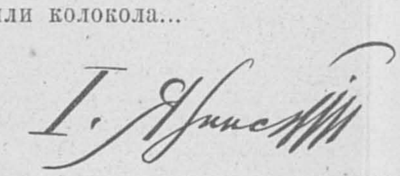
— Пока невѣстой, а ежели не умру — женой будетъ, строго отвѣчалъ Кичкинъ.

Его положили въ повозку рядомъ съ княземъ Пожарскимъ. Князь рыдалъ, какъ маленькій ребенокъ.

— Умереть бы мнѣ, Иванъ, лишь бы не видать того, что довелось увидѣть, говорилъ онъ Кичкину. — Разрушенъ и опоганенъ великій городъ!

По Троицкой дорогѣ быстро уходило ополченіе Пожарскаго. На возахъ и саняхъ ѣхали москвичи подъ охраной войскъ. Солнце уныло свѣтило изъ-за набѣгавшихъ тучъ, по полямъ и въ канавахъ струилась мутная вода. Шли священники съ крестами, въ воздухѣ развѣвались хоругви и качалось большое знамя князя Пожарскаго. Ржали лошади. Голоса сливались въ одинъ могучій шумъ. Обозъ растянулся на нѣсколько верстъ. Возлѣ одной повозки, на которой сидѣла Катерина, вмѣстѣ съ какой-то старухой, скакалъ на клячѣ дьячекъ Арсеній. Старуха эта была его мать. Оберегая теперь женщинъ, какъ доблестный витязь, дьячекъ старался шутить, чтобъ отогнать отъ нихъ печаль, и клялся всѣми клятвами, что все же не сдобровать полякамъ, и скоро наступитъ день, когда вмѣсто сабли и палицы онъ, Арсеній, будетъ держать въ рукахъ только псалтырь.

Позади огромной, черной, страшной тучей поднимался дымъ отъ пылавшей Москвы и отчаянно звонили колокола...



Свѣтлый день

Свѣтлый, радостный день обновленья,
День, на смерть наложившій запретъ,
Въ царство мрачное гибели, тлѣнья
Внесшій жизни, безсмертія свѣтъ.
Свѣтлый, радостный день пробужденья
Надъ исчадіемъ зла торжества, —
Даже въ хладныхъ сердцахъ возрожденья
Добрыхъ мыслей и силъ божества.
Свѣтлый день благодатный забвенья
Всякихъ золъ, и скорбей, и нужды;
День, сплотившій людей словно звенья;
День, разсѣявшій призракъ вражды.
Свѣтлый день золотыхъ упованій
Въ жизнь иную — любви, красоты;
День веселья, живыхъ ликованій,
Мира, счастья, святой чистоты.
Свѣтлый день и съ души, и отъ взора
Прогоняющій сумракъ и тѣнь, —
Не склоняйся къ закату такъ скоро,
О, помедли ликующій день!

СВѢТЛОЕ ВИДѢНIЕ

Пасхальный разсказъ

О. Н. ЧЮМИНОЙ

Таинственная пасхальная ночь съ первыми призывными ударами колокола, возвѣщающаго мiру о Воскресенiи Христа, эта чудная ночь, съ ея безчисленными огнями, зажигающимися вездѣ, начиная съ переполненныхъ молящимися храмовъ и кончая ярко освѣщенными комнатами, гдѣ вокругъ накрытаго стола собралась тѣснымъ кружкомъ вся семья, — эта ночь уступила мѣсто теплому солнечному дню.

Пасха въ 188** году стояла поздняя и снѣгъ почти вездѣ расталлъ, даже на лугахъ, между проталинами уже пробивались молодые побѣги зеленѣющей травы. Теплый весенiй вѣтеръ шумѣлъ въ вѣтвяхъ деревьевъ, на которыхъ начинали завязываться почки; отъ этого вѣтра разливались вешнiя воды, и онъ словно опьянялъ собою носившихся въ воздухѣ грачей, крики которыхъ сливались съ веселымъ трезвономъ колоколовъ. Это было настоящее Свѣтлое Воскресенiе, и природа, просыпаясь отъ зимняго сна, какъ будто праздновала свой праздникъ обновленiя.

Даже невзрачные дома Зарѣченска, казалось, помолодѣли подъ лучами весенняго солнца; сквозь выставленныя рамы въ комнаты гулко доносился грохотъ дрожекъ по мостовой, съ утра развозившихъ визитеровъ во всѣ концы города. Отъ этого грохота, отъ котораго за зиму отвыкли уши, вздрагивали на столахъ графинчики и бутылки съ домашней наливкой, изготовлявшейся на славу зарѣченскими дамами, и колебались искусственные цвѣты на куличахъ и пасхахъ. Впрочемъ, къ пяти часамъ движенiе въ городѣ прекратилось, и послѣ сытнаго обѣда, граждане спѣшили предаться вполнѣ заслуженному ими отдыху; даже барышни, эти поэтическiя созданiя, отказывающiяся при гостяхъ отъ ветчины и заливнаго поросенка, удалились къ себѣ прилечь и помечтать, разумѣется, предварительно плотно покушавъ.

Съ удаленiемъ ко сну господъ наступило веселье для прислуги. Улицы запестрѣли, какъ лужайки полевыми цвѣтами, разноцвѣтными женскими платками и красными рубахами парней.

Почти у каждыхъ воротъ составились веселыя группы; щелканье сѣмячекъ и орѣшковъ, вмѣстѣ съ раскатистымъ смѣхомъ, сопровождавшимъ, если не изысканныя, зато откровенныя шутки и залихватскiе звуки „Барыни“ и „Камаринской“ — стономъ стояли въ воздухѣ. На всѣхъ перекресткахъ успѣнно христосовались.

Только одного дома, казалось, не коснулось праздничное веселье. Это былъ длинный одноэтажный домъ барскаго типа, стоявшiй почти на краю города, садъ котораго, большой и тѣнистый, отлого спускался ко рву, наполненному водой. По другой сторонѣ рва виднѣлись остатки крѣпостныхъ валовъ — Зарѣченскъ былъ одно время крѣпостью — на которыхъ кое-гдѣ росли деревья. Подъ тѣнью ихъ лѣтомъ мирно паслись коровы, принадлежавшiя небогатымъ зарѣченскимъ обывателямъ, домики которыхъ ютились въ этой части города.

Когда Андрея Ильича Батурина, бывшаго, въ теченiе почти двадцати лѣтъ, безсмѣннымъ предводителемъ, упрекали въ томъ, что онъ выстроилъ себѣ домъ въ такой глуши — онъ только усмѣхался, говоря, что воровъ не боится, а тѣ, что пожелаютъ пожаловать къ нему, не откажутся сдѣлать крюкъ; такихъ же, что почтутъ себѣ это за обремененiе, онъ и самъ не зоветъ.

Всѣ Батурины были люди гордые, но радушные и гостепрiимные, и въ Зарѣчинскѣ пользовались большимъ уваженiемъ; въ просторныхъ, темноватыхъ покояхъ предводительскаго дома выросло и воспиталось не одно поколѣнiе, наполнявшее ихъ жизнью и движенiемъ. Теперь въ большой парадной залѣ никогда не зажигались огни, хрустальные подвѣски люстры и старинная штофная мебель были скрыты подъ чехлами и только портреты предковъ — дѣдушекъ въ напудренныхъ парикахъ и шитыхъ камзолахъ и бабушекъ съ мушкою на щекѣ и томною улыбкою на алыхъ устахъ — хмуро глядѣли изъ своихъ позолоченныхъ рамъ, словно сожалѣя о минувшемъ времени. Теперь хозяйкою дома осталась вдова послѣдняго предводителя — Варвара Ильинишна Батурина, которую Богъ не благословилъ въ потомствѣ: старшая дочь ея, вышедшая замужъ за богача, рано умерла бездѣтною, а единственный сынъ убился при паденiи съ лошади, что же касается до ея младшей, любимой дочери — то даже самое имя ея было строго запрещено произносить въ домѣ...

Варвара Ильинишна была женщина гордая, властолюбивая, взявшая себѣ за правило не обинуясь высказывать людямъ правду въ глаза, хотя она почла бы себя смертельно оскорбленной, еслибы кто нибудь вздумалъ примѣнить это правило по отношенiюкъ ней самой. Въ городѣ ея побаивались и уважали едва ли не наравнѣ съ архiереемъ. Никто, за исключенiемъ развѣ какихъ нибудь смѣльчаковъ, проникнишихся новыми идеями, не ставилъ въ укоръ Варварѣ Ильинишнѣ ея отношенiя къ дочери, и хотя на кухнѣ шептались втихомолку и жалѣли ласковую барышню, никто не осмѣливался громко упомянуть о ней: Батурина минуты не оставила бы его у себя въ домѣ.

Проводивъ обѣдавшихъ у нея гостей и лично приглядѣвъ за порядкомъ, Варвара Ильинишна прошла въ свою спальню, гдѣ передъ громадной божницей, уставленной иконами въ дорогихъ окладахъ, теплились лампадки разноцвѣтнаго стекла. Батуриной было лѣтъ пятьдесятъ; высокаго роста и худощавая, она обладала величественной поступью и проницательнымъ взглядомъ, а на ея строгомъ, благообразномъ лицѣ никто не видалъ улыбки съ того дня, какъ дочь ея сбѣжала изъ дома со своимъ учителемъ музыки. Варвара Ильинишна подошла къ столу и, взявъ одну изъ лежавшихъ на немъ книгъ духовнаго содержанiя, опустилась въ кресло у окна, шумя своимъ тяжелымъ муаръ-антиковымъ платьемъ. Но ей какъ-то не читалось, мучительныя думы неотвязно преслѣдовали ее, затемняя смыслъ прочитаннаго и, наконецъ, она съ сердцемъ отложила книгу и глубоко задумалась. Этотъ день былъ полонъ для нея тяжелыхъ воспоминанiй. Не въ такое ли тихое послѣобѣденное время, въ первый день пасхи, ее постигъ, семь лѣтъ тому назадъ, тотъ ударъ, всю тяжесть котораго знаетъ только она одна, такъ какъ изъ чувства гордости она съумѣла скрыть передъ людьми свое горе? Ее считаютъ безсердечной, „каменной“ — пускай! Но если она никому не подала и вида, если не отвѣтила ни на одно изъ писемъ дочери и зятя съ мольбами о прощенiи, — это еще не значитъ, чтобы она не страдала. У нея до сихъ поръ звучатъ въ ушахъ рыданiя ея любимицы — Раи, умолявшей мать дать согласiе на бракъ съ любимымъ человѣкомъ. По неужели она растила и холила свою дочь, воспитывая ее, какъ княжну, съ боннами и гувернантками для того, чтобы отдать ее какому-то Артемьеву, человѣку безъ рода и племени, нищему-музыканту, перебивавшемуся грошевыми уроками? Батуриной выйти замужъ за этого проходимца, осмѣлившагося поднять глаза на подобную невѣсту? И хотя бы въ немъ покорность была, сознанiе собственной недостойности и того разстоянiя, которое раздѣляло ихъ.. Но, нѣтъ, онъ сдѣлалъ предложенiе, какъ равный, онъ говорилъ такъ спокойно, съ такимъ достоинствомъ, какъ человѣкъ, имѣющiй право добиваться руки богатой дѣвушки стариннаго дворянскаго рода. „Я люблю вашу дочь ради нея самой“, сказалъ онъ, „и мнѣ не нужно ея денегъ. Если вы пожелаете помочь намъ вначалѣ — я буду вамъ очень признателенъ, нѣтъ — постараемся пробиться своими силами. Только, умоляю васъ, не откажите въ своемъ благословенiи. Раиса Павловна такая чуткая, нѣжная натура, она такъ любитъ васъ, что не будетъ знать ни минуты покоя, если вы откажете въ немъ“. Она до сихъ поръ слышитъ его спокойный, мягкiй голосъ, видитъ его глаза, прямо смотрящiе ей въ лицо своимъ открытымъ взглядомъ. И хорошо же она ему отвѣтила, сказавъ, что дочь ея никогда не будетъ женой нищаго проходимца, которому она платитъ, какъ лакею, и что если онъ не уйдетъ сейчасъ же, она велитъ вышвырнуть его вонъ. Какъ онъ поблѣднѣлъ не отъ страха, нѣтъ, а отъ негодованiя, какъ загорѣлись его глаза..

— Отказать мнѣ вы можете, сказалъ онъ, но оскорблять меня не имѣете право,—и когда, на зовъ ея, явились въ дверяхъ двое выѣздныхъ, онъ прибавилъ, что убьетъ перваго, кто осмѣлится коснуться его. Такъ они его и пропустили. Кажется, послѣ такого срама человѣку оставалось бы только убраться изъ города по добру, по здорову, такъ какъ и въ другихъ домахъ, гдѣ были барышни, обучавшiяся у него музыкѣ, его запрещено было пускать на порогъ, — но не тутъ то было. Нашлись у него друзья и заступники, самъ предсѣдатель палаты прiѣзжалъ просить за него, говоря, что у молодаго человѣка есть талантъ, что онъ пробьетъ себѣ дорогу, что они такъ искренно любятъ другъ друга... Небось, не то бы заговорилъ, если бы у самого дочь вздумала выйти замужъ за его письмоводителя или за лакея, а въ своихъ стародворянскихъ понятiяхъ Варвара Ильинишна считала всякихъ артистовъ, за деньги появляющихся передъ публикой, едва ли выше лакеевъ.

Она не изъ такихъ, что поддаются на слова! Чтобы скорѣе покончить съ этою „блажью“, вспоминаетъ Варвара Ильинишна, объявила она дочери въ пасхальную субботу, что уже дала за нее слово ихъ сосѣду, богатому, но немолодому помѣщику — Панютину, избранному на это трехлѣтiе. Видѣть дочь предводительшею — было всегда желанiемъ Батуриной; слава Богу, средства для поддержанiя своего положенiя у нихъ найдутся, хотя съ освобожденiемъ крестьянъ доходы и поуменьшились — всетаки приданое Раисѣ — первое по всей губернiи, да и у жениха капиталъ изрядный. Партiя подходящая. Какъ снѣгъ, поблѣдѣла Раиса Павловна, услышавъ такое рѣшенiе, упала она на колѣни передъ матерью и горько заплакала, пряча лицо въ складкахъ ея платья, молила она отказать нелюбимому жениху, но Варвара Ильинишна помнила, что дѣвичьи слезы — вода. Ей лучше было судить о счастiи дочери, и она заявила, что завтра, въ первый день Пасхи, на парадномъ обѣдѣ, назначенномъ въ шесть часовъ, гости поздравятъ Панютина и Раису женихомъ и невѣстой. Такъ бы все и сдѣлалось, если бы передъ самымъ обѣдомъ Раиса Павловна, очевидно нашедшая возможность дать о себѣ вѣсточку своему избранному, не исчезла изъ своей комнаты... А гости уже собрались въ залѣ, женихъ привезъ букетъ, — словомъ скандалъ былъ полный... Не проститъ Варвара Ильинишна, не проститъ она дочери того позора, который она навлекла на ея гордую голову...

Батурина поднялась съ мѣста. Слабый румянецъ проступилъ на ея лицѣ, потерявшемъ свое обычное безстрастное выраженiе. Зачѣмъ она вспоминаетъ обо всемъ этомъ? Тѣмъ не менѣе въ памяти ея продолжаютъ неотступно развертываться картины прошлаго и сердце попеременно сжимается отъ тоски и негодованiя, но тоска беретъ перевѣсъ... Вспоминаетъ она, какъ черезъ нѣсколько дней она получила отъ дочери письмо, въ которомъ та извѣщала ее о своей свадьбѣ и просила простить ее, просила съ такою душевною мукою, сказывавшейся въ каждомъ словѣ, что она тронула бы самаго суроваго человѣка. Но Варвара Ильинишна сожгла письмо и ничего не отвѣтила. Несмотря на это, она помнитъ его содержанiе отъ слова и до слова. Слѣдующее письмо было изъ Москвы, дочь писала, что у Дмитрiя нашлись друзья, доставившiе ему хорошiе уроки; сама она тоже помогала ему; онъ два раза выступалъ въ концертахъ съ большимъ успѣхомъ; живутъ они безбѣдно, но разрывъ съ матерью сокрушаетъ ея сердце. И много такихъ писемъ получала Варвара Ильинишна въ теченiе пяти лѣтъ... Изъ одного она узнала, что у Артемьевыхъ родился первенецъ — дочь, названная въ честь бабушки Варей, красавица, съ темными глазами и пепельными волосами. Однажды написалъ Варварѣ Ильинишнѣ и зять, очень горячо и почтительно просившiй за жену, здоровье которой потрясено нравственными страданiями. И на это письмо не послѣдовало отвѣта, а вслѣдъ за тѣмъ вѣсти отъ Артемьевыхъ прекратились. Теперь уже будетъ два года съ тѣхъ поръ, какъ она ничего не знаетъ о своей дочери, и хотя она ни разу не отвѣтила на ея письма, съ прекращенiемъ ихъ ей какъ будто стало еще тяжелѣе. Еще сегодня, разбирая почту, она напрасно ожидала найти конвертъ, надписанный знакомымъ, когда-то столь дорогимъ ей почеркомъ... — Жива ли? — вдругъ всталъ въ головѣ Варвары Ильинишны нежданно вопросъ, отъ котораго холодный потъ проступилъ у нея на лбу. Почему она ранѣе не думала объ этомъ, а теперь эта мысль съ быстротою молнiи пронизала ея мозгъ, оставивъ за собою впечатлѣнiе ужаса? Можетъ быть, мужъ не позволяетъ писать, или обѣднѣли они, нуждаются очень и не хотятъ сознаться? Ужъ какая тамъ обезпеченность въ музыкантскомъ дѣлѣ! Есть уроки — и сытъ человѣкъ, а прекратились они — и жить нечѣмъ. И въ то время, когда она окружена довольствомъ и роскошью, ея дочь, ея балованная любимица, каждое желанiе которой исполнялось въ дѣтствѣ — можетъ быть терпитъ горькую нужду. И прежде эти мысли часто приходили въ голову Варварѣ Ильинишнѣ, но еще никогда онѣ не были такъ ясны и опредѣленны, никогда не преслѣдовали ее такъ упорно. Неужели это — предчувствiе? Жгучая тоска вдругъ овладѣла ею, и не въ силахъ будучи оставаться на мѣстѣ, Батурина прошла въ сосѣднюю комнату съ большимъ балкономъ, спускавшимся нѣсколькими ступенями въ садъ, по аллеямъ котораго когда то бѣгали рѣзвыя ножки ея дѣвочки. Сегодня все наводило ее на печальныя думы и остановясь у балконной двери, она не отрываясь глядѣла на садъ, на свѣтло-голубое съ разорванными бѣлыми облачками небо, на ручеекъ, серебристой лентой сверкавшiй на днѣ оврага. Ее неудержимо потянуло въ садъ. Не безпокоя никого, Варвара Ильинишна прошла въ переднюю, гдѣ надѣла тальму и калоши и спустилась съ балкона. Глубокая тишина царила кругомъ, сюда не доносились звуки веселья съ улицы, даже вѣтерокъ утихъ. Ни шороха, ни звука.. Сквозь безлиственныя вѣтви деревьевъ сквозила блѣдная лазурь неба, тѣни ложились длиннѣе и гуще, еще не вечерѣло, но въ воздухѣ уже чувствовалась близость прохлады. Варвара Ильинишна медленно подвигалась впередъ, жадно вдыхая весеннiй воздухъ, ноги ея вязли по временамъ въ мягкой глинѣ аллей, еще не успѣвшихъ просохнуть. Ее охватило впечатлѣнiе этой тишины, этого полнаго безлюдья и странное чувство все болѣе и болѣе овладѣвало ею. Несмотря на ясное сознанiе, что все это происходитъ на яву, ей начинало казаться, что она видитъ какой то сонъ, отъ котораго она хотѣла бы и не можетъ проснуться. Долго ли она проходила такимъ образомъ — она сама почти не отдавала себѣ отчета и только ощущенiе сырости заставило ее очнуться отъ своего забытья.

Свѣтлое Христово Воскресеніе. — Первое въ жизни христосованіе.

Оригинальный рисунокъ для »Всемірной Иллюстраціи« К. О. Брожа.

Она стояла въ нижней аллеѣ сада, огражденной со стороны рва каменной оградой, въ которой была продѣлана калитка. Варвара Ильинишна оглядѣлась вокругъ и вздрогнула. Изъ кустовъ прямо на встрѣчу ей быстро двигалась какая-то легкая бѣлесоватая тѣнь. Она уже подняла руку, чтобы осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ, но вдругъ сама устыдилась своего страха. Передъ ней стояла дѣвочка лѣтъ шести въ легкомъ бѣломъ платьѣ. Въ обыкновенное время Варвара Ильинишна очень изумилась бы тому, что ребенокъ могъ проникнуть въ запертый со всѣхъ сторонъ садъ, но въ томъ странномъ душевномъ состояніи, въ которомъ она находилась, она почти не почувствовала удивленія; притомъ ее такъ поразила наружность этой внезапно явившейся гостьи, что она не въ силахъ была думать ни о чемъ другомъ. Дѣйствительно дѣвочка поражала своею красотою, удивительною, неземною красотою; ея блѣдное прозрачное личико съ разсыпавшимися по плечамъ пепельно-бѣлокурыми волосами казалось изваяннымъ изъ мрамора — такъ оно было спокойно. Большіе темные глаза также необычайно ясные и спокойные глядѣли, казалось, въ иной, нездѣшній міръ...

— Какъ ты попала сюда и какъ тебя зовутъ? спросила наконецъ Варвара Ильинишна съ легкою, непонятною ей самой, дрожью въ голосѣ.

Вмѣсто отвѣта дѣвочка неопредѣленно указала рукою по направленію къ оградѣ, какъ бы поясняя, что она явилась оттуда, и затѣмъ, отступивъ назадъ, снова указала одной рукой на калитку, между тѣмъ какъ другою она поманила Варвару Ильинишну, какъ будто приглашая ее слѣдовать за собою.

— Ты зовешь меня? спросила Батурина съ тѣмъ же жуткимъ чувствомъ.

— Да.

Это не былъ обычный, звонкій дѣтскій голосъ. Онъ походилъ скорѣе на тихій вздохъ вѣтра въ прибрежныхъ камышахъ, на нѣжное журчаніе ручейка, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ было что-то свѣтлое и звенящее, какъ пѣніе лѣсной пташки. Она снова повторила свой призывный жестъ съ такою мольбой и вмѣстѣ такъ повелительно, что Варвара Ильинишна почувствовала, что она не въ силахъ противиться влеченію, побуждавшему ее слѣдовать за нею. Она сдѣлала ей еще одинъ вопросъ:

— Какъ тебя зовутъ?

— Варя.

И это имя не удивило Варвару Ильинишну, она словно ожидала услышать его. Повинуясь непреодолимой силѣ, она двинулась впередъ, вслѣдъ за дѣвочкой, порой оборачивавшейся къ ней. Ея бѣлое платье мелькало въ нѣсколькихъ шагахъ впереди. Такимъ образомъ онѣ вышли въ калитку, прошли тропинкой вдоль оврага и миновали мостикъ, который велъ къ валамъ. Ни кто не встрѣтился имъ по дорогѣ, мѣсто было пустынное, но Варвара Ильинишна не отдавала себѣ отчета — на сколько могла оказаться опасной такая прогулка. Гораздо позже, разсказывая объ этомъ происшествіи въ кругу семьи, она говорила, что дѣйствовала въ то время почти безсознательно, какъ человѣкъ, находящійся подъ вліяніемъ сомнамбулизма.

По близости вала находился небольшой одноэтажный домъ, въ которомъ, на сколько было извѣстно Варварѣ Ильинишнѣ, ни кто не жилъ за послѣднее время, и теперь она удивилась, увидѣвъ, что сквозь спущенныя занавѣси въ окнахъ слабо мерцаетъ огонь. Оглянувшись еще разъ, дѣвочка въ бѣломъ поднялась на крыльцо и исчезла во мракѣ корридора. Варвара Ильинишна, съ сильно бьющимся сердцемъ послѣдовавшая за нею, напрасно искала ее глазами: она болѣе не появлялась.

Охваченная смутнымъ чувствомъ ожиданія и страха, Варвара Ильинишна тихо отворила дверь. Въ довольно большой комнатѣ, гдѣ уже начинали сгущаться сумерки, прямо противъ двери, сидѣла за столомъ молодая женщина, уронившая голову на руки. Плечи ея судорожно вздрагивали отъ глухихъ рыданій. Рядомъ съ нею, прижимаясь щекою къ ея черному платью, стоялъ мальчикъ лѣтъ четырехъ, старавшійся очевидно обратить на себя ея вниманіе. Хотя лицо молодой женщины было закрыто, но ея стройная фигура и граціозный очеркъ головы съ подобранной на затылкѣ густой каштановой косой — были слишкомъ хорошо знакомы Варварѣ Ильинишнѣ, сердце которой, казалось, на минуту перестало биться. Но когда, вздрогнувъ при звукѣ отворяющейся двери, молодая женщина подняла свое исхудалое и влажное отъ слезъ лицо — вся глубокая материнская любовь и жалость, такъ долго подавляемыя ею, поднялись съ невѣроятной силой въ душѣ этой гордой женщины, и слезы, жгучія слезы раскаянія хлынули изъ ея глазъ... Раиса Павловна поднялась съ мѣста; съ секунду мать и дочь молча смотрѣли другъ на друга, и затѣмъ неудержимымъ порывомъ Варвара Ильинишна протянула къ ней руки:

— Дитя мое... Моя Рая!

Обѣ женщины молча плакали въ объятіяхъ другъ друга. Все было прощено и забыто.

— Мамочка, заговорила Раиса Павловна, — самъ Богъ привелъ васъ въ такую минуту... Онъ даровалъ мнѣ это утѣшеніе, когда я думала, что ни кто уже на свѣтѣ не можетъ утѣшить меня... И она снова зарыдала.

— Онъ прислалъ за мною одного изъ своихъ ангеловъ, тихо сказала Варвара Ильинишна, — но гдѣ же Варя, моя внучка? вѣдь я узнала ее, это она привела меня сюда.

Раиса Павловна вдругъ подняла голову съ плеча матери и смотрѣла на нее широко раскрытыми, обезумѣвшими глазами.

— Но вѣдь это она приходила за мной? продолжала Батурина, не замѣчая ужаса, выражавшагося на лицѣ дочери.

— Она... приходила... за вами? повторила Раиса Павловна. — Боже мой, да развѣ вы не знаете?.. Пойдемте...

И она, схвативъ мать за руку, повела ее въ сосѣднюю комнату. Тамъ на столѣ, у образовъ, между двухъ паникадилъ, стоялъ маленькій бѣлый глазетовый гробъ, у изголовья котораго молился высокій мужчина съ красивымъ, носившимъ на себѣ печать глубокаго горя, лицомъ.

А между складками кружевъ и кисеи, усыпанныхъ весенними цвѣтами, Варвара Ильинишна увидѣла блѣдное, поражавшее неземной красотою и неземнымъ спокойствіемъ, личико съ разсыпавшимися по плечамъ бѣлокурыми волосами — личико дѣвочки, ея странной спутницы!..

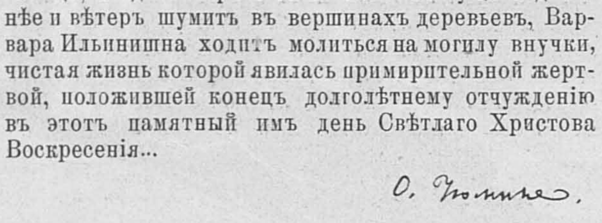
Варвара Ильинишна упала на полъ въ глубокомъ обморокѣ.

Шесть недѣль Батурина была между жизнью и смертью, но ея крѣпкій организмъ и заботы о ней дочери, забывавшей въ уходѣ за нею свое собственное тяжелое горе — побѣдили недугъ. Она встала съ постели другимъ человѣкомъ; болѣзнь состарила ее сразу на десять лѣтъ, а непреклонный характеръ замѣтно смягчился подъ вліяніемъ перенесеннаго ею нравственнаго потрясенія.

По желанію Раисы Павловны, жаждавшей примиренія съ матерью, Артемьевы пріѣхали въ Зарѣченскъ на Страстной недѣлѣ, чтобъ добиться свиданія съ Варварой Ильинишной, но уже дорогой старшая ихъ дѣвочка Варя — болѣзненный и слабый ребенокъ — почувствовала себя нехорошо. Одинъ изъ тѣхъ быстро дѣйствующихъ недуговъ, которымъ бываетъ подвержено нервное дитя — унесъ ее въ три дня. Она скончалась въ пасхальную субботу, къ отчаянію обезумѣвшихъ отъ горя родителей...

Артемьевы поселились временно въ Зарѣченскѣ. Варвара Ильинишна, примирившаяся съ зятемъ и научившаяся цѣнить и уважать его, живетъ только для „своихъ дѣтей". Она любитъ и маленькаго Митю, но лучшая, нѣжнѣйшая привязанность ея сердца принадлежитъ ея внучкѣ, безвременно погибшей Варѣ, похороненной, по ея желанію, въ старомъ батуринскомъ саду, которую она не иначе называетъ, какъ своимъ отлетѣвшимъ ангеломъ. Каждый день, зимою и лѣтомъ, передъ закатомъ солнца, когда вечернія тѣни ложатся гуще и длиннѣе и вѣтеръ шумитъ въ вершинахъ деревьевъ, Варвара Ильинишна ходитъ молиться на могилу внучки, чистая жизнь которой явилась примирительной жертвой, положившей конецъ долголѣтнему отчужденію въ этотъ памятный имъ день Свѣтлаго Христова Воскресенія...

О. Юнике.



Свѣтлый праздникъ въ деревнѣ

Весенняя ночь тихо спустилась на землю. Темнымъ покровомъ одѣлись деревья, поля и пригорки. Звѣздочки слабо мерцаютъ въ небѣ туманномъ. Въ воздухѣ влажномъ пахнетъ землею и сыростью дальняго лѣса. Вѣтеръ улегся ни что не шелохнетъ. Все тихо, и только журчитъ потихоньку вода въ придорожной канавѣ, да слышно, какъ медленно снѣгъ осѣдаетъ и таетъ. Чернѣетъ дорога и по полю вьется капризною лентой. Съ трудомъ пробираясь въ расплывшейся почвѣ и лужахъ глубокихъ, идутъ вездѣ люди. Крестьяне въ тулупахъ, новешенькихъ свиткахъ, въ большихъ сапогахъ и цвѣтныхъ подпояскахъ. Бабы въ шугаяхъ, поддевкахъ суконныхъ и дѣвушки въ яркихъ платкахъ, въ безрукавкахъ. Всѣ въ праздничныхъ платьяхъ. Идутъ, торопятся; кой-кто освѣщаетъ дорогу, и блескъ фонарей прихотливыми пятнами на дорогу ложится, дрожитъ, замираетъ...

Но чу... вдругъ раздался ударъ колокольный... за нимъ другой, третій... И ночь пробудилась. Широкой волною все громче и громче гудитъ звонъ призывный, — подхваченный эхомъ, далёко несется. И крестятся люди и шагъ прибавляютъ. Въ сельскую церковь толпы богомольцевъ изъ ближнихъ селеній въ ночь эту стремятся. Спокойны сердца ихъ и веселы лица, забыты на время невзгоды и горе...

А благовѣстъ звучный неумолчно льется, и слышится пѣснь въ немъ любви, торжества, примиренья...

Христосъ Воскресе!

Окончилась служба. Вездѣ поцѣлуи и радостный говоръ. Поютъ ребятишки, и сельскій учитель ихъ хоръ управляетъ... „Намъ днесь показася..." гремитъ надъ толпою...

Въ церковномъ притворѣ стоятъ куличи, и яички, и пасхи. Смотря по достатку, межъ нихъ есть и больше, и меньше, и лучше, и хуже. Но равно всѣхъ кропитъ водою святою священникъ, и бѣдный здѣсь въ ровень съ богатымъ. Вотъ пышную пасху взялъ кучеръ господскій и бережно вынесъ, на лошадь садится и ѣдетъ въ усадьбу.

Въ уютной столовой семья собралася. Священникъ пріѣхалъ — пора разговляться. Усадьбы хозяйки весь постъ пропостились. Не мало журили онѣ офицера, что къ нимъ на Святую прибылъ изъ столицы. Журили резонно. По модѣ столичной онъ постъ считалъ вреднымъ, обѣдъ же безъ мяса ни съ чѣмъ несообразнымъ. Но тетки въ деревнѣ его пристыдили, и постное кушать онъ началъ исправно. Хоть постъ былъ недологъ, дня три и не больше, но все-жъ разговѣться ему захотѣлось. Спокойно и мирно въ семьѣ этой тѣсной. Нашъ вѣкъ отрицанья, сомнѣнья, невѣрья безсиленъ, гдѣ дышетъ духъ Руси старинный, гдѣ живы преданія, завѣты святые, гдѣ люди чтутъ Бога, гдѣ Свѣтлую Пасху встрѣчаютъ словами:

Христосъ Воскресе!

Кто прожилъ въ деревнѣ, тотъ знаетъ, какъ любитъ народъ православный бывать въ Божьемъ храмѣ. Какъ праздникъ настанетъ, и старый, и малый стремится къ обѣднѣ. Тѣмъ болѣе въ Пасху. Къ заутрени свѣтлой не рѣдко больные бредутъ еле-еле. Въ избахъ остаются старухи да дѣти, ходить что не могутъ...

Осталась старушка, вздыхаетъ тихонько. И ей бы хотѣлось съ людьми помолиться, да домъ безъ призора оставить негоже. Прибрать вездѣ нужно, чтобы было приглядно, чистенько, пригоже. И вотъ помаленьку, безъ шума, толково старушка избу убираетъ. Окончивъ работу, на лавку садится и шепчетъ молитвы. Нѣтъ нужды, что церковь отъ дома неблизко. Богъ звуки молитвы услышитъ повсюду. А праздничный звонъ и сюда донесется...

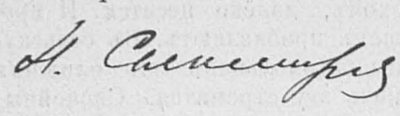
Въ ночной тишинѣ далеко прокатился трезвонъ, и поспѣшно старушка встаетъ. Рукой исхудалою набожно креститъ такую же грудь и молится долго. Земные поклоны кладетъ, потомъ съ благоговѣніемъ къ иконамъ становитъ яйцо. Изъ праздниковъ-праздникъ насталъ. Съ вѣрой горячей, какъ міръ безпредѣльной, смотритъ на уголъ передній старушка и радостно молвитъ:

— Христосъ Воскресе!

Сколько веселья на улицахъ сельскихъ въ день Пасхи священной. Въ праздничныхъ платьяхъ повсюду снуетъ молодежь. Болтаютъ, смѣются, цѣлуются, звонкія пѣсни поютъ. У избъ на заваленкахъ сидятъ старики и мирно гуторятъ. Льнутъ къ дѣвушкамъ парни, сластьми угощаютъ. Нехитры въ деревнѣ тѣ сласти — орѣхи, подсолнухи, жамки. Рожки и коврижки богатому въ пору карману. Дѣти вертятся межъ взрослыхъ, красными яйцами бьются, съ лубка ихъ катаютъ, смѣются. На выгонѣ гомонъ и хохотъ сильнѣе. Къ качелямъ въ толпѣ не пробраться. Высоко взлетаетъ доска, и юбки цвѣтныя по вѣтру вьются. У церкви звонарня: любители звона собрались. Крестьяне; имъ въ колоколъ любо трезвонить. Тактъ сохраняя, другъ передъ другомъ стараясь усердно, звонятъ звонари-добровольцы. Гулко по воздуху чистому звонъ разбѣгается; эхо его повторяетъ...

Далеко несутся могучіе звуки по Руси широкой. Имъ внемлетъ народъ православный и радостно вторятъ сердца и уста:

— Христосъ воскресе!



тельное движеніе, первая улыбка и несвязный лепетъ. Мать и отецъ не налюбуются на свою дочку и находятъ ее необыкновенной умницей, чуть не красавицей, но немало гордится своей баловницей и бабушка. Для бабушки въ этой крошкѣ сосредоточился теперь чуть ли не весь міръ. Ревниво охраняетъ она безпомощное, хрупкое созданіе; всѣ ея помыслы сосредоточены на немъ. „Старый, что малый", — говоритъ пословица. И дѣйствительно, старые люди, не смотря на свой житейскій опытъ,

баутокъ; уютно возлѣ нихъ, тепло ребенку; у стариковъ наконецъ больше досуга. Вотъ и теперь, въ первый день Свѣтлаго праздника, малютка, наученная няней, въ первый разъ въ жизни христосуется съ папой и мамой, смотрящими на нее съ восторгомъ, но сама крошка полна нетерпѣнія, потому что въ головкѣ ея мелькаетъ мысль: „а потомъ я крѣпко поцѣлую бабушку, дамъ и ей яичко". И бабушка словно угадываетъ эти мысли своей ненаглядной внучки и съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ ждетъ не до-

Свѣтлое Христово Воскресеніе. — Первое христосованіе.

Оригинальный рисунокъ для »Всемірной Иллюстраціи« В. П. Павлова.

Первое въ жизни христосованіе

Къ рисунку К. О. Брожа

Передъ нами малютка — общая любимица семьи. Съ нетерпѣніемъ ждали молодые супруги — скоро ли ихъ домъ оживетъ при звукахъ звонкаго дѣтскаго голоса, и вотъ наконецъ она явилась на свѣтъ, эта крошечная дѣвочка, принеся съ собою вмѣстѣ съ радостью столько тревогъ и заботъ. Сколько безсонныхъ ночей проведено у ея колыбели, сколько пережито страха за эту едва затеплившуюся человѣческую жизнь! Однако ребенокъ понемногу окрѣпъ, научился узнавать окружающихъ, улыбаться имъ, протягивать ручонки. И сколько восторговъ доставляли взрослымъ его первое созна-

ближе къ дѣтямъ, чѣмъ молодые, потому что тѣ сами, пока жадно стремятся къ будущему, ведутъ борьбу за существованіе и спѣшатъ полнѣе насладиться жизненными благами. А старому человѣку не угоняться за ними; его тянетъ на покой; онъ становится домосѣдомъ, естественнымъ хранителемъ домашняго очага, вокругъ котораго подростаетъ юное поколѣніе. Вотъ почему любовь дѣда и бабушки иногда бываетъ самоотверженнѣе родительской. У стариковъ личная жизнь отходитъ на задній планъ, уступая мѣсто заботамъ о близкихъ существахъ. И дѣти инстинктивно чуютъ это. Къ *старой* нянькѣ, къ дѣду, къ бабушкѣ они довѣрчиво бѣгутъ за утѣшеніемъ въ своемъ дѣтскомъ горѣ, за лаской, за похвалою. У этихъ баловниковъ такой неистощимый запасъ и сказокъ, и гостинцевъ, и при-

ждется желанной минуты. Безъ сомнѣнія, въ карманѣ у бабушки лежитъ сюрпризъ для крошки-внучки, и добрая старушка заранѣе умилена и растрогана, предчувствуя, какъ у ея любимицы разгорятся глазенки, какъ она будетъ обнимать и цѣловать бабушку и лепетать ей ласковыя слова...

Раскрашиваніе артосовъ

Артосъ — по гречески, хлѣбъ — по русски. Въ нашей церкви артосомъ называется прѣсный хлѣбъ въ видѣ большой просфоры, освященный въ Свѣтлое Воскресеніе въ воспоминаніе преломленія хлѣба на Тайной Вечери. Всю недѣлю священный хлѣбъ хра-

Свѣтлое Христово Воскресеніе. — Деревенскіе звонари-любители.

Оригинальный рисунокъ для »Всемірной Иллюстраціи« В. П. Павлова.

нится въ церкви передъ иконой и затѣмъ рѣжется на мелкіе кусочки и раздается въ субботу на Ѳоминой недѣлѣ. Кусочки эти берегутъ весь годъ, также какъ и свѣчи отъ чтенія двѣнадцати евангелій, святую воду и вербы. Всѣ эти священныя реликвіи лежатъ въ домѣ у образовъ. Кусочки артоса даютъ во время болѣзни. Обыкновенно артосъ раскрашиваютъ, украшаютъ золотой фольгой и наверху рисуютъ красками изображеніе Воскресенія Христа. Дѣятельная работа идетъ преимущественно на Страстной недѣлѣ въ монастырскихъ мастерскихъ, гдѣ большею частью раскрашиваются артосы. На нашемъ рисункѣ, сдѣланномъ съ натуры, изображенъ одинъ изъ прилежныхъ спеціалистовъ этого дѣла, по всему вѣроятію иконописецъ, уединившійся и прилежно занятый своей работой.

Свѣтлое Христово Воскресеніе. — Расписываніе артосовъ.

Оригинальный рисунокъ для »Всемірной Иллюстраціи« В. П. Павлова.

Воскресеніе Христово

Помѣщенное въ настоящемъ нумерѣ „Всемірной Иллюстраціи" художественное изображеніе Воскресенія Христова написано лѣтомъ 1892 года по эскизу и личнымъ указаніямъ кандидата богословія, дѣйствительнаго члена общества любителей духовнаго просвѣщенія Евстаѳія Николаевича Воронца. Подлинникъ, въ три аршина вышины, пожертвованъ имъ въ Высочайше утвержденный комитетъ по сооруженію храма и часовни на мѣстѣ чудеснаго спасенія Императорской семьи 17-го октября 1888 года.

Происходя изъ стариннаго дворянскаго рода, Е. Н. Воронецъ получилъ выдающееся серьезное образованіе и свѣтское, и духовное. По окончаніи курса въ высшемъ свѣтскомъ учебномъ заведеніи С.-Петербурга г. Воронецъ въ 1866 г. поступилъ въ число студентовъ московской духовной академіи для изученія богословія подъ непосредственнымъ руководствомъ, бывшаго въ то время тамъ ректоромъ, извѣстнаго русскаго церковнаго историка, протоіерея А. В. Горскаго. Вмѣсто формальной службы послѣ академіи г. Воронецъ посвятилъ себя изученію православнаго благовѣстничества. Кромѣ многихъ миссіонерскихъ трудовъ, печатаемыхъ имъ съ 1873 года въ ученыхъ богословскихъ и академическихъ изданіяхъ, у г. Воронца есть нѣсколько изслѣдованій по общимъ основнымъ богословскимъ предметамъ. Къ числу ихъ принадлежитъ статья о Воскресеніи Христовомъ въ современныхъ иконописныхъ изображеніяхъ, вызвавшая въ 1889—1891 годахъ общее одобреніе духовно-богословской литературы. Результатомъ дальнѣйшей разработки весьма сложнаго и труднаго вопроса о правильномъ живописномъ изображеніи Воскресенія Христова и явился эскизъ г. Воронца, воспроизведенный нами въ настоящемъ нумерѣ „Всемірной Иллюстраціи".

Многіе современные художники — по мнѣнію г. Воронца — слѣдуя произвольнымъ западнымъ, неправославнымъ образцамъ и не изучивъ достаточно предмета, въ своихъ композиціяхъ изображенія Воскресенія Христова отступаютъ не только отъ ученія православной церкви, но даже и отъ прямого текста Евангелія и тѣмъ лишаютъ свои композиціи пригодности для православныхъ храмовъ. Отличительныя основныя черты характернаго эскиза г. Воронца состоятъ именно въ непрозвольности и въ строго согласованномъ съ евангельскимъ повѣствованіемъ, съ ученіемъ православной церкви и съ требованіями художественности сочетаніи слѣдующихъ обстоятельствъ и предметовъ, напоминающихъ Воскресеніе Христово: 1) Время на главномъ планѣ ночное, — когда еще темно. 2) Мѣсто новой погребальной скалы-пещеры въ „богатомъ" саду. 3) Выходъ (онъ же и входъ) пещеры закрытъ камнемъ и запечатанъ цѣлыми печатями. Размѣры границъ этого выхода въ высоту, про-

порціонально росту Христа, такіе, чтобы смотрящіе во внутрь пещеры „наклонялись“. 4) Ангелъ только одинъ въ бѣлой одеждѣ, колѣнопреклоненный, со служебно-благоговѣйнымъ, радостнымъ выраженіемъ смотрящій на Христа; поза ангела изображаетъ только „приступившаго“ къ приваленному во входѣ гробовой пещеры камню, который онъ потомъ отвалитъ для мироносицъ. 5) Воскресшій Христосъ Спаситель изображенъ стоящимъ уже внѣ запечатанной и закрытой погребальной скалы-пещеры. Возможно болѣе одѣтый въ бѣлый синдонъ или плащъ, Онъ обѣими руками торжественно благословляетъ весь міръ, возрожденный Его Воскресеніемъ; Онъ смотритъ прямо съ величественнымъ, могущественнымъ, радостнымъ выраженіемъ. Цвѣтъ и видъ волосъ, лика, ростъ и прочія черты Его изображены соотвѣтственно древнѣйшему преданію церкви, описанному отчасти въ извѣстномъ апокрифическомъ донесеніи римскому сенату отъ такъ называемаго правителя Публія Лентула изъ Іудеи. Обнаженныя же части тѣла Христова должны быть изображаемы чрезвычайно легкими, свѣтоносными, нетлѣнными, преобразованными Воскресеніемъ по ученію Слова Божія и церкви. Вокругъ всего Христа распространяющееся отъ Него сіяніе. 6) Изъ идущихъ отъ Іерусалима къ погребальной пещерѣ мироносицъ одна приближающаяся въ темнотѣ, а двѣ въ большомъ отдаленіи. 7) Кромѣ деревьевъ сада, съ лѣвой стороны Христа отчасти видѣнъ холмъ Голгоѳы безъ крестовъ, а совсѣмъ въ отдаленіи — часть Іерусалима, надъ которымъ начинается заря, разсвѣтъ. Вотъ какими положеніями, для соблюденія истины, въ своихъ изображеніяхъ столь великаго событія, — по мнѣнію г. Воронца, должны руководствоваться художники.

Указаніе богословскихъ основъ, мотивовъ и всѣхъ частностей этого находится въ подробной статьѣ, напечатанной въ № 4 журнала „Душеполезное чтеніе“ за 1893 годъ. Такого правильнаго сочетанія даже всѣхъ мелочей до сихъ поръ не было сдѣлано ни однимъ писателемъ и художникомъ при написаніи изображенія Воскресенія Христова, и г. Воронцу такимъ образомъ принадлежитъ пальма первенства въ этомъ дѣлѣ.

Свѣтлое Христово Воскресеніе.

Съ праздникомъ!

Силуэты К. О. Брожа.

Шествіе ночи

Проходитъ ночь нѣмая
И звѣзды золотыя,
И бѣлыя зарницы
Роняетъ съ темныхъ ризъ.

И дышетъ, замирая,
На волны кочевыя,
На тѣсныя гробницы,
На темный кипарисъ...

Раскрыла бездна очи
Къ источнику начала,
Туда, гдѣ въ свѣтѣ ясномъ
Духъ Вѣчнаго почилъ.

И стройнымъ вздохомъ ночи
Молитва зазвучала
Въ мерцаніи согласномъ
Таинственныхъ свѣтилъ.

Еще невольно страждетъ
Душа о невозвратномъ,
Утраченномъ когда-то,
Блаженствѣ райскихъ сновъ

И вознестися жаждетъ
Въ стремленьи необъятномъ
Туда, гдѣ ночь объята
Сіяніемъ міровъ...

К. Фофановъ

Политика

22 марта (3 апрѣля) 1893 г.

Изъ политическихъ событій, пережитыхъ западною Европою за послѣдніе семь дней, передъ наступившими тамъ вчера праздниками Пасхи, нужно поставить несомнѣнно на первое мѣсто министерскій кризисъ, неожиданно разразившійся во Франціи за три дня до Свѣтлаго Воскресенія. Внѣшнимъ осязательнымъ поводомъ къ этому кризису явилось разногласіе, возникшее между палатою депутатовъ и сенатомъ на почвѣ бюджетнаго вопроса. Палата депутатовъ, какъ уже знаютъ читатели, сильно запоздала въ нынѣшнемъ году съ утвержденіемъ бюджета, несмотря на три послѣдовательныя отсрочки, потребовавшія ассигновки временныхъ кредитовъ на январь, февраль и мартъ текущаго года. Срокъ послѣдней изъ этихъ ассигновокъ оканчивался въ пятницу на прошлой недѣлѣ, 19-го (31-го) марта. Для того, чтобы не прибѣгать къ временному кредиту на апрѣль, необходимо было, чтобы къ упомянутому дню бюджетъ былъ утвержденъ обѣими палатами не позже, какъ къ вечеру 19-го (31-го) марта. Между тѣмъ палата депутатовъ, желавшая ввести въ бюджетъ 1893 года цѣлый рядъ такъ называемыхъ „демократическихъ реформъ", переносившихъ значительную часть податныхъ тягостей съ народныхъ классовъ на классы богатые и даже просто достаточные (налоги на фортепіано, велосипеды, ливреи, преобразованіе системы податей на спиртные напитки и т. д.),—какъ бы нарочно медлила утвержденіемъ бюджета и передала его въ сенатъ только за нѣсколько дней передъ праздниками Пасхи, ставя членовъ этого послѣдняго собранія въ необходимость или одобрить этотъ бюджетъ безъ всякаго серьезнаго обсужденія, или явиться виновникомъ необходимости четвертой ассигновки временнаго кредита на апрѣль мѣсяцъ. Сенатъ предпочелъ послѣднее. Онъ вычеркнулъ нѣкоторыя статьи бюджета, утвержденнаго палатою депутатовъ, уменьшилъ другіе, новые налоги и потребовалъ, наконецъ, чтобы вопросъ о питейной реформѣ былъ выдѣленъ изъ бюджета. Въ четвергъ на прошлой недѣлѣ видоизмѣненная такимъ образомъ государственная роспись была передана вторично сенатомъ палатѣ депутатовъ, и министерство Рибо высказалось въ пользу произведенныхъ сенатомъ измѣненій. Палата депутатовъ отвѣчала отказомъ при перевѣсѣ всего въ пять голосовъ (247 противъ 242). Несмотря на такую слабость упомянутаго перевѣса, министерство поняло, что палата рѣшила его низвергнуть и немедленно подало въ отставку.

Такъ какъ кризисъ разразился наканунѣ послѣдняго дня дѣйствія мартовской ассигновки временнаго кредита, то, оставляя власть, министерство, въ лицѣ министра финансовъ, г-на Тирара, потребовало въ тотъ же вечеръ на чрезвычайномъ засѣданіи палаты депутатовъ новой ассигновки временныхъ кредитовъ на апрѣль и май мѣсяцы, но и тутъ потерпѣло полную неудачу. Палата согласилась утвердить временные кредиты только на одинъ апрѣль съ очевиднымъ намѣреніемъ не дать президенту республики и новому, будущему министерству возможности распустить ее немедленно и приступить къ новымъ общимъ выборамъ. Двухъ мѣсяцевъ на это бы хватило, одного же будетъ совершенно недостаточно, такъ какъ по конституціи избирательный періодъ долженъ продолжаться не менѣе четырехъ полныхъ недѣль, и слѣдовательно новая палата не могла бы собраться въ срокъ, необходимый для утвержденія временныхъ кредитовъ на май мѣсяцъ, а безъ такого утвержденія сразу бы пріостановился весь механизмъ государственной жизни, такъ какъ народъ имѣлъ не только право, но даже обязанность отказывать правительству во взносѣ налоговъ, не утвержденныхъ парламентомъ. Трудность положенія еще усиливалась тѣмъ, что президенту республики не легко будетъ составить министерство, способное примирить сенатъ и палату депутатовъ на почвѣ бюджетнаго вопроса.

Въ Англіи палата общинъ разошлась на пасхальныя вакаціи только въ самомъ концѣ прошлой недѣли при предзнаменованіяхъ, весьма благопріятныхъ для ирландскаго билля Гладстона. Передъ пріостановкою сессіи до будущей среды, 24 марта (5 апрѣля), палата отвергла предложеніе бывшаго консервативнаго министра за Ирландію, г-на Бальфура, выразить недовѣріе ирландской политикѣ правительства. Перевѣсъ голосовъ въ пользу Гладстона достигъ на этотъ разъ цифры 47, тогда какъ самыя радужныя надежды правительства предусматривали только цифру 43. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что палата была почти въ полномъ составѣ и что число отсутствовавшихъ консерваторовъ и либераловъ было почти одинаково. Стало ясно, что всѣ либеральныя группы твердо рѣшились поддерживать во что бы то ни стало Гладстона въ ирландскомъ вопросѣ, хотя еще утромъ того же дня маститый глава министерства откровенно объявилъ, что для того, чтобы покончить съ ирландскимъ биллемъ въ нынѣшнюю же сессію, ему придется отсрочить желаемыя каждою изъ нихъ въ своемъ интересѣ и обѣщанныя имъ министерствомъ частныя реформы. Теперь уже врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что ирландскій билль благополучно пройдетъ во второмъ чтеніи, несмотря на упорную оппозицію консерваторовъ и ихъ заимствованную отъ ирландскихъ націоналистовъ тактику, состоящую въ безконечномъ затягиваніи преній.

Весьма возможно, что именно съ цѣлью отнять отъ консерваторовъ возможность пустить въ ходъ одно изъ средствъ борьбы съ правительствомъ, на которое они наиболѣе разсчитываютъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Розберри, поспѣшилъ обнародовать сборникъ дипломатическихъ документовъ по египетскому вопросу, прямо показывающій, что министерство Гладстона даже и не думаетъ дозволить поднять въ близкомъ будущемъ вопросъ объ удаленіи англійскихъ войскъ изъ Египта. Лордъ Розберри прямо объявляетъ, что либеральное правительство намѣрено продолжать и даже усилить занятіе британскими войсками земли фараоновъ. Событія покажутъ на сколько эта похвальба можетъ осуществиться въ дѣйствительности, но зато можно смѣло ручаться, что на англійскихъ избирателей она подѣйствуетъ самымъ благопріятнымъ для министерства Гладстона образомъ.

Въ Италіи министерство Джіолитти рѣшилось наконецъ произвести парламентское дознаніе по надѣлавшему столько шума дѣлу о банковыхъ крахахъ. Парламентской коммиссіи, состоящей изъ 6-ти членовъ, поручено узнать имена депутатовъ и сенаторовъ, бравшихъ деньги въ долгъ безъ отдачи въ обанкрутившихся банкахъ. Что изъ этого выйдетъ—покажетъ будущее.

Похороны Н. А. Алексѣева

Изъ политической хроники прошлаго нумера „Всемірной Иллюстраціи" читатели наши уже знаютъ о прискорбномъ событіи въ Москвѣ. Трагическая смерть московскаго городскаго головы Н. А. Алексѣева произвела потрясающее впечатлѣніе и вызвала повсемѣстно глубокое сожалѣніе къ покойному, погибшему жертвою слѣпаго случая, а въ печати—обстоятельную и въ высшей степени сочувственную оцѣнку его дѣятельности. Н. А. Алексѣевъ скончался въ полномъ сознаніи, послѣ невыразимыхъ мученій, 11-го марта, въ 3 ч. 30 м. утра. Ровно черезъ часъ была совершена первая панихида по покойномъ духовникомъ его, священникомъ М. Д. Смирновымъ, и духовенствомъ Иверской часовни. Въ началѣ 8-го часа утра тѣло его было перенесено въ Большую залу Думы, поставлено по правую сторону и покрыто дорогими покровами. Вѣсть о кончинѣ Николая Александровича быстро облетѣла всю Москву, и со всѣхъ концовъ ея сталъ стекаться народъ къ зданію Городской Думы. Уже въ 10 часовъ утра Воскресенская площадь была переполнена массой публики. Большая зала Думы, куда стали собираться почетныя и должностныя лица древней столицы, не могла вмѣстить всѣхъ желающихъ присутствовать на панихидѣ, которая была совершена въ 1½ ч. дня управляющимъ московскою митрополіей преосвященнымъ Александромъ, епископомъ дмитровскимъ, соборнѣ при участіи хора чудовскихъ пѣвчихъ. Въ десятомъ часу вечера тѣло Н. А. Алексѣева было перенесено изъ Большой залы въ училищное отдѣленіе Думы—для вскрытія и бальзамированія. Вскрытіе совершалъ извѣстный анатомо-патологъ профессоръ И. Ѳ. Клейнъ. А межъ тѣмъ въ Малой залѣ Думы въ тотъ же день, 11-го марта, состоялось экстренное засѣданіе, въ которомъ, между прочимъ, рѣшено было, въ виду особенныхъ заслугъ покойнаго, принять похороны Н. А. Алексѣева на счетъ города. Большая зала Думы, въ которой находилось тѣло почившаго, была задрапирована чернымъ сукномъ съ плерезами изъ бѣлаго сукна, а лѣстница, ведущая изъ вестибюля въ эту залу, устлана чернымъ сукномъ. Массы народа въ теченіе цѣлаго дня стояли передъ зданіемъ Городской Думы и не расходились до поздней ночи. 12-го марта, въ 9 ч. утра, тѣло покойнаго было положено во гробъ, обитый бѣлымъ кашемиромъ, и покрыто серебрянымъ покровомъ, а гробъ поставленъ на катафалкѣ, покрытомъ малиновымъ покровомъ, и по бокамъ были разставлены тропическія растенія. Масса вѣнковъ — около 250-ти — отъ разныхъ лицъ и учрежденій была возложена на гробъ. На зданіи Думы развѣвались траурные флаги. 14-го марта состоялись похороны почившаго, которыя были совершены съ рѣдкою торжественностью и при небываломъ стеченіи народа. Онъ началъ стекаться еще въ седьмомъ часу утра на Воскресенскую площадь и на тѣ улицы, по которымъ должна была слѣдовать похоронная процессія, и стоялъ по всему ея пути густыми шпалерами. Похоронная процессія направилась по Моховой, Большой Никитской, Леонтьевскому переулку, Тверской, Страстному бульвару, по бульварамъ до Яузскаго моста, по Швивой Горкѣ, Таганской площади, Большимъ Каменьщикамъ и Новоспасской площади. Особенное скопленіе народа было на Трубной площади, на переѣздѣ черезъ Срѣтенку и затѣмъ на Устинскомъ проѣздѣ. У Святыхъ воротъ Ново-Спасскаго монастыря, въ которомъ находится могила покойнаго, процессія встрѣчена была управляющимъ монастыря, преосвященнымъ Несторомъ, архимандритомъ изъ Троицко-Сергіевой лавры и монастырской братіей. Гробъ перенесенъ былъ въ Покровскій соборъ, гдѣ были совершены заупокойная литургія, а послѣ нея отпѣваніе, на которое, кромѣ лицъ, его совершавшихъ, вышли еще преосвященный Тихонъ, епископъ можайскій, и архимандритъ Климентъ, ректоръ московской духовной семинаріи, и на которомъ присутствовали почти всѣ высокопоставленныя лица Бѣлокаменной съ великимъ княземъ Сергѣемъ Александровичемъ во главѣ. Гробъ на рукахъ несли къ приготовленной могилѣ исправляющій должность городскаго головы М. Ѳ. Ушаковъ, гласные думы и родственники въ сопровожденіи командующаго войсками А. С. Костанды, губернатора Д. С. Сипягина и другихъ почетныхъ лицъ.

Могила для покойнаго приготовлена была на правой сторонѣ отъ входа въ монастырь, вблизи соборнаго храма, возлѣ могилы отца и дяди Н. А. Алексѣева. Внутренность могилы была обложена плющомъ. Послѣднюю литію у могилы совершилъ преосвященный Александръ, епископъ дмитровскій, соборнѣ. Могила была украшена массой роскошныхъ вѣнковъ. Послѣ погребенія у могилы перебывала масса публики.

Малоизвѣстные овощи

Европейское огородничество пользуется растеніями всего свѣта. Ежегодно въ обширныхъ каталогахъ сѣменоторговцевъ появляются какія нибудь новости, которыя тотчасъ расхватываются любителями растеній, принимающимися за ихъ разведеніе большею частію изъ простаго любопытства. Большинство этихъ новостей такъ и остается въ огородахъ любителей, не поступая въ общее обращеніе; черезъ нѣсколько лѣтъ о нихъ забываютъ. Но нѣкоторымъ вновь ввезеннымъ растеніямъ удается удержаться въ культурѣ и даже получить нѣкоторое распространеніе, благодаря многимъ своимъ выдающимся достоинствамъ. Изъ числа такихъ, несомнѣнно заслуживающихъ вниманія, но еще мало распространенныхъ, растеній укажемъ на первый случай на три: перувіанскую кислицу, китайскій иньямъ и сою; всѣ эти растенія представлены на нашихъ рисункахъ.

Перувіанская или зубчатая кислица (Oxalis crenata) близкая родственница нашей кислицѣ съ тройчатыми листиками и бѣленькими цвѣточками. Американская кислица отличается отъ нашей своими черепитчатыми шишками, развивающимися подъ землею, на подземныхъ побѣгахъ; эти-то шишки, представленныя на нашемъ рисункѣ, и употребляются въ пищу. Зубчатая кислица была ввезена въ Европу еще въ 1829 году, но почему-то до сихъ поръ остается въ забросѣ, хотя по своимъ кулинарнымъ достоинствамъ заслуживала бы вниманія. Шишки достигаютъ величины куринаго яйца, снаружи желтыя; онѣ очень богаты крахмаломъ и, будучи сварены, даютъ очень хорошее кисловатое кушанье. Многимъ не нравится этотъ кислый вкусъ, но его легко устранить, если выставить свѣжія шишки на солнце дней на 7—8 тотчасъ послѣ ихъ сбора. Зуб-

чатая кислица легко разводится въ Англіи и во Франціи, слѣдовательно могла бы разводиться и у насъ, по крайней мѣрѣ во всей южной половинѣ Европейской Россіи. Воздѣлываніе этого растенія не представляетъ никакихъ особыхъ затрудненій и щедро вознаграждается обильнымъ урожаемъ.

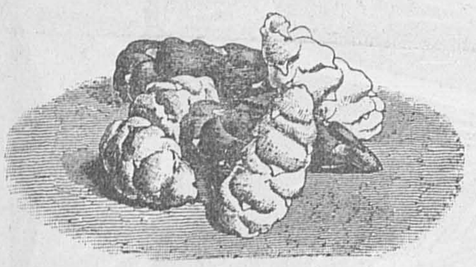


Рис. 1. Шишки перувіанской кислицы.

Китайскій иньямъ (Dioscorea batatas), длинныя корневыя шишки котораго представлены на нашемъ рисункѣ, введенъ въ Европу какъ замѣна картофеля. Картофель — нашъ старый, незамѣнимый другъ; европейскому населенію не пришло бы въ голову мѣнять его на что бы то ни было, еслибъ этотъ испытанный овощъ не подвергся нѣсколько лѣтъ тому назадъ повальной болѣзни — гнили, причиняемой микроскопическимъ паразитнымъ грибкомъ Peronospora infestans. Одно время эта картофельная болѣзнь такъ распространилась, что хозяева готовы были поставить крестъ надъ картофелемъ; тогда же, конечно, и возникъ вопросъ — чѣмъ замѣнить это растеніе, вошедшее самымъ тѣснѣйшимъ образомъ въ жизненный обиходъ европейскаго населенія. Сначала

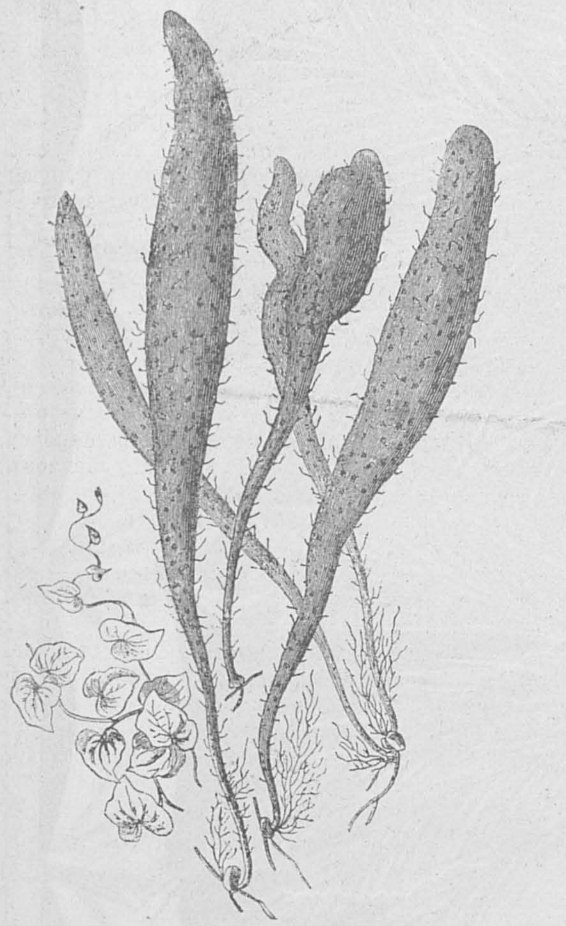


Рис. 2. Китайскій иньямъ.

было накинулись на *пататы* (Batata edulis, изъ семейства вьюнковыхъ, порода *ипомей*, разводимыхъ у насъ въ садахъ); но культура этого растенія, требующая заботливаго ухода и большихъ затратъ, оказалось невозможною. Тогда общее вниманіе обратилось на иньямъ. Родъ Dioscorea принадлежитъ къ семейству того же названія, родственному съ лилейными; существуетъ чрезвычайно много воздѣлываемыхъ разновидностей этого растенія, но особеннаго вниманія заслуживаютъ двѣ породы: китайскій иньямъ (D. batatas) и японскій (D. decaisneana, по имени французскаго ботаника Decaisne). Обѣ эти породы даютъ подземные клубни (см. рисунокъ), которые не уходятъ глубоко въ землю и потому легко выбираются, не требуя большихъ затратъ на рытье. Китайскій иньямъ особенно цѣнится по своей плодовитости. Размноженіе его производится луковичками, которыя вырастаютъ при основаніи листьевъ. Шишки иньяма очень крахмалисты и вкусны; онѣ не имѣютъ той сладости, которая такъ не нравилась многимъ въ пататахъ. Мука изъ иньяма даетъ наилучшій матеріалъ для изготовленія сладкихъ печеній; она замѣчательно вкусна также во всевозможныхъ похлебкахъ, подболткахъ, пюре. Несомнѣнно, что вся южная полоса Россіи могла бы служить мѣстомъ для воздѣлыванія этого полезнѣйшаго растенія.

Соя, масличный горохъ (Soja hispida). Это растеніе можно считать до извѣстной степени популярнымъ въ Россіи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ о ней много и часто сообщалось въ почтеннѣйшемъ изъ нашихъ сельскохозяйственныхъ органовъ—„Земледѣльческой Газетѣ". Хозяева заинтересовались соей, стали ее воздѣлывать, употреблять въ пищу и дѣлились результатами своихъ наблюденій надъ новымъ растеніемъ. Соею заинтересовались и врачи-гигіенисты. Г. Липскій посвятилъ ей замѣтку во „Врачѣ", въ которой отзывался хорошо о ея питательныхъ достоинствахъ. Въ этомъ, впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго, потому что въ Китаѣ и Японіи соя разводится съ незапамятныхъ временъ и является такимъ же важнымъ пищевымъ средствомъ, какъ, напр., у насъ гречиха или просо. Соя по виду напоминаетъ наши бобы, съ которыми состоитъ, впрочемъ, въ самомъ близкомъ родствѣ. Она приноситъ многочисленные стручки, содержащіе по 2—3 зерна; эти зерна очень похожи на горохъ и часто раскрашены въ пестрѣйшіе цвѣта. Зерно сои чрезвычайно богато бѣлковыми веществами и жиромъ; послѣднее свойство дало поводъ къ европейскому названію сои — *масличный* горохъ. Соя испробована у насъ почти во всѣхъ полосахъ: на сѣверѣ, въ сред-

Рис. 3. Китайская соя.

ней черноземной полосѣ, на югѣ; опыты показали, что это растеніе неприхотливое, хорошо переноситъ засухи и потому могло бы быть особенно цѣннымъ для нашего степнаго юга, тѣмъ болѣе, что ея солома съ полною охотою поѣдается скотомъ.

Въ Китаѣ и Японіи соя, какъ пищевой продуктъ, сильно распространена. Въ Японіи изъ нея готовятъ отличные прочные и дешевые консервы. Одинъ изъ нихъ называется *мизо*; для изготовленія мизо варятъ зерна сои продолжительное время въ водѣ, пока они не разбухнутъ окончательно и не превратятся въ мажущуюся массу; эту кашу хорошенько солятъ и прибавляютъ къ ней такое же количество распареннаго риса. Смѣсь сохраняютъ одинъ—два мѣсяца въ деревянной посудѣ изъ-подъ мѣстнаго пива (сакки); въ это время она, вѣроятно, подвергается какому-то броженію, вызрѣванію, наподобіе сыра. Другой тоже японскій продуктъ изъ сои называется *шойю* (отсюда, быть можетъ, и названіе — *соя*). Для

Рис. 4. Соя, европейская разновидность.

приготовленія этого продукта берутъ поровну сои и ячменя. Сою развариваютъ въ кашу, а ячмень слегка поджариваютъ, потомъ смѣшиваютъ обѣ составныя части самымъ тщательнымъ образомъ, потомъ формуютъ полученное тѣсто въ деревянныхъ формахъ и раскладываютъ полученные куски на полкахъ въ особой комнатѣ, которая герметически замуравливается. Спустя нѣсколько часовъ въ кускахъ начинается энергическое броженіе, которому даютъ продолжаться съ недѣлю. Хорошо выбродившая масса имѣетъ свѣтлозолотистый цвѣтъ. По окончаніи броженія куски кидаютъ въ большой деревянный чанъ и заливаютъ разсоломъ въ количествѣ 2 пудовъ разсола на пудъ перебродившей массы. Перемѣшавъ все съ особеннымъ стараніемъ, оставляютъ эту смѣсь въ чанахъ на цѣлый годъ. Послѣ того вычерпываютъ массу изъ чана, кладутъ въ прочные пеньковые мѣшки и отжимаютъ подъ прессомъ; стекающая темнобурая гуща и есть шойю; это почти единственная и самая любимая въ Японіи приправа, въ особенности къ рыбнымъ блюдамъ.

Изъ сои выдѣлывается еще особый сыръ *то-фу*. Для этого зерна развариваютъ и полученный взваръ процѣживаютъ; жмыхъ идетъ въ кормъ скоту, а процѣженную жидкость солятъ и кипятятъ, причемъ она створоживается наподобіе молока; полученный сгустокъ и служитъ матеріаломъ вродѣ нашего сыра; его либо употребляютъ въ свѣжемъ видѣ, либо сушатъ и въ такомъ видѣ сохраняютъ про запасъ.

Въ Китаѣ сои воздѣлывается не такъ много, какъ въ Японіи, но тѣмъ не менѣе въ рѣдкомъ хозяйствѣ ея не найдется. Ея солома идетъ въ кормъ, а зерно развариваютъ въ водѣ и получаютъ жидкость, употребляемую китайцами, какъ у насъ молоко. Сверхъ того въ Китаѣ въ большомъ ходу масло, выжатое изъ зеренъ сои, въ которой его содержится до 17½%. Это масло идетъ и въ пищу, и на всевозможныя техническія примѣненія.

Изъ сдѣланнаго нами бѣглаго обзора разнообразной пользы, извлекаемой изъ сои въ Китаѣ и Японіи, легко убѣдиться, что это растеніе заслуживаетъ вполнѣ того вниманія, какое ему удѣлили за послѣдніе годы многіе русскіе хозяева. За границею, напр., во Франціи, соя уже давно введена въ кругъ сельскохозяйственной культуры. *М. А. О.*

ТЕАТРЪ · ИСКУССТВО · МУЗЫКА

Театръ и музыка

— Г-жа Эртель. Итальянскія газеты отзываются съ большой похвалой о нашей соотечественницѣ, г-жѣ Евгеніи Эртель, въ настоящій сезонъ поющей въ Миланѣ. Г-жа Эртель, ученица г-жи Палечекъ, начала свою артистическую карьеру въ Тифлисѣ, пѣла въ Кіевѣ и выступала въ Петербургѣ на одной изъ частныхъ сценъ. Въ Миланѣ г-жа Эртель стяжала блестящій успѣхъ, особенно въ операхъ „Trovatore", „Cavaleria Rusticana" и др.

— Организована оперная труппа, подъ управленіемъ г. Труффи, для лѣтнихъ гастролей по югу Россіи. Въ труппу вошли: г-жи Соловьева-Мацулевичъ, Делина, Плотницкая, Картавина и гг. Медвѣдевъ, Любимовъ, Кругловъ, Шакуло и др. Гастроли начнутся послѣ Пасхи въ Кишиневѣ, продолжатся въ Херсонѣ, Николаевѣ, Елисаветградѣ, Кременчугѣ, Полтавѣ и закончатся въ Севастополѣ.

— Драматическій артистъ г. Скуратовъ приглашенъ русскимъ кіевскимъ драматическимъ обществомъ на рядъ гастролей, которыя начнутся на Святой и закончатся къ 1-му мая. Талантливый артистъ выступитъ въ лучшихъ роляхъ своего обширнаго репертуара. По окончаніи этихъ гастролей г. Скуратовъ приглашенъ посѣтить нѣкоторые изъ южныхъ городовъ, въ которыхъ пробудетъ весь лѣтній сезонъ. Къ началу спектаклей въ театрѣ г-жи Линской-Неметти г. Скуратовъ вернется въ Петербургъ, гдѣ къ тому времени начнутся репетиціи нѣсколькихъ новыхъ оригинальныхъ и переводныхъ пьесъ, спеціально заказанныхъ г-жей Линской-Неметти.

— „Le Justicier", пьеса талантливаго драматурга графа С. Ржевусскаго, пользовавшаяся громаднымъ успѣхомъ въ Парижѣ, вышла отдѣльной книжкой.

— Въ Юрьевѣ съ будущаго зимняго сезона предполагается постоянный русскій театръ. Владѣлецъ юрьевской концертно-театральной залы вошелъ въ переговоры съ рижскимъ антрепренеромъ русскаго театра относительно постановки въ Юрьевѣ, начиная съ ноября, русскихъ спектаклей. Спектаклей предполагается по два въ каждыя двѣ недѣли.

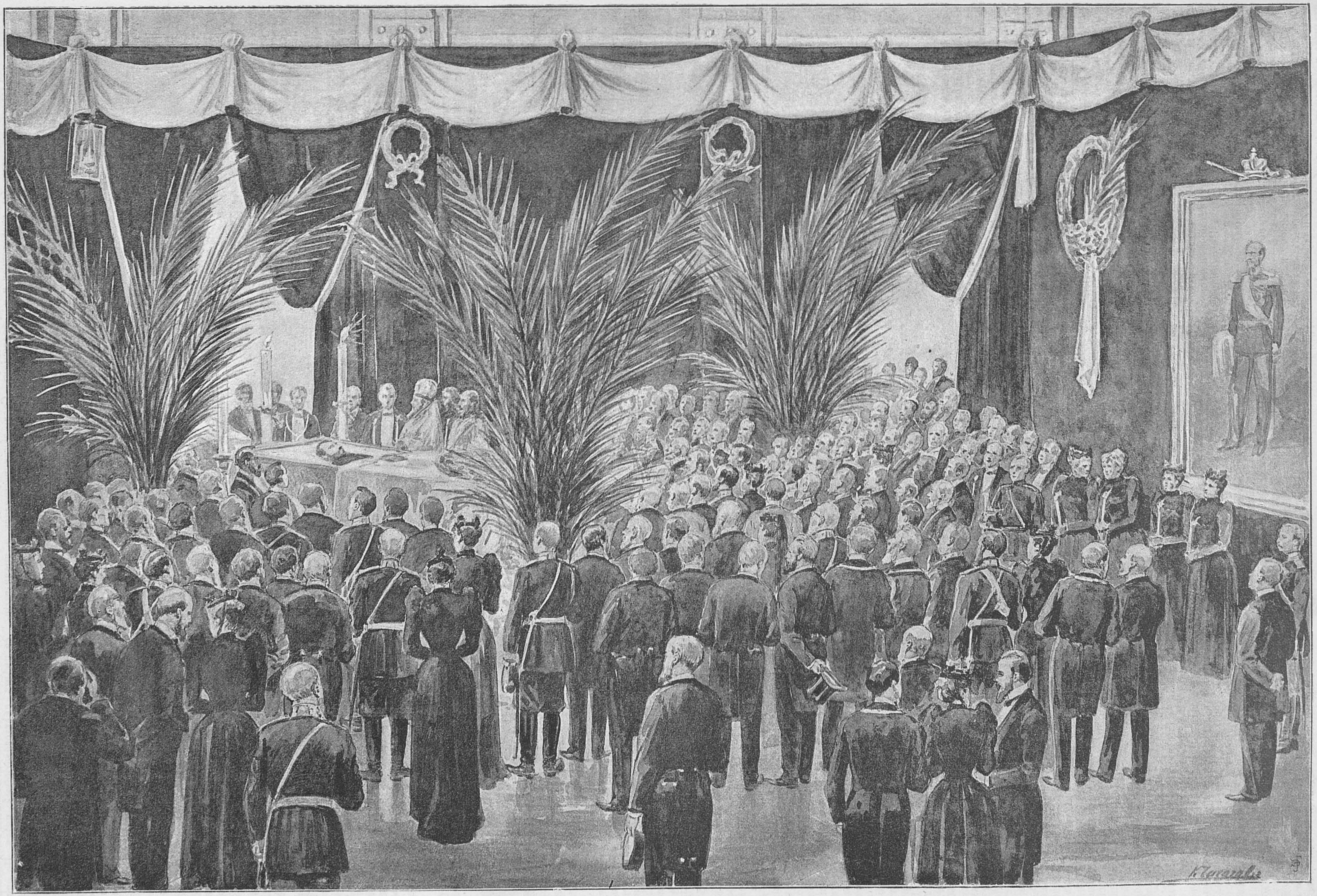
— Г. Гитри, бывшій любимецъ посѣтителей Михайловскаго театра, ангажированъ въ парижскую „Comédie française".

— П. П. Гнѣдичъ передѣлалъ для русской сцены комедію Пьера Вольфа „Leurs filles". Въ русской передѣлкѣ она называется „Бракъ". Кромѣ того П. П. Гнѣдичемъ передѣланъ въ комедію его романъ „Венецейскій истуканъ".

— Дирекція Императорскихъ театровъ предполагаетъ въ самомъ непродолжительномъ времени приступить къ изданію, кромѣ театральнаго „Ежегодника", альбомовъ съ фотографіями отдѣльныхъ сценъ новыхъ пьесъ, ставящихся въ Императорскихъ театрахъ.

— На Ѳоминой недѣлѣ въ драмѣ И. В. Самарина „Перемелется — мука будетъ" дебютируютъ на Александринской сценѣ г-жа Глинская и г. Аяровъ.

— Въ Павловскомъ театрѣ открытіе опернаго весенняго сезона состоится во вторникъ, 30-го марта. Для перваго спектакля г-жа А. Борги высту-



Панихида въ зданіи городской думы.

Съ натуры рисовалъ для »Всемірной Иллюстраціи« ея корреспондентъ-художникъ К. Н. Чичаговъ.

Москва. — Кончина московскаго городскаго головы Н. А. Алексѣева.

Траурное шествiе через Трубную площадь на пути въ соборъ.

Съ натуры рисовалъ для »Всемiрной Иллюстрацiи« ея корреспондентъ-художникъ К. Н. Чичаговъ.

Москва. — Кончина московскаго городскаго головы Н. А. Алексѣева.

нить въ своей лучшей роли въ оперѣ „Карменъ"; въ среду, 31-го марта, состоится первое представленіе новой оперы „Паяцы".

— Пьеса Г. Зудермана „Heimath", только что представленная на сценѣ Александринскаго театра, уже переведена для русской сцены А. Ѳ. Крюковскимъ.

— Литературный апелляціонный судъ предполагается учредить въ лондонской печати для драматическихъ произведеній; авторъ запрещенной цензурой піесы можетъ имѣть право поставить ее предъ комитетомъ или жюри изъ 6—8 лицъ общепризнанной литературной извѣстности, которыя и рѣшаютъ — удобно ли исполнять эту піесу передъ публикой. Половина членовъ этого апелляціоннаго суда назначается отъ правительства, другая избирается драматическими авторами.

— Сара-Бернаръ, прибывшая на короткое время въ Парижъ, выступила на дняхъ на сценѣ театра „Vaudeville" въ роли Федры. Спектакль былъ данъ съ благотворительною цѣлью. Участвовала въ немъ труппа Сары Бернаръ. Отдохнувъ нѣсколько дней въ Парижѣ, неутомимая артистка предпринимаетъ артистическое турнэ по Америкѣ.

НОВОСТИ НАУКИ И ЦИВИЛИЗАЦІИ

Географія, этнографія, путешествія

— Народныя колыбельныя пѣсни. Въ XIII и XIV кн. „Этногр. Общ." напечатаны статьи г. Ветухова о народныхъ колыбельныхъ пѣсняхъ. Въ колыбельной пѣснѣ, воспроизводящей самые тонкіе оттѣнки душевнаго настроенія, слѣды національности отражаются особенно ярко. Великороссіянка очерчивается въ пѣсняхъ довольно рѣзкими чертами. Прежде всего бросается въ глаза ея пристрастіе къ матеріальнымъ благамъ; даже въ радужныхъ мечтахъ о счастливомъ будущемъ золото стоитъ на первомъ планѣ („Будешь въ золотѣ ходить" и проч.). Причина, выработавшая такой взглядъ, объясняется исторіей: богатство обусловливало положеніе человѣка и выдѣляло его въ разрядъ „лучшихъ людей". У малороссіянки общественные интересы ставятся выше личныхъ („Добрымъ людямъ на услугу"); въ лицѣ сына она хочетъ видѣть продолжателя славныхъ дѣяній предковъ („Росты жъ, сынку, въ забаву, казачеству на славу, вороженькамъ на расправу!"). Полька почти въ каждой колыбельной пѣснѣ призываетъ благословеніе Божіе на ребенка. Особенно ярко отражается личность персіянки, являющейся безмолвной рабой своего мужа. Въ ея пѣсняхъ много нѣжностей, но мало широты и глубины мысли. Зато у бахтіярки, т. е. женщины кочеваго племени, обнаруживаются благородныя, высокія чувства. Это объясняется тѣмъ уваженіемъ, съ какимъ относится кочевой персъ къ женщинѣ.

— Людоѣдство въ сѣдой древности. Начало людоѣдства было просто системой питанія, болѣе распространенною, чѣмъ всѣ другія. Первобытные народы считали за ничто убивать и ѣсть другихъ людей и находили даже это наслажденіемъ, поэтому всѣ ихъ празднества имѣли жестокій характеръ. Человѣческое мясо для дикихъ людоѣдовъ было вкуснѣйшею пищей; естественно, что, когда они собирались праздновать нѣкоторыя счастливыя событія, они изобильно угощали другъ друга этою столь распространенною пищею. Ново-зеландцы разрывали раненыхъ враговъ на куски тотчасъ послѣ битвы, не дожидаясь ихъ смерти и даже не давая себѣ труда ихъ убить; плѣнниковъ же они сохраняли и опредѣляли частію для особеннаго потребленія воинами, частію для большихъ общественныхъ празднествъ, въ которыхъ человѣческое мясо было главнымъ блюдомъ. Колумбійцы устраивали ежегодно людоѣдную церемонію: начинали съ пѣнія воинственной пѣсни и танцевъ, потомъ начальникъ съ завязанными глазами бросался между назначенными жертвами и какъ только ловилъ невольника, то душилъ его и тутъ же разрывалъ на куски, тотчасъ же истребляемые приглашенными на пиръ Яванцы, чтобъ испытать доброкачественность новаго кинжала, вонзали его въ грудь перваго встрѣчнаго человѣка. Краснокожіе по возвращеніи изъ дальнихъ экспедицій предавались кровожаднымъ пиршествамъ, съѣдая своихъ плѣнниковъ. Въ Дагомеѣ, особенно послѣ счастливыхъ войнъ, было священнымъ обычаемъ устраивать общественные праздники, на которыхъ ѣли человѣческое мясо (хотя дагомейцы не были людоѣдами) король долженъ былъ съѣдать сердце непріятельскаго начальника, убитаго на войнѣ. На Суматрѣ, жители которой занимаются земледѣліемъ, нарушители супружеской вѣрности, ночные воры и измѣнническі нападавшіе на города и села, осуждались на съѣденіе народомъ, для чего ихъ привязывали къ столбамъ, и по данному знаку всѣ присутствующіе бросались на нихъ и разрывали на куски ножами или просто ногтями и зубами. Оторванные куски тотчасъ же съѣдали, обмакивая ихъ въ приготовленную раньше микстуру изъ лимоннаго сока, соли и т. п. Нѣкоторыя племена на Суматрѣ при своихъ довольно кроткихъ нравахъ еще понынѣ сохраняютъ древній и жестокій обычай: они убиваютъ и съѣдаютъ своихъ старыхъ родственниковъ, думая, что исполняютъ этимъ священную обязанность.

Военное и морское дѣло

— Военное воздухоплаваніе въ Германіи. Въ послѣднее время въ Пруссіи идутъ приготовленія къ производству обширныхъ испытаній съ военными воздушными шарами новыхъ образцовъ. Для этихъ испытаній императоромъ германскимъ недавно пожертвовано 30.000 марокъ. Общество германскаго воздухоплаванія распоряжается предстоящими опытами, которые, вѣроятно, состоятся въ февралѣ или въ мартѣ мѣсяцѣ. Разные приборы и механизмы для предстоящихъ воздушныхъ полетовъ приготовляются подъ спеціальнымъ наблюденіемъ поручика Гросъ, служащаго въ отдѣленіи военнаго воздухоплаванія. Есть проектъ начать полеты изъ гор. Мюнхена. Въ послѣднемъ засѣданіи общества воздухоплаванія г. фонъ-Зигфельдъ докладывалъ объ опытахъ, произведенныхъ имъ въ послѣдніе 3 года при содѣйствіи г. Ридингера и друг. и имѣвшихъ цѣлью добиться возможности управлять воздушнымъ шаромъ. На эти опыты было издержано 250.000 марокъ. Г. Зигфельду удалось конструировать легкую паровую машину, вѣсъ которой опредѣляется около 8 килограммовъ на лошадиную силу, включая сюда вѣсъ котла съ топкою, конденсатора и запаса воды. На опытахъ пользовались также аппаратами, дѣйствующими сгущеннымъ водороднымъ газомъ.

— Численность англійской арміи. Въ минувшемъ году численность собственно англійскихъ войскъ опредѣлялась въ 209.699 чел., на 478 чел больше, чѣмъ въ предыдущемъ году. Въ означенномъ общемъ числѣ было 769 ‰ кровныхъ англичанъ, 135‰ ирландцевъ, 8‰ шотландцевъ и 12‰ не англичанъ, родившихся въ колоніяхъ. Нижнихъ чиновъ моложе 20 лѣтъ было 173‰; въ возрастѣ между 20 и 30 годами было 733‰; 89‰ имѣло больше число лѣтъ отъ роду. Ростомъ люди были: въ 5 футовъ и 7 дюйм. высоты — 491‰, а 509‰ были ростомъ болѣе 5 фут. 7 дюйм. Объемъ груди у 680‰ людей былъ 37 дюйм. и нѣсколько менѣе, а у 320‰ объемъ груди былъ болѣе этой цифры.

Выставки

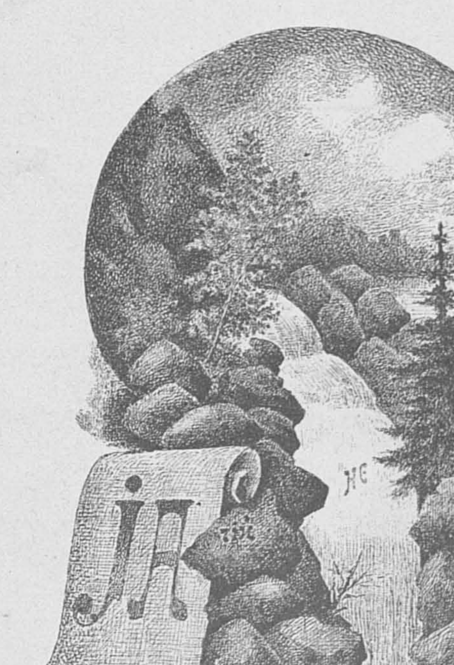
— Въ ряду многочисленныхъ экспонатовъ на предстоящей всероссійской гигіенической выставкѣ видное мѣсто займетъ павильонъ, выставляемый коммиссіей питанія при обществѣ охраненія народнаго здравія. Въ этомъ павильонѣ предполагается читать публичныя лекціи о питаніи.

— Въ выставочномъ павильонѣ Солянаго Городка начались работы по устройству выставки птицеводства. Выставка обѣщаетъ быть весьма интересной.

— Министерство финансовъ ассигновало на устраиваемую весною будущаго года обществомъ плодоводства международную выставку плодоводства 15.000 руб. Въ настоящее время правленіе общества съ почетнымъ предсѣдателемъ во главѣ дѣятельно занято подготовительными работами къ предстоящей выставкѣ.

— Въ Гангѣ открывается булочная и кондитерская выставка, на которой будутъ экспонировать булки, хлѣбъ, печеніе и мороженое „всѣхъ странъ и народовъ".

Ребусъ № 5.



Смѣсь

— **Анекдоты о Блейхредерѣ.** Разсказываютъ, что починъ недавно умершаго банкира принадлежитъ мысль о наложеніи на Францію пятимилліардной контрибуціи послѣ войны 1870 г. Ни Бисмаркъ, ни Блейхредеръ не думали, однако, чтобы Франція могла такъ успѣшно раздѣлаться съ этой контрибуціей. Когда же это стало совершившимся фактомъ, Блейхредеръ съ досадой говорилъ: „О еслибы я зналъ финансовые ресурсы Франціи!.. Я предложилъ бы назначить не 5, а 15 милліардовъ!.." Несмотря на покровительство императора Вильгельма и всемогущаго канцлера, Блейхредеръ и его семья, благодаря своему еврейскому происхожденію, были плохо приняты высшимъ берлинскимъ обществомъ. Однажды на придворномъ балу Вильгельмъ замѣтилъ, что дочь Блейхредера, одиноко стоя у окна, горько плачетъ. Онъ пожелалъ узнать причину этого. „Ваше величество", сказала она, „никто не хочетъ танцовать со мною..." Тогда, обратившись къ своему адъютанту, принцу Рейсу, Вильгельмъ сказалъ: „позовите господъ офицеровъ, и пусть по очереди они танцуютъ съ г-жею Блейхредеръ". Юная дѣвица танцовала, но едва ли съ большимъ удовольствіемъ, такъ какъ кавалеры давали ей понять, что, танцуя съ нею, они лишь исполняютъ высочайшее повелѣніе.

— **Происхожденіе термина „синій чулокъ"**, этой клички, столь ненавистной всѣмъ ученымъ или, вѣрнѣе сказать, quasi-ученымъ женщинамъ объясняютъ различно и, между прочимъ, такъ: въ ту эпоху, когда лэди Монтегю собирала въ своемъ салонѣ всѣхъ извѣстныхъ англійскихъ литераторовъ, одинъ иностранецъ, только что прибывшій въ Лондонъ, отказался явиться въ салонъ этой дамы, ссылаясь на то, что онъ въ дорожномъ костюмѣ. Когда объ этомъ сообщили ей, лэди Монтегю будто бы сказала, что онъ слишкомъ ужъ церемонится и что къ ней можно явиться хотя бы даже „въ синихъ чулкахъ".

Некрологъ

Кудрявцевъ Александръ Алексѣевичъ, преподаватель исторіи Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, замѣчательный педагогъ, авторъ многихъ научныхъ статей, † въ Москвѣ 8-го марта. Онъ родился въ 1863 г. въ воронежской губ., среднее образованіе получилъ въ 6-й московской гимназіи, а выше — на филологическомъ факультетѣ московскаго университета, окончивъ курсъ кандидатомъ въ 1885 г. Библіографическія замѣтки его печатались въ „Русской мысли", гдѣ помѣщена также большая его статья „Средневѣковое міровоззрѣніе". Въ послѣднее время онъ читалъ на московскихъ театральныхъ курсахъ „исторію драмы".

Трутовскій Константинъ Александровичъ, академикъ Императорской академіи художествъ, по бытовой живописи извѣстный всей Россіи своими картинами на сюжеты изъ быта малороссіи, † въ своемъ имѣніи, с. Яковлевкѣ, обоянскаго уѣзда, курской губерніи, 17-го марта, 67 лѣтъ. Онъ происходилъ изъ дворянъ, родился въ Курскѣ и воспитывался въ офицерскихъ классахъ инженернаго училища (1839—1845). Послѣ недолгой службы онъ въ 1849 г. уѣхалъ изъ Петербурга въ Малороссію и остался жить въ отцовскомъ имѣніи. Южная природа, бытъ и костюмы малороссовъ навели его на тотъ родъ живописи, которымъ онъ съ любовью и неутомимо занимался до самой кончины. Проживъ въ деревнѣ довольно долго онъ затѣмъ путешествовалъ за границей, жилъ въ Петербургѣ, а позднѣе въ Москвѣ, гдѣ служилъ въ 1871—1880 гг. инспекторомъ въ училищѣ живописи и ваянія. К. А. Трутовскій пріобрѣлъ также славу какъ одинъ изъ лучшихъ иллюстраторовъ, между прочимъ иллюстрировавшій басни Крылова. Его картины появлялись на выставкахъ русскихъ и иностранныхъ. Съ 1881 г. онъ большей частью жилъ въ своемъ имѣніи, наѣзжая изрѣдка въ Москву. Въ „Художественномъ журналѣ" Н. А. Александрова и въ „Русскомъ Обозрѣніи" помѣщены его литературныя воспоминанія. Были его статьи и замѣтки и въ другихъ изданіяхъ.

Янкова Юлія Леонтьевна, жена дѣйств. ст. сов., артистка, пользовавшаяся успѣхомъ и любовью публики, игравшая на Александринской сценѣ въ опереткахъ подъ псевдонимомъ Рихтеръ и на частныхъ сценахъ подъ фамиліей Нѣмовой, занимавшая роли grandes dames и драматическихъ и комическихъ старухъ, † въ Спб. 7-го февраля, 53 лѣтъ.

Астрономическій календарь

1—15 апрѣля 1893 г.

Апрѣль.	Средн. время въ ист. полд.		Въ С.-Петербургѣ. Восхожд. солнца.		Захожд. солнца.		Восхожд. луны.		Захожд. луны.		Въ Москвѣ. Восхожд. солнца.		Захожд. солнца.		Восхожд. луны.		Захожд. луны.	
	ч.	м.	ч.	м.	ч.	м.	ч.	м.	ч.	м.	ч.	м.	ч.	м.	ч.	м	ч.	м.
1	12	0.4	4	49	7	13	4	48у	2	17в	5	0	7	2	4	33у	2	30в
3	11	59.9	4	43	7	18	4	48	5	37	4	55	7	6	4	48	5	32
5	11	59.5	4	38	7	21	4	50	9	14	4	50	7	10	5	6	8	50
7	11	59.0	4	32	7	28	4	58	—		4	45	7	14	5	38	—	
9	11	58.6	4	26	7	33	5	54	2	40у	4	40	7	18	7	0	1	33у
11	11	58.2	4	20	7	38	9	0	3	47	4	35	7	22	9	43	3	4
13	11	57.8	4	15	7	43	0	23в	3	57	4	31	7	26	0	40в	3	36
15	11	57.5	4	9	7	48	3	20	3	57	4	26	7	30	3	25	3	50

Солнце 7 апрѣля вступаетъ въ знакъ Тельца.

Луна въ новолуніи 4, въ первой четверти 11 апрѣля.

4 апрѣля полное затмѣніе солнца, видимое въ Южной Америкѣ и въ Африкѣ. Въ южныхъ странахъ Европы оно будетъ видимо только частнымъ.

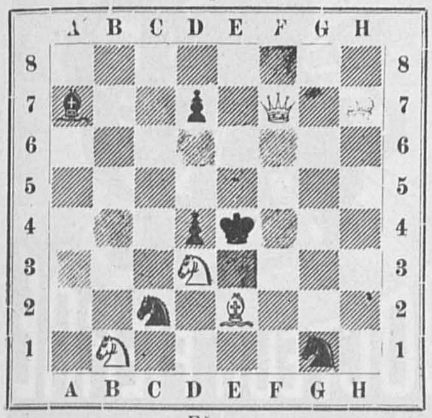
ИГРЫ и ЗАБАВЫ

ШАХМАТЫ

подъ редакціей **А. П. Шишкина**

ЗАДАЧА № 1559
Josef Kesl
Изъ „Svêtozor'a“

Черные



Бѣлые

Матъ въ 3 хода.

ЗАДАЧА № 1560
E. Pradignat
Изъ „Deutsche Schachzeitung“

Черные

Бѣлые

Матъ въ 2 хода.

ПАРТІЯ № 1031

Играна недавно въ Варшавѣ

Французская партія

	А. Поплавскій Бѣлые	С. Черные						
1.	e2 - e4	e7—e5	8.	Кр e1—f1*a*)	h7—h6*b*)	15.	С h7—e4!*f*)	Кр h8—g8
2.	d2—d4	d7 - d5	9.	g2—g4	g7—g5?	16.	К c3 : d5	Ф f6 : b2??*g*)
3.	К b1—c3	С f8—b4	10.	h3—h4!	С c8 : g4	17.	С e4 : f3	С g4 : f3
4.	e4 : d5	e6 : d5	11.	h4 : g5	К c6 : d4	18.	Ф d1 : f3	Ф b2 : a1†
5.	К g1—f3	К g8—f6	12.	g5 : f6	К d4 : f3*c*)	19.	Кр f1—g2	Черные сдались.
6.	С f1—d3	К b8—c6	13.	С d3—h7†	Кр g8—h8*d*)			
7.	h2—h3	0—0	14.	С c1 : h6	Ф d8 : f6*e*)			

Примѣчанія къ партіи

a) Можетъ быть и не дурной ходъ, но въ настоящемъ положеніи не совсѣмъ видно его необходимости; бѣлые дѣлая его, вѣроятно, имѣли въ виду сыграть 9. С c1—g5, на что черные не могли бы отвѣтить сразу 9... h7—h6, такъ какъ конь бѣлыхъ на c3 свободенъ.

b) Слабый ходъ, сдѣланный для предупрежденія 9. С c1—g5, что было бы вовсе не опасно для черныхъ, такъ какъ на это они могли бы отвѣтить 9... С b4—e7 или 9... С b4 : c3 и затѣмъ уже 10. h7—h6.

c) На 12... Ф d8 : f6 могло бы послѣдовать 13. Л h1 : h6 и если 13... Ф f6 : f3 (13... Ф ∞; 14. С d3—h7† и 15. Ф d1 : d4, оставаясь съ лишней фигурой), то 14. С d3—h7†, Кр g8—g7 (14... Кр g8—h8?; 15. Ф d1 : d4† и 16. С h7—e4†, выигрывая ферзя); 15. Ф d1 : d4† и т. д. оставаясь съ фигурой при лучшемъ положеніи; если же 13... С g4 : f3, то 14. Л h6 : f6, С f3 : d1; 15. К c3 : d1.

На 12... С g4 : f3 послѣдовало бы 13. С d3—h7†, Кр g8—h8 (13... Кр g8 : h7; 14. Л h1 : h6†, Кр h7—g8; 15. Ф d1—d3); 14. Ф d1 : d4, С f3 : h1; 15. Ф d4—h4! и у бѣлыхъ за качество — выигрышное положеніе

d) Если 13... Кр g8 : h7, то 14. Л h1 : h6† и 15. Ф d1—d3.

e) Если 14... К f3—h2†; 15. Л h1 : h2; С f3 : d1, то 16. С h6—g7×; если же 14... Кр g8 : h7, то 15. Ф d1—d3†, Кр h7—g8; 16. С h6—g7 и черные, очевидно, не могутъ спастись отъ мата.

f) Угрожая 16. С h6—g5† и т. д.

g) Черные могли почти сравнять партію, продолжая 16... Ф f6 : h6! и если 17. Л h1 : h6, то 17... К f3—d2† и т. д.

РѢШЕНІЯ ЗАДАЧЪ въ №№ 1237, 1238, 1239 и 1240

1509. *A. F. Mackenzie.* 1. Ф a5—b5. Кр d5—e6; 2. С d1—b3† и 3. Ф b5—d3×. (вар. a) 1... Кр d5—e4; 2. Ф b5—b1† и 3. С d1—b3×. (вар. b) 1... К h2—f3, 2. Ф b5—b3† и 3. С d1—c2×. (вар. c) 1... К h2∞; 2. Ф b5 : b7† и 3. С d1—e2 или g4×. (вар. d) 1... К a8∞; 2. К c8—b6† и 3 Ф b5—b1 или d7×. (вар. e) 1... b7—b6; 2. Ф b5—c6† и 3. С d1—e2×.

1510. *Э. С. Монтвидъ.* 1. Кр e1—f4 (угрожая 2. К e6—f8† и 3 Л d2—h2×), Ф a7—b8† (или 1... Ф a7—a8); 2. Кр f4—g4 и черные, не будучи въ состояніи защитить сразу три пункта—f4, f8 и g7, должны отдать ферзя, чтобы спастись отъ мата.

1511. *Мендесъ-да-Коста.* 1. Ф a3—a4 (угрожая 2. С c4—b5† и 3. Ф a4—c4, d4 или f4×). Кр e4—e3: 2. С c4—b5 и 3. Ф a4—d4 или f4×. (вар. a) 1... К h1 : g3; 2. С c4 : e6† и 3. Ф a4—d4 или f4× или 3. С e6—c4×. (вар. b) 1... С f2—d4; 2. С c4—d3† и Ф a4—c4 или : d4×. (вар. b) 1... С f2—c5; 2. С c4—d5† и 3. К e2—c3× или 3. Ф a4—e4×. (вар. c) 1... c7—c5; 2. Ф a4—a8† и 3. Ф a8—f3× или 3. Л e7 : e6×. (вар. d) 1... e6—e5; 2. Ф a4—c6† и 3. Ф c6—f3× или 3. Л e7 : e5×.

1512 Его же 1. Ф a1—h8 и если 1... Кр d5 : c6, то 2. Ф h8—a8×, если 1... С h4∞, то 2. Ф h8—b1×; если же 1... К c2 или К g6∞, то 2. К c6 : b4 или —e7×. Вѣрное рѣшеніе этой задачи прислалъ В. П. Давыдовъ (въ Херсонѣ).

1513 *Ѳ. Л. Амиро.* 1. С g5—f4 (угрожая 2. Л g2—g8×), С d1—g4; 2 Ф h1—a1! и если 2. С a3∞, то 3. Л a6—b6×; если 2. Ф c3∞, то 3. Ф a1—h8× или 3. К b4—c6×; если же 2. К f5∞, то 3. С f4 : d6×.

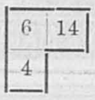
1514. *O. Brennder* 1. Л f6—d6 и если 1... Кр c5 : d6, то 2. К d2—e4×; если 1... С b8 : d6 или ∞, то 2. Ф g7—a7× или c7×; если 1... К e3—c4, d5 или ∞, то 2 К d2—e4×, 2. Л d6—c6 или 2. Ф g7—e5×.

1515. *L. N. de Jong.* 1. К c6—d4 (угрожая 2. С c4—b5×). c5 : d4; 2. Ф h4—h1 и 3. Ф h1—c6 или : d1× (вар a) 1... Ф c8—a6; 2. К d4—b5 и 3 К b5—c3× или 3. С c4—b3×. (вар. b) 1... Ф c8—d7 или e8; 2 Ф h4—g4 или h5 и 3. Ф g4 или h5 : d1, d7 или e8×, или 3. С c4—b3 или b5×.

1516. *M. Larsen.* 1. Л h4—e4 (угрожая 2. Ф d5—g8×) и если 1... f5—f4 или : e4, то 2. Ф d5—g5×; если 1... Кр g3 : g2, то 2. Л e4—e3×; если же 1... Л g1 : g2, то 2. Ф d5—b3×.

Пасхальная задача

Соч. А. Петерсонъ



Изъ данныхъ 19 обрѣзковъ составить двѣ буквы, но такъ чтобы данныя цифры соотвѣтствовали мѣстамъ буквъ русской азбуки одной фразы. Какія это буквы и какая фраза?

Задача слоговъ № 1

(*А. Э. П.*)

Изъ данныхъ 103 буквъ составить 22 слова, затѣмъ буквы найденныхъ словъ размѣстить въ прилагаемой фигурѣ соотвѣтственно цифрамъ, но такъ, чтобы въ горизонтальныхъ строкахъ слѣва направо получились имена или фамиліи дѣйствующихъ лицъ „Герой“.

3	22	18	4	14	3	19	18	3	19	7	3	4	22	4	9	19	7	7	17	14	14
18	■	■	■	2	■	■	■	13	■	■	■	6	■	■	■	9	■	13	2	■	17
4	■	9	17	13	■	6	5	16	■	2	■	1	■	6	■	5	■	5	16	■	11
1	■	2	11	2	■	■	17	6	■	■	■	1	■	7	■	22	■	20	■	■	5
5	■	7	16	9	■	1	10	5	■	9	18	4	■	1	■	10	■	■	4	■	2
11	■	18	10	20	■	■	■	13	■	6	20	16	■	■	■	12	■	9	18	■	12
21	21	5	12	13	21	1	17	11	12	20	13	11	15	19	8	21	15	15	8	8	4

15 а, 4 б, 2 в, 1 г, 1 д, 4 е, 2 з, 10 и, 1 й, 6 к, 2 л, 9 м, 7 н, 5 о, 1 п, 2 р, 2 с, 2 т, 1 у, 2 ц, 3 ч, 3 ш, 5 ъ, 2 ы, 1 ѣ, 1 э, 1 я.

1) Не печь, не очагъ, а грѣетъ.
2) Мужское имя.
3) Предсѣдатель муниципальнаго совѣта.
4) Монашескій санъ.
5) Одинъ изъ главныхъ отдѣловъ театральнаго искусства.
6) Птица.
7) Итальянскій городъ, принадлежащій французамъ.
8) Анатомическій терминъ.
9) Снарядъ для мытья половъ.
10) Паукъ.
11) Неизбѣжная принадлежность восточныхъ женщинъ.
12) Музыкальное произведеніе.
13) Лѣсной сторожъ.
14) Имя девяти римскихъ папъ.
15) Рѣчное гребное судно.
16) Сельско-хозяйственное зданіе.
17) Сладкій напитокъ для приготовленія питательнаго напитка
18) Партія въ карточной игрѣ.
19) Бобовое растеніе.
20) Часть волка
21) Городъ, родина Бетховена.
22) Буква русской азбуки.

NB. Буква ъ не обязательна и удержана только въ 5-ти словахъ.

При этомъ, 1262-мъ, нумерѣ гг. подписчикамъ »Всемірной Иллюстраціи« разсылается № 4 журнала **„ТРУДЪ“.**

СОДЕРЖАНІЕ НУМЕРА

Текстъ.

Рисунки.

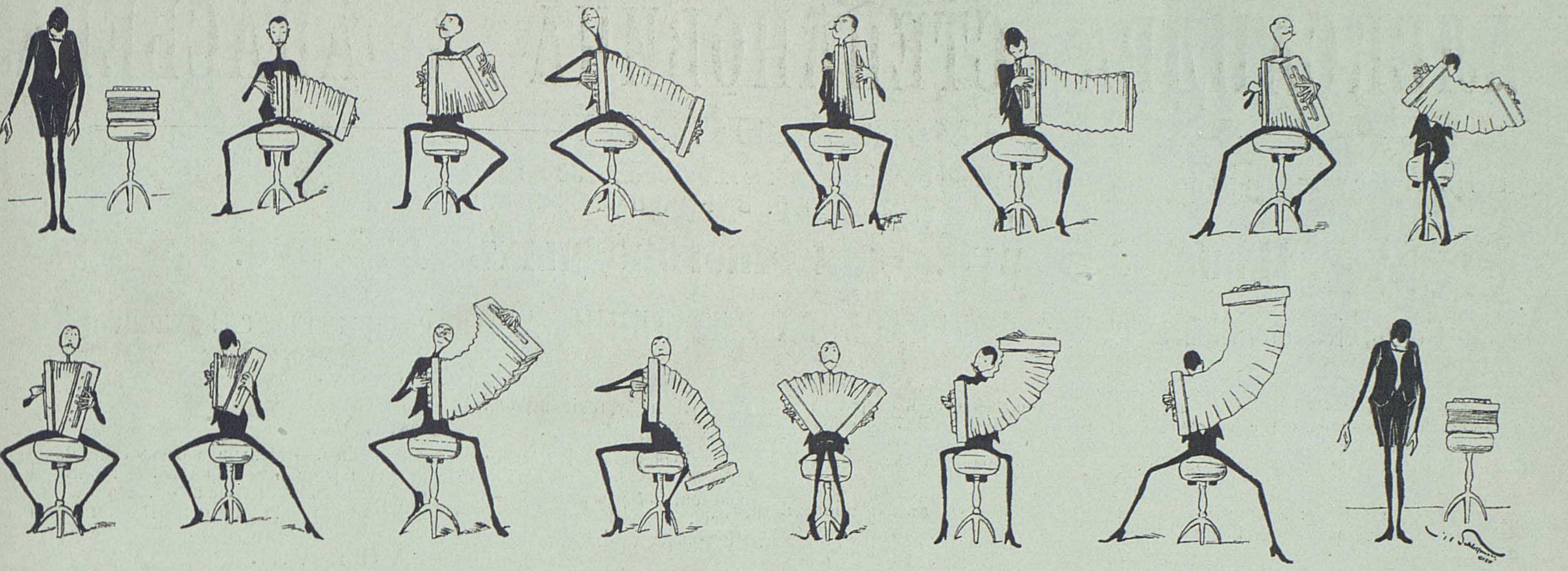
Лондонскій курьеръ.

Petit courrier de Londres („Лондонскій курьеръ“). Первые ясные дни придали намъ видъ настоящаго праздника. Снова всѣ собираются въ столовой **Savoy Hôtel**, этомъ центрѣ элегантнаго общества, гдѣ устраиваются и оканчиваются всѣ празднества. Если **season** сдержитъ все, что обѣщалъ при своемъ дебютѣ, то онъ будетъ замѣчательно блестящимъ.

За редактора **Э. Д. Гоппе.**
Издательница **А. П. Гоппе.**

Дозв. цензурою. СПб. 23-го марта 1893 г. Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

ВЕЧЕРЪ ВЪ ОБЩЕСТВѢ ГАРМОНИСТА-ВИРТУОЗА.



Картонажи изъ визитныхъ карточекъ

На Пасху и новый годъ поздравительныя карточки разсылаются, а слѣдовательно иполучаются, цѣлыми кучами: менѣе, чѣмъ нѣсколькими десятками, не отдѣлаться самому скромному чиновнику, не прозябающему на плюшкинскихъ началахъ; а куда вся эта груда потомъ дѣвается? У аптекарей она служитъ для выскреба ступокъ, пестиковъ и шпателей при выдѣлкѣ мазей; дамы навертываютъ на карточки мотки шерсти, нитокъ и шелка; переплетчики иногда употребляютъ ихъ для мелкихъ издѣлій; затѣмъ является еще нѣсколько случайныхъ примѣненій; дальнѣйшая же участь этихъ карточекъ въ большинствѣ случаевъ заключается въ томъ, что ихъ бросаютъ въ огонь, развѣ иногда та или другая карточка, въ силу особыхъ причинъ, попадетъ вмѣстѣ съ поблеклымъ бантикомъ и сухимъ цвѣткомъ въ сокровеннѣйшій тайничекъ какой нибудь дѣвицы или барыни и, сильно пожелтѣвъ, достанется въ наслѣдство негодному племяннику или смѣшливой внучкѣ, рѣшительно не умѣющимъ цѣнить эти сокровища...

Между тѣмъ карточки эти — благодаря прекрасной бумагѣ—могутъ служить и на другое, кустарно-салонное дѣло: изъ нихъ легко смастерить множество прехорошенькихъ вещицъ — коробочекъ, бумажниковъ, игрушекъ, календарей, пепельницъ, портъ-сигаровъ и т. д., причемъ не трудно сдѣлать ихъ не только непромокаемыми, но и несгораемыми; первое — посредствомъ спиртоваго асфальтоваго лака, а второе — при помощи жидкаго стекла.

Для примѣра приведемъ здѣсь способъ для выдѣлки *рюмки* изъ визитныхъ карточекъ. Прилагаемые при этомъ размѣры разсчитаны по обычной величинѣ карточекъ, но въ общемъ вовсе не обязательны.

Остовъ рюмки (10 сантиметровъ вышины) вырѣзывается, по прилагаемымъ на рисункѣ образцамъ, (фиг. 1 и 2). Замѣтьте, что на каждомъ ребрѣ по шести выемокъ: по пяти съ внутренней стороны и по одной (верхней) съ наружной; первыя служатъ для помѣщенія и задержки колецъ, образующихъ корпусъ рюмки, а верхняя для вмѣщенія кольца 3, которое замѣняетъ ободокъ и въ добавокъ скрѣпляетъ отдѣльныя части остова между собой. Кромѣ того обратите вниманіе на то, что у половины остова 1 имѣется продольный вырѣзъ отъ захвата ножки книзу, а у половинки 2 — отъ захвата кверху; сдѣлано это въ виду того, что половина 1 ставится на 2 верхомъ. Продольные надрѣзы въ толщинѣ захвата служатъ для вмѣщенія маленькаго колечка (фиг. 5), служащаго второй скрѣпой. Наконецъ, нижніе прорѣзы, въ самой ступѣ ножки, вмѣщаютъ въ себѣ доски 6, служащія какъ для окончательнаго скрѣпленія остова, такъ и для болѣе надежной поддержки всей рюмки.

Покончивъ съ остовомъ, вырѣжьте ободокъ (фиг. 3) съ четырьмя выемками изнутри; размѣръ его наружнаго діаметра — 6 сантиметровъ, внутренняго—5.

Слѣдующія корпусныя кольца имѣютъ все меньшій и меньшій діаметръ, причемъ размѣры нижняго кольца равняются: по наружѣ 35 миллиметрамъ, а внутри 25 мм. Четыре вырѣза сдѣланы снаружи (фиг. 4).

Кольцо для захвата (фиг. 5) имѣетъ всего 13 мм. наружнаго діаметра и 5 мм. внутренняго.

Наконецъ поддонъ (фиг. 6) имѣетъ 5 сантим. наружнаго діаметра и 13 мм. внутренняго.

Какъ у поддона, такъ и у захвата проведены ножемъ косые прорѣзы (безъ выемокъ), идущіе отъ центра къ окружности (см. фиг. 5 и 6).

Сложить всю эту фигуру очень не трудно, если части вырѣзаны тщательно и акуратно: сначала вдѣньте 1 на 2. пригните ихъ обѣ половины такъ, чтобы онѣ лежали одна на другой, прикиньте соотвѣтствующія выемки и гдѣ нужно подправьте; затѣмъ вдѣньте захватъ (5) и поддонъ (6) и расправьте остовъ такъ, чтобы половинки его стояли другъ къ другу подъ прямымъ угломъ; потомъ вдѣньте корпусныя кольца, начиная съ нижняго (самаго маленькаго), завершите ободкомъ, и рюмка ваша готова.

Если въ рюмку эту вставить безногій шкаликъ, то шкаликъ этотъ можетъ служить для живыхъ цвѣтовъ (бутоньерокъ), для мороженаго, для крема, для золы и т. д. Если же донышко рюмки, т. е. нижній корпусный кружокъ (4), сдѣлать полымъ, то рюмка годится для помѣщенія спичекъ или папиросъ. Форму этого картоннаго сосуда можно измѣнить: вмѣсто кружковъ вырѣжьте эллипсисы или вмѣсто двухъ половинокъ сдѣлайте три; тогда, при шести ребрахъ, получится овальная чаша, которая можетъ быть и бо́льшаго размѣра и вмѣщать въ себѣ болѣе корпусныхъ кружковъ.

Магъ

Главная контора и редакція „Всемірной Иллюстраціи" находятся въ С.-Петербургѣ, на Садовой ул. № 22.

Въ Москвѣ отдѣленія конторы находятся: 1) при книжн. маг. А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, 15, и 2) при конторѣ П. П. Печковской, Петровскія линіи.

Дозв. цензурою. СПБ. 23 марта 1893 г.

Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

Всемірная Иллюстрація

25-й годъ

№ 1263

49-й томъ

Суббота 3-го апрѣля 1893 г.

Цѣна нумеру 35 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

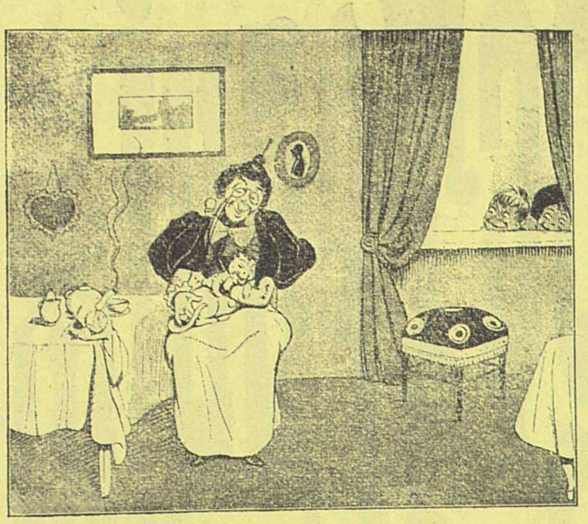
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки на годъ . **15** руб.
(при подпискѣ въ главной конторѣ редакціи).
Съ доставкою на годъ. . . . . **17** »

Въ Москвѣ безъ доставки на годъ . . . . **17** руб.
Съ пересылкою во всѣ города Россійской
имперіи на годъ . . . . **18** »

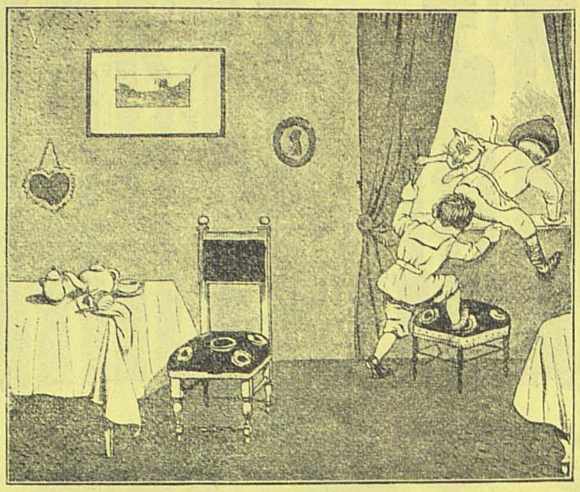
Подписная цѣна на полгода съ доставкою и пересылкою . . . . **9** руб.
За границу (въ государства всемірнаго почтоваго союза) **20** руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Редакція и главная контора: Садовая ул. № 22.

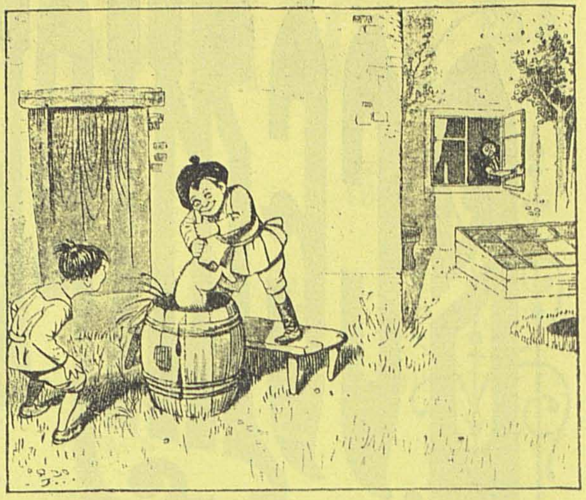
Выкрашенная кошка или »Все то хорошо, что хорошо кончится«.



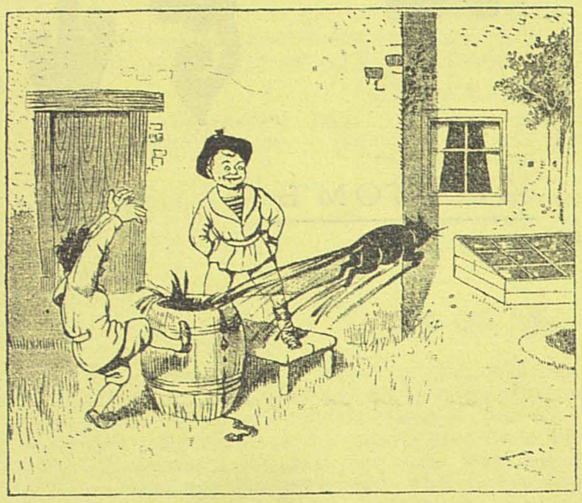
1.



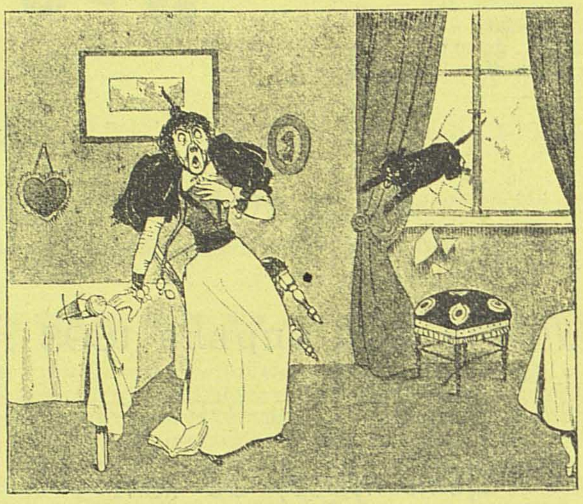
2.



3.

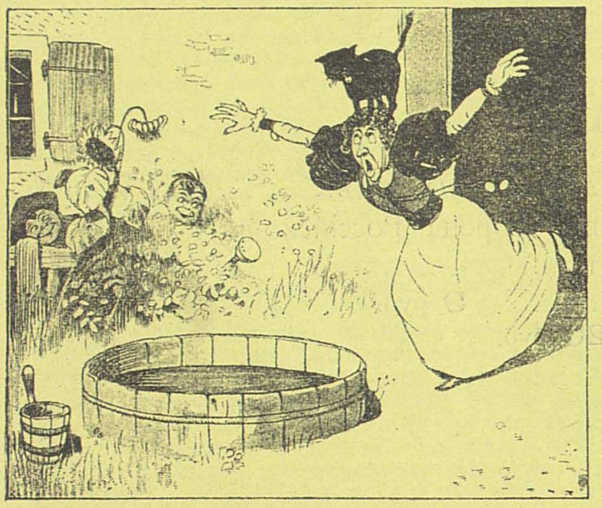


4.

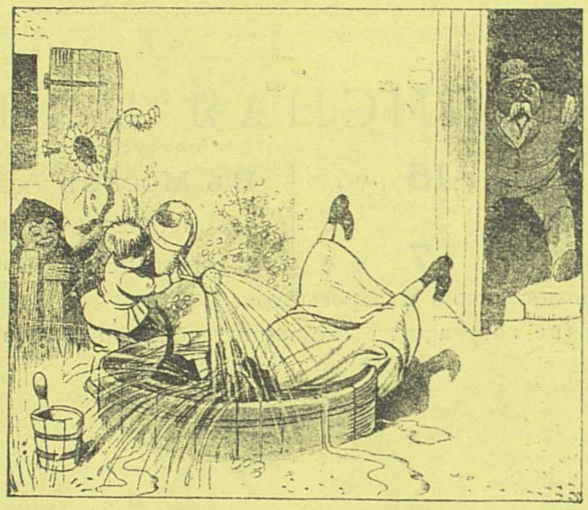


5.

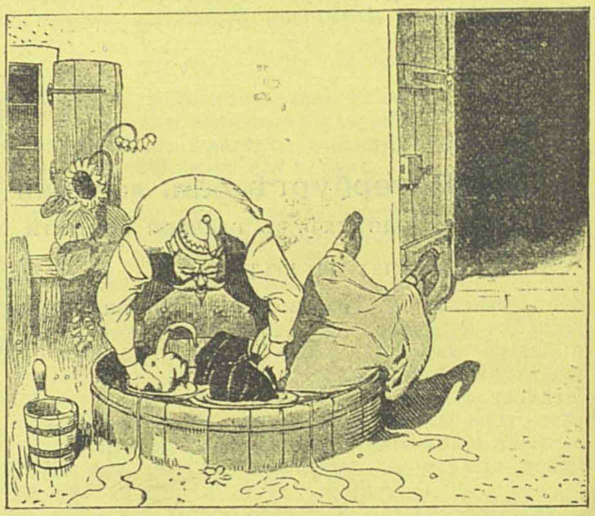
6.



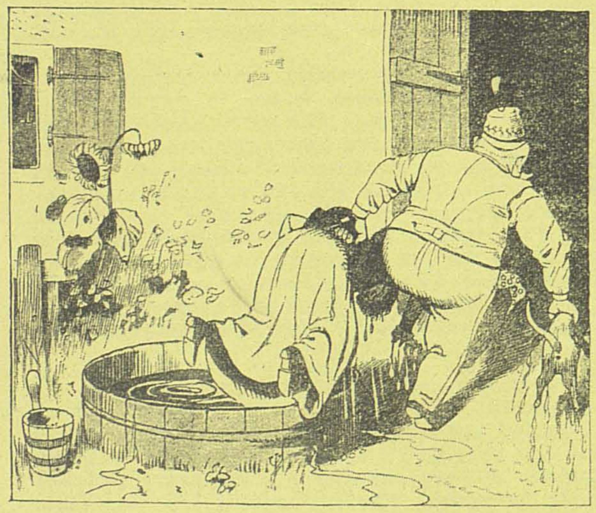
7.



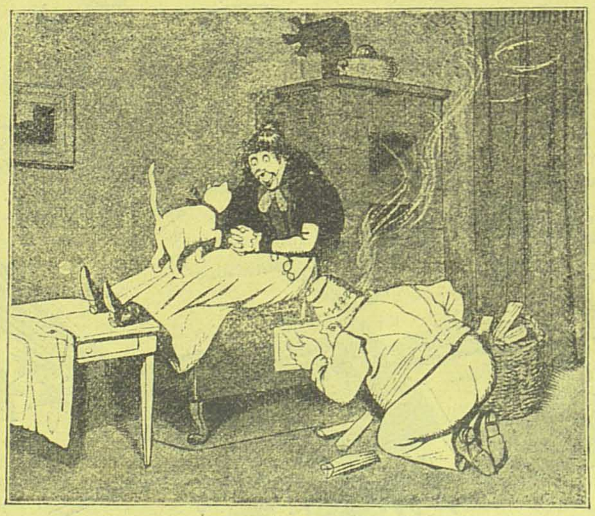
8.



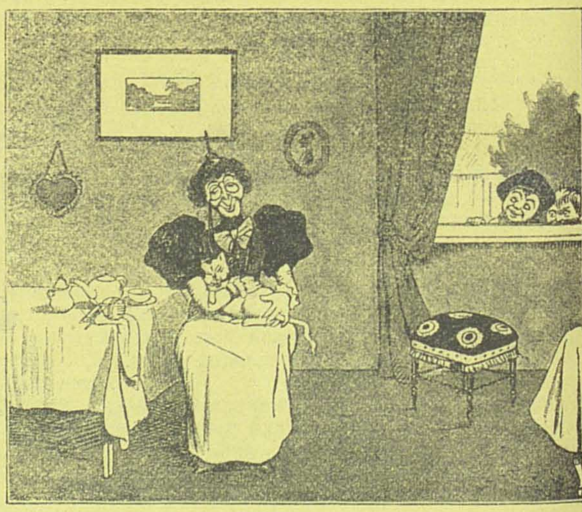
9.



10.



11.



12.

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

№ 1263. Годъ XXV.] 3-го апрѣля 1893 г. [Томъ XLIX. № 15.

Къ этому (1263) нумеру »Всемірной Иллюстраціи« слѣдуетъ пятое особое художественное приложеніе —

АТЛАНТИЧЕСКІЙ ОКЕАНЪ. Картина профессора И. К. Айвазовскаго.

НА ПАСХѢ

Изъ воспоминаній дѣтства

В. А. ПРОКОФЬЕВА

Свѣтлое Воскресеніе! Какой это прекрасный праздникъ христіанской любви, торжество мира и добра. Какъ особенно онъ знаменателенъ для насъ, обитателей сѣвера, гдѣ онъ совпадаетъ съ наступленіемъ весны: съ полной перемѣной въ природѣ, съ воскрешеніемъ ея къ дѣятельной жизни.

— Весна идетъ! Христосъ воскресъ!

— И какъ хорошо, какъ живо чувствуется этотъ праздникъ въ дѣтскомъ возрастѣ! Я помню себя мальчикомъ въ провинціи. Жило насъ двѣ семьи — дядина и наша; жили мы дружно въ большомъ домѣ. Я помню съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ я наступленія радостной ночи, какъ живо, радостно и какъ-то трепетно билось мое сердце, когда въ церкви отворялись царскія врата, шелъ крестный ходъ и раздавалось первое „Христосъ воскресе!“ Съ толпою народа спѣшилъ и я обойти кругомъ храма, стараясь не погасить свѣчу, быть поближе къ кресту и кадилу протопопа. Какое-то особенное чувство разливалось по всему существу, духъ захватывало, мурашки пробѣгали по всему тѣлу и во всей природѣ мнѣ слышалось: Христосъ воскресъ!.. Тщетно теперь, пожилой человѣкъ, ищу я въ своемъ, какъ бронею окутанномъ житейскою тиною, сердцѣ этихъ чудныхъ ощущеній чистой дѣтской природы!..

И какъ красива эта картина свѣтлой ночи! Тысячи огней въ рукахъ у народа какимъ-то огненнымъ потокомъ выливаются изъ дверей храма; освѣщаемая ихъ свѣтомъ, двигается процессія, мальчики несутъ фонарь, толстый и важный церковный староста — крестъ; чуть вырисовываются въ ночной темнотѣ хоругви и образа; идутъ пѣвчіе въ новыхъ кафтанахъ и поютъ „Воскресеніе Твое Христе Спасе“, дьячки съ огромными красными свѣчами, священники въ золотыхъ, затканныхъ шелковыми цвѣтными букетами, ризахъ, а изъ тѣсныхъ дверей церкви все льется и льется потокъ огней, все больше и больше расплывается вокругъ храма и, наконецъ, какъ кольцомъ опоясываетъ его. Колокола трезвонятъ во всю.

Въ воспоминаніяхъ моихъ стоятъ и теперь еще живо и эта святая ночь, этотъ звонъ церковныхъ колоколовъ, этотъ праздничный столъ со всѣми его куличами, пасхами, яйцами, всякими яствами и сластями, безумно возбуждавшими дѣтскій аппетитъ, и общее цѣлодневное христосованіе. Въ нашемъ домѣ строго придерживались старины — всѣмъ и со всѣми христосоваться. Теперь ужъ этотъ полный вы-

Ніагарскій водопадъ.

Съ фотографіи гравировалъ В. В. Зейпель.

С.-Петербургъ. — Выставка картинъ И. К. Айвазовскаго.

сокаго идеальнаго значенія обычай, этотъ обрядъ человѣческаго братства почти повсюду исчезъ, — исчезъ потому, что опошлился... Но у насъ тогда онъ соблюдался во всемъ домѣ, и старикъ-дядя наблюдалъ вмѣстѣ съ бабушкою, чтобы никто не уклонялся. И барышни обязательно должны были въ первый день христосоваться со всѣми—и съ гостями, и съ прислугой мужской и женской. Отдавалось только приказаніе дядей косолапому Ивану, у котораго рыжіе усы какъ-то особенно торчали щетиной кверху и который потому смазывалъ ихъ и чернилъ какою-то мазью собственнаго изобрѣтенія и приготовленія:

— Ты смотри сегодня усы-то ваксой своей не мажь. Съ твоей образиной барышни христосоваться будутъ.

— Слушаю, ваше происходительство, отвѣчалъ Иванъ и въ раздумьи отправлялся въ людскую: „какъ это у него усы къ празднику будутъ не въ уборѣ".

— Что щетины-то твои небось смазывать не велѣлъ? говорилъ ему старый Семенъ, нѣчто въ родѣ дворецкаго въ нашемъ домѣ,—а какъ христосоваться-то будешь? вѣдь всѣхъ переколешь. Ты поплюй на нихъ хорошенько аль-бо мыломъ — все-таки закрѣпитъ.

Плевалъ ли Иванъ на усы или закрѣплялъ ихъ мыломъ—не знаю, но когда возвращались всѣ отъ заутрени—въ цѣлой линіи прислуги въ сѣняхъ стоялъ и Иванъ и какъ будто у него усы были не такъ щетинисты и сохраняли свой рыжій цвѣтъ; однако кузины считали долгомъ обтирать потомъ платкомъ щеки, до которыхъ касалась щетина Ивана.

Затѣмъ происходилъ, я помню, взаимный обмѣнъ яицъ; женской прислугѣ яицы вручались вмѣстѣ съ кусками ситца, мужской—вмѣстѣ съ бумажками желтаго и зеленаго достоинства, смотря по чину. Въ свою очередь прислуга одѣляла всѣхъ насъ яйцами самодѣльной окраски: луковыми перьями, кофеемъ, ситцами, шелками, свеклой и проч. Намъ, ребятамъ, запрещалось ихъ ѣсть, чтобы не объѣсться, и мы должны были хранить ихъ на тарелочкахъ на нашихъ столахъ. Старая ключница Марѳа, съ постоянно строгимъ лицомъ, вѣрная хранительница преданій, первая вѣшала всегда, особо разрисованное ея внукомъ, яичко къ иконѣ въ барской спальнѣ и у себя въ избѣ.

Гости христосовались рѣдко въ домѣ — со всѣми уже перецѣлуются въ церкви. Въ прежнее время всѣ семьи обязательно присутствовали въ церкви. У сосѣдей было много молодежи, сыновей и племянниковъ, пріѣзжавшихъ на праздникъ, у насъ были барышни, а мужское поколѣніе только подростало. Я видѣлъ, какъ иные великовозрастные юнкера и гимназисты сами смущались, когда цѣловались съ кузинами; тогда еще юноши умѣли краснѣть. Я любилъ христосоваться съ діакономъ, потому что онъ, старикъ высокаго роста съ большой бородой, совершалъ обрядъ этотъ какъ-то особенно оригинально: вдругъ, по окончаніи процедуры, онъ какъ-то вздергивалъ бороду кверху и точно опахивалъ ею все ваше лицо; мнѣ это нравилось, но кузины фыркали: „Господи, какой это отецъ Степанъ — вѣчно обмажетъ своей бородищей!" Зато не любилъ я сосѣдку-маіоршу, вдову, круглую маленькую, у которой губы были выворочены впередъ, какъ у негра, и она, какъ спрутъ, вцѣплялась ими и втягивала въ нихъ дѣтскія щеки, приговаривая: „ахъ, ты мой голубчикъ, ахъ, ты мое золото!" Напротивъ длинная сухая, тощая, съ маленькими какъ-то зло блестѣвшими глазами жена судьи величественно, не сгибаясь, подставляла свою щеку мнѣ и говорила: „ну, цѣлуй, пострѣлъ!" Я долженъ былъ подпригивать къ ея сухимъ пергаментнымъ щекамъ. Ни ту, ни другую я терпѣть не могъ и всячески старался улизнуть отъ нихъ. Толстый претолстый церковный староста Парамонычъ, богатый портерщикъ, почтительно подходилъ къ нашему семейству и, вытягивая губы, неистово сопѣлъ и христосовался по воздуху — его животъ мѣшалъ ему къ кому либо прикоснуться ближе. Массивный Иванъ Степанычъ, первый овощникъ и первый надувало въ посадѣ, христосовался съ каждымъ обстоятельно, медленно, причмокивая, и когда худенькій протопопъ выходилъ съ крестомъ христосоваться съ народомъ и для сокращенія времени и сбереженія силъ цѣловался не трижды, а единожды, Иванъ Степанычъ никакъ не могъ помириться съ такимъ непорядкомъ и, поцѣловавъ крестъ, возлагалъ свои мощныя лапы на плечи протопопа, на его златотканную ризу и, точно собираясь придушить его маленькую фигурку, спокойно и медленно повертывалъ его три раза, произнося басомъ: „воистинну воскресе!"

Дома, по возвращеніи изъ церкви, ожидалъ насъ, конечно, нарядный столъ, въ центрѣ котораго красовался громадный „освящёный куличъ" съ воткнутымъ въ него цѣлымъ лѣсомъ бумажныхъ розъ — и вокругъ него пасхи и яицы. Горѣли огромные канделябры. Шурша шелковыми платьями усаживались мама и тетя, бабушка, кузины въ бѣлыхъ воздушныхъ платьяхъ съ обнаженными локтями, съ розовыми лентами, мы, мальчуганы, въ синихъ курткахъ и синихъ панталонахъ, въ галстучкахъ и бѣлыхъ воротничкахъ, которые на насъ, кажется, только и надѣвались въ этотъ день, и хотя мѣшали съ непривычки намъ, но мы придавали имъ особое значеніе и очень важничали, считая себя чуть ли не большими или полубольшими. Больше всего привлекали меня за столомъ сливки: цѣлую недѣлю не давали намъ ихъ, а большіе, конечно, строго постили весь постъ, только дѣтямъ отпускалось молоко. Я, какъ котъ, любилъ сливки и безмѣрно радовался обычаю у насъ наливать на розговинахъ каждому по маленькому стаканчику сливокъ. Въ такомъ количествѣ и такомъ чистомъ видѣ они только намъ разъ въ годъ и давались... За розговинами шелъ разговоръ о заутрени, пѣніи, басѣ діакона, нарядахъ знакомыхъ дамъ... Все это въ концѣ концовъ запивалось кофеемъ и всѣ расходились выспаться...

Съ двѣнадцати часовъ опять начиналось и съ роздыхами продолжалось всю недѣлю поклоненіе пасхальному столу. Приходили священники славить Воскресшаго и, пропѣвъ что слѣдовало, усаживались за столъ...

— Христіанской трапезы нельзя не отвѣдать, говорилъ о. Ларіонъ, второй священникъ внушительнаго вида, — это трапеза любви... это христіанскій обычай, прекрасный обычай, говорилъ онъ и съѣдалъ заразъ полъ окорока.

— Возопіимъ и возопіемъ, вторилъ діаконъ съ бородой-опахаломъ, наливая стаканъ мадеры...

Мы, мальчуганы, съ любопытствомъ смотрѣли какъ кушали батюшки.

— Ну, что, барчуки, говорилъ намъ о. діаконъ, выпивая четвертый стаканъ мадеры,— знаете ли какой сегодня день-то! а?

— Знаемъ — праздникъ...

— То-то праздникъ, да вѣдь какой! Сегодня вѣдь какъ поется-то: „и Давидъ скакаше играя" — вотъ оно какой праздникъ-то сегодня! Сегодня и Давидъ скакалъ.

Очевидно о. діаконъ до богословія въ семинаріи не дошелъ, или мадера немножко затемняла его богословски-историческія познанія; но мы не могли тогда критически относиться къ его словамъ, а принимали ихъ съ вѣрою — и когда потомъ подымали въ залѣ возню и скакали по стульямъ, а насъ старая Марѳа стращала, что будетъ жаловаться, и называла озорниками — мы обиженно ей возражали:

— Сегодня такой день, въ который и Давидъ скакалъ, такой старый, сѣдой, въ коронѣ и съ гуслями и тотъ скакалъ, а вдругъ намъ запрещаютъ! Самъ діаконъ сказалъ, что сегодня Давидъ скакалъ, рѣшали мы отчаянно и безаппеляціонно на дальнѣйшіе доводы Марѳы и подымали ожесточенную возню.

Былъ, я помню, и такой казусъ. На столѣ для насъ, дѣтей, ставилось особое блюдо съ крашенными „съ отмѣтиной" яйцами въ смятку. Намъ крутыхъ яицъ ѣсть не позволяли, кромѣ какъ за розговинами по маленькому кусочку отъ освященнаго яйца. Тогдашняя медицина считала крутыя яйцы безусловно вредными.

Дьячекъ Силычъ, маленькаго роста, но съ большими карманами человѣкъ, покушавъ, рѣшилъ сдѣлать запасъ, и въ то время, когда батюшка-протопопъ выходилъ въ гостиную со всѣми нами, Силычъ положилъ къ себѣ въ карманъ штукъ пять, а можетъ и больше, яицъ, но, не зная хорошо обычаевъ нашего стола, взялъ какъ разъ яйцы „съ отмѣтиной", т. е. дѣтскія.

Прощаясь въ гостиной и поспѣшивъ отвѣтить на вопросъ протопопа—взялъ ли эпитрахиль, Силычъ вдругъ какъ-то запнулся за коверъ и упалъ, т. е. сѣлъ прямо на свой карманъ съ яицами и съ апельсиномъ; произошелъ маленькій и неожиданный эффектъ. Дьячекъ поднялся въ нѣсколько странномъ видѣ. Старшіе дѣлали серьезныя лица, но мы заливались хохотомъ.

— Что это, Силычъ, съ вами дѣлается, говорилъ протопопъ;—вѣдь только по мужикамъ можно съ вами ходить (протопопъ и дьякону, и дьячкамъ говорилъ ты, но когда сердился, всегда переходилъ на вы).

— Да, батюшка... я только одно яичко... какъ бы на память...

— Какой тутъ одно яичко, видите на коврѣ цѣлая лужа...

— Да вѣдь, батюшка, уже шипѣлъ тихо Силычъ,—это даже странно, что яицы то крашены въ жидкую, это даже и не по уставу...

— Ну, чего тутъ... ступайте скорѣе на кухню, пускай васъ сзади-то хоть вымоютъ... нельзя-жъ въ такомъ видѣ идти съ вами...

Ужасно много ѣли на Пасхѣ, а у насъ и пасхи особенныя дѣлали; любилъ ихъ очень сосѣдъ, отставной полковникъ съ гладко выбритыми щеками и большими усами. Онъ говорилъ теноромъ и при этомъ закатывалъ глаза.

— Пожалуйста, кулича и пасхи, вотъ мяснаго; покушайте, пожалуйста, угощала мама.

— Не могу-съ, въ шестое мѣсто вѣдь вотъ захожу-съ, увольте-съ!

— Да какъ же, безъ кулича-то нельзя! хоть немножко-то попробуйте...

— Оно точно, что нельзя-съ... ужъ такой день... это конечно-съ... а вотъ только не могу-съ... Очень ужъ много...знаете... подпираетъ... И полковникъ показывалъ на горлѣ—до которыхъ мѣстъ его подпираетъ... Это вотъ пасха-то какая-съ?

— Эта съ краю — ананасная, а вотъ ванилевая...

— Ананасная... это особенная-съ... да-съ... жалко... очень жалко... такъ вотъ знаете даже подпираетъ, а вѣдь нельзя-съ... надо попробовать... ананасной... да!.. я вотъ у Юліи Степановны былъ... тоже затѣйница я вамъ скажу-съ... у ней тоже пасха ванильная... съ цукатомъ-съ... а это ананасная... да-съ... не могу-съ... собственно не могу-съ... просто подпираетъ-съ... а нельзя-съ... надо немножечко... ананасная-съ! И полковникъ срѣзалъ всю горбушку ананасной пасхи.

— Что касается до насъ, ребятишекъ, то насъ ежечасно гоняли отъ стола. Къ обѣду вся наша большая семья выходила какая-то сонная; собственно никто ничего и не ѣлъ, а только смотрѣли на кушанья и то какъ бы съ пренебреженіемъ...

Обѣдъ все-таки всегда былъ обставленъ самымъ торжественнымъ образомъ, и къ нему собирались всѣ члены семьи, всѣ родные, жившіе по близости и пріѣзжавшіе на праздники изъ Петербурга, родственники и знакомые, и всегда кто нибудь изъ гостившихъ кадетъ или гимназистовъ-сиротъ, которыхъ бабушка и дядя брали къ намъ въ домъ па праздники. Мы, дѣти, обѣдали обыкновенно отдѣльно отъ взрослыхъ, въ своей комнатѣ, но въ этотъ день всѣ садились за столъ вмѣстѣ; середина пасхальнаго стола оставалась нетронутой со своими яствами, а по краямъ только ставились приборы для обѣдавшихъ. За столъ одной нашей семьи садилось человѣкъ 16—18; строго наблюдалось, чтобы не было тринадцати, и разъ, когда какъ-то это случилось, бабушка велѣла сѣсть за столъ, къ нашему удивленію, Марѳѣ. Та было заупрямилась, но бабушка строго сказала:

— Марѳа, ты что же, желаешь нашего неблагополучія — ты четырнадцатая...

Марѳа доложила, что уже сама отъ имени бабушки просила Ивана Ивановича, одного небогатаго чиновника, жившаго по сосѣдству, непремѣнно придти къ обѣду...

— Все равно, сказала бабушка, — придетъ такъ ладно, а ты все-таки садись...

И Марѳа, къ нашему дѣтскому удивленію, сѣла за столъ... Только что еще подали супъ, какъ пришелъ Иванъ Ивановичъ, но Марѳа, разъ уже приглашенная, просидѣла весь обѣдъ съ нами и послѣ говорила: „вотъ грѣшница-то, объѣлась въ великій праздникъ! два раза обѣдала“ (въ людской, гдѣ предсѣдательствовала Марѳа, обѣдали часомъ раньше нашего). Обыкновенно хозяйничали, т. е. разливали супъ, мама или тетя; бабушка сидѣла въ концѣ стола, съ краю — это было ея постоянный уголокъ; но въ этотъ день, какъ и въ день своихъ имянинъ, 1-го апрѣля, она предсѣдательствовала и сидѣла на хозяйскомъ мѣстѣ.

Въ числѣ гостей, приходившихъ въ этотъ день къ обѣду, я помню двухъ старыхъ дальнихъ родственниковъ, тетю Марью Даниловну, никогда ничего кромѣ да и нѣтъ не говорившую, и мужа ея, Спиридона Степановича, отставнаго моряка, небольшаго роста, волосы ежомъ, лицо въ морщинахъ, который въ Пасху за обѣдомъ доставлялъ намъ, разъ въ годъ сидѣвшимъ за большимъ столомъ, необыкновенное удовольствіе. Онъ весь обѣдъ разсказывалъ анекдоты, и каждый разъ они начинались съ того, что, когда подавали куличъ (такой ужъ былъ порядокъ, что и въ началѣ обѣда, и въ концѣ обносили куличъ — въ началѣ освященный, а въ концѣ простой) и Спиридонъ Степановичъ замѣчалъ въ куличѣ изюмину, онъ сообщалъ, какъ въ какой-то булочной разъ запекли въ булкѣ таракана и когда въ полицію, куда эту булку съ таракапомъ представили, позвали булочника, то онъ, видя таракана въ своемъ издѣліи, увѣрялъ всѣхъ, что это изюмина, и въ доказательство съѣлъ его. Анекдотъ этотъ я запомнилъ хорошо; другихъ я не понималъ, потому что въ нихъ заключалось что-то особенное, заставлявшее иногда бабушку строго говорить:

— Ну, будетъ тебѣ, Спиридонъ, — заврался, мой родной... Степанъ, подай полковнику телятину — пусть больше кушаютъ...

Да и трудно было даже и взрослымъ разобрать весь смыслъ анекдотовъ Спиридона Степановича, кромѣ нѣсколькихъ „крылатыхъ“ или малоупотребительныхъ словъ, составлявшихъ ихъ соль, потому что Спиридонъ Степановичъ имѣлъ обыкновеніе самъ раньше другихъ хохотать и до, и во, и по разсказываемаго анекдота.

Только и слышался его раскатистый смѣхъ.

— Да-съ, я вамъ разскажу-съ кстати... ха-ха-ха-ха... презабавная вещь... ха-ха-ха-ха... Одинъ морякъ... ха-ха-ха... съ молодою женою путешествовать поѣхали... ха-ха-ха... поѣхали-съ... ха-ха-ха... вмѣстѣ поѣхали... ха, ха, ха, ха... и т. д. все въ этомъ родѣ.

Спиридонъ Степановичъ во всей окрестности, чуть не во всемъ уѣздѣ, пользовался славой самаго добраго, самаго добрѣйшаго человѣка единственно, вѣроятно, за свой постоянный хохотъ, потому что другихъ основаній къ этому никакихъ не было. Никому никакого добра онъ не дѣлалъ, а для насъ, дѣтей, это былъ человѣкъ безусловно вредный... Онъ забирался иногда въ наши комнаты, училъ насъ курить, пить, спрашивалъ насъ, ничего не понимавшихъ мальчугановъ, зачѣмъ Ева съѣла яблоко и что послѣ того произошло и проч.

Иной разъ къ пасхальному обѣду пріѣзжалъ архимандритъ изъ сосѣдняго монастыря. Высокій шатенъ, косая сажень въ плечахъ, онъ былъ въ черномъ клобукѣ, черной же пышной шурчащей шелковой рясѣ съ широкими лиловыми заворотами на рукавахъ и съ большимъ брилліантовымъ крестомъ на груди... Онъ садился съ краю по правую руку бабушки, рядомъ съ дядей, передъ ними ставили отдѣльно графинъ съ хересомъ, и они вели разговоръ о политикѣ.

Мы, мальчики, смотрѣли на пріѣзжаго архимандрита съ нѣкоторымъ страхомъ, и самый обѣдъ казался намъ тогда чѣмъ-то особеннымъ, потому что не мы, какъ водилось, а онъ самъ читалъ молитву, потомъ подходилъ къ столу и, какъ бы плавая надъ нимъ своими широкими рукавами, благословлялъ трапезу... Съ нѣкоторымъ смущеніемъ мы подходили къ нему. Всѣ у него цѣловали руку, и это насъ тоже удивляло; я самъ, впрочемъ, цѣловалъ ее у него раза по два... Дѣло въ томъ, что я очень любилъ духи и, помню, разъ даже воспользовался отсутствіемъ мамы и тети, захватилъ все свое бѣлье, всѣ рубашечки, носки, и, подобравшись къ туалету, щедро полилъ все какимъ-то эссъ-буке, уксусомъ, репейнымъ масломъ, всѣмъ, что было на туалетѣ. У отца же архимандрита мягкія выхоленныя руки, казалось, были насквозь пропитаны духами...

Торжественный обѣдъ былъ только первый день. На второй день и послѣдующіе дни, случалось, мы и совсѣмъ не обѣдали... потому что поваръ напивался пьянъ... Онъ даже и предупреждалъ, что дольше третьяго дня не стерпитъ. И когда приходились имянины бабушки на святой недѣлѣ и ждали гостей, то это было предметомъ долгихъ обсужденій между бабушкой, дядей и всѣми старшими: будетъ ли Иванъ пьянъ и можно ли на него положиться?..

На святой недѣлѣ Иванъ поваръ считалъ священнымъ долгомъ напиваться до положенія ризъ, до того что безъ ризъ взбирался на амбаръ и пѣлъ пѣтухомъ — и большаго труда стоило съ нимъ справиться. На святой недѣлѣ никакихъ взысканій съ прислуги у насъ не производилось и никого не ругали... За этимъ слѣдила бабушка, и, если случалось, что дядя разсердится и начнетъ кого нибудь разносить изъ домашнихъ, дѣтей или прислуги, — на шумъ тихо входила бабушка и говорила по французски или по русски: — Александръ, теперь святая недѣля.

И дядя нервно дергалъ себѣ усъ и смолкалъ — обыкновенно отходилъ въ сторону и бралъ книгу или газету.

У насъ, ребятъ, на второй или на третій день обыкновенно разбаливались животы; ихъ растирали бѣленнымъ масломъ и давали касторки... А все-таки было весело!

В. Прокофьевъ.

Стихотвореніе

Послѣдняя прихоть

По дорожкамъ безлистнаго сада
Съ странной мыслью брожу я порой:
Приведется ли снова мнѣ встрѣтить
Возрожденье весны молодой?
Иль она надъ моею могилой
Будетъ пышно цвѣты разсыпать
И надъ гробомъ моимъ равнодушно
Красотой вѣковѣчной сіять?
И хоть тѣлу зимою и лѣтомъ
Все равно разсыпаться во прахъ,
Но мнѣ все бы скорѣе хотѣлось
Въ гробъ улечься въ своихъ же цвѣтахъ,
Чтобъ не мерзнувъ меня проводили
Въ мой послѣдній пріютъ подъ кустомъ,
Чтобъ предъ смертью мнѣ солнце свѣтило
Хоть послѣднимъ осеннимъ лучомъ.
Солнце скупо мнѣ въ жизни сіяло —
Имъ не всѣмъ согрѣваться дано —
Такъ послѣднюю прихоть поэта
Можетъ быть и исполнитъ оно...

Вл. Зотовъ.

Заяцъ-прыгунъ

(Pedetes caffer).

Этотъ интересный звѣрекъ принадлежитъ къ обширному отряду *грызуновъ*, къ тому же самому, къ которому относятся бѣлка, заяцъ и мышь.

Изъ нѣсколькихъ семействъ, входящихъ въ составъ этого отряда, одно характеризуется чрезвычайно длинными задними и очень короткими передними ногами у животныхъ, составляющихъ это семейство. Благодаря такому своеобразному устройству конечностей, животныя изъ этого семейства не бѣгаютъ, а скачутъ наподобіе сороки — не употребляя въ дѣло переднихъ лапъ, почему это семейство и получило названіе *прыгуновъ* (также *тушканчиковъ* — Dipodida).

Къ этому же семейству относится и *заяцъ-прыгунъ* (вмѣстѣ со сходнымъ съ нимъ, но болѣе миніатюрнымъ *землянымъ зайцемъ* — Alactaga jaculus — водящимся въ степяхъ Европейской Россіи и Азіи). Родина зайца-прыгуна находится въ южной Африкѣ, гдѣ онъ обитаетъ обширныя, пустынныя, степныя пространства. Ростомъ немного поменьше нашего обыкновеннаго зайца, съ которымъ онъ также схожъ и по окраскѣ шерсти, этотъ звѣрекъ роетъ себѣ лабиринтообразныя подземныя норы, въ которыхъ живетъ общественно — по нѣсколько семействъ совмѣстно. Ведетъ онъ ночной образъ жизни: днемъ спитъ въ норѣ, изъ которой выходитъ лишь съ наступленіемъ сумерекъ для отыскиванія пропитанія.

Питается заяцъ-прыгунъ, также какъ и нашъ заяцъ, различными растительными веществами: травой, кореньями, листьями, плодами и т. п. Бѣгаетъ онъ — или, вѣрнѣе, скачетъ — чрезвычайно быстро. Обыкновенно онъ дѣлаетъ скачки въ 1—1½ сажени, во время же преслѣдованія отмахиваетъ по 3 и даже по 5 саженъ на скачекъ и дѣлаетъ это притомъ такъ легко, что кажется, будто это не стоитъ ему никакого труда, и, благодаря такой необычайной скорости своего бѣга, онъ почти всегда благополучно уходитъ отъ преслѣдующаго врага. Только во время сильнаго дождя, намокнувъ, звѣрекъ скоро ослабѣваетъ, а потому во время наступленія дождливаго періода въ своей тропической родинѣ, заяцъ-прыгунъ надолго забирается въ свои норы и предается тамъ продолжительному сну, причемъ всегда спитъ сидя, свернувшись комкомъ и закрывъ голову своимъ пушистымъ длиннымъ хвостомъ, какъ это можно видѣть въ нижнемъ углу правой стороны прилагаемаго рисунка.

Ротъ у этого звѣрька находится не у конца морды, какъ у большинства другихъ животныхъ, а сильно отодвинутъ назадъ, къ шеѣ. Вслѣдствіе такого расположенія рта заяцъ-прыгунъ не можетъ брать пищу непосредственно губами или зубами, а долженъ *вкладывать* ее себѣ въ ротъ, что онъ и дѣлаетъ своими короткими передними лапками, играющими у него при этомъ роль рукъ. Голландскіе поселенцы чрезвычайно любятъ охотиться за зайцемъ-прыгуномъ, потому что мясо его такъ же вкусно, какъ и мясо нашего зайца. Обыкновенно эта охота производится въ свѣтлыя лунныя ночи: охотники съ ружьями поджидаютъ около норъ возвращающихся съ кормежки прыгуновъ.

Въ неволѣ заяцъ-прыгунъ является очень милымъ звѣрькомъ. Онъ чрезвычайно чистоплотенъ и скоро становится совершенно ручнымъ. Кормятъ его хлѣбомъ, салатомъ, капустой, морковью и другими овощами.

Д. Кайгородовъ.

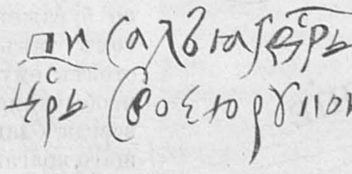
Лѣсной.
23-го марта 1893 г.

Столѣтіе возсоединенія юго-западной Руси

Очеркъ М. И. ГОРОДЕЦКАГО

АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Царь всея Руси.



Въ текущемъ году, 27 марта, исполнилось *сто лѣтъ* со времени присоединенія къ Россіи Подоліи, восточной полосы Волыни и нѣкоторыхъ частей Бѣлоруссіи.

Историческое событіе 1793 года, извѣстное подъ названіемъ втораго раздѣла Польши, заключало въ себѣ великій актъ возсоединенія юго-западной Руси, находившейся въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ подъ тяжелымъ латино-польскимъ господствомъ и вліяніемъ. Отмѣчая этотъ вѣковой юбилей, считаемъ умѣстнымъ и своевременнымъ заглянуть въ минувшія судьбы каждой изъ возсоединенныхъ частей Руси, дабы припомнить какъ условія, при которыхъ каждая изъ нихъ подпала подъ польское владычество, такъ и обстоятельства самаго возсоединенія.

Медаль въ память присоединенія къ Россіи въ 1793 г. южныхъ областей.— Оборотная сторона.

Область, называвшаяся въ древности „Понизьемъ" (въ противоположность возвышенности сосѣдняго Галицко-Волынскаго княжества) и сдѣлавшаяся со второй половины XIV вѣка извѣстною подъ именемъ *Подоліи*, первоначально была заселена славяно-русскими племенами — тиверцами, уличами или угличами, полянами, хорватами и дулѣбами. Часто подвергаясь нападенію со стороны кочевниковъ, Подолія сдѣлалась затѣмъ, въ числѣ другихъ южно-русскихъ земель, ареной междоусобной борьбы русскихъ удѣльныхъ князей, а въ 1260 году подпала подъ иго татаръ, господствовавшихъ здѣсь около ста лѣтъ. Послѣ того настало благотворное управленіе страною литовскими князьями, которые упрочили въ ней русскую гражданственность и православную вѣру. Но такое управленіе Подоліею продолжалось не долго: Польша, заключившая не задолго предъ тѣмъ (въ 1386 году) государственную унію съ Литвой, начала предъявлять на Подолію свои претензіи и въ 1434 году окончательно завладѣла западною частью области по рѣку Мурафу, образовавъ изъ нея Подольское воеводство; восточная же часть Подоліи, называемая Брацлавщиной, присоединенная къ Польшѣ во время Люблинской уніи 1569 года, образовала изъ себя особое Брацлавское воеводство. Съ тѣхъ поръ обѣ части Подоліи оставались до 1793 года во владѣніи Польши. Владѣніе это прерывалось ненадолго въ половинѣ XVII вѣка во время битвъ съ казаками и 27-ми лѣтняго, начиная съ 1672 года, владычества Турціи.

Волынская земля, получившая свое названіе отъ города Волыня, нынѣ уже не существующаго, первоначально была заселена славянорусскими племенами: бужанами или волынянами, дулѣбами, хорватами, тиверцами, древлянами и дреговичами. Всѣ эти племена, объединившись въ одно государственное цѣлое, въ половинѣ X вѣка составили волынское княжество, получившее христіанское просвѣщеніе одновременно съ кіевскою Русью. При князьяхъ Романѣ Мстиславичѣ († 1205 г.) и сынѣ его Даніилѣ Романовичѣ († 1264 г.) Волынь достигла наибольшаго могущества, но въ XIV вѣкѣ княжество начинаетъ распадаться; такъ въ 1324 году восточная часть Волыни

Медаль въ память присоединенія къ Россіи, въ 1793 г. южныхъ областей.

съ городомъ Луцкомъ переходитъ къ литовскому князю Любарту Гедиминовичу, а западная съ г. Владиміромъ и Галицею около 1336 года поступаетъ къ мазовецкому князю Болеславу Трой-

Императрица ЕКАТЕРИНА II АЛЕКСѢЕВНА.

Съ гравюры 1775 г. А Радига.

Князь Н. В. РѢПНИНЪ,
генералъ-фельдмаршалъ.

деновичу. Между литовцами и поляками возникаютъ затѣмъ споры, кончившіеся тѣмъ, что Галиція съ удѣлами холмскимъ и белзскимъ присоединяется къ Польшѣ, а собственно Волынь, т. е. владимірскій и луцкій удѣлы, вмѣстѣ съ Берестейскою областью и Подляшьемъ поступаютъ къ Литвѣ, но во время люблинской упіи 1569 года, присоединяются къ Польшѣ подъ именемъ волынскаго воеводства.

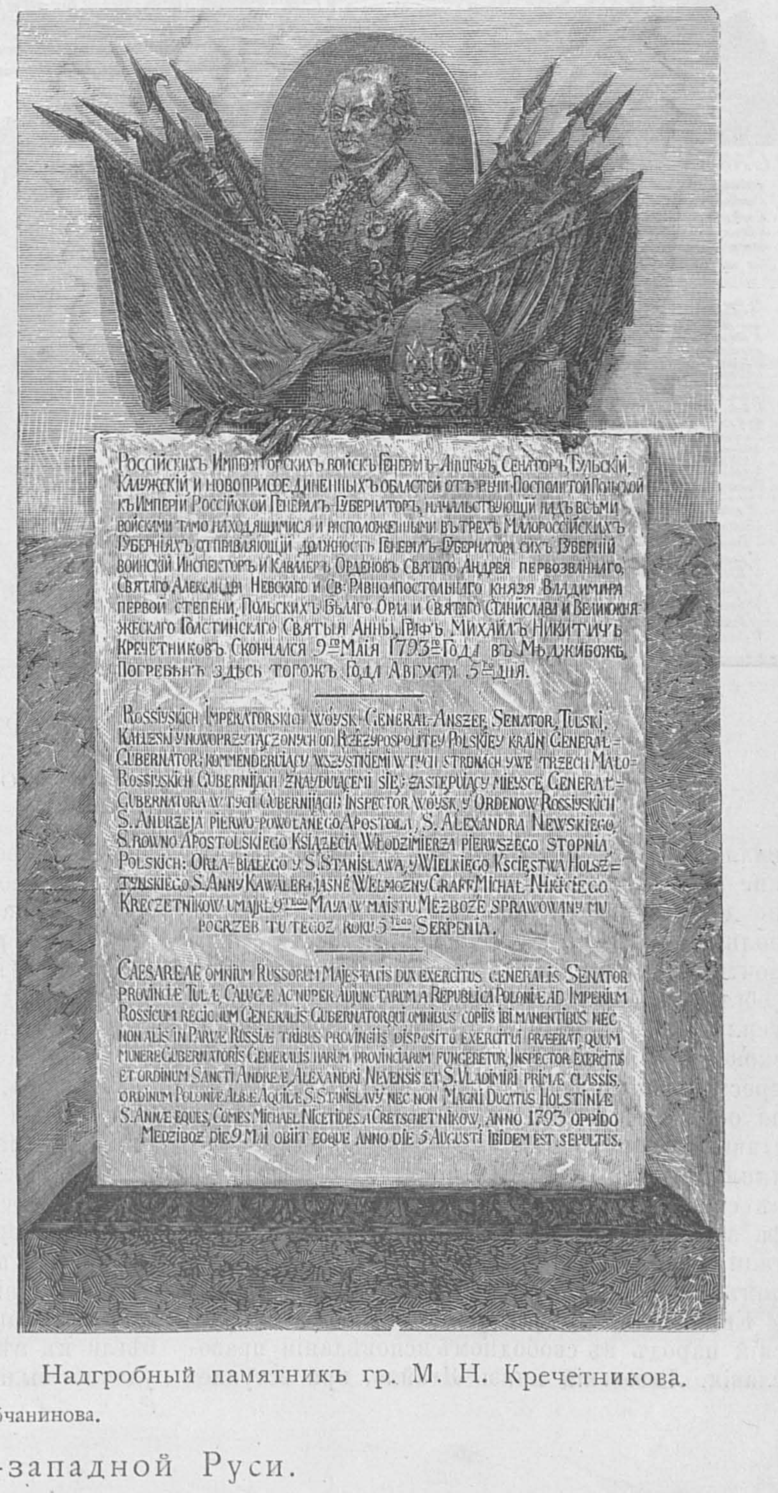
Бѣлоруссы, потомки древнихъ вендовъ, называвшіеся прежде кривичами, занявъ обширныя пространства нынѣшней западной Руси, постепенно сплотились съ литовскими племенами въ одно цѣлое, изъ котораго въ началѣ XIV вѣка образовалось могущественное литовско-русское государство, подчинившее себѣ сосѣднія славяно-русскія области. Развиваясь и укрѣпляясь на началахъ русской гражданственности, литовско-русское государство подверглось впослѣдствіи неотразимому вліянію сосѣдняго польскаго королевства и утратило свою политическую самобытность. Начало этому было положено въ 1386 году, окончательное же сліяніе Литвы съ Польшей совершилось на люблинскомъ сеймѣ въ 1569 году.

Расширивъ такимъ образомъ свои предѣлы насчетъ сосѣднихъ областей, по преимуществу русскихъ, Польша ко времени наибольшаго своего могущества достигла пространства свыше 13.000 кв. миль, съ населеніемъ въ 15 милліоновъ. Все это пространство было раздѣлено на воеводства и повѣты, управлявшіеся воеводами, каштелянами и старостами. Для обсужденія общественныхъ дѣлъ дворяне собирались въ своихъ воеводствахъ на сеймы или сеймики, изъ которыхъ посылались депутаты на главный сеймъ, гдѣ предсѣдательское кресло принадлежало королю. Образъ правленія былъ республиканскій и государство носило названіе „Речь Посполитая". Наслѣдственное царство-

Графъ З. Г. ЧЕРНЫШЕВЪ,
генералъ-фельдмаршалъ.

ваніе династіи Ягеллоновъ было благотворно для страны; но послѣ смерти послѣдняго представителя династіи, Сигизмундъ II († 1572 г.), наслѣдственное право замѣнилось выборнымъ, и съ того времени страна начинаетъ подвергаться безначалію и внутреннему разложенію. При монополіи дворянства, каждые выборы новаго короля сопровождались волненіями и спорами, возникавшими между различными партіями шляхты, и дѣло нерѣдко доходило до междо-

Графъ М. Н. КРЕЧЕТНИКОВЪ, генералъ-аншефъ.



Надгробный памятникъ гр. М. Н. Кречетникова.

Гравюры В. В. Матэ и А. И. Зубчанинова.

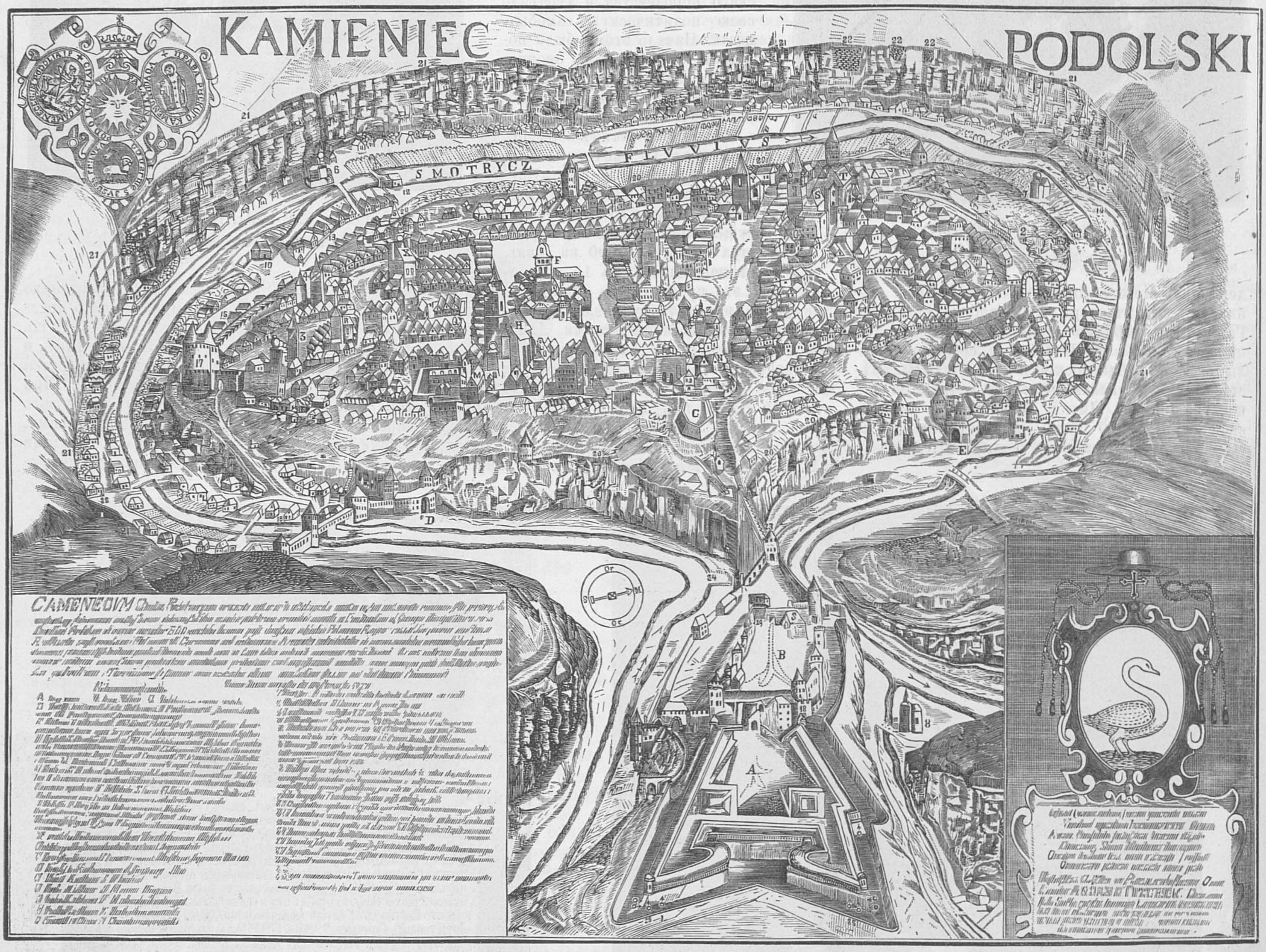
Столѣтіе возсоединенія юго-западной Руси.

усобій. Наибольшей степени анархія достигла при королѣ Янѣ II Казимірѣ вслѣдствіе установленія права „liberum veto“, въ силу котораго каждый депутатъ отъ дворянъ могъ опровергнуть рѣшеніе, принятое на сеймѣ остальными депутатами. Стоило какому либо шляхтичу крикнуть на сеймѣ „не позволямъ“, какъ все рѣшеніе утрачивало свою силу.

Помимо такой безурядицы на сеймѣ, колебавшей правильность управленія страной, въ государствѣ царило безпримѣрное угнетеніе русскаго народа и исповѣдуемой имъ православной вѣры. Въ то время, когда русскіе дворяне, обратившіеся подъ вліяніемъ угрозъ и лишеній въ католиковъ и сдѣлавшіеся затѣмъ поляками, получили многія права и привилегіи,—поселенные въ ихъ имѣніяхъ крестьяне были лишены не только гражданскихъ, но даже общечеловѣческихъ правъ. Отъ исполненія тяжелой барщинной повинности у нихъ почти не оставалось времени для обработки собственной земли, а тяжесть самой барщины усиливалась жестокой расправой поссесоровъ, экономовъ и другой панской челяди; честь крестьянскихъ женъ и дѣвицъ ничѣмъ не была обезпечена, даже жизнь самихъ крестьянъ ставилась ни во что: за убійство русскаго селянина панъ расплачивался лишь штрафомъ въ сто грошей... вдвое менѣе противъ штрафа за убійство еврея. Крестьянъ паны не считали даже людьми и называли скотомъ („быдломъ“).

Еще большему угнетенію подвергался русскій народъ въ свободномъ исповѣданіи православія. Литовскій князь Ягайло, при вступленіи на польскій престолъ подъ именемъ Владислава II, измѣнивъ православію, обязался обратить подданныхъ своихъ, исповѣдывавшихъ греческую вѣру, въ латинство. Объявивъ римскій католицизмъ господствующею вѣрою на Литвѣ и въ западной Руси, онъ возвелъ жестокое гоненіе на православіе. Правда, съ появленіемъ въ началѣ XVI вѣка въ Польшѣ стремленіе къ протестантству, прекратилось гоненіе на православныхъ и даже явилось опасеніе за дальнѣйшія судьбы римскаго католицизма въ Польшѣ, какъ господствующей вѣры; но такая свобода вѣроисповѣданія продолжалась недолго. На тридентскомъ соборѣ, созванномъ въ 1543 году въ видахъ уничтоженія въ духовенствѣ злоупотребленій, обнаруженныхъ реформаціей, рѣшено возложить на іезуитовъ возстановленіе и упроченіе римскаго католицизма въ тѣхъ странахъ, гдѣ онъ былъ ослабленъ реформаціей. Появившіеся такимъ образомъ и въ Польшѣ послѣдователи Игнатія Лойолы, подавивъ съ варварскою жестокостью протестантское движеніе, принялись за православныхъ.

Впрочемъ, ни козни ловкихъ и хитрыхъ іезуитовъ, ни мечъ присланнаго въ Польшу римскаго нунція Коммендони, освященный папой на истребленіе православныхъ, ни наконецъ притѣсненія правительственныхъ властей не могли побороть въ народѣ исконной преданности его къ святой вѣрѣ православной. Тогда въ стремленіи подчинить во что бы то ни стало православныхъ римскому папѣ, іезуиты прибѣгли къ мѣрѣ, подобной той, какая такъ неудачно была принята во Флоренціи въ 1439 году, и на брестскомъ соборѣ 8 октября 1596 г. склонили западно-русское духовенство признать главенство папы. Хотя новоизмышленная вѣра, сохраняя церковные обряды восточной церкви, представляла собою съ внѣшней стороны прежнюю православную вѣру, тѣмъ не менѣе народъ отвергнулъ съ негодованіемъ унію и лишь съ теченіемъ времени, путемъ насилія и лишеній, при содѣйствіи помѣщичьей власти, унія была распространена почти на всемъ пространствѣ русской земли, подпавшей подъ владычество Польши. Въ одной лишь Малороссіи (правобережной Украинѣ) неистовство ревнителей латинской вѣры было встрѣчено сильнымъ отпоромъ. Извѣстны битвы, происходившія между поляками и казаками. Въ защиту православной вѣры выступилъ и самъ русскій царь Алексѣй Михайловичъ, войска котораго, въ соединеніи съ казаками, дѣйствовали въ кіевскомъ и подольскомъ воеводствахъ и Холмщинѣ.



Видъ Каменецъ-Подольска. Факсимиле изображенія, исполненнаго около 1672 года Купріаномъ Томашевичемъ.

Столѣтіе возсоединенія юго-западной Руси.

Къ тому же времени, времени ожесточенной борьбы за вѣру и народность, относится начало распаденія Польши. По предложенію знаменитаго гетмана запорожскихъ казаковъ Богдана Хмельницкаго, принятому переяславскою радою 8-го января 1654 г., часть Украины отдѣлилась отъ Польши и присягнула на подданство русскому царю, а въ силу перемирія, заключеннаго въ 1656 году Алексѣемъ Михайловичемъ съ Польшей, къ Россіи отошли части Малороссіи и Бѣлоруссіи. Въ слѣдующемъ году усиліями Хмельницкаго было достигнуто округленіе границъ Малороссіи, причемъ рѣка Днѣстръ въ Подоліи и рѣка

МЕЛЬХИСЕДЕКЪ ЗНАЧКО-ЯВОРСКІЙ,
архимандритъ Мотронинскаго монастыря.

Горынь на Волыни сдѣлались границами между Россіей и Польшей. Послѣ смерти Хмельницкаго (27-го іюня 1657 г.) на Украинѣ возникли смуты изъ-за гетманской булавы, а затѣмъ, вслѣдствіе несоблюденія поляками мирнаго договора, возобновилась вторая русская война съ Польшей, окончившаяся андрусовскимъ договоромъ 3-го января 1667 г. По этому договору Россія получила Заднѣпровскую Украину, Кіевъ и Смоленскъ, западная же часть Украины снова перешла къ Польшѣ.

Продолжительныя и частыя войны, возникшія въ защиту правъ русскаго народа въ Польшѣ, не измѣнили, однако, внутренній строй Речи Посполитой. По прежнему тамъ продолжались своеволія и безчинства шляхты и насильственное распространеніе римскаго католицизма. Преслѣдовались и православные, и лютеране, носившіе общее названіе „диссидентовъ“. Принадлежавшіе къ числу послѣднихъ дворяне на сеймахъ 1733 и 1736 гг. были лишены права занимать общественныя должности; у православныхъ отбирали церкви, не позволяя строить новыя и починять старыя, стѣсняли народъ въ отправленіи религіозныхъ требъ, запрещали открывать школы и т. п.

Такое положеніе не могло далѣе продолжаться. Русская императрица Екатерина II вошла въ соглашеніе съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ II и выступила въ защиту диссидентовъ. Вліяніе императрицы прежде всего выразилось въ томъ, что послѣ смерти короля Августа III (1763 г.) на польскій тронъ былъ избранъ любимецъ ея графъ Станиславъ-Августъ Понятовскій; когда же бѣлорусскій православный епископъ Георгій Конисскій (впослѣдствіи архіепископъ), прозванный „апостольскимъ трудникомъ“, обратился къ Екатеринѣ II съ жалобой на притѣсненія поляками православныхъ, русскій дворъ, чрезъ посредство своего резидента въ Варшавѣ, князя Н. В. Репнина, послѣ долгихъ настояній, добился того, что сеймъ особымъ трактатомъ 1768 г. предоставилъ православнымъ свободу исповѣданія вѣры, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ трактатомъ строго воспрещалось переходить изъ римской въ другую вѣру, что было равносильно запрещенію возвращаться изъ уніи въ православіе.

Несмотря на такой запретъ, въ средѣ подневольныхъ уніатовъ продолжалось движеніе къ возсоединенію съ православною церковью. Во главѣ этого движенія стояли знаменитые въ исторіи западно-русской церкви архіепископъ Георгій, упомянутый выше, переяславскій епископъ Гервасій Линцевскій и мотронинскій настоятель Мельхиседекъ Значко-Яворскій. Заключивъ послѣдняго въ монастырь, поляки силою и мученіями начали принуждать возсоединившихся покинуть православіе и снова принять унію.

Русское вліяніе въ Польшѣ и результаты договора 1768 года возбудили сильное недовольство среди польскихъ вельможъ. По наущенію католическихъ епископовъ, они образовали въ томъ же году въ подольскомъ городѣ Барѣ шляхетскій вооруженный союзъ или „конфедерацію“, съ цѣлью освободить родину отъ русскихъ войскъ, свергнуть съ престола Понятовскаго и отнять права у диссидентовъ. Четыре года продолжала существовать барская конфедерація, но наконецъ русскія войска разбили и уничтожили ее.

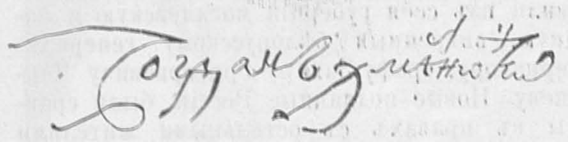
Между тѣмъ преслѣдованія православныхъ въ заднѣпровской Украинѣ продолжались съ прежнею жестокостью и неистовствомъ. Ободренные нахожденіемъ въ предѣлахъ Польши русскихъ войскъ, украинцы въ 1768 году возстали подъ предводительствомъ Максима Желѣзняка, который распространилъ слухъ о полученіи запорожцами отъ императрицы Екатерины II „Золотой грамоты“, повелѣвающей избивать поляковъ за притѣсненіе православныхъ. Затѣмъ Желѣзнякъ перебилъ евреевъ и поляковъ въ мѣстечкахъ Жаботинѣ и Лисянкѣ и, соединившись въ Умани съ казацкимъ отрядомъ сотника Гонты, вырѣзалъ почти всѣхъ жителей города, оставивъ въ исторіи память о такой дикой расправѣ подъ названіемъ „Уманской рѣзни“. Возстаніе быстро распространилось до Волыни и Бѣлоруссіи. Само русское правительство, не имѣя тогда въ виду производить раздѣлъ Польши, не пожелало дальнѣйшаго развитія движенія и по просьбѣ поляковъ приказало генералу, гр. М. Н. Кречетникову, усмирить гайдамацкое украинское возстаніе. Надъ гайдамаками польское правительство учредило въ Житомирѣ военный судъ, рѣшенія котораго приводились въ исполненіе въ м. Коднѣ. Признанныхъ по суду виновными укладывали на колодѣ надъ глубокой ямой, отрубали имъ головы и трупы бросали въ яму. Кромѣ того казнили посредствомъ повѣшенія. Въ Коднѣ было повѣшено 200, а въ Лысянкѣ 600 человѣкъ. Нѣкоторымъ обвиненнымъ обвивали руки соломой, обливали ихъ смолой, зажигали ее и въ такомъ видѣ водили несчастныхъ по улицамъ. Исполнителемъ приговоровъ былъ воевода Іосифъ Стемпковскій, который, окончивъ свои звѣрства, издалъ къ поселянамъ воззваніе: „Богъ, Создатель вселенной, распредѣляя людей по состояніямъ, поставилъ ихъ на извѣстныхъ ступеняхъ,— и васъ, подданные, создалъ для зависимости, не оставивъ въ васъ ничего, равнаго прочимъ, кромѣ души. Чего же вы заслуживаете за свои преступленія,— вы, все имущество которыхъ отдано во власть панамъ,—которые, кромѣ души своей, не имѣете ничего собственнаго?“ Такимъ образомъ представитель польской власти приравнивалъ русскій народъ къ скоту и отказывалъ ему въ правѣ на собственность и честь.

Въ то время, когда дѣятельности барской конфедераціи противопоставлялась русская военная сила, варшавскій сенатъ, признавъ участниковъ конфедераціи нарушителями порядка, обратился къ русской императрицѣ съ просьбою объ умиротвореніи государства. Екатерина II согласилась послать въ Польшу свои войска, но король и шляхта оказались на сторонѣ конфедератовъ. Тогда Россія вынуждена была склониться на давнишнія предложенія Пруссіи о раздѣленіи польскаго королевства и произвела 18-го сентября 1772 г. такъ называемый *первый раздѣлъ* Польши, къ которому примкнула и Австрія. Польша лишилась въ это время около 4.000 квадр. миль; изъ нихъ Австріи досталась Галиція, а Пруссіи Познань, Россія же получила часть Бѣлоруссіи съ 1,800,000 населеніемъ, именно воеводства мстиславское, могилевское, часть полоцкаго съ инфлянтами и часть минскаго. Раздѣлъ Польши былъ утвержденъ въ 1773 году сеймомъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ утвердилъ и трактатъ 1768 года.

Новоприсоединенныя къ Россіи области составили изъ себя губерніи могилевскую и полоцкую, ввѣренныя бѣлорусскому генералъ-губернатору, графу Захару Григорьевичу Чернышеву. Новые подданные Россіи были сравнены въ правахъ съ остальными жителями имперіи. Литовскій статутъ и магдебургское право были отмѣнены. Положено начало русскому въ краѣ землевладѣнію пожалованіемъ русскимъ дѣятелямъ земель изъ конфискованныхъ имѣній. Въ церковномъ отношеніи присоединенныя провинціи были раздѣлены между двумя епархіями — бѣлорусской и полоцкой, причемъ первая изъ нихъ ввѣрена была архіепископу Георгію Конисскому. Но съ переходомъ сего іерарха подъ власть Россіи оставшаяся подъ владычествомъ Польши часть Бѣлоруссіи лишилась православнаго архипастыря. Тогда русское правительство въ 1785 году настояло на учрежденіи въ Польшѣ православной епископіи въ качествѣ викаріатства кіевской митрополіи съ наименованіемъ ея переяславскою и бориспольскою; причемъ епископомъ былъ назначенъ слуцкій архимандритъ Викторъ Садковскій.

Положеніе жителей присоединенныхъ къ Россіи частей Польши пришло въ нормаль-

ВИКТОРЪ САДКОВСКІЙ, минскій православный епископъ.



БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ, гетманъ.

пое состояніе. Для упроченія свободы исповѣданія Екатерина II издала въ 1772 г. указъ, которымъ предписано „губернаторамъ псковскому и могилевскому крайнее наблюденіе имѣть, дабы католицкіе и уніатскіе епископы, каноники, приходскіе попы и всякаго званія ихъ духовные отнюдь не дерзали ни подъ какимъ видомъ ни тайно, ни явно преклонять и обращать православныхъ нашего греческаго исповѣданія въ другой законъ".

Въ совсѣмъ иномъ положеніи оказалось русское населеніе, оставшееся подъ владычествомъ Польши. Первый раздѣлъ Польши, не коснувшійся Подоліи и Волыни, привелъ православное населеніе этихъ областей въ сильное смущеніе. Обманутые въ своихъ надеждахъ и снова подвергшіеся польско-католическому давленію, жители воеводствъ кіевскаго, брацлавскаго, подольскаго и Волыни отправили, въ 1773 году, уполномоченныхъ къ русской императрицѣ съ просьбою потребовать отъ Польши отмѣны въ трактатѣ 1768 г. стѣснительныхъ для православныхъ ограниченій свободы совѣсти, съ тѣмъ, что если польское правительство не удовлетворитъ такого ходатайства, то они своимъ вѣрющимъ письмомъ даютъ уполномоченнымъ право „подать ихъ самодержавію россійскому подъ вѣчное защищеніе и подданство". Въ Кіевѣ, чрезъ который слѣдовали уполномоченные, русскія власти потребовали, однако, исключенія послѣдняго условія, и просители отправились въ русскую столицу лишь съ просьбою о защитѣ ихъ правъ на спокойствіе совѣсти.

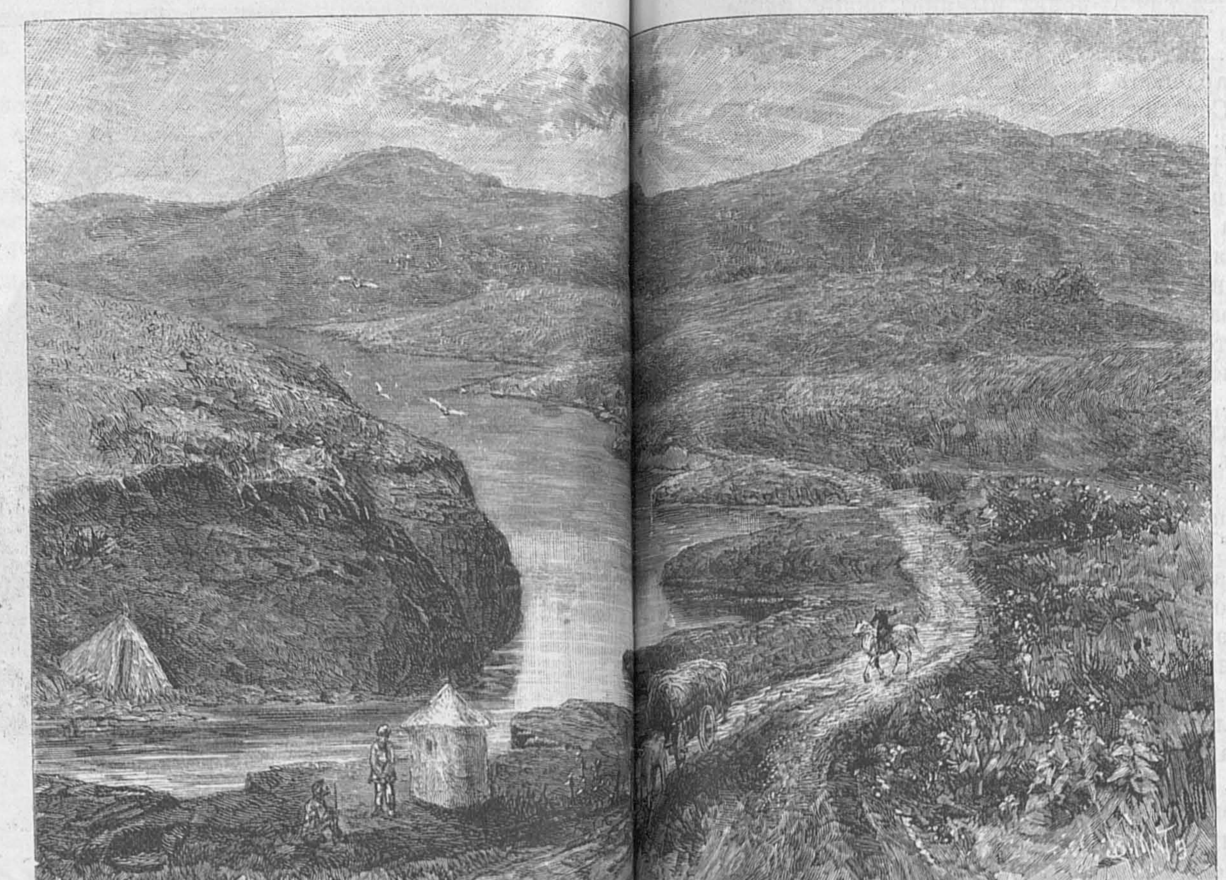
Съ другой стороны назначеніе православнаго епископа для русскихъ областей Польши произвело взрывъ негодованія между поляками, въ особенности когда епископъ Викторъ совершалъ объѣздъ своей епархіи и когда среди насильно совращенныхъ въ унію явилось движеніе къ возсоединенію съ православіемъ. Польское правительство приняло это за „народный бунтъ" и предписало всѣмъ выходцамъ изъ Россіи, торговцамъ и монахамъ удалиться изъ предѣловъ Польши, арестовало епископа Виктора, потребовало отъ народа всеобщей присяги, а для усмиренія возникшаго, вслѣдствіе такого требованія, волненія въ народѣ назначило особую коммиссію для наказанія виновныхъ. По приговору этой коммиссіи надъ православнымъ и уніатскимъ духовенствомъ и крестьянами совершались жестокія истязанія и казни.

Дабы предотвратить дальнѣйшее тяготѣніе своихъ подданныхъ русскаго происхожденія къ Россіи польскій сеймъ составилъ проектъ установленія въ Польшѣ народной церкви, подчиненной константинопольскому патріарху и состоящей изъ архіепископа и трехъ епископовъ, съ особымъ внутреннимъ устройствомъ, напоминавшимъ и протестантскія общины, и уніатскія конгрегаціи, и польскіе сеймы; причемъ предполагалось строго запретить народной церкви общеніе съ единовѣрною россійскою церковью. Въ то время Россія была занята войною съ Турціей. Пользуясь этимъ, поляки независимо отъ помянутаго проекта рѣшили вообще измѣнить свой образъ правленія, обезпеченный русскимъ правительствомъ, и освободиться отъ русскаго вліянія. Заключивъ въ 1788 году съ прусскимъ правительствомъ договоръ, по которому Польша получала помощь отъ Пруссіи и обѣщалась ни въ чемъ не слушаться Россіи, поляки открыли въ октябрѣ того же года сеймъ въ Варшавѣ и въ теченіе четырехъ лѣтъ выработали цѣлый рядъ внутреннихъ преобразованій своего государства, обнародовавъ 3 мая 1791 г. актъ, извѣстный подъ названіемъ „конституціи 3 мая". Этимъ актомъ въ Речи Посполитой возстановлялось наслѣдственное правленіе, уничтожалось право „liberum veto" и рѣшеніе дѣлъ на сеймѣ устанавливалось по большинству голосовъ, уравнивались сословныя права подданныхъ и проч. Но и въ этой конституціи не нашлось мѣста для дарованія народу свободы совѣсти, такъ какъ по этой конституціи римскій католицизмъ признавался господствующею вѣрою, а иновѣрцамъ давалась лишь частная, личная свобода въ предѣлахъ вѣротерпимости, безъ равноправности въ государственной средѣ.

Однако и по предмету установленія новаго внутренняго строя не было въ средѣ польскихъ вельможъ единомыслія. Въ то время, когда одни изъ нихъ устанавливали на сеймѣ конституцію 3 мая, другіе вельможи образовали тарговицкую вооруженную конфедерацію, которая обратилась къ сосѣднимъ правительствамъ съ жалобой на незаконность преобразованій четырехлѣтняго сейма и приглашала ихъ возстановить въ Польшѣ прежній порядокъ. Предъ русскимъ правительствомъ просьба эта возъимѣла свое дѣйствіе. Помимо того императрица Екатерина II не могла не считать себя обиженной вызывающимъ образомъ дѣйствій поляковъ, отмѣнившихъ русскія гарантіи прежняго образа правленія, и не пожелала допустить торжества свободныхъ французскихъ идей, положенныхъ въ основу конституціи 3 мая; заключивъ по этому въ январѣ 1792 г. миръ съ Турціей, Екатерина II вошла въ соглашеніе съ Пруссіей и приказала безотлагательно занять русскія области Польши, о чемъ русскій посолъ при варшавскомъ дворѣ, Булгаковъ, поспѣшилъ заявить польскому правительству. Двѣ русскія арміи, одна подъ начальствомъ гр. М. Н. Кречетникова, а другая — барона О. А. Игельстрома, вступили въ началѣ мая 1792 г. въ предѣлы Польши. Противъ нихъ поляки двинули свои войска подъ начальствомъ князя Іосифа Понятовскаго, племянника короля и полководца Тадеуша Костюшко, незадолго предъ тѣмъ прославившагося въ войскахъ Сѣверной Америки. Польская армія оказалась, однако, не дисциплинированной, а потому потерпѣла пораженіе. 22 декабря 1792 г. Екатерина II отправила новому русскому послу въ Варшавѣ, гр. Я. Е. Сиверсу, рескриптъ, рѣшавшій судьбу Польши. Исчисливъ въ немъ всѣ прегрѣшенія поляковъ, русская императрица заключала его словами: „сіи и многія другія уваженія рѣшили насъ на дѣло, которому началомъ и концомъ предполагаемъ избавить земли и грады, нѣкогда Россіи принадлежавшіе, единоплеменниками ея населенные и созданные и единую вѣру съ нами исповѣдующіе, отъ соблазна и угнетенія, имъ угрожающихъ".

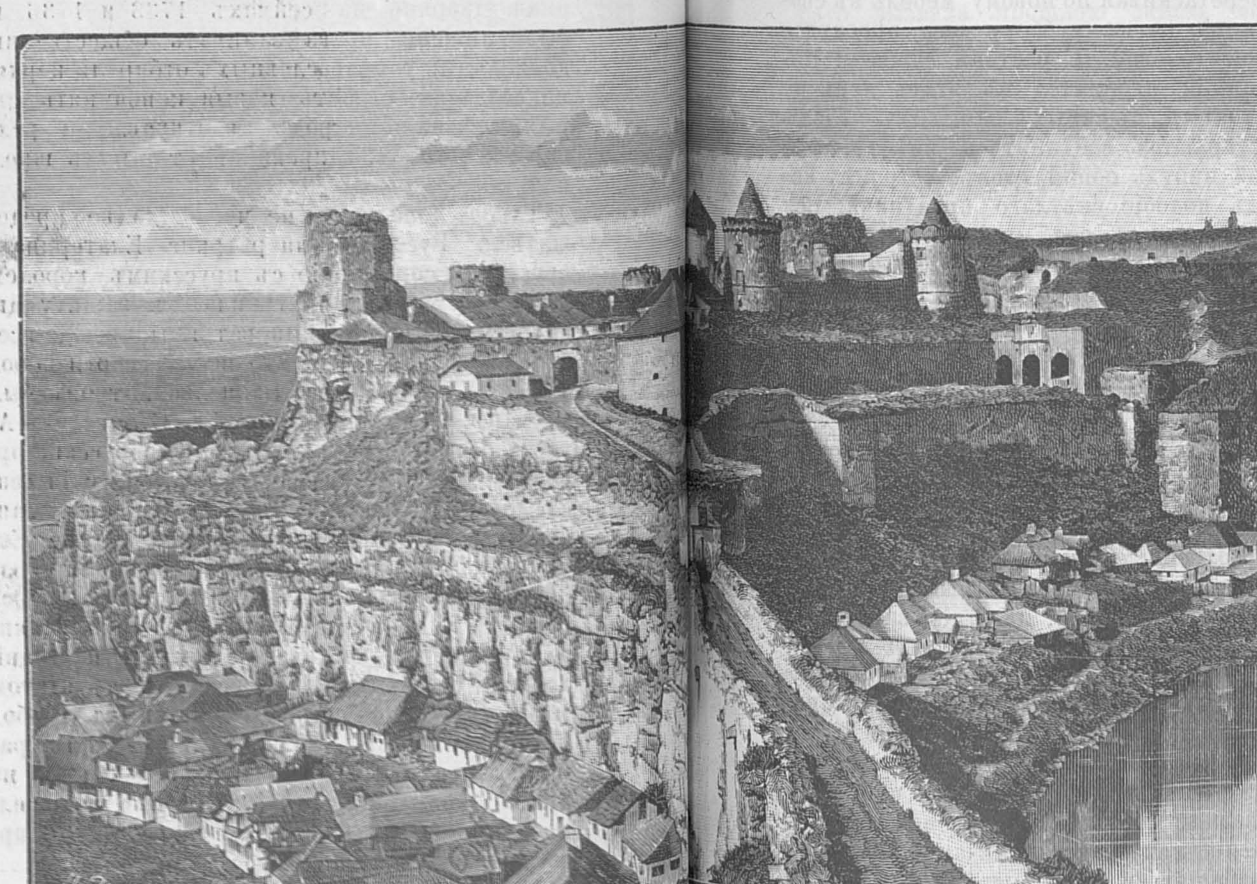
Возсоединеніе русскихъ областей съ Россіей началось съ Волыни. 27 марта 1793 г. были присоединены къ Россіи восточная часть Волыни по мѣстечко Катербургъ, кременецкаго уѣзда, и мѣстечко Варковичи, дубенскаго уѣзда, т. е. нынѣшніе уѣзды житомирскій, овручскій, новградволынскій, ровенскій, острожскій, староконстантиновскій, заславскій и восточныя части уѣздовъ дубенскаго, луцкаго и кременецкаго. Въ Подоліи генералъ Дерфельденъ, захвативъ польскую артиллерію въ Брацлавѣ, Красномъ и близъ Каменецъ-Подольска, обложилъ послѣдній городъ и 21 апрѣля 1793 г. безъ кровопролитія принудилъ гарнизонъ сдать городъ русскому войску. Въ сѣверо-западномъ краѣ русскіе заняли среднюю часть области по г. Двинскъ, Друю, Нарочъ, Дуброву, Минскъ, Несвижъ и Пинскъ, обнимающую нынѣшнюю минскую губернію и восточную часть виленской. Такимъ образомъ совершился *второй раздѣлъ* Польши, по которому Россія по-

Т. И. ТУТОЛМИНЪ, генералъ-аншефъ.

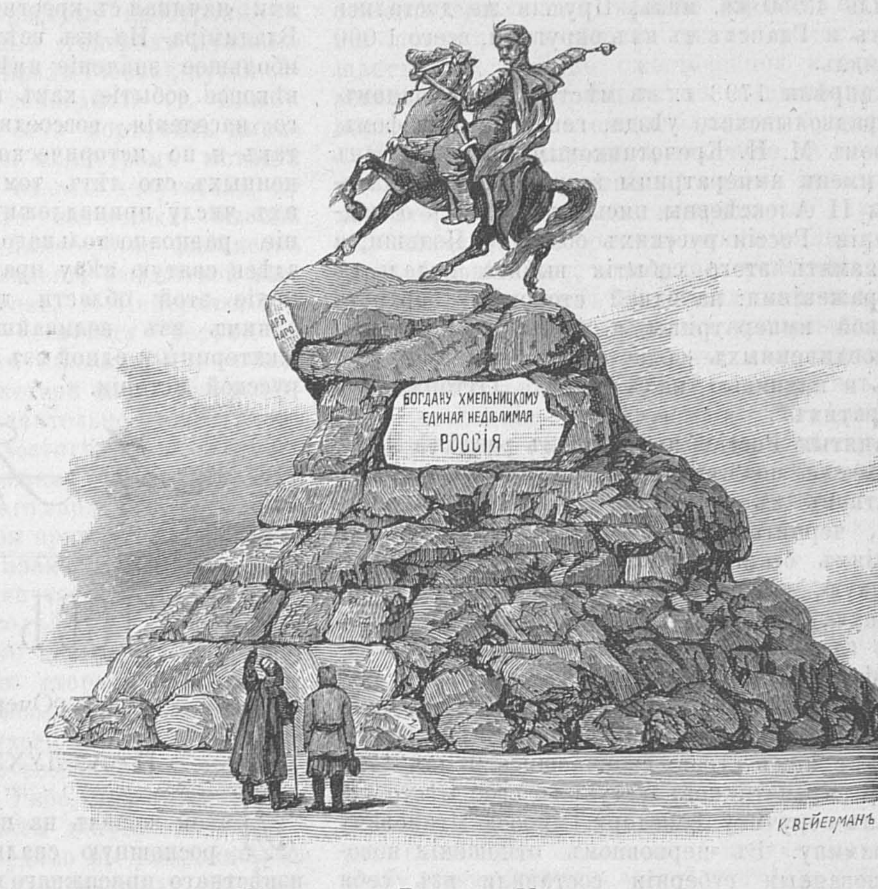


Мѣсто битвы Богдана Хмельницкаго съ поляками подъ м. Пилявой въ 1648 г.

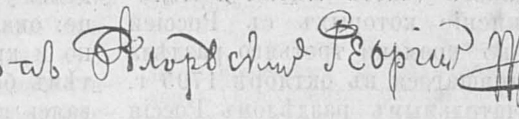
Бердышъ Богдана Хмельницкаго.



Каменецъ-подольская крѣпость въ 1693 году.



Памятникъ Богдану Хмельницкому.



ГЕОРГІЙ КОНИССКІЙ, архіепископъ могилевскій.

Столѣтіе возсоединенія юго-западной Руси.

лучила 4.550 кв. миль, Пруссіи же достались Торнъ и Гданскъ съ ихъ округами, всего 1.060 кв. миль.

7 апрѣля 1793 г. въ мѣстечкѣ Полонномъ, новградволынскаго уѣзда, генералъ-аншефомъ, графомъ М. Н. Кречетниковымъ, обнародованъ отъ имени императрицы всероссійской Екатерины II Алексѣевны письменный актъ о подчиненіи Россіи русскихъ областей Польши, а въ память этого событія выбита медаль съ изображеніями: на одной сторонѣ — портрета русской императрицы, а на другой — карты присоединенныхъ областей съ русскимъ гербомъ и надписью надъ нимъ: „Отторженная возвратихъ“.

Занятыя Россіей при второмъ раздѣлѣ Польши земли по отдѣленіи отъ нихъ смежныхъ участковъ къ полоцкой, могилевской, кіевской, черниговской и екатеринославской губерніямъ были раздѣлены на три губерніи: минскую, изяславскую (волынскую) и брацлавскую, составившія одно намѣстничество подъ главенствомъ генералъ-губернатора графа Михаила Никитича Кречетникова. Но ему не пришлось потрудиться надъ образованіемъ губерній и введеніемъ новаго административнаго въ нихъ строя: скончавшись 9 мая 1793 г., гр. Кречетниковъ уступилъ свое мѣсто генералъ-поручику, сенатору Тимоѳею Ивановичу Тутолмину. Въ церковномъ отношеніи новообразованныя губерніи составили изъ себя особую минскую епархію, на которую былъ назначенъ вышедшій недавно изъ польскаго заточенія преосвященный Викторъ (Садковскій) съ возведеніемъ его въ санъ архіепископа.

Русская императрица признала вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ потребовать отъ сейма формальной уступки областей, отошедшихъ отъ Польши по второму раздѣлу, и дала гр. Сиверсу соотвѣтственное порученіе. Собравшійся въ г. Гродно чрезвычайный сеймъ долго колебался высказаться рѣшительно по этому предмету и лишь уступая настояніямъ русскаго уполномоченнаго утвердилъ договоръ объ уступкѣ земель, отошедшихъ къ Россіи; но сеймъ положительно отказался вступить въ такой же договоръ съ Пруссіей, къ которой отошли коренныя польскія земли. Тогда прусскій посолъ началъ грозить открытіемъ военныхъ дѣйствій, а гр. Сиверсъ, желая оказать ему содѣйствіе, арестовалъ и выслалъ изъ Гродны четырехъ особенно упорныхъ депутатовъ. Однако ни угрозы, ни арестъ и высылка депутатовъ пользы не принесли, и сеймъ рѣшилъ отмолчаться отъ нежелательной уступки земель. Произошло, такъ сказать, нѣмое засѣданіе: сеймъ выслушивалъ напоминанія о договорѣ съ Пруссіей, но не произносилъ ни одного слова. Наконецъ депутатамъ было объявлено, что ихъ не выпустятъ изъ залы, пока не получится отъ нихъ прямой отвѣтъ. Просидѣвъ молча цѣлую ночь, депутаты въ 3 часа утра уступили требованіямъ, хотя уступку обставили выраженіемъ протеста противъ оказаннаго сейму насилія.

Благопріятныя условія, въ которыхъ оказались русскіе жители областей, присоединенныхъ къ Россіи по первому и второму раздѣламъ Польши, выразились главнымъ образомъ въ освобожденіи уніатовъ и православныхъ отъ католическаго давленія. Первые массами двинулись къ возсоединенію съ православіемъ, а послѣдніе получили свободу въ отправленіи своей религіозной жизни. Къ сожалѣнію общегосударственные интересы Россіи не позволили коснуться крѣпостной зависимости русскихъ крестьянъ отъ пановъ-помѣщиковъ, находившихся въ свою очередь подъ вліяніемъ латинскаго духовенства, хотя подъ русскимъ скипетромъ, конечно, не могло уже проявляться тѣхъ жестокостей, какія претерпѣвали русскіе крестьяне отъ пановъ подъ владычествомъ Польши.

Послѣ втораго раздѣла польскаго королевства въ его предѣлахъ остались еще нѣкоторыя русскія области (часть Литвы и Холмщина), возсоединеніе которыхъ съ Россіей относится уже ко времени третьяго раздѣла Польши, совершившагося въ октябрѣ 1795 г. Съ этимъ окончательнымъ раздѣломъ Россія достигла тѣхъ историческихъ границъ, которыя были намѣчены первыми русскими князьями, начиная съ крестителя русской земли св. Владиміра. Но изъ всѣхъ трехъ раздѣловъ наибольшее значеніе имѣетъ празднуемое нынѣ вѣковое событіе, какъ по численности русскаго населенія, возсоединившагося съ Россіей, такъ и по историческому значенію присоединенныхъ сто лѣтъ тому назадъ областей; къ ихъ числу принадлежитъ древнѣйшее достояніе равноапостольнаго князя, насадившаго здѣсь святую вѣру православную, и возсоединеніе этой области должно быть признано однимъ изъ величайшихъ дѣяній великой Екатерины и одной изъ важнѣйшихъ страницъ русской исторіи.

М. Городецкій.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

Очеркъ

Н. А. ЛУХМАНОВОЙ

Лакей вошелъ на цыпочкахъ въ большую роскошную спальню своего господина, извѣстнаго присяжнаго повѣреннаго Гаврилова, немало нашумѣвшаго когда-то въ Петербургѣ своими рѣчами. Былъ 11-й часъ утра, и, повинуясь приказанію, лакей раздвинулъ обѣ тяжелыя шелковыя портьеры на окнахъ и, подойдя къ кровати спавшаго адвоката, какъ-то насмѣшливо и глупо покосился на стоявшую рядомъ пустую кровать. Не успѣлъ онъ дотронуться до руки Павла Петровича Гаврилова, какъ тотъ открылъ глаза и секунду безсмысленно уставилъ ихъ на человѣка. Дѣйствительно появленіе лакея въ „супружеской спальнѣ“ было явленіемъ новымъ, но тутъ же сознаніе, пробужденное какимъ-то внутреннимъ толчкомъ, шепнуло ему, что „ея“ нѣтъ и не будетъ больше и что онъ одинъ и полный хозяинъ этой комнаты. Онъ радостно вскочилъ, приказалъ человѣку приготовлять себѣ завтракъ и чай, и самъ въ полнѣйшемъ дезабилье, закуривъ папиросу, сталъ пробѣгать кипу лежащихъ на ночномъ столикѣ газетъ. Да, вотъ это всѣ его самыя невинныя привычки, за которыя приходилось ему вести цѣлую борьбу съ бывшей его супругой, Натальей Николаевной, то есть не то, чтобы съ бывшей, она и теперь еще была его законнѣйшая жена, но со вчерашняго дня они разошлись по согласію и она уѣхала къ своей матери. Уѣхала и увезла съ собою Катю, эту маленькую дочурку Катю, которая, какъ котенокъ, возилась здѣсь въ спальнѣ цѣлые часы. Катю очень жаль, у ней былъ такой пухлый ротикъ, она такъ звонко кричала „папа, мой папа!“ какъ только бывало завидитъ его, но очевидно, что безъ жены ему нельзя было оставить у себя и Катю, да притомъ жена и не отдала бы ее. Что Наталья Николаевна была прекрасная мать — съ этимъ онъ согласенъ, но какъ жена... о, какъ жена это была несноснѣйшая жена въ мірѣ! Что ей за дѣло до того, что Павелъ Петровичъ любитъ вставать поздно и опаздываетъ въ судъ или что въ назначенный день клиенты иногда напрасно ждутъ его часа по два въ пріемной. Что ей за дѣло, что онъ любитъ курить какъ только проснется, что любитъ читать газеты раньше, чѣмъ одѣнется, что къ обѣду онъ часто или не пріѣзжаетъ совсѣмъ или привозитъ съ собою неожиданно неограниченное количество гостей. Всякая другая женщина, на столько обезпеченная мужемъ, какъ она, покорилась бы всѣмъ этимъ мелочамъ, а она ворчала, пилила и довела наконецъ его до того, что онъ первый предложилъ разрывъ.

Слова „довольно, ты мнѣ надоѣла, разойдемся“ ударили ее, казалось, въ самое сердце: она побѣлѣла, длинныя рѣсницы ее странно и крупно дрогнули нѣсколько разъ, и затѣмъ безъ слезъ, безъ звука она не оглядываясь вышла изъ этой комнаты, и черезъ часъ во всей квартирѣ стало тихо, тихо, какъ на кладбищѣ. Наталья Николаевна уѣхала съ Катей, не взявъ буквально ничего изъ дома, но онъ, желая разъ навсегда покончить этотъ вопросъ, послалъ ей вечеромъ весь ея и катинъ гардеробъ и всѣ ихъ личныя мелкія вещи. Сегодня онъ чувствуетъ страшное облегченіе; ему 35 лѣтъ, онъ красивъ, здоровье его желѣзное, средства болѣе чѣмъ хорошія — и ему показалось, что счастливѣе его никого нѣтъ на свѣтѣ. Какой сегодня день? спросилъ онъ себя, четвергъ Страстной недѣли вспомнилъ онъ. Да, передъ самымъ праздникомъ такая ссора... это нехорошо и непріятно, а впрочемъ, что тутъ подѣлаешь. Лакей внесъ ему на подносѣ стаканъ чаю и жареную баранью котлету. Читая газеты и письма, онъ разсѣянно ѣлъ и запивалъ чаемъ и вдругъ, потянувшись за какою-то бумагою, зацѣпилъ рукавомъ за ложечку и полстакана горячей влаги опрокинулъ себѣ на колѣни. „О, чортъ возьми!“ вскричалъ онъ отъ боли и злости. „Наташа вѣчно вынимала изъ моего стакана эту высокую ложку, и я вѣчно сердился на нее за это, а теперь оказалось, что она хорошо знала мою разсѣянность“, и, вспоминая эту мелочную заботливость о немъ, онъ взглянулъ на пустую кровать, и бѣлое покрывало, накинутое на всю кровать поверхъ подушекъ, почему-то показалось ему саваномъ, и сердце его сжалось. „Съ непривычки“! проговорилъ онъ громко и, позвонивъ лакея, велѣлъ подать себѣ одѣваться. Черезъ часъ онъ ѣхалъ по Невскому и отъ нечего дѣлать поглядывалъ на общую предпраздничную суету, на озабоченныя и веселыя лица, сновавшія по Гостиному Двору и магазинамъ. „А мнѣ не для кого покупать и некому теперь дарить“!

Въ это время черезъ улицу переходила какая-то дама, ведя за руку крошечную прелестную дѣвочку, которая радостными, большими глазами глядѣла на связки покупокъ, которыя дама держала въ другой рукѣ.

Катя! чуть не крикнулъ Гавриловъ, и сердце забилось, заколотило въ груди. Да, это была Катя съ какою-то чужою дамой; ее вѣрно послали гулять и накупать себѣ игрушекъ, пока мать плакала и не въ силахъ была еще заниматься ею.

Гавриловъ заѣхалъ къ двумъ-тремъ товарищамъ и вездѣ почувствовалъ себя лишнимъ. Вездѣ убирали, чистили, хлопотали, всѣмъ было не до него. У него даже языкъ не повернулся сказать о своемъ семейномъ событіи. Онъ обѣдалъ одинъ среди громадной столовой сельскохозяйственнаго клуба — на удивленіе всѣмъ лакеямъ, не привыкшимъ, чтобъ въ эти послѣдніе дни кто либо пріѣзжалъ туда. Вечеромъ онъ читалъ, занялся дѣлами. Пятницу провелъ тоже кое-какъ одинъ, устанавливая и перетаскивая по новому мебель въ своемъ кабинетѣ, но въ субботу онъ проснулся съ тяжелой головой. Страстная суббота! Послѣдній нищій стремится въ этотъ день не быть одинокимъ, въ самыхъ забытыхъ углахъ и тамъ стараются соединиться вмѣстѣ, сдѣлать какой нибудь общій столъ, устроить какое нибудь подобіе свѣтлаго праздника. Вся грусть окружающей его пустоты, вся тоска одиночества, весь ужасъ невозвратно и навсегда потеряннаго семейнаго очага стали вдругъ представляться ему. Развѣ онъ не любилъ Наташу? А ихъ свадьба, та первая незабвенная минута, когда онъ впервые наединѣ держалъ ее въ своихъ объятіяхъ, когда такъ искренно, такъ страстно прижалъ онъ ее всю къ своему сердцу, когда онъ чувствовалъ всѣмъ существомъ своимъ, что эта женщина отдана ему не только церковью, родными, но и такою любовью, которой хватитъ на весь вѣкъ. Три года они прожили счастливо; жена не казалась ему ни капризной, ни требовательной, но на четвертый годъ небывалый успѣхъ въ дѣлахъ, какая-то шальная погоня за легкимъ удовольствіемъ, подтруниваніе товарищей, что онъ подъ башмакомъ, измѣнили мало по малу всю его жизнь.

Вотъ уже цѣлый почти годъ, какъ онъ сталъ дома небреженъ, требователенъ, нетерпѣливъ въ отношеніи малѣйшаго замѣчанія жены, онъ сталъ возвращаться домой нерѣдко только по утрамъ, и, наконецъ, послѣ какой-то самой незначительной ссоры, у него вырвались эти роковыя слова, раздѣлившія ихъ навсегда.

Въ 11 часовъ ночи Гавриловъ автоматически, точно гонимый какой-то силой, вышелъ изъ дому и направился бродить около церквей. Онъ побывалъ въ Казанскомъ, Исаакіевскомъ и еще въ какомъ-то соборѣ, и, когда услышалъ, наконецъ, густой звукъ колоколовъ, возвѣщавшихъ Воскресеніе Христово, когда услышалъ ликующіе звуки „Христосъ воскресе!“ онъ вышелъ и безсознательно направился къ тому дому, гдѣ пріютилась теперь его жена.

Когда онъ подходилъ къ подъѣзду, онъ почти задыхался, по лицу его безпрестанно катились слезы; переходя черезъ улицу, онъ наткнулся на какую-то женщину, которая крикнула ему: „экъ нализался въ такую ночь, а еще баринъ!“ Быстро пройдя мимо швейцара, онъ вбѣжалъ во второй этажъ, дернулъ звонокъ и какъ былъ — въ пальто, въ шляпѣ на головѣ, — отстранивъ пораженную горничную, прошелъ въ столовую.

За большимъ столомъ, уставленнымъ куличами и пасхою, сидѣла его жена вся въ бѣломъ и, закрывъ лицо руками, тихо плакала. На большомъ креслѣ, вся въ кружевахъ, сіяющая и розовая, сидѣла трехлѣтняя Катя съ громаднымъ яйцомъ въ рукахъ; за нею стояла бабушка, всѣми силами отвлекая вниманіе малютки отъ плачущей матери.

— Христосъ воскресе! могъ только произнести Гавриловъ.

И жена его, протянувъ къ нему руки, вся блѣдная, дрожа могла только прошептать ему въ отвѣтъ: „воистину воскресъ Онъ!“

Политика

29 марта (10 апрѣля) 1893 г.

Начало праздниковъ Пасхи ознаменовалось у насъ въ нынѣшнемъ году назначеніемъ на вакантную уже нѣсколько мѣсяцевъ должность управляющаго министерствомъ государственныхъ имуществъ тайнаго совѣтника А. С. Ермолова, состоявшаго передъ тѣмъ товарищемъ министра финансовъ. По слухамъ, ходившимъ еще прежде этого назначенія, и по отзывамъ о немъ нашей ежедневной печати можно заключить, что А. С. Ермолову предстоитъ на его новомъ посту дѣятельность, предвѣщающая болѣе широкое, чѣмъ до сихъ поръ, участіе государства въ жизненномъ дѣлѣ развитія нашей земледѣльческой производительности, всѣми сознанная необходимость котораго вызвала прошлою зимою настойчивые слухи о предстоящемъ будто бы учрежденіи самостоятельнаго министерства земледѣлія. Во главѣ министерства государственныхъ имуществъ поставленъ нынѣ человѣкъ, вся служебная дѣятельность котораго запечатлѣна особо-внимательнымъ отношеніемъ къ вопросамъ русскаго земледѣлія и который въ то же время имѣлъ возможность близко ознакомиться съ положеніемъ нашихъ финансовъ. Совершенно понятно, что все это, взятое вмѣстѣ, возбуждаетъ самыя лучшія надежды и ожиданія.

На западѣ Европы конецъ пасхальной недѣли, совпавшей въ нынѣшнемъ году съ нашею Страстною седмицею, отличался довольно непривычнымъ оживленіемъ. Совершенно исключительныя обстоятельства сократили до послѣдней возможности обычную на Пасхѣ пріостановку политической жизни нѣкоторыхъ изъ западныхъ государствъ.

Праздники Пасхи застали Францію, какъ уже извѣстно читателямъ, въ полномъ разгарѣ министерскаго кризиса. Въ настоящую минуту кризисъ этотъ уже кончился. Послѣ нѣсколькихъ дней колебанія и неудававшихся сначала попытокъ президенту третьей французской республики удалось, наконецъ, найти человѣка, согласившагося взять на себя трудную задачу образованія новаго министерства. Человѣкомъ этимъ оказался бывшій министръ народнаго просвѣщенія, г. Дюпюи. Онъ составилъ новый кабинетъ, въ составъ котораго вмѣстѣ съ нимъ вошли, сохраняя занимаемыя ими мѣста, прежніе министры: иностранныхъ дѣлъ (г. Девелль), военный (генералъ Луазильонъ), морской (вице-адмиралъ Ріенье), путей сообщенія (г. Віеттъ) и земледѣлія (г. Виже). Самъ г. Дюпюи взялъ себѣ портфейль министра внутреннихъ дѣлъ; министромъ юстиціи былъ назначенъ членъ палаты депутатовъ, до сихъ поръ очень мало извѣстный, бывшій адвокатъ, г. Геренъ; министерство финансовъ досталось бывшему президенту бюджетной коммиссіи палаты депутатовъ, г. Пейтралю, министерство торговли — депутату Терръе, а министерство народнаго просвѣщенія — бывшему докладчику бюджетной коммиссіи, г. Пуанкаре, человѣку сравнительно еще очень молодому, только что достигшему 30-лѣтняго возраста, но уже успѣвшему пріобрѣсти себѣ репутацію замѣчательнаго парламентскаго дѣльца. Всѣ новые министры принадлежатъ исключительно къ тѣмъ группамъ республиканскаго большинства палаты депутатовъ, которыя безусловно отвергаютъ содѣйствіе умѣренныхъ республиканцевъ лѣваго центра и консерваторовъ, перешедшихъ на сторону республики. Совершенно понятно послѣ этого, почему довольно значительная часть парижской печати относится къ нему не особенно дружелюбно. Паденіе министерства Рибо, вызванное разногласіемъ сената и палаты депутатовъ по бюджетному вопросу, возбудило въ умѣренно-республиканскихъ фракціяхъ надежду, что президентъ республики окажется вынужденнымъ прибѣгнуть къ ихъ содѣйствію. Надежда эта не осуществилась. Республиканцы лѣвой стороны еще разъ ухитрились обойтись безъ содѣйствія лѣваго центра и перешедшихъ на сторону республики консерваторовъ. Министерство г. Дюпюи состоитъ почти исключительно изъ такъ называемыхъ „умѣренныхъ радикаловъ“, не расположенныхъ уступать требованіямъ умѣренныхъ республиканцевъ, и католиковъ, примирившихся съ республикой.

Впрочемъ новый кабинетъ весьма откровенно заявилъ съ самаго начала, что онъ не задается никакими широкими задачами и принялъ власть исключительно съ цѣлью добиться въ нынѣшнемъ же мѣсяцѣ окончательнаго утвержденія бюджета на 1893 годъ. При этомъ онъ далъ весьма ясно понять палатѣ депутатовъ, что въ его программу вовсе не входитъ ея досрочное распущеніе и что поэтому на него не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на министерство, взявшее на себя руководство досрочными общими выборами. Министерская декларація была признана палатами довольно безцвѣтною, но тѣмъ не менѣе депутаты и сенаторы временно ею удовольствовались и разошлись на весеннія вакаціи до 13 (25) апрѣля, совпадающіяся съ открытіемъ сессіи генеральныхъ совѣтовъ, во время которой члены обѣихъ палатъ уѣзжаютъ въ свои департаменты для участія въ этой сессіи и для свиданія съ избирателями. Такимъ образомъ министерству Дюпюи обезпечена возможность нѣсколько оглядѣться и приготовиться къ дальнѣйшимъ событіямъ.

Въ Англіи парламентская сессія возобновилась съ четверга прошлой недѣли. Не теряя ни одной минуты времени, въ самый же день этого возобновленія Гладстонъ потребовалъ отъ палаты общинъ втораго чтенія его ирландскаго билля и произнесъ при этомъ рѣчь, настойчиво указывавшую на неотложную необходимость покончить какъ можно скорѣе съ ирландскимъ вопросомъ, предоставивъ ему первенство передъ всѣми остальными, стоящими на очереди, законодательными вопросами. Послѣ такого начала слѣдуетъ ожидать очень оживленныхъ и длинныхъ преній, на которыхъ консервативно-уніанистская оппозиція употребитъ всѣ свои усилія для того, чтобы „провалить“ ирландскій билль. Гладстонъ однако же располагаетъ въ палатѣ общинъ большинствомъ, которое онъ сумѣлъ такъ ловко дисциплинировать, что вышеупомянутый билль будетъ по всей вѣроятности принятъ во второмъ чтеніи, послѣ чего уже не будетъ возможности ожидать, чтобы онъ не былъ окончательно принятъ палатою въ третьемъ и послѣднемъ чтеніи. Дальнѣйшей задержки дѣла, которое маститый либеральный премьеръ признаетъ вѣнцомъ своего политическаго поприща, можно ожидать только отъ палаты лордовъ, но зато эта предстоящая борьба двухъ палатъ обѣщаетъ быть крайне ожесточенною и окончательной побѣды ирландскимъ націоналистамъ нельзя ожидать въ очень близкомъ будущемъ.

Изъ Сербіи напротивъ получено за послѣдніе дни нѣсколько извѣстій очень серьезнаго характера. Радикальное меньшинство скупщины, почти равное по численности ея либеральному большинству, отказалось участвовать въ засѣданіяхъ и этимъ разстроило всѣ надежды либераловъ, разсчитывавшихъ воспользоваться своимъ перевѣсомъ голосовъ для признанія недѣйствительными избраній многихъ изъ членовъ оппозиціи. Въ скупщинѣ безъ участія радикаловъ не будетъ числа членовъ, требуемаго конституціей для повѣрки выборовъ, и либеральному министерству не остается другого выхода, кромѣ распущенія.

Состязаніе велосипедистовъ-любителей

Интересное и довольно рѣдкое въ Петербургѣ состязаніе велосипедистовъ-любителей (concours cyclique) происходило въ Михайловскомъ манежѣ въ пятницу, 19-го марта. Оно было устроено обществомъ поощренія всѣхъ видовъ охоты. До сихъ поръ подобныя состязанія велосипедистовъ устраивались у насъ только въ Царскомъ Селѣ да и то въ размѣрахъ болѣе чѣмъ скромныхъ. Бѣлокаменная столица въ этомъ отношеніи далеко опередила нашу невскую столицу. Въ Москвѣ общество велосипеднаго спорта имѣетъ свой циклодромъ и число членовъ своихъ считаетъ чуть не тысячами. На состязаніи 19 марта публика собралась въ очень значительномъ числѣ и преимущественно самая фешенебельная, причемъ было много высокопоставленныхъ лицъ. Большинство записавшихся на это состязаніе принадлежитъ къ царскосельскому циклодрому. Всѣхъ состязаній было семь; побѣдители награждались болѣе или менѣе цѣнными вещами и жетонами. Первое состязаніе гитовое, дистанція $1^1/_2$ версты. Изъ трехъ соперниковъ, записавшихся на этотъ заѣздъ, первый призъ взялъ М. М. Рѣпинскій, прошедшій дистанцію въ 2 минуты $58^3/_5$ секунды. Вторымъ былъ А. А. Кольманъ, отставшій на 7 сек.; такъ какъ въ правилахъ велосипеднаго спорта флага не полагается, то г. Кольману выдали второй призъ.

Второй заѣздъ по рѣзвости не представлялъ интереса, хотя въ немъ участвовало цѣлыхъ десять спортсменовъ; здѣсь первымъ былъ В. І. Козловскій — 3 мин. 39 сек. — и вторымъ С. Н. Салько — 3 мин. 54 сек.

Состязаніе за нумеромъ третьимъ происходило на фигуры на велосипедахъ двухъ типовъ. Здѣсь отличились Э. А. Матье и А. К. Тонъ, весьма чисто продѣлавшіе рядъ произвольныхъ фигуръ; особенно удалось имъ такъ называемое „Звено“ (совмѣстная ѣзда); остальныя фигуры касались не столько управленія велосипедомъ, сколько гимнастическихъ эволюцій, производимыхъ спортсменами во время ѣзды. Внѣ конкурса здѣсь былъ данъ призъ мальчику Маркову, выказавшему много умѣнья въ управленіи велосипедомъ. Крупный интересъ представлялъ слѣдующій заѣздъ на полторы версты съ препятствіями. Препятствіями были: доска-качель, кегли, бревно, заборъ и хворостъ. Записались трое: Д. Е. Булахъ, А. Ѳ. Целибѣевъ и Н. П. Черемисиновъ. Первое препятствіе всѣ брали весьма легко, но въ кегляхъ одинъ спортсменъ позапутался и даже сбилъ кегль. Бревно легче всѣхъ взялъ г. Целибѣевъ, но у забора его нагнали остальные, въ особенности Черемисиновъ, который легко бы могъ завладѣть первымъ призомъ, еслибы не растерялся, беря заборъ. Хворостъ всѣ проѣхали отлично. Первый призъ выданъ г. Целибѣеву, второй — г. Черемисинову. Пятый заѣздъ на 3 версты. Первый призъ, цѣнная вещь и золотой жетонъ; записано было 7 человѣкъ. Наибольшую скорость показалъ М. И. Дьяковъ и А. А. Кольманъ, получившій 2-й призъ. Въ слѣдующемъ—6-мъ— заѣздѣ на двѣ версты побѣдителемъ вышелъ И. К. Штретеръ—1-й призъ и Н. П. Черемисиновъ — 2-й призъ; г. Маркезетти на 2-й верстѣ сошелъ съ круга. Курьезное, вызывавшее смѣхъ въ публикѣ, было состязаніе на тихій ходъ. Дистанцію въ 30 саженъ всѣхъ лучше прошелъ Э. А. Матье въ 3 мин. 20 сек. Вторымъ былъ А. Ѳ. Целибѣевъ; г. Тумило-Денисовичъ на первой же сажени былъ лишенъ права продолжать состязаніе за неправильную ѣзду. Послѣднимъ былъ заѣздъ на $7^1/_2$ верстъ. Повелъ ѣзду г. Черемисиновъ и весьма рѣзво, но скоро усталъ и былъ обойденъ М. М. Рѣпинскимъ, который далеко бросилъ соперниковъ и на послѣдней верстѣ обошелъ ихъ на цѣлый кругъ, совершивъ дистанцію въ 19 мин. 16 сек. За второй призъ боролись гг. Черемисиновъ и Лѣсниковъ, идя все время почти ровно, но у звонка послѣдній выдвинулся „на шею“ и получилъ второй призъ. По окончаніи состязанія происходила раздача призовъ, и всѣ велосипедисты числомъ 32 сдѣлали общій выѣздъ на арену. Судьями конкурса были на стартѣ: гг. А. Г. Ильинъ и М. В. Максимовъ, у звонка: М. А. Усовъ и Москвинъ; слѣдили за временемъ П. Марковъ, Дюпперонъ и Сандерсъ. Состязанія окончились въ шестомъ часу вечера.

Алиса Барби

На этотъ разъ я не хочу давать никакихъ біографическихъ свѣдѣній, сообщать время и мѣсто рожденія Алисы Барби, обозначать школу, гдѣ она училась, городъ, гдѣ выступила впервые, словомъ всѣ тѣ пустыя свѣдѣнія, которыми такъ легко заполнить строки, требуемыя какъ сопровожденіе къ портрету. Родилась ли Барби въ Болоньѣ или Флоренціи, училась ли она у своего отца или у Ванучини, была ли она любимицею аристократическихъ салоновъ прежде чѣмъ выступила на публичную эстраду — не все ли въ сущности равно для читателей и для оцѣнки пѣвицы? Таланта, интеллигентности и энергіи пѣвицѣ эти указанія не прибавятъ и не убавятъ; самые же важные элементы въ карьерѣ артиста составляютъ именно эти качества.

Да, даже не голосъ, потому что голосомъ г-жа Барби никогда не отличалась, въ особенности по сравненію съ пѣвцами и пѣвицами, выходящими съ ея родины. Еслибы у нея не было умa образованнаго и развитаго, ей никогда не удалось бы обратить на себя и части того вниманія, которое теперь посвящаетъ ей музыкальная Европа. На родинѣ Барби, въ Италіи, карьера концертной пѣвицы имѣетъ столько же значенія, сколько и у насъ, т. е. никакого. Итальянцы любятъ и понимаютъ пѣніе лучше, чѣмъ остальная европейская публика, но любятъ пѣніе только сценическое; для концертовъ публики въ Италіи находится мало, и во всякомъ случаѣ не эта публика можетъ составить репутацію пѣвца. Чтобы привлечь на себя вниманіе въ странѣ, гдѣ поютъ едва ли не въ каждомъ домѣ, гдѣ модные романсы и аріи распространяются съ неимовѣрною быстротою по всему полуострову, едва они только выйдутъ въ Миланѣ, концертной пѣвицѣ надо обладать умомъ и особеннымъ вкусомъ. Вѣроятно эти качества не встрѣчаются часто, если г-жа Барби могла имѣть такой большой успѣхъ даже на своей взыскательной родинѣ.

АЛИСА БАРБИ, концертная пѣвица.

Чѣмъ же она покорила своихъ земляковъ прежде, чѣмъ увлекла меломановъ другихъ странъ Европы?

Исключительно — репертуаромъ, т. е. именно тою стороною своей дѣятельности, для которой требуются сообразительность и знаніе. Она поняла, что на романсахъ Тоста, Ротоли и к°, распѣваемыхъ всѣми, далеко не уѣдешь, и обратилась къ репертуару, для большинства, неизвѣстному.

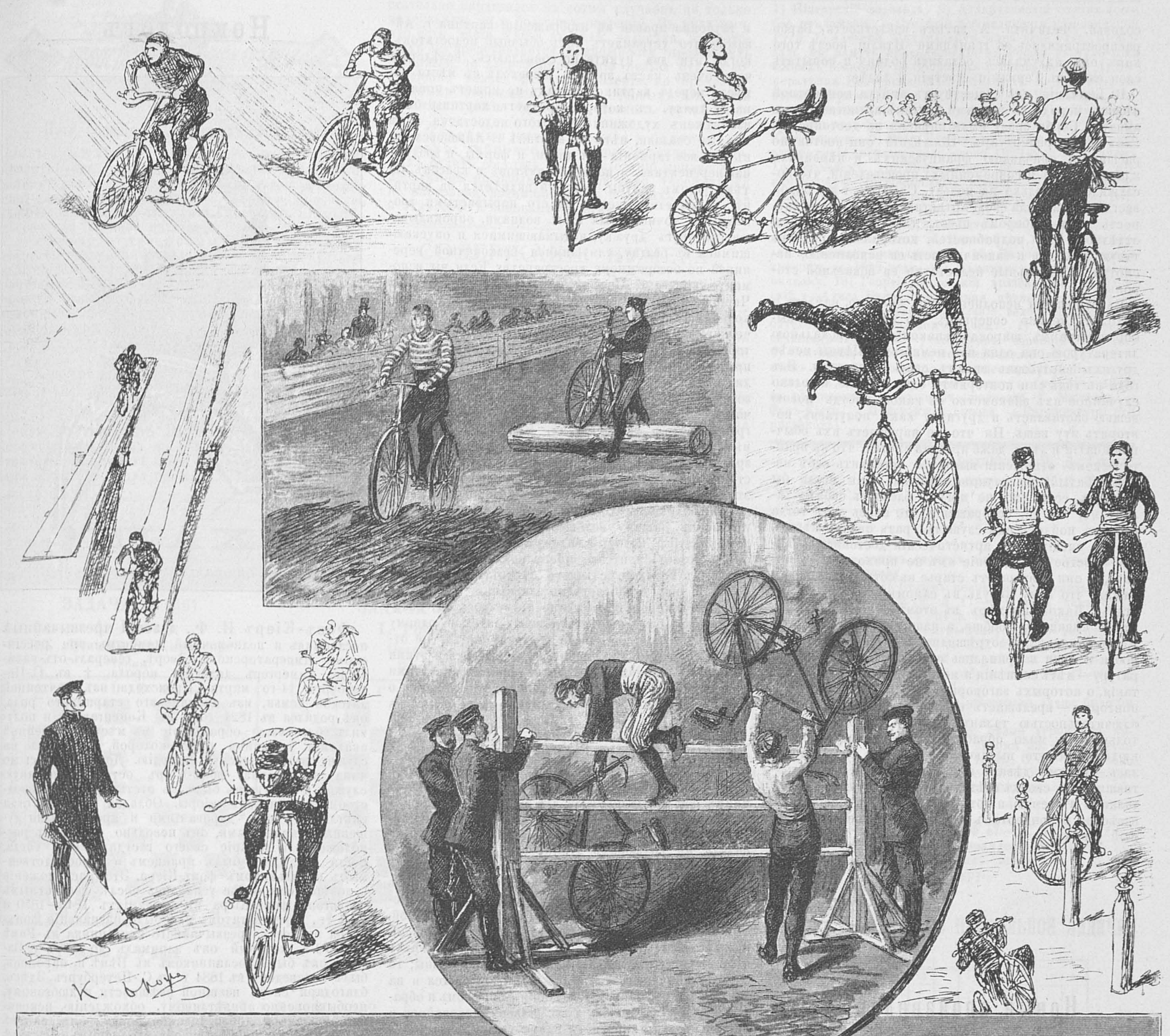
Она вспомнила объ интересныхъ вещахъ, которыя можетъ представить давно забытая вокальная литература XVII и XVIII вѣковъ, и смѣло принялась изучать ее. Ознакомившись съ нею, усвоивъ ея духъ, уяснивши себѣ ея манеру, найдя въ ней хорошія вещи, артистка воскресила цѣлую эпоху. Рядъ забытыхъ произведеній предсталъ предъ слушателемъ, пресытившимся дребеденью нашихъ дней, которой обыкновенно его угощаютъ. Подъ простыми, иногда наивными, формами прошлой эпохи неожиданно для многихъ оказалось столько искренняго, свѣтлаго и яснаго для всѣхъ чувства, что никто, у кого было сколько нибудь сердца и чутья, не могъ отрѣшиться отъ испытываемыхъ имъ чаръ.

Старая музыка помогла Барби пробить стѣны старыхъ дворцовъ, въ салонахъ которыхъ она сперва выступала; ея имя разнеслось по всему полуострову, и вездѣ, куда оно достигало, Барби была желанною гостьею, вездѣ хотѣли слушать старыя пѣсни, не вѣря сначала въ ихъ привлекательность и увлекаясь ими послѣ того какъ слушали ихъ въ исполненіи талантливой и умной женщины. Подобныя чары испытывалъ въ извѣстномъ разсказѣ Элизы Полько лейпцигскій магистръ Леопольдъ Гетцъ, слушая пѣніе залетѣвшаго къ нему итальянскаго

Группа велосипедистовъ-любителей, участниковъ concours cyclique.

Спортъ въ С.-Петербургѣ. — Первое состязаніе велосипедистовъ-любителей въ Михайловскомъ манежѣ.

Съ фотографіи К. К. Булла.



Спортъ въ С.-Петербургѣ. — Первое состязаніе велосипедистовъ-любителей въ Михайловскомъ манежѣ 19-го марта с. г.

Съ натуры рисовалъ для »Всемірной Иллюстраціи« К. О. Брожъ.

соловья, Феличита. А затѣмъ извѣстность Барби распространилась за границами Италіи, послѣ того какъ она надумалась оставить родину и попытать свои силы въ Германіи, Австріи и далѣе.

Въ Германіи, гдѣ существуетъ амплуа концертной пѣвицы наряду со всякимъ другимъ артистическимъ амплуа, Барби сразу была оцѣнена по достоинству, какъ и ея репертуаръ. Послѣдній она постоянно расширяла прибавкою французскихъ и нѣмецкихъ классическихъ и современныхъ произведеній, что послужило ей только на пользу. Словомъ, г-жа Барби всегда доказывала свою артистическую интеллигентность какъ выборомъ пьесъ, такъ и тщательною отдѣлкою ихъ подробностей, которая и придаетъ такую прелесть и законченность ея исполненію, несмотря на отдѣльные недостатки ея вокальной стороны.

Въ отношеніи исполненія она, конечно, найдетъ и находитъ немало соперницъ, но относительно выбора программъ, широкаго знакомства съ вокальною литературою она одна изъ немногихъ. Пѣвцы менѣе другихъ виртуозовъ знаютъ свою литературу. Изъ года въ годъ они повторяютъ одно и то же, и только случайное ихъ знакомство съ какою нибудь новою вещью заставляетъ и другихъ, какъ попугаевъ, повторять эту вещь. Ни что не нарушаетъ ихъ обычной апатіи и лѣни, даже простая сметка, что въ практическомъ отношеніи выгоднѣе составить себѣ менѣе избитый репертуаръ, которымъ они могли бы блеснуть, если ужъ не могутъ блеснуть своимъ талантомъ, что ли, соображеніе, что авось хоть тогда публика пойдетъ ихъ слушать, разъ она не вѣритъ въ ихъ спеціальныя артистическія достоинства. Такое простое соображеніе имъ не приходитъ въ голову, и они повторяютъ старье въ сотый разъ, воображая, что кому нибудь въ самомъ дѣлѣ нужно это старье. Какой примѣръ въ этомъ отношеніи даетъ Барби пѣвицамъ вообще, а нашимъ въ особенности! Еслибы послѣднія отрѣшились отъ своей беззаботности и лѣни и принялись изучать вокальную литературу — нѣтъ сомнѣнія и между ними встрѣтились бы такія, о которыхъ заговорила Европа. Вѣдь Барби — повторяю — прельщаетъ не красотою голоса, не исключительностью таланта. Голосъ ея заурядный и только что мило обработанный, и талантъ ея отнюдь не что-то выдающееся. Но она не уподобилась глупымъ дѣвамъ и лѣнивому рабу, не позаботившимся о своихъ свѣтильникахъ и зарывшему свой талантъ въ землю, и вотъ почему имя ея теперь такъ извѣстно и концертамъ ея обезпеченъ повсюду полный успѣхъ.

М. Ивановъ.

Новыя произведенія И. К. Айвазовскаго

Нашъ маститый маринистъ снова заставилъ о себѣ говорить петербургскую публику, выставивъ въ Николаевскомъ дворцѣ нѣсколько новыхъ своихъ картинъ, только что написанныхъ и привезенныхъ имъ изъ Америки. Дѣло въ томъ, что И. К. Айвазовскій побывалъ нынѣшней зимой въ Америкѣ, видѣлъ Ніагарскій водопадъ, набрался художественныхъ впечатлѣній во время переѣзда по Атлантическому океану, и результатомъ этого оказались новыя высоко-даровитыя произведенія, образовавшія его послѣднюю выставку. Трудно себѣ представить то чарующее впечатлѣніе, которое производила на публику эта выставка. На ней было всего пять произведеній маститаго мариниста: двѣ большія картины — „Ніагарскій водопадъ“ и „Атлантическій океанъ“ — и три маленькія, изъ которыхъ одна изображала тотъ же Ніагарскій водопадъ, только взятый съ другой стороны, а другая — общій видъ съ моря на Нью-Іоркъ.

По нашему мнѣнію „Атлантическій океанъ“ — истинное художественное торжество г. Айвазовскаго; это — цѣлое откровеніе по силѣ поэтическаго чувства и „возвышеннаго“. Художникъ изобразилъ намъ океанъ во всемъ его грозномъ величіи, и пунктъ наблюденія онъ выбралъ чудесно — смотрѣть на океанъ съ палубы парохода. Передъ зрителемъ на первомъ планѣ справа виднѣется небольшой уголъ палубы; нѣсколько пассажировъ, мужчинъ и дамъ, въ лонгшезахъ, развалившись лѣниво, смотрятъ на океанъ; матросы суетятся; видна часть мачты. Художникъ съ своимъ мольбертомъ, очевидно, находится на той части палубы, которая скрыта отъ зрителя, но которая какъ разъ находится въ томъ мѣстѣ, гдѣ и зритель. Такимъ образомъ пунктъ, съ котораго смотритъ художникъ, и пунктъ, съ котораго смотритъ зритель, находятся въ одной точкѣ. Отсюда необыкновенная ясность впечатлѣнія и глубокая правда въ изображеніи: картина г. Айвазовскаго устраняетъ тотъ обычный недостатокъ, когда эти два пункта не совпадаютъ, вслѣдствіе чего очень часто зритель, переходя съ мѣста на мѣсто передъ картиной, никакъ не можетъ попасть на ту точку, съ которой предметъ картины былъ изображенъ художникомъ. Этого недостатка, какъ мы уже сказали, нѣтъ въ картинѣ г. Айвазовскаго: въ ней все гармонія — и линіи, и формы, и воздушная перспектива, и переливъ цвѣтовъ и красокъ. За тѣмъ угломъ палубы, который виднѣется на картинѣ, начинается океанъ съ его порывистыми громадными, точно цѣлыя горы, волнами, опрокидывающими другъ дружку, подымающимися и опускающимися въ бездну, тянущимися безконечной вереницей по безбрежному пространству. Если вы вспомните картины г. Айвазовскаго, гдѣ онъ изображаетъ Черное море, то увидите большую разницу между колоритомъ Чернаго моря и колоритомъ Атлантическаго океана. Атлантическій океанъ не поражаетъ той фантасмагоріи красокъ, которая всегда почти присуща Черному морю и которая по временамъ утомляетъ своей пестротой. Напротивъ, океанъ г. Айвазовскаго мраченъ, теменъ по своему колориту, отчасти даже однообразенъ, но зато необыкновенно грандіозенъ и величественъ. Несмотря на громадныя волны, которыя, точно горы, подвигаются на зрителя, — горизонтъ не скрытъ, за ними чувствуется безконечная даль океана, и благодаря всему этому получается то ощущеніе, которое мы называемъ величіемъ. Одно можно было бы поставить въ упрекъ нашему великому маринисту: этотъ уголокъ палубы, который виденъ на картинѣ; правда, онъ помогаетъ зрителю оріентироваться въ выборѣ мѣста, съ котораго слѣдуетъ смотрѣть на картину, но зато онъ ослабляетъ въ извѣстной степени то величіе, которое несомнѣнно получилось бы, еслибы картина была посвящена исключительно одному океану и еслибы вниманіе зрителя частью не отвлекалось этими мужчинами въ пиджакахъ и этими дамами въ шляпахъ, безучастно посматривающими на безбрежный океанъ и, вѣроятно, мечтающими о томъ, какъ они будутъ веселиться на выставкѣ въ Чикаго.

Къ счастію, другая картина г. Айвазовскаго — „Ніагарскій водопадъ“ — не имѣетъ этого недостатка; тутъ зритель предоставленъ самому себѣ, онъ наединѣ съ природой, и если мы къ тому же вспомнимъ, какая это природа, то, конечно, догадаемся, какъ велико впечатлѣніе, получаемое отъ нея въ художественной передачѣ г. Айвазовскаго. Кто не видалъ въ гравюрахъ Ніагарскаго водопада? Что говорить — Ніагарскій водопадъ и въ гравюрахъ хорошъ, но только на картинѣ г. Айвазовскаго онъ пріобрѣтаетъ свое истинное значеніе, значеніе необычайнаго величія и какой-то грозной, страшной, влекущей къ себѣ красоты. Вода сплошной массой низвергается съ огромной высоты, образуя внизу цѣлое море бушующихъ волнъ, брызговъ, пѣны; то же безграничное пространство воды виднѣется и на верхней площади, которая своимъ обрывомъ и образуетъ водопадъ, только тутъ, наверху, спокойное и мирное теченіе придаетъ какую-то торжественную важность самому водопаду. Точка зрѣнія, выбранная художникомъ, очевидно, находится на нѣкоторомъ разстояніи отъ водопада и значительно подъ нимъ. Вѣроятно художникъ имѣлъ въ виду какую нибудь возвышенность, дѣйствительно существующую въ окрестностяхъ водопада. Вслѣдствіе этого картина изображаетъ не только водопадъ, но и весь широкій красивый ландшафтъ, въ центрѣ котораго находится водопадъ.

Извѣстно, что г. Айвазовскій — одинъ изъ великихъ поэтовъ моря. Онъ стоитъ во главѣ той школы живописи, къ сожалѣнію, все болѣе и болѣе отступающей у насъ на второй планъ, которая имѣетъ въ виду и цѣлью не простую, вседневную правду, какъ понимаютъ ее наши реалисты, но красоту, красоту въ гармоніи линій, формъ и цвѣтовъ. Поэтому и правда, изображаемая художникомъ, пріобрѣтаетъ значеніе идеала и является высшей поэзіей, поэзіей въ живописи, т. е. въ пластическихъ формахъ. Наши реалисты, къ сожалѣнію, не признаютъ этого значенія красоты; они ищутъ только правды, голой правды, а такъ какъ голая правда всегда некрасива, всегда вульгарна и по временамъ отталкиваетъ своими подробностями, то и ихъ произведенія лишены той высшей правды, которая сливается съ красотой и образуетъ цѣлое, которое мы называемъ художественнымъ идеаломъ. Изъ нашихъ пейзажистовъ одинъ только г. Айвазовскій въ полномъ совершенствѣ представляетъ идеалъ правды, преображенной въ красотѣ. Вотъ почему его произведенія даютъ высшее художественное впечатлѣніе, остающееся какъ нѣчто свѣтлое и завѣтное въ душѣ и сердцѣ каждаго зрителя.

В. Чуйко.

Некрологъ

Фонъ-Кіеръ И. Ф., датскій чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при россійскомъ Императорскомъ Дворѣ, генералъ-отъ-кавалеріи, камергеръ датскаго короля, † въ С.-Петербургѣ 14-го марта. Происходя изъ почтенной датской семьи, изъ дворянскаго стариннаго рода, онъ родился въ 1824 году въ Копенгагенѣ и получилъ блестящее образованіе въ мѣстной военной академіи, окончивъ курсъ которой, поступилъ на службу въ королевскую гвардію. Дослужившись до чина полковника, фонъ-Кіеръ оставилъ военную службу и выпущенъ былъ въ отставку съ производствомъ въ генералъ-маіоры. Обладая уже и тогда свѣтлымъ умомъ, дарованіями и прекрасными душевными качествами, онъ невольно пріобрѣлъ расположеніе и довѣріе своего государя еще тогда, когда послѣдній былъ принцемъ и непосредственнымъ начальникомъ фонъ-Кіера. Это расположеніе и довѣріе еще болѣе усилились послѣ доблестныхъ подвиговъ фонъ-Кіера въ кампаніяхъ 1848—1850 и 1864 гг., и результатомъ ихъ было назначеніе фонъ-Кіера на постъ чрезвычайнаго посланника въ Римѣ въ 1872 г., который онъ занималъ до 1880 г. Затѣмъ онъ былъ посланникомъ въ Вѣнѣ и, наконецъ, былъ переведенъ въ 1884 г. въ С.-Петербургъ. Здѣсь, благодаря своей изящной внѣшности и любезному, необыкновенно привѣтливому, обхожденію, искренней, сердечной добротѣ, скромности, онъ, занявъ видное положеніе въ высшемъ столичномъ обществѣ и въ дипломатическомъ корпусѣ, пріобрѣлъ всеобщія любовь и уваженіе. Его главною особенностью, какъ дипломата, было постоянное миролюбивое направленіе въ политикѣ.

Фонъ-Бодунгенъ Густавъ Карловичъ, докторъ медицины, ст. сов., бывшій директоръ, а затѣмъ врачъ образцоваго пріюта барона Штиглица, спеціалистъ по акушерству и женскимъ и дѣтскимъ болѣзнямъ, † въ Спб. 24-го марта, 72 лѣтъ.

Лазовскій Викторъ Станиславовичъ, членъ костромскаго окружнаго суда, свѣдущій юристъ, † въ Москвѣ 16-го марта, 35 лѣтъ. Онъ — воспитанникъ лицея Цесаревича Николая и московскаго университета, курсъ котораго окончилъ въ 1880 г. по юридическому факультету кандидатомъ правъ. Его перу принадлежитъ много статей юридическаго содержанія и, между прочимъ, статья, появившаяся года три тому назадъ — „Отношеніе прокурорскаго надзора къ слѣдственной части“.

Мельгуновъ Юлій Николаевичъ, даровитый музыкальный дѣятель и педагогъ, хорошій піанистъ, составитель извѣстнаго сборника русскихъ пѣсень, † въ Москвѣ 19-го марта. Онъ состоялъ преподавателемъ музыки въ московскомъ Николаевскомъ женскомъ училищѣ. Его сборникъ представляетъ довольно цѣнный вкладъ въ литературу нашихъ народныхъ пѣсень не столько собраннымъ въ немъ матеріаломъ, сколько новизной теоріи, предложенной имъ для обработки народныхъ пѣсень. Къ сожалѣнію, теоріи Мельгунова не были достаточно систематизированы, чтобы оказать серьезное вліяніе на лицъ, изучающихъ народныя пѣсни.

Красновъ Даніилъ Васильевичъ, отставной генералъ-лейтенантъ, донецъ-герой, участвовавшій, начиная съ начала сороковыхъ годовъ, въ четырехъ кампаніяхъ и 42-хъ дѣлахъ и сраженіяхъ и получившій много ранъ, † въ Новочеркасскѣ 14-го марта. Красновъ былъ единственный изъ донскихъ генераловъ, получившій за войну 1877—1878 гг. орденъ св. Георгія 3-й степени.

НОВОСТИ НАУКИ И ЦИВИЛИЗАЦІИ

Пути сообщенія, телеграфъ, телефонъ

— Новый каналъ въ Европѣ. Французъ Руссе проектируетъ каналъ, соединяющій Средиземное море съ океаномъ. Необходимость и польза подобнаго канала очевидна съ точки зрѣнія національной защиты и торговли, такъ какъ Гибралтаръ слишкомъ тѣсенъ для большой навигаціи.

— Развитіе телефонныхъ сѣтей. Министерство внутреннихъ дѣлъ вошло въ государственный совѣтъ съ представленіемъ объ ассигнованіи въ настоящемъ — 1893 — году ста тысячъ рублей на развитіе существующихъ нынѣ двадцати двухъ телефонныхъ сѣтей, считая примѣрно по пяти тысячъ рублей на каждую сѣть.

Медицина и гигіена

— Хирургическія операціи безъ наркоза. Д-ръ Карлъ-Людвигъ Шлейхъ изобрѣлъ способъ производить безболѣзненныя хирургическія операціи не прибѣгая къ наркозу. Способъ этотъ состоитъ въ томъ, что оперируемое мѣсто путемъ впрыскиванія эѳира и кокаина дѣлается нечувствительнымъ, послѣ чего операція производится безъ всякой боли для паціента. Методъ этотъ блистательно оправдался въ сотнѣ случаевъ не только маленькихъ, но и большихъ операцій. Въ виду того, что есть такія мѣста въ тѣлѣ человѣка, въ которыхъ не представляется возможности производить анестэзію, то хлороформированіе нельзя будетъ совершенно изъять изъ употребленія, но продолжительныхъ наркозовъ, нерѣдко опасныхъ для жизни человѣка, можно будетъ во всякомъ случаѣ избѣжать.

— Походныя гигіеническія и бактеріологическія лабораторіи, главное назначеніе которыхъ будетъ состоять въ изслѣдованіи припасовъ и продуктовъ, потребляемыхъ войсками, учреждаются въ настоящее время при всѣхъ военныхъ корпусахъ и отдѣльныхъ воинскихъ частяхъ.

СОДЕРЖАНІЕ НУМЕРА

Текстъ.

Рисунки.

За редактора **Э. Д. Гоппе.**
Издательница **А. П. Гоппе.**

ШАХМАТЫ

подъ редакціей **А. П. Шишкина**

ЗАДАЧА № 1561

A. Havasi

Изъ „Deutsche Schachzeitung“

Черные

Бѣлые

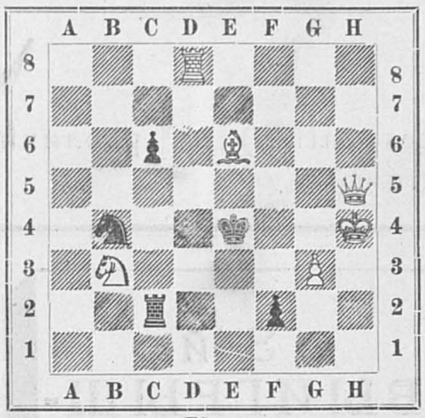
Матъ въ 3 хода.

ЗАДАЧА № 1562

I. Pospisil

Оттуда же.

Черные



Бѣлые

Матъ въ 2 хода.

ПАРТІЯ № 1032

Играна въ Ригѣ 2-го марта 1893 года.

Шотландская партія

	А. Ашаринъ Бѣлые	Е. Шаллоппъ Черные						
1.	e2—e4	e7—e5	11.	c2—c4 *c*)	К d5—b4	21.	Ф d4—h8†	Кр g8—f7
2.	К g1—f3	К b8—c6	12.	С d3—e2	Л e8 : e5	22.	С g4—d1!	d7—d5 *e*)
3.	d2—d4	e5 : d4	13.	a2—a3	К b4—a6	23.	c5 : d6	c7 : d6
4.	К f3 : d4	К g8—f6	14.	b2—b4	С e5—f8	24.	С d1—b3	d6—d5
5.	К d4 : c6	b7 : c6	15.	С c1—b2	Л e5—e8	25.	К d2—f3	Кр f7—e8
6.	С f1—d3	С f8—c5	16.	Ф d1—d4	f7—f6	26.	Л f1—e1	К a6—c7
7.	0—0	0—0	17.	С e2—f3	Л e8—e6	27.	С b2—f6	Ф e7—d7 *f*)
8.	e4—e5	К f6—d5	18.	c4—c5	Ф d8—e7 *d*)	28.	К f3—g5	Черные сдались.
9.	Ф d1—h5	g7—g6 *a*)	19.	К b1—d2	С c8—b7			
10.	Ф h5—d1 *b*)	Л f8—e8	20.	С f3—g4	f6—f5			

Примѣчанія къ партіи

a) На 9... f7—f5 послѣдовало бы 10. e5 : f6 и затѣмъ 11. С d3 : h7† и т. д. или (если 10... g7—g6?) 11. С d3 : g6, такъ какъ черные не могутъ брать пѣшки f6 конемъ: 10... К d5 : f6; 11. Ф h5 : c5. Если же 9... h7—h6, то бѣлые могутъ жертвовать сл на: 10. С c1 : h6 и если 10... g7 : h6; 11. Ф h5 : h6, f7—f5, то или 12. Ф h6—g6† и 13. С d3 : f5, пріобрѣтая за слона три пѣшки и сильное положеніе, или 12. e5 : f6 и если 12... К d5 : f6, то 13. Ф h6—g5† и 14. Ф g5 : c5, если же 12... Л f8 : f6 (12... Л f8 f7; 13. С d3—g6 и т. д.), то 13. Ф h6—h7†, Кр g8—f8; 14. Ф h7—h8†, Кр f8—e7; 15. Л f1—e1† (или сразу 15. Ф h8—g7† и 16. К b1—d2!), Л f6—e6; 16. Ф h8—g7†, Кр e7—d6 (16... Кр e7—e8?; 17. С d3—g6×); 17. К b1—d2 и бѣлые, угрожая 18. К d2—c4×, имѣютъ выигрышное положеніе.

b) Ходомъ 9. Ф d1—h5 бѣлые вызвали 9... g7—g6 для того, чтобы впослѣдствіи, занявъ слономъ діагональ ah, пріобрѣсти атаку.

c) Бѣлымъ невыгодно защищать пѣшку ладьей (п. Л f1—e1), такъ какъ тогда 12. Ф d8—h4 и черные пріобрѣтаютъ хорошую контръ-атаку; если, напримѣръ, 12. g2—g3, то 12... Ф h4—d4; 13. Л e1—e2 (13. Ф e1—e2 или f3, d7—d6 и т. д.), Л e8 : e5 и если 14. c2—c3, то 14... Ф d4—g4.

d) Вѣроятно, нѣсколько лучше было бы 18... С f8—g7.

e) Необходимо: бѣлые угрожаютъ выиграть качество ходомъ 23. d1—b3; если 22... Кр f7—e8, то 23. С d1—b3 и если 23... Л e6—e2, то 24. С b2—f6, выигрывая ферзя, если же 23... d7—d5; 24. c5 : d6, Л e6 : d6, то 25. Л f1—e1 и выигрываютъ.

f) Если 27... Ф e7—d6, то 28. С f6—e5 и черные принуждены жертвовать качество, такъ какъ иначе 29. С e5 : c7, выигрывая фигуру.

РѢШ. ЗАДАЧЪ въ №№ 1241 и 1242

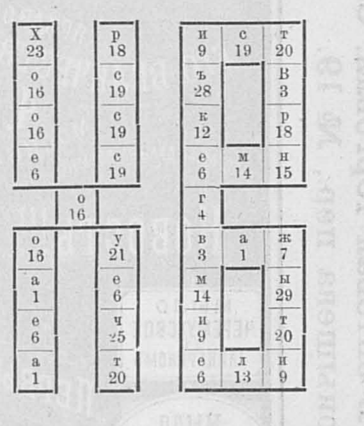
1517. *A. Mackenzie.* 1. Ф c7—c1. Кр d4 : e5; 2. Ф c1—f4† и 3. К e1—d3× или 3. Ф f4—f5×. (*Вар. a*) 1... К f1—d2; 2. К e1—f3† и 3. Ф c1 : d2×. (*Вар. b*) 1... b3—b2; 2. Ф c1 : b2† и 3. К e1—d3×. (*Вар. c*) 1... f6 : e5; 2. Ф c1—c4!† и 3. К d6—b5×. (*Вар d*) 1... f6—f5; 2. С f8—g7 и 3. e5—e6×.

1518. *E. Halliwel.* 1. Л g6—f6 и если 1... Л f5 или Л b5∞, то 2. К e8 : f6×, 2. Л g6—d6× или 2. Ф g4—e6 или : f5×; если же 1... К d2—f5 или ∞, то 2. Ф g4—g8×, 2. c3—c4× или 2. e2—e4×.

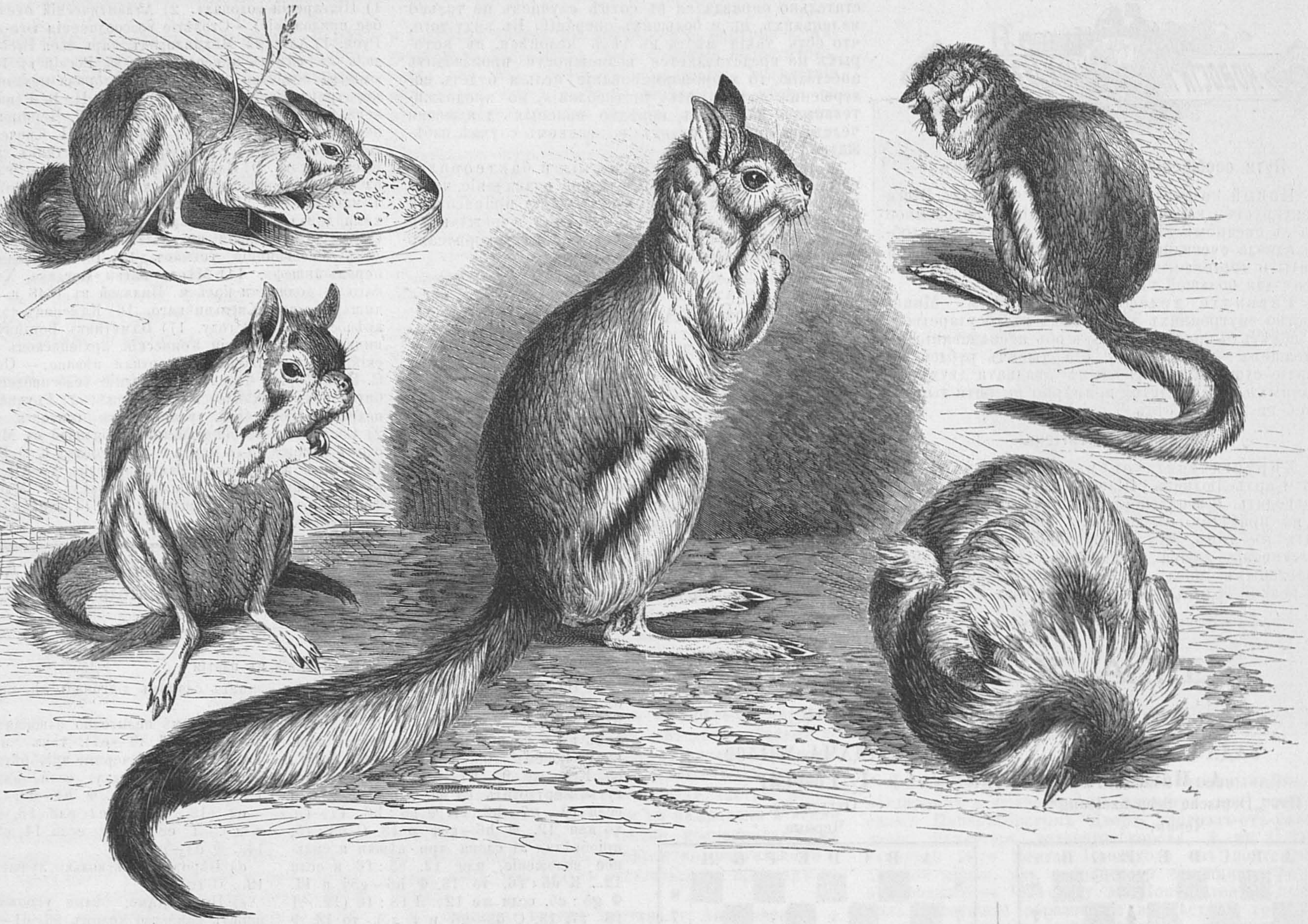
Вѣрное рѣшеніе этой задачи прислалъ В. Векентьевъ (въ Кіевѣ).

1519. *I. Kotre.* 1. К h2—f1! (угрожая 2. b3—b4† и 3. К f1—d2×), К g3 : f1; 2. Л b8—b4! и 3. Ф d8—d4, f8 или b6×. (*Вар. a*) 1... К g3—e4; 2. Ф d1—d3 и 3. b3—b4×. (*Вар. b*) 1... С g2 : f1; 2. Ф d8—e7† и 3. Л b8—d8×. (*Вар. c*) 1... С g2—d5; 2. Ф d8—e7† и 3. Ф e7—e3×.

Рѣшеніе пасхальной задачи



Христосъ воскресе! многоуважаемые читатели.



Изъ міра животныхъ. — Заяцъ-прыгунъ (Pedetes caffer) въ различныхъ положеніяхъ.

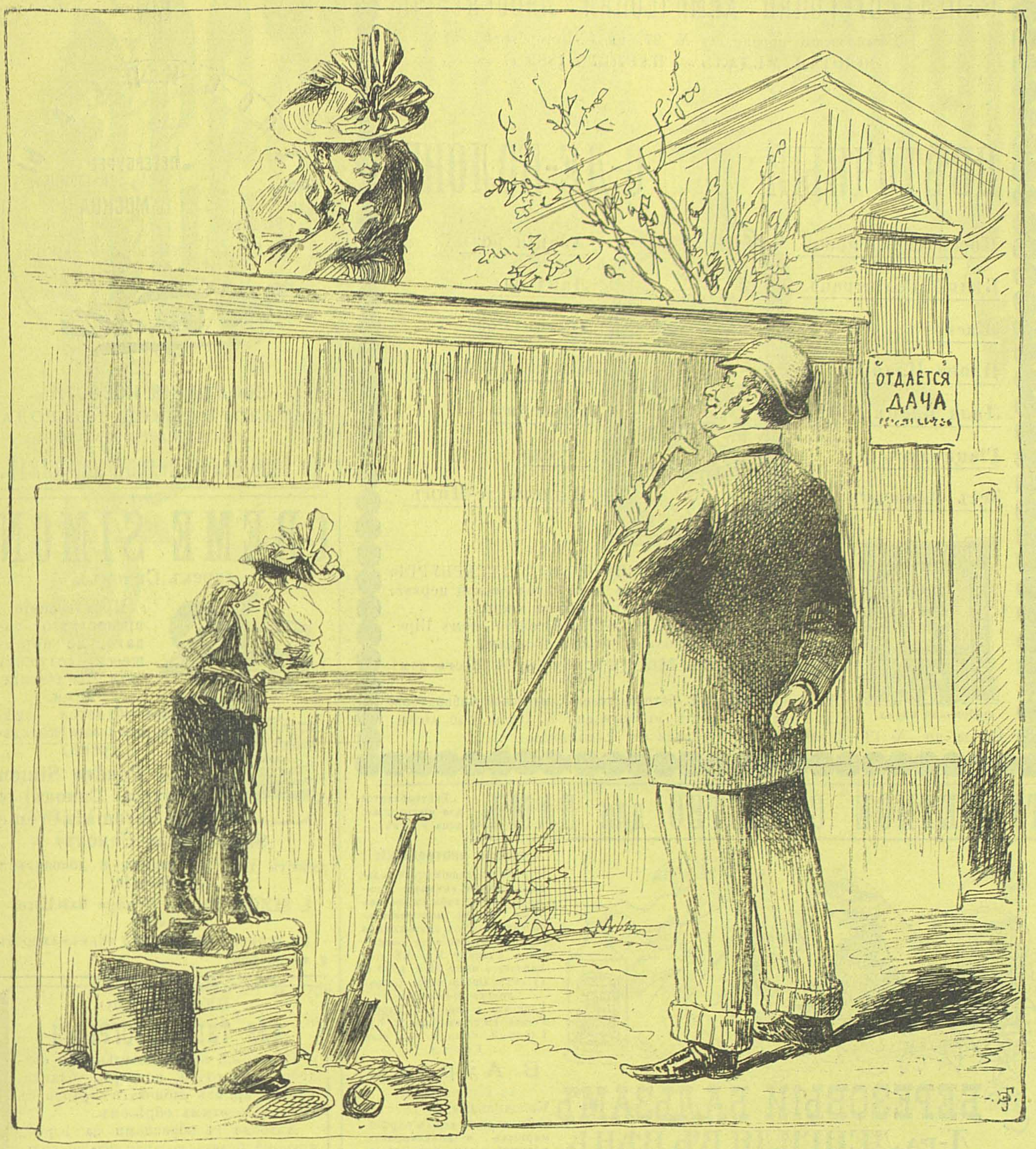
Съ натуры рисовалъ Г. Мютцель.

Дозв. цензурою. СПб. 1-го апрѣля 1893 г. Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

Атлантическій океанъ. Картина профессора И. К. Айвазовскаго.

Гравировалъ В. В. Зейпель.

ПРЕКРАСНАЯ НЕЗНАКОМКА.

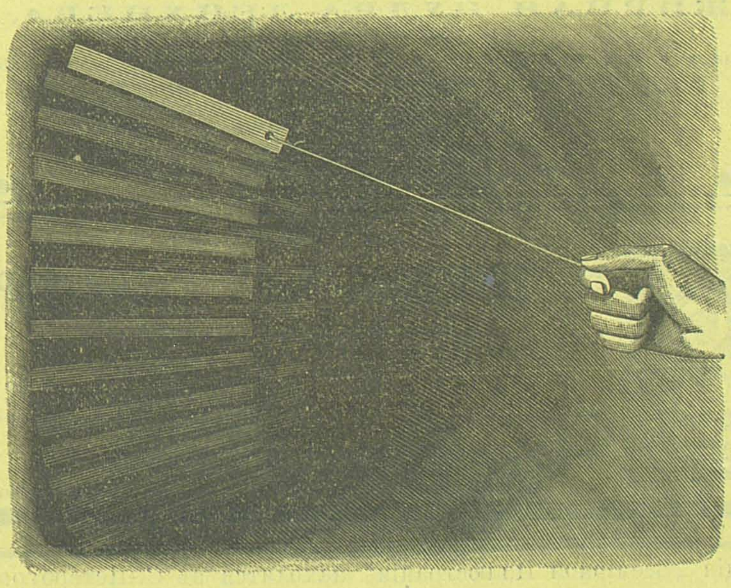


(Сцена изъ житейскаго водевиля *»первое апрѣля«*.)

Простѣйшая сирена

Сиреной называется физическій приборъ, служащій для произведенія звуковъ любой высоты посредствомъ соразмѣрнаго, точно разсчитаннаго колебанія воздушныхъ волнъ. На томъ же самомъ принципѣ основанъ слѣдующій очень старинный опытъ: привяжите къ концу обыкновенной школьной линейки кусокъ крѣпкой бичевки, другой конецъ которой навяжите на указательный палецъ правой руки и затѣмъ вертите линейку посильнѣе, какъ бы собираясь метнуть пращу (см. рисунокъ).

Во время этого верченія линейка, встрѣчая отпоръ въ воздухѣ, станетъ вращаться вокругъ оси, такъ что прежде всего получится оптическій эффектъ довольно интересный: если разрѣзать какую нибудь длинную картинку неправильными зигзагами на двѣ части и одну изъ нихъ наклеить на правую сторону линейки, а другую — на лѣвую, то при вращеніи обѣ половины сольются въ одно цѣлое.



Второе явленіе заключается въ томъ, что вслѣдствіе соединенія центробѣжной силы съ вращательной и при участіи давленія воздуха получится особая діаграмма вращенія: линейка опишетъ не кругъ, а конусъ.

Наконецъ главная суть и цѣль опыта въ томъ, что, разсѣкая воздухъ, линейка вызоветъ колебанія, выражаемыя звукомъ, который, смотря по силѣ вращенія, будетъ то повышаться, то понижаться, напоминая ревъ бури и завыванія вѣтра, согласно тому же физическому закону, который заставляетъ „пѣть“ эолову арфу или гудѣть каминъ. Именно этимъ свойствомъ часто пользовались въ прежнія времена во время домашнихъ спектаклей, чтобы изобразить шумъ вѣтра, что на большихъ театрахъ достигается быстрымъ треніемъ большихъ полотнищъ шелковой матеріи.

Магъ

Главная контора и редакція „Всемірной Иллюстраціи" находятся въ С.-Петербургѣ, на Садовой ул. № 22.

Въ Москвѣ отдѣленія конторы находятся: 1) при книжн. маг. А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, 15, и 2) при конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи.

Дозв. цензурою. СПБ. 1 апрѣля 1893 г. Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

Всемірная Иллюстрація

25й годъ

№ 1264

49й томъ

Суббота 10-го апрѣля 1893 г.

Цѣна нумеру 35 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки на годъ . **15** руб.
(при подпискѣ въ главной конторѣ редакціи).
Съ доставкою на годъ. . . . . **17** »

Въ Москвѣ безъ доставки на годъ . . . . . . **17** руб.
Съ пересылкою во всѣ города Россійской имперіи на годъ . . . . **18** »

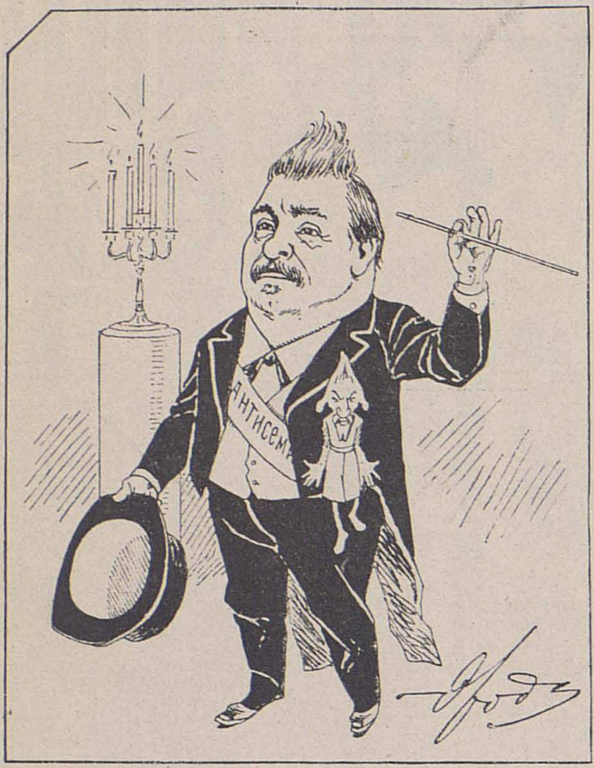
Подписная цѣна на полгода съ доставкою и пересылкою . . . . **9** руб.
За границу (въ государства всемірнаго почтоваго союза) **20** руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Редакція и главная контора: Садовая ул. № 22.

ЭКСПЕРИМЕНТЫ ФОКУСНИКА АЛЬВАРДТА.

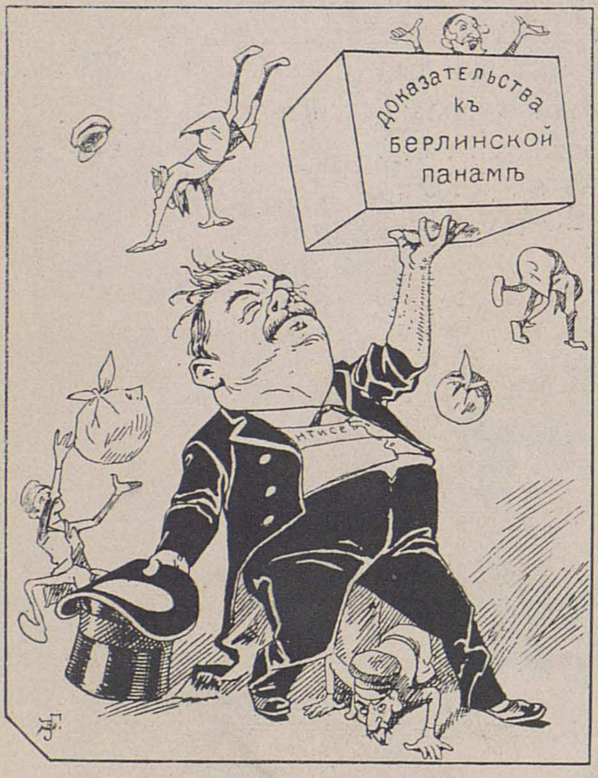
Каррикатуры Овода



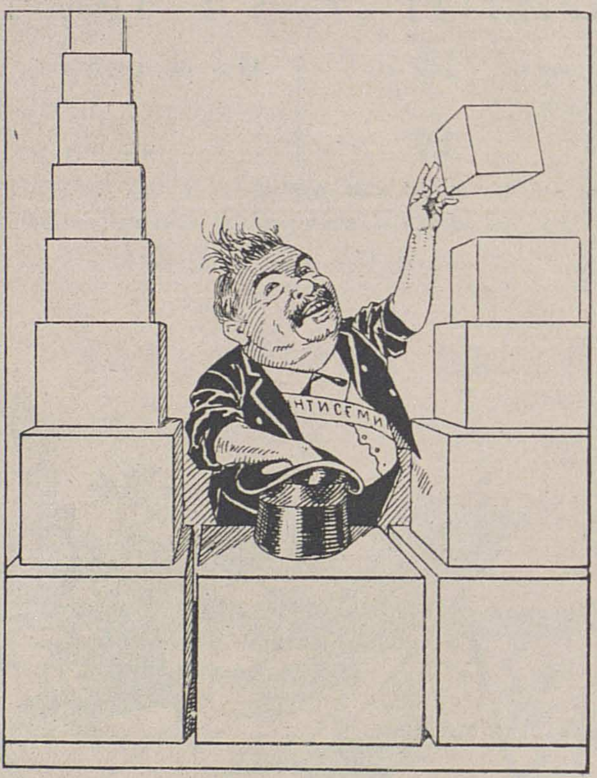
Альвардтъ рекомендуется почтенной публикѣ какъ жидоѣдъ.

Альвардтъ — глотатель еврейскихъ ружей.

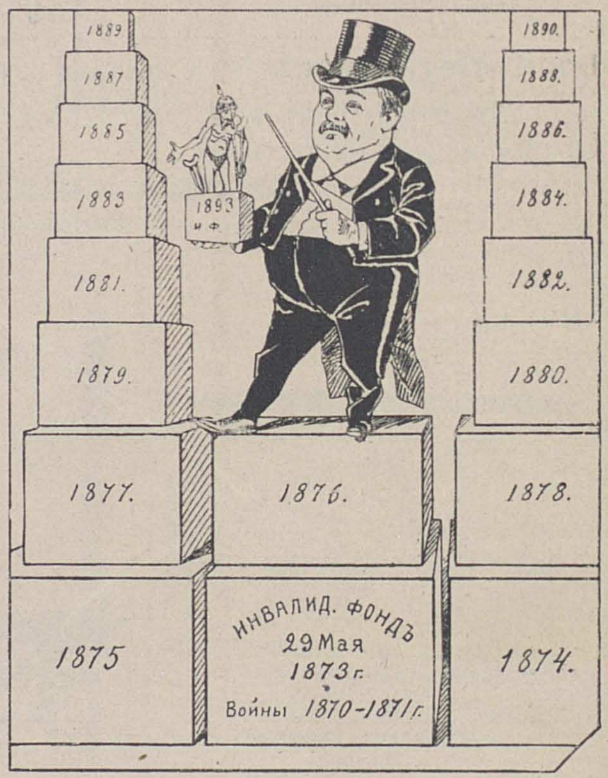
Альвардтъ приступаетъ къ большому фокусу-покусу.



„Разъ!“



„Два!“



„Трррри!“

Всемірная Иллюстрація

№ 1264. Годъ XXV. — 10-го апрѣля 1893 г. — Томъ XLIX. № 16.

А. С. Ермоловъ

На страницахъ отечественной исторіи, въ числѣ славныхъ русскихъ именъ, красуется знаменитое имя Алексѣя Петровича Ермолова, героя отечественной войны и завоеванія Кавказа, благороднаго дѣятеля, обезсмертившаго свой родъ. Нынѣ, по счастливому случаю, предстоитъ выдвинуться впередъ и позднѣйшему представителю этого славнаго рода. Алексѣй Сергѣевичъ Ермоловъ, товарищъ министра финансовъ, даровитый писатель по вопросамъ сельскаго хозяйства, призванъ занять важный въ настоящее время постъ — постъ управляющаго министерствомъ государственныхъ имуществъ. И такъ, во главѣ этого вѣдомства сталъ человѣкъ вполнѣ русскій, полный жизни и энергіи, понимающій нужды нашего сельскаго хозяйства, человѣкъ искренній и прямой. Какъ выполнитъ свою трудную и многостороннюю задачу новый государственный дѣятель — это покажетъ близкое будущее, но программа его уже достаточно выяснена имъ какъ въ его капитальномъ трудѣ „Неурожай и народное бѣдствіе", такъ и въ замѣчательной рѣчи, произнесенной А. С. Ермоловымъ во время пріема чиновъ ввѣреннаго ему министерства. „Будучи самъ землевладѣльцемъ — говорится въ этой рѣчи — я имѣлъ возможность заняться и чисто практическою дѣятельностью, съ которою не разрывалъ связи и тогда, когда я, вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, вынужденъ былъ вступить на служебное поприще, — и этой связи съ живыми сельскохозяйственными дѣлами я, быть можетъ, болѣе всего обязанъ и тѣмъ, что нынѣ удостоился быть поставленнымъ во главѣ того учрежденія, которому ввѣрены интересы сельскаго хозяйства въ Россіи. Но именно потому, что я близко знаю многія стороны той сферы дѣятельности, которая мнѣ предстоитъ и которая въ будущемъ можетъ еще расшириться, я не могу не сознавать, какъ много и какъ усиленно намъ придется работать. Не могу не сознавать я и того, что, какъ бы энергически мы сами ни работали, этой работы будетъ недостаточно, если мы не съумѣемъ пойти на встрѣчу живой и плодотворной дѣятельности русскихъ сельскихъ хозяевъ. Мы должны поднять ихъ духъ, пробудить ихъ энергію, внушить имъ довѣріе къ нашимъ начинаніямъ и съ своей стороны поддерживать въ нихъ каждый проблескъ иниціативы, каждое стремленіе къ прогрессу во всѣхъ сферахъ производительной дѣятельности русскаго народа, ввѣренныхъ нашему попеченію. Въ вѣдѣніи нашего министерства состоятъ и земли, и лѣса, и воды, и даже нѣдра русской земли. Вездѣ таятся неисчислимыя нетронутыя еще богатства, вездѣ дремлютъ великія силы, которыя можно пробудить и направить на путь широкаго развитія... Всѣ свои силы, всѣ свои знанія и энергію я готовъ положить на это дѣло, которому я, можно сказать, посвятилъ всю жизнь". Такимъ образомъ со вступленіемъ А. С. Ермолова въ управленіе министерствомъ государственныхъ имуществъ главныя усилія послѣдняго будутъ направлены къ тому, чтобы возродить нашу земледѣльческую промышленность и тѣмъ остановить все возраставшее за послѣдніе десятки лѣтъ оскудѣніе сельской жизни и дать ей всѣ способы къ возвышенію производительности. Для успѣшнаго выполненія такой, далеко не легкой и чрезвычайно сложной задачи у А. С. Ермолова, кромѣ горячей преданности дѣлу, есть всѣ данныя: и спеціальное образованіе, и способности, и солидныя познанія какъ теоретическія, такъ и практическія, и достаточный опытъ. Онъ прошелъ полный курсъ спеціальнаго сельскохозяйственнаго образованія въ лѣсномъ институтѣ, ранѣе имѣвшемъ полную сельскохозяйственную программу, и, обладая обширнымъ сельскохозяйственнымъ образованіемъ, слѣдя за всѣми явленіями въ сельскохозяйственной области, имѣлъ случай близко ознакомиться съ различными сторонами сельскохозяйственной жизни отечества нашего, изучить ихъ и въ теоріи, и на практикѣ. Вступивъ въ вѣдомство министерства государственныхъ имуществъ болѣе двадцати пяти лѣтъ тому назадъ, А. С. Ермоловъ исполнилъ цѣлый рядъ порученій, поставившихъ его въ соприкосновеніе съ самыми разнообразными сторонами сельскаго хозяйства и русскаго, и заграничнаго; къ сельско-хозяйственной же практикѣ онъ стоитъ близко какъ землевладѣлецъ воронежской губерніи, успѣвшій провести въ жизнь многіе взгляды по своей спеціальности въ своемъ имѣніи. Какъ писатель-экономистъ, А. С. Ермоловъ, въ сравнительно недолгій періодъ времени, успѣлъ составить себѣ довольно почтенное имя изслѣдованіями и статьями, помѣщенными въ спеціальныхъ органахъ, каковы, напримѣръ: „Сельское хозяйство и лѣсоводство", „Труды Имп. Вольно-Экономическаго общества", „Земледѣльческая Газета", „Засѣданія петербургскаго собранія сельскихъ хозяевъ" и другія. Здѣсь онъ писалъ о результатахъ, полученныхъ въ Россіи при примѣненіи искусственныхъ удобреній, о значеніи международныхъ выставокъ по отношенію къ сельскому хозяйству, о вѣнской всемірной выставкѣ, о современномъ развитіи свеклосахарнаго производства и воздѣлыванія

А. С. ЕРМОЛОВЪ,

новый управляющій министерствомъ государственныхъ имуществъ.

Съ фотографіи Левицкаго и сына гравировалъ Б. П. Пуцъ.

свекловицы въ Россіи, о сельскомъ хозяйствѣ въ Парижѣ, о культурныхъ районахъ въ Россіи и русскихъ сѣвооборотахъ, о сельскохозяйственномъ дѣлѣ Европы и Америки, о неправильной организаціи нашихъ имѣній въ сельскохозяйственномъ отношеніи, о воздѣлываніи свекловицы въ Россіи, о скотоводствѣ, винокуреніи и проч. Его извѣстная книга „Неурожай и народное бѣдствіе", вышедшая въ прошломъ году и обратившая на себя особенное вниманіе правительства, общества и литературы, содержитъ цѣлую систематичную программу проектовъ для подъема нашего сельскаго хозяйства, помѣщичьяго и крестьянскаго, и всестороннее изслѣдованіе причинъ неурожая и связаннаго съ нимъ голоднаго бѣдствія. Изъ мѣръ, намѣченныхъ въ этой книгѣ, нѣкоторыя получили уже практическое осуществленіе. Интересамъ сельскаго хозяйства А. С. Ермоловъ служилъ не только словомъ, но и дѣломъ, на сколько это было возможно въ его положеніи. Его безспорную заслугу составляетъ правильная организація сельскохозяйственной статистики въ Россіи при департаментѣ земледѣлія съ привлеченіемъ къ этому дѣлу мѣстныхъ землевладѣльцевъ въ качествѣ корреспондентовъ, доставляющихъ свѣдѣнія объ урожаѣ хлѣбовъ и травъ и о положеніи разныхъ отраслей сельскаго хозяйства, а во время десятилѣтняго управленія его департаментомъ неокладныхъ сборовъ ему принадлежитъ, между прочимъ, проведеніе закона о сельскохозяйственномъ винокуреніи, возстановившаго разорванную прежнимъ порядкомъ связь между сельскимъ хозяйствомъ и винокуреніемъ. Слѣдуетъ упомянуть также и о томъ, что А. С. Ермоловъ постоянно поддерживалъ приговоры сельскихъ сходовъ о закрытіи кабаковъ. Поставивъ это дѣло не на узко-фискальную точку зрѣнія, а на точку зрѣнія общихъ государственныхъ интересовъ, онъ тѣмъ измѣнилъ отношеніе къ такимъ приговорамъ департамента неокладныхъ сборовъ. Всѣ эти данныя предыдущей дѣятельности А. С. Ермолова, — въ которомъ счастливо сочетались научная серьезная подготовка и практическій опытъ, — его живое отношеніе къ дѣламъ сельскаго хозяйства, его вполнѣ государственный взглядъ на потребности этого хозяйства въ нашемъ отечествѣ и на задачи правительственной политики въ данной области, — весьма краснорѣчиво говорятъ о томъ, что отъ новаго государственнаго дѣятеля мы можемъ ждать очень многаго, что надежды Россіи на возрожденіе сельскаго хозяйства нашего вполнѣ основательны и вѣрны.

Новому управляющему министерствомъ государственныхъ имуществъ теперь всего сорокъ шесть лѣтъ. Воспитаніе получилъ онъ въ Императорскомъ Александровскомъ лицеѣ, курсъ въ которомъ окончилъ, однимъ изъ первыхъ воспитанниковъ, съ чиномъ девятаго класса, въ 1866 году. Зачисленный въ министерство государственныхъ имуществъ, онъ получилъ разрѣшеніе прослушать курсъ въ бывшемъ с.-петербургскомъ земледѣльческомъ институтѣ, гдѣ получилъ и ученую степень. Въ 1872 г. онъ началъ службу въ департаментѣ неокладныхъ сборовъ, сперва въ должности чиновника особыхъ порученій, затѣмъ ревизора, далѣе вице-директора и, наконецъ, съ 1883 года, директора, завѣдывающаго промышленностью винокуренною, сахарною, табачною и т. д. Кромѣ того, состоя съ 1879 по 1881 г. на службѣ одновременно въ министерствахъ государственныхъ имуществъ и финансовомъ, А. С. Ермоловъ былъ старшимъ редакторомъ статистическаго отдѣла департамента земледѣлія и сельской промышленности. Въ октябрѣ 1892 г. онъ былъ назначенъ товарищемъ министра финансовъ. А. С. Ермоловъ состоитъ въ чинѣ тайнаго совѣтника и помимо наградъ и орденовъ нерѣдко удостоивался получать Высочайшія благодарности, въ томъ числѣ и за работы въ коммиссіи по пересмотру общаго таможеннаго тарифа, а однажды ему было объявлено особое именное Высочайшее благоволеніе за разработку многихъ серьезныхъ сельскохозяйственныхъ вопросовъ.

БЕЗСМЕРТНЫЙ

Фантастическій разсказъ

КЛЕМЕНСА ЮНОШИ

Девятнадцатый вѣкъ на своемъ исходѣ, какъ извѣстно, ознаменовался множествомъ самыхъ поразительныхъ завоеваній въ области знаній. Духъ человѣческій, поощренный цѣлымъ рядомъ побѣдъ надъ грубыми силами природы, неустрашимо вступилъ на путь самыхъ рискованныхъ и смѣлыхъ помысловъ и изобрѣтеній.

Когда окончательно были побѣждены всѣ разстоянія, этого оказалось мало человѣку; онъ сталъ распоряжаться электричествомъ, точно какимъ нибудь вьючнымъ животнымъ, запрягая его для своихъ надобностей въ любую работу.

— Валяй дальше, дальше! не переставала кричать неугомонная мысль человѣческая. И громы небесные подчинялись людямъ; человѣку открылся доступъ ко дну океановъ; люди стали завидовать полету орлиному и не на шутку прониклись мечтой состязаться съ птицами въ искусствѣ плавать по воздуху и царствовать въ воздушныхъ пространствахъ.

— Почему? не переставали повторять мыслители и лишь только находили какое нибудь новое „потому", какъ снова цѣлыя сотни „почему" тѣснились въ ихъ головѣ, и головы эти трещали подъ наплывомъ тысячей новыхъ вопросовъ и задачъ.

Время это сопровождалось значительнымъ переворотомъ въ образѣ жизни, мысляхъ и понятіяхъ людей. То, чего еще недавно боялись, перестало казаться страшнымъ, и, наоборотъ, многое, о чемъ прежде не имѣли никакого понятія, предстало предъ людьми въ видѣ грознаго пугала.

Пришло время, когда никому уже не были страшны ни львы, ни тигры, ни пантеры, ни волки, ни крокодилы, ни акулы. Достаточно стало прикоснуться къ нимъ какой нибудь тросточкой, насыщенной электричествомъ, чтобы моментально убить чудовище или привести его въ безпомощное состояніе.

Въ виду безусловнаго неравенства силъ борьба съ подобными врагами прекратилась; вмѣсто нея человѣкъ при помощи изобрѣтенныхъ имъ сильнѣйшихъ микроскоповъ, которыми онъ поспѣшилъ вооружить свое зрѣніе, открылъ цѣлый новый міръ враждебныхъ ему существъ, опасныхъ именно своей ничтожной величиной, существъ, вовсе невидимыхъ простымъ глазомъ.

Разсмотрѣвъ этотъ микроскопическій міръ мельчайшихъ, но безчисленныхъ чудовищъ, заселяющихъ каждую каплю воды и гнѣздящихся во всемъ и повсюду, человѣчество было поражено самымъ непріятнымъ образомъ.

Всякій сталъ ощущать лихорадочный страхъ, поднося ко рту кусокъ пищи или стаканъ съ напиткомъ; глотая воздухъ при дыханіи, всякій старался не захватить въ свои легкія невидимыхъ страшилищъ, плавающихъ въ окружающей его атмосферѣ. Ибо отовсюду, со всѣхъ сторонъ — угрожаетъ смертному этотъ неумолимый непріятель, размножающійся съ невѣроятной, сказочной быстротой. Ему угрожаютъ цѣлые міры, въ коихъ каждый, самый крохотный житель, подобно вѣдьмѣ старыхъ легендъ, злобно разноситъ заразу, проявляющуюся затѣмъ въ разнообразнѣйшихъ формахъ и видахъ.

И точно такъ же, какъ нѣкогда, въ доброе старое время, фантастическая, созданная горячимъ воображеніемъ простаковъ, вѣдьма пугала весь свѣтъ, такъ теперь одна бацилла, по величинѣ своей въ десять тысячъ разъ ничтожнѣйшая тварь сравнительно съ малѣйшимъ изъ доступныхъ глазу существъ, способна навести тревогу и ужасъ на величайшіе города и страны, издѣваясь при этомъ самымъ нахальнымъ образомъ надъ всѣми признанными первѣйшими медицинскими авторитетами и свѣтилами науки.

Человѣкъ, изведавшій внутренность высочайшихъ горъ, изучившій дно глубочайшихъ морей и надземныя эѳирныя пространства, человѣкъ, который, уничтоживъ разстоянія, раскидываетъ свои мысли по цѣлому свѣту, смѣясь надъ пространствомъ и временемъ, получилъ вдругъ, можно сказать, настоящую пощечину и отъ кого же?.. Отъ дрянной какой-то невидимой бактеріи, отъ существа, въ сравненіи съ которымъ блоха могла бы считаться слономъ.

Такъ называемый „царь природы" былъ весьма пораженъ и сконфуженъ отъ такого оборота, доказавшаго ему не особенно важную степень его могущества. Мыслители и ученые съ удвоенной энергіей принялись за ученыя упражненія и, обращаясь къ природѣ, стали раскидывать свои вѣчныя „отчего" и „почему".

Природа между тѣмъ по своему обыкновенію, не сообщая никому о своихъ тайнахъ, непрерывно выполняла свою вѣчную работу и, казалось, не безъ ироніи твердила вопрошающимъ: „ищите!"

Стали искать...

Одинъ ученый, поймавъ дикаго и свободнаго микроба, рѣшилъ сдѣлать его ручнымъ. Онъ заключилъ его въ банку и началъ кормить превосходнымъ бульономъ. Счастливый микробъ съ удовольствіемъ ѣлъ и пилъ, причемъ выказалъ отвратительную способность распложаться до невѣроятной цифры. Питаясь изысканной культурной пищей, микробъ вскорѣ изнѣжился и сталъ вырождаться. Поколѣнія, послѣдовавшія за нимъ, отличались слабымъ тѣлосложеніемъ и явными признаками дегенераціи. Чѣмъ дальше эти поколѣнія слѣдовали одни за другими, тѣмъ ближе было ихъ сходство съ специфической „дохлой молодежью"...

Все идетъ на свѣтѣ по однимъ и тѣмъ же неизмѣннымъ законамъ какъ въ мірѣ микробовъ, такъ и въ нашемъ, людскомъ мірѣ.

Потомки нѣкогда воинственныхъ и побѣдоносныхъ племенъ дикихъ микробовъ рѣшительно стали неузнаваемы. Когда ихъ впускали въ кровеносные сосуды кролика или морской свинки, то вмѣсто быстраго истребленія всѣхъ жизненныхъ соковъ предоставленнаго ихъ власти живаго существа они расползались по тканямъ его какъ-то нехотя, точно сонныя, съ такой апатіей, что среди нихъ тотчасъ распространялась атмосфера неряшества, лѣни и немощи, которую первобытный дикій микробъ при первой же встрѣчѣ съ нею, очевидно, отказывался переносить и убѣгалъ куда глаза глядятъ, не желая слушать никакихъ разсужденій о пользѣ искусственной культуры.

Вопросъ о микробахъ сдѣлался самымъ моднымъ вопросомъ. Послѣ того, какъ въ честь Пастера поставили бронзовый памятникъ, а Кохъ чуть было не получилъ милліонное единовременное пособіе отъ своего правительства, явилось нѣсколько тысячъ ученыхъ изслѣдователей, изъ коихъ каждый открылъ по нѣсколько спеціальныхъ бактерій и микробовъ. Всѣхъ найденныхъ микробовъ тотчасъ окрестили латинскими именами, такъ что даже въ подробнѣйшихъ лексиконахъ началъ чувствоваться недостатокъ словъ для новыхъ названій. Наподобіе того, какъ прежде люди прививали себѣ одну лишь оспу, теперь имъ стали предлагать прививку предохранительной холеры, чахотки, тифа, дифтерита и прочихъ, наиболѣе знаменитыхъ по своей заразительности, болѣзней. Въ газетахъ двадцатаго вѣка уже не рѣдкость будетъ встрѣтить объявленія въ родѣ такого: „дѣвица пріятной наружности съ приданымъ и предохранительными прививками бѣшенства и многихъ иныхъ болѣзней ищетъ спутника жизни".

Къ величайшему огорченію всѣхъ смертныхъ, особенно наклонныхъ къ безпрепятственному жизнерадостному созерцанію и гордому сознанію доступности земнаго счастія, капризы судьбы продолжаютъ, однако, играть роль въ жизни нѣкоторыхъ людей, несмотря на гигантскіе успѣхи, достигнутые наукой.

Вотъ что однажды произошло въ 1993 году.

Въ это время тѣни Пастера и его сотрудниковъ почитались всѣми народами земнаго шара. Старая Европа достигла вершины высочайшей цивилизаціи. Промышленность и торговля процвѣтали и само собою разумѣется, что во всѣхъ государствахъ оффиціальнымъ языкомъ сдѣлался еврейскій жаргонъ.

Всѣ старые предразсудки разсыпались въ прахъ, какъ никуда негодная ветошь, и торговое право вошло въ основаніе всѣхъ человѣческихъ законовъ. Это, однако, не мѣшало ученымъ трудиться надъ вопросомъ о безсмертіи тѣла, тѣмъ болѣе, что къ безсмертію души замѣчалось всеобщее равнодушіе.

И „это совершенно вѣрно", какъ еще лѣтъ сто тому назадъ сказалъ одинъ веселый эпикуреецъ: „ибо какое мнѣ дѣло до души, если этимъ товаромъ что-то не слышно, чтобы и черти продолжали торговать". Мы не говоримъ уже о биржѣ, гдѣ даже акты на продажу души чорту, даже написанные кровью собственника, не курсируютъ ни по какой цѣнѣ.

Другое дѣло безсмертіе тѣла! Это, по меньшей мѣрѣ, выгодная статья и даже совсѣмъ хорошій гешефтъ.

„Вы только иждѣлайте меня бишмертнымъ!" воскликнулъ однажды одинъ изъ многочисленныхъ молодыхъ Ротшильдовъ, проживающихъ на Новолинкахъ, „я буду имѣть время, чтобы скупить цѣлый свѣтъ и сдать его въ аренду по кусочкамъ".

Это только прежде воображали, что безсмертія достигнуть трудно. Но почему же? спрашивается. По словамъ ученыхъ человѣкъ умираетъ отъ болѣзней. А вѣдь намъ уже извѣстенъ источникъ этихъ болѣзней, вѣдь это микробы! Мы кромѣ того знаемъ, что отъ каждаго микроба существуетъ полная возможность охранить себя посредствомъ прививки. Значитъ, если, напримѣръ, я привью себѣ холерный микробъ, то буду свободенъ отъ холеры; если же я привью себѣ микробы разныхъ другихъ опасныхъ болѣзней и такимъ образомъ застрахуюсь отъ нихъ, то моя жизнь, которая уже не будетъ зависѣть отъ фантазіи гнусныхъ бактерій, можетъ продолжаться до безконечности...

При такихъ условіяхъ понятно, что клиники и больницы во всемъ свѣтѣ оказались излишними. Всѣ они замѣнены заведеніями для воспитанія прирученныхъ микробовъ. Патологи трудятся надъ составленіемъ списка болѣзней, выхватывавшихъ до сихъ поръ жертвы изъ рода человѣческаго, физіологи выращиваютъ бактеріи, а цѣлая армія хирурговъ занялась прививкой.

Вотъ въ эту-то эпоху нѣкоторый молодой банкиръ задумалъ вступить въ брачный союзъ. Такъ какъ этотъ банкиръ имѣлъ весьма основательныя причины не желать, чтобы этотъ союзъ двухъ незначительныхъ сердецъ и двухъ весьма значительныхъ капиталовъ могъ расторгнуться отъ непрошеннаго вмѣшательства въ дѣло союза такъ называемой косы смерти, то онъ рѣшилъ привить себѣ всѣ существующія болѣзни...

Денегъ у него было достаточно для того, чтобы сдѣлаться безсмертнымъ. Это было тѣмъ пріятнѣе, что безсмертіе, по случаю значительныхъ расходовъ на прививку многихъ сотень различныхъ болѣзней, не всякому можетъ быть доступно, такъ что обыкновенные смертные всегда будутъ заполнять кладбища на старомъ положеніи.

Всевозможныя настоящія и будущія знаменитости, профессора и спеціалисты, поочередно прививали нашему банкиру всякія бактеріи, предохраняя его и застраховывая отъ разнаго рода болѣзней, въ томъ числѣ, согласно его желанію, даже отъ женскихъ. Такъ, напримѣръ, микробъ родильной горячки былъ ему привитъ самимъ Мойшей Хапайкинымъ, счастливымъ изобрѣтателемъ этого микроба, найденнаго имъ въ самый разгаръ послѣднихъ опытовъ посредствомъ геніальнаго способа, состоявшаго въ послѣдовательномъ размноженіи и умерщвленіи 50.000 кроликовъ и другихъ животныхъ.

Не взирая на то, что между профессорами нашелся однако одинъ такой, который назвалъ послѣднія операціи, произведенныя надъ банкиромъ ради предохраненія его отъ женскихъ болѣзней, „излишней предосторожностью", самъ банкиръ выказалъ необыкновенную устойчивость своего довѣрія къ убѣжденію большинства компетентныхъ ученыхъ и съ большимъ достоинствомъ произнесъ:

— Я заплачу за все, какое вамъ дѣло: я могу заплатить за все!

Достоинство жрецовъ науки преклонилось передъ болѣе реальнымъ достоинствомъ капитала, и банкиръ получилъ обезпеченіе отъ всякой болѣзни, которая вздумала бы совершить покушеніе противъ организма, благородно и самоотверженно ставшаго подъ защиту послѣдняго слова науки.

Весь исколотый инъекціями, точно татуированный папуасъ, банкиръ покончилъ наконецъ со всѣми прививками и явился съ визитомъ къ своей невѣстѣ. Его сопровождалъ одинъ изъ наиболѣе прославленныхъ профессоровъ, сдѣлавшійся его другомъ. Паціентъ ощущалъ въ себѣ силы льва и могущество олимпійскаго Зевса. Въ такіе моменты онъ любилъ звякнуть золотомъ въ карманѣ, ибо золото есть именно та сила, которою онъ разсчитывалъ, подобно Юпитеру, громить міръ.

„Безсмертіе! Безсмертіе!.." разсуждалъ онъ въ это время, улыбаясь во всю ширину своего внутренняго самодовольства при мысли о достигнутой имъ прочности своего земнаго положенія. „Это вѣдь не какое нибудь пошлое, пустое и ничего не стоющее безсмертіе, какого, напримѣръ, добиваются труженики знанія, поэты и художники; по моему что это за безсмертіе, когда самъ авторъ его не можетъ имъ пользоваться и никакого барыша отъ него не получаетъ! Мое безсмертіе — единственное, истинное, реальное. Поколѣніе за поколѣніемъ будетъ умирать и истлѣвать. На ихъ мѣста появятся новыя, а я между тѣмъ буду жить и со всѣхъ буду собирать дань. Къ моимъ ногамъ снесутъ все золото со всѣхъ концовъ земли. Въ рукахъ моихъ сосредоточится такое богатство, какого не заключается въ нѣдрахъ Уральскихъ горъ и иныхъ источникахъ и хранилищахъ благороднаго металла, которыхъ я пока еще долженъ признавать своими конкуррентами. Теперь я съ гордостью предстану передъ моей нареченной и скажу ей: люби меня и трепещи — безсмертный цѣлуетъ твои тлѣнныя уста. Пусть теперь дуетъ на меня какой угодно заразой съ какихъ угодно ядовитыхъ болотъ и низменностей, пусть вѣтромъ принесетъ сюда отравленное дыханіе Ганга, пусть всевозможныя маляріи, встрѣчающія чужеземцевъ желтыми и черными лихорадками на берегахъ понтійскихъ и нильскихъ, полѣзутъ на меня въ аттаку какъ на крѣпостную стѣну. Что они со мной подѣлаютъ? Я буду только смѣяться надъ ними, потому что я окруженъ броней, купленной мною у первѣйшихъ профессоровъ за большія деньги. Я плюю на всѣ болѣзни и на самую смерть!

Въ эту минуту карета, въ которой ѣхалъ счастливецъ, остановилась у подъѣзда роскошнаго дворца невѣсты безсмертнаго банкира.

Онъ уже вышелъ изъ нея вмѣстѣ съ важнымъ профессоромъ и уже тронулъ пуговку электрическаго звонка, какъ вдругъ какой-то глухой ударъ заставилъ вздрогнуть профессора, а банкиръ полетѣлъ на землю, обливаясь кровью.

Придя въ себя, смущенный профессоръ тутъ же подвергъ своего паціента весьма продолжительному и подробному изслѣдованію, послѣ чего, внимательно, но не безъ презрѣнія взглянувъ на тяжелый кусокъ карниза, внезапно оторвавшійся изъ-подъ самой крыши великолѣпнаго зданія и хватившій въ самый черепъ банкира, произнесъ:

— Это самый простой видъ смерти, такъ называемая смерть in optima forma. Въ этомъ случаѣ посторонній предметъ и внѣшнія условія явились такъ сказать дополненіемъ къ условіямъ, уже находящимся въ полной компетенціи науки...

Профессоръ не могъ продолжать, ибо происшествіе собрало вокругъ банкира уличную толпу, съ жадностью бросившуюся на даровое зрѣлище. Явилась полиція.

Профессоръ тѣмъ временемъ сбѣгалъ въ академію, созвалъ по телефону на чрезвычайное засѣданіе ученыхъ, на которомъ прочиталъ рефератъ по вопросу: „о способахъ противодѣйствія новой, только что открытой имъ, формѣ бактеріи microbus periculosus karnisovorens". Ученый конклавъ, признавъ главный вопросъ, поставленный темой реферата, весьма оригинальнымъ, но трудно разрѣшаемымъ, постановилъ передать его на обсужденіе спеціальной коммиссіи „ad hoc" — для предварительнаго изученія наиболѣе практическихъ способовъ борьбы съ весьма рѣдкимъ видомъ микроба, прививка котораго крайне усложнена затруднительностью опредѣленія объекта прививки, такъ какъ до настоящаго времени представители науки не остановились ни на одномъ изъ предложеній, исходившихъ отъ членовъ засѣданія. Одни изъ нихъ предлагали, въ случаѣ поимки микроба, прививать его потомство прямо къ черепамъ людей, другіе совѣтовали прививку къ карнизамъ.

Съ польскаго А. Г.

Протоіерей Д. А. Ждановъ

Изъ шестидесяти воспитанниковъ X выпуска кіевской духовной академіи (1837—1841), среди которыхъ былъ и знаменитый іерархъ русской церкви покойный митрополитъ Макарій (въ мірѣ Михаилъ Булгаковъ, † 1882), въ настоящее время здравствуютъ только пятеро сотоварищей, въ томъ числѣ, находящійся на покоѣ въ Вышинскомъ монастырѣ, тамбовской епархіи, преосвященнѣйшій епископъ Ѳеофанъ и старѣйшій представитель кіевскаго духовенства, настоятель Кіево-Срѣтенской церкви и духовникъ всѣхъ священнопастырей градскихъ церквей, протоіерей Димитрій Аѳанасьевичъ Ждановъ, коего 50-лѣтіе священнопастырской дѣятельности непрерывно въ городѣ Кіевѣ исполнилось 4-го текущаго апрѣля. Маститый юбиляръ принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ дѣятелямъ въ средѣ бѣлаго духовенства и съ честью послужилъ цѣлые полвѣка на пользу церкви православной. Въ высокой степени скромный, чуждый малѣйшаго искательства и властолюбія, честнѣйшій и всегда прямой человѣкъ, прекрасный семьянинъ, о. Димитрій въ то же время является достойнѣйшимъ пастыремъ, который искренно любимъ и уважаемъ всѣми въ городѣ Кіевѣ, начиная съ лицъ высокопоставленныхъ и кончая сѣрымъ людомъ — прихожанами Срѣтенской церкви, гдѣ о. Димитрій слишкомъ четверть вѣка состоитъ необыкновенно усерднымъ настоятелемъ и всегда благоговѣйнымъ священнопастыремъ, духовникомъ очень многочисленной паствы. Кто хотя разъ присутствовалъ въ Срѣтенской церкви на литургіи, тотъ никогда уже не забудетъ ни благоговѣйнаго чтенія о. Димитріемъ богослужебныхъ молитвъ, ни въ особенности умилительнаго чтенія имъ акаѳиста предъ чудотворной иконой Скорбящей Божіей Матери: оно просто неподражаемо, а потому и понятно вполнѣ благотворное дѣйствіе таковаго на православныхъ прихожанъ. Съ юныхъ лѣтъ сохранивъ сердечную пріязнь къ академическимъ товарищамъ своимъ, о. Димитрій и нынѣ, въ маститой старости, не прерываетъ дружеской переписки съ знаменитымъ подвижникомъ нашей церкви, епископомъ Ѳеофаномъ (Говоровымъ). Нѣсколько лѣтъ о. Димитрій завѣдывалъ редакціей журнала „Кіевскія епархіальныя вѣдомости", гдѣ помѣщалъ разныя статьи и пастырскія поученія; хотя о. Димитрій весьма усердный и даровитый проповѣдникъ и уже много набралось у него писанныхъ поученій, но, по скромности своей, онъ не отдавалъ ихъ въ печать.

Старшій сынъ приходскаго священника калужской епархіи Димитрій Аѳанасьевичъ Ждановъ родился 26 октября 1812 года въ городкѣ Сухиничахъ козельскаго уѣзда. Послѣ первоначальнаго воспитанія въ духовно-уѣздномъ училищѣ и въ орловской семинаріи (1831—1837) Д. А. высшее образованіе получилъ въ кіевской духовной академіи (1837-1841). Блестяще окончивъ курсъ богословскихъ наукъ 11 іюля 1841 года со степенью магистра, Д. А. вскорѣ, 20 сентября, былъ опредѣленъ, какъ лучшій изъ питомцевъ X курса, на службу въ кіевскую духовную семинарію профессоромъ по каѳедрѣ русской словесности. Полвѣка тому назадъ педагогическая карьера была очень скудно обставлена: даже ординарные профессоры академіи, числясь въ VII рангѣ, получали только 700 рублей жалованья, а про семинарскихъ преподавателей той эпохи и говорить излишне. Вотъ почему уже въ 1843 году (4 апрѣля) Д. А., незадолго передъ тѣмъ женившись на Маріи Григорьевнѣ Августиновичъ, былъ рукоположенъ кіевскимъ митрополитомъ Филаретомъ († 1857) въ санъ пресвитера кіево-печерской Воскресенской церкви; за отлично-усердную службу въ семинаріи и пастырскія обязанности о. Димитрію было объявлено въ 1844 году (30 мая) благословеніе св. Сунода. Въ томъ же году онъ былъ назначенъ увѣщателемъ преступниковъ при кіевскомъ тюремномъ замкѣ, а въ 1846 году опредѣленъ законоучителемъ кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ, принявъ на себя также обязанности законоучителя и въ артиллерійской дивизіонной школѣ. За свои усиленные труды о. Димитрій былъ въ 1850 году всемилостивѣйше награжденъ бархатною фіолетовою скуфьей, а въ 1854 году и камилавкою. Пользуясь уже солидной репутаціей и полнымъ довѣріемъ начальства, о. Димитрій еще въ 1851 г. былъ опредѣленъ депутатомъ отъ кіевскаго духовенства при палатѣ гражданскаго и уголовнаго суда, въ 1852 г. — законоучителемъ въ кіевскій бата-

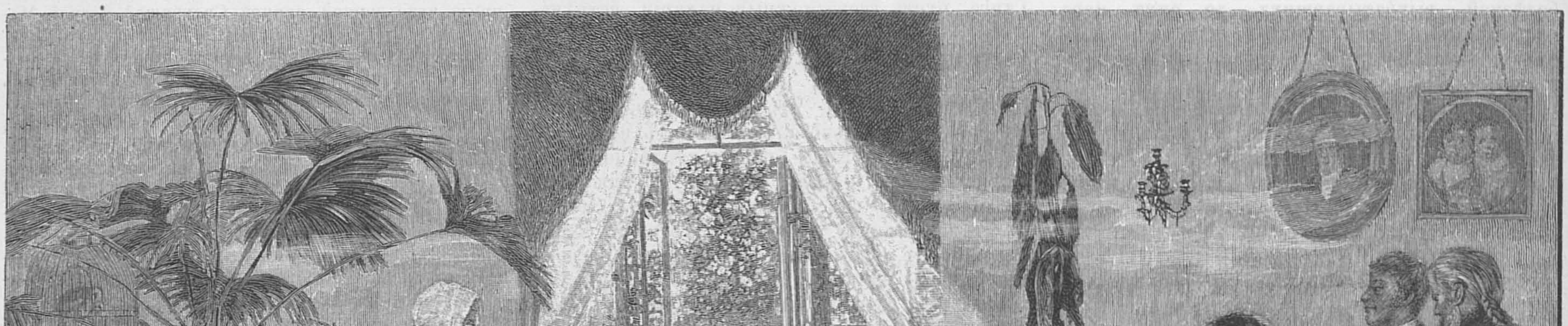
ліонъ военныхъ кантонистовъ, а въ 1854 году (5-го февраля) и на весьма отвѣтственный постъ члена кіевской духовной консисторіи, гдѣ и прослужилъ съ огромной пользой для дѣла свыше 32 лѣтъ (по 29 окт. 1886 г.). Въ то же время епархіальное начальство постоянно возлагало на о. Димитрія и другія обязанности, всячески пользуясь такимъ образомъ крѣпостью силъ и выдающимися дарованіями, тогда еще молодаго и весьма энергичнаго, священнопастыря. Такъ, о. Димитрій двукратно исполнялъ благочинническую должность, въ 1857 г. командированъ былъ. по указу св. Сунода, въ единовѣрческій Покровскій монастырь, черниговской епархіи, для производства слѣдствія и состоялъ цензоромъ проповѣдей, составляемыхъ сельскимъ духовенствомъ кіевскаго уѣзда. Труды о. Димитрія обратили на него особое вниманіе высшаго начальства, и онъ былъ награжденъ золотымъ наперснымъ крестомъ отъ св. Сунода (1858 г.), возведенъ въ санъ протоіерея (1861 г.) и удостоился объявленія ему архипастырской признательности митрополита Арсенія (1862 г.). Прослуживъ 20 лѣтъ настоятелемъ Воскресенской церкви на Печерскѣ, о. Димитрій въ 1863 г., 9-го августа, былъ назначенъ штатнымъ священникомъ каѳедральнаго Свято-Софійскаго собора и вмѣстѣ съ тѣмъ казначеемъ комитета по сооруженію Князь-Владимірскаго собора, а также членомъ епархіальнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія. За отлично-усердную службу о. Димитрій 6-го апрѣля 1865 года былъ сопричисленъ къ ордену св. Анны 3 степ., а затѣмъ въ 1872 г. къ ордену св. Анны 2 степ., въ 1875 г.—къ ордену св. Владиміра 4 ст., въ 1880 г. — къ тому же ордену 3 ст. и, наконецъ, въ 1885 г., 25 февраля, былъ награжденъ и пресвитерскою палицею, имѣя также кресты: золотой магистерскій, бронзовый наперсный на Владимірской лентѣ и свѣтлобронзовую медаль на Андреевской лентѣ въ память войны 1853—1856 гг., а высшую Монаршую награду — золотой наперсный крестъ изъ кабинета Его Величества - удостоился получить въ 1890 году (1 апрѣля). Послѣ трехлѣтней службы при Свято-Софійскомъ соборѣ о. Димитрій былъ опредѣленъ въ 1866 году (16 августа) настоятелемъ старокіевской Сретенской церкви, каковой постъ считается самымъ важнымъ среди всѣхъ приходскихъ церквей города Кіева. По выбору кіевскаго духовенства о. Димитрій въ 1867 г. былъ утвержденъ и въ должности члена семинарскаго правленія; въ 1874 г. ему объявлено благословеніе св. Сунода, а въ 1886 г., за долговременную и усердно-полезную службу въ должности члена консисторіи, ему была объявлена полная благодарность епархіальнаго начальства. Наконецъ, въ 1888 г. (23 октября), высокое уваженіе духовенства къ маститому протоіерею-юбиляру нашему сказалось и въ избраніи его духовникомъ всѣхъ священнопастырей при старокіевскихъ, печерскихъ и лыбедскихъ церквяхъ, а въ 1891 году, съ разрѣшенія въ Бозѣ почившаго митрополита Платона, признательное духовенство, вслѣдъ за особымъ торжественнымъ молебствіемъ, поднесло своему высокодостойнѣйшему духовнику драгоцѣнную икону Христа Спасителя. Такова разнообразная и многополезная служба о. Димитрія въ неразрывной связи съ высокими качествами его свѣтлой личности и всегдашнимъ благоговѣніемъ священнопастыря передъ Божественнымъ Промысломъ.

М. Ш—скій

Протоіерей Д. А. ЖДАНОВЪ, духовникъ священнопастырей старокіевскихъ, печерскихъ и лыбедскихъ церквей Кіева.

Съ фотографіи Фр. де-Мезера, въ Кіевѣ, гравировалъ Б. П. Пуцъ.

По поводу пятидесятилѣтія служенія въ священномъ санѣ.



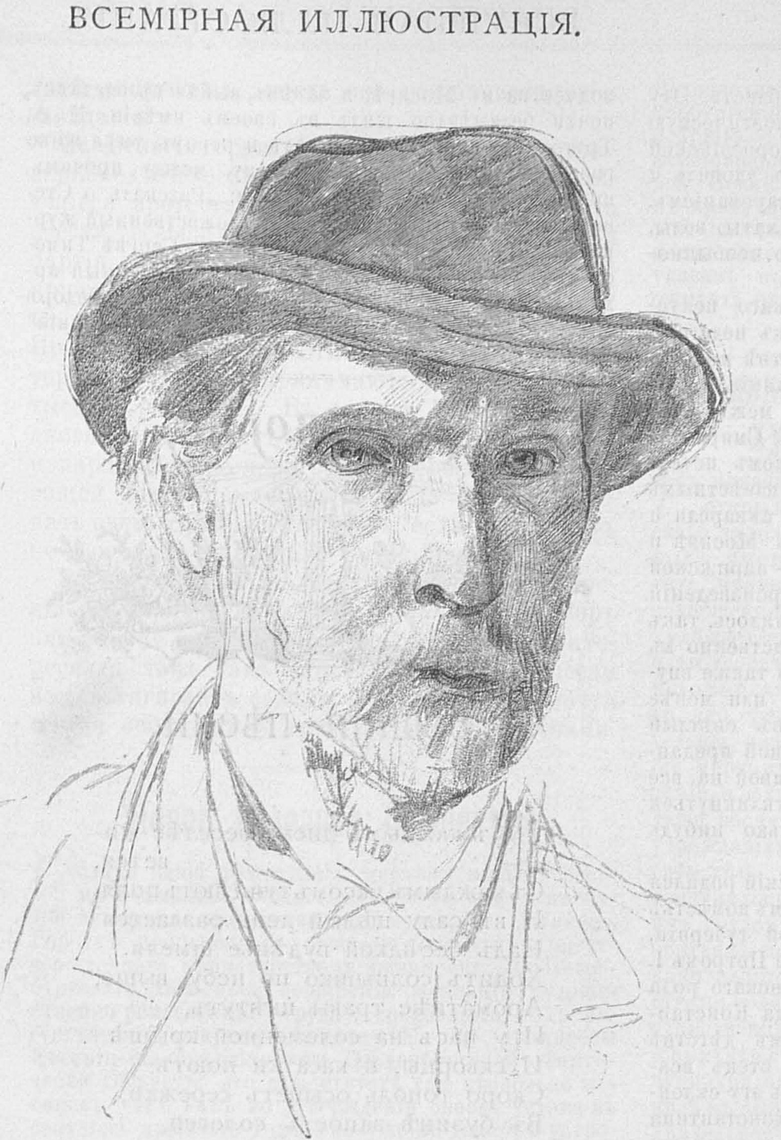
Бабушкинъ праздникъ. Картина академика А. И. Корзухина.

Гравировалъ для »Всемірной Иллюстраціи« А. И. Зубчаниновъ.

С.-Петербургъ. — Выставка 1893 года въ Императорской академіи художествъ.

К. А. Трутовскій †

Искусство русское, весьма небогатое своими выдающимися представителями, недавно понесло крупную потерю: 17-го марта скончался въ своемъ имѣніи, сельцѣ Яковлевкѣ, обоянскаго уѣзда, курской губерніи, академикъ Императорской академіи художествъ, знаменитый жанристъ Константинъ Александровичъ Трутовскій. Многочисленныя произведенія этого даровитѣйшаго и симпатичнѣйшаго художника, горячо любившаго искусство и неутомимо ему служившаго около сорока лѣтъ, извѣстны слишкомъ хорошо русскому обществу и пріобрѣли огромную популярность. Имя Трутовскаго знаетъ у насъ каждый грамотный человѣкъ, такъ какъ копіи съ картинъ несравненнаго жанриста появлялись не только въ гравюрахъ во всевозможныхъ нашихъ иллюстрированныхъ изданіяхъ, но даже на всякаго рода изданіяхъ народнаго, кустарнаго производства — дешевыхъ обояхъ, платкахъ, ситцахъ, на лубочныхъ картинкахъ и т. д. Въ пріемахъ карандаша и кисти Трутовскаго, изъ мастерской котораго вышла масса масляныхъ картинъ, акварелей и рисунковъ, была какая-то особенная, невыразимая прелесть, выкупавшая часто совсѣмъ банальные сюжеты, повторенія, чѣмъ въ нѣкоторой степени страдалъ талантливый художникъ. Это была—по справедливому отзыву одного изъ біографовъ Трутовскаго — та чарующая прелесть, которая отличаетъ немногихъ счастливцевъ, обладающихъ рѣдкою воспріимчивостью, постоянно настроенной уловлять тончайшіе художественные оттѣнки въ жизни природы и людей. У такихъ художниковъ самомалѣйшая безделица, едва-едва очерченная, живетъ и дышетъ наравнѣ со всѣмъ окружающимъ. По этой причинѣ для человѣка, знакомаго



К. А. ТРУТОВСКІЙ,

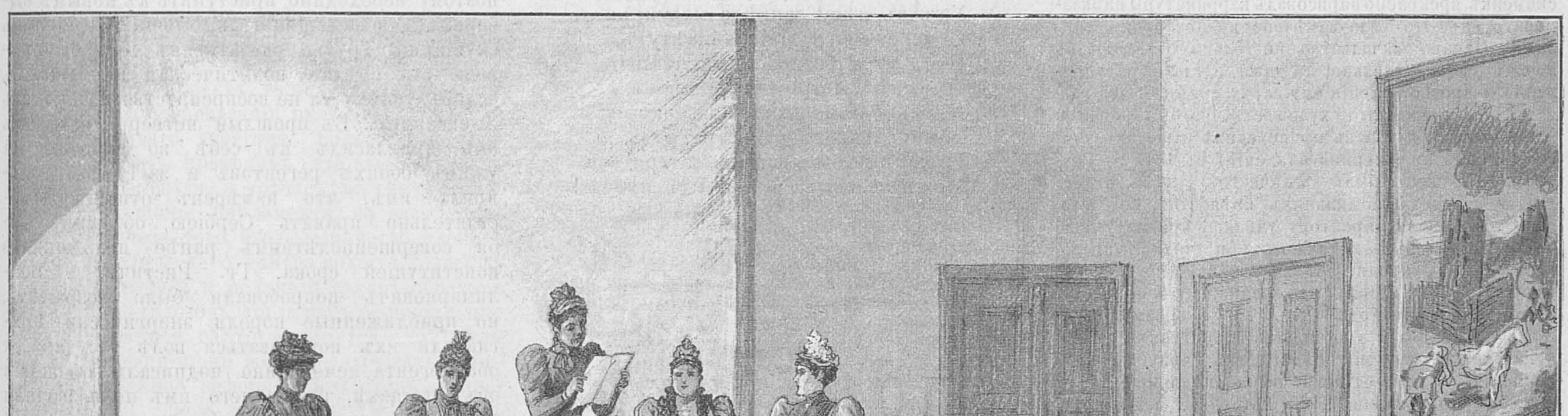
академикъ бытовой живописи, † 18-го марта с. г.

Гравюра-факсимиле А. И. Творожникова съ карандашнаго рисунка самого художника.

съ искусствомъ, одинаково драгоцѣнны и не вполнѣ оконченныя произведенія такихъ художниковъ, и ихъ книжки или альбомы, въ которые они вносятъ свои наброски. Самые обыкновенные предметы, каковы, напримѣръ, соломенная крыша надъ развалившимся хлѣвомъ, плетень, телѣга и проч. выходили у Трутовскаго полными своеобразной красоты, имъ присущей. Неисчерпаемый источникъ наслажденій представляютъ для всякаго истиннаго любителя искусства и карандашные рисунки Трутовскаго, представляющіе иллюстраціи къ произведеніямъ корифеевъ родной нашей словесности; превосходные рисунки къ баснямъ Крылова, къ „Сорочинской ярмаркѣ“ и „Майской ночи“ Гоголя и друг., число которыхъ простирается до ста слишкомъ, достаточно знакомы русской публикѣ, также какъ знакомы всѣмъ и каждому его произведенія бытового характера вродѣ „Перехода черезъ ручей“, „Возвращеніе съ бахчи“, „Передъ разлукой“, „Неожиданная находка“, „Украинская Гретхенъ“, „Се діло треба розжуваты“ и проч. Кисти Трутовскаго принадлежатъ нѣсколько прекрасныхъ картинъ исторической живописи, но слава его почти исключительно зиждется на картинахъ и рисункахъ, сюжеты которыхъ взяты изъ природы и быта Украйны. Тарасъ Григорьевичъ Шевченко воспѣлъ въ звучныхъ стихахъ этотъ благодатный край —

...Гдѣ все обиліемъ дышетъ
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ тонутъ хутора...
Гдѣ изъ цвѣтовъ вѣнокъ плететъ Маруся,
О старинѣ поетъ слѣпой Грицко...

Трутовскій живописалъ кистью и карандашомъ эти дивныя мѣста съ ихъ своеобразнымъ, интереснымъ бытомъ. Онъ такой же поэтъ Украйны, какъ и Шевченко, и съ такимъ же точно зна-



С.-Петербургъ. — Открытіе Общества поощренія женскаго художественно-ремесленнаго труда 30-го марта с. г. въ Соляномъ Городкѣ.

Съ натуры рисовалъ для »Всемірной Иллюстраціи« К. О. Брожъ.

ніемъ и талантомъ разработалъ эту область. Эту нѣгу, прелесть украинской природы, эту поэтическую лѣнь хохла, неподражаемый юморъ малороссійской жизни, мелочи и тонкости ея онъ сумѣлъ уловить и передать въ рисункѣ съ невыразимымъ очарованіемъ. Его хохлы и хохлушки, малороссійскія хаты, волы, пруды съ плакучими ивами, — все это необыкновенно жизненно, характерно, колоритно.

К. А. Трутовскій сдѣлалъ для русскаго искусства все, что было въ его силахъ, и какъ педагогъ, проработавъ около десяти лѣтъ въ качествѣ инспектора московскаго училища живописи, ваянія и зодчества. Въ числѣ его учениковъ были, между прочимъ, Новоскольцевъ, А. Киселевъ, В. Смирновъ. Онъ былъ также дѣятельнымъ участникомъ петербургскихъ художественныхъ собраній, извѣстныхъ подъ именемъ „Пятницъ". Его картины, акварели и рисунки появлялись на выставкахъ въ Москвѣ и Петербургѣ, а также и на всемірныхъ — парижской и антверпенской; но не малое число произведеній живописателя Украйны нигдѣ не выставлялось, такъ какъ шло изъ мастерской его непосредственно къ заказчикамъ. Какъ человѣкъ, Трутовскій также внушалъ къ себѣ большія симпатіи. Болѣе или менѣе близко знавшимъ его хорошо памятенъ свѣтлый образъ этой честной личности, всей душой преданной любимому искусству, всегда отзывчивой на все доброе, всегда готовой раньше всѣхъ откликнуться на каждый призывъ, на каждую, сколько нибудь уважительную просьбу о помощи.

Константинъ Александровичъ Трутовскій родился 28-го января 1826 года въ своемъ родовомъ помѣстьѣ Поповкѣ, ахтырскаго уѣзда, харьковской губерніи, которое было даровано его предкамъ еще Петромъ I. Его отецъ—потомокъ стариннаго дворянскаго рода очень любилъ живопись, а потому когда Константинъ Александровичъ сталъ въ раннемъ дѣтствѣ проявлять способности къ рисованію, отецъ всячески старался поддерживать и развивать эту склонность сына. На тринадцатомъ году Константина Александровича отвезли въ Петербургъ и помѣстили въ Николаевское инженерное училище, курсъ котораго онъ окончилъ въ 1843 году и затѣмъ былъ выпущенъ въ саперы. Въ училищѣ онъ занимался науками довольно ревностно, но весь досугъ посвящалъ рисованію, обративъ вниманіе начальства на свое сильное влеченіе къ художественному творчеству однимъ довольно курьезнымъ эпизодомъ. Однажды К. А. во время экзаменовъ, сидя на задней скамейкѣ, прекрасно нарисовалъ карикатуры на экзаменаторовъ. Это было замѣчено инспекторомъ училища. Однако начальство не только отнеслось къ юношѣ снисходительно, но даже сдѣлало распоряженіе о предоставленіи ему всѣхъ средствъ для развитія его природнаго художественнаго дарованія. По окончаніи курса въ офицерскихъ классахъ училища (нынѣ инженерная академія) въ 1847 г., Трутовскій долженъ былъ въ качествѣ сапера отправиться въ одну изъ дальнихъ крѣпостей, но благодаря тогдашнему директору училища генералу Ломновскому онъ былъ оставленъ при училищѣ преподавателемъ. Природный талантъ однако неудержимо увлекалъ его въ сторону отъ военной службы, и Трутовскій уже спустя годъ, т. е. въ 1848 г. бросилъ педагогическія занятія въ училищѣ и поступилъ въ Императорскую академію художествъ, причемъ одновременно съ нимъ оставилъ военное поприще цѣлый кружокъ его товарищей, въ которомъ, между прочимъ, были Д. В Григоровичъ и Ѳ. М. Достоевскій. Въ академіи Трутовскій изучалъ историческую живопись подъ руководствомъ профессора Ѳ. А. Бруни, но часы досуга посвящалъ жанру, рисуя народныя сцены. Въ 1849 г., по случаю смерти матери, онъ отправился въ Малороссію къ отцу; картины украинской природы и жизни подѣйствовали на него въ высшей степени обаятельно, и съ этого времени рисованіе съ натуры народныхъ малороссійскихъ сценъ стало любимой его работой. Въ 1850 г. Трутовскій женился на С. А. Самбурской, племянницѣ Сергѣя Тимофеевича Аксакова и прожилъ съ ней девять счастливыхъ лѣтъ. Овдовѣвъ, онъ вторично женился въ 1861 г. на внучатной племянницѣ А. С. Грибоѣдова — О. И. Анненковой. По смерти родителей, когда К. А. досталась деревня Яковлевка, обоянскаго уѣзда, курской губерніи, онъ вышелъ въ отставку и, съ 1851 г, живя большею частью въ деревнѣ, вполнѣ отдался своему настоящему призванію. Въ 1856 г. за картины и акварели, привезенныя имъ въ Москву на выставку, академія присудила ему званіе свободнаго художника. Въ слѣдующемъ году онъ былъ за границей, посѣтивъ, между прочимъ, Берлинъ, Дюссельдорфъ и Дрезденъ. Картины „Русскій хороводъ", „Дьячекъ, обучающій дѣтей пѣнію", „Деревенская ярмарка" и „Игра въ карты" доставили ему въ 1861 г. званіе академика по живописи народныхъ сценъ. На слѣдующій годъ онъ снова ѣздилъ за границу, а въ 1865 г. былъ избранъ предсѣдателемъ обоянской земской управы, но вскорѣ, видя, что должность мѣшаетъ его занятіямъ искусствомъ, отказался отъ нея Съ 1871 г. по 1881 г. Трутовскій состоялъ инспекторомъ училища живописи, ваянія и зодчества въ Москвѣ, и затѣмъ, выйдя въ отставку, почти безвыѣздно жилъ въ своемъ имѣніи. К. А. Трутовскій прекрасно владѣлъ и перомъ, умѣя живо разсказывать о прошломъ, и ему, между прочимъ, принадлежатъ интересныя статьи: „Разсказъ о Степанѣ Петровичѣ Шевыревѣ" („Художественный журналъ" 1881 г., № 5), „Воспоминанія о Сергѣѣ Тимоѳеевичѣ Аксаковѣ" („Русскій художественный архивъ" 1892 г., кн. 1) и „Воспоминанія о Ѳеодорѣ Михайловичѣ Достоевскомъ („Русское Обозрѣніе" 1893 г., № 1).

Стихотвореніе

Вешнія пѣсни

I

Съ каждымъ днемъ веселѣе живется,
Съ каждымъ часомъ тучнѣютъ поля,
И въ саду цѣлый день раздается
Надъ бесѣдкой гудѣнье шмеля.
Ходитъ солнышко по̀ небу выше,
Ароматнѣе травы цвѣтутъ,
И у насъ на соломенной крышѣ
И скворцы, и касатки поютъ.
Скоро тополь осыпетъ сережки,
Въ бузинѣ запоетъ соловей,
А твои бѣлоснѣжныя ножки
Испытаютъ, нагрѣлся-ль ручей?..

II

Это утро такъ ласково грѣетъ
Пробужденныя къ жизни поля,
Что восторгомъ душа пламенѣетъ,
И весной не нарадуюсь я!
Ужъ въ лѣсу зацвѣла медуница,
И черешня, и яблонь цвѣтутъ,
И съ утра безпокойныя птицы
О веснѣ быстролетной поютъ.
Я дышу — не могу надышаться,
Замираетъ отъ радости грудь,
И хотѣлъ бы на вѣкъ затеряться
Межъ зеленыхъ полей гдѣ нибудь!

Ал. Будищевъ

ПОЛИТИКА

5 (17) апрѣля 1893 г.

Только что окончившаяся Свѣтлая недѣля не отличалась, какъ и слѣдовало ожидать, сколько нибудь выдающимся интересомъ нашей внутренней жизни. Толки, возбужденные въ обществѣ и въ печати назначеніемъ тайнаго совѣтника Ермолова на должность управляющаго министерствомъ государственныхъ имуществъ были единственнымъ вопросомъ оказывавшимся на очереди въ этой области. Характерною и знаменательною ихъ особенностью являлась полнѣйшая тождественность надеждъ, возбужденныхъ этимъ назначеніемъ. Въ тотъ день, когда новый министръ простился со своими прежними сослуживцами по министерству финансовъ, изъ рѣчи, которою привѣтствовалъ его бывшій непосредственный начальникъ, равно какъ и изъ его отвѣта на эту рѣчь обнаружилось: вопервыхъ, что А. С. Ермоловъ намѣренъ обращать на своемъ новомъ посту особенное вниманіе на интересы отечественнаго земледѣлія, а во вторыхъ, что онъ можетъ разсчитывать при исполненіи этой важной задачи на полное сочувствіе и содѣйствіе министра финансовъ, не менѣе его убѣжденнаго въ томъ, что экономическое благосостояніе Россіи зависитъ главнымъ образомъ отъ надлежащаго развитія ея земледѣльческой промышленности.

Изъ политическихъ событій, происшедшихъ за послѣдніе семь дней въ западной Европѣ, самымъ интереснымъ для русской публики и въ то же время самымъ неожиданнымъ для всѣхъ вообще была правительственная перемѣна, происшедшая въ Бѣлградѣ по почину короля Александра I, объявившаго вечеромъ въ прошедшій четвергъ свою рѣшимость взять въ свои собственныя руки управленіе страною и уволившаго отъ исполненія ихъ обязанностей регентовъ Ристича и Беллимарковича, а вмѣстѣ съ ними и все либеральное министерство Аввакумовича.

Вполнѣ основательнымъ поводомъ къ этому внезапному правительственному перевороту послужилъ совершенно противу-конституціонный образъ дѣйствій, котораго держались за послѣднее время оба регента и ихъ министры. Когда обнаружилось, что на недавнихъ выборахъ въ скупщину, имѣвшую назначить третьяго регента вмѣсто скончавшагося прошлымъ лѣтомъ Протича, радикалы получили приблизительно столько же мѣстъ, какъ и поддерживавшіе регентовъ либералы, правительство обнаружило весьма ясно намѣреніе поправить эту относительную неудачу систематическимъ признаніемъ недѣйствительности избранія большей части радикаловъ. При выборахъ провѣрочныхъ коммиссій либералы устроились такъ, чтобы въ большинствѣ коммиссіи не оказалось ни одного радикала. Хорошо понимая, что такая подтасовка поведетъ къ ихъ устраненію изъ скупщины, радикалы отпарировали готовившійся ударъ тѣмъ, что всѣ поголовно отказались участвовать въ засѣданіяхъ, такъ что сдѣлали невозможнымъ избраніе третьяго регента, для котораго на конституціи необходимо участіе въ подачѣ голосовъ по меньшей мѣрѣ двухъ третей всѣхъ членовъ скупщины. Регенты и министерство Аввакумовича, не желая признать себя побѣжденными, вознамѣрились послѣ этого объявить, что, отказываясь отъ участія въ засѣданіяхъ, радикалы тѣмъ самымъ сложили съ себя свои полномочія, и что поэтому необходимо приступить къ новымъ выборамъ для замѣщенія „выбывшихъ" членовъ скупщины. Трудно сказать—къ чему бы привела эта смѣлая политическая передержка, еслибъ успѣху ея не воспрепятствовалъ король Александръ. Въ прошлый четвергъ вечеромъ онъ пригласилъ къ себѣ во дворецъ на ужинъ обоихъ регентовъ и за столомъ объявилъ имъ, что намѣренъ отнынѣ самостоятельно править Сербіею, объявивъ себя совершеннолѣтнимъ ранѣе положеннаго конституціей срока. Гг. Ристичъ и Беллимарковичъ попробовали было возражать, но приближенные короля энергически пригласили ихъ повиноваться волѣ государя, и оба регента немедленно подписали прошенія объ отставкѣ, послѣ чего имъ не позволили удалиться изъ дворца, гдѣ они и провели всю ночь съ четверга на пятницу.

На слѣдующее утро все было кончено. Войска еще ночью присягнули взявшему въ свои руки власть королю, народъ привѣтствовалъ съ восторгомъ происшедшую перемѣну, а во главѣ управленія стало министерство, набранное почти исключительно изъ радикаловъ и имѣющее въ своей главѣ главнаго наставника короля Александра I, президента государственнаго совѣта Докича. Первымъ дѣломъ этого министерства было распустить скупщину по поводу того, что собраніе это не имѣло возможности организоваться согласно съ требованіями конституціи. Новые выборы назначены на половину мая, а открытіе засѣданій будущей скупщины—на 1 іюня (стараго стиля).

Такимъ образомъ рѣшительнымъ шагомъ юноши-короля положенъ былъ неожиданно конецъ смутному и опасному положенію, созданному бывшими регентами и министерствомъ Аввакумовича. Когда происшедшее въ Бѣлградѣ стало извѣстно въ остальной Европѣ, ни откуда рѣшительно не раздалось осужденія совершившемуся перевороту. Дипломатическіе представители Россіи и Франціи, немедленно же поздравили короля Александра I со вступленіемъ во власть. Въ здѣшней французской газетѣ „Journal de St.-Pétersbourg" появился отзывъ, безусловно сочувственный сдѣланному имъ смѣлому шагу. Германская офи-

ціозная печать заговорила въ томъ же тонѣ, а въ Австріи министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Кальноки поздравилъ явившагося къ нему съ извѣстіемъ о бѣлградскомъ событіи сербскаго посланника Симича, тогда какъ въ пештскомъ парламентѣ венгерскій министръ-президентъ, докторъ Векерле, объявилъ, что вышеупомянутое событіе вовсе не угрожаетъ миру Европы и не даетъ австро-венгерскому правительству никакого повода вмѣшатся въ сербскія дѣла.

Это послѣднее заявленіе г. Векерле объясняется тѣмъ, что не только австро-венгерская и германская печать, но еще и бывшій король Сербіи Миланъ Обреновичъ поспѣшили признать, что бѣлградскій переворотъ имѣлъ подкладкою горячее желаніе короля Александра I жить въ самой тѣсной дружбѣ съ Россіей. Въ слѣдующей нашей хроникѣ мы, быть можетъ, поговоримъ еще объ этой сторонѣ вопроса, которая, вѣроятно, значительно выяснится въ теченіе нынѣшней недѣли. Теперь же мы ограничимся горячими пожеланіями юному сербскому государю и его народу полнаго успѣха на томъ новомъ пути, на который они вступили съ устраненіемъ столь смѣло злоупотреблявшаго своею властью регентства.

Въ Германіи возобновилась на прошлой недѣлѣ сессія имперскаго парламента, но рѣшительныя пренія о военномъ законопроектѣ еще не начались, да, вѣроятно, и не начнутся до тѣхъ поръ, пока не пріѣдетъ обратно изъ Рима императоръ Вильгельмъ II, отправляющійся туда въ началѣ нынѣшней недѣли на серебряную свадьбу короля Гумберта и королевы Маргариты. Въ первомъ же засѣданіи рейхсрата извѣстный анти-семитъ, ректоръ Альвардтъ, заявилъ президенту, что онъ располагаетъ теперь всѣми обѣщанными имъ документами по дѣлу объ имперскомъ инвалидномъ капиталѣ и внесетъ ихъ въ парламентъ какъ только будетъ избрана коммиссія для ихъ разбора. Заявленіе это было почему-то признано президентомъ несогласнымъ съ уставомъ, и въ то время, когда мы пишемъ эту хронику, изъ Берлина не имѣется еще никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній по этому интересному дѣлу. Что же касается до участи, ожидающей военный законопроектъ, то получающіяся о ней изъ Берлина предсказанія оказываются весьма противорѣчиваго свойства. Большинство нѣмецкихъ газетъ пророчитъ, что законопроектъ будетъ отвергнутъ и тотчасъ за тѣмъ послѣдуетъ распущеніе парламента, но есть также слухи и насчетъ того, что большинство членовъ партіи католическаго центра подастъ голоса за проектъ, который и получитъ такимъ образомъ большинство голосовъ, тогда какъ оффиціальные вожди названной партіи останутся „для формы“ въ оппозиціи, не желая раздражать враждебныхъ военной реформѣ католиковъ-избирателей. Само собою разумѣется, что за этотъ парламентскій фокусъ партія центра ждетъ себѣ отъ правительства приличной награды въ формѣ отмѣны изгнанія іезуитовъ изъ Германіи, а другіе говорятъ, и вторичнаго рѣшенія въ рейхсратѣ правительства проекта закона, о народныхъ школахъ, отдающаго эти школы въ руки духовенства.

Въ Австро-Венгріи не происходило на минувшей недѣлѣ ничего особенно выдающагося, кромѣ извѣстнаго уже читателямъ заявленія доктора Векерле въ венгерскомъ парламентѣ.

Во Франціи продолжается еще пріостановка парламентской сессіи, вызванная сессіей департаментскихъ совѣтовъ. Въ воскресенье происходили муниципальные выборы въ Парижѣ, но результатъ ихъ пока еще неизвѣстенъ. Въ публикѣ возбуждаютъ нѣкоторый интересъ „разоблаченія“ только что помилованнаго президентомъ республики изобрѣтателя мелинита, г-на Тюрпена, который утверждаетъ, что бывшій военный министръ, г. де Фрейсине, пытался купить его молчаніе цѣною освобожденія его изъ тюрьмы ранѣе срока. Въ кружкахъ, болѣе серьезно настроенныхъ, толкуютъ о заявленіи министра финансовъ, г-на Пейтраля, насчетъ невозможности уравновѣсить бюджетъ на 1894 годъ, иначе какъ путемъ новаго крупнаго займа, чуть ли не въ милліардъ франковъ, но слѣдуетъ еще подождать, чтобы г. Пейтраль повторилъ эти заявленія въ палатѣ депутатовъ, когда она возобновитъ свои засѣданія.

Въ Бельгіи происходятъ съ половины прошлой недѣли весьма серьезные безпорядки являющіеся протестами противъ отказа парламента ввести всеобщую подачу голосовъ. Рабочая партія грозилась отвѣтить на подобный отказъ пріостановкою всѣхъ работъ въ странѣ, но ей не удалось вполнѣ осуществить эту угрозу. Произошли только частныя забастовки, въ которыхъ однакоже принимаютъ участіе десятки тысячъ рабочихъ. Въ самомъ Брюсселѣ ежедневно происходятъ враждебныя правительству и парламенту демонстраціи сторонниковъ всеобщей подачи голосовъ, и дѣло можетъ принять очень серьезный оборотъ, если парламентъ не измѣнитъ принятаго имъ рѣшенія.

Въ англійской палатѣ общинъ идутъ пренія объ ирландскомъ биллѣ, но до сихъ поръ они еще не представили ничего особенно интереснаго, такъ какъ оппозиція систематически ихъ затягиваетъ своими безконечными и почти всегда очень мало содержательными рѣчами.

Новое полезное Общество

Столица наша обогатилась недавно новымъ весьма полезнымъ Обществомъ. 30-го марта въ малой аудиторіи педагогическаго музея, въ Соляномъ Городкѣ, происходило торжественное открытіе, утвержденнаго министерствомъ финансовъ, „С.-Петербургскаго Общества поощренія женскаго художественно-ремесленнаго труда“, состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ Ея В. принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской. Фактически Общество это существуетъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ по утвержденіи своего устава въ сентябрѣ прошлаго года, оно уже въ декабрѣ устроило интересную выставку. Въ нашемъ русскомъ обществѣ вообще мало распространены свѣдѣнія о художественно-ремесленномъ трудѣ, вслѣдствіе чего лица, посвятившія себя этому труду, тратятъ много времени и труда совершенно непроизводительно, причемъ произведенія ихъ страдаютъ несовершенствомъ, а отсутствіе правильной организаціи сбыта, лишаетъ ихъ регулярнаго заработка. Масса тружениць-женщинъ терпятъ крайнюю нужду. Помочь дѣлу вызвались нѣсколько дамъ-патронессъ, во главѣ съ М. И. Аргамаковой, предсѣдательницей новаго общества, супругой свиты Его И. В. генералъ-маіора, получившей уже нѣкоторую извѣстность по своей профессіональной рукодѣльной школѣ. Такимъ образомъ новое Общество, состоящее въ вѣдомствѣ министерства финансовъ по департаменту торговли и мануфактуръ, преслѣдуетъ цѣли: 1) содѣйствіе усовершенствованію женскаго издѣльнаго труда въ отношеніи вкуса, отчетливости исполненія, изящества и доброкачественности издѣлій; 2) увеличеніе прибыльности и производительности издѣльнаго труда; 3) пріисканіе работницамъ занятій и указаніе имъ новыхъ отраслей примѣненія женскаго труда; 4) облегченіе сбыта готовыхъ издѣлій и указаніе новыхъ рынковъ сбыта, а также оказаніе матеріальнаго воспособленія труженицамъ, впавшимъ въ нужду. Для достиженія этихъ цѣлей обществу предоставлено устраивать собранія, бесѣды и лекціи для распространенія свѣдѣній о новѣйшихъ усовершенствованіяхъ въ различныхъ отрасляхъ женскихъ рукодѣлій; открывать выставки, назначать конкурсы для поддержанія наиболѣе нуждающихся производствъ; учредить музей образцовъ женскихъ рукодѣлій, библіотеку спеціальныхъ изданій и издать руководство по женскому труду; оказывать работницамъ содѣйствіе и принимать на себя посредничество по пріобрѣтенію необходимыхъ для нихъ матеріаловъ, инструментовъ, орудій производства и пр., по возможно дешевымъ цѣнамъ и по сбыту произведеній ихъ художественно-ремесленнаго труда устройствомъ особыхъ складовъ и коммиссіонерствъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сказанныя произведенія могутъ имѣть выгодный сбытъ, учредить кассу взаимнаго вспомоществованія на случай болѣзни и другихъ несчастій, а также устроить склады и коммиссіонерства по продажѣ издѣлій. Въ ближайшемъ будущемъ комитетъ общества предполагаетъ устроить совѣщательный кабинетъ для полученія отъ компетентныхъ лицъ,—художниковъ, совѣтовъ и указаній при изготовленіи изящныхъ издѣлій, предпринимаемыхъ членами.

Учредительницами этого общества состоятъ: жена свиты Его Императорскаго Величества генералъ-маіора М. И. Аргамакова, баронесса Х. Я. Гревениць, жена тайнаго совѣтника, сенатора М. С. Мельникова, дочери генералъ-лейтенанта А. П. Вохина, М. П. Вохина, О. П. Рикманъ и Т. Б. Семечкина. Дѣлами общества завѣдуетъ правленіе, которое состоитъ изъ предсѣдательницы, ея товарища и трехъ членовъ. Взносы для членовъ различны: для почетныхъ—300 р., дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-соревнователей—6 р. и членовъ-сотрудниковъ – 3 руб.

На торжество открытія собрались учредительницы и члены общества. Среди нихъ были членъ государственнаго совѣта И. А. Вышнеградскій съ супругой, оберъ-гофмейстеръ Высочайшаго Двора князь Г. Г. Гагаринъ; камергеръ П. В. Жуковскій, тайный совѣтникъ В. А. Ратьковъ-Рожновъ, генералъ-лейтенантъ А. А. Савурскій, свиты Его Императорскаго Величества генералъ-маіоры В. В. фонъ-Валь, с.-петербургскій градоначальникъ, и К. Ф. Аргамаковъ и другіе. Здѣсь же находились воспитанницы профессіональной рукодѣльной школы М. И. Аргамаковой. Послѣ молебствія предсѣдательница обратилась къ присутствовавшимъ съ краткою рѣчью въ которой изобразила въ яркихъ краскахъ положеніе у насъ женскаго художественно-ремесленаго труда, указавъ въ заключеніе, чего въ правѣ общество ожидать отъ новаго учрежденія.

Выставка картинъ Перваго Дамскаго художественнаго кружка

Въ началѣ марта въ залахъ Николаевскаго дворца открылась ежегодная выставка перваго дамскаго художественнаго кружка. Среди многочисленныхъ выставокъ текущаго сезона нельзя не обратить вниманія на эту выставку, представляющую совершенно своеобразный интересъ. Первый дамскій художественный кружокъ, какъ извѣстно, общество благотворительное, цѣль его — помогать неимущимъ художникамъ ихъ семьямъ и вдовамъ. Несмотря на то, что средства кружка пока еще очень незначительны, онъ находитъ возможнымъ оказывать пособія многимъ вдовамъ художниковъ, ученикамъ академіи и школы общества поощренія художествъ и даже воспитывать на свои средства въ различныхъ учрежденіяхъ нѣсколькихъ сиротъ художниковъ. Десять лѣтъ тому назадъ нѣсколько дамъ-художницъ соединилось въ маленькое общество съ цѣлью своимъ трудомъ по мѣрѣ силъ помогать неимущимъ собратьямъ по искусству. Среди этихъ дамъ не было капиталистокъ, имѣвшихъ возможность своими средствами положить прочное основаніе новому обществу: единственнымъ его доходомъ были—членскіе взносы и выручка съ выставки работъ членовъ съ лотереею; несмотря на это съ перваго же года кружокъ приступилъ къ выполненію своей задачи. Съ каждымъ годомъ дѣятельность кружка расширялась, увеличивалось число членовъ, увеличивались и средства, а съ ними вмѣстѣ и помощь нуждающимся. Въ прошломъ году дамскій кружокъ отпраздновалъ десятилѣтіе своего существованія. Изъ краткихъ очерковъ дѣятельности кружка, появившихся тогда въ печати, можно видѣть болѣе подробно, какъ мало по малу кружокъ расширялся, какъ понемногу возрастала его дѣятельность. Петербургское общество очень сочувственно относится къ цѣлямъ кружка и всегда стремится принести и свою лепту, посѣщая выставки. Многіе наши извѣстные художники принимаютъ участіе въ собраніяхъ кружка по средамъ въ Михайловскомъ дворцѣ, гдѣ члены общества проводятъ вечера въ занятіяхъ искусствомъ.

Выставку перваго дамскаго художественнаго кружка нельзя сравнивать съ другими художественными выставками: это не исключительно художественная, а скорѣе художественно-ремесленная выставка. Наряду съ картинами и скульптурою на ней всегда масса работъ очень изящныхъ и красивыхъ, но не имѣющихъ прямаго отношенія къ искусству; для исполненія подобныхъ работъ не только не надо художественнаго образованія, но даже совершенно достаточно поверхностнаго знакомства съ первоначальнымъ рисованіемъ. На выставкѣ нынѣшняго года такого рода работы, выдѣленныя отъ чисто-художественныхъ произведеній, были расположены въ отдѣльныхъ галлереяхъ, и такимъ образомъ представляли собой какъ бы самостоятельный художественно-ремесленный отдѣлъ. Здѣсь посѣтитель видѣлъ и деновъ кружка, тогда какъ въ предшествовавшіе годы коративную живопись по стеклу, дереву, кожѣ; выжиганіе, соединенное съ акварелью, тисненіе по кожѣ, даже раскрашенныя кружева (подушка г-жи Саломирской), что въ сущности не имѣетъ почти никакого отношенія къ художеству. Тутъ находилась масса разныхъ этажерокъ, полокъ, шкафиковъ самыхъ разнообразныхъ и замысловатыхъ фасоновъ, расписанныхъ акварелью или выжженныхъ, очень красивыхъ и изящныхъ вещицъ, доказывающихъ вкусъ и изобрѣтательность ихъ создательницъ. Здѣсь же, въ этомъ же отдѣлѣ, находилась живопись по фарфору, которой тоже было очень много: и портреты, и копіи съ картинъ, и альбомы, тарелки, вазы, чашки — все очень мило, изящно, красиво, и часто очень тонко исполненное. Пальму первенства въ живописи по эмали по всей справедливости надо отдать г-жамъ Іолшиной и Флинти.

Въ залѣ, слѣдующей за этой галлереей, былъ расположенъ второй отдѣлъ выставки — отдѣлъ предметовъ, назначенныхъ въ лотерею-аллегри, которая розыгрывалась въ продолженіи недѣли, начиная съ воскресенья, 14-го марта. Это былъ самый большой и самый разнообразный отдѣлъ выставки, заключавшій въ себѣ до 300 нумеровъ, въ числѣ которыхъ находились рисунки, этюды и акварели извѣстныхъ художниковъ, напримѣръ, Мещерскаго, Лагоріо, Крыжицкаго, Боброва и нѣкоторыхъ другихъ. Въ нынѣшнемъ году въ этомъ отдѣлѣ, сравнительно съ прошлыми годами, было очень много картинъ, рисунковъ и акварелей работы членовъ кружка, тогда какъ въ предшествовавшіе годы

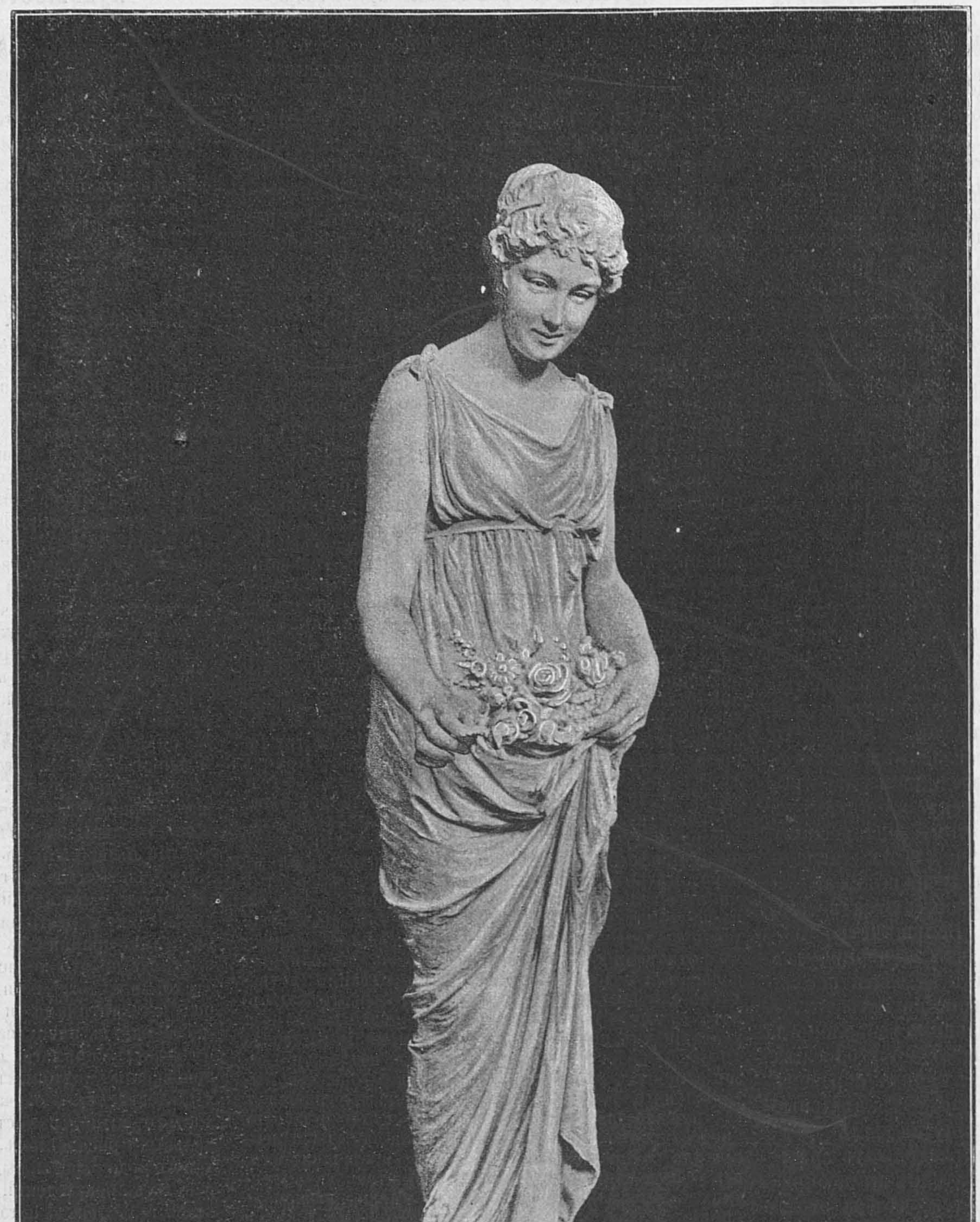
преобладалъ фарфоръ, живопись по дереву и т. п., чему нельзя не порадоваться, какъ доказательству того, что дамы стремятся къ болѣе серьезному въ искусствѣ. Заслуживали полнаго вниманія акварели (цвѣты) г-жъ Ендоуровой, Стефанъ, Іолшиной, живопись по фарфору М. П. Вохиной, г-жи Кельчевской, живопись по стеклу баронессы Розенъ, пейзажи масляными красками баронессы Врангель. Нельзя не

Въ этой же залѣ находилось очень небольшое число картинъ, пожертвованныхъ членами и не включенныхъ въ число выигрышей, а продававшихся въ пользу кружка. Едва ли не лучшая вещь въ этомъ маленькомъ отдѣлѣ была „Макъ“ гр. Толстой.

Въ третьемъ отдѣлѣ выставки — отдѣлѣ картинъ и акварелей, преобладалъ пейзажъ. Первое мѣсто по справедливости должно быть отдано бар.

ея же. Очень хорошъ „Букетъ сирени“ бар. Паленъ, „Розы“ г-жи Стефанъ, и „Полевые цвѣты“ г-жи Жоховой. Жанръ и портреты въ этомъ году почти отсутствовали.

Нынѣшнюю выставку можно считать очень удавшеюся сравнительно съ прежними, въ особенности съ прошлогодней. Слѣдя изъ года въ годъ за этими выставками, нельзя не замѣтить и не привѣтствовать



»Весна« — статуя изъ гипса работы академика Р. Р. Баха.

С.-Петербургъ. — Выставка 1893 года въ Императорской академіи художествъ.

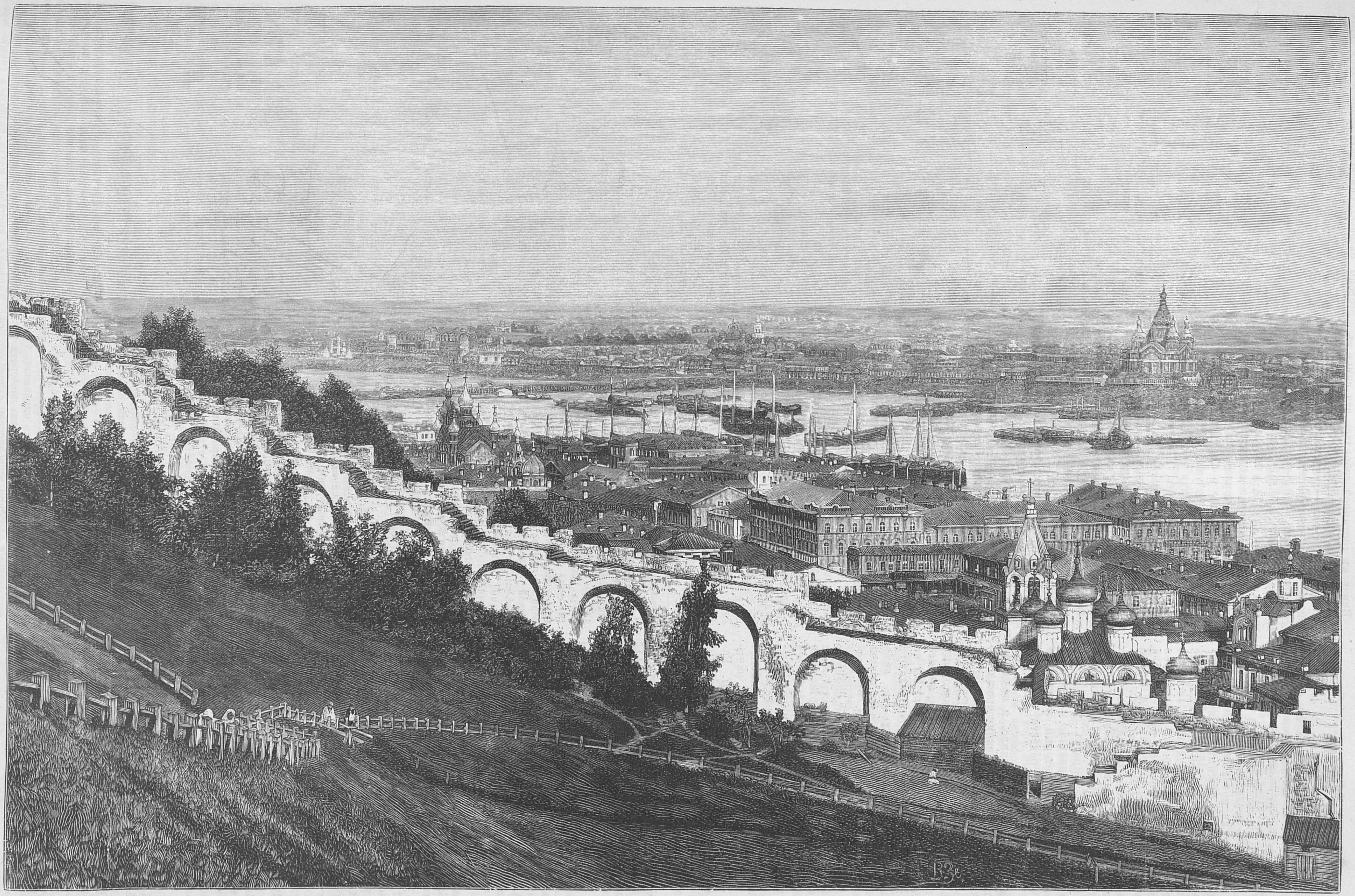
упомянуть объ очень хорошо исполненныхъ барельефахъ изъ воска г-жи Диллонъ и въ особенности г-жи Вернеръ, которая при очень изящной фантазіи обладаетъ хорошей техникой и рисункомъ. Послѣ составленія каталога въ этомъ отдѣлѣ прибавилось довольно много предметовъ, въ томъ числѣ прелестная группа изъ бронзы „Медвѣжата“ извѣстнаго скульптора Обера.

Врангель, выставившей нѣсколько видовъ Бретани и береговъ Финскаго залива. П. П. Куріаръ, предсѣдательница кружка, какъ и всегда, выставила очень много картинъ и этюдовъ; лучшіе изъ нихъ: „Охотникъ“, „Рейнъ“, „Улица“. Очень была интересна цѣлая серія этюдовъ изъ послѣдняго путешествія художницы. Недурны „Стоги сѣна подъ снѣгомъ“ г-жи Константиновой и „Окрестности Луги“ (зима)

успѣхи, которые проявляютъ очень многіе члены этого симпатичнаго кружка.

Остается пожелать, чтобы нынѣшняя выставка оказалась на столько же удачной и въ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ не надо забывать, что главная цѣль дамскаго кружка — помощь неимущимъ.

Л. Ср—вская



По Россіи. — Нижній-Новгородъ. Видъ на Кунавино съ кремля. Мѣсто сліянія Оки съ Волгой.

Съ фотографіи Н. Воротебскаго, снятой для «Всемірной Иллюстраціи», гравировалъ В. В. Зейпель.

Имянины бабушки

Бабушка проснулась недавно. Въ сѣренькомъ капотѣ, въ ночномъ чепчикѣ стоитъ она у растворениаго окна въ своей комнатѣ наверху и съ наслажденіемъ вдыхаетъ чистый утренній воздухъ. Окно выходитъ въ садъ и вмѣстѣ съ потокомъ свѣта и тепла въ комнату врывается нѣжный ароматъ цвѣтовъ. Слабые, добрые глазки бабушки жмурятся отъ яркаго лѣтняго солнца. Бабушка усаживается въ кресло около окна и грѣется подъ жаркими лучами, точь въ точь, какъ ея кошка Машка, растянувшаяся во всю длину на горячемъ подоконникѣ.

Старушка хочетъ немного помечтать. Все проходитъ съ годами и страсти, и волненія. Все успокаивается и замираетъ. Но мечты остаются, остаются воспоминанія, и нѣтъ на свѣтѣ стараго человѣка, который не вспоминалъ бы порою про былыя радости, про былое счастье.

Бабушка сегодня имянинница и невольно ея мысли обращаются къ далекому прошлому, когда она также была имянинница, но когда ей было только семнадцать лѣтъ. Ей живо представляется тотъ восторгъ, съ которымъ она принимаетъ подарокъ своего отца, первый въ ея жизни, брилліантовый браслетъ. Вы не шутите этимъ; первые брилліанты составляютъ эпоху въ жизни женщины такую же, какъ первое длинное платье, первый балъ, первое объясненіе въ любви. Тогда въ день ея имянинъ у нихъ былъ вечеръ. Собрались подруги, знакомые и пріѣхалъ *онъ*...

Глазки бабушки дѣлаются еще добрѣе, хотя это кажется невозможнымъ, она тихо улыбается и ласково гладитъ шелковистую спинку Машки. Плутовка потягивается и начинаетъ играть съ бабушкиной рукой своими лапками. Надъ головою бабушки, въ верхней комнатѣ, начинается топотъ и нарушаетъ ея мечты. Бабушка прислушивается внимательно и улыбается опять: „Дѣти проснулись!" шепчутъ ея губы. Бабушка поспѣшно отходитъ отъ окна, звонитъ и начинаетъ одѣваться...

Наверху въ дѣтской — волненіе. Дѣтвора проснулась. Шестилѣтній Володя неистово бѣгаетъ по комнатѣ и обращаетъ нуль вниманія на воркотню няни. Няня такая же старушка, какъ и бабушка. У нея такое же сморщенное лицо и такіе же добрые, слезящіеся глаза.

— Да уймешься-ли ты, безстыдникъ! ворчитъ она на расшалившагося Володю, бѣгающаго въ одной рубашонкѣ.

— Развѣ можно босикомъ бѣгать. Одѣвайся скорѣе, баловникъ. Сегодня бабушка имянинница.

— Бабуся имянинница, бобу-у-ся имянинница. Ба-а-б-уся! кричитъ Володя и съ разбѣгу валится на кровать и болтаетъ ногами.

Его крикъ обращаетъ на себя вниманіе трехлѣтней Нади. До сихъ поръ она добросовѣстно изучала внутренность куклы. Но теперь кукла летитъ въ уголъ, а Надя начинаетъ хлопать въ ладошки и вторитъ Володѣ пронзительнымъ радостнымъ визгомъ.

— Б-а-буся имянинница! Пойдемъ къ бабусѣ.

Пара устремляется въ полномъ дезабилье къ дверямъ дѣтской, но тутъ перехватывается няней.

— Вы куда, безстыдники. Голышемъ... Внизу гости, батюшка пріѣхалъ, будутъ молебенъ служить. Нужно одѣться чистенько; мама велѣла вамъ надѣть новыя платья.

— Бархатное? спрашиваетъ озадаченный Володя.

— Тебѣ бархатное, а Нади — бѣлое.

— И сапоги новые?

— И сапоги.

Володя выражаетъ неудовольствіе.

— Они жмутъ новые сапоги...

— За то они новые, авторитетно возражаетъ няня.

Володя раздумываетъ, но желаніе блеснуть новыми сапогами беретъ верхъ.

Дѣти начинаютъ одѣваться, болтая безъ умолку, не хуже сороки, что стрекочетъ въ палисадникѣ.

Внизу въ гостинной собралась вся семья въ праздничныхъ платьяхъ, тутъ же присутствуетъ и батюшка — ровесникъ бабушкѣ, такой же старичекъ старенькій. Въ гостиной все убрано, окна отворены. Въ углу стоитъ столикъ, накрытый бѣлой скатертью; на немъ миски съ водой, свѣчи и епатрахиль батюшки.

Отворяется дверь и входитъ сама имянинница. Бабушка принарядилась, на ней шелковое платье старинное и бѣлый чепецъ съ кружевами и бантами. Бабушку радостно поздравляютъ, она и сама рада и счастлива.

Начинается молебенъ. Усердно молится бабушка и часто становится на колѣни на разостланомъ для нея коврикѣ. Дребезжащимъ голосомъ, чинно служитъ старый батюшка, и ему вторитъ баскомъ дьячекъ, ежеминутно оправляя свою жидкую косичку. Но вотъ молебенъ конченъ. Бабушка садится на диванъ и начинаетъ разговаривать съ своимъ другомъ батюшкой.

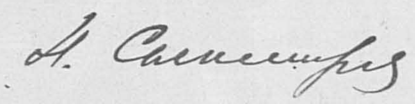
Въ залѣ слышится быстрый топотъ маленькихъ ножекъ, и въ гостинную вихремъ влетаетъ Надя, удивительно похожая на маленькаго херувима. Нѣсколько мгновеній... и Надя уже сидитъ на колѣняхъ бабушки и усердно что-то лопочетъ. Въ рукахъ у нея какой-то футляръ; его нужно отдать бабушкѣ. Такъ велѣла мама, но футляръ очень нравится и самой Надѣ, и хочется отдать, да и жалко...

— Это тебѣ бабуся... и мнѣ прибавляетъ Надя послѣ минутнаго раздумья.

Володя подходитъ вмѣстѣ съ папой очень озабоченный. Во первыхъ онъ, точно большой несетъ бабушкѣ подарокъ, а во вторыхъ... новые сапоги жмутъ очень...

Съ тихою радостью смотритъ бабушка на дорогихъ дѣтей и внуковъ, желающихъ ей счастья.

Но какого же счастья можно желать еще имянинницѣ бабушкѣ?!..



Нижній Новгородъ

Въ Нижнемъ-Новгородѣ находится узелъ двухъ величайшихъ рѣкъ центральной Россіи — Оки и Волги. Ока падаетъ въ Волгу въ самомъ городѣ, такъ сказать, въ центрѣ его, раздѣляя Нижній на двѣ части — на горную (составляющую собственно городъ) и громадное предмѣстье Кунавино, гдѣ происходитъ великое всероссійское торжище — нижегородская ярмарка. На нашемъ рисункѣ представлена эта именно центральная часть Нижняго — самый живой, неугомонный его участокъ, по которому проѣзжій можетъ составить полное понятіе о громадной роли этого города въ торгово-промышленной жизни Россіи. Передъ нами, на переднемъ планѣ рисунка старая, съ выкрашивающимися зубцами кремлевская стѣна, нисбѣгающая уступами, по склону горы. Кремль расположенъ на вѣнцѣ горы, почти на самомъ ея поворотѣ изъ долины Оки въ долину Волги; эта гора, раньше шедшая съ Окою, въ Нижнемъ покидаетъ свою спутницу; Ока отдаетъ Волгѣ не только свои воды, но и свой живописный нагорный берегъ, а что это берегъ не волжскій, а именно окскій, это очевидно для каждаго, путешествующаго на пароходѣ съ верху, т. е. отъ Рыбинска къ Нижнему, ибо до Нижняго Волга нигдѣ не имѣетъ такого высокаго нагорнаго берега; ѣдущіе въ Нижній изъ Москвы изъ своего вагона могутъ все время видѣть высокій берегъ Оки, которая, въ районѣ послѣднихъ станцій подъ Нижнимъ, мѣстами протекаетъ очень близко отъ полотна дороги. Нижній не раздѣляетъ участи большинства крупныхъ приволжскихъ городовъ, которые не имѣютъ никакого вида сверху, и, напротивъ, развертываются во всей красѣ при взглядѣ снизу. Съ парохода верхняго плеса (т. е. идущаго въ Нижній отъ Рыбинска) городъ виденъ съ громаднаго разстоянія — верстъ за тридцать, если не болѣе, и притомъ виденъ сразу весь, какъ на ладони; по мѣрѣ приближенія къ городу панорама шагъ за шагомъ все болѣе и болѣе развертывается и невольно приковываетъ къ себѣ взглядъ всякаго русскаго, обителя плоскихъ равнинъ. Гора, на которой стоитъ Нижній, возвышается надъ Волгою болѣе чѣмъ на 50 саженъ и городъ выступаетъ по вѣнцу этой возвышенности всѣми своими церквами, домами и густыми зелеными садами. А между тѣмъ, съ парохода, идущаго съ юга, городъ становится виденъ, да и то частями, только въ то время когда пароходъ подходитъ къ его окраинамъ. Саратовъ, Симбирскъ, Самара, какъ разъ наоборотъ, развертываются особенно живописною панорамою со стороны низовья; Симбирскъ, напр., виденъ снизу за 70 верстъ. Нашъ нижегородскій видъ взятъ съ высоты кремлевской горы. Передъ нами вся нижняя, подгорная часть города, за нею широкое устье Оки, покрытое безчисленными баржами, а на заднемъ планѣ, Кунавино, съ своимъ знаменитымъ соборомъ — великолѣпнымъ зданіемъ, отдѣланнымъ внутри съ замѣчательною роскошью на щедрыя пожертвованія ярмарочнаго торговаго люда. Влѣво, изъ за садовъ и церквей выступаетъ плашкоутный мостъ, единственный, соединяющій обѣ стороны города, а потому, конечно, въ ярмарочное время покрытый сплошною массою движущихся людей и грузовъ. Нижняя часть города, та самая, которая сгрудилась на нашемъ рисункѣ подъ зубцами кремлевской стѣны, самая оживленная во всемъ городѣ Кунавино, конечно, кипитъ ключемъ во время ярмарки и туда переходитъ вся городская сутолока во время ярмарки; но оживленіе этой части продолжается не болѣе 2—2½ мѣсяцевъ — часть іюня, когда идетъ подготовка къ ярмаркѣ, іюль и августъ, пока тянется самое торжище, часть сентября, когда коммерческій людъ, почившій отъ „дѣлъ", отводитъ душу въ фантастическихъ кутежахъ, столь прославившихъ макарьевскую ярмарку. Все остальное время года Кунавино пусто и мертво; нѣкоторое оживленіе остается только во время навигаціи по береговой линіи предмѣстья, на пространствѣ отъ плашкоутнаго моста до волжскаго берега, гдѣ вытянулись въ невзрачный рядъ многочисленные амбары и плавучія конторки пароходныхъ обществъ. Здѣсь идетъ выгрузка и нагрузка товаровъ, слышится хляскъ громадныхъ листовъ уральскаго желѣза, поднимаются тучки мучной пыли, грохочутъ бочки съ сахаромъ, катящіяся по деревяннымъ сходнямъ. За этою мѣстностью утвердилось названіе сибирской пристани; это исключительно товарная пристань; пассажиры здѣсь не садятся. Пріемъ пассажировъ на многочисленные волжскіе пароходы производится на Георгіевской пристани. Подъ этимъ названіемъ извѣстна та самая береговая полоса, часть которой видна на нашемъ рисункѣ подъ кремлевскою стѣною. Здѣсь рядъ пристаней, или, какъ говорятъ на Волгѣ, „конторокъ" тянется на протяженіи не менѣе двухъ верстъ, начинаясь невдалекѣ отъ плашкоутнаго моста. Нижній Новгородъ представляетъ узловую станцію пароходства всего волжскаго бассейна; здѣсь находятся главныя конторы пароходныхъ компаній собственно волжскихъ, камскихъ и окскихъ. Въ настоящее время по Волгѣ ходятъ до 800 пароходовъ, въ томъ числѣ около 50 пассажирскихъ; понятно, что въ узлѣ всего громаднаго пароходнаго волжскаго движенія, въ Нижнемъ, происходитъ настоящая сутолока судоходства и, рѣка передъ городомъ усѣяна всевозможными судами; баржи, конечно, причаливаютъ къ пристанямъ только для нагрузки и выгрузки, а остальное время стоятъ посреди рѣки; не смотря на то, что громадная рѣка образуетъ передъ городомъ водную площадь въ нѣсколько квадратныхъ верстъ, всетаки случается, что на этомъ пространствѣ суда такъ сгрудятся, что пароходамъ приходится съ величайшею осмотрительностью и съ безпрерывными свистками, пробираться по узкимъ корридорамъ, оставляемымъ между баржами. Объ оживленіи, господствующемъ на Георгіевской пристани, можетъ имѣть понятіе только житель крупныхъ торгово-промышленныхъ центровъ. Здѣсь, по узкой линіи набережной, плохо вымощенной и часто очень грязной, съ утра до ночи мчатся извощики со спѣшащими пассажирами, и снуютъ цѣлыя полчища крючниковъ; вся эта часть „георгіевской" публики толчется здѣсь цѣлый день, тутъ же, гдѣ-то по сосѣдству, гнѣздится, питается, пьянствуетъ и тутъ же несетъ свою двужильную работу на пользу громадной всероссійской коммерціи. Если судьба заброситъ васъ въ Нижній на одинъ изъ пароходовъ, стоящихъ подъ парами у Георгіевской пристани, поднимитесь на верхнюю палубу и взгляните оттуда вверхъ, на гору; передъ вами будетъ одно изъ самыхъ грандіозныхъ зрѣлищъ, какими могутъ усладить взоръ русскіе города: — далеко, далеко въ вышинѣ висятъ зубцы кремлевскихъ стѣнъ; по узенькимъ тропинкамъ тихо ползутъ, въ видѣ черныхъ точекъ, маленькіе человѣчки, а по вѣнцу горы, влѣво, за ажурною линіею перилъ вытянулся рядъ опрятныхъ домовъ; слѣва панорама замыкается великолѣпнымъ городскимъ садомъ, взбирающимся по крутому скату горы, почти отъ самой подошвы ея до вершины.

М. А. О.

Выставка птицеводства въ Петербургѣ

Пятая очередная выставка русскаго общества птицеводства, которая была открыта въ выставочномъ помѣщеніи Солянаго Городка, съ 30 марта по 4-е апрѣля текущаго года, отличалась обиліемъ экспонируемой птицы, среди которой особенно преобладали всевозможныя породы куръ. Гусей, утокъ и прочей домашней птицы было немного, такъ что нынѣшняя выставка могла назваться скорѣе всего

выставкой куроводства. Въ гнѣздѣ, доставленномъ отъ К. Л. Витовскаго (со станціи Колпино) выдавались итальянскія куропатчатыя куры и Лафлешъ, палевыя кохинхины и темныя брама. Обращали на себя вниманіе и бѣлыя кохинхины И. И. Соколовой. Тутъ же рядомъ съ ними бросались въ глаза своимъ великолѣпіемъ лангшанъ Н. И. Шишкина. О. И. Бургардтъ выставлялъ прекрасные экземпляры плимутрокъ и серебряный віандотъ. Не менѣе достойны были вниманія японскія „фениксъ" А. И. Карзанова. Неподалеку Г. Стурганъ выставилъ своихъ лангшанъ, которыя своею красотою привлекали общее вниманіе. Куроводомъ изъ Ревеля, Е. Ю. Блокъ, выставлена была масса птицъ; но изъ всей коллекціи выдавались больше всего золотисто-каймленныя віандотъ, черныя кохинхины и голоногія черныя лангшанъ. Хороши были также лангшанъ и у М. Д. Тимофеева. И. П. Митюрниковъ выставилъ чуть ли не два десятка гнѣздъ и всѣ они заслуживали также вниманія, какъ, напримѣръ, бэнтамы и орловскія. Совершенно отдѣльно стояла „охота" князя В. В. Оболенскаго (Молосковицы), и въ этой „охотѣ" прежде всего бросались въ глаза свѣтлыя брамы. Но всего замѣчательнѣе по своей красотѣ — это выставленныя К. К. Эриксономъ куры: брамы темныя, лангшанъ, итальянскія куропатчатыя и др., которыя, однако, не продавались. Наконецъ въ первомъ отдѣлѣ позднѣе открытія были выставлены Б. Б. Альтшвагеромъ два гнѣзда англійскихъ бойцовыхъ черныхъ золотисто-шейныхъ куръ, одного года и двухъ лѣтъ, выведенныхъ въ собственномъ его хозяйствѣ. Изъ утокъ можно было остановиться на русанскихъ уткахъ А. А. Немиловой, на рѣдкомъ экземплярѣ смарагдоваго селезня (зеленаго), выставленнаго В. И. Фирсовымъ. За этимъ селезнемъ охотились многіе и предлагали за него бѣшеныя деньги. Изъ гусей лучшіе выставлены были тѣмъ же В. И. Фирсовымъ (Тулузскіе) и И. П. Митюрниковымъ (дикіе, прирученные и китайскіе). Въ голубиномъ отдѣлѣ, конечно, внѣ конкурренціи стояли голуби военно-почтовой голубятни учебнаго воздухоплавательнаго парка и военно-почтовой голубятни въ крѣпости Иванъ-городъ. Что касается до пѣвчихъ, декоративныхъ и составляющихъ предметъ охоты птицъ, то здѣсь можно отмѣтить фазановъ Е. Ю. Блока, павлиновъ К. Л. Витовскаго, массу канареекъ и соловьевъ; былъ и черный дроздъ, выставленный И. П. Митюрниковымъ.

Изъ остальныхъ экспонатовъ представляли нѣкоторый интересъ необычайные по своей величинѣ французскіе вислоухіе, бѣлой масти, кролики, выведенные въ собственномъ хозяйствѣ Н. Г. Нетцелемъ.

Въ четвертомъ отдѣлѣ интересъ представляла, особенно для дамъ, витрина Н. И. Дементьева, въ которой выставлены были изящно сдѣланные перья и плюмажи для отдѣлки дамскихъ шляпъ и платьевъ, приготовленные преимущественно изъ перьевъ нашихъ простыхъ птицъ — куръ и пѣтуховъ, дикаго голубя, гусей, цесарокъ и пр. Рядомъ С. Нейштубе выставлены были кормовыя вещества, а именно мясная и костяная мука и мясныя и мясо-костныя лепешки для кормленія птицъ, собакъ, свиней, лошадей и крупнаго рогатаго скота. Заслуга г. Нейштубе, въ данномъ случаѣ, заключается въ томъ, что онъ сбавилъ цѣну на эти лепешки вдвое противъ такихъ же заграничныхъ. 31 марта на выставкѣ состоялся конкурсъ канареекъ. Въ залѣ засѣданій общества было выставлено нѣсколько десятковъ клѣтокъ съ канарейками. Послушать пернатыхъ собралось очень много публики—любителей птицеводства, экспонентовъ, а также жюри-экспертовъ. Оркестръ канареекъ, впрочемъ, далеко не блисталъ стройностью: однѣ дудили, другія пѣли по соловьиному, иныя копировали овсянокъ и т. п. Въ сосѣдней комнатѣ была выставлена оперная канарейка — слава и краса выставки. Послѣ долгихъ подзадариваній, она исполнила арію изъ „Риголетто", вызвавъ общее удивленіе и одобреніе. Не смотря на то, что жюри было щедро на награды, полученныя вслѣдствіе этого по крайней мѣрѣ двумя третями экспонатовъ, большая золотая медаль присуждена была только за почтовыхъ голубей военно-почтовой голубятни въ крѣпости Иванъ-городъ. Малыхъ золотыхъ медалей удостоены: С. Н. Худековъ (домашнія куры), К. Л. Витовскій (ла-флешъ и итальянскія куропатчатыя), Н. И. Шишкинъ (падуанскія бѣлыя), Е. Ю. Блокъ (віандотъ и индѣйки бронзовыя) и О. И. Бургардтъ (плимутки, віандоты и лангшанъ). Зато серебряныя медали, большія и малыя, получили до тридцати лицъ.

Успѣхъ выставки очень значительный. Въ теченіе 6 дней ее посѣтило болѣе 5.000 человѣкъ; не смотря на плату за помѣщеніе (300 руб.) и довольно большой дневной расходъ на освѣщеніе, водоснабженіе, прислугу и т. п., выставка дала чистаго дохода около 700 руб., которые послужатъ основаніемъ фонда для устройства школы птицеводства.

Весна

Статуя г. Баха

Современный скульпторъ находится въ гораздо менѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ древне-греческій скульпторъ. Скульптура есть искусство, по преимуществу способное выражать возвышенныя и строгія чувства, характеръ величавости и благородства. Древне-греческій скульпторъ имѣлъ передъ собою широкое поле въ этомъ смыслѣ, — свою миѳологію, своихъ героевъ, своихъ боговъ и полу-боговъ. Въ новой христіанской культурѣ условія эти значительно измѣнились и поэтому скульптура превратилась или въ мелкій скульптурный жанръ или же въ аллегорію. Разумѣется, аллегорія имѣетъ больше художественной цѣнности, чѣмъ жанръ, потому что она стремится къ изображенію болѣе или менѣе высокихъ нравственныхъ или обобщающихъ представленій. Къ этому роду скульптуры принадлежитъ и статуя „Весна", работы нашего талантливаго скульптора, г. Баха. Художникъ задался мыслей олицетворить въ скульптурномъ произведеніи весну, какъ обобщающее понятіе времени года, съ которымъ мы связываемъ оживленіе въ природѣ и радостное настроеніе, ощущаемое нами при видѣ этого оживленія и возобновившейся энергіи природы. Такая задача очень нелегка по своей сложности, но г. Бахъ разрѣшилъ ее вполнѣ удачно. Онъ изобразилъ намъ весну въ фигурѣ молодой дѣвушки, улыбающейся, весело и счастливо настроенной, съ грудой цвѣтовъ, только что ею сорванныхъ. Выраженіе лица, поза, драпировка длиннаго одѣянія, напоминающаго собой одежду гречанки,—все какъ нельзя болѣе удачно и производитъ впечатлѣніе пріятной гармоніи, соотвѣтствующей мысли художника.

Новости печати

Море и моряки. Морскіе очерки *А. Н. Чермнаго*. Изданіе 2-е. Ц. 1 р.

Въ этой небольшой книжкѣ собрано девять разсказовъ г. Чермнаго. Разсказы обличаютъ въ авторѣ человѣка бывалаго на морѣ и — что главное — крупный литературный талантъ. Море и моряки такъ живо обрисовываются въ разсказахъ г. Чермнаго, что его по справедливости можно назвать художникомъ-маринистомъ. Цѣнность описаній г. Чермнаго увеличивается еще тѣмъ, что, будучи весьма художественными по формѣ, описанія эти вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко интересны по самому сюжету. Г. Чермный даетъ картины южнаго тропическаго моря и притомъ преимущественно не въ спокойномъ состояніи, но во время эффектныхъ атмосферическихъ и стихійныхъ явленій или обставляетъ свои разсказы интересными и поэтическими подробностями. Таково, напримѣръ, въ разсказѣ „Черезъ поясъ тишины" прекрасное описаніе внезапно налетающаго шквала въ безбрежномъ океанѣ. Впечатлѣніе отъ картины бури усиливается характеристикой суевѣрнаго настроенія матросовъ, предчувствовавшихъ бѣду, и истеричныхъ слезъ болѣе слабыхъ изъ нихъ по миновапіи опасности. Въ разсказахъ „Зимой подъ экваторомъ" — мощная картина бури, набѣгающей на корабль, какъ какое-то рыжее чудовище. Этотъ разсказъ, по художественности описаній, едва ли не лучшій въ книжкѣ. Въ „Ночи на рейдѣ" на фонѣ чудной картины южнаго моря ночью въ Ріо-Жанейро пестрая, яркая сцена пьянаго разгула матросовъ, кончившагося кровавой дракой. Наконецъ „Подъ южнымъ крестомъ" — трогательная элегія на безбрежномъ океанѣ: описаніе похоронъ дѣвочки, умершей на военномъ кораблѣ, тѣло которой было погружено въ глубь океана. Таково море г. Чермнаго. Отъ его картинъ вѣетъ жаркимъ, влажнымъ воздухомъ тропическаго пояса, и впечатлѣніе могучести безбрежнаго океана долго остается въ памяти читателя по прочтеніи книги.

Не менѣе интересны герои разсказовъ г. Чермнаго. Это — бездомные скитальцы, потерявшіе не только національныя, но и расовыя отличія. Они загрубѣли и очерствѣли до того, что, кажется, только путемъ наказаній „кошками" можно съ ними имѣть дѣло. Однако и ими умѣетъ заинтересовывать читателя г. Чермный, открывая въ нихъ „душу живую" въ то время, когда этого всего меньше можно ожидать. Таковъ Гигай въ „Самосудѣ на китобоѣ", тупоумный жестокій квартеронъ, хладнокровно зарѣзавшій своего товарища негра и, однако, умоляющій капитана не казнить его ранѣе прибытія въ портъ, гдѣ онъ хочетъ повидаться передъ смертью со своею матерью. Еще болѣе выказали хорошихъ душевныхъ качествъ три бродяги-матроса: русскій, англичанинъ и французъ, не задумавшіеся совершить нѣсколько мелкихъ кражъ, безъ всякаго угрызенія совѣсти, и, однако, выказавшіе много самой тонкой деликатности, помогая больному индусу („Исторія трехъ преступленій"). Условія быта и жизни такихъ скитальцевъ, составляющихъ обычный экипажъ мелкихъ торговыхъ и китоловныхъ судовъ вырисовываются въ разсказахъ г. Чермнаго до мельчайшихъ подробностей, и притомъ какъ-то между прочимъ, сами собой, такъ какъ почти каждый разсказъ представляетъ изъ себя весьма занимательную исторію.

Г. Чермный любитъ сильные характеры, способные на самые рѣшительные поступки и самое легкомысленное поведеніе и въ тоже время обнаруживающіе суровую сдержанность, когда обстоятельства того потребуютъ. Таковъ, напримѣръ, капитанъ въ разсказѣ „Зимой подъ экваторомъ", едва не погубившій корабль по собственной легкомысленности, бывши вахтеннымъ и прозѣвавши военный корабль, осыпавшій за это ядрами купеческое судно, и затѣмъ когда судно лишилось капитана, тотъ же вахтенный самоучкой выучился во время плаванія морскому искусству, привелъ распущенный экипажъ въ повиновеніе и доставилъ его сравнительно благополучно къ пристани. Сильною непримиримою враждою отличаются и капитаны въ „Лебединой пѣснѣ" и „Морской царевнѣ", которые губятъ свои корабли виною этой самой непримиримости.

По содержанію, разсказы г. Чермнаго весьма занимательны. Въ нихъ или запутанная интрига, или глубоко драматическія положенія. Изъ самыхъ простыхъ, повидимому, обстоятельствъ авторъ создаетъ самыя необыкновенныя положенія. Такъ въ „Отдыхѣ на берегу" бойкій и злостный мальчишка, съ которымъ вздумалъ познакомиться матросъ, подвелъ его своими зловредными шалостями подъ крупныя непріятности, „Лебединая пѣснь", „Зимой подъ экваторомъ" — сцѣпленіе самыхъ необыкновенныхъ приключеній. Въ „Самосудѣ на китобоѣ" странное суевѣрное впечатлѣніе производитъ разсказъ о погребеніи въ морѣ найденнаго плавающимъ въ океанѣ трупа неизвѣстнаго человѣка. Въ „Морской царевнѣ" производитъ тяжелое, грустное впечатлѣніе описаніе погибающаго корабля. „Черезъ поясъ тишины" напрягаетъ до крайнихъ предѣловъ нервы читателя ожиданіемъ крушенія судна, такъ что, кончивъ читать разсказъ и узнавъ, что корабль на этотъ разъ отдѣлался сравнительно благополучно, какъ-то облегченно вздыхаешь.

Вообще, въ своихъ разсказахъ г. Чермный обнаружилъ огромное дарованіе и фантазію. Этимъ послѣднимъ свойствомъ онъ пріятно выдѣляется среди современныхъ беллетристовъ, къ сожалѣнію мало обращающихъ вниманіе на эту сторону таланта. Живая фантазія на ряду съ глубокою наблюдательностью, необыкновенностью сюжетовъ и образнымъ пріятнымъ языкомъ обусловливаютъ тотъ вполнѣ заслуженный успѣхъ, благодаря которому морскіе очерки г. Чермнаго, въ теченіе всего одного года, выходятъ уже вторымъ изданіемъ. Разсказы его не просто занимательныя исторіи, что уже само по себѣ представляло бы значительную цѣнность, но это художественныя картины изъ совсѣмъ своеобразнаго экзотическаго міра и быта. *П. К—овъ*

Театръ, музыка, искусства

Театръ и музыка

— Новыя артистки Императорскихъ театровъ. Независимо отъ дебютовъ, которые уже состоялись и состоятся въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ составъ александринской труппы уже приняты, игравшія въ Петербургѣ на частныхъ сценахъ, г-жи Россова и Глинская, послѣдняя на жалованье въ 2,500 р. въ годъ. Г-жа Глинская служила въ московскомъ Маломъ театрѣ въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, подъ фамиліей Алексинской. Оставивъ казенную сцену для практики на сценахъ провинціальныхъ, артистка поступила въ 1888 году въ московскую труппу г. Корша, которую тоже покинула черезъ годъ. Дебютъ предоставленъ и другой артисткѣ, г-жѣ Лориной, съ успѣхомъ подвизавшейся зимнимъ сезономъ въ Панаевскомъ театрѣ на роляхъ въ комедіи и съ пѣніемъ. Г-жа Лорина—бывшая ученица казенной театральной школы выпуска 1892 года, по классу Н. С. Васильевой.

— Новый дебютантъ. Артистъ петербургскихъ частныхъ театровъ и антрепренеръ приказчичьяго клуба минувшаго сезона, г. Дарскій, дебютировалъ на Святой недѣлѣ въ Императорскомъ московскомъ Маломъ театрѣ. Ему было разрѣшено два дебюта: въ драмѣ Гуцкова „Уріэль Акоста" и хроникѣ Островскаго „Димитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій".

— Лѣтнія труппы. Въ теченіе поста въ Харьковѣ, служащемъ средоточіемъ театральныхъ дѣятелей юга Россіи, сформировалось нѣсколько труппъ для дачи представленій преимущественно по городамъ южной Россіи. Изъ нихъ наиболѣе значительныя—г. Петипа (драматическая) и г. Фюрера (оперная). Въ составъ труппы послѣдняго вошли: г-жи Маршадъ и Кутузова, гг. Фюреръ, Ошустовичъ и Зеленый, имѣющіе въ виду подъ аккомпаниментъ фортепіано ставить различные отрывки изъ оперъ въ маленькихъ городахъ сѣверозападнаго края. Съ Кишинева же начинаетъ оперное товарищество г. Труффи, въ которомъ, между прочимъ, приглашена гастролировать талантливая примадонна харьковской оперной сцены С. В. Тамарова. Товарищество г. Труффи предпринимаетъ tournée по городамъ: Кишиневу, Николаеву, Херсону, Севастополю и Ялтѣ.

— Великопостный концертный сезонъ въ Воронежѣ былъ очень обиленъ и разнообразенъ. Воронежцы наслушались и насмотрѣлись достаточно столичныхъ звѣздъ и звѣздочекъ. Были артисты московской Большой оперы, пріѣзжала г-жа Альма Форстремъ, а заключалъ сезонъ своимъ концертомъ извѣстный варшавскій баритонъ А. Н. Форесто, воронежскій любимецъ еще по лѣтнему оперному сезону.

— Извѣстный нѣмецкій писатель Германъ Лингъ написалъ на нѣмецкомъ языкѣ шутку „Актеръ Джонъ", въ которой дѣйствуютъ главные герои шекспировскихъ трагедій, а также и самъ великій британскій поэтъ.

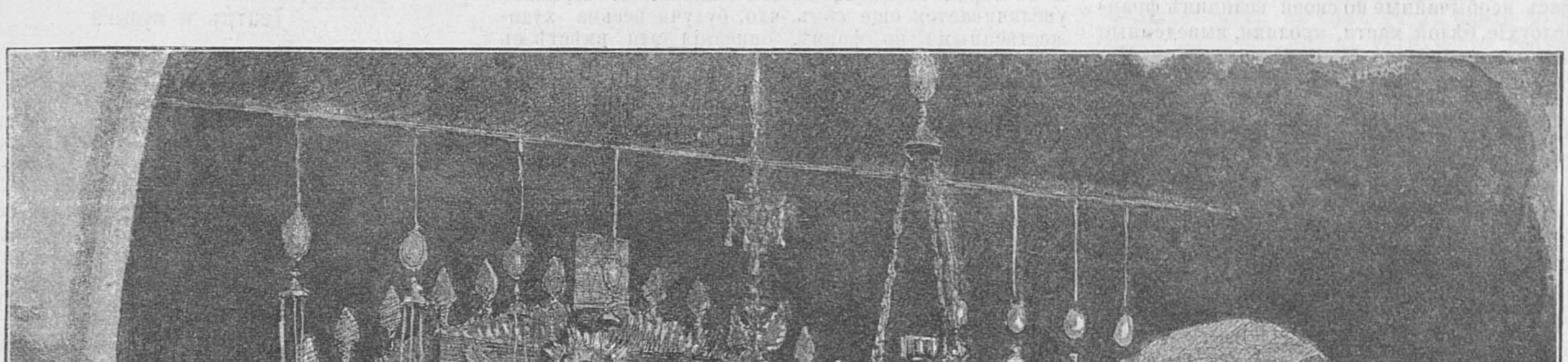
ПАЛЕСТИНА

Сочиненіе

А. А. Суворина

Входъ въ пещеру »моленія о чашѣ«.

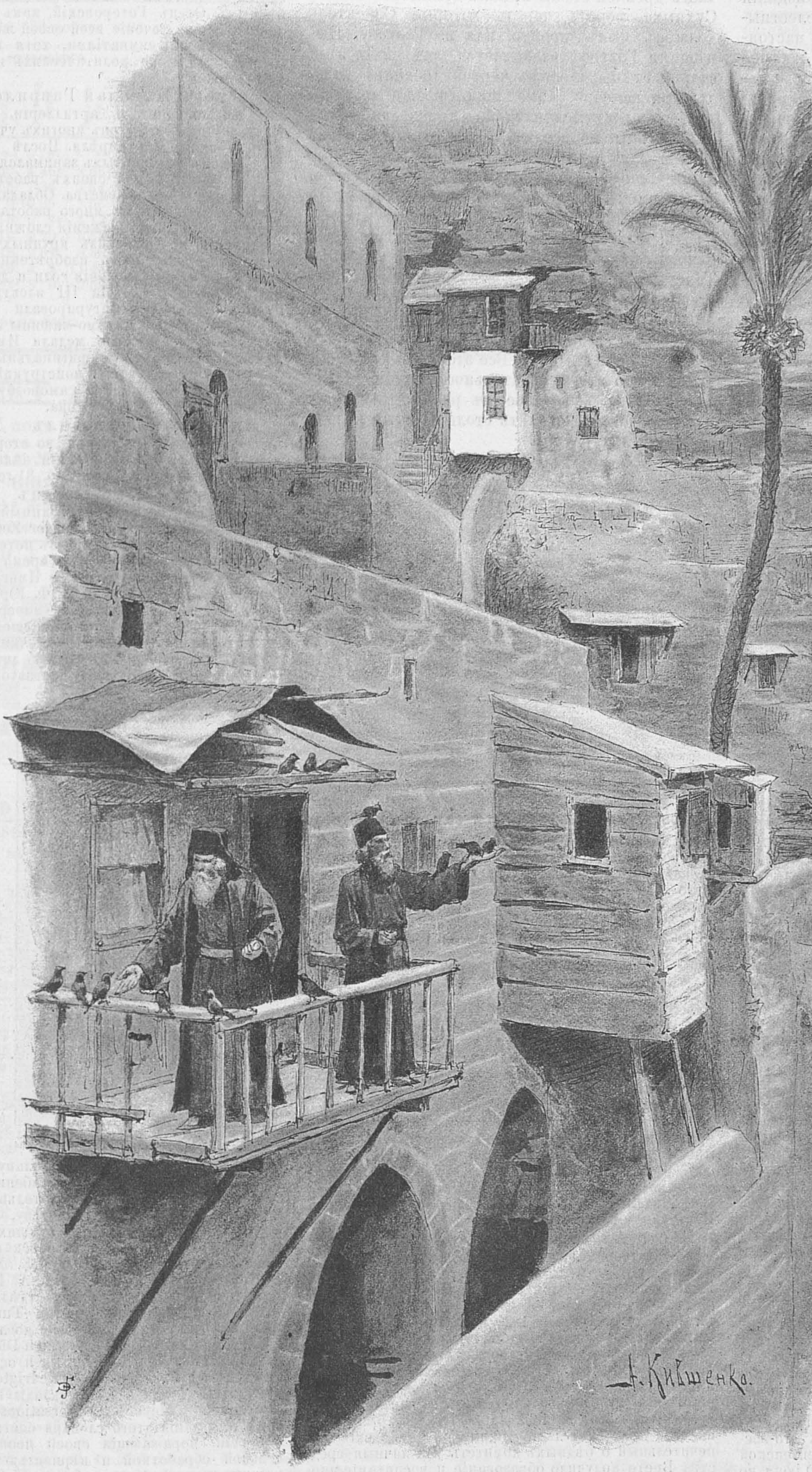
Въ русской литературѣ, какъ и въ литературѣ всякой другой христіанской страны, существуетъ нѣсколько сочиненій, болѣе или менѣе обширныхъ, посвященныхъ Палестинѣ. Въ ряду этихъ сочиненій прежде всего слѣдуетъ указать на знаменитое „Путешествіе по Святой землѣ“ А. С. Норова. Такимъ образомъ русская публика не можетъ пожаловаться на совершенное отсутствіе доступныхъ ей литературныхъ источниковъ, по которымъ она могла бы во всей желательной подробности ознакомиться со Святою землею. Но интересъ къ этому предмету до такой степени обширенъ среди читателей-христіанъ, что никакое новое хорошее изданіе, посвященное Палестинѣ, не можетъ оказаться излишнимъ, а въ особенности такое, какъ недавно предпринятое А. А. Сувориным (сыномъ) роскошное изданіе, первые три выпуска котораго лежатъ въ настоящее время передъ нами. А. А. Суворинъ задумалъ свое описаніе Палестины по весьма обширной программѣ; приступая къ такому изданію надо, очевидно, не стѣсняться въ средствахъ и не щадить издержекъ. Но этого мало: А. А. Суворинъ издаетъ не компилятивный трудъ, составленіе котораго было бы легко, при пользованіи обширной европейской литературой предмета; онъ самъ посѣтилъ Святую землю и пишетъ обо всемъ по собственнымъ наблюденіямъ, являясь такимъ образомъ авторомъ вполнѣ самостоятельнаго и оригинальнаго труда. „Палестина“ А. А. Суворина выходитъ выпусками въ форматѣ большихъ иллюстрированныхъ изданій. Каждый выпускъ заключаетъ полтора листа текста, иллюстрированнаго значительнымъ количествомъ рисунковъ (въ 1-мъ — 13, во 2-мъ — 10 и въ 3-мъ — 7), воспроизведенныхъ по оригиналамъ А. Д. Кившенко и В. И. Навозова, исполнявшихъ рисунки прямо съ натуры. Сочиненіе начинается съ описанія города Яффы, куда стекаются всѣ богомольцы, направляющіеся въ Іерусалимъ. Первыя страницы выпуска посвящены этому городу, начальному пункту пути въ Святую землю, и дорогѣ отсюда до Іерусалима. Съ двѣнадцатой страницы начинается описаніе русскихъ построекъ въ Іерусалимѣ, переходящее въ слѣдующій выпускъ, который и посвященъ имъ почти цѣликомъ. На послѣдней страницѣ втораго выпуска начинается описаніе Элеона, тянущееся черезъ весь третій выпускъ. Въ вышедшихъ трехъ выпускахъ помѣщены слѣдующіе рисунки: видъ города Яффы съ моря, базара въ этомъ городѣ, фонтана Абу-Набута, дороги къ садамъ, сцена, представляющая обѣдъ рабочихъ, видъ станціи Бабъ-эль-Вадъ, видъ церковной цистерны на старомъ подворьѣ въ Іерусалимѣ, общій видъ русскихъ построекъ, видъ и планъ Св. Гроба. Всѣ эти рисунки и нѣсколько виньетокъ, которыхъ мы отдѣльно не перечисляемъ, вошли въ первый выпускъ. Затѣмъ во второмъ выпускѣ помѣщены виды: скамьи турецкой стражи, камня мѵропомазанія,



Голгоѳа.

Рисунки А. Д. Кившенко и В. И. Навозова изъ роскошнаго изданія »Палестина«, соч. А. А. Суворина.

часовни Св. Гроба, входа въ пещеру погребенія, внутренности храма Воскресенія Христова, церкви Св. Елены, Голгоѳы, такъ называемаго „пупа земли", и оливковой вѣтви съ плодами. Наконецъ въ третьемъ выпускѣ мы находимъ виды Геѳсиманскаго сада, лѣстницы къ гробницѣ Богоматери, слѣда стопы Христа на мѣстѣ Вознесенія, Элеонской горы и Іосафатовой долины, мозаичнаго пола на Элеонской горѣ, Силоамскаго источника; въ этомъ же выпускѣ помѣщенъ портретъ настоятеля русской церкви въ Іерусалимѣ о. Антонина. Общій планъ этого изданія слѣдующій: оно будетъ состоять изъ 30 выпусковъ. Каждый выпускъ будетъ заключать, въ среднемъ, около 1½ листа текста и 6—8 рисунковъ различной величины, начиная отъ размѣра небольшой виньетки до цѣлой страницы. Къ седьмому и двадцатому выпускамъ издатель намѣренъ приложить снимки съ акварелей А. Д. Кившенко, изображающихъ „Св. Гробъ Господень" (внутренность погребальнаго склепа Іисуса Христа) и „Пещеру Рождества Христова"; эти акварели будутъ отпечатаны въ 15 красокъ. При послѣднемъ выпускѣ будетъ приложена карта Палестины и раскрашенный планъ Іерусалима. Каждый выпускъ можетъ быть пріобрѣтаемъ отдѣльно по 1 руб. 50 коп. Кромѣ того принимается подписка: на 5 выпусковъ (цѣна 6 руб.), на 10 выпусковъ (цѣна 12 рублей) и на всѣ 30 выпусковъ (цѣна 35 рублей). Служащимъ предоставляются обычныя въ такихъ случаяхъ льготы и разсрочки. Выпуски, къ которымъ будутъ приложены акварели, будутъ продаваться по 2 р. 50 коп. Внѣшность изданія — бумага, печать,



Монастырь Саввы Освященнаго.

Рисунокъ А. Д. Кившенко изъ роскошнаго изданія »Палестина« А. А. Суворина.

рисунки — безукоризненна. Каждый выпускъ снабженъ роскошною обложкою, на которой представленъ горный палестинскій пейзажъ (работы г. Кившенко) съ цѣлою вереницею богомольцевъ, движущихся, съ посохами въ рукахъ, пѣшкомъ и верхами на ослахъ. Для того, чтобы дать понятіе нашимъ читателямъ о художественной сторонѣ превосходнаго изданія А. А. Суворина, которое изобилуетъ прелестными иллюстраціями, мы помѣщаемъ въ настоящемъ нумерѣ нѣсколько рисунковъ, любезно предоставленныхъ въ наше распоряженіе издателемъ. На одномъ изъ этихъ рисунковъ представленъ скромный ручной багажъ обыкновеннаго странствователя по святымъ мѣстамъ — посохъ, сумка, кузовокъ, жестяной чайникъ; эта хорошенькая виньетка (работы г. Кившенко) помѣщена на стр. 11 въ первомъ выпускѣ. На другомъ рисункѣ представлена церковная цистерна на старомъ іерусалимскомъ подворьѣ (стр. 12). Затѣмъ третій рисунокъ представляетъ мѣсто крестныхъ страданій Христа Спасителя — Голгоѳу (помѣщенъ на стр. 26). До послѣдняго времени не имѣлось никакихъ прямыхъ доказательствъ того, что храмъ Гроба Господня и чтимая нынѣ Голгоѳа находятся, дѣйствительно, на самомъ мѣстѣ крестныхъ страданій Христовыхъ. Изъ евангельскаго описанія ясно только, что Голгоѳа была лобное мѣсто, находившееся внѣ городской стѣны; черта же этой древней стѣны была потеряна и можно было думать, что она захватывала въ себя и мѣсто нынѣшняго храма Господня и что, значитъ, мѣстоположеніе его указывается невѣрно. Теперь, при недавнихъ раскопкахъ, сдѣланныхъ о. Антониномъ, начальникомъ іерусалимской духовной миссіи, по порученію палестинскаго общества, нашли часть древней стѣны и, какъ думаютъ, остатки Судныхъ воротъ, черезъ которыя Спаситель долженъ былъ пройти, идя на Голгоѳу. Нынѣшняя Голгоѳа оказывается внѣ линіи этой старой стѣны, т. е. за чертой древняго города; это, конечно, само по себѣ еще не доказываетъ двухтысячелѣтней древности самой этой стѣны, но все же такое открытіе очень важно, какъ новое подтвержденіе голоса преданія, всегда указывавшаго Голгоѳу на мѣстѣ, занимаемомъ ею теперь. Наконецъ четвертый рисунокъ представляетъ видъ монастыря св. Саввы; этотъ рисунокъ будетъ помѣщенъ въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ изданія. Текстъ „Палестины" составленъ въ высшей степени интересно; въ описаніяхъ А. А. Суворина, говорящихъ о недюжинномъ беллетристическомъ талантѣ, много красокъ, теплоты и вмѣстѣ дѣловитости. Все это даетъ основаніе думать, что это замѣчательное изданіе встрѣтитъ полное сочувствіе въ русской публикѣ, которая должна оцѣнить столь богатый вкладъ въ нашу литературу.

Аттрибуты паломника.

Новости науки и цивилизаціи

Медицина и гигіена

— Новое положеніе о санитарной части Медицинскій департаментъ выработалъ новое положеніе о санитарной части, согласно которому въ каждой губерніи должны быть учреждены санитарно-статистическія бюро, вѣдѣнію которыхъ подлежатъ губернскіе и уѣздные санитары-статистики. Санитарное и медицинское дѣло въ губерніи вѣдается земско-врачебнымъ совѣтомъ, на которомъ должна лежать обязанность по изданію обязательныхъ постановленій, касающихся охраненія народнаго здравія и предупрежденія и прекращенія эпизоотій. Въ составъ совѣтовъ будутъ входить представители мѣстной полиціи, врачебныхъ управъ, а также земскихъ и городскихъ учрежденій, гдѣ послѣднія введены. Одновременно съ введеніемъ новаго санитарнаго положенія будутъ пересмотрѣны и нынѣшнія санитарныя постановленія, а также увеличены взысканія за неисполненіе послѣднихъ.

Выставки

— Рядъ слѣдующихъ сельско-хозяйственныхъ выставокъ разрѣшенъ въ нынѣшнемъ году министерствомъ государственныхъ имуществъ: 1) устраиваемой ярославскимъ обществомъ сельскаго хозяйства — сельско-хозяйственной и кустарно-промышленной выставки въ г. Ярославлѣ, для ярославской и смежныхъ съ нею губерній, съ 25 августа по 15 сентября; 2) обществомъ сельскаго хозяйства юго-восточной Россіи — такой же выставки для пензенской и саратовской губерній въ г. Пензѣ, съ 20 іюня по 5 іюля; 3) псковскимъ обществомъ сельскаго хозяйства — 4-й сельско-хозяйственной выставки въ гор. Псковѣ, съ 18 по 28 сентября и во время нея съ 25 по 28 того же мѣсяца, съѣзда льноводовъ; 4) эстляндскимъ сельско-хозяйственнымъ обществомъ — сельско-хозяйственной выставки съ отдѣлами: скотоводства, птицеводства, молочнаго хозяйства, полеводства, лѣсоводства, винокуренія и пивоваренія, кустарной промышленности и сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій въ г. Ревелѣ съ 22 по 25 іюня; 5) русскимъ обществомъ пчеловодства — выставки пчеловодства осенью въ С.-Петербургѣ и 6) рижскимъ обществомъ любителей птицеводства — 4-й общей выставки домашнихъ птицъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ.

Торговля, промышленность и сельское хозяйство

— Хлопковое дѣло. На послѣднемъ съѣздѣ хлопководовъ выяснено, что въ Ферганской области засѣяно было хлопкомъ 90.000 десятинъ. Съ будущаго года въ Ферганской области установятся ежегодные съѣзды хлопководовъ. Арбитражные комитеты открываются въ Маргеланѣ и Кокандѣ.

Некрологъ

Вашковъ Иванъ Андреевичъ, даровитый писатель, поэтъ, † въ Москвѣ 26-го марта. Онъ родился 5-го сентября 1846 г. въ Москвѣ и на литературное поприще выступилъ въ самомъ концѣ шестидесятыхъ годовъ въ „Развлеченіи" Ѳ. Б. Миллера, гдѣ онъ печаталъ фельетоны, повѣсти, очерки, сценки и стихотворенія подъ псевдонимами *Мичмана Жевакина*, *Доктора Окса*, *Шипки Невидимки* и друг. Онъ прекрасно владѣлъ стихомъ и обладалъ юморомъ. Кромѣ „Развлеченія" онъ сотрудничалъ въ „Будильникѣ", „Зрителѣ", „Московскомъ Листкѣ", „Колокольчикѣ" и друг. московскихъ изданіяхъ и одно время завѣдывалъ редакціей юмористическаго журнала Пастухова „Колокольчикъ".

Врето Александръ Егоровичъ, извѣстный благотворитель и бывшій предсѣдательствующій московскаго попечительнаго о бѣдныхъ комитета Императорскаго человѣколюбиваго общества, † въ Москвѣ 22-го марта, 83 лѣтъ. Онъ дѣятельно работалъ во время чумы 1829 г. въ Одессѣ, служа въ канцеляріи одесскаго градоначальника, а въ 1837 г. также энергично содѣйствовалъ прекращенію чумной заразы тамъ же. Въ 50-хъ годахъ свою дѣятельность онъ перенесъ въ Спб., гдѣ служилъ директоромъ дома убогихъ и сиротъ и завѣдывалъ институтомъ слѣпыхъ. Съ 1862 по 1877 г. онъ былъ назначенъ предсѣдательствующимъ въ московскій попечительный о бѣдныхъ комитетъ. На личныя средства Врето получило образованіе и воспитаніе много сиротъ.

Головачева Евдокія Яковлевна, по первому мужу Панаева, урожденная Брянская, дочь извѣстнаго артиста Я. Г. Брянскаго, романистка, писавшая подъ псевдонимомъ *Н. Станицкій*, † въ Спб. 30-го марта, 74 лѣтъ. Она играла роль въ литературѣ, была душой кружка писателей, группировавшихся около Панаева и Некрасова, и начала литературную дѣятельность повѣстью „Семейство Тальниковыхъ" въ 1848 г. По прекращеніи „Современника" она печатала свои произведенія въ „Нивѣ", „Живописномъ Обозрѣніи", „Звѣздѣ", „Историческомъ Вѣстникѣ", „Русской Жизни" и другихъ изданіяхъ. Въ „Историческомъ Вѣстникѣ" напечатаны ея любопытныя воспоминанія, вышедшія затѣмъ отдѣльною книгою.

Готеровскій Левъ, архидіаконъ и деканъ львовской митрополичьей капитулы, русскій патріотъ въ Галиціи, † во Львовѣ, въ мартѣ, 79 лѣтъ. Онъ состоялъ членомъ института „Народный Домъ" и литературнаго общества „Галицко-русская Матица", предсѣдателемъ общества „Русское Кассино" во Львовѣ, членомъ общества имени Михаила Качковскаго и многочисленныхъ обществъ для помощи бѣднымъ. Отецъ Готеровскій, какъ сообщаетъ „Галичанинъ", въ теченіе всей своей жизни пользовался общественными симпатіями, хотя всегда держался однихъ и тѣхъ же политическихъ и литературныхъ убѣжденій.

Глуховъ Николай Гавриловичъ, отставной штабсъ-капитанъ артиллеріи, одинъ изъ первыхъ электриковъ, членъ многихъ ученыхъ обществъ, † въ Москвѣ 2-го апрѣля. Послѣ открытія Якоби, Н. Г. одинъ изъ первыхъ занимался гальванопластикой и достигалъ въ своихъ работахъ рѣдкаго по тому времени совершенства. Обладая хорошими знаніями по химіи, Н. Г. много работалъ надъ примѣненіями тока для разложенія сложныхъ химическихъ соединеній, и однимъ изъ крупныхъ шаговъ въ развитіи этого дѣла былъ изобрѣтенный имъ способъ электрическаго разложенія соли и добыванія изъ нея каустической соды. На III электрической петербургской выставкѣ фигурировали нѣкоторые приборы, двигатели и динамо-машины изобрѣтенія Н. Г. Глухова и удостоенные медали Имп. русскаго техническаго общества за оригинальные принципы, положенные въ основаніе конструкціи, и за удачное осуществленіе принципа самовозбужденія въ динамо-машинѣ перемѣннаго тока.

Дмитріевъ Михаилъ Дмитріевичъ, преподаватель математики во второмъ кадетскомъ корпусѣ, ст. сов., написавшій нѣсколько статей по своей спеціальности, † въ Спб. 31-го марта, 48 лѣтъ.

Юргенсъ Константинъ Андреевичъ, даровитый литераторъ, постоянный сотрудникъ нѣмецкой газеты „St. Petersburger Zeitung", † въ Спб. 25-го марта, 47 лѣтъ. Онъ былъ петербургскій уроженецъ, сынъ извѣстнаго въ свое время и всѣми уважаемаго управляющаго конторою Императорскихъ театровъ, тайнаго совѣтника А. Ф. Юргенса. Окончивъ курсъ гимназіи, а затѣмъ и университетскій курсъ, К. А., вопреки твердо установившейся въ его семействѣ традиціи, не захотѣлъ быть чиновникомъ и сразу избралъ для себя неблагодарную литературную карьеру, пріобрѣтя репутацію честнаго, талантливаго и необыкновенно добросовѣстнаго журнальнаго работника. Сдѣлавшись съ конца семидесятыхъ годовъ сотрудникомъ „St. Petersburger Zeitung", К. А. проработалъ въ этой газетѣ около 15-ти лѣтъ, а съ 1878 по 1883 г. кромѣ того редактировалъ издававшійся фирмою Шмицдорфъ (К. К. Ретгеръ) журналъ „Russische Revue". К. А. писалъ статьи и замѣтки о художествахъ, о театрѣ, литературѣ, исторіи и по экономическимъ вопросамъ и пріобрѣлъ славу своей неутомимостью и плодовитостью. Въ особенную заслугу ему слѣдуетъ поставить его замѣчательные, по вѣрности духу подлинника и по изяществу, переводы на нѣмецкій языкъ произведеній лучшихъ русскихъ беллетристовъ — Тургенева, Достоевскаго, Данилевскаго, Крестовскаго-псевдонима (Н. Д. Хвощинской), гр. А. К. Толстого, Салтыкова, А. А. Потѣхина и друг. Изъ этихъ переводовъ вышли отдѣльно: „Избранныя сочиненія Тургенева" („Iwan Turgenjew's ausgewählte Werke", Mitau), „Четыре послѣднія произведенія Тургенева" („Die vier letzten Dichtungen Turgenjew's", Mitau) и „Униженные и оскорбленные" Достоевскаго („Dostojewski, Erniedrigte und Beleidigte", Stuttgart). Дѣлая цѣнные вклады въ извѣстную энциклопедію „Meyer's Conversations-Lexicon", К. А. для 4-го изданія этого словаря составилъ всѣ статьи о Россіи, поражающія своей необыкновенно тщательной обработкой и вѣрностью свѣдѣній, говорящихъ краснорѣчиво объ энциклопедическомъ образованіи, изумительномъ трудолюбіи и добросовѣстности К. А. Кромѣ упомянутыхъ книгъ К. А. издана книга „Русскія новеллы" („Russisches Novellenbuch", Mitau), въ которую вошли разсказы гр. А. К. Толстого, Достоевскаго, Крестовскаго (псевдонима) и Алексѣя Потѣхина и „Русскій самоучитель" („Russischer Sprachführer"). Благодаря основательному знанію языковъ нѣмецкаго и русскаго, которые оба были для него родными, К. А. передавалъ въ своихъ переводахъ всѣ тонкости, оттѣнки и поэтическія красоты подлинниковъ. К. А. печаталъ также статьи и корреспонденціи изъ Россіи въ заграничныхъ журналахъ и газетахъ; эти статьи всегда были обстоятельны, глубоко правдивы

и безпристрастны. „Sine ira et studio“ — былъ девизъ этого въ высшей степени симпатичнаго писателя. Послѣ него остался неизданный, но вполнѣ законченный переводъ въ стихахъ трагедіи А. К. Толстого „Донъ-Жуанъ“, читанный съ большимъ успѣхомъ въ одномъ литературномъ кружкѣ.

Астрономическій календарь

16—30 апрѣля 1893 г.

Апрѣль.	Средн. время въ ист. полд.	Въ С.-Петербургѣ. Восхожд. солнца.	Заходж. солнца.	Восхожд. луны.	Заходж. луны.	Въ Москвѣ. Восхожд. солнца.	Заходж. солнца.	Восхожд. луны.	Заходж. луны.
	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м	ч. м.
16	11 57.3	4 6	7 50	4 46в	3 56у	4 24	7 32	4 40в	3 58у
18	11 57.1	4 1	7 55	7 36	3 54	4 19	7 36	7 16	4 10
20	11 56.8	3 55	8 0	10 36	3 56	4 15	7 40	9 56	4 27
22	11 56.6	3 50	8 5	0 7у	4 12	4 10	7 44	—	5 6
24	11 56.4	3 45	8 10	2 20	5 33	4 6	7 48	1 14у	6 37
26	11 56.3	3 39	8 15	2 54	8 30	4 2	7 52	2 15	9 8
28	11 56.2	3 34	8 19	3 0	11 44	3 58	7 56	2 40	0 2в
30	11 56.2	3 29	8 24	3 0	2 58в	3 54	8 0	2 56	2 58

Солнце въ созвѣздіи Овна.

Луна въ полнолуніи 19-го, въ послѣдней четверти 27-го апрѣля.

Планеты: Меркурій 16-го апрѣля въ наибольшемъ западномъ удаленіи отъ солнца (27°). Венера 19-го въ верхнемъ соединеніи съ солнцемъ. Марсъ виденъ вечеромъ на западѣ. Юпитеръ 15-го апрѣля былъ въ соединеніи съ солнцемъ. Сатурнъ около 10 часовъ вечера въ меридіанѣ. Уранъ 16-го въ противостояніи съ солнцемъ. Нептунъ виденъ вечеромъ на западѣ.

СОДЕРЖАНІЕ НУМЕРА

Текстъ.

Рисунки.

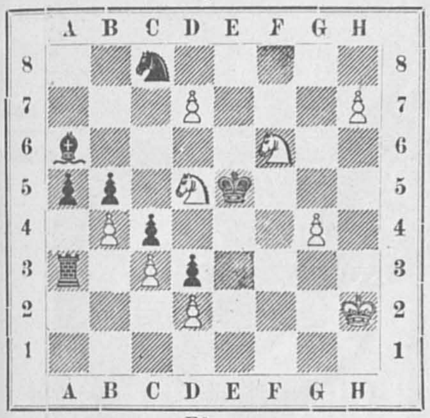
За редактора **Э. Д. Гоппе.**
Издательница **А. П. Гоппе.**

ШАХМАТЫ

под редакціей **А. П. Шишкина**

ЗАДАЧА № 1561
H. V. Gottschall
Изъ „Deutsche Schachzeitung“

Черные

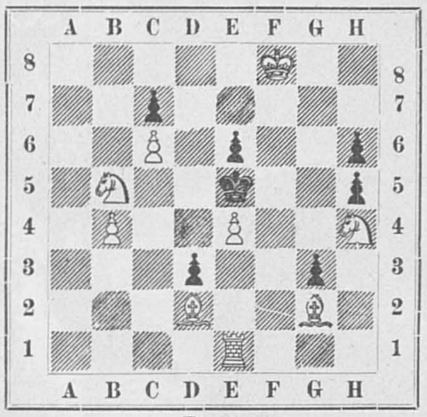


Бѣлые

Матъ въ 3 хода.

ЗАДАЧА № 1562
H. M. Prideaux
Оттуда же.

Черные



Бѣлые

Матъ въ 2 хода.

РѢШЕНІЯ ЗАДАЧЪ въ №№ 1242, 1243, 1244, 1245, 1246, 1247 и 1248.

1520. *H. Ionsson*. 1. К e5—g4 и если 1... Л h4 : g4, то 2. К d5—b4×; если 1... К h3 : g5 или f4, то 2. К g4 или К d5—e3×; если же 1... Л b8—b4, то 2. К d5—f6×. Въ остальныхъ случаяхъ 2. e2—e4×.

1521. *I. Pospisil*. 1. Ф f4—a4 (угрожая 2. e3—e4† и 3. Ф a4—b5× или 3. К h6—g4×), Кр d5 : e5; 2. К h6—g4† и 3. Ф a4—f4× или 3. К h3—f4× (*Вар. a*) 1... С b2 : e5 или 1... d6 : e5; 2. Ф a4-b3† и 3. К h3—g5× или 3. К h6—f7×. (*Вар. b*) 1... Л e2 : e3; 2. Ф a4—b5† и 3. К h3—g5×.

1522. *Г. Taverner*. 1. Ф b1—d1 и если 1. К d6—c4 или 1... С e2 : d1, : d3 или—f1, то 2. Л d3—d4× или 2. Ф d1 : d3 или f3×; если 1... e7 : f6, то 2. К f5 : d6×; если 1... К d6 или e6 : f5, то 2. Л f6—g6×; если же 1... e6—e5, то 2. К f5—g3×.

1523. *T. Ohquist*. 1. К c4—a3 (угрожая 2. Ф a6—d6† и 3. Ф d6—b4×), Кр d4—c5; 2. Ф a6 : a7† и 3. К a3—c4×. (*Вар. a*) 1... Кр d4—e5; 2. К a3—b5 и 3. Ф a6—d6 или e6×. (*Вар. b*) 1... Кр d4—c3; 2. Ф a6—c4† и 3. Ф c4—b4× или 3. К a3—b1×. (*Вар. c*) 1... К f1—e3; 2. К a3—b5† и 3. Ф a6—c6 или d6×. (*Вар d*) 1... К f1 : d2; 2. Ф a6—d6† и 3. Ф d6—e5×. (*Вар. e*) 1... К c1—a2; 2. Л d2 : d3† и 3. Ф a6—d6×.

1524. *G. Carpenter*. 1. Ф b8—h2! и если 1... Кр d3—c2 или : e2, то 2. Ф h2—h7× или 2. К d5—f4×; если 1... К f1∞, то 2. Л e2 : d2×; если 1... К g2 ∞ или 1... Л d2 : e2, то 2. К d5—b4×; если же 1... Л∞, то 2. С c6—b5×.

1525. *I. Pilnacek*. 1. К c2—e1 (угрожая 2. Ф h4—g3 или f6† и 3. К e1—d3×), Ф f1—c4 (или 1... С g4—e2); 2. Л g6 : e6† и 3. Ф h4—e7, f2 или : h6× или 3. К e1—d3 или f3×. Остальные варіанты понятны.

1526. *S. Loyd*. 1. Л f7—g7 и если 1... Кр e4—d4 или e5† или 1... Л h4∞, то 2. Л g7 g4×, если же 1... Л h4—f4, то 2. Л g7—e7×.

1527. *Dr. H. Rohr*. 1. С b7—c8 (угрожая 2. Ф d1—f3† и 3. К b3—d2×), Ф f8 : c8; 2. К b3—c5† и 3. Ф d1—h5×. (*Вар. a*) 1... К a3—c4; 2. Ф d1—d3† и 3. С c8—f5×. (*Вар. b*) 1... К a3—b1; 2. Ф d1—c2† и 3. Ф c2—d3 или c6×. (*Вар. c*) 1... С e5—c3, d6 или : h2; 2. Ф d1—e2† и 3. Ф e2—e6×. (Вар. *d*) 1... С e5—f4 или d4; 2. Ф d1—d4† и 3. Ф d4—f4×.

1528. *H. Meyer*. 1. Л e2—e4 и если 1... Кр d5 : e4 или 1... d7—d6, то 2. К e8—f6×; если же 1... К f2 или К g3 : e4 или ∞, то 2. Ф g2—a2 или g8× или 2. Л f3—d3 или f5×.

1529. *G. Chocholous*. 1. К f5—e7 (угрожая 2. Ф f1—f5† и 3. К c5—d6×), Кр e5—d4; 2. К c5—d6† и 3. Ф f1—f5×. (*Вар. a*) 1... d6 : c5; 2. Ф f1—f5† и 3. К e7—c8 или : c6×. (*Вар. b*) 1... d6—d5; 2. Ф f1—f8 и 3. К e7 : c6 или—g6× или 3. Ф f8—b8× (*Вар. c*) 1... e3—e2; 2. Ф f1 : e2 и 3. Ф e2 : e3× или 3. К c5—d6×. (*Вар. d*) 1... К b5—f4; 2. Ф f1—a1† и 3. Ф a1 :3×.

1530. Девизъ: „*Vae victis*“. 1. К d4—f5 и если 1... e6 : f5, то 2. Ф e5—e3×; если 1... С a1 ∞, то 2. Ф e5 : c3 или d4× или 2. К c4 : b2 или e5×; если 1... Кр d3 : c4, то 2. Ф e5—b5×; если же 1... К c1 или К f2 ∞, то 2. Ф e5—e4 или : e2×.

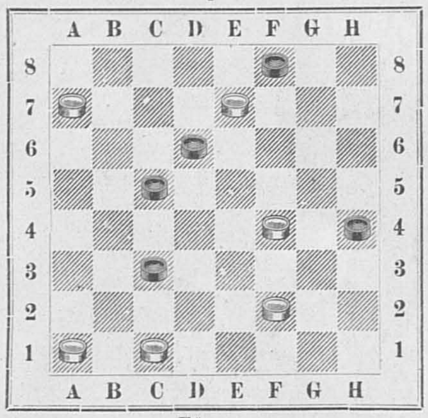
1531. *V. Kosek*. 1. Ф b6—d8 (угрожая 2. Ф d8—g5† и 3. К d6—b5×), Кр e5 : d4; 2. К d6—b5† и 3. Ф d8—d6 или g5×. (*Вар. a*) 1... К b2 : d3; 2. К d6—c4† и 3. g2—g4. (*Вар. b*) 1... К h8—f7; 2. К d6 : f7† и 3. g2—g4×. (Вар. *c*) 1... Л h6—h5; 2. К d6—e8 и 3. Ф d8—f6 или d6×.

1532. *M. A. Аносова*. 1. Ф h4—f2 и если 1... Кр e5—e4, d6 или f6, то 2. Ф f2—e2×, 2. К h6—f7 или 2. К b6—d7; если 1... Л g2 : f2 или ∞, то 2. К b6—d7×; если 1... К f4 ∞, то 2. К h6—f7×; если же 1... К h5 ∞ или 1... c5—c4, то 2. Ф f2 : f4 или—d4×.

ШАШКИ

ЗАДАЧА № 37
В. И. Шошина (въ СПБ.)

Черные

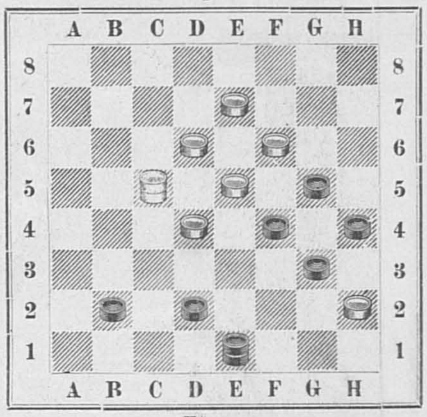


Бѣлые

Запереть простую.

ЗАДАЧА № 38
Е. Ѳ. Андрезена (въ СПБ.)

Черные



Бѣлые

Запереть дамку и 3 простыя.

ПАРТІЯ № 5

Матчевая партія; играна по перепискѣ въ 1892 году

Городская партія

А. К. Чайковскій (Ст. Липовецъ) — В. И. Шошинъ (С.-Петербургъ)

	Бѣлые	Черные		Бѣлые	Черные		Бѣлые	Черные
1.	c3—d4	f6—g5	9.	c1—b2 [5])	b8—a7	17.	a3 : c5	d6 : b4
2.	g3—f4	d6—c5	10.	c3—d4 [6])	d8—e7	18.	g5—h6	e7—d6
3.	b2—c3	g7—f6	11.	d4 : b6	a7 : c5	19.	a1—b2	b4—a3
4.	h3—g3	g5—h4 [1])	12.	g1—h2 [7])	f6—e5	20.	d2—e3	a3 : g5 [8])
5.	c3—b4 [2])	b6—a5	13.	e1—d2	h8—g7	21.	h6 : f4	f6—g5
6.	b4 : d6	e7 : c5!	14.	b2—c3	g7—f6	22.	f4 : h6	d6—c5
7.	d4 : b6	a7 : c5 [3])	15.	f4—g5	h6 : f4			и черные
8.	d2—c3 [4])	c7—d6	16.	e3 : g5	c5—b4			выигрываютъ.

Примѣчанія („Шахматнаго Обозрѣнія“)

[1]) Занятіе клѣтки h4 въ „городской партіи“ — одно изъ необходимыхъ условій для черныхъ, чтобы сохранить за собой атаку. Очень часто поле h4 занимаютъ послѣ хода бѣлыхъ h2—g3, но возможно и раньше играть g5—h4, до хода g7—f6; тогда получается другое развитіе игры, которое, впрочемъ, можетъ придти и къ тому дебюту, который названъ „городской партіей“.

[2]) Этотъ вполнѣ возможный ходъ поставилъ бѣлыхъ въ затруднительное положеніе. Здѣсь возможно было играть 5. f4—e5 и если 5... h8—g7, то 6. c3—b4; если же 5... f6—g5, то 6. g3—f4 и затѣмъ уже 7. c3—b4 или иначе.

[3]) Послѣ этой мѣны у бѣлыхъ остаются почти единственные ходы

[4]) Здѣсь возможно было играть и 8. c1—b2 и если 8... f6—g5, то 9. d2—c3 и затѣмъ представлялась возможность мѣняться: 10. e3—d4 и 11. f4 : d2; если же 8... c7—d6, то 9. b2—c3 и послѣ 9.. d8—e7; 10. c3—b4, a5 : c3; 11. d2 : b4—бѣлые могли бы разсчитывать получить ничью; напримѣръ, 11... f6—e5; 12. b4—a5, h8—g7; 13. e1—d2, g7—f6; 14. a1—b2, f6—g5; 15. d2—c3 и т. д.

[5]) Этотъ ходъ повелъ къ проигрышу партіи бѣлыхъ. Слѣдовало играть 9. c1—d2 и затѣмъ 9... c5—b4; 10. d2 : b4 съ ничьей впереди, какъ въ предыдущемъ примѣчаніи. Ходъ c3—d4 приводилъ къ продолженію въ партіи.

[6]) Если 10. c3—b4, a5 : c3; 11. b2 : b6, a7 : c5; 12. e1—d2, то 12... d8—c7; 13. d2—c3, c7—b6; 14. c3—d4 (на 14. c3—b4 черные отвѣчаютъ 14... b6—a5, а на 14. a1—b2 или 14. g1—h2 — 14... f6—e5), h6—g5; 15. f4 : h6, d6—e5; 16. g1—h2, e5 : c3; 17. g3—f4, b6—a5; 18. a3—b4, c5 : a3; 19. f4—e5, f6 : d4; 20. e3 : c5, a3—b2; 21. c—d6, b2—c1; 22. d6—c7, f8—e7 и черные выигрываютъ.

Если же бѣлые на 13-мъ ходѣ играютъ иначе, то черные безъ труда выигрываютъ посредствомъ 13... f6—e5; напримѣръ, 13. a1—b2, f6—e5; 14. b2—c3, c7—b6; 15. c3—b4, b6—a5; 16. d2—c3, h8—g7; 17. g1—h2, g7—f6 и если теперь 18. c3—d4, то, конечно, 18... e5 : c3; 19. b4 : d2, d6—e5; 20. f4 : b4, a5 : e1 и т. д.

[7]) Теперь ходы бѣлыхъ представляютъ лишь перестановки возможныхъ для нихъ продолженій, сводящихся къ одному и тому же конечному положенію.

[8]) Очевидно, что на 20... a3 : f4 послѣдуетъ 21. e3—d4 и 22. g3 : e7.

Всю корреспонденцію по шахматному и шашечному отдѣламъ просимъ адресовать въ редакцію журнала „Всемірная Иллюстрація“: Петербургъ, Садовая ул., 22.

1) Военно-почтовые голуби (учебный воздухоплавательный паркъ). 2) Лангшанъ (О. И. Буркгардтъ). 3) Золотистые фазаны и 4) Бѣлый павлинъ (Е. Ю. Блокъ). 5) Фениксъ (Н. И. Шишкинъ). 6) Серебристый віандотъ. 9) Бентамы золотистыя. 10) Куры падуанскія золотистыя. 11) Плимутрокъ. 13) Гамбургскія серебристыя куры и 14) Пекинскія утки (О. И. Буркгардтъ) 7) Палевый конхинхинскій пѣтухъ и 8) Крэвъ-Керъ (С. Н. Худековъ). 12) Брама свѣтлыя (кн. В. В. Оболенскій). 16) Англ. бойцовая черная золотисто-шейная курица (Б. Б. Альтшвагеръ). 17) Брама темныя, (К. Л. Витовскій).

С.-Петербургъ. — Пятая очередная выставка русскаго общества птицеводства въ зданіи Солянаго Городка.

Съ натуры рисовалъ для »Всемірной Иллюстраціи« Ѳ. С. Козачинскій.

Дозв. цензурою. СПб. 8-го апрѣля 1893 г. Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

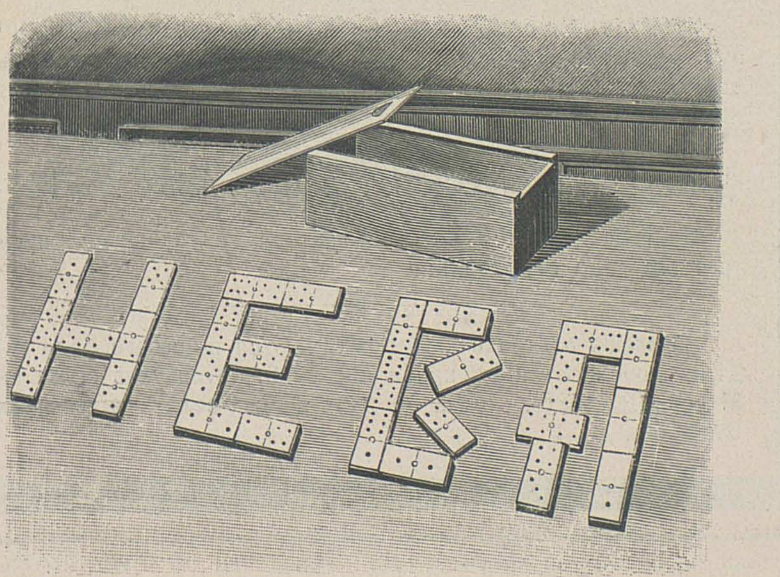
ЧТО МОЖЕТЪ СДѢЛАТЬ НЕУДАЧНОЕ ЧИХАНЬЕ.

Задача домино

Двадцать восемь камней простой игры домино могутъ быть, между прочимъ, употреблены также и для составленія и рѣшенія интересныхъ задачъ слоговъ.

Для примѣра мы даемъ на первый разъ географическую задачу. Помѣщая рядомъ и рѣшеніе, мы ограничиваемся краткимъ указаніемъ тѣхъ трехъ условій, при которыхъ изъ 28 камней домино слѣдуетъ составить географическое названіе:

1) Каждая буква должна состоять изъ одинаковаго числа камней,



2) въ каждой буквѣ должна быть одинаковая сумма очковъ,

3) камни должны быть расположены въ послѣдовательности порядка обыкновенной партіи, т. е. къ двойкѣ, напримѣръ, приставляется двойка же, къ тройкѣ, тройка и т. д.

Въ помѣщаемомъ на нашемъ рисункѣ (какъ рѣшеніе) словѣ „Нева" содержатся четыре буквы по семи камней; въ каждой буквѣ по 42 очка; каждое очко строго послѣдовательно, причемъ „мостикъ" буквы Н примыкаетъ какъ къ правой, такъ и къ лѣвой сторонѣ.

Главная контора и редакція „Всемірной Иллюстраціи“ находятся въ С.-Петербургѣ, на Садовой ул. № 22.
Въ Москвѣ отдѣленія конторы находятся: 1) при книжн. маг. А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, 15, и 2) при конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи.

Дозв. цензурою. СПБ. 8 апрѣля 1893 г. Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

25й ГОДЪ № 1265 49й ТОМЪ

Суббота 17-го апрѣля 1893 г.

Цѣна нумеру 35 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки на годъ . **15** руб.
(при подпискѣ въ главной конторѣ редакціи).
Съ доставкою на годъ . . . . **17** »

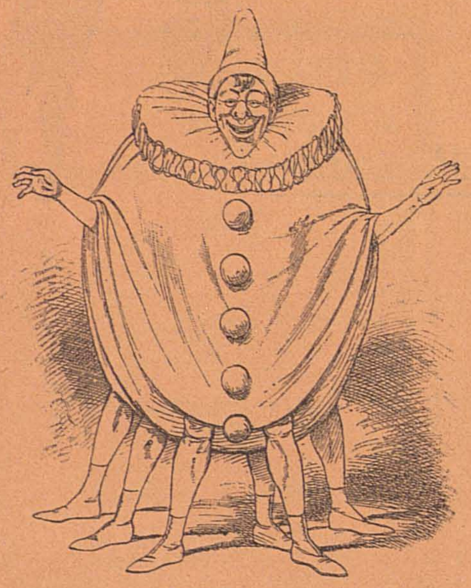
Въ Москвѣ безъ доставки на годъ . . . . **17** руб.
Съ пересылкою во всѣ города Россійской имперіи на годъ . . . . **18** »

Подписная цѣна на полгода съ доставкою и пересылкою . . . . **9** руб.
За границу (въ государства всемірнаго почтоваго союза) **20** руб.

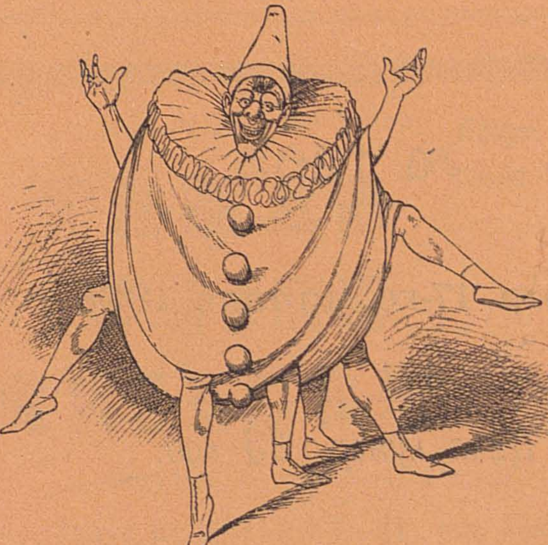
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Редакція и главная контора: Садовая ул. № 22.

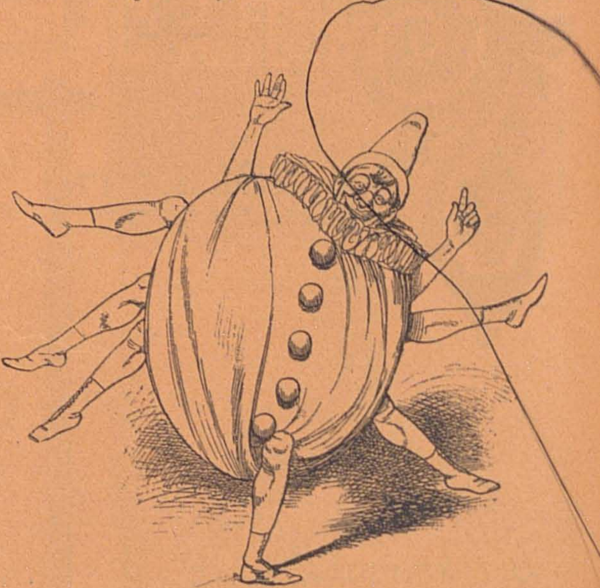
ШЕСТИНОГІЙ СУБЪЕКТЪ (Клоунская шутка).



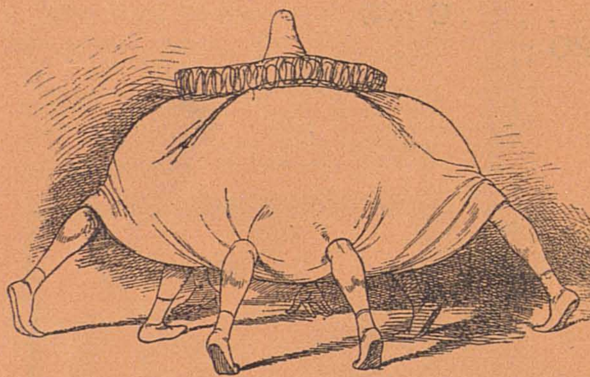
1.



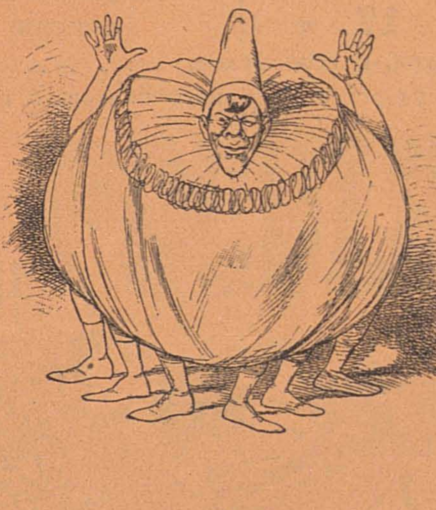
2.



3.



4.



5.

6.

Всемірная Иллюстрація

№ 1265. Годъ XXV.] 17-го апрѣля 1893 г. [**Томъ XLIX. № 17.**

Отъ главной конторы „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ“

Главная контора журнала „Всемірная Иллюстрація“ покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, получающихъ этотъ журналъ **съ разсрочкою платы,** поспѣшить уплатой **втораго взноса,** срокъ котораго истекаетъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, причемъ, во избѣжаніе перерыва въ высылкѣ журнала, контора проситъ объ уплатѣ денегъ въ теченіе текущаго мѣсяца. Гг. иногородные подписчики благоволятъ вмѣстѣ съ деньгами присылать и печатный адресъ, подъ которымъ имъ высылается журналъ.

Ермакъ, завоеватель Сибири. Статуя изъ бронзы, собственность Государя Императора.

Съ фотографіи гравировалъ для „Всемірной Иллюстраціи“ В. В. Матэ.

С.-Петербургъ. — Выставка скульптурныхъ произведеній М. М. Антокольскаго.

РЕЗУЛЬТАТЪ

Разсказъ

АВГУСТА СТРИНДБЕРГА

Въ университетѣ онъ считался генiальнымъ, и никто не сомнѣвался, что онъ пойдетъ далеко. Тѣмъ не менѣе, окончивъ университетскiй курсъ, онъ долженъ былъ, какъ и всѣ прочiе, искать себѣ службу. Въ качествѣ юриста, онъ получилъ должность чиновника въ Стокгольмѣ, но работы оказалось такъ много, что пришлось отложить въ сторону большой ученый трудъ, долженствовавшiй его обезсмертить.

Онъ былъ очень честолюбивъ, но не имѣлъ состоянiя. Поэтому онъ рѣшился жениться на знатной и богатой дѣвушкѣ, вслѣдствiе чего сталъ вращаться исключительно въ высшемъ столичномъ обществѣ. Проникнуть въ такое общество было ему не трудно, такъ какъ еще въ Упсалѣ онъ имѣлъ обыкновенiе сходиться на „ты“ со всѣми титулованными студентами, которые чувствовали себя польщенными дружбой „генiя“ и спѣшили приглашать его на лѣто въ свои аристократическiе замки.

Итакъ, онъ охотился за богатой невѣстой. У него было много мелкихъ талантовъ, забавлявшихъ великосвѣтскихъ дамъ, и потому его принимали очень охотно. При этомъ ему приходилось тратить много денегъ на свое платье и залѣзать въ долги. Но онъ взялъ себѣ за правило не разоблачать своей бѣдности въ большомъ свѣтѣ, никогда не занималъ денегъ у аристократическихъ друзей и даже купилъ двѣ дешевенькiя акцiи двухъ разорившихся акцiонерныхъ обществъ, чтобы имѣть право посѣщать собранiя акцiонеровъ и говорить объ этомъ въ большомъ свѣтѣ.

Два года онъ велъ свои дѣла какъ нельзя болѣе дипломатично. Начинали уже поговаривать о его предстоявшемъ бракѣ „съ высокородной баронессой, владѣвшей большою недвижимостью“. Но вдругъ онъ скрылся съ великосвѣтскаго горизонта. Оказалось, что въ дѣло вмѣшалась слѣпая любовь: онъ былъ обрученъ съ бѣдной дѣвушкой, не владѣвшей недвижимостью, и отецъ которой былъ... удалившiйся отъ дѣлъ бондарь.

Его друзья не понимали, какъ все это могло случиться, а главное, какъ онъ могъ радоваться и ходить съ такимъ сiяющимъ, счастливымъ выраженiемъ лица. Вѣдь все у него шло такъ хорошо, такъ обдуманно; кусочекъ былъ, такъ сказать, на вилкѣ, оставалось проглотить его и вдругъ!.. Да, онъ не спорилъ, что все это было необыкновенно, и самъ не понималъ, какъ могло случиться, что пухленькое личико простой дѣвушки, замѣченное имъ однажды гдѣ-то на пароходѣ, могло въ одно мгновенiе разрушить всѣ его честолюбивые планы. Разумѣется, онъ былъ околдованъ.

— Но согласитесь, говорилъ онъ друзьямъ, — что она дивно хороша!

Нѣтъ, по совѣсти говоря, согласиться съ этимъ они не могли, потому что дѣвушка была мила, но далеко не хороша.

— Зато какъ она умна! Посмотрите, какiе выразительные глаза. Они такъ и говорятъ!

Друзья смотрѣли, но ничего не видѣли, такъ какъ у дѣвушки были глаза какъ глаза, ничего особеннаго не выражавшiе. Судить же о ея умѣ не было возможности, потому что она всегда молчала.

Но женились не друзья, а онъ самъ, и онъ былъ въ восторгѣ. Каждый вечеръ онъ проводилъ въ домѣ бондаря и говорилъ о немъ: „Чортъ меня побери, если это не самый интеллигентный старикъ, какого я знаю!“ По старой привычкѣ, прiобрѣтенной въ зàмкахъ, онъ становился на колѣни, когда держалъ шерсть, которую мотала его возлюбленная. Онъ пѣлъ ей романсы, говорилъ о театрѣ и религiи (его любимыя темы) и читалъ краснорѣчивые отвѣты въ глубокихъ глазахъ дѣвушки, попрежнему продолжавшей молчать. Онъ писалъ ей стихи и готовъ былъ положить къ ея ногамъ свои академическiе лавры, свои честолюбивыя мечты, даже свой философскiй трактатъ.

Наконецъ состоялась свадьба.

Во время торжества бондарь напился и сказалъ непристойную рѣчь, но новобрачный видѣлъ въ его словахъ только „народную непосредственность и художественную естественность“, вслѣдствiе чего даже не останавливалъ старика. Онъ говорилъ, что оживаетъ душой въ обществѣ этихъ честныхъ, неисковерканныхъ людей.

— Да, это любовь! говорили его друзья. — Удивительныя чудеса совершаетъ такое чувство.

Началась его брачная жизнь. Прошелъ мѣсяцъ, потомъ другой... Ахъ, какъ онъ былъ счастливъ! По вечерамъ они оставались одни, и онъ пѣлъ ей „Сѣверную розу“, ея любимый романсъ. Потомъ онъ говорилъ о театрѣ и о религiи, а она прилежно слушала его, вязала антимакассаръ и во всемъ соглашалась съ нимъ.

На третьемъ мѣсяцѣ онъ вернулся къ своей старой привычкѣ спать послѣ обѣда, причемъ молодая жена непремѣнно желала вязать въ его комнатѣ, такъ какъ не хотѣла съ нимъ разставаться. Это его стѣсняло, но онъ не противорѣчилъ.

Она любила ходить ему на встрѣчу, когда онъ возвращался со службы. Чаще всего они встрѣчались на Сѣверномъ мосту, и она была безгранично счастлива, когда онъ покидалъ кружокъ товарищей и весело спѣшилъ къ ней. Она уводила его съ торжествомъ, какъ свою неотъемлемую собственность.

На четвертомъ мѣсяцѣ ему надоѣло пѣть „Сѣверную розу“. Такой истасканный мотивъ! И вотъ по вечерамъ онъ сталъ браться за книгу, и они сидѣли молча.

Однажды вечеромъ ему надо было идти на сходку юристовъ, которая должна была окончиться товарищескимъ ужиномъ. Въ первый разъ женѣ приходилось остаться цѣлый вечеръ безъ него и рѣшено было, что она пригласитъ къ себѣ подругу, а когда та уйдетъ, то во время ляжетъ спать, потому что „его могутъ задержать на сходкѣ“.

Онъ ушелъ. До девяти часовъ у жены сидѣла подруга; потомъ жена, разумѣется, не пошла спать, а расположилась въ гостиной ожидать мужа. Развѣ можно уснуть, когда ждешь?

Она сидѣла одна и не знала, что дѣлать. Горничная уже спала, въ домѣ было томительно тихо, маятникъ часовъ позвякивалъ какъ-то зловѣще. До десяти часовъ она не покидала своего антимакассара, но потомъ стала нервничать, отбросила работу и начала безцѣльно бродить по квартирѣ. Вотъ что называлось быть замужемъ! Сидѣть въ трехъ пустыхъ комнатахъ и ждать мужа, который, можетъ быть, придетъ пьяный, грубый! Впрочемъ, онъ любитъ ее и нельзя же ему пренебрегать своими служебными отношенiями. Какъ глупо съ ея стороны думать только о себѣ. Но вотъ вопросъ — любитъ ли онъ ее какъ прежде? Развѣ онъ не отказался на дняхъ подержать ей мотокъ шерсти? Прежде, когда они еще не были обвѣнчаны, онъ такъ любилъ помогать ей мотать шерсть... И развѣ вчера, когда она встрѣтила его на мосту, онъ не казался недовольнымъ? Наконецъ, если ему необходимо быть на сходкѣ, зачѣмъ оставаться ужинать?

Было половина одиннадцатаго, когда она продумала все это. Ее удивляло теперь, что она ранѣе не замѣтила его охлажденiя. Вѣдь это было такъ очевидно: онъ теперь рѣдко говорилъ съ нею; онъ совсѣмъ не пѣлъ, и рояль никогда не открывался; онъ солгалъ ей вчера, когда сказалъ, что идетъ отдохнуть послѣ обѣда, такъ какъ онъ не спалъ, а читалъ французскую книгу.

Итакъ, онъ даже лжетъ ей!

Въ двѣнадцатомъ часу окружавшая ее тишина сдѣлалась для нея невыносимой. Она открыла окно и стала смотрѣть на улицу. Тамъ на тротуарѣ стояли два молодыхъ человѣка, разговаривавшiе съ двумя женщинами. Да, вотъ таковы всѣ мужчины! Вѣдь и онъ можетъ когда нибудь... Но нѣтъ, въ такомъ случаѣ она бросится въ море!

Она закрыла окно и зажгла ночникъ въ спальнѣ. Однажды онъ говорилъ, что любитъ этотъ розоватый свѣтъ ночнаго фонаря, висѣвшаго въ спальнѣ... Въ этой спальнѣ все было еще такъ ново, такъ красиво. Зеленыя одѣяла казались только что скошеннымъ лугомъ; подушки такъ опрятно бѣлѣли на нихъ; въ углу туалетъ блестѣлъ еще непоцарапаннымъ лакомъ, а мельхiоровый приборъ на немъ сiялъ какъ серебряный. Изъ-подъ кровати выглядывали туфли, такiя еще новыя, щеголеватыя. Все, все еще было ново, но чувствовалось, точно со свадьбы прошло много, много лѣтъ, точно она даже состарилась. Вѣдь она уже знаетъ наизустъ всѣ разговоры, всѣ мысли мужа. Она отлично знаетъ, что онъ скажетъ утромъ, когда проснется, и за обѣдомъ, когда сядетъ за столъ...

Любила ли она его? О, да... еще бы! Она его горячо любила... Но развѣ все это то, о чемъ она мечтала? Неужели такова будетъ и вся ея жизнь. Но... но развѣ у нихъ не будетъ дѣтей? Еслибы у нея былъ ребенокъ, она не оставалась бы одна, ей было бы съ кѣмъ пянчиться. Можетъ быть все дѣло въ томъ, что у нихъ нѣтъ дѣтей? Можетъ быть бракъ въ самомъ дѣлѣ нѣчто болѣе серьезное, чѣмъ сожительство мужчины и женщины, связь которыхъ охраняется закономъ? Все это такъ, но все-таки онъ долженъ бы любить ее, а онъ ея не любитъ!

Она расплакалась.

Ровно въ часъ вернулся мужъ домой довольный, веселый, но нисколько не пьяный. Однако его хорошее настроенiе исчезло, когда онъ увидѣлъ жену еще одѣтою.

— Почему ты не легла спать? спросилъ онъ почти гнѣвно.

— Развѣ я могла быть спокойной и спать, когда я ждала тебя?

— Вотъ какъ! Это мило! Стало быть мнѣ нельзя ужъ выходить изъ дома?.. Ты, кажется, плакала?

— Да, я плакала и какъ мнѣ не плакать, когда ты... когда ты — не любишь меня...

— Развѣ я выказалъ тебѣ нелюбовь тѣмъ, что пошелъ на сходку?

— Ужинъ не сходка...

— Ахъ, вотъ что! Итакъ, я долженъ сидѣть пришитый къ твоей юбкѣ? Чортъ знаетъ, какъ женщины назойливы!

— Назойливы? Это ты намекаешь на то, что я хожу тебя встрѣчать на мостъ? Да, я видѣла вчера твои недовольныя мины... Но не бойся, я больше не пойду тебя встрѣчать...

— Ахъ, милая моя, вчера я шелъ съ моимъ начальникомъ, который говорилъ мнѣ...

Но жена уже не слушала его. Она разразилась рыданiями и скоро дошла до истерики. Пришлось будить прислугу Лину, грѣть воду, прикладывать компрессы.

У него тоже навертывались слезы на глаза. Онъ оплакивалъ себя и свою жестокость къ маленькой женѣ, и свои иллюзiи — все! Но вѣдь онъ любилъ ее; какiя-жъ тутъ были иллюзiи? Потомъ, когда онъ стоялъ на колѣняхъ возлѣ дивана, на которомъ она лежала, и цѣловалъ ее, она тоже говорила, что любитъ его. Да, да, они любятъ другъ друга попрежнему! Это была лишь проходящая тучка, на минуту омрачившая ихъ счастiе. Въ одиночествѣ всегда являются глупыя мысли. Но это не повторится... Они заснули въ объятiяхъ другъ друга и передъ сномъ улыбались попрежнему.

На слѣдующiй день, однако, она не пошла на мостъ встрѣчать его, а онъ не спросилъ ее — почему она не пришла. За обѣдомъ онъ много говорилъ, но его рѣчи звучали такъ, точно онъ говорилъ съ самимъ собой. Вечеромъ онъ разсказывалъ ей о веселой жизни въ имѣнiи барона, о томъ, что говорилъ барышнямъ графъ и какъ зовутъ его знаменитыхъ лошадей. На слѣдующiй вечеръ онъ ужъ говорилъ о своемъ философскомъ трактатѣ и собирался снова приняться за этотъ важный трудъ.

Однажды онъ вернулся домой очень усталый. Въ ожиданiи его она вязала въ гостиной. Проходя мимо нея, онъ запутался ногой въ свалившейся на полъ шерсти, причемъ движенiемъ ноги стянулъ на полъ весь антимакассаръ. Вязанье потащилось за его ногой, а онъ разсердился и, вмѣсто того, чтобы поднять работу, грубо отшвырнулъ ее ногой. Усталость дѣлала его раздражительнымъ, но она не поняла этого и сказала что-то колкое о его невоспитанности.

Онъ возразилъ, что ему нѣтъ времени возиться съ ея „хламомъ“, причемъ намекнулъ, что ей можно было заниматься чѣмъ нибудь болѣе разумнымъ, чѣмъ вязаньемъ этого вздора. Люди, желающіе думать о своей будущности, всегда найдутъ себѣ полезный трудъ.

Этого было достаточно.

На слѣдующій день онъ засталъ ее съ заплаканными глазами за вязаньемъ чулокъ. Принявъ это за демонстрацію, онъ ѣдко замѣтилъ, что „нынче дешевле стоитъ покупать готовые чулки, причемъ получается несравненно лучшая вещь“.

Она заплакала. Что же ей дѣлать? Лина царитъ въ кухнѣ, и во всякомъ случаѣ въ такомъ маленькомъ хозяйствѣ работы хватаетъ только на одну. Можетъ быть онъ хочетъ, чтобы она отпустила Лину и сама стряпала? Она возьмется за это очень охотно...

— Нѣтъ, я не допущу такихъ мѣщанскихъ порядковъ.

— Какъ же ты хочешь, чтобъ было?

— Да этого я не могу сказать въ двухъ словахъ. Знаю только, что тратимъ мы много, а порядка въ домѣ нѣтъ и мнѣ невозможно спокойно заняться моимъ сочиненіемъ. Такъ не можетъ же продолжаться!

Слезы, упреки, потомъ извиненія, поцѣлуи и полное примиреніе.

Но теперь онъ началъ отлучаться по вечерамъ два и три раза въ недѣлю. Дѣла! Чиновнику нельзя зарываться дома! Надо показываться, иначе будешь забытъ и затертъ.

Ахъ, какъ она скучала въ эти длинные, зимніе вечера! Теперь она послушно ложилась въ постель, но не могла сомкнуть глазъ до самаго его прихода; когда онъ приходилъ, она притворялась спящей, а онъ, чтобъ избѣгнуть сцены, дѣлалъ видъ, что вѣритъ ей.

Прошелъ цѣлый годъ, а дѣтей все не было. Теперь и ему стало приходить въ голову, что его отношенія къ женѣ начинаютъ походить на отношенія къ содержанкѣ, только болѣе скучныя и стоющія ужасно дорого. Бесѣдовать съ женой было не о чемъ. „Она глупа!“ подумалъ онъ однажды. Онъ не понималъ, чѣмъ плѣнился въ ней, и теперь не находилъ ничего особеннаго въ ея глазахъ.

„Все на свѣтѣ изнашивается“, рѣшилъ онъ. „Видно, и любовь также. Самъ дьяволъ не можетъ мнѣ помочь въ этомъ дѣлѣ“.

Однажды онъ рѣшился поговорить съ однимъ женатымъ другомъ. „Вѣдь всѣ женатые — товарищи по несчастію“, думалъ онъ: „и таиться нечего“.

— Скажи, братъ, давно ли ты женатъ? спросилъ онъ.

— Шесть лѣтъ.

— Не находишь ли ты, что въ брачной жизни мало радостей?

— Да, вначалѣ и мнѣ показалось немного приторно, но потомъ, когда явились дѣти, счастіе вернулось.

— Что ты говоришь? неужели имѣть дѣтей такъ важно? Удивительно, отчего у меня нѣтъ дѣтей!

— Чаще всего это зависитъ отъ пустяковъ. Пригласи врача.

Вернувшись домой, онъ откровенно поговорилъ съ женой, послѣ чего послали за врачомъ. „Пустяки“ оказались вполнѣ устранимы.

Теперь началась новая жизнь въ квартиркѣ. Ой-ой-ой, сколько было заботъ! Въ залѣ постоянно валялись недошитые чепчики и крошечныя рубашечки; все это поспѣшно пряталось подъ альбомъ и кипсеки, когда раздавался звонокъ, а потомъ, когда оказывалось, что это былъ только мужъ, работа продолжалась. Немалаго труда стоило подыскать мальчику имя, а въ томъ, что родится именно мальчикъ, никто ни минуты не сомнѣвался. А сколько хлопотъ съ покупкой медицинскихъ книгъ, люльки, разныхъ разностей!

И наконецъ онъ явился—это, дѣйствительно, былъ мальчикъ.

Когда мужъ увидѣлъ маленькое существо у груди матери, которая смотрѣла на малютку такимъ глубокимъ взглядомъ, точно вся его будущность ясно стояла передъ ней, тогда онъ снова почувствовалъ, что въ глазахъ этой маленькой женщины есть что-то особенное, она знаетъ такія вещи, въ сравненіи съ которыми всѣ его краснорѣчивыя разсужденія о театрѣ и о религіи были совершеннымъ вздоромъ. И вотъ прежнее увлеченіе, когда-то озарявшее его жизнь такимъ яркимъ свѣтомъ, вспыхнуло вновь, но дополненное возвышеннымъ чувствомъ, о которомъ онъ смутно мечталъ, но до сихъ поръ не имѣлъ яснаго понятія.

Какъ она была хороша, когда оправилась наконецъ послѣ родовъ! Но главное, какъ она была умна во всемъ, что относилось къ ея материнскимъ дѣламъ и малюткѣ! Да, это была интеллигентная женщина!

Теперь онъ чувствовалъ въ себѣ новыя силы. Работалось охотнѣе, но работа его не утомляла, и, вернувшись домой, онъ былъ веселъ и разговорчивъ, но никогда уже не говорилъ о баронахъ и ихъ лошадяхъ, а охотнѣе всего о своемъ сынѣ. Когда ему случалось проводить вечеръ въ гостяхъ, его тянуло домой, хотя онъ зналъ, что теперь жена не одна и не тревожится безъ него. Вернувшись домой, онъ находилъ спящими мать и ребенка. Онъ чувствовалъ даже нѣчто въ родѣ ревности, потому что, какъ бы тамъ ни было, пріятно вѣдь знать, что безъ насъ кто нибудь скучаетъ.

Теперь ему не мѣшали спать послѣ обѣда. Потомъ, когда маленькаго Гаральда стали выносить въ гостиную, рояль былъ снова открытъ, и снова раздались звуки „Сѣверной розы“. Вѣдь этотъ романсъ былъ совсѣмъ новъ для Гаральда! А съ какимъ удовольствіемъ слушала свою любимую мелодію бѣдная маленькая жена, которая была столько времени лишена этого удовольствія!

Вязать уже было некогда, но, къ счастію, антимакассаровъ было въ домѣ болѣе чѣмъ достаточно. Ученое сочиненіе тоже оставалось въ покоѣ.

— Этотъ трудъ докончитъ Гаральдъ, когда подростетъ! улыбаясь говорилъ отецъ, чувствовавшій, что теперь его жизнь продолжится въ другой жизни.

По вечерамъ мужъ и жена садились побесѣдовать, какъ въ первое время ихъ брака, только теперь она говорила столько же, какъ и онъ, потому что они понимали другъ друга. Она не отрицала, что она во многомъ глупа и ничего не понимаетъ въ разсужденіяхъ о театрѣ и о религіи; но вѣдь она говорила ему это еще до брака, хотя онъ не хотѣлъ ей вѣрить. Впрочемъ теперь онъ менѣе чѣмъ когда либо вѣрилъ этому.

Замѣчательно, что „Сѣверная роза“ теперь не надоѣдала. Подъ ея напѣвъ забавляли мальчика, старательно подтягивавшаго мотиву; подъ звуки „Сѣверной розы“ плясали съ нимъ и укачивали его. И старый романсъ не казался уже истрепаннымъ, а, напротивъ, съ каждымъ днемъ становился для семьи все дороже.

Со шведскаго. Баронъ В. Ф—лесъ.

Стихотвореніе

Весенняя феерія

Какая ночь! Какой избытокъ
Въ ней жизнерадости разлитъ!
Какъ зачарованный напитокъ
Она волнуетъ и пьянитъ.
Прощай, спокойная дремота!
Здѣсь явь чуднѣе всякихъ сновъ.
Поютъ сады, гремятъ болота,
Несется ржаніе съ луговъ.
Чу! выпь аукается глухо,
Кряхтитъ и хриплый коростель,
Какъ утомленная старуха
Въ мечтахъ про мягкую постель;
Чеканитъ перепелъ три нотки,
А жукъ гудитъ какъ контрабасъ;
Ночныя бабочки-красотки
Роями вьются возлѣ насъ...
Взгляните вверхъ: толпа прозрачныхъ
И серебристыхъ облачковъ
Заслушалася гимновъ брачныхъ
И сладкихъ пѣсень про любовь.
Объята лунными лучами,
Остановила свой полетъ
И, кажется, что вмѣстѣ съ нами
О чарахъ ночи запоетъ.

О. Ромеръ.

В. Я. Струве

Четвертаго апрѣля текущаго года исполнилось столѣтіе со дня рожденія одного изъ первыхъ астрономовъ нынѣшняго вѣка, знаменитаго строителя пулковской обсерваторіи, Вильгельма Струве, чье имя тѣсно связано съ судьбами астрономіи и геодезіи въ Россіи, чья жизнь была полна прекрасныхъ, благотворныхъ трудовъ, полна отрадныхъ воспоминаній, и предъ чьей тѣнью невольно должны преклониться всѣ русскіе астрономы въ знакъ глубокаго уваженія и вѣчной благодарности. Струве отечество наше обязано возникновеніемъ великолѣпнѣйшей обсерваторіи, которая занимаетъ самое почетное мѣсто среди прочихъ подобныхъ учрежденій. Будучи душою этого предпріятія, онъ въ дѣлѣ сооруженія главной нашей обсерваторіи проявилъ огромный талантъ и рѣдкую добросовѣстность. По его указаніямъ располагалось зданіе, въ которомъ нынѣ производятся наблюденія, по его же мыслямъ изготовлялись лучшими въ Европѣ художниками разные астрономическіе инструменты; ни одного инструмента Струве не оставилъ безъ улучшенія, а нѣкоторые изъ нихъ устроены были на совершенно новыхъ началахъ. Знаменитѣйшіе ученые пріѣзжали изъ разныхъ странъ осматривать этотъ образцовый памятникъ наукъ, и всѣ согласны въ его великомъ значеніи для дальнѣйшаго усовершенствованія астрономіи. Въ то время какъ грандіозная парижская обсерваторія, стоившая около двухъ милліоновъ франковъ, оказалась, въ концѣ концовъ, неудобною и долго приводила въ отчаяніе французскихъ астрономовъ, наша пулковская обсерваторія, благодаря Струве, сразу поставлена была на надлежащую высоту и уже и тогда, въ первые годы своего существованія, представляла полное осуществленіе всего того, что требуется для преуспѣянія астрономіи и того, что можно было сдѣлать при современномъ состояніи оптики и практической механики. „Я убѣжденъ, писалъ Эри, директоръ гриничской обсерваторіи,—что безъ прилежнаго и внимательнаго изученія всѣхъ сокровищъ, находящихся въ Пулковѣ, никакой астрономъ не можетъ считать себя вполнѣ знакомымъ съ практическою стороною нашей науки въ томъ совершенствѣ, какого она теперь достигла; занятія астрономовъ и ихъ точные способы тамъ столь же поучительны, какъ и самое устройство зданій, установка, выборъ и свойства инструментовъ“. Такимъ образомъ съ учрежденіемъ нашей главной обсерваторіи на чисто европейскій ладъ, съ директоромъ европейски - извѣстнымъ, отечественнымъ астрономамъ незачѣмъ было ѣздить за границу, чтобы усовершенствоваться въ этой наукѣ у западно-европейскихъ корифеевъ ея; они превосходно могли учиться и дома. И въ самомъ дѣлѣ ни А. Н. Савичъ, ни М. В. Ковальскій за границу не ѣздили въ качествѣ учениковъ, и тѣмъ не менѣе оба, и особенно послѣдній, добились славы и всемірной извѣстности. Подобныхъ результатовъ достигла пулковская обсерваторія не однимъ только устройствомъ своимъ и совершенствомъ инструментовъ, но и тѣмъ, что Струве умѣлъ выбирать себѣ помощниковъ, вполнѣ преданныхъ наукѣ, изъ ученыхъ дѣйствительно даровитыхъ и дѣятельныхъ. Съ поразительной неутомимостью управлялъ Струве пулковскою обсерваторіей около двадцати пяти лѣтъ и за эти четверть вѣка много сдѣлалъ для астрономической науки и въ области кабинетнаго труда, и на почвѣ практическихъ занятій. Изъ собственныхъ наблюденій — по словамъ академика К. С. Веселовскаго, обозрѣвавшаго дѣятельность Струве — онъ вывелъ постоянное число, отъ котораго зависитъ аберрація звѣздъ, съ большею точностью, нежели прежде было извѣстно, и вмѣстѣ съ тѣмъ приготовилъ матеріалы, помощью которыхъ можно весьма благонадежно опредѣлить колебаніе земной оси, или нутацію. Любопытныя его изслѣдованія о млечномъ пути и вообще о распредѣленіи звѣздъ простыхъ и сложныхъ въ небесныхъ пространствахъ касаются самыхъ трудныхъ

въ наукѣ вопросовъ и возбудили общее вниманіе ученыхъ. По указанію Струве, самымъ выгоднымъ образомъ для успѣховъ науки были распредѣлены занятія между астрономами этой обсерваторіи и сдѣлано полное обозрѣніе звѣздъ сѣвернаго полушарія отъ первой до седьмой величины включительно. Въ то же время знаменитый директоръ обсерваторіи съ глубокимъ знаніемъ дѣла руководилъ большими географическими и геодезическими работами, производившимися для изслѣдованія долготъ разныхъ мѣстъ, въ особенности же для измѣренія градусовъ меридіана, проходящихъ отъ Ледовитаго моря до береговъ Дуная черезъ западный край Россіи. Счастливое окончаніе этого колоссальнаго ученаго предпріятія составляетъ одну изъ многочисленныхъ заслугъ В. Я. Струве, которая навсегда останется памятна въ исторіи наукъ. Со времени избранія Струве въ члены Императорской академіи наукъ начинается новый и самый блестящій періодъ астрономической дѣятельности этого учрежденія. Ко времени избранія въ ея члены, Струве уже достаточно прославился своими трудами, относящимися къ эпохѣ пребыванія его въ обсерваторіи дерптской. Здѣсь онъ составилъ роспись положеній главныхъ звѣздъ, работалъ надъ изысканіями объ астрономическомъ преломленіи, надъ измѣреніемъ градусовъ меридіана въ нашихъ балтійскихъ губерніяхъ, занимался наблюденіями солнца, луны, планетъ и кометъ, въ особенности же обширными, обстоятельными и точными изслѣдованіями двойныхъ звѣздъ. Всѣ эти работы и составили ему имя первоклассного астронома. Изслѣдованіе Струве, касающееся точнаго средняго положенія двойныхъ звѣздъ и микрометрическаго ихъ измѣренія, является трудомъ поистинѣ классическимъ; на немъ зиждется слава его, которая, по выраженію нашего ученаго, генерала А. А. Тилло, такъ же сіяетъ, какъ двойная звѣзда, изъ которыхъ одна блещетъ для науки географической, а другая — для астрономіи. Струве сдѣлалъ наблюденія надъ 405-ю сложными звѣздами и за эти работы былъ удостоенъ самаго лестнаго отзыва отъ берлинскаго астронома Энке. Въ отношеніи микрометрическаго измѣренія двойныхъ и многократныхъ звѣздъ, произведеннаго съ образцовою точностью, врядъ ли кто изъ другихъ современныхъ астрономовъ сдѣлалъ такъ много, какъ Струве. По отзыву знаменитаго французскаго физика Ж. Б. Біо (Biot) важнѣйшія изысканія Струве о сложныхъ звѣздахъ заключаютъ въ себѣ драгоцѣннѣйшіе матеріалы для послѣдующихъ открытій. Астрономы также высоко цѣнятъ работы Струве по изслѣдованію эллиптическаго вида Юпитера, о размѣрахъ поперечника Сатурна и его

В. Я. СТРУВЕ,

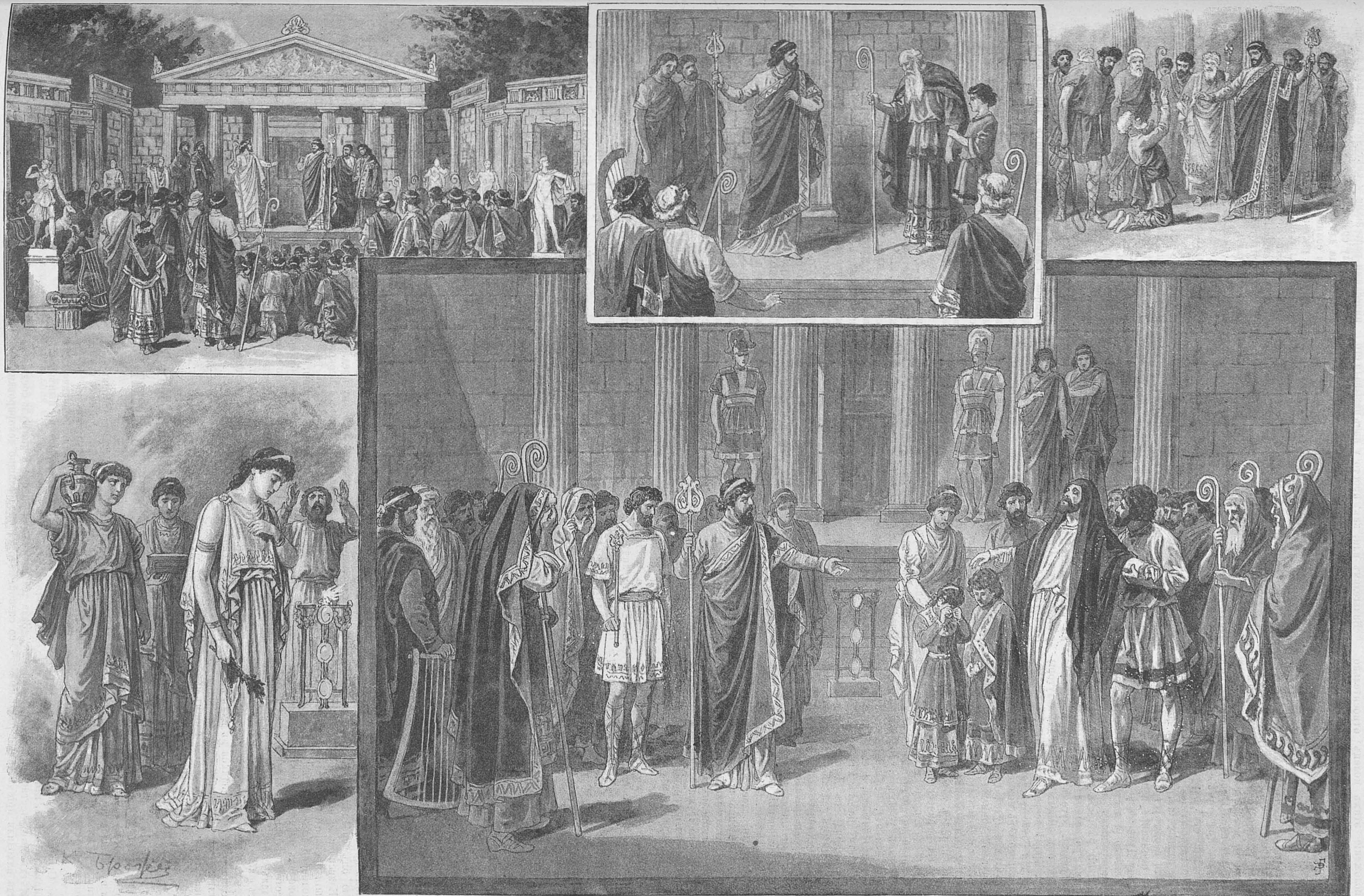
академикъ, знаменитый астрономъ.

Съ фотографіи А. Деньера гравировалъ И. И. Хелмицкій.

По поводу сотой годовщины рожденія.

Русскіе художники. — Возвращеніе церковнаго причта изъ прихода.

Оригинальный рисунокъ для »Всемірной Иллюстраціи« И. Ижакевича.



Эдипъ и Креонтъ. (Актъ 1, сцена 3). — Встрѣча Эдипа и слѣпца Тиресія. (Актъ 1, сцена 7). — Пастухъ Лаія передъ Эдипомъ. (Актъ 3, сцена 6). — Іокаста и хоръ. (Актъ 3, сцена 1). — Эдипъ, Креонтъ, Антигона, Исмена, царская свита и проч. (Актъ 3, сцена 11, послѣдняя).

Царское Село. — »Царь Эдипъ«, трагедія Софокла на сценѣ Императорскаго Китайскаго театра, разыгранная воспитанниками Николаевской Царскосельской гимназіи.

Съ натуры рисовалъ для »Всемірной Иллюстраціи« К. О. Брожъ.

колецъ и положеніе этихъ колецъ относительно эклиптики, наблюденія надъ кометами, отличающіяся величайшей точностью. Вѣнцомъ его научныхъ трудовъ является его монографія, напечатанная на французскомъ языкѣ — „Etude d'astronomie stellaire". Всѣхъ работъ Струве насчитывается до 130; изъ этого числа 48 посвящены географіи. И практическія занятія, и кабинетные труды его, вообще, чрезвычайно разнообразны. Струве изслѣдовалъ вѣроятную степень полноты и точности огромной росписи звѣздъ, изданной Императорской академіей наукъ, представивъ при этомъ свои остроумныя соображенія объ устройствѣ окружающей насъ системы звѣздъ въ экваторіальной полосѣ неба; разсматривалъ мнѣнія разныхъ астрономовъ и философовъ о млечномъ пути и объ устройствѣ вселенной; руководилъ при окончаніи измѣренія большой дуги меридіана между Дунаемъ и Ледовитымъ океаномъ, участвовалъ и лично, и наставленіями въ хронометрическихъ экспедиціяхъ, предпринимавшихся съ цѣлью опредѣленія разности долготъ. Воспользовавшись звѣздными росписями Брадлея, Піацци, Лаланда и Грумбриджа, путемъ поправокъ, тщательныхъ сравненій, онъ вывелъ движенія для полуторы тысячи звѣздъ. Кромѣ всего этого онъ оказалъ немало услугъ и для болѣе тѣсной области геодезіи, между прочимъ изложивъ новые способы для изслѣдованій преломленія лучей свѣта при выводѣ высоты горъ и другихъ земныхъ предметовъ. Струве руководилъ также и большею частью географическихъ работъ, производившихся въ его время, и былъ однимъ изъ первыхъ учредителей Императорскаго русскаго географическаго общества. Въ качествѣ члена совѣта и предсѣдателя Общества по отдѣленію русской и математической географіи, онъ много содѣйствовалъ успѣхамъ, которые оно сдѣлало. По яркому таланту, необычайному трудолюбію, энергіи и настойчивости, а тѣмъ болѣе по сущности большей части работъ Струве европейская наука ставитъ наряду съ Джономъ Гершелемъ, твердо и съ громаднымъ успѣхомъ продолжавшимъ дѣло его геніальнаго отца Вилліама Гершеля. Огромное вліяніе Струве на распространеніе въ Россіи астрономическихъ знаній и на усовершенствованіе математическихъ основаній отечественной географіи давно признано всѣми. Свои обязанности, какъ профессоръ дерптскаго университета, онъ исполнялъ блистательно; „одушевленное преподаваніе той науки, которую Струве обогатилъ многими открытіями, и его сочиненія—говоритъ академикъ Савичъ—производили сильное вліяніе на его слушателей и на всѣхъ, которые у насъ занимались астрономіей. Нѣкоторые изъ его учениковъ были преподавателями этой науки въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ или искусными наблюдателями въ русскихъ обсерваторіяхъ; другіе же въ качествѣ офицеровъ генеральнаго штаба, корпуса топографовъ и флота съ успѣхомъ производили важныя геодезическія и географическія работы въ разныхъ частяхъ имперіи и внѣ ея предѣловъ". Самъ Струве, по желанію многочисленныхъ почитателей своихъ, удѣлялъ иногда немногіе часы досуга для публичныхъ лекцій, читанныхъ имъ въ Дерптѣ и въ С.-Петербургѣ. Эти блестящія лекціи производили всегда и глубокое, и чрезвычайно пріятное впечатлѣніе, помимо всего, привлекательностью изложенія. Несомнѣнныя заслуги этого замѣчательнаго ученаго доставили ему еще при жизни всеобщую и самую почетную извѣстность. Почти всѣ академіи наукъ и ученыя общества въ Европѣ и Америкѣ избрали его своимъ членомъ, а разныя царственныя особы въ уваженіе къ нему жаловали его высшими орденами. „Жизнь ученаго—говоритъ академикъ А. Н. Савичъ—преимущественно сосредоточивается въ его научныхъ занятіяхъ; но и въ общественной, и частной жизни В. Я. Струве мы находимъ много отраднаго. Съ умомъ проницательнымъ и самою счастливою памятью онъ соединялъ характеръ ровный и любезный. Классическіе писатели древней Греціи и Рима и лучшія произведенія новѣйшихъ литературъ были ему подробно извѣстны; на нѣсколькихъ языкахъ онъ говорилъ и писалъ безъ затрудненій... Обладая искусствомъ говорить красно и убѣдительно, онъ возбуждалъ самое живое участіе къ ходу астрономическихъ работъ, и это не рѣдко способствовало успѣху важныхъ научныхъ предпріятій... Сочиненія его, независимо отъ содержащихся въ нихъ изслѣдованій, отличаются также ясностью и изящною простотою изложенія... Къ ученикамъ своимъ и подчиненнымъ онъ всегда былъ внимателенъ, давалъ имъ совѣты, съ удовольствіемъ слѣдилъ за ихъ успѣхами, и прилежнѣйшіе изъ нихъ всегда могли надѣяться на его помощь... Но и внѣ круга служебныхъ обязанностей онъ дѣлалъ добро. Несмотря на свое многочисленное семейство, онъ по возможности оказывалъ пособія нуждавшимся. Живо цѣня покровительство, оказанное ему въ нашемъ отечествѣ, онъ всѣмъ сердцемъ былъ преданъ Россіи и всегда старался сдѣлать все, что только могъ, для ея пользы и чести". Любя Россію, Струве любилъ оказывать и чисто русское гостепріимство всѣмъ, кто только посѣщалъ его въ Пулковѣ, гдѣ и отечественные, и иностранные ученые всегда находили пріемъ самый радушный.

Вильгельмъ или, какъ просто у насъ называли его, Василій Яковлевичъ Струве родился 3 (15)-го апрѣля 1793 года въ Альтонѣ, гдѣ отецъ его, всѣми чтимый педагогъ, былъ директоромъ мѣстной гимназіи (Христіанеумъ), въ которой Струве и получилъ первоначальное образованіе. Въ ранней молодости онъ пріобрѣлъ основательныя свѣдѣнія въ элементарной математикѣ и древнихъ классическихъ языкахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рано пріучился и къ самостоятельному труду. Высшее образованіе доставилъ ему дерптскій (нынѣ юрьевскій) университетъ, гдѣ онъ, увлеченный красотами писателей Греціи и Рима, проходилъ курсъ филологическихъ наукъ и за разсужденіе — написанное въ концѣ 1810 года — „De studiis criticis et grammaticis apud Alexandrinos" былъ награжденъ золотою медалью; при этомъ самое разсужденіе признано достойнымъ къ изданію на университетскій счетъ. В. Я. Струве обладалъ, однако, талантомъ слишкомъ сильнымъ и воспріимчивымъ для того, чтобы ограничиться изученіемъ одной только филологіи. Онъ посѣщалъ поэтому еще и лекціи физики, которую блистательно преподавалъ Парротъ, въ то время ректоръ университета. Онъ замѣтилъ, что Струве нерѣдко обнаруживалъ большое остроуміе и выходящія изъ ряда способности къ наблюдательнымъ наукамъ. Вотъ почему, когда Струве, по окончаніи курса, предложено было мѣсто старшаго учителя гимназіи, Парротъ отговорилъ его отъ этого и указалъ ему настоящую дорогу — на поприще болѣе обширное, болѣе соотвѣтствующее его талантамъ. Съ этого времени Струве началъ ревностно заниматься высшей математикой и, подобно другимъ знаменитымъ астрономамъ, изучилъ эту науку безъ посторонней помощи. Въ 1813 г., получивъ степень доктора философіи и защитивъ диссертацію о географическомъ положеніи дерптской обсерваторіи („De geographica positione speculae astr. Dorpatensis"), гдѣ помѣщены первыя его астрономическія наблюденія, изъ которыхъ онъ вывелъ широту и долготу обсерваторіи гораздо точнѣе, чѣмъ это было сдѣлано ранѣе, — Струве былъ опредѣленъ экстраординарнымъ профессоромъ и астрономомъ-наблюдателемъ университетской обсерваторіи. Тогда-то и началась его замѣчательная и въ высшей степени плодотворная дѣятельность во славу науки, непрерывно продолжавшаяся пятьдесятъ лѣтъ слишкомъ. Выдающіеся труды нашего астронома обратили на себя вниманіе Императорской академіи наукъ, и Струве былъ избранъ уже въ 1822 г. ея членомъ-корреспондентомъ, а въ 1826 г.—почетнымъ ея членомъ. Въ 1832 г. онъ вступилъ въ составъ дѣйствительныхъ членовъ академіи, получивъ право продолжать свои ученыя занятія въ Дерптѣ вслѣдствіе недостатка въ Петербургѣ хорошей обсерваторіи. Вслѣдствіе личнаго доклада академиковъ Струве и Паррота, императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ соорудить, нещадя средствъ, главную обсерваторію на Пулковской горѣ, въ окрестностяхъ столицы. Постройка обсерваторіи началась въ 1833 г., а спустя шесть лѣтъ Струве, по оставленіи дерптскаго университета съ званіемъ заслуженнаго профессора, вступилъ въ управленіе обсерваторіей, навѣки связавъ съ исторіей этого учрежденія свое славное имя. Въ 1858 г. тяжкая болѣзнь вынудила его отправиться за границу; вернувшись, спустя три года, въ Россію, онъ испросилъ увольненіе отъ всѣхъ служебныхъ обязанностей, оставилъ обсерваторію и жилъ до конца дней въ Петербургѣ уединенно, проводя въ Пулковѣ лишь лѣтніе мѣсяцы. Но не покинулъ онъ науки. Любовь къ ней и привычка къ труду, по свидѣтельству академика Савича, были на столько сильны въ Струве, что, „несмотря на упадокъ тѣлесныхъ силъ, онъ ежедневно работалъ по нѣскольку часовъ и приготовлялъ новое сочиненіе о двойныхъ звѣздахъ, которое должно было заключать въ себѣ все, что донынѣ сдѣлано по этому предмету. Къ сожалѣнію, это сочиненіе осталось неоконченнымъ". В. Я. Струве былъ женатъ два раза; первая супруга его Эмилія Валь, изъ Альтоны, прожила съ нимъ девятнадцать лѣтъ. Во второй бракъ онъ вступилъ въ 1835 г. съ дочерью дерптскаго профессора, извѣстнаго математика, Анною Мартыновною Бартельсъ. Какъ нѣкогда Эйлеръ и Палласъ, такъ позднѣе В. Я. Струве составляетъ истинное украшеніе русской науки.

П. В. Б.

Весенній костюмированный вечеръ въ Большомъ театрѣ въ Москвѣ

Уже второй годъ устраиваются въ Москвѣ на праздникахъ св. Пасхи костюмированные вечера въ Императорскомъ Большомъ театрѣ въ пользу Общества для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ. Такой вечеръ данъ былъ въ нынѣшнемъ году 30-го марта.

Зала театра была освящена à giorno и соединена со сценой, которая была изящно декорирована тропическими растеніями и цвѣтами. При входѣ въ зрительную залу среди лавровыхъ деревьевъ помѣщалась эстрада для бальнаго оркестра Рябова. Другая эстрада для солистовъ, также декорированная тропическими растеніями, расположена была передъ сценой. Далѣе, въ нѣсколькихъ шагахъ, устроенъ былъ фонтанъ. По обѣимъ сторонамъ сцены въ нишахъ, украшенныхъ цвѣтами и экзотическими растеніями, артистки Императорскихъ театровъ продавали фрукты, цвѣты, шампанское, фотографіи и проч. Надъ нишами помѣщались медальоны съ именами сценическихъ дѣятелей и драматическихъ писателей. На лѣвой сторонѣ сцены находился военный оркестръ Маркварта. Въ углубленіи сцены отведено было мѣсто для живыхъ картинъ. Программа раздѣлена была на два отдѣленія и состояла изъ сценъ съ пѣніемъ, живыхъ картинъ и отдѣльныхъ концертныхъ нумеровъ, исполнявшихся оркестромъ и солистами.

Въ первомъ отдѣленіи военнымъ оркестромъ были исполнены увертюра Верди, вальсъ „Telegramme" Страуса и попури изъ оперы „Пиковая дама". На эстрадѣ затѣмъ исполнены были: арія изъ „Тангейзера", „Chanson bohême" изъ „Карменъ", „Virtus antiqua" Глинки, „День ли царитъ" Чайковскаго, „И ночь, и любовь, и луна" Давыдова. На малой же сценѣ въ этомъ отдѣленіи представлена была „Баркаролла", сцена съ пѣніемъ. Красивая декорація лунной итальянской ночи, красивые костюмы дѣйствующихъ лицъ и исполненная г. Клементьевымъ „Мандолината" придавали много прелести этой движущейся живой картинѣ.

Переходомъ къ живымъ картинамъ служилъ отрывокъ изъ „Тангейзера", исполненный бальнымъ оркестромъ. Затѣмъ передъ публикой появилась живая картина, изображавшая „Пріѣздъ жениха" въ купеческомъ домѣ и бывшая точнымъ воспроизведеніемъ извѣстной картины Ѳедотова. Между этою картиной и слѣдующей — „Апоѳеозъ Гоголя" — бальный оркестръ исполнилъ „Славянскій Маршъ" Чайковскаго. „Апоѳеозъ Гоголя" вышелъ такимъ же удачнымъ, какъ и предыдущая картина. Въ немъ участвовало около пятидесяти артистокъ и артистовъ.

Три музы вѣнчали бюстъ Гоголя, окруженный безсмертными типами его произведеній. На лицо находились и городничій съ супругой, и Марья Антоновна съ Хлестаковымъ и свитой чиновниковъ, и женихъ, и невѣста со свахой изъ „Женитьбы" и представители „Игроковъ", и „Тарасъ Бульба" съ сыновьями, и типы изъ большинства повѣстей Гоголя и „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканки". Декоративный фонъ, изображавшій толпу, окружающую храмъ Василія Блаженнаго, сливался съ дѣйствующими лицами картины и дополнялъ впечатлѣніе. Во время „Апоѳеоза" военный оркестръ исполнялъ тушъ. Второе отдѣленіе началось военнымъ оркестромъ.

Затѣмъ на эстрадѣ исполнено было: „Любовь мертвеца" Кюи, арія для віолончели Баха, „Эхо" Эккерта и нѣсколько романсовъ. Живыхъ картинъ въ этомъ отдѣленіи было двѣ. Первая — „Русалка"—поставлена была на тему изъ былины „Князь Ростиславъ" графа А. Толстаго, изображающая сказочнаго богатыря, спящаго на „днѣ рѣчномъ" и окруженнаго русалками. Исполнителями выступили балетныя артистки и артистъ г. Ермолаевъ. Вторая, копія съ картины В. Е. Маковскаго — „Оправданная", была особенно удачна. Извѣстная сцена окончанія судебнаго засѣданія, изъ котораго подсудимая вышла оправданною, воспроизведена была замѣчательно живо. По окончаніи картинъ публика вызывала ставившаго ихъ художника В. Е. Маковскаго и совмѣстно съ артистами устроила ему сочувственную овацію. Въ промежуткахъ между картинами и слѣдовавшею за ними сценой изъ „Снѣгурочки" бальный оркестръ исполнилъ увертюру изъ „Миньоны" Тома и „Казачекъ" Даргомыжскаго. Сцена изъ послѣдняго акта „Снѣгурочки", пѣсня Бобыля съ мужскимъ хоромъ à capella, въ превосходномъ исполненіи г. Клементьева и мужскаго опернаго хора, вызвала горячія одобренія и была повторена по требованію публики. Заключительными нумерами программы были вальсъ „Souviens toi" Вальдтейфеля и „Факельтанцъ" Мейербера, исполненные военнымъ оркестромъ, который затѣмъ чередовался съ бальнымъ оркестромъ въ исполненіи танцевъ. Въ 3 часа пополуночи вечеръ окончился, но разъѣздъ начался нѣсколько раньше.

Отличительною чертой этого костюмированнаго вечера было отсутствіе „костюмовъ", которыхъ среди обычныхъ вечернихъ туалетовъ насчитывалось всего пять: довольно простой костюмъ „ласточки" (черное бархатное платье съ бѣлой вставкой на груди и крылышками на плечахъ), „грузинки", „царицы моря" (голубоватозеленое съ водяными растеніями), характерно - оригинальный костюмъ „испанской цыганки" и „неаполитанскій" костюмъ.

Возвращеніе церковнаго причта изъ прихода

Къ рисунку Ижакевича

После обѣдни въ одинъ изъ дней праздника св. Пасхи священникъ села Макарова, отецъ Герасимъ, вернувшись домой, плотно пообѣдалъ и велѣлъ своему работнику запречь лошадь, чтобы ѣхать за сборами по приходу.

Отецъ Герасимъ былъ полный, высокій человѣкъ съ румянымъ и добродушнымъ лицомъ, уже не молодыхъ лѣтъ, пользовавшійся между прихожанами большою любовью. Всѣ знали безконечную доброту батюшки, и всѣ, когда являлась необходимость, смѣло направлялись къ нему, увѣренные напередъ, что батюшка не откажетъ ссудить ихъ хлѣбомъ, зерномъ или деньгами. Отецъ благочинный, жившій неподалеку отъ села Макарова, частенько ѣздилъ къ хлѣбосольному и добродушному батюшкѣ, цѣня въ немъ его искренность и преданность дѣлу.

Когда лошадь была готова и подана къ крыльцу, дьячекъ Иванъ Николаичъ, видѣвшій это изъ своего окна, торопливо одѣлся, захватилъ узелокъ со свернутой эпитрахилью, крестомъ и священными книгами и спѣшнымъ шагомъ двинулся къ дому священника.

Отецъ Герасимъ не заставилъ себя долго ждать. Сопутствуемый матушкою, онъ вышелъ изъ сѣней и, отвѣчая ласковой улыбкой на ея добрыя пожеланія, усѣлся въ телѣгу вмѣстѣ съ Иваномъ Николаичемъ и тронулся въ путь. Скоро село осталось назади, и телѣга мягко катилась по узкой пыльной дорогѣ съ волнистой, выколосившейся рожью по сторонамъ.

Сидя въ телѣгѣ, отецъ Герасимъ перебиралъ въ умѣ деревни, куда слѣдовало заѣхать. Приходъ его былъ великъ и однимъ разомъ нельзя было объѣхать всѣхъ. Поэтому отецъ Герасимъ намѣтилъ только тѣ селенія, куда они могли съѣздить обыденкой. То были три деревни — Зміевка, Образцово и Алёхина. Алехинскіе мужики считались богачами — и батюшкѣ предстояло получить тамъ хорошія приношенія, но отецъ Герасимъ не торопился туда, не долюбливая алехинцевъ за то, что среди нихъ много было раскольниковъ.

„Не хотятъ истинной вѣры — Богъ съ ними", говаривалъ онъ про алехинцевъ. Особой же его симпатіей пользовалась Зміевка. Отцу Герасиму большое удовольствіе доставляло видѣть за обѣдней по воскресеньямъ зміевцевъ, усердно молящихся въ первыхъ рядахъ. Это его трогало и располагало къ нимъ.

И теперь, приближаясь къ Зміевкѣ, онъ чувствовалъ себя превосходно, несмотря на то, что цѣлое утро провелъ на ногахъ, за службой, и усталъ.

День былъ солнечный. Дулъ легкій вѣтерокъ, пріятно освѣжая лицо. Отецъ Герасимъ вынулъ изъ кармана бумажный клѣтчатый платокъ и, отирая лобъ, обратился къ дьячку:

— А что, Иванъ Николаичъ, каковъ денекъ? Вотъ еслибы этакая-то погода постояла послѣ Петрова дня, хорошо бы мы убрались съ сѣномъ!

Иванъ Николаичъ, всю дорогу хранившій молчаніе, держа въ рукахъ возжи, съ серьезнымъ видомъ отвѣчалъ:

— Хорошо бы, отецъ Герасимъ! И то прошлый годъ Господь не привелъ намъ попользоваться сѣномъ — дождемъ все вымочило. И, вздохнувъ, онъ добавилъ: — все во власти Божіей.

Скоро показалась околица. Выбѣжавшіе на встрѣчу мальчишки при приближеніи батюшкиной повозки пустились назадъ, крича: „батюшка ѣдетъ, батюшка ѣдетъ!" и подняли такую пыль, что и лошадь, и телѣга, и Иванъ Николаичъ, и самъ отецъ Герасимъ на минуту скрылись въ ней.

Иванъ Николаичъ подъѣхалъ къ одной избѣ и остановилъ лошадь.

На крыльцѣ стоялъ самъ хозяинъ, Прохоръ Михайловъ, пожилой мужикъ, окруженный домочадцами. Онъ низко кланялся и помогъ батюшкѣ сойти съ телѣги. Принявъ благословеніе, Прохоръ Михайловъ повелъ причтъ въ домъ, гдѣ уже былъ приготовленъ столъ, накрытый чистой скатертью съ положенными на нее свѣчами и хлѣбомъ.

Пока Иванъ Николаичъ развязывалъ узелокъ, батюшка успѣлъ перекинуться словомъ — другимъ съ хозяиномъ. Прохоръ Михайловъ широко улыбался и поглаживалъ бороду. Онъ былъ доволенъ, что батюшка заѣхалъ къ нему первому, и относилъ это къ особому благоволенію отца Герасима къ себѣ.

Послѣ краткаго молебствія, когда причтъ и хозяева сѣли за столъ, уставленный всевозможными яствами деревенскаго изобрѣтенія, батюшка обратился къ хозяину съ рѣчью, въ которой высказалъ, какой великій грѣхъ пріемлютъ тѣ, которые, отринувъ обязанности христіанина, лѣнятся посѣщать церковь. Похваливъ хозяина за его усердіе, батюшка поднялся съ мѣста. Засиживаться было нельзя. Нужно было еще поспѣвать во много мѣстъ.

Снова благословивъ всѣхъ, отецъ Герасимъ въ сопровожденіи семьи Прохора Михайлова направился къ сѣнямъ, гдѣ въ это время жена хозяина отсыпала Ивану Николаичу принесенную изъ чулана муку и затѣмъ вынесла оттуда же два каравая хлѣба и яицъ.

— Не обезсудьте, батюшка, смиренно говорилъ Прохоръ Михайловъ, указывая на приношенія, — отъ всей души — чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

— Спасибо, спасибо, отвѣчалъ отецъ Герасимъ, тронутый столь щедрымъ приношеніемъ. — Богъ съ вами. Прощайте.

И снова телѣга отца Герасима покатилась по мягкой, пыльной дорогѣ, и снова доброхотныя приношенія мірянъ сносились руками Ивана Николаича въ телѣгу.

Немало у насъ на Руси искреннихъ, вѣрующихъ, глубоко чтущихъ праздники, для которыхъ посѣщеніе причтомъ ихъ жилищъ является прямо торжествомъ!

И только къ вечеру возвращается отецъ Герасимъ домой съ телѣгой, верхомъ нагруженной всякимъ добромъ. Чего тамъ только нѣтъ! — и корзина съ яйцами, и караваи хлѣба, и лепешки, и мѣшокъ съ мукой; замѣчается даже живая курица, принесенная въ даръ щедрыми хозяевами, которую Иванъ Николаичъ съ торжественностью передаетъ съ рукъ на руки вышедшей на встрѣчу матушкѣ.

Уставшій отецъ Герасимъ прямо идетъ въ домъ, предоставляя разбираться въ привезенномъ матушкѣ и работницѣ. Маленькій, пятилѣтній сынишка ихъ тѣмъ временемъ влѣзаетъ въ повозку и, съ побѣдоноснымъ видомъ закинувъ голову, стоитъ неподвижно, смотря, какъ работница вынимаетъ вещь за вещью.

А батракъ-парень между тѣмъ отпрягаетъ наѣздившагося коня и тоже не съ меньшимъ удовольствіемъ наблюдаетъ за апетитными съѣдобными припасами.

Вл. Л—ъ.

Ермакъ, завоеватель Сибири. Статуя изъ бронзы работы М. М. Антокольскаго, собственность Государя Императора.

М. М. Антокольскій,

профессоръ скульптуры.

Какъ о творчествѣ М. М. Антокольскаго, такъ и о всесвѣтной славѣ его у насъ была уже рѣчь. Теперь мы даемъ его портретъ, снятый спеціально для „Всемірной Иллюстраціи", а изъ произведеній, бывшихъ на только что закрывшейся выставкѣ его въ академіи художествъ, которая имѣла большой успѣхъ, какой рѣдко выпадаетъ на долю скульпторовъ не только у насъ, но и за границей, помѣщаемъ пока изображеніе головы съ монументальной статуи Ермака, представляющей собою чисто русскій типъ, преисполненный мощной энергіи и рѣшительной воли.

Одно это произведеніе вездѣ могло бы сдѣлать крупное имя скульптору, создавшему его. Но въ активѣ художественной дѣятельности Антокольскаго за 25-лѣтіе его творчества оно является лишь новымъ доказательствомъ того, что нашъ знаменитый скульпторъ не только не склоненъ почить на лаврахъ, но идетъ впередъ неутомимо. Всего лучше можетъ убѣдить въ этомъ справка съ художническимъ формуляромъ М. М. Антокольскаго.

Ему теперь 50 лѣтъ. Искусству онъ себя посвятилъ лѣтъ 30 тому назадъ. До поступленія въ академію художествъ на 21-мъ году онъ былъ простымъ рѣзчикомъ въ своемъ родномъ городѣ Вильнѣ. Первыя ученическія работы, доставившія ему малую и большую серебряныя медали, были жанры-горельефы, рѣзанные изъ дерева и слоновой кости. Это — „Еврей портной" (вечеромъ за работой) и „Еврей скупой" (считающій деньги). Къ тому же времени относится бывшій на академической выставкѣ 1865 года „Школьникъ, крадущій яблоки" (изъ воска). Уже эти опыты обратили вниманіе на дарованіе молодаго художника. М. М. дана была Императорская стипендія, и онъ началъ лѣпить съ натуры изъ гипса. Одна изъ этихъ работъ — „Лобзаніе Іуды" — находилась на выставкѣ 1867 г. Получивъ еще двѣ медали за лѣпку, Антокольскій сдѣлалъ замѣчательный эскизъ „Нападеніе инквизиціи на евреевъ во время Пасхи", который, къ сожалѣнію, и досель остается невыполненнымъ. Евреи эти — мараны временъ испанской инквизиціи, принимавшіе католичество лишь для вида, во избѣжаніе преслѣдованій, а въ сущности оставшіеся вѣрными іудейству. Они собрались праздновать Пасху въ потайномъ подвалѣ. Это празднованіе начинается вечеромъ; трапеза убирается быстро, на сколько возможно; на столъ ставятся, кромѣ богатой посуды, еще и всякія символическія яства, а главное — сушеная лепешка, „маца", приготовленная изъ прѣснаго тѣста на водѣ безъ соли. Это напоминаетъ поспѣшный выходъ евреевъ изъ Египта, когда они были вынуждены брать съ собой незаквашенное тѣсто и потомъ печь его на солнцѣ.

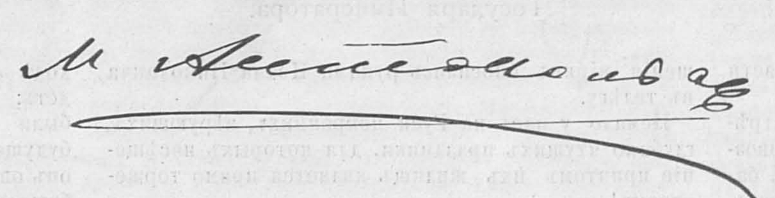
Около трапезы, конечно, на самомъ видномъ мѣстѣ устроено для хозяина дома сидѣнье, обложенное подушками. Хозяинъ сидитъ опершись — символъ, что онъ свободенъ, что онъ больше не рабъ. Передъ нимъ на столѣ блюдо, гдѣ лежитъ „маца"; оно покрыто чистѣйшею и затѣйливѣйшею матеріею, какая только есть въ домѣ. Хозяинъ встаетъ, высоко поднимаетъ блюдо и торжественно произноситъ: „вотъ бѣдный хлѣбъ, который ѣли наши предки при выходѣ изъ Египта; теперь кто хочетъ пусть придетъ; кто голоденъ, пусть насытится; тогда мы были проданными, теперь имѣемъ надежду, а въ будущемъ году станемъ дѣтьми свободы!" Затѣмъ онъ опять садится, и начинаются разсказы объ освобожденіи израильтянъ — разсказы, полные легендарности и чудесъ. Только что началась трапеза, и вдругъ слышится шумъ. Всѣ вскакиваютъ со своихъ мѣстъ. Поднимается сумотоха. Бѣгутъ кто куда. Но инквизиція уже тутъ какъ тутъ.

Въ этомъ эскизѣ Антокольскому, по его собственному объясненію, хотѣлось показать цѣлый рядъ еврейскихъ типовъ, выработанныхъ историческимъ ходомъ событій, но главное — показать это въ скульптурѣ *по своему*, до сихъ поръ еще небывалымъ образомъ. У одной изъ стѣнъ, образующихъ углы комнаты, на эскизѣ виденъ длинный столъ, гдѣ кругомъ сидѣли евреи, дальше — наглухо закрытая дверь, и около нея всѣ скучились въ минуту паники. У другой стѣны — огромная арка, а за аркой видна витая лѣстница, откуда спускается инквизиторъ со своими стражами. Стѣна, къ которой примыкаетъ лѣстница, имѣетъ окно, освѣщающее всю внутреннюю обстановку. Стоитъ только поставить эскизъ этотъ бо

комъ къ свѣту, и вся сцена освѣтится черезъ окно барельефа.

Въ этомъ первомъ опытѣ творчества Антокольскаго обнаружились сразу и оригинальность замысла, и даръ къ сочиненію сложныхъ композицій, и поиски чего-то своего, небывалаго, т. е. чуждаго установившейся рутинѣ способа трактовки скульптурныхъ произведеній. Само собою разумѣется, что такое стремленіе къ самобытности пришлось не по вкусу сторонникамъ традиціонныхъ шаблоновъ. Работа Антокольскаго стала мишенью для насмѣшекъ и порицаній и академистовъ, и академиковъ. Ни сочувствія, ни поддержки тутъ ждать ему было нечего, и онъ рѣшился въ томъ же году уѣхать за границу, надѣясь тамъ поучиться и найти болѣе живое и жизненное отношеніе къ его спеціальности. Антокольскій поселился въ Берлинѣ. Но того, что было бы ему по душѣ, онъ не нашелъ и въ берлинскихъ шедеврахъ. И тамъ первое мѣсто занимали тѣ же псевдоантичныя фигуры, что и въ петербургской академіи, тѣ же олимпійцы и полубоги Эллады и Рима, а того, что отвѣчало бы склонностямъ нашего скульптора, постоянно искавшаго въ скульптурныхъ работахъ художественной правды и красоты душевной, почти не обрѣталось. Вмѣсто реальныхъ образовъ изъ области современной жизни, вмѣсто поучительныхъ историческихъ фигуръ ему попадались все бездушныя и безсодержательныя вакханки, психеи съ крыльями мотыльковъ, аллегоріи, символическія фигуры и группы, нисколько не гармонировавшія съ его представленіемъ объ истинной жизненности искусства. Даже знаменитый памятникъ Фридриха II, работы Рауха, не произвелъ на Антокольскаго особеннаго впечатлѣнія. Превосходная фигура великаго короля, конечно, понравилась и нашему скульптору, но пьедесталъ памятника съ его условными барельефами составляетъ тутъ какъ бы главную суть, и потому парализуетъ впечатлѣніе отъ фигуры.

Годъ спустя Антокольскій вернулся въ Петербургъ и тогда-же принялся за исполненіе статуи „Ивана Грознаго". Созданіе ея сопряжено было съ огромными трудностями и препятствіями всякаго рода при крайнихъ лишеніяхъ самаго элементарнаго свойства, о которыхъ интересующіеся могутъ узнать изъ автобіографическихъ воспоминаній самого художника („Вѣстн. Европы" 1887 г.). Всевозможныя непріятности, болѣзнь и отчаяніе до такой степени угнетали его, что онъ иногда готовъ былъ распрощаться со своимъ призваніемъ. Но вотъ, наконецъ, статуя была обработана на столько, что ее можно было показывать. Тутъ опять явились новыя испытанія для художника. Члены академическаго совѣта не удостоивали осмотра статуи. Неоднократно обѣщая посѣтить ученическую мастерскую автора „Ивана Грознаго", они всякій разъ забывали о немъ. Ему оставалось одно — рискнуть самому лично обратиться непосредственно къ высшему начальству въ академіи. Тогда вице-президентомъ академіи былъ покойный князь Г. Г. Гагаринъ. Онъ немедленно исполнилъ просьбу художника — посѣтить его мастерскую. На князя, который самъ былъ художникомъ, статуя „Ивана Грознаго" произвела сильное впечатлѣніе. Онъ немедленно доложилъ о ней президенту академіи великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ. Ея Высочество прибыла въ академію и впервые посѣтила ученическую мастерскую. Осмотрѣвъ замѣчательную работу Антокольскаго, она поздравила его, заказавъ для себя изъ терракотты вышеупомянутый эскизъ „Нападеніе инквизиціи на евреевъ", а черезъ нѣсколько дней ученическая мастерская была осчастливлена



М. М. АНТОКОЛЬСКІЙ, профессоръ скульптуры.

Автотипія Эд. Гоппе съ фотографіи А. И. Пазетти.

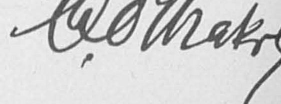
посѣщеніемъ Государя Императора Александра II. „Хорошо, очень хорошо!" сказалъ Государь, и дальнѣйшая карьера Антокольскаго была обезпечена. Статую повелѣно было отлить въ бронзѣ для эрмитажа, гипсовую модель государь купилъ для академическаго скульптурнаго музея, гдѣ она и находится; автору ея дали званіе академика.

Но усилія и лишенія изнурили физическое здоровье художника. Его считали неизлечимо больнымъ. С. П. Боткинъ, осмотрѣвъ его, сказалъ, что онъ остался въ живыхъ лишь вслѣдствіе своей расовой выносливости. И Антокольскій не разъ тогда желалъ смерти, какъ избавленія отъ своихъ страданій. А теперь, когда занялась заря его извѣстности и славы, ему, конечно, хотѣлось жить. Теперь и средства нашлись для поправленія здоровья на югѣ Италіи.

Пребываніе въ Италіи поправило расшатанное здоровье М. М. и ознаменовалось созданіемъ новаго шедевра — колоссальной статуи Петра Великаго, которая была исполнена въ Римѣ и въ 1872 г. была выставлена въ Петербургѣ. Статуя эта не произвела того впечатлѣнія, какое досталось на долю „Ивана Грознаго". Только позже, когда Антокольскій выставилъ своего „Петра I" въ парижскомъ салонѣ, гдѣ статуя имѣла огромный успѣхъ, заграничное одобреніе получило права гражданства и у насъ. Послѣдующими работами Антокольскаго были проекты трехъ конныхъ статуй: „Ярослава Мудраго", „Дмитрія Донскаго" и „Ивана III", но онѣ остались невыполненными. Горельефъ изъ бронзы „Ярославъ Мудрый", находившійся на выставкѣ въ академіи, — произведеніе, совершенно независимое отъ проекта того же имени.

Съ послѣдующей статуей „Христосъ передъ судомъ народа", исполненной въ 1874 г. и купленной Государемъ для эрмитажа, творчество Антокольскаго принимаетъ новое направленіе. Драматическій элементъ, элементъ бурной страсти первыхъ двухъ произведеній его, уступаетъ мѣсто элегическому. Состраданіе, скорбь и страданіе — вотъ что преобладаетъ въ дальнѣйшихъ работахъ Антокольскаго. И выраженіе человѣчности, преисполненное поэтическаго настроенія, особенно ярко выступаетъ въ нихъ вмѣстѣ съ усовершенствованной формой и мастерствомъ техники. По отзыву самого художника статуя „Христосъ въ узахъ передъ судомъ народа" была для него самой трудной работой изъ всѣхъ исполненныхъ имъ. Вслѣдъ за нею Антокольскій сочинилъ проектъ памятника А. С. Пушкину для Москвы, но онъ остался безъ примѣненія. Тогда же нашъ скульпторъ исполнилъ превосходный монументъ княжны Оболенской на кладбищѣ Монте-Тестачіо въ Римѣ. И съ тѣхъ поръ мотивы смерти и гибели первенствуютъ въ его произведеніяхъ: „Смерть Сократа", „Безвозвратная потеря", „Послѣдній вздохъ", „Голова Іоанна Крестителя" съ мечемъ на блюдѣ, „Спиноза", памятникъ художнику барону Гинцбургу. Вмѣстѣ съ этими мотивами стали выражаться и укоръ за неблагодарность людямъ, преслѣдующимъ и истребляющимъ своихъ благодѣтелей.

Еще въ 1874 г. Антокольскій создалъ голову Мефистофеля (полная фигура исполнена позже) — шедевръ по выраженію презрѣнія, насмѣшливости и ненависти. Къ послѣднему времени, кромѣ „Ермака", относятся: „Несторъ", „Офелія", „Христіанская мученица" („Не отъ міра сего"). Какъ прежнія работы его, такъ и позднѣйшія вполнѣ гармонируютъ съ настроеніемъ и духовной природой нашего скульптора. Прежде всего онъ старается воплотить въ нихъ благородныя чувства человѣческой души, и это рядомъ съ его равнодушіемъ ко всякимъ шаблоннымъ идеальнымъ фигурамъ и фантастическимъ аллегоріямъ составляетъ главную особенность его творчества.



АДЕЛЬ БОРГИ, извѣстная итальянская пѣвица, въ роли Сантуццы (»Сельская честь«).

Автотипія Эд. Гоппе съ фотографіи К. Леонарди въ Туринѣ.

Политика

12 (24) апрѣля 1893 г.

Выдающимся событіемъ нашей общественной жизни за прошлую недѣлю были городскіе выборы, начавшіеся въ минувшій четвергъ, 8 апрѣля, и окончившіеся въ субботу, 10 апрѣля. Вниманіе публики было возбуждено на этотъ разъ самою новостью дѣла, ибо впервые примѣнялся къ нашимъ городскимъ избирательнымъ порядкамъ новый законъ.

Въ западной Европѣ самымъ крупнымъ политическимъ событіемъ прошлой недѣли была блестящая побѣда, одержанная Гладстономъ въ англійской палатѣ общинъ по ирландскому вопросу. Въ прошлую пятницу ирландскій билль либеральнаго премьера былъ принятъ названною палатою во второмъ чтеніи большинствомъ, перевѣсъ котораго надъ оппозиціей оказался въ 43 голоса (347 противъ 304 голосовъ). При этомъ въ голосованіи участвовали почти всѣ члены палаты. Отсутствующихъ или воздержавшихся отъ подачи голоса оказалось всего на всего 19 членовъ, что составляетъ явленіе чрезвычайно рѣдкое, почти небывалое въ парламентской исторіи Англіи. Выходитъ такимъ образомъ, что даже и въ томъ, весьма мало вѣроятномъ, случаѣ, еслибъ всѣ эти 19 членовъ подали голоса противъ третьяго чтенія ирландскаго билля, то за реформою Гладстона все-таки остался бы обезпеченнымъ перевѣсъ въ 24 голоса. Полный успѣхъ билля въ палатѣ общинъ такимъ образомъ окончательно обезпеченъ. Очередь за палатой лордовъ, которая при ея нынѣшнемъ консервативномъ большинствѣ навѣрно отвергнетъ рѣшенную правительствомъ и палатою общинъ реформу, и тогда начнется давно уже предусматриваемая Гладстономъ рѣшительная борьба, которая можетъ привести если не къ полному уничтоженію палаты лордовъ, то къ радикальному ея преобразованію, котораго лорды уже давно опасаются. Во всякомъ случаѣ непринятіе ирландскаго билля верхнею палатою не поведетъ ни къ министерскому кризису, ни къ распущенію парламента. Правительство рѣшилось ждать обсужденія палатою общинъ другихъ предлагаемыхъ имъ либеральныхъ реформъ и обратиться къ суду страны путемъ новыхъ общихъ выборовъ только тогда, когда для націи станетъ ясно, что паденіе министерства Гладстона вызоветъ продолжительную отсрочку цѣлаго ряда желаемыхъ ею преобразованій. Нынѣшняя сессія англійскаго парламента пройдетъ во всякомъ случаѣ относительно спокойно, несмотря на то, что противники ирландской реформы, не теряя ни минуты времени, начали уже съ прошлой субботы свою агитацію противъ нея многолюдными „митингомъ негодованія“, созваннымъ въ Лондонѣ, союзомъ консерваторовъ, извѣстнымъ подъ именемъ „Primrose League“ и основаннымъ еще покойнымъ лордомъ Бэконсфильдомъ.

По степени своего политическаго значенія немедленно за парламентскою побѣдою Гладстона слѣдуетъ поѣздка въ Римъ императора Вильгельма II. Германскій государь отправился на прошлой недѣлѣ въ Италію въ сопровожденіи императрицы Августы съ цѣлью лично присутствовать на состоявшемся въ субботу, 10 (22) апрѣля, празднованіи серебряной свадьбы короля и королевы итальянскихъ. На другой же день этого празднованія, т. е. въ воскресенье, 11 (23) апрѣля, императоръ Вильгельмъ II сдѣлалъ визитъ папѣ Льву XIII съ соблюденіемъ того же церемоніала, котораго потребовалъ римскій первосвященникъ, когда германскій государь впервые послѣ своего вступленія на престолъ посѣтилъ его въ Ватиканѣ. Какъ и тогда, Вильгельмъ II пріѣхалъ сначала (въ придворномъ итальянскомъ экипажѣ) въ прусскую миссію при папскомъ дворѣ и, очутившись такимъ образомъ, по извѣстной международной фикціи, на своей собственной территоріи, отправился съ императрицею въ Ватиканъ въ своей собственной, изъ Берлина нарочно для этого привезенной, *дорожной* каретѣ. Соблюденіе этой формальности давало возможность папѣ видѣть въ своемъ царственномъ посѣтителѣ не гостя, „похитителя папскаго престола“, а просто иностраннаго государя, являющагося въ Ватиканъ *прямо со своей собственной территоріи*. По всеобщему убѣжденію онъ посѣтилъ нынѣ вторично папу въ надеждѣ добиться отъ послѣдняго воздѣйствія на германскую партію католическаго центра, безъ поддержки которой не можетъ пройти въ рейхстагѣ проектъ военной реформы. Достигъ ли императоръ своей цѣли — пока еще, конечно, не извѣстно, но изъ Германіи за все это послѣднее время приходили извѣстія, пророчившія отказъ большинства партіи центра перейти на сторону правительства. Вслѣдствіе этого скорое распущеніе парламента считалось все болѣе и болѣе вѣроятнымъ.

Извѣстія изъ Австро-Венгріи продолжали на прошлой недѣлѣ представлять очень мало общаго интереса. Исключеніемъ было развѣ только комическое негодованіе мадьяровъ на то, что венгерскій министръ гонведовъ (т. е. военный министръ), генералъ Фейерваро, состоя шефомъ одного изъ австрійскихъ полковъ, провелъ этотъ полкъ самъ на парадѣ передъ императоромъ Францемъ-Іосифомъ. Дѣло дошло даже до готовящагося запроса въ пештскомъ парламентѣ. Мадьярскіе шовинисты рѣшительно хотятъ оправдать все, что говорится въ европейской печати о политическомъ сепаратизмѣ ихъ стремленій.

Во Франціи на прошлой недѣлѣ еще продолжались парламентскія вакаціи, которыя кончатся только 13 (25) апрѣля. Министерство Дюпюи занято было все время подготовкою бюджетнаго соглашенія между сенатомъ и палатою депутатовъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы бюджетъ могъ быть утвержденъ 18 (30) апрѣля, въ послѣдній день срока, на которомъ разрѣшенъ палатами правительству потребованный прежнимъ министерствомъ Рибо временный кредитъ. Устроится ли это дѣло во-время — теперь еще нельзя сказать, но врядъ ли палата депутатовъ, доживающая послѣдніе мѣсяцы своего существованія, рѣшится продолжать свой бюджетный споръ съ сенатомъ.

Извѣстія изъ Сербіи до сихъ поръ говорятъ о полномъ спокойствіи страны и сочувствіи націи къ рѣшительному шагу, сдѣланному королемъ Александромъ. Начинаютъ, однако же, появляться кое-какіе намеки на возможность новаго появленія на политической аренѣ ненавистныхъ націи „напредняковъ“ со своимъ вождемъ Гарашаниномъ во главѣ. Ожидается въ Бѣлградѣ прибытіе королевы Наталіи, выѣхавшей на дняхъ изъ Крыма послѣ вторичнаго приглашенія на Высочайшій завтракъ въ Ливадіи. Ходятъ также слухи о возможности прибытія въ сербскую столицу бывшаго короля Милана, но до сихъ поръ ни что не указываетъ на основательность этихъ слуховъ.

Послѣ переворота въ Бѣлградѣ

Когда бѣлградское населеніе узнало на разсвѣтѣ о происшедшемъ во дворцѣ, народъ сталъ толпиться на улицахъ, то провозглашая „живіо!“ молодому королю и династіи, то разражаясь оскорбительными криками противъ бывшихъ регентовъ и министровъ. Многіе дома украсились флагами. Вечеромъ состоялась иллюминація. Порядокъ нигдѣ не былъ нарушенъ, но кавалерійскіе патрули въ видахъ предосторожности ѣздили по городу. Утромъ 1-го апрѣля толпа съ восторженными криками двинулась къ дворцу. Король вышелъ на балконъ и произнесъ рѣчь манифестантамъ. Онъ провозгласилъ громкимъ, увѣреннымъ голосомъ, что ему дороги сербскій народъ и его свобода и что онъ рѣшился твердо охранять ее. „Да здравствуетъ сербскій народъ!“ Слова короля вызвали неописуемый восторгъ. Затѣмъ толпа устроила привѣтственныя демонстраціи передъ домами новыхъ министровъ. Зато передъ домами гг. Ристича, Аввакумовича и митрополита Михаила манифестанты устроили кошачью музыку, и полиція принуждена была разогнать ихъ. И на другой, и на третій день въ Бѣлградѣ населеніе продолжало ликовать. Королю Александру устраивали непрерывныя оваціи. 2-го апрѣля городъ былъ украшенъ флагами и иллюминованъ, вечеромъ жители почтили короля факельцугомъ. Пущенъ былъ фейерверкъ. Наши рисунки представляютъ нѣсколько моментовъ изъ происходившихъ на улицахъ Бѣлграда сценъ въ упомянутые дни народныхъ ликованій.

Театръ. Искусство. Музыка

— На выставку въ Чикаго приглаенъ, кромѣ артистки Е. Н. Горевой, также г. Соловцовъ, дебютировавшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Александринскомъ театрѣ въ роли Іоанна Грознаго, въ „Василисѣ Мелентьевой“. Г. Соловцовъ сначала долженъ былъ сыграть нѣсколько гастролей въ Берлинѣ, съ той труппою, съ которой отправится въ Чикаго.

— На сценѣ гамбургскаго городскаго театра была недавно поставлена и имѣла большой успѣхъ новая опера А. Аренсена „Віола“, либретто для которой передѣлано Жене изъ шекспировской комедіи „Что вамъ угодно?“ Мѣстная критика отказывается о музыкѣ оперы съ похвалою.

— Новая опера Леонкавалло. Леонкавалло, авторъ оперы „Паяцы“, окончилъ недавно новую оперу „La Bohême.“ Опера эта уже пріобрѣтена германскою придворною оперой.

— Новая опера новаго композитора. Въ Венеціи идетъ съ громаднымъ успѣхомъ новая опера до сихъ поръ неизвѣстнаго композитора Джелліо Корнаро — „Festa marina“ („Морской праздникъ“). Опера эта заслужила своему автору первую награду на послѣднемъ конкурсѣ, какіе періодически устраиваются крупнѣйшей итальянской издательской фирмой Сонцоньо.

— Продолженіе оперы „Сельская честь“. Шумный успѣхъ, какой имѣетъ повсюду въ Европѣ хорошо знакомая всѣмъ нашимъ меломанамъ опера юнаго Масканьи „Cavaleria Rusticana“, далъ мысль одному баденъ-баденскому музыканту, Д. Эдмунду Фрейгольду, написать къ ней продолженіе. Опера написана въ одномъ актѣ и озаглавлена, по имени героини „Сельской чести“, „Сантуцца“.

Наши картины и рисунки

„Царь Эдипъ“ на сценѣ „Китайскаго театра“ въ Царскомъ Селѣ

Въ первыхъ числахъ апрѣля, а именно 2-го, 4-го и 5-го, на сценѣ придворнаго Китайскаго театра въ Царскомъ Селѣ была поставлена на греческомъ языкѣ трагедія Софокла „Царь Эдипъ“. Устроителями этого спектакля явились пишущій эти строки директоръ Императорской Николаевской царскосельской гимназіи, учитель древнихъ языковъ С. О. Цыбульскій, на долю котораго выпалъ наибольшій трудъ по режиссированію пьесы, и В. П. Петровъ, завѣдывавшій всею музыкальною частью. Исполнителями были исключительно ученики гимназіи. Спектакль этотъ вызвалъ живой интересъ и въ высшей учебной администраціи, главнымъ представителемъ которой на представленіи былъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія кн. М. С. Волконскій, и въ профессорахъ университета, и въ преподавателяхъ петербургскихъ гимназій, и въ ученикахъ старшаго класса столичныхъ учебныхъ заведеній, и въ представителяхъ мѣстной администраціи и общества, и, наконецъ, въ представителяхъ столичной печати, которая, за малыми исключеніями, прислала на спектакль своихъ корреспондентовъ. Съ большою признательностью упомяну о командированномъ отъ редакціи „Всемірной Иллюстраціи“ художникѣ К. О. Брожѣ, талантливые наброски котораго, изображающіе пять различныхъ моментовъ трагедіи, помѣщены въ настоящемъ нумерѣ „Всемірной Иллюстраціи“. Увидѣвъ эти наброски въ оригиналѣ, я не могъ отказать уважаемой редакціи въ небольшой статьѣ, о которой она меня просила, по поводу этого исключительнаго, и по поставленной задачѣ, и по выполненію, спектакля.

Дѣйствительно, поставить на сценѣ въ оригиналѣ, притомъ съ музыкой и пѣніемъ, „Царя Эдипа“ — задача не изъ легкихъ. Помимо 8 дѣйствующихъ лицъ, изъ которыхъ трое — Эдипъ, Іокаста и Креонтъ — должны отличаться недюжинными способностями, помимо хора, состоящаго изъ 15 старцевъ, къ которому для усиленія были присоединены 9 учениковъ, изображавшихъ музыкантовъ, которые сопровождаютъ хоръ, помимо введеннаго въ концѣ трагедіи дѣтскаго хора изъ 22 учениковъ, необходимо было немалое количество статистовъ, когда всего въ трагедіи участвовало около половины общаго числа учениковъ (125 изъ 260). При такомъ количествѣ участниковъ немалый трудъ представляла группировка массъ на сценѣ, ихъ передвиженія и танцы. Если

изъ всѣхъ этихъ затрудненій намъ, устроителямъ, удалось выйти побѣдителями, то этимъ мы обязаны тому вниманію, съ которымъ каждый изъ участниковъ относился къ своему дѣлу, а вниманіе это можетъ быть объяснено исключительно тѣмъ интересомъ, который возбудило въ нихъ геніальное произведеніе одного изъ величайшихъ міровыхъ поэтовъ — безсмертнаго Софокла.

Разучена была трагедія по тексту, обработанному проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскимъ (составляющему одинъ изъ томиковъ иллюстрированнаго собранія греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями), причемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были допущены отступленія отъ этой редакціи текста: такъ сцена съ Тиресіемъ была нѣсколько сокращена въ виду повторенія въ ней однѣхъ и тѣхъ же мыслей, точно также подверглась сокращенію сцена прощанія ослѣпившаго себя Эдипа съ Креонтомъ и дѣтьми — въ виду слишкомъ тяжелаго впечатлѣнія, которое эта сцена производитъ на слушателя, далѣе заключительные стихи трагедіи, вложенные проф. Зѣлинскимъ въ уста Креонта, были переданы хору, наконецъ въ первой нѣмой сценѣ просить Эдипа объ избавленіи отъ моровой язвы является не одинъ простой старецъ съ дѣтьми, какъ это предполагаетъ проф. Зѣлинскій, а весь народъ—и старцы, и взрослые люди, и юноши, и дѣти — во главѣ съ жрецами Зевса, Вакха, Аполлона и Гермеса и жрицами Аѳины и Артемиды.

Такъ какъ 8 дѣйствующихъ лицъ, необходимыхъ для трагедіи, въ одномъ классѣ найти трудно, то „Царь Эдипъ“ читался одновременно въ VIII кл. (подъ моимъ руководствомъ) и въ VII кл. (подъ руководствомъ С. О. Цыбульскаго), причемъ 4 роли — Эдипа, Креонта, Тиресія и коринѳскаго гонца — были поручены ученикамъ VIII кл. — Клеменцу, Глушкову, Кузьмину и Хондожевскому, 3 роли — эдипова домочадца, зевсова жреца и лаіева пастуха — ученикамъ VII кл. — Раевскому, Истомину и Цвѣткову и, наконецъ, роль Іокасты — ученику VI кл. барону Остенъ-Сакену, съ которымъ С. О. Цыбульскій особо прошелъ трагедію. До какой степени исполнители съумѣли войти въ свои роли — можно судить по тому, что, напримѣръ, многіе на спектаклѣ не хотѣли вѣрить, что трудная въ драматическомъ отношеніи и требующая искусной мимики роль Іокасты исполнялась ученикомъ. Заслуживаетъ замѣчанія, что, исполняя свои роли, ученики не декламировали только стихи ритмически, но, читая ихъ по размѣрамъ, сохраняли и естественныя ударенія словъ, т. е. достигали того идеала, къ которому надо стремиться при чтеніи греческихъ и римскихъ стиховъ. Большое вниманіе при постановкѣ было обращено на жесты, образцами для которыхъ служили во многихъ случаяхъ пластическія изображенія древнихъ мастеровъ.

Музыкѣ, игравшей такую видную роль въ древней греческой трагедіи, при постановкѣ „Царя Эдипа“ въ Царскомъ Селѣ было отведено подобающее мѣсто. При этомъ, въ виду того, что музыки ко всей трагедіи въ такой постановкѣ, какъ мы представляли ее себѣ, не существуетъ, пришлось заимствовать ее у разныхъ композиторовъ и одинъ нумеръ (заключительную пѣснь при окончаніи трагедіи) даже нарочно для этого спектакля сочинить, что и исполнилъ В. П. Петровъ и исполнилъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ извѣстный критикъ Н. Ѳ. Соловьевъ, вполнѣ удачно. Всѣхъ музыкальныхъ нумеровъ 14. Изъ нихъ пять — для инструментальной музыки, два — для сольнаго пѣнія, пять — для мужскаго хора и два — частью для дѣтскаго, частью для смѣшаннаго хора. Изъ нумеровъ для инструментальной музыки первые два принадлежатъ нѣмецкому композитору Гансу Дючке, именно увертюра и музыка къ первой нѣмой сценѣ, изображающей шествіе народа изъ Ѳивъ ко дворцу Эдипа и жертвоприношеніе передъ статуями боговъ-покровителей города. Оба эти нумера исполнялись оркестромъ изъ 30-ти учениковъ подъ управленіемъ В. П. Петрова. Далѣе музыка при удаленіи процессіи просителей, исполнявшаяся на роялѣ В. П. Петровымъ, заимствована была изъ Аталіи Мендельсона-Бартольди, маршъ при выходѣ Эдипа изъ дворца на вѣче, исполненный на флейтѣ ученикомъ Ершовымъ, — изъ Антигоны Мендельсона-Бартольди и музыка при жертвоприношеніи Іокасты, написанная для струннаго квартета и исполненная учениками Баралевскимъ и Смирновымъ, бывшимъ ученикомъ Якоби и учителемъ пѣнія въ гимназіи Е. Н. Жильниковымъ, помогавшимъ В. П. Петрову при обученіи хора,—изъ музыки къ „Царю Эдипу“ Ганса Дючке. Изъ нумеровъ для пѣнія одинъ, какъ было упомянуто, принадлежитъ г. Петрову, два (второе соло для баритона, исполненное бывшимъ ученикомъ В. В. Голиковымъ, и второй коммосъ при появленіи слѣпаго уже Эдипа) заимствованы изъ Антигоны Мендельсона и остальные 6 (пародъ, три стасима, первое соло, исполненное также В. В. Голиковымъ, и первый коммосъ послѣ ссоры Эдипа съ Креонтомъ) принадлежитъ американскому композитору Джону Пэну, написавшему музыку для „Царя Эдипа“, который ставился въ Бостонѣ въ 1882 году. Музыка его, уступая мендельсоновской по богатству и красотѣ мелодій, отличается очень искусной гармонизаціей и благодаря чудному разнообразному и оригинальному размѣру греческихъ хоровъ, который не могъ, конечно, остаться безъ вліянія и на музыку, производитъ мѣстами чарующее впечатлѣніе.

Что касается до орхестической части, то у насъ нѣтъ почти указаній на то — каковы были танцы у древнихъ, такъ что въ этомъ отношеніи самимъ устроителямъ приходилось прокладывать новые пути, сообразуясь съ характеромъ отдѣльныхъ пѣсень и держась по возможности изящныхъ пластическихъ образцовъ древности. Танцы исполнялись въ первой нѣмой сценѣ при жертвоприношеніи просителей и во время жертвоприношенія Іокасты (оба съ вѣтвями), во второмъ стасимѣ (съ факелами) и во время втораго сольнаго нумера (въ однихъ хитонахъ, безъ шматіевъ). При остальныхъ хоровыхъ пѣсняхъ въ каждой строфѣ хоръ мѣнялъ положеніе, исполнивъ нѣсколько хореографическихъ фигуръ, составленныхъ отчасти согласно указаніямъ древнихъ авторовъ (Аристотеля, Діонисія Галикарнасскаго, Поліэна, Гесихія и др.).

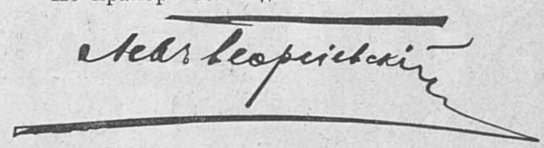
Большое вниманіе было обращено на костюмы, которые, по единогласному отзыву знатоковъ, отличались и изяществомъ, и роскошью. Прибавимъ, что они отличались и полною исторической вѣрностью, такъ какъ образцами для нихъ служили произведенія искусства.

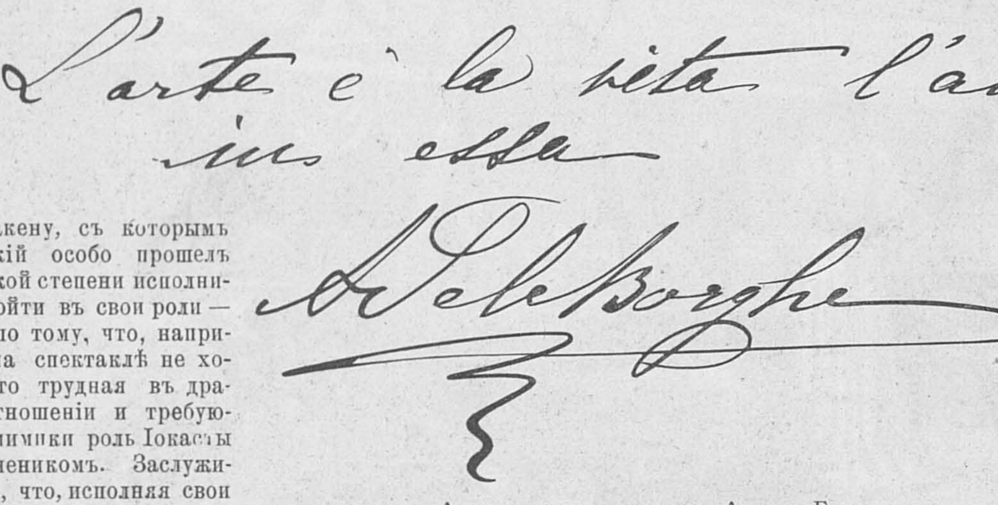
Очень хороши были и декораціи, написанныя студентомъ Императорской академіи художествъ Б. К. Гембаржевскимъ, получившимъ въ прошломъ году въ гимназіи свидѣтельство зрѣлости.

Передъ спектаклемъ всѣми участниками былъ исполненъ народный гимнъ, а послѣ спектакля художникомъ Н. Н. Каразинымъ изъ всѣхъ же участниковъ была поставлена живая картина, изображавшая жертвоприношеніе.

Въ заключеніе не могу не сказать нѣсколько словъ о значеніи и о пользѣ такихъ спектаклей, если только они даются не по заказу и если ученики даннаго класса представляютъ для нихъ достаточный матеріалъ. Въ спектакляхъ этихъ передъ учениками проходитъ цѣлый рядъ картинъ изъ жизни того народа, который завѣщалъ человѣчеству богатѣйшія памятники въ области литературы и искусства. Они осязательно, чѣмъ, съ несравненно большею ясностью и глубиною, чѣмъ по какимъ бы то ни было памятникамъ искусства, знакомятся здѣсь и съ постановкою древней трагедіи, и съ тѣмъ значеніемъ, которое имѣетъ въ ней хоръ, и съ самою жизнью древнихъ, съ различными видами ихъ одежды (хитонами, шматіями, хламидами, ѳоонами, агреномъ и пр.), съ обувью, вооруженіемъ (въ описываемомъ спектаклѣ было 2 гоплита, пельтастъ и легко вооруженный воинъ), съ музыкальными инструментами, которые представляли изъ себя на царскосельскомъ спектаклѣ точную копію древнихъ оригиналовъ, наконецъ съ религіозною жизнью эллиновъ. Такой спектакль довершаетъ собою то классическое образованіе, которое гимназія должны давать своимъ питомцамъ, сохраняя въ ихъ памяти навсегда самое свѣтлое воспоминаніе о томъ участіи, которое они принимали въ воспроизведеніи на сценѣ безсмертныхъ твореній человѣческаго генія. А какое облагораживающее вліяніе имѣютъ эти спектакли на всѣхъ исполнителей! Приведу прекрасныя слова по этому поводу въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ моего бывшаго наставника, старшаго учителя Императорскаго лицея въ память цесаревича Николая, В. А. Грингмута. „Восторженное настроеніе“, говоритъ онъ, „которое при такой постановкѣ охватываетъ юныхъ исполнителей и сообщается всѣмъ ихъ товарищамъ, не поддается никакому описанію. Все учебное заведеніе живетъ нѣсколько мѣсяцевъ, пока идутъ подготовленія и репетиціи, въ какой-то поэтичной атмосферѣ, съ приподнятымъ духомъ бодрой жизнерадостности, предъ которой исчезаетъ блѣдная, скучная проза повседневной монотонной жизни. Великій геній поэта одухотворяетъ въ это время и наставниковъ, и учениковъ, всѣ съ удвоенною энергіей предаются исполненію своего долга, чуя непосредственное прикосновеніе къ нимъ того идеала, къ которому они постоянно стремятся, но котораго они такъ рѣдко видятъ во время своихъ ежедневныхъ занятій“. Нечего и говорить о томъ сближеніи, которое при приготовленіи къ подобнымъ спектаклямъ происходитъ между учениками и ихъ наставниками. Можно ли, наконецъ, достаточно оцѣнить значеніе этихъ спектаклей для закрѣпленія связи учениковъ съ воспитавшимъ ихъ учебнымъ заведеніемъ, можно ли достаточно оцѣнить тѣ нравственныя и эстетическія впечатлѣнія, которыя невольно ложатся на юныя сердца и души при глубокомъ и основательномъ изученіи такихъ произведеній, каковы произведенія Софокла? Если же и раздаются порою голоса вопрошающихъ о *практической* пользѣ подобныхъ спектаклей, то имъ можно отвѣтить словами Пушкина:

> Тебѣ бы пользы все! На вѣсъ
> Кумиръ ты цѣнишь Бельведерскій.
> Ты пользы, пользы въ немъ не зришь
> Но мраморъ сей вѣдь богъ!..





Автографъ артистки Адель Борги.

Адель Борги

Знаменитая исполнительница „Карменъ“, давно пріобрѣвшая европейскую извѣстность, несравненная Адель Борги принадлежитъ къ числу самыхъ блестящихъ представительницъ лучшихъ традицій итальянской оперы. Обладая необыкновенно красивымъ по тембру и обширнымъ по діапазону мецо-сопрано, талантливая артистка представляетъ рѣдкое соединеніе первоклассной пѣвицы съ выдающейся по дарованію драматической актрисой. У Адель Борги вокальная сторона исполненія всегда идетъ рядомъ съ художественной, истинно реальной, игрой — и въ этомъ надо видѣть причину не только ея выдающагося успѣха, но и того сильнаго, неизгладимаго впечатлѣнія, которое производитъ артистка на публику. Первоклассные пѣвцы и пѣвицы встрѣчаются, разумѣется, не часто, но еще несравненно рѣже можно найти соединеніе образцоваго вокальнаго исполненія съ крупнымъ драматическимъ дарованіемъ. Въ этомъ отношеніи г-жа Адель Борги почти не знаетъ соперниковъ.

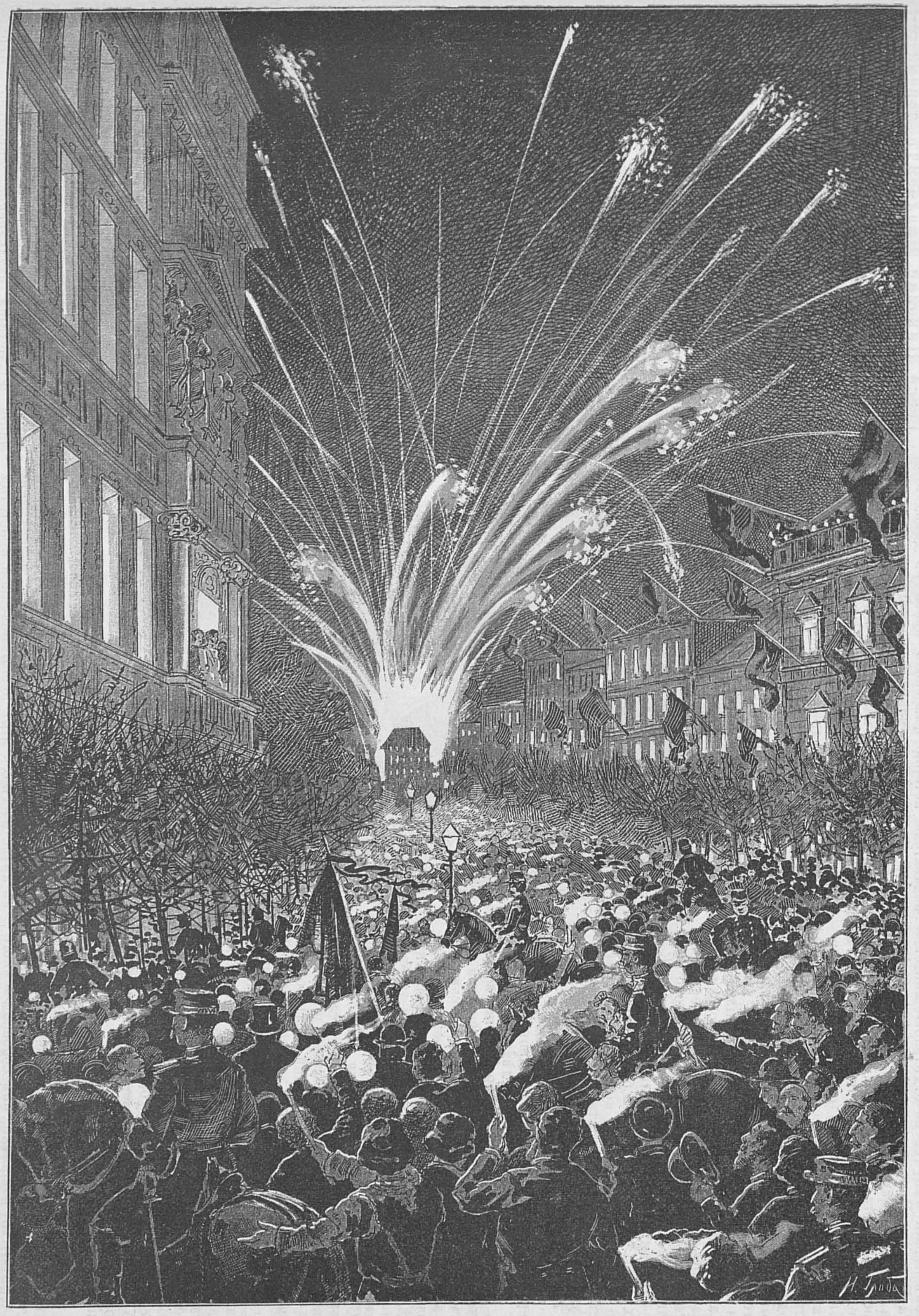
Адель Борги очень рано выступила на сценическое поприще. Принадлежа къ старой итальянской фамиліи, талантливая артистка родилась въ Миланѣ и уже въ годы ранняго дѣтства обнаружила признаки выдающихся музыкальныхъ способностей. Это обстоятельство побудило родителей отдать ребенка въ консерваторію въ Генуѣ, гдѣ Адель Борги и окончила блестяще курсъ по классу пѣнія у извѣстнаго профессора, маэстро Дефераи. Тамъ же, въ Генуѣ, въ 1875 году, имѣя всего 16 лѣтъ отъ роду, Адель Борги дебютировала въ оперѣ, въ партіи Азучены, въ „Трубадурѣ“. Изъ ряда выходящій успѣхъ молодой дебютантки сразу ее выдвинулъ и обратилъ на нее вниманіе музыкальной критики. Съ каждой новой ролью успѣхъ Адель Борги постоянно возросталъ, она завоевывала все большія и большія симпатіи избалованной итальянской публики и очень скоро, въ самомъ началѣ своей карьеры, была уже причислена къ числу первоклассныхъ артистокъ (di prima cartello). Импресаріо одинъ передъ другимъ старались ангажировать талантливую артистку, и очень скоро имя Адель Борги пріобрѣло широкую европейскую извѣстность. Она пѣла два сезона въ миланской Скалѣ, нѣсколько сезоновъ въ S. Carlo, въ Неаполѣ, и на всѣхъ остальныхъ большихъ сценахъ Италіи. Но особенный успѣхъ выпалъ на долю Адель Борги въ Испаніи, гдѣ протекла большая часть ея сценической карьеры. Шесть сезоновъ подрядъ она пѣла въ Theatro Reale въ Мадридѣ, а также въ Барселонѣ, Севильѣ и Лиссабонѣ. Другія столицы Европы тоже пожелали слушать Адель Борги, и высокодаровитая артистка съ громаднымъ успѣхомъ пѣла въ Парижѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ, а также и у насъ въ Петербургѣ и Москвѣ.

Въ первый періодъ сценической дѣятельности Адель Борги лучшими ея партіями были: „Фаворитка“ — Доницетти, Адолорна въ „Нормѣ“ — Беллини, Миньона Тома и пажъ Урбанъ въ „Гугенотахъ“. Послѣдняя роль, сама по себѣ крайне небольшая, благодаря таланту Адель Борги выдвигалась ею на первый планъ. Съ появленіемъ оперы Бизе „Карменъ“ для дарованія Борги открылось новое обшир-

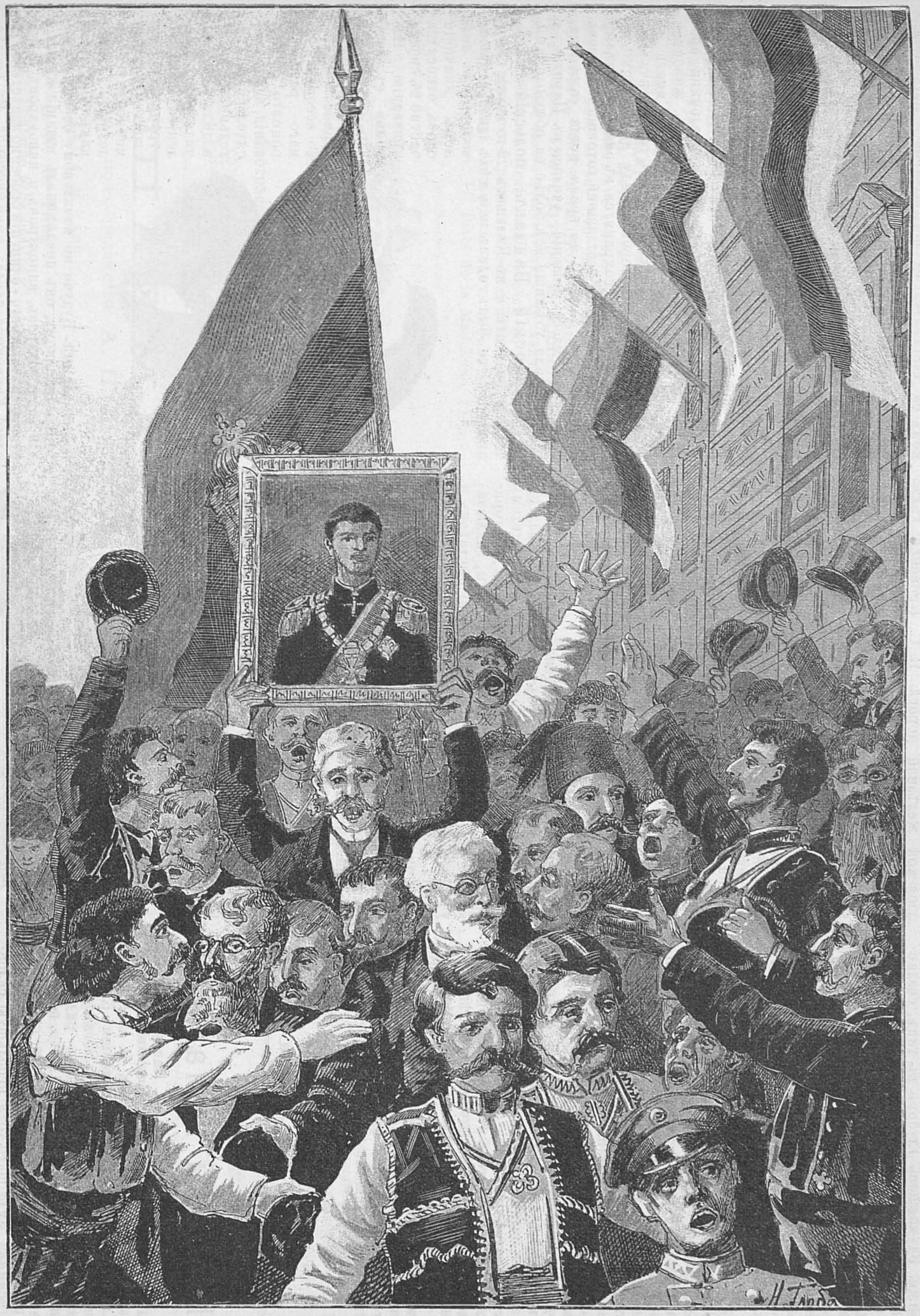
»Оправданная«, живая картина. — Эстрада для концертнаго отдѣленія. — Ужинающіе.

Москва. — Весенній костюмированный вечеръ 30-го марта с. г. въ Императорскомъ Большомъ театрѣ.

Съ натуры рисовалъ для »Всемірной Иллюстраціи« К. Н. Чичаговъ.



Факельное шествіе, устроенное передъ королевскимъ дворцомъ 3-го (15) апрѣля с. г.



Народныя оваціи утромъ 2-го апрѣля с. г. на одной изъ бѣлградскихъ улицъ.

Сербія. — Бѣлградъ. Государственный переворотъ.

По наброскамъ съ натуры, сдѣланнымъ профессоромъ Вл. Тительбахомъ, корреспондентомъ »Всемірной Иллюстраціи«, рисовалъ Н. В. Глоба.

ное поприще. Вдумавшись глубоко въ типъ, созданный Мериме въ повѣсти, послужившей сюжетомъ для оперы, и изучивъ на мѣстѣ тотъ контингентъ, изъ котораго вышла героиня повѣсти—Карменъ, Адель Борги создала живой, полный глубокой жизненной правды и потрясающаго реализма, образъ полудикой цыганки, чѣмъ придала произведенію Бизе совершенно особый смыслъ и значеніе. Болѣе художественнаго исполненія Карменъ невозможно себѣ представить, и публика вполнѣ это оцѣнила. Съ рѣдкимъ единодушіемъ вся музыкальная критика въ лицѣ ея лучшихъ представителей признала Адель Борги лучшею исполнительницей партіи Карменъ. Репутація эта на столько за ней упрочилась, что позднѣйшія исполнительницы этой роли не идутъ дальше простаго подражанія, но, разумѣется, далеко не могутъ приблизиться къ оригиналу. Въ послѣднее время Адель Борги включила въ свой репертуаръ партію Сантуццы въ „Cavaleria Rusticana"—Масканьи. На помѣщенномъ у насъ портретѣ г-жа Адель Борги снята именно въ этой роли. Партія Сантуццы хотя и написана для драматическаго сопрано, но обширный діапазонъ голоса Адель Борги позволилъ ей взяться за эту партію и выйти съ полной побѣдой изъ трудной задачи. Она придала роли Сантуццы необыкновенно поэтическій характеръ и своимъ исполненіемъ производитъ на слушателей сильное впечатлѣніе. Въ заключеніе замѣтимъ, что Адель Борги принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ артистокъ, которыя сразу завоевали себѣ горячія симпатіи со стороны нашей публики. Какъ въ свой прежній пріѣздъ, такъ и теперь симпатичная артистка пользовалась у насъ самымъ блестящимъ и шумнымъ успѣхомъ.

Е. Карцовъ.

Новости печати

Очерки Кавказа. I. Поѣздка на Кавказъ осенью 1888 года. Съ 41 рисункомъ. *В. С. Кривенко.* Спб. 1893.

Поѣздка по Кавказу, совершенная В. С. Кривенко осенью 1888 г., совпала съ посѣщеніемъ Кавказа Ихъ Императорскими Величествами. „Богатое прошлое, интересное настоящее и наконецъ рядъ торжествъ по поводу пріѣзда Царской Семьи, все это—говоритъ г. Кривенко въ предисловіи къ своей книгѣ—даетъ столько разнообразнаго матеріала, что у путешественника, имѣющаго хотя небольшую склонность къ перу, кавказскія впечатлѣнія просятся на бумагу". В. С. Кривенко уже ранѣе печаталъ замѣтки о своихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ" 1891 г. Расширивъ значительно эти замѣтки, онъ издалъ ихъ теперь отдѣльною книгою. Поѣздка Государя Императора и Августѣйшаго Семейства является, такимъ образомъ, основною канвою разсказа. Но богатый матеріалъ, представляемый страною, который, конечно, не могъ ускользнуть отъ вниманія наблюдательнаго путешественника, придаетъ книгѣ еще большій и самый разнообразный интересъ. Авторъ далеко не ограничивается описаніемъ однихъ только грандіозныхъ торжествъ, изъ ряда которыхъ состоялъ весь путь Августѣйшихъ посѣтителей Кавказа; онъ сообщаетъ въ высшей степени любопытныя подробности, касающіяся природы Кавказа, быта населяющихъ его многочисленныхъ народовъ, его неисчерпаемыхъ естественныхъ богатствъ, наконецъ, его современнаго торгово-промышленнаго и административнаго состоянія. Касается онъ также и историческаго прошлаго посѣщенныхъ имъ мѣстностей, въ особенности того недавняго тревожнаго прошлаго, когда русскому правительству приходилось потратить такъ много усилій на умиротвореніе недавно покореннаго края. Книга В. С. Кривенко раздѣлена на семь главъ. Авторъ начинаетъ свое описаніе Кавказа съ его преддверій—Ростова на Дону и ставропольской губерніи. За этими мѣстностями слѣдуетъ терская область съ ея знаменитыми минеральными водами и неисчерпаемыми сокровищами, заключенными въ нѣдрахъ земли. Далѣе описывается кубанская область и земля черноморскаго казачьяго войска. Здѣсь брошенъ взглядъ на развитіе русской колонизаціи въ краѣ, на его климатическія и почвенныя условія. Слѣдующая глава посвящена Абхазіи. Описывая Ново-Афонскій монастырь, посѣщенный Императорскою Семьею, г. Кривенко касается миссіонерской дѣятельности на Кавказѣ. Путь автора шелъ далѣе, по черноморскому побережью Кавказа до Поти, а затѣмъ направлялся по закавказской желѣзной дорогѣ, на торгово-промышленномъ значеніи которой авторъ подробно останавливается. Тутъ же, мимоходомъ, онъ посвящаетъ нѣсколько интересныхъ страницъ современному экономическому положенію Закавказья. Слѣдуетъ описаніе столицы Кавказа—Тифлиса—и всѣхъ его достопримѣчательностей. Затѣмъ обстоятельно описывается дорога отъ Тифлиса до Баку; здѣсь авторъ подробно останавливается на описаніи Куры и попытокъ создать по ней судоходство и эксплоатировать ее, какъ источникъ орошенія окружающихъ степныхъ равнинъ. Эта глава заканчивается описаніемъ города Баку и той громадной нефтяной промышленности, которою живетъ и дышетъ этотъ непривѣтливый уголокъ Закавказья. Отъ Баку путь автора лежалъ по западному берегу Каспійскаго моря черезъ Дербентъ на Петровскъ и Темиръ-Ханъ-Шуру и обратно; онъ сообщаетъ много интересныхъ подробностей о каспійскомъ рыболовствѣ. Послѣдняя глава книги посвящена памятной катастрофѣ 17 октября 1888 г. на курско-харьково-азовской желѣзной дорогѣ. В. С. Кривенко, какъ лицу, бывшему въ поѣздѣ, непосредственно слѣдовавшемъ за Императорскимъ, пришлось быть почти очевидцемъ страшнаго событія. Книга В. С. Кривенко украшена прекрасными рисунками, большая часть которыхъ исполнена художниками: Н. Самокишемъ, Н. Юмудскимъ, Теодоромъ Горшельтомъ и Н. Хохряковымъ; остальные рѣзаны на деревѣ по фотографіямъ. Рисунки представляютъ частію виды различныхъ мѣстностей, частію сцены и типы кавказскаго, туземнаго и казачьяго населеній. Книга издана болѣе чѣмъ изящно, можно сказать роскошно. Изложеніе въ высшей степени увлекательное, подробное, картинное. Всѣ эти прекрасныя качества изданія, въ связи съ интересомъ самаго предмета, даютъ намъ право особенно рекомендовать книгу В. С. Кривенко вниманію русской читающей публики.

М. О—въ.

Congres internationaux d'Anthropologie et d'Archéologie préhistorique et de Zoologie, à Moscou, le $^{10}/_{22}$—$^{18}/_{30}$. Août 1892.

Изданіе, только что выпущенное подъ такимъ заглавіемъ въ Москвѣ, представляетъ сводъ матеріаловъ, собранныхъ организаціоннымъ комитетомъ международныхъ конгресовъ антропологіи, доисторической археологіи и зоологіи. Матеріалы, заключающіеся въ этомъ томѣ, относятся до выставокъ и учебныхъ пособій. Всѣ статьи, за исключеніемъ каталога зоологической выставки, написаны на французскомъ языкѣ. Въ книгу вошло также нѣсколько описаній зоологическихъ и физіологическихъ кабинетовъ и лабораторій въ нѣкоторыхъ русскихъ университетахъ, описаніе соловецкой біологической станціи, описаніе нѣсколькихъ приборовъ для производства антропологическихъ и біологическихъ изслѣдованій. Въ приложеніи помѣщены: „Опытъ каталога представителей московской фауны", составленный по плану знаменитаго списка, изданнаго въ 1802 г. И. А. Двигубскимъ и представлявшаго докторскую диссертацію покойнаго профессора, портретъ И. А. Двигубскаго и нѣсколько прекрасно исполненныхъ фототипическихъ снимковъ помѣщеній тѣхъ музеевъ и лабораторій, которые описаны въ текстѣ, а также рисунки различныхъ приборовъ.

М. О—въ.

НЕКРОЛОГЪ

Астафьевъ Петръ Евгеніевичъ, приватъ-доцентъ московскаго университета, бывшій преподаватель исторіи философіи права въ Демидовскомъ лицеѣ, затѣмъ мировой посредникъ въ юго-западномъ краѣ и авторъ нѣсколькихъ цѣнныхъ литературныхъ трудовъ по философскимъ вопросамъ, † въ Спб. 7-го апрѣля, 47 лѣтъ. Онъ сотрудничалъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", „Кіевлянинѣ", „Русской Газетѣ" и друг.

Богдановичъ Анна, *рожденная Билинская*, одна изъ талантливѣйшихъ представительницъ

польской живописи, † въ Варшавѣ 27-го марта (8-го апрѣля), 36 лѣтъ. Извѣстность этой необыкновенно одаренной художницы началась съ 1887 года, когда выставленный ею въ парижскомъ Салонѣ собственный портретъ произвелъ сильное впечатлѣніе въ артистическомъ мірѣ необыкновенной простотой и искренностью выполненія. Съ тѣхъ поръ слава Билинской какъ замѣчательной портретистки упрочилась, и множество портретовъ осталось памятникомъ ея дѣйствительно замѣчательнаго дарованія. Билинская—уроженка кіевской губерніи. Пріѣхавъ въ Варшаву для обученія музыкѣ, она вскорѣ исключительно предалась живописи, изучая ее подъ руководствомъ извѣстнаго художника Герсона. Затѣмъ въ Парижѣ она посѣщала курсы такъ называемой „Академіи Жюльена" и пользовалась совѣтами Бугеро, Флери и Лефебюра. Замѣчательно, что, несмотря на достигнутые ею успѣхъ и извѣстность въ портретной живописи, Билинская впослѣдствіи увлеклась до такой степени пейзажемъ, что все остальное время своей краткой артистической карьеры посвятила этому роду искусства. Несомнѣнно, что Билинская, какъ страстная любительница природы, могла бы внести и въ этотъ родъ живописи присущіе ея таланту вкусъ и правду. Смерть ея поразила печалью всѣхъ знавшихъ эту замѣчательную женщину, о которой между товарищами по искусству надолго сохранятся въ памяти цѣлыя легенды по поводу ея всегдашней готовности помочь нуждающимся. Даже въ то время, когда сама она, испытывая массу лишеній, училась въ Парижѣ, у нея находили убѣжище всѣ, болѣе ея обездоленные.

Голевинскій Вацлавъ, польскій писатель, журналистъ, † въ Кѣльцахъ 29-го марта (10-го апрѣля). Это былъ одинъ изъ тѣхъ литераторовъ, которые въ полномъ значеніи слова относятся честно къ своему призванію. Начиная съ того, что онъ выступилъ на литературное поприще во всеоружіи самаго разносторонняго образованія, вся его писательская дѣятельность руководилась исключительно стремленіемъ распространить среди своихъ соплеменниковъ полезныя знанія какъ общія, такъ

и спеціальныя. Будучи по начальному своему воспитанію техникомъ, онъ предпринялъ изданіе журнала для „сахароваровъ, винокуровъ и пивоваровъ". Изъ строго научныхъ его сочиненій особенно извѣстно: „Заслуги Коперника передъ цивилизаціей". Въ послѣднее время, до постигшей его душевной болѣзни, онъ состоялъ во главѣ извѣстнаго изданія „Wędrowiec". Въ лицѣ покойнаго польская журналистика понесла большую потерю.

Гессе Николай Павловичъ, тайный совѣтникъ, бывшій кіевскій губернаторъ, полезный общественный дѣятель, по мысли котораго возникли многія мѣстныя благотворительныя учрежденія, † въ Кіевѣ 3-го апрѣля, 64 лѣтъ.

Дерби лордъ, извѣстный англійскій государственный дѣятель, одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ ораторовъ партіи либеральныхъ диссидентовъ (уніонистовъ), † въ Лондонѣ 8 (12)-го апрѣля, 75 лѣтъ.

Любке Вильгельмъ, одинъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ знатоковъ средневѣковой археологіи и искусства, талантливѣйшій популяризаторъ послѣдняго предмета, † въ Карлсруэ 24-го марта, 67 лѣтъ. Любке родился въ началѣ 1826 года въ Дортмундѣ, въ Вестфаліи, изучалъ филологическія науки въ боннскомъ и въ берлинскомъ университетахъ, но скоро отдался изученію германской средневѣковой старины. Уже первыя статьи его по этому предмету, появившіяся въ журналѣ „Deutsches Kunstblatt", обратили на него вниманіе и доставили ему каѳедру исторіи архитектуры въ берлинской архитектурной школѣ. Послѣ ряда путешествій по Италіи, Франціи и Бельгіи онъ занялъ въ 1861 году каѳедру исторіи искусствъ въ политехнической школѣ въ Цюрихѣ, откуда онъ перешелъ позднѣе въ Штутгартъ, а оттуда въ Карлсруэ на ту же каѳедру въ подобныхъ же институтахъ. Изъ многочисленныхъ спеціальныхъ изслѣдованій Вильгельма Любке особенно важны: „Средневѣковое искусство въ Вестфаліи", „Танецъ смерти въ Маріинской церкви въ Берлинѣ", „Введеніе въ изученіе средневѣковой архитектуры", „Введеніе въ изученіе средневѣковаго церковнаго искусства въ Германіи" и др. Изъ общихъ сочиненій пользуются извѣстностью: „Очеркъ исторіи искусства", „Исторія пластики", переведенная также на русскій языкъ, „Исторія возрожденія во Франціи и въ Германіи" и „Исторія итальянской живописи". Кромѣ того Любке много потрудился надъ изданіемъ произведеній старинныхъ мастеровъ, а также редактировалъ новое изданіе „Исторіи искусства" Куглера.

Шалфеевъ Петръ Петровичъ, ученый хранитель зоологическаго музея Императорской академіи наукъ; замѣчательный спеціалистъ по зоологіи и отличный рисовальщикъ, † въ Спб. 2-го апрѣля, 32 лѣтъ. Его цѣнныя работы печатались въ „Бюллетеняхъ академіи наукъ“, „Вѣстникѣ рыбопромышленности“, „Пчеловодномъ листкѣ“, „Словарѣ практическихъ свѣдѣній“ д-ра Симонова и другихъ спеціальныхъ изданіяхъ.

НОВОСТИ НАУКИ И ЦИВИЛИЗАЦІИ

Географія, этнографія

— Новый Стэнли. Путешествіе молодаго американца Асторъ-Чэнлера (Astor-Chanler), изслѣдующаго черный материкъ, возбуждаетъ живѣйшій интересъ въ Англіи. Въ прошломъ сентябрѣ Чэнлеръ выступилъ изъ Ламу, направляясь къ снѣжнымъ вершинамъ Килима-Нджаро. Онъ прослѣдовалъ уже благополучно, во главѣ 180 провожатыхъ, страну грозныхъ масаевъ, про которую Стэнли говорилъ, что „въ нее безумно пускаться, не имѣя за собою 1.000 ружей“. Чэнлеръ хочетъ взобраться на главную вершину Нджара, возвышающуюся на 6.000 метровъ, потомъ направится на сѣверъ, къ озерамъ Рудольфа и Стефаніи, пройдетъ до 10.000 верстъ по еще неизвѣданнымъ странамъ, простирающимся между этою озерною областью и р. Джуба, и спустится по этой рѣкѣ до ея устья. Этотъ переходъ, равняющійся 1.000 миль, потребуетъ до двухъ лѣтъ времени. Можетъ быть въ лицѣ Чэнлера Америка даритъ міру новаго Стэнли.

Политехника

— Снарядъ для остановки лошадей. Американецъ Гельсонъ, въ Чикаго, нашелъ средство мгновенно останавливать взбѣсившихся упряжныхъ лошадей. Придуманный имъ снарядъ состоитъ изъ проволоки, соединяющейся однимъ концомъ съ электрическимъ аппаратомъ, помѣщающимся возлѣ сидѣнья кучера на козлахъ, а другимъ съ ноздрями лошадей. Достаточно нажать пуговку, чтобы возбудившійся токъ ударилъ въ ноздри взбѣсившихся лошадей и заставилъ ихъ остановиться.

СОДЕРЖАНІЕ НУМЕРА

Текстъ.

Рисунки.

За редактора **Э. Д. Гоппе.**
Издательница **А. П. Гоппе.**

ШАХМАТЫ

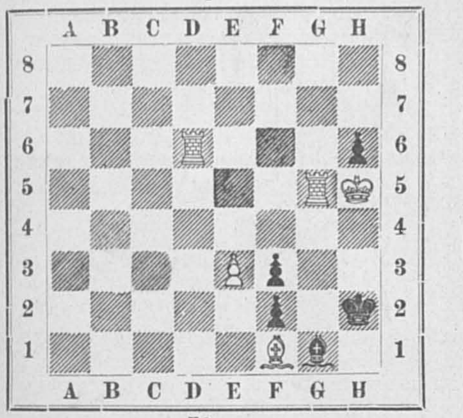
под редакціей **А. П. Шишкина**

ЗАДАЧА № 1563

L. N. de Yong

Изъ „Deutsche Schachzeitung“

Черные



Бѣлые

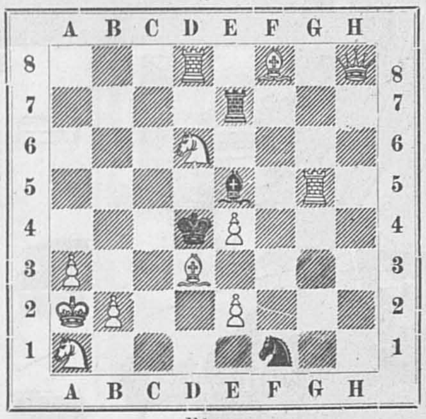
Матъ въ 3 хода.

ЗАДАЧА № 1564

J. Jespersen

Оттуда же.

Черные



Бѣлые

Матъ въ 2 хода.

ПАРТІЯ № 1033

Играна недавно по перепискѣ въ Америкѣ

Итальянская партія

	C. R. S. Бѣлые	M. D M'Grath Черные
1.	e2—e4	e7—e5
2.	К g1—f3	К b8—c6
3.	С f1-c4	С f8-c5
4.	0—0	К g8—f6
5.	d2—d3	d7—d6
6.	С c1—g5 *a*)	h7—h6
7.	С g5—h4 *a*)	g7—g5
8.	С h4—g3	С c8—g4
9.	h2—h3	С g4—h5
10.	c2—c3	Ф d8—d7
11.	К b1—d2	Л h8—g8!
12.	Ф d1—b3	g5—g4
13.	h3 : g4	Л g8 : g4
14.	С g3—h4*b*)	0—0—0!
15.	Кр g1—h2*c*)	Л d8—g8
16.	g2-g3	Л g4—f4!
17.	d3—d4*d*)	С h5 : f3
18.	С h4 : f6	Л f4 : f6
19.	d4 : c5*e*)	Ф d7—g4
20.	С c4 : f7	К c6—d8!
21.	Л f1—g1?	Л f6 : f7

Бѣлые сдались.

Примѣчанія къ партіи

a) Слабое продолженіе. Лучше было бы, какъ обыкновенно играютъ здѣсь, 6. С c1—e3; также и послѣ 6. С c1—g5 и 6... h7—h6 нѣсколько лучше было бы или помѣняться слономъ на коня, или же отступить имъ на e3: отступая же на h4, бѣлые только даютъ чернымъ возможность до рокировки атаковать пѣшками позицію рокировки бѣлыхъ.

b) Черные угрожали 14... Л g4 : g3 и если 15. d3—d4, то, напримѣръ, 15... Л g3 : f3 и 15... С c5—b6.

c) На 14. С h4 : f6 могло бы послѣдовать 14... Л d8—g8 (угрожая 15... Л g4 : g2†; 16. Кр g1—h1, Ф d7—h3† и въ слѣдующій ходъ матъ) и бѣлые должны отдавать назадъ фигуру, играя 15. К f3—g5 или 15. С f6—g5, такъ какъ если 15. К f3—h4, то 15... Л g4 : h4; 16. С f6 : h4, Ф d7—h3; 17. С h4—g3, Ф h3 : g3 и выигрываютъ.

d) Если 17. g3 : f4, то 17... К f6—g4†; 18. Кр h2—h1 (если бѣлые отступятъ королемъ на линію g, то 18... К g4—e3† и въ нѣсколько ходовъ матъ), К g4 : f2†; 19. Л f1 : f2 (если иначе, то 19... Ф d7—h3† и 20... Ф h3-g2×), Ф d7—h3†; 20. К f3—h2 (если 20. Л f2—h2, то 20... С h5 : f3†; 21. К d2 : f3, Ф h3 : f3† и 22... Ф f3 : h2×), С c5 : f2 и выигрываютъ.

e) Если 19. К d2 : f3, Л f6 : f3 и 20. d4 : c5, то 20... Ф d7—g4 (угрожая 21... Л f3 : f2†; 22. Л f1 : f2, Ф g4 : g3†; 23. Кр h2—h1, Ф g3—h3†, 24. Л f2—h2, Ф h3—f3† и 25... Ф f3 : g2×) и если 21. Кр h2—g2, то 21... Л f3 : g3† и въ 3 хода матъ, если же 21. Ф b3—c2, то 21... Л f3 : g3; 22. f2 : g3, Ф g4 : g3†; 23. Кр h2—h1; Ф g3—h4† и затѣмъ 24... Ф h4 : e4† и 25... Ф e4 : g2×.

РѢШЕНІЯ ЗАДАЧЪ въ №№ 1249 и 1250

1533. *I. Mason*. 1. С e4—f3, Кр f4—e5 (1... Кр f4 : f3; 2. Ф a7—e3×); 2. С f3—a8 и 3. Ф a7—e7 или e3× или 3. К h6—f7×. (*Вар. a*) 1... Кр f4—g5; 2. Ф a7—e3† и 3 Ф e3—e7×.

1534. *K. Erlin*. 1. Ф h2—b2 и если 1... Кр d6—c5 или e5, то 2. Ф b2—a3× или 2. К a5—c4×; если же 1... Л c3∞, то 2. Ф b2—d4× или 2. К a5—b7×.

1535. *R. Weinheimer*. 1. h6—h7. Кр e4—d5; 2 К f3—g5 и 3. e2—e4×. (*Вар. a*) 1... Кр e4—e3; 2. h7—h8 Ф и 3. Ф h8—e5×. (*Вар. b*) 1... Кр e4—f5; 2. Ф f1—h3† и 3. Ф h3—e6× или 3. h7 h8 К×.

1536. *S. Loyd*. 1. Л e3—g3 (угрожая 2. Ф a3—e3×) и если 1... Кр d4 : e5, то 2. Ф a3—e3×; если 1... c4—c3, то 2. Л g3—d3×; если 1... Л f6—f3, то 2. Ф a3 : d6×; если же 1... К g7—f5, то 2. Л g3—g4×.

Въ конторѣ „Всемірной Иллюстраціи“ имѣются въ продажѣ шахматныя діаграммы съ печатными фигурами для наклейки, по 75 коп. за 100 діагр., и бланки для записыванія партій: за 100 экз. 1 руб.

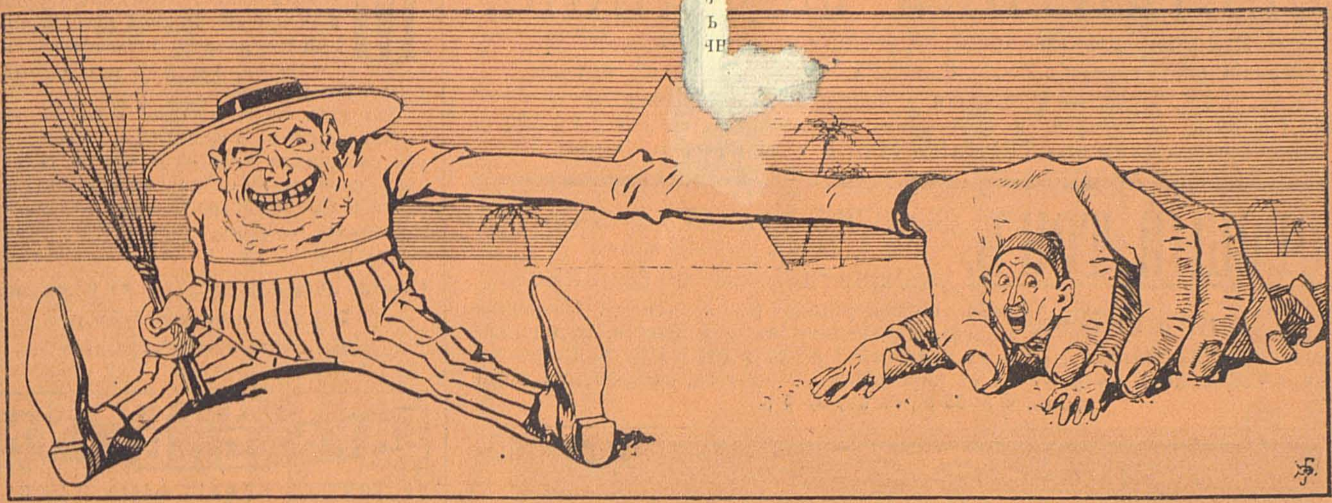
Всю корреспонденцію по шахматному и шашечному отдѣламъ просимъ адресовать въ редакцію журнала „Всемірная Иллюстрація“: Петербургъ, Садовая ул., 22.

Оваціи народа королю Александру на пути его изъ государственнаго совѣта, 2-го апрѣля с. г.

Сербія. — Бѣлградъ. Государственный переворотъ.

По наброскамъ съ натуры, сдѣланнымъ профессоромъ Вл. Тительбахомъ, корреспондентомъ »Всемірной Иллюстраціи«, рисовалъ А. Скиргелло.

Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.
Дозв. цензурою. СПб. 15-го апрѣля 1893 г.



Опытъ съ бутылкой содовой воды

Къ числу самыхъ оригинальныхъ опытовъ въ области „физики безъ приборовъ" принадлежитъ помѣщаемый въ этомъ нумерѣ и уже знакомый нашимъ старымъ подписчикамъ опытъ съ бутылкой содовой воды. Но еще оригинальнѣе опыта то описаніе, которое далъ къ нему американскій научный журналъ „Scientific American":

Ктезибій сказалъ своему ученику:

— Геронъ, желаешь ли ты чашу зельтерской воды?

— Я желаю того, чего желаетъ учитель, отвѣтилъ Геронъ.

Выслушавъ этотъ отвѣтъ, Ктезибій вынесъ стеклянную бутылку странной формы, снабженную толстымъ коническимъ дномъ и содержащую жидкость, которую онъ называлъ зельтерской водой.

— Геронъ, дитя мое, сказалъ онъ: — вотъ зельтерская вода; ее надо выпить, не вынимая и не прокалывая пробки и не разбивая горлышка бутылки.

Геронъ почесалъ затылокъ, вращая бутылку въ своихъ рукахъ, между тѣмъ какъ разрѣшеніе задачи занимало его умъ. Онъ отвѣтилъ:

— Возлюбленному учителю моему извѣстно, что я силенъ въ математикѣ, что я знаю механику, пневматику и гидравлику, но, тѣмъ не менѣе, я далекъ отъ разрѣшенія предложенной проблемы.

— А теплота! а неравное расширеніе! нетерпѣливо вскричалъ Ктезибій.

Геронъ, который былъ умнымъ ученикомъ, не потребовалъ болѣе внушительнаго объясненія.

Онъ зажегъ свѣтильникъ и приблизилъ къ пламени коническій конецъ бутылки, послѣ чего, менѣе, чѣмъ въ одну минуту, указанную Клепсидрой, дно отскочило, словно обрѣзанное по кругу ножомъ, внутреннее давленіе газа отбросило отколовшуюся часть бутылки и зельтерская вода быстро излилась въ подставленную чашу, производя шипѣніе. Чѣмъ кончилось это происшествіе—осталось во мракѣ неизвѣстности, до насъ не дошло...

На рисункѣ показано какъ надо держать свѣчу и бутылку, чтобы удался опытъ, опытъ исключительно новѣйшаго происхожденія, юмористически приписываемый американскимъ журналомъ Герону Александрійскому. Бутылка взята съ толстыми стѣнками, какъ это видно на рисункѣ; но стекляный кружокъ отдѣлится отъ нея и въ томъ случаѣ, если ея стѣнки тонки, лишь бы только она сдержала зельтерскую, содовую воду или лимонадъ газесъ. Ничего нѣтъ легче и удачнѣе этого опыта. Трудность заключается только въ томъ, чтобы жидкость не пролилась какъ попало послѣ того, какъ отдѣлится дно, уступая давленію газа.

Главная контора и редакція „Всемірной Иллюстраціи" находятся въ С.-Петербургѣ, на Садовой ул. № 22.
Въ Москвѣ отдѣленія конторы находятся: 1) при книжн. маг. А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, 15, и 2) при конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи.

Дозв. цензурою. СПБ. 15 апрѣля 1893 г.

Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

Всемірная Иллюстрація

25й годъ | № 1266 | 49й томъ

Суббота 24-го апрѣля 1893 г.

Цѣна нумеру 35 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки на годъ . **15** руб.
(при подпискѣ въ главной конторѣ редакціи).
Съ доставкою на годъ . . . . **17** »

Въ Москвѣ безъ доставки на годъ . . . . . . **17** руб.
Съ пересылкою во всѣ города Россійской имперіи на годъ . . . . **18** »

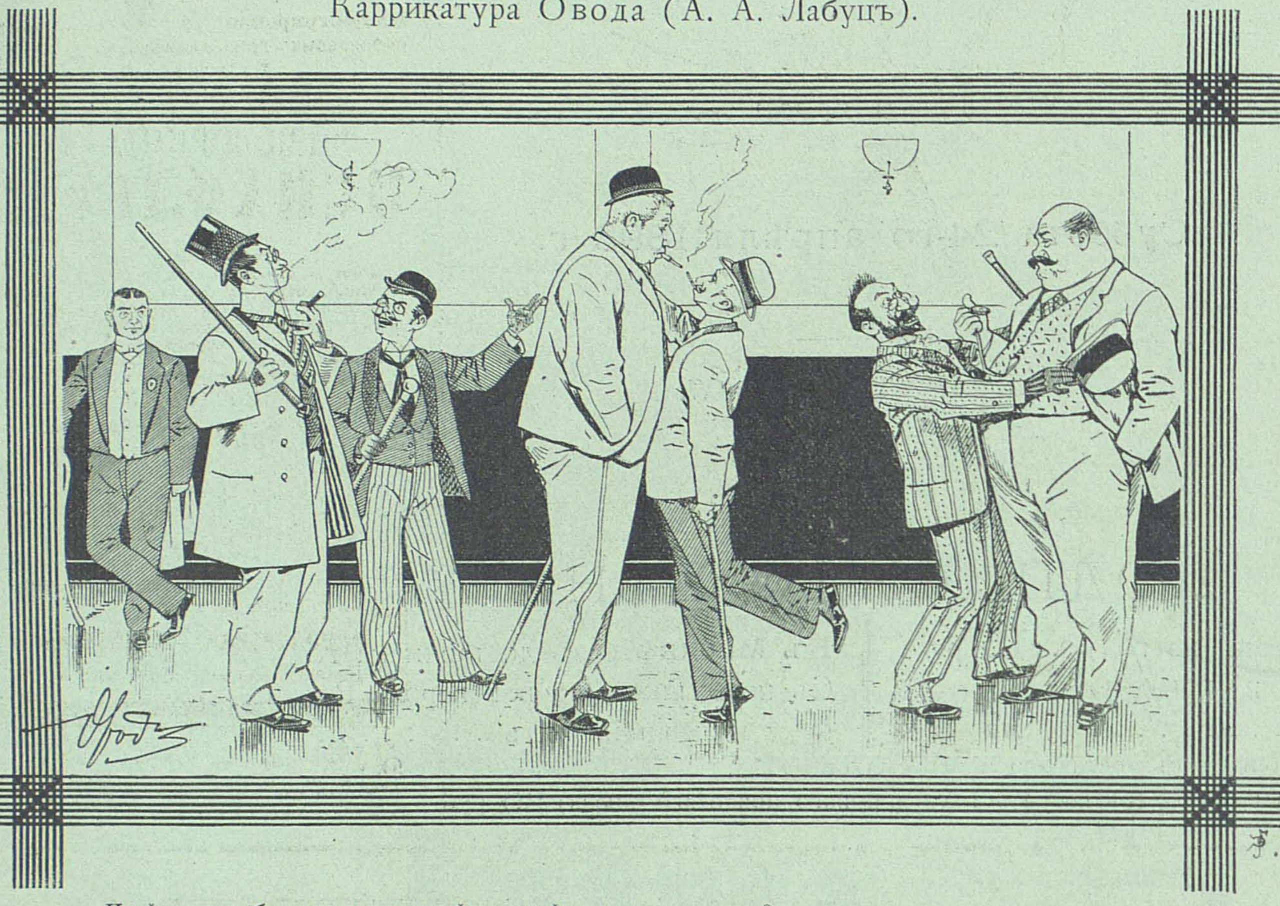
Подписная цѣна на полгода съ доставкою и пересылкою . . . . **9** руб.
За границу (въ государства всемірнаго почтоваго союза) **20** руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Редакція и главная контора: Садовая ул. № 22.

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ РЕСТОРАТОРЪ.

Каррикатура Овода (А. А. Лабуцъ).



— Надѣюсь, голубчикъ, что вы разрѣшите мнѣ кредитъ до завтра?..
— О, съ наслажденіемъ!.. Теперь до завтра, т. е. утра, осталось всего шестнадцать минутъ и пять секундъ.

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

№ 1266. Годъ XXV. 24-го апрѣля 1893 г. Томъ XLIX. № 18.

Отъ главной конторы „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ“

Главная контора журнала „Всемірная Иллюстрація“ покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, получающихъ этотъ журналъ **съ разсрочкою платы,** поспѣшить уплатой **втораго взноса,** срокъ котораго истекаетъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, причемъ, во избѣжаніе перерыва въ высылкѣ журнала, контора проситъ объ уплатѣ денегъ въ теченіе текущаго мѣсяца. Гг. иногородные подписчики благоволятъ вмѣстѣ съ деньгами присылать и печатный адресъ, подъ которымъ имъ высылается журналъ.

Ярославъ Мудрый. Горельефъ изъ бронзы.

Съ фотографіи гравировалъ для »Всемірной Иллюстраціи« В. В. Матэ.

С.-Петербургъ. — Выставка скульптурныхъ произведеній М. М. Антокольскаго.

ЛѢСНАЯ ФЕЯ

(Баллада)

Снилось мнѣ, что весеннею ночью бродилъ
Я въ трущобѣ лѣсной... Выбиваясь изъ силъ,
Я бѣжалъ черезъ мшистые дикіе пни;
Мнѣ свѣтили болотные только огни;
Ночь была, какъ сырая могила, темна...
Наконецъ, изъ-за тучъ показалась луна,
Между вѣтокъ зеленыхъ скользнула лучомъ,
Улыбнулась надъ каждымъ дрожащимъ листомъ
И за облакомъ скрылась... И вновь предо мной
Только лѣсъ, только мракъ, только шорохъ лѣсной...

И опять я бѣжалъ, самъ не зная куда, —
Словно волчьи за мною гналися стада,
И опять сквозь тенёта дымящихся тучъ
Проскользнулъ перелетный сверкающій лучъ
Чародѣйки ночной, — промелькнулъ, задрожалъ,
По вершинамъ кудрявымъ тайкомъ пробѣжалъ
И заискрился тамъ, гдѣ надъ зыбью рѣки
Поднимались изъ лона воды лозняки,
Гдѣ сплетался гирляндой надъ омутомъ водъ
Свѣтлокудрыхъ русалокъ лѣсной хороводъ...

Притаясь за кустомъ, я стоялъ и смотрѣлъ
На красавицъ лѣсныхъ... Пѣсню дивную пѣлъ
Чей-то голосъ живой въ хороводѣ лѣсномъ,
Пѣлъ о знойныхъ мечтахъ, о блаженствѣ земномъ...
»Жду тебя, милый мой! Сердце рвется въ груди
Отъ желаній моихъ... О, приди же, приди!
Позабудешь въ объятьяхъ моихъ о борьбѣ,
Все — чѣмъ жизнь дорога — я напомню тебѣ...
Если горе томитъ — зацѣлую печаль,
Заласкаю на смерть — будетъ жизни не жаль!..«

Я стоялъ, я смотрѣлъ... Заплелся хороводъ,
Заплелся-расплелся и пропалъ въ безднѣ водъ...
Но осталась одна... »Гдѣ же ты, милый мой?..«
Прозвучалъ въ тишинѣ снова голосъ живой:
»Не грусти!.. Я руками тебя обовью —
Позабудешь навѣкъ ты кручину свою!..«
Я такую красу въ жизни зналъ только разъ,
Мнѣ знакомъ былъ огонь этихъ трепетныхъ глазъ,
Мнѣ напомнилъ тотъ голосъ о пѣсняхъ иныхъ —
Пѣсняхъ первой любви, пѣсняхъ дней золотыхъ...

Пѣла дѣва-краса подъ намётомъ вѣтвей;
Позавидовать могъ бы ей самъ соловей!
Пѣла дѣва-краса: »Жду тебя, милый мой!..«
Мигъ — и былъ я въ объятіяхъ феи лѣсной.
Поцѣлуй прозвучалъ и обжегъ горячо...
И упали послушно ко мнѣ на плечо
Золотистыя пряди распущенныхъ косъ,
Перевитыхъ гирляндой фіалокъ и розъ...
Никогда не знавалъ я лобзаній такихъ:
Ледъ — предъ ними огонь поцѣлуевъ моихъ!

Ахъ, зачѣмъ коротка такъ весенняя ночь!..
Близокъ, близокъ разсвѣтъ... Тѣни черныя прочь
Побѣжали отъ берега сонной рѣки;
Кудреватый туманъ охватилъ лозняки,
И въ туманѣ исчезъ мой таинственный рай,
Только эхо вдали повторяло: »Прощай!..«
Гдѣ же сердце мое?... Знать его унесла
Этой полночи душной зловѣщая мгла...
Что со мной — не пойму... А кругомъ предо мной
Тотъ же лѣсъ, тотъ же мракъ, тотъ же шорохъ лѣсной!..

Апол. Коринфскій

КОШАЧІЙ РАЙ

Разсказъ Э. ЗОЛЯ

Переводъ І. І. Ясинскаго

Тетка завѣщала мнѣ ангорскаго кота. Изъ всѣхъ животныхъ, которыхъ я когда либо зналъ, это самое глупѣйшее. Вотъ что разсказалъ мнѣ котъ однажды зимнимъ вечеромъ, когда мы сидѣли передъ догоравшимъ каминомъ.

I

Мнѣ тогда было два года, и я былъ толстымъ и наивнымъ котомъ. Въ томъ нѣжномъ возрастѣ я выказывалъ большое презрѣніе къ радостямъ домашняго очага. И однако же какъ я долженъ благодарить Провидѣніе за то, что оно помѣстило меня у вашей тетки. Добрая женщина обожала меня. Въ глубинѣ шкафа у меня была настоящая спальня — перина и одѣяло на двойной подкладкѣ. Какъ я спалъ, такъ и ѣлъ, другой пищи, кромѣ дымящагося мяса для меня не было; никогда не давали мнѣ хлѣба и никогда супу.

И что же? Несмотря на всѣ эти удобства и блага, меня томило только одно желаніе, одна мечта преслѣдовала меня — мнѣ постоянно хотѣлось улизнуть въ окошко и погулять по крышамъ. Ласки, которыя расточала мнѣ тетка, казались мнѣ прѣсными, отъ мягкой перины меня тошнило и тошнило меня отъ моей собственной полноты. Наконецъ, мнѣ надоѣло, что я весь день бываю счастливъ.

Надо вамъ сказать, что я видѣлъ изъ окна крышу прямо передъ собой — стоило только поднять голову. Четыре кота въ тотъ день дрались между собою, шерсть у нихъ была взъерошена, хвосты стояли торчмя, и они катались по голубымъ черепицамъ при яркомъ свѣтѣ солнца, испуская восторженные крики ярости. Никогда еще не видалъ я такого необыкновеннаго зрѣлища. Съ тѣхъ поръ вѣрованія мои поколебались. Истинное счастіе было на крышѣ, позади этого окна, которое заботливо запиралось. Я убѣдился, что также запирались и дверцы шкафовъ, гдѣ хранилось мясо.

У меня составился планъ бѣгства. Въ жизни должно быть и что нибудь другое, кромѣ дымящагося мяса; это неизвѣстное — это идеалъ. Однажды забыли затворить окно въ кухнѣ; я прыгнулъ на низенькую крышу, которая находилась сейчасъ подъ окномъ.

II

Какъ прекрасны были крыши! Ихъ окаймляли широкіе водосточные каналы, отъ которыхъ подымались очаровательныя благоуханія. Съ наслажденіемъ брелъ я по этимъ каналамъ, лапы мои погружались въ мягкую грязь; мнѣ было тепло, и я безконечно наслаждался; казалось, что я иду по бархату. На солнопекѣ было страшно жарко — и отъ зноя таялъ мой жиръ.

Не скрою отъ васъ, что я дрожалъ всѣми членами. Было что-то страшное въ моей радости; въ особенности вспоминаю объ ужасномъ волненіи, испытанномъ мною, причемъ я чуть не полетѣлъ стремглавъ на мостовую. Три кота бросились ко мнѣ съ коника сосѣдняго дома и невыносимо стали мяукать. Когда же я испугался, они сказали мнѣ, что я грубое животное, и что они мяукаютъ такъ, чтобъ посмѣяться. Тогда и я сталъ мяукать съ ними. Это было восхитительно! Шутники не были такъ жирны, какъ я, и такъ глупы. Они смѣялись надо мной, когда я, какъ шаръ, скользилъ по цинковымъ листамъ крыши, нагрѣтымъ лучами солнца. Въ особенности сталъ дружески обращаться со мною одинъ старый котъ. Онъ предложилъ заняться моимъ воспитаніемъ, и я съ признательностью принялъ предложеніе.

Ахъ, какъ далеко была ваша тетка! Я пилъ изъ водостока, и никогда даже подсахаренное молоко не казалось мнѣ такимъ сладкимъ. Все представлялось мнѣ прекраснымъ и добрымъ. Вдругъ проскользнула кошка, восхитительная кошка, и видъ ея наполнилъ меня невѣдомымъ чувствомъ. Только грезы до сихъ поръ рисовали въ моемъ воображеніи этихъ очаровательныхъ созданій, спины которыхъ принимаютъ такіе тонкіе изгибы и хранятъ въ себѣ столько неземной граціи. Мы всѣ бросились къ вновь пришедшей особѣ — три мои товарища и я. Я опередилъ всѣхъ и ужъ готовъ былъ сказать комплиментъ прелестной кошечкѣ, когда одинъ изъ моихъ камрадовъ жестоко укусилъ меня за шею, и я закричалъ отъ боли.

— Ба! замѣтилъ старый котъ, увлекая меня: — еще много кошекъ на свѣтѣ.

III

Погулявъ около часа, я почувствовалъ жесточайшій аппетитъ.

— А что ѣдятъ на крышахъ? полюбопытствовалъ я узнать у моего друга.

— Все, что находятъ, отвѣчалъ онъ докторальнымъ тономъ.

Отвѣтъ этотъ затруднилъ меня, потому что, какъ я ни искалъ, ничего не нашелъ. Наконецъ я замѣтилъ въ окнѣ мансарды молоденькую работницу, приготовлявшую себѣ завтракъ, а на столѣ у самаго окна лежала прекрасная котлета аппетитнаго краснаго цвѣта.

Вотъ моя находка, наивно подумалъ я и, вскочивъ на подоконникъ, схватилъ котлету. Но работница замѣтила меня и изо всей силы ударила метлой по спинѣ. Я бросилъ мясо и убѣжалъ съ страшнымъ проклятіемъ.

— Изъ деревни пріѣхали, что ли? сказалъ мнѣ старикъ.— Мясо, которое лежитъ на столахъ, сдѣлано для того, чтобы его издали только желать. Искать надо чего нибудь въ водостокахъ.

Никогда я не могъ понять — почему мясо, которое бываетъ на кухняхъ, не принадлежитъ кошкамъ. Желудокъ мой начиналъ серьезно негодовать. Котъ привелъ меня въ отчаяніе, сказавши, что надо дождаться ночи. Тогда мы спустимся на улицу и пороемся въ мусорныхъ кучахъ. Дожидаться ночи! Онъ сказалъ это спокойно, какъ заскорузлый философъ. Я же чуть не падалъ въ обморокъ при одной мысли объ этомъ продолжительномъ постѣ.

IV

Медленно наступила туманная ночь, которая чуть не заморозила меня. Скоро началъ падать дождь, мелкій, пронизывающій, подстегивающій, сопровождаемый взрывами вѣтра. Мы спустились черезъ слуховое окно на лѣстницу и очутились на улицѣ. Какъ безобразна показалась мнѣ улица! Не было пріятнаго зноя, не свѣтило палящее солнце и не блистали крыши, бѣлыя отъ его лучей, въ которыхъ съ такимъ наслажденіемъ можно было потягиваться. Лапы мои скользили по грязной мостовой. Съ грустью вспоминалъ я о своемъ тепломъ одѣялѣ и перинѣ.

Едва мы сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ другъ мой сталъ дрожать. Онъ какъ-то умалился, сдѣлался совсѣмъ крошечнымъ, незамѣтнымъ и сталъ мелькать вдоль домовъ, шепнувъ мнѣ, чтобы я слѣдовалъ за нимъ. Мы спаслись въ первую же подворотню, и старикъ сталъ ворчать отъ удовольствія. Я спросилъ его, что значитъ это внезапное бѣгство.

— А видѣли вы человѣка, который держалъ въ рукахъ крюкъ? спросилъ онъ.

— Да.

— Ну, такъ еслибъ онъ насъ замѣтилъ, то безъ церемоніи убилъ бы и съѣлъ бы, изжаривъ на вертелѣ.

— Изжаривъ на вертелѣ! вскричалъ я. — Значитъ, улица намъ не принадлежитъ. Здѣсь не мы ѣдимъ, а насъ съѣдаютъ.

V

Между тѣмъ за ворота были выброшены кучи мусора. Я сталъ рыться въ одной изъ нихъ съ отчаяніемъ. Я нашелъ двѣ или три тощія кости всѣ въ пеплѣ. Только тогда я понялъ, что такое значитъ сочный кусокъ мяса. Другъ мой, старый котъ, рылся въ мусорѣ какъ мастеръ своего дѣла. До самаго утра онъ заставлялъ меня бѣгать вслѣдъ за собой, и мы побывали на всѣхъ мостовыхъ. Въ теченіе десяти часовъ меня мочилъ дождь, и я дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Проклятая улица, проклятая свобода, какъ я жалѣлъ о своей тюрьмѣ!

Днемъ старикъ, увидя, что я едва держусь на ногахъ, сказалъ:

— Кажется, съ васъ довольно? Онъ спросилъ это страннымъ тономъ.

— О! да, отвѣчалъ я.

— И вы хотѣли бы вернуться домой?

— Конечно; но какъ я найду, гдѣ мой домъ?

— Ничего. Я видѣлъ сегодня утромъ, какъ вы выходили, и понялъ при взглядѣ на такого жирнаго кота, что вы не созданы для терпкихъ радостей свободы. Я васъ провожу и доставлю домой.

Онъ сказалъ это просто, достопочтенный котъ. Когда же мы прибыли къ цѣли, онъ съ еще большей простотой, безъ малѣйшаго волненія, произнесъ:

— Прощайте.

— Нѣтъ! вскричалъ я, — мы такъ не разстанемся. Вы должны зайти ко мнѣ, и мы раздѣлимъ вмѣстѣ постель, и вы посмотрите, какимъ мясомъ насъ угостятъ. Хозяйка моя добрѣйшая женщина...

Онъ не позволилъ мнѣ кончить.

— Молчите! отрывисто произнесъ онъ: — вы глупецъ. Я умеръ бы среди вашей роскоши. Ваша растительная жизнь не по мнѣ. Свободные коты никогда не купятъ цѣною тюрьмы ваши жирные завтраки и вашу перину... Прощайте.

И онъ вспрыгнулъ на крышу. Я видѣлъ, какъ удалялся его большой худой силуэтъ и какъ на встрѣчу ему восходящее солнце посылало лучи и ласкало его.

Когда я вернулся, тетка ваша взяла хлыстъ и наказала меня. Я принялъ это наказаніе съ глубокой радостью и мнѣ было необыкновенно пріятно, что меня бьютъ, такъ какъ я зналъ, что мнѣ теперь будетъ тепло. Во время наказанія я съ наслажденіемъ мечталъ также о мясѣ, которое мнѣ вслѣдъ за нимъ подадутъ.

VI

— Видите ли, заключилъ мой котъ, растягиваясь передъ каминомъ: — истинное благополучіе, настоящій рай, дорогой хозяинъ мой, заключается въ томъ, чтобы тебя держали взаперти, били, но зато давали сколько угодно мяса.

...Разумѣется, я говорю только о котахъ.

КОРЗИНА СЪ ЧЕРНЫМЪ ХЛѢБОМЪ

Флорентійское сказаніе

АНАТОЛЯ ФРАНСА

Въ весьма отдаленныя времена въ славной Флоренціи жилъ банкиръ Николай Нерли. Звуки набата призывали благочестивыхъ людей къ утрени, звуки набата звали къ вечернѣ—онъ все сидѣлъ за своей конторкой и сводилъ длинные счеты своихъ операцій.

Онъ давалъ деньги въ ростъ и императору, и папѣ. И если онъ не давалъ ихъ дьяволу, то лишь потому, что боялся войти въ сдѣлку съ тѣмъ, кого называютъ „нечистымъ“ и кто преисполненъ коварства и лжи.

Николай Нерли былъ смѣлъ и недовѣрчивъ. Онъ пріобрѣлъ огромныя богатства и раззорилъ множество людей. Вотъ почему онъ пользовался почетомъ во Флоренціи. Онъ жилъ во дворцѣ, въ который Божій свѣтъ проникалъ лишь черезъ узкія, стрѣльчатыя окна; и это было благоразумно, ибо обиталище богача должно походить на крѣпость, и стяжатель дѣлаетъ умно, защищая силой то, что накопилъ ложью.

Итакъ, дворецъ Николая Нерли былъ окруженъ рѣшетками и цѣпями. Внутри искусные мастера расписали стѣны дворца изображеніями добродѣтелей подъ видомъ женщинъ, патріарховъ, пророковъ и царей израильскихъ. Ковры, украшавшіе стѣны, представляли исторію Александра и Тристана, какъ она разсказывалась въ романахъ.

Николай Нерли хвастался своимъ богатствомъ, создавая благочестивыя учрежденія. За стѣнами города онъ выстроилъ больницу, лѣпныя и писаныя украшенія которой изображали самыя почтенныя дѣянія его жизни; а такъ какъ онъ пожертвовалъ много денегъ на окончаніе постройки храма во имя Санта-Маріи-Новеллы, то его портретъ былъ помѣщенъ на хорахъ этой церкви. Онъ представленъ былъ колѣнопреклоненнымъ съ молитвенно воздѣтыми руками у ногъ Пречистой Дѣвы Маріи.

Его сразу можно было узнать на портретѣ по красному шерстяному колпаку, по обросшему густыми волосами затылку, по заплывшему желтымъ жиромъ лицу и по маленькимъ, полнымъ жизни, глазамъ. Его добрая жена, Мона Бисмантова, съ честнымъ и грустнымъ видомъ, который свидѣтельствовалъ о томъ, что никто и никогда не могъ вожделѣть къ ней, — стояла по другую сторону Богоматери въ умиленно-молитвенной позѣ.

Банкиръ былъ однимъ изъ первыхъ гражданъ республики; и такъ какъ онъ никогда не спорилъ противъ законовъ и никогда не печалился о бѣдныхъ или о тѣхъ, кого сильные міра сего приговаривали къ штрафамъ и изгнанію, то ни что не уменьшало уваженія къ нему со стороны городскихъ властей, покоренныхъ его богатствомъ.

Однажды, зимнимъ вечеромъ, возвращаясь позже обыкновеннаго домой, онъ былъ окруженъ на порогѣ своего обиталища толпою полуголыхъ нищихъ, протягивавшихъ къ нему руки.

Онъ осадилъ ихъ рѣзкимъ окрикомъ. Но, благодаря голоду, они сдѣлались озлобленными и предпріимчивыми какъ волки. Они окружили его и требовали у него хлѣба хриплыми и вмѣстѣ съ тѣмъ жалобными голосами.

Онъ уже наклонился, чтобы поднять съ мостовой камень и бросить имъ въ толпу, когда вдругъ увидѣлъ одного изъ своихъ служителей, несшаго на головѣ корзину съ чернымъ хлѣбомъ, предназначеннымъ служащимъ въ его конюшнѣ, кухнѣ и садахъ.

Знакомъ приказалъ онъ слугѣ приблизиться, и, черпая изъ корзины полною рукою, сталъ разбрасывать хлѣбы несчастнымъ оборванцамъ.

Потомъ, войдя въ домъ, онъ легъ и заснулъ. Во время сна случился съ нимъ апоплексическій ударъ, и онъ умеръ такъ скоропостижно, что воображалъ себя еще въ постели въ то время, когда уже видѣлъ „въ мѣстѣ, лишенномъ свѣта“, св. Михаила, освященнаго сіяніемъ, исходящимъ изъ его тѣла.

Архангелъ съ вѣсами въ рукахъ нагружалъ вѣсовыя чаши. Узнавъ въ низко опущенной чашѣ драгоцѣнности, которыя онъ хранилъ когда-то въ закладѣ, и нѣсколько чудныхъ золотыхъ монетъ, которыми обладалъ только онъ одинъ, Николай Нерли понялъ, что св. Михаилъ взвѣшивалъ его собственную жизнь, отнынѣ уже законченную. И онъ сдѣлался внимателенъ и задумчивъ.

— Святый угодникъ, сказалъ онъ: — если ты накладываешь на одну сторону всѣ выгоды и барыши моей жизни, то помѣсти же на другую тѣ дорогія постройки, коими я великолѣпнымъ образомъ ознаменовалъ мое благочестіе. Не забудь же ни храма Санта-Маріи-Новеллы, добрая треть постройки котораго обязана мнѣ, ни моей больницы, выстроенной за городскими стѣнами, которую я цѣликомъ воздвигъ на свои деньги.

— Не бойся, Николай Нерли, отвѣтилъ архангелъ. — Я ничего не забуду.

И своими святыми руками онъ положилъ въ другую чашу вѣсовъ храмъ Санта-Маріи-Новеллы и больницу съ ея расписными скульптурными украшеніями. Но чаша ни на іоту не опустилась.

Банкиръ ощутилъ большое безпокойство.

— Святый архангелъ Михаилъ! воскликнулъ онъ: — поищи... хорошенько. Ты еще не положилъ на эту чашу ни моей чудной кропильницы во имя святаго Іакова, ни каѳедры во имя святаго Андрея, на которой такъ натурально изображено крещеніе Господа нашего Іисуса Христа. Это такое произведеніе, которое мнѣ стоило очень дорого.

Архангелъ положилъ сверхъ больницы и церкви еще часовню и каѳедру, но чаша вѣсовъ не опустилась ничуть.

Николай Нерли почувствовалъ, какъ его чело покрывается крупными каплями холоднаго пота.

— Святый угодникъ, сказалъ онъ: — увѣренъ ли ты, что вѣсы твои точны?

Св. Михаилъ, улыбаясь, отвѣтилъ ему, что, такъ какъ его вѣсы не имѣютъ ничего общаго съ вѣсами парижской судной казны или сіенскихъ мѣнялъ, то они безусловно точны и онъ можетъ быть совершенно спокоенъ.

— Какъ! закричалъ Николай Нерли, поблѣднѣвъ, какъ мертвецъ: — этотъ храмъ, эта каѳедра, эта кропильница, эта больница со всѣми ея кроватями вѣсятъ не больше охапки соломы или птичьяго пуха?..

— Ты, Николай, видишь самъ, отвѣтилъ архангелъ: — и до сихъ поръ вѣсъ твоихъ стяжаній превосходитъ легкій вѣсъ твоихъ добрыхъ дѣяній.

— Значитъ, я долженъ отправиться въ адъ? спросилъ флорентинецъ. И зубы его стучали другъ о друга отъ ужаса.

В. Н. ГЕРАРДЪ, присяжный повѣренный.

Съ фотографіи А. Лоренса гравировалъ Б. П. Пуцъ.

По поводу двадцатипятилѣтія адвокатской дѣятельности.

Я. Г. ГУРЕВИЧЪ, педагогъ и писатель.

Съ фотографіи В. Ясвоина гравировалъ Б. П. Пуцъ.

По поводу двадцатипятилѣтія учено-педагог. дѣятельности.

Франція. — Парижъ. Салонъ 1893 года. Приношенія Амуру. Картина Г. Бугеро.

Италія. — Король ГУМБЕРТЪ I и королева МАРГАРИТА.

По поводу серебряной свадьбы ихъ величествъ.

Башкиры аттакуютъ непріятельскій лагерь около города Дрездена въ туманное утро. Картина профессора Г. П. Виллевальде.

Съ фотографіи гравировалъ Б. П. Пуцъ.

С.-Петербургъ. — Выставка 1893 года въ Императорской академіи художествъ.

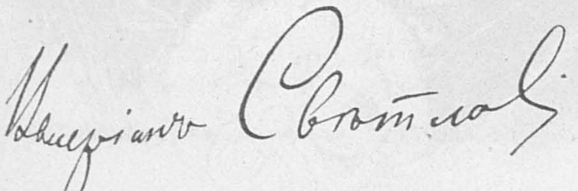
— Терпѣніе, Николай Нерли! отвѣтилъ ему архангелъ, — терпѣніе! Мы еще не кончили. У насъ еще осталось вотъ это.

И радостный св. Михаилъ собралъ черные хлѣбы, которые богачъ наканунѣ смерти бросалъ бѣднымъ. Архангелъ положилъ ихъ въ чашу добрыхъ дѣлъ, которая тотчасъ начала опускаться, а противоположная подыматься, и обѣ чаши сравнялись. Коромысло вѣсовъ не склонялось болѣе ни вправо, ни влѣво, а стрѣлка указывала совершенное равенство грузовъ.

Богачъ не вѣрилъ своимъ глазамъ. Архангелъ ему сказалъ:

— Ты видишь, Николай Нерли, ты не годенъ ни для неба, ни для ада. Ступай, возвращайся во Флоренцію, увеличь въ городѣ число хлѣбовъ, которые ты своей рукой роздалъ нищимъ глухою ночью, ни для кого невидимо — и ты будешь спасенъ. Ибо недостаточно еще того, чтобы небо отверзлось раскаявшемуся грѣшнику. Милосердіе Божіе безконечно: оно можетъ спасти даже богатаго; будь таковымъ, но увеличь количество хлѣбовъ, тяжесть коихъ ты воочію постигъ на моихъ вѣсахъ. Ступай!

Николай Нерли проснулся въ своей кровати. Онъ твердо рѣшилъ слѣдовать совѣтамъ архангела и увеличить количество черныхъ хлѣбовъ, раздаваемыхъ бѣднымъ, чтобы войти въ царствіе Божіе. Въ продолженіе трехъ лѣтъ, проведенныхъ имъ на землѣ послѣ его первой смерти, онъ сдѣлался милосердымъ къ нищимъ и великимъ жертвователемъ.



ПОЛИТИКА

19 апрѣля (1 мая) 1893 г.

Возвращенію въ Россію на прошлой недѣлѣ нашего министра иностранныхъ дѣлъ статсъ-секретаря Николая Карловича Гирса предшествовало событіе, возбудившее въ западной Европѣ оживленные толки, не прекращающіеся еще и до сихъ поръ. Н. К. Гирсъ пріѣхалъ въ Вѣну какъ разъ въ то время, когда въ Римѣ наступилъ полный разгаръ празднествъ по поводу серебряной свадьбы короля и королевы итальянскихъ, а въ Піаноре совершилось бракосочетаніе принца Фердинанда Кобургскаго съ принцессою пармскою. Русскій министръ по состоянію своего здоровья былъ поставленъ въ невозможность относительно всякихъ оффиціальныхъ визитовъ и представленій, но, несмотря на это, ему пришлось видѣться не только съ графомъ Кальноки, но и съ императоромъ Францомъ-Іосифомъ. Послѣдній сдѣлалъ Н. К. Гирсу довольно продолжительный визитъ за которымъ тотчасъ же послѣдовалъ визитъ, министра иностранныхъ дѣлъ Австро-Венгріи. Это было до такой степени неожиданно, особенно послѣ недавней частной аудіенціи, данной австрійскимъ императоромъ Стамбулову, что совершенно сбило съ толку западно-европейскую печать вообще, а печать вѣнскую и пештскую тѣмъ паче. Австро-венгерская печать какъ будто склоняется видѣть въ этомъ событіи, о которомъ мы упомянули выше, знаменательный признакъ возможности сближенія между монархіею Габсбурговъ и Россіей, а также весьма значительной перемѣны въ общемъ положеніи европейскихъ дѣлъ.

Императоръ Вильгельмъ II ускорилъ тѣмъ временемъ свой отъѣздъ изъ Италіи по причинамъ, которыя берлинское оффиціозное агентство Вольфа объясняетъ довольно загадочною серьезностью положенія внутреннихъ германскихъ дѣлъ. Какъ мы и догадывались еще въ началѣ прошлой недѣли, свиданіе этого государя съ папою Львомъ XIII не измѣнило настроенія партіи германскаго католическаго центра, враждебной правительственному проекту военной реформы. Въ теченіе нѣсколькихъ дней были нѣкоторые поводы предполагать противное вслѣдствіе того, что Вильгельмъ II пожаловалъ главному совѣтнику папы, кардиналу Рамполла, орденъ Чернаго Орла, а въ бесѣдѣ съ кардиналомъ Ледоховскимъ произнесъ нѣсколько любезныхъ словъ, переданныхъ газетами фразою: „надѣюсь, что отнынѣ все прошлое предано забвенію". Въ концѣ недѣли берлинская оффиціальная газета „Staatsanzeiger" объявила однако, что никакихъ переговоровъ о военной реформѣ между папою и императоромъ при ихъ свиданіи не происходило, а сказанное Вильгельмомъ II кардиналу Ледоховскому было „неправильно" истолковано печатью. Сдѣлалось ясно, что въ Берлинѣ потеряна всякая надежда на принятіе рейхстагомъ военнаго законопроекта, и появились слухи, что имперскій канцлеръ, графъ Каприви, убѣжденный въ неминуемости этой неудачи, все-таки не собирается ни выходить въ отставку, ни распустить рейхстагъ, такъ какъ противъ такого распущенія высказываются не только многія союзныя правительства, но даже и *прусское министерство*. Газеты стали говорить, что существуетъ средство избѣгнуть такого распущенія. По ихъ словамъ достаточно, чтобы рейхстагъ принялъ во второмъ чтеніи хоть одну только статью правительственнаго проекта для того, чтобы пренія о немъ продолжались передъ третьимъ чтеніемъ и затянулись еще надолго. Подходящая статья въ проектѣ дѣйствительно существуетъ. Она касается двухгодичнаго срока военной службы, за который стоитъ большинство членовъ германскаго парламента.

Все это дѣлаетъ еще болѣе неожиданнымъ и непонятнымъ тотъ фактъ, что императоръ Вильгельмъ II вдругъ призналъ нужнымъ ускорить свое возвращеніе въ Берлинъ, куда онъ явится, повидимому, не позже среды нынѣшней недѣли. Въ слѣдующей хроникѣ нашей мы, вѣроятно, будемъ уже имѣть возможность сказать что нибудь положительное объ истинныхъ причинахъ такого поспѣшнаго возвращенія.

Во Франціи пришелъ, наконецъ, къ развязкѣ въ пятницу на прошлой недѣлѣ длившійся цѣлые четыре мѣсяца бюджетный кризисъ. За два дня до истеченія срока, на который парламентъ разрѣшилъ правительству четвертый временный кредитъ (на апрѣль мѣсяцъ), между сенатомъ и палатою депутатовъ состоялось усиліями правительства соглашеніе, позволившее имъ утвердить бюджетъ на 1893 годъ. Палатѣ депутатовъ предстоитъ теперь приняться за обсужденіе государственной росписи на будущій 1894 годъ, которую она обязана по конституціи сдать уже утвержденною слѣдующей палатѣ депутатовъ, имѣющей быть избранной осенью нынѣшняго года. Задача эта нелегкая — не потому, чтобы у депутатовъ оставалось слишкомъ мало времени, а потому, что правительство, какъ оно заявляетъ заранѣе, внесетъ бюджетъ на 1894 годъ съ громаднымъ дефицитомъ, болѣе чѣмъ въ 150.000,000 франковъ, и покрыть этотъ дефицитъ можно будетъ только путемъ новыхъ налоговъ да финансовыхъ операцій, которые отзовутся такъ или иначе очень тяжко на экономическомъ благосостояніи страны и поэтому будутъ навѣрное приняты съ сильнымъ неудовольствіемъ націею. Явиться на выборы послѣ такого конца своей законодательной дѣятельности будетъ для нынѣшнихъ депутатовъ очень невыгодно, но ихъ ожидаетъ еще большее неудовольствіе избирателей, если бюджетъ на 1894 годъ остается неутвержденнымъ къ концу послѣдней сессіи. Что касается до министерства Дюпюи, то достигнутое имъ соглашеніе между сенатомъ и палатою депутатовъ считается значительною для него побѣдою, дающею возможность ожидать, что предстоящіе будущею осенью общіе выборы произойдутъ подъ руководствомъ членовъ нынѣшняго парижскаго кабинета. Во всякомъ случаѣ увеличиваются поводы думать, что выборы эти пошлютъ въ палату республиканское большинство значительно болѣе умѣреннаго и „дѣловаго" характера, чѣмъ нынѣшнее, потерявшее почти всякую популярность, несмотря на твердую рѣшимость страны сохранить неприкосновеннымъ существующій государственный порядокъ вещей.

Въ Англіи палата общинъ готовится къ обсужденію по статьямъ ирландскаго билля Гладстона передъ третьимъ и окончательнымъ его чтеніемъ. Для этой парламентской процедуры палата, какъ извѣстно, измѣняетъ характеръ своихъ засѣданій, обращаясь въ „комитетъ", преніями котораго руководитъ не спикеръ, а нарочно съ этою цѣлью избираемый предсѣдатель. Самой сущности принятаго уже во второмъ чтеніи законопроекта „комитетъ" не имѣетъ права касаться. Онъ только обсуждаетъ и можетъ видоизмѣнить каждую изъ отдѣльныхъ статей билля. Сторонники ирландской автономіи не допустятъ, понятно, вырвать у себя изъ рукъ на этихъ частичныхъ преніяхъ побѣду, одержанную ими при второмъ чтеніи билля Гладстона. Билль этотъ будетъ окончательно утвержденъ съ тѣми только перемѣнами, на которыя согласится само правительство, но оппозиція сдѣлаетъ все отъ нея зависящее, чтобы отсрочить такую развязку. Ожидаютъ, что третьи пренія объ ирландскомъ биллѣ протянутся не менѣе двухъ, а можетъ быть и двухъ съ половиной мѣсяцевъ, т. е. до середины наступающаго лѣта. До тѣхъ поръ искусственно разжигаемое въ Ульстерѣ оппозиціей движеніе протестантовъ противъ ирландской автономіи надѣлаетъ, конечно, немало хлопотъ правительству, но серьезныхъ послѣдствій имѣть, конечно, не будетъ.

Послѣднія извѣстія изъ Сербіи опровергаютъ всѣ слухи о томъ, что будто бы радикальная партія колеблется принять безусловно подъ свое покровительство нынѣшнее бѣлградское министерство Докича. Радикалы рѣшились поддерживать новое правительство и избрать своимъ главнымъ органомъ газету „Одъекъ", которая уже состоитъ главнымъ органомъ министерства Докича. Опровергнуты также слухи о предполагавшемся будто бы удаленіи отъ должности главнаго руководителя сербской церкви маститаго митрополита Михаила. Является такимъ образомъ надежда, что неблагопріятные слухи, распускаемые побѣжденною партіею либераловъ, не оправдаются и что выборы въ будущую скупщину дадутъ сплошное большинство радикаламъ, представляющимъ собою партію сербскихъ патріотовъ, не расположенныхъ имѣть другой опоры кромѣ Россіи.

НАШИ КАРТИНКИ

Я. Г. Гуревичъ

Въ настоящее время едва ли найдется такое дѣло, даже самое серьезное и отвѣтственное, за которое не пытались бы браться всѣ и каждый, не чувствуя къ этому дѣлу ни любви, ни призванія и только ожидая отъ него однѣхъ выгодъ. Берутся теперь и за святое дѣло воспитанія юношества нерѣдко люди, ничего общаго съ нимъ не имѣющіе, совсѣмъ къ нему неподготовленные, смотрящіе на него какъ на ремесло. Много тутъ званыхъ, да мало избранныхъ... При такомъ положеніи вещей какъ высоко должны мы цѣнить тѣхъ немногихъ людей, которые подходятъ къ педагогическому дѣлу съ чистыми руками и чистыми помыслами, съ полнымъ пониманіемъ того, какую серьезную нравственную отвѣтственность берутъ они на себя, людей, которые съ большой любовью и съ большимъ умѣньемъ относятся къ своей задачѣ, къ занятію сложному, трудному, хлопотливому. Къ такимъ немногимъ и, смѣло скажемъ, рѣдкимъ людямъ принадлежитъ директоръ с.-петербургской частной гимназіи и реальнаго училища Яковъ Григорьевичъ Гуревичъ, торжественное чествованіе котораго происходило недавно по случаю исполнившагося 21-го марта двадцатипятилѣтія его педагогической и учено-литературной дѣятельности. Я. Г. Гуревичъ съ честью потрудился на пользу молодаго поколѣнія, поставивъ прекрасно и сдѣлавъ образцовымъ учебное заведеніе, которымъ онъ завѣдываетъ; съ его почтеннымъ именемъ связанъ цѣлый рядъ благихъ и дѣйствительно полезныхъ начинаній въ области педагогики; онъ достаточно потрудился надъ методикою избраннаго имъ предмета, проводилъ ее въ живомъ словѣ и печати и распространялъ въ обществѣ здравыя идеи педа-

гогики и, наконецъ, составилъ нѣсколько хорошихъ учебныхъ руководствъ. Выдающееся педагогическое дарованіе, горячая преданность своему дѣлу, высокогуманныя традиціи, какихъ онъ всегда держался, любовь къ ученикамъ — все это дѣлало Я. Г. Гуревича всегда и вездѣ самымъ желаннымъ наставникомъ и пріобрѣло ему огромныя симпатіи среди родителей и учащихся и заслуженную вполнѣ почетную извѣстность. Независимо отъ педагогической дѣятельности Я. Г. Гуревичъ много и добросовѣстно поработалъ, участвуя въ разныхъ обществахъ ученыхъ и благотворительныхъ, какъ одинъ изъ усерднѣйшихъ членовъ такъ называемаго литературнаго фонда, историческаго общества, какъ товарищъ предсѣдателя учебнаго комитета Императорскаго человѣколюбиваго общества, наконецъ какъ писатель и какъ редакторъ основаннаго имъ полезнаго журнала „Русская Школа". Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ обязано Я. Г. Гуревичу очень многимъ. Въ сравнительно короткое время участія своего въ комитетѣ литературнаго фонда онъ оказалъ дѣлу помощи неимущимъ писателямъ серьезныя услуги. Помимо щедрыхъ частныхъ пожертвованій въ пользу фонда и предоставленія комитету, для дѣтей его кліентовъ, безплатныхъ мѣстъ въ своей гимназіи, онъ не жалѣлъ и своего личнаго труда, обнаруживая всегда живой интересъ ко всѣмъ занятіямъ комитета, одушевленную преданность задачамъ этого Общества. Въ качествѣ члена Историческаго общества при Императорскомъ с.-петербургскомъ университетѣ, Я. Г. Гуревичъ принималъ самое дѣятельное участіе въ учрежденіи названнаго общества, въ его занятіяхъ и содѣйствовалъ основанію при немъ историко-педагогической секціи. Какъ редакторъ „Русской Школы" онъ выказалъ себя также съ самой лучшей стороны, съумѣвъ въ короткое время придать своему изданію большой интересъ, значеніе, обставить его лучшими силами, ведя его въ высшей степени добросовѣстно и относясь къ дѣлу самымъ безкорыстнымъ образомъ. За какое бы дѣло ни брался Я. Г. Гуревичъ, онъ всегда отдавался ему всецѣло, съ увлеченіемъ чисто юношескимъ, выказывая изумительное трудолюбіе, не жалѣя ни силъ, ни здоровья. Я. Г. Гуревичъ чуждъ тщеславія и ставитъ всегда на первый планъ дѣло, которому служитъ, а не свою личность; всюду вноситъ онъ свою прекрасную душу, свое благородное, любвеобильное, чуткое, отзывчивое сердце. Онъ готовъ помочь каждому чѣмъ только можетъ; онъ вѣчно за работой, не перестаетъ изо дня въ день хлопотать и всегда бодръ, спокоенъ, ровенъ, образцово аккуратенъ въ исполненіи принятыхъ на себя обязанностей, которыхъ у него немало. Къ воспитанникамъ своимъ онъ привязывается какъ отецъ, даже по выходѣ ихъ изъ заведенія почти никогда не теряетъ ихъ изъ вида, продолжаетъ слѣдить за ихъ успѣхами, нерѣдко выхлапатываетъ имъ мѣста и всячески заботится о нихъ. На всѣхъ, кому приходилось сколько нибудь близко сталкиваться съ нимъ, съ этимъ замѣчательнымъ общественнымъ дѣятелемъ, съ этой свѣтлой личностью, Я. Г. Гуревичъ производилъ самое обаятельное впечатлѣніе.

Яковъ Григорьевичъ Гуревичъ родился 1-го января 1843 года въ Одессѣ, гдѣ и получилъ первоначальное и среднее образованіе, съ успѣхомъ окончивъ курсъ во второй одесской гимназіи въ 1860 году. Затѣмъ онъ слушалъ лекціи въ университетахъ: св. Владиміра, въ Кіевѣ, на юридическомъ факультетѣ (1860—1861), въ московскомъ тоже на юридическомъ и на историко-филологическомъ факультетахъ (1861—1865) и въ с.-петербургскомъ (1865—1868). Здѣсь онъ блестяще окончилъ курсъ со степенью кандидата историческихъ наукъ и 21-го марта 1868 г. поступилъ на государственную службу, штатнымъ преподавателемъ исторіи и географіи въ новгородскую классическую гимназію. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не оставлялъ и учено-литературной дѣятельности, напечатавъ совершенно переработанную кандидатскую диссертацію свою въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія". Для пополненія пробѣловъ его спеціальнаго образованія Я. Г. Гуревичъ былъ въ 1871 году командированъ за границу, гдѣ, между прочимъ, усердно работалъ въ семинаріи Дройзена въ Берлинѣ, слушалъ лекціи знаменитыхъ историковъ Генриха Зибеля и Теодора Момзена, Кампшульта и Гейльда въ боннскомъ и берлинскомъ университетахъ, пробывъ въ первомъ цѣлыхъ три семестра (1872—1873). Въ это время онъ напечаталъ въ журналѣ „Forschungen zur Deutschen Geschichte" интересное изслѣдованіе подъ заглавіемъ „Zur Kritik des Geschichtsschreiber des ersten Kreuzzugs". По возвращеніи изъ-за границы Я. Г. Гуревичъ поступилъ преподавателемъ въ с.-петербургскій учительскій институтъ, гдѣ непрерывно прослужилъ десять лѣтъ. Онъ также преподавалъ исторію въ с.-петербургской третьей классической гимназіи, въ Константиновскомъ военномъ и Михайловскомъ артиллерійскомъ училищахъ, читалъ лекціи на высшихъ женскихъ курсахъ и давалъ уроки исторіи Е. И. В. великому князю Дмитрію Константиновичу и Его Высочеству принцу Петру Александровичу Ольденбургскому. Въ апрѣлѣ 1883 года онъ былъ назначенъ директоромъ частной классической гимназіи и реальнаго училища въ Петербургѣ, а спустя два года на основаніи представленныхъ двухъ работъ — диссертаціи „Происхожденіе войны за испанское наслѣдство и коммерческіе интересы Англіи" и упомянутаго выше сочиненія о нѣкоторыхъ источникахъ для изученія перваго крестоваго похода—избранъ историко-филологическимъ факультетомъ с.-петербургскаго университета въ приватъ-доценты по каѳедрѣ новой исторіи и эту каѳедру занималъ нѣсколько лѣтъ. Съ 1880 г. онъ состоитъ товарищемъ предсѣдателя въ учебномъ комитетѣ Императорскаго человѣколюбиваго общества. Я. Г. Гуревичъ, начиная съ 1870 года, помѣщалъ статьи педагогическаго, біографическаго и библіографическаго содержанія въ журналахъ: „Учитель", „Педагогическій сборникъ", „Журналъ министерства Народнаго Просвѣщенія", „Женское образованіе" и друг. Но особенную заслугу его составляютъ его учебныя руководства и пособія: „Систематическій курсъ Эллады и Рима", удостоенный ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія преміи Петра Великаго, „Историческая хрестоматія по новой и новѣйшей исторіи", выдержавшая три изданія, „Историческая хрестоматія по русской исторіи" (совмѣстно съ Б. А. Павловичемъ), „Обзоръ главныхъ явленій средней исторіи по вѣкамъ", „Сравнительно конспективная таблицы по новой и новѣйшей исторіи" и друг. Кромѣ того подъ его редакціей изданы переводы слѣдующихъ сочиненій: „Общій очеркъ исторіи Европы" Фримана, и „Герои Рима" Г. Штолля. Я. Г. Гуревичъ имѣетъ чинъ дѣйств. статскаго совѣтника, нѣсколько орденовъ, но самой высшей наградой для него является та искренняя любовь, то глубокое уваженіе, которыми онъ справедливо пользуется въ средѣ своихъ многочисленныхъ учениковъ и почитателей, въ средѣ всѣхъ знающихъ его хоть немного. *П. В. Б.*

На мосту во время ледохода

Къ рисунку А. Чикина

Весеннее петербургское утро давно наступило. Шедшій съ ночи мелкій снѣгъ пересталъ и смѣнился сырой холодной мглой. Низко нависнувшія тучи, какъ фантастическія чудовища, ползли по небу, разрываясь на части и принимая самыя причудливыя очертанія. Дулъ сильный, рѣзкій вѣтеръ. Черезъ мглистую даль Невы неясно вырисовывались дома на противоположномъ берегу. Ихъ миніатюрный видъ легко могъ обмануть неопытный глазъ. Величавая ширь рѣки, скрадывая разстояніе, казалось, не позаботилась оставить отдаленнымъ предметамъ ихъ натуральную величину. Гранитный берегъ узкой лентой чернѣлъ и терялся вдали. Все пространство рѣки было занято плывшимъ льдомъ. Отдѣльныя льдины всевозможныхъ величинъ перемѣшивались между собою и въ общемъ шумѣ и трескѣ неслись по вспѣненной поверхности. Гулъ ледохода далеко разносился въ стороны, привлекая къ себѣ немало любопытныхъ взоровъ, съ напряженнымъ вниманіемъ устремившихся на рѣку. Ѣзда и усиленное теперь движеніе на Николаевскомъ мосту были въ полномъ разгарѣ. Крики „берегись!" на минуту покрывая общій шумъ, сейчасъ же уступали мѣсто стуку и грохоту колесъ. Извощичьи дрожки длинной вереницей тянулись вдоль всего моста. Звонки катившихся конокъ и гомонъ людей смѣнялись одни другими.

— Я, матушка моя, скажу тебѣ — нынѣче вотъ какія времена, хоть и не живи: доходовъ совсѣмъ не стало! Господа всякую копѣйку учитываютъ, а лавочникъ, Прокопычъ, и совсѣмъ пересталъ давать мѣсячную плату,—говоритъ, денегъ нѣтъ. Вотъ тутъ и подумай. Я теперь и не хожу къ нему: въ другой лавкѣ забирать стала—пускай его сердится. Небось, не понравилось, какъ сказала: а коли вы такъ, Прокопычъ, то и мы не больно-то въ васъ нуждаемся. Ежели вы этакую мелочь разсчитываете, то мы и въ другомъ мѣстѣ покупать съумѣемъ. Такъ-то, Андревна, такъ-то, матушка моя, заключила свою тираду толстая кухарка въ пестрой юбкѣ, держа въ рукахъ корзину съ провизіей и съ полнѣйшимъ равнодушіемъ повернувшись къ Невѣ съ ледоходомъ, столь интересовавшимъ другихъ.

— Ну, васъ! Проходите, што-ль, чего загораживаете панель! грозно проговорилъ неожиданно появившійся городовой.

Двѣ словоохотливыя пріятельницы-кухарки засуетились и, наскоро попрощавшись, разстались.

Юный гимназистъ, таща за спиной ранецъ, спѣшилъ въ храмъ науки, достаточно полюбовавшись ледоходомъ, смотрѣть который онъ давно уже собирался, заранѣе предвкушая удовольствіе при видѣ величественнаго зрѣлища освобождающейся отъ зимнихъ оковъ рѣки. Ему ужасно хотѣлось бы подольше постоять на мосту, да было слишкомъ поздно уже, и онъ торопился, чтобы поспѣть въ классъ. Зато на обратномъ пути онъ конечно вдоволь насладится интересующимъ его зрѣлищемъ.

Разорванные края тучъ озарились краснымъ свѣтомъ, и яркій лучъ солнца сверкнулъ черезъ нихъ. Радужными цвѣтами заблестѣли льдины. Бѣлая клочковатая пѣна, какъ драгоцѣнная узорчатая ткань, покрывала гребни волнъ. Вѣтеръ пересталъ. Тучи разошлись, и блѣдное петербургское солнце показалось на небѣ.

— Слава те, Господи! никакъ погода перемѣнится хочетъ! прошамкала старая престарая старушка, вся сгорбившаяся отъ старости, не твердо ступавшая по панели.

— Ай, батюшки мои! озорникъ какой — огурцы мои разсыпалъ! закричала вдругъ торговка съ коробомъ и съ шайкой за спиной.

Человѣкъ, къ которому относились ея слова, по виду семинаристъ, въ длинномъ пальто и картузѣ, съ невозмутимымъ спокойствіемъ шагалъ впередъ. Онъ даже не обернулъ головы, когда услышалъ позади себя хохотъ.

— Что, тетка, прозѣвала огурцы? насмѣшливо спросилъ одинъ голосъ.

— Тетенька, тетенька, дай огурчика! просилъ оборванный мальчишка-мастеровой.

Торговка сердито посмотрѣла на говорившихъ и, погрозивъ кулакомъ ушедшему семинаристу, принялась подбирать огурцы.

Два приказчика, франтовато одѣтыхъ, склонились надъ перилами моста и смотрѣли внизъ. Льдины, наскакивая на каменные выступы моста, съ сильнымъ трескомъ ломались въ куски.

— Этакая сила все свернетъ, проговорилъ одинъ изъ приказчиковъ, продолжая стоять наклонившись.— Посмотрѣть страшно, какъ ломаетъ!

— Что и говорить, отвѣчалъ другой, тоже не отрываясь отъ перилъ.

— Нѣтъ, я помню — третьяго года ледоходъ былъ, вотъ ужъ подлинно смѣхъ и горе! Было чего посмотрѣть...

— Что такое? съ любопытствомъ освѣдомился пріятель.

— Н-да... курьезная штука.

Оба вдругъ замолчали и съ возрастающимъ вниманіемъ слѣдили за огромной льдиной, плывшей какъ разъ на каменный выступъ моста.

— Никакъ кошка? раздался сзади чей-то посторонній голосъ.

Пріятели отъ неожиданности вздрогнули и оглянулись. Говорилъ какой-то господинъ въ пальто и котелкѣ. Онъ черезъ головы друзей старался разсмотрѣть, что было на льдинѣ.

— Кошка, увѣренно подтвердилъ свое предположеніе господинъ.

— Какая же это кошка, господинъ, съ легкой улыбкой замѣтилъ одинъ изъ приказчиковъ.—это не кошка-съ, а мусоръ, а въ немъ сломанная лопата.

Господинъ сконфузился, что-то отвѣтилъ въ свое оправданіе и поспѣшилъ уйти прочь.

Пріятели фыркнули и занялись своими наблюденіями.

— Какая же штука была, Дмитрій Никитичъ? снова обратился къ своему товарищу прикащикъ.

Онъ былъ значительно моложе его и съ мягкими, нѣжными чертами лица. Его голубые глаза смотрѣли привѣтливо и ласково. Товарищъ его, Дмитрій Никитичъ, былъ лѣтъ на шесть старше, и въ его смугломъ, загорѣломъ лицѣ съ темной бородой и усами проглядывали твердость и рѣшительность. Говорилъ онъ увѣреннымъ, властнымъ голосомъ и видно было, что онъ привыкъ распоряжаться.

— Да, штука любопытная, отвѣтилъ Дмитрій Никитичъ. — Какъ же — противъ Дворцоваго моста (вотъ тоже въ это время было, только ледъ не весь еще прошелъ — у другаго берега часть его держалась) одинъ пьяненькій забылъ, что переходъ запрещенъ и направился по льду. Ему кричали, махали платками, — ну, извѣстно, пьяный человѣкъ резоновъ не понимаетъ, идетъ себѣ напроломъ. Только дошелъ онъ до края, до воды, видитъ, что дальше идти некуда, остановился, оглядѣлся, да какъ плюнетъ изо всей силы и пошелъ назадъ. Смѣялись же мы! Городовой прибѣжалъ. Хотѣлъ въ участокъ весть, да отпустилъ. И Дмитрій Никитичъ, и его голубоглазый товарищъ разсмѣялись, но сейчасъ же смолкли: огромная льдина, ударившись о выступъ моста, съ страшнымъ трескомъ разлетѣлась въ дребезги. Пѣна и брызги высоко взлетѣли кверху.

— Вотъ хорошо, такъ хорошо, сказалъ довольный молодой прикащикъ.—Люблю я смотрѣть на ледоходъ.

— А-то человѣка однажды утащило на льдинѣ, вдругъ проговорилъ Дмитрій Никитичъ.

— Какого человѣка? спросилъ молодой пріятель.

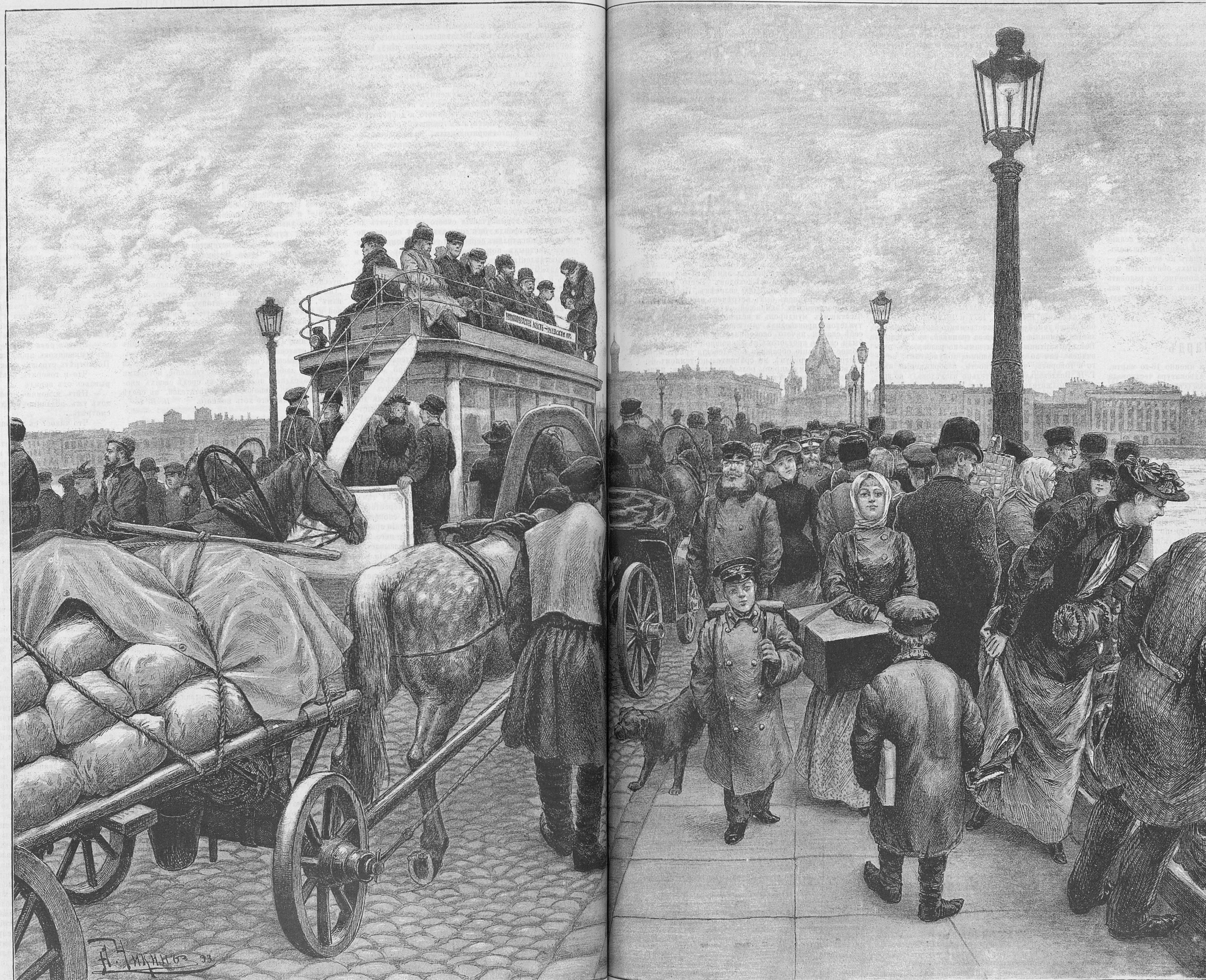
— Неизвѣстный человѣкъ, Богъ его знаетъ кто онъ такой, только мы всѣ видѣли, какъ его несло по рѣкѣ.

— Гдѣ же было — въ деревнѣ?

— Зачѣмъ въ деревнѣ, здѣсь, въ Петербургѣ, у Выборгской Стороны.

— И неужли утопъ?

— Опять-таки спасли, лодку подали. Дѣло ужъ вполнѣ серьезное было — кричалъ, молился, бѣгалъ по льдинѣ.



С.-Петербургъ. — Картины уличной жизни столицы. На Николаевскомъ мосту во время ледохода на Невѣ.
Рисунокъ съ натуры А. Чикина.

Ант. Гоппе.

— Ишь ты вѣдь!.. Какъ же это такъ угораздило его на льдину попасть?

— Кто его знаетъ... Думали, что пьяный — нѣтъ трезвый. Съ барыней одной обморокъ сдѣлался.

Набѣжавшія тучи снова заволокли небо и скрыли солнце. Сталъ накрапывать мелкій дождь. Поднялся вѣтеръ. Прохожіе, поднявъ воротники пальто, спѣшили каждый по своему дѣлу. Сырость и холодъ, казалось, не хотѣли покидать береговъ многоводной рѣки. Уныло дребезжали конки; крикливые уличные голоса какъ-то притихли, и городовой, отвязавъ отъ пояса непромокаемую накидку, надѣлъ ее на себя.

— Пойдемъ! сказалъ Дмитрій Никитичъ своему товарищу.

Пріятели нехотя и уныло поплелись по мосту и скрылись на другой сторонѣ.

Мелкій дождь продолжалъ сыпать какъ изъ сита. Свинцовое, безпросвѣтное небо угрюмо смотрѣло на землю и не скоро обѣщало хорошую погоду. А на мосту одна толпа смѣнялась другою, и конные и пѣшіе не переставали смотрѣть по обѣимъ сторонамъ моста на ледоходъ. Скучно, скучно! Петербургская весна бѣдна своими красками, и всякій солнечный теплый день, всякій вѣрный признакъ, что весна начинаетъ уже вступать въ свои права—вызываетъ въ сердцахъ столичныхъ обитателей живѣйшую радость. Не можетъ, конечно, не радовать ихъ и весенній ледоходъ на Невѣ, какъ одинъ изъ признаковъ успѣшной борьбы весны съ ослабѣвающей властью зимы.

Вл. Л—ъ

В. Н. Герардъ

Около мѣсяца тому назадъ, а именно 16-го марта, петербургская присяжная адвокатура чествовала одного изъ старѣйшихъ своихъ сочленовъ по случаю двадцатипятилѣтія его адвокатской дѣятельности, Владиміра Николаевича Герарда. Имя этого въ высшей степени почтеннаго и симпатичнаго представителя петербургской адвокатуры пользуется и большой извѣстностью, и большимъ уваженіемъ.

Въ лицѣ В. Н. Герарда товарищи его и общество чествовали не только одного изъ самыхъ талантливыхъ, безкорыстныхъ и мужественныхъ поборниковъ правды, но и типичнѣйшаго представителя присяжной адвокатуры. Принадлежа и по происхожденію, и по мѣсту воспитанія—какъ правовѣдъ—къ привиллегированному разряду судебныхъ дѣятелей и имѣя, благодаря хорошимъ связямъ, впереди обезпеченную блестящую служебную карьеру, В. Н. Герардъ добровольно и исключительно по нравственному влеченію избралъ и предпочелъ заманчивую, но тяжелую адвокатскую карьеру. Нужно было дѣйствительно глубокое внутреннее влеченіе къ этой трудной, но столь привлекательной для людей независимаго характера свободной профессіи, чтобы предпочесть ее другой, болѣе покойной, обезпеченной и блестящей, съ точки зрѣнія честолюбія, коронной службѣ. Нуженъ былъ немалый нравственный закалъ, чтобы благополучно обойти подводные камни, которыми такъ изобилуетъ адвокатское поприще и о которые такъ легко и часто разбиваются даже неразборчивые адвокаты, одаренные крупнымъ талантомъ. Нужно было дѣйствительно внутреннее глубокое призваніе и влеченіе, чтобы съ честью пройти столь длинный общественный путь и до настоящаго времени сохранить живой интересъ къ адвокатской профессіи, тотъ feu sacré, безъ котораго эта свободная профессія превращается въ одно изъ тяжелѣйшихъ и скучнѣйшихъ ремеслъ. Всѣми этими прекрасными качествами В. Н. Герардъ обладаетъ вполнѣ. „Сословію присяжныхъ повѣренныхъ — говорится въ адресѣ, присланномъ юбиляру—не трудно было быстро оцѣнить вашъ благородный характеръ, ваше выдающееся дарованіе, ваше всегда честное, прямое и незаискивающее отношеніе къ вашей новой семьѣ. Прошло немногимъ болѣе года послѣ вступленія вашего въ присяжную адвокатуру, какъ вы были избраны въ совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, который съ той поры видѣлъ васъ неизмѣнно въ своей средѣ — въ званіи ли члена совѣта или товарища предсѣдателя. Останавливаясь на пройденномъ вами славномъ пути, сословіе присяжныхъ повѣренныхъ живо припоминаетъ, что вы, оставаясь всегда выразителемъ его лучшихъ стремленій, пережили вмѣстѣ съ нимъ и его свѣтлую, и его болѣе тяжелую пору. И всегда вы являлись стойкимъ и бдительнымъ стражемъ достоинства и высшихъ нравственныхъ интересовъ присяжной адвокатуры". Всегда пользуясь любовью своихъ собратовъ, отстаивая интересы младшихъ коллегъ, не удивительно, что В. Н. Герардъ удостоился самыхъ горячихъ оваціи и поздравленій. Отличительныя черты дарованія В. Н., съ особенной яркостью проявляющагося въ защитѣ по дѣламъ уголовнымъ—задушевность и горячность, никогда не переходящія въ фразерство. Его рѣчь къ присяжнымъ имѣетъ часто характеръ живой, непринужденной и именно потому убѣдительной бесѣды... В. Н. Герардъ человѣкъ высоко образованный, страстный любитель литературы и самъ къ ней причастный. Владиміръ Николаевичъ Герардъ родился въ 1839 году. Окончивъ на двадцатомъ году курсъ наукъ въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія и прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ сенатѣ, затѣмъ въ Царствѣ Польскомъ, въ юридической коммиссіи, подготовлявшей введеніе тамъ судебныхъ уставовъ, онъ въ 1866 году былъ назначенъ членомъ тогда только что открытаго петербургскаго окружнаго суда. Поступивъ въ 1868 году (16-го марта) въ присяжные повѣренные округа спб. судебной палаты, онъ черезъ годъ былъ избранъ въ члены совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, въ которомъ съ тѣхъ поръ и засѣдаетъ почти безсмѣнно.

Башкиры аттакуютъ непріятельскій лагерь около Дрездена

Картина Г. П. Виллевальде

Г. П. Виллевальде принадлежитъ къ числу самыхъ талантливыхъ и самыхъ симпатичныхъ нашихъ батальныхъ живописцевъ. Съ молодыхъ лѣтъ, блестяще окончивъ академію художествъ, онъ посвятилъ себя военному жанру и остался ему вѣренъ до сихъ поръ. Въ галлереяхъ и Императорскихъ дворцахъ находятся въ большомъ количествѣ его жанровыя картины, сюжеты которыхъ взяты Г. П. Виллевальде изъ кампаній 1849, 1854, 1877 и 1812 годовъ. Но любимѣйшей темой его художественнаго вдохновенія является кампанія 1813 года за границей, въ Германіи. Всѣ его картины писаны имъ по разсказамъ очевидцевъ или по сохранившимся документамъ; нечего и говорить, что мѣстности, изображаемыя имъ, Г. П. Виллевальде обстоятельно изслѣдовалъ во время продолжительныхъ своихъ заграничныхъ путешествій. Разнообразіе композиціи, чисто драматическій характеръ сценъ, иногда юмористическій оттѣнокъ, историческая вѣрность, типичность фигуръ — вотъ достоинства картинъ г. Виллевальде. Этими же достоинствами отличается и картина „Башкиры аттакуютъ непріятельскій лагерь около Дрездена въ туманное утро (1813 годъ)", бывшая на академической выставкѣ нынѣшняго года и обратившая на себя вниманіе публики живостью сцены.

Извѣстны общія черты кампаніи 1813 года. Послѣ очищенія Россіи зимой 1812 года отъ наполеоновской арміи русскія войска перешли границу имперіи 1 января 1813 года и въ началѣ февраля уже достигли Одера. Императоръ Александръ постоянно находился при войскѣ. Пруссія перешла на сторону Россіи, Австрія колебалась, но Наполеонъ дѣйствовалъ съ обычной энергіей и весной въ двухъ битвахъ—при Люценѣ и Бауценѣ—поразилъ союзниковъ и заставилъ ихъ отступить къ Одеру. Послѣ краткаго перемирія война возобновилась, причемъ Австрія присоединилась къ Россіи и Пруссіи. Наполеонъ поразилъ главную армію союзниковъ при Дрезденѣ (15 августа), но генералъ его Вандомъ, отряженный въ Богемію, въ тылъ союзной арміи, былъ взятъ въ плѣнъ при Кульмѣ, благодаря стойкости русскихъ войскъ. Двѣ другія союзныя арміи бились также счастливо противъ маршаловъ Наполеона; наконецъ и самъ Наполеонъ потерпѣлъ пораженіе отъ сосредоточенныхъ армій союзническихъ въ страшномъ трехдневномъ бою при Лейпцигѣ; здѣсь полмилліона разноплеменнаго войска билось на пространствѣ одной квадратной мили при громѣ 2000 пушекъ. Наполеонъ, потерявши около половины своей арміи, ушелъ за Рейнъ, и Германія такимъ образомъ была освобождена отъ французовъ. Во всей этой кампаніи участвовали, между прочимъ, и башкирскія иррегулярныя войска. Въ то время вооруженіе башкирцевъ состояло изъ пары пистолетовъ, ружья, пики, сабли, лука (сайдана) и колчана со стрѣлами, которыми они мастерски стрѣляли на большое пространство въ цѣль и притомъ съ такою силою, что стрѣла на разстояніи пятнадцати саженъ могла пронзить насквозь не только человѣка, но и лошадь. Французы, испытавшіе на себѣ въ войнѣ съ Россіей, особенно въ 1812 и 1813 годахъ, губительное дѣйствіе этихъ стрѣлъ, прозвали башкирцевъ сѣверными амурами. Вотъ эти-то сѣверные амуры являются на первомъ планѣ и главными дѣйствующими лицами въ картинѣ г. Виллевальде, изображающей одинъ изъ эпизодовъ битвы при Дрезденѣ 15 августа, въ туманное утро. Было бы излишне описывать подробно эту прекрасную картину, снимокъ съ которой читатели найдутъ въ настоящемъ нумерѣ „Всемірной Иллюстраціи". Картина оживлена этими движущимися массами и скомпанована съ обычнымъ мастерствомъ г. Виллевальде. Но и кромѣ композиціи, въ картинѣ нельзя не замѣтить удивительную отчетливость рисунка фигуръ, типичность лицъ, историческую вѣрность костюмовъ и пр., да и колоритомъ своимъ картина производитъ очень пріятное впечатлѣніе. Можно сказать, не боясь ошибиться, что эта картина — одинъ изъ лучшихъ военныхъ жанровъ въ русской живописи за послѣдніе годы.

Серебряная свадьба итальянской королевской четы

Въ послѣднее время всѣ итальянскія газеты были наполнены описаніями блистательныхъ римскихъ празднествъ по случаю серебряной свадьбы итальянской королевской четы. Хотя двадцатипятилѣтняя годовщина бракосочетанія короля Гумберта и королевы Маргариты исполнилась 10 (22)-го апрѣля, но празднества начались еще наканунѣ, въ годовщину основанія Рима, вслѣдствіе чего городъ пріукрасился еще болѣе.

Утромъ того дня король принималъ чрезвычайныхъ пословъ въ тронномъ залѣ съ большою помпою и торжественностью. Первымъ представлялся французскій посолъ Бильо, акредитованный нынѣ въ качествѣ чрезвычайнаго посла, который вручилъ королю поздравительное письмо президента Карно. Послѣ полудня состоялись скачки (королевская Дерби) въ Капанеллахъ, въ десяти километрахъ отъ Рима. Зрѣлище было великолѣпное, тѣмъ болѣе, что рамками этой волнистой равнины служатъ античные водопроводы, Албанскія горы и Апеннины, надъ которыми, на самомъ заднемъ фонѣ, господствуютъ вершины Монте-Соратто, еще покрытыя снѣгомъ. Еще задолго до начала скачекъ тянулась по Via Appia безконечная вереница экипажей всевозможныхъ типовъ и масса пѣшеходовъ. Всего на гиподромѣ собралось до 70,000 человѣкъ. Пріѣздъ государей и принцевъ былъ встрѣченъ восторженно, и видъ роскошныхъ экипажей, чудесныхъ лошадей, блестящихъ мундировъ и великолѣпныхъ женскихъ туалетовъ производилъ чарующее дѣйствіе. Сами по себѣ скачки ничего особеннаго не представляли и были скорѣе предлогомъ къ роскошной mise en scène. Общее вниманіе обращали королевскія трибуны. Въ центральной трибунѣ, на сравнительно темномъ фонѣ военныхъ мундировъ, рельефно выступали: императрица Августа — въ фіолетово-зеленомъ платьѣ, королева Маргарита — въ свѣтло-желтомъ, великая княгиня Марія Павловна — тоже въ свѣтло-желтомъ изящнѣйшаго парижскаго фасона, вдовствующая королева португальская и т. д. Въ той же трибунѣ находились: король, императоръ Вильгельмъ, великій князь Владиміръ Александровичъ, герцогъ Іоркскій, эрцгерцогъ Рейнеръ, герцогъ Опорто, наслѣдный князь черногорскій Даніилъ, принцъ Георгъ греческій и т. д., а въ прилежащихъ къ королевской трибунѣ трибунахъ пестрѣли рядомъ съ итальянскими мундиры германскіе, австрійскіе, русскіе, англійскіе, испанскіе и черногорскіе.

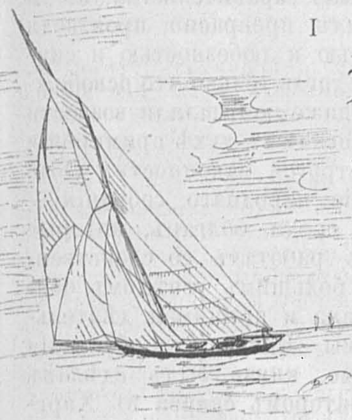
Вечеромъ былъ парадный спактакль въ театрѣ Арджентина. Давали новую оперу Верди „Фальстафъ" въ присутствіи самого маститаго маэстро, котораго римская публика и сама королевская чета всегда чествуютъ какъ принца и который былъ приглашенъ въ ложу короля и затѣмъ въ ложу королевы, что вызвало необычайную манифестацію.

Но апогеемъ римскихъ празднествъ былъ, конечно, праздникъ, происходившій 10-го апрѣля.

Пріемы въ Квириналѣ начались съ часу пополудни, но уже съ ранняго утра дворцовая площадь наполнилась народомъ. Прежде всѣхъ въ тронной залѣ королевская чета принимала поздравленія иностранныхъ принцевъ и принцессъ, потомъ чрезвычайныхъ пословъ, дипломатическаго корпуса, министровъ, гражданскихъ и военныхъ властей, депутацій отъ сената и палаты депутатовъ, къ которымъ присоединились по собственному почину 130 сенаторовъ и 200 депутатовъ и т. д. Въ 5 часовъ состоялся пріемъ муниципалитета, члены котораго отправились изъ Капитолія въ Квириналъ въ старинныхъ каретахъ, предшествуемые четырнадцатью знамсноносцами, изображающими 14 кварталовъ Вѣчнаго города. Во главѣ процессіи ѣхалъ верхомъ герольдъ въ костюмѣ шестнадцатаго вѣка. Вслѣдъ затѣмъ началось прохожденіе мимо квиринальскаго дворца безчисленныхъ народныхъ ассоціацій, слѣдовавшихъ въ большомъ порядкѣ съ значками и хорами музыки впереди. Королевская чета и высокіе гости вышли на балконъ. Шествіе продолжалось около двухъ часовъ и къ концу его съ внутреннихъ дворовъ Квиринала пущено было 1,500 почтовыхъ голубей. Поутру множество такихъ же голубей прилетѣло въ Квириналъ изъ различныхъ мѣстъ Италіи съ поздравительными записочками. Въ 8 часовъ вечера начался въ величественныхъ залахъ Квиринала парадный банкетъ, сервированный на 220 кувертовъ. Королевская чета и августѣйшіе гости обѣдали за отдѣльнымъ столомъ въ залѣ Гобеленовъ. Вечеромъ городъ былъ великолѣпно иллюминованъ. „Представляемое вчера вечеромъ Римомъ зрѣлище — говоритъ корреспондентъ „Temps", одно изъ тѣхъ, которыхъ забыть нельзя. Съ возвышенныхъ мѣстъ города казалось, что Римъ весь горѣлъ и отъ безчисленныхъ свѣтящихся точекъ сіялъ словно Пантеонъ, куполъ котораго увѣнчанъ былъ лучезарнымъ кругомъ. Оживленіе, веселость, шумъ ликующаго города не поддаются описанію. Не было уголка, гдѣ люди не веселились бы. На площадяхъ играли болѣе сорока хоровъ музыки. Тотъ же корреспондентъ сообщаетъ, что празднества привлекли въ Римъ по крайней мѣрѣ 200,000 иностранцевъ и иногороднихъ. Въ тотъ же день королевская чета получила массу драгоцѣнныхъ подарковъ. Утромъ императоръ Вильгельмъ поднесъ подарокъ, привезенный имъ изъ Берлина. Это фигура изъ массивнаго серебра, изображающая Италію. Правая нога фигуры опирается на капитель римской колонны, а правая рука упирается на золотой щитъ, на которомъ яркими красками изображенъ эмалью гербъ Савойскаго дома. Въ лѣвой рукѣ лавровый вѣнокъ. Голова, нѣсколько наклоненная

въ правую сторону, увѣнчана діадемою, по серединѣ которой сверкаетъ звѣзда Италіи, сдѣланная изъ крупнаго брилліанта. На пьедесталѣ изъ чернаго дерева серебряная доска, на которой золотыми литерами начертанъ девизъ Савойскаго дома: „Sempre avanti, Savoja“.

Новые типы яхтъ и ихъ значеніе въ исторіи парусного спорта *)



I

Въ настоящемъ очеркѣ мы намѣрены познакомить читателей съ особенностями недавно появившихся типовъ яхтъ („Gloriana“ и „Dilemma“), представляющихъ собою, такъ сказать, злобу дня заграничныхъ спортсменовъ-парусниковъ; кромѣ того мы постараемся доказать, что эти новые типы представляютъ собою не случайное явленіе, но являются строго логическимъ звеномъ въ ряду послѣдовательныхъ усовершенствованій яхтенной архитектуры.

Для того, чтобы оцѣнить справедливость этого положенія, необходимо прежде всего подвести итоги прогрессивному улучшенію парусныхъ яхтъ за послѣдніе 40—50 лѣтъ и, главнымъ образомъ, выяснить наиболѣе существенныя черты направленія, въ которомъ эти улучшенія происходили. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что главная отличительная черта яхтенной архитектуры за названный періодъ времени состоитъ въ стремленіи къ *возможному увеличенію остойчивости путемъ пониженія центра тяжести*.

Остойчивость для яхты представляетъ собою не только мѣрило ея безопасности, но отъ остойчивости зависитъ, разумѣется, и количество парусовъ, которые яхта можетъ нести при всякой данной силѣ вѣтра, а слѣдовательно и скорость движенія яхты. Для большихъ военныхъ или коммерческихъ, въ особенности паровыхъ, судовъ излишняя остойчивость не только безполезна, но может быть даже вредна, такъ какъ, обладая ею въ избыткѣ, судно слишкомъ энергично стремится принять первоначальное свое положеніе, и результатомъ этого является жестокая, порывистая качка, расслабляющая корпусъ и рангоутъ судна и невыносимая для его команды. Поэтому-то на большихъ судахъ дѣлаютъ борта близъ ватерлиніи вертикальными и, кромѣ того, при погрузкѣ избѣгаютъ сосредоточивать слишкомъ глубоко тяжелые грузы — этимъ умѣряется до извѣстнаго предѣла остойчивость, и качка дѣлается плавною. Наоборотъ, небольшая парусная яхта не встрѣчаетъ упомянутыхъ препятствій въ дѣлѣ увеличенія своей остойчивости: вслѣдствіе ея сравнительно малыхъ размѣровъ ея корпусъ обладаетъ гораздо большею крѣпостью, чѣмъ корпусъ большаго судна. Такъ, напр., яхта при спускѣ на воду никогда не получаетъ такъ называемаго перелома — продольнаго перегиба, вызываемаго несоотвѣтствіемъ вѣса различныхъ частей судна съ объемами воды, ими вытѣсняемой, что почти всегда существуетъ на большихъ судахъ; ставши на мель, даже на волненіи, яхта, въ большинствѣ случаевъ, можетъ быть снята безъ особыхъ поврежденій, тогда какъ для большаго, нагруженнаго стать на мель иногда равносильно окончательной гибели.

Съ другой стороны громадный яхтенный рангоутъ и ея туго натянутые паруса представляютъ чрезвычайно могущественный тормазъ, задерживающій боковые розмахи. Мы съ намѣреніемъ подчеркиваемъ сказанную разницу между яхтами и грузовыми большими судами, такъ какъ, на сколько намъ извѣстно, далеко не всѣ любители паруснаго дѣла ясно себѣ ее представляютъ.

Самое простое и вѣрное средство для увеличенія остойчивости плавающаго тѣла — пониженіе центра его тяжести, другими словами — употребленіе балласта. Каменный, самый дешевый балластъ, употреблявшійся въ прошломъ столѣтіи и въ началѣ нынѣшняго, постепенно вытѣснялся чугуннымъ, а чугунъ, въ свою очередь, на нашихъ глазахъ вытѣсняется болѣе тяжелымъ свинцомъ. Измѣнилось и положеніе балласта: прежній, исключительно внутренній балластъ, укладывавшійся на днѣ кузова, понемногу обращается въ наружный, въ видѣ тяжелаго металлическаго фальшъ-киля, привинчиваемаго подъ килемъ яхты; по мѣрѣ развитія техники вообще облегчается отливка такихъ громадныхъ металлическихъ массъ, и прочное прикрѣпленіе ихъ къ корпусу яхты, считавшееся прежде крайне рискованнымъ, дѣлается теперь вполнѣ надежно. Современныя гоночныя яхты или не имѣютъ вовсе внутренняго балласта или имѣютъ его лишь въ самомъ небольшомъ количествѣ, на сколько необходимо, напримѣръ, для регулированія дифферента. Далѣе, ради сосредоточенія груза яхты въ нижней части корпуса, послѣдній строится нынѣ несравненно легче, что возможно благодаря употребленію легкихъ стальныхъ шпангоутовъ вмѣсто прежнихъ массивныхъ деревянныхъ; вопросъ о преимуществѣ стальной обшивки надъ деревянной, по крайней мѣрѣ для маленькихъ яхтъ и ботиковъ, не рѣшенъ еще окончательно.

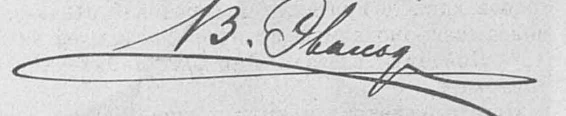
Менѣе существенное историческое значеніе имѣютъ преобразованія въ парусности, вооруженіи и общемъ наружномъ видѣ яхтъ или, точнѣе говоря, ихъ надводныхъ очертаній. Съ легкой руки знаменитой яхты „Америка“, на которой европейцы впервые увидѣли плоско скроенные паруса изъ бумажной матеріи, послѣдняя почти вездѣ вытѣснила льняную, и старинный, выпуклый покрой парусовъ отошелъ въ область преданій: нынѣ подобнымъ образомъ кроится, напримѣръ, при тендеровомъ вооруженіи лишь одинъ балунъ — парусъ, употребляемый исключительно при попутныхъ вѣтрахъ. Такое измѣненіе покроя парусовъ дало яхтамъ возможность держаться при лавировкѣ ближе къ вѣтру, что весьма важно. Замѣтимъ здѣсь же мимоходомъ, что до сихъ поръ еще, къ сожалѣнію, русскія фабрики не изготовляютъ хорошей, т. е. малорастяжимой, плотной бумажной парусины, какова, напримѣръ, англійская и даже шведская, которая дешевле англійской; по всей вѣроятности это зависитъ отъ малаго спроса на подобный товаръ. Между тѣмъ качества парусины крайне важны для хода; многіе ботики нашего спб. рѣчнаго яхтъ-клуба, получивъ новую парусность изъ привозной парусины, пріобрѣтали замѣчательную ходкость въ сравненіи съ ихъ прежнимъ состояніемъ. На типъ вооруженія яхтъ-тендеровъ значительно повліяли послѣднія большія международныя англо-американскія гонки, о которыхъ мы въ свое время помѣщали во „Всем. Иллюстр.“ подробныя свѣдѣнія. Послѣ этихъ гонокъ мы уже видимъ, напримѣръ, что у американскихъ ботовъ передняя парусность не состоитъ, какъ у бота „Magia“, извѣстнаго въ свое время по множеству гравюръ, изъ одного гигантскаго кливера, но раздѣляется, какъ на англійскомъ „тендерѣ“, на кливеръ и стаксель; мачта-однодеревка, ставившаяся прежде почти на всѣхъ американскихъ ботахъ, какой бы величины они ни были, получаетъ небольшую стеньгу. Наоборотъ, англичане, ставившіе до этого времени стеньгу на тендерахъ всякой величины, начинаютъ на небольшихъ представителяхъ этого типа пользоваться мачтой-однодеревкой, и даже на болѣе крупныхъ яхтахъ стеньга ставится не столь большая, на американскій образецъ. Это вызывается, между прочимъ, стремленіемъ увеличить площадь грота на счетъ площади топселя, такъ какъ гротъ лучше стоитъ и, слѣдовательно, лучше работаетъ при лавировкѣ, нежели топсель; для полныхъ же вѣтровъ топсель дѣлается съ нижнимъ рейкомъ, далеко выходящимъ за нокъ гафеля и снабжаемымъ отдѣльной оттяжкою или брасомъ. Кромѣ того англійскій тендеръ теряетъ еще одну характерную особенность — вертикальный форштевень замѣняется сильно наклоннымъ, такъ наз. клиппернымъ, что даетъ возможность уменьшить длину бушприта, площадь кливера и облегчаетъ работу на бакѣ, дѣлая послѣдній болѣе помѣстительнымъ. Наконецъ — и это самое главное — англичане перестаютъ строить столь узкія яхты, какія строились въ 70-хъ и 80-хъ годахъ, вслѣдствіе практиковавшагося тогда способа обмѣра для учета времени при гонкахъ, чрезвычайно благопріятствовавшаго узкимъ яхтамъ и невыгоднаго для широкихъ. О вліяніи различныхъ способовъ обмѣра на типы гоночныхъ яхтъ мы имѣли уже случай говорить *) и считаемъ излишнимъ касаться здѣсь этой стороны вопроса.

Итакъ, слѣдовательно, для легкости корпуса и хорошей парусности яхтенное дѣло воспользовалось всѣми усовершенствованіями современной техники и можно сказать, что дальнѣйшій прогрессъ въ этомъ направленіи зависитъ уже не столько отъ строителя яхты, сколько отъ фабриканта бумажной (или — для особенно легкихъ парусовъ — полушелковой) парусины, отъ заводчика, изготовляющаго сталь для яхтенныхъ шпангоутовъ, и т. п. Дальнѣйшаго сколько нибудь значительнаго пониженія центра тяжести нельзя, какъ кажется, ожидать, такъ какъ увеличеніе глубины посадки далѣе извѣстнаго предѣла невыгодно, а иногда по мѣстнымъ условіямъ и прямо невозможно; точно также нельзя ожидать замѣны свинца какимъ либо другимъ, еще болѣе тяжелымъ, металломъ, такъ какъ тяжелѣе свинца только „благородные“ металлы — золото, платина и т. п., которые по своей высокой цѣнности, разумѣется, не могутъ быть примѣняемы въ качествѣ балласта. Такимъ образомъ въ данномъ направленіи нельзя искать задатковъ дальнѣйшаго прогресса яхтенной архитектуры.

Увлекаясь увеличеніемъ остойчивости путемъ пониженія центра тяжести, строители яхтъ и преимущественно англичане въ разсматриваемый нами періодъ времени оставляли безъ должнаго вниманія другой возможный способъ увеличенія остойчивости — путемъ поднятія центра величины (геометрическаго центра объема подводной части судна), такъ какъ миделю придавалась значительная полнота вплоть до самаго киля. Нѣкоторыя отдѣльныя попытки въ этомъ направленіи, къ числу которыхъ отчасти можно отнести яхты покойнаго талантливаго германскаго инженера Зефко, или прививались очень туго, или совершенно оставались безъ подражанія — именно потому, что для нихъ не настало еще время.

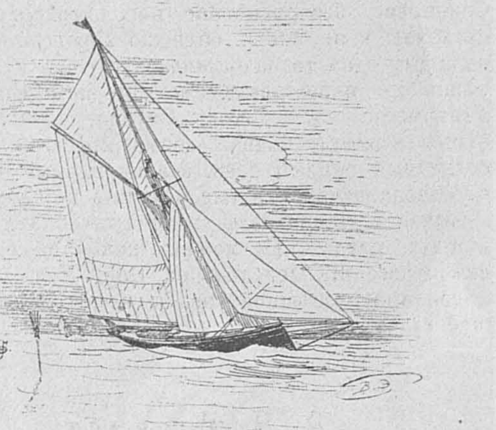
Теперь же, когда пониженіе центра тяжести достигло своего предѣла, поднятіе центра величины является единственно возможнымъ способомъ дальнѣйшаго увеличенія яхтенной остойчивости, а съ нею и быстроходности, и поэтому-то мы, какъ уже сказано въ началѣ настоящей статьи, въ правѣ считать яхты типа „Gloriana“ и „Dilemma“ не случайными, но совершенно естественными, послѣдовательными явленіями въ исторіи яхтенной архитектуры.

Продолженіе будетъ.



*) Настоящая статья представляетъ собою извлеченіе изъ доклада, читаннаго В. Эвальдомъ, членомъ-сотрудникомъ спб. рѣчнаго яхтъ клуба, 17-го марта настоящаго года въ залѣ морскаго музея, въ адмиралтействѣ.

*) См. нашу статью „Новый способъ учета времени при парусныхъ гонкахъ“, помѣщенную въ № 959 „Вс. Илл.“ за 1887 г.



Театръ, музыка, искусства

Театръ и музыка

— Первый русскій концертъ въ Америкѣ въ которомъ исполнялись пьесы исключительно русскихъ композиторовъ и пѣлись только русскія пѣсни, молитвы и гимны, состоялся 14 (26) марта въ Нью-Іоркѣ. Это было настоящимъ событіемъ въ нью-іоркскомъ музыкальномъ мірѣ. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ г-жѣ Линевой, которой удалось убѣдить г. Дамроша, капельмейстера лучшаго въ Соединенныхъ Штатахъ симфоническаго оркестра. дать пробный концертъ, составленный исключительно изъ русской вокально-инструментальной музыки.

— Открытіе сада „Озерки“ назначено на 9-е мая, подъ дирекціей Е. Н. Глѣбовой, пригласившей большой концертный оркестръ, который будетъ играть въ саду ежедневно; по понедѣльникамъ и пятницамъ будутъ даваемы симфоническіе вечера при усиленномъ составѣ исполнителей и участвующихъ солистовъ. 16-го мая въ озерковскомъ театрѣ начнутся драматическіе спектакли. Подъ дирекціей Е. Н. Глѣбовой будетъ находиться въ нынѣшнее лѣто и театръ въ Лѣсномъ.

— Новые артисты Императорской сцены. Дебютировавшая въ драмѣ „Медея“ г-жа Красовская принята въ составъ русской драматической труппы. Приняты также гг. Аяровъ, Вронченко-Тройницкій и г-жа Глинская. Выбываютъ г-жа Анненкова-Бернаръ, гг. Лярскій и Головинскій.

— Новый режиссеръ Александринской сцены. Дирекція Императорскихъ театровъ поставила въ извѣстность артистамъ драмы, что драматургъ Викторъ Александровичъ Крыловъ вступилъ въ управленіе режиссерской частью Александринскаго театра оффиціально. Съ г. Крыловымъ подписанъ контрактъ покуда только на два сезона.

— Піанистка Софія Якимовская въ этомъ сезонѣ многократно и весьма успѣшно выступала во всѣхъ концертахъ за границей, которыми дирижировалъ ея профессоръ А. Г. Рубинштейнъ, а именно: въ Бреславлѣ, Кельнѣ, Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Гамбургѣ, Дрезденѣ. Въ апрѣлѣ г-жа Якимовская выступила въ концертѣ филармоническаго общества въ Берлинѣ. Въ отчетѣ о концертѣ въ газетѣ „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ говорится, что интереснымъ эпизодомъ концерта было появленіе піанистки г-жи Якимовской, что она играла предестно, тонъ свѣжъ, ударъ энергиченъ, фразировка и ритмичность превосходны, техника бойкая и увѣренная.

— Пріѣздъ московской драматической труппы въ Варшаву, съ г-жей Ермоловой во главѣ, ожидается въ первыхъ числахъ мая. Будутъ объявлены два абонемента.

— Лѣтній театръ Неметти, вновь выстроенный къ нынѣшнему сезону, отличается величиной и изяществомъ. Число мѣстъ значительно увеличено. Труппа, приглашенная г-жею Линской-Неметти, кромѣ любимца публики, г. Долина, состоитъ изъ г-жъ Смолиной, Добротиной, пріѣзжающей въ первый разъ въ Петербургъ, Горской (комической старухи), гг. Вилинскаго, Брянскаго, Гагарина и имѣвшаго большой успѣхъ актера-комика г-на Крамского-Сельскаго. Оркестръ, прекрасно составленный, находится подъ управленіемъ новаго капельмейстера г. Верани. Главнымъ режиссеромъ состоитъ г. Чаровъ, опытный и талантливый режиссеръ.

Князь А. М. ДОНДУКОВЪ-КОРСАКОВЪ
въ партикулярномъ платьѣ.

Съ фотографіи А. Деньера.

Князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ †

Все болѣе и болѣе рѣдѣетъ плеяда славныхъ сподвижниковъ незабвеннаго великодушнаго Царя-Освободителя. Еще одимъ изъ государственныхъ дѣятелей, *умѣвшихъ* блистательно исполнять монаршія предначертанія, стало меньше. 15-го апрѣля скончался въ своемъ имѣніи псковской губерніи, порховскаго уѣзда, селѣ Полоная, членъ государственнаго совѣта, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи, князь Александръ Михайловичъ Дондуковъ-Корсаковъ. Доблестный воинъ, дѣятель просвѣщенный, энергичный, человѣкъ высокой честности, князь Дондуковъ-Корсаковъ оказалъ немалыя услуги отечеству, подвизаясь съ честью и на боевомъ полѣ, и на административномъ поприщѣ. Особенно обязанъ князю Кавказъ, гдѣ протекли его лучшіе цвѣтущіе годы и затѣмъ годы почтенной старости и гдѣ ему приходилось дѣйствовать и какъ воину, и какъ хозяину края, принимавшему горячо къ сердцу его интересы. Но не менѣе почтенна и плодотворна была дѣятельность князя и на Дону, и въ Болгаріи, и на западѣ, и на югѣ Россіи; всюду онъ свято исполнялъ долгъ свой, относился честно къ своимъ обязанностямъ, работалъ неутомимо, не щадя силъ. Почти девятилѣтняя дѣятельность князя на Кавказѣ была направлена къ поднятію образованія, къ развитію благосостоянія въ краѣ. Здѣсь князь учреждалъ школы, основывалъ общества благотворительности, возобновлялъ и строилъ новые православные храмы, вводилъ всевозможныя преобразованія. При немъ введена военно-конская повинность, военно-народное кавказское управленіе упразднено, а находившіяся въ его вѣдѣніи губернскія и областныя управленія подчинены главноначальствующему; произведены съ успѣхомъ работы по истребленію саранчи, работы обширныя; въ Тифлисѣ созванъ былъ съѣздъ по уничтоженію филоксеры, учреждено скаковое общество, открыта пробирная палатка съ химической лабораторіей; преобразовано управленіе горною частью края, пути сообщенія улучшены и умножены; устроена статистическая часть, открыта станція для предохранительной прививки при леченіи отъ укушенія бѣшеными животными; источники минеральныхъ водъ, пятигорскіе, желѣзноводскіе, кисловодскіе, подкумскіе, кумагорскіе, абасъ-туманскіе и боржомскіе, признаны, Именнымъ Высочайшимъ указомъ, имѣющими общественное значеніе, причемъ повелѣно принять мѣры къ охраненію ихъ отъ порчи и истощенія; наконецъ разрѣшенъ безпошлинный провозъ транзитомъ персидскихъ товаровъ по закаспійской желѣзной дорогѣ. Печать на Кавказѣ при его управленіи получила большую возможность всесторонне обсуждать нужды края. Князь умѣлъ окружать себя хорошими помощниками, умѣлъ выбирать людей. Дѣятельность князя Дондукова-Корсакова въ Болгаріи также достойна уваженія и сочувствія. Задача ему здѣсь предстояла довольно трудная и чрезвычайно многосложная, такъ какъ приходилось имѣть дѣло не только со страстями болгарскихъ партій и организовать страну, разоренную и оставленную безъ какого бы то ни было правительства, но и бороться съ интригами извнѣ. Эту задачу онъ выполнилъ прекрасно, произведя на болгаръ чарующее впечатлѣніе своею привѣтливостью и любезностью и снискавъ общее сочувствіе и глубокую благодарность народа, тогда только что освобожденнаго. „Болгары — по увѣренію К. А. Скальковскаго — даже помышляли возвести князя на престолъ". Въ этомъ краѣ князь всегда дѣйствовалъ въ духѣ примиренія и высокой гуманности, постоянно оставаясь на почвѣ строгой законности. Объявленіе независимости болгарскаго княжества и открытіе народнаго собранія — вотъ тѣ высокознаменательные эпизоды его пребыванія среди болгаръ, которые никогда не будутъ забыты исторіей. И на Дону князь работалъ со свойственными ему горячностью и неутомимостью, выполняя съ большимъ успѣхомъ обязанности войсковаго начальника, затѣмъ наказнаго атамана и принимая дѣятельнѣйшее участіе во введеніи здѣсь крестьянской реформы. Когда для обузданія подпольной крамолы потребовались дѣятели энергичные, князь былъ сдѣланъ командующимъ войсками и временнымъ генералъ-губернаторомъ сперва въ Харьковѣ, а потомъ въ Одессѣ. Что касается боевой дѣятельности князя, то и здѣсь онъ оставилъ по себѣ самую лучшую память, обнаруживъ беззавѣтную храбрость, массу энергіи, отважность и неутомимость. Всѣ значительныя экспедиціи въ Кабардѣ, Чечнѣ и Дагестанѣ не обходились безъ его дѣятельнаго участія; во время стычекъ съ горцами, и нерѣдко самыхъ серьезныхъ, князь всегда находился въ рядахъ передовыхъ войскъ, причемъ былъ однажды раненъ и контуженъ. Такое же дѣятельное участіе князь принималъ, въ эпоху крымской войны, въ нашихъ мало-азіатскихъ военныхъ дѣлахъ, въ осадѣ и взятіи Карса, и съ горцами сражался до окончательнаго усмиренія мятежниковъ. Князь не любилъ отдыхать долго даже послѣ сильнаго утомленія, особенно тогда, когда былъ молодъ, имѣлъ крѣпкое здоровье. Оживленное время шестидесятыхъ годовъ не могло не повліять на дѣятельную, кипучую натуру князя, который въ эту пору принесъ свою посильную лепту на пользу общества; онъ потрудился достаточно на земскомъ поприщѣ, сперва какъ губернскій гласный, затѣмъ какъ членъ земской управы и какъ почетный мировой судья. Участвовалъ онъ въ то время, по приглашенію

Князь А. М. ДОНДУКОВЪ-КОРСАКОВЪ,
генералъ-адъютантъ, членъ государственнаго совѣта, † 15-го апрѣля с. г.

Съ фотографіи А. Деньера гравировалъ А. И. Зубчаниновъ.

1) »Джемма« гр. И. Рибопьера (большая серебр. медаль). 2) »Рафта« Э. А. Боле (золотая медаль и призъ). 3) »Джолли« В. Р. Дица (бронзовая медаль) 4) »Хватай« его же (бронзовая медаль). 5) »Стрѣлка« его же (больш. серебр. медаль). 6) »Гаркало« — изъ Императорской охоты (тоже). 7) »Нѣга« — изъ своры кн. Д. Б. Голицына (тоже). 8) »Драгонъ« Е. И. В. в. к. Бориса Владиміровича (малая серебр. медаль). 9) »Джекъ« Ея И. В. в. к. Елены Владиміровны (больш. серебр. медаль). 10) »Мальчикъ« г-жи Е. А. Глазуновой (малая серебр. медаль).

С.-Петербургъ. — VI очередная выставка »Общества любителей породистыхъ собакъ«.

Съ натуры рисовалъ для »Всемірной Иллюстраціи« Ө. С. Козачинскій.

министерства внутреннихъ дѣлъ также и въ коммиссіяхъ по пересмотру дѣйствовавшихъ постановленій по вопросу переселенческому, по сокращенію процентнаго сбора въ западномъ краѣ и въ коммиссіи по составленію проекта объ упраздненіи мировыхъ посредниковъ, въ качествѣ предсѣдателя ея. Всюду, гдѣ ни дѣйствовалъ князь, онъ оставилъ по себѣ самыя отрадныя, неизгладимыя воспоминанія.

Князь Александръ Михайловичъ Дондуковъ-Корсаковъ умеръ въ лѣтахъ преклонныхъ. Потомокъ стараго дворянскаго рода, старшій сынъ бывшаго попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа, кн. М. А. Дондукова-Корсакова, онъ родился 12-го сентября 1820 года. Высшее образованіе князь получилъ на юридическомъ факультетѣ с.-петербургскаго университета, курсъ въ которомъ окончилъ со степенью кандидата правъ. Въ январѣ 1841 года князь поступилъ на дѣйствительную службу, на правахъ вольноопредѣляющагося, въ лейбъ-кирасирскій Его Высочества Наслѣдника-Цесаревича полкъ, въ которомъ прослужилъ годъ съ небольшимъ, до полученія чина корнета. Произведенный въ 1843 г. въ поручики, князь въ слѣдующемъ году назначенъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій къ генералу Нейдгардту, тогдашнему командиру отдѣльнаго кавказскаго корпуса. Однако въ этой должности онъ пробылъ недолго, такъ какъ въ 1845 г. занялъ болѣе видное мѣсто при главнокомандующемъ кавказскимъ корпусомъ, князѣ Воронцовѣ, который очень скоро оцѣнилъ способности молодого офицера и постоянно показывалъ ему свое вниманіе, давая князю Дондукову время отъ времени весьма важныя порученія. Такъ въ 1850 г. ему было поручено встрѣтить въ Крыму Наслѣдника Цесаревича и сопровождать Его Высочество во все время путешествія по Кавказу и Грузіи. Князь Александръ Михайловичъ считался во всѣхъ отношеніяхъ отличнымъ служакой; его храбрость и военные таланты были извѣстны всѣмъ тогдашнимъ кавказцамъ. Въ 1855 г. князь былъ назначенъ командиромъ нижегородскаго драгунскаго полка, во главѣ котораго и воевалъ съ горцами, а въ 1859 г. получилъ назначеніе состоять въ распоряженіи наказнаго атамана Войска Донскаго съ зачисленіемъ по армейской кавалеріи. Спустя годъ князь былъ утвержденъ въ должности начальника войсковаго штаба и оставался въ ней до 1863 г., когда страданія отъ ранъ, полученныхъ имъ на Кавказѣ, заставили его на время покинуть службу. Съ 1863 по 1868 г. князь отдавался дѣятельности земской, а затѣмъ мы снова видимъ его на службѣ по министерству внутреннихъ дѣлъ, занятаго работами первой важности. Въ томъ же—1868—г. князь вновь зачисленъ былъ въ 16-й драгунскій короля Виртембергскаго полкъ съ оставленіемъ при министерствѣ, а на слѣдующій годъ получилъ высшее назначеніе: былъ сдѣланъ кіевскимъ, подольскимъ и волынскимъ генералъ-губернаторомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пожалованъ званіемъ генералъ-адъютанта. Эта дѣятельность князя длилась до 1877 г., когда въ виду приготовленій къ войнѣ съ Турціей онъ принялъ на себя командованіе кіевскимъ военнымъ округомъ. По объявленіи же войны князь сдѣлался командиромъ 13-го армейскаго корпуса, а въ 1878 г., по отъѣздѣ съ театра военныхъ дѣйствій Наслѣдника Цесаревича, принялъ главное начальство надъ восточнымъ отрядомъ дѣйствующей арміи. Въ томъ же достопамятномъ году князь, произведенный въ генералы-отъ-кавалеріи, былъ назначенъ Императорскимъ россійскимъ коммиссаромъ въ Болгаріи, а въ 1879 г. командующимъ тамошнимъ оккупаціоннымъ корпусомъ. Въ 1880 г. князь занялъ постъ командующаго войсками и временнаго генералъ-губернатора въ Харьковѣ, а на слѣдующій годъ — въ Одессѣ. 1-го января 1882 г. князь назначенъ главноначальствующимъ гражданскою частью на Кавказѣ и командующимъ войсками кавказскаго военнаго округа и, занимая этотъ важный и отвѣтственный постъ, 21-го января 1885 г. также былъ назначенъ войсковымъ наказнымъ атаманомъ кавказскихъ казачьихъ войскъ. Активная служба его въ краѣ, гдѣ онъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ началъ ее, окончилась въ 1890 г. 3-го іюля онъ оставилъ этотъ постъ и въ послѣднее время состоялъ членомъ государственнаго совѣта. Въ числѣ всевозможныхъ наградъ князь имѣлъ и орденъ св. Георгія 4-й степени.

Выставка собакъ въ С.-Петербургѣ

Шестая очередная выставка Общества любителей породистыхъ собакъ была открыта въ Михайловскомъ манежѣ съ 8-го по 12-е апрѣля. Декорированный разноцвѣтными флагами, щитами, принадлежностями охоты и чучелами звѣрей, манежъ имѣлъ очень оживленный и красивый видъ.

По обѣ стороны входа на выставку точно грозные стражи на часахъ стояли два чучела медвѣдя съ разинутыми пастями. Далѣе слѣдовалъ большой кругъ для вывода собакъ и лошадей. Выставка имѣла своеобразный отпечатокъ, пестрѣя нарами для своръ, клѣтками для комнатныхъ собачекъ и лошадиными стойлами. Охотникамъ было на что полюбоваться на этой выставкѣ. Въ отдѣлѣ подружейныхъ первое мѣсто занимали ирландскіе сетера. „Гленкаръ" г. Пѣгова, „Дизардъ" и его дѣти „Джіаконда" и „Граусъ" г. Калистратова, „День-Сюлливанъ" г. Хрѣнова — все это такіе красавцы, что охотничье сердце замирало отъ восторга. Очень много выставлено было лавераковъ, хотя эта порода собакъ теперь выходитъ изъ моды, такъ же какъ и гордоны. Лучшій лаверакъ принадлежитъ г. Гену. Это „Скифъ", получившій уже массу наградъ. Также много было пойнтеровъ, лягавыхъ мало, а выдающихся и совсѣмъ не было. Мельчаетъ порода лягавыхъ, и это очень жаль. Спаніэлей выставлено было четыре экземпляра. Комичное впечатлѣніе производятъ эти малютки-сетера. Въ отдѣлѣ псовой охоты обращали на себя вниманіе борзыя и гончія Императорской охоты и стая французскихъ гончихъ Е. И. В. в. к. Петра Николаевича, а также 12 штукъ псовыхъ А. И. Руссо и по одному экземпляру А. А. Левашова и гг. Корягина и Освальда. Хортыхъ и англійскихъ по тому же отдѣлу доставлено было всего 6 экземпляровъ: принца П. А. Ольденбургскаго, кн. Д. Б. Голицына, гг. Дица и Никифорова. По отдѣлу гончихъ, который былъ размѣщенъ на право отъ входа, во главѣ стояла стая Императорской охоты, состоящая изъ 36-ти краснопѣгихъ; налѣво отъ входа стая французскихъ брудастыхъ гончихъ в. к. Петра Николаевича—изъ 12 собакъ. Гончихъ подружейныхъ было всего 8 стойлъ: одно Императорской охоты, по два гг. Стеткевича и Лаврова. Лаекъ также было немного—9 штукъ. Значительно богаче былъ отдѣлъ сетеровъ: лаверакъ 74, въ числѣ ихъ немало очень интересныхъ, 25 ирландскихъ и 16 гордоновъ. Изъ сетеровъ разныхъ окрасокъ весьма интересны были 5 собакъ Императорской охоты. По отдѣлу пойнтеровъ болѣе всего кофейнопѣгихъ; хорошъ былъ ассортиментъ желтопѣгихъ. По отдѣлу лягавыхъ — нѣсколько десятковъ гладкошерстныхъ и по нѣскольку штукъ длинношерстныхъ, брудостыхъ и спаніоль. Таксъ доставлено было всего 7 штукъ. Довольно богатъ былъ отдѣлъ сторожевыхъ и комнатныхъ собакъ: горныхъ, водолазовъ, пойнтеровъ, овчарокъ, договъ, долматинскихъ, бульдоговъ, пуделей, шпицевъ, фоксъ-терріерховъ, мопсовъ, болонокъ и разныхъ мелкихъ собачекъ. Этотъ отдѣлъ привлекалъ преимущественно дамъ, любовавшихся красивыми и холеными собачками. Немалый интересъ представлялъ отдѣлъ лошадей: изъ 23 экземпляровъ 17 парфорсныхъ генерала Грекова, барона Мантергейма, кн. Карагеоргіевича, кн. Масальскаго и др.; 6 степныхъ: 2 великаго князя Петра Николаевича, 2 генерала Грекова и по одной гг. Зеленина и Грибша. Работы экспертныхъ коммиссій окончились къ 12 апрѣля, и въ этотъ день были розданы награды.

Новости печати

Иллюстрированное изданіе „Жизнь животныхъ", *А. Э. Брема*. Переводъ съ 3-го нѣмецкаго исправленнаго и дополненнаго изданія, подъ редакціею К. К. Сентъ-Илера. Томы 1-й и 2-й. Изданіе товарищества „Общественная польза". Спб. 1893. „Жизнь животныхъ" Брема давно и хорошо извѣстна русскимъ читателямъ по первому переводу этого капитальнаго зоологическаго сочиненія, вышедшему въ 60-хъ годахъ. Успѣхъ перваго изданія, не смотря на громадный объемъ сочиненія, его, до извѣстной степени, спеціальное содержаніе и, наконецъ, высокую цѣну, превзошелъ всѣ ожиданія, и лучше всего доказывается тѣмъ, что за послѣдніе годы оно разошлось вполнѣ, такъ что на книжномъ рынкѣ обращались только случайные экземпляры. Тѣмъ временемъ заграницею шли своимъ чередомъ новыя изданія „Жизни животныхъ" и переводы сочиненія на иностранные языки; успѣхъ книги въ Германіи былъ громаденъ и тамъ она выдержала три изданія. Помня добрый пріемъ, оказанный русскою читающею публикою первому изданію, товарищество „Общественная польза" могло смѣло взяться за новый переводъ бремовской книги, въ разсчетѣ, что онъ не залежится въ книжныхъ складахъ. Переводъ дѣлается подъ редакціею извѣстнаго знатока предмета магистра зоологіи К. К. Сентъ-Илера, автора очень распространенныхъ зоологическихъ изданій. Все нынѣ предпринятое изданіе „Жизни животныхъ" предположено выпустить въ десяти томахъ. Изъ нихъ первый, второй и третій будутъ посвящены млекопитающимъ, томы съ четвертаго по шестой—птицамъ, томъ седьмой пресмыкающимся и рыбамъ, а остальные — насѣкомымъ и низшимъ животнымъ. Кромѣ множества чрезвычайно изящныхъ черныхъ рисунковъ въ текстѣ, сочиненіе будетъ снабжено хромолитографированными картинками на отдѣльныхъ листахъ; клише первыхъ получаются изъ за границы, а послѣдніе исполняются въ петербургскомъ картографическомъ заведеніи А. Ильина. Лица, имѣвшія возможность сравнить заграничныя хромолитографіи къ этому изданію съ изготовленными въ заведеніи А. Ильина, отзываются о послѣднихъ съ большою похвалою, находя, что онѣ ничуть не уступаютъ заграничнымъ. Переводъ съ послѣдняго (3-го) нѣмецкаго изданія дѣлается полный, безъ всякихъ выпусковъ или произвольныхъ сокращеній. Мѣстами подлинникъ дополняется редакторомъ перевода, тамъ гдѣ у нѣмецкаго автора не доставало данныхъ касающихся Россіи; такъ, напр., во второмъ томѣ мы находимъ кое-какія добавленія въ статьѣ о хомякахъ, лисицахъ, и т. д. Въ вышедшихъ томахъ содержатся: въ первомъ — описаніе обезьянъ, полуобезьянъ, рукокрылыхъ, и частью хищныхъ (кошекъ); во второмъ — окончаніе хищныхъ (гіены, собаки, медвѣди), ластоногихъ, насѣкомоядныхъ, грызуновъ и неполнозубыхъ. Третій томъ, въ которомъ будетъ закончено описаніе млекопитающихъ, долженъ выйти въ свѣтъ, судя по обѣщанію издателей, въ маѣ этого года. Каждый томъ по подпискѣ стоитъ 5 рублей въ С.-Петербургѣ и 5 р. 50 коп. съ пересылкою, а въ переплетѣ на 1 рубль въ С.-Петербургѣ и на 1 р. 25 коп. съ пересылкою дороже. По выходѣ въ свѣтъ каждаго тома цѣна на него возвышается на 1 рубль — 6 руб. безъ пересылки и 6 р. 50 к. съ пересылкою. Для облегченія пріобрѣтенія этого цѣннаго изданія, издатели предлагаютъ также пріобрѣтать его выпусками, съ разсрочкою платежа, причемъ пріобрѣтающіе вносятъ при подпискѣ 1 р., а затѣмъ по рублю за каждый послѣдующій выпускъ; иногороднымъ эти выпуски высылаются съ наложеннымъ платежомъ. „Жизнь животныхъ" Брема, это такая увлекательная, живая книга, что можетъ заинтересовать каждаго сколько нибудь образованнаго читателя и товарищество „Общественная польза" сдѣлало прекрасно, предпринявъ это полезнѣйшее изданіе на русскомъ языкѣ. Можно смѣло надѣяться, что оно встрѣтитъ у насъ полное сочувствіе публики.

М. О—овъ

Контрабандисты. Романъ *Вас. И. Немировича-Данченко*. Кіевъ. Ц. 2 р. Романъ г. Вас. Ив. Немировича-Данченко предназначенъ для любителей легкаго и занимательнаго чтенія. По характеру своему, онъ приближается къ такъ называемымъ „сенсаціоннымъ" романамъ Майнъ Рида, Густава Эмара и Купера. Хотя дѣйствіе романа г. Немировича-Данченко происходитъ не въ Америкѣ, а въ Европѣ, однако запутанность интриги и романичность приключеній заставляютъ съ большимъ интересомъ слѣдить за ходомъ романа. Герой „Контрабандистовъ", русскій, Самойловъ, попалъ отъ нечего дѣлать въ Испанію и влюбился тамъ въ нѣкую испанку Долоресъ, родня которой живетъ контрабандой. Самойловъ становится „новіо" Долоресъ, иначе ея оффиціальнымъ поклонникомъ, и томимый любовью, уходитъ за нею въ селеніе контрабандистовъ, Ронду, не смотря на предсказаніе цыганки, что любовь его не кончится хорошо и что онъ будетъ причиной смерти любящей его дѣвушки. Въ Рондѣ Самойловъ, благодаря своему открытому нраву, дружится съ контрабандистами на столько, что рѣшается принять участіе въ одной изъ ихъ экспедицій. Экспедицію эту накрываютъ таможенные; происходитъ морская схватка, во время которой Самойловъ попадаетъ въ плѣнъ. Его, однако, освобождаютъ изъ заключенія, благодаря заступничеству англійскаго консула, котораго просила о томъ Долоресъ, узнавшая объ арестѣ Самойлова. Когда Самойловъ былъ уже освобожденъ и собирался жениться на Долоресъ, незадолго до свадьбы къ ней ворвался ея прежній, отвергнутый ею, поклонникъ. Въ ревности онъ хотѣлъ убить Долоресъ, но ее заслонила ея подруга цыганка Марикита, которая и получила ударъ ножомъ, предназначавшійся Долоресъ. Умирая, Марикита созналась, что любила Самойлова и пожертвовала своей жизнью, чтобы предсказаніе о смерти любящей его дѣвушки сбылось на ней, и чтобы Долоресъ была ради него сохранена. Смерть Марикиты такъ подѣйствовала на Долоресъ, что она рѣшила уйти въ монастырь и исчезла для Самойлова такъ обстоятельно, что, послѣ тщетныхъ розысковъ онъ долженъ былъ вернуться въ Россію съ разбитымъ сердцемъ и тоскою въ душѣ. Г. Немировичъ-Данченко много путешествовалъ по Испаніи и знаетъ до извѣстной степени испанскіе обычаи, знаетъ —

...какъ жены тамъ умѣютъ
Съ любовью набожность умильно сочетать,
Изъ-подъ мантильи знакъ условный подавать;
Какъ подаетъ письмо изъ-за рѣшетки,
Какъ златомъ усыпленъ надзоръ угрюмой тетки;
Какъ въ двадцать лѣтъ любовникъ подъ окномъ
Трепещетъ и кипитъ, окутанный плащемъ...

Поэтому, не смотря на нѣсколько сомнительную правдоподобность сюжета, въ романѣ г. Немировичъ-Данченко несомнѣнный couleur locale. Написанъ романъ ярко, какъ всѣ вещи этого автора, хотя подчасъ грубоватыми штрихами. Описанія картинны, въ разсказѣ много неожиданныхъ эффектовъ. Читается романъ легко. Приводимыя въ текстѣ испанскія пѣсни, въ очень миломъ стихотворномъ переводѣ самого г. Немировича-Данченко, оживляютъ изложеніе и придаютъ ему поэтическій колоритъ. Изданы „Контрабандисты" изящно — романъ напечатанъ на желтоватой бумагѣ и иллюстрированъ 80 рисунками „извѣстныхъ французскихъ и испанскихъ художниковъ", какъ сказано въ заголовкѣ романа. Нѣкоторые изъ этихъ рисунковъ, дѣйствительно, недурны, хотя далеко не всѣ.

Пл. К—овъ

НЕКРОЛОГЪ

Басаргинъ Владиміръ Григорьевичъ, генералъ-адъютантъ, вице-адмиралъ, одно изъ приближенныхъ къ Царскому Семейству лицъ, постоянно сопутствовавшее Ихъ Императорскимъ Величествамъ въ морскихъ путешествіяхъ, † въ Ливадіи, въ Крыму, 16 апрѣля, 55 лѣтъ. По окончаніи курса въ морскомъ корпусѣ, Басаргинъ совершилъ нѣсколько кругосвѣтныхъ и заграничныхъ плаваній, командовалъ много лѣтъ фрегатомъ „Князь Пожарскій", затѣмъ „Петромъ Великимъ" и „Дмитріемъ Донскимъ" и былъ начальникомъ учебнаго артиллерійскаго отряда. Въ контръ-адмиралы онъ произведенъ въ 1886 г., въ вице-адмиралы—въ 1892 г. и тогда же назначенъ генералъ-адъютантомъ. Въ 1891 г. онъ сопровождалъ Его Императорское Высочество Наслѣдника Цесаревича въ дальнемъ плаваніи на фрегатѣ „Память Азова", былъ въ Индіи, Японіи, находился при закладкѣ сибирской желѣзной дороги и возвратился обратно сухимъ путемъ. Въ прошломъ году, сопровождая Наслѣдника Цесаревича, онъ ѣздилъ въ Грецію, а затѣмъ въ Абасъ-Туманъ. Въ качествѣ флагъ-капитана Его Величества, Басаргинъ командовалъ Императорскими яхтами „Полярная Звѣзда", „Царевна" и др. Въ лицѣ покойнаго русскій флотъ потерялъ одного изъ лучшихъ и достопочтеннѣйшихъ своихъ представителей.

Байковъ Константинъ Сергѣевичъ, ст. сов., академикъ архитектуры, служившій по вѣдомству св. синода, строитель многихъ церквей въ курской епархіи и троицко-сергіевскаго подворья въ С.-Петербургѣ, † въ Спб. 15 апрѣля, 64 лѣтъ.

Власова Антонина Михайловна, вдова инженеръ-генералъ-маіора, урожденная *Огладныхъ*, писательница, помѣщавшая въ „Современникѣ" „Отечественныхъ запискахъ" и другихъ изданіяхъ 60-хъ годовъ повѣсти и разсказы подъ псевдонимомъ *А. Баранча*, † въ Спб., 54 лѣтъ.

Верховскій Николай Ивановичъ, протоіерей, настоятель церкви св. Симеона Богопріимца и Анны Пророчицы въ Спб., магистръ богословія, извѣстный преподаватель, редакторъ многихъ синодскихъ изданій, † въ Спб., 15 апрѣля, 62 лѣтъ. Онъ извѣстенъ въ духовной литературѣ сочиненіемъ: „Согласные и несогласные въ черниговскихъ посадахъ въ концѣ XVIII столѣтія" и другими трудами; подъ его редакціей изданы: „Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ св. синода" и „Собраніе постановленій и распоряженій, относящихся до православной церкви".

Дондуковъ-Корсаковъ Александръ Михайловичъ, князь, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи, членъ государственнаго совѣта, бывшій главноначальствующій гражданской частью на Кавказѣ, † въ селѣ Полоная, псковской губерніи, 15 апрѣля, 73 лѣтъ.

Закъ Абрамъ Исааковичъ, д. ст. сов., директоръ-распорядитель с.-петербургскаго учетно-ссуднаго банка, крупный финансовый дѣятель, постоянно участвовавшій въ различнаго рода коммисіяхъ министерства финансовъ, † въ Берлинѣ 19-го апрѣля, 65 лѣтъ.

Лѣсниковъ Иванъ Петровичъ, тайн. сов., вице-президентъ комитета для разбора и призрѣнія нищихъ и членъ совѣта торговли и мануфактуръ, пользовавшійся большой извѣстностью въ комерческомъ, административномъ и благотворительномъ мірѣ столицы, † въ Спб. 15-го апрѣля, 82 лѣтъ. Онъ жертвовалъ крупныя суммы на благотворительныя дѣла, съ 1844 по 1876 г. былъ директоромъ Александровской сыпной больницы въ Спб., а съ 1851 по 1857 г. с.-петербургскимъ городскимъ головою.

Мазадъ Шарль, французскій писатель, публицистъ, членъ французской академіи, кавалеръ ордена Почетнаго Легіона, † въ Парижѣ 15 (27)-го апрѣля, 72 лѣтъ.

Надо Густавъ, французскій поэтъ, извѣстный авторъ пѣсенъ, † въ Парижѣ въ апрѣлѣ, 73 лѣтъ.

Субботинъ Михаилъ Θедоровичъ, д. ст. сов., д-ръ медицины, бывшій профессоръ Императорскаго казанскаго университета по каѳедрѣ госпитальной терапевтической клиники, извѣстный многими трудами по своей спеціальности, † въ Москвѣ 8 апрѣля, 58 лѣтъ. Онъ былъ сынъ крестьянина, спеціальное образованіе получилъ въ медико-хирургической академіи; степень д-ра медицины удостоенъ въ 1863 г. за диссертацію „Паталогія крови при уреміи". Онъ служилъ сперва старшимъ ординаторомъ луцкаго военнаго госпиталя, затѣмъ врачемъ 24-й артиллерійской бригады. Съ 1868 г. онъ былъ приглашенъ въ казанскій университетъ на каѳедру общей патологіи, а съ 1876 г. занялъ каѳедру госпитальной терапевтической клиники въ томъ же университетѣ. Его изслѣдованія о физіологическихъ дѣйствіяхъ никротоксина, о щелочномъ броженіи урины, объ измѣненіи мышцъ при брюшномъ тифѣ, о вліяніи пищи на количественный составъ молока, объ измѣненіи нервной раздражительности при дѣйствіи на нервы химическихъ раздражителей и проч. — до сихъ поръ не потеряли своего значенія.

Симашко Юліанъ Ивановичъ, д. ст. сов., одинъ изъ старѣйшихъ педагоговъ, изслѣдователь метеоритовъ, извѣстный всей образованной Россіи авторъ учебныхъ атласовъ и другихъ руководствъ, на которыхъ воспиталось не одно поколѣніе, † въ Спб. 14 апрѣля, 72 лѣтъ. Портретъ и подробный біографическій очеркъ Ю. И. Симашко, сост. П. В. Быковымъ, помѣщенъ по поводу юбилея Симашко въ XL томѣ „Всемірной Иллюстраціи", 1888 г. № 1036.

Франкъ Адольфъ, извѣстный французскій писатель и ученый, неутомимый борецъ за „идею Божества", членъ французской академіи, † въ Парижѣ 12-го апрѣля, 74 лѣтъ. Французская академія и литература понесли въ его лицѣ чувствительную потерю. Это былъ истинный труженикъ науки, не утратившій съ годами ясности взгляда, и его послѣднее сочиненіе „Reformateurs et publicistes au dix-huitieme siècle" (Локкъ, Вико, Монтескье, Ж. Ж. Руссо) вышло за недѣлю до его смерти. Франкъ родился въ Лотарингіи, учился въ Нанси и Тулузѣ, съ 1832 года занялъ профессорскую каѳедру въ Дуэ, потомъ въ Нанси, а съ 1840 г. въ парижскомъ „Lycée Charlemagne", читая въ то же время лекціи въ Сорбоннѣ и состоя хранителемъ „королевской библіотеки".

При этихъ многосложныхъ занятіяхъ онъ находилъ еще досугъ изучать таинство еврейской Кабалы, плодомъ чего явился весьма цѣнный его трудъ „La Kabbala et la philosophie religieuse des Hebreux". Это сочиненіе поставило его разомъ въ ряды первоклассныхъ ученыхъ и открыло ему, тогда еще едва достигшему 35-лѣтняго возраста, двери „академіи политическихъ и нравственныхъ наукъ". Вслѣдствіе горловой болѣзни Франкъ долженъ былъ оставить профессуру въ 1845 г. и провелъ нѣсколько времени на югѣ, но въ 1847 г. принялся за нее снова, не оставляя и своихъ литературныхъ трудовъ. Постоянно борясь противъ матеріализма и атеизма, онъ издалъ множество сочиненій, изъ которыхъ особенною извѣстностью пользуются: „Du vrai, du beau et du lien", „Etudes orientales", „Philosophie du droit civil", „Philosophie du code pénal", „Philosophie mystique en France au XVIII siècle" и др. Жюль Симонъ, въ своемъ некрологѣ Франка, отдаетъ честь его прямотѣ, добросовѣстности и незыблемой стойкости убѣжденій, говоря въ заключеніе: „Другіе вызывали большее вниманіе къ себѣ, но немногіе посѣяли столько добра, какъ нашъ усопшій товарищъ". Скромность была, дѣйствительно, отличительною чертою Франка. „Dictionnaire des sciences philosophiques", принесшій столько славы Кузену, былъ основанъ по мысли и плану Франка, который оставался потомъ въ тѣни, довольствуясь только ролью сотрудника въ этомъ всемірно извѣстномъ изданіи.

Эндеръ Эдуардъ Ивановичъ, старшій садовникъ Императорскаго ботаническаго сада въ С.-Петербургѣ, много лѣтъ состоявшій казначеемъ и библіотекаремъ Общества садоводства, устроитель его выставокъ, ближайшій сотрудникъ Э. К. Регеля, † въ Спб. 16-го апрѣля.

НОВОСТИ НАУКИ И ЦИВИЛИЗАЦІИ

Исторія, археологія, нумизматика

— Колекція фотографическихъ снимковъ съ уцѣлѣвшихъ въ Россіи архитектурныхъ памятниковъ, приписываемыхъ татарамъ была представлена не такъ давно въ засѣданіи Императорскаго московскаго археологическаго общества, состоявшемся въ присутствіи великаго князя Сергія Александровича. Снимки эти убѣждаютъ въ томъ, что у татаръ не существовало самобытнаго искусства и что они не имѣли никакого вліянія на развитіе русскаго искусства, такъ какъ всѣ ихъ постройки возникли подъ вліяніемъ тѣхъ народностей, съ которыми имъ приходилось сталкиваться. Профессоръ Анучинъ въ томъ же засѣданіи сообщилъ о любопытномъ изваяніи слона, найденномъ на берегу рѣки Большой Сосвы, въ лѣсу, близъ остяцкой деревни. Слонъ сдѣланъ изъ серебра и почитается остяками за священное изображеніе. По сохранившимся преданіямъ, внутренность слона была наполнена деньгами. Судя по довольно изящной работѣ, изваяніе, несомнѣнно, занесено въ Приуралье съ юга или дальняго востока. Затѣмъ, г. Анучинымъ представленъ былъ амулетъ, сдѣланный изъ кости человѣческаго черепа. На западѣ, въ особенности во Франціи, трепанированіе черепа существовало въ глубокой древности. Извѣстный антропологъ Брока посвятилъ трепанаціи цѣлый томъ, въ которомъ собралъ любопытныя и цѣнныя для науки данныя, доказывающія, на сколько была развита трепанація еще во времена каменнаго вѣка. Трепанація надъ живыми людьми производилась, вѣроятно, съ цѣлью врачеванія отъ различнаго рода болѣзней головнаго мозга, въ особенности — отъ падучей болѣзни; изъ череповъ же умершихъ людей, при помощи остраго кремня, вырѣзывалась частица, какъ амулетъ, имѣющій силу противъ недуговъ головы; этотъ амулетъ носился въ видѣ ладонки. Амулетъ, показанный въ засѣданіи, найденъ, вмѣстѣ со многими орудіями каменнаго вѣка, при раскопкахъ одного городища въ костромской губерніи. Находка эта представляетъ особый интересъ, такъ какъ до настоящаго времени въ Россіи не находили трепанированныхъ череповъ.

Выставки

— Выставка садоводства. При Воскресенскомъ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ на дняхъ открыта выставка садоводства и комнатныхъ растеній, сборъ съ которой пойдетъ на постройку колокольни для собора.

— Археологическая выставка. Съ 14-го апрѣля въ Николаевскомъ дворцѣ открыта археологическая выставка В. С. Передольскаго. На выставкѣ находятся предметы каменнаго вѣка, выкопанные въ Великомъ Новгородѣ и древнихъ областяхъ его.

Торговля, промышленность, сельское хозяйство

— Выварочной и каменной соли отправлено въ 1892 г. съ копей и солеваренъ, расположенныхъ по курско-харьково-азовской и донецкой жел. дорогамъ, 18.049.850 п., въ томъ числѣ черезъ курско-харьково-азовскую 12.509.850 п., черезъ екатерининскую 2.492.700 п., черезъ донецкую 1.657.200 п. и черезъ козлово-воронежско-ростовскую желѣзн. дор. 1.388.100 п. Вывозъ по всѣмъ дорогамъ составилъ въ 1891 году 15.425.250 п., въ 1890 году 2.622.600 пуд.

АСТРОНОМИЧЕСКІЙ КАЛЕНДАРЬ

1—15 мая 1893 г.

Апрѣль.	Средн. время въ ист. полд.	Въ С.-Петербургѣ: Восходъ солнца.	Заходъ солнца.	Восходъ луны.	Заходъ луны.	Въ Москвѣ: Восходъ солнца.	Заходъ солнца.	Восходъ луны.	Заходъ луны.
	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.
1	11 56.2	3 27	8 26	3 0у	4 40в	3 52	8 1	3 5у	4 30в
3	11 56.2	3 23	8 31	3 2	8 20	3 48	8 5	3 24	7 50
5	11 56.2	3 18	8 36	3 17	—	3 45	8 9	4 4	11 10
7	11 56.3	3 13	8 40	4 52	1 24у	3 41	8 13	5 54	0 20у
9	11 56.4	3 9	8 45	8 22	2 3	3 38	8 16	8 55	1 30
11	11 56.5	3 5	8 49	11 40	2 10	3 34	8 19	11 52	1 54
13	11 56.7	3 1	8 53	2 33в	2 8	3 32	8 23	2 30в	2 7
15	11 56.9	2 57	8 57	5 22	2 7	3 29	8 26	5 4	2 20

Солнце 8 мая вступаетъ въ знакъ Близнецовъ.
Луна въ новолуніи 4, въ первой четверти 10 мая.

СОДЕРЖАНІЕ НУМЕРА

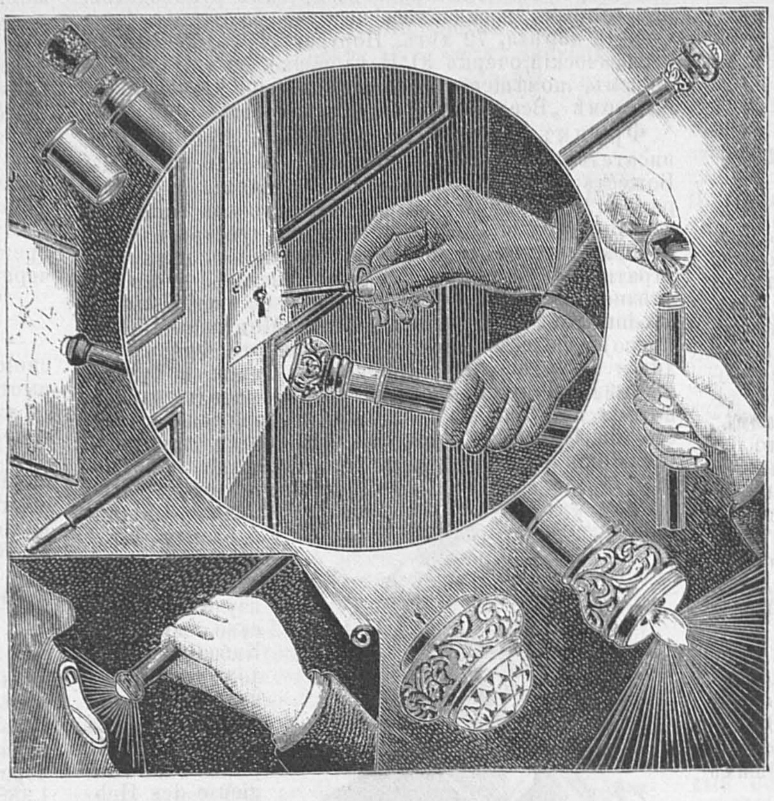
Текстъ.

Рисунки.

За редактора Э. Д. Гоппе.
Издательница А. П. Гоппе.

Трость съ электрическою лампочкою

Еще новая полезная выдумка все на той же неисчерпаемой почвѣ современной электротехники. Это—электрическая свѣтоносная трость, снабженная гальваническимъ элементомъ, построеннымъ по системѣ Хорвата. Особенность его системы состоитъ въ томъ, что элементъ замыкается, т. е. начинаетъ дѣйствовать, послѣ того какъ его перевернутъ вверхъ дномъ; въ этотъ моментъ жидкость, входящая въ составъ элемента, опрокидывается на гальваническую пару—уголь и цинкъ—и тотчасъ же возбуждаетъ токъ. Въ новой изобрѣтенной трости уголь и цинкъ помѣщены вверху, подъ набалдашникомъ, а жидкость—растворъ двухромовокислаго натра—внизу. Трость мало чѣмъ отличается по размѣрамъ отъ обыкновенной трости; она такой же длины, почти такой же толщины, такого же вѣса. Ея спеціальное назначеніе не обнаруживается никакими наружными особенностями;—трость, какъ трость. Въ верхушку набалдашника вдѣлано толстое граненое стекло, сильно преломляющее свѣтъ; непосредственно подъ этимъ стекломъ помѣщена крошечная лампочка съ накаливающимся углемъ. Для того, чтобы трость издала свѣтъ, достаточно опрокинуть ее набалдашникомъ внизъ; тогда жидкость, налитая въ нижнюю часть палки, стекаетъ на углецинковую пару, и возбудившійся токъ тотчасъ накаляетъ уголекъ лампочки, которая можетъ издавать свѣтъ непрерывно почти въ теченіе часа. Уголь, какъ извѣстно, служитъ въ элементахъ неопредѣленно долгое время; что касается цинка, то его надо перемѣнять по мѣрѣ изнашиванія, однако же не особенно часто, не ранѣе какъ по истеченіи мѣсяца. Для перемѣны цинка слѣдуетъ отвинтить весь набалдашникъ по самую трость (набалдашникъ показанъ въ такомъ отвинченномъ видѣ внизу рисунка) и тутъ сейчасъ же будетъ видно, гдѣ и какъ вставленъ цинкъ. Для перемѣны жидкости слѣдуетъ отвинтить нижній наконечникъ трости; подъ нимъ окажется гуттаперчевая пробка, плотно вогнанная въ полость трости; вынувъ эту пробку, наливаютъ внутрь трости полную мѣрку (эта мѣрка продается вмѣстѣ съ тростью) насыщеннаго раствора кислаго хромовокислаго натра, потомъ плотно вгоняютъ пробку на мѣсто и навинчиваютъ наконечникъ. Разнообразныя примѣненія такого ручнаго весьма удобоносимаго свѣточа отчасти показаны на нашемъ рисункѣ: вы можете ярко освѣтить имъ темную лѣстницу, замочную скважину, надпись, объявленіе, даже употребить ее въ качествѣ медицинскаго снаряда, воспользовавшись ею, напримѣръ, для освѣщенія полости рта, и т. д.



Новости электротехники.—Электрическая трость системы Хорвата.

ШАХМАТЫ

подъ редакціей **А. П. Шишкина**

ЗАДАЧА № 1565

K. Stål (†)

2-й призъ на конкурсѣ задачъ „Vart Land"

Черные

Бѣлые

Матъ въ 3 хода.

ЗАДАЧА № 1566

H. Bartsch

Изъ „Deutsche Schachzeitung"

Черные

Бѣлые

Матъ въ 2 хода.

ПАРТІЯ № 1034

Играна на турнирѣ въ шахматномъ клубѣ 9-го апрѣля 1893 года

Партія съ дачей впередъ пѣшки (f7) и хода

	П. В. Отто Бѣлые	М. И. Чигоринъ Черные
1.	e2—e4	d7—d6
2.	d2—d4	К g8—f6
3.	С f1—d3	К b8—c6
4.	c2—c3	e7—e6*a*)
5.	f2—f4*b*)	e6—e5
6.	d4—d5	К c6—e7
7.	f4 : e5*c*)	d6 : e5
8.	К g1—f3	К e7—g3
9.	Ф d1—b3	С f8—d6*d*)
10.	0—0	0—0
11.	С c1—g5	Ф d8—e8
12.	Ф b3—c2	С d6—c5†
13.	Кр g1—h1	К f6—g4
14.	b2—b4	К g4—e3
15.	С g5 : e3*e*)	С c5 : e3
16.	К b1—a3	С c8—g4
17.	К a3—c4	С e3—f4
18.	a2—a4	Ф e8—e7
19.	Ф c2—f2	Л f8—f6
20.	К c4—e3	С f4 : e3
21.	Ф f2 : e3	К g6—f4
22.	С d3—c4	Кр g8—h8
23.	К f3—e1*f*)	Л a8—f8
24.	Л f1—g1	Л f6—h6
25.	Л g1—f1*g*)	Л h6—f6*h*)
26.	К e1—c2*i*)	Ф e7—f7
27.	g2—g3*k*)	К f4—h3
28.	Л f1 : f6	Ф f7 : f6
29.	С c4—e2	К h3—f2†
30.	Кр h1—g1	С g4—h3
31.	Л a1—e1	К f2—g4

Бѣлые сдались *l*

Примѣчанія М. И. Чигорина

a) На первый взглядъ покажется страннымъ, почему черные сыграли пѣшкой на e6, а въ отвѣтъ на 5. f2—f4 продвинули ее на e5. По собственному опыту мы знаемъ, что при дачѣ впередъ пѣшки и хода или двухъ ходовъ приходится держаться иной тактики, чѣмъ въ игрѣ съ равносильнымъ игрокомъ. Получающій впередъ часто со даетъ самъ себѣ затруднительныя положенія отъ преждевременнаго движенія пѣшки f2 на f4, и вслѣдствіе этого получается контръ-атака у противника.

На 4... e7—e5 мы рекомендуемъ получающему впередъ отвѣчать 5. К g1—f3 и на С c8—g4; 6. Ф d1—a4, С g4 : f3; 7. g2 : f3, Ф d8—e7; 8. С c1—e3, затѣмъ К b1—d2; ему будетъ легче справиться съ атакой или защитой въ данномъ положеніи.

b) Это не слабый ходъ, конечно; но мы можемъ посовѣтовать получающему впередъ двигать эту пѣшку нѣсколько позднѣе, когда игра будетъ болѣе развита; напримѣръ, послѣ 5. К g1—f3, С f8—e7; 6. 0—0, 0—0.

c) Продвинуть пѣшку на f5 было бы лучше, но особыхъ выгодъ отъ этого бѣлые не пріобрѣтали Дающій впередъ, сыгравъ 7... c7—c6, 8. c3—c4, затѣмъ Ф d8—b6, С c8—b7, Л a8—c8, впослѣдствіи и g7—g6, получилъ бы возможность создать контръ-атаку.

d) Бѣлые, кажется, имѣли въ виду продолжать 10. С d8—b5†, С c8—d7; 11. С b5 : d7†, Ф d8 : d7; 12. Ф b3 : b7, но послѣ 0—0; 13. К b1—d2, Ф d7—g4, они не могли бы защитить пѣшку e4.

e) Послѣдній ходъ черныхъ плохъ; слѣдовало играть не конемъ на e3, а слономъ. Бѣлые могли бы теперь выиграть двѣ фигуры за ладью и пѣшку, отступивъ ферземъ на e2; затѣмъ 15... К e3 : f1; 16. b4 : c5, h7—h6; 17. С g5—c1.

f) На 23. Ф e3—c5 черные отвѣтили бы Л f6—d6, затѣмъ b7—b6. Вмѣсто хода въ партіи лучше было бы сыграть 23. Л a1—a2.

g) Черные угрожали 25... Л h6 : h2†; 26. Кр h1 : h2, Ф e7—h4×.

h) Возвратиться ладьей необходимо. Если 25... Ф e7—h4; 26. Ф e3—g1, Ф h4—g3; 27. К e1—d3!; но не 27. К e1—f3, въ виду К f4—h3! и черные выигрываютъ качество, если бѣлые возьмутъ коня. Если же 28. Ф g1—c5 (28. h2 : g3, К h3—f2×), то Ф g3—f4 и т. д. ошибочно было бы 28... Л f8 : f3, въ виду 29. Ф c5—f8† и матъ въ слѣдующій ходъ.

i) Черные угрожали 26... К f4 : d5.

k) Лучше было бы 27. Ф e3—d2, что предупреждало угрозу 27... К f4 : g2; 28 Л f1 : f6, Ф f7 : f6; 30. Кр h1 : g2 С g4—f3† и черные выигрываютъ.

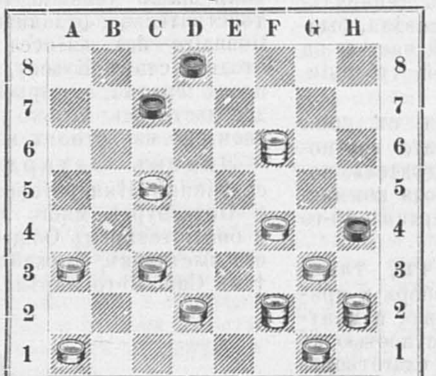
l) Если 32. С e2 : g4, то черные даютъ матъ въ 2 хода; а если 32... Ф e3 : a7, то b7—b6, угрожая Ф f6—f2†.

ШАШКИ

Е. Ѳ. Андрезена (въ СПБ.)

ЗАДАЧА № 39

Черные

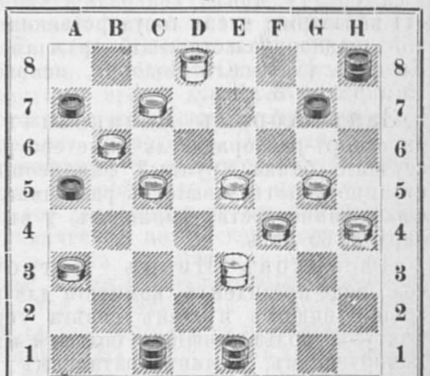


Бѣлые

Запереть дамку.

ЗАДАЧА № 40

Черные



Бѣлые

Запереть дамку и простую.

РѢШЕНІЯ ЗАДАЧЪ въ № 1255

№ 20. *Ф. М. Уткина* (въ Москвѣ). 1. f6—d8, h4 : f6 (A): 2. d8 : a5, a7—b6 (B, C); 3. g7 : e5, b6 : f6; 4. h6—g5, f6 : h4; 5. e3—d4, h8—g7; 6. c1—f4, g7—h6 (или f6); 7. f4—e5, h6 (или f6)—g5; 8. d4—e5, g5—f4; 9. e5—d4, f4—e3; 10. a5—b4, e3 : g1; 11. d4—f2, g1 : a7; 12. e1—f2, a7 : g1, 13. b4—a5 и 14. a5—f1.

(*Вар. a*) 1... h8 : f6; 2. d8 : a5, a7—b6 (если 2... f6—e5, то 3. a5—c3, h4 : f6; 4. c5—b6, a7 : b5; 5. e3—d4, c5 : g1; 6. h6—g5 и 7. c3 : h8); 3. c5 : a7, f6—e5; 4. a5—b4, h4 : f6; 5. e3—d4, e5 : a5; 6. c1—g5, f6 : h4; 7. a7—b8, a5—b4; 8. b8—f4, b4 c3 (8... b4—a3, 9. f4—d2 или 9. e1—d2 и т. д.); 9. f4—d2, c3—b2; 10. d2—a5 и если 10... b2—c1, то 11. e1—d2 и т. д., если же 10... b2—a1, то 11. f2—e3, h4 : d4; 12. a5—c3 и 13. h6—c1.

Въ этомъ варіантѣ послѣ 2... f6—e5 вмѣсто 3. a5—c3 можно продолжать, какъ указалъ Н. И. Смирновъ (въ Москвѣ): 3. c1—d2, h4 : f6; 4. h6—g5, f6 : h4; 5. c5—b6, a7 : c5; 6. a5—b4, c5 : a3; 7. e3—d4, e5 : c3; 8. d2 : a5, a3—b2, e1—d2 и т. д. Этотъ незначительный double coup, впрочемъ, почти нисколько не умаляетъ достоинства этой превосходной задачи, главный варіантъ которой при своей чистотѣ отличается и красотой, и большой трудностью. Автору задачи удалось прекрасно ее разработать и отдѣлать, но вслѣдствіе ея значительной сложности ему, конечно, было очень трудно, если не невозможно, избѣгнуть неважныхъ doubles coups гдѣ нибудь въ побочныхъ варіантахъ.

(*Вар. b*) 2... f6—g5; 3. h6 : f4, h8 : f6; 4. c5—b6, a7 : c5; 5. h6—g5, f6 : h4; 6. e3—d4, c5 : g1; 7. e1—d2, h4 : f2; 8. e2—d3, f2 : d4; 9. c1—e3 и 10. a5—e1.

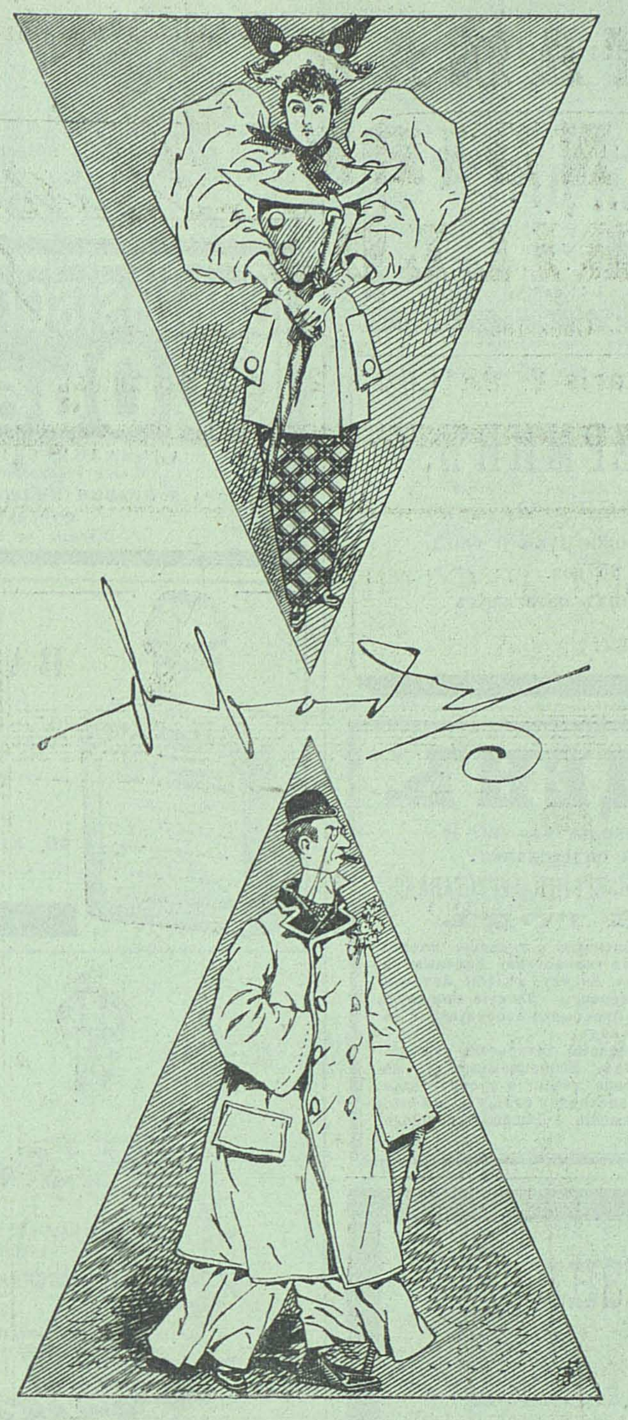
(*Вар. c*) 2... f6—e5; 3. a5—c3, h8 : f6; 4. c5—b6, a7 : c5, 5. e3—d4 и т. д., какъ въ варіантѣ *a*.

№ 30. *М. А Аносова* (въ Кіевѣ). 1. e3—d4, c5 : e3; 2. e5—c3, b4 : d2; 3. h2—g3, h4 : f2; 4. f6 : h4, a5—b4; 5. b8—h2!, b4—c3; 6. b2 : e5, a3—b2; 7. c1 : a3, d2—c1; 8. a3—b4, c1 : a5; 9. e5—f4, e3 : g5; 10. g1 : e3 (на g1—простая), c1 : f4; 11. h2 : c7, a5 : f6.

Вѣрныя рѣшенія обѣихъ задачъ прислалъ Н. И. Смирновъ (въ Москвѣ).

Дозв. цензурою. СПб. 22-го апрѣля 1893 г. Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

Крайности сходятся или послѣднее слово моды.

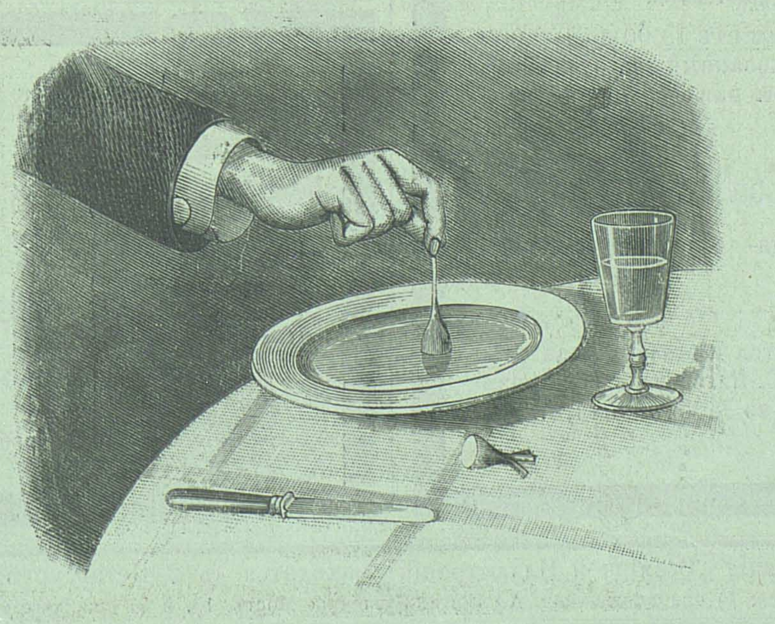


Каррикатуры Овода (А. А. Лабуцъ).

Присосокъ

Теперь сезонъ редисокъ — не для всѣхъ, конечно, но для очень многихъ. Сообщимъ здѣсь маленькій опытъ, который можно продѣлать во время закуски, въ составъ которой входятъ и редиски. Разрѣжьте редиску пополамъ, въ той части, которая осталась у хвостика ея, вырѣжьте небольшое углубленіе, притрите эту часть къ чистой тарелкѣ покрѣпче и поплотнѣе и потяните вашу редиску за хвостъ: редиска прилипнетъ къ тарелкѣ и подниметъ се на воздухъ.

За объясненіемъ ходить недалеко: это то же явленіе, которое заставляетъ „сухую банку“ присосаться къ вашему тѣлу, продавливаетъ пузырь, надѣтый на цилиндръ, изъ котораго выкачиваютъ воздухъ, словно приковываетъ монету къ гладкой вертикальной плоскости, если монету провести по плоскости быстрымъ, умѣлымъ движеніемъ, даетъ возможность вытащить изъ земли



крупный плотно засѣвшій камень при помощи мокраго кожнаго пластыря, въ середину котораго продѣта веревка (tirepavé—камодеръ) и проч. Словомъ, это — одно изъ безчисленныхъ, поминутно встрѣчающихся, примѣненій давленія внѣшняго воздуха, не встрѣчающаго отпора изнутри. Именно этимъ свойствомъ впервые воспользовался итальянскій ученый Торричелли, чтобы опредѣлить давленіе атмосферы на землю посредствомъ общеизвѣстнаго прибора, названнаго имъ „барометромъ“; о давленіи этомъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ: атмосферный столбъ въ состояніи приподнять столбъ ртути въ 28 парижскихъ дюймовъ или 760 миллиметровъ; такъ какъ подобный столбъ при діаметрѣ въ 1 квадр. дюймъ вѣситъ 7 439 граммъ или $14^{4}/_{5}$ фунта, то давленіе, испытываемое человѣкомъ средняго роста по всей поверхности тѣла, т. е. площади приблизительно въ 1 квадратный метръ, равняется 20.000 фунтамъ или 500 пудамъ. Ну, какъ же мы не геркулесы!..

Магъ

Главная контора и редакція „Всемірной Иллюстраціи“ находятся въ С.-Петербургѣ, на Садовой ул. № 22.

Въ Москвѣ отдѣленія конторы находятся: 1) при книжн. маг. А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, 15, и 2) при конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи.

Дозв. цензурою. СПБ. 22 апрѣля 1893 г. Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

25й годъ

№ 1267

49й томъ

Суббота 1-го мая 1893 г.

Цѣна нумеру 35 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки на годъ . **15** руб.
(при подпискѣ въ главной конторѣ редакціи).
Съ доставкою на годъ . . . . **17** »

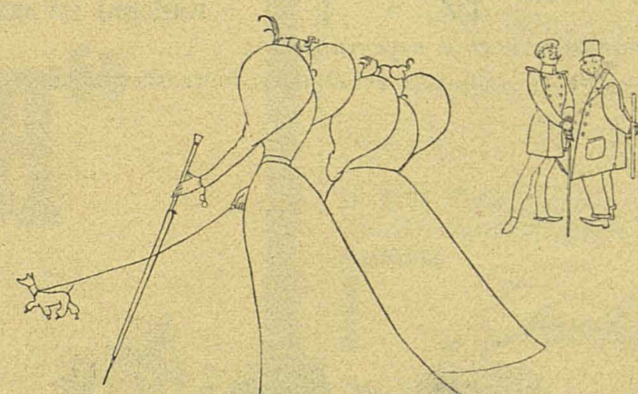
Въ Москвѣ безъ доставки на годъ . . . . . . **17** руб.
Съ пересылкою во всѣ города Россійской имперіи на годъ . . . . **18** »

Подписная цѣна на полгода съ доставкою и пересылкою . . . . 9 руб.
За границу (въ государства всемірнаго почтоваго союза) 20 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Редакція и главная контора: Садовая ул. № 22.

Далеко не послѣднее слово моды. Весеннія моды 1893 года.



ПРОСЯТЪ О ПОМОЩИ

ДЛЯ СПАСЕНІЯ ЛЮДЕЙ ОТЪ СЛѢПОТЫ.

Слѣпота — великое несчастіе въ жизни человѣка, между тѣмъ въ Россіи есть множество бѣдныхъ людей, которыхъ посредствомъ во-время сдѣланной операціи или инаго рода леченія можно бы спасти отъ слѣпоты; но у насъ такъ мало спеціалистовъ по глазнымъ болѣзнямъ, что такая помощь доступна лишь весьма не многимъ, а большинство гибнетъ навсегда, теряя зрѣніе.

Попечительство о слѣпыхъ, сознавая весь ужасъ этого положенія, желало бы приступить къ образованію летучихъ отрядовъ, составленныхъ изъ молодыхъ окулистовъ, и командировать ихъ въ разныя мѣстности Россіи для подачи нужной помощи страдающимъ глазными болѣзнями; но, не имѣя на это свободныхъ средствъ, Попечительство обращается къ частнымъ благотворителямъ съ просьбою оказать ему свое доброе содѣйствіе къ спасенію людей отъ слѣпоты.

Приношенія принимаются въ С.-Петербургѣ, въ канцеляріи Попечительства **Императрицы Маріи Александровны** о слѣпыхъ (Большая Конюшенная, № 1, кв. 24), у предсѣдателя совѣта статсъ-секретаря Грота, въ томъ же домѣ, и у члена совѣта Николая Павловича Забугина (департаментъ таможенныхъ сборовъ).

Всемірная Иллюстрація

№ 1267. Годъ XXV. 1-го мая 1893 г. Томъ XLIX. № 19.

При этомъ, 1267-мъ, нумерѣ гг. подписчикамъ »Всемірной Иллюстраціи« разсылается № 5 журнала „ТРУДЪ“.

КОЛОДЕЗЬ ТРЕХЪ ГРѢХОВЪ

Осетинская легенда

В. П. ЖЕЛИХОВСКОЙ

Сакля осетина Бурхана Микели-Швили стояла уединенно въ узкой цвѣтущей долинѣ, на берегахъ рѣки Уруха.

Бурханъ былъ бѣдный *кавдасардъ*, обобранный по смерти отца своего братьями *алдарами* *), сыновьями первой равноправной жены покойнаго. Онъ удалился со своей матерью и малолѣтней сестрой изъ родной семьи, гдѣ ихъ болѣе не желали терпѣть, выстроилъ саклю на пріобрѣтенномъ клочкѣ земли и сталъ работать неустанно.

Онъ былъ хорошій работникъ, хорошій сынъ и братъ и хорошій человѣкъ, никогда не забывавшій своихъ обязанностей: чтившій старшихъ, гостепріимно встрѣчавшій на порогѣ

*) *Алдары* — господствующее сословіе въ Осетіи, дворяне. Вторымъ считается сословіе *фарсклаковъ* — „вольныхъ людей“, нѣсколько подчиненныхъ первымъ, но имѣющихъ право владѣть, какъ и алдары, рабами (безправными *кусаками*, послѣднимъ сословіемъ, образовавшимся изъ плѣнныхъ или нищихъ проходимцевъ) и *кавдасардами*, то есть дѣтьми отъ неравныхъ браковъ. Первыя жены избираются всегда въ равномъ сословіи; вторыя же и третьи жены не считаются законными, берутся изъ низшихъ классовъ, и дѣти ихъ болѣе работники, чѣмъ братья и сестры, въ домѣ отца, по смерти котораго они однако освобождаются.

Нарвскій портъ. Картина профессора А. И. Мещерскаго.

Съ фотографіи гравировалъ В. В. Зейпель.

С.-Петербургъ. — Выставка 1893 года въ Императорской академіи художествъ.

своего жилища каждаго гостя, котораго всегда хорошо угощалъ и готовъ былъ защищать цѣной собственной жизни, сознавая въ томъ священный и непреложный долгъ каждаго человѣка, дорожащаго честью и спасеніемъ души своей.

Одна была завѣтная цѣль у Бурхана, это — разбогатѣть.

Почетнаго званія алдара бѣдный Бурханъ пріобрѣсть не могъ никакими заслугами — его даетъ лишь право рожденія; но онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, пріобрѣсть право величаться предъ братьями и родичами тѣмъ, что самъ заработалъ свое богатство, а съ богатствомъ, разумѣется, и власть, и почетное положеніе, тѣмъ, что самъ себѣ, уму своему, находчивости, смѣлости и силѣ воли, а не дарамъ слѣпой судьбы, обязанъ своими преимуществами... Онъ былъ честолюбивъ, самонадѣянъ, смѣлъ и предпріимчивъ. Вскорѣ весь околотокъ сталъ уважать кавдасарда Бурхана, потому что достатки его видимо умножились въ ущербъ сосѣдямъ и въ особенности его братьямъ, кичившимся передъ нимъ. У нихъ то и дѣло пропадали лошади изъ табуновъ, баранта (бараны и овцы) изъ стадъ ихъ; бывали при этихъ смѣлыхъ грабежахъ и убійства, но такъ какъ ловкій Бурханъ не попадался и уличенъ никогда не былъ, то, понятно, никто его не могъ обвинять, а, напротивъ, уваженіе къ нему съ каждымъ новымъ подвигомъ возростало. „Не пойманъ — не воръ!" говоритъ пословица всеобщая, а у кавказскихъ дикарей ее иначе формулируютъ: „не пойманъ — не воръ, а молодецъ и герой!"

Всѣ знали, что Бурханъ наживается грабежемъ и молодецкими воровствами безъ слѣда для уликъ, а потому всѣ его уважали, какъ лучшаго въ околоткѣ *джигита* (наѣздника-витязя), и не было ни одной дѣвушки въ сосѣднихъ аулахъ, которая съ радостью не вышла бы за него замужъ. Но Бурханъ съ бракомъ не спѣшилъ... Зачѣмъ связываться законными узами, платить за невѣсту *калымъ*, брать на себя множество расходовъ, когда Осетія переполнена красивыми дочерьми вольныхъ *фарсклаковъ* и рабовъ, любовь которыхъ ни къ чему не обязываетъ?.. Въ домѣ Бурхана хозяйками были: его мать и подроставшая Доссана, сестра его, уже начинавшая останавливать на себѣ взоры цѣнителей женской красоты.

Черноглазой Доссанѣ ужъ минуло пятнадцать лѣтъ, но братъ не торопилъ ее замужествомъ; онъ ждалъ такого жениха, который не поскупился бы и могъ за нее дорого заплатить. И она не спѣшила, не находя никого по сердцу, пока случай не привелъ ее встрѣтиться съ кабардинцемъ Гассаномъ. Гассанъ пріѣхалъ въ числѣ дружекъ на свадьбу сосѣдки, подруги Доссаны. Свадебные пиры разрѣшаютъ совмѣстное веселіе и танцы молодежи обоего пола, а потому Гассанъ и Доссана проплясали вмѣстѣ до самыхъ пѣтуховъ.

Этотъ вечеръ рѣшилъ участь ея: днемъ и ночью сталъ ей мерещиться красавецъ-джигитъ; да и онъ, оказалось, о ней призадумался не на шутку. Недѣли черезъ двѣ сваты его появились у воротъ Бурханова жилища, но, впору предупрежденные о тяжкой болѣзни его матери, удалились, отлагая сватовство до болѣе удобнаго времени.

Умерла бурханова мать. Сынъ справилъ похоронную церемонію съ неслыханнымъ въ ихъ званіи великолѣпіемъ. Забывъ пробуждавшуюся въ немъ все сильнѣе алчность, онъ не пожалѣлъ почтить память матери приглашеніемъ лучшихъ плакальщицъ и лучшей причитальщицы, какія были въ ихъ околоткѣ, для прославленія украшавшихъ покойницу добродѣтелей. Справивъ похороны и поминки, Бурханъ сильно призадумался. Со смертью матери онъ терялъ дѣятельную хозяйку и работницу и, кромѣ того, опасался, что теперь любому джигиту легко будетъ похитить сестру его безъ всякаго калыма. Этотъ самый лихой кабардинецъ Гассанъ, заручившись согласіемъ Доссаны, могъ легко увезти ее во время его отсутствія, не подвергаясь никакой опасности. Въ Осетіи, какъ и вообще у всѣхъ горцевъ Кавказа, похищеніе дѣвушки дѣло молодецкое, приносящее честь похитителю, если его не поймаютъ. Поймаютъ — не прогнѣвайся! Изобьютъ и даже убьютъ по праву. А удастся воровство—счастіе вора, и похищенная невѣста становится его неотъемлемой собственностью.

Кому же было охранять сестру его теперь во время частыхъ его отсутствій? Не пойти ли ему на сдѣлку съ Абдуллой изъ Стамбула?.. Турокъ Абдулла былъ всѣмъ извѣстный контрабандистъ и торговецъ женщинами, поставлявшій свой живой товаръ въ гаремы всѣхъ богачей по турецкимъ берегамъ Черноморья. Его хищный глазъ еще въ прошломъ году запримѣтилъ расцвѣтавшую въ саклѣ Бурхана красавицу, и не разъ уже онъ намекалъ ему, что тотъ владѣетъ кладомъ, который во всякое время можетъ обратить въ груду золота... Соблазнительны были предложенія стараго пирата, а Бурханъ зналъ, что Абдуллу и его сынишку Сафара, ловко во всемъ помогавшаго отцу, видѣли кунаки опять поблизости недавно. Они рыскали по Кабардѣ и по сосѣднимъ ауламъ Осетіи, разыскивая добычи. Бурханъ не разъ останавливался на мысли съ нимъ повидаться, но призадумывался предъ зазорнымъ дѣломъ продажи сестры, — родной и единой сестры своей въ рабство на чужбину!.. Сначала эта мысль пугала осетина, ему было жаль сестры. Но вскорѣ явились соображенія: на чужбину?.. въ рабство?.. А развѣ не та же чужбина для нея и Кабарда, куда увезетъ ее Гассанъ? А развѣ не одинаковое рабство — удѣлъ каждой женщины — ее ждетъ въ домѣ мужа — осетина ли, кабардинца, какого бы то ни было горца, какъ и въ гаремахъ трабизондскихъ или стамбульскихъ?.. Еще, пожалуй, не болѣе ли завидная участь ожидаетъ красивую одалиску какого нибудь паши, быть можетъ самого султана, чѣмъ чернорабочую жену бѣднаго горца?..

И вотъ, спустя шесть недѣль послѣ смерти матери, Бурханъ поручилъ знакомому абхазскому еврею, подъ видомъ мелкой купли и продажи шнырявшему въ горахъ ихъ по дѣламъ Абдуллы, передать послѣднему, чтобъ тотъ побывалъ самъ для переговоровъ „объ извѣстномъ ему дѣлѣ".

Каждый день поджидалъ онъ извѣстій, и чѣмъ болѣе проходило времени, тѣмъ сильнѣе разгоралась корысть его, тѣмъ возвышалъ онъ мысленно цѣну, которую могъ бы добыть за Доссану.

Но удалецъ Гассанъ, словно предчувствуя бѣду, не далъ разбойнику-турку опередить себя: зная корыстолюбіе осетина, онъ самъ явился къ нему въ гости не съ пустыми руками, а привезъ ему такой богатый *ирадъ* (выкупъ невѣсты) въ звонкихъ турецкихъ піастрахъ, котораго тотъ и не ждалъ.

Загорѣлись глаза жаднаго Бурхана, и тотчасъ онъ ударилъ по рукамъ съ кабардинцемъ, приглашая его засылать сватовъ и дружекъ-товарищей завтра же.

Довольный проводилъ онъ щедраго жениха своей сестры за ворота сакли; самъ подвелъ ему его коня и, братски съ нимъ распрощавшись, долго смотрѣлъ вслѣдъ удалявшемуся Гассану. Въ душѣ его боролись различныя чувства. Въ нихъ была и радость за сестру, и досада, что все покончено, что онъ долженъ разстаться съ надеждой получить за нее еще гораздо болѣе золота, чѣмъ могъ ему дать кабардинецъ... Солнце садилось въ огненноаломъ сіяньи. Въ лучахъ его потухавшей зари Бурханъ еще разъ увидалъ черный силуэтъ своего будущаго брата, исчезавшій за горой, и только что было повернулся, чтобы возвратиться въ саклю и сказать Доссанѣ радостную вѣсть о томъ, что она просватана, какъ вдругъ гдѣ-то внизу, въ ущельѣ, раздался протяжный свистъ.

Бурханъ остановился прислушиваясь. За первымъ свистомъ прозвучалъ второй короче и третій еще отрывочнѣе. Ноги подкосились у осетина. Предъ его глазами блеснула молнія; онъ хотѣлъ идти, но съ минуту не могъ двинуться съ мѣста, будто къ ногамъ его привязали пудовики.

Призывной свистъ повторился второй и третій разъ.

Нѣтъ болѣе сомнѣнія: то Абдулла зоветъ его, а онъ просваталъ сестру! Ему ужъ не о чемъ говорить съ морскимъ разбойникомъ, продавцемъ „живаго товара". Ему уже не видѣть его золота...

Но, размышляя, Бурханъ все же понемножку двигался къ ущелью, и, чѣмъ ближе спускался онъ къ рѣкѣ, глухо шумѣвшей внизу, тѣмъ сильнѣе шумѣла и его кровь; въ возбужденномъ мозгу его мелькали коварныя, соблазнительныя соображенія... Онъ взялъ калымъ Гассана за сестру — это правда; но развѣ можетъ онъ ручаться, что ловкіе головорѣзы не похитятъ ее помимо его вѣдома и желанія?.. Конечно, не можетъ!.. Кабардинецъ и знать не будетъ о его свиданіи съ Абдуллой, а ужъ о томъ, что турокъ заплатилъ ему за Доссану, тѣмъ болѣе никогда не узнаетъ... А въ сущности она, быть можетъ, даже навѣрное, гораздо счастливѣе будетъ, живя въ роскошномъ гаремѣ, чѣмъ исполняя черную работу въ саклѣ бѣднаго горца...

Въ ущельѣ его встрѣтилъ, оскаливъ бѣлые зубы, мальчишка Сафаръ и повелъ его на берегъ Уруха, гдѣ за выступомъ скалы отецъ его ожидалъ въ каикѣ. Черезъ минуту осетинъ сидѣлъ въ лодчонкѣ рядомъ съ хитрымъ туркомъ, который истощалъ весь запасъ своего краснорѣчія, чтобъ убѣдить его продать ему свою сестру. Слова не такъ дѣйствовали, какъ звонъ золотыхъ; когда Абдулла высыпалъ на циновку груду золота, Бурханъ, до той поры молча общипывавшій полы своей ветхой черкески, вздрогнулъ и уставился на деньги... Ихъ тутъ было разъ въ десять больше, чѣмъ далъ ему Гассанъ. Бурханъ, согласившись на продажу, сразу дѣлался богатѣйшимъ человѣкомъ на сто верстъ въ окружности.

— Но ты ручаешься мнѣ, Абдулла, что не продашь Доссану въ рабство злымъ или бѣднымъ людямъ? пробормоталъ онъ, растерянный.

Турокъ важно улыбнулся.

— Развѣ такимъ красавицамъ, какова нынѣ сестра твоя, приличны рабство или бѣдность? сказалъ онъ. — Такія, какъ она, живутъ въ царскихъ гаремахъ!.. Попомни слово мое, что въ этомъ же году ты услышишь, что она первая одалыка султана, что она властвуетъ надъ повелителемъ правовѣрныхъ. Подумай: отказывая мнѣ, ты лишаешь себя богатства, а родную сестру завиднѣйшей доли, которой можетъ желать женщина... Но, разумѣется, если ты протянешь еще годъ, я не дамъ тебѣ и половины этого мѣшка золотыхъ; а черезъ два — не получишь и четверти. Да и ей, вѣроятно, ужъ не выпадетъ то счастіе, на которое она можетъ расчитывать нынѣ. Женщина — что роза: хороша въ первый день расцвѣта.

И уговоръ былъ заключенъ. Въ полночь Бурханъ брался доставить сестру на самый берегъ Уруха.

— Вотъ и прекрасно! согласился турокъ. — Мы тутъ съ тобой и помѣняемся: я возьму Доссану, а ты мой мѣшокъ золотыхъ. И тогда станешь ты первымъ наѣздникомъ Осетіи, владѣя сотнями коней и тысячами барановъ. У тебя будетъ винтовка съ насѣчкой блестящей какъ золото; кинжалъ твой будетъ рубить сталь какъ нитку, а десятки красивыхъ горянокъ будутъ рады держать стремя твоего коня. Смотри же, не упусти своего счастія!

Въ полночь, въ самую глушь и темь, Доссану разбудилъ нѣжный призывъ, раздавшійся подъ окномъ ея.

Испуганная она поднялась и спросила:

— Кто тамъ?.. кто зоветъ меня?..

— Это я, Гассанъ! твой будущій супругъ! отвѣчалъ умышленно заглушаемый голосъ.

— Гассанъ?.. зачѣмъ ты здѣсь?.. Братъ мой уѣхалъ съ вечера. Я одна. Я не могу впустить тебя...

— И не впускай, а выйди ко мнѣ, моя ясная звѣздочка. Я знаю, что брата твоего нѣтъ, да еслибъ и былъ онъ дома — я не боялся бы его: вѣдь я женихъ твой! Вѣдь сегодня утромъ я за тебя посватался!

Черезъ минуту Доссана, вся дрожа отъ счастія, вышла изъ дверей сакли. Мужскія объятія охватили ее крѣпко, и, прежде чѣмъ дѣвушка опомнилась, она, укутанная буркой, уже скакала за спиной всадника, въ которомъ волненіе ея и темнота ночи не позволяли ей признать своего брата. Едва они достигли условнаго мѣста, нѣсколько человѣкъ бросились на нихъ изъ кустовъ, повалили Бурхана на землю ударомъ въ голову, а Доссану схва-

тили и какъ была она, въ буркѣ, такъ, перевязавъ ее крѣпче, свалили въ каикъ и исчезли безлѣдно, ничего не давъ осетину за преданную имъ сестру.

— Ограбили!.. Украли сестру, погубили меня! стоналъ обманутый осетинъ, пробираясь на разсвѣтѣ домой, въ свою опустѣлую саклю.

Съ той поры заглохли въ немъ всѣ чувства человѣческія, кромѣ одной корысти. Бурханъ пустился въ злой разбой, а Гассанъ, лишившись невѣсты, пошелъ въ абреки и оставилъ родныя мѣста навсегда.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Стояла черная, ненастная осенняя ночь. Осетинъ Бурханъ сидѣлъ въ своей непривѣтной саклѣ и при свѣтѣ догоравшаго очага считалъ вырученныя деньги за продажу послѣдней добычи. Тутъ же, возлѣ камина, была приподнята плита въ каменномъ полу и подъ нею чернѣлась потайная яма, куда грабитель пряталъ свои деньги, продолжая жить бѣднякомъ.

Вдругъ въ ворота его постучались.

— Кто тамъ? закричалъ онъ, быстро пряча свои сокровища.

— Это я, странникъ, ищущій пристанища отъ ненастья, отвѣтилъ молодой слабый голосъ. — Пусти меня, добрый человѣкъ, переночевать въ твоей саклѣ!

— Не могу! сурово возразилъ осетинъ, ужъ не впервые нарушая священный долгъ гостепріимства. — Сакля моя тѣсна, и не хочу я принимать безвѣстныхъ, ночныхъ бродягъ.

„Эге! Да какой славный конь у этого джигита? И какое вооруженіе!.. Судьба мнѣ посылаетъ неожиданно хорошую добычу!“ въ то же время думалъ онъ, высматривая въ щель доспѣхи неизвѣстнаго путника и снимая тихонько ружье со стѣны.

— Молю тебя во имя твоихъ родителей, во имя спасенія души твоей — впусти меня!.. Я молодъ и боюсь ночной тьмы! умолялъ всадникъ.

— О! такъ ты еще и трусъ! насмѣшливо возразилъ ему разбойникъ, осторожно прицѣливаясь въ окно.

Выстрѣлъ грянулъ, и бѣдный путникъ со стономъ повалился на землю... Вмигъ Бурханъ очутился возлѣ него и, не обращая на умирающаго никакого вниманія, зная, что до свѣта еще успѣетъ сбросить трупъ его въ рѣку, схватился за поводья коня. Лишь осмотрѣвъ его и поставивъ въ стойло, убійца вернулся къ своей жертвѣ. Но, пригнувшись, чтобъ поднять ее, онъ съ ужасомъ отпрянулъ прочь, не зная — вѣрить ли глазамъ своимъ: передъ нимъ мелькнуло въ свѣтѣ блеснувшей молніи родное лицо Доссаны. .

И она узнала его.

— О, Бурханъ! О, несчастный братъ мой! прошептала умирающая: — я хотѣла порадовать тебя неожиданнымъ возвращеніемъ... Мнѣ удалось убѣжать... Что ты сдѣлалъ надъ собой, несчастный?.. Земля не снесетъ трехъ страшныхъ грѣховъ, совершенныхъ тобою.

И точно. Послышался подземный гулъ, земля поколебалась, разверзла пасть свою и поглотила убитую, убійцу и все то мѣсто, гдѣ жилъ преступникъ... На мѣстѣ бурхановой сакли появился смрадный колодезь, изъ котораго черезъ нѣсколько дней вынули всплывшій трупъ его.

Вода не принимала тройнаго злодѣя: предателя сестры своей, изгнавшаго отъ своего порога странника, просившаго гостепріимства, и убійцу женщины, искавшей его помощи.

Его схоронили, но и земля не хотѣла принять его: въ ту же ночь дикіе звѣри — шакалы и гіенны — разрыли могилу его и растерзали его трупъ.

Какъ тѣло Бурхана не находило покоя, такъ не нашла успокоенія и грѣшная душа его: она бродила и бродитъ и понынѣ въ горахъ Осетіи. Многіе горцы видали тѣнь преступнаго бродяги, а нѣкоторые даже проводили въ его сообществѣ цѣлые часы. Духъ Бурхана любитъ встрѣчать въ ненастныя ночи запоздалыхъ путниковъ, любитъ обольщать ихъ напрасными надеждами на близкій кровъ и отдыхъ. Довѣрившихся ему онъ водитъ по скаламъ и лѣснымъ дебрямъ и, наконецъ, измученныхъ доводитъ до своего прежняго жилища, предлагая имъ гостепріимство и ночлегъ въ своемъ колодезѣ.

— Теперь, говорятъ осетины, — онъ давно никому не показывался. Быть можетъ отбылъ свой срокъ и св. Георгій выпросилъ ему прощеніе въ награду за то, что въ давнія времена, когда торговля несчастными горянками еще процвѣтала въ нашихъ мѣстахъ, *„бродячій осетинъ“* часто освобождалъ бѣдныхъ плѣнницъ. Онъ запугивалъ гнусныхъ похитителей нашихъ сестеръ и невѣстъ — турокъ, сотоварищей по ремеслу загубившаго его Абдуллы, — до полусмерти. Онъ заводилъ ихъ въ пропасти, бросалъ ихъ въ рѣки и громко хохоталъ надъ ихъ мученіями, когда ему удавалось ихъ погубить... О! отцы и дѣды наши хорошо помнятъ такія продѣлки Бурхана, тройнаго преступника. Они не разъ сами въ бурныя темныя ночи слыхивали его безпощадный хохотъ... Они сами остерегались его и насъ предостерегали не запаздывать никогда по близости отъ проклятаго колодезя трехъ грѣховъ.

Этотъ разсказъ и многія ему подобныя легенды о продѣлкахъ грѣшныхъ духовъ, а порой и отошедшихъ праведниковъ на землѣ, можно всегда услышать, побывавъ въ Осетіи, отъ ея суевѣрныхъ жителей.

В. Желиховская.

ИЗЪ ПѢСЕНЬ О ВЕСНѢ

Весна идетъ съ улыбкой ненаглядной:
Снѣгъ почернѣлъ, синѣютъ небеса,
И свой оттѣнокъ грустный, безотрадный
Уже давно утратили лѣса;
Въ поляхъ трава еще не зеленѣетъ,
Листвой роскошной не одѣлся боръ,
Но какъ свѣтло, тепло!.. Ужъ солнце грѣетъ,
И звонко льется пташекъ милый хоръ,
Хоть можетъ быть еще настанетъ холодъ,
Посыплетъ снѣгъ изъ набѣжавшихъ тучъ,
Но лишь на мигъ — и вновь, могучъ и молодъ,
Согрѣетъ насъ горячій, вешній лучъ.
Весь полонъ міръ весельемъ беззаботнымъ,
У всѣхъ душа надеждами полна,
И дышетъ все блаженствомъ безотчетнымъ:
Идетъ весна!

Любовь идетъ... Сильнѣе сердце бьется
При имени завѣтномъ, дорогомъ,
Къ кому-то мысль тревожная несется,
Глаза горятъ таинственнымъ огнемъ.
Еще далекъ волшебный часъ признанья,
Еще огонь скрывается въ груди,
Но трепетъ, вздохъ, волненье при свиданьи —
Все говоритъ, что счастье впереди.
Хоть знаемъ мы — и въ счастьи будутъ грозы,
Стѣснится грудь сомнѣніемъ не разъ,
Но страшно-ль намъ? Сегодня скорбь и слезы,
А завтра ждетъ блаженство снова насъ, —
И страха нѣтъ. Готовы мы страданьемъ
Купить огонь, въ насъ оживившій кровь;
Трепещетъ сердце сладкимъ ожиданьемъ:
Идетъ любовь!

Ольга Павлова.

В. Г. Басаргинъ †

Нашъ славный флотъ понесъ недавно большую утрату, потерялъ одного изъ блестящихъ и достойнѣйшихъ своихъ представителей. Въ ночь на 16-е апрѣля въ Ялтѣ скончался въ цвѣтущую пору своей жизни, полный силъ и здоровья, флагъ-капитанъ Его Императорскаго Величества, генералъ-адъютантъ, вице-адмиралъ Владиміръ Григорьевичъ Басаргинъ. Одаренный большими способностями, прекрасно образованный, любившій свое дѣло, аккуратный и точный въ службѣ, генералъ Басаргинъ былъ истиннымъ украшеніемъ тѣсной, дружной семьи русскихъ моряковъ, въ которой онъ пользовался и большимъ уваженіемъ, и особенными симпатіями. И не одни моряки, но и всѣ, сколько нибудь близко знавшіе его, не могли не любить этого добросердечнаго, съ чуткою душою, радушнаго, гостепріимнаго, всегда ровнаго въ обращеніи человѣка, который рѣшительно не имѣлъ враговъ, всегда готовъ былъ помочь нуждающимся, отличался простотою и доступностью, несмотря на свое высокое положеніе и на то, что онъ пользовался особеннымъ благоволеніемъ Государя Императора и всей Царской Семьи. При всѣхъ своихъ познаніяхъ, отличномъ знаніи службы и всегдашнихъ успѣхахъ, В. Г. Басаргинъ отличался удивительной скромностью. Мало того, у него было какое-то органическое отвращеніе ко всему тому, что такъ или иначе являлось показнымъ, носило характеръ аффектаціи. По отзыву лицъ, близко знавшихъ его, онъ безусловно былъ вѣжливъ и любезенъ не только съ равными себѣ, но и съ подчиненными. Въ частной жизни его привѣтливость, мягкость невольно очаровывали всѣхъ его знакомыхъ. Ни честолюбія, ни зависти, ни злобы онъ не зналъ никогда, и потому не удивительно, что его очень цѣнили и на службѣ, и въ частныхъ сношеніяхъ. Смѣлость, находчивость, энергія и выносливость представляли въ немъ рѣдкое сочетаніе и служили ему подспорьемъ въ его прекрасномъ пониманіи морскаго дѣла и обязанностей службы, такъ что В. Г. Басаргинъ являлъ собою замѣчательный образецъ необыкновенно счастливо сформировавшагося и совершенно законченнаго морскаго служаки. Несмотря на его всегда хладнокровный видъ и казавшуюся медлительность, онъ въ служебныхъ дѣлахъ проявлялъ всюду много живости, массу завидной энергіи и былъ всегда очень исполнителенъ. Смѣло можно сказать, что по чистотѣ его служебныхъ понятій, по его стойкимъ и вѣрнымъ взглядамъ на морское дѣло, которое онъ глубоко зналъ и цѣнилъ высоко, В. Г. Басаргинъ принадлежалъ къ весьма ограниченному числу лицъ, несомнѣнно оказывающихъ огромное и самое благотворное вліяніе на своихъ сослуживцевъ, особенно на подчиненыхъ, — къ морякамъ, способствующимъ энергически процвѣтанію роднаго флота. Много на своемъ вѣку видѣлъ и испыталъ В. Г. Басаргинъ, объѣхавъ чуть не полсвѣта; у него былъ обширный запасъ наблюденій и

интереснѣйшихъ матеріаловъ, и онъ умѣлъ прекрасно пользоваться всѣми этими впечатлѣніями видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго имъ; онъ былъ замѣчательнымъ разсказчикомъ, остроумнымъ, живымъ собесѣдникомъ. Но та же скромность его и особенный складъ характера мѣшали ему дѣлиться съ публикою своими знаніями, своимъ опытомъ и впечатлѣніями; онъ никогда ничего не писалъ для печати, не могъ рѣшиться на это, о чемъ нельзя не пожалѣть.

Владиміръ Григорьевичъ Басаргинъ происходилъ изъ стараго дворянскаго рода и родился въ 1838 году. Его отецъ, Григорій Гавриловичъ Басаргинъ, вице-адмиралъ, молодымъ офицеромъ сражался съ турками, участвовалъ въ блокадѣ и осадѣ крѣпости Флисингена, былъ военнымъ астраханскимъ губернаторомъ, главнымъ командиромъ каспійской флотиліи и, помимо всего, получилъ извѣстность какъ гидрографъ. Блестяще окончивъ курсъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ въ 1854 году, В. Г. Басаргинъ поступилъ на службу и въ мичманы произведенъ въ 1855 г. Спустя пять лѣтъ онъ получилъ чинъ лейтенанта, а въ 1862 г. назначенъ командиромъ корвета „Рында“, который сперва плавалъ къ восточнымъ берегамъ Сибири подъ командою капитанъ-лейтенанта Сфурса-Жиркевича, а затѣмъ подъ командою Басаргина къ берегамъ Калифорніи, причемъ его командиръ занимался изслѣдованіемъ рѣки Стахинъ. Въ 1865 г. онъ былъ назначенъ командиромъ фрегата „Князь Пожарскій“, который находился подъ его командою въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, причемъ В. Г. Басаргинъ постепенно поднимался по лѣстницѣ морской іерархіи до чина капитана 2-го ранга, который полученъ имъ въ 1877 г. Затѣмъ съ 1880 г. мы видимъ его уже въ чинѣ капитана 1-го ранга, командующимъ броненоснымъ кораблемъ „Петръ Великій“, а съ 1883 по 1885 г. командиромъ фрегата „Дмитрій Донской“. Въ 1885 г. В. Г. Басаргинъ командовалъ подъ брейдъ-вымпеломъ учебнымъ артиллерійскимъ отрядомъ. Произведенный на слѣдующій годъ въ контръ-адмиралы, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ назначенъ на высокій постъ флагъ-капитана Его Императорскаго Величества и со дня этого назначенія постоянно сопутствовалъ Ихъ Императорскимъ Величествамъ въ морскихъ путешествіяхъ. Такъ въ 1890 г., назначенный начальникомъ отряда, совершившимъ плаваніе съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, В. Г. Басаргинъ сопровождалъ на фрегатѣ „Память Азова“ Его Высочество въ дальнюю поѣздку въ Японію, Индію и Сибирь, гдѣ присутствовалъ при торжественной закладкѣ великаго сибирскаго пути; далѣе, въ 1892 г., онъ сопутствовалъ Наслѣднику Цесаревичу въ Грецію и Абасъ-Туманъ. Замѣчательно, что во время одной изъ этихъ поѣздокъ В. Г., томимый какимъ-то тяжелымъ предчувствіемъ, какъ бы предрекъ, въ тѣсномъ товарищескомъ кругу, свою близкую кончину... 1-го января 1892 года онъ былъ произведенъ въ чинъ вице-адмирала и пожалованъ генералъ-адъютантомъ къ Его Величеству. Въ качествѣ флагъ-капитана, В. Г. Басаргинъ командовалъ Императорскими яхтами „Полярная Звѣзда“, „Царевна“ и друг. Онъ состоялъ кавалеромъ орденовъ св. Анны 2 степ., св. Владиміра 4 степ., св. Владиміра 3 степ. и св. Станислава 1 степ., а также имѣлъ многіе ордена итальянскіе, греческіе, прусскіе, датскіе, сіамскіе, японскіе и проч. Тѣло В. Г. Басаргина погребено въ Сергіевой пустынѣ съ большой торжественностью; на погребеніи присутствовало весьма много высокопоставленныхъ лицъ.

В. Г. БАСАРГИНЪ,

флагъ-капитанъ Е. И. В., вице-адмиралъ, † 16-го апрѣля с. г.

Съ фотографіи Д. С. Здобнова гравировалъ И. И. Хелмицкій.

Пріемъ императора и императрицы германскихъ папой римскимъ въ Ватиканѣ.

Италія. — Римъ. Путешествіе Вильгельма, императора германскаго.

ЯРОСЛАВЪ ВРХЛИЦКІЙ, чешскій поэтъ.

Съ фотографіи въ Прагѣ гравировалъ Б. П. Пуцъ.

По поводу сорокалѣтней годовщины рожденія.

СВЯТОПОЛКЪ ЧЕХЪ, чешскій поэтъ.

Съ фотографіи въ Прагѣ гравировалъ Б. П. Пуцъ.

По поводу двадцатипятилѣтія литературной дѣятельности.

Стеклянный павильонъ — вторая зала выставки.

С.-Петербургъ. — Выставка, устроенная въ 1893 г. Императорскимъ россійскимъ обществомъ садоводства.

Автотипія Эд. Гоппе. По фотографіи А. М. Иванова, снятой для »Всемірной Иллюстраціи«.

Политика

26 апрѣля (8 мая) 1893 г.

При полномъ отсутствіи выдающихся фактовъ и событій въ области нашей внутренней политики, то, что происходитъ за послѣднее время въ западной Европѣ, пріобрѣтаетъ особенно живой и въ извѣстномъ смыслѣ „поглощающій“ интересъ.

Мы живемъ въ такое время, когда солидарность множества интересовъ всего цивилизованнаго міра приводитъ неизбѣжно къ взаимной зависимости фактовъ европейской политической жизни, не имѣющихъ на первый взглядъ ничего общаго между собою. Зависимость эта чувствуется одними сознательно, другими болѣе или менѣе инстинктивно и ею только можно объяснить то необыкновенно сильное впечатлѣніе, которое произвели у насъ, какъ и повсюду, извѣстія, полученныя изъ Германіи въ концѣ прошлой недѣли.

Германскій рейхстагъ отвергъ въ минувшую субботу, 24 апрѣля (6 мая), проектъ военной реформы и тотчасъ же послѣ этого былъ распущенъ императорскимъ указомъ, которымъ заранѣе снабдилъ Вильгельмъ II имперскаго канцлера, графа Каприви. Очень многое заставляло ожидать, что дѣло не дойдетъ до такой развязки.

За послѣдніе семь дней какъ будто появились шансы образованія въ рейхстагѣ большинства въ пользу военнаго законопроекта. Было, правда, извѣстно, что послѣ свиданія императора германскаго съ папою Львомъ XIII въ Берлинѣ перестали ожидать благопріятнаго законопроекту воздѣйствія Ватикана на партію германскаго католическаго центра, но зато появились слухи, что довольно значительная часть членовъ этой партіи намѣревается все-таки подать голоса въ пользу правительства, выразившаго согласіе принять поправку ея вожака, барона Гюне, настаивавшаго на нѣкоторомъ, сравнительно слабомъ, уменьшеніи цифры новаго мирнаго состава имперской арміи.

Утверждали сверхъ того, что за предложеніе Гюне подадутъ голоса около двадцати членовъ партіи свободомыслящихъ, будто бы убѣжденныхъ въ необходимости новой уступки своимъ товарищемъ, депутатомъ Гинце. При разсчетѣ вѣроятнаго распредѣленія голосовъ за военный законопроектъ и противъ него принималось также за достовѣрное, что всѣ эльзасъ-лотарингскіе депутаты воздержатся отъ голосованія.

Выходило такимъ образомъ, что въ пользу правительственнаго проекта, измѣненнаго согласно поправкѣ барона Гюне, можетъ образоваться въ рейхстагѣ большинство, перетягивающее хотя бы только на два или на три голоса численность оппозиціи. За послѣдніе дни своего пребыванія въ Италіи императоръ Вильгельмъ повидимому былъ увѣренъ въ этомъ, потому что на обратномъ пути, проѣзжая черезъ великое герцогство Баденское, онъ допустилъ бургомистра города Карлсруэ высказать надежду, что все кончится благополучно и правительству имперіи не придется вести внутренней борьбы изъ-за вопроса о военной реформѣ.

Отвѣчая бургомистру, императоръ Вильгельмъ II высказалъ ту же самую надежду, но, когда вслѣдъ затѣмъ онъ вернулся въ Потсдамъ, надежда эта сразу исчезла. Къ этому дню стало извѣстно, что изъ числа 107 членовъ партіи католическаго центра только 8 депутатовъ согласны на предложеніе барона Гюне, а въ партіи свободомыслящихъ рѣшительно никто не расположенъ послѣдовать примѣру г-на Гинце. Ко всему этому прибавилось внезапное появленіе въ рейхстагѣ отсутствовавшихъ до тѣхъ поръ депутатовъ Эльзасъ-Лотарингіи, не скрывавшихъ своего нарѣнія подать голоса противъ военнаго законопроекта.

Вернувшись въ Потсдамъ при такихъ обстоятельствахъ, императоръ Вильгельмъ II въ ту же ночь съѣздилъ въ Берлинъ для совѣщанія съ имперскимъ канцлеромъ и далъ графу Каприви всѣ нужныя полномочія для распущенія рейхстага на случай, если военный законопроектъ будетъ отвергнутъ этимъ собраніемъ. Предчувствіе императора исполнилось. Послѣ трехдневныхъ преній, на которыхъ графъ Каприви потратилъ совершенно даромъ бездну краснорѣчія для того, чтобы доказать необходимость военной реформы, видоизмѣненной поправкою барона Гюне, рейхстагъ большинствомъ 57 голосовъ отвергъ эту поправку послѣ того, какъ за первоначальный правительственный проектъ подали голоса *только одни консерваторы*. Правительственное *меньшинство* образовалось изъ консерваторовъ, націоналъ-либераловъ, поляковъ, членовъ такъ называемой „имперской партіи“, девяти депутатовъ католическаго центра съ авторомъ принятой министерствомъ поправки, барономъ Гюне, во главѣ и *одного* депутата партіи свободомыслящихъ, г. Гинце.

Противъ военнаго законопроекта подали голоса всѣ соціалисты, всѣ члены партіи свободомыслящихъ, кромѣ г-на Гинце, весь католическій центръ, за исключеніемъ барона Гюне и его восьми единомышленниковъ, и всѣ депутаты за Эльзасъ Лотарингію. На эту полную неудачу правительство тотчасъ же отвѣтило распущеніемъ рейхстага, добившись только за два часа передъ тѣмъ согласія союзнаго совѣта на такую мѣру. Новые выборы назначены на 3 (15) іюня, и уже съ первыхъ дней нынѣшней недѣли начались во всей Германіи приготовленія къ нимъ.

Ни что не заставляетъ ожидать, чтобы выборы эти создали парламентъ болѣе благопріятный военной реформѣ, чѣмъ только что распущенный рейхстагъ.

Что будетъ далѣе — нельзя и предвидѣть. Ходятъ слухи, что послѣ вторичнаго отклоненія рейхстагомъ военнаго законопроекта выступитъ на очередь попытка правительства видоизмѣнить избирательный законъ такимъ образомъ, чтобы обезпечить перевѣсъ сторонникамъ военной реформы, но для этого придется или созывать учредительное собраніе, заручившись предварительно согласіемъ союзныхъ правительствъ, или же прибѣгнуть — опять-таки съ упомянутаго согласія второстепенныхъ германскихъ державъ — къ государственному перевороту въ видѣ измѣненія избирательныхъ порядковъ помимо парламента. Положеніе сразу стало до такой степени серьезнымъ, что мы не рѣшаемся пускаться въ дальнѣйшія догадки до тѣхъ поръ, пока извѣстія изъ Берлина не доставятъ намъ для этого надлежащаго матеріала.

Въ Австро-Венгріи минувшая недѣля ознаменовалась непродолжительнымъ посѣщеніемъ Пешта императоромъ Францемъ-Іосифомъ, давно уже не бывавшимъ въ столицѣ Венгріи. Пріемъ, сдѣланный ему мадьярами, былъ, сколько можно догадываться, не особенно восторженнымъ.

Уѣзжая обратно въ Вѣну, императоръ возвѣстилъ, что будущей осенью, на маневрахъ австро-венгерскихъ войскъ, которые предположено произвести въ пештскомъ комитатѣ, намѣренъ присутствовать императоръ германскій.

Римское правительство и итальянскій народъ находятся еще подъ впечатлѣніемъ квиринальскихъ праздненствъ, главнымъ героемъ которыхъ, послѣ короля Гумберта и королевы Маргариты, былъ императоръ Вильгельмъ II.

Въ Англіи начались третьи пренія объ ирландскомъ биллѣ Гладстона. Палата общинъ приступила къ обсужденію этого билля по статьямъ и посвятитъ такому обсужденію всѣ остающіеся мѣсяцы парламентской сессіи 1893 года. Говорить о разныхъ перипетіяхъ этихъ заключительныхъ преній намъ придется еще не разъ вплоть до самаго ихъ окончанія.

Во Франціи парламентская дѣятельность не отличалась за послѣднее время особеннымъ интересомъ и оживленіемъ. Въ концѣ минувшей недѣли появились однако слухи, будто министерство Дюпюи задумываетъ распустить палату депутатовъ ранѣе срока, но до сихъ поръ слухи эти не оправдались.

Наши картины

Святополкъ Чехъ

Святополкъ Чехъ, одинъ изъ корифеевъ младшей поэтической школы Чеховъ, родился въ Остржедкѣ, близъ г. Бенешова, въ достопамятный для развитія чешскаго языка годъ — 1846, когда, по любопытному замѣчанію историка новѣйшей чешской литературы, доктора Франца Бачковскаго, больше всего родилось чешскихъ писателей, прославившихъ впослѣдствіи свои имена во всѣхъ родахъ изящной словесности. По окончаніи гимназическаго курса въ Прагѣ въ 1865 году онъ изучалъ право и сдѣлался адвокатомъ. Писать онъ началъ еще во время своей студенческой жизни, и къ этому именно времени относятся его „Кандіотки“ въ журналѣ „Квѣты“ (цвѣты) и „Халупка“ (хижина) въ журналѣ „Рухъ“ (движеніе); наконецъ, въ „Сборникѣ чешскаго студенчества“ (альманахъ ческого студентства), который онъ издавалъ при содѣйствіи Отакара Гостинскаго и Вячеслава Шульца, имъ помѣщены были „Бурже“ (буря) и сатирическое стихотвореніе „Въ клаштернимъ склепѣ“ (въ монастырскомъ подвалѣ). Что касается до его дальнѣйшей литературной карьеры, то она главнымъ образомъ проходила при редакціяхъ различныхъ изданій, гдѣ Святополкъ Чехъ былъ то фельетонистомъ, какъ въ „Покрокѣ“, то членомъ редакціи, какъ въ „Свѣтозорѣ“, гдѣ, между прочимъ, съ 1871 года появился цѣлый рядъ его юмористическихъ повѣстей, — или въ „Люмірѣ“ (съ 1873 по 1876 годъ), издаваемомъ тѣмъ же Гостинскимъ. Въ 1873 году въ этомъ журналѣ имъ были напечатаны: повѣсть „Эстржабъ Гырдличка“ и одна изъ лучшихъ его поэмъ „Адамиты“ (въ семи большихъ пѣсняхъ), ярко и талантливо изображающая бурную жизнь одной изъ многочисленнѣйшихъ чешскихъ сектъ — адамитовъ, имѣвшихъ свое мѣстопребываніе на островѣ рѣки Нежарки, и ихъ трагическую гибель: адамиты, какъ извѣстно, были истреблены таборитами. Наконецъ, съ 1879 года, онъ началъ вести небольшой иллюстрированный журналъ „Квѣты“, издаваемый докторомъ Бонифаціемъ Гелеромъ и въ настоящее время имѣющій весьма солидное число подписчиковъ. Несомнѣнный успѣхъ имѣлъ изданный Святополкомъ Чехомъ въ 1874 году сборникъ его стихотвореній. Въ это собраніе вошли: вышеупомянутыя „Бурже“ (буря) и „Адамиты“, а кромѣ того „Снове“ (сны), „Андѣлъ“ (ангелъ) и много мелкихъ пьесъ. Между прочимъ стихотвореніе „Снове“ появилось еще въ 1872 году въ альманахѣ „Май“. Но еще большій успѣхъ имѣла „Нова сбирка вершованыхъ праци“, т. е. „Новое собраніе стихотворныхъ работъ“, стихотвореній, гдѣ, кромѣ мелкихъ эпическихъ произведеній, какъ „Жижка“, „Ханджаръ“, „Зимни ноцъ“ (зимняя ночь) и „На гробъ Гавласовъ“ (къ могилѣ Гавласы), находятся большія великолѣпныя эпопеи: „Европа“, „Черкесъ“ и „Ве стину липы“ (въ тѣни липъ). Въ этомъ послѣднемъ произведеніи, полномъ правды и веселости, изображается простая сосѣдская бесѣда подъ липою простыхъ деревенскихъ людей: добряка-землепашца, подвижнаго политика-портнаго, одноногаго воина, зажиточнаго мельника и проч. Эпопея „Европа“ совершенно въ другомъ родѣ. Она насквозь проникнута космополитизмомъ и не представляетъ ничего ни новаго, ни интереснаго, ни поучительнаго, и только сильный, могучій стихъ, красивость и яркость образовъ изобличаютъ принадлежность его Чеху. Въ 1874 г. Святополкъ Чехъ совершилъ путешествіе на Кавказъ и, возвратившись черезъ Царьградъ домой, помѣстилъ свои путевыя впечатлѣнія въ фельетонахъ газеты „Народни Листы“ (Народная газета). Въ 1885 г. эти глубоко поэтическія путевыя воспоминанія „Упоминки зъ выходу“ (Воспоминанія о востокѣ) вышли уже особой книгой. Восточными же картинами была навѣяна и превосходная поэма „Черкесъ“. „Нова сбирка вершованыхъ праци“ разошлась вся въ трехъ изданіяхъ — въ 1880, 1882 и 1886 гг. — въ „Поэтическихъ Бесѣдахъ“ почившаго поэта-лирика и публициста Яна Неруды. Въ 1882 г. была напечатана въ „Квѣтахъ“ поэма Чеха „Славіе“ (славія), а въ 1884 г. весьма недурной поэтическій разсказъ изъ чешской исторіи „Дагмаръ“. Обѣ поэмы вышли затѣмъ отдѣльными изданіями въ Прагѣ въ 1884—1885 гг. (см. Kabinetni Knihovna“ Ф. Шимачка, выпуски I, VII—VIII).

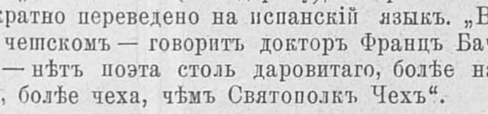
Болѣе всего цѣнятся изъ названныхъ поэмъ: „Адамиты“ и „Славія“. Эта послѣдняя отличается замѣчательно здоровымъ всеславянскимъ чувствомъ и вообще свидѣтельствуетъ о томъ, что въ авторѣ ея мы имѣемъ дѣло съ поэтомъ, у котораго рефлексія и философія не заѣли еще трезваго отношенія къ явленіямъ народной жизни и къ ея суровой дѣйствительности.

Взаимныя отношенія славянскихъ племенъ, ихъ

крайняя рознь и наклонность къ постоянной междоусобной враждѣ—превосходно обрисованы въ поэмѣ въ характерахъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ: Ивана и Владиміра (русскіе), графа и его дочери Ядвиги (поляки), чеха, серба и пр. Иванъ влюбленъ въ прелестную польку; любовь увѣнчивается взаимностью, но она безысходна, вслѣдствіе несогласія на бракъ со стороны стараго графа, закоренѣлаго ненавистника русскихъ. Наконецъ, запутанная любовная исторія благополучно разрѣшается на кораблѣ „Славія“, гдѣ случайно встрѣчаются всѣ дѣйствующія лица во время ужасной бури, сопровождавшейся возмущеніемъ матросовъ противъ капитана. Дѣло въ томъ, что, когда въ критическую для „Славіи“ и ея пассажировъ минуту пришлось выбирать вождя—голоса раздѣлились, причемъ, напримѣръ, черногорецъ кричалъ: „Пусть будетъ русскій надъ нами воеводой!“ а другіе, напротивъ, возглашали: „Нѣтъ! Пусть ляхъ ведетъ насъ въ битву!“ Выступилъ старый графъ и обратился къ спорящимъ съ слѣдующими словами: „Тише, друзья мои! пусть ни одинъ звукъ не выдастъ нашего намѣренія!.. Я лично непріятель русскихъ, но въ эту минуту пусть молчитъ моя вражда: намъ всѣмъ грозитъ сильная опасность; мы должны соединиться противъ нашего врага, а русскій—сильнѣйшій между всѣми нами, онъ хорошо умѣетъ управлять кораблемъ и знаетъ опасности и пути этого моря, такъ пусть же онъ ведетъ насъ къ побѣдѣ, и мы повинуемся ему. А Господь Богъ да благословитъ насъ и наше оружіе“!.. Послѣ выбора въ предводители русскаго — Ивана — началась битва пассажировъ съ матросами. Во время этой борьбы Ядвига, спасаясь отъ атамана мятежниковъ, Петра, бросается въ море, но спасена тѣмъ же Иваномъ. Битва кончается пораженіемъ мятежниковъ, примиреніемъ графа съ Иваномъ и, конечно, бракомъ послѣдняго съ прелестною Ядвигою. При видѣ этой умилительной картины чехъ произноситъ такія восторженныя слова: „Какой дивный, восхитительный прообразъ! Пусть и матерь Слава благословитъ святой союзъ двухъ любимыхъ своихъ дѣтей, которыхъ и до сихъ поръ еще раздѣляетъ демонскій огонь ненависти къ великому восхищенію ея враговъ, къ страданію и ко вреду ея самой! О, какой мигъ, желанный мигъ, когда вновь соединятся эта прелестная полька съ мужественнымъ богатыремъ русскимъ... не тѣмъ путемъ, который разъединяетъ сердца, а любовью и дружбою... А потомъ къ нимъ примкнутъ на равныхъ правахъ разорванныя толпы и остальныхъ братьевъ. И новое солнце великолѣпно засіяетъ надъ цѣлою славянскою землей!“ Послѣ появленія „Славіи“ Святополкъ Чехъ сдѣлался общимъ любимцемъ всей чешской образованной публики. Это былъ шедевръ изъ шедевровъ его творчества, и если въ лирикѣ Святополкъ Чехъ не превосходитъ другихъ двухъ корифеевъ чешской литературы — Ярослава Врхлицкаго и Адольфа Гейдука, то въ произведеніяхъ эпическаго характера вполнѣ съ ними соперничаетъ.

Въ упомянутыхъ нами „Поэтическихъ бесѣдахъ“ было помѣщено также нѣсколько блестящихъ произведеній Святополка Чеха, каковы, напримѣръ: „Петркличе“ (Скороспѣлки, 1883 г.), чрезвычайно красивая, дышащая добродушнымъ юморомъ, сказка, „Лешетинскій коваржъ“ (Лешетинскій кузнецъ, 1884 г.) — поэма, исполненная глубокаго чувства патріотизма, гдѣ талантъ Чеха развернулся во всю свою ширь. Эта, богатая звучными стихами, яркими и красивыми образами, взятая изъ чешской жизни, поэма была вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ запрещена австрійской цензурой.

Кромѣ всѣхъ перечисленныхъ эпическихъ пьесъ Святополка Чеха, заслуживаютъ вниманія еще двѣ: „Гануманъ“ (1884 г.), основой для которой служили индійскія легенды о царѣ Ган―манѣ, и „Вацлавъ зъ Михаловицъ“ (Вячеславъ изъ Михаловицъ). Она была предварительно помѣщена въ „Квѣтахъ“ 1882 года и затѣмъ выдержала два изданія (1885 и 1886 гг.), изъ которыхъ одно вышло съ иллюстраціями Ад. Либшера. Въ ней изображено тяжелое положеніе Чехіи послѣ 1620 г. (Бѣлогорская битва). Эта любопытная историческая поэма произвела столь сильное впечатлѣніе на чешскую интеллигенцію, что на поприщѣ „патріотической“ поэзіи Святополку Чеху явились очень сильные соперники: Адольфъ Гейдукъ въ 1883 году написалъ поэму „За вольность а виру“ (За свободу и вѣру) почти съ тѣмъ же содержаніемъ и изъ той же горестной для чеховъ эпохи, что и поэма г. Чеха. Наконецъ, Чехъ пробовалъ свои силы и въ сатирѣ. Въ 1886 г. вышла его сказка „Правда“ и нѣсколько мелкихъ сатирическихъ стихотвореній въ отдѣльномъ изданіи. По мнѣнію доктора Франца Бачковскаго, автора исторіи чешской новѣйшей литературы,—Святополкъ Чехъ и въ сатирѣ является первымъ изъ современныхъ чешскихъ писателей. Необходимо замѣтить при этомъ, что Чехъ очень часто писалъ подъ псевдонимомъ „Malina“, которымъ иногда и теперь подписываетъ свои произведенія въ „Квѣтахъ“. Помимо стихотвореній, этотъ писатель замѣчателенъ и своими романами, повѣстями и разсказами. Въ этой области онъ, по отзыву А. Степовича, также занимаетъ выдающееся положеніе среди всѣхъ современныхъ чешскихъ писателей. Содержаніе его новеллъ касается преимущественно простонародной жизни и дышетъ здоровымъ, добродушнымъ юморомъ. Его „Разсказы, арабески и гуморески“ (Poirdky, arabesky a humoresky) вышли въ „Салонной Библіотекѣ“ въ четырехъ частяхъ (1878—1883 гг.). Впрочемъ относительно юмора мы должны замѣтить, что это качество является у Святополка Чеха также, какъ и у всѣхъ другихъ чешскихъ писателей, скорѣе синонимомъ обыкновенной невинной веселости и шаловливости, чѣмъ тѣмъ глубокимъ и сложнымъ чувствомъ, „смѣхомъ сквозь слезы“, какое встрѣчается у англичанъ и у русскихъ. Изъ новѣйшихъ повѣстей Святополка Чеха отмѣтимъ довольно крупное по своимъ художественнымъ достоинствамъ произведеніе „Кандидатъ несмертельности“ (Кандидатъ на безсмертіе), юмористическій романъ, изданный имъ въ 1884 г., путевыя замѣтки (между прочимъ уже упомянутыя нами „Воспоминанія о Востокѣ“), гуморески, сатиры (1887 г.) и мн. др. въ „Квѣтахъ“ и въ изданіяхъ Эдуарда Валечки. Такимъ образомъ, Святополкъ Чехъ испробовалъ свои силы почти во всѣхъ родахъ словесности и вездѣ заявилъ себя истиннымъ поэтомъ. Всѣ стихотворенія этого писателя пользуются у чеховъ чрезвычайною любовью и особенно за то, что у него менѣе, чѣмъ у кого либо изъ другихъ поэтовъ новѣйшей чешской школы, космополитизма и рефлекса, безличности и пустаго нытья, вродѣ вздоховъ о суетѣ духа, объ утраченномъ людьми блаженствѣ и о прочихъ вещахъ. Отъ этого-то и произведенія его болѣе доступны среднему чешскому читателю, чаруя его и необыкновенною поэтичностью, и въ то же время бо́льшею, такъ сказать, осязательностью сюжетовъ. На русскомъ языкѣ переводовъ сочиненій Святополка Чеха существуетъ очень мало; переведены нѣкоторыя его стихотворенія, мелкіе разсказы и вышеупомянутый романъ „Кандидатъ на безсмертіе“ (въ „Славянской Бесѣдѣ“). Но лучшія произведенія Чеха остаются неизвѣстными нашей публикѣ. Къ характеристикѣ значенія Святополка Чеха въ качествѣ не только чешскаго писателя, но и вообще писателя европейскаго можетъ служить еще то обстоятельство, что, когда въ 1881 г. испанское правительство предложило чешскимъ писателямъ конкурсъ на премію за лучшее изъ поэтическихъ сочиненій о великомъ Кальдеронѣ де-ла-Барка, то премію эту получилъ никто иной, какъ Святополкъ Чехъ за стихотвореніе свое „Calderonovi“ (Кальдерону), которое и было неоднократно переведено на испанскій языкъ. „Въ народѣ чешскомъ — говоритъ докторъ Францъ Бачковскій — нѣтъ поэта столь даровитаго, болѣе народнаго, болѣе чеха, чѣмъ Святополкъ Чехъ“.



Ярославъ Врхлицкій

Чрезвычайно сердечно праздновали въ этомъ году чехи рожденіе любимаго своего поэта и писателя, Ярослава Врхлицкаго.

Его литературная дѣятельность продолжается двадцать два года, и значеніе ея, а также и многочисленность произведеній могутъ быть названы прямо феноменальными. Хотя нѣтъ обыкновенія праздновать юбилей дня сорокалѣтняго рожденія, но писатель этотъ такъ любимъ и чтимъ на своей родинѣ, что соотечественники его готовы пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ выразить ему свою любовь, благодарность и восхищеніе.

Во всѣхъ выдающихся журналахъ и газетахъ пражскихъ постоянно встрѣчается его имя, всюду онъ состоитъ дѣятельнымъ сотрудникомъ, и, кромѣ того, одновременно появляется громадное количество разнородныхъ его произведеній: эпическихъ, лирическихъ стихотвореній, драмъ, критическихъ разборовъ и статей, переводовъ въ стихахъ съ пяти европейскихъ языковъ, преимущественно итальянскаго, испанскаго и провансальскаго. Эта неустанная необыкновенно быстрая работа, это разнообразіе дѣятельности поражаетъ каждаго, а блестящее остроуміе, глубина мыслей и поэтическая прелесть приводятъ въ восхищеніе всѣхъ.

— Не будь Врхлицкій чехомъ, пиши онъ на языкѣ общеизвѣстномъ—его имя и его произведенія извѣстны были бы во всей Европѣ; всѣхъ поражала бы быстрота его въ работѣ, многостороннее его образованіе и его выдающаяся оригинальность.

При всей этой литературной дѣятельности онъ еще находитъ время читать по временамъ публичныя лекціи, въ которыхъ знакомитъ публику съ иностранными литературами и съ выдающимися въ нихъ произведеніями. Мало кто знаетъ литературы всего міра и всѣ появляющіяся новинки въ нихъ такъ, какъ знаетъ ихъ Врхлицкій. Изъ этого вытекаетъ естественно, что въ стихотвореніяхъ этого даровитаго поэта чувствуется часто духъ разныхъ вѣковъ и самыхъ различныхъ культуръ и народовъ, не говоря ужъ о томъ, что матеріалы античнаго міра занимаютъ обширное мѣсто въ каждомъ новомъ собраніи его стихотвореній. Такъ, напримѣръ, въ „Перспективахъ“ его (Assoka-mala) находимъ мы староиндійскій міръ, затѣмъ въ легендѣ „Духъ и свѣтъ“ арабско-магометанское вліяніе. Дальше въ Hilarôn'ѣ является духъ христіанско-аскетическій, потомъ языческій, дальше держитъ рѣчь мистикъ средневѣковый. Ее смѣняетъ пѣсня рыцарей святаго Граля, потомъ являются Петрарка, Сидъ, воинъ изъ тридцатилѣтнихъ войнъ и, наконецъ, свое родное, въ родѣ того, какъ пѣсня чешскаго мужика, взятаго въ плѣнъ у Хлумца. Всѣ эти разнородные, чужіе элементы Врхлицкій умѣетъ подчинить своей индивидуальности и перестроить все на собственный свой ладъ. Этой своей особенностью выдвинулъ онъ, расширилъ до безконечія горизонты чешской поэзіи, вообще онъ ввелъ въ чешскую поэзію лирику рефлективную, и мысли его, высказываемыя имъ въ его стихахъ, часто стремятся явно къ разрѣшенію жизненныхъ вопросовъ. Цѣлый рядъ его произведеній посвященъ различнымъ философскимъ разсужденіямъ. По убѣжденіямъ онъ—эклектикъ. Впрочемъ, на этомъ надо остановиться, такъ какъ разборъ философскихъ его воззрѣній завелъ бы насъ дальше, чѣмъ позволяютъ размѣры этой статьи.

Нѣкоторые упрекаютъ Врхлицкаго въ изображеніи чрезмѣрной чувственности, что, очевидно, онъ заимствовалъ отъ древнихъ, но можно къ этому прибавить, что если она и есть дѣйствительно въ нѣкоторыхъ его произведеніяхъ, то часто является какъ бы перенесенною въ сферу высшихъ чувствъ или изображается съ такимъ изяществомъ, что красота описанія стушёвываетъ и заставляетъ забывать все остальное; таково, напримѣръ, описаніе „Волшебный садъ“.

Съ другой стороны глубокая и нѣжная любовь этого поэта къ своимъ дѣтямъ выражается въ цѣломъ рядѣ прелестнѣйшихъ и трогательныхъ стихотвореній, какъ, напримѣръ, въ „Intermezzo“, въ „Бабочкѣ всѣхъ цвѣтовъ“, „День и ночь“, „Двѣ пѣсни къ моей дочери“, „Жизнь и смерть“. Всѣ эти талантливыя произведенія и нѣкоторыя мелкія стихотворенія, относящіяся также къ нимъ, касаются самыхъ глубокихъ, святыхъ и нѣжнѣйшихъ человѣческихъ чувствъ.

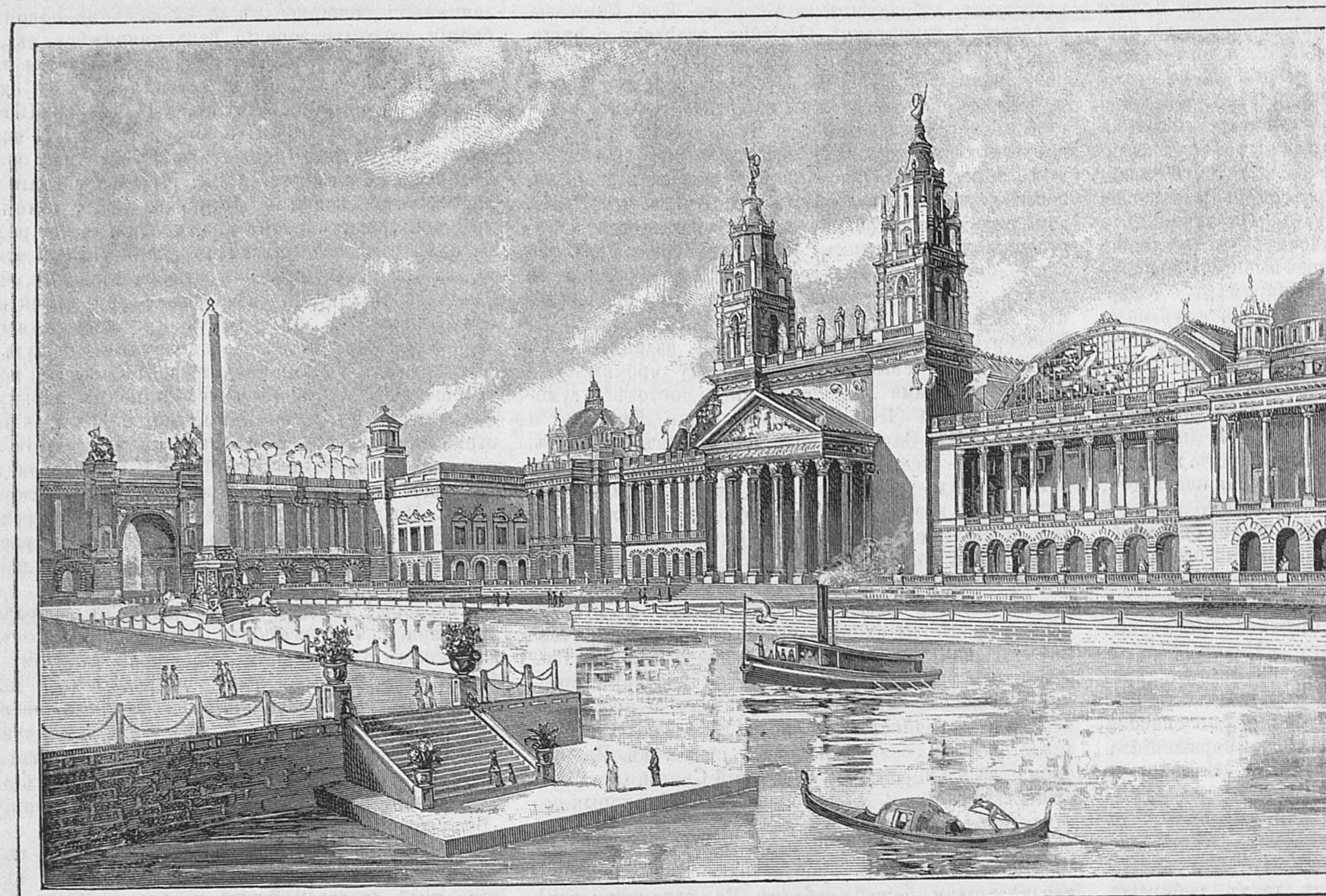
Вотъ маленькій, слабый примѣръ: „Ты не подозрѣваешь на сколько твоя ручонка ведетъ въ жизни насъ къ добру, какой нѣжности бутонъ развивается съ тобою въ розу, съ какой любовью начинается и кончается съ тобою день“ (Motily všech barev).

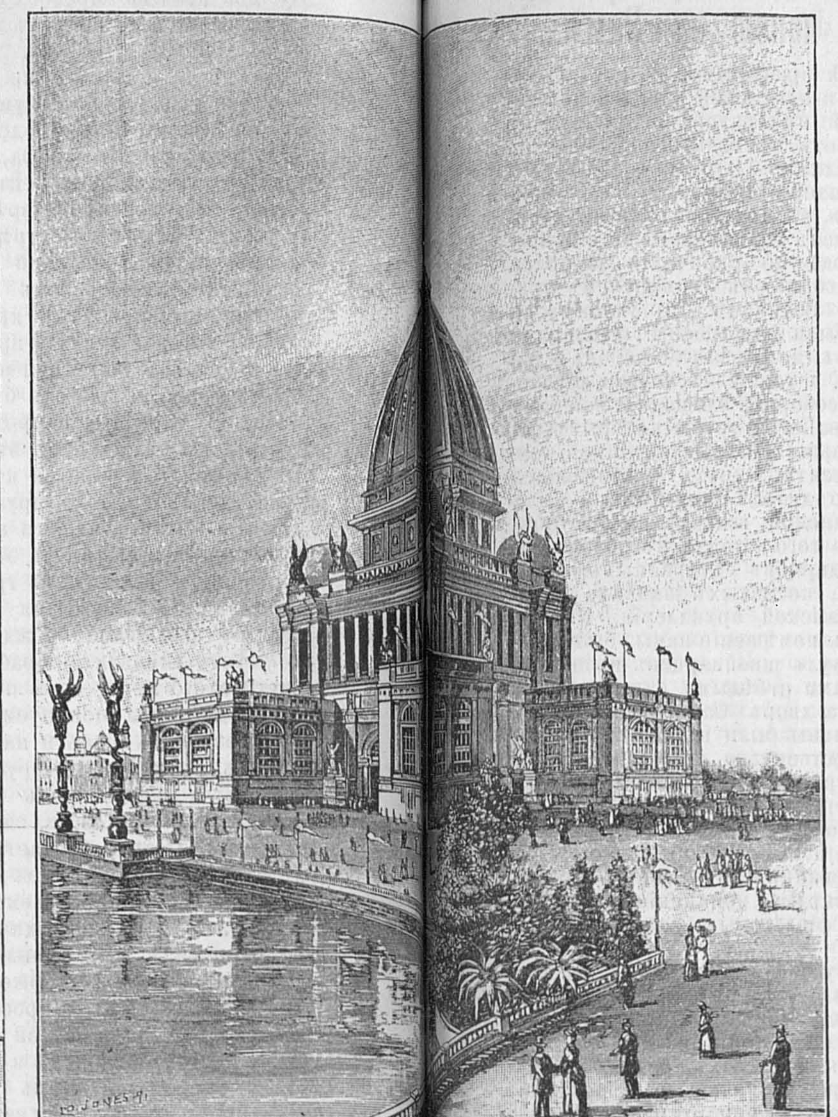
Само собою вытекаетъ изъ такого широкаго міроваго поэтическаго горизонта Врхлицкаго, что патріотическое его чувство сливается въ полную гармонію съ любовью общечеловѣческою, и поэтъ придерживается въ своихъ понятіяхъ той высшей гуманности, какую проповѣдуютъ величайшіе умы всѣхъ временъ, а въ особенности нѣкоторые поэты французскіе и итальянскіе. Этой точки зрѣнія, возвышенной и идеальной, Врхлицкій домогается всегда и всюду, глядя на человѣчество, какъ на нѣчто цѣльное, которое съ большимъ усиліемъ пробралось изъ тьмы вѣковъ и въ безконечныхъ битвахъ борется тысячи лѣтъ для собственнаго усовершенствованія, добиваясь всѣми силами свѣта и счастія. Дальше все человѣчество служитъ образцомъ каждой индивидуальной личности, которая, будучи надѣлена свойствами всячески противоположными, тѣмъ не менѣе ищетъ разрѣшенія задачи (проблемы) внутренняго удовлетворенія, счастія и самоусовершенствованія въ теченіе короткой своей земной жизни.

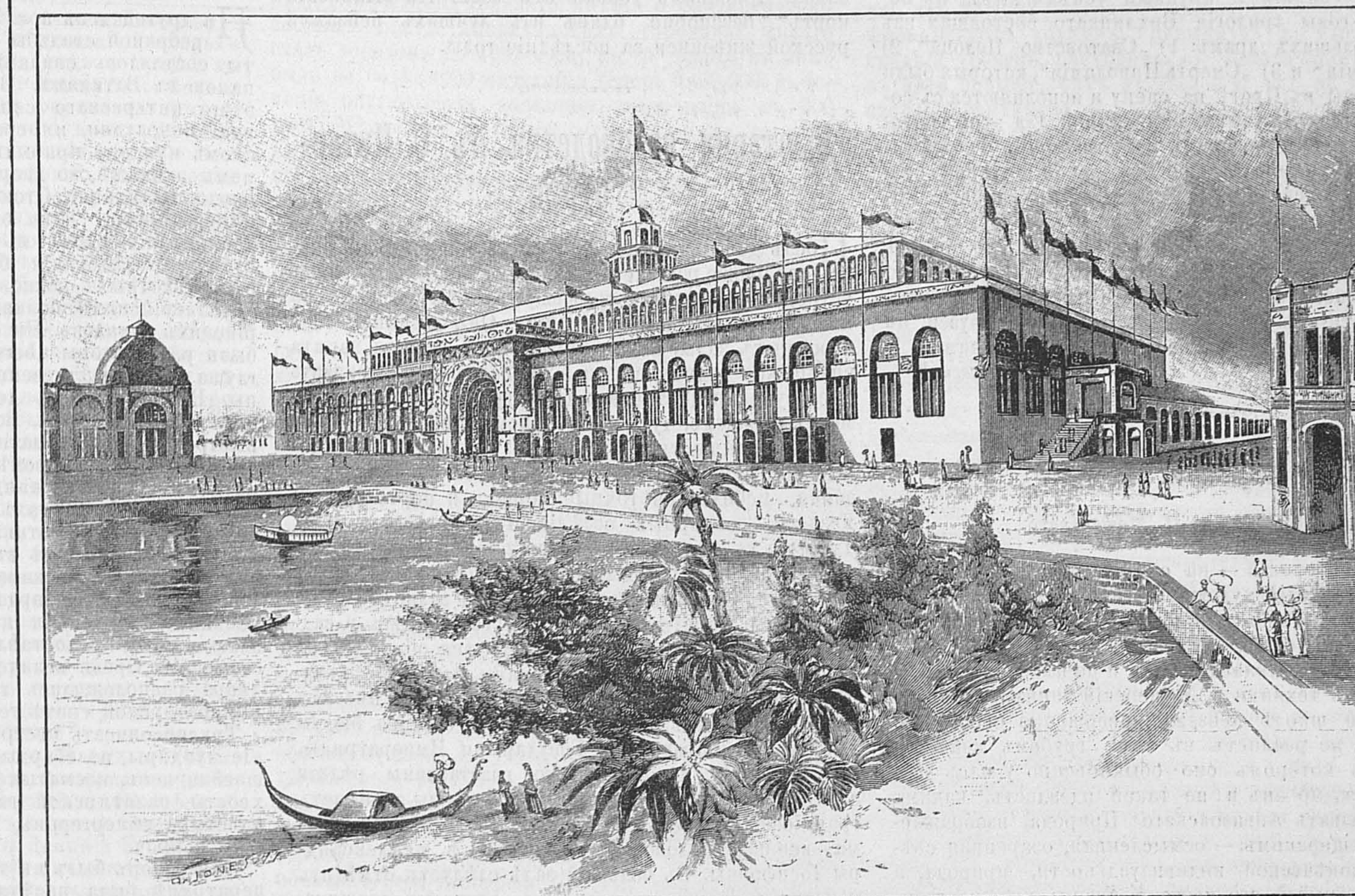
Не только человѣчество, но вся природа, все, что живетъ и существуетъ, возбуждаетъ сочувствіе въ сердцѣ Врхлицкаго. По его понятію: что можетъ значить одинъ человѣкъ? что можетъ значить даже вся земля въ этомъ безпредѣльномъ мірѣ, который, благодаря естественнымъ наукамъ, все больше и больше передъ нами раскрывается? На этомъ-то именно космическомъ чувствѣ и зиждется весь внутренній міръ Врхлицкаго.

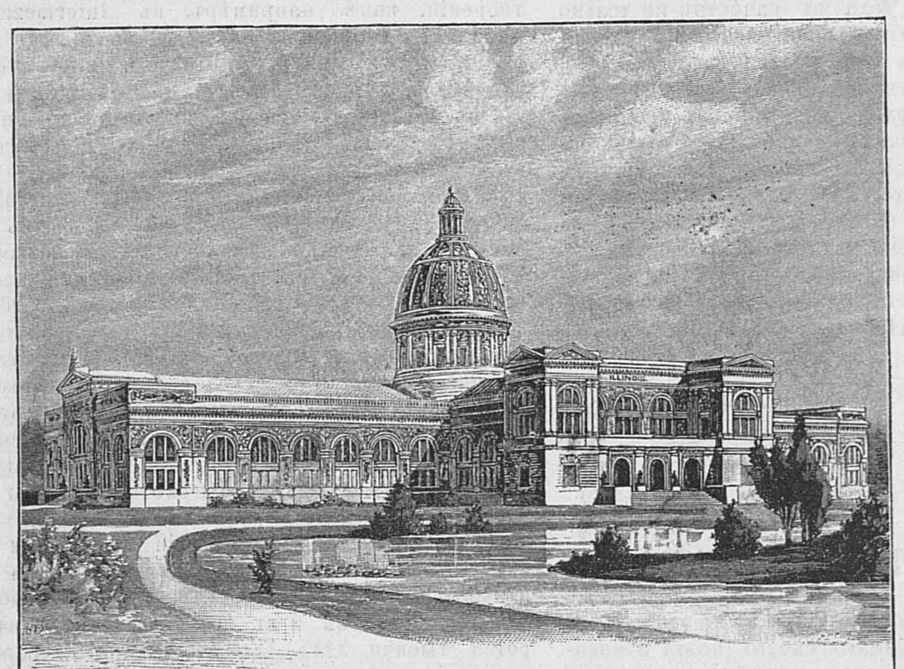
Прочтите его „Водяные цвѣты“, и вы узнаете, какъ чувствуетъ этотъ поэтъ вмѣстѣ съ растеніями; прочтите его „Симфонію элементовъ“, и вы поймете, какъ онъ живетъ и чувствуетъ съ природою неорганическою; прочтите „Духъ уединенія“—и вы удостовѣритесь, съ какой любовью льнетъ этотъ поэтъ къ той космической жизни, которой каждый изъ насъ составляетъ ничтожную и невидимую лишь пылинку. Чѣмъ больше это космическое цѣлое съ его невыразимымъ, безграничнымъ движеніемъ и жизнью познаемъ мы, тѣмъ внимательнѣе мы становимся, тѣмъ больше постигаемъ мы его порядки и его законы, тѣмъ выше стремится наша мысль, тѣмъ больше сознаемъ себя мы частью, членами этого „цѣлаго“, великаго, которымъ управляютъ вѣчные законы.

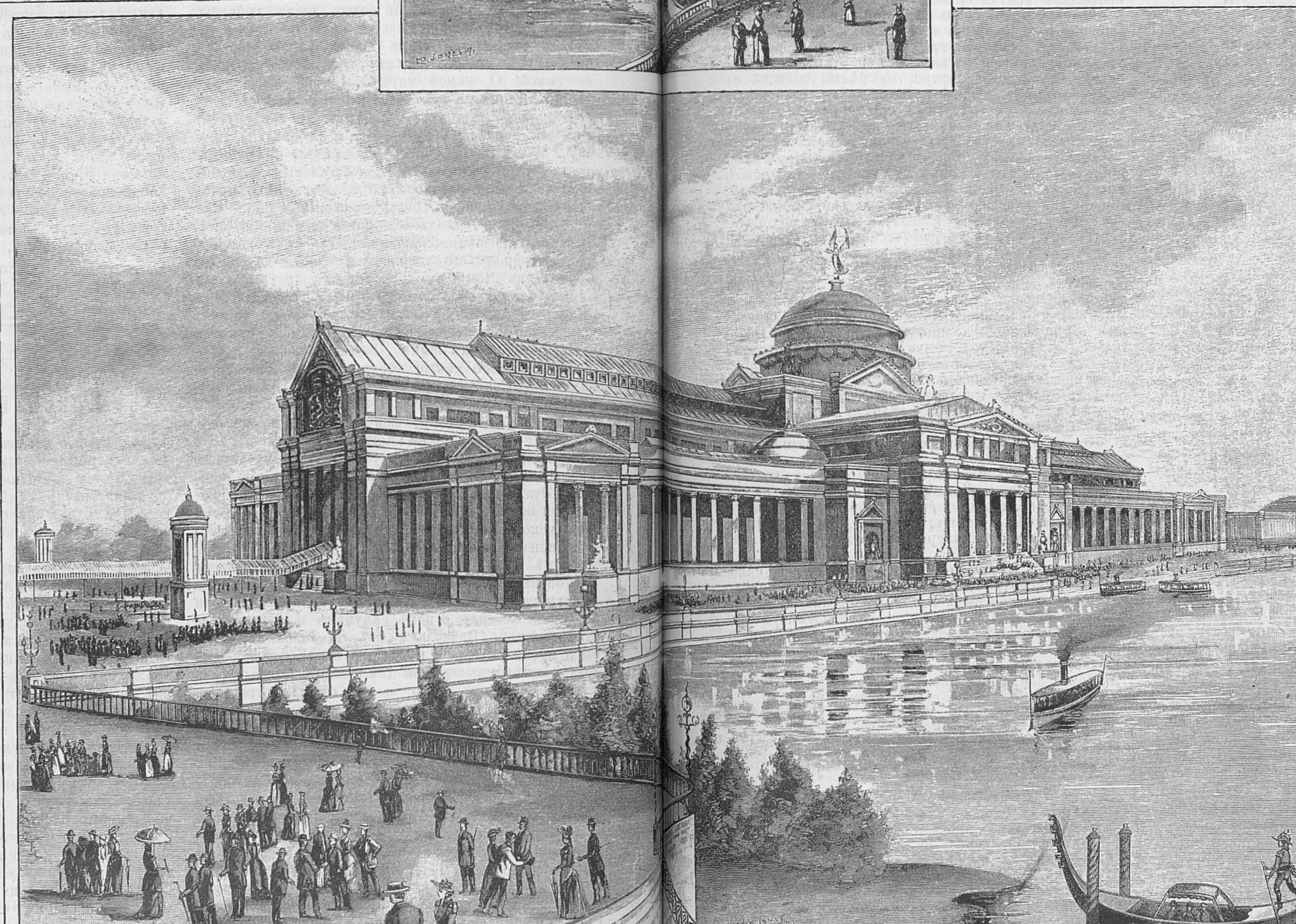
Къ сожалѣнію, русская печать совершенно незнакома съ произведеніями этого замѣчательнаго чешскаго писателя. Единственный и очень удачный переводъ одного хорошенькаго его стихотворенія „Пси-

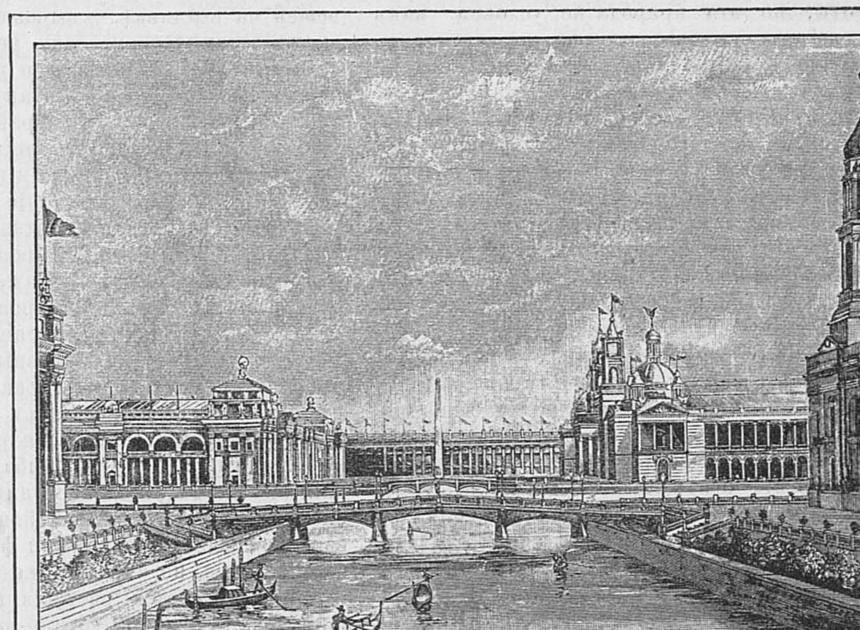


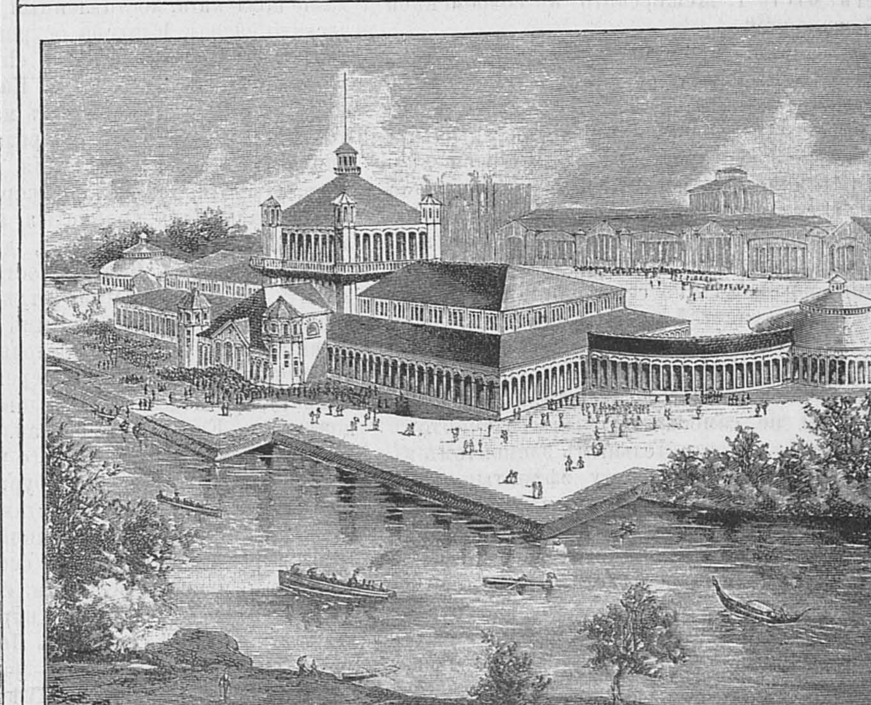












Зданіе отдѣла машинъ.
Отдѣлъ электричества и электрическихъ снарядовъ.
Зданіе экспонатовъ штата Иллинойсъ.

Зданіе администраціи выставки.
Дворецъ изящныхъ искусствъ.

Зданіе путей сообщенія.
Видъ лагуны съ сѣверной стороны.
Зданіе отдѣла рыбопромышленности.

Соединенные Штаты Сѣверной Америки. — Чикаго. Большая Колумбова выставка. Виды главныхъ построекъ.

хея и Сатиръ“ помѣщенъ былъ въ послѣдней книжкѣ журнала „Славянское обозрѣніе“ за прошлый годъ.

Самый громкій и крупный успѣхъ имѣла въ послѣдніе годы трилогія Врхлицкаго, состоящая изъ трехъ большихъ драмъ: 1) „Сватовство Пелопа“, 2) „Ипподамія“ и 3) „Смерть Ипподаміи“, которыя были поставлены въ Прагѣ на сцену и исполняются съ сопровожденіемъ музыки, написанной для этой трилогіи извѣстнымъ чешскимъ композиторомъ Фибихомъ. Нельзя не упомянуть еще объ одной крупной особенности, касающейся Ярослава Врхлицкаго. Настоящая фамилія его — Фрида, а имя Врхлицкаго есть псевдонимъ, который онъ принялъ въ началѣ литературной своей карьеры и который теперь до такой степени имъ усвоенъ, что имя Фрида для него не существуетъ. Въ обществѣ, въ кругу друзей, въ собственной семьѣ онъ называется Врхлицкимъ.

Л. Срезневская

Нарвскій портъ

Картина А. И. Мещерскаго

А. И. Мещерскій — на столько опредѣлившійся и законченный художникъ, что по отношенію къ нему не можетъ быть никакихъ недоразумѣній, никакихъ недомолвокъ. Какъ по свойствамъ своего первокласснаго таланта, такъ и по нѣкоторымъ особенностямъ техники г. Мещерскій занимаетъ въ современной школѣ пейзажа совершенно особое мѣсто. Онъ не реалистъ въ томъ грубомъ значеніи слова, въ которомъ оно обыкновенно у насъ употребляется, но онъ и не такой идеалистъ, какимъ можно назвать Айвазовскаго. Природа, изображаемая г. Мещерскимъ, — осмысленная, озаренная свѣтомъ человѣческой индивидуальности, природа, и въ этомъ смыслѣ его пейзажъ полонъ художественной красоты; но эта природа не условна, какъ у Айвазовскаго; ради красоты онъ не жертвуетъ правдой, точно также, какъ ради правды онъ не жертвуетъ красотой. Г. Мещерскій старается въ своемъ художественномъ творчествѣ слить въ одно гармоническое цѣлое и правду, и красоту, ту правду, которую онъ наблюдаетъ непосредственно въ природѣ, и ту красоту, которая, какъ и у всякаго истиннаго художника, живетъ въ его сердцѣ. Отсюда — не только особенная прелесть его пейзажа, но и нѣкоторыя особенности его техническихъ пріемовъ. Эта прелесть обусловливается тѣмъ, что въ каждой изъ его картинъ мы видимъ природу такою, какою она является въ дѣйствительности, объективно, со всѣми особенностями почвы, характеромъ растительности, свѣтовыми эффектами, принадлежащими сѣверу или югу; но рядомъ съ этой силой наблюдательности, съ этой добросовѣстной передачей внѣшности г. Мещерскій освѣщаетъ изображаемый имъ уголокъ природы своимъ художественнымъ или поэтическимъ чувствомъ и, такимъ образомъ, дѣлаетъ его не только правдивымъ, но и интереснымъ для насъ. Это-то именно полное сліяніе въ одно гармоническое цѣлое двухъ важнѣйшихъ элементовъ всякаго истиннаго искусства — правды и красоты — опредѣляетъ мѣсто г. Мещерскаго въ современной пейзажной живописи.

Говоря объ А. И. Мещерскомъ, невольно приходитъ на мысль сравненіе между нимъ и г. Айвазовскимъ. Изъ прежняго поколѣнія нашихъ пейзажистовъ они являются на первомъ планѣ, какъ признанные, никѣмъ не оспариваемые представители русской школы пейзажа. Но по отношенію къ художественной индивидуальности разница между ними значительна. Айвазовскій при громадныхъ достоинствахъ пейзажистъ по преимуществу внѣшней декоративности. Его картины обращаютъ на себя вниманіе зрителя грандіозностью и красотой моря въ его стихійныхъ порывахъ. Но эти морскія драмы гораздо больше говорятъ зрѣнію, чѣмъ чувству. Его вода удивительно прозрачна и, кажется, живетъ, но она является какъ бы не самостоятельнымъ элементомъ въ его картинахъ; самостоятельнымъ элементомъ въ нихъ являются по преимуществу эффекты свѣта, преломленіе лучей въ водѣ, тысячи цвѣтовыхъ оттѣнковъ. Напротивъ того у г. Мещерскаго, при крайней красотѣ письма, при удивительномъ вкусѣ, которымъ надѣленъ этотъ высокодаровитый художникъ, не эффекты поразительны, а то поэтическое чувство, которымъ художники облагораживаютъ изображаемую ими природу. Его манера — сильная, широкая съ значительнымъ подъемомъ поэтическаго чувства, съ умѣніемъ находить въ природѣ гармонію и единство.

Такова, между прочимъ, и его картина „Нарвскій портъ“, бывшая на академической выставкѣ нынѣшняго года; картина эта написана не совсѣмъ въ обычномъ тонѣ г. Мещерскаго, но она тѣмъ не менѣе даетъ ясное и законченное понятіе о талантѣ этого первокласснаго художника. Извѣстно, что пейзажъ не поддается описанію; красоты пейзажа имѣютъ что-то неуловимое для выраженія словами и гораздо полнѣе и цѣльнѣе воспринимаются зрѣніемъ. Поэтому и нашихъ читателей мы прямо отсылаемъ къ рисунку, по которому они легко провѣрятъ наши слова. Прибавимъ только отъ себя, что „Нарвскій портъ“ безспорно одинъ изъ лучшихъ пейзажей русской живописи за послѣдніе годы.

Выставка садоводства въ С.-Петербургѣ

Послѣ довольно продолжительнаго перерыва Императорское россійское общество садоводства вновь устроило выставку, открывшуюся 24-го апрѣля, въ помѣщеніи Соляного Городка. Она занимаетъ три огромныхъ залы, изъ которыхъ одна, темная, занята спеціально техническими экспонатами, такъ сказать аксессуарами цвѣточнаго дѣла: тутъ садовые инструменты Брабецъ, тутъ и несгораемая теплица извѣстнаго товарищества Бабаева, тутъ плетеные садовые инструменты—издѣлія института слѣпыхъ, корзинки, мебель, цвѣточные горшки и портъ-букеты Дезлера, гончарныя издѣлія Турчанинова и проч. Тутъ же въ углу почему-то пріютилась редиска, салатъ и огурцы Лисицына; затѣмъ нѣсколько фирмъ сѣмянной торговли. Вторая, большая зала, это—уже настоящее царство зелени и цвѣтовъ. Здѣсь у задней стѣны—эстрада для оркестра, вся обрамленная цвѣтущими растеніями и пальмами изъ Императорскихъ царскосельскихъ оранжерей. Подъ вѣтвями роскошныхъ пальмъ стоятъ на пьедесталахъ бюсты Государя Императора и Государыни Императрицы, а у подножія художественно разставлены рѣдкія азаліи, розы, тюльпаны и др. Центръ залы занимаетъ грандіозный букетъ, посреди котораго рѣдкая пальма—все изъ павловскихъ оранжерей в. к. Александры Іосифовны. Въ большой залѣ слѣдуетъ отмѣтить коллекцію японскихъ клёновъ — одну изъ лучшихъ вещей на выставкѣ, — выращенныхъ въ Императорскомъ ботаническомъ саду, пестролистыя латаніи и смѣшанную группу азалій и рододендровъ изъ Таврическаго сада, коллекціи антурій на дняхъ умершаго Эндера, богатое собраніе цвѣтовъ сѣверной, преимущественно петербургской, флоры, коллекціи спб. городскаго питомника и проч. Въ этой же залѣ обращаютъ на себя вниманіе чудесная гвоздика въ горшкахъ изъ Гатчины, рѣдкая по нынѣшнему времени коллекція резеды, выращенная въ Императорскихъ царскосельскихъ оранжереяхъ, персики, виноградъ и гигантскихъ размѣровъ земляника, комнатной культуры гіацинты, цѣлая группа орхидей, выдающихся по культурѣ, разныя тропическія растенія изъ оранжерей в. к. Екатерины Михаиловны, чудная сирень, азаліи и пестролистые кротоны изъ оранжерей в. к. Александры Іосифовны, латаніи и папоротники изъ Ораніенбаума. Въ третьей залѣ, или такъ называемомъ стеклянномъ павильонѣ, устроена красивая, хотя и незатѣйливая, декорація — развалины греческаго храма и фонтанъ. Вы подымаетесь на гору, по стѣнамъ которой ползутъ плющъ и другія вьющіяся растенія г. Богдановича, садовника Императорской военно-медицинской академіи. Тутъ, главнымъ образомъ, обращаютъ на себя вниманіе коллекціи, доставленныя изъ оранжерей Таврическаго сада и Елагина острова. Мы видимъ здѣсь черенковыя азаліи, Glycina chinensis, столь распространенныя въ Крыму и на Кавказѣ, изящныя большія пальмы, выращенныя въ малыхъ сосудахъ, группы пальмъ и орхидей генерала П. П. Дурново, ремонтантныя розы, цвѣтущія по нѣсколько разъ въ годъ, изъ гатчинскихъ оранжерей, лавровыя деревья, пирамидальныя и кронистыя, и чудныя группы азалій изъ Таврическаго сада, древовидный папоротникъ и азаліи съ Елагина острова, карликовые финики и мн. др. Общее впечатлѣніе выставки—весьма недурно. Она богата многими цѣнными и рѣдкими экземплярами растеній. Щеголяютъ ими и оранжереи Таврическаго сада и оранжереи царскосельскія, гатчинскія, красносельскія, павловскія, елагинскія, дворцовъ: в. к. Екатерины Михаиловны, в. к. Михаила Николаевича, Императорскаго ботаническаго сада и ботаническаго сада петербургскаго университета. Комнатная культура представлена г. Слѣпцовымъ; здѣсь хорошъ кактусъ вышиной болѣе двухъ аршинъ. Изъ цвѣтовъ обращаютъ на себя вниманіе гіацинты всѣхъ оттѣнковъ — Болотина, спеціалиста по выгонкѣ ихъ, газонъ резеды г. Андреева, такой крупный и въ такой массѣ, какой въ Петербургѣ еще никогда не видали въ это время, розы—Фрейндлиха, гдѣ между новостями самая замѣчательная бѣлая чайная роза съ цвѣткомъ на твердомъ стеблѣ, отчего она вся видна во всей своей красѣ (чайныя розы обыкновенно виснутъ внизъ). Торговцы цвѣтами постарались рекламировать себя своими экспонатами какъ только могли. Но пальма первенства принадлежитъ тому изъ нихъ, который выставилъ корабль изъ орхидей и яйцо-колесницу изъ розъ, влекомую двумя голубями, которыхъ погоняетъ амуръ.

Свиданіе Вильгельма, императора германскаго, съ папою въ Римѣ

На другой день послѣ празднествъ по случаю серебряной свадьбы итальянской королевской четы состоялось свиданіе императора Вильгельма съ папою въ Ватиканѣ. Вотъ нѣсколько подробностей этого интереснаго свиданія. 11-го апрѣля, въ 12½ час. пополудни, императоръ Вильгельмъ въ гусарскомъ мундирѣ прибылъ, въ итальянскомъ придворномъ экипажѣ, во дворецъ германскаго посольства, около Ватикана. Отсюда по окончаніи завтрака императорская чета отбыла въ германскомъ придворномъ экипажѣ въ Ватиканъ. По улицамъ на пути ея слѣдованія были выстроены шпалерами семь пѣхотныхъ полковъ, полкъ карабинеровъ и два артиллерійскихъ полка, а также нѣсколько кавалерійскихъ отрядовъ. На соборной площади шпалерами были разставлены „bersalieri“, трубы которыхъ заглушались привѣтственными кликами огромной толпы. Въ 3 часа безъ десяти минутъ приблизилась императорская чета. Во дворѣ Санъ-Дамазо была выстроена рота палатинской гвардіи съ желтобѣлымъ знаменемъ. Кромѣ того стояло нѣсколько карауловъ папскихъ жандармовъ въ красныхъ лакированныхъ ботфортахъ, косматыхъ шапкахъ и небольшой отрядъ ватиканской артиллеріи. Передъ порталомъ, ведущимъ въ помѣщеніе папы, былъ выстроенъ почетный караулъ швейцарцевъ въ парадной формѣ съ аллебардами и бѣлыми султанами на каскахъ. Выходящія на дворъ Санъ-Дамазо рафаэльскія ложи предоставлены были ватиканской аристократіи. Среди величественнаго монументальнаго двора расположились группою принадлежащіе къ императорской свитѣ германскіе офицеры.

Трудно описать пестроту всей этой картины—яркіе мундиры, аллебарды и желтокрасные шаровары швейцарцевъ, косматыя шапки жандармовъ, пѣтушьи хвосты палатинской гвардіи, испанскіе костюмы папскихъ камергеровъ, фіолетовыя мантіи прелатовъ и проч.

Императоръ былъ въ гусарскомъ мундирѣ, на императрицѣ была надѣта черная шелковая роба съ оранжевою лентой ордена Чернаго Орла. Принявъ привѣтствія отъ оберъ-церемоніймейстера князя Русполи и нѣкоторыхъ придворныхъ прелатовъ, императорская чета быстро поднялась подъ руку по лѣстницѣ, ведущей въ папскіе аппартаменты. Папа, одѣтый какъ обыкновенно, въ бѣлыя одежды съ бриллiантовымъ крестомъ, вышелъ къ императорской четѣ на встрѣчу до двери передней залы и, оказавъ радушное привѣтствіе посѣтителямъ, провелъ ихъ въ свой частный кабинетъ, такъ называемое, желтое помѣщеніе, гдѣ подъ балдахиномъ были приготовлены три одинаковыхъ кресла—для папы и императорской четы. Побесѣдовавъ четверть часа, германская императрица отправилась въ музей; она посѣтила сикстинскую капеллу, библіотеку, гобеленовую залу, залу съ географическими картами, ложи и базилику на площади св. Петра. Затѣмъ императоръ Вильгельмъ пробылъ наединѣ съ папой ровно 59 минутъ, т. е. до 4 час. 20 минутъ. Послѣ этого слѣдовали представленія папѣ свиты императора. Подъ конецъ папа, повидимому, чрезвычайно довольный его посѣщеніемъ, проводилъ императора Вильгельма, отступивъ отъ обычнаго церемоніала, черезъ три покоя. Императоръ черезъ внутреннія корридоры прошелъ въ соборъ св. Петра, гдѣ около алтаря встрѣтился съ императрицей; затѣмъ оба вернулись во дворъ Санъ-Дамазо, сѣли въ экипажъ и, съ соблюденіемъ прежняго церемоніала, возвратились въ отель прусскаго посольства. При отбытіи императорской четы публика, хотя и состоявшая большею частью изъ клерикаловъ, разразилась восторженными криками. Папа показался въ окнѣ и, несмотря на исполняемый военными оркестрами итальянскій королевскій маршъ, простоялъ, пока не скрылся изъ вида экипажъ императора и императрицы германскихъ.

Императоръ и папа обмѣнялись подарками: папа поднесъ императрицѣ Августѣ великолѣпную, исполненную въ мастерскихъ Ватикана, мозаиковую картину, изображающую соборъ св. Петра. Императоръ оставилъ папѣ на память большую, расписанную красками, фотографію, группу всего германскаго императорскаго дома.

Одному изъ прелатовъ папа сказалъ: „Che bravo imperatore!“ („Какой славный императоръ!“)!

Театръ, музыка, искусства

— Г. Бернардъ, извѣстный импресаріо итальянской оперы, бывшей въ Маломъ театрѣ два года назадъ, по просьбѣ самихъ артистовъ, принялъ на себя антрепризу въ будущемъ сезонѣ. Пока приглашены: г-жи Зембрихъ, Даркле, гг. Маркони, Баттистини и нашъ старый другъ Котоньи. Оркестромъ дирижировать будетъ г. Бевиньяни. Съ другими артистами ведутся уже переговоры. Въ началѣ будущаго мѣсяца будетъ открыта подписка на два абонемента — по 10 представленій въ каждомъ. Бывшіе абоненты послѣдняго сезона въ театрѣ „Аквариума“ сохраняютъ право на свои мѣста и могутъ до 1-го мая записываться въ музыкальномъ магазинѣ М. Бернарда. Спектакли будутъ даваться съ конца декабря до конца февраля въ театрѣ „Аквариума“.

— Верди рѣшено дать орденъ „Благовѣщенія“ (collare del'Annunziata). Церемонія врученія ордена предполагалась въ особой аудіенціи въ Квиринальскомъ дворцѣ.

Самый быстроходный колесный пароходъ въ свѣтѣ

Въ Шотландіи нынѣшнею весною состоялась оффиціальная проба колеснаго парохода „Леопольдъ II“, построеннаго на заводѣ гг. Денни и Братья въ Домбартенѣ, на рѣкѣ Клейдѣ, по заказу бельгійскаго правительства. Этотъ пароходъ предназначенъ совершать рейсы между Остенде и Дувромъ. До сихъ поръ, принадлежащіе той же компаніи, два парохода „Принцесса Генріетта“ и „Жозефина“, построенные тою же фирмою, считались самыми быстроходными, но проба новаго парохода „Леопольдъ II“ доказала, что онъ превосходитъ ихъ своею скоростью. Во все время пробы, машины работали полнымъ ходомъ безъ малѣйшаго перерыва. Эти машины на „Леопольдѣ II“ устроены такъ, что цилиндры не требуютъ смазки, а остальныя движущіяся части смазываются стофорскими экономическими масленками. Бельгійская компанія старается обставить совершаемые ея пароходами рейсы наилучшими условіями; ею построено 6 быстроходныхъ пароходовъ, изъ которыхъ самый скорый дѣлалъ 19 узловъ, т. е. 33 версты въ часъ. Эту скорость значительно превысилъ только что испытанный пароходъ, который въ теченіе продолжительнаго времени выдержалъ среднюю скорость хода въ 22,16 узловъ, т. е. 38½ верстъ въ часъ, и этимъ безспорно укрѣпилъ за собою славу самаго быстраго колеснаго парохода въ свѣтѣ. Пробы производились подъ наблюденіемъ назначенной со стороны бельгійскаго правительства коммиссіи, состоявшей изъ извѣстныхъ моряковъ и техниковъ. Члены коммиссіи заявили заводу свое полное удовольствіе и бельгійскому правительству придется уплатить гг. Денни и К° солидную премію за достигнутый лишній узелъ противъ скорости, указанной въ контрактѣ. Длина парохода 340 фут., ширина 38 фут. и глубина 14½ фут.; онъ на 40 футовъ превышаетъ длину прежнихъ пароходовъ „Генріетты“ и „Жозефины“. Двигателемъ парохода служитъ паровая машина системы Компаундъ той же фирмы Денни и К°, приспособленная къ колесному ходу; ихъ извѣстный колесный типъ слѣдующихъ размѣровъ: діаметръ малаго цилиндра 59 дюймовъ, діаметръ большого цилиндра 104 дюйма, ходы поршней 6 ф. 9 дюймовъ. Каюты на „Леопольдѣ II“ просторны и отдѣланы съ большимъ вкусомъ. Спеціальный салонъ на случай поѣздки короля Бельгіи замѣчателенъ своею роскошною отдѣлкою изъ дорогихъ деревъ: такъ называемаго птичьяго глаза и орѣховаго дерева, украшенныхъ искусною рѣзьбою; потолки съ позолоченными карнизами, а подвижная меблировка обита дорогимъ шелкомъ; каюта представляетъ собою роскошную гостиную. Въ этой комнатѣ помѣщается и обѣденный столъ со всѣми къ нему принадлежностями; отсюда черезъ стеклянную дверь входъ въ спальни, отдѣланныя со всевозможнымъ комфортомъ.

Всемірная выставка въ Чикаго

I

Открытіе выставки. — Начало и постепенный ростъ Чикаго. — Путешествіе на выставку. — Современное состояніе города, его населеніе. — Замѣчательнѣйшія постройки на выставкѣ — отдѣлы: административный, машинный, электрическій, путей сообщенія, рыбопромышленности, изящныхъ искусствъ, павильоны штатовъ.

Флаги подняты. Совершилось! Перваго мая, по новому стилю, президентъ Соединенныхъ Штатовъ торжественно открылъ Колумбову выставку въ Чикаго. Къ моменту открытія во всѣхъ двигателяхъ, приводящихъ въ движеніе помѣщенныя на выставкѣ машины, былъ поднятъ паръ и держался наготовѣ. Объявивъ выставку открытою, Кливелендъ нажалъ пуговку, электрическій токъ пронесся по безчисленнымъ проводникамъ и мгновенно привелъ въ движеніе всѣ машины; въ то же время развернулись и всѣ флаги на шпиляхъ выставочныхъ строеній.

За послѣдніе два—три года европейская печать не щадила красокъ на описаніе всѣхъ тѣхъ диковинокъ, которыми американцы собирались блеснуть на своей выставкѣ. Публика очень подготовлена, очень возбуждена этими сообщеніями и ждетъ отъ выставки быть можетъ больше, чѣмъ она дастъ. Но путь въ Чикаго и долгъ, и дорогъ: не всякаго судьба побалуетъ свободными деньгами и временемъ, чтобы видѣть заморское собраніе диковинъ воочію. Обязанность печати, особенно иллюстрированной, приложить всѣ старанія къ тому, чтобы удовлетворить законную любознательность оставшихся дома, не попавшихъ на великое всемірное торжество „Всемірная Иллюстрація“ уже напечатала довольно обстоятельное описаніе внѣшняго вида и общей распланировки выставки (см. №№ 1151 и 1167, томъ XLV, и № 1204 въ томѣ XLVII). Теперь, съ открытіемъ выставки, мы будемъ слѣдить за нею шагъ за шагомъ и отдавать читателямъ отчетъ обо всемъ выдающемся, чѣмъ она блеснетъ передъ публикою стараго и новаго свѣта.

Прежде чѣмъ сосредоточить вниманіе на самой выставкѣ, бросимъ взглядъ на тотъ сценарій, среди котораго она воздвигнута, на городъ Чикаго—одинъ изъ крупнѣйшихъ промышленныхъ центровъ цивилизованнаго міра. Чикаго служитъ однимъ изъ самыхъ наглядныхъ примѣровъ, какіе можно привести въ подтвержденіе ходячаго мнѣнія о фантастически скоромъ ростѣ американскихъ городовъ. Чикаго сталъ городомъ съ 1837 года; въ то время въ немъ было не болѣе 4000 жителей, а теперь 1.438,000; въ теченіе полустолѣтія населеніе увеличилось въ 300 разъ. Мѣстность на берегу озера Мичигана, занятая нынѣшнимъ городомъ, была посѣщена первымъ европейскимъ путешественникомъ, такъ сказать, открыта, въ 1679 году; честь ея открытія пала на долю французскаго авантюриста Робера де-ля-Салль, которому поставленъ памятникъ на одной изъ площадей города. Въ то время въ тѣхъ мѣстахъ бродили дикія индѣйскія племена — иллинойсы (отъ которыхъ штатъ получилъ и свое названіе) и ирокезы. Тамъ, гдѣ теперь Чикаго, прежде въ изобиліи росъ дикій лукъ; индѣйцы прозвали всю эту мѣстность „лукомъ“—*чеган*; отсюда произошло и современное названіе города, которое, надо замѣтить, американцы произносятъ не Чикаго, а скорѣе Чикого. Первымъ поселенцемъ той мѣстности былъ негръ, убѣжавшій отъ своего владѣльца, изъ Санъ-Доминго; въ 1779 г. онъ построилъ тутъ себѣ хижинку и долго жилъ совершеннымъ отшельникомъ; въ 1796 г. къ нему присоединился одинъ канадецъ, Жозефъ Ле-Ме, который продалъ свое жилище въ 1803 г. нѣкоему Кинзи. Около 1812 года на мѣстѣ нынѣшняго Чикаго уже существовалъ небольшой фортъ Дирборнъ, а около 1823 г. въ Чикаго нашлось 5 собственниковъ, оцѣнивавшихъ свое имущество, въ общей сложности, въ 3,000 рублей (мет.); въ 1825 г. 14 собственниковъ объявили себя владѣльцами имущества цѣною въ 12,000 рубл.; въ 1830 г. въ Чикаго было 50 человѣкъ, владѣвшихъ недвижимымъ имуществомъ; черезъ годъ населеніе удвоилось, еще черезъ два года вновь удвоилось. Въ 1837 г., какъ уже сказано, Чикаго объявилъ себя городомъ. Въ 1845 году въ немъ было 7,000 жителей, черезъ два года—12.000. Европейскія политическія волненія 1848—49 гг. дали богатую жатву американской иммиграціи, въ томъ числѣ и Чикаго. Съ 1849 по 1859 г. населеніе возросло съ 23 до 100 тысячъ. Въ 1871 году Чикаго насчитывалъ у себя до 330,000 жителей; въ этомъ достопамятномъ году Чикаго былъ опустошенъ пожаромъ съ такою лютостью, которую рѣдко проявляли даже наши знаменитые пожары. Это было въ воскресенье, 8-го октября. Ирландецъ О'Лири пировалъ у себя съ друзьями, а жена его пошла доить коровъ, вооружившись керосиновой лампой, такъ какъ дѣло было подъ вечеръ. Злополучная лампа опрокинулась, керосинъ разлился и вспыхнулъ. Домъ О'Лири мгновенно утонулъ въ пламени; съ него огонь перекинуло на сосѣдніе дома. Лѣто было жаркое, сухое, а въ тотъ роковой день еще, какъ на грѣхъ, свирѣпствовалъ ураганъ — явленіе нерѣдкое въ странѣ великихъ озеръ. Пожаръ, разлившійся буквально по всему городу, остановился только на другой день къ вечеру, остановился потому, что больше нечему было горѣть. Погибло 17½ тысячъ домовъ, на пространствѣ болѣе 600 десятинъ, 275 человѣкъ сдѣлались жертвою пламени; огонь пожралъ городскаго имущества на 240 милліоновъ. Съ этого достопамятнаго пожара въ Америкѣ окончательно пропалъ вкусъ къ деревяннымъ постройкамъ въ городахъ.

Прежде чѣмъ приступить къ очерку современнаго Чикаго скажемъ нѣсколько словъ о путешествіи туда изъ Европы. Намъ, европейцамъ, конечно, прежде всего необходимо добраться до Нью-Іорка на одномъ изъ многочисленныхъ пароходовъ, совершающихъ правильные рейсы въ Америку. Каждый, смотря по удобствамъ, можетъ избрать отправнымъ пунктомъ либо Гамбургъ, либо одинъ изъ англійскихъ портовъ, напримѣръ, Ливерпуль, либо одинъ изъ французскихъ, лучше всего Гавръ. Морской путь до Нью-Іорка обойдется въ первомъ классѣ около 120—150 рублей (мет.), во второмъ около 100 р.; о третьемъ и четвертомъ классахъ нечего и думать человѣку, непривычному къ морскому путешествію. По прибытіи въ Нью-Іоркъ путешественнику предстоитъ сдѣлать выборъ между нѣсколькими желѣзнодорожными линіями, идущими къ Чикаго; но такъ какъ провозная плата по всѣмъ линіямъ почти одинакова — около 20 долларовъ (долларъ=1 р. 31 коп. золот.), то можно воспользоваться двумя линіями, проѣхавъ, напримѣръ, впередъ по сѣверному направленію и посѣтивъ на пути Ніагару, а назадъ по одной изъ южныхъ линій.

Желѣзнодорожный вокзалъ въ Чикаго находится почти въ центрѣ города, невдалекѣ отъ лучшихъ гостинницъ, изъ которыхъ двѣ—Аудиторіумъ и Palmer's House – представлены на нашихъ рисункахъ. Обѣ эти гостинницы придерживаются установившагося въ Америкѣ обычая — сдавать номера вмѣстѣ съ суточнымъ продовольствіемъ, на которое, кстати сказать, никогда не слышалось жалобъ среди европейскихъ путешественниковъ по Америкѣ; тамъ кормятъ, если и не изысканно, то во всякомъ случаѣ сытно. Суточная плата въ такихъ чисто американскихъ отеляхъ—5—6 долларовъ. Въ Чикаго имѣются также гостинницы и съ европейскими порядками; изъ нихъ указываютъ, между прочимъ, на Grand Pacific и Tremont. Вообще жизнь въ Чикаго (особенно во время выставки) не покажется дешевою; кто изъ нашихъ соотечественниковъ побывалъ во Франціи, тотъ долженъ привыкнуть къ мысли, что средній уровень расходовъ въ Чикаго будетъ разъ въ пять повыше, чѣмъ въ Парижѣ; что въ Парижѣ стоило 5 сантимовъ, то въ Америкѣ обойдется въ 5 су.

Городъ раздѣляется рѣчкою Чикаго и ея рукавами на три части: южную, сѣверную и западную. Планировка города чрезвычайно правильная и удобная, способствующая наилегчайшему запоминанію адресовъ и отыскиванію нужныхъ домовъ. Улицы идутъ подъ прямыми углами и за исключеніемъ первыхъ одиннадцати, названныхъ по именамъ отечественныхъ знаменитостей — Вашингтона, Марисона, Монро, Адамса, Джексона и т. д.—всѣ перенумерованы, начиная съ 12-й до 138-й, которою въ настоящее время ограничивается площадь города. Въ промежуткѣ между двухъ параллельныхъ улицъ помѣщается обыкновенно 50 домовъ, и къ нумеру дома въ его адресѣ обыкновенно прибавляется нумеръ улицы. Вамъ нужно, положимъ, найти № 2243 на Мичиганскомъ авеню. Число 2243 прямо указываемъ вамъ, что домъ подъ № 43 находится въ той части Мичиганскаго авеню, которая лежитъ между 22 и 23 улицами.

Центръ города застроенъ желѣзнодорожными вокзалами, гостинницами, конторами, товарными складами и самыми крупными магазинами. Обитаемые дома начинаются только за чертою этого, кипящаго уличною жизнью, центра. Населенная часть города стала нѣсколько оживляться только въ самые послѣдніе годы, когда Чикаго подвергся нашествію иноплеменниковъ; раньше эта часть города, въ сущности биткомъ набитая народомъ, казалась чуть не пустынею; коренной американецъ не охотникъ до гостей; онъ ревниво оберегаетъ свой „home“, свой священный домашній очагъ, гдѣ проводитъ немногіе часы отдыха отъ дѣловой дневной сутолоки, въ кругу своей семьи. Американцы очень щепетильны въ выборѣ жилья. Стоитъ только провести по улицѣ конножелѣзную дорогу, открыть на ней нѣсколько лавочекъ, стоитъ евреямъ избрать ее своимъ мѣстожительствомъ — тотчасъ коренной американецъ бросаетъ эти зачумленныя мѣста; жить тутъ ему — не comme il faut. Вообще сѣверная часть города—нѣкоторое подобіе аристократическаго квартала въ этомъ архидемократическомъ городѣ; тутъ превосходные, роскошные частные дома, сады, парки, мѣста общественныхъ прогулокъ. Авеню, идущее вдоль Мичигана, съ величественнымъ видомъ на громадное безбрежное озеро, считается лучшимъ мѣстомъ для прогулокъ. Здѣсь же, въ сѣверной части, расположенъ знаменитый Линкольновскій паркъ, тихій и спокойный въ будни, но зато кишащій народомъ по праздничнымъ днямъ; въ немъ устроено нѣчто вродѣ зоологическаго сада — медвѣжья яма, стойла для слоновъ, буйволовъ, лосей, павильоны для львовъ и обезьянъ. Линкольновскій паркъ — любимое мѣсто прогулокъ влюбленныхъ.

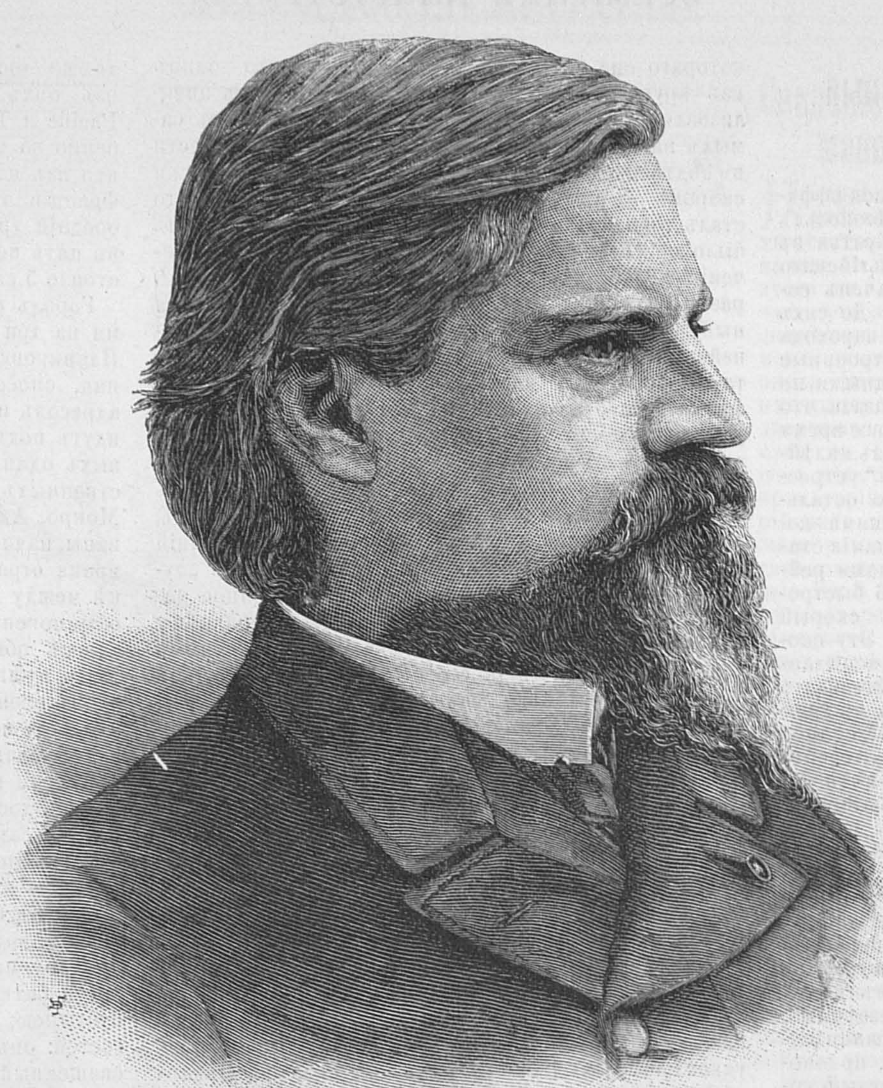
Южная часть города населена милліонерами. Здѣсь, между прочимъ, высится роскошный домъ Джорджа Пульмана, прославившагося своимъ широкимъ гостепріимствомъ по отношеніи къ посѣщающимъ Чикаго иностранцамъ. Противъ дома Пульмана находится одно изъ самыхъ красивыхъ частныхъ жилищъ города — домъ Миболя. Очень много красивыхъ домовъ встрѣчается въ предмѣстьяхъ—Гайдъ-Паркѣ и Кенуудѣ и на большихъ бульварахъ, идущихъ къ Вашингтоновскому парку, къ беговому полю и къ выставкѣ.

Населеніе Чикаго представляетъ самую пеструю смѣсь, въ которой коренные янки являются далеко не господствующимъ элементомъ; ихъ не болѣе 300 тысячъ человѣкъ, тогда какъ нѣмцевъ насчитывается 385 тысячъ. За нѣмцами и американцами идутъ ирландцы, которыхъ въ Чикаго наберется до 220 тысячъ; ихъ соотечественники англичане (30 т. человѣкъ) и шотландцы (12 т. человѣкъ) держатся совершенно особнякомъ отъ ирландской колоніи. Скандинавскія государства также принесли щедрую дань населенію Чикаго; ихъ здѣсь около 100 т. человѣкъ. За ними по численности слѣдуютъ чехи (54 т. человѣкъ), за чехами поляки (53 т.). Русскіе евреи, охотно избирающіе своимъ новымъ отечествомъ Чикаго, набрались сюда въ числѣ до 10 т. человѣкъ. Французовъ здѣсь мало, не болѣе 4 тысячъ; притомъ они не группируются, подобно другимъ колоніямъ, въ опредѣленныхъ частяхъ города, а разбросались по всѣмъ кварталамъ. Вообще въ этомъ новомъ Вавилонѣ трудно было бы не отыскать хотя до десятка представителей какого угодно племени. Общественныя мѣста города наполнены звуками всѣхъ языковъ земного шара. Но природный языкъ эмигранта обыкновенно скоро и безъ особенныхъ сожалѣній оставляется и забывается уступая мѣсто господствующему въ Соединенныхъ Штатахъ англійскому языку. Можно утверждать, что у каждаго эмигранта царитъ въ душѣ завѣтная мечта, мечта о томъ счастливомъ днѣ, когда онъ получитъ право съ гордостью говорить: „I am an american citizen!“

Иностранцу, располагающему провести нѣкоторое время въ Чикаго, рекомендуютъ быть настороже противъ трехъ враговъ: огня, карманника и климата. Урокъ, данный пожаромъ 1871 г., конечно, не прошелъ даромъ; городъ обзавелся вполнѣ образцовою пожарною командою; но пожары и до сихъ поръ донимаютъ населеніе не на шутку. Страховыя общества взимаютъ здѣсь чудовищныя преміи, чуть не во 100 разъ больше, чѣмъ въ Европѣ, и, несмотря на это, все-таки сплошь и рядомъ разоряются. Другой непріятель — карманникъ; это тоже chef d'oeuvre; здѣсь онъ расцвѣлъ столь пышнымъ цвѣткомъ, что европейскимъ собратьямъ остается только ахать и любоваться. У здѣшняго жулика — глаза Аргуса; онъ ловитъ каждый моментъ безпечности и умѣетъ имъ воспользоваться какъ нельзя лучше. Климатъ Чикаго преисполненъ крайностей. Городъ не защищенъ ни съ сѣвера, ни съ юга и потому является законной добычей и сѣверныхъ ледяныхъ бурь, и южныхъ раскаленныхъ вѣтровъ. Надо запасаться одеждою съ разсчетомъ на всевозможные прыжки температуры.

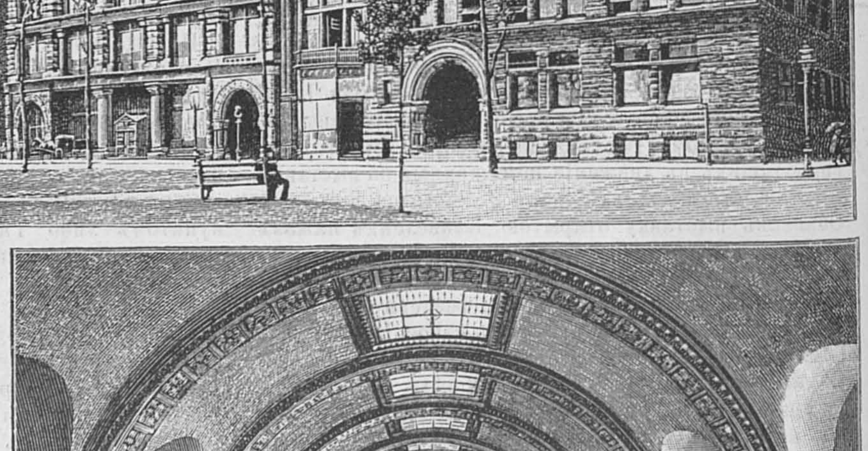
Выставка только что началась и еще, такъ сказать, не успѣла пріобрѣсти опредѣленной физіономіи; трудно судить о ея успѣхѣ, объ излюбленныхъ посѣтителями экспонатахъ, о развлеченіяхъ, на которыхъ не поскупятся предприниматели, имѣя въ своемъ распоряженіи громадную массу пріѣзжей публики. Намъ пока приходится начать съ внѣшняго обзора выставки. На рисункахъ, помѣщенныхъ въ этомъ нумерѣ, читатели найдутъ снимки съ нѣкоторыхъ выдающихся построекъ на выставкѣ. Начнемъ съ административнаго павильона. Онъ занимаетъ мѣсто внутри двора, образуемаго громадными постройками, обращенными фасадами къ озеру. Внутренность этого павильона образуетъ ротонду, имѣющую 120 футовъ въ поперечникѣ и 220 футовъ въ вышину; въ него ведутъ четыре громадные портала. Публика будетъ допускаться во всѣ галлереи этого павильона; изъ нихъ верхняя устроена на высотѣ 200 футовъ надъ поверхностью земли. Въ административномъ павильонѣ никакихъ экспонатовъ не будетъ; онъ предназначается подъ различныя бюро и конторы, вѣдающія разныя части выставки.

Машинное зданіе — одно изъ самыхъ грандіозныхъ на выставкѣ — 850 футовъ длины и 500 футовъ ширины; къ нему сдѣлана еще большая пристройка. Надъ зданіемъ возвышаются три громадныхъ купола, каждый поперечникомъ въ 130 футовъ и высотою въ 50 футовъ. Вокругъ стѣнъ зданія идутъ обширныя галлереи, а вся его внутренность представляетъ обширный дворъ. Въ пристройкѣ къ этому зданію помѣщены двигатели, развивающіе въ общемъ до 24,000 лошадиныхъ силъ и предназначенные для приведенія въ движеніе всѣхъ выставленныхъ машинъ. Общая площадь машиннаго зданія — $17^1/_2$ акровъ (около $6^1/_2$ десятинъ). Американцы нѣсколько опечалены тѣмъ, что ихъ машинное зданіе вышло меньше, чѣмъ оно было на парижской выставкѣ 1889 г.;



ДЖОРДЖЪ ДАВИСЪ,

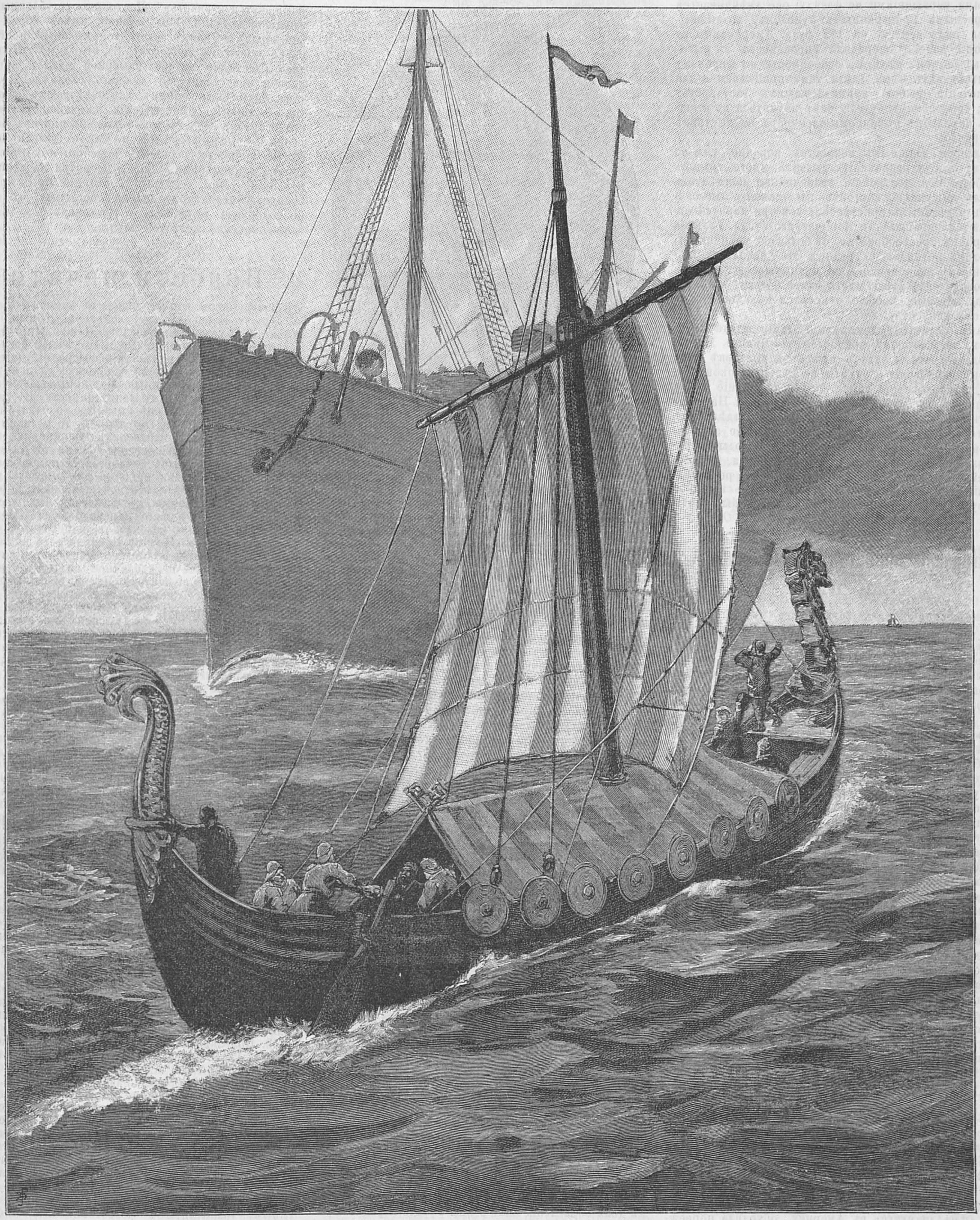
главный директоръ-распорядитель Колумбовой выставки въ Чикаго.



Аудиторіумъ.
Гостиница Пальмера и улица Стэтъ.

Аудиторіумъ; видъ съ озера.
Столовая въ аудиторіумѣ.

Соединенные Штаты Сѣверной Америки. — Чикаго. Большая Колумбова выставка. Главныя гостинницы.



Судно древнихъ викинговъ, построенное норвежскимъ правительствомъ, на пути въ Чикаго.

Соединенные Штаты Сѣверной Америки. — Чикаго. Большая Колумбова выставка.

Рисовалъ съ натуры въ Христіаніи В. Петерсъ.

но прямой разсчетъ указывалъ на безполезность увеличенія размѣровъ этой постройки, которая предназначалась почти исключительно для машинъ американскаго происхожденія.

Электротехническій павильонъ красуется множествомъ башенокъ; зданіе это не изъ самыхъ большихъ на выставкѣ—690 футовъ въ длину и 345 футовъ въ ширину; подъ экспонаты здѣсь отведена площадь въ 185 тысячъ квадратныхъ футовъ; американцы захватили подъ свои издѣлія около $^2/_3$ этой площади. Сюда, однако, не вошли ни машины, ни приспособленія для добыванія той электрической энергіи, которая будетъ расходоваться на выставкѣ въ качествѣ двигателя и для освѣщенія; въ электротехническомъ отдѣлѣ собраны только экспонаты, а рабочія машины находятся въ пристройкѣ къ машинному павильону.

Зданіе путей сообщенія или, правильнѣе сказать, средствъ передвиженія (transportation) будетъ гордостью каждаго истаго янки, потому что ни одна страна въ мірѣ не развила у себя въ столь короткое время такой превосходной сѣти путей сообщенія всякаго рода. Замѣчательно, что экспоненты всѣхъ странъ потребовали себѣ гораздо больше мѣста въ этомъ зданіи, чѣмъ разсчитывали завѣдующіе устройствомъ выставки; одни только иностранцы запросили на свою долю 214$^1/_2$ тысячъ квадратныхъ футовъ въ этомъ отдѣлѣ, тогда какъ, напримѣръ, въ машинномъ отдѣлѣ они заняли только 175 тысячъ кв. ф., а въ электротехническомъ всего 68 тысячъ. Коллекціи этого отдѣла, между прочимъ и историческія, обѣщаютъ быть preинтересными, и мы еще надѣемся къ нимъ возвратиться при дальнѣйшихъ частныхъ обзорахъ выставки въ Чикаго.

Зданіе рыбопромышленности не отличается выдающимися размѣрами, но зато блещетъ изящными

мелкими украшеніями по фасаду; оно увѣнчивается прекраснымъ 12-тиграннымъ куполомъ, возвышающимся надъ землею на 152 фута. Американцы во многомъ далеко опередили европейцевъ въ рыбопромышленномъ дѣлѣ, въ особенности по широкому масштабу тѣхъ мѣръ, какія тамъ принимаются для обезпеченія рыбою принадлежащихъ государству водъ; европейцамъ будетъ чему поучиться въ изящномъ павильонѣ рыбопромышленности на выставкѣ въ Чикаго.

Галлерея изящныхъ искусствъ, конечно, уже по самому своему назначенію, вызвала много трудовъ и заботъ. Вся постройка, назначенная подъ этотъ отдѣлъ выставки, состоитъ изъ главнаго зданія и двухъ отдѣльныхъ пристроекъ; всѣ три корпуса отличаются украшеніями іоническаго стиля. Главная постройка крестообразная, съ большою, увѣнчанною куполомъ, ротондою по срединѣ. Это—павильонъ иностранныхъ экспонентовъ по преимуществу; они потребовали себѣ здѣсь мѣста вдвое больше, чѣмъ хозяева, которые, вообще, относятся холодновато къ чистому искусству.

Намъ остается упомянуть о зданіи штата Иллинойсъ, къ которому принадлежитъ Чикаго. Многіе отдѣльные штаты будутъ имѣть на выставкѣ свои особые павильоны и отдѣлы на сѣверной оконечности Джаксоновскаго парка. Изъ нихъ зданіе штата Иллинойсъ выдается по своимъ размѣрамъ. На этихъ частныхъ выставкахъ и выставочкахъ отдѣльныхъ штатовъ и территорій будетъ собрано все замѣчательное, относящееся до мѣстной природы и промышленности: зоологическія, ботаническія, геологическія, сельскохозяйственныя и другаго рода коллекціи, снимки и модели замѣчательныхъ зданій и сооруженій, статистическія таблицы, планы, карты и т. д.

М. О—въ

Корабль викинговъ на выставкѣ въ Чикаго

Колумбова выставка стягиваетъ къ себѣ достопримѣчательности со всего свѣта. Въ настоящее время туда направлено изъ Норвегіи интересное судно, рисунокъ котораго помѣщенъ въ этомъ нумерѣ „Всем. Иллюстраціи". Это судно—точная копія съ тѣхъ гребныхъ и парусныхъ судовъ, на которыхъ когда-то бороздили море лихіе норманскіе викинги. Читатели еще изъ гимназическихъ учебниковъ исторіи помнятъ какого холода нагоняли викинги со своими удалыми дружинами на все европейское побережье; это былъ народъ, жившій самымъ откровеннымъ грабежемъ. Набѣгъ норманновъ былъ равносиленъ самому отчаянному бѣдствію, какое только могло навалиться на злополучную страну; мирные жители считали норманновъ хуже саранчи, глада и труса. Благочестивые люди, читая „Отче нашъ" часто вставляли въ молитву Господню вмѣсто „избави насъ отъ лукаваго" (libera nos a malo) „избави насъ отъ ярости норманновъ" (libera nos a furore normannorum). Само собою разумѣется, что суда, на которыхъ разбойничали норманны, давно уже сгибли безъ слѣда, какъ и сами норманны, сгибли подобно тѣмъ классическимъ „ушкуямъ", на которыхъ наши новгородскіе молодцы дѣлали когда-то набѣги на восточную полосу сѣверной Россіи. Но нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Норвегіи удалось-таки найти остатки судна, которое было признано стариннымъ кораблемъ викинговъ; по этой драгоцѣнной находкѣ было возстановлено и скопировано въ первоначальномъ видѣ норманское судно и изготовленную модель было рѣшено послать на выставку въ Чикаго. Слѣдуетъ замѣтить, что викинги въ своихъ морскихъ набѣгахъ не ограничивались сосѣдними берегами Европы; полагаютъ, что они на своихъ кораблихахъ пробрались, задолго до Колумба, въ Сѣверную Америку, до которой имъ оставалось сдѣлать уже только полпути, послѣ того какъ они попали въ Исландію; а Исландія заселена норманнами еще въ IX вѣкѣ. Изъ Исландіи смѣлые мореплаватели пробрались въ Гренландію, а оттуда оставалось уже рукой подать до Америки. Модель судна викинговъ прежде, чѣмъ двинуться въ Америку, обходила норвежское побережье, заходя въ попутные приморскіе города, чтобы дать случай современнымъ потомкамъ отважныхъ дружинъ викинговъ полюбоваться на судно своихъ отдаленныхъ предковъ.

А. И. Закъ †

Финансовый міръ понесъ недавно крупную потерю. 19-го апрѣля скончался въ Берлинѣ одинъ изъ выдающихся банковыхъ дѣятелей, „биржевой король", директоръ с.-петербургскаго учетнаго и ссуднаго банка, д. ст. сов. Абрамъ Исаакович Закъ. Онъ родился въ 1828 году въ городкѣ Старомъ Быховѣ, могилевской губерніи, въ еврейской семьѣ, пользовавшейся въ мѣстномъ обществѣ большимъ уваженіемъ. Лѣтъ восемнадцати онъ женился, переѣхалъ на жительство въ Каменецъ-Подольскъ, гдѣ

А. И. ЗАКЪ.

вскорѣ и поступилъ мелкимъ конторщикомъ по откупнымъ учрежденіямъ барона Е. Гинцбурга, который скоро замѣтилъ выдающіяся финансовыя способности молодаго Зака и перевелъ его въ Петербургъ, въ свой банкирскій домъ. Въ 1865 г. онъ сталъ во главѣ этой фирмы. Не поладивъ, однако, съ Розенталемъ (нынѣ также покойнымъ), виднымъ пайщикомъ Гинцбурга, Закъ принялъ руководящее завѣдываніе бывшимъ петербургскимъ банкирскимъ домомъ Кондоянаки. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ Петербургѣ возникъ учетный и ссудный банкъ, въ нѣдрахъ котораго на первыхъ же порахъ возгорѣлась борьба между двумя учредителями банка—Кроненбергомъ и Елисѣевымъ,—и дѣла учрежденія шли далеко неважно. И вотъ Елисѣевъ, которому понадобился дѣльный и энергичный спеціалистъ биржеваго дѣла, пригласилъ въ свой банкъ Зака на жалованье въ двадцать четыре тысячи въ годъ. Съ этого момента, словно по мановенію волшебнаго жезла, дѣла учетнаго и ссуднаго банка быстро пошли въ гору, акціи его стали повышаться; были годы, когда онѣ, стоившія 250 рублей, котировались по 800 рублей; словомъ, банкъ вскорѣ сталъ наряду съ крупнѣйшими русскими учрежденіями этого рода и своимъ быстрымъ ростомъ, блестящимъ реноме и широкой дѣятельностью былъ обязанъ исключительно Заку. Ставъ директоромъ банка, онъ затѣмъ избранъ былъ и членомъ его правленія. Кромѣ того Закъ былъ однимъ изъ главныхъ учредителей страховаго общества „Россія". Финансовый геній этого умнаго, способнаго и ловкаго человѣка не могъ не обратить на себя вниманіе лицъ, стоявшихъ во главѣ нашего финансоваго дѣла; косвенное воздѣйствіе Зака на ходъ государственныхъ финансовъ было весьма значительно, его совѣтами широко пользовались государственные люди въ теченіе долгихъ лѣтъ, и ни одна финансовыхъ операцій не производилась безъ его совѣта или негласнаго участія. Начало блестящей карьеры Зака относится къ эпохѣ нашей послѣдней войны съ турками. Когда въ 1876 году послѣ продажи государственнымъ банкомъ, для поддержанія курса, запасовъ золота эти запасы стали изсякать, Закъ указалъ на опасность, какой можетъ подвергнуться государство при открытіи войны безъ всякихъ запасовъ золота. Министръ финансовъ гр. М. Х. Рейтернъ секретно поручилъ ему тогда дѣлать покупки, за счетъ правительства на петербургской и заграничной биржахъ, золота и иностранныхъ векселей, и Закъ исполнилъ это порученіе столь удачно, что учетный и ссудный банкъ имѣлъ возможность въ день объявленія нами войны Турціи передать правительству двадцать четыре милліона золотомъ, которые и послужили источникомъ для первоначальныхъ военныхъ расходовъ. Эта блестящая операція Зака сдѣлала то, что и при дальнѣйшихъ финансовыхъ предпріятіяхъ его совѣщательный голосъ имѣлъ немаловажное значеніе. Тогда же Закъ удостоился и Царской милости, высокой для частнаго дѣятеля награды—ордена св. Владиміра 4-й степ., а позднѣе чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Зака называли „биржевымъ поэтомъ". „И дѣйствительно—говоритъ одинъ изъ некрологистовъ Зака—широкая биржевая, по части арбитража, спекуляція на сотни милліоновъ въ годъ, спекуляція, веденная лично, по телеграфу, на всемъ протяженіи европейскихъ биржевыхъ центровъ, ежедневно перебрасывающая массу номинальныхъ денегъ изъ столицы въ столицу, съ одной монетной единицы на другую—своего рода плутократическая поэзія. Она требуетъ спеціальнаго таланта, постоянной находчивости, техническаго умѣнья маневрировать съ милліонами, чутья и счастья". Постоянно углубленный въ финансовыя дѣла, Закъ, однако, имѣлъ время удовлетворять и своимъ эстетическимъ потребностямъ, своей любви къ искусству. Въ его домѣ устраивались блестящіе вечера камерной музыки, привлекавшіе представителей лучшаго столичнаго общества. Закъ былъ однимъ изъ извѣстныхъ меценатовъ—дорогія произведенія живописи украшали его квартиру. Онъ состоялъ членомъ многихъ благотворительныхъ обществъ и умѣлъ дѣлать добро охотно и просто; особенно, конечно, помогалъ онъ своимъ единовѣрцамъ. Закъ, несмотря на свой финансовый геній, большаго состоянія не нажилъ и скончался человѣкомъ далеко небогатымъ; его сильно подорвала неудачная и убыточная покупка либаво-роменской желѣзной дороги.

Новости печати

Жакерія. Сцены изъ феодальныхъ временъ *Проспера Мериме*. Переводъ *Д. В. Аверкіева*. „Новая библіотека" А. С. Суворина. Спб. 1893. Ц. 60 к. Отличительною чертою таланта Мериме было умѣнье воспроизводить картины нравовъ и міросозерцаніе чуждыхъ ему народовъ. Его „Пѣсни западныхъ славянъ", художественно переведенныя Пушкинымъ, почти невозможно заподозрить въ неподлинности. Въ своихъ мелкихъ разсказахъ онъ является то итальянцемъ („Переулокъ Лукреціи Борджія"), то русскимъ (въ своихъ прекрасныхъ переводахъ пушкинскихъ повѣстей Бѣлкина), то даже негромъ („Таманго"). Особенно замѣчателенъ языкъ сочиненій Мериме. Сжатый, выразительный, почти сухой—онъ представляетъ рѣзкій контрастъ съ цвѣтистою, напыщенною рѣчью большинства французскихъ писателей. На русскомъ языкѣ существуетъ мало переводовъ изъ Мериме. Нѣсколько мелкихъ разсказовъ, напечатанныхъ въ приложеніяхъ къ „Новому Времени", да вышедшій недавно отдѣльнымъ изданіемъ переводъ „Жакеріи" исчерпываютъ все переведенное на русскій языкъ изъ Мериме, если не считать „Пѣсень западныхъ славянъ", которыя естественнѣе разсматривать какъ оригинальное произведеніе Пушкина, нежели какъ переводъ. „Жакерія"—рядъ сценъ изъ эпохи возстанія крестьянъ противъ феодаловъ въ XIV вѣкѣ, во время столѣтней войны Франціи съ Англіей. Сцены эти написаны въ стилѣ гетевскаго „Геца фонъ-Берлихингена". По яркости описаній, по колоритности и по вѣрности эпохи „Жакерія" въ своемъ родѣ не уступаетъ „Гецу". Въ ней только нѣтъ такихъ прекрасныхъ и цѣльныхъ характеровъ, какъ у Гете. Зато бытовая сторона въ „Жакеріи" строго выдержана и согласована съ историческими источниками. Сжатость и нѣкоторая суровость языка придаютъ „Жакеріи" вполнѣ средневѣковой колоритъ. Для насъ, русскихъ, кромѣ художественнаго интереса, „Жакерія" любопытна тѣмъ, что несомнѣнно навѣяны знаменитыя пушкинскія „Сцены изъ рыцарскихъ временъ". Конспектъ дальнѣйшаго развитія этихъ сценъ, найденныхъ въ черновыхъ бумагахъ Пушкина, даже по сюжету очень напоминаетъ „Жакерію". Переводъ г. Аверкіева вполнѣ удовлетворителенъ.

Пл. К.

Сашенька. Повѣсть въ трехъ частяхъ *Дѣдлова*. Спб. 1892. Ц. 2 р.

Г. Дѣдловъ выступилъ на литературное поприще въ качествѣ фельетониста „Недѣли" и имѣлъ успѣхъ вполнѣ заслуженный. Остроуміе, наблюдательность, слогъ, изобилующій множествомъ мѣткихъ выраженій и юмористическихъ сравненій, и вмѣстѣ съ тѣмъ тонкое эстетическое пониманіе художественныхъ произведеній, любовь къ настоящей поэзіи—вотъ отличительныя черты его фельетоновъ. Нѣкоторая поверхностность взглядовъ, невниканіе въ сущность дѣла нисколько не мѣшаютъ въ этомъ родѣ произведеній. Появлявшіеся время отъ времени мелкіе разсказы г. Дѣдлова отличались тѣми же достоинствами, что и фельетоны; это даже и были скорѣе фельетоны въ беллетристической формѣ. Разсказы г. Дѣдлова, однако, болѣе страдали отъ не въ мѣру поверхностнаго отношенія автора. Они были остроумны, блестящи, но... какъ-то нельзя было принимать ихъ въ серьезъ. Большая повѣсть „Сашенька" является зрѣлымъ плодомъ г. Дѣдлова; по отношенію къ этому его произведенію вся предыдущая дѣятельность можетъ разсматриваться какъ подготовительная. Однако и на этотъ разъ въ романѣ г. Дѣдлова всего лучше удались тѣ сцены, въ которыхъ онъ остался остроумнымъ, талантливымъ фельетонистомъ, и хотя въ романѣ задѣваются очень серьезные вопросы, однако разрѣшены они весьма поверхностно. Содержаніе романа—исторія университетскихъ годовъ героя романа, Сашеньки. Сашенька—сынъ извѣстнаго земскаго дѣятеля-статистика, либерала и матеріалиста шестидесятыхъ годовъ. Онъ и его жена воспитывали Сашеньку въ строго-раціональномъ и матеріалистическомъ духѣ, заботились о здоровьѣ, но не постарались внушить ему никакихъ нравственныхъ принциповъ. Въ результатѣ изъ Сашеньки вышла личность ничтожная, слабохарактерная, пустая. Пріѣхавъ въ Петербургъ учиться, Сашенька попадаетъ въ самую легкомысленную компанію и предается увлеченіямъ всѣми „благами жизни". Онъ постоянно пьянствуетъ, заводитъ интриги и въ концѣ перваго года дѣлается любовникомъ опереточной пѣвицы Завидовской, за ласки которой Сашенькѣ платитъ, впрочемъ, одинъ богатый инженеръ, котораго забавляютъ наблюденія надъ постепеннымъ растлѣніемъ Сашеньки. Увлеченіе Завидовской, однако, скоро прерывается, такъ какъ пѣвица заподозрѣваетъ Са-

шеньку въ кражѣ бриллiантовъ и разрываетъ съ нимъ. Послѣ каникулъ второй годъ въ университетѣ Сашенька проводитъ аналогичнымъ образомъ. На этотъ разъ однако онъ живетъ въ качествѣ ментора при богатомъ кадетѣ. Кадетъ влюбленъ въ одну дѣвушку; за нею начинаетъ ухаживать и Сашенька и достигаетъ успѣха. Кадетъ съ отчаянія застрѣливается, а Сашенька сходитъ съ ума, побывавъ предварительно на исповѣди у одного великаго писателя. Какую мысль хотѣлъ провести г. Дѣдловъ въ своемъ романѣ—это довольно неясно. Великій писатель, выведенный имъ на сцену, говоритъ такъ странно и такъ фальшиво, что изъ его словъ ничего нельзя заключить. Хотѣлъ ли г. Дѣдловъ показать, что въ жизни должна быть нравственная идейная подкладка, что жизнь ради одной плоти не можетъ привести къ добру или просто хотѣлъ показать исторію паденія молодого человѣка, оставленнаго безъ семьи въ одномъ изъ современныхъ Вавилоновъ—трудно рѣшить. Во всякомъ случаѣ, герой романа — личность ничтожная, заурядная и нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что изъ него ничего не вышло. Впрочемъ, идейная сторона романа г. Дѣдлова не существенна. Главная заслуга автора въ воспроизведеніи чисто внѣшнихъ сторонъ жизни. Жизнь, какою она должна представляться постороннему наблюдателю, изображена въ повѣсти г. Дѣдлова безподобно. Его описанія петербургскихъ трактировъ, ужиновъ въ отдѣльныхъ кабинетахъ, убранства петербургскихъ кокотокъ, ихъ внѣшнихъ манеръ сдѣланы вполнѣ художественно. Несмотря на нѣкоторую наклонность г. Дѣдлова къ импрессіонизму, всѣ дѣйствующія лица его романовъ совершенно живыя, и внѣшнія манеры ихъ схвачены живо и воспроизведены художественно. Университетская сходка и университетскій балъ изображены такъ, какъ нигдѣ, кажется, никто ихъ не изображалъ. Прекрасно описаны журфиксы у одного извѣстнаго поэта. Словомъ, повѣсть г. Дѣдлова представляетъ изъ себя пеструю остроумную панораму внѣшней петербургской жизни, и въ бытовомъ смыслѣ „Сашенька" крупное произведеніе. Немало выведено въ повѣсти „Сашенька" и типовъ. Но типическіе представители очерчены опять-таки слишкомъ поверхностно: указаны только родовые признаки и почти нѣтъ индивидуальныхъ. Къ числу особенно удачныхъ типовъ г. Дѣдлова относится полякъ Заборовскій и его семья, въ которой проводитъ нѣсколько дней Сашенька. Въ разговорахъ Сашеньки съ Заборовскимъ много злости, но злости фельетонной, которая заставляетъ смѣяться. Вообще повѣсть г. Дѣдлова читается весьма легко, и хотя многія сцены въ ней могли бы навести на тяжелыя размышленія, онѣ написаны такъ остроумно и какъ-то на столько не въ серьезъ, что производитъ впечатлѣніе только смѣшная ихъ сторона. Только послѣднія сцены, у великаго писателя, оставляютъ не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе, но не потому, чтобы онѣ были тяжелы или глубоки, а потому что въ нихъ слышится какая-то фальшь. *Пл. К.*

Новости науки и цивилизаціи

Естествовѣдѣніе

— Пища перелетныхъ птицъ. Густавъ Радде, описывая свои путешествія по юго-восточной Сибири, сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующее сдѣланное имъ наблюденіе: „Когда я еще путешествовалъ на Крымскомъ полуостровѣ, я часто находилъ, что желудокъ у нѣкоторыхъ болотныхъ и плавающихъ птицъ, убитыхъ тотчасъ послѣ перелета, былъ туго набитъ мелкими кварцовыми камешками. Въ то время я еще не имѣлъ возможности доказать, что эта особенность принадлежитъ всѣмъ перелетнымъ птицамъ, и предполагалъ, что это лишь свойство нѣкоторыхъ породъ. Занимаясь въ Сибири изученіемъ каждаго желудка перелетной птицы, я особенно дарилъ свое вниманіе тѣмъ пернатымъ, которые окончили свой перелетъ лишь наканунѣ; наблюденія эти привели къ тому убѣжденію, что всѣ болотныя и плавающія птицы оканчиваютъ свой перелетъ съ переполненнымъ камнями желудкомъ и, лишь прибывъ въ намѣченную мѣстность, принимаются за обычную пищу. Я не могу утверждать, что всѣ перелетныя птицы подчиняются этому правилу, но большинство принадлежащихъ къ породѣ куръ имѣетъ ту же особенность. У птицъ этой породы, убитыхъ скоро послѣ перелета, содержимое желудковъ состояло почти только изъ одних молочнобѣлыхъ маленькихъ кварцевыхъ камешковъ. Пѣвчія птицы въ большинствѣ прибываютъ съ совершенно пустыми желудками; въ первый день прилета, сильно утомленныя, онѣ не принимаютъ пищи, а скрываются гдѣ нибудь въ укромномъ мѣстѣ. По всей вѣроятности перелетныя птицы, наполняя свой желудокъ пескомъ и камешками, стараются притупить приступы голода во время перелета".

— Какія деревья чаще поражаются молніей? Этимъ вопросомъ занимались уже древніе и утверждали, напримѣръ, что въ лавровое дерево молнія никогда не ударяетъ; даже теперь многіе еще держатся того убѣжденія, что молнія никогда не трогаетъ извѣстныя породы деревьевъ. Несомнѣнные факты доказали, однако, что мнѣніе это ошибочно, что напротивъ, всякое дерево можетъ быть поражено молніей. Съ другой стороны изъ произведенныхъ до сихъ поръ наблюденій явно вытекаетъ, что нѣкоторыя древесныя породы особенно предпочитаются молніей. Къ таковымъ прежде всего принадлежитъ дубъ, который и въ древности уже считался деревомъ, наиболѣе подверженнымъ пораженію молніи; онъ и былъ посвященъ богу грома. Изъ числа деревьевъ, сравнительно рѣдко поражаемыхъ молніей, слѣдуетъ назвать букъ. Много догадокъ было высказано для объясненія этого страннаго явленія, но ни одна изъ нихъ не основывалась на точныхъ изслѣдованіяхъ. Только теперь Дмитрій Іонеско, въ Штутгартѣ, далъ довольно удовлетворительное объясненіе, основываясь на многочисленныхъ опытахъ, произведенныхъ имъ въ штутгартскомъ техническомъ училищѣ. Іонеско предполагалъ, что предпочтеніе молніей извѣстныхъ породъ деревьевъ зависитъ отъ степени проводимости ими электричества, такъ что лучшіе проводники подвергаются ей чаще всего, а худшіе рѣже всего. Для подтвержденія этой догадки требовалось только испытать деревья относительно степени проводимости электричества Іонеско и занялся этимъ, испытывая, какое электрическое напряженіе необходимо для того, чтобъ искра пробила одинаковаго вида куски разныхъ древесныхъ породъ. Онъ употреблялъ для этого электрическую машину Гольца въ соединеніи съ лейденскою банкой. При этомъ опытѣ оказывалось постоянно, что дубовое дерево пробивается искрой уже при 1—3 поворотахъ ручки электрической машины, тогда какъ для буковаго дерева для этого требовалось 12 или даже 20 поворотовъ. Слѣдовательно, дубовое дерево гораздо лучшій проводникъ, чѣмъ буковое. Іонеско объясняетъ это тѣмъ, что въ клѣточкахъ буковаго дерева находится много жирнаго масла, которое плохо проводитъ электричество. Липа, береза и сосна также содержатъ довольно много масла, поэтому и онѣ оказались плохими проводниками электричества, притомъ тѣмъ худшими, чѣмъ больше было масла. Напротивъ, стволъ дуба, клена, вяза и ясеня содержитъ мало масла и сравнительно хорошо проводитъ электричество. Слѣдовательно первыя породы безопасны отъ молніи, послѣдняя же предпочитаются ею. Статистическія наблюденія, произведенныя въ различныхъ лѣсахъ, вполнѣ подтвердили результаты его опытовъ. Кромѣ того еще оказалось, что деревья поражаются молніей чаще у ствола, чѣмъ на верхушкѣ, что Іонеско объясняетъ плохую проводимостью листьевъ. Наконецъ, обнаружилось, что засохшіе сучья гораздо болѣе подвержены пораженію молніи, чѣмъ зеленые, что снова подтверждаетъ тотъ фактъ, что живое дерево, содержащее масло, служитъ худшимъ проводникомъ, чѣмъ засохшее.

Гигантскіе пиѳоны. Самыя большія змѣи изъ вида пиѳоновъ, какія до сегодня встрѣчались, пойманы недавно на Филиппинскихъ островахъ. Изъ трехъ пиѳоновъ, которыхъ удалось захватить живыми, самый меньшій имѣлъ въ длину около 3½ саж., а самый большой до 4 саж. длины и до 2 арш. въ обхватѣ. Въ раскрытой пасти каждаго изъ трехъ чудовищъ свободно помѣщалась стойка палка длиной почти въ аршинъ. Отсюда видно—какихъ размѣровъ животныхъ въ состояніи проглотить подобное пресмыкающееся. Одинъ изъ пойманныхъ пиѳоновъ оказался съ 29-ю яйцами; они положены гигантскою змѣей въ неволѣ, причемъ предварительно склеены липкою слизью; яйца оказались на ощупь мягкими, кожеобразными и заключали по одному зародышу, длиной до 2½ вершковъ каждый. Одинъ изъ упомянутыхъ пиѳоновъ проглотилъ буйвола средней величины, а другой, во время охоты за нимъ, сжалъ своими кольцами взрослаго сильнаго матроса и въ одно мгновеніе превратилъ его въ безформенную массу.

Исторія, археологія

— Сотвореніе міра и первыхъ людей по понятіямъ древнихъ филиппинцевъ. Францисканскій коммиссаръ Сакта Инесъ, написавшій въ 1676 г. исторію Филиппинскихъ островов, опубликованую только в 1892 г. въ Манилѣ, сообщаетъ что филиппинцы во времена прибытія къ нимъ испанцевъ имѣли слѣдующее представленіе о сотвореніи міра и первыхъ людей. Они говорили, что вначалѣ было только небо и земля, между которыми парилъ коршунъ; ему, наконецъ, надоѣло постоянно летать, и такъ какъ онъ не нашелъ мѣста куда бы могъ опуститься, то онъ брызнулъ своими крыльями воду къ небу; тогда небо, чтобъ удержать его въ границахъ и не допустить до себя, наполнило море островами, для того чтобы коршунъ могъ туда опуститься и оставилъ небо въ покоѣ. Люди, по ихъ мнѣнію, произошли изъ куска большаго тростника, встрѣчающагося въ той мѣстности. Этотъ тростникъ, состоялъ только изъ двухъ частей; онъ плавалъ по поверхности моря, пока волны не выбросили его къ ногамъ коршуна, который какъ разъ сидѣлъ у берега. Разсвирѣпѣвъ отъ того, что тростникъ его ударилъ по ногамъ, онъ расщепилъ его клювомъ на двѣ части; изъ одной вышелъ мужъ, изъ другой жена. Такъ какъ слишкомъ близкое ихъ родство представляло большое затрудненіе для брака, то одинъ изъ боговъ посредствомъ землетрясенія разрѣшилъ его имъ; отъ этого брака у нихъ было много дѣтей, отъ которыхъ произошли народы и племена всей вселенной. Случилось это такъ: родители стали недовольны тѣмъ, что у нихъ въ домѣ столько безполезныхъ и бездѣятельныхъ дѣтей; съ обоюднаго согласія (отца и матери) отецъ схватилъ плетку, чтобы наказать ихъ за тунеядство; тогда они всѣ разбѣжались: одни спрятались во внутренніе покои; отъ нихъ, говорятъ, произошли начальники; другіе побѣжали на воздухъ и образовали сословіе свободныхъ обыкновенныхъ людей, которые у нихъ называются Тимаца; другіе спрятались въ кухню и подвалы — это были рабы, а остальные наконецъ, убѣжали вдаль и образовали другіе народы.

Торговля, промышленность, сельское хозяйство

— Успѣхи нашего хлопковаго дѣла на столько возрастаютъ, что надежды на вытѣсненіе съ русскихъ рынковъ американскаго хлопка близятся къ осуществленію. На русскихъ мануфактурахъ перерабатывается въ годъ приблизительно 11½ пуд. хлопка. Въ минувшемъ году урожай хлопка въ Туркестанскомъ краѣ далъ нашей хлопчатобумажной промышленности 2.350.000 пуд. чистаго волокна, Закавказье—650,000 пуд., Бухара—1.250,000 пуд., Хива—600,000 пуд., итого 4.850,000 пуд. доставляютъ уже наши средне-азіатскія и закавказскія хлопковыя плантаціи. Это составляетъ 40% нужнаго для мануфактуръ количества. Хлопокъ въ средней Азіи въ минувшемъ году оказался высокаго качества; желтое волокно составило не болѣе 5—7%. Такое высокое качество урожая наблюдается впервые за 8 лѣтъ отъ начала распространенія хлопчатниковъ въ Туркестанскомъ краѣ изъ американскихъ сѣмянъ.

Некрологъ

Гацисскій Александръ Серафимовичъ, извѣстный статистикъ, общественный дѣятель, литераторъ, глубокій знатокъ Поволжскаго края, предсѣдатель нижегородской губернской ученой архивной коммиссіи, владѣлецъ замѣчательной библіотеки, † въ Нижнемъ-Новгородѣ 27-го апрѣля.

Коптевъ Нилъ Петровичъ, одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ генераловъ, бывшій владимірскій губернскій воинскій начальникъ и затѣмъ начальникъ гренадерскихъ пѣхотныхъ и армейскихъ стрѣлковыхъ запасныхъ батальоновъ, † въ Спб. 21-го апрѣля, 76 лѣтъ.

Крыловъ Сергѣй Дмитріевичъ, генералъ-маіоръ, начальникъ двинскаго окружнаго артиллерійскаго склада, авторъ нѣсколькихъ статей по военному дѣлу, † въ Двинскѣ въ срединѣ апрѣля, 60 лѣтъ.

Макухинъ Николай Павловичъ, контръ-адмиралъ, одинъ изъ славныхъ защитниковъ Севастополя, герой синопскаго боя, затѣмъ командиръ корвета „Медвѣдь" и командиръ 32-го флотскаго и 2-го черноморскаго флотскаго экипажей, большой любитель живописи, † въ Севастополѣ 23-го апрѣля, 71 года.

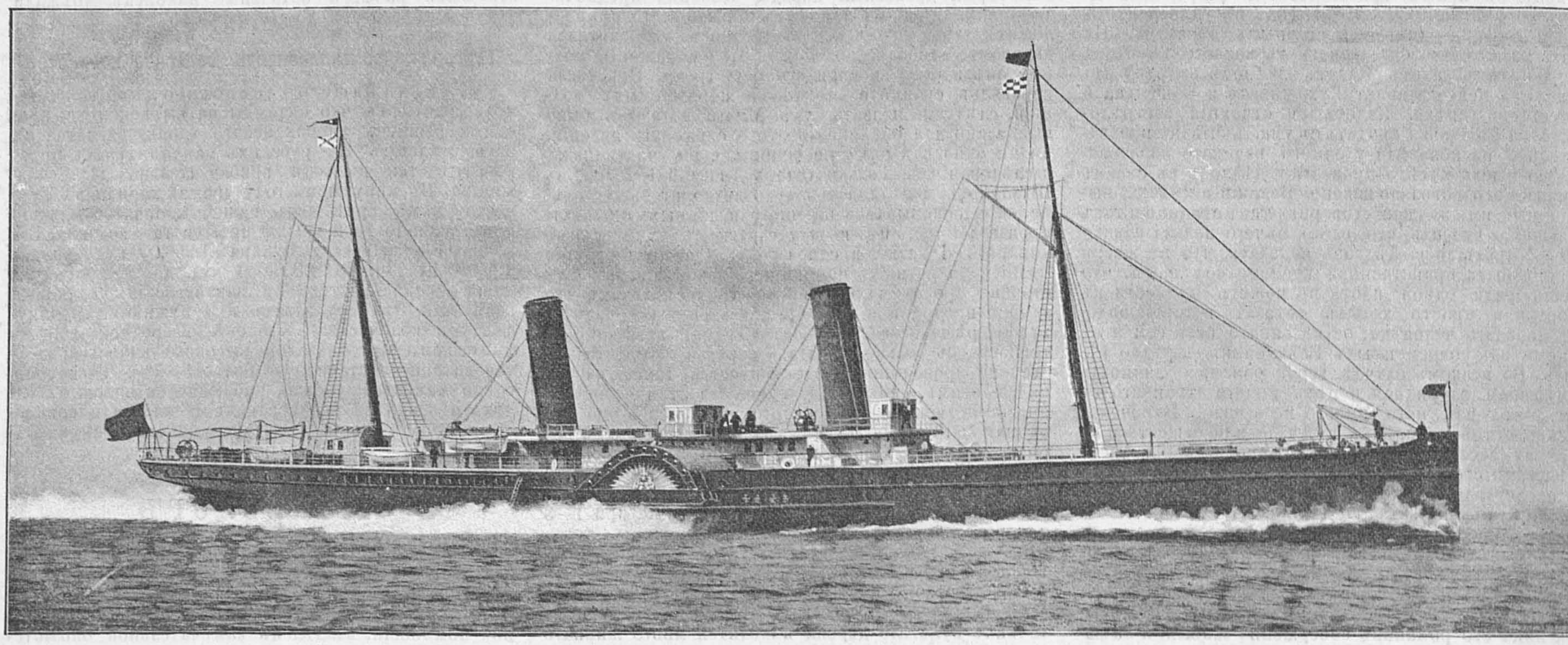
Юзефовичъ Владиміръ Михайловичъ, тайн. совѣтн., членъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, извѣстный собиратель и знатокъ русскихъ альманаховъ, большой любитель литературы, † въ Веве, на восточномъ берегу Женевскаго озера, 25-го апрѣля, 62 лѣтъ.

СОДЕРЖАНІЕ НУМЕРА

Текстъ.

Рисунки.

За редактора **Э. Д. Гоппе**.
Издательница **А. П. Гоппе**.



Новости морскаго дѣла. — Быстроходный колесный пароходъ »Леопольдъ II«, построенный по заказу бельгійскаго правительства на заводѣ »Денни и братья« въ Домбартенѣ на Клайдѣ.

ИГРЫ и ЗАБАВЫ

ШАХМАТЫ

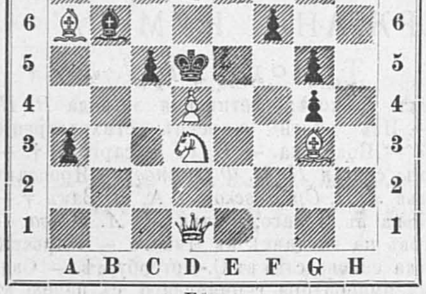
под редакціей **А. П. Шишкина**

ЗАДАЧА № 1567

Emil Palkoska

Изъ „Svêtozor'a"

Черные



Бѣлые

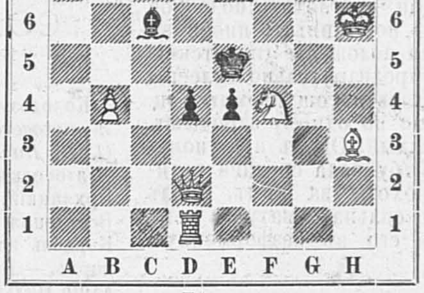
Матъ въ 3 хода.

ЗАДАЧА № 1568

Девизъ: **„Огнистый Сиріусъ"**

Изъ конкурса задачъ „Шахматнаго Журнала".

Черные



Бѣлые

Матъ въ 2 хода.

ПАРТІЯ № 1035

Играна недавно по консультаціи въ Гаваннѣ.

Англійская партія

Союзники Бѣлые	Вальбродтъ Черные				
1. e2—e4	e7—e5	15. Ф a4—b3†	Кр g8—h8	29. К c5—e6	Л f8—f7
2. К g1—f3	К b8—c6	16. С d3—e2*c*)	К c6 - a5	30. h2—h3	g7—g5
3. c2—c3	d7—d5	17. Ф b3—c2	С d7—f5	31. Кр f2—g2	Л a8—c8
4. Ф d1—a4	Ф d8—d6	18. Ф c2—a4	К a5—c6	32. С e2—h5	Л f7—d7
5. d2—d4*a*)	С c8—d7	19. d4—d5*d*)	b7—b5	33. Л f1 : f5	Л d7 : d5
6. С f1—b5	e5 : d4	20. Ф a4—h4*e*)	Ф h5 : h4	34. Л c1—f1	С b6 : e3*g*)
7. e4 : d5	Ф d6 : d5	21. К f3 : h4	К c6—e5	35. Л f1—e1	Л d5—d2†*h*)
8. 0—0	С f8—d6*b*)	22. К h4 : f5	К e7 : f5	36. Кр g2—h1	К e5—c4
9. c3 : d4	К g8—e7	23. К c3—e4	К f5 : e3*f*)	37. b2—b3	К c4—d6
10. К b1—c3	Ф d5—f5	24. f2 : e3	С d6—b4	38. Л f5—f6	Л d2—d3
11. С c1—g5	f7—f6	25. Л d1—c1	С b4—a5	39. Л e1—f1	Л d3—c3*i*)
12. С g5—e3	a7—a6?	26. Кр g1—f2	С a5—b6	40. Л f6—h6†	Кр h8—g8
13. Л a1—d1	0—0	27. К e4—c5	f6—f5	41. Л f1—f6	Л c3—c1†
14. С b5—d3	Ф f5—h5	28. g2—g3	h7—h6	42. Кр h1—g2	Сдался *k*).

Примѣчанія къ партіи

a) Нѣсколько лучше было бы 5. С f1—b5 и если 5... С c8—d7, то 6. e4 : d5 и 7. 0—0, если же 5... d5 : e4, то 6. К f3 : e5 и т. д

b) Едва ли было бы безопасно для черныхъ—8... d4 : c ; у бѣлыхъ за пѣшку получалось бы тогда очень большое преимущество въ развитіи.

c) На 16. Ф b3 : b7 черные, конечно, отвѣтили бы 16... С d7—g4, угрожая 17... С g4 : f3 и 18... Ф h5 : h2×.

d) Черные угрожаютъ — 19.. b7—b5; 20. Ф a4—b3, К c6—a5 и т д.

e) Очевидно—единственный ходъ, такъ какъ если 20. Ф a4—b3, то 20... К c6—a5.

f) Черные, уничтожая этой мѣной изолированность пѣшки d бѣлыхъ и такимъ образомъ лишая, повидимому, себя небольшаго преимущества, имѣли въ виду, судя по дальнѣйшему продолженію партіи, перевести своего слона черезъ b4 на a5 и b6 для защиты своей пѣшки c, которая при всякомъ другомъ продолженіи могла бы оказаться впослѣдствіи очень слабой.

g) Ошибка, погубившая партію черныхъ.

h) На 35... К e5—d3 бѣлые могли бы отвѣтить 36. Л e1 : e3, Л d5 : f5; 37. Л e3 : d3, оставаясь съ двумя легкими фигурами противъ ладьи.

i) На 39... Кр h8—h7?, очевидно, послѣдовало бы 40. С h5—g6† съ выигрышемъ ладьи.

k) Чернымъ необходимо жертвовать слона, продолжая 42... Л c1—c2†; 43. Кр g2—f1, Л c2—f2† и т. д., чтобы спастись отъ угрожающаго имъ мата въ два хода: 43. Л f6—g6† и 44. Л g6—g7×.

РѢШЕНІЯ ЗАДАЧЪ въ №№ 1251, 1252 и 1253

1537. *J. Kesl.* 1. Ф e5—b8, Кр c6—b5; 2. К c4—a3† и 3. Ф b8—a8× или 3. С c8—b7×. (*Вар. a*) 1... Кр c6—d5; 2. К c4 : b6† и 3. Ф b8—f4× или 2. С c8 : d7×. (*Вар. a*) 1... К f2—e4; 2. С c8 : d7† и 3. К c4—e5 или : b6×. Если 1.. b6—b5 или 1... d7—d5, то 2. Ф b8—b7 или : b6×. Въ остальныхъ случаяхъ —2. С c8—a6 и 3. Ф b8—b7×.

1538. *J. Kotrè.* 1. Ф h7—h3 и если 1... Кр d5 : e4, то 2. Ф h3—g2×; если 1... f5—f4 или : e4, то 2. Л e4—d4× или 2. К d1—e3×; если 1... К g3 : e4 или ∞, то 2. Ф h3—b3 или : f5×; если же 1... К b1∞, то 2. К d1—c3×.

1539. *К. Сталя.* 1. К g6—f4, Кр c5—d4; 2. Ф g8 : g7† и 3. d2—d4×. (*Вар. a*) 1... К b2—a4; 2. Ф g8—f8† и 3. Ф f8 : b4×. (*Вар b*) 1... К b —c4; 2 К f4—e6† и 3. Ф g8—a8×. (*Вар. c*) 1... К b2—d3; 2. Ф g8—d8 и 3. С c7—b6× или 3. К f4—e6×. (*Вар. d*) 1... К d1—e3 2. d2 : e3 и 3. К f4—d3×. Въ остальныхъ случаяхъ 2. Ф g8—a8 и 3. К f4—e6× или 3. Ф a8—a7 или d5×.

1540. *Г. Купера.* 1. С e1—b4 и если 1... К a5 ∞, то 2. Л c6 : c4× или 2. К b8 : c6×; если 1... c4—c3, то 2. С b4 : c3×; если 1 .. Л d3 ∞, то 2. Ф g4 : d1× или 2. Л d1 : d2×; если 1... Л d7 ∞, то 2. Л c6 - d6×, 2. К e3—c2 или 2. Ф g4 : g7×; если же 1... С e8 ∞, то 2. Ф g4 : d7 или : g7×.

1541. *J. Jána.* 1. К g4—f2, Кр g3 : f2; 2. Ф d8—h4† и 3. Ф h4—d4×. (*Вар. a*) 1... С g1 : f2; 2. Ф d8—g5† и 3. Ф g5—g4×. (*Вар. b*) 1... e2—e1 Ф; 2. Ф d8—h4† и 3. К e3—f4×. (*Вар. c*) 1... h2—h1 Ф; 2. К f2 e4† и 3 Ф d8—h8×.

1542. *J. A. Ros.* 1. Ф f1—f5 и если 1... Л e5 : f5 или — d5† или 1... e6 : f5, то 2. К e7 : f5 или c6×.

Рѣшеніе задачи № 3

Ходъ коня

				42				
			66	69	64			
			71	62	67			
		61	68	65	70	63		
			57	54	59			
			60	27	56			
		28	55	58	53	26		
			48	51	44			
	29	50	43	46	41	52	25	
		47	40	49	38	45		
		30	37	42	35	24		
			4	39	32			
			31	36	23			
	6	11	8	33	14	17	20	
	9	4	13	22	19	2	15	
5	12	7	10	3	16	21	18	1

Лишь солнце чуть кого пригрѣетъ,
Тотъ рѣдко, рѣдко разумѣетъ,
Что многимъ очень холодно.

Головоломка

Сост. А. Петерсонъ

Данный квадратъ раздѣлить на 13 частей, изъ которыхъ и составить одно изъ 4 временъ года.

Анаграмма

Шарада № 7

Я изъ мяса и дичи бываю.
Коль меня приготовить искусно,
Я немало похвалъ вызываю.
Всѣ находятъ, что я очень вкусно;
И навыворотъ я всѣмъ знакомо —
Причиняю страданій немало...
Послѣ жаркой любовной истомы
Я бываю у милыхъ созданій.

Дозв. цензурою. СПб. 29-го апрѣля 1893 г.

Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

ТРУДНАЯ ДИЛЕММА.

Тетушка (къ племяннику, посѣтившему ее послѣ долгаго отсутствія). Итакъ, Сережа, сколько же мнѣ теперь лѣтъ, какъ ты думаешь?
Племянникъ. 33 года.
Тетушка. Нѣтъ, милый, ты ошибся на цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ... Слѣдовательно сколько мнѣ?
Племянникъ (въ легкомъ замѣшательствѣ). Сколько? По, право, я недоумѣваю какое ариѳметическое дѣйствіе производить мнѣ съ цифрой 11 — сложеніе или вычитаніе.

Веревочная стѣнка

Привяжите конецъ любой бичевки, „вервія простаго", къ палкѣ, дайте палку кому нибудь въ руки, попросите его стать бокомъ и, вытянувъ руку, держать веревку подальше отъ себя, причемъ свободный конецъ веревки долженъ отвисать къ землѣ. Тогда, въ свою очередь, вооружитесь палкой и ударьте по серединѣ веревки: отъ очень сильнаго удара можетъ случиться, что вы оборвете эту веревку, но скорѣе всего — ударъ вашъ будетъ втуне, такъ какъ, вслѣдствіе совокупности инерціи, гибкости и тяготѣнія, середина веревки подастся не особенно много, а свободный конецъ ея взлетитъ кверху и, какъ змѣя, обовьется о вашу палку.

Если же прикрѣпить къ надежному шесту — напримѣръ, къ ручкѣ половой щетки или садовой грабли — цѣлый рядъ подобныхъ веревокъ, помѣстить шестъ на половинкахъ открытой двери (смотри рис.), а позади этой веревочной стѣнки поставить лампу, вазу или, всего лучше, стеклянную бутылку, — то можете смѣло держать пари, что никакой силачъ въ мірѣ не окажется способнымъ разбить хрупкій предметъ, если станетъ бить по немъ палкой сквозь подвижную сѣтку. Даже болѣе того: чѣмъ сильнѣе ударъ, тѣмъ онъ менѣе будетъ опасенъ, такъ какъ если не бить съ размаха, то сильнымъ нажимомъ можно уловчиться, хотя и не раздробить, но по крайней мѣрѣ уронить предметъ.

Магъ

Книгоиздательствомъ ГЕРМАНЪ ГОППЕ (С.-Петербургъ, Садовая, 22)

ИЗДАНО И ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ А. В. КОЛЬЦОВА

подъ редакціей П. В. Быкова,

съ біографическ. очеркомъ, критическ. статьями, примѣчаніями, портретомъ, снимкомъ почерка и 39-ю рисунками и виньетками, исполненн. членами

товарищества русскихъ художниковъ-иллюстраторовъ.

Роскошное изданіе въ четвертую часть листа, 31 + XX + 140 страницъ.

Изъ общаго числа рисунковъ 10 воспроизведены въ страничномъ форматѣ въ гравюрахъ на деревѣ и отпечатаны на толстой альбомной бумагѣ.

Цѣна: въ бумажкѣ въ изящной обложкѣ, исполненной по рисунку *К. О. Брожа* — 1 руб., съ пересылкой 1 руб. 25 коп.; на веленевой бумагѣ въ роскошномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ — 2 руб., съ пересылкой 2 руб. 50 коп.

Pastilles de

TAMAR INDIEN GRILLON

Exiger sur chaque boite la signature

Chez tous les droguistes et pharmaciens.

Paris E. GRILLON, 27, rue Rambuteau.

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ,

СРЕДСТВО

для смягченія кожи рукъ и лица.

Цѣна 35 коп.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

Принцесса Володимірская. Историческій романъ, въ 4-хъ частяхъ, гр. Е. А. Саліаса. Въ 8 д. л. 46 печатныхъ листовъ съ 23-мя рисунками не въ текстѣ. Цѣна 3 руб. 50 к. безъ пересылки и 4 руб. съ перес.

Книгоиздательство Германъ Гоппе.

ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ.

Для вскармливанія грудныхъ дѣтей

суррогатъ материнскаго молока; она питательна и удобоварима.

Цѣна жестянки 1 руб. 50 коп.

Единственный агентъ для всей Россіи *Александръ Венцель*

Оптовый складъ въ центральномъ депо перевязочныхъ и хирургическихъ матеріаловъ торговаго дома АЛЕКСАНДРЪ ВЕНЦЕЛЬ въ С.-Петербургѣ, Гороховая, 33.

Въ С.-Петербургѣ можно получать во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ.

ХОРОШІЙ ТОНЪ,

СБОРНИКЪ ПРАВИЛЪ и СОВѢТОВЪ на всѣ случаи жизни общественной и семейной.

Поступило въ продажу **новое 3-е,** вновь просмотрѣнное и дополненное, роскошное изданіе, печатанное въ двѣ краски, со многими иниціалами и виньетками. Цѣна въ бумажкѣ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.; въ переплетѣ 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.; въ роскошномъ переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ, 4 р. 50 к., съ перес. 5 р.

ЧТО МНѢ КЪ ЛИЦУ?

СБОРНИКЪ СОВѢТОВЪ для ДАМЪ. КАКЪ ОДѢВАТЬСЯ СО ВКУСОМЪ.

Цѣна въ изящномъ переплетѣ съ тисненіями и модным обрѣз. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Книгоиздательство **ГЕРМАНЪ ГОППЕ**: С.-Петербургъ, **Садовая, 22.**

V годъ изд. 1893.

„МОДИСТКА",

V годъ изд. 1893.

модный журналъ СПЕЦІАЛЬНО ДЛЯ МОДЕЛЕЙ ШЛЯПЪ,

головныхъ уборовъ и украшеній.

„МОДИСТКА" выходитъ перваго числа каждаго мѣсяца и даетъ въ теченіе года болѣе **150 раскрашенныхъ** моделей шляпъ **послѣдней парижской моды** съ описаніемъ отдѣлки ихъ. Кромѣ того „МОДИСТКА" даетъ до **200** нераскрашенныхъ рисунковъ головныхъ уборовъ, украшеній и формъ шляпъ.

Подписка на 1893 годъ продолжается

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки **6** р.	Въ Москвѣ безъ доставки . . . . **7** р.
„ „ съ доставкой . **7** р.	Съ пересылкой во всѣ города . **8** р.

Въ Москвѣ подписка безъ доставки принимается: 1) въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, № 15, и 2) въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи.

Адресъ главной конторы и редакціи журнала „МОДИСТКА":

С.-Петербургъ, Садовая, 22.

ПОЧТОВЫЯ МАРКИ

разныхъ государствъ для коллекцій продаются очень дешево отдѣльно и въ сортированныхъ пакетахъ, т. е. 15 шт. 6 коп., 50 шт. 10 коп., 100 шт. 15 коп., 200 шт. 20 коп., 500 шт. 40 коп., 1000 шт. 60 коп.

ПИСЬМЕННО АДРЕСОВАТЬСЯ: Литейный пр., д. № 51, кв. 25.

МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ

вазелиновое туалетное для кожи, лица и рукъ.

При покупкѣ настоящаго вазелиноваго мыла Голлендеръ просимъ обращать вниманіе на утвержденную правительствомъ фабричную марку и подпись І. Голлендеръ и требовать всегда мыло Голлендеръ.

Цѣна за кусокъ 30 коп.

Вазелиновая жирная пудра кор. 60 к.
Вазелиновый кольдъ-кремъ банка 40 к.
Вазелиновая помада банка . . 30 к.

Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ маг. Россіи.

Парфюмерная лабораторія І. Голлендеръ, СПб., Демидовъ пер. № 1

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ.

Фирма премирована на европейскихъ выставкахъ десятью золот. медалями и высшими знаками.

Медово-глицериновое ЖИДКОЕ МЫЛО.

Приготовл. лаборат. **А. ЭНГЛУНДЪ.**

При употребленіи медово-глицериноваго жидкаго мыла кожа лица, рукъ и пр. принимаетъ свѣжій видъ и его удобно имѣть въ дорогѣ, такъ какъ оно легко помѣщается въ любой кармашекъ, слѣдовательно не занимаетъ почти никакого мѣста, и получается всегда чистота и опрятность при употребленіи его. Цѣна металлич. флак. 30 к., съ пер. 6-ти флак. 2 р. 25 к. Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подпись **А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской косметической лабораторіи.** Получать можно въ высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами: Казанская ул., № 12, и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговлахъ Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи **А. Энглундъ:** С.-Петербургъ, Бассейная ул., д. № 2.

РЕСТОРАНЪ Ю. ЛОМАЧА,

Садовая, уголъ Невскаго, 14—52.

ЗАВТРАКЪ

отъ 11 час. утра до 3 час. пополудни, по 75 коп., изъ двухъ блюдъ на выборъ.

ОБѢДЪ

отъ 3 до 8 часовъ, по 1 руб., изъ 4-хъ блюдъ на выборъ.

УЖИНЪ

à la portion.

Велосипеды англійскаго завода **ГУМБЕРЪ и К°, Лимитедъ,**

съ послѣдними новостями на 1893 предлагаетъ торговый домъ

Г. ЖЕМЛИЧКА и К°.: Москва,

Неглинный проѣздъ, д. Ечкиной (№ 14).

Прейсъ-куранты безплатно.

РЕДАКТОРЪ. Повѣсть І. В. Видмана въ 8 д. листа 4 печатн. листа. Цѣна 40 коп., съ пересылкою 55 коп. Изданіе книгоиздательства ГЕРМАНЪ ГОППЕ: СПб., Садовая, 22.

РУКОВОДСТВО

КЪ СТИХОСЛОЖЕНІЮ

со словаремъ риѳмъ,

для преподаванія и самообученія,

составленное **М. БРОДОВСКИМЪ**

Одобрено ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для основныхъ библіотекъ среднеучебныхъ заведеній и рекомендовано какъ внѣклассное пособіе. Цѣна 80 коп., съ перес. 1 руб.

Изданіе книгоиздательства ГЕРМАНЪ ГОППЕ: С.-Петербургъ, Садовая ул., 22.

ЖЕНИХЪ и НЕВѢСТА. Пов. І. Ясинскаго. Цѣна 50 к., съ перес. 65 к. **Изданіе книгоиздательства ГЕРМАНЪ ГОППЕ.**

СТИХОТВОРЕНІЯ КОНСТАНТИНА ФОФАНОВА.

Изящное изданіе in 8°, X + 182 стр., содержащее:

I. **Мелкія стихотворенія.** — II. **Фантазіи.** — III. **Библейскіе мотивы.** — IV. **Думы.** — V. **Сказки и поэмы.** — VI. **Отрывки.**

Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.; въ изящномъ переплетѣ 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Изданіе книгоиздательства ГЕРМАНЪ ГОППЕ: С.-Петербургъ, Садовая, 22.

Главная контора и редакція „Всемірной Иллюстраціи" находятся въ С.-Петербургѣ, на Садовой ул. № 22.
Въ Москвѣ отдѣленія конторы находятся: 1) при книжн. маг. А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, 15, и 2) при конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи.

Дозв. цензурою. СПБ. 29 апрѣля 1893 г. Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53

Всемірная Иллюстрація

25й годъ — № 1268 — 49й томъ

Суббота 8-го мая 1893 г.

Цѣна нумеру 35 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки на годъ . **15** руб.
(при подпискѣ въ главной конторѣ редакціи).
Съ доставкою на годъ. . . . . **17** »

Въ Москвѣ безъ доставки на годъ . . . . . . **17** руб.
Съ пересылкою во всѣ города Россійской имперіи на годъ . . . . **18** »

Подписная цѣна на полгода съ доставкою и пересылкою . . . . **9** руб.
За границу (въ государства всемірнаго почтоваго союза) **20** руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Редакція и главная контора: Садовая ул. № 22.

НЕСЧАСТНАЯ ЖЕРТВА БОА.

Каррикатуры А. Гилльома.

I.

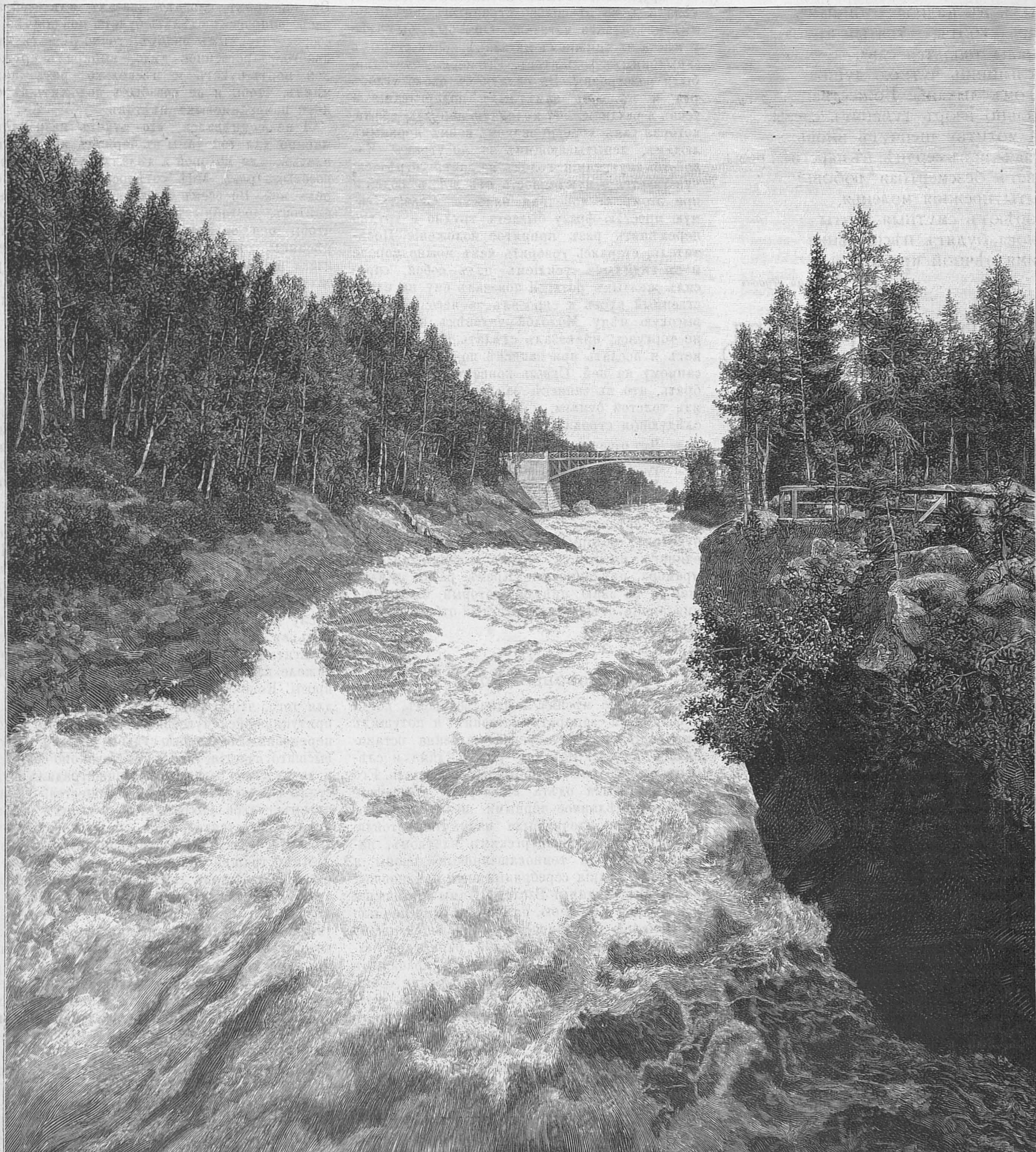
II.

III.

IV.

Всемірная Иллюстрація

№ 1268. Годъ XXV. 8-го мая 1893 г. Томъ XLIX. № 20.



Живописные уголки Россіи. — Водопадъ Иматра въ Финляндіи.

Съ фотографіи К. Э. Стольберга въ Гельсингфорсѣ, снятой для «Всемірной Иллюстраціи» гравировалъ В. В. Зейпель.

Въ храмѣ

Гремятъ тяжелые затворы...
Затихъ и дремлетъ старый храмъ:
Угасли свѣчи, смолкли хоры,
Остылъ въ кадилахъ ѳиміамъ.
Алтарь стоитъ, объятый тьмою,
Лампады теплятся едва,
Но слышишь чуткою душою
Кругомъ дыханье Божества:
Невольно взоръ туманятъ слезы,
Уста молитву шепчутъ вновь...
Не такъ ли въ сердцѣ, въ царствѣ грезы,
Живетъ безсмертная любовь?
Забыты прежнія моленья,
Но зрѣютъ смутныя мечты
И снова будятъ пѣснопѣнья
Во имя вѣчной красоты.

Николай Чудовъ

ЧЕТЫРЕ КУСТА РОЗЪ

Изъ воспоминаній садовника

П. Н. КРАСНОВА

Четыре куста розъ привлекали общее вниманіе посѣтителей цвѣточной выставки. На одномъ желтые цвѣты—почти сѣрнаго цвѣта—томно свѣшивали свои продолговатыя чашечки. На другомъ были нѣжнорозовые цвѣты, покрытые серебристымъ пухомъ; ихъ треугольные, закручивавшіеся у концовъ, лепестки издавали чудный чайный запахъ. На третьемъ кустѣ цвѣли крупныя бѣлыя розы съ чуть-чуть красноватымъ просвѣтомъ въ серединѣ цвѣтка. Наконецъ четвертый кустъ былъ покрытъ яркопунсовыми, какъ огонь горѣвшими, розами, изливавшими свойственное только розамъ благоуханіе. Всѣ говорили, что за этими растеніями обезпечена большая золотая медаль. Воздухъ вокругъ нихъ былъ напоенъ ароматомъ, и самые кусты казались побѣднымъ трофеемъ весны.

Но владѣлецъ этихъ розъ не имѣлъ веселаго вида. Онъ стоялъ какъ будто въ раздумьи и вяло и безучастно смотрѣлъ на сновавшую мимо толпу. Я былъ немного знакомъ съ нимъ и, подойдя, поздравилъ съ золотою медалью, которая навѣрно не минуетъ его, и сказалъ нѣсколько общихъ комплиментовъ по поводу выставленныхъ имъ растеній, причемъ особенно распространился насчетъ розъ.

— Ахъ, возразилъ мнѣ садовникъ уныло. — Я самъ любуюсь этими розами. Онѣ — моя гордость. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ трудно отогнать воспоминанія о той трагической исторіи, въ которой играли роль эти самые кусты розъ. Хотя я былъ лишь постороннимъ свидѣтелемъ ея, но она такъ потрясла мои нервы, что и теперь мнѣ кажется, будто тѣни участниковъ ея носятся въ ароматѣ розовыхъ цвѣтовъ.

I

Желтыя розы

„Года три тому назадъ розовые кусты эти не были еще такъ пышны, да и зацвѣтали не сразу всѣ четыре, а поочередно, съ промежутками около двухъ мѣсяцевъ одинъ послѣ другаго. Только особыми усиліями садовой культуры удалось мнѣ добиться того, что всѣ кусты зацвѣли одновременно — къ выставкѣ. Тогда же первымъ послѣ прививки распустился кустъ желтыхъ розъ. Отлично помню день, въ который онъ сразу покрылся золотистыми цвѣтами, въ какомъ-то томномъ безсиліи клонившими долу свои головки. Было начало октября. На улицахъ царила слякоть; порой перепадалъ снѣгъ, смѣшанный съ дождемъ. Я стоялъ въ магазинѣ рано утромъ и любовался золотистыми цвѣтками, загадывая — кто-то купитъ ихъ въ этотъ день и чью комнату будутъ они украшать? Мои мысли прервалъ посѣтитель—молодой человѣкъ, нервнымъ порывистымъ движеніемъ распахнувшій дверь магазина. Онъ не принадлежалъ къ числу моихъ обычныхъ покупателей. Я видѣлъ его въ первый разъ. Его серьезныя манеры, слегка сутуловатая спина, что происходило, впрочемъ, не отъ природнаго недостатка, а скорѣе отъ продолжительныхъ кабинетныхъ занятій, дѣлали даже нѣсколько страннымъ посѣщеніе имъ цвѣточнаго магазина. Онъ былъ бы болѣе у мѣста въ книжномъ магазинѣ, среди старыхъ запыленныхъ фоліантовъ. Его нервы, очевидно, были разстроены. Въ складкахъ около угловъ рта и въ чуть замѣтныхъ подергиваніяхъ усовъ я различилъ ту холодную нервную дрожь, которая такъ хорошо знакома всѣмъ нервнымъ людямъ, испытывающимъ ее по утрамъ. Какой-то внутренній холодъ не даетъ согрѣться; чувствуется отчужденность отъ всѣхъ людей и при этомъ безконечная вялость. Сказать самую простую фразу бываетъ трудно и трудно перемѣнить разъ принятое положеніе. Посѣтитель, стараясь говорить какъ можно короче и съ видимымъ усиліемъ надъ собой, спросилъ желтыхъ розъ. Я показалъ ему на единственный кустъ и спросилъ за него довольно высокую цѣну. Молодой человѣкъ заплатилъ не торгуясь, приказалъ сдѣлать изъ нихъ букетъ и послать при запискѣ по адресу, написанному на ней. Сквозь конвертъ я могъ разобрать, что въ запискѣ заключалась карточка изъ толстой бумаги, и на ней были написаны слѣдующія строки Гейне:

Что означаютъ желтыя розы?
Ревности муки и страсти волненье,
Горькія чувства и сладкія грезы,
Нѣжности съ горемъ обиды боренье.

На запискѣ не было ни числа, ни подписи. Изъ срѣзанныхъ розъ вышелъ премилый букетикъ, который я оживилъ бѣлыми безъ единаго пятнышка, точно изваянными изъ мрамора, цикламенами. Кромѣ развѣ ландышей я не знаю цвѣтка, который бы лучше цикламена оттѣнялъ золотистый отблескъ желтыхъ розъ.

II

Розовыя розы

Спустя два мѣсяца, поздно вечеромъ, когда я собирался запирать магазинъ и потушилъ уже часть лампъ, у дверей магазина остановилась карета. Изъ нея вышла дама и слѣдомъ за нею мой октябрьскій посѣтитель. Его спутница была одѣта въ черное кружевное платье, отдѣланное черными шелковыми лентами. На ея плечи была накинута ротонда. Подъ легкимъ оренбургскимъ платкомъ, наброшеннымъ на темнокаштановые локоны, я замѣтилъ рѣдкія серебряныя нити начинавшей появляться сѣдины. Взглядъ дамы отличался ясностью и глубиною, но въ немъ уже не было ни наивной довѣрчивости, отличающей очень молодыхъ дѣвушекъ, ни той бархатной безмятежности, которая чаруетъ въ красивыхъ глазахъ замужнихъ женщинъ. Но при всемъ томъ дама была необыкновенно легка, граціозна и лучезарна. Съ ея приходомъ даже въ въ магазинѣ какъ-то посвѣтлѣло. Она принадлежала къ числу тѣхъ рѣдкихъ созданій, съ которыми нельзя встрѣчаться, не испытывая чувства симпатіи. Самыя черствыя сердца раскрылись бы передъ нею. Ея спутникъ спросилъ розовыхъ розъ. Въ тотъ день какъ разъ распустился кустъ съ розовыми цвѣтами. Тогда онъ не былъ еще такъ густъ, и на немъ было сравнительно мало цвѣтовъ. Но дамѣ понравились именно они. Пока я срѣзалъ ихъ, она осматривала своими большими глазами магазинъ и переговаривалась о чемъ-то со своимъ спутникомъ. Мнѣ показалось, что онъ слегка пожалъ ея маленькую ручку въ перчаткѣ, а она въ отвѣтъ торопливо шепнула ему: „Да, да! твоя, твоя!“ — и указала глазами на меня.

Изъ розовыхъ розъ вышли двѣ небольшія бутоньерки—на грудь и въ волосы. Чтобы онѣ не казались слишкомъ жидки, я прибавилъ кромѣ традиціонной зелени папоротниковъ нѣсколько вѣточекъ геліотропа.

III

Бѣлыя розы

Романъ между моими покупателями былъ на столько несомнѣненъ, что я нисколько не удивился, когда въ началѣ февраля меня опять посѣтилъ тотъ же молодой человѣкъ и заказалъ бѣлый свадебный букетъ. Мой покупатель имѣлъ видъ довольный и счастливый, хотя и старался скрыть свою радость подъ озабоченнымъ предстоящими хлопотами видомъ. Въ короткихъ словахъ сказалъ онъ свой адресъ, попросилъ сдѣлать букетъ поизящнѣе, съ сосредоточеннымъ видомъ, точно рѣшалъ важное государственное дѣло, выбиралъ кружевной портъ-букетъ и нѣсколько разъ напомнилъ, чтобы я не позабылъ положить въ букетъ померанцевыхъ цвѣтовъ.

Я не сомнѣвался, что букетъ назначается именно для той дамы въ черномъ кружевномъ платьѣ, для которой я дѣлалъ бутоньерки изъ розовыхъ розъ. Мнѣ хотѣлось отличиться передъ ней. Во всемъ магазинѣ не находилъ я цвѣтовъ, достойныхъ, по моему мнѣнію, того, чтобы она опускала на нихъ свои длинныя рѣсницы, отправляясь къ алтарю. Наконецъ глаза мои остановились на этихъ бѣлыхъ розахъ. Онѣ показались мнѣ достаточно красивыми, и изъ нихъ-то я и сдѣлалъ свадебный букетъ.

IV

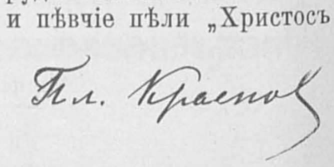
Красныя розы

Не прошло полныхъ трехъ мѣсяцевъ послѣ этой свадьбы, какъ въ мой магазинъ опять зашелъ тотъ же молодой человѣкъ. Онъ былъ страшно блѣденъ; глаза его были красны и носили слѣды слезъ. Разстроеннымъ голосомъ онъ заказалъ вѣнокъ и отвернулся, чтобы скрыть слезы.

Неужели? подумалъ я, и этотъ вѣнокъ ей же, его молодой женѣ? Впрочемъ, эта мысль показалась мнѣ довольно естественной. Мнѣ даже не пришло въ голову, что могъ умереть кто нибудь изъ его старшихъ родственниковъ или друзей. Не принадлежала ли его жена къ числу тѣхъ созданій, которыя посылаются небомъ въ нашу сумрачную земную жизнь, чтобъ освѣтить ее яркимъ лучемъ, чтобы потомъ еще тяжеле казался гнетъ жизненной пошлости и прозы. Конечно, судьба послала ее ея мужу для того, чтобы онъ, усталый отъ жизни, съ притупившейся чувствительностью отъ часто переносимыхъ ударовъ судьбы, постигъ минуты высшаго счастія, узналъ, въ чемъ оно состоитъ, и затѣмъ всю остальную жизнь страдалъ и грустилъ объ утратѣ любимаго существа. Такимъ путемъ судьба сохраняетъ въ своихъ избранникахъ чувствительность, безъ которой имъ, пожалуй, казалась бы слишкомъ легкою жизнь.

Мнѣ страшно захотѣлось увидѣть ее еще разъ, и я рѣшилъ самъ отнести заказъ. Я выбралъ лучшія красныя розы, какія были въ моемъ магазинѣ, перевилъ ихъ вѣточками узкихъ миртовыхъ листьевъ, темная зелень которыхъ придавала какую-то торжественную мрачную красоту огненнымъ розамъ, и перевязалъ вѣнокъ бѣлой атласной лентой. Теперь онъ казался мнѣ какимъ-то зловѣщимъ похороннымъ маршемъ надъ могилой надежды и любви, составленнымъ вмѣсто звуковъ изъ цвѣтовъ.

Рано утромъ я принесъ вѣнокъ на квартиру покойной. Она лежала уже въ гробу въ своемъ бѣломъ подвѣнечномъ платьѣ. У изголовья стоялъ высохшій свадебный букетъ. Несмотря на мертвенную восковую блѣдность лица, она оставалась прекрасной. Какъ будто она только заснула глубокимъ, спокойнымъ сномъ. Сама смерть побоялась разрушить ея красоту. Я положилъ свой погребальный красный вѣнокъ ей на грудь и вышелъ. Начинали служить панихиду, и пѣвчіе пѣли „Христосъ Воскресе!“



ПОКОРИЛАСЬ!

Изъ воспоминаній охотника

Къ картинѣ Винцмана

Несколько лѣтъ тому назадъ я провелъ іюль и августъ въ громадныхъ лѣсахъ п—ой губерніи. Съ ружьемъ и сумкой за плечами, въ сопровожденіи собаки я переходилъ изъ деревни въ деревню, все болѣе и болѣе углубляясь въ почти непроходимую глушь лѣса, моховыхъ безконечныхъ болотъ и озеръ. Маленькія деревушки и поселки въ 10—20 избъ разсѣяны среди лѣса на разстояніи 20—40 верстъ одна отъ другой. Дорогъ во многихъ мѣстахъ нѣтъ совсѣмъ. По болотамъ на десятки верстъ тянутся „кладки" — рядъ сплоченныхъ бревенъ, забросанныхъ хворостомъ. Когда идешь по кладкѣ, наложенной черезъ болото, она дрожитъ подъ ногами, какъ живая. Стоитъ сойти съ кладки, какъ сейчасъ же рискуешь получить грязную ванну по поясъ, а то и глубже. Кругомъ — куда ни оглянись — безконечный хвойный лѣсъ и цѣлый океанъ моха. Цѣлыми днями бродилъ я по этимъ лѣснымъ дебрямъ, ночуя сплошь и рядомъ въ лѣсу и останавливаясь дня на 2 на 3 въ какой нибудь деревушкѣ.

Постояннымъ спутникомъ моимъ въ этихъ охотничьихъ странствованіяхъ былъ заштатный сельскій учитель, жившій въ одномъ изъ селъ п....й губерніи, Владиміръ Николаевичъ или попросту „Николаичъ". Мужчина 35-ти лѣтъ отъ роду, низенькій, коренастый, съ большимъ обиліемъ жилъ и мускуловъ и, какъ казалось, съ полнымъ отсутствіемъ мяса. Николаичъ принадлежалъ къ числу такъ называемыхъ неудачниковъ. Сынъ мѣстнаго діакона, онъ не окончилъ курса семинаріи за увлеченіе Добролюбовымъ и Некрасовымъ. Какими-то судьбами ему удалось получить мѣсто учителя въ своемъ селѣ, но Добролюбовъ и Некрасовъ и тутъ помѣшали. Ревизовавшій школы инспекторъ былъ непріятно пораженъ обширнымъ знакомствомъ деревенскихъ ребятъ съ произведеніями „музы мести и печали" и предложилъ Николаичу оставить мѣсто. Николаичъ сказалъ инспектору что-то въ родѣ дурака и почилъ на лаврахъ, всецѣло предавшись охотѣ. Въ моментъ моего знакомства Николаичъ уже 10-й годъ жилъ бобылемъ въ банѣ своего отца ровно ничего не дѣлая, но тѣмъ не менѣе жилъ онъ не даромъ, и старикъ-отецъ ежегодно продавалъ промышленникамъ изрядное количество глухарей, рябчиковъ, куропатокъ и тетеревовъ. Николаичъ избивалъ дичь въ громадномъ количествѣ, вѣчно мурлыча себѣ подъ носъ какое нибудь изъ стихотвореній Некрасова, котораго онъ зналъ наизусть, и вѣчно ругая своего пса Мазая, названнаго вѣроятно въ честь дѣдушки Мазая. Мазай этотъ — нѣчто среднее между сетеромъ и гончей—нисколько не оправдывалъ своего имени и обратно дѣдушкѣ Мазаю питалъ неопреодолимую страсть къ зайцамъ.

Стоитъ бывало Мазай на стойкѣ, стоитъ твердо, какъ и подобаетъ хорошей собакѣ. Вдругъ носъ его чуетъ запахъ зайца. Конченъ балъ. Стойка брошена, брошена дичь, и Мазай устремляется въ карьеръ за косымъ подъ акомпанементъ неистовой брани своего хозяина. Сколько палокъ обломалъ Николаичъ на спинѣ своего пса — одному Богу извѣстно, но все было напрасно Мазай стоически выносилъ лупку и опять при первой возможности преслѣдовалъ зайца.

Итакъ, вотъ мои компаньоны, которымъ я, кажется, удѣлилъ слишкомъ много мѣста и, увлекшись воспоминаніями, чуть не забылъ о чемъ хотѣлъ разсказать.

Въ одинъ жаркій какъ печь іюльскій день мы шли по моховому болоту; усталыя до невозможности собаки, высунувъ языки, едва плелись за нами. Сильно парило, а на одной сторонѣ неба собирались какія-то зловѣщія тѣни, сулившія угостить насъ основательнымъ дождемъ. Николаичъ остановился, осмотрѣлся, покрутилъ головою и предложилъ мнѣ ускорить шаги къ лѣсу.

Когда мы подошли къ лѣсу, дождь уже начиналъ накрапывать. Въ лѣсу сразу все потемнѣло. Черезъ полчаса ходьбы передъ нами открылась небольшая полянка съ стоявшей по среди нея избушкой и клѣтью. Въ ту же минуту дождь хлынулъ какъ изъ ведра и, пока мы перебѣгали полянку, успѣлъ смочить наши блузы насквозь. Мы вошли въ избу.

Это была обыкновенная сторожка съ низкимъ бревенчатымъ потолкомъ, съ громадною русскою печью въ углу, съ полатями и съ скамейками по стѣнамъ. Въ избѣ очевидно не жилъ никто; на полу валялся мусоръ. Углы затянулись паутиной. Пахло затхлостью, сыростью и нежилымъ.

— Что это за обитель? спросилъ я, раздѣваясь и стаскивая съ себя намокшую блузу.

— Обитель эта довольно интересная, если хотите. Пять лѣтъ тому назадъ въ ней жилъ мѣстный знахарь. Теперь же она заброшена, и врядъ ли кто и жить въ ней станетъ.

— Почему?

— Да кто-жъ изъ крестьянъ рѣшится жить въ избѣ колдуна. Сюда и промышленники не заглядываютъ. Я только раза два заходилъ сюда раньше.

— А гдѣ же бывшій хозяинъ — умеръ что ли?

— Богъ его знаетъ — можетъ живъ, можетъ и умеръ. Онъ ушелъ на богомолье.

— Колдунъ и на богомолье?

— Да. Это небезъинтересная исторія; пожалуй я разскажу ее вамъ, скорѣе и время пройдетъ. Николаичъ растянулся на лавкѣ, закурилъ носогрѣйку и началъ:

— Старика Грузина я зналъ хорошо. Это былъ богатый мужикъ, бездѣтный вдовецъ, суровый, строгій, стараго письма, какъ говорится. Жилъ онъ вполнѣ обезпеченно и имѣлъ, какъ утверждали, деньжонки. Грузину стукнуло уже пятьдесятъ лѣтъ, когда его бѣсъ попуталъ. Началъ старикъ частенько ѣздить въ уѣздный городъ. Поѣдетъ и проживетъ тамъ недѣлю. Что за оказія, думаемъ, что старикъ въ городъ повадился. Однако скоро оказія объяснилась. Нашъ Грузинъ влюбился, влюбился какъ мальчикъ въ дочку уѣзднаго фельдшера, страшнаго забулдыги и пьяницы. Никто въ селѣ было и вѣрить не хотѣлъ. Но разъ приходитъ отецъ отъ священника и говоритъ, что приходилъ старикъ Грузинъ совѣтоваться съ батюшкой относительно женитьбы. Священникъ его отговаривалъ. — Смотри, Грузинъ, кабы послѣ не каяться, тебѣ уже пятьдесятъ, а ей и двадцати лѣтъ еще нѣтъ; дѣвушка городская, къ нашей деревнѣ непривычная.

— Ничего, батюшка, Богъ милостивъ. Покорится.

— Твое дѣло.

Черезъ мѣсяцъ Грузинъ пріѣхалъ въ деревню уже съ женой. Повѣнчались въ городѣ. Зажили. Ничего бабеночка, съ виду смирная, красивая, тихая, всѣхъ дичится и все въ избѣ сидитъ. Прошло съ годъ. Въ деревнѣ стали поговаривать, что у Грузиныхъ что-то неладно. Самъ ходитъ, что туча черная. Жены не видать; она и со двора почти не выходитъ. Разъ только ее одна изъ бабъ видѣла. „Стоитъ это", разсказывала она, „Грузиха у притолки, руки назадъ заломила, лицо какъ рядно бѣлое, а глаза какъ у волка горятъ. Не добромъ у нихъ кончится".

Дошли слухи и до священника; призываетъ онъ Грузина и начинаетъ говорить ему такъ молъ и такъ, нехорошо говорятъ въ народѣ. Помолчалъ старикъ, да и отвѣтилъ:

— На чужой ротокъ не накинешь платокъ. Мало ли что зря болтаютъ. Правда, не привыкаетъ моя жена ко мнѣ, да авось стерпится — слюбится, покорится.

— Давай Богъ безъ бѣды обойтись.

А бѣда за плечами стояла. Разъ ночью забили набатъ. Выбѣжалъ народъ, глядятъ — горитъ грузинская изба какъ свѣчка. Пока сбѣжались, пока что, вся изба и пристройки были въ огнѣ: время стояло сухое — солома и дерево стали ни хуже пороха. Въ избѣ кто-то кричитъ; бросились къ дверямъ — заперты, ну живо сдвинули ихъ и оттуда еле живаго старика вытащили, чуть не задохся отъ дыма. Татьяна за нимъ вышла, блѣдная, ни кровинки, а глаза такъ и горятъ. Постояла да и грохнулась о земь безъ памяти. „Ишь сердечная дыму наглоталась", жалѣли бабы. Ну, въ чувство ее привели скоро и отвели къ батюшкѣ. Вся усадьба Грузина сгорѣла до тла.

Черезъ недѣлю слышимъ взялъ Грузинъ въ волостномъ правленіи отдѣльный паспортъ для жены, и въ тотъ же день она уѣхала. „Не съ проста стало быть изба-то сгорѣла", подумали всѣ, но не сказали: кому какое дѣло.

Самъ Грузинъ строить усадьбу вновь не сталъ, а выстроилъ вотъ эту самую избу и поселился въ ней какъ отшельникъ. Стали его бояться, а потомъ пріобыкли и лечиться стали ходить.

Прошло послѣ пожара шесть лѣтъ; о Татьянѣ ни слуху, ни духу. Только разъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ сидимъ мы вечеромъ, пьемъ чай. Вдругъ вбѣгаетъ сосѣдская дѣвушка и говоритъ:

— Грузиха сейчасъ въ деревню пришла.

— Какая Грузиха? мы было и не поняли сначала.

— Да Татьяна; пришла такая оборванная къ намъ подъ окно и спрашиваетъ о мужѣ. Мы сперва было испугались, ну, а потомъ разсказали — гдѣ онъ. Она и пошла къ нему.

— Одна?

— Меньшуткинъ Гришка проводить вызвался.

Удивились мы всѣ и стали ждать — чѣмъ дѣло кончится. Черезъ часъ пришелъ Гришка и разсказываетъ:

— Чудное дѣло! Идемъ это мы съ Татьяной по лѣсу и жутко мнѣ. Думаю, убьетъ ее Грузинъ или вонъ выгонитъ. Она идетъ елееле, больна видно, и ни словечка. Приходимъ къ избѣ; въ окнѣ огонекъ свѣтится. Вотъ тутъ, говорю. Она поклонилась мнѣ, подошла къ сѣнцамъ, подумала малость и вошла; я къ окошку. Что-то будетъ, думаю, а убивать не дамъ. Гляжу—сидитъ старикъ на лавкѣ и лукошко плететъ. Вдругъ какъ посмотритъ на дверь и затрясся весь. Вошла Татьяна, стала передъ нимъ и дрожитъ, какъ былиночка, худая такая, болѣзная. Воззрился на нее Грузинъ долго такъ, да вдругъ и говоритъ:

— Ну что, покорилась теперь?

Молчитъ Татьяна.

— Покорилась? спрашиваю.

Что-то сказала Татьяна, да и бухъ въ ноги, плачетъ, говоритъ что-то. Гляжу и старикъ плакать сталъ. Я и ушелъ.

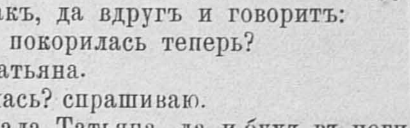
Подивились мы гришкину разсказу; ну, думаемъ, вотъ оно и по его вышло — покорилась. Ну-съ, сейчасъ и кончу все. Только три мѣсяца прожила Татьяна у мужа и умерла у него на рукахъ. Пришла она въ послѣдней степени чахотки. Гдѣ она была, что дѣлала — никто не знаетъ у насъ. Похоронилъ ее Грузинъ и скоро же взялъ паспортъ и ушелъ. Передъ уходомъ онъ говорилъ отцу:

— Пойду свой грѣхъ замаливать. Хотѣлъ я на старости лѣтъ покорить себѣ душу живую. Покорить-то покорили ее да только не я, а нужда-бѣда горькая да люди худые. Тошно мнѣ оставаться теперь тутъ. Прощайте, не поминайте лихомъ!

Пять лѣтъ тому назадъ ушелъ Грузинъ отсюда. Вотъ вамъ исторія этой избушки.

А теперь и идти можно. Смотрите-ка благодать какая!

Я выглянулъ. Дождь прошелъ. Солнце свѣтило ярко. Освѣженный лѣсъ блисталъ миллiардами разноцвѣтныхъ капель, дрожавшихъ какъ брилліанты на иглахъ сосенъ. Мы вышли.



К. М. Лингенъ

Недавно происходило скромное чествованіе, имѣвшее чисто семейный характеръ, одного изъ старѣйшихъ петербургскихъ врачей, одного изъ истинныхъ друзей человѣчества—доктора медицины Карла Максимовича Лингена. Пятаго апрѣля исполнилось пятьдесятъ лѣтъ его врачебной дѣятельности, которая проходила въ разныхъ городскихъ больницахъ, во всѣхъ почти женскихъ институтахъ и главнымъ образомъ среди неимущаго населенія столицы, среди бѣдныхъ, считающихъ доктора Лингена своимъ другомъ и покровителемъ. Скромный и неутомимый труженикъ, искусный, опытный цѣлитель

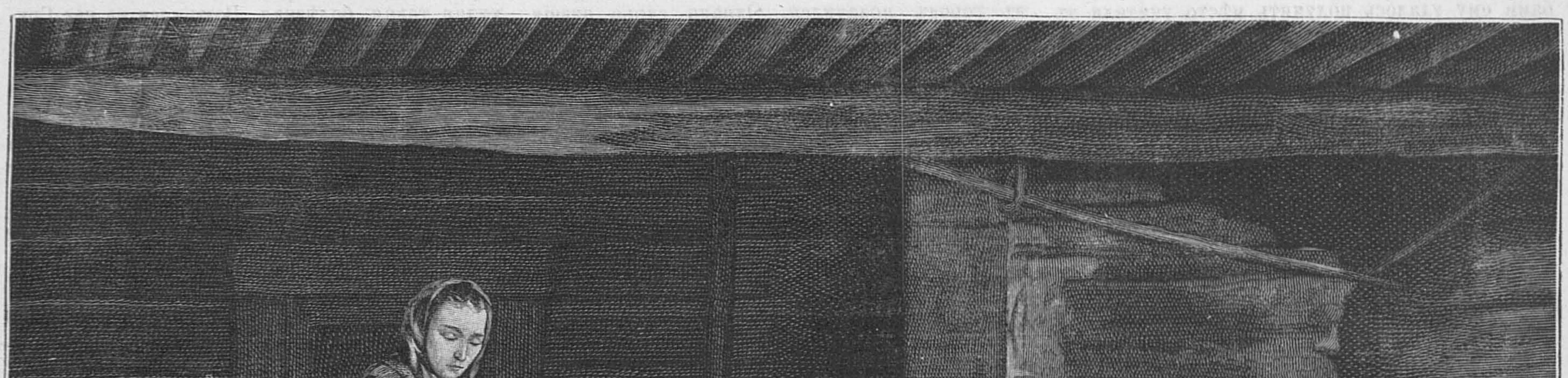
людскихъ недуговъ и весьма добрый, тонко чувствующій человѣкъ, чутко отзывающійся на зовъ нужды и горя, докторъ Лингенъ пользуется въ Петербургѣ самой широкой, завидной популярностью и снискалъ себѣ большія симпатіи и полное уваженіе въ обществѣ. Да и нельзя не симпатизировать этому прекрасному, честному и полезному дѣятелю, не уважать его глубоко за всѣ его рѣдкія нравственныя качества тѣмъ болѣе, что докторъ Лингенъ, дѣлавшій и дѣлающій много добра, не кичится своими богоугодными дѣлами, старается творить добро въ тайнѣ и отличается необычайной скромностью. Съ нѣжной душою, глубоковѣрующій, онъ твердо помнитъ евангельскій завѣтъ любить ближняго какъ самого себя, и этому завѣту онъ всегда оставался вѣренъ. Его врачебная и филантропическая дѣятельность прошла тихо „не блестя не шумя“; докторъ Лингенъ никогда не выставлялся, не искалъ популярности, но зато какая масса несчастныхъ и обездоленныхъ судьбою, такъ или иначе облагодѣтельствованныхъ врачемъ-идеалистомъ, возсылала за него теплыя молитвы къ Престолу Всевышняго, сколько благодарностей приходилось выслушивать безкорыстному труженику въ теченіе его полувѣковой дѣятельности.

Карлъ Максимовичъ Лингенъ перешагнулъ уже за семидесятилѣтній возрастъ. Онъ родился 18-го іюля 1817 года въ С.-Петербургѣ. Слушая съ 1835 по 1837 годъ лекціи по медицинскому факультету въ дерптскомъ (нынѣ юрьевскомъ) университетѣ, онъ отправился для пополненія пробѣловъ своего спеціальнаго образованія за границу. Въ Берлинѣ К. М. Лингенъ усердно работалъ подъ руководствомъ лучшихъ профессоровъ, многихъ медицинскихъ знаменитостей и по возвращеніи въ Россію, въ 1842 году, выдержалъ экзаменъ на званіе лекаря при с.-петербургской медико-хирургической академіи. 5-го апрѣля 1843 года онъ поступилъ на службу сверхштатнымъ ординаторомъ въ Петропавловскую больницу, а черезъ годъ былъ переведенъ на такую же должность въ городскую больницу св. Маріи Магдалины. Несмотря на сопряженныя съ этой службой нелегкія обязанности, К. М. Лингенъ продолжалъ заниматься наукой, работая надъ диссертаціей, которую и защитилъ блестяще въ январѣ 1848 года, за что и былъ удостоенъ степени доктора медицины. Въ Петербургѣ наступилъ затѣмъ печальный холерный годъ. Много пришлось поработать врачебному персоналу столицы, и однимъ изъ наиболѣе усердныхъ врачей, принимавшимъ самое дѣятельное участіе въ борьбѣ съ эпидеміей — былъ докторъ Лингенъ. Его рвеніе, его усиленная плодотворная дѣятельность были замѣчены, и „за отличную ревностную службу и особые труды при пользованіи больныхъ холерою“ доктору Лингену объявлена была въ 1849 году Высочайшая благодарность. Съ начала 50-хъ годовъ сфера дѣятельности К. М. Лингена значительно расширилась. Помимо занятій въ больницѣ св. Маріи Магдалины, гдѣ съ 20-го сентября 1853 г. онъ по-

К. М. ЛИНГЕНЪ, докторъ медицины.

Съ фотографіи В. Классена гравировалъ И. И. Хелмицкій.

По поводу 50-лѣтія медицинской и служебной дѣятельности.



Возвращеніе на родину. Картина О. К. Винцмана.

Съ фотографіи гравировалъ Б. П. Пуцъ.

С.-Петербургъ. — Выставка 1893 года въ Императорской академіи художествъ.

лучилъ мѣсто старшаго штатнаго ординатора, докторъ Лингенъ 29-го марта того же года былъ назначенъ дѣйствительнымъ членомъ с.-петербургскаго совѣта дѣтскихъ пріютовъ, а также директоромъ пріюта во имя св. Владиміра.

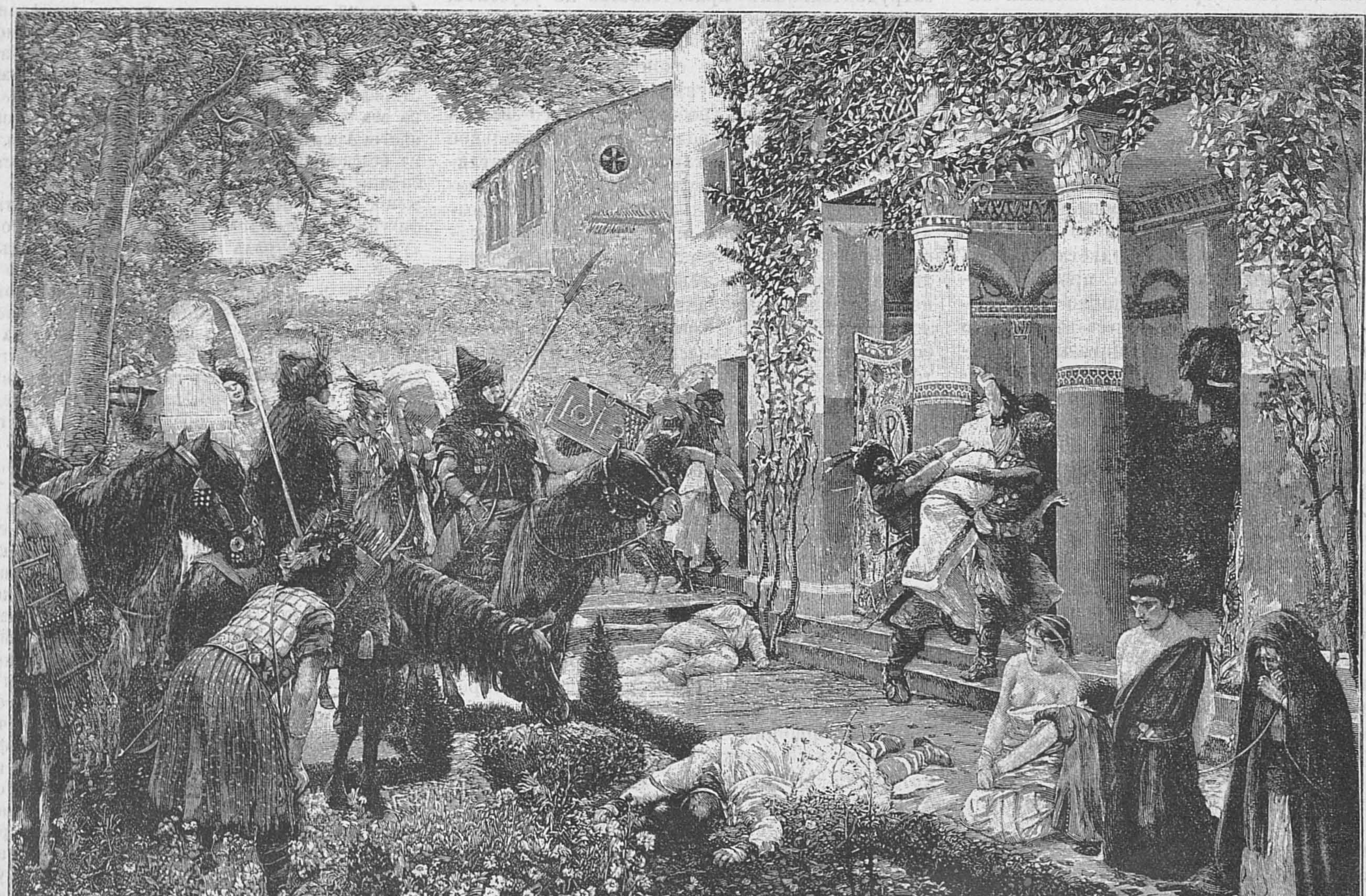
Съ этого времени начинается его плодотворная дѣятельность въ разныхъ филантропическихъ учрежденіяхъ, за которую онъ удостоился получить въ 1857 году Высочайшее благоволеніе Е. И В. Государыни Императрицы Маріи Александровны, а позднѣе получилъ нѣсколько наградъ. Въ январѣ 1863 года К. М. Лингенъ сдѣланъ старшимъ врачемъ въ той же больницѣ св. Маріи Магдалины и прослужилъ въ этой должности слишкомъ двадцать шесть лѣтъ, а вообще въ больницѣ — сорокъ шесть лѣтъ, такъ какъ оставилъ ее въ октябрѣ 1889 года. 17-го іюня 1869 г. доктору Лингену повелѣно быть присутствующимъ членомъ медико-филантропическаго комитета Императорскаго человѣколюбиваго общества и исполняющимъ обязанности медицинскаго попечителя васплеостровской части въ Петербургѣ. Когда въ семидесятыхъ годахъ снова наступилъ холерный періодъ въ столицѣ, К. М. Лингенъ, работая съ прежней неутомимостью и усердіемъ, весьма много содѣйствовалъ ослабленію эпидеміи и въ 1870 году „за особые труды по прекращенію холеры" удостоился Монаршаго благоволенія. Посвящая свои труды и большую часть времени службѣ въ больницѣ св. Маріи Магдалины, докторъ Лингенъ трудился много лѣтъ въ качествѣ врача-консультанта Елисаветинскаго, Екатерининскаго и Николаевскаго институтовъ, въ качествѣ непремѣннаго члена совѣта евангелической александровской больницы для бѣдныхъ, члена совѣта Россійскаго общества „Краснаго Креста", общества нѣмецкихъ врачей Петербурга и проч. За особые труды по „Красному Кресту" ему пожалованъ въ 1879 году орденъ св. Владиміра 2-й степ. Весь свой досугъ докторъ Лингенъ отдавалъ всегда врачебной практикѣ и преимущественно пользованію бѣдныхъ. Чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника онъ получилъ въ 1867 г., а въ чинѣ тайнаго совѣтника состоитъ съ 1883 г. Помимо упомянутыхъ наградъ, докторъ Лингенъ имѣетъ еще ордена: св. Станислава 1-й степ. (въ 1872 г.) и св. Анны 1-й степ. (съ 1876 г.). Въ 1880 и 1882 гг. ему кромѣ того было объявлено Высочайшее благоволеніе. Насколько скроменъ этотъ заслуженный и достаточно потрудившійся дѣятель, другъ бѣдныхъ, это видно изъ того, что при наступленіи времени своего полувѣковаго юбилея, К. М. Лингенъ отказался отъ всякаго оффиціальнаго празднованія его.

К. В. РУКАВИШНИКОВЪ,
новый московскій городской голова.

Съ фотографіи Е. М. Овчаренко въ Москвѣ гравировалъ Б. П. Пуцъ.

К. В. Рукавишниковъ

Его Величество Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра внутреннихъ дѣлъ, Высочайше соизволилъ назначить, 20-го апрѣля, коллежскаго совѣтника Константина Рукавишникова на должность московскаго городскаго головы. Выборы въ эту должность происходили еще 17-го апрѣля и баллотироваться изъявилъ желаніе только одинъ г. Рукавишниковъ, который и былъ избранъ 93-мя голосами. Новый городской голова Константинъ Васильевичъ Рукавишниковъ, какъ полезный общественный дѣятель, далеко не безъизвѣстенъ москвичамъ и, не смотря на относительную молодость лѣтъ, довольно много поработалъ на поприщѣ филантропіи и въ качествѣ земскаго дѣятеля, успѣвъ вообще снискать себѣ большое уваженіе въ обществѣ. Онъ ведетъ свой родъ отъ старинной купеческой фамиліи города Москвы, а нынѣ принадлежитъ къ потомственнымъ дворянамъ московской губерніи. Высшее образованіе К. В. Рукавишниковъ получилъ въ московскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ по юридическому факультету со степенью кандидата. Всецѣло посвятивъ себя выборной службѣ и благотворительной дѣятельности, онъ былъ избранъ въ гласные московской



Разграбленіе галло-романской виллы гуннами. Картина Ж. Рошгросса.

Франція. — Парижъ. Салонъ 1893 года.

думы и въ гласные губернскаго земства и, нѣсколько трехлѣтій подрядъ занимая эти должности, дѣятельно работалъ во многихъ коммиссіяхъ. Что касается его благотворительной дѣятельности, то главнымъ образомъ она принадлежитъ, получившему завидную извѣстность, городскому рукавишниковскому исправительному пріюту для малолѣтнихъ преступниковъ, который основанъ покойнымъ братомъ К. В. Рукавишникова и въ которомъ нынѣшній городской голова состоитъ попечителемъ. К. В. положилъ немало личнаго труда, энергіи и матеріальныхъ средствъ на дѣло благоустройства этого замѣчательнаго пріюта, и нынѣ онъ въ ряду учрежденій подобнаго рода занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Вопросы, касающіеся исправленія малолѣтнихъ преступниковъ, вообще всегда интересовали К. В. Рукавишникова, который много потрудился для ихъ выясненія и, какъ извѣстно, принималъ самое дѣятельное участіе въ бывшемъ въ Москвѣ съѣздѣ представителей русскихъ исправительныхъ заведеній. Много потрудился онъ, въ качествѣ просвѣщеннаго филантропическаго дѣятеля, также и въ московскомъ комитетѣ по разбору и призрѣнію нищихъ, въ которомъ онъ занимаетъ мѣсто вицепрезидента. Независимо отъ всего этого К. В. Рукавишниковъ состоитъ дѣятельнымъ членомъ многихъ благотворительныхъ учрежденій, директоромъ попечительнаго о тюрьмахъ комитета и проч. Вообще, какъ гласный, принимавшій нѣсколько трехлѣтій близкое участіе въ ходѣ городскихъ дѣлъ, К. В. Рукавишниковъ имѣлъ полную возможность ознакомиться съ сложнымъ механизмомъ городскаго управленія, узнать нужды городскаго хозяйства. Онъ въ расцвѣтѣ молодости и силъ, обладаетъ огромнымъ независимымъ состояніемъ; у него есть жажда дѣятельности. Все это вмѣстѣ взятое даетъ основаніе предположить, что К. В. Рукавишниковъ явится достойнымъ продолжателемъ дѣятельности своего предшественника и, воодушевленный искреннимъ желаніемъ пользы родной своей Москвѣ, съумѣетъ разумно направить ея силы.

ПОЛИТИКА

3 (15) мая 1893 г.

Единственнымъ, сколько нибудь выдающимся, событіемъ нашей внутренней жизни за прошлую недѣлю были вторые и, по новому закону, окончательные выборы членовъ новой с.-петербургской думы.

За границей тѣмъ временемъ главный интересъ продолжаетъ сосредоточиваться на предстоящихъ ровно черезъ мѣсяцъ отъ сегодняшняго дня выборахъ въ новый германскій парламентъ. Императоръ Вильгельмъ II на другой же день послѣ распущенія рейхстага обратился на военномъ смотру къ офицерамъ, въ немъ участвовавшимъ, съ очень энергической и характерной рѣчью, въ которой заявилъ о своемъ непреклонномъ намѣреніи осуществить во что бы то ни стало задуманную имперскимъ правительствомъ военную реформу, прибавляя, что прочія германскія правительства совершенно одинаковаго съ нимъ мнѣнія. Императоръ горячо восхвалялъ при этомъ патріотизмъ меньшинства, подавшаго въ распущенномъ рейхстагѣ свои голоса въ пользу военнаго законопроекта, видоизмѣненнаго правительствомъ согласно предложенію г-на Гюне. Въ общемъ получался такой смыслъ, что если вновь избранный рейхстагъ отвергнетъ военную реформу, то и онъ будетъ вслѣдъ затѣмъ немедленно распущенъ. На такой-то почвѣ и начались приготовленія къ новымъ выборамъ.

Первыя извѣстія объ этихъ приготовленіяхъ, шедшія, впрочемъ, изъ благопріятныхъ правительству источниковъ, давали поводъ предполагать, что рѣшительная мѣра распущенія парламента произвела уже дѣйствіе, на которое разсчитывало правительство. Появились свѣдѣнія о „расколѣ“, происшедшемъ въ двухъ изъ партій, враждебныхъ военной реформѣ, именно въ партіи католическаго центра и въ партіи свободомыслящихъ. Говорили, что изъ состава этихъ партій выдѣляется извѣстное число членовъ, готовыхъ подать голоса за военный законопроектъ съ поправкою Гюне, и что численность этихъ перебѣжчиковъ достаточна для того, чтобы въ новомъ парламентѣ большинство, хотя и очень слабое, но все-таки достаточное оказалось на сторонѣ военной реформы. Позднѣе стало однако же извѣстно, что если партія свободомыслящихъ дѣйствительно раздѣлилась передъ выборами на двѣ группы: „свободомыслящаго союза“ и „народной свободомыслящей партіи“, то это произошло вовсе не изъ разномыслія по вопросу о военной реформѣ, а просто потому, что нѣкоторые члены партіи не согласились съ мнѣніемъ ея большинства о необходимости исключить совершенно изъ ея состава тѣхъ членовъ, которые, по примѣру г-на Гинце, найдутъ нужнымъ подать голоса за измѣненный поправкою Гюне военный законопроектъ. Во всемъ остальномъ обѣ группы заявляютъ намѣреніе дѣйствовать единодушно, а „народная свободомыслящая партія“ готовится вступить въ союзъ съ группою южно-германскихъ демократовъ.

Что же касается до партіи католическаго центра, то въ ней дѣйствительно оказывается нѣкоторое, впрочемъ, сравнительно небольшое, число членовъ, не желающихъ подавать голоса противъ военнаго законопроекта, но изъ нихъ наиболѣе вліятельные заявляютъ при этомъ намѣреніе и вовсе не ставить своихъ кандидатуръ въ новый рейхстагъ. При подобныхъ условіяхъ перевѣсъ въ 57 голосовъ, который обнаружился въ бывшемъ рейхстагѣ на сторонѣ противниковъ военной реформы, можетъ, конечно, ослабѣть, но пока еще ни что не заставляетъ ожидать, что онъ исчезнетъ окончательно въ будущемъ рейхстагѣ, а тѣмъ болѣе перейдетъ на сторону правительства.

Въ Англіи палата общинъ посвятила всѣ свои засѣданія прошлой недѣли на такъ называемое комитетское обсужденіе ирландскаго билля Гладстона по статьямъ. Оппозиція употребила всѣ усилія, чтобы добиться непринятія первой статьи билля, устанавливающей существованіе отдѣльнаго ирландскаго парламента. Ея безконечныя рѣчи и безчисленныя поправки дѣйствительно затянули пренія о 1-й статьѣ до конца недѣли, но правительственное большинство осталось неизмѣннымъ, и статья эта все-таки была принята въ прошлую пятницу большинствомъ въ 42 голоса (309 противъ 267). Этимъ голосованіемъ обезпечена дальнѣйшая участь билля, хотя пренія о слѣдующихъ его статьяхъ продлятся, вѣроятно, по меньшей мѣрѣ до начала іюля (нов. ст.). Въ случаяхъ сомнительныхъ или затруднительныхъ правительство не упуститъ, конечно, прибѣгнуть къ средству, два раза уже удавшемуся ему на прошлой недѣлѣ, т. е. будетъ требовать окончанія преній о той или другой статьѣ, увѣренное заранѣе, что въ пользу такого требованія у него всегда найдется въ палатѣ большинство. Геніальное знаніе парламентской тактики, которымъ отличается Гладстонъ, сослужитъ ему еще разъ великую службу, совершенно парализируя всѣ безчисленныя ухищренія оппозиціи. Что ирландскій билль будетъ окончательно утвержденъ палатою общинъ — сомнѣваться, кажется, болѣе нельзя, точно также, какъ и въ томъ, что палата лордовъ отвергнетъ его своимъ консервативнымъ большинствомъ. Ирландскій вопросъ вступитъ тогда въ свой послѣдній и рѣшительный фазисъ, и только преклонный возрастъ Гладстона оставляетъ до извѣстной степени открытымъ вопросъ—удастся ли геніальному вождю англійской либеральной партіи довести до конца смѣлое и трудное предпріятіе.

Во Франціи прошлая недѣля выяснила, что министерство Дюпюи ни въ какомъ случаѣ не намѣрено брать на себя отвѣтственности за распущеніе палаты депутатовъ ранѣе конституціоннаго срока ея полномочій, хотя и расположено предоставить этому собранію полную свободу дѣйствій въ случаѣ, еслибы само оно пожелало преждевременнаго распущенія. Впрочемъ, мысль объ этомъ распущеніи, повидимому, совершенно оставлена. Правительство составило уже бюджетъ на 1894 годъ и должно внести его въ палату депутатовъ на нынѣшней недѣлѣ. Бюджетъ составленъ министромъ финансовъ, г. Пейтралемъ, *безъ дефицита*. Недостававшіе по первоначальному разсчету 150,000,000 фр. исчезли изъ него путемъ однихъ сокращеній расходовъ, очевидно весьма значительныхъ по всѣмъ бюджетнымъ статьямъ вообще, но главнымъ образомъ по расходамъ на народное просвѣщеніе, публичныя работы и земледѣліе, потому что слишкомъ урѣзывать расходы на армію и флотъ не рѣшится въ наше время ни одинъ французскій министръ финансовъ. Палатѣ депутатовъ не легко будетъ дать свое согласіе на проектированныя г-номъ Пейтралемъ сокращенія, но все же это для нея менѣе опасно съ избирательной точки зрѣнія, чѣмъ утвердить новые налоги на покрытіе огромнаго дефицита, которымъ г. Пейтраль грозилъ странѣ. Является такимъ образомъ вѣроятность, что бюджетъ на 1894 годъ будетъ утвержденъ нынѣшнею палатою не позднѣе, какъ въ началѣ іюля (нов. ст.), а общіе выборы произойдутъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы избирательный періодъ начался за шестьдесятъ дней до 2 (14) октября, дня, въ который оканчиваются полномочія нынѣшней палаты.

Въ Италіи и въ Австро-Венгріи за минувшую недѣлю не произошло ничего особенно выдающагося. Въ Греціи министерство Трикуписа вышло въ отставку, потерпѣвъ неудачу въ задуманномъ имъ займѣ. Новый кабинетъ Сотиропуло-Ралли, образовавшійся довольно быстро, состоитъ почти цѣликомъ изъ лицъ, не принадлежащихъ къ парламенту. Только два министра состоятъ членами этого собранія. Несмотря на это, новые совѣтники короля Георга надѣются имѣть большинство въ парламентѣ, готовясь, впрочемъ, распустить послѣдній, если надежда эта не осуществится.

Парижскій Салонъ

Можетъ быть самая характерная особенность только что открывшагося парижскаго Салона заключается въ томъ, что такъ называемая „великая живопись“ (grande peinture) совершенно въ немъ отсутствуетъ, за исключеніемъ трехъ—четырехъ картинъ, принадлежащихъ болѣе къ декоративному искусству, чѣмъ къ живописи въ точномъ смыслѣ этого слова. Великая живопись,— и по размѣрамъ, и по стилю, и по сюжетамъ,—уже становится прошедшимъ. Однако и въ настоящемъ Салонѣ можно указать на два или три десятка картинъ, которыя если не по размѣрамъ и не по стилю, то по содержанію напоминаютъ прошлое. Это, въ большинствѣ случаевъ, картины относящіяся къ религіи, миѳологіи, символизму, мистицизму, сомнамбулизму и даже къ исторіи. Единственная, можетъ быть, картина громадныхъ размѣровъ нынѣшняго Салона принадлежитъ знаменитому Мункачи, но она до такой степени не удалась великому венгерскому художнику, что французскіе критики или обходятъ ее молчаніемъ, или посвящаютъ ей двѣ—три фразы, въ которыхъ сквозитъ рѣшительное неодобреніе въ любезныхъ выраженіяхъ, относящихся къ прошлому этого художника. Картина эта—„Арпадъ“—родоначальникъ венгерской династіи Арпадовъ,—завоевывающій Паннонію. Картина безспорно имѣетъ большія достоинства съ точки зрѣнія внѣшней композиціи и прекраснаго изображенія отдѣльныхъ фигуръ, но въ общемъ эта масса фигуръ не представляетъ толпы на открытомъ воздухѣ, а скорѣе рядъ прекрасно разставленныхъ моделей, изъ которыхъ каждая добросовѣстно выполняетъ роль, предоставленную ей художникомъ. Все это условно и безжизненно. Изъ другихъ, собственно историческихъ, картинъ слѣдуетъ указать на картину Руабе „Карлъ Смѣлый“. Картина имѣетъ большія достоинства — опять-таки съ точки зрѣнія композиціи и деталей, но въ колоритѣ и воздушной перспективѣ картина представляетъ значительныя ошибки. Если внутренность церкви въ Нэлѣ хорошо передана, то рѣзня, происходящая въ ней, рѣшительно теряется во мракѣ. Зато другая его картина „Propos galants“ (шуточки) — прелестна и составляетъ гвоздь нынѣшней выставки. Дѣло происходитъ въ кухнѣ вѣроятно въ XVII столѣтіи; кухарка, толстая среднихъ лѣтъ женщина въ фламандскомъ вкусѣ, общипываетъ курицу; на столъ облокотился, тоже среднихъ лѣтъ, солдатъ; онъ разсказываетъ какую-то скабрёзную исторію съ циничной улыбкой на лицѣ; кухарка хохочетъ во все горло. Картина прелестна по выразительности лицъ и по реалистической правдѣ. Картина Блока (Bloch) „Le drapeau“ (знамя) принадлежитъ къ историческому жанру. Это очевидно эпизодъ изъ послѣдней франко-прусской войны. Католическій священникъ, которагo церковь загорѣлась, принимаетъ въ свои объятія смертельно раненаго офицера, не выпускающаго изъ своихъ рукъ знамя. На заднемъ планѣ сраженіе продолжается. Окружающій воздухъ, вся обстановочная часть картины, архитектурныя части и уголокъ церковнаго садика прекрасны, но все-таки зритель не можетъ себѣ объяснить — какимъ образомъ тутъ, а не въ самомъ сраженіи находится знамя. Художнику очевидно это понадобилось для того, чтобы сопоставить два символа: идею Бога, представляемаго священникомъ, и идею отечества, представляемую трехцвѣтнымъ знаменемъ. Жаль только, что

этотъ символизмъ слишкомъ искусствененъ и слишкомъ виденъ. Гораздо выше во всѣхъ отношеніяхъ картина Гроллерона „Frères d'armes“ (братья по оружью). Раненый зуавъ, съ перевязанной рукой, принужденный покинуть поле сраженія, поднялъ умирающаго солдата, вскинулъ себѣ его на плечи и уходитъ со своей ношей; лицо его рѣшительно, энергично, строго. Въ картинѣ нѣтъ ни тѣни сантиментальности, искусственности или слащавости, столь свойственныхъ французскимъ художникамъ, когда они берутся за подобнаго рода сюжеты. Однако лучшей изъ историческихъ картинъ слѣдуетъ признать картину Лорана „La petite Bonchamps“ (Маленькая Б順шанъ). Въ самый разгаръ революціоннаго террора делегація комитета общественной безопасности старается принудить маленькую дочь Боншана выдать секретъ ея отца. Идея картины очень интересна: невозможно не замѣтить контраста, подчеркнутаго художникомъ — съ одной стороны сила, жестокость, ненависть, съ другой — дѣтская наивность и грація. Дѣвочка, очевидно, знаетъ секретъ своего отца; слѣдователь, допрашивающій дѣвочку, конечно, хитритъ и ставитъ ловушки въ своихъ вопросахъ, но въ то же время не можетъ не улыбаться, слушая отвѣты ребенка; другіе представители республиканской власти также очень характерны. Но весь интересъ зрителя сосредоточивается на прелестной фигурѣ дѣвочки, которая передъ трибуналомъ стоитъ на колѣнахъ на стулѣ.

Одна изъ лучшихъ картинъ настоящей выставки безспорно картина Люмине: „Амазонки въ отчаяніи“. Картина эта едва ли имѣетъ какое либо опредѣленное историческое значеніе; это скорѣе фантазія на историческую тему: амазонки, очевидно, разбиты на голову; за ними гонятся; онѣ, конечно, будутъ взяты въ плѣнъ и обезчещены. Онѣ рѣшились избавиться отъ этого позора и въ отчаяніи мчатся на своихъ лошадяхъ прямо въ пропасть. На первомъ планѣ мы имѣемъ двѣ чудеснѣйшія фигуры: одна амазонка, лошадь которой уже находится у самой пропасти, нагнулась къ шеѣ лошади и закрыла лицо руками, чтобъ не видѣть открывающейся пропасти; другая, верхомъ на черномъ конѣ, который уже летитъ въ пропасть, напротивъ того выпрямилась, откинула въ отчаяніи голову назадъ и находится какъ бы въ безчувственномъ состояніи. Выраженіе отчаянія на лицахъ, чудесныя формы тѣла, движеніе — все это превосходно. Картина Люмине — фантазія. Картина Бугеро „Дары амуру“ (offrande à l'amour) — аллегорія въ классическомъ родѣ (см. снимокъ съ этой картины въ № 1266 „Всем. Иллюстраціи“). На красивомъ античномъ пьедесталѣ стоитъ амуръ съ крылышками; къ нему подходятъ молодыя женщины съ дарами: одна ведетъ ягненка, другая несетъ гирлянду цвѣтовъ, третья — цвѣты, четвертая — фрукты, пятая — птицъ, и все это совершается подъ сѣнью деревьевъ, изъ-за которыхъ видны другія женщины, уносящіяся въ пляскѣ; вся композиція поражаетъ граціей фигуръ и строго-классической красотой лицъ. Къ подобнаго же рода полуаллегорическимъ фигурамъ можно отнести и символическую картину Анри Мартена „Трубадуры“. Художникъ изображаетъ передъ нами трехъ поэтовъ эпохи Данте, бесѣдующихъ объ эстетикѣ въ кипарисовой рощѣ, въ то время какъ ихъ музы, изображенныя въ формѣ трехъ бѣлыхъ женщинъ съ лирами, плаваютъ въ воздухѣ надъ ихъ головами. На первый взглядъ эта картина поражаетъ нѣкоторой странностью въ самомъ сюжетѣ и въ исполненіи, но, когда это первое впечатлѣніе неудовольствія прошло, зритель невольно отдаетъ справедливость таланту художника, который при своемъ нѣсколько выспреннемъ идеализмѣ является настоящимъ поэтомъ въ живописи.

Собственно религіозныхъ картинъ на настоящей парижской выставкѣ мало, но онѣ заслуживаютъ вниманія. Особенно хороша картина Леруа „Вечеръ въ Назаретѣ“: будущая Богоматерь присѣла на террассѣ своего дома, вся погруженная въ предчувствіе своей божественной миссіи; окружающій пейзажъ чудесенъ — суровый, грандіозный пейзажъ, находящійся въ полной гармоніи съ выразительнымъ лицомъ Богоматери. „Скончавшійся Христосъ“ Эннера — скорѣе большой очень серьезный этюдъ, чѣмъ картина въ точномъ смыслѣ слова, но этотъ этюдъ превосходенъ по строгой выразительности лица Христа и безутѣшной печали Богородицы, припавшей къ ногамъ Христа. Третья религіозная картина принадлежитъ Брюне; это „Послѣдній вопль Христа“ (Dernier cri du Christ) на крестѣ. Лицо Христа прекрасно по выразительности, но талантливаго художника можно упрекнуть въ ненужномъ реализмѣ, выражающемся, по преимуществу, въ слишкомъ рѣзкомъ и намѣренно, какъ кажется, непріятномъ колоритѣ. О другихъ религіозныхъ картинахъ мы не упоминаемъ; всѣ онѣ принадлежатъ Бюффе, Альберу Лорану, Пинта и другимъ. Общій недостатокъ ихъ — недостатокъ искренней вѣры; въ наше скептическое время трудно встрѣтить такого художника какъ Фра Анжелико. Нельзя однако же умолчать о нѣкоторыхъ уклоненіяхъ отъ религіозной традиціи, уклоненіяхъ, къ которымъ, повидимому, пристращаются современные французскіе художники. Такъ, напримѣръ, Бонду изображаетъ передъ нами буржуазную семью современнаго Парижа, сгруппировавшуюся въ нѣмой печали у тѣла одного изъ членовъ семьи. Картина прекрасно скомпанована, но художнику нуженъ былъ свѣтъ съ правой стороны картины; онъ поэтому открылъ двери комнаты на лѣстницу. Вслѣдствіе этого образовалось пустое пространство, которое нужно было чѣмъ нибудь заполнить. Не долго думая, художникъ изобразилъ входящаго въ двери Христа. Картина называется: „Я воскресеніе и жизнь“.

Къ лучшимъ жанровымъ картинамъ настоящаго Салона можно отнести картины Бюлона, Лобришона, Библя, Гилу, Жюля Бретона, Моро де-Тура, Шевильяра, Бургена, Адана, Гельдра, Жофруа, Демона, Демонъ-Бретонъ, Бруйле, Марена, Татегрена, Синибальда, Вилефруа, Аббема, Моро, Утена, Бриспо Дантона и другихъ. Особенное вниманіе обращаютъ на себя: картина Жюля Бретона „Рождественскій гусь“ — по тонкой живописи и красивому зимнему пейзажу; затѣмъ Демона „Донъ Кихотъ“ и Морена „Au rendez-vous des cochets“ — по выразительности и типичности физіономіи французскихъ извощиковъ. Но первымъ жанромъ надо признать картину Найта (англійскаго художника) „Flaneuse“. Художникъ изобразилъ здоровую крестьянскую дѣвушку, усѣвшуюся на каменной плитѣ набережной; она бросила около себя свое вязанье и съ удовольствіемъ отдыхаетъ. Лицо прекрасно по выраженію спокойнаго довольства, охватившаго дѣвушку.

Нынѣшній Салонъ отличается своими портретами. Лучшіе изъ нихъ принадлежатъ Боннѐ (портретъ его матери), Бенжамену Констану (лордъ Дюфферинъ) и Авіа (портретъ г-жи Сюзанны Мареа). Баше выставилъ чудеснѣйшій фамильный портретъ Франциска Сарсе, окруженнаго своей семьей, за чайнымъ столомъ. Это — портретъ-картина, напоминающая такіе же портреты-картины художниковъ XVIII вѣка: Ванъ-Лоо, Ларжильера и другихъ. Къ такимъ же портретамъ можно отнести и картины Бюлона, Палля, Леандра и Беру.

Не упоминаемъ о пейзажистахъ, потому что пришлось бы сильно увеличить размѣры нашего отчета. Пейзажъ во Франціи процвѣтаетъ; на настоящей выставкѣ можно было бы указать сотни первоклассныхъ пейзажей, которые сдѣлали бы честь всякой картинной галлереѣ.

В. Чуйко.

Всемірная выставка въ Чикаго

II

Герцогъ Верагуа. — Замѣчательные частные дома и уличные виды въ Чикаго. — Курильный салонъ въ поѣздѣ желѣзнодорожной линіи Нью-Іоркъ — Чикаго. — Малярная машина на выставкѣ. — Ураганъ.

Въ Чикаго на выставкѣ американцы недавно съ величайшимъ энтузіазмомъ встрѣчали герцога Верагуа, прямаго потомка знаменитаго мореплавателя, открывшаго Новый Свѣтъ. Христофоръ Колумбъ, какъ извѣстно, еще при жизни былъ удостоенъ величайшихъ почестей, осыпанъ чинами и титулами. Его первый потомокъ, старшій его сынъ, Діего, унаслѣдовалъ пожалованные Колумбу титулы и именовался герцогъ Верагуа, маркизъ Ямайка. Ему наслѣдовалъ донъ Люисъ Колонъ и Толедо, присоединившій къ прежнему титулу еще званіе герцога Вега де-ля-Исла-Эспаньола въ Санто-Доминго; въ 1557 году Филиппъ II испанскій возвелъ его въ испанскіе гранды. На третьемъ потомкѣ Колумба, донѣ Альваро де-Португаль и Колонъ, прервалась мужская линія фамиліи, и дальнѣйшіе потомки наслѣдовали уже по женской линіи. Мы не станемъ перечислять промежуточныя колѣна фамиліи и обратимся прямо къ современному, тринадцатому по счету, потомку Колумба, носящему титулъ: донъ Христóбаль Колóнъ де-Толедо де-ла-Серда и Хенте, герцогъ Верагуа, маркизъ Ямайка. Герцогъ Верагуа родился въ Мадридѣ въ 1837 году. Онъ получилъ образованіе въ университетѣ, по юридическому факультету. Онъ не игралъ выдающейся роли въ политическихъ событіяхъ и только во время революціи 1868 года примкнулъ къ той либеральной группѣ, которая стремилась сочетать демократическія начала съ представительною монархіею. Въ 1871 и 1873 гг. онъ былъ избираемъ въ кортесы отъ округа Арéвало, а въ слѣдующіе годы былъ членомъ городскаго совѣта въ Мадридѣ. По возстановленіи легитимистской монархіи онъ былъ представителемъ въ кортесахъ отъ Пуэрто Рико. Съ 1876 г. онъ занималъ должность вице-президента верховнаго суда вплоть до 1890 г., когда вошелъ въ составъ кабинета Сагасты, принявъ портфель министра внутреннихъ дѣлъ. Герцогъ Верагуа былъ избранъ завѣдующимъ испанскимъ отдѣломъ на всемірной выставкѣ въ Чикаго, но, когда онъ прибылъ въ Америку, его, какъ прямаго потомка Христофора Колумба, въ годовщину всемірной выставки, посвященной памяти великаго мореплавателя, даже названной по его имени, чествовали президентъ Соединенныхъ Штатовъ, городъ Чикаго въ лицѣ своихъ представителей и правленіе выставки. Въ честь герцога были устроены балы, торжественная встрѣча, банкеты, обѣды. Въ газетахъ упоминалось въ видѣ курьеза, что на одномъ изъ этихъ торжествъ герцогу Верагуа пришлось отвѣтить на нѣсколько тысячъ рукопожатій.

Чикаго такъ прославился своими оригинальными, главнымъ образомъ колоссальными, постройками, что объ этой его особенности извѣстно европейской публикѣ быть можетъ больше, чѣмъ о какой либо другой. Послѣ знаменитаго пожара, о которомъ мы упоминали въ первомъ нашемъ обзорѣ, жителями Чикаго овладѣла настоящая строительная лихорадка, вполнѣ, впрочемъ, оправдываемая въ то время обстоятельствами, такъ какъ огонь „слизалъ“ съ лица земли $17^1/_2$ тысячъ жилищъ. Наученные безпощаднымъ опытомъ жители начисто вычеркнули изъ числа строительныхъ матеріаловъ дерево и стали строиться изъ матеріаловъ несгораемыхъ — камня, желѣза. Въ то время возникла манера перетаскивать съ мѣста на мѣсто цѣлые громадные дома — курьезъ, чрезвычайно занимавшій европейцевъ. Мало по малу жителями Чикаго овладѣла страсть къ колоссальнымъ зданіямъ. Во „Всемірной Иллюстраціи“ былъ описанъ и представленъ въ рисункахъ рядъ такихъ зданій: домъ товарищества Odd Hellows, масонскій храмъ, гостинница Аудиторіумъ и др. Въ этомъ нумерѣ мы даемъ снимки нѣкоторыхъ замѣчательныхъ частныхъ домовъ въ Чикаго. По наружному виду они мало отличаются отъ обычныхъ европейскихъ построекъ, но во внутреннемъ устройствѣ, декораціяхъ и меблировкѣ янки положили на эти жилища свой, особенный отпечатокъ. Американцамъ, повидимому, претитъ строгая симметрія, геометрическая правильность европейскихъ комнатъ; они питаютъ нѣкоторое пристрастіе къ угловатымъ, вѣтвистымъ фигурамъ комнатъ съ колоннами, закоулками, свободною разстановкою мебели. Частный домъ устраивается непремѣнно сообразно вкусамъ и наклонностямъ хозяина и его семьи. Американецъ не всегда щедръ на картины, но зато не пожалѣетъ затратъ на музыку. Рояль и органъ, то или другое или то и другое вмѣстѣ — почти неизбѣжная принадлежность каждой сколько нибудь достаточной американской семьи. Нигдѣ нѣтъ такой массы фортепіанныхъ и и особенно органныхъ фабрикъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Знаменитый факторъ (классическое названіе органныхъ мастеровъ) Эстей выпустилъ со своей фабрики уже до 150 тысячъ органовъ; фирма Битти въ Филадельфіи продаетъ по 5 тысячъ инструментовъ въ годъ.

Громадные дома, невѣроятной величины рекламы и вывѣски, безчисленные вагоны конножелѣзныхъ дорогъ, толпа, скорѣе бѣгущая, чѣмъ идущая, звонъ колоколовъ, локомотивовъ, то и дѣло снующихъ съ поѣздами черезъ весь городъ — все это придаетъ американской улицѣ своеобразный отпечатокъ, оставляющій въ европейцѣ невольное впечатлѣніе. Наши рисунки дадутъ читателямъ понятіе о наружномъ видѣ американскихъ улицъ и о пестротѣ уличной публики.

Предвидя громадный наплывъ европейскихъ туристовъ, желѣзнодорожныя линіи, соединяющія Нью-Іоркъ съ Чикаго, рѣшились перещеголять другъ друга въ удобствахъ и дешевизнѣ сообщенія между этими двумя городами. Въ размѣрѣ движенія европейцевъ на выставку американскіе желѣзнодорожники не ошиблись; уже теперь появились въ газетахъ извѣстія о томъ, что на пароходахъ, отходящихъ изъ Европы въ Нью-Іоркъ, нѣтъ свободныхъ мѣстъ — надо записываться напередъ. По прибытіи въ Нью-Іоркъ туристъ на нѣкоторое время остается въ нерѣшительности, раздумывая — какой изъ желѣзнодорожныхъ линій отдать предпочтеніе. Всѣ онѣ заготовили вагоны съ удивительными удобствами, всѣ установили почти одинаковую цѣну. А удобства путешествія по американскимъ дорогамъ въ самомъ дѣлѣ соблазнительны. Тутъ сдѣлано все возможное для того, чтобъ бѣдный путникъ, обреченный на невольное бездѣлье и скуку продолжительнаго пути, могъ наилучшимъ образомъ скоротать время. Американскіе спальные вагоны — верхъ совершенства; путникъ располагается на ночь на постели, чувствуя себя какъ бы не въ тѣсномъ вагонѣ, а въ номерѣ гостинницы. Днемъ въ его распоряженіи удобные стулья, столы, за которыми онъ можетъ играть въ карты, писать, читать; въ поѣздѣ къ его услугамъ буфетъ, столовая, ванна, парикмахерская, курильный салонъ, книги, журналы, газеты. И въ самомъ дѣлѣ, если пассажиръ останется еще не доволенъ тѣмъ комфортомъ, которымъ онъ окруженъ въ курильномъ вагонѣ, представленномъ на одномъ изъ нашихъ рисунковъ, то можно думать, что такому взыскательному человѣку мудрено и угодить.

Заговоривъ на этотъ разъ о большихъ постройкахъ, мы невольно вспомнили одну изъ техническихъ задачъ, сопряженныхъ съ этими постройками, именно окраску зданій стѣнъ, если она требуется. Обыкновенно маляръ кроетъ краскою въ теченіе дня около 20-ти квадратныхъ саженъ. Благоволите же разсчитать—сколько рабочихъ дней или маляровъ потребуется на окраску 18-ти-этажнаго дома, поверхность стѣнъ котораго, подлежащая окраскѣ, можетъ заключать нѣсколько сотъ и даже тысячъ квадратныхъ саженъ? Сколько брызгъ краски придется воспринять на себя уличной мостовой и всему, что по ней движется во время окраски, и сколько огорченія внесутъ эти брызги въ душу носителей и носительницъ изящныхъ туалетовъ? А главное — какая трата времени и труда! Истый янки не могъ не возмущаться такимъ варварскимъ положеніемъ малярнаго дѣла и, давно освоившись съ мыслью, что рано или поздно машина должна замѣнить человѣка на всѣхъ путяхъ его дѣятельности, не долго думая, изобрѣлъ малярную машину. Образецъ такого снаряда и представленъ на одномъ изъ нашихъ рисунковъ. Эта машина много поработала на выставкѣ въ Чикаго, гдѣ пришлось съ особенною поспѣшностью выкрасить громадныя площади стѣнъ выставочныхъ строеній. Машина, въ сущности, представляетъ громадный пульверизаторъ. Въ особый прочный ящикъ наливается краска; внутрь ящика пропускается сильная струя сжатаго воздуха, которая сначала проходитъ сквозь слой краски, взбалтывая ее и не давая ей осѣдать; затѣмъ та же струя сжатаго воздуха выталкиваетъ и разбрызгиваетъ краску. Выкидываніе краски изъ ящика производится черезъ рукавъ, который можно отводить (подобно пожарному рукаву) куда угодно; на своемъ рабочемъ концѣ рукавъ снабжается мундштукомъ, сдѣланнымъ наподобіе кисти; отверстіе мундштука узкое расплющенное, представляющее собою щель, черезъ которую на окрашиваемую поверхность и выбрызгивается полоса краски. Работа этой машины въ двадцать разъ производительнѣе работы маляра, вооруженнаго кистью. На выставкѣ производилось много опытовъ съ этими „живописными" машинами, которыя въ рукахъ сколько нибудь опытнаго маляра давали не только въ количественномъ, но и въ качественномъ отношеніи вполнѣ безукоризненную работу. Вотъ вамъ и еще одинъ закоулокъ, изъ котораго машина вытѣсняетъ руку мастера.

Герцогъ ВЕРАГУА, послѣдній потомокъ Христофора Колумба.

Въ первомъ нашемъ обзорѣ мы указали уже на трехъ супостатовъ европейскаго посѣтителя Колумбовой выставки — карманника, пожаръ и погоду. Первые два пока еще ничѣмъ особеннымъ себя не заявили, по крайней мѣрѣ въ печать не проникло никакихъ сѣтованій. Но погода уже не разъ дала себя знать. Страна великихъ озеръ частенько посѣщается ураганами самаго разрушительнаго свойства, и Колумбова выставка успѣла пострадать отъ нихъ еще въ самомъ началѣ ея устройства. Недавно (20-го апрѣля) въ Чикаго былъ новый ураганъ, вновь доказавшій, что съ этимъ явленіемъ природы надо считаться, ибо пренебрегать собою оно не позволитъ. Правленіе, инженеры выставки и пожарныя команды провели на выставкѣ, не смыкая глазъ, всю ночь, ожидая каждую минуту какого нибудь серьезнаго разрушенія. Къ счастію, все обошлось сравнительно благополучно. Правда, многія небольшія постройки, въ родѣ, напримѣръ, яванской

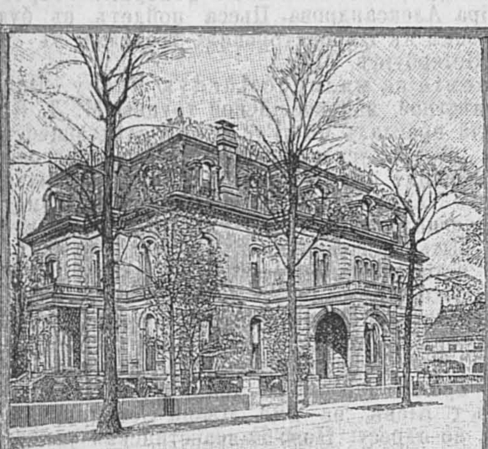
Внутренній видъ вагона для курящихъ по линіи Нью-Іоркъ-Чикаго.

Рисунокъ съ натуры Г. Тульструпа.

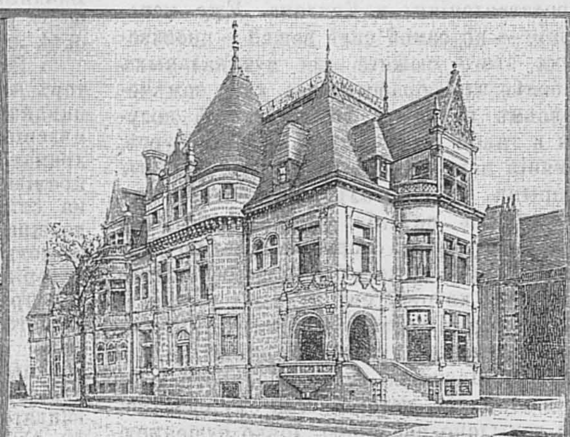
Соединенные Штаты Сѣверной Америки. — Чикаго. Большая Колумбова выставка.

Улица Стэтъ въ Чикаго.

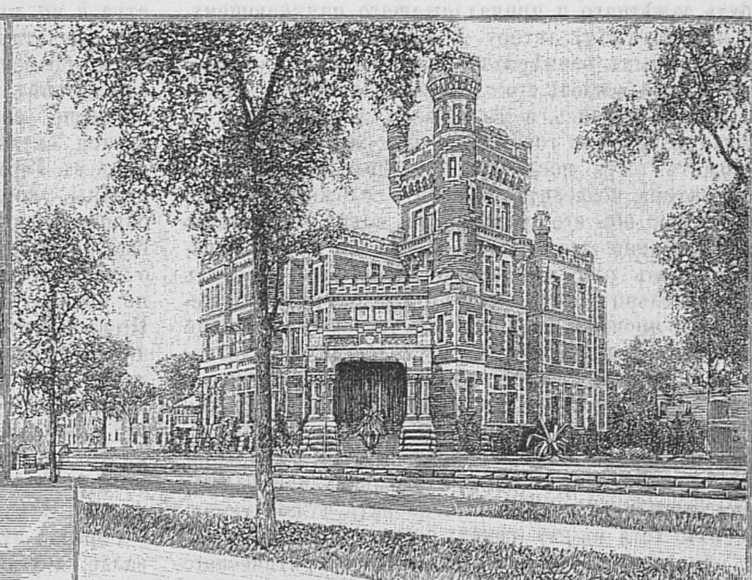
Домъ Пульмана.



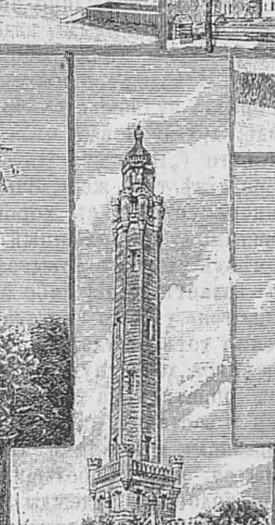
Домъ Миболя.



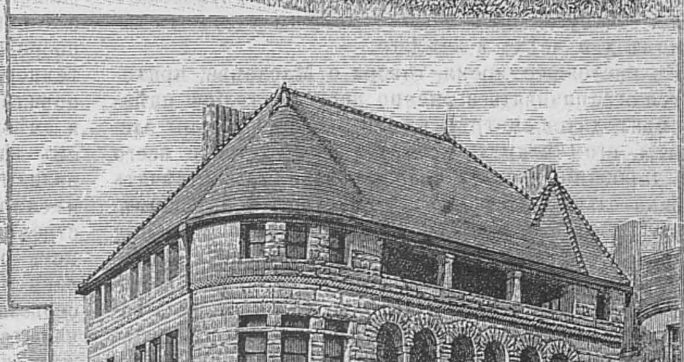
Домъ Поттера Пальмера.



Мичиганское авеню.



Водокачка.



Домъ мистриссъ Ви.

Соединенные Штаты Сѣверной Америки. — Чикаго. Большая Колумбова выставка. Частныя постройки въ Чикаго.

вѣтряной мельницы, были моментально снесены первымъ же напоромъ бури, но крупныя зданія выстояли безъ особенныхъ изъяновъ. *М. О—въ*

„Паяцы", опера Леонкавалло, и „Другъ Фрицъ", опера Масканьи

Въ послѣднее время общее вниманіе Европы обратили на себя два итальянскихъ композитора Масканьи и Леонкавалло. „Сельская честь", понравившаяся почти вездѣ, гдѣ ее дали, заставила, если не серьезную музыкальную критику, то дилетантовъ возложить особенныя надежды на Масканьи. Реклама ловкаго издателя, въ руки котораго попалъ послѣдній, въ свою очередь усердно способствовала распространенію особыхъ ожиданій отъ Масканьи. Подъ сурдинкою его провозгласили преемникомъ Верди и даже увѣряли, что и самъ старикъ Верди его отличилъ, замѣтилъ „и, въ гробъ сходя, благословилъ". Правда, авторъ „Аиды" отъ такого наговора на себя отрекся, хотя очень деликатно, какъ подобаетъ воспитанному человѣку, но тѣмъ не менѣе такова сила мнѣнія, во что бы то ни стало настойчиво навязываемая людямъ, что огромное большинство даже нѣмецкой публики — стало быть наиболѣе развитой въ музыкальномъ смыслѣ—подчинилось поднятому шуму и повѣрило появленію необычайнаго новаго таланта. „Сельская честь" человѣку съ развитымъ эстетическимъ вкусомъ въ сущности представляетъ такъ мало матеріала для рѣшающаго благопріятнаго сужденія объ ея авторѣ, что по ней никто изъ благоразумныхъ судей не отважится дѣлать предсказаній какого бы то ни было рода, въ особенности же предсказаній исключительно благопріятнаго свойства. Оставляя въ сторонѣ чисто музыкальную почву, успѣхъ „Сельской чести" можно было бы объяснить нѣсколькими случайными обстоятельствами — реализмомъ ея сюжета, краткостью оперы, отсутствіемъ за послѣдніе годы въ оперной литературѣ произведенія сколько нибудь замѣтнаго и принадлежащаго начинающему, еще неизвѣстному, автору. Для рѣшенія же вопроса объ истинныхъ размѣрахъ новаго дарованія необходимо было обождать его слѣдующихъ работъ. Теперь эти работы явились, и мы имѣемъ возможность съ большимъ правомъ говорить о дарованіи Масканьи.

Можетъ быть послѣдующая дѣятельность этого композитора позволитъ измѣнить сложившееся во мнѣ мнѣніе объ его талантѣ, но пока это мнѣніе неблагопріятно для него. Критикъ не имѣетъ права требовать отъ художника, чтобы онъ работалъ исключительно по его указкѣ. Для оцѣнки художественнаго произведенія, конечно, чрезвычайно важно разобрать на сколько это произведеніе удовлетворяетъ современнымъ художественно-культурнымъ и общимъ эстетическимъ требованіямъ. Но когда для оцѣнки достаточно еще первой стадіи, когда приходится разбирать самую природу дарованія художника, то было бы нелѣпостью навязывать послѣднему наши привычки и вкусы, насиловать чужой темпераментъ, хотя въ эту ошибку безпрестанно и впадаютъ диллетанты художественнаго и критическаго дѣла, которые свой вкусъ почему-то считаютъ закономъ для всѣхъ и каждаго.

Въ настоящее время, говоря о Масканьи, приходится ограничиваться именно первою стадіею оцѣнки; приходится смотрѣть на сколько значительны элементы его таланта, значительно ли прежде всего его дарованіе. На эти вопросы надо, увы, отвѣчать отрицательно. Внѣ сомнѣнія, что существеннѣйшимъ, важнѣйшимъ элементомъ музыкальнаго дарованія является его мелодическая сторона. Если не способенъ музыкантъ передать свое чувство въ пластически ясной и красивой мелодіи, то онъ можетъ заниматься музыкою, но никогда не дойдетъ до истиннаго величія въ своихъ произведеніяхъ, никогда не будетъ въ состояніи глубоко трогать и увлекать слушателей. Это совершенно примѣнимо къ какимъ угодно реформаторамъ музыкальнаго дѣла — къ Глюку или Вагнеру; да ихъ реформы и не относятся къ ихъ мелодической изобрѣтательности, безъ которой онѣ были бы мертвы. Къ несчастью мелодическая изобрѣтательность не отъ насъ зависитъ. Тутъ болѣе чѣмъ гдѣ либо много званыхъ и мало избранныхъ, чѣмъ именно и объясняется безплодность хотя бы музыкальной литературы нашихъ дней. Безсиліе мелодическое остается безсиліемъ, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось: облеченнымъ ли въ приличныя формы нѣмецкой педантичной учености, въ распущенномъ ли видѣ французской шансонетки, въ безсодержательной ли болтовнѣ и фразерствѣ итальянскаго романса или же въ претенціозныхъ потугахъ на особаго рода правду разныхъ русскихъ композиторовъ.

Дарованіе Масканьи въ мелодическомъ отношеніи, т. е. въ важнѣйшемъ и существеннѣйшемъ для композитора — менѣе даже чѣмъ второстепеннаго разбора, судя по тремъ его уже появившимся операмъ, включая сюда и почти неизвѣстныхъ нашей публикѣ „Братьевъ Ранцау". Если еще въ „Сельской чести" является кое-гдѣ живое мелодическое чувство, — хотя постоянно кѣмъ или чѣмъ либо навѣянное, — то въ послѣднихъ операхъ Масканьи этого чувства не замѣтно даже и въ маломъ размѣрѣ. Вмѣсто ясныхъ вдохновенныхъ, красивыхъ мелодій мы имѣемъ только совершенно безсодержательныя мелодическія схемы. Подобныя схемы можно ежедневно придумывать десятками и никому отъ нихъ не будетъ ни тепло, ни холодно; въ эти схемы не вложатъ души самые сильные исполнители. Мнѣ пришлось слышать „выдающіеся" нумера „Друга Фрица" въ исполненіи Зембрихъ и Мазини; аудиторія, расположенная къ увлеченію этими артистами, осталась совершенно холодною къ этой музыкѣ. Неуспѣхъ, встрѣченный повсюду „Фрицемъ" и „Ранцау", объясняется только мелодическою безсодержательностью этихъ оперъ, т. е. бѣдностью мелодическаго изобрѣтенія Масканьи, бѣдностью его спеціальной „фантазіи", безъ которой художникъ не мыслимъ, какова бы ни была степень его интеллектуальнаго развитія. Никто не возьмется приготовлять рагу безъ зайца, но считается возможнымъ писать музыку безъ основнаго и существенно ея элемента — безъ мелодіи. Между тѣмъ никакія техническія измышленія и украшенія не въ состояніи гальванизировать трупъ, въ которомъ нѣтъ души, одушевить музыкальное произведеніе, лишенное первичнаго, но и важнѣйшаго элемента — мелодіи въ настоящемъ значеніи этого слова.

Замѣчательная мелодическая бѣдность Масканьи, бѣдность его таланта по существу, избавляетъ меня отъ необходимости вдаваться въ подробный разборъ его втораго произведенія, поставленнаго на дняхъ г. Зазулинымъ въ театрѣ Панаева. Стоитъ ли въ самомъ дѣлѣ говорить о гармонической изобрѣтательности, о техникѣ оперы, объ ея стилѣ, если она вся представляетъ сплошную пустыню! Безплодіе впечатлѣнія усугубляется еще необыкновенно наивнымъ, пустымъ сюжетомъ, плохо укладывающимся въ сценическія рамки. Повѣсть Эркмана-Шатріана, изъ которой взятъ сюжетъ оперы Масканьи, самая заурядная; ничего не стоитъ и сценическая передѣлка ея, которая намъ извѣстна по Михайловскому театру и по представленіямъ г. Коклена. Еще меньше впечатлѣніе — по самой силѣ вещей — производитъ обработка этого сюжета для музыкальныхъ цѣлей, тѣмъ болѣе что обработка эта, какъ замѣчено выше, совсѣмъ неудачна. Въ результатѣ получается скука и такой же неуспѣхъ въ Петербургѣ, какъ въ Германіи и въ Италіи, гдѣ лучшіе артисты страны, которыми располагалъ композиторъ, не спасли его оперу отъ паденія. Я далекъ и теперь еще отъ рѣшимости сдѣлать скороспѣлое заключеніе о будущности Масканьи; можетъ быть онъ неожиданно проявитъ и силы, которой ему пока не достаетъ. Но въ настоящее время всякій безпристрастный цѣнитель на основаніи имѣющихся у него данныхъ долженъ сказать, что Масканьи не заслуживаетъ и не заслужилъ того вниманія, которое было ему оказано; его имя было взмылено рекламою, ловко пущенною въ ходъ оборотливымъ издателемъ, нашедшимъ для этой рекламы точку опоры въ отсутствіи въ наши дни въ Италіи даровитыхъ оперныхъ композиторовъ.

Гораздо лучшее впечатлѣніе производитъ Леонкавалло, другой новый итальянскій авторъ, съ оперою котораго („Паяцы") Петербургъ познакомился при посредствѣ того же г. Зазулина. Это музыкантъ съ темпераментомъ, съ хорошо одаренною фантазіею, повидимому не лишенный мелодическаго дарованія и вмѣстѣ съ тѣмъ музыкально образованный. Если онъ дѣлаетъ какія либо экстравагантности, то онѣ являются у него мотивированными и дающими именно тотъ результатъ, котораго авторъ очевидно стремился достигнуть. Если „Мефистофель" Бойто могъ обратить на себя вниманіе европейской публики и заставить думать объ его авторѣ, какъ о серьезномъ музыкантѣ, что-то обѣщающемъ, то, мнѣ кажется, еще съ большимъ правомъ можно возложить подобныя надежды на Леонкавалло, несмотря на то, что его партитура невелика — въ сущности по размѣру только немногимъ значительнѣе „Сельской чести". Но дѣло не въ размѣрахъ, а въ тѣхъ элементахъ, которые составляютъ существенную сторону всякаго художника. Выше уже указаны качества Леонкавалло; сюда же надо прибавить его вѣрный сценическій глазъ. Сюжетъ „Паяцевъ" хотя не представляетъ ничего необычайнаго, во всякомъ случаѣ обработанъ и представленъ зрителямъ такъ, что невольно захватываетъ ихъ интересъ. Прежде чѣмъ зритель доберется до сущности пьесы, до возможности сообразить, что передъ нимъ развертывается одинъ изъ фактовъ повседневной жизни, одинъ изъ фактовъ газетной хроники, онъ увлеченъ формою, въ которой ему представленъ этотъ фактъ и уже тронутъ сердцемъ, прежде чѣмъ обратился за помощью къ своему разуму. А такой результатъ именно и требуется отъ всякаго художественнаго произведенія и послѣднему нѣтъ надобности и существовать, если оно не достигаетъ подобнаго результата. Художникъ, умѣющій такъ или иначе тронуть насъ, подѣйствовать на наше чувство, и есть настоящій художникъ, не ремесленникъ, каковы бы ни были отдѣльные техническіе его недостатки. Недостатки техники исправляются временемъ и практикою, но ни что не исправитъ органическихъ недостатковъ человѣка.

Мнѣ лично нравится не вся партитура „Паяцовъ" — въ особенности съ спеціально музыкальной стороны, которая у Леонкавалло недостаточно опредѣленна. Но во всякомъ случаѣ въ ней есть и большія достоинства, есть подъемъ лирическаго чувства и вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно драматическій темпераментъ, а сверхъ всего у автора „Паяцовъ" надо признать вѣрность сценическаго глаза. Онъ пишетъ въ настоящее время трилогію изъ временъ Медичи, Саванаролы и папы Александра VI (Борджія). Выборъ богатаго драматическими перипетіями сюжета ясно показываетъ культурность, умъ и сердце художника. Если у Леонкавалло хватитъ таланта, чтобы выполнить эту задачу, въ особенности безъ подражанія Вагнеру, къ чему онъ имѣетъ склонность, — то въ лицѣ его Италія увидитъ настоящаго крупнаго художника, а не дутую репутацію полуопереточнаго композитора.

М. Иванов

Театръ и музыка

— Возобновленіе оперы „Тангейзеръ". Не появлявшійся уже лѣтъ шесть на сценѣ русской оперы и предполагавшійся къ постановкѣ этой зимой съ г. Медвѣдевымъ „Тангейзеръ" Р. Вагнера явится однимъ изъ первыхъ возобновленій будущаго сезона. Заглавную роль будетъ пѣть г. Михайловъ, Вольфрама — г. Яковлевъ, Витерольфа — г. Корякинъ. Въ женскихъ роляхъ Елисаветы и Венеры появятся г-жи Сонки и Мравина, а пастушку будетъ пѣть г-жа Рунге.

— Новая пьеса. Литературно-театральнымъ комитетомъ одобрена новая пьеса „Спорный вопросъ" Владиміра Александрова. Пьеса пойдетъ въ будущемъ сезонѣ въ Императорскихъ театрахъ въ Москвѣ и Петербургѣ.

— Премія за малороссійскую пьесу. Директоръ извѣстной малороссійской труппы М. Л. Кропивницкій прислалъ въ „Рус. Вѣд." слѣдующее заявленіе: „Желая усилить репертуаръ малорусскихъ драматическихъ произведеній, я рѣшился назначить премію въ 500 руб. за лучшую драму или комедію на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Драма или комедія должна быть написана на малорусскомъ языкѣ на сюжетъ историческі-бытовой, заимствованный изъ исторіи Южной Руси съ XV по XVIII вѣкъ. 2) Срокъ для представленія драматическихъ произведеній полагается отъ настоящаго 1 мая 1893 г. черезъ два года. 3) Вслѣдствіе частыхъ передвиженій моей труппы прошу пересылать драматическія произведенія въ г. Кіевъ, на имя Ивана Семеновича Левицкаго, по адресу: Ново-Елисаветинская улица, № 19. 4) Произведенія должны быть присланы въ конвертахъ, помѣченныхъ эпиграфомъ, и со вложеніемъ въ нихъ другаго запечатаннаго конверта съ тѣмъ же эпиграфомъ и съ обозначеніемъ имени автора внутри конверта. 5) По истеченіи назначеннаго срока предоставляю себѣ право назначить жюри изъ компетентныхъ лицъ для оцѣнки присланныхъ произведеній. Конверты авторовъ премированныхъ произведеній будутъ вскрыты и премія будетъ имъ выдана. Остальныя произведенія съ невскрытыми конвертами будутъ возвращены авторамъ по востребованію. 6) Въ случаѣ, если жюри признаетъ одно произведеніе несомнѣнно выдающимся, премія будетъ выдана автору цѣликомъ. Если же жюри найдетъ два произведенія по достоинствамъ равносильными, то премія будетъ раздѣлена на двѣ части. 7) Авторъ премированнаго произведенія сохраняетъ право литературной собственности и можетъ отпечатать его, гдѣ пожелаетъ. Директоръ малорусской труппы М. Л. Кропивницкій".

— П. И. Чайковскій избранъ докторомъ музыки кэмбриджскимъ университетомъ; церемонія возведенія въ это званіе состоится въ іюнѣ текущаго года.

— Артистъ М. Е. Медвѣдевъ, по окончаніи гастролей труппы г. Труффи въ Одессѣ, ѣдетъ на лѣто за границу, гдѣ подъ руководствомъ маститаго маэстро А. Г. Рубинштейна будетъ разучивать его оперу „Неронъ", назначенную къ постановкѣ въ предстоящемъ сезонѣ на кіевской сценѣ.

— Спектакли товарищества драматическихъ артистовъ съ участіемъ г-жи Савиной начнутся съ 25-го мая въ одесскомъ городскомъ театрѣ. Товарищество предполагаетъ дать всего шесть спектаклей.

— Балерина г-жа Гейтенъ, оставившая московскую сцену, отправилась на гастроли въ Лондонъ, Парижъ и затѣмъ въ Миланъ.

Е. Я. Панаева-Головачева †

Около мѣсяца тому назадъ въ Петербургѣ скончалась одна изъ выдающихся русскихъ писательницъ, нѣкогда игравшая видную роль въ литературномъ мірѣ — Евдокія Яковлевна Головачева, въ первомъ бракѣ Панаева, урожденная Брянская, извѣстная публикѣ подъ псевдонимомъ *Н. Станицкій*. Дочь знаменитаго артиста и артистки Императорскаго Александринскаго театра — Якова Григорьевича и Анны Матвѣевны Брянскихъ — Евдокія Яковлевна родилась въ Петербургѣ въ мартѣ 1819 г. и съ самаго ранняго дѣтства вращалась среди артистовъ и представителей литературы, благотворно вліявшихъ на ея развитіе и складъ характера. Свои дѣтскіе годы и всю обстановку, въ которой она росла, Е. Я. очень живо и съ рѣдкимъ реализмомъ изобразила въ одномъ изъ первыхъ своихъ литературныхъ дебютовъ — въ повѣсти „Семейство Тальниковыхъ". Лѣтъ 18-ти она вышла замужъ за Ив. Ив. Панаева, извѣстнаго писателя и одного изъ издателей-редакторовъ „Современника", и съ первыхъ почти лѣтъ замужества стала душою кружка „Современника" и помощницей мужа по изданію, принимая самое дѣятельное участіе въ судьбѣ журнала, гдѣ начались и ея литературныя попытки („Неосторожное слово", „Безобразный мужъ", „Жена часового мастера"). Очень скоро подъ вліяніемъ литературной среды выработался ея характеръ, ея убѣжденія, стойкія и прямыя, всегда ясныя и опредѣленныя, которымъ она уже и не измѣняла до конца жизни. Это была женщина съ цѣльной, сильной натурой, которой подчинялись и Некрасовъ, и Добролюбовъ, и другіе корифеи и такъ или иначе выдающіеся дѣятели литературы и журналистики, преклонявшіеся передъ умомъ Е. Я., невольно поддававшіеся ея обаятельному вліянію. Находясь въ тѣсномъ общеніи съ писателями, болѣе или менѣе близко стоявшими къ „Современнику", она перевидала немало знаменитостей литературнаго и артистическаго міра и съ нѣкоторыми изъ нихъ ее связывали самыя теплыя, самыя дружественныя отношенія. Въ тяжелые годы для „Современника", въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ, она вмѣстѣ съ Н. А. Некрасовымъ писала романы („Три страны свѣта", „Мертвое озеро"; позднѣе она, такъ сказать, вдохновляла Н. А. Добролюбова, которому ей пришлось и „глаза закрыть", была добрымъ совѣтникомъ В. А. Слѣпцова. Для всѣхъ она находила доброе, бодрящее слово, утѣшеніе, умѣла приласкать начинающаго автора и каждаго согрѣть привѣтливымъ обращеніемъ, радушіемъ. Многіе ей поклонялись, и Е. Я., сознавая свое значеніе, свое вліяніе, не чужда была нѣкоторой доли тщеславія и честолюбія. Она до извѣстной степени гордилась своимъ вліяніемъ, той ролью, какую играла въ кружкѣ лицъ, группировавшихся около Панаева и Некрасова, и горе было тому изъ нихъ, кто имѣлъ неосторожность не признать авторитета Е. Я., не понравиться ей... Такимъ людямъ она умно, но по женски безпощадно мстила, какъ, напримѣръ, Тургеневу, которому его прегрѣшеній передъ нею она не могла простить даже и по смерти знаменитаго романиста, выставивъ его въ своихъ воспоминаніяхъ въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ... А межъ тѣмъ она была женщина не злая, съ душою чуткой, отзывчивой. До прекращенія „Современника", Е. Я. помѣщала свои произведенія исключительно въ этомъ изданіи. Здѣсь, съ 1848 по 1862 годъ, напечатаны, кромѣ названныхъ, слѣдующіе ея романы, повѣсти, разсказы и очерки, подписанные псевдонимомъ Н. Станицкаго: „Пасѣка", „Необдуманный шагъ", „Капризная женщина", „Мелочи жизни", „Воздушные замки", „Степная барышня", „Портретистъ", „Желѣзная дорога между Петербургомъ и Москвою", „Домашній адъ", „Романъ въ петербургскомъ полусвѣтѣ", „Женская доля" и друг. Всѣ эти произведенія написаны умно, не безъ таланта, всегда занимательны, обличаютъ въ авторѣ умѣнье схватывать разныя мелочи обыденной жизни, способность къ наблюдательности и прекрасную разсказчицу. Однако сколько нибудь серьезнаго значенія они не имѣютъ: въ нихъ нѣтъ оригинальности и, въ большинствѣ случаевъ, чувствуется, что они навѣяны чужими произведеніями, что некрасовская „муза мести и печали" въ отношеніи этихъ произведеній тоже сдѣлала свое дѣло. Послѣднія изъ этихъ произведеній грѣшатъ даже болѣе или менѣе яркою тенденціозностью во вкусѣ подобныхъ произведеній шестидесятыхъ годовъ. Критикъ Писаревъ со свойственной ему рѣзкостью назвалъ произведенія Станицкаго „кукольною трагедіей съ букетомъ гражданской скорби" и былъ въ значительной степени правъ, охарактеризовавъ такимъ образомъ беллетристическую дѣятельность Станицкаго... Е. Я. была не только въ молодости, но и въ годы „бальзаковскаго возраста" очень красивой, привлекательной женщиной, и немудрено поэтому, что вскорѣ по смерти Ив. Ив. Панаева она вторично вступила въ бракъ; этимъ вторымъ мужемъ ея былъ также довольно извѣстный литераторъ — Аполлонъ Филиппович Головачевъ. Е. Я. выпало на долю пережить и второго супруга, по смерти котораго судьба, прежде ей улыбавшаяся, сдѣлалась для нея настоящей мачихой. Еще пока живъ былъ Некрасовъ, Е. Я., получавшая отъ него ежегодную пенсію, не особенно нуждалась, но прекратилась, по смерти его, эта пенсія, и Е. Я. пришлось испытать нужду, тѣмъ болѣе тяжелую, что она была не одна: ей пришлось содержать овдовѣвшую дочь и ея семью. Въ эти годы Е. Я. писала, можно сказать, исключительно ради денегъ, на срокъ, безъ отдѣлки, и, конечно, эти позднѣйшія произведенія ея не имѣли и тѣни сходства съ произведеніями перваго періода литературной дѣятельности Е. Я. Только въ „Историческомъ Вѣстникѣ" своими воспоминаніями она напомнила прежнюю даровитую разсказчицу, но пріятное впечатлѣніе этихъ воспоминаній значительно ослаблялось тою слишкомъ замѣтною желчью, какою проникнуты многія главы... Въ послѣднія десять — двѣнадцать лѣтъ Е. Я. Панаева-Головачева печатала свои разсказы и очерки въ „Живописномъ Обозрѣніи", „Нивѣ", „Родинѣ", „Звѣздѣ", „Свѣтѣ" и другихъ мелкихъ изданіяхъ („Грибники", „Дворняжка", „Старикъ", „Исторія одного таланта", „Пѣтухъ", „Сироты" и друг.). Ея воспоминанія, печатавшіяся въ „Историческомъ Вѣстникѣ", вышли и отдѣльной книгой подъ заглавіемъ „Русскіе писатели и артисты". Какъ бы то ни было, но Е. Я. Панаева-Головачева займетъ подобающее мѣсто въ исторіи русской журналистики.

П. В. Б.

НЕКРОЛОГЪ

Ержабекъ Францъ-Вячеславъ, докторъ философіи и профессоръ высшаго женскаго училища въ Прагѣ, † въ пражскихъ „Королевскихъ виноградахъ" (предмѣстье) 19 (31)-го марта. Онъ пользовался почетною и почтенною извѣстностью въ драматическомъ мірѣ. Смерть застала его въ разгарѣ всѣхъ его духовныхъ силъ на поприщахъ политическомъ, ученолитературномъ и педагогическомъ. На послѣднемъ онъ былъ извѣстенъ въ особенности, какъ поборникъ высшаго женскаго образованія и средняго образованія — профессіональнаго. Онъ родился въ городѣ Суботкѣ, въ болеславскомъ округѣ, въ 1836 году. Начало общественной дѣятельности его относится къ 1860 году. Онъ написалъ трагедіи: „Святополкъ", „Гана"; драмы: „Слуга своего господина" (1871 г.) и „Сынъ человѣческій" (обѣ считаются образцомъ драматическаго искусства) и комедіи: „Здѣсь воспрещается побираться", „Комедія" и проч. Его „Драматическія сочиненія" издаются въ „Народной Библіотекѣ". Ержабекъ извѣстенъ также какъ недурной поэтъ-лирикъ. Изъ ученыхъ трудовъ его наиболѣе извѣстно объемистое сочиненіе „Древняя эпоха романтизма" (1883 г.), составляющее цѣнный вкладъ въ чешскую науку.

Надо Густавъ (Nadaud), извѣстный поэтъ, очень популярный авторъ „пѣсенъ", † въ Парижѣ 16 (28) апрѣля. Одаренный юмористической жилкой. Надо умѣлъ въ то же время придавать своимъ стихамъ и пѣснямъ оттѣнокъ своеобразной поэтической граціи. Помимо того онъ блестяще владѣлъ формой. Вообще, за исключеніемъ политическихъ мотивовъ и міровой тоски, Надо во многомъ напоминаетъ Гейне. Надо родился въ 1820 г. въ г. Рубэ, въ купеческой семьѣ. Получивъ первоначальное образованіе въ одной изъ парижскихъ гимназій, онъ 18-ти лѣтъ долженъ былъ бросить ученіе и былъ водворенъ отцомъ въ его купеческой конторѣ. Но торговля тяготила юношу, и 29-ти лѣтъ, по выходѣ въ свѣтъ перваго сборника его стихотвореній, онъ переѣхалъ въ Парижъ, гдѣ всецѣло и посвятилъ себя литературѣ. Кромѣ стихотвореній, во Франціи пользуется также извѣстностью его романъ въ прозѣ „Идиллія", рисующій французскіе нравы. На русскій языкъ изъ Надо переводили В. С. Курочкинъ, Н. С. Курочкинъ, К. М. Ушаковъ, Г. А. Немировъ, А. Г. Вилламовъ и другіе, и множество его стихотвореній въ переводѣ разсѣяно по серьезнымъ и юмористическимъ журналамъ („Искра", „Стрекоза", „Будильникъ") 60—80-хъ годовъ.

Мазадъ Шарль (Mazade), членъ французской академіи, публицистъ, † 15 (27) апрѣля въ Парижѣ. Мазадъ родился въ Кастельсаразенѣ (Castelsarrasin) въ 1821 г. Отецъ его былъ извѣстнымъ членомъ мѣстной магистратуры, а дѣдъ состоялъ членомъ конвента. Кончивъ свой учебный курсъ въ базасской коллегіи и пройдя курсъ тулузскаго юридическаго факультета, онъ по пріѣздѣ въ Парижъ началъ свою литературную карьеру въ 1841 г., издавъ томъ своихъ „Одъ". Онъ сотрудничалъ потомъ въ „Presse" и въ „Revue de Paris", изъ которой перешелъ въ „Revue de Deux Mondes". Начиная съ 1846 г., въ теченіе болѣе 46 лѣтъ, онъ состоялъ постояннымъ и главнымъ сотрудникомъ этого журнала. Съ 1852 по 1858 г. онъ писалъ въ немъ „политическую хронику" („Chronique de la quinzaine"), которую оставилъ лишь на самое короткое время, чтобы снова взяться за нее по смерти Форкада (Eugène Forcade). Онъ скоро пріобрѣлъ здѣсь почетную и вполнѣ заслуженную извѣстность. Занимаясь преимущественно обозрѣніемъ политическаго міра, Мазадъ не оставлялъ и литературы, стараясь соединять въ своихъ произведеніяхъ эти оба элемента, благодаря чему появились его крайне интересныя: „L'Espagne moderne" (1855), „Revolutions de l'Espagne contemporaine", „L'Italie moderne" (1860), „L'Italie et les italiens", „La Pologne contemporaine" (1863), „Deux femmes de la Revolution", „Lamartine, sa vie litteraire et politique" (1872), „Un chancelier d'ancien régime" „La guerre de France de 1870—1871" (1875) „M. Thiers" (1884) и проч. Трудно найти человѣка, болѣе неутомимо и добросовѣстно потрудившагося на своемъ вѣку и такъ близко „вживавшагося" въ политическую жизнь своей эпохи. Мазадъ былъ кавалеромъ ордена Почетнаго Легіона и членомъ академіи съ 1882 г. Почти полстолѣтія выносилъ неутомимый журнальный труженикъ свою нелегкую работу и умеръ, можно сказать, съ перомъ въ рукѣ, потому что и въ послѣднемъ нумерѣ „Revue" находится еще его „хроника". Кромѣ нея помѣщенъ тамъ же его большой историческій очеркъ дѣятельности покойнаго графа Фаллу (Falloux).

На бивакѣ

Къ рисункамъ Э. К. Соколовскаго

Въ послѣднихъ числахъ августа по дорогѣ къ Броварамъ, маленькому еврейскому мѣстечку, находившемуся въ западномъ краѣ, въ верстахъ двухстахъ отъ Варшавы, двигался эскадронъ драгунскаго полка, входившій въ составъ большаго отряда, высланнаго на маневры.

Наступалъ тихій мягкій вечеръ. Заходящее солнце бросало послѣдніе ласкающіе лучи на поля и рощи, которыя пересѣкала прямая, усыпанная известковымъ щебнемъ, дорога. Огромные аисты, вытянувъ длинныя красныя ноги, распластавъ широкія крылья, плавно пролетали по сторонамъ, отправляясь на ночлегъ. Четкій рѣзкій свистъ куликовъ доносился съ покрытой водой низины.

Люди и лошади эскадрона устали. Всѣмъ хотѣлось скорѣй добраться до бивака, и когда вдали мелькнули бѣлыя хаты мѣстечка, эскадронъ безъ команды прибавилъ шагу.

Впереди походной колонны на золотистобуромъ конѣ ѣхалъ эскадронный командиръ со своими офицерами. Пыль густымъ слоемъ лежала на ихъ кителяхъ, на спинахъ и бокахъ лошадей. Впечатлѣніе отъ дневнаго перехода у всѣхъ было одинаковое: гдѣ-то позади на пройденномъ пути встрѣчались лѣса, рощи, попадались поселки и деревушки, встрѣчались крестьянскія фуры и телѣги, выбѣгали изъ какихъ-то лачугъ оборванные евреи и еврейки и жадно смотрѣли, вытаращивъ черные глаза, на молодцовато покачивавшихся на сѣдлахъ солдатъ. Съ утра было жарко, пыль все время клубилась надъ эскадрономъ, хотѣлось пить, распрямить затекшія ноги и отдохнуть хорошенько. Но отдыхать было некогда. Переходъ былъ великъ — около сорока верстъ — и даже на большомъ привалѣ пришлось пробыть меньше двухъ часовъ.

По мѣрѣ приближенія эскадрона къ Броварамъ мѣстечко все болѣе и болѣе открывалось во всемъ своемъ безпорядочно-живописномъ видѣ. Узкая извилистая рѣчка, образуя прихотливыя излучины, раза три пересѣкала его. Маленькіе выбѣленные дома не имѣли дворовъ и либо лѣпились другъ около друга, либо стояли отдѣльно, какъ стога сѣна. Множество разнообразныхъ лавочекъ кидалось въ глаза. Вывѣсокъ не было: ихъ замѣняли куски краснаго и желтаго ситца, прибитые къ наружнымъ дверямъ, сапоги, топоры, глиняная посуда, виднѣвшіеся въ окнахъ.

Длинныя высокія телѣги, съ откосыми, прямыми боками, съ частыми перекладинами, съ поднятымъ дышломъ, были брошены гдѣ попало.

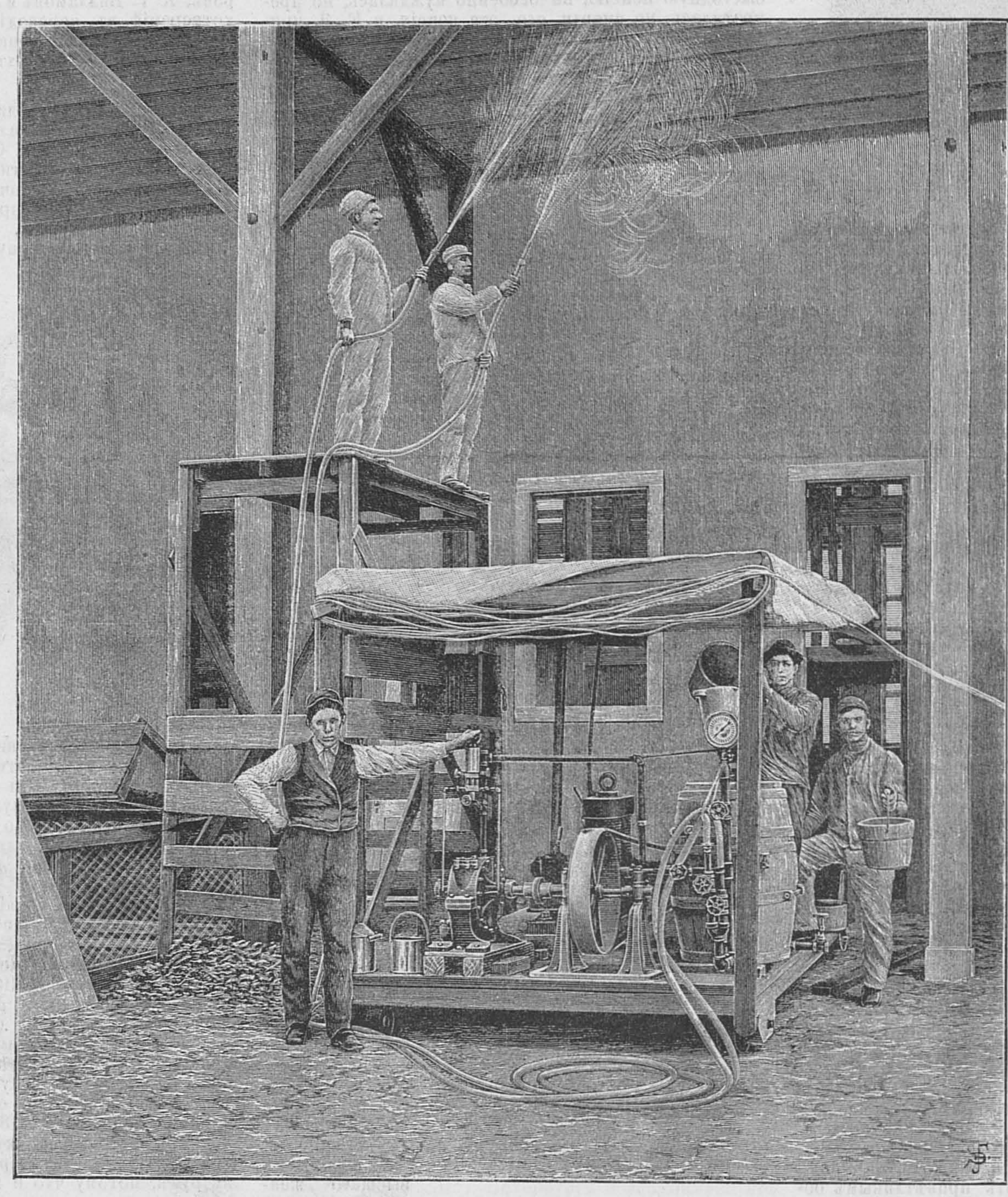
Надъ корчмой развѣвался оборванный флагъ изъ полинялаго кумача.

Эскадронъ остановился на берегу рѣки, у околицы мѣстечка.

Тотчасъ были разбиты коновязи, и люди занялись уборкой лошадей.

Огонь весело пылалъ подъ котлами, гдѣ уже варился обѣдъ, приготовленный высланными заблаговременно впередъ кашеварами.

Скоро забѣлѣли ряды маленькихъ солдатскихъ палатокъ, около которыхъ послышались шутки и смѣхъ. Несмотря на общее утомленіе, нашлись охотники до купанья, и песчаный откосъ огласился шумными всплесками. Офицерскія палатки, большія и щеголеватыя, были разбиты подаль отъ солдатскихъ. Офицеры сѣли обѣдать всѣ вмѣстѣ у эскадроннаго командира, ротмистра Унтилова. Это былъ широкоплечій, невысокаго роста блондинъ съ добродушнымъ сильно загорѣвшимъ лицомъ, съ гладковыбритыми щеками и огромными, пушистыми, рыжими усами.



Малярная машина для окраски стѣнъ зданій.

Соединенные Штаты Сѣверной Америки. — Чикаго. Большая Колумбова выставка.

Изъ другихъ офицеровъ выдѣлялись живостью и веселостью поручикъ Яблонскій, красивый, нѣжно-бѣлокурый, съ тонкими чертами полякъ, и смуглый, курчавый штабъ-ротмистръ Касимовъ.

— Ну, господа, произнесъ, закуривая папиросу, Яблонскій: — могу вамъ сказать, что здѣсь неподалеку есть фольваркъ пана Турковскаго, который большой хлѣбосолъ, а главное отецъ четырехъ прелестнѣйшихъ паненокъ. Право, будетъ не худо, если мы нагрянемъ къ нимъ. Сигизмундъ Турковскій старинный другъ нашего семейства.

— Что касается до меня, отвѣтилъ Унтиловъ: — я никуда ни шагу. Хоть завтра и дневка, но надо поберечь себя. Еще дѣла много впереди.

— Ну, а я не прочь составить вамъ компанію, Яблонскій! воскликнулъ Касимовъ.

— И я тоже, тихо прошепталъ, покраснѣвъ, вольноопредѣляющійся, миловидный юноша Ульяновъ.

— Чудесно! проговорилъ Яблонскій: — ручаюсь, — мы будемъ приняты не худо.

Ротмистру доложили о приходѣ старшаго вахмистра. Не желая безпокоить товарищей, Унтиловъ всталъ и вышелъ изъ палатки, около которой ожидалъ его рослый статный драгунъ съ солидно заправленнымъ на бокъ блиномъ, съ густыми черными усами. Узкіе синіе рейтузы его были заправлены въ собственные опойковые сапоги съ блестящими привязными шпорами. Вахмистръ, приложивъ руку къ фуражкѣ, началъ свой докладъ, посматривая по временамъ на офицерскую палатку, откуда несся громкій хохотъ.

II

Вечеръ погасалъ. Тонкій серпъ луны выступилъ на темномъ, усѣянномъ множествомъ звѣздъ, небѣ. Заунывная пѣсня слышалась надъ рѣкой. На берегу собрался кружокъ любителей музыки, которыхъ еще не свалила усталость. Но большинство солдатъ уже спало крѣпкимъ сномъ.

Въ палаткѣ Касимова и Яблонскаго стояли двѣ койки, покрытыя тигровыми теплыми одѣялами. Широкій коверъ былъ посланъ поверхъ просмоленнаго брезента, замѣнявшаго полъ. Маленькій складной столъ раздѣлялъ изголовья коекъ, на которыхъ лежали названные офицеры, предаваясь послѣобѣденному отдыху.

— Скажите мнѣ, Касимовъ, говорилъ Яблонскій: — какъ это вы ухитрились провалиться въ академіи? Вѣдь теперь кромѣ значка вы ничего не имѣете?

— Знанія, милостивый государь, знанія нужны! воскликнулъ весело юный штабъ-ротмистръ, облокачиваясь на локоть: — Увы! мой значекъ теперь лишь печать бездарности.

— Какъ же это случилось? Признаюсь, я всегда думалъ, когда вы отъ насъ отправились въ Петербургъ, что изъ васъ выйдетъ прекрасный офицеръ генеральнаго штаба, васъ сейчасъ—въ Туркестанъ въ адъютанты округа, и пошла писать карьера.

— Увы! чаша сія миновала меня. Обстоятельства, почтеннѣйшій, неожиданно и ужасно сложившіяся обстоятельства этому причиной. Надо вамъ сказать — я не лѣнтяй, но не прочь кутнуть, когда есть возможность.

Ну, а явишься послѣ безсонной ночи на лекцію, краемъ уха слушаешь, а все-таки немножко ко сну клонитъ. Однако сидишь, бодришься, а я еще назади сидѣлъ, не особенно на виду. Только сталъ на меня папа̀ Лееръ заглядываться. Мнѣ и невъ домекъ, а дальновидные наши политики и говорятъ: „Смотрите, Касимовъ, чтобы какого нибудь казуса съ вами не случилось. Недаромъ косится на васъ папа̀ Лееръ". Ну, вотъ подходятъ экзамены. На тактику является папа̀ и какъ разъ мнѣ отвѣчать. Я немножко вру, немножко дѣло говорю, а онъ хмурится, задаетъ мнѣ вопросы и сбиваетъ меня.

— Есть много въ Европѣ хорошихъ генераловъ, которые... продолжите, поручикъ Касимовъ, говоритъ онъ: — это наполеоновское изреченіе.

Я не могу и отвѣчаю, что не знаю всѣхъ афоризмовъ Бонапарта.

— Продолжайте вы, вы, вы, обращается папа̀ Лееръ къ товарищамъ, и какъ нарочно никто не знаетъ. Онъ съ горечью произноситъ:

— Есть много въ Европѣ хорошихъ генераловъ, а еще больше молодыхъ офицеровъ, которые не слушаютъ своего профессора. Стыдно, господа! Много хорошихъ генераловъ, которые любятъ смотрѣть сразу на слишкомъ много хорошихъ вещей

— Ну, разбрасываются. Вотъ невидаль! Я кончилъ, смотрю 9 балловъ. Ужасъ. Вѣдь у насъ конкурренція. Меньше десяти ни у кого нѣтъ. Подходитъ стратегія. Ее читаетъ самъ папа̀-Лееръ. Является, вызываетъ меня и сразу обрываетъ:

— Поменьше словъ и побольше мыслей. Да что тамъ, поговоримъ короче: скажите мнѣ — какую армію можно развернуть въ одну ночь на одномъ полѣ сраженія?

— Всякую.

— Гм... пожалуй и не всякую. Давайте— сообразимъ.

Стали соображать время и пространство, выходитъ больше 800 тысячъ никакъ не развернуть, а въ двѣ ночи можно милліонъ. Понимаете, протяженіе фронта, дороги и всякая штука. Впрочемъ, съ нимъ я не согласенъ. У него дорога была одна, а если ихъ десять? Но какъ бы то ни было въ результатѣ семерка. А у насъ правило: кто по двумъ предметамъ провалился — конецъ. Я прицѣпилъ знакъ и гордо удалился.

Онъ засмѣялся. Яблонскому было весело. Онъ любилъ болтать съ кѣмъ угодно.

— Можно войти? спросилъ несмѣлый голосъ, и въ палатку пролѣзъ Ульяновъ.

— А, вы уже готовы? Да, пора въ путь! воскликнулъ, вскакивая съ койки, Яблонскій: — а то будетъ поздно.

— Какъ же мы отправимся? неужели пѣшкомъ? спросилъ Касимовъ.

— Не безпокойтесь, отвѣтилъ Ульяновъ: — я уже распорядился нанять жида съ телѣжкой.

Спустя нѣсколько минутъ офицеры ѣхали по погруженному въ темноту мѣстечку. Въ окнахъ домовъ виднѣлось множество зажженныхъ „шабашувокъ", грошевыхъ сальныхъ свѣчекъ: кончилась пятница и заходила суббота, священный день.

— Молятся, кратко замѣтилъ Яблонскій. — По ученію талмуда первородный грѣхъ можетъ быть уничтоженъ лишь строгимъ выполненіемъ всѣхъ обрядовъ.

Послѣ дачи овса. Идутъ сѣдлать.

При словѣ талмудъ жидъ, везшій офицеровъ, обернулся.

— А развѣ панъ знаетъ талмудъ?

— Знаю, отвѣтилъ въ шутку Яблонскій.

Жидъ замоталъ головой.

— Ай, нѣтъ нѣтъ! Талмудъ это такое... такое святое. Никакъ невозможно всякому человѣку.

Онъ помолчалъ и прибавилъ съ глубокимъ убѣжденіемъ:

— Еврейское дитё всякое можетъ. Въ талмудѣ сказано, что дитё начинаетъ учить талмудъ еще во чревѣ матери, но при рожденіи ангелъ бьетъ его по устамъ, и оно забываетъ все.

Офицеры, закусивъ губы, переглянулись.

Тѣмъ временемъ телѣжка подъѣхала къ старому мрачному одноэтажному каменному дому. У воротъ его красовались два великолѣпные пирамидальные тополя. Въ сѣрыхъ просторныхъ сѣняхъ гостей встрѣтилъ заспанный слуга.

Панъ Турковскій оказался тѣмъ свободомыслящимъ полякомъ, какихъ неукротимые защитники „отчизны“ считаютъ плохими патріотами и сторонятся отъ нихъ. На самомъ дѣлѣ, Турковскій отличался здравымъ смысломъ и понималъ вещи, какъ онѣ есть. Онъ не считалъ нужнымъ скрывать своего расположенія къ русскимъ и рѣшался открыто водить знакомство съ военными — дѣло, казавшееся весьма рискованнымъ еще нѣсколько пятилѣтій назадъ.

Дочери Турковскаго были воспитаны въ его взглядахъ. Всѣ онѣ говорили по французски, были тонки, стройны, кокетливы. Всѣ были затянуты въ рюмочку, зачесаны хоть на балъ, были въ кольцахъ и браслетахъ. Какъ всѣ польки, онѣ любили комплименты и охотно отвѣчали на нихъ. Время для молодыхъ офицеровъ пролетѣло незамѣтно, и они съ сожалѣніемъ возвратились въ свои палатки.

На другой день бивакъ представлялъ оживленный видъ. Каждый старался заняться своимъ собственнымъ дѣломъ: одинъ чинилъ аммуницію, другой чистилъ оружіе. На срубленныхъ бревнахъ у околицы усѣлись со сосредоточенными лицами два игрока въ шашки. Къ нимъ подсѣли любители, чтобъ слѣдить за игрой. На откосѣ опять явились охотники до купанья. Плескъ воды и летящія брызги тоже привлекали любопытныхъ, большая часть которыхъ однако разсыпалась по мѣсечку. Драгуны заходили въ лавочки, покупая спички, табакъ и прочія необходимыя походному человѣку вещи. Шинокъ и корчма въ этотъ день торговали на славу.

Чуть свѣтъ прозвенѣла труба къ сбору. Быстро и толково были разобраны лошади.

Взводные вахмистры зорко слѣдили за своими людьми, но тѣмъ не менѣе эскадронный всегда находилъ поводъ сдѣлать замѣчаніе.

— Котелокъ не вычищенъ, шинель не въ порядкѣ, подтяни подпругу, слышался то здѣсь, то тамъ его начальническій голосъ. И вотъ солдатъ старался исправить свою оплошность, вновь туго скатывалъ шинель, перехватывая ее ремнями, или, соскочивъ съ коня, подтягивалъ подпругу, сердясь на лошадь:

— Надувай еще брюхо, окаянная!

И толкалъ ее колѣномъ, не давая ей набрать лишняго воздуху и тѣмъ сдѣлать безплодными всѣ его старанья осѣдлать ее, какъ слѣдуетъ.

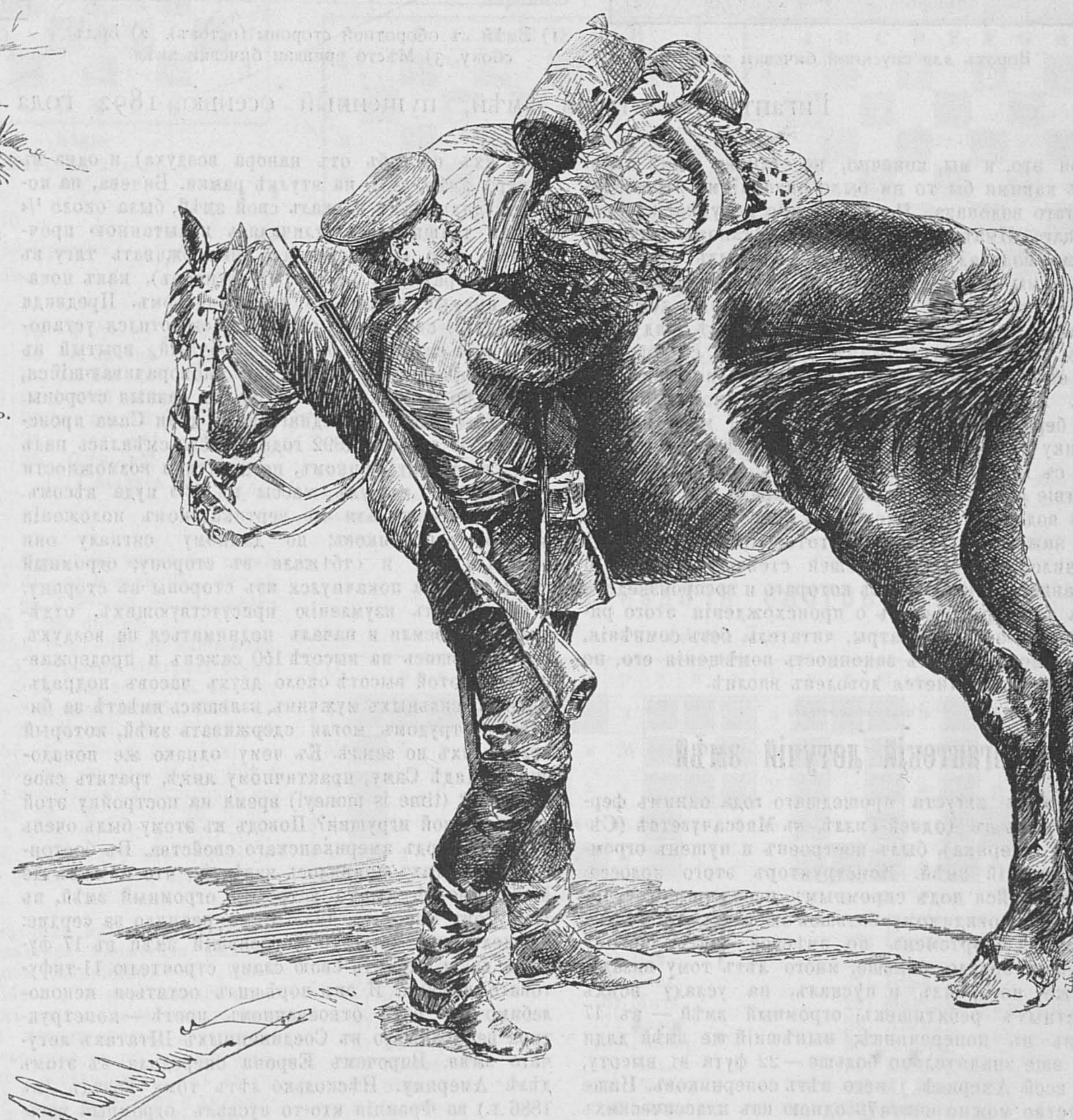
Но вотъ все кончено. Люди на своихъ мѣстахъ, эскадронный на конѣ, и громко звучитъ въ утренней тишинѣ его команда:

— Шагомъ маршъ!

Анат. Леманъ.

Водопадъ Иматра

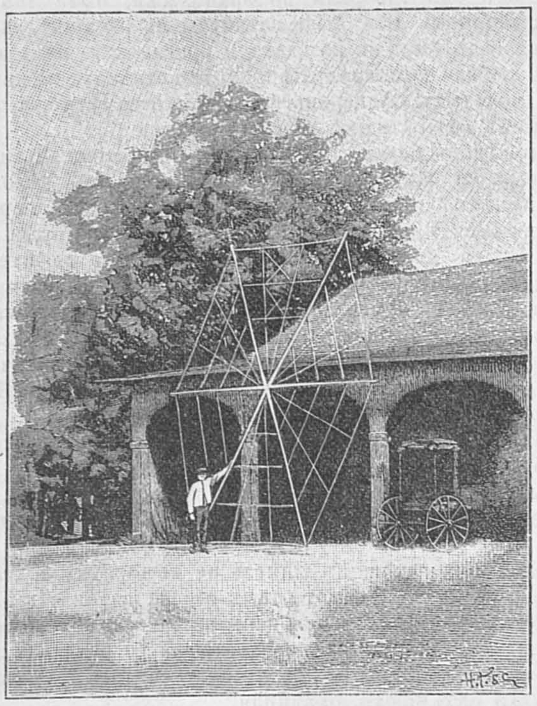
...„Иматра? Опять Иматра! Но вѣдь, кажется, этотъ предметъ достаточно исчерпанъ и въ описаніяхъ, и въ картинахъ. Водопадъ рисовали во всѣхъ видахъ лѣтомъ и зимою, днемъ и ночью, при яркомъ блескѣ солнца, при томномъ свѣтѣ луны и даже при электрическомъ освѣщеніи. Его изображали лирики и эпики, его описывали и туристы, простые смертные, и люди науки. Чего же еще?..“ Читатель, вы глубоко правы,



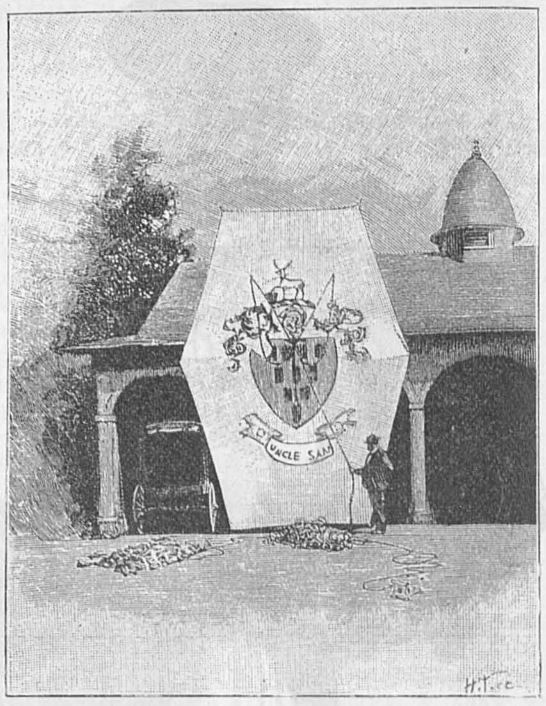
Солдатъ-кавалеристъ сѣдлаетъ коня.

Нашъ военный бытъ. — Сцены и типы.

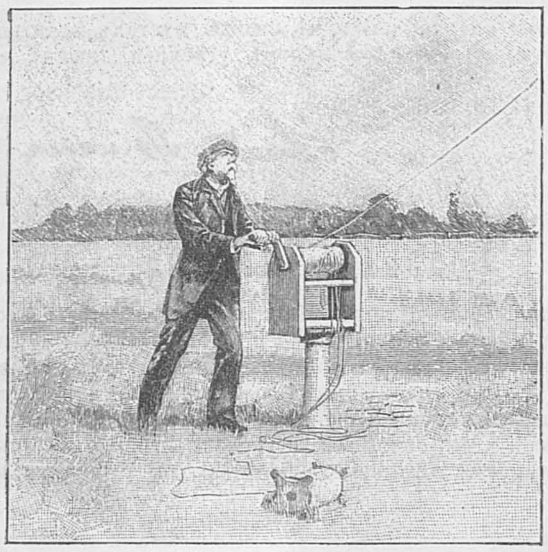
Рисунки съ натуры Э. К. Соколовскаго



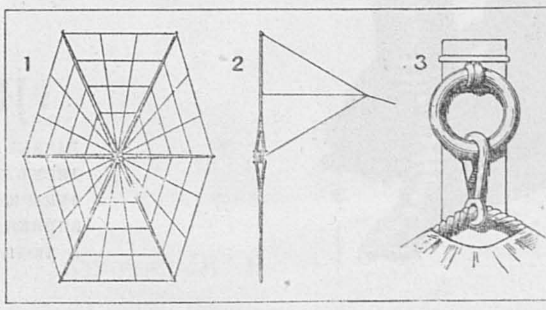
Остовъ (рамка) гигантскаго летучаго змѣя.



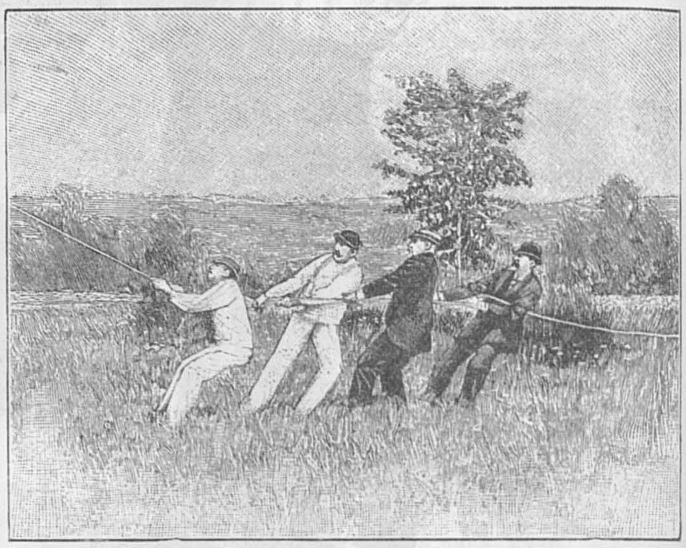
Змѣй въ готовомъ видѣ.



Воротъ для спускной бичевки змѣя.



1) Змѣй съ оборотной стороны (остовъ). 2) Видъ сбоку. 3) Мѣсто привязи бичевки змѣя.



Змѣй, сдерживаемый при помощи четырехъ человѣкъ

Гигантскій летучій змѣй, пущенный осенью 1892 года въ Массачузетсѣ.

говоря это, и мы, конечно, не станемъ вамъ надоѣдать какими бы то ни было описаніями этого знаменитаго водопада. Но помѣщеніе рисунка, изображающаго Иматру au naturel и въ такомъ видѣ, въ какомъ водопадъ *никогда* еще не былъ представленъ, — мы сильно отстаиваемъ. А почему—это сейчасъ будетъ видно. Въ одинъ прекрасный день фотографъ Стольбергъ въ Гельсингфорсѣ задумалъ снять „брызжущій перлами водометъ" съ того мѣста, съ котораго его никто до сихъ поръ не снималъ. Черезъ Иматру былъ отъ одного до другаго берега протянутъ проволочный мостикъ. По мостику подвинули впередъ фотографическій аппаратъ съ моментальнымъ затворомъ, приводимый въ дѣйствіе съ берега, и когда аппаратъ достигъ средины водопада, очутился надъ водной бездной, сдѣлали нажимъ, и дѣло было готово... Въ результатѣ получился снимокъ въ высшей степени интересный и, главное, *невиданный*, съ котораго и воспроизведена наша гравюра. Узнавъ о происхожденіи этого рисунка *новаго* вида Иматры, читатель, безъ сомнѣнія, не только признаетъ законность помѣщенія его, но и, думаемъ, останется доволенъ вполнѣ.

Гигантскій летучій змѣй

Въ концѣ августа прошедшаго года однимъ фермеромъ въ Додлей-Гиллѣ, въ Массачузетсѣ (Сѣверная Америка), былъ построенъ и пущенъ огромный летучій змѣй. Конструкторъ этого колосса, скрывающійся подъ скромнымъ псевдонимомъ „Дяди Сама", повидимому, большой любитель этого дѣла, настоящій спортсменъ по змѣевой части, потому что еще гораздо раньше, много лѣтъ тому назадъ, онъ же построилъ и пускалъ, на усладу всѣхъ окрестныхъ ребятишекъ, огромный змѣй — въ 17 футовъ въ поперечникѣ; нынѣшній же змѣй дяди Сама еще значительно больше — 22 фута въ высоту, и во всей Америкѣ у него нѣтъ соперниковъ. Наше отечество можно считать одною изъ классическихъ странъ бумажныхъ змѣевъ, и потому нѣкоторыя подробности о гигантскомъ аппаратѣ этого рода, построенномъ дядею Самомъ, быть можетъ будутъ небезынтересны читателямъ. На прилагаемыхъ рисункахъ змѣй дяди Сама показанъ въ собранномъ видѣ и въ отдѣльныхъ частяхъ. Рамка змѣя представляетъ нѣчто вродѣ остова громаднаго колеса. Центромъ ея служитъ втулка, имѣющая около 8 дюймовъ въ діаметрѣ и $5^1/_2$ д. въ толщину; во втулкѣ сдѣлано съ боковъ шесть гнѣздъ, въ которыя вгоняются шесть спицъ этого колеса, составляющихъ основу рамки. Дядя Самъ сдѣлалъ спицы своего змѣя изъ ясеневаго дерева; у втулочнаго конца онѣ имѣютъ ширину около $2^1/_2$ дюймовъ и толщину въ 2 дюйма, а у наружныхъ концовъ 1 дюймъ ширины и $^3/_4$ дюйма толщины. Спицы перевязываются проволокою, какъ показано на рисункахъ, образуя въ окончательномъ видѣ родъ громадной паутины. На рамку натягивается полотнище, которое въ змѣѣ дяди Сама имѣетъ площадь въ 32 квадратныхъ метра, т. е. около 60 квадратныхъ аршинъ. Полотнище сшивается изъ прочной холстины (парусины, коломянки) и обшивается по краю толстою бичевкою. Для насадки полотнища на концѣ каждой спицы сдѣлано кольцо, за которое и зацѣпляется металлическая петля съ собачкою, вдѣтая на бичевку, которою обшитъ край полотнища. Полотнище змѣя дяди Сама вѣситъ около 15-ти фунтовъ, а весь змѣй болѣе $1^1/_2$ пуда. Хвостъ своего змѣя конструкторъ изготовилъ изъ той грубой ткани, въ которую обертываются тюки хлопка; онъ бралъ полосы этой ткани шириною въ футъ и сшивалъ ихъ концами, пока не получилъ огромную тесьму — длиною въ 15 саженъ и вѣсомъ въ 13 фунтовъ. Эта полоса, перехваченная мѣстами, черезъ извѣстные промежутки, бичевкою, и подвѣшивалась къ петлѣ прикрѣпленной концами къ двумъ нижнимъ оконечностямъ спицъ змѣя. Удила змѣя состоятъ изъ пяти бичевокъ: двѣ изъ нихъ укрѣплены у верхнихъ концовъ длинныхъ спицъ, двѣ въ срединѣ этихъ спицъ (чтобы устранить ихъ прогибъ отъ напора воздуха) и одна въ центрѣ змѣя, т. е. на втулкѣ рамки. Бичева, на которой дядя Самъ пускалъ свой змѣй, была около $^1/_4$ дюйма толщиною и отличалась испытанною прочностью, ибо ей предстояло выдерживать тягу въ 200 килограммовъ (около 500 фунтовъ), какъ показали прямые опыты съ динамометромъ. Предвидя громадную силу тяги, строитель озаботился установить для спускной бичевки прочный, врытый въ землю, воротъ съ рукоятью, легко поворачивающійся, смотря по направленію вѣтра, въ разныя стороны. Первый спускъ громаднаго змѣя дяди Сама происходилъ 31 августа 1892 года. Сосѣди смѣялись надъ старичкомъ-затѣйникомъ, не допуская возможности подъема на воздухъ массы въ $1^1/_2$ пуда вѣсомъ. Змѣй поддерживали въ вертикальномъ положеніи четверо работниковъ; по данному сигналу они оставили его и отбѣжали въ сторону; огромный щитъ сначала покачнулся изъ стороны въ сторону, а потомъ, къ изумленію присутствующихъ, отдѣлился отъ земли и началъ подниматься на воздухъ, остановившись на высотѣ 150 саженъ и продержавшись на этой высотѣ около двухъ часовъ подрядъ. Четверо сильныхъ мужчинъ, взявшись вмѣстѣ за бичеву, съ трудомъ могли сдерживать змѣй, который волокъ ихъ по землѣ. Къ чему однако же понадобилось дядѣ Саму, практичному янкѣ, тратить свое „золотое" (time is money!) время на постройку этой колоссальной игрушки? Поводъ къ этому былъ очень вѣскій, поводъ американскаго свойства. Въ бостонскихъ газетахъ появилось извѣстіе, что въ томъ же Массачузетсѣ кто-то устроилъ огромный змѣй, въ 11 футовъ высотою. Дядю Сама рвануло за сердце: неужели онъ, когда-то устроившій змѣй въ 17 футовъ, дастъ затмить свою славу строителю 11-тифутоваго змѣйка? И онъ порѣшилъ остаться непоколебимо на разъ отвоеванномъ постѣ — конструктора величайшаго въ Соединенныхъ Штатахъ летучаго змѣя. Впрочемъ Европа опередила въ этомъ дѣлѣ Америку. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ (въ 1886 г.) во Франціи кто-то пускалъ огромный восьмиугольный змѣй, имѣвшій поверхность въ 72 квадратныхъ метра и легко поднимавшій на воздухъ человѣка. Однако же такіе громадные змѣи нельзя считать простымъ предметомъ праздной любительской забавы. Пользуясь силою ихъ тяги и относительною дешевизною устройства, можно было бы сдѣлать изъ нихъ орудіе для производства тщательныхъ метеорологическихъ наблюденій въ разныхъ слояхъ воздуха съ помощью самозаписывающихъ приборовъ; на берегу морей и большихъ озеръ, во время разлива рѣкъ такими змѣями можно бы пользоваться какъ спасательными снарядами; не надо забывать, что, устанавливая поверхность змѣя подъ разными углами къ направленію вѣтра, можно управлять его полегомъ, заставлять его летѣть по желаемому направленію. Такимъ средствомъ пренебрегать не слѣдовало бы.

НОВОСТИ НАУКИ И ЦИВИЛИЗАЦІИ

Естествовѣдѣніе

— Необыкновенное свѣтовое явленіе было замѣчено недавно ліонской обсерваторіей. На темносинемъ фонѣ ночнаго неба показалась совершенно свѣтлая дуга, которая, все увеличиваясь, протянулась отъ одного края горизонта къ другому. Показавшись въ седьмомъ часу, дуга видна была до восхода луны. Къ какому роду свѣтовыхъ явленій она должна быть отнесена — не опредѣлено. Установлено только, что это, во всякомъ случаѣ, не сѣверное сіяніе и что къ такъ называемымъ свѣтящимся облакамъ явленіе это также отнесено быть не можетъ.

Торговля, промышленность, сельское хозяйство

— Лѣсной промыселъ минской губерніи составляетъ весьма существенное подспорье земледѣлію для городскаго и особенно для сельскаго населенія. Крестьяне деревень минскаго уѣзда, расположенныхъ по берегамъ Нѣмана, занимаются рубкою выдѣлкою и доставкою дерева къ пристанямъ. Въ 1891 г. продано и сплавлено въ Пруссію по Нѣману изъ минскаго уѣзда сосноваго и еловаго лѣса на 120,000 руб.

Астрономическій календарь

17—31 мая 1893 г.

Май.	Средн. время въ ист. полд.	Въ С.-Петербургѣ. Восхожд. солнца.	Захожд. солнца.	Восхожд. луны.	Захожд. луны.	Въ Москвѣ. Восхожд. солнца.	Захожд. солнца.	Восхожд. луны.	Захожд. луны.
	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м	ч. м.
17	11 57.2	2 54	9 1	8 20в	2 8у	3 27	8 29	7 42в	2 36у
19	11 57.5	2 50	9 4	11 13	2 20	3 25	8 31	10 12	3 10
21	11 57.8	2 48	9 8	0 16у	3 26	3 23	8 34	11 52	4 32
23	11 58.1	2 45	9 11	1 2	6 13	3 21	8 36	0 20у	6 55
25	11 58.4	2 43	9 15	1 10	9 23	3 19	8 39	0 50	9 42
27	11 58.8	2 41	9 17	1 10	0 30в	3 17	8 41	1 5	0 33в
29	11 59.2	2 39	9 20	1 10	3 46	3 16	8 43	1 20	3 32
31	11 59.6	2 38	9 22	1 15	7 30	3 15	8 44	1 42	6 52

Солнце въ созвѣздіи Тельца.

Луна въ полнолуніи 18, въ послѣдней четверти 26 мая.

Планеты: Меркурій 23 мая въ верхнемъ соединеніи съ солнцемъ. Венера видна вечернею звѣздою. Марсъ также виденъ вечеромъ на западѣ. Юпитеръ виденъ предъ восходомъ солнца на востокѣ, Сатурнъ вечеромъ на югозападѣ. Уранъ виденъ вечеромъ близъ южнаго горизонта. Нептунъ 19-го мая въ соединеніи съ солнцемъ.

СОДЕРЖАНІЕ НУМЕРА

Текстъ.

Рисунки.

За редактора **Э. Д. Гоппе.**
Издательница **А. П. Гоппе.**

ИГРЫ и ЗАБАВЫ

ШАХМАТЫ

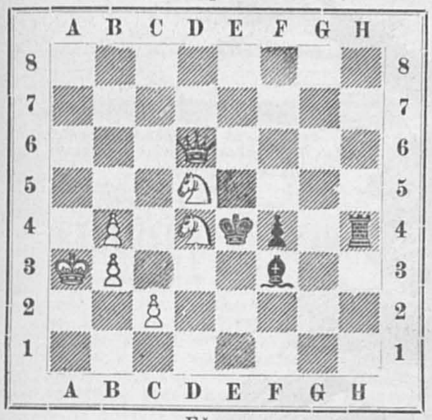
под редакціей **А. П. Шишкина**

ЗАДАЧА № 1569

J. Chocholous

Изъ „Zlata Praha“.

Черные



Бѣлые

Матъ въ 3 хода.

ЗАДАЧА № 1570

Девизъ: **„Bona fide“**

Изъ конкурса задачъ „Шахматнаго Журнала“.

Черные

Бѣлые

Матъ въ 2 хода.

ПАРТІЯ № 1036

Играна недавно по консультаціи въ Нью-Орлеанѣ.

Гамбитъ Королевскаго Коня

	Е. Ласкеръ Бѣлые	3 союзника Черные
1.	e2—e4	e7—e5
2.	f2—f4 *a*)	e5 : f4
3.	К g1—f3	g7—g5
4.	d2—d4	С f8—g7
5.	h2—h4	h7—h6
6.	С f1—c4	d7—d6
7.	c2—c3	К b8—c6
8.	К b1—a3	a7—a6
9.	Ф d1—c2	С c8—g4
10.	С c1—d2	К g8—f6
11.	0—0-0	К f6—h5
12.	С d2—e1	Ф d8—d7
13.	С e1—f2	Л a8—b8 *b*)
14.	К a3—c2	b7—b5
15.	С c4—d5	К c6—a5
16.	a2—a3	c7—c6
17.	С d5—a2	К a5—b7
18.	Л d1—e1	К b7—d8
19.	Ф e2—d2	Ф d7—e7
20.	К c2—b4	a6—a5
21.	К b4—d3	Л b8—b7
22.	d4—d5	С g4 : f3
23.	g2 : f3	К h5—g3
24.	e4—e5!	d7 : e5 *c*)
25.	С f2—c5!	Черные сдались. *d*).

Примѣчанія къ партіи

a) Е. Ласкеръ рискнулъ на совсѣмъ необычное для него гамбитное начало, вѣроятно, имѣя въ виду сравнительную слабость своихъ противниковъ.

b) Черные, очевидно, не могутъ рокировать ни въ ту и ни въ другую сторону: если 13... 0—0, то бѣлые, послѣ h4 : g5, открывъ себѣ линію для ладьи, пріѣбрѣли бы современемъ неотразимую аттаку на королевскомъ флангѣ; если же 13... 0—0—0, то 14. С c4 : a6, b7 : a6; 15. Ф e2 : a6†, Кр c8—b8; 16. d4—d5 и бѣлые, имѣя пѣшкой больше при выигрышномъ положеніи, отыгрываютъ пожертвованную фигуру, такъ какъ если 16... К c6∞, то, очевидно, 17. Ф a6—a7† и 18. Ф a7—a8×.

c) На 24... С g7 : e5 могло бы послѣдовать 25. К d3 : e5 и если 25... d6 : e5, то 26. Л e1 : e5, К d8—e6, то напримѣръ 27. С f2 : g3 и 28. d5 : e6.

d) Если 25... Ф e7—f6, то напримѣръ, 26. К d3 : e5, угрожая выиграть ферзя, и если 26... Ф f6—f5, то 27. К e5—c4† и 28. К c4—d6†, если же 25... Ф e7—d7, то также 26. К d3 : e5, С g7 : e5; 27. Л c1 : e5†, К d8—e6; 28. Л h1—e1 (если 28. d5 : e6, то 28... Ф d7 : d2† и 29... f7—f6) и у бѣлыхъ выигрышное положеніе. Или 25... Ф e7—c7; 26. К d3 : e5, С g7 : e5 (если 26... К g3 : h1, то 27. d5—d6 и 28. К e5 : f7† или прямо 27. К e5 : f7†); 27. Л e1 : e5 и т. д.

Въ г. Кокомо (штатъ Индіана) состоялся недавно очень интересный матъ между Ласкеромъ и Шовальтеромъ до 10-ти выигранныхъ партій, со ставкою въ 1000 долларовъ. Ласкеръ ведетъ этотъ матчъ почти также побѣдоносно, какъ всѣ, игранные имъ когда либо раньше: по послѣднимъ извѣстіямъ, изъ 6-ти сыгранныхъ партій онъ выигралъ 4 и только одну проигралъ.

15-го апрѣля шахматный міръ понесъ большую утрату въ лицѣ скончавшагося въ Берлинѣ 64-хъ лѣтъ отъ роду И. Дюфреня (I. Dufresne), одною изъ выдающихся шахматныхъ маэстро временъ Андерсена, редактора множества шахматныхъ отдѣловъ (напримѣръ въ „Ueber Land und Meer“) и неутомимаго издателя разныхъ шахматныхъ книгъ; изъ ихъ особой популярностью пользуются два его руководства къ шахматной игрѣ: одно—большое, составленное имъ въ сотрудничествѣ съ Цукертортомъ и другое—маленькое („Kleines Lehrbuch des Schachspiels“), отличающееся, при всѣхъ другихъ достоинствахъ, — и необычайной дешевизной.

РѢШЕНІЯ ЗАДАЧЪ въ №№ 1254 и 1255

1543. *V. Kuchta.* 1. Ф g1—g3 (угрожая 2. К e8—c7† и 3. Ф g3—c3×), Кр d5 : c4; 2. Ф g3—c3† и 3. К g4—f6×. (*Вар. a)* 1... К c1—a2 или e2; 2. Ф g3—d3† и 3. Ф d3—d4×. (*Вар b*) 1... К f1—e3 или : g3; 2. К g4—e3† и 3. f2—f4×. (*Вар. c*) 1... С h6—g7; 2. Ф g3—f4 и 3. К e8—c7× или 3. Ф f4—e4, f7 или : d4×. (*Вар. d*) 1... e6—e5; 2. К e8—c7† и 3. Ф g3—a3 или c3×.

1544. Девизъ: *„Всњ вмњстњ“*. 1. С e7—a3 (угрожая 2. Ф d7—g7×) и если 1... Кр g5 : f6, то 2. Ф d7—e7×, если же 1... С b2 : f6, то 2. С a3—c1×.

1545. *K. Fiola*. 1. К e4—c5 (угрожая 2. d2—d3† и 3. b2—b4×), Кр c4 : c5; 2. d2—d3 и 3. b2—b4×. (*Вар. a*) 1... d6 : c5; 2. b2—b3† и 3. Ф b7—h7×. (*Вар. b*) 1... d4—d3; 2. К c5—e6 и 3. b2—b3×.

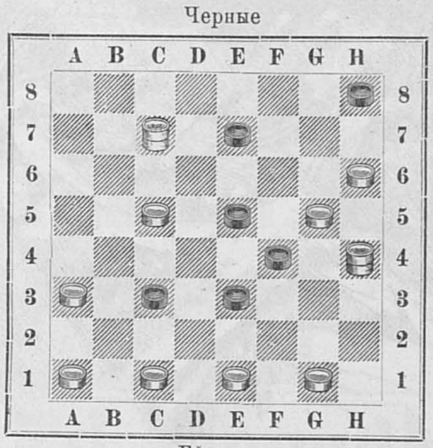
1546. *А. В. Галицкій*. 1. С e4—d5 и если 1... d6 : c5, 1... e6—e5 или 1... Кр d4—e5 или : c5, то 2. К d2—f3 или b3×; если же 1... e6 : d5, то 2. Л c5 : d5×

ШАШКИ

ЗАДАЧА № 41

Н. И. Смирнова (въ Москвѣ)

Черные



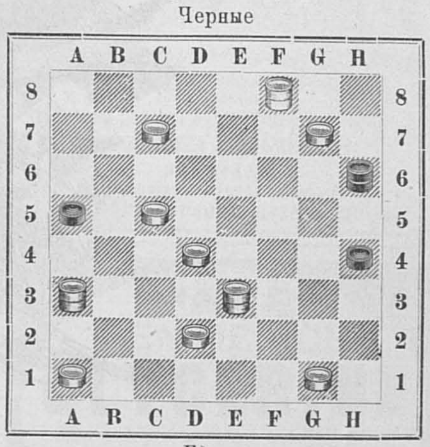
Бѣлые

Запереть дамку.

ЗАДАЧА № 42

Е. Ѳ. Андрезена (въ СПБ.)

Черные



Бѣлые

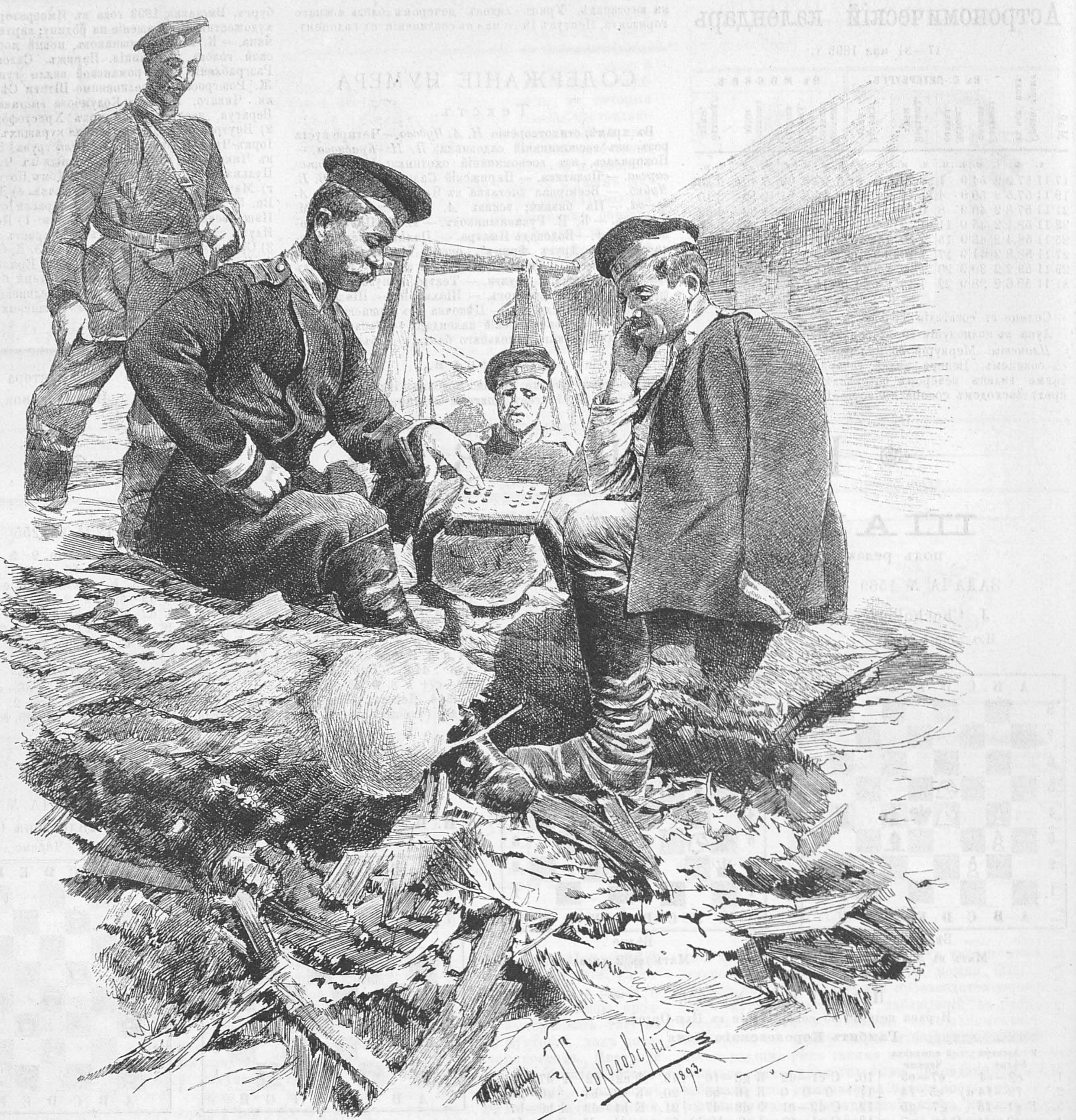
Запереть дамку и простую.

Рѣшеніе задачи слоговъ № 1

(*А. Э. П.*)

М	е	р	и	П	е	ч	о	р	и	н	ъ	Г	р	у	ш	н	и	ц	к	і	й
Б	■	■	■	э	■	■	■	л	■	■	■	а	■	■	■	В	■	ѣ	р	■	а
М	■	а	к	с	■	и	м	М	■	а	■	к	■	с	■	и	■	м	ы	■	ч
А	■	з	а	м	■	■	а	т	■	■	■	М	■	ц	■	ы	■	р	■	■	и
К	■	а	з	б	■	и	ч	А	■	р	б	е	■	н	■	н	■	■	н	■	ъ
Д	■	е	м	о	■	■	■	н	■	ъ	Т	а	■	■	■	м	■	а	р	■	а
Б	о	я	р	и	н	ъ	О	р	ш	а	К	а	л	а	ш	н	и	к	о	в	ъ

1) Каминъ.
2) Эразмъ.
3) Меръ.
4) Игуменъ.
5) Мимика.
6) Аистъ.
7) Ницца.
8) Шов.
9) Швабра.
10) Чим.
11) Чадра.
12) Марш.
13) Лѣсник.
14) Пій.
15) Ялик.
16) Мыза.
17) Какое.
18) Роббер.
19) Чина.
20) Рота.
21) Бонп.
22) Еры.
23) Мери.
24) Печоринъ.
25) Грушницкій.
26) Бэла.
27) Вѣра.
28) Максим. Максимыч.
29) Азамат.
30) Мцыри.
31) Казбич.
32) Арбенинъ.
33) Демонъ.
34) Тамара.
35) Бояринъ Орша.
36) Калашниковъ.



Сражаются въ шашки.

Нашъ военный бытъ. — Сцены и типы.

Рисунки съ натуры Э. К. Соколовскаго

Новости печати

Сочиненія Шелли. Переводъ съ англійскаго *К. Д. Бальмонта*. Выпускъ 1. Спб. 1893. Ц. 50 к.

Шелли—одинъ изъ крупныхъ англійскихъ поэтовъ. Въ послѣднее время интересъ къ нему особенно усилился по случаю столѣтней годовщины со дня его рожденія, праздновавшейся въ концѣ прошлаго года. Тогда по этому случаю во многихъ русскихъ журналахъ появились статьи о жизни и поэзіи Шелли. Къ сожалѣнію, познакомиться съ самими стихотвореніями Шелли не знающимъ англійскаго языка довольно затруднительно, вслѣдствіе недостатка въ русскихъ переводахъ произведеній Шелли. Правда, на русскій языкъ переведены его драмы „Ченчи" П. И. Вейнбергомъ, „Освобожденный Прометей"—Д. Д. Минаевымъ и „Аласторъ" г. Минскимъ; но переводы эти затерялись въ старыхъ русскихъ журналахъ и почти недоступны для публики. Пользуются извѣстностью у насъ только нѣкоторыя лирическія стихотворенія Шелли, весьма удачно переведенныя В. В. Марковымъ и перепечатанныя въ изданіи Н. В. Гербеля „Англійскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ". Одна изъ этихъ, переведенныхъ Марковымъ, пьесъ—„Пѣснь къ западному вѣтру" — даже въ переводѣ не утратила того мощнаго дыханія свободы и какой-то стихійности, которыми проникнуты лучшія вещи Шелли. Поэтому предпріятіе г. Бальмонта — перевести на русскій языкъ хотя нѣкоторыя стихотворенія Шелли — заслуживаетъ полнаго сочувствія. Въ первомъ выпускѣ его переводовъ напечатана лирическая поэма „Мимоза" и нѣсколько мелкихъ стихотвореній.

„Мимоза"—не изъ лучшихъ стихотвореній Шелли. Она слишкомъ растянута. Это — исторія фантастической любви растенія мимозы. Описаніе лѣтней ночи, пробуждающей страсть даже въ цвѣтахъ, поэтично; но въ общемъ вся поэма нѣсколько туманна. Съ осенью увяли цвѣтники, а съ ними увяла и мимоза.

Изъ мелкихъ стихотвореній, переведенныхъ г. Бальмонтомъ, лучшія—„Пѣсня жаворонка" и „Стансы, написанные близь Неаполя въ часы унынія". Первое изъ нихъ —чудный гимнъ къ поэтической птичкѣ—уже было переведено Марковымъ и притомъ гораздо удачнѣе, нежели г. Бальмонтомъ. Что же касается до „Стансовъ близь Неаполя", то это одно изъ самыхъ сильныхъ стихотвореній Шелли, но, чтобы оно могло производить впечатлѣніе въ переводѣ, необходимо, чтобы и русскій стихъ былъ такъ же сжатъ и силенъ, какъ англійскій. Между тѣмъ г. Бальмонтъ, хотя и бѣгло владѣетъ стихомъ, но его стихъ совсѣмъ лишенъ силы, а въ „Стансахъ" онъ даже кажется какимъ-то вялымъ. Въ самомъ дѣлѣ развѣ есть хоть сколько нибудь унынія въ этихъ стихахъ:

> Увы! Темно въ душѣ моей,
> Мнѣ чуждо нѣжное участье,
> Мнѣ чуждо и такое счастье,
> Которое въ тиши ночей
> Мудрецъ находитъ въ размышленьи,
> Неся весь міръ въ умѣ своемъ;
> Я не забудусь въ упоеньи,
> Не задремлю безпечнымъ сномъ;
> Я не взлелѣянъ лаской, славой;
> Другіе жизнь зовутъ забавой,
> Смѣясь надъ мукой и борьбой,—
> Иная чаша мнѣ назначена судьбой.

Тутъ не уныніе, а развѣ только нытье. Вообще г. Бальмонту лучше удаются переводы такихъ пьесъ Шелли, въ которыхъ онъ говоритъ о болѣе доступныхъ и обыкновенныхъ чувствахъ или даетъ описанія природы. Такъ, недурно передана „Философія любви", въ которой поэтъ, видя повсюду въ природѣ поцѣлуи, восклицаетъ:

> Но что мнѣ эти поцѣлуи,
> Коль не цѣлуешь ты меня?

Какъ хорошо переведенныя г. Бальмонтомъ пьесы отмѣтимъ еще: „Доброй ночи!", „Убывающая луна" (прекрасное сравненіе луны съ больной женщиной, встающей ночью), „Музыка" („Умолкли музыки божественные звуки") и „Пусть озвучитъ гармоничное, нѣжное пѣнье".

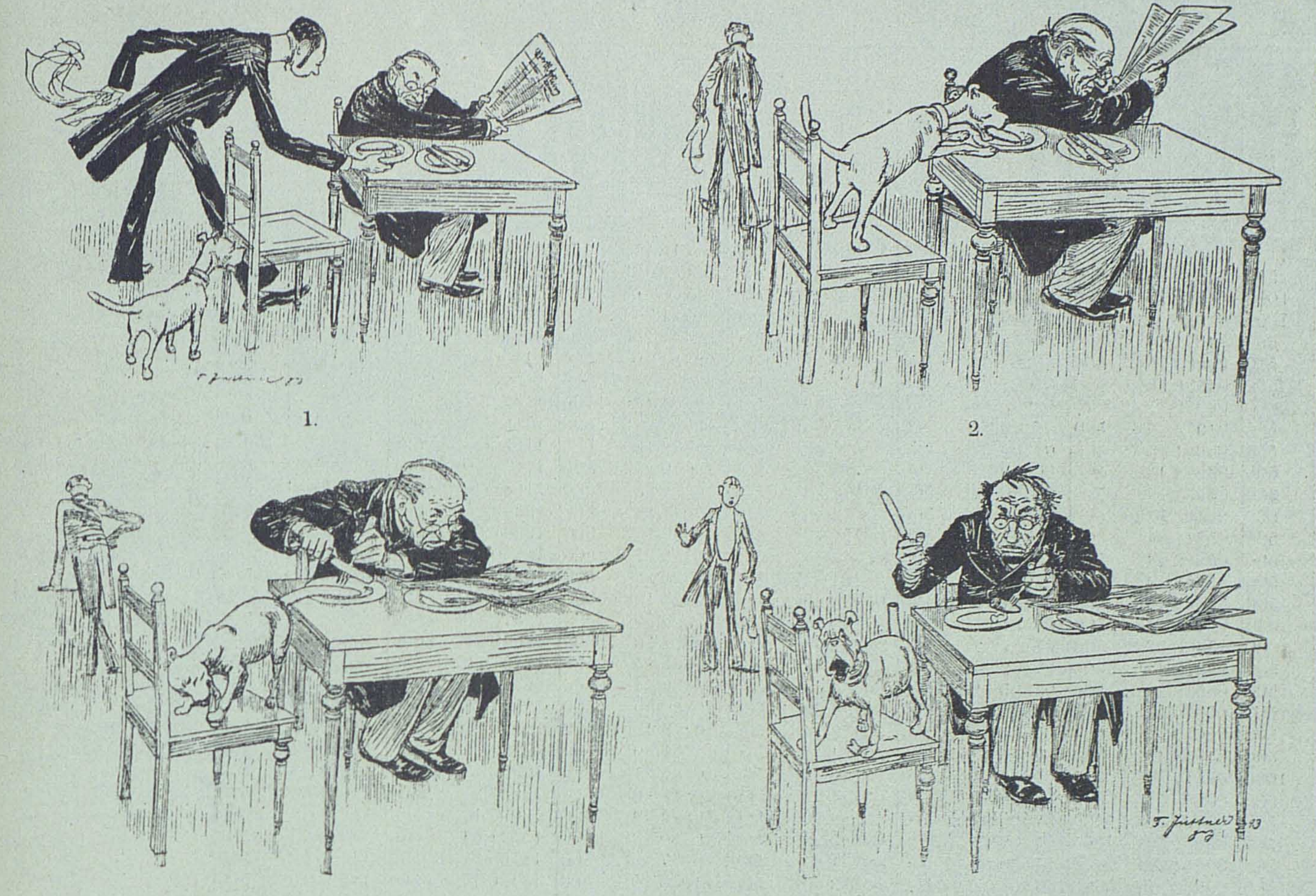
Во всякомъ случаѣ нельзя не пожелать успѣха дальнѣйшимъ попыткамъ г. Бальмонта.

Пл. К.

Дозв. цензурою. СПб. 5-го мая 1893 г. Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

»ПОСПѢШИШЬ — ЛЮДЕЙ НАСМѢШИШЬ!«

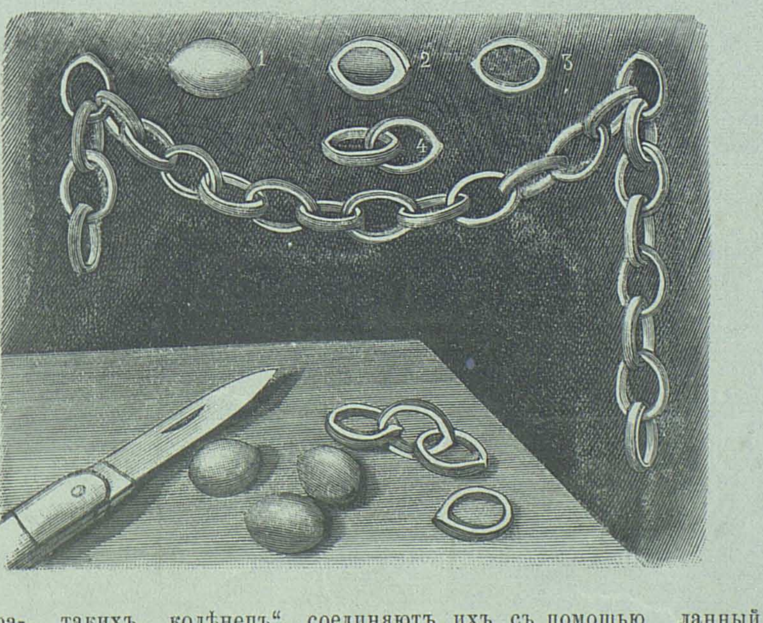
Пословица въ 4-хъ картинкахъ съ натуры.



1. 2. 3. 4.

Цѣпочка изъ вишневыхъ косточекъ

Китайцы и, при извѣстныхъ условіяхъ, колодники — великіе люди на малыя дѣла: благодаря непомѣрному, невѣроятному, неистощимому терпѣнію народъ этотъ способенъ выдѣлывать чудеса и притомъ съ помощью самыхъ элементарныхъ снарядовъ. Изощряется онъ, однако, почти исключительно на бездѣлушкахъ, матеріаломъ для которыхъ служатъ раковины, зерна, щетина, солома, нитки, щепки, пробки и т. д., а инструментомъ — простой ножъ.



Образчикомъ подобныхъ издѣлій могутъ служить часовыя цѣпочки, часто выдѣлываемыя тулонскими колодниками изъ самаго прочнаго матеріала — вишневыхъ или абрикосовыхъ косточекъ, кокосовой скорлупы и т. п. Рисунокъ нашъ изображаетъ фабрикацію цѣпочки изъ вишневыхъ косточекъ. Ходъ дѣла до-нельзя несложенъ: косточку, тщательно обмытую, обтесываютъ съ обѣихъ сторонъ такъ, чтобы получилось колечко; колечко это въ какомъ нибудь мѣстѣ осторожно перерѣзаютъ; сквозь щель эту, раздвигаемую лезвіемъ ножа, просовываютъ одно за другимъ два подобныхъ же, но непорѣзанныхъ колечка; образуется цѣпочка въ три звена; изготовивъ десятокъ такихъ „колѣнецъ", соединяютъ ихъ съ помощью девяти новыхъ колечекъ съ прорѣзомъ, и въ результатѣ получается цѣпочка въ 39 звеньевъ. Всѣ детали показаны на рисункѣ.

Но какъ это съ виду ни просто, на дѣлѣ все же выходитъ довольно мудреная штука, требующая адскаго терпѣнія и примѣрной ловкости, иначе сильно порѣжешься и въ добавокъ ничего не сдѣлаешь. Поэтому не мѣшаетъ познакомиться и съ другимъ способомъ получить такое же колечко, но гораздо проще, скорѣе и безъ опасности для пальцевъ. Въ небольшую коробочку (изъ подъ пилюль) налейте растопленнаго вару пополамъ съ сургучемъ; въ варъ этотъ вдавите косточку до того мѣста, по которое нужно снять скорлупу съ одной стороны; затѣмъ, если у васъ есть брусковое колесо, сточите лишнюю скорлупу на немъ, а если нѣтъ, то на напильникѣ; потомъ выньте остатокъ, нагрѣйте варъ и, перевернувъ косточку, вдавите ее плоской стороной на сколько нужно и сточите вторую сторону. Прорѣзы дѣлать не трудно, но можно и здѣсь сократить работу посредствомъ прожога раскаленымъ ножомъ, только тогда работа выйдетъ хуже: точно сдѣланный прорѣзъ остается незамѣтнымъ, а прожогъ виденъ.

Магъ

7-й тиражъ выигрышей листовъ 5% съ выигр. займа госуд. дворянскаго зем. банка, произведенный 1-го мая 1893 г.

ВЫИГРЫШИ ПАЛИ НА СЛѢДУЮЩІЕ БИЛЕТЫ:

№№ серій	№№ листовъ	Сумма выигрыша	№№ серій	№№ листовъ	Сумма выигрыша	№№ серій	№№ листовъ	Сумма выигрыша	№№ серій	№№ листовъ	Сумма выигрыша	№№ серій	№№ листовъ	Сумма выигрыша	№№ серій	№№ листовъ	Сумма выигрыша	№№ серій	№№ листовъ	Сумма выигрыша	№№ серій	№№ листовъ	Сумма выигрыша	№№ серій	№№ листовъ	Сумма выигрыша	№№ серій	№№ листовъ	Сумма выигрыша
00030	12	500	01779	2	500	03174	39	1000	04656	6	500	05919	17	500	07565	28	500	09614	27	500	11065	48	500	13210	26	500	14505	7	500
00047	37	500	01818	25	500	03204	45	500	04694	37	500	05929	34	500	07805	18	500	09653	19	500	11126	36	500	13256	16	500	14556	41	500
00113	37	500	01867	14	500	03251	48	1000	04742	38	500	05980	37	500	07911	39	500	09700	6	500	11209	48	500	13286	21	500	14563	44	200000
00179	45	5000	01871	47	500	03283	32	1000	04820	24	500	06049	26	500	07915	37	500	09731	17	500	11263	9	500	13293	27	500	14564	28	500
00199	9	500	01914	10	500	03331	16	500	04842	15	500	06052	29	500	07954	18	500	09745	30	500	11358	34	500	13360	40	1000	14605	48	500
00271	16	500	02056	12	500	03362	4	500	04868	12	500	06061	37	500	07995	28	500	09781	40	500	11470	23	500	13405	43	500	14701	29	500
00325	43	500	02199	32	1000	03371	25	500	04890	50	500	06081	37	500	08045	42	500	09878	28	500	11523	28	10000	13480	48	500	14788	4	500
00358	29	500	02404	47	500	03417	20	40000	04909	3	500	06290	11	500	08097	39	500	09894	14	1000	11573	21	500	13535	29	500	14823	37	500
00363	14	500	02486	42	500	03488	36	500	04914	2	500	06348	33	500	08367	36	500	09938	7	500	11581	2	500	13538	16	500	14844	44	500
00365	35	8000	02488	19	500	03542	9	500	04941	37	500	06361	42	500	08395	40	500	09979	18	500	11680	27	500	13549	31	10000	14868	39	500
00445	22	500	02490	46	500	03564	17	500	04993	19	500	06603	23	500	08599	20	500	10010	25	500	11653	50	500	13689	41	500	14920	37	500
00531	17	500	02628	47	500	03570	49	500	05134	37	500	06750	34	500	08617	32	500	10053	28	1000	11681	26	500	13695	4	500	15078	43	500
00587	27	8000	02638	11	500	03690	19	500	05162	50	500	06878	23	500	08712	22	500	10081	32	500	12299	45	500	13722	17	500	15276	23	500
00635	22	500	02662	37	500	03717	29	500	05311	36	500	06929	32	500	08732	40	500	10099	11	500	12347	31	500	13742	24	500	15280	36	500
00663	11	1000	02693	10	500	03830	44	500	05312	44	500	06970	16	1000	08772	14	500	10133	38	500	12360	33	500	13746	18	500	15396	4	500
00673	49	500	02699	25	500	03873	41	500	05413	4	500	07019	34	500	08781	32	500	10138	25	500	12387	45	500	13783	36	500	15399	37	500
00723	45	500	02715	36	500	03888	16	500	05433	15	500	07081	25	500	08808	48	500	10293	19	5000	12402	44	500	13901	19	500	15402	44	500
00736	2	500	02776	2	1000	03990	44	500	05458	31	500	07131	18	500	08840	20	500	10300	50	500	12515	40	500	13923	19	500	15468	10	500
00788	35	500	02851	33	500	04021	1	1000	05466	23	500	07152	2	500	08947	48	500	10352	10	75000	12640	25	8000	13988	10	500	15519	22	500
00821	7	500	02955	16	500	04136	25	500	05513	42	5000	07162	44	25000	09000	1	1000	10405	14	500	12757	50	500	14027	7	500	15543	32	500
00863	9	500	02962	44	500	04142	50	500	05612	40	500	07205	11	500	09134	9	500	10432	44	500	12763	31	500	14108	28	500	15547	42	10000
00896	40	500	02962	50	500	04243	50	500	05676	21	500	07275	31	500	09159	24	500	10460	50	500	12827	25	500	14158	50	500	15584	37	500
00906	44	500	02976	36	500	04342	34	500	05679	45	5000	07281	33	500	09169	14	500	10473	48	1000	12870	32	500	14177	9	500	15617	27	1000
00940	49	500	02990	15	500	04348	20	500	05688	19	500	07376	45	500	09184	3	500	10651	40	500	12922	45	500	14217	37	500	15751	46	500
01245	1	1000	03030	13	500	04396	15	1000	05811	12	500	07380	4	500	09266	9	500	10748	41	500	12930	9	500	14274	23	500	15783	2	500
01319	7	500	03057	23	500	04538	47	500	05825	37	500	07458	34	500	09321	3	8000	10813	2	500	13057	27	500	14281	31	500	15811	23	500
01321	16	500	03080	14	1000	04539	41	500	05829	43	1000	07509	37	500	09356	10	500	10844	49	500	13091	11	500	14315	8	5000	15869	22	500
01322	20	500	03108	16	500	04540	40	500	05851	24	500	07509	49	1000	09397	22	500	10990	13	5000	13141	41	500	14359	22	500	15883	46	500
01324	41	5000	03111	36	500	04542	50	500	05864	48	8000	07530	50	500	09571	35	500	10997	3	500	13162	32	500	14461	32	500	15894	14	500
01406	47	500	03164	26	1000	04615	32	500	05866	6	5000	07552	12	500	09573	39	500	11050	10	500	13190	17	500	14494	10	500	15964	45	500

Всего 300 выигрышей на сумму 600,000 рублей. Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го августа 1893 года.

1-й тиражъ погашенія будетъ произведенъ 1-го мая 1896 года.

Главная контора и редакція „Всемірной Иллюстраціи" находятся въ С.-Петербургѣ, на Садовой ул. № 22.

Въ Москвѣ отдѣленія конторы находятся: 1) при книжн. маг. А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, 15, и 2) при конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи.

Дозв. цензурою. СПБ. 5 мая 1893 г. Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

25й годъ — № 1269 — 49й томъ

Суббота 15-го мая 1893 г.

Цѣна нумеру 35 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки на годъ . **15** руб.
(при подпискѣ въ главной конторѣ редакціи).
Съ доставкою на годъ . . . . **17** »

Въ Москвѣ безъ доставки на годъ . . . . . . **17** руб.
Съ пересылкою во всѣ города Россійской имперіи на годъ . . . . **18** »

Подписная цѣна на полгода съ доставкою и пересылкою . . . . **9** руб.

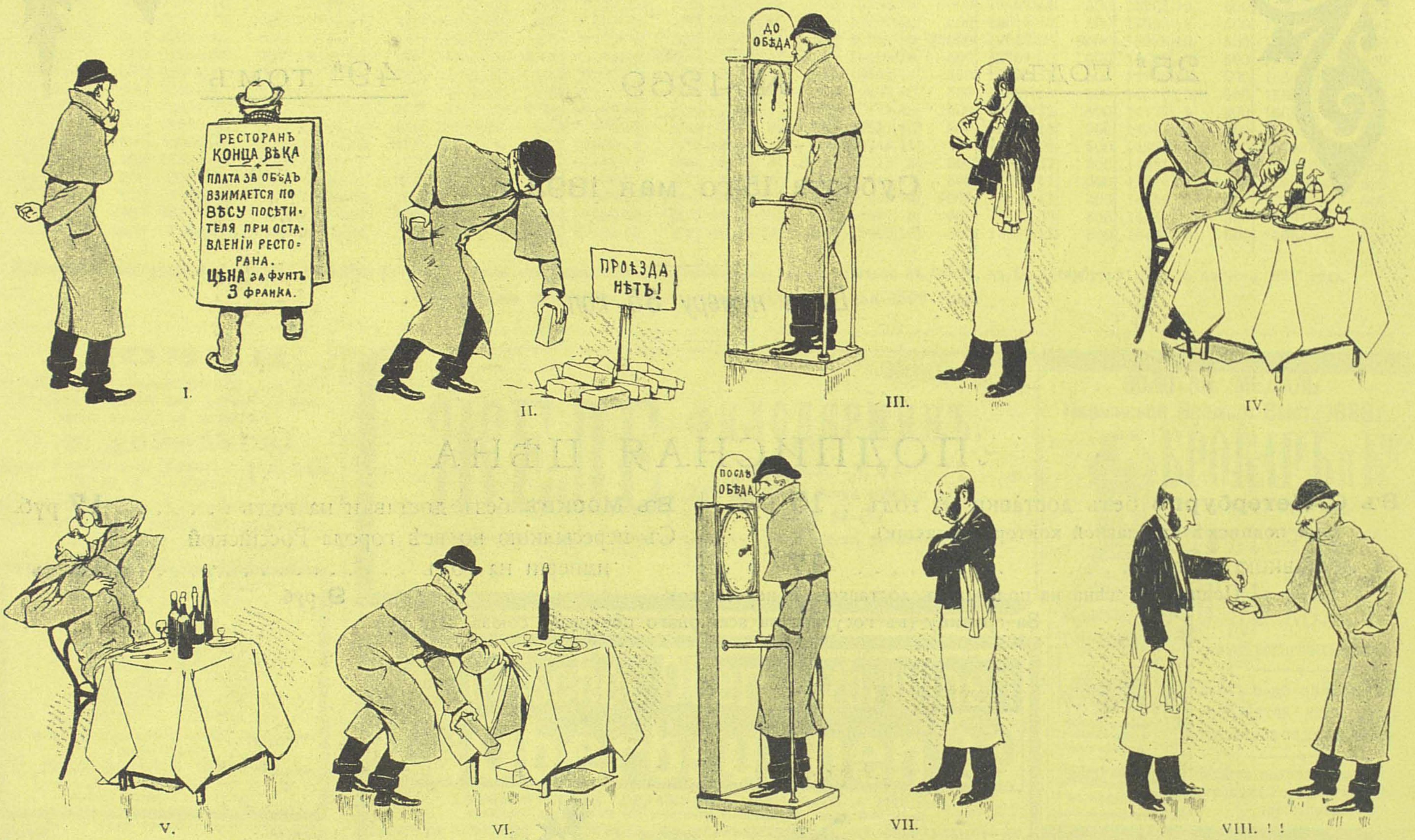
За границу (въ государства всемірнаго почтоваго союза) **20** руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Редакція и главная контора: Садовая ул. № 22.

РЕСТОРАНЪ »КОНЦА ВѢКА«

Каррикатуры А. Гилльома.



I. II. III. IV. V. VI. VII. VIII. ! !

Всемірная Иллюстрація

№ 1269. Годъ XXV.] 15-го мая 1893 г. [**Томъ XLIX. № 21.**

Къ этому (1269) нумеру »Всемірной Иллюстраціи« слѣдуетъ шестое особое художественное приложеніе —

ВѢРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ. Картина профессора Б. Плокгорста.

День св. Троицы. — Наканунѣ праздника. Картина Х. П. Платонова.

(Изъ галлереи А. И. Терещенко въ Кіевѣ). Гравировалъ для »Всемірной Иллюстраціи« В. А. Зубчаниновъ.

БЛАГОРОДНАЯ КРОВЬ

Разсказъ

ЭРНСТА фонъ-ВИЛЬДЕНБРУХА

Существуютъ-ли на свѣтѣ такіе люди, которые совершенно свободны отъ любопытства? До такой степени свободны, что если проходящій мимо нихъ человѣкъ начнетъ внимательно и вдумчиво во что нибудь вглядываться, они не остановятся, будучи заинтригованы его взглядомъ, и не станутъ, въ свою очередь, со вниманіемъ слѣдить за направленіемъ его глазъ и отгадывать причину его загадочнаго взора?

Если-бы спросили меня, принадлежу ли я къ этому роду нелюбопытныхъ людей, — не знаю могъ-ли бы я, положа руку на сердце, отвѣтить на это совершенно утвердительно, но какъ бы то ни было, а въ моей жизни выдался одинъ такой моментъ, который меня не только заинтриговалъ, но и заставилъ продѣлать все то, что дѣлаетъ каждый любопытный въ такихъ случаяхъ.

Мѣсто, гдѣ все это происходило, былъ погребокъ въ томъ старомъ городѣ, въ которомъ началась моя служебная дѣятельность при судѣ. Время дѣйствія — лѣтній день.

Ушедшій въ землю погребокъ стоялъ на большой площади, которую было видно изъ его оконъ по всѣмъ направленіямъ; въ такой часъ дня онъ былъ почти пустъ. Для меня, издавна полюбившаго уединеніе, это было только пріятно.

Насъ было всего трое. Толстый виноторговецъ, который наливалъ изъ покрытаго густымъ слоемъ пыли сосуда въ мой стаканъ желто-золотистое мускатное; затѣмъ я самъ, сидѣвшій въ миломъ уютномъ уголкѣ и попивавшій душистое винцо, и, наконецъ, еще одинъ гость, который занялъ мѣсто у одного изъ открытыхъ оконъ и передъ которымъ стоялъ на подоконникѣ бокалъ краснаго вина; а во рту у него торчала сильно закуренная пѣнковая трубка, которой онъ дымилъ, какъ паровикъ.

Этотъ человѣкъ съ лицомъ краснаго цвѣта, переходившимъ мѣстами въ синій, съ большой сѣдой бородой — былъ старый полковникъ въ отставкѣ; всѣ въ городѣ его знали. Онъ принадлежалъ къ „колоніи отставныхъ“, выбравшихъ своимъ мѣстопребываніемъ это привѣтливое мѣстечко, гдѣ они мирно и спокойно доживали свои невеселые дни.

Около полудня ихъ всегда можно было видѣть слоняющимися по двое и трое по улицамъ; они исчезали затѣмъ въ погребкѣ, въ которомъ собирались за круглымъ столикомъ, между двѣнадцатью и часомъ, для болтовни. На столѣ стояли кружки и стаканы съ мозельскимъ виномъ; надъ столомъ носились густыя облака голубаго сигарнаго дыма, а изъ этихъ облаковъ раздавались огорченные и сердитые голоса, возбужденные новостями почерпнутыми изъ „Листка о чинопроизводствѣ“.

Старый полковникъ былъ тоже завсегдатаемъ погребка, но онъ приходилъ не въ опредѣленный часъ общаго сборища, а нѣсколько позже послѣ обѣда.

Это былъ замкнутый человѣкъ. Его рѣдко можно было увидѣть съ кѣмъ нибудь вдвоемъ; онъ жилъ въ предмѣстьѣ, за рѣкой, и изъ его оконъ были видны дальнія деревни, часто затопляемыя водою, выходившею ранней весной изъ береговъ рѣчки. Иногда, проходя мимо его обиталища, видѣлъ я его сидящимъ у окна и задумчиво смотрящимъ, воспаленными красными глазами съ большими мѣшками подъ ними, на сѣрую водяную пустыню, по ту сторону дамбы.

Такъ вотъ, онъ сидѣлъ у окна погребка и безучастно смотрѣлъ на площадь, по которой, вздымаемыя вѣтромъ, неслись тучи песчанной пыли.

Что онъ могъ тамъ увидѣть?

Толстый виноторговецъ, скучавшій въ присутствіи такихъ двухъ молчаливыхъ людей, какъ мы, раньше меня обратилъ вниманіе на полковника; заложивъ руки за спину, подъ свою куртку, онъ стоялъ посреди комнаты и смотрѣлъ черезъ другое окно на площадь. Вѣдь было же тамъ что нибудь интересное! Возможно тише, чтобы не мѣшать ихъ созерцанію, поднялся я со своего мѣста. Положительно ничего не было видно. Площадь была безлюдна; только посреди ея, подъ огромнымъ фонарнымъ столбомъ, замѣтилъ я двухъ школьниковъ, которые стояли другъ противъ друга въ угрожающихъ позахъ.

Это ли привлекало вниманіе старшихъ?

Однако, таковъ ужъ человѣкъ — разъ я началъ смотрѣть, то не могъ уже покинуть своего мѣста, до тѣхъ поръ, пока достовѣрно не узналъ бы, чѣмъ кончится эта грозная битва. Мальчишки вѣроятно были отпущены по окончаніи послѣобѣденныхъ занятій. Они несли еще подъ мышками свои ранцы. Они были должно быть одинаковыхъ лѣтъ, но одинъ былъ выше другаго на цѣлую голову. Этотъ — болѣе высокій, длинный и худой школяръ, съ непріятнымъ выраженіемъ лица, испещреннаго веснушками, загородилъ дорогу своему противнику, маленькому и толстенькому съ добродушнымъ лицомъ и красными щеками. Къ тому же казалось, что онъ оскорблялъ его дерзкими словами. Но отдаленное разстояніе не позволяло разслышать, что именно онъ говорилъ. И все это продолжалось одно мгновеніе и... грянулъ бой! Оба бросили свои ранцы на землю. Маленькій полнощекій, наклонивши голову, будто желая пробить ею животъ своего противника, бросился на него.

— Большой-то его сейчасъ поймаетъ въ капканъ, проговорилъ теперь полковникъ, внимательно слѣдившій за ходомъ битвы, и не одобрившій маневра маленькаго толстяка.

Къ кому онъ обращался съ этими словами, сказать было трудно, ибо онъ говорилъ, смотря прямо передъ собой и ни къ кому изъ насъ не обращаясь.

Его предсказаніе тотчасъ сбылось.

Высокій, увернувшись отъ налета противника, въ одно мгновеніе ока обхватилъ его шею лѣвой рукой, такимъ образомъ, что голова толстощекаго оказалась какъ бы въ желѣзномъ кольцѣ, или, какъ говорилъ полковникъ, въ „капканѣ“. Правый кулакъ своего противника, которымъ тотъ приготовился погулять по его спинѣ, схватилъ онъ въ свою правую руку. Поймавъ его такимъ образомъ въ тиски и подчинивъ его своей силѣ, длинный съ торжествомъ и тріумфомъ началъ волочь его вокругъ фонарнаго столба, разъ, другой, третій...

— Слабоватый мальчуганъ! продолжалъ старый полковникъ свой монологъ; вѣдь попался таки впросакъ! Полковникъ очевидно былъ недоволенъ маленькимъ толстякомъ и ненавидѣлъ высокаго и худощаваго школьника.

— Они вѣдь каждый день сражаются, продолжалъ полковникъ, обращаясь, наконецъ, къ виноторговцу, точно желая ему объяснить то участіе, которое онъ принималъ въ этомъ дѣлѣ.

Сказавъ это, онъ снова высунулъ свое лицо въ окно.

— Посмотрю, придетъ-ли малышъ?

Не успѣлъ онъ пробормотать послѣднія слова, какъ изъ прилегавшаго къ площади городскаго сада выскочилъ маленькій, стройный мальчуганъ.

— Ага, вотъ оно! проговорилъ полковникъ. Онъ сдѣлалъ глотокъ краснаго вина и расправилъ бороду.

Малышъ, котораго по виду тотчасъ можно было принять за роднаго брата толстощекаго — только онъ былъ словно болѣе изящное и улучшенное изданіе перваго — какъ только подошелъ къ сражающимся, поднялъ обѣими руками ранецъ и хватилъ имъ долговязаго по спинѣ такъ, что звукъ удара достигъ до нашего слуха.

— Браво! сказалъ старый полковникъ.

Долговязый отлягнулся отъ новаго противника, какъ лошадь, ногой. Малышъ ловко увернулся и въ то же мгновенье хватилъ долговязаго вторично уже по головѣ, такъ что у того слетѣла шапка.

Но тотъ все еще не отпускалъ плѣнника изъ „капкана“ и крѣпко держалъ его правую руку.

Тогда мальчуганъ съ невѣроятной поспѣшностью раскрылъ свой ранецъ, выхватилъ изъ него пеналъ, изъ пенала ручку со стальнымъ перомъ и тотчасъ сталъ колоть ею руку долговязаго, которою тотъ сжималъ кисть руки его брата.

— Молодецъ! проворчалъ полковникъ: — ай да молодецъ! Его красные глаза сіяли отъ восторга.

Исторія становилась скверной для долговязаго; раздраженный болью, онъ выпустилъ, наконецъ, своего перваго противника и накинулся на малыша съ кулаками.

Однакоже этотъ послѣдній положительно превратился теперь въ маленькую дикую кошку. У него слетѣла съ головы шапка; слипшіяся кудри обрамляли его смертельно блѣдное чело; его глаза точно хотѣли выскочить изъ орбитъ; ранецъ со всѣмъ его содержимымъ валялся на землѣ и, черезъ шапку и ранецъ, малышъ наступалъ на долговязаго.

Онъ кинулся на своего противника и короткими быстрыми ударами кулачка началъ наносить ему побои по животу и всему тѣлу, куда ни попало, такъ что тотъ шагъ за шагомъ долженъ былъ отступать.

Между тѣмъ толстощекій пришелъ въ себя, подобралъ ранецъ и, нанося противнику удары съ фланговъ и съ тыла, вступилъ опять въ бой.

Долговязый отбросилъ наконецъ отъ себя малыша, сдѣлалъ два шага назадъ и поднялъ свою шапку. Битва приближалась къ концу.

Тяжело дыша, стояли три противника другъ противъ друга. Долговязый пробовалъ отвратительно улыбаться, стараясь подъ этой улыбкой скрыть стыдъ своего пораженія; малышъ, съ готовыми къ бою кулаками слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ внимательнымъ окомъ, ежеминутно готовый снова на него броситься, если-бы тотъ вздумалъ начать съизнова.

Но долговязый не предпринималъ ничего, съ него было довольно. Презрительно пожимая плечами, онъ удалялся все дальше и дальше, и, когда достигъ приличной дистанціи, началъ ругаться.

Оба брата принялись собирать валявшіеся вокругъ учебные предметы; малыши уложили ихъ снова въ ранцы, подняли свои шапки, отряхнули съ нихъ пыль и направились по дорогѣ во свояси. Дорога эта шла мимо оконъ нашего погребка. Я могъ ближе всмотрѣться въ маленькаго храбреца; онъ былъ дѣйствительно не изъ дюжинныхъ. Долговязый шелъ уже опять за ними и на всю площадь оралъ имъ вслѣдъ; малышъ пожималъ плечами съ невыразимымъ презрѣніемъ. „Этакій длинный трусъ“, проговорилъ онъ, и вдругъ остановился, обернувшись прямо къ врагу лицомъ. Тотчасъ же остановился и долговязый и братья насмѣшливо и задорно ему улыбались.

Теперь они стояли прямо противъ окна, у котораго сидѣлъ старый полковникъ. Онъ выглянулъ наружу.

— Браво, мой мальчикъ, сказалъ онъ: — ты ловкачъ! На, выпей-ка за это! Онъ взялъ бокалъ и протянулъ его за окно, предлагая малышу.

Мальчикъ удивленно взглянулъ на него, потомъ что-то шепнулъ своему старшему брату, далъ ему подержать ранецъ и схватилъ обѣими маленькими рученками огромный бокалъ.

Сдѣлавъ достаточно хорошій глотокъ, онъ взялъ бокалъ одной рукой за ножку, а другою принялъ отъ брата ранецъ и, не спрашивая дальнѣйшаго разрѣшенія, передалъ бокалъ брату.

Толстощекій тоже выпилъ свою порцію.

— Этакій пентюхъ, сказалъ старый полковникъ, добродушно улыбаясь: — я ему даю свой бокалъ, а онъ безъ дальнѣйшихъ размышленій заставляетъ изъ него пить своего милаго братца.

Малышъ подалъ бокалъ обратно въ окно, и на лицѣ его можно было прочесть, что онъ совершилъ нѣчто такое, что ему казалось вполнѣ естественнымъ.

— Вкусно-ли? спросилъ старый полковникъ.

— Спасибо, отлично, отвѣтилъ мальчикъ, приподнялъ свою шапку и пошелъ съ братомъ своею дорогой.

Полковникъ слѣдилъ за ними, пока они не исчезли изъ луча его зрѣнія за угломъ улицы.

— Съ такими юнцами, продолжалъ онъ, снова обращаясь къ самому себѣ:—происходятъ иногда необычайныя вещи... и вотъ именно съ этакими юнцами.

— Да, а то, что они дерутся такъ на улицѣ, замѣтилъ толстый виноторговецъ, все еще стоявшій на своемъ мѣстѣ, — такъ это удивительно, что учителя и наставники ихъ допускаютъ до этого; вѣдь, какъ кажется, они изъ хорошаго семейства

— Это ничего не значитъ, проворчалъ старый полковникъ. Молодость должна пользоваться извѣстной свободой; наставники не могутъ вѣчно висѣть у нихъ на шеѣ. Мальчики должны драться.

Онъ всталъ со своего мѣста такъ, что стулъ подъ нимъ крякнулъ, вынулъ изъ мундштука окурокъ сигары и бросилъ его въ пепельницу; затѣмъ направился къ стѣнѣ, гдѣ висѣла на гвоздѣ его шляпа. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ продолжалъ развивать свою мысль.

— Въ такихъ мальчуганахъ высказываются еще природныя свойства, непосредственная натура; потомъ, когда они станутъ постарше, всѣ они становятся уже болѣе или менѣе другъ на друга похожими; для наблюденій такіе юноши самый благодарный матеріалъ.

Виноторговецъ подалъ ему его шляпу, полковникъ взялъ еще разъ бокалъ, въ которомъ оставалась малость краснаго вина.

— Ну, молодцы, ворчалъ онъ:—все мое вино высосали. Онъ чуть не съ грустью взглянулъ на жалкій остатокъ и поставилъ бокалъ обратно на столъ не допивъ.

Виноторговецъ вдругъ оживился.

— Не желаетъ ли, г. полковникъ, еще одинъ?

Старикъ, стоя у стола, раскрылъ карточку винъ и бормоталъ про себя:

— Гм... другаго сорта, развѣ... да вотъ нельзя стаканами... развѣ бутылку... одному, пожалуй, много будетъ...

Въ мою сторону былъ устремленъ при этомъ долгій взглядъ. Я прочелъ въ этомъ взглядѣ нѣмой вопросъ о томъ, желаетъ ли ближній помочь своему ближнему... распить бутылочку винца.

— Если г. полковникъ позволитъ, сказалъ я,—я охотно бы роспилъ бутылочку...

Онъ позволилъ и очевидно охотно. Онъ сунулъ виноторговцу карточку, подчеркнулъ указательнымъ пальцемъ одинъ сортъ и сказалъ повелительнымъ тономъ: „Вотъ этого бутылку“.

— Эту марку я знаю, обратился онъ ко мнѣ, бросая шляпу на стулъ и садясь снова за столъ-—благородная виноградная кровь!

Я присѣлъ къ его столику, такъ что мнѣ виденъ былъ профиль лица полковника. Его глаза были обращены къ окну, и въ то время, какъ онъ смотрѣлъ на небо, зарево заката сверкнуло въ его зрачкахъ.

Я видѣлъ полковника въ первый разъ такъ близко.

Его глаза приняли какой-то мечтательный видъ и въ то время, какъ онъ машинально гладилъ свою длинную сѣдую бороду, казалось, что изъ потока минувшихъ годовъ воскресало передъ нимъ воспоминаніе о лицахъ, которые были молоды въ то время, когда и онъ былъ юнъ и которые находились теперь... кто можетъ сказать гдѣ именно? Бутылка, принесенная и поставленная передъ нами виноторговцемъ, заключала въ себѣ великолѣпный напитокъ. Старое Бордо, совершенно темное и маслянистое, наполнило наши стаканы. Я употребилъ то же выраженіе, которымъ началъ старикъ:

— Да, я долженъ сказать, господинъ полковникъ, это дѣйствительно благородный напитокъ.

Онъ оторвался отъ созерцанія, его воспаленный взоръ, словно вернувшись издалека, остановился на мнѣ, какъ будто хотѣлъ сказать: „Ты-то что понимаешь?“

Онъ сдѣлалъ большой глотокъ, вытеръ усы; и посмотрѣлъ свой стаканъ на свѣтъ.

— Странно, сказалъ онъ: — когда становишься старымъ, гораздо больше думаешь о раннемъ прошломъ, чѣмъ о томъ, что было гораздо позже.

Я молчалъ. У меня было предчувствіе, что я долженъ молчать и не предлагать вопросовъ. Когда человѣкъ отдается воспоминаніямъ, онъ непремѣнно начнетъ разсказывать, а разсказчику никогда не нужно мѣшать распросами.

Водворилась глубокая пауза.

— Какихъ только людей не узнаешь! продолжалъ онъ.— Нѣкоторые живутъ себѣ и живутъ... а было бы, право, иногда лучше, еслибы они не жили... а другіе отошли въ лучшій міръ... черезчуръ рано. Онъ погладилъ ладонью по крышкѣ стола: — тамъ, внизу, многое погребено!..

Казалось, будто онъ принималъ крышку стола за поверхность земли и точно думалъ о тѣхъ, кто подъ нею лежитъ.

— Невольно мысли эти пришли мнѣ въ голову, говорилъ онъ, и его голосъ зазвучалъ глухо,—когда я увидѣлъ того мальчугана.—Изъ этихъ юношей брызжетъ природа, словно ключемъ бьетъ, такъ что въ кровь заглянуть можно. Жалко, что эта благородная кровь легче гибнетъ, чѣмъ другая. Я зналъ однажды такого юношу.

— Вотъ оно!

Виноторговецъ усѣлся въ отдаленномъ углу погребка; я воздерживался отъ разговора; тишина комнаты прерывалась мрачнымъ голосомъ стараго полковника съ паузами въ родѣ порывовъ вѣтра передъ грозой.

Его взоръ снова блуждалъ по мнѣ, какъ будто хотѣлъ допросить меня, могу ли я со вниманіемъ слушать. Полковникъ ничего не спрашивалъ, самъ я ничего не говорилъ, но я смотрѣлъ на него и мой взглядъ выражалъ ему: „разсказывай“.

Но онъ все-таки не сразу началъ, а сначала вынулъ не торопясь изъ своего боковаго кармана огромный портсигаръ изъ жесткой темной кожи, взялъ изъ него сигару и медленно закурилъ ее.

— Вы, конечно, знаете Берлинъ, сказалъ онъ, потушивъ спичку и выпустивъ первый клубъ дыма, который пронесся облакомъ надъ столомъ: — и, вѣроятно, ѣздили по круговой городской желѣзной дорогѣ...

— О, да, нѣсколько разъ.

— Гм... ну такъ вотъ, если вы съ Александровской площади поѣдете къ Яновицкому мосту, вдоль за Новой Фридрихштрассе, то увидите по ея правой сторонѣ огромное старое зданіе казарменнаго типа — это старый кадетскій корпусъ.

Я утвердительно кивнулъ головой.

— Новый загородный корпусъ, который тамъ... въ Лихтерфельдѣ... того я не знаю; но старый — знаю... да... гм!.. я вѣдь тоже въ свое время былъ кадетомъ... да... такъ я его знаю!

Повтореніе нѣкоторыхъ словъ дало мнѣ почувствовать, что онъ знаетъ не только зданіе, а кое-что и другое, что происходило въ этомъ зданіи.

— Когда идешь со стороны Александровской площади, продолжалъ онъ, — то видишь прежде всего дворъ съ деревьями на немъ. Теперь на дворѣ растетъ трава; въ мое время этого не было, потому что тогда на немъ происходили экзерциціи и въ свободные часы кадеты ходили туда гулять... Затѣмъ идетъ огромное главное зданіе, четыре флигеля котораго образуютъ внутренній четырехугольный дворъ, называвшійся „каре-дворикомъ“; на немъ тоже происходили прогулки кадетъ. Съ улицы въ этотъ дворъ вамъ не заглянуть, если вы ѣдете мимо.

Я опять утвердительно качнулъ головой.

— Потомъ идетъ еще третій дворъ; онъ будетъ поменьше и оканчивается опять зданіемъ. Не знаю, что въ немъ теперь; въ тѣ времена оно было лазаретомъ. Проѣзжая мимо, вы могли въ этомъ мѣстѣ видѣть еще крышу гимнастической залы, такъ какъ близь лазарета расположена была главная гимнастическая площадь; на ней находился ровъ для перепрыгиванья, мачты и всевозможныя другія приспособленія для гимнастическихъ упражненій... — теперь ничего этого уже нѣтъ. Изъ лазарета на гимнастическій дворъ вели двери, всегда, впрочемъ, запертыя. Чтобы попасть въ лазаретъ, нужно было дѣлать большой обходъ черезъ дворъ. Итакъ, дверь, какъ я уже сказалъ, была всегда на запорѣ, т. е. она отворялась только въ особыхъ случаяхъ и это были всегда печальные случаи. Сейчасъ же за дверью находилась покойницкая; когда умиралъ кадетъ, его клали туда и тогда дверь оставалась открытою до тѣхъ поръ, пока водили туда остальныхъ кадетъ для прощанья съ умершимъ, и пока не выносили изъ покойницкой тѣла... да... гм...

Послѣдовала длинная пауза.

— О томъ новомъ зданіи, продолжалъ старый полковникъ, съ нѣсколько презрительной ноткой въ голосѣ: — которое въ Лихтерфельдѣ, какъ я уже сказалъ... я про него ничего не знаю, однако слышалъ, что теперь въ этомъ учрежденіи масса кадетъ... У насъ, на Новой Фридрихштрассе, ихъ было не много, всего четыре роты, дѣлившіяся на два класса: младшій и старшій; къ нимъ присоединялся еще спеціальный классъ, изъ котораго выпускали офицерами въ армію; своихъ товарищей спеціальнаго класса мы называли „шишками“, потому что на нихъ возложенъ былъ надзоръ за остальными, и за это ихъ терпѣть не могли.

— Въ ротѣ, въ которой числился я — это именно была четвертая — были два брата, съ которыми я сидѣлъ въ одномъ классѣ, въ младшемъ. Дѣло не въ именахъ, ну... да... ихъ звали фонъ-Л. Начальство звало старшаго изъ нихъ Л. I-й, а младшаго, который былъ на полтора года моложе брата, Л. II-й; мы же, кадеты, называли ихъ — Л. большое и маленькое Л. Да... маленькое Л...

Онъ пошевелился на стулѣ; глаза его глядѣли вдаль. Казалось, что онъ добрался до предмета своихъ воспоминаній.

— Такой разницы между двумя родными братьями я уже никогда болѣе не встрѣчалъ, продолжалъ онъ, пуская огромный клубъ дыма изъ своего пѣнковаго мундштука. — Большое Л. былъ здоровенный, неуклюже сложенный дѣтина, съ толстой головой; маленькое Л— какъ жердочка, тоненькій и эластичный; у него была маленькая, изящная головка и свѣтлые, мягкіе волосы, вившіеся отъ природы; у него былъ носикъ, какъ клювъ орленка... и вообще... это былъ дѣтенышъ...

Старый полковникъ сдѣлалъ передышку.

— Ну, вы можете себѣ представить, что такіе два субъекта не могли пользоваться у кадетъ одинаковымъ расположеніемъ. Чуть только братья появились въ нашемъ заведеніи — они, кажется, прибыли въ берлинскій кадетскій корпусъ изъ приготовительнаго заведенія въ Вальштадтѣ — разница сейчасъ-же сказалась: большое Л. было оставлено безъ вниманія, а маленькое сдѣлалось общимъ любимцемъ.

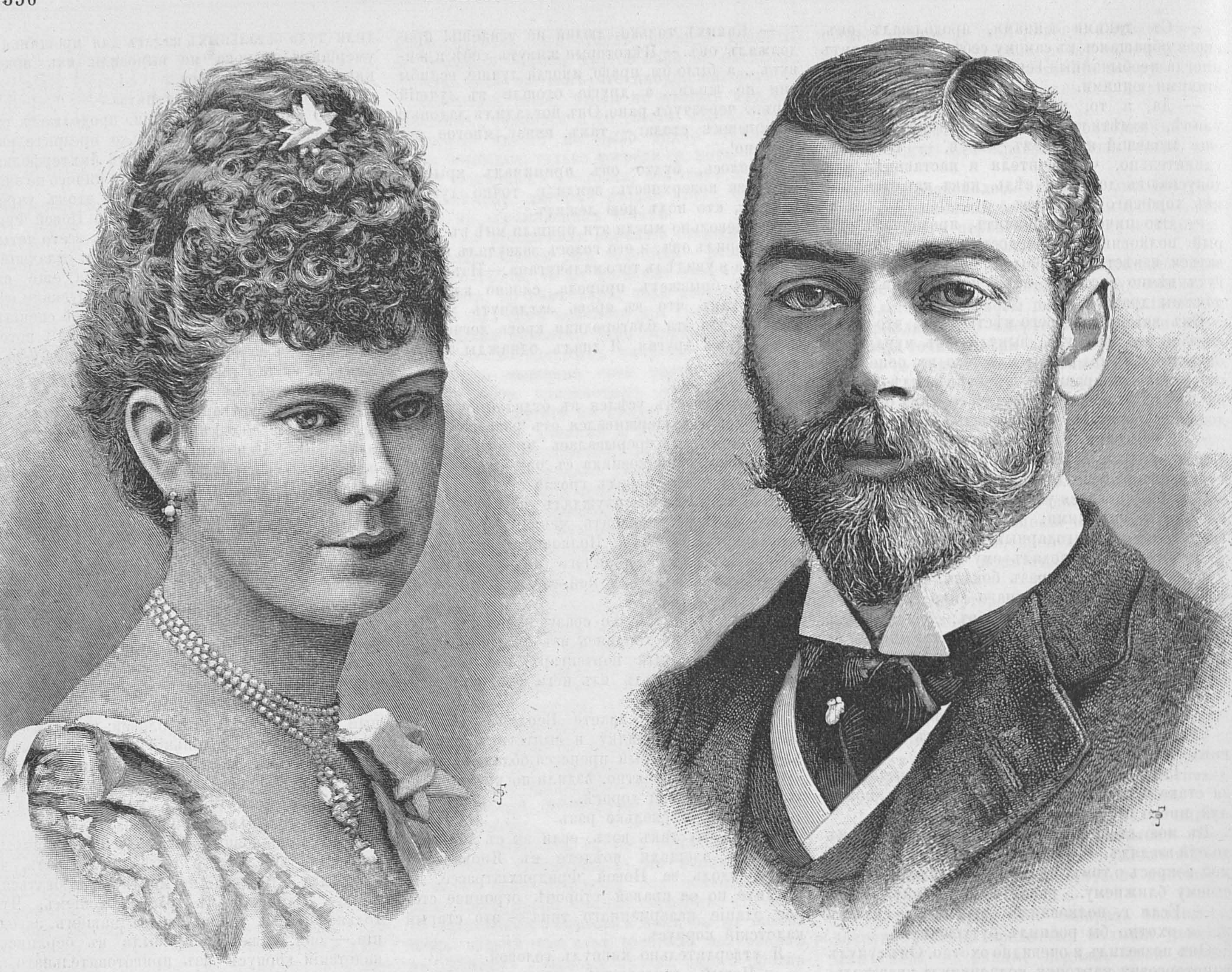
Съ мальчуганами это уже такое странное явленіе: большіе и сильные — это короли и кому они окажутъ свое благоволеніе — тому живется хорошо. Это внушаетъ къ нему уваженіе и всѣхъ остальныхъ, и его не легко кто бы то ни было рѣшится обидѣть. У этихъ мальчугановъ—кровь еще играетъ; это почти такъ, какъ у животныхъ передъ бо̀льшимъ и сильнѣйшимъ звѣремъ — смиряются остальные.

Эти слова сопровождало новое облако дыма изъ пѣнковой трубки.

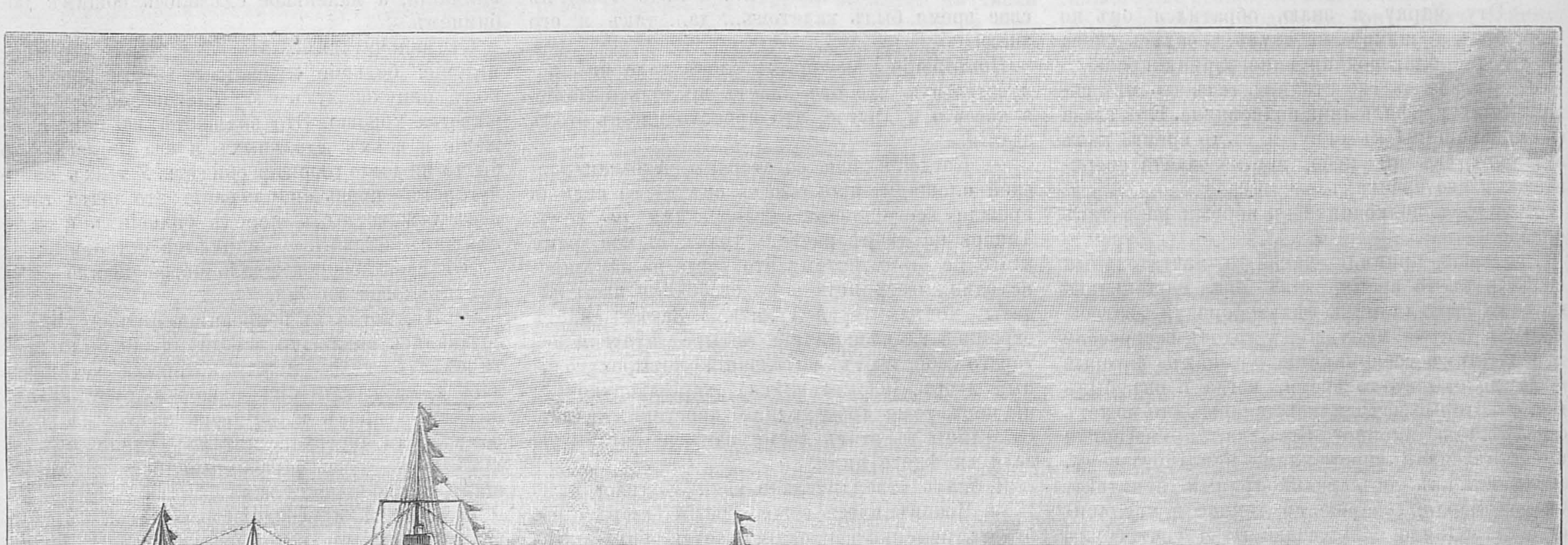
— Ну, когда въ рекреаціонные часы кадеты спускались внизъ, то всегда можно было найти вмѣстѣ тѣхъ, между которыми установилась дружба; шли они рука объ руку гулять на каре-дворикъ и на тотъ дворъ, на которомъ росли деревья... и тамъ гуляли они до тѣхъ поръ, пока барабанный бой не возвѣщалъ имъ о началѣ занятій.

Большое Л. присоединялось всегда къ тѣмъ товарищамъ, къ которымъ удавалось присосѣдиться и угрюмо совершало свою прогулку; тогда какъ маленькое Л., едва только оно показывалось на дворѣ, сейчасъ же подхватывали подъ руки двое или трое старшихъ, и оно должно было съ ними гулять. И это были именно кадеты старшаго класса. Конечно, было не въ обычаѣ, чтобы великовозрастные гуляли съ такимъ „молокососомъ“ первоклассникомъ; они твердо соблюдали свое положеніе, но съ маленькимъ Л. выходило нѣсколько иначе: для него дѣлалось исключеніе. Не смотря на это, онъ былъ не менѣе любимъ и младшими кадетиками. Это можно было прекрасно видѣть въ классѣ, гдѣ мы, первоклассники, были одни. Въ классѣ размѣщались мы по алфавиту; и оба Л. сидѣли почти въ серединѣ другъ подлѣ друга.

Въ наукахъ шли они довольно ровно. Большое Л. проявляло способность къ математикѣ;



Принцъ ГЕОРГЪ, герцогъ ІОРКСКІЙ, и принцесса ВИКТОРІЯ-МАРІЯ-ТЭКЪ, его невѣста.



Черноморскій броненосный флотъ утромъ на севастопольскомъ рейдѣ. Картина Л. Д. Блинова.

Гравировалъ для »Всемірной Иллюстраціи« В. Зейпелъ.

С.-Петербургъ. — Выставка 1893 года въ Императорской академіи художествъ.

У святыхъ воротъ. Картина В. П. Павлова.

Гравировалъ для »Всемірной Иллюстраціи« А. И. Зубчаниновъ.

С.-Петербургъ. — Выставка 1893 года въ Императорской академіи художествъ.

во всемъ остальномъ кадетъ былъ слабоватъ, но въ математикѣ онъ, что называется „собаку съѣлъ"; а маленькое Л. было не особенно сильно въ счетѣ и списывало задачи у брата. Во всемъ остальномъ онъ шелъ лучше своего старшаго брата и былъ вообще однимъ изъ первыхъ въ классѣ. И еще существовала разница между братьями: большое Л. свои знанія держало про себя и не подсказывало; маленькое подсказывало, да съ какимъ усердіемъ... да, да...

Усмѣшка, полная любви, освѣтила лицо старика.

— Если вызывали сидящаго на первой скамейкѣ и тотъ затруднялся отвѣтомъ — маленькое Л. подсказывало ему черезъ всѣ скамейки все то, что тотъ долженъ былъ сказать; если вызывали сидящаго на послѣдней скамейкѣ оно произносило отвѣтъ вполголоса, прямо передъ собою. У насъ былъ старый профессоръ латинскаго языка. Почти на каждомъ урокѣ останавливался онъ среди класса: „Л. II-й", говорилъ онъ, „вы опять подсказываете! И совершенно безцеремоннымъ образомъ! Берегитесь, Л. II-й, въ слѣдующій разъ я васъ примѣрно накажу! Это я вамъ говорю сегодня въ послѣдній разъ!"

Старый полковникъ усмѣхнулся съ видимымъ удовольствіемъ:

— Но это всегда было предпослѣднимъ разомъ и никогда угроза примѣрно наказать не была приведена въ исполненіе! И хотя маленькое Л. далеко не было примѣрнымъ мальчикомъ, скорѣе даже наоборотъ, однако и учителя, и офицеры его любили — да это и не могло быть иначе. Онъ всегда былъ веселъ, точно только что получилъ подарокъ, хотя онъ никогда подарковъ не получалъ, потому что отецъ обоихъ Л. былъ очень бѣдный маіоръ, служившій гдѣ-то въ пѣхотномъ армейскомъ полку, и оба мальчика получали изъ дому жалкіе гроши, въ видѣ карманныхъ денегъ... И всегда, какъ изъ яичка вылупившійся, чистенькій такой — и снаружи и снутри — да вообще...

Полковникъ сдѣлалъ паузу. Какъ будто онъ искалъ подходящаго выраженія, чтобы выразить всю свою любовь къ своему бывшему маленькому товарищу.

— Это было въ родѣ того, сказалъ онъ, какъ будто бы природа въ лучшемъ своемъ расположеніи духа поставила мальчишку на обѣ ноги сразу, и сказала: вотъ вамъ — берите его.

Но, вотъ что удивительно, продолжалъ онъ: хотя братья совершенно не походили другъ на друга, однако были очень дружны между собою.

У большаго Л. это не особенно замѣчалось; оно было всегда замкнуто и никогда не высказывалось; за то маленькое Л. не могло ничего скрыть.

И такъ какъ маленькое Л. сознавало насколько другіе кадеты относились къ нему лучше, нежели къ старшему брату, то ему дѣлалось за брата больно. Когда они гуляли по двору, то можно было видѣть, какъ онъ время отъ времени слѣдилъ за старшимъ братомъ, есть-ли около него кто-нибудь съ кѣмъ бы тотъ могъ гулять. Ну, что онъ въ классѣ подсказывалъ брату и давалъ ему списывать extemporalia — это само собой разумѣется; но онъ слѣдилъ и за тѣмъ, чтобы никто его брата не смѣлъ обижать и если иногда искоса поглядывалъ на брата, незамѣтно для того, его лицо часто принимало весьма странное серьезное выраженіе, точно онъ безпокоился о братѣ.

Старикъ задымилъ сильнѣе.

— Это все я себѣ выяснилъ впослѣдствіи, сказалъ онъ: когда случилось то, что должно было случиться. Маленькое Л. знало уже тогда своего брата и его наклонности лучше чѣмъ мы.

Кадетамъ, конечно, извѣстна была его привязанность къ брату, но это нисколько не помогло большому Л., оно такъ и осталось нелюбимымъ, между тѣмъ какъ маленькаго все больше и больше любили и стали его звать обыкновенно не иначе какъ „воплощенной братской любовью".

Оба жили въ одной камерѣ, и маленькое Л. было всегда очень чисто и аккуратно, какъ я уже говорилъ, въ противуположность своему старшему брату. И вотъ младшій прямо сдѣлался лакеемъ старшаго и доходило у нихъ до того, что онъ чистилъ пуговицы на мундирѣ своего брата; а передъ сборомъ онъ принимался его форменно чистить съ платяною щеткою въ рукахъ — въ особенности въ дни дежурства „грознаго лейтенанта".

Къ сбору всѣ кадеты спускались утромъ во дворъ, и принявшій дежурство офицеръ обходилъ ряды выстроенныхъ мальчугановъ, осматривая — чиста-ли и въ порядкѣ-ли у нихъ одежда.

И когда наступало дежурство „грознаго лейтенанта" всей ротой овладѣвалъ собачій страхъ, потому что офицеръ этотъ всегда находилъ какой либо безпорядокъ. Онъ обходилъ кадетъ сзади, щелкалъ по ихъ мундирчикамъ пальцами, желая убѣдиться—есть-ли въ нихъ пыль, и если таковой не было, то выворачивалъ карманы и конечно при такомъ способѣ осмотра предательская пыль всегда оказывалась застрявшею гдѣ нибудь и когда наконецъ „грозный лейтенантъ" обрѣталъ ее такимъ образомъ, онъ, какъ старый козелъ, отрывисто блеялъ: „запишите его на воскресенье — къ рапорту", и, разумѣется, воскресный отпускъ летѣлъ къ чорту, а это было очень грустно.

Старый полковникъ замолчалъ, энергически сдѣлалъ глотокъ вина, погладилъ бороду, закусилъ усы... Воспоминаніе о „грозномъ лейтенантѣ" приводило его въ бѣшенство.

— Какъ подумаешь, проворчалъ онъ: что за подлая душа нужна для того, чтобы лишить мальчугана, жившаго семь дней мечтою о воскресномъ отпускѣ, лишить его этого отпуска изъ-за какой-то ерунды!.. да вообще — когда я только замѣчалъ, что кто либо строитъ крючки и козни... Въ моемъ полку этого никогда не было, всѣ знали, что я этого не терплю... Ну, иногда оборвать подъ сердитую руку, ну, на часы поставить, подъ арестъ засадить — это все ничего, но... изводить, придираться... это можетъ только негодяй!

— Совершенно вѣрно! отозвался изъ-за угла виноторговецъ, заявивъ тѣмъ, что и онъ слѣдитъ за разсказомъ полковника.

Старикъ успокоился и продолжалъ свой разсказъ.

— Все это продолжалось такъ около года, а затѣмъ пришло время экзаменовъ, а это было совсѣмъ особое время.

Старшіе сдавали портупей юнкерскій экзаменъ, а „шишки"—офицерскій, и какъ только они сбрасывали съ плечъ свои экзамены, ихъ отпускали изъ корпуса домой; слѣдовательно въ теченіе нѣсколькихъ недѣль въ корпусѣ оставались только кадеты младшаго класса, переведенные въ старшій.

Это длилось до тѣхъ поръ, пока въ младшій классъ не поступали новички изъ приготовительныхъ заведеній и возвращались изъ отпусковъ кадеты старшаго класса, превратившіеся въ „шишки", и тогда опять все шло по старому. Въ промежуткѣ же царило что-то вродѣ безпорядка; особенно нарушался обычный порядокъ, когда уѣзжали послѣдніе старше-курсники; экзаменовались они по частямъ и по частямъ уѣзжали изъ корпуса.

Въ камерѣ, въ которой помѣщались оба брата, стояла койка одного изъ кадетъ старшаго класса, изъ тѣхъ, которыхъ кадеты называютъ „модниками". И такъ какъ онъ задумалъ щегольнуть послѣ сдачи своего портупей юнкерскаго экзамена, какъ только почувствуетъ свѣжій воздухъ свободы, то вмѣсто портупеи, которая намъ отпускалась отъ казны, онъ заказалъ себѣ собственную изъ лакированной кожи, болѣе узкую и изящную чѣмъ казенная. Онъ конечно могъ доставить себѣ подобное удовольствіе, потому что получалъ изъ дому деньги.

Онъ всѣмъ и каждому показывалъ свою портупею, которою ужасно гордился, и кадеты любовались ею.

Когда же насталъ день, въ который ему надо было укладывать свои пожитки и уѣзжать домой, и онъ захотѣлъ перепоясаться своею изящною портупеей... ея вдругъ не оказалось.

Поднялась суматоха; вездѣ и всюду искали, но найти портупею нигдѣ не могли. Онъ не спряталъ ее въ шкафчикъ, а положилъ около своей каски въ дортуарѣ, гдѣ за занавѣской хранились вообще всѣ кадетскія каски. И вотъ отсюда она и исчезла.

Очевидно ее кто-нибудь взялъ.

Но кто?

Думали сначала на стараго служиваго, который чистилъ кадетамъ сапоги и убиралъ дортуаръ, но это былъ старый, почтенный унтеръ-офицеръ, за которымъ за всю его длинную и безпорочную службу не было ни одного самомалѣйшаго проступка. Вѣдь не изъ кадетъ же кто нибудь? Объ этомъ и думать никто не посмѣлъ? Такимъ образомъ дѣло осталось покрыто тайной. Владѣлецъ портупеи проклиналъ и ругался, потому что всетаки долженъ былъ уѣхать въ казенной портупеѣ; остальные кадеты его взвода были ошарашены и убиты; они тотчасъ всѣ открыли свои шкафики и потребовали, чтобы тотъ осмотрѣлъ ихъ, но К. отвѣтилъ съ негодованіемъ: „это глупо — кто же что-нибудь подобное подозрѣваетъ?"

И вдругъ случилось нѣчто странное, надѣлавшее еще болѣе шума, чѣмъ все предыдущее: неожиданно „модникъ" получилъ свою портупею.

Онъ уже выходилъ съ чемоданчикомъ въ рукѣ изъ взвода и спускался по лѣстницѣ, когда его кто-то окликнулъ и когда онъ обернулся, то увидѣлъ маленькое Л., которое бѣжало за нимъ, держа что-то въ рукѣ — и это что-то была его портупея.

Нѣсколько кадетъ, случайно проходившихъ въ это время по лѣстницѣ, разсказывали потомъ, что маленькое Л. было смертельно блѣдно и дрожало, какъ осиновый листъ. Оно сказало что-то на ухо выпускному кадету, и они обмѣнялись двумя-тремя словами, послѣ чего старшій кадетъ погладилъ его по головкѣ, снялъ казенную портупею, надѣлъ шикарную и ушелъ; казенную онъ отдалъ маленькому Л., чтобы тотъ ее сдалъ куда слѣдуетъ.

Ну, конечно эта исторія теперь уже не могла остаться въ тайнѣ и все вышло наружу.

Какъ разъ въ этотъ день послѣдовало распоряженіе о новомъ распредѣленіи кадетъ по камерамъ, и въ то время какъ это все происходило — большое Л. совершило свой переѣздъ въ новое помѣщеніе.

Впослѣдствіи кадеты стали вспоминать, что этотъ Л. во время переѣзда держалъ себя удивительно тихо, ну да вѣдь это извѣстно! Когда трава уже выросла, всѣ спѣшатъ увѣрить, что видѣли—какъ она росла. Положительно вѣрно было только то, что онъ не позволилъ никому помогать перебираться. И когда маленькое Л. вздумало ему подсобить, онъ сдѣлался съ нимъ крайне грубъ. Но младшаго брата, при его врожденной услужливости и любезности, это не удержало отъ исполненія намѣренія помочь старшему. Вынимаетъ онъ изъ его шкафика гимнастическую рубаху, которая лежала весьма тщательно сложенной, и... вдругъ чувствуетъ въ ней что-то твердое: и это была портупея „модника".

Какими словами братья обмѣнялись въ это мгновенье, да и говорили-ли вообще что-нибудь, этого никто не узналъ, потому что у младшаго брата сохранилось столько присутствія духа, что онъ безмолвно вышелъ изъ комнаты, и только когда очутился уже за дверьми, онъ бросилъ рубаху на полъ, схватилъ портупею и помчался съ нею, — болѣе не заботясь о томъ, что теперь выйдетъ изъ этой исторіи, — за уходившимъ кадетомъ.

Ну, разумѣется, дѣлу теперь ничѣмъ нельзя уже было помочь. Въ пять минутъ исторія эта облетѣла всю роту. Большое Л. лукавый попуталъ, и оно сдѣлалось воришкой.

Черезъ полчаса изъ камеры въ камеру тихо раздавался кличъ: „сегодня вечеромъ, когда потушатъ лампы всѣмъ собираться на совѣщаніе въ ротную залу!"

Въ каждой ротѣ находилось помѣщеніе, въ которомъ раздавались аттестаты и оффиціальныя распоряженія и это помѣщеніе называлось ротнымъ заломъ.

И такъ, вечеромъ, когда огни во всѣхъ лампахъ были притушены и стало совершенно темно, изъ всѣхъ камеръ потянулись кадеты; никто не смѣлъ хлопать дверьми, всѣ были въ носкахъ, дабы начальникъ роты и офицеры, которымъ ничего не было извѣстно ничего бы и не узнали; иначе за это сборище мы навлекли бы на себя жестокую грозу.

Когда мы дошли до ротной залы, около двери у стѣны стоялъ кто-то бѣлый, какъ штукатурка—это было маленькое Л. Двое его тотчасъ взяли за руку. „Маленькое Л. можетъ войти вмѣстѣ съ нами“, сказали они: — „оно не при чемъ“.

Только одинъ изъ всѣхъ, длинный, высокій олухъ, по фамиліи... дѣло не въ фамиліи... ну... скажемъ К., — хотѣлъ протестовать противъ этого; но всѣ голоса были противъ него, и маленькое Л. вошло вмѣстѣ съ нами. Зажгли пару сальныхъ свѣчей, поставили ихъ на столъ, и... совѣщанье началось.

Стаканъ полковника былъ пустъ; я его наполнилъ, и старикъ сдѣлалъ хорошій глотокъ.

— Надо всѣмъ этимъ можно теперь смѣяться, если угодно; однако намъ тогда не до смѣха было, а совсѣмъ наоборотъ. Кадетъ — воришка... это было нѣчто ужасное! Лица у всѣхъ были блѣдны и совѣщаніе велось вполголоса. Обыкновенно считалось безчестнымъ и подлымъ доносить начальству на своего товарища, но разъ этотъ товарищъ сдѣлалъ такую штуку, то онъ переставалъ быть для насъ кадетомъ и товарищемъ и потому теперь предстояло обсудить, должны ли мы донести о поступкѣ старшаго Л. ротному командиру.

Высокій К. заговорилъ первый. Онъ объявилъ, что мы положительно должны пойти къ ротному командиру и все ему разсказать, ибо такая подлость не заслуживаетъ пощады; К. былъ теперь самымъ сильнымъ и старшимъ въ ротѣ; его слова произвели поэтому особое впечатлѣніе, и въ глубинѣ души каждый былъ съ нимъ согласенъ.

Никто не съумѣлъ противъ этого возразить, и водворилось общее молчаніе. Но въ это мгновеніе рядъ кадетъ, стоявшихъ вокругъ стола, разступился, и маленькое Л., до тѣхъ поръ скрывавшееся въ отдаленномъ углу залы, выступило впередъ и вошло въ кругъ. Руки его безпомощно висѣли вдоль тѣла и голова его поникла, видимо оно хотѣло сказать что-то, но у него не хватало смѣлости.

К. опять заораторствовалъ. „Л. II й“, сказалъ онъ:— „не имѣетъ права участвовать въ этомъ совѣщаніи“.

Но на этотъ разъ К. не посчастливилось. Онъ очень недолюбливалъ обоихъ братьевъ, но никто не зналъ истинной причины этой нелюбви, въ особенности къ маленькому Л. К., впрочемъ, совсѣмъ не любили, потому что юноши обладаютъ колоссальнымъ, тонкимъ инстинктомъ; и они поняли, именно чутьемъ, что въ длинномъ тѣлѣ этого мужлана заключается низкая, презрѣнная и предательская душонка. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые никогда не рискнутъ обидѣть равнаго себѣ и непремѣнно третируютъ меньшихъ и слабѣйшихъ.

Поэтому со всѣхъ сторонъ грянули возраженія.

— Маленькое Л. должно говорить! Именно теперь оно должно говорить.

Когда мальчуганъ, все еще безмолствовавшій, услыхалъ, что товарищи взяли его сторону, крупныя слезы потекли у него изъ глазъ; онъ поднесъ обѣ руки къ своимъ глазамъ и началъ такъ отчаянно рыдать, что все тѣло его вздрагивало, и онъ не могъ произнести ни одного слова.

Одинъ изъ кадетъ подошелъ къ нему и хлопнулъ его по плечу.

— Успокойся же, сказалъ онъ ему: — ну, что ты хочешь сказать?

Л. все еще продолжалъ всхлипывать.

— Если на него донесутъ, наконецъ, съ огромнымъ усиліемъ и не сразу, проговорилъ онъ:—его уволятъ изъ корпуса и что же изъ него потомъ выйдетъ?...

Всѣ примолкли; мы знали, что мальчикъ совершенно правъ и знали тоже то, что именно выйдетъ, если мы его выдадимъ. Къ тому же мы знали, что его отецъ бѣденъ и каждый изъ насъ невольно думалъ о томъ, что сказали бы наши отцы, если бы съ однимъ изъ насъ приключилось что-либо подобное.

— Но вѣдь ты самъ долженъ понять, продолжалъ кадетъ, обращаясь къ Л., что твой братъ сыгралъ скверную штуку и достоинъ наказанія.

Младшій Л. утвердительно качнулъ головой; его совѣсть была вполнѣ на сторонѣ обвинителей брата. Кадетъ, подумавъ немного, обратился къ товарищамъ:

— Я вамъ вотъ что предложу, сказалъ онъ: — мы вѣдь не хотимъ сдѣлать Л. I-го несчастнымъ на всю жизнь? Мы хотимъ попробовать—осталась ли въ немъ хотя капля совѣсти. Л. I-й долженъ самъ рѣшить, хочетъ ли онъ, чтобы мы его выдали, или оставили бы его дѣло между нами; мы его сами накажемъ, и вся исторія будетъ погребена и забыта.

Это былъ славный выходъ. Всѣ радостно согласились.

Кадетъ положилъ руку на плечо младшаго Л.

— Такъ пойди, сказалъ онъ:—и позови сюда своего брата.

Л. вытеръ свои глаза и утвердительно качнулъ головой; онъ вышелъ за двери и черезъ минуту вернулся вмѣстѣ съ братомъ.

Старшій Л. не могъ ни на кого смотрѣть. Онъ стоялъ передъ своими товарищами, какъ быкъ, котораго ударили по лбу. Младшій стоялъ за нимъ и не спускалъ съ него глазъ.

Кадетъ, сдѣлавшій это предложеніе, началъ допросъ Л. I-му.

— Подтверждаетъ ли онъ, что взялъ портупею?

Онъ подтвердилъ.

— Сознаетъ ли онъ, что совершилъ нѣчто такое, что, строго говоря, дѣлаетъ его недостойнымъ оставаться кадетомъ.

Онъ сознала и это.

— Хочетъ ли онъ, чтобы мы донесли на него ротному командиру или чтобы, расправившись съ нимъ своимъ судомъ, предали бы его дѣло забвенію?

Онъ предпочиталъ послѣднее.

Вздохъ облегченія раздался изъ всѣхъ грудей.

— Было постановлено тутъ же на мѣстѣ исполнить рѣшеніе.

Одного изъ кадетъ послали за тростью, которую мы употребляли для выбиванія изъ мундировъ пыли.

Тѣмъ временемъ, мы попробовали убѣдить младшаго оставить залу на время экзекуціи.

Онъ молча отрицательно покачалъ головой, онъ хотѣлъ остаться.

Какъ только принесли трость, старшій Л, долженъ былъ лечь на столъ, лицомъ книзу; два кадета схватили его за руки и держали ихъ; двое другихъ взяли его за ноги, такъ что тѣло растянулось.

Сальныя свѣчи сняли со стола и высоко подняли ихъ; всѣмъ была видна эта грустная картина.

Высокій К., какъ самый сильный, долженъ былъ совершить экзекуцію; онъ взялъ трость въ руки, отошелъ въ сторону и размахнувшись ударилъ ею по тѣлу Л., которое прикрыто было лишь коротенькой курточкой и брюками.

Юноша скорчился подъ этимъ ужаснымъ ударомъ и хотѣлъ кричать; въ одинъ моментъ младшій братъ подскочилъ къ нему, схватилъ его за голову обѣими руками и прижалъ ее къ своему тѣлу.

— Не кричи, прошепталъ онъ ему: — не кричи, а то все дѣло лопнетъ!

Старшій Л. подавилъ крикъ и только мычалъ и стоналъ вполголоса отъ боли.

К. снова поднялъ палку и звукъ втораго удара раздался по залу.

Тѣло избиваемаго корчилось на столѣ до такой степени, что кадеты едва могли удержать его за руки и за ноги. Младшій Л. обѣими руками держалъ его за голову и съ необыкновенной силой прижималъ ее къ себѣ. Его глаза смотрѣли куда-то вдаль, его лицо было блѣдно, какъ штукатурка на стѣнѣ; все его тѣло дрожало.

Въ залѣ царило мертвое молчаніе, прерываемое лишь стонами наказываемаго, заглушаемыми усиліями маленькаго Л., прижавшаго его ротъ къ своей груди. Всѣ взоры были обращены на мальчика; всѣ мы чувствовали, что долго не выдержимъ этого зрѣлища.

Когда раздался третій ударъ, и палачъ приготовился къ новому, раздался общій дружный гулъ голосовъ: „теперь довольно, довольно! Не надо бить больше!“

К., сдѣлавшійся совершенно краснымъ отъ усилій, хотѣлъ ударить въ четвертый разъ; но тутъ ужъ трое или четверо кадетъ кинулись между нимъ и старшимъ Л., вырвали у него трость изъ рукъ и оттолкнули его отъ стола.

Л. освободили; онъ медленно вытянулся и всталъ со стола, совершенно разбитый. Маленькое Л. стояло возлѣ него.

Экзекуція кончилась.

Тотъ же самый кадетъ заговорилъ все еще вполголоса:

— Дѣло теперь кончено и погребено, сказалъ онъ: — каждый изъ васъ пусть подастъ ему руку, и мерзавецъ будетъ тотъ, кто хотя однимъ словомъ напомнитъ ему или кому нибудь когда-либо объ этой исторіи!

Всеобщее „да, да!“ показывало, что онъ совершенно попалъ въ общее настроеніе. Всѣ выступили впередъ и каждый протянулъ наказанному руку, и затѣмъ кадеты, какъ по командѣ, бросились къ маленькому Л., около котораго происходила теперь давка, потому что каждый хотѣлъ пожать и ему руку или приласкать его. Сзади стоявшіе протягивали къ нему руки черезъ первые ряды, вскакивали на столы, чтобы добраться до него, гладили его по головѣ, хлопали по плечу, по спинѣ и всѣ на перебой говорили: „ахъ ты маленькій, ахъ ты славный малый, ахъ ты милое маленькое Л.“

Старый полковникъ поднялъ свой стаканъ и выпилъ, потомъ задушевнымъ голосомъ продолжалъ разсказъ:

— Вѣдь этакіе мальчуганы, сказалъ онъ:— у нихъ былъ инстинктъ... инстинктъ и чувства.

Свѣчи были потушены, всѣ устремились обратно къ своимъ камерамъ; пять минутъ спустя всѣ лежали въ кроватяхъ, и все было кончено...

Ни ротный командиръ, ни прочіе офицеры ничего объ этой исторіи не узнали.

Все было кончено...

Голосъ разсказчика сдѣлался глухимъ; онъ засунулъ обѣ руки въ карманы брюкъ и задумчиво смотрѣлъ прямо передъ собою сквозь голубую струйку сигарнаго дыма.

— Да... такъ думали мы вечеромъ, лежа въ кроватяхъ.

Спало ли ночью маленькое Л.? Этого нельзя было сказать, увидя его на другое утро, когда мы отправились въ классъ.

Раньше казалось, что на томъ мѣстѣ, гдѣ всегда сидѣлъ мальчуганъ, сидитъ маленькій кобольдъ, воодушевлявшій весь классъ; теперь мѣсто это казалось пустымъ — до такой степени тихонькимъ и приниженнымъ сидѣлъ онъ на немъ. Онъ походилъ на воробушка съ отшибленными крыльями—я по крайней мѣрѣ лучшаго сравненія не могу найти.

Послѣ обѣда его теперь видѣли не иначе, какъ въ сопровожденіи брата. Онъ отлично чувствовалъ, что старшій братъ не можетъ отнынѣ надѣяться на поддержку товарищей— и потому онъ не лишалъ его своего общества. И вотъ ходили они рука объ руку по каредворику и по двору, обсаженному деревьями, оба съ поникшими долу головами, не говоря почти ни слова другъ съ другомъ.

Вновь наступила пауза, вновь я долженъ былъ наполнить опустѣвшій стаканъ полковника, и вновь онъ пустилъ струю синяго дыма.

— Ну, и все это, продолжалъ онъ:—съ теченіемъ времени; можетъ быть, сгладилось бы и былъемъ поросло... но... ахъ, эти люди!..

Онъ опустилъ свой сжатый кулакъ на столъ.

— Существуютъ люди, сказалъ онъ мрачнымъ голосомъ: — въ родѣ тѣхъ ядовитыхъ полевыхъ растеній, изъ которыхъ пьютъ свою смерть животныя, пожирающія ихъ. И ядомъ такихъ людей заражаются окружающіе.

Въ одинъ прекрасный день былъ у насъ урокъ физики. Преподаватель показывалъ намъ эксперименты съ электрической машиной, и электрическій токъ долженъ былъ пройти черезъ цѣпь кадетъ всего класса.

Каждый долженъ былъ взять другаго за руку, чтобы образовать цѣпь.

Когда старшій Л., сидѣвшій около долговязаго К., обязанъ былъ взять его руку, этотъ негодяй состроилъ такое лицо, какъ будто вынужденъ былъ прикоснуться къ жабѣ, и быстро отдернулъ свою руку.

Л. отпрянулъ отъ него и сѣлъ на мѣсто; кровь залила ему все лицо.

Въ то же мгновеніе младшій Л. вскочилъ съ своего мѣста и пересѣлъ на его мѣсто, рядомъ съ К., схватилъ его руку, сжалъ ее съ нечеловѣческой силой и кинулъ его на скамью такъ, что мерзавецъ громко закричалъ отъ боли.

Тогда К. схватилъ малыша за горло и вотъ началась у нихъ тутъ же, на урокѣ, расправа.

Преподаватель, все еще возившійся около своей машины, подбѣжалъ къ нимъ теперь съ развѣвающимися фалдами своего фрака:

— Ну, ну, однако! кричалъ онъ.

Это былъ старый человѣкъ, въ присутствіи котораго мы не чувствовали особеннаго страха.

Бойцы такъ вцѣпились другъ въ друга, что ихъ невозможно было рознять, не смотря на стоявшаго тутъ преподавателя.

— Какое непослушаніе! взывалъ онъ:— какое непослушаніе! Извольте сейчасъ же прекратить эту драку!

К. состроилъ физіономію, которою хотѣлъ выразить, что онъ тутъ не причемъ.

— Это Л. II-й началъ, сказалъ онъ: — хотя я ему рѣшительно ничего не сдѣлалъ.

Маленькое Л. стояло вытянувшись на своемъ мѣстѣ, ибо мы всегда должны были стоять, когда къ намъ обращался учитель. Съ висковъ текли у него тяжелыя, крупныя капли пота; онъ не проронилъ ни одного слова; онъ такъ стиснулъ зубы, что мускулы его челюсти обозначились на его худенькомъ личикѣ. При словахъ К., по его лицу пробѣжала улыбка — подобной улыбки я никогда еще не видалъ.

Старый учитель началъ длинную рѣчь съ великолѣпно округленными періодами о таковомъ неслыханномъ непослушаніи, говорилъ о безднѣ врожденной грубости, на которую указываетъ подобное поведеніе и т. д. Мы ему не мѣшали. Наши мысли витали около маленькаго Л. и долговязаго К.

И лишь только кончился урокъ и преподаватель вышелъ за дверь, какъ изъ задняго конца комнаты черезъ весь классъ, полетѣла въ сторону К. толстая книга, прямо въ его башку. И когда онъ въ бѣшенствѣ обернулся къ покусителю, въ него полетѣла изъ другаго конца еще одна книга, и общій ревъ оглушилъ К.: „Бей его! бей его!“ Весь классъ кинулся черезъ парты и скамейки къ долговязому К.—и потрепали же шкуру этому мерзавцу!..

Старый полковникъ усмѣхнулся съ злымъ удовольствіемъ и взглянулъ на свою руку, лежавшую все еще сжатой въ кулакъ на столѣ.

— И я помогалъ, сказалъ онъ: — здорово помогалъ, могу сказать!

Казалось, его руки забыли, что стали теперь на пятьдесятъ лѣтъ старѣе; чувствовалось по нервному движенію его пальцевъ, что этотъ кулакъ въ воображеніи полковника еще разъ прогуливался по тѣлу долговязаго К.

— Какъ всѣ люди такого рода, разсказывалъ онъ дальше: — этотъ К. былъ мстительной, злопамятной, подлой канальей. Ему болѣе по душѣ, видите ли, было бы пойти еще теперь къ директору и предательски разсказать ему всю исторію. Но онъ боялся насъ — онъ былъ подлый трусъ.

Однако онъ все же никогда не могъ забыть того, что изъ-за маленькаго Л. весь классъ его побилъ.

Ю. И. ФЕДДЕРСЪ,

профессоръ пейзажной живописи.

Автотипія Эд. Гоппе. Съ фотографіи А. И. Пазетти.

По поводу тридцатилѣтія художественной дѣятельности.

Однажды въ послѣобѣденный рекреаціонный часъ кадеты отправились гулять на дворъ; братья были, какъ всегда, вмѣстѣ; долговязый К. рука объ руку гулялъ съ двумя кадетами.

Чтобы попасть изъ каре-дворика на другой дворъ, обсаженный деревьями, нужно было проходить подъ узкимъ порталомъ, который велъ изъ примыкавшаго флигеля къ главному зданію, и существовало распоряженіе, воспрещавшее кадетамъ проходить здѣсь рука объ руку, дабы не сталкиваться съ идущими обратно.

Послѣ обѣда случилось, однако, такое несчастье, что К., проходя со своими двумя товарищами изъ каре-дворика на слѣдующій, встрѣтилъ обоихъ братьевъ, которые шли рядомъ, забывъ по разсѣянности разъединиться.

Не смотря на то, что вся исторія его не касалась, долговязый К. тотчасъ остановился, выпучилъ глаза и началъ орать на братьевъ: „Что это значитъ“, проговорилъ онъ: „что вы идете здѣсь вмѣстѣ? Или вы хотите преградить путь честнымъ людямъ, вы — воришки?“

Полковникъ прервалъ разсказъ.

— Прошло этому пятьдесятъ лѣтъ, сказалъ онъ: и все-таки я помню все, какъ будто это происходило вчера.

Я шелъ какъ разъ съ двумя другими кадетами по каре-дворику — и мы услыхали изъ подъ портала крикъ — я рѣшительно не могу описать этого крика, — если тигръ или другой дикій звѣрь освободится изъ клѣтки и кинется на человѣка — развѣ только тогда вы услышите подобный крикъ.

Это было до того ужасно, что мы трое выпустили руки другъ друга и стояли, какъ вкопанные. И не только мы, а всѣ гулявшіе по каре-дворику остановились и все смолкло разомъ. Затѣмъ всѣ, кто только могъ бѣгать, кинулись въ карьеръ къ порталу; съ другаго двора тоже стекались кадеты и у портала образовалась цѣлая толпа. Конечно, и я былъ среди этой толпы и что же я увидѣлъ?

Маленькій Л. вцѣпился въ долговязаго К., какъ дикая кошка. Лѣвой рукой онъ повисъ на его воротникѣ, такъ что чуть не задушилъ долговязаго негодяя, а правымъ кулакомъ — трахъ, трахъ, трахъ — ударялъ его прямо по физіономіи до такой степени, что у К. кровь ручьемъ хлынула изъ носа.

Явился, конечно, дежурный офицеръ, прибѣжавшій изъ другаго двора и сталъ проталкиваться сквозь толпу кадетъ.

— Л. II-й, извольте сію минуту перестать! закричалъ онъ громовымъ голосомъ: — это былъ здоровый дѣтина и обладалъ такимъ горломъ, что мы слышали его съ одного конца корпуса въ другомъ; мы питали къ нему необыкновенный страхъ.

Но маленькое Л. ничего не слыхало, ничего не видѣло, а продолжало бить по лицу К., и этотъ ужасный крикъ, потрясавшій насъ съ головы до ногъ, все еще продолжалъ раздаваться.

Офицеръ, видя, что его окрики не помогаютъ, схватилъ мальчика за оба плеча и съ силой оторвалъ его отъ К.

Лишь только Л. очутился на ногахъ, глаза его закатились, и онъ въ сильныхъ судорогахъ упалъ на землю.

Мы никогда ничего подобнаго не видали и стояли въ полномъ недоумѣніи и ужасѣ.

Офицеръ, нагнувшись къ нему, сказалъ: „у мальчика страшныя судороги, живо — двое берите его за ноги!“ Самъ онъ взялъ его подмышки, промолвивъ: „скорѣе въ лазаретъ!“

Итакъ, отнесли мы маленькое Л. въ лазаретъ.

Пока его уносили, мы подошли къ старшему Л., чтобы узнать—изъ-за чего все это произошло, и онъ съ двумя другими кадетами, сопровождавшими К., разсказалъ намъ всю эту исторію.

Долговязый К. стоялъ, какъ избитая собака, и утиралъ кровь, текущую изъ носа; и, не будь этого обстоятельства, ему ничто не помогло бы, и мы бы его вторично избили. Теперь же мы молча отходили отъ него; никто больше ему не говорилъ ни слова: онъ былъ теперь „отверженный“.

Крышка стола задрожала, старый полковникъ ударилъ по ней кулакомъ.

— Сколько времени другіе его держали въ опалѣ, сказалъ онъ, — я не знаю. Я же сидѣлъ съ нимъ еще цѣлый годъ въ классѣ и больше не говорилъ съ нимъ ни слова; мы были одновременно съ нимъ выпущены въ армію подпрапорщиками. Я ему не подалъ руки на прощанье; я не знаю — былъ ли онъ произведенъ въ офицеры; я никогда не встрѣчалъ его имени въ приказахъ; не знаю—убитъ ли онъ въ какомъ нибудь сраженіи, живъ ли еще, или умеръ — для меня онъ не существовалъ и не существуетъ... Единственно, что мнѣ больно, это то, что въ моей жизни встрѣтился я съ такимъ человѣкомъ и что не могъ вырвать и выбросить его изъ своей памяти, какъ бросаютъ въ огонь сорную траву!

Зловѣщія новости приходили изъ лазарета на слѣдующій день: маленькое Л. лежало безъ сознанія въ нервной горячкѣ. Послѣ обѣда позвали туда старшаго брата, но мальчикъ не узнавалъ его больше.

А вечеромъ, когда мы сидѣли въ огромной столовой за ужиномъ, по залѣ, какъ зловѣщая черная птица, пронесся слухъ, что маленькое Л. скончалось.

Когда мы вернулись изъ столовой въ роту, то увидѣли у дверей ротной залы ротнаго командира; мы должны были зайти въ залу, и здѣсь онъ сказалъ намъ, что нашъ маленькій товарищъ Л. II-й сегодня вечеромъ уснулъ, чтобы никогда болѣе не просыпаться.

Ротный командиръ былъ очень хорошій человѣкъ — въ 1866 году онъ палъ, какъ храбрый герой — онъ любилъ своихъ кадетъ, и, когда онъ дѣлалъ намъ это печальное сообщеніе, онъ долженъ былъ смахнуть слезу со своей бороды. Затѣмъ онъ приказалъ намъ сложить на молитвы руки; одинъ изъ насъ выступилъ впередъ и громко передъ всѣми прочиталъ „Отче Нашъ“...

Полковникъ поникъ головой.

— Тутъ я въ первый разъ почувствовалъ, сказалъ онъ: — какая чудная молитва „Отче Нашъ“.

Ну, и вотъ на слѣдующій день отворилась дверь, ведущая изъ лазарета на гимнастическій дворъ, несчастная, роковая дверь!

Мы должны были спуститься на лазаретный дворъ и еще разъ увидѣть нашего покойнаго товарища.

Гулко раздавались по двору наши шаги; мы вошли; никто не говорилъ ни слова; слышно было только наше тяжелое дыханіе.

Тамъ лежало наше маленькое Л., наше бѣдное маленькое Л.

Лежалъ онъ въ своей бѣлой рубашечкѣ, сложивъ на груди свои руки; бѣлокурый завитокъ волосъ спускался на его бѣлый, какъ воскъ, лобикъ; щеки до того впали, что его хорошенькій задорный носикъ выдался далеко впередъ, а на лицѣ его покоилось выраженіе... выраженіе...

Старый полковникъ смолкъ; отрывистый вздохъ вырвался изъ его груди.

— Я сдѣлался старикомъ, вдругъ сказалъ онъ: — я видѣлъ людей, поковшихся на полѣ битвы; людей, у которыхъ на лицѣ написана была нужда или отчаяніе... но такой душевной муки, которая была на лицѣ этого ребенка — я никогда болѣе не видѣлъ... нѣтъ.. никогда.

Продолжительное молчаніе водворилось въ погребкѣ, въ которомъ мы сидѣли. Когда старый полковникъ умолкъ, виноторговецъ тихо вышелъ изъ своего угла и зажегъ надъ нами газовый рожокъ.

Совершенно стемнѣло.

Я взялся за бутылку, но она была почти пуста, только одна слезинка выкатилась оттуда—послѣдняя капля благороднаго, краснаго какъ горячая кровь, напитка.

Стихотвореніе

СОНЕТЪ

Изъ А. Мюссе

> Non, quand bien même une amère souffrance
> Dans ce coeur m rt pourrait se ranimer etc.

Пусть снова горькое страданье
Въ отжившемъ сердцѣ оживетъ,
Пусть снова робко расцвѣтетъ
И вдругъ завянетъ упованье!

Пусть красоты очарованье,
Дитя, меня къ тебѣ влечетъ,
Но пыла страсти не зажжетъ,
Души невинной обаянье!

Во дни же счастья и невзгоды,
Когда въ слезахъ уходятъ годы,
Когда любви томитъ недугъ —

Твое блаженство я и муку
Пойму, и протяну я руку
Тебѣ какъ братъ, какъ вѣрный другъ...

У СВЯТЫХЪ ВОРОТЪ

Разсказъ странницы

Сама это, тоись можно сказать, на себѣ испытала. Потому: если ты съ вѣрою и опять христьянинъ—всякое чудо Господь Богъ тебѣ содѣлаетъ; вотъ что, милая! Молодая я еще была, а ужъ въ замужествѣ. Двое дѣточекъ у меня было, домъ полная чаша и мужъ красавецъ. Кузнечному мастерству былъ обученъ. Славный кузнецъ былъ. Семеномъ звали, и служилъ онъ, милая ты моя, на усадьбѣ, въ кузницѣ. Первый мастеръ былъ, одного жалованья деньгами пятнадцать рублей приносилъ да еще натурою: сѣно, рожь, овесъ, всякое что ни на есть продовольство, а я огородъ запахивала; жили мы, прямо скажу тебѣ, лучше волостнаго писаря, а ужъ на что былъ хозяйственный человѣкъ!

И случись тутъ дѣло неладное. Въ усадьбѣ-то была фабрика, да сгорѣла. Стояла она у насъ, надо полагать, годовъ десять, совсѣмъ развалющая... Только пріѣхалъ на усадьбу новый управляющій и сейчасъ задумалъ на этомъ мѣстѣ заводъ строить, чтобы, значитъ, вино курить. Задумалъ это,—да всѣхъ рабочихъ на усадьбѣ на погорѣлую фабрику послалъ— растаскивать все, а напрежде всего трубу валить. А какъ ее сломишь, страшенную? Семенъ-то мой, одначе, сичасъ и придумалъ. Взберусь, говоритъ, это я кверху, опояшу ее веревкою и два конца книзу брошу. Возьмемся этто мы, говоритъ, за веревки человѣковъ по восьми—и потянемъ. Она, значитъ, безпремѣнно свалится. Выслушалъ его управляющій и говоритъ: хорошо это. Помогай вамъ Богъ!

На другой день собралися всѣ, тоись рабочіе, Семенъ наверхъ полѣзъ, веревки устроилъ; все какъ говорилъ, такъ и вышло. Почитай вся деревня собралась смотрѣть, какъ это труба будетъ падать. И вдругъ этто зашаталась она разъ, другой... „Бѣги, ребята!“ крикнулъ Семенъ, да такъ-то весело, голубь мой, крикнулъ! Всѣ въ стороны отбѣжали и тутъ загудѣло, застопало въ воздухѣ, а потомъ какъ громыхнетъ! Упала труба, и огромное облако пыли да мусору отъ земли поднялось. Туча цѣлая. Вдругъ бѣжитъ это прямо на меня Семенъ мой, руками лицо закрылъ и не своимъ голосомъ кричитъ: „братцы, водицы мнѣ“. Подбѣжала я къ нему. „Семенъ, что съ тобою, милый?“ А онъ все свое: „воды да воды“ и руки отъ лица не отнимаетъ. Тутъ его всѣ окружили. Спрашиваютъ, а я такъ бѣгомъ домой за водой побѣжала. Вернулась этто и опять спрашиваю, что съ нимъ. „Да какъ стоялъ — говоритъ — отъ трубы-то поднялась пыль это всякая да прямо мнѣ въ глаза и запорошило“. Едва отмылъ глаза-то. Красные такіе сдѣлались, припухли!

Съ этого и пошло. На другой день глаза красные, на третій—тоже. Однако все же работалъ. Только это разъ легъ онъ послѣ обѣда, проснулся на работу идтить, да какъ вдругъ закричитъ: „Арина!“ Я и свѣту не взвидѣла, такимъ голосомъ закричалъ онъ. Чего? говорю. „Арина, — закричалъ онъ съизнова—я не вижу!“ Чего не видишь? спрашиваю. „Ничего не вижу!“ сказалъ онъ это, милый ты мой, да и заплакалъ, ровно малый ребеночекъ... Лежитъ онъ глаза раскрымши. Глаза красные, вздутые, слезы изъ нихъ такъ и бѣгутъ, такъ и бѣгутъ. Неужли-жъ и меня не видишь? „Пятно — говоритъ — какое-то и ничего больше!..“

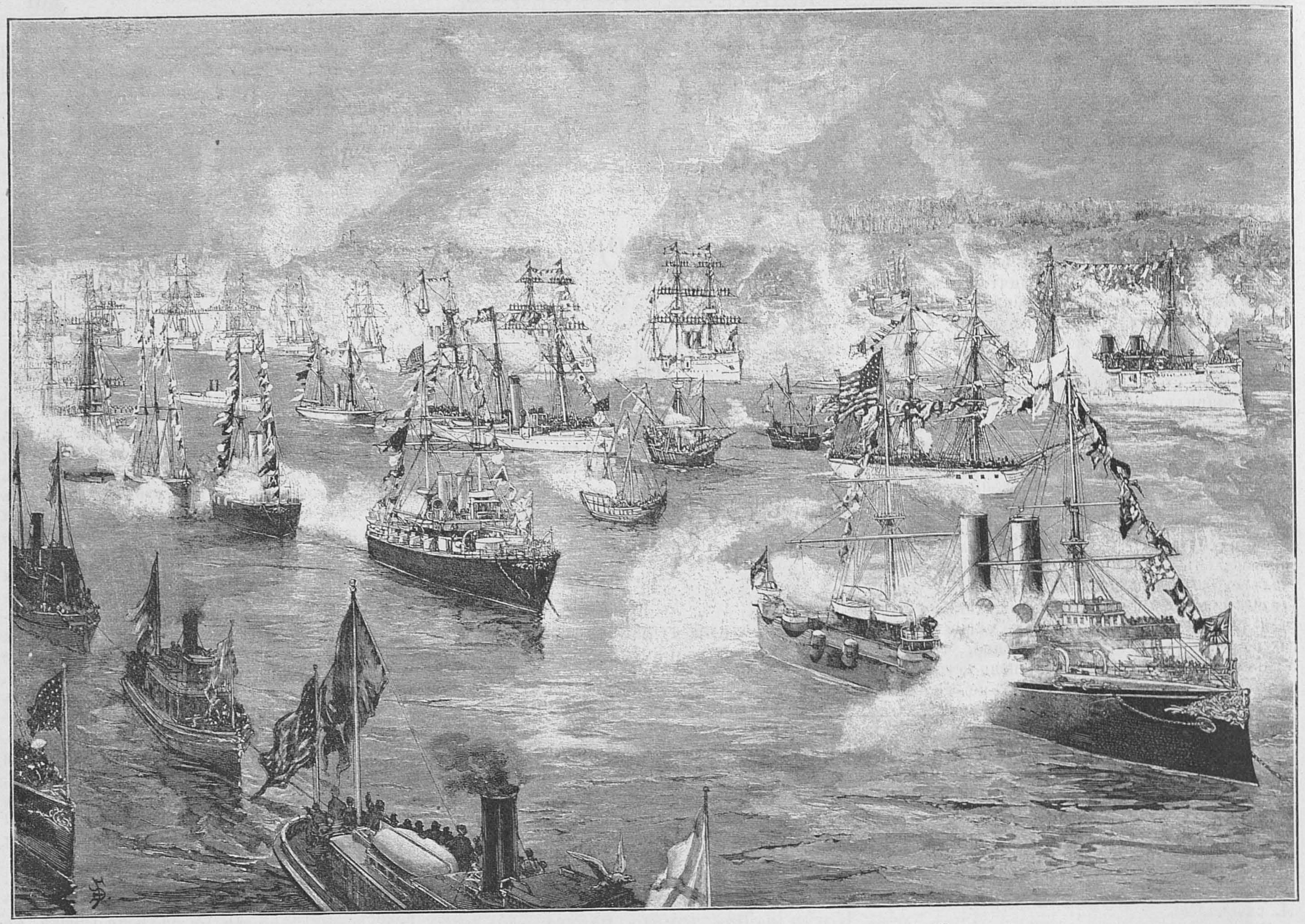
На другое утро пошла я къ управляющему. Онъ фершала прислалъ. Да тотъ ничего не помогъ. Поѣзжай ты съ нимъ въ городъ, къ дохтуру, говоритъ мнѣ управляющій. Денегъ далъ. Поѣхали мы. Дохтуръ это осмотрѣлъ, да и головой покачалъ: засорилъ известкой, говоритъ, и во-время не стрянулся. Прописалъ капельки какія-то, чтобы ихъ въ глаза пущать, и велѣлъ безпремѣнно, чтобы на другую недѣлю опять пріѣхать. Стали этто мы капельки въ глаза пущать да въ городъ ѣздить. Такъ всю зиму промаялись, а толку нѣтъ. До бѣдности дошли: животы продавать стали. Я-то тоскую, а Семенъ такой сердитый, больше на лавкѣ лежитъ да на всѣхъ цыкаетъ. Ребятки-то со страху по уголкамъ жмутся...

И не вѣсть, сколько бы я промаялась, еслибы вдругъ по ранней веснѣ не зашла ко мнѣ странница Божья. Остановилась это она у меня и сейчасъ намъ словно спокойнѣе стало. Много она тутъ намъ чудеснаго да божественнаго говорила... И про далекій Соловецкій монастырь, и про богатую Сергіевскую пустынь, и про пещеры кіевскія; говорила про святыхъ мучениковъ, про араповъ, про Іордань рѣку и про святой градъ Іерусалимъ, а потомъ и сказала: „Дохтуры да фельдшеры разные ваши—это все пустое. Ничего отъ нихъ проку не будетъ. А ты вотъ что, мать моя, пойдемъ-ка мы съ тобою въ Епифаньскую обитель, всего-то она верстъ можетъ двѣсти отъ васъ, помолимся мы тамъ угодникамъ, да возьми ты отъ могилы старца (великій старецъ тамъ былъ: многихъ исцѣлилъ и разныя чудеса дѣлалъ) горсть земли, да той святой земли, съ водой замѣшавши, прикладывай къ глазамъ Семена твоего“. Словно все нутро она во мнѣ этими рѣчами перевернула. Ожила я душою, радостная такая стала. Отпусти — говорю — Семенъ! Можетъ, Господь и смилуется.

— Иди! Въ добрый часъ... говоритъ онъ, а у самаго слезы по щекамъ текутъ.

Истинно, что въ добрый часъ. Побѣжала я сейчасъ на деревню, тамъ у насъ Мароуша бобылка жила. Упросила ее къ намъ перейти на время-то, собрала мѣшочекъ, палочку въ руки, да и пошла за странницей. Весна это только что зачиналась. Овсы у насъ сѣяли. Солнышко ласково такъ-то грѣетъ, ручейки бѣгутъ по дорогѣ. Хорошо на душѣ у меня. Сподоблюсь милости Господа—думаю и весело

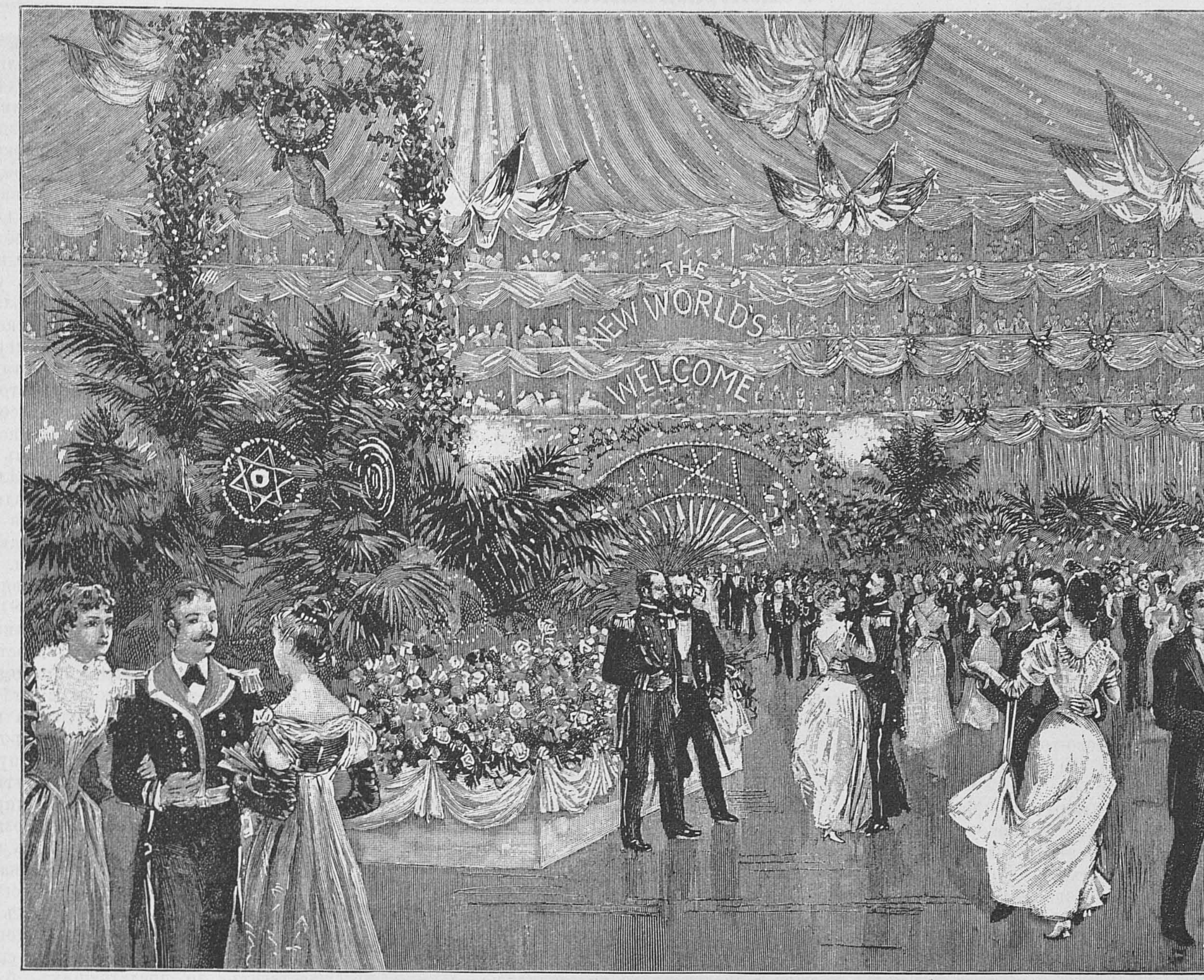
»Дельфинъ«, слѣдующій за каравеллами. »Филадельфія«.



»Дмитрій Донской«. »Тартаръ«. »Мажисьенъ«. »Австралія«. Каравеллы. Блэкъ.

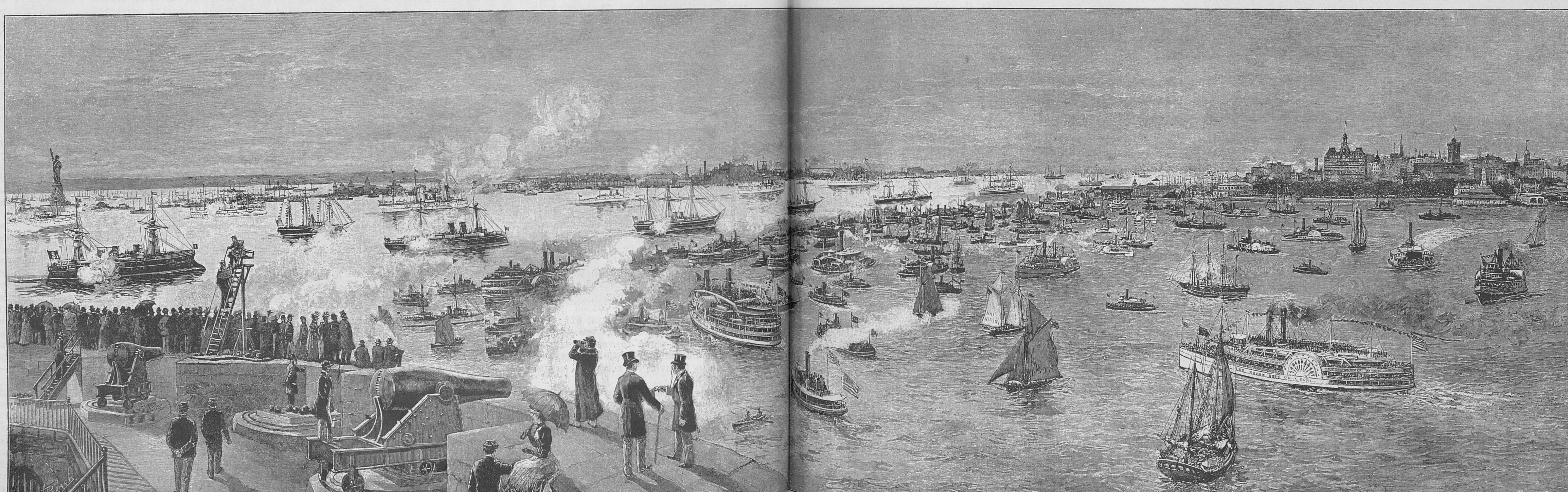
Большой морской смотръ. Обходъ американскимъ президентомъ иностранныхъ судовъ на пароходѣ »Дельфинъ«.

Рисунокъ съ натуры Франка Г. Шелль.



Балъ въ честь моряковъ въ мадисоновскомъ скверѣ, въ Нью-Іоркѣ, 15-го (27) апрѣля с. г.

Рисунокъ съ натуры Виктора Перара.



Наканунѣ большого морского смотра. — Флотъ, проходящій мимо форта Уилльямъ къ рѣкѣ Гудзонъ. Рисунокъ Виктора Перара.

Соединенные Штаты Сѣверной Америки. — Большая Колумбова выставка въ Чикаго.

иду за своей странницей... Съ того раза и полюбила я ее странствія. Вотъ уже сколько лѣтъ хожу съ ней отъ однихъ угодниковъ Божіихъ къ другимъ, по святымъ монастырямъ на поклоненіе. Ну, идемъ мы, милая моя, идемъ такъ-то день, другой; недѣлю идемъ, другую, и все меня больше и больше тоска и жуть разбираетъ. Думаю я о своихъ ребяткахъ, о Семенѣ, какъ онъ мучится... А кругомъ такъ-то радостно. Травка пошла вездѣ, деревья зазеленѣли. „Какъ есть къ св. Троицѣ подоспѣемъ", говоритъ моя странница — и опять мнѣ радостно. Хорошъ этотъ праздникъ. Храмъ весь въ зелени, деревья всѣ въ зелени, все радостно, все веселится, и птички такъ-то звонко поютъ. Бывало нарву я травы, нарѣжу зеленыхъ вѣточекъ и всю избу, какъ есть, застелю ими. Духъ пойдетъ по избѣ: ровно въ лѣсу! Хорошо поспѣть бы къ празднику! говорю я. „Безпремѣнно, какъ есть, придемъ", говоритъ странница. И вправду къ третьей недѣлѣ и говоритъ она: „Видишь, свѣтлѣется!" Глянула я... Такъ мое сердце и замерло. Горятъ, словно жаръ, кресты церковные, словно лѣсъ зеленѣютъ крыши желѣзныя. Сподобилась! сподобилась! говорю. А завтра-то и св. Троица! какъ есть и подошли...

Вотъ къ вечеру и монастырь показался. Народъ-то, который по полю разсѣялся, который въ церковь ушелъ. Одинешеньки подошли это мы къ воротамъ святымъ и стали. Ноги-то у меня и не двигаются. Сзади далеко народъ гудитъ, съ неба таково-то сладко колокола звонятъ. Смотрю я на святыя ворота, и всѣ-то онѣ расписаны. Вижу на нихъ я лики святыхъ, вижу и ликъ Владычицы, Матери Божіей... Солнышко-то сѣло, сумерки, и кажется мнѣ въ сумеркахъ-то этихъ словно зовутъ они, святители, меня къ себѣ, словно мнѣ и улыбаются, и руки протягиваютъ. Вздрогнула я вся, упала на земь и стала горько плакать, а странница меня за руку тянетъ. „Идемъ,— говоритъ,— всенощную отстоимъ"...

Ну и помолилась же я тогда, милая ты моя! И помолилась, и землицы отъ могилы старца святаго взяла, и такая-то свѣтлая, радостная домой пошла. Дома-то миръ и любовь. Обѣдняли мы только. Стала я Семена святою землицей пользовать, и помогла эта землица. Словно бы чище глаза становиться стали. А что дальше, то и больше видѣть онъ началъ. Возблагодарила я Господа и обѣтъ такой дала: кажинный годъ святыя мѣста ко дню св. Троицы посѣщать. Много годковъ прошло, много воды утекло. Нашла на село наше болѣзнь лихая: померли мои дѣтки, померъ и Семенъ мой. Продала я избенку нашу, землицу и все добро—и съ тѣхъ поръ странницей Божіей навсегда сдѣлалась.

А. Заринъ.

ПОЛИТИКА

10 (22) мая 1893 г.

Извѣстія, появившіяся въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" къ концу прошлой недѣли, оповѣщали о скоромъ отъѣздѣ изъ Крыма Государя Императора, Государыни Императрицы и ихъ Августѣйшаго семейства. Въ Москвѣ уже идутъ дѣятельныя приготовленія къ прибытію Ихъ Величествъ въ нашей первопрестольной столицѣ и къ торжественной закладкѣ памятника въ Бозѣ почивающему Императору Александру II, которая ожидается въ день десятой годовщины священнаго коронованія Ихъ Величествъ. На прошлой недѣлѣ царственные гости Крыма выѣхали изъ Ливадіи въ Ялту, а оттуда отправились въ Севастополь на броненосцѣ Синопъ, сопровождаемомъ судами черноморской эскадры. Въ Севастополѣ ожидался Высочайшій смотръ черноморскаго флота, послѣ котораго и должна была состояться поѣздка Ихъ Величествъ въ Москву, къ высокоторжественному дню 15-го мая.

Конецъ прошлой недѣли ознаменовался также у насъ появленіемъ въ „Вѣстникѣ Финансовъ" статьи, служащей какъ бы отвѣтомъ на разнообразные толки иностранной печати о мѣрахъ, принимаемыхъ у насъ для обузданія спекуляціи съ кредитнымъ рублемъ, направленной къ подрыву довѣрія западныхъ финансовыхъ кружковъ къ этому кредитному знаку. Наше министерство финансовъ, какъ извѣстно, очень энергически ведетъ борьбу противъ упомянутой спекуляціи, главнымъ очагомъ и центромъ которой была всегда берлинская биржа. Германскіе финансисты, нажившіе огромныя деньги игрою на нашу валюту, пробуютъ противодѣйствовать осуществленію программы нашего министерства финансовъ угрозами вызвать „потрясеніе" въ русской финансовой и торговой жизни. Статья „Вѣстника Финансовъ" заявляетъ имъ въ отвѣтъ, что усилія ихъ пропадутъ даромъ и никакихъ уступокъ сдѣлано имъ не будетъ. Прекратить спекулятивную игру съ русскими денежными знаками признано безусловно необходимымъ, и мѣры, принимаемыя съ этой цѣлью, будутъ неукоснительно приводиться въ дѣйствіе и впредь. Направленныя исключительно противъ спекулятивныхъ сдѣлокъ, онѣ отнюдь не распространяются и не будутъ распространяться на тѣ сдѣлки съ валютою, въ основѣ которыхъ лежитъ реальный торговый оборотъ, и, слѣдовательно, въ сферѣ торговыхъ отношеній никакого неблагопріятнаго вліянія имѣть не могутъ.

Это заявленіе „Вѣстника Финансовъ", слѣдуя за цѣлыми недѣлями, въ теченіе которыхъ заграничный курсъ нашего кредитнаго рубля оставался весьма твердымъ, несмотря на совершавшіяся въ Германіи событія, которыя въ другое время навѣрно уронили бы этотъ курсъ, должно повліять очень благопріятнымъ образомъ на серьезные денежные и торговые кружки, сознающіе какъ нельзя лучше—до какой степени стѣснительна для нихъ многолѣтняя зависимость петербургской биржи отъ биржи берлинской.

Въ Германіи вся минувшая недѣля прошла въ начавшихся съ перваго ея дня приготовленіяхъ къ общимъ выборамъ въ рейхстагъ, до которыхъ остается, въ то время, когда мы пишемъ эти строки, всего уже только 23 дня. Самою характерною чертою наступившаго избирательнаго періода надо признать то непосредственное и дѣятельное личное участіе, которое принимаетъ въ избирательной борьбѣ императоръ Вильгельмъ II. Не удовольствовавшись извѣстною рѣчью, произнесенною имъ послѣ военнаго смотра на темпльгофскомъ полѣ, германскій государь вернулся еще разъ къ вопросу о военной реформѣ въ застольномъ спичѣ, сказанномъ имъ на банкетѣ въ Герлицѣ, послѣ открытія памятника императору Вильгельму I. На этотъ разъ онъ прямо объявилъ, что содѣйствовать усиленію численности имперской арміи составляетъ священную патріотическую обязанность для всѣхъ нѣмцевъ безъ различія партій, потому что только этимъ способомъ можетъ быть обезпечено дальнѣйшее существованіе германской имперіи.

Внутреннія политическія событія, происходившія на прошлой недѣлѣ въ Австро-Венгріи, представляли какой-то хаотическій характеръ. Венгерское министерство Векерле встрѣчаетъ энергическій отпоръ со стороны ультро-мадьярской оппозиціи сейма въ такъ называемыхъ „церковно-политическихъ законахъ", противъ которыхъ сверхъ того уже высказалась венгерская палата магнатовъ. Въ Богеміи младо-чехи довели дѣло до закрытія тамошняго сейма умышленно устроенными ими громаднымъ скандаломъ на преніяхъ о нѣмецкихъ судебныхъ округахъ. Проектъ учрежденія этихъ округовъ остался неразсмотрѣннымъ сеймомъ, и уже ходятъ слухи о томъ, что въ Вѣнѣ собираются вручить управленіе Богеміи военному императорскому намѣстнику. Все это составляетъ очень плохое предисловіе къ засѣданіямъ делегацій и вообще къ возстановленію правильнаго хода государственной жизни двуединой монархіи Габсбурговъ.

Въ Англіи палата общинъ приняла уже послѣ продолжительныхъ и страстныхъ преній двѣ первыя статьи ирландскаго билля Гладстона. Вопросъ о существованіи отдѣльнаго ирландскаго парламента рѣшенъ такимъ образомъ окончательно, но до третьяго чтенія билля остается все-таки еще очень далеко. Пренія о слѣдующихъ его статьяхъ отложены до 18 (30) мая и затянутся, вѣроятно, вплоть до половины іюля. Въ благопріятномъ для правительства исходѣ ихъ тѣмъ не менѣе нельзя повидимому сомнѣваться. Враждебная ирландской автономіи оппозиція начинаетъ уже обнаруживать нѣкоторое утомленіе. Правительственное большинство все растетъ и растетъ—не потому, чтобы на сторону билля переходили понемногу его противники, а потому, что въ послѣднихъ засѣданіяхъ консерваторовъ и унионистовъ оказывается въ палатѣ все менѣе и менѣе сравнительно съ числомъ присутствующихъ либераловъ. Перевѣсъ голосовъ на сторонѣ Гладстона, выражавшійся сначала цифрами 42—45, уже перешелъ въ послѣдніе дни за цифру 50. Это — признакъ весьма характерный для всякаго, кто хорошо знакомъ съ англійскими парламентскими нравами.

Во Франціи министерство Дюпюи внесло въ палату депутатовъ бюджетъ на 1894 годъ, съумѣвъ представить его безъ дефицита, не прибѣгая къ новымъ налогамъ, а достигнувъ равновѣсія единственно путемъ сокращенія расходовъ и переносомъ нѣкоторыхъ статей дохода изъ экстраординарнаго бюджета въ бюджетъ ординарный. Доживающимъ срокъ своихъ законодательныхъ полномочій депутатамъ дана такимъ образомъ возможность утвердить бюджетъ на слѣдующій годъ, не компрометируя себя передъ избирателями ни сознаніемъ безсилія выполнить остающуюся имъ по конституціи задачу, ни согласіемъ на финансовыя мѣры, увеличивающія податныя тягости націи. Во французскихъ политическихъ кружкахъ распространяется вслѣдствіе этого мнѣніе, что нынѣшнее правительство спокойно просуществуетъ до предстоящихъ будущею осенью общихъ выборовъ, которые и произойдутъ подъ его руководствомъ. Оппозиціонныя партіи, повидимому, начинаютъ мириться съ этою перспективою и сосредоточиваютъ всю свою дѣятельность на приготовленіяхъ къ избирательной борьбѣ. На этихъ дняхъ получено извѣстіе, что нѣкоторые изъ выдающихся бонапартистскихъ депутатовъ, именно гг. Делафасъ. Кюнео д'Орнано, Жолибуа и др., намѣрены выступить съ программой такъ называемой „плебисциторной республики", т. е. съ требованіемъ, чтобы президентъ республики избирался не палатами, а народнымъ голосованіемъ и имѣлъ сверхъ того право обращаться къ этому голосованію въ случаѣ неодобренія имъ законодательной мѣры, утвержденной палатою депутатовъ и сенатомъ. Монархисты тоже приготовляются дѣятельно къ избирательной борьбѣ, и ихъ глава, графъ Парижскій, выступитъ, вѣроятно, съ обращеніемъ къ народу. Трудно ожидать однако же, чтобы всѣ эти попытки повліяли на слишкомъ очевидное нежеланіе громаднаго большинства избирателей замѣнить нынѣшній государственный порядокъ вещей какимъ нибудь другимъ.

Въ Италіи конецъ прошлой недѣли ознаменовался весьма неожиданно министерскимъ кризисомъ. Министерство Джіолитти осталось въ палатѣ депутатовъ въ меньшинствѣ на преніяхъ о бюджетѣ министерства юстиціи и немедленно же подало въ отставку. Въ то время, когда мы пишемъ эти строки, еще совершенно неизвѣстно—кому поручитъ король Гумбертъ составленіе новаго кабинета.

Юный сербскій король Александръ I встрѣтился на прошлой недѣлѣ въ Кладовѣ со своею царственною родительницею, королевою Наталіею. Событіе это принято въ Сербіи съ живѣйшею радостью и остается теперь узнать—какъ повліяетъ оно на результатъ предстоящихъ выборовъ въ скупщину.

Въ Греціи министерскій кризисъ кончился образованіемъ внѣпарламентскаго министерства Сотиропуло-Ралли, о началѣ правительственной дѣятельности котораго покамѣстъ мы не имѣемъ еще никакихъ свѣдѣній.

Нью-Іоркъ. — Смотръ морякамъ на сушѣ. Англійскіе моряки, проходящіе по 5-му авеню.

Рисунокъ съ натуры Г. Тульструпа.

Соединенные Штаты Сѣверной Америки. — Большая Колумбова выставка въ Чикаго.

Принцъ Георгъ Іоркскій и Викторія-Марія Тэкъ, его невѣста

Недавно въ Англіи оффиціально объявлено о помолвкѣ „принца-матроса“, предполагаемаго наслѣдника англійскаго престола, принца Георга, графа Іоркскаго, съ прекрасной принцессой Маріей Тэкъ, бывшей невѣстой, скончавшагося въ январѣ 1892 г. брата его, герцога Кларенскаго. Подробныя біографическія свѣдѣнія о принцѣ Георгѣ и о Маріи Тэкъ были уже помѣщены во „Всемірной Иллюстраціи“, а потому мы и ограничимся теперь только главными данными. Принцъ Георгъ (Фридрихъ-Эрнстъ-Альбертъ), герцогъ Іоркскій, графъ Инвернесъ, баронъ Килларней, родился 3-го іюня 1865 г., четырнадцати лѣтъ отъ роду поступилъ вмѣстѣ съ братомъ, въ качествѣ кадета, на корабль „Британія“ въ Дартмаузѣ, гдѣ и изучалъ теорію и практику морскаго дѣла, уже въ то время пріобрѣвъ большую популярность и симпатіи среди моряковъ. Мичманомъ онъ съ 1879 по 1882 г. находился въ кругосвѣтномъ плаваніи на корветѣ „Баккантъ“ и по окончаніи этого grand tour поступилъ въ 1883 г. въ знаменитую кембриджскую Trinity-College, а затѣмъ въ гейдельбергскій университетъ. По окончаніи университетскаго образованія онъ занимался въ гринвичской морской академіи и, выдержавъ экзаменъ на офицера, получилъ въ командованіе канонерскую лодку перваго класса „Thrush“, на которой совершилъ путешествіе въ Канаду въ 1885 г. Принцесса Викторія (Марія-Августа-Луиза-Ольга-Паулина-Клодина-Агнс-

са) Тэкъ, дочь герцога Тэкскаго и принцессы Маріи Кембриджской, болѣе извѣстная подъ именемъ „Майской принцессы“ (Мэй-Тэкъ), родилась въ Кенсингтонскомъ дворцѣ 26-го мая 1867 г. и слѣдовательно на два года старше своего нареченнаго жениха, которому она приходится троюродной сестрою. „Майская принцесса“ получила вполнѣ англійское воспитаніе въ Бѣломъ домѣ Ричмондскаго парка, гдѣ она провела свои дѣтскіе годы. Она отличная музыкантша, ловкая наѣздница и имѣетъ многія артистическія наклонности. Принцесса помимо всего помогаетъ матери въ дѣлахъ филантропіи. Королева Викторія питаетъ къ ней особенное расположеніе. Англійская печать очень симпатично относится къ этому браку принцессы Мэй-Тэкъ съ „принцемъ-матросомъ“.

Канунъ Троицына дня

Къ картинѣ Х. П. Платонова

Солнышко не только грѣетъ ласково, по весеннему, но и порядочно печетъ своими майскими лучами. Деревенская молодая красавица возвращается изъ лѣсу съ цѣлымъ снопомъ всевозможныхъ и болотныхъ, и лѣсныхъ травъ за плечами, съ полной корзинкой полевыхъ цвѣтовъ. Растрепались подъ пестрымъ платкомъ густые волосы на темнорусой головкѣ, пышетъ румянцемъ загорѣлое еще полудѣтское личико; хорошенькіе глазки смотрятъ весело и бойко. Бодро шагаетъ она впередъ, слегка сгибаясь подъ своей душистой ношей. Еще бы не быть ей бодрой: вѣдь это для нея не трудъ, а забава! Завтра веселый праздникъ весны, Троицынъ день, и красавица-дѣвушка уберетъ свою хату свѣжей зеленью, украситъ цвѣтами божницу, сдѣлаетъ букеты для себя и старушки-матери, которые обѣ онѣ отнесутъ по старинному обычаю въ церковь, въ ближнее село. И радостно на сердцѣ у дѣвушки. Ожиданіе завтрашняго праздника полно для нея какой-то таинственной, невѣдомой прелести, точно Троицынъ день принесетъ ей съ собою новое, еще неиспытанное, счастіе. Не даромъ она ожидала его съ такимъ нетерпѣніемъ, не даромъ поднялась сегодня съ зарею и такъ старалась угодить во всемъ своей взыскательной матери. Сама выгнала она скотину въ поле, помогала старухѣ мѣсить и печь хлѣбы, а когда, послѣ обѣда, убрала со стола и старики-родители прилегли отдохнуть въ клѣти, дѣвушка принялась усердно мыть и скоблить окна въ избѣ, полъ и дубовыя лавки, чтобы къ завтрашнему дню все, какъ говорится, блестѣло. Живо кончила она работу своими проворными, сильными руками и вотъ, прибравшись по дому, накинула на голову красный платочекъ, захватила корзинку, веревку да и въ лѣсъ. Славно идти босикомъ по мягкой, бархатистой травѣ, а въ лѣсу-то теперь, въ майскіе дни, благодать какая! Прохладно, тихо, просто и не вышелъ бы оттуда! Присѣла дѣвушка отдохнуть подъ кустикъ. Солнышко играетъ сквозь вѣтви деревьевъ на зеленой прогалинѣ; стрекочутъ кузнечики, жужжатъ неугомонные шмели и пчелы, чирикаютъ и щебечутъ пернатые обитатели лѣса, прилетѣвшіе на лѣто въ сѣверныя страны съ благодатнаго юга; тоскливо кукуетъ кукушка, дятелъ мѣрно стучитъ по стволу толстой осины. Проворная векша мелькаетъ среди зелени стараго высокаго дуба и шелеститъ сухими вѣтками... Хорошо дышется дѣвушкѣ на этомъ привольѣ. А цвѣтовъ-то, цвѣтовъ какое множество! Вскочила она и давай собирать желтые одуванчики, розовый клеверъ, ромашку, колокольчики... На берегу ручья притаились въ травѣ и влажномъ мху душистые ландыши, голубыя незабудки, пушки въ видѣ золотыхъ пышныхъ шариковъ. Дѣвушка только успѣвала наклоняться, чтобы срывать ихъ. Подоткнувъ сарафанъ, она забирается въ воду — надо же нарвать бѣлыхъ водяныхъ лилій, такихъ нарядныхъ со своей золотистой сердцевинкой, надо же нарѣзать молодаго тростника съ пушистыми головками! Вотъ ужъ у ней его цѣлая охапка, да и корзина полнехонька цвѣтами и зеленью. Дѣвушка перевязываетъ веревкой гибкіе стебли камыша, дѣлаетъ изъ нихъ большой снопъ, взваливаетъ себѣ на плечи, продѣваетъ руку въ веревочную петлю въ корзинѣ и, слегка согнувъ молодой станъ, спѣшитъ домой, веселая и счастливая. Не хочется ей разставаться съ привольемъ зеленаго лѣса, да нечего дѣлать — пора. Чу, ударили въ колоколъ ко всенощной на дальнемъ погостѣ! Гулко несется торжественный благовѣстъ, и еще сильнѣе трепещетъ отъ радости сердце деревенской красавицы. Завтра Троицынъ день! Ложатся косыя тѣни на дорогу, догораетъ тихій весенній вечеръ въ своей меланхолической красѣ... Дѣвушка прибавляетъ шагу; въ ея головкѣ роятся мечты о новомъ нарядѣ, который она надѣнетъ завтра къ обѣднѣ, о предстоящемъ семикѣ — дѣвичьемъ праздникѣ. И не сознаетъ это дитя природы, что ея свѣжая красота хороша и безъ наряда, что отъ нея самой пышетъ весеннимъ тепломъ, весенней нѣгой, что она такъ мила съ корзинкой цвѣтовъ въ загорѣлыхъ рукахъ и снопомъ тростника за плечами!..

Вѣра, Надежда, Любовь

Къ картинѣ Б. Плокгорста

Когда ты изнемогъ въ борьбѣ, среди сомнѣній,
Гони напрасный страхъ:
Вотъ предъ тобой съ крестомъ твой добрый геній
На облакахъ.
Съ груди твоей спадетъ тяжелый камень —
Вздохнешь вольнѣй,
Когда всесильной Вѣры чистый пламень
Затеплишь въ ней.
И если ты пойдешь своей дорогой
За Вѣрой вслѣдъ,
Страстей утишится твоихъ тревога
Подъ бурей бѣдъ.
А вотъ, къ груди младенца прижимая,
Посланница небесъ
Паритъ передъ тобой, какъ свѣтлый вѣстникъ рая,
Чтобъ духомъ ты воскресъ.
Какъ снѣгъ блистающій бѣлы ея одежды
И ясенъ ликъ:
Ты возрожденъ присутствіемъ Надежды
Въ единый мигъ.
Въ ея очахъ живой источникъ силы...
Куда бы ты ни шелъ,
Она твой вѣрный спутникъ до могилы
Среди всѣхъ золъ.
Передъ тобой еще одно видѣнье:
Съ огнемъ въ очахъ
Вся милосердіе, вся благость и прощенье
Съ улыбкой на устахъ.
И подъ крыломъ ея, полна живой отрады,
Душа трепещетъ вновь.
Предъ нею падаютъ земныя всѣ преграды —
Зовутъ ее Любовь.
Она разрушила грѣховъ людскихъ оковы
И побѣдила адъ,
И воскрешаетъ насъ нежданно къ жизни новой
Ея небесный взглядъ.

Александра Линдегренъ

Всемірная выставка въ Чикаго

III

Морской смотръ иностраннымъ судамъ въ Нью-Іоркѣ. — Статистическія цифры, относящіяся до выставки. — Взглядъ на увеселительную часть на выставкѣ. — Нѣчто о финансовой сторонѣ выставки. — Женскій отдѣлъ выставки. — Фигурныя цвѣточныя клумбы и группы въ паркахъ Чикаго.

Крупнѣйшимъ выставочнымъ торжествомъ послѣднихъ дней былъ морской смотръ, произведенный президентомъ Соединенныхъ Штатовъ соединенной эскадрѣ военныхъ судовъ, присланныхъ въ Нью-Іоркъ ради чествованія памяти 400-лѣтія со дня открытія Америки. Въ числѣ этихъ колоссовъ современнаго судостроительнаго искусства ютилась и копія той сравнительно крошечной каравеллы „Santa-Maria“, которая первымъ изъ европейскихъ судовъ четыреста лѣтъ тому назадъ пристала къ берегамъ Америки, неся на себѣ знаменитаго Колумба. Эта каравелла и была, такъ сказать, центромъ торжествъ. Въ морскомъ парадѣ въ нью-іоркской гавани участвовало 35 военныхъ судовъ разныхъ націй. Здѣсь былъ, между прочимъ, гигантскій англійскій броненосный крейсеръ „Блэкъ“, одинъ изъ самыхъ громадныхъ и могучихъ военныхъ пароходовъ; по сосѣдству съ нимъ стояли „Australia“, „Magicienne“, „Tartar“, за ними наши русскія и французскія суда, далѣе бразильскія, испанскія, германскія, аргентинскія и пр. Иностранная флотилія первоначально собралась близъ форта Монро и оттуда уже къ назначенному дню двинулась въ нью-іоркскій рейдъ. День смотра былъ сначала дождливый и вѣтряный, но къ самому моменту торжества дождь пересталъ и вѣтеръ стихъ. Когда былъ поданъ сигналъ, извѣщавшій, что президентъ Кливелендъ вступилъ на вевшемъ его суднѣ „Дольфинъ“ въ линію флота, тотчасъ начались громогласные салюты изъ громадныхъ судовыхъ орудій и рейдъ затянуло дымомъ пороха, сквозь который сверкали огни выстрѣловъ. Вечеромъ того же дня для моряковъ былъ устроенъ роскошный балъ въ городской думѣ, а на слѣдующій день моряки съ иностранныхъ судовъ высадились на берегъ, прошли торжественнымъ маршемъ по улицамъ города и были дружески встрѣчены американскими моряками и сухопутными войсками. Американцы умѣли поставить всѣ эти торжества на самую широкую ногу, сдѣлавъ изъ нихъ зрѣлище, достойное той колоссальной, полумилліонной толпы, которая ими любовалась. Наши рисунки дадутъ читателямъ понятіе о различныхъ моментахъ морскаго смотра въ нью-іоркской гавани.

Приведемъ нѣсколько статистическихъ цифръ, которыя характеризуютъ размѣры всемірной выставки въ Чикаго. Печать единогласно признаетъ, что по своимъ размѣрамъ Колумбова выставка превосходитъ всѣ предшествовавшія всемірныя выставки. Она занимаетъ площадь въ 2,561.000 квадратныхъ метровъ, т. е. около 60 десятинъ; въ томъ числѣ на основную часть выставки, т. е. ту, на которой возведены главныя зданія, приходится $2^1/_4$ милліона квадратныхъ метровъ. Самыя зданія покрываютъ площадь въ 800 тысячъ квадр. метровъ. Американцы прозвали выставку „The white City“ — бѣлый городъ. Разныя полуувеселительные отдѣлы выставки, вродѣ скользящей желѣзной дороги, панорамъ, историческихъ реставрацій, яванскихъ и прочихъ инородческихъ деревень, вытянулись по площади, имѣющей въ длину около 700 саженъ и въ ширину около 85 саженъ. Устройство выставки обошлось въ $12^1/_2$ милліоновъ долларовъ. Число посѣтителей въ первые дни простиралось въ среднемъ до 300 тысячъ человѣкъ ежедневно. Выставка освѣщается 30.000 электрическихъ лампочекъ съ накаливаніемъ; токъ доставляется двумя динамо-машинами, каждая на 15 тысячъ лампочекъ силою въ 16 свѣчей. Динамомашины приводятся въ движеніе громадною паровою машиною въ 3,000 силъ. Это одна изъ самыхъ могучихъ электроосвѣтительныхъ установокъ на всемъ свѣтѣ.

Извѣстно, что финансовая часть каждой большой выставки всегда и всюду самая слабая. Выставка требуетъ обыкновенно огромнѣйшихъ затратъ, которыя рѣдко окупаются потоками золота, изливаемыми милліонами посѣтителей. Въ заключеніе, если сведутъ концы съ концами, подсчитавъ приходъ съ расходомъ, то и считаютъ дѣло удавшимся. Американцы не хотѣли помириться съ такимъ предопредѣленіемъ рока, тяготѣющимъ надъ выставками; они твердо рѣшили не ограничиваться сведеніемъ концовъ, а заключить выставочный балансъ болѣе или менѣе крупнымъ плюсомъ. Между прочимъ большія надежды возлагались на ту, уже упомянутую нами, площадь, гдѣ расположились увеселительныя заведенія выставки. Эту площадь разбили на нѣсколько десятковъ участковъ и рѣшили сдавать эти участки подъ разныя приносящія доходъ затѣи частнымъ предпринимателямъ. Спросъ на эти участки посыпался какъ горохъ; явились на нихъ претенденты буквально со всего свѣта — изъ Россіи, Китая, Египта, Аннама, Австріи, Британской Индіи; выставочный комитетъ получилъ восемь тысячъ предложеній, изъ которыхъ онъ могъ удовлетворить только 30—40, и ему пришлось такимъ образомъ послать 7960 отказовъ. Сначала думали уступать право на пользованіе этими участками съ торговъ, но потомъ порѣшили просто сдавать ихъ по монопольнымъ договорамъ, причемъ оказалось возможнымъ выручить за участки гораздо болѣе крупныя суммы. Одинъ негоціантъ, напримѣръ, платитъ за свое исключительное право продавать посѣтителямъ выставки „peanuts“ 125 тысячъ рублей (металл.). Peanuts — это земляные орѣшки, плоды растенія Arachis hypogaea, одно изъ любимыхъ лакомствъ въ Чикаго. Американцы часто, чтобъ успокоить раскапризничившихся на улицѣ ребятишекъ, покупаютъ имъ мѣшочекъ съ поджаренными маисомъ; продавцы такихъ мѣшечковъ кишатъ по улицамъ Чикаго; предвидѣлся, конечно, большой сбытъ такихъ мѣшечковъ и на выставкѣ. И вотъ за монопольное право продажи этихъ пустячковъ какой-то съемщикъ уплатилъ 200 тысячъ рублей. Точно также были сданы права на продажу сигаръ, зельтерской воды, мороженаго, тросточекъ. Ресторанамъ придана спеціальная финансовая организація. На выставкѣ существуетъ особая центральная кухня, уступленная одному изъ мѣстныхъ рестораторовъ, конечно, за весьма круглую сумму; всѣ другіе рестораны принуждены входить въ соглашеніе уже съ этимъ паремъ выставочной кухни да сверхъ того уплачивать выставочному управленію 25% съ своей валовой выручки. Можете себѣ представить — какъ эта остроумная финансовая система навалится на карманы посѣтителей выставки. Право на изданіе указателя выставки продано за 625 тысячъ рублей, да въ добавокъ издатель не можетъ, по контракту, принимать въ свой указатель частныхъ объявленій, хотя, въ видѣ вознагражденія, ему предоставлено взимать съ экспонентовъ по 6 рублей за каждую строчку, которую кто либо изъ этихъ послѣднихъ пожелаетъ напечатать въ указателѣ при перечисленіи его экспонатовъ сверхъ строго опредѣленной, „законной“ формулы этого перечисленія. Такимъ образомъ, хотя выставкѣ и придана чрезвычайно щедрая доза увеселительнаго элемента, но эта доза по своей стоимости будетъ напоминать аптеку. Въ числѣ увеселительныхъ учрежденій упомянутаго участка, прозваннаго американцами Midway Plaisance, можно указать на скользящую желѣзную дорогу системы Барра, о которой наши читатели имѣютъ понятіе по описанію, сдѣланному во „Всемірной Иллюстраціи“ года два тому назадъ. Далѣе упомянемъ о тунисской и алжирской кофейняхъ, о дагомейской деревнѣ, устроенной какимъ-то французомъ изъ Бордо. Много публики привлекаетъ воздушный

шаръ на привязи, также французскаго происхожденія. Тутъ же, въ Midway Plaisance, вы найдете каирскую улицу, нѣмецкую деревеньку, ирландское предмѣстье и даже персидскій гаремъ! Китайцы возвели на выставкѣ свой собственный чайный домъ, а марокканцы—свою мечеть. Индѣйцы и эскимосы кишатъ на Midway Plaisance со своими вигвамами, чумами, пирогами. Двѣ панорамы представляютъ любопытствующимъ гавайскій вулканъ и Бернскія Альпы. Нашлись предприниматели, строющіе соборъ св. Петра въ Римѣ и башню Эйфеля въ Парижѣ, конечно, то и другое въ уменьшенномъ масштабѣ. Американцы думали было устроить свое собственное, такъ сказать чикагское, столпотвореніе, въ видѣ 150-саженной башни, но на нее почему-то не нашлось предпринимателя, несмотря на изобиліе представленныхъ проектовъ, одинъ другого чуднѣе и грандіознѣе. Непонятно, какъ это тщеславные янки дали затмить себя въ этомъ пунктѣ парижанамъ!

Сдача всѣхъ этихъ арендныхъ статей не обманула ожиданій выставочнаго комитета; онъ выручилъ за нихъ болѣе четырехъ милліоновъ рублей. Бросимъ, кстати, взглядъ на финансовую сторону выставочнаго предпріятія. Выставка уже собрала 6¹/₄ милліоновъ рублей со своихъ акціонеровъ и заполучила такую же сумму въ долгъ отъ города Чикаго. Правленіе выпустило заемъ въ размѣрѣ тѣхъ же 6¹/₄ милліоновъ (приводимъ всѣ эти суммы въ металлическихъ рубляхъ), обезпечивъ его сборомъ отъ входной платы. Общая цифра этого послѣдняго, высчитанная довольно умѣренно—100 тысячъ посѣтителей ежедневно — ожидается въ 13 милліоновъ. Если всѣ эти ожиданія и предначертанія оправдаются, да если, въ добавокъ, удастся продать потомъ на сломъ строительные матеріалы, пошедшіе на устройство зданій, то балансъ выставки представится въ такомъ окончательномъ видѣ: расходъ—22¹/₂ милліона, приходъ 42¹/₂ милліона, чистая прибыль—20 милліоновъ. Изъ этой прибыли будутъ выплачены всѣ займы и еще останется 1¹/₄ милліонъ, который и будетъ представлять дивидендъ акціонеровъ въ размѣрѣ около 20%.

На выставкѣ въ Чикаго есть одинъ отдѣлъ, вызывающій искреннюю симпатію друзей человѣчества — это женскій отдѣлъ, въ особомъ предназначенномъ для него зданіи. Главный почпнъ въ устройствѣ этого отдѣла принадлежитъ г-жѣ Пальмеръ, которая задалась цѣлью собрать на нынѣшней выставкѣ все, что даетъ понятіе о тѣхъ путяхъ и средствахъ, которыми женщина можетъ завоевать въ современномъ цивилизованномъ обществѣ свою гражданскую и экономическую самостоятельность. Выставочный комитетъ открылъ г-жѣ Пальмеръ кредитъ въ 250 тысячъ рублей. Государственное устройство Соединенныхъ Штатовъ предоставляетъ каждому гражданину, въ томъ числѣ и каждой женщинѣ, самые широкіе пути добиваться своего благоустройства и благосостоянія, и выставка, по мысли г-жи Пальмеръ, должна наглядно указать женщинамъ эти пути. Замѣчательно, что въ устройствѣ и организаціи женскаго отдѣла участвовали почти исключительно женщины. Планъ зданія былъ составленъ 20-тилѣтней дѣвушкой, г-жею Гейденъ, декоративная часть разработана такою же юною миссъ Ридью. Каріатиды, поддерживающія карнизъ зданія, созданы дѣвицами Янделлъ и Кентукки. Сначала думали было предоставить женщинамъ даже всѣ внутреннія детальныя работы, но спѣшность и недостатокъ времени поневолѣ принудили учредительницъ отдѣла, скрѣпя сердце, допустить и мужской полъ къ участію въ работахъ. Этотъ интересный отдѣлъ выставки будетъ представлять документальную исторію всѣхъ отраслей женской промышленной и благотворительной дѣятельности.

Мы уже упоминали въ предыдущихъ нашихъ статьяхъ о выставкѣ о великолѣпныхъ паркахъ, Вашингтоновскомъ и Джаксоновскомъ, въ которыхъ находитъ отдохновеніе громадное населеніе Чикаго въ часы свободные отъ кипучей серьезной дѣятельности этого дѣловитѣйшаго изъ американскихъ городовъ. Парки прелестны сами по себѣ, какъ мѣста отдыха и прогулокъ, но они интересны еще и по разнымъ диковинкамъ, которыми ихъ разукрасило садоводственное искусство. Чтобы дать понятіе о такихъ декораціяхъ, помѣщаемъ въ этомъ нумерѣ рисунки двухъ „цвѣточныхъ сооруженій"—изображенія глобуса въ Вашингтоновскомъ паркѣ и солнечныхъ часовъ въ Джаксоновскомъ. Обѣ фигуры исполнены изъ цвѣтовъ. Въ настоящее время садовая культура располагаетъ множествомъ породъ, дающихъ чрезвычайно густую приземистую зелень, употребляемую для пестрыхъ газоновъ и бордюровъ; вотъ этими-то породами и воспользовались при устройствѣ глобуса и часовъ. Тутъ все — моря и части свѣта на глобусѣ, циферблатъ и стрѣлка часовъ—сдѣлано изъ цвѣтовъ. Части свѣта на глобусѣ составлены изъ плотно сомкнутыхъ кустиковъ эхеверій, а моря изъ зеленаго ковра Oxalis. Солнечные часы имѣютъ въ поперечникѣ около пяти саженъ; по основной линіи фигуры выведена надпись изъ красныхъ цвѣтовъ седума: Sol's clock, т. е. солнечные часы. Въ тѣхъ же паркахъ, особенно въ Вашингтоновскомъ, сдѣлано еще нѣсколько другихъ цвѣточныхъ декорацій, какъ, напр., ворота изъ цвѣтовъ, фигуры животныхъ, людей, разныхъ предметовъ; есть много деревьевъ, обстриженныхъ въ самыя причудливыя фигуры — бутылки, лейки, растопыренныхъ пальцевъ и т. п.

Ю. И. Федderсъ

На академической выставкѣ нынѣшняго года посѣтители ея невольно останавливались подолгу передъ картинами одного и того же художника — „Мгла", „Фонтанка зимою", „Видъ въ черниговской губерніи", „Туманъ на морѣ". Ихъ мягкій колоритъ, прекрасное освѣщеніе, свѣтовые эффекты, свѣжесть и искусный подборъ красокъ, старательная отдѣлка въ деталяхъ и прочія достоинства невольно привлекали вниманіе публики и производили прекрасное впечатлѣніе. Публика изъ каталога выставки узнала, что картины эти принадлежатъ кисти Ю. И. Феддерса, что это уже искусившійся въ своей профессіи художникъ, имѣющій званіе академика. Она, однако, болѣе ничего и не могла узнать о талантливомъ, но очень скромномъ художникѣ и, конечно, не подозрѣвала, что на дняхъ исполнилось ровно тридцать лѣтъ его художественной дѣятельности, такъ какъ 1-го мая 1863 года Ю. И. Феддерсъ получилъ отъ Императорской академіи художествъ свой первый дипломъ. Поэтому мы считаемъ нынѣ весьма умѣстнымъ дать на страницахъ „Всемірной Иллюстраціи" портретъ почтеннаго юбиляра и нѣсколько свѣдѣній о немъ. Жизнь Ю. И. Феддерса, теперь возведеннаго въ званіе профессора пейзажной живописи, представляетъ интересъ, между прочимъ, и въ томъ отношеніи, что художникъ, горячо преданный искусству, не останавливался ни передъ какими препятствіями и добился извѣстности и болѣе или менѣе независимаго положенія, благодаря не только таланту, но и замѣчательной энергіи, трудолюбію, настойчивости въ преслѣдованіи цѣли. Жизненный путь его не былъ усыпанъ розами; гнетущія обстоятельства держали художника въ своихъ крѣпкихъ тискахъ, мѣшали развитію его дарованія, и тѣмъ не менѣе онъ вышелъ полнымъ побѣдителемъ, доказавъ своимъ примѣромъ, что у насъ немало людей труда и сильной воли.

Талантливый художникъ, несмотря на все пережитое имъ, остался замѣчательно бодръ и духомъ, и тѣломъ, а межъ тѣмъ онъ уже порядкомъ перешагнулъ за пятьдесятъ лѣтъ. Юлій Ивановичъ Феддерсъ родился 7-го іюня 1838 года въ Лифляндіи и среднее образованіе получилъ въ рижской классической гимназіи и въ частной гимназіи пастора Бергмана и по желанію родителей готовился быть медикомъ. Но съ малыхъ лѣтъ его сильно влекло къ занятіямъ живописью; съ теченіемъ времени это влеченіе превратилось въ непреодолимую страсть, и она-то заставила его бросить изученіе медицины и отдаться всецѣло искусству. Ю. И. Феддерсу исполнилось восемнадцать лѣтъ, когда онъ поступилъ въ академію художествъ. Это было въ 1856 г. Мечты его осуществились, но судьба сразу поставила ему преграды на пути. Въ этотъ самый годъ у него умеръ отецъ, не оставившій ему никакого состоянія, и для Ю. И. Феддерса начался длинный рядъ самыхъ грустныхъ дней, дней безплодной борьбы съ бѣдностью. Промаявшись около шести лѣтъ и получивъ двѣ серебряныя медали, онъ принужденъ былъ въ 1862 г. выйти изъ академіи до болѣе счастливыхъ дней. Взявъ скромное мѣсто учителя рисованія и черченія въ митавскомъ реальномъ училищѣ, онъ не оставлялъ, однако, своихъ занятій живописью и шелъ твердыми шагами на пути совершенствованія таланта. 1-го мая 1863 г. онъ получилъ первый дипломъ изъ академіи художествъ, и съ этого времени начинается его самостоятельная художественная дѣятельность. Въ 1867 г. обратили на себя вниманіе его картины „Развалины Кокенгаузена въ Лифляндіи" и „Видъ въ Лифляндіи", а спустя пять лѣтъ онъ получилъ званіе класснаго художника второй степени. Картинъ онъ писалъ въ этотъ періодъ времени мало, но зато много работалъ надъ развитіемъ своего таланта. Въ теченіе 1873—1875 гг. появлялись на выставкахъ его картины: „Ручей", „Лѣсной видъ въ Лифляндіи", „Кладбище самоубійцъ", „Норвежскій видъ", „Лѣсъ", „Смерчъ". Послѣднее произведеніе было на лондонской международной выставкѣ 1874 года, и за него онъ получилъ именную медаль. Картина „Смерчъ" затѣмъ пріобрѣтена была у него персидскимъ шахомъ. Чувствуя пробѣлы въ своемъ художественномъ образованіи, Ю. И. Феддерсъ отправился поучиться въ Дюссельдорфъ въ 1875 г.; это была его первая заграничная поѣздка. Здѣсь онъ работалъ цѣлый годъ подъ руководствомъ Дюкера, вліяніе котораго затѣмъ отразилось довольно замѣтно на всей дѣятельности нашего художника. Изъ Дюссельдорфа Ю. И. Феддерсъ предпринималъ поѣздку въ Норвегію и вспоминаетъ объ этой поѣздкѣ и нынѣ чуть не съ ужасомъ. Дѣло въ томъ, что однажды онъ заблудился въ какомъ-то лѣсу, долго не могъ выйти изъ него и, лишь благодаря счастливому случаю, спасся отъ голодной смерти. Въ томъ же 1875 г. Ю. И. Феддерсъ удостоенъ былъ званія класснаго художника первой степени, а спустя пять лѣтъ онъ получилъ и званіе академика живописи. На всероссійской московской выставкѣ 1882 г. обратили на себя вниманіе его три картины: „Послѣ бури", „Рожь" и „Выселокъ". Его прекрасная картина „Улица въ Бѣлгородѣ" (зимній видъ) была на академической, юбилейной, выставкѣ въ Берлинѣ, въ 1886 г., а въ 1889 г. появилась на всемірной выставкѣ въ Парижѣ не менѣе прекрасная картина его „Могила самоубійцы". На передвижныхъ академическихъ выставкахъ въ Одессѣ, Харьковѣ, Екатеринбургѣ, Кіевѣ, Казани и Ригѣ, въ 1886—1889 гг., Ю. И. Феддерсомъ было выставлено пять картинъ: „Мѣловыя горы", „Буря", „Монастырская церковь", „Моя дача", „Рѣка Луга". Изъ этихъ картинъ академіей пріобрѣтены для музея обѣ послѣднія, а также картины: „Подъ горой", „Рыбачье гнѣздо", „Мельница", „Сосна надъ обрывомъ" и „Фонтанка зимой". Кромѣ того немало этюдовъ Ю. И. Феддерса пріобрѣтено и для пейзажнаго класса академіи художествъ. Картина его „Моя дача" послана художникомъ на выставку въ Чикаго. Много выдающихся произведеній профессора Феддерса находится за границей. Кромѣ пейзажей онъ писалъ также и портреты.

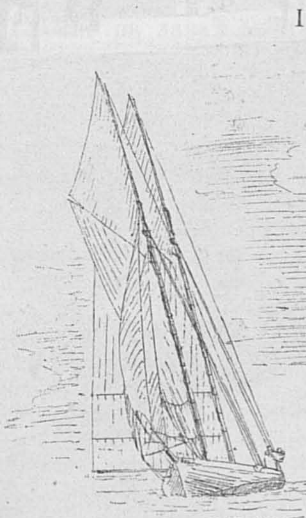
Искусства

— Новыя работы скульптора Чижова. Недавно профессоръ скульптуры М. А. Чижовъ окончилъ лѣпку двухъ памятниковъ для городовъ Кіева и Нахичевани. Первый — императору Николаю I отъ благодарныхъ кіевлянъ, а второй — императрицѣ Екатеринѣ II отъ благодарныхъ армянъ. На пьедесталѣ памятника императору Николаю I помѣщены барельефныя изображенія зданій университета св. Владиміра, классической гимназіи и кадетскаго корпуса и изображеніе знаменитаго желѣзнодорожнаго моста черезъ рѣку Днѣпръ. Все это сооружено было въ царствованіе императора Николая Павловича. На пьедесталѣ втораго памятника, ближе къ подножію, помѣщена статуя князя Аргутинскаго-Долгорукова, сподвижника императрицы Екатерины II въ этомъ краѣ. Отливка этихъ памятниковъ будетъ произведена на дняхъ на заводѣ В. З. Гаврилова.

Новые типы яхтъ и ихъ значеніе въ исторіи парусного спорта

Продолженіе

II



Изъ изложеннаго въ предыдущей главѣ ясно, какихъ особенностей мы должны ожидать отъ новаго типа: сосредоточеніе водоизмѣщенія близь грузовой ватерлиніи, вслѣдствіе чего всѣ шпангоуты въ надводной части и въ подводной, близь ватерлиніи, пріобрѣтаютъ чрезвычайную полноту, а далѣе въ глубину дѣлаются весьма острыми — близь середины судна; сильно наклонный форштевень дѣлаетъ носовые шпангоуты короткими и полными во всю ихъ вышину. Точно также и ватерлиніи, ради увеличенія водоизмѣщенія близь грузовой, поразительно полны; при одномъ взглядѣ на чертежъ такой яхты очевидно, что она или по крайней мѣрѣ большая часть ея предназначена не для того, чтобы цѣликомъ разрѣзать воду, какъ прежній англійскій тендеръ, но чтобы скользить по ней, врѣзаясь въ нее лишь своимъ узкимъ и глубокимъ „перомъ", необходимымъ для сопротивленія дрейфу.

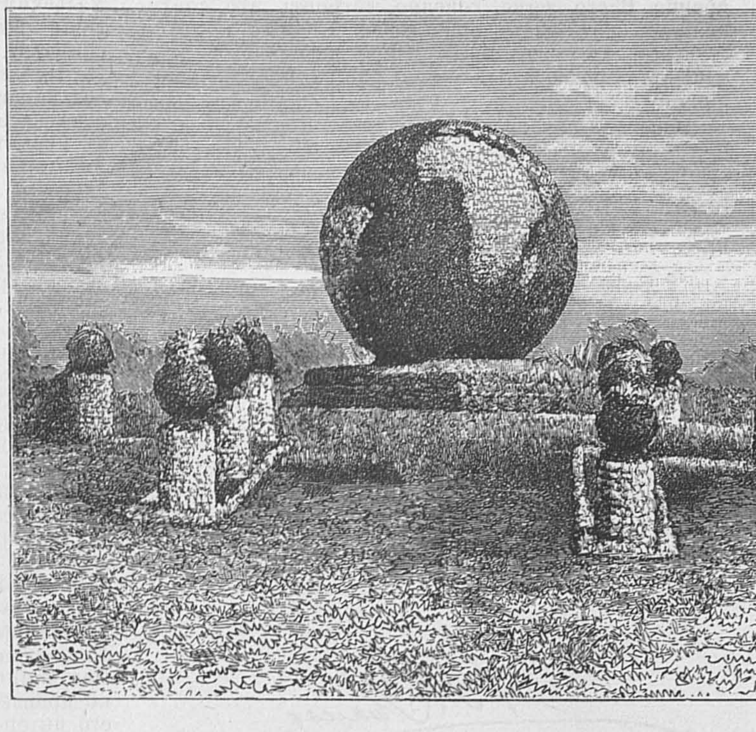
Честь постройки первыхъ яхтъ этого новаго типа, оказавшихся сразу чрезвычайно удачными и вызвавшихъ цѣлый переполохъ въ литературѣ парусного спорта, выпала на долю американскаго судостроителя Herreshof'a, замѣстившаго на этомъ поприщѣ покойнаго Burgess'a — славнаго строителя яхтъ „Puritan", „Volunteer", „Mayflower" и др. Первою по времени яхтою новаго типа является „Gloriana", на которой поэтому мы и остановимся нѣсколько подробнѣе.

Англія. — Лондонъ. Вновь открытый Имперскій институтъ.

Точный чертежъ яхты „Gloriana" составляетъ, разумѣется, „секретъ" изобрѣтателя, если только въ настоящее время подобныя вещи могутъ составлять чей либо секретъ; въ печати имѣются лишь чертежъ, составленный заглазно г. Шталемъ по подробному описанію яхты, которое было ему доставлено (помѣщенъ въ журналѣ „Wassersport", 1892), и эскизъ общаго расположенія яхты, сдѣланный съ натуры г. Стефенсомъ и помѣщенный въ журналѣ „Forest and Stream"; чуть не полное совпаденіе этихъ чертежей, принадлежащихъ разнымъ лицамъ и появившихся независимо одинъ отъ другаго почти въ одно и то же время, заставляетъ считать ихъ весьма близкими къ истинѣ. Боковой видъ яхты и мидель ея (т. е. вертикальный поперечный разрѣзъ близъ средины длины) не отличаются существенно отъ соотвѣтственныхъ проекцій современнаго тендера въ томъ видѣ, въ какомъ типъ этотъ выработался въ рукахъ Бёрджесса, Файфа, Герднера, Уотсона и другихъ: боковая проекція приближается по формѣ къ треугольнику, лишь ахтерштевень наклоненъ градусовъ на 10 менѣе, чѣмъ обыкновенно. Мидель съ сильной *S*-образной выпукло-вогнутой кривизной полный вверху и острый, почти вертикальный внизу. Длина яхты равняется по ватерлиніи 13,8 метровъ (45 ф.), а по палубѣ 21,3 м. (70 ф.); такимъ образомъ длина носоваго и кормоваго свѣсовъ въ сложности равна 25 футамъ, болѣе трети всей длины или болѣе половины длины по грузовой. Постройка — смѣшанная; киль и штевни — дубовые; шпангоуты — угловой стали, размѣромъ въ 44 × 19 × 6,3 милл., на разстояніи въ 406 милл.; бимсы—такой же толщины, связанные со шпангоутами горизонтальными угольниками. Діагональное укрѣпленіе представляютъ стальныя полосы, проходящія во множествѣ черезъ всѣ шпангоуты по ихъ наружной сторонѣ, подъ обшивками отъ палубы до киля. Верхній и шпунтовый поясъ обшивки изъ бѣлаго американскаго дуба, нижняя треть обшивки (до уровня пола каюты) изъ американской сосны (yellow-pine), толщиной 35 милл.; далѣе вверхъ начинается обшивка двойная: внутренній слой изъ бѣлаго кедра въ 12,7 милл., наружный — изъ той же сосны, въ 22,3 милл. толщиной. Обшивка удерживается на шпангоутахъ винтовыми болтами изъ особаго сплава; въ промежуткахъ между шпангоутами оба слоя обшивки изнутри свинчены мѣдными шурупами. Пазы обшивки пригнаны столь тщательно, что конопатить ихъ во-

все не пришлось. Тяжелый свинцовый киль (вѣсъ его равняется 24,000 килогр., или около 1,500 пуд. круглымъ числомъ) подвѣшенъ на 38 толстыхъ болтахъ; кромѣ того онъ удерживается съ каждой стороны девятью латунными полосами, утопленными въ него, въ дубовый киль и въ обшивку, и сболченными съ соединяемыми частями. Палуба изъ шпунтованныхъ досокъ бѣлой сосны (white-pine), толщиной лишь 28,6 милл., связанныхъ морскимъ клеемъ; сверху палуба покрыта толстой парусиной. Замѣтимъ, однако, что этотъ пріемъ далеко нельзя назвать удачнымъ: подъ парусиной палубныя доски быстро прѣютъ и загниваютъ. Съ нижней стороны палуба имѣетъ между бимсами деревянныя упорки (карлинсы), снизу покрытыя стальными полосами въ 50,8 × 3,2 милл., и, кромѣ того, снабжена діагональными связями. Стрингерсы стальные, числомъ по три на сторонѣ, укрѣплены на шпангоутахъ подъ обшивкой. Планширь дубовый; фальшбортъ также дубовый, толщиною въ 31,7 милл., вышиною на носу въ 152 милл., постепенно уменьшается къ кормѣ; въ немъ съ каждой стороны прорѣзано по 12 четыреугольныхъ продолговатыхъ шпигатовъ. Въ немъ же съ каждой стороны находится по два клюза съ бронзовыми втулками для шкотовъ и одинъ на гака-бортѣ, за головой руля—для бакштова шлюпки. Бушпритъ лежитъ на палубѣ и удерживается желѣзными битенгами особаго устройства, непосредственно позади которыхъ помѣщена патентованная лебедка съ тройной зубчатой передачей; якорный клюзъ одинъ—на правой скулѣ. Руль—дубовый; румпель—короткій, изъ акаціи, связанъ съ головой руля, какъ обыкновенно, посредствомъ бронзовой втулки, хвостъ которой, снабженный рѣзьбой и гайкой, проходитъ сквозь голову руля, покрытую мѣднымъ колпакомъ. Палубные блоки гика-шкота ходятъ не на одномъ, какъ это обыкновенно дѣлается, но на двухъ отдѣльныхъ погонахъ, изъ которыхъ задній стоитъ у самаго гака-борта. Входъ въ форъ-люкъ защищенъ въ обыкновенное время полукруглой будкой, которая на время гонки снимается и замѣняется плоской крышкой; сейчасъ же за нимъ на палубѣ укрѣплена круглая латунная доска въ 30 сант. въ поперечникѣ, закрывающая отверстіе, въ которое опускается конецъ балунъ-гика при переносѣ его на другой галсъ, чтобы онъ могъ пройти подъ штагомъ. Позади мачты въ палубѣ сдѣланы шесть шпигатовъ, черезъ которые всѣ главные фалы проходятъ внизъ, гдѣ и крѣпятся — такимъ образомъ палуба освобождается отъ груды снастей. Подобное устройство намъ уже знакомо—оно примѣнено, между прочимъ, на яхтѣ „Нэнъ" нашего клуба, принадлежащей В. Л. Фансмиту. Кокпитъ (открытый люкъ для рулевого и команды) — эллиптической формы съ комингсомъ въ 15 сант.; полъ его ниже палубы на 38 сант. Надъ главной каютой имѣется большой свѣтовой люкъ и широкій входный люкъ съ плоской сдвижной крышкой; меньшій свѣтовой люкъ помѣщенъ надъ дамской каютой; рубокъ нѣтъ. Вся наружная столярная работа — изъ цѣльнаго краснаго дерева.

Внутреннее устройство удобно и помѣстительно; спереди мачты — матросская каюта съ койками и камбузомъ направо; позади мачты, справа, капитанская каюта, въ половину ширины яхты, длиною 1,83 м; съ другой стороны — туалетная и клозетъ; главная каюта длиною въ 3,2 м., снабженная шкафами и прочими приспособленіями; съ лѣвой стороны трапа задняя каюта обычнаго типа съ умывальникомъ. Внутренняя столярная отдѣлка — изъ сѣраго американскаго орѣха. Подъ поломъ каютъ, въ трюмѣ — цистерны съ водою, складъ запаснаго такелажа, угля для камбуза и т. п.



Глобусъ изъ цвѣтовъ въ Вашингтонскомъ паркѣ въ Чикаго.

Въ оснасткѣ много особенностей. Задніе ванты идутъ не къ салингу, какъ обыкновенно, но къ эзельгофту; дирикъ-фалъ частью изъ проволочнаго, частью изъ манильскаго троса и имѣетъ лишь одинъ ходовой конецъ, а коренной конецъ, состоящій изъ гибкаго металлическаго троса, укрѣпленъ на гафелѣ; отдѣльныхъ гинцевъ у дирикъ-фала нѣтъ, а имѣются общія переносныя гинцы, закладываемыя, когда надо, на любую снасть. Мачта массивная, изъ орегонской сосны; весь прочій рангоутъ (вѣроятно, кромѣ бушприта)—полый внутри. Оригинально устроена подушка гика: на мачту надѣто два хомута изъ карнизнаго желѣза, между которыми помѣщается вращающееся бронзовое кольцо съ гнѣздами для штырей гика и балунъ реи и съ нѣсколькими кофель-нагелями. Русленей нѣтъ вовсе. Задній ликъ кливера снабженъ рейкомъ, по примѣру „Минервы" и другихъ шотландскихъ яхтъ; кливершкоты тянутся черезъ шкивы на особыхъ выстрѣлахъ; фокъ и гротъ имѣютъ рейки на парусинѣ. Гика-шкотъ проходитъ черезъ одношкивный блокъ на заднемъ погонѣ, затѣмъ оба конца его идутъ въ двушкивный блокъ на гикѣ, далѣе въ такой же на переднемъ погонѣ, снова во второй двушкивный блокъ на гикѣ и уже отсюда въ одношкивные блоки у фальшборта. Топселей два одинъ очень большой, другой малый; послѣдній яхта можетъ нести при очень сильномъ вѣтрѣ, такъ, напримѣръ, 19 іюня 1891 г. „Gloriana" несла его тогда, когда почти всѣ ея соперники должны были убрать топселя, а „Nautilus" даже спустилъ стеньгу.

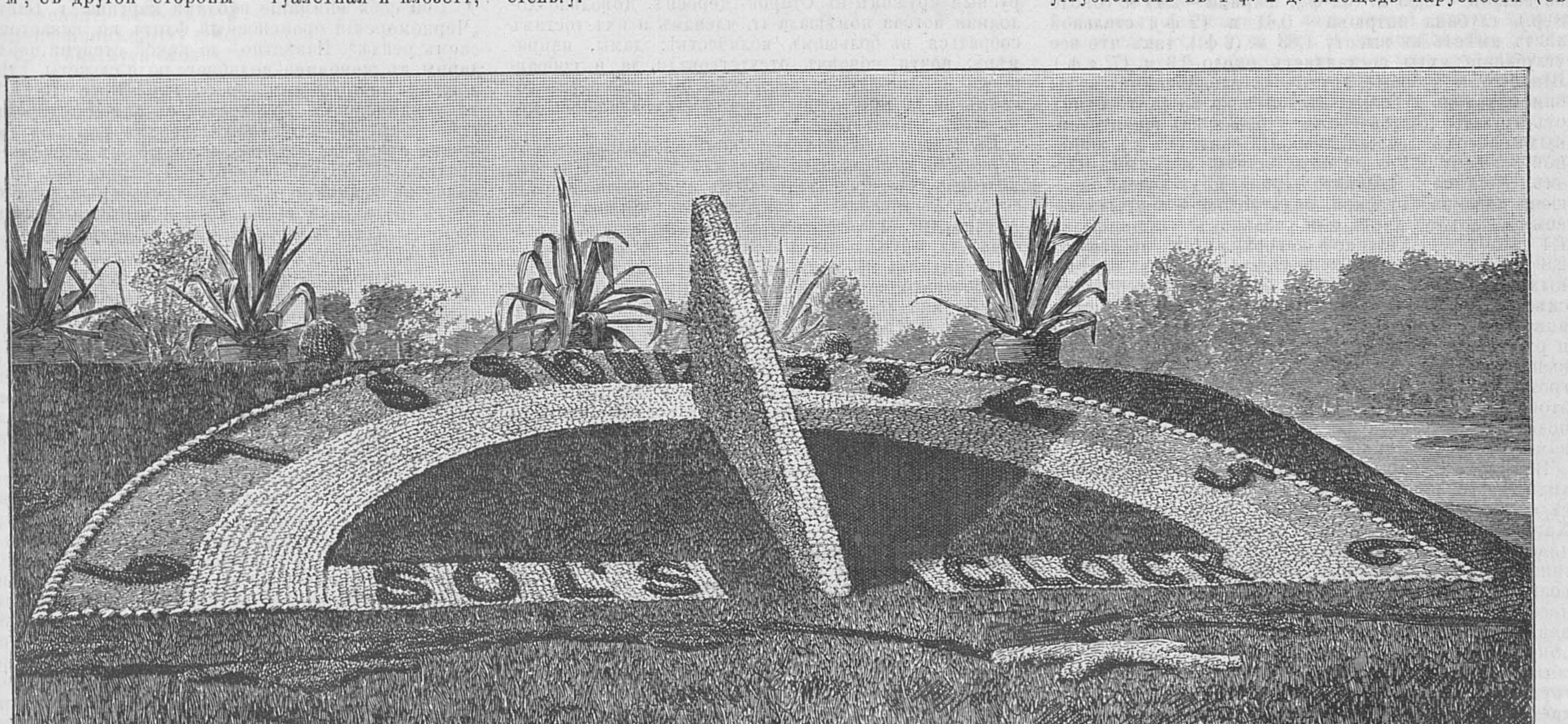
Вся парусность яхты „Gloriana", представляющая собою площадь въ 381 кв. метръ, нѣсколько ниже и шире, чѣмъ у большинства яхтъ; замѣтимъ также, что парусность нѣкоторыхъ ея соперниковъ равняется: у „Jessica" – 334 кв. м., у „Barbara" и „Nautilus"—353 кв. м., у „Mineola"—362, у „Oweene"—372 и у „Alborak"—даже 437 кв. м., такъ что по площади парусности „Gloriana" немного отличается отъ другихъ и во всякомъ случаѣ не самая крупная въ своемъ разрядѣ. По ватеръ-линіи она также не болѣе своихъ соперниковъ: длина всѣхъ яхтъ этого разряда по грузовой колеблется въ очень тѣсныхъ предѣлахъ—около 14 метровъ (отъ 45 ф. 3 д. до 45 ф. 10 дюйм.), ширина — отъ 3,8 до 4,27 метр. (кромѣ „Beatrix" съ выдвижнымъ килемъ, ширина которой равна 4,9 м.), и углубленіе—отъ 3,1 м. („Gloriana") до 3,55 м. (опять-таки кромѣ „Beatrix", сидящей лишь 2,29 м.). Длина по палубѣ у яхты „Gloriana", какъ мы уже говорили, равна 21,3 м. (70 ф.), тогда какъ самый крупный изъ соперниковъ по палубѣ короче ея на 2 метра, и многіе именно этимъ объясняютъ ея превосходство. Едва ли это такъ: при кренѣ длина грузовой у яхты „Gloriana" увеличивается на какіе нибудь 2–3 фута, т. е. не болѣе, чѣмъ и у остальныхъ яхтъ этого разряда. Главная причина ея успѣха — именно форма корпуса, т. е. низкое положеніе центра тяжести при высокомъ положеніи центра величины, и весьма пологія продольныя вертикальныя сѣченія (батоксы) при полныхъ ватерлиніяхъ. Немалую роль въ ея удачѣ играла, конечно, строгая обдуманность и тщательность выполненія всѣхъ мелочей въ постройкѣ и вооруженіи, такъ какъ за время всего гоночнаго сезона на яхтѣ „Gloriana" не было въ противоположность другимъ яхтамъ ни одной аваріи.

Успѣхъ дѣйствительно былъ полнѣйшій: на семи гонкахъ, бывшихъ въ концѣ іюня и въ іюлѣ 1891 г., „Gloriana" вездѣ приходила первою какъ при слабыхъ, такъ и при сильныхъ вѣтрахъ, на гладкой водѣ и при волненіи. Въ августовскихъ гонкахъ „Gloriana" не участвовала по болѣзни владѣльца.

III

Успѣхъ яхты „Gloriana" не замедлилъ вызвать множество подражаній. Такъ, напримѣръ, уже осенью того же 1891 г. на верфи Herreshoff'a былъ заложенъ для г. Роджера тендеръ „Wasp", представляющій значительное сходство съ „Gloriana" и по формѣ, и по размѣрамъ; длина его по грузовой равна 13,72 м., по палубѣ — 21,96 м., ширина — 4,04 м., углубленіе въ водѣ — 3,2 м.; вѣсъ свинцоваго киля равенъ приблизительно 21 тоннѣ (около 1,330 пудовъ). Способъ постройки, и матеріалы тѣ же самые, что и для „Gloriana". Тою же осенью на верфи Лоулея, въ Бостонѣ, построена шкуна по чертежу Герднера, весьма сходная по своимъ очертаніямъ съ „Gloriana".

И въ другихъ странахъ, кромѣ Америки, стали появляться представители этого типа. Такъ, напримѣръ, въ Копенгагенѣ нѣсколько любителей сообща построили небольшую „Gloriana", длиною по палубѣ 34 ф. 6 д., по ватерлиніи 24 ф., шириною по палубѣ 8 ф. $5^1/_3$ д., по ватерлиніи 7 ф. $6^2/_3$ д. съ углубленіемъ въ 4 ф. 2 д. Площадь парусности (съ



Солнечные часы; образчикъ цвѣточнаго ковра въ Джаксоновскомъ паркѣ.

Соединенные Штаты Сѣверной Америки. — Чикаго. Большая Колумбова выставка.

большимъ топселемъ) равна 1,035 кв. ф.; вѣсъ киля — 7,500 датскихъ фунтовъ (229 пудовъ). Отличіе этой яхточки отъ ея прототипа заключается главнымъ образомъ въ томъ, что киль идетъ не наклонно, но горизонтально отъ ахтерштевня до самой мачты; отсюда шпунтъ дѣлаетъ уголъ, и начинается уже форштевень, какъ и на „Глоріанѣ". Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ — на сколько эта яхточка оказалась удачной. И въ нашемъ Рѣчномъ яхтъ-клубѣ „Глоріана" нашла до нѣкоторой степени отголосокъ въ видѣ стального тендера „Клавдія", построеннаго прошлымъ лѣтомъ по чертежу В. В. Шталя на заводѣ (бывшемъ) Бутца и Папмеля; яхта эта въ настоящее время находится въ Гельсингфорсѣ, гдѣ и отдѣлывается окончательно на Блэкгольмской верфи подъ личнымъ наблюденіемъ автора ея чертежа. На сколько можно было судить по переходу изъ С.-Петербурга въ Гельсингфорсъ, сдѣланному „Клавдіей" подъ временнымъ вооруженіемъ, взятымъ съ другой, меньшей яхты, и съ небольшимъ количествомъ балласта — яхта обѣщаетъ прекрасныя морскія качества, хотя еще и нельзя при такихъ условіяхъ сдѣлать окончательнаго вывода.

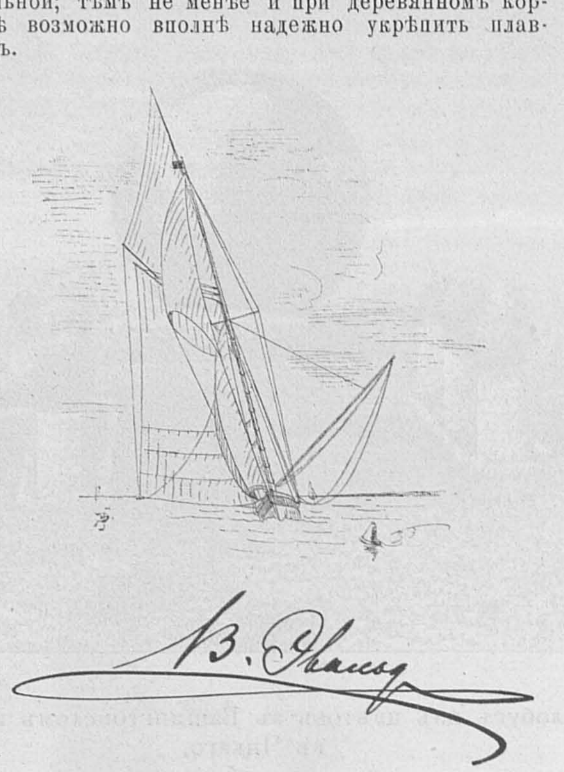
Тѣмъ временемъ изобрѣтательный умъ Herreshof'а (кстати замѣтить, этотъ замѣчательный строитель слѣпъ, и его идеи изображаются на бумагѣ при помощи его братьевъ) не дремалъ и пытался создать что либо еще болѣе новое и оригинальное. Такой попыткой явилась „Dilemma", построенная уже въ октябрѣ 1891 года, гдѣ поднятіе центра величины достигло, можно сказать, своего предѣла. „Дилемма" представляетъ собой легкую плоскую шлюпку, съ наклоннымъ, выпуклымъ форштевнемъ, съ очень полными ватерлиніями; къ плоскому дну ея прикрѣпленъ въ видѣ брюшнаго плавника рыбы вертикальный стальной листъ, къ которому внизу привинчена горизонтальная свинцовая балластина въ видѣ сигары, вѣсящая 2000 килогр. (122 пуда); длина „Дилеммы" по палубѣ 11,89 м., по ватерлиніи — 7,62 м., ширина — 2,13 метровъ; вѣсъ стальнаго листа — 400 килогр. (24 пуда); вооруженіе — гротъ и стаксель, безъ бушприта. Здѣсь мы видимъ уже полное раздѣленіе частей судна сообразно ихъ назначенію: плавучесть — въ полномъ, плоскодонномъ, легкомъ корпусѣ, остойчивость или, точнѣе говоря, тяжесть — въ свинцовой сигарѣ, висящей глубоко подъ корпусомъ; сопротивленіе дрейфу — въ вертикальномъ стальномъ листѣ, образующемъ вмѣстѣ съ тѣмъ неизмѣняемую связь между сигарой и шлюпкой.

Строго говоря, „Дилемма" не есть новое изобрѣтеніе. Уже въ 70-хъ годахъ сигаро-подобные кили были извѣстны въ Англіи. Подобнымъ килемъ, между прочимъ, въ 1874 г. была въ Коусѣ снабжена американская шхуна „Энчентрессъ"; въ 1881 г. былъ построенъ тендеръ "Evolution" длиною 15,5 м., шириною лишь 2 метра, т. е. въ $^1/_7$ длины, съ углубленіемъ въ 3,05 м., балластъ котораго состоялъ изъ свинцовой сигары въ 10 тоннъ (630 пуд.) вѣсомъ, подвѣшенной на 2,6 м. подъ ватерлиніей. Однако, какъ мы уже доказали въ первой статьѣ, частью потому, что подобныя попытки оказывались не совсѣмъ удачны, частью же потому, что для нихъ тогда еще не настало время, онѣ проходили безслѣдно. Теперь же, когда остальные способы увеличенія быстроходности оказались болѣе или менѣе исчерпанными, „Dilemma" быстро пріобрѣла большую извѣстность. Этому, впрочемъ, немало содѣйствовало и то, что Herreshoff, создавая это судно, не только воспользовался свинцовой сигарой, но сообразно цѣли измѣнилъ и самую форму корпуса.

Вскорѣ послѣ появленія „Дилеммы", владѣлецъ „Глоріаны", Морганъ, заказалъ Herreshoff'у болѣе крупную яхту, по образцу „Дилеммы", а именно: длина ея по ватерлиніи равняется 10,67 м. (35 ф.), по палубѣ — 15,85 м. (52 ф.), ширина — 2,44 м. (около 8 ф.), глубина интрюма — 0,61 м. (2 ф.); стальной листъ имѣетъ въ высоту 1,83 м. (6 ф.), такъ что все углубленіе яхты составляетъ около 2,3 м. ($7^1/_2$ ф.). Шпангоуты дубовые, гнутые въ распаренномъ видѣ; бимсы также дубовые, отстоятъ на 23 сант. одинъ отъ другаго. Палуба — тоже дубовая изъ шпунтованныхъ досокъ толщиной въ 1,3 сант. ($^1/_2$ д.), шириной 3,5 сант. ($2^1/_2$ д.); пазы залиты морскимъ клеемъ. Обшивка — краснаго дерева, подъ водою окрашена масляной краской, надъ водою — покрыта лакомъ. Стальной листъ или „плавникъ" толщиною въ 1,4 сант. ($^9/_{16}$ д.), длиною по верху въ 5 м., по низу въ 2,6 м.; свинцовая сигара состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ половинъ, стянутыхъ болтами, проходящими сквозь отверстія въ нижней части стальнаго плавника. Высота внутри яхты невелика — всего 4 фута — и рубокъ нѣтъ, такъ что въ каютѣ нельзя стоять выпрямившись. Мачта — однодеревка; парусность — гротъ, стаксель и кливеръ. Руль — балансирный. За этой яхтой сейчасъ же была заложена другая, длиною по ватерлиніи 25 ф., съ бронзовымъ плавникомъ, предназначенная для р. Клейда.

Всѣ яхты этого типа оказались весьма быстроходными и остойчивыми, по сравненію не только съ судами ихъ класса, но и съ гораздо большими. Характерная особенность ихъ — неимовѣрная остойчивость и почти полное отсутствіе килевой качки, такъ какъ весьма полныя пловучія оконечности на волненіи не уходятъ въ воду и яхта не ныряетъ носомъ, а скачетъ на волнахъ; по словамъ очевидцевъ, плававшихъ на такомъ суднѣ, ощущеніе напоминаетъ скорѣе ѣзду на буерѣ, чѣмъ плаваніе на обыкновенной яхтѣ. Вслѣдствіе ударовъ полною грудью яхты по водѣ брызговъ съ навѣтра попадаетъ довольно много, но это — неудобство, съ которымъ легче всего мириться.

Слабое мѣсто типа „Дилеммы" — соединеніе стальнаго киля съ корпусомъ, такъ какъ соединеніе это испытываетъ чрезвычайно большое изламывающее усиліе, и поэтому должно быть сдѣлано особенно прочно. Всего легче, конечно, устроить это соединеніе вполнѣ раціонально, если и самый корпусъ стальной; тѣмъ не менѣе и при деревянномъ корпусѣ возможно вполнѣ надежно укрѣпить плавникъ.



Окончаніе будетъ

Спортъ

— Въ воскресенье, 2-го мая, состоялась въ спб. рѣчномъ яхтъ-клубѣ обычная ежегодная церемонія поднятія флага, знаменующая открытіе навигаціи. Къ 2 часамъ дня въ помѣщеніи яхтъ-клуба собрались члены клуба съ вице-командоромъ Г. В. Струковымъ, а также прибыли нѣкоторые члены паруснаго кружка, спб. гребнаго общества, гребнаго общества "Arrow" и знакомые членовъ клуба. Около 2 часовъ предъ иконою св. Николая чудотворца, помѣщенной у клубской мачты съ приспущенными флагами, священникомъ о. Петерскимъ, сказавшимъ небольшую рѣчь, былъ отслуженъ молебенъ; послѣ чего, по командѣ вице-командора, флагъ, при звукахъ гимна „Коль славенъ" и пушечныхъ выстрѣлахъ, взвился на мачту, и такимъ образомъ навигація была открыта. Въ 4 часа дня послѣдовало общее собраніе, на которомъ было выбрано нѣсколько новыхъ членовъ, а въ 6 час. состоялся обѣдъ по подпискѣ, сопровождаемый неизбѣжными тостами и затянувшійся довольно долго. Между прочимъ было прочитано стихотвореніе А. Ѳ. Иванова-Классика, изъ года въ годъ не забывающаго приносить клубу свои стихотворныя поздравленія.

Сомнительная погода не благопріятствовала большому стеченію публики, да и вообще холодная весна нынѣшняго года отразилась на настроеніи гг. яхтсменовъ, такъ такъ къ открытію навигаціи въ гавани яхтъ-клуба оказались спущенными на воду и вооруженными только два парусныхъ судна: „Вирокка" г. Биндемана и „Ольга" г. Домберга.

— Вслѣдъ за спб. рѣчнымъ яхтъ-клубомъ, въ четвергъ, 6-го мая, открылъ свою навигацію и спб. парусный кружокъ въ Старой Деревнѣ. Довольно холодная погода помѣшала гг. членамъ и ихъ гостямъ собратся въ большомъ количествѣ; дамы, напримѣръ, почти совсѣмъ отсутствовали, да и собравшіеся моряки-любители должны были щеголять совсѣмъ не въ мореходныхъ костюмахъ, явившись кто въ шубѣ, кто въ тепломъ пальто.

Въ 2 часа дня духовенствомъ стародеревенской церкви былъ отслуженъ на лужайкѣ, у гротъ-мачты, молебенъ съ провозглашеніемъ многолѣтія, прежде всего, Августѣйшему покровителю кружка в. к. Александру Михаиловичу. Затѣмъ, по командѣ предсѣдателя кружка В. А. Олсуфьева, флагъ кружка былъ поднятъ на мачту, и подъ звуки традиціоннаго Петровскаго марша начались взаимныя поздравленія. Затѣмъ въ скромномъ помѣщеніи кружка состоялся завтракъ à la fourchette, сопровождаемый неизбѣжными тостами. Въ гавани кружка, какъ и въ гавани яхтъ-клуба, благодаря бывшимъ все время холодамъ, много препятствовавшимъ весеннему ремонту судовъ, пока еще пустота: спущенныхъ на воду и вооруженныхъ судовъ очень мало. Первая парусная гонка кружка предположена на 16 мая въ Стрѣльнѣ — исключительно для рыбачьихъ судовъ.

Имперскій институтъ въ Лондонѣ

Нѣсколько дней тому назадъ, а именно 10-го мая н. с. въ Лондонѣ былъ открытъ съ необычайною торжественностью въ присутствіи королевы Викторіи и ея семейства такъ называемый имперскій институтъ, учрежденіе, долженствующее представлять обширный музей, сокровищницу всѣхъ произведеній Великобританіи и ея колоній. Музей названъ имперскимъ потому, что королева носитъ этотъ титулъ, какъ владѣтельница колоній. Первоначальная мысль объ учрежденіи этого института возникла еще въ 1851 году, во время тогдашней выставки въ Лондонѣ; она была подана принцемъ Уэльскимъ, высказавшимъ желаніе, чтобы произведенія всѣхъ колоній, подвластныхъ британскому скипетру, были собраны въ постоянное хранилище. Въ 1886 году, въ виду приближенія 50-лѣтняго юбилея царствованія королевы Викторіи, принцъ вновь обратился къ своей завѣтной мысли и высказалъ ее въ письмѣ къ тогдашнему лорду мэру Лондона, сэру Джону Степлзу. Мысль возъимѣла, наконецъ, ходъ, и скоро на новое учрежденіе нашелся и первоначальный фондъ въ 28 тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Подписка, открытая по всей Великобританіи и колоніямъ, дала еще 450 тысячъ фунтовъ. Закладка зданія, въ присутствіи королевы, происходила 4-го іюля 1887 года. Имперскій институтъ въ Лондонѣ представляетъ собою, главнымъ образомъ, громадный музей, въ которомъ собраны всевозможныя произведенія изъ всѣхъ странъ, подвластныхъ Великобританіи. Но однимъ этимъ далеко не исчерпывается роль и значеніе института. Въ немъ будутъ происходить собранія разныхъ обществъ и въ этихъ видахъ институтъ снабженъ не только помѣщеніями для засѣданій и занятій (библіотекою, читальнею и другими пособіями), но и средствами развлеченія, такъ, напримѣръ, въ немъ устроены роскошная билліардная, курильная комната, столовая и т. п. О необычайномъ разнообразіи и богатствѣ коллекцій института нечего и говорить. Здѣсь каждый заинтересованный чѣмъ бы то ни было, касающимся великобританскихъ владѣній — купецъ, ученый, путешественникъ можетъ видѣть воочію все, что только производитъ та страна, на которой сосредоточенъ его интересъ. На открытіи института, кромѣ королевскаго семейства и лондонской знати, присутствовали индійскіе аристократы, портреты которыхъ по этому случаю воспроизводятся въ англійскихъ иллюстрированныхъ изданіяхъ. Во время церемоніи королевѣ былъ поднесенъ золотой ключъ отъ главнаго входа зданія удивительной чеканной работы, а принцу и принцессѣ Уэльскимъ городъ поднесъ большую серебряную модель зданія. О наружномъ видѣ зданія имперскаго института читатели могутъ составить понятіе по нашему рисунку. Это громадное зданіе, длиною по фасаду около 750 футовъ, съ башнею по серединѣ фасада вышиною въ 300 футовъ. Постройка выдержана съ стилѣ итальянскаго ренессанса, со множествомъ мелкихъ скульптурныхъ украшеній по фасаду. Вдоль всего зданія тянутся безконечные корридоры, просторные и свѣтлые. Въ числѣ многочисленныхъ помѣщеній и украшеній института англійскія иллюстрированныя изданія отмѣчаютъ, между прочимъ, такъ называемую южно-африканскую конференцъ-залу, гдѣ на стѣнѣ повѣшена колоссальная картина Пикеринга, представляющая городъ Капштадтъ съ окружающими его горами и моремъ. Большимъ изяществомъ отличаются лѣстницы внутри зданія. Каждая отдѣльная страна, состоящая подъ британскимъ владычествомъ, имѣетъ въ институтѣ свою особенную залу, гдѣ собраны ея произведенія: животныя, растенія, продукты мѣстныхъ промысловъ. Англичане возлагаютъ на свой новый институтъ много надеждъ, видя въ немъ капитальное средство для изученія жизни, быта, богатствъ, промысловъ и торговли своихъ многочисленныхъ колоній.

Черноморскій броненосный флотъ на Севастопольскомъ рейдѣ

Картина Л. Д. Блинова

На послѣдней академической выставкѣ обратила на себя вниманіе публики картина г. Блинова „Черноморскій броненосный флотъ на севастопольскомъ рейдѣ". Извѣстно — до какой степени неблагодарны въ живописи подобнаго рода сюжеты, гдѣ художникъ принужденъ бороться со множествомъ чисто техническихъ трудностей съ одной стороны, и гдѣ — съ другой — его художественная фантазія совершенно стѣснена *фактомъ*, который онъ долженъ изобразить съ полной, отчетливой вѣрностью, не вдаваясь ни въ какого рода художественныя уклоненія. Этотъ родъ живописи, хотя и пейзажный, можно было бы назвать портретнымъ родомъ, потому что руки художника принуждены написать, такъ сказать, портретъ одного или многихъ судовъ; въ этомъ заключается его задача, и чѣмъ ближе къ дѣйствительности такой портретъ, тѣмъ и задача исполнена лучше. При этихъ условіяхъ, какъ и въ портретной живописи, всѣ другія стороны художественнаго творчества уходятъ на второй планъ и становятся, по крайней мѣрѣ отчасти, аксессуарами. Нельзя не отдать справедливости г. Блинову — съ этой трудной задачей онъ справился превосходно, съ большимъ тактомъ, умѣніемъ и талантомъ. О близости къ подлиннику его картины мы, разумѣется, судить не можемъ, но въ данномъ случаѣ мы легко можемъ повѣрить г. Блинову на слово: написать портретъ корабля или парохода, разумѣется, легче, чѣмъ написать человѣка. Въ подобнаго рода картинахъ весь вопросъ, слѣдовательно, заключается въ композиціи, въ выборѣ освѣщенія, въ передачѣ эффектовъ свѣта, въ художественномъ изображеніи моря, въ общей художественной цѣльности, и въ возможно поэтическомъ впечатлѣніи. Все это въ картинѣ г. Блинова имѣется на лицо. Г. Блиновъ — истинный, заправскій маринистъ; онъ, видимо, любитъ море и знаетъ его. Въ его картинѣ море — лучшая часть картины: тутъ есть и даль, и просторъ, и жизнь, и своеобразное величіе. Также хорошо небо и вообще воздушная перспектива; картина точно наполнена воздухомъ, и на прекрасномъ небѣ силуэты судовъ вы-

дѣляются граціозно и ярко. Въ общемъ картина производитъ впечатлѣніе прекраснаго морского вида нѣсколько въ голландской манерѣ письма.

Ф. А. Гейнгаусъ,

счетчикъ-моменталистъ

Среди толпы всякихъ феноменальныхъ талантовъ намъ изрѣдка приходится останавливаться въ большомъ изумленіи передъ людьми, надѣленными отъ природы выдающеюся способностью къ быстрому счисленію. Несомнѣнно такая способность принадлежитъ къ тѣмъ свойствамъ человѣческой натуры, которыя принято называть врожденными способностями, талантами. Въ пользу врожденности этого рода таланта говоритъ чрезвычайная пестрота уровней образованія и общественнаго положенія мгновенныхъ счетчиковъ. Инауди, надѣлавшій столько шума въ прошедшемъ году — простой крестьянинъ, почти совсѣмъ необразованный; Гейнгаусъ, изумляющій въ настоящее время Европу своими выкладками — образованный человѣкъ, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ почти столь же чудесныя выкладки производила маленькая дѣвочка-англичанка. Когда ее допытывали, стремясь проникнуть въ механизмъ производимыхъ ею вычисленій, дѣвочка увѣряла, что она сама не знаетъ — какъ она приходитъ къ результату счисленія, но она всегда внутренно была глубоко убѣждена въ вѣрности своего рѣшенія. Можно думать, что у мгновенныхъ счетчиковъ наряду съ безпримѣрно развитыми памятью и сообразительностью существуетъ еще какой-то особенный, безсознательный даръ угадыванія окончательнаго результата счисленія, придающій имъ полную увѣренность въ себѣ. Инауди, „изслѣдованный" парижскими математическими знаменитостями, далъ объясненія о своихъ пріемахъ счисленія едва ли болѣе ясныя, чѣмъ маленькая дѣвочка-англичанка.

Счетчикъ Гейнгаусъ, недавно прибывшій въ Петербургъ и начавшій на дняхъ давать свои сеансы въ концертной залѣ зоологическаго сада, рѣзко выдается изъ ряда другихъ математическихъ талантовъ. Это человѣкъ, обучавшійся математикѣ, обладающій, въ придачу къ своему врожденному дару, солиднымъ спеціальнымъ образованіемъ. Фридрихъ-Альбертъ Гейнгаусъ родился въ 1848 г. въ прирейнскомъ селѣ Вермельскирхенѣ, гдѣ его отецъ служилъ бухгалтеромъ на фабрикѣ. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ сельской школѣ, гдѣ впервые поразилъ своего учителя необыкновенно развитою способностью къ счисленію. Отецъ, конечно, въ качествѣ человѣка коммерческаго, очень оцѣнилъ эту способность въ сынѣ и далъ толчокъ ея развитію и усовершенствованію. Въ 1859 году Гейнгаусъ поступилъ въ высшее городское училище въ Мюльгеймѣ, а затѣмъ перешелъ въ гимназію въ Кельнѣ. Врожденный даръ развивался въ немъ съ каждымъ годомъ. Одинъ изъ учителей, выведенный однажды изъ терпѣнія бойкостью его сообразительности, крикнулъ на него: „Ты, повѣса, ты вѣчно находишь рѣшеніе задачи раньше меня!" Въ 16 лѣтъ Гейнгаусъ окончилъ курсъ и предался коммерческому дѣлу. Здѣсь его врожденный талантъ не дремалъ, а напротивъ находилъ непрерывную практику въ безконечныхъ торговыхъ счетахъ, перечисленіяхъ процентовъ, вексельныхъ курсовъ, разныхъ монетныхъ и вѣсовыхъ единицъ и т. п. Всѣ, съ кѣмъ его сталкивала въ это время судьба, до-нельзя поражались необычайною быстротою и точностью его вычисленій; всѣ побуждали его не пренебрегать этою способностью, а дать ей наивысшее развитіе и эксплуатировать ее полнѣе, чѣмъ то было возможно въ ограниченномъ кругу коммерческихъ дѣлъ. Но въ это время Гейнгаусъ женился, и его мечты о дальнѣйшемъ самоусовершенствованіи какъ-то сами собою улеглись. Въ первый разъ нашъ чудесный счетчикъ выступилъ передъ публикою въ 1882 году на благотворительномъ концертѣ въ Эльберфельдѣ. Въ программѣ онъ поставилъ свой нумеръ подъ скромною рубрикою: „Небольшія упражненія въ умственномъ счисленіи". Присутствовавшая на концертѣ публика была такъ восхищена необыкновенною быстротою его вычисленій и встрѣтила его такимъ восторженнымъ привѣтомъ, что съ этого момента его участь была рѣшена. Гейнгаусъ понялъ, что онъ можетъ сдѣлаться своего рода „артистомъ", т. е. выступать передъ публикою. Впрочемъ, онъ долго еще оставался вѣренъ своему коммерческому призванію и только въ 1891 году покинулъ торговлю и выступилъ на подмосткахъ сцены. Съ этого года начинаются его артистическія турне по Европѣ. Всюду публика встрѣчала съ энтузіазмомъ этого оригинальнаго и весьма интереснаго артиста, умѣющаго придавать своимъ сеансамъ оживленіе и веселый духъ. Гейнгаусъ не только въ высшей мѣрѣ владѣетъ даромъ мгновеннаго счисленія, но не лишенъ и остроумія—способности мгновенно находить острый отвѣтъ не на одни только математическія задачи. „Сколько будетъ дважды два?" спросилъ его разъ какой-то шутникъ изъ публики. „Сорокъ, если вас приставить справа", отвѣтилъ ему въ упоръ Гейнгаусъ. Въ публичныхъ сеансахъ Гейнгаусъ даетъ почти мгновенные отвѣты на задачи въ предѣлахъ математическихъ дѣйствій, изложенныхъ въ его программѣ. Въ эту программу, между прочимъ, входятъ: возвышеніе въ квадратѣ, третью и четвертую степени всевозможныхъ чиселъ изъ двухъ цифръ, извлеченіе квадратнаго корня изъ чиселъ, заключающихъ 6—8 цифръ, и кубическаго корня изъ 9-ти значныхъ чиселъ. Онъ вычисляетъ число секундъ въ любомъ числѣ годовъ до 100, указываетъ дни, недѣли въ любомъ прошедшемъ или будущемъ году текущаго или истекшаго столѣтія и т. д.

Ф. А. ГЕЙНГАУСЪ, счетчикъ-моменталистъ, дающій представленія въ концертномъ залѣ с.-петербургскаго зоологическаго сада.

Театръ и музыка

— Опера „Алеко". Недавно, а именно 27-го апрѣля, въ Большомъ театрѣ, въ Москвѣ, шла въ первый разъ одноактная опера молодого русскаго композитора г. Рахманинова „Алеко", сюжетъ коей заимствованъ изъ поэмы Пушкина „Цыгане". Не выдаваясь яркостью и силою мелодіи, какъ и всѣ произведенія консерваторской школы, опера молодого композитора произвела пріятное впечатлѣніе своею стройностью и хорошимъ вкусомъ. Публикѣ болѣе всего понравились партія Земфиры (пѣсня „Старый мужъ, грозный мужъ") и цыганскіе танцы.

— Опера „Хмѣлевая ночь". Въ будущій сезонъ въ Маріинскомъ театрѣ пойдетъ новая опера — „Хмѣлевая ночь", сюжетъ и либретто Д. В. Аверкіева, музыка А. Г. Рубинштейна.

— Въ придворномъ берлинскомъ театрѣ недавно были представлены балетъ „Виноградная лоза" и одноактная опера „Среди разбойниковъ" А. Г. Рубинштейна. Обѣ вещи имѣли огромный успѣхъ. За день передъ этимъ А. Г. дирижировалъ концертомъ филармоническаго общества, въ которомъ участвовали: піанистка г-жа Якимовская и пѣвица г-жа Жеребцова.

Некрологъ

Гамазовъ Матвѣй Авелевичъ, управляющій учебнымъ отдѣленіемъ восточныхъ языковъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, тайный совѣтникъ, прослужившій въ этомъ министерствѣ около 60 лѣтъ, писатель, † въ Спб. 7-го мая, 82 лѣтъ.

Голицынъ Николай Николаевичъ, князь, д. ст. сов., членъ совѣта крестьянскаго поземельнаго банка, литераторъ, бывшій редакторъ „Варшавскаго Дневника". Онъ родился въ 1837 г., воспитывался въ московскомъ университетѣ. Съ 1860 по 1863 г. былъ судебнымъ слѣдователемъ, затѣмъ служилъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ, въ Собственной Е. И. В. канцеляріи по дѣламъ Царства Польскаго, участвовалъ въ коммиссіи по устройству быта евреевъ, съ 1879 по 1883 г. состоялъ редакторомъ „Варшавскаго Дневника" и въ 1890 г. былъ назначенъ членомъ совѣта крестьянскаго банка. Онъ былъ членомъ кіевскаго археологическаго общества и почетнымъ членомъ Императорской публичной библіотеки „за библіографическіе и ученые труды" и частыя пожертвованія въ ея пользу. Кн. Голицынъ напечаталъ нѣсколько статей въ „Сынѣ Отечества" Старчевскаго, „Молвѣ" Аксакова, „Русскомъ Вѣстникѣ", „Русскомъ Архивѣ", „Журналѣ Мин. Народнаго Просвѣщенія" и друг. Изъ его трудовъ наиболѣе извѣстенъ „Библіографическій словарь русскихъ писательницъ" (Спб. 1889 г.), который представляетъ послѣ Н. И. Билевича первую попытку въ этомъ родѣ, но изобилуетъ промахами, пропусками и курьезами.

Молешоттъ Яковъ, знаменитый физіологъ, † въ Римѣ, въ началѣ мая, 71 года. Онъ родился въ Герцогенбушѣ, въ Голландіи, въ 1822 г. и получилъ высшее образованіе въ гейдельбергскомъ университетѣ, гдѣ въ 1845 году сдѣланъ былъ докторомъ. Пробывъ затѣмъ два года врачемъ въ Утрехтѣ, онъ вернулся въ Гейдельбергъ и открылъ въ университетѣ лекціи физіологіи. Его матеріалистическіе взгляды скоро возбудили противъ него сильную оппозицію, такъ что вскорѣ онъ перешелъ въ цюрихскій университетъ, а оттуда въ туринскій въ 1861 году. Въ Италіи ему такъ понравилось, что онъ принялъ итальянское подданство. Чтеніе лекцій не мѣшало ему издать рядъ замѣчательныхъ изслѣдованій („Physiologie des aliments", „Circulation de la vie", „Physiologie de la transformation des substances dans les plantes et les animaux", „Lumière et la vie", „Esquisses physiologique") по физіологіи. Изъ Турина Молешоттъ перешелъ въ римскій университетъ. Въ 1876 г. онъ былъ назначенъ сенаторомъ. На русскій языкъ переведены его „Ученіе о пищѣ" и „Физіологическіе эскизы".

Предтеченскій Андрей Ивановичъ, ординарный профессоръ с.-петербургской духовной академіи по каѳедрѣ общей гражданской исторіи, первый редакторъ журнала „Церковный Вѣстникъ", авторъ многихъ весьма цѣнныхъ богословскихъ трудовъ, † въ Спб. 6-го мая, 62 лѣтъ.

Ризенкампфъ Николай Георгіевичъ, генералъ-лейтенантъ, постоянный членъ главнаго военнаго суда, † въ Спб. 28-го апрѣля. Онъ родился въ 1831 году, образованіе получилъ въ пажескомъ корпусѣ и въ академіяхъ: Николаевской генеральнаго штаба и военно-юридической, гдѣ и окончилъ курсъ по 1-му разряду. Вступивъ въ службу въ 1849 г., Ризенкампфъ долго служилъ на Кавказѣ и въ Туркестанскомъ краѣ, участвовалъ въ кампаніяхъ 1854 и 1856—1861 гг., а впослѣдствіи былъ начальникомъ штаба 3-й гвардейской и 31-й пѣхотной дивизіи. По окончаніи курса въ военно-юридической академіи Н. Г. Ризенкампфъ былъ назначенъ военнымъ судьею въ 1874 г., произведенъ въ генералъ-маіоры въ 1876 г., затѣмъ былъ предсѣдателемъ военно-окружнаго суда, въ 1886 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а въ 1888 г. назначенъ членомъ главнаго военнаго суда.

СОДЕРЖАНІЕ НУМЕРА

Текстъ.

За редактора Э. Д. Гоппе.
Издательница А. П. Гоппе.

ИГРЫ и ЗАБАВЫ

ШАХМАТЫ

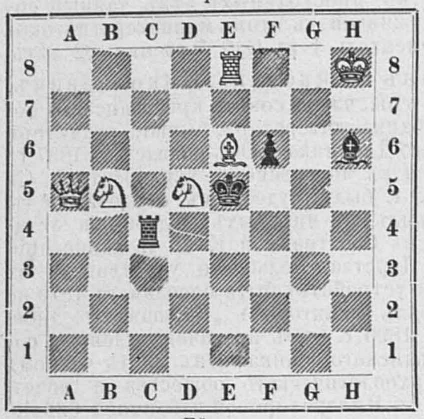
под редакціей **А. П. Шишкина**

ЗАДАЧА № 1571

С. Лойда

Была предложена на конкурсѣ рѣшеній задачъ въ Нью-Іоркѣ. 1-й призъ за ея рѣшеніе получилъ E Olley, 2-й — C. Nugent,

Черные



Бѣлые

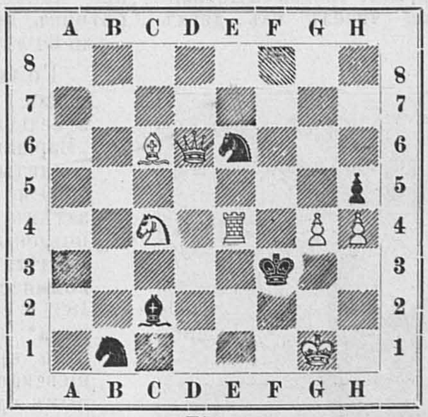
Матъ въ 3 хода.

ЗАДАЧА № 1572

Девизъ: **„Взглядъ и нѣчто“**

1-й призъ на конкурсѣ задачъ „Шахматнаго Журнала“.

Черные



Бѣлые

Матъ въ 2 хода.

ПАРТІЯ № 1037

Рѣшительная партія на 1-й и 2-й призы годоваго турнира-гандикапъ Шахматнаго Общества; играна 1-го мая 1893 г.

Партія съ дачей впередъ пѣшки f7 и двухъ ходовъ.

	Н. М. Ляликъ Бѣлые	М. И. Чигоринъ Черные
1.	e2—e4	—
2.	d2—d4	e7—e6
3.	c2—c3	К b8—c6
4.	С f1—d3	d7—d5
5.	К g1—f3*a*)	С f8—e7
6.	Ф d1—c2	d5 : e4
7.	С d3 : e4	К g8—f6
8.	С e4 : c6†*b*)	b7 : c6
9.	0—0	0—0
10.	С c1—e3	С e7—d6
11.	К f3—e5*c*)	К f6—d5
12.	Ф c2—d2*d*)	c6—c5
13.	f2—f4	С c8—a6
14.	Л f1—f3	c5 : d4
15.	c3 : d4	С d6 : e5
16.	f4 : e5*e*)	Л f8 : f3
17.	g2 : f3	Л a8—b8
18.	С e3—f2	Ф d8—f8
19.	К b1—c3*f*)	Ф f8 : f3
20.	К c3 : d5	Ф f3 : d5
21.	Л a1—c1	С a6—b7
22.	Кр g1—f1	Л b8—f8
23.	h2—h4*g*)	Ф d5—h1†
24.	Кр f1—e2	С b7—a6†

Бѣлые сдались.

Примѣчанія къ партіи М. И. Чигорина.

a) Продвигать пѣшку на e5 не представляется выгоднымъ для атаки. Простѣйшее продолженіе 5. e4 : d5, Ф d8 : d5; 6. К g1—f3 оказалось бы болѣе благопріятнымъ для получающаго впередъ пѣшку.

b) Не всегда сдвоенныя и изолированныя пѣшки ухудшаютъ положеніе. Въ данномъ положеніи это даетъ чернымъ лишній шансъ для созданія атаки.

c) Во всякомъ случаѣ было бы лучше 11. К b1—d2.

d) Положеніе бѣлымъ уже теперь затруднительное. Черные угрожали 12... К d5 : e3, 13. f2 : e3; С d6 : e5; бѣлымъ едва ли удалось бы защитить п e5.

e) Не лучше и 16. d4 : e5, К d5 : e3; 17. Ф d2 : e3, Ф d8—d1†; 18. Кр g1—f2, Л a8—d8 и т д.

f) Бѣлые, очевидно, не могутъ одновременно защитить пѣшки f и b; если 19. Кр g1—g2, то К d5—f4†; 20. Кр g2—h1, К f4—d3.

g) У бѣлыхъ нѣтъ защиты, отдаляющей проигрышъ. по меньшей мѣрѣ, фигуры. Если 23. Ф d2—e3. то Ф d5—g2†; 24. Кр f1—e1, С b7—a6, выигрывая слона послѣ Ф g2—f1†.

Годовой турниръ-гандикапъ петербургскаго шахматнаго общества окончился. Призы получили:

Первый призъ . . . . М. И. Чигоринъ (1-й кат.)
Второй „ . . . . Н. М. Ляликъ (3-й кат.)
Третій „ . . . . А. Г. Гребенщиковъ (3-й кат.)
Четвертый, пятый и шестой призы подѣлили между собой В. Г. Лизель (2-й кат.) Ю. Е Замысловскій (3-й кат) и гр. Э. П. Бенингсенъ (5-й кат.)
Седьмой призъ . . . . А. А. Перроче (5-й кат.)
Восьмой „ . . . . П. В. Отто (2-й кат.).

На окончившемся недавно ежегодномъ турнирѣ въ Нью-Іоркѣ призы получили:
Первый призъ . . . . Дельмаръ.
Второй „ . . . . Ріапъ.
Третій „ . . . . Симонсонъ.
Четвертый и пятый призы раздѣлили Хэнэмъ и Гальпернъ.

Относительно предстоящаго международнаго турнира въ Нью-Іоркѣ имѣются такія свѣдѣнія:

Всѣхъ призовъ назначено пять — въ 200, 150, 120, 90 и 60 фунтовъ стерлинговъ. Если участниковъ будетъ болѣе 12, то каждый съ каждымъ будетъ играть только по одной партіи. Первыя ничьи будутъ переигрываться, вторичныя же будутъ считаться за $1/2$ партіи. Каждый обязанъ сыграть не менѣе четырехъ партій въ недѣлю. дѣлая 15 ходовъ въ часъ Побѣдитель турнира получитъ (кромѣ перваго приза) названіе перваго игрока въ свѣтѣ (Champion of the World) и большую золотую медаль отъ президента Соединенныхъ Штатовъ — Кливеленда. Губернаторъ нью-іоркскаго штата — Флоуэръ пожертвовалъ 100 долларовъ въ призъ второму побѣдителю. „D. Wochenschach“ и „Stratégie“ сообщаютъ. что кн. Дадіанъ-Мингрельскій съ своей стороны тоже обѣщалъ дать для этого турнира спеціальный призъ (вѣроятно за лучшую партію и просилъ) Стейница принять на себя роль судьи.

Во главѣ комитета, принявшаго на себя организацію турнира, стоитъ К. А. Жильберръ, руководившій пятымъ американскимъ конгрессомъ и много лѣтъ бывшій президентомъ нью-іоркскаго и бруклинскаго шахматныхъ клубовъ; секретаремъ комитета избранъ д-ръ А Минтцъ.

Э. Ласкеръ и А. Вальбродтъ продолжаютъ свою побѣдоносную прогулку по Америкѣ. Первый, покинувъ Гавану, отправился въ Новый Орлеанъ, гдѣ далъ нѣсколько блестящихъ сеансовъ одновременной игры и сыгралъ массу партій какъ на равныхъ силахъ, такъ и съ дачей впередъ и консультаціонныхъ. Въ настоящее время онъ играетъ въ г. Кокомо матчъ съ Шовальтеромъ (см. № 1268 „Вс. Илл.“). Относительно своего отказа играть матчъ съ Вальбродтомъ, вызвавшаго общее осужденіе, Э. Ласкеръ далъ въ американскихъ газетахъ (съ опубликованіемъ писемъ гаванскаго клуба) слѣдующія объясненія: 1) при его приглашеніи въ Гавану не имѣлось въ виду никакого матча съ кѣмъ либо не изъ мѣстныхъ любителей, приглашеніе же Вальбродта было отъ него скрыто; 2) гаванскій клубъ нарушилъ имъ же самимъ предложенныя условія относительно вознагражденія за одновременныя партіи (клубъ объяснилъ, что въ письмѣ его произошла ошибка) и 3) при предложеніи матча съ Вальбродтомъ клубъ собралъ ставку лишь за послѣдняго, Ласкеру же предложили самому озаботиться объ этомъ, причемъ во время матча онъ долженъ былъ на свой счетъ жить въ Гаваннѣ.

А. Вальбродтъ, давъ 8-го марта сеансъ одновременной игры съ 19-ю любителями, 9-го марта покинулъ Гаванну, куда возвратится только въ декабрѣ, чтобы сыграть тамъ матчъ съ кѣмъ либо изъ выдающихся игроковъ, причемъ мѣстный клубъ ставитъ за Вальбродта 2000 долларовъ. Тамъ же предполагается устроить впослѣдствіи матчъ между нимъ и М. И. Чигоринымъ; ставку за Вальбродта для этого матча въ 750 долл. внесъ О. Конилль.

Изъ Гаванны А. Вальбродтъ отправился въ Нью-Іоркъ, куда онъ приглашенъ на мѣсяцъ Manchatan Chess Club'омъ. Здѣсь онъ выигралъ матчъ у А. Этлингера и сыгралъ двѣ партіи съ Дельмаромъ, изъ которыхъ одну выигралъ и одну проигралъ. Въ Brooklin Chess Club'ѣ онъ далъ сеансъ одновременной игры, причемъ въ числѣ его противниковъ были сильнѣйшіе игроки клуба и, между прочимъ, Hodges, сильнѣйшій игрокъ Нью-Іоркскаго штата. Изъ Нью-Іорка онъ отправится тоже по приглашенію въ Бостонъ и Филадельфію.

РѢШЕНІЯ ЗАДАЧЪ въ №№ 1256 и 1257

1547 *J. Jana.* (Бѣлый конь стоитъ на e8, а не на d8). 1. Ф e1—b1, Кр d5 : c6 (1... Кр d5 : e6; 2. Ф b1—f5×); 2. Ф b1 : b6† и 3. К e8—f6×. (*Вар. a*) 1... К b6—c4; 2. С e.—f3† и 3. Ф b1—f5× или 3. d2—d4×. (*Вар. b*) 1... К b6—d7; 2. Ф b1—h1† и 3. d2—d4× или 3 С e2—c4×. (*Вар. c*) 1... К b6 ∞; 2. Ф b1—f5† и 3. С e2—f3×. (*Вар. d*) 1... g5 : f4; 2. Ф b1—e4† и 3. К e8—f6× или 3. d2—d4×.

1548. Девизъ: „Mene, tekel, upharsin“. 1. К f5—e7 и если 1... Кр f6 или С f8 : e7 или g7, то 2. Ф h3—h4× или 2. К c7—e8×.

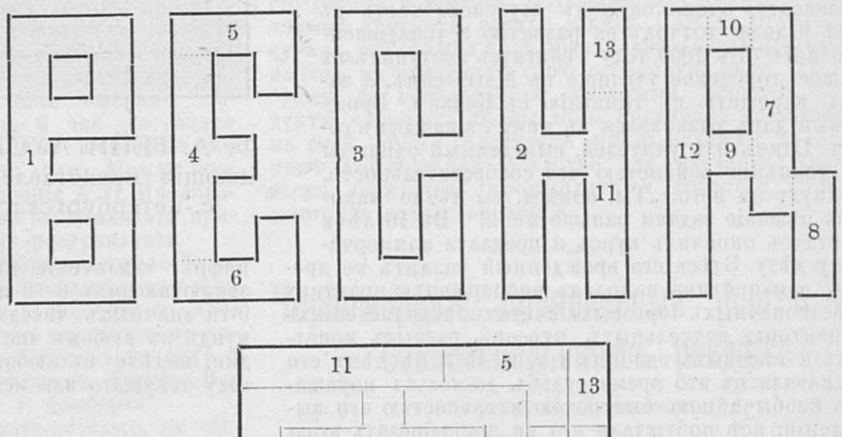
1549. *J. Hlineny.* 1. Кр h1—h2, c6—c5 (1... c4—c3; 2. d2—d4×); 2. Ф g4—f3 и 3. Ф f3—e3 или d5×. (*Вар. a*) 1... К f8—d7; 2. Ф g4—g5† и 3. Ф g3—e3× или 3. К b7—d8×. (*Вар. b*) 1... К f8—e6; 2. К e7 : c6† и 3. Ф g4—f3×. (*Вар. c*) 1... К h8—f7; 2. Ф g4—g3† и 3. К b7—c5× или 3. Ф g3—e3×.

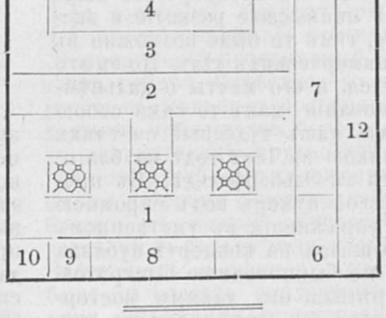
1550. *I. Бергеро.* 1. С c2—d1 и если 1.. Л d7 ∞, то 2. К e8—d6 или : g7×, если 1... К f3 ∞, то 2. Л c2—e5×, если же 1... К h3 ∞ или 1... g6—g5, то 2. Ф h4—f4 или e4×.

Въ конторѣ „Всемірной Иллюстраціи“ имѣются въ продажѣ шахматныя діаграммы съ печатными фигурами для наклейки, по 75 коп. за 100 діагр., и бланки для записыванія партій: за 100 экз. 1 руб.

Всю корреспонденцію по шахматному и шашечному отдѣламъ просимъ адресовать въ редакцію журнала „Всемірная Иллюстрація“: Петербургъ, Садовая ул., 22.

Рѣшеніе головоломки





Криптограмма № 1,

сост. А. Петерсономъ

(для М. С. Кр—ской)

Помѣщая въ настоящемъ нумерѣ задачу-криптограмму (шифрованную рукопись), весь секретъ которой состоитъ въ замѣнѣ однѣхъ буквъ нашего алфавита другими, для облегченія разгадки этой первой криптограммы поясняемъ тутъ же, что она представляетъ изъ себя одно изъ стихотвореній А. С. Пушкина. Узнать это стихотвореніе.

ж, клмн, офруст, гдежзи, абв, нопр, шизъыѣо, вь, клмн, абвг, хцьуфр, мъ, ъыьѣэюя, оп, пiклм, абв. дежз, авгдос, не, клмнопрст, i, рс, фхцъ, стуъыьѣю, мноп, дежзиі, о, съва, клмноп, абвгед жзи, попрстучшщ, ст, гдежзклр, уф, прстуфхцч, iклмно, а, туфх, гдежзи, алмн, iклмнопр, прст, абвгд, кюяо, ъы, азъѣ, нопр, прстуфх, абвг, клмнопр.

Задача лото № 1,

сост. А. Петерсономъ

для Е. С Пл—вой.

Играютъ въ лото втроемъ (А, В и С). Каждый изъ играющихъ беретъ по одной картѣ. А имѣетъ слѣдующую карту, съ которой онъ и выигрываетъ отъ

В 226 очковъ
С 248 „

2		25	38		56		74	
3		21		44		62	79	
	16		32		58	68		87

Вынуто всего 26 нумеровъ; требуется узнать — какіе вынуты нумера и какія карты у В и С.

Дозв. цензурою. СПб. 13-го мая 1893 г.

Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

Вѣра, Надежда, Любовь.

Картина профессора Б. Плокгорста.

Грагировано для »Всемірной Иллюстраціи« въ Лейпцигѣ.

ГЕОМЕТРИЧЕСКОЕ РАЗВИТІЕ МОДЪ.

Квадратъ 1859 года.

Прямоугольный треугольникъ 1867 г.

Равнобедренный треугольникъ 1882 г.

Трапеція 1893 г.

Новые опыты съ мыльными пузырями

Послѣдней новинкой въ области опытовъ съ мыльными пузырями является обстоятельная статья, помѣщенная—прошу не шутить—докторомъ философіи (положимъ, американскимъ) T. O'Connor Sloane (Т. О'Конноръ Слоонъ) въ одномъ изъ довольно серьезныхъ ученыхъ журналовъ: „Scienti fic American". Сообщаемъ здѣсь содержаніе означеннаго „трактата".

Начнемъ съ рецепта, предлагаемаго авторомъ на основаніи долголѣтней практики. Одну вѣсовую часть ѣдкаго натра онъ размѣшиваетъ въ 320 частяхъ дистиллированной или дождевой воды и къ раствору этому прибавляетъ 7 частей чистой олеиновой кислоты; смѣсь эта сильно разбалтывается до полнаго соединенія, послѣ чего прибавляютъ — на этотъ разъ по объему — 1 часть самаго чистаго глицерина на 3 части олеино-натроваго соединенія. Все это хорошенько взбалтываютъ и даютъ смѣси отстояться дня два, послѣ чего на днѣ образуется осадокъ. Тогда сливаютъ чистый растворъ посредствомъ сифона и употребляютъ его въ дѣло. Со временемъ онъ какъ будто еще улучшается.

Рис. 1.

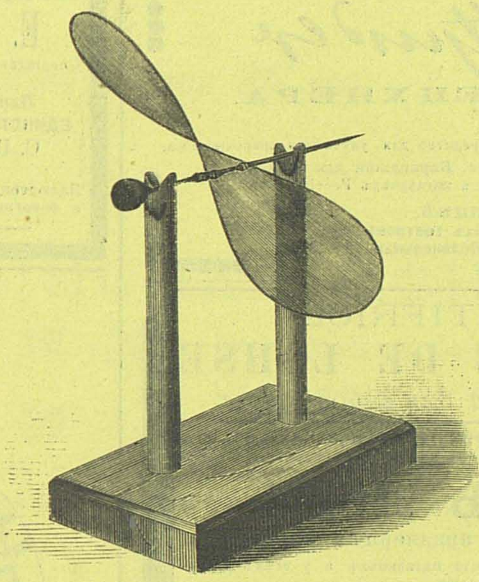


Рис. 2.

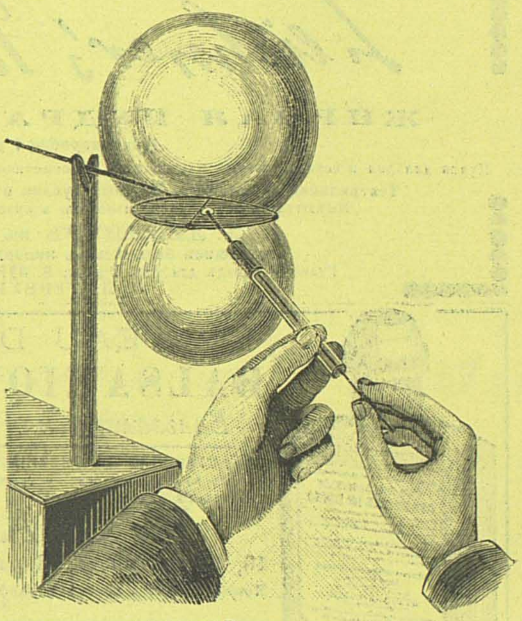


Рис. 4.

Для выдуванія пузырей авторъ рекомендуетъ весьма удобный приборъ, изображенный на прилагаемомъ рисункѣ (рис. I). Приборъ этотъ состоитъ изъ склянки съ широкимъ горлышкомъ, въ которомъ сидитъ пробка, пробуравленная въ двухъ мѣстахъ на разстояніи около $^1/_2$ сантиметра одно отъ другаго. Сквозь эти отверстія просовываются изогнутыя стеклянныя трубочки: одна для вдуванія (мундштукъ), другая для выдуванія (формовка); форма и соотвѣтствующая длина показаны на рисункѣ, причемъ обратимъ вниманіе на то, что нижній конецъ мундштука нѣсколько выше конца формовки. Авторъ замѣчаетъ, что на внутреннихъ стѣнкахъ сосуда осаждается паръ, содержимый въ дыханіи, который бы иначе могъ повредить успѣху опытовъ; кромѣ того онъ указываетъ, что весьма важно при выдуваніи держать наружный конецъ формовки въ строго горизонтальномъ положеніи.

Мы уже раньше указали на столько разновидностей мыльныхъ фигуръ, что на этотъ разъ ограничимся здѣсь лишь однимъ опытомъ — конструкціей вѣтрянки (рис. II). Столбики и нижняя подставка изготовляются изъ дерева или картона; концы столбиковъ зарѣзываются угломъ и, если столбики деревянные, обугляются каленой желѣзкой, а если они картонные—смазываются мыломъ; благодаря этому треніе уменьшается, а слѣдовательно скорость вращенія оси увеличивается. Ось дѣлается изъ большой булавки, къ которой привита тоненькая проволока, изогнутая такъ, что представляетъ очертанія архимедова винта. Винтъ этотъ снимаютъ со стойки и опускаютъ въ вышеописанный растворъ; тогда между ободками проволоки появляется мыльная пленка, образующая лопасти винта; лишнюю, отвисающую каплю снимите пропускной бумагой—и вѣтрянка ваша готова. Чтобы заставить ее вертѣться, сверните изъ бумаги трубочку, длиною въ 1 футъ, а въ поперечникѣ—не больше двухъ дюймовъ, станьте шагахъ въ трехъ и, держа трубку на разстояніи $^1/_4$ аршина отъ себя, дуйте посильнѣе по направленію къ вѣтрянкѣ. Если же приставить трубку прямо ко рту, то тяги не хватитъ.

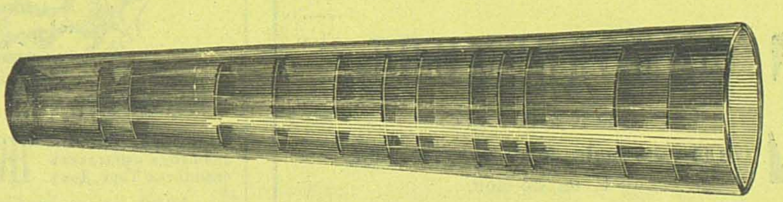


Рис. 3.

Мыльные пузыри вслѣдствіе общихъ законовъ физики, обладаютъ многими своеобразными свойствами, какъ, напр., они проявляютъ замѣчательное стремленіе сокращаться до крайней возможности. Возьмите стеклянную трубку, съ одного конца широкую, съ другаго—узкую (т. е. формы усѣченнаго конуса) и поглубже погрузите ее въ мыльный растворъ широкимъ концомъ (раструбомъ): тамъ образуется пленка („очко"), которая станетъ передвигаться къ узкому концу и остановится на границѣ погруженія. Повторите опытъ, на этотъ разъ погружая раструбъ неглубоко, и второе очко побѣжитъ за первымъ; затѣмъ подобнымъ же образомъ можно нанизать ихъ цѣлый рядъ (рис. III).

Другая особенность пузырей заключается въ томъ, что при сообщеніи двухъ пузырей различныхъ размѣровъ бо̀льшій втягиваетъ въ себя меньшаго. Для доказательства сдѣлайте изъ проволоки круглый ободокъ, прикрѣпленный къ ручкѣ и пересѣкаемый въ діаметрѣ такою же проволокой, которая гдѣ либо въ серединѣ снабжена ушкомъ; ушко это (проволочное или веревочное) должно лежать въ площади проволочнаго круга. Приборчикъ этотъ смочите растворомъ и, ради удобства, утвердите на какой нибудь стойкѣ, и затѣмъ помѣстите поверхъ кружка мыльный пузырь. Теперь переверните приборъ и придуйте на обратной сторонѣ другой пузырь, по возможности, одинаковой величины. Тогда у васъ получатся два пузыря, соприкасающіеся въ площади круга, но отдѣленные другъ отъ друга промежуточной пленкой; въ этой пленкѣ требуется пробить отверстіе, чтобы образовалось внутреннее сообщеніе между пузырями. Для такой цѣли вооружитесь стекляной трубочкой, смочите ее въ растворѣ и снизу искоса введите ее въ нижній пузырь; въ трубкѣ образуется пленка, которая тихонько пододвинется къ наружному отверстію трубки, но все-таки образуетъ преграду для доступа наружнаго воздуха. Теперь возьмите желѣзную шпильку, накалите конецъ ея на свѣчкѣ и пропустите сквозь трубку такъ, чтобы горячимъ концомъ попасть въ ушко (рис. IV). Отъ соприкосновенія этого тотчасъ же лопнетъ пленка, находящаяся въ трубкѣ, и другая пленка, затягивающая ушко, такъ что черезъ ушко это образуется внутреннее сообщеніе между обоими „баллонами". Шпильку надо моментально выдернуть, а трубку либо также вынуть, либо хотя и оставить, но закрывъ пальцемъ наружное отверстіе. Тотчасъ же послѣ прокола ушка нижній пузырь, нѣсколько убавившійся вслѣдствіе ввода трубки, начнетъ переходить въ большой пузырь и, какъ бы мало ни было ушко, черезъ нѣсколько секундъ нижняго пузыря и слѣда не останется.

Подобный же опытъ можно продѣлать и съ нѣсколькими пузырями: стоитъ лишь нагромоздить ихъ цѣлую коллекцію другъ на друга и посредствомъ трубочки и горячей шпильки проколоть промежуточныя пленки одну за другою, тогда всѣ эти баллоны сольются воедино.

Магъ.

О перемѣнѣ адреса.

Въ виду многочисленныхъ запросовъ подписчиковъ „Всемірной Иллюстраціи" о количествѣ денегъ, слѣдующихъ съ нихъ за перемѣну адреса, главная контора редакціи этого журнала имѣетъ честь сообщить, что за каждую перемѣну адреса взимается:

За перемѣну адреса иногородняго на иногородный же — 28 коп. (можно посылать почтовыми марками).

За перемѣну адреса иногородняго на городской, т. е. при переѣздѣ въ С.-Петербургъ изъ провинціи и при желаніи получать журналъ съ доставкою на домъ, **взимается до 1 іюля 1 руб., послѣ 1 іюля 70 к.**

За перемѣну адреса городскаго на иногородный, т. е. при переѣздѣ изъ С.-Петербурга въ провинцію, **взимается до 1 іюля 2 р.; послѣ 1 іюля 1 р. 50 к.**

Плата за перемѣну адреса въ послѣднихъ двухъ случаяхъ взимается вслѣдствіе того, что городская и иногородная почты имѣютъ совершенно отдѣльныя управленія, и разъ уплаченныя за доставку или пересылку деньги уже не возвращаются.

Городскіе подписчики, переѣхавшіе изъ С.-Петербурга въ провинцію и заплатившіе за пересылку журнала, при возвращеніи обратно въ С.-Петербургъ за доставленіе журнала на домъ **вторично не платятъ.**

При перемѣнѣ адреса гг. иногородные подписчики благоволятъ увѣдомлять о томъ главную контору редакціи **немедленно и прилагать непремѣнно вмѣстѣ съ новымъ и старый печатный адресъ**, по которому получался журналъ прежде, **безъ чего перемѣна адреса сдѣлана быть не можетъ.**

Сообщенія о перемѣнѣ адреса просимъ адресовать: въ контору журнала „Всемірная Иллюстрація": С.-Петербургъ, Садовая, 22.

Главная контора и редакція „Всемірной Иллюстраціи" находятся въ С.-Петербургѣ, на Садовой ул. № 22.

Въ Москвѣ отдѣленія конторы находятся: 1) при книжн. маг. А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, 15, и 2) при конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи.

Дозв. цензурою. СПБ. 13 мая 1893 г.

Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

Всемірная Иллюстрація

25й годъ — № 1270 — 49й томъ

Суббота 22-го мая 1893 г.

Цѣна нумеру 35 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки на годъ . **15** руб.
(при подпискѣ въ главной конторѣ редакціи).
Съ доставкою на годъ . . . . . **17** »

Въ Москвѣ безъ доставки на годъ . . . . . . **17** руб.
Съ пересылкою во всѣ города Россійской имперіи на годъ . . . . . **18** »

Подписная цѣна на полгода съ доставкою и пересылкою . . . . . **9** руб.
За границу (въ государства всемірнаго почтоваго союза) **20** руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Редакція и главная контора: Садовая ул. № 22.

Sonate pathétique или благородная месть композитора пьянисту.

Нравоучительное происшествіе въ восьми картинахъ Г. Ш.

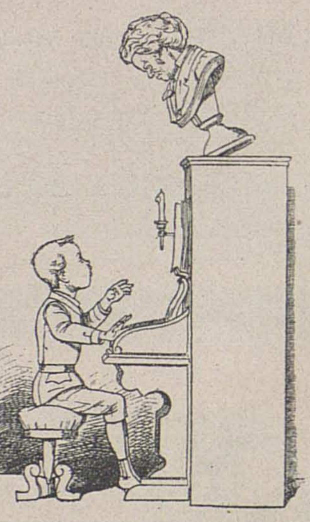
1.

2.

3.

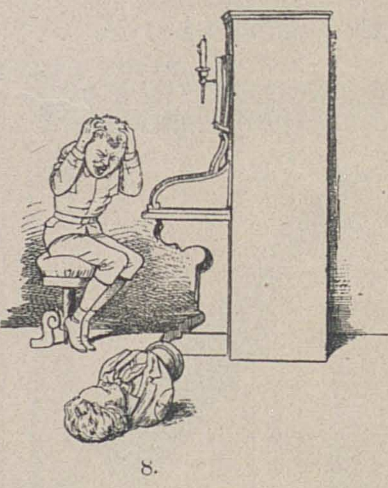
4.

5.



6.

7.



8.

Всемірная Иллюстрація

№ 1270. Годъ XXV. 22-го мая 1893 г. Томъ XLIX. № 22.

Лицевая сторона памятника; видъ отъ Чудова монастыря.

Проектъ памятника по модели рисовалъ К. О. Брожъ.

Москва. — Закладка памятника Императору Александру II.

НА ВОДѢ

Разсказъ

А. Н. БУДИЩЕВА

Вогульскій оттолкнулъ легкую, какъ перышко, гичку отъ берега и сѣлъ къ весламъ; гичка качнулась; легкія волны побѣжали отъ ея бортовъ и съ веселымъ плескомъ захлестнули деревянные мостки. Вогульскій взмахнулъ веслами; гичка быстро вылетѣла чуть не на середину узкой и тихой рѣки, утонувшей въ зеленыхъ берегахъ. Тогда Вогульскій сдѣлалъ взмахъ лѣвымъ весломъ и поставилъ гичку внизъ по теченію; послушная хозяину, она повернулась, какъ граціозная рыбка, кормой къ закату.

Заря догорала; лиловыя съ пурпуровой каймой тучи громоздились на западѣ. Вечеръ былъ тихій и ясный; рѣка, какъ зеркало, лежала въ зеленыхъ берегахъ; зеленый камышъ стоялъ не колеблясь; нарядные зимородки перепархивали съ куста на кустъ. Вогульскій снялъ мягкую войлочную шляпу, бросилъ ее на лавку и сложилъ весла; ему не хотѣлось грести; пусть гичка идетъ по теченію, вечеръ такъ хорошъ и торопиться некуда.

Борисъ Андреевичъ Вогульскій — молодой человѣкъ лѣтъ двадцати семи; у него маленькая рыжеватая бородка, короткіе и курчавые волосы, умные каріе глаза и красивыя надменныя губы. Одѣтъ онъ въ легкій парусиновый пиджакъ, изъ-подъ котораго видны расшитый воротъ малороссійской рубахи, и голенища высокихъ лакированныхъ сапогъ. Въ этихъ мѣстахъ Вогульскій не былъ вотъ уже два года, а раньше онъ ѣздилъ сюда каждое лѣто четыре года подрядъ. Здѣсь можно всегда найти порядочную квартирку въ богатомъ селѣ Черный Яръ; кромѣ того здѣсь прекрасное мѣстоположеніе и веселое сосѣдство. Это-то и тянуло его сюда каждое лѣто. На его глазахъ превратилась изъ дѣвочки въ дѣвушку Настасья Дмитріевна. При воспоминаніи объ этой дѣвушкѣ Вогульскій слегка поблѣднѣлъ.

Что за чудная дѣвушка была, а потомъ вдругъ какъ-то сразу испортилась; пойми послѣ этого женщинъ! Впрочемъ, онъ, можетъ быть, идеализировалъ ее, такъ какъ былъ влюбленъ въ нее. Молодому человѣку пришло въ голову: „былъ, а теперь развѣ нѣтъ?“

— Къ сожалѣнію да! произнесъ онъ вслухъ и внезапно улыбнулся.

„Я точно несовершеннолѣтній кадетъ“, подумалъ онъ,—„сижу и мечтаю о „ней“. Жаль, что луны нѣтъ!“

Луны еще не было, хотя заря уже гасла, и пурпуровая кайма лиловыхъ тучъ стала уже; розовыя тѣни сбѣжали съ поверхности рѣки, и она стала синей.

Вогульскій надѣлъ шляпу, сбилъ ее на затылокъ и сильно толкнулъ обоими веслами; гичка точно прыжокъ сдѣлала, легкія волны съ звонкимъ плескомъ побѣжали къ берегамъ.

„Все это глупости“, подумалъ Вогульскій, „это не любовь, а капризъ, негодованіе какое-то дурацкое: какъ это, дескать, она смѣла промѣнять насъ на какого-то Сорокина или какъ тамъ его! А виноваты кругомъ мы же сами; сами-то мы сбѣжали самымъ постыднымъ образомъ передъ генеральной битвой, а не убѣги — неизвѣстно, кто бы кого съ носомъ оставилъ: Сорокинъ меня или я его! Но всетаки Настасья Дмитріевна взбалмошная дѣвчонка и больше ничего!“ Вогульскій снова хотѣлъ взять весла, но раздумалъ и сталъ смотрѣть вдаль.

„Вонъ тамъ, у „Черной тони“, гдѣ рѣка дѣлаетъ крутой и красивый изгибъ, въ полуверстѣ отъ берега зеленѣютъ крыши усадьбы ея родителей. Славные они старички. Но милой птички нѣтъ въ гнѣздышкѣ; она улетѣла полтора года тому назадъ. Впрочемъ, она гдѣто недалеко, верстахъ въ 60-ти, кажется. Небось теперь блаженствуетъ въ объятіяхъ своего 45-лѣтняго супруга, владѣющаго тремя тысячами десятинъ земли и однимъ волосомъ на всемъ черепѣ; такъ мнѣ и отписала: „три тысячи десятинъ и одинъ волосъ!“ Что же? поздравляю и желаю счастія! Но зачѣмъ она все это мнѣ сообщила? Это было ровно черезъ полгода, какъ я бѣжалъ изъ этихъ мѣстъ, почуявъ, что влюбился и притомъ весьма основательно. А мнѣ хотѣлось картины писать и на ноги стать, а не амурами заниматься; да и финансы наши были въ то время въ такомъ состояніи, когда жалѣешь, что у тебя хорошій аппетитъ. На ноги-то мы кое-какъ стали, заработокъ есть, да ужъ птичка-то улетѣла, о чемъ и „имѣла честь“ извѣстить насъ полтора года тому назадъ. Такъ и написала: „Многоуважаемый Борисъ Андреевичъ, честь имѣю извѣстить васъ, что я выхожу замужъ за Сорокина (слыхали, можетъ быть?); у него три тысячи десятинъ земли и одинъ волосъ на всемъ черепѣ. Однимъ словомъ, человѣкъ отличный. Помните — вы какъ-то говорили, выражаясь довольно туманно, что „утекаете“, такъ какъ вамъ грозитъ „серьезная опасность“, и что вамъ надо зарабатывать положеніе, причемъ вы со свойственной вамъ вульгарностью присовокупили, что у васъ „шишъ“ въ карманѣ, хотя меня это нисколько не интересовало; разубѣждать же васъ въ этомъ я не желаю — Богъ съ вами! Затѣмъ вы замѣтили, что современныя дѣвицы не умѣютъ ждать (чего? спрошу я васъ) и заняты ловлей старенькихъ, но богатенькихъ дурачковъ. Не всѣ, возражу я, но себя въ число исключеній не ставлю!“

Вогульскій снова сбросилъ шляпу.

И потомъ совершенно неожиданно слѣдовало: „Заработывайте поскорѣе положеніе, милый вы человѣкъ, а заработаете — пріѣзжайте посмотрѣть на насъ. Если вамъ будетъ тяжело — напишите“. И затѣмъ съ красной строки: „Безнадежной любви нѣтъ, нужно только умѣть любить. Горы сдвинутся“.

„Однако это глупо“, подумалъ Вогульскій, „я помню ея письмо слово въ слово! Это ужъ совсѣмъ по дурацки! Ну, вотъ я и пріѣхалъ, но m-me Сорокину видѣть совсѣмъ не желаю, а мѣста, гдѣ она росла, посмотрю съ наслажденіемъ. Проживу здѣсь дня два—три и айда дальше куда нибудь! До Сорокиной Вогульскому нѣтъ ровно никакого дѣла!“ Вогульскій потянулся, хотѣлъ зѣвнуть, но тутъ же замѣтилъ себѣ: „какое кривлянье! сердце разрывается, глаза полны слезъ, плакать хочется, а я пытаюсь равнодушно зѣвнуть! кривляюсь передъ самимъ собой — это пакость! Причалю къ берегу противъ ея усадьбы, лягу подъ дерево, полежу и наревусь досыта!“

Вогульскій взялся было за весла, но весла внезапно выпали изъ его рукъ; онъ побѣлѣлъ какъ полотно и съ ужасомъ, большими глазами, смотрѣлъ на правый берегъ. Оттуда онъ услышалъ испуганный и вмѣстѣ съ тѣмъ полный радости крикъ:

— Борисъ, Борисъ Андреевичъ!..

И онъ сразу узналъ этотъ голосъ.

Она стояла на крутомъ выступѣ берега смертельно блѣдная, вся подавшись впередъ.

Вогульскій жадно смотрѣлъ на нее.

Она все такая же, какъ была: тѣ же черныя тугія косы, тѣ же ласковые синіе глаза, тоненькая и хрупкая фигурка; только лицо ея похудѣло и сильно похудѣло, да подъ глазами легли темныя тѣни. Она точно и испугалась чего-то, и обрадовалась. Но вотъ она вся просіяла ласковой улыбкой.

— Милый, Борисъ Андреевичъ, еслибъ вы только знали, какъ я рада еслибъ только знали!.. Гребите же сюда скорѣе!

Онъ послушно, не отдавая себѣ отчета, повернулъ гичку и сильно взмахнулъ веслами. Гичка съ разлета стукнулась о берегъ. Вогульскій вышелъ и блѣдный стоялъ противъ молодой женщины.

— Здравствуйте, Борисъ Андреевичъ! Настасья Дмитріевна, ласково улыбаясь, протянула ему руку.

Вогульскій подалъ свою; онъ уже нѣсколько овладѣлъ собой и нашелъ силы улыбнуться въ отвѣтъ.

— Я тоже радъ васъ видѣть! сказалъ онъ и сейчасъ же подумалъ: „фу, какъ это глупо сказано!“

Настасья Дмитріевна сошла въ лодку и сѣла на корму.

— Ну-съ, маршъ къ весламъ! мы будемъ кататься и серьезно разговаривать. Она загадочно улыбнулась; — мы вѣдь только вѣчно ссоримся и никакъ не можемъ окончить разговоръ, начатый три года тому назадъ.

Гичка отчалила отъ берега; Настасья Дмитріевна поставила ее внизъ по теченію и пристально глядѣла на Вогульскаго. Молодой человѣкъ избѣгалъ ея взгляда.

Становилось темнѣе; заря догорѣла; только кое-гдѣ изъ-за черныхъ тучъ, медленно плывшихъ на закатѣ, огненными языками выбивало послѣднее пламя; рѣка у берега казалась совсѣмъ черной; золотыя звѣзды ярко, какъ угли, горѣли на ея застывшей поверхности; вѣтеръ не дышалъ; сизый туманъ клубился вдали, и оттуда тянуло сыростью.

Вогульскій совершенно овладѣлъ собой и внимательно смотрѣлъ на молодую женщину.

„Какъ она похудѣла!“ подумалъ онъ.

Она, точно угадавъ его мысли, сказала:

— И вы тоже какъ похудѣли! какимъ усталымъ смотрите! Въ ея голосѣ звучало такое сожалѣніе и ласка, что сердце Вогульскаго дрогнуло.

— За что мы мучаемъ другъ друга? понижая голосъ, добавила молодая женщина, — вѣдь вы мнѣ кромѣ дерзостей и упрековъ никогда ничего не говорили!

Вогульскій какъ будто не слыхалъ этого полувопроса и, стараясь прикинуться равнодушнымъ, сказалъ:

— Какъ вы сюда попали? вѣдь вы живете съ мужемъ въ 60-ти верстахъ, кажется?

Настасья Дмитріевна разсмѣялась.

— Мужъ разрѣшилъ мнѣ отпускъ, и я гощу у родныхъ. Онъ вѣдь у меня добрый, не то, что вы! Ахъ, сколько я страдала за васъ! внезапно измѣнила она голосъ и поблѣднѣла.

— Будто? спросилъ Вогульскій и надменно улыбнулся.

— Нѣтъ, шучу!

— Много вы шутите, Настасья Дмитріевна, слишкомъ много! Вогульскій вздохнулъ.

— За что вы сердитесь? Что я вышла замужъ? Но развѣ вы говорили мнѣ когда нибудь, что любите меня? Напротивъ, вы всячески старались внушить мнѣ противное и говорили дерзости! И что же, по вашему, я должна была броситься къ вамъ на шею и сказать: милый, я люблю тебя за то, что ты такъ золъ и несправедливъ и всегда говоришь мнѣ дерзости! Такъ что ли? А вотъ теперь (Настасья Дмитріевна весело улыбнулась) я убѣждена, что вы меня любите!

— Ого!

— Да-съ, любите и много страдали, и теперь страдаете? Еслибъ вы знали, какъ мнѣ жалко васъ! Послушайте! ну, скажите мнѣ что нибудь ласковое! ну, Борисъ Андреевичъ, милый, ну, скажите хоть разъ въ жизни, что любите меня! ну, пожалуйста!

— Теперь не зачѣмъ, поздно! Вогульскій сердито нахмурилъ брови.

— Во первыхъ, никогда не поздно, а во вторыхъ, почему же вы раньше молчали?

Вогульскій хмурился.

— Потому что „шишъ“ въ карманѣ? Настасья Дмитріевна засмѣялась, — но вѣдь я объ этомъ васъ не спрашивала? Ну, скажите же, что любите меня!

— Ни за что!

— А я вамъ скажу! хотите? впрочемъ, я вамъ уже писала объ этомъ!

— Неправда!

— Нѣтъ, писала тогда — Настасья Дмитріевна весело засмѣялась, — наканунѣ свадьбы.

Вогульскаго раздражалъ этотъ смѣхъ.

„Чего она смѣется?“ думалъ онъ, „издѣвается, что ли?“

— Нѣтъ, не писали! повторилъ онъ сердито.

— Нѣтъ, писала! многоуважаемый Борисъ Андреевичъ, я люблю васъ, хотя по вашимъ увѣреніямъ въ карманѣ у васъ... молодая женщина разсмѣялась.

— Вы лжете! запальчиво крикнулъ Вогульскій, еслибъ вы написали мнѣ это, то не то бы вышло! Вы искажаете текстъ письма — это недостойно! Вы мнѣ писали: Многоуважаемый Борисъ Андреевичъ, честь имѣю извѣстить васъ, что я выхожу замужъ за Сорокина (слыхали, можетъ быть?); у него три тысячи десятинъ земли и одинъ волосъ...

Настасья Дмитріевна весело расхохоталась и даже въ ладоши ударила.

— Милый, онъ знаетъ мое письмо наизусть!

— Только до этого мѣста и то не слово въ слово!.. буркнулъ Вогульскій и сердито ударилъ весломъ по водѣ.

— А если не писала, такъ хотите скажу сейчасъ?

— Настасья Дмитріевна вся просіяла счастливой улыбкой. Борисъ Андреевичъ, я люблю васъ и счастлива, безконечно счастлива, потому что вижу, что и вы меня любите!.. Не брызгайтесь!.. да, любите, хоть и не хотите сказать этого!

— Настасья Дмитріевна (Вогульскій поблѣднѣлъ), я бы попросилъ васъ оставить этотъ разговоръ!

— Теперь ни за что! Слышите ли вы, упрямый человѣкъ? ни за что! я поставила на карту все, я измучалась, я всѣмъ рисковала! и все это для того, чтобы вы наконецъ убѣдились, что любите меня! Слышите ли вы? Ну, ради Бога, ну, скажите, любите ли вы меня? Я васъ спрашиваю, Борисъ Андреичъ! отъ этого зависитъ все!

— Я завтра уѣду, Настасья Дмитріевна; это рѣшено.

— Любите ли вы меня? Настасьѣ Дмитріевнѣ было до боли жаль молодаго человѣка; она того и гляди готова была разрыдаться, но ей хотѣлось сломить это дикое упрямство. Она подошла къ нему.

Вогульскій сидѣлъ передъ ней блѣдный, измученный.

— Люблю! Вогульскій закрылъ лицо руками, — но завтра я уѣду!

— А если я васъ люблю?

Вогульскій махнулъ рукою.

— Поздно! Ахъ, Настасья Дмитріевна, если бы вы знали сколько я пережилъ за этотъ годъ, а вы смѣетесь!

— Милый, смѣюсь, потому, что вижу, что ты любишь меня, что я побѣдила, сломила твое упрямство...

Вогульскій поднялся на ноги съ искаженнымъ лицомъ.

— Уйдите! крикнулъ онъ, — а не то... Онъ стиснулъ станъ женщины и приподнялъ ее, — змѣя!

Настасья Дмитріевна закрыла глаза. „Боже мой, онъ выброситъ меня за бортъ!“

— Милый, за что?

Вогульскій опомнился и опустилъ руки. Онъ задыхался; губы его дергало.

— Простите, Настасья Дмитріевна!

— Милый, за что? Настасья Дмитріевна зарыдала.

Вогульскій сталъ передъ ней на колѣни.

— Простите меня, Настасья Дмитріевна; я знаю, что не имѣю права сердиться на васъ, но что дѣлать! простите! У меня живаго мѣста нѣтъ, а вы смѣетесь! простите... Вогульскій заплакалъ.

Настасья Дмитріевна прижала его голову къ колѣнямъ.

— Перестань, шептала она плача, — перестань, милый! Слушай, милый! это все вздоръ, я и не думала выходить за Сорокина, а ты, глупый, повѣрилъ! Вѣдь я люблю тебя и вдругъ за Сорокина! Ахъ, какъ ты ничего не понимаешь!.. Это я нарочно придумала, чтобы убѣдить тебя, что ты меня любишь. Ты потерялъ меня и узналъ это, а иначе, я знаю тебя, ты все бы сомнѣвался: „да это не любовь, да все это пройдетъ!“ Дѣвушка улыбнулась сквозь слезы. — А ты утопить меня хотѣлъ, глупый ты!.. Она снова заплакала: — милый, перестань!.. Милый, я не выходила замужъ за Сорокина, слышишь?..

Вогульскій слышалъ, но плохо понималъ и изумленно смотрѣлъ на дѣвушку мокрыми отъ слезъ глазами.

— Какъ же это такъ? неужто же Сорокина нѣтъ?..

— Нѣтъ, милый — дѣвушка всхлипнула, — Сорокинъ-то есть, да я-то не жена его! а ты утопить...

— Боже мой! Вогульскій припалъ къ колѣнямъ дѣвушки; они оба плакали и слышали, какъ всхлипываютъ ихъ груди да шумитъ подъ лодкой вода.

— Милый, зашептала дѣвушка, — какъ мы измучились, мы даже не радуемся, а только плачемъ! Раньше ни я, ни ты никогда не плакали, а вотъ встрѣтились и научились плакать! Послушай, перестань, милый! Дѣвушка ласково тронула рукою плечо юноши и заплакала еще сильнѣе.

— Боже мой, какъ я устала!

— Милая, не говори ничего, прошепталъ Вогульскій, — сиди вотъ такъ: пусть все уляжется.

Дѣвушка сидѣла на кормѣ, склонившись къ юношѣ, а тотъ стоялъ передъ ней на колѣняхъ и нѣжно обнималъ ея станъ. Они молчали.

Блѣдная луна стала на востокѣ среди разорванныхъ тучъ. Въ лугахъ трещали коростели, да порой въ отдаленномъ селѣ тявкала собака. Тихій вѣтерокъ рябилъ волнами, и берега вздыхали.

— Видишь, ты какой упрямый, зашептала дѣвушка: — тебя можетъ сломить только буря, а отъ вѣтерка ты только кудрями встряхнешь!

Вогульскій молчалъ; онъ стоялъ въ той же позѣ и только плакать пересталъ. Нервная дрожь подергивала его плечи.

— Какъ я усталъ!

— Неужто мы никогда не будемъ радоваться? дѣвушка нѣжно поцѣловала курчавые волосы юноши.

Тотъ вздохнулъ и поднялъ голову.

— О, нѣтъ! мы будемъ много и много радоваться, но только завтра. Сегодня же мы можемъ только плакать... Онъ весело улыбнулся.

Гичку прибило къ берегу.

Ал. Будищевъ.

Псаломъ жизни

Изъ Г. У. Лонгфелло

Тотъ не правъ, кто называетъ
  Жизнь „обмана полнымъ сномъ“:
Духъ, объятый сномъ, — безжизненъ;
  Міръ — не то, что видятъ въ немъ.

Жизнь — реальна, жизнь — не шутка!
  Ей могила не конецъ
„Прахъ еси и въ прахъ отыдешь“ —
  Не душѣ изрекъ Творецъ.

Не блаженство, не страданье
  Намъ въ удѣлъ дала судьба,
А стремленье — быть на-завтра
  Еще дальше, чѣмъ вчера.

Знанье — вѣчно, время-жъ мчится,
  И, при всемъ богатствѣ силъ,
Похоронный маршъ бьетъ сердце
  Намъ средь свѣжихъ все могилъ.

Въ полѣ жизни безпредѣльномъ,
  Въ свалкѣ битвы роковой
Ты не будь рабомъ послушнымъ,
  А сражайся какъ герой.

И, грядущему не вѣря,
  Дай былому хоронить
Мертвецовъ, — лишь въ настоящемъ
  Самъ душой старайся жить.

Жизнь великихъ намъ внушаетъ
  Быть великими самимъ,
Чтобъ по смерти здѣсь оставить
  Видный слѣдъ, подобно имъ.

Можетъ быть, его замѣтя,
  Въ сердцѣ бодрость ощутитъ
Тотъ пловецъ въ житейскомъ морѣ,
  Чей челнокъ былъ въ немъ разбитъ.

Братья, будемъ же трудиться
  Безъ боязни предъ судьбой,
Рукъ на мигъ не опуская
  Среди жизни трудовой!

Ип. Богдановъ.

ДІАВОЛЪ МЕРДЖЕЛИНЫ

Изъ неаполитанскихъ легендъ

МАТИЛЬДЫ СЕРАО

Сидя передъ зеркаломъ, пока камеристка перебирала и расчесывала ея роскошные, съ огненнымъ отливомъ, волосы, она внимательно разсматривала себя въ зеркало. Въ ея блѣдномъ лицѣ не было ни кровинки. Большіе зеленоватые глаза сверкали холоднымъ блескомъ; въ ея полныхъ, красныхъ, какъ свѣжіе гранаты, губахъ таились и сладость и горечь, какъ въ тѣхъ плодахъ, которые онѣ напоминали. Прелестная полная грудь ея плавно колыхалась. Она посмотрѣла сквозь свѣтъ на свои руки, руки бѣлыя и нѣжныя, какъ ея лицо. Она посмотрѣла на свои обнаженныя круглыя плечи, напоминавшія наливное яблоко. Она находила себя обольстительно прекрасной. Она преклонялась передъ своей красотой, которой ежедневно воскуривала ѳиміамъ, соединявшійся съ восторгами ея обожателей.

— Письмо для донны Изабеллы, сказалъ кудрявый пажъ, съ глубокимъ поклономъ подавая своей госпожѣ на серебряномъ подносѣ „вильетто“.

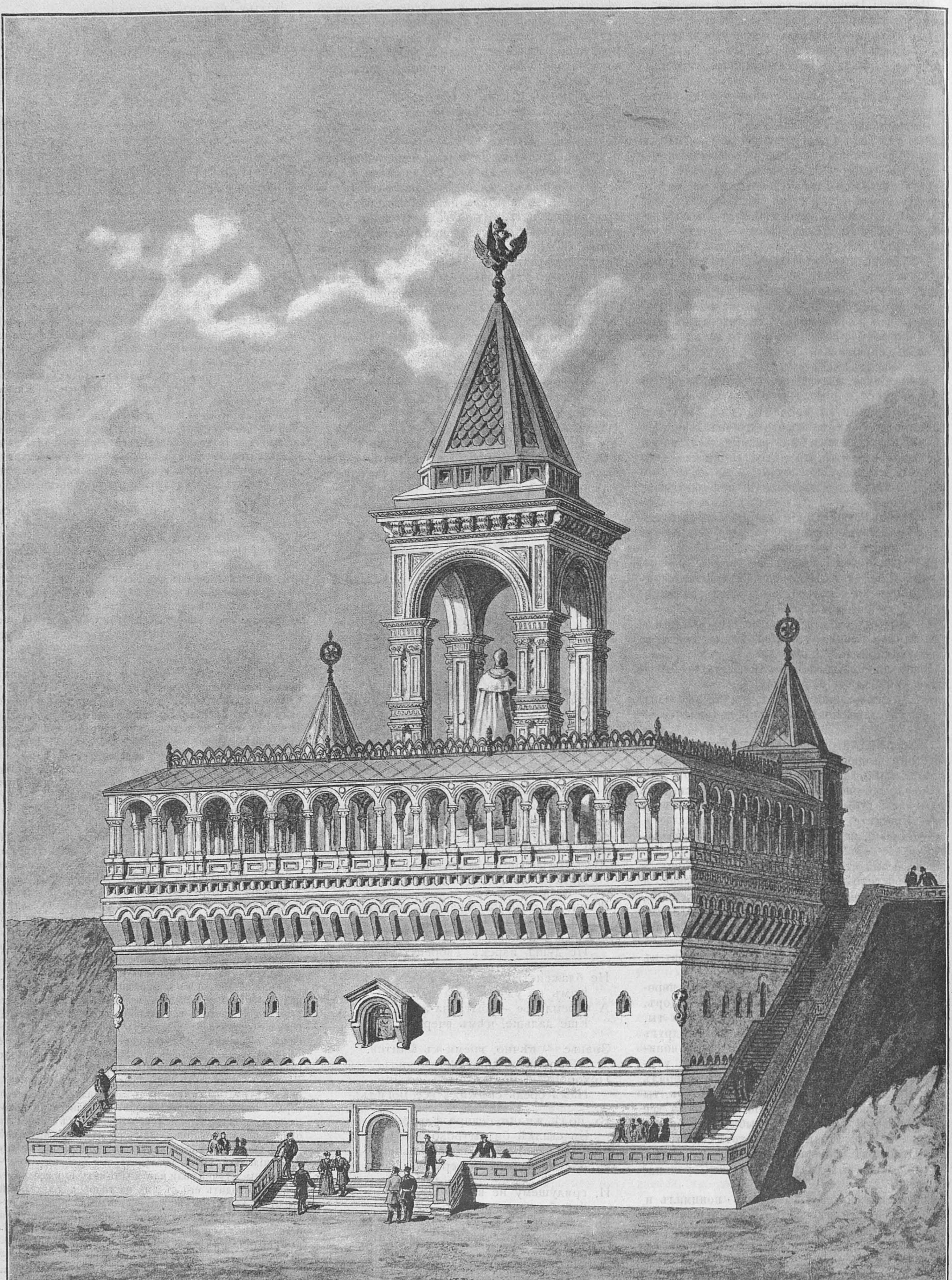
Донна Изабелла вскрыла письмо. Діомеде Карафа снова писалъ ей о своей любви; письмо было полно огня; въ немъ порывы глубокаго отчаянія смѣнялись тихой неизлечимой грустью. Діомеде Карафа умѣлъ любить. Его возвышенная душа была открыта для тончайшихъ оттѣнковъ сердечныхъ ощущеній, его сильной натурѣ были доступны самыя могучія человѣческія страсти. Испанскія придворныя красавицы готовы были смирить передъ нимъ свою кастильскую гордость. Молодыя дѣвушки лучшихъ неаполитанскихъ фамилій, голубоокія смуглянки, охотно полюбили бы его, если бы онъ самъ пожелалъ этого. Но Діомеде любилъ лишь одну донну Изабеллу, слывшую женщиной холодной и недоступной. Слова любви, о которыхъ писалъ ей Діомеде, вызвали лишь на ея лицѣ едва замѣтную улыбку.

Въ большой залѣ своего дворца донна Изабелла вела бесѣду съ Діомеде. На ней было платье изъ пунцовой парчи, рѣзко оттѣнявшее бѣлизну ея лица. Жемчужная нитка вилась въ ея золотыхъ локонахъ.

Влюбленный юноша сидѣлъ поодаль отъ своей дамы, пронзая ее внимательнымъ и жаднымъ взоромъ. Ни на минуту не отрывалъ онъ глазъ отъ обожаемаго существа, и пока она говорила, лицо влюбленнаго то румянилось отъ прилива волны горячей крови, то покрывалось мертвенною блѣдностью. Въ увлеченіи по временамъ голосъ его дрожалъ. Въ немъ слышались и нѣжныя глубокія ноты любви, и яростный трепетъ ревности, и томленіе таинственной грусти, и рѣзкіе звуки ироніи — всевозможныя варіаціи, свойственныя любви.

Донна Изабелла въ спокойной увѣренности, улыбаясь и отмахиваясь легкимъ пушистымъ вѣеромъ, любезно и жестоко забавлялась сердцемъ кавалера. Она возбуждала въ немъ по своей прихоти то глубокое отчаяніе, то неосуществимыя надежды, то мрачную ревность, то величайшую вѣру въ себѣ, то гнѣвъ безъ имени и границъ, то радость безъ конца. Изощренная въ этого рода жестокихъ развлеченіяхъ, она со страстнымъ упоеніемъ забавлялась, видя, какъ сердце влюбленнаго оживало въ желѣзныхъ тискахъ, какъ онъ, задыхающійся, возвращался къ жизни отъ одного прикосновенія къ нему ея нѣжной бархатной ручки. Она наслаждалась, легко ввергая его въ бездну отчаянія. Она умѣла извлекать изъ глубины его души стоны жгучей боли или поднимать его все выше и выше, сводить его съ ума на головокружительной высотѣ. Такія женщины всегда были и всегда будутъ. Міръ ихъ проклинаетъ. Онѣ представляются остальнымъ женщинамъ какими-то странными волшебницами, онѣ имъ кажутся ненавистными, презрѣнными. Но мужчины ихъ любятъ.

Миръ вамъ, милыя дѣвушки, которыхъ добрая душа, подобно лучамъ свѣтильника домашняго очага, освѣщаетъ ваше нѣжное существованіе; миръ вамъ, женщины, обреченныя на любовь и самопожертвованіе: никогда вамъ не быть любимыми такъ страстно, какъ будутъ любимы тѣ женщины. Добродѣтель, кротость, самопожертвованіе, смиреніе, ясность духа, покорность судьбѣ не покажутся ли пустыми словами при остромъ и болѣзненномъ стремленіи



Задняя сторона памятника; видъ со стороны нижняго Кремлевскаго сада.

Проектъ памятника по модели рисовалъ К. О. Брожъ.

Москва. — Закладка памятника Императору Александру II

С.-Петербургъ. — Торжественное засѣданіе с.-петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества 11-го мая с. г.

Съ натуры рисовалъ для »Всемірной Иллюстраціи« К. О. Брожъ.

По поводу двадцать пятой годовщины учрежденія общества.

мужчинъ къ загадочной и страшной сиренѣ. Миръ вамъ: любите, страдайте, умирайте; но никогда вамъ не быть любимыми такъ, какъ будутъ любимы женщины-сирены.

* * *

Наконецъ настала день, когда Діомеде Карафа, казалось, уже находился на недосягаемой вершинѣ блаженства. Это былъ тотъ роковой моментъ, въ который всякая способность души и тѣла, всякій лучъ ума, всякая игра фантазіи, всякій мельчайшій нервъ соединяются въ одну глубокую гармонію, именуемую страстной любовью.

Это былъ день, въ который донна Изабелла неожиданно, послѣ цѣлаго года борьбы, въ теченіе котораго она не сдѣлала ему ни малѣйшей уступки, подъ вліяніемъ внезапно охватившаго ее чувства и подъ давленіемъ непонятной причины, сказала ему, что любитъ его. Кто когда нибудь любилъ, тотъ знаетъ это время, когда все кругомъ какъ бы окрашивается горячимъ солнечнымъ свѣтомъ и безконечной лазурью яснаго неба, когда все проникается, поглощается кипучей страстью, когда и цвѣты начинаютъ быстрѣе распускаться и благоухаютъ хотя и послѣ краткаго существованія, они также быстро умираютъ отъ избытка жизни. Кто любилъ, тотъ знаетъ трепетное время, лихорадочно волнующее кровь, время свѣта и блеска, то благословенное время, чудное время, послѣ котораго все превращается въ пепелъ и грязь. Словомъ, кто любилъ когда либо, тотъ понимаетъ состояніе души, которое переживалъ Діомеде Карафа, и тотъ не станетъ требовать отъ блѣднаго слова холоднаго, разочарованнаго хроникера точнаго его описанія. Кто любилъ, тотъ можетъ уйти въ свои собственныя воспоминанія о любви, и пусть оживитъ онъ ихъ въ полномъ радостей и мукъ прошедшемъ, пусть оживитъ свои волненія, и онъ постигнетъ и переживетъ вмѣстѣ съ Діомеде Карафа всю бурю и все безуміе его любви. Муки любви невозможно достойнымъ образомъ ни разсказать, ни описать. Всѣ разсказы и описанія жалки въ сравненіи съ дѣйствительностью. Даже само искусство, божественное искусство, которое все открываетъ, все постигаетъ, даже и оно не дошло еще до совершенно вѣрнаго изображенія любви.

* * *

Мимолетное время. Еслибъ оно продлилось, сердце не вынесло бы наплыва чувства, граничащаго съ безуміемъ. Мало по малу, по незамѣтнымъ ступенямъ, донна Изабелла пришла къ разочарованію. Ей почудилось, что она уже менѣе счастлива, что влюбленность ея проходитъ. Улыбка на устахъ ея становилась безцвѣтнѣе, объятія слабѣе, поцѣлуй холоднѣе. Діомеде Карафа, ослѣпленный, обезумѣвшій отъ любви, ничего не замѣчалъ, ничего не понималъ. Донна Изабелла болѣе и болѣе приближалась къ равнодушію, которое сдѣлалось ея обычнымъ состояніемъ, и врожденная жестокость ея снова воспрянула въ ней. Она принялась истязать своего возлюбленнаго. Діомеде Карафа страдалъ ужасно и упивался своими жгучими страданіями. Рыдая, онъ услаждался своими слезами; когда онъ захворалъ, то болѣзнь, кидавшая его то въ холодъ, то въ жаръ и подтачивавшая его жизнь — утѣшала его. Его мучили, угнетали, доводили до отчаянія, но все это возбуждало въ немъ безумный восторгъ, подобный тому, въ какой приводилъ мучениковъ идеи видъ крови, истекавшей изъ страшныхъ ранъ. Обращеніе донны Изабеллы сдѣлалось скрытнымъ, жесткимъ, презрительнымъ, но онъ любилъ ее и такою, особенно такою. Изабелла превратилась въ легкомысленную кокетку, зазывала къ себѣ прекраснѣйшихъ кавалеровъ Неаполя, но, и умирая отъ ревности, онъ тѣмъ болѣе любилъ Изабеллу, любилъ ради этой самой ревности, которую онъ питалъ къ ней. Онъ безумно расточалъ свое состояніе, забывалъ о преимуществахъ своего знатнаго рода, покинулъ друзей и родныхъ, забылъ о всякихъ обязанностяхъ и условіяхъ. Онъ зналъ и умѣлъ только одно: любить Изабеллу. Такъ было до того дня, когда вся правда стала ему ясна, какъ слово Божіе, когда онъ узналъ о своемъ униженіи, объ измѣнѣ Изабеллы ради Джіованни Веррузіо, его друга и товарища дѣтства.

* * *

Боясь возбуждать къ себѣ сожалѣніе, онъ глубоко затаилъ отъ людей драму своей души. Быстрое разрушеніе его счастія, мрачное, трагическое паденіе великолѣпнаго зданія пускай по крайней мѣрѣ не имѣетъ свидѣтелей. Къ чему сожалѣніе? Что значитъ хотя бы по виду сочувственное, но въ сущности холодное слово? Засохшіе листья разносятся вѣтромъ, а печаль остается вѣчно. Напрасно онъ искалъ забвенія въ одинокихъ путешествіяхъ по цвѣтущимъ странамъ, въ роскоши, въ опасностяхъ, въ кутежахъ и новыхъ привязанностяхъ. Напрасно старался онъ въ созданіяхъ искусства найти миръ и спокойствіе. Повсюду, въ каждой странѣ, въ каждомъ цвѣткѣ, на днѣ чаши, въ каждой картинѣ, въ каждой статуѣ, въ каждой музыкальной мелодіи — все напоминало ему Изабеллу, вездѣ мерещился ему образъ Изабеллы. Печаль его перестала быть острой и жгучей, она понемногу перешла въ тихое неизлечимое горе. Душа его томилась этимъ горемъ, глаза были полны слезъ. Въ немъ зародилась потребность къ самопожертвованію. Онъ почувствовалъ неодолимое влеченіе къ молитвѣ...

— Боже, Боже! — вырывалось изъ его измученной груди.

* * *

Діомеде Карафа принялъ духовный санъ. Когда онъ былъ назначенъ епископомъ въ Аріано, то считался образцовымъ прелатомъ и любителемъ искусства. Знаменитый художникъ Леонардо да-Пистоіа, бывшій его другомъ, исполнилъ по его заказу для церкви Піедигротта, гдѣ покоятся останки Саннацаро, превосходное изображеніе архангела Михаила, поражающаго Люцифера. Побѣжденнаго и прекраснаго Люцифера онъ изобразилъ съ лицомъ донны Изабеллы. Съ той поры въ Мерджелинѣ діаволъ — женщина.

И. А. Гриневская.

Политика.

17 (29) мая 1893 г.

Вниманіе всей Россіи сосредоточено было въ теченіе прошлой недѣли на извѣстіяхъ изъ Москвы, сообщавшихъ подробности о прибытіи въ первопрестольную столицу Государя Императора и Государыни Императрицы съ ихъ Августѣйшею семьею. Царственнымъ путешественникамъ, возвращавшимся на сѣверъ съ южнаго берега Крыма, угодно было провести въ Москвѣ день десятой годовщины Ихъ священнаго коронованія, присутствуя при этомъ на закладкѣ въ Кремлѣ памятника въ Бозѣ почивающему императору Александру II. Передъ отъѣздомъ изъ Крыма Государь Императоръ произвелъ въ Севастополѣ смотръ возродившагося Его Августѣйшею волею черноморскаго флота, и на водахъ севастопольскаго рейда, бывшаго нѣкогда свидѣтелемъ исчезновенія нашихъ южныхъ морскихъ силъ, появилось въ этотъ достопамятный день болѣе 50 вымпеловъ! Рядомъ съ колоссальными броненосцами, представляющими послѣднее слово науки кораблестроенія, передъ Царственнымъ вождемъ земли русской предстали быстроходные крейсеры, канонерскія лодки новѣйшихъ образцовъ, миноносные транспорты и цѣлый рой миноносокъ. Ихъ Императорскія Величества оставили Крымъ подъ впечатлѣніемъ этого блестящаго доказательства того, что можетъ осуществить въ короткій семилѣтній періодъ покорно исполненная и правильно понятая державная воля.

Московскія празднества могущественно способствовали дальнѣйшему подъему духа всѣхъ истинно русскихъ людей. Съ десятою годовщиною священнаго коронованія Ихъ Величествъ связано было событіе, напомнившее самымъ внушительнымъ образомъ великія дѣла минувшаго царствованія. Преемникъ безсмертнаго Царя-Освободителя положилъ своею державною рукою первый камень памятника, долженствующаго олицетворить собою благодарное воспоминаніе русскаго народа о достославной эпохѣ нравственнаго перерожденія нашего дорогаго отечества. Въ то же время въ одномъ изъ своихъ отвѣтовъ на обращаемыя къ нему вѣрноподданическія привѣтствія Государь Императоръ, вспоминая о счастливо и мирно пережитомъ со дня священнаго коронованія десятилѣтіи, выразилъ надежду, что и будущее Россіи будетъ также благополучно, какъ эти минувшія десять лѣтъ.

По окончаніи московскихъ празднествъ Августѣйшая семья Ихъ Императорскихъ Величествъ, вмѣстѣ съ другими прибывшими въ Москву членами Царственнаго Дома, вернулась въ Петербургъ, оставивъ первопрестольную столицу въ воскресенье на этой недѣлѣ, 16 (28) мая. Отъѣздъ Ихъ Величествъ, послѣдовалъ нѣсколько позднѣе.

На западѣ Европы политическая жизнь тѣмъ временемъ шла своимъ чередомъ, въ зависимости отъ событій предшествующихъ недѣль. Въ Германіи продолжались и продолжаются въ то время, когда мы пишемъ эти строки, приготовленія къ выборамъ въ имперскій парламентъ, до которыхъ уже остается нынѣ немного болѣе двухъ недѣль. Несмотря на близость предстоящаго голосованія, далеко еще не всѣ парламентскія партіи выступили со своими избирательными программами. Партія католическаго центра сдѣлала уже однако этотъ рѣшительный шагъ, и, вопреки весьма распространеннымъ ожиданіямъ, избирательный манифестъ ея оказался вполнѣ категорическимъ протестомъ противъ военной реформы, даже и видоизмѣненной извѣстною поправкою Гюне. Католики центра прямо объявляютъ избирателямъ, что для желаемаго правительствомъ усиленія численности арміи, которое въ принципѣ и они признаютъ необходимымъ, совершенно достаточно введенія двухлѣтняго срока дѣйствительной службы въ пѣхотѣ, а на расходы, требуемые усиленіемъ мирнаго состава арміи путемъ организаціи новыхъ частей, они согласія дать не могутъ.

Въ Австро-Венгріи открылась на прошлой недѣлѣ сессія делегацій австрійскаго рейхсрата и венгерскаго сейма. Еще прежде, чѣмъ тронная рѣчь императора Франца-Іосифа оффиціально возвѣстила объ этомъ открытіи, въ делегаціи австрійскаго рейхсрата произошелъ весьма характерный скандалъ. На выборахъ коммиссій этой делегаціи нѣмецкіе либералы устроили дѣла такъ, что ни одинъ изъ младочешскихъ делегатовъ не попалъ въ члены этихъ коммиссій. Младо-чехи, понятно, протестовали, но г. Пленеръ отъ имени нѣмецко-либеральной партіи заявилъ, что они устранены изъ коммиссій въ отместку за то, что въ Богемскомъ сеймѣ не допустили голосованія проекта выдѣленія нѣмецкихъ округовъ въ Богеміи. На эту неприличную выходку младочехи отвѣчали формальнымъ объявленіемъ нѣмецкимъ либераламъ „войны на ножахъ", и для всякаго, кто знакомъ съ политическимъ темпераментомъ этой національной группы защитниковъ правъ чешской короны, не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что они сдержатъ свое слово. Такимъ образомъ засѣданія австрійской делегаціи будутъ неизбѣжно имѣть очень бурный характеръ.

Бюджетъ, внесенный правительствомъ въ делегаціи, представляетъ нѣсколько требованій новыхъ кредитовъ на военные расходы, но цифры этихъ требованій довольно скромны, едва-едва превышая въ общей сложности десять милліоновъ гульденовъ. Тронная рѣчь, прочитанная императоромъ Францемъ-Іосифомъ въ прошлую субботу, при оффиціальномъ открытіи сессіи делегаціи, прямо указываетъ, что эти новые расходы требуются не на какія нибудь чрезвычайныя вооруженія, а единственно на дальнѣйшее развитіе организаціи военныхъ силъ имперіи. Всѣ замѣтили, что въ упомянутой рѣчи императоръ совершенно умолчалъ о тройственномъ союзѣ и о Германіи, заявивъ только о своихъ наилучшихъ отошеніяхъ со всѣми европейскими державами. Рѣчь не содержитъ также въ себѣ ни малѣйшаго намека на событія, происходящія нынѣ въ Болгаріи и въ Сербіи.

Въ Англіи палата общинъ, принявъ во второмъ чтеніи вторую статью ирландскаго билля Гладстона, отложила обсужденіе дальнѣйшихъ статей этого билля до 18 (30)-го мая, давъ себѣ, по обычаю, отдыхъ на вакаціи Троицына дня, отпразднованнаго въ нынѣшнемъ году на западѣ недѣлею ранѣе, чѣмъ у насъ. Передъ этими традиціонными вакаціями противники ирландскаго билля, очевидно, потерявшіе надежду одержать верхъ въ палатѣ общинъ, устроили нѣсколько до возмутительности грубыхъ демонстрацій противъ Гладстона, но большинство лондонскихъ жителей отвѣтило имъ грандіознымъ митингомъ въ пользу ирландской реформы, въ которой приняло участіе болѣе 50,000 человѣкъ, въ то самое время, когда маркизъ Салисбюри пробовалъ взволновать протестантскую провинцію Ирландіи Ульстеръ своимъ появленіемъ въ ея главномъ городѣ Бельфастѣ. Извѣстій о томъ, какое впечатлѣніе произвели эти одновременныя демонстраціи, мы пока еще подъ рукою не имѣемъ.

Во Франціи министерство Дюпюи внесло на прошлой недѣлѣ въ палату депутатовъ бюджетъ на 1894 годъ и выражаетъ полную увѣренность, что оно сохранитъ власть вплоть до осеннихъ общихъ выборовъ. Глава кабинета г. Дюпюи и два министра, гг. Вьетъ (земледѣлія) и Геренъ (юстиціи), произнесли въ

разныхъ городахъ избирательныя рѣчи, въ которыхъ они прямо высказываютъ эту увѣренность и излагаютъ правительственную избирательную программу. Программа эта не сложна. Правительственные ораторы настаиваютъ особенно на своей рѣшимости оказывать содѣйствіе при выборахъ только одним „искреннимъ“ республиканцамъ, обнаруживая готовность относить къ числу послѣднихъ и тѣхъ консерваторовъ, которые перешли серьезно, безъ всякихъ заднихъ мыслей, на сторону существующаго порядка вещей. Радикальнымъ республиканскимъ фракціямъ это приходится далеко не по сердцу. Въ рѣчахъ министровъ они угадываютъ нерасположеніе подчиняться ихъ волѣ и склонность предоставить своей собственной участи членовъ нынѣшняго республиканскаго большинства, не совершенно чуждыхъ прискорбной панамской исторіи.

Въ Италіи вспыхнувшій было министерскій кризисъ благополучно кончился возвращеніемъ во власть всѣхъ членовъ кабинета Джіолитти, за исключеніемъ министровъ юстиціи и финансовъ, портфели которыхъ переданы другимъ членамъ парламента. Новое греческое министерство, повидимому, разсчитываетъ поладить съ парламентомъ, выступая съ самою скромною программою, лишенною всякаго политическаго характера.

Закладка памятника Императору Александру II въ Москвѣ

На дняхъ наша первопрестольная столица была свидѣтельницею большого торжества, которымъ, между прочимъ, ознаменовались дни пребыванія Ихъ Величествъ въ Москвѣ. 14-го мая въ Кремлѣ, въ присутствіи Государя Императора, Государыни Императрицы, Наслѣдника Цесаревича и многихъ членовъ Царствующаго Дома, при огромномъ стеченіи народа, совершена закладка памятника Царю-Освободителю, Императору Александру II. Работы по постройкѣ памятника начались еще три года тому назадъ, но только съ нынѣшняго лѣта возможно было начать кладку, такъ какъ предварительно пришлось произвести громадныя земляныя работы. Грунтъ оказался состоящимъ изъ песчаныхъ и глиняныхъ слоевъ, недостаточно устойчивыхъ для основанія на нихъ такой громады, какую представляетъ собою проектированный памятникъ и о каковой можно судить по прилагаемымъ рисункамъ. Вотъ почему пришлось искать прочнаго грунта и углубляться въ почву до тѣхъ поръ, пока не докопались до скалы, служащей основаніемъ всей Москвы. До скалы дорылись на глубинѣ восьми саженъ, причемъ она оказалась ниже уровня Кремлевскаго сада на четыре аршина. Огромная выемка, изъ которой извлечено около 8,000 кубическихъ саженъ земли, потребовала трехъ лѣтъ усиленной работы. Изъ нихъ первый годъ посвященъ былъ археологическимъ изысканіямъ, такъ какъ раскапывался верхній четырехъаршинный наносный слой, богатый остатками старины. Тутъ найдены были слѣды двухъ древнихъ кладбищъ, много остововъ и череповъ прежнихъ москвичей, изъ которыхъ часть лежала въ гробахъ, часть въ выдолбленныхъ колодахъ, а часть въ общихъ кучахъ, словно тутъ были погребены жертвы эпидеміи или кровопролитной битвы. Множество предметовъ домашняго обихода, изразцовъ оригинальныхъ рисунковъ, служившихъ для облицовки стѣнъ, были наградой искателямъ-археологамъ. Кромѣ того найдены были каменныя и чугунныя ядра, куски свинца и какъ бы окаменѣвшаго воска, который, однако, сохранилъ свой запахъ. Всѣ эти находки разобраны, классифицированы и будутъ подробно описаны въ одномъ изъ томовъ исторіи построенія памятника, подготовляемой Н. В. Султановымъ, строителемъ, завѣдывавшимъ работами. Выемка восьми тысячъ кубовъ грунта представляла особенное затрудненіе въ нижнихъ слояхъ, гдѣ работамъ значительно препятствовала вода. Однако съ помощью кессоновъ удалось преодолѣть всѣ трудности и вывести своды, которые будутъ служить основаніемъ для фундамента. Въ день закладки памятника наверху, близъ строительскаго дома, подъ навѣсомъ, была видна модель памятника, исполненная въ одну одиннадцатую часть его предполагаемой величины. Изъ-подъ навѣса она выдвигается наружу по рельсамъ силой двухъ человѣкъ. Модель показываетъ, что памятникъ будетъ состоять изъ трехъ частей. Основаніе его составитъ терраса, возвышающаяся съ почвы на уровнѣ Кремлевскаго сада и до поверхности Кремлевскаго холма, то есть до уровня Дворцовой площади. Наружная стѣна этой террасы или, вѣрнѣе, выступа будетъ напоминать кремлевскія башни; окаймлена она двумя лѣстницами, по которымъ будетъ устроено сообщеніе нижняго сада съ Дворцовою площадью. Вторую часть памятника составитъ галлерея съ полукруглыми арками и колоннада, изъ-подъ которой будетъ открываться чудный видъ на Замоскворѣчье. Внутри галлереи помѣстится третья часть или самый памятникъ, состоящій изъ шатра или сѣни и помѣщеннаго подъ этою сѣнью бронзоваго изображенія въ Бозѣ почившаго Императора. Императоръ Александръ II изображенъ въ порфирѣ и Андреевской цѣпи, съ обнаженною головой; правая рука у него опущена и нѣсколько вытянута впередъ, лицо обращено къ кремлевскимъ святынямъ и дворцамъ. Проектъ памятника былъ составленъ сыномъ извѣстнаго поэта, художникомъ П. В. Жуковскимъ, и инженеромъ Н. В. Султановымъ, а скульптурное выполненіе колоссальной статуи въ Бозѣ почившаго Императора, имѣющей девять аршинъ вышины, поручено русскому скульптору А. М. Опекушину. Со времени закладки пройдетъ еще не болѣе трехъ лѣтъ, и Москва украсится памятникомъ, который составитъ ея новую гордость и славу.

Двадцатипятилѣтіе славянскаго благотворительнаго общества

Четвертьвѣковое существованіе с.-петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества исполнилось еще въ мартѣ нынѣшняго года, но, такъ какъ тогда было время великаго поста и полный отчетъ о дѣйствіяхъ славянскаго общества за минувшее двадцатипятилѣтіе въ связи съ нѣкоторыми другими изданіями общества былъ неготовъ, то торжественное собраніе членовъ общества состоялось только 11-го мая, когда православная церковь празднуетъ день памяти св. апостоловъ и первоучителей славянскихъ Кирилла и Меѳодія.

Началомъ обществу послужилъ тѣсный кружокъ славянофиловъ, въ числѣ членовъ котораго находились А. С. Хомяковъ, И. В. и П. В. Кирѣевскіе, Ю. Ѳ. Самаринъ, Ѳ. И. Тютчевъ, К. С. и И. С. Аксаковы и др. Изучая родную старину, они проникались горячею любовью и сочувствіемъ къ славянскому міру вообще. Идеи этого кружка получали все большее и большее распространеніе, и въ началѣ 60-хъ годовъ у многихъ русскихъ людей выработался твердый взглядъ на необходимость изученія России нераздѣльно съ остальнымъ славянствомъ. Чѣмъ больше развивалось изученіе славянъ, тѣмъ шире раскрывались узы взаимнаго родства, и тѣмъ сильнѣе росло взаимное сближеніе. Послѣднее, конечно, могло проявиться лучше всего въ ознакомленіи съ заботами, нуждами и стремленіями слабѣйшихъ, въ оказаніи имъ нравственной и матеріальной поддержки, и вотъ были вызваны къ жизни славянскія благотворительныя общества. Первое такое общество или комитетъ открыло свои дѣйствія въ Москвѣ въ 1858 году. Въ 1867 г. въ Москвѣ состоялся первый съѣздъ славянъ. Когда въ Петербургѣ узнали о предстоящемъ пріѣздѣ славянскихъ гостей, то въ небольшомъ кружкѣ петербургскихъ жителей — членовъ московскаго славянскаго благотворительнаго комитета — явилось желаніе принять мѣры для достойнаго пріема славянскихъ представителей. Наскоро былъ устроенъ распорядительный комитетъ, который, спустя годъ, былъ преобразованъ, по мысли В. И. Ламанскаго, въ с.-петербургскій отдѣлъ московскаго славянскаго благотворительнаго комитета. Отдѣлъ, учрежденный въ 1868 г., просуществовалъ подъ этимъ именемъ до 1877 года. Въ этомъ году онъ получилъ болѣе прочное устройство и опредѣленный уставъ и началъ свою дѣятельность подъ именемъ „с.-петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества“. Главный характеръ дѣятельности общества оставался благотворительнымъ, чуждымъ всякой такъ называемой „политики“. Оно направляло и продолжаетъ направлять главныя свои заботы на поддержаніе и развитіе дружественныхъ и миролюбивыхъ, духовныхъ и литературныхъ связей Россіи со всѣми славянами, на распространеніе научныхъ свѣдѣній у славянъ о Россіи и въ Россіи о славянахъ, заботилось и заботится объ облегченіи знакомства соплеменниковъ съ русскимъ языкомъ и литературой, помогало и помогаетъ матеріально достойнымъ молодымъ славянамъ, пріѣзжающимъ въ Россію для полученія высшаго образованія, и т. п. Для достиженія своихъ цѣлей съ 1883 г. общество стало издавать „Извѣстія с.-петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества“. Изданіе велось до 1889 г. Сверхъ періодическаго органа общество издало много отдѣльныхъ капитальныхъ трудовъ.

Общество всегда чутко относилось къ нуждамъ славянъ. Такъ, въ самомъ началѣ своей дѣятельности общество (тогда еще отдѣлъ московскаго комитета) приняло мѣры къ облегченію переселенія въ Россію славянъ, преимущественно чеховъ; въ 1872 г. было приведено къ окончанію устройство православной церкви въ Прагѣ. Когда въ 1875 г. герцеговинцы и босняки возстали противъ турецкаго ига и охваченная бѣдствіемъ славянская страна взывала о немедленной помощи, петербургскій отдѣлъ принялъ энергичныя мѣры и съ 21-го сентября 1875 г. по 8-е октября 1876 г. собралъ 810,699 руб. Весьма значительную помощь общество оказало также добровольцамъ, сражавшимся за славянское дѣло, а также пострадавшимъ славянамъ. По случаю исполнившагося 1000-лѣтія со дня блаженной кончины св. Меѳодія въ 1885 году обществомъ учреждены были двѣ преміи: въ 1,500 р. и въ 500 руб. за лучшее сочиненіе о литературномъ единствѣ славянскихъ народностей. Съ 1888 г. общество стало обращать особенное вниманіе на воспитательную сторону. Такъ, въ этомъ году, по предложенію предсѣдателя, графа Н. П. Игнатьева, была учреждена особая коммиссія для разбора прошеній пріѣзжихъ славянъ объ опредѣленіи ихъ въ учебныя заведенія и для постояннаго наблюденія за ихъ успѣхами и поведеніемъ, а также для пріисканія соотвѣтствующихъ занятій пріѣзжимъ славянамъ; въ слѣдующемъ году, также по мысли графа Н. П. Игнатьева, было учреждено въ Москвѣ особое попечительство изъ проживающихъ тамъ членовъ спб. славянскаго общества для наблюденія за успѣхами и поведеніемъ молодыхъ славянъ, воспитывающихся на счетъ общества въ московскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Съ 1890 г. въ помѣщеніи общества два раза въ мѣсяцъ собирается болгарская учащаяся молодежь и два раза сербская молодежь. Въ этихъ собраніяхъ читаются въ присутствіи членовъ совѣта рефераты по научнымъ вопросамъ и происходятъ бесѣды, какъ надо предположить, содѣйствующія установленію нравственныхъ связей между славянскою молодежью и членами общества.

Въ теченіе 25 лѣтъ общество израсходовало на пособіе православнымъ церквамъ въ славянскихъ земляхъ болѣе 50,000 р., на пособіе школамъ до 25,000 р. и оказывало поддержку литературнымъ учрежденіямъ и предпріятіямъ славянъ въ размѣрѣ до 40,000 р. На образованіе славянъ въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ израсходовано болѣе 100,000 руб.; на помощь и поддержку пріѣзжавшимъ въ Петербургъ славянамъ до 35,000 р.; на помощь славянамъ въ неурожайные годы, во время военныхъ и др. бѣдствій болѣе 840,000 р.; кромѣ того до 480,000 руб. было затрачено на снаряженіе медицинскаго отряда и отправку добровольцевъ во время сербско-турецкой войны и до 50,000 р. на пособія, выдаваемыя обществомъ съ 1876 г. раненымъ добровольцамъ и семействамъ добровольцевъ, павшихъ въ бою за славянскую независимость. На свои изданія общество израсходовало болѣе 150,000 р. Всего же за 25-лѣтнюю свою дѣятельность общество израсходовало свыше двухъ милліоновъ рублей (при началѣ дѣятельности капиталъ общества едва достигалъ 100 р.) и вступаетъ во второе двадцатипятилѣтіе съ капиталомъ, достигающимъ 225,868 р. Общество насчитываетъ въ своей средѣ свыше 30 почетныхъ членовъ, болѣе 70 пожизненныхъ и до 360 дѣйствительныхъ членовъ. Таковы цифры отчета — дѣлать же какіе либо выводы изъ нихъ мы воздерживаемся, равно какъ воздержимся и отъ оцѣнки дѣйствій общества.

Засѣданіе, происходившее въ залѣ дворянскаго собранія, открыто было гимномъ Кириллу и Меѳодію. Затѣмъ предсѣдатель, графъ Н. П. Игнатьевъ, прочиталъ краткій очеркъ дѣятельности общества за 25 лѣтъ. Славянскія народности имѣли каждая своихъ представителей въ собраніи; нѣкоторые изъ нихъ нарочно прибыли къ этому дню въ Петербургъ. Представители сербовъ, хорватовъ, червоно-руссовъ, проживающихъ въ Россіи болгаръ, а также учащихся въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ славянъ, признавая важныя заслуги общества, выражали въ своихъ привѣтствіяхъ пожеланія, чтобъ и на будущее время общество продолжало свою плодотворную дѣятельность. Послѣ этого были прочитаны поздравительныя телеграммы отъ князя черногорскаго Николая и наслѣднаго князя Даніила и митрополитовъ черногорскаго и сербскаго, а также телеграммы и письма отъ разныхъ обществъ русскихъ и заграничныхъ. Предъ концомъ засѣданія предсѣдателю графу Н. П. Игнатьеву былъ поднесенъ отъ членовъ общества образъ св. Кирилла и Меѳодія. Собраніе закончилось величаніемъ славянскимъ первоучителямъ. Въ числѣ присутствующихъ находились: вице-президентъ Императорской академіи наукъ, товарищъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода, высокопреосвященный Антоній, архіепископъ выборгскій и финляндскій, генералъ-лейтенантъ Черняевъ и много другихъ приглашенныхъ лицъ. Особенныя оваціи выпали на долю предсѣдателя графа Н. П. Игнатьева, супруга котораго въ засѣданіи была избрана почетнымъ членомъ общества; также избраны генералъ М. Г. Черняевъ и отецъ Іоаннъ кронштадтскій. Въ ряду привѣтствій выслушано письмо Е. В. Богдановича, приславшаго для раздачи южнымъ славянамъ тысячу экземпляровъ изданной имъ книги „Преподобный Сергій“ въ память пятисотлѣтія его кончины.

К. А. Скальковскій

Уже болѣе четверти вѣка неутомимо и съ большимъ успѣхомъ работаетъ въ литературѣ, едва ли не во всѣхъ родахъ ея и въ особенности въ области публицистики, а равно и на пользу русской науки, извѣстный знатокъ горнаго дѣла, видный представитель отечественной печати — К. А. Скальковскій. Кто сколько нибудь внимательно просматривалъ наши періодическія изданія и въ особенности „Новое Время“ за нѣсколько лѣтъ, тотъ достаточно знакомъ съ дѣятельностью этого талантливаго и чрезвычайно плодовитаго писателя, который помѣщалъ и передовыя статьи по разнымъ вопросамъ, и критическіе этюды, и статьи по хореографіи и литературные портреты всевозможныхъ нашихъ дѣятелей, писателей, воиновъ, государственныхъ людей и проч. Трудно даже и перечислить тѣ предметы, о которыхъ онъ писалъ, начиная отъ металлургіи и кончая женскими модами, а все количество написаннаго имъ, — всѣ его книги, статьи, рецензіи, замѣтки, — въ общемъ итогѣ составило бы не одинъ десятокъ объемистыхъ томовъ. Сынъ извѣстнаго писателя, историка и статистика южной Россіи, Аполлона Александровича Скальковскаго, горный инженеръ, директоръ горнаго департамента, д. ст. сов. Константинъ Аполлоновичъ Скальковскій родился въ Одессѣ въ 1841 году и первоначальное воспитаніе получилъ въ мѣстномъ пансіонѣ, при Ришельевскомъ лицеѣ, а высшее въ горномъ институтѣ. Еще кадетомъ, съ самаго конца 50-хъ годовъ, принималъ онъ довольно дѣятельное участіе въ газетѣ Н. Г. Писаревскаго „Современное слово“, журналѣ В. А. Кремпина „Разсвѣтъ“ и въ „Модномъ Магазинѣ“ С. Г. Мей. Нѣкоторыя изъ статей его въ двухъ послѣднихъ журналахъ составили тогда цѣлую книгу „Женщины-писательницы“, нынѣ составляющую библіографическую рѣдкость. По окончаніи курса въ институтѣ К. А. поступилъ на службу въ горное вѣдомство и по очереди занималъ должность секретаря горнаго ученаго комитета, вице-директора горнаго департамента, члена горнаго ученаго комитета и горнаго совѣта. По обязанностямъ службы онъ производилъ геологическія изслѣдованія въ архангельской и вологодской губерніяхъ, въ киргизской степи и на Мангышлакѣ, объѣхалъ почти всѣ горные заводы и промыслы Россіи, неоднократно былъ въ командировкахъ на горные и соляные промыслы въ западной Европѣ и Америкѣ. Результатомъ этихъ поѣздокъ было множество его спеціальныхъ статей и отчетовъ въ „Горномъ журналѣ“ и книга „Горное законодательство въ Соединенныхъ Штатахъ“, а также и изданіе со значительными дополненіями и исправленіями рукописи Хмырова „Металлы и минералы въ древней Россіи“. К. А. Скальковскій занимался также и преподавательской дѣятельностью, читалъ политическую экономію и горную статистику въ горномъ институтѣ; на международномъ статистическомъ конгрессѣ 1872 г. онъ былъ избранъ докладчикомъ по горной статистикѣ. Онъ организовалъ также періодическое изданіе, посвященное нашей горнозаводской статистикѣ, каковое и печаталъ ежегодно до 1881 года. Экономическими вопросами онъ интересовался не менѣе съ первыхъ же шаговъ своей службы. Вышедшая въ 1866 г. брошюра его „Стоитъ ли поощрять нашу промышленность“, явившаяся рѣзкимъ протестомъ противъ господствовавшихъ тогда въ финансовомъ управленіи фритредерскихъ идей, произвела впечатлѣніе, и К. А. Скальковскаго избрало своимъ секретаремъ учрежденное въ слѣдующемъ — 1867 — году „Общество для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ“. Эту должность онъ занималъ около десяти лѣтъ и притомъ въ самое тяжелое для нашей промышленности время, когда требовали для отстаиванія идей протекціонизма не только усиленныхъ трудовъ и познаній, но и извѣстной твердости убѣжденій. Независимо отъ занятій экономическими вопросами, по обязанностямъ секретаря общества, К. А. Скальковскій, по порученію министерства финансовъ, ѣздилъ въ 1869 году въ Египетъ на открытіе Суэзскаго канала, въ 1871 г. въ Остъ-Индію — съ цѣлью обсужденія возможности установить съ этой страной срочныя пароходныя сообщенія, въ 1880 г. въ Китай, Японію, Калифорнію и Приамурскую область Восточной Сибири — для выясненія вопроса о будущности тамъ русской торговли, нако-

К. А. СКАЛЬКОВСКІЙ,

директоръ горнаго департамента, литераторъ.

Съ фотографіи Бергамаско гравировалъ Б. П. Пущъ.

По поводу двадцатипятилѣтія публицистической дѣятельности.

Церемонія открытія института въ парадной залѣ его.

Англія. — Лондонъ. Открытіе Имперскаго института 28-го апрѣля (10 мая) с. г.

нецъ въ 1884 г.—въ наши южные порты—для изученія положенія каботажнаго судоходства. Результатомъ всѣхъ этихъ поѣздокъ были спеціальныя его работы: „Суэзскій каналъ и его значеніе для русской торговли“, „Срочное и почтовое пароходство въ Россіи и за границей“ „Русская торговля въ Тихомъ океанѣ“ и „Русскій торговый флотъ на Черномъ и Азовскомъ моряхъ“. Ни одна всемірная выставка не обошлась также безъ дѣятельнаго участія К. А. Скальковскаго. Впечатлѣнія свои, какъ туриста, во время этихъ постоянныхъ поѣздокъ онъ изложилъ въ многочисленныхъ фельетонахъ и корреспонденціяхъ, часть которыхъ издана и отдѣльно, а именно: „Путевыя впечатлѣнія въ Испаніи, Египтѣ, Аравіи и Индіи“, „Въ странѣ ига и свободы“, „Путевыя впечатлѣнія по Кавказу, Турціи, сербскимъ землямъ и Соединеннымъ Штатамъ“ (выдержало два изданія), „У скандинавовъ и фламандцевъ. Путевыя впечатлѣнія въ Швеціи, Даніи, Бельгіи“, „Вокругъ свѣта, сорокъ шесть тысячъ миль по морю и сушѣ“, „Путевыя впечатлѣнія въ Португаліи, Австріи, Франціи и Италіи“, „Новыя путевыя впечатлѣнія въ Испаніи, Марокко, Швейцаріи, Варшавѣ, Лондонѣ и Парижѣ“.

Публицистическая дѣятельность К. А. Скальковскаго началась еще, какъ уже сказано, на школьной скамейкѣ. Затѣмъ онъ писалъ въ разныхъ газетахъ: въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“, „Голосѣ“, „Новомъ Времени“ А. К. Киркора и проч. Но болѣе дѣятельное сотрудничество его въ этой области началось въ концѣ 60-хъ годовъ, когда К. А. вступилъ въ составъ редакціи „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ В. Ѳ. Корша, гдѣ его бойкому перу принадлежала масса статей политическихъ и финансовыхъ, а также театральныхъ рецензій. Съ первыхъ же дней существованія „Новаго Времени“ А. С. Суворина, К. А. Скальковскій сдѣлался дѣятельнымъ сотрудникомъ этой газеты. Здѣсь, кромѣ участія его въ главныхъ отдѣлахъ—политическомъ, экономическомъ, финансовомъ, а также театральномъ, К. А. Скальковскому принадлежало, по мысли, заимствованной изъ „Figaro“, введеніе отдѣла „Среди газетъ и журналовъ“. Его онъ велъ шесть лѣтъ подрядъ съ большимъ искусствомъ, и по примѣру „Новаго Времени“ такіе же отдѣлы завелись потомъ почти во всѣхъ нашихъ газетахъ. К. А., кромѣ того, былъ нѣкоторое время и корреспондентомъ „Новаго Времени“ въ послѣднюю нашу войну. Финансовые и экономическіе вопросы составляли всегда главный предметъ занятій К. А. Скальковскаго. Его большая компетентность въ нихъ признана не только нашей періодическою печатью, но и правительствомъ. Онъ былъ участникомъ во многочисленныхъ финансовыхъ коммиссіяхъ за два послѣднія десятилѣтія, между прочимъ, и однимъ изъ дѣлопроизводителей коммиссіи графа Баранова по переустройству желѣзнодорожнаго дѣла, а не такъ давно еще онъ былъ назначенъ членомъ ученаго комитета министерства финансовъ. Кромѣ упомянутыхъ сочиненій перу К. А. Скальковскаго приписываютъ нѣсколько сочиненій анонимныхъ или подъ псевдонимами, отъ которыхъ, какъ мы знаемъ достовѣрно, онъ и не отказывается. Сочиненія эти: „Балетъ, танцы и ихъ мѣсто въ ряду изящныхъ искусствъ“ подъ псевдонимомъ „Балетомана“ — одно изъ рѣдкихъ сочиненій, гдѣ

Открытіе статуи »Свободы«, поставленной среди лагуны выставки. Моментъ снятія покрова со статуи.

Рисовалъ Фредерикъ Виле.

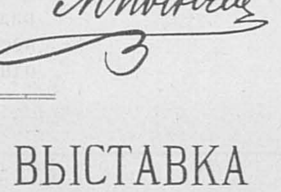
Главный директоръ выставки, Дж. Р Дависъ, при ея открытіи, читаетъ краткій обзоръ работъ по устройству выставки.

Гравировано съ фотографическаго моментальнаго снимка.

Соединенные Штаты Сѣверной Америки. — Чикаго. Большая Колумбова выставка.

хореграфическое искусство подробно трактуется съ исторической и эстетической точекъ зрѣнія, и книга „О женщинахъ“ (Спб. 1886), помѣченая псевдонимомъ вопросительнымъ знакомъ. Это—не лишенный остроумія памфлетъ, направленный противъ отрицательныхъ сторонъ эмансипаціи женщинъ и вообще образованія женщинъ. Книга имѣла огромный, можно сказать, рѣдкій въ нашей литературѣ успѣхъ, выдержавъ восемь изданій въ сравнительно короткое время; такъ, ея второе изданіе разошлось, напримѣръ, въ четыре дня. Въ 1890 году безъ имени автора вышла книга К. А. „Современная Россія“, также разошедшаяся чрезвычайно быстро; второе изданіе ея появилось уже въ двухъ томахъ. Сочиненіе это въ живой и популярной формѣ касается важнѣйшихъ сторонъ нашего государственнаго устройства и общественной жизни. Книга довольно тенденціозна, и предисловіе къ ней могло бы составить программу консервативной партіи, еслибы у насъ были организованныя партіи. Тенденціозностью отличается и сочиненіе, вышедшее въ прошломъ году — „Наши государственные и общественные дѣятели“. Интересъ послѣдней книги заключается въ характеристикѣ по большей части живыхъ личностей, что повсюду представляется затруднительнымъ при условіяхъ нашей печати... Все, что вышло изъ подъ пера К. А. Скальковскаго, отличается оригинальностью мысли, сжатымъ, живымъ изложеніемъ и занимательностью. Видно, что даровитый авторъ усердно изучалъ манеру французскихъ писателей XVIII столѣтія. Слогъ его также своеобразенъ, какъ и ихъ слогъ. При нѣкоторомъ навыкѣ публика узнаетъ его статьи безъ труда. Тенденціозность и нѣкоторая рѣзкость и желчность полемическихъ пріемовъ составляютъ, по нашему мнѣнію, ихъ недостатокъ.

Въ 1891 г., по случаю назначенія директоромъ горнаго департамента, К. А. Скальковскій оставилъ редакцію „Новаго Времени“. Послѣднимъ литературнымъ трудомъ его была вышедшая въ Парижѣ книга „Les ministres des finances de la Russie“ 1802—1890, содержащая кромѣ портретовъ нашихъ финансовыхъ дѣятелей сжатую исторію русскихъ финансовъ въ XIX столѣтіи. Для полноты нашего бѣглаго очерка добавимъ, что К. А. Скальковскій принималъ также весьма горячее участіе въ пересмотрѣ таможеннаго тарифа и составленіи проекта важнаго закона о покровительствѣ торговому флоту, который разсматривается теперь особою коммиссіею.



Всемірная выставка въ Чикаго

IV

Торжественное открытіе выставки 1-го мая. — Midway Plaisance. — Первый и послѣдній локомотивы. — Почетный дворъ и статуя свободы. — Чикаго двадцать лѣтъ тому назадъ.

Въ Европѣ уже давно стали извѣстны многія подробности о выставкѣ; напечатаны ея планы, виды отдѣльныхъ построекъ; публикѣ сообщено много свѣдѣній и о самой выставкѣ, и о Чикаго, наконецъ получились телеграфныя извѣстія и объ ея торжественномъ открытіи. Подробныя сообщенія именно объ этомъ знаменательномъ моментѣ въ исторіи выставки пришли въ Европу только на дняхъ. Торжество открытія выставки свершилось при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Мы уже не разъ говорили о крайней строптивости климата въ странѣ великихъ озеръ, и, какъ на зло, погода особенно раскаприничалась къ моменту открытія. Было очень холодно, дождливо, съ озера дулъ пронизывающій вѣтеръ. Отъ безпрерывныхъ ливней, шедшихъ послѣдніе дни, на всей площади выставки, не отличающейся плотнымъ грунтомъ, стояла невылазная грязь, которую ноги трехсотъ тысячъ посѣтителей довели до степени первобытной хляби. Весь апрѣль выдался дождливый, и ко дню открытія выставки образовалась топь, на которую посѣтители не имѣли духа даже и роптать, потому что тутъ уже ничего нельзя было подѣлать, нечѣмъ помочь.

Американцы считаютъ началомъ торжествъ, относящихся къ открытію, 29 апрѣля. Въ этотъ день въ Чикаго прибылъ герцогъ Верагуа, о роли котораго въ выставочныхъ торжествахъ мы уже говорили въ № 1268 „Всемірной Иллюстраціи“, гдѣ былъ помѣщенъ портретъ этого потомка Колумба. Герцогъ былъ встрѣченъ властями г. Чикаго и штата Иллинойсъ и торжественно эскортированъ въ отведенное ему помѣщеніе. Черезъ часъ послѣ него прибылъ въ городъ президентъ Клевелендъ со своими министрами и послѣ подобающей встрѣчи также былъ эскортированъ властями и войсками до мѣста квартированія. Вслѣдъ за президентомъ прибылъ изъ Филадельфіи и знаменитый „колоколъ свободы“, который по всему пути встрѣчали съ торжественными оваціями, а на выставкѣ встрѣтили президентъ и герцогъ Верагуа. По пути слѣдованія колокола черезъ улицы города дома были украшены по праздничному и на улицахъ тѣснились толпы народа. 30-го апрѣля погода была отвратительная; она-то и развела неимовѣрную грязь, которую въ день открытія пришлось мѣсить публикѣ. 1-го мая погода чуть-чуть улучшилась, но все же дождь продолжалъ лить, вѣтеръ ревѣлъ въ свое удовольствіе, и солнце проглядывало лишь урывками. Время впуска публики было назначено въ 8 часовъ, но цѣлыя толпы стояли передъ входами гораздо раньше этого времени, ожидая появленія изъ города процессіи съ президентомъ. Въ составъ этой процессіи входили отрядъ полисмэновъ, пѣхотные и кавалерійскіе отряды войскъ и цѣлая вереница каретъ, везшихъ президента, министровъ, городскихъ властей и представителей и членовъ выставочнаго управленія. Процессія вступила на выставку черезъ ея увеселительное предмѣстье—Midway Plaisance. Несмѣтныя толпы народа вытянулись по всему пути процессіи. На Midway Plaisance президента шумно привѣтствовало населеніе всевозможныхъ выстроенныхъ тутъ „деревень“—египетской, турецкой, сингалезской, алжирской, японской и проч. Процессія направилась къ административному зданію выставки, проходя сквозь шпалеры войскъ, оставившихъ для нея необходимый путь среди невѣроятно густой толпы зрителей. Здѣсь будетъ кстати сказать, что толпа публики была въ самомъ дѣлѣ необычайно велика; дамы, попавшія въ эту кучу, то и дѣло лишались чувствъ, и не было никакой возможности протискнуть ихъ сквозь массы народа на открытое мѣсто; обыкновенно сосѣди поднимали этихъ бѣдныхъ дамъ надъ головами и такъ передавали ихъ поверхъ толпы, съ рукъ на руки, пока не удавалось ихъ вручить на попеченіе санитарныхъ амбулаторій, запасенныхъ про всякій случай на выставкѣ.

Самая церемонія открытія началась въ $10^1/_2$ часовъ утра. Противъ административнаго зданія была заранѣе выстроена платформа, достаточно просторная для того, чтобы на ней помѣстились двѣ тысячи человѣкъ, приглашенныхъ на торжество, оркестръ музыки и большой хоръ пѣвчихъ. Эту платформу окружала толпа въ 150 тысячъ народа. Когда на платформѣ заняли мѣста президентъ и всѣ приглашенные, оркестръ грянулъ Колумбовъ маршъ и гимнъ. Послѣ марша капелланъ конгресса, докторъ Мильборнъ, произнесъ молитву, а затѣмъ миссъ Джесси Кутуй продекламировала написанную къ случаю поэму Крофута „Пророчество“. Оркестръ вновь грянулъ увертюру изъ „Ріенци“, а затѣмъ генералъ-директоръ выставки Дэвисъ произнесъ небольшой спичъ, въ которомъ изложилъ вкратцѣ исторію выставки. Когда послѣ того поднялся съ своего мѣста президентъ Клевелендъ, его привѣтствовалъ долго не смолкавшій восторженный кличъ не менѣе 300 тысячъ человѣкъ народа, толпившагося по всей площади выставки. Послѣдовавшій за очень краткою рѣчью президента интересный моментъ уже былъ подробно сообщенъ въ телеграммахъ объ открытіи выставки: президентъ нажалъ пуговку электрическаго провода, и въ одинъ мигъ развернулись всѣ флаги выставки, застучали колеса всѣхъ машинъ и начали бить фонтаны. Въ тотъ же моментъ раздался громкій пушечный салютъ. Послѣ этой церемоніи президентъ и приглашенные гости вошли въ административное зданіе, гдѣ для нихъ былъ приготовленъ завтракъ. Послѣ завтрака президентъ и гости обошли всѣ уже окончательно устроенные и законченные отдѣлы выставки (а въ общемъ она еще далеко не готова и будетъ готова не ранѣе какъ черезъ полтора мѣсяца) и затѣмъ совершили прогулку въ гондолѣ по лагунамъ. Въ $4^1/_2$ часа президентъ и его кабинетъ уже отбыли по желѣзной дорогѣ въ Вашингтонъ.

Выставка вытянулась по самому берегу озера Мичигана, на протяженіи почти двухъ верстъ, довольно широкою полосою. Къ верхней половинѣ этой полосы подъ прямымъ угломъ примыкаетъ длинная улица, почти въ полторы версты, застроенная по обѣимъ сторонамъ всевозможными увеселительными учрежденіями, составляющими въ нѣкоторомъ родѣ часть самой выставки. Это и есть такъ называемый Midway Plaisance, о которомъ уже много разъ упоминалось въ нашихъ обзорахъ, напечатанныхъ въ предыдущихъ нумерахъ „Всемірной Иллюстраціи“. О роли этого участка выставки въ ея финансовомъ благоустройствѣ мы уже говорили въ предыдущемъ обзорѣ, гдѣ были перечислены также и всѣ болѣе или менѣе выдающіяся предпріятія, которыя нашли себѣ здѣсь мѣсто. Намъ остается пока прибавить, что публика очень охотно заходитъ во всѣ эти иноземныя деревни, гдѣ для всякаго найдется что нибудь интересное и поучительное.

Первый локомотивъ по первому желѣзнодорожному полотну былъ пущенъ въ Америкѣ въ 1831 году. Съ тѣхъ поръ желѣзнодорожное дѣло совершило поистинѣ колоссальные успѣхи. Для того, чтобы наглядно характеризовать весь прогрессъ этого дѣла, американцы поставили на выставкѣ въ Чикаго оба конечные пункта исторіи желѣзныхъ дорогъ — первый локомотивъ 1831 г. и послѣдній локомотивъ, только что построенный для одной изъ американскихъ дорогъ. Оба эти локомотива представлены на нашихъ рисункахъ. Первый американскій локомотивъ былъ построенъ въ Нью-Іоркѣ по проекту Де-Уиттъ-Клинтона. Этотъ локомотивъ имѣлъ четыре колеса, каждое въ $4^1/_2$ фута діаметромъ, и два паровыхъ цилиндра въ $5^1/_2$ дюйм. въ поперечникѣ, съ ходомъ поршня въ 16 дюйм. Котелъ локомотива былъ снабженъ 30 мѣдными дымогарными трубками въ $2^1/_2$ дюйм. въ просвѣтѣ. Вся машина вѣсила около 365 пудовъ; она была снабжена тендеромъ, содержавшимъ запасъ воды; тутъ же на тендерѣ помѣщался и кондукторъ поѣзда. Самая машина въ высшей степени простаго устройства. Многія отдѣльныя движенія, которыя уже давнымъ давно возложены теперь на самый механизмъ, въ то время производились руками. Этотъ локомотивъ-карликъ, прародитель нынѣшнихъ гигантовъ, влекъ поѣздъ, состоявшій изъ трехъ вагоновъ или, лучше сказать, каретъ, потому что тогдашніе вагоны были устроены совершенно такъ, какъ нынѣшнія четырехмѣстныя кареты. Первоначальные опыты съ этимъ первымъ поѣздомъ производились въ промежутокъ времени со 2 іюля по 9 августа 1831 г. на желѣзнодорожной линіи между Мохаукомъ и Гудсономъ. Американская пресса перечисляетъ даже всѣхъ пассажировъ этого перваго пробнаго поѣзда; изъ этого ряда именъ мы приведемъ здѣсь только машиниста Давида Метьюсъ и кондуктора Кларка. Сигналъ отхода подавался въ жестяной рожокъ. Локомотивъ отопляли сосновыми дровами; попробовали было сначала каменный уголь, но почему-то нашли его неудовлетворительнымъ. Цѣлый дождь искръ и копоти и облака дыма обрушивались на пассажировъ, которые кое-какъ защищались отъ этого душа зонтиками; послѣдніе, впрочемъ, весьма быстро прогорали отъ искръ; иной разъ загорались даже и сами пассажиры, обмѣниваясь въ такомъ случаѣ любезными услугами взаимнаго тушенія. Все это было, конечно, очень неудобно, но практичные американцы все-таки высоко цѣнили во вновь заведенномъ способѣ сообщенія его относительную быстроту и акуратность. Съ тѣхъ поръ прошло всего 60 лѣтъ, и вотъ передъ нами послѣдній плодъ прогреса, совершеннаго въ этотъ промежутокъ времени — локомотивъ подъ № 999, построенный центрально-нью-іоркской и гудсонъ-риверской линіями. Эта машина вѣситъ около 3200 пудовъ. Цилиндры этого локомотива имѣютъ 19 дюймовъ въ діаметрѣ, а ходъ поршня въ нихъ равенъ 24 дюймамъ. Колеса имѣютъ въ діаметрѣ 7 футовъ 2 дюйма, а ихъ ободья $3^1/_2$ дюйма толщины и $5^3/_4$ ширины. Основная рама локомотива, несущая колесный ходъ, имѣетъ въ длину около 24 футовъ. Общая поверхность нагрѣва въ котлѣ составляетъ 1930 квадр. фут. Высота локомотива отъ рельсовъ до оси паровато котла—9 фут. Котелъ можетъ выдерживать давленіе при обычной работѣ до 190 фунтовъ на квадр. дюймъ. На тендерѣ помѣщается больше угля, чѣмъ вѣсилъ весь первый локомотивъ — болѣе 400 пуд. и 3857 галлоновъ воды, т. е. болѣе 1300 ведеръ. Локомотивъ снабженъ паровымъ тормазомъ Вестингауза. Этотъ локомотивъ былъ выстроенъ въ три мѣсяца и обошелся въ 12 тысячъ долларовъ. Во время своего пути на выставку онъ безъ труда дѣлалъ 87 миль въ часъ, т. е. около 130 верстъ.

Къ выставкѣ ведетъ много подъѣздныхъ путей, а цѣлый рядъ входныхъ дверей, устроенныхъ со стороны города, ведетъ во внутренній кругъ зданій. Центральный желѣзнодорожный вокзалъ расположенъ въ югозападномъ углу выставочной площади. Посѣтители расходятся отсюда—кто на сѣверъ, гдѣ помѣщается главная часть выставки, кто на югъ, по направленію къ отдѣламъ—машинному, сельскохозяйственному, лѣсному—и помѣщеніямъ для скота, служащимъ южною гранью выставочной площади. Прямо съ центральнаго вокзала посѣтитель попадаетъ на площадь, на которой высится административное зданіе; обогнувъ его, публика выходитъ на одинъ изъ самыхъ величественныхъ и живописныхъ пунктовъ выставки. Справа, слѣва и впереди бьютъ громадные фонтаны; за ними простирается большая лагуна, соединяющаяся съ Мичиганомъ, а задній планъ картины замыкается величественнымъ перистилемъ съ двумя рядами громадныхъ колоннъ. Если выплыть на шлюпкѣ на середину этой лагуны, то слѣва будетъ самая большая выставочная постройка — зданіе мануфактуръ и вольныхъ художествъ, справа сельскохозяйственный отдѣлъ, а прямо передъ собою зритель будетъ видѣть громадную статую свободы работы Френча. Голова богини поднимается выше кровли перистиля; въ лѣвой рукѣ богиня держитъ копье, увѣнчанное фригійскою шапкою, а въ высоко поднятой правой рукѣ эмблему мира—

голубя. Эта статуя самое крупное и выдающееся по изяществу скульптурное украшеніе выставки.

Въ „Le Tour du Monde“ напечатаны очень любопытныя воспоминанія художника Феликса Регаме, которому пришлось провести нѣкоторое время въ Чикаго въ 1873 году, т. е. два года спустя послѣ достопамятнаго пожара, истребившаго городъ въ августѣ 1871 года. Очеркъ этотъ, украшенный множествомъ иллюстрацій, можетъ быть съ большимъ интересомъ прочитанъ всѣми, кого занимаетъ судьба великаго американскаго города, устроившаго нынѣшнюю всемірную выставку. Регаме засталъ еще полную картину разрушенія: остатки стѣнъ на мѣстѣ улицъ, уныло торчащія среди пустырей трубы фабрикъ, полчища крысъ, выбитыхъ изъ колеи подобно людямъ и также озабоченныхъ пріисканіемъ себѣ угла, гдѣ преклонить голову и прокормиться. Но возстановленіе города изъ пепла и развалинъ шло съ поразительною быстротою. Дома выростали какъ грибы, часто тутъ же продавались цѣликомъ и перетаскивались въ совершенно законченномъ видѣ на новое мѣсто. Жизнь кипѣла ключемъ. Всякаго рода торговля заполонила пустыри и пожарища; всюду пріютились временныя лавочки съ табакомъ, винами, съѣстными припасами. И вотъ теперь прошло двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, и отъ пожарища изгладились всякіе слѣды. Населеніе выросло послѣ того во много разъ, на мѣстѣ погорѣвшихъ деревянныхъ домовъ воздвиглись чудища современной архитектуры, и городъ сталъ въ рядъ первыхъ, богатѣйшихъ и населенныхъ пунктовъ земнаго шара.

М. О—въ

Церемонія открытія Имперскаго института въ Лондонѣ

Шесть лѣтъ тому назадъ происходили въ Лондонѣ по случаю пятидесятилѣтняго юбилея царствованія королевы Викторіи большія торжества. Они сопровождались закладкой зданія такъ называемаго Имперскаго института, видъ котораго мы дали уже въ прошломъ—1270-мъ—нумерѣ „Всемірной Иллюстраціи“ вмѣстѣ со статьей объ этомъ учрежденіи. Теперь постройка института уже окончена, и 28-го апрѣля (11-го мая) Лондонъ былъ свидѣтелемъ новаго торжества — открытія института, свидѣтелемъ такой блестящей церемоніи, какая очень рѣдко повторяется въ Англіи. Приготовленія къ церемоніалу открытія института продолжались очень долго. Для этого выписаны были изъ Индіи отрядъ войскъ и изъ Австраліи и Канады добровольцы. Въ ожиданіи процессіи весь путь отъ Бокингамскаго дворца до института былъ занятъ народомъ, и по всему этому пути расположены были шпалерами войска. На спеціально устроенныхъ вблизи института мѣстахъ находилось до 30,000 человѣкъ, запасшихся билетами. Въ самомъ зданіи устроены были мѣста на 2,000 человѣкъ. Къ полудню прибылъ въ институтъ президентъ этого учрежденія, наслѣдникъ престола, принцъ Уэльскій съ сыномъ, герцогомъ Георгомъ Іоркскимъ, и невѣстою послѣдняго, принцессой Маріей Тэкъ, и съ ея матерью. Затѣмъ прибыли герцогъ Коннотъ съ супругой и дѣтьми, герцогъ Эдинбургскій съ супругой. Въ половинѣ перваго прибыла процессія королевы въ сопровожденія почетной гвардіи, составленной изъ войскъ и добровольцевъ разныхъ колоній. Вмѣстѣ съ королевой прибыли ея дочери. принцесса Христіанъ съ супругомъ и принцесса Баттенбергъ съ супругомъ, принцемъ Генрихомъ.

Церемонія открытія института происходила во временномъ зданіи, на томъ мѣстѣ, гдѣ современемъ должна быть построена главная зала института. Здѣсь уже собрались министры, нѣсколько индійскихъ принцевъ, дипломатическій корпусъ и представители разныхъ высшихъ учрежденій. Церемонія началась длинною рѣчью принца Уэльскаго, который сдѣлалъ краткій очеркъ исторіи созданія института и высказалъ надежду, что это учрежденіе будетъ способствовать прогрессу имперіи. Королева въ отвѣтъ прочла краткую рѣчь, написанную для нея министромъ внутреннихъ дѣлъ, г. Асквитомъ, въ которой институтъ признавался достойнымъ символомъ единства имперіи, и затѣмъ объявила его открытымъ. Принцъ Уэльскій взялъ тогда ключъ, сдѣланный изъ золота и серебра и украшенный алмазами, рубинами и жемчужинами изъ всѣхъ частей имперіи, изъ колоній Африки, Австраліи, Бирмы и Цейлона, и вложилъ его въ серебряную модель института, чѣмъ цѣпь электрическаго тока была замкнута, и начался звонъ колоколовъ въ главной башнѣ зданія. По окончаніи церемоніи королева такою же процессіей возвратилась въ Бокингамскій дворецъ, а оттуда поспѣшила уѣхать въ Виндзоръ. Англійская печать въ одинъ голосъ признаетъ церемонію открытія Имперскаго института чрезвычайно блестящею и удачною и почти не уступающею церемоніи юбилейнаго торжества, бывшей шесть лѣтъ тому назадъ.

Новости науки и цивилизаціи

Географія, этнографія

— Таинственная пещера. Въ камышинскомъ уѣздѣ, саратовской губерніи, на правомъ берегу Медвѣдицы, существуетъ съ давнихъ временъ малороссійская слобода, носящая названіе Мѣловатки. Слобода расположена вдоль оврага, идущаго съ сѣверо-запада на юго-востокъ, къ Медвѣдицѣ. Правый берегъ оврага состоитъ изъ желтобурой глины, а лѣвый изъ мѣловаго камня, отчего слобода и получила свое названіе. Мѣлъ крестьяне употребляютъ для своихъ хозяйственныхъ построекъ и на другія надобности. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ крестьянинъ, выламывая для себя камень, дорылся до какой-то пещеры. Входъ въ нее устроенъ аркой и стѣны отдѣланы изъ того же камня. Нѣсколько смѣльчаковъ изъ мѣстныхъ крестьянъ думало изслѣдовать эту пещеру, но такъ какъ нижняя часть входа въ нее завалена щебнемъ и нѣсколько саженъ нужно пробираться ползкомъ, то многіе отказались отъ попытки проникнуть въ глубь пещеры. По разсказамъ одного крестьянина, который проникъ дальше всѣхъ, пещера эта, по мѣрѣ удаленія отъ входа, все болѣе и болѣе расширяется. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ входа она развѣтвляется на двѣ части; изнутри ея дуетъ сильный вѣтеръ; съ огнемъ идти невозможно: вѣтеръ гаситъ свѣчу. По мѣстному преданію въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится пещера, въ старину по всему берегу оврага росъ густой лѣсъ и въ немъ жили разбойники.

Военное и морское дѣло

— Среди вооружающихся въ настоящее время военныхъ судовъ наибольшее вниманіе привлекаютъ эскадренный броненосецъ „Императоръ Николай I“ и крейсеры 1-го ранга „Адмиралъ Нахимовъ“ и „Память Азова“, предназначенные, какъ извѣстно, въ составъ эскадры Атлантическаго океана. Климатическія условія, держащія Кронштадтъ въ ледяныхъ оковахъ, не позволяютъ опредѣлить время ухода этихъ судовъ и присоединенія ихъ къ остальнымъ судамъ эскадры адмирала Казнакова. Такимъ образомъ представителями нашего флота на торжествѣ празднованія 400-лѣтія со времени открытія Америки Колумбомъ и открытія выставки въ Чикаго являются крейсеры 1-го ранга „Дмитрій Донской“, „Генералъ-Адмиралъ“ и „Рында“, которые хотя и не могутъ быть признаны послѣднимъ словомъ крейсерскаго судостроенія, но все же должны считаться прекрасными мореходными судами. Крейсеръ 1-го ранга „Генералъ-Адмиралъ“ построенъ въ Петербургѣ, на верфи общества механическихъ и горныхъ заводовъ, и спущенъ на воду 8-го октября 1873 г. Корпусъ крейсера построенъ изъ желѣза съ наружною обшивкою изъ дерева. Главные размѣры этого судна слѣдующіе: длина 284 фут. 6 дюйм., наибольшая ширина 48 фут., углубленіе кормою 23 фут. и водоизмѣщеніе 4,603 тонны. Онъ имѣетъ фрегатское вооруженіе и можетъ пользоваться своими парусами какъ самостоятельнымъ двигателемъ. По времени постройки и примѣненію поясной брони „Генералъ-Адмиралъ“ является первымъ изъ нашихъ крейсеровъ; этотъ типъ крейсера обратилъ на себя вниманіе всей Европы по удачному сочетанію значительной скорости хода (свыше 13,5 узловъ) съ дѣйствительною, по тому времени, броневою защитой. Въ 1875 и 1876 годахъ въ Англіи спущены на воду три подобные же полуброненосные крейсера, при составленіи чертежей которыхъ англійское адмиралтейство старалось выполнить всѣ характерныя особенности нашихъ крейсеровъ, такъ какъ въ англійскомъ парламентѣ было офиціально заявлено, что „русскимъ первымъ удалось осуществить идею броненосныхъ крейсеровъ съ броневымъ поясомъ по ватерлиніи“. Полуброненосный крейсеръ 1-го ранга „Дмитрій Донской“ спущенъ на воду съ верфи Новаго адмиралтейства 18-го августа 1883 года. Корпусъ крейсера построенъ изъ стали и желѣза и имѣетъ слѣдующія измѣренія: длина 295 ф., ширина 52 ф., углубленіе кормою 25 ф. 9 д. и водоизмѣщеніе 5,796 тоннъ. Крейсеръ снабженъ тараномъ и опоясанъ стале-желѣзною бронею шириною въ 7 футовъ. Машина „Дмитрія Донскаго“ сообщаетъ ему скорость въ 16 узловъ. Этотъ крейсеръ также имѣетъ фрегатское вооруженіе, которымъ и можетъ пользоваться, дѣлая значительные переходы подъ парусами. Третій крейсеръ, „Рында“, спущенъ на воду въ 1885 году. Онъ построенъ изъ стали и желѣза на эллингѣ общества франко-русскихъ заводовъ, и имѣетъ слѣдующія измѣренія: длина 265 ф., ширина 45 ф. и углубленіе 18 ф., при 3,200 тоннъ водоизмѣщенія. Машина крейсера развиваетъ 3,000 инд. силъ и скорость до 14 узловъ. Кромѣ того крейсеръ можетъ пользоваться, какъ самостоятельнымъ двигателемъ, своими парусами, для чего имѣетъ корветское вооруженіе. Имена всѣхъ этихъ трехъ крейсеровъ съ честью носили лучшіе представители прежняго деревяннаго флота.

Торговля, промышленность, сельское хозяйство

— Анализъ крестьянскихъ хлѣбовъ, производимый въ департаментѣ торговли мануфактуръ по главнѣйшимъ губерніямъ, теперь законченъ. Изслѣдовано свыше тысячи пробъ изъ мѣстностей, преимущественно вывозящихъ хлѣба за границу. Значительное количество находившихся въ распоряженіи департамента образцовъ и несомнѣнная тщательность анализа обезпечиваютъ правильность сужденія о степени засоренности предлагаемыхъ на внутреннихъ рынкахъ къ вывозу хлѣбовъ. Произведенными анализами обнаружено, что пыль, минеральныя и другія негодныя примѣси въ пшеницѣ доходятъ только въ рѣдкихъ случаяхъ до 1,1%, во ржи до 1,9% и въ овсѣ до 3,3%. Примѣсь постороннихъ зеренъ также незначительна, колеблясь для пшеницы между 0,7 и 7,1%, для ржи между 0,2 и 3,9% и для овса между 0,8 и 5,8%. Результаты анализовъ представлены совѣщанію по хлѣбной торговлѣ.

Лондонскій курьеръ

Капуртальскій магараджа только что прибылъ въ Лондонъ и остановился со своей свитой въ Savoy Hôtel.

Некрологъ

Гемиліанъ Густавъ Густавовичъ, д-ръ медицины, д. ст. сов., одинъ изъ лучшихъ петербургскихъ терапевтовъ, долго служившій по министерству Императорскаго Двора, авторъ нѣсколькихъ статей по своей спеціальности, † въ Спб. 6-го мая, 53 лѣтъ.

Заика Владиміръ Денисовичъ, тайн. сов., директоръ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ, пользовавшійся весьма широкой извѣстностью въ административныхъ кругахъ всей Россіи, † въ Спб. 12-го мая, 58 лѣтъ.

Муратовъ Александръ Георгіевичъ, полковникъ кубанскаго казачьяго войска, герой Ловчи, † въ Спб. въ срединѣ апрѣля. Онъ принадлежалъ къ числу самыхъ выдающихся доблестнѣйшихъ офицеровъ нашей арміи и оставилъ по себѣ наилучшую память. Происходя изъ почетныхъ горцевъ Кубанской области, А. Г. родился 11-го февраля 1845 года и первоначальное воспитаніе получилъ въ ставропольской гимназіи, а спеціальное военное образованіе въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ. Изъ училища онъ выпущенъ 12-го іюля 1868 года по первому разряду, съ производствомъ въ корнеты лейбъ-гвардіи казачьяго Его Величества полка.

Дослужившись до чина полковника, онъ командовалъ 1-мъ кубанскимъ коннымъ полкомъ и 1-мъ таманскимъ. Во время минувшей турецкой войны онъ принималъ дѣятельнѣйшее участіе во многихъ бояхъ, стычкахъ и рекогносцировкахъ, выказавъ замѣчательную храбрость. По переправѣ черезъ Дунай онъ съ однимъ своимъ эскадрономъ взялъ городъ Ловчу, и за это дѣло его эскадронъ получилъ особое отличіе, надпись на кивера: „за Ловчу“. По окончаніи турецкой войны, въ концѣ 1878 г., А. Г. вернулся къ боевой дѣятельности въ Закаспійскомъ краѣ, гдѣ получилъ въ командованіе самостоятельный отрядъ, который участвовалъ при занятіи Мерва. А. Г. пользовался милостивымъ вниманіемъ многихъ Августѣйшихъ особъ и въ особенности августѣйшаго генералъ-фельдмаршала, бывшаго намѣстника Кавказскаго края. За свои боевые подвиги какъ за Дунаемъ, такъ и на Кавказѣ А. Г. имѣлъ всѣ русскіе ордена до св. Владиміра 3-й степени включительно; большая часть изъ нихъ за боевыя отличія „съ мечами“.

Мышковскій Александръ Максиміліановичъ, коллежскій секретарь, провинціальный литераторъ, авторъ нѣсколькихъ беллетристическихъ произведеній, помѣщавшихся въ газетѣ „Харьковъ“ и друг. изданіяхъ, † въ Харьковѣ 14-го марта, 53 л.

Нилъ, архимандритъ Николо-Угрѣшскаго монастыря, духовный писатель, авторъ брошюры „Историческій очеркъ Николаевской Берлюковской пустыни“, † въ Москвѣ 6-го мая, на 71 году. Въ мірѣ онъ назывался Николаемъ Лукичемъ Сафоновымъ.

Сиверсъ Евгеній Егоровичъ, графъ, генералъ-отъ-инфантеріи, членъ военнаго совѣта, предсѣдатель главнаго военнаго санитарнаго комитета, † въ Спб. 13-го мая, 75 лѣтъ.

Шмидъ Марія Александровна, по сценѣ Горская, извѣстная провинціальная опереточная артистка, славившаяся исполненіемъ ролей комическихъ старухъ, воспитанница с.-петербургской консерваторіи и бывшая артистка Императорской оперной сцены, † въ Спб. 7-го мая, 32 лѣтъ.

Моментъ открытія выставки. Президентъ Клевелендъ нажимаетъ пружину электродвигателя, приводящаго въ движеніе машины выставки.

Съ натуры рисовалъ Фредерикъ Вилье.

Соединенные Штаты Сѣверной Америки. — Чикаго. Большая Колумбова выставка.

Яванцы. — Житель Судана. — Египтянка-танцовщица. — Дома яванцевъ. — Общій видъ »Midway Plaisance«. — Каирскіе типы.

Соединенные Штаты Сѣверной Америки. — Чикаго. Большая Колумбова выставка. Участокъ увеселительныхъ учрежденій.

Съ натуры рисовалъ Чарльзъ Грегэмъ.

Новые типы яхтъ и ихъ значеніе въ исторіи парусного спорта

IV

Изъ многочисленныхъ „Дилеммъ“, построенныхъ по образцу первоначальной, опишемъ нѣсколько подробнѣе судно, проектированное и построенное въ Гельсингфорсѣ В. В. Шталемъ, любезно предоставившимъ въ наше распоряженіе и чертежи этой яхты.

Прилагаемые рисунки представляютъ собою теоретическій чертежъ яхты съ обозначеніемъ на немъ рубки, мачты, гика и бушприта (фиг. 1), поперечный разрѣзъ (фиг. 2) и парусность (фиг. 3). Длина яхты по ватерлиніи составляетъ всего лишь 21 ф. 9 д., а полная длина по палубѣ — 33 ф., наибольшая ширина — 7 ф. 3 д., полное углубленіе — 4 ф., изъ коихъ собственно на долю корпуса приходится только 1 ф. 9 д. За мачтою, ось которой отстоитъ на 4 ф. 3 д. отъ передняго конца грузовой ватерлиніи, находится небольшая рубка со свѣтовымъ люкомъ близъ передняго конца и сдвижной крышкой у задняго; за рубкой — открытый кокпитъ для рулеваго и команды. Внутри рубки помѣщаются вдоль бортовъ (фиг. 2) два низенькихъ дивана, на которыхъ, однако, несмотря на относительно высокую рубку, человѣку высокаго роста нельзя сидѣть выпрямившись, такъ какъ отъ дивана до потолка рубки въ вышину только 30 дюймовъ; при большемъ размѣрѣ судна неудобство это, конечно, исчезаетъ. Корпусъ яхты — деревянный, легкой постройки; шпангоуты дубовые, обшивка и палуба — сосновыя. Руль, какъ и на первоначальной „Дилеммѣ“, желѣзный балансирный съ наклоннымъ стержнемъ; практика показала, однако, что въ устройствѣ наклоннаго стержня нѣтъ надобности, тѣмъ болѣе, что при этомъ, когда яхта стоитъ на мѣстѣ, перо руля отъ собственной тяжести поворачивается впередъ, причемъ румпель торчитъ прямо вверхъ и не только придаетъ яхтѣ странный видъ, но можетъ быть сшибленъ гикомъ. Плавникъ сдѣланъ изъ толстаго листа котельной стали, длиною по верху въ 17 ф., по низу въ 7 ф.; для соединенія его съ корпусомъ служатъ изогнутые стальные угольники, идущіе вдоль всей верхней кромки листа, прилегающіе къ обшивкѣ и связанные болтами какъ съ листомъ, такъ и со шпангоутомъ. На большихъ яхтахъ этого типа, конечно, крѣпленіе листа должно быть еще болѣе солидно. Сигара — свинцовая, состоитъ изъ двухъ совершенно одинаковыхъ половинъ, приложенныхъ съ обѣихъ сторонъ къ листу и стянутыхъ сквозными болтами съ утопленными головками; вѣсъ сигары нѣсколько менѣе 2 тоннъ. Ось сигары чуть-чуть приподнята спереди почти горизонтально. Передняя и задняя кромки листа, какъ видно на фиг. 1, обрѣзаны по впалымъ кривымъ — ради изящества; въ этомъ также нѣтъ надобности, такъ какъ листа подъ водою не видно, а толстую сталь гораздо легче обрѣзать по прямой линіи.

Парусность яхты по ея размѣрамъ довольно большая и состоитъ изъ грота и кливера; высота мачты надъ палубой — 29 ф., длина гика — 28 ф., гафеля — 15 ф. и бушприта (за бортамъ) — 8 ф. 6 д. Парусность свою яхта несетъ хорошо; даже въ очень свѣжіе вѣтры ей почти не приходится брать рифовъ — это показываетъ, что при данной ея величинѣ возможно или еще увеличить парусность, или же, что выгоднѣе для прочности яхты, уменьшить нѣсколько либо глубину плавника, либо вѣсъ сигары. Такъ, напр., однажды прошлымъ лѣтомъ тендеръ англійскаго типа „Judith“ (нюландскаго клуба), извѣстный своими прекрасными морскими качествами, при весьма свѣжемъ вѣтрѣ шелъ въ 2 рифа, имѣя кренъ почти по рубку; въ то же время „Дилемма“ шла съ полными парусами, имѣя съ подвѣтреннаго борта еще двѣ обшивныхъ доски надъ водою; при этомъ, несмотря на громадную разницу въ величинѣ („Дилемма“ имѣетъ только 2 балла, тогда какъ „Judith“ 12 балловъ гоночной величины), „Дилемма“ полнымъ вѣтромъ шла одинаково если не лучше, и даже при лавировкѣ лишь едва замѣтно отставала отъ своего въ шесть разъ болѣе сильнаго соперника. Примѣръ этотъ наглядно показываетъ — почему въ нѣкоторыхъ заграничныхъ клубахъ на типъ „Дилеммы“ воздвигается гоненіе и ихъ не хотятъ пускать съ обыкновенными яхтами: разница въ гоночныхъ качествахъ въ пользу описаннаго типа слишкомъ велика.

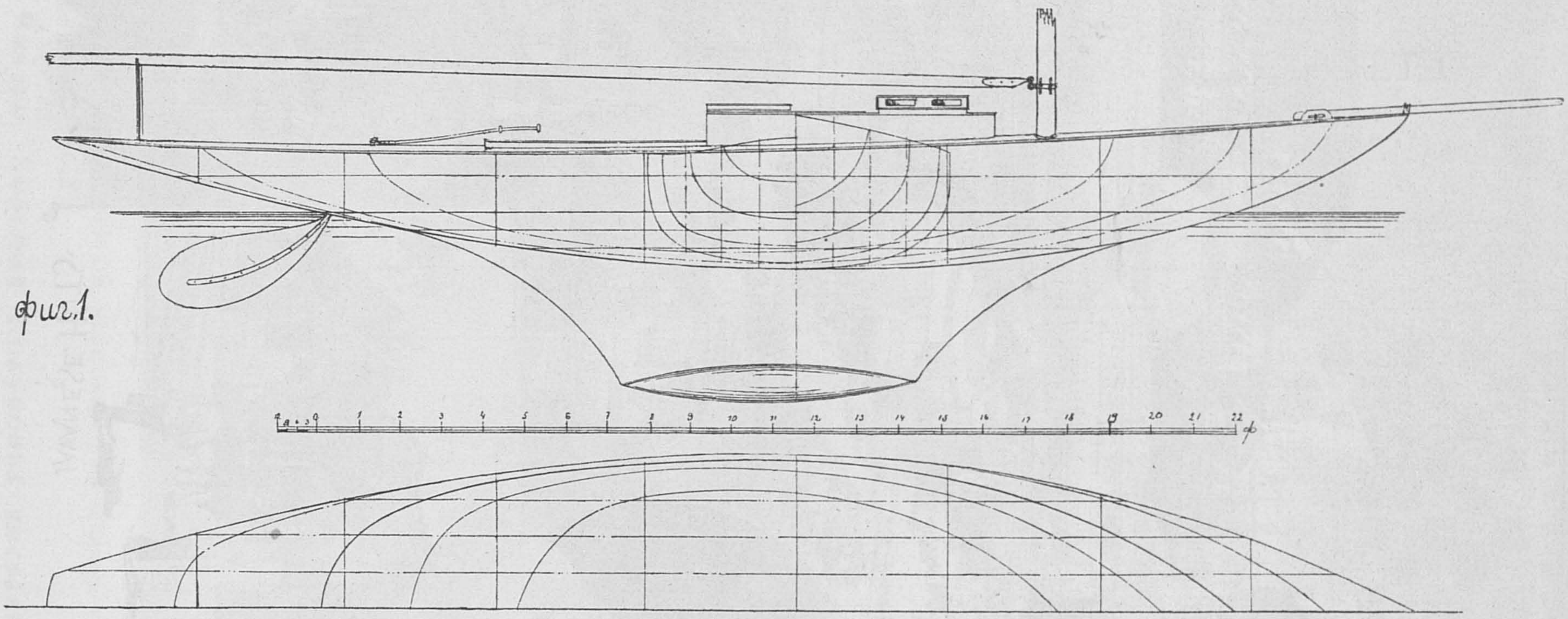
Кромѣ описанной яхты по чертежамъ В. В. Шталя построены минувшею осенью еще двѣ „Дилеммы“ *): одна въ Берлинѣ, длиною въ 25 ф. по ватерлиніи, съ неглубокимъ листомъ — вслѣдствіе мѣстныхъ условій; другая, меньшаго размѣра (20 ф.), въ Гамбургѣ. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе холерной эпидеміи осеннія гонки въ Гамбургѣ не состоялись.

Небольшія яхты этого типа всегда выгоднѣе, конечно, въ отношеніи легкости корпуса и дешевизны постройки строить деревянными: дубовые гнутые шпангоуты, сосновая обшивка и палуба. Однако, какъ мы уже указывали, лучше дѣлать хотя бы шпангоуты металлическими или, по крайней мѣрѣ, класть сверхъ деревянныхъ флортимберсовъ желѣзныя накладки. Стальная обшивка выгодна только для болѣе крупныхъ яхтъ, а для маленькихъ, длиною въ 20—25 ф., она пока еще, какъ кажется, и дорога, и тяжела по сравненію съ деревянной. Плавникъ, ради большей жесткости, можетъ быть составляемъ изъ двухъ стальныхъ листовъ, плотно стянутыхъ внизу и нѣсколько расходящихся вверху; промежутокъ между ними не слѣдуетъ заполнять тяжелымъ матеріаломъ, такъ какъ тогда придется соотвѣтственно уменьшить вѣсъ сигары.

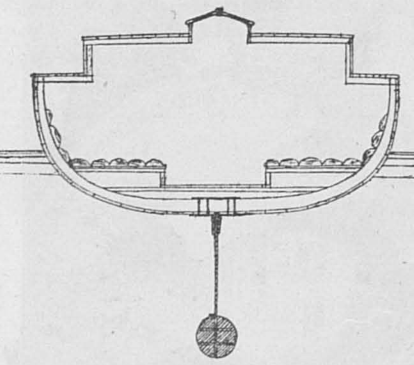
Укрѣпивъ плавникъ такимъ образомъ, чтобы соединеніе его съ корпусомъ не вызывало никакихъ сомнѣній, можно считать подобную яхту вполнѣ безопасною, такъ какъ она навѣрно въ состояніи подняться даже въ томъ случаѣ, если шквалъ совершенно положитъ ее парусами на воду; конечно, при этомъ рубка, люки и вообще всѣ отверстія въ палубѣ должны быть закрыты наглухо.

Это достоинство въ связи съ чрезвычайной быстроходностью дѣлаетъ типъ „Дилеммы“ весьма выгоднымъ и интереснымъ для гонокъ и заставляетъ забывать о главномъ его недостаткѣ — малой вышинѣ внутри каюты, не обладающей поэтому достаточной комфортабельностью для продолжительнаго плаванія на такомъ небольшомъ суднѣ. Этимъ мы и считаемъ возможнымъ закончить нашъ краткій очеркъ о яхтахъ.

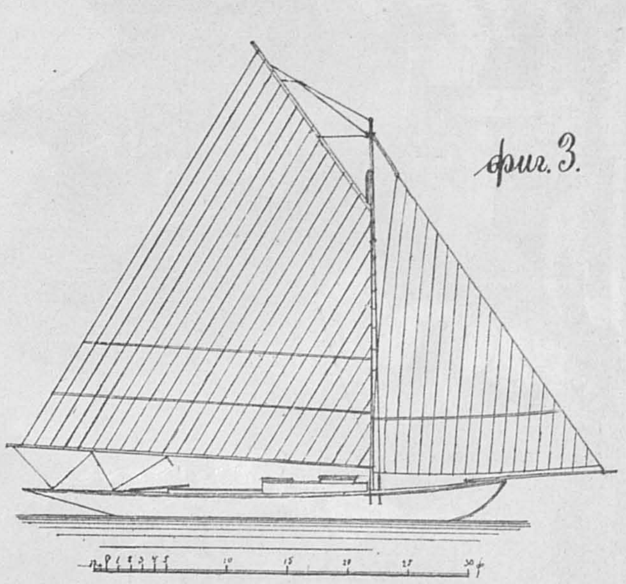
*) Имена этихъ яхтъ автору не сообщены.



фиг. 1.



фиг. 2.



фиг. 3.

Чертежи яхты типа »Дилеммы«, проектированной и построенной В. В. Шталемъ въ Гельсингфорсѣ.

Театръ, музыка, искусства

Искусства

— Иллюстраціи къ произведеніямъ Шевченко. Извѣстный художникъ М. О. Микѣшинъ заканчиваетъ иллюстраціи къ сочиненіямъ Шевченко. Г. Микѣшинъ предполагаетъ въ непродолжительномъ времени приступить къ выпуску иллюстрированнаго изданія сочиненій Шевченко, съ которымъ художникъ находился въ дружбѣ.

— Памятникъ Данте. Въ Тріентѣ начались на дняхъ работы по постановкѣ памятника въ честь Данте. На памятникѣ будетъ вырѣзана слѣдующая надпись на итальянскомъ языкѣ: „Отъ тріентинцевъ — Данте-Аллигіери, показавшему — чего можетъ достигнуть нашъ родной языкъ“.

— Интересный альбомъ. Изданіе подробнаго альбома снимковъ съ русскаго отдѣла выставки въ Чикаго предпринято за счетъ русскихъ экспонентовъ и появится въ продажѣ у насъ въ Россіи въ серединѣ іюня этого года.

Театръ и музыка

— Русская музыка въ Чикаго. Композиторъ нашей балетной сцены Н. С. Кленовскій, собирающійся устроить сессію оркестровыхъ исполненій на чикагской выставкѣ, предполагаетъ пропагандировать тамъ произведенія новѣйшей музыки—въ лицѣ Римскаго-Корсакова, Мусоргскаго, Глазунова, Балакирева, Бларамберга, Бородина. Кромѣ того въ программу будутъ включены композиціи Глинки, Даргомыжскаго и самого г. Кленовскаго. Произведенія П. И. Чайковскаго и А. Г. Рубинштейна уже знакомы американцамъ по собственнымъ концертамъ композиторовъ.

— Конкурсъ на сочиненіе струннаго квартета с.-петербургское общество камерной музыки объявляетъ на слѣдующихъ условіяхъ: къ участію въ конкурсѣ допускаются только русскіе композиторы (въ смыслѣ подданства); квартетъ долженъ быть написанъ для двухъ скрипокъ, альта и віолончели и состоять не менѣе какъ изъ четырехъ частей; крайнимъ срокомъ для представленія сочиненій назначается 1-е января 1894 г.; по конкурсу назначается сумма въ пятьсотъ рублей, распредѣляемая коммиссіей по ея усмотрѣнію слѣдующимъ образомъ: первая премія предполагается въ 300 р., а вторая въ 200 р., но, соотвѣтственно достоинствамъ представленныхъ сочиненій, могутъ быть выданы и двѣ вторыхъ или нѣсколько третьихъ премій; послѣдніи по 100 руб. каждая. Сочиненіе остается собственностью композитора.

— А. А. Ѳедотовъ, сынъ извѣстной драматической артистки Г. Н. Ѳедотовой, принятъ дирекціей казенныхъ театровъ на московскую сцену на окладъ 3000 руб. въ годъ. Выступитъ онъ въ пьесахъ Мольера.

— Опера „Псковитянка“ Римскаго-Корсакова, которую рѣшено возобновить у насъ въ Маріинскомъ театрѣ въ будущемъ сезонѣ, не шла ровно двадцать лѣтъ. Композиторъ дѣлаетъ большія перемѣны въ ея инструментовкѣ и голосовыхъ партіяхъ. Теперь въ главныхъ роляхъ выступятъ г-жа Медея Фигнеръ и г. Фигнеръ. Остальныя роли поручены гг. Яковлеву, Стравинскому и Корякину. Обстановка „Псковитянки“ заново будетъ сдѣлана только частью, остальное будетъ подновлено и взято изъ другихъ бытовыхъ оперъ.

— Баритонъ И. К. Гончаровъ ангажированъ на петербургскую Маріинскую сцену, на которой онъ, какъ намъ сообщали, имѣлъ выдающійся успѣхъ въ „Демонѣ“ и „Евгеніи Онѣгинѣ“.

Астрономическій календарь

1—15 іюня 1893 г.

Іюнь.	Средн. время въ ист. полд.	Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ. Восхожд. солнца.	Заходж. солнца.	Восхожд. луны.	Заходж. луны.	ВЪ МОСКВѢ. Восхожд. солнца.	Заходж. солнца.	Восхожд. луны.	Заходж. луны.
	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м	ч. м.
1	11 59.8	2 37	9 23	1 22у	9 28в	3 15	8 45	2 0у	8 33в
3	12 0.2	2 36	9 24	2 25	11 52	3 14	8 46	3 30	10 56
5	12 0.7	2 36	9 26	5 48	0 10у	3 14	8 48	6 26	11 50
7	12 1.1	2 36	9 27	9 17	0 19	3 14	8 48	9 32	0 1у
9	12 1.5	2 36	9 27	0 17в	0 19	3 14	8 49	0 18в	0 16
11	12 2.0	2 36	9 27	3 7	0 18	3 15	8 49	2 50	0 30
13	12 2.4	2 37	9 27	6 2	0 19	3 16	8 49	5 30	0 44
15	12 2.8	2 38	9 26	9 0	0 30	3 17	8 48	8 2	1 14

Солнце 9 іюня вступаетъ въ знакъ Рака—начало лѣта. Луна въ новолуніи 2-го, въ первой четверти 9-го іюня.

СОДЕРЖАНІЕ НУМЕРА

Текстъ.

Рисунки.

За редактора Э. Д. Гоппе.
Издательница А. П. Гоппе.

ИГРЫ и ЗАБАВЫ

ШАХМАТЫ

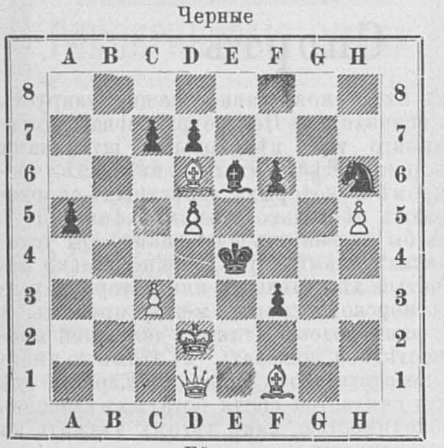
подъ редакціей **А. П. Шишкина**

ЗАДАЧА № 1573

Josef Kesl

Изъ „Světozor'a“

Черные



Бѣлые

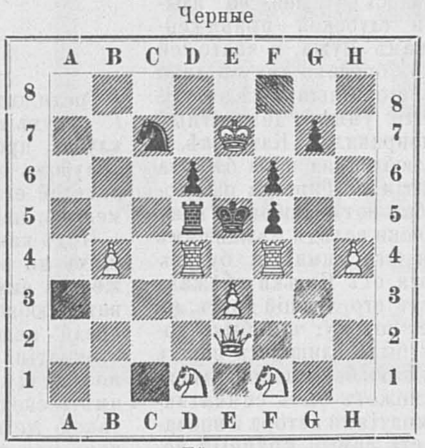
Матъ въ 3 хода.

ЗАДАЧА № 1574

K. Steinweg

Посвящена берлинскому шахм. общ. по случаю 66-й годовщины (18-го апрѣля нов. ст.) его существованія. Задача изображаетъ бокалъ.

Черные



Бѣлые

Матъ въ 2 хода.

ПАРТІЯ № 1038

Первая партія матча; играна въ Нью-Іоркѣ въ апрѣлѣ 1893 г.

Русская партія

	А. Вальбордтъ Бѣлые	Е. Дельмръ Черные
1.	e2—e4	e7—e5
2.	К g1—f3	К g8—f6
3.	К b1—c3	d7—d6
4.	d2—d4	К b8—d7
5.	С f1—e2	С f8—e7
6.	0—0	c7—c6
7.	b2—b3	Ф d8—c7
8.	С c1—b2	К d7—f8
9.	Ф d1—d2	h7—h6
10.	Л a1—d1	С c8—g4*a)*
11.	d4 : e5	d6 : e5
12.	К f3 : e5	Л a8—d8*b)*
13.	К e5—d3	С e7—d6
14.	e4—e5	С d6 : e5
15.	С e2 : g4	К f6 : g4*c)*
16.	Ф d2—e2	h6—h5
17.	h2—h3*d)*	К f8—e6
18.	К d3 : e5*e)*	К g4 : e5
19.	К c3—b5*f)*	c6 : b5
20.	С b2 : e5	Ф c7—c6
21.	Л d1 : d8†	Кр e8 : d8
22.	Ф e2—e3	Кр d8—e7*g)*
23.	Л f1—e1	Л h8—h6
24.	c2—c4	Л h6—g6
25.	f2—f3	b5 : c4
26.	Л e1—c1	Ф c6—c5
27.	Ф e3 : c5	К e6 : c5
28.	Л c1 : c4	К c5—d3
29.	С e5—b8	f7—f5
30.	Л c4—c3	К d3—b4
31.	Л c3—c7†	Кр e7—d8
32.	Л c7 : b7	К b4 : a2
33.	С b8 : a7	К a2—c1
34.	С a7—e3	К c1—d3
35.	С e3—d4	К d3—e1
36.	Л b7 : g7	К e1 : f3†
37.	Кр g1—f2	Л g6 : g7
38.	С d4 : g7	К f3—d2
39.	b3—b4	Кр d8—d7
40.	Кр f2—g3	Кр d7—e6
41.	Кр g3—h4	f5—f4
42.	Кр h4 : h5	f4—f3
43.	g2 : f3	К d2 : f3
44.	Кр h5—g4	К f3—d2
45.	h3—h4	К d2—c4
46.	h4—h5	К c4—d6
47.	h5—h6	Кр e6—f7
48.	Кр g4—f4	К d6—e8
49.	С g7—e5	Кр f7—g6
50.	b4—b5.	Сдался.

Примѣчанія къ партіи.

a) Лучше было бы предварительно — 10... К f8—g6.

b) Можетъ быть, нѣсколько лучше было бы 12... С g4 : e2 и если 13. Ф d2 : e2?, то 13... Ф c7 : e5, выигрывая фигуру, если же 13. К c3 : e2, то 13... К f6 : e4, отыгрывая пѣшку; впрочемъ, у черныхъ въ послѣднемъ случаѣ получалось бы довольно стѣсненное положеніе.

На 12... Ф c7 : e5 послѣдовало бы 13. К c3—e5, Ф e5—b8 (если 13... Ф e5 : b2, то, очевидно, 14. К d5—c7×, если 13... К f6 : e4?, то 14. С b2 : e5, К e4 : d2; 15. К d5—c7†, Кр e8—d8; 16. С e2 : g4 т. д., выигрывая фигуру; если же 13... Ф e5—d6, то 14. К d5 : f6† и 15. С e2 : g4, оставаясь съ лишней пѣшкой); 14. К d5 : f6†, С e7—f6; 15. e4—e5 и если слонъ отступитъ, то 16. С e2 : g4, если же 15... С f6 : e5, то напр. 16. Ф d2—e3 и бѣлые возвращаютъ фигуру почти при выигрышномъ положеніи.

На 15.. С g4 : e2 бѣлые могли бы отвѣтить 16. e5 : f6 и если 16... С e2 : d1 (или f1), то 17. f6 : g7, Л h8—g8; 18. g7 : f8† Ф, Кр e8 : f8 (18... Л g8 : f8; 19. Ф d2—e3†); 19. Ф d2—b4†, Кр f8—e8, 20. Л f1—e1† и бѣлые быстро выигрываютъ.

c) Если 15... С e5 : h2† и затѣмъ 16. К f6 : g4, то 17. Ф d2—e2†, К g4—e5; 18. f2—f4, выигрывая фигуру.

d) Бѣлые, очевидно, просмотрѣли выигрышъ фигуры : 17. К d3 : e5 и если 17... К g4 : e5, то 18. f2—f4, если же 17... Ф c7 : e5, то 18. Ф e2 : e5, К g4 : e5; 19. Л d1—e1 и 20. f2—f4.

e) На 18. h3 : g4, конечно, послѣдовало бы 18... С e5—h2† и 19... h5 : g4 и черные пріобрѣли бы почти выигрышное положеніе.

f) И теперь бѣлымъ представлялась возможность выиграть фигуру, продолжая 19. f2—f4 и 20. f4—f5.

g) Черные, очевидно, не могутъ брать пѣшку c2 ферземъ, такъ какъ тогда 23. Л f1—c1 и куда бы ферзь ни отступилъ 24. Ф e3—d2† и бѣлые выигрываютъ.

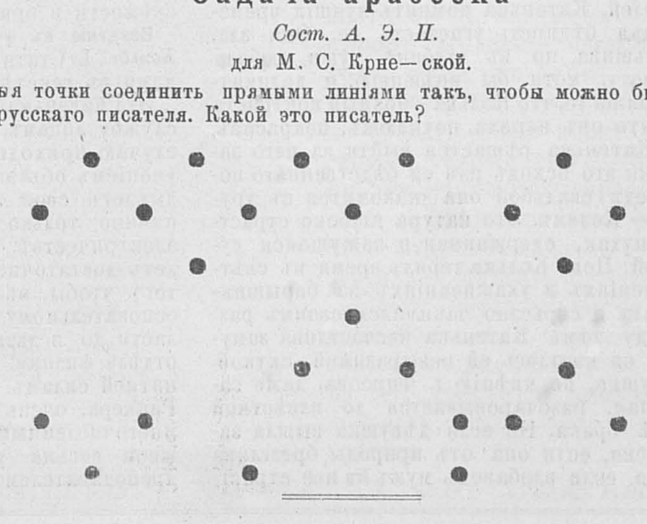
Всю корреспонденцію по шахматному и шашечному отдѣламъ просимъ адресовать въ редакцію журнала „Всемірная Иллюстрація“: Петербургъ, Садовая ул., 22.

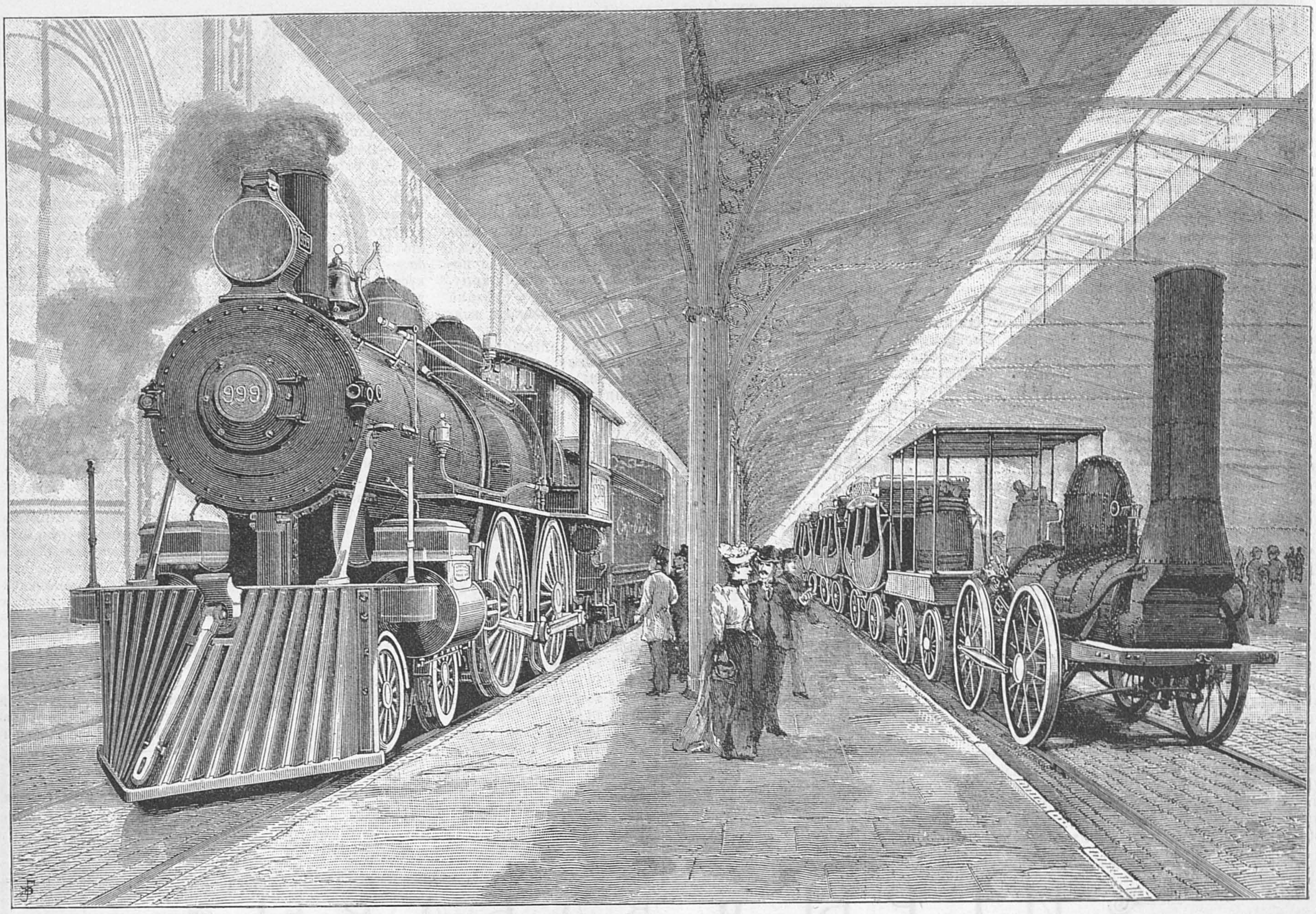
Задача-арабеска

Сост. А. Э. П.

для М. С. Крне—ской.

Данныя точки соединить прямыми линіями такъ, чтобы можно было прочитать фамилію русскаго писателя. Какой это писатель?





Локомотивъ № 999-й, 1893 года. Локомотивъ Де-Витъ Клинтона, построенный въ 1831 г.

Первый и послѣдній по времени сооруженія локомотивы въ Америкѣ.

Соединенные Штаты Сѣверной Америки.— Чикаго. Большая Колумбова выставка.

Новости печати

Горькій опытъ. Романъ *В. Фирсова*. Спб. 1893. Ц. 1 р. 50 коп.

У Гете есть стихотвореніе, въ которомъ разсказывается, какъ ученикъ чародѣя вызвалъ съ помощью заклинаній духовъ, но когда они явились, онъ не сумѣлъ съ ними справиться. Г. Фирсовъ напоминаетъ этого ученика чародѣя. Въ его романѣ вызванные имъ образы не повинуются его предначертаніямъ и говорятъ читателю совсѣмъ не то, чего хочетъ отъ нихъ авторъ. Вслѣдствіе литературной неопытности г. Фирсова, романъ его написанъ недостаточно объективно, и въ то же время вмѣшательство автора не настолько значительно, чтобы проводимая имъ мысль ясно представлялась читателю. Судя по заглавію „Горькій опытъ", г. Фирсовъ хотѣлъ показать, какъ обманываетъ жизнь наивную довѣрчивость, непосредственность чувства и вѣру въ людей. Таковъ герой романа, Колька. Непосредственный, довѣрчивый, что называется, душа на распашку, онъ всѣмъ доволенъ, всѣхъ любитъ и самъ встрѣчаетъ симпатіи со всѣхъ сторонъ. Товарищи его любятъ, родственники привѣтливы, у женщинъ—успѣхъ полный. Словомъ все идетъ хорошо, пока Колька не вздумалъ связать съ своею судьбою — судьбу одной барышни, Катеньки, по натурѣ существа нецѣльнаго, исковерканнаго. Дочь разорившихся родителей, Катенька помнитъ лучшія времена, и настоящая бѣдность угнетаетъ ее. Она зла, капризна, фальшива, но въ глубинѣ души любитъ изящное, красоту, хотя бы внѣшнюю, и деликатность. Несмотря на то, что Колька—полный контрастъ ея идеаламъ, что онъ неряха, неуклюжъ, некрасивъ, вульгаренъ, Катенька рѣшается выйти за него замужъ—все таки это исходъ изъ ея бѣдственнаго положенія. Передъ свадьбой она знакомится съ другомъ Кольки — Колемъ. Это натура глубоко страстная, но замкнутая, сдержанная и кажущаяся сухой и холодной. Пока Колька терялъ время въ свѣтскихъ развлеченіяхъ и ухаживаніяхъ за барышнями, Коль читалъ и серьезно занимался своимъ развитіемъ. Между тѣмъ Катенька несчастлива замужемъ. Жизнь ея казалась ей невыразимой скукой. „Всякая дѣвушка, по мнѣнію г. Фирсова, даже самая влюбленная, разочаровывается до извѣстной степени послѣ брака. Но если дѣвушка вышла замужъ безъ любви, если она отъ природы брезглива и высокомѣрна, если вдобавокъ мужъ въ нее страстно влюбленъ,—счастіе молодой супруги по меньшей мѣрѣ сомнительно. Въ такомъ положеніи и была Катенька, и всѣ ея ощущенія медоваго мѣсяца сводились къ тягостному недоумѣнію. Съ отвращеніемъ оглядывалась она въ своемъ гнѣздышкѣ, и слово „мѣщанское счастіе" вертѣлось у ней на языкѣ. Съ чувствомъ стыда и глубокой приниженности отдавалась она ласкамъ мужа, и часто ей хотѣлось вырваться отъ него, бросить ему въ лицо свое презрѣніе, растоптать его вульгарный энтузіазмъ"... Не удивительно, что умный, деликатный товарищъ Кольки скоро понравился Катенькѣ, а она понравилась ему, — и влюбленная пара бѣжала отъ обманутаго мужа. Симпатіи г. Фирсова на сторонѣ Кольки. „Вотъ дружба, вотъ любовь!" какъ бы восклицаетъ онъ иронически вслѣдъ бѣжавшимъ любовникамъ. Но врядъ-ли его симпатіи будутъ раздѣляться читателемъ. Хотя отъ Кольки убѣжала любимая жена и его обманулъ его лучшій другъ, но онъ брошенъ и обманутъ не потому, что былъ довѣрчивъ, а потому—что онъ былъ слишкомъ пошлъ и вульгаренъ. Пошлость же, какъ бы непосредственна и честна она ни была, не можетъ быть симпатична. Этотъ разладъ между симпатіями автора и впечатлѣніемъ читателя составляетъ самый крупный недостатокъ романа. Вообще же онъ написанъ недурно: характеры выдержаны (если отвлечься отъ симпатій и антипатій автора), а нѣкоторая наивность изложенія производитъ впечатлѣніе своеобразной свѣжести и оригинальности.

Цл. К.

Введеніе въ ученіе объ электричествѣ. Чтенія *Б. Ю. Кольбе*. I. Статическое электричество. Съ 75 рисунками въ текстѣ. Спб. Изданіе *К. Л. Риккера*. 1893.

Эта маленькая книжка можетъ сослужить хорошую службу лицамъ, которымъ по какому бы то ни было случаю приходится ознакомиться съ современнымъ ученіемъ объ электричествѣ. Книжка вполнѣ оправдываетъ свое заглавіе: она представляетъ собою именно только „введеніе", а не курсъ ученія объ электричествѣ. Проштудировавшій эту книжку будетъ достаточно вооруженъ нужными свѣдѣнія, для того, чтобы, въ случаѣ надобности, предаться уже основательному изученію какой либо отдѣльной области до нельзя развившагося въ послѣдніе годы отдѣла физики, посвященнаго электрической и магнитной силамъ. Книжка, подобно всѣмъ изданіямъ Риккера, очень опрятна по внѣшности, снабжена многочисленными, отчетливыми рисунками и изложена весьма удобопонятно. Авторъ ея состоитъ преподавателемъ физики въ здѣшнемъ Анненскомъ нѣмецкомъ училищѣ; излагаемый имъ предметъ онъ, конечно, знаетъ основательно. Книжка можетъ смѣло быть рекомендована всѣмъ, кто интересуется этимъ предметомъ.

М. А. О.

Спортъ

Среди нашихъ яхтсменовъ давно уже циркулируетъ слухъ объ основаніи въ Петербургѣ новаго яхтъ-клуба, прозваннаго уже нѣкоторыми шутниками „клубомъ сеньоровъ". Дѣйствительно, въ числѣ учредителей его, кромѣ нѣкоторыхъ извѣстныхъ спортсменовъ, называютъ нѣсколько громкихъ фамилій.

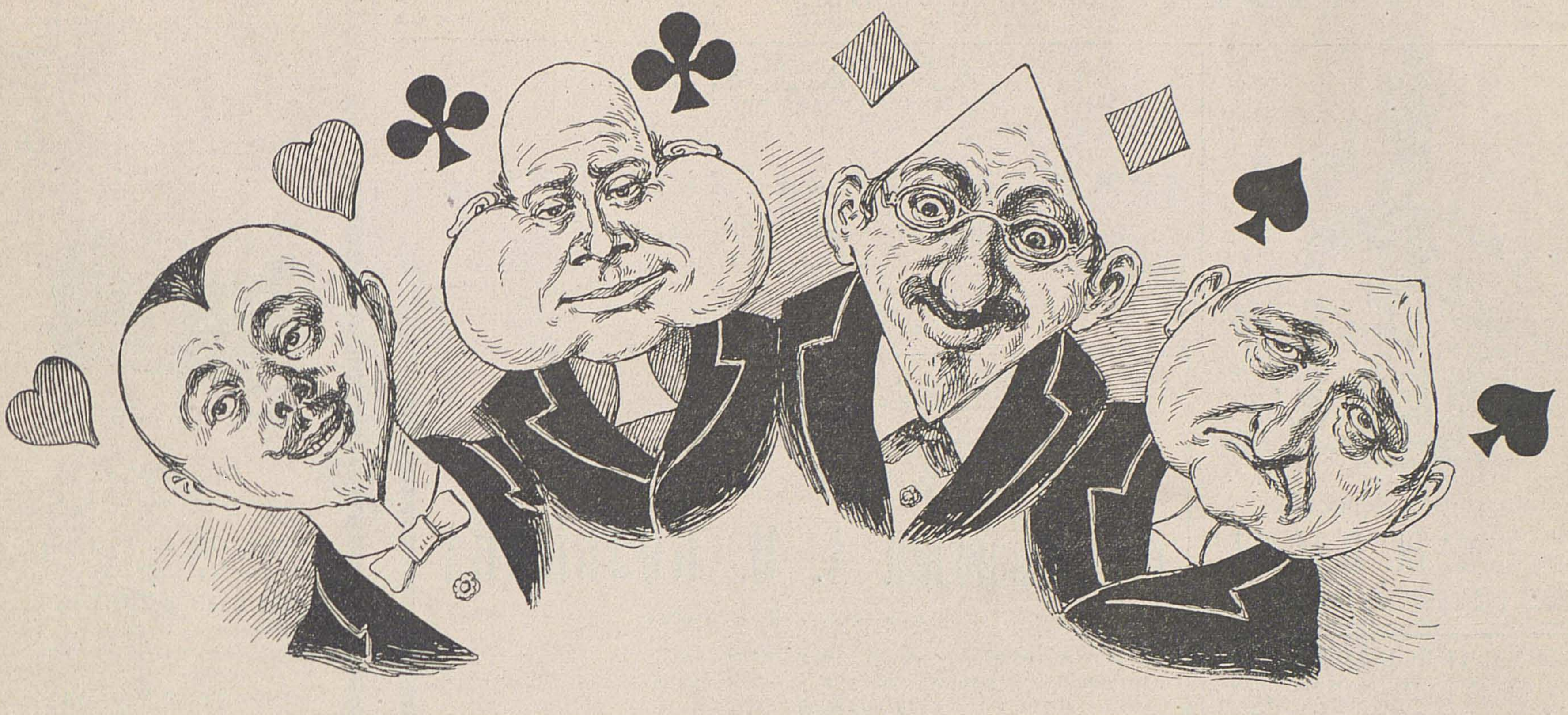
Подъ какимъ бы названіемъ и на какихъ бы условіяхъ ни возникалъ новый клубъ, можно только пожелать ему явиться дѣятельнымъ иниціаторомъ развитія любви къ морскому спорту, между прочимъ, и среди нашей какъ родовой, такъ и денежной аристократіи, а послѣдней пожелать—въ этомъ-то именно случаѣ и не отстать отъ западной Европы, гдѣ имѣть свою яхту считается среди богатыхъ классовъ такою же необходимостью, какъ лѣтомъ уѣзжать на дачу или имѣть экипажъ.

Въ pendant къ этому извѣстію можемъ сообщить, что во Франціи тоже не удовлетворяются существующими уже многими яхтъ-клубами и поговариваютъ объ основаніи новаго общества, подъ названіемъ „Yacht Squadron français", желая придать ему то же значеніе, которое имѣютъ въ Англіи Royal Yacht Squadron, въ Коусѣ, и Royal Thames yacht-club или New-Jork yacht-club въ Америкѣ. Предполагается, между прочимъ, чтобы каждый членъ новаго клуба былъ непремѣнно владѣльцемъ морской яхты: парусной не менѣе 10 тоннъ, а паровой — не менѣе 20. Спеціальные призы предполагается учредить также по образцу существующихъ въ упомянутыхъ клубахъ, причемъ они могутъ быть и пожертвованные. Членскій взносъ будетъ равняться 250 франкамъ въ годъ и вступительныхъ 500 франковъ. Для сравненія упомянемъ, что въ упомянутыхъ выше англійскихъ и американскомъ яхтъ-клубахъ цифры эти, при переводѣ на франки, равняются: въ Royal Yacht Squadron годовой членскій взносъ—275 франковъ и вступительныхъ—2500 фр.; въ Royal Thames yacht-club'ѣ — годовой взносъ 130 фр. и вступительныхъ—160 фр. и въ New-York yacht-club'ѣ — 125 фр. и 250 фр.

Дозв. цензурою. СПб. 20-го мая 1893 г. Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

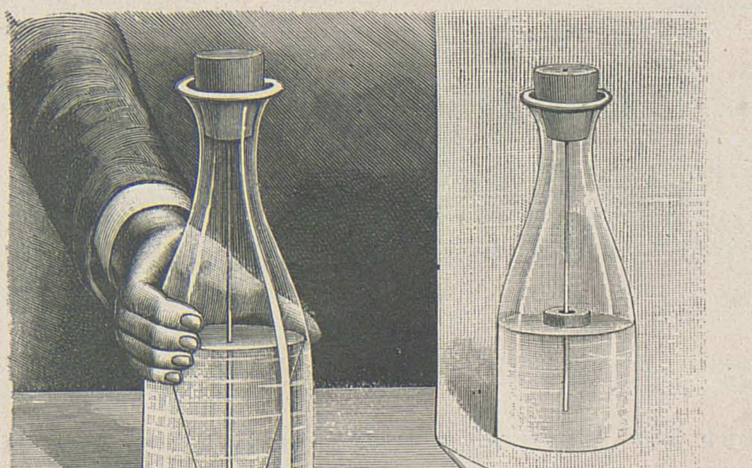
Завзятые винтеры, кончившіе тѣмъ, что сами превратились въ карты.

Каррикатура Ф. Ф.



Водолазъ

Выдолбите широкую дыру въ серединѣ пробки изъ подъ горчичной банки и пробку эту опустите въ банку изъ подъ консервовъ, до половины наполненную водой; пробка, конечно, будетъ плавать на верху. Затѣмъ, воткните длинную шпильку или вязальную иглу въ другую пробку, приходящуюся по горлышку банки; шпилька ваша должна быть такой длины, чтобы доходила до самаго дна банки, но не болѣе, какъ на 1—2 вершка. Шпильку эту пропустите сквозь плавучій пробочный кружокъ, закупорьте банку и предложите желающему снять кружокъ со шпильки, не откупоривая банки (см. рис.).



Выполнить эту задачу—крайне просто: захватите банку одной рукой и, вертя ее въ какую либо сторону, заставьте жидкость образовать водоворотъ; тогда въ банкѣ получится воронкообразное углубленіе, которое надо довести ниже конца шпильки; при этомъ условіи пробочный кружокъ, слѣдуя пониженію уровня воды, сойдетъ со шпильки (см. рис.), — послѣ чего мудренѣе вдѣть его обратно, чѣмъ заставить плавать свободно.

Опытъ этотъ дѣлается и обратнымъ порядкомъ, т. е. кружокъ, плавающій свободно, надѣваютъ на шпильку; но на это требуется несравненно болѣе ловкости, такъ что онъ рѣдко кому удается.

Магъ.

О перемѣнѣ адреса.

Въ виду многочисленныхъ запросовъ подписчиковъ „Всемірной Иллюстраціи" о количествѣ денегъ, слѣдующихъ съ нихъ за перемѣну адреса, главная контора редакціи этого журнала имѣетъ честь сообщить, что за каждую перемѣну адреса взимается:

═ **За перемѣну адреса иногороднаго на иногородный** же — 28 коп. (можно посылать почтовыми марками).

═ **За перемѣну адреса иногороднаго на городской**, т. е. при переѣздѣ въ С.-Петербургъ изъ провинціи и при желаніи получать журналъ съ доставкою на домъ, **взимается до 1 іюля 1 руб., послѣ 1 іюля 70 к.**

═ **За перемѣну адреса городскаго на иногородный**, т. е. при переѣздѣ изъ С.-Петербурга въ провинцію, взимается до 1 іюля 2 р.; послѣ 1 іюля 1 р. 50 к.

Плата за перемѣну адреса въ послѣднихъ двухъ случаяхъ взимается вслѣдствіе того, что городская и иногородная почты имѣютъ совершенно отдѣльныя управленія, и разъ уплаченныя за доставку или пересылку деньги уже не возвращаются.

Городскіе подписчики, переѣхавшіе изъ С.-Петербурга въ провинцію и заплатившіе за пересылку журнала, при возвращеніи обратно въ С.-Петербургъ за доставленіе журнала на домъ **вторично не платятъ.**

При перемѣнѣ адреса гг. иногородные подписчики благоволятъ **увѣдомлять о томъ главную контору редакціи немедленно и прилагать непремѣнно вмѣстѣ съ новымъ и старый печатный адресъ,** по которому получался журналъ прежде, **безъ чего перемѣна адреса сдѣлана быть не можетъ.**

Сообщенія о перемѣнѣ адреса просимъ адресовать: въ контору журнала „Всемірная Иллюстрація": С.-Петербургъ, Садовая, 22.

Главная контора и редакція „Всемірной Иллюстраціи" находятся въ С.-Петербургѣ, на Садовой ул. № 22.
Въ Москвѣ отдѣленія конторы находятся: 1) при книжн. маг. А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, 15, и 2) при конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи.

Дозв. цензурою. СПБ. 20 мая 1893 г. Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

Всемірная Иллюстрація

25й годъ — № 1271 — 49й томъ

Суббота 29-го мая 1893 г.

Цѣна нумеру 35 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки на годъ . **15** руб.
(при подпискѣ въ главной конторѣ редакціи).
Съ доставкою на годъ. . . . . **17** »

Въ Москвѣ безъ доставки на годъ . . . . . . **17** руб.
Съ пересылкою во всѣ города Россійской имперіи на годъ . . . . **18** »

Подписная цѣна на полгода съ доставкою и пересылкою . . . . **9** руб.
За границу (въ государства всемірнаго почтоваго союза) **20** руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Редакція и главная контора: Садовая ул. № 22.

Стрижка европейскихъ овечекъ за океаномъ.

Сюжетъ картины, не попавшей на выставку въ Чикаго.

Каррикатура А. М.

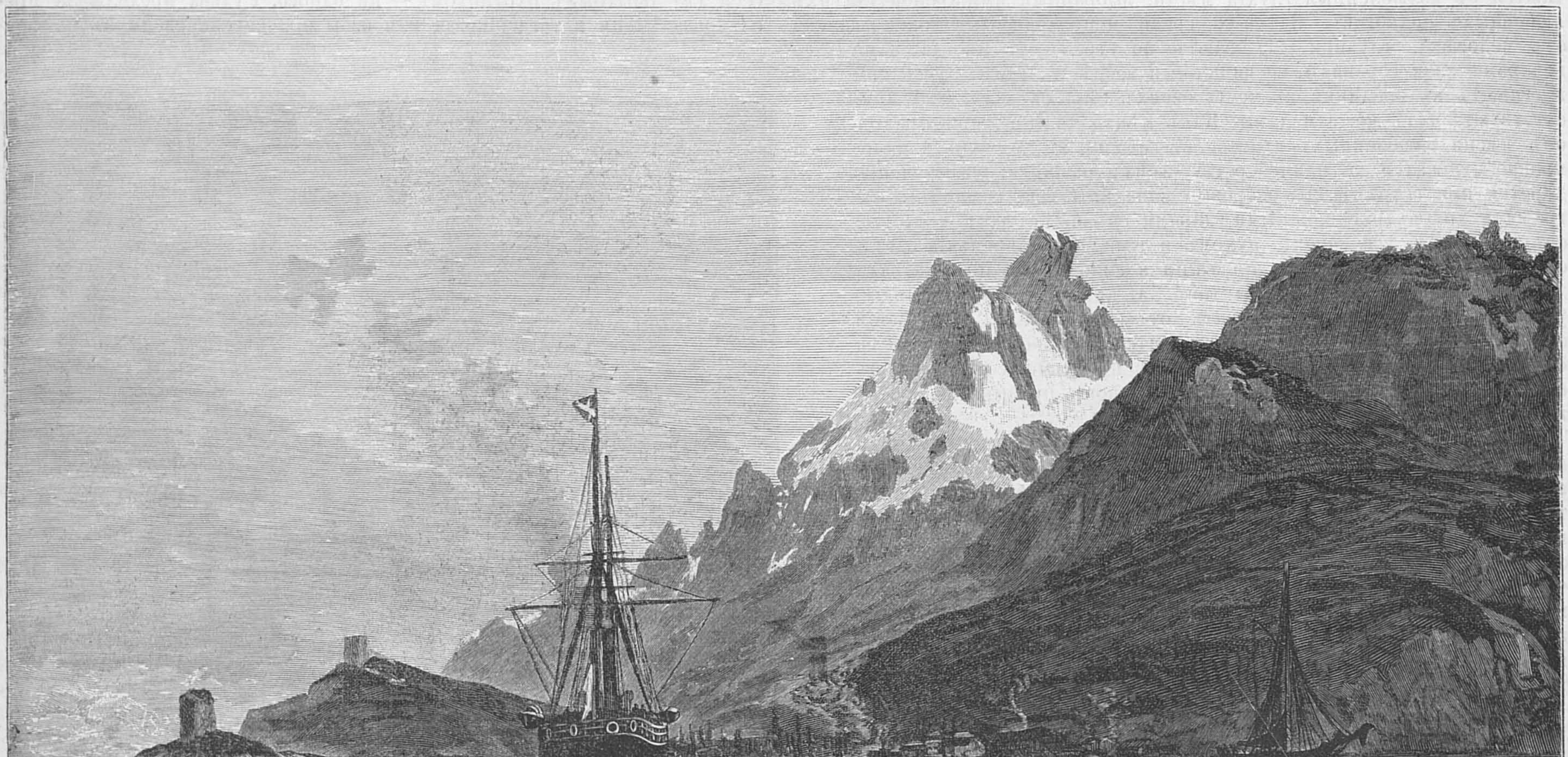
ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

№ 1271. Годъ XXV.] 29-го мая 1893 г. [Томъ XLIX. № 23

ОТЪ РЕДАКЦИИ

Изъ содержанія »Всемірной Иллюстраціи« и ея приложенія — ежемѣсячнаго журнала »Трудъ« наши читатели легко могли убѣдиться въ постоянномъ стремленіи редакціи придать этимъ обоимъ изданіямъ возможно болѣе интереса и разнообразія, какъ въ отдѣлѣ художественномъ, такъ и въ литературномъ.

Во второмъ полугодіи, кромѣ цѣлаго ряда богато иллюстрированныхъ статей **Всемірная выставка въ Чикаго** во »Всемірной Иллюстраціи« и »Трудѣ« будутъ, въ числѣ другихъ, помѣщены слѣдующія произведенія: большой историческій романъ **Дѣдъ и внукъ**, профессора *П. В. Безобразова*; **Всѣхъ угомонило**, повѣсть *С. Атавы (С. Н. Терпигорева)*; **Дачная трагедія**, разсказъ *И. Д. Ахшарумова*; **Натурщица Маруся**, психологическій этюдъ *Н. А. Александрова*; **Шатеръ Авраама**, кавказская легенда *В. Я. Свѣтлова* (съ иллюстраціями); **На тигра**, разсказъ изъ жизни на далекомъ Востокѣ *А. Я. Максимова* (съ иллюстраціями); **Сатира и дѣйствительность**, очеркъ *Н. П. Аксакова*; **Проводы**, разсказъ *Евгенія Львов. Маркова*; **Тетя Лиза**, изъ »Семейной жизни« *З. Н. Гиппіусъ*; **Первая муха**, комедія въ 3 дѣйствіяхъ *В. Л. Величко*; **Северо Торелли**, драма въ 5 дѣйствіяхъ *Франсуа Коппе* въ переводѣ *О. Н. Чюминой (Михайловой)*; **Лигейя**, фантастическая новелла *Эдгара Поэ*, въ переводѣ *Д. С. Мережковскаго*; **Путевыя впечатлѣнія по Восточной Бретани**, очеркъ *Е. П. Ковалевскаго* и проч. и проч.



Бодё на Лофоденскихъ островахъ, въ Норвегіи; видъ ночью. Картина профессора Л. Ф. Лагоріо.

Со фотографіи гравировалъ В. В. Зейпель.

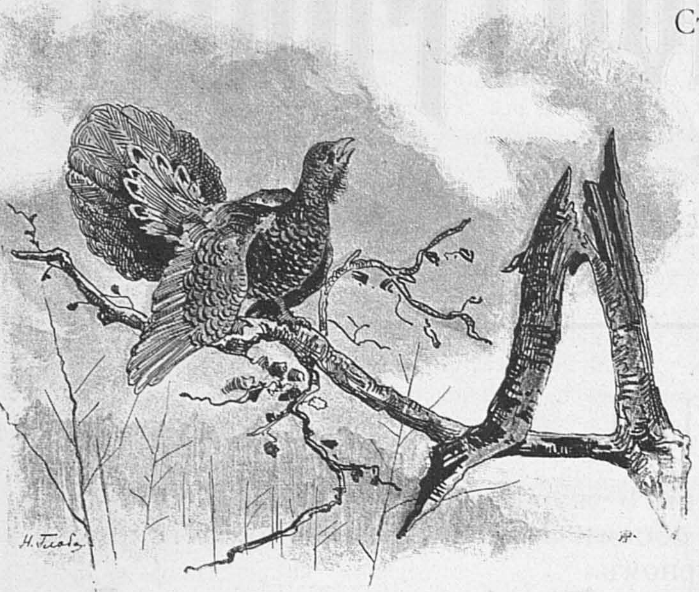
С.-Петербургъ. — Выставка 1893 года въ Императорской академіи художествъ.

ЛѢСНОЙ РЫЦАРЬ

Страничка изъ альбома ружейника

Иллюстраціи Н. В. Глобы

Посвящается В. В. Струбинскому



День угасаетъ. Въ глуши стараго соснового лѣса, выросшаго на безконечномъ моховомъ болотѣ, начинаетъ темнѣть. Только верхушки сосенъ и елей ярко освѣщены лучами заходящаго солнца. Вѣтеръ утихъ и въ лѣсу мало по малу водворяется тишина. Постепенно прекращаютъ свой разговоръ безчисленные маленькіе пернатые лѣсные обитатели: одинъ неугомонный дроздъ не можетъ успокоиться и время отъ времени разражается тревожнымъ крикомъ. Наконецъ умолкаетъ и онъ.

Неясный шумъ проносится въ свѣжемъ весеннемъ воздухѣ и громадная птица, со всего разлета, тяжело садится на вершину сосны. Далеко разносится по лѣсу хлопаніе крыльевъ и трескъ ломающихся тонкихъ вѣтокъ. Тотчасъ же съ вершины сосны раздается рѣзкое, характерное кряхтѣніе. Въ разныхъ мѣстахъ лѣса почти одновременно ему вторятъ такой же шумъ и кряхтѣніе. Это прилетаютъ глухари; начинается „налетъ", какъ говорятъ охотники. Съ середины марта наступаетъ пора любви для глухарей, этихъ послѣднихъ представителей дичи доисторическаго періода. Начинается токъ—время, когда эти „лѣсные рыцари" покидаютъ болота, гдѣ они кормятся днемъ, и слетаются въ излюбленныя глухія мѣста, выбранныя ими ареной для ихъ любовныхъ подвиговъ. Здѣсь-то, среди непроходимыхъ топей, далеко отъ человѣка, глухари распѣваютъ по утрамъ, а иногда и по вечерамъ свои серенады, посвященныя веснѣ и любви; здѣсь они вступаютъ въ поединки въ честь своихъ сѣрыхъ дамъ. Онѣ присутствуютъ тутъ-же, эти дамы. Какъ нѣчто должное принимаютъ онѣ пѣсни влюбленныхъ красавцевъ-кавалеровъ и очень хладнокровно относятся къ единоборству своихъ рыцарей. Ожесточенно дерутся при встрѣчѣ краснобровые паладины, безъ сожалѣнія награждая другъ друга мощными ударами сильныхъ лапъ и крыльевъ, покрывая всю арену пухомъ и перьями. Сѣренькія дамы остаются на высотѣ своего призванія и сплошь и рядомъ награждаютъ своею любовью секундантовъ, а иногда и побѣжденнаго, успѣвшаго подъ шумокъ удрать отъ побѣдителя. Послѣдній остается въ этомъ случаѣ, какъ говорится, „съ носомъ". Но онъ не особенно унываетъ. Забывъ о коварствѣ противника и дамы, онъ опять принимается пѣть и, въ концѣ концовъ, призывъ къ любви и наслажденію долетаетъ по адресу.

Прилетѣвъ вечеромъ, глухари начинаютъ охорашиваться и вообще приводить себя въ порядокъ. Иногда особенно страстные пѣвцы распѣваютъ свои серенады и вечеромъ, но большею частью токъ и пѣніе начинаются утромъ. Вечеръ-же глухари посвящаютъ своему туалету и легкому ужину сосновыми иглами на сонъ грядущій. Окончивъ эти мирныя занятія, часовъ въ 10 вечера, лѣсной рыцарь засыпаетъ, мечтая о прелестяхъ завтрашняго утра и считая себя въ сравнительной безопасности въ лѣсной трущобѣ, окруженной глубокимъ снѣгомъ и цѣлымъ океаномъ воды. Бѣдная птица. Вотъ ужъ подлинно ходитъ она „весело по тропинкѣ бѣдствій, не предвидя отъ сего никакихъ послѣдствій..."

Въ верстѣ отъ тока, среди того-же болота у костра пріютилась маленькая группа охотниковъ. Весело трещитъ огонь, перебѣгая по сухимъ вѣтвямъ. Угрюмыя сѣдыя сосны озарены красно-багровымъ свѣтомъ. Отблески его ложатся пятнами на лица и платья охотниковъ, переливаются на стволахъ ружей, проникаютъ дальше въ глубь лѣса и постепенно теряются среди непроглядной темноты весенней ночи. Кипитъ въ котелкѣ нехитрая похлебка изъ гречневой крупы съ саломъ. Оживленно жестикулируя, болтаютъ охотники и съ нетерпѣніемъ ждутъ того момента, когда на востокѣ мелькнетъ едва замѣтная сѣренькая полоска — предвозвѣстница утренней зари. И когда свѣтлѣе разгорится эта полоска, охотники будутъ уже пробираться въ самомъ току, прислушиваясь—не раздастся-ли гдѣ по близости весенняя пѣсня лѣснаго рыцаря. Бѣдный рыцарь, какъ ни хорошо укрѣпленъ его зеленый замокъ — враги его, люди, все таки найдутъ къ нему доступъ. Грянетъ выстрѣлъ, и могучая птица, ломая сучья и вѣтки, тяжело рухнетъ на землю, не успѣвъ допѣть своей пѣсни, посвященной веснѣ и любви.

Но есть и оборотная сторона медали и съ ней то, читатель, я и познакомлю васъ сейчасъ. Не думайте, что лѣсной рыцарь всегда легко достается охотнику. . . . .

. . . .

Въ комфортабельной столовой деревенскаго дома за столомъ, ярко освѣщенномъ висячей лампой и уставленнымъ весьма основательнымъ количествомъ закусокъ, кушаній и бутылокъ, сидятъ трое мужчинъ и дама. Одинъ изъ мужчинъ одѣтъ въ домашній костюмъ. Это хозяинъ-помѣщикъ, къ слову сказать, одинъ изъ самыхъ милыхъ и хорошихъ людей, какіе только есть на бѣломъ свѣтѣ. Дама — его супруга. Двое другихъ мужчинъ съ загорѣлыми обвѣтренными лицами, въ сѣрыхъ охотничьихъ курткахъ — вашъ покорный слуга и его товарищъ, форменные петербуржцы, по волѣ судьбы и охотничьей страсти, очутившіеся за сто съ лишнимъ верстъ отъ столицы.

Рука хозяина, вооруженная бутылкой, подозрительно направляется къ моему стакану.

— Позвольте, дорогой, не будетъ-ли это слишкомъ много?

— Ничего, не много. Имѣйте въ виду, что вамъ придется идти верстъ пять, а ночь холодная.

— И имѣйте также въ виду, что это ваша послѣдняя ночь. Вашъ послѣдній шансъ, прибавляетъ мой товарищъ.

— Хорошо вамъ говорить, когда вы двухъ убили, а я еще не одного. Нечего сказать утѣшили — послѣдній шансъ.

— Да, Николай Васильевичъ, вы должны непремѣнно убить такую-же большую птицу, какую убилъ Лядовъ, произноситъ хозяйка.— Ахъ, какая это была большая птица.

— Постараюсь, скромно отвѣчаю я, но въ охотничьей душѣ моей кипитъ буря. О, эти дамы! Какъ самыя добрыя изъ нихъ умѣютъ жестоко поразить человѣка! Напоминаніе о Лядовѣ и большой птицѣ терзаютъ меня. Пять дней передъ этимъ прожилъ я съ товарищемъ въ избѣ лѣсника, ночуя въ лѣсу, съ терпѣніемъ, достойнымъ лучшей участи шагая въ водѣ и снѣгу по невылазнымъ лѣснымъ трущобамъ, питаясь чѣмъ Богъ послалъ, въ надеждѣ убить глухаря. Мой товарищъ — новичекъ въ этой охотѣ убилъ ихъ пару, а я... я, мнящій себя уже опытнымъ охотникомъ — ни одного. Судьба продолжала преслѣдовать меня и тогда, когда изъ избы мы перекочевали въ комфор-

табельный домъ, когда лишенія смѣнили полное довольство и всѣ удобства. Цѣлую недѣлю я не могу убить глухаря, а тутъ пріѣхалъ еще какой-то Лядовъ и въ одну ночь сразу убилъ большую птицу. О, monsieur Лядовъ, зачѣмъ вы пріѣхали? зачѣмъ окончательно доканали мое охотничье самолюбіе.

— Однако вамъ пора и идти, Николай Васильевичъ, Алексѣю Алексѣевичу ближе, а вамъ дальше, собирайтесь.

Я прощаюсь, выхожу на крыльцо и сразу попадаю отъ свѣта къ мраку, причемъ невольно вспоминаю романъ Шпильгагена подъ обратнымъ заглавіемъ. Темень кругомъ непроглядная. Ночь холодна и ничуть не напоминаетъ первыхъ чиселъ мая. У крыльца стоитъ коренастая низенькая фигура съ фонаремъ въ рукахъ. Это мой провожатый чухонецъ Юносъ.

— А что, дорога хороша? спрашиваю.

— Нишего, не хута есть. Снѣгъ есть, воты есть. Рутно у ручей хотить. Нишево, ройти мошна.

Я передалъ Юносу полушубокъ, подтянулъ поясъ, застегнулъ пряжки высокихъ сапогъ и, перекинувъ за плечи ружье, двинулся въ путь.

Чухонецъ шелъ впереди. Дрожащій свѣтъ фонаря ложился свѣтлымъ пятномъ на землю и освѣщалъ ее. Пока мы шли полемъ, фонарь помогалъ, освѣщая ямы и колдобины, но когда мы вступили въ лѣсъ, онъ только мѣшалъ идти, мелькая передъ глазами, освѣщая одни деревья и оставляя въ тѣни самый путь. Фонарь потушили, и мы сразу очутились въ непроглядномъ мракѣ. Ничего нельзя было разобрать. Колючія лапы сосенъ и елей лѣзли прямо въ глаза, царапали руки и лицо, цѣплялись за платье, ружье и вообще причиняли массу непріятностей. Ноги то тонули по колѣна въ снѣгу, то погружались въ воду и вязкую грязь. Путаясь и спотыкаясь среди бурелома, древесныхъ кореньевъ и валежника, я ежеминутно наталкивался то на стволы деревьевъ, то на кусты и пни, проваливался въ ямы, взбирался на кочки, ежесекундно ожидая момента, когда долженъ буду растянуться во всю длину своего, кстати сказать, довольно длиннаго тѣла. Однако, какими-то судьбами я не падалъ, а все подвигался впередъ за своимъ провожатымъ.

Прошло полчаса этой адской ходьбы, и я почувствовалъ себя точно въ банѣ. Потъ градомъ лилъ съ меня, несмотря на легкій морозъ и на мой костюмъ, состоявшій изъ короткой охотничьей куртки.

— Ну и дорога! Долго ли еще идти такъ придется?

— Ни, версты ри то ручья, больше ни есть.

— Ахъ, чортъ возьми! Версты три. Вотъ ужъ подлинно —охота пуще неволи.

Увы, эту фразу я повторялъ уже много разъ раньше. Каждый разъ, испытывая прелести глухариной охоты, я ругался и проклиналъ и токъ, и охоту, и тѣмъ не менѣе каждый годъ въ концѣ или серединѣ апрѣля непремѣнно уѣзжалъ въ лѣсную глушь. Странная вещь эта—охотничья страсть, заставляющая ни съ того, ни съ сего здравомыслящаго человѣка, здорово живешь, какъ говорится, терпѣть голодъ и холодъ, рисковать получить воспаленіе легкихъ или другую какую нибудь серьезную простуду, и все изъ-за желанія подкрасться къ глухарю, послушать его пѣсню и... убить его. Впрочемъ, убійство тутъ роли почти не играетъ.

— Какъ вамъ не стыдно, говорили мнѣ не разъ: убивать беззащитную птицу! Эта мысль пришла мнѣ въ голову въ то время, когда, пыхтя отъ усталости, я ощупью искалъ въ грязи мою шапку, сбитую сукомъ, проведшимъ, мимоходомъ, на моемъ лбу порядочную царапину. Гм... нечего сказать, беззащитная птица. Попробуйте-ка подойти къ ней по этой трущобѣ!

Лѣсъ сталъ рѣдѣть и до насъ донесся шумъ ручья. Еще нѣсколько десятковъ шаговъ—и мы вышли на поляну. Почти у самыхъ ногъ начиналась вода.

— А что, ручей широкъ?

— Нишего, маленькій. Ройтемъ какъ нибуть, отвѣчалъ мой спутникъ и смѣло зашагалъ по стволу срубленной березы. Стволъ этотъ начинался отъ берега и терялся гдѣ-то вдали, сливаясь съ водою и мракомъ.

— Я зажигайтъ фонаръ. Вамъ рехотить лючше.

Черезъ нѣсколько минутъ, саженяхъ въ десяти отъ меня, вспыхнула спичка и свѣтъ фонаря упалъ съ противоположнаго берега. Я такъ и ахнулъ.

Маленькій ручей оказался цѣлой рѣкой. Черезъ потокъ была перекинута береза, соединявшаяся посерединѣ съ другой, срубленной съ противоположнаго берега. Переходъ не внушалъ особеннаго довѣрія.

— Глубоко тутъ?

— Ни, на ретинѣ аршина ри бутетъ. Нишево! донесся успокоительный возгласъ.

— Благодарю покорно! Три аршина и это еще немного! Неугодно ли? Вздыхая и проклиная въ душѣ и чухонца, и ручей, и большую птицу, я тѣмъ не менѣе вооружился двумя жердями и, упираясь ими, двинулся впередъ. Тоненькая береза гнулась подо мною и дрожала, какъ живая; идти приходилось ощупью, такъ какъ оригинальный мостъ на полъ аршина опустился подъ воду.

Вотъ и середина. Балансируя не хуже акробата, я благополучно миновалъ ее и облегченно вздохнулъ, почувствовавъ подъ ногами землю.

— Нишего, ройти мошна! привѣтствовалъ меня чухонецъ.

Оказалось, что и дѣйствительно можно.

Былъ первый часъ ночи. Заря еще не занималась и лѣсъ спалъ, погруженный въ глубокую тишину.

Мой спутникъ отыскалъ гдѣ-то сухое мѣстечко и сѣлъ; я послѣдовалъ его примѣру и, завернувшись въ полушубокъ, закурилъ папироску.

— Близко токъ?

— Рядомъ.

Нѣсколько минутъ мы оба молчали, невольно поддаваясь чарующей тишинѣ лѣса. Мой спутникъ нарушилъ молчаніе и заговорилъ вполголоса.

— Рошлой зимой я метвѣть тутъ нахотилъ. О-то пылъ кометій!

— Ну-ка разскажи.

— Паринъ коворилъ нахотить мишку. Я искалъ, искалъ, нахотилъ слѣтъ въ рицатомъ варталъ. Шелъ за слѣтъ и нахотилъ метвѣть у перлогъ. Только легъ онъ. Тутъ хотилъ тожть—и снѣгъ нишего не оставлялъ. Рихожу, нѣтъ метвѣть. Тогта я тожидалъ опять снѣгъ, пралъ сопакъ, отинъ маленькій сопакъ и отинъ польшой. Хотилъ, искалъ, нѣтъ метвѣть. О-то, тумалъ, кометій. Кута онъ ушелъ роклятый. Тогта я рихотилъ сюта на ручей. Тутъ стоялъ сѣно; польшой киртъ. Я рохотилъ мимо, но маленькій собакъ пѣгалъ къ киртъ и нюхалъ сѣно, рипѣгалъ польшой сопакъ и то же нюхалъ. Опа нюхалъ, нюхалъ и начинаютъ рехать. О-то тумалъ кометій! Неушели мишка залѣзалъ киртъ? Я потхотилъ и шупалъ рукой. Нишево нѣтъ. Я шупалъ польши и ругъ тумалъ: а ругъ мишка путетъ фатайтъ мой рука и путетъ тащить сепѣ. Тогта, тумайтъ, путетъ плохо мой рукъ. И я пралъ палка и начинайтъ тыкать киртъ. Тыкалъ разъ — нишево, тыкалъ ругой разъ, опяйтъ нишево, тыкалъ ретій—лупоко. Тогта мишка фукалъ. О то кометій! Ти тутъ голюпчикъ. И когта я это тумалъ, метвѣть выхотилъ кваркомъ и упаталъ у ноги. Мой пылъ тапоръ и я тумайлъ, а если я путу утаряйтъ по пашкѣ тепя, то ты и потохнешь голюпчикъ. Но мишка вставалъ и утекайлъ лѣсъ. О то кометій".

— Хороша комедія! ну, а если бы онъ тебя цапнулъ?

— Нишево. Метвѣть пылъ маленькій, путовъ восемъ. Я его потомъ опять нахотилъ и паринъ съ гостьми упивайтъ его.

Востокъ чуть-чуть посвѣтлѣлъ. Мы встали и, осторожно ступая, стали пробираться къ току.

— Тс-ссъ, мы теперь итемъ току, прошепталъ Юносъ.

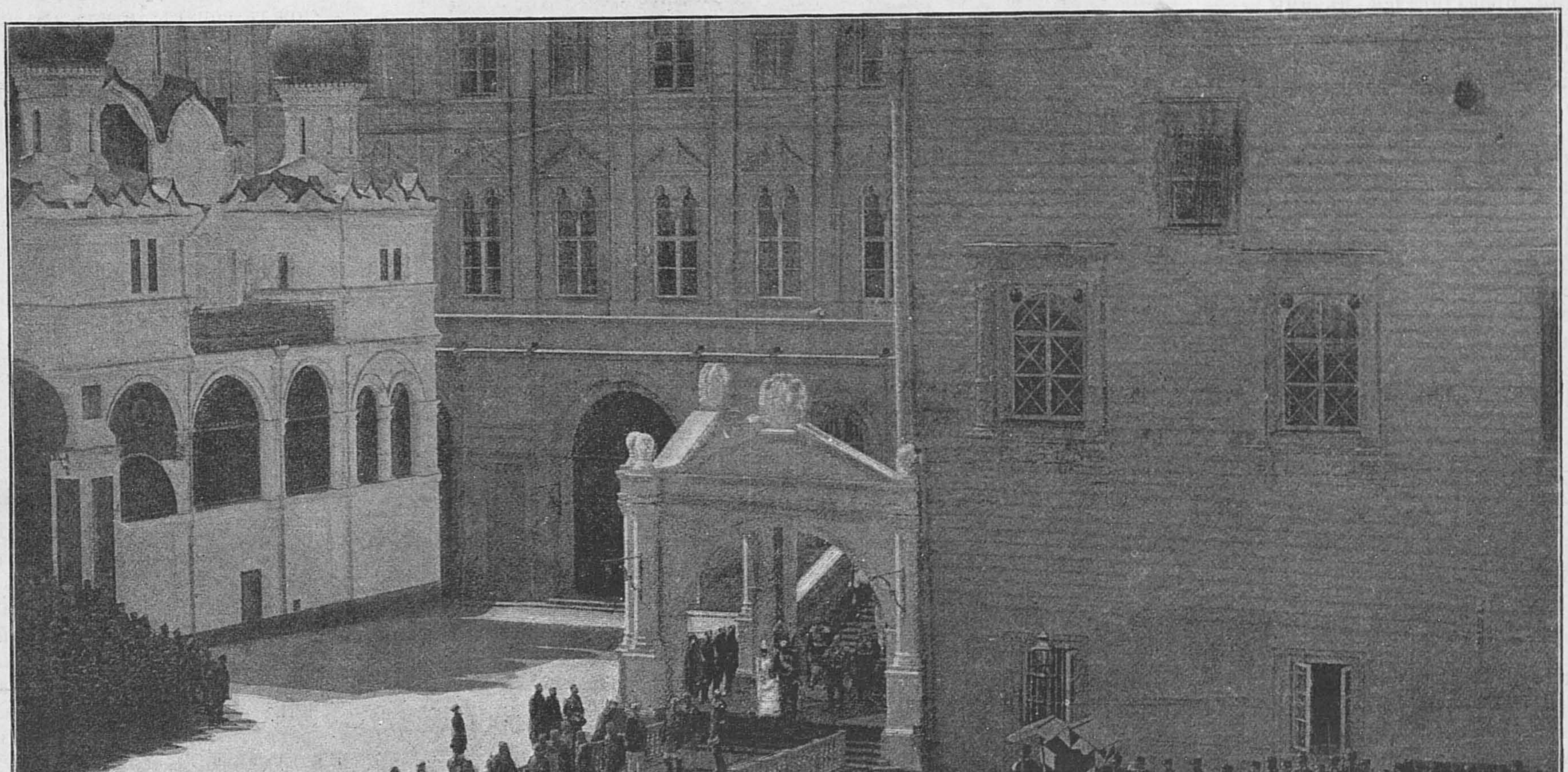
Стало свѣтлѣе и глазъ могъ довольно свободно различать окружающіе предметы. Мы шли моховымъ болотомъ. Тамъ и сямъ разбросаны сосны и сушины. Направо, налѣво и впереди чернѣются группы громадныхъ сосенъ. Кочки уже обнажились; кое-гдѣ между ними виднѣется еще снѣгъ, большею частью вода. Воздухъ наполненъ какимъто сѣроватымъ туманомъ, но сырости нѣтъ. Да это и не туманъ, а свѣтъ приближающейся утренней зари. Мертвая тишина царитъ кругомъ и, несмотря на всю осторожность съ какой мы поднимаемъ и опускаемъ въ воду наши ноги, всплески воды и трескъ сучьевъ слышны далеко. Пройдя сотни двѣ шаговъ, Юносъ нагибается къ моему уху и шепчетъ:

— Налѣво есть тва, рямо тоже пылъ тва и направо ри налета. Путемъ ожтайтъ. Итти не мошна. Мошникъ (глухарь) росыпайтъ теперь.

Осторожно прислоняюсь спиною къ соснѣ, снимаю ружье, вкладываю патроны и обращаюсь весь въ слухъ.

Высочайшій смотръ войскамъ на Театральной площади, 15-го мая с. г.

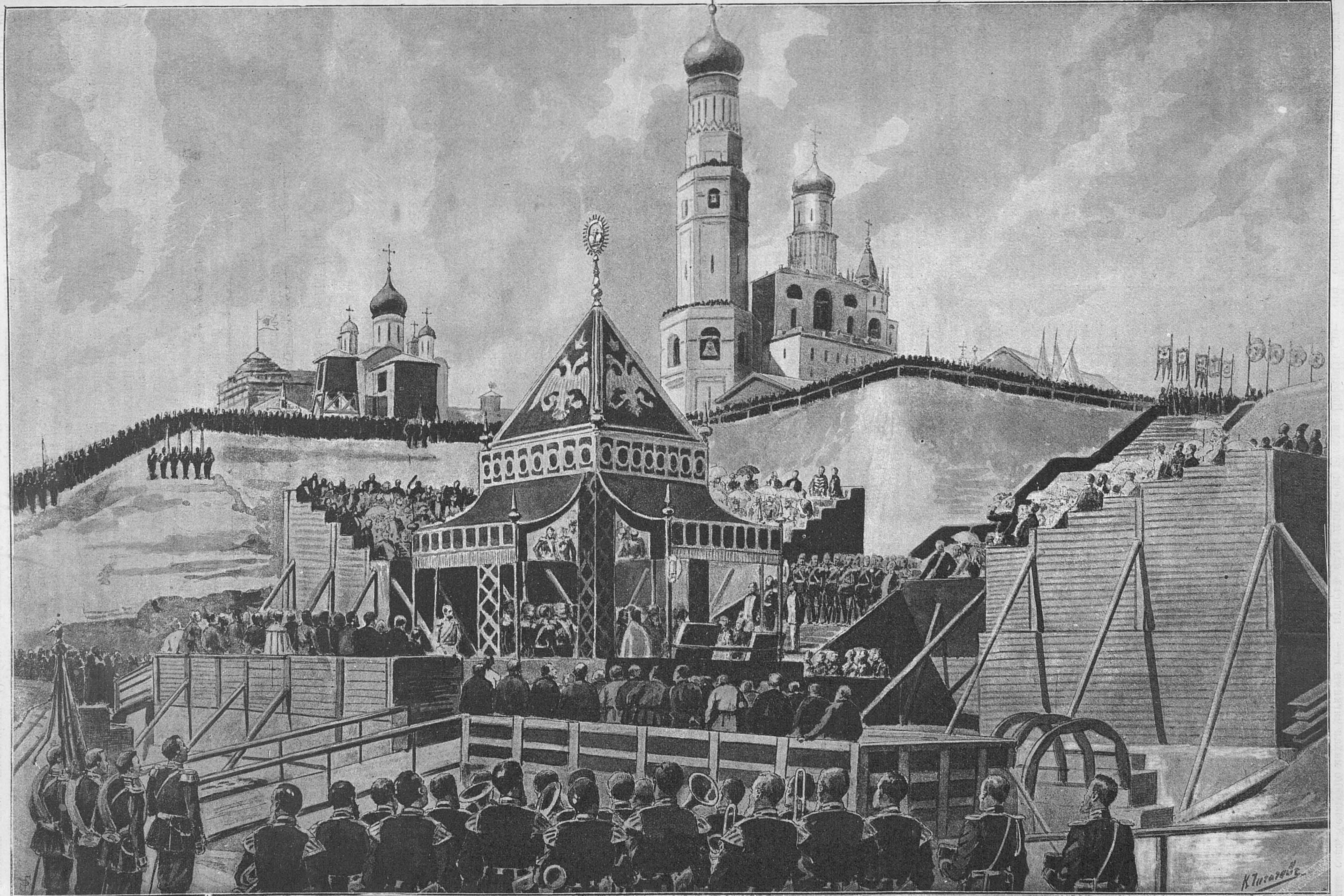
Автотипія Эд. Гоппе. Съ фотографіи К. А. Фишера въ Москвѣ, снятой для »Всемірной Иллюстраціи«.



Высочайшій выходъ въ Большой Успенскій соборъ, 15-го мая с. г.

Автотипія Эд. Гоппе. Съ фотографіи К. А. Фишера въ Москвѣ, снятой для »Всемірной Иллюстраціи«.

Десятилѣтіе священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. — Пребываніе Ихъ Величествъ въ Москвѣ.



Москва. — Закладка памятника Императору Александру II въ Кремлѣ.

Съ натуры рисовалъ для «Всемірной Иллюстраціи» ея художникъ-корреспондентъ К. Н. Чичаговъ

Большая сова, безшумно махая мягкими широкими крыльями проносится мимо, чуть не задѣваетъ меня и скрывается среди сосенъ.

Все свѣтлѣетъ и свѣтлѣетъ.

Пи-и-и-и фю-ю-ю-ю-ить! проносится надъ лѣсомъ тонкій и пронзительный свистъ маленькой птички (не помню какъ она называется), просыпающейся раньше всѣхъ. Проходитъ минутъ десять. Чуффф-шшшш... слышится откуда-то издалека и вслѣдъ за тѣмъ далеко разносится въ морозномъ воздухѣ звонкое бормотаніе. Это началъ токовать полевой тетеревъ. Ему отозвался голосъ молодого барашка—это затоковалъ бекасъ. Пернатые обитатели очевидно проснулись и уже начали свои утреннія весеннія серенады.

Кхрр... кхрр... фююить... кхрр... раздалось надъ моей головой характерное харканье вальдшнепа.

Вдругъ до меня донесся слабый звукъ, похожій на щелканье орѣховъ. Чу! еще и еще. Сильно забилось сердце и слухъ напрягся до боли. Щелкъ, щелкъ, щелкъ...

— Она поетъ... прошепталъ мой спутникъ.

— Поетъ... чуть слышно шепчу я и сбрасываю съ себя полушубокъ.

Едва-едва ступая, осторожно подвигаюсь я по тому направленію, откуда раздается щелканіе. Наконецъ, до меня доносится и шипѣніе, этотъ характерный признакъ глухариной пѣсни. Дальше идти уже нельзя, нужно подскакивать.

Маленькое отступленіе для поясненія:

Глухарь поетъ не непрерывно. Пѣсня продолжается не болѣе полуминуты, затѣмъ слѣдуетъ болѣе или менѣе длинный промежутокъ молчанія, во время котораго глухарь слушаетъ и смотритъ. Слухъ и зрѣніе этой птицы изумительны. Самаго легкаго шороха въ ста шагахъ разстоянія достаточно, чтобы глухарь пересталъ пѣть. На этомъ же разстояніи онъ свободно различаетъ лицо человѣка и тотчасъ же улетаетъ. За то во время пѣнія глухарь ровно ничего не видитъ и не слышитъ, хоть изъ пушекъ пали или бери руками. Выразить словами пѣснь глухаря невозможно и отъ этого отказывается даже „великій мастеръ" Бремъ. Начинается пѣснь рѣзкимъ металлическимъ щелканіемъ, которое, все учащаясь, обращается въ характерное шипѣніе. Въ это послѣднее мгновеніе глухарь впадаетъ въ полное самозабвеніе. Подъ пѣнье охотникъ дѣлаетъ два, три и даже четыре прыжка или шага, начиная ихъ въ моментъ учащеннаго щелканія и кончая къ концу шипѣнія. Сдѣлавъ прыжки охотникъ, превращается въ неподвижную статую. Не успѣли вы ступить на обѣ ноги — стойте на одной, какъ аистъ, и только подъ новую пѣсню переставляйте другую, упали—лежите до новой пѣсни, провалились въ яму—не вылѣзайте пока снова не начнется пѣсня. Помните, что малѣйшее движеніе, трескъ или шорохъ внѣ пѣсни глухарь услышитъ и... оставитъ васъ съ носомъ. Вотъ обязательныя условія подхода къ токующему глухарю.

Итакъ, я началъ подскакивать.

Сдѣлавъ нѣсколько десятковъ прыжковъ, я увидѣлъ глухаря. Лѣсной великанъ сидѣлъ въ ста шагахъ отъ меня на толстомъ суку, почти у самой вершины одинокой, громадной сосны. Скрываясь за деревьями и продолжая подскакивать, я подобрался наконецъ къ завѣтной соснѣ на 30—40 шаговъ. Спрятавшись за деревомъ, я было уже прицѣлился, но раздумалъ стрѣлять. Мнѣ хотѣлось полюбоваться. За нѣсколько лѣтъ охоты на глухарей я ни разу не видѣлъ эту птицу при такихъ удобныхъ условіяхъ, какъ теперь.

Ярко озаренный лучами восходящаго солнца „лѣсной рыцарь" былъ предо мною, какъ на ладони, и токовалъ, нисколько не подозрѣвая присутствія человѣка. Весь охваченный обаяніемъ страсти, мощный представитель пернатаго царства всецѣло и беззавѣтно отдался чарующей власти весны и любви. Одна за другой звонко неслись въ свѣжемъ воздухѣ трели его серенады. Распустивъ вѣеромъ хвостъ, глухарь то хлопалъ могучими крыльями и, вытянувъ длинную шею, присѣдалъ къ суку, то, поднявъ высоко голову, медленно и плавно кружился на одномъ мѣстѣ. Чѣмъ-то архаическимъ, величественнымъ вѣяло отъ громадной, сильной птицы, гордой и стройной, какъ настоящій средневѣковой рыцарь.

Я любовался и медлилъ стрѣлять...

— Ко... ко... ко... ко... вдругъ раздалось гдѣ-то близко квахтаніе глухарки. Легкомысленная дама плѣнилась страстною пѣснью лѣсного рыцаря и призывала его на свиданіе.

Мгновеніе, и передо мною мелькнула металлическо-зеленая грудь лѣсного рыцаря и черно-бѣлый подбой его крыльевъ; еще мгновеніе и передъ моими глазами вмѣсто красавца глухаря торчалъ пустой сукъ.

— Ахъ, чортъ возьми!

Призывъ дамы сердца спасъ на этотъ разъ лѣсного рыцаря, а я потерялъ мой послѣдній шансъ и большую птицу изъ-за эстетическаго наслажденія. Но... я былъ доволенъ, что не убилъ лѣсного рыцаря.

Раздумывая о превратностяхъ охотничьей судьбы вообще и о своей въ частности, я медленно отправился обратно. Солнце взошло уже высоко. Лѣсные рыцари кончили свои серенады. Вмѣсто нихъ отовсюду неслись щебетаніе, чириканіе, свистъ и цѣлый хаосъ разнородныхъ звуковъ. Весенняя жизнь кипѣла, была въ полномъ разгарѣ.

— Отшего вы не трѣлялъ, паринъ? привѣтствовалъ меня Юнесъ.

Я разсказалъ.

Чухонецъ посмотрѣлъ на меня съ худо скрываемымъ сожалѣніемъ, покачалъ головою и проговорилъ:

— О-то кометій!

А. [illegible]

ПОЛИТИКА

24 мая (4 іюня) 1893 г.

Начало прошлой недѣли ознаменовалось у насъ возвращеніемъ изъ Москвы Государя Императора, Государыни Императрицы и Ихъ Августѣйшаго Семейства. Въ Петербургѣ тѣмъ временемъ оканчивались засѣданія государственнаго совѣта, а въ прошлую субботу министръ финансовъ отправился въ Рыбинскъ, для того чтобы присутствовать на празднованіи полувѣковаго юбилея тамошней биржи и объявить рыбинскому биржевому обществу Высочайшее благоволеніе за его пятидесятилѣтнюю полезную дѣятельность.

Въ западной Европѣ политическая жизнь отличалась за послѣдніе дни далеко не заурядньмъ по времени года оживленіемъ. Особенный интересъ представляли событія, происходившія въ Австро-Венгріи.

Маститый монархъ Австро-Венгріи, открывая засѣданія делегацій, прочиталъ тронную рѣчь, въ которой ни однимъ словомъ не упоминалось ни о тройственномъ союзѣ, ни о событіяхъ, происшедшихъ за послѣднее время на Балканскомъ полуостровѣ и съ особенною настойчивостью выставлялось на видъ, что, требуя въ довольно скромныхъ размѣрахъ увеличенія расходовъ на армію и флотъ, правительство само тяготится необходимостью такихъ расходовъ и желаетъ, чтобы насталъ конецъ періоду усиленныхъ вооруженій. Императоръ Францъ-Іосифъ ставилъ на видъ свои хорошія отношенія къ Россіи, какъ гарантію за прочность европейскаго мира.

Это было до такой степени неожиданно для австро-германскихъ германофиловъ и руссофобовъ, что одинъ изъ нихъ, г. Фалькъ, избранный делегаціей венгерскаго сейма въ докладчики по бюджету министерства иностранныхъ дѣлъ, потребовалъ отъ графа Кальноки объясненій. Первый министръ императора Франца-Іосифа отвѣтилъ рѣчью, еще болѣе изумившею не только г-на Фалька, но и вообще всѣ европейскіе политическіе кружки. Онъ объявилъ, что о тройственномъ союзѣ императору Францу-Іосифу не представлялось надобности упоминать, потому что прочность этого союза остается прежнею. Молчаніе императора о происходящемъ на Балканскомъ полуостровѣ объясняется тѣмъ, что въ Болгаріи не происходитъ ничего могущаго внушить тревогу австро-венгерскому общественному мнѣнію, а происшедшій въ Сербіи переворотъ не внушаетъ никакихъ опасеній вѣнскому правительству, точно также какъ и агитація „ирредентистовъ" въ Италіи. Главною гарантіею прочности европейскаго мира австро-венгерское правительство считаетъ свои „отличныя" отношенія къ Россіи и миролюбіе русскаго Государя. Въ нихъ оно видитъ средство положить конецъ разорительнымъ вооруженіямъ всѣхъ державъ и не скрываетъ, что его горячее желаніе состоитъ въ томъ, чтобы достигнуть такой цѣли.

Объ избирательномъ движеніи, происходившемъ на прошлой недѣлѣ въ Германіи, нѣтъ недостатка въ извѣстіяхъ, изъ которыхъ однако же ничего опредѣленнаго вывести пока еще нельзя. До начала выборовъ въ рейхстагъ остается съ завтрашняго дня всего только десять дней. Считая еще время, которое понадобится на вторичную баллотировку, окончательный составъ новаго рейхстага не можетъ сдѣлаться извѣстнымъ ранѣе второй недѣли іюня (по новому стилю).

Во Франціи палата депутатовъ приступила уже къ своей послѣдней законодательной задачѣ, т. е. къ обсужденію бюджета на 1894 годъ. Она избрала свою новую бюджетную коммиссію, въ составъ которой вошло 16 членовъ прежней и 17 депутатовъ, въ этой послѣдней не участвовавшихъ. Новые коммиссары избрали своимъ предсѣдателемъ бывшаго морского министра г-на Бюрдо и рѣшились вести порученное имъ дѣло съ возможною быстротою, не допуская примѣшиванія къ бюджету какихъ бы то ни было постороннихъ вопросовъ. Если они останутся вѣрны своему благому намѣренію, то докладъ коммиссіи можетъ быть изготовленъ къ концу іюня, а бюджетныя пренія въ палатѣ депутатовъ и въ сенатѣ могутъ быть окончены въ теченіе іюля, такъ что явится возможность закрыть сессію къ самому началу избирательнаго періода, т. е. къ 2 (14) августу (полномочія палаты оканчиваются 2 (14) октября).

Неоффиціально избирательное движеніе, впрочемъ, уже въ полномъ разгарѣ во Франціи. За министерствомъ Дюпюи, выставившимъ своею программою отсутствіе всякой поддержки консерваторамъ, переходящимъ на сторону республики, выступили, какъ представители болѣе умѣреннаго взгляда, гг. Констанъ и Леонъ Сэ, настаивающіе на широкомъ гостепріимствѣ новообращеннымъ республиканцамъ и на умѣренномъ примѣненіи наиболѣе ненавистныхъ консерваторамъ военнаго и школьнаго законовъ, изъ которыхъ первый заставляетъ молодыхъ членовъ католическаго духовенства отбывать во всей строгости воинскую повинность, а второй устраняетъ это духовенство отъ всякаго участія въ народномъ образованіи. Противъ „радикализма" кабинета Дюпюи возстаютъ такимъ образомъ всѣ умѣренные республиканцы, какъ будто вовсе не догадывающіеся, что „радикализмъ" этотъ скорѣе напускной, чѣмъ искренній, и что главная его цѣль состоитъ въ томъ, чтобы не дать оружія въ руки ультрарадикальной партіи Клеменса, равно какъ и соціалистамъ революціоннаго лагеря. Правительство, впрочемъ, повидимому, не особенно смущается этою враждебностью умѣренныхъ республиканцевъ и совершенно спокойно готовитъ новую поѣздку по провинціямъ президента республики, который между прочимъ собирается побывать въ Брестѣ и произвести тамъ смотръ сѣверной эскадрѣ французскаго флота.

Англійская палата общинъ продолжаетъ комитетскія пренія ирландскаго билля Гладстона. Несмотря на всѣ усилія оппозиціи, она утвердила уже первыя двѣ статьи этого билля и отвергла цѣлый рядъ поправокъ, представленныхъ оппозиціей въ третьей его статьѣ. На голосованіи одной изъ этихъ поправокъ перевѣсъ министерства надъ оппозиціей спустился до 21 голоса, и это привело въ нѣсколько комическій восторгъ консерваторовъ, но вслѣдъ затѣмъ, при голосованіи другихъ поправокъ, перевѣсъ этотъ послѣдовательно поднялся до 38, 42 и 56 голосовъ, т. е. достигъ еще небывалой сначала сессіи цифры.

Въ Италіи министерство Джіолитти одержало побѣду на сенатскихъ преніяхъ по законопроекту о пенсіяхъ чиновникамъ и повидимому очень довольно этою побѣдою, хотя она досталась ему не особенно сильнымъ большинствомъ голосовъ.

Въ Сербіи выборы въ скупщину дали подавляющее большинство радикальной партіи, но зато увеличили и число напредняковъ, которыхъ въ новой скупщинѣ будетъ 13 человѣкъ, тогда какъ въ прежней ихъ было всего 3. Либералы партіи Ристича совсѣмъ устранились отъ выборовъ и не будутъ имѣть своихъ представителей въ новомъ законодательномъ собраніи.

Пребываніе Ихъ Величествъ въ Москвѣ

Москва переживала недавно блаженные дни и донынѣ все еще находится подъ прекраснымъ живымъ впечатлѣніемъ этихъ дней, въ которые Ихъ Императорскія Величества съ Августѣйшей семьею осчастливили первопрестольную столицу Своимъ пребываніемъ. Въ продолженіе упомянутыхъ нѣсколькихъ дней торжества слѣдовали за торжествами. Совершена была закладка памятника Незабвенному Монарху-Преобразователю, Царю-Освободителю, праздновалась десятая годовщина дня священнаго коронованія благополучно царствующаго Государя Императора.

15-го мая, въ десятую годовщину священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, въ 10 часовъ утра, послѣдовалъ Высочайшій выходъ въ Успенскій соборъ. На Соборной площади собраны были воспитанники всѣхъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній столицы: съ одной стороны стояли воспитанницы, а съ другой — сплошною стѣной кадеты, гимназисты и воспитанники разныхъ училищъ. При появленіи шествія изъ собора на минуту все смолкло. На паперти показались Ихъ Величества. Загудѣлъ Иванъ Великій, съ кремлевскихъ стѣнъ взвилась ракета и загремѣли орудійные выстрѣлы; дѣти грянули „ура". Ихъ Величества привѣтливо кланялись, отвѣчая на горячія, искреннія привѣтствія молодежи. Когда Государь Императоръ, возвращаясь во дворецъ, поднялся на Красное крыльцо и, остановившись, поклонился народу, — неумолкаемые раскаты „ура" перешли въ сплошной гулъ, слившійся съ колокольнымъ звономъ и орудійными выстрѣлами. Передъ Высочайшимъ выходомъ въ Успенскій соборъ Его Величеству представлялись въ кремлевскомъ дворцѣ: московское дворянство, депутація отъ Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая, московская городская дума, представители купеческаго, ремесленнаго и мѣщанскаго сословій и волостные старшины московской губерніи. Принимая отъ депутацій иконы, Государь Императоръ обратился къ городскому головѣ со слѣдующими словами: „Благодарю васъ и съ удовольствіемъ принимаю ваше благословеніе. Именно, какъ вы справедливо сказали, Мнѣ нужно благословеніе Божіе. Я очень радъ провести сегодняшній день въ Москвѣ. Еще разъ очень благодарю васъ". Предводителю дворянства Государь Императоръ сказалъ: „Благодарю васъ, господа, за благословеніе ваше и принимаю его. Эти десять лѣтъ прошли благополучно и надѣюсь, что съ Божіею помощью такъ будетъ и дальше. Передайте отъ Меня и отъ Имени Императрицы Нашу благодарность московскому дворянству". Принимая депутацію отъ лицея Цесаревича Николая, въ своемъ привѣтствіи благодарившую Его Величество за дарованіе лицею наименованія „Императорскаго", Государь Императоръ сказалъ директору лицея: „Очень радъ, что могъ доставить вамъ это удовольствіе. Надѣюсь, что и впредь лицей будетъ пользоваться той же отличной репутаціей по своему направленію и по своему ученію, какой пользуется до сихъ поръ. Дай вамъ Богъ всего лучшаго".

Послѣ Высочайшаго выхода въ Успенскій соборъ, въ 12-мъ часу, состоялся Высочайшій смотръ войскамъ на Театральной площади. Войска были построены въ пять линій. На смотру участвовали: баталіоны 3-го военнаго Александровскаго училища, сводный баталіонъ 1-го, 2-го и 3-го московскихъ кадетскихъ корпусовъ, баталіонъ московскаго пѣхотнаго юнкерскаго училища, 1-й лейбъ-гренадерскій Екатеринославскій Его Величества полкъ, три баталіона 2-го гренадерскаго Ростовскаго, три баталіона 3-го гренадерскаго Перновскаго короля Фридриха-Вильгельма IV, три баталіона 4-го гренадерскаго Несвижскаго генералъ-фельдмаршала князя Барклая-де-Толли, три баталіона 5-го гренадерскаго Кіевскаго генералъ-фельдмаршала князя Николая Репнина, три баталіона 6-го гренадерскаго Таврическаго Его Императорскаго Высочества великаго князя Михаила Николаевича, три баталіона 7-го гренадерскаго Самогитскаго генералъ-адъютанта графа Тотлебена полковъ и 12-й гренадерскій Астраханскій Его Величества полкъ; Троице-Сергіевскій резервный баталіонъ, баталіонъ пѣшей артиллеріи, 1-я гренадерская генералъ-фельдмаршала графа Брюса артиллерійская бригада, 1-я и 2-я конно-артиллерійскія батареи; полки: 1-й лейбъ-драгунскій московскій Его Величества, 3-й драгунскій Сумскій его королевскаго высочества наслѣднаго принца датскаго и Донской казачій № 1-й. При каждой изъ частей войскъ находились оркестры музыки. Государь Императоръ, здороваясь, объѣзжалъ линіи войскъ верхомъ, а Государыня Императрица съ великою княжною Ксеніею Александровною, великія княгини Марія Павловна и Елизавета Ѳеодоровна ѣхали въ экипажахъ. Наслѣдникъ Цесаревичъ и великіе князья слѣдовали сзади верхомъ. Хоры музыки исполняли встрѣчу и народный гимнъ. Послѣ объѣзда началось прохожденіе войскъ церемоніальнымъ маршемъ. На правомъ флангѣ Донского казачьяго № 1-го полка слѣдовалъ Августѣйшій атаманъ всѣхъ казачьихъ войскъ—Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ, а впереди 6-го гренадерскаго Таврическаго Его Императорскаго Высочества великаго князя Михаила Николаевича полка и на правомъ флангѣ артиллеріи — великій князь Михаилъ Николаевичъ. Государыня Императрица, великая княжна и великія княгини смотрѣли изъ шатра. Прохожденіе войскъ удостоилось Царскаго „спасибо". На слѣдующій день, 16-го мая, послѣ обѣда, назначенъ былъ отъѣздъ Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Петербургъ. По пути слѣдованія на вокзалъ были выстроены войска московскаго гарнизона съ хорами музыки. Ко времени отбытія Ихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы съ Августѣйшимъ Семействомъ изъ Москвы, въ ожиданіи проѣзда Ихъ Величествъ на Николаевскій вокзалъ, населеніе первопрестольной столицы заняло всѣ площади и улицы, ведущія къ вокзалу. Съ 8 часовъ была зажжена иллюминація. Въ исходѣ девятаго часа, напутствуемый благословеніемъ всего населенія Москвы, сопровождаемый восторженными кликами и громовыми перекатами „ура", Государь Императоръ съ Августѣйшимъ Семействомъ отбылъ на Николаевскій вокзалъ. При прощаніи нѣкоторые издали осѣняли Державную Чету крестнымъ знаменіемъ, причемъ многіе плакали. Звонъ колоколовъ и громовые клики народа — все слилось вмѣстѣ въ сплошной гулъ. Прощаніе Москвы съ Ихъ Величествами представляло величественное зрѣлище.

Открытіе гигіенической выставки

Какъ по мановенію волшебнаго жезла, выростали быстро постройки на площади около манежа инженернаго замка, предназначенныя для гигіенической выставки. Еще въ четвергъ, 20-го мая, почти до самыхъ сумерокъ стучали топоры и визжали пилы на этой площади и хаотическій безпорядокъ царилъ на ней въ полной силѣ, а на другой день, въ пятницу, 21-го мая, все было прибрано, флаги уже висѣли на своихъ мѣстахъ, и выставка открылась. Это торжественное открытіе первой всероссійской гигіенической выставки, устроенной русскимъ обществомъ охраненія народнаго здравія, совершилось въ 2 часа дня въ манежѣ инженернаго замка.

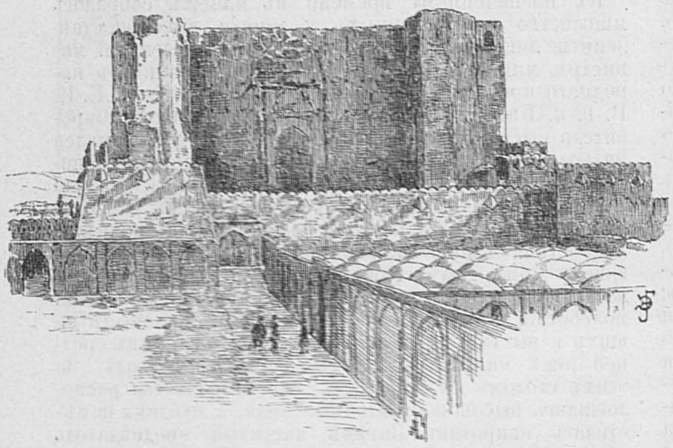
Къ назначенному времени въ манежѣ собралось множество приглашенныхъ и многія высокопоставленныя лица, въ числѣ которыхъ были военный министръ, министръ внутреннихъ дѣлъ и министръ народнаго просвѣщенія. Ровно въ 2 часа прибылъ Е. И. В. в. к. Павелъ Александровичъ, Августѣйшій покровитель выставки. Войдя въ манежъ, в. к., поднялся на возвышеніе, убранное краснымъ сукномъ и тропическими растеніями, гдѣ стоялъ аналой и ожидало духовенство. У подножія этого возвышенія расположились пѣвчіе л.-гв. коннаго полка. Тотчасъ началось молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія Царствующему Дому, Августѣйшему покровителю выставки и всѣмъ принимавшимъ въ ней участіе. По окончаніи молебствія и окропленія святою водою присутствующихъ и выставки, великій князь направился къ средней ложѣ манежа, гдѣ былъ поставленъ столъ. За этимъ столомъ по сторонамъ Его Высочества расположились высокопоставленныя лица, а публика помѣстилась напротивъ. Затѣмъ маститый предсѣдатель общества охраненія народнаго здравія, докторъ Н. Ѳ. Здекауеръ, произнесъ рѣчь, въ которой выяснилъ значеніе гигіены и указалъ на заслуги общества, предсѣдателемъ котораго онъ состоитъ съ самаго его основанія. Послѣ Н. Ѳ. Здекауера говорилъ графъ Сюзоръ. Въ краткихъ словахъ онъ охарактеризовалъ главные отдѣлы выставки, по своимъ размѣрамъ превосходящей всѣ до сихъ поръ гдѣ бы то ни было бывшія, и закончилъ свою рѣчь провозглашеніемъ „ура" Августѣйшему покровителю ея, что было встрѣчено съ восторгомъ всѣми присутствующими. Вслѣдъ затѣмъ говорили рѣчи делегаты отъ различныхъ учрежденій, а именно: отъ общественнаго управленія города С.-Петербурга, отъ военнаго министерства, отъ министерства народнаго просвѣщенія, отъ Императорской военно-медицинской академіи, отъ с.-петербургскаго университета, отъ института экспериментальной медицины, отъ главнаго военно-инженернаго управленія, отъ русскаго техническаго общества и отъ городского управленія города Одессы. Представитель военнаго вѣдомства, генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Бальцъ, сказалъ слѣдующее: „Ваше Императорское Высочество и милостивые государи, со введеніемъ всеобщей воинской повинности, жизнь арміи слилась съ жизнью народа, а потому и здоровье народа явилось первою и важнѣйшею потребностью для созданія здоровой, крѣпкой тѣломъ и духомъ, арміи. Общество охраненія народнаго здравія подъ просвѣщеннымъ Августѣйшимъ покровительствомъ Вашего Императорскаго Высочества, призывая настоящею выставкою всѣ силы Русской земли къ соревнованію въ изысканіи средствъ для выполненія высокой, поставленной имъ себѣ, задачи народнаго благосостоянія, тѣмъ самымъ является и охранителемъ здоровья нашей славной арміи. По приказанію военнаго министра, являясь на настоящей выставкѣ представителемъ военнаго вѣдомства и привѣтствуя благія начинанія общества охраненія народнаго здравія, я вмѣстѣ съ тѣмъ имѣю счастіе доложить Вашему Императорскому Высочеству, что военный министръ, близко принимая къ сердцу здоровье солдата и неусыпно стремясь къ уменьшенію заболѣваемости въ войскахъ, приказалъ войти съ представленіемъ въ военный совѣтъ о назначеніи трехъ премій: одной въ 500 р. и двухъ по 250 р.—каждая за наилучшія сочиненія или изобрѣтенія, представленныя на настоящей выставкѣ и содѣйствующія охраненію здоровья солдата въ мирное и уменьшенію страданій раненыхъ въ военное время". По окончаніи рѣчей делегатовъ великій князь всталъ и, пожелавъ выставкѣ полнаго успѣха, объявилъ ее открытой. Музыка заиграла „Боже, Царя храни". Вслѣдъ затѣмъ Его Императорское Высочество осматривалъ выставку, въ сопровожденіи Н. Ѳ. Здекауера и графа Сюзора, дававшаго объясненія великому князю. Около 5-ти часовъ пополудни Его Императорское Высочество отбылъ изъ манежа.

ПО ПЕРСІИ

Путевыя замѣтки художника

А. Н. ЧИКИНА

На всей русско-персидской границѣ едва ли найдется болѣе скучное мѣсто, чѣмъ Новая Джульфа, состоящая всего на всего изъ таможенной конторы съ амбарами, почтовой станціи, казармы, этапа и жалкаго духана, расположенныхъ у самаго берега мутнаго, краснаго Аракса на выжженной, неприглядной степи. Противъ нея на другомъ берегу рѣки бѣлѣютъ два — три зданія персидскаго таможеннаго поста Ханыхляръ, а



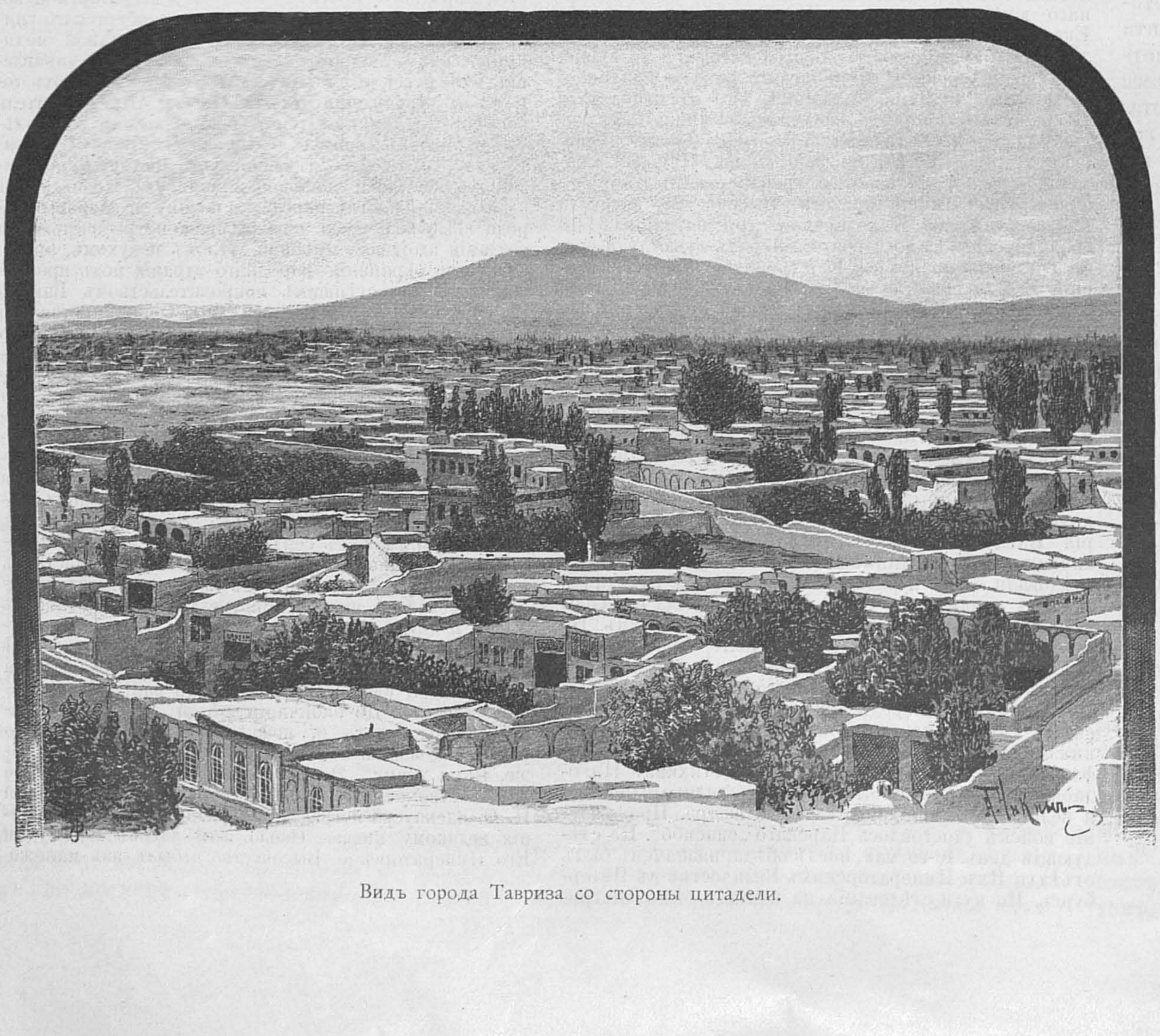
Цитадель Корхане въ Тавризѣ.

дальше красноватыя пологія съ зубчатыми вершинами горы, на которыхъ кое-гдѣ пестрѣютъ далекія деревни. Конечно, никто бы не поселился на такомъ печальномъ и безплодномъ мѣстѣ добровольно, но здѣсь проходитъ большая торговая и почтовая дорога изъ Россіи въ Персію черезъ Тавризъ, и черезъ этотъ самый пунктъ идутъ почти всѣ наши товары въ Азербейджанъ и изъ Азербейджана къ намъ. Правда, изъ Персіи нѣкоторая часть товаровъ минуетъ таможню и идетъ контрабандой, которая развита на границѣ въ громадныхъ размѣрахъ, несмотря на чрезвычайно крутыя мѣры, какими пользуется пограничная стража для борьбы съ ней.

Два—три таможенные чиновника, обреченные на убійственную скуку и живущіе здѣсь въ компаніи съ многочисленными скорпіонами и фалангами, любезно поспѣшили исполнить всѣ несложныя, впрочемъ, пограничныя формальности, и мы въ сопровожденіи самого начальника таможни взошли на паромъ. Отъ таможни до островка, образуемаго противъ нея рѣкой, протянутъ проволочный канатъ, по которому паромъ движется воротомъ. Незамѣтно отчалили мы отъ русскаго берега и черезъ минуту—другую очутились уже на островкѣ, отдѣленномъ отъ персидскаго берега неглубокимъ и неширокимъ рукавомъ, черезъ который мы переправились въ бродъ на лошадяхъ.

Сопровождаемые цѣлой толпой любопытныхъ мы направились къ таможнѣ, у широкаго окна которой, на коврѣ, передъ кучками крановъ (серебряная монета) и листками бумаги сидѣлъ начальникъ ея Касымъ-ханъ со всей своей свитой, занятой выдачей паспортовъ толпящемуся у окна народу, идущему на заработки въ Россію *). Обыкновенно съ каждаго въѣзжающаго въ Персію берется „земельная пошлина" въ размѣрѣ 50 к., но съ насъ ханъ ея почему-то не взялъ, а ограничился только тѣмъ, что сдѣлалъ на нашихъ паспортахъ помѣтки и приложилъ свою печать. Но, вѣроятно, вмѣсто пошлины, онъ черезъ переводчика

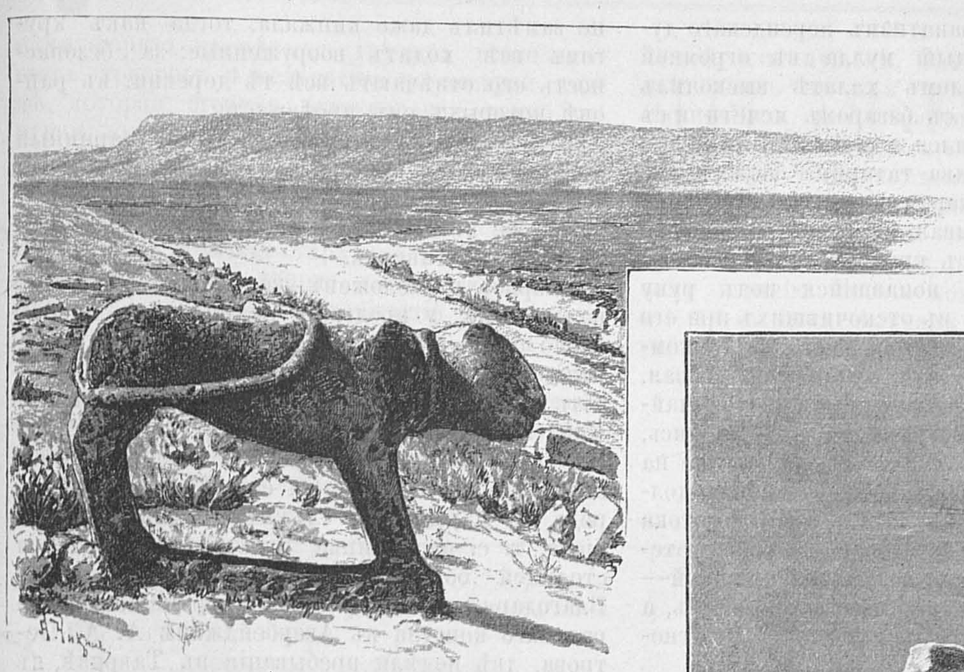
Карасуранъ (милиціонеръ) изъ Мараги.



Видъ города Тавриза со стороны цитадели.

Типъ муллы.

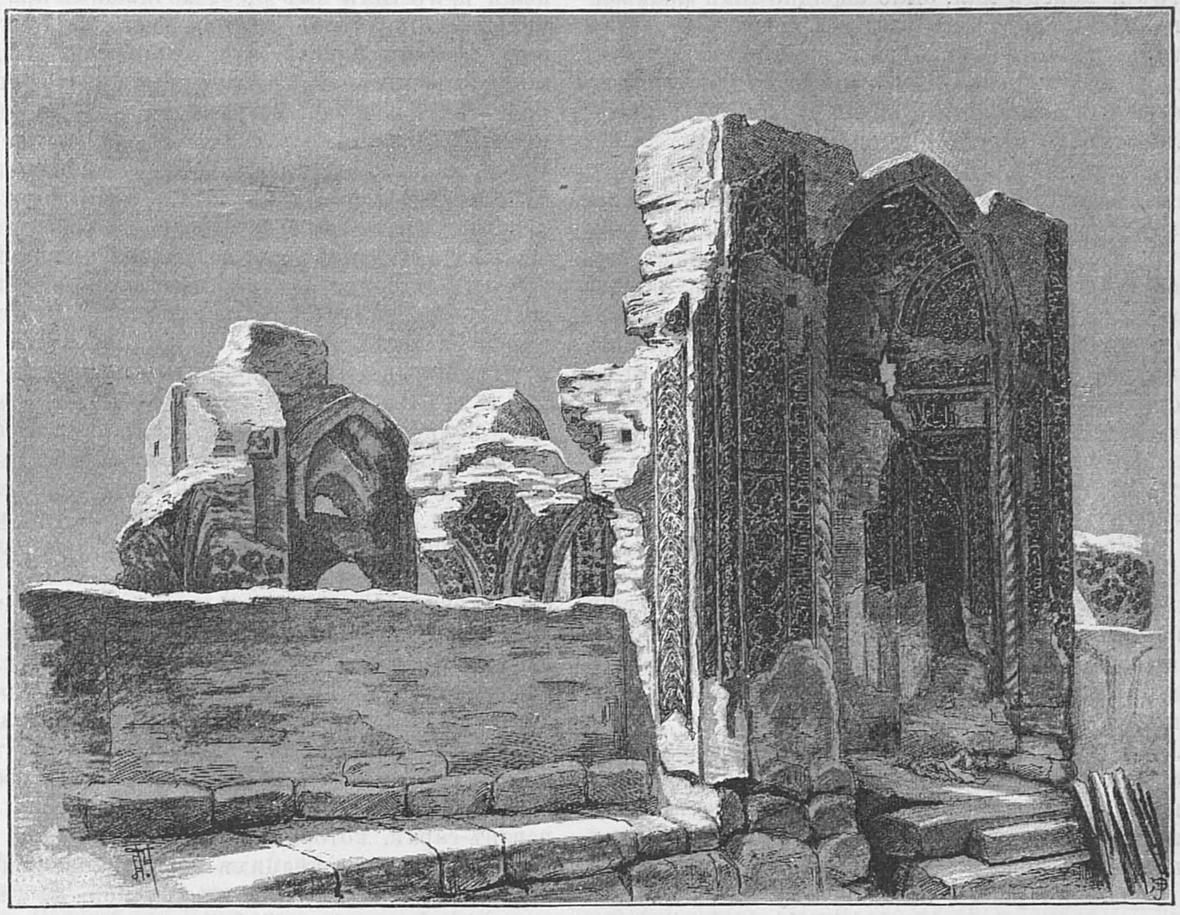
*) Ежегодно со всѣхъ концовъ Азербейджана нѣсколько тысячъ голодныхъ людей идутъ на заработки въ Закавказье, откуда вернувшись потомъ на родину и снова еще сильнѣе почувствовавъ весь гнетъ и всю неурядицу персидскихъ порядковъ, они становятся горячими сторонниками Россіи, ежегодно увеличивая такимъ образомъ ея нравственныя завоеванія въ этой провинціи.



Памятникъ на древнемъ кладбищѣ близь Дихкаргана.

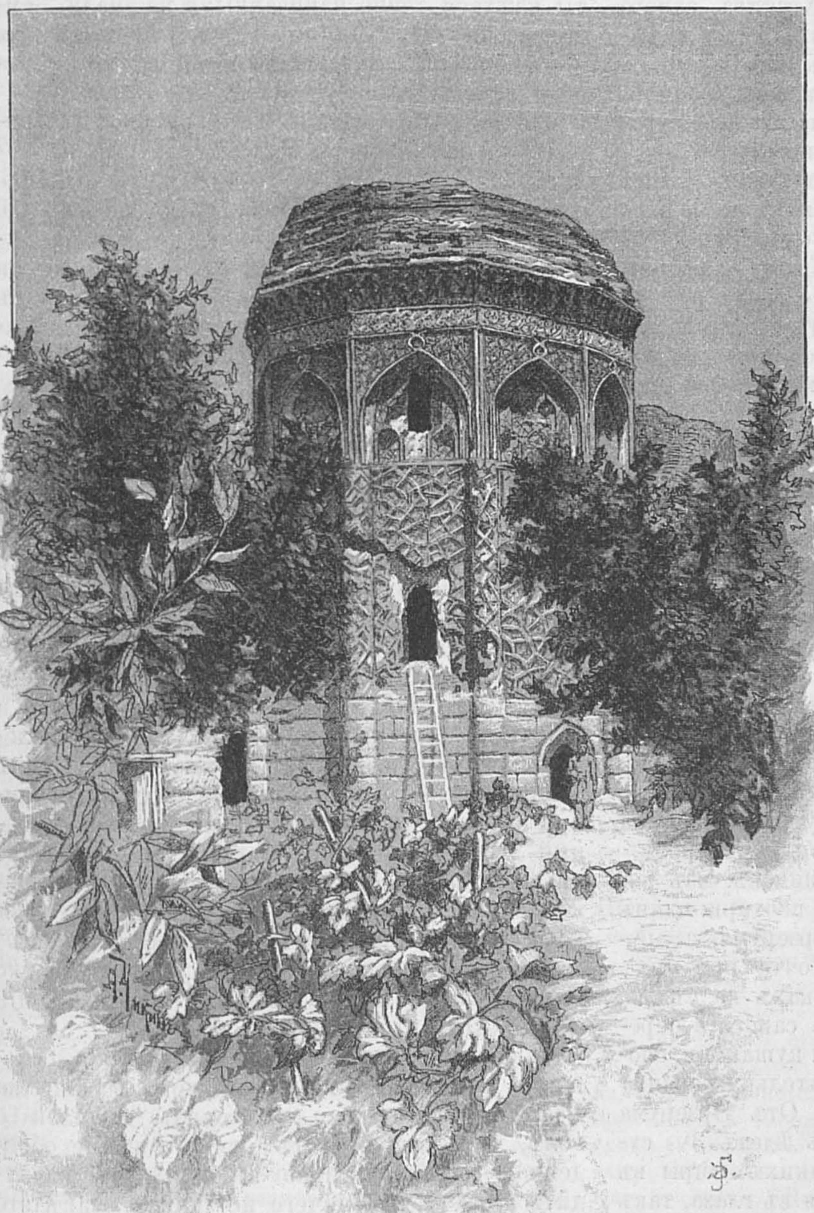
спросилъ насъ—не можемъ ли мы снять съ него и его свиты портретъ, такъ какъ онъ видѣлъ, конечно, какъ мы снимали съ острова Джульфу. Мы, конечно, согласились, и ханъ съ худо скрываемой радостью бѣгомъ отправился наверхъ одѣть свой лучшій кафтанъ. Забавно было видѣть, какъ чиновники его торопливо убирали бумаги и деньги и прихорашивались, прекративъ дѣлопроизводство и готовясь сниматься. Разогнавъ толпу, они выстроились у стѣны и, снявшись такимъ образомъ, съ любопытствомъ африканскихъ дикарей стали затѣмъ разсматривать аппаратъ и изображенія на матовомъ стеклѣ. Отдохнули мы потомъ только въ сосѣднемъ караванъ-сараѣ.

Въ 4 часа пополудни 25-го мая 1890 года мы выступили въ путь. Дорога отъ самаго Ханыхляра идетъ по голой степи, едва замѣтно поднимаясь къ горамъ, составляющимъ окраину того плоскогорья, на которомъ лежитъ чуть не весь Азербейджанъ. Съ первыхъ же шаговъ вы замѣчаете, что о дорогѣ здѣсь никогда никто не заботился — это просто тропинка, и только гдѣ позволяетъ мѣсто она расширяется до величины нашихъ захолустныхъ проселковъ. Оно и понятно: въ Персіи на колесахъ не ѣздятъ, а на верблюдѣ или на лошади можно и по такой тропинкѣ проѣхать. Опрятный, съ чугунными столбами индо-европейскій телеграфъ тянется по прямой линіи вдаль, теряясь у подножія горъ. По мѣрѣ удаленія отъ



Развалины »Голубой мечети« въ Тавризѣ.

Ханыхляра, поднимаясь, хотя незамѣтно, но все выше и выше, мы часто оборачивались назадъ—посмотрѣть туда, за Араксъ, гдѣ въ хаотическомъ безпорядкѣ громоздились горы, горящія пурпуромъ при закатѣ и синѣющія тѣнями съ царящимъ надъ ними крутымъ снѣговымъ гребнемъ Айридага. Все это было замѣчательно живописно, особенно въ сравненіи съ тѣми скучными горами, по которымъ лежалъ нашъ путь. Только вечеромъ добрались мы до ущелья, прорѣзывающаго ихъ каменный хребетъ и ведущаго на плоскогорье. Такъ какъ за темнотой продолжать путь было нельзя, то мы остановились дожидаться луннаго восхода возлѣ „чапаръханэ“ т. е. почтовой станціи. Это обыкновенное глинобитное строеніе въ полтора этажа съ конюшней, гдѣ содержатся лошади для чапаровъ, т. е. почтарей-курьеровъ, и для путешественниковъ, ѣдущихъ по чапарски (для этого нужна бумага отъ губернатора). Съ восходомъ луны, которая заставила-таки себя подождать, мы двинулись по ущелью, загроможденному каменьями, среди которыхъ бѣжитъ шумный ручей. По такой дорогѣ пришлось большею частью подвигаться пѣшкомъ. Тѣмъ не менѣе по этой пріятной мостовой изрѣдка умудряются проѣзжать экипажи живущихъ въ Тавризѣ европейцевъ и фургоны извощиковъ-молоканъ. Ущелье тя-



Одна изъ древнихъ башенъ въ Марагѣ.

Внутренній видъ Арсенала въ Тавризѣ.

нется на протяженіи болѣе чѣмъ одного агача, т. е. свыше 7-ми верстъ, и путешествіе по немъ въ экипажѣ послѣ нашихъ хорошихъ закавказскихъ дорогъ является поистинѣ пыткой. Но само ущелье съ его дикими и величественными конгломератовыми скалами чрезвычайно красиво и эффектно при лунномъ свѣтѣ. Выбравшись, наконецъ, изъ него, мы очутились на плоскогорьѣ, гдѣ вслѣдствіе значительной абсолютной высоты, несмотря на отсутствіе вѣтра и конецъ мая, было изрядно-таки прохладно. На разсвѣтѣ мы увидѣли кругомъ вершины горъ, на которыхъ бѣлѣли еще пятна запоздалаго снѣга; по обѣимъ сторонамъ дороги разстилались засѣянныя поля и кое-гдѣ виднѣлись крохотныя, спрятавшіяся въ садахъ, деревушки.

Переходъ по ущелью и вообще продолжительный ночной путь утомилъ-таки насъ, такъ что мы съ нетерпѣніемъ ожидали увидѣть нашу станцію караванъ-сарай Айрандыхъ. То, что я было принялъ издали за нашъ караванъ-сарай, оказалось развалинами древняго, временъ шаха Аббаса, караванъ-сарая. Ворота его отчасти еще уцѣлѣли со своими изразцовыми орнаментами. Болѣе художественнаго, чѣмъ на этихъ развалинахъ, болѣе гармоничнаго и въ то же время простаго сочетанія красокъ я не встрѣчалъ потомъ нигдѣ въ Персіи.

Караванъ-сарай Айрандыхъ, къ которому мы, наконецъ, добрались, представляетъ изъ себя жалкую мазанку съ грязнымъ дворикомъ и еще болѣе грязной конюшней. Въ мазанкѣ помѣщается чайная съ русскимъ самоваромъ и неизбѣжными кальянами и путешественникамъ предоставлено располагаться либо на дворѣ, либо въ конюшнѣ—на невысокомъ земляномъ возвышеніи въ одной ея части. На этой площадкѣ, величиной всего въ квадратную сажень, краснобородый хозяинъ простлалъ намъ какую-то невозможную тряпицу, и мы расположились втроемъ по сосѣдству со своими лошадьми. Хуже этого помѣщенія трудно и выдумать, но пришлось мириться, такъ какъ и мы, и лошади наши нуждались въ отдыхѣ. Хозяинъ караванъ-сарая, увѣренный въ томъ, что кто нибудь изъ насъ непремѣнно докторъ, пришелъ къ намъ съ просьбой помочь ему отъ ревматизма. Появившіеся затѣмъ изъ хурджинокъ на свѣтъ Божій порошки, склянки, мензурка и проч. окончательно убѣдили его, что мой товарищъ Щ. — докторъ, и черезъ двѣ—три минуты въ конюшню явилось еще нѣсколько паціентовъ. Одинъ просилъ вылечить его отъ бѣльма во весь глазъ, другой объяснялъ, что у него все болитъ; вообще татары большіе охотники лечиться, и вѣра въ силу врачебнаго искусства франковъ весьма развита у всѣхъ — вездѣ приставали къ намъ съ просьбой дать лекарства или помочь совѣтомъ.

Отъ караванъ-сарая Айрандыхъ, откуда мы выѣхали на другой день утромъ, виднѣлся уже, раскинувшійся среди садовъ, городъ Марандъ и сосѣдніе сливающіяся съ нимъ обширныя деревни. Марандъ, основаніе котораго армяне относятъ къ глубокой древности, производя его названіе отъ имени жены Ноя, погребенной, по ихъ мнѣнію, именно здѣсь, расположенъ въ широкой долинѣ, огражденной съ юга высокимъ хребтомъ, отдѣляющимъ бассейнъ Аракса отъ бассейна р. Урміи. Слегка спустившись отъ Айрандыха и пересѣкши сухое ложе ручья, мы черезъ два часа по выѣздѣ уже вступили въ чистенькія, засаженныя деревьями, улицы города. Небольшіе города Азербейджана, къ какимъ относится и Марандъ (всего 5,000 жит.), съ виду не представляютъ изъ себя ничего особенно интереснаго: глиняные плоскокрышіе дома въ одинъ или два этажа, съ рѣдкими рѣшетчатыми окнами на узкую улицу, безобразно вымощенную большими камнями съ узенькой канавообразной тропинкой по серединѣ для лошадей, глиняныя же стѣны безконечныхъ садовъ и весьма слабые признаки жизни и оживленія. Только базары, мечети, если таковыя имѣются, и караванъ-сараи достойны вниманія. Базаръ, на которомъ обыкновенно сосредоточивается вся жизнь города—прелюбопытная вещь, но въ Марандѣ онъ незначителенъ и почти ничѣмъ не отличается отъ нахичеванскаго. Возвращаясь съ прогулки по немъ, мы наткнулись на забавную сцену, рисующую отчасти фанатизмъ персидскаго духовенства. Сѣдобородый мулла въ огромной бѣлой чалмѣ и бѣломъ халатѣ выскочилъ вдругъ изъ сосѣдней съ базаромъ мечети и съ яростью тигра бросился къ окну ближайшей чайной, у котораго два татарина безмятежно предавались кейфу, картинно развалившись на подоконникѣ, наигрывая на зурнѣ и напѣвая пѣсни. Подбѣжавъ съ крикомъ и бранью къ окну, онъ схватилъ попавшійся подъ руку ножъ и пустилъ имъ въ отскочившихъ при его приближеніи татаръ, затѣмъ ворвался въ комнату и сталъ тузить своими кулаками, задѣвая, между прочимъ, и другихъ, бывшихъ въ чайной. Всѣ, конечно, тотчасъ же разбѣжались, но мулла, изливъ остатки своего гнѣва уже на улицѣ на ближайшихъ къ нему затылкахъ, долго еще не могъ остановить бурнаго потока яростной брани. Эта потасовка оказалась отеческимъ внушеніемъ для посѣтителей чайной—помнить, что противъ нея находится мечеть, и вести себя во время служенія въ ней не игнорируя ея сосѣдства.

Отъ Маранда до Тавриза 70—77 верстъ пути, т. е. 10—11 агачей. Дорога сперва проходитъ немного по равнинѣ, затѣмъ все круче и круче поднимается въ гору и извилистыми зигзагами достигаетъ гребня хребта. Утомительность подъема вознаграждается зато развертывающейся все шире и шире панорамой горныхъ далей. Спускъ съ перевала ниже, но еще круче. Впереди вдоль дороги, идущей среди засѣянныхъ полей, видны деревни, а вдали фіолетовый валъ Сехенда съ бѣлѣющимися полосками снѣга. Первая попавшаяся намъ деревушка—Шаръ-дере, въ которой мы остановились, представляетъ изъ себя десятка три сбившихся въ кучу глиняныхъ лачугъ среди выжженныхъ холмовъ. Переждавъ жару въ караванъ-сараѣ, который, впрочемъ, ничѣмъ не отличается отъ сосѣднихъ дворовъ, мы двинулись дальше все по той же скучной, но гладкой дорогѣ съ сѣрыми буграми по сторонамъ. Слѣдующая деревня, гдѣ мы останавливались—Софіанъ — значительно больше предыдущей и въ ней два караванъ-сарая. Хозяинъ одного изъ нихъ, увидя насъ и замѣтивъ наше намѣреніе остановиться, сталъ разсыпаться передъ нами въ любезностяхъ, перечисляя все, что имѣется у него съѣстнаго. Соблазненные перспективой перекусить, мы остановились у него. Но, когда кони наши были разсѣдланы и имъ засыпана была „ёндиса“ *), хозяинъ съ видомъ человѣка, дѣлающаго большое одолженіе, принесъ намъ пучекъ сквернаго лавашу (хлѣбъ) и нѣсколько кусочковъ какого-то окаменѣлаго и страшно соленаго сыра и затѣмъ, предоставивъ намъ негодовать сколько намъ угодно, съ невозмутимымъ спокойствіемъ усѣлся курить кальянъ, совершенно не замѣчая нашего присутствія. Тогда мы, покормивъ лошадей, рѣшили, несмотря на позднее время, ѣхать дальше, до слѣдующаго караванъ-сарая, до котораго отъ Софіана считается 3 агача, т. е. 21 верста. Черныя дождевыя тучи заволокли небо, усиливая и безъ того темноту безлунной ночи, такъ что, когда мы добрались до караванъ-сарая, было ужъ за полночь. Но остановиться въ немъ намъ, къ великому прискорбію, не пришлось, такъ какъ, несмотря на наши просьбы и угрозы, намъ не отперли воротъ, и мы принуждены были ѣхать опять дальше. На разсвѣтѣ впереди, на равнинѣ, у подошвы Сехенда, сквозь сизую дымку утра показался вдругъ обширный городъ; это былъ Тавризъ.

Насъ нагнали четверо всадниковъ, изъ которыхъ двое были чапары, т. е. почтари: одинъ турецкій, везшій почту изъ Эрзерума, а другой персидскій—изъ Урміи. Почта при нихъ помѣщается въ кожаныхъ мѣшкахъ на сѣдлѣ. Оба чапара одѣты въ громадные сапоги и перетянуты широчайшими кожаными кушаками, способствующими переносить утомительную скачку въ теченіе нѣсколькихъ дней. Отъ Эрзерума до Тавриза, напримѣръ, чапаръ ѣдетъ 3½ сутокъ, получая за это 2 турецкихъ лиры въ мѣсяцъ. Что особенно бросается въ глаза, такъ это отсутствіе всякаго оружія при чапарѣ; сколько я потомъ ихъ ни видѣлъ, ни у кого не замѣтилъ даже кинжала, тогда какъ кругомъ всѣ ходятъ вооруженные; за безопасность его отвѣчаютъ всѣ тѣ деревни, въ районѣ которыхъ онъ проѣзжаетъ.

*) Родъ клевера — весьма питательный кормъ для скота.

Переѣхавъ красивый каменный старинный мостъ съ башенками и арками, подъ которыми течетъ небольшая рѣчка, мы черезъ полчаса уже въѣзжали въ проснувшійся шумный и торговый Тавризъ.

Тавризъ расположенъ, какъ я замѣтилъ уже, на равнинѣ, у предгорій Сехенда, на высотѣ около 5,000 фут. надъ уровнемъ моря. Основаніе этого города, который, какъ полагаютъ, есть не что иное, какъ древній армянскій Кандсагъ, относится къ концу IV столѣтія. По числу жителей (приблизительно—250,000) это — самый большой и самый торговый городъ въ Персіи; онъ служитъ резиденціей валіата, т. е. наслѣдника престола, и является столицей богатой провинціи Азербейджана. Благодаря любезному содѣйствію нашего генеральнаго консула въ Азербейджанѣ А. А. Петрова, двѣ недѣли пребыванія въ Тавризѣ, въ теченіе которыхъ мы могли достаточно ознакомиться съ городомъ, прошли для насъ незамѣтно.

Тавризъ, какъ и всѣ персидскіе города и деревни, выстроенъ изъ глины, исключая наиболѣе замѣчательныхъ зданій, т. е. мечетей, базаровъ, караванъ-сараевъ, дворцовъ и проч. Достопримѣчательностей въ Тавризѣ немного; если не считать базара, то наиболѣе достойны вниманія развалины „Меджидъ кябудъ“ и „Корхане“. „Меджидъ кябудъ“, т. е. „Голубая мечеть“, названная такъ потому, что въ изразцовыхъ орнаментахъ, которыми она сплошь была покрыта, преобладаетъ главнымъ образомъ этотъ цвѣтъ, считалась когда-то чудомъ архитектурнаго искусства, но во время сильнаго землетрясенія въ 1780 году она обрушилась, и величественныя развалины ея еще и теперь свидѣтельствуютъ о замѣчательномъ вкусѣ, изяществѣ и богатствѣ фантазіи художниковъ, украшавшихъ ее. Изразцовая мозаика такъ мелка и хорошо пригнана, что орнаменты кажутся точно написанными на эмали. Землетрясеніе же, какимъ Тавризъ подвергался довольно часто, разрушило и „Корхане“, бывшую мечеть Фетъ-Али-шаха.

Это громадное зданіе, самое высокое въ Тавризѣ, съ виду теперь вовсе не похоже на мечеть, а скорѣе на четыреугольную башню, одна стѣна которой отвалилась совершенно. Обнесенная зубчатыми стѣнами, съ пристроенными обширнѣйшими кладовыми, мечеть эта обращена въ нѣчто въ родѣ цитадели, и въ кладовыхъ ея помѣщается арсеналъ. Мы сдѣлали визитъ начальнику арсенала Хаджи-Мирза-Хассанъ-хану, который любезно насъ встрѣтилъ, показалъ весь арсеналъ и пиротехническое заведеніе и даже позволилъ снять со всего фотографіи.

Ружья въ арсеналѣ старыя австрійскія, заряжающіяся съ казенной части, съ байонетами; все это помѣщается на козлахъ и содержится въ чистотѣ. Здѣсь же красуются аляповатые персидскіе гербы и знамена со львомъ и солнцемъ.

На верху „Корхане“ есть двѣ маленькихъ комнатки; здѣсь для насъ сервированъ былъ чай и туземныя сласти. Отсюда, какъ и съ галлереи, идущей по верху всѣхъ трехъ стѣнъ башни, открывается обширный видъ на огромный городъ. Кромѣ того мы посѣтили загородный дворецъ наслѣдника, расположенный среди фруктовыхъ садовъ, гдѣ строятся еще новыя зданія и фонтаны. Внутренность его похожа на эриванскій „стекляный дворецъ“ своей орнаментаціей и зеркалами, и только старыя картины на стѣнахъ, изображающія сцены охоты, довольно интересны.

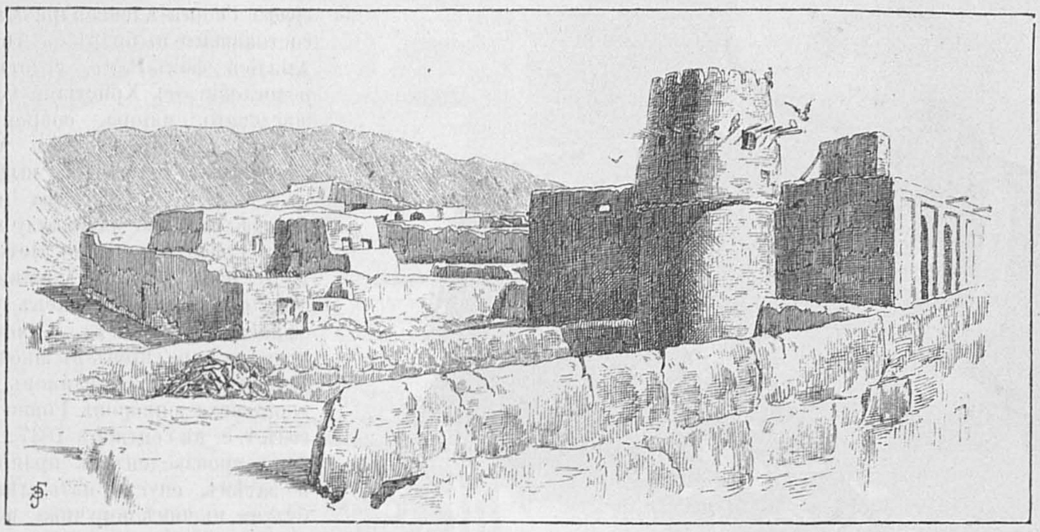
Тавризскій базаръ—одинъ изъ самыхъ большихъ не только въ Персіи, но и вообще на Востокѣ. Замѣчаніе одного изъ жителей о томъ, что базаръ этотъ „и въ день не обойдешь“ — дѣйствительно вѣрно, а что заблудиться на немъ ничего не стоитъ, такъ это мы испытали даже на себѣ. Тавризскій базаръ — это безконечный лабиринтъ каменныхъ корридоровъ съ куполообразными сводами, черезъ отверстія въ которыхъ золотыми снопами прорываются солнечные лучи и яркими пят-

нами горятъ на цѣлыхъ грудахъ всевозможныхъ товаровъ и мелькаютъ по пестрой толпѣ, которая, шумная, волнующаяся, точно кипучая кровь, движется по этимъ артеріямъ торговаго города.

Эмиръ-низамъ, бывшій посланникъ въ Парижѣ, а нынѣ губернаторъ Азербейджана, — маленькій худенькій старичекъ довольно добродушнаго вида, но твердо, какъ говорится, въ ежовыхъ рукавицахъ, держащій въ рукахъ огромную провинцію, снабдилъ насъ двумя фирманами съ его собственной печатью и печатью наслѣдника, который—къ слову сказать—тоже пребываетъ въ нѣкоторомъ страхѣ передъ этимъ маленькимъ человѣчкомъ, сносно говорящимъ по французски и разстрѣливающимъ людей изъ пушекъ. Одинъ фирманъ адресованъ былъ на имя губернаторовъ Мараги и Саинъ-Кала, т. е. городовъ Азербейджана же, а другой для всѣхъ прочихъ, черезъ провинціи которыхъ мы поѣдемъ, исключая Зеле-султана, старшаго брата Саліата, съ которымъ послѣдній не въ ладахъ. Запасшись этими фирманами, всецѣло благодаря содѣйствію и огромному вліянію нашего консула А. А. Петрова, мы 14-го іюня выѣхали въ Марагу, до которой отъ Тавриза считается 140 верстъ.

А. Чикинъ.

Продолженіе будетъ.



Деревня Дарья-Ханая на берегу озера Урміи.

Морской смотръ международной эскадрѣ въ Нью-Іоркѣ

Какъ извѣстно, американское правительство заблаговременно пригласило къ участію въ празднякѣ въ честь Колумба представителей европейскихъ державъ. Державы откликнулись на приглашеніе и выслали свои суда въ Сѣверную Америку. Великобританія прислала четыре крейсера, Франція и Россія — по три, Италія и Германія — по два. Кромѣ того прислали свои суда Бразилія, Аргентинская республика, Голландія, Испанія. Вся эскадра сосредоточилась на гемптонскомъ рейдѣ и затѣмъ отплыла въ Нью-Іоркъ, соединившись съ американскою эскадрою подъ общимъ командованіемъ американскаго адмирала. На нью-іоркскій рейдъ американскія и иностранныя военныя суда, въ томъ числѣ и русскій крейсеръ „Дмитрій Донской", вошли 13 (25)-го апрѣля. Какъ извѣстно, Нью-Іоркъ расположенъ на довольно узкомъ полуостровѣ и разросся по длинной оси къ сѣверу. При этомъ улицы стараго города сохранили свои прежнія названія; но для новыхъ улицъ найдено болѣе удобнымъ обозначеніе цифровое. На сколько быстро росъ городъ видно изъ того, что 20 лѣтъ назадъ Центральный паркъ находился на окраинѣ города, а нынѣ — въ его центрѣ. Большая растянутость города побудила жителей озаботиться устройствомъ удобныхъ и скорыхъ сообщеній, и дѣйствительно нигдѣ въ мірѣ нѣтъ сообщеній столь удобныхъ, какъ въ Нью-Іоркѣ. Для международнаго флота на смотру назначено было пространство между 34 и 89 улицами. Смотръ предполагался ранѣе, но все откладывался по случаю дурной погоды. Еще наканунѣ смотра городъ представлялъ праздничный видъ: флаги различныхъ національностей, среди которыхъ преобладали испанскіе, украшали всѣ зданія. Въ этотъ день, т. е. 14 (26) апрѣля, прибыли въ Нью-Іоркъ президентъ Клевелендъ со своимъ кабинетомъ и герцогъ Верагуа, потомокъ Колумба. Берега бухты и рѣкъ были окружены праздничной толпой, присутствовавшей при размѣщеніи судовъ на мѣста, которое они должны были занимать во время смотра. Этотъ смотръ соединенной европейско-американской эскадрѣ при огромномъ стеченіи народа президентъ Гроверъ Клевелендъ сдѣлалъ 15 (27)-го апрѣля по слѣдующей программѣ. Въ 10 часовъ утра президентъ сѣлъ на авизо „Dolphin" (Дельфинъ), которое ожидало его противъ 24 улицы. Въ этотъ моментъ всѣ военныя суда сдѣлали по 21 выстрѣлу. Всѣ суда были разукрашены флагами, экипажи размѣщены на палубѣ и на мачтахъ. „Dolphin" медленно проходилъ между двумя рядами судовъ. За нимъ слѣдовали „Black" съ членами дипломатическаго корпуса и „Monmouth" съ высшими чиновниками, членами конгресса и пр. Когда „Dolphin" поравнялся, на каждомъ суднѣ кричали семь разъ ура, команда отдавала честь при боѣ барабановъ и музыка играла американскій гимнъ. Пройдя всю линію судовъ, „Dolphin" сталъ на якорь. Адмиралы флотовъ и командиры судовъ явились на бортъ „Dolphin", гдѣ Кливелендъ угощалъ всѣхъ завтракомъ, послѣ чего „Dolphin" тѣмъ же порядкомъ прослѣдовалъ назадъ. Когда авизо президента миновало послѣднее судно, всѣ суда дали по 21 выстрѣлу. Никогда, нигдѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ не бывало такого грандіознаго зрѣлища, и оно не изгладится изъ памяти американцевъ и гостей. На долю Клевеленда, пользующагося репутаціей честнѣйшаго президента, какого Америка когда либо имѣла послѣ Линкольна, выпалъ почетъ, удовлетворившій тщеславіе всей американской націи.

Русскій посланникъ, князь Кантакузенъ, былъ также приглашенъ на торжество и находился на судахъ русской эскадры. На русскихъ судахъ присутствовали и представители Соединенныхъ Штатовъ. На фрегатѣ „Дмитрій Донской" находился и корреспондентъ газеты „New-Iork-Herald", который слѣдующимъ образомъ описываетъ посѣщеніе американцами русскихъ военныхъ судовъ: „Когда мы вошли въ каютъ-компанію, украшенную экзотическими растеніями, мы нашли обыкновенную закуску, ожидавшую насъ на хорошо сервированномъ столѣ. Закуска состояла изъ различныхъ блюдъ и лакомствъ съ неизбѣжною чисто русской водкой. Не успѣлъ еще завтракъ окончиться, какъ издали послышались звуки приближающагося американскаго военнаго судна „Dolphin", на которомъ находился президентъ Клевелендъ. Всѣ выбѣжали на палубу. На капитанскомъ мостикѣ помѣстились адмиралъ, русскій посланникъ, капитанъ Зеленой и офицеры во главѣ съ великимъ княземъ Александромъ Михаиловичемъ. Вскорѣ затѣмъ президентское судно поравнялось съ „Дмитріемъ Донскимъ" и оркестръ заигралъ русскій народный гимнъ „Боже, Царя храни!". „Шапки долой!" скомандовалъ командиръ, и ни одна голова не осталась покрытой на этомъ большомъ военномъ суднѣ. На другой день состоялся парадъ флотскихъ экипажей на улицахъ Нью-Іорка. Въ парадѣ приняли участіе американская армія, артиллерія и морскіе баталіоны всѣхъ націй. Президента не было въ городѣ: онъ выѣхалъ въ Чикаго на открытіе выставки. Парадъ совершался непосредственно передъ лицомъ американскаго народа. Такого оригинальнаго парада еще никогда не было въ цѣломъ мірѣ. Войска проходили по улицамъ, запруженнымъ народомъ, начиная съ крышъ величайшихъ домовъ до линіи милиціи и полицейскихъ, стоявшихъ шпалерами по улицамъ. Народъ самъ оцѣнивалъ достойнѣйшихъ и выражалъ имъ свое одобреніе. Наши матросы удостоились особаго вниманія американцевъ. Американцы не могутъ забыть спасительнаго для нихъ появленія эскадры адмирала Лесовскаго въ тяжелую минуту политической жизни Америки; они помнятъ посѣщеніе Америки великимъ княземъ Алексѣемъ Александровичемъ, котораго одинъ изъ ораторовъ на послѣднемъ банкетѣ въ честь иностранныхъ гостей, происходившемъ вскорѣ послѣ смотра и парада, назвалъ „другомъ многихъ американцевъ". Но такой оваціи, какая выпала на долю русскихъ во время празднествъ въ честь Колумба, еще никогда не было въ Америкѣ; ораторы на банкетѣ говорили, обращаясь къ русскимъ морякамъ: „все ваше плаваніе и всякій вашъ шагъ въ Нью-Іоркѣ были безпрерывнымъ тріумфомъ", котораго американцы, слѣдуетъ замѣтить, не только не скрывали передъ лицомъ другихъ иностранцевъ, а, напротивъ, самымъ выразительнымъ образомъ подчеркивали. Оваціи удостоились русскіе и во время смотра. Воздухъ дрожалъ отъ восторженныхъ кликовъ народа, когда наши морскія команды проходили по улицамъ во время парада, и все время не умолкалъ стукъ трещетокъ, которыми были вооружены оконные зрители. Своеобразное отношеніе толпы къ войску, находившемуся подъ ружьемъ, во фронтѣ,—это оригинальное отношеніе, выражавшееся криками восторга, маханіемъ платковъ, трещетками и аплодисментами, какого наши команды никогда еще не переживали въ жизни, дѣйствовало на нихъ точно такъ же, какъ дѣйствуетъ одобреніе публики на артиста. Матросы наши заражались энтузіазмомъ; съ загорѣлыхъ лицъ ихъ не сходила горделивая улыбка, какую рѣдко приходится видѣть на лицахъ нашихъ солдатъ; наэлектризованные толпою, они шли настоящими молодцами. Американскія газеты, говоря о смотрѣ, выразились, что достаточно одного такого русскаго баталіона, какой они видѣли, чтобы сокрушить команды всѣхъ флотовъ, собравшихся въ Нью-Іоркѣ. Почетные граждане Нью-Іорка устроили банкетъ въ послѣдній день праздниковъ въ честь Колумба и пригласили на этотъ банкетъ моряковъ — представителей посѣтившихъ Америку націй. На банкетѣ русскіе снова занимали выдающееся положеніе, и нашъ адмиралъ сидѣлъ по правую руку предсѣдателя банкета.

Нью-іоркскіе граждане устроили позднѣе балъ въ честь иностранныхъ гостей, на которомъ присутствовалъ президентъ. Балъ отличался грандіозностью, оригинальностью обстановки и великолѣпіемъ. Балъ этотъ былъ устроенъ отъ имени демократической партіи; партія республиканская дѣлала reception (раутъ) иностраннымъ гостямъ въ одномъ изъ лучшихъ отелей Нью-Іорка. По окончаніи общихъ празднествъ начались вечера, receptions, обѣды въ частныхъ домахъ „исключительно" въ честь русскихъ офицеровъ. Кстати замѣтимъ, что американцы имѣютъ нынѣ уже довольно приличный военный флотъ и, кромѣ того, постоянно строятъ новыя суда.

Новости печати

Востокъ. Страны креста и полумѣсяца и ихъ обитатели. Историко-географическое и этнографическое обозрѣніе Левантскаго міра. Сост. *П. А. Стенинъ.* Съ болѣе 200 политипажей въ текстѣ и 64 гравюрами. Спб. 1893. Изданіе *А. Ф. Девріена.* Роскошное изданіе, выпущенное въ свѣтъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ А. Ф. Девріеномъ, представляетъ подробное иллюстрированное описаніе той части древняго историческаго міра, которая у жителей Средиземнаго побережья до сихъ поръ извѣстна подъ именемъ Леванта, т. е. востока. Эта мѣстность была истинной колыбелью современной европейской цивилизаціи. Здѣсь когда-то процвѣтали тѣ народы, которые заняли собою весь фонъ европейской исторіи — греки, евреи, финикіане, египтяне. Книга начинается описаніемъ государствъ, племенъ и народовъ Балканскаго полуострова, Босніи и Герцеговины, Сербіи и Болгаріи, Турціи и Греціи. Описанію этой европейской части Леванта посвящена почти ровно половина книги. Въ другой половинѣ описывается азіатскій Левантъ: Малая Азія, Турецкая Арменія, Курдистанъ, Месопотамія, Сирія, Палестина, Аравія, Египетъ, Суданъ, Триполи и Тунисъ. При описаніи каждой отдѣльной страны составитель держится однообразнаго порядка. Онъ дѣлаетъ ея историческій очеркъ болѣе или менѣе подробный, смотря по важности того мѣста, которое страна занимаетъ въ историческихъ судьбахъ Европы, и по ея современному значенію. Затѣмъ много мѣста отведено чисто географическимъ даннымъ: устройству мѣстности, племенному составу народонаселенія, описанію замѣчательныхъ городовъ, промышленности, торговлѣ, народному образованію и т. д. Словомъ, книга представляетъ собою, въ сущности, прекрасно составленный, обстоятельный и подробный, приноровленный, такъ сказать, къ университетской программѣ, учебникъ географіи Востока. Однако словомъ „учебникъ", которое мы придаемъ этой книгѣ, мы отнюдь не желаемъ породить въ читателѣ представленіе о чемъ-то обязательно сухомъ и скучномъ. Напротивъ, мы глубоко убѣждены, что книга П. А. Стенина будетъ просмотрѣна, а быть можетъ и внимательно прочитана съ большимъ интересомъ каждымъ сколько нибудь образованнымъ читателемъ. Внѣшность книги довольно изящна, такъ что ее можно рекомендовать въ качествѣ настольнаго иллюстрированнаго изданія. Книга представляетъ огромный томъ большаго формата, въ 32 печатныхъ листа, отпечатанный на роскошной толстой бумагѣ, въ красивой обложкѣ съ рисункомъ Н. Н. Каразина. Въ концѣ книги приложенъ подробный алфавитный указатель собственныхъ именъ—вещь далеко не лишняя въ такомъ изданіи, которое смѣло можетъ служить справочною книгою.

М. А. О.

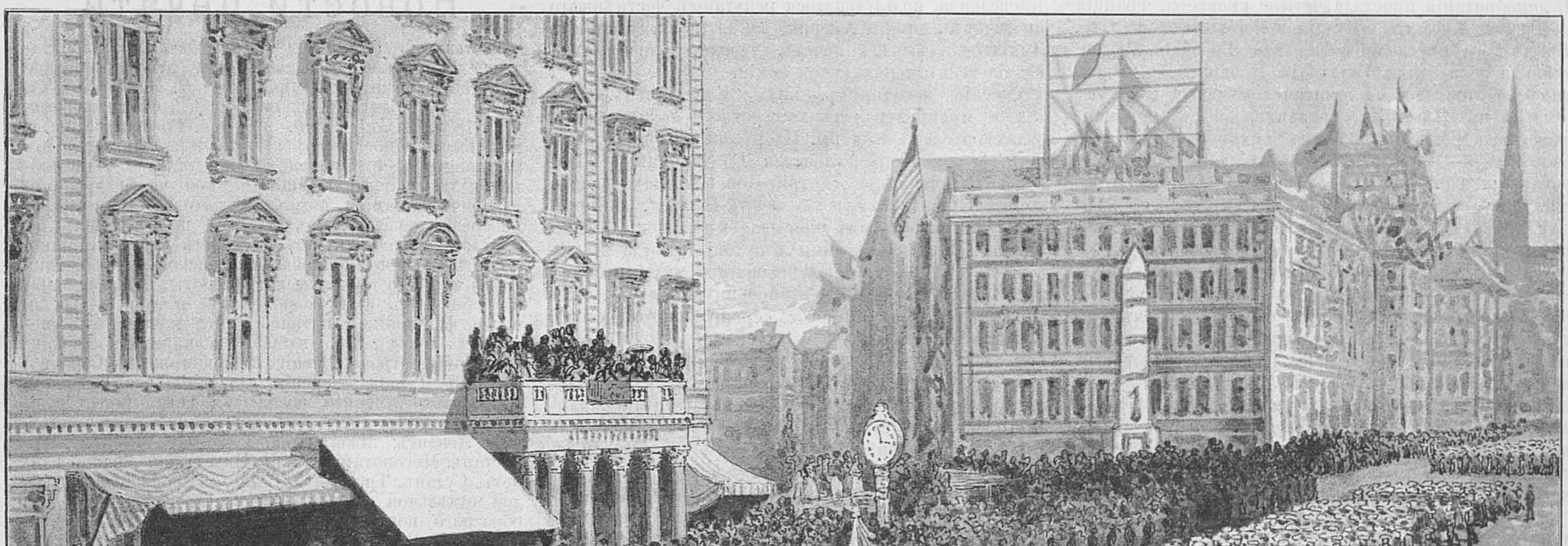
Графъ Е. Е. Сиверсъ †

Еще Гельбигъ, бывшій секретарь саксонскаго посольства въ царствованіе Екатерины II, въ своемъ историко-біографическомъ трудѣ „Русскіе избранники и случайные люди" говоритъ о родѣ Сиверсовъ, игравшихъ болѣе или менѣе видную роль въ нашемъ отечествѣ. Графъ Яковъ Ефимовичъ былъ полномочнымъ посломъ въ Польшѣ, предсѣдателемъ на гродненскомъ сеймѣ и ровно сто лѣтъ тому назадъ подписалъ трактатъ о второмъ раздѣлѣ Польши. Другой графъ Сиверсъ участвовалъ въ построеніи ревельской гавани, начальствовалъ надъ всѣмъ флотомъ на пути изъ Копенгагена, былъ командиромъ Кронштадта и вицепрезидентомъ адмиралтействъ-коллегіи; наконецъ графъ Егоръ Карловичъ отличался въ сраженіяхъ при Клястицахъ, Друѣ, Диснѣ и Полоцкѣ, а затѣмъ при Люценѣ, Бауценѣ и проч. Недавно, а именно, 13-го мая, скончался въ Петербургѣ одинъ изъ позднѣйшихъ представителей этой почтенной фамиліи, столько послужившей на пользу Россіи—графъ Евгеній Егоровичъ Сиверсъ, членъ военнаго совѣта и предсѣдатель главнаго военно-санитарнаго комитета, генералъ-отъ-инфантеріи. Прослуживъ вѣрой и правдой безъ малаго шестьдесятъ лѣтъ въ военной службѣ, графъ Сиверсъ занималъ болѣе четверти вѣка должность члена главнаго военнаго суда и, будучи большимъ знатокомъ военно-санитарнаго и госпитальнаго дѣла, много и плодотворно трудился надъ улучшеніемъ военныхъ госпиталей во всѣхъ отношеніяхъ и широко примѣнялъ самыя раціональныя мѣры во всѣхъ, ввѣренныхъ военно-санитарному комитету, медицинскихъ учрежденіяхъ. Это былъ человѣкъ дѣла, необыкновенно точный исполнитель предначертаній высшей власти, всегда вѣрный своему долгу, человѣкъ образцовой честности, относившійся въ высшей степени серьезно къ своимъ обязанностямъ. При графѣ Сиверсѣ, стоявшемъ во главѣ военно-санитарнаго вѣдомства, это вѣдомство было преобразовано въ главный военно-санитарный комитетъ; принимая выдающееся участіе въ разработкѣ положенія о военныхъ округахъ, графъ также достаточно потрудился въ комитетахъ для начертанія положенія объ устройствѣ врачебной части въ военное время, для улучшенія военно-медицинской администраціи, а также въ различныхъ коммиссіяхъ и наконецъ въ качествѣ президента с.-петербургской евангелическо-лютеранской консисторіи, въ каковой должности пробылъ, впрочемъ, недолго.

Графъ Е. Е. СИВЕРСЪ, генералъ-отъ-инфантеріи, † 13-го мая с. г.

Съ фотографіи Вестли-сына гравировалъ И. И. Хелмицкій.

Графъ Евгеній Егоровичъ (Евгеній-Іахимъ-Казиміръ) Сиверсъ, сынъ графа Георга-Александра Сиверса, состоявшаго въ бракѣ съ Августой-Амаліей фонъ-Рамъ, ведетъ свое родословіе отъ Христіана Сиверса, шведскаго маіора, современника короля Густава-Адольфа, и, какъ видно изъ документа, выданнаго гр. Сиверсу, родъ графа внесенъ въ лифляндскую матрикулу въ 1752 году. Графъ родился въ Петербургѣ 15-го іюля 1818 года; семнадцати лѣтъ онъ былъ зачисленъ унтеръ-офицеромъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ и опредѣленъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ. Ровно черезъ годъ, т. е. въ сентябрѣ 1837 г., графъ былъ произведенъ въ прапорщики, а затѣмъ, спустя пять лѣтъ, уже будучи въ чинѣ поручика, получилъ назначеніе состоять адъютантомъ при дежурномъ генералѣ главнаго штаба Его Императорскаго Величества. Въ декабрѣ 1845 года, произведенный въ чинъ штабсъ-капитана, графъ черезъ десять мѣсяцевъ былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ при дежурномъ генералѣ главнаго штаба Его Императорскаго Величества, а въ декабрѣ 1848 года произведенъ въ капитаны. Въ 1851 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе о назначеніи графа Сиверса совѣт-



Нью-Іоркъ. — Парадъ флотскихъ экипажей 16-го мая с. г. Русскіе моряки, проходящіе по 5-му авеню.

Соединенные Штаты Сѣверной Америки. — Большая Колумбова выставка въ Чикаго.

Съ фотографіи корреспондента »Всемірной Иллюстраціи« рисовалъ К. О. Брожъ.

Осмотръ выставки Е. И. В. великимъ княземъ Павломъ Александровичемъ.

С.-Петербургъ. — Открытіе первой всероссійской гигіенической выставки.

Съ натуры рисовалъ для »Всемірной Иллюстраціи« К. О. Брожъ.

никомъ и членомъ правленія Императорской медико-хирургической академіи съ оставленіемъ въ должности старшаго адъютанта, и съ этого времени начинается его дѣятельность въ той самой области, въ которой онъ пріобрѣлъ опытъ и знанія, составившія ему позднѣе извѣстность весьма полезнаго работника и энергичнаго администратора по части военно-санитарной и госпитальной. Въ январѣ 1854 года графъ Евгеній Егоровичъ произведенъ въ полковники, а въ августѣ того же года назначенъ управляющимъ канцеляріею инспекторскаго департамента военнаго министерства; спустя годъ графъ получилъ должность вице-директора того же департамента и занималъ эту должность болѣе десяти лѣтъ. Въ 1858 году графъ удостоился Высочайшей милости, будучи назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству съ оставленіемъ въ прежней должности. Въ апрѣлѣ 1860 года графъ Сиверсъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ въ составъ свиты Его Величества, причемъ ему пришлось работать въ коммиссіи, учрежденной для разсмотрѣнія вопроса о доказательствахъ на почетные титулы. Черезъ два года съ небольшимъ графъ получилъ новое назначеніе — состоять членомъ комитета для улучшенія военно-медицинской администраціи. Въ ноябрѣ того же, 1862 года мы, кромѣ того, видимъ его предсѣдателемъ коммиссіи для разсмотрѣнія проекта положенія о военныхъ училищахъ для вольноопредѣляющихся. Въ августѣ 1866 года графъ Сиверсъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ томъ же году графъ былъ назначенъ на постъ президента с.-петербургской евангелической консисторіи, а также членомъ коммиссіи для измѣненія устава медико-хирургической академіи. Въ маѣ 1867 года послѣдовало назначеніе графа Евгенія Егоровича членомъ главнаго военно-госпитальнаго комитета, въ сентябрѣ — членомъ главнаго военнаго суда, а въ ноябрѣ слѣдующаго, 1868 года, состоялся переводъ графа въ военно-судебное вѣдомство. Въ маѣ 1883 г. графъ произведенъ въ генералъ-отъ-инфантеріи и занялъ постъ предсѣдателя главнаго военно-санитарнаго комитета, и наконецъ въ іюлѣ назначенъ членомъ военнаго совѣта, съ оставленіемъ въ занимаемыхъ имъ должностяхъ. За свою весьма полезную дѣятельность графъ неоднократно удостоивался Монаршихъ благоволеній и наградъ и имѣлъ изъ высшихъ орденовъ св. Владиміра I-й степени и бриллiантовые знаки ордена св. Александра Невскаго.

Закладка памятника Императору Александру II въ Кремлѣ

Закладка памятника Царю-Освободителю въ московскомъ Кремлѣ на Царской площади состоялась 14-го мая, въ 11 часовъ утра, при необычайно торжественной обстановкѣ. Съ девяти часовъ утра сталъ стекаться народъ въ Кремль и на Софійскую набережную, откуда открывался роскошный видъ на мѣсто закладки. Всѣ ярусы колокольни Ивана Великаго были усыпаны народомъ, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившимъ за каждымъ мгновеніемъ торжественной церемоніи. Для участія въ торжествѣ къ девяти часамъ утра къ мѣсту закладки прибыли войска и были построены отъ входныхъ воротъ лентой кругомъ мѣста памятника, правымъ флангомъ къ Чудову монастырю.

Взводъ дворцовыхъ гренадеръ былъ помѣщенъ у самаго мѣста закладки памятника съ южной стороны, а взводъ кадетъ съ восточной. Воспитанники юнкерскихъ училищъ занимали мѣста внизу близь церкви свв. Константина и Елены. Неподалеку отъ нихъ были выстроены воспитанники Константиновскаго межеваго института. Кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ какъ по насыпи, такъ и на горѣ находились группы воспитанниковъ разныхъ учебныхъ заведеній: тутъ были студенты университета, гимназисты и воспитанники другихъ учебныхъ заведеній.

Заборъ, окружающій мѣсто постройки памятника, былъ украшенъ національными флагами, а всѣ постройки внутри его расцвѣтились Императорскими. На мѣстѣ закладки былъ устроенъ помостъ, а надъ нимъ большой изящный шатеръ изъ краснаго сукна, отдѣланнаго позументомъ съ такими же кистями. По крышѣ шатра, съ четырехъ сторонъ, были помѣщены государственные гербы изъ золотаго глазета. Надъ шатромъ возвышалась золоченая корона въ ореолѣ. Съ трехъ сторонъ шатеръ окружался барьеромъ, также затянутымъ краснымъ сукномъ. Сверху, съ площади, къ помосту спускалась пологая и широкая лѣстница, устланная краснымъ сукномъ. По обѣимъ сторонамъ ея были устроены мѣста для приглашенныхъ лицъ. Со стороны кремлевской набережной были устроены также мѣста для публики и рабочихъ, производящихъ постройку памятника. На восточной сторонѣ помоста возвышалась аршина на полтора отъ пола гранитная отполированная глыба съ углубленіемъ; за нею у самаго барьера были помѣщены привезенные иконы Спаса Нерукотвореннаго и Иверскія Божіей Матери. Все это было залито яркимъ блескомъ майскаго солнца. Въ началѣ одиннадцатаго часа изъ Большаго Успенскаго собора тронулся крестный ходъ къ мѣсту закладки, имѣя во главѣ управляющаго московскою епархіей преосвященнаго Александра, епископа дмитровскаго. По прибытіи къ мѣсту закладки представителей различныхъ учрежденій столицы и другихъ лицъ, а затѣмъ Августѣйшихъ особъ, звонъ съ колокольни Ивана Великаго возвѣстилъ о выѣздѣ Ихъ Императорскихъ Величествъ изъ кремлевскаго дворца. Когда Ихъ Величества прибыли вмѣстѣ съ прочими членами Августѣйшей Семьи и въ сопровожденіи генералитета и блестящей свиты, направились къ мѣсту закладки, спустя нѣсколько минутъ началось молебствіе. Въ концѣ молебствія состоялась закладка памятника. Ихъ Величествамъ, а также Августѣйшимъ Особамъ членомъ строительнаго комитета И. А. Ляминымъ, совмѣстно съ членомъ того же комитета Ю. Ю. Рафальскимъ были поднесены на серебряно-вызолоченномъ блюдѣ монеты: золотыя, серебряныя и мѣдныя, чеканки 1893 года, отъ ¼ копѣйки до золотаго имперiала включительно. Для каждаго Августѣйшаго лица было приготовлено до 15 монетъ, которыя лежали на тарелкѣ въ особо устроенномъ для этой цѣли углубленіи. Государь Императоръ и Государыня Императрица изволили положить монеты въ углубленіе гранитной глыбы, а затѣмъ Наслѣдникъ Цесаревичъ и всѣ Августѣйшія Особы, а также члены комитета. Затѣмъ это углубленіе было закрыто мраморною доской и на послѣднюю положена была бронзовая доска со слѣдующею надписью:

„Въ лѣто отъ рожденія Бога Слова 1893 мая 14 дня при державѣ Благовѣрнѣйшаго Самодержавнѣйшаго Великаго Государя нашего Императора Александра Александровича всея Россіи, при Супругѣ Его Благочестивѣйшей Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, при Наслѣдникѣ Его Благовѣрномъ Государѣ Цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ и при Благовѣрномъ Государѣ Великомъ Князѣ Сергѣѣ Александровичѣ Генералъ-Губернаторѣ Московскомъ, заложенъ сей памятникъ почившему въ Бозѣ въ лѣто 1881-е марта первый день Великому Государю нашему Императору Александру Николаевичу всея Россіи, созидаемый доброхотнымъ иждивеніемъ Русскаго народа въ Кремлѣ Московскомъ по чертежамъ и подъ наблюденіемъ художника Павла Жуковскаго и зодчаго Николая Султанова“.

Торжественный звонъ колоколовъ возобновился. Государю Императору былъ поданъ В. П. Жуковскимъ на серебряной тарелкѣ приготовленный камень въ видѣ небольшой плитки изъ сибирскаго кварцита съ золотою надписью. Какъ только Его Величество опустилъ его въ углубленіе, раздалась салютаціонная пальба 101 выстрѣломъ. Затѣмъ точно такой же камень былъ положенъ Государыней Императрицей. Для остальныхъ Августѣйшихъ Особъ были приготовлены точно такой же формы камни изъ мрамора. Послѣ Августѣйшихъ Особъ положены были камни преосвященнымъ Александромъ, епископомъ Дмитровскимъ, и членами строительнаго комитета. Мѣсто закладки было окроплено св. водой. Послѣ этого продолжалось молебствіе. При возглашеніи *вѣчной памяти* Царю-Освободителю императору Александру II, Ихъ Величества, всѣ Августѣйшія Особы и присутствующія лица преклонили колѣна. Далѣе было возглашено многолѣтіе Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Наслѣднику Цесаревичу и всему Царствующему Дому. При громкихъ кликахъ народа и торжественномъ колокольномъ звонѣ Ихъ Величества приложились ко кресту, затѣмъ осматривали модель памятника, матеріалы для постройки и проч. Начался церемоніальный маршъ войскъ, послѣ котораго Ихъ Величества отбыли во дворецъ.

Некрологъ

Веймарнъ Платонъ Александровичъ, генералъ-лейтенантъ, чиновникъ для особыхъ порученій IV класса при военномъ министерствѣ, бывшій управляющій особою канцеляріею для пріема просителей и разбора просьбъ подаваемыхъ военному министру, авторъ нѣсколькихъ военныхъ статей, † въ Спб. 18-го мая, 59 лѣтъ.

Гаттенбергеръ Константинъ Константиновичъ, ординарный профессоръ Императорскаго харьковскаго университета по каѳедрѣ полицейскаго права, авторъ диссертаціи „Законодательство и биржевыя спекуляціи“ и многихъ другихъ юридическихъ работъ, † въ Харьковѣ 18-го мая, 48 лѣтъ.

Гротъ Яковъ Карловичъ, д. тайн. сов., академикъ, вице-президентъ Императорской академіи наукъ, знаменитый филологъ, знатокъ скандинавской литературы, замѣчательный лингвистъ, † въ Спб., 24-го мая, 81 года.

Евстафьевъ Николай Михайловичъ, чиновникъ особыхъ порученій при сувалковскомъ губернаторѣ, провинціальный литераторъ, † въ Сувалкахъ 2-го мая. Онъ воспитывался въ Межевомъ Константиновскомъ институтѣ, служилъ въ варшавскомъ статистическомъ комитетѣ и въ сувалковскомъ, а въ концѣ 80-хъ годовъ былъ учителемъ въ одной изъ варшавскихъ гимназій. Сотрудничать въ разныхъ столичныхъ изданіяхъ началъ еще въ семидесятыхъ годахъ; былъ одно время корреспондентомъ газеты „Русское Дѣло“, затѣмъ ближайшимъ сотрудникомъ „Варшавскаго Дневника“ по экономическимъ вопросамъ; въ 1889—1890 гг. помѣщено много передовыхъ статей его въ этомъ изданіи по разнымъ вопросамъ, въ томъ числѣ по еврейскому за подписью *Плакидовъ*. Въ 1892 г. онъ издалъ разсказъ изъ народнаго быта „Кладъ“ подъ псевдонимомъ *Невьевъ*.

Каменевъ Владиміръ Павловичъ, тайн. сов., пользовавшійся широкой извѣстностью въ столицѣ и провинціи въ качествѣ служившаго по вѣдомству министерства Императорскаго Двора, сопровождавшій Императора Александра II въ путешествіяхъ за границу и по Россіи въ 1856—1859 гг., участвовавшій во всевозможныхъ коммиссіяхъ и замѣчательный благотворитель, † въ Спб. 23-го мая, 65 лѣтъ.

Львовъ Павелъ Николаевичъ, протоіерей, бывшій настоятель адмиралтейскаго собора и благочинный с.-петербургскихъ и новгородскихъ церквей армейскаго вѣдомства, авторъ нѣсколькихъ статей религіознаго содержанія, † въ Спб. 4-го мая, 85 лѣтъ. Протоіереи Львовъ прослужилъ болѣе полувѣка въ священномъ санѣ, участвовалъ въ кампаніяхъ 1848 и 1853—1856 годовъ и за отличія имѣлъ ордена св. Анны съ короною, св. Владиміра и два наперстныхъ креста, украшенныхъ драгоцѣнными камнями.

Мазіусъ Германъ, д-ръ, надворный совѣтникъ, ординарный профессоръ педагогики и дидактики лейпцигскаго университета, одинъ изъ первыхъ руководителей основанной въ 1866 г. педагогической семинаріи, соредакторъ изданія „Neuen Jahrbücher für Philologie und Pädagogik“, авторъ многихъ книгъ по естествовѣдѣнію и проч., † въ Лейпцигѣ, 10 (22) мая, 75 лѣтъ. На русскій языкъ переведены два его сочиненія: „Картины растительности“ (Спб. 1861) и „Начальныя основанія физіологіи“ (Спб. 1865).

Маркъ, архимандритъ, намѣстникъ кіево-печерской Успенской лавры, бывшій намѣстникъ Чудова и затѣмъ Покровскаго миссіонерскаго монастырей, † въ Кіевѣ 22-го февраля, 63 лѣтъ.

Невѣровъ Януарій Михайловичъ, тайный совѣтникъ, членъ совѣта министерства народнаго просвѣщенія, бывшій болѣе 15 лѣтъ попечителемъ кавказскаго учебнаго округа, писатель, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ и видныхъ членовъ кружка Н. В. Станкевича, † въ Спб. 24-го мая, 83 лѣтъ.

Раковскій Александръ Константиновичъ, одинъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ юго-западнаго края, игравшій видную роль среди кіевскихъ сахарозаводчиковъ, членъ правленія акціонернаго общества кіевскаго сахаро-рафинаднаго завода, † въ Кіевѣ 10-го мая.

Шенбергъ-Шафгаузенъ-экъ Шауфусъ Дмитрій Николаевичъ, генералъ-маіоръ, бывшій начальникъ штаба 10-го армейскаго корпуса, † въ Ялтѣ 24-го февраля.

Промышленность

— Лѣсная операція въ 1892 году. Въ навигацію 1892 года изъ Кронштадтскаго порта отправлено заграницу разныхъ сортовъ лѣса, какъ-то: досокъ, баттенсовъ, бордсъ и диленсъ — 1.289.219 дюжинъ, приблизительно на сумму 6.000.000 рублей. Всѣхъ лѣсопромышленниковъ и отправителей насчитывалось около 40. Вся лѣсная операція по сдачѣ досокъ на пароходы и корабли дала валоваго дохода Кронштадту около 400.000 рублей.

Исторія, археологія, нумизматика

— Археологическія находки. Въ 15-ти верстахъ отъ Кіева, на Днѣпрѣ, близъ села Староселья, въ древности находился дворецъ блаженныя княгини Ольги. Въ лѣтописи Сваромской Ильинской церкви говорится, что гористая мѣстность Староселья, съ перерѣзанными рвами, явно напоминаетъ древнее укрѣпленіе дотатарской Руси. Въ этой мѣстности находятъ нынѣ древніе кирпичи, разныя вещи и клады. Одинъ изъ недавно найденныхъ кладовъ состоялъ изъ сундука съ церковными цѣнными металлическими вещами, какъ-то: чашами, евангеліями, крестами и т. п. Въ народѣ существуетъ преданіе о томъ, что въ мѣстности, занимаемой теперь селомъ Староосельемъ, нѣкогда существовало село Ольжичи. По преданію, черезъ Староселье проходила, такъ называемая, „царская“ дорога къ Вышгороду и Кіеву. Старики и до сегодня показываютъ въ Староселѣ мѣсто, гдѣ находилась въ древности „криница“, изъ которой вода била фонтаномъ и славилась на всю окрестность, такъ что сюда за водою присылали даже вышгородскіе князья. „Криница“ въ народномъ преданіи связывается съ именемъ святой и равноапостольной княгини Ольги. Теперь на мѣстѣ древней „криницы“ замѣтно только небольшое углубленіе. Мѣстность возлѣ „криницы“ на большомъ протяженіи покрыта кустами щебня, которые особенно бываютъ видны послѣ весеннихъ половодій, и называется „садомъ“, такъ какъ и теперь покрыта деревьями. Относительно этого мѣста въ народѣ существуетъ преданіе, что здѣсь любила гулять св. Ольга и наѣзжавшіе сюда кіевскіе и вышгородскіе князья.

Географія, этнографія

— Старинный свадебный обрядъ въ Швейцаріи. Въ кантонѣ Тессино, въ Швейцаріи, до сихъ поръ сохранился своеобразный обрядъ отыскиванія женихомъ невѣсты въ день бракосочетанія. Облеченный въ праздничныя одежды, въ сопровожденіи родственниковъ и друзей, женихъ направляется къ дому невѣсты. Дверь оказывается запертою, и женихъ проситъ, чтобы его впустили; прежде чѣмъ отворить дверь, кто нибудь изъ домашнихъ нѣсколько разъ спрашиваетъ: кто пришелъ? Въ отвѣтъ на это женихъ проситъ руки избранной имъ дѣвушки, и если родители невѣсты не раздумали почему либо выдать свою дочь за него замужъ, то жениху отворяютъ дверь. Тогда онъ по очереди подходитъ къ толпѣ уже заранѣе собранныхъ женщинъ, большею частью пожилыхъ и некрасивыхъ, изъ которыхъ ему предлагаютъ выбрать невѣсту. Женихъ отказывается, и его подводятъ послѣ этого къ громадной, въ ростъ человѣка, куклѣ, которую онъ съ досадою отталкиваетъ, при общемъ смѣхѣ и шуткахъ. Послѣ весьма продолжительнаго испытанія, сопряженнаго съ разными обрядностями, жениху объявляютъ, что невѣста спрятана. Начинаются поиски по всему дому, пока женихъ не найдетъ тщательно спрятанную невѣсту, которая оказывается уже одѣтою въ вѣнчальное платье.

Театръ и музыка

— Новая частная русская опера уже организуется въ Петербургѣ для будущаго сезона. Во главѣ стоятъ капельмейстеры С. М. Безносиковъ и Д. В. Дудышкинъ. Спектакли будутъ даваться въ залѣ Кононова, съ владѣльцемъ котораго уже заключенъ контрактъ съ 1-го августа по 1-е мая. Также заключены контракты съ нѣкоторыми провинціальными артистами. Антреприза намѣрена ставить преимущественно русскія оперы, которыя не идутъ на казенной сценѣ. Впрочемъ, въ репертуаръ войдутъ и иностранныя оперы.

— Составленъ репертуаръ Маріинскаго театра на будущій годъ. Русскія оперныя представленія будутъ даваться только въ Маріинскомъ театрѣ, причемъ, въ видѣ опыта, предполагается дать нѣсколько спектаклей на итальянскомъ языкѣ по субботамъ, съ участіемъ хора русской оперы и русскихъ пѣвцовъ во второстепенныхъ партіяхъ. Главныя партіи будутъ исполняться приглашенными на гастроли г-жею Мельба и братьями Решке, а также нашими артистами г-жею Фигнеръ и г-жею и г. Пиккалуга. Въ составъ труппы принятъ еще и баритонъ г. Гончаровъ, подписавшій контрактъ на этихъ дняхъ. Такимъ образомъ, вновь принято трое артистовъ и уволено изъ состава труппы трое. Въ личномъ составѣ администраціи перемѣнъ никакихъ не произошло.

СОДЕРЖАНІЕ НУМЕРА

Текстъ.

Рисунки.

За редактора **Э. Д. Гоппе.**
Издательница **А. П. Гоппе.**

ШАХМАТЫ

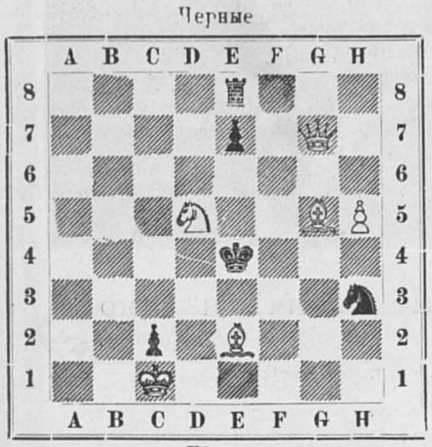
под редакціей **А. П. Шишкина**

ЗАДАЧА № 1573

B. Frohman

Изъ „Svêtozor'a“

Черные



Бѣлые

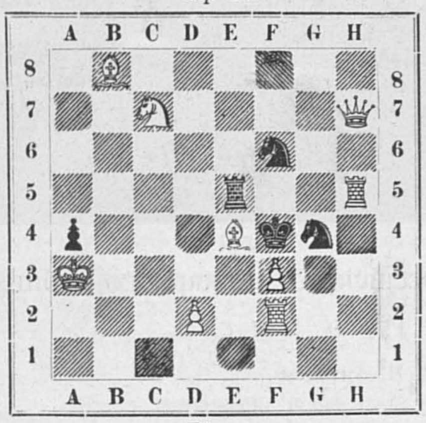
Матъ въ 3 хода.

ЗАДАЧА № 1574

М. А. Апосова

Изъ „Шахматнаго Обозрѣнія“.

Черные



Бѣлые

Матъ въ 2 хода.

ПАРТІЯ № 1039

Третья партія матча; играна въ Нью-Іоркѣ въ апрѣлѣ 1893 г.

Французская партія

	А. Вальбродтъ Бѣлые	Е. Дельмаръ Черные
1.	e2—e4	e7—e6
2.	d2—d4	d7—d5
3.	К b1—c3	К g8—f6
4.	С c1—g5	С f8—e7
5.	С g5 : f6	С e7 : f6
6.	e4—e5	С f6—e7
7.	f2—f4	c7—c5
8.	d4 : c5	С e7 : c5
9.	К g1—e2	С c8—d7
10.	Ф e1—g3*a*)	g7—g6
11.	К e2—c1	К b8—c6
12.	К c1—b3	С c5—e7
13.	С f1—d3	a7—a6
14.	Л h1—f1	Ф d8—c7
15.	Ф g3—f2	0—0—0
16.	a2—a3	Кр c8—b8
17.	Кр d1—c1	К c6—a5
18.	К b3—d2	С e7—c5
19.	Ф f2—g3	С c5—d4
20.	К c3—d1	С d7—a4
21.	c2—c3	Л d8—c8
22.	С d3—c2	С a4 : c2
23.	Кр c1 : c2	g6—g5
24.	Ф g3—d3	С d4—a7
25.	Л a1—c1	g5 : f4
26.	Л f1 : f4	К a5—c4
27.	К d2 : c4	d5 : c4
28.	Ф d3—e2	Л h8—d8*b*)
29.	К d1—f2	Л d8—d5
30.	К f2—g4	Л c8—d8*c*)
31.	Ф e2 : c4	Ф c7 : c4
32.	Л f4 : c4	h7—h5
33.	К g4—h6	Л d5 : e5
34.	К h6 : f7	Л e5—e2†
35.	Кр c2—b3	Л d8—d2
36.	Л c1—b1	e6—e5
37.	Л c4—h4	e5—e4
38.	Л h4 : h5	Л e2 : g2
39.	Л h5—e5	e4—e3
40.	h2—h4	e3—e2
41.	Л b1—e1	С a7—b6
42.	h4—h5	Кр b8—a7?
43.	h5—h6	С b6—c7
44.	Л e5—e7	С c7—g3
45.	h6—h7	С g3 : e1
46.	h7—h8Ф	С e1—g3
47.	Ф h8—h1	e2—e1Ф
48.	Л e7 : e1	Л d2 : b2†
49.	Кр b3—c4	b7—b5†
50.	Кр c4—d5	Л b2—d2†
51.	Кр d5—c6	С g3 : e1
52.	Ф h1 : e1	Л d2—e2
53.	Ф e1—h4	Л g2—g6†
54.	К f7—d6	Л e2—d2
55.	Ф h4—e7†	Черные сдались.

Примѣчанія къ партіи.

a) Вальбродтъ началъ эту партію, не обративъ вниманія на то, что у него король стоитъ на d1, а ферзь на мѣстѣ короля: онъ замѣтитъ это только на предыдущемъ ходѣ. Такъ какъ было сдѣлано уже 9 ходовъ, то Дельмаръ потребовалъ, чтобы партія продолжалась безъ перестановки у бѣлыхъ короля и ферзя.

b) Вѣроятно, нѣсколько лучше было бы предварительно 28... f7—f5, тѣмъ болѣе, что бѣлые, очевидно не могутъ брать этой пѣшки en passant.

c) На 30... h7—h5 послѣдовало бы 31. К g4—f6 и черные не могутъ брать пѣшки e5 : 31... Л d5 : e5; 32. Ф e2 : e5, Ф c7 : e5; 33. К f6—d7† и 34. К d7 : e5.

Матчъ А. Вальбродта съ Е. Дельмаромъ окончился побѣдой перваго, выигравшаго 5 партій и проигравшаго три при двухъ ничьихъ. Такъ какъ въ последней (10-й) партіи матча Дельмаръ, имѣя преимущество въ положеніи, упустилъ выигрышъ, чѣмъ могъ бы сравнять количество выигранныхъ партій, то онъ остался неудовлетвореннымъ относительно исхода матча и вслѣдствіе этого вызвалъ Вальбродта на другой матчъ изъ трехъ партій со ставкою въ 100 долларовъ, который и начнется, вѣроятно, тотчасъ же по возвращеніи въ Нью-Іоркъ Вальбродта, уѣхавшаго по приглашенію въ Чикаго.

РѢШЕНІЯ ЗАДАЧЪ въ №№ 1258, 1259, 1260 и 1261.

1551 *K. Musil* 1. К f8—h7, Кр f4—e5; 2. Ф g6—g7† и 3. Ф g7—c7×. (*Вар. a*) 1... d5—d4; 2. Ф g6—g2 и 3. Ф g2—h2× или 3. f3—f4×. (*Вар. b*) 1... ∞; 2. Ф g6—g1 и 3. Ф g1—h2 или e3×.

1552. Девизъ: „*Vivat!*“. 1. Л e3—e5 (угрожая 2. Л e5—f5×) и если 1... Кр f4 : e5 или 1... С d4 : e5, то 2. Ф b2—b8 или : d2×, если же 1... С d4 : f2, то 2. К g3—h5×.

1553. *A. F. Mackenzie.* 1. С g6—h7, Л c1 : b1; 2. Л c3—c7 и 3. Л c7—g7×. (*Вар. a*) 1... Л c1 : d1; 2. Ф b1 : d1 и 3. Ф d1 : e2 или d4×. (*Вар. b*) 1... Л e2—e1 или f2; 2. К d1—f2† и 3. Л c3—g3×. (*Вар. c*) 1... Л e2 ∞: 2. К d1 : e3† и 3. Ф b1—d4×. (*Вар. d*) 1... b5—b4; 2 Л c3—c1† и 3 Ф b —e4×. (*Вар. e*) 1... a4—a3 или 1... b3—b2; 2. Ф b1 : b3 или—a2 и 3. Ф b3 или a2—g8×.

1554 *G. Wallcoff*. 1. Ф f2—b2 и если 1... Кр e5—d4 или f6†, то 2. Л c3—g3 или c7×, если же 1... e1—e3, то 2. Л c3—c4×. Въ остальныхъ случаяхъ 2. Л c3—f3×.

1555 *O. Fuss*. 1. Ф c1—b2 (угрожая 2. Ф b2 : d4† и 3. Ф d4—e4, d7 или e5×), Кр d5 : c4; 2. Ф b2—c2† и 3. К e8—c7× или 3. С f4—d6×. (*Вар. a*) 1... Кр d5—e4; 2. Ф b2 : d4† и 3. Ф d4—d1 или d7×. (*Вар. b*) 1... Кр d5—e6; 2. Ф b2—b5 и 3. Ф b5—d7× или 3. Л c4—c6×. (*Вар c*) 1... С a2 : c4; 2. Ф b2—b7† и 3 Ф b7—d7×. (*Вар. d*) 1... Л h4 : f4; 2. Л c4—c5† и 3. Ф b2—b5, e2 или : a2×.

1556. *Hosey Davis*. 1. Л e5—e3 и если 1... Кр d4 : e3, то 2. Ф c7 : f4×; если 1... С c4—d3 или ∞; то 2. Л e3 : d3× или 2. Ф c7—c3×; если 1... К b7—c5 или: ∞, то 2. Ф c7—e5 или b6×; если 1... f4—f3, : g3 или : e3, то 2. К e1—f3× или 2. С h6—g7×; если же 1... b3—b2 или 1... g6—g5, то 2. К e1—c2× или 2. К g3—f5×.

1557. *G. Chocholous*. 1. К c5—d3, К g8—f6; 2. К d3—f4† и 3. Ф b6—c7×. (*Вар. a*) 1... С g2—h3 или f1; 2. Ф b6—c5† и 3. Ф c5—c6×. (*Вар. b*) 1... С g2—e4: 2. С g6—f7† и 3. С f7 : e6×. Въ остальныхъ случаяхъ 2. С g6—f5 и 3. Ф b6—e6× или (если 1... С g1—h2 и 2... С h2—d6) 3. Ф b6—b7×.

1558. *A. Munk*. 1. К b5—d4, Кр c5 : d4; 2. f2—f3×. Если 1... Ф c4, С g6 или К a8 ∞, то 2. Ф b8—b4 или b6×, если 1... К e7—c6, d5 или ∞. то 2. К d4—e6×, 2. К f4—e6× или 2. Ф b8—e5×; если же 1... Л f7 ∞, то 2. Л c1 : c4×.

ШАШКИ

ЗАДАЧА № 43

Н. П. Смирнова (въ Москвѣ)

Черные

Бѣлые

Запереть дамку и простую.

ЗАДАЧА № 44

Е. Ѳ. Андрезена (въ СПБ.)

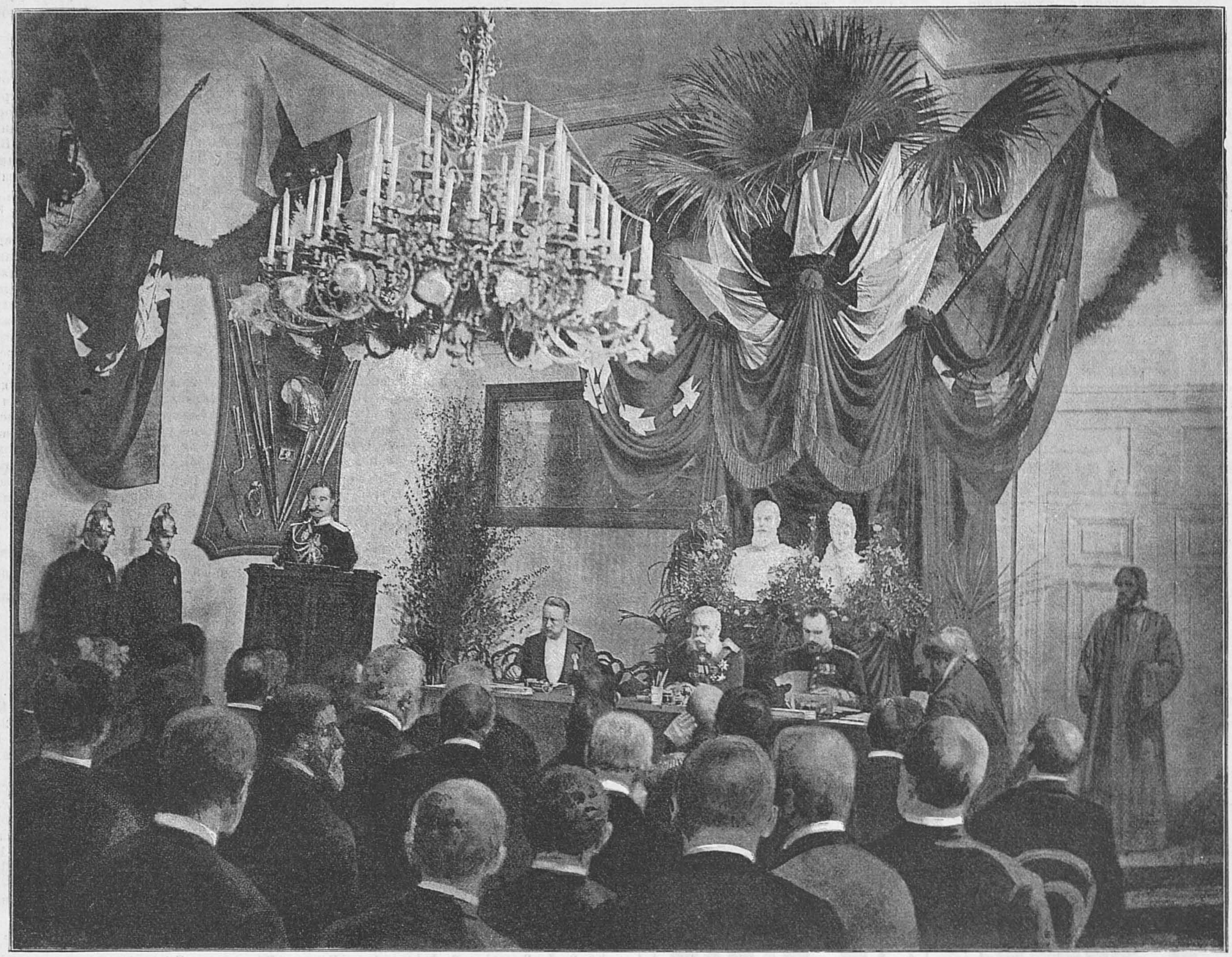
Черные

Бѣлые

Запереть дамку.

Надъ нѣкоторыми задачами Н. П. Смирнова, помѣщенными во „Всем. Илл.“, было ошибочно напечатано Н. И. вмѣсто Н. П. Чтобы впредь не повторялось подобныхъ случаевъ, покорнѣйше просимъ лицъ, присылающихъ какъ рѣшенія задачъ, такъ и свои задачи для напечатанія, писать свои фамиліи насколько возможно разборчивѣе.

Всю корреспонденцію по шахматному и шашечному отдѣламъ просимъ адресовать въ редакцію журнала „Всемірная Иллюстрація“: Петербургъ, Садовая ул., 22.



С.-Петербургъ. — Открытіе новаго »Соединеннаго россійскаго пожарнаго общества« въ имѣніи графа А. Д. Шереметева, 17-го мая с. г.

Съ фотографіи И. Н. Антонова.

Открытіе „Соединеннаго россійскаго пожарнаго общества" въ Ульянкѣ

Пожарное дѣло отнынѣ вступило въ новую эру своей дѣятельности. Частныя пожарныя общества и команды (изъ добровольцевъ) соединились воедино для борьбы съ грозной огненной стихіей, образовавъ одно „Соединенное россійское пожарное общество", девизъ котораго—„Богу хвала, Государю слава, ближнему защита" и значится на знамени общества (изображеніе знамени отлагается до слѣдующаго нумера). 17-го мая въ Ульянкѣ, имѣніи перваго предсѣдателя новаго общества, графа А. Д. Шереметева, происходило торжественное открытіе общества. На торжествѣ, среди массы приглашенныхъ гостей, присутствовали: товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ генералъ-лейтенантъ Н. И. Шебеко, с.-петербургскій губернаторъ графъ С. А. Толь, директоръ департамента полиціи генералъ-лейтенантъ Н. П. Петровъ, товарищъ предсѣдателя Императорскаго русскаго техническаго общества профессоръ Н. Ф. Эгерштромъ, с.-петербургскій брандъмайоръ полковникъ Паскинъ, князь А. Д. Львовъ и другіе.

Въ 1 ч. 15 минутъ, со спеціальнымъ поѣздомъ, по балтійской желѣзной дорогѣ, на ст. „Лигово" прибыли приглашенные гости, гдѣ ихъ уже ожидали графскіе экипажи, запряженные тройками. Гостей принималъ самъ радушный хозяинъ — графъ Шереметевъ. Благодаря прекрасной солнечной погодѣ, Ульянка имѣла великолѣпный видъ. Гости собрались въ главной залѣ графскаго дома, декорированной тропическими растеніями, флагами, знаменами и разнообразными эмблемами пожарнаго дѣла. Впереди, на видномъ мѣстѣ, среди розъ, красовались мраморные бюсты Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы.

Торжество началось молебствіемъ.

Вслѣдъ затѣмъ состоялось первое торжественное засѣданіе членовъ новаго общества подъ предсѣдательствомъ генералъ-лейтенанта Н. И. Шебеко. Въ засѣданіи говорились рѣчи, и затѣмъ къ эстрадѣ приблизилась депутація отъ Императорскаго русскаго техническаго общества съ генералъ-лейтенантомъ Н. Ѳ. Эгерштромомъ во главѣ, который прочелъ графу А. Д. Шереметеву адресъ и въ заключеніе поднесъ труды пожарнаго съѣзда, бывшаго въ прошломъ году въ Петербургѣ. Мѣстные крестьяне, во главѣ съ мѣстнымъ батюшкой, поднесли графу хлѣбъ-соль на дубовомъ рѣзномъ блюдѣ съ серебряной солонкой. С.-Петербургскій полицмейстеръ, полковникъ Есиповъ, передалъ добропожеланія новому обществу отъ с.-петербургскаго градоначальника. Затѣмъ представлялись депутаціи отъ многихъ иногородныхъ добровольныхъ пожарныхъ командъ; привѣтственныя телеграммы были получены со всѣхъ концовъ Россіи. Когда телеграммы были прочитаны, раздались звуки пожарнаго оркестра: „Коль славенъ". Въ это время въ залу засѣданія было внесено роскошное знамя новаго общества съ золоченымъ древкомъ; знамя это принесъ въ даръ обществу графъ Шереметевъ. Послѣ засѣданія гостямъ былъ предложенъ роскошный завтракъ, вслѣдъ за которымъ былъ произведенъ генеральный смотръ пожарной командѣ графа Шереметева.

Бодё на Лофоденскихъ островахъ, въ Норвегіи

Л. Ф. Лагоріо — одинъ изъ старѣйшихъ и, надо прибавить, талантливѣйшихъ нашихъ маринистовъ. Изслѣдуя сѣверныя моря съ художественными цѣлями, г. Лагоріо въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ путешествовалъ по Финляндіи, Швеціи и Норвегіи и вывезъ изъ этого путешествія прекрасныя коллекціи акварелей и картинъ масляными красками, какъ это мы могли убѣдиться нынѣшней зимой на устроенной имъ выставкѣ въ залахъ общества поощренія художниковъ. По разнообразію мѣстностей, изъ которыхъ эти картины взяты, можно приблизительно судить о томъ, какъ серьезно относился г. Лагоріо къ своей художественной дѣятельности и какъ тщательно и добросовѣстно работалъ во время своего путешествія. Одна изъ этихъ картинъ — „Бодё на Лофоденскихъ островахъ, въ Норвегіи"—находилась между прочимъ и на академической выставкѣ нынѣшняго года. Картина эта даетъ прекраснѣйшее представленіе не только о первоклассномъ талантѣ г. Лагоріо, но и о его художественныхъ пріемахъ. Едва ли еще найдется другой маринистъ, который бы такъ хорошо изучилъ сѣверную морскую природу, какъ г. Лагоріо. Этотъ пейзажъ необходимо внимательно разсмотрѣть, чтобы убѣдиться — до какой степени совершенства тончайшихъ переливовъ свѣта, гармоніи красокъ, прелести рисунка можетъ дойти морской пейзажъ подъ кистью такого художника, какъ г. Лагоріо. Нашъ талантливый маринистъ никогда не гонится за красочными эффектами, избѣгаетъ яркихъ освѣщеній, необычайныхъ или рѣдко являющихся переливовъ свѣта и тѣни. Въ его произведеніяхъ нѣжные, едва замѣтные оттѣнки цвѣта сливаются съ очаровательною гармоніей и какъ бы охватываютъ васъ нѣжной, отчасти грустной, но почти всегда грандіозной сѣверной поэзіей. Таковъ именно талантъ г. Лагоріо—трезвый, ищущій не сильныхъ эффектовъ, но сильно чувствующій гармонію въ колоритѣ, изучившій до мельчайшихъ подробностей воздушную перспективу и какъ бы отражающій на существенныхъ свойствахъ своихъ—свойства и характерныя особенности сѣверной природы. Болѣе всего удаются г. Лагоріо особенности освѣщенія на дальнемъ сѣверѣ. Г. Лагоріо не даромъ прибавилъ къ названію своей картины: „въ Норвегіи на 68° сѣверной широты, въ 11 часовъ вечера". И дѣйствительно въ этомъ ночномъ освѣщеніи, напоминающемъ освѣщеніе днемъ въ сѣренькую погоду умѣреннаго климата, — въ этомъ освѣщеніи вся прелесть картины. Этотъ „разсѣянный" свѣтъ, разливающійся ровно, безъ опредѣленныхъ оттѣнковъ по небу и водѣ, придаетъ особенную поэзію картинѣ, поэзію, которую можно встрѣтить только на дальнемъ сѣверѣ.

В. Ч.

Дозв. цензурою. СПб. 27-го мая 1893 г. Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

ДАМСКІЯ МОДЫ »КОНЦА ВѢКА«.

Самая практическая шляпа.

Въ дождь.

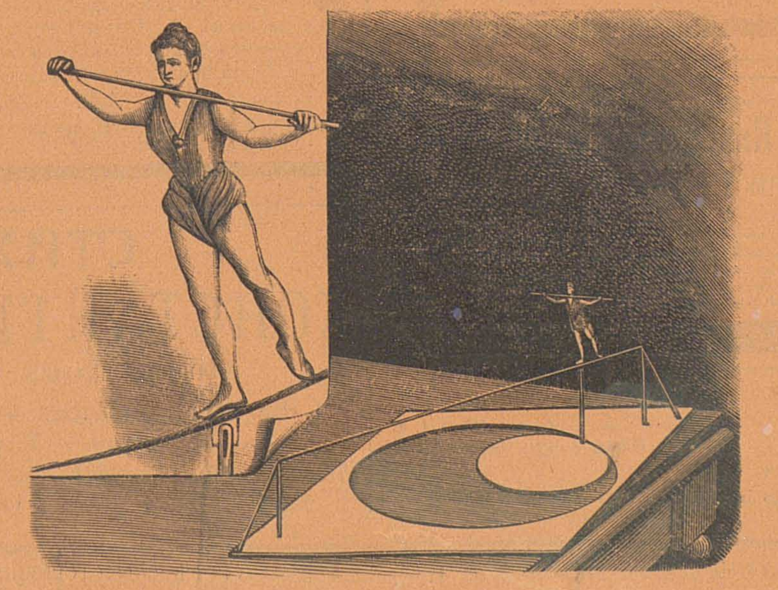
Въ солнечный день.

Въ театрѣ.

Акробатка

Преобразованіе круговаго движенія въ прямолинейное и обратно, такъ часто примѣняемое въ практической механикѣ, послужило основаніемъ для слѣдующей весьма забавной игрушки.

Возьмите корешокъ какой нибудь тетради и вырѣжьте въ немъ кругъ какъ можно правильнѣе. Вынувъ полученный такимъ образомъ дискъ, проведите по немъ радіусъ, раздѣлите его пополамъ, примите точку дѣленія за центръ, опишите кругъ и вырѣжьте его. Въ результатѣ получится дискъ, діаметръ котораго на половину меньше діаметра круга, вырѣзаннаго въ картонѣ. Теперь найдите діаметръ этого круга и, отыскавъ точки его сѣченія съ окружностью, по направленію этого діаметра воткните съ каждой стороны по иголкѣ; сквозь ушко иголокъ продѣньте нитку и закрѣпите ее съ обѣихъ концовъ. Получится подобіе акробатическаго каната. Теперь займитесь плясуньей: на самый край вашего диска воткните толстую иглу, а на ея головку посредствомъ воска, сургуча или шеллака прикрѣпите фигурку балерины; вотъ вамъ и танцорка на лицо. Если дискъ приставить къ внутреннему ободу круга такъ, чтобы плясунья стала у самаго каната (или, лучше, надъ нимъ), а затѣмъ вращать дискъ, ведя его вдоль обода, то плясунья не станетъ вальсировать, а чинно пройдется прямо по канату взадъ и впередъ; дойдя до полдороги, она обернется въ полоборота, а на самомъ концѣ каждый разъ станетъ лицомъ къ противоположному концу каната.



Магъ.

О перемѣнѣ адреса.

Въ виду многочисленныхъ запросовъ подписчиковъ „Всемірной Иллюстраціи" о количествѣ денегъ, слѣдующихъ съ нихъ за перемѣну адреса, главная контора редакціи этого журнала имѣетъ честь сообщить, что **за каждую перемѣну адреса взимается:**

За перемѣну адреса иногородняго на иногородный же — 28 коп. (можно посылать почтовыми марками).

За перемѣну адреса иногородняго на городской, т. е. при переѣздѣ въ С.-Петербургъ изъ провинціи и при желаніи получать журналъ съ доставкою на домъ, **взимается до 1 іюля 1 руб., послѣ 1 іюля 70 к.**

За перемѣну адреса городскаго на иногородный, т. е. при переѣздѣ изъ С.-Петербурга въ провинцію, **взимается до 1 іюля 2 р.; послѣ 1 іюля 1 р. 50 к.**

Плата за перемѣну адреса въ послѣднихъ двухъ случаяхъ взимается вслѣдствіе того, что городская и иногородная почты имѣютъ совершенно отдѣльныя управленія, и разъ уплаченныя за доставку или пересылку деньги уже не возвращаются.

Городскіе подписчики, переѣхавшіе изъ С.-Петербурга въ провинцію и заплатившіе за пересылку журнала, при возвращеніи обратно въ С.-Петербургъ за доставленіе журнала на домъ **вторично не платятъ.**

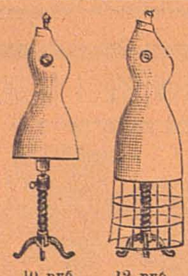
При перемѣнѣ адреса гг. иногородные подписчики благоволятъ увѣдомлять о томъ главную контору редакціи **немедленно и прилагать непремѣнно вмѣстѣ съ новымъ и старый печатный адресъ**, по которому получался журналъ прежде, **безъ чего перемѣна адреса сдѣлана быть не можетъ.**

Сообщенія о перемѣнѣ адреса просимъ адресовать: въ контору журнала „Всемірная Иллюстрація": С.-Петербургъ, Садовая, 22.

ТАБАКЪ

Kyriazi frères изъ Каиро
ВНОВЬ СВѢЖІЙ ПОЛУЧИЛЪ
БРУНО ВАЛЕНТИНИ: Екатерининскій каналъ, 18—27, 2-й подъѣздъ отъ Невскаго.

ПЕРВАЯ ВЪ КРАѢ ФАБРИКА



10 руб. 12 руб

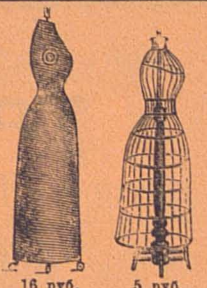
МАНЕКЕНОВЪ ПАРИЖСКИХЪ И ПРОВОЛОЧНЫХЪ ФИГУРЪ

для шитья платьевъ и кафтановъ, которые раздвигаются по мѣрѣ объема и роста,

Э. Хржановскаго

въ Варшавѣ: Бѣлянская ул., № 16.

Выдѣлываются также картонные и проволочные манекены, всякіе снаряды для пчеловодства, а равно изгородь для клумбъ, садовъ и звѣринцевъ.



16 руб. 5 руб.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ.

Фирма премирована на европейскихъ выставкахъ десятью золот. медалями и высшими знаками.

Косметическіе спермацетовые личные

УТИРАЛЬНИКИ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи спермацетовыхъ утиральниковъ кожа лица дѣлается чистою. Они удобное средство въ дорогѣ, гдѣ лицо особенно подвержено вліянію пыли и вѣтра. Ихъ удобно всегда имѣть при себѣ. Цѣна пачки 60 к., съ перес. не менѣе двухъ пач. 2 р., 4 пачки съ пер. 3 р. Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подпись **А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской косметической лабораторіи.** Получать можно въ высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская ул., № 12, и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи **А. Энглундъ:** С.-Петербургъ, Басейная ул., д. № 2.

1000 шт.

НА СКЛАДѢ

ЗАВОДОВЪ:
Ковентри Маш. Ко,
Зейдель и Науманъ,
Премьеръ
(HILLMAN HERBERT & COOPER).
РЕЛЛЕЙ,
ВИТВОРТЪ,
ТОУНЕНДЪ
И ПРОЧ.

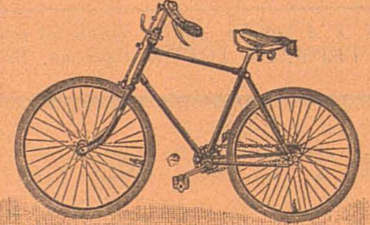
АДРЕСА ДЛЯ ПИСЕМЪ:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

Ж. БЛОКЪ

МОСКВА.

ОТДѢЛЕНІЯ:
Ст. Петербургъ,
Одесса,
Ростовъ н/Д.
Варшава,
Кокандъ
и Екатеринбургъ.

Прейсъ-Куранты БЕЗПЛАТНО.



П. Гейнъ

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ
ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ

послѣднія новости:

„**КАПРИЗЪ НЕВЫ**" духи
„**КАПРИЗЪ НЕВЫ**" о-де-колонъ.
„**КАПРИЗЪ НЕВЫ**" мыло.
„**МЮСКЪ**" о-де-колонъ.
„**МЮСКЪ**" духи.
„**МЮСКЪ**" мыло

Препараты „**КАПРИЗЪ НЕВЫ**" отличаются прекрасными достоинствами и изготовлены для выставки въ ЧИКАГО.

Склады: С.-Петербургъ, площадь Александринскаго театра, № 9.
Москва, Никольская, д. Шереметева.
Варшава, Новый Свѣтъ, № 37, и въ лучшихъ магазинахъ имперіи.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ (Индія)

Путешествія Его Имп. Выс. Наслѣдника Цесаревича на Востокъ и по Сибири

въ виду непредвидѣнной задержки въ работахъ появится въ концѣ іюня. При подпискѣ на 4 части сочиненія, до этого срока, цѣна ихъ безъ переплета **24 р., въ 2 перепл.—29 р.** Внесшіе до 1-го іюля 9 р. получаютъ I томъ и право пріобрѣтенія (**въ теченіе года**) втораго за 7 р., третьяго за 5 р., четвертаго за 3 р. Наложеннымъ платежомъ книга не высылается. **Пересылка** въ тщательной упаковкѣ **безплатна**. Обращаться къ автору-издателю: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26, кн. Эсперу Эсперовичу Ухтомскому.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

1893 ПАРИЖСКАЯ МОДА, I годъ изданія.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ МОДЫ И РУКОДѢЛІЙ.

„Парижская Мода" выходитъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца и даетъ полное содержаніе парижскаго моднаго журнала „La Mode de Paris".

„Парижскал Мода" въ теченіе года въ **24-хъ** выпускахъ дастъ около **3,000** рисунковъ модъ, нарядовъ дамскихъ и дѣтскихъ, для гулянья, баловъ и для дома; рисунки разнаго бѣлья: дамскаго, дѣтскаго и мужскаго; разнообразнѣйшія рукодѣлія и работы: по полотну, канвѣ, шелками, плетенье кружевъ и т. п.; рисунки разныхъ вещей и аксессуаровъ дамскаго туалета: зонтики, вѣера, шляпы, уборы, обувь, цвѣты и пр.

„Парижская Мода" въ теченіе года на **24-хъ** отдѣльныхъ листахъ дастъ до **2,000** выкроечныхъ рисунковъ нарядовъ дамскихъ и дѣтскихъ, для гулянья, для баловъ и для дома; выкроечные рисунки разнаго бѣлья: дамскаго, мужскаго и дѣтскаго; чертежи и узоры всевозможныхъ рукодѣлій и работъ и проч.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА „ПАРИЖСКАЯ МОДА":

	На годъ.	На полг.
въ С.-Петербургѣ безъ доставки	3 р.	2 р. — к.
„ „ съ доставкою	4 „	2 „ 50 „

съ пересылкою на годъ	4 р. — к.
„ „ полгода	2 „ 50 „

При подпискѣ безъ доставки въ **Москвѣ**, въ отдѣленіяхъ конторы: 1) въ книжномъ магазинѣ *А. Ланга*, Кузнецкій Мостъ, и 2) въ конторѣ *Н. Н. Печковской*, Петровскія линіи, подписная цѣна на годъ: **3 р. 50 к.**, на полгода **2 р. 25 к.**

Пробный нумеръ высылается за 28 коп. почтовыми марками.

Требованія на журналъ „Парижская Мода" просимъ адресовать: С.-Петербургъ, Садовая, 22, въ главную контору журнала „Парижская Мода".

Принцесса Володимірская.

Историческій романъ, въ 4-хъ частяхъ, гр. Е. А. Саліаса. Въ 8 д. л. 46 печатныхъ листовъ съ 23-мя рисунками не въ текстѣ. Цѣна **3** руб. **50** к. безъ пересылки и **4** руб. съ перес.

Книгоиздательство Германъ Гоппе.

СТИХОТВОРЕНІЯ КОНСТАНТИНА ФОФАНОВА.

Изящное изданіе in 8°, X+182 стр., содержащее:

I. Мелкія стихотворенія. — II. Фантазіи. — III. Библейскіе мотивы. — IV. Думы. — V. Сказки и поэмы. — VI. Отрывки.

Цѣна 1 р. **50** к., съ перес. 2 р.; въ изящномъ переплетѣ 2 р., съ перес. 2 р. **50** к.

Изданіе книгоиздательства ГЕРМАНЪ ГОППЕ: С.-Петербургъ, Садовая, 22.

Главная контора и редакція „Всемірной Иллюстраціи" находятся въ С.-Петербургѣ, на Садовой ул., № 22.
Въ Москвѣ отдѣленія конторы находятся: 1) при книжн. маг. А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, 15, и 2) при конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи.

Дозв. цензурою. СПБ. 27 мая 1893 г. Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

Всемірная Иллюстрація

25-й годъ | № 1272 | 49-й томъ

Суббота 5-го іюня 1893 г.

Цѣна нумеру 35 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки на годъ . **15** руб.
(при подпискѣ въ главной конторѣ редакціи).
Съ доставкою на годъ. . . . . **17** »

Въ Москвѣ безъ доставки на годъ . . . . **17** руб.
Съ пересылкою во всѣ города Россійской имперіи на годъ . . . . **18** »

Подписная цѣна на полгода съ доставкою и пересылкою . . . . **9** руб.
За границу (въ государства всемірнаго почтоваго союза) **20** руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Редакція и главная контора: Садовая ул. № 22.

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ

Въ виду истекающаго перваго полугодія журнала „Всемірная Иллюстрація" за 1893 г., т. е. XLIX тома его, контора редакціи проситъ гг. подписчиковъ, выславшихъ деньги лишь за первое полугодіе, поспѣшить досылкою остальной суммы, дабы не произошло задержки въ высылкѣ дальнѣйшихъ нумеровъ журнала.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ

„ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ" съ книжками „ТРУДА"

на полгода, съ 1-го іюля:

	Обыкн. изд.	Роскошн. изд.
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки	8 р. — к.	11 р. — к.
„ „ съ доставкою	9 „ — „	12 „ 50 „
„ Москвѣ безъ доставки	9 „ — „	11 „ — „
Во всѣхъ городахъ имперіи съ пересылкой	9 „ — „	12 „ 50 „

Кромѣ того принимается **отдѣльная подписка** на журналъ

„ТРУДЪ",

выходящій 1 разъ въ мѣсяцъ, 1-го числа. Подписная цѣна на журналъ **„ТРУДЪ"** съ 1-го іюля 1893 г., съ доставкою и пересылкою, **3 рубля.**

Подписка принимается и на цѣлый годъ, и гг. новые подписчики получатъ всѣ нумера обоихъ журналовъ съ 1-го января сего года.

Контора журнала „Всемірная Иллюстрація": С.-Петербургъ, Садовая, № 22.

СУПРУЖЕСКІЙ РАЗГОВОРЪ ПО ТЕЛЕФОНУ.

Изъ милліонъ первой главы »Книги о тещѣ«.

Ты слушаешь, Петя?

моя мама

почувствовала себя нехорошо

и порѣшила уѣхать къ себѣ домой сегодня же;

она очень сожалѣетъ, что не можетъ проститься съ тобой,

такъ какъ ко времени твоего прихода со службы домой она уже будетъ далеко.

Всемірная Иллюстрація

№ 1272. Годъ XXV. 5-го іюня 1893 г. Томъ XLIX. № 24.

При этомъ, 1272-мъ, нумерѣ гг. подписчикамъ „Всемірной Иллюстраціи“ разсылается № 6 журнала „ТРУДЪ“.

Н. Х. Бунге

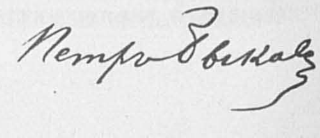
Въ публику и въ печать недавно проникли слухи о томъ, что предсѣдатель комитета министровъ, нашъ знаменитый ученый Николай Христіановичъ Бунге покидаетъ занимаемый имъ постъ и столицу и переселяется на югъ... Не хотѣлось бы вѣрить, что слухи эти подтвердятся, что одно изъ полезнѣйшихъ учрежденій государственныхъ, безъ котораго, по выраженію одного публициста, „остановилась бы всякая законодательная дѣятельность въ Россіи“ лишится такого энергичнаго, опытнаго и во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательнаго руководителя и совѣтчика. Но если глубоко-прискорбный фактъ удаленія отъ дѣлъ нашего заслуженнаго финансоваго дѣятеля и совершится, онъ можетъ спокойно оглянуться на пройденный имъ съ честью путь и съ гордостью сказать, что онъ, не щадя ни силъ, ни труда сдѣлалъ все отъ него зависящее, высоко держалъ знамя общественнаго и государственнаго дѣятеля и всегда стоялъ на стражѣ интересовъ родины. Будучи профессоромъ, товарищемъ министра и затѣмъ министромъ финансовъ и, наконецъ, предсѣдателемъ комитета министровъ, Н. Х. Бунге проявилъ всюду и огромную ученость, и замѣчательное безкорыстіе, и образцовое трудолюбіе. Во времена своего профессорства онъ былъ душою небольшого кружка передовыхъ людей и, занимая въ немъ руководящее мѣсто, чрезвычайно благотворно вліялъ не только на учащуюся молодежь, но и на окружающую педагогическую и общественную среду. „Молодой, страстно любящій науку и просвѣщеніе, Н. Х. Бунге — говоритъ одинъ изъ его біографовъ — принесъ въ Нѣжинъ (гдѣ онъ началъ профессорскую дѣятельность) начала европеизма и интереса къ явленіямъ западно-европейской жизни и науки. Въ темномъ уѣздномъ захолустьѣ онъ явился миссіонеромъ европейской науки и гражданственности. Современники его начальной общественной карьеры съ благодарностью вспоминаютъ, какъ настойчиво заботился онъ о томъ, чтобы поднять уровень ихъ развитія“. Несмотря на то, что онъ былъ заваленъ работой, онъ давалъ въ своей квартирѣ лучшимъ студентамъ безплатные уроки по иностраннымъ языкамъ, а когда не бывало лекцій приглашалъ своихъ учениковъ къ себѣ отдохнуть за чайнымъ столомъ, „гдѣ обыкновенно поднимались оживленные разговоры, въ которыхъ учитель превращался въ самаго близкаго старшаго товарища, умѣвшаго поднимать своихъ младшихъ слушателей до уровня собственныхъ понятій и стремленій, безъ малѣйшаго давленія авторитетностью своихъ познаній и положенія“. Такія же тѣсныя общенія со своими слушателями продолжалъ Н. Х. Бунге и сдѣлавшись профессоромъ университета св. Владиміра въ Кіевѣ, гдѣ ни однимъ предметомъ молодежь не интересовалась въ такой сильной степени, какъ предметомъ Н. Х. Бунге, который и здѣсь проявлялъ свою рѣдкую и симпатичную черту — „любить все молодое и чуять въ молодомъ все даровитое“. Ни у одного изъ тамошнихъ профессоровъ не было столько учениковъ и послѣдователей, какъ у него, создавшаго цѣлую школу экономистовъ. А. Я. Антоновичъ, бывшій профессоръ университета св. Владиміра и редакторъ-издатель газеты „Кіевское Слово“, только что назначенный на постъ товарища министра финансовъ — тоже его ученикъ. Особенно блестящимъ лекторомъ Н. Х. Бунге, по словамъ его біографа, не былъ, но его чтенія всегда были чрезвычайно симпатичны: горячая любовь къ наукѣ и зрѣлая въ ней опытность просвѣчивались въ его лекціяхъ... Безъ фразъ и намековъ, не относящихся прямо къ дѣлу, онъ умѣлъ внушить своимъ слушателямъ высшія просвѣтительныя идеи. Онъ первый ввелъ практическія занятія со студентами, когда о нихъ еще и въ поминѣ не было. Уже одно это указаніе на характеръ профессорской дѣятельности Н. Х. Бунге свидѣтельствуетъ о требовавшемся отъ него запасѣ умственной силы, которая, кромѣ того, выразилась въ цѣлой литературѣ по экономическимъ и другимъ общественнымъ вопросамъ и доставила ему то высокое положеніе и извѣстность, какими онъ справедливо пользуется. Какъ преподаватель, Н. Х. Бунге прилагалъ свои огромныя

Н. Х. БУНГЕ,
предсѣдатель комитета министровъ, политико-экономистъ.
Съ фотографіи Г. А. Бореля гравировалъ И. И. Хелмицкій.

знанія и труды къ такому дѣлу, которое должно было имѣть важное общественное значеніе для отечества нашего. Въ 1863 году онъ былъ призванъ преподавать науку финансовъ и политической экономіи покойному наслѣднику цесаревичу Николаю Александровичу. „Публика наша, говоритъ тотъ же біографъ, — не призвана произносить свое сужденіе о томъ, въ какой мѣрѣ удовлетворительно была выполнена Н. Х. Бунге возложенная на него обязанность, но мы имѣемъ право обсуждать тѣ источники, изъ коихъ преподаватель черпалъ предлагаемыя имъ своему высокому слушателю знанія, коль скоро эти источники указаны публикѣ самимъ преподавателемъ, и такимъ образомъ мы можемъ составить себѣ понятіе о тѣхъ истинахъ, которыя выставлялись какъ идеалъ основныхъ положеній преподаваемой науки. Однимъ изъ такихъ источниковъ была книга нѣмецкаго финансиста Карла фонъ-Гока „О налогахъ и государственныхъ долгахъ", изданная въ переводѣ на русскій языкъ въ 1865 году въ Кіевѣ. Не входя въ разсмотрѣніе научнаго достоинства этого труда, скажемъ по поводу его экономическихъ положеній только то, что страна, правитель коей усвоилъ бы себѣ воззрѣніе Гока на налоги и государственное хозяйство, могла бы быть счастливою"... Когда Н. Х. Бунге занялъ отвѣтственный постъ министра финансовъ, онъ, какъ ученый экономистъ, находился на высотѣ своей славы и уже выработалъ на основаніи строгихъ началъ науки свою финансовую систему. Еще съ того времени, когда онъ занималъ должность управляющаго кіевскою конторою государственнаго банка и находился такимъ образомъ у самаго источника кредитныхъ операцій въ Россіи, голосъ нашего ученаго сталъ пріобрѣтать рѣшающее значеніе въ вопросахъ финансовыхъ и общественное мнѣніе уже обращалось къ Н. Х. Бунге за указаніями относительно выхода изъ того или другаго положенія въ нашихъ финансовыхъ дѣлахъ. Вотъ почему его вступленіе въ должность министра финансовъ, вполнѣ съ опредѣленною научною финансовою программою, съ богатыми знаніями, съ пламеннымъ желаніемъ двинуть отечество наше на новый путь—путь богатства и просвѣщенія, встрѣчено было всѣми понимающими дѣло людьми съ глубокимъ сочувствіемъ, какъ поворотъ къ лучшему. Въ теченіи пяти лѣтъ его управленія министерствомъ финансовъ, Н. Х. Бунге работалъ съ необычайной энергіей, замѣчательной послѣдовательностью, осторожностью и идеальнымъ безкорыстіемъ, не прибѣгая, какъ и подобаетъ уважающему себя человѣку науки, къ замысловатымъ способамъ и рискованнымъ мѣрамъ, которые близко граничатъ съ фокусами, хотя и вызываютъ удивленіе людей не посвященныхъ въ суть дѣла, увлекающихся блескомъ... Управленіе Н. Х. Бунге совпало со всеобщимъ экономическимъ кризисомъ, отъ котораго страдала не одна Россія, но и вся Европа, съ самыми неблагопріятными обстоятельствами, являвшимися отчасти результатомъ многихъ серьезныхъ ошибокъ въ финансовомъ управленіи страны, сдѣланныхъ при Брокѣ, Княжевичѣ и до извѣстной степени при гр. Рейтернѣ. Такимъ образомъ на долю новаго министра пришлось не мало работы, требовавшей громадной затраты силъ, ума недюжиннаго, усидчивости и трудолюбія въ соединеніи съ полной добросовѣстностью. Н. Х. Бунге всегда обладалъ всѣми этими и другими подобными качествами, и дѣло реформъ въ финансовомъ вѣдомствѣ пошло у него быстро и съ видимымъ успѣхомъ; онъ, дѣйствительно, вдохнулъ жизнь въ это вѣдомство, и по количеству серьезныхъ законодательныхъ работъ дѣятельность министерства финансовъ за эти пять лѣтъ управленія Н. Х. Бунге, смѣло можно сказать, равнялась дѣятельности всѣхъ остальныхъ министерствъ, вмѣстѣ взятыхъ. Задачу свою по улучшенію финансовъ онъ объяснилъ въ общихъ чертахъ въ объяснительной запискѣ къ росписи на 1884 годъ, гдѣ въ заключеніи было сказано, что министерство финансовъ первою своею обязанностью считаетъ: уравновѣшеніе доходовъ съ расходами при соблюденіи благоразумной бережливости; улучшеніе податной системы въ видахъ установленія соразмѣрности налоговъ съ средствами плательщиковъ; покровительство всѣмъ отраслямъ отечественной промышленности, нуждающимся въ защитѣ; развитіе кредита прочнаго и равно доступнаго для всѣхъ сословій; наконецъ, улучшеніе и упроченіе денежной системы безъ ущерба для промышленности и торговли и безъ стѣсненія денежнаго обращенія. Эту свою задачу Н. Х. Бунге пытался исполнить въ точности. При немъ послѣдовала отмѣна соляного налога, этого злополучнаго налога, возможности избавить народъ отъ котораго искала еще императрица Екатерина II. Послѣ общаго увлеченія фритредерствомъ, доходившаго до крайнихъ предѣловъ, надобна была особенная смѣлость, чтобы открыто защищать протекціонизмъ, и Н. Х. Бунге съ благороднымъ мужествомъ публично заявилъ, что покровительственная система должна лечь въ основаніе дѣятельности русскаго министра финансовъ и торговли. Измѣненіе монетной системы, уничтоженіе закавказскаго транзита, отмѣна подушнаго налога, пониженіе размѣра выкупныхъ платежей, замѣна прямыхъ податей налогомъ на купоны и дивиденды, попытки къ упрощенію нашей системы государственнаго счетоводства уничтоженіемъ желѣзнодорожнаго фонда и присоединеніемъ выкупной операціи къ операціямъ государственнаго казначейства, а равно попытки установить надзоръ за частной банковой дѣятельностью, прійти на помощь государственнымъ кредитомъ крестьянскому, а затѣмъ дворянскому землевладѣнію и хотя нѣсколько урегулировать отношенія между нанимателями и рабочими на фабрикахъ, — все это вызывало глубокое сочувствіе въ благомыслящей части общества и печати къ дѣятельности Н. Х. Бунге. Онъ сдѣлалъ массу полезнаго почти по всѣмъ отраслямъ обширнаго финансоваго управленія. При немъ въ первый разъ свѣдѣнія о поступленіи доходовъ въ текущемъ году не только начали собираться, но и публиковаться; въ его же управленіе учрежденъ государственный дворянскій банкъ, облегчены крестьянамъ способы къ покупкѣ земли; государственный банкъ былъ освобожденъ отъ операціи по ликвидаціи бывшихъ государственныхъ кредитныхъ установленій. Особый счетъ этой ликвидаціи Н. Х. Бунге закрылъ, долги по ликвидаціи перевелъ въ государственную долговую книгу, а прибыли отъ нея стали поступать въ доходъ казны. Это мѣропріятіе, по словамъ К. А. Скальковскаго, нельзя было не одобрить, ибо оно упрощало государственное счетоводство и отнимало возможность различными позаимствованіями и переводами изъ одного счета въ другой скрывать истинное положеніе вещей. По части кредита долгосрочнаго при Н. Х. Бунге былъ изданъ законъ, ограничивавшій произволъ нашихъ земельныхъ банковъ въ выпускѣ закладныхъ листовъ и въ размѣрѣ запаснаго капитала. Благодаря ему же изданъ высокогуманный законъ объ ограниченіи труда малолѣтнихъ рабочихъ на фабрикахъ, а для урегулированія рабочаго вопроса на фабрикахъ воспрещена была ночная работа женщинъ и дѣтей на разныхъ фабрикахъ и изданы правила о надзорѣ за фабриками и о наймѣ рабочихъ въ фабричныя и заводскія работы. Мы не станемъ перечислять прочихъ полезныхъ мѣропріятій нашего замѣчательнаго экономиста, управленіе котораго оставило замѣтный слѣдъ на всемъ, и на торговлѣ и на промышленности. И если Н. Х. Бунге не удалось окончательно уврачевать нашъ экономическій организмъ, то въ этомъ не его вина. Виноваты въ этомъ обстоятельства, для борьбы съ которыми недостаточно одного искусства министра финансовъ; какъ бы ни былъ онъ уменъ, проницателенъ, опытенъ и энергиченъ, для успѣха его плановъ все-таки необходимо содѣйствіе со всѣхъ сторонъ. А Н. Х. Бунге, къ которому нѣкоторые органы печати относились одно время съ незаслуженнымъ и совершенно непонятнымъ ожесточеніемъ, болѣе чѣмъ кто либо, могъ съ горечью вспоминать пословицу, что — одинъ въ полѣ не воинъ...

Не одни только чисто ученые труды создали Н. Х. Бунге славу замѣчательнаго экономиста, но и цѣлый рядъ статей, болѣе или менѣе капитальныхъ, появлявшихся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ — результатъ его отзывчивости на выдвигавшіеся въ разное время общественные вопросы, къ которымъ онъ, какъ человѣкъ чрезвычайно свѣтлаго и обширнаго ума, не могъ относиться равнодушно. Отличавшіяся прелестью языка и трезвостью взгляда, эти-то статьи и упрочили, и распространили извѣстность Н. Х. Бунге, какъ ученаго экономиста въ русскомъ обществѣ. Но въ этихъ трудахъ, по справедливому замѣчанію его біографа, была и другая сторона: читая многіе изъ нихъ, чувствуется, что онѣ писаны человѣкомъ, который видитъ въ открывающихся передъ нимъ неправильныхъ явленіяхъ жизни не одинъ только предметъ отвлеченныхъ изслѣдованій, напротивъ, онѣ затрогиваютъ его душу, вызываютъ въ немъ то теплое слово участія къ бѣдствіямъ человѣка, которое дѣлаетъ изъ него симпатичнаго писателя. Вообще, какъ въ сферѣ науки, такъ и въ общественной дѣятельности, отличительнымъ направленіемъ Н. Х. Бунге было отсутствіе мертвенности, съ какою весьма часто люди науки относятся къ живымъ фактамъ. Это-то ясное пониманіе условій и требованій жизни и гуманное отношеніе къ людямъ составляютъ его нравственную силу, которая руководила имъ всегда и вездѣ при всѣхъ условіяхъ его многополезной жизни и дѣятельности. Одинъ изъ сотоварищей Н. Х. Бунге по университетской дѣятельности называетъ его „человѣкомъ дѣла и испытанной разсудительности", къ этому слѣдуетъ прибавить, что онъ лучшій изъ людей, скромный, непритязательный, простой, высокогуманный и идеально честный и безкорыстный. Изъ трудовъ Н. Х. Бунге, кромѣ его „Теоріи кредита", наибольшей извѣстностью пользуются: „Гармонія хозяйственныхъ отношеній, первая политико-экономическая система Кери", „Товарные склады и варранты", „Начала политической экономіи и статистики", „Полицейское право", „Обозрѣніе разныхъ отраслей хозяйственной дѣятельности" и проч.

Членъ государственнаго совѣта, предсѣдатель комитета министровъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Николай Христіановичъ Бунге, или какъ значится въ метрической книгѣ кіевской евангелическо-лютеранской церкви—Nicolaus Paulus Carolus, сынъ доктора медицины, родился въ Кіевѣ 11-го ноября 1823 года и первоначальное воспитаніе получилъ въ кіевской 1-ой гимназіи, откуда поступилъ въ университетъ св. Владаміра. По окончаніи въ немъ курса въ 1845 г. по юридическому факультету со степенью кандидата законовѣдѣнія, Н. Х. Бунге, въ октябрѣ того же года, былъ опредѣленъ преподавателемъ законовъ казеннаго управленія въ лицей князя Безбородко въ Нѣжинѣ, а затѣмъ, по выдержаніи экзамена и защитѣ диссертаціи („Изслѣдованіе началъ торговаго законодательства Петра Великаго"), въ 1847 г. утвержденъ профессоромъ лицея и оставался въ этой должности до 31-го октября 1850 г. Затѣмъ онъ былъ переведенъ въ университетъ св. Владиміра на каѳедру политической экономіи и статистики и 16-го іюня 1852 г. удостоенъ степени доктора политическихъ наукъ за диссертацію „Теорія кредита". Профессорская дѣятельность его продолжалась до 1880 г., когда онъ былъ назначенъ на должность товарища министра финансовъ. Въ 1876 году онъ утвержденъ въ званіи заслуженнаго профессора. Н. Х. Бунге нѣсколько лѣтъ состоялъ ректоромъ университета и съ профессорскими обязанностями одно время соединялъ должность управляющаго кіевскимъ отдѣленіемъ государственнаго банка. Ни въ какихъ операціяхъ, однако, личнаго участія онъ не принималъ, сохраняя репутацію рѣдкаго безкорыстія. Въ 1881 г. Н. Х. Бунге былъ призванъ занять важный постъ — министра финансовъ и, проработавъ съ честью на этомъ посту до января 1887 года, съ честью и ушелъ, подавъ въ отставку. Но недальновидные противники его радовались этому уходу его напрасно. Н. Х. Бунге получилъ тотчасъ повышеніе, занявъ не менѣе важный постъ — предсѣдателя комитета министровъ. Дай Богъ, чтобы дѣятельность его здѣсь продолжалась еще долгое время на пользу Россіи, вопреки всякимъ слухамъ. И еслибы они оправдались, это было бы, скажемъ прямо, большимъ несчастіемъ...



ШУТКА СЪ ОГНЕМЪ

Новелла

Дж. ВЕРГА

Корси и Донати были два честныхъ и хорошихъ молодыхъ человѣка, друзья дѣтства, Орестъ и Пиладъ желѣзнодорожнаго управленія. Корси былъ инженеръ, Донати—чертежникъ; жили они въ одномъ домѣ и ходили всегда вмѣстѣ, что дало имъ прозвище „Сіамскихъ близнецовъ". Они видѣлись каждый день на службѣ съ десяти часовъ утра и до пяти вечера.

Трудно было понять, какъ Корси могъ познакомиться съ Линой, ухаживать за нею и жениться: это была единственная непріятность за эти тридцать лѣтъ, которую Орестъ нанесъ своему Пиладу.

Но, въ концѣ концовъ, и это даже не было проступкомъ. Въ началѣ Пилатъ-Донати былъ, правда, золъ на своего Ореста-Корси, но этотъ гнѣвъ не длился даже и недѣлю. Лина была дѣвушка, которую могъ полюбить даже и медвѣдь, а Донати не былъ медвѣдемъ; она знала какого рода ревность должна была обезоружить и со своею нѣжной улыбкой, привлекательными и ласковыми манерами, спокойно проникла въ интимность обоихъ друзей, какъ вѣточка плюща, а не какъ вбитый клинъ. По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ вмѣсто двухъ друзей—было трое, вотъ и вся перемѣна! Донати узналъ, что у него есть еще и сестра помимо брата, въ чемъ Корси, конечно, нисколько не сомнѣвался. О томъ, что случилось въ дѣйствительности, не было и тѣни подозрѣнія ни у кого изъ трехъ, иначе исторія, которую я вамъ разсказываю, не имѣла бы въ себѣ ровно ничего страннаго.

Всего страннѣе то, что такое положеніе вещей длилось восемь лѣтъ и могло бы продолжаться до безконечности. Въ началѣ въ выраженіяхъ дружбы и большой симпатіи, которую чувствовали другъ къ другу Донати и Лина, было небольшое смущеніе, вызванное, быть можетъ, боязнью, быть дурно понятыми; потомъ привычка, чистота чувствъ сдѣлали ихъ болѣе общительными, болѣе откровенными и довѣрчивыми. Донати ухаживалъ за Линой во время ея болѣзни, какъ настоящій братъ, она же оказывала этому quasi-брату своего мужа всѣ заботы и услужливость сестры. Тѣсная связь двухъ маленькихъ семействъ сдѣлалась такой сердечной, такой искренней и открытой, что друзья, знакомые, однимъ словомъ, весь свѣтъ, не считали ее ни излишней, ни подозрительной. Вещь рѣдкая, какъ была рѣдка и честность этихъ душъ; но еслибы хотя въ одной изъ нихъ было что либо дурное, мнѣ не нужно было бы выводить на сцену fatum древнихъ, или чорта современныхъ.

Вечеромъ, послѣ обѣда, они ходили гулять всѣ трое: Донати велъ подъ руку Лину и гордился, когда читалъ въ глазахъ проходящихъ: „какая хорошенькая женщина!" Въ воскресенье они обѣдали вмѣстѣ и брали ложу въ театрѣ Comunale и Alfieri. У Донати была страсть къ сюрпризамъ; время сюрпризовъ этихъ можно было отгадать съ календаремъ въ рукахъ: на Рождество, на Пасху и въ день имянинъ Лины. Онъ приходилъ съ развязнымъ видомъ, который измѣнялъ ему еще болѣе, чѣмъ оттопыренные карманы, и потиралъ себѣ руки при видѣ улыбающейся Лины. Въ зимніе вечера они собирались въ маленькой гостинной у рабочаго столика, болтали, перелистывали журналы, отгадывали шарады или же Лина играла на фортепіано. У Донати было удивительное терпѣніе выслушивать подробный пересказъ всѣхъ романовъ, которые читала Лина — это былъ ея единственный недостатокъ — Донати обладалъ деликатнымъ умѣніемъ слушать, дѣлать знакъ удивленія или вопроса, двигаться въ креслѣ, прикрывать зѣвоту восклицаніемъ, въ то время, какъ бѣдняжка боролся со сномъ и мало что понималъ. Часто, подымаясь въ свою комнату, онъ находилъ цвѣты на письменномъ столѣ, новый коврикъ передъ кушеткой, какія нибудь изящныя вещицы, разложенныя въ красивомъ порядкѣ на скромной мебели. Веселая улыбка разливалась потихоньку по всему ясному лицу этого благороднаго человѣка; тогда въ знакъ благодарности онъ стучалъ два или три раза по паркету надъ комнатой Лины. Лина тщетно прилагала всѣ усилія къ тому, чтобы найти ему жену; онъ отвѣчалъ неизмѣнно: „намъ и такъ хорошо; къ чему намъ помѣщать чорта въ домъ". Бѣдняга былъ такъ увѣренъ, что всецѣло принадлежитъ къ этому маленькому семейству, былъ такъ доволенъ этимъ спокойнымъ существованіемъ, что ему казалось, что онъ подожжетъ домъ, если хоть на одинъ шагъ сойдетъ съ того пути, по которому онъ привыкъ ходить и распредѣлять всѣ свои дѣйствія. На совѣты своихъ друзей обзавестись семьею, онъ отвѣчалъ: „она уже у меня есть и съ меня довольно". И друзья не смѣялись. Лина же говорила, что этого недостаточно, что будущее съ его старостью, болѣзнями и невзгодами потребуетъ болѣе заботливости и нѣжности, чѣмъ теперь. Сколько разъ, прежде чѣмъ закрыть окно, слыша, какъ онъ ходилъ наверху одинъ по комнатѣ, она подымала глаза къ потолку и шептала: „бѣдный молодой человѣкъ!" Жизнь уединенная, меланхолическая, безцвѣтная и монотонная въ годы страстей и удовольствій, придавала извѣстный блескъ этому спокойному и скромному характеру и нѣкоторое величіе его строгой фигурѣ. Все это заставляло Лину преувеличивать его самопожертвованія, дѣлало его симпатичнымъ и немного отравляло счастье Лины. Въ такія минуты она думала съ нѣжностью о той долѣ покровительства и заботъ, которыя она могла ему оказывать.

Въ Катаніи, передъ постомъ, карнавала не существуетъ, а вмѣсто него бываетъ праздникъ св. Агаты, когда весь городъ представляетъ собою театръ, гдѣ какъ аристократки, такъ и плебейки, имѣютъ право замаскироваться подъ предлогомъ интриговать друзей и знакомыхъ. Онѣ расхаживаютъ вездѣ, гдѣ хотятъ и съ кѣмъ хотятъ, между тѣмъ какъ мужья не имѣютъ права вмѣшиваться въ ихъ затѣи. Это называется правомъ „utupatedda", право, которое, какъ говорятъ лѣтописцы, осталось отъ сарацинъ и имѣло большое значеніе для женщинъ гарема. Костюмъ для этого праздника состоялъ изъ строгой, изящной одежды, по возможности черной и мантильи, которая покрывала всю фигуру и оставляла открытыми одни только глаза, пылкіе взгляды которыхъ способны были вскружить голову. Единственное кокетство, дозволяемое этимъ костюмомъ, это кончикъ перчатки и башмака, край юбки и вышитаго носоваго платка, однимъ словомъ часть чего нибудь, что можетъ заставить оцѣнить или отгадать остальное. Съ четырехъ и до 8—9 часовъ вечера, utupatedda сама себѣ госпожа (вещь, имѣющая и у насъ извѣстную цѣну); она хозяйка улицы, хозяйка толпы, васъ самихъ, если вы имѣете счастье быть съ ней знакомымъ, вашего кошелька, вашей головы, если они у васъ есть. Она оторветъ васъ отъ руки пріятеля, заставитъ бросить на улицѣ жену или любовницу, выйти изъ коляски, прервать ваши дѣла; вызвать васъ изъ кафе, позвать, если вы у окна, заставить пробѣгаться съ одного конца города на другой съ видомъ человѣка, который боится казаться смѣшнымъ; она посылаетъ васъ въ толпу, купить ради ея прекрасныхъ глазъ подъ предлогомъ каприза, то, что вы охотно оставили бы у купца;—когда же вы совершенно утомленый, влюблены, ревнуете, окончательно потеряли голову—она бросаетъ васъ на тротуарѣ или у дверей кафе, съ улыбкой сожалѣнія на устахъ, но съ довольнымъ сердцемъ. Правду сказать, не всѣхъ оставляютъ такимъ образомъ и съ такимъ видомъ; но подобныхъ избранниковъ немного и девять разъ изъ десяти любопытство ваше остается неудовлетворительнымъ, хотя бы вы были даже мужемъ женщины, подхватившей васъ подъ руку на четыре или пять часовъ. секретъ utupatedd'ы священенъ. Странный обычай для страны, гдѣ мужья имѣютъ репутацію самыхъ подозрительныхъ людей во всемъ христіанскомъ мірѣ.

Однажды, за три или за четыре дня передъ праздникомъ, шаловливая Лина, говоря о utupatedda, сказала Донати:

— Знаете, въ этотъ разъ, я не совѣтую вамъ показываться на улицахъ.

Донати зналъ, что Лина никогда не маскировалась, а такъ какъ она была единственной особой, отъ которой онъ могъ ожидать сюрприза, то онъ и отвѣчалъ, пожимая плечами:

— Вы хотите маскироваться, не побаловавъ меня этимъ въ продолженіе восьми лѣтъ?

— Баловала или не баловала, все равно; человѣкъ предупрежденный — человѣкъ спасенный...

Но Донати не старался спастись, не смотря на евангельское изреченіе; напротивъ, его привлекала опасность. Для него было бы праздникомъ воспользоваться прекраснымъ случаемъ, чтобы угостить Лину и притворившись, что не узнаетъ ее, заинтриговать, насладиться ея замѣшательствомъ, а потомъ посмѣяться вмѣстѣ съ нею. На службѣ, выводя прямыя и кривыя линіи, онъ строилъ воздушные замки, придумывалъ остроумные вопросы и отвѣты, стараясь не забыть ихъ. Его приводила въ восхищеніе мысль, что, притворившись незнакомымъ, онъ поведетъ подъ руку эту прелестную женщину, будетъ съ нею вдвоемъ посреди толпы, ея единственнымъ покровителемъ и въ то же время неизвѣстнымъ, новымъ для нея, человѣкомъ; эта идея имѣла въ себѣ нѣчто таинственное и заставляла его радоваться, какъ какому нибудь пріятному приключенію.

Но тутъ-то и случилось нѣчто такое, показавшее обратную сторону задуманной шутки, въ сущности невинной, но на самомъ дѣлѣ болѣе опасной, чѣмъ это казалось. Въ ночь, накануне праздника, Донати видѣлъ дурной сонъ, но такой живой, странный и правдоподобный, что, проснувшись, долго оставался въ неизвѣстности — дурной ли это былъ сонъ или хорошій; встревоженный, онъ уже больше не спалъ и, лежа съ открытыми глазами, старался объяснить себѣ значеніе этого сна. Ему грезилось, что онъ былъ вмѣстѣ съ Линой, которую будто онъ никогда не зналъ, одѣтою utupatedd'ой, съ черными блестящими глазами, съ голосомъ и руками дрожащими отъ волненія. Они сидѣли за столикомъ въ кафе „Сицилія", куда онъ никогда не ходилъ и неподвижно, молча глядѣли другъ на друга. Вдругъ у нея соскользнула съ плечъ мантилья, въ то время, когда она пристально продолжала смотрѣть на него дьявольскими глазами, красная, какою онъ ее никогда не видалъ. Охвативъ внезапно его голову руками, она быстро напечатлѣла на его лицѣ горячій, лихорадочный поцѣлуй.

На другой день онъ разыгралъ изъ себя непроницаемаго индѣйца; представился, что не замѣчаетъ нѣкоторыхъ лукавыхъ улыбокъ Лины, ея озабоченнаго вида и необычайной суеты въ домѣ. Онъ сказалъ, что проведетъ вечеръ на службѣ по случаю экстренной работы, а самъ отправился караулить на тротуарѣ возлѣ кабинета для чтенія.

Онъ ждалъ и ждалъ; наконецъ, около пяти часовъ появилась Лина; она пошла прямо туда, гдѣ онъ стоялъ, какъ будто знала объ этомъ, вошла въ толпу и, недолго думая, просунула свою ручку подъ его руку. Донати узналъ бы ее уже только по этому движенію. Она же остроумная и разговорчивая, выдумывала тысячи сказокъ, чтобы заинтересовать его и смутить его этими немногими познаніями англійскаго и французскаго языковъ, которыя она вынесла изъ школы. Она хотѣла заставить его думать, что она иностранка, или дѣвушка, имѣющая право отомстить ему, или переодѣвшійся другъ, желающій спасти его отъ большой опасности, или же наконецъ, дальная родственница, которая вспомнила и пришла получить отъ него подарокъ. Донати, казалось, впадалъ въ ея тонъ, хотя и смѣялся себѣ въ бороду, радуясь, что можетъ интриговать ее въ свою очередь; онъ предоставлялъ ей думать, что она отгадала его секреты, позволяя ей создавать тысячи несуществующихъ исторій. Дѣйствуя такимъ образомъ, онъ вызвалъ у ней любопытство и какъ бы недовѣріе, и глаза ея съ робостью и удивленіемъ останавливались на немъ, какъ будто бы это былъ не Донати, этотъ добрый и деликатный человѣкъ, а кто другой, ей неизвѣстный. Наконецъ, не въ

силахъ болѣе сдержать себя, онъ разразился смѣхомъ и со своею добродушной миной сказалъ ей:

— Дорогая Лина, когда вы захотите узнать мой секретъ и заставить принять васъ за незнакомку, имѣющую право отомстить мнѣ, то не надѣвайте въ другой разъ этого браслета, который мнѣ, право, рѣжетъ глаза, настолько онъ мнѣ знакомъ.

Лина начала смѣяться вмѣстѣ съ нимъ, подняла немного свою мантилью и сказала:

— Браво! такъ какъ вы побѣдили, а мы возлѣ кафе „Сицилія", то предложите мнѣ мороженаго.

И они вошли. Странный случай! Они пошли и сѣли другъ противъ друга именно у того самаго маленькаго столика, который снился Донати. Линѣ было жарко; обмахиваясь платкомъ, она спустила съ плечъ мантилью и положила локоть на столъ. Донати смотрѣлъ на все это, не открывая рта.

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ онъ казался страшно смущеннымъ, отвѣчалъ отрывисто, невпопадъ и, наконецъ, слова замерли у него на губахъ. Лина болтала за двоихъ, немного красная отъ жары, съ глазами, блестящими изъ-подъ маски. Наконецъ, она замѣтила волненіе, котораго Донати не съумѣлъ побѣдить въ себѣ и послѣ его отвѣта еще болѣе разсѣяннаго, чѣмъ всѣ прочіе, сказала ему: „что съ вами?"

Онъ покраснѣлъ. Что же, въ самомъ дѣлѣ, съ нимъ? Смѣшная вещь! Возможно ли, чтобы сонъ этой ночи заставилъ его поглупѣть на цѣлый день! Пожавъ плечами, онъ чистосердечно посмѣялся надъ самимъ собою.

— То, отвѣтилъ онъ, — что я оселъ! Просто—глупость! И если я ее отъ васъ скрою, то, это будетъ еще глупѣе! И онъ разсказалъ ей сонъ, за исключеніемъ, впрочемъ, одного обстоятельства, о которомъ онъ умолчалъ или скорѣе передалъ его ad usum delphini, сказавъ ей, что она призналась ему во снѣ, что любитъ его и — только!

Онъ смѣялся отъ всего сердца надъ всѣми подробностями сна, которыя въ разсказѣ становились еще глупѣе; онъ смѣялся и надъ своимъ волненіемъ... Она краснѣла и молчала, слушая его и опираясь головою на руку, но не смотрѣла на него болѣе и не смѣялась. Когда онъ окончилъ, она слегка улыбнулась, чтобы не оставить его безъ отвѣта и, не найдя ничего лучшаго, встала. Они ушли поспѣшно, изрѣдка перекидываясь словами и даже какъ будто подъискивая ихъ.

Донати не былъ увѣренъ въ томъ, что не сказалъ какой нибудь глупости, и онъ чувствовалъ, что отдалъ бы все свое мѣсячное жалованье за то, чтобы взять назадъ свои слова и даже болѣе,—чтобы самый поводъ, т. е. этотъ сонъ, никогда бы не существовалъ или, по крайней мѣрѣ, испарился изъ его памяти. Праздникъ окончился очень тихо и невесело.

Каждый годъ, на другой день этого праздника, всѣ три друга

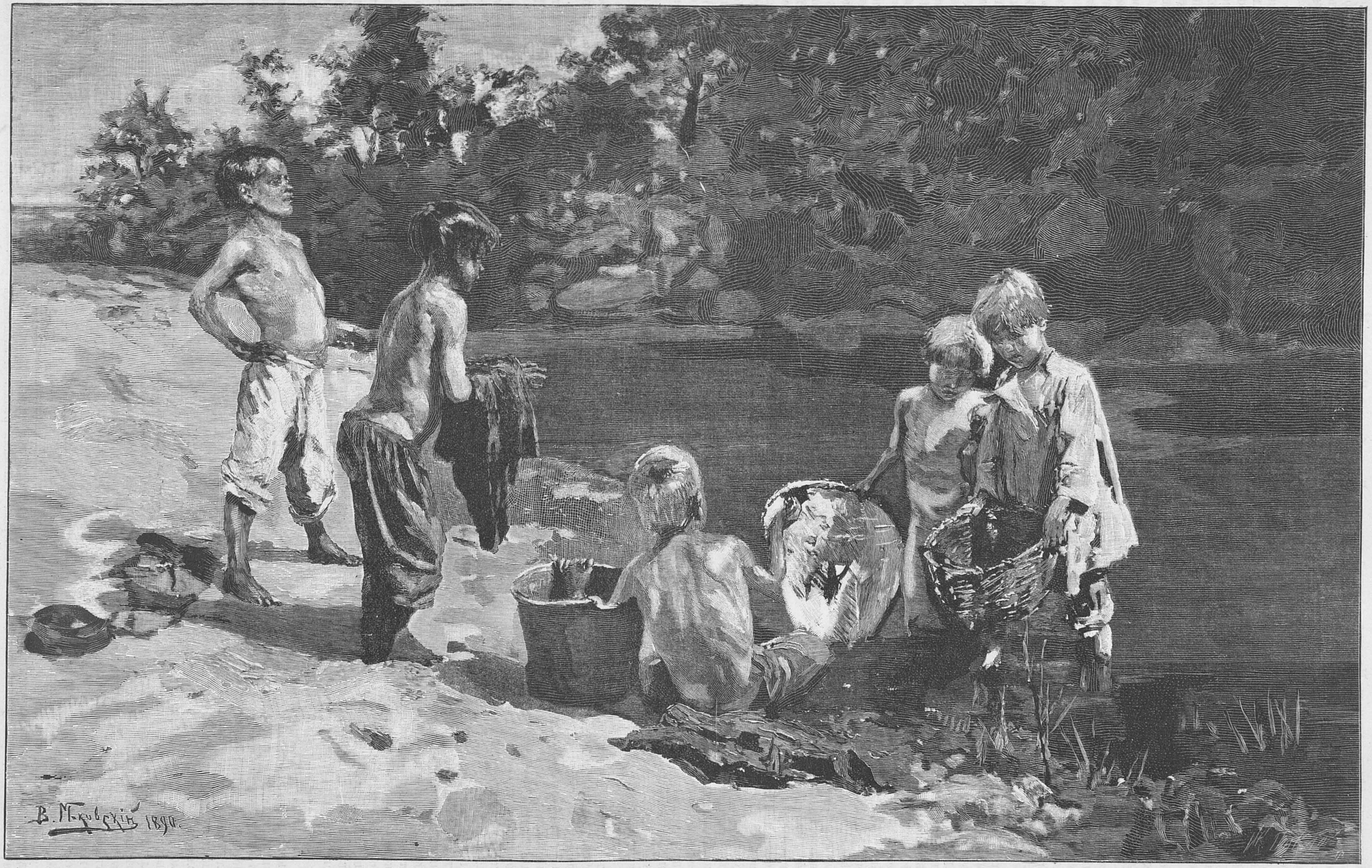
Я. К. ГРОТЪ,

вице президентъ Императорской академіи наукъ, писатель, † 24-го мая с. г.

Съ фотографіи Шапиро гравировалъ для »Всемірной Иллюстраціи« В. В. Матэ.

Швейцарія. – Рейнскій водопадъ близь города Шафгаузена.

Съ картины А. Ригера.



Русскіе художники. — Рыбачки. Картина профессора В. Е. Маковскаго.

Съ фотографіи гравировалъ И. Н. Павловъ.

ѣздили обыкновенно обѣдать за городъ. На этотъ разъ Лина была нездорова и поѣздка не состоялась, несмотря на то, что Донати желалъ во что бы то ни стало провести этотъ день такъ, какъ во всѣ прежніе годы. Его мучили этотъ глупый сонъ и его откровенность съ Линой. Онъ желалъ предать все забвенію, продолжать дѣлать все то, что они дѣлали до сихъ поръ, и болѣе объ этомъ не думать. Впрочемъ, вечеръ они провели какъ всегда — семейно. Лина явилась немного позже съ лицомъ женщины, страдающей мигренью, но спокойная и ясная. Донати спросилъ ее, какъ она себя чувствуетъ. Она пристально посмотрѣла на него и сухо отвѣтила: — „хорошо".

Это былъ первый вечеръ, проведенный холодно. Съ этихъ поръ всѣ остальные были похожи на этотъ: Лина вязала, Донати игралъ на фортепіано или читалъ, а Корси старался завязать какой нибудь разговоръ, на который жена его отвѣчала односложно съ опущенными на работу глазами, а Донати бормоталъ себѣ подъ носъ, не оставляя книги и сигары; наконецъ даже Корси, такой всегда веселый и сообщительный, сдѣлался въ свою очередь молчаливымъ и мрачнымъ; въ его домѣ чувствовалось настроеніе, которое всѣхъ леденило. Расходились рано; Лина едва протягивала руку; иногда она появлялась только на нѣсколько минутъ, чтобы пожелать спокойной ночи.

Бѣдный Донати не имѣлъ покоя. Онъ чувствовалъ себя виноватымъ, но его самая большая ошибка состояла въ томъ, что своимъ виноватымъ видомъ онъ увеличивалъ зло, которое сдѣлалъ; онъ призывалъ на помощь всѣхъ святыхъ, чтобы они дали ему мужество остаться съ Линой глазъ на глазъ и сказать ей: „Что съ вами, наконецъ? что случилось? что я сдѣлалъ?". Но этотъ вопросъ, такой простой повидимому, становился самой трудной вещью на свѣтѣ. Ея новая манера держать себя, ея сдержанность и необычайная холодность дѣлали ее совершенно другой женщиной, женщиной, которая связывала его самыя краснорѣчивыя разсужденія и оправданія.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, обернувшись неожиданно, онъ поймалъ взглядъ Лины, устремленный на него съ такимъ выраженіемъ, которое взволновало всю кровь въ его жилахъ. Это былъ взглядъ, какого онъ никогда у нея не видѣлъ — глубокій, полный горечи, пытливости, острый и пронизывающій. Лина вспыхнула и опустила голову; Донати болѣе не оборачивался — изъ боязни встрѣтить снова этотъ загадочный взглядъ.

Однажды, когда Корси не было дома, ему вдругъ показалось, что онъ почувствовалъ приливъ мужества, которое онъ призывалъ столько разъ. Лина была совершенно погружена въ чтеніе и почти не дышала; онъ всталъ, сдѣлалъ шагъ къ ней и пробормоталъ: — „Лина"!

Она выпрямилась, испугавшись одного этого слова, блѣдная, какъ полотно. Донати остался съ открытымъ ртомъ, не зная, что дѣлать далѣе. Нѣкоторое время они оставались въ такомъ положеніи. Она первая пришла въ себя, взяла вышиванье, которое лежало возлѣ нея, но ея руки такъ дрожали, что иголка не повиновалась ей. Донати внутренно сердился, что мужество его ослабѣвало.—„Что съ вами? сказалъ онъ наконецъ. — Вы сердитесь на меня? Вы мнѣ никогда не простите?"

Она испуганно подняла голову и смотрѣла на него какъ бы пораженная ужасомъ, потомъ, опустивъ голову, пробормотала упавшимъ и нетвердымъ голосомъ нѣсколько невнятныхъ словъ.

Мало по малу Донати сталъ бывать рѣже. Корси дѣлался съ нимъ все холоднѣе, и когда оба старые друга оставались одни, то чувствовали невыразимое стѣсненіе, сами не зная почему. Холодность одного сообщалась другому. Корси, вѣроятно, догадался обо всемъ, видя, что другъ и жена держатъ себя иначе, а можетъ быть Лина ему обо всемъ разсказала.

Послѣдній разъ, когда Донати пошелъ къ ней въ день ея Ангела, онъ засталъ ее дома одну. Она сдѣлала движеніе удивленія и неособенно обрадовалась его приходу. Донати вертѣлъ въ смущеніи свою шляпу и не зналъ съ чего начать. Лина сидѣла на диванѣ такъ церемонно, что несчастному гостю даже приходила охота выскочить въ окно. Визитъ продолжался десять минутъ. Когда бывшій Поллуксъ спускался съ лѣстницы, то шепталъ задыхающимся голосомъ: „Кончено, все кончено".

Съ тѣхъ поръ у него не хватало духа позвонить у этихъ дверей. Онъ возвращался домой печальный, съ тяжелымъ сердцемъ, такъ поздно, какъ только могъ и, взглядывая украдкой на освѣщенное окно, напоминавшее ему веселые вечера у камина, ускорялъ шаги по площадкѣ лѣстницы. Никогда его скромныя комнаты не казались ему болѣе тихими, болѣе холодными и печальными; бѣдный одинокій человѣкъ оставался въ нихъ какъ можно менѣе, жилъ внѣ дома и, наконецъ, поступилъ какъ Корси, познакомившись съ другой Линой.

Въ сентябрѣ Корси съѣхалъ съ квартиры, не простившись съ Донати, и они болѣе не видѣлись. Лина была серьезно больна; Донати узналъ объ этомъ много времени спустя. Ему сказали, что болѣзнь очень измѣнила ее; онъ часто думалъ объ этомъ, и часто ему представлялись, какъ укоръ совѣсти, ея нѣжный и блѣдный профиль и лихорадочные глаза; но тѣмъ не менѣе онъ никакъ не могъ вообразить себѣ того впечатлѣнія, какое произвело на него это блѣдное лицо и испуганный взглядъ, когда онъ встрѣтилъ Лину, гуляя въ первый разъ со своей невѣстой. Лина обернулась взглянуть на него украдкою какъ на чудовище или злодѣя.

Съ тѣхъ поръ прошелъ годъ, и наступилъ праздникъ св. Агаты. Донати ждалъ посреди толпы свою utupatedd'y, съ которой онъ долженъ былъ вскорѣ обвѣнчаться, какъ вдругъ почувствовалъ, что его кто-то взялъ подъ руку. Онъ бросилъ быстрый взглядъ на незнакомку, и сердце его замерло; не зная, что сказать, онъ предоставилъ вести себя въ кафе.

Его спутница нашла отдѣльный столикъ и сѣла противъ него; она казалась въ высшей степени взволнованной и утомленной; онъ боязливо разсматривалъ ее. „Лина! вскричалъ онъ наконецъ, — Донати бормоталъ слова безъ всякаго смысла. Со смѣхомъ, который хотѣлъ выразить такъ много, она опустила голову...

— Вы удивляетесь, видя меня здѣсь? спросила Лина послѣ долгаго молчанія.

Донати кивнулъ головой.

Движеніемъ плеча она сбросила свою мантилью.

— Смотрите!

— Боже мой! вскричалъ Донати.

— Вамъ жаль меня? но это не ваша вина... у меня всегда было плохое здоровье. Будьте покойны... я не желаю отравлять вамъ медоваго мѣсяца...

— О, что вы говорите!.. Еслибы вы знали... о, еслибы вы знали, какъ я страдалъ!..

— Вы?

— Да! и какъ сильно я раскаивался!..

— А! вы раскаивались?..

— Я не имѣлъ покоя... Я самъ не могу понять — почему это случилось...

— Вы не знаете?

— Нѣтъ, клянусь вамъ!

— Почему... потому, что я васъ любила...

— Вы! Вы?..

Она, блѣдная, какъ полотно, вскочила съ съ мѣста и сказала ему глухимъ голосомъ:

— Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ разсказали вы мнѣ этотъ сонъ?..

Съ итальянскаго. В. К. С.

Рыболовы-любители

Къ картинѣ В. Е. Маковскаго

Уффъ! Батюшки мои! Моченьки нѣтъ, какъ жарко... Полдень. Іюньское солнце жжетъ немилосердо. Истомленный, я пробираюсь узенькой дорожкой къ виднѣющейся вдали купѣ вербъ. Блуза моя мокра, хоть выжми, и непріятно прилипаетъ къ тѣлу. Ремень отъ ружья рѣжетъ плечо. Съ одной стороны дорожки гречишное поле, съ другой лугъ. На небѣ ни облачка. Знойный воздухъ не шелохнетъ. Господи, хоть бы добраться поскорѣе до тѣнистаго мѣстечка! Я сбираюсь съ силами и, обливаясь потомъ, ускоряю шаги. Наконецъ-то вотъ и вербы, а за ними рѣчка. Я забираюсь въ самую чащу, поближе къ водѣ, сбрасываю блузу и съ наслажденіемъ растягиваюсь на мягкой сырой землѣ среди высокой яркозеленой травы. Не искупаться ли? Я опускаю руку по локоть въ воду. Не освѣжаетъ ничуть. Вода точно кипяченая. Мечты о купаніи нужно отложить. Купаться въ такой водѣ безполезно. Еще хуже разморитъ...

Хорошо лежать въ тѣни около рѣчки въ жаркій лѣтній день. Сквозь густо переплетенныя вѣтви вербъ виднѣются кусочки голубаго неба. Все какъ будто заснуло, утомленное зноемъ. Только въ травѣ кипитъ дѣятельная жизнь. Какія-то букашки хлопотливо снуютъ взадъ и впередъ. Большой водяной жукъ переваливаясь ползетъ по землѣ по направленію къ рѣчкѣ и, наткнувшись на мою руку, останавливается словно въ недоумѣніи... Стрекозы съ радужными крыльями не умолкая звенятъ надъ самымъ ухомъ.

На противоположномъ берегу рѣченки послышался смѣхъ и дѣтскій говоръ. Я осторожно раздвинулъ рукою кусты и выглянулъ изъ своей засады. Пять ребятишекъ во всю прыть бѣгутъ изъ-за пригорка къ рѣчкѣ. Самому старшему изъ этой почтенной компаніи на видъ лѣтъ десять. Двое малышей тащатъ какія-то плетушки, а третій несетъ ведерко. Навѣрное это рыбари-аматеры? Такъ и есть. Вотъ они, добѣжавъ до воды, мгновенно сбрасываютъ съ себя штанишки и рубашенки. Еще мгновеніе—и сонная рѣченка оживаетъ. Плескъ воды смѣшивается съ хохотомъ и болтовней.

— Васютка, тащи плетушку!

— Алешка говорилъ, что пониже нужно ловить, у мельницы, кричитъ пузатый Васютка.

— Ништо и тутъ половимъ. Гришь, держи!

Работа у рыболововъ-любителей кипитъ. Они принялись за нее серьезно, словно и впрямь дѣло важное дѣлаютъ... Двое малышей втаскиваютъ корзину въ воду и, наклонивъ ее медленно, двигаютъ по самому дну. Остальные трое заходятъ на встрѣчу и поднимаютъ въ водѣ цѣлую бурю. Хитрецы, конечно, въ полной увѣренности, что напуганная шумомъ рыбка бросится бѣжать и попадетъ въ корзину. Ребята съ увлеченіемъ продолжаютъ свою заботу. Обнаженныя тѣла ихъ ярко сверкаютъ на солнцѣ. Вскудланныя головы мокры. Слышатся, какъ есть, „дѣловыя" замѣчанія:

— Гришь, подь къ берегу-то, пошуми, тамъ раки есть...

— Васька, идолъ, не тащи такъ скоро.

Корзинку нѣсколько разъ выволакиваютъ на берегъ, но, увы!—безъ всякаго результата. Рыба оказывается похитрѣе малышей и тщательно избѣгаетъ разставляемой ей импровизированной мережки.

— Братцы, ракъ! Ей Богу ракъ!

— Игдѣ?

— Вонъ, вонъ, у камня!

Всѣ любители гурьбой кинулись къ камню, и большой черный ракъ съ торжествомъ былъ вытащенъ за клешни.

Починъ былъ сдѣланъ. Рака разсмотрѣли весьма внимательно и бросили въ ведерко. Скоро къ нему прибавили нѣсколько штукъ простоватыхъ плотичекъ, попавшихъ въ плетушку, не успѣвшихъ во-время улизнуть.

Малыши усѣлись на берегу разсматривать добычу.

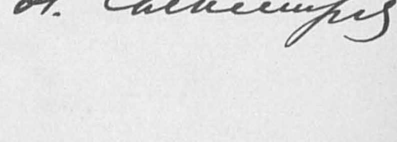
Изъ своего тѣнистаго убѣжища я невольно любуюсь этими дѣтьми природы, этой милой живописной группой на фонѣ то темной, то свѣтлой зелени подъ голубымъ шатромъ весны...

Вытащивъ изъ плетушки несчастную плотичку, одинъ изъ малышей съ тѣмъ же сосредоточеннымъ вниманіемъ, съ какимъ онъ разсматривалъ рака, разсматривалъ и рыбку еще трепетавшую.

— Давайте, братцы, садокъ сдѣлаемъ.

Мысль понравилась. Затѣйники быстро выкопали въ пескѣ у самаго берега яму и наполнили ее водой. Пойманная рыба и раки были посажены туда. Но скоро это надоѣло. Ребятки вытащили обратно свою „богатую" добычу и, уложивъ ее въ корзину, побѣжали въ припрыжку домой...

Жара стала понемногу спадать, и, выйдя изъ кустовъ, я перешелъ рѣченку и потихоньку поплелся за ребятами...



Политика

31 мая (12 іюня) 1893 г.

Въ тотъ день, когда мы пишемъ эти строки, состоялось послѣднее передъ лѣтними вакаціями засѣданіе общаго собранія государственнаго совѣта и кончился періодъ весенней политической дѣятельности нашихъ высшихъ государственныхъ учрежденій. Настаетъ обычное время лѣтняго затишья, передъ которымъ ожидается однако же обнародованіе давно уже ожидаемой мѣры, признаваемой оффиціальнымъ „Вѣстникомъ Финансовъ“ за первый шагъ къ введенію въ Россіи подоходнаго налога.

Дѣло идетъ о квартирномъ налогѣ, облагающемъ личною денежною повинностью всѣхъ русскихъ гражданъ безъ различія званія, достаточно состоятельныхъ для того, чтобы платить за наемъ занимаемаго ими помѣщенія извѣстную сумму. Изъ всѣхъ формъ подоходнаго обложенія это несомнѣнно самая простая, легко осуществимая и въ тоже время строго справедливая въ основѣ, такъ какъ квартирная плата въ огромномъ большинствѣ случаевъ и какъ бы самою силою вещей является строго пропорціональною ежегодному доходу квартиронанимателя.

Въ области административныхъ перемѣщеній и назначеній выдающимся событіемъ минувшей недѣли является назначеніе на должность товарища министра финансовъ профессора кіевскаго университета, г-на Антоновича, который до сихъ поръ соединялъ со своею педагогическою дѣятельностью дѣятельность журналиста, издавая и редактируя газету „Кіевское Слово“.

Въ западной Европѣ вниманіе политическихъ кружковъ было сосредоточено въ теченіе всей прошлой недѣли на двухъ рѣчахъ, произнесенныхъ послѣдовательно австро-венгерскимъ первымъ министромъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Кальноки въ бюджетныхъ делегаціяхъ венгерскаго сейма и австрійскаго рейхсрата. О первой изъ этихъ рѣчей мы уже упоминали въ нашемъ предыдущемъ обозрѣніи. Вторая, произнесенная въ бюджетной коммиссіи делегаціи австрійскаго рейхсрата, была, какъ и слѣдовало ожидать, повтореніемъ съ небольшими варіантами прежде сказаннаго главою вѣнскаго министерства. Сущность обѣихъ сводилась къ тому, что улучшившіяся за послѣднее время отношенія Австро-Венгріи къ Россіи представляютъ самую надежную гарантію европейскаго міра и даютъ имперіи Габсбурговъ надежду, что настанетъ, наконецъ, возможность прекратить разорительныя для Европы усиленія армій великихъ державъ.

Въ Австро-Венгріи эти рѣчи графа Кальноки произвели самое лучшее впечатлѣніе. Съ полнымъ сочувствіемъ отнеслись къ нимъ также всѣ благомыслящіе люди не только въ Италіи, но и во Франціи. Нѣсколько иначе отнеслись къ нимъ въ Германіи сторонники военной реформы. Органъ этой партіи, „National Zeitung“, прямо обвинилъ австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ въ чрезмѣрномъ оптимизмѣ, могущемъ повредить въ Германіи успѣху военнаго законопроекта, для обсужденія котораго созывается новый имперскій парламентъ. Тонъ нападокъ названной нами газеты былъ рѣзокъ почти до неприличія, и слѣдовало ожидать, что именно поэтому въ вѣнскихъ правительственныхъ сферахъ къ нему отнесутся съ вполнѣ заслуженнымъ презрительнымъ равнодушіемъ. Случилось, однако же, иначе. Графъ Кальноки нашелъ нужнымъ оправдываться и произнесъ въ делегаціяхъ третью рѣчь, лучшею оцѣнкою которой мы считаемъ отзывъ германскихъ газетъ, толкующихъ ее какъ извиненіе, потребованное изъ Берлина и безпрекословно принесенное австро-венгерскимъ премьеромъ. Но такая „ретирада“ графа Кальноки дѣла не измѣнила. Въ настоящую минуту повсюду въ Европѣ, кромѣ германскихъ оффиціозныхъ кружковъ, преобладаетъ убѣжденіе, что европейскому миру не угрожаетъ рѣшительно никакая опасность.

Между тѣмъ со вчерашняго дня настала уже недѣля, на которой должны начаться выборы въ германскій рейхстагъ. Первое голосованіе произойдетъ въ четвергъ, 3 (15) іюня, и главные результаты его, можетъ быть, уже будутъ извѣстны изъ телеграммъ ежедневныхъ здѣшнихъ газетъ въ тотъ день, когда появится въ печати наше обозрѣніе. Единственно для характеристики настроенія, при которомъ начнутся парламентскіе выборы въ Германіи, считаемъ мы нелишнимъ упомянуть, что въ первые дни прошлой недѣли изъ Берлина приходили извѣстія о томъ, что императоръ Вильгельмъ отложилъ всѣ свои обычныя лѣтнія экскурсіи до тѣхъ поръ, пока новый рейхстагъ не покончитъ съ проектомъ военной реформы.

Въ Англіи палата общинъ продолжала на прошлой недѣлѣ при безчисленныхъ препятствіяхъ со стороны оппозиціи „комитетское“ обсужденіе различныхъ статей ирландскаго билля Гладстона. Дѣло остановилось на обсужденіи 3-й статьи, опредѣляющей законодательную компентентность будущаго ирландскаго парламента. Консерваторы и уніонисты представили цѣлую массу поправокъ въ этой статьѣ и продолжаютъ представлять ихъ до сихъ поръ. Всѣ ихъ предложенія либеральное большинство отвергаетъ одно за другимъ, но обсуждать эти предложенія все-таки приходится, и время идетъ въ безполезныхъ преніяхъ, которымъ правительство не рѣшается класть конецъ требованіемъ закрытія этихъ преній.

Во Франціи, хотя до общихъ выборовъ въ палату депутатовъ остается по меньшей мѣрѣ еще два мѣсяца, избирательное движеніе уже въ полномъ разгарѣ. Самою характерною его чертою является пока разнорѣчіе между правительствомъ и нѣкоторыми фракціями республиканской партіи по вопросу объ отношеніи этой партіи къ перешедшимъ на сторону республики консерваторамъ. Въ то время, когда глава министерства г. Дюпюи относится къ этимъ новообращеннымъ весьма холодно и съ почти нескрываемымъ недовѣріемъ, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ кабинета Фрейсине-Рибо, г. Констанъ проповѣдуетъ широкое гостепріимство въ пользу перешедшихъ на сторону республики консерваторовъ, оговариваясь однако же, что къ участію въ правительствѣ ихъ все-таки не слѣдуетъ допускать. Весьма любопытно, что къ программѣ г-на Констана относятся сочувственно не только умѣренные республиканцы, но и очень многіе изъ недавнихъ противниковъ существующаго порядка вещей, образовавшихъ изъ себя нынѣ новую партію „конституціонной правой стороны“. Они какъ будто увѣрены, что оговорки г-на Констана насчетъ недопущенія ихъ до правительственныхъ дѣлъ не болѣе какъ ораторская хитрость, имѣющая цѣлью успокоить республиканскихъ избирателей. Какъ бы то ни было, но уже теперь г. Констанъ выступаетъ какъ бы соперникомъ нынѣшняго президента совѣта г-на Дюпюи.

Сербія готовится въ настоящую минуту къ открытію первой сессіи новой скупщины. По послѣднимъ извѣстіямъ открытіе это совершитъ самъ юный король Александръ чтеніемъ первой своей тронной рѣчи.

Яковъ Молешоттъ †

Наука потеряла недавно крупнѣйшаго изъ своихъ представителей. 9 (21)-го мая скончался въ Римѣ одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ физіологовъ текущаго столѣтія, хорошо извѣстный русской публикѣ по переводамъ его сочиненій — Яковъ Малешоттъ. Европейская наука средины нынѣшняго столѣтія была запечатлѣна духомъ матеріализма и въ ряду передовыхъ представителей этого направленія, рядомъ съ Карломъ Фогтомъ, Фейербахомъ, Штраусомъ, Бюхнеромъ, стоялъ и Молешоттъ. Его первая книга „Der Kreislauf des Lebens“ (круговоротъ жизни въ природѣ), выдержавшая нѣсколько переводовъ, на русскій языкъ, несмотря на свое видимо спеціальное содержаніе, являясь краеугольнымъ камнемъ этого направленія въ наукѣ, которое сквозило въ каждомъ положеніи, а въ послѣднемъ нѣмецкомъ изданіи книги, вышедшемъ въ 1887 году, Молешоттъ даже прямо высказалъ, въ видѣ отдѣльныхъ рѣшительныхъ тезисовъ, свои завѣтные взгляды. „Исторія человѣческой цивилизаціи, говоритъ онъ въ концѣ 2-го тома этого изданія,—это исторія развитія человѣческихъ чувствъ. Всѣ наши знанія имѣютъ своимъ источникомъ наши чувства; въ нашемъ разумѣ нѣтъ ничего, что бы вошло въ него инымъ путемъ. Откровеніе и знаніе стоятъ между собою въ такомъ же отношеніи, какъ поэзія и истина; первое угадываетъ, а второе кладетъ основы“. Книга, о которой мы говоримъ, можетъ считаться наиболѣе полнымъ и яркимъ выраженіемъ философской закваски Молешотта, и для того, чтобы наилучше охарактеризировать эту выдающуюся личность, мы должны сообщить нѣкоторыя обстоятельства, сопровождавшія выходъ этого сочиненія въ свѣтъ. Пользуемся для этого превосходною рѣчью итальянскаго профессора Моссо, одного изъ преданнѣйшихъ учениковъ Молешотта, произнесенною въ годовщину празднованія 70-тилѣтія со дня рожденія знаменитаго ученаго, 16-го декабря 1892 года. Для того, чтобы получить понятіе о той атмосферѣ, въ которой создалась книга Молешотта, необходимо помнить, что вся молодежь тогдашнихъ германскихъ университетовъ покланялась двумъ крупнѣйшимъ представителямъ матеріалистическаго направленія—Фейербаху и Штраусу. Молодой и впечатлительный, Молешоттъ не могъ не отозваться на господствующее направленіе и, разъ принявъ его, усвоилъ его и удержалъ на всю жизнь съ устойчивостью истаго голландца, какимъ онъ и былъ по рожденію. Это направленіе едва ли въ меньшей мѣрѣ вліяло на порожденіе событій 1848 года, чѣмъ дѣятельность французскихъ энциклопедистовъ на событія 1789 года. Штраусъ былъ въ 1839 г. призванъ на каѳедру въ Цюрихъ, но едва только успѣлъ прочесть вступительную лекцію, какъ уже швейцарское правительство уволило профессора, давъ ему пенсію. Литтре чуть не потерялъ своего мѣста во французской академіи, вздумавъ перевести „Жизнь Іисуса“ Штрауса на французскій языкъ. Таковы были обстоятельства, обусловившія философское направленіе книги Молешотта, болѣе всего доставившее ей успѣхъ среди тогдашней публики. Но нельзя сказать, чтобы только этому обстоятельству знаменитая книга была обязана своимъ успѣхомъ. Каждый, кто ее прочелъ, особенно то, переработанное авторомъ, ея изданіе, которое предназначалось для обыкновенной публики, долженъ согласиться, что это одно изъ самыхъ совершеннѣйшихъ по слогу и изложенію популярныхъ естественнонаучныхъ сочиненій. Слава Молешотта, какъ талантливѣйшаго популяризатора — неоспорима. Въ своемъ предисловіи Молешоттъ не даромъ упоминаетъ о томъ глубокомъ впечатлѣніи, какое на него произвелъ Гумбольдтъ. „Картины природы“ и „Космосъ“ всегда будутъ служить образцомъ самаго удачнаго сочетанія глубокой учености съ высокимъ талантомъ передачи знаній въ массу читающей публики. Молешоттъ мастерски воспользовался урокомъ великаго ученаго. Не только въ „Круговоротѣ жизни“, но и во всѣхъ другихъ своихъ произведеніяхъ Молешоттъ проявляетъ то же возвышенное поэтическое настроеніе, которымъ такъ проникнуты страницы сочиненій Гумбольдта. Молешоттъ и ученый, и въ то же время талантливый литераторъ, даже поэтъ. Врожденная поэтическая жилка Молешотта дала особенно рѣзкій отзвукъ при первомъ же соприкосновеніи его съ величайшимъ изъ европейскихъ поэтовъ—Данте. Та минута, когда Молешоттъ въ первый разъ взялъ въ руки „Божественную комедію“, была рѣшительною въ его жизни; онъ понялъ, что онъ самъ поэтъ и въ то же время всею душою прилѣпился къ великому флорентійскому поэту и его прекрасной родинѣ, которой онъ и служилъ вѣрою и правдою тридцать лѣтъ. Съ точки зрѣнія чисто научной слѣдуетъ отмѣтить борьбу Молешотта съ ученіемъ Либиха. Мы опять натолкнулись на одно изъ самыхъ крупныхъ именъ въ исторіи точныхъ наукъ. Знаменитый химикъ создалъ теорію питанія, которой быть можетъ еще и понынѣ держатся многіе, кому приходилось слушать курсы естествовѣдѣнія лѣтъ 30—40 тому назадъ, но не пришлось слѣдить за дальнѣйшимъ ходомъ науки. Либихъ раздѣлилъ всѣ пищевыя вещества на рѣзко разграниченныя группы: одни служатъ для образованія въ тѣлѣ животныхъ мускуловъ, другіе жира. Такое строгое раздѣленіе было въ высшей степени удобно и для врачей, и для хозяевъ, кормящихъ домашнихъ животныхъ, и вообще для публики. Организмъ животнаго приравнивался къ машинѣ, которая изъ каждаго даннаго сырого матеріала выработываетъ извѣстный, опредѣленный продуктъ. Прошло 3—4 десятилѣтія со времени возникновенія либиховской теоріи, и теперь наши воззрѣнія на роль пищевыхъ веществъ рѣзко измѣнились: мы знаемъ, что крахмалъ, какъ и бѣлковое вещество, творитъ кровь, и жиръ можетъ образоваться какъ изъ крахмала (либиховскаго жирообразователя), такъ изъ альбумина (либиховскаго пластическаго матеріала). И вотъ провозвѣстникомъ этихъ-то, теперь уже всѣми принятыхъ, а тогда еще только зарождавшихся, научныхъ положеній и былъ Молешоттъ. Посвящая свою книгу Либиху, Молешоттъ отдавалъ должное великимъ научнымъ заслугамъ знаменитаго химика, но тутъ же, въ своемъ предисловіи, рѣшительно оговаривался, что въ организмѣ животныхъ дѣло обстоитъ и происходитъ далеко не съ тою простотою, какую возвѣщалъ Либихъ. Авторъ „Писемъ о химіи“

зналъ о враждебномъ настроеніи Молешотта и, нападая въ одномъ изъ этихъ писемъ на „диллетантовъ“, пускающихся разсуждать о натуралистическихъ теоріяхъ, повидимому склоненъ былъ включить въ число этихъ диллетантовъ и Молешотта. Но тридцатилѣтняя профессура послѣдняго въ Италіи, на которой онъ съумѣлъ окружить свое имя полнымъ уваженіемъ, которое онъ заслужилъ трудами и высокимъ научнымъ авторитетомъ, должна снять съ него всякую тѣнь подозрѣнія въ диллетантизмѣ.

Яковъ Молешоттъ былъ родомъ голландецъ. По этому поводу замѣтимъ; прежде всего, что мы, русскіе, усвоили привычку произносить его имя совершенно невѣрно. Онъ не Молешоттъ, а Молесхоттъ, ибо у голландцевъ нѣтъ звука *ш*, а группа *sch*, произносимая нѣмцами какъ *ш*, по голландски выговаривается раздѣльно — *с х*. Молешоттъ, сынъ врача, родился 9 августа (н. с.) 1822 года въ Гертогенбушѣ, главномъ городѣ Сѣвернаго Брабанта, въ Нидерландахъ. Его врожденныя способности проявились очень рано; еще юношею написалъ онъ свою первую статейку, содержавшую критическія замѣчанія на либиховскую теорію питанія растеній, проявивъ въ ней и знанія, и критическій и литературный талантъ. Онъ учился въ гейдельбергскомъ университетѣ, который въ 1845 году увѣнчалъ преміею его первую серьезную научную работу, написанную имъ на заданную университетомъ тему „о мальпигіевыхъ тѣльцахъ въ легкихъ“. По окончаніи университетскаго курса Молешоттъ два года служилъ врачемъ въ Утрехтѣ; здѣсь онъ сдѣлался усерднымъ посѣтителемъ лабораторіи знаменитаго химика Мульдера, приготовляясь къ приватъ-доцентурѣ въ Гейдельбергѣ, гдѣ онъ и преподавалъ съ 1847 по 1854 годъ. Въ 1856 г. Молешоттъ перешелъ въ цюрихскій университетъ на каѳедру физіологіи. Здѣсь онъ познакомился съ извѣстнымъ неаполитанскимъ историкомъ Франческо де-Санктисомъ, бѣжавшимъ сюда отъ политическихъ преслѣдованій. Въ 1860 году, когда Санктисъ сдѣлался министромъ народнаго просвѣщенія, онъ предложилъ Молешотту каѳедру физіологіи въ Туринѣ. Съ тѣхъ поръ онъ до конца жизни оставался въ Италіи, горячую любовь къ которой ему внушилъ авторъ „Божественной Комедіи“. Въ 1876 г. онъ получилъ званіе итальянскаго сенатора, а въ 1878 г. былъ перемѣщенъ на каѳедру физіологіи въ римскій университетъ. Онъ носилъ также званіе почетнаго гражданина Рима. Молешоттъ былъ голландецъ по рожденію, нѣмецъ по образованію и итальянецъ по внутреннему влеченію. Онъ владѣлъ итальянскимъ языкомъ въ совершенствѣ, и итальянскіе журналы, вспоминая теперь о покойномъ, разсыпаются въ похвалахъ изяществу его стиля и той свободѣ, съ которою онъ излагалъ свои мысли на чужомъ языкѣ. На торжествѣ въ день 70-лѣтія своей годовщины самъ Молешоттъ, въ то время еще здоровый и бодрый, говорилъ о себѣ: „Никогда не измѣнялъ я двумъ полюсамъ моей жизни — свободѣ и труду. Въ Голландіи я всосалъ любовь къ свободѣ съ молокомъ матери, тамъ же, позднѣе, мой отецъ, свободный мыслитель, внушилъ мнѣ и любовь къ труду. Въ Германіи научился я цѣнить знаніе, тамъ я изучалъ Либиха и погрузился въ Гёте... Оттуда я отправился въ Швейцарію, гдѣ почерпнулъ новыя силы къ борьбѣ, и наконецъ явился въ Италію, явился не въ качествѣ досужаго туриста, а твердо рѣшившись работать. Здѣсь нашелъ я свободу въ политикѣ, въ идеяхъ, въ ученіяхъ, общественную свободу. Ни въ какой другой странѣ на всемъ свѣтѣ наука, искусство и политика не связаны между собою такъ тѣсно, какъ въ Италіи...“ Изъ этихъ горячихъ словъ, относящихся къ Италіи, можно заключить, что крайній матеріалистъ былъ не чуждъ и идеализма...

Намъ остается упомянуть о научно-литературной дѣятельности Молешотта. Его первое большое научное сочиненіе „Physiologie der Nahrungsmittel“ (физіологія питательныхъ веществъ) было напечатано первымъ изданіемъ въ 1850 г. За нимъ слѣдовало „Ученіе о питательныхъ веществахъ, изложенное для народа“ (Lehre der Nahrungsmittel. Fur das Volk), напечатанное въ томъ же году. „Physiologie des Stoffwechsels in Pflanzen und Thieren“ (Физіологія обмѣна веществъ въ растеніяхъ и животныхъ) была издана въ 1851 году. За нею въ слѣдующемъ году появился знаменитый „Круговоротъ жизни“; затѣмъ, въ 1861 г., „Физіологическіе очерки“ (Physiologische Skizzenbuch). Молешоттомъ написана также біографія извѣстнаго натуралиста Георга Форстера. Въ послѣднее время Молешоттъ писалъ свои сочиненія на итальянскомъ языкѣ. Таковы: „Fugli attributi generali dei nervi“ (1881), „L'Uso dell'iodoformo nel diabete melleto“ (1882) и друг.

На русскій языкъ переведены его: „Круговоротъ жизни“, „Ученіе о пищѣ“, „Физіологическіе очерки“ и небольшія статейки и лекціи, вошедшія въ изданіе „Kleine Schriften (1880—1887).

Jac. Moleschott.

ЯКОВЪ МОЛЕШОТТЪ,
знаменитый физіологъ, † 8 (20)-го мая с. г.

Съ фотографіи Ле-Лельера въ Римѣ.

ГЕРМАНЪ МАЗІУСЪ,
педагогъ, ученый, † 10 (22)-го мая с. г.

Съ фотографіи Г. Брокеша въ Лейпцигѣ.

А. Р. фонъ-ШМЕРЛИНГЪ,
австрійскій политикъ, † 11 (23)-го мая с. г.

Съ фотографіи Кальмара и Чекели въ Вѣнѣ.

ПО ПЕРСІИ

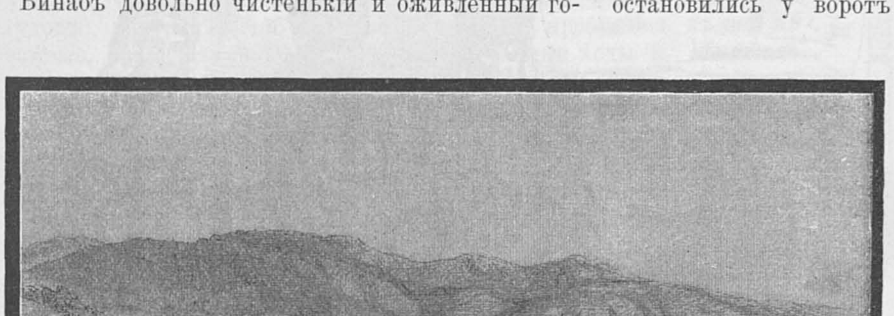
Путевыя замѣтки художника

А. Н. ЧИКИНА

Развалины Тахтъ-и-Сулейманъ. Общій видъ и городскія ворота.

II

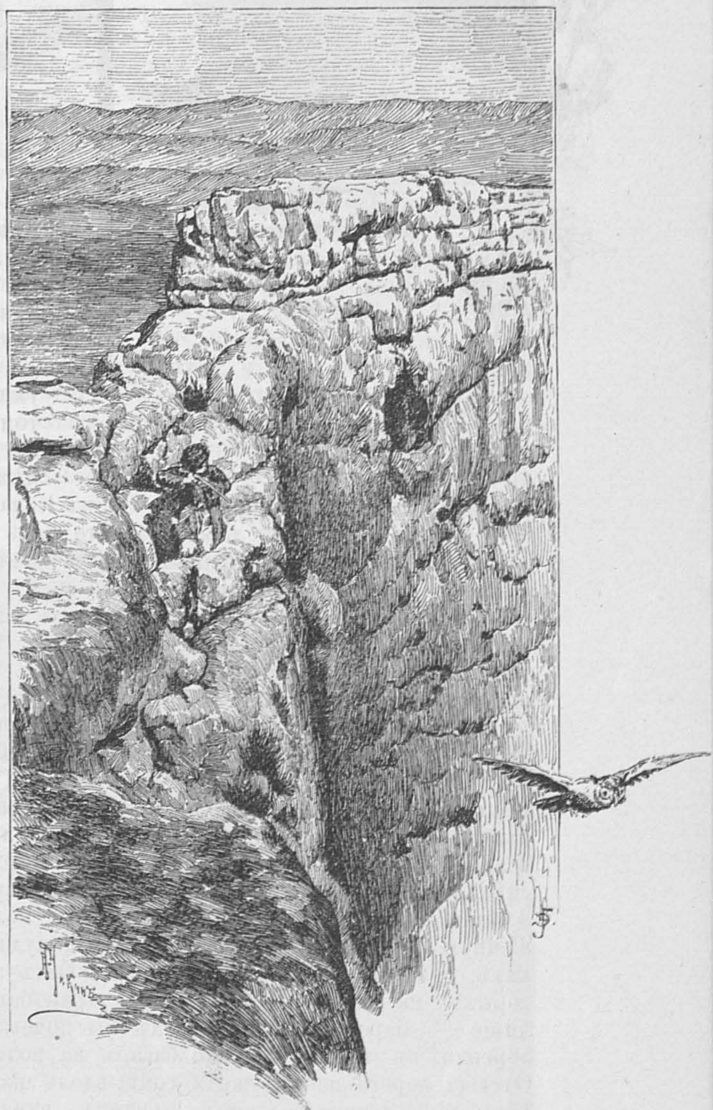
Отъ Тавриза дорога идетъ все той же равниной, въ которой расположенъ этотъ городъ, огибая съ запада подошву Сехенда и оставляя вправо обширные прибрежные солончаки Урміи. Часто попадающіяся здѣсь по пути деревни поражаютъ обиліемъ своей зелени, обширностью и видимой зажиточностью жителей. Верстахъ въ пяти отъ одной изъ нихъ, именно Сардари, высится при дорогѣ громадный, но довольно пустынный караванъ-сарай въ видѣ настоящей глиняной крѣпости съ семью грозными башнями. На другой день по выѣздѣ изъ Тавриза, оставивъ въ сторонѣ городокъ Дихкарганъ, невдалекѣ отъ котораго намъ попалось при дорогѣ старинное кладбище съ нѣсколькими памятниками въ видѣ грубыхъ изваяній львовъ, мы остановились въ полдень въ деревнѣ Дарья-Ханая, расположенной у самаго берега большаго соленаго озера Урміи, или Дарья-Кобудъ, какъ его зовутъ туземцы. Здѣсь впервые мы увидѣли предназначенныя для птичьихъ гнѣздъ башни, довольно распространенныя въ Персіи и особенно тщательно устроенныя въ окрестностяхъ Испагани. Отъ этой деревни дорога поднимается на невысокіе холмы, составляющіе продолженіе того же Сехенда, съ вершины которыхъ открывается обширный видъ на озеро и прибрежную равнину съ расположенными на ней утонувшими въ зелени деревнями. Переночевавъ въ деревнѣ Ханая, мы на другой день двинулись дальше и, пересѣкши солончаковыя низменности, скоро въѣхали въ городъ Бинабъ. Остановились мы здѣсь въ лучшей комнатѣ лучшаго караванъ-сарая, окна которой выходятъ прямо на базаръ. Бинабъ довольно чистенькій и оживленный городокъ; въ немъ около 8,000 жителей Здѣсь наши попутчики изъ Тавриза, двое вооруженныхъ съ ногъ до головы татаръ, везшихъ какому-то хану разные подарки, оставили насъ, любезно распрощавшись, и мы уже одни выѣхали часа въ 4 въ Марагу.



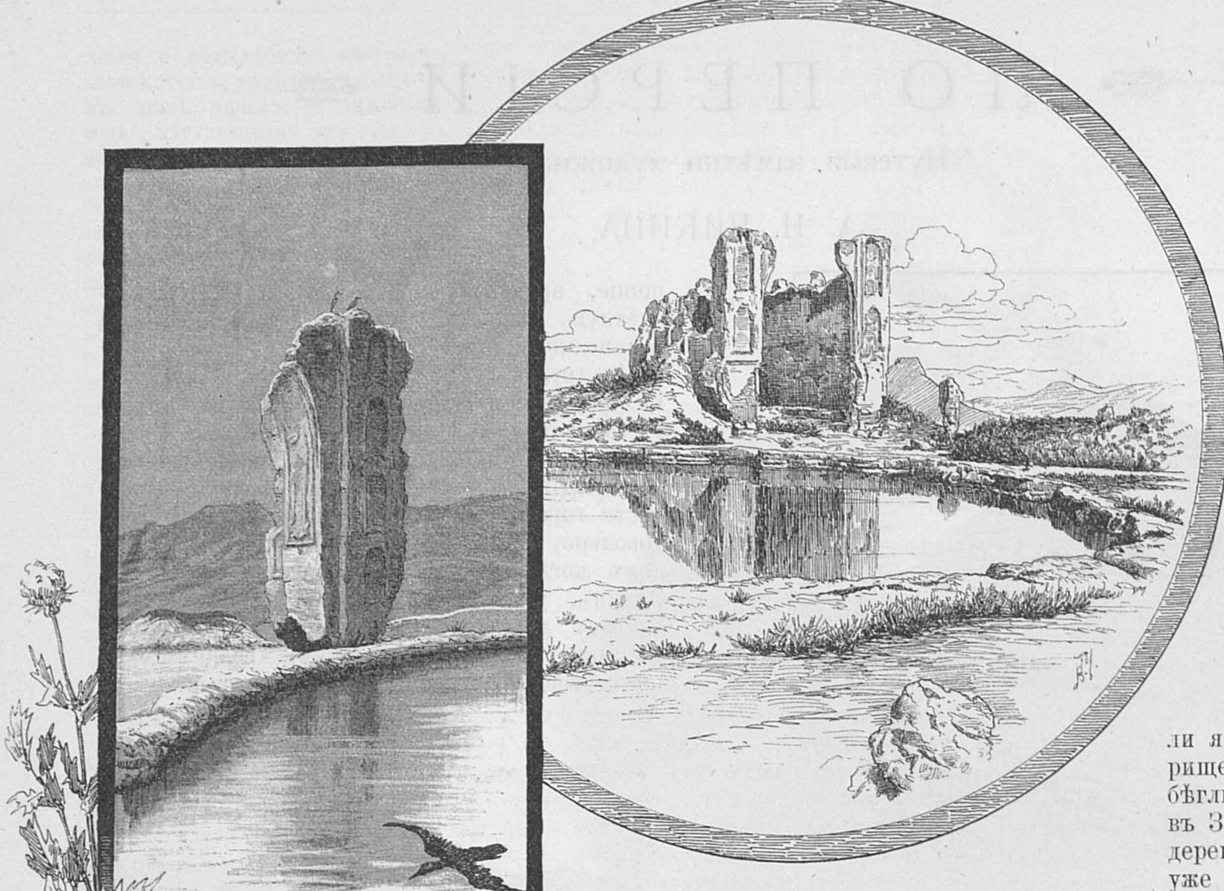
Мѣстность по дорогѣ изъ деревни Коша-булакъ въ деревню Юргунъ-Агачъ.

14 или 15 верстъ, отдѣляющихъ этотъ городъ отъ Бинаба, мы проѣхали довольно скоро и съ высоты холма, на который мы поднялись послѣ равнины, увидѣли окруженную садами Марагу. Солнце уже садилось, когда мы выбрались, наконецъ, изъ этихъ безконечныхъ садовъ съ журчащими подъ ихъ тѣнью арыками, выѣхали къ красивому старинному мосту черезъ сухое ложе рѣки, за которымъ сейчасъ же изъ-за зелени высятся живописныя ворота и глиняныя полуразмытыя дождями стѣны города. Когда мы вступили затѣмъ въ его тѣсныя темныя улицы, проѣхали по его оживленному, но начинающему закрываться базару, солнце уже сѣло, и потому мы, проблудивъ немного, съ трудомъ нашли, наконецъ, караванъ-сарай армянскаго купца Туманіанца, къ которому у насъ было рекомендательное письмо. Марага, благодаря тому, что стоитъ въ сторонѣ отъ большихъ торговыхъ дорогъ,— городъ захолустный, чисто мусульманскій, рѣдко видавшій европейцевъ, такъ что, когда мы остановились у воротъ караванъ-сарая Туманіанца, то собравшаяся поглазѣть на насъ толпа запрудила всю улицу. Здѣсь намъ изрядно-таки пришлось обождать, пока вышелъ, наконецъ, изъ воротъ караванъ въ 200 верблюдовъ, нагруженныхъ „сабзей“ (родъ изюма), отправлявшійся въ Ардебиль. Караванъ-сарай Туманіанца, одного изъ богатѣйшихъ купцовъ во всей Персіи, представляетъ собою довольно обширный дворъ съ помѣщеніями, предназначенными только для его товаровъ и его людей. Главный прикащикъ, молодой армянинъ, которыхъ здѣсь около пяти душъ, отвелъ намъ лучшее помѣщеніе, предназначенное для посѣтителей — свѣтлую устланную коврами и уморительно расписанную комнату.

На другой день въ сопровожденіи нѣсколькихъ армянъ изъ мѣстныхъ купцовъ и серхенга (полковника) Махмудъ-хана, явившагося къ намъ по полученіи рекомендательнаго письма, мы отправились осматривать кое-какія окрестности города. Въ средніе вѣка Марага была довольно извѣстнымъ своей ученостью городомъ, когда въ ней жилъ астрономъ Насръ-Эддинъ, устроившій себѣ здѣсь обсерваторію; поэтому мы особенно интересовались находящимися въ городѣ нѣсколькими древними башнями, когда-то украшенными изразцами и орнаментами. Но, несмотря на тщательные расспросы, никто не могъ объяснить намъ, что это за башни. По всей вѣроятности это просто надгробные памятники надъ важными лицами: обсерваторія же, какъ намъ указали, находилась на небольшой возвышенности, доминирующей городъ съ юга, гдѣ замѣтны еще слѣды развалинъ. Въ Марагѣ считается до 20,000 жителей, состоящихъ главнымъ образомъ, конечно, изъ татаръ, но городъ, какъ я уже говорилъ, довольно глухой; на окраинахъ его, особенно въ юго-восточной части, первыми попадаются деревянныя ворота, запирающія въ нѣсколькихъ мѣстахъ улицы. Въ семи верстахъ отъ Мараги есть минеральные углекислые источники, вкусомъ очень похожіе на зельтерскіе и съ небольшимъ содержаніемъ желѣза, въ которыхъ туземцы охотно купаются, но воды изъ нихъ не пьютъ. Въ поѣздкѣ къ этимъ источникамъ насъ сопровождали два „карасурана“, конныхъ милиціонера, присланныхъ намъ губернаторомъ. Оба эти воина были оборваны, вооружены изломанными пистонными



Кратеръ Зинанъ-и-Сулейманъ.



Развалины Тахтъ-и-Сулейманъ. Остатки »храма огня« и одинокая руина.

ружьями и старинными пистолетами и вообще имѣли жалкій видъ. О жалованьѣ — 7 тумановъ въ годъ, — которое они получали въ Тавризѣ или въ Тегеранѣ на бумагѣ, они давно ужъ перестали думать, и потому-то въ Персіи своихъ солдатъ жители боятся больше, чѣмъ разбойниковъ.

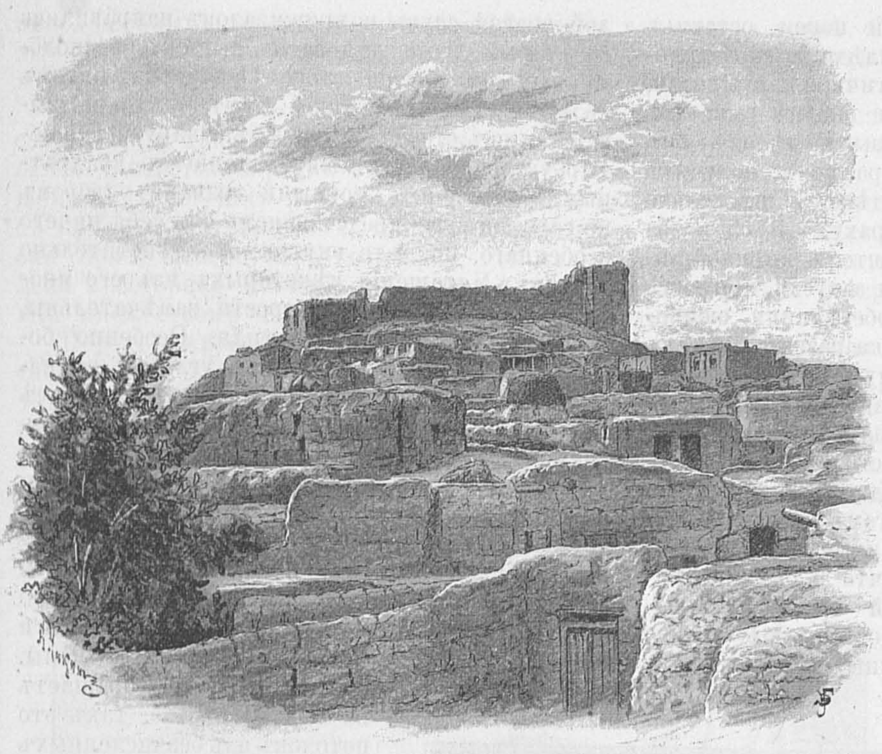
Такъ какъ отъ Мараги до Саинъ-Кала всего около 90 верстъ и чуть ли не двѣ трети дороги занято подъ телеграфъ, то мы 19 іюня выѣхали туда безъ проводниковъ. Персидскій телеграфъ, соединяющій наиболѣе важные города государства, между прочимъ и Соучъ-Булакъ съ Тавризомъ черезъ Марагу, — просто каррикатура: столбы стоятъ низенькіе, кривые совсѣмъ и повалились, а проволока мѣстами преграждаетъ путь, отвисая совсѣмъ низко, и даже лежитъ коегдѣ прямо на землѣ, при дорогѣ. Дорога отъ Мараги до С.-Кала вообще чрезвычайно скучная: почти на половину своей длины она идетъ по голой бугристой степи; только направо вдали виднѣется тонущій въ синевѣ хребетъ Загроша съ серебристыми жилками снѣга. Изрѣдка попадающіяся маленькія сѣрыя деревушки кажутся точно вымершими подъ жаркими лучами солнца. Отъ деревни Арыхъ (верстахъ въ 30-ти отъ Мараги), гдѣ мы останавливались переждать жару, дорога еще пустыннѣе; до деревни Лойлянъ мы только и видѣли какую-то полуразрушенную, заброшенную крѣпость. Деревня Лойлянъ, куда мы въѣхали при закатѣ, лежитъ уже у подошвы невысокихъ горъ, на одной изъ которыхъ на вершинѣ виднѣется старая башня — какое-то святилище — „зіаретъ“. Лойлянъ, гдѣ мы ночевали, довольно большая деревня; въ ней есть даже базаръ на половину, правда, пустой, Отсюда дорога идетъ уже лугомъ, вдоль значительной рѣчки Джаруты чай, самаго большаго притока, вливающагося въ Урмію. У деревень, какъ, напримѣръ, у попавшейся намъ послѣ двадцативерстнаго перехода Кячявуръ, въ которой мы останавливались, снова зеленѣютъ тѣнистые сады. Дальше въ долинѣ той же рѣки, вправо отъ дороги, мы увидѣли какую-то красивую крѣпостцу съ прилѣпившейся къ ней деревней, ярко рдѣющую своими стѣнами и башнями на синемъ фонѣ горъ. Солнце садилось, когда мы въѣхали въ показавшееся вдругъ изъ-за холма обширное селеніе Махмудчикъ съ базаромъ и оригинальнымъ дворцомъ-крѣпостью какого-то хана, окруженномъ садами. Отсюда до Саинъ-Кала всего версты 4—5, и потому мы, несмотря на то, что было уже поздно, рысью двинулись дальше. Фіолетовыя сумерки окутали еще недавно розовыя горы; даль потемнѣла. Джаруты-чай, которую можно считать географической границей между Азербейджаномъ и Курдистаномъ, течетъ здѣсь спокойной широкой лентой среди горъ, и вся вообще мѣстность вечеромъ производитъ впечатлѣніе самой пустынной глуши. Скоро Саинъ-Кала, который мы увидѣли тотчасъ же по выѣздѣ изъ Махмудчика, сталъ заволакиваться мглою, и, когда мы въѣзжали въ него, оставивъ за собой пригородные сады, только крутой конусъ холма съ какими-то строеніями выдѣлялся на темномъ, усѣянномъ звѣздами, небѣ. Къ немалому нашему удовольствію мы сразу безъ хлопотъ отыскали единственный въ городѣ маленькій караванъ-сарай и расположились въ немъ.

Саинъ-Кала — маленькій городишко; въ немъ едва ли будетъ болѣе 2,000 жителей, и базаръ его ничтоженъ. тѣмъ не менѣе онъ „кассаба“ (уѣздъ) и административный пунктъ, хотя губернаторъ его („сартибъ“) переселился недавно въ свою родовую деревню Кирхлы и тамъ ведетъ всѣ дѣла. Въ незначительномъ опустѣломъ дворцѣ его въ Саинъ-Кала мы застали одного только чиновника, который, прочитавъ нашъ фирманъ, тотчасъ же снабдилъ насъ бумагой ко всѣмъ старшинамъ, черезъ деревни которыхъ мы поѣдемъ вплоть до Кирхлы. Такъ какъ отъ Саинъ-Кала мы должны были свернуть съ торговыхъ дорогъ, для того, чтобы посѣтить знаменитыя развалины Тахтъ-и-Сулейманъ, лежащія верстахъ въ 90 отсюда, у верховьевъ Джаруты-чай, то намъ нужны были проводники и потому на другой день утромъ къ намъ явилось двое конныхъ карасурановъ.

Съ этими провожатыми 22-го іюня мы оставили Саинъ-Кала и двинулись впередъ по довольно хорошей, но очень гористой дорогѣ. Скоро, впрочемъ, мы спустились въ зеленую долину какой-то рѣчки, по берегамъ которой растутъ группы вербъ. Подъ одной изъ нихъ я увидѣлъ двухъ татаръ, очевидно, отдыхающихъ, изъ которыхъ одинъ обратился вдругъ ко мнѣ на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ съ вопросомъ — не докторъ ли я и далеко ли я ѣду. Очевидно это былъ русскій бѣглецъ съ товарищемъ-татариномъ, однимъ изъ тѣхъ многочисленныхъ бѣглыхъ, которые, возвращаясь изъ Сибири, направляются въ Закавказье черезъ Персію. Первая попавшаяся намъ деревушка, спрятавшаяся въ глиняной лощинѣ, населена уже исключительно курдами и по виду не похожа на видѣнныя нами раньше: всѣ хижины въ большинствѣ случаевъ вымазаны яркокрасной глиной, или по свѣтлымъ стѣнамъ выведены этимъ-же матеріаломъ самые примитивные узоры. Верстахъ въ 5-ти не доѣзжая до слѣдующей деревни Сенджидъ, мы, по указанію проводниковъ, свернули къ самой рѣкѣ, къ минеральному углекислому источнику, въ которомъ, по ихъ словамъ, правовѣрные, направляясь изъ Азербейджана на богомолье въ Кербеля, считаютъ долгомъ помыться. Источникъ этотъ похожъ скорѣе на колодезь, доходящій глубиной до пояса и на столько тѣсенъ, что въ немъ можно помѣститься только одному; купанье въ немъ не представляетъ особеннаго удовольствія, такъ какъ безчисленные мелкіе камешки, поднимаемые газами, сильно бьютъ по тѣлу.

Въ деревнѣ Сенджидъ, гдѣ мы останавливались, наши карасураны оставили насъ, и мы не безъ труда получили новыхъ проводниковъ. Это были два молодыхъ курда, вооруженныхъ берданками и на отличныхъ коняхъ. Здѣсь курды живутъ осѣдло, но привычка къ кочевкѣ все еще такъ сильна, что лѣтомъ большинство жителей деревни оставляетъ ее и располагается въ нѣсколькихъ верстахъ въ своихъ черныхъ шатрахъ. Отъ Сенджида дорога постепенно все поднимается и поднимается, и взбирается, наконецъ, на довольно высокій хребетъ, по которому и идетъ большей частью. Отсюда прекрасный

Типы курдовъ изъ Гезъ-Агача и ихъ хижина.



Городъ Саинъ-Кала.

видъ на обширную панораму фіолетовыхъ горъ, которыя, какъ окаменѣлыя волны безпредѣльнаго моря, вздымаются рядами, уходя вдаль и сливаясь съ горизонтомъ, горящимъ золотомъ. Спустившись съ хребта и пересѣкши многочисленные каменистые овраги по незамѣтной тропинкѣ среди вывѣтрившихся скалъ, мы совсѣмъ уже ночью пріѣхали въ деревню Гезъ-Агачъ и прямо во дворъ старшины, у котораго и остановились.

Деревня эта, какъ и всѣ прочія, тоже курдская — тутъ ужъ Курдистанъ. Переночевавъ у мрачнаго типичнаго старшины, отца замѣчательно хорошенькой и веселой дочки, мы на другой день, въ сопровожденіи одного пѣшехода, такъ какъ конныхъ не оказалось, направились дальше по зеленому оврагу, на днѣ котораго течетъ ручеекъ. Въ деревнѣ Кестапени нашелся, наконецъ, конный, и мы дальше двинулись скорѣе, несмотря на то, что дорога отсюда идетъ съ горы на гору. Отъ деревни Хасанъ-Абадъ, гдѣ мы останавливались, Тахтъ-и-Сулейманъ уже недалеко, всего верстъ 10—12, такъ что по выѣздѣ изъ нея, пробираясь вверхъ по живописной рѣчкѣ, мы увидѣли, наконецъ, вдали, у подошвы массивнаго Демерлю дага, еще таящаго кое-гдѣ у вершины рѣдкія пятна тусклаго снѣга (12,000 ф.), совершенно отдѣльную коническую гору — это Зинанъ-и-Сулейманъ, рядомъ съ которымъ лежитъ и самый Тахтъ-и-Сулейманъ.

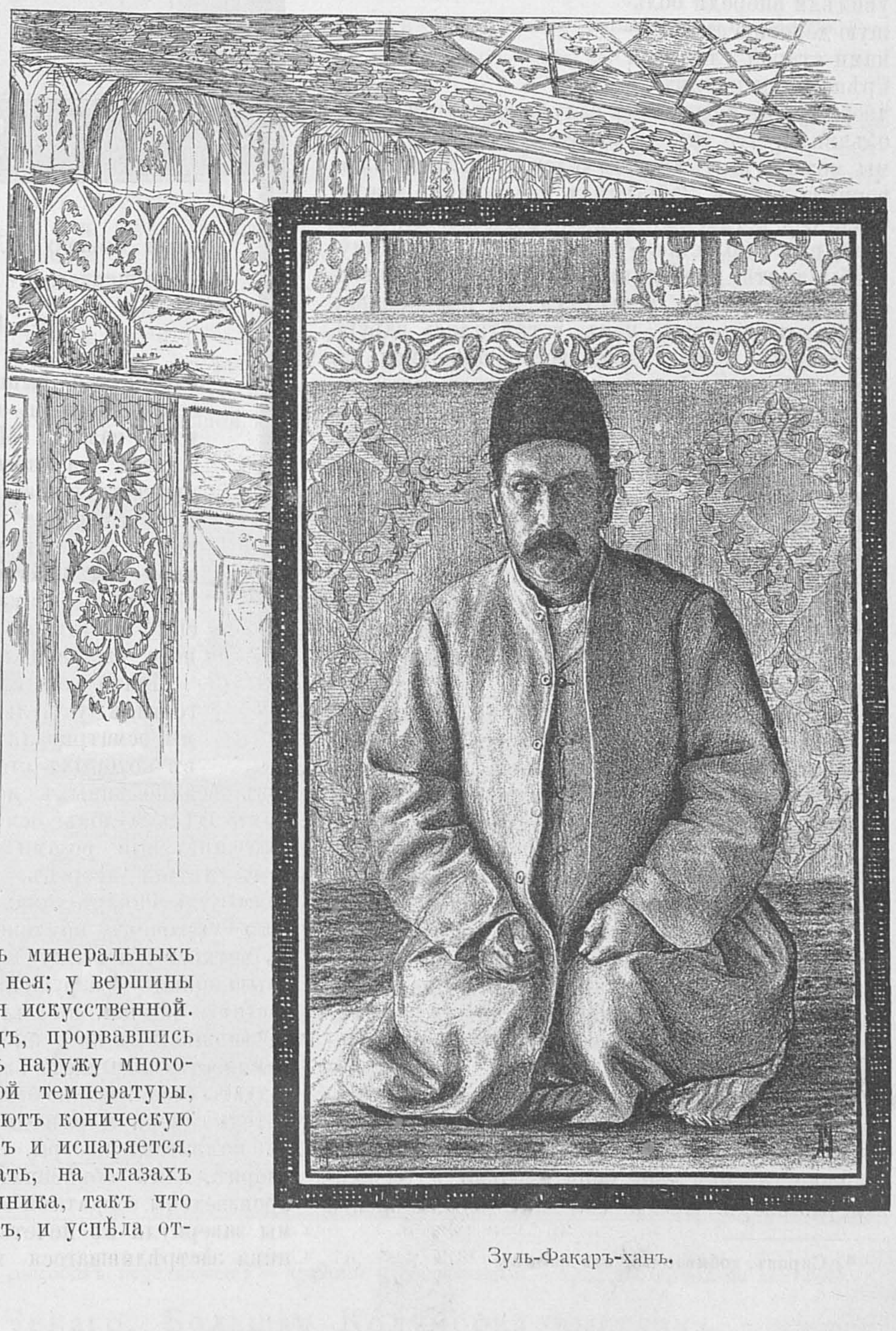
Въ деревнѣ Ахмедъ-Абадъ мы остановились опять у старшины и на другой день утромъ, въ сопровожденіи его самого и одного пѣшаго, отправились осматривать развалины Тахтъ-и-Сулейманъ, что въ переводѣ значитъ тронъ Соломона, которыя, какъ и окружающая ихъ мѣстность, весьма любопытны. По пути еще въ Саинъ-Кала намъ разсказывали легенду, касающуюся этой мѣстности и развалинъ Тахтъ-и-Балкызъ, лежащихъ верстахъ въ 15-ти отъ нея, чуть не у самыхъ вершинъ мрачнаго Демерлю-дага.

„Въ древнія времена по близости нынѣшняго Ушнуэ (почти на турецкой границѣ) жила-была дѣвица неописанной красоты, по имени Балкызъ. Жила она въ неприступномъ замкѣ, за крѣпкими запорами, такъ что никому изъ смертныхъ не удавалось увидать чудной дѣвицы. Только пронырливая птица „бубубубъ“ (удодъ), которая вѣчно шныряетъ повсюду, пробралась къ ней въ замокъ, развѣдала всѣ его закоулки и тайные ходы и, явившись къ Сулейману (Соломону), разсказала ему все. Тотъ собрался и отправился съ войскомъ къ дѣвицѣ и вскорѣ женился на ней. Но, женившись на прекрасной Балкызѣ, онъ вдругъ замѣтилъ, что хотя лицо ея и блещетъ красотой, но все остальное тѣло покрыто густыми волосами, точно шерстью. Тогда мудрый Сулейманъ созвалъ на совѣтъ всѣхъ птицъ и звѣрей, и они, а главнымъ образомъ все та же „бубубубъ“, открыли ему секретъ состава той грязи, которой правовѣрные натираются теперь въ баняхъ; смазали этой грязью дѣвицу, и волосы съ тѣла ея исчезли, послѣ чего она явилась во всемъ блескѣ своей красоты“.

Въ Ахметъ-Абадѣ говорятъ, что дѣвица сидѣла на своемъ тронѣ въ Тахтъ-и-Балкызѣ и бесѣдовала съ Сулейманомъ черезъ 15-тиверстное пространство. По выѣздѣ изъ деревни мы направились прямо къ Зинанъ-и-Сулейманъ, что означаетъ „тюрьма Соломона“; по преданіямъ, царь бросалъ въ нее провинившихся. Эта уединенная правильной конической формы гора, саженей во сто вышины, съ громаднымъ кратеромъ на вершинѣ, образовалась отъ минеральныхъ осадковъ, обильно содержащихся въ водѣ, вытекавшей когда-то изъ нея; у вершины кратера осадки эти образовали цѣлую стѣну, которая снизу кажется искусственной. Теперь этотъ водяной вулканъ потухъ. Вода нашла себѣ другой выходъ, прорвавшись въ подземную трещину, идущую на юго-западъ отъ горы, и выступаетъ наружу многочисленными, расположенными въ рядъ, сѣрными источниками разной температуры, увеличивающейся по направленію къ горѣ. Источники эти всѣ имѣютъ коническую форму съ воронкой, вытекающая изъ которой вода тутъ же на скатахъ и испаряется, оставляя бѣлый осадокъ, богатый кальціемъ; вода здѣсь, такъ сказать, на глазахъ каменѣетъ. По высотѣ конуса можно судить о степени давности источника, такъ что для того, чтобы выросла столь высокая гора, какъ Зинанъ-и-Сулейманъ, и успѣла отчасти уже вывѣтриться, нужно было много тысячелѣтій.

Подъѣхавъ на сколько возможно ближе къ горѣ, мы оставили нашему человѣку лошадей и въ сопровожденіи старшины стали подниматься по изъѣденнымъ временемъ, растрескавшимся, весьма крутымъ склонамъ. Достигнувъ вершины, мы увидѣли глубокій кратеръ съ совершенно отвѣсными сглаженными водой стѣнами, въ которыхъ гнѣздятся дикіе голуби. Съ вершины и при подъемѣ на нее видны вправо развалины Тахтъ-и-Сулейманъ. Расположенныя на невысокомъ, плоскомъ холмѣ, окруженномъ лугами, среди пустынныхъ, дикихъ окрестностей эти молчаливыя руины когда-то оживленнаго города какъ-то таинственно смотрѣли въ своемъ грустномъ величіи сквозь синеватый туманъ утра. Посидѣвъ на узкомъ гребнѣ кратера и полюбовавшись видами, мы спустились къ нашимъ лошадямъ и направились къ Тахтъ-и-Сулейманъ. По дорогѣ мы заворачивали къ „Каласи“— кучкѣ камней, гдѣ, по словамъ старшины, производились раскопки и нашли скелеты людей и пуговицы. Но надо замѣтить, что производить раскопки въ Персіи довольно-таки неудобно, такъ какъ жители думаютъ, что на принадлежащей имъ землѣ европейцы хотятъ вырыть клады, въ существованіи которыхъ здѣсь всѣ твердо убѣждены.

Тахтъ-и-Сулейманъ расположенъ на холмѣ такого же образованія, какъ и Зинанъ-и-Сулейманъ; на вершинѣ его тоже есть обширный кратеръ съ приподнятыми краями, но наполненный голубой водой, какъ въ морѣ, представляя прелестное озерцо саженей въ 50 ширины и бездонной глубины. Вода эта, однако, очевидно новая, такъ какъ она не содержитъ уже минеральныхъ примѣсей; она вытекаетъ двумя ручьями съ двухъ противоположныхъ концовъ озерца и, соединившись за городомъ, даетъ начало р. Джаруты-чай. Взобравшись на холмъ и проѣхавъ вдоль капитальныхъ стѣнъ города, мы въѣхали въ городскія ворота, подъ которыми шумитъ между камнями одинъ изъ этихъ истоковъ. Почва кругомъ гладкая, бѣлая, состоящая изъ той известковой массы, изъ которой образовался холмъ, и мѣстами только покрыта травой. Вокругъ озера расположены главныя развалины, отражаясь въ его спокойномъ зеркалѣ, съ котораго при нашемъ приближеніи поднялась цѣлая стая какихъ-то большихъ сѣрыхъ птицъ. Одна изъ развалинъ одиноко, какъ колонна, возвышается изъ гладкой, точно крытой асфальтомъ, почвы, слегка склонившись. Развалины свидѣтельствуютъ о громадности бывшихъ зданій и о томъ, что разрушены они землетрясеніемъ. Отъ нѣкоторыхъ зданій остались только груды камней, но другія еще поднимаютъ свои изуродованныя стѣны. Что за городъ былъ Тахтъ-и-Сулейманъ — достовѣрно неизвѣстно. По мнѣнію Раулинсона — это была сѣверная Экбатана, у Реклю говорится, что въ послѣднее время нашли храмъ огня; если храмъ этотъ существовалъ, то это было ни какое другое зданіе, какъ самая большая руина съ уцѣлѣвшими еще боковыми стѣнами, на которыхъ можно видѣть красивыя арабскія надписи. Въ Кирхлы губернаторъ показывалъ намъ нѣсколько вырытыхъ въ



Зуль-Факаръ-ханъ.

окрестностяхъ Тахтъ-и-Сулеймана изразцевъ замѣчательно художественной работы. Собственно Тахтъ-и-Сулейманъ, какъ онъ представляется, окруженный сплошными стѣнами изъ отличнаго тесаннаго камня, для города малъ; это скорѣе громадная цитадель, но признаковъ города вокругъ нея совсѣмъ не видно, если не считать какую-то низкую стѣнку, идущую на протяженіи полуверсты поперекъ луга. Вообще, для археолога развалины эти представляютъ обширное поле для изслѣдованія.

Проведя въ Тахтъ-и-Сулейманѣ цѣлый день, мы 24-го іюня, передъ вечеромъ, оставили его и въ сопровожденіи нашего курда-чичероне прибыли въ деревушку Баба-Назарлы на ночлегъ. Отсюда мы двинулись довольно поздно. Въ деревнѣ Лямпа мы остановились въ хижинѣ, въ которой помѣщалась школа, первая деревенская школа, какую мы увидѣли въ Курдистанѣ. Рядомъ съ нами расположились стоянкой двое странствующихъ купцовъ изъ Хамадана, успѣшно занимающихся мѣной дошаба *), который они возили въ бурдюкахъ, на топленое масло. Оба они были страстные курильщики кальяна. Въ Персіи, вообще, очень любятъ кальянъ, но такихъ любителей куренія, какъ эти, мнѣ не приходилось потомъ встрѣчать: глядя на приготовленіе кальяна и видя неистовое наслажденіе, съ какимъ они его затѣмъ курили, можно было подумать, что куреніе имѣло для нихъ какое нибудь сакраментальное значеніе.

Отъ Лямпа дорога идетъ черезъ оригинальное ущелье изъ разорванныхъ столпообразныхъ скалъ. Когда мы перевалили черезъ нѣсколько холмовъ и увидѣли впереди большую деревню съ остатками старой глиняной крѣпости и какимъ-то дворцомъ въ обширномъ саду, проводникъ нашъ объявилъ, что это—Юргунъ-Агачъ и что здѣсь мы можемъ взять другаго человѣка, и затѣмъ повернулъ назадъ. Забрызгалъ неожиданно дождь, такъ что, когда мы въѣхали въ деревню, намъ пришлось долгенько-таки искать старшину, чтобы взять проводника. Получивъ наконецъ его, когда дождь перестаетъ, мы направились было изъ деревни, какъ встрѣтились вдругъ съ цѣлой кавалькадой, возвращавшейся съ охоты. Впереди ѣхалъ какой-то ханъ, еще молодой и красивый мужчина, и за нимъ многочисленная свита и оруженосцы на отличныхъ лошадяхъ. Поздоровавшись съ нами, онъ любезно и настоятельно пригласилъ насъ къ себѣ; мы повернули коней и тѣмъ болѣе охотно, что это оказался Зуль-Факаръ-ханъ, къ которому у насъ имѣлось рекомендательное письмо изъ Тавриза. Зуль-Факаръ-ханъ живетъ здѣсь въ своемъ дворцѣ, вмѣстѣ со своими восемью женами, своимъ братомъ и обширнѣйшимъ штатомъ прислуги и приживалокъ.

Послѣ того какъ кони наши были уведены въ конюшню и мы разоблачились отъ своей походной амуниціи, мы явились наверхъ, въ свѣтлую устланную коврами комнату, оставивъ у порога ея свои башмаки. Зуль-Факаръ-ханъ, привѣтливо освѣдомившись о нашемъ здоровьѣ, прочиталъ письмо къ нему, и, несмотря на то, что изъ насъ троихъ владѣлъ татарскимъ языкомъ одинъ только мой товарищъ П., разговоръ быстро завязался и шелъ довольно оживленно. Раньше всего ханъ угостилъ насъ рахатъ-лукумомъ и какими-то мѣстными конфектами, затѣмъ послѣ нѣкотораго промежутка послѣдовалъ чай, подаваемый въ маленькихъ, какъ это обыкновенно принято въ Персіи, стаканчикахъ. Пили чай кромѣ насъ только ханъ и братъ его, остальные же сидѣли въ комнатѣ въ качествѣ зрителей, почтительно поддерживая разговоръ. Послѣ чая ханъ раскланялся и ушелъ къ себѣ во внутренніе покои, оставивъ насъ со своимъ братомъ. Послѣдній, еще молодой человѣкъ довольно симпатичной наружности, по уходѣ брата тотчасъ же вполнѣ выказалъ свою разговорчивость. Первымъ дѣломъ онъ освѣдомился—пьемъ ли мы аракъ—и, получивъ утвердительный отвѣтъ, сдѣлалъ нѣсколько похвальныхъ замѣчаній араку. Вслѣдъ за тѣмъ появился объемистый штофъ крѣпкой виноградной водки и холодная закуска, при видѣ которыхъ всѣ остальные собесѣдники оживились. Нѣсколько рюмокъ арака развязали всѣмъ языки и особенно молодому хану. Тутъ мы узнали, что Зуль-Факаръ-ханъ находится въ немилости у шаха и эмиръ-низама, что дѣдъ его былъ знаменитымъ полководцемъ и, благодаря своимъ заслугамъ и знатности рода, имѣлъ виды на персидскій престолъ, за что и былъ ослѣпленъ. Старшій братъ Зуль-Факаръ-хана, котораго всюду тѣснили приверженцы нынѣшней династіи, не вынесъ многочисленныхъ оскорбленій и застрѣлился два года тому назадъ. Мы наслушались много жалобъ на несправедливость и подкупность шаха: „У насъ гдѣ деньги—тамъ и правда“, съ горечью говорилъ ханъ; „хочешь, чтобы меня обезглавили — дай шаху тысячу тумановъ. Ахъ, поскорѣе бы ужъ забирала насъ Россія!“ Разговоры велись и послѣ обильнаго ужина далеко за полночь.

Знамя новаго »Соединеннаго россійскаго пожарнаго общества« — даръ графа А. Д. Шереметева.

Съ фотографіи И. Н. Антонова.

Почти весь слѣдующій день мы прогостили у Зуль-Факаръ-хана. Поутру мы осматривали его богатыя конюшни, въ которыхъ стоятъ нѣсколько десятковъ великолѣпныхъ лошадей и весьма цѣнныхъ здѣсь муловъ, осматривали его прекрасный цвѣтущій розами садъ, осматривали въ немъ лѣтній дворецъ, построенный еще дѣдомъ Зуль-Факаръ-хана; когда-то онъ былъ богато украшенъ, но теперь совсѣмъ пришелъ въ ветхость: повсюду замѣтны въ немъ слѣды умышленнаго разрушенія. Въ Персіи существуетъ обычай, въ силу котораго шахъ, разгнѣвавшись на кого нибудь, заслужившаго его немилость, посылаетъ „жечь его домъ“, и тогда солдаты безнаказанно бьютъ окна, срываютъ съ петель двери и разводятъ изъ нихъ тутъ же въ комнатахъ костры. Всѣ эти разрушенія во дворцѣ, какъ объяснилъ намъ молодой ханъ, произведены солдатами эмиръ-низама. Изъ сада мы завернули въ мечеть, гдѣ находится гробница застрѣлившагося хана, и отсюда съ цѣлой оравой слугъ и приживалокъ направились въ старый, тоже дѣдовскій, дворецъ, расположенный на другой сторонѣ деревни, рядомъ съ крѣпостью. Во дворцѣ этомъ никто не живетъ, и онъ стоитъ запертымъ. Снаружи это четыреугольное двухэтажное зданіе съ квадратнымъ, заросшимъ сорными травами, дворомъ по серединѣ не представляетъ изъ себя ничего особеннаго, но зато внутри это дѣйствительно дворецъ. Украшенія нѣкоторыхъ изъ его многочисленныхъ комнатъ просто замѣчательны, какъ образцы иранскаго стиля. Особенно богато украшены двѣ небольшія угловыя комнаты: одна та, въ которой расположились мы съ ханомъ на принесенныхъ подушкахъ и коврахъ, а другая на противоположномъ концѣ дома. Она буквально вся расписана разными орнаментами, цвѣтами, картинами и золотомъ; подъ лѣпнымъ карнизомъ, состоящимъ изъ ряда маленькихъ нишъ, изумительно мелко и красиво раскрашенныхъ, идетъ рядъ—около 90 штукъ—картинъ, написанныхъ синей краской и изображающихъ всевозможные виды и сцены. Но что особенно обращаетъ на себя вниманіе, такъ это потолокъ изъ безчисленныхъ кусочковъ зеркалъ и дощечекъ, симметрично подобранныхъ въ одинъ красивый узоръ; однѣхъ только деревянныхъ розетокъ въ этой мозаикѣ я насчиталъ 560, и каждая изъ нихъ тщательно расписана мелкими цвѣточками. Любопытна также и внизу одна комната, въ которой цѣлую стѣну занимаетъ окно въ 20 кв. аршинъ, состоящее изъ мелкихъ разноцвѣтныхъ стеколъ, собранныхъ въ прелестный, художественный узоръ.

Осмотрѣвъ дворецъ, мы размѣстились на коврахъ у поднятыхъ оконъ, откуда открываются обширные, но не интересные виды. Скоро появился неизбѣжный аракъ и безчисленная закуска, и теперь самъ Зуль-Факаръ-ханъ, не стѣсняясь сталъ прикладываться къ графину. Указывая на этотъ объемистый, бутылки въ полторы, сосудъ, онъ замѣтилъ намъ, что пьетъ аракъ умѣренно, именно не болѣе одного такого графина въ день. За закуской послѣдовалъ обѣдъ. Для хана съ его братомъ и еще двумя его гостями, какими-то тоже ханами, и для насъ подали по огромному совершенно одинаковому блюду, уставленному всевозможнѣйшими яствами въ совершенно одинаковой посудѣ, но для насъ отдѣльно, потому что, какъ извѣстно, всякое прикосновеніе къ посудѣ не шіита оскверняетъ ее и правовѣрный ни за что не станетъ потомъ ѣсть изъ нея. Довольно оживленный обѣдъ длился часа два и состоялъ изъ множества перемѣнъ, причемъ всѣ кушанья, не исключая и супа (шорпа), брались прямо руками при помощи лаваша (тонкихъ лепешекъ); только для питья арьяна (напитокъ изъ кислаго молока) полагаются большія деревянныя ложки. Расходившійся при угощеніи Зуль-Факаръ-ханъ въ знакъ особеннаго къ намъ благоволенія собственноручно выловилъ изъ своего супа лучшіе куски и преподнесъ каждому изъ насъ. Осиливъ графинъ арака, ханъ немного захмѣлѣлъ, такъ что тотчасъ же послѣ обѣда расположился спать на приготовленныхъ уже для него матрацахъ.

Вообще, довольно грустное впечатлѣніе производитъ жизнь этого опальнаго вельможи, принужденнаго жить въ глуши и развлекающагося только водкой и охотой; въ этой жизни есть много общаго съ жизнью нашихъ помѣщиковъ временъ крѣпостнаго права. Особенно живо напомнило мнѣ наши старые богатые помѣщичьи дома, полные челяди и приживалокъ, вечернее чаепитіе, когда послѣ сладкаго послѣобѣденнаго сна молодой ханъ, его гости-ханы и нѣкоторые изъ наиболѣе

*) Сиропъ, добываемый изъ изюма.

приближенныхъ лѣниво поднялись и заспанные усѣлись на коврѣ. Сонные слуги лѣниво разливали чай и лѣниво отгоняли мухъ отъ зѣвающихъ хановъ.

Послѣ чаю мы распростились съ нашими хозяевами и выѣхали въ сопровожденіи ханскаго человѣка въ Кирхлы, до которой отсюда всего около 7 верстъ. Сартибъ въ Кирхлы былъ уже предувѣдомленъ о нашемъ пріѣздѣ, такъ что, когда мы въѣхали въ эту обширную деревню съ крѣпостью и дворцомъ, то встрѣтившіе насъ солдаты или полицейскіе прямо повели насъ ко дворцу, гдѣ для насъ была уже приготовлена просторная комната съ верандой, выходящей на дворъ, пестрѣвшій множествомъ цвѣтовъ съ фонтаномъ по срединѣ.

Передъ ужиномъ насъ стали одолѣвать посѣтители, и особенно несносны были двое — это приставленный къ намъ человѣкъ и его пріятель—глазной докторъ. Эти господа съ такой циничной откровенностью описывали намъ всѣ свои личныя дурныя качества и качества вообще своихъ соотечественниковъ, что просто непріятно было слушать. Къ сожалѣнію, они говорили правду: и татары, и персы—народъ не симпатичный, особенно послѣдніе.

Поутру мы отправились въ диванъ сартиба, помѣщающійся по со-

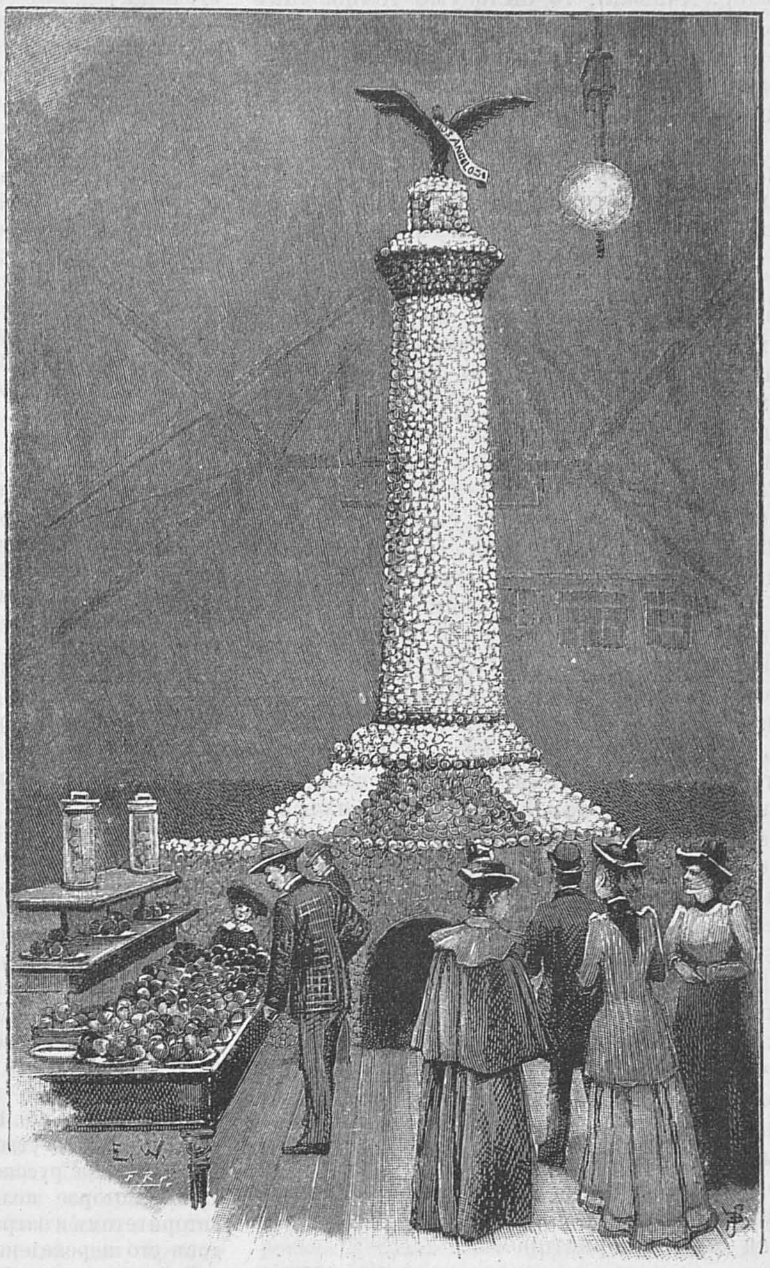
Водоснабженіе въ Чикаго. Чанъ со стерилизованною водою на выставкѣ.

сѣдству съ нашей комнатой. Сартибъ, уже совсѣмъ сѣдой старикъ въ очкахъ, послѣ первыхъ привѣтствій, освѣдомившись о здоровьѣ и проч., прочиталъ нашъ фирманъ и тотчасъ же велѣлъ дать намъ бумагу и отъ своего имени. Такъ какъ мы слышали, что въ Кирхлы есть какая-то ужасная тюрьма, то мы очень деликатно выразили ему наше желаніе посмотрѣть ее; но сартибъ постарался замять рѣчь о ней, говоря, что теперь в ней никого нѣтъ и, вообще, интереса она не представляетъ.

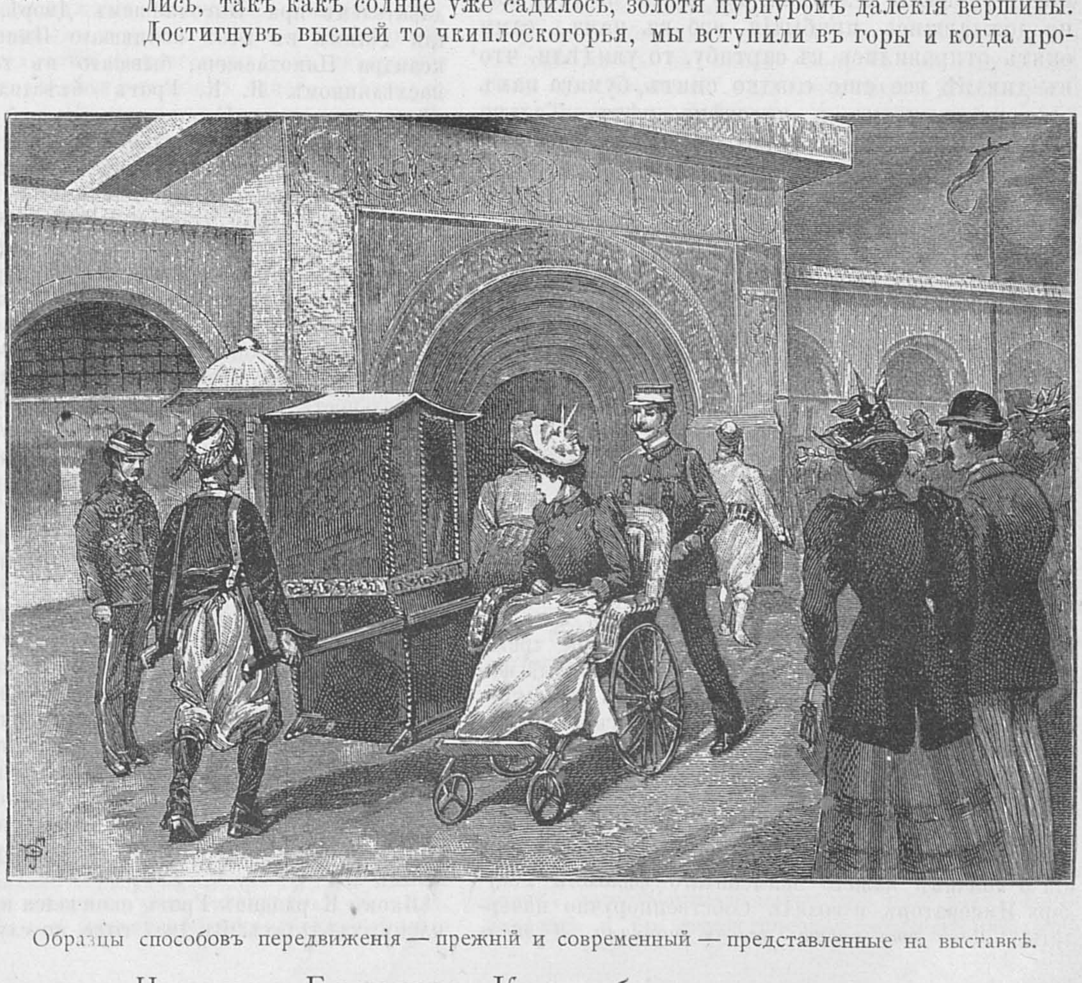
— Стало быть у васъ рѣдко случаются проступки, достойные тюрьмы, замѣтилъ мой товарищъ.

— Зато само правительство творитъ у насъ такія несправедливости, о какихъ въ Россіи и не слыхивали, со вздохомъ отвѣтилъ представитель правительства. Намъ оставалось только умолкнуть.

27-го іюня, въ 11 ч., мы выѣхали изъ Кирхлы. Мѣстность здѣсь носитъ все тотъ же характеръ слегка каменистыхъ уваловъ и только передъ деревней Хошъ-Макашъ идетъ по долинѣ. Хошъ-Макашъ—большая деревня съ крѣпостью. Здѣсь мы ночевали у старшины во дворѣ и ночью насъ покусали извѣстные ядовитые персидскіе клопы. Послѣ укуса ихъ въ теченіе нѣсколькихъ дней остаются багровыя пятна и ранка гноится. Отъ Хошъ-Макаша дорога тоже ровная вплоть до невысокаго скалистаго хребта, переваливъ черезъ который, мы снова двигались по равнинѣ; потомъ опять она всходитъ на горы и оттуда крутымъ извилистымъ оврагомъ спускается къ порядочной рѣчкѣ Кизилъ-Узень, надъ которой нависли скалы и черезъ которую перекинутъ пришедшій уже въ ветхость мостъ. Неподалеку отъ моста лежитъ деревня Саламатъ-Абадъ съ изрядной крѣпостью. Крѣпости здѣсь есть въ каждой деревнѣ, и выстроены онѣ на случай набѣговъ курдовъ, отъ которыхъ жители спасаются въ нихъ. Переждавъ жару въ этой деревнѣ, мы въ 4 ч. выѣхали изъ нея прямо въ Биджаръ, который отсюда уже недалеко, и, оставивъ за собой рѣку, стали подниматься въ гору. Видъ отсюда на Саламатъ-Абадъ съ ея крѣпостью, на долину Кизилъ-Узеня и на окрестныя скалистыя горы очень хорошъ. Поднявшись по извилистой, идущей по оврагу, тропинкѣ, мы двигались затѣмъ все время по плоскогорью, съ котораго открывается обширная панорама. Мы торопились, такъ какъ солнце уже садилось, золотя пурпуромъ далекія вершины. Достигнувъ высшей точки плоскогорья, мы вступили въ горы и когда про-



Колонна изъ апельсиновъ въ 35 футовъ вышины, изъ Лосъ-Ангелосъ въ Калифорніи, — на выставкѣ.



Образцы способовъ передвиженія — прежній и современный — представленные на выставкѣ.

Соединенные Штаты Сѣверной Америки. — Чикаго. Большая Колумбова выставка.

ѣхали дер. Халвали, то было уже темно, такъ что въ Биджаръ пріѣхали мы уже ночью. Биджаръ — административный центръ провинціи Арделянъ и для Персіи городокъ довольно порядочный. Онъ лежитъ на высотѣ около 7000 ф. среди красивыхъ скалистыхъ горъ и окруженъ глиняными стѣнами, которыя, будучи размыты дождями, украсились самыми причудливыми и неправильными зубцами. О числѣ его жителей можно судить, конечно, только приблизительно, но во всякомъ случаѣ оно не превышаетъ 20,000. Базаръ въ Биджарѣ не обширенъ и какихъ нибудь достопримѣчательностей въ немъ нѣтъ. Онъ важенъ, какъ главный городъ Арделяна, резеденція миръ-пенджа (губернатора провинціи) и потому къ нему изъ Хамадана проведенъ телеграфъ. По утру мы направились съ визитомъ къ миръ-пенджу, который оказался не въ городѣ, а въ своемъ лѣтнемъ дворцѣ, въ верстѣ отъ города. Мы застали его въ саду съ многочисленной свитой. Это красивый мужчина съ величественной осанкой въ шелковой арабской аба. Прочтя нашу бумагу, онъ обѣщалъ намъ всякое содѣйствіе и между прочимъ человѣка, до самаго Керманшаха. На разспросы наши, нѣтъ ли въ городѣ какихъ нибудь дворцовъ и вообще какихъ нибудь достопримѣчательностей, миръ-пенджъ отвѣчалъ усмѣхаясь: „Какіе тамъ дворцы! кто ихъ теперь станетъ строить! У насъ теперь коли есть деньги, такъ прячь ихъ въ землю, пока не отняли". И это говорится иностранцамъ въ присутствіи всего дивана. Самъ миръ-пенджъ на другой день долженъ былъ уѣхать въ Тегеранъ по требованію шаха. Причина, заставившая требовать его, заключается въ томъ, что миръ-пенджъ жестоко избилъ присланнаго шахомъ чиновника, какого-то ревизора. Чиновникъ пожаловался шаху и миръ-пенджу грозитъ теперь чуть ли не смертная казнь, но, какъ мы замѣтили, онъ не унываетъ, потому что, какъ всѣ говорятъ, у него есть деньги, и онъ уже приготовилъ для шаха 10,000 тумановъ, такъ что опять вернется сюда губернаторомъ.

Передъ вечеромъ къ намъ на домъ явился отъ миръ-пенджа человѣкъ съ тѣмъ, чтобы показать намъ садъ миръ-пенджа, насаженный имъ самимъ и по его мнѣнію достойный обозрѣнія. Но изъ окна нашего караванъ-сарая садъ этотъ былъ виденъ и совсѣмъ не представлялъ такого интереса, чтобъ стоило идти туда; насъ больше интересовалъ проводникъ, такъ какъ мы порѣшили завтра рано выѣхать. Присланный заявилъ намъ, что о проводникѣ никакихъ приказаній не было и такъ какъ миръ-пенджъ теперь занятъ отъѣздомъ, то намъ лучше всего обратиться къ сартибу, т. е. начальнику города и такъ сказать биджарскаго уѣзда. Послѣ этого мы скоро получили обѣщаніе дать намъ человѣка, но когда по утру мы, не дождавшись прибытія его къ намъ, сами опять отправились къ сартибу, то увидѣли, что въ диванѣ все еще сладко спитъ, бумага намъ еще не написана и человѣка нѣтъ. Только послѣ угрозы донести объ этомъ въ Тавризъ, мы заставили разбудить сартиба и получили, наконецъ, и бумагу и проводника; но, благодаря всей этой croзнѣ, мы выѣхали изъ города только въ половинѣ седьмаго утра.

Продолженіе будетъ.

А. Чикинъ

Я. К. Гротъ †

Еще такъ недавно, въ послѣднемъ засѣданіи Императорской академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности маститый вице-президентъ академіи Яковъ Карловичъ Гротъ докладывалъ о „Словарѣ русскаго языка", который выходилъ подъ его главною редакціей, и показывалъ корректуры третьяго выпуска этого изданія. Надъ нимъ маститый филологъ работалъ съ рѣдкою любовью и съ необыкновенною для его лѣтъ бодростью. И вотъ въ самый разгаръ этой работы, совершенно неожиданно Яковъ Карловичъ скончался отъ разрыва сердца 24-го мая. Нужно ли говорить какая это громадная потеря и для русской литературы, и для науки вообще. На всеподданѣйшемъ донесеніи министра народнаго просвѣщенія о кончинѣ нашего знаменитаго филолога Государь Императоръ изволилъ Собственноручно начертать: *„Меня эта смерть весьма огорчила. Я зналъ Я. К. Грота болѣе 35-ти лѣтъ и привыкъ любить и уважать эту достойную личность"*. Русское общество обязано Якову Карловичу цѣлымъ рядомъ самыхъ капитальныхъ трудовъ, начиная отъ академическаго изданія сочиненій Державина, которому онъ посвятилъ слишкомъ 20 лѣтъ работы, и кончая его „Русскимъ правописаніемъ". Кому изъ образованныхъ читателей не извѣстны его изысканія, характеристики и матеріалы для біографій Державина, Ломоносова, Крылова, Карамзина, Пушкина, Вяземскаго, Плетнева, Бѣлинскаго, Гоголя и др., или изслѣдованія о Екатеринѣ II, о княгинѣ Дашковой, о Пугачевскомъ бунтѣ, о Петрѣ Великомъ, и проч., и проч. Я. К. Гротъ первый познакомилъ русскую публику со шведскими поэтами, печатая блестящіе переводы изъ нихъ въ журналахъ сороковыхъ годовъ; особенно замѣчателенъ переводъ Исаи Тегнера „Фритіофъ, скандинавскій богатырь".

Перечислить всѣ труды достойнаго ученаго чрезвычайно трудно: такую массу напечаталъ онъ, особенно по исторіи литературы. Кромѣ редакціи „Сочиненій Державина" съ объяснительными примѣчаніями (Спб. 1864—1883 г., девять томовъ) и „Сочиненій Хемницера", съ біографическою статьей (Спб. 1873 г., V + 434 стр.), Я. К. Гротъ трудился какъ самостоятельный изслѣдователь, составитель или редакторъ надъ слѣдующими изданіями: „Жизнь Державина по его сочиненіямъ, письмамъ и по историческимъ документамъ" (Спб. 1880—1883 г., два тома), „Сочиненія и переписка П. А. Плетнева" (Спб. 1885 г., три тома), „Письма Гримма къ Императрицѣ Екатеринѣ II" (Спб. 1886 г., XVII + 872 стр.), „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники" (Спб. 1887 г., 320 стр.), „Хронологическая канва для біографіи Пушкина" (Спб. 1888 г., 48 стр.), „Стихи и проза для дѣтей" (Спб. 1891 и 1892 гг.), „Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго до нынѣ" (Спб. 1873 г.), „Филологическія розысканія: матеріалы для словаря, грамматики и исторіи русскаго языка" (Спб. 1873, 1876 и 1885 гг.), „Русское правописаніе" (Спб. 1885—1891 гг.) и „Словарь русскаго языка", составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской академіи наукъ, подъ главною редакціей Я. К. Грота (Спб. 1891—1892 года). Всѣ названные и другіе труды утвердили за Я. К. Гротомъ имя лучшаго знатока русской литературы и отечественнаго языка, которое пользуется большой извѣстностью и авторитетомъ и заграницей. Большая часть этихъ трудовъ его переведена на многіе иностранные языки.

Всѣ крупныя работы нашего незабвеннаго академика по исторіи, филологіи и исторіи литературы носятъ на себѣ печать глубокой учености и оригинальности, отличаясь широтою и разносторонностью; онѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія и въ педагогическомъ и литературномъ отношеніяхъ. Я. К. Гротъ, кромѣ того, былъ большой знатокъ скандинавской литературы, прекрасно владѣлъ языками: финскимъ, шведскимъ, исландскимъ, датскимъ, греческимъ, основательно зналъ санскритскій, не говоря уже о новѣйшихъ языкахъ и славянскихъ нарѣчіяхъ. Среди современныхъ лингвистовъ врядъ ли можно указать на такого, который зналъ бы столько языковъ основательнѣе покойнаго Якова Карловича. Достаточно потрудился онъ и на педагогическомъ поприщѣ, въ качествѣ профессора Александровскаго (бывшаго Царскосельскаго) лицея; онъ былъ также и преподавателемъ при Высочайшемъ Дворѣ, читая лекціи дѣтямъ въ Бозѣ почившаго Императора Александра Николаевича, бывшаго въ то время еще наслѣдникомъ. Я. К. Гротъ объѣздилъ съ ученой цѣлью почти всю Европу, въ которой многія ученыя общества и учрежденія считаютъ его въ числѣ своихъ членовъ. Свѣтлый, замѣчательный умъ, глубокія познанія, нравственная сила, энергія, выходящее изъ ряда трудолюбіе и превосходныя душевныя качества—являются отличительными чертами этого замѣчательнаго дѣятеля и прекраснаго человѣка, котораго такъ горячо любили Жуковскій, Плетневъ и другіе корифеи литературы, къ которому всегда питало глубокое уваженіе и старое, и молодое поколѣніе. „...Это человѣкъ рѣдкихъ достоинствъ по дѣятельности умственной, по способностямъ къ ученымъ занятіямъ, по моральнымъ правиламъ, по религіознымъ убѣжденіямъ и по характеру счастливѣйшему, какой только встрѣчался мнѣ", — писалъ еще въ 1845 году П. А. Плетневъ Жуковскому. „Трудъ и мудрость образовали для него какой-то рай, непонятный для другихъ. У него нѣтъ минуты, прекрасно не наполненной чѣмъ нибудь. Другіе въ отправленіи должностей видятъ средства къ жизни и покою; у него наоборотъ: жизнь и успокоеніе служатъ средствами къ достиженію единственной его цѣли — всесторонняго самосовершенствованія". Прекрасно характеризуютъ свѣтлую личность Якова Карловича также его собственные стихи, написанные имъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ началѣ его литературной дѣятельности, въ которыхъ онъ, между прочимъ, говоритъ: „Я передъ ангеломъ благимъ добру и правдѣ обѣщаю всегда служить перомъ моимъ"...

Яковъ Карловичъ Гротъ скончался въ весьма преклонныхъ лѣтахъ. Въ 1887 году, по случаю семидесятилѣтней годовщины его рожденія, во „Всемірной Иллюстраціи" былъ напечатанъ обстоятельный очеркъ П. В. Быкова о жизни и дѣятельности Я. К. Грота (см. т. 38, № 987, стр. 473), а потому мы здѣсь ограничимся краткими біографическими данными. Происходя отъ предковъ, переселившихся въ Россію въ концѣ царствованія императрицы Елисаветы Петровны, Яковъ Карловичъ Гротъ родился въ С.-Петербургѣ 15-го декабря 1812 года отъ брака Карла Ефимовича Грота, служившаго чиновникомъ департамента государственныхъ имуществъ, и г-жи Цизмеръ. Онъ былъ старшимъ сыномъ, и первоначальнымъ воспитаніемъ исключительно обязанъ своей матери, замѣчательно умной и даровитой женщинѣ, на рукахъ которой, по смерти отца, Яковъ Карловичъ остался четырехлѣтнимъ ребенкомъ. Несмотря на свое нѣмецкое происхожденіе, г-жа Гротъ чувствовала особенное тяготѣніе къ Россіи, и первый языкъ, на которомъ она говорила съ дѣтьми, былъ русскій; воспитаніе имъ она старалась дать тоже русское въ духѣ любви и благодарности къ своему второму отечеству. Дальнѣйшее образованіе получилъ онъ въ Царскосельскомъ лицеѣ, по окончаніи курса котораго съ первою золотою медалью началъ службу въ канцеляріи комитета министровъ. Послѣ этого онъ занималъ каѳедру въ гельсингфорскомъ университетѣ, въ Александровскомъ лицеѣ и, наконецъ, въ 1860 году вышелъ въ отставку, всецѣло отдавъ себя литературѣ и занятіямъ въ академіи наукъ, которая еще въ 1855 г. избрала его въ свои дѣйствительные члены. С.-петербургскій университетъ, празднуя пятидесятилѣтіе своего существованія, далъ Я. К. Гроту степень доктора русской словесности, а московскій университетъ избралъ его почетнымъ членомъ. При гельсингфорскомъ университетѣ онъ устроилъ въ сороковыхъ годахъ отдѣльную русскую библіотеку, которою и завѣдывалъ со дня ея основанія. Въ 1845 году онъ наблюдалъ за изданіемъ составленнаго по Высочайшему повелѣнію шведско-русскаго словаря. Я. К. Гротъ былъ почетнымъ членомъ всѣхъ русскихъ университетовъ, многихъ ученыхъ обществъ, какъ въ Россіи, такъ и заграницей. Южно-славянская академія въ Загребѣ избрала его въ 1879 г. въ почетные члены; лундскій университетъ въ Швейцаріи—почетнымъ докторомъ. Въ 1884 г. онъ утвержденъ предсѣдателемъ отдѣленія русскаго языка и словесности въ академіи наукъ, а съ 1889 г. состоялъ вице-президентомъ академіи наукъ. Наконецъ, благотворительныя общества обязаны энергичной дѣятельности Я. К. Грота многими прекрасными учрежденіями.

Въ лицѣ Я. К. Грота угасъ одинъ изъ послѣднихъ могиканъ славнаго прошлаго, даровитый писатель и журналистъ, пережившій столько литературныхъ эпохъ, начиная отъ пушкинской, страстно любившій литературу и науку. Имъ не переставалъ онъ заниматься почти до послѣднихъ дней, ими онъ жилъ и дышалъ... Имя этого доблестнаго гражданина земли русской запишется золотыми буквами на скрижаляхъ исторіи отечественнаго просвѣщенія.

Всемірная выставка въ Чикаго

V

Непорядки на выставкѣ и дороговизна жизни въ Чикаго. — Столкновеніе иностранныхъ экспонентовъ съ правленіемъ по поводу раздачи наградъ. — Вопросъ объ открытіи выставки по воскресеньямъ. — Нѣсколько словъ объ американскомъ плодоводствѣ. — Водоснабженіе въ Чикаго. — Сопоставленіе старыхъ и новыхъ способовъ передвиженія. — Кое-что объ англійскомъ отдѣлѣ на выставкѣ.

Иноземные экспоненты и публика начинаютъ громко сѣтовать на выставку и имѣютъ на это вѣскія причины. Она до сихъ поръ еще не готова, не смотря на то, что со дня открытія уже прошло болѣе мѣсяца. О безобразіи, царившемъ въ моментъ открытія, мы уже говорили; президентъ, его свита и громадная толпа народа мѣсили грязь на пустынной площади выставки, заходя въ пустынные иностранные отдѣлы, гдѣ (какъ напримѣръ въ нашемъ русскомъ отдѣлѣ) въ качествѣ единственнаго иноземнаго продукта могли видѣть только мундиры делегацій, завѣдующихъ отдѣлами. Стужа, дожди и вѣтры, стоявшіе первое время по открытіи, также не мало терзали нервы у иностранцевъ, привыкшихъ къ своему привѣтливому маю. Притомъ-же коммерческія невагоды отзывались не на однихъ только нервахъ, а также и на карманахъ публики. Въ квартирахъ стояла та же стужа, что и на улицѣ, а хозяйскаго отопленія не полагается въ Америкѣ, и за ничтожныя порціи топлива, продаваемаго чуть не на аптекарскій вѣсъ, надо было платить такія цѣны, которыя ставили втупикъ въ этомъ царствѣ каменнаго угля. А тѣмъ временемъ, по такой-же аптечной таксѣ приходилось уплачивать за освѣщеніе, квартиру, продовольствіе, за чистку платья и сапогъ (прислуга въ Америкѣ приставлена совсѣмъ не „для этого").

Шли дни за днями, а выставка все не готова, и уѣхать изъ Чикаго, конечно, нельзя, не видавши того зачѣмъ пріѣхалъ. Лицамъ, проводящимъ на выставкѣ весь день, такой день обходится особенно дорого. Мы уже говорили объ остроумнѣйшей финансовой комбинаціи, на основѣ которой устроено продовольствіе публики на выставкѣ. Право держать кухню (одну, громадную, центральную, на всю выставку) сдана въ однѣ руки, за неимовѣрную огромную сумму; эти центральныя загребистыя руки, уже въ свою очередь перепродаютъ свое право питанія публики въ другія, второстепенныя руки, которымъ надо выпрессовать изъ кармановъ потребителей всѣ три толстыхъ слоя наростанія цѣнъ: — откупъ, взятый съ центральной кухни выставочнымъ правленіемъ, барышъ этой кухни, и наконецъ, законный барышъ вторыхъ рукъ. Но уныніе публики не находитъ себѣ отголоска въ душахъ членовъ выставочнаго правленія; напротивъ, всѣ эти джентльмены ликуютъ и потираютъ руки. Подсчитавъ свои доходы, правленіе пришло къ пріятнѣйшему выводу, что уже мѣсяцъ спустя послѣ открытія выставка принесла чуть не полмилліона рублей чистаго барыша, и если дѣла также пойдутъ дальше, то съ финансовой стороны выставка удастся какъ нельзя лучше. Впрочемъ, правленіе все таки находитъ, что публики является на выставку маловато — 20—30 тысячъ человѣкъ въ день; дѣло въ томъ, что туземное населеніе слишкомъ занято въ будни и ему мудрено выбрать время на посѣщеніе выставки въ теченіе недѣли; воскресенье — другое дѣло. Но... вотъ тутъ-то и начинается настоящее огорченіе. Воскресный день въ англо-саксонскихъ странахъ это то же, что шабашъ у благочестивыхъ сыновъ Израиля. Въ воскресенье ничего нельзя дѣлать кромѣ нечестиваго — пѣть, играть, танцовать, развлекаться; надо сидѣть дома и читать Библію. Конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ, давая выставкѣ огромную субсидію, „вспомнилъ день субботній" и внушилъ выставочному правленію, что по воскреснымъ днямъ выставка отнюдь не должна служить источникомъ соблазна и смуты обычнаго религіознаго настроенія... А между тѣмъ, какія волны долларовъ лились бы въ кассы выставки, еслибъ открыть ее на нее доступъ совершенно праздному по воскресеньямъ мѣстному населенію! Искушеніе нарушить условіе съ конгрессомъ представляется великое, и выставочный комитетъ, конечно, съумѣетъ его нарушить. Надо ему только подумать, сообразить. „Fatta la legge, trovato l'inganno" (изданъ законъ — найденъ и обходъ) утѣшаются итальянцы, а чѣмъ янки плоше итальянцевъ.

У иностранныхъ экспонентовъ недавно вышло такое непріятное столкновеніе съ выставочнымъ комитетомъ, что возникало даже опасеніе за всю будущность выставки: одинъ моментъ, казалось, что иноземные гости соберутъ свои пожитки и раскланяются. Суть этого прискорбнаго инцидента явствуетъ изъ телеграммы отъ 13-го мая, напечатанной во всѣхъ европейскихъ газетахъ. „Представители семнадцати государствъ, говорится въ этой телеграммѣ, протестовали противъ предположеннаго порядка раздачи наградъ на выставкѣ, состоящаго въ томъ, что жюри будутъ присуждать награды на основаніи доклада *одного* эксперта". Такой порядокъ никогда и нигдѣ въ мірѣ не практиковался и грозилъ крупными злоупотребленіями или, по меньшей мѣрѣ, недоразумѣніями; поэтому представители иностранныхъ государствъ, въ томъ числѣ и Россіи, потребовали, чтобы присужденіе наградъ производилось общепринятымъ способомъ, т. е. *коммиссіями* экспертовъ. Въ случаѣ неисполненія этого требованія иностранные экспоненты грозили отказаться отъ участія въ соисканіи наградъ. Выставочный комитетъ, получивъ это заявленіе, сначала было заупрямился и порѣшилъ, что онъ не отступитъ отъ принятаго рѣшенія. Начался разладъ на выставкѣ, принявшій было такіе размѣры, что городъ Санъ-Франциско, пользуясь смутою, предложилъ было моментально устроить выставку у себя и звалъ недовольныхъ экспонентовъ къ себѣ. Только благодаря энергическому и дружному давленію, выставочный комитетъ пошелъ, наконецъ, на уступки и дѣло коекакъ уладилось.

Въ ряду экспонатовъ на выставкѣ вниманіе посѣтителей привлекается, между прочимъ, колонною изъ апельсиновъ, въ 35 футовъ вышины и 14 футовъ въ окружности у основанія, выставленною изъ области Лосъ-Ангелосъ, въ Калифорніи. Колонна, правда, замѣчательна сама по себѣ, но для знатоковъ дѣла она пріобрѣтаетъ особенное значеніе, какъ эмблема необычайнаго развитія плодоводства въ Соединенныхъ Штатахъ. Объ этой отрасли хозяйства страны янки стоитъ сказать нѣсколько словъ. Въ Америкѣ существуютъ двѣ побудительныхъ причины къ широчайшему развитію садоводства: во первыхъ, благопріятныя для этого климатическія условія, во вторыхъ (и это главное), умѣнье разнообразно и выгодно эксплуатировать продукты садоводства, т. е. плоды. Вырастить плодъ и продать его въ свѣжемъ видѣ — дѣло не хитрое; это практикуется и у насъ по всей Россіи. Но дѣло въ томъ, что не всегда можно продать свѣжій фруктъ по той причинѣ, что иногда его *никто не беретъ* ни за какую цѣну, потому что его слишкомъ много уродилось; тогда яблоки, груши, арбузы, дыни и прочую сладкую и ароматную снѣдь начинаютъ кушать индюшки, коровы и свиньи, ибо людямъ, пресытившимся всѣмъ этимъ до холеры, начинаетъ претить самый видъ яблока или груши. Средство противъ такой дикой растраты плодоваго урожая, казалось бы не трудно найти — стоитъ только взяться за заготовку фруктовъ въ прокъ — сушить ихъ, мариновать, засахаривать. Но всѣ эти способы, напримѣръ, у насъ, въ Россіи, примѣняются лишь по истинѣ въ ничтожныхъ размѣрахъ. Вотъ на этомъ-то пути Америка и опередила Европу до такой степени, что европейскіе хозяева даже пришли въ испугъ, когда заатлантическіе пароходы стали сваливать на европейскія набережныя громадные тюки своихъ сушеныхъ плодовъ. Въ Европѣ дѣло тотчасъ же закипѣло и теперь хозяева взялись за сушку плодовъ съ необычайнымъ рвеніемъ, пользуясь для этого, надо говорить по совѣсти, орудіями исключительно американскаго происхожденія. Тамъ уже давнымъ давно придумана масса машинъ и машинокъ для подготовки фруктовъ къ сушкѣ; однимъ ударомъ рычага вы выбираете косточку изъ плода, простыми поворотами ручки рѣжете яблоко на тонкіе, изящные ломтики или снимаете съ него кожу. О сушильныхъ переносныхъ печкахъ и говорить нечего; американцы столько ихъ придумали, что европейцамъ не стоитъ уже и ломать головы надъ изобрѣтеніемъ новыхъ. А какъ бойко торгуютъ американцы у себя, на внутреннихъ рынкахъ сухими фруктами! Въ теченіе года въ Чикаго ввозится 6 милліоновъ фунтовъ однихъ только сушеныхъ яблокъ, да $4^{1}/_{2}$ милліона фунт. сухихъ персиковъ. Сѣверная Каролина производитъ всякаго рода сухихъ фруктовъ на 4 милліона долларовъ въ годъ. Понятно, какія выгоды сулитъ садоводство при такомъ расходѣ фруктовъ; поэтому-то въ Америкѣ и нерѣдки случаи, что какая нибудь предпріимчивая компанія скупаетъ нѣсколько квадратныхъ миль безнадежныхъ болотъ, осушаетъ ихъ, разводитъ на нихъ сады и сдаетъ эти сады въ аренду по такимъ цѣнамъ, которыя живо окупаютъ расходы, произведенные на приведеніе въ культурный видъ бывшей непролазной трясины. Путемъ такой интенсивной культуры и добывается матеріалъ для наполненія тѣхъ 500 милліоновъ жестянокъ, которыя ежегодно заготовляются въ Америкѣ для фруктовыхъ консервовъ.

Въ нынѣшнемъ нумерѣ „Всемірной Иллюстраціи" мы воспроизводимъ нѣсколько сценокъ на выставкѣ. Водоснабженіе — довольно жгучій вопросъ въ Чикаго. Большіе отели и благоустроенные чистые дома, конечно, снабжены хорошею, очищенною водою, но во второстепенныхъ гостиницахъ и большинствѣ частныхъ домовъ вода нехорошая, нездоровая, кишащая зародышами дифтерита и тифовъ. Правленіе выставки озаботилось доставкою публикѣ совершенно чистой, стерилизованной воды; чаны съ этою водою во множествѣ разставлены въ разныхъ пунктахъ выставочной площади, и публика запасается отсюда чистою водою, которую многіе уносятъ къ себѣ домой.

На одномъ изъ нашихъ рисунковъ представлено поучительное сопоставленіе между старымъ и новымъ способами передвиженія. Носилки, „запряженныя" парою здоровенныхъ турковъ, встрѣчаются съ изящнѣйшимъ креслицомъ на колесахъ, легко катящимся по дорожкамъ выставки усиліемъ одного, одѣтаго въ форму служителя. Площадь выставки, въ самомъ дѣлѣ, такъ велика, что обойти ее на собственной парѣ ногъ утомительно.

Англійскій отдѣлъ выставки очень обширенъ; онъ занимаетъ около 316 тысячъ квадратныхъ футовъ. Управленіе отдѣломъ сосредоточено въ павильонѣ, названномъ по имени королевы „Victoria House". Здѣсь у входа поставленъ британскій полисменъ. Американскія дамы почему-то крѣпко интересуются этою фигурою и истязаютъ ее цѣлый день своимъ любопытствомъ. Каждой изъ нихъ стражъ „британскихъ интересовъ" на выставкѣ долженъ объяснить, что онъ „съ той стороны", т. е., съ другого берега Атлантическаго океана, что у нихъ такая самая форма, какая на немъ надѣта, и т. д. Утомительная служба! Набережная Мичигана, вся обдѣланная въ чертѣ города складнымъ гранитнымъ парапетомъ, на подобіе нашей невской набережной, служитъ любимымъ мѣстомъ прогулки для чикагскаго населенія. Въ бурю, какія часто свирѣпствуютъ на озерѣ, волны захлестываютъ черезъ парапетъ на широкій мощеный тротуаръ, обдавая гуляющихъ цѣлымъ душемъ брызгъ.

М. О—въ

Рейнскій водопадъ близь Шафгаузена

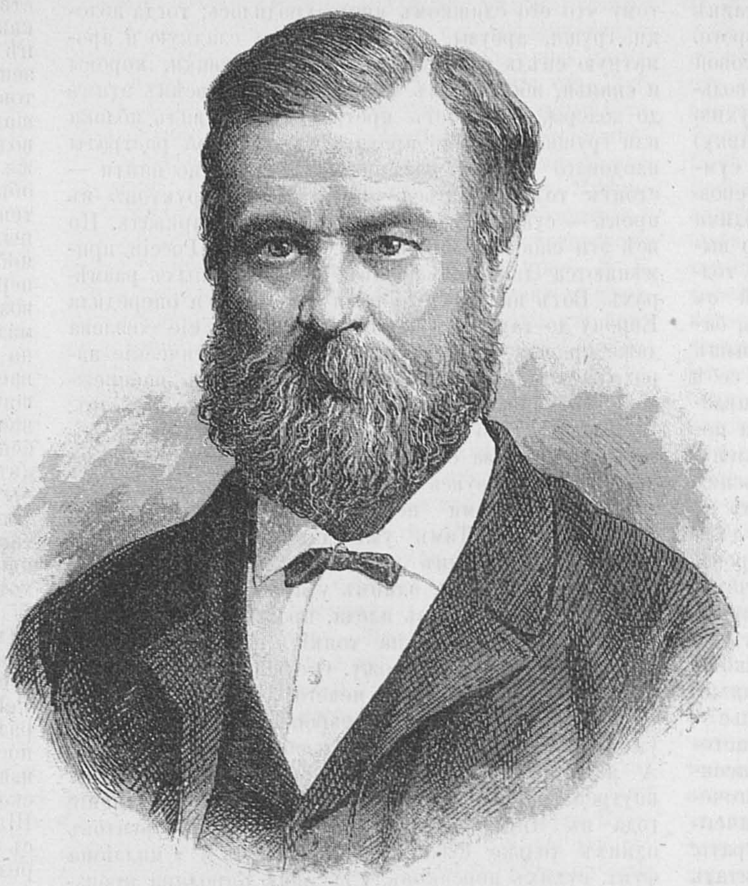
По выходѣ изъ Боденскаго озера Рейнъ стремится по ложу шириною не болѣе 80 саженъ. Недалеко отъ этого мѣста русло рѣки пересѣкается поперекъ каменною грядою, образующею порогъ въ 12 саженъ высоты. Дойдя до порога, рѣка низвергается со скалъ, образуя одинъ изъ живописнѣйшихъ въ Европѣ водопадовъ, который находится близъ Шафгаузена, швейцарскаго города. На нашемъ рисункѣ этотъ величественный каскадъ представленъ при лунномъ свѣтѣ, какъ изобразилъ его на своей замѣчательной картинѣ нѣмецкій художникъ Альбертъ Ригеръ. Шафгаузенскій водопадъ посѣщается множествомъ туристовъ; попасть на него не представляется ни малѣйшаго затрудненія изъ Шафгаузена, отъ котораго до водопада не болѣе часа пути: около водопада лежитъ желѣзнодорожная станція Нейгаузенъ, на которой обыкновенно и останавливаются всѣ германскіе путешественники, желающіе полюбоваться величественнымъ зрѣлищемъ. Сначала путники направляются къ небольшому замку Вёртъ, около котораго устроена переправа на ту сторону Рейна, къ замку Лауфенъ, возвышающемуся на противоположномъ берегу, на громадныхъ скалахъ. Многіе прямо изъ лодки взлѣзаютъ на среднюю изъ этихъ скалъ, подножіе которой омывается вспѣненными волнами Рейна. Здѣсь, на вершинѣ скалы построена бесѣдка, съ которыхъ открывается вся удивительная панорама водопада. Но особенно сильное и величественное впечатлѣніе производитъ падающая вода отъ подножія скалъ, на которыхъ построенъ замокъ Лауфенъ, съ такъ называемыхъ „Känzeli" и „Fischetz". Сила паденія здѣсь такъ ощутительна, что даже скала, на которой останавливается туристъ, испытываетъ явственную дрожь; хотя съ этого мѣста видна только часть водопада; но за то ни съ какого другаго мѣста нельзя такъ близко видѣть всю громаду падающей воды и слышать ея неистовый грохотъ. Водопадъ производитъ разное впечатлѣніе, смотря по состоянію уровня воды въ Рейнѣ. Въ полую воду водопадъ поражаетъ своими размѣрами, своимъ ревомъ, подавляетъ своею грандіозностью, а при спадѣ воды выигрываетъ въ смыслѣ изящества ландшафта. Почти поверхъ водопада, нѣсколько выше его, построенъ желѣзнодорожный мостъ Шафгаузенъ-Цюрихской дороги, такъ что, поднявшись съ „Fischetz" къ замку Лауфенъ, можно выйти на рельсы, перейти черезъ мостъ и попасть прямо на станцію Нейгаузенъ, о которой нами уже упомянуто. Замѣчательно, что о Рейнскомъ водопадѣ не упоминаетъ ни одинъ изъ римскихъ писателей и первое упоминаніе о немъ относится къ 960 году по Р. Х. Вслѣдствіе этого возникла даже догадка, что въ прежнее время Рейнъ не проходилъ черезъ Боденское озеро, а шелъ черезъ озера Валенское и Цюрихское.

И. Ѳ. Леваковскій †

Наука русская понесла недавно новую утрату въ лицѣ скончавшагося 15-го марта Ивана Ѳедоровича Леваковскаго, бывшаго ординарнаго профессора харьковскаго университета по каѳедрѣ минералогіи и геологіи. Безъ малаго тридцать лѣтъ вѣрою и правдою служилъ онъ своему родному городу, какъ ученый, проводившій въ жизнь свои глубокія познанія, старавшійся популяризировать въ обществѣ ту науку, которую онъ избралъ своей спеціальностью, какъ педагогъ, воспитавшій не одно поколѣніе молодежи и, наконецъ, какъ человѣкъ, сдѣлавшій немало добра. И. Ѳ. Леваковскій не пролагалъ новыхъ путей въ наукѣ, его роль — была роль довольно скромнаго, но зато неутомимаго и замѣчательно добросовѣстнаго труженика, занимавшагося геологическими и геогностическими изслѣдованіями южной полосы Россіи и потрудившагося не даромъ, далеко не безъ пользы для науки вообще и для практическаго примѣненія ея къ нуждамъ того края въ особенности. „О вліяніи рельефа страны на естественное направленіе дорогъ въ харьковской и другихъ губерніяхъ южной полосы Россіи", „Нѣсколько словъ по поводу вопроса объ улучшеніи рѣкъ въ Харьковѣ", „О выступахъ кристаллическихъ породъ по Днѣпру", „Возможно ли обводненіе южно-русскихъ степей", „О славянскихъ соляныхъ озерахъ", „О почвѣ и водѣ города Харькова", „Матеріалы для изученія чернозема" — вотъ труды И. Ѳ. Леваковскаго, одни заглавія которыхъ довольно ясно показываютъ — въ какомъ направленіи главнымъ образомъ работалъ этотъ выдающійся дѣятель. Но особенно выдавался И. Ѳ. Леваковскій своей педагогической дѣятельностью. Это былъ замѣчательно талантливый, тактичный, любившій свое дѣло преподаватель, который умѣлъ и заинтересовать своихъ слушателей и передать имъ свои знанія и въ то же время умѣлъ всегда вліять на нихъ самымъ благотворнымъ образомъ. Всегда спокойный, ровный, добросердечный, чуждый педантизма, но чрезвычайно аккуратный въ исполненіи своихъ обязанностей, цѣнившій эту аккуратность и въ другихъ, — И. Ѳ. Леваковскій внушалъ къ себѣ глубокое уваженіе и глубокія симпатіи среди своихъ слушателей, и многочисленные ученики его сохранили о немъ самыя свѣтлыя воспоминанія. Да и не одни только слушатели его, но и товарищи и вообще всѣ знавшіе его отзывались о немъ какъ о душевномъ, хорошемъ и весьма отзывчивомъ человѣкѣ.

Иванъ Ѳедоровичъ Леваковскій происходилъ изъ дворянъ харьковской губерніи и родился въ 1827 году въ Харьковѣ, гдѣ въ одной изъ гимназій и получилъ первоначальное воспитаніе, а въ университетѣ — высшее образованіе, окончивъ курсъ по физико-математическому факультету со степенью кандидата естественныхъ наукъ въ 1852 году. Тогда началась и его педагогическая дѣятельность, про-

должавшаяся болѣе тридцати пяти лѣтъ. Сперва онъ былъ назначенъ преподавателемъ естественной исторіи въ симферопольскую гимназію, гдѣ пробылъ всего три года, а затѣмъ избранъ былъ совѣтомъ харьковскаго университета адъюнктомъ при физико-математическомъ факультетѣ по каѳедрѣ минералогіи и геологіи въ 1860 году, удостоенный передъ тѣмъ степени магистра этихъ наукъ. Предварительно, однако, онъ слушалъ лекціи и работалъ подъ руководствомъ лучшихъ профессоровъ за границей, куда онъ ѣздилъ въ 1855 году. Труды молодаго ученаго обратили на себя вниманіе московскаго общества испытателей природы, и оно избрало И. Ѳ. Леваковскаго въ свои члены въ 1861 году. Въ бюллетеняхъ этого общества напечатано нѣсколько статей И. Ѳ., въ томъ числѣ и весьма интересная работа „Zur Geologie von Südrussland“. Въ томъ же, 1861 году, онъ былъ командированъ университетомъ въ нѣкоторые уѣзды харьковской и екатеринославской губерній для геогностическихъ изысканій и по возвращеніи изъ поѣздки представилъ интересный отчетъ, одобренный факультетомъ и совѣтомъ университета; къ тому же времени относится и начало изданія его „Курса геологіи“, которая вышла въ 4 выпускахъ и предназначалась для слушателей профессора. Это руководство составлено И. Ѳ. Леваковскимъ чрезвычайно добросовѣстно, въ особенности по части географическаго описанія и распространенія пластовъ и формацій, и было тогда единственнымъ въ этомъ отношеніи; въ четырехъ выпускахъ названнаго сочиненія, кромѣ общей геологической теоріи, описаны періоды кембрійскій, силурскій, девонскій, каменноугольный и пермскій, причемъ составитель курса не могъ не привести въ немъ обвиненій противъ мнѣній Дарвина о „неполнотѣ и разрывчатости„ геологической лѣтописи, такъ какъ онъ былъ твердо увѣренъ въ строгости и стройности своей науки. Въ 1862 году И. Ѳ. Леваковскій назначенъ былъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ минералогіи и геогнозіи, выбранный передъ этимъ секретаремъ физико-математическаго факультета на четыре года, а также за свои изслѣдованія избранъ почетнымъ членомъ харьковскаго статистическаго комитета. Спустя годъ онъ былъ удостоенъ степени доктора естественныхъ наукъ и избранъ дѣйствительнымъ членомъ херсонскаго губернскаго статистическаго комитета. Въ 1864 году онъ былъ командированъ для геологическихъ изслѣдованій въ губерніи харьковскую, полтавскую и кіевскую. За отличіе по службѣ И. Ѳ. Леваковскій былъ произведенъ въ 1875 году въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а въ 1880 г. утвержденъ деканомъ физико-математическаго факультета и занималъ эту должность семь лѣтъ. По выслугѣ установленнаго двадцатипятилѣтняго срока онъ былъ оставленъ еще на нѣкоторое время при университетѣ для чтенія лекцій по минералогіи и затѣмъ въ 1889 году, согласно прошенію, уволенъ въ отставку; при этомъ университетъ, цѣня ученыя заслуги профессора, избралъ его въ свои почетные члены. До самой кончины И. Ѳ. Леваковскій состоялъ предсѣдателемъ общества естествоиспытателей при харьковскомъ университетѣ, будучи едва ли не съ самаго основанія общества избираемъ на эту должность и дѣятельно участвуя въ періодическомъ изданіи, выходившемъ при обществѣ. Много статей и замѣтокъ И. Ѳ. Леваковскаго печаталось въ „Прибавленіяхъ къ Харьковскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ“, „Южномъ Краѣ“, „Трудахъ харьковскаго губернскаго статистическаго комитета“ и друг. Кромѣ названныхъ работъ его слѣдуетъ упомянуть еще слѣдующія: „О сочиненіяхъ Ломоносова по предмету геологіи“, „Observations sur les terrains tertiaires et quaternaires dans les gouvernements de Kherson, de la Tavride, etc...“, „Геологическое изслѣдованіе осадковъ пермской формаціи въ сѣверозападной части донецкаго кряжа“, „Изслѣдованіе осадковъ мѣловой и слѣдующихъ за нею формацій на пространствѣ между Днѣпромъ и Волгою“, „О причинахъ различія въ формѣ склоновъ рѣчныхъ долинъ“ и проч. Нѣсколько статей И. Ѳ. Леваковскаго переведено на языки нѣмецкій и французскій. Мѣстныя газеты почтили память этого ученаго довольно жалкимъ некрологомъ.



И. Ѳ. ЛЕВАКОВСКІЙ, бывшій профессоръ харьковскаго университета, † 15 марта с. г.

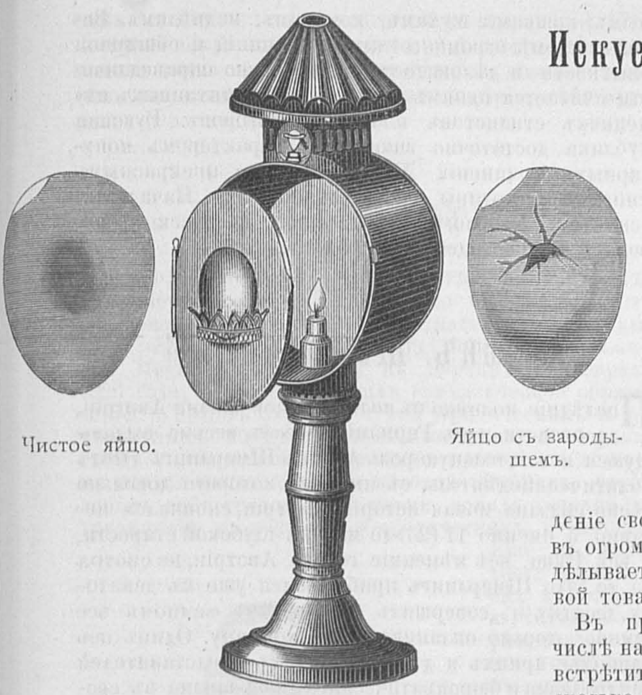
Съ фотографіи Ю. Глентцтнера, въ Харьковѣ, рисовалъ К. О. Брожъ.

На набережной у озера въ Чикаго.

Рисунокъ съ натуры А. Вестерлинда.

Соединенные Штаты Сѣверной Америки. — Большая Колумбова выставка въ Чикаго.

Искусственная выводка цыплятъ въ Пембёфѣ



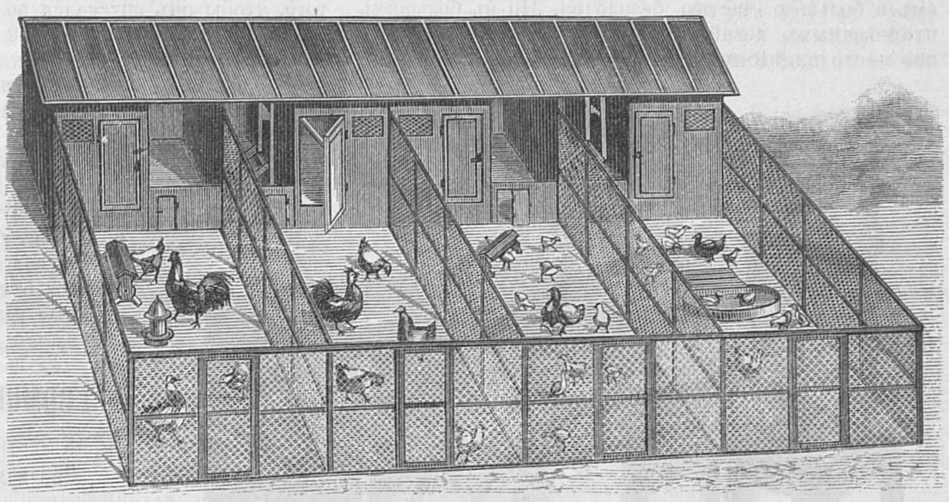
Чистое яйцо. Яйцо съ зародышемъ.

Фонарикъ для изслѣдованія яицъ.

Къ западу отъ Нанта, по сосѣдству съ Сенъ-Назеромъ, находится маленькій приморскій городокъ Пембёфъ. Несмотря на весьма благопріятное положеніе и прекрасный портъ, городокъ почему-то не разросся въ большую гавань и замѣтно клонится къ упадку. Но зато въ Пембёфѣ есть преинтересное заведеніе своего рода, въ которомъ въ огромномъ количествѣ „выдѣлывается“ замѣчательный живой товаръ — цыплята.

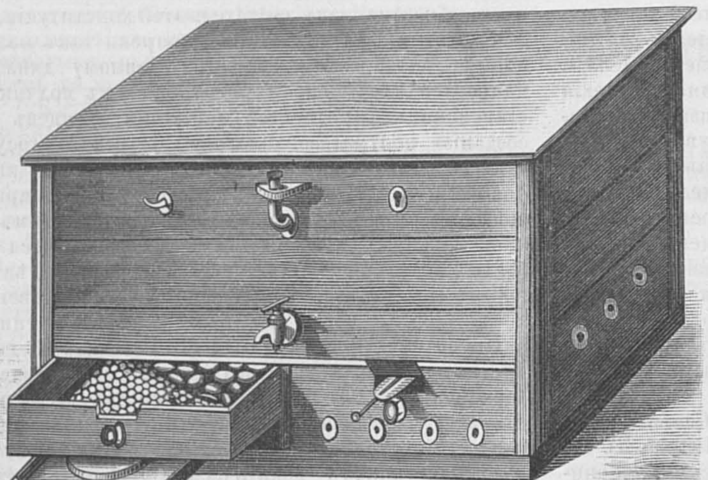
Въ предположеніи, что въ числѣ нашихъ читателей могутъ встрѣтиться лица, которыхъ нѣсколько поразитъ несообразность сопоставленія слова заведеніе съ появленіемъ на свѣтъ живыхъ существъ, не подлежащихъ заводскому производству, мы должны войти въ нѣкоторыя подробности. Каждому извѣстно, что птица производитъ на свѣтъ не живое, себѣ подобное, существо, а яйцо, представляющее только рудиментарный зародышъ этого существа. Для того, чтобы яйцо дало жизнь живой птицѣ, оно должно быть подвергнуто въ теченіе извѣстнаго времени дѣйствію той самой живой теплоты, какую носитъ въ себѣ тѣло птицы-матери. Природа разрѣшаетъ эту задачу очень просто: птица дѣлаетъ гнѣздо изъ теплоупорныхъ матеріаловъ, наполняетъ его своими яйцами и садится на нихъ, непрерывно согрѣвая ихъ собственнымъ тѣломъ въ теченіе всего того промежутка времени, пока совершается внутри яйца превращеніе инертнаго зародыша въ живое существо. Самое поверхностное наблюденіе уже давно убѣдило человѣка въ томъ, что при насиживаніи главная и даже, смѣло можно сказать, исключительная роль падаетъ на долю температуры тѣла птицы-матери. Простой опытъ можетъ убѣдить въ этомъ всякаго сомнѣвающагося. Возьмите свѣжее яйцо любой птицы и продержите его какъ разъ столько времени, сколько сидитъ на немъ птица, и какъ разъ при той температурѣ, какую имѣетъ ея тѣло, и вы увидите, что изъ яйца выйдетъ вполнѣ нормальный птенецъ безъ всякаго участія птицы-матери. Какъ только этотъ фактъ былъ доказанъ опытами, такъ тотчасъ же возникла новая отрасль сельскохозяйственной промышленности — искусственная выводка цыплятъ.

Выгоды искусственнаго насиживанія или выводки передъ естественнымъ очевидны. Птица въ состояніи высидѣть лишь весьма ограниченное число яицъ, такъ, напримѣръ, курица насиживаетъ самое большее 15 яицъ, обыкновенно же подъ нее кладутъ не болѣе 12; гусыня высиживаетъ 10 яицъ, утка — 15, индейка — 20—23. Такимъ образомъ, еслибы кто нибудь пожелалъ заняться разведеніемъ, напримѣръ, цыплятъ въ большомъ масштабѣ, то ему пришлось бы для высиживанія 1,000 цыплятъ имѣть въ своемъ распоряженіи до сотни насѣдокъ. Сколько мѣста, а главное какая масса возни съ насѣдками, приходящими передъ насиживаніемъ въ весьма возбужденное состояніе, потребовалось бы при такомъ крупномъ производствѣ! А между тѣмъ при искусственномъ выпариваніи та же 1,000 цыплятъ съ большимъ удобствомъ помѣщается въ сравнительно небольшой шкафъ, въ которомъ съ помощью весьма простыхъ приспособленій подвергается дѣйствію вполнѣ равномѣрной температуры насиживанія въ теченіе опредѣленнаго времени.



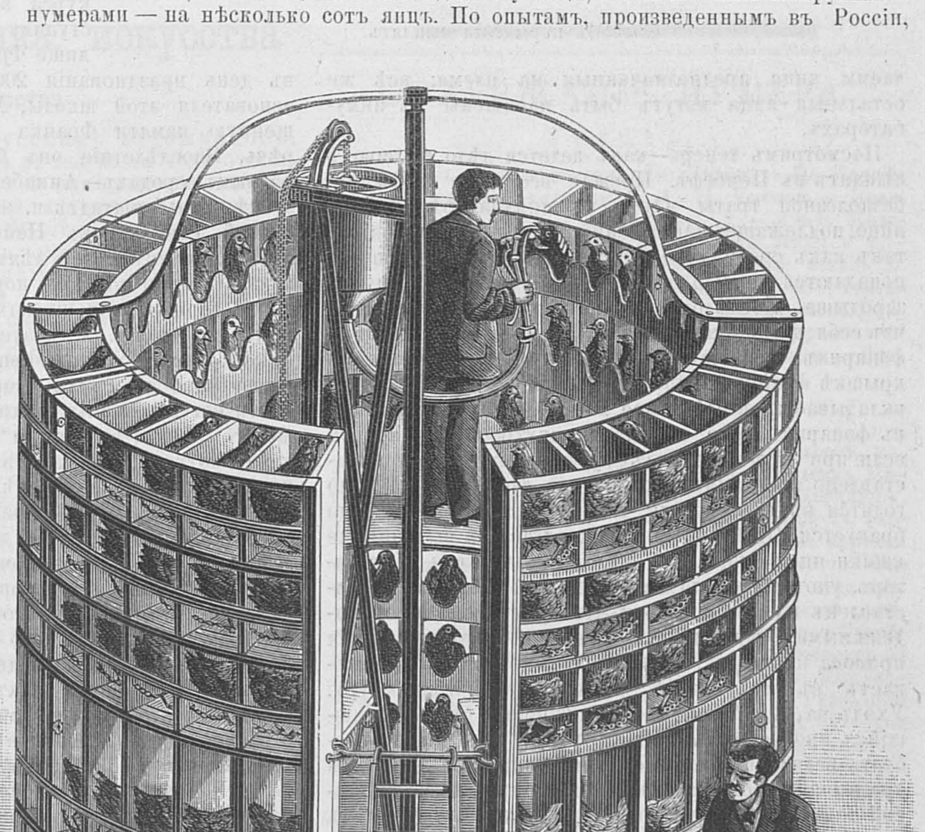
Садки для разныхъ породъ птицъ.

Аппараты для искусственнаго насиживанія называются инкубаторами. Въ настоящее время лучшими изъ этихъ снарядовъ считаются производимые въ Англіи Хирсономъ; онъ строитъ инкубаторы разнообразной величины, начиная съ маленькихъ, вмѣщающихъ только дюжину яицъ, и кончая самыми крупными нумерами — на нѣсколько сотъ яицъ. По опытамъ, произведеннымъ въ Россіи,



Инкубаторъ для насиживанія яицъ.

Грѣлка для вылупившихся цыплятъ.



Башневидная кормушка для птицъ.

Франція. — Заведеніе искусственной выводки цыплятъ въ городѣ Пембёфѣ.

въ нашей Петровской академіи, производительность инкубатора колеблется въ предѣлахъ отъ 70 до 80%, т. е. изъ сотни яицъ, положенныхъ въ инкубаторъ, выходитъ отъ 70 до 80 цыплятъ. Нѣкоторые заграничные птицеводы, испытавшіе инкубаторъ Хирсона, утверждаютъ, что его производительность можетъ доходить почти до 99%.

Итакъ, главная выгода инкубатора, особенно цѣнная въ глазахъ хозяина практика, заключается въ томъ, что онъ устраняетъ всякую зависимость хозяина отъ насѣдки; инкубаторъ работаетъ когда угодно и въ какомъ угодно размѣрѣ. Цыпленокъ изъ инкубатора выходитъ вполнѣ нормальный, способный къ откармливанію и дающій вполнѣ хорошій рыночный продуктъ. Если только одни эти качества и требуются отъ цыпленка, то инкубаторъ вполнѣ удовлетворитъ производителя и потребителя. Другое дѣло если хозяинъ разводитъ птицу не исключительно на убой, но также и на племя. Какъ племенное животное искусственно насиженная птица не имѣетъ никакой цѣны. Она недолговѣчна, непрочна здоровьемъ и большею частью безплодна. Но въ большихъ птицеводныхъ хозяйствахъ, конечно, есть достаточное число насѣдокъ, которымъ и должны быть поручаемы яица, предназначенныя на племя; всѣ же остальныя яица могутъ быть насижены въ инкубаторахъ.

Способъ кормленія цыплятъ.

Посмотримъ теперь—какъ ведется дѣло на заводѣ цыплятъ въ Пембфѣ. Прежде всего, во избѣжаніе безполезной траты мѣста въ инкубаторѣ, каждое яйцо, подлежащее насиживанію изслѣдуется на свѣтъ, такъ какъ среди совершенно свѣжихъ яицъ иногда попадаются неоплодотворенныя, неимѣющія внутри зародыша и слѣдовательно немогущія произвести изъ себя цыпленка. Для изслѣдованія яицъ служитъ фонарикъ, представленный на фиг. 1. Спереди, въ крышкѣ фонарика придѣланъ вѣнчикъ, въ который вкладывается изслѣдуемое яйцо. Свѣча, вставленная въ фонарикъ, ярко освѣщаетъ внутренность яйца и если при этомъ его видъ будетъ такой, какъ представлено на рисункѣ вправо отъ фонарика, то яйцо годится въ дѣло, а если такой, какъ слѣва, то оно бракуется. Отобранныя яйца кладутся въ выдвинутые ящики инкубатора, на поддоны изъ сѣтки. Инкубаторъ, употребляемый на пембфѣской „фабрикѣ" представленъ на фиг. 2. Это нѣчто вродѣ комода, съ выдвижными ящиками, съ кранами и трубками, для привода и отвода горячей воды, которая поддерживаетъ въ инкубаторѣ надлежащую температуру. Уходъ за инкубаторомъ въ сущности ограничивающійся пропусканіемъ черезъ него горячей воды, требуетъ величайшаго и постояннаго вниманія. Слѣдуетъ чрезвычайно строго держаться въ предѣлахъ извѣстной температуры, по возможности не уклоняясь отъ нея ни вверхъ, ни внизъ. Всякое уклоненіе вліяетъ на успѣхъ насиживанія и можетъ сопровождаться крупными неудачами. Яйцо насиживается въ инкубаторѣ, какъ и при естественныхъ условіяхъ 21 день. По прошествіи этого времени изъ яицъ начинаютъ одинъ за однимъ вылупляться цыплята, которыхъ тотчасъ же переносятъ въ грѣлку, представленную на фиг. 3. Грѣлка—большой ящикъ, съ нѣсколькими отдѣленіями, въ которыхъ поддерживается, посредствомъ той же горячей воды надлежащая теплота, необходимая для вновь вылупившихся цыплятокъ, во все время, пока они не обсохнутъ. Здѣсь цыплята выдерживаются нужное время, а затѣмъ ихъ собираютъ въ отдѣльныя группы, по возрастамъ, и размѣщаютъ по садкамъ, огороженнымъ проволочною сѣткою. На птицеводномъ заведеніи въ Пембфѣ цѣлый дворъ занятъ такими садками, вмѣщающими разныя породы птицъ въ различные возрасты жизни; на фиг. 4 представлена группа такихъ садковъ.

Хозяйство въ Пембфѣ не ограничивается однимъ только высиживаніемъ цыплятъ; оно ведетъ еще и систематическое ихъ откармливаніе. Для удобства и однообразнаго примѣненія пріемовъ этого откармливанія устроены разныя приспособленія, два образца которыхъ представлены на нашихъ рисункахъ. Фиг. 5 показываетъ видъ большой кормушки, которой придана форма круглой башни, съ многочисленными отдѣленіями для помѣщенія отдѣльныхъ птицъ. Въ такія кормушки садятъ птицъ, предназначенныхъ для самаго усиленнаго откармливанія. Съ этою цѣлью птица помѣщается въ очень тѣсную клѣточку, гдѣ она остается почти лишенною всякаго движенія. Движеніе требуетъ расхода силъ и тканей тѣла; для предупрежденія этого непроизводительнаго расхода птицу нарочно и садятъ такъ, чтобы ей было невозможно двигаться. Сначала птицѣ задается кормъ, которымъ ей самой предоставляется пользоваться вволю. Вслѣдъ затѣмъ ее начинаютъ откармливать насильно. Приспособленіе для такого насильственнаго кормленія представлено на фиг. 5 и 6. Кормъ помѣщается въ сосудѣ, повѣшенномъ на извѣстной высотѣ, для того, чтобы онъ спускался по трубкѣ съ извѣстнымъ напоромъ. Трубка, по которой стекаетъ кормъ, заканчивается мундштукомъ; этотъ мундштукъ вставляется въ клювъ птицы, которую держатъ одною рукой за горло, въ случаѣ надобности продавливая кормъ этою рукою въ пищеводъ птицы. Въ заведеніи есть особое отдѣленіе для убоя птицы и погреба для храненія битой птицы, которую потомъ упаковываютъ цѣлыми партіями и отправляютъ на сосѣдніе крупные рынки.

Германъ Мазіусъ †

Мая 22-го скончался извѣстнѣйшій натуралистъ и педагогъ, профессоръ лейпцигскаго университета, Германъ Мазіусъ. Онъ родился 7 января 1818 года въ Требницѣ, близъ Бернбурга. Образованіе получилъ въ университетѣ въ Галле, по богословскому факультету, но его влекло съ юныхъ дней къ педагогической дѣятельности и къ естествознанію. По окончаніи курса въ университетѣ онъ поступилъ преподавателемъ въ училище Франка въ Галле; въ 1863 г. въ день празднованія 200-лѣтія со дня рожденія основателя этой школы, Мазіусъ произнесъ посвященную памяти Франка очень прочувствованную рѣчь. Впослѣдствіи онъ былъ преподавателемъ въ разныхъ городахъ—Аннабергѣ, Зальцведелѣ, Штральзундѣ, Гальберштадтѣ и, наконецъ, директоромъ реальной гимназіи въ Нейштадтъ-Дрезденѣ. За это время педагогической дѣятельности Мазіусомъ были изданы еще и до сихъ поръ принятыя чуть не во всѣхъ германскихъ школахъ его руководства и сборники для чтенія. Наибольшій изъ этихъ сборниковъ, это „Naturstudien", въ которыхъ онъ особенно ярко проявилъ свои громадныя свѣдѣнія по части естествознанія и народовѣдѣнія. Славятся также его „Книга для чтенія" (Deutsches Lesebuch), его переработка извѣстнаго эхтермейеровскаго сборника стихотвореній и передѣлка исторіи древняго міра Вебера. Въ 1862 году Мазіусъ былъ призванъ профессоромъ педагогики и дидактики въ лейпцигскій университетъ. Многочисленные ученики глубоко цѣнили въ своемъ профессорѣ и его обширныя теоретическія познанія и необычайную опытность въ практикѣ педагогическаго дѣла. Мазіусъ училъ словомъ и дѣломъ. За послѣднія десятилѣтія имъ издано множество образцовыхъ работъ по исторіи педагогики; по этой части славятся его обширная статья о воспитаніи въ средніе вѣка, напечатанная во 2-мъ томѣ шмидовской „Исторіи воспитанія" и превосходные біографическіе очерки извѣстныхъ дѣятелей на педагогическомъ поприщѣ, вошедшіе во „Всеобщую нѣмецкую біографію". Всѣ новые, текущіе вопросы по воспитанію Мазіусъ разрабатывалъ въ „Ежегодникѣ филологіи и педагогики" (Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik), въ которомъ онъ редижировалъ педагогическую часть. Имъ же составлена зоологическая часть извѣстнаго сборника, посвященнаго естествознанію („Die gesammten Naturwissenschaften"). Его географическій сборникъ, къ сожалѣнію, такъ и остался недоконченнымъ. Мазіусъ издалъ также талантливые переводы извѣстныхъ иностранныхъ популяризаторовъ естественныхъ наукъ, между прочимъ, Фламаріона и Тиссандье. Послѣднее литературное произведеніе Мазіуса были его „Пестрые листы" (Bunte Blätter. Altes und Neues), сборникъ небольшихъ статей, посвященныхъ разнымъ вопросамъ естествовѣдѣнія, воспитанія и литературы. Тутъ собраны его этюды о Цвингли, Экштейнѣ, епископѣ Бруно, очерки природы и жизни въ нѣкоторыхъ живописныхъ уголкахъ Германіи, интересныя замѣтки, посвященныя разнымъ животнымъ: кошкамъ, мухамъ, комарамъ, медвѣдямъ. Вообще, кромѣ огромнаго круга познаній и обширной опытности и дѣловитости, Мазіусъ, по справедливости считается одним изъ самыхъ талантливыхъ нѣмецкихъ стилистовъ и популяризаторовъ. Русская публика достаточно знакома съ характеромъ популярныхъ сочиненій Мазіуса по его прекраснымъ книгамъ „Картины растительности" и „Начальныя основанія физіологіи", вышедшимъ въ русскомъ переводѣ въ шестидесятыхъ годахъ.

Антонъ Шмерлингъ †

Послѣдніе полвѣка въ политической жизни Австріи, а отчасти и въ Германіи игралъ весьма выдающуюся и вліятельную роль Антонъ Шмерлингъ. Этотъ политическій дѣятель, съ именемъ котораго довольно тѣсно связана новая исторія Австріи, скончался недавно, а именно 11 (23)-го мая въ глубокой старости, и вся Вѣна, всѣ нѣмецкіе города Австріи, не смотря на то, что Шмерлингъ приближался уже къ девятому десятку и „совершилъ въ предѣлѣ земномъ все земное", горько оплакивали его кончину. Одинъ изъ наиболѣе яркихъ и дѣятельнѣйшихъ представителей централизма и бюрократическаго либерализма въ своемъ отечествѣ, Шмерлингъ началъ свою политическую карьеру въ 1848 г., когда примкнулъ къ оппозиціи противъ Меттерниха, достаточно опозореннаго и ставшаго ненавистнымъ народу. Осторожный, ловкій, не имѣвшій ничего общаго съ уличными дѣятелями изъ протестантовъ, онъ быстро обратилъ на себя вниманіе новаго правительства и получилъ на первыхъ порахъ нѣсколько политическихъ миссій. Такъ, онъ былъ посланъ во Франкфуртъ-на-Майнѣ въ качествѣ австрійскаго представителя и оказался весьма искуснымъ защитникомъ австрійскихъ интересовъ противъ Пруссіи и ея сторонниковъ, а также и противъ демократіи. Ему выпало на долю, въ качествѣ министра рейхсъ-фервезера эрцъ-герцога Іоанна и усмирять движеніе этой же партіи, когда демократія перешла къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. И если Шмерлингъ все таки сохранилъ репутацію либеральнаго политика, то благодаря своей дѣятельности на посту министра-президента въ 1860—1865 гг., когда имъ положена основа въ высшей степени умѣренному конституціонному режиму, нынѣ дѣйствующему. Въ качествѣ министра-президента онъ и извѣстенъ главнымъ образомъ, какъ создатель этой конституціи, т. е. февральской 1861 г., которая, вопреки такъ называемому „октябрьскому конституціонному диплому", направлена была преимущественно къ подчиненію славянскихъ народностей гегемоніи нѣмцевъ и къ созданію централизованнаго австрійскаго государства не признающаго автономнаго развитія иныхъ національностей, кромѣ нѣмецкой. Непримиримыя враждебныя отношенія къ этимъ злополучнымъ національностямъ, особенно къ чехамъ, являются наиболѣе характерной чертой всей позднѣйшей дѣятельности Шмерлинга, офиціальной и общественной, послѣ 1865 г., когда послѣдствія его внутренней и внѣшней политики вынудили его оставить постъ министра-президента и занять должность президента верховнаго суда. Послѣ министерства Шмерлинга Австрія пережила Кенигсгрецъ и провозглашеніе полной автономіи Венгріи, такія событія, которыя положили конецъ политическому значенію этого австрійскаго патріота. Шмерлингъ пересталъ появляться во главѣ правительственной власти, хотя все еще и числился выдающимся дѣятелемъ австрійскаго либерализма. Лишь изрѣдка, на какихъ нибудь торжествахъ, онъ выступалъ какъ публичный ораторъ и успѣхъ его въ этихъ случаяхъ былъ огромный, ибо публика любовалась имъ какъ почетной реликвіей либерализма. Ораторскія способности Шмерлинга признавались всѣми; онъ отличался рѣдкой находчивостью и прекраснымъ, изысканнымъ языкомъ; тѣмъ не менѣе рѣчи его не прельщали содержаніемъ. Антонъ Ритеръ Шмерлингъ родился 20-го августа 1805 г. въ Вѣнѣ и былъ сынъ чиновника. Въ 1846 г. онъ дослужился до званія совѣтника аппеляціоннаго суда, а въ слѣдующемъ году вступилъ въ число членовъ нижне-австрійскаго сейма, помогалъ затѣмъ въ устройствѣ національной гвардіи и сдѣлался адъютантомъ графа Гойоса, ея начальника. Въ 1849 г. по возвращеніи Шмерлинга въ Вѣну, Шварценбергъ сдѣлалъ его министромъ юстиціи. Вскорѣ, однако, Шмерлингъ сошелъ на время со сцены и около десяти лѣтъ служилъ по судебному вѣдомству вдали отъ политической дѣятельности. Когда послѣ итальянской кампаніи совершилось паденіе реакціи, отодвинувшей Шмерлинга на второй планъ, онъ снова сталъ во главѣ правительства, снова сталъ играть выдающуюся роль. Въ 1865 г. Шмерлингъ уступилъ свой постъ графу Белькреди и былъ сдѣланъ президентомъ высшаго суда. Эту должность онъ занималъ цѣлыя четверть вѣка; его называли „лордомъ — верховнымъ судьей". Съ 1867 г. онъ засѣдалъ въ сенатѣ. На 86-мъ году жизни онъ вышелъ въ отставку. Это былъ аристократъ до мозга костей, всегда изящно одѣтый, имѣвшій горделивую осанку и щеголявшій своими бѣлоснѣжными волосами при

свѣжемъ цвѣтѣ лица, не похожій на старческій. Нѣкоторые афоризмы Шмерлинга въ свое время производили впечатлѣніе и сохранились въ памяти многихъ парламентскихъ дѣятелей Австріи, дѣйствующихъ и въ настоящее время.

Некрологъ

Дюфренъ Жанъ, знаменитый шахматистъ, † въ Берлинѣ 13-го апрѣля. Это былъ одинъ изъ выдающихся современныхъ шахматистовъ и завѣдывалъ редакціею шахматнаго отдѣла въ „Ueber Land und Meer". Онъ родился въ Берлинѣ 14 февраля 1829 года, здѣсь же окончилъ гимназическое образованіе, а потомъ слушалъ курсъ юридическихъ и камеральныхъ наукъ въ бреславльскомъ и берлинскомъ университетахъ. Отецъ его разорился во время студенчества сына, и молодой Дюфренъ, чтобъ добыть себѣ средства къ жизни, началъ усердно сотрудничать въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Еще въ молодости страдалъ онъ нѣкоторою глухотою, которая заставляла его прибѣгать къ содѣйствію слухового рожка, а затѣмъ и вовсе лишился слуха. Послѣ того онъ всецѣло посвятилъ себя шахматной литературѣ. Онъ издалъ въ свѣтъ многочисленныя брошюрки и книжечки по части шахматной игры и былъ сочинителемъ множества шахматныхъ задачъ. Эти книжечки очень славятся среди любителей шахматной игры, какъ образцово и тщательно составленныя и изложенныя. Въ числѣ этихъ книжечекъ упомянемъ „Антологію шахматныхъ задачъ" (Anthologie der Schachaufgaben), пространный учебникъ шахматной игры, составленный имъ въ сотрудничествѣ съ другимъ очень извѣстнымъ шахматистомъ Цукертортомъ („Grosses Schachhandbuch"), считающійся однимъ изъ самыхъ полныхъ, основательныхъ и толковыхъ руководствъ по этой части. Далѣе укажемъ на его „Сокращенное шахматное руководство" („Kleines Lehrbuch des Schachspiels"), на „Книгу шахматныхъ турнировъ" (Schachturnierbuch), на „Сборникъ образцовыхъ партій шахматной игры", „Сборникъ легкихъ задачъ" и т. д. Практику шахматной игры Дюфренъ усвоилъ, еще будучи мальчикомъ, отъ своего отца, страстнаго любителя и знатока этой игры. Въ 18-лѣтнемъ возрастѣ онъ уже сражался съ профессоромъ Вольфомъ и сдѣлалъ ему матъ въ партіи Эвансовскаго гамбита. Покойнаго шахматиста Майета Дюфренъ также побѣдилъ, а съ знаменитымъ Андерсеномъ онъ сыгралъ сотни партій, почти съ равнымъ успѣхомъ съ обѣихъ сторонъ. На турнирѣ берлинскаго шахматнаго общества въ 1853 году Дюфренъ игралъ противъ Макса Ланге и взялъ первый призъ. Впослѣдствіи, когда его постигла глухота, онъ уже рѣдко выступалъ въ серьезныхъ партіяхъ. Онъ очень долго редактировалъ, въ сотрудничествѣ съ Андерсеномъ, основанный берлинскимъ шахматнымъ обществомъ „Schachzeitung", впослѣдствіи переведенный въ Лейпцигъ, поступившій подъ редакцію Германа фонъ-Готтшаля и преобразовавшійся въ „Deutsche Schachzeitung". Дюфренъ считался однимъ изъ самыхъ сильныхъ игроковъ, когда либо выступавшихъ на шахматномъ полѣ битвы. Онъ былъ, сверхъ того, авторомъ нѣсколькихъ романовъ, правда, не доставившихъ автору литературной извѣстности, но охотно читавшихся среднимъ классомъ нѣмецкой публики.

Ламбинъ Борисъ Петровичъ, коллежскій совѣтникъ, библіотекарь 1-го отдѣленія Императорской академіи наукъ, писатель, одинъ изъ симпатичнѣйшихъ тружениковъ науки и литературы, † въ Спб. 18-го мая, на 66 году жизни. Онъ происходилъ изъ весьма почтенной семьи Ламбиныхъ, получившихъ извѣстность своими трудами по исторіи и библіографіи и родился въ 1827 году. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ с.-петербургской ларинской гимназіи, а высшее въ с.-петербургскомъ университетѣ по разряду восточной словесности 1-го отдѣленія философскаго факультета и курсъ окончилъ въ 1849 году со степенью кандидата. Въ томъ же году онъ былъ опредѣленъ на службу въ с.-петербургскую казенную палату, а въ 1851 г. перешелъ на службу въ библіотеку Императорской академіи наукъ, гдѣ и прослужилъ съ честью сорокъ два года, состоя по 1880 г. въ должности младшаго, а затѣмъ старшаго библіотекаря, снискавъ общее уваженіе и глубокія симпатіи. Кромѣ того Б. П. Ламбинъ съ 1862 г. по іюнь 1879 г. служилъ помощникомъ инспектора с.-петербургскаго университета, а съ іюня по сентябрь 1879 г. исправлялъ должность инспектора студентовъ, послѣ чего окончательно оставилъ службу въ университетѣ. Это былъ рѣдкій труженикъ и чрезвычайно дѣятельный человѣкъ. Свободное время отъ служебныхъ занятій онъ посвящалъ литературѣ. Б. П. Ламбинъ принималъ дѣятельное участіе въ составленной его братомъ П. П. Ламбинымъ „Русской исторической библіографіи", выходившей съ 1855 по 1864 г. и являющейся необходимымъ пособіемъ для каждаго занимающагося библіографіей; кромѣ того Б. П. Ламбинъ составилъ подъ руководствомъ академика П. И. Кеппена хронологическій указатель матеріаловъ для исторіи нашихъ инородцевъ и напечаталъ: „Апелляція на приговоръ ученыхъ по поводу воздухоплаванія" (Спб. 1857), „Проектъ воздухоплаванія" (Спб. 1889) и „Воздухоплаваніе и летаніе" (Спб. 1892). Б. П. Ламбинъ былъ весьма разносторонне образованный человѣкъ, талантливый и въ добавокъ чрезвычайно скромный, внушавшій къ себѣ глубокія симпатіи.

Подобѣдова Надежда Ивановна, бывшая артистка Императорскихъ театровъ, с.-петербургской драматической труппы, пользовавшаяся извѣстностью въ свое время и оставившая сцену около 15 лѣтъ назадъ, † въ Спб. 27-го мая.

Степановъ Антонъ Степановичъ, одинъ изъ скромныхъ, полезныхъ и добросовѣстныхъ лиературныхъ чернорабочихъ, † въ Спб. 27-го мая, 70 лѣтъ. Онъ работалъ въ качествѣ переводчика, рецензента и корректора въ „Голосѣ", „Сынѣ Отечества", „Новомъ Времени" и другихъ петербургскихъ изданіяхъ, а также въ качествѣ корреспондента въ провинціальныхъ изданіяхъ; будучи солидно образованъ, основательно зная французскій и нѣмецкій языки и владѣя прекрасно роднымъ языкомъ, онъ считался отличнымъ переводчикомъ.

Степановъ Василій Петровичъ, тайн. сов., состоявшій чиновникомъ при статсъ-секретаріатѣ великаго княжества финляндскаго и прослужившій въ этомъ вѣдомствѣ 52 года, оказавшій ему немало услугъ, † въ Спб. 27-го мая, 77 лѣтъ. Это была весьма свѣтлая личность, человѣкъ образованный, начитанный и умный.

Театръ, музыка, искусства

Искусства

— Первый съѣздъ русскихъ художниковъ. Въ память имѣющаго быть въ текущемъ году открытія городской Третьяковской галлереи при московскомъ обществѣ любителей художествъ созывается въ Москвѣ въ январѣ 1894 года, первый съѣздъ русскихъ художниковъ и любителей художествъ. Съѣздъ устраивается съ цѣлью сближенія русскихъ художниковъ и любителей художествъ и совмѣстнаго обсужденія общихъ и спеціальныхъ вопросовъ и возможно большаго распространенія между ними художественныхъ познаній. Всѣ подготовительныя работы для съѣзда возлагаются на московское общество любителей художествъ, которое и избираетъ для этой цѣли предварительный комитетъ. Членами съѣзда могутъ быть всѣ желающіе, внеся членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р. При съѣздѣ организуется пять отдѣловъ: 1) эстетика и исторія искусствъ; 2) художественное образованіе; 3) вопросы о мѣрахъ къ развитію искусствъ въ Россіи (общества, выставки, и т. п.); 4) вопросы техники и наукъ въ примѣненіи къ искусству; 5) вопросы общіе: художественная собственность и вопросы о мѣрахъ къ обезпеченію художниковъ. При съѣздѣ предполагается открыть художественную выставку, а также организовать экскурсіи.

Медицина и гигіена

— Новый ветеринарный уставъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ внесъ на утвержденіе государственнаго совѣта проектъ новаго положенія о ветеринарно-санитарной части въ имперіи, которое должно замѣнить законъ 3-го іюня 1879 года.

— Новое средство противъ дифтерита. Французскіе медицинскіе журналы рекомендуютъ керосинъ какъ хорошее средство противъ дифтеритной жабы; преимущество его состоитъ въ томъ что оно у каждаго находится подъ руками. Во многихъ случаяхъ болѣзней, дифтеритный характеръ которыхъ былъ доказанъ бактеріологическими изслѣдованіями, дифтеритные налеты въ зѣвѣ при смазываніи ихъ керосиномъ легко отдѣлялись и исчезали положительно на глазахъ. Откашливаемыя пленки, брошенныя въ керосинъ, распускаются въ немъ. Смазываніе производится ежечасно или каждые два часа кусочкомъ ваты. Непосредственное дѣйствіе не болѣзненно, а на мѣстахъ ссаженныхъ даже успокоительно. Кромѣ дурнаго вкуса отъ керосина нѣтъ никакихъ непріятныхъ явленій. Особенно быстро дѣйствуетъ это средство при началѣ болѣзни.

— Фабрично-промышленныя больницы. Въ настоящее время въ медицинскомъ департаментѣ вырабатывается типъ фабрично-промышленной лечебницы. Такія лечебницы будутъ обязательны для каждой фабрики, завода или другаго предпріятія, въ которыхъ работаетъ не менѣе 500 человѣкъ. Потребность въ такихъ лечебницахъ вызвана исключительно тѣмъ, что санитарное состояніе рабочихъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ всюду поставлено въ плохія условія.

Астрономическій календарь

16—30 іюня 1893 г.

Іюнь.	Средн. время въ ист. полд.		Въ С.-Петербургѣ. Восхожд. солнца.		Захожд. солнца.		Восхожд. луны.		Захожд. луны.		Въ Москвѣ. Восхожд. солнца.		Захожд. солнца.		Восхожд. луны.		Захожд. луны.	
	ч.	м.	ч.	м.	ч.	м.	ч.	м.	ч.	м.	ч.	м.	ч.	м.	ч.	м.	ч.	м.
16	12	3.0	2	39	9	26	10	10в	0	45у	3	17	8	48	9	5в	1	43у
18	12	3.4	2	41	9	25	11	10	2	30	3	19	8	48	10	24	3	28
20	12	3.8	2	43	9	23	11	20	5	33	3	20	8	47	10	57	6	6
22	12	4.2	2	45	9	22	11	22	8	40	3	22	8	46	11	14	8	55
24	12	4.5	2	48	9	20	11	20	11	45	3	24	8	44	11	28	11	40
26	12	4.8	2	50	9	18	11	23	3	2в	3	26	8	42	11	46	2	42в
28	12	5.1	2	54	9	14	11	40	6	46	3	.9	8	40	0	2у	6	0
30	12	5.4	2	57	9	12	0	7у	9	44	3	31	8	38	1	10	8	40

Солнце въ созвѣздіи Близнецовъ. 21-го іюня оно въ апогеѣ, т. е. въ наибольшемъ своемъ разстояніи отъ земли.

Луна въ полнолуніи 17-го, въ послѣдней четверти 25-го іюня.

Планеты: Меркурій 29-го іюня въ наибольшемъ восточномъ удаленіи отъ солнца. Венера видна вечерней звѣздою. Марсъ заходитъ приблизительно часомъ позже солнца. Юпитеръ виденъ послѣ полуночи. Сатурнъ, Уранъ и Нептунъ на небѣ днемъ.

СОДЕРЖАНІЕ НУМЕРА

Текстъ.

Рисунки.

За редактора Э. Д. Гоппе.
Издательница А. П. Гоппе.

ИГРЫ и ЗАБАВЫ

ШАХМАТЫ

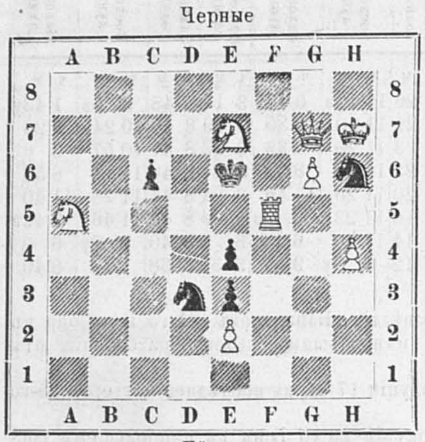
подъ редакціей **А. П. Шишкина**

ЗАДАЧА № 1575

J. Hlinêny

Изъ „Svêtozor'a“

Черные



Бѣлые

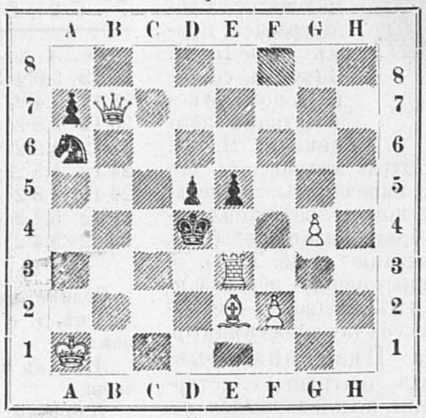
Матъ въ 3 хода.

ЗАДАЧА № 1576

И. И. Эквиста

Изъ „Шахматнаго Обозрѣнія“.

Черные



Бѣлые

Матъ въ 2 хода.

ПАРТІЯ № 1040

Матчевая партія; играна въ Берлинскомъ Шахматномъ Обществѣ въ маѣ 1892 г.

Испанская партія

	К. Бардproperties Бардолебенъ. Бѣлые	С. З Аланинъ Черные
1.	e2—e4	e7—e5
2.	К g1—f3	К b8—c6
3.	С f1—b5	a7—a6*a*)
4.	С b5—a4	d7—d6
5.	d2—d4	С c8—d7
6.	c2—c3*b*)	g7—g6
7.	С c1—g5	f7—f6
8.	С g5—h4	С f8—g7
9.	К b1—d2	К g8—h6
10.	h2—h3	К h6—f7
11.	g2—g4?*c*)	h7—h5
12.	d4—d5	К c6—e7
13.	g4—g5	f6—f5
14.	e4 : f5*d*)	К e7 : f5
15.	С a4—c2	К f5 : h4
16.	К f3 : h4	Ф d8 : g5
17.	К d2—f3	Ф g5—f6
18.	К h4 : g6	Л h8—h6
19.	К g6—h4	0—0—0
20.	Ф d1 e2*e*)	К f7—g5
21.	К f3 : g5	Ф f6 : g5
22.	К h4—f3	Ф g5—f4
23.	Ф e2—e3	Л h6—f6
24.	К f3—g5*f*)	Ф f4 : e3
25.	f2 : e3	С g7—h6
26.	h3—h4	Л d8—g8
27.	0—0—0*g*)	С h6 : g5
28.	h4 : g5	Л g8 : g5
9.	Л d1—f1	Л f6 : f1†
30.	Л h1 : f1	b7—b6
31.	Л f1—f8†	Кр c8—b7
32.	Л f8—h8	Л g5—g1†
33.	Кр c1—d2	С d7—g4
34.	С c2—e4	Л g1—f1
35.	С e4—g6*h*)	Л f1—f2†
36.	Кр d2—c1	С g4—f3
37.	Л h8—f8*i*)	h5—h4
8.	С g6—e4*k*)	С f3 : e4
39.	Л f8 : f2	h4—h3
40.	Л f2—h2*l*)	С e4—g2
41.	e3—e4	a6—a5!
42.	Кр c1—d2*m*)	Крb7—a6
43.	a2—a4	b6—b5
44.	b2—b3	b5 : a4
45.	b3 : a4	Кр a6—b6
46.	Кр d2—e3	Кр b6—c5
47.	Кр e3—d3	С g2—f1†
48.	Кр d3—d2	Кр c5—c4
49.	Кр d2—c2	С f1—g2
50.	Кр c2—d2	Кр c4—b3
51.	Кр d2—d3	Кр b3 : a4

Бѣлые сдались.

Примѣчанія С. З. Аланина

a) Если черные желаютъ—по Стейницу — защищаться посредствомъ 4... d7—d6, то, по моему мнѣнію, имъ лучше предварительно сыграть a7—a6, какъ это видно изъ слѣдующихъ примѣчаній.

b) Если бы не было сыграно 3... a7—a6: 4. С b5—a4, то бѣлые теперь, посредствомъ 6. К b1—c3!, могли бы угрожать выиграть пѣшку e5 послѣ обмѣна на c6. Теперь же на 6. К b1—c3? послѣдовало бы 6... b7—b5; 7. С a4—b3, К c6 : d4; 8. К f3 : d4, e5 : d4 и если 9. Ф d1 : d4, то 9... c7—c5и т. д., выигрывая фигуру.

c) Бѣлые хотятъ предупредить послѣдующее движеніе пѣшки f. Лучше было 11. Ф d1—e2; теперь же черные получаютъ хорошую аттаку.

d) Положеніе слона h4 было бы очень неутѣшительно послѣ 14. С a4—c2, f5—f4 и т. д.

e) Черные грозили 20.. e5—e4 съ выигрышемъ фигуры. Если 20. С c2—e4, то 20... К f7—g5; 21. К f3 : g5, Ф f6 : g5; 22. К h4—f3, Ф g5—f4; 23 Ф e2—d3, Л h6—f6; 24. Кр e1—d1, С g7—h6; 25. Кр d1—c2, С d7—f5 и т. д.

f) Если 24. Ф e3—a7, то 24.. С d7—b5; К f3—d2, С g7—h6; 26. 0—0—0, Ф f4 : f2; 27. Ф a7—a8†, Кр c8—d7; 28. Ф a8 : b7, Л f6—f8, угрожая 29... Л d8—b8.

g) На 27. Л h1—g1 послѣдуетъ 27... Л f6—f7 съ послѣдующимъ Л f7—g7.

h) Грозило 35... Л f1—f2†; 36. Кр d2—c1. Л f2—e2, выигрывая пѣшку.

i) Очевидно, что на 37. С g6 : h6 послѣдуетъ 37... Л f2—h2.

k) Это ускоряетъ развязку. Лучше было 39. Л f8—h8.

l) Грозило 40... С e4—g2 и пѣшка h проходитъ.

m) Если 42. a2—a4, то 42... b6—b5! 43. a4 : b5, Кр b7—b6; 44. c3—c4, Кр b6—c5; 45. b2—b3, Кр c5—d4, 46. ∞, Кр d4 : e4 и т. д.

Матчъ К. Бѣрделебена съ С. З. Алапинымъ, игранный въ берлинскомъ шахм. обществѣ въ маѣ прошлаго года, окончился побѣдой С. З. Аленина, выигравшаго три партіи и проигравшаго одну при одной ничьей.

РѢШЕНІЯ ЗАДАЧЪ въ №№ 1262 и 1263

1559. *Josef Kesl.* 1. К b1—a3 (угрожая 2. К a3—c4 и 3. К d3—f2×), Кр e4—e3; 2. Ф f7—e7† и 3. К a3—b1×. (*Вар. a*) 1... К c2 : a3 или ∞; 2. Ф f7—e7† и 3 Ф e7—e5× или 3. К d3—b4×. (*Вар. b*) 1... К g1 : e2; 2. К d3—f2† и 3. К a3—c4×.

1560. *E. Pradignat.* 1. Л e7—e6 и если 1... Кр d5 : e4 или e3, то 2. Ф c7—c4 или f7×, если же 1... К e5 ∞, то 2. Ф c7—c4 или : d6×.

1561 *A. Havasi* 1. К d6—e8 (угрожая 2. Ф b8—e5† и 3. Ф e5—b5×), Кр d5—e4; 2. К e8—f6† и 3. Ф b8—b5 или e5×. (*Вар. a*) 1... Кр d5—e6; 2. Ф b8—c8† и 3. С f4—d6× или 3. К e8—f6×. (*Вар. b*) 1... d4—d3: 2 Ф b8—e5† и 3. К e8—d6× или 3. Ф e5—b5×. (*Вар. c*) 1... f7—f6; 2. Ф b8—b7† и 3. Ф b7—b5× или 3. К e8 : g7×.

1562. *J. Pospisil.* 1. Л d8—e8 (угрожая 2. С e6—c4†) и если 1... Кр e4—d3, или 1... Лc2—c5, то 2. Ф h5—f3 или e2×, если же 1... К c4—d3 или d5, то 2. Се6—d5 или f5×.

Всю корреспонденцію по шахматному и шашечному отдѣламъ просимъ адресовать въ редакцію журнала „Всемірная Иллюстрація“: Петербургъ, Садовая ул., 22.

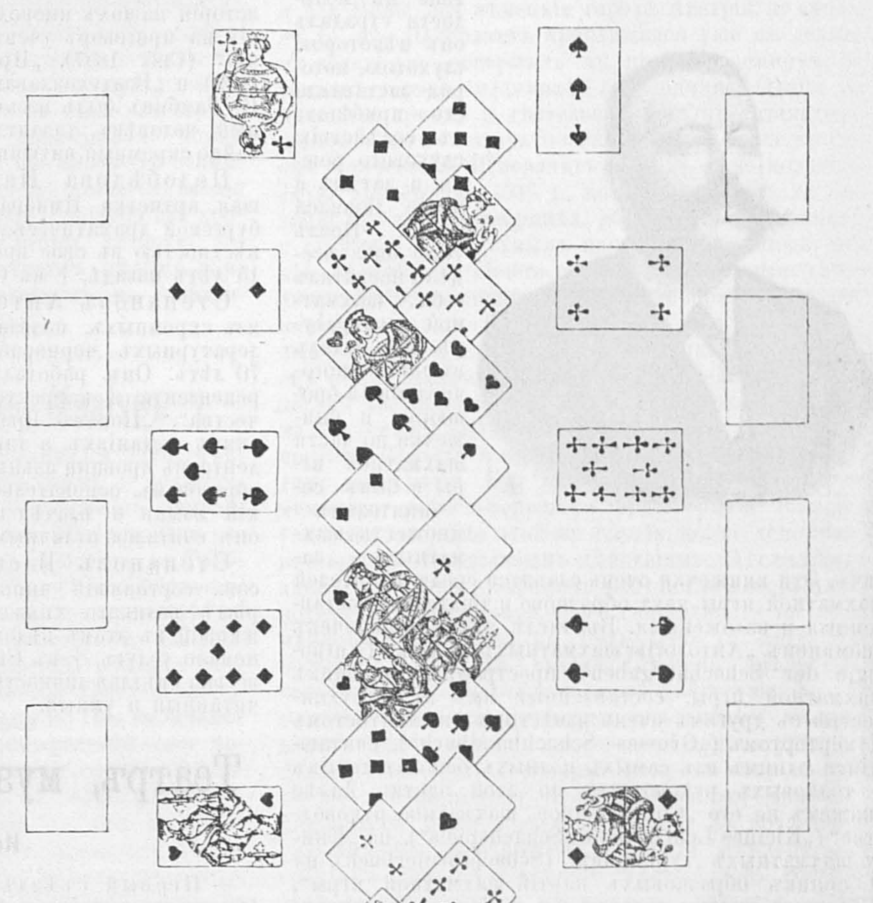
КАРТЫ

Задача № 97

Цѣпочка

(Двѣ колоды по 52 листа)

Пасьянсъ этотъ составляетъ варіантъ извѣстной „елочки“. Сначала образуйте изъ 20 картъ цѣпь, помѣщенную въ серединѣ нашего рисунка; по бокамъ цѣпи размѣстите поперекъ 8 картъ, съ каждаго бока по четыре; наконецъ, сверху и внизу положите по двѣ карты. Эти послѣднія четыре карты, называются „замкомъ“. Расположивши такимъ образомъ свой конъ, снимите съ талона верхнюю карту и положите по правую сторону боковыхъ картъ (мѣста для основы помѣчены по обѣимъ сторонамъ пустыми квадратами); тогда на правую сторону должны лечь въ основу обѣ именныя карты остальныхъ мастей, а по лѣвую — соотвѣтствующія карты, но очкомъ ниже. Напримѣръ, когда вышла шестерка пикъ, то основу правой стороны образуютъ шестерки пикъ, трефъ, бубенъ и червей, а основа лѣвой — *пятерки* тѣхъ-же мастей. На правую сторону свиты ложатся тѣ масти въ восходящемъ порядкѣ (6—7—8 и т. д.), а на лѣвую — въ нисходящемъ (5—4—3 и т. д.). Каждая кучка должна оканчиваться картой, одноименной съ противуположной основой; т. е. если въ основѣ правой стороны лежитъ шестерка, то кучка этого ряда завершается пятерками, а кучка лѣвой стороны — шестерками.



На основѣ сбиваются всѣ свободныя карты съ талона, т. е. боковыя, замочныя и цѣпныя; но изъ цѣпи идетъ всегда только крайняя нижняя карта (послѣднее звено). Цѣпь не пополняется ничѣмъ; вакансіи на замки пополняются только изъ цѣпи, а вакансіи по бокамъ — только изъ талона. Талонъ перелистывается три раза. При благополучномъ исходѣ получаются восемь свитъ, по четыре съ каждой стороны.

Рѣшеніе задачи лото № 1.

В имѣетъ:

2	10		30		53		70	
5		21		40		67	71	
	11	22	33			68		90

С имѣетъ:

1		20	25		50		75	
	10			45		60	78	
4		22	32		53	65		87

Вынуты слѣдующіе №№: 2, 3, 4, 10, 16, 20, 21, 25, 28, 30, 32, 38, 44, 45, 53, 56, 58, 60, 62, 68, 71, 74, 78, 79, 87, 90,

Рѣшеніе криптограммы № 1.

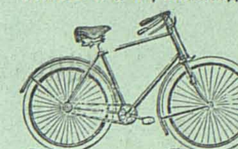
Я васъ любилъ; любовь еще, быть можетъ,
Въ душѣ моей угасла не совсѣмъ;
Но пусть она васъ больше не тревожитъ;
Я не хочу печалить васъ ничѣмъ.

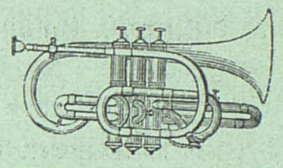
Я васъ любилъ безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томимъ;
Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ.

Дозв. цензурою. СПб. 3-го іюня 1893 г. Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

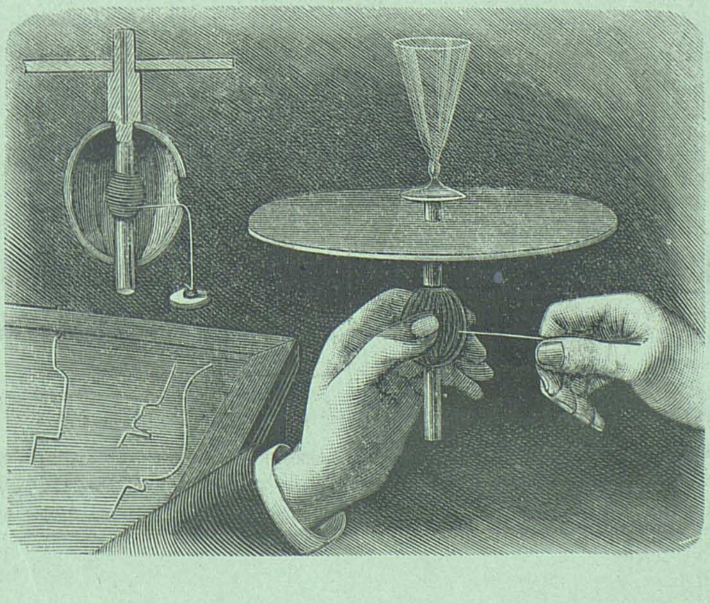
ПЛОХО ПОНЯЛЪ.

— Если вы хотите выздоровѣть, вы должны бросить всякую *головную* работу, — мнѣ кажется—вы мало потеряете отъ этого.
— Напротивъ, г. докторъ, я все потеряю, я долженъ тогда пойти съ сумой...
— Какъ такъ? Вы чѣмъ же занимаетесь?
— Я парикмахеръ.





Воздушная посуда

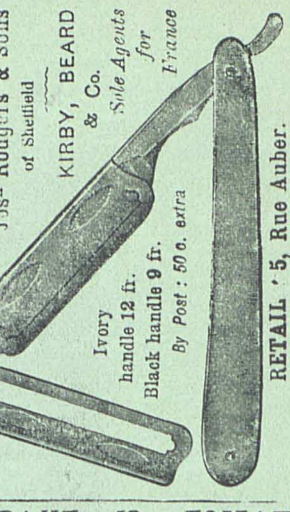


Разнимите грецкій орѣхъ пополамъ, вычистите скорлупку и сдѣлайте три отверстія: одно снизу, одно сверху и одно сбоку; потомъ при помощи старой ручки пера и тоненькой крѣпкой бечевки составьте нѣкоторое подобіе двукрылой игрушечной мельницы (см. рисунокъ); задержкой для конца бечевки служитъ пробка. Если на верхній конецъ вставочки прикрѣпить изогнутый кусокъ проволоки, представляющій *разрѣзъ* вазы, графина, рюмки, бокала и т. д. (см. подобныя начертанія на рисункѣ, изображающемъ край стола), а затѣмъ привести мельницу въ быстрое движеніе, то изъ двухъ крыльевъ образуется дискъ (или блюдо, тарелка, круглый подносъ), а на концѣ вертушки появится рюмка, бокалъ и т. д. — Это тотъ же магическій обманъ, въ силу котораго молнія, т. е. быстро передвигающаяся огненная точка, кажется намъ огненной чертой, а горящая лучина, быстро вращаемая въ потемкахъ, огненнымъ кругомъ.

Магъ

ТАБАКЪ

Kyriazi frères изъ Каиро
ВНОВЬ СВѢЖІЙ ПОЛУЧИЛЪ
БРУНО ВАЛЕНТИНИ: Екатерининскій каналъ, 18—27, 2-й подъѣздъ отъ Невскаго.



"THE ALBERT GUARD RAZOR" made by Josh Rodgers & Sons of Sheffield

To avoid cuts, use

KIRBY, BEARD & Co. Sole Agents for France

Ivory handle 12 fr. Black handle 9 fr. By Post: 50 c. extra

RETAIL: 5, Rue Auber.
WHOLESALE: 75, Boul. de Sébastopol, Paris.

ГОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА САКСЛЕНЕРА

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Въ послѣднее время появилось въ продажѣ множество поддѣлокъ нашей горькой слабительной воды подъ названіемъ „Гуніади Яносъ"; поэтому покорнѣйше просимъ обратить вниманіе на помѣщенную здѣсь предохранительную марку — **портретъ**.

ВЛАДЕЛЕЦЪ: АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ ВЪ БУДАПЕШТѢ.
ПРОДАЕТСЯ У ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ И АПТЕКАРЕЙ.
ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ
ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

ПЕРВАЯ ВЪ КРАѢ ФАБРИКА

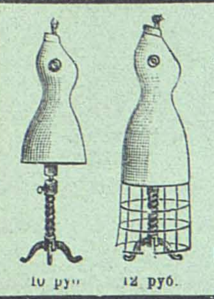
маникеновъ парижскихъ и проволочныхъ фигуръ

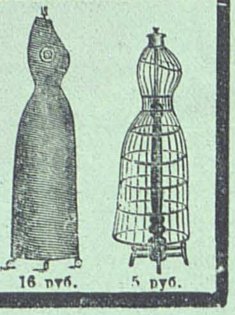
для шитья платьевъ и кафтановъ, которые раздвигаются по мѣрѣ объема и роста,

Э. Хржановскаго

въ Варшавѣ: Бѣлянская ул., № 16.

Выдѣлываются также картонные и проволочные манекены, всякіе снаряды для пчеловодства, а равно изгородь для клумбъ, садовъ и звѣринцевъ





РЕСТОРАНЪ Ю. ЛОМАЧА,

Садовая, уголъ Невскаго, 14—52.

ЗАВТРАКЪ
отъ 11 час. утра до 3 час. пополудни, по 75 коп., изъ двухъ блюдъ на выборъ.

ОБѢДЪ
отъ 3 до 8 часовъ, по 1 руб., изъ 4-хъ блюдъ на выборъ.

УЖИНЪ
à la portion.

СВИФТ № 1-й

И НА ГОНКАХЪ ПЕРВЫЙ:

на велосипедномъ состязаніи 9-го мая въ Москвѣ изъ 3 призовъ 2 участвующихъ Свифта взяли 1-й и 3-й призы.

Первый прошелъ 100 верстъ на шоссе **въ 4 часа 34 минуты.**

Это значитъ уменьшеніе рекорда для Россіи на 11 мин.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Ростовъ н/Д. **Ж. БЛОК** Екатеринбургъ, Одесса,
С.-Петербургъ **Москва.** Варшава.

№ 4711

WEISSER FLIEDER
(LILAS BLANC)
(БѢЛАЯ СИРЕНЬ)
„PEAU D' ESPAGNE"
„ГОЛЬДЛАКЪ"

НОВѢЙШІЕ ЛЮБИМЫЕ ОСОБЕННО КРѢПКІЕ ДУХИ.

Можно получать почти во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Просятъ при покупкѣ обращать вниманіе на утвержденную фабричную марку
№ 4711

Дворянская повѣсть. Святочный разсказъ. Итальянская легенда. Рыцарь пера (комедія). Сочиненіе **А. И Лемана.** Въ 8 д. листа. Цѣна въ изящной обложкѣ 1 р. **50 к.**, съ перес. **2** руб. Изданіе книгоизд. **Германъ Гоппе.**

Leichner's Fettpuder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Цѣна коробки 1 рубль.

Пудра для дня и вечера, незамѣтная на кожѣ. Косметическое средство для улучшенія красоты кожи.
Театральная гримировка. Жирныя румяна и бѣлила. Карандаши для бровей.
Имѣются во всѣхъ косметическихъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Л. ЛЕЙХНЕРЪ въ Берлинѣ,
поставщикъ бельгійскихъ императорскихъ театровъ.
Главный складъ для всей Россіи: **В. АУРИХЪ, Колокольная, 18—19,**
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Schlesischer Obersalzbrunnen
Oberbrunnen

АЛЬКАЛИЧЕСКІЙ ИСТОЧНИКЪ, примѣняемый съ **1601** года.
Анализы и подробности объ источникѣ высылаетъ по почтѣ *безплатно*
КОНТОРА ОТПРАВКИ КНЯЖЕСКИХЪ МИНЕРАЛЬНЫХЪ ВОДЪ ВЪ ОБЕРЗАЛЬЦБРУНѢ
ФУРБАХЪ и СТРИБОЛЛЬ, Зальцбрунъ въ Силезіи.
Склады во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное акціонерное общество
С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ:

Измайловскій проспектъ, № 27.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ — ПАРИЖЪ 1889 г.

НОВОСТЬ!

Духи высшаго качества:

ЛѢСНОЙ ЛАНДЫШЪ,
БУКЕТЪ ФЛОРИДА

(пріятные и долго сохраняющіеся запахи).

При покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку, при семъ обозначенную, и требовать точность фирмы

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ".

Единственные магазины въ С.-Петербургѣ:

1. Невскій проспектъ, № 32, домъ католической церкви.
2. Невскій проспектъ, № 66, у Аничкина моста.
3. Вознесенскій пр., уголъ Казанской ул., домъ Шредера, № 24—52 (оптовая и розничная торговли).

Магазинъ **въ Москвѣ**: Кузнецкій Мостъ, д. Третьяковыхъ.

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО
Д-ра ЛЕНГИЛЯ
въ ВѢНѢ
для БѢЛИЗНЫ, СМЯГЧЕНІЯ и ЧИСТОТЫ КОЖИ, ЛИЦА и РУКЪ

Придаетъ Кожѣ Свѣжій Видъ,
рекомендуется какъ
Хорошее Туалетное Мыло

НАСТОЯЩЕЕ ТОЛЬКО ЗА ПОДПИСЬЮ ЕДИНСТВЕННАГО АГЕНТА
ВАСИЛІЯ АУРИХЪ въ С.-ПБУРГѢ *Вас. Аурихъ* для РОССІИ.

Pastilles de

TAMAR INDIEN GRILLON

Exiger sur chaque boite la signature

E. Grillon

Chez tous les droguistes et pharmaciens.

Paris E. GRILLON, 27, rue Rambuteau.

Принцесса Володимірская. Историческій романъ, въ 4-хъ частяхъ, гр. Е. А. Саліаса. Въ 8 д. л. 46 печатныхъ листовъ съ 23-мя рисунками не въ текстѣ. Цѣна **3** руб. **50** к. безъ пересылки и **4** руб. съ перес.

Книгоиздательство Германъ Гоппе.

ДУЭЛЬ, повѣсть Виктора Бибикова. Въ 8 д. л. 4 печатн. листа. Цѣна 50 коп., съ перес. 65 к. Книгоиздательство ГЕРМАНЪ ГОППЕ: Садовая, 22.

Главная контора и редакція „Всемірной Иллюстраціи" находятся въ С.-Петербургѣ, на Садовой ул., № 22.

Въ Москвѣ отдѣленія конторы находятся: 1) при книжн. маг. А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, 15, и 2) при конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи.

Дозв. цензурою. СПБ. 3 іюня 1893 г.

Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

25-й годъ | № 1273 | 49-й томъ

Суббота 12-го іюня 1893 г.

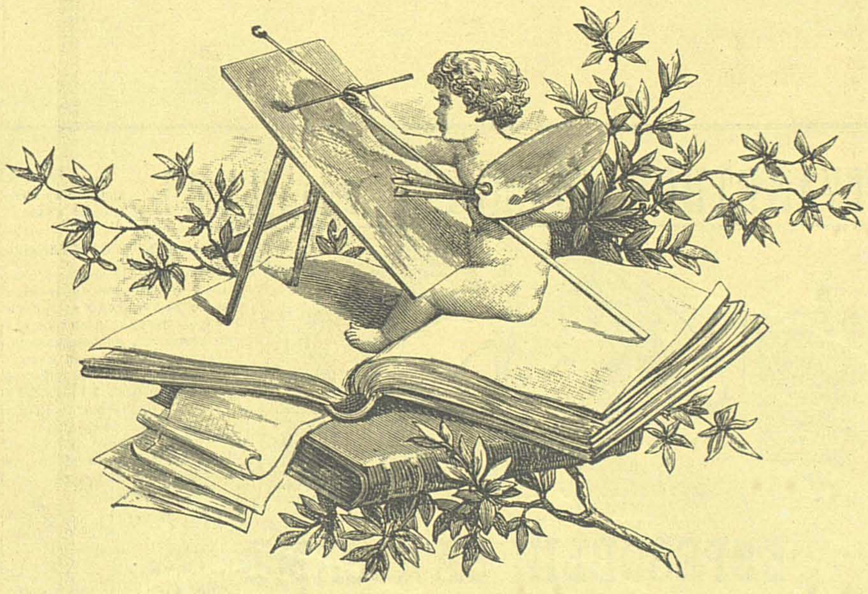
Цѣна нумеру 35 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки на годъ . **15** руб.
(при подпискѣ въ главной конторѣ редакціи).
Съ доставкою на годъ. . . . . **17** »

Въ Москвѣ безъ доставки на годъ . . . . **17** руб.
Съ пересылкою во всѣ города Россійской имперіи на годъ . . . . **18** »

Подписная цѣна на полгода съ доставкою и пересылкою . . . . **9** руб.
За границу (въ государства всемірнаго почтоваго союза) **20** руб.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Редакція и главная контора: Садовая ул. № 22.

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ

Въ виду истекающаго перваго полугодія журнала „Всемірная Иллюстрація“ за 1893 г., т. е. XLIX тома его, контора редакціи проситъ гг. подписчиковъ, выславшихъ деньги лишь за первое полугодіе, поспѣшить досылкою остальной суммы, дабы не произошло задержки въ высылкѣ дальнѣйшихъ нумеровъ журнала.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ

„ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“ съ книжками „ТРУДА“

на полгода, съ 1-го іюля:

	Обыкн. изд.	Роскошн. изд.
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки	8 р. — к.	11 р. — к.
„ „ съ доставкою	9 „ — „	12 „ 50 „
„ Москвѣ безъ доставки	9 „ — „	11 „ — „
Во всѣхъ городахъ имперіи съ пересылкой	9 „ — „	12 „ 50 „

Кромѣ того принимается **отдѣльная подписка** на журналъ

„ТРУДЪ“,

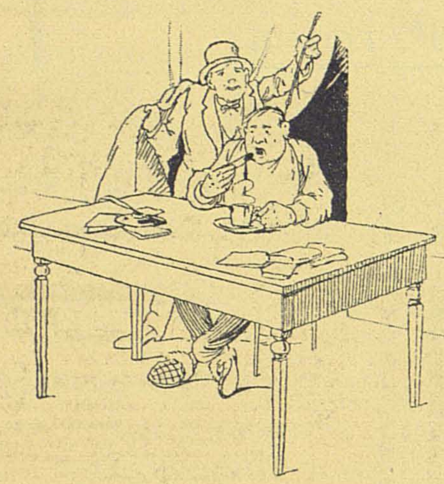
выходящій 1 разъ въ мѣсяцъ, 1-го числа. Подписная цѣна на журналъ **„ТРУДЪ“** съ 1-го іюля 1893 г., съ доставкою и пересылкою, **3 рубля**.

Подписка принимается и на цѣлый годъ, и гг. новые подписчики получатъ всѣ нумера обоихъ журналовъ съ 1-го января сего года.

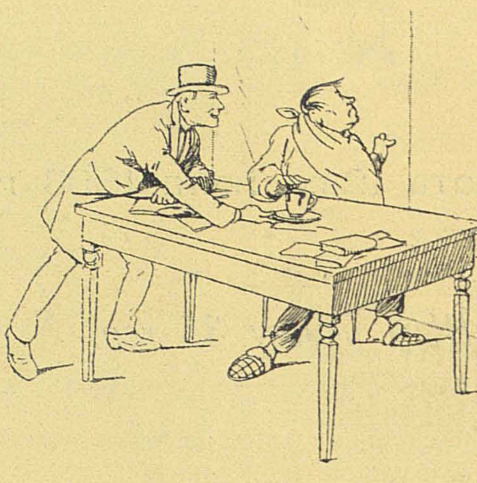
Контора журнала „Всемірная Иллюстрація“: С.-Петербургъ, Садовая, № 22.

НЕ ШУТИ СЪ ОГНЕМЪ — ОБОЖЖЕШЬСЯ

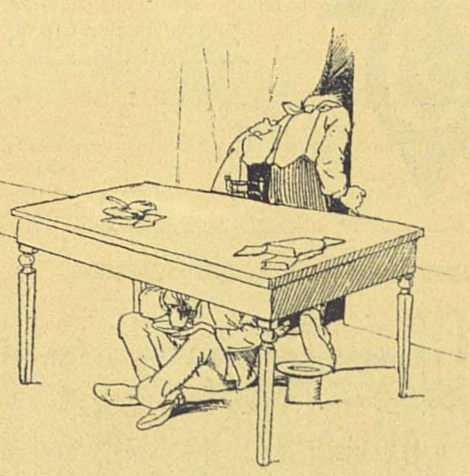
Пословица въ шести картинкахъ Рамона Эскалера.



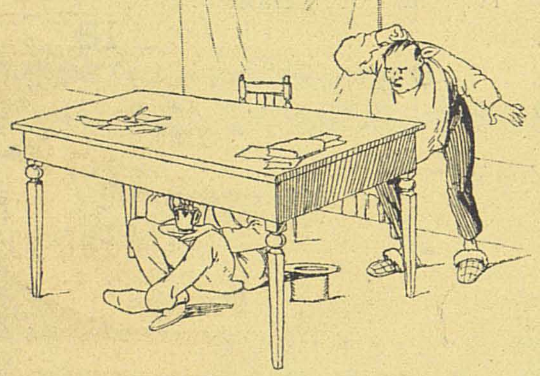
1.



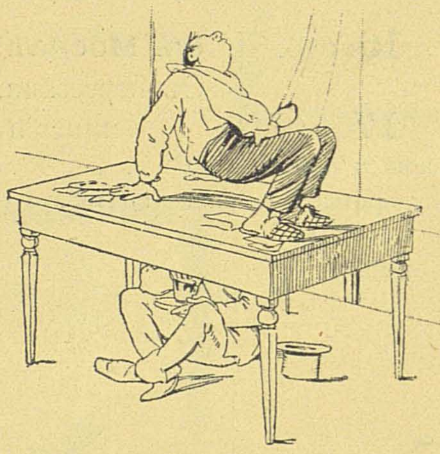
2.



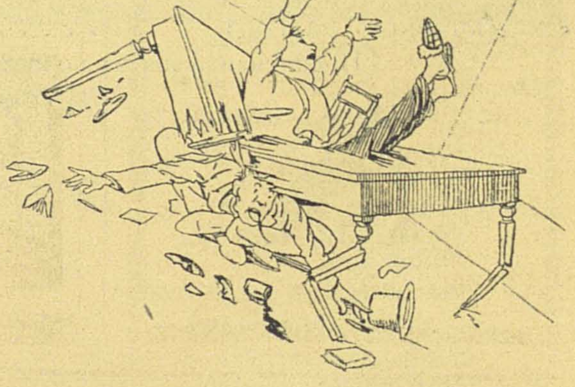
3.



4.



5.



6.

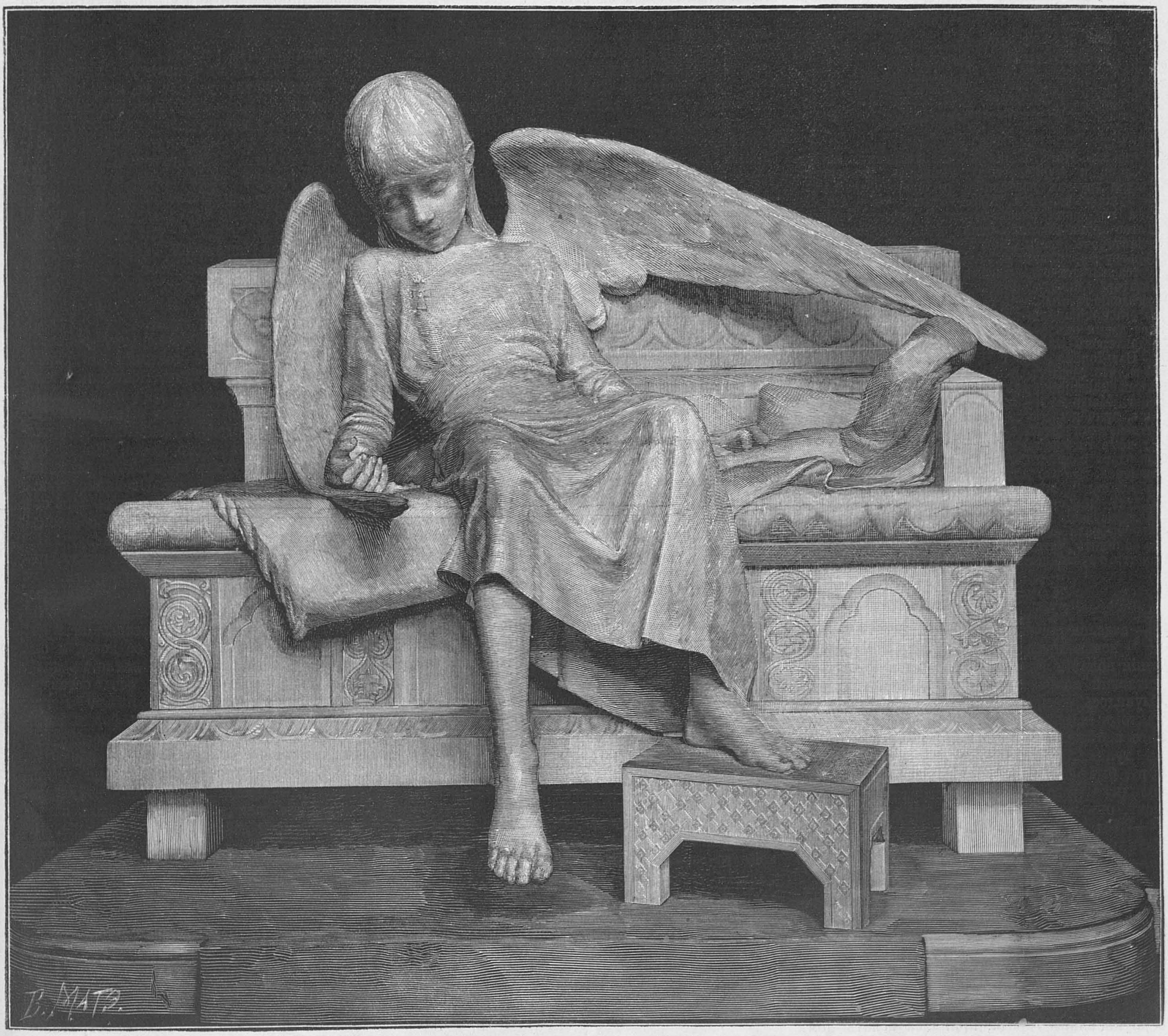
Всемірная Иллюстрація

№ 1273. Годъ XXV.] 12-го іюня 1893 г. [Томъ XLIX. № 25.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **ВТОРОЕ** ПОЛУГОДІЕ **1893** г.

НА ЖУРНАЛЪ

„Всемірная Иллюстрація“



Ангелъ. Надгробный памятникъ ребенку. Собственность И. Н. Терещенко.

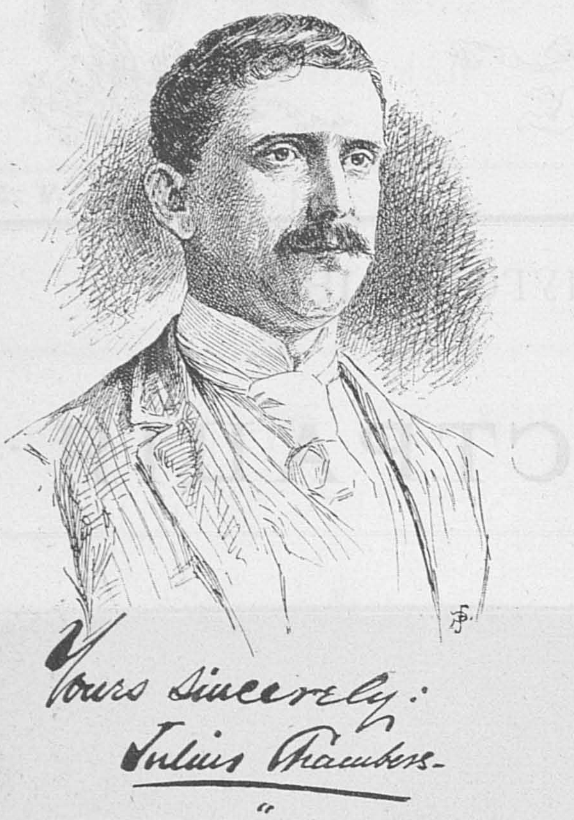
Съ фотографіи гравировалъ для »Всемірной Иллюстраціи« В. В. Матэ.

Русское искусство. — Скульптурныя произведенія М. М. Антокольскаго.

ГОНЧІЯ ПО ГОРЯЧЕМУ СЛѢДУ

Изъ нравовъ американскихъ журналистовъ

ЮЛІУСА ЧЕМБЕРСА



Разсказъ этотъ написанъ американскимъ писателемъ и журналистомъ Юліусомъ Чемберсомъ. Будучи другомъ извѣстнаго русской публикѣ военнаго корреспондента Макъ-Гахана, умершаго отъ тифа во время русско-турецкой войны, Чемберсъ долгое время состоялъ однимъ изъ отвѣтственныхъ редакторовъ газеты „New-York-Herald". Онъ началъ карьеру журналиста съ должности репортера и пользуется извѣстностью и какъ писатель, и какъ организаторъ литературныхъ предпріятій. Парижское отдѣленіе газеты „New-York-Herald" было учреждено по его иниціативѣ и при его содѣйствіи. Въ настоящее время онъ состоитъ однимъ изъ отвѣтственныхъ редакторовъ ежедневной иллюстрированной газеты въ Нью-Іоркѣ: „New-York-Recorder", замѣчательной тѣмъ, что издатель этой газеты обладаетъ типографскими машинами, какихъ нѣтъ ни у кого въ Америкѣ. Машина печатаетъ 50,000 экземпляровъ въ часъ, причемъ всѣ рисунки выходятъ изъ машины оттиснутыми разными красками одновременно и штрифтъ употребляется для каждаго нумера новый, благодаря совмѣстимости наборной машинки со словолитней. Все это устроено трудами Чемберса. Пройдя всѣ стадіи журнальной и газетной дѣятельности, Юліусъ Чемберсъ принялся теперь за очерки, характеризующіе нравы американскихъ журналистовъ. Мы выбрали одинъ изъ нихъ, но имѣемъ въ виду познакомить читателей и съ другими, чтобы дать понятіе о публицистической дѣятельности въ Америкѣ.

Переводчикъ

Раздался сигналъ телефона. Это репортеръ ночью прозвонилъ изъ секретнаго отдѣленія полиціи въ редакцію газеты. Редакторъ, читавшій корректурные листы, отвѣтилъ ему. Случилось необыкновенное происшествіе. Редакторъ задалъ нѣсколько вопросовъ. Разговоръ побѣжалъ по проволокѣ. Редакторъ сталъ въ тупикъ. Обратившись къ другому репортеру, бывшему въ редакціи, поопытнѣе и посолиднѣе того, который говорилъ по телефону, онъ сказалъ ему:

— Вы знаете, разумѣется, банкира Джона Гаукинса?

— Еще бы!

— Контора его находится на улицѣ Уолъ.

— Я знаю.

— Онъ убитъ въ своей квартирѣ на пятой улицѣ *).

— Неужели?

— Дочь покойнаго и его племянникъ нашли его мертвымъ въ квартирѣ.

Редакторъ открылъ адресную книгу и, развернувъ планъ города, принялся искать домъ банкира.

— Возьмите съ собой двухъ человѣкъ, сказалъ онъ репортеру. — Поѣзжайте немедленно по городской желѣзной дорогѣ до 42-ой улицы. Наймите тамъ кэбъ — какой только найдете. Поспѣшите повидаться съ полицейскимъ. Онъ разскажетъ подробности. Теперь 11 часовъ. Каждая строчка прочтется завтра съ большимъ интересомъ. Помните, однако, что послѣдній корректурный листъ мнѣ необходимо подписать безъ четверти въ два. Вы — мистеръ Гаррисъ — и вы — мистеръ Джонсонъ — вы оба отправьтесь съ мистеромъ Коннелли. Прошу васъ, господа, быть въ его полномъ и безусловномъ распоряженіи. А вы, мистеръ Коннелли, возьмете на себя отвѣтственность за все то, что разскажете объ этомъ дѣлѣ въ газетѣ.

Мистеръ Гаррисъ дѣлалъ первый опытъ въ важномъ случаѣ. Но онъ сразу почувствовалъ отвѣтственность, лежащую на немъ, и хорошо понималъ, что главный интересъ завтрашняго нумера будетъ заключаться въ сенсаціонномъ фактѣ убійства. Всѣ изысканія любителей собирать новости, всѣ другіе факты: ухищренія и ковы послѣдняго грабежа въ Новой Мексикѣ, тріумфъ Гладстона, горячіе дебюты на конгрессѣ — все стушуется передъ фактомъ убійства. Онъ затмитъ собою все. Это невозможно, буквально невозможно ограничиться собраніемъ кой-какихъ деталей преступленія, когда оно должно возбудить всеобщій интересъ тайною загадочной смерти.

Итакъ, репортеры отправились втроемъ на ближайшую станцію желѣзной дороги, заняли мѣста въ углу вагона. Мистеръ Коннелли составилъ планъ дѣйствія.

— Мы наймемъ два кэба, сказалъ онъ, — на сорокъ второй улицѣ. Вы, г. Гаррисъ, отправитесь со мной. Джонсонъ воспользуется другимъ кэбомъ. Я и Гаррисъ — мы поѣдемъ прямо на мѣсто преступленія. А вы, Джонсонъ, когда вы вернетесь отъ начальника полиціи, нарисуете планъ квартиры, обыщите домъ. Намъ необходимо прослѣдить за каждымъ шагомъ покойнаго Гаукинса съ момента выхода его изъ квартиры до момента смерти его. Необходимо также побывать въ клубѣ, который онъ посѣщалъ. Если обнаружатся признаки грабежа — мотивъ преступленія будетъ ясенъ; въ противномъ случаѣ надо постараться, во чтобы то ни стало, опредѣлить мотивъ. Въ этомъ наша обязанность. Джонсонъ прослѣдитъ за каждымъ шагомъ банкира. Не правда ли, Джонсонъ? Повидайтесь съ компаніономъ покойнаго, мистеромъ Радишъ, въ Виндзорскомъ отелѣ. Онъ знаетъ, вѣроятно, съ кѣмъ вышелъ Гаукинсъ изъ конторы; но, узнавъ имя того, сохраните его въ тайнѣ. Возвращайтесь скорѣе.

Ровно въ половинѣ двѣнадцатаго Коннелли и Гаррисъ были на панели подъ окнами дома, въ которомъ жилъ банкиръ. Они встрѣтились съ репортеромъ Кэзомъ, который, давъ знать въ редакцію о фактѣ, былъ уже на мѣстѣ преступленія. Онъ сообщилъ остальнымъ нѣкоторыя детали. Въ квартирѣ было все въ порядкѣ. Имущество оказалось на лицо. Убійство совершено газовой трубкой, купленной у свинцовыхъ дѣлъ мастера два дня тому назадъ. Убійца былъ мастеръ своего дѣла. Такого мнѣнія держался начальникъ полиціи. Первый ударъ былъ нанесенъ сзади. Голова была раздроблена. Жертва пала безъ крика. Такова была экспертиза врача. Трупъ былъ въ тепломъ состояніи, когда обнаружилось преступленіе. Трубка, имѣвшая форму палки съ набалдашникомъ, была спрятана въ уголъ комнаты, за передней дверью, и ускользала отъ вниманія. Дверь была защелкнута, но не заперта. Свѣтъ газа въ залѣ былъ ослабленъ, когда племянникъ и дочь покойнаго вошли въ эту комнату. Трупъ замѣтили въ гостиной, когда отвернули рожки въ залѣ. Такъ свидѣтельствовалъ племянникъ. А дочь покойнаго была слишкомъ огорчена и не могла давать никакихъ показаній.

Коннелли, положившись на свой тактъ и опытность, не отступалъ отъ плана, задуманнаго имъ. Знаетъ ли Кэзъ—въ какомъ театрѣ были племянникъ и дочь банкира?

— Да, я знаю. Они были въ театрѣ Бродвей, что на углу сорокъ первой улицы и большаго пассажа, именемъ котораго названъ театръ.

— Членомъ какого клуба состоялъ Гаукинсъ?

— Онъ былъ членомъ нѣсколькихъ клубовъ: Уніонъ-клуба, Лотосъ-клуба, Уніонъ-лиги, Нью-іоркскаго и Мангатанскаго. Я полагаю, старикъ былъ сегодня вечеромъ въ Уніонъ-лигѣ— ближайшемъ клубѣ отсюда. Онъ былъ вдовецъ и рѣдко сидѣлъ дома по вечерамъ. Вѣроятно онъ утомлялся, бывая въ клубахъ.

— Прекрасно. Поѣзжайте туда и возвращайтесь. Запишите всѣ подробности вашихъ изысканій по дорогѣ въ вагонѣ. Имѣете ли вы при себѣ планъ?

— О, да! Отошлите его въ редакцію съ моимъ разсыльнымъ, котораго я нарочно держу при себѣ.

— Хорошо. Теперь необходимо свиданіе съ племянникомъ. Будьте съ нимъ осторожны. Обратите главное вниманіе, когда онъ вышелъ изъ театра.

Кэзъ удалился.

— А вы, Гаррисъ, воспользуйтесь этимъ кэбомъ. Отправляйтесь въ театръ. Разбудите сторожа, звоните, что есть мочи, у воротъ со стороны седьмой улицы. Узнайте — во сколько минутъ каждаго часа кончалось каждое дѣйствіе и сколько минутъ продолжался каждый антрактъ. Оттуда поѣзжайте въ клубъ художниковъ. Найдите тамъ кого нибудь изъ артистовъ, провѣрьте показанія сторожа и постарайтесь узнать — не видалъ ли кто молодаго человѣка Жоржа Гаукинса, не замѣтилъ ли кто, когда онъ вышелъ изъ театра. Быть можетъ вы этого и не узнаете, но во всякомъ случаѣ постарайтесь узнать.

Коннелли вошелъ въ квартиру. Слѣдователя еще не было. Трупъ лежалъ на полу, покрытый простынею. Коннелли отыскалъ желѣзную палку съ набалдашникомъ, приподнялъ покрывало и, посмотрѣвъ въ лицо умершаго, убѣдился, что то былъ дѣйствительно Джонъ Гаукинсъ. На правой сторонѣ его черепа зіяли раны. Лицо его выражало ужасъ, какой запечатлѣвается, когда страдальцы встрѣчаютъ смерть внезапно. Нельзя представить себѣ ничего ужаснѣе внезапной смерти отъ руки убійцы, который врывается въ темнотѣ. Испугъ бываетъ такъ силенъ, что крики о помощи невозможны. Служанка, находившаяся наверху, не слыхала ни звука.

Коннелли приступилъ къ осмотру пола. Коверъ былъ свѣтлый съ темными оттѣнками; щупая его ногами и руками, Коннелли изслѣдовалъ каждый его дюймъ. Онъ напалъ наконецъ на влажное пятно около выдвижной двери, ведущей въ столовую. Коннелли наклонился и ощупалъ руками это мѣсто. Когда онъ поднялъ руку—замѣтилъ кровь. Тѣло было передвинуто по смерти жертвы. Очевидно, нѣкто входилъ въ переднюю дверь. Но какое могъ онъ имѣть намѣреніе, дѣйствуя такимъ образомъ? Могъ ли онъ глупить изъ страха—испуганный помѣхой? Никогда. Человѣкъ этотъ зналъ, гдѣ были люди и когда могли они войти. Гдѣ шляпа старика? Убійца повѣсилъ ее на крючекъ въ залѣ. Это было сдѣлано имъ послѣ убійства. Одинъ край этой шляпы былъ въ крови, словно кто толкнулъ ее ногой и она перекатилась черезъ кровавое пятно на полу. А, вотъ наконецъ! Вотъ и пальцы оставили слѣды на шишкѣ замка (дверь имѣла замокъ, который поворачивался ручкою въ формѣ шишки); слѣдовательно убійцѣ было необходимо выйти изъ квартиры незамѣтнымъ образомъ. Это былъ ночной воръ — казалось по теоріи вѣроятности — бродяга, который, войдя въ квартиру безъ намѣренія убить, былъ озадаченъ встрѣчею и совершилъ преступленіе.

Коннелли призадумался. Съ момента начала его наблюденій протекло одиннадцать минутъ.

Кэзъ, побывавъ тѣмъ временемъ у племянника покойнаго, возвратился съ новыми данными. Все было записано имъ тщательно и аккуратно. Данныя свидѣтельствовали вотъ что: Жоржъ Гаукинсъ былъ въ театрѣ. Онъ вышелъ въ антрактѣ, между вторымъ и третьимъ дѣйствіями. Онъ заходилъ по дорогѣ въ кафе Метрополь, выпилъ тамъ вина и встрѣтился съ Генри Джемсомъ, Берри Монтрезоромъ и Сэмомъ Карузеромъ.

— Карузеръ состоитъ членомъ клуба Калюметъ. Это въ двухъ шагахъ отсюда. Отправляйтесь туда. Узнайте — о чемъ они толко-

*) Улицы въ американскихъ городахъ принято обозначать нумерами.

вали, когда они были въ кафе. Потомъ поѣзжайте въ 28-ую улицу на станцію „L“ и торопитесь въ редакцію.

Данныя навели на подозрѣніе: племянникъ долженъ быть убійцей дяди.

Эта мысль мелькнула въ головѣ Коннелли. Онъ имѣлъ за собой достаточно фактовъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Онъ записалъ всѣ подробности своихъ открытій, сидя въ библіотекѣ покойнаго банкира, и отправилъ записку въ редакцію съ разсыльнымъ. Онъ зналъ прекрасно законы о диффамаціи, поэтому артистически избѣгъ поводовъ къ обвиненію, ловко защищаясь противъ законодательной теоріи. Онъ не сходилъ съ фактической почвы. Онъ былъ внѣ обвиненія на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. Гаррисъ обнаружилъ, что второе дѣйствіе окончилось въ 9 час. 40 мин. Антрактъ продолжался 18 мин. Гаррисъ узналъ отъ актеровъ, что Жоржъ Гаукинсъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ молодыхъ людей въ коммерческой столицѣ, былъ замѣченъ актеромъ Леонардомъ въ первомъ ряду креселъ.

2. Джонсонъ обнаружилъ, что покойный Гаукинсъ заходилъ вечеромъ въ клубъ Уніонъ-лиги. Вечеръ этотъ не былъ посвященъ имъ картежной игрѣ, которую онъ не пропускалъ никогда, посѣщая Уніонъ-клубъ, но въ клубѣ Уніонъ-лиги игра не допускалась. Старикъ гулялъ по главной улицѣ Бродвей съ компаніономъ своимъ, Радишемъ. Они дошли до площади Паркъ-плэсъ, зашли въ кафе Асторъ-гоузъ и выпили тамъ по стакану шампанскаго. Гаукинсъ былъ чрезвычайно утомленъ. Онъ не былъ озабоченъ дѣлами. Радишъ полагалъ, что его мысли сосредоточивались на предложеніи, сдѣланномъ Жоржемъ его кузинѣ. Радишъ отправился изъ кафе домой по желѣзной дорогѣ, а Гаукинсъ взялъ кэбъ, сказавъ, что ему надо еще заѣхать въ разныя мѣста. Онъ хотѣлъ обѣдать въ клубѣ. Швейцаръ сказалъ, что старикъ вышелъ изъ клуба какъ разъ въ ту минуту, когда часы пробили три четверти десятаго. Могъ ли онъ опредѣлить точно время? Онъ могъ это сдѣлать, потому что его должны были смѣнить въ 9 час. 30 мин., а такъ какъ смѣна запоздала, то онъ и обращалъ особенное вниманіе на часы. Важное показаніе далъ также клубный товарищъ покойнаго, Джонъ Брендофъ, который встрѣтилъ старика на углу пятаго переулка. Старикъ имѣлъ крайне озабоченный видъ. Это была послѣдняя встрѣча съ нимъ при жизни. Старикъ шелъ тогда домой, чтобы найти тамъ смерть.

3. Кэзъ обнаружилъ, что Каризеръ видѣлъ Жоржа Гаукинса, когда молодой человѣкъ вошелъ въ кафе Метрополь. Онъ вошелъ наскоро, оглянулся вокругъ, желая второпяхъ найти часы на стѣнѣ, и, когда не нашелъ ихъ, вынулъ изъ кармана свои и сказалъ: „О-го, Сэмъ! Уже безъ четверти десять. Выпьемъ-ка чего-нибудь“. Но онъ не упоминалъ о томъ, что былъ въ театрѣ. Вообще молодой человѣкъ былъ крайне возбужденъ. Онъ оставался у буфета лишь одну минуту; а по прошествіи нѣскольких моментовъ послѣ того, какъ онъ вышелъ, Каризеръ посмотрѣлъ на часы и замѣтилъ къ крайнему своему удивленію, что стрѣлка показывала двадцать минутъ одиннадцатаго вмѣсто трехъ четвертей десятаго, какъ о томъ сказалъ Гаукинсъ. Каризеръ не былъ въ театрѣ. Онъ стоялъ у буфета, когда многіе жаждущіе, являясь изъ театра, подходили къ буфету во время антракта, послѣ втораго дѣйствія. Послѣдній изъ нихъ вышелъ на улицу минутою раньше, нежели появился Гаукинсъ.

Коннелли былъ извѣстенъ также разсказъ молодаго Гаукинса...

Дочь покойнаго была убита горемъ, или она установляла подлинность лица убійцы.

Вся исторія была разсказана читателямъ послѣдовательно по ходу дѣйствія.

Описаніе факта убійства.

1. Наличность преступленія. Наличность жертвы. Вліятельное положеніе убитой личности въ коммерческомъ мірѣ (Коннелли. $^1/_4$ столбца).

2. Разсказъ молодаго Гаукинса, какъ онъ обнаружилъ преступленіе (Кэзъ. 1 столбецъ).

3. Описаніе квартиры съ планомъ комнатъ (Кэзъ. $^1/_2$ столбца).

4. Изслѣдованіе гостиной. Выводы и заключеніе (Коннелли. $1^1/_2$ столбца).

5. О томъ, какъ „Король съ улицы Уолъ“ вышелъ изъ конторы, разговаривалъ съ Радишемъ и въ какомъ состояніи духа онъ находился (Джонсонъ. $^3/_4$ столбца).

6. Кто видѣлъ покойнаго въ клубѣ. Точное время выхода его изъ клуба (Джонсонъ. $^1/_2$ столбца).

7. „Король съ улицы Уолъ идетъ домой“. Послѣдняя его встрѣча въ жизни съ Брендофомъ (Джонсонъ. $^1/_4$ столбца).

8. Что случилось въ квартирѣ банкира. Теорія сыска. Теорія крови на шляпѣ. Передвиженіе тѣла по смерти. Незапертая дверь. Шелъ ли убійца по слѣдамъ Гаукинса, или онъ вошелъ въ комнату въ качествѣ близкаго человѣка (Коннелли. $^1/_2$ столбца)?

9. Молодой Гаукинсъ въ театрѣ. Показанія ночнаго сторожа, актера Леонарда, Каризера (Гаррисъ. $^1/_2$ столбца).

10. Свиданіе Радиша съ Гаукинсомъ. Состояніе духа старика. Интервью полное, тщательное, исключая той части показанія, въ которой молодой человѣкъ назывался женихомъ его кузины, и показанія Розона, имѣвшаго основаніе полагать, что старикъ не соглашался на бракъ молодыхъ людей (Гаррисъ. $^3/_4$ столбца).

11. Исторія замѣчательной карьеры Джона Гаукинса (некрологъ издателя. 1 столбецъ).

12. Списокъ учрежденій: желѣзныхъ дорогъ, телеграфа, пароходствъ, земельной собственности, телефонныхъ обществъ, банковъ, мѣняльныхъ конторъ и многихъ другихъ учрежденій, въ которыхъ Гаукинсъ былъ или учредителемъ, или членомъ, или директоромъ (справка изъ „Указателя“. $^1/_2$ столбца).

13. Списокъ всѣхъ замѣчательныхъ убійствъ, совершенныхъ въ Нью-Іоркѣ за время послѣдняго двадцатипятилѣтія (справка изъ „указателя“. 3 столбца).

14. Заключеніе.

Нумеръ газеты съ содержаніемъ исторіи преступленія былъ сверстанъ и спущенъ въ машинное отдѣленіе въ два часа ночи. Исторія была растянута на 8 столбцовъ газеты огромнаго формата и написана шестью сотрудниками. Текстъ былъ гладкій, ясный, опредѣленный, написанный словно однимъ человѣкомъ.

При второмъ изданіи того же нумера газеты въ ней было объявлено, что молодой человѣкъ Жоржъ Гаукинсъ арестованъ. Содержаніе исторіи преступленія было значительно измѣнено. Обнаружилась правда. Молодой Гаукинсъ вышелъ изъ театра по окончаніи втораго дѣйствія. Будучи озабоченъ послѣдствіями своего предложенія, онъ бродилъ разсѣянно по Брэнтъ-парку, дошелъ до пятой улицы, гдѣ и встрѣтился случайно со старикомъ. Какова бы ни была ихъ встрѣча, она казалась дружественной. Они прошли нѣкоторое разстояніе вмѣстѣ. Дошли до дома. Молодой человѣкъ вошелъ въ квартиру съ намѣреніемъ выяснить вопросъ о женитьбѣ. Но, увидѣвъ палку съ тяжелымъ набалдашникомъ въ углу за дверью, онъ поддался чувству гнѣва и оскорбленія и рѣшилъ убить старика. Онъ это и сдѣлалъ, трупъ же переволокъ на другое мѣсто, ближе къ двери, вымылъ потомъ руки въ кладовкѣ дворецкаго, завернулъ газовые рожки въ залѣ и поспѣшно удалился въ театръ. Онъ завернулъ по дорогѣ въ кафе Метрополь, чтобы доказать, что подсудимый во время совершенія преступленія находился въ другомъ мѣстѣ, но это-то обстоятельство и послужило ему главной уликой въ преступленіи.

Новичекъ былъ бы крайне озадаченъ перемѣною обстоятельствъ, которая выворачивала всю исторію, казалось, шиворотъ навыворотъ, а Коннелли и глазомъ не моргнулъ. Онъ былъ артистъ своего искусства — недаромъ изучалъ репортерское ремесло въ продолженіе двадцати лѣтъ.

Н. Максимовъ.

Стихотвореніе

Изъ „Книги жизни“

I

Жизнь

Жизнь — поэма многотомная...
Въ „Книгѣ жизни“ каждый томъ,
Какъ морская бездна темная,
Человѣку незнакомъ...
А жилецъ земли таинственный,
Мірозданія вѣнецъ,
Всей поэмы той — единственный
И читатель, и творецъ!..

II

Три чаши

Дайте мнѣ чашу, терпѣнія чашу!
Выпью по каплѣ — до самаго дна;
Терніемъ русыя кудри украшу,
Буду я пьянъ безъ вина...
Дайте мнѣ полную чашу страданья!
Первую выпьешь, такъ въ этой легко
Пылкаго сердца больныя мечтанья
Всѣ утопить глубоко...
Горькая чаша!.. Но только за нею
Къ чашѣ блаженства и я приступлю —
Выпью — всю разомъ! И право имѣю,
Если цѣною двухъ первыхъ куплю...

III

Въ концѣ вѣка

Безъ вѣры нѣтъ жизни,
Безъ мысли нѣтъ чувства;
Безъ жизни нѣтъ вѣры,
Безъ чувства нѣтъ мысли.
Но вѣра изсякла
Въ пустынѣ житейской;
Но ясною мыслью
Не связаны чувства...
И что же?..
Въ бореньи
За мысли и чувства
При солнечномъ свѣтѣ —
Какъ ночью безлунной —
Бредутъ одиноко
Питомцы разлада
Безъ вѣры, безъ чувства,
Безъ мысли — безъ жизни...

IV

Діалогъ

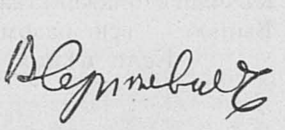
— О чемъ ты вздыхаешь глубоко
При видѣ счастливцевъ влюбленныхъ,
Волненьемъ любви вдохновленныхъ?
„Другъ, сердце пѣвца одиноко!..“
— Зачѣмъ же смѣняетъ улыбка
Твой вздохъ затаенно-глубокій,
Скажи мнѣ, пѣвецъ одинокій?..
„Любовь — роковая ошибка!..“
— О, нѣтъ! Ты ошибся жестоко:
Въ пучинѣ борьбы многошумной
Тотъ вѣритъ, кто любитъ безумно...
»Тотъ любитъ, кто вѣритъ глубоко!..«

V

Смерть

Счастіе — въ истинѣ; истины свѣтъ
Тамъ, гдѣ ни горя, ни радостей нѣтъ.
Чистымъ источникомъ мыслей святыхъ
Смерть остается для міра живыхъ.
Мрака загробнаго вѣчный покой
Свѣтъ разливаетъ въ юдоли мірской.
Тамъ — за могилою — тлѣютъ и вновь
Въ тлѣньи родятся добро и любовь.
Краю забвенія, царству тѣней
Странны и чужды сомнѣнья людей...
Въ чемъ же скрывается истины свѣтъ?
Смерть всемогущая, дай мнѣ отвѣтъ!..

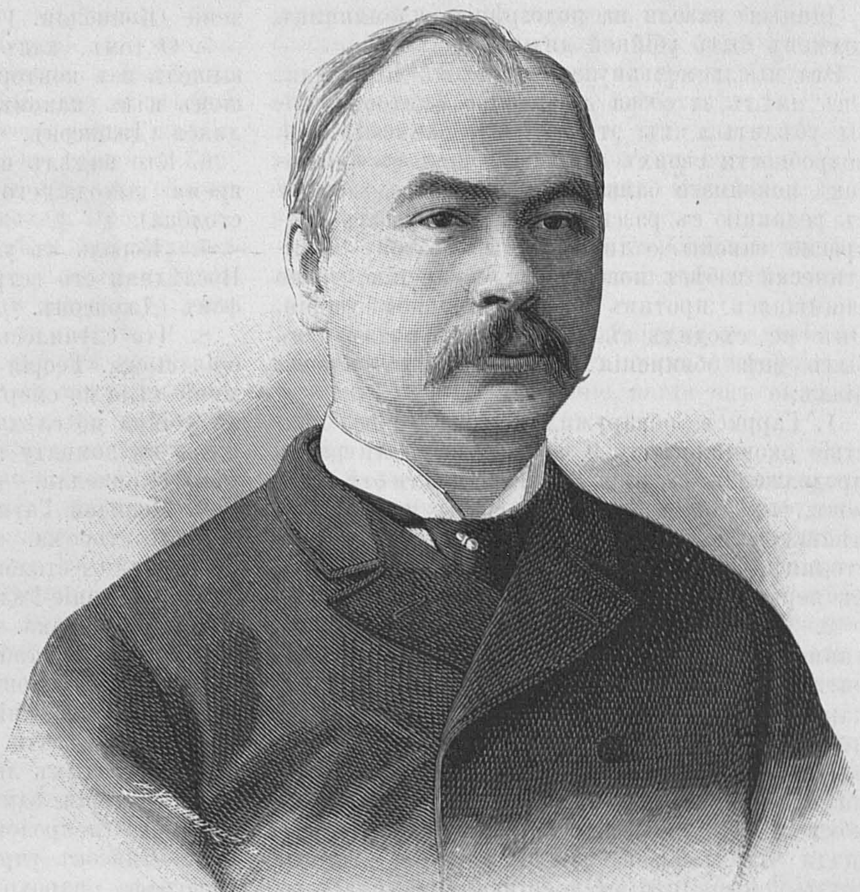
Апол. Коринфскій.

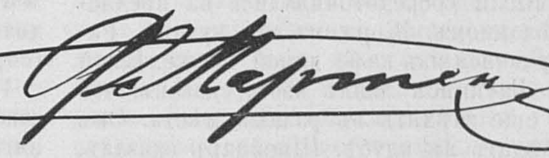


В. И. СЕРГѢЕВИЧЪ, ученый юристъ.

Съ фотографіи Ю. Штейнберга гравировалъ Б. П. Пуцъ.

По поводу двадцатипятилѣтія профессорской дѣятельности.

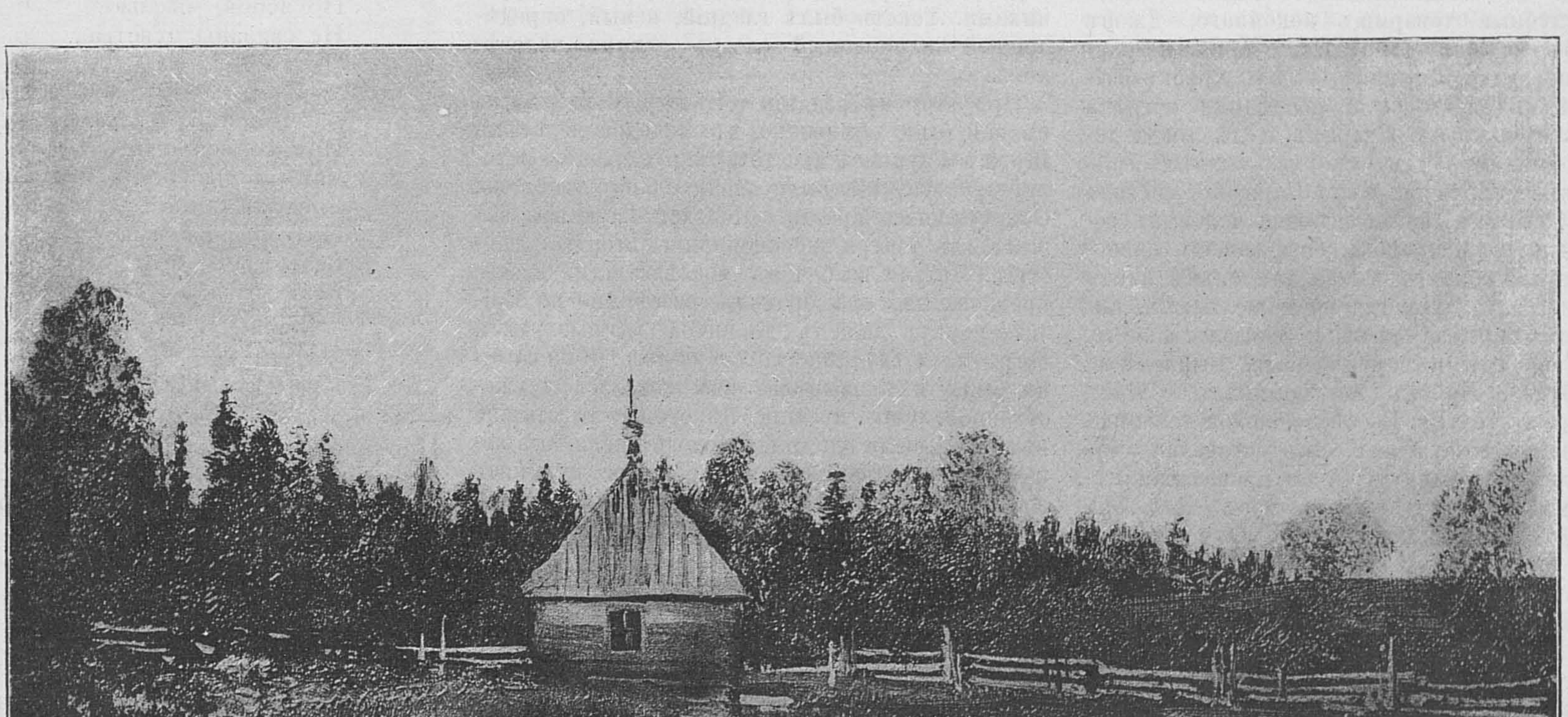




Ѳ. Ѳ. МАРТЕНСЪ, ученый юристъ.

Съ фотографіи А. Лоренса гравировалъ И. И. Хелмицкій.

По поводу двадцатипятилѣтія ученой дѣятельности.



Источникъ рѣки Волги. Этюдъ профессора И. И. Шишкина.

По Россіи. — Изъ альбома художника.

В. С. Иконниковъ

Въ февралѣ 1868 года совѣтъ университета св. Владиміра въ Кіевѣ избралъ въ доценты по каѳедрѣ русской исторіи молодого ученаго В. С. Иконникова. Такимъ образомъ въ нынѣшнемъ году исполнилось двадцатипятилѣтіе педагогической дѣятельности этого почтеннаго труженика науки, замѣчательнаго преподавателя и талантливаго писателя, автора многихъ изслѣдованій, обратившихъ на себя вниманіе и публики, и критики. Заслуженный ординарный профессоръ, д. ст. сов. Владиміръ Степановичъ Иконниковъ происходитъ изъ потомственныхъ дворянъ и родился въ Кіевѣ 9-го декабря 1841 года. Его отецъ, уроженецъ Петербурга, воспитанникъ 1-го кадетскаго корпуса, въ 1805—1812 гг. участвовалъ въ сраженіяхъ при Ламбахѣ, Амштетинѣ, Кремсѣ, Шёнграбенѣ, Пултускѣ, Ландсбергѣ, Прейсишъ-Эйлау, Диснѣ, подъ Витебскомъ и Смоленскомъ, а по выходѣ въ отставку поселился на югѣ. Когда въ 1852 году открылся въ Кіевѣ кадетскій корпусъ, В. С. Иконниковъ, какъ сынъ заслуженнаго воина, былъ зачисленъ на казенный счетъ въ это заведеніе, курсъ въ которомъ онъ окончилъ въ 1861 году. Въ корпусѣ преподавателями были преимущественно профессора университета св. Владиміра, читавшіе здѣсь исторію, исторію словесности, статистику, законовѣдѣніе, математику и естественныя науки и не могли не вліять благотворно на развитіе способностей и направленіе В. С. Иконникова, который въ 1861 г. поступилъ на историко-филологическій факультетъ университета св. Владиміра на правахъ вольнослушающаго. Въ слѣдующемъ году онъ выдержалъ дополнительный экзаменъ при кіевской второй гимназіи и былъ зачисленъ въ студенты того же факультета на 2-й курсъ. Уже въ университетѣ, перейдя на этотъ курсъ, онъ обнаружилъ стремленіе къ серьезнымъ занятіямъ исторіей вообще и отечественной по преимуществу, и плодомъ такихъ занятій явилось представленное имъ факультету сочиненіе — „Очеркъ развитія аѳинской конституціи до Клисѳена", которое было одобрено къ напечатанію, но осталось въ рукописи, такъ какъ молодой изслѣдователь въ то время занялся другою работой — сочиненіемъ о Максимѣ Грекѣ, представленнымъ имъ на медаль. Въ немъ В. С. Иконникову пришлось впервые воспользоваться новыми матеріалами, которые онъ извлекъ изъ полнаго собранія сочиненій названнаго писателя, изданныхъ незадолго передъ тѣмъ казанской духовной академіей; онъ собралъ множество данныхъ для характеристики Максима Грека, столь трагически окончившаго у насъ свою карьеру, сдѣлалъ немало указаній — и большею частью довольно цѣнныхъ — на литературу предмета и вообще потрудился достаточно для ознакомленія съ личностью и сочиненіями Максима Грека, сдѣлавъ такимъ образомъ своей книгой весьма полезный вкладъ въ литературу. За эту монографію В. С. Иконниковъ получилъ золотую медаль въ 1865 г., при окончаніи университетскаго курса со степенью кандидата историко-филологическаго факультета, и вскорѣ затѣмъ, расширивъ и пополнивъ историческую часть своего изслѣдованія, напечаталъ его въ „Университетскихъ извѣстіяхъ". Съ 5-го октября 1865 г. по 26-е ноября 1866 г. В. С. Иконниковъ состоялъ стипендіатомъ для приготовленія къ занятію профессорской каѳедры по русской исторіи и въ то же время занимался преподаваніемъ того же предмета въ кіевской военной гимназіи и исторіи всеобщей литературы въ кіевскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Къ этому времени относятся двѣ его небольшія работы: „Кто былъ первый самозванецъ" — по поводу сочиненія Н. И. Костомарова — и „Русскіе общественные дѣятели XVI вѣка". 26-го ноября 1866 г. онъ былъ переведенъ въ харьковскій университетъ привать-доцентомъ по русской исторіи и читалъ этотъ предметъ на историко-филологическомъ и юридическомъ факультетахъ до 6-го октября 1867 г., когда получилъ новое назначеніе въ Одессу, во 2-ю гимназію, на должность преподавателя географіи; кромѣ того онъ недолго преподавалъ здѣсь русскую исторію въ частной женской гимназіи, нынѣ Маріинской. Ранѣе, въ маѣ того же года, онъ представилъ въ Новороссійскій университетъ свое кандидатское сочиненіе „Максимъ Грекъ" на степень магистра русской исторіи въ переработанномъ видѣ и 3-го декабря 1867 г. получилъ искомую степень. Затѣмъ В. С. Иконниковъ вернулся въ род-

В. С. ИКОННИКОВЪ, историкъ. В. Иконниковъ

Съ фотографіи В. Высоцкаго въ Кіевѣ гравировалъ Б. П. Пушъ.

По поводу двадцатипятилѣтія профессорской дѣятельности.

Первый мостъ на рѣкѣ Волгѣ. Этюдъ профессора И. И. Шишкина.

По Россіи. — Изъ альбома художника.

ной городъ и 23-го февраля 1868 г. былъ избранъ совѣтомъ кіевскаго университета въ доценты по каѳедрѣ русской исторіи, и съ этого времени вся дѣятельность его посвящена была Кіеву. Въ ноябрѣ слѣдующаго года онъ защитилъ въ Новороссійскомъ университетѣ свою докторскую диссертацію „Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи“, представляющую огромный и весьма солидный трудъ. Экстраординарнымъ профессоромъ по занимаемой имъ каѳедрѣ онъ былъ утвержденъ въ 1870 году, а ранѣе этого, съ 1868 по 1870 г., преподавалъ также въ кіевскомъ дѣвичьемъ институтѣ русскую и всеобщую исторію; кромѣ того въ 1870—72 гг. онъ завѣдывалъ нумизматическимъ кабинетомъ университета св. Владиміра, занимался въ Петербургѣ въ Императорской публичной библіотекѣ и другихъ книгохранилищахъ (лѣтомъ 1871 г.), участвовалъ во 2-мъ археологическомъ съѣздѣ и, по командировкѣ, ѣздилъ въ полтавскую губернію для осмотра рѣшетиловской библіотеки наслѣдниковъ В. Попова, богатой рукописными матеріалами по исторіи царствованія Екатерины II и предполагавшейся тогда къ пріобрѣтенію университетомъ св. Владиміра; значительною частью этихъ матеріаловъ онъ воспользовался для разныхъ трудовъ своихъ, а главнымъ образомъ для большаго изслѣдованія — „Графъ Н. С. Мордвиновъ“ (Спб. 1873). 5-го ноября 1871 г. онъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ. Когда въ 1872 г. праздновалась двухсотлѣтняя годовщина рожденія Петра Великаго, В. С. Иконниковъ въ мартѣ и апрѣлѣ этого года прочелъ десять публичныхъ лекцій, посвященныхъ памяти „царя-работника“, а 1-го сентября былъ командированъ университетомъ съ ученою цѣлью за границу и пробылъ въ командировкѣ ровно годъ, посѣтивъ Германію, Францію, Швейцарію и Италію. Вернувшись изъ-за границы, онъ былъ избранъ главнымъ редакторомъ „Университетскихъ извѣстій“ и уже двадцать лѣтъ несетъ эту обязанность, расширивъ значительно это изданіе, помѣстивъ въ немъ много статей и вообще поработавъ на пользу его очень много. Когда въ Кіевѣ возникла мысль объ учрежденіи историческаго общества Нестора-лѣтописца, В. С. Иконниковъ принялъ живѣйшее участіе въ осуществленіи этого дѣла и съ самаго открытія общества въ 1872 г. былъ его членомъ-учредителемъ, а съ мая 1874 г. по ноябрь 1877 г.—его вторымъ, по времени, предсѣдателемъ. Дважды состоялъ онъ деканомъ историко-филологическаго факультета (1877—1880 гг. и 1883—1886 гг.), а съ 1881 по 1889 г. завѣдывалъ высшими женскими курсами въ Кіевѣ, на которыхъ преподавалъ русскую исторію; онъ былъ также членомъ совѣта коллегіи Павла Галагана (1881—1883 гг.) и членомъ попечительнаго совѣта (1871—1886 гг.). 13-го іюня 1892 г. онъ утвержденъ въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора. В. С. Иконникову принадлежитъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе цѣнныхъ изслѣдованій и очерковъ по русской исторіи, масса статей и критическихъ этюдовъ и рецензій, обзоровъ литературы по русской исторіи за нѣсколько лѣтъ и проч. Эти труды онъ печаталъ въ „Вѣстникѣ Европы“, „Древней и новой Россіи“, „Кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ“, „Сборникѣ государственныхъ знаній“, „Русской Старинѣ“, „Русскомъ Архивѣ“, „Кіевской Старинѣ“, „Библіографическихъ Запискахъ“, „Энциклопедическомъ словарѣ Березина“, „Нѣмецкой Энциклопедіи“ (до 40 біографій и статей) и проч. Изъ этихъ трудовъ нельзя не отмѣтить слѣдующихъ: „Скептическая школа въ русской исторіографіи и ея противники“, „Русская женщина наканунѣ реформы Петра Великаго и послѣ нея“, „Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій“, „Русскіе университеты въ связи съ ходомъ общественнаго образованія“ и наконецъ капитальный трудъ „Опытъ русской исторіографіи“, т. 1-й, заключающій въ себѣ болѣе 2.000 страницъ текста и чрезвычайно краснорѣчиво говорящій о необыкновенномъ трудолюбіи почтеннаго ученаго. В. С. Иконниковъ состоитъ членомъ почти всѣхъ историческихъ обществъ и архивныхъ коммиссій въ Россіи и членомъ-учредителемъ общества грамотности въ Кіевѣ.

Политика

7 (19 іюня) 1893 г.

Въ концѣ прошлой недѣли Государь Императоръ и Государыня Императрица, сопровождаемые Ихъ Императорскими Высочествами, великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ и великими княжнами Ксеніей Александровной и Ольгой Александровной, переѣхали изъ Гатчины въ Петергофъ.

Къ тому же времени былъ обнародованъ оффиціально составъ новой с.-петербургской городской думы. Къ 54 членамъ ея, избраннымъ въ началѣ нынѣшней весны, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, состоявшагося въ силу новаго закона о городскомъ самоуправленіи, были присоединены 53 члена прежней думы, получившіе на выборахъ 1890 года наибольшее число голосовъ. Этимъ путемъ образовалось собраніе городскихъ представителей, въ которомъ интеллигентные классы нашей столицы играютъ гораздо болѣе выдающуюся роль, чѣмъ въ прежней думѣ. Въ тотъ день, когда мы пишемъ эти строки, происходило поутру первое засѣданіе новыхъ гласныхъ. Выборы городской управы и городскаго головы пока еще впереди. На послѣдній постъ называютъ нѣсколькихъ кандидатовъ, но пока еще господствуетъ полная неизвѣстность, увеличиваемая тѣмъ обстоятельствомъ, что по новому закону о городскомъ самоуправленіи должности головы и членовъ городской управы могутъ быть поручаемы и лицамъ, не облеченнымъ званіемъ городскихъ гласныхъ.

Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ наша общественная жизнь вступила въ обычный для этого времени года періодъ полнаго затишья.

Въ западной Европѣ минувшая недѣля прошла совершенно при иныхъ условіяхъ, ознаменовавшись столь давно уже занимавшими умы тамошнихъ политическихъ кружковъ выборами въ германскій рейхстагъ. Выборы эти произошли 3 (15) іюня, но, какъ всегда бываетъ въ Германіи, окончательный ихъ результатъ сдѣлался извѣстенъ нѣсколькими днями позже, а именно 7 (19) іюня поутру. Предсказанія газетъ насчетъ того, что небывалое еще количество кандидатовъ различныхъ партій, выступившихъ передъ избирателями, приведетъ къ огромному числу перебаллотировокъ, оправдались вполнѣ. Баллотировокъ этихъ предстоитъ 183, а состоявшихся уже избраній насчитывается только 213. Число избранныхъ уже противниковъ военной реформы превосходитъ число ея сторонниковъ на 24 голоса. Во главѣ депутатовъ оппозиціи стоятъ по своей численности католики центра (81), а за ними идутъ соціалисты (24). Уже однѣ эти двѣ парламентскія группы имѣютъ такимъ образомъ 105 голосовъ, но къ нимъ еще присоединяются 7 депутатовъ другихъ оппозиціонныхъ фракцій (антисемиты, эльзасцы, члены южногерманской партіи и датчане).

Депутатовъ благопріятныхъ военному законопроекту насчитывается пока только 94. Наибольшее ихъ число принадлежитъ къ консервативной партіи (50), далѣе идутъ національ-либералы (18), поляки (13) и члены имперской партіи (9), составляя собою до извѣстной степени сплошную группу въ 91 голосъ, къ которой присоединяются еще 3 депутата другихъ правительственныхъ фракцій. На перебаллотировкахъ преобладающими по численности кандидатовъ партіями выступитъ со стороны правительства: національ-либералы (73) и консерваторы (32), а со стороны оппозиціи — кандидаты свободомыслящей народной партіи (37) и католики центра (32).

Впрочемъ, почти во всѣхъ округахъ, гдѣ предстоятъ баллотировки и гдѣ въ числѣ кандидатовъ выступали соціалисты, эти послѣдніе получили на первомъ голосованіи наибольшее число голосовъ. Болѣе чѣмъ возможно, что въ новомъ рейхсратѣ ихъ окажется до 50 и что численность ихъ группы будетъ такимъ образомъ немного слабѣе численности группы консерваторовъ и значительно болѣе численности группы благопріятныхъ военной реформѣ національ-либераловъ. Шансы, что правительство добьется отъ новаго парламента принятія военнаго законопроекта, видоизмѣненнаго поправкою Гюне — почти совершенно исчезли. Существуютъ однако же поводы полагать, что, несмотря на вышесказанное, правительство воздержится отъ вторичнаго распущенія только что избраннаго рейхстага, а пойдетъ на уступки, придавъ имъ форму еще разъ видоизмѣненнаго военнаго законопроекта.

Въ Австріи приближается время окончанія сессіи делегацій. Происходившія на прошлой недѣлѣ засѣданія делегаціи австрійскаго рейхстага обошлись безъ слишкомъ рѣзкихъ выходокъ со стороны ихъ младо-чешскихъ членовъ, но графу Кальноки все-таки пришлось въ четвертый разъ выступить съ объясненіями насчетъ иностранной политики монархіи Габсбурговъ и взять на себя защиту тройственнаго союза противъ младо-чеховъ.

Въ Англіи палата общинъ покончила на прошлой недѣлѣ съ третьею статьею ирландскаго билля, принявъ ее въ третьемъ чтеніи обычнымъ большинствомъ голосовъ, и перешла къ обсужденію четвертой статьи, въ которой оппозиція предлагаетъ не меньшее число поправокъ, чѣмъ и въ предыдущей. Становится очевиднымъ, что если Гладстонъ не согласится сократить пренія средствами, которыя представляетъ ему уставъ палаты, то въ остающіеся еще мѣсяцы нынѣшней законодательной сессіи съ ирландскимъ биллемъ будетъ невозможно покончить.

Во Франціи доживающая послѣдніе мѣсяцы своего существованія палата депутатовъ продолжаетъ свои законодательныя занятія, какъ бы отбывая тяжелую и скучную повинность. Это зависитъ можетъ быть отъ того, что главное остающееся ей дѣло — обсужденіе бюджета на 1894 г. — пока еще впереди, но многое заставляетъ также думать, что депутаты не желаютъ ставить въ затруднительное положеніе и безъ того уже не очень-то прочное министерство Дюпюи и рѣшились покончить свою послѣднюю сессію безъ новаго министерскаго кризиса, который передалъ бы почти неизбѣжно власть въ руки для очень многихъ изъ нихъ непріятнаго и даже „страшнаго“ г. Констана. Ко всему этому присоединяется еще и нездоровье президента республики г. Карно, который вынужденъ былъ отказаться отъ своего, предполагавшагося вначалѣ лѣта, путешествія въ Бретань.

Въ Италіи положеніе дѣлъ остается попрежнему неопредѣленнымъ. Министерство Джіолитти хотя и одержало значительную парламентскую побѣду по вопросу о пенсіяхъ, тѣмъ не менѣе находится въ щекотливомъ положеніи вслѣдствіе только что происшедшей въ Римѣ „ирредентистской“ демонстраціи въ формѣ банкета, устроеннаго по поводу побѣды, одержанной въ Тріестѣ итальянской партіей на муниципальныхъ выборахъ.

Въ Сербіи король Александръ открылъ 4 (16) іюня засѣданія новой скупщины тронною рѣчью, въ которой онъ объяснялъ роковую необходимость рѣшительнаго шага, сдѣланнаго имъ два мѣсяца тому назадъ, и сообщилъ, что шагъ этотъ былъ одобренъ съ полною готовностью всѣми европейскими правительствами. Министерство Докича, подавшее въ отставку ко дню открытія скупщины, осталось во власти по желанію молодаго короля, который согласился только на замѣну прежняго, принадлежащаго къ партіи напредняковъ, военнаго министра, полковника Франасовича, радикаломъ Груичемъ. Предсѣдателемъ скупщины избранъ другой извѣстный радикалъ г. Пашичъ, только что передъ тѣмъ принявшій назначеніе на постъ сербскаго посланника въ Петербургѣ.

Ѳ. Ѳ. Мартенсъ

Среди нашихъ ученыхъ юристовъ обширной извѣстностью и солиднымъ авторитетомъ давно уже пользуется и въ Россіи, и за границей ординарный профессоръ Императорскаго с.-петербургскаго университета по каѳедрѣ международнаго права и непремѣнный членъ совѣта министра иностранныхъ дѣлъ, докторъ международнаго права, тайный совѣтникъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Мартенсъ. Въ мартѣ нынѣшняго года исполнилось двадцатипятилѣтіе непрерывной службы и учено-литературной дѣятельности этого талантливаго ученаго, крупныя научныя заслуги котораго признаны всѣмъ образованнымъ міромъ. Это даетъ намъ поводъ при помѣщеніи портрета профессора Мартенса остановить вниманіе нашихъ читателей на его интересной, почтенной личности. Ѳедоръ Ѳедоровичъ (Фридрихъ-Фромгольдъ) Мартенсъ родился въ городѣ Перновѣ, лифляндской губерніи, въ 1845 году. Получивъ первоначальное воспитаніе въ перновской классической гимназіи — которой, кстати сказать, исполнилось теперь триста лѣтъ — Ѳ. Ѳ. въ августѣ 1863 года поступилъ въ Императорскій с.-петербургскій университетъ на юридическій факультетъ, гдѣ и окончилъ курсъ кандидатомъ правъ 30 мая 1867 года, причемъ оставленъ тогда же при университетѣ для усовершенствованія въ избранной имъ спеціальности — въ международномъ правѣ. Предоставленіе Ѳ. Ѳ. деми-

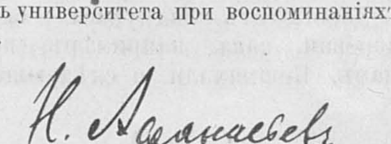
довской стипендіи (покойный П. П. Демидовъ князь Санъ-Донато еще при жизни своей назначилъ ежегодное пожертвованіе воспитавшему его университету по 3.000 р. съ цѣлью выдачи таковыхъ лучшимъ кандидатамъ правъ для научной поѣздки за границу) дало ему возможность завершить свое научное образованіе. Онъ слушалъ лекціи знаменитыхъ юристовъ въ университетахъ — лейпцигскомъ, вѣнскомъ и гейдельбергскомъ три года, съ 1867 по 1869 г. Въ то же время Θ. Θ. былъ причисленъ къ министерству иностранныхъ дѣлъ и состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при покойномъ канцлерѣ, свѣтлѣйшемъ князѣ А. М. Горчаковѣ. Возвратившись въ Петербургъ, Θ. Θ. блестяще защитилъ свою магистерскую диссертацію: „О правѣ частной собственности во время войны" и вслѣдъ затѣмъ былъ опредѣленъ на службу по министерству народнаго просвѣщенія, 4-го февраля 1870 г. назначенный сначала доцентомъ по каѳедрѣ международнаго права, а потомъ экстраординарнымъ и ординарнымъ профессоромъ (18 окт. 1876 г.), и имѣя всего только 31 годъ отъ рода. Докторскую диссертацію Θ. Θ. защитилъ въ 1874 году, успѣвъ также написать въ теченіе восемнадцати лѣтъ, кромѣ множества замѣтокъ, мемуаровъ, статей и промеморій, слѣдующія болѣе или менѣе крупныя изслѣдованія: „О консулахъ и консульской юрисдикціи на Востокѣ", „Россія и Англія въ Средней Азіи", „Восточная война и брюссельская конференція 1874—1878 гг., „Россія и Китай", „Современное международное право цивилизованныхъ государствъ", „Египетъ и египетскій вопросъ". Въ продолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ Θ. Θ. состоитъ непремѣннымъ членомъ совѣта министра иностранныхъ дѣлъ, и въ этомъ званіи ему приходилось участвовать на многихъ международныхъ конференціяхъ, какъ напримѣръ: брюссельской (1874), женевской въ обществѣ „Краснаго Креста" (1884, 1887 и 1892), брюссельской по вопросамъ морскаго права (1888) и по вопросу объ уничтоженіи невольничества (1890—1891). Начиная съ 1874 г., профессоръ Мартенсъ неутомимо работаетъ надъ систематическимъ изданіемъ обширнаго научнаго предпріятія: „Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами". Этотъ замѣчательный трудъ Θ. Θ. появился уже въ одиннадцати объемистыхъ томахъ убористой печати, изъ которыхъ первые пять заключаютъ въ себѣ данныя о сношеніяхъ Россіи съ Австріей, съ древнѣйшихъ временъ вплоть до 1878 года; другіе пять томовъ посвящены Германіи за время до 1888 года включительно, и послѣдній томъ заключаетъ въ себѣ изложеніе сношеній Россіи съ Англіей до 1801 года. Этотъ солидный трудъ профессора Мартенса на столько интересенъ и имѣетъ такое огромное значеніе, что необходимо сказать о немъ хоть нѣсколько словъ. Какъ извѣстно, почти во всѣхъ государствахъ Европы былъ предпринятъ рядъ изданій по собранію трактатовъ, заключенныхъ каждою державой съ другими сосѣдними государствами Европы и Америки. Подобнаго изданія въ Россіи не существовало до самыхъ послѣднихъ лѣтъ прошлаго царствованія, хотя еще въ 1783 г. императрица Екатерина II поручила было извѣстному историку Георгу Миллеру заняться этимъ дѣломъ. Профессору Мартенсу удалось блестяще исполнить это давнишнее предпріятіе, вдвойнѣ важное какъ для цѣлей государства, такъ и для науки международнаго права. Въ то время какъ собранія трактатовъ, исполненныя по порученію западно-европейскихъ правительствъ, представляютъ собою лишь сборники дипломатическихъ агентовъ, сборники, которые расположены во внѣшнемъ, хронологическомъ порядкѣ и, стало быть, безъ строго выдержанной системы, такъ что рядомъ, напримѣръ, съ торговымъ трактатомъ относительно Португаліи можно встрѣтить договоръ съ Пруссіей о выдачѣ преступниковъ или почтовое соглашеніе съ Австріей, далѣе важныя для исторіи дѣйствія правительства на ряду съ массой мелкихъ фактовъ; изданіе же трактатовъ, собранныхъ Θ. Θ., представляетъ собой систематическій трудъ въ виду тѣхъ соображеній, что недостаточно знать лишь одинъ текстъ договоровъ, заключенныхъ Россіей съ тѣмъ или другимъ государствомъ, но необходимо также принять въ расчетъ всѣ обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ были заключены самые договоры. Профессоръ Мартенсъ поэтому и весь трудъ свой расположилъ въ строгомъ соотношеніи съ характеромъ договорныхъ статей и присоединилъ къ каждому отдѣлу своего собранія трактатовъ самый тщательный коментарій для уясненія тѣхъ или другихъ отношеній Россіи съ каждою европейскою державою. Такимъ образомъ, мы имѣемъ дипломатическую исторію Россіи, вполнѣ документельно обставленную, строго провѣренную и въ сравнительно-историческомъ освѣщеніи обрисованную. Правда, Θ. Θ. находился нынѣ въ особо счастливыхъ обстоятельствахъ: ему былъ открытъ свободный доступъ во всѣ архивы не только нашей столицы, но и древняго города Москвы, и онъ полною рукой черпалъ изъ актовыхъ сокровищъ, превосходно исполнивъ это обширное изданіе. Можно смѣло сказать, что каждая страница поясненій профессора даетъ намъ какое нибудь новое и важное открытіе въ области дипломатической исторіи европейскихъ государствъ за послѣдніе два вѣка и чуть не до нашихъ дней, т. е. въ канунъ событій знаменитой встрѣчи въ Кронштадтѣ (1891). Нѣкоторые труды Θ. Θ. переведены на англійскій, французскій, нѣмецкій, итальянскій и шведскій языки. При столь крупныхъ заслугахъ профессора Мартенса станетъ понятнымъ тотъ солидный авторитетъ, которымъ Θ. Θ. пользуется и далеко за предѣлами нашего отечества, и мы еще недавно были свидѣтелями такого крупнаго событія, какъ представленіе русскому профессору права рѣшить спорный международный вопросъ со стороны двухъ европейскихъ государствъ (Греція и Румынія въ спорѣ о наслѣдствѣ грека Заппы). Высокое безпристрастіе нашего профессора рѣшило этотъ вопросъ въ пользу Греческаго королевства, послѣ чего король Эллиновъ Георгъ призналъ справедливымъ и съ своей стороны высказать уваженіе русскому профессору пожалованіемъ ему 14 мая 1893 ордена Спасителя 1 степ. со звѣздою. Еще раньше и другія августѣйшія особы почтили своимъ вниманіемъ блестящія заслуги русскаго профессора. Такъ Θ. Θ. имѣетъ ордена: австрійскій — Франца-Іосифа 2 степ., саксенъ-веймарскій—Бѣлаго Сокола 2 степ. со звѣздою, прусскій — Короны 2 степ., баварскій — св. архангела Михаила 1 степ., черногорскій — князя Даніила 2 степ. и бельгійскій — Леопольда 1 ст. Въ то же время разныя академіи, ученыя общества и институты избрали Θ. Θ. своимъ почетнымъ или дѣйствительнымъ членомъ; въ такъ называемомъ институтѣ международнаго права онъ состоитъ вице-президентомъ, а университеты эдинбургскій, гейдельберскій и сорбонскій признали его почетнымъ докторомъ философіи и, наконецъ, бельгійская королевская академія наукъ избрала его почетнымъ своимъ членомъ. Само собой разумѣется, что продолжительная усердная служба Θ. Θ. давно уже обратила на себя вниманіе и нашего правительства. Профессоръ Мартенсъ, произведенный 2 января 1881 года въ дѣйствительные статскіе совѣтники, когда ему было только 36 лѣтъ, былъ затѣмъ пожалованъ орденами: св. Станислава 1 степ. (помимо ордена св. Владиміра 4 и 3 степ.), св. Анны 1 степ. (1887), чиномъ тайнаго совѣтника (1891) и трижды осчастливленъ объявленіемъ ему особаго Высочайшаго благоволенія (1888, 1890 и 1891). Всегда довольно отзывчивый къ нуждамъ учащейся молодежи, Θ. Θ. принимаетъ живѣйшее участіе въ нѣсколькихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ нашей столицы, состоя также членомъ-учредителемъ с.-петербургскаго общества для пособія студентамъ с.-петербургскаго университета (съ 4 ноября 1873 г.) и пожизненнымъ членомъ-жертвователемъ общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ въ столицѣ (съ 3 іюля 1889). Въ заключеніе выскажемъ пожеланіе, чтобы почтенный профессоръ успѣлъ довести до конца свое изданіе по собранію трактатовъ и обогатилъ еще новыми оригинальными сочиненіями русскую науку. Пусть суждено будетъ и ему, на склонѣ лѣтъ, примѣнить къ себѣ святыя и знаменательныя слова: „Блаженни миротворци, яко тіи сынове Божіи нарекутся", принимая въ соображеніе симпатичную суть той науки, славнымъ представителемъ которой Θ. Θ. является въ нашемъ отечествѣ.

М. Ш—скій

В. И. Сергѣевичъ

Въ январѣ исполнилось 35-лѣтіе учено-педагогической и литературной дѣятельности заслуженнаго профессора с.-петербургскаго университета по каѳедрѣ исторіи русскаго права Василія Ивановича Сергѣевича. Почтенный ученый своими научными трудами и своею ученою дѣятельностью уже давно пріобрѣлъ себѣ вполнѣ заслуженную извѣстность, и имя его считается однимъ изъ самыхъ популярныхъ именъ среди современныхъ русскихъ ученыхъ юристовъ. Благодаря его научно-литературной дѣятельности, исторія бытовыхъ учрежденій обогатилась цѣнными объясненіями древнихъ политическихъ и бытовыхъ формъ, характеръ русскаго государственнаго устройства и управленія внимательно изслѣдованъ и наши старыя внутреннія политическія отношенія совершенно выяснены. Въ лицѣ профессора Сергѣевича русское обычное право нашло своего лучшаго истолкователя, а русскія юридическія древности—замѣчательно точнаго и яснаго изслѣдователя. Первый крупный научный трудъ В. И. Сергѣевича—его магистерская диссертація: „Вѣче и князь", блистательно защищенная въ 1867 году—выдвинулъ молодаго ученаго изъ ряда современныхъ юристовъ, и еще тогда извѣстный историкъ покойный М. П. Погодинъ предсказалъ В. И. Сергѣевичу блестящую будущность. „Дѣльная, отчетистая, многосодержащая диссертація обѣщаетъ полезнаго дѣятеля для русской исторіи" — писалъ Погодинъ въ своей газетѣ „Русскій". Дѣйствительно, „Вѣче и князь" выяснило многое, что до 1867 года было скрыто въ древнихъ лѣтописяхъ и грамотахъ и туманныхъ фактическихъ данныхъ о проявленіи народной жизни и воли, заставлявшихъ нашихъ историковъ думать, что до Іоанна Грознаго господствовалъ въ Россіи какой-то лишенный образа полудикій родовой бытъ съ присущимъ ему произволомъ, игомъ рабства и всевозможными угнетеніями. На основаніи лѣтописныхъ данныхъ профессоръ Сергѣевичъ доказалъ, что наша древность имѣла дѣло со множествомъ единовременныхъ государствъ, называвшихся волостями, землями, княженіями, удѣлами, отчинами князей и уѣздами и что вѣче составляло норму общественной жизни и только къ концу княжескаго періода оно вышло изъ употребленія. Завѣщаніе Дмитрія Іоанновича положило первое основаніе политическому единству Россіи. Профессоръ В. И. Сергѣевичъ съ перваго своего шага на научномъ поприщѣ явился серьезнымъ ученымъ, послѣдовательнымъ аналитикомъ, осторожнымъ и внимательнымъ изслѣдователемъ русскихъ политическихъ и бытовыхъ древностей. Его лекціи по государственному праву — въ московскомъ университетѣ, по исторіи русскаго права—въ петербургскомъ университетѣ и о русскихъ юридическихъ древностяхъ—въ археологическомъ институтѣ всегда были содержательными, фактически обоснованными и строго научными и притомъ излагались мастерски. Юбиляръ обладаетъ недюжиннымъ даромъ слова, что является рѣдкостью въ лекторахъ, и умѣетъ выдѣлить особенности предмета, оттѣнить важное отъ мелочнаго интонаціей и сдержанно-картинной жестикуляціей. Его голосъ мягокъ и выразителенъ, его рѣчь всегда содержательна и невольно вызываетъ вниманіе. За первымъ научнымъ трудомъ профессора Сергѣевича появилось нѣсколько другихъ, столь-же цѣнныхъ и обстоятельныхъ по содержанію, изданныхъ отдѣльно или напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Изъ послѣдующихъ литературныхъ работъ особеннаго вниманія заслуживаютъ: „Задача и метода государственныхъ наукъ" (докторская диссертація), „Екатерининская законодательная комиссія" („Вѣстникъ Европы" 1878 г.), „Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права", двѣ части, выдержившія съ 1883 г. нѣсколько изданій, „Опыты изслѣдованія оброчнаго права" („Наблюдатель" 1882 г.), „Греческое и русское право" („Журналъ министерства народнаго просвѣщенія"), „О земскихъ собрахъ", „Вольные и невольные слуги" (Наблюдатель" 1887 г.), „Русскія юридическія древности" — два тома (1890 г.) и др. Кромѣ того, подъ его редакціей изданы Императорскимъ русскимъ историческимъ обществомъ четыре тома обширныхъ и поучительныхъ матеріаловъ екатерининской учредительной коммиссіи. Въ этихъ томахъ заключается не мало статей, принадлежащихъ талантливому перу нашего ученаго.

Василій Ивановичъ Сергѣевичъ родился 19 марта 1832 года, образованіе получилъ въ московскомъ дворянскомъ институтѣ,—нынѣ 4-я московская гимназія, — гдѣ кончилъ курсъ съ золотой медалью. По окончаніи курса въ московскомъ университетѣ со степенью кандидата юридическихъ наукъ, В. И. Сергѣевичъ въ январѣ 1858 года поступилъ на службу въ московскую первую гимназію преподавателемъ законовѣдѣнія, но вскорѣ совѣтъ московскаго университета, замѣтивъ выдающіяся способности молодаго талантливаго педагога, отправилъ его въ заграничную командировку. В. И. Сергѣевичъ побывалъ во многихъ университетскихъ городахъ и слушалъ лекціи у Миттермайера, Рено, Цепфеля, Блюменталя и др. извѣстныхъ ученыхъ. Съ 1864 г. по 1872 г. онъ занималъ, сперва въ качествѣ доцента, затѣмъ ординарнаго профессора, каѳедру государственнаго права въ московскомъ университетѣ, защитивъ въ это время блестяще диссертаціи на ученыя степени магистра и доктора государственнаго права. Въ 1872 г. онъ былъ приглашенъ с.-петербургскимъ университетомъ читать исторію русскаго права. Когда Н. В. Калачевъ основалъ въ 1878 г. археологическій институтъ, профессоръ Сергѣевичъ получилъ приглашеніе въ числѣ лучшихъ профессоровъ читать здѣсь юридическія древности и вскорѣ былъ избранъ въ почетные члены института. Занимая каѳедры въ названныхъ ученыхъ учрежденіяхъ и занимаясь научными трудами, требующими много времени, В. И. все таки находитъ досугъ и посвящаетъ его благотворительной дѣятельности. Онъ состоитъ предсѣдателемъ с.-петербургскаго общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ—такъ называемый „литературный фондъ"—пожизненнымъ членомъ общества для пособія студентамъ с.-петербургскаго университета, членомъ-жертвователемъ общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ, членомъ юридическаго общества и другихъ ученыхъ и общественныхъ учрежденій. Въ 1888 г. онъ былъ избранъ въ деканы юридическаго факультета. Въ настоящее время В. И. Сергѣевичъ является общественнымъ дѣятелемъ, далеко еще не состарѣвшимся и энергично работающимъ на пользу русской юридической науки. Какъ человѣкъ, онъ всегда привѣтливъ, участливъ и готовъ оказать каждому возможную помощь. Подъ его мало общительною внѣшностью скрываются полный житейскаго опыта и такта умъ и доброе сердце. Среди студентовъ онъ пользуется громадной популярностью, которая доставляетъ имъ по выходѣ изъ университета при воспоминаніяхъ отрадныя минуты.



ПО ПЕРСІИ

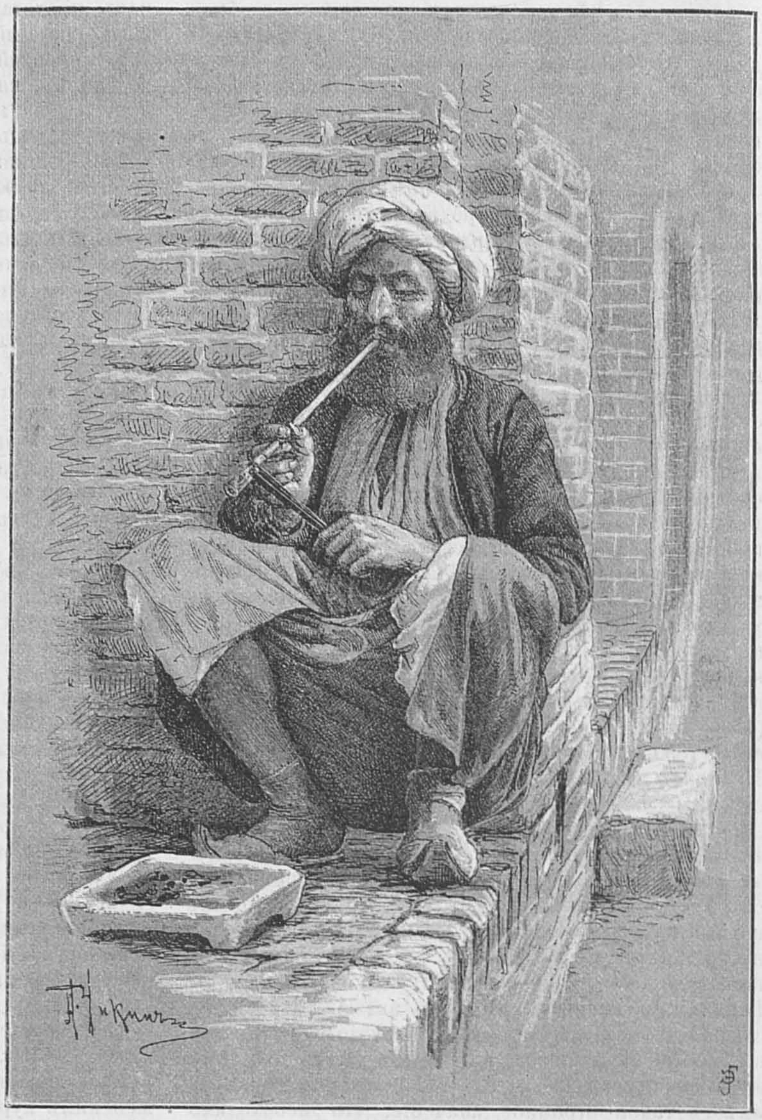
Путевыя замѣтки художника

А. А. ЧИКИНА

Городъ Сунгуръ.

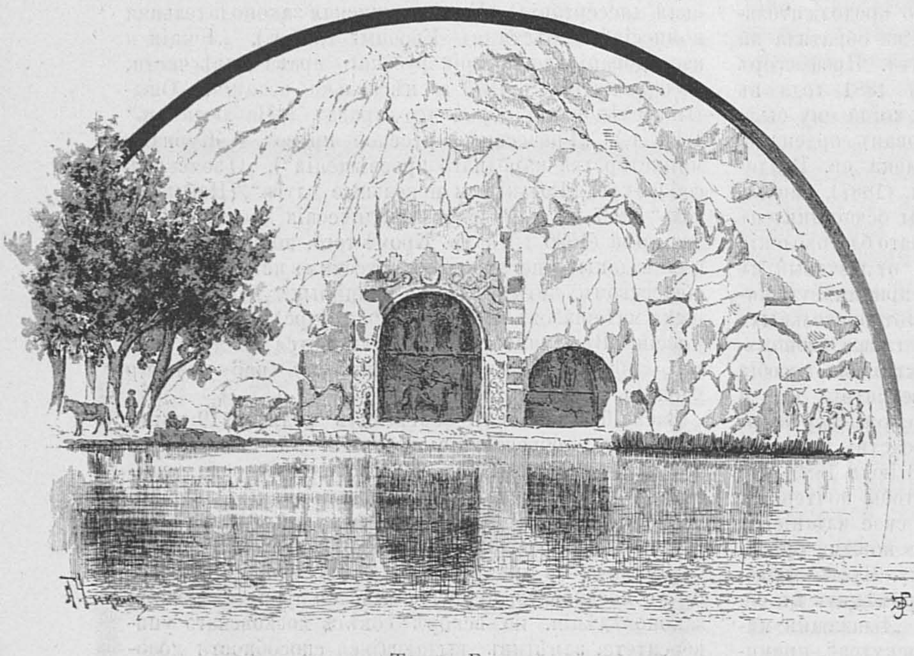
III

Отъ Биджара до Керманшаха считается 6 мензилей (станцій) и стало быть шесть дней пути. Отъ самаго города, изъ котораго мы выѣхали 30-го іюня, дорога идетъ сперва довольно ровная между скалистыхъ вершинъ. Переваливъ черезъ нихъ, мы спустились въ обширную равнину. Горы эти служатъ водораздѣломъ между бассейнами Каспійскаго моря, озера Урміи и Индѣйскаго океана, такъ что, миновавъ неинтересную деревню Алакябудъ и большую курдскую деревню Шигламеринъ, мы переѣхали черезъ небольшую рѣчку съ песчаными берегами, воды которой текутъ въ рѣки, уже впадающія въ рѣку Тигръ.



Курильщикъ опіума.

На привалѣ мы остановились въ деревнѣ Тамурасъ, и здѣсь нашъ проводникъ, носившій мундиръ и саблю и стало быть имѣющій значеніе, тотчасъ же принялся хозяйничать какъ дома, требуя то того, то другаго. Какъ истый сынъ Ирана, онъ разсыпался передъ нами въ лести, бранилъ шаха и въ то же время довольно-таки неловко упрятывалъ въ карманъ нѣсколько кусковъ нашего сахара. Говорилъ онъ пѣвучимъ голосомъ, причемъ съуживающіеся глаза его покрывались маслянымъ блескомъ; при упоминаніи же объ аракѣ онъ совсѣмъ захлебывался, а его глаза превращались въ узенькія щелки. За неимѣніемъ арака онъ послѣ чая сталъ курить опіумъ, для чего хозяйкѣ велѣно было принести жаровню и щипцы, и вслѣдъ затѣмъ появился и снарядъ для куренія. Это — просто патронъ отъ Пибоди-Мартини съ небольшой дырочкой съ боку, насаженный на камышевую трубку. Болѣе зажиточные употребляютъ вмѣсто патрона глиняные небольшіе пузырьки, въ родѣ тѣхъ, что идутъ у насъ для чернилъ. Патронъ или пузырекъ у дырочки слегка нагрѣвается углемъ изъ жаровни, и кусочекъ опія прилѣпляется къ нему какъ разъ возлѣ этой дырочки. Затѣмъ курильщикъ подноситъ къ нему уголь и сперва съ силой выдуваетъ воздухъ черезъ трубку, причемъ опій расплавляется и испаряется отъ жара, а потомъ быстро втягиваетъ эти пары въ себя. Отъ куренія человѣкъ становится точно пьянымъ и записнаго курильщика можно узнать сразу; въ Хамаданѣ мнѣ пришлось видѣть одного дервиша, положительно потерявшаго обликъ человѣческій отъ куренія опія. Въ довершеніе всего нашъ проводникъ сталъ утверждать, что платить за молоко, яйца, кормъ для лошадей и проч. — совершенно напрасно и что хозяева и требовать платы не посмѣютъ, и, вѣроятно, для вящшаго доказательства своихъ словъ, вмѣсто того, чтобы передать деньги хозяевамъ, какъ оказалось потомъ, онъ взялъ ихъ себѣ.

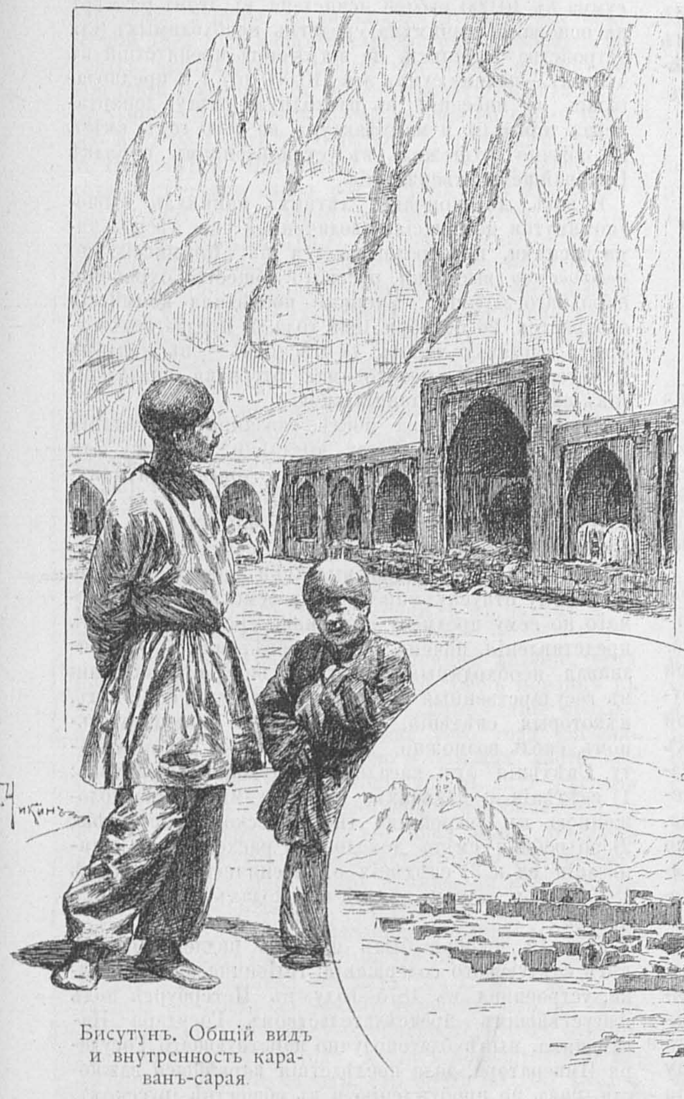


Такъ-и-Бостанъ.

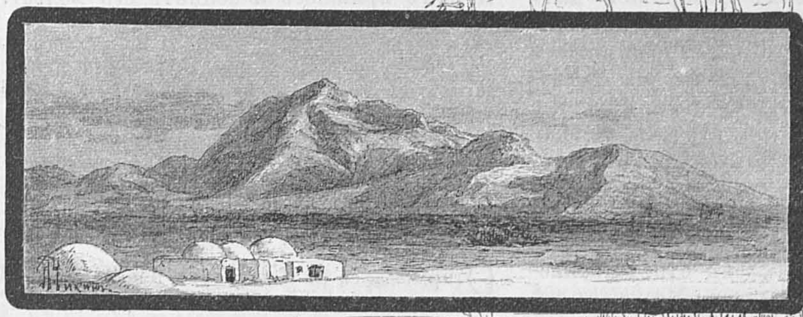
Дорога отъ Тадмураса — скучная, по деревни, какъ, напримѣръ, попавшаяся намъ, Кешмахали, и слѣдующая за ней, Хозръ-Абадъ, гдѣ мы остановились ночевать, имѣютъ довольно своеобразный видъ, какой встрѣчается только въ Ардиланѣ: почти каждый домикъ вѣнчается глинянымъ куполомъ. Въ Хозръ-Абадѣ кромѣ того возвышаются нѣсколько башенъ и изрядная, очевидно, недавно построенная, крѣпость съ дворцомъ владѣльца деревни Хаджи-хана, у котораго мы прогостили цѣлыя сутки.

Ханъ этотъ вовсе не похожъ на Зуль-Факаръ-хана. Это какой-то отставной персидскій генералъ. Онъ не могъ похвалиться своей особенной родовитостью, но зато онъ оказался несравненно цивилизованнѣе и образованнѣе, по своему, конечно, чѣмъ Зуль-Факаръ-ханъ. Влеченіе его къ цивилизаціи на столько сильно, что, несмотря на относительно пожилой возрастъ (хану около 50-ти лѣтъ), онъ учится безъ помощи учителя по француз-

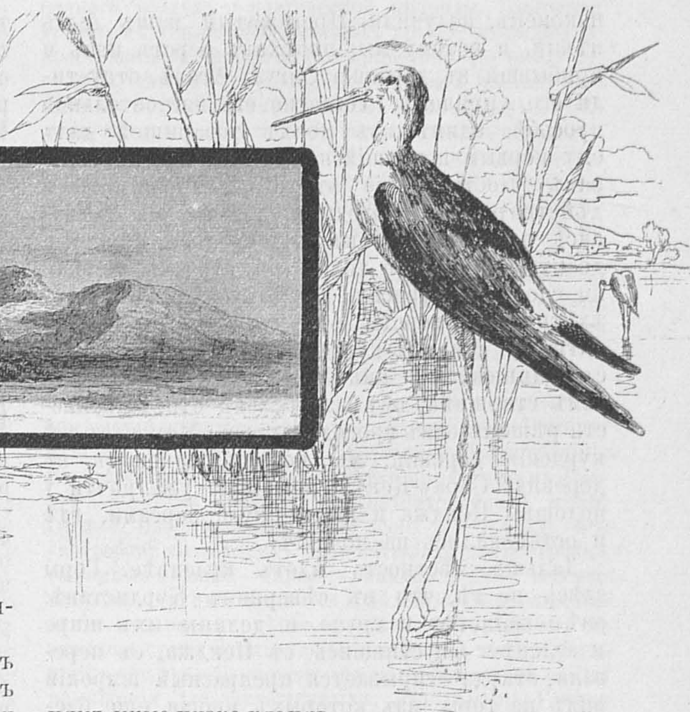
Сассанидскій всадникъ и барельефы въ большомъ гротѣ Такъ-и-Бостана.



Бисутунъ. Общій видъ и внутренность караванъ-сарая.



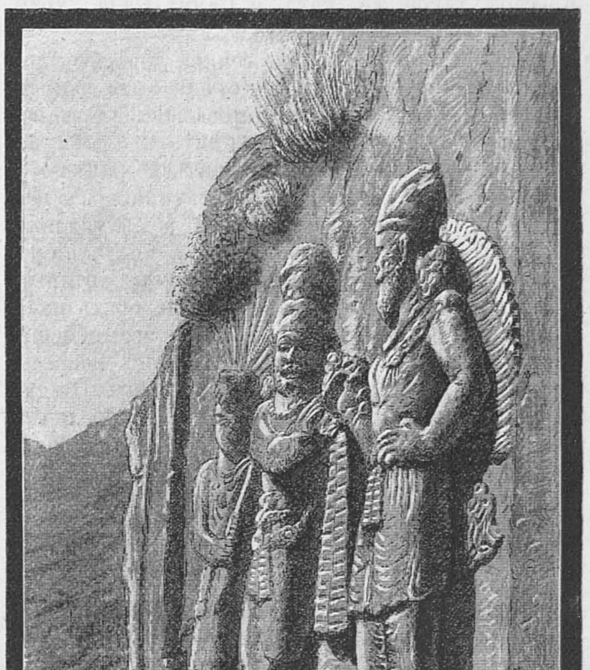
Гора Пенджъ.



ски и сначала пытался было объясняться съ нами на этомъ языкѣ, но, впрочемъ, скоро и оставилъ это, такъ какъ по татарски онъ говоритъ гораздо лучше. Съ ханомъ, какъ другъ и наставникъ, живетъ мулла (ахунъ), завѣдывающій его библіотекой, еще болѣе образованный и весьма любознательный старикъ. Онъ, увидя у насъ карту Персіи, тотчасъ же притащилъ показать намъ свои старыя нѣмецкія и громадныхъ размѣровъ персидскія карты. Потомъ въ другой разъ онъ приволокъ цѣлую кучу разныхъ плохихъ и хорошихъ литографій, гравюръ и лубочныхъ картинъ, больше французскихъ, русскихъ и англійскихъ, и съ любопытствомъ разспрашивалъ главнымъ образомъ о лицахъ, изображенныхъ на портретахъ. У хана есть маленькое собраніе древнихъ монетъ и небольшая, но весьма интересная коллекція печатей и медальоновъ изъ хрусталя и камней, преимущественно ассирійскихъ и древнегреческихъ. За вечернимъ чаемъ онъ показалъ намъ, между прочимъ, имѣющееся у него старинное оружіе. Какъ ханъ, такъ и мулла особенно интересовались христіанскимъ ученіемъ.

Несмотря на уваженіе къ европейцамъ и влеченіе къ цивилизаціи, ханъ все-таки отнюдь, не передѣлываетъ себя въ европейца. Дворецъ его — чисто восточный, выстроенъ недавно и потому сравнивать его съ дворцомъ Зуль-Факаръ-хана нельзя. Такихъ фресокъ и мозаики, какъ у послѣдняго въ отдѣлкѣ комнатъ, здѣсь вовсе нѣтъ; все стараніе строителя было, очевидно, направлено на окна изъ цвѣтныхъ стеколъ, но и тѣ аляповаты и цвѣта подобраны негармонично. Зато всюду здѣсь чистота; по срединѣ двора, между цвѣтовъ, бьетъ фонтанъ, и въ примыкающемъ ко дворцу саду дорожки усыпаны пескомъ. Какъ и у Зуль-Факаръ-хана, у Хаджи-хана — обширный штатъ прислуги, но приживалокъ нѣтъ.

Оставшись у хана, по настоянію его, на цѣлый день, мы на другой день по пріѣздѣ въ Хозръ-Абадъ отправились поутру съ нимъ и муллой посмотрѣть какое-то, по его словамъ, достопримѣчательное мѣсто въ горахъ, верстахъ въ семи отъ деревни. Когда мы вышли, чтобы садиться на коней, мы увидѣли хана въ чистѣйшемъ дорогаго сукна камзолѣ, лакированныхъ сапогахъ и въ бѣлыхъ перчаткахъ. Кромѣ насъ ѣхало еще душъ десять слугъ съ разными ружьями и негръ съ соколомъ: по дорогѣ ханъ думалъ поохотиться. Поѣздка эта для насъ мало представляла интереса; мы только измучили лошадей, стараясь не отставать отъ прекрасныхъ аргамаковъ хана и скача по пашнямъ мимо низко кланявшихся намъ крестьянъ. Взобрались мы на вершину горы, гдѣ ханъ показалъ намъ обрушившіяся скалы во время землетрясенія, потомъ осмотрѣли ничтожный минеральный источникъ и повернули обратно. По дорогѣ ханъ застрѣлилъ большую змѣю и часто пускалъ сокола на подорожниковъ, но птица была довольно-таки лѣнива и затравила



Такъ-и-Бостанъ. Горельефы на скалахъ.

всего только двухъ. Въ этой охотѣ интереснѣе всего было смотрѣть какъ молодецки гарцуетъ сокольничій негръ. Персидскія лошади, вообще, отличаются удивительнымъ галопомъ, такъ что всадникъ совершенно спокойно сидитъ въ сѣдлѣ, но этотъ негръ съ соколомъ на рукѣ казался положительно какъ бы сросшимся съ конемъ.

Распростившись съ Хаджи-ханомъ 2-го іюля, мы поѣхали съ его человѣкомъ дальше. Дорога здѣсь довольно гладкая, и деревня Али-Верди, гдѣ мы останавливались на привалъ, расположена уже на лугу, по которому течетъ рѣка Тальба, образуя маленькія болотца, оживляемыя стаями какихъ-то большихъ куликовъ: только впереди высится скалистая гора Пенджъ и рядомъ съ ней еще покрытая снѣгомъ Бейръ. Въ Али-Верди человѣкъ хана насъ оставилъ, и мы не безъ труда достали себѣ другаго. Только послѣ угрозы, что за невыдачу проводника будетъ отвѣчать вся деревня, мы его,

Барельефъ Дарія Гистаспа въ Бисутунѣ.

наконецъ, получили. Провожатый нашъ былъ пѣшій, и потому мы, проѣхавъ верстъ пять и прибывши въ деревню Олгузъ-Агачъ, отпустили его, причемъ, согласно его настоятельной просьбѣ, одинъ изъ моихъ товарищей далъ ему первый попавшійся исписанный листокъ, какъ удостовѣреніе въ томъ, что онъ насъ дѣйствительно проводилъ. Дальше мы двинулись одни, такъ какъ рѣшительно не могли добиться никакого толка отъ курдовъ, не зная ни слова по курдски. Но не успѣли мы отъѣхать и полуверсты отъ деревни, какъ насъ нагналъ старикъ-курдъ на красивомъ конѣ и съ длиннѣйшей пикой на плечѣ. Это былъ самъ старшина; онъ изъ боязни отвѣтственности рѣшилъ самъ проводить насъ. Миновавъ всѣ курдскія деревни, мы попали, наконецъ, въ деревню Сарау-Кентъ, лежащую уже почти у подошвы Пенджа и населенную персами, гдѣ и остановились на ночлегъ.

Дальше мѣстность идетъ красивѣе. Горы здѣсь не тѣ, что въ сѣверномъ Курдистанѣ: онѣ скалистѣе и круче, и долины ихъ шире и зеленѣе. Спустившись съ Пенджа, съ перевала, откуда открывается прекрасный широкій видъ на горы, изъ которыхъ многія еще блещутъ снѣгами, мы почти все время двигались потомъ по равнинѣ и, какъ ни торопились попасть засвѣтло въ городъ Сунгуръ, но всетаки не доѣхали до него и принуждены были остановиться ночевать въ грозной и пыльной деревушкѣ Хейбетулла, всего верстахъ въ семи отъ Сунгура. На другой день, т. е. 6-го іюля, въ 6-мъ часу утра, мы увидѣли впереди довольно порядочный городокъ, расположенный въ равнинѣ и окруженный садами. Сунгуръ-Кассаба такой же, какъ и Саинъ-Кала, хотя гораздо больше послѣдняго.

Здѣсь мы, не желая во всякой деревнѣ хлопотать о проводникахъ, захотѣли было нанять себѣ человѣка прямо до Керманшаха. Однако, несмотря на предложенную цѣну, 2 крана въ сутки, никто не хотѣлъ заявиться раньше у сартиба. Тогда мы опять обратились къ начальству, которое, разумѣется, не замедлило обѣщать содѣйствіе, но тутъ съ полученіемъ провожатаго вышелъ такой казусъ, который вовсе отбилъ у насъ охоту дальше брать ихъ. Явившійся къ намъ отъ сартиба полицейскій повелъ насъ на базаръ и остановился посреди площади, ожидая самого проводника. Видя, что собравшаяся вокругъ насъ толпа увеличивается, а человѣка все нѣтъ, какъ нѣтъ, мы направили коней къ Диванъ-Хане, и, несмотря на то, что сартибъ въ это время обѣдалъ, товарищъ мой П. вошелъ къ нему и весьма выразительно объяснилъ ему — какъ исполняются его приказанія. Тогда сартибъ велѣлъ самому феррашъ-баши (начальникъ полицейскихъ) и двумъ его помощникамъ немедленно предоставить намъ проводника. Тѣ повели насъ, но уже не на базаръ, а по улицамъ и остановились у одного перекрестка, прося насъ пообождать тутъ. Замѣтивъ же, что мы не расположены долго стоять посреди улицы на солнцепекѣ, полицейскіе вдругъ остановили перваго встрѣчнаго и, несмотря на его громкіе протесты, заставили провожать насъ. И смѣхъ, и горе было видѣть, какъ этотъ, возвращающійся, повидимому, домой, парень принужденъ былъ идти впереди насъ, подгоняемый полицейскими, которые то уговаривали его ласковыми словами, то награждали подзатыльниками. Бѣдняга ревѣлъ благимъ матомъ, бросалъ на землю свою шапку, которую полицейскіе всякій разъ поднимали, и съ отчаяніемъ молилъ отпустить его на минутку домой только переобуться. Выведя насъ за городскія ворота и проводивъ еще немного, полицейскіе, снабдившіе насъ такимъ проводникомъ, вздумали было еще просить у насъ бакшишъ.

Видя, что нашъ, еле тащившійся далеко позади, чичероне не хочетъ снять своихъ башмаковъ, несмотря на то, что дорога ровнехонька, какъ скатерть, а продолжаетъ вопить, призывая Магомета и всѣхъ святыхъ и то швыря свою шапку на землю, то вновь ее поднимая, мы велѣли ему вернуться назадъ. Но проводникъ нашъ заголосилъ еще пуще и, не взирая на неоднократное повтореніе приказанія, не уходилъ отъ насъ. „Отчего же ты не хочешь идти въ городъ?„ спросили мы его. „Да меня тамъ заколотятъ палками, думая, что я ушелъ самовольно!“ слезливо отвѣчалъ онъ и затѣмъ сталъ упрашивать дать ему бумагу, удостовѣряющую, что онъ насъ доставилъ куда слѣдуетъ. И намъ пришлось исполнить его мольбу.

Продолженіе будетъ.

А. Чикинъ.

Гигіеническая выставка

I.

Открывшаяся въ Петербургѣ первая всероссійская гигіеническая выставка, это грандіозное предпріятіе, задуманное русскимъ обществомъ охраненія народнаго здравія по иниціативѣ маститаго предсѣдателя своего Н. Ѳ. Здекауера и покойнаго профессора А. П. Доброславина, потребовала для своего осуществленія нѣсколько лѣтъ усиленной работы общества.

Еще въ апрѣлѣ 1887 года коммиссія изъ профессоровъ-врачей А. П. Доброславина и П. П. Сущинскаго, профессора-инженера В. М. Карловича и академика-архитектора графа П. Ю. Сюзора, которой русское общество охраненія народнаго здравія поручило выработать *проектъ* всероссійской гигіенической выставки, окончила свои труды и доложила о нихъ обществу. Предполагалось, въ случаѣ полученія разрѣшенія отъ правительства, устроить выставку въ теченіе апрѣля, мая и іюня слѣдующаго — 1888 — года. Это — первое указаніе, найденное нами относительно реализаціи мысли объ устройствѣ обще-русской санитарномедицинской выставки. Въ дальнѣйшемъ теченіи обстоятельствъ отмѣтимъ нижеслѣдующія фактическія данныя. 24 марта 1888 года по всеподданнѣйшему докладу покойнаго графа Дм. А. Толстаго ходатайствасостоящаго подъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества великаго князя Павла Александровича русскаго общества охраненія народнаго здравія о разрѣшеніи устроить выставку въ 1889 году и объ открытіи на расходы по ея устройству кредита изъ суммъ государственнаго казначейства Государь Императоръ Высочайше соизволилъ предоставить обществу образовать организаціонный комитетъ для принятія предварительныхъ мѣръ къ открытію выставки. Тогдашній же министръ финансовъ, съ коимъ было сдѣлано сношеніе о возможности оказать пособіе выставкѣ, отозвался, что онъ не находитъ препятствій къ испрошенію въ установленномъ порядкѣ разрѣшенія на внесеніе кредита въ размѣрѣ 10 тысячъ рублей въ расходную смѣту министерства внутреннихъ дѣлъ 1889 года, если къ тому представится возможность по сведеніи государственной росписи на указанный годъ. Однако въ декабрѣ (16-го) того же года бывшій министръ финансовъ И. А. Вышнеградскій вслѣдствіе новаго ходатайства медицинскаго департамента о субсидіи сообщаетъ министру внутреннихъ дѣлъ, что для достиженія равновѣсія въ бюджетѣ на предстоящій годъ представляется положительно необходимымъ имѣть въ виду крайнюю бережливость во всѣхъ вообще назначеніяхъ изъ государственнаго казначейства, почему, при всемъ его желаніи оказать обществу пособіе въ испрашиваемомъ размѣрѣ, онъ лишенъ къ этому возможности. „Но“, добавляется далѣе, „принимая во вниманіе полезную цѣль, преслѣдуемую русскимъ обществомъ охраненія народнаго здравія, я (т. е. министръ финансовъ) не встрѣчалъ бы препятствія къ отпуску въ установленномъ порядкѣ (т. е. черезъ государственный совѣтъ) на устройство выставки пособія только въ размѣрѣ 5000 рублей“.

Вслѣдствіе этого, а также и въ виду того, что за позднимъ временемъ было бы чрезвычайно затруднительно устроить выставку въ 1890 же году, почетный предсѣдатель Е. И. В. в. к. Павелъ Александровичъ, по докладу проф. Здекауера, рескриптомъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ 5 марта 1889 года выразилъ желаніе, чтобы было испрошено: 1) Всемилостивѣйшее Государя Императора соизволеніе устроить гигіеническую выставку въ Петербургѣ не въ 1889 году, какъ было предположено, а въ слѣдующемъ — 1890 — году; 2) отпущенные министромъ финансовъ 5000 рублей обратить, ходатайствомъ черезъ государственный совѣтъ, въ распоряженіе общества кредитомъ на слѣдующій 1890 годъ и 3) къ этимъ 5000 руб. исходатайствовать присоединеніе еще 5000 руб. помѣщенныхъ ихъ въ смѣту министерства внутреннихъ дѣлъ на 1890 годъ. „При осуществленіи“, говорится далѣе, „такого моего ходатайства образованный мною согласно Высочайшему соизволенію организаціонный комитетъ можетъ немедленно приступить къ осуществленію начертанныхъ имъ предварительныхъ мѣръ къ открытію выставки“.

12 мая 1889 года было получено увѣдомленіе, что министръ финансовъ въ виду полезной цѣли, преслѣдуемой обществомъ, и во вниманіе къ засвидѣтельствованію Е. И. В. в. к. Павла Александровича о томъ, что испрашиваемая на расходы по выставкѣ сумма въ 10.000 рублей исчислена въ этомъ размѣрѣ на основаніи минимума средствъ необходимыхъ для устройства выставки, не встрѣчаетъ препятствій къ отпуску,—почему сумма эта (10.000 руб.) и предполагалась ко внесенію въ расходную смѣту департамента торговли и мануфактуръ на 1890 годъ; смѣта же обычно подлежала въ установленномъ порядкѣ Высочайшему утвержденію.

И вотъ, по окончаніи лѣтнихъ каникулъ, вышеупомянутая коммиссія, увеличенная еще нѣсколькими членами, преобразовывается въ „Коммиссію по *устройству* выставки русскаго общества охраненія народнаго здравія“. Впервые послѣдняя коммиссія собирается 26 октября 1889 года и предлагаетъ открыть выставку черезъ 13 мѣсяцевъ — въ декабрѣ 1890 года, и эта необходимая отсрочка оказалась, такъ сказать, провиденціальною.

Черезъ 1½ мѣсяца послѣ сказаннаго засѣданія „коммиссіи по устройству выставки“, именно 5-го декабря, директоръ департамента торговли и мануфактуръ письмомъ на имя профессора Н. Ѳ. Здекауера увѣдомилъ о томъ, что департаментъ государственной экономіи положилъ считать субсидію обществу на устройство выставки назначенною къ условному отпуску впредь до разсмотрѣнія ожидаемаго по сему предмету отъ министерства финансовъ представленія, почему тайный совѣтникъ Беръ, признавая необходимымъ имѣть въ виду, при внесеніи въ государственный совѣтъ представленія объ этомъ, нѣкоторыя свѣдѣнія, и просилъ о безотлагательномъ, сколь возможно, доставленіи ихъ департаменту. Свѣдѣнія эти касались слѣдующихъ пунктовъ: 1) свѣдѣнія о задачахъ, преслѣдуемыхъ предположенною къ устройству гигіеническою выставкою; 2) подробная смѣта доходовъ и расходовъ по организаціи ея и 3) свѣдѣнія о гигіенической выставкѣ 1875 года и въ томъ числѣ о доходахъ и расходахъ по ней.

Уже 12 декабря былъ посланъ надлежащій отвѣтъ слѣдующаго содержанія: гигіеническая выставка, устроенная въ 1875 году въ Петербургѣ подъ Августѣйшимъ предсѣдательствомъ Государя Наслѣдника, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, дала послѣдствія первѣйшей важности, какъ по пробужденію и въ обществѣ русскомъ, и въ администраціи стремленія къ борьбѣ съ заразными болѣзнями и къ созданію совершенно невѣдомаго до тѣхъ поръ санитарнаго строя, такъ и по созданію самаго русскаго общества охраненія народнаго здравія и обошлась до 30.000 рублей. Почти половина этой суммы была затрачена на перевозку предметовъ выставки изъ Петербурга въ Брюссель и обратно, а равно и на посылку делегатовъ. Необходимо добавить, что немало денегъ было поглощено и извѣстною роскошью устройства русскаго отдѣла брюссельской всемірной выставки, такъ что только около 15.000 рублей было издержано на устройство и веденіе дѣла выставки въ Петербургѣ. Что же касается предполагаемой къ открытію гигіенической выставки въ концѣ 1890 года или только даже въ 1891 году (вслѣдствіе неожиданной кончины главнаго организатора, профессора А. П. Доброславина), то таковая имѣетъ въ виду достиженіе слѣдующихъ трехъ задачъ:

1) Выставка должна содѣйствовать администраціи въ болѣе наглядныхъ и непосредственныхъ формахъ къ ознакомленію съ истиннымъ санитарнымъ состояніемъ различныхъ мѣстностей Россіи.

2) Путемъ возможно болѣе цѣлесообразнаго и систематическаго порядка экспозицій и сопровождающихъ ихъ объясненій выставка должна провести въ массы истинное понятіе о гигіенѣ и ея мѣропріятіяхъ.

3) Установленіемъ правильной оцѣнки и вознагражденія экспонентовъ выставка можетъ вызвать соревнованіе между ними и поощрить производство въ области санитарныхъ приспособленій.

Такимъ образомъ выставка можетъ служить цѣлямъ административнымъ, педагогическимъ и торговопромышленнымъ.

Смѣта была исчислена въ 12.500 рублей.

23 апрѣля 1890 года Н. Ѳ. Здекауеръ увѣдомляетъ письмомъ покойнаго профессора И. Е. Андреевскаго о разрѣшеніи правительственной субсидіи въ 10.000 рублей на гигіеническую выставку (распоряженіе департамента торговли и мануфактуръ о выдачѣ обществу денегъ было сдѣлано нѣсколько позднѣе, 13 іюня) и высказываетъ мысль о необходимости пересмотра программы выставки, составленной покойнымъ А. П. Доброславинымъ.

7 іюня 1890 года въ помѣщеніи Краснаго Креста состоялось засѣданіе членовъ общества совмѣстно съ делегатами и уполномоченными отъ министерствъ и разныхъ учрежденій — для обсужденія вопроса объ устройствѣ всероссійской гигіенической выставки. Большинство присутствовавшихъ (24 голоса изъ 42) высказалось объ отсрочкѣ выставки на два года.

19 іюля того же года Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ Всемилостивѣйше соизволилъ отсрочить выставку на два года. Однако выставка не открылась и въ 1892 году и вотъ почему: на IV съѣздѣ русскихъ врачей, гдѣ, въ Москвѣ, собралось около 1.500 вра-

чей, члены съѣзда, узнавъ, что общество охраненія народнаго здравія предполагаетъ открыть выставку весной 1892 года, ходатайствовали черезъ бывшаго на съѣздѣ предсѣдателя своего, врачебнаго инспектора заведеній Императрицы Маріи, приватъ-доцента В. В. Сутугина объ отсрочкѣ выставки еще на одинъ годъ, ибо въ 1893 г. имѣлъ собраться V врачебный съѣздъ въ Петербургѣ. Вслѣдствіе этого совѣтъ общества ходатайствовалъ снова объ отсрочкѣ, на что 28 февраля 1891 года и было получено Высочайшее соизволеніе. Къ сожалѣнію, доброе желаніе организаторовъ выставки все-таки осталось не осуществившимся и одновременная организація съѣзда врачей была не во власти этихъ организаторовъ; откладывать же еще разъ открытіе выставки оказалось совершенно невозможнымъ, почему совѣтомъ общества 4-го марта прошлаго 1892 года и было постановлено — ни въ какомъ случаѣ не измѣнять времени открытія выставки.

Не меньшее количество самыхъ разнообразныхъ препятствій встрѣчалось во время организаціи выставки и по различнымъ другимъ вопросамъ, но и изъ изложеннаго ясно видно какъ трудно, какъ тяжело было поднять на ноги это гигантское предпріятіе у насъ, въ Россіи, — предпріятіе, собравшее въ возможную систему сотни экспонентовъ и десятки тысячъ экспонатовъ, направленныхъ къ охранѣ жизни и здоровья населенія.

Еще рѣзче выдвинется отмѣченное явленіе, если припомнить, что, напримѣръ, когда въ Берлинѣ въ 1882 году сгорѣло почти до тла какъ зданіе предполагавшейся къ открытію 16 мая того года гигіенической выставки, такъ равно и большая часть выставленныхъ уже экспонатовъ, то, въ виду рѣшенія центральнаго комитета выставки о возобновленіи ея и принятіи мѣръ, чтобы выставка была отложена всего на одинъ годъ, она дѣйствительно и открылась, въ присутствіи наслѣднаго принца, 12 мая слѣдующаго — 1883 — года. На сколько былъ громаденъ интересъ, возбужденный сказанною берлинскою выставкою, видно хотя бы изъ того, что въ теченіе 158 дней, когда была выставка открыта (съ 12 мая по 15 октября), ее посѣтило 844.997 человѣкъ или, въ среднемъ, по 5.601 человѣку ежедневно. Доходъ берлинской выставки 1883 года достигъ поразительной величины—1.267.186 марокъ, или почти 600.000 рублей по нынѣшнему курсу; расходъ простирался приблизительно до той же величины, и въ остаткѣ получилось 1.491 марка. Такимъ образомъ весь оборотъ берлинской выставки былъ много болѣе милліона рублей (2.532.881 марка).

Еще большаго успѣха въ слѣдующемъ году достигла лондонская (правда — международная) гигіеническая выставка, открытая въ теченіе 5½ мѣсяцевъ — съ 8 мая по 30 октября. Общее количество ея посѣтителей простиралось до 41.670.000 человѣкъ, или, среднимъ числомъ, по 27.000 человѣкъ ежедневно. Описаніе выставки составило 20 большихъ томовъ.

Тайна такихъ успѣховъ, какъ намъ кажется, заключается почти всецѣло въ томъ, что устраивавшіе выставки комитеты старались удовлетворить посѣтителей всякаго рода. Такъ въ Берлинѣ массу публики особенно поражала дѣйствительно очень эффектная выставка несгораемой одежды: за витриной представлена была молодая заснувшая женщина; на шлейфъ ея платья опрокинулась лампа; керосинъ загорѣлся (и постоянно поддерживался горящимъ), но не въ состояніи былъ зажечь легкое газовое платье.

Съ другой стороны, прусское правительство, конечно, не въ виду этой эффектной картины, сознавая пользу, которую могло принести посѣщеніе гигіенической выставки въ Берлинѣ не только публикѣ, но даже и спеціалистамъ-врачамъ, постановило тогда, что окружные врачи (по одному изъ каждаго округа), которые пожелали бы посѣтить выставку, получать пособіе на путевыя издержки.

Справедливость требуетъ здѣсь же отмѣтить, что упоминавшаяся выше знаменитая для Россіи брюссельская выставка по гигіенѣ и спасанію погибающихъ и организованная по преимуществу центральнымъ королевскимъ обществомъ спасанія погибающихъ въ Бельгіи (Société royale et centrale des sauvateurs de Belgique) въ 1876 году была проектирована первоначально еще въ 1871 году. Тогда въ „русской коммиссіи" предсѣдательствовалъ маститый ветеранъ нашей медицины, профессоръ Н. Ѳ. Здекауеръ, подъ чьимъ предсѣдательствомъ состоитъ въ настоящее время и русское общество охраненія народнаго здравія.

Каковы же силы вновь открывшейся первой всероссійской гигіенической выставки?

Уже выше, излагая кратко исторію организаціи выставки, мы отмѣтили нѣкоторые моменты, до извѣстной степени могущіе служить къ уясненію этого вопроса. Еще рельефнѣе выдвинется отвѣтъ, когда мы обратимъ вниманіе на смѣту выставки, составленную бюро въ 1891 году и тогда же утвержденную особымъ комитетомъ выставки, состоящей подъ Августѣйшимъ покровительствомъ почетнаго предсѣдателя русскаго общества охраненія народнаго здравія, Его Императорскаго Высочества великаго князя Павла Александровича.

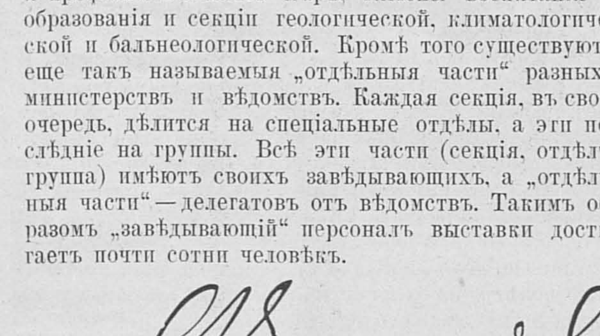
Такъ, обращаясь къ этой второй смѣтѣ, мы видимъ, что приходъ выставки здѣсь исчисленъ уже въ 43.000 рублей, т. е. въ 3½ раза больше, чѣмъ по первоначальной смѣтѣ. По статьямъ приходъ распадался по этой смѣтѣ слѣдующимъ образомъ: правительственная субсидія 10.000 рублей, плата съ экспонентовъ за мѣста 20.000 рублей, 10-типроцентный сборъ съ проданныхъ вещей 2.500 рублей, входная плата 8.000 рублей, отъ продажи каталога и за ресторанъ по 1.000 рублей и отъ продажи вещей, оставшихся послѣ выставки, 500 рублей. Расходъ предполагался: на устройство, приспособленіе и содержаніе въ чистотѣ выставочныхъ помѣщеній — 19.850 рублей; на помощь ученымъ обществамъ, учрежденіямъ и лицамъ, кои пожелаютъ представить чисто научные предметы — 5.100 рублей; на телеграфъ, телефонъ, почту, канцелярскіе расходы и проч. — 2.700 рублей; на изданіе программъ выставки и ея каталога 2.520 рублей; на музыку — 1.000 рублей и т. д.

Въ настоящее время подъ выставку отведено, помимо Михайловскаго манежа съ прилегающими къ нему скверомъ и плацемъ, еще рядомъ находящійся небольшой казачій манежъ, а также городской садъ и улица (площадь), отдѣляющая послѣдній отъ манежа. Въ общей сложности выставка будетъ занимать около 4.000 квадр. саж., какъ то видно изъ прилагаемаго при семъ маленькаго плана всей этой мѣстности. О приблизительныхъ размѣрахъ выставки можно составить себѣ нѣкоторое понятіе, если припомнить, что наши обычно устраиваемыя въ Соляномъ Городкѣ выставки располагаютъ не болѣе 500 квадр. саж., т. е. почти въ 8 разъ меньшимъ пространствомъ.

Выставка находится въ общемъ вѣдѣніи учрежденной обществомъ коммиссіи и въ ближайшемъ завѣдываніи комитета посредствомъ распорядительнаго органа — бюро выставки.

Коммиссія состоитъ изъ почетныхъ членовъ общества и почетныхъ членовъ выставки и всѣхъ лицъ, принимающихъ участіе въ секціяхъ, отдѣлахъ и группахъ выставки. Комитетъ состоитъ изъ предсѣдателей и товарищей предсѣдателей секцій выставки, членовъ бюро, завѣдывающихъ отдѣльными частями, и совѣта общества. Бюро состоитъ изъ 17 избранныхъ обществомъ лицъ, а именно: предсѣдателя академика графа П. Ю. Сюзора, секретарей: д-ра В. П. Верекундова и инженеръ-капитана В. П. Стаценко и членовъ: проф. А. А. Веденяпина, д-ра А. С. Вирениуса, проф. А. П. Діанина, д-ра И. А. Дмитріева, д-ра С. Э. Крупина, пр.-доц. д-ра А. А. Липскаго, главнаго фабричнаго инспектора Я. Т. Михайловскаго, проф. д-ра Е. В. Павлова, проф. д-ра Ѳ. И. Пастернацкаго, пр.-доц. д-ра С. А. Попова, д-ра С. А. Розанова, д-ра И. М. Тарновскаго, д-ра К. А. Шенка и проф. д-ра С. В. Шидловскаго.

На выставкѣ, сообразно дѣленію общества охраненія народнаго здравія, существуютъ секціи: біологическая, санитарной и медицинской статистики, эпидеміологіи и медицинской географіи, гигіены населенныхъ мѣстъ, общественныхъ зданій и промышленныхъ заведеній, гигіены питанія, одежды, поддержанія чистоты и дезинфекціи, больничнаго дѣла и профилактическихъ мѣръ, гигіены воспитанія и образованія и секціи геологической, климатологической и бальнеологической. Кромѣ того существуютъ еще такъ называемыя „отдѣльныя части" разныхъ министерствъ и вѣдомствъ. Каждая секція, въ свою очередь, дѣлится на спеціальные отдѣлы, а эти послѣдніе на группы. Всѣ эти части (секція, отдѣлъ, группа) имѣютъ своихъ завѣдывающихъ, а „отдѣльныя части" — делегатовъ отъ вѣдомствъ. Такимъ образомъ „завѣдывающій" персоналъ выставки достигаетъ почти сотни человѣкъ.

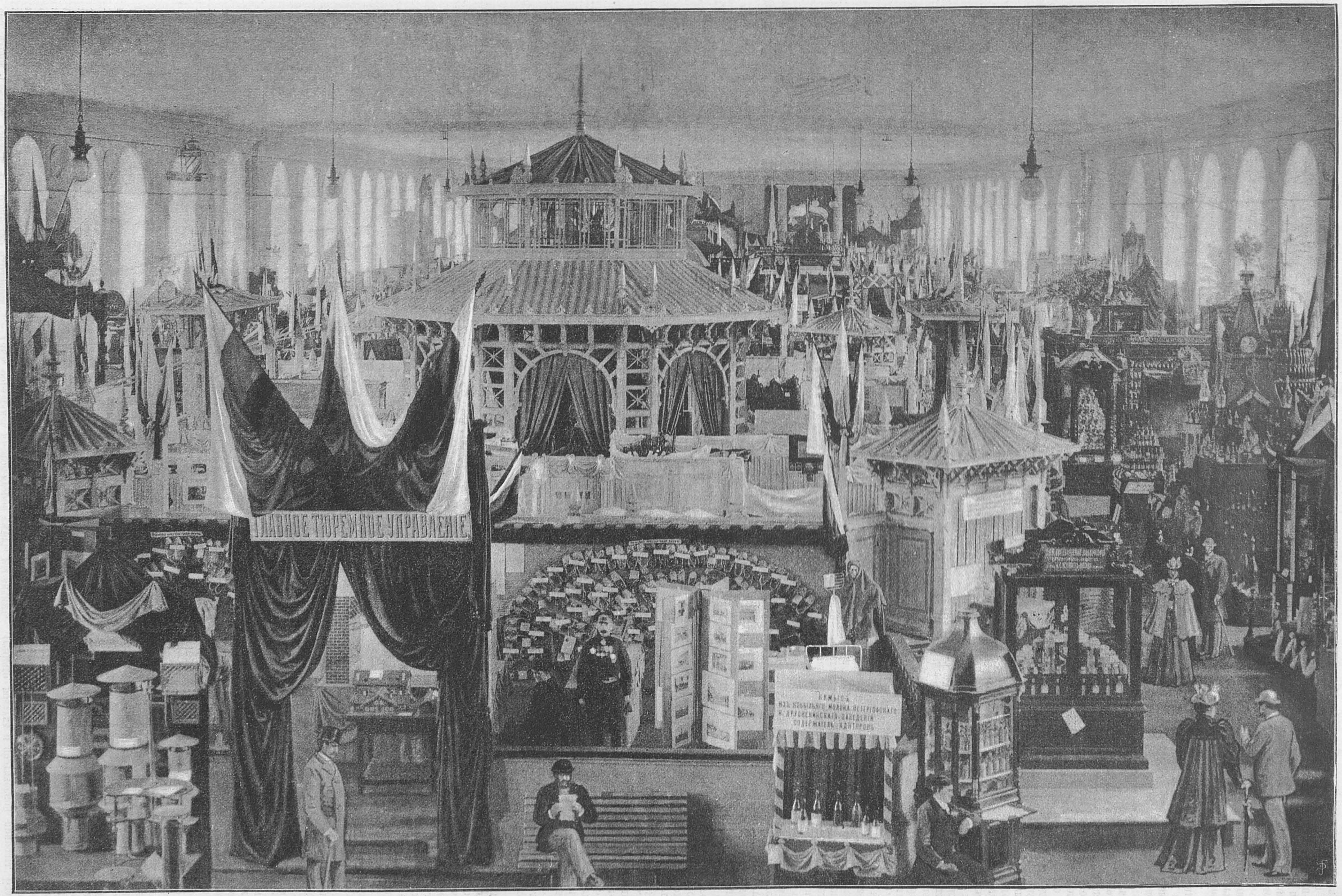


Идеальная тюрьма

Не разъ уже раздавались жалобы на излишнюю сантиментальность, которую въ наше время многіе проявляютъ къ преступникамъ. Въ образованныхъ странахъ все увеличивается число людей и даже цѣлыхъ филантропическихъ обществъ, которые задачею всей своей жизни и дѣятельности поставили благоденствіе преступниковъ, содержимыхъ въ тюрьмахъ. Планы и устройства тюремныхъ зданій, нормы пищеваго довольствія арестантовъ, климатическія условія мѣстъ ссылки — всѣ эти вопросы, во всѣхъ ихъ мельчайшихъ подробностяхъ, служатъ предметами такого заботливаго разслѣдованія и обсужденія, какъ будто дѣло идетъ не объ отверженныхъ членахъ общества, а о его возлюбленнѣйшихъ дѣтищахъ. Если дать волю любвеобильному сердцу филантроповъ, то арестанты уже давно бы жили во дворцахъ, гдѣ нибудь въ Сорренто или Біаррицѣ, среди благораствореннаго воздуха и поэтической природы. Благодаря дружнымъ усиліямъ преданныхъ друзей, житье-бытье арестованнаго человѣчества приведено въ такое состояніе, что любой европейскій солдатъ позавидуетъ многимъ острожникамъ. Со всѣмъ безпредѣльнымъ пыломъ, который свойственъ чувствительнымъ сердцамъ, филантропы быстро перешагнули за предѣлы допустимой по отношенію къ арестантамъ гуманности и создали такой порядокъ вещей, при которомъ стало возможно возникновеніе множества истыхъ любителей „сидѣнія" въ тюрьмахъ, въ прекрасно вентилированныхъ просторныхъ и свѣтлыхъ покояхъ, на казенныхъ хлѣбахъ, въ блаженнѣйшемъ бездѣйствіи, въ абсолютной беззаботности по вопросу о кускѣ насущнаго хлѣба. Тюрьма стала привлекать въ такой же мѣрѣ, въ какой она когда-то ужасала.

Не знаемъ, что скажутъ филантропы о тюремномъ помѣщеніи новаго образца, снимокъ съ котораго мы помѣщаемъ въ этомъ нумерѣ „Всемірной Иллюстраціи". Изображенныя на рисункѣ клѣтки придуманы въ Америкѣ, и авторъ проекта, уже патентованнаго, нѣкто Глафке. Изобрѣтатель прежде всего забраковалъ всѣ употреблявшіеся до сихъ поръ матеріалы для постройки тюремныхъ зданій—кирпичъ, камень, дерево: все это непрочно, хрупко, поддается долбленію, сверленію, пиленію, а главное терпѣнію арестанта, котораго ему не занимать стать. Зданіе тюрьмы, конечно, можетъ быть построено изъ обыкновенныхъ матеріаловъ, но самыя помѣщенія для заключенныхъ, ихъ камеры, Глафке строитъ изъ желѣза. Но развѣ нельзя перепилить желѣзо! воскликнутъ лица, не посвященныя въ техническую суть проекта Глафке. Конечно, можно и очень легко, но ни какой другой матеріалъ, кромѣ желѣза, не дастъ возможности къ устройству такого остроумнаго приспособленія, которое Глафке придумалъ въ предупрежденіе бѣгства заключенныхъ. Дѣло въ томъ, что остроумный изобрѣтатель строитъ свои тюремныя камеры-клѣтки не изъ стержней, а изъ полыхъ трубъ, конечно, достаточной прочности. Всѣ части камеры устроены изъ такихъ трубъ—стѣны, полъ, потолокъ, двери, и всѣ трубы своими внутренними полостями сообщаются между собою безъ малѣйшаго перерыва, такъ что вся масса трубъ, расположенныхъ во всемъ тюремномъ зданіи, имѣетъ какъ бы одинъ общій сквозной каналъ: если вдунуть воздухъ въ одинъ конецъ этого канала, то воздухъ обойдетъ всѣ до единой трубы, входящія въ составъ стѣнъ, половъ и потолковъ камеръ, и выйдетъ на другомъ концѣ этой длинной системы трубъ. Глафке, впрочемъ, пропускаетъ по этимъ трубамъ не воздухъ, а воду. Зачѣмъ? Да, прежде всего, въ удобствахъ самихъ арестантовъ; съ этой стороны филантропы могутъ быть совершенно спокойны. Вѣдь по трубамъ можно пропускать по произволу воду какой угодно температуры—горячую, теплую, холодную. Зимою, въ морозы, пустите по стѣнкамъ клѣтки горячую воду, и заключеннымъ будетъ тепло, гораздо теплѣе, чѣмъ милліонамъ живущихъ на свободѣ бѣдняковъ, у которыхъ въ это время зубъ на зубъ не попадетъ. Въ лѣтній зной пустите по трубамъ холодную воду—и арестантамъ позавидуетъ любой милліонеръ, которому у себя въ раззолоченныхъ палатахъ неудобно устроить такой холодильникъ. Филантропы могутъ еще возразить, что безчеловѣчно выставлять такимъ образомъ человѣка на видъ, подобно дикому звѣрю. Но кто же мѣшаетъ задѣлать стѣнки камеры полотномъ, листовымъ желѣзомъ или другимъ кроющимъ матеріаломъ? Отъ этого не утратится главное достоинство системы Глафке. А самая суть этой системы заключается въ чрезвычайномъ затрудненіи побѣга и въ легкости контроля. Эта главная цѣль достигается весьма остроумнымъ способомъ. Вода пропускается по трубамъ подъ извѣстнымъ давленіемъ, которое очень легко регулировать насосомъ, поставленнымъ гдѣ нибудь въ сторонѣ; хорошій манометръ, поставленный въ центральномъ пунктѣ тюрьмы, гдѣ сосредоточенъ надзоръ за всѣмъ зданіемъ, будетъ служить для провѣрки этого давленія; къ стрѣлкѣ манометра легко приспособить электрическій звонокъ, который въ случаѣ уменьшенія давленія будетъ мгновенно давать объ этомъ знать. Теперь вообразите себѣ, что кто нибудь изъ арестантовъ вздумаетъ уйти изъ тюрьмы, перепиливши стальною пилкою (это не будетъ особенно трудно) загородки своей камеры. Какъ только пилка пройдетъ сквозь стѣнку трубки *въ любомъ мѣстѣ*, оттуда тотчасъ брызнетъ струя воды; въ тотъ же моментъ давленіе воды *мгновенно понизится* по всей системѣ трубъ и манометръ не замедлитъ сообщить объ этомъ оглушительнымъ звонкомъ. По этому звону часовые тотчасъ кинутся осматривать камеры и не замедлятъ въ одной изъ нихъ открыть фонтанъ, бьющій изъ перепиленной трубы.

Такая система сулитъ огромную пользу не только при сохраненіи людей, которыхъ надлежитъ оберегать отъ нездоровой для нихъ и окружающихъ свободы, но и для сохраненія цѣнностей. Въ самомъ дѣлѣ, клѣткамъ системы Глафке можно смѣло отдать предпочтеніе передъ современными несгораемыми сундуками; послѣдніе можно и унести, и пробуравить постепенно, а съ клѣтками Глафке ничего подобнаго свершить не удастся; предательскій звонокъ манометра будетъ извѣщать о малѣйшемъ нарушеніи



Видъ выставки со стороны, выходящей на Инженерную улицу.

С.-Петербургъ. — Первая всероссійская гигіеническая выставка.

Общій видъ выставки со стороны главнаго входа на Манежной площади.

С.-Петербургъ. — Первая всероссійская гигіеническая выставка.

цѣлости казнохранилищъ. Надо полагать, что банкирскія учрежденія обратятъ серьезное вниманіе на это изобрѣтеніе.

Истокъ Волги

Къ этюдамъ И. И. Шишкина

Въ этомъ нумерѣ „Всемірной Иллюстраціи" читатели найдутъ снимки съ двухъ новыхъ этюдовъ знаменитаго русскаго пейзажиста. О ихъ художественномъ достоинствѣ считаемъ вполнѣ излишнимъ распространяться; наши похвалы ничего не прибавили бы къ прочно установившейся славѣ артиста, давно уже ставшаго во главѣ русской ландшафтной живописи. Но мѣстность, представляемая на этихъ этюдахъ, вполнѣ заслуживаетъ вниманія каждаго русскаго, для котораго дорого все, что касается великой рѣки, протекающей безконечною широкою полосою по самымъ оживленнымъ мѣстамъ русской земли, рѣки, занявшей почетное мѣсто въ безчисленныхъ сказаніяхъ народа и въ произведеніяхъ нашихъ поэтовъ. Волга отъ истока до моря тянется на протяженіи почти 3½ тысячъ верстъ. Огромное большинство народа знаетъ только „широкую" Волгу средняго и нижняго теченій; начало рѣки, самый верхній ея участокъ, мало извѣстны публикѣ; иногда въ учебникахъ географіи говорится, что Волга вытекаетъ изъ озера Селигера, что уже совершенно неосновательно. Другіе, лучше освѣдомленные, составители учебниковъ глухо говорятъ о какихъ-то „болотахъ тверской губерніи", изъ которыхъ беретъ начало Волга; это, конечно, вѣрно, но о самыхъ болотахъ и мѣстности, гдѣ они находятся, публикѣ все-таки почти ничего неизвѣстно. Пользуясь теперь случаемъ при помѣщеніи снимковъ съ этюдовъ Шишкина, мы кстати сообщимъ достовѣрныя свѣдѣнія и о мѣстности, гдѣ эти этюды писаны, т. е. объ истокахъ Волги. Для того, чтобы попасть въ эту мѣстность, надо остановиться на станціи Вышній Волочокъ, Николаевской желѣзной дороги, и отсюда направиться въ Осташковъ, лежащій на озерѣ Селигерѣ. Отсюда на пароходѣ по озеру можно добраться до деревни Подгорья, лежащей въ западной вѣтви Селигера, въ 25 верстахъ отъ Осташкова; изъ Подгорья, на лошадяхъ, слѣдуетъ направиться черезъ Ревеницы въ маленькую деревеньку, которой самое названіе — „Волгино-Верховье" — указываетъ на ея мѣстоположеніе; эта деревенька находится по прямому направленію верстахъ въ 10, а съ объѣздами въ 15—18 верстахъ отъ Подгорья. Мѣстность тутъ волнистая, вся покрытая небольшими холмами, составляющими ту вѣтвь Валдайскихъ горъ, которая получила свое названіе отъ деревни Ревеницъ. Деревенька Волгино-Верховье расположена на открытомъ бугрѣ, со всѣхъ сторонъ окруженномъ лѣсами и болотами. Къ югу отъ деревни, у подножія холма, на которомъ она раскинулась, лежитъ топкое болотце, поросшее осокою, трилистникомъ, калужницею, бѣлокопытникомъ — самое заурядное болото, какими во множествѣ усѣяна вся сѣверная половина Россіи. Это болотце и есть истокъ Волги. Въ одномъ мѣстѣ, посреди болота, виднѣется скромная часовенка, изображенная на этюдѣ Шишкина. Внутри часовни стоитъ въ углу небольшой простой образъ Спасителя, а по серединѣ поставленъ небольшой срубъ, какіе часто ставятъ надъ родниками. Въ срубѣ стоитъ неподвижная красноватая невкусная вода; палка, опущенная въ эту воду, показываетъ глубину аршина въ 1½ и свидѣтельствуетъ о вязкомъ, илистомъ днѣ водоема. Вотъ и все, чѣмъ знаменуетъ себя громадная русская рѣка въ моментъ своего появленія на свѣтъ Божій. Ни въ срубѣ, ни около самой часовни незамѣтно ни малѣйшаго теченія; надо внимательно всматриваться въ топкое болото, чтобы замѣтить, наконецъ, новорожденную Волгу, начинающую тихо ползти черезъ трясину. Черезъ нѣсколько десятковъ саженъ отъ часовни у Волги уже явственно обозначаются и берега, отстоящіе одинъ отъ другаго на 10—20 саженъ, и явственное теченіе; ширина же ея тутъ еще такъ ничтожна, что черезъ рѣчку можно перешагнуть. Въ такомъ миніатюрномъ видѣ рѣка-гигантъ омываетъ деревеньку и вступаетъ наконецъ въ непроходимую густой еловый лѣсъ; здѣсь она опять затеривается въ болотѣ, затянувшемъ всю лѣсную дебрю; и только по выходѣ изъ этого лѣса, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ истока, она, наконецъ, пріобрѣтаетъ извѣстную физіономію, которая даетъ ей право на названіе ручья. Тутъ, съ версту пройдя за лѣсомъ, Волга принимаетъ въ себя и свой первый притокъ, ручей Персянку. Пройдя еще съ версту, рѣчка снова вступаетъ въ ельниковую заросль, потомъ заходитъ въ болотистое озерко Малый Верхитъ, верстъ черезъ пять послѣ того принимаетъ второй свой притокъ — ручей Красный — и заходитъ во второе озерко Большой Верхитъ. Тутъ она все еще даже и не рѣчка, а ручей, потому что черезъ нее очень легко перешагнуть можно большимъ шагомъ или прыжкомъ; но за Большимъ Верхитомъ она уже расширяется и имѣетъ шаговъ 10—12 въ ширину и фута два въ глубину. Здѣсь черезъ нее пришлось, въ мѣстахъ перехода и переѣзда, перекидывать мостики. Одинъ изъ такихъ мостиковъ — истинный первенецъ въ ряду волжскихъ мостовъ — представленъ на другомъ этюдѣ Шишкина. Послѣ того Волга, ставшая уже маленькой рѣчкой, проходитъ озера Стержъ, Овселугъ, Пено и Волго, принимая въ себя на этомъ пространствѣ уже болѣе значительные притоки — Руну, Кудь и Жукопу. Верстахъ въ трехъ за озеромъ Волго, на высокомъ правомъ берегу рѣки, лежитъ деревня Хотошино, а съ версту пониже Хотошина построенъ и знаменитый верхневолжскій бейшлотъ — громадный шлюзъ, который сдерживаетъ весь запасъ вешнихъ водъ, собравшійся въ Волгѣ и озерахъ, черезъ которыя она протекаетъ. Вся эта масса водъ образуетъ такъ называемый верхневолжскій бассейнъ, общею площадью въ 150 квадратныхъ верстъ, съ запасомъ воды въ 28 милліоновъ кубическихъ саженъ сверхъ меженнаго уровня. Здѣсь, за бейшлотомъ, начинается уже настоящая Волга, не прерываемая болѣе ни болотами, ни загражденіями, ни озерами. Отсюда и вплоть до Каспійскаго моря, т. е. на протяженіи около 3.400 верстъ, Волгу можно считать судоходною рѣкою.

М. О.

Спортъ

Народная гребная гонка, устраиваемая ежегодно 15 мая, въ день священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, спб. городскимъ общественнымъ управленіемъ, подъ руководствомъ спб. рѣчнаго яхтъ-клуба, на р. Б. Невѣ, между Троицкимъ и Дворцовымъ мостами, въ этомъ году была перенесена на 17 мая. Въ гонкѣ участвовало 82 судна, раздѣленныхъ на 5 разрядовъ: 1) перевозные ялики съ однимъ гребцомъ и пассажиромъ; 2) частныя шлюпки съ двумя гребцами и однимъ рулевымъ (до 15 фут. длины и 4 ф. ширины); 3) лоцманки съ тремя гребцами, изъ нихъ одинъ за рулеваго; 4) полугички-двойки съ двумя гребцами и рулевымъ (отъ 15 до 18 ф. длины и до 3½ ф. шир.); 5) шлюпки съ коммерческихъ судовъ (лихтеровъ) съ однимъ гребцомъ, вооруженныхъ однимъ весломъ на кормѣ (голланить), и 6) четверки (4 гребца и 1 рулевой). Обмѣръ и запись судовъ, прибывшихъ на состязаніе, и выдача затѣмъ рулевымъ позывныхъ значковъ съ нумерами (особаго цвѣта для каждаго разряда) происходили, какъ и прежде, на пристани Мытнаго перевоза, на Петербургской Сторонѣ. Нальзя не замѣтить при этомъ, что въ нынѣшнемъ году яхтъ-клубъ отступилъ отъ практиковавшагося прежде правила допускать къ обмѣру и къ гонкѣ только тѣ суда, которыя записались заранѣе и притомъ успѣли явиться къ мѣсту до начала обмѣра. Буквальное выполненіе этого правила, кромѣ неизбѣжной путаницы при выкликаніи фамилій записавшихся и назойливыхъ затѣмъ просьбъ почему либо опоздавшихъ, никакой существенной пользы не приносило. Въ этотъ разъ измѣреніе и запись по разрядамъ производились всѣмъ явившимся прямо на мѣстѣ, что значительно упростило дѣло. По окончаніи обмѣра и записи состязующіяся суда переправились къ Троицкому мосту, а яхтъ-клубскій пароходъ „Первенецъ", съ гоночной коммиссіей, помѣстился ниже по Невѣ, противъ Зимней канавки, образуя съ нею створъ. Близь „Первенца" сталъ пароходъ „Буксиръ" съ оркестромъ военной музыки и зрителями. На стартѣ, у Троицкаго моста, находился паровой катеръ „Ждановка" съ членами клуба Ѳ. И. Бергманомъ, А. О. Спреліусомъ и К. О. Гребе. За правильнымъ ходомъ гонки слѣдили гг. Кирилловъ и Богдановъ-Березовскій, переходя то внизъ, то вверхъ по рѣкѣ на паровомъ катерѣ „Комаръ". Передъ началомъ гонки каждаго разряда состязающіяся суда размѣщались въ порядкѣ нумеровъ у буйковъ, спущенныхъ на равномъ разстояніи вдоль Троицкаго моста, причемъ рулевые должны были за нихъ держаться руками въ ожиданіи сигнала съ катера „Ждановка". Не обошлось при этомъ и безъ случайныхъ непріятностей по милости того, что снасти, на которыхъ держались буйки, запутывались у нѣкоторыхъ судовъ у руля и вышибали его изъ петель, такъ что рулить во время гонки для иныхъ несчастливцевъ оказывалось весьма затруднительнымъ. Гонка началась въ 6 час. вечера по пушечному выстрѣлу съ „Первенца". Дистанція внизъ по Невѣ до парохода „Первенецъ" равнялась 1 верстѣ. Первыми пошли ялики. Изъ шести участвовавшихъ въ гонкѣ яличниковъ первымъ прошелъ дистанцію Петръ Михѣевъ (въ 2 мин. 56 сек.), получивъ въ призъ почетный флагъ и 25 руб. денегъ; вторымъ — Иванъ Яковлевъ (2 мин. 58 сек.), получившій второй призъ, 10 руб. Шлюпокъ съ 2 гребцами участвовало 15; изъ нихъ первый призъ, чайный сервизъ съ 12 серебряными ложками и по серебряному брелоку гребцамъ, получилъ Барсуковъ (3 мин. 51 сек.); второй призъ, серебряный подстаканникъ, получилъ А. Дерешъ (3 м. 53 с.), третій — стальные часы — достался И. Матвѣеву (3 м. 54 с.). Изъ двѣнадцати лоцманокъ первый призъ, по 15 руб. рулевому и гребцамъ, получилъ Вѣтчиновъ (3 м. 40 с.), второй, по 10 руб., получилъ Улитинъ (3 м. 40½ с.) и третій, по 5 руб., Силихинъ (3 м. 47 с.). Въ IV разрядѣ шло 28 полугичекъ; изъ нихъ первый призъ получилъ А. Петровъ (3 м. 35 с.), второй призъ — Сикерскій (3 м. 38 с.) и третій — Балтусъ (3 м. 40 с.); призы одинаковые съ выданными во второмъ разрядѣ. Въ V разрядѣ наибольшее умѣнье голланить выказалъ Сивковъ, прошедшій дистанцію въ 5 м. 8 с. и получившій въ видѣ приза 15 руб.; за нимъ слѣдовалъ Силковъ (5 м. 8½ с.), призъ 10 руб., и третьимъ — Дѣдовъ (5 м. 11 с.), призъ 5 р. Въ VI разрядѣ шло 18 четверокъ. Первый призъ получилъ Твердохлѣбовъ, судно котораго прошло дистанцію въ 3 м. 3 с., второй призъ — Николаевъ (3 м. 7 с.) и третій — Дребезговъ (3 м. 7½ с.). Гонка окончилась въ 7 ч. 5 м. вечера. Раздачу призовъ, сопровождаемую тушемъ и рукоплесканіями, производилъ у пристани противъ Мошкова переулка начальникъ рѣчной полиціи Васенко, послѣ чего музыка сыграла народный гимнъ. Прекрасная погода, благопріятствовавшая гонкѣ, собрала на набережной Невы и на Троицкомъ мосту массу зрителей, шумно выражавшихъ свое сочувствіе участникамъ гонки. Одобрительные клики особенно усилились во время гонки четверокъ, изъ которыхъ многія дѣйствительно заслуживали похвалы какъ за внѣшній видъ гребцовъ, такъ и ихъ стройную греблю.

Интересно, что ялики проходили дистанцію скорѣе, чѣмъ суда болѣе длинные, напримѣръ четверки.

Отчего бы городу не устраивать такихъ гонокъ чаще? Помимо интереса, который они возбуждаютъ въ зрителяхъ, подобныя гонки принесли бы и несомнѣнную пользу въ томъ отношеніи, что, заставляя участниковъ во время приготовленій къ ней чаще упражняться и, слѣдовательно, пріобрѣтать большую опытность на водѣ, они тѣмъ самымъ много способствовали бы уменьшенію несчастныхъ случаевъ, происходящихъ почти всегда отъ неумѣнія.

Гонка рыбачьихъ судовъ въ Стрѣльнѣ, назначенная въ лѣтней программѣ спб. паруснаго кружка, состоялась въ воскресенье, 16-го мая. Изъявило желаніе участвовать въ гонкѣ болѣе 30 судовъ, но явилось только 26. Рыбаки не постоянные жители Стрѣльны, а крестьяне тверской губ., осташковскаго уѣзда, только на лѣто пріѣзжающіе въ Стрѣльну, гдѣ для нихъ выстроенъ особый домъ-казарма. Суда ихъ типа соймъ съ двумя мачтами, вооруженныя двумя четыреугольными шпринтовными парусами, безъ кливера, снабжены люками для рыбы. Гонку предполагалось начать пораньше, но рыбаки потребовали дождаться окончанія обѣдни, и она началась въ 1 ч. дня. Дистанція, отъ пристани до поворотнаго судна (катеръ съ таможеннаго крейсера „Кречетъ") и вокругъ самого „Кречета", равнялась приблизительно 5-ти верстамъ. Дувшій во время гонки NW средней силы, заставляя ходить въ лавировку, не особенно былъ по вкусу рыбакамъ, предпочитающимъ по устройству ихъ судовъ лишь полные вѣтры; по причинѣ ихъ малой парусности, которую они усердно смачивали водой, вѣтеръ посильнѣе былъ бы имъ во всякомъ случаѣ желательнѣе. Первый призъ — серебряную кружку отъ общества рыболовства и рыбоводства, получилъ Дм. Ивановъ, сдѣлавшій дистанцію на суднѣ „Обновка" въ 32 м. 14 сек.; второй призъ, 25 р., получилъ Ник. Самрякъ (33 м. 20 с.), затѣмъ получили призы: Вас. Курочкинъ (33 м. 40 с.) 15 р., Мих. Самрякъ (33 м. 41 с.) 10 р., Игн. Сидоровъ (33 м. 46 с.) 5 р. и Ал. Сидоровъ (36 м. 8 с.) 3 р. Кромѣ того имъ были розданы національные флаги со значкомъ кружка и съ цифрою года на каждомъ. Изъ остальныхъ участвовавшихъ въ гонкѣ рыбакъ Савва Степановъ получилъ 10 р. за лучшее содержаніе и вооруженіе судна, на которое имъ для гонки были сшиты новые паруса. Гоночную коммиссію составляли гг. Н. В. Виноградовъ (предсѣдатель учрежденнаго въ Стрѣльнѣ отдѣленія спб. паруснаго кружка), Н. А. Фелькнеръ и В. О. Фанъ-деръ-Флиттъ, а судьями были В. Н. Веретенниковъ, К. А. Бено, командиръ „Кречета" лейтенантъ Миклашевской и Ниссенъ.

Шуваловское гребное общество „Фортуна" праздновало въ понедѣльникъ, 17-го мая, открытіе своей пятой навигаціи. Послѣ церемоніи поднятія флага, на которой присутствовало много гостей и представителей другихъ обществъ, состоялась прогулка по Шуваловскому озеру на гребныхъ судахъ.

Некрологъ

Барыкова Анна Павловна, писательница, поэтесса, † въ Ростовѣ-на-Дону 31-го мая. Она родилась 22-го декабря 1839 года въ Петербургѣ, въ литературной семьѣ Каменскихъ. Ея отецъ, Павелъ Павловичъ Каменскій, былъ авторомъ многихъ повѣстей и романовъ во вкусѣ Марлинскаго, мать, здравствующая и понынѣ, Марья Ѳеодоровна, урожденная графиня Толстая, дочь бывшаго вице-президента Императорской академіи художествъ графа Ѳ. П. Толстаго, также довольно извѣстная романистка. Воспитаніе А. П. получила сперва дома и затѣмъ въ Екатерининскомъ институтѣ, курсъ въ которомъ окончила съ серебряной медалью въ 1856 году. Спустя годъ она вышла замужъ за артиллерійскаго офицера Н. Н. Карлинскаго, а въ 1862 г. вступила во второй бракъ съ С. Л. Барыковымъ, роднымъ братомъ покойнаго сенатора. Стихотворенія А. П. разсѣяны по разнымъ изданіямъ. Они печатались въ „Словѣ", „Дѣлѣ", „Сѣверномъ Вѣстникѣ", „Отече-

ственныхъ Запискахъ", „Русскомъ Богатствѣ", „Русской Мысли", „Родинѣ", „Недѣлѣ" и другихъ журналахъ. Сборникъ стихотвореній покойной вышелъ въ 1878 году въ Пятигорскѣ. А. П. хорошо владѣла стихомъ; у нея есть образы, краски, но мало чувства, и, кромѣ того, главный недостатокъ ея стиховъ—крайняя тенденціозность. Вліяніе Ришпена и французскихъ декадентовъ сильно чувствуется въ ея стихахъ. А. П. Барыкова писала также и прозой подъ псевдонимами. Подъ ея собственной фамиліей помѣщена только повѣсть „Доброе дѣло" въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" 1889 года. Ея довольно удачная передѣлка изъ Теннисона, повѣсть въ стихахъ—„Спасенный", вышла отдѣльно въ 1889 году.

Вегенеръ Гаспаръ-Фредерикъ, датскій историкъ и публицистъ, докторъ философіи, членъ академіи наукъ, президентъ историческаго общества и проч., † въ Копенгагенѣ около 1-го мая 1891 года. Онъ родился въ Гудебергѣ (въ Фіоніи) 1 (13) декабря 1802 года и былъ назначенъ въ 1847 г. государственнымъ исторіографомъ, затѣмъ директоромъ національныхъ архивовъ (1848), а въ 1848—1849 гг. состоялъ депутатомъ національнаго собранія. Изъ его трудовъ, которые, вообще, отличаются глубокой ученостью, наиболѣе извѣстны: „De aula attalica, artium fautrice", „Карлъ Датскій, графъ Фландрскій", „Маленькая хроника короля Фредерика VI", рядъ сочиненій о Голштиніи и документы, относящіеся къ исторіи Даніи XIX вѣка.

Гупиль Адольфъ, знаменитый французскій издатель гравюръ и эстамповъ, † въ Парижѣ, 27-го апрѣля (9 мая), 87 лѣтъ.

Гервинусъ Викторія, вдова знаменитаго историка и коментатора Шекспира, считавшаяся большимъ знатокомъ классической музыки, † въ Берлинѣ въ маѣ, 73 лѣтъ. Она издала по смерти мужа дополненіе къ его работѣ „О Шекспирѣ и Генделѣ", а въ 1892 г. вышла ея „Правильная метода пѣнія и фортепіанной игры", пользующаяся въ Германіи большой популярностью.

Жиру Альфредъ, французскій беллетристъ, служившій въ таможнѣ главнымъ надсмотрщикомъ. † въ Понтодемерѣ 22 апрѣля (4 мая), 77 лѣтъ. Изъ его сочиненій извѣстны: „La Panthère, étude de moeurs parisiennes" (1876), „Une grande demi-mondaine" (1879), „Histoire d'une ferme" (1880) и „L'Oasis Plenerff" (1882).

Леневе Анри (Leneveux), французскій публицистъ, † въ Парижѣ около 1 (13) мая, 76 лѣтъ. Онъ началъ свою карьеру типографомъ, затѣмъ былъ редакторомъ журнала „L'Atelier", секретаремъ редакціи „Siècle", преподавателемъ счетоводства въ одномъ ученомъ учрежденіи, меромъ XIV округа въ Парижѣ во время осады, наконецъ служилъ по акцизу. Онъ былъ однимъ изъ основателей изданія „Bibliothèque utile", для котораго написалъ три томика: „Travail manuel en France", „Paris municipal" и „Le budget du foyer".

Освелль Вильямъ-Котонъ, англійскій путешественникъ, изслѣдователь Индіи, Капской земли и другихъ странъ, открывшій часть озера Нгами, товарищъ Ливингстона въ его поѣздкѣ къ рѣкѣ Замбезе, † въ Грумбриджѣ 20-го апрѣля (2 мая), 75 лѣтъ.

Преображенскій Петръ Алексѣевичъ, протоіерей, настоятель Ѳеодоро-Студитской церкви въ Москвѣ, одинъ изъ видныхъ духовныхъ дѣятелей, авторъ многихъ учено-литературныхъ трудовъ, основатель и редакторъ-издатель журнала „Православное Обозрѣніе", учредитель московскаго общества любителей духовнаго просвѣщенія, † въ Москвѣ 3-го іюня, 65 лѣтъ.

Пютонъ Альфредъ, директоръ лѣсной школы въ Нанси и главный инспекторъ по лѣсной части, авторъ многихъ трудовъ по его спеціальности и капитальнаго сочиненія по лѣсоводству „Traité d'Economie forestière", † въ Нанси 2 (14) мая, 61 года.

Тардье Амедей, французскій географъ, служившій при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и затѣмъ библіотекарь географическаго института, † въ Парижѣ 2 (14) мая, 71 года. Ему принадлежать переводъ „Географіи Страбона" (1866—1873) и цѣлый рядъ статей въ „l'Univers pittoresque", „l'Encyclopédie moderne" и проч.

Тани Джузеппе, докторъ-итальянецъ, весьма извѣстный въ Петербургѣ какъ одинъ изъ рьяныхъ послѣдователей спиритизма и представитель леченія животнымъ магнетизмомъ, † въ Спб. 1-го іюня, 71 года.

СОДЕРЖАНІЕ НУМЕРА

Текстъ.

Рисунки.

За редактора Э. Д. Гоппе.
Издательница А. П. Гоппе.

ШАХМАТЫ

под редакціей **А. П. Шишкина**

ЗАДАЧА № 1577

Jan. Smutny

Изъ „Svêtozor'a"

Черные

Бѣлые

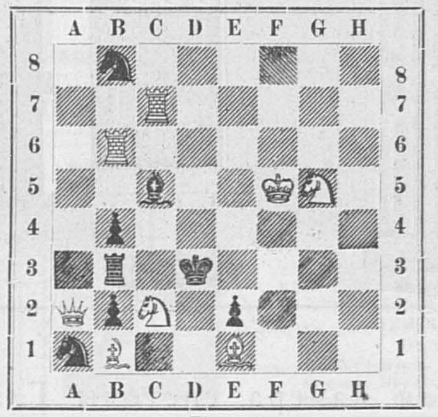
Матъ въ 3 хода.

ЗАДАЧА № 1578

П. Ф. Блэка

1-й призъ на конкурсѣ задачъ „Kontisch Mercury"

Черные



Бѣлые

Матъ въ 2 хода.

ПАРТІЯ № 1041

Послѣдняя партія матча; играна въ Нью-Іоркѣ въ апрѣлѣ 1893 г.

Сициліанская партія

	А. Вальбродтъ. Бѣлые	Е. Дельмаръ Черные		Бѣлые	Черные		Бѣлые	Черные
1.	e2—e4	c7—c5	21.	h2—h3	С c6—d7	41.	Л f2—f3	e5—e4*g)*
2.	К g1—f3	К b8—c6	22.	К d4—f3	К e5 : f3	42.	Л f3 : g3	Л g7 : g3
3.	d2—d4	c5 : d4	23.	Л f1 : f3	Ф c8—c5	43.	Кр h2 : g3	e4 : d3
4.	К f3 : d4	g7—g6	24.	Л d1—f1	С d7—e6*b)*	44.	c2 : d3	Л f8—c8
5.	С f1—e2	С f8—g7	25.	С e2—d3	Ф c5—e5	45.	Кр g3—f3	Л c8—c2
6.	К d4—b3*a)*	К g8—f6	26.	К c3—e2	g6—g5*c)*	46.	g2—g4	Л c2 : a2
7.	К b1—c3	d7—d6	27.	Ф h4—h6	Л f8—g8*d)*	47.	g4—g5	a6—a5*h)*
8.	0—0	0—0	28.	Л f3—f5	С e6 : f5	48.	f5—f6	Кр h8—g8
9.	f2—f4	С c8—d7	29.	e4 : f5	a7—a6*e)*	49.	К h4—f5	a5—a4
10.	f4—f5	К c6—e5	30.	b2—b3*f)*	b7—b5	50.	b3 : a4	b5 : a4
11.	С c1—f4	К f6—e8	31.	К e2—g1	Л f7—g7	51.	h3—h4	a4—a3
12.	Ф d1—d2	С d7—c6	32.	К g1—f3	Ф e5—g3	52.	h4—h5	Л a2—h2
13.	Л a1—d1	Ф d8—c7	33.	К f3—d4	Ф g3—h4	53.	g5—g6	Л h2—h3†?
14.	С f4—h6	К e8—f6	34.	Ф h6 : h4	g5 : h4	54.	Кр f3—g4	h7 : g6
15.	С h6 : g7	Кр g8 : g7	35.	Л f1—f2	К f6—d5	55.	h5 : g6	Кр g8—f8
16.	Ф d2—f4	Кр g7—h8	36.	К d4—f3	К d5—f4	56.	g6—g7†	Кр f3—f7
17.	f5 : g6	f7 : g6	37.	С d3—f1	К f4—h5	57.	Кр g4 : h3	a3—a2
18.	Ф f4—h4	Л f8—f7	38.	С f1—d3	К h5—g3†	58.	К f5—h6†	Кр f7 : f6
19.	Кр g1—h1	Л a8—f8	39.	Кр h1—h2	Л g8—f8	59.	g7—g8Ф	a2—a1Ф
20.	К b3—d4	Ф c7—c8	40.	К f3 : h4	e7—e5	60.	Ф g8	h8† Сдались.

Примѣчанія къ партіи

a) Это нововведеніе, повидимому, нѣсколько слабѣе обычнаго продолженія — 6. С c1—e3.

b) Вѣроятно, съ цѣлью во первыхъ—не дать бѣлымъ возможности пойти конемъ на e5, а во вторыхъ, подкрѣпивъ ладью f7, освободить своего коня. Если сразу 24... Ф c5—e5, то 25. К c3—d5 и если 25... Ф e5 : b2, то 26. К d5 : e7 и т. д. если же, 25... g6—g5; 26... Ф h4—h6 и 26... Л f8—g8, какъ это было далѣе въ партіи, то также 27. К d5 : e7 и т. д.

c) На 26... Ф e5 : b2 послѣдовало бы 27. К e2—f4 (съ угрозой взять слона или выиграть качество послѣ 28. К f4 : g6†), g6—g5!; 28. Ф h4 : g5, Ф b2—e5! (28... С e6 : a2?; 29. Ф g5—h6, Л f8—g8; 30. e4—e5); 29. Ф g5—h6, Л f8—g8 и партія бѣлыхъ нѣсколько лучше.

d) Угрожая выиграть ферзя посредствомъ 28... Л g8—g6.

e) Черные побоялись взять пѣшку b2, вѣроятно, потому, что послѣ 29... Ф e5 : b2, 30. С d3—c4, d7—d5; 31. С c4—b3, у нихъ получалось бы нѣсколько стѣсненное положеніе вслѣдствіе слабости пѣшки на d5.

f) Если теперь 30. С d3—c4?, то 30... d7—d5 и бѣлые, очевидно, должны, въ виду беззащитности ихъ коня, отступить слономъ назадъ, потерявъ только даромъ темпъ.

g) Американскій маэстро, очевидно, не знакомъ съ поговоркой русскихъ шахматистовъ: „пѣшки не орѣшки", такъ какъ неосторожно жертвуетъ свою очень сильную проходную пѣшку только для того, чтобы вынудить бѣлыхъ къ размѣну ладьями.

h) Трудно допустить, чтобы съ этого момента черные не могли задержать пѣшекъ бѣлыхъ на ферзевомъ флангѣ; вѣроятнѣе же, что они проиграли только потому, что, вообще, довольно слабо разыграли конецъ этой партіи. Такъ, вмѣсто преждевременнаго хода 47... a6—a5, вѣроятно, лучше было бы 47... Л a2—d2 (или 47... Л a2—h2 и 48... Л h2—d2) и если 48. Кр f3—e3 или e4, то 48... Л d2—h2; выигравъ же пѣшку d2 (или h2), черные имѣли бы болѣе простора для своей ладьи и имѣли бы много шансовъ на выигрышъ.

РѢШЕНІЯ ЗАДАЧЪ въ №№ 1264, 1265 и 1266

1561. *H. von Gottschall.* 1. h7—h8 К (угрожая 2. К h8—f7† и d7—d8 К×), Кр e5—d6 или e6; 2. К h8—f7† и 3. d7—d8 К× или 2. d7—d8 К† и 3. К h8—f7×. Если же 1... Л a3 : c3, то 2. К h8—f7† и 3. d2 : c3× или 3. d7—d8 К×.

1562. *H. M. Prideaux.* 1. К b5—d6 и если 1... Кр e5 : d6 или f6, то 2. e4—e5×, если же 1... c7 : d6 или 1... Кр e5—d4, то 2. К h4—f3×.

1563. *L. N. de-Iong.* 1. Л g5—g3, Кр h2 : g3; 2. Л d6 : h6 и 3. Л h6—g6× или 3. Кр h5—g4×. (*Вар. a*) 1... Кр h2—h1; 2. Л d6—d1 и 3. С f1—g2× или 3. Л g3—h3×.

1564. *I. Iespersen.* 1. Ф h8—f6 и если 1... Кр d4—c5 или e3 или 1... Л e7 ∞, то 2. К d6—b7, c4 или f5×; если 1... С e5 : f6, то 2. К a1—c2×; если же 1... К f1—e3 или ∞, то 2. К a1—b3× или 2. Ф f6—f2×.

1565. *K. Stal.* 1. c6—c7 (угрожая 2. Ф a1—a6 и 3. Ф a6—d6 или e6×), К h5 ∞; 2. Ф a1—f6 и 3. Ф f6—e6 или d6× или 3. С d7—c6×. (*Вар. a*) 1... f5—f4; 2. Л c4—d4† и 3. Л d4—d2× или 3. Ф a1—a5×. (*Вар. b*) 1... С e4—d3; 2. Л c4 : c5† и 3. Ф a1—e5×. (*Вар. c*) 1... a7—a5; 2. К c8—b6† и 3. c7—c8 К×.

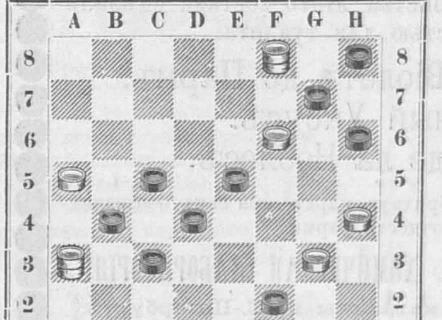
1566. *H. Bartsch.* 1. Ф c2—c6 и если напр. 1... С b5 или Ф d7 : c6, то 2. К c1—e2× или 2. К g7 : f5.

ШАШКИ

ЗАДАЧА № 45

Е. Ѳ. Андрезена (въ СПБ.)

Черные



Бѣлые

Запереть дамку и простую.

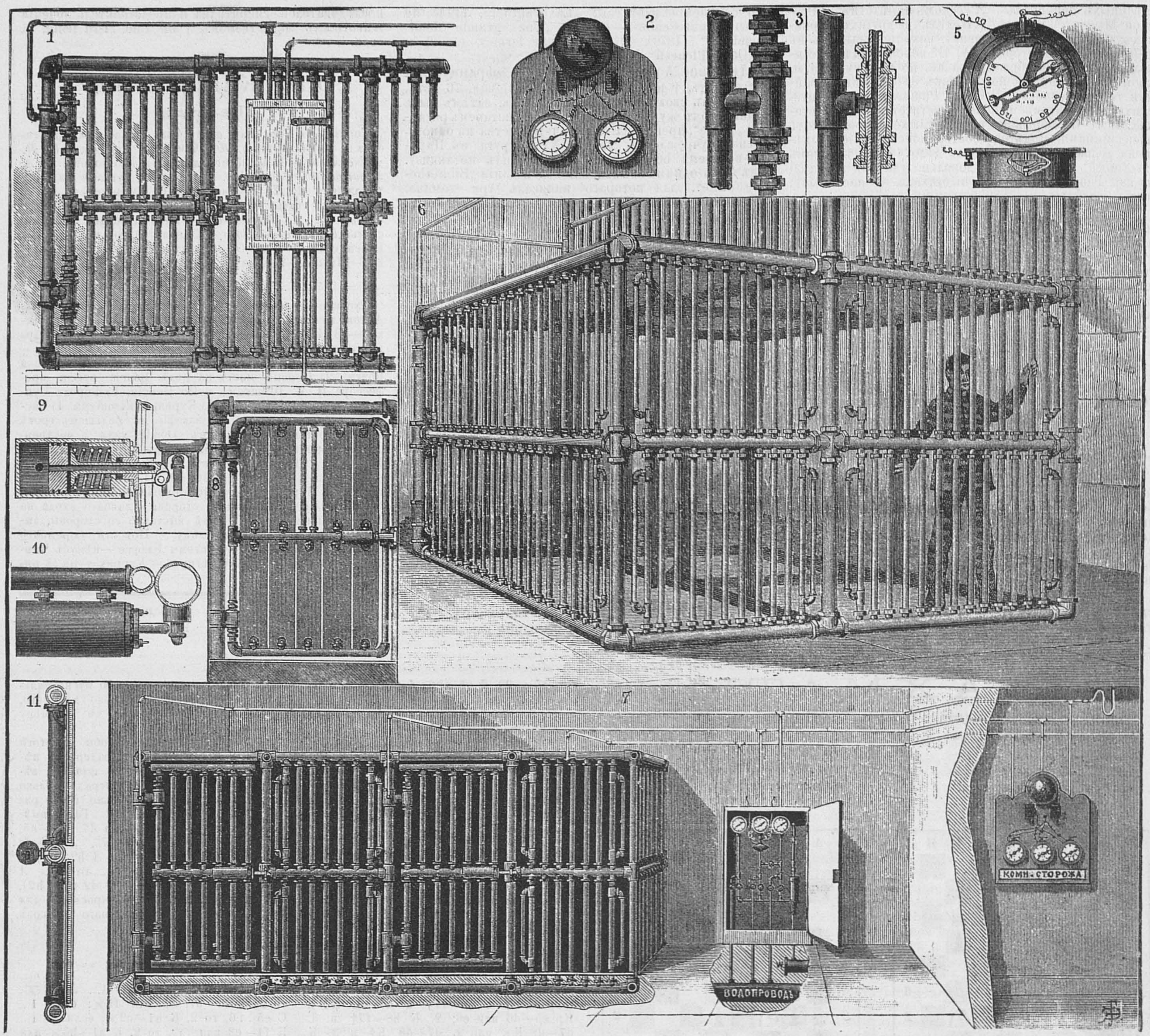
ЗАДАЧА № 46

Н. Кукуева (въ Москвѣ)

Черные

Бѣлые

Запереть дамку.



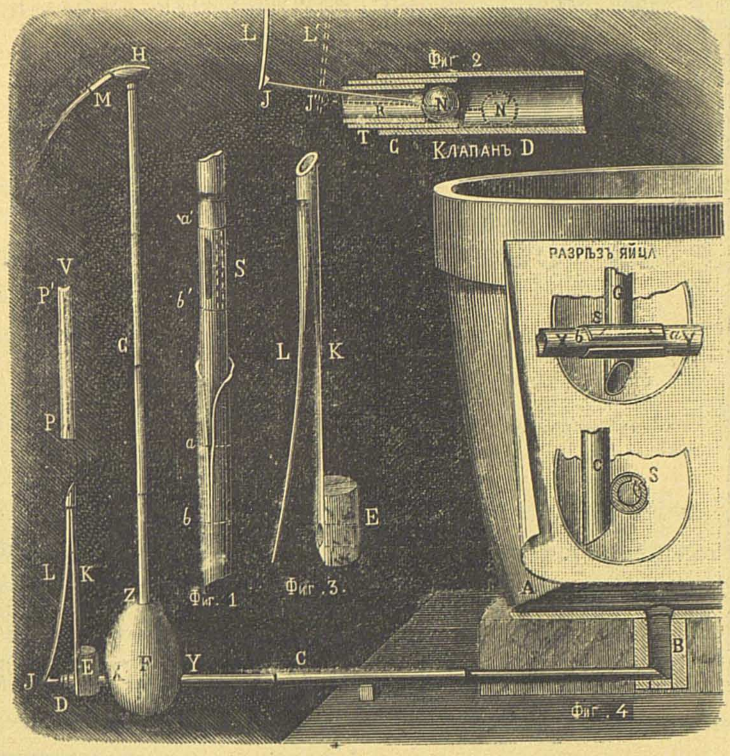
Новости тюремнаго дѣла. — Тюремная камера системы Глафке.

Дозв. цензурою. СПб. 10-го іюня 1893 г. Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

Водокачка изъ тростника

Слѣдуя въ точности нашему описанію, вы можете устроить очень интересную игрушку — гидравлическій таранъ (насосъ) изъ обыкновеннаго тростника.

Возьмите хорошую — цѣлую, длинную и крѣпкую—тростниковую соломину (C) длиною въ 40 сантиметровъ и около сантиметра въ поперечникѣ на широкомъ концѣ; колѣна ея надо пробуравить насквозь раскаленною желѣзною проволокою. Эта трубочка послужитъ главною отводною трубою. Теперь приступите къ изготовленію клапана который долженъ быть сдѣланъ на концѣ отводной трубки, введенномъ внутрь яйца. Устройство клапана показано на фиг. 1. Отверстіе прорѣзается вдоль соломины, какъ показано на рис. подъ буквою S; съ этого мѣста нужно срѣзать шелуху и отодвинуть ее внизъ; послѣ прорѣзки щели S шелуха вновь надвигается на старое мѣсто, откуда была срѣзана, въ ней дѣлаютъ надрѣзъ въ видѣ язычка, служащій заслонкою клапана. Воздушная камера тарана дѣлается изъ пустаго яйца, содержимое котораго осторожно выдувается черезъ дырочки, продѣланныя въ скорлупѣ; въ яйцѣ нужно сдѣлать три отверстія въ мѣстахъ, отмѣченныхъ на рис. буквами X, Y и Z. Сквозь отверстія X и Y нужно пропустить конецъ отводной трубки C, на которомъ сдѣланъ клапанъ, такъ, чтобы послѣдній пришелся въ центрѣ яйца; послѣ того камышинка снаружи, въ мѣстахъ ея входа и выхода, плотно замазывается (сургучомъ или замазкою), чтобы устранить проходъ воздуха въ проводы между трубкою и скорлупою яйца. Подъемная трубка G дѣлается изъ тонкаго конца той же камышинки; она точно также пробуравливается, вставляется въ носокъ яйца (Z) и прилѣпляется сургучомъ или замазкою; нижній конецъ трубки срѣзается наискось



и вводится въ яйцо почти до дна. Расположеніе обѣихъ трубокъ внутри яйца показано на рисункахъ справа. Водоемомъ служитъ объемистый цвѣточный горшокъ A съ дыркою на днѣ. Горшокъ ставится на большой и толстый пробковый кругъ (B), въ которомъ продѣлываются два отверстія: одно вертикальное, совпадающее съ дыркою горшка, другое горизонтальное, впадающее въ первое; въ горизонтальное отверстіе вставляется конецъ отводной трубки C; низъ вертикальнаго отверстія затыкается вплотную кусочкомъ пробки. На свободный конецъ отводной трубки C надѣвается клапанъ D; для изготовленія его надо запастись большой булавкой съ шарообразною стекляною головкою величиною съ горошину; потомъ надо выбрать кусокъ камыша T съ такимъ внутреннимъ поперечникомъ, чтобъ головка булавки свободно, но безъ прозора входила въ эту трубочку; въ трубочку T вставьте другую трубочку (R), замыкающую выходъ головкѣ булавки. Сдѣланный такимъ образомъ клапанъ втыкается въ конецъ отводной трубки C; всѣ смыки залѣпляютъ желтымъ воскомъ. Клапанъ вталкивается внутрь отводной трубки пружиною KL, которая дѣлается изъ куска расщепленнаго вдоль камыша (фиг. 3). Вѣтвь K приклеивается къ пробкѣ съ дырою E, которая надѣвается на конецъ отводной трубки. Конецъ булавки упирается въ другую вѣтвь пружины (L) и удерживается здѣсь восковымъ шарикомъ (I). Собравъ весь снарядъ, наполните горшокъ A водою; налитая вода должна тотчасъ прижать головку булавки N, которая замкнетъ отверстіе. По наполненіи горшка облегчите давленіе пружины L надрѣзкою или, наоборотъ, усильте его перевязкою, и вы увидите, что при извѣстномъ напряженіи этого давленія клапанъ вдругъ самъ собою начнетъ двигаться взадъ и впередъ, начнетъ накачивать воду, которая наполнитъ яйцо, поднимется по трубкѣ G и потомъ станетъ вытекать у конца трубки M, гдѣ ради изящества можно придѣлать раковинку изъ скорлупы лѣснаго орѣха.

Обоюдное недоразумѣніе.

Дама. „Милостивый государь, я не понимаю, зачѣмъ вы слѣдуете за мной по пятамъ, безъ передышки?“

(См. на оборотѣ.)

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1893 годъ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДАМСКІЙ И СЕМЕЙНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„МОДНЫЙ СВѢТЪ

И

МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ"

СЪ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРЕМІЯМИ И ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Годовая цѣна „МОДНАГО СВѢТА" на 1893 г.:

Первому изданію	Второму изданію	Третьему изданію
(48 №№ журнала, 24 №№ приложеній и 12 №№ большихъ листовъ съ начерченными выкройками, 26 премій и приложеній):	(48 №№ журнала, 24 №№ приложеній, 12 №№ больш. листовъ съ начерченн. выкройками и проч., 12 раскрашенныхъ картинокъ парижскихъ модъ, 12 вырѣзныхъ выкр. 44 преміи и приложенія):	(48 №№ журнала, 24 №№ приложеній, 12 №№ больш. листовъ съ начерченн. выкройками и проч., 40 раскрашенныхъ картинокъ парижскихъ модъ, 12 вырѣзныхъ выкр., 44 преміи и приложенія):
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки 4 р.	Въ С.-Петербургѣ безъ доставки 6 р.	Въ С.-Петербургѣ безъ доставки 9 р.
Съ доставк. 5 р., съ перес. 6 р.	**Съ доставк. 7 р., съ перес. 8 р.**	**Съ доставк. 10 р., съ перес. 11 р.**

При подпискѣ безъ доставки въ **МОСКВѢ**, въ отдѣленіяхъ конторы: 1) въ книжномъ магазинѣ г. **А. Ланга** (Кузнецкій Мостъ), 2) въ конторѣ **Н. Н. Печковской** (Петровскія линіи), цѣна 1-му изданію — **5** р., 2-му изданію — **7** р., 3-му изданію — **10** р.

Главная контора и редакція »МОДНАГО СВѢТА«: С.-Петербургъ, Садовая, № 22.

Кавалеръ. „И я понять не могу *теперь* — зачѣмъ!"

ГОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА САКСЛЕНЕРА

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Въ послѣднее время появилось въ продажѣ множество поддѣлокъ нашей горькой слабительной воды подъ названіемъ „Гуніади Яносъ"; поэтому покорнѣйше просимъ обратить вниманіе на помѣщенную здѣсь предохранительную марку — **портретъ**.

ГУНІАДИ ЯНОСЪ

ВЛАДЕЛЕЦЪ: АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ ВЪ БУДАПЕШТѢ.
ПРОДАЕТСЯ У ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ И АПТЕКАРЕЙ.
ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ
ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

ПЕРВАЯ ВЪ КРАѢ ФАБРИКА

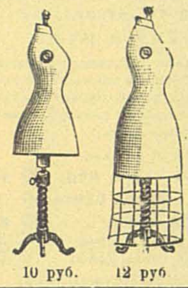
МАНЕКЕНОВЪ ПАРИЖСКИХЪ И ПРОВОЛОЧНЫХЪ ФИГУРЪ

для шитья платьевъ и кафтановъ, которые раздвигаются по мѣрѣ объема и роста,

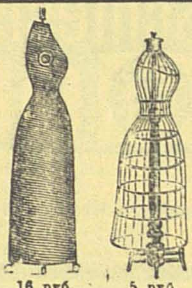
Э. Хржановскаго

въ Варшавѣ: Бѣлянская ул., № 16.

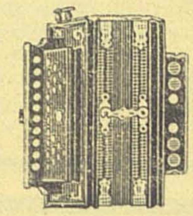
Выдѣлываются также картонные и проволочные манекены, всякіе снаряды для пчеловодства. а равно изгородь для клумбъ. садовъ и звѣринцевъ



10 руб. 12 руб.



16 руб. 5 руб.



ЛУЧШІЯ ВЪ МІРѢ. ЛУЧШІЯ ВЪ МІРѢ.

ГАРМОНІИ фабрики Кальбе.

Однорядныя: въ 4, 5, 5½, 6, 7, 7½, 8, 8½, 9, 10, 11, 12, 5, 20 и 25 руб.
Двухрядныя: 12, 14, 15, 16, 18, 20, 25, 28 и 30 р. и вѣнскія въ 22 р.
Трехрядныя: въ 60 р. и вѣнскія въ 30, 50 и 75 руб.

Школа-самоучитель 75 к. и 1 р.

Иллюстрированные прейсъ-куранты **высылаются безплатно.**

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ
ЦИММЕРМАНЪ,
ГЛАВНОЕ ДЕПО
МУЗЫКАЛЬНЫХЪ
инструментовъ и нотъ:
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Б. Морская, № 34 и 40;
МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, д. Захарьина.

№4711
WEISSER FLIEDER
(LILAS BLANC
БѢЛАЯ СИРЕНЬ
„PEAU D' ESPAGNE"
„ГОЛЬДЛАКЪ"

НОВѢЙШІЕ ЛЮБИМЫЕ ОСОБЕННО КРѢПКІЕ ДУХИ.

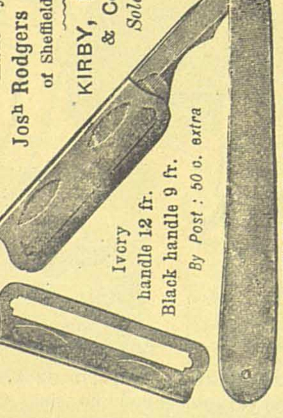
Можно получать почти во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Просятъ при покупкѣ обращать вниманіе на утвержденную фабричную марку
№ 4711

РЕДАКТОРЪ. Повѣсть І. В. Видмана въ 8 д. листа 4 печатн. листа. Цѣна **40** коп., съ пересылкою **55** коп. Изданіе книгоиздательства ГЕРМАНЪ ГОППЕ: СПб., Садовая, 22.

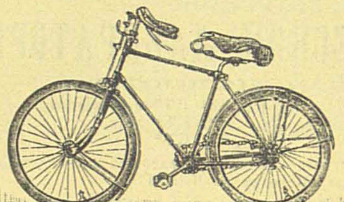
To avoid cuts, use **"THE ALBERT GUARD RAZOR"** made by Josh Rodgers & Sons of Sheffield

KIRBY, BEARD & Co. *Sole Agents for France*



Ivory handle 12 fr.
Black handle 9 fr.
By Post: 50 c. extra

RETAIL: 5, Rue Auber.
WHOLESALE: 75, Boul. de Sébastopol, Paris.



1000 шт.

НА СКЛАДѢ

ЗАВОДОВЪ:
Ковентри Маш. Ко,
Зейдель и Науманъ,
Премьеръ
(HILLMAN HERBERT & COOPER).
РЕЛЛЕЙ,
ВИТВОРТЪ,
ТОУНЕНДЪ
И ПРОЧ.

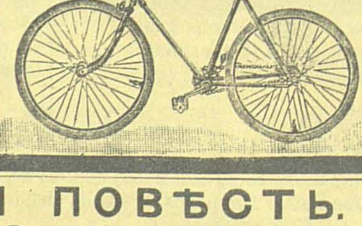
АДРЕСА ДЛЯ ПИСЕМЪ:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

Ж. БЛОК

МОСКВА.

ОТДѢЛЕНІЯ:
Ст. Петербургъ,
Одесса,
Ростовъ Н/Д.
Варшава,
Кокандъ
и Екатеринбургъ.

Прейсъ-Куранты БЕЗПЛАТНО.



ДЛЯ КОЖИ!

Eau de Lys de Lohse.

Примочка для кожи: бѣлая и розовая для блондинокъ, желтая для брюнетокъ; придаетъ кожѣ свѣжій видъ. Просятъ остерегаться поддѣлокъ; **неподдѣльная только отъ изобрѣтателя**

ГУСТАВА ЛОЗЕ,

ПРИДВОРНАГО ПАРФЮМЕРА:
БЕРЛИНЪ, Іегерштрассе, 46.

Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ, аптекарскихъ и галантерейныхъ магазинахъ и у многихъ парикмахеровъ.

РЕСТОРАНЪ Ю. ЛОМАЧА,

Садовая, уголъ Невскаго, 14—52.

ЗАВТРАКЪ
отъ 11 час. утра до 3 час. пополудни, по 75 коп., изъ двухъ блюдъ на выборъ.

ОБѢДЪ
отъ 3 до 8 часовъ, по 1 руб., изъ 4-хъ блюдъ на выборъ.

УЖИНЪ
à la portion.

ДВОРЯНСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Святочный разсказъ. Итальянская легенда. Рыцарь пера (комедія). Сочиненіе **А. И. Лемана.** Въ 8 д. листа. Цѣна въ изящной обложкѣ 1 руб. **50** коп., съ пересылкой **2** р. Изданіе книгоиздательства **Германъ Гоппе**: С.-Петербургъ, Садовая ул., 22.

Чистая любовь. Романъ Виктора Бибикова. Изящное изданіе въ 8 долю листа, печатанное двумя красками. Цѣна 1 р. 20 коп., съ пересылкою 1 руб. 50 коп.

Книгоиздательство Германъ Гоппе
Спб., Садовая ул., 22.

Главная контора и редакція „Всемірной Иллюстраціи" находятся въ С.-Петербургѣ, на Садовой ул., № 22.
Въ Москвѣ отдѣленія конторы находятся: 1) при книжн. маг. А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, 15, и 2) при конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи.

Дозв. цензурою. СПБ. 10 іюня 1893 г. Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

Всемірная Иллюстрація

25ᴵ годъ — № 1274 — 49ᴵ томъ

Суббота 19-го іюня 1893 г.

Цѣна нумеру 35 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки на годъ . **15** руб.
(при подпискѣ въ главной конторѣ редакціи).
Съ доставкою на годъ. . . . . **17** »

Въ Москвѣ безъ доставки на годъ . . . . . . **17** руб.
Съ пересылкою во всѣ города Россійской имперіи на годъ . . . . **18** »

Подписная цѣна на полгода съ доставкою и пересылкою . . . . **9** руб.
За границу (въ государства всемірнаго почтоваго союза) **20** руб.

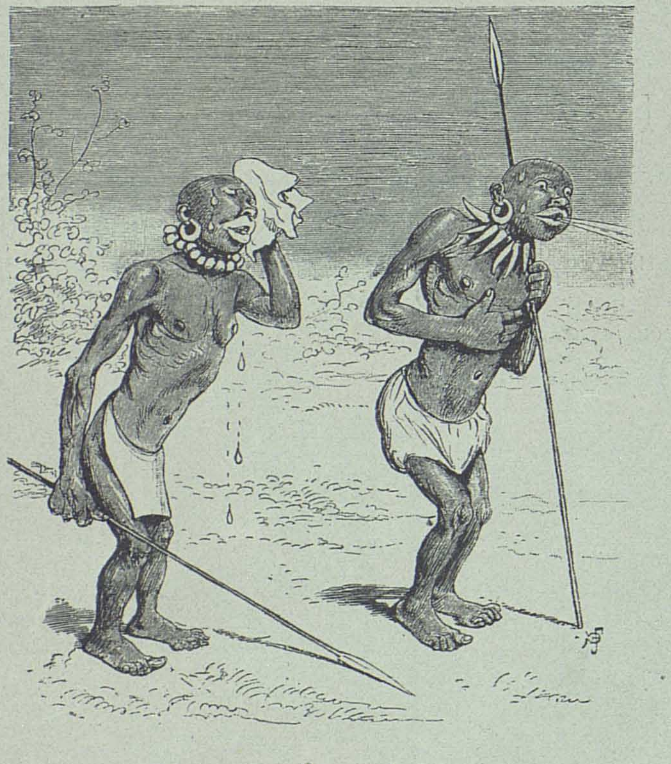
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Редакція и главная контора: Садовая ул. № 22.

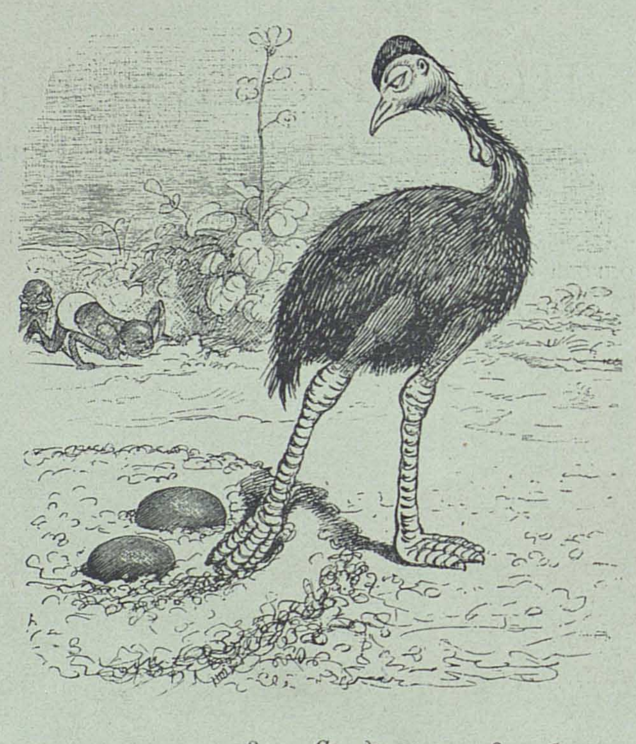
ОХОТНИКИ СЕБѢ НА УМѢ.

Каррикатуры А. Оберлендера.

1.



2.



3. *См. далье стр. 3-ю обложки.*

Всемірная Иллюстрація

№ 1274. Годъ XXV. 19-го іюня 1893 г. **Томъ XLIX. № 26.**

Солнце — за степью вдали, на краю лучезарной могилы:
Пыль золотая за тройкой столбами встаетъ —
Въ пѣснѣ лихой ямщика воплощенье отваги и силы
Словно коней окрыляетъ и манитъ впередъ.
»Пой!« Неоглядная Русь, съ ея вѣчной волнистой равниной
Ширится въ звукахъ, алкая и горъ, и морей:
Гордо любуясь знакомой родною картиной,
Въ небо померкшее взоры возносишь бодрѣй.
Мглой догорѣвшаго дня еще теплится область заката,
Сѣрыя тѣни повсюду, сливаясь ростутъ —
Лишь въ замолкающей пѣснѣ отливы багрянца и злата
Воздухъ колеблютъ душистый и въ сумракъ плывутъ.

Кн. Эсперъ Ухтомскій

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

Настоящимъ, 1274, нумеромъ оканчивается **первое полугодіе** журнала **„ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“** за 1893 годъ, т. е. XLIX томъ его, а потому главная контора проситъ гг. подписчиковъ, выславшихъ деньги лишь за первое полугодіе, поспѣшить взносомъ остальной суммы, дабы не произошло задержки въ высылкѣ дальнѣйшихъ нумеровъ журнала.

ПРИЗЫВЪ СЪ ТОГО СВѢТА

Разсказъ

РУДІАРДА КИПЛИНГА.

Пусть разсказанное здѣсь объяснятъ тѣ, которые знаютъ, что такое душа и гдѣ предѣлъ возможнаго. Я же слишкомъ долго прожилъ въ Индіи, чтобы держаться мнѣнія, что лучше всего ничего не объяснять,—а потому могу только просто записать происшествіе такъ, какъ оно случилось.

Дюмузъ былъ у насъ въ Меридки городскимъ докторомъ, и мы называли его „Дормузъ“—(сурокъ, байбакъ), потому что онъ былъ маленькій, кругленькій, сонливый на видъ человѣчекъ. Докторъ онъ былъ прекрасный и столь миролюбиваго настроенія, что никогда ни съ кѣмъ не ссорился, даже съ нашимъ комиссаромъ, который отличался лошадинымъ тактомъ и манерами лодочника. Дюмузъ женился на такой же кругленькой и сонливой дѣвушкѣ, какъ и онъ самъ. Она была миссъ Гиллардисъ, дочь м-ра Гиллардиса изъ Берарса, который, по недоразумѣнію получилъ въ жены дочь своего начальника. Но это — другая исторія.

Медовый мѣсяцъ новобрачныхъ продолжается обыкновенно въ Индіи съ недѣлю не болѣе, но ничего не мѣшаетъ здѣсь нѣжной парочкѣ продлить его хоть на годъ или на два. Индія — прелестнѣйшая страна въ этомъ отношеніи для сочетавшихся бракомъ по страстной любви. Ничто не воспрепятствуетъ имъ жить тутъ въ абсолютномъ уединеніи. Именно такъ и поступили Дюмузы. Послѣ свадьбы эти двое маленькихъ людей заперлись у себя дома и были очень счастливы. Конечно, имъ пришлось по разнымъ случаямъ дать нѣсколько званыхъ обѣдовъ, но это не сблизило ихъ ни съ кѣмъ, и все общество нашей „станціи“ *) шло своей дорогой, забывая о нихъ. По временамъ лишь говорили о Дюмузѣ, какъ о прекраснѣйшемъ изъ прекрасныхъ людей, только нѣсколько скучноватомъ. Городской врачъ, который ни съ кѣмъ не ссорился — дѣйствительно большая рѣдкость, и Дюмуза цѣнили. Разыграть съ успѣхомъ роль Робинзона Крузоэ — достаточно трудно вездѣ, но труднѣе всего въ Индіи. На каждой станціи насъ такъ мало, что мы еще находимся въ большей зависимости другъ отъ друга, отъ вниманія и добрыхъ услугъ знакомыхъ. Дюмузъ былъ неправъ, проживъ въ полнѣйшемъ уединеніи цѣлый годъ, и онъ понялъ свою ошибку, когда вдругъ въ зимнее время въ Меридки появилась эпидемія тифа, и жена его слегла. Дюмузъ былъ робкій маленькій человѣчекъ и прошло цѣлыхъ пять дней раньше, чѣмъ онъ распозналъ, что у м-ссъ Дюмузъ нѣчто хуже простого лихорадочнаго жара. Затѣмъ пропало еще новыхъ три дня, пока онъ, наконецъ, рѣшилъ зайти къ женѣ инженера, м-ссъ Шютъ, и въ полнѣйшемъ смущеніи повѣдалъ ей о своемъ горѣ. Чуть ли не каждому семейству въ Индіи хорошо извѣстно, что въ борьбѣ съ тифомъ докторъ почти что безпомощенъ. Все дѣло тутъ въ хорошемъ уходѣ. Шагъ за шагомъ должна отстаивать сидѣлка у смерти ея жертву. М-ссъ Шютъ готова была побить Дюмуза за его, какъ она выражалась, „преступное промедленіе“, и тотчасъ же отправилась ухаживать за больной. Въ эту зиму у насъ заболѣло тифомъ семь человѣкъ, и такъ какъ среднимъ числомъ на пять тифозныхъ случаевъ приходится одинъ смертный, то всѣ мы были почти увѣрены, что потеряемъ кого-нибудь изъ заболѣвшихъ. Но мы прилагали крайнія наши старанія, чтобы предотвратить это. Женщины ходили за больными женщинами, а мужчины, въ свою очередь, ухаживали за холостяками. Мы боролись такимъ образомъ съ проявившимся у насъ тифомъ въ теченіе 56 дней и очень торжествовали, когда намъ удалось, наконецъ, выходить всѣхъ нашихъ паціентовъ. Но именно, когда мы надѣялись, что все кончилось благополучно и собирались устроить вечеринку съ танцами, дабы отпраздновать побѣду, маленькая м-ссъ Дюмузъ заболѣла вторично и умерла черезъ недѣлю. Вся наша станція отправилась на ея похороны. Осиротѣвшій мужъ выказалъ такое отчаяніе на ея могилѣ, что его пришлось насильно увести оттуда.

Послѣ смерти жены Дюмузъ заперся у себя дома и не поддавался никакимъ утѣшеніямъ. Обязанности свои онъ продолжалъ исполнять прекрасно, но мы всѣ сознавали, что ему необходимо взять отпускъ, и его товарищи по профессіи говорили ему то же самое. Дюмузъ былъ имъ крайне благодаренъ и отправился путешествовать въ Чини. Мѣстечко это находится въ двадцати дняхъ ходьбы отъ Симлы и расположено въ самой серединѣ длинной цѣпи холмовъ, и если вы въ огорченіи, сценарій его какъ разъ кстати. Идешь себѣ тамъ черезъ большіе уединенные лѣса, спускаешься подъ большіе уединенные утесы и проходишь по зеленому пуховику травъ большихъ уединенныхъ долинъ; а вѣтеръ въ травѣ и дождикъ въ лѣсу, то и дѣло, тебѣ повторяютъ: „успокойся, успокойся, успокойся“.

Такимъ-то образомъ маленькій Дюмузъ, снабженный винтовкой и фотографическимъ аппаратомъ, былъ отправленъ размыкать свое горе въ Чини. Онъ взялъ съ собой совершенно безполезнаго для него носильщика, только потому, что человѣкъ этотъ былъ любимымъ слугой его покойной жены. Рамдасъ отличался лѣнью и былъ воровать, но Дюмузъ вполнѣ довѣрялъ ему.

На возвратномъ пути изъ Чини, Дюмузъ повернулъ въ стороны къ Беги. Люди, много путешествовавшіе, утверждаютъ, что переходъ изъ Кошгаръ въ Беги — одно изъ прелестнѣйшихъ зрѣлищъ въ мірѣ. Сначала тянутся прохладные, темные лѣса, выйдя изъ которыхъ, вдругъ неожиданно натыкаешься на мрачные, отлогіе горные холмы и черныя скалы. Бунгало въ Беги открытъ всѣмъ вѣтрамъ — и здѣсь страшно холодно. Очень мало народу стекается сюда. Можетъ статься, это-то и было причиной почему Дюмузъ отправился въ Беги. Онъ прибылъ въ семь часовъ вечера и послалъ Рамдаса въ долину нанять въ деревнѣ для путешествія слѣдующаго дня кули (чернорабочихъ). Солнце сѣло и ночной вѣтеръ напѣвалъ свою пѣсню между скалами. Дюмузъ облокотился на перила веранды, ожидая возвращенія носильщика. Вскорѣ послѣдній, только что исчезнувшій за холмомъ, опять показался у его подножія, но онъ бѣжалъ съ такой стремительностью, что Дюмузъ подумалъ — не повстрѣчался ли онъ съ медвѣдемъ. Рамдасъ мчался изо всѣхъ силъ вверхъ на холмъ.

Однако нигдѣ не было видно признаковъ медвѣдя, который могъ бы нагнать на слугу такой ужасъ. Добѣжавъ до веранды, Рамдасъ упалъ; кровь лилась у него изъ носу, а лицо было землянисто-сѣраго цвѣта. Едва слышнымъ голосомъ онъ выговорилъ:

— Я видѣлъ Memsahib! (барыню)... Я видѣлъ Memsahib!..

— Гдѣ? спросилъ Дюмузъ.

— Внизу, по дорогѣ въ деревню. На ней было голубое платье и, приподнявъ вуаль съ лица, она сказала: — Рамдасъ, передай привѣтъ мой саибу и скажи, что мы увидимся съ нимъ черезъ мѣсяцъ въ Нуддеѣ. Послѣ того я убѣжалъ, потому что испугался.

Не знаю, что говорилъ или дѣлалъ Дюмузъ. По показанію Рамдаса онъ ничего не говорилъ, а проходилъ всю холодную ночь взадъ и впередъ по верандѣ, поджидая Memsahib и, какъ съумасшедшій, протягивая къ ней въ темнотѣ свои объятья. Но никакой Memsahib не появилось, и на слѣдующій день Дюмузъ направился въ Симлу, ежеминутно разспрашивая носильщика о встрѣчѣ его съ м-ссъ Дюмузъ.

Рамдасъ могъ только повторить, что онъ видѣлъ м-ссъ Дюмузъ, что она приподняла вуаль и дала ему словесное порученіе, которое онъ въ точности передалъ. Ни разу не измѣнилъ онъ этого своего показанія. Гдѣ Нуддея — ему неизвѣстно; въ Нуддеѣ нѣтъ у него никого знакомыхъ и ни за что въ мірѣ онъ не поѣдетъ въ Нуддею, хотя бы ему обѣщали за это удвоить жалованье.

Нуддея — городъ въ Бенгаліи, такъ что докторъ, служащій въ Пенджабѣ, не имѣетъ къ нему никакого касательства. Отстоитъ этотъ городъ отъ Меридки, я думаю, на 1200 миль и даже болѣе.

Дюмузъ проѣхалъ черезъ Симлу не останавливаясь тамъ и вернулся въ Меридки какъ разъ во время для принятія дѣлъ отъ доктора, замѣщавшаго его во время его отпуска. Пришлось ему пересмотрѣть отчетъ по безплатной лечебницѣ и принять къ свѣдѣнію послѣдній циркуляръ медицинскаго инспектора. Все это заняло цѣлый день. Уже вечеромъ Дюмузъ разсказалъ своему замѣстителю, оказавшемуся его товарищемъ по университету, о случившемся въ Беги. На это товарищъ замѣтилъ, что, если Рамдасъ ужъ занялся этимъ дѣломъ, то что ему стоило вмѣсто Нуддеи назначить какой либо другой городъ, напримѣръ, хоть Тутикоринъ.

Какъ разъ въ это время явился разсыльный съ телеграммой изъ Симлы, въ которой заявлялось Дюмузу, чтобы онъ не вступалъ въ прежнюю должность въ Меридки, а немедленно отправлялся по спеціальной командировкѣ въ Нуддею. Въ Нуддеѣ открылась сильнѣйшая холерная эпидемія, и администрація Бенгаліи, по обыкновенію не имѣвшая въ запасѣ нужнаго количества врачей, обратилась съ просьбой о присылкѣ таковыхъ къ администраціи Пенджаба.

Дюмузъ бросилъ черезъ столъ телеграмму товарищу, говоря: „Что скажешь ты на это?“

Тотъ ничего не отвѣтилъ, да и что могъ сказать онъ?

Но тутъ онъ припомнилъ, что Дюмузъ былъ проѣздомъ изъ Беги въ Симлѣ и такимъ образомъ могъ здѣсь слышать о предполагавшемся его переводѣ въ Нуддею.

Онъ пытался облечь въ слова свое подозрѣніе и поставилъ ему этотъ вопросъ, но Дюмузъ остановилъ его замѣчаніемъ:

— Еслибъ я хотѣлъ *этого*, то могъ бы просто вовсе не вернуться изъ Чини, гдѣ я охотился. Я, конечно, желалъ бы пожить еще, потому что у меня есть дѣло, но... не страшусь и смерти.

Докторъ-товарищъ поникъ головой и сталъ въ сумеркахъ помогать укладывать вещи въ только что разобранный чемоданъ Дюмуза. Рамдасъ вошелъ въ комнату съ зажженной лампой.

— Куда ѣдетъ саибъ? спросилъ онъ.

— Въ Нуддею, тихо проговорилъ Дюмузъ.

Рамдасъ ухватился за колѣни и сапоги Дюмуза, умоляя его не ѣхать туда. Рамдасъ вылъ и плакалъ до тѣхъ поръ, пока его не выпроводили изъ комнаты. Тогда онъ собралъ всѣ свои пожитки и пришелъ просить аттестата у Дюмуза. Конечно, онъ, Рамдасъ, не поѣдетъ въ Нуддею, для того чтобы видѣть, какъ тамъ

*) Такъ называются маленькіе администритивные центры Англіи въ Индіи.

умретъ его саибъ и, быть можетъ, для того, чтобы самому умереть.

Такимъ образомъ Дюмузу пришлось разсчитать своего слугу, и онъ уѣхалъ въ Нуддею одинъ. Его товарищъ-докторъ простился съ нимъ, какъ съ приговореннымъ къ смерти.

Одиннадцать дней спустя Дюмузъ соединился со своей Memsahib, и администраціи Бенгаліи пришлось просить у администраціи Пенджаба новаго доктора для борьбы съ эпидеміей въ Нуддеѣ. Первый же пріѣхавшій докторъ лежалъ мертвымъ въ Чуданга-Дакъ-Бенгало.

М. Ватсонъ.

Стихотвореніе

Nocturno

Плакали вербы надъ озеромъ соннымъ,
Берегъ туманомъ сѣдымъ одѣвался,
Мѣсяцъ далекій щитомъ золоченымъ
Въ волнахъ зеркальныхъ съ небесъ отражался;
Вѣтеръ лѣниво на берегъ дышалъ
И приозерный камышъ обвѣвалъ.
Тихъ былъ тотъ вечеръ, такъ тихъ, что порою
Слышало ухо, какъ листъ шевелился,
Какъ на утесѣ, изрытомъ водою,
Въ старомъ гнѣздѣ зимородокъ возился.
А подъ утесомъ у черныхъ корней
Шли подъ водою стада карасей.
И соловьямъ въ этотъ вечеръ не пѣлось,
Даже комаръ не гудѣлъ надъ водою;
Мнѣ и весломъ шевельнуть не хотѣлось,
Даже забылъ любоваться тобою.
Любо намъ было, отдавшись волнѣ,
Благоговѣйно внимать тишинѣ.
Вербы вздыхали все тише и тише,
Берегъ плотнѣе туманомъ укрылся.
Мѣсяцъ поднялся надъ озеромъ выше
И вѣтерокъ въ камышахъ не возился...
Ты прошептала мнѣ: „вѣтеръ молчитъ:
Слушай: природа молитву творитъ!..“

Ал. Будищевъ.

ПО ПЕРСІИ

путевыя замѣтки художника

А. А. ЧИКИНА

III

Окончаніе

Отъ Сунгура дорога незамѣтно поднимается въ гору. Было порядочно-таки жарко, когда мы медленно подвигались по шиферной, вьющейся по склонамъ ея, тропинкѣ, но зато, достигнувъ перевала, гдѣ дулъ пріятный, освѣжающій вѣтерокъ, мы увидѣли чудесную луговую равнину, надъ которой грандіозной стѣной высились дикія, скалистыя горы, синѣя мрачнымъ ущельемъ, врѣзавшимся въ ихъ каменную громаду. Спустившись въ эту ярко зеленую, засѣянную рисомъ равнину, изрѣзанную арыками и блещущую болотцами, къ вечеру мы остановились ночевать въ деревушкѣ Тепе-Куличе, расположенной на этой нездоровой мѣстности.

Отсюда дорога направляется къ ущелью и сперва идетъ по остаткамъ солидной древней мостовой, когда-то проложенной поперекъ равнины, затѣмъ пересѣкаетъ маленькую рѣчку, надъ которой высится старинный каменный мостъ, и, наконецъ, вступаетъ въ ущелье, крутые обрывы котораго вздымаются къ небу и по дну котораго течетъ порядочная рѣка, густо заросшая зелеными ивами. Вообще, мѣстность здѣсь чрезвычайно живописна. По дорогѣ мы нагнали интересную партію — пять дервишей, изъ которыхъ двое были негры. Они шествовали изъ Шираза въ Керманшахъ съ тремя ослами, нагруженными разной походной утварью, баклажками, курами и прочей снѣдью—доброхотнымъ подаяніемъ набожныхъ мусульманъ. Въ рукахъ у нихъ были сѣкиры и кокосовые чашки, и по временамъ они затягивали какой-то стихъ изъ Корана или садились при дорогѣ покурить опія.

Ущелье, котораго мы достигли, дальше все расширяется и расширяется и переходитъ снова въ зеленый лугъ, по сторонамъ котораго высятся горы. Держась его западной стороны, мы при одномъ изъ поворотовъ дороги увидѣли вдругъ у самой подошвы горы на берегу текущаго съ нея ручья красивый замокъ на холмѣ и неподалеку отъ него становище курдовъ. Мы завернули сюда. Кочевка эта была довольно любопытна и, вообще, не походила на видѣнныя раньше, а скорѣе на какой-то цыганскій таборъ. Всего въ какихъ нибудь ста саженяхъ отъ своей деревни, спрятавшейся за стѣнами замка Берначъ, жители ея выстроили нѣсколько рядовъ навѣсовъ, крытыхъ вѣтвями, и едва перегороженныхъ тоненькими прозрачными циновками на отдѣльныя для каждой семьи помѣщенія. Между рядами этихъ навѣсовъ бѣгали ребятишки, бродили овцы, козы, куры, паслись лошади; подъ навѣсами женщины мололи на ручныхъ мельницахъ пшеницу, пряли, стряпали и вообще всюду было видно оживленіе. Мы посѣтили и замокъ Берначъ. Постройки онъ недавней и разрушенъ, какъ намъ сказали, по приказу шаха.

Часа въ 4 мы отправились дальше. До Бисутуна отсюда всего верстъ 15 и дорога все также же живописна. Послѣ скучныхъ голыхъ горъ сѣвернаго Курдистана намъ особенно нравились эти зеленые луга, обиліе воды и красивые утесы. Но вотъ, впереди, на равнинѣ, мелькнулъ сѣрый, кривой столбикъ, дальше — другой, третій и цѣлый рядъ ихъ потянулся за горы. Это — телеграфъ, идущій изъ Хамадана въ Керманшахъ и дальше до Багдада вдоль „Царской дороги“, той дороги, по которой съ незапамятныхъ временъ двигались войска и народы изъ Ассиріи въ Персію и обратно и по которой Александръ Македонскій шелъ въ Индію.

Огибая гигантскую, уходящую въ небо бисутунскую скалу, отъ которой ложилась огромная тѣнь по равнинѣ, мы увидѣли вдругъ и самый Бисутунъ — ушедшую въ землю деревушку съ возвышающимся только надъ ней величественнымъ караванъ-сараемъ, который мы издали приняли было за мечеть и который построенъ еще при шахѣ Аббасѣ (въ началѣ XVII вѣка) и представляетъ весьма солидное сооруженіе. Это большой четыреугольный дворъ, вокругъ котораго расположены въ рядъ комнаты для проѣзжихъ, по угламъ находятся обширныя конюшни, а подъ воротами, увѣнчанными куполомъ, помѣщается такъ называемый „даландаръ“, т. е. смотритель его и хозяинъ лавочки съ съѣстными припасами и кормомъ для скота. Этотъ типъ караванъ-сараевъ распространенъ вездѣ въ Персіи на большихъ торговыхъ и этапныхъ путяхъ и для путешественниковъ безъ сомнѣнія несравненно удобнѣе и пріятнѣе всякихъ помѣщеній въ деревнѣ. Между камнями, изъ которыхъ выстроенъ бисутунскій караванъ-сарай, я замѣтилъ много украшенныхъ орнаментами, куфическими надписями, вытесанныхъ изъ капителей колоннъ и проч.: вѣроятно матеріалъ для постройки его брался изъ развалинъ древняго Багистана, остатки которыхъ едва можно замѣтить по нѣсколькимъ капителямъ и базамъ колоннъ, валяющихся среди камней верстахъ въ восьми отъ Бисутуна по дорогѣ къ Керманшаху.

Бисутунъ — мѣсто любопытное и историческое. На его скалѣ, которая на 450 метровъ отвѣсно поднимается надъ лугами, вырѣзаны Даріемъ Гистаспомъ барельефы и надписи, имѣющія, какъ извѣстно, огромную важность для изученія древней исторіи. „Ни одинъ памятникъ древности, говорится у Реклю, не имѣлъ больше важности, чѣмъ бисутунскія надписи, для дешифрированія клинообразныхъ письменъ, которыя открыли широкую перспективу къ давно забытымъ временамъ; въ Бисутунѣ, можно сказать, совершился, для изученія древней исторіи, величайшій переворотъ въ наукѣ нашего вѣка, подобный тому обновленію, которое было внесено въ область религіозныхъ и философскихъ изслѣдованій открытіемъ санскритскаго и зендскаго языковъ“. Тотчасъ же за деревней, надъ прозрачнымъ источникомъ, не высоко на скалѣ, еще видны остатки древнихъ барельефовъ, среди которыхъ я разобралъ двѣ, три фигуры съ ассирійскими бородами и фигуру какого-то дракона, а надъ ними греческую еще явственную надпись. Но персы, по всей вѣроятности Фетъ-Али-шахъ, точно желая стереть и безъ того довольно таки жалкіе остатки древностей, безбожно вырубили на самой серединѣ этихъ барельефовъ стрѣльчатую нишу, испещренную арабской или персидской надписью. Неподалеку отъ нея, но значительно выше, виденъ и знаменитый, еще совершенно цѣлый, барельефъ Дарія Гистаспа. Царь изображенъ наступившимъ на побѣжденнаго врага передъ плѣнниками, связанными за шею другъ съ другомъ; огромное пространство ниже этихъ барельефовъ покрыто клинообразными знаками на трехъ языкахъ: персидскомъ, мидійскомъ и ассирійскомъ. Чтобы прочесть ихъ, требовались, вѣроятно, большія сооруженія, такъ какъ добраться до барельефовъ, не смотря на отчаянныя попытки, мы никакъ не могли. Съ того мѣста, куда можно еще взобраться, открывается чудный видъ на окрестности, и мы за наше сравнительно долгое пребываніе въ Бисутунѣ частенько сюда лазали.

Луговая равнина, на которой расположенъ Бисутунъ, однако очень нездорова, такъ что здѣсь мы хворали по очередно, какъ по пути въ Керманшахъ, такъ и обратно, вслѣдствіе чего и пробыли въ Бисутунѣ въ общемъ около недѣли. Мѣстные жители тоже страдаютъ отъ лихорадки, и когда мнѣ удалось однажды быстро вылечить хининомъ одну курдинку, то я, пріобрѣтя тотчасъ же названіе „хакимъ-баши“ (главный докторъ), не зналъ какъ и отдѣлаться отъ паціентовъ: безнадежно больные страшной водянкой, слѣпые и проч., всѣ чаяли отъ меня помощи.

9-го іюля, въ 4 часа мы выѣхали изъ Бисутуна по широкой и гладкой дорогѣ вдоль тѣхъ же скалъ, которыя сплошной гигантской стѣной тянутся до Керманшаха и дальше. Между этимъ городомъ и Бисутуномъ, т. е. на протяженіи болѣе 40 верстъ, при дорогѣ деревень нѣтъ, но за то дорога очень живописна. Миновали мы незамѣтныя развалины Багистана, переѣхали черезъ довольно широкую рѣку Кара-су по старинному мосту и увидѣли, наконецъ, впереди нѣсколько огоньковъ, обозначавшихъ Керманшахъ. Такъ какъ былъ уже первый часъ ночи, то мы, конечно, одни не нашли бы въ спящемъ городѣ помѣщенія, но по счастію насъ нагнала кавалькада, сопровождающая какого-то чиновника, который былъ такъ любезенъ, что отрядилъ намъ двухъ человѣкъ, при помощи которыхъ мы при самомъ же въѣздѣ въ городъ нашли маленькій караванъ-сарай и расположились въ немъ. Благодаря же рекомендательному письму изъ Тавриза къ богатому мѣстному купцу, Хаджи-Ахмедъ-Хамадани, мы, при содѣйствіи его родственника, на другой день наняли для себя отличный домъ на нѣсколько дней за плату всего по 1½ крана въ сутки (45 коп.).

Керманшахъ — городъ большой; въ немъ до 40,000 жит. Расположенный на главнѣйшей дорогѣ, ведущей изъ Месопотаміи во внутрь Ирана, этотъ городъ, помимо своего военнаго значенія, важенъ еще какъ самый торговый городъ на юго-западѣ Персіи. На его любопытномъ базарѣ царитъ такое оживленіе, какое можно сравнить развѣ только съ тавризскимъ, съ тою только разницею, что здѣсь толпа еще пестрѣе, еще разношерстнѣе; здѣсь уже много арабовъ изъ Багдада и другихъ мѣстностей. Что особенно обратило наше вниманіе на немъ, такъ это мѣстныя харчевни или вѣрнѣе, пожалуй, рестораны. Входныя арки ихъ украшены цѣлой системой самыхъ разнообразныхъ и причудливыхъ формъ мѣдныхъ звонковъ, тарелокъ, бубенчиковъ, развѣшанныхъ на длинныхъ снурахъ. Голосистый

поваръ, съ ловкостью жонглера рубящій мясо для кебаба (шашлыкъ), среди своей стряпни какъ бы невзначай дернетъ вдругъ за снурки и поднимается оглушительный звонъ, приглашающій посѣтителей. Такія харчевни, бѣднѣе, впрочемъ, увѣшанныя, мы видѣли еще только въ Испагани.

Мы сдѣлали визитъ миръ-пенджу, правителю Керманшаха и всей провинціи Керманшаханъ. Согласно обычаю курдовъ, губернаторъ былъ на кочевкѣ, т. е. расположился лагеремъ въ палаткахъ возлѣ города. Подходя къ лагерю, мы увидѣли массу всадниковъ, солдатъ и народа тѣснящагося вокругъ нѣсколькихъ большихъ и маленькихъ, расшитыхъ узорами, палатокъ, обнесенныхъ вокругъ еще и полотняной оградой, тоже разукрашенной. Обширная палатка миръ-пенджа находилась за тремя такими оградами. Когда мы вошли внутрь послѣдней, мы увидѣли подъ навѣсомъ на дорогой софѣ, окруженнаго чиновниками, миръ-пенджа, еще молодаго человѣка и довольно интелигентнаго вида; не подалеку отъ него на возвышеніи, покрытомъ краснымъ сукномъ, стояли три стула для насъ. Миръ-пенджъ, разумѣется, обѣщалъ намъ всякое содѣйствіе, но прибавилъ, что только для путешествія въ сторону Хамадана; на западъ же, т. е. къ турецкой границѣ онъ безъ особеннаго разрѣшенія шаха пустить насъ не можетъ. Онъ, какъ и всѣ прочіе отъ самаго Тавриза, считалъ насъ за русскихъ переодѣтыхъ офицеровъ.

Самое замѣчательное въ Керманшахѣ, что собственно и заставило насъ посѣтить его, это прославленные такъ-и-бостанскіе гроты, находящіеся верстахъ въ 7-ми отъ него въ тѣхъ скалахъ, которыя, какъ я уже упоминалъ, тянутся отъ Бисутуна. Мы выѣхали сюда одни безъ официальнаго проводника, такъ какъ до самаго Такъ-и-Бостана дорога идетъ отлично насажденной аллеей деревьевъ, сквозь которыя синѣютъ впереди эти красивыя скалы. Верстахъ въ 5-ти отъ Керманшаха намъ пришлось переправляться вбродъ черезъ рѣку Кара-су и затѣмъ мы снова двигались той же аллеей среди зеленѣющихъ окрестностей. Наконецъ аллея кончилась. Свернувъ отъ маленькой деревушки и поднявшись на—очевидно искусственное—возвышеніе, мы очутились на берегу обширнаго пруда, обсаженнаго ивами, надъ самой водой котораго чернѣютъ два разной величины грота, а на противоположномъ берегу стоитъ какая-то безформенная статуя, въ родѣ скиѳскихъ бабъ, и двѣ весьма тонкой и искусной работы капители колоннъ. Съ перваго взгляда эта гранитная скала съ весьма хорошо сохранившимися на ней барельефами тысячелѣтней древности, съ этими гротами, такъ картинно отражающимися къ голубой водѣ пруда, производитъ впечатлѣніе какой-то художественной декораціи. Гроты оказались дѣйствительно достойными того, чтобы ихъ посмотрѣть. Надъ большимъ изъ нихъ, помимо красиваго и отлично сработаннаго орнамента, высѣчена луна и по сторонамъ двѣ крылатыя фигуры съ вѣнками а внутри его на раздѣленной на двое стѣнѣ помѣщаются огромные горельефы, частью попорченные временемъ и варварствомъ, но въ большинствѣ еще сохранившіе всю тонкость и чистоту древней отдѣлки. На верхней части стѣны—фигура какого-то царя, принимающаго вѣнокъ, вѣроятно, отъ жреца, и рядомъ съ нимъ какой-то женщины, выливающей что-то изъ чаши; внизу же—нѣсколько пострадавшій горельефъ всадника съ копьемъ на плечѣ. На боковыхъ стѣнахъ грота изображены въ барельефахъ цѣлыя картины.

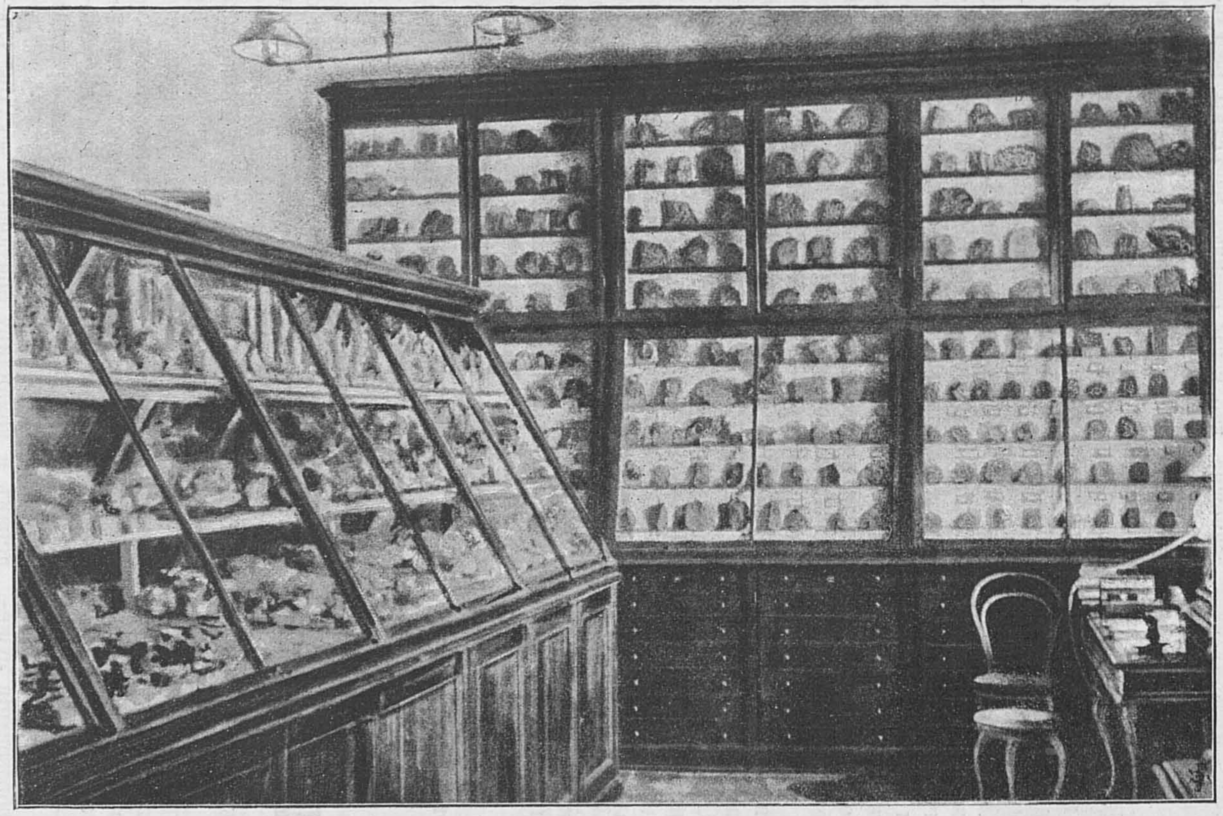
А. А. ИНОСТРАНЦЕВЪ, ученый геологъ.

Съ фотографіи В. Класена гравировалъ И. И. Хелмицкій.

По поводу двадцатипятилѣтія учено-педагогической дѣятельности.

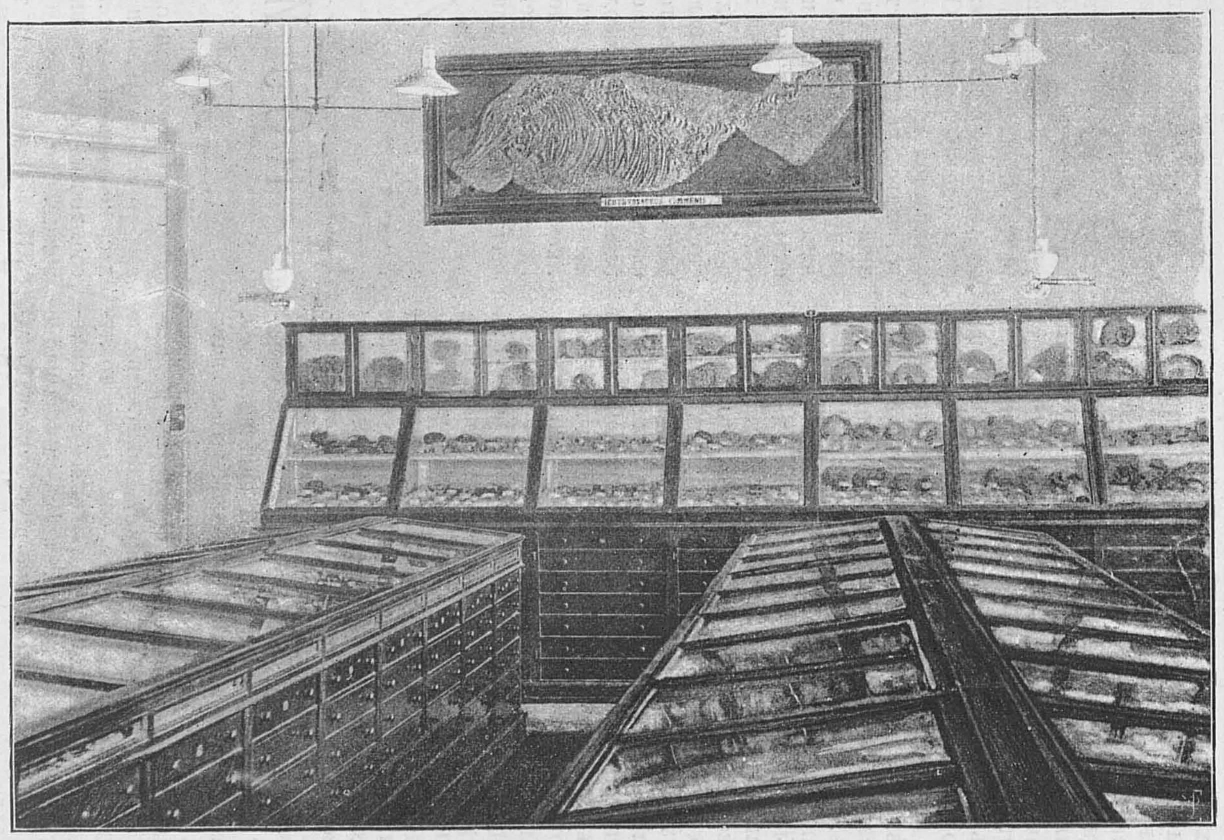
Изъ царства пернатыхъ. — Ужасъ матери (Сарычъ и куропатки). Картина Х. Хименеса.

Гравировалъ для »Всемірной Иллюстраціи« Р. Іерике въ Лейпцигѣ.



Петрографическія коллекціи.

Геологическая аудиторія.



Палеонтологическія коллекціи.

Петрографическія коллекціи.

С.-Петербургъ. — Геологическій кабинетъ Императорскаго с.-петербургскаго университета, находящійся въ вѣдѣніи профессора А. А. Иностранцева.

Автотипіи Эд. Гоппе съ фотографій любителя, снятыхъ для «Всемірной Иллюстраціи».

представляющія сцены охоты. Правая сохранилась лучше и здѣсь особенно хорошо переданы движенія оленей, кабановъ, слоновъ и верблюдовъ. Всѣ барельефы покрыты слоемъ кремнистой соли, такъ что кажутся точно полированные. Здѣсь, какъ и въ Бисутунѣ, позднѣйшій шахъ, судя по изображенію — Фетъ-Али-шахъ, на лѣвой стѣнѣ надъ древнимъ барельефомъ изваялъ портретъ собственной персоны, окруженной своимъ семействомъ, расписавъ его самыми аляповатыми красками и украсивъ соотвѣтствующими надписями. Просто досадно смотрѣть на такое невѣжество! Барельефы этого грота, какъ извѣстно, представляютъ самый художественный памятникъ скульптуры въ искусствѣ Сассанидовъ, которое, если бы не было вскорѣ задавлено арабами, стало бы, быть можетъ, на ряду съ самыми выдающимися образцами стилей.

Въ меньшемъ гротѣ только двѣ фигуры. По мнѣнію знатоковъ, постройка этого грота относится ко времени царствованія Сапора II и III т. е. къ IV вѣку по Р. Х.; большій же, если высѣченъ и одновременно съ первымъ, но украшенія свои получилъ только при Хозроѣ Парвизѣ, т. е. въ концѣ VI или началѣ VII вѣка. Неподалеку отъ гротовъ уже прямо на скалѣ выбиты еще три горельефныя фигуры. По сосѣдству съ этими тысячелѣтними древностями вадѣлецъ Такъ-и-Бостана выстроилъ самый не интересный, много мѣшающій величественности вида домъ — нѣчто въ родѣ гостинницы, такъ какъ сюда каждую пятницу пріѣзжаетъ изъ города много народа провести время въ тѣни деревъ надъ прудомъ. Здѣсь, собственно, рядомъ три пруда: по бокамъ большого есть еще два меньшихъ; всѣ они довольно глубоки и наполнены чистой, прозрачной водой, которая обильной струей вытекаетъ изъ подъ самаго дома. Для желающихъ любоваться видами надъ гротами въ неприступныхъ мѣстахъ скалъ вырублены ступеньки, но лазить по нимъ все таки довольно рискованно.

14-го іюля мы оставили Керманшахъ и опять пріѣхали въ Бисутунъ, гдѣ, какъ я уже упоминалъ, по болѣзни принуждены были простоять около трехъ дней. Изъ Бисутуна мы выѣхали передъ вечеромъ, такъ какъ ночи были лунныя и по всей этой дорогѣ проведенъ телеграфъ. Въ Персіи по большимъ дорогамъ караваны собственно и путешествуютъ ночью, когда не жарко. Дорога проходитъ почти все время лугомъ, зеленымъ и цвѣтущемъ желтой колючкой, — вѣрный признакъ лихорадочности мѣста. Справа отъ насъ серебрилась при лунномъ свѣтѣ рѣчка Гамасъ-абъ. До Сехне, нашего мензиля т. е. станціи отъ Бисутуна всего 4 агача, т. е. 28 верстъ, которыя мы быстро проѣхали, и вступили въ большую деревню, утопавшую въ обширныхъ, живописныхъ садахъ, въ тѣни которыхъ журчатъ многочисленные ручейки. Послѣ нѣкоторыхъ блужданій по спящей деревнѣ мы нашли, наконецъ, караванъ-сарай и, разбудивъ стукомъ камней въ ворота даландара, въѣхали въ его дворъ. Этотъ караванъ-сарай такого же типа, какъ и бисутунскій, но еще больше послѣдняго, и, хотя и новѣе, но уже довольно таки разрушенъ; караваны почти не останавливаются въ немъ, предпочитая ему тѣнистые уголки среди окрестныхъ садовъ.

Слѣдующій мензиль послѣ Сехне—городокъ Кянгеверъ. Когда мы стали собираться передъ вечеромъ уѣзжать, даландаръ вдругъ началъ увѣщевать насъ не ѣхать на ночь, говоря, что на дорогѣ появились разбойники. Мы не придали его словамъ никакого значенія, но когда выѣхали изъ воротъ караванъ-сарая, то чуть не вся деревня бросилась къ намъ, отсовѣтывая отъ поѣздки и разсказывая всякіе страхи про разбойниковъ; нѣкоторые очень ужъ усердные хватали даже подъ уздцы нашихъ коней. Однако мы ужъ выѣхали и ворочаться намъ не хотѣлось. Распростившись съ уговаривавшими насъ жителями, мы, осмотрѣвъ на всякій случай свои револьверы, двинулись по гладкой дорогѣ. Отъ Сехне она идетъ то лугомъ, то поднимается на невысокіе, каменистые холмы и носитъ здѣсь чрезвычайно дикій характеръ, особенно при лунномъ свѣтѣ. Дѣйствительно если ужъ гдѣ засѣсть разбойникамъ, такъ только среди этихъ сѣрыхъ вывѣтрившихся скалъ; но мы отъ самой деревни не встрѣтили на ней ни единой живой души. Отъѣхавъ отъ Сехне верстъ 10, мы услыхали вдругъ впереди звуки бубна и въ сторонѣ отъ дороги мелькнуло нѣсколько огоньковъ. Звуки становились все сильнѣе и сильнѣе, и скоро мы увидѣли при дорогѣ большой шалашъ, подъ крышей котораго набилось душъ 15 народа и по серединѣ котораго кружилась подъ звуки бубна, при хлопаньи въ ладоши, танцовщица, а возлѣ шалаша были сложены тюки товара и стояли мулы и лошади. Оказалось, что это караванъ, изъ боязни разбойниковъ, расположился здѣсь по сосѣдству съ деревней (огни принадлежали деревнѣ), и люди его кейфуютъ, покуривая кальяны и созерцая пляску танцовщицы изъ извѣстнаго на югозападѣ Персіи племени сусмани. При видѣ насъ всѣ стали опять совѣтывать намъ не ѣхать дальше, а подождать тутъ, говоря, что изъ Луристана появилось около 60 всадниковъ, причемъ прибавляли, что одинъ лури стоитъ по меньшей мѣрѣ 10-ти персовъ. Но мы отправились дальше, и только почти передъ самымъ Кянгеверомъ встрѣтили огромный караванъ человѣкъ во сто, которые съ робостью разспрашивали насъ, не попадались ли намъ разбойники. Наконецъ, черная полоска зелени, которую мы увидѣли еще издали, выросла въ сады, и мы, въѣхавъ, въ спящій городокъ, остановились въ маленькомъ караванъ-сараѣ, биткомъ набитомъ мулами и ослами.

Кянгеверъ — городокъ не большой, но въ древности это было важное мѣсто. Здѣсь, полагаютъ, находился храмъ персидской Артемиды, остатки котораго археологи нашли на холмѣ близь города. Въ самомъ городѣ я видѣлъ часть древней постройки — фундаментъ съ тремя сломанными на половинѣ колоннами изъ сѣраго камня; жители утилизировали эту руину, задѣлавъ промежутки между колоннъ глинобитной стѣной для дома.

Изъ Кянгевера мы опять выѣхали передъ вечеромъ. Здѣсь деревни уже довольно часто попадаются при дорогѣ, и въ одной изъ нихъ, именно въ Миндеръ-Абадѣ, на остаткахъ стѣнъ обширной когда-то крѣпости, мы увидѣли несмѣтную колонію аистовъ, устроившихъ на ней свои гнѣзда. Дорога почти все время идетъ по равнинѣ до Асадъ-Абада, который показался на разсвѣтѣ у подошвы довольно крутыхъ горъ. Асадъ-Абадъ — тоже городъ, какъ и Кянгеверъ (кассаба), но онъ ужъ вовсе ничего интереснаго не представляетъ. Пробывъ здѣсь день, мы выѣхали отсюда уже прямо въ Хамаданъ, до котораго отсюда около 40 верстъ. Отъ самаго города дорога взбирается на гору и чрезвычайно утомительна, благодаря каменистости и крутизнѣ. Большей частью мы шли пѣшкомъ и только послѣ, по крайней мѣрѣ, 4-хъ часоваго марша, достигли, наконецъ, перевала и постепенно стали спускаться. Справа поднимался величественный, бѣлѣющій снѣжными пятнами Альвендъ, а впереди разстилалась сливающаяся съ горизонтомъ хамаданская равнина. Отдохнувъ при дорогѣ, мы съ разсвѣтомъ двинулись дальше и скоро увидѣли вдали синѣющіе сады этого города. Но прошло довольно таки времени, пока мы въѣхали, наконецъ, въ него и остановились въ хорошемъ, новомъ караванъ-сараѣ на базарѣ, занявъ въ немъ лучшую комнату за весьма умѣренную плату.

А. Чикинъ

ПОЛИТИКА

14 (26) іюня 1893 г.

Весьма неожиданно для значительной части русской публики прошлая недѣля оказалась непривычно для лѣтняго времени богатою событіями нашей внутренней политической жизни.

На первомъ мѣстѣ такихъ событій явилось Высочайшее повелѣніе о преобразованіи существовавшаго доселѣ у насъ министерства государственныхъ имуществъ въ министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Этою, давно уже ожидавшеюся, реформою забота о главной производительной силѣ нашего отечества поставлена на первый планъ и становится главною задачею министра, которому въ нашемъ общемъ государственномъ строѣ поручено спеціальнымъ образомъ попеченіе о развитіи экономическаго благосостоянія страны. Нѣтъ надобности ни въ какомъ чрезмѣрномъ оптимизмѣ для того, чтобы радостно предусматривать, да притомъ въ недалекомъ уже будущемъ, самыя благія послѣдствія рѣшеннаго державною волею преобразованія.

Почти одновременно съ упомянутымъ преобразованіемъ состоялось обнародованіе закона объ установленіи у насъ двойнаго таможеннаго тарифа, по которому государства, ставящія въ своей таможенной политикѣ Россію въ положеніе менѣе выгодное, чѣмъ другія страны, будутъ отнынѣ платить при ввозѣ своихъ товаровъ къ намъ пошлины, повышенныя на 20 и 30% противъ пошлинъ, уплачиваемыхъ государствами, предоставляющими русскимъ товарамъ льготныя условія ввоза и транзита.

На западѣ Европы главный политическій интересъ прошлой недѣли сосредоточивался на вторичныхъ выборахъ въ Германіи. Отъ конечнаго результата этихъ выборовъ будетъ зависѣть, какъ знаютъ уже читатели, рѣшеніе вопроса о томъ — составится или не составится въ новомъ германскомъ парламентѣ большинство, благопріятное военной реформѣ. На первыхъ выборахъ такого большинства не оказалось. Перевѣсъ оппозиціи надъ правительственными фракціями дошелъ напротивъ до 22 голосовъ, но въ 184 округахъ оказались необходимыми перебаллотировки, которыя и были произведены 11 (23), 12 (24) и 14 (26) іюня. Въ то время, какъ мы пишемъ эти строки, въ Петербургѣ извѣстны только результаты перебаллотировокъ 11 (23) іюня да двухъ третей (129 округовъ) перебаллотировокъ 12 (24) іюня. На первыхъ оппозиція выиграла 3 голоса (5 противъ 2-хъ), на вторыхъ потеряла одинъ голосъ (64 противъ 65-ти). Перевѣсъ ея сохранился такимъ образомъ въ числѣ 24 голосовъ. Вполнѣ возможно, что когда станутъ извѣстны результаты голосованія во всѣхъ округахъ, цифра этого перевѣса ослабѣетъ въ значительныхъ размѣрахъ и пожалуй сведется даже къ нулю. Въ слѣдующей хроникѣ нашей мы будемъ уже вѣроятно имѣть возможность сообщить читателямъ кое что опредѣленное на этотъ счетъ.

Въ Англіи пренія палаты общинъ объ ирландскомъ биллѣ продолжаютъ идти съ величайшею медленностью, благодаря непрекращающимся усиліямъ оппозиціи, сыплющей поправками къ каждой, поступающей на очередь обсужденія, статьѣ билля. На прошлой недѣлѣ палата приняла 4-ю статью и пріостановила обсужденіе остающихся еще 36-ти для того, чтобы заняться бюджетомъ. Становится все болѣе и болѣе очевиднымъ, что ирландскій билль не пройдетъ въ нынѣшнюю сессію, если Гладстонъ не приметъ, наконецъ, тѣхъ рѣшительныхъ мѣръ, право на которыя даетъ правительству и парламентскому большинству уставъ палаты общинъ, т. е. не потребуетъ, чтобы упомянутое большинство назначило срокъ, къ которому пренія должны быть во что бы то ни стало окончены. Пока маститый премьеръ не сдѣлаетъ этого энергическаго шага, въ англійской публикѣ будетъ распространяться все болѣе и болѣе вѣра въ распускаемые оппозиціею слухи, что самъ онъ потерялъ вѣру въ успѣхъ задуманнаго имъ смѣлаго предпріятія. Впрочемъ въ концѣ прошлой недѣли вниманіе упомянутой публики было отвлечено отъ ирландскаго вопроса во первыхъ извѣстіями о трагической гибели одного изъ лучшихъ и грознѣйшихъ британскихъ броненосцевъ „Victoria“, который пошелъ ко дну близь Триполиса (у береговъ Сиріи) вслѣдствіе столкновенія на маневрѣ съ другимъ англійскимъ же броненосцемъ „Camperdown“, а во вторыхъ телеграммою изъ Индіи о весьма серьезныхъ народныхъ безпорядкахъ въ Ронгунѣ. Гибель броненосца „Victoria“ стоила жизни двумъ третямъ его экипажа (болѣе 400 человѣкъ), 58-ми офицерамъ и командиру британской эскадры Средиземнаго моря, вице-адмиралу Трейону, по-

тонувшему вмѣстѣ со своимъ флагманскимъ кораблемъ. Ронгунскіе безпорядки по первымъ извѣстіямъ сильно смахиваютъ на одинъ изъ тѣхъ частныхъ бунтовъ туземныхъ мусульманъ, которые всегда ставятъ правительство Индіи въ очень затруднительное положеніе.

Во Франціи прошлая недѣля ознаменовалась шумнымъ, но очень быстро окончившимся парламентскимъ скандаломъ. Дѣло началось съ того, что когда во время преній палаты депутатовъ о проектѣ частичнаго обновленія этой палаты противъ проекта вздумалъ говорить извѣстный и еще недавно столь могущественный вождь ультра-радикальной партіи, г. Клеменсъ, г. Поль Деруледъ съ негодованіемъ потребовалъ, чтобы онъ замолчалъ, потому что палата не должна выслушивать „измѣнниковъ отечеству“. Эта выходка привела къ шумной сценѣ, въ которой большинство депутатовъ обнаружило какъ будто сочувствіе къ обвинителю г-на Клеменса, и даже члены партіи послѣдняго не рѣшились выступить на его защиту. Парижская печать уже заговорила о полномъ и безповоротномъ пораженіи г-на Клеменса, но въ четвергъ на прошлой недѣлѣ, когда г. Мильвуа заявилъ, что существуютъ „выкраденныя изъ англійскаго посольства“ доказательства обвиненій г-на Деруледа, очень скоро обнаружилось, что эти „документы“ — поддѣлка нѣкоего Нортона, мелкаго чиновника, служившаго въ англійскомъ посольствѣ. Г. Поль Деруледъ, какъ только сообразилъ, что онъ сдѣлался жертвою мистификаціи, поспѣшилъ заявить, что онъ выходитъ въ отставку и удалился изъ палаты. Къ концу засѣданія примѣру его послѣдовалъ и до-нельзя сконфуженный г. Мильвуа. Дѣло о подложныхъ документахъ еще передъ засѣданіемъ было передано правительствомъ суду.

Въ Австро-Венгріи и въ Италіи на минувшей недѣлѣ не происходило ничего особенно выдающагося въ политическомъ отношеніи. Извѣстія изъ Сербіи сообщали, что скупщина собирается настаивать на преданіи суду бывшаго либеральнаго министерства Аввакумовича.

Городъ Плоцкъ

Плоцкъ — главный городъ одной изъ десяти губерній Царства Польскаго — расположенъ на правомъ, высокомъ (около 25 саж. в.), берегу р. Вислы, въ 100 слишкомъ верстахъ отъ Варшавы и въ 70 съ небольшимъ верстахъ отъ германской границы. Исторія возникновенія Плоцка теряется въ глубинѣ вѣковъ. Еще Мечиславъ I, вводя въ Польшѣ христіанство, въ 60-хъ годахъ X ст., по разсказамъ польскихъ хроникеровъ, предполагалъ заложить въ Плоцкѣ христіанскій храмъ, который и появился при преемникѣ Мечислава, Болеславѣ I, Великомъ, съ значеніемъ каѳедральнаго. Съ этого времени городъ такъ разросся и на столько украсился, что Владиславъ I, Германъ и сынъ его Болеславъ III, Кривоустый, предпочитали Плоцкъ Кракову, подолгу проживая въ немъ. По раздробленіи Польши на удѣлы, при Лешкѣ Бѣломъ, въ 1207 г., Плоцкъ сдѣлался столицею особаго — Мазовецкаго — княжества и соединился съ землями польской короны лишь при королѣ Казимирѣ Великомъ.

Казимиръ возстановилъ городскія стѣны, выстроилъ замокъ, снабдилъ городъ разными привиллегіями, которыя подтверждали и дополняли послѣдующіе короли. Вслѣдствіе этого Плоцкъ сталъ однимъ изъ наиболѣе населенныхъ и промышленныхъ пунктовъ королевства, такъ что въ XVI столѣтіи онъ занималъ первое мѣсто послѣ столицы. Но неоднократные пожары, особенно же бывшіе въ 1606, 1616, 1641, 1688, 1709 и 1711 гг., и моровая язва — въ 1603, 1709—1711 гг. — значительно уменьшили населеніе и ослабили промышленность города, а шведскія войны довершили его упадокъ. Въ 1793 г. Плоцкъ отошелъ къ Пруссіи. Прусское правительство энергически принялось за обновленіе города и въ этомъ отношеніи оказало ему огромныя услуги, которыя очевидны и до нашего времени. Съ 1815 года Плоцкъ принадлежитъ Россіи и въ 1844 г. онъ сдѣланъ губернскимъ городомъ.

Въ настоящее время Плоцкъ представляетъ типъ новаго губернскаго города съ правильными широкими мощеными улицами, обсаженными по сторонамъ деревьями, съ асфальтовыми панелями, съ каменными домами, приличными снаружи и плохо устроенными внутри.

Отъ древняго замка, разрушеннаго послѣ первой шведской войны (1656 г.), остались одни слѣды въ видѣ возвышающейся на крутомъ берегу Вислы, значительно пострадавшей отъ времени, башни, основаніе которой по нѣкоторымъ признакамъ можно отнести къ XIV вѣку. Неподалеку отъ этой башни находится каѳедральный костелъ (tum) во имя Пресвятой Дѣвы, построенный въ 1136 г. Александромъ, епископомъ плоцкимъ, въ формѣ креста и почти совершенно перестроенный при его преемникахъ; изъ многочисленныхъ алтарей въ костелѣ нѣкоторые заслуживаютъ вниманія въ художественномъ отношеніи. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ боковыхъ алтарей лѣвой стороны, отъ входа, замѣчательна икона, изображающая скорбящаго апостола Петра (Мат. XXVI, 75), подаренная костелу княземъ Михаиломъ Понятовскимъ, братомъ короля Станислава-Августа, бывшимъ съ 1773 г. епископомъ плоцкимъ, изъ собственной картинной галлереи, и икона Вознесенія Богоматери на небо въ главномъ алтарѣ, вывезенная изъ Италіи епископомъ Барановскимъ *); въ въ костелѣ въ числѣ святостей сохраняется часть мощей (голова) св. Сигизмунда (VI в.), а также находятся гробницы многихъ, оставившихъ по себѣ добрую память въ исторіи Мазовіи и Польши, духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, изъ которыхъ назовемъ плоцкаго епископа-историка Станислава Лубенскаго (пол. XVII в.); наконецъ здѣсь же погребены короли польскіе Владиславъ-Германъ († 1102) и Болеславъ Кривоустый († 1139). Настоящая наружная общая гробница надъ могилами королей сооружена

Гробница польскихъ королей Владислава I и Болеслава III въ плоцкомъ каѳедральномъ соборѣ.

Автотипія съ фотографіи М. Гумецкой.

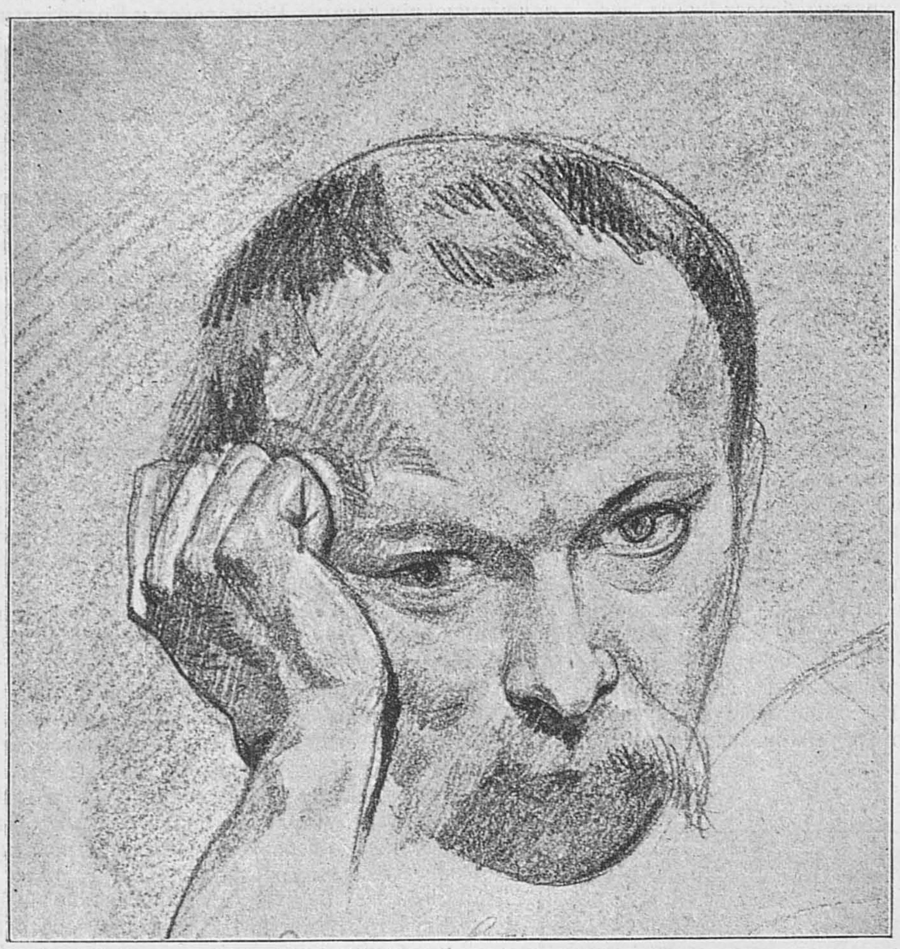
въ позднѣйшее время частными пожертвованіями. Находящаяся при костелѣ ризница заключаетъ въ себѣ немало цѣнныхъ въ историко-археологическомъ и художественномъ отношеніи предметовъ. Въ разстояніи нѣсколькихъ саженъ отъ каѳедральнаго костела стоитъ костельная звонница — высокое, построенное изъ кирпича, четыреугольное, увѣнчанное куполомъ, зданіе; подъ куполомъ устроены часы; между колоколами одинъ, — „Сигизмундъ“, — употребляемый по праздникамъ, значительной величины. Вокругъ каѳедральнаго костела, по берегу Вислы, на прилегающей къ нему мѣстности, именуемой Тумскою горою, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія разбитъ прекрасный садъ, служащій мѣстомъ прогулки и отдохновенія для горожанъ. Отсюда открывается обширный горизонтъ и восхитительный видъ на окрестность и Вислу. Спустившись съ Тумской горы въ сѣверо-восточномъ направленіи и направляясь къ православной церкви, для чего необходимо снова подняться еще на большую возвышенность — Нѣмецкій плацъ, вы встрѣчаете евангелическую церковь, бывшій до начала настоящаго столѣтія костелъ доминиканскаго монастыря, сооруженный кн. мазовецкимъ Конрадомъ I въ 1234 г. Православная церковь, существующая съ 1867 г., находится на Флоріановской площади, въ отличной каштановой аллеѣ, занимающей средину площади. На эту же аллею выходитъ своимъ фасадомъ зданіе губернскаго правленія, построенное въ 1802 г. королемъ прусскимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III. Отъ Флоріановской площади расходятся лучшія плоцкія улицы — Варшавская и Коллегіальная. Первая, начинаясь отъ самой городской черты, между прочимъ, пересѣкаетъ площадь Михайловскаго сквера съ зданіемъ казенной палаты и окружнаго суда и въ своемъ продолженіи образуетъ Гродскую улицу, на которой сосредоточены почти всѣ лучшія торговыя заведенія Плоцка. Гродская оканчивается у площади Стараго рынка, по серединѣ которой разбитъ скверъ. На Старомъ рынкѣ находится приходскій костелъ св. Варѳоломея, фара, основанный въ XIV столѣтіи, и зданіе магистрата съ обсерваціонною каланчею и часами, построенное въ 1823 г. Въ идущей отъ площади Стараго рынка Гимназіальной улицѣ заслуживаетъ упоминанія домъ мужской гимназіи, бывшій монастырь іезуитовъ, основанный въ половинѣ XVII столѣтія епископомъ Станиславомъ Лубенскимъ. Гимназіальной улицей вы выходите на Театральную; на углу Театральной и Пекарской стоитъ зданіе театра, передѣланное изъ костела еще во времена прусскаго владычества въ Привислинскомъ краѣ. Коллегіальная улица начинается тоже у заставы, на своемъ протяженіи образуетъ широкую улицу, главную въ еврейскомъ кварталѣ, пересѣкаемую разными узенькими, густо населенными евреями, улицами, и упирается въ Тюремную у зданія римско-католической духовной семинаріи при по-реформатскомъ костелѣ, построенномъ въ 1763 г. Тюремная улица — самая длинная въ городѣ — получила свое названіе отъ находящихся на ней зданій тюремъ: уголовной (постр. въ 1803 г.) и слѣдственной (сооруж. въ 1846 г. архитект. Маркони), окруженныхъ общею высокою стѣною съ выразительною надписью надъ воротами: „Postrach rzuca na niecnych, dobrych ubezpiecza tym domem Fryderyk Wilhelm III“, т. е. ужасъ наводитъ на безчестныхъ, добрыхъ охраняетъ тѣмъ домомъ, — подразумѣвается зданіе уголовной тюрьмы — Фридрихъ-Вильгельмъ III. Тюремная улица на половинѣ своей длины пересѣкается Тумскою улицею, ведущею на Константиновскую площадь, на которой въ 1887 г. выстроенъ новый рынокъ, гдѣ сосредоточена торговля жизненными припасами. Константиновская площадь примыкаетъ къ тополевой аллеѣ, полукругомъ охватывающей городъ. Вблизи городской аллеи расположены кладбища — старое и новое римско-католическіе и еврейское; православное же и евангелическое помѣщаются на берегу Вислы, по сторонамъ города.

Кромѣ помянутыхъ мужской гимназіи и римско-католической духовной семинаріи въ Плоцкѣ имѣются слѣдующія учебныя заведенія: женская гимназія съ приготовительными при ней классомъ, 5 городскихъ училищъ, воскресно-ремесленное и воскресно-коммерческое училища, 4 частныя учебныя заведенія, въ томъ числѣ: 2 мужскія, 1 женское и 1 для лицъ обоего пола. Изъ другихъ учрежденій имѣются: учебная дирекція, дирекція земскаго кредитнаго общества, губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, губернскій совѣтъ общественнаго призрѣнія и др. Постоянныхъ жителей въ городѣ считается (1891 г.) 21,331 ч., въ томъ числѣ: 278 православныхъ, 10,821 католиковъ, 528 протестантовъ и 9,704 евреевъ. Если же принять въ разсчетъ непостоянныхъ жителей и квартирующія здѣсь войска, то общее число городскаго населенія превыситъ 26,000 душъ. Для удовлетворенія религіозныхъ потребностей населенія въ городѣ имѣются 4 православныхъ церкви (приходская, домовыя — при зданіи мужской гимназіи и въ уголовной тюрьмѣ — и кладбищенская), 4 римско-католическіе костела, въ томъ числѣ одинъ на кладбищѣ, 1 лютеранская кирха, 1 синагога и 2 еврейскіе молитвенные дома. Благотворительныхъ заведеній — шесть, а именно: 3 больницы св. Троицы, св. Алексѣя (сифилитическая) и Исаака Фогеля (еврейская), домъ призрѣнія старцевъ и калѣкъ съ находящимся при немъ пріютомъ для приходящихъ дѣтей, пріютъ при православномъ приходскомъ попечительствѣ и пріютъ при городскомъ благотворительномъ обществѣ. Аптекъ здѣсь 3 и 1 складъ аптечныхъ товаровъ, банкирскихъ конторъ 4, книжныхъ магазиновъ 4, фотографій 3, типографій частныхъ и литографій 2, кондитерскихъ 3, гостинницъ и заѣзжихъ домовъ 18, питейныхъ заведеній 59 и 11 фабрикъ и заводовъ, производительность которыхъ ограничивается почти исключительно мѣстными потребностями.

Сообщеніе Плоцка съ Варшавой поддерживается во время навигаціи главнымъ образомъ на пароходахъ, зимою же въ экипажахъ (до станціи желѣзныхъ дорогъ: Привислянской — Новогеоргіевскъ — 80 вер. или Варшавско-Бромбергской — Кутно — 44 вер.) и по желѣзной дорогѣ.

Г. А. Воробьевъ.

*) Къ сожалѣнію, имена авторовъ какъ той, такъ и другой съ точностью не извѣстны.



П. А. Ѳедотовъ, факсимиле его собственнаго рисунка.

»Сафонычъ — на!« Юмористическій рисунокъ карандашомъ. Изъ галлереи П. М. Третьякова.

Пѣвица. Акварель. Съ фотографіи, сообщенной издателю А. И. Сомовымъ.

Изъ художественно-иллюстрированнаго изданія Ѳ. И. Булгакова »П. А. Ѳедотовъ и его произведенія художественныя и литературныя«.

Новый художественный альбомъ Ѳ. И. Булгакова

Ѳ. И. Булгаковъ. Павелъ Андреевичъ Ѳедотовъ и его произведенія художественныя и литературныя. Фототипическое и автотипическое изданіе. Спб. 1893. Ц. 5 рублей.

Въ нынѣшнемъ году, 23-го января, московское общество поощренія художествъ устроило особое торжественное собраніе, посвященное чествованію памяти безвременно погибшаго талантливаго художника Павла Андреевича Ѳедотова, по случаю исполнившагося, въ концѣ 1892 г., сорокалѣтія со дня его смерти. Съ этого времени втеченіе всей первой истекающей половины нынѣшняго года русская печать часто обращалась къ памяти художника, посвящая ему полныя сочувствія строки. Мы не будемъ здѣсь приводить біографическихъ свѣдѣній о П. А. Ѳедотовѣ, частію потому, что это уже было сдѣлано во „Всемірной Иллюстраціи“ (см. Т. XLIV. № 1026, 1890 г.) частію потому, что намъ пришлось бы повторять только то, что читатель уже знаетъ изъ другихъ журналовъ. Мы только хотимъ здѣсь сказать нѣсколько словъ о недавно вышедшемъ въ свѣтъ большомъ альбомѣ снимковъ съ картинъ и рисунковъ Ѳедотова, изданномъ Ѳ. И. Булгаковымъ и составляющемъ цѣнный вкладъ въ русскую литературу исторіи искусства. Альбомъ составленъ опытною рукою и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ Ѳ. И. Булгаковъ уже издалъ цѣлый рядъ подобнаго рода альбомовъ, о которыхъ мы въ свое время давали отчетъ. Ѳедотовскій альбомъ Ѳ. И. Булгакова отличается отъ другихъ его художественныхъ альбомовъ въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ — по своему значительному объему, во-вторыхъ — по особенной полнотѣ біографическихъ данныхъ о покойномъ Ѳедотовѣ. Сверхъ того, этотъ альбомъ не исключительно художественный, но и литературный: въ немъ собраны всѣ, какія удалось добыть стихотворенія и басни покойнаго. Въ альбомѣ обращаютъ на себя вниманіе снимки съ разныхъ портретовъ П. А. Ѳедотова. На обложкѣ напечатано факсимиле портрета, рисованнаго карандашемъ самимъ художникомъ; этотъ снимокъ заимствованъ изъ коллекціи А. И. Сомова. На заглавномъ листѣ напечатанъ другой портретъ художника, въ офицерскомъ мундирѣ лейбъгвардіи финляндскаго полка, заимствованный изъ исторіи этого полка, изданной въ 1881 г. Затѣмъ, на стр. 5 текста помѣщенъ портретъ, воспроизведенный съ литографическаго, изъ „Портретной галлереи Мюнстера“. Наконецъ на стр. 25 альбома находимъ снимокъ съ фотографіи, снятой съ Ѳедотова въ пятидесятыхъ годахъ. Къ ряду портретовъ можно также отнести и снимки съ трехъ извѣстныхъ картинъ, представляющихъ покойнаго въ моментъ свиданія его съ друзьями въ больницѣ Всѣхъ Скорбящихъ и въ частной лечебницѣ на Пескахъ. Литературная часть альбома открывается статьею Ѳ. И. Булгакова „О значеніи П. А. Ѳедотова и объ изданіи его произведеній“, за которою слѣдуетъ „Автобіографическая записка П. А. Ѳедотова“. Далѣе идутъ воспоминанія о Ѳедотовѣ А. В. Дружинина, написанныя въ 1853 г. и вошедшія въ полное собраніе его сочиненій. Затѣмъ слѣдуетъ въ извлеченіи заимствованная изъ „Свѣтописи“, за 1858 годъ

Вдовушка. Картина П. А. Ѳедотова. Изъ галлереи К. Т. Солдатенкова.

Изъ художественно-иллюстрированнаго изданія Ѳ. И. Булгакова »П. А. Ѳедотовъ и его произведенія художественныя и литературныя.

статья за подписью А. О.—„Нѣсколько словъ о Ѳедотовѣ“. Этотъ отдѣлъ альбома заканчивается отрывкомъ изъ воспоминаній о покойномъ его ближайшаго друга Л. М. Жемчужникова, напечатанныхъ въ мартовской книжкѣ журнала „Артистъ“ за нынѣшній годъ. Вслѣдъ затѣмъ помѣщенъ полный списокъ всѣхъ художественныхъ произведеній П. А. Ѳедотова. Изъ нихъ три — картина, писанная масляными красками, „Отставной воинъ представляетъ передъ женою какъ происходитъ смотръ войскамъ“ и двѣ акварели, представляющія бивуаки лейбъ-гвардіи Преображенскаго и гренадерскаго полковъ—составляютъ собственность Государя Императора, одна акварель—„Встрѣча въ лагерѣ л.-гв. финляндскаго полка великаго князя Михаила Павловича“—находится ва Михайловскомъ дворцѣ, въ С.-Петербургѣ, двѣ картины — „Сватовство майора“ и „Свѣжій кавалеръ“—въ Румянцевскомъ музеѣ, въ Москвѣ, акварель „Все холера виновата“ — въ академіи художествъ, десятка два картинъ въ извѣстной Третьяковской галлереѣ, двѣ картины въ галлереѣ К. Т. Солдатенкова, 51 карандашный рисунокъ — въ коллекціи А. И. Беггрова, въ Спб., 43 карандашныхъ рисунка въ коллекціи А. И. Сомова, въ Спб. Затѣмъ довольно много мелкихъ набросковъ имѣется у И. Н. Терещенко, въ Кіевѣ, и по 2—3 штуки у разныхъ другихъ лицъ. Наконецъ нѣсколько десятковъ рисунковъ Ѳедотова, извѣстныхъ его друзьямъ и почитателямъ, находятся неизвѣстно гдѣ. Въ альбомъ Ѳ. И. Булгакова вошло болѣе 70 снимковъ съ картинъ, акварелей, сепій и карандашныхъ набросковъ и рисунковъ П. А. Ѳедотова. Не говоря уже объ изяществѣ исполненія, всѣ эти снимки отличаются безукоризненною точностью, такъ какъ воспроизведены свѣтопечатнымъ способомъ. Всѣ любители искусства, безъ сомнѣнія, весьма порадуются выходу этого цѣннаго, превосходнаго изданія.

Сарычъ и куропатки

Къ картинѣ Х. Хименеса

Въ древній индійскій сборникъ нравоучительныхъ разсказовъ знаменитой „Панча-Тантрѣ“, между прочимъ, занесенъ такого рода разсказъ: какой-то раджа кушалъ медъ и уронилъ нечаянно небольшой кусочекъ. Муха увидѣла медъ, тотчасъ подлетѣла къ нему и начала его сосать; муху увидѣла ящерица, кинулась и схватила ее; на ящерицу тотчасъ же бросилась мангуста, на мангусту собака, на собаку люди; за собаку вступился хозяинъ, и произошла капитальная потасовка... Природа полна такими цѣпными истребленіями одних живыхъ существъ другими. Могучіе инстинкты самосохраненія и размноженія задаютъ основной тонъ органической жизни на землѣ, и ни что живое не выбьется изъ тисковъ этихъ нерушимыхъ законовъ. Передъ нами одна изъ драмъ природы, разыгрываемыхъ на основѣ потребностей желудка и любви къ потомству. Сарычъ схватилъ птенчика красной куропатки. Бѣдная мать въ смертельной тоскѣ смотритъ на свое гибнущее дѣтище и въ то же время мечется въ тревогѣ объ остальномъ выводкѣ. Люди съ чувствительнымъ сердцемъ, конечно, приняли бы сторону обиженной матери, но равнодушный и безпристрастный натуръ-философъ едва ли бы особенно былъ тронутъ судьбою бѣднаго птенчика. Дѣло въ томъ, что и у этого хищнаго сарыча тоже гдѣ нибудь на вершинѣ огромной сосны въ дремучемъ лѣсу сидятъ кучкою въ гнѣздѣ жалкіе голые желтоносые птенцы, гораздо болѣе жалкіе и безпомощные, чѣмъ цыплята куропатки, которые съ перваго дня жизни уже умѣютъ сами и ходить, и доставать себѣ пищу. Они сидятъ и раскрываютъ голодные рты и тотчасъ загомозятся и заверещатъ въ гнѣздѣ, какъ только отецъ или мать принесутъ имъ для ѣды того самаго куропатченка, при драматической кончинѣ котораго мы присутствуемъ. А куропаткину потомству — впередъ наука: не зѣвать по сторонамъ, не отбѣгать далеко отъ матери, быть насторожѣ, научиться загодя видѣть опасность и избѣгать ее; для нихъ эта преждевременная кончина маленькаго братишки — первый суровый урокъ жизни. Здѣсь будетъ кстати помянуть добрымъ словомъ этого самаго сарыча, котораго намъ художникъ представилъ такимъ несимпатичнымъ разбойникомъ. Сарычъ—далеко не специалистъ по части истребленія мелкихъ птичекъ; его настоящая, любимая добыча—мыши, и потому сарычъ одинъ изъ надежнѣйшихъ друзей человѣка, вѣрнѣйшихъ его союзниковъ. Если иногда, за неимѣніемъ мышей, сарычъ и утянетъ цыпленка, такое звѣрство надо ему прощать въ виду его несомнѣнныхъ крысоловныхъ заслугъ.

Тюленій промыселъ въ Великомъ океанѣ

Почти вся та часть Великаго океана, которая простирается къ сѣверу отъ параллели 40° сѣверной широты, служитъ мѣстомъ оживленной и чрезвычайно прибыльной охоты за пушистыми тюленями, такъ называемыми котиками, которые здѣсь всегда держатся, здѣсь плодятся и, смотря по времени года, перекочевываютъ несмѣтными стадами изъ одной части океана въ другую, занимая такимъ образомъ областью своего распространенія сотни тысячъ квадратныхъ миль пространства. Сѣверныя части этой области прилегаютъ къ нашей Камчаткѣ, къ острову Сахалину и слѣдовательно находятся въ границѣ русскихъ водъ; на сѣверо-западѣ тюленій районъ прилегаетъ къ Аляскѣ и слѣдовательно входитъ въ черту водъ, находящихся во владѣніи Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ; наконецъ южнѣе тѣ же полчища котиковъ устремляются къ берегамъ Канады и такимъ образомъ попадаютъ въ сферу всемірныхъ британскихъ интересовъ. Въ разгаръ промысловаго времени суда всѣхъ „заинтересованныхъ“ странъ выходили на мѣста лова и начинали свою охотничью кампанію. Долго дѣла шли мирно, безъ столкновеній, быть можетъ потому, что добычи хватало на всѣхъ, а быть можетъ и потому, что промышленниковъ было въ прежнее время не такъ много, какъ за послѣдніе годы; въ послѣднее же время начались то и дѣло столкновенія изъ-за обладанія райономъ лова. Американскіе промышленники начали хозяйничать въ русскихъ водахъ, англійскіе въ американскихъ, русскіе въ тѣхъ и другихъ, и министерства иностранныхъ дѣлъ вдругъ оказались заваленными дѣлами и жалобами на разныя незаконности и неправильности въ котиковомъ промыслѣ. Возникъ настоящій международный „тюленій“ вопросъ, который далъ отзывъ въ американскомъ конгрессѣ и въ англійскомъ парламентѣ; послѣдній на дняхъ принялъ билль объ исполненіи временнаго соглашенія Россіи съ Англіею относительно ловли тюленей въ сѣверной части Великаго океана. Англійское правительство обязуется запретить и препятствовать своимъ подданнымъ заниматься ловлею тюленей на разстояніи десяти морскихъ миль отъ русскаго побережья Берингова моря и сѣверной части Великаго океана и на разстояніи тридцати морскихъ миль отъ Командорскихъ и Тюленьихъ острововъ. Англійскія суда, охотящіяся за тюленями въ предѣлахъ этихъ водъ, могутъ быть задержаны русскими и сданы англійскимъ военнымъ властямъ, притомъ англійское правительство обязуется подвергать такія суда наказанію. Со своей стороны русское правительство обязуется ограничить подлежащихъ убою звѣрей въ теченіе 1893 г. 30 тысячами штукъ; для надзора за исполненіемъ договора англійскій агентъ имѣетъ право посѣщать Командорскіе и Тюленьи острова. Ожидаютъ, что къ концу года будетъ заключено окончательное соглашеніе между всѣми заинтересованными въ дѣлѣ государствами, къ которому примкнутъ и Соединенные Штаты.

Вопросъ могъ бы сильно обостриться, но, къ счастію, на этотъ разъ международное столкновеніе отдано на разрѣшеніе мирнаго третейскаго суда, засѣдающаго въ настоящее время на нейтральной почвѣ, въ Парижѣ. Судъ составился изъ компетентныхъ лицъ, совершенно чуждыхъ интересамъ двухъ поднявшихъ вопросъ государствъ — Англіи и Соединенныхъ Штатовъ; въ немъ предсѣдательствуетъ французъ, баронъ Декурсель. Судъ поставилъ пять главныхъ вопросовъ, подлежащихъ его разрѣшенію: 1) Имѣла ли Россія признанныя права на уступку Аляски Соединеннымъ Штатамъ? 2) Признала ли Англія законность этихъ правъ? 3) Согласны ли оба заинтересованныя государства относительно опредѣленія политическаго значенія Берингова моря? 4) Передача территоріальныхъ владѣній влечетъ ли за собою и передачу правъ на прилежащія воды? 5) Тюлени около Аляски и острововъ Прибылова, держащіеся за чертою трехъ миль отъ берега, находятся ли подъ покровительствомъ Соединенныхъ Штатовъ?

Суду пришлось также поставить вопросъ о томъ—какимъ слѣдуетъ считать Берингово море — открытымъ, международнымъ или внутреннимъ? Американскій конгрессъ считаетъ его внутреннимъ, а Англія открытымъ. Послѣ уступки Россіею сѣверо-американскихъ владѣній Соединеннымъ Штатамъ Англія не переставала утверждать, что Берингово море—общее международное достояніе и что охота въ немъ, по обычному праву, дозволительна за чертою трехъ миль отъ берега для всякаго желающаго. Но вотъ въ 1886 г. американское дозорное судно „Corwin“ захватило въ плѣнъ три британскихъ судна, охотившихся за тюленями въ Беринговомъ морѣ на разстояніи не менѣе 60 миль отъ берега. Судъ приговорилъ капитановъ этихъ кораблей къ большому штрафу и заточилъ ихъ въ тюрьму. Англія протестовала, но добилась освобожденія заточенныхъ только черезъ полгода. Надо было такъ или иначе выяснить вопросъ разъ навсегда, тѣмъ болѣе, что въ общую свалку неминуемо попадала и Россія. Прошло нѣсколько лѣтъ въ тревожныхъ переговорахъ, и теперь, наконецъ, дѣло повидимому готово уладиться мирнымъ образомъ. Друзья общаго мира предаются искреннему ликованію по поводу такого оборота весьма остраго вопроса, грозившаго непріятными дипломатическими усложненіями.

Въ виду огромнаго интереса тюленьяго вопроса считаемъ далеко не безъинтереснымъ сообщить о житьѣ-бытьѣ виновника возникшихъ дипломатическихъ затрудненій, морскаго котика, „мѣховаго“ тюленя, какъ его зовутъ англійскіе и американскіе промышленники. Однимъ изъ главныхъ становищъ этого звѣря служатъ Прибыловскіе острова; имъ, очевидно, по вкусу вѣчно сырая, пасмурная погода, господствующая на этомъ пустынномъ архипелагѣ; тутъ его никто не тревожитъ. Прибывъ на эти острова, котики располагаются на своихъ обычныхъ квартирахъ: отцы семействъ и ихъ гаремы на скалахъ, а холостые самцы на прибрежныхъ пескахъ. Животныя располагаются несмѣтными массами, которыя очень трудно пересчитать, потому что они то и дѣло перемѣняютъ мѣсто, находятся въ непрерывномъ движеніи, особенно самки. Охотники дѣлятъ всѣхъ котиковъ на два огромныхъ стада: одно приписано, такъ сказать, къ Прибыловскимъ островамъ, а другое къ Командорскимъ; американцы увѣряютъ, что эти два стада никогда между собою не смѣшиваются, а англичане утверждаютъ противное — и тутъ рознь! Въ каждомъ стадѣ различаютъ четыре группы животныхъ; во главѣ стада стоятъ семейные самцы, „быки“, по англійской терминологіи, здоровенныя животныя, вступающія въ ожесточенную потасовку немедленно по прибытіи на землю; за ними слѣдуютъ „коровы“, т. е. самки, достигшія годоваго возраста и уже способныя плодиться; далѣе идутъ малыши обоего пола, негодовалые котики, и, наконецъ, въ хвостѣ стада тянутся перешедшіе предѣлы производительнаго возраста, т. е. 5—6 лѣтъ холостяки (bachelors—„баккалавры“).

Самки мечутъ дѣтенышей на скалахъ, въ своихъ гаремахъ. Пометъ начинается обыкновенно черезъ два—три дня по прибытіи на острова, часто тотчасъ же. Малыши вѣсятъ неболѣе 8—10 фунтовъ; это очень невзрачныя головастыя существа, почти совершенно голыя и черныя. Какъ это ни странно—плавать они не умѣютъ и первое время не идутъ въ воду, боятся. Мало по малу мать пріучаетъ ихъ подползать къ водѣ, и тогда они начинаютъ плескаться у берега; часто мать переноситъ дѣтенышей въ зубахъ, какъ собака. Большія волны пугаютъ малютокъ, которыя разбѣгаются отъ нихъ безъ оглядки, пока не очутятся на высокихъ мѣстахъ, куда вода не захлестываетъ. Мѣсяца черезъ два послѣ появленія на свѣтъ малыши соединяются въ стайки и усердно учатся плавать; эти стайки—настоящія школы плаванія. Маленькій котикъ все время держится около матки, которая одна только и кормитъ его молокомъ; въ случаѣ гибели матери неминуемо гибнетъ и дѣтенышъ, потому что другая самка ни за что не станетъ его кормить. Этотъ весьма важный пунктъ, сильно оспаривается англичанами, ссылающимися на общеизвѣстный фактъ, что самки почти всѣхъ млекопитающихъ охотно вскармливаютъ чужихъ дѣтенышей. Этотъ спорный вопросъ не лишенъ практической важности, ибо, въ сущности, дѣло сводится къ тому—можно или не слѣдуетъ бить кормящихъ самокъ. Важенъ вообще всякій вопросъ объ огражденіи котиковаго племени отъ окончательнаго истребленія.

Обыкновенно части стада держатся въ океанѣ отдѣльно. На острова прежде всего прибываютъ семейные самцы, въ концѣ апрѣля; они прямо направляются на свои любимыя мѣста, съ которыхъ немедленно сгоняютъ всякое другое животное, какое тамъ вздумало бы расположиться. Черезъ мѣсяцъ къ самцамъ присоединятся ихъ гаремы, который у каждаго самца состоитъ изъ 15—25 самокъ. Самцы гораздо крупнѣе самокъ; первые вѣсятъ отъ 15 до 18 пудовъ, а самки только 3—4 пуда. Самки живутъ въ среднемъ 16 лѣтъ и за это время плодятся 13 лѣтъ, принося всегда только одного дѣтеныша. Самцы все время остаются на становищахъ, около своихъ гаремовъ, а самки часто отлучаются въ море, особенно когда маленькіе начнутъ уже подростать и научатся плавать. Холостяки прибываютъ на острова послѣ семейныхъ; послѣдніе нещадно гонятъ ихъ прочь отъ своихъ гаремовъ, и потому злополучные одиночки держатся обыкновенно въ отдаленіи, на песчаныхъ отмеляхъ, лежатъ, спятъ, ѣдятъ, плаваютъ въ морѣ и вообще повидимому скучаютъ, доживая свой вѣкъ. Въ августѣ или позднѣе, вообще при наступленіи суровой погоды и при оскудѣніи запасовъ рыбы, которою кормятся котики, ихъ стада начинаютъ движеніе къ югу, вдоль береговъ Берингова моря, частію въ сторону Японіи, частію къ берегамъ бывшихъ русско-американскихъ владѣній и Канады. Что къ передвиженіямъ ихъ побуждаетъ холодъ и голодъ—это ясно доказываетъ осѣдлостью тѣхъ же котиковъ, напр., на Галлапагосскихъ островахъ.

Итакъ, осенью начинается ходъ котика къ югу; въ это время онъ вступаетъ въ открытое нейтральное международное море. Можно ли въ это время бить его каждому, кто пожелаетъ? Конечно, можно,

говорятъ англичане; въ это время онъ ни чей, онъ въ нейтральномъ районѣ; онъ становится законною добычею каждаго. На Прибыловскихъ островахъ — дѣло другое; тамъ тюлень находится на американской территоріи, гдѣ никто кромѣ гражданъ Соединенныхъ Штатовъ охотиться не имѣетъ права.

Коммерческая компанія въ Аляскѣ имѣетъ право убивать ежегодно 60,000 котиковъ-холостяковъ. Компанія такъ успѣшно ведетъ свои дѣла, что ея благосостояніе отразилось даже на мѣстныхъ туземцахъ, которые всѣ обучены грамотѣ, умыты, причесаны, одѣты и обуты по европейски и даже научились чистить сапоги ваксою. Живутъ они теперь въ недурныхъ домикахъ съ печками.

Охота за котиками сводится къ простѣйшему избіенію звѣрей дубинами. Охотники являются на становище, сортируютъ котиковъ, какъ стадо овецъ, отгоняютъ въ сторону холостяковъ, подлежащихъ убою, и тутъ же ихъ приканчиваютъ ударами палокъ; звѣри не оказываютъ сопротивленія. Предписано закономъ употреблять всевозможныя предосторожности къ тому, чтобы не потревожить семейныхъ самцовъ съ ихъ гаремами; случается, что если на какомъ нибудь суднѣ матросы, напр. вслѣдствіе выпивки, поднимутъ шумъ, то виновные подвергаются крупному штрафу. Съ убитыхъ звѣрей тутъ же снимаютъ шкуры, солятъ эти шкуры, чтобъ предохранить ихъ отъ порчи во время перевозки, пересчитываютъ въ присутствіи правительственнаго агента и складываютъ. Итакъ, здѣсь охота ведется въ полномъ порядкѣ и подъ строгимъ контролемъ; убиваются только не плодящіеся самцы, т. е. животныя, обреченныя на естественную смерть безъ потомства, а вся молодь и всѣ плодящіяся животныя пользуются всевозможнымъ покровительствомъ.

Совсѣмъ другое дѣло въ открытомъ океанѣ. Здѣсь за котиками гоняется до 3,000 человѣкъ промышленниковъ на 123 судахъ. Охотникамъ въ морѣ невозможно и невыгодно разбирать кого они бьютъ — холостяка, семейнаго самца, самку, молодаго тюленя. Индѣйцы, люди высокой компетентности въ котиковомъ промыслѣ, положительно утверждаютъ, что замѣчаемая въ послѣдніе годы убыль котиковыхъ стадъ находится въ прямой зависимости отъ безшабашнаго истребленія звѣря промышленниками открытаго моря. Англичане и тутъ подъискали совсѣмъ другой резонъ: они утверждаютъ, что котики гибнутъ отъ какой-то повальной болѣзни; но такъ ли это — предстоитъ еще изслѣдовать, а тѣмъ временемъ котики все куда-то пропадаютъ да пропадаютъ и ихъ годъ отъ году становится меньше.

Теперь англичане поставили такой ультиматумъ: регулировать охоту на котиковъ путемъ международнаго соглашенія и учредить за нею строжайшій надзоръ. Американцы же, въ свою очередь, настаиваютъ на полномъ прекращеніи лова въ открытомъ морѣ. Парижскому третейскому суду предстоитъ теперь рѣшить этотъ, столь существенный для коммерціи цивилизованныхъ странъ, вопросъ.

А. А. Иностранцевъ

Недавно исполнилось двадцатипятилѣтіе учебно-педагогической службы ординарнаго профессора Императорскаго с.-петербургскаго университета по каѳедрѣ геологіи и палеонтологіи, Александра Александровича Иностранцева, занимающаго весьма видное мѣсто среди нашихъ ученыхъ. Блестящіе труды его, посвященные всестороннему геологическому изслѣдованію разныхъ мѣстностей Россіи и показывающіе глубокое знаніе предмета, снискали этому даровитому ученому широкую извѣстность не только въ отечествѣ, но и далеко за его предѣлами. Профессоръ Иностранцевъ предпринималъ съ учеными цѣлями постоянныя поѣздки по Россіи, которую, можно сказать, исколесилъ вдоль и поперекъ, дѣлалъ постоянно открытія, обогащавшія науку, и вообще трудился недаромъ. Его дѣятельность за этотъ четвертьвѣковой періодъ, въ который онъ поработалъ много, съ рѣдкимъ рвеніемъ, дала превосходные результаты и поставила у насъ разработку геологической и палеонтологической науки на должную высоту. Особенную заслугу А. А. Иностранцева составляетъ его соучастіе въ разработкѣ и въ возведеніи въ разрядъ самостоятельныхъ знаній науки о горныхъ породахъ, называемой петрографіей, надъ которой онъ сталъ трудиться едва ли не съ первыхъ своихъ шаговъ на ученомъ поприщѣ. Онъ столько поработалъ, такъ много сдѣлалъ въ этой почти не тронутой до него области, что его смѣло можно назвать первымъ русскимъ петрографомъ. Знакомство нашего первокласснаго ученаго съ геологическимъ строеніемъ Европейской Россіи отъ предѣловъ Бѣлаго моря до Закавказья и отъ Урала до западной границы дало ему возможность внести въ науку длинный рядъ самыхъ разнообразныхъ и весьма цѣнныхъ данныхъ по геологіи нашего отечества. Нерѣдко къ А. А. Иностранцеву обращались за содѣйствіемъ и совѣтами различныя правительственныя учрежденія, для которыхъ ему приходилось достаточно работать надъ разъясненіемъ разнообразныхъ практическихъ вопросовъ. Такъ, напримѣръ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ коммиссіяхъ по обводненію и канализаціи Петербурга, Москвы и нѣкоторыхъ другихъ городовъ и мѣстечекъ Россійской имперіи, участвовалъ въ коммиссіи по выработкѣ особаго геологическаго учрежденія (нынѣ геологическій комитетъ) для геологической съемки Россіи и т. д. Подъ его руководствомъ, а еще болѣе самимъ профессоромъ изслѣдованы многочисленные образцы рудъ и горныхъ породъ, собранные извѣстными нашими путешественниками: Пржевальскимъ, Потанинымъ, Пѣвцовымъ, Лопатинымъ, Адріановымъ, Фритче и другими, доставлявшими въ геологическій кабинетъ петербургскаго университета свои коллекціи. Этотъ геологическій кабинетъ, кстати сказать, своимъ цвѣтущимъ состояніемъ, своими богатствами обязанъ единственно профессору Иностранцеву, который съ самаго начала своего завѣдыванія геологическимъ и палеонтологическимъ музеями, находившимися тогда въ зародышѣ, неустанно заботился о расширеніи и развитіи кабинета, пріобрѣтая для него коллекціи, подыскивая помѣщенія, причемъ самые богатые вклады въ него поступали отъ ученыхъ экскурсій самого А. А. Иностранцева и отъ его многочисленныхъ учениковъ. Теперь названный кабинетъ или музей обставленъ превосходно, и его обширныя и систематическія коллекціи принадлежатъ къ самымъ лучшимъ въ Петербургѣ; надъ ними работаютъ почти всѣ молодые геологи, да и для старыхъ ученыхъ онъ всегда доставлялъ и доставляетъ новый матеріалъ для изученія и сравненія. Какъ педагогъ, создавшій у насъ цѣлую школу своихъ послѣдователей, разсѣянныхъ по всей Россіи, профессоръ Иностранцевъ также сдѣлалъ достаточно и достоинъ глубокаго уваженія; онъ преподаетъ прекрасно; курсъ, читаемый имъ въ университетѣ, въ военно-медицинской академіи и въ академіяхъ генеральнаго штаба и инженерной, строго выработанъ, и надъ этой выработкой его онъ трудится неутомимо, сосредоточивая на ней все свое вниманіе и отказываясь упорно отъ постороннихъ занятій до избранія своего въ экстраординарные профессора. Остается еще прибавить, что А. А. Иностранцевъ не только кабинетный ученый, но и весьма живой человѣкъ, умѣющій дѣлиться знаніями съ образованной публикой, пропагандирующій свою науку въ обществѣ путемъ популярныхъ публичныхъ лекцій и посредствомъ печати, причемъ надо замѣтить, что онъ отлично владѣетъ перомъ. Много цѣнныхъ статей его напечатано не только въ спеціальныхъ изданіяхъ, каковы, напримѣръ, „Труды спб. общества естествоиспытателей“, „Записки минералогическаго общества“, „Горный журналъ“, но и въ газетахъ и журналахъ — „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (В. Ѳ. Корша), „Новомъ Времени“, „Голосѣ“, „Вѣстникѣ Европы“, „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, „Журналѣ мин. народн. просвѣщенія“ и проч. Перечисленіе ученыхъ трудовъ А. А. Иностранцева заняло бы слишкомъ много мѣста; имъ написано болѣе ста большихъ изслѣдованій, статей и замѣтокъ по геологіи и естествознанію вообще, изъ которыхъ назовемъ хоть слѣдующія: „Петрографическій очеркъ острова Валамо“, „Геогностическое строеніе западнаго берега Ладожскаго озера“, „Геологическій обзоръ мѣстности между Бѣлымъ моремъ и Онежскимъ озеромъ“, „Микроскопическое изслѣдованіе озерныхъ рудъ олонецкой губерніи“, „Историческій очеркъ дѣятельности Везувія съ 1857 г. до нашихъ дней“, „Ключи южнаго берега Крыма“, „Искусственный глетчеръ и его движеніе“, „Доисторическій человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера“, „Геологическій очеркъ Европейской Россіи“, составляющій дополненіе къ 5 тому географіи Э. Реклю, „О третичныхъ и потретичныхъ образованіяхъ по рѣкѣ Нѣману“, „Геологія. Общій курсъ лекцій, читанныхъ студентамъ с.-петербургскаго университета“, „Нѣкоторыя данныя къ изученію ледниковыхъ отложеній въ Европейской Россіи“, „Коренное мѣсто рожденія платины на Уралѣ“ и проч. Кромѣ того профессоръ Иностранцевъ редактировалъ сочиненія профессора Циттеля „Aus der Urzeit“.

Александръ Александровичъ Иностранцевъ — происхожденія дворянскаго и родился, отъ брака Александра Петровича Иностранцева съ Елизаветой Михайловной Добровольской, 12-го іюля 1843 года въ С.-Петербургѣ. На двѣнадцатомъ году онъ поступилъ Императорскимъ пансіонеромъ во 2-ю с.-петербургскую гимназію и еще здѣсь подъ благотворнымъ вліяніемъ своихъ учителей, Николая Николаевича Страхова, нашего извѣстнаго философа, и Карла Карловича Сентъ-Иллера, преподавшихъ въ гимназіи естественныя науки, А. А. увлекался химіей, чему, впрочемъ, немало способствовало и посѣщеніе имъ публичныхъ лекцій Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго и А. И. Ходнева. Поступивъ въ университетъ на физико-математическій факультетъ, А. А. съ перваго курса обнаружилъ особенную склонность къ занятіямъ той же наукой. Уже на второмъ курсѣ, по рекомендаціи Д. И. Менделѣева, въ то время доцента университета, А. А. получилъ мѣсто лаборанта въ частной лабораторіи П. П. Демидова-Санъ-Донато, которое занималъ до него извѣстный химикъ П. П. Алексѣевъ. Отлично поставленная лабораторія, руководительство Д. И. Менделѣева и обстоятельные анализы, все это дало возможность А. А. Иностранцеву въ короткій промежутокъ времени обстоятельно ознакомиться съ качественнымъ и количественнымъ анализомъ. Въ университетѣ минералогію читалъ П. А. Пузыревскій, а геологію и палеонтологію — Э. И. Гофманъ; они умѣли вліять на своихъ слушателей, и А. А. Иностранцевъ невольно отъ химіи перешелъ къ усиленнымъ занятіямъ названными науками. Окончательный переходъ къ нимъ совершился отчасти подъ вліяніемъ классическихъ работъ Бишофа, съ которыми знакомился А. А., отчасти же подъ вліяніемъ его занятій фосфоритами, надъ анализомъ которыхъ онъ работалъ по просьбѣ профессора Э. И. Гофмана, готовившаго тогда свою докторскую диссертацію объ окаменѣлостяхъ сѣверскаго остеолита. Результаты этой работы и анализа финляндскихъ мраморовъ были напечатаны А. А. Иностранцевымъ тогда же, т. е. во время его студенчества. Перейдя на послѣдній курсъ, онъ уже исправлялъ должность хранителя минералогическаго кабинета. Въ 1867 г. А. А. окончилъ университетскій курсъ и въ декабрѣ того же года сдѣлалъ докладъ на первомъ съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Петербургѣ о предметѣ, составившемъ матеріала для его диссертаціи на степень кандидата — „Петрографическій очеркъ острова Валамо“, которая и была помѣщена въ „Трудахъ“ съѣзда. По одобреніи диссертаціи А. А. Иностранцевъ былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессурѣ, а въ 1868 г. утвержденъ хранителемъ геологическаго и палеонтологическаго музеевъ, только что возникавшихъ тогда и находившихся въ завѣдываніи Э. И. Гофмана. Въ концѣ 1868 г. А. А. выдержалъ экзаменъ на степень магистра, въ началѣ 1869 г. защитилъ диссертацію, а во второй половинѣ этого года сталъ читать въ университетѣ лекціи геологіи и палеонтологіи въ качествѣ приватъ-доцента. Въ 1870 г. скончался Э. И. Гофманъ, и освободившуюся каѳедру геологіи и палеонтологіи занялъ А. А. Иностранцевъ, избранный доцентомъ единогласно. Два года онъ читалъ лекціи, лѣтомъ дѣлалъ экскурсіи на сѣверъ Россіи и затѣмъ, въ апрѣлѣ 1871 г., былъ командированъ съ ученою цѣлью за границу, гдѣ значительно преуспѣвалъ въ знаніяхъ, благодаря знакомству съ классическими мѣстностями Италіи, Альпъ, окрестностей Праги и Вѣны, работамъ въ музеяхъ Вѣны, Мюнхена, Цюриха, Женевы и Праги и болѣе или менѣе близкому общенію съ выдающимися учеными Италіи, Австріи и Швейцаріи. Вернувшись въ Петербургъ въ сентябрѣ 1872 г., послѣ полуторагодоваго пребыванія за границею, А. А. снова открылъ курсъ своихъ лекцій, а въ слѣдующемъ году защитилъ диссертацію на степень доктора минералогіи и геологіи въ университетѣ св. Владиміра въ Кіевѣ, а въ декабрѣ того же — 1873 — года былъ избранъ въ экстраординарные профессора. Въ 1873—1874 гг. А. А., по приглашенію олонецкаго земства, производилъ изслѣдованіе одного изъ громадныхъ уѣздовъ этой губерніи — повѣнецкаго. Затѣмъ въ 1875 г. онъ былъ командированъ, по Высочайшему повелѣнію, въ Крымъ, въ Ливадію, съ цѣлью разработки проекта обводненія послѣдней мѣстности, а въ 1878 г. производилъ осмотръ донецкой каменноугольной возвышенности. Въ 1881 г. орловское земство предложило А. А. подробно изслѣдовать кромскій уѣздъ, и тогда же онъ изучалъ друскеникскія минеральныя воды. Вообще почти каждое лѣто А. А. Иностранцевъ совершалъ экскурсіи въ различныя мѣстности Россіи, которыя помимо общей ихъ пользы обогащали геологическій кабинетъ с.-петербургскаго университета. Съ 1878 г., со времени перваго международнаго геологическаго конгресса, онъ сталъ принимать постоянное участіе въ такихъ конгрессахъ и постоянно избирался вице-президентомъ ихъ со стороны Россіи. Въ 1880 г. А. А. избранъ былъ ординарнымъ профессоромъ по той же каѳедрѣ. Съ самаго возникновенія с.-петербургскаго общества естествоиспытателей, котораго онъ былъ учредителемъ въ числѣ прочихъ, онъ ежегодно избирается предсѣдателемъ отдѣленія минералогіи и геологіи; физико-математическій факультетъ университета три трехлѣтія сряду избиралъ его своимъ секретаремъ. Въ день открытія русскаго антропологическаго общества въ 1888 г. А. А. единогласно избранъ предсѣдателемъ его. По приглашенію министерства путей сообщенія А. А. Иностранцевымъ были организованы геологическія изслѣдованія мѣстностей черезъ главный Кавказскій хребетъ, по линіи проектированной желѣзной дороги изъ Владивостока въ Тифлисъ, которыя происходили въ 1890 и 1891 гг. Лѣто слѣдующаго года А. А. посвятилъ поѣздкѣ по Уралу, гдѣ открылъ коренное мѣсторожденіе платины. А. А. Иностранцевъ состоитъ почетнымъ членомъ очень многихъ ученыхъ обществъ русскихъ и иностранныхъ самыхъ разнообразныхъ; еще въ 1880 г. филадельфійская академія естественныхъ наукъ избрала его въ свои члены-корреспонденты. Въ настоящее время въ пяти русскихъ университетахъ профессорами геологіи и минералогіи состоятъ бывшіе ученики и ассистенты нашего даровитаго ученаго, составляющаго гордость и славу нашей науки.

П. Б.

1) Видъ города Плоцка съ набережной р. Вислы. 2) Тумская гора, звоница костела, остатки укрѣпленія. 3) Зданіе губернскаго правленія. 4) Подоминиканскій костелъ, нынѣ лютеранская церковь. 5) Тюремная улица; зданія двухъ тюремъ. 6) Каѳедральный костелъ; направо костельная колокольня.

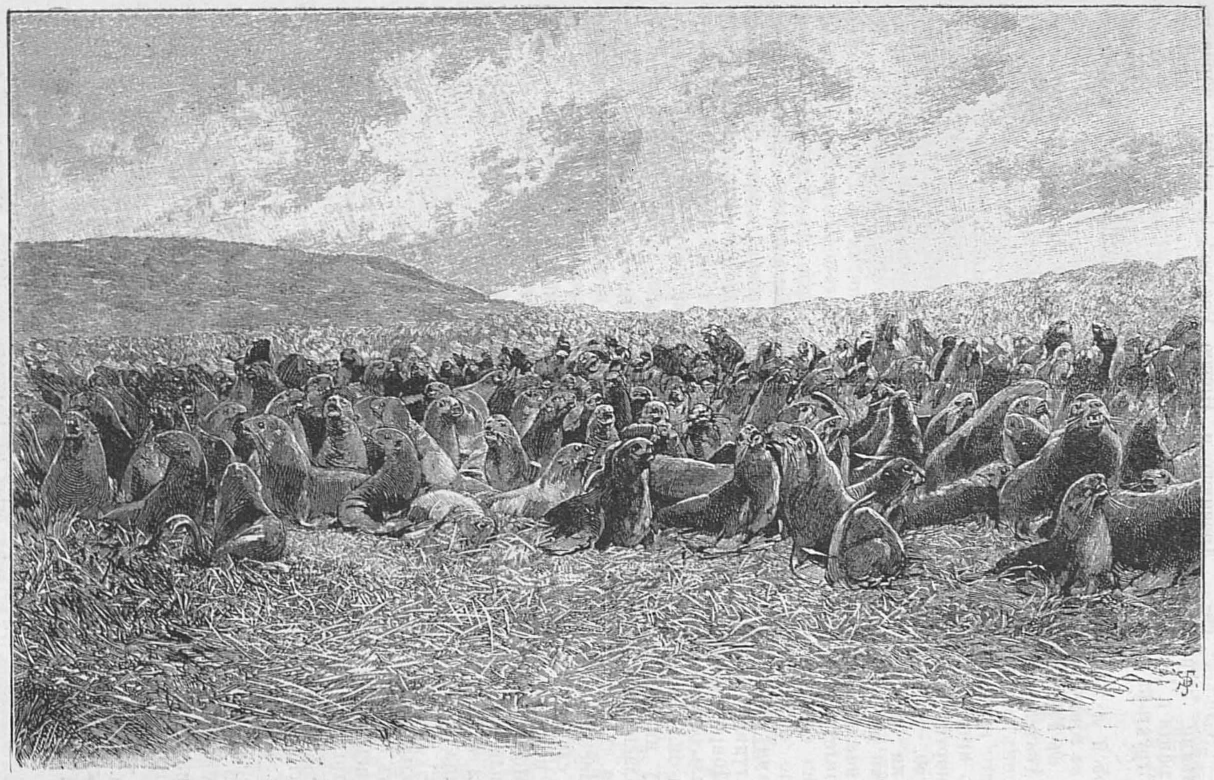
По Россіи. — Городъ Плоцкъ.

Съ фотографій Янковскаго, Павловскаго и Гумецкой въ Плоцкѣ, рисовалъ Ѳ. С. Казачинскій

Уединенныя мѣста Прибыловыхъ острововъ.

Сортировка добычи.

Убиваніе тюленей.



Стада тюленей на Прибыловыхъ островахъ.

Раздѣленіе тюленей на части.

Наши промыслы. — Ловля тюленей въ Беринговомъ морѣ.

Съ фотографій рисовалъ А Белланжеръ; гравировалъ Э. Тилли.

Спортъ

— *Первая парусная гонка спб. рѣчнаго яхтъ-клуба* для судовъ 1-го отд. 1-го класса, предположенная въ воскресенье, 23-го мая, въ 11 час. утра, не могла состояться въ назначенное время. Выйдя къ сѣверному (елагинскому) плавучему маяку при легкомъ зюйдъ-вестѣ, яхтъ-клубскія суда вдругъ получили такой крѣпкій NW съ дождемъ, что о какой либо гонкѣ для судовъ этого разряда нечего было и думать, а пришлось поскорѣе убираться въ клубскую гавань. Рѣшили гонку на этотъ день отложить совсѣмъ, но къ 6 час. вечера погода измѣнилась, задулъ легкій W и ботики на буксирѣ яхтъ-клубскаго парохода снова покинули гавань. Курсъ гонки былъ избранъ для уравненія шансовъ, сообразно дувшему легкому вѣтру. Участвовало пять судовъ: „Треска" съ рулевымъ А. О. Сирелiусъ, „Уна" — рулевой г. Ульманъ, „Янки" — рулевой Т. Краузе, „Ганза" — рулевой Л. Эбергардъ и „Миссъ Нора" — рулевой г. Ренненкампфъ. Изъ нихъ сдѣлали дистанцію: „Янки" въ 36 м. 45 сек., „Треска" въ 37 м. 13 с., „Уна" въ 37 м. 35 с., „Ганза" въ 51 м. 3 с. и „Миссъ Нора" въ 56 м. 46 сек.

На другой день, въ понедѣльникъ, около 9 час. вечера, въ яхтъ-клубѣ состоялась *гребная гонка байдарокъ*. Дистанція была назначена 1 верста съ двумя поворотами. Призовъ было два: золотой жетонъ для небравшихъ призовъ на байдаркахъ и имени Е. И. В. великаго князя Георгія Александровича — серебряные ножикъ и вилка для рыбы. На первый изъ этихъ призовъ состязалось пять байдарокъ, пускавшихся по двѣ. Въ первомъ заѣздѣ шли гг. Добрынинъ и Виккель, вовторомъ — гг. Вейнгаузенъ и Кристенъ и въ третьемъ — одинъ г. Целибѣевъ. Изъ нихъ сдѣлали дистанцію: г. Вейнгаузенъ въ 14 м. 7 сек., г. Целибѣевъ въ 14 м. 40 с., г. Кристенъ въ 15 м. 8 с., г. Добрынинъ въ 17 м. 38 с. и г. Виккель въ 18 м. Второй призъ, имени Его Высочества великаго князя, достался г. Миллеру, опередившему своего соперника г. Кузнецова и сдѣлавшему дистанцію въ 12 м. 35 с.

— *Шуваловскій парусный кружокъ* праздновалъ въ воскресенье, 23-го мая, открытіе своей пятой навигаціи. Послѣ торжественнаго молебствія, совершеннаго священникомъ Спасо-Парголовской церкви о. Юнаковскимъ, флагъ кружка при звукахъ народнаго гимна и крикахъ „ура" былъ поднятъ на мачтѣ и все помѣщеніе кружка, а равно и суда были окроплены святой водой. По окончаніи церемоніи поднятія флага, предсѣдателемъ кружка г. Ивановымъ были показаны гостямъ и новымъ членамъ всѣ заведенія кружка и затѣмъ предложенъ прекрасно сервированный завтракъ, сопровождавшійся тостами и рѣчами. Между прочимъ, однимъ изъ членовъ кружка г. Татариновымъ былъ сдѣланъ въ его рѣчи краткій очеркъ исторіи парусного спорта въ Россіи. На торжествѣ присутствовало нѣсколько представителей другихъ кружковъ и яхтъ-клубовъ и получено было много поздравительныхъ писемъ и телеграммъ.

Морская парусная гонка спб. рѣчнаго яхтъ-клуба для судовъ 3, 4 и 5 классовъ состоялась въ воскресенье, 30-го мая. Въ этомъ году, благодаря участію двухъ яхтъ выборгскаго яхтъ-клуба и тому обстоятельству, что всѣ суда считались въ одномъ разрядѣ, съ тѣмъ однако условіемъ, что суда меньшей силы получали двойной учетъ времени, она отличалась большимъ оживленіемъ. Всего участвовало въ гонкѣ восемь большихъ яхтъ. Прибывшая также на мѣсто гонки девятая яхта г. Эша „Случай" участія въ ней почему-то не приняла, оставаясь простымъ зрителемъ. Створную линію составляли красная входная бочка и судейскій пароходъ „Петербургъ", который, пропустивъ суда, отошелъ миль на двадцать къ W и ставъ тамъ на якорь, обозначилъ собою мѣсто поворота. Призами по программѣ были: 1) отъ морскаго министерства, построенный въ третьемъ году въ мастерской яхтъ-клуба, парусный ботикъ „Свѣтлана" и 2) отъ гоночной коммиссіи — золотой жетонъ. Гонку начала яхта „Зазноба" (15 балловъ) съ рулевымъ Я. П. Бѣляевымъ въ 8 ч. 5 м. 53 сек.; за нею пошелъ „Тритонъ" (7,65 б.) съ рулевымъ г. Котляровымъ въ 8 ч. 6 м. 42 сек.; затѣмъ прошли створъ: „Ольга" (5,01 б.), рул. г. Домбергъ, въ 8 ч. 7 м. 40 с.; „Гупу" (2,55 б.), рул. г. Биндеманъ, въ 8 ч. 7 м. 48 с.; „Маршттъ" выборгскаго яхтъ-клуба (3,91 б.) съ рулевымъ А. Валь въ 8 ч. 9 м. 21 с.; „Эдитъ" того же клуба (9 б.), рул. К. Валь, въ 8 ч. 11 м. 50 с.; „Моретта" (5,2 б.), рул. г. Грабовскій, въ 8 ч. 12 м. 3 с. и „Ненъ" (6,6 б.), рул. Я. Фансмитъ въ 8 ч. 12 м. 48 с. Гонка происходила при слабомъ, неровномъ NW около 3-хъ балловъ силы, подъ конецъ значительно ослабѣвшемъ, такъ что, напр., „Зазнобѣ" и „Ненъ" пришлось кончать гонку при совершенномъ почти штилѣ съ дождемъ. Поворотное судно первою обошла „Зазноба", но къ концу гонки впереди всѣхъ оказалась выборгская яхта „Эдитъ", прошедшая створъ въ 4 час. 47 мин. 18 сек.; за нею, задержанная штилемъ передъ самымъ створомъ, пришла въ 5 ч. 11 м. 3 с. „Зазноба", третью пришла „Ненъ" въ 5 ч. 13 м. 33 с. Остальныя яхты значительно опоздали и. тщетно прождавъ ихъ около двухъ часовъ, „Петербургъ" въ 7 ч. 15 м. далъ пушечнымъ выстрѣломъ сигналъ объ окончаніи гонки. Первый призъ, такимъ образомъ, приходился на долю выборгской яхты „Эдитъ", прошедшей всю дистанцію, около 40 морскихъ миль, въ 8 час. 35 м. 28 с., не считая учета („Зазноба" употребила на это 9 ч. 5 м. 10 с., „Ненъ" — 9 ч. 45 м.), но по правиламъ спб. яхтъ-клуба призъ отъ морскаго министерства можетъ быть выданъ лишь рулевому яхтъ-клубскаго судна. Поэтому призъ этотъ остался въ яхтъ-клубѣ, а вмѣсто него рулевому „Эдитъ" г. К. Валю былъ выданъ серебряный призъ отъ яхтъ-клуба. Второй призъ, присужденный по учету „Ненъ" и третій — „Зазнобѣ", состояли изъ золотыхъ жетоновъ. Судьями были: отъ морскаго министерства капитанъ 1-го ранга г. Вульфъ, вице-командоръ яхтъ-клуба Г. В. Струкгофъ и гг. Шестаковъ и Глушковъ.

— Принцъ Уэльскій, на своей новой яхтѣ „Britannia", принималъ недавно участіе въ гонкѣ, устроенной Royal-Thames yacht-club'омъ въ Гревезендѣ, въ устьѣ Темзы, для открытія своей дѣятельности въ этомъ сезонѣ. „Britannia" (около 250 тоннъ) спущенная на воду около 8 (20) апрѣля нынѣшняго года, является первой яхтой, заказанной самимъ принцемъ. Національное самолюбіе англійскихъ спортсменовъ постоянно шокировало то обстоятельство, что наслѣдникъ престола довольствуется яхтами (напр., Formosa, Hildegarde, Aline), побывавшими въ собственности другихъ. „Britannia", построенная въ Шотландіи, по чертежу Ватсона, можетъ удовлетворить ихъ самолюбію въ этомъ отношеніи. Длина судна по ватерлиніи 26 метровъ (85½ фут.), по палубѣ — 38 метр., при ширинѣ 7 м. Противниками „Британіи" на гонкѣ 12 (24) и 11 (23) мая выступили большія яхты „Valkyrie II" (200 тоннъ) лорда Донревена (Dunraven), „Calluna" (260 тоннъ) П. Дональсона (Donaldson) и „Iverna" (152 тонны) М. Джемсона (Jameson); послѣдняя яхта, спущенная на воду въ 1890 году, нынѣ отдѣлывалась заново. Ожидалась еще яхта „Satanita" (300 тоннъ), но не поспѣла съ своимъ вооруженіемъ. Дистанція гонки равнялась 50 милямъ. Въ первый день гонка началась при слабомъ сначала, но потомъ все усиливающемся нордъ-остѣ, въ 12 час. дня. Плавучій маякъ „The Mouse", служившій поворотнымъ судномъ, яхты обошли почто одновременно, а именно: „Britannia" въ 2 ч. 10 м. 15 с., „Valkyrie" въ 2 ч. 10 м. 22 с., „Calluna" въ 2 ч. 11 м. 26 с., но къ концу гонки „Britannia" и „Valkyrie" выдвинулись впередъ, опередивъ остальныхъ на 15—17 минутъ. Исходъ гонки предвидѣть было трудно, такъ какъ первыя два судна держались почти вмѣстѣ, „Valkyrie" даже въ болѣе благопріятномъ положеніи, когда налетѣвшимъ шкваломъ у ней сломало бушприть. Этимъ воспользовалась „Britannia", окончивъ гонку первою въ 5 ч. 26 м. 9 с.; за нею, опоздавъ противъ „Британіи" всего на 7 мин. 24 сек., пришла „Валькирія"; третьею въ 5 ч. 38 м. 8 с. пришла „Iverna", получившая отъ „Valkyrie" учетъ и потому признанная кончившею гонку второю. На второй день побѣдителемъ вышла опять „Britannia"; второю пришла „Calluna" и третьею „Iverna". „Valkyrie", занятая исправленіемъ аваріи, въ этотъ разъ не могла участвовать. Принцъ Уэльскій провелъ оба дня на суднѣ, нерѣдко собственноручно принимая участіе въ работахъ.

М. И. Городецкій †

Еще однимъ полезнымъ журнальнымъ дѣятелемъ стало меньше. 1-го іюня скончался послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни писатель, членъ совѣта государственнаго дворянскаго земельнаго банка, дѣйствительный статскій совѣтникъ Митрофанъ Ивановичъ Городецкій, достаточно поработавшій по вопросу объ уніатахъ въ Россіи и по этнографіи нашихъ западныхъ окраинъ. Это былъ довольно скромный и трудолюбивый работникъ, дѣятельность котораго была хорошо знакома лишь небольшому тѣсному кружку людей, но достойна уваженія. М. И. Городецкій, пламенный патріотъ, усердный ревнитель православія, и любитель и знатокъ старины русской, нѣсколько лѣтъ служилъ въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ ему пришлось близко ознакомиться съ дѣломъ уніатовъ, и потому всѣ его статьи и замѣтки главнымъ образомъ посвящены этому предмету. „При устройствѣ крестьянъ — говоритъ онъ самъ въ своей автобіографической запискѣ — я имѣлъ случай на мѣстѣ ознакомиться съ остатками уніатовъ и, такъ сказать, въ лицо увидѣть унію. Заинтересовавшись этимъ извращеніемъ русской вѣры, я началъ, время отъ времени, посылать документы и замѣтки въ „Древнюю и Новую Россію" и такимъ образомъ примкнулъ къ печатному дѣлу. М. И. Городецкій сотрудничалъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ", „Русской Старинѣ", „Художественныхъ Новостяхъ", „Всемірной Иллюстраціи", „Русскомъ Паломникѣ" и другихъ изданіяхъ. Таковы его статьи: „Убійство М. А. Стаховича", „Памятникъ на могилѣ А. П. Ермолова", „Польскій поэтъ Антоній-Эдуардъ Одынецъ", „Виленскій музей древностей", „Первая женская православная община въ Привислянскомъ краѣ". „Памятники древняго православія въ мазовецкомъ уѣздѣ", „Музей Оссолинскихъ и Любомірскихъ во Львовѣ", „Полувѣковой юбилей возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковью", „Къ исторіи римскаго католицизма въ Россіи", „Памятники Александру II, царю-освободителю, сооруженные крестьянами", „Столѣтіе возсоединенія юго-западной Руси", „П. Н. Батюшковъ", „Митрополитъ Леонтій", „Епископъ Флавіанъ" и проч. Но особенно много потрудился онъ надъ прекрасными изданіями П. Н. Батюшкова, нынѣ также покойнаго, котораго М. И. Городецкій былъ весьма дѣятельнымъ и усерднымъ помощникомъ. Сперва по порученію Батюшкова онъ составилъ, на основаніи неизданныхъ оффиціальныхъ источниковъ, изслѣдованіе о холмскомъ уніатскомъ епископѣ Куземскомъ, помѣщенное въ „Памятникахъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ", а затѣмъ занимался общей редакціей изданій П. Н. Батюшкова, посвященныхъ описанію западной и юго-западной окраинъ Россіи, писалъ для нихъ объясненія къ рисункамъ и завѣдывалъ технической стороною этихъ изданій, вышедшихъ въ нѣсколькихъ томахъ подъ заглавіеми: „Холмская Русь", „Волынь", „Бѣлоруссія и Литва", „Подолія" и „Бессарабія". Не смотря на свой, далеко еще не старый, возрастъ, М. И. Городецкій могъ назваться человѣкомъ бывалымъ, много видѣвшимъ и испытавшимъ въ жизни, и у него былъ достаточный запасъ свѣдѣній всякаго рода. Въ дѣтскомъ журналѣ „Игрушечка", редакціи Т. П. Пассекъ, онъ помѣстилъ интересный отрывокъ изъ воспоминаній дѣтства, подъ псевдонимомъ *Эмъ-Ге*, имѣющій интересъ, между прочимъ, и автобіографическій.

Митрофанъ Ивановичъ Городецкій родился 14-го августа 1846 года въ городѣ Ельцѣ орловской губерніи и воспитаніе получилъ въ орловской гимназіи. Шестнадцати лѣтъ онъ уже поступилъ на службу, въ орловское губернское правленіе, а отсюда переведенъ былъ въ Варшаву въ 1865 г. для занятій въ недавно передъ тѣмъ образованную правительственную коммиссію внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, во главѣ которой въ то время находился извѣстный русскій дѣятель князь В. А. Черкасскій. Здѣсь онъ работалъ три года, и когда коммиссія была закрыта, М. И. Городецкій получилъ, въ 1868 г., мѣсто въ такъ называемомъ учредительномъ комитетѣ. Спустя три года, по упраздненіи и названнаго учрежденія, онъ былъ сдѣланъ помощникомъ дѣлопроизводителя временной коммиссіи по крестьянскимъ дѣламъ губерній Царства Польскаго, а въ 1874 г. назначенъ коммиссаромъ по крестьянскимъ дѣламъ мазовецкаго уѣзда, ломжинской губерніи и, занимая это мѣсто, сталъ впервые дѣлиться съ публикой своими наблюденіями, впечатлѣніями и добытыми имъ интересными матеріалами. Съ переводомъ коммиссіи въ С.-Петербургъ М. И. Городецкій былъ назначенъ дѣлопроизводителемъ земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ и сдѣлался еще болѣе дѣятельнымъ сотрудникомъ историческихъ изданій. Въ 1892 году онъ былъ назначенъ членомъ совѣта государственнаго дворянскаго земельнаго банка. М. И. Городецкій отличался замѣчательнымъ трудолюбіемъ, вставалъ чуть не съ зарею, вѣчно сидѣлъ за работой, и былъ до педантичности аккуратенъ въ своихъ служебныхъ и частныхъ дѣлахъ и въ литературныхъ занятіяхъ.

ЛОНДОНСКІЙ КУРЬЕРЪ

Souvenir du Savoy Hôtel de Londres. Подъ такимъ заглавіемъ появился прелестный альбомъ, подарокъ Savoy Hôtel своимъ посѣтителямъ, настоящее художественное произведеніе, вполнѣ гармонирующее съ отпечаткомъ элегантности этого дворца изъ тысячи одной ночи, о которомъ издатель газеты „Figaro" пишетъ: „Какую роль играетъ въ настоящемъ Season этотъ фантастичный Savoy! Безъ этого отеля season не понятенъ! Онъ не только служитъ прототипомъ эстетическаго отеля, но своимъ рестораномъ составляетъ исключительное явленіе въ свѣтѣ!". Дѣйствительно тамъ иностранцы проѣздомъ въ Лондонѣ, могутъ быть увѣрены увидѣть всѣхъ замѣчательныхъ лицъ, аристократовъ по рожденію или уму, которыя избрали Savoy Hôtel мѣстомъ свиданія.

Некрологъ

Земперъ Карлъ, извѣстный нѣмецкій путешественникъ и естествоиспытатель, † 18 (30)-го мая. Земперъ родился въ Альтонѣ, 6-го іюля 1832 года. Онъ получилъ воспитаніе въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ въ Килѣ, а по выходѣ оттуда слу-

шалъ курсъ въ политехнической школѣ въ Ганноверѣ. Пристрастившись къ естествознанію, онъ перешелъ потомъ въ вюрцбургскій университетъ, гдѣ и закончилъ свое специально-научное образованіе. Съ 1859 по 1862 годъ Земперъ совершалъ путешествіе по Филиппинскимъ и Палааскимъ островамъ. Описаніе первой группы острововъ, составленное Земперомъ и изданное въ 5 томахъ, считается образцовою работою. Въ 1869 году Земперъ, уже составившій себѣ имя въ наукѣ былъ приглашенъ профессоромъ зоологіи въ вюрцбургскій университетъ и съ 1872 года завѣдывалъ зоологическимъ институтомъ въ этомъ университетѣ. Въ концѣ 70-хъ годовъ Земперъ совершилъ путешествіе по Сѣверной Америкѣ, гдѣ читалъ публичныя лекціи въ разныхъ городахъ. Въ ряду его литературныхъ работъ, кромѣ уже упомянутаго описанія посѣщенныхъ имъ лично острововъ Тихаго океана можно указать на изслѣдованіе о родственныхъ отношеніяхъ у членистыхъ животныхъ, вышедшее въ 1875 г. и на книгу объ условіяхъ существованія животныхъ, вышедшую въ 1880 г. По обязанности завѣдующаго зоологическимъ институтомъ въ Вюрцбургѣ Земперъ выпустилъ въ свѣтъ семь томовъ „Трудовъ" этого института.

Кренке Викторъ Даниловичъ, генералъ-лейтенантъ, заслуженный воинъ и писатель, † въ усадьбѣ Переходъ, тихвинскаго уѣзда, новгородской губерніи 31-го мая. Онъ родился 13 іюня 1816 г. и на 18 году былъ произведенъ въ офицеры въ гренадерскій саперный батальонъ. Прослуживъ 30 лѣтъ въ инженерномъ корпусѣ, В. Д. былъ въ 1864 г. назначенъ окружнымъ интендантомъ петербургскаго военнаго округа, а въ 1866 г. — начальникомъ 26-й пѣхотной дивизіи. Въ 1869 г. онъ былъ, по болѣзни, перечисленъ въ запасъ. Въ 1877 г. В. Д. Кренке принималъ участіе въ оборонѣ Шипки, а въ 1878 году былъ начальникомъ военныхъ сообщеній въ Болгаріи. Цѣлый рядъ статей его, составляющихъ отрывки изъ его воспоминаній, напечатанъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ" и „Русской Старинѣ". Ему же принадлежали: труды: „О сельскомъ хозяйствѣ" (Гродно и Спб. 1868, 1872, 1890) и „Оборона Балтійскаго побережья въ 1854—1856 годахъ").

Мухановъ Илья Дмитріевичъ, генералъ-отъ-инфантеріи, почетный опекунъ опекунскаго совѣта учрежденій Императрицы Маріи, † въ сельцѣ Ивашковѣ, александровскаго уѣзда, владимірской губерніи, 9-го іюня. Это былъ одинъ изъ старѣйшихъ по времени генераловъ нашихъ, состоявшій въ службѣ съ 1835 г., а въ генеральскихъ чинахъ—съ 1860 г. Онъ воспитывался въ пажескомъ корпусѣ и съ 1844 по 1860 г. былъ адъютантомъ принца П. Г. Ольденбургскаго. Почетнымъ опекуномъ онъ былъ назначенъ въ 1872 г.

Театръ, музыка, искусства

— Новая малороссійская пьеса. Въ Нижнемъ-Новгородѣ недавно была получена авторомъ разрѣшенная цензурой къ представленію новая, нигдѣ не появлявшаяся ранѣе, малороссійская народная драма въ пяти дѣйствіяхъ съ прологомъ — „Відьма". Драма эта принадлежитъ перу г. Писанецкаго (Ванченко), автору нѣсколькихъ малорусскихъ бытовыхъ комедій, получившему въ февралѣ мѣсяцѣ этого года премію въ Галиціи за одно изъ своихъ послѣднихъ сочиненій—„Мужичка" (Катерина). Сюжетъ новаго произведенія г. Писанецкаго заимствованъ изъ повѣсти извѣстной польской писательницы Элизы Оржешко. Мѣсто дѣйствія, гдѣ происходитъ драма, находится на Волыни, фабулой для пьесы послужили мѣстные народные суевѣрные обычаи.

— Знаменитая г-жа Лукка, какъ извѣстно, оставила свою артистическую карьеру за достиженіемъ предѣльнаго возраста для сцены, занялась по обыкновенію преподаваніемъ пѣнія и поселилась въ Гмунденѣ (въ Австріи). Недавно состоялся публичный экзаменъ ея учениць и между ними особенное вниманіе обратила на себя наша соотечественница Зинаида Крейцъ, русская по происхожденію.

— Драма Зудермана „Честь", поставленная не такъ давно впервые въ Прагѣ, въ чешскомъ національномъ театрѣ, имѣла выдающійся успѣхъ.

СОДЕРЖАНІЕ НУМЕРА

Текстъ.

Рисунки.

За редактора **Э. Д. Гоппе.**
Издательница **А. П. Гоппе.**

ШАХМАТЫ

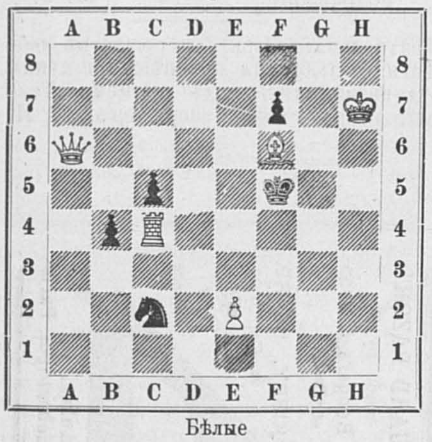
под редакціей **А. П. Шишкина**

ЗАДАЧА № 1579

Karel Musil

Изъ „Svêtozor'a"

Черные



Бѣлые

Матъ въ 3 хода.

ЗАДАЧА № 1580

В. Н. Покровскаго

Изъ „Шахматнаго Обозрѣнія".

Черные

Бѣлые

Матъ въ 2 хода.

ПАРТІЯ № 1042

Первая партія матча; играна въ г. Кокомо въ апрѣлѣ 1893 г.

Дебютъ ферзевыхъ пѣшекъ

	Ласкеръ Бѣлые	Шовальтеръ Черные						
1.	d2—d4	d7—d5	15.	К d2—f3	Л f8—c8?	29.	Ф h3 : e6	Л a8—a6*i*)
2.	К g1—f3	К g8—f6	16.	С c1—d2	a7—a6	30.	h5—h6†	Кр g7—f8
3.	e2—e3	e7—e6	17.	Ф h3—f1	b6—b5	31.	Ф e6—d7*k*)	Ф e7 : d7
4.	С f1—d3	b7—b6	18.	h2—h4	c5—c4	32.	К f6 : d7†	Кр f8—e8
5.	К b1—d2	С c8—b7	19.	С d3—c2	Л c8—f8	33.	К d7—c5	Л a6—a7*l*)
6.	К f3—e5	С f8—d6	20.	Ф f1—h3	a6—a5	34.	a2 : b3	c4 : b3
7.	f2—f4	0—0	21.	К f3—h2	b5—b4	35.	Л g1—f1*m*)	С b7—c6
8.	Ф d1—f3*a*)	c7—c5	22.	К h2—g4	b4—b3	36.	К c5 : b3	a5—a4
9.	c2—c3	Ф d8—c7	23.	С c2—d1	К g7—f5	37.	К b3—d4	Л h8—f8
10.	g2—g4	К f6—e8	24.	h4—h5	Кр g8—g7*e*)	38.	Л f1—f6	С c6—d7*n*)
11.	Ф f3—h3	g7—g6*b*)	25.	К g4—f6	Л f8—h8*f*)	39.	e5—e6	С d7—c8
12.	g4—g5*c*)	С d6 : e5	26.	С d1—g4	К f5—e7?*g*)	40.	К d4—b5	Сдались.
13.	f4 : e5	К e8—g7	27.	С g4 : e6	К d7 : e5*h*)			
14.	Л h1—g1	К b8—d7*d*)	28.	d4 : e5	f7 : e6			

Примѣчанія къ партіи

a) Чтобы не дать чернымъ возможности пойти конемъ на e4, а также для того, чтобы впослѣдствіи, переведя ферзя на h3, вызвать у черныхъ ходъ g7—g6, ослабляющій ихъ пѣшки на королевскомъ флангѣ.

b) Очевидно, что 11... h7—h6? было бы значительно хуже; тогда—12. g4—g5 и черные должны потерять пѣшку h при очень плохомъ положеніи.

c) Чтобы лишить черныхъ возможности, сыгравъ при случаѣ f7—f5, закрыть для слона бѣлыхъ діагональ bh.

d) Можетъ быть, нѣсколько лучше было бы пойти конемъ на c6, откуда онъ могъ бы быть переведенъ впослѣдствіи, напримѣръ, черезъ e7 на f5; положеніе же этого коня на d7 было отчасти причиной проигрыша у черныхъ пѣшки на 27-мъ ходѣ.

e) Бѣлые угрожали 25. К g4—f6† и если 25... К d7 : f6, 26. g5 : f6, ∞; 27. С d1—g4 и послѣ мѣны чернымъ было бы очень трудно спасти партію; если же 25... Кр. g8—h8 (или g7), то 26. h5 : g6, К d7 : f6, 27. g6—g7†! и т. д.—бѣлые должны выиграть.

f) И теперь, очевидно, нельзя брать коня конемъ по причинѣ, указанной въ предыдущемъ примѣчаніи.

g) Черные, очевидно, просмотрѣли послѣдовавшую вслѣдъ за этимъ ходомъ комбинацію бѣлыхъ

h) Если 27... f7 : e6, то 28. Ф h3 : e6 и черные не могутъ спасти одного изъ двухъ, атакованныхъ ферземъ, коней.

i) Бѣлые угрожаютъ между прочимъ 30. К f6—e8†, Л h8 : e8; 31. h5—h6†, Кр. g7—f8 или h8; 32. Ф e6—f6† и 33. Ф f6—g7×.

k) Угрожая матомъ на e8 и если 31... Ф c7—b8, то 32. Л g1—f1 и черные не могутъ пойти конемъ на f5, такъ какъ тогда 33. Л f1 : f5 и если черные берутъ ладью, то 34. Ф. d7—g7×.

l) Если 33... Л a6—b6, то также 34. a2 : b3 и затѣмъ 35 Л a1 : a5.

m) Черные, очевидно, не успѣютъ защитить пѣшку b3.

n) Если 38... Л a7—a6 (38... Л a7—c7; 39. Л f6 : f8† и 40. К d4—e6†); то 39. К d4—e6, Л f8 : f6; 40. g5 : f6, Кр e8—d7 или f7; 41. К e6—c5 или g5† и 42. f6 : e7; если же 38... С c6—a8, то 39. К d4—b5, угрожая взять ладью a7 или выиграть ладью f8 послѣ 40. К b5—d6†.

РѢШЕНІЯ ЗАДАЧЪ въ № 1267

1567. *Emil Palkoska.* 1. К d3—e5 (угрожая 2 С a6—b7† и 3. К e5—c4×), Кр d5—d6; 2. К e5—c6† и 3. d4—d5× или 3. Ф d1—h1×. (*Вар. a*) 1... Кр d5—e4; 2. С a6—b7† и 3. Ф d1—d3×. (*Вар. b*) 1... f6 : e5; 2. d4 : e5† и 3. Ф d1—d3 или d6×. (*Вар. c*) 1... c5 : d4; 2. Ф d1—h1† и 3. К c5—d3×.

1568. Девизъ: „Огнистый Сиріусъ". 1. Ф d2—c3 и если 1... Кр e5 : f4, то 2. С d8—c7×, если 1... d4 : c3, то 2. К f4—g6×, если же 1... Кр e5—d6, 1... С ∞ или 1... e4—e3, то 2. Ф c3—c5, c7 или : d4×.

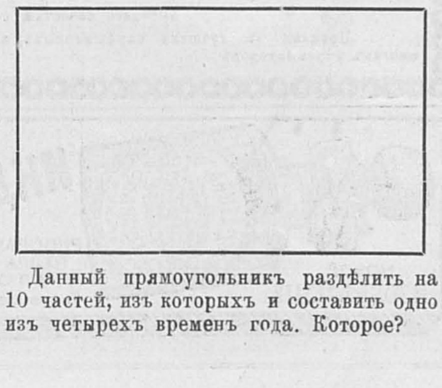
Въ конторѣ „Всемірной Иллюстраціи" имѣются въ продажѣ шахматныя діаграммы съ печатными фигурами для наклейки, по 75 коп. за 100 діагр., и бланки для записыванія партій: за 100 экз. 1 руб.

Всю корреспонденцію по шахматному и шашечному отдѣламъ просимъ адресовать въ редакцію журнала „Всемірная Иллюстрація": Петербургъ, Садовая ул., 22.

Головоломка № 2

Сост. А. Петерсонъ

для В. Е. Епер—ва



Данный прямоугольникъ раздѣлить на 10 частей, изъ которыхъ и составить одно изъ четырехъ временъ года. Которое?

Критограмма № 2

Сост. А. Петерсонъ

(для М. С. Кр—ской)

ст, іклмнопр, стуф, гдеж, абвгде, ъыьѣэ, ьѣэюя, гдежзиік, рстуфхц, чшщъыь, стуфх, абвгд, абвгдежзи, прсту, о, шщ, прсту, іклмн, а, мнопрс, гдеж, рстуфх, уфхцчшщъыьѣ, абвгде, клмнопр, ѣэюя, клмн, опрст, есв, опрст, ъа вг, ежз, яс, клм, абвгдежзиі, чшщъы, клмнопрсту, іклмнопрс, одѣта, о, ялд, клмн, прст, абвгд, чшщъы, абвгд, еж, стуфхцш, жзиікло, абвгдежз, ьѣэюяо, прсту, клмн, гдежзиіклм, чшщъыьѣ, фхцч, клмно, іклмнопр, абвгд, бвкло, гдежзи, чшщъыьѣэюя, абв.

Новости печати

Н. Линовскій-Трофимовъ. **На волнахъ моря житейскаго.** С.-Петербургъ. 1893. Цѣна 25 коп. (46 стран.). „Всякому городу нравъ и права, всяка имѣетъ свой умъ голова!" писалъ блаженной памяти украинскій философъ прошлаго вѣка, Григорій Саввичъ Сковорода. Должно быть сентенціей Сковороды руководился и авторъ лежащей предъ нами брошюрки, г-нъ Линовскій-Трофимовъ, снабдившій ее знаменательнымъ подзаголовкомъ — „романъ — не романъ, а скорѣе всего то, что еще не имѣетъ названія" — и эпиграфомъ, котораго положительно грѣхъ не выписать цѣликомъ: „*Плохъ* тотъ *писатель, который* сначала *задается мыслью написать то или другое, а ужъ потомъ пишетъ.* Сначала *нужно написать, а ужъ потомъ посмотрѣть* — что изъ этого вышло; потому что *не всегда выходитъ то, что пишешь, а тѣмъ болѣе, что печатаешь.*" Эпиграфъ дѣйствительно знаменательный, а тѣмъ болѣе для автора „На волнахъ моря житейскаго", который, судя по названной брошюрѣ, рѣшительно не думаетъ о томъ, что пишетъ. Плавая по волнамъ моря житейскаго, г. Линовскій-Трофимовъ иногда погружается въ неизвѣданныя таинственныя глубины этого моря и изрекаетъ такія якобы глубокомысленныя истины, что просто не знаешь какъ понимать ихъ. Жаргономъ, не особенно далеко ушедшимъ отъ французско-нижегородскаго, онъ толкуетъ о шантажистахъ, беллетристахъ, околоточныхъ, поэтахъ, курсисткахъ, ресторанахъ, редакціяхъ и т. д., и т. д. въ самомъ невозможномъ безпорядкѣ. Море житейское — бурное, опасное, глубокое море... Плавать по волнамъ его не всякому можно какъ вздумается... Еще тотъ же Григорій Сковорода соглашался съ этимъ, говоря такъ: „міръ сей есть великое море всѣмъ намъ плову щимъ. Онъ, то есть океанъ. О! вельми не многими щастливцами, безбѣдно преплавляемый. На пути семъ встрѣчаютъ каменныя скалы и скалки. На островахъ сирены. Во глубинахъ киты. По воздуху вѣтры. Волненія повсюду. Отъ каменей претыканіе. Отъ сиренъ прельщеніе; отъ китовъ поглощеніе; отъ вѣтровъ противленіе; отъ волнъ погруженіе..." и т. д. Гдѣ же мореходамъ, въ родѣ г. Линовскаго-Трофимова, отправляющимся въ дальнее и опасное плаваніе по необъятнымъ волнамъ на своихъ убогихъ, дырявыхъ челнокахъ, съ заржавѣвшими перьями вмѣсто веселъ, „безъ руля и вѣтрила", справиться съ теченіемъ! Плывутъ они (также какъ и пишутъ), сами не зная куда, зачѣмъ и почему... Что же выходитъ изъ этого? Волны насмѣшекъ захлестываютъ ихъ и топятъ, челноки ихъ, наскоро слѣпленные изъ сѣрой бумаги и выпачканные типографской краской, разбиваются о каменную стѣну равнодушія къ „непризнаннымъ геніямъ"; сирены, роль которыхъ иногда достается критикамъ и рецензентамъ, увлекаютъ бѣдныхъ „рыбаковъ дальняго плаванія" прямо на самое дно традиціонной рѣки Леты. „Всяка имѣетъ *свой умъ* голова!.." Хорошій писатель былъ философъ Сковорода, но нельзя же оправдывать умными, хотя и устарѣвшими по языку, словами его всякія благоглупости, хотя бы и самыхъ новѣйшихъ неудачниковъ пера... *А. К—скій.*

Что лучше — карты или сплетни? юмористическій рисунокъ карандашомъ П. А. Ѳедотова. Изъ коллекціи А. Бегрова.

Изъ художественно-иллюстрированнаго изданія Ѳ. И. Булгакова »П. А. Ѳедотовъ и его произведенія художественныя и литературныя«.

Aus geistigen Werkstätten. Sammlung gemeinnützig r und volksbildender Vorträge (Изъ духовной мастерской. Сборникъ общеполезныхъ и образовательныхъ публичныхъ чтеній). Берлинъ. Изданіе *Р. Лессера.* 1893. Въ настоящее время во всѣхъ образованныхъ странахъ читается такое многое множество публичныхъ лекцій, что жители большихъ городовъ, жаждущіе просвѣщенія, могутъ досыта удовлетворить эту свою жажду. Представители печати передаютъ потомъ публикѣ содержаніе лекцій, но, разумѣется, въ извлеченіи, сжатомъ видѣ, а между тѣмъ многія лекціи, составленныя и прочитанныя знатоками предмета, заслуживаютъ болѣе подробной передачи и даже, въ большомъ числѣ случаевъ, полнаго изложенія. Конечно, многія изъ нихъ и являются потомъ передъ публикою въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ или входятъ въ полныя собранія сочиненій ихъ авторовъ. У насъ, напримѣръ, публичныя чтенія въ Соляномъ Городкѣ издаются особою коммиссіею, завѣдующею этими чтеніями. Въ Германіи достойный подражанія починъ въ дѣлѣ изданія публичныхъ чтеній приняла на себя книгопродавческая фирма Рихарда Лессера, въ Берлинѣ. Задуманная ею серія такихъ изданій уже открыта цѣлымъ рядомъ брошюръ подъ общимъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Передъ нами три первые нумера этой серіи: „Марокко и нѣмецкіе интересы", Густава Диркса, „Сожительство израиля съ дохристіанскими народами", потсдамскаго раввина Т. Кона, и „Женщина въ древней и современной Мексикѣ", Цециліи Зелеръ. Всѣ три книжечки одного формата, съ совершенно одинаковою обложкою и одной цѣны — 50 пфениговъ. Съ теченіемъ времени серія Лессера обѣщаетъ составить собою очень интересную по содержанію и изящную по наружному виду библіотечку. Примѣръ, достойный подражанія. *М. О.*

— Изданіе „Театральнаго Мірка" перешло въ собственность извѣстнаго любителя просвѣщенія купца Остолопова и будетъ выходить подъ именемъ „Театральной газеты"; редакторомъ утвержденъ П. И. Вейнбергъ.

См. стр. 2-ю обложки.

ОХОТНИКИ СЕБѢ НА УМѢ.

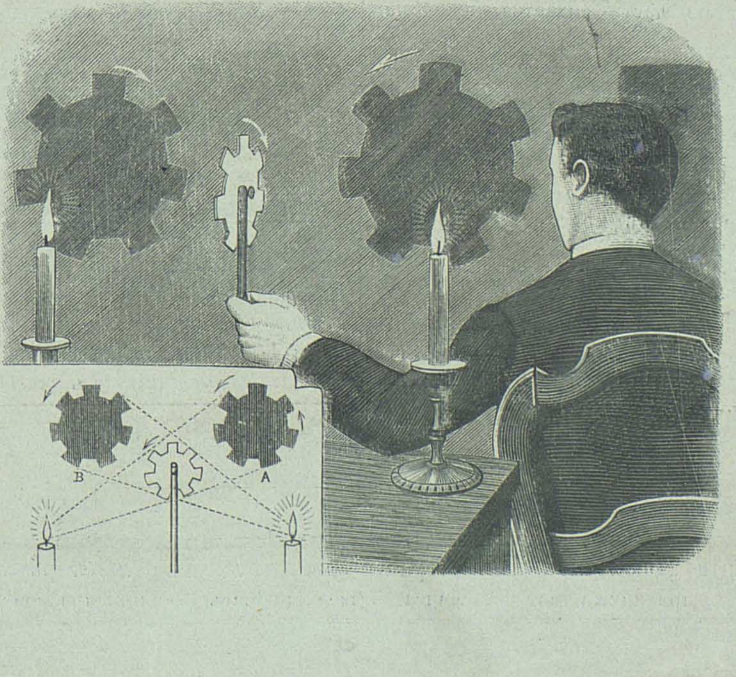
Каррикатуры А. Оберлендера.

4. 5. 6.

Чудо-мельница

Обрѣжьте изъ картона нѣкоторое подобiе мельничнаго колеса и посредствомъ булавки, пропущенной сквозь середину, прикрѣпите его къ концу небольшой палочки, но такъ, чтобы колесо ваше могло свободно вращаться вокругъ своей оси.

Если поставить двѣ горящiя свѣчи въ нѣкоторомъ разстоянiи другъ отъ друга, а между ними и стѣной, параллельно къ площади стѣны, помѣстить колесо, то на стѣнѣ получится двойная тѣнь колеса; вращайте при этомъ колесо, и обѣ тѣни завертятся въ одну и ту же сторону (см. лѣвую часть рисунка, *A* и *B*).



Если же колесо поставить бокомъ къ стѣнѣ, вы — послѣ того, какъ вы будете то приближать, то удалять его, — очень скоро найдете такую точку, занимая которую, колесо ваше, сначала отражавшееся въ видѣ двухъ эллипсовъ, отброситъ наконецъ отъ себя прежнюю кругообразную тѣнь (см. рис.). Если теперь вращать колесо, то правая тѣнь станетъ вертѣться справа налѣво, а лѣвая — слѣва направо, т. е. на встрѣчу другъ другу.

Магъ

Главная контора и редакція „Всемірной Иллюстраціи" находятся въ С.-Петербургѣ, на Садовой ул., № 22.

Въ Москвѣ отдѣленія конторы находятся: 1) при книжн. маг. А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, 15, и 2) при конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи.

Дозв. цензурою. СПБ. 18 іюня 1893 г. Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.